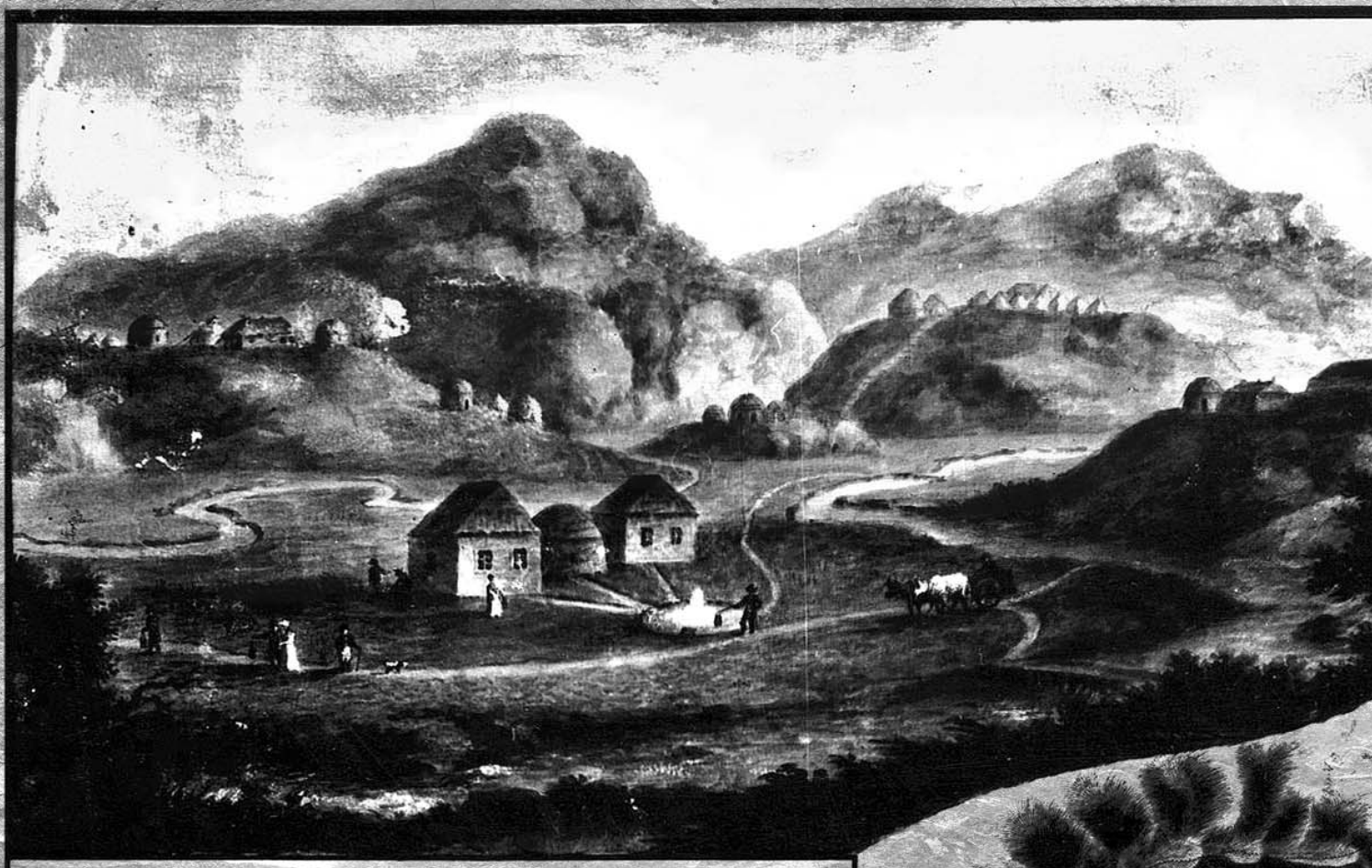
ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ
КНИГА
СГУ

2011



Планъ

Кислому Колодезу

при

Кисловодской Крѣпости

Снятой

Свиты Его Императорскаго Величества

По Квартирмейстерской части

Подполковникомъ Буцковскимъ.

Масштабъ

0 10 20 30 40 50 100 150 Саженей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ставропольского
государственного
университета

2011

Опальные русские писатели открывают Кавказ

Под редакцией
доктора социологических наук профессора
Владимира Александровича Шаповалова,
доктора филологических наук профессора
Клары Эрновны Штайн

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ 2

УДК 882.091
ББК 84.83.3 (2Рос=Рус)
О-60

Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. / Под ред. д-ра социол. наук проф. В.А. Шаповалова, д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. — Т. 2. — 768 с.

ISBN 978-5-88648-748-0

В трехтомной антологии публикуются произведения писателей, публицистов, деятелей культуры: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.И. Одоевского, А.А. Бестужева-Марлинского, В.И. Соколовского, И.В. Бентковского, Я.В. Абрамова, С.В. Фарфоровского, Н.И. Воронова, К.Л. Хетагурова, Г.Н. Прозрителева, Г.А. Лопатина, В.А. Романовского, — в разное время живших на Северном Кавказе, в Ставрополе, подвергшихся ссылке на Кавказ или гонениям со стороны властей, а также исследования Н.А. Котляревского, Л.П. Семенова, И.П. Лейберова, Н.В. Маркелова и др. о них и об их творчестве. Произведения «опальных» связаны с нашим краем, Северным Кавказом. Русские писатели проложили пути к взаимопониманию народов России, их произведения способствуют строительству мира в многонациональном регионе. Во втором томе печатаются малоизвестные произведения В.И. Соколовского, И.В. Бентковского, Н.И. Воронова, К.Л. Хетагурова, а также работы о них.

Книга снабжена справочным материалом.

Руководитель проекта «Филологическая книга СГУ»:
ректор Ставропольского государственного университета, доктор социологических наук профессор В.А. Шаповалов

Научные редакторы: доктор социологических наук профессор В.А. Шаповалов, доктор филологических наук профессор К.Э. Штайн

Составители: К.Э. Штайн, Д.И. Петренко

Подготовка текста: Э.В. Пиванова (ответственная за подготовку текста), К.Э. Штайн, Д.И. Петренко, Е.Н. Золоторева, В.П. Ходус, Т.С. Шевченко, Ю.В. Пономарева, А.И. Темирболатова

Корректор: Б.Я. Альтус

Дизайн, обложка: С.Ф. Бобылев

Верстка: Е.Н. Золоторева, Д.И. Петренко

Издание подготовлено в проблемной научно-исследовательской лаборатории «Текст как явление культуры» Ставропольского государственного университета

ISBN 978-5-88648-748-0

© Издательство Ставропольского государственного университета, 2011
© К.Э. Штайн, Д.И. Петренко, составление, 2011
© С.Ф. Бобылев, дизайн, обложка, 2011

Уважаемые читатели!

Новый проект серии «Филологическая книга СГУ», в которой выпущено уже несколько десятков книг, открывающих неизвестные страницы в познании языка, литературы, истории, в том числе и истории нашего края, знакомит нас с произведениями русских писателей, очеркистов, которые волей судьбы были заброшены на Кавказ в разные периоды времени — с XIX по XX век. Это более чем столетие плодотворного труда писателей и культурных деятелей, сосланных по политическим мотивам в «теплую Сибирь» — на Кавказ.

Кавказ — благословенная страна с мягким климатом, великолепным ландшафтом, богатой и разнообразной культурой. Не случайно и до сих пор здесь располагаются лучшие курорты России, прекрасные места для отдыха. Русские писатели, интеллигенция, ученые прилагали и прилагают много сил, с тем чтобы наладить диалог между многочисленными народами Кавказа и России и в XIX, и в XX веке. Успехи здесь налицо: совместными усилиями были изучены языки народов Кавказа, созданы алфавиты для бесписьменных народов, в XX веке произошел значительный подъем литературы, искусства, науки на Северном Кавказе.

Беспримерным подвигом всегда были и остаются произведения русских писателей, которые первыми «открыли» для всего мира самобытную культуру народов Кавказа, живущих в экзотическом горном крае. В произведениях А.С. Пушкина, А.А. Бестужева-Марлинского, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого были запечатлены яркие картины Кавказа и его обитателей — смелых и свободолюбивых горцев, воссозданы их быт, ментальность, характер, нравы, народная философия и этика. Произведения русских писателей — лучшие путеводители, учебники и энциклопедии Северного Кавказа, которые были когда-либо созданы.

Сейчас мы переживаем важный исторический момент: правительство России вновь и вновь обращает серьезнейшее внимание на ситуацию в нашем регионе, создан Северо-Кавказский федеральный округ, в котором Ставропольский край призван сыграть важную роль в упрочении диалога между народами, живущими на Кавказе. Как нельзя более актуальными становятся произведения русских писателей о Кавказе, позволяющие учесть исторический опыт взаимодействия наших народов в новых условиях жизни в многонациональном регионе.

Мы представляем читателям большую трехтомную антологию «Опальные: Русские писатели открывают Кавказ», тем самым отдавая дань памяти русским писателям, в том числе и тем, которые связали всю жизнь с Северным Кавказом и нашим краем, неутомимо трудились над изучением языков, истории, культуры, географии, этнографии и т.д. Эти книги, аккумулирующие опыт столетия, являются по-настоящему патриотическими, учат терпимости, раскрывают богатство диалога между народами Кавказа для ума, души, сердца наших современников.

О Кавказе, и в частности о нашем крае, написано много, но эти сведения разрозненны, многие книги практически вышли из научного обихода. Всегда было такое чувство, что мы обязаны выявить лучшие произведения о Северном Кавказе. Ученые нашего университета собрали множество рукописей, редких книг, перевели в новую орфографию старые, практически недоступные издания. В результате собраны уникальные сведения о Северо-Кавказском регионе, которые аккумулируют опыт прошлого и могут быть использованы как основа для разработки инновационных проектов будущего.

Антология строится по следующему принципу. Мы печатаем произведения русских писателей, которые отбывали наказание на Кавказе, в особенности на Северном Кавказе и в нашем крае, трудились здесь, дополняем их работами, написанными об этих авторах, их произведениях в разное время. В первом томе печатаются книги русских классиков: А.С. Пушкина, А.А. Бестужева-Марлинского, М.Ю. Лермонтова, — а также исследования о них. Во втором томе — произведения известных и малоизвестных писателей, поэтов, публицистов В.И. Соколовского, Н.И. Воронова, И.В. Бентковского, К.Л. Хетагурова, не только сосланных, но и впоследствии проживавших, служивших в нашем крае. В третьем томе собраны сочинения, а также работы о творчестве Я.В. Абрамова, С.В. Фарфоровского, Г.Н. Прозрителева, Г.А. Лопатина, В.А. Романовского, живших в нашем крае, внесших огромный вклад в культуру. Некоторые писатели и публицисты, такие как В.И. Соколовский, С.В. Фарфоровский, Н.И. Воронов, Я.В. Абрамов, Г.А. Лопатин, практически забыты, но в их произведениях много ценных исторических, этнографических сведений, художественных подробностей о Северном Кавказе, о Ставрополье.

Сила классического университета — в фундаментальном знании, имеющем инновационные перспективы. Мы понимаем, что невозможно строить будущее без глубокого познания прошлого, без обращения к опыту, накопленному нашими писателями, публицистами. Демократия учит нас формам совместной жизни, когда главное условие развития личности — способность активно создавать собственное понимание мира и одновременно конструктивно откликаться на идеи, выдвигаемые социумом, принимать чужую точку зрения как иную, требующую понимания. В этом у нас есть ценный исторический опыт русских писателей, который мы стремимся осмыслить.

Ректор Ставропольского государственного университета,
доктор социологических наук профессор В.А. Шаповалов

Содержание

В.А. Шаповалов. Предисловие **7**

В.И. Соколовский

Стихотворения и поэмы

Русский император... ..... **11**
Утро на Енисее **11**
К деве-поэту **11**
Разрушение Вавилона. Поэма **12**
Мироздание. Опыт духовного стихотворения **18**
Хеверь. Драматическая поэма **35**

Рассказы сибиряка **90**
Одна и две, или любовь поэта. Роман из частной жизни **119**
Текстологическая справка **244**

Исследования, посвященные В.И. Соколовскому

В.А. Чивилихин. О В.И. Соколовском **245**
А.В. Попов. В.И. Соколовский **261**
В.С. Киселев-Сергенин. Владимир Игнатьевич Соколовский **264**
Т.Ю. Кравцова. Владимир Игнатьевич Соколовский (к 190-летию со дня рождения) **267**
М.С. Коршунов. «Соколовского выпустили полумертвого на Кавказ...»
(неизвестные документы о ставропольской ссылке поэта В.И. Соколовского) **272**
В.Н. Кравченко. «Надеждам ты не измени» **276**
К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. Владимир Соколовский: Счастье было! **282**

Н.И. Воронов

Ставрополь **285**
Падение стихотворной формы в новейшей русской литературе **291**
Плавание у восточных берегов Черного моря (из путевых заметок о Южной России) **299**
Долина Риона (из путевых воспоминаний) **308**
Из путешествия по Дагестану **317**

Исследования, посвященные Н.И. Воронову

И.П. Лейберов. Цебельдинская находка **343**
М.С. Коршунов. Н.И. Воронов: педагог, журналист, кавказский этнограф **401**

И.В. Бентковский

Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях **405**
Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса **440**
Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях **450**
Историко-статистические сведения о селении Безопасном (материалы для истории заселения Ставропольской губернии) **469**
Одежда калмыков Большедербетского улуса **481**
О сети кавказских железных дорог **487**
Очерк третьего мирового участка Ставропольского уезда в топографическом, сельскохозяйственном, промышленном и статистическом отношениях **500**
Историко-статистические сведения о городе Ставрополе **536**
Сведения о Ставропольском женском училище первого разряда **540**
Ставрополь с открытия городового магистрата 15 февраля 1786 года до учреждения шестигласной думы 18 января 1808 года **543**
Открытие в Ставрополе первых присутственных мест **557**
Ставропольская старина. Местный строительный камень и первое каменное здание в Ставрополе **560**
Кустарные промыслы в Ставропольской губернии **564**
Материалы для истории Северного Кавказа. Город Ставрополь **569**
Ставропольская старина **570**
Суворов встречает 1779 год в крепости Ставропольской **571**
Ставропольский губернский статистический комитет с 1858 по 1883 годы **572**
Крепостная колонизация в бывшей Кавказской, ныне Ставропольской губернии **600**
Гребенцы **608**

Исследования, посвященные И.В. Бентковскому

Г.Н. Прозрителев. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета **621**
В.В. Госданкер. Историк-краевед И.В. Бентковский (1812–1890). Краткий очерк жизни и научно-краеведческой деятельности **647**
М.Е. Колесникова. Ставропольские краеведы. И.В. Бентковский **665**
К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. Галерея портретов губернаторов в очерке И.В. Бентковского «Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях» **691**

К.Л. Хетагуров

Стихотворения о Кавказе

Перед памятником М.Ю. Лермонтову **693**
На смерть горянки **693**
Утес **693**
Памяти Я.М. Неверова **694**
Я не пророк... В безлюдную пустыню... ..... **694**
Не верь, что я забыл родные наши горы... ..... **694**
Памяти М.Ю. Лермонтова **694**

Фатима. Кавказская повесть **695**
Ósoба. Этнографический очерк **707**

Заметки в газете «Северный Кавказ»

<Кто из ставропольских обывателей...> **724**
<Что ни день, то в Ставрополе новость...> **724**
<Многим торговцам не по шерсти пришлась...> **725**
<С открытием Троицкой ярмарки...> **726**
<Если нас слух не обманывает...> **727**

<Ничего нет легче...> **727**
<В Ставрополе наступил сезон эквилибристики...> **728**
<Для всякого понимающего церковное пение...> **728**
<Ларчик, оказывается, не так просто открывался...> **729**
<Городские нимвроды...> **730**
<Скука... ах, какая скука!..> **731**
<Тихая, монотонная жизнь нашего сонного города...> **731**
<Все обстоит благополучно...> **732**
<Толки о железнодорожной катастрофе...> **733**
<Осень едва ли не самое лучшее время года в Ставрополе...> **734**
<Не остается никакого сомнения...> **734**

Исследования, посвященные К.Л. Хетагурову

Л.П. Семенов. Лермонтов и Коста **737**
К.И. Пронская. Он жил для всех времен **746**
К.И. Пронская. Все, что припомнилось... ..... **749**
Л.И. Харченко. Коста Хетагуров в Ставрополе. Общий любимец гимназистов **751**
А.Х. Киргуев. Ставрополье – духовная родина Коста (к 150-летию
со дня рождения Коста Левановича Хетагурова) **754**

В.И.Соколовский

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

* * *

Русский император
Богу дух вручил,
Ему оператор
Брюхо начинил.
Плачет государство,
Плачет весь народ —
Едет к нам на царство
Костюшка-урод.
Но царю вселенной,
Богу вышних сил,
Царь Благословенный
Грамотку вручил.
Манифест читая,
Сжалился творец —
Дал нам Николая,
Сукин сын, подлец.

1825

Утро на Енисее

Кипучий, быстрый Енисей!
Неси меня своей волною;
Уж солнце всходит за горою,
Неси меня, неси скорей!

Как будто синий океан
Клубит под бурными ветрами,
Так над твоими островами
Клубится утренний туман.

Он подымался на утес,
Он заслонил его вершину,
Но ветер освежил долину
И в даль небес его унес!

Я видел: сквозь зеленый лес
Мелькали горы голубые,
И розы облаков младые,
И золотой пожар небес.

Гордись, река! Я трепетал
Перед надводными скалами;
Я жил тогда, когда мечтами
В стране возвышенной летал!

О Енисей! Увижу ль вновь
Твои пленительные волны,
И буду ли, восторга полный,
Тут петь творца, тебя, любовь?

Кипучий, быстрый Енисей!
Неси меня своей волною;
Уж солнце светит над горою
И цель близка… неси скорей!

26 июля 1828

К деве-поэту

Я кличу клич: «Изящные счастливы!».
Итак, вперед, и, словно чародей,
Искусством ты чудесно завладей,
И рвись в лазурь и в божии разливы!

Ты знать должна, как славой сиротливы
Все рифмачи, потешники людей:
В их песнях нет ни чувства, ни идей,
Сих колосов богоколосной нивы!

Их каждый стих нарядно весь одет,
Но сущность в нем — как суетность мирская:
Все тянет вниз, и вся пуста, как бред!..

Так вверх и вдаль!.. А даль-то ведь какая!
Святый глагол, безбрежность рассекая,
Дарит ее!.. Смелей же вдаль, поэт!..

1837 или 1838, Вологда

Разрушение Вавилона

Поэма

1

Голос свыше

Внимайте вы, персов и мидян князья!
Мой говор стремится, как вихорь порывный…
Воздвигните вместе, как древко копья,
Вы знамя скорей на горе на обрывной.[1]
Воздвигните так, чтоб отвсюду кругом
Все зрели то знамя вдали пред собою,
И голос к народам возвысьте потом,
И, всех зазывая, машите рукою,
И пусть во врата к вам все внидут они.
Сбирайте земных вы!.. Я в небе восстану!
Я сам поведу их! Я в ночи и в дни
Толпой освященных[2] начальствовать стану.
Сбирайте!.. Я ныне торжественным звоном
Сзываю в свой гнев, непреложный и правый,
Могучих и сильных в пылу боевом
И гордых моею верховною славой.

2

Наземный

(Всматриваясь в грядущее и таинственно видя свершение повеленного свыше, говорит, следя за событиями)

Вот голос многих на горах,
Как будто многие народы!..
Там сонмы их наводят страх,
Там сонмы их кипят, как воды,
Там шум и глас до облаков
Собранных царств и языков.
Вот все стеклися!.. Все готово!
Все дышат жаждою карать, —
И обозрел уже Йегова
Свою воинственную рать,
Ту рать для пагубы печальной;
Весь полный власти и чудес, —
Из стороны пришел он дальной
От основания небес.

(Взглядывая на военачальника и его воинство)

Да, наступает день посева,
Жестокой смуты и тревог!..
Вот сам господь, вот крепкий бог,
А вот сосуды божья гнева:
Они сплотилися в стену —
И погубить им всю страну!..

3

(К вавилонянам)

Рыдайте! Рыдайте! Наступит свершенье —
И ваши надежды исчезнут как тень:
Уж близок господнего мщения день,
От бога подвиглось уж к вам сокрушенье!

4

(К самому себе о будущих жертвах)

Да, им готовы гнев и муки!
На них сам бог идет с лозой,
И потому-то под грозой
У них у всех расслабнут руки
И, сжавшись, высохнут сердца,
Чтоб сокрушиться до конца.
Под крепкой силой божьей воли
Они вскричат, они падут,
И всех их примут и возьмут
Истомы, судорги и боли.
И застрадают в эти дни,
Как чадородшая, они,
И дико взглянут друг на друга —
И изумятся в оный миг,
Затем что будут лица их
Среди всеобщего испуга
Страшны, изменчивы и злы,
Как лица пламени средь мглы!..
И это время воздаянья
Наступит скоро, ибо вот —
Уже восстал, уже идет
День, полный весь негодованья
И грозный весь, как смерти сень,
Жестоко гневный божий день…
Уже идет он, чтоб смятенье
Кострами всюду разложить
И чтоб и взять и положить
Всю землю злобных в запустенье,
И, в ней себе открывши путь,
Всех грешных вдруг с нее спугнуть.
И ляжет мгла на том народе,
И в этой мгле забудет он
И звезд полки, и Орион,
И стускнет солнце там при всходе,
И скроет, горести полна,
Свое сияние луна…

5

Голос свыше

Я себя правосудьем прославлю:
Навещу я всю злобу плотских,
И для ужаса вдруг перед них
Все нечестия их я поставлю,
И потом, низвергая их в тьму,
Я гордыню неверных уйму,
И надменность питомцев разврата
Я смирю, и прерву я, как нить,
И дотоле их буду казнить,
Чтоб их муж был желаннее злата
И чтоб вдруг человек бы их стал
Дорожать, как офирский металл!..[3]

---

[1] Во время войны древние евреи ставили на возвышениях длинные шесты, чтобы подавать условные знаки.
[2] *Освященными* евреи называли всех готовых на какое-либо предприятие.
[3] Т.е. лучшее золото.

6

Я восколеблю небесами —
И двигнется земля с основ,
Когда я, творчий, Саваоф,
Занегодую над людями, —
И будет страшно для людей
В день гневной ярости моей!
Тогда, греха и смерти чада,
Вы побежите наконец,
Как стадо ланей иль овец,
В глуши испуганное стадо,
И много вам в дороге бед,
А вас сбирающего — нет!..
Тогда под гул глухого стона
Все чужеземные назад
К своим народам поспешат
Из гордых зданий Вавилона,
И все в боязни побегут
К своей земле, в родной приют.
А всех найденных в злобном граде
Враги убьют в урок векам,
И всем собранным вместе там
Нельзя и думать о пощаде:
Неумолимый вражий меч
Заставит их в могилы слечь…
Да, все погибнут под мечами!
Заплатят мне свои долги!
Но прежде лютые враги
Пред их смущенными очами
Возьмут детей их нарасхват
И всех о стены размозжат;
Потом разграбят достоянье,
И в дикой наглости потом
Покроют жен они стыдом,
И роковое посмеянье
Прольют над девами как яд,
И уж тогда мужей сразят!..

7

Воздаянья примчится пора,
Подоспеет со мною расплата, —
И подвигну я мидян к прибрежьям Евфрата,
И они не заищут сребра,
И они не потребуют злата, —
Нет, они для забавы сперва
Пустят стрелы к живущему в чреве,
И к младенцу стрелу, и стрелу к юной деве,
А потом и рожденных едва
Не помилуют в бешеном гневе…

8

Наземный

Как господь, казня злодеев,
Сжег Гоморру и Содом, —
Так покрытый весь стыдом
Вдруг исчезнет град халдеев —
Непреклонный Вавилон,
Ибо злой и гордый он
Славен был своей судьбою
Между царств и по странам,
И ассуровым сынам[1]
Шаткий ум надмил собою!..
Да, исчезнет скоро он,
И заблудшихся племен
Волны шумные, живые
Он из рода в дальний род
Вновь к себе не соберет,
И арабы кочевые
Вкруг разложенных костров
Не поставят там шатров…

9

Туда, усталый под трудами,
Не взыйдет пастырь в жар полдня,
Чтобы, главу под тень склоня,
Себя там с кроткими стадами
Покоем сладким ублажить.
Там только звери станут жить,
Да жабы заползут в строенья,
Да, как в чаще глухих лесов,
Завоют стаи мрачных сов,
Да на пиру у разрушенья,
Сошедшись крови поалкать,
Начнут мохнатые скакать.
И будут слышны без умолка
Средь опустевшего жилья
Порывный крик и гул вытья
В ответ вытью и крику волка,
И у чудовищей сквозь зев
Пойдет в чертогах рев на рев!..

10

Идет, идет погибельное время!
Оно идет со скоростью реки, —
И бедствий дни уже недалеки!..
Тогда господь Израилево бремя
Низвергнет в прах с его согбенных плеч,
И станет он Иакова беречь,
И в милости помилует Иуду,
И изберет обетованных чад,
И к нам тогда другие поспешат,
И чуждые приложатся отвсюду,
И, как посев, размножится потом
Иакова благословенный дом…
Тогда благих поклонников святыни
Народы стран соседственных возьмут,
И в их страну торжественно введут,
И будут им и в слуги, и в рабыни.
И чада те внутри сионских стен
Пленят того, кто забирал их в плен
И кто свершал над ними истязанье,
Кто мучил их — тот покорится им…
И в оный день, когда творцом своим
Ты будешь здесь, о первенец избранья,

[1] Т.е. ассирияне.

В живой пример и в образец другим,
Освобожден от страшных мук и боли,
От гнета нужд, от грусти быть рабом
И от тоски трудиться со стыдом,
Как в рабстве ты трудился против воли, —
В тот божий день, восстав из нищеты
На светлый верх родимого Сиона,
Начнешь на нем в избытке простоты
О дерзостном владыке Вавилона
Повествовать такую притчу ты:

11

«Как от нас истязатель исчез?
Как у нас прекратились налоги?
Это творчий земли и небес,
Судия правосудный и строгий, —
Это он на врага ту надвинул грозу,
Это он, слыша мучимых крики,
Сокрушил нечестивца лозу
И погибельный жезл у владыки!
А владыка тот жезл как орудье держал
И страшил им подвластные страны,
И во гневе своем племена поражал,
Нанося племенам неисцельные раны!
И он в ярости злой налегал на своих,
И страдали под злобным народы,
Потому что, изгнав их из лона свободы,
Он без милости гнал и преследовал их!

12

Зато теперь земля почила
И успокоилась она:
На ней и мир, и тишина,
Над ней судьба теперь пролила
Реку веселых, светлых дней,
И радость шумная на ней!..
Как глыба мрачного тумана,
Везде развеян прежний страх,
И даже в рощах и лесах
Друг другу ель и кедр Ливана,
Шумя листами, говорят:
«Уж он сомкнул несытый взгляд,
Уж опочил он сном могильным —
И уж ничей не взыйдет меч,
Чтобы с размаха нас подсечь
И сокрушить ударом сильным!..».

13

Да, погибнул отец возмутительных чад,
От которого сыпались муки и раны!
И приходом его возмутился весь ад,
И восстали для встречи его великаны;
Все наземные князи восстали пред ним,
И все князи народов поспешно восстали,
И, объятые все помышленьем одним,
На привет пришлеца отвечая, сказали:

14

«И ты упал на лоно тьмы!
И ты изранен, как и мы!
И ты подобен нам судьбою!..
Твоя гордыня, злобный град,
Слетела в прах, низверглась в ад;
Твой рухнул труп, и к нам с тобою
Запас червей заброшен в ров[1]
Как одр тебе и твой покров!..
Но как же с неба голубого,
Как с недостижной высоты,
О сын зари, низвергся ты?..
Не ты ль, весь яд из сердца злого
Сумевши выплескать до дна,
Язвил страданьем племена?
И как же свергся ты до праха,
И как ты рухнул до земли?..
Не ты ль, яснеяся вдали,
В своей душе твердил без страха:
Взойду на небо, выше я,
И мне престол рука моя
Поставит там, над морем света,
Над верхом звездной вышины,
И после с северной страны
Я сяду на гору завета,[2]
И, ставши выше облаков,
Я буду там как бог богов!..».

15

(Наземный, оставляя притчу, переходит в настоящее и говорит, обращаясь к Вавилону)

Так мыслишь ты, властитель сильный,
В чаду развратной суеты,
Но будешь в ад заброшен ты
И ниспровергнут в ров могильный
К его изрытой стороне.
И в смертосенной тишине
Твое падение как диво
Пробудит всех, и все, толпой
Сбираясь шумно пред тобой,
Тебя, пришельца, суетливо
Начнут обглядывать кругом,
И скажут мысленно потом:
«Как, неужели перед нами
Тот самый муж богатый сил,
Который землю всю страшил,
И, грозно встав над племенами,
Всех царств довольство и покой

---

[1] «Рвом» и «адом» называли евреи могилы, или родовые гробовища, которые уважались весьма свято. Это были пещеры, или комнаты под сводами; в их стенах, или, говоря по-еврейски, в «сторонах рва», делались ниши, куда вставлялись тела, заваливаемые потом плитами.

[2] Гора завета — Сион, на котором с северной стороны построен был храм. Сесть на Гору завета с северной стороны — значит попрать закон божий.

Потряс железною рукой,
И обратил в глухие степи
Весь мир войною и огнем,
И сокрушил все грады в нем,
И тем, кто был закован в цепи
И перед ним повергнут ниц, —
Тем не отверзнул он темниц?».

16

Так будут все под толщей гробных сводов
Про пришлеца вести с собою речь.
Но там тебе с отжившими не лечь!
Да, все князья и все цари народов,
Подвластных им, покоя и любя,
Со славою почили у себя,
И каждый лег в родное гробовище,
Чтоб в нем забыть минувшей жизни труд.
К тебе ж толпой враждебники придут
И в мрачное, подземное жилище
Ворвутся все, и, перервав твой сон,
Тебя возьмут и вдруг исторгнут вон,
Как смрадное и вредное растенье,
В могильном рве растущее на дне,
Как воинов, убитых на войне,
Нечистое от крови облаченье,
Тех воинов, которых уж тела
Согнили там, где вечный мрак и мгла!..
Да, как один из этих падших воев,
Не отдохнешь в могиле мирной ты,
Затем что здесь, исполненный тщеты,
Все области и землю всю расстроив,
Ты погублял в народах без числа, —
Так не пребыть тебе, исчадье зла!..

17

Голос свыше
(обращаясь к певцам, провидящим будущность Вавилона)

Приготовьте же вы предсказаньем своим,
Приготовьте детей у него к убиенью:
За грехи их отцов не блаженствовать им,
И за злость породивших не цвесть порожденью!
Не носить на себе им величья венца!
Их семьи упадут — и не встанут,
Да, не встанут они, расслабев до конца,
И больших городов созидать уж не станут,
И чрез то не наполнят земного лица!
(Глас становится неясным)

18

(Вслушиваясь провидящею душою
в неясные глаголы свыше, передает их
во всеобщее услышание, по мере того
как их принимает)

Я воздвигнусь на них, и мой дух воспарит!
(Это к суетным — к ним — господь бог говорит.)
Я здесь имя твое погублю, Вавилон,
И остатки твои истребятся как сон,
И отростки падут, и все семя сгорит!
(Это к суетным — к ним — господь бог говорит.)
Я его положу и его все труды
Во владенье нырков и болотной воды;
И преступный тот град, и надменный, и злой,
Весь я вымету сам разрушенья метлой,
И его никогда и никто не узрит!
(Это к суетным — к ним — господь бог говорит.)
И клянется с небес господь бог Саваоф:
«Я собою клянусь, что удел их таков!
Так и будет у них, как я мыслю о том,
И что мыслю теперь, то свершится потом!
Только время примчит воздаянья пору,
На земле на моей я Ассура сотру,
И, отдав под удар неземному мечу,
На горах на моих я его растопчу!
И все иго его, и все бремя в тот миг
Я низвергну с рамен у избранных своих!».

19

(Размышляя о услышанных глаголах
и рассматривая руку божию,
простертую в небесах, как указательницу
направления будущих событий,
Наземный говорит самому себе)

Вот для цельбы наземных бед
Какой совещан уж совет!
Вот какова в быту природы
Та самодержная рука,
Какую кто-то сдалека
Простер на царства и народы!
Совет совещан богом сил —
И кто же здесь, в стране могил,
Сбытье решенного отклонит,
Чтоб изумить собой века?
А та рука — его ж рука,
И кто ту руку отсторонит?
1838

Примечания

Из стихотворных произведений Соколовского только «Мироздание» и «Хеверь» были напечатаны отдельными изданиями. Особое место в литературном наследии поэта занимает книга «Рассказы сибиряка» (М., 1833 ц. р. 15 декабря 1832), текст которой наполовину стихотворный, наполовину прозаический.

К тексту песни «**Русский император...**».

А.И. Герцен, Тюрьма и ссылка. Из записок Искандера, Лондон, 1854, с. 72, др. ред. (ст. 2: «В вечность отошел», ст. 4: «Брюхо распорол», ст. 8: «Константин-урод»); М. Лемке, Очерки жизни и деятельности Герцена, Огарева и их друзей («Мир божий», 1906, № 2, с. 121), с цензурными

пропусками букв в словах: «брюхо» («б…о») и «урод» («у…ъ»), с вариантом ст. 16: «Всевышний отец». Полностью — А.И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. 12, Пг., 1919, с. 324 (в составе комментариев М. Лемке), где ст. 16 приведен в сноске. Публикации Лемке восходят к копиям, приложенным к донесению жандармского полковника Н.П. Шубинского А.Х. Бенкендорфу от 11 июля 1834 г. (ЦГАОР, ф. III Отделения, дело «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи»). В копиях текст приведен дважды: первый раз в качестве продолжения песни «За трапезой царской…» (напечатана Лемке), с подстрочным примеч. к ст. 16 («Всевышний отец»): «а пели «Сукин сын подлец»; второй раз — отдельно. Печ. по второй копии с учетом более острого варианта ст. 16 в первой копии. В июне 1834 г. камер-юнкер Н.А. Кашинцев узнал от «вольного механика» П.П. Скаретко о том, что несколько молодых людей поют в своем кругу песни, представляющие интерес для тайной полиции. Кашинцев донес о том полковнику Шубинскому. По заданию московского обер-полицмейстера Л.М. Цынского братья П.П. и И.П. Скаретко устроили на казенный счет 8 июля вечеринку с участием тех лиц, кто знал эти песни. Провокация вполне удалась, и несколько человек было арестовано на месте преступления (подробный рассказ об этом с некоторыми неточностями — в «Былом и думах» Герцена, ч. 2). Песня «Русский император…» была в тот же вечер, по требованию Цынского, записана певшим ее на вечеринке Л.К. Ибаевым. На следствии Соколовский признался в следующем: «Я пел несколько строчек одной глупой песни, давно мною позабытой, вольного против правительства содержания… песню я узнал тотчас по выходе из корпуса в 1825 году, и как с того времени прошло почти десять лет, то я решительно не помню, кто мне ее передал» (ЦГА г. Москвы, ф. канцелярии московского обер-полицмейстера, дело «О лицах, состоящих под секретным надзором полиции», 1834—1837). Другой арестованный, Н.И. Уткин, утверждал, что «от бывшего университетского студента Полежаева, отданного в военную службу, слышал он и затвердил подобную песню» (ЦГАОР, ф. III Отделения). Отправляясь от этого показания, В.И. Безъязычный и В.П. Гурьянов в статье «Кто был автором песни «Русский император»?» («Вестник Московского университета», историко-филологическая серия, 1957, №1, с. 179—184) приписали песню А.И. Полежаеву, указывая одновременно на то, что ни ее характер, ни стиль не находят никаких соответствий в стихотворном наследии Соколовского. Однако показания всех других арестованных сводятся к тому, что с песней их познакомил Соколовский, которого они считали ее автором. В этом были уверены и Герцен, опубликовавший ее в 1854 г., и Огарев. Отказ Соколовского признать себя автором криминальных стихов в его положении легко объясним. Наконец, стихотворное наследие поэта далеко не исчерпывается опытами библейской поэзии. «Русский император…» органически сочетается с другой — фривольной и нецензурной — отраслью его стихотворства (см. об этом биогр. справку). Пример подобного сочинительства, с легким налетом религиозного кощунства, привел Н.М. Сатин («Из литературных воспоминаний». — «Русские пропилеи», т. 1, М., 1915, с. 198):

Сгрустнешь в тяжелой думочке,
Помолишься творцу, —
И снова лезешь к рюмочке,
И снова к огурцу.

При всем том вопрос об авторе песни не может считаться окончательно решенным. Не исключено, что она — плод коллективного творчества ряда лиц, в том числе Соколовского. Из материалов следствия видно, что Соколовский чаще всего пел песню с Н. Киндяковым и Ибаевым. По признанию цирюльника П. Беляева, Соколовский и Ибаев побуждали его выучить песню наизусть, при этом Ибаев подыгрывал на гитаре и подплясывал вместе с Соколовским. «Русский император…» — прямой отклик на период междуцарствия, что дает основания датировать песню 1825 г. *Ему оператор Брюхо начинил.* Ходили слухи о том, что труп Александра I преждевременно разложился из-за неудачного бальзамирования, которое было осуществлено в Таганроге. *Благословенный* — почетное наименование Александра I. *Грамотку вручил.* 16 августа 1823 г. Александр I составил секретный документ о престолонаследии, согласно которому его преемником на троне должен был стать Николай, а не старший по возрасту из братьев Константин, отказавшийся от своих прав на царствование. *Дал нам Николая.* Николай I был провозглашен императором 12 декабря 1825 г.

К стихотворению «**Утро на Енисее**».
ЛПРИ, 1831, 23 сентября, с. 599.

К стихотворению «**К деве-поэту**».
«Одесский альманах на 1839 год», Одесса (ц. р. 31 декабря 1838), с. 523. Обращено к В.Д. Макшеевой, дочери вологодского помещика; в его имении поэт часто гостил. Соколовский был безнадежно влюблен в Макшееву; он ревностно хлопотал о публикации ее стихов, которые, по его просьбе, печатались рядом с его собственными (в ЛПРИ 1837—1838 гг.). В «Одесском альманахе» стихотворение

Макшеевой «Поэту», явно адресованное Соколовскому, помещено вслед за его «Одой стремления (Из духовной поэмы «Алчба и жажда»)». Датируется по письмам Соколовского к А.А. Краевскому 1837—1838 гг. (ГПБ), в которых речь идет о В.Д. Макшеевой. Вероятно, попало в «Одесский альманах» через Н.И. Надеждина, с которым Соколовский встретился в январе 1838 г. в Вологде.

К поэме «**Разрушение Вавилона**».

УЗ на 1839, с. 93. В письме от 14 июня 1838 г. Соколовский просил А.А. Краевского передать свою поэму издателю УЗ В.А. Владиславлеву. В письме от 10 октября 1838 г. к тому же корреспонденту Соколовский спрашивал: «Да скажи как другу, а не как знакомому литератору: истинно ли хороша и сочна ли ода на разрушение Вавилона» (ГПБ). В основе произведения — библейский текст: гл. 50—51 «Книги пророка Иеремии» и гл. 13—14 «Книги пророка Исайи». Поэма Соколовского находится в одном ряду с теми произведениями русской гражданской поэзии, в которых библейское предание о гибели Вавилона выражало мысль о неизбежном крахе деспотического государства (ср. «Оду на разрушение Вавилона» А.Ф. Мерзлякова, «Валтасар» А.И. Полежаева, «Падение Вавилона» В.Н. Григорьева). *Персов и мидян князья.* Вавилон был захвачен в 538 г. до н.э. войсками персидского царя Кира; мидяне — ираноязычный народ, чье государство (Мидия) было завоевано персами в 550 г. до н. э. и в качестве сатрапии включено в их державу. *Йегова (Егова)* — священное имя бога в Ветхом завете. *Чадородшая* — женщина, разрешающаяся от бремени. *Орион* — название созвездия. *Офирский металл.* Офир — полулегендарная страна, упоминаемая в Библии; славилась добычей золота. *Саваоф* — имя бога в Библии. *Сжег Гоморру и Содом.* По Библии, города Содом и Гоморра были испепелены богом за то, что обитатели их погрязли в разврате. *Град халдеев* — Вавилон. *Тогда господь Израилево бремя Низвергнет в прах,* то есть бог освободит евреев от ига вавилонян. *И станет он Иакова беречь, И в милости помилует Иуду.* Иаков (Израиль) и Иуда — мифические родоначальники евреев. Их имена употреблялись для обозначения всего еврейского народа. *Кедр Ливана* — библейская реминисценция. В Библии это дерево — символ величия, долголетия и прочности. *Взойду на небо, выше я*. Подразумевается так называемая Вавилонская башня, строители которой тщились достичь до небесных чертогов и сравняться с богом; бог покарал гордецов, смешал их языки и разрушил башню.

В.С. Киселев-Сергенин

Текст и примечания печатаются по источнику:

Библиотека поэта. Поэты 1820—1830-х годов. — Л.: Советский писатель, 1972. — Том 2. — С. 362—414, 721—725.

МИРОЗДАНИЕ.
ОПЫТ ДУХОВНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Ему

Рожденный на хребтах Великого Алтая,
На снеговом ковре, от колыбельных лет
Торжественность картин безмолвно созерцая,
Давно к Творцу миров любовью я согрет;
Но в трепете души пред Ним благоговея,
Гасил пожары дум, скрывал мечты свои —
И вдруг за знаменем святого Моисея,
Как за звездой моей, увлекся в забытьи!..
Ужесвершенмойтруд;носвершеныльжеланья? —
Нет! не сбылась мечта прекрасная моя!
Без сильных на земле что мог исполнить я?
И не услышит ОН заветные преданья;
Как в яхонте небес, не будет в НЕМ сиять
Цветною радугой сказание святое;
Но кто же тяжкую безмолвия печать
Наложит на душу, как иго роковое?
Уже ли изменю я чувству своему?
Уже ль мне быть рабом перед моей судьбою? —
Нет!.. все что для НЕГО я созидал душою,
Как плод глубоких чувств я приношу ЕМУ!

Мироздание

Рече Господь, да будет свет, и бысть свет.
Моисей.

Глава I

Единица есть символ совершенства. Она существует сама собою. Все происходит от единицы.
Число три есть символ величайшей гармонии.
Учение жрецов Мемфийских.

Яко трие суть свидетельствующие на небеси, Отец, Слово и Святый Дух: и сии три едино суть.
Апостол Иоанн.

Довременность

I

Предвечность радостно сияла,
Духовный *Свет* струился в ней,
И тьма, одеждою своей,
Сей дивный Свет не обнимала...
Без протяженья и конца,
Проникнут Истиной и Славой,
Он был для мощного Творца
Несотворенною державой.
Он из *Любови* истекал —
Сей Дух и Свет неистощимый,
И в той Любви непостижимой
Глагол бессмертный пребывал...
Неразделимо утопая
В Своей безмерности святой,
Светлела вечной красотой
Триединица пресвятая.

II

В неизъяснимой той стране,
В разливе славы и сиянья,
Как бездна искр, блестят оне —
Творца духовные созданья.
Их жизнь в пространстве без времен —
Восторгов светлая дорога;
Для них — любить и славить Бога
Один завещанный закон.
Неизменяемая младость
Лелеет их своей рукой,
И льется в песнях их рекой
Любви, хвалы и неги сладость.
Оне поют — и песня та
Очаровательно свята;
Их звуки, слившись над струнами,
Как благовонный фимиам,
Клубятся к Божиим стопам
Волшебно-ясными волнами.

III

Хор небесных сил

«Светом счастия дыша,
Будто влагой золотою,
Наша чистая душа,
Как фиал, полна Тобою.

В нас красы Твои горят,
В нас любовь к Тебе сияет,
И как теплый аромат
Упоеньем согревает.

В непостижной бездне сей,
Из Тебя, как из светила,
Сеткой радужных лучей
Вдохновенье нас обвило.

Все живет одним Тобой,
Ты один властей не знаешь
И в предвечности святой
Не живешь, а пребываешь.

Благодатно Твой *Глагол*
Все пространство без предела,
Вея жизнию, прошел —
И пучина закипела!

«Необъятною волной
«Рай пленительно разлился,
«И наполненный Тобой
«Осветлел и освятился.

И с державной высоты,
Со ступеней на ступени,
В блеске светлой красоты
Низошли святые тени.

С той поры *Любовь* Твоя
Нам как море наслажденья,
И в восторге бытия
Мы поем Тебе хваленья!».

IV

Вдруг Он державною рукой
Их осенил, благословляя,
И песнь хвалы в дали немой
Исчезла, тихо замолкая...
Высокой тайны полон был
Творец, сидящий на престоле,
И кротко *Мудрость* Он излил
С *Любовью* в сладостном *Глаголе*:

«О дети вечной Красоты!
Мои святые Дуновенья!
Для вас безмерность пустоты
Облек Я в роскошь наслажденья.
Здесь все сливается в одно,
И без конца, и без предела;
Но есть пространство — там давно
В Моем созданье жизнь кипела.
Здесь неизменность есть закон —
Там все собою изменяло
Теченье бурное времен:
Там есть конец, где есть начало!..
В неизмеримой бездне той
Бесчисленных столетий звенья
Над дивною громадой тленья
Текли завещанной чредой.
Своими мощными Словами
Из хладной тьмы небытия
Рождал и жизнь, и радость Я,
И наполнял ее мирами;
Но время быстрое неслось,
Мгновеньями века летели,
Свершая путь, миры дряхлели
И вновь сливалися в хаос.
И в каждом круге мирозданья
Детей послушных Я встречал,
И в лоно благ их принимал
Из знойной степи испытанья;
Теперь опять *Любовь* Моя
Подвигнет царственное *Слово*,
И в сей пучине мрака снова
Прекрасный мир устрою Я».

V

Хор небесных сил

«Ты чудесно нам раскрыл
Всемогущество и славу,
И в восторге сонмы сил
Огласят Твою державу.
Арфы златом заблестят,
И под нашими перстами
Затрепещут, зазвенят
Гармонически струнами.

Тот увидит мир святой,
Мир любви и упоенья,
Кто младенчески душой
Исполнял Твои веленья.

Бренный туск его очей
Просветлеет, просияет,
И красу Твоих лучей
Торжествуя он узнает.

Он Создателя поймет,
Бытие переменяя,
И о счастье запоет,
В нем навеки утопая.

Свят Господь! Егова свят!
Ты возвысил все Собою,
И к Тебе, Творец, горят
Все Любовию святою!».

VI

И вот, торжественно жезлом
Провел Он, бездны раздирая,
И светлое сиянье рая
Разверзлось пред Его лицом...
Пучина страшная темнела;
Но в ней, под ризой вечной мглы,
Не море под грозой кипело,
Вздымая черные валы;
Там не туманы над водами
Вились безмерными клубами,
И не сгущенный, чадный дым
Стоял страшилищем седым;
Не вихри злобно там стонали;
Не духи, падшие в грехах,
В богохулительных словах
На неизбежный суд роптали;
Не беспредельное ничто
Там распростерлося уныло, —
Там света и миров могила,
Туда минувшее слито!
Там смутно к непонятной цели —
Стихий, атомов, сил, начал,
Потоки бурные кипели;
Незримый пламень там пылал,
И в нем под ризою печали
Зачатки чудно созревали; —
Не смерть носилась в бездне той,
В предвечной мгле захладевая;
Но лишь безжизненность немая
Под склепом тайны роковой;
В ней все грядущее творенье
Из прежних остовов слилось:
Так, полн символа обновленья,
Клубился сумрачный хаос.

VII

Была нема обитель рая,
Один хаос вдали шумел,
Как буря, глухо завывая,
И сонм духов благоговел,
Глагола снова ожидая;
И с неизменной красотой

Разлился он над их главой:
«Зародыш зрели вы созданья,
Его стихийное зерно,
И в той пучине ждет оно
Неотразимого воззванья.
Едва подвигну Я уста,
И только глас Мой отзовется —
Непостижимо разольется
Миров и жизнь и красота.
И обращу Я в наслажденье
Сих бездн могильную тоску,
И свет из тьмы Я извлеку,
И обовью им все творенье.
Стихии по Моим Словам
Окрепнут в дивные светила,
И вдруг невидимая сила
Взнесет их быстро к небесам;
Мои законы разумея,
По беспредельной вышине,
Великолепием светлея,
Согласно потекут оне...
В неизмеримой сей пустыне,
Где бурное смятенье ныне,
Там светлый трон поставят свой:
Порядок, стройность и покой,
И в каждой части мирозданья
Я проявлю Свое сиянье!».

VIII

Хор небесных сил

«Где, Создатель красоты,
Вознесутся мира грани,
И когда закроешь Ты
Для щедрот святые длани?

Где Глагол Твой протечет,
Как река благодеянья,
И на чем закрепнет свод
Над безмерностью созданья?

Но уж скоро узрим мы,
Как заблещет жизнь пред нами,
И, светлея, бездна тьмы
Вся наполнится мирами.

Будто пиршества, мы ждем
Миг великий обновленья,
И хвалы Тебе поем
В сладкой неге изумленья».

Глава II

Твой есть день, и Твоя есть Нощь.
Давид.

Первый день

IX

Вдруг звучно грянул Глас святой!
Им бездну мрака поразило,
И все пространство бездны той
Одним гремящим звуком было. —
Так Бог изрек: «*Да будешь свет*!».
Мгновенно Слово то сбылося,
И дало вещество хаоса
Ему торжественный ответ.
Он рек — и тонкое начало
Из мрака светом просияло,
И необъятность высоты
Оделась в ризу красоты...
Послушно, быстро совершая
Круг предначертанных чудес,
Как тать от святости небес,
Неслась от света тьма густая.
Непостижимая рука
Врата предвечности раскрыла —
И невозвратно заклубила
Веков, и лет, и дней река;
Атомы времени — мгновенья
Над той кипучею рекой
Горели пылью золотой
И быстро гасли в отдаленье...
— Но вот тусклее и бледней
Первосозданный день сияет,
И тьмой безжизненной своей
Его печально ночь сменяет.

X

Дивясь таинственным делам,
Хваленья духи возносили,
И плавно руки их скользили
По гармоническим струнам;
И весь обвеянный хвалою,
Творец с любовью сонмы сил —
Как животворною водою,
Словами правды окропил:

«Узрели ныне ваши очи,
Как из невидимых начал
Я для грядущего призвал
Веселье дня и кротость ночи;
Они пойдут своей чредой:
За светом тьма и свет за тьмой,
И над безмерностью творенья
Сосуд столетий наклоня,
В струях и мрака и огня
Прольют законы измененья!».

XI

Хор небесных сил

«Ты украсил бездну днем,
И сияет он богато,
Как таинственным огнем
Вдруг растопленное злато!

Благодатно Ты воззвал —
И из сумрачной могилы
Свет, как радость, просиял,
Полный жизни, полный силы!

Свят Господь! Егова свят!
Ты возвысил все Собою!
И к Тебе, Творец, горят
Все любовию святою!».

Глава III

Небеса поведают славу Божию,
творение же руку его возвещает твердь...
Давид.

Вторый день

XII

Непостижимо скрылась мгла,
Пространство облито в сиянье,
И снова мощное воззванье,
И снова дивные дела...
Кипят послушные стихии!
Для них закон — Слова святые;
Тогда казалось, будто им
Пути и цель открыты стали,
И вдруг из мрачных бездн печали
Они всклубилися, как дым.
Хаос воздал Глаголу дани,
Он вновь вознес немый ответ —
И небеса обвили свет
В свои лазоревые ткани,
И, ненаглядные, оне
Навеки скрыли от созданья
Тот светлый мир очарованья,
Где в вечной, сладкой тишине,
Блестя волшебными крылами,
Летают ангелы роями;
Где все наполнено Святым;
Где безначальное Начало
Свое блаженство основало;
Где Непостижный — постижим!..
— Своей урочной чередою
Мгновенья быстрые летят,
Слабее небеса блестят,
И снова все оделось тьмою...

Глава IV

...И явишася источницы воднии, и открышася основания вселенныя...
...Насытятся древа польская, кедри ливанстии, ихже еси насадил.
Давид.

Третий день

XIII

Сокрылась ночь, и мрак исчез,
Прекрасный день яснеет снова,
Лобзая высоты небес,
И вновь гремит святое Слово!

Стихии скрепли; шар земли
Взвился, как облако густое!
И с ним под небо голубое,
Как вихри, воды потекли.
Ничтожный прах летел стрелою,
Но Бог взмахнул Своей рукою —
И без опор он твердо стал,
И кто-то крепкими горами
Его, как будто пеленами,
Перепоясал и связал!..

XIV

Еще не зная тайной цели,
Ужасно по коре земной
Вставали волны над волной,
То, рассыпаяся, кипели;
Но вдруг, заслыша Глас Царя,
Оне послушно понеслися,
И влагой чистою слилися
В безбрежно-светлые моря...

XV

Там полны блеска и прохлады
Со скал низверглись водопады;
Там будто битью серебра
Или алмазною тесьмою
С неизъяснимой красотою
Ключом украсилась гора;
Там быстро реки молодые
В заклепах черных потекли,
Как ленты светло-голубые
По крепу темному земли.

XVI

Еще, как мрачная могила,
Земля была пуста, уныла;
Но вдруг незримою стезей
Слетело с неба Дуновенье —
И первой жизни проявленье
Ее украсило собой...

Как между камнями седыми
В прохладных родниках ручьи
Бьют вверх кристаллами живыми
Свои блестящие струи:
Так быстро зелень молодая,
Свой шелк сквозь землю пробивая,
Печальную канву полей
Заткала дивными коврами,
И изумрудными волнами
Она качалася по ней!

XVII

Там ненаглядные созданья,
Символы тленной красоты,
Разлили роскошно цветы
Свое волшебное дыханье...
Кто вас создал? кто вас развил?
Кто вас всесильною рукою
Прекрасно убрал красотою?
Кто аромат вам в сердце влил?

— Облобызав листы цветные,
Ваш дух струится к вышине,
И ваши отзывы немые,
Как звуки слов, понятны мне!..

XVIII

Там, череп черный пробивая,
Таинственно из недр земли
Леса и рощи возросли
И стали, как стена живая.
Вот кто-то ветви вдруг развил
И, опушая их листами,
Рукой незримой расцветил
Прелестно яркими шелками...
Красуясь пышностью своей,
Друг друга ветви обнимали,
И теплый аромат полей
Прохладой сладкой освежали.

XIX

Кто мудрый может разгадать
Немые тайны сотворенья
И непостижные виденья
Словами смертных передать?
Кто, упиваясь тщетою,
Дерзнет безумною мечтою
Вникать в святые чудеса?
Кто заповедное судьбами
Увидит бренными очами?
— Слепцам закрыты небеса!

XX

Кто мог узнать, каким законом
Под одинаким небосклоном,
Из одинаковой земли —
Из глыбы грязи, праха, тленья,
Разнообразные растенья
Семейством дружным расцвели?
Леса, вставая, зашумели,
И для неведомых гостей,
По сетке трепетной ветвей
Плоды румяные созрели?..
Сомкнулись дерзкие уста!..
Вотще из-под ярма земного
За грани тайные былого,
Как вихрь, бросается мечта;
Вотще, сокрытого не зная,
Мы будим разум наш в тиши,
И волей помыслы души,
Как тетивою, напрягая,
Мы рвемся в сумрачную даль;
Но тесны смертного пределы,
И что ж с тобой, безумец смелый?
— Души могильная печаль!..

XXI

Благоговею пред Тобою,
Небес восторженных кумир!
Твой *Дух* наполнил чудно мир
Своею славою святою.
И *Слово*, жизненной волной,
Из самобытного Начала
Великолепно протекало
С *Любовью* вечной над землей!..
Полетом быстрым время мчится,
Скрываясь в вечности немой,
И мрак ночной, как дым густой,
По беспредельности клубится...

Глава V

Ты изливаешь на всех равно свои благодеяния: позлащая кровь богача, ты радуешь и бедного в его хижине.
Ты душа старца и ужас злодея.
Гимн солнцу жрецов храма Гелиопольского.

Четвертый день

XXII

Прелестный день опять одел
Лазурь небес своим сияньем,
И вновь над пышным мирозданьем
Глагол державный загремел.

Вдруг непонятное явленье:
Казалось, будто над землей
Стемнело на одно мгновенье,
И благотворный свет дневной
Куда-то несся в отдаленье...

Ужели, радость мира, ты
Покинешь землю сиротою,
И в лоно вечной Красоты
Промчишься быстрою рекою
Сквозь голубые высоты?..

— Безмолвно, к непостижной цели,
Его блестящие струи
По воле царственной летели;
Но в сиротстве, в забытьи
Земли покинуть не хотели.

Оне над зеркалом морей
Слилися в вечное светило,
И вдруг, с лазоревых полей,
Всю землю чудно оросило
Дождем живительных лучей!..

XXIII

С тех пор, красуяся над нами,
О царь светил! сияешь ты
Неистощимыми лучами
Величья, жизни, теплоты...
Промчались дни, исчезли годы,
Прошли согбенные века,
И разрушения рука
Не раз касалася природы;
Но ты в могучей красоте
Блестишь в эфирной высоте.

XXIV

Летят игривые мгновенья,
И солнце, оставляя свод,
Впервые в лоне светлых вод
Идет вкусить успокоенье.
И вдруг, для радости очей,
Из светлых солнечных лучей
И из земной душистой дани,
Одевшись в розовые ткани,
Явилась на небе заря

И, как невеста молодая,
Лицо румянцем оттеняя,
Лобзала юного Царя.
Тогда впервые для привета,
Сквозь волны радостные света,
С ее пылающих грудей
Упали на стекло морей
Неосязаемые розы;
И в первый раз тогда с небес
На шелк полей, на пышный лес
Роса скатилась, будто слезы...

XXV

Туман волнистой пеленой
Завесил запад молчаливый;
Все было тихо над землей,
И только ветерок игривый
То по кристаллам волн скользил,
То шелестил в лесу листами,
То, лобызаяся с цветами,
Их ароматы разносил;
То вдруг слышнелося порою,
Как быстрый ключ дробил свои
Прозрачно-хладные струи,
Сливаясь с быстрою рекою;
Но в этот час густая мгла
Не тяготела над землею,
И осенившись тишиною,
Природа дивного ждала...

XXVI

Поблекла синева ночная,
Затуск эфир, и высь небес
Как будто землю лобызая,
Склонилася на дальний лес.
А там, где чудными огнями
Лучи бессмертия горят, —
Там струны сладостно звенят,
И песни дышут похвалами.

Хор небесных сил

«Кто Егову воспоет?
Кто, объятый вдохновеньем,
В бездне помыслов найдет
Для Тебя изображенье?

Дивен, славен, силен Бог!
Ты созданию в отраду
Солнце яркое зажег,
Как безмерную лампаду.

Бездну небом Ты обвил,
И чудесно, в недрах тленья,
Радость жизни пробудил
Для грядущего творенья.

Свят Господь! Егова свят!
Ты возвысил все Собою,
И к Тебе, Творец, горят
Все любовию святою!».

Творец внимал, и вдруг рукой
Взмахнул на волны огневые —
И быстро брызги золотые
На свод упали голубой;
И весь усыпанный звездами,
Он и светлеет, и сквозит,
И гармонически мирами
По беспредельности кипит...
С тех пор приветливо сияют
Они в спокойствии ночей,
И блеском трепетных лучей
О днях былых напоминают.

XXVII

Но перед кем текут оне —
Сих радуг пышные сиянья?
Ужель в эфирной вышине
Не совершен весь круг созданья?..
Что ж из светлеющей дали
Какой-то тайной навевает?
— Подруга грусти и земли:
Луна на небо выплывает...
Царица милая ночей!
Куда свой путь свершаешь дальной?
Зачем дождем твоих лучей
Ты окропляешь мир печальной?
Зачем приветно смотришь ты
На молчаливую природу,
И будто погружаясь в воду,
Свои купаешь красоты?..
Закрой, закрой лицо стыдливо
Туманной дымкой облаков,
И утони в эфир тоскливо
Сквозь ряд светлеющих миров!
Никто, никто в безмолвье ночи
Не смотрит на лучи твои,
И слез алмазные струи
Ничьи не зажигают очи!
Никто волшебною мечтой
В твоем сиянье не утонет,
И здесь ничьей души не тронет
Прелестно-томный образ твой...
Но ты идешь, но ты сияешь,
И в радостном пути своем
Воздушный яхонт освещаешь
Своим небесным серебром!

Глава VI

На тых птицы небесныя привитают:
от среды камения дадят глас.
Сие море великое и пространное: тамо гади ихже несть числа, животная малая с великими.

Давид.

Пятый день

XXVIII

Встает заря; но кто на свете
С улыбкой взглянет на восход,
И в утомительном привете
Восторги сердца перельет?
Кто, восхищен ее красою,
Высоко думою взлетит,
И простодушною мольбою

Весь мир духовный освятит?
Кто, детски полный откровенья,
Ей передаст свои мечты,
И песнь любви и наслажденья
Споет для милой красоты?
— Никто!.. и воздух ароматный
Ни в вышине, ни между скал,
Ни для кого на звук приятный
Волшебно отклик не давал;
Еще душа не посетила
Пустынный мир природы сей,
И с торжеством не отразила
В ней самобытности своей…

XXIX

Душа и звуки: жизнь и радость!
Когда сольете вы с небес,
Из лона тайны и чудес,
Своих восторгов чистых сладость?
Когда украсите собой
Вы сиротство земли немой?
Когда в сию пустыню тленья
Из неба благодать сойдет,
И луч Души миротворенья
Светлеть в создании начнет,
Как солнце светится порою,
Отрадно взоры веселя,
Живой, огнистою струею
В прекрасной грани хрусталя?..
Когда от звонких песней рая,
Лазурь эфира проникая,
Над миром эхо зазвучит,
И в сердце, негою согретом,
Восторг блаженства возродит
Каким-то ангельским приветом?

XXX

Когда предвечная Любовь
Дремоту сил земли разбудит? —
Но вот громовое: «*Да будет!*»
По небу раздалося вновь…

Сказал — и есть!.. Они уж полны —
Морей и рек живые волны,
И рыбы пестрою толпой
Уже скользят между струями,
И под кристальною водой
Прекрасно блещут чешуями;
То утопая в глубину,
Оне рассыплются по дну,
То вверх веселыми роями
К сиянью теплому взлетят,
Как будто и оне хотят
Налюбоваться небесами!

XXXI

Вдруг в рощах чьи-то голоса
Прелестным хором зазвучали,
И, будто слушая, леса
Качать ветвями перестали;
Казалось, в берегах цветных
Остановились тихо воды,
И мир торжественно затих
Для радостных гостей природы…
Безмолвно все! поют оне —
Мои певицы неземные,
И переливы их живые
Звенят так сладко в вышине!..
Не духи ль вы?.. Скажите: кто вы?
Ужель вы счастья лишены
И в этот мир заключены
Носить тяжелые оковы?
— Нет! ваша песнь тогда б была,
Как стон любви, невесела,
Как сердца плач, полна страданья;
Не так поют в стране изгнанья!
Не так о счастии грустят,
Когда недвижными очами
Не зря, на небеса глядят,
И вдруг невольными слезами
Лицо печальное кропят!..
Или, быть может, светлой тенью
Перелетая в небесах
От наслажденья к наслажденью,
Гостите в новых вы мирах;
Вы не Творцу ли песни славы
Поете в тишине дубравы?
И не для первой ли весны
Вы прилетели с вышины,
Чтоб подышать благоуханьем,
Чтобы на пир земной взглянуть
И снова над дневным сияньем
В своем блаженстве утонуть?
— Тогда пленительные трели
Еще звучнее бы звенели;
И славы, и любви святой
Они б чудесно были полны
И плавно, с негой неземной,
Скользили б роскошно, как волны!..
Не для земли, не для страны
Тоски, уныния и скуки
Небес торжественные звуки
Могучей Волей созданы…

XXXII

То были птиц рои цветные,
То их прекрасный хор звучал
И своды неба голубые
Разливом песни наполнял…
О, как пленительна их доля!
Как много в жизни сей земной
Дано им счастия судьбой:
И песни, и любовь, и воля!..
Люблю над тихим лоном вод,
Над ароматными полями —
Или роскошными кругами,
Или стрелою их полет!
За ними рвемся мы душою,
В нас дума вспыхнет и кипит,
И взор, увлаженный слезою,
Их зорко на небе следит:
Вот чуть виднеют в отдаленье

Вот бледной точкою оне
Уже сокрылись в вышине...
А мы? — В тревоге и смущенье,
В какой-то непонятной мгле,
Стоим, прикованы к земле,
И познаем завет смиренья...

XXXIII

Как иногда в душе людей
Стихает пыл очарованья,
И сердце бьется все слабей,
И не роятся в нем желанья;
Успокоения струи
К нам тихо льются из эфира,
И, отчуждаясь от мира,
Мы дремлем в сладком забытьи:
Так на земле от наслажденья
Тогда стихало все творенье.
Порою зашумит волна,
Цветы прибрежные лобзая,
И, в быстром отплеске играя,
В жемчуг рассыплется она.
Порой, на шелковистом луге,
Певец земли, жилец небес,
Вспорхнет — и в ароматный лес
Помчится с песнею к подруге...
За пышной пеной облаков
Угасло бледное сиянье;
Прохладой веет с берегов...
Темнее... тише... ночь... молчанье...

Глава VII

Владыко мира дохнул в земной прах —
и прах соделался человеком.

Ферекид, философ Сцирросский.

Начало души нельзя отыскать на земли... Ни одна из стихий не имеет таких свойств, из которых бы могли составиться: память, понятие, рассуждение; которые бы возродили в нас способность пробуждать в себе минувшее, предвидеть будущее и обнимать настоящее... Только от Бога могли истечь сии божественные свойства.

Цицерон.

Шестой день

XXXIV

Готов великолепный пир!
Как будто храм, светлеет мир:
Над неприступными горами,
Как над святыней алтаря,
Зажгла волшебными перстами
Лампаду яркую заря;
Природа, новый день встречая
В благоговении немом,
Была как жрица молодая
Пред тем священным алтарем.
Ее роскошное дыханье
Клубилось в утреннем сиянье
И, будто чистый фимиам,
Летело к дальним небесам.
Все было жизнь, все было радость,
И из таинственных лесов,
Как звук молитвы, песней сладость
Неслась за волны облаков!..

XXXV

Еще не все сковались звенья
В великой цепи сотворенья;
Еще ужасно задрожит
Земля, услыша Глас могучий,
И непонятно прах сыпучий
Он благотворно оживит...
Сказал!.. Трещит кора земная,
Встают, растут толпы зверей,
И вдруг по зелени полей
Они рассыпались, играя,
В неясный, смутный, шумный хор.
Тогда их крик веселый слился
И в трещинах скалистых гор
От стен гранитных отразился.

XXXVI

Но прозвучишь ли снова Ты
Над торжествующей вселенной,
Глагол Любви благословенной,
И с непостижной высоты
Сойдешь ли тайными путями,
Чтоб сблизить землю с небесами,
Иль будешь Ты святым огнем,
В безмерности Твоей державы,
Вовек сиять в *Себе* Самом,
В Своем *Отце* и в *Духе* славы?..
Но для кого же пир земной?
И кто поймет красы созданья?
Кто в блеске дня, в тиши ночной,
В высокой думе созерцанья
Полюбит их своей душой? —
Нет! Ты придешь для счастья мира,
Твой мощный голос прозвучит,
И землю, с высоты эфира,
Он новой жизнью освятит!

XXXVII

Когда ж блестящее творенье
Украсишь славным Ты венцом,
И где перед Твоим лицом
Прольется первое моленье?..

Под благодатным небом тем,
Откуда солнце, жизнью вея,
Восходит, радостно светлея, —
Цветет пленительный Эдем.
Там есть гора: ее граниты
Прекрасно зеленью увиты;
Иль по местам обнажены
Стоят, как тени, исполины,
Или грядою от вершины
Идут обломками стены...
Как любит солнце те громады!
Едва, блестящей полосой,
В минуты утренней прохлады,

Лазурь затеплится зарей —
И вот, на высоту твердыни,
Через воздушные пустыни,
Какой-то негою горя,
Как жаркий поцелуй привета,
Летят струи дневного света
Прозрачной глыбой янтаря…
Ни дымка легкая тумана,
Ни тени сумрачная мгла
Не прикасаются чела
Сего земного великана:
Оно блестит в огне лучей,
И солнце, от утра до ночи,
В него с лазоревых полей
Вперяет пламенные очи…
Есть в той горе уступ крутой,
Он опушен душистым лесом,
И в нем, как будто под навесом,
Видна пещера под скалой.
Не озаряемый лучами,
Пещеры той печален свод,
И только в ней между камнями
Однообразный гул гудет;
Но в те прелестные мгновенья,
Как солнце вдаль с небес скользит,
И дивно запад золотит
Красой и блеском приближенья;
Когда потом из лона вод
Оно лучами вверх блеснет, —
Тогда при зареве заката
На светлом рубеже земли
В пещере вспыхнут хрустали,
И вся она огнем объята!..
И в ту минуту видно в ней,
Как, разделясь в лучи цветные,
С тех драгоценных хрусталей
Струятся нити водяные,
И чудно, на топазном дне,
В алмаз сливаются оне…
Вот из пещеры вдоль по скату,
На неприступной высоте,
Лениво льются воды те
По камням, серебру и злату;
Но вот обрыв — они туда!
— Как тень, легка, светла, как пламень,
Летит кипучая вода,
Дробяся и стуча о камень:
То развивается шатром,
То гордо гнется над скалами
Прозрачно-яркими дугами,
То светлым падает столбом…
Упала! — в брызгах отскочила;
Опять упала, и потом
Гремящим, пенистым ручьем
В долине волны заклубила…
Вот шире, тише и светлей,
И дно виднеет сквозь ручей,
И берега цветной грядою
Уж протянулись под водою;
Вот пышно разлилась река:
Она чиста и глубока;
Но дна не видно под струями —
Там блещет небо со звездами!

XXXVIII

Река течет; ее струи
Всегда прохладу навевают,
И поцелуями лобзают
Брега волшебные свои.

На тех брегах благоухая,
Цветут сады земного рая.
Роскошно-веселы они!
На них не наглядятся очи!
Там жизнью счастья дышат дни,
Там негой счастья дышат ночи!
Там солнце с высоты своей
Не жжет земли лучами злата,
И разноцветный шелк полей
Там будто ложе аромата!
Леса и рощи той страны
Лелеет вечный дух весны;
Там льется в воздухе отрада,
Там все блаженствует в тиши:
Что шаг — то упоенье взгляда,
Что шаг — то радость для души!
Там все — заманчивей желанья,
Милей надежд, светлей мечты;
Там дивный мир очарованья
Любви, и благ, и красоты!
Но по закону Пресвятого,
Сия волшебная страна —
Отсвет Эдема неземного,
Не для ничтожных создана…
Придет, восстанет он из тленья,
Исполнит он Глагол святой —
Сей славный, гордый Царь земной:
Небес с землей соединенье!..

XXXIX

Явилось солнце!.. Все молчит!
Земля трепещет в ожиданье;
И вдруг, в таинственном сиянье
Егова над землей парит.
Вот Он незримою рукою
Коснулся тихо до земли —
И человек возник в пыли,
Одетый мертвой красотою;
И неподвижный он лежал,
Как будто ангел в усыпленье,
Доколь в священном Дуновенье,
В нем жизни огнь не пробежал;
Тогда, его благословляя,
Всесильный в небо воспарил,
И сонм духов хвалы излил,
Триединицу прославляя.

XL

Хор небесных сил

«Славен, силен Саваоф!
Дивен Ты в красах созданья,
И святой Любовью Слов,
И могуществом Дыханья!

Как таинственно Оно
Прах и Дух соединило
И в творение одно
Мир безмерный отразило!

Ты дохнул — и прах восстал,
И, наполненный Тобою,
Непонятно просиял
Он небесной красотою.

Ты в него чудесно влил
Дивный Дух — светильник знанья,
Чтоб постиг и оценил
Он Твои благодеянья.

Три начала слиты в нем:
Жизни, чувств и размышленья,
И себя, своим Отцом,
Передаст он в поколенья.

Исполняя Твой закон,
Свет разрушится веками,
И последний вал времен
Расплеснется над гробами.

Тлен и прах хаос возьмет,
Но бессмертное Дыханье
Исполином перейдет
Чрез могилу мирозданья.

И сольется вновь тогда
Здесь Оно с Твоей красою,
Как с блестящею зарею
Утра светлая звезда!».

XLI

В тени, где веяла прохлада
От радужного водопада,
Где зеркальный поток бежал,
И ароматными устами
Цветы лобзалися с цветами:
Там прародитель наш лежал.
Открывши взоры огневые,
Он, будто в таинственном сне,
Смотрел, как в светлой вышине
Блистали своды голубые;
Как от дыханья ветерка,
Разнообразными венками
Над ним свивались облака,
И тихо лес шептал листами,
И гармонически ручей
Будил глубокое молчанье,
И с шелковых, цветных полей
Лилось к нему благоуханье...
Как ослеплялся взор его
Прелестной красотою рая!
Но назначенья своего,
Своих судеб не постигая,
В немой бездейственности сил
Он на земле недвижен был.
Вдруг, будто радуга, светлея
Неверным, трепетным огнем,
Впервые мысль блеснула в нем:
«Кто я? откуда здесь, и где я?».

XLII

Внезапно громы протекли,
И кто-то тронул небо дланью —
И мягкою, послушной тканью
Оно развилось до земли...
Блистала Вышнего обитель
В невыразимой красоте,
И над землею в высоте
Явился в славе Вседержитель.
Пред Ним свивалися в рои
Его бесплотные созданья,
Блестя, как в море при сиянье
В алмаз дробимые струи.
Незримо ангельские руки
Касались золотым струнам —
И разносились по мирам
Их песней радостные звуки.
Вот все слабее хор слышнел,
В пространстве дивном замирая,
И вдруг из светлой сени рая
Глагол предвечный загремел.

XLIII

«Ты сотворен из праха Мною,
Возвышен Духом ты Моим —
И бесконечным Духом сим
Владей ты вечно над землею;
Тебе Я уготовил рай,
И в нем, во всякое мгновенье,
За наслажденьем наслажденье
Ты в вечной радости вкушай.
Тебе цветов благоуханье,
Тебе их нежная краса,
Тебе зеленые леса,
И дня веселое сиянье,
И ночи сладостный покой;
И засветлеют пред тобой,
Как два волшебные потока:
Заря заката и востока.
Твои вседневные труды
Тебе обычно будут в радость,
И оживляющую сладость
Прольют в тебя лесов плоды.
Тебе приветом будет пенье
Жильцов воздушной высоты;
И тихо негу умиленья
Оно навеет на мечты.
Толпы зверей, твой глас заслыша,
Послушно станут пред тобой;
Ты царь везде: где скрепла суша,
Над всем, что скрыто под землей;
Твои моря, ручьи и реки
И все живущее в водах —
Таков закон на небесах,
Мной предначертанный навеки.
Своим Отцом меня зови
И за любовь своей душою
Воздай мне с детской простотою
Священным пламенем любви».

XLIV

Изрек, и тихо смолкло Слово:
В эфире песни раздались,
И чудно небеса свились,
Надзвездный мир закрывши снова...
Еще, еще Адам внимал,
Еще он светлыми очами

На высь лазурную взирал —
И мысли быстрыми роями
В него лились, как с высоты:
Так водопад волнами плещет
И, полный силы, красоты,
Кипит, жемчужится и блещет:
То глыбы серебра катит,
То, раздробляяся о плиты,
В алмазных брызгах он сквозит,
Дугою радужной обвитый.

XLV

И вдруг тогда в Царе земном
Туман сомненья прояснился,
И на колена пред Творцом,
Благоговея, он склонился;
Впервые он раскрыл уста,
Впервые поднял к небу руки —
И светлая его мечта
В прелестные слилася звуки...
С каким смирением святым,
С каким сердечным наслажденьем
Он изливал благодаренье
Перед Создателем своим!
Яснее водного кристалла,
Светлее солнечных лучей
Его молитва в нем пылала
Разливом неземных огней;
Вот слезы радостно блеснули,
Как перлы счастия, в очах,
И мнилось, будто в небесах
Его все мысли утонули!

XLVI

Он встал — и длинный ряд чудес,
Устроенный всевышним Благом,
Его следил за каждым шагом:
Подходит к лесу — темный лес,
Качая гибкими ветвями,
Пред ним, казалось, оживал,
И сладостными голосами
Там хор певиц его встречал;
То вдруг в пленительные трели
Переливалася одна
И не шелохнулась волна,
И шелестить листы не смели:
В блаженном тихом забытьи,
Склоняся к дереву главою,
Адам роскошно пил душою
Сих звуков сладкие струи...
То, быстро в высоту взлетая,
Воздушные певицы рая
Свивались весело над ним,
Блестя под солнцем золотым,
Как будто радуга живая...
Там пестрые толпы зверей
К нему наперерыв ласкались,
И все послушливо смирялись
Пред блеском царственных очей.
Там голубыми хрусталями
В реке дробился свод небес,
А по бокам, как занавес,
Рисуясь пышными зубцами,
Далеко в глыбь спускался лес;
Там солнце по водам играло
Каким-то огненным столбом
И бездну влаги освещало
Своим живительным лучом.
Журча, кристаллы вод бежали,
Волна сменялася волной,
И рыбы в глубине блистали
Своей сребристой чешуей.

XLVII

Везде роскошные картины
Являлися царю земли:
Там извивалися вдали
Цветными лентами долины;
Там роща пышная цвела,
И прохлаждающею тенью
Она приветливо звала
К покою, неге, наслажденью;
Адам в нее; и тихо он
На мягкий шелк травы склонился
И неприметно в мирный сон
Впервые сладко погрузился...

XLVIII

И видит он, как свод небес
Все боле полн очарованья,
Как тает он и как исчез
От непонятного сиянья.
Вот, как роскошная волна,
Оно клубится над зефиром,
И быстро разлилось над миром,
И бесконечность им полна.
Вот слышны песни неземные,
Вот веет жизнью неземной —
И духи вечно-молодые
Явились светлою толпой.
В средине их Творца святого
Невыразимый образ был,
И благодатно Иегова
Царя земли благословил;
Адам в порыве изумленья
Перед святыней в прах упал,
И Глас всесильный Провиденья
Ему с Любовию вещал:

XLIX

«Ты видел все Мое созданье
В одежде вечной красоты;
В тебе Мой Дух — и понял ты
Моих судеб предначертанье.
Как в небе звезд, как в море вод —
Так много счастья и щедрот
Над юною твоей главою
Излил Я в благости Своей,
И для земных твоих очей
Одел природу красотою;
И все, что в ней, — тебе в добро;
Но чтоб делил ты наслажденье,
Я в ненаглядное творенье
Пересоздам твое ребро...

Мое всесильное: *Да будет*!
В скудельной кости жизнь разбудит...
Взгляни!.. ты видишь пред собой
Твою жену, твою подругу,
И вы прилепитесь друг к другу
Любовью вечной и святой.
Делитесь счастьем и трудами,
Делите сладостный покой
И наполняйте рай земной
Своими добрыми детями;
Но вот вам счастия завет,
Вот заповедь Моя святая:
Есть дерево в средине рая
Познания добра и бед;
Да не коснутся ваши руки
К его губительным плодам —
И будут незнакомы вам
Души убийственные муки!
Творите ж заповедь Мою:
Пред вами вечность наслажденья;
Но Небесам повиновенье
Я вашей воле предаю!».

Замолкнул Он и тихо скрылся
В своей надзвездной красоте;
Едва вверяяся мечте,
Адам взглянул — и пробудился!..

L

Увы! давно на свете нет
Святых восторгов без печали:
В ужасном море зла и бед
Мы их безумно затеряли!
Нам не постигнуть их теперь
Своими грешными мечтами —
Мы, как гранитными горами,
Грехом закрыли к счастью дверь.
Для нас, среди вседневной муки
От колыбелей до гробов,
Навек погибла тайна слов
И те торжественные звуки,
Которыми в земном раю
Адам излил любовь свою;
Но в лоне счастия и мира,
В те дни, душа его была
Так упоительна светла,
Как блеск лазоревый зефира,
Восторг небесный, как ручей,
В его груди заволновался,
И долго, не сводя очей,
Он чем-то дивным любовался...

LI

В привете радости немой
Свои объятья раскрывая,
Пред ним стояла дева рая,
Блестя священной наготой.
И все, что небесам родное,
Едва доступное мечте,
В невыразимой красоте
Слилось в лицо ее младое;
В тени ресниц, лазурь очей,
Как светлый рай любви, сияла,
И непонятно отражала
Душа свое блаженство в ней.
Нежнее розы и лилеи,
Свежей зари была она,
И шелку мягкого волна
Ей оттеняла мрамор шеи;
На роскоши ее грудей
Восторги сладко засыпали,
И сладостней цветов полей
Ее уста благоухали;
Прекрасный неги идеал
Был отражен в ее улыбке,
И стан ее, как стебель гибкий,
Невольно взоры ослеплял;
В ней жизнь небесная светлела,
И мнилось, будто с высоты
Она в Эдем, как дух, слетела;
Венцом возможной красоты!..

LII

Адам недвижными очами
Взирал на Евву в забытьи,
И вдруг потом уста свои
Он в неге слил с ее устами...

О, как отрадно сладок он —
Сей поцелуй любви и счастья!
В нем нет земного сладострастья,
Он небесами освящен;
И в ту минуту умиленья
Они безмолвно вознесли
Свое горячее моленье
Высоко от лица земли.

LIII

Под ароматными ветвями,
Развитыми густым шатром,
Невыразимыми словами
Они беседуют вдвоем.
И все, что в тайнах сотворенья
За гордость недоступно нам,
Все познавал тогда Адам
В своем младенческом смиренье:
Причины действий, цель, закон
Постиг он чистою душою,
И пред супругой молодою
Все открывал в восторге он...
Светлее солнца в небе ясном
И выше звезд в тиши ночной,
Его все помыслы рекой
Текли в согласии прекрасном.
Он говорил о Боге ей
В забытых, тайных выраженьях —
И нежный пух ее грудей
Дышал волнами наслажденья;
Доступный небо постигать,
Он говорил о том селенье,
Где самый воздух — упоенье,
Где пища — Божья благодать;
Где беспредельность крепко в своды
Рука всемощная слила,
Отколе вечность излила
Свои стремительные воды;

Он говорил, как в той стране
Живут бессмертные созданья,
Как Богу песнь поют оне
На пиршестве очарованья;
Он говорил о тьме миров,
О непреложном их теченье,
И как могучим звуком Слов
Весь мир связало Провиденье...

И речь его тогда текла
Блестящей лавою стекла;
Как вешний день, она светлела,
И вдохновения огнем
В порыве быстром и святом
Одушевлялась и кипела...
Своей восторженной душой
Она словам его внимала,
И тихо нежною рукой
Супруга с лаской обвивала...

LIV

Заря бледнела; светлый день
Не отражался в глыбь потока,
И темной дымкою с востока
По небу расстилалась тень;
Все облекалось тишиною:
Веселья жизни шумный гул
Смолкал, редел и над землею
Незамечаемо уснул.
Вот наших праотцев моленье
Взлетело к выси голубой —
И ослепительной звездой
На них сошло благословенье.
Вот на устах исчезнул пыл
И слов любви, и слов прощанья:
Их сладкой негой угасил
Восторг невинного лобзанья...

Вдали ветвистый виден свод:
Там ложе тайн и наслажденья,
И кроткий дух успокоенья
Счастливцев рая стережет...

Глава VIII

Радуйтеся праведнии о Господе.
Давид.

Темже паче, братие, потщитеся известно
ваше звание и избрание творити:
сия бо творящее, не имате согрешити
никогда же. Сице бо обильно переподастся
вам вход в вечное царство Господа нашего...
Апостол Петр.

Седьмой день

LV

Приникнув вместе к изголовью,
Они на ложе листовом
Покоятся волшебным сном,
Обнявшись с ангельской любовью...
Прелестны счастия мечты!
— То ангелы, сплетясь роями,
Уносят их на высоты
Путем усыпанным цветами:
Там так отрадно дышит грудь,
Там плещут волны наслажденья,
И сердце, в сладостном забвенье,
В том море хочет утонуть!..
То вдруг душевными очами
Они, безмолвствуя, глядят,
Как бездны жизнию кипят
И Кто-то двигает мирами:
Там с быстротой летит вдали
Едва приметный шар земли;
Туда зовет души желанье,
Туда с высот летят оне,
Сливаясь в чистое лобзанье,
В привет родимой стороне.
Они уж там ... Заря вставала,
И сквозь зеленый занавес
Лучами радости с небес
Она счастливцев осыпала;
И было слышно, как сердца,
Волнуя груди, в неге бились,
И как в молитве возносились
Они к обители Творца...

LVI

Но Тот, Кто мощными Словами
Извлек из мрака бытие —
Он заслонил от нас мирами
Навек сияние Свое;
Под Ним, завещанной чредою,
Все, чем украшен неба свод,
Дорогой жизни вековою
По беспредельности течет;
В бесперерывном измененье
Все силы действуют в творенье,
И смерть не тронет их рукой
Без Воли мудрой и святой...
Свою безмерную державу
Он в день седьмой благословил,
И Сам в Себе Он опочил,
И пели духи Бога славу!..

LVII

Когда, и где, и кто создал
В минуты радости беспечной
Понятный, верный идеал
Блаженства чистоты сердечной?..
Как ни высок он от земли —
Светлей и выше есть ступени,
И наших бед густые тени
На нем печально налегли;
Везде, на всем печать паденья;
И кто выслушивал из нас,
Не зная зависти томленья,
О счастье ближнего рассказ?..
Любовь?.. И в ней как много скуки,
Как много слез, тоски и зла,
И чувственность на лоно муки

В замену благ нас привела;
Теперь любви одно названье,
Как цвет засохший, сберегли,
Теперь мы ею облекли
Страстей кипящие желанья.
Зато врагам как жадно мы
Готовим цепи, стыд и гробы;
В нас неотступный демон злобы
Волнует падшие умы:
Он обольстит коварно взглядом,
Он, как змея, вопьется в грудь
И знойно в ней задышит адом:
Ах, страшно в душу заглянуть!
Мы разроднились с небесами,
И сочтено немного дней,
Как было сердце у людей —
Алмаз, упитанный лучами...

LVIII

Свята, невинна и светла
Жизнь наших праотцов была:
С пороками к кровавой битве
Их злобно рок не вызывал,
И новый день их пробуждал
К веселью, счастью и молитве...
К молитве!.. Но тогда она
Не жадных просьб была полна,
Не над врагом земли победой,
И не страдальчества венцом;
Но благодарною беседой
Детей с Создателем-Отцом.
Тогда они еще не знали,
Как грустно время торопить,
Чтоб бесконечный день печали
Бессонной ночью заменить;
Им были сладки все мгновенья,
Им было радостно в тиши
Роскошно черпать из души
Своих восторгов впечатленья.
Порой, по золоту лучей,
Скользя и небом навевая,
В прекрасную обитель рая
Слетала к ним толпа гостей:
Тогда их дружеские речи
Будили лоно тишины,
И, будто праздник, были встречи
Гостей с надзвездной вышины.

LIX

Так в неге счастья исчезали
Душе пленительные дни,
И жизнь восторгами они
Как бы цветами осыпали.
Так будут протекать для них
Незамечаемые годы
В кругу трех гениев святых:
Любви, невинности, свободы!..
Храня Отеческий завет,
Они не растравят пороком
В самозабвении жестоком
Неисцелимой язвы бед;
Прекрасно увенчает слава
Венком бессмертья их дела,
И не замучит их кроваво
Ни яд тоски, ни тягость зла...

Тоска и зло... Какие звуки!..
Как будто сердце кто сдавил
И зверски ледяные руки
На свежих ранах наложил!..
Ах! неужель настанет время,
Минута гибели пробьет —
И ада тягостное бремя
Счастливцев рая загнетет?
Ужель еще им счастья мало?
Чего еще желать душой? —
Но на грядущем мрак густой
Лежит, как тайны покрывало...

Эпилог

Бог... содержащий в себе начало, средину и конец
всех вещей, шествует прямо и проникает вселенную;
ему всегда сопутствует правосудие, мститель
за нарушение Божественного закона.
Платон.

Бог же богат сый в милости... Да явит в вецех
грядущих презелное богатство благодати своея
благостынею на нас о Христе Иисусе.
Апостол Павел.

LX

Однажды... Страшно вспомянуть!
И давит грусть, и сердцу больно,
И жжет его тоска невольно,
И груди не дает вздохнуть...

Дышали свежестью поляны;
Светало; золотел восток;
Вот горный засиял поток;
Вот ветр заколыхал туманы;
Хвалебный гимн Творцу служа,
Запели птицы в рощах рая,
То с негой звуки изливая,
То резвой трелью дребезжа.
Цветы, благоуханьем вея,
Раскрыли пышные красы —
И пали капли в них росы,
Их бархат радужный лелея.
Как тьма сомненья, ночи тень
Между ущельями редела,
Лазурь прозрачнее светлела,
И роковой зажегся день...

LXI

Прекрасным, золотистым шаром
Горело солнце в высотах
И, рассыпаяся в лучах,
Всю землю обливало жаром...
Как серна легкая скача,
Огнем невинности пылая,
Бежала Евва молодая

К волнам прохладного ключа;
Она уж там — и нега пены
С любовью ей лобзает члены,
Скользя по телу серебром;
То обвиваясь вкруг шеи,
Ее грудей свежит лилеи;
То в брызги светлые потом
Дробясь в прибрежные граниты,
К ней на чело и на ланиты
Алмазным надает венцом...
Вот из счастливого кристалла,
Где так роскошно утопала,
Обновлена, оживлена,
На мягкий луг идет она;
Вот ароматными устами
Обвеял ветр ее красы,
И светлорусые власы
Опять рассыпались кудрями;
Вот на цветистый холм взошла
С младенческим весельем Евва,
И вот стоит она у древа
Познания добра и зла...

LXII

О! где ты, красота Востока?
Куда завел тебя твой рок?
Где ты, невинности цветок,
Стоишь беспечно-одинока?
Не медли Евва и беги;
Спеши упасть на грудь супруга:
Там ты найдешь участье друга —
Здесь сторожат тебя враги.
Ты вспомни Божии заветы,
Ты вспомни счастие любви —
И мук на сердце не зови,
И сохрани свои обеты.
Помысли о душе своей,
Помысли о Небесном гневе!
Не в роковом ли этом древе
Судьба твоя, судьба людей?
Беги и бойся новой встречи!..
Но мрамором стоит она,
Нема, безжизненна, бледна,
И внемлет шепот адской речи...

LXIII

Дай неге счастия цвести!
Еще не скрыта к ней дорога;
Еще ты вымолишь у Бога
Тебя отечески спасти!..
Твое дыханье замирает,
Тревожно помыслы кипят,
И с дерева могильный яд
Тебя то жжет, то охлаждает;
Лазурь очей твоих тускла,
И неужель в пылу волненья
Не узнаешь ты приближенья
Твоей погибели и зла?
Взгляни: предтечею изгнанья,
Греха, и смерти, и страстей
К душе тоскующей твоей
Уже идет гроза страданья...
Еще видна за ней вдали
Надежда мира с небесами,
Молись и горькими слезами
Облей в смиренье прах земли.
С Эдемом вспомни ты разлуку,
Не подвергай себя стыду —
Но вот уже она к плоду
Безумно протянула руку...

LXIV

Еще коварнее была,
Еще хитрее лесть и злоба —
И плод, открывший двери гроба,
В забвенье Евва сорвала...

Пожар в груди ее пылает,
Рука горит, рука в огне,
И Кто-то сладко в вышине
Ее к спасенью призывает;
Но Глас Небес невнятен ей,
Она душой уже упала
И неподвижно приковала
К плоду смущенный взгляд очей.
Ее так злобно мучит совесть;
Но ей не страшен призрак зла,
Она уж к пропасти пришла...
Постой!.. узнай несчастья повесть.

LXV

Не в радость у груди твоей
Взлелеются тобою дети,
На них сама ты взбросишь сети
Тебе неведомых страстей.
Что день — то новая утрата;
Что день — то горесть и беда,
И в адской зависти тогда
Восстанет злобно брат на брата:
Он страшно руку занесет —
И череп друга брызнет кровью,
И сына кроткого с любовью
Твое объятье не сожмет.
Раскаянья и грусти слезы
Все сердце у тебя прожгут,
И сны тирански привлекут
К тебе чудовищные грезы:
Невозвратимые, в былом
Навек минуты счастья канут;
Тебя мечты твои обманут;
Ты вся покроешься стыдом;
Ты сыновьям свои пороки
Привьешь, как смертоносный яд,
И над тобою прогремят
Потомства горькие упреки;
В трудах оно кровавый пот
На пищу скудную уронит,
И, проклиная жизнь, застонет
От муки, скорби и забот;
Междуусобия и брани
Ужасный факел свой зажгут,
И жадно демоны пожнут

По всей земле разврата дани;
Закон природы упадет;
Возненавидит ближний друга;
И счастие людей замрет
Во тьме душевного недуга;
Неверья, буйства знамена
В толпе безумцев разовьются,
И чувств священных имена
Лишь на позор передадутся;
Глубоко землю раздерут
В своей алчбе безмерной люди,
В них месть и злость взволнует груди:
Они и цепь, и меч скуют
И, не боясь казни неба,
Заищут крови, будто хлеба...

И будет все — твоей виной,
Твоими смертными грехами;
Ты не спасешься ни слезами,
Ни мукой сердца, ни мольбой...
Постой!... послушай глас знакомый:
Тебя давно супруг зовет...
Но ты вкусила страшный плод —
И грянули на небе громы!..

LXVI

Как будто лань, летит она,
И следом тень — для ней страшна.
Напрасно Евва убегала:
Мучитель злой на сердце был,
И вдруг, в изнеможенье сил,
Она как мертвая упала...
Прошли минуты... Кто-то в ней
Все мысли мукой отправляет
И хладнокровно, как злодей,
Ее и будит, и терзает:
И вот встают в ее уме,
Как тени мира гробового,
Как злые призраки во тьме,
Воспоминания былого...
То светлый рай, то страшный ад,
Пред ней таинственно горят;
То вдруг мелькнет вдали звездою
Супруга кроткое лицо;
То зашипит над головою
Змея, свернувшися в кольцо;
То гроб со звонкими костями
Какой-то демон принесет,
И в гробе том заветный плод
Лежит, увлаженный слезами,
Объята ужасом немым,
Она бежать далеко хочет —
И вдруг по лесу смехом злым
Над нею кто-то захохочет...
Дрожа, как лист, открыла взор;
Она едва от страха дышит,
И шумно ветр леса колышет,
И шепчет тягостный укор.
Вот на себя она уныло
Очами скорбными глядит —
И видит: в наготу и стыд
Ее грехом разоблачило...
Погибли счастье и любовь!
Невозвратимо все пропало!
И вот еще взглянула вновь —
И горько, горько зарыдала!..
Но искуситель-враг не спит,
Ее он чутко сторожит:
Он хочет новую победу
Над счастьем мира одержать;
Порок заманчив — и опять
Она заводит с ним беседу...

LXVII

Сначала были ей страшны
Совет и замысл сатаны...
Как обольстить коварно друга?
Как на душе обман скрывать,
Прийти, с любовию лобзать —
И умертвить потом супруга?..
Но беспомощной и одной
Всегда страдать в степи земной,
Сосчитывать бедами лета,
Искать убежища в тиши
И не дождаться для души
Ни состраданья, ни ответа;
Не знать, с кем горе разделить
Мольбой, беседой и советом,
Чтобы смирения обетом
Блаженство снова испросить,
И, наконец, под сумрак гроба
Без всех надежд навек сойти...
— «Нет! столько зла нельзя снести:
«Погибла я — погибнем оба!».

LXVIII

Душе простой опасна лесть:
Как ею многие убиты!
Страшны врага и гнев, и месть;
Еще страшней кинжал сокрытый;
Ужасен с ядом кубок тот,
Который с ласкою участья
В минуты нашего несчастья
Нам друг-изменник подает;
Но если женскими устами
Заговорит коварный ад,
Тогда нигде под небесами
Спасенья звезды не горят!..
Склонившись в неге к изголовью,
Блистая красотой своей,
Она бесчувственность очей
Зажжет поддельною любовью;
Ты припадешь на грудь ее —
Она вся дышит сладострастьем:
Там сердце райски полно счастьем,
Там пир земного бытия...
А как она, простерши руки,
Тебя ласкает и потом
Лилейным обовьет венком?
А слов пленительные звуки?
(Как усыпительно-сладка
Той речи пламенной река!)

А эти слезы и рыданья
И чудной жажды пыл в крови?
И продолжительность лобзанья
В самозабвении любви?..
Тогда цепями обольщенья
Нас окует слепая страсть,
И на пороге наслажденья
Нам трудно в бездну не упасть!..

LXIX

Так очарован, без возврата
Погиб наш праотец святой,
И ряд потомков за собой
Опутал он сетьми разврата.
Еще и ныне страшно нам
Будить в душе воспоминанья,
Как в злополучный миг изгнанья
Страдал развенчанный Адам;
Еще нам тягостно и ныне,
В полете пламенной мечты,
Сравнить Эдема красоты
И жизнь печальную в пустыне:
Как строгой казни не боясь,
В безумье духом мы упали
И заблужденьем разорвали
С блаженством Неба нашу связь;
Как счастье — горем заменили,
Как Богом — волю мы почли,
И зорко к суетам земли
Все наши думы устремили;
Но жить, блаженствовать в раю,
Узреть очами Провиденье
И душу светлую свою
Продать за грех самозабвенья,
Чтоб после, под бичами зла,
Истаевать в сердечной муке,
И век, в раскаянье и скуке,
Печально взвешивать дела...
Нет! — эта мысль томит и давит,
Гнетет, как чуждое ярмо,
И, как прожженное клеймо,
Людей позорит и бесславит!..

LXX

Ах! неужель навеки нам
Дорога скрыта к небесам?
Ужель, с томительной боязнью
Входя в таинственность гробов, —
И там застонем мы под казнью
Грехопадения отцов?
Ужели все сгубила Евва,
И за могильным рубежем
Ужасный скрежет мы найдем? —
— Но вот для нас святое древо
Неразрушимого Креста
Горит звездою примиренья,
И вечно, каплями спасенья,
С него струится кровь *Христа*!..

О братья! Вместе на колена
Пред Тем, Кто мукою Своей
Извлек отечески людей
Навек из тягостного плена!
Затеплим святостью сердца,
Увлажим души мы слезами
И благодарными мольбами
Испросим милость у *Отца*;
Пусть *Дух* бессмертный Провиденья
Нам будет кормчий в море бед,
И Небу вновь дадим обет:
Любви, и *Веры*, и *Смиренья*!..

Примечания

«Мироздание. Опыт духовного стихотворения», М., 1832. <...> «Мироздание. Стихотворение», СПб., 1837 (изд. 2). <...> В этом издании имеются небольшие текстовые изменения (преимущественно в названиях глав) и отсутствует стихотворное посвящение под загл. «Ему». В 3-м, посмертном издании (СПб., 1867) в виде приложения были напечатаны стихотворения «Кто ты, господи?» и «Исповедь» (отрывки из поэмы «Альма»); эпилог поэмы был напечатан с пропуском с. 29—37, вероятно цензурного происхождения; в некоторых местах текста появились разночтения, характер которых не нарушает норм авторского стиля. Не исключено, что в основу 3-го изд. был положен экземпляр поэмы с поправками Соколовского. Сочувственные рецензии на «Мироздание» появились в «Телескопе», 1832, №13, с. 108—115 (автор, видимо, Л.А. Якубович) и «Северной пчеле», 1833, 10 марта, с. 217—219 (подпись: Б. Ф. — может быть, Б. Федоров). Скептически прозвучал отзыв Н.А. Полевого в «Московском телеграфе», 1832, № 23, с. 397. Второе изд. поэмы было встречено похвалами Ф.А. Кони в «Северной пчеле», 1837, 19 июня, с. 557—560. Главы 2—8 «Мироздания» и эпилог представляют собой свободное переложение в стихи первой книги Ветхого завета «Бытие».

Из гл. 1. «Довременность». *Егова* — священное имя Бога в Ветхом завете. Из гл. 7. «День шестый». *Саваоф* — имя Бога в Библии.

В.С. Киселев-Сергенин

Текст печатается по источнику:

Соколовский В.И. Мироздание. Опыт духовного стихотворения. — М.: В типографии Августа Семена при Императорской медико-хирургической академии, 1832.

Примечания: Библиотека поэта. Поэты 1820—1830-х годов. — Л.: Советский писатель, 1972. — Том 2. — С. 721—725.

ХЕВЕРЬ. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Действующие

Ахшверус, царь персов и мидян.
Хеверь, молодая еврейка, дочь Аминадаба, невеста царя и потом его супруга.
Дедан, царский друг и верховный сатрап.
Асадай, родственник и воспитатель Хевери, происходящий с нею из одного колена, известный под именем ее отца.
Рафим, молодой сатрап.
Гофам, хранитель жен.
Дельфон, старший евнух царицы.
Сатрапы Ахшверуса, персидские и мидийские военачальники, евнухи царя и евнухи царицы, почетные стражи царские, воины-телохранители, мусикийцы и мусикиянки, кравчие и кравчия, рабы и рабыни царя, и наконец: семь рабынь царицы.

Действие происходит в столице Персии.
Содержание поэмы изобретено подражательно.

Часть первая. Болезни и здоровье

Небольшой царский чертог… На каждой стороне дверь: справа — к царице, слева — в ее сады, прямо — в другие комнаты дворца… Впереди, близ садовой двери — стол, покрытый золотым тканьем; на нем венец и багряница под прозрачным покрывалом… Вокруг стен несколько широких седалищ, украшенные дорогими египетскими коврами.

Явление I

Дедан.

(Входя в сильном волнении)

Ужасный день!….. Жестокие страданья
От бешенства, досады и тоски
Меня казнят, как острые клинки!
Я весь изныл в истоме ожиданья,
Весь изнемог, — и только видит взор
В минувшем — стыд, и в будущем — позор!…

(Садится и после минутного размышления говорит печально):

Сегодня год…. Как помню я былое!…
Все сочтено!… Вся цепь тяжелых дней
Лежит на мне громадою камней,
И сдавлен я, — а увлеченье злое
По-прежнему, как тень моя, со мной!
Оно в груди расслабшей и больной
Вскрутило вихрь погибельной тревоги,
Над головой надвинуло беду, —
И та гремит, и я напрасно жду
Конца грозы, напрасно жду помоги:
Мне нет ее под этой страшной тьмой!….
Да, вот каков печальный жребий мой
С тех самых пор, как я Хеверь увидел!…
Хеверь, Хеверь!….. О если б в оный миг
Все следствия отчетно я постиг,
И деву ту в душе возненавидел
Или презрел, как жалкую рабу, —
Тогда б мою блестящую судьбу
Невзгоды зла собой не замрачали,
И на моем торжественном пути
Тогда б ко мне не смели подойти
Ни горести, ни знойные печали;
Но в слепоте, в горячности, в пылу,
Я пал пред ней — и утонул во мглу!….

(Пауза.)

Еще тогда еврейка молодая
Царевою невестой не была,
И светлая, она в чертог вошла,
Своей судьбы смиренно ожидая…..
В тот самый день со всех концов земли
Избранницы младые притекли
Для выбора в супруги властелина, —
И запестрел пространный царский дом,
Как облачась узорчатым ковром
Пестреется широкая долина;
Но чем была краса долины той
Пред ясною, волшебной красотой,
Пред свежестью Хевери ненаглядной? —
Вокруг ее все девы перед ней —
Как тусклый ряд полуночных теней,
Она одна в изящности нарядной
Пленительных, врожденных ей даров —
Как дева ласк, веселья и пиров!….

(Воспламеняясь восторгом,)

Нет! никогда, нигде до тех мгновений
Не видел я подобного цветка
Среди красот живого цветника,
Растущего для жарких наслаждений,
Вкушаемых в прохладной тишине!….
Нет! никогда и ни в какой стране
Я не встречал, чтобы в одно созданье
Так много бы сливалося красот!….
Уста — как пыль, слова ее — как сот,
Огнистый взгляд — заманчив, как желанье,

И вся сама: как лилия — стройна,
Свежа — как сад, как облако — пышна,
И так дыша, как дивно дышит Саба[1],
Она собой, чудесная она,
Как лето — жжет и нежит — как весна:
Вот какова та дочь Аминадаба!....
(Приостановясь,)
Я посмотрел — и впал в забытие,
Но слышал я, что существо мое
Потрясено каким-то вдруг ударом,
Которого дотоле я не знал;
Потом еще.... Я весь затрепетал —
И загорел желания пожаром!.....
Дух занялся!... Сквозь резкий, шумный гул
Услышал я, как демон мне шепнул
Какое-то ужасное сказанье
О ревности, о злобе, о любви,
И мне сдалось, что погрузясь в крови,
Я дерзостно предал на поруганье
Свой долг и честь, роптавшие во мне,
И весь горя в порывистом огне,
Вступил на путь измены и порока,
Чтоб сбить мне тех противников моих,
И вот стремглав я бросился на них,
И ту борьбу, вскипевшую жестоко,
Они вели упорливо со мной;
Но я их взял и окрутил десной,
Потом скрепясь, их стиснул и другою,
Потом налег — и свергнул наконец,
И стал давить, как давит муж борец,
Когда в пылу и в гневе он ногою
Упрется в грудь упавшего врага —
И ломит грудь могучая нога!....
(Пауза.)
Так мне сдалось — и так на деле было:
И не смотря, что в дикой той борьбе
Я чувствовал терзания в себе,
И не смотря, что сердце жглось и ныло.
Я ополчась незыблемостью сил,
Всю боль — презрел, и все сомненья — сбил!...
Свершив одно, я взялся за другое:
Я к хитростям широко отпер дверь,
Чтоб чрез нее достать бы мне Хеверь —
И взять себе то перло дорогое;
И вот вскипя мышлением своим,
Я как ножом прорезывался им
Сквозь мрачные громады затруднений,
И в деле том казалось был хорош
Тех замыслов раздольно-острый нож,
Тот злой клинок лукавых исполнений,
Которым здесь владеет человек...
Потом я счел, что горы я рассек,
Что все они пред силой великана
Шатнулися — и рухнули к ногам,
И что тогда наградою трудам
Была Хеверь в объятиях Дедана!...
(Небольшая пауза.)
Взволнованный столь светлою мечтой,
Я чтоб достичь отрадной цели той —
С ее отцом вести решился дело,
И наперед, желав его увлечь,
О почестях искусно начал речь,
А наконец доверчиво и смело
Сказал ему, что нужно для меня;
Но он стоял гигантом из кремня,
И все мои старания живые,
Вся речь моя, все просьбы, как валы,
Отбрызнулись от крепкой той скалы,
И я, узнав презрение впервые,
Сошел бы в гроб, но бешенство и зло
(Указывая на сердце,)
Вскипело здесь — и это жизнь спасло!...
Я собрал сил: запасы их достали,
Чтоб затая стремительный свой гнев —
Придти в чертог желанно-юных дев,
Которые смиренно ожидали
Своей судьбы в покорности слепой....
За этим вслед пред светлой их толпой
Явился царь... Несытым, жадным взором
Окинул он блестящий сонм красот,
И выбрал вдруг, и быстрый выбор тот
Был для меня смертельным приговором....
Толпа ушла — и вот хранитель жен,
Рабынями невесты окружен
Повел Хеверь в чертог приготовлений[2],
И слышал я, как из души моей
Рвалось, текло, стремилося за ней
Все то, что здесь для пылких упоений,
Для радостей, для счастья нужно нам,
И стал я весь — пристанище бедам,
И те пошли, широкие дороги
В моей душе насильно проложа,
И был их след — как след от грабежа,
И в оный миг я вас отвергнул, боги,
И дав разгул проклятия речам,
Я от земли их бросил к высотам!...
(Пауза.)
С тех пор уж год.... Обычные обряды
Совершены над девой молодой.....
Сегодня срок..... О злобный демон мой,
Хоть день один, хоть миг один отрады,
Хоть воздуха — я не могу дышать!
Отчаянье взошло в меня, как тать —
И режет грудь, и зверски сердце роя
Тревогою как ралом из огня,
Оно берет у бедного меня
Весь мой запас несчастного покоя:
Покоя быть черствелым и уметь
До крепости железной затвердеть;
Оно берет — и силою проклятой
Враждебных мне невидимых Властей
Все из души растерзанной моей
Исторгнуто, и вырвано, и взято,
И без опор я в поле бытия
Стою один — и плачу, плачу я.....
(Приходит в изнеможение..... потом вставая
и стараясь окрепнуть духом.)
Дедан!... стыдись!... стыдись, Дедан, печали,
Стыдися слез!.... Не муж ли браней ты?....
Тебе ли пасть пред силой красоты,
Чтоб и враги твой стыд бы замечали?
Чтоб видя то, как ты упал душой,

Искатели презрительной толпой
Осмелились и лестью, и обманом
Вползти сюда, в державный царский дом,
И укрепясь пронырствами потом,
Дерзнули бы смеяться над Деданом,
И наконец, чтоб смели бы они,
Забыв твои блистательные дни,
И светлые, торжественные связи,
И эту власть, и дружество с царем,
В неистовом стремлении своем
Тебя сломить и затереть до грязи!…
Кого?… тебя?… Ты слышишь эту весть:
Подсечь, сломить, низвергнуть, сбросить, свесть,
Предать в позор и кинуть к униженью?
И ты ль, Дедан, и ты ли муж борьбы,
Склоня хребет пред бешенством судьбы,
Обидному такому посрамленью
Заплатишь сам постыдливую дань?…
Возвысься же, и гордо, крепко стань,
Поставь ты всех далеко под собою,
И угася свой страстный пыл в крови —
Ты всю толпу скорее раздави,
Чем быть тебе раздавленным толпою!…
Так!… решено! — Меч вынут из ножон!…
Я был досель туманом окружен,
И все еще чего-то ждал безумный, —
Теперь мой день!… Настал, ударил срок!…
О мщение!… разлейся как поток
Губительный, и яростный, и шумный,
И на своем стремительном пути
Враждебных мне разрушь и поглоти!…

(Приходя постепенно в исступление,)

Ликуйте ж вы, о демонские силы!…
Удар навис…. низринулся…. свершен:
Иуда пал, Израиль сокрушен!…
Уж вижу я, как роются могилы,
Уж слышно мне, как эта вся страна
Стенаньями враждебников полна….
Так!…. Всех на смерть, всех этих чад проклятья,
Весь этот род губительный и злой —
Весь под мечи, и всех с земли долой!……
В глазах сестер — пускай погибнут братья,
В глазах отцов — погибнут сыновья,
И пусть тогда скорбящие мужья
Над женами убитыми рыдают
И соберут от множества детей
Одни куски расшибенных костей,
И пусть у ног пощады ожидают,
Потом пускай с надеждою встают,
Хотят идти — а их тогда убьют!
И будут мне так сладки те виденья,
Мой светлый пир, ночь брачная моя,
И радостно на трупах лягу я,
Как на одре любви и наслажденья!…
Но для тебя, о Асадай, гордец,
Я сам сплету в убийственный венец
Всю ненависть, все бешенство, всю злобу,
И в оный день, под оною грозой,
Медлительной, ужасною стезей,
За шагом шаг сведу тебя ко гробу!…
Да! я тебя искусно поведу
Сквозь плачь и стон, сквозь горе и беду;
Увидишь ты рабов святого Эля[3]
Заброшенных, как сор бросают в ров;
Гробовый мрак — вот будет их покров,
А прах и гниль — вот будет их постеля!…
Ты всмотришься — и ты увидишь их,
Растерзанных, изломанных, нагих,
Еще в борьбе и с болью, и с мученьем,
И знаю я: не отойдешь ты прочь,
Но в ужасе, в бессилии помочь,
Ты лишь одним сердечным потрясеньем
Да судоргой неровно-бьющих жил
Сочтешь тела и длинный ряд могил!
Услышишь ты, как стоны их редея
Предсмертностью вздохнут под вышиной,
И как потом последний звук родной
Замрет в груди последнего еврея!
Узнаешь ты под сединой своей
Все образы возможные смертей,
Все виды ран, и чувством состраданья
Так слышимо ты перетерпишь их
Во глубине скорбящих недр своих, —
И вот когда последние лобзанья
Тебе дадут враждебные мечи,
Посыпавшись, как сыплются лучи!
Твой труп чума тлетворная источит,
А вихрь степей развеет смрадный прах,
И в оный день утешится твой враг,
И в счастии так сладко захохочет!…

(Смеется диким смехом ожесточения.)

Явление II

Дедан и Дельфон.

Дельфон.

Прости, Дедан!…. Быть может мой приход
Прервал в тебе торжественный полет
Блестящих дум и ясных помышлений,
Которыми светлеет разум твой
Для общих польз и славы вековой:
Но раб твоих высоких повелений,
Я их свершал, как царственный закон…

Дедан.

(Прерывая его,)

Благодарю, благодарю, Дельфон!…

(После минутного соображения,)

Ты прав!…. Мечты обширные кипели
Вот здесь, в груди, в сердечной глубине, —
И сильные, могучие, оне
Едва родясь, — пошли из колыбели,
И чудно, друг, те знойные мечты
В грядущие события свиты…
Мой ум во мне не знал теперь дремоты:
Он бодрствовал, подвигшися за честь,
И научал, как мне с иными свесть
Прошедшие, но памятные счеты;
И твердо тот я изучил урок;
И платежа неотразимый срок

Уже идет и скоро он настанет,
И дерзкие уведают тогда,
Что если здесь, во мне вскипит беда,
То бедствие на целый мир отгрянет,
И кто со мной бороться зажелал,
Тот на себя приподнял сам кинжал,
Накликал смерть, и пролил яд позора,
И выпьет он отраву ту до дна!.....
Ты изумлен?
Дельфон.
Да, эта речь темна!....

Дедан.
Темна теперь, но уяснится скоро,
Проявится разливом огневым,
И над землей со стуком громовым
Падет она погибельной бедою!.....
Повременим: суд будет совершен.....
(Приостановясь,)
Но где Гофам?
Дельфон.
Уже собрался он
Идти сюда с царицей молодою,
Чтобы ее рабыни облекли
Как спутницу властителя земли.....

Дедан.
Кого?.... Хеверь? — Да! время уж призвало
Пору любви..... Она, как день, взойдет,
И быстро так с Хевери упадет
Заветное девичье покрывало,
И в царственный наряд облечена
Так весело восторгнется она,
Когда везде запразднует Иуда,
И перед ней родной ее народ
О счастии Мицморы[4] запоет!.....
Но уж идут..... Пойдем скорей отсюда...

Явление III

Хеверь и Гофам.
(Голова и лицо Хевери закинуты черным покрывалом, вышитым золотом.)

Гофам.
Вот здесь, Хеверь, вот здесь чертоги те,
Где в радостной, блестящей красоте,
Ты, светлая, любимая судьбою,
И роскошно богатая умом,
Должна цвести и украшать сей дом:
Взойди ж в него ты утренней звездою
И для очей властителя царя
Вся запылай, как вешняя заря!....
Ты привлекла владыку сей державы, —
И в этот день тебе предложит он
Свои страны, народы, скиптр и трон,
И свой венец, и власть, и песни славы,
И это все, чем в пышности своей
Блестит удел увенчанных царей —
Все упадет перед тобою ныне,
Как водопад, исполненный красот,
Стремительно бросается с высот,
Чтобы играть струями по долине,
И лентой став чудесною на ней
Алмазисто-лазуревых камней.
И ни красы, ни блеска не теряя,
Долину ту он влагой вод живит —
И та цветно красуется на вид,
Отрадное дыханье испаряя.....
Так будет все с тобою в этот день:
Твоей былой, безвестной жизни тень
Осветится величья водопадом;
Он бросится в объятия, как друг —
И шелковый, но скромный прежний луг
Весь оживет и разрастется садом,
И станешь ты средь жизненных полей
Все с каждым днем свежеться веселей,
Могучего владыку восторгая;
Но верю я, что царственная ты
И посреди престольной высоты
Окажешь нам, владычица благая,
Как ты щедрот и милостей полна...

Хеверь.
Я с памятью глубокой рождена:
Она во мне — как теплое сиянье
В душистую восходную пору, —
И знай, Гофам, что я верна добру,
И за него мне сладко воздаянье...
Не ты ль всегда приветлив был со мной,
Как с дочерью любимой и родной!
Не ты ль один в тиши уединенья
Так искренно, так ревностно хотел,
Чтоб для меня незримо пролетел
Весь грустный год поры приготовленья?
Не ты ль желал и не старался ль ты,
Чтоб всюду мне взрастали бы цветы
Благих отрад, и я бы их срывала,
И развлеклась, и, наконец, могла
В спокойствии быть мирно весела,
И сердцем бы все меньше тосковала
О времени минувшем золотом,
О днях былых, — и мне ль забыть о том? —
Нет, старец мой, Хеверь ценить умеет
Усердье, труд и чистоту сердец —
И никогда мой царственный венец
Под пятнами стыда не затускнеет!

Гофам.
Теперь мои надеянья со мной,
И может быть, покрытый сединой,
Угасну я, как гаснет вечер ясный
За скатом гор в незыблемой тиши,
И до гробов с веселием души
Последний путь свершу я безопасно?
Всегда равно благословляя в ней
Виновницу моих покойных дней.....
Но срок настал..... Твои рабыни-девы
Уж собрались и ждут меня теперь,
Чтоб в твой чертог, прекрасная Хеверь,
Вносить к тебе сокровища царевы:
Украсься ты в те щедрые дары,

И засветлей, как царские пиры
Светлеются и серебром и златом,
И появись для радости очей
В живой игре пленительных лучей,
В разливе искр блистательно-богатом,
И как в венце их радужных огней
От жемчуга, биссона и камней,
Чтоб сильный царь, на облик твой взирая,
И на красы внимательно смотря,
Весь пламенел, а сердце у царя,
Стуча в груди, и эту грудь вздымая
Волнением разлившимся в крови —
Все таяло от неги и любви!.....

Явление IV

Хеверь и потом Асадай.

Хеверь.
(Откидывая покрывало, говорит с грустной улыбкой):

Чтоб таяло все от любви и неги!....
Взглянув душой на Божий мир кругом,
Мы разглядим, что в стройном мире том
И дерева стремят свои побеги
К лазурности, к небесным высотам;
А человек, предавшийся мечтам,
А человек, в котором Провиденье
Разлило Свой неугасимый свет,
Чтоб в краткий срок наземных здешних лет
Увлечь его в святое восхожденье,
Придав ему, как дивную печать,
Верховный дар святыню отличать
Божественным животворящим чувством, —
Сей человек, родившийся в пыли,
Приникнул весь, прирос к лицу земли,
И с вычурно-безумливым искусством
Губя в грязи наземной жизни срок,
Так полюбил ничтожества звонок!.....
Его слова, пристрастья, помышленья,
И все труды, заботы и дела:
Все это — здесь, где только прах и мгла,
Да грязные конечные влеченья,
И видимо, что он под их бичом
Свой тщетный труд поставил ни на чем!...
Гофам пример.... Чем речь его цветная
Не убрана?.... И блеск, и власть, и честь,
Все в шумных тех потоках слова есть,
И светлый трон, и слава вся земная,
Столь радостно-желанная для них,
Все, все там есть, — и нет Небес одних!...
Да!.... Как дитя сей старец утешает:
Слова гремят, а сущность — звук пустой;
Он не знаком с надзвездной красотой,
И вечного величья он не знает.....
Затерянный в тумане дум плотских,
Он говорит о почестях мирских,
Как будто бы о царственности Бога,
И ослепясь, он суетно возмнил,
Что на земле дорога гордых сил
Есть лучшая до пристани дорога....
Так все они, глотая плоти яд,
И чувствуют, и мыслят, и твердят;
Но можно ли рассеянной душою,
Сквозь этот шум, сквозь этот дикий клич
Смешных сует, расслушать и постичь,
Что это все могучее собою,
Все славное, которое на вид
Так хорошо, заманчиво блестит, —
Все высоко и все священно это,
Но высоко и свято для земли;
А там, где Он, где в радостной дали,
В живых струях безвечерного Света,
Все чистое, все сладкое слито,
Там этот блеск — как жалкое ничто!....
Да!... можно ли в сей горестной тревоге,
В сей бедственной погибели ночной,
Не ведая своей страны родной
И чувствами не радуясь о Боге,
Познать умом, что если в нас душа,
Сама в себе пристрастье заглуша
Ко внешнему, к сокровищам паденья,
И рассмотря земное сиротство,
Вспомянет вдруг небесное родство,
И с быстротой орлиного паренья
К тому родству направит смелый путь,
Чтоб в нем легко восторгами вздохнуть,
И устремить мыслительные беги
К той бездне благ без граней и без дна —
То в оный миг заалчет уж она
Другой любви, другой, высокой неги,
И загорит желанием одним,
Чтоб Вечного вкушать, как матамим[5]!...
Скрученные земными пеленами
И пьяные сикероюб страстей,
Они не зрят из-под своих сетей,
Что Он и в нас, и бодрствует над нами,
И с ласкою, с приветностью родной,
В желанный мир, повитый тишиной,
Упитанный блаженством и отрадой,
Скликает всех, и тихим, сладким звом
Зовет к Себе, чтоб Самому потом
Для каждого быть вечною наградой...
Ночами зла запокрывалив дни,
Не ведают несчастные они,
Как хорошо, с надеждою святою
Душевные объятья растворя,
Идти, спешить на этот зов Царя,
Чтоб завладеть наградой вечной тою;
И в чадной мгле не знают люди те,
Что весь их долг — стремиться к Высоте
Всей силою кипучего желанья,
И там, где свет, и рай, и благодать,
В сосуд души с восторгом почерпать
Струи любви из родника созданья,
Чтоб обновя земное бытие,
Любовью жить и разливать ее!...
Так!.... Вот наш долг, уставленный с начала
От мудрого и вечного Творца,
А старец сей — престол и блеск венца,
Как бедный раб ничтожного Баала[7],
Почел за рай верховно-ценных благ!...
Прекрасен скиптр в державственных руках,
Свята царей властительная сила,

И знаменит их яркий багрянец;
Но если им холодности сердец
Теплом Своим любовь не оросила;
Тогда, как тень — великолепный трон,
Венец — как туск, величие — как сон!....
(После небольшой паузы,)
Итак, мой Бог, теперь передо мною
Величия блестящая стезя,
И скользкая, паденьями грозя,
И вея вся наземностью одною,
Она душе страшна, как переход
По зыбким рвам вскипевших бурно вод....
Она страшна, а Ты, Отец созданья,
Ты слабую возводишь на нее,
Чтобы чрез то плотское бытие
Усовершить в дороге испытанья,
И слышен мне, так внятно слышен мне
Твой разговор, звучащий в вышине:
«Всегда легко быть истинным и правым,
И быть благим везде легко тому,
Кто молится величью Моему
Не языком коварным и лукавым,
Но чувствами, но благородной той
И светлою душевной простотой,
Которая для неба так приятна;
Легко тому, кто в мире чтит Меня
Всей теплотой сердечного огня,
В ком грудь Его святыней ароматна,
Затем, что вся убранная она
Смирения и кротости полна;
Кто падая и восставая снова,
Чтоб угодить надзвездному Царю
Идет к Его святому алтарю
Не с ветошью презренного земного,
Но со снопом тех кротких, добрых дел
Какими он роскошничать умел;
Кто наконец надеждою своею
Живет во Мне и любит глубоко
Меня и всех — тому везде легко!...»
(Приостановясь,)
Так Ты сказал — и я благоговею,
И каждый день, и каждый краткий миг
Хочу ходить в законе слов Твоих!...
Твои суды мне дороги и святы;
Уже ль Тебя я вопрошать дерзну:
Зачем Ты мне назначил вышину
И дал узнать былого счастья траты?
Зачем, мой Бог, Ты властно заменил
Бессилие избытком здешних сил,
Простой удел великолепным саном,
Мой свежий луг, мой мирный прежний дом
Чертогами со златом и сребром
И мягкий лен роскошным аргаманом[8]?
Дерзну ль спросить: зачем Ты вдруг возвел
Свою рабу из праха на престол?
И почему, Владыка самовластный,
Узрев меня, младую сироту,
Одну мою предызбрал красоту?...
О нет, Иаг[9]! Я знаю, не напрасны
Твои пути и помыслы Твои!
Их красоту, святой Адонаи[10],
Как письмена, во мне изображали
Резцом забот с начала дней моих, —
И много так я уместила их
На мягкие душевные скрижали,
Чтобы всегда старательно хранить,
И сберегать, как бисерную нить;
Но я слаба, но мне нужна помога,
И ласково мой Ангел шепчет мне:
«Люби Его, стремися к вышине, —
И щедро все получишь ты от Бога!».
Он шепчет мне — и я перед Тобой
С покорностью, слезами и мольбой.....
(Возводя взоры,)
О мой Отец!... О Царь мой, Иегова[11]!...
О светлая пучина доброты!.....
Взгляни с небес, приникни с высоты
И укрепив для подвига благого,
Храни меня: дорога мне трудна!....
Я в нищете отрадной рождена,
Сиротка я от самой колыбели,
Но Ты, Творец, назначить мне хотел
Блистательный, торжественный удел —
И вот меня, бездомную, призрели....
(Приостановясь несколько,)
Среди лугов и шелковых полей
Я возросла в семье земных лилей:
Их чистота, их благовонья нега,
Пленили так невинную меня, —
И вот в душе вспылало жарче дня
Желание державного Морега[12],
Чтоб тот Морег, как море полный сил,
Ту душу мне властительно развил,
И чтоб она так сладко бы дышала,
Как дышат здесь в прекрасной чистоте
Среди полей семьи цветные те.....
Так зажелав, его искать я стала,
И для души, стремящейся в Сион,
Нашла себе Твой царственный закон;
И вот к нему, далекая сомнений,
Доверчиво в безвестной тишине
Припала я — и он отбрызнул мне
Источники глубоких наставлений,
И задивясь их светлым красотам,
Я бросилась и выкупалась там!....
И вот потом таинственно свежея,
И вся жива, обновлена, чиста,
К закону вновь склонила я уста,
И дивный он, как роскошью элея
Дыша к земным надзвездностью родной,
Поил меня любовью неземной;
И сладок был мне тот поток святыни,
И вся душа, упитанная им,
Перед лицом невидимым Твоим
Затеплилась лучами благостыни,
Которые озолотили мне
Все дни мои в наземной стороне!....
Тогда мой мир я приняла в объятья,
И радости, излитой из добра,
Сказала я: «ты мне моя сестра!»
Восторгам я сказала: «вы мне братья!»
И с той поры, как бы родную мать

Я начала блаженство обнимать!....
Так я жила в смиренно прежней доле;
Но будь и здесь Ты милосерд ко мне:
Не оставляй одну на вышине,
Не позабудь Хевери на престоле!....
Пусть буду я все так же как была:
Близка к добру и далека от зла;
Да не прильнет надменности зараза
Ко мне, мой Бог; но в царственной судьбе
Вся кроткая, да накоплю в себе
Я дел благих, как накопляют Фаза[13]...
Соделай так, Властитель бытия,
Чтобы душа невинная моя,
Пылая здесь огнями вдохновенья —
Взвевала бы на лоно высоты
Все помыслы, и чувства, и мечты.
И чтоб в замен Твои благословенья,
Твои дары, слетя незримо вниз,
Устроили в ней дивный парадис[14]:
И в оный миг, как будто в ожерелья,
В Твои красы я душу обовью,
И чувствуя предызбранность мою,
С улыбкою чистейшего веселья
Начну струить блестящую хвалу,
Как на пирах струят элеалу[15]....

(В эту минуту входит Асадай. Хеверь, не видя его, становится на колена и продолжает)

О мой Адон[16]!.... моя святая нега!...
Не укрывай Ты от моих очей
Своих благих и греющих лучей,
Чтобы гроза свирепого набега
Слепых страстей и гибельного зла,
Своею тьмой меня не облекла,
Но под шатром яснеющей лазури
Щедрот Своих Ты посели меня,
В спокойствии, как в ясном лоне дня,
Ты будь мой щит и царственная зури[17],
И будь стена, которая б сама
Была как страж для гордости ума;
Ты будь мне все в степях земного плена:
Ты чудно Сам развейся предо мной
Душистою спасения весной,
И стань Ты мне долинами эдена[18],
Приютом благ, и Сам в эдене том,
Своей хакмы[19] державственным жезлом
Паси меня, как пас в былые годы
На пажитях Твоих заповедей,
И с милостью безмерною Своей
Води поить на блещущие воды,
К живым струям несозданной любви,
Свою рабу Ты дщерью назови,
Насыть меня божественностью слова,
Развитого всесилием Твоим,
Чтобы вполне упитываясь им,
Душа моя не жаждала земного....
О Саддаи![20]... Ты слышишь ли меня
В безбрежности безвечернего дня? —
Да?... Слышишь Ты!... Я это сердцем знаю,
Затем, что я восторгами нова;
Я верую, что на мои слова,
Доступные к блистательному Раю,
Ты мне в ответ роскошливо прольешь
Своих отрад желательный тирош[21]
Да!... Ты призрел на кроткое смиренье:
Ты принял речь, согретую мольбой....
Ты близко здесь....

Асадай.

(Тихо приблизясь к Хевери, возлагает на нее руки)

Да будет над тобой,
Как твердый щит, небес благословенья!

Хеверь.

(Быстро вставая, бросается обнимать своего воспитателя)

Отец!... Отец!

Асадай.

Дочь милая моя!

Хеверь.

(Снова обнимая Асадая,)

Теперь опять весельем прежним я
Дышу вот здесь, на лоне сих объятий!...
О мой отец!.... мой кровный!.... мой родной!....
Ты ль это, друг?... Да! это ты со мной —
И мне ль не знать предвечной Благодати,
Когда Она, среди земных путей,
Кропит меня щедротностью Своей!....
Но ты, отец, как близок с Небесами?
Как ты в душе?... по-прежнему ль здоров?...

Асадай.

(Взяв ее за руку,)

Я болен, дочь!... Но звуки этих слов,
Но облик твой, светлеющий красами,
Но твой восторг: все это вместе, — вдруг
Так хорошо уврачевало дух,
Что я забыл минувший год разлуки:
Он отлетел, как отлетает ночь,
И легче мне; но все я болен, дочь,
И тяжелы, томительны те муки,
Которые, закравшись в грудь ко мне,
Там стали жить и залегли на дне!...
Да, кроткая!... Как тесная могила,
Уж мне давно весь видимый простор,
И слабого, как бы в ущелье гор,
Святых небес карающая сила
Для скорби, слез и бедствий загнала,
Сдавила там, но дочь — не за дела!
Я ими чист, — а помыслы и мненья,
А выводы из мудрости плотской,
В моем уме кипящие рекой, —
Вот где соблазн, вот камни преткновенья,
И я свой жезл, свой посох здешних сил
О камни те безумно сокрушил!....

(Приостановясь несколько,)

Событья дней душой обозревая,
Я их обнял, — и зачревател ум
Строптивою семьею дерзких дум,
И породил, и буйная их стая
Со стрелами, с мечами из огня
Нахлынула на бедного меня;

Они пришли, как великаны ада,
Все мрачные, все дико вне себя,
И щит надежд верховных раздробя,
Сожгли отца те собственные чада,
И Промыслом властительной Судьбы
Я пал в пылу той внутренней борьбы!....
Но как болезнь мне называть борьбою? —
Нет!.... От тоски сомнений охилев,
Я заслужил небесный правый гнев —
И грозное свершалось надо мною!

Хеверь.
(С участием.)
Ты бедствовал?

Асадай.
Да, мой невинный друг!
Какой-то злой, изменчивый недуг
В меня проник, впился с ожесточеньем
И гибельно исполненный тревог,
Он сердце мне то зноем скорби жег,
То сдавливал и загнетал мученьем,
И странный весь по действиям своим
Еще досель он мне непостижим.....
Порой свиреп и облеченный в злобу,
Он на меня, как бешеный шакал,
Откуда-то внезапно нападал,
И схватывал, и нес меня ко гробу,
И сломанный распростирался я,
Как мертвый труп на грани бытия!....
То вдруг потом, как бы с огромной цепи
Сорвавшися и распрямив криле,
Он налетал порывисто во мгле,
Как бурный вихрь из Арабийской степи,
И вил меня, на высоту подняв,
И вдруг бросал, — и падал я стремглав!...
То сонному подобяся виденью,
Он подходил в полуночной тиши,
И лил мороз на пыл моей души,
И вырастал безмерно-длинной тенью,
И эта тень при измененье снов
Скреплялася в обглоданный остов,
И у него звенели глухо кости,
И в черепе на место зорких глаз
Болотный огнь то вспыхивал, то гас,
И грозно он в порыве лютой злости
Указывал пятью костями в даль —
И навевал томленье и печаль!.....
То чудно вдруг, среди того ж недуга,
Я видел, дочь, пленительные сны.....
Казалось мне, что из родной страны
Старинного, желательного друга
Я в свой приют нетерпеливо жду;
И вдруг потом сквозь зыбкую гряду
Окрест меня лежащего тумана
Таинственно прорезывался свет, —
И был я им спасительно согрет,
И на душе затягивалась рана
Моих скорбей, и с чашей новых сил
Ко мне мой гость незримо приходил
Он быль незрим, но сладко вея небом,
И весь дыша приветностью родной,
Кормил меня он пищей неземной,
И дивно весь упитан оным хлебом,
Я был тогда в долине слез и бед
Веселием преполнен и одет....
Но я, слепец, не уживался с благом;
Свет исчезал, — и в области ума
Опять кругом надвигивалась тьма,
И в оной тьме я падал с каждым шагом:
Таков мой путь; но чей бы верный взор
Предвидеть мог сей нищенский позор!....
(Небольшая пауза.)
Воспитанный в отрадном изученье
Божественных законов и путей,
Я с первых лет, чуждаяся страстей,
Хотел себя усовершить в терпенье,
Чтоб стать на верх мыслительных высот, —
И успевал, и подвиг трудный тот
Казалося почти довел до цели:
Спокоен, тверд и весь неколебим,
Уж видел я вниканием своим,
Как помыслы над чувствами владели,
Уж замечал, как в мужестве своем
Мой смелый ум властительным царем
Над волею самодержавно правил;
Но кто стоит незыблемо всегда?...

Хеверь.
(Простодушно.)
Смиренные....

Асадай.
(Пораженный неожиданностью ответа, продолжает после минутного молчания:)
Ты справедлива!.... да!...
А я себя основою поставил
Мыслительным созданиям своим;
Я строил их с намереньем благим,
Но слишком уж на силу полагаясь,
А потому в расчетах ошибясь,
Я не связал как следовало связь —
И здание, колеблясь и шатаясь
Под бурною противоречья мглой,
Упало вдруг развалиной гнилой!
Да!... в прах оно низвергнулось, упало,
И нищим я среди обломков стал,
И бил в меня жестокой скорби вал,
И душу мне тем валом сокрушало,
И расслабев, не мог поднять я вежд,
Чтоб разглядеть хоть призрака надежд!.....
Не то, Хеверь, чтоб я не помнил Бога:
Нет!.... Он со мной, Он был во мне и есть;
Но я не смог иных предметов свесть,
И мне страшна в грядущем та дорога,
По коей в даль наш избранный народ
Для новых бед и опытов пойдет....

Хеверь.
(С возрастающим участием.)
О мой отец!... Твои живые боли
Я слышу здесь, в душевной глубине;
Но передай как дочери ты мне:
Твоя болезнь тяжелая давно ли
Тебя томит?

Асадай.
Давно ль она томит?....
(После минутного размышления.)
Иной так жив, так радостен на вид,
И свежестью преполнен так богато,
Как с дерева в созренье снятый плод,
Но первый гром, один удар, — и вот
Все внешнее, как ветхая заплата,
Падет на прах и рухнется на пыль,
А там, внутри, — там только яд и гниль!...
Я не скажу, чтоб это шло бы прямо
Ко мне, Хеверь; но сознаюсь к стыду,
Что много я имею на виду,
Чего, мой друг, потомку Авраама
Не должно б знать и видеть за собой....
Вот выслушай....
(Снова приостанавливаясь,)
Не шумно, не гурьбой,
Сошли мне в грудь язвительные боли.....
Нет!.... Исподволь, тропинками, сдали,
Они ко мне так осторожно шли,
И подкупом ломая силу воли,
Сбиралися, расчетно временя,
Когда бы им нахлынуть на меня....
Но я был бодр, и был без опасений!
Я видел их, но думал: «Почему
Не порождать и не иметь уму
Особенных, удачно ловких мнений,
И разве ум, высокий дар такой
И лучший дар, за тем в стране плотской,
Чтобы вредить и Вере, и Надежде;
Или его познаньем угобзя
Со святостью соединить нельзя?...»
Так вычислял и так судил я прежде;
А между тем коварные они,
Те помыслы и думы, как огни,
Таясь во мне под пеплом заблуждений,
Хотели все в пожары убирать,
И обступить, как обступает рать
С орудьями кровавых истреблений,
И все тесней сдвигалась туча зла,
И гром навис — и вот пора пришла!.....
(После небольшой паузы.)
Когда ты, друг, цвела передо мною,
То каждый день в сердечный свой фиал
Так много я отрады накоплял
Любуяся питомицей родною,
И при тоске — меня живила вновь
Твоей души чистейшая любовь;
Но ты ушла, ты скрылась, как светило —
И не избег от грозных я скорбей,
Хотя и знал, что дочери моей
По-прежнему родимое все мило;
Но я тебя не видел, а враги
Везде за мной следили все шаги,
И подсмотря, что с грусти и печали
Я силами заметно изнемог,
Они толпой набросились врасплох —
И скорбного в страдания умчали!....
Тогда-то, друг, та стая злобных чад,
Несытая и страшная как ад,
Подвиглася, внезапно вся восстала,
И обступя оплошного кругом,
В тепле души заветно-дорогом
Порывисто, как ветер, засвистала —
И я не снес, и я упал к земле
И недугом: существовать во мгле
Без всех надежд, я заболел тогда-то,
И в сей-то миг я слился жизнью с ним!....

Хеверь.
(Исполненная сострадания.)
О, неужель несчастиям твоим
Я, бедная, без воли виновата?....

Асадай.
Нет, нет, Хеверь!... Тебе ль иметь вину? —
Я сам покрыл позором седину,
Я сам пошел дорогой испытаний,
И этот плачь, и этот мой недуг,
Все на себя я сам накликал, друг!...
Уже теперь причина тех страданий,
Как на горе поднятый с утра знак[22]
Виднеет мне: я рассуждал не так!
Уж вижу я по опыту былому,
Что наши все мышления — как дым,
И что нельзя со *внутренно* святым
Презренному и *внешнему* земному
Сливаться здесь и жить в душе одной...

Хеверь.
(Прерывая его.)
Число речей[23]; мой добрый и родной.

Асадай.
Бесчисленность готов я со вниманьем
Из этих уст выслушивать всегда.

Хеверь.
И так узнай, что оных бед гряда,
И схватки те с мучительным страданьем
Произвелись в душе не потому,
Что ты давал просторливость уму;
Нет!.... нас Хакма сим даром увенчала,
И может он к отраде неземной
Парить легко со святостью родной;
Но на пути ошибся ты сначала....

Асадай.
(С изумлением.)
Сначала, друг?

Хеверь.
Да, мой отец! и в том,
Что *чувства*[24] ты поставил под *умом*,
И область их рассудку покоряя,
Ты сухостью его наземных сил
В своей душе печально иссушил
Все сочное, слитое в нас из Рая,
И в холоде былая теплота
Исчезнула и скрылась как мечта....

Асадай.

(Изумляясь еще более,)

Ты всходишь, дочь, на новую дорогу,
И вопреки великим мудрецам….

Хеверь.

За то отец, как ты увидишь сам,
Не вопреки созданию и Богу,
Который нам свой Дух вливая в грудь,
Открыл давно сей ветхо-новый путь…

(После небольшой приостановки.)

Скажи сперва, не сладко ль, не легко ли,
Чтоб гордый *ум* был *сердцу* покорен?

Асадай.

Да, дочь моя!… И это любит он,
И рады мы с готовностию воли
Покорствовать влечению сердец…

Хеверь.

Так неужель властительный Творец
Готовность ту в *рассудок* наш влагая,
Все для того устроить так хотел,
Чтоб род людской, среди наземных дел,
Всегда стенал и бедствовал, не зная,
Каким путем достигнуть прочных благ! —
Нет! не таков Создатель наш Иаг!
Нет! не таков Его любви безмерной
С начала дней развитый произвол:
Он создал нас для счастья, не для зол,
И если мы дорогою неверной
Идем вперед извилинами тьмы
И грустных бед, — то виноваты мы…
Наш *ум* так слаб, в нем гордости так много,
Он любит Свет, но любит и порок,
И временный, и вдунутый на срок,
Не может он проникнуть мыслью в Бога,
Но об его величье раздробясь,
Постыдливо свергается он в грязь!…
И так ему ль державить над душою!
И так ему ль служить проводником
В духовный мир на поприще плотском? —
Нет! божеской любовию святою
Одарены мы *чувствами* на то,
Для коих жизнь, как жалкое ничто,
А весь простор обители надзвездной,
А вся страна небесностей благих
Торжественно раскинулась для них
Безмерною, упруго-зыбкой бездной,
Где каждый миг так любят чувства те
Купать себя и нежить в чистоте…

(Восторгаясь,)

Века идут, преходят поколенья
Шумящие народные семьи
Скрываются и тонут в забытьи,
И новые, особенные мненья
В свою чреду приносит каждый век,
И с каждым днем меняет человек
Все выводы своих соображений,
И то, что он сегодня счел благим,
То завтра же, как басня перед ним,
Но чувства, друг, — они без изменений,
Они, как Бог, — и точно Бог они!….
Ни ночи зла, ни радостные дни,
Ни то, что нас волнует и тревожит,
Ни то, что здесь веселием живит,
Ни ужасы, ни светлое на вид,
Ничто, никак поколебать не может
Их вечное и дивное одно!….
Во все века все чувствуют равно,
На всех путях, во всякой здешней доле,
И раб и царь, и бедный и богач,
И муж пиров, и тот, кому дан плач,
Чтоб он с ним шел чрез жизненное поле, —
Все, все они, в душевной их алчбе,
Сходя собой во глубину к себе,
Все в оный миг, согревшись теплотою,
И кроткое верховно полюбя,
Равно внутри зачувствуют себя
Богатыми порывностью святою,
И внешнее к восторгам всеблагим
Собой пути не запреградит им!….
Наш бедный *ум*, восхищенный порою,
И не сводя разумливых очей
С дробящихся божественных лучей,
Пленяется их дивною игрою,
И весь кипит, как всадник в день борьбы,
И рвется он к властителю судьбы,
И мыслями так метко, верно целя,
Летит к нему, торопится, — но вот
Пришел рубеж — и нет пути вперед;
А чувствами мы осязаем Эля,
И *чувства* те, как в сердце льется кровь,
Так и они сливаются в *любовь*!…..
Вот наша мать!…. Вот светлая царица!…
Вот кроткая монархиня души!……
В шуму мирском, в затишье и глуши,
Везде равно сияя, как денница,
Как разлитый, растопленный Кетем[25],
Она с небес является ко всем!…
Она горит отрадами спасенья,
Надеждами росится с вышины,
И веет жизнь, — и ей-то мы должны
Рассудок свой и коренные мненья —
Все ей должны с покорностью отдать,
Чтобы она, та божья благодать,
Державила со скиптром самовластья;
А все, что в нас, рождаясь на миг,
Изменчиво в стремлениях своих:
Все жалкие, конечные пристрастья
К потребностям плотяной нищеты,
Все блеклые, бесцветные мечты,
Все грязные земные пожеланья,
Которые на языке своем
Ошибочно мы чувствами зовем,
Все внешние и дробные познанья,
И каждую язвительную страсть, —
Все это здесь *рассудку* дать во власть:
Тогда душа упьется дивно миром,
И чувствуя с божественностью связь —
Помчится вдаль, смирением гордясь,
И этот путь считая царским пиром,
Начнет на нем нектар[26] надзвездный пить!…

Асадай.

О дочь моя!.... Учи меня любить!....

Хеверь.

Да, мой отец!.... Я вся любить умею!....
(Взяв его за руку,)
Взгляни на свет и обращая взор,
Пересмотри ты этот весь простор,
Любуйся ты раздольностию сею,
Дивись, как Бог широко распростер
Пленительный, лазурный Свой шатер,
Но знай, отец, и твердо будь уверен:
(Указывая на сердце,)
Все это здесь, и все не тесно мне,
За тем, что там, в священной глубине,
Наш кроткий Бог, а оный Бог — безмерен!...
И так люби, люби, наставник мой,
Люби ты всех, но чтоб любить душой,
Будь прежде прост: стань только ниже Бога,
И слабого, смиренье в нем любя,
Он Сам тогда возвысит до Себя,
И все труды ценя безмерно много,
Он их отдаст в неисчислимый рост
Любви Своей, — но будь в замену прост!...

Асадай.

О друг Хеверь!... Все эти речи новы,
Но вникнувши внимательно в слова,
Я чувствую, что ты во всем права,
И что дары от Бога Иеговы
Затаены во внутренний твой дом,
Как бы жемчуг на дальнем дне морском!
(Приостановясь,)
И так на Высь, к Познанью Элогима
Одну стезю указываешь ты:
Стезю любви и кроткой простоты...
Да!... Эта мысль для сердца уловима,
И поняло согретое оно,
Что для него смирение одно
Есть главное к Высокому начало,
Есть первый шаг на избранном пути;
А я хотел мышленьями дойти
До тех высот, где б дивно увенчало
Меня собой познание мое,
И где б всего созданья бытие,
Развершися, виднело предо мною,
И я бы в нем читал о Саддаи;
Но не сбылись надеянья мои:
Я пал на прах с ничтожностью одною,
Все замыслы исчезнули, как сон,
И сам я весь был смят и сокрушен!...
(После мгновенных воспоминаний о былом,)
Предавшися плотским соображеньям,
Я развернул святые письмена,
И стал читать; вникая в них до дна
И следуя по разным направленьям,
Которыми из Родника Благот
Свои струи духовно-сладких вод
Они в былом разбрызгивали всюду...
Так делал я, а между тем свой взгляд
Стремил то вдаль, то обращал назад
Смотря везде на бедного Иуду,
На Божьих чад, на весь избранный дом...
И что же, друг, мне было как плодом
Тех суетных душевных путешествий[27]?
И что же в той мыслительной стране
Как бы питьем обычным было мне? —
При сверке слов с потоком происшествий
Так видимо открылось предо мной,
Что все, о чем знакомцы с вышиной
В пророческих сказаньях написали, —
Все испытал в минувшем и былом
Избранный наш и бедствующий дом:
Все горести, все грозы, все печали.
И этот плен, и этот наш возврат,
Все, все сбылось, и видел это взгляд;
Но в тот же миг заметил он другое...
Смотря на все, что видим мы теперь
Кругом себя, заметил он, Хеверь,
И разглядел, что лишь одно былое
Свершилося, как писано о нем,
А эти дни, в которых мы живем,
Все вопреки пророческим сказаньям!...
Нам суждены по дивным тем речам
За днями, — дни нас отдали ночам[28],
И смрадным нас предали поруганьям
Взамен того, чтобы века — веков
Нам обонять хваления некоф[29];
Ерусалим, поверженный на прахе,
Вкушает плач и пьет глубокий стон,
Туманом бед подернулся Сион,
А наш народ, и в трепете и в страхе,
Как в рубищах презренная семья,
Разбросан весь по ниве бытия...
В замену сил, богатства, возвышенья,
Нас бросили и ниспровергли ниц,
И к нам нейдет божественный Мелиц[30]
В венце побед, с фиалом исскупленья,
Чтобы трубой избранников собрать
Как светлую, воинственную рать,
И повести дорогою восходов,
И все вперед могучую вести,
Чтоб ей потом величьем процвести
В виду времен, пред взорами народов!...
Давида трон заброшен, сломан, пуст;
В сердцах печаль, из распаленных уст
Возносятся и жалобы, и ропот,
А ежели приникнуть до земли,
То слышится, что скачут издали,
И целый мир волнует оный топот,
И знает ум, страдая от тоски,
Что это все погибелей полки;
И он еще отчетисто так знает
Вникательным суждением своим,
Что ежели иное перед ним
По письменам пророческим бывает,
Так и дела и совершенье то
Должно вменить в печальное ничто,
За тем, что в них ни жизни нет, ни силы,
И наконец он знает, что народ
Покрыт стыдом, как бы застоем вод,
Что люди в нем так нищи, слабы, хилы,

Забиты в боль, как в чадную тюрьму,
И что смешно надеяться ему
Из этих бед, из этой жалкой доли,
Из этого обычая страдать
Когда-нибудь возникнуть и восстать
При всей алчбе, при всех усильях воли!…

(Пауза.)

Вот, кроткая, те нити черных дум,
Которыми заблудшийся мой ум
Засетил мне всю душу понемногу,
И я упал, как падает скала;
Но ты меня приветно подняла,
Ты верный путь мне указала к Богу,
И я смирил мышления свои
Пред благостью Творца-Адонаи!…
Да! точно, друг!… Теперь мне видно стало,
Что отягчась плотяности ярмом,
Не в силах мы прорезаться умом
В надзвездное и вечное Начало;
Что спутанный в пристрастьях, как в сетях,
Сей жалкий ум о Божиих путях
Не может сам размыслить правосудно;
Что все стези, в которых видит он
Несбыточность, и темноту, и сон,
Все те стези, по царской воле чудной,
Все могут вдруг, как вдруг ложится меч,
Дорогою действительности лечь;
И потому мы не должны им смело
Разглядывать, обсуживать, следить,
Как тянется господних мыслей нить
И вьет собой — щедрот господних дело;
Но чувствами пред светлой нитью той
Благоговеть, красуясь простотой…
А я, слепец?… Судя другого строго,
Я был тогда душою Белиал:
Я жил, как червь, и не жил, а страдал,
Без радостей и без надежд на Бога…
Мне стыдно, дочь, мне стыдно, — но теперь
Увидел я раскрывшуюся дверь
В желанное и прочное Спасенье…
Да, друг души!… Жестоко я страдал,
Но слов твоих чистейший семидал
Вовлек меня в святое вдохновенье —
И вечная царева благодать
Уж начала мне сердце врачевать!…

Хеверь.

О! да прольет спасенье неземное
К тебе наш Бог живительной рекой,
И пусть Он сам всемощною рукой
В ковчег надежд, как избранного Ноя,
Тебя вселит, и от потопных вод
Греховных дум невидимо спасет!…
Но как ты здесь?… как в этом одеянье?
И как дошел до недоступных ты?…

Асадай.

Все Бог, Хеверь!… Он дивно с высоты,
В отеческих заботах о созданье,
Свершает все, и слабых нас вперед
Сквозь нашу тьму таинственно ведет…
Да!… Он велел — и вот как сбылось это…

(После небольшой приостановки,)

Когда царем и властелином стран
Державно был с печатью свиток дан,
Чтобы к нему, со всех пределов света,
Созвать невест, и в этот пышный дом
Их привести для выбора потом,
То в оный день, избранница благая,
Сюда в чертог явился я с тобой,
И сознаюсь, греша перед судьбой
И на плотских надежду возлагая,
Стал мыслить я, что если только ты
Взойдешь на верх блестящей высоты,
То кроткая и верная закону
Своих отцов, конечно ты душой
Останешься по-прежнему святой,
И перейдя к державственному трону,
Как добрая Сионской славы дочь,
Не оттолкнешь Израиля ты прочь,
Но для него восстанешь, как опора,
И как стена от вражеских побед,
При ливне зла и непогоде бед…
Так мыслил я, но слишком, слишком скоро
Развеялся тех помыслов обман!…

(Снова небольшая пауза.)

Здесь есть злодей… Его зовут Дедан…
Напрасно б я хотел перед тобою
Изображать ту страшную змею! —
Ты, друг — Хеверь, такую речь мою
Не поняла б невинною душою,
И так начнем с его коварных дел:
Когда тебя сей злобный разглядел,
То ясною твоею красотою
Взволнован весь, он подошел ко мне,
И так хитро, сперва о старине,
Издалека он речь завел со мною,
И вычурно, извилисто потом
Проговоря двойчатым языком,
Что участью и всей судьбой моею
Так занят он, прибавил наконец:
Как жаль, что я, столь опытный мудрец,
Среди толпы незнаемым старею,
Когда б я мог так скоро приобресть
И знатный сан, и выгоды, и честь,
Особенно с хорошею помогой,
С которой вдаль я быстро так пойду,
У славного владыки на виду,
Широкою и гладкою дорогой;
Я понял все, но был и нем, и глух……
Вот он, сочтя, что мой разумный слух
Не слишком остр для этих сладких песней,
Сказал, что трон конечно в блеск одет,
Что на земле удела точно нет
Блистательней, и выше, и чудесней,
Но что простой, богатства полный путь,
Где можно нам свободно так вздохнуть,
Для мудрого надежней, без сомненья,
И потому, на месте бы отца
Он пожелал не трона и венца
Для дочери, но мирного теченья
В таком быту, где мы довольны всем;

Так он сказал, — а я был глух и нем....
И вот к тому прибавил он лукаво,
Что будто царь и властелин иной
Со всеми добр и кроток, но с женой
Всегда жесток в ревнивости неправой,
И это все он сообщил, как друг,
За тайну мне; но я был нем и глух...
Тут он не снес!... Воздушными огнями
Жестокий гнев порывно вспыхнул в нем,
Зарокотал, как море, и потом
Ударными рассыпался громами!...
(Приостановясь на минуту,)
О дочь моя!... Я видел в жизнь свою,
Как человек, предавшись забытью,
И в бешеном, погибельном разврате,
Всю злость, всю желчь сливая в бурный вал,
С проклятьями и бранью раздроблял
Его в пылу на однокровном брате,
И весь потом бледнея и дрожа,
Хватался он за рукоять ножа...
Порою, друг, болезненно страдая
От сильного смятения души,
Случалось мне в пустыне и в глуши
Разглядывать, как львица молодая
Бежит, летит, уязвлена стрелой,
И в ярости невыразимо злой
То замолчит, то страшно так завоет,
То дав прыжок, прильнет к земле она,
И пламенной свирепости полна,
Неистово ту землю вдруг зароет,
Потом как склеп две челюсти скует,
Осмотрится — и ринется вперед...
Видал я злость губительнее львиной:
Я женщину ревнивую видал,
Когда огонь свирепости пылал
Под вихрь страстей в ее груди змеиной...
Но это все рассказанное мной,
Я счел бы, дочь, заветной тишиной
Пред хищностью заклятого злодея...
Заслыша вдруг, что стыд в него проник,
Он горд и лют, и сердцем страшно дик,
И оных слов извитых сожалея,
И чувствуя, как там его зажгло —
В один порыв преобразился в зло:
Иглой на нем поднялся каждый волос,
Сухим листом затрясся каждый член,
И будто бы под сводом мрачных стен
В его груди осипший рвался голос;
Но что тогда не досказала речь —
То взгляд сказал, сверкая весь, как меч!...

Хеверь.
(В простосердечной горячности.)
О Асадай!... Твое повествованье
И оные рассказы — для меня
Острей меча и жгучее огня!...
Как!... Неужель в несчастье и страданье,
И в зной обид, и в горькую тоску
Я кровного собою вовлеку?...
Как за меня подвергнуться гоненьям
И метой быть вельможе-палачу?...
Как?... Я бедой кровавой заплачу
Мой вечный долг тем нежным попеченьям,
Которыми мой добрый, мой родной,
Щедрился ты богато надо мной?...
Не ты ли, друг, сиротку без покрова
Призрел, сберег, — и смолкну ль я потом,
Когда навис над этой седью гром? —
Нет, мой отец!... Нет! я на все готова!...
Веди меня, и жизнию моей
Сочтися ты с виновником скорбей;
Спеши отдать свой выкуп за седины:
Мне эта смерть, как благодатный пир...
И что мне жизнь?... И что мне здешний мир!...
Не всюду ли Создатель наш Единый,
И не во мне ль спасения залог?...
Веди же, друг, — а мне заплатит Бог!...

Асадай.
(Взяв Хеверь за руку,)
Дитя, дитя!... Но будь всегда дитею!...
Ты вся права!... От моровой чумы
Вседневных бед черствеем сердцем мы,
И нам должно, одевшись простотою,
Черствелость ту увлаживать, как ты,
Целебными слезами доброты...
Да!... Мы должны, как дорогим элеем,
Все умащать любовию в себе, —
И лишь тогда, при жаркой сей борьбе
С толпами зол, мы разумом созреем
И мудростью упьемся через край,
Не потеряв священный детства рай;
Но поспеши в отцовские объятья,
И в лоне их ты душу успокой...
(Минутная пауза.)
Нет, дочь моя!... Ни лютостью плотской,
Ни ужасом враждебного проклятья
Моей души поколебать нельзя:
Пускай злодей беснуется грозя,
Пусть он идет и воздвигает брани,
Я за себя бояться не могу:
Свершен мой путь на жизненном лугу,
И близко мне до таинственной грани,
Где при конце мирского бытия
Отброшу прочь земную ветошь я...
И за тебя я сердцем не болею:
Мне верится, что Иегова сил
Мою Хеверь для блага расцветил,
Что ты пойдешь дорогою своею,
Блестя добром, невинностью звездясь,
И наконец, сияющая вязь
Прекрасных дней, как радугой со свода
Твое чело богато обовьет...
Но люди злы, свиреп коварный род —
И бедствия избранного народа,
Которыми нас осыпает Эль,
Слилися, друг, в единственную цель
Всех помыслов, всех страшных опасений
И всех моих томительных скорбей!...
Да!... люди злы, и в слепоте своей
Они в пути погибельных отмщений
Все режут, бьют, все ломят и крушат,

Не разглядя, кто прав, кто виноват!..
Я знаю, дочь, у нас врагов так много,
И потому невольно мыслю я:
Восстанет их злодейская семья,
И разорит весь виноградник Бога
И будет все, как запустенья мгла;
Теперь же к ним на плечи приросла
Глава змеи, и с помощью такого,
С таким вождем, как бешеный Дедан,
Они, кипя струями бед и ран,
Расплещутся пылающей рекою,
И слижут все, как языком огня:
Все в пепел, все, — и это за меня!...
Вот, кроткий друг, ужасные те грозы,
Которые в расслабленном гремят,
Вот бич души и сердца страшный яд!..

(В избытке горести.)

О дочь моя! Ты видишь эти слезы:
Они мой стыд и признак нищеты, —
Все так, Хеверь, но если б знала ты,
Как было мне всегда невыносимо,
Мышленья взор в грядущее умча,
Не видеть в нем ни одного луча,
Ни капли благ из бездны Элогима,
И ни одной звезды на высоте, —
Все тьма и мрак, — и дружно слезы те
Лились, лились, и грудь мою сушили,
И я горел, как поле в жгучий зной,
И выгорел, а с выси надо мной
Все пыл и жар...

(Плачет.)

Хеверь.

(С пылкою заботливостью.)

Но, мой отец, не ты ли
О божьих мне обетах говорил,
Что на земле — они верней могил?...
Не сам ли ты восторгом пламенея,
Мне возвещал, на письмена смотря,
Пришествие владычного Царя,
Всход отпрыска от корня Иессея?...
Зачем же, друг, надеянья твои
Иссякнули, как вешние ручьи?
Зачем, отец, преступною боязнью
Держать себя в зависимости зла?...
Тебе ль не знать, что верх того жезла
Распустится отрадой, а не казнью,
И процветет щедротностью небес;
Что ни одно из царственных словес
Еще досель не проходило мимо,
И если раз державно клялся он,
Что не падет Давида светлый трон,
То клятве сей, в устах его хранимой,
Изменит ли Властитель бытия?...
Не Бог ли Он?...

Асадай.

Не человек ли я?...
Не служит ли всегдашнею одеждой
Мне эта плоть, и увлеченья раб,
Не мог ли я быть немощен и слаб?...
Да, дочь моя!... Как я ни креп надеждой,
И как она ни теплилась порой
В моей груди лучистою игрой,
Но все потом враждебная мне сила
Меня гнала, как бурная волна,
И вихрями сомнения она
Мои огни священные гасила,
Чтоб ум во мне напрасно света ждал!....
Таков недуг, которым я страдал;
Страдал весь год... теперь в душе светает,
Становится отрадно и легко:
Зерно любви, запавши глубоко,
С тобой, Хеверь, так быстро прозябает,
Растет, как кедр, — и верю я, что ты
Не станешь, друг, дойдя до высоты,
Кичиться там, собратий презирая,
И оставлять в недружном забытьи
Поклонников святого Саддаи...

(Снова взяв Хеверь за руку,)

Не правда ли?... скажи, моя родная?...

Хеверь.

Что сеял ты — то и пожнешь во мне...
В былые дни, в безвестной тишине,
Отеческой заботностью лелея,
В душе моей ты заронил до дна
Властительной науки семена, —
И светлые скрижали Моисея,
Блестящие величием своим,
Как ясный день; и Сефер-тегиллим[31],
Где каждый стих дает душе лобзанья,
И нежит ум; и Сир-ассирим[32] тот,
Где рай любви восторгами цветет;
И дивные Иссаевы сказанья,
В которых он по царственным красам
Доступен весь далеким небесам, —
Все это, друг, как золотистой нивой
В моей груди богато возросло,
И там — весна, и в той весне — тепло,
И в том тепле, роскошницей счастливой,
Моя душа, и чувства той души
Живут себе в приволье и тиши...
Я для любви раскрыла там объятья,
И каждый мне, как ближний, как родной,
Но больше всех в обители земной
Мне дороги по Аврааму братья,
И дорога их общая судьба...
Да, Асадай!... Я дева, я слаба,
Но ежели гремящею порою
Наземных бурь, как из ущелья скал
Свирепый тигр, на них бы враг напал,
Тогда я их орлицею покрою,
И выхватя из гибельных когтей,
Оберегу, как собственных детей!...

Асадай.

(Увлеченный патриотическим восторгом,
опять обнимает Хеверь.)

О дочь моя!... О милое мне чадо!...
Теперь в тебе еврейку узнаю!...
Ты душу всю восхитила мою,
Желанный цвет божественного Сада!...

О горлица!… О милая Хеверь!…
Как ясно мне виднеется теперь,
Как хорошо открыто предо мною,
Что прежний мой незнаемый удел
Сам крепкий Бог всевластно захотел,
Почетною сменяя вышиною,
Одеть потом, как бы лучами дня, —
И вот как Он чудесно вел меня…
(После небольшой паузы,)
Однажды в ночь я бодрствовал уныло:
Сон был далек, а злобная тоска
К моей душе, как плоть, была близка,
И горестно в истоме сердце ныло…
Вокруг меня, как в гробе под доской,
Затихнул гул шумливости мирской,
Во мне одном кипучих дум тревога
Расхлынулась, как море без границ,
И весь в слезах распростираясь ниц,
Я стал молить невидимого Бога,
Чтоб от Него святая тишина
Слилась ко мне… Вдруг шепот у окна…
Вот не дыша, не делая движенья,
Невольно так я чутким слухом стал,
И с первых слов те голоса узнал,
А там узнал и тайну замышленья…
Два евнуха, на коих царь с высот
Пролил реку властительных щедрот,
В уплату благ бесчестливо желали
Убить его, чтобы везде потом
Стремительным и буйным мятежом
Все города пожарно запылали,
И чтоб они, как сильные земли,
По горло бы злодействовать могли…
(Приостановясь,)
Когда б сей царь в пылу ожесточенья
Всегда и всех коварно сторожил,
И для того на троне только жил,
Чтоб обрекать подвластных на мученья;
Когда б он их, в надменности своей,
Считал умом не за родных детей,
Не за семью, в которой он главою,
А за смешных презрительных слепцов, —
Тогда б Сам Бог, спасая честь венцов,
Низверг его и скрыл бы подо мглою…
Но Ахшверус, родившись быть царем,
Все действует открыто, чисто, днем;
Как подлый тигр не любит он засады,
И ни над кем, и никакой порой
Не тешится кровавою игрой
То с радости, то с горя, то с досады,
И словом, дочь, — прекрасный весь, не он
О троне горд, но им гордится трон…
Мне стало жаль властителя такого,
И зная долг, и обсудя все вдруг,
Я объявил, что во владычный слух
Есть у меня таинственное слово…
Тогда представ к монарху самому,
Я все открыл наедине ему, —
И как ни добр, как сердцем он ни кроток,
Но весь тогда оделся в правый гнев,
И привести тех злобных повелев,
Стал их судить — и суд их был короток!…
С того, Хеверь, мне памятного дня
Чертог царя открылся для меня,
И Ахшверус, награды не жалея,
Так царственно делиться стал со мной
И славою, и дружбой, и казной;
С тех самых пор, от сих щедрот светлея,
Былой бедняк и униженья раб,
Я стал почтен и убран, как сатрап,
И в каждый день дорогой возвышений
Торжественно ступаю новый шаг,
Но с тех же пор отъявленный мой враг
Соделался, как омут ухищрений,
Как адский дух, терзающий людей,
И жадно так заклятый мой злодей
Мои слова и все движенья ловит,
Чтобы увлечь в полночный абадон…

Хеверь.

О мой отец!… Поверь ты мне, что он
Все выпьет сам, что для других готовит…
Кто полюбил проклятье, с тем оно
Сольется, друг, в ужасное одно,
И внутрь к нему расплещется водою,
Все возмутит, и действием страстей,
Как чумный яд, проникнет до костей;
И будет он с досадой немощною
Проклятьем сим и тягостию бед,
Как собственной одеждою, одет,
И будет весь, как ризою широкой
Повит стыдом и опоясан им,
В позор себе, как поясом своим!…
Да, мой отец!… От злого недалеко
Отмщение разгневанных небес:
Гроза пройдет — и он уже исчез!….
И разве ты не видывал, как люди
Возьмут ножи, чтоб кротких на нож брать,
А Бог придет, рассеет злую рать,
И лезвее направит в их же груди?
И так предай свой путь Адонаи —
И явит Он заслуги все твои,
Как свет зари, а справедливость дела
Блистательно как полдень разовьет,
И ты, отец, ты потечешь вперед
Уверенно, и весело, и смело,
И защитит незримо с облаков
Тебя твой Бог, Владыка Саваоф!….
Да, Асадай!…. Не дремлет Иегова,
И взгляд его, пронзая вечный свод,
Как жизнь души, любителю благот,
И как стрела, как молния для злого….
Так верь же, друг, что крепкий Саддаи
Твою главу и седины твои
Запепелить бесславьем не захочет;
И что тебя для радости врагов
Не сделает Он притчей языков!….

Асадай.

Да, дочь моя, — мне это сон пророчит!….
Чудесный сон я видел в ночь сию!….
Казалось мне: в долине я стою —
И широко простерлась та долина,

Но без травы, безжизненно пуста,
Она была, как черная плита,
Как угольный остаток исполина.…
Медлительны, унылы, тяжелы,
Пары земли, как глыбы зыбкой мглы,
По высотам сгущались и плотнели,
Давимые незримою пятой,
Потом рвались и над долиной той,
Как вретища, качаяся висели,
И затеня весь верх, и близь, и даль,
Сливали все в надгробную печаль,
И та печаль, всклубившися чудесно,
То вал тоски, то грусти брызнет вал,
И было там, где я тогда стоял,
И душно так, и тяжело, и тесно;
А со сторон и с выси надо мной
Лился озноб и вился жгущий зной,
И слышал я, как прямо мне на темя
Они текли то вдруг, то чередом.…
В унынии обвел я взор кругом,
Но не узнал, какое было время:
И ночь и день, и полусвет и мрак,
Смешалися непостижимо так
В какой-то дым, и чадность, и смятенье,
И в смуте той, разинув страшно зев,
Стонало зло, рождая дикий гнев;
Но несмотря на дикое движенье,
Там было все — и вид, и вещество:
Изнурено, и чахло, и мертво.…
Вдруг по всему ударил кто-то млатом —
И пал удар под свист и яркий блеск,
И рухнулся, и раздробился в треск,
И грянули раскаты за раскатом,
И молнии дождяся до земли,
Объяли мир, все скрепы в нем сожгли,
И с места он развалиной печальной
Шатаяся низвергнулся долой,
И полетел, и скрылся подо мглой,
И только вверх из оной бездны дальней,
Куда он пал, до пыли размозжась,
Отхлынули, блистая и светясь,
Потоки искр с ужасно диким шумом,
Да пепла столб, да жаркая зола;
Но взял их ветр и буря разнесла,
И стихло все в пространстве том угрюмом,
И страшно так над бездной неживой
Развился пар, как саван гробовой!

(Приостанавливаясь несколько,)

Но вот из тьмы два необъятных змея:
Крылатые, слетелися они,
И кольцами блистательной брони
Во тьме седой извилисто светлея,
Сзывали звом на грозный бранный пир, —
И застонал какой-то новый мир,
Подвигнулись безумные народы
Со всех концов бунтующей земли,
Воспрянули, восстали, потекли,
Как вихрями взволнованные воды
Бегут кипя в раздольные луга,
И роют их, и режут берега!…
Подвигнулись и устремились прямо
На царский дом, на Божий виноград,
Решаяся не отойти назад,
Не сокруша все зерны Авраама…
И видел я, как в скорбной тесноте,
В унынии стояли жертвы те,
Смиряяся, как труженики плена:
Оставленных невольный обнял страх;
С тоской в душе и с прахом на главах
Они семьей поверглись на колена,
И побежал источник теплых слез,
И лился он, и так приметно рос,
И стал рекой, несущейся лугами
Среди цветов и злака вешних дней,
И небеса приветливо над ней
Во все концы развилися дугами,
Приникнули, открыли для нее
Верховное спокойствие свое,
И ласково, радушливо приняли
На лоно благ, на мягкие ковры
Святой любви, на негу и пиры,
Ту чистую посланницу печали,
И роскошно, и сладко ей взамен
К стране земной ответствовал Эден!…
Раздался звук — и песня так игриво,
Так радостно пространство огласив,
Лилась потом в глубокий перелив
Из тихого святого перелива,
И медленно стихала, и порой
Звенящею дробилася игрой;
И в той игре так жизни было много,
И та игра, без речи и без слов,
Была цельбой и сердца и умов,
Струя на них благословенье Бога!…
А между тем желанный солнца дар,
Краса-заря плескала вверх свой жар
Пурпуровый и радужно-янтарный,
Дыша теплом и взоры веселя,
И вся под ней согретая земля
Была тогда как бы фиал нектарный,
Из коего взвевался аромат;
И тот рассвет, сиянием богат,
Все пламенел, и с новой, большей силой
Лучил огни в лазуревый простор
До той поры, как вышло из-за гор
Державное и дивное светило!…
Тогда восстал измученный народ,
И радостно на чудно-юный свод
Любуяся блестящими очами
И нежа им воспламененный взгляд,
Заговорил, как волны говорят,
И новыми, высокими речами
О той заре, о новом небе том
Он оглашал безмерный Божий дом!…
И видел я, как новые Левиты,
Святынею красуясь и горя,
Стояли все толпой у алтаря
Познанием надзвездности повиты,
И сладостным глаголом вышины,
Как золотым полднем, окружены;
Гора Сион величием покрылась,
Ерусалим был светел, как любовь,

Мир ликовал, а новой жертвы кровь
Потоками спасения струилась!…
(Приостановясь,)
Но где же враг, и где виновник слез? —
Как до высот вздымавшийся утес,
Нежданно он в основах пошатнулся,
И поражен сиянием святым,
Стремглав упал, и вдруг исчез, как дым:
Я в торжестве воскликнул — и проснулся!…

Хеверь.
О, мой отец! дивна картина та!
И этот сон не жалкая мечта,
Не тщетное больной души виденье:
В нем помыслы Владельца вышины
Для кротости так внятны и слышны,
И в них тебе являет Провиденье,
Что должен ты, облекшись в благодать,
Уверовать, любить и уповать,
И что тогда наземные все муки
Незримый Он, пленяяся мольбой,
Таинственно отсторонит собой!…
Но Асадай, уж близок час разлуки,
Я в путь иду… благослови меня…
(Почтительно преклоняясь.)

Асадай.
(Возлагая руки на главу Хевери,)
Да осенит из радостного дня
Создателя верховное спасенье
Всю жизнь твою и в жизни каждый шаг,
Да сохранит Властитель наш Иаг
В твоей душе святое вдохновенье,
И чистою по грязному пути
Тебе, Хеверь, поможете Он пройти!…

Хеверь
(С тихим весельем,)
Теперь свежей!… Отеческое слово
Проникнуло мне в сердце, как струя,
И легче, друг, вздохнула сердцем я!…
Но уж идут…

Явление V

Хеверь, Асадай, Гофам и семь рабынь царицы.
Рабыни держат на золотых блюдах и богатых подушках наряды и разные драгоценные украшения царицы.

Гофам.
Царица!… все готово!…
Вот ясный твой и царственный наряд:
Он веселит и радует он взгляд,
Он блещет весь каменьями и златом,
И ты в него роскошные плеча
Торжественно и пышно облача,
Придти сюда в убранстве том богатом
Для жениха державного спеши…

Хеверь.
(Тихо к Асадаю.)
Здесь все для глаз, — и что же для души?
Здесь ощупью в сиянье света ходят,
И нет любви к желанным высотам…
Вот мой удел!…
(К Гофаму,)
Куда идти, Гофам?…

Гофам.
(Указывая сперва на двери с правой стороны и потом на рабынь,)
Сюда, Хеверь: они тебя проводят…

Явление VI

Асадай и Гофам.

Гофам.
Как счастлива питомица твоя!…
Сироткою родиться у ручья,
Печально жить бездомницею в поле,
Пасти стада, питать себя трудом,
И вдруг наверх стремительно потом
Взойти к такой великолепной доле:
Вот радостный и редкий здесь удел!
За то и я так хорошо успел
Заметить в ней, в пленительной Хевери,
Что кроткая и добрая, она
Так весело была восхищена,
Когда судьба ей отворила двери
К величию, богатству, высоте,
И что теперь, как избранной мечте,
Она с огнем порывного стремленья
Вся предана веселью новых дней
И блеску их, и что в душе своей
Не помнит уж ни прежнего томленья,
Ни жребия былого своего…

Асадай.
Как знать, Гофам, что в сердце у кого?…
К тому же я замечу мимоходом,
Товарищ мой, что точно для иных
Приятен шум нелепостей земных,
И суета пред суетным народом,
И сан, и блеск, и похвалы, и честь;
Но для других — другие блага есть…
Иной, родясь в нечестии Баала,
Не ведает болеющей душой
Об истине высокой и святой;
Он беден весь, и засоря сначала
Все родники прекрасного в себе,
Живет потом в страданьях и борьбе…
(Небольшая пауза,)
Взволнованный какой-нибудь забавой,
Он быстро так в неведенье за ней
Идет, бежит, не разглядя путей,
И вот достиг, и в неге дышит славой,

И слышит шум, и видит яркий свет,
И все нашел, — а счастья нет как нет!...
Так у него проходит год за годом,
За тем, что он на топкой тине зол
Обманчиво направил произвол,
И сам себя подвергнув непогодам,
Всю жизнь свою глотает плач и стон,
А жизнь его вершится тем, что он
В желанье благ вотще утратит силы,
В пустом труде весь мир утратит свой,
И с чахлою, изношенной душой
Очутится со страхом у могилы...
Другому же наземная страна
Пуста — как степь, и как тюрьма — тесна,
За тем, что он восторжен только Богом,
Который там, в изяществе Своем
Раздвинулся безбрежным бытием
И вечных благ сияющим чертогом...
Туда-то, друг, во славу Саддаи,
Стремит мудрец мышления свои,
И гордостью он не волнует груди,
Не хочет быть ваяньем золотым,
Хвала людей — ему как чад и дым:
Он разглядел, что хвалят эти люди...
Да!... устранясь от порчи общей той,
Он ревностно вникает вдаль мечтой,
Чтоб не страдать угаром заблужденья,
И слыша зов из стороны родной,
Скупает здесь для жизни неземной
Прекрасных дел нетленные владенья,
И подойдя ко грани гробовой,
О жалких днях и жизни неживой
Он как дитя рыдая не заспорит;
Но рассмотрев таинственную дверь
В чертог богатств из хижины потерь,
Он весело те двери сам растворит,
И в оный дом направит смело путь,
Чтоб в нем легко свободою вздохнуть
И пребывать с роскошностью безмерной
В его святой, незыблемой тиши:
Вот, умный друг, что дивно для души!
Вот счастье где!...

Гофам.

Цветисто, но неверно!...

Асадай.

(Прерывая Гофама в пылу вдохновляющего увлечения,)

О, замолчи!... Не повторяй сих слов!...
Катяся вдаль в какой-то глуби рвов
По колее грязнеющих мечтаний,
Задавленных плотяности ярмом,
Ты не поймешь ни сердцем, ни умом,
Как светел мир благих обетований,
В которых я с Иудою живу; —
Так не скликай страданья на главу,
Не трогай ты святыни необъятной,
Когда, склонясь у истуканных ног,
Ты разглядеть Надзвездного не мог,
Когда тебе высокое невнятно!...

Гофам.

(Простодушно,)

Твои слова мне чудны, старец мой,
И если б ты в безвестности былой
Их говорил, томяся в жалкой доле,
И никогда не думая в себе
О радостной и счастливой судьбе,
Я б им тогда не верил поневоле,
И видя твой уничиженный быт,
Я думал бы, что в них лукаво скрыт
Позорный гнев, сей жалкий плод мученья
Завистливой, бессильной нищеты;
Но при дворе вельможей ныне ты,
К тебе рекой бежит обогащенье,
И в каждый миг наградами ты нов, —
Так неужель величье хуже снов?
Уже ль равно для человека сладко
Страдать в бедах, иль на прямом пути
Земных удач торжественно цвести? —
Нет!... Ты идешь ошибочно и шатко
Среди своих мыслительных лугов...

Асадай.

(Прерывая Гофама,)

Оставим спор: я слышу шум шагов...

Явление VII

Ахшверус, Дедан, Рафим, Асадай и Гофам.

Ахшверус.

(В порфире, венце со скиптром.)

Да! Я хочу, клянусь перед богами,
Чтоб этот день одушевил бы всех,
И чтоб народ в раздольности потех
Торжествовал веселыми толпами,
Свои мольбы всевышним говоря
За Персию, и Мидян, и царя!...

(Обращаясь к Рафиму,)

Тебе, Рафим, я все препоручаю...
Ты объяви, что для такого дня,
Не только тех, кто оскорбил меня,
Я в благости отечески прощаю,
Но и врагам общественным даю
Пощаду ту верховную мою!
Пускай об нас невольно чуждый скажет
Заслыша весть о милости такой:
«Прекрасно там!... В державе сильной той
Закон всегда так праведно накажет,
А царь всегда так искренно простит!»...

(После небольшой приостановки,продолжает с видимым внутренним удовольствием:)

Вот эта речь невольно сердцу льстит,
А потому осуществим на деле
Простые те, но теплые слова...
Я властелин, правитель и глава
В моей стране, в огромном этом теле;
Но в царственной державности своей
Хотел бы я иметь как сыновей
Всех данных мне предвечными судьбами,

И я б желал, чтоб вся страна
Была со мной как бы семья одна,
И чтоб никто с презренными рабами
Не мог сравнить подвластных у меня!…
И так начнем для радостного дня
Со всеми вдруг сродняться понемногу:
Минувшее забудем и простим,
И милостям властительским своим
Проложим мы широкую дорогу
Чрез весь народ, чтоб у меня везде
Забыли все о грусти и беде,
И чтоб ко мне шумящею толпою
Скорее шли на царские дворы
Делить восторг и пировать пиры,
И дружески роскошничать со мною,
Сливаяся веселием одним
В одно родство!… Ты понял ли, Рафим?

Рафим.

Все, государь!

Ахшверус.

Такие ж повеленья
Пусть отвезут поспешные гонцы
Во все места и в дальние концы
Обширного персидского владенья,
К правителям царевых городов,
Чтобы узнав о силе этих слов,
Они тотчас темницы отворили,
Давая всем прощение и мир,
И на семь дней богатый, щедрый пир
Моей казной народу учредили…
Потом, Рафим, для торжества любви,
Ты в мой чертог сатрапов созови,
И завтра же начнем мы пированье…
Теперь ступай, заботься и спеши,
Чтобы моей ликующей души
Скорее бы свершилося желанье…
Надеюся: ты мне служить готов,
Как верный друг…

Рафим.

И раб державных слов!

Явление VIII

Прежние кроме Рафима.

Ахшверус.

Как счастлив я!… Безвестная мне сила
Меня живит восторгами теперь,
И это все избранница Хеверь
Своей красой чудесно породила!…
Но какова та дивная краса?
Как теплые родные небеса,
Она светла, и вся красноречива,
И вся ясна в молчании своем!…
А речь ее?… О! Эта речь ручьем
Из алых уст жемчужится игриво,
Как бы из роз жемчужится роса,
Когда они кадят на небеса
Свой аромат, отрадно раскрывая
Душистые и пышные листы!…
Да, Асадай!… Как связка красоты —
Твоих забот питомица младая,
И в царственной, властительной судьбе
Я за нее обязан всем тебе…
Так, старец мой!… Ты возрастил лилею,
Сберег ее, — и чистая она,
В прекрасное нарядно убрана,
Вся расцвела под кровлею твоею,
Чтоб сердце мне восхитить к небесам…
Но я воздам, по-царски я воздам!…

Асадай.

Ты мой монарх, и в действиях ты волен,
Но разве я не щедро награжден?…
Кто в простоте спасительной рожден,
Тот никогда несытостью не болен,
Как язвою заразливой чумы!
К тому же, царь, не все ль согласны мы,
Что совершать на опыте благое —
Есть первый долг для каждого равно?…

Ахшверус.

Как добрый друг — ты говоришь одно,
Как добрый царь — я сделаю другое…
(К Дедану,)
Но как и чем делиться мне с тобой?…

Дедан.

Могу ли я запламенеть алчбой,
Когда на мне твоя земная слава
Благоволит, как вешний день, сиять?…
Нет! новых благ и почестей желать
Не должен я и не имею права!…
Довольный всем, я весь избыток сил
В одну мечту, в одно желанье слил,
Чтобы трудом и неусыпным рвеньем
Державные заботы облегчать,
И все следить, и зорко замечать
Во всех местах за точным исполненьем
Твоих речей, и через то дойти,
Чтоб трудности владычного пути
Тебя, мой царь, собой не истомляли,
Чтоб мог бы ты — в одно на троне свесть:
И счастие, и царственную честь,
И наконец, чтоб скорби и печали
Не жгли тебя, как пламенный недуг…

Ахшверус.

(Со всею искренностью и полнотою чувства,)
Благодарю! Благодарю, мой друг!…

Дедан.

Объятый весь прекрасным тем желаньем:
Чтоб над своим блистательным царем
Мне облегчать державности ярем,
Я с пламенным и ревностным стараньем
Умом своим внимательно глядел
На жизнь людей, на сложность общих дел,

На все пути народного теченья,
Дабы чрез то возможно было мне
Для царских польз узнать бы все вполне,
И посреди такого изученья
Увидел я зародыш грозных бед...
Да, государь!... Тебе дивится свет,
И знает он, что под твоею властью
Все счастливым довольством процвело,
Но между благ коварно тлится зло,
Готовое пожариться напастью...

(Заметя невнимательность Ахшверуса, ускоряет несколько свою неопределительную речь.)

В твоих землях внедрился и живет
Позорливый, презренный, подлый род
Бездомников, униженных судьбою,
Которые, законами презря,
Ругаются над именем царя,
И глупо так надменные собою
И баснями развратников отцов,
Считают всех за жалких и глупцов;

(Возвышая голос и делая ударения на слова,)

А главное, что гибельные мненья
В ничтожных тех рабах затаены,
И буйственной строптивости полны,
Они всегда дерзки на преступленья,
Но в трусости — всегда смирны на вид...
Такой пример — легко других растлит:
Прильнет ко всем зараза рода злого,
Взволнуется несмысленный народ,
И в бедствиях на веки упадет
Властей твоих державная основа...

Ахшверус.

(Выведенный из рассеяния последними словами,)

Что ж делать нам в желанье зло пресечь?...
Как пособить?...

Дедан.

Поднять законов меч!
Да, государь!... Чтоб некогда все тело
Не сделалось от болей немощно,
То опытным целителям должно
В один прием решительно и смело
Отсечь долой болеющую часть,
И ежели твоя царева власть
Сию цельбу стремительно живую
Препоручит усердью моему,
Я ревностно все меры предприму,
Чтоб истребить ту язву моровую:
Я вон ее исторгну и потом
Охотно так наполню серебром
Твою казну, с веселием считая
Особенной наградою богов:
Внезапную погибель тех врагов
И светлое освобожденье края
От пагубной, заразливой чумы,
Готовой жечь народные умы...

Ахшверус.

Ты для себя побереги именье
И так как царь располагай людьми.
Они твои...

(Отдавая печатный перстень,)

Вот перстень мой, возьми,
Чтобы скрепить печатью повеленье,
И верь, Дедан, что не забуду я
Сей новый труд...

(Обращаясь к Гофаму,)

Но где Хеверь моя?
Мой луч души, моей любви денница,
Моих отрад сребристая луна?...
Что не взойдет, не заблестит она?...

Гофам.

(При входе Хевери.)

Вот, государь, к тебе идет царица!

Явление IX

Прежние, Хеверь и ее рабыни.

Хеверь, одетая в биссонную тунику, украшена драгоценными ожерельями, серьгами, обводною повязкою кругом лица, обручниками, обножниками и перстнями на всех пальцах... Богатейшая накладка закрывает ее чело, и блещет сквозь покрывало, накинутое по-прежнему... Одна из рабынь несет подушку, которую подстилает под колена Хевери; две другие поддерживают ее шлейф.

Хеверь.

(Коленопреклоняясь пред царем.)

Властитель мой!...

Ахшверус.

(Поспешно поднимая ее,)

О! Как теперь избранница моя
Ты много мне навеяла отрады —
И я забыл томленье прежних дней!
Да! Часто я, в пылу любви моей,
Негодовал на древние обряды,
Но их в соблазн нарушить не хотел...
Предавшись весь труду обычных дел
И ревностным заботам о народе,
Старался я завладевать умом
Над силой чувств; но властелин во всем,
Я был тут раб — и уступал природе,
И не имел ни мужества, ни сил...
Так целый год печально проходил
Среди борьбы кипучих помышлений,
Среди тревог, истомы и тоски, —
И дни мои мне были велики,
И жизнь лилась без дивных утешений...
Но прошлое умчалося мечтой,
И прежний пыл душистой теплотой
Разлит во мне, и новой жизни сила
Струясь в меня от оного чела —
Весь мир души весельем убрала,
Расширила и негой оросила,
И та душа цветнеется, как сад!
За то, Хеверь, в уплату тех отрад,
Все что в моей всевластно-крепкой воле
Надзвездными владельцами слито,

Я ревностно употреблю на то,
Чтобы тебя лелеять на престоле, —
И вот рука…

(Взяв Хеверь за руку,)

Державная, она
Властительна, могуча и сильна,
И царски я судьбу твою устрою!…
Да!… Сколько дней Хевери ни дано,
Все будут здесь как торжество одно!…

Хеверь.

Таких щедрот, властитель, я не стою!

Ахшверус.

(В пламенном увлечении любви,)

Не говори, Хеверь, не говори!…
Перед тобой и царства, и цари
Преклонятся послушно, раболепно;
И все они, смотря на царский дом,
В смирении простругся ниц кругом,
И будешь ты в красе великолепной
Стоять вверху торжественно со мной,
Лучась как день под ясной вышиной!…
Да!… Много стран я под одним законом,
Связал, скрепил и стерегу отцом,
Но это все перед твоим венцом
И радостно яснеющим биссоном,
Все упадет в покорности немой,
О, кроткий друг и друг прекрасный мой!…

(Делает знак Дедану и Рафиму, и последний из них подает со стола порфиру, а первый приносит венец: оба на шелковых подушках, богато вышитых золотом… Хеверь коленопреклоняется снова… Ахшверус, возлагая на нее порфиру, продолжает:)

Вот пышная, богатая порфира!…
Возьми ее, и светлое любя,
Ты облеки восторженно себя
В покров царей!…

(В то время, когда коленопреклоненная Хеверь смыкает у багряницы драгоценную застежку, Ахшверус поднимает у нее покрывало и откидывает его назад.)

Пускай же слава мира
Чрез этот знак высокой славы той
Сродняется в Хевери с красотой!…

(Взяв с подушки венец, возлагает оный на главу избранницы выше драгоценной накладки, и потом осеняя царицу своим скипетром, говорит:)

А сей венец тебя покроет властью,
И всю главу величьем обовьет…

(Поднимая Хеверь,)

Возвысься в нем — и потеки вперед
Дорогою, ведущею ко счастью…

(Дружески приближает к себе царицу…..)

Пойдем, Хеверь, стремительно пойдем
Блистательным и царственным путем;
Нам он открыт: народы перед нами,
С участием веселие деля,
Как воды бездн пред грудью корабля,
Расступятся кипучими волнами,
И всю тебя, пленясь твоей красой,
Засеребрят хваления росой!…
Пускай в тебе вселенная увидит,
Как Ахшверус умеет возвышать.

(Уходят во внутренние чертоги.)

Дедан.

(Приостанавливаясь,)

И учится, как должен тот отмщать,
Кто так как я — жестоко ненавидит!

Часть вторая. Страсти и чувство

Сцена прежняя. — День вечереет.

Явление I

Дедан и Рафим.

Дедан.

Так, умный друг!… Начнем свои дела:
Их мысль моя широко обняла,
Уже мое намеренье созрело,
И грозное, могучее оно,
В душе моей так твердо решено;
Теперь его с умением и смело
Мы в действиях осуществим с тобой…
Пускай от нас, возвышенных судьбой,
Отгрянет казнь, как туча громовая,
И сгубит злых, а мы с тобой вдвоем
За долгом вслед бестрепетно пойдем:
Но в спутники Рафима избирая,
Надеюсь я, что скорый выбор тот
К раскаянью меня не повлечет,
И что узнав мои предначертанья
И замыслы, ты будешь как немой…
Не так ли, друг?…

Рафим.

Ты прав, верховный мой!…
Уверенный, что все твои желанья
И помыслы, далекие страстей,
Тебя влекут, среди благих путей,
К одной благой и благородной цели,
И что всегда ты сердцем и умом
Старательно заботишься о том,
Чтобы от бед народы не хилели,
Довольные и жизнью и царем, —
Я в ревностном усердии своем
И по любви к общественному счастью,
Все совершать и все хранить готов!

Дедан.

Как сладок мне звук этих мудрых слов!
Как весело, когда такою страстью,
Когда таким возвышенным огнем
Горит душа в сатрапе молодом!
Как хорошо, когда другой так ясно

У нас в душе всю нашу цель поймет,
И весь наш труд, всю тяготу забот
Поднимет сам и взвесит беспристрастно!
(Стараясь быть дружелюбным,)
Так, друг Рафим, — ты отгадал меня!
От одного священного огня
Согреты мы живящей теплотою!
Наш ум на все бросая зоркий взгляд,
Всегда одним желанием объят,
Всегда одной преполнен он мечтою:
Чтобы везде и в каждый миг равно
Свершать бы нам прекрасное одно;
Но ты теперь, вступая в жизнь счастливо
В ладье удач, под ветр надежд благих,
Еще едва на веслах сил своих
Выходишь, друг, из тихого залива,
А у меня привычная ладья
Давно скользит по безднам бытия...
Ты стар умом, но опытностью молод,
А я, — я жил, и наблюденьем сед,
И знаю я, как остры копья бед,
И как тяжел той опытности молот!
За то, среди иглистых оных жал
Я стал силен, и скреп, и возмужал;
За то идя испытною дорогой,
Под молотом гремящим надо мной —
Всю бодрость я натягивал струной,
А потому и видел слишком много,
И много я познания купил!...

Рафим.

Как счастлив тот, кто в жизни накопил
Полезные, благие наблюденья;
Кто все, как ты, проникнул глубоко; —
Как для того благотворить легко!...

Дедан.

Да, — в обществе, но не в делах правленья...
Не знав сих дел, крикливая толпа
Почти всегда в суждениях слепа:
Где только власть ни сделает усилья,
Чтобы людей от бедствий отвести, —
Там в тот же миг готовы все найти
И бич судеб, и злобу, и насилья,
И взвыть на трон безумным шумом вод...

Рафим.
(Прерывая его.)
О нет, Дедан, не обвиняй народ!
Бывает он несправедлив на время,
Но чаще прав, а чаще правоты
Покорствует в избытке доброты,
И самое томительное бремя
И даже злых несправедливый гнет
С безропотным терпением несет...
Так! Добр народ!... и все его теченье,
Хотя порой на первый взгляд оно
Печально так, бессильно, не цветно, —
Все служит нам в прямое наученье,
Что мы вполне покорствовать должны
Пред тайными судьбами вышины...

(Несколько приостанавливаясь,)
Как человек — исполненный пороков,
Как юноша — исполненный страстей,
Он между тем в объемности своей,
В итоге дел — исполнен весь уроков,
И свитком он спасительным развит,
Чтоб четко нам их выставлять на вид...
(После минутного соображения,)
Всю жизнь свою отыскивая счастья,
Среди забот, по частным пользам он
Конечно весь так мелко раздроблен,
И к ближнему не видно в нем участья, —
Но знаем мы по опыту веков,
Что он в делах всеобщих не таков!
В то время в нем вскипает жизнь другая,
И оною запламенясь цветно,
Сольется он в могучее одно,
И мысль одна, прекрасная, благая,
Во всех умах мгновенно проскользив,
Запышет в них как заревый разлив;
И мыслью той он постигает много,
И много сил в нем разовьет она!
Тогда ему становится видна
Его судьбы безвестная дорога;
И в оный миг он быстро узнает,
Куда он шел, и где теперь идет,
И разглядит, где он в грядущем будет,
И в зоркости проснувшейся своей
Все действия блюстительных властей
Так хорошо, так правильно обсудит,
И если в них заметит он тогда
Блестящий след полезного труда,
То будучи громадною толпою
Могуч, как лев, — смирится, как дитя,
Но скипетру с усердием платя
Свои долги покорностью слепою;
И жизнь свою повергнув перед трон, —
Оставя цель, на средства смотрит он
Ценителем разборчивым и правым,
И на весах мыслительных своих
Отчетисто и верно весит их,
Давно узнав по опытам кровавым,
Что средства те — его же загнетут,
Что замыслы, и цель, и всякий труд
От жалких средств — и жалки, и напрасны,
И что не все полезно брать мечом...

Дедан.

О, как у нас и сходны, и согласны
Все помыслы и мнения умов!
И видно, друг, что милостью богов,
Как бы казной богатого наследства,
Ты одарен мышления казной,
И так, одно ты рассмотри со мной:
Возможно ли одни и те же средства
С успешностью употреблять всегда
От разных бед и разного вреда?...
Не часто ль там, где с кротостью благою
Все немощи уврачевать хотят
Там зло сильней, там глубже входит яд,
Там боль одна стремится за другою,

И все потом сливается в чуму…
(Принимая на себя торжественно-важный вид,)
Да!… Многое должно узнать тому,
Кто властвует над участью народной!…
Как должны быть огромны и крепки
Его мыслей победные полки
Какой простор, какой разлив свободной,
Какой полет он должен дать уму,
Чтоб все бы вдруг торжественно ему
В один обсмотр, одним орлиным взором
Обнять, постичь, и с высоты своей
Так наблюсти за жизнию людей,
Чтоб их удел — не стал его позором!…
Могуч душой и тверд на произвол,
Он должен знать противоядья зол
И быть готов на каждое мгновенье,
Чтоб с первою трубою о беде
Стремительно являяся везде,
Уметь подать надежное спасенье, —
И вот пример, как можно иногда
Умно помочь, когда грозит беда…
(После минутной приостановки,)
Представь себе, что влагой дождевою
Цветистые поля обновлены, —
И все свежо, а в лоне вышины
Повязкою игриво-огневою
Обкинула сафирные луга
Веселия и радости дуга…
Завидя блеск, и верным, прочным благам
Волшебницу прекрасную сочтя,
Как на нее любуется дитя!
И вот сперва украдкой, шаг за шагом
К той стороне, где вязь огней видна,
Притворствуя идет от пестуна,
Потом смелей к предмету увлеченья,
А там назад, а там опять вперед,
И песенку нарочно запоет,
И наконец дождавшися мгновенья,
Когда нельзя лукавца удержать, —
Несмысленно бросается бежать;
А впереди — и скалы, и каменья
Нависнули над глубочайшим рвом, —
Тогда пестун, взглянув на все умом,
Вдруг сыщет путь и средства для спасенья…
Находчивый среди внезапных бед,
За беглецом не побежит он вслед,
Не станет он упрашивать ребенка,
И звать его, или грозить ему, —
Но опытный, привыкший ко всему,
И видя вдаль, и проникая тонко
Все следствия, представшие на вид,
Он будет нем, и просто зазвенит
Какой-нибудь кудрявой погремушкой,
Тогда дитя оглянется назад:
Ему еще с уменьем побренчать —
И он спасен ничтожною игрушкой…
Так и народ!… Порою, в простоте,
Стремяся весь к подобной же мечте,
К такому же забавному желанью,
И тишины безоблачного дня
Взволнованным рассудком не ценя,
Из лона благ кидается к страданью,
И в гибель сам погибельно идет;
Тогда его блюститель восстает
И все дела объемлет мыслью здравой,
И видит он, как за мечтой своей
Бежит толпа несмысленных детей,
И так умно спасает их забавой…

Рафим.

Обман хорош, но для чего обман?…
Когда мы все убеждены, Дедан,
Что власть дана бессмертными богами,
То согласись, ей так нельзя идти,
Чтоб слить свои верховные пути
С обычными, вседневными путями
Каких-нибудь сомнительных людей? —
Нет!… Дивная по святости своей,
Пускай она на утешенье миру
Вся чистотой сияет с высоты,
И ни одним пятном неправоты
Не зачернит державную порфиру…

Дедан.

Ты слишком строг в суждении своем,
Но вникни ты старательно умом
В сокрытый смысл другого описанья,
Которое я передам тебе…
(После некоторого соображения,)
В беспечности и в счастливой судьбе
Укрывшися под власть благодеянья,
Жила семья, и в лоне мирных дней,
Так дружески все члены скрепли в ней,
Как гибкие весенней жизни лозы,
Сплетенные в торжественный венец…
Вот к той семье приходит вдруг пришлец
И весь больной, и проливая слезы
Он стал просить приюта для себя,
А та семья, благотворить любя,
Охотно так ему раскрыла двери,
И как могла, старалася помочь,
Чтоб он забыл минувших бедствий ночь,
И прежние страданья и потери…
(Небольшая пауза,)
Бедняк сталь жить, и мнилося, что он
Среди благих так верно прилеплен
К их пользе был, так полюбил их нравы
И древние обычаи страны;
Но помыслы сердечной глубины
Все были в нем и злобны, и лукавы…
Как демон — подл, коварен — как змея,
И видя сам, что мирная семья
Цвела в тиши: и жизнью благодатной,
И силою, и славой, и красой, —
Он отточил железной полосой
Те помыслы своей души развратной,
И все потом, в намереньях жесток,
Сковал в один убийственный клинок,
И тем клинком не вдруг, не явно сразу,
А исподволь, местами, иногда,
Стал действовать для общего вреда
И прививать постыдную заразу,
В которой он позорно чах и гнил,
Чтобы лиша семейство прочных сил

Принудить все орудьем ухищренья:
Упившись бед и погрузясь во мгле —
Презрительно скитаться по земле
С ужасною печатью отверженья,
И чтоб тогда уж не было чему
Завидовать враждебнику ему...
(Приостановясь,)
Так начал злой, и вел успешно дело,
Затем, что он, скрывая злости жар,
Был тих на вид, и ловок на удар:
И вот в семье несчастие затлело,
И стали уж от адской той руки
Проглядывать порою огоньки,
А там сильней: то жгучими огнями
Тревожных дум рассыплется гроза,
То бьет по всем враждебности лоза,
То мутными, кипучими струями
Польется казнь; страданья и разврат
Заблудшихся позорят и клеймят;
Мятеж и бунт, как язвы духа злого
Взмутили ум доверчивой толпы,
Всеобщих благ подпилены столпы,
И здание обрушиться готово...
Оно падет, и вздрогнет вся земля,
И страшный гул, злодейство веселя,
Раскатами промчится по вселенной,
И прежняя цветущая страна
Вдруг станет вся погибелью полна,
И будет жизнь семьи благословенной
В несбыточной превратности своей —
Как бы рассказ, пригодный для детей...
(Усиливая тон дружества и доверчивости,)
В такой пример отчетисто вникая,
Как умный муж, скажи ты мне, Рафим:
Не лучше ли пожертвовать одним,
Чем допускать, чтоб эта порча злая,
Чтоб этот дух уродливых страстей
Раздорил, жег и погублял людей?...

Рафим.

К несчастью, так!... Но в радостной надежде,
Что может быть другие средства есть
Удары те без палачей отвесть,
Все испытать блюститель должен прежде...
На гнев — скупец, на милость — как поток:
Блистателен, и пышен, и глубок,
Для каждого роскошлив благодатью,
В помоге — быстр, и на прощенье — жив,
Пускай себя святыней окружив,
С величием скрепляет он печатью
Об участях решебные листы;
За тем, Дедан, что с вечной высоты
Нам эта жизнь даруется богами,
И с факелом ее нельзя сравнять:
Погасишь раз — и не зажжешь опять...

Дедан.

Ты справедлив... Владея над судьбами,
Держа в руках — и жизнь, и смерть людей,
Цари должны на высоте своей
Быть зоркими, великими, благими;
Их первый долг, и трудный долг — уметь
Во всех делах все средства рассмотреть,
Сообразить и выбрать между ними,
Стараясь, чтоб царский выбор тот
Одобрили и боги, и народ,
И только там, где грозные боязни
Их устрашат за мир и жизнь людей, —
Да, только там в державности своей
Поднять мечи неотразимой казни,
Чтоб действовать напрасно не губя...
Но выслушай к чему я вел тебя...
(Небольшая простановка,)
Семейство то есть мирные народы,
Которые под властию одной
Живут, скрепясь дружиною родной,
Среди богатств, и счастья, и свободы,
Как посреди роскошливых долин;
Наш Ахшверус, сей мудрый властелин,
Который весь в благие попеченья
Предал себя с горячностью такой,
И кроткою, но крепкою рукой
Вертит в корме тяжелый руль правленья,
Сей государь есть той семьи отец...

Рафим.

А тот бедняк?

Дедан.

Иуда — тот пришлец!...
Его извлечь и выбросить мне надо;
Он корень зол и общего вреда...

Рафим.

Иуда?

Дедан.

Да!

Рафим.

Все сотни тысяч?

Дедан.

Да!

Рафим.

А жены их?... А бедные их чада?...

Дедан.

Всех, всех, Рафим, всех истребить должно!

Рафим.

Но рассуди...

Дедан.

(Прерывая в нетерпении,)
Я рассудил давно!...

Рафим.

Казнить весь род?

Дедан.
Всех на нож — и в могилу!

Рафим.
Все племя вдруг?

Дедан.
В один прием долой:
Упасть на них, обрушиться скалой —
И размозжить заразную их силу,
И эту грязь разбросить по стране...

Рафим.
Но Ахшверус...

Дедан.
(Прерывая его,)
Он дал согласье мне,
И перстень дал...

Рафим.
А боги что вам дали?

Дедан.
Кто?... Боги?...

Рафим.
Да!

Дедан.
Они нам дали власть...

Рафим.
Губить народ?...

Дедан.
Предупреждать напасть...

Рафим.
(Сарказмически,)
Ценой кровей и мягким средством стали?

Дедан.
Рафим, не спорь! — Их участь решена!
Я вычерпал с терпением до дна
Всю меру средств для пользы рода злого,
Я силился спасти его, сберечь,
Но все вотще, — пришлося вынуть меч...

Рафим.
Позволь, Дедан...

Дедан.
(Опять прерывая его,)
Не возражай мне снова,
И помни то, что этот меч над ним
Приподнят здесь властителем самим...
Ты слышишь кем?

Рафим.
К несчастью слышу ясно!

Дедан.
И потому за общих тех врагов
Ни жалких просьб, ни возгласов, ни слов
Не должен ты развеивать напрасно:
Царю ль не знать, как пользовать народ!

Рафим.
Но эта казнь...

Дедан.
(Прерывая его,)
Сначала страх прольет,
А там прольет отраду и спасенье,
И прежний мир сдружится вновь с людьми...
(Вынимая из-под верхней одежды завернутый свиток,)
Итак, Рафим, ты свиток сей возьми:
В нем я вписал царево повеленье,
Чтобы везде, где только этот род
В напасть другим пронырствами живет,
Где только есть Иуды злое племя,
Везде поднять секиры палачей,
И не щадя ни женщин, ни детей,
Всех истребить в назначенное время
И тем помочь взволнованной стране...
Твой долг спешить и приготовить мне
Ко всем властям подобные наказы;
Но чтобы нам в поспешности своей
Надежнее, и лучше, и верней
Пресечь пути погибельной заразы
И с пользою благотворить другим,
То я хочу и требую, Рафим,
Скрывать от всех готовность правой кары
До той поры, когда настанет миг...
Он отзвучит, и пусть как дождь на них
Посыплются внезапные удары!
Пускай они, грозой оглушены,
Богаты злом и силою бедны,
Заищут все, и не найдут защиты;
Пускай от нас торопятся уйти,
Спешат бежать, и не найдут пути;
Пусть кровию и ранами покрыты
И сожжены страданьем, как огнем,
Они падут в бессилии своем,
И сгибнут все, а гнусное названье
Презренных чад от пагубных отцов,
Пускай звучит в науку для глупцов,
Как низкое и злое поруганье!...
(Отдавая Рафиму указный свиток,)
Так, друг сатрап!... Вот жребий их земной,
Назначенный властителем и мной;
А потому, ни в чем не прекословя,
И в свитке сем не тронув ни черты,
Все с точностью исполнить должен ты,
За тем, что казнь враждебникам готовя
Я уж давно в усердии своем
Вникательно размыслил обо всем,
И от тебя успеха ожидая,

Скажу тебе с обычной прямизной,
Что на словах ты спорить мог со мной,
Но к злобным тем на деле сострадая,
Не встань ты сам, к позору и стыду,
С царевыми врагами на ряду,
И как-нибудь не ошибись случайно
В заманчивых расчетах доброты…
Я все сказал, но все ли понял ты?…
(Уходя,)
Смотри ж, Рафим: старание и тайна!…

Явление II

Рафим.

Вот человек!… Но Ахшверус?… И он?…
Уже ль еще им жесток оный трон,
И этот путь владычества им тесен?…
Уже ль они, в блестящей их судьбе,
Так будут злы с подвластными себе?
Уже ль взамен веселых, звонких песен,
В дни торжества приятно слышать им,
Как простонав стенанием глухим,
Страдальцы те захрипнут умирая?
Уже ли свой расширивая путь
И жаждая раздольнее вздохнуть,
Они начнут, невинное карая,
Чудовищно, как из леса злодей,
Терзать и бить измученных людей? —
Не верю я!… О, нет!… я верю, верю,
Что эта казнь для злобных, как мечта!…
И что жалеть?… И разве гибель та
Им нанесет убыток и потерю?
И для чего людьми им дорожить!
Умрут одни — другие будут жить!…
(В сильном внутреннем волнении,)
О! я едва, едва собой владею,
Так вся душа стенаньями полна!…
Вот ада мысль!… Как родилась она?
Когда и кто вдохнул ее злодею?
И как наш царь, для пагубы такой,
Свой перстень дал, своею же рукой?
Уже ли он польстился на прибыток,
И захотел с державности своей
В дневный грабеж пускаться на людей?…
О, как теперь губительный сей свиток,
Как много он передо мной развил!…
Вот наша жизнь!… Вот прочность наших сил…
Одна черта, одно движенье трости,
И нас уж нет, и мы лежим в гробах,
И жадно червь глотает смрадный прах,
И точит гниль распавшиеся кости!…
(Небольшая пауза,)
Да! все во мне и грозно, и темно:
Моей души взволнованное дно
Потребой дня, как бурными валами,
Жестоко бьет в мыслительность мою, —
И стонет ум, и я теперь стою
При смуте той, как путник под скалами,
Который ждет, что вдруг раскат громов
Ударит в них и сломит до основ!…
Томясь в бедах, как в тягостных припадках,
Мы все слепцы, нас всех объяла тьма,
И жалкие усилия ума
Теряются в несмысленных догадках!…
Здесь мрак и мгла; но где же будет свет?…
Здесь, на земле, во все теченье лет,
Нас обдает безвестности ознобом,
И только мы страстями горячи;
Вся наша близь — удары да бичи,
А наша даль — пугает страшно гробом!…
Здесь казнь идет, — когда же будет суд?
Когда и где несчастным принесут
Отрадные фиалы воздаянья,
Чтобы они, глотая их струю,
Забыли жизнь минувшую свою,
И не могли за слезы и страданья
Произносить упречно-горьких слов
На царственных властителей богов?…
Где к сим богам и к счастию дороги? —
Их нет у нас, а между тем кругом
Пойдет бродить злодейство с топором,
И сгубит род!… Бессмертны только боги:
Где ж истина?… Но светлая она,
Была, и есть, и вечно быть должна,
И в этом я уверен, как в могиле, —
А свиток сей противоречит мне!…
Я убежден, что в дальней стороне,
Среди красот, в величии и силе,
Как в зареве расплесканной зари
Живут они, те вечные цари,
И зорко так взирают на земное,
А свиток сей, несчастный свиток сей,
Над внутренней уверенностью всей
Берет верхи, и в горе немощное,
Как в яму, я низвергнуться готов…
Но путь мужей не должен быть таков!…
Как!… Нам ли здесь, при первом сильном громе,
Под первою хорошею бедой,
Упасть, и лечь, и бедною душой
Истаевать в сомненьях, как в истоме;
Иль от земли шипеть ли стану я
На тех царей, как на орлов змея? —
Нет!… устоим!… и выпрямясь душою,
Еще сильней надеяться начнем,
Что если мы в неведенье своем
Не в силах здесь разгадывать порою
Иных судеб, событий и путей,
То вечные по благости своей
Конечно так устроили творенье,
Что в оном все к отрадному идет,
И будем ждать, что на пути вперед,
Наш первый долг — святое уваженье
К таинственным судьбинам вышины;
Но что взамен мы действовать властны,
И встречею идти к неправосудью,
И к бешенству, и к злобе, и к страстям
И гнусных тех, по гнусным их путям,
Бить наповал, и собственною грудью
Отстороня от гибнущих напасть,
Прекрасно жить, величественно пасть!…
(В пылу вдохновительного увлечения,)
О! для чего в сей миг передо мною,
Как свод шатра, не распахнется даль,

Чтоб за народ боязни и печаль
Я мог бы вдруг над ясной вышиною
Развить листом и показать богам:
Тогда бы здесь не праздновать врагам
Свой праздник бед над падшим поколеньем,
Затем, что там, там верно боги те
Склонились бы к наземной нищете,
И тронуты слезами и моленьем,
Спасли своих измученных людей:
И не восстал на оных бы злодей,
Для гибели не отточил кинжала,
Не смел бы власть употребить во зло,
Не обратил убийства в ремесло —
И та семья народная не пала!…
Теперь не то, один размах руки,
И вот пойдут губителей полки,
И жертвы их под грозными мечами
Все упадут, болезненно вскрича
И сжав рукой разрезы от меча!…
И вижу я скорбящими очами,
Как в груды их сбросали чуть живых,
И только боль перебегает в них,
И страшно так то сводит, то разводит
Все члены их, да после бойни той
Унылый пар от крови их святой
Туманными извилинами всходит
И вопиет на землю и творцов…
Пир кончился… Долина мертвецов
Заглохнула и стала дикой степью:
Там львы ревут, да тигры из засад
Дают прыжки, да кости там лежат
И тянутся пугающею цепью,
Да черепа, торча между костьми,
Смеются там над небом и людьми…

(Предаваясь унылой созерцательности грядущего,)

Пройдут века… Минувшие страданья
Развеются печальною мечтой,
И путники, идя по степи той,
Заговорят про древние преданья,
И вот один, который больше жил,
И больше здесь, по воле вечных сил,
Испытывал, как жжет беда земная,
Остановясь и покачав главой,
Промолвит вдруг с горячностью живой:
«Здесь, прочных благ для общества желая,
В такой-то день, в такой-то грозный год,
Могучий тот в могилу свел народ!»…
Ужасное, несбыточное дело!…

(После минутного размышления, как бы уловляя новую мысль:)

Но ежели верховный сей сатрап,
Сей лютый зверь, сей подлый, гнусный раб
Своих страстей, на все дерзая смело,
Отважился, как озлобленный тать,
На тех людей собою сам восстать!…
Что если он в безумном ослепленье
Алчбой убийств неистово горя
И клевеща на доброго царя,
Составил сам такое повеленье?…
Что, если в нем на гибель всех сокрыт
Какой-нибудь своекорыстный вид
Столь праведно достойный укоризны?
Иль местию в душе ненасыщен,
Он бесится, и хочет злобный он,
В тревоге дум, ценой народной жизни,
Безмерною, неслыханной ценой,
Приобрести для той души больной
Кровавое себе успокоенье?…

(Небольшая пауза,)

Так!… верно так!… И можно ли сойти
Владыке стран до грязного пути,
Где ползает людское ухищренье,
И быв двойным, быть ниже всех рабов? —
Нет!… Ахшверус душою не таков!…
Кто в багрянце познал святыню власти,
Кто действует, благотворит любя,
Кто благ ко всем, не станет тот себя
Пятнать стыдом притворства жалкой страсти!
Нет!… верно бы наш царь не захотел
Закидывать покровом светлых дел
Всю черноту владыческой десницы!…
Зачем ему, лукавствуя с толпой,
Позориться заемной добротой
И отворять печальные темницы,
И звать семью народа, чтоб она
Пришла к нему на светлый пир вина?…
К чему царю извилины такие,
Когда бы он по лютости своей
Желал в душе и казней, и кровей?
И разве тот, в ком есть порывы злые,
Чтоб чуждыми страданьями дышать,
Не в силах здесь при силе сокрушать?
Но не таков владелец полусвета:
Он чист, как день, и как стрела, он прям,
И знаю я, что к царственным делам
Душа его любовью разогрета!…

(После новых минутных соображений,)

Да! наконец я твердо убежден,
Что эту казнь придумывал не он;
Что это все погибельные мысли
Верховного сатрапа гордеца
Сплели за тем, чтоб над красой венца,
Как тучи бы громовые, нависли
Проклятия народов и веков;
Но если он злодействовать готов,
То я готов противостать злодею!…
Любя душой святую честь одну,
Я с честию и действовать начну,
И дружбою обязанный своею,
Перескажу все Асадаю сам,
Чтоб он скорей противостал бедам,
И бодростно подвигся к защищенью
Родных людей от смертоносных ран, —
А там пускай беснуется Дедан,
И дав простор свирепости и мщенью,
Начнет меня преследовать, гнести:
Мне все равно, лишь бы людей спасти,
Лишь бы успеть разверстые те гробы
Опять закрыть для оных бедняков,
А там я весь к страданиям готов:
Мне смерть ничто, но став орудьем злобы,
Отдать себя в работники стыду? —
Нет, никогда!… Я выбрал и пойду!

(Встречаясь с Ахшверусом, остается.)

Явление III

Ахшверус, Асадай и Рафим.

Ахшверус.

(Продолжает разговор,)

Нет, не вполне я соглашаюсь с этим!
Ты говоришь, что верность — долг рабов?…

Асадай.

Да, государь!…

Ахшверус.

Но посреди льстецов,
В шуму двора, всегда ль ее мы встретим?
И опытный, еще ль не знаешь ты,
Как часто царь, в избытке доброты,
Изменником и низким, и коварным
Обманут здесь и продан за ничто!…
А потому, когда мне верен кто
Я должен быть взамену благодарным…

Асадай.

Вот помыслы, достойные венца!…
Но, государь, не с милостью ль отца,
Не с кровной ли радушливостью брата
Ты в крепости владычественных сил
Меня всего и всем ты одарил,
И одарил так щедро, так богато,
Что вся душа преполнена моя…

Ахшверус.

(Прерывая его,)

Не хочешь ты, так предоставь, чтоб я
Исполнил долг священный властелина;
К тому же, друг, меня благодаря,
Ты мне сказал, что царству жизнь царя
Не то, что жизнь простого гражданина;
И так с тех пор, как верностью своей
Ты спас меня от жала злобных змей,
И царство спас от бурной непогоды,
И всех отвел от пагубных стремнин, —
С тех пор, старик, не только я один,
Но весь мой двор, и все мои народы,
Живущие и здесь, и по странам,
Чтоб доказать свое усердье к нам
И чтоб себе им не навлечь укора
В незнании прекрасных дел ценить,
Должны тебя особенно почтить,
И вздумав раз, я это кончу скоро:
Нам не должно умедливать благим…
(Обращаясь к молодому сатрапу,)
Но чем меня порадует Рафим?…
Свершаются ль владычные желанья?…

Рафим.

Да, государь!… Уже во все концы
Разосланы поспешные гонцы,
Чтоб возвещать отраду для страданья!…

Ахшверус.

А здесь у нас, что говорят в домах?

Рафим.

Безмолвствуют…

Ахшверус.

И так в своих мечтах
Ошибся я, и не достигнул цели:
Между людьми не живо, не цветно,
И слившися в веселие одно,
Они толпой шумящей не вскипели,
И в радости, не стали здесь и там
Ходить везде, как волны по морям,
То вдруг стеной, то зыбью, то кругами!…

Рафим.

Веселие примчится — и уйдет;
Но, государь, кто счастья слезы льет,
Кто в тишине повергся пред богами,
Чтоб отложа земную ношу дел,
Благодарить за радостный удел,
Тот не начнет в порыве увлеченья
Кипеть рекой и клокотать ключом…
Нет!… Мирных благ живительным лучом
Согретый весь и полный умиленья,
Он замолчит, глубоко сам ценя
Дары небес…

Ахшверус.

(Прерывая его в увлечении чистого веселья.)

Ты оживил меня!…
И так, мой друг, мне благодарны люди?
И так среди томленья и забот
У них в сердцах признательность живет,
И доброта им согревает груди?
И так теперь постигнули они,
Как я хочу, чтоб жизни общей дни
Светлелись бы безоблачно и ясно,
Проникнуты с державной высоты
Лучами благ?

Рафим.

Так, властелин!… и ты
Восхитился б, увидя как прекрасно,
При тех лучах, блистающих светло,
Народное семейство процвело!…
Распавшися на дробное деленье
По мнениям и помыслам, оно
Слито теперь в священное одно,
Чтоб чувствовать одно благодаренье,
И видел я, как члены той семьи,
Ценя в душе намеренья твои,
Так искренно, с такой усердной волей,
И так свежо яснеяся лицом,
Тебя, наш царь, и другом, и отцом
Считают все на царственном престоле,
И набожно колена преклонив…

Ахшверус.

(Прерывая Рафима, обнимает его
в простосердечной радости.)

Довольно, друг, довольно!… я счастлив!…

Рафим.

(В сторону,)

Нет, эту казнь с подобным поцелуем
Соединить не в силах мысль моя...
Царь прав и чист...

Ахшверус.

(В полноте душевного удовольствия.)

Да, я счастлив, друзья,
И счастье то мы здесь ознаменуем
Наградами и роскошным добром:
Пускай о нас торжественно потом
Промчится весть во все пределы света,
Что мы смогли достигнуть до любви...

(Обращаясь к молодому сатрапу,)

Теперь, Рафим, ступай и призови
Ко мне сюда Дедана для совета...

Явление IV

Ахшверус и Асадай.

Асадай.

Как хорошо желательный твой взгляд
Чистейшие восторги пламенят!
Как весело твое чело сияет,
И как ты весь блистателен на вид!...

Ахшверус.

(В избытке глубокого внутреннего наслаждения:)

Да! теплый свет в моей груди разлит,
И радостно в нем сердце утопает,
И слышу я, как, счастием ясна,
Волшебная какая-то весна
Всю душу мне отрадно упоила,
Пролив туда, как щедрый дар богов,
Дыхание неведомых цветов...

Асадай.

Вот добрых дел и торжество, и сила!
Вот как в душе и зреет и цветет
Высокого благотворенья плод!

Ахшверус.

(В умилении,)

Пускай на век пребудет он со мною —
Так весь я им чудесно оживлен,
Так он хорош, так сочен, сладок он,
И между тем ничтожною ценою
Немногих слов купил я оный плод...

Асадай.

Словам царя внимает весь народ!
В них смерть, и жизнь, отрада и страданье,
Они как меч с двуострым лезвием,
И чтоб владеть опасным тем мечом,
Потребны, царь, и сила, и познанье,
Чтоб действуя владычественно им,
Уметь помочь и пособить своим,
Иль взяв потом и стиснув в обе руки,
Уметь карать бунтующих врагов...

Ахшверус.

Ты прав, старик...

(После минутного размышления,)

И так немногих слов,
Простых речей раздавшиеся звуки —
И вот народ, за все вдвойне платя,
Готов любить, как доброе дитя!...
Один порыв, одно стремленье воли,
Чтоб у других развеять скорби ночь,
И вот столпясь, недуги мчатся прочь,
И видимо врачуются все боли...

(Предаваясь созерцательной мечтательности,)

Вот счастие закралося в дома,
И весь народ, среди трудов ума,
Скрепил себя доверчивостью прочной,
Не думая, что чья-либо нога,
Как на змею, наступит на врага,
Который весь, в ничтожности порочной,
Готов и рад, по случаю смотря,
Продать царю, или продать царя...
Уже они, коварные те змеи,
Завидя мой открыто-ясный взор,
Не смеют лезть и выползать из нор:
Для личных польз бесчестные злодеи
Не льют на всех отравно-желчный яд,
И злобою — беззлобных не чернят:
Они, узнав державного обеты,
Замолкли вдруг, — и добрые душой
Так радостны, что в их семье большой
Исчезнули губительства клевреты,
Затем, что сих, скликающих в напасть,
Отвергнул мир и раздавила власть!...
Все действуют свободно и открыто,
Все за любовь любовью платят мне,
И общество, в беспечной тишине,
В блаженное единодушье слито!...

(Восторгаясь,)

О, Асадай!... прекрасно быть царем!...

Асадай.

Таким как ты...

Ахшверус.

Теперь в уме своем
Я мыслию окинул так широко
Все поприще, разверстое царям,
И в эту грудь, благодаря богам,
Далекую от злобы и порока,
Всыпаются советы с высоты,
Как яркие и свежие цветы!...

(Приостановясь,)

Да!... Многое в сердечном восхищенье
Открылось мне, и в этот светлый миг
Всю тайну я правления постиг...

Асадай.

И в чем она?...

Ахшверус.

(Торжественно,)

В одном благотворенье,
В желанье быть отрадою сердец...

Асадай.

(В простодушном увлечении,)

Так, государь!… Так, царственный мудрец,
Достойный быть помазанником Бога
С Сионскими царями наравне!…
Из всех дорог в наземной стороне
Одна сия неторная дорога,
Гладка, пряма и далека стремнин;
На ней одной с невидимых вершин
Чистейшее веселье жизни веет,
Дыша всегда с роскошностью святой,
И кто спешит вдоль по дороге той,
Тот недугом страстей не заболеет,
И кротостью нарядно облечен,
Повальным злом не заразится он,
Как порчею и гнилостью могильной,
Чтоб с нею бы открыться навсегда
Истоком бед, и смуты, и вреда…

Ахшверус.

Но расскажи: какое ж зло так сильно?

Асадай.

То, государь, которым все больны!…

(После мгновенного соображения,)

От малых лет судьбой осуждены
Вести борьбу, до таинственной грани,
С толпой страстей и склонностей плотских,
Мы в той борьбе, то побеждаем их,
То им платя постыдливые дани,
Становимся как жалкие рабы
У злобных тех посланников судьбы…
Но чтоб ясней свои изображенья
Представить мне пред мыслию твоей,
То я скажу, что в лоне древних дней
У нас был царь, любимец вдохновенья,
В которого премудрость, как река
Из вечного лилася родника…
Вот этот царь нам передал в машалях[33],
Что для всего под солнцем время есть:
Испытывать бесчестие и честь,
Быть в радости и быть потом в печалях
Что есть опять особая пора
Для бед и благ, для злобы и добра,
И для того, чтоб знать земную скуку,
И для того, чтобы восторги знать…
Теперь, мой царь, уже легко обнять:
Как человек проходить всю науку,
Все длинное учение без слов
О том, как жить до сумрачных гробов!…

(Небольшая приостановка,)

Естественно, что в оной трудной школе,
Уведавши, как сердцу тяжело
Постыдное и пагубное зло,
Мы иногда в благоразумной воле
Стараемся, святое полюбя,
Ту порчу зла исторгнуть из себя,
И действуем, и успеваем в оном,
И хорошо развеиваем тьму;
А как притом и время есть всему,
То многое, по вечным тем законам,
Само собой от сердца отстает,
Так что, идя к познанию вперед,
Из сыновей сего плотского века
Один теперь, тот раньше, тот поздней,
Но наконец, к поре разумных дней
Становится похож на человека…

(Пауза,)

Так мы живем и опытом благим
Рассудок свой заметно совершим,
И волею искореняем страсти,
И проходя наземный этот путь,
Спокойствие заманиваем в грудь;
Но тот покой так близок от несчастий,
Когда среди печальной здешней тьмы
Мы из себя не вырвем наше *мы*…

(Снова небольшая пауза,)

Всему свой день и каждой вещи время,
А это зло хитро затаено
И спрятано в душе людей на дно,
Как до поры отложенное бремя…
Вот в ней оно таится, и сперва,
Когда у нас и жизнь еще нова
И мы полны плотяных увлечений,
Нам некогда за тем усторожить,
Что в нашу грудь закрался гостем жить
Виновник зла и внутренних мучений;
Но с приступом к тем опытным летам,
Когда уже рассудок скажет нам,
Что мы умно душевностью владеем,
Что ключ страстей давно перекипел,
Что скрепли мы и вызрели для дел,
И наконец, когда уже имеем
Мы в обществе свой голос, власть и вес,
Тогда встает лукавый этот бес,
И мучит нас, и заменя собою
Былых страстей и увлечений ад,
Он сверх того скликает их назад —
И мчатся те шумящею гурьбою,
И мы, губя минувшие труды,
Становимся, как омуты беды,
Как рытвины, как вырытые стоки
Дождями зла, куда с окружных гор
Надменных дум течет гнилой позор
И смрадные губительства потоки,
И это все сильнеет в каждый час,
И все за тем, что самолюбье в нас
Из всех страстей есть самая слепая,
И злобная, и полная скорбей…

(Небольшая пауза,)

Ты знаешь, царь, как страсти у людей
Кипят порой, их души сожигая;
Но каждая отходит чередой…
Та умственной погасится водой,
Та от меча небесности отскочит,
Та мрет сама, та просто в гроб сведет,
А эта страсть чем более живет,
Чем больше ест, тем больше снедей хочет
И чтоб себе те снеди бы достать —
Она на все готова посягать…
У тех страстей как будто есть законы,

И мера есть, и грань, и рубежи;
А эта страсть, пускаясь в грабежи,
Нигде, ни в чем не хочет знать препоны,
И нет препон для той чумы добра,
Затем, что вся, как тигр, она хитра!…
(Приостановка,)
Коварная, она начнет успешно
Нас уверять, что мы как старики
В державности над внутренним крепки, —
И вот наш ум под этот чад потешной
Надзорные ослабя удила,
Зовет ее, чтоб с ним она была —
Так для него понравились те речи!…
Она идет и выждав до поры,
Твердит ему, что все его дары,
Как блеклые и тусклые предтечи
Блистательных и светлых тех даров,
Какими он запламенеть готов,
И что он сам, устроенный особо,
Решительно устроен весь за тем,
Чтобы ему, возвысясь надо всем,
Господствовать от первых лет до гроба,
С величием по сторонам грозя…
Тогда наш ум, ту речь сообразя,
Находит вдруг, что это мненье верно,
И в шаткости ребяческой своей
Несмысленным желанием честей
Запышет весь и жарко и безмерно…
Дав первый шаг, идет он, и в пути
Ни для кого не хочет уж сойти;
А потому за ним следит обида,
Как тень его, а за обидой той,
Презренная своей нечистотой
И гнусная по желчности для вида,
Украдкою шагает тихо злость,
Держа кинжал, как люди держат трость;
И вслед за тем, все связи разрывая,
Постыдная, но грозная вражда,
Бежит шумя, как с гор бежит вода,
Когда она из глыбы снежной тая
Стремится вниз, преобразуясь в грязь;
А за враждой, увертливо смеясь,
И все шипя, и жаля даже взглядом,
Исчахшая завистливость ползет,
Смотря кругом, назад и наперед,
Чтобы своим жестоко-жгучим ядом
Все то, что ей случится повстречать,
Упитывать и болью удручать…
Потом за ней идет гроза отмщенья,
А наконец, чтоб совершить сей ход,
То в смуте бед, как в тинности болот,
Отвратно так ныряют подозренья,
Чтоб те беды разволновать сильней!
(Переходя в унылый тон,)
Взглянув на все и мыслию своей
Вообразя, с невольным сердца стоном,
Что сборище убийственное то
В одной груди и сжато, и слито,
Легко постичь, как мы в паденье оном,
И все внутри, и все кругом губя,
Язвительны для ближних и себя…

Ахшверус.
Да!… мы тогда как бы родник несчастий
Пробившийся в пугающей глуши
Жестоких зол!… Но, старец, доверши
Представить мне всю бурю оной страсти,
И пыл ее, и ливни, и разлив…

Асадай.
Кто горд душой и кто самолюбив,
Кто в слепоте безумья рассуждает,
Что он один и славен и велик,
Тот верно уж в права удачно вник,
Но редко так в обязанность вникает;
Все первые на пользу для себя,
С несытою алчбой употребя,
Он лишь едва и помнит о последней
И дань трудов не предлагает ей,
Затем, что он в надменности своей
Почел ее какой-то жалкой бредней,
В которую не верит и дитя…
Теперь ты сам, вниманье обратя
На сей предмет, с подробностью расчисли
И помыслом благоволи обнять
Все следствия, которых должно ждать
От этой злой, от этой адской мысли,
Проникнувшей в слепую душу ту…
На всех путях, во всяком здесь быту,
Нельзя найти опасней заблужденья;
И ежели ты бросишь с высоты
Свой взгляд кругом, тогда увидишь ты,
Что человек, по мере возвышенья,
Дыша огнем коварной порчи сей,
Становится и хуже, и вредней, —
И горе нам, когда такою страстью
Погибельно воспламенится тот,
Кто впереди пред многими идет,
Быв наделен и силою, и властью!…
Да, горе нам! за тем, что гордый он,
Отброся прочь и правду, и закон,
И дав простор неукротимой воле,
Пойдет с бедой в несчастную толпу, —
Как, отточа лезвейный сгиб серпу,
Работники поутру ходят в поле; —
И в той толпе святое все презрев,
Он сам себя оденет в пыл и гнев,
В насилия, в кровавые гоненья,
И весь, как зверь, в одежде грозной сей,
Он станет вдруг пугалищем людей,
И мир ему от желчи подозренья,
Покажется губителем одним,
И он, горя безумием своим,
На всех вокруг, как страшный лев завоет,
Когда ярясь, тот бьет себя хвостом,
Вздымая вверх всю гриву, а потом
Сомнет иных и под себя зароет,
И выроет, и затерзает вновь,
И наконец, разлакомясь на кровь,
Он бросится в подвластное семейство,
Как в злобе слон бросается на рать,
Он побежит, чтоб светлое попрать,
И возведя на высоту злодейство,
Сдружиться с ним, и при союзе том
Своим страстям разгулье дать потом!…

Ахшверус.

О, старец мой!… Как этими словами
В моей душе пробуждена тоска!…
Но пусть моя всевластная рука,
Держа свой скиптр над многими странами,
Не будет в них для гибели скора;
Скупа на казнь, на милости щедра,
Пускай она людями так владеет,
Чтобы ее не прокляли они;
Да светят им безоблачные дни,
И теплый мир их сердце да согреет!…
Молю богов дать кротость мне в удел,
Чтоб я душой как меч не затвердел,
Не начал бы с громами истребленья
Чудовищем стоять на вышине,
И чтоб никак и никогда ко мне
Тот пагубный недуг самозабвенья
В цареву грудь лукаво не проник;
А ты меня руководи, старик,
Заботливо, как сыну, помогая
Житейский челн от груды скал отвесть…

Асадай.

С тобой и так надежный кормчий есть…

Ахшверус.

И кто же он?

Асадай.

Твоя душа благая,
Одетая в красу, как в аргаман…

Ахшверус.

Благодарю!… Но вот идет Дедан…

Явление V

Ахшверус, Дедан и Асадай.

Дедан.

Какие царь мне вверит приказанья?…

Ахшверус.

Нет, я хочу совета от тебя…
Ты знаешь, друг, что доброе любя,
Я за него щедрюсь на воздаянья,
Но что притом, платя свои долги
За подвиги усердного слуги,
Я все хочу, чтоб это награжденье
Могло блистать нежданностью своей,
И не было примера старых дней
Какое-то смешное повторенье…
Так и теперь!…
(Приостановясь,)
Недавно здесь одним
Блистательным помощником моим
Оказана мне важная услуга,
И я б желал, чтоб светлая она
По-новому была награждена…
Но выслушай… Я здесь имею друга:
Он мудр и благ, и вся душа моя
Гордится им…

Дедан.

Самому себе:
Друг этот верно я…

Ахшверус.

Он опытен, и опытностью тою
Собрал себе познания запас;
Так видимо полезен он для нас,
На каждый миг умея с быстротою
Подать совет и, быв притом готов
Делить ярмо заботливых трудов,
Он кротким друг и страшен для злодеев,
И весь огнем добра воспламенен —
Так искренно желает сердцем он
Всеобщих благ…

Дедан.

(Самому себе.)
А!… это казнь евреев!…

Ахшверус.

Но он уже возвышен в знатный сан…

Дедан.

(Самому себе.)
Так!… это я!…

Ахшверус.

А я б желал, Дедан,
Как царственный владыка полусвета,
Так наградить, чтобы везде потом
Твердили все о награжденье том,
И потому я жду теперь совета,
С которым бы возможно было нам
Достигнуть цель и показать странам,
Как пышно мы благотворим с престола
Во все свои властительные дни…
Итак, мой друг, — придумывай, начни,
И не стесняй мышленьям произвола:
Пусть он кипит, а чтоб в уме своем
Щедрее быть, представь себя царем…

Дедан.

(Как бы находясь в затруднении,)
Мой государь!… В мечтах о награжденье
Теперь я весь как в сумерках стою —
Так трудно мне проникнуть мысль твою;
Но ты сказал, и вот мое сужденье…
(После небольшой паузы,)
Велел бы я для почести такой
Роскошною и щедрою рукой
Убрать коня в убранства дорогие,
Чтобы на нем с торжественной красой,
Шла полоса за белой полосой,
А удила беспримесно златые
Горели бы игривее огня;
И на того б убранного коня
Я посадил любимца в ризах славы
И в царственных одеждах красоты,
Покрыв его с престольной высоты

Высокими знаменьями державы…
Его главу и верх его чела
Корона бы собою обвила,
А с гордых плеч, каменьями блистая,
И белыми повязками пышна,
Как дивная багряная волна,
Скользила бы порфира дорогая,
В деснице же дышал бы теплотой
Янтарный свет от розы золотой,
И наконец вельможа славный родом,
Ведя коня смиренно под уздцы,
Прошел бы все столичные концы,
Крича везде пред радостным народом:
«Внимайте вы, внимайте сим словам:
Пускай теперь примером служит вам
Вельможа сей, какие награжденья,
Какую честь получит каждый раб,
Трудясь царю, как славный сей сатрап…
Толпа!… греми!… воздай ему хваленья!…
Он первый друг владыки здешних стран!»

Ахшверус.

Как хорошо ты изобрел, Дедан!
Как ты сумел проникнуть все желанья
И разгадать все мысли у меня!…
Да!… Завтра же при полном блеске дня
Мы все свершим во время пированья,
Чтобы скорей о новизне такой
Промчалась весть гремящею рекой,
И чтобы все: довольны, шумны, рады,
От всей души старалися вперед
Быть верны мне…

Дедан.

Но кто счастливец тот,
Которому подобные награды
Так роскошно прольются с высоты?

Ахшверус.

Тот друг — вот он, а тот вельможа — ты!

Дедан.

(Почти забывшись от внезапной досады.)

Я, государь?

Ахшверус.

(Принимая восклицание Дедана за знак приятного удивления.)

Имея случай новый
Мне услужить, ты сладко изумлен?…
Благодарю, Дедан!

Дедан.

(Едва скрывая свое бешенство.)

Как?… Я и он?…

Ахшверус.

Да: он и ты!… Но будьте же готовы…
Уходит и за ним Асадай!…. Дедан остается неподвижным в оцепенении злобы.

Явление VI

Сумерки.

Дедан.

(Выходя понемногу из страшного забытья своего, и потом дико осматриваясь кругом.)

Еще я здесь?… Еще живу я?… Да,
Да, — я живу, и слышу, как сюда,
Вот в эту грудь, вот в это сердце прямо
Летят ко мне кровавых мук огни,
И дышат злом, и без числа они,
Как бы для них безмерный ров и яма
Готовы там и вырыты давно…

(Мечтательно всматриваясь в самого себя.)

Вот их струи слилися вдруг в одно…
Вот сжалась грудь… Вот сердце напряглося…
Вот сперся дух… Вот пламя там на дне
Кипит, и жжет, и тянется во мне,
И вот оно по жилам разлилося, —
И там, внутри, в горячей тесноте,
Жестоко бьют вдоль членов жилы те…
Да!… я живу!… Убийственным мученьем
Я убежден неотразимо в том:
Оно во мне и я несчастно в нем
Живу, дышу — и задыхаюсь мщеньем!

(В исступлении гнева начинает снова осматриваться кругом.)

О, нет!… здесь ад!… здесь тьма и мрак тоски!…
Вот грозных сил ужасные полки…
Вот злобная и дикая их стая…
Вот, вот они!… Да! точно это ад!…
Им весело!… они ко мне спешат:
Им грудь моя, как хижина пустая…
Уже они избрали в ней приют,
И жизнь едят, и кровь по каплям пьют,
И пиром зла неистово пируют!…
Да!… Уж они слетелися толпой,
Вошли в меня, и адской праздник свой
Отравою смертельной знаменуют!

(Как будто вслушивается во что-то, и потом продолжает, становясь злобнее с каждым словом.)

О, как шумна знакомая семья;
Но ничего: ликуйте там, друзья.
Ликуйте вы погибельным собраньем,
И бедственно для вымыслов новы,
Резвитеся, играйте дружно вы,
И бешенством, и скорбью, и страданьем,
Терзайте все в душевной глубине
И режьте грудь; но помогите мне!…
Я ваш родной; я предан вам как братьям;
Мы действуем здесь в мире за одно;
Внушите же, что делать мне должно:
Ругать богов? — Я их отверг с проклятьем!
Или жену, или родную мать
На старости под гнетом изломать?
Или сочтя потешною забавой
Все ужасы разбойничьих стезей,
Свести во гроб и кровных, и друзей
Медлительно палящею отравой,
Чтобы чрез то их заживо истлить? —

Все сделаю, но дайте мне отмстить!…
Да, мщение!… Вот милость, вот награда,
И вот один желательный мне дар,
Чтоб я нанес противникам удар
Неслыханный, ужасный и для ада…
(После минутной паузы,)
Как, дерзкие?… При полном блеске дня,
При торжестве, я стану весть коня?
И у кого? У подлого еврея,
Вести за тем, чтобы презренный он,
Так царственно возвышен и почтен
И знаки все державности имея,
Решился бы, дерзнул и захотел
Уничижать насмешкой мой удел!…
Нет! вражьего я не потешу взора!
Нет! никогда, пока еще живу,
Я на свою сатрапскую главу
Не положу подобного позора!…
Но, демоны, я помощи прошу, —
А там я ваш!… Тогда я вдруг свершу
Всю полноту земного назначенья,
И этот весь житейский бурный путь
В один прием успею дошагнуть,
И кончу все в один размах отмщенья!…
(В диком бреду душевного ожесточения.)
Да! вы тогда увидите, друзья,
Как радостно преображусь я
В собрата вам, в любимого собрата,
И зная всю страданья глубину,
Как хорошо я действовать начну,
И как за скорбь раздольно и богато
Со всеми вдруг я разочтусь потом!…
Мне мир страстей и ужасов знаком:
Известно мне, как ловче сделать рану,
Как растравить и как ее разжечь;
Заметил я, где глубже входит меч,
И опытный, я с бешенством не стану
Над мирною, цветущею страной
Летать как вихрь с погибельной войной:
Там слава есть и светлые награды,
И торжество, и шумные пиры…
Иль выждавши до радостной поры,
Не буду я, в пылу своей досады,
Чернея весь как замогильной тьмой,
Дышать на всех язвительной чумой:
Тогда народ, измучась под бедами,
И все сильней расслабевая в них,
Очнется вдруг от злобных дел своих,
И воплями занявшись как трудами,
Ползет к богам, чтоб нищенской мольбой
Смягчить ему владеющих судьбой —
И дух его утешен упованьем…
Или еще, не стану я желать
Безумием рассудка омрачать:
Тогда больной незагнетен страданьем
И не убит ничтожностью своей…
Нет!… Я из всех убийственных путей
Пойду таким, где нет не только славы,
Не только благ, но и отрады нет
Передавать своих душевных бед:
Соблазнами я заползу лукавый
В отжившую, иссохнувшую грудь;
Я вглубь души пророю торный путь —
И завистью вольюся в немощного,
И явный стыд надменным сберегу,
И к сыну мать любовью разожгу,
И к дочери — отца ее родного;
И на вопрос постыдных тех страстей
Отвечу я упреками детей
Исполненных невольного презренья,
А между тем, раскипятя их кровь,
Я сделаю, что оная любовь
И та алчба, та жажда преступленья
Еще сильней охватит сердце им
Неистовым желанием своим!…
Да, демоны!… вы загордитесь мною,
Смотря как я на каждый миг и час
Работаю старательно для вас,
И весь дыша погибелью одною,
Свожу людей к подземной стороне —
И все для вас, — но помогите ж мне,
Но сделайте, чтоб все мои страданья
В один удар я выместил врагам,
И весь в крови, пройдя по их телам,
Явлюсь я в ад с дороги злодеянья,
Чтобы в дыму, и в искрах, и в огне,
Вы шумно бы рукоплескали мне!…
(Садится в изнеможении.)

Явление VII

Темнее.

Дедан и Рафим.

Рафим.
(Вполголоса.)
Еще он здесь, и верно злобный снова
Он молотом мыслительным своим
Кует беды…

Дедан.
(Увидя Рафима, встает и, стараясь показаться спокойным, дружески берет его руку.)
А, это ты, Рафим?…
Скажи мне, друг, все ль у тебя готово,
И скоро ли общественному злу
Придет конец?…

Рафим.
Дедан, ты весь в пылу…

Дедан.
(Отнимая руку,)
Да… я устал… я много так трудился…
Но что приказ?…

Рафим.
Мои писцы спешат…

Дедан.
(После минутного размышления,)
А я еще на дело бросил взгляд,
И много в нем переменить решился…

Рафим.
Как?… Неужель ты хочешь пощадить?…

Дедан.
Я пощажу?… Я дам злодеям пить
Родную кровь родного мне народа,
И стану сам откармливать зверей? —
Нет!… я хочу их раздавить скорей,
И так, притом, чтоб даже имя рода,
Дерзнувшего для нас готовить зло,
Едва-едва преданье сберегло,
И то в позор, и в стыд, и в униженье,
И то за тем, чтоб странники земли
Им оскорблять друг друга бы могли…
(Приостановясь,)
Вот выслушай последнее решенье…
Чтобы верней все это дело шло,
Сперва, Рафим, ты уничтожь число,
Которое назначил я для казни,
И завтра же, вечернею порой,
Когда враги, с народною толпой
Смешавшися без страха и боязни,
Начнут в пиру веселостью дышать,
Мы вынем меч и станем сокрушать!…
А между тем от имени царева
Ты напиши к владельцам городов,
Чтобы везде с прибытием гонцов,
Они тотчас, не умеряя гнева,
Которым все запламенеть должны
На тех бичей всеобщей тишины,
На шайку злых и пагубных евреев,
Дерзающих во тьме своих путей
Не уважать ни трона, ни властей,
Велели бы опасных сих злодеев
Колоть, и жечь, и вешать, и давить…
Потом прибавь…

Рафим.
(Сарказмически,)
Чтоб их опять живить
И обрекать на новый ряд страданий?…

Дедан.
(Строго,)
Ты ль не слыхал в рассеянье своем,
Что это все повелено царем? —
И так, Рафим, нельзя ль без замечаний?

Рафим.
Я буду нем…

Дедан.
Прибавь же ты потом,
Чтоб воины в ожесточенье том
Младенцев, жен и дочерей щадили…

Рафим.
(В невольном увлечении доброты,)
Так стало есть пощада?

Дедан.
Да, Рафим!
И дев, и жен отдать в добычу им,
Чтоб их они позорно осквернили;
И вслед за тем, когда под общий смех
И шумный гул они свершат на всех
Потешное такое поруганье,
Тогда пускай не медлят, и скорей
Пред взорами стенящих матерей
Голодным псам дадут на растерзанье
Их гнусных чад, их отпрысков гнилых,
Чтоб вырвать вдруг все это племя злых,
И уж потом, в уплату злом за злое,
Когда их крик младенческий замрет,
Пусть воины, кончая праздник тот,
Тупым ножом дорежут остальное!…
(Заметя невольный ужас Рафима,)
Но вижу я, что мягкою душой
Скорбя теперь о трате небольшой,
И средство то ошибочно считая
Насильственным и несколько крутым,
Ты в жалости над родом заклятым
Мечтаешь, друг, что эта казнь святая,
Что эта мзда за свой народ родной
Несчастьями отгрянет надо мной…
О нет, Рафим!… Поверь ты, что Дедана
Одной хвалой за все вознаградят!…
Когда в толпе исчезнет смуты яд
И заживет спасительная рана,
И стихнет все по-прежнему в стране,
Тогда ты сам с другими наравне
Все разглядишь, все правильно оценишь,
И разумом увидя все плоды,
Созревшие от временной беды,
Ты этот страх на радость переменишь,
Вкушая мир, и счастье, и покой
Под кроткою правительства рукой…
Теперь, как быть!… Примерным наказаньем,
В урок для всех, мы сокрушить должны
Врагов царя и общей тишины,
Чтоб каждый бы, услыша с содроганьем,
Как страшно я мятежных покарал,
Не смел дерзнуть, не вздумал и не стал,
Кичась в душе над царской вышиною,
Злоумышлять, в пылу своих страстей,
О гибели народа и властей…
Прибавь же все, что высказано мною…
Ты слышал ли?…

Рафим.
(Сухо.)
Я слышал все, Дедан.

Дедан.
Итак, Рафим, для пользы наших стран
Не замедляй решительным ударом

И грозного не думай отклонить…
Что я сказал — тому нельзя не быть;
Но повторю, я царский друг недаром,
А этот взор орлиного быстрей…

Явление VIII

Темно.

Рафим.

(После минутного молчания.)

Бесчестить жен, и дев, и матерей
На грудах тел убитых палачами,
Покрыть весь род позором и стыдом,
И вдруг начать неистово потом,
Пред грустными и слезными очами
Страдалиц тех, изнывших от скорбей,
Затравливать младенцев и детей!!!…
И он грозит?… И этот лютый снова
Решается мне повторять о том,
Как жаждет он и сердцем и умом
Высокого, прекрасного, благого!
И смеет он, в надменном забытьи,
За чистые намеренья мои,
Объявшися свирепости пожаром,
Как лес огнем — грозить мне прямо вслух?
Но если он недаром царский друг,
То я сатрап и чести друг недаром!…

(Благородно воспламеняясь.)

Нет! нет, Дедан!… Ты можешь мстить на мне,
Но чтобы я с тобою наравне
Вдался душой в неистовость такую
И был бы весь на подлости готов?
Нет! я и сам в речи кинжальных слов
Так хорошо и внятно растолкую
И острием на сердце напишу,
Что в жизни я не для того дышу,
И не за тем достоинством владея,
Горжуся им, чтобы для черных дел
Меня другой употребить бы смел,
И чтоб я стал клевретом у злодея:
Нет!… вот клинок… я неразлучен с ним,
И ловок он; — но мы повременим
И путь ума предъизберем сначала,
Чтобы следя злодейство по пятам,
Столкнуть его, а не удастся там,
Так велики ль рассказы у кинжала:
Размах вперед, потом размах назад,
И вот закрыт орлино-зоркий взгляд!…

(Приостановясь, осторожно обходит кругом весь чертог, потом вслушивается несколько времени у дверей, и, наконец, говорит с беспокойством:)

Но где старик?… Что медлит он к свиданью!
Я для него назначил срочный час:
Вот он прошел; вот вечер уж погас
И небеса покрылись темной тканью…

(В глубоком унынии.)

Промчится ночь — и новый день опять
Начнет с высот лучиться и сиять;
Как юная, прекрасная супруга,
Вся сторона заблещет красотой,
А мы одни в стране красивой той
По-прежнему задышим друг на друга
Порывами убийственного зла,
И вот опять все старые дела,
Все прежние, раздорливые встречи,
Везде беды и горе как недуг,
И ежели осмотришься вокруг,
То не сочтешь в уме противоречий
Между мечтой о изобильи благ
И бытием, в котором как впотьмах
Убийцами покрыты все дороги,
А по бокам, как звери из лесов,
Идут враги на свой кровавый лов —
И это жизнь?… О, праведные боги!
Как скуден всем испытный этот луг!…

Явление IX

(Сцена вполголоса.)

Асадай и Рафим.

Асадай.

(У дверей.)

Рафим!… Рафим!…

Рафим.

(Подходя к нему.)

Ты ль это, верный друг?…
Войди сюда: нам дороги минуты…

Асадай.

(С невольной робостью.)

Я жду беды: мне в душу страх проник.

Рафим.

И верен он!… Но выслушай, старик…
Ты мудр и благ, а люди злы и люты…

Асадай.

(Прерывая его.)

Последнее известно твердо мне,
За тем, Рафим, что в темной глубине
Людских сердец их тайны узнавал,
Все о страстях до нынешнего дня
Читал я там… Но что же ждет меня?…

Рафим.

(Почти шепотом,)

Кругом тебя, как яма гробовая,
Вражда и казнь…

Асадай.

(Прерывая его,)

О Боже, Боже мой!
Не одевай погибелью как тьмой!…

Рафим.
(Простодушно,)
Теперь скажи: постиг ли ты Дедана?

Асадай.
Дедана?…

Рафим.
Да!

Асадай.
Его постиг ли я?
Он жалкая, ползучая змея,
Он грязный ров коварства и обмана!

Рафим.
А знаешь ли, что ныне скрыто в нем?

Асадай.
Вот здесь при мне он говорил с царем,
Что в царстве есть какая-то зараза,
Какой-то род преступников таких,
Которых жизнь есть порча для других,
И нагло он выпрашивал указа,
Чтоб Ахшверус их истребить велел,
Как пагубных для пользы общих дел,
И как людей, которые для власти
И прочности народной тишины
По духу смут опасны и вредны:
Так может быть, что при звериной страсти
К таким делам, где от крови тепло,
Он сам собой усилить хочет зло,
Как делают подобные злодеи…

Рафим.
Ты отгадал!… Неистов и жесток,
Он завтра же назначил казни срок…

Асадай.
А жертвы кто?

Рафим.
А жертвы те — евреи…

Асадай.
(Страшно пораженный, вскрикивает громко:)
Великий Бог!… Великий, грозный Бог!…

Рафим.
Опомнися!… Здесь царственный чертог;
Кругом враги — и ты себя погубишь:
Ты станешь, друг, добычею для них!…

Асадай.
(Не обращая внимания на его слова,
говорит громко сквозь слезы:)
Великий Бог!… И так детей Своих
Ты позабыл!… Ты больше их не любишь?…
Ты их отверг, и сгубит их палач!…

Рафим.
О, старец мой!… тут не поможет плач,
Но действуй ты: еще осталось время,
Чтоб ловкими пособьями ума
Отсторонить ударные грома…

Асадай.
(По-прежнему не слушая Рафима и горько рыдая.)
Великий Бог!… И так святое племя
И царское наследие Твое
Стремительно сойдет в небытие?…
(Остановясь на минуту, поспешно обращается к Рафиму
и, взяв его за руки, говорит умоляющим голосом:)
Но может быть все ужасы мучений
На мне одном обрушит тот злодей?…
Не правда ли?… Он не убьет людей?…
Утешь меня!…

Рафим.
Нет, всех без исключений!…
На бедных вас, как раздраженный лев,
Неистово в душе рассвирепев
Порывами пугающего гнева,
И весь дыша чудовищной алчбой
Увидеть вас разбитых под собой,
Он повелел от имени царева,
Чтоб воины спешили бы скорей
Позорить жен, бесчестить дочерей,
И в дерзости карая своевольно
Невинный род, он приказал мне сам,
Чтоб ваших чад отдать в добычу псам…

Асадай.
(В изнеможении,)
О, пощади!… И так всего довольно!

Рафим.
Злодей хотел, чтоб вынув свой кинжал
Я вместе с ним невинных поражал,
И заодно вступая в это дело,
Стал есть людей, как ест голодный зверь;
Но я сатрап, и потому теперь
Всю кознь его я открываю смело,
Чтоб ты помог собратиям своим…

Асадай.
(Приходя в крайнее изнеможение, говорит
с печальной усмешкой:)
Чтоб я помог?… Дай руку мне, Рафим:
Я весь ослаб от грозного страданья…

Рафим.
(Поддерживая Асадая,)
Скрепися, друг, и действуй, действуй ты…

Асадай.
(Возводит свои взоры и едва слышимым голосом
произносит упречно:)
На все, мой Бог, Ты смотришь с высоты,
И где ж, Иаг, Твои обетованья?…

Часть третья
Ветхое и новое

Сцена та же. — Утро другого дня.

Явление I

Асадай и Рафим.

Асадай.

(Одетый вретищем и осыпанный пеплом и прахом.)

Итак, Рафим, в державный сей чертог
Мне нет уже ни входов, ни дорог!
Все случаи, все средства для спасенья,
Все у меня сумел похитить враг:
Он вычислил искусно каждый шаг,
На все взглянул, и полный опасенья
Вникательно всмотрелся в те пути,
Где мог бы я пособия найти,
И стал потом он тенью безотлучной
Следить везде за молодым царем,
Чтоб как-нибудь о бедствии своем
Не передал страдалец злополучный,
И через то Иуды бедных чад
Из пасти льва не вырвал бы назад…
Да, он умно на все придумал меры
И разгласил, что этой ночью вдруг
Объял меня томительный недуг;
Но как палач без совести и веры
Он одного предусмотреть не мог:
Что за сирот и за невинных — Бог!…
И вот я здесь, и снова луч надежды
Разлил мне свет и придал новых сил,
И мнится мне, что кто-то оросил
Дождем отрад пылающие вежды…
Но чем теперь, в униженной судьбе,
За этот вход я уплачу тебе?…

Рафим.

Не говори о жалком воздаянье!…
Кто полюбить возвышенно умел
Прекрасный труд для благородных дел,
Кто в искреннем, сердечном состраданье
Приняв душой участие в другом,
Готов идти бороться со врагом,
И с мужеством вытерпливать все муки
Чтоб скорбного засторонить собой, —
Тот не начнет с постыдною мольбой
Протягивать для воздаянья руки…
Нет, Асадай! его награда с ним!…
Воспламенясь желанием благим
И действуя, он слышит в то же время
Как звук речей, которым чудно он
В своей душе за все вознагражден…

(Приостановясь несколько.)

Но как же мы избавим ваше племя?…
Что в эту ночь ты изобрел умом?…
Как ты пойдешь?…

Асадай.

Каким пойду путем?…
Путем любви идти всего вернее:
Она кротка, но речь ее сильна,
Но взор могуч, и в этот день она
Пускай все зло обрушит на злодея
И даст ему погибель как венец!…

Рафим.

На женщину надеется мудрец?…
Опасная ж и скользкая дорога!…

Асадай.

(С жаром,)

О нет, Рафим!… не понял ты меня!…
Я всей душой блистательнее дня
Светлеюся надеждою на Бога,
Я действую, как мне с высот своих
Внушил Отец гонимых и благих,
А женщина — орудие простое…
Но выслушай, что сбылось надо мной…

(После небольшой паузы,)

Когда вчера туманной пеленой
Как пар с болот, как облако густое,
На душу мне унынье налегло
И все внутри кровавой вестью жгло,
И резало, и жало, и томило,
То в оный миг, горя как у огня,
Я слышать стал, как сердце у меня
Все медленней, все реже, тише било,
И несмотря на оный жар и пыл,
Замолкнуло — и вот я вдруг остыл…
О!… Никогда такого перехода
Своей душой не позабуду я!…
Сдавалось мне, что вдруг из бытия
Под мрак того чернеющего свода[34],
Где тление в объятья жизнь берет,
Под этот мрак — меня несут вперед,
Несут… несут… все ближе к страшной мете,
Где навсегда я преклоню главу;
Меня несут — а я еще живу,
И чувствую, что я на этом свете
Последний свой доканчиваю путь;
Но не могу ни вскрикнуть, ни вздохнуть,
И на одре лежу я, как убитой!…
Вот наконец как будто принесли
Уже меня ко впадине земли,
И вставили, и завалили плитой,
А я живу, и знаю, что вокруг
Все смерть, и смерть, да смерти грозный дух[35],
И убежден, что близ меня повсюду
Лежит земля, и та земля толста,
А нет ее — так есть взамен плита,
И думаю, что я уже не буду
К себе вовнутрь дыханьем жизнь вбирать:
Я слился в боль, и начал умирать!
И смерть брала и полонила пленом
Составы все расслабшие мои,
И терпнул я, и ноя в забытьи,
Так слышимо терял я член за членом,
И вот меня не стало уж потом:
Я как исчез, и в омертвенье том,
Окаменев для внешних впечатлении,
И здесь, в груди, не слыша бытия,
Как бы навек был уничтожен я…

Но вдруг меня в ужасный мир видений
Стремительно подъяло изо мглы:
Там бедствия клубились как валы,
Как ливный дождь ручьилися там слезы,
И оглася все скорбию живой,
Там несся плач, как томный вихря вой;
Земля тряслась, вверху гремели грозы,
И молния, пространство озмеив,
Слила его в пылающий разлив…
Я простонал, и быстро ожил страхом;
Хотел бежать, но Серафим святой,
Таинственно представ передо мной,
Своей руки торжественным размахом
Остановил смущенного меня,
И вслед за тем на зареве огня,
Как на пылу раскинутой денницы
Знакомое мне имя начертил,
И оное под сенью белых крил
Звездилось мне…

Рафим.

Чье ж имя то?

Асадай.

Царицы,
Столь искренно приверженной к добру!…

Рафим.

О, старец мой!… тебя прельщал в жару
Коварный сон — и веришь ты обману?

Асадай.

(Умоляющим голосом,)

Ах, не терзай страдальца старика!…
Меня и так измучила тоска,
Я чуть дышу, не лей же яда в рану,
Не похищай последних благ моих!
И так уже я гость минутный в них,
Я весь готов заплакать от страданья,
Как о детях родная плачет мать:
Зачем же, друг, той речью отнимать
Последний луч святого упованья,
Случайно здесь оставшийся на дне,
И отнимать в то время, как во мне
Исчезнули и мужество и сила,
И я в бедах живу, как неживой?…

Рафим.

(Стараясь ободрить его,)

Утешься, друг!… Быть может разум твой
И не мечта коварно обольстила;
Но будь же тверд, и крепок, и готов
Отстаивать собратий от врагов,
И верь, что мы, сдружившись для отпора
И смелости воспламенясь огнем,
Их отразим, и сломим, и сомнем…
Но, старец мой, часы проходят скоро,
И я все жду, что здесь пойдет Дельфон:
Мы близки с ним, и думаю, что он
Легко тебе доставит сам свиданье
С державною заступницей твоей,
И сделает все это тем скорей,
Что верно ты, в подобном одеянье
И в пепле весь, не будешь узнан им,
А я потом с товарищем моим
Увижуся, и расскажу все дело,
И твердо я уверен наперед,
Что он меня за ложь не упрекнет…
Но между тем вступая в битву смело
С погибельным и дерзостным врагом,
Каков Дедан, расставлю я кругом
Чертогов сих, для зорких наблюдений,
Испытанных и верных мне людей,
Чтоб если чуть появится злодей,
То мог бы ты укрыться от смятений
Не забывай:

(Указывая на левую сторону сцены,)

Вот эта дверь — твой путь,
И если ты заметишь что-нибудь,
Беги туда — там будет ждать помога,
И верные мои проводники
Тебя спасут от мстительной руки…

Асадай.

(Сжимая руку Рафима,)

Рафим, Рафим!… ты мне посланник Бога
И первый луч яснеющего дня…

Рафим.

Но вот идут… Стань дальше от меня…

Явление II

Рафим и Дельфон.

Дельфон.

(Несколько изумленный неожиданностью встречи с Рафимом.)

Ты здесь, Рафим?…

Рафим.

Я ждал давно Дельфона.

Дельфон.

Ты ждал меня?…

Рафим.

Да, — с просьбою…

Дельфон.

С какой?

Рафим.

Да вот бедняк: он приведен судьбой
Из Бабеля, из града слез и стона
И здесь, у нас остановясь теперь,
Легко узнал, что светлая Хеверь,
Рожденная во время бедствии плена,
Взошла у нас к державным высотам,
А он еврей, и по его словам
С царицею из одного колена,

Так бы ему желалось как-нибудь
Открыть себе к властительнице путь,
Чтобы в один короткий миг свиданья
Пересказав царице молодой,
Как весь народ измучен под бедой,
И как изныл от долгого страданья
В чужой стране, под бременем оков,
Просить потом за кровных бедняков…
Идя сюда, я все узнал случайно:
Мне стало жаль, я ввел его в чертог…
(Взяв Дельфона за руку,)
Что если б ты несчастному помог?

Дельфон.

Готов, — но друг, чтоб это было тайно…
Ты должен знать и помнить сам, Рафим,
Все правила, какие мы храним,
И так смотри, чтоб за услугой тою
Ко мне не шла уплатою беда;
Но впрочем я надеюся всегда,
Что как сатрап, ты тот же все душою,
И что тебе святая честь — закон…

Рафим.

Благодарю за мнение, Дельфон…

Дельфон.

А твой старик?

Рафим.

Я за него ручаюсь:
Обязанный пособиям моим,
Он будет нем…

Дельфон.

Но, добрый мой Рафим,
Внезапности я сильно опасаюсь
В решительном и смелом деле том…
Что, если царь узнает вдруг потом,
Как я дерзнул, не слыша повеленья,
Впускать сюда к царице тех людей,
Которых здесь не должно видеть ей?…

Рафим.

О нет, Дельфон!… оставь свои сомненья!
Доверься мне, как другу своему,
И ревностно все меры я возьму,
Чтоб отклонить опасную тревогу,
За всем смотреть, все буду видеть сам,
И чуть не так — я тотчас знак подам…

Дельфон.

(Прерывая его,)
А он куда?

Рафим.

Он знает уж дорогу…
Но для него, при бедствиях таких,
Решителен и дорог каждый миг;
Итак спеши, и успокоясь духом
Ты не тревожь боязнью разум свой:
Я буду страж и верный часовой,
И буду весь — вниманьем, взором, слухом
Чтоб в сей чертог никто бы не проник…
Дельфон.
Иду, иду!…
(К Асадаю,)
Повремени, старик!
(Уходит.)

Рафим.

Воспользуйся ж минутою свиданья,
Моли Хеверь за жизнь страдальцев тех,
И пусть твой Бог подаст тебе успех
Вернее снов и выше ожиданья…

Явление III

Асадай.

Вернее снов?… Нет, это не был сон!…
Я зрел его, как ненаглядный он,
Увенчанный в чудесное сиянье,
И весь блестя нездешней красотой,
Слетел легко в блистательности той,
Мне вея в дух святое обоянье!…
Я зрел его, как он яснее дня
Рассыпчато звездился на меня
Роскошностью предвечного Сиона,
И распрямя широкие криле,
Он ни на чем стоял, как на скале,
И был он тверд, как выси Либанона!…[36]
Да!… видел я, как он своим жезлом
Торжественно в разливе огневом
Начертывал понятное мне слово,
Как вслед за тем пожарный свет исчез,
И тот жилец таинственных небес
Понесся вдаль пространства голубого.…
Я видел сам, как вестник сей младой
Над облачной белеющей грядой
Восторженно в лазурном блеске реял,
И кроткою улыбкой красоты,
Сиявшей мне с далекой высоты,
Спасительно у бедного развеял
В больной груди рыдания и стон,
И дал мне жизнь… Нет, это не был сон!…
(После небольшой приостановки,)
Не сон — а я?… В унынье безрассудном,
К стыду седин, подумать в сердце смел,
Что наш народ — уже осиротел!
Я позабыл о гневе правосудном,
Которым ты, для страха племенам,
Всегда карал враждебно чуждых нам;
Я позабыл погибель Фараона,
И Чермных вод кипучую стену,
И как ты сам, оставя вышину,
Нас одарил скрижалями закона;
Как наряду с полками вечных сил
Своих детей небесностью кормил;
Как выведя из рабства и страданья
И с роскошью могущего царя
Богатствами земными одаря,

Привел ты нас в страну обетованья,
В страну красот, и меда и млека, —
Я все забыл!… Но сердце старика
Светшалося, а замыслы отмщенья
Всегда новы и сильно душу жгут, —
И так прости, не вниди с бедным в суд
Не вспоминай преступного сомненья,
Которое, как горестей залог,
Пришло ко мне и захватя врасплох,
Втеснилося в страдальца против воли,
И дерзких дум насильственной рукой
Низвергнуло и счастье, и покой…
Теперь, Иаг, от всякой лютой боли
Мой дух опять избавился во мне,
И радостно в душевной тишине
Надеждою все чувства разогреты!…
(Снова приостанавливаясь,)

Но может быть избранные сыны
Самим тобой на казнь обречены? —
О, нет… Ты дал, и Ты свершишь обеты:
Ты сбережешь наследный свой народ,
И будет он — как море многих вод!…
(Начиная постепенно преполняться восторгом,)

Да! сбережешь!… Вот я прозрел душою!
Вот видно мне, как тают небеса;
Вот их уж нет, и чудная краса
Разверзлася и блещет надо мною!…
(В священном упоении,)

Роскошный мир!… Нетленный божий мир!…
Как ты хорош!… Как дивно счастья пир
Кипит в тебе струями жизни вечной,
И как светло, как щедро те струи
Разыскрились на пажити твои
Восторгами святыни бесконечной,
Чтоб оными был полон через край
Роскошный мир, верховный божий рай!…
Я чувствую: там роскошь неги веет,
Там радости и волны красоты
Пурпурными зарями разлиты,
И в оном дне торжественно светлеет
Безмерное величие Твое,
Обняв Собой мирское бытие…
И вижу я сердечными очами
Как видим мы сквозь тонкий келаим[37],
Что Ты одет всесилием своим,
И убран весь державности лучами,
И в свитые, душистые цветы
Своих щедрот — как препоясан ты!…
И вот еще на оный мир взирая,
Там вижу я, как из возможных благ
Слился в одно твой дивный Кас-Иаг[38],
И как на нем, взнесясь над светом рая,
Разбрызганном в бесчисленность кругов,
Ты восседишь мой Бог, среди Богов!…
Ты восседишь — и вот я тихо внемлю,
Как мудро ты, благой Адонаи,
Рассудишь суд и все судьбы Твои
На грешную, заблудшуюся землю…
И вижу я, как там, над вышиной,
Два жребия в своей руке десной
О племени святого Авраама
Властительно ты держишь пред собой:
Один из них, предызбранный судьбой,
Как бы живет и указует прямо
К той стороне, где радости дугой
Блестит любовь и милость, — а другой,
Другой на смерть, и бедствия, и муки…
Ты взвесил их, и сонм небесных сил
В неведенье дыханье затаил,
Вот медленно Ты воздеваешь руки…
Остановил… разверз их… жребий пал,
И хор духов опять заликовал
В таинственном блаженстве Пресвятого,
И все уста восторженно гремят:
«О Элогим!… Ты беспредельно свят!
Ты милосерд к несчастным, Иегова»…
Да!… жребий пал!… гроза прошла, и вот
Уже спасен желательный народ:
Как вретище, отбросил он страданье,
Как прах и пепл, развеял он печаль,
И посмотря в яснеющую даль,
Обвил чело в любовь и упованье,
И бодро встал, и весь вздохнул легко!…
(Одушевляясь еще большим восторгом,)

О, как теперь прозрел я далеко!…
Передо мной, как небеса святые,
Раскидисто простерты времена, —
И вот звезда мне на небе видна,
За коей вслед нисходит к нам Мессия!
Вот Он идет… вот ближе… вот сошел,
И от Него, цельбою здешних зол,
Как пышная царева диадема,
Жемчужится предвечных слов цери[39],
А как Он светл в игре своей зари!
И вкруг царя, как яркая рикема[40]
Разостлана святая благодать
Чтобы покров для беспорочных дать!…
Да!… дивен Он, сей властелин Сиона,
И царски щедр к семье наземных чад
В низлитии божественных отрад,
Струящихся из неземного лона!…
И как он добр!… В величии своем
Державствуя над жизнию царем,
Он любит всех как бы родимых братий,
И ласковой приветностью речей
Он всех зовет в сиянье тех лучей
И в тихое блаженство тех объятий,
Откуда Он явился дивно сам,
Чтоб указав к далеким небесам
Раздольный путь веселья и свободы,
Наставить нас, как должно нам идти
По оному широкому пути!…
(Осматриваясь в чудесно вдохновительной
созерцательности, продолжает восторженно:)

Он всех зовет… Встают от сна народы
И слыша зов, гремящий как поток,
Очнулися и Запад и Восток
И жаркий Юг, и жители полночи,
И все они, в таинственном пылу
Стремительно бросая мрак и мглу,
И в теплый свет вперяя зорко очи,
За красотой обещанных наград,
К небесному посланнику спешат,

Бегут, пришли и рабски преклонились,
К сырой земле приникнувши лицом
Перед его кровавым багрянцем,
И дружно так в семью соединились,
И в той семье, желанно-слитой в нем,
Он сам же стал властительным царем,
И царствует, и стонут духи ада
Перед его победною рукой,
И все сбылось, — и как песок морской
Размножились предызбранные чада!…
(Останавливается, как бы пораженный внезапным ударом, и потом продолжает, уже не помня о последнем видении своем…)
Где я? — Я здесь, в печальном бытии…
Вот прах и пепл… вот вретища мои:
Они со мной по-прежнему остались;
А миг назад каких-то ясных волн
Так радостно, так дивно был я полн, —
И где ж они? — Отхлынули, умчались,
И прежнее томительное зло
На место их мне в душу залегло!…
(Переходя в глубокое уныние,)
Вот день горит, — и весело отвсюду
На пиршество сбирается народ:
Не знает он, какая кара ждет
Забытого и бедного Иуду…
Вот вижу я отверженных детей:
Доверчиво средь козней и сетей
Мешаяся с народною семьею,
Не ведают несчастные они,
Что Богом сил изочтены их дни,
И что едва над шумною землею
Расстелется прохладный мрак ночей,
И грянет казнь, и страшно от мечей
Начнет блистать кровавая зарница,
Завоют псы, раздастся плач и стон,
Везде беда, и смерть со всех сторон
Обступит нас…

Явление IV

Хеверь и Асадай.

Асадай.
(Повергаясь к ногам Хевери,)
О! пощади, царица!…
Призри к слезам!… Умилосердись ты
Над бедными рабами нищеты!…
У ног твоих за ближних и за братий
Молю тебя, державная Хеверь,
Чтоб ты скорей спешила бы теперь
Сиянием священной благодати
Украсить свой властительский венец…
Спаси ты всех…

Хеверь.
(В полноте изумления,)
Чей голос?… Мой отец?…
У ног моих?

Асадай.
И просит состраданья!

Хеверь.
(Поспешно поднимая его,)
О, встань, отец!… Сюда, на грудь ко мне!…
Я дочь твоя; у нас беды одне,
Смешаем же и слезы, и рыданья,
Чтоб нас двоих плотская ноша зла
Не сильно бы собою загнела…
Но говори, зачем ты оным прахом
И вретищем печально весь покрыт:
Или тебя запокрывалил стыд,
Иль ты объят неотразимым страхом,
Грозу и мрак завидя над собой?…

Асадай.
Хеверь!… Мы все — отвержены судьбой!

Хеверь.
Судьбою?

Асадай.
Да!… Мы втоптаны в презренье,
Нас Бог отверг, и скоро, скоро Он
Свой вертоград, Свой пышный элеон
Чудовищам отдаст на разграбленье,
И рухнет зло ударом громовым!…

Хеверь.
Уже ль народ?…

Асадай.
(Прерывая Хеверь,)
Исчезнет он, как дым!

Хеверь.
Иуда?

Асадай.
Да!

Хеверь.
Обетованья дети?

Асадай.
Да, да, Хеверь!… Уже враги пришли,
И ров кругом глубокий обвели,
И по стезям везде простерли сети,
Осталося подать условный знак,
И скосят нас, как скашивают злак
Отточенной и светлою косою,
И все падет: народ, закон, завет,
Кивот и храм, и заглумится свет,
Когда гроза, промчавшись полосою,
Развеет нас, как утренний туман!…

Хеверь.
Кто ж дерзкий тот?

Асадай.
Кто враг у нас? — Дедан!…
Ты помнишь, друг, как весь объятый страстью,
Он предлагал, чтоб для него сберечь

Мою Хеверь; но я отверг ту речь,
И вот злодей, крамольничая властью,
Решается в отмщение за то
Низринуть нас, и обратить в ничто!…

Хеверь.

Но как он мог?

Асадай.

Чего не могут люди?…
Наружность их и явные дела
Ты в доброте за истину сочла,
А поживи, а загляни в их груди,
В надменные, в лукавые сердца,
И прочитай с начала до конца
Всю книгу дум, и свиток наблюденья
Перед своим вниманием разложа,
Ты до того проникни рубежа,
Где человек, сей жалкий сын паденья,
Откинув страх и забывая стыд,
В своем пылу становится открыт:
Тогда ты вся изноешь от страданья,
За тем, что вдруг, из оной страшной тьмы
Пахнет к тебе заразностью чумы…
(Подавая свиток,)
Взгляни сама… Вот список с приказанья…
Чего для нас недостает, Хеверь?
Что позабыл несытый этот зверь
Своею злой, погибельною местью?
Тут есть и нож, и муки, и позор,
И кровь, и плач, и плаха, и топор, —
Да! все тут есть!…

Хеверь.

(Пробегая свиток, восклицает в невольном ужасе:)
Как?… Жен предать бесчестью…

Асадай.

И жен и дев, как плату небесам
За все грехи…

Хеверь.

(С возрастающим ужасом,)
Младенцев кинуть псам?…

Асадай.

Голодным псам на демонскую травлю!…
С закатом дня пошлют везде гонцов —
И все под нож!…

Хеверь.

(После минутного молчания становясь совершенно покойною.)
О, Бог моих отцов!…
Я славила, и ныне сердцем славлю,
И до могил все буду славить я
Твою любовь, источник бытия!…
Да! я в душе убеждена глубоко,
Что милости державные Твои
Текут на всех, как полные струи
Безбрежного и вечного потока;
Что если б Ты властительной рукой
И покарал преступный род плотской,
То это все в избытке благодати,
И все затем, чтобы потом опять
В другой стране с любовью всех обнять;
Но я сестра моих несчастных братий,
Но жаждая в святую даль Твою,
Я так люблю ту скорбную семью:
Она и я — мы слиты между нами,
Как две реки сливаются в одну;
И как же я в отрадную страну,
Разлучена с родимыми волнами,
Домчусь к Тебе унылая одна?…
И так внуши, что делать я должна;
Дай сердцу весть, и Ангела святого
Пришли с высот посланником ко мне,
Чтоб он явил в душевной глубине
Твои суды, мой дивный Иегова,
Об участи наземных наших дел!…
(В тихом восторге,)
Так!… слышу я!… Он в душу низлетел,
Он мне принес Твое благословенье,
И теплые сказания Твои
Так сладки мне, Создатель Саддаи!…
(Обращаясь к Асадаю с кротким весельем,)
Отец!… не плачь!… Где Вера, там спасенье,
Где сильный Бог, где крепкий наш Иаг,
Там злоба — в пыль и ниже пыли — враг!…
Оденься же в святое упованье,
Терпением ты чресла препояшь,
Надень шлем сил, и верь: Иуда наш
Не обречен на стыд и поругание
И не пойдет к закланию под меч!…
Сбрось вретища с твоих согбенных плеч;
Тебе ли их пред заклятым злодеем,
Как бы страшась и трепеща, нести?
Свей пепел свой, и щедро умасти
Свою главу роскошливым элеем…
Да, мой отец!… Доверься ты судьбе,
И кроткая, подаст она тебе
Своих надежд питательные снеди
И силою засторонит везде:
Я женщина, но в роковой беде
Быстрей меча в крепче ратной меди,
(Указывая на сердце.)
За тем, что здесь Адонаи живет,
И я пойду бестрепетно вперед,
Всегда сильна любовью мне родною,
Всегда кротка пред волею судьбы,
Я принесу властителю мольбы,
И не вотще: я чувствую, что мною
Засторонит увлекшихся в Сион
Невидимый и милосердый Он!

Асадай.

(Радостно одушевляемый возрастающими надеждами.)
Свершаются чудесные виденья,
И верен мне таинственный мой сон!…
(Обращаясь к Хевери,)
Но, дочь моя, здесь в царстве есть закон…

Хеверь.

(Прерывая его,)

Закон!… Какой?…

Асадай.

Кто смел без повеленья
Войти к царю, и если царь над ним
С приветствием торжественно благим
Не распростреть свой скипетр в знак пощады,
Тогда его немедленно казнят…
И так теперь, бросая верный взгляд,
На этот ров убийственной преграды,
Не лучше ль, друг, стараться так идти,
Чтобы себя, в священном том пути,
Не подвергать погибели напрасной,
И между тем, так хорошо суметь,
Чтоб нам в руках победу всю иметь!…

Хеверь.

(Снова прерывает его, воспламеняяся благородным жаром:)

Как?… Мне искать дороги безопасной!…
Я стану жизнь ничтожную беречь,
Когда Дедан так дерзко поднял меч
Над братьями, над кровными моими?…
Как?… Я начну от страха трепетать,
Когда тот враг, как исступленный тать,
Подкрался к ним, чтобы потом над ними
Обрушиться насильем бурных вод?
Нет, Асадай!… Кто любит свой народ
Высокою, небесною любовью,
Кто несмотря ни на какой удел,
К нему всегда привержен быть умел,
Тот за него не заскупится кровью
И как на пир в ту сторону пойдет,
Где смерть его восторженного ждет:
Она ему и слава, и отрада,
И путь в эден, и все ему она!…

(Вдохновенная священным веселием,)

О, как душа во мне восхищена!
Как, мой отец, опасности я рада!…
Теперь-то я широко разовью
Пред Богом Сил привязанность мою,
Мою любовь к семье родимых братий,
Скорбящих здесь, в наземной стороне,
И верю я: Он не затворит мне,
За этот пыл, духовных тех объятий,
Какими там сольемся мы в одно!…
Да!… Все мне вдруг от неба внушено:
Как мне идти, как действовать, я знаю
Я в этот миг полнее обняла,
Что лучший путь к спасению от зла
Есть путь сердец к божественному раю,
И оный рай отворится для нас!…
Но поспешим!… Пробил желанный час
Я вся на труд воинственный готова
И светит мне великолепный свет
Залогом благ, и счастья, и побед!…

(Уходит.)

Асадай.

Благослови, всевышний Иегова,
Благослови заступницу сию!
Она светла, а я во тьме стою,
Как мрачный дух томительных видений,
Проявленный в унылости ночной,
И трепеща страдаю, как больной,
Над пропастью незнанья и сомнений,
Откуда вверх, то грязною водой
Отбрызнет плач, то вдруг обдаст бедой,
А ночь кругом, и я все жду рассвета,
И только жду, и не приходит он
Раззолочать душевный небосклон,
И твердь ума еще не разогрета
Игрой лучей и радостию дня!…

(Возводя взоры,)

Мой Бог! прости и подкрепи меня!…

Явление V

Внутренность огромного царского шатра, раскинутого на помосте из мрамора и порфира… Во всю длину шатра тянутся три двойных ряда золотых и серебряных колонн, из коих один ряд идет посредине, не доходя однако же до края авансцены, а два другие у самых продольных стен, так что между колоннами образуются две великолепных галереи, и впереди, при окончании их, небольшая площадка… Покровы шатра состоят из дорогих биссонных и шелковых занавесов: пурпурного, зеленого и светло-небесного цвета… Раскидываясь в пышных складках от самого верха до помоста, они перевиты по местам пурпурными, шелковыми и биссонными жгутами, а у внутренней стороны крайних колоннад подхвачены огромными и широкими золотыми кольцами… Впереди левой галереи сделано небольшое возвышение о трех ступенях, обитое пурпуром… На ней находится золотое ложе царя и его золотой стол, осыпанные драгоценными каменьями со всею восточною роскошью. Остальное место за сим возвышением и вся правая галерея заставлены, во все протяжение шатра, золотыми столами, за коими с одной только стороны, около крайних колонн, стоят серебряные ложа, завешанные прозрачными покрывалами, на которых вышиты золотом разные цветы. На покрывале царского золотого ложа, вместо цветов, вышиты разные фантастические звери и птицы, щедро осыпанные драгоценными каменьями… Столы обременены золотыми чашами и другими сосудами разной величины и вида… Перед престольным возвышением поставлен небольшой стол, на котором лежат порфира и корона, приготовленные для торжества Асадая… На площадке царского возвышения, на ступенях его и вокруг всех столов рассыпаны розы и сухие ароматы.

Ахшверус, Дедан, Рафим, Гофам, сатрапы, персидские и мидийские военачальники, евнухи, почетные царские стражи, воины-телохранители, мусикийцы и мусикиянки, кравчие и кравчия, рабы и рабыни.

Ахшверус на своем царском ложе; подле него Дедан, Рафим лежит на переднем ложе правой галереи; за ним виден Гофам… За столами пируют евнухи царя, сатрапы и военачальники Персии и Мидии… на ступенях возвышения находятся почетные царские стражи в богатейших одеждах; за ними и в глубине галереи при входе воины-телохранители… Евнух, стоящий по пра-

вую руку царя на самой площадке возвышения, держит пурпуровую подушку, на коей лежит золотой скипетр, украшенный на верхнем конце искусно вылитою розою. Множество виночерпцов и виночерпиц, рабов и рабынь подают вина и яства... Мусикийцы и мусикиянки играют торжественную песнь, по окончании которой Ахшверус, исполненный удовольствия, окидывает взором все блестящее собрание и начинает говорить, обращаясь ко всем.

Ахшверус.

Прекрасен день любви и пирований!
Так радостен я не был уж давно...
Как много вдруг богами свершено
Моих надежд и пламенных желаний!
Как хорошо на этот пир смотря,
Заметить в нем, что все вокруг царя
Так счастливы, довольны и беспечны,
Все так шумны в пылу бесед своих,
И сладок мне веселый говор их:
Он как ответ на мой восторг сердечный,
Он весь как жизнь и как душа пиров!
(Снова окидывая взглядом всех пирующих и любуясь веселостью живописной великолепной картины,)
Да!... Много вдруг заманчивых даров
Слито судьбой к блистательному трону,
И в этот день, в один из лучших дней,
Я всех прошу за трапезой моей
Роскошничать и пить не по закону,
Который вам от наших предков дан...

Многие из пирующих.

Благодарим, властитель!...

Ахшверус.

Но, Дедан,
Открыт ли пир для доброго народа?

Дедан.

Да, государь!... На стогнах уж давно
Расставлены и снеди, и вино;
Толпы кипят и всем дана свобода
Торжествовать на счет твоей казны...

Ахшверус.

Так и всегда мы действовать должны!...
(Приостановясь,)
Когда отец семейства веселится,
То всей душой внимательный к другим,
Обязан он веселием своим
С толпой детей приветливо делиться
И раздавать им радости щедрей...
Да! в этом долг, прекрасный долг царей,
И счастлив тот, кто может силой воли
Быть в каждый миг полезным для людей,
И благостью могучею своей
Цветить им жизнь и врачевать их боли!...
(Снова небольшая пауза,)
Благодаря всевластным небесам,
Изведал я, и твердо знаю сам,
Как тот блажен, кто свято чтит уставы
Невидимых и царственных богов,
И посреди блистательных лугов
Державности, величия и славы,
Рабом судеб свершая мирно путь,
Восторженно себе наполнить грудь
Порывами стремительных влечений
К отрадному и светлому добру:
Тогда душой он вечно на пиру,
И тихий гул святых благословений
Дойдет к нему, как песня по волнам,
Звуча порой, доходит мирно к нам;
Приняв его, он для ответа снова
Зачерпает из кладезей своих
Потоки чувств и помыслов благих,
Чтоб силою властительного слова,
Все расширять великолепный круг
Своих щедрот...
(К Дедану,)
Не так ли, верный друг!...
Он различит, что этот кроткий лепет —
Не тот пустой, безумный, жалкий крик,
Которым чернь блажит своих владык,
Когда сама, заслыша злобный трепет,
Сквозь горький плач, волнующий сердца,
Клянет в душе слепого гордеца!
Нет!... Опытный, он чувствам лишь поверит,
Он только их приветы сбережет...

Дедан.

И будет прав; в нем сердце не солжет:
Пред добрыми никто не лицемерит.

Ахшверус.

(Простодушно.)
Да, — кроме злых...

Явление VI

Прежние, Хеверь, Дельфон, евнухи царицы и ее рабыни. Две из последних несут ее шлейф.

Дельфон.

(Входя как провозвестник.)
Царица!
(Пиршество прекращается; все встают; виночерпцы, кравчие, рабы и рабыни перейдя в левую галерею, очищают путь для Хевери.)

Ахшверус.

(Поспешно сходя навстречу царице,)
Где Хеверь?
Где та звезда, которая теперь
В моей душе светлеется так ясно,
И вся собой отрадная на вид,
Меня огнем веселия живит?...
(При извещении Дельфона о приходе царицы, Дедан бросает испытующий взгляд на Рафима, который, собрав всю свою душевную твердость, отражает оный притворным спокойствием.)

Дедан.
(Самому себе,)
Он вынес взор, так стало безопасно,
И твердым я по-прежнему стою...
(Между тем Ахшверус подходит со скипетром почти к самым дверям для встречи Хевери.)

Хеверь.
(Преклоняясь пред государем.)
Мой артаксеркс!... прости рабу свою...

Ахшверус.
(Поднимая Хеверь с ласковою заботливостию.)
Тебя простить, моя луна младая,
И яркое созвездье красоты?...
Но в чем же, друг, виновна стала ты?...

Хеверь.
Властительный закон не соблюдая,
И пред тобой являяся без зва,
Еще ли я, преступница, права?

Ахшверус.
(Взяв Хеверь за руку и идя с нею вперед.)
Преступница?... супруга?... предо мною?
Нет!... Ты сильна, державна ты как я,
Ты мой закон, в тебе вся власть моя,
И славой мы окружены одною;
Но чтобы мне твой успокоить дух,
То вот взгляни, великолепный друг,
Как над тобой сияет эта роза,
А где с высот приосенит она,
Там нехотя к земле преклонена,
Безмолвствует громовая угроза
Возвышенной всемощности царей...
Но передай желанья ты скорей,
И речь твою я уловлю с алчбою,
И все свершу в державственной судьбе;
Да!... все свершу! как царь, клянусь тебе:
Порфирою, короною, собою,
И светлыми создателями дня!

Хеверь.
Три просьбы есть на сердце у меня...

Ахшверус.
В чем первая?...

Хеверь.
Властитель!... Я узнала,
Как любишь ты убранство на пирах,
И для того в роскошливых садах
Своей рукой заботливо собрала
Избранные, душистые цветы,
И те плоды, какие любишь ты,
Чтоб радостный чертог увеселенья
Наполняся дарами теплых дней,
От их красы казался бы пышней
И навевал привольем наслажденья!...
Прими ты их, усердие ценя:
Мой дар так прост...

Ахшверус.
(Прерывая Хеверь,)
Но дорог для меня
Когда твоей любовью он украшен
И принесен с радушьем доброты...
(К рабам,)
Внести дары...
(Снова к Хевери,)
А царственная ты,
Вкуси у нас желанных вин и брашен,
И общею веселостью дыши!
Взойдем, Хеверь...
(Возводит ее на возвышение и помещает ее по правую свою сторону.)
Как сладки для души
Те чистые и мирные мгновенья,
И как тогда блаженства мы полны,
Когда в разлив сердечной тишины
Расплещется отрада убежденья,
Как ясное сиянье по волнам,
Что близкие — ответны в чувствах нам!...
Да, кроткий друг!... заманчивым восходом
Объемля все и радужно горя,
В моей груди теплелася заря
Счастливых дней, но ты своим приходом,
В пленительном величии своем,
Все разожгла и сделала полднем,
Лучащимся по небу голубому!...
Одно, Хеверь, не радует меня,
Что посреди торжественного дня,
Я твоему наставнику благому
Не выплачу священных мне долгов,
Но всей душой надеясь на богов,
Врачующих наземные страданья,
Я думаю, что в щедрости ко мне,
Они с высот благоволят вполне
Свершить мои заветные желанья,
И потому мне в сердце мысль пришла:
Послать скорей избранного посла
К скорбящему и близкому нам другу,
За тем, Хеверь, что если только он
При тех скорбях столь крепок и силен,
Чтобы легко противиться недугу,
То мы его приветливо зовем
Беседовать и пировать с царем;
А чтоб сие посольство для больного
Казалося почетней и лестней,
Так с просьбою властительной моей
К тебе, Дедан, я обращаюсь снова,
И убежден, что силу оных слов,
Ты совершить усердливо готов...

Дедан.
(Стараясь скрыть свою досаду,)
Мой государь! — Я раб твоих велений...

Ахшверус.
Не раб, а друг, как другом был досель...
Итак, спеши, и, достигая цель,
Ты не скупись на ласку выражений,

От имени владычного царя,
Чтоб, ловко их больному говоря,
Развеять в нем внезапные те муки,
О коих так скорбею сердцем я…
(Дедан уходит, едва затаивая свое негодование; Ахшверус продолжает:)
Но день летит… За пир, за пир, друзья!
Кипи, вино, и мусикии звуки
Пускай гремят, как громы в вышине…

Явление VII

Прежние, кроме Дедана

(Царские гости снова предаются веселости пирования… Мусикийцы начинают играть громкую торжественную песнь… Между тем Ахшверус посылает от времени до времени некоторым из своих царедворцев по одному или по два плода из тех, которые принесены рабами Хевери, а ее рабыни, получа приказание, рассыпают цветы на столах и кругом оных на помосте… С окончанием песни Ахшверус обращается к Хевери.)

Ахшверус.

Но передай вторую просьбу мне,
Чтоб мог бы я державною рукою
Все силы вдруг подвинуть с высоты,
Свершая то, чего желаешь ты…

Хеверь.

Мой государь!.. Как я томлюсь тоскою
И как полна терзающих скорбей,
Что просьбою нежданною своей
Внезапно я веселье то разрушу,
Которое вокруг тебя, как храм,
Возносится прекрасно к высотам…

Ахшверус.

Хеверь, Хеверь… Ты мне стеснила душу:
Ее живым страданьем обожгло…

Хеверь.

А я должна усилить это зло!..
Я чувствую, как тягостно и больно,
Когда порой мы в искреннем своем
Презренное коварство узнаем,
Но я должна, властитель мой, невольно
К твоим очам приблизя яркий свет,
Представить вдруг всю бездну черных бед,
Которая изрыта пред тобою,
Как роют ров заклятому врагу,
Затем, что я и мыслить не могу,
Чтоб ты, мой царь, возвышенный судьбою,
Ту рытвину искапывал бы сам,
На стыд себе, в насмешку небесам!..
Да, властелин!.. Ты обольщен коварством,
Которое в несытости своей
Готовится, как бурный вихрь степей,
Лететь стремглав над изумленным царством,
Губя людей ударами клинков…
И разве ты в душе своей таков?
И разве в той обители прекрасной
Не царствует желательный закон
Добра и благ?.. И разве, кроткий, он
Не блещет в ней звездою дивно-ясной?
Нет!.. Он горит! И самодержный ты,
Его лучей святые красоты
Запечатлев заветною печатью
На смелую, возвышенную грудь,
Избрал себе величественный путь,
Блистающий отрадной благодатью,
И, с оною сдружася, как родной,
Всех радостей ты ищешь в ней одной,
А злобные поклонники святыни
Хотят повить бесчестием, как тьмой,
И мне молчать? О нет, желанный мой!
Ты мне супруг, ты царь своей рабыни,
Ты все мне здесь, и захочу ли я,
Чтоб жалкая, ничтожная змея
На твой венец излила яд позора
И страшный стыд разбойнических дел
На твой престол, и чтобы ты не смел
Ни на людей, ни к небу бросить взора,
И в багрянце торжественном своем
Все жегся бы проклятьем, как огнем?..

Ахшверус.

Но кто грозит подобными бедами?
Кто смел на власть бесславье вознести?..

Хеверь.

Кто смел дерзнуть?
(Отдавая свиток, полученный ею от Асадая,)
Вот, государь, прочти
И светлыми, глубокими водами
Стремительно и широко разлей
Всю силу ты державности своей,
Чтоб оные всклубившиеся воды,
Плескаяся по лону всей земли,
Отмыли зло и с быстротой спасли
Тебе, мой царь, подвластные народы
От ужасов, и пагубы, и бед:
Пусть видят все, пускай узнает свет,
Что ты, отцом над царствами владея,
Мучительством себя не заскверни…

Ахшверус.

(Окончив прочтение свитка, встает поспешно из-за стола в сильном гневе… Хеверь следует за ним. Царедворцы также встают и окружают царя.)
Чудовище!.. А я его любил!
Но кто бы вник в коварного злодея?..
Поставленный десницею моей
На высоту богатства и честей,
Он был мне друг, и все одним размахом
В неслыханной и дерзостной алчбе,
Он все низверг, и все на стыд себе
Развеял сам презренно-грязным прахом,
Из коего, ничтожный, он возник!..
(Громовым голосом.)
Где Асадай?…

Явление VIII

Прежние и Дедан, а несколько спустя приходит и Асадай.

Дедан.

(Обманутый гневным восклицанием царя, быстро подходит к нему, одушевляясь злобною радостью.)

Что сделал сей старик?..

Ахшверус.

(Заметя его ошибку, старается удержать свой гнев.)

Что сделал он? Он мне взрастил супругу;
Он спас мне жизнь, он в пользах для меня
Был так горяч, что, этот пыл ценя,
Как мудрому и опытному другу
Охотливо я вверился ему,
И вдруг теперь…

Дедан.

Ты видишь ту чуму,
Которая так хитро затаилась
Под внешнею лукавой пеленой…

Ахшверус.

(Продолжая удерживаться от излияния гнева.)

Да, вижу я!.. Внезапно предо мной
Она теперь, как сгнивший труп, открылась,
Вся язвами источена вокруг,
И подлого бесстыдства смрадный дух,
Струясь из ран, как будто пар тлетворный
Из глубины раскопанных могил,
Так слышимо преступницу обвил!..
Да! Я узнал и омут злости черной,
И ад страстей, который так жесток,
И желчь души, и зверство, и порок,
И бешенство, и гнусную измену,
И это все заразно-лютым злом
Затаено и смешано в одном…

(В это время входит Асадай в богатых одеждах.)

Дедан.

(Почти не скрывая своего злобного удовольствия,)

Я рад, мой царь, что истинную цену
Назначил ты презренным тем рабам,
Которые, судя по их словам,
Как образцы; зато, судя по делу,
Исторгнуты и смяты быть должны,
Так все они убийственно вредны
И гибельны общественному телу!

Ахшверус.

(Все продолжая удерживать себя.)

Ты рад, Дедан?.. Послушай же: вчера
Назначил ты возмездье для добра,
Назначь его сегодня для порока…

Дедан.

Мой государь!.. Ты добр и благ во всем;
Но, если я родился бы царем,
Я б наказал преступника жестоко!..
Открыв ему и ясно показав,
Как низок он, и гнусен, и лукав,
Велел бы я неслыханным позором
Обременить его через рабов,
И силою владычественных слов
С проклятьями, и с бранью, и с укором
Отнять потом и почести, и сан,
И власть его, и славу…

Ахшверус.

(Прерывая его в нетерпении.)

Так, Дедан!..

Дедан.

И вслед за тем, когда, теряя силы,
Изныл бы он от горького стыда,
Я приказал властительно б тогда
Привесть его к закраине могилы,
И там, еще скорбями удруча,
Лицом к нему поставить палача,
Который бы оттачивал секиру,
Искусную в кровавом деле ран
И смертных язв…

Ахшверус.

(Едва удерживая себя.)

Так… хорошо, Дедан!

Дедан.

А там на смех и на потеху миру
При том конце земного рубежа,
Как пленника его разобнажа,
Велел бы я, чтоб шумными толпами
Сошлись его заклятые враги
И, вымещя на злобном все долги,
Полмертвого под грозными бедами
Оставили и кинули на прах,
Чтобы палач докончил все в размах!

Ахшверус.

(К воинам, показывая на Дедана.)

Свершите же все это над злодеем!

Дедан.

(Вне себя от испуга,)

Как?.. Надо мной?..

Ахшверус.

(Разражаясь всею полнотою негодования,)

Да, вероломный, да!
Не ты ль чума и сеятель вреда?
Не ты ли вползи мне в сердце хитрым змеем,
И, никаких не уважая прав,
Не сам ли ты и гнусен, и лукав?..

(Обращая речь свою к стоящим вокруг чинам,)

От всей души, как бы родного брата,
Закрытого злодея полюбя,
Я вдруг его возвысил до себя,
Обогатил, и что ж?.. Какая плата?..

(Приостановясь)

Взойдя на трон, я дал себе обет
Беречь людей, покоить их от бед,
Считать детьми, и в благородстве воли
Всегдашний труд — вручить как жертву им,
Чтобы они под скипетром моим
И по речам познали бы той доли,
Которая, насилием полна,
Порой гнетет и губит племена…
Я дал обет — и верен был обету:
Моя любовь и крепла, и цвела;
Мои труды, намеренья, дела —
Все ясным днем открыто было свету,
И никогда за добрый мой народ
Меня никто ни в чем не упрекнет!..
Да!.. Я могу и должен тем гордиться
Среди своих великолепных дней!
(Указывая на Хеверь,)
Теперь найдя блаженство сердца в ней,
Я так желал на всех вполне излиться
Восторженным веселием своим,
И, весь дыша радушием благим,
Велел открыть печальные темницы
Сподряд во всех подвластных мне местах,
Чтоб вдруг везде на пламенных устах,
С названием блистательной царицы,
Во славу ей и в утешенье нам,
Сливалась песнь священным вышинам!
(Гневно взглядывая на Дедана.)
Я обо всех заботился душою,
Я, как отец, так пламенно хотел,
Чтоб каждый мог улучшить свой удел,
Чтоб все росло, мужало, крепло мною —
От близких мне до грустной нищеты:
Я помнил всех, — а ты, злодей, а ты!..
(Передав приближенным поданный ему свиток, продолжает, обращаясь ко всем)
Вот, храбрые сподвижники и братья,
Как в дерзости неслыханных страстей
Он собирал над головой моей
Всю тяготу народного проклятья,
Чтобы меня убийственно загнесть!
Вот как, презря и стыд, и долг, и честь
И насмеясь над искренней любовью
Сопутника, и друга, и царя,
Хотел он лить кровавые моря
И вдруг потом забрызгать этой кровью
И мой престол, и светлый мой венец,
Чтоб каждый мог и смел бы, наконец,
Ругаяся в сердечном содроганье
Над светлою владычной вышиной,
Клясти царей и укорять их мной,
И обо мне в неподкупном преданье
Изобразить пугающую ложь:
«Он здесь держал взамену скиптра нож!».
И, прокрича, что будто вышней воле
Желательно кругом со всех сторон
Убрать костьми и трупами мой трон,
Прибавил бы, что на таком престоле
Я гибелью повился, как тесьмой!..
(Опять к Дедану.)
О гнусный льстец!.. Где перстень, перстень мой?
(Взяв оный с негодованием из рук его.)
Я снял с тебя все царские награды:
Ты не сатрап, ты подлый раб рабов,
Твой час пробил — и гроб тебе готов!
(К воинам.)
Казнить его!..

Дедан.
(Бросаясь в ноги пред Ахшверусом)
Пощады мне!.. Пощады!..

Ахшверус.
Тебя щадить?.. Не целый ли народ
Ко мне теперь о мщенье вопиет?..
Тебя щадить?.. Какие ж преступленья
Под меч потом законно я предам,
И где тогда страдальцам-беднякам
Искать себе защиты и спасенья,
Когда и я затешусь над людьми?..
Нет! Нет! На казнь!

Дедан.
(Лежа на помосте.)
Властитель!.. Все возьми,
Но дай мне жить, дай только жить Дедану,
Хоть где-нибудь, хоть как-нибудь, но жить…

Ахшверус.
(Отходя от него.)
Нет! Сказано, чтоб злобного казнить,
И этих слов я изменять не стану,
И устою в той речи твердо я…
(Увидя, что Дедан подвигается к нему на коленях)
Прочь с глаз моих!.. Не ползай, как змея,
И воздуха не зачумляй собою!
В последний раз и прямо говорю:
Ты задолжал народу и царю,
И меч уже поднялся над тобою,
Чтоб кровью дать расчесться бы тебе…
(Дедан почти без чувств распростирается на помосте.)

Хеверь.
Мой государь!.. Позволь своей рабе
Пересказать и третие прошенье:
Оно меня уносит в ясный рай,
В нем жизнь души…

Ахшверус.
Хеверь, повелевай!..

Хеверь.
Будь милосерд!.. Даруй ему прощенье:
Пролей любовь из сердца своего!..

Ахшверус.
(В изумлении.)
Простить врага?

Асадай.

(Не веря слуху своему и несколько раз указывая на Дедана.)

Хеверь!.. Простить его,
Дерзнувшего на чад обетованья?..
Его простить, который в забытьи
Взалкал на кровь предызбранной семьи?..

Хеверь.

Ее отвел от смертного страданья
Властительный и милосердый Бог,
А бедный враг лежит у наших ног:
Он спутан весь своими же сетями;
Он вырыл ров — и стонет надо рвом;
Заплатим же за пагубу добром
И, возносясь над *ветхими* страстями,
Возьмемтеся за *новое* теперь:
Простим ему…

Асадай.

Простить затем, Хеверь,
Чтобы, всегда погибельно крамоля,
На всех путях разбойничал бы он?

Ахшверус.

К тому ж закон…

Хеверь.

(Прерывая его.)

Но разве не закон
Твои слова и царственная воля?..

(Указывая на скипетр,)

Держа в руках властительства залог,
Как государь, ты был к злодею строг,
Как человек, будь к человеку кроток:
Прости его, и зарясснеешь ты
Познаньями надзвездной красоты!..

Ахшверус.

Ты требуешь, и мой ответ короток:
Ревнуя знать науку светлых благ,
Я все простил…

(Между тем Дедан при начале последней речи Хевери начинает медленно вставать с помоста и потом дико озирается на все стороны…)

Асадай.

(Внимательно рассмотрев Дедана,)

Но не простил Иаг!..

(Показывая на бывшего верховного сатрапа,)

Взгляните вы, взгляните в эти очи
И ясно там читайте суд небес!..

Дедан.

(В безумии.)

А где же страх?.. Тяжелый, он исчез,
Сокрылся он, как страшный призрак ночи,
И мне легко… Да! Мне легко теперь!…
Вот вижу я: открылась настежь дверь
Безмерного, чудовищного ада,
И пламенем незримого огня
Так хорошо пахнуло на меня!..

(Улыбаясь от удовольствия.)

Встают, спешат подземной силы чада
Роскошничать злодейством над землей…
Вот потекли какою-то струей…
Вот хлынули шумящими водами…
Вот змеями вползают в глубь лесов…
Вот понеслись ужасной стаей сов,
И вместо крил завеяли бедами,
Летя вперед воздушною стезей,
И вот, как дым, разорванный грозой,
Без образов над миром разлетелись,
Потом слились, и вновь на пир страстей
Вошли в меня, и на душе моей
Так радостно все чувства затеплелись!..

(Новая улыбка.)

Я вас, друзья, скликал к себе давно:
Теперь вы здесь, и чудно свершено
Наземное мое перерожденье,
И ваш приход страдальца воскресил!..
Да!.. Я в груди заслышал много сил,
И, чтоб свершать карательное мщенье,
Не нужны мне ни меч мой, ни кинжал:
Я умер уж, и духом злобы стал!..

(Бросает кинжал и меч.…)

Растут… растут… растут мои объятья,
И вижу я, как две мои руки
Объемисты и страшно велики,
Ступайте же доверчиво, как братья,
Ступайте в них, мои враги, а я
Вас обниму и стисну, как змея!..
Я обовьюсь вокруг толпы, как пламя,
Убийцею подкрадуся во мгле
И, кровь людей запекши на земле,
Сберу ее и разовью как знамя,
Чтобы потом безмерный ряд гробов,
Где сбросаны тела моих врагов,
Приосенить им пышно и богато!..

(Приостановясь.)

Но где Хеверь?.. Где знойная моя?..
Мне вспомнилось, что в поле бытия
Я так любил прекрасную когда-то,
Еще живя на жалком свете том;
И помню я погибель, и потом
Я помню взгляд глубокого участья…
Как поразил он душу мне тогда!..
Но жизнь прошла… Иди ж, Хеверь, сюда,
Иди скорей!.. Как демон сладострастья,
Тебя давно кипучий ждет Дедан!..
Мой дом — весь ад, мой одр — из язв и ран,
Мой сладкий хлеб — те горести мирские,
От коих там захватывает дух,
Мне яд — питье, мне мука — верный друг,
Мой воздух — месть, а песнь и мусикия —
И стон и плач обетованных чад!..
Ликуй же ты, в избытке сих отрад,
Ликуй теперь, красавица, со мною:
Мой пир готов, и страсть моя давно

Кипит, и бьет, и рвется, как вино!
Уже ко мне дружиною родною
На адский брак собралися полки
Восторженных виновников тоски,
И гибели, и бедствий, и проклятья,
И ужасов, и страхов, и смертей…
Да!.. Уж они со всех земных путей
Сошлись толпой в знакомые объятья,
Затем, что мы дождались до поры,
Чтоб тешиться и пировать пиры!..
(Мечтая видеть перед собой призраки.)

А вы, мои товарищи родные,
Спешите мне по-дружески помочь!..
Вот видите: кругом и мрак, и ночь,
И там идут развратники земные;
Так растворя объятия щедрей,
Возьмите всех и ввергните скорей
В горящие подземные вертепы,
Где смерти — жизнь, где жизни — ад, и в нем
Раскалены негаснущим огнем
И свод, и дно, и стены все, и скрепы!..
Да!.. Всю толпу противников моих
Возьмите вы, терзайте, мучьте их:
Пускай они, разъярены досадой,
Что некому помоги им подать,
Начнут страдать, а там еще страдать,
И все от вас, все будут вам отрадой;
Но Асадай пусть будет отдан мне,
Чтоб мог бы я в подземной стороне
Века веков бичами адской кары
За прежнее рассчитываться с ним…
(Как бы узнавая новое лицо.)

И ты у нас, предатель мой, Рафим?
И на тебя посыплются удары
Моей руки, и страшные они,
Гремя, как гром, запышут, как огни,
И одождят собою отовсюду
Рушителя моих кровавых дел:
Ты в простоте безумной не хотел
Губить со мной проклятого Иуду,
Так сам теперь, уставя глупый взгляд
На небеса, ты пей расплаты яд!..
Что!.. Сладок он?.. Что?.. Много ли отрады
В добре для тех, на коих я восстал?..
Не умоляй!.. Я тверже крепких скал
И ни на миг не дам тебе пощады,
Преследуя за гранью гробовой!..
(Обращаясь снова к призракам.)

Начнемте же раздольный праздник свой!..
Дружнее все!.. Пусть вопли и рыданья
Под нашею карающей рукой
Вскипят наверх шумящею рекой
Из родников печали и страданья,
Задавленных наземной тяготой,
И пусть никто от адской казни той
В страну живых не ускользнет украдкой,
Но стонет здесь, едва от мук дыша…
Вы начали?.. Пируй, пируй, душа!..
О! как легко, и весело, и сладко!..
(Беснуясь, хохочет и потом приходит в сильное изнеможение… Окружающие поддерживают его.)

Ахшверус.

Злодей погиб, и как он жалок мне,
Взволнованный в душевной глубине
Мучительным и жгучим исступленьем,
Которым весь клятвопреступный он
В пример другим внезапно поражен!
(К ближним:)

Призреть его!.. Уже над преступленьем
Суды небес так явно свершены,
И мы сберечь несчастного должны…
(Несколько сатрапов и воинов выводят Дедана и потом возвращаются.)

Явление IX и последнее

Все действующие, кроме Дедана.

Ахшверус.

Всю жизнь мою, до самой двери гроба,
Такого дня не позабуду я!..
Вы знаете, вы слышали, друзья,
Как близ меня крамольничала злоба,
Взамену всех властительских щедрот,
Как обречен для казни был народ
И как Дедан предательской рукою
Мне изрывал в свирепом забытьи
Колодцы бед и горестей ручьи,
Чтобы меня страданьем и тоскою
Залить кругом, как морем бурных вод,
И смуты срок уж наступал, — но вот
Моя Хеверь заступницей восстала,
И к нам в чертог нежданно притекла
С отрадой благ, и оный заступ зла,
Как тонкую тростинку, изломала:
Народ спасен, а мой венец на мне
По-прежнему сияет, как в огне…
(Небольшая пауза.)

До сей поры уверенный в Дедане,
Что он мне друг, я вслед за мыслью той,
Увлекшися душевной добротой,
И жил слепцом, и счастлив был в обмане;
Но тот обман легко бы сделать мог,
Что я, к стыду захваченный врасплох,
Своей рукой убийце помогая,
Внезапно б стал пугалищем людей.
(Обращаясь к Хевери.)

И от всего защитою твоей
Избавлен я, сопутница благая…
Для общих польз опасностью презря,
Явилась ты на пиршество царя
И с кротостью открыла преступленье,
Спасая честь верховную мою,
И, сохранив народную семью,
Дала в любви святое наставленье,
Все ты, Хеверь!..

Хеверь.

Все бог отцов моих!..
Он щит и меч для странников плотских;
Он бодрствует невидимо над нами

И, в царственном величии Своем,
Ведет к Себе таинственным путем,
И этот путь красуется огнями
Его любви и благодатных сил,
Чтоб каждый здесь то счастье предвкусил,
Которое за гробом нам готово!..
Премудр и тверд в намереньях Своих,
Он бережет невинных и благих
И путает сетями дела злого
Детей беды и жалких гордецов:
Да, Ахшверус! Все бог моих отцов!
Все он один с небес определяет,
А я, смирясь пред вечною судьбой,
Иду вперед послушною рабой
И делаю, что небо мне внушает
И что велит божественный закон,
Который нам Создатель наш Адон
Так видимо, так четко пред очами
Изобразил в созданье, чтобы мы
Узнали ход из этой грустной тьмы…

Ахшверус.

(Прерывая Хеверь,)

Всегда, Хеверь, подобными речами,
Без гордости и в духе простоты,
Дают ответ достойные, как ты…
Но от кого тот умысел кровавый
Узнала ты, и кто открыл тебе,
Как в яростной и бешеной алчбе
Всю красоту величественной славы
Хотел затмить ничтожный, злобный льстец?

Хеверь.

Мой государь!.. Мне все сказал отец…

Ахшверус.

(К Асадаю.)

О старец мой!.. Я вновь тебе обязан!
Недавний друг, ты много сделал мне:
Я помню все; итак, теперь вдвойне
Твой царь с тобой признательностью связан;
Поверь моим властительным словам,
Что за тебя я многим вдруг воздам:
Запразднует разбросанное племя,
Возвысится униженный народ
И, получа свободы сладкий плод,
Он сбросит в прах томительное бремя
Былых скорбей и, обновясь на вид,
С веселием судьбу благословит!..

(Отдавая ему свой перстень,)

Возьми печать, и напиши повсюду,
Где только власть простерлася моя,
Что для тебя с довольством сердца я
Приветствую свободного Иуду;
Что с этих пор те вольные сыны
Избавлены от сборов для казны;
Что все свои обряды и законы
Им совершать дозволено везде
И что всегда — в страданьях и нужде —
Ко мне дойдут их жалобы и стоны,
И, как родных и кровных мне детей,
Я их спасу защитою своей…
А ты, старик, ты будь свидетель миру,
Что у меня за светлые дела
Моя рука наградами светла…

(Приказав знаком приближенным своим, чтобы они подали порфиру и венец, передает их Асадаю.)

Возьми, надень блестящую порфиру
И на чело ты возложи венец…

(Обращаясь ко всем.)

Друзья мои!.. Он царский мой отец!..[41]
Я с ним делю всю честь и славу трона,
Всю власть мою и все мои права:
Он надо всем начальник и глава,
И, равный мне, он выше стал закона…
Так, Асадай!.. Имея от богов
Избыток благ, я все делить готов
С таким, как ты: и почесть, и державу,
И золото, и все, что мне дано
В земной удел, затем, что я давно
Вменил себе в заманчивую славу
И в лучший дар из всех моих даров:
Вознаграждать не звуком пышных слов,
Но прочною существенностью дела!…

(К Рафиму.)

А ты, Рафим!.. Безумца злая речь
Открыла мне, что ты помог сберечь
Моих детей и, восставая смело,
Пошел вперед к ниспроверженью зла,
И для тебя преградой не была
Враждебника блистательная сила;
Ты позабыл и страх, и злую месть,
Ты все презрел, и помнил только честь,
Твоя душа высокого просила:
Она рвалась как на стезю побед,
И дал ты ей на деле свой ответ,
Ответ благой, возвышенный, прекрасный,
Который нам передает без слов,
Что ты на все великое готов…
Не возражай, не говори напрасно!..
Ты светлою решимостью своей
Нам доказал, что и во цвете дней
Бываем мы для подвигов могучи,
И если в нас под пылом знойных дел
Душа — тверда, взгляд — зорок, разум — смел,
Стремления к избранному — кипучи,
То можно нам по всякому пути
С величием и с честию пройти!..
Да! Довод дел есть довод безусловный,
И в этот миг, руководимый им,
Я за твое бесстрашие, Рафим,
Плачу свой долг: ты мой сатрап верховный!..

(Снова обращаясь ко всему собранию.)

Теперь, друзья, одно осталось нам:
Возвысимся к властителям-богам
Чистейшею сердечною мольбою
И, в пламенном усердии щедры,
Им принесем и жертвы, и дары,
Затем, что их верховною судьбою
Всеобщий враг внезапно сокрушен,
А там за пир!..

Асадай.

Хеверь!.. Удел решен!...
Могучею десницей провиденья,
Незримо к нам простертой с вышины,
Мы избраны, подъяты, скреплены,
И все сбылось: все дивные виденья,
И оный сон, которым наш Иаг
Мне предсказал о новом ливне благ!..

(После небольшой паузы.)

Ты сберегла ль в своем воспоминанье
Ту страшную и чудную мечту,
Где все слилось и в скорбь, и в тесноту
И бедственно томилося в страданье?
Сей дикий вид — не внятный ли символ
Грозивших нам свирепо-бурных зол?..
А зов на брань, а два крылатых змея,
Слетавшихся из тьмы небытия,
Не та ль борьба, какую вынес я
С крамолами враждебного злодея?..
А тот живой и светлый тот ручей —
Не сладкие ль излития речей,
Которые из алых уст Хевери
О бедных нас к Предвечному текли
И скрылися в пленительной дали,
В небесные растворенные двери?..
А звуки те, святые звуки те,
Которые, звеня на высоте,
Таинственно к невольникам страданья
Катилися из ясной стороны
И лили к ним отраду тишины
И теплоту святого ожиданья,
Те звуки, дочь, замена дивных слов,
Не божее ль прощение грехов?..
А та заря, то утро огневое,
Которое, в красе своих одежд,
Взошло для нас, как пышный цвет надежд
На прочное величие земное...

Хеверь.

(Одушевленная пламенем высокого прозрения, быстро прерывает его.)

Остановись, отец!.. Не говори
О блеске той божественной зари,
Которая, святыней загорая,
Испепелит плотяности права!
Ты ветх уже, а та заря нова:
В ней мир любви несозданного рая,
В ней свет и жизнь, и кроткая она
Вся счастия надзвездного полна,
И вся полна росы возобновленья,
И вся дрожит и сыплет к нам с высот
Лучи добра, и неги, и красот;
Ты зрел ее, но чудного виденья
Тебе вполне умом не разгадать...
Да!.. Божия святая благодать
Мне говорит наземными словами:
«Кто, внешностью запутан и объят,
Не устремлял родного чувства взгляд
В далекий край, разверстый перед вами,
В сияние безвечернего дня,
Тому душой не осязать меня,
И не постичь небесных откровений,
И светом их себя не разогреть!..».

Асадай.

Что ж делать мне?

Хеверь.

Одно — благоговеть!..

Асадай.

Хеверь!.. Ты гость из ангельских селений,
И вижу я: тебе вполне знаком
Надзвездный дом, духовный Божий дом.
Ты телом здесь, а там всегда душою;
А я, бедняк!.. Но для чего ж опять
Свою болезнь без пользы растравлять?
Нет!.. Этот день, прославленный тобою
И милостью божественною к нам,
Мы посвятим не вздохам и слезам,
Но чистому веселью о свободе,
В которую непостижимый Он
Украсил свой желательный Сион,
И в память всем в предызбранном народе
Мы в этот день на торжество благим
Огромный пир и праздник учредим:
Пускай везде о славе Пресвятого
Гремит хвала из рода в дальний род,
И веку век трубой передает,
Как сильный наш и крепкий Иегова
В минуты бед избранникам помог:
Да знают все, что за Иуду — бог!..

Хеверь.

Нет!.. Бог за всех!.. Он всех зовет на небо,
И тот блажен, тот истинно счастлив,
Кто с верою на мирный сей призыв
Спешит в алчбе божественного хлеба,
В желании небесного питья!..
Берет за руки Ахшверуса и Асадая.
Пойдемте же, пойдемте, как друзья,
Как добрые и близкие родные,
На сладкий пир красот и чистоты,
Где вкруг столов живящей благоты
Кипят ключом отрады неземные
И разлиты восторги — как моря!..
Да!.. Поспешим на светлый пир Царя
Стезею чувств и кроткого смиренья,
Чтоб, весело оконча здешний путь,
Нам у него в чертогах отдохнуть
И радостно при свете наслажденья
Субботствовать в объятиях любви...

(Становясь на колена,)

А ты, творец, ты нас благослови!..

(Ахшверус и Асадай в невольном благоговении поспешно кладут к ее ногам свои короны, так что они с короною Хевери составляют треугольник... Все вельможи и царедворцы, объятые тем же святым чувством, спешат снять тиары и шлемы, и потом преклоняются почтительно...)

Конец.

Примечания к изданию 1837 года

1. Саба — страна счастливой Арабии, славившаяся своими ароматами.
2. Чертогом приготовлений назывались дворцы избранных персидскими артаксерксами девушек, которые до своего замужества занимались там увеличением наружных достоинств своих разными косметическими средствами.
3. Эль — нарицательное имя Бога, также как Иаг и Элогим. Сверх того евреи называли Высочайшее Существо: Иегова, Саддаи, Адон и Адонаи.
4. Мицмор — Ода.
5. Матамим — вкусные снеди.
6. Сикера — пальмовое весьма крепкое вино.
7. Баалами называли евреи языческих богов. В переносном смысле слово Баал означало: идолопоклонство или пристрастие к внешнему, к мирскому, как и слово Белиал, которое собственно значит ничтожество.
8. Аргаман — пурпур.
9. Смотри примечание 3.
10. То же.
11. То же.
12. Морег — наставник.
13. Фаз — лучшее золото.
14. Парадис — рай, плодовитый сад.
15. Элеала — особый сорт вина, бывший в большом уважении у евреев.
16. Смотри примечание 3.
17. Зури — моя скала, моя твердыня.
18. Эден — роскошь.
19. Хакма — мудрость.
20. Смотри примечание 3.
21. Тирош — сладкое вино.
22. В древней Иудее был обычай поднимать на высотах во время войны разные условные знаки.
23. Число речей, то есть немного, несколько слов.
24. Под чувством я разумею одну святую любовь со всеми ее видоизменениями, например, милосердием, состраданием, кротостью и так далее. Потому-то ниже Хеверь говорит, что чувства есть Бог, ибо по священному Писанию: Бог есть любовь. Чувствам противоположны страсти. Пять внешних чувств называю я осязаемостями.
25. Кетем — золото.
26. Нектар — ароматное питье, по большей части сикера, или вина, смешанные с разными благоуханиями.
27. Душевными путешествиями евреи называли все внутренние действия души, например, замыслы, размышления, мечты и т.п.
28. Ночь и день в переносном смысле значили несчастье и счастье.
29. Некоф — ароматы.
30. Мелиц — посол.
31. Сефер-тегиллим — книга хвалений.
32. Сир-ассирим — Песня песней.
33. Машал — парабола.
34. То есть в семейное гробовище, где по большей части делались своды.
35. Евреи приписывали власть смерти двум духам, из которых один убивал днем, а другой ночью.
36. Либанон — так называемые Ливанские горы.
37. Келаим — прозрачная занавесь.
38. Кас-Иаг — трон Бога.
39. Цери — душистая и дорогая смола.
40. Рикема — чрезвычайно красивое шитье из птичьих перьев.
41. Титло царского отца было в древней Персии самым высоким из всех отличий, до которых мог домогаться частный человек.

Примечания к изданию фрагмента поэмы (1972 год)

Отд. изд., СПб., 1837. Комендант Шлиссельбургской крепости А.Н. Заборинский в донесении А.Х. Бенкендорфу от 22 апреля 1835 г. сообщал, что вновь прибывший арестант Соколовский попросил дозволения привести в порядок бумаги с текстом поэмы «Эсфирь». Разрешение было получено, и поэт продолжил работу над произведением. Сетуя на придирки цензуры, Соколовский 25 марта

1839 г. писал чиновнику III Отделения Г.С. Попову: «В бытность мою в Петербурге (т.е. в 1837 г.), я подал в светскую цензуру поэму «Эсфирь». Комитет этой цензуры препроводил рукопись в цензуру духовную… Последняя продержала ее несколько месяцев и запретила… Я назвал «Эсфирь» «Хеверью», и цензура светская, зная, что новое название не соблазнит мнительности духовных, пропустила книгу в три дня». Вообще же цензура, по признанию поэта, «старается видеть во всех моих произведениях двусмысленности и намеки, как у человека, находящегося под присмотром полиции» (ЦГАОР, ф. III Отделения, дело «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи»). В поэме Соколовского немало существенных отступлений от библейской «Книги Эсфирь», что вынудило автора переименовать всех персонажей произведения и тем самым снять повод для представления его в духовную цензуру. На обороте шмуцтитула «Хевери» след. перечень персонажей под загл. «Действующие»:

«Ахшверус — царь персов и мидян.

Хеверь — молодая еврейка, дочь Аминабада, невеста царя и потом его супруга.

Дедан — царский друг и верховный сатрап.

Асадай — родственник и воспитатель Хевери, происходящий с нею из одного колена, известный под именем ее отца.

Рафим — молодой сатрап.

Гофам — хранитель жен.

Дельфон — старший евнух царицы.

Действие происходит в столице Персии.

Содержание поэмы изобретено подражательно».

Этим именам соответствуют следующие имена в Библии: Артаксеркс, Эсфирь, Аман, Мардохей, Рафим (Гофам и Дельфон — имена, не имеющие прямых аналогий). История Эсфири в сценическом воплощении — одна из первых пьес русского театра; она ставилась еще при царе Алексее под загл. «Артаксерксово действо». «Книга Эсфирь» в свое время послужила источником для драмы Расина «Эсфирь» (1689). Содержание предшествующих сцен «Хевери» вкратце таково. Царь Ахшверус избирает в супруги еврейку Хеверь, к которой незадолго до того воспылал страстью временщик Дедан. Взбешенный до ярости Дедан замышляет истребить всех соплеменников благочестивой Хевери. Указ от имени царя о поголовной казни евреев подготовлен, но Хеверь, вовремя извещенная о том через Рафима и Асадая, на свадебном пиршестве разоблачает злодея. Критик «Северной пчелы» (подпись под рецензией: Р. М. — по-видимому, псевдоним Ф.В. Булгарина) поставил Соколовскому в вину, что он «исказил готовый сюжет прибавлениями, длинными монологами, в которых развиваются разные мысли, не знакомые древним евреям и пущенные в ход в прошлом столетии» («Северная пчела», 1837, 29 декабря, с. 1177—1178). В защиту Соколовского выступил анонимный рецензент ЛПРИ (1838, 1 января, с. 7).

Явл. 8. Иаг — Йегова, одно из имен Бога в Ветхом завете. Иуда — здесь: еврейский народ. Явл. 9. Адон — Адонаи, то есть Господь. И оный сон, которым наш Иаг… Асадай говорит о вещем сне, который предсказал ему победу над лютым врагом (рассказ об этом сне — во 2-й части «Хевери»). Симбол — символ. Сион — здесь: царство иудеев, символ их родины.

В.С. Киселев-Сергенин

Текст и примечания печатаются по источнику:

Соколовский В.И. Хеверь. Драматическая поэма. В трех частях. — СПб.: Печатано в типографии III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1837.

Примечания В.С. Киселева-Сергенина печатаются по изданию: Библиотека поэта. Поэты 1820—1830-х годов. — Л.: Советский писатель, 1972. — Том 2. — С. 721—725.

РАССКАЗЫ СИБИРЯКА

Я ль виноват, что тебя, черноокую,
Больше, чем душу, люблю?
А. Вельтман

Прелестной брюнетке

Слова высокой притчи правы!
Всему есть время: для труда,
Для слез, для смеха, для забавы, —
И вот вам шалость, Господа!

Рассказ первый

Ленивый прежде и беспечный,
Я стал другой, увидя вас, —
И вот вам первый мой рассказ,
Но не сибирский — а сердечный.

Честь имею рекомендоваться вам, прелестная.... Вот хорошо!.. чуть было не сказал: прелестная Катинька... Конечно, тихомолком вы, может быть, и согласитесь со мною, что такая простота сердца чрезвычайно мила,

Но тут поставить надо: *но,*
Затем, что простота в смешное
Обращена людьми давно,
И мы — мы *чувствуем* одно,
А *говорим* совсем другое.
Все, кажется, живут в ладу,
Но сердце с языком в разладе,
И все друзья, да на беду
Мы с этим кладом все в накладе.
С иным заговори поди:
Ведь как прикинется безбожно!
Еще от скуки слушать можно,
А в рот уж пальца не клади....
Семь мудрецов во всяком деле
Споткнулись ныне бы как раз,
Затем, что мы теперь у нас
Начтем семь пятниц на неделе.

Мне кажется, что из всех моих знакомых в двух частях света (простите господа знакомые!) только у одной особы что на уме — то и на языке, и эта особа, разумеется, — вы; есть еще один человек (и это разумеется — я), но кто же хвалит самого себя?..

Когда мне случается думать о вас (а я это делаю беспрестанно с тех пор, как недавно увиделся с вами в первый раз в жизни); когда я вспомню ваши розовые уста, так очаровательно обрисованные, то я никак не могу представить себе, чтобы

Уста невинной красоты
Хоть на смех иногда солгали
И не сердечные мечты
В волшебных звуках изливали...
Скажите, к ангельским словам
Я быть доверчивым могу ли?..
О! как прелестно вы взглянули:
Я верю этим небесам! —
Что ж до меня, то я сначала
Кажусь на грешника похож,
И вот во мне что только ложь,
А впрочем, я *предобрый малой!..*

Но если дело пошло уже на правду, мне должно сказать вам откровенно:

Я думывал о вас и прежде,
Когда в пленительной надежде,
В подлунном мире я искал
Красот высоких идеал;
От вас он отражен в Поэте,
В вас все прекрасное слито,
И признаюсь, в одном портрете
Я с вас списал уж кое-что…

Однако, ведь надобно же называть вас как-нибудь… Знаете ли что?.. Положим, что вы совсем не Катинька и что будто бы я только придумал это имя для шутки, затем, чтобы вас не узнали…

Хоть эта шутка и трудна:
Как вы не прячьтесь за толпами,
На вас покажут все руками
И скажут мне: да вот *она*!

Если я говорю, что я придумал это имя, так я разумею не то, чтобы я в самом деле его придумал. Оно, наверно, было и в допотопных святцах (если только до потопа издавались святцы); но тут сила вот в чем: если я скажу слово *придумал*, то я непременно обману всех прелестных моих читательниц и благоразумных моих читателей. Все могут предполагать, что вас зовут не Катинькой, а как-нибудь иначе, и ваше инкогнито останется непроницаемым, несмотря на то, что я буду называть вас настоящим вашим именем и прилагать к нему эпитет *прелестной*, который вы так решительно заслуживаете.

Теперь, когда мы условились о главном, мне остается рекомендовать себя окончательно; впрочем, я уверен, что вы уважаете людей, а не имена, и что ни вашей любви, ни даже вашего внимания

За эту цену не куплю,
Когда я вам открою: кто я;
Я вам родня, мы все от Ноя,
Но больше всех я вас люблю.

Мне кажется, что этого довольно, по крайней мере, на первый случай; потому что, любя вас самой пламенной любовью, — так, как никого еще я не любил, я почитаю себя вправе посвящать вам мои труды, а это для меня чрезвычайно важно: я во сто раз охотнее принимаюсь за перо и, верно, в десять пишу скорее обыкновенного.

Я вам сказал, что я вас так люблю, как никого еще не любил… После этого выходит, мне нужно вывести себя на чистую воду; тогда, увидя мою откровенность, вы, может быть, поверите, что душа моя совершенно наполнена вами и что в ней не только чьи-нибудь образы, но даже и самые идеи о тех образах не могут существовать с тех пор, как я так счастливо нашел вас на жизненном пути.

Когда не знаешь вас — простительно грешить;
Но познакомившись — тут дело уж иное:
Для вас забыл я все земное,
А вас нельзя ни для кого забыть!

Притом же, прелестная Катинька, я вам признаюся во всем так чистосердечно, что вы, верно, будете ко мне снисходительны.

Я вам покаюся, чем жизнь моя грешна,
Я вам перескажу интриг минувших повесть,
Тогда вы скажете, прощая шалуна:
«Ну, в этом есть, по крайней мере, совесть!»…

Если вы это скажете, то отгадаете как нельзя более: у меня точно, удивительно как много совести… Я не дался в *иных*…

Да! нынче совесть стала дивом;
Об ней бессовестно твердят,
А верно, совесть есть навряд
В ином ханже красноречивом.

Начните-ка просить друзей
Похлопотать, замолвить слово, —
Вам возражение готово:
«Нам, право, совестно, ей! ей!
Но это сделать невозможно;
Ну что бы раньше вам успеть!».
Скажите прежде — и безбожно
Вам стали б ту же песню петь…

Но это в сторону; послушайте лучше о моих сердечных тайнах…

Кто важно в свет вступил при шпаге,
Кто много нежностей читал,
Тот хочет вдруг, при первом шаге,
Сыскать для сердца *идеал*…
«Мне жизнь — печаль, мне свет — пустыня!
С кем поделюся я душой?» —
Твердит мечтатель пылкий мой, —
И вот является богиня.
Уж, разумеется, она
По милости воображенья
Тотчас же фениксом творенья
В посланьи к другу названа;
Тут на людей пойдут нападки,
И, в духе рыцарских времен
Он бросить всем готов перчатки,
Зачем не бредят все, как он…
Какой он вздор в стихах турусит!
В них смесь всего и ничего:
Он понял всех, а уж его
Никто наверно не раскусит;
Все жалки, холодны, как лед,
У всех на место сердца — камень,
И только в нем небесный пламень
От скуки ангел стережет…
Потом, беснуясь страстью оба,
Ничтожный мир забыть хотят
И наизусть из книг твердят:
«Любовь и за пределом гроба!»…
Потом, по правилам любви,
Несчастным предстоит разлука;
Вот тут-то плохо: в сердце мука,
И холод гробовой в крови.
Он стал элегией ходячей,
Он чужд веселостей чужих,
И в этой горькой неудаче
Остался, бедный, *при своих*…
Вот вам симптомы и припадки
Сердечной глупой лихорадки…
Хоть стыд сказать, а грех таить!
Былое дело: поневоле
И я дежурил в этой школе,
Чтобы других собой смешить;
Была проказа и со мною,
Но уж исчезнул вздорный сон,
Когда française и котильон
Меня счастливили собою.
Я курс любви давно прошел;
Я отолстел, я обленился,
И мишурой не ослепился,
И на подъем я стал тяжел.
Теперь душа иного просит;
Я записался в старики,

И уж пожатие руки
Меня высоко не заносит,
И, право, только для проказ,
Влюблялся я двенадцать раз.

Видите ли, как немного, но я бы никак не начел и этой дюжины, если бы

Тогда пришлось мне видеть вас,
Когда я был еще моложе;
Ах! скольких бы тогда, мой Боже!
Не напроказил я проказ!
Тогда б я не бродил в Сибири,
В тайгах, и по степям пустым,
Где радости легки, как дым,
И тяжелы часы, как гири;
Но вы на сердце залегли
Мечтой прекрасною к Поэту —
И вот, страдалец на земли,
Я вас отыскивал по свету.
Порой я видел, как вдали,
Ну точно вы в толпе мелькали,
И пробужденные мечтой
Во мне надежды оживали
Приветной счастия зарей…
Я вслед иду. Как все в ней мило!
Что за головка!.. Что за стан!..
Так я нашел? — Не тут-то было!
До этих пор все был обман…
Когда порассмотрел я ближе
Любимиц ветреной мечты —
Узнал, что все их красоты
Далеко против ваших ниже;
И нет у них, так как у вас,
Неизъяснимого *чего-то*,
Чем любоваться всякий раз
Так и берет меня охота…

Таким образом, история моих заблуждений и ошибок кончилась довольно хорошо, особенно для вас, и знаете ли почему? — Потому что все красоты, о которых я сказал теперь и которые принадлежат мне только как создание моей мечты, составляют вашу прекрасную, заманчивую собственность… Впрочем, и на мою долю пришлось чрезвычайно много выгод: во-первых, например, я отыскал вас…

Легко сказать: язык без кости,
А пусть-ка кто увидит вас, —
Так уж завистливый тотчас
Наверно кашлянет от злости;
К тому же ветреность моя
С тех пор как будто не бывала:
Я подражаю вам — так стало,
И во сто раз умнее я.

Согласитесь, что такая прибавка не безделица.

Во-вторых: когда я отыскивал вас на краю света, то в одном городе один почтенный мой знакомец-ориенталист подарил мне одну тетрадку своих выписок из духовных монгольских книг о мифологических преданиях и о вере этих чудаков — монголов. Приобретение очень важное… Наконец, третья выгода та, что я нашел теперь прекраснейший случай пересказать все это прелестнейшей девушке в целом свете; а случай точно пресчастливый… (Тут опять следует та же история, то есть: *во-первых, во-вторых* и т.д.)

Во-первых, вы со мной не говорите ни полслова, следственно, не будете бранить меня за дерзость; во-вторых — вы не обращаете на меня никакого внимания, стало быть, вам все равно: говорю ли я, не говорю ли я, а для меня какая же разница!.. говорить с кем-нибудь и говорить с вами… с вами?.. Боже ты мой!..

И если б только утомить
Я вас рассказом не боялся,
Чему бы доброму тут быть? —
Да я б до смерти заболтался…

В-третьих, вы даже, может быть, не будете знать, что я тружусь только для одних вас, что я одним вам посвящаю мои томительные дни и мои бессонные ночи, а когда вы не будете знать, следовательно, вам нет до меня никакого дела, тогда как я имею до вас очень важное…

О! если бы вы только знали,
Что я в вас по уши влюблен,
Тогда, быть может (сладкий сон!),
Меня б вы ручкой приласкали,
А я тотчас ее бы сжал
В пылу кипящего мечтанья
И вплоть до самого венчанья
Никак из рук не выпускал.

Когда таким образом все обстоятельства расположены в мою пользу, я торжественно приступаю к своим рассказам: но прежде, нежели начну, я должен открыть вам по долгу моей совести (вот видите ли — везде совесть!) такие вещи, которые послужат вместо предисловия. Подобные предварительные статьи весьма важны почти во всех житейских случаях — особенно в трех: когда издаешь книгу, когда ищешь руки и когда занимаешь деньги.

Да! в кодексе мирских условий
Давно введен закон такой,
И только муж с своей женой
Обходится без предисловий…

Надобно признаться, что странички две тому назад, рассказывая вам, что в одном городе один мой почтенный зиакомец-ориенталист подарил мне одну тетрадку своих выписок из духовных монгольских книг, — я выразился довольно темно… Вы тотчас, пожалуй, подумаете, что эти выписки были сделаны на монгольском языке и что я между делом перевел их и для вас выдаю теперь в свет. — Ничуть не бывало! — Я столько же знаю по-монгольски, сколько царь Соломон (человек, впрочем, почтенный и умный) знал по-французски. Выписки эти переведены самим почтенным моим знакомцем-ориенталистом, подарены мне и, следственно, составляют мою собственность. Они пролежали у меня несколько лет; теперь, облекая их в новую форму по своему вкусу, я хочу их напечатать, и это так естественно, как нельзя более. Скажите, зачем же им лежать даром на моем письменном столике?

Пускай на суд людской молвы
Идут мои беседы с вами,
Но я, божуся вам богами,
Я занимаюсь только вами,
Да мной займетесь ли-то вы?..

Имея очень дурную память, я что-то никак не могу припомнить, просил ли меня этот почтенный знакомец-ориенталист, чтобы я озаботился обнародованием его выписок; впрочем, для меня это решительно все равно. Да если он и не просил — ему же лучше! Это будет прекрасный сюрприз, а я смерть люблю сюрпризы.

И мне недавно был сюрприз:
На днях я как-то, в среду что ли,
Гулял ли, шел ли против воли, —
Вдруг вы откуда ни возьмись.
Я ну готовить речь для встречи,
И что ж? — к досаде и тоске,
На непослушном языке
Вот так и замирают речи;
Тогда, как будто б я любил
Уединенные прогулки, —
Я шасть в глухие переулки…
Бежать, бежать — и след простыл!

Нравится ли вам моя сметливость и уменье пользоваться обстоятельствами!.. Вы смеетесь; но, сделайте милость, скажите мне, неужели есть на свете такие невежды в изящном, которые, увидя вас, или не убежали бы без оглядки, или не остановились на месте, как вкопанные?.. Вот когда вы от меня за версту — это дело десятое! — Тогда я вовсе не застенчив и так разговорчив, как нельзя более… Например, теперь пылкая мечта моя создала прекрасный ваш призрак; я подвигаю к моему стулу другой, гораздо покойнее; беру вас за ручку и сажаю подле себя… Что ж вы покраснели?.. полноте!.. взгляните-ка на меня…

Ах, Катинька! да как вы хороши!
Но ради Бога вы держитеся прямее:
Мне этак не видать… зато глаза виднее,
А ведь в глазах огонь безсмертия души…
Сидите же и слушайте мои рассказы.

Вы будете меня слушать?.. не правда ли? — «Извольте, я готова!» — Как вы добры! Как вы милы!.. позвольте я вас расцелую… Да не улетайте! это одна невинная шутка… Я начинаю… Виноват: позабыл сказать еще несколько слов.

Если (чего Боже сохрани!) вы знаете по-монгольски, то все промахи против монгольского правописание сваливайте на писца и наборщиков; мое дело совершенно стороннее: я знать не знаю, ведать не ведаю, — меньше сплетней, как говорят мои земляки сибиряки… Мне нет никакой нужды,

Что, если кто-нибудь незваный, например,
Здесь вздумает считать монгольские ошибки;
Я все пишу для ангельской улыбки,
А там… а там: *vogue la galère.*

Рассказ вторый

Нельзя ль начать с конца? — «Никак!» —
Так с середины что ли? — «Мало!» —
Эге! да я попал впросак:
Приходится начать — с начала!..

Знаете ли, прелестная Катинька, отчего кругом нас такая суета?.. Отчего все люди, разумеется, выключая только вас одних, делают столько дурачеств?.. Знаете ли, отчего

Всегда под палкою судьбы,
Они, невежества рабы,
То с полудурья вдруг заскачут,
То от безделья закричат,
То от насилия заплачут,
То от бессилия смолчат?..

Все это именно оттого, что люди почти никогда не начинают своих дел с начала. От этого-то и выходит вся путаница, все ошибки, все наши несчастия. Возьмите в пример любовь:

Когда мы ангела найдем,
Услышим сердца звук ответный,
Тогда невольно, неприметно
Влюбляемся в один прием.
Начало страсти очень страстно:
Все чувства дивно оживут,
И образ девушки прекрасной
Куда не сунься — тут как тут!
Я вам сказал, что над собою
Я испытал все это сам:
Не то по дням, и по ночам
Нет от волшебницы отбою;
Ты б закусил да задремал, —
Куда тебе! — уж над тобою,
Блестя одеждою цветною,

Парит волшебный идеал…
Так, посреди очарованья,
Проходит первый период,
Затем, друзья! что цель желанья
И видит глаз, да зуб неймет.
Одно им дело: *делать глазки*
(У них ведь вся душа в глазах),
И в сих таинственных связях
Ждут не дождутся до развязки.
Потом с восторгом под венец:
Тут, верно, уж не без причины,
С полгода держатся средины,
И что ж выходит наконец?..

То, с чего бы надо было начать — холодная учтивость. Впрочем,

Такие ль случаи бывают?
Еще бы сносно было так,
А то сначала *вступят в брак*,
А там в него же *поступают*.

То есть или муж или жена заботятся о разнообразии; конечно, разнообразие прекрасная вещь — только не в супружестве.

Чтобы доказать вам, что я человек точный, я начну свои рассказы о нынешней вере монголов с самого начала.

Если всякое духовное учение, принятое народами, должно называться по имени своего законодателя, то и вера монголов есть шагямунианская, а не далай-ламская. Некто Шагя-Муни, о котором я вам скажу после, пересоздал ее из древней брагминской. Зная, может быть, что этот почтенный муж родился в Индии, при источниках Ганга, вы, конечно, спросите меня, когда и каким образом учение его проникло в Монголию?

«Да, уж потрудитесь, пожалуйста, рассказать мне об этом».

Ну, прелестная Катинька, задали вы мне задачу!.. Я читал и перечитывал все книги, какие только были у меня под рукою, и все-таки не добился толку: кто в лес, кто по дрова. Я был бы решительно затруднен отвечать вам на этот вопрос, если бы, к счастию, не пришла мне теперь в голову замысловатая увертка всех господ рассказчиков: начало *того-то* теряется во мраке неизвестности. И коротко, и ясно, и удовлетворительно; к тому же в этот мрак никак нельзя подать свечей, стало быть, все исследования, справки и поверки невозможны. Однако ж впоследствии можно кое-как напасть на следы шагямунизма… Таким образом, иные говорят, что первые отпрыски сей веры стали приниматься на монгольской почве в конце XII и в начале XIII столетий. Тогда в политическом быту сего государства хозяйничал халхасский князь Демучин, известный и вам и всем под именем Чингис-хана. Вы знаете, что это был человек, который не любил шутить. Загляните в любую монгольскую книгу, где только говорится о нем, и вы увидите, что в то время не было недостатка в больных и раненых. Разумеется, понадобились лекари; а сами посудите, откуда было взять их? — Ни академий, ни университетов…

Тогда умел любой повеса
И нос, и уши обрубить,
Но в мудром таинстве *лечить*
Не смыслил, верно, ни бельмеса,
И даже самого аза
Тогда не знал никто в глаза.

Какое золотое время для иных! Различия, существующие между умным и глупцом, между ученым и неучем, совершенно уничтожались тогда перед господствующими разделениями народа: сильный и бессильный, богатый и бедный… Да, прелестная Катинька, монголы в XII веке не имели еще собственной грамоты, следственно, какие тут лекари?.. Шаманы проповедовали им свое учение изустно, по преданиям, и были очень плохи в медицине. Об этом, верно, как-нибудь проведали тибетские ламы, смекнули делом и очень умно воспользовались своими посильными знаниями древней индийской медицины и теми лекарствами, которые получили они из Индии и Китая.

Судя по многому, я думаю, что человек — всегда человек.

Все тот же он, мои друзья,
Вчера, и завтра, и сегодня:
Все та ж над ним любовь Господня,
И то же в нем из ада — *я*.

Ламы пришли с таким соблазнительным запасом, с такою вкрадчивою, обязательною услужливостию; они стали пользовать больных, а ведь *пользовать* не то, что лечить, так как же не *попользоваться*? К тому же этим совершенно удовлетворялось монгольское *я*; ламы так много заботились о них в это время, так искусно угождали их прихотям, что мои монголы разнежились поневоле и стали охотно вслушиваться в рассказы жрецов шагямунизма; одним словом, ламы употребляли все средства, чтобы увенчать успехом свое тайное предприятие. Учение их, хотя исподволь, но надежно укоренялось в Монголии. Неприметно распространялось число поклонников Шагя-Муни, и хвалы ему, раздавшись сперва в бедных войлочных юртах простых монголов, проникли наконец до богатых шатров Чингиса; однако ж ни он, ни сын его Угудэй-хан не изменили, кажется, своей шаманской вере. Судьба распорядилася иначе.

Меня уверял один почтенный мой знакомец, человек самый достоверный, что первым шагямунианцем из монгольских государей был Гуюк-хан (Гаюк), старший сын Угудэев, царствовавший с 1246 по 1248 год… Бедняжку мучила водяная… Скажите мне, прелестная Катинька,

Кому ж по сердцу гость незваный?
И, не насчет того сего,
Не хорошо ж, как про кого
Все закричат: да он водяный!
И вот, любезный мой Гуюк,
Спастися верой вздумал вдруг.

Он принялся за шаманство — и не отшаманился. Пришлося вызвать из Индии ламу: Сакия-Гунге-Гилаждана… Что ж вы так иронически улыбаетесь, господа ориенталисты?.. Верно, я переиначил это варварское имя; но вспомните, ради Бога! вспомните знаменитого фернейского часовщика; потрудитесь развернуть его Essai sur l'histoire universelle; посмотрите только, как он жалует Бориса Годунова в Boris Gudenou и Гришку Отрепьева в Griska Outropoyia; полюбуйтесь этим — и будьте ко мне снисходительны…

Но если я назвал не так,
Вы можете смеяться смело:
Теперь о том идет все дело,
Что Сакий не попал впросак.

Он вылечил Гуюка, и тот из благодарности, из уважения, из суеверия, из чего вам угодно принял шагямунианство.

По смерти Гуюка, после трехлетнего междуцарствия властелином Монголии сделался Мынге-хан, внук Чингиса, от младшего его сына Толая. Что этот Мынге точно был шагямунианцем, это не подвержено никакому сомнению: недаром же он в исходе 1251 года изволил дать одному тибетскому ламе Намо титло *царского учителя* и сделал его главою новой религии?.. Однако ж сия последняя, как говорил мне тот же почтенный мой знакомец, сделалась совершенно господствующею в Монголии только при брате и преемнике Мынге-Хубилай-хане, то есть в 1260-х годах.

Ни из мифологических, ни из светских монгольских книг не видно, чтоб какие-нибудь телесные недуги осмелились беспокоить его ханское величество Хубилая-хана; но зато,

Причину скрытную найду я,
Ее история сберегла:
У хана, видите ль, была
Жена любимая Чумбуя.
Держу заклад, что уж она
Была наверно недурна;
Она шаманов не любила
И, ослепляясь новизной,
У мужа своего с мольбой
За веру новую просила.
Тогда мужья, как в наши дни,
Прекрасным женам уступали, —
И вот и он, и все приняли
Учение Шагя-Муни.

Оно было передано государю, его супруге и главным чинам государства знаменитым ламою Мади-Дочжуа, который известен (только мне, неизвестно кому) под именем Ламы Пакбы, или Паксбы, как называют его иные. Он был человек дельный, потому что умел пользоваться чужим,

и из чужого составил такую монгольскую грамоту, что я, говоря по совести, ничего в ней не понимаю. Нет спора, я бы мог рассказать вам кое-какие подробности о том, как этот Паксба смастерил монгольскую азбуку, но, во-первых, это вовсе не касается до Шагя-Муни, о котором мне хочется сейчас говорить с вами, и, во-вторых, всякому любителю чрезвычайно легко отыскать самому очень любопытную статью об этом предмете: стоит только перебрать и прочесть все русские журналы с 1815 года по настоящее время.

Еще несколько слов о распространении шагямунизма в Монголии, и дело с концом!.. Случайно мне попались на глаза отрывки монгольской истории, переведенные с китайского. Из них-то и увидел я, что вера фоевская начинала существовать в Монголии не только в XII и XI веках, но даже в IV; а ведь китайский Фо и монгольский Шагя-Муни есть одно и то же лицо; и фоисты и шагямунианцы имеют одни и те же основные правила, верят одним и тем же истинам и заблуждаются ничуть не хуже друг друга; вся разница в одних наружных обрядах… Хотите ли вы или не хотите поверить этим отрывкам, это совершенно не мое дело.

Теперь, прелестная Катинька, когда вы знаете, каким образом учение Шагя-Муни перешло с берегов Ганга в Монголию, теперь можно поговорить с вами и о самом законодателе; но прежде потрудитесь перенестись мысленно в хаос индийского мистицизма и мифов.

С лишком за две тысячи лет до Р. Х. явилось в Индии учение Будгы, или Будды. Вы спросите меня: кто такой этот Будга? — Он есть Вишну, второе свойство индийского Божества: это хранительная сила природы; Брагма, первое свойство сего божества, есть сила творческая, и, наконец, Сива, или Шива, есть третье свойство, и мне кажется, не разрушительная сила, как говорят иные, но только преобразующая разрушением. Все три свойства вместе называются общем именем: Брагм (1). Отсюда учение брагминов, брамминов, или по-тибетски и по-монгольски: бирманов.

Верование будгистов есть раскол первобытной веры бирманов, и если относительно появления первой в Индии помириться, ровно на две тысячи лет до Р. Х., то какова же должна быть древность учения Брагмы?.. Тут поневоле прибегнешь к душеспасительному мраку неизвестности.

Индийцы толкуют, что Вишну, как хранительная сила всего существующего, видя, что порок растет на земле не по дням, а по часам, девять раз под разными именами принимался сходить к людям, чтобы своим примером, своим учением исправить развратившихся.

Но мне сдается, что напрасно
Так хлопотал индийский бог:
Иидийцы все шалят ужасно…
Ох, род людской! куда ты плох!…

В девятом и последнем аватаре, то есть в девятом сошествии своем, он называется Будга. Иные историки рассказывают, что Будга явился в Тибет за 2214 лет до Р. Х. в одном брагминском роде, по имени Шагя, и был сыном магадийского царя Содадана, или Судадана, и супруги его Махамаи, или Махамай; другие, соглашаясь с первыми о времени, отца Будги называют царем Арюк-И-Дету, а мать царицею Чжими. Из уважения к вам, я принимаю последнее, потому что эти имена гораздо приятнее для слуха…

И что такой за Содадан?
А мать-то, что за Махамая?
Но, впрочем, важность небольшая
Узнать, кем он на свет создан.

Главное дело в самом Шагя-Муни, не правда ли?

В каком-то усыпленьи сладком
Царек вступил на Божий свет,
И ровно двадцать осемь лет
Он в нем повесничал порядком…
Уж чем он не был окружен?
Чего ему недоставало?
Но даже осемь тысяч жен
Ему еще казалось мало;
Да! осемь тысяч! не шутя,
И как?.. поверите ли? — слишком!..
Меня б считать взяла одышка,
А я давно уж не дитя.

Другие монгольские писатели уверяют, что Шагя-Муни имел не 8400 жен, а 84000.

Но это чересчур уж много,
Тут свесть концы премудрено,
К тому же этак лгать грешно,
И надо ж побояться Бога.
Как вздор такой ногородить?
Ну посудите же вы сами…
Ах, нет!.. я виноват пред вами:
Об этом вам нельзя судить.

То есть нельзя потому, что некогда: вам надобно теперь потрудиться выслушать одну справку…

Ох, эти справки мне, признаться!
Никак не справлюсь с ними я!
К тому ж опять, мои друзья,
Ей, ей! нельзя не удивляться,
Что все справляются, как я,
А не желают исправляться…

Но, Бог с ними!.. поговоримте о справке. — Некоторые из восточных писателей передают нам совсем другие сказания о первых летах жизни Ардашиди (имя, данное Шагя-Муни при его рождении). Они уверяют, что этот прекрасный отрок, одаренный тридцатью двумя подобиями красоты и осьмидесятью красотами, имел все возможные душевные совершенства; что на десятом или на одиннадцатом году он решительно заткнул за пояс почтенного Багу-Бурена-Бакчи, который был сделан его наставником, и что, наконец, он не только ненавидел многоженство, но через силу женился и на одной, и то потому, что для него приискали красавицу невесту с тридцатью двумя добродетелями.

Ну, если б вздумалось судьбе,
Чтоб мы в тот век существовали, —
Тогда б не миновать беде:
Все б замыслы Шагя пропали!
Он сел бы у меня на мель,
И чуть бы к вам приволочился,
Я б вспыхнул весь, разгорячился,
И всех бы вызвал на дуэль.

Впрочем, я не буду говорить ничего более об этих сказаниях; мне кажется, что одно слово: *муни,* то есть: *раскаявшийся,* опровергает их (2)… Да! верно господин Ардашиди пришаливал смолода, иначе в чем бы ему раскаиваться?.. Конечно, нет правила без исключения…

И вот одно по вашей части,
Хоть виноваты только вы,
Что я от вас без головы,
А я же каюся вам в страсти.

Но это большая разница… Итак, я стану продолжать, следуя первым историкам.

Мне должно сказать вам, что только одни высокие, душевные наслаждения могут быть бесконечны, как сама душа;

Но вечность — не удел земли!
В неиспытуемой дали —
Там, за дверями гробовыми,
Невыразимой красоты
Восторгов волны разлиты,
И дух наш просияет ими.
А кто за чувственность продал
Высокий подвиг здешней жизни, —
Тот сам на грудь свою поднял
Кинжал позорной укоризны.

Так случилось и с Шагя-Муни. На двадцать девятом году от роду он стал изнегать под страшною тягостию душевной пустоты. Однажды, одинокий, вдали от своего дворца, он погрузился в немое, болезненное уныние… Сильно страдало его сердце от убийственных угрызений совести…

Вдруг дивной радугою свыше
В нем луч спасенья просветлел,
И буря сердца стала тише,
И он таинственно прозрел.
Он понял ясно жизнь земную
От колыбелей до могил,
И мысль спасения святую
В себе глубоко заронил;
Он человечество увидел
С его печальной нищетой,
И обновленною душой
Порок и зло возненавидел…
Ему казалося тогда,
Что мы под четырьмя бедами
Обречены страдать судьбами:
Рожденье — первая беда;
Болезни нам беда вторая:
Как сильно мучат нас они,
Всю радость жизни отравляя!
Как утомительны те дни,
Когда в тоске лежишь на ложе
И ждешь: — вот новый день придет,
Он мне отраду принесет;
Приходит завтра — снова то же!..
Ты просишь смерти — смерти нет!
Еще не все ты знал страданья
В тернистом поле испытанья,
И *старость,* с тяжкой ношей лет,
Печальная, полуживая,
Есть третия беда мирская:
Все дни до гроба сочтены,
Отверсты в неизвестность двери,
И мы, минувшие потери
Оплакивать осуждены…
О! если б жизнь возобновилась,
Чтоб пережить свой век былой!
Но *смерть* пришла — и над тобой
Беда четвертая свершилась.

Так думал Шагя-Муни, не озаренный, как мы, высоким духовным светом, и потому *рождение*, *болезни, старость* и *смерть* он называл четырьмя бедственными истинами. Увидев во всей ужасной ее наготе ту бездну разврата, в которой он погибал, он оставил свой дворец и навсегда обрек себя затворничеству. Изнуряя тело, он провел в пустыне остальную часть жизни своей, как образец добродетели. В это время он составил главные правила своего учения, которые впоследствии пространно изложены пятью его учениками в ста осьми книгах Ганжура, то есть: словесного учения, называемого *опорою веры.* Тогда же учредил он религиозные обряды и наконец ввел то богослужение, которое и теперь оглашает храмы Северной Индии, Тибета и Монголии; которое приняли многие орды калмыцкие и забайкальские буряты. Ламы суть жрецы и учители шагямунизма.

2134 год до Рожества Христова есть год смерти Шагямуня, и начало эры его последователей, а потому наш настоящий 1833 год считается у них 3967-м.

Вот вам, прелестная Катинька, в коротких словах все то, что только говорили о Шагя-Муни его историки.

Не поминайте лихом вы
Его истлевшей головы.
Сначала он шалил, нет спору,
Зато вы видели потом,
Как развязался он с грехом
И как остепенился впору;
Но, впрочем, кто же, кроме вас,
Хоть раза два, хоть только раз,
А чем-нибудь да не был грешен?

Кому же мишурой своей
Не ослеплял сей мир очей?
Кто не был в суету замешан?
И всем ли счастие, как мне?
Я вас нашел в толпе народной, —
И быстро, думой благородной,
От зла вознесся к вышине…
Так не судите же вы строго,
Что грешными земля полна:
Таких как вы, ей, ей! одна,
А интересных — очень много!

Рассказ третий

Вниманья, Катинька! вниманья!
— «Его-то и не видеть вам», —
Хоть не ко мне; к моим словам:
Вот вам процес миросозданья! (3)

«Сначала был хаос». — Смелее!
Ну, что ж? сначала был хаос —
«Там в нем движенье родилось»…
— А это что за ахинея?
Однако ж дальше, продолжай!
«И то начальное движенье
Произошло от дуновенья…».
Ты не хлебнул ли через край?

Так разговаривал я не очень давно с одним забайкальским ламою, моим хорошим приятелем. Человек он, кажется, дельный и начитанный,

А как забывчив, думал я,
И что же вышло на поверку? —
Что нам других судить нельзя
На нашу собственную мерку…

Он очень хорошо помнил наизусть свое шагямунианское писание. Теперь, когда я навел справку об этом предмете в моей драгоценной тетрадке, я увидел, что и в ней ни дать ни взять то же самое; итак, я продолжаю за него.

От движения дуновенья составилось облако; из облака родились воды,

Потом из вод — земля и камень;
Потом от тренья сих начал
Во тьме хаоса просиял
Неугасимый, яркий пламень.

Наконец, то ли из грубого вещества, то ли из пены, как говорят иные, составилась величайшая гора Сюммер. Она видна только до половины, но и этого довольно с нас грешных. Вообразите себе, что от поверхности воды до вершины этой горы монголы считают ровно 640000 верст… *Дистанция огромного размера!*— сказал бы почтенный Скалозуб, если бы ему удалось нас подслушать. Другая половина Сюммера находится в воде и лежит своим основанием на необъятной златоцветной черепахе.

В то же время около Сюммера образовались четыре великих мира: один на Севере, другой на Юге, третий на Западе, и четвертый, разумеется, на Востоке… — «Скажите же мне, господин рассказчик, который из них наша земля, как ее зовут по-монгольски, и в которой она стороне? да только, пожалуйста, покороче!» — Ах! прелестная Катинька,

Как в вас порывисты желанья!
Как о земле сказать вам вдруг,
Что Самбу-Тиб ее названье
И что лежит она на Юг?

Согласитесь, что это довольно трудно; но перед вами уничтожаются все препятствия… Вам стоит захотеть, попросить…

Нет! вы приказывайте смело!
И вот, — для пробы хоть одной,
Скажите мне: «Будь муж ты мой». —
И тотчас будет в шляпе дело.

Однако ж, после такой волшебной силы ваших слов мне как-то невольно хочется

Порасспросить вас кой о чем…
Пусть мы на этой грязной глыбе
За грешные дела живем;
Но вы зачем на Самбу-Тибе?
Для вас бы мог Шагя-Муни
Отвесть на Сюммере квартиру,
Где бы, блистая, ваши дни
Текли, как звезды по эфиру;
Вас осенял бы вечный свет,
Вы б наслажденьями дышали
И только ими числа лет
В прелестной думе поверяли.
Порой, быть может, с той горы,
Взглянув на грешников с участьем,
Вы б нас знакомили со счастьем…
А!.. понимаю: — Вы добры!
Вам стало жалко нас, страдальцев,
О нашем благе вы пеклись,
И издалека принеслись
Земных утешить постояльцев.

Но вы, может быть, спросите меня о фигуре нашего Самбу-Тиба? Или вы, может быть, скажете: «Да это уж известно, что он шарообразен, что он сжат у полюсов и возвышен под экватором». — Заблуждение, прелестная Катинька!.. Весь наш ученый мир в страшном заблуждении… Какие тут полюсы? и что такой за экватор?.. Земля наша есть просто треугольник… Вы не верите? Так загляните же в любую мифологическую монгольскую книгу, и вы увидите, что это самая неприкосновенная истина…

Я думаю, когда Шагя-Муни
Открыл, что мир наш треуголен,
Наверно сряду он три дни
Собой ужасно был доволен.
Да, рассудя по-моему,
С ним не могло и быть иначе:
Он слепо вверился уму —
Так, стало, веровал удаче.

Но в сторону сомнение: это статья уже решенная. Всем известно, что посредине вселенной находится высочайшая гора Сюммер; что на Юг от нее лежит наш треугольный Самбу-Тиб; на Восток круглый Улюмчжи-Бииту-Тиб, то есть *земля прекрасных лиц.*

Уж вы, мой Ангел, на Самбу
Не гостья ли с Бита-Тиба!
Тогда, благодаря судьбу,
Я б ей сказал за вас спасибо…
Вот хорошо!.. Я и забыл,
Что люди там аршинов в осемь;
Ай, да Шагя! покорно просим,
Как он их ростом наградил!..

На Запад от Сюммера, третий мир, имеющий вид полумесяца, называется: Укэр-Эддекчи-Тиб, то есть: *земля, привольная для рогатого скота.*

Что если, Господи прости!
Шагя придумал, для примера,
На тучных пастбищах Укэра
Все лбы рогатые пасти?
Тогда, по смерти, без сомненья,
Как многих не увижу я
Из вас, знакомцы и друзья,
Чуть сам умру без украшенья.

Квадратный Модушу-Тиб есть четвертый мир, находящийся на Севере. Здесь и по сию пору тридцатидвухаршинные великаны живут по десяти столетий. Вот жизнь так жизнь!

Наконец, я вам должен сказать, что у каждого из этих четырех главных Тибов есть по два маленьких спутника; стало быть, вся система состоит из двенадцати разнокалиберных миров… Люблю за это: и уютно, и покойно!.. Однако ж, верно, Шагя-Муни думал и о потомстве: он разлил вокруг Сюммера четыре океана: к Северу желтый, к Югу синий, к Востоку белый и к Западу красный. Таким образом,

Создавши новую природу,
Чтоб избежать проверки слов, —
Он все концы своих миров
Благополучно спрятал в воду.

Окружность вселенной простирается до 30000000 верст, разумеется, выключая солнце, луну и звезды, которые сотворены после, и то по особенному случаю; я вам расскажу об нем в другое время, а теперь поговоримте о Сюммере.

На нижней полосе этой горы живут злые духи. Они… но вам страшно, Катинька? — Подымемся на середину… Видители вы Ассури?.. Это существа, средние между человеком и демоном, то есть они сбивают и на того, и на другого… Однако ж, посмотрите… проклятые начинают волочиться за вами, — полетимте, пожалуйста, наверх… Как тут все хорошо! Какое разнообразие в великолепии и красотах! Какие необъятные, блистательные картины!.. Мне чрезвычайно приятно, что все это так занимает вас…

Прекрасное во всем любя,
Вы рады каждой здесь безделке:
Вы здесь, как дома у себя,
А я так не в своей тарелке;
В стране невыразимых благ
Везде вам ровная дорога;
Я спотыкаюсь каждый шаг —
Мне как-то совестно немного…

В этаком случае всего лучше смотреть вверх, будто чему-то удивляешься… а чему тут удивляться?

Есть ли у вас, мой прелестный ангел, какая-нибудь любимая звездочка?.. Верно есть!.. Это и в моде, и к тому же, не знаю отчего, всегда, как только увидишь ее, на сердце делается так тепло, так весело!.. Нам надобно еще взглянуть на самую вершину Сюммера, и потому потрудитесь вообразить, что вы отыскиваете светлую свою любимицу…

Закиньте вверх свою головку…
Как вы в приемах хороши!
Но мне вас жалко от души:
Вам этак, может быть, неловко?
— «Нет, ничего». — Я очень рад!
Взгляните же, как *он* параден;
Ну, что? каков собой на взгляд?
— «Изряден». — Только что изряден?

Странно!.. Так вам не понравился Шагя-Муни?.. Боже мой! ведь я и позабыл, что он перед смертию постился пятьдесят два года: до красоты ли тут?

Да! не воротится она,
Хоть *он* и сел на пышном троне;
Зато, как будто на ладони
Ему вселенная видна.

Оттуда судит *он* и рядит
Своих монголов и бурят,
И около себя сподряд
За выслугу и службу садит.

— «Поэтому у него можно выслуживаться?» — Поэтому можно; только я никак не могу говорить обо всем в одно и то же время… Сперва узнайте понятия монгольцев о *минувшем и будущем,* относительно природы.

Если миры когда-то составились, говорят шагямунианские мудрецы, то они непременно должны когда-нибудь и разрушиться. Все, что имеет начало, имеет и конец… Дело!.. Но этот неизбежный, бедственный случай рассказан у них еще замысловатее, нежели процесс создания.

Вот как случится это чудо:
Неведомо когда, откуда,
Зачем, и почему, и как,
Вдруг солнце (сверху без сомненья),
Как злобный демон разрушенья,
На все миры, с размаха — бряк!
— «Они и разлетятся, стало?» —
Нет, одного толчка им мало,
Им так достанется, что страх,
За то, что крепки на ногах.

После этого первого солнца упадет другое побольше, там третье еще больше; наконец, седьмое доконает вселенную.

Другие рассказывают об этом происшествии совершенно иначе.

Они, в острастку для народа,
Без умолку твердят ему,
Что он по сердцу и уму
Все будет хуже год от года;
Что ждет его конец один;
Что он и ростом меньше станет,
И хорошо, когда дотянет,
Чтоб быть ему хотя с аршин.
А жизнь? — умора да и только!
Как десять лет?.. Ведь курам смех!
Хоть бы прибавили для всех
Еще бы столько, да полстолько;
И что потом, как род людской
Дойдет совсем до развращенья,
Тогда, предтечей разрушенья,
Прольется голод над землей.
Семь лет продлится испытанье,
Потом — в последние семь дней —
Слетят на землю семь мечей, —
И все живущее созданье,
И весь людской греховной род
Под этой казнию умрет.

На каждом из опустошенных миров останется только по одному добродетельному семейству. По окончании кутерьмы они выйдут на белый свет и станут себе жить да поживать. Лета их жизни будут постепенно увеличиваться, потом опять уменьшаться, и, наконец, снова та же история. Весь этот промежуток от одного разрушения до другого называется Гал-аб; пятьдесят шесть Гал-абов составят Гал-абь-эрчиху, то есть всеобщее разрушение самых миров.

Наряду с подобными гипотезами вы встретите у них понятие о безначальности и бесконечности; но этого еще мало. В следующем предположении они развивают идею, что в пространстве не может быть пустоты. Как создание существующих ныне миров было не первое, то и разрушение их будет не последнее: в целой бесконечности одно станет заменяться другим. Затейливо сказано, но впрочем

Я эту мысль не принимаю,
Она — нелепая мечта.
И я, по опыту я знаю,
Что есть *в пространстве пустота:*

В нем, важно место занимая,
Торчит иная голова
И умной кажется сперва,
А ведь какая уж *пустая.*
Во всем собаку съел иной,
А смотришь — сохнет и худеет,
Затем, что, с полной головой,
Пустой желудок он имеет.
Иной везде нашел обман,
Не удается все иному,
И он хлопочет *по-пустому*
Затем, что *пуст* его карман.
Да! Странно племя все людское!
Наш путь житейский страх смешон!
Как ни смотри, со всех сторон —
Льют из *порожнего* в *пустое.*

Станемте продолжать. После великой мысли о возобновлении миров… Как вы думаете, что вы найдете после этой мысли?.. Что вместе с мирами будут переменяться и боги… О Шагя-Муни! Шагя-Муни!

Твоя система управленья
В наклад товарищам твоим,
И после светопреставленья
Где дашь ты место отставным?

Но это уж его дело, а мне остается только сказать вам, что вследствие такого порядка вещей и самые верховные существа, судя по времени, имеют особенные названия. Таким образом все боги, которые управляли мирами, существовавшими прежде, называются: Ометофо; то, которое управляет нынешними — есть: Шикеафо; а все те божества, которые будут владычествовать над новыми вселенными, называются теперь Мелифо.

В настоящее время Шагя-Муни, как Шикеафо нашей вселенной, сосредоточив в себе всю возможность власти общего управления над существующими теперь мирами, приятельски поделился с другими бурханами относительно частей. Так, например, бурхану Мандари и будущему преемнику его Мандзошири он препоручил наблюдать, чтобы в мире шло своим порядком; бурхан Хурмуста должен хлопотать о благе всех тварей; грешники сдаются на руки Эрлык-Номун-хану; Очирбани заведывает бурями, метелями, ураганами и т.д.

У бурханов, которые начальствуют над водою во всех возможных ее изменениях, состоят в распоряжении ужасные драконы. От нечего делать водяные цари позволяют им гулять по поднебесью: тут-то пир горой!.. Эти чудовища летают так быстро, что следом за ними вспыхивает огонь, а нам кажется, что это зарница или молния;

Когда же, разыгравшись часом,
Впотьмах, разгулье дождевом,
Они *ау* затянут басом —
Мы думаем, что это гром.

Дно океана есть зимняя квартира этих чудовищ. Благополучно царствующие ныне богдо-ханы Манжуйской, Данчинской (то есть воинственной) династии признали изображение их своим гербом.

Ад…

Ах, Боже мой! да что за чудо!
Со мной всегда одно и то ж:
Опять проклятая простуда, —
Вот так и пронимает дрожь!
— «Да вы не ада ли боитесь?» —
Нет! что вы?.. Боже сохрани!
Но, видите ль, какие дни.
Так я, уж вы не осердитесь,
Здоровье чересчур любя,
Я плащ накину на себя.

Итак, ад, или царство Таму, разделяется, по мнению последователей шагямунизма, на 16 отделений.

Так, например, у них в одном
Согреют грешников огнем;
В другом морозом их прошколят;
А там, от скуки, попилят;
А там хоть рад, или не рад —
Держать диэту приневолят.

И так далее…

Но кто ж придумал, наконец,
Шестнадцать этих отделений? —
Он, верно, был в добре — глупец,
А в злости — превосходный гений.

Там-то Эрлык-Номун-хан покажет себя! Главное, он озаботится тем, чтобы грешные монголы раскаялись в прежних своих проказах; но я бы сказал этому Эрлыку-Номун-хану:

«Послушай, мой почтенный князь,
Твоих трудов мне, право, жалко:
Я что-то не слыхал родясь,
Чтоб кто разнежился под палкой».

У Эрлыка-Номун-хана, так же как и у Плутона, прехорошенькая жена… «Сделайте милость, растолкуйте мне этот миф»…

Тут я бы мог кончить мой третий рассказ, но совесть моя заставляет меня сделать наперед поправку в первом. И знаете ли, до кого касается моя ошибка?.. До вас… Вы удивлены? Однако ж, к несчастию, я говорю правду… Не знаю, чего я должен ожидать: гнева или милости?.. Я думаю, гнева… Нет! вы ангел — и виноватый ожидает пощады.

Простите несчастливца вы,
Он вас слезами умоляет,
А ведь повинной головы
И даже меч не отсекает…

— «В чем же дело?» — Вот в чем, прелестная Катинька; когда говорил я на 11 странице о ваших глазах, мне пришло на мысль выразиться: *«я верю этим небесам!»…* Признаюсь, тогда я точно твердо был уверен, что у вас голубые глаза. Я рассказывал всем знатокам, любителям и ценителям изящного, что небесный цвет ваших очей несравненно лучше настоящего небесного цвета.

И что ж?.. не дальше, как вчера,
Собравшись видеть вас с утра,
Я ждал вас у священной двери,
Как будто греховодник Див,
Влюбленный в миленькую Пери;
Я был тогда ни мертв, ни жив;
Вдруг вы в толпе других явились,
Ваш взор был грешнику гроза:
Я вспыхнул весь, мои глаза
К земле невольно опустились;
Но укрепил меня мой Бог:
Я робость в сердце перемог,
Таинственно о светлой цели
Какой-то голос мне шепнул,
Я прямо в очи вам взглянул —
Они сияли и *чернели…*
Взглянул — и не видал потом
Того, что делалось кругом.
Все эти лица и одежды,
Вся этой смеси пестрота
Была, как темная мечта
Пред светлым призраком надежды;
Весь этот гул пустых речей,

Бесцветных, приторных желаний
И шум приветов и лобзаний
Я пренебрег душой моей.
Толпа безумно лепетала
Урок приличий заказной
И неприметно за собой
Вас, милый ангел, увлекала.
Я был недвижен, я грустил…
И безотчетливо за вами
Своими скорбными очами
В немом раздумии следил.
Вдруг с кем-то вы от всех отстали,
И очи, полные огня,
Вы устремили на меня
И будто тайну узнавали:
Скрепясь, я чудно устоял
Против сего огня святого,
Но вы еще взглянули снова
<неразборчиво в тексте. — *Ред.*>

Видите ли, прелестная Катинька, как затруднительно бывает мое положение, когда я осмеливаюсь к вам приближаться… Видите ли, что только один особенный случай открыл мне, что у вас не голубые, но очаровательные черные глаза… Между тем это было четвертое наше свидание, что же мог я увидеть в первые три?.. Я так неожиданно вас нашел! я был так обрадован! так ослеплен! одним словом…

На вас не мог взглянуть я смело,
Я счел, что вижу все во сне,
Да и до глаз ли было мне,
Когда в моих глазах темнело.

Неужели и после этого вы не простите мне моей ошибки?.. Вы прощаете?.. Я в восхищении!.. Однако ж,

Хоть я смеюся и шучу,
Но сквозь мишурность прибауток
Серьезно я сказать хочу,
Что я влюбился в вас без шуток.

Рассказ четвертый

«Да долго ли у вас, скажите,
Порожняком мирам стоять?»
— А вот я стану, погодите,
Их помаленьку заселять.

За несколько сот тысяч веков… Помилуйте,

«Ведь это ужас как давно!»
— По-моему, так это мало;
К тому ж для нас не все ль равно:
Все что прошло — *пиши пропало!*

Итак, за несколько сот тысяч веков прежде, нежели на Самбу-Тибе стал существовать грешный человеческий род, далеко, далеко от нас, на седьмом небе, жили себе припеваючи бессмертные духи генгери. Никому не известно, когда, как и кем они созданы, но зато я смело могу вас уверить, что блаженство их было неописанное, потому что его никто не описывал. Вот они жили, жили, наконец одним из них пришла престранная мысль: «Сем подеремся!»… Сказано — сделано!.. Началась потасовка то ли за дело, то ли ни за что ни про что, и кончилась тем, что ассури, как побежденные, сперва подавай Бог ноги, а потом дали тягу на Сюммер, и тут только спаслись от преследования… Правда, велика гора Сюммер, да и народу-то привалила бездна, к тому же ассури, хоть и сами собою, а все-таки размножались; с другой стороны, опять на светлой вершине Сюммера, как на подножии престола великого Шагя-Муни,

изволили поселиться блаженные тенгери, чтобы для веса и для большей важности окружать своего повелителя; вот бедным ассури сделалось тесновато, и некоторые из них стали помаленьку переселяться на Самбу-Тиб. Здесь, по словам иных, они назвались духами аминами, и с этих-то пор начинается рассказ, который решительно не подвержен никакому сомнению. Все последующие события доказаны у шагямунианцев вернейшими историческими актами; тут незачем ходить ощупью: истина ясна, как день.

Но наперед вы знать должны,
Что по особенной причине
В то время не было в помине
Ни звезд, ни солнца, ни луны.
— «Выходит, свечи подавали;
Не темьнеть же была у них?» —
Конечно! — Но они не знали
Заводов сальных и свечных.
— «Так, верно, лесу не жалели
И жгли огромные костры?
Да что ж вы, будто онемели?
Скажите!.. будьте же добры!».
— У женщин вечно та же сказка,
У них уж так заведено:
Чуть тайна есть, — так есть и ласка,
Ох, вы!.. вот то-то и оно!..

А чтобы приласкать меня прежде?.. тогда бы я просто сказал вам, что для этих аминов не нужно было постороннего света: они сияли сами и освещали собою все пространство… Но этого еще мало… вообразите, они летали!.. Какое завидное положение!.. Таким образом, вы можете себе представить, прелестная Катинька, что они были

В неугасимом дне без ночи
Легки, как крылья эфемер,
Светлы, как… что бы, например?..
Ну, например, как ваши очи!..

Видите ли, какая необъятная бездна света?.. и какого света!..

Одна любовь и красота
Могла им только освещаться,
И должно, кажется, признаться,
Тот свет не нашему чета.
Итак, чтоб вам узнать бы тоже
Сей блеск духовного огня,
Вам стоит полюбить. — «Кого же?»
— Да разумеется меня!

Впрочем, с последнего нашего свидания я по некоторым приметам сужу о вас совершенно иначе:

Хоть мне и жалко головы,
А я свихнусь на этой точке:
Мне кажется, что амин вы,
В земной, прелестной оболочке.

Например, теперь посмотрите, как много волшебства в этом пламенном, проницательном взгляде, который вы устремили на меня! Посмотрите мне в душу…

Она открыта перед вами:
Как в ней торжественно светло!
Но безнадежности мечтами
Сей дивный свет заволокло…
Однако ж, друг мой, ради Бога…
— «Вот это мило! что за друг?» —
Да опустите вы немного
Своих ресниц блестящий пух;

А то ей-ей! собьюсь я с толку:
Монголов позабуду я
И все о вас, звезда моя,
Твердить я буду без умолку.

Вот так!.. очень хорошо!.. прелестно!.. теперь извольте слушать.

Хотя амины утратили большую половину первой чистоты своей, первых своих наслаждений; но как еще много оставалось для них!.. Вечная любовь; вечное согласие; собственный, неугасимый свет; быстрый, легкий, вольный полет по всему Самбу-Тибу; сладкая эфирная пища и долгая, долгая жизнь… А как вы думаете, поскольку они живали? — «Я думаю по 1000 лет.»… — Извините меня, прелестная Катинька!.. Амины жили… страшно выговорить… по 80 тысяч лет. Согласитесь, тут было когда пожить…

О! если бы тогда на свет
Случилось мне и вам родиться,
Да я бы сорок тысяч лет
Все стал за вами волочиться.

В то время они имели еще надежду получить обратно прежнее свое блаженство; а какого тягостного изгнания не украсит надежда?.. Проходили сотни тысяч лет; казалося, что былое опять начинает веять на них своим упоением, вдруг один из духов нашел *Шиме,* или *земное масло,* как называют другие (4). Монгольские книги не говорят ни полслова, каким образом лукавый помог ему найти это масло, а потому я решительно не знаю,

Как этот плод явился чудной,
Отсюда близко ль, далеко;
Но что иному очень трудно,
То для *нелегкого* легко.

Главное дело в том, что дух нашел запрещенный плод; конечно,

Найти, оно и ничего бы,
Ведь он его и не искал;
Да вот в чем амин маху дал:
Он скушал маслица — для пробы.

Ну, разумеется, после этого он тотчас озаботился соблазнить родных, товарищей, знакомых — и пошла круговая порука.

И что же вышло напоследок? —
Что в несколько печальных дней
Находкой масляной своей
Умаслил всех монгольский предок:
Идти — не видно ничего,
Лететь — к земле невольно тянет,
И, верно, амина того
Никто добром не воспомянет.

Тут понадобились и солнце, и луна, и звезды, и все это было тотчас же сотворено. Весь Самбу-Тиб дышал новизною: новая жизнь, новые чувства, новые наслаждения; но уже лета этой жизни были сочтены вполовину. Впрочем, и сорок тысяч лет

Хоть перед вечностью ничто,
А выжить, право, не безделка;
По крайней мере, все ж не то,
Что нынче наша скороспелка.

Казалось бы, что на этом месте должна кончиться вся история: новый порядок вещей в течение нескольких сот веков поневоле сделался старым; забывая утраченное, амины помаленьку привыкли пользоваться настоящим: все шло как нельзя лучше. Еще не было слов: *порок, слабость, зло;* добродетель царствовала повсюду: она была неисчерпаемым родником, из которого изливались тихие, чистые, продолжительные удовольствия души…

Чего бы, кажется, им надо?
Ну жить бы, жить да поживать!
Так нет, вот видите ль, опять…
Ей-ей! за них берет досада!..
— «Да что ж опять? неужто плод?»
— Да что же иначе быть может?..
Как жаль, что наш греховный род
Всегда заветное тревожит!..
— «Нельзя ль мне это рассказать!
Вы потрудитесь?» — Без сомненья;
Но вам чужие прегрешенья
Пришла ж охота узнавать!
— «Не спорьте!» — Слушаю-с! Однажды
(А как случилось это зло,
До нас в рассказах не дошло),
Итак, от голода ль, от жажды,
Какой-то амин молодой
От всех своих знакомых тайно
Нашел какой-то плод случайно,
Который назывался: *Ой…*
На всем пространстве Самбу-Тиба,
Родяся, сладости такой
Не ел мой амин удалой —
Что в рот — так тотчас и спасибо!
Вот он поел немножко — глядь?
Ему чего-то стыдно стало,
И хоть он скушал очень мало,
А вдруг позыва нет опять…
— «Ах, это страх как интересно!» —
Вам интересно?.. очень рад!
Но я побьюся об заклад,
Что остальное вам известно…
— «А кто ж расскажет это мне?» —
Да тут не надобно рассказа;
Ведь это старая проказа —
Так и последствия одне…
Смекнув тогда, что сделал худо,
Он в лес — где гуще, где темней,
И ну перекликать оттуда
Поочередно всех друзей:
Сюда! здесь ужин вам богатый!
Я вещь чудесную нашел!..
И вот на зов один пришел,
Пришел другой, пришел десятый;
И нечего таить греха,
Хоть и без умыслу — а ели…
— «Что ж вышло?» — Вышло, что на деле
Развязка чересчур плоха…
Когда был кончен сытный ужин,
Тогда узнал любой из них,
Что различать приметы их
Не очень зоркий глаз был нужен…
— «Мне это что-то мудрено;
Так разница была, наверно?» —
Как рассказать бы вам, примерно,
Не очень ясно, не темно?..

Да вот положимте, что вы находитесь в обществе девушек и мужчин: сперва стали обнимать вас ваши подруги, потом обнял я, я, и я, потому что мне нельзя же позволять, чтобы каждый обнимал вас сколько ему угодно… Теперь сравните наши объятия…

Нашли ль вы разницу? — «Нашла!» —
Так и для них за преступленья
Пора тяжелая пришла
Вам неизвестного влеченья…

С тех пор, как на Самбу-Тибе понадобились местоимение: *он и она,* с тех пор начались все бедствия. Жизнь укоротилась вполовину и потом, впоследствии, стала убавляться постепенно…

С тех пор все становилось плоше,
На место правды вкралась ложь.
Тогда и самый-то хороший
Не слишком больно был хорош,
Все упадать душою стали,
В сердцах зашевелилось зло,
И тут же на беду сыскали
Еще какой-то плод: *Сало*.

В этом проклятом Сало, или Салло, или Салу, заключался корень всех пороков, и первое бедствие, постигшее обитателей Самбу-Тиба в несчастное время, было — утрата чистой, духовной пищи, эфирное тело их сделалось грубым и требовало земного. Долго употребляли они: Масло, Ой и Салу…

Вдруг наконец один из них…
— «Неужто снова напроказил?» —
Да! он остаток счастья сглазил,
Затем, что ел плотней других…
— «Опять мне новая загадка!» —
На этот раз загадки нет.
Однажды, севши за обед,
Поел он, знаете ли, сладко;
Ну чтоб ему потом вздремнуть
В тени древесного наклона,
Или пройтись для моциона,
Или заняться чем-нибудь;
А он — он был в большой заботе
И запрещенного плода
Припрятал к ужину тогда,
Но как ошибся он в расчете!

Такая жадность прогневила судьбу, и уже никто с тех пор не находил более на Самбу-Тибе ни Сало, ни Оя, ни Масла…

В такой негаданной беде
Всем грешным было не до шутки,
Затем, что в поте и труде
Пришлось кормить свои желудки.
Оно б еще в ворота шло,
Когда бы кончилось все этим;
Но мы тотчас другое зло
В минувшем нехотя заметим.

Жадность одного породила порок любостяжания во всех; впрочем, порицать этого порока я не хочу и не могу, а кто не хочет и не может, тот, верно, и не станет.

Я сам в любостяжанье грешен…
Положимте, что как-нибудь
Мой пыл любви, палящий грудь,
У вас — ответом сердца взвешен;
Что мне, как счастия звезда,
Горит в нем пламенное: *да!*
Что звук тот, полный упоенья,
Из ваших уст я сам узнал, —
Тогда, не медля ни мгновенья,
Я б вас с любовию стяжал…

Трудовая пища была очень груба. Кто употреблял ее более других, у того непременно портился цвет лица; кто меньше — у того он дышал свежестию…

Когда, в какой-то неге сладкой,
На ваш румянец засмотрюсь,
Тогда ему, от вас украдкой,
Дивлюсь — и все не надивлюсь!
Мне все сдается от чего-то,
Что тут должно чему-то быть,
И что заветное вкусить
Вам не пришла б тогда охота.
— «Не льстите, господин Поэт;
Хвалить в глаза — смеяться значит».
— Ну, признаюсь, такой ответ
Хоть не меня — так озадачить!
Да неужели мне молчать?
— «Вот за глаза, как вам угодно…»
— Как вы сказали бесподобно!
Нельзя прелестнее сказать!..
И точно! я согласен с вами:
Как ни прекрасен цвет ланит,
Но кто ж и как его сравнит
С волшебно-светлыми глазами?..
Итак, ваш нынешний приказ
Я никогда не позабуду,
И с этих пор — при вас, без вас
Все *за глаза* хвалить вас буду.

Поверите ли вы, прелестная Катинька, что разность в цвете лица породила ужасный грех гордости?.. Между тем толки о дележе плодоносных земель довели к спорам; от споров дело дошло до серьезного дела, то есть до драки; а уж от драки велик ли переход до смертоубийства?.. Наконец, венцом всего зла была ядовитая зависть: чужой успех, чужой урожай, чужие выгоды — и грызли, и томили ненасытных.

К счастию всех обитателей Самбу-Тиба, явился тогда между ними *некто,* который чудесно сберег в душе своей всю красоту непорочности и правды… Прекрасная, величественная наружность; тонкий, проницательный, глубокомысленный ум; мягкий и кроткий нрав; — одним словом, все давало ему пальму первенства между монгольскими предками. Он стал всеобщим судьею — и суд его почитался священным. Его любовь, его уважение были высочайшею наградою добродетельных и справедливых; но зато как жестоко наказывал он порочных — он их презирал!.. Мне кажется, что для человека, который мыслит и чувствует, не может быть ничего ужаснее презрения.

Желая отвратить и на будущее время беспорядки и ссоры, он наделил каждого ровным участком земли. Все были довольны — и благодарность поднесла ему титул: князя всех духов… Но вы, может быть, захотите знать имя того,

Кого все в мире уважали,
Кто был преступников гроза?
Его по-эйнеткекски звали:
Ма-ха-самада-Рануза…
Мне должно бы сказать: Рануза,
Чтоб ударение сберечь;
Но орифмованная речь
Подчас тяжелая обуза.

Вы, верно, знаете, что Индия и Эйнеткек — одно и то же.
Теперь потрудитесь выговорить тибетское название того же самого князя…

Оно, конечно, трудновато
Сказать: Мангбай-Кгурби-Джалбу;
Но вы пеняйте на судьбу,
А я уж тут невиноватой.

Мне сказывали, будто по-нашему, по-русски, это значит: всеми избранный царь; впрочем, я не ручаюсь за верность перевода… Итак, прелестная Катинька, вот где начало властей. — Этот Джалбу, или Рануза, титуловался священным именем: Великого обладателя вселенной. Подданные и потомки его стали называться человеками.

Я не сказал: людьми, затем,
Что в люди не выходят скоро;
И потому, что в свете сем
Все эти выскочки — умора!

Мне бы очень приятно было беседовать с вами; но сами посудите: возможно ли это?.. Мой эстетический сосед держит, вероятно, для голоса, как вы думаете кого? — бесхвостого павлина!

Однако ж во всяком худе есть добро, как вы это сами видите… Прежде я был не в состоянии постигнуть, что бы могло заставить слить в одну идею и ужас и хорошее; теперь

Понятна эта мне причина;
Я глубоко в нее проник,
Когда услышал крик павлина:
Вот крик — так настоящий крик!
Прошу тут выразиться просто?
Что этой речью объяснишь?
Невольно скажешь: ты, бесхвостый,
Ужасно хорошо кричишь!..
Но он час от часу сильнее;
Ах! отодвиньте дальше стул;
Закройте уши поскорее;
Закрыли?.. Режут!.. Караул!..

Рассказ пятый

Ух!.. как гора свалилась с плеч!
На нашей стороне победа!..
Однако ж надо подстеречь
Ужо затейника-соседа…

«Здоровы ль вы?» — Все слава Богу!
— «Да что ж у вас за эпиграф?» —
А вот я буду тотчас прав,
Как расскажу все понемногу.
Сбылся, сбылся мой сладкий сон!
Недаром он три ночи снился:
Я от павлина открестился,
Да, этот варвар — подарен!
— «Павлин?.. вы шутите?.. кому же?»
— Сосед невесте подарил;
Вот, признаюсь, разодолжил!
Я весел за нее и вчуже.

Таким образом мой эпиграф есть порыв неукротимой радости, и как не радоваться, когда все довольны?.. Сосед — изобретательностию в сюрпризах; невеста — подарком, а я… мне кажется, я довольнее всех.

Теперь могу я на просторе
Рассказ мой снова продолжать,
А там павлин извол кричать:
Я в стороне… мне что за горе?

Шагямунианцы признают, что душа бессмертна, но как они признают это?.. Не по убеждению просвещенной веры, как мы, а по внушению невежественного суеверия, как многие. Высокая мысль о жизни в бесконечности искажена у них всегдашним соединением души и материи. Они никак не могут различить бессмертного духа разумения, который проявлен только в одном человеке от неис-

тощимого духа жизни, который, под всеми возможными формами, так блистательно проявляется в природе; одним словом — они верят переселению душ.

Однако же, по их мнению, самою высочайшею наградою добродетели будет степень праведного, или бурхана, которую они получат на том свете. — «Так бурхан значит праведный?» — Извините меня! вы не отгадали!.. Бур есть сокращение слова: бурин, то есть всецелый (как вы), совершенный (как вы), без недостатков (как вы); а слова хан, по-нашему — царь. Стало быть, бурхан значит: всесовершенный царь. Мне бы хотелось, впрочем, привести к вам любого из этих фениксов: я бы посмотрел тогда, как бы он начал сравнивать свои совершенства с вашими, и Боже его сохрани, если бы он, как-нибудь зазнавшись,

Рассказывать мне важно стал,
Что он и перед вами: *бурин,*
Тогда бы я ему сказал,
Да ты, голубчик, просто: *дурен!*

Впрочем, многим ли удастся попасть в бурханы? — У многих ли формуляр души так чист, как у вас? — Потому-то шагамунианцы и веруют в постепенность наград и в постепенность наказаний. Например: богатый повеса может переродиться в страдальца нищего, надутый вельможа (прошу его не прогневаться) — в осла; какой-нибудь хвастун — в зайца, какая-нибудь чопорная болтунья — в дворняжку и т.д. Если бы, паче чаяния, дело дошло до меня, то я желал бы в особенности избегнуть только двух вещей:

Чтобы не быть мне в жизни новой
Слугой покорным дурака,
Да лошадью еще почтовой
У разбитного ямщика.

В рассуждении наград низшего достоинства, у них почти та же самая история: безобразный может переродиться в красавца; человек мелкий — в крупного; человек недостаточный — в богача.

Но тем, кто все на свете дни
Провел, как следует, в законе,
Для тех в Амголонту — Ороне (5)
Набрал чудес Шагя-Муни;
Там вся возможность наслажденья;
Там рай, и не один — а пять,
И я об них без замедленья
Могу теперь же рассказать…
Главнейший рай есть: Сукувада,
(Так уж назначила судьба),
И там, очей и душ отрада,
Сидит бурхан Абидаба.
В других владеют Аичжиба,
Берозана, Раднасамбава,
И в пятом Амуги Сиддидж:
Ну уж фамильи! что за дичь!
Насилу выговоришь, право!
Зато уж в райских сторонах
Что за места предорогие!
Там на серебряных древах
Развились ветви золотые,
И ярко светятся на них
Плоды из камней дорогих;
Там нету мрака и тумана;
Там благовонно и светло,
И дивно там струи Аршана (6)
Горят и блещут, как стекло!

Однако ж позвольте переменить материю, а то у меня только понапрасну разгораются зубы.

Я недавно говорил о перерождениях. Признаться ли вам, прелестная Катинька, что эти монгольские бредни нравятся мне чрезвычайно. — «От чего же?». — Оттого, что не дальше, как со мной случилось недавно то же самое. — «Что вы говорите?.. вот прелюбопытная вещь! Рассказы-

вайте же пожалуйста, я вас слушаю». — Я готов, но, чур, прежде согласиться на одно условие. — «Боже мой! как это скучно!.. говорите!». — Если какой-нибудь злой человек, желая поссорить нас, вздумает вам шепнуть, что это обстоятельство случилось со мною давно и что я-де рассказывал об нем прежде, так вы не верьте, Бога ради, этому злому человеку. Вы, знаете, притворитесь, что вы рассердились; взгляните на него посерьезнее — и он, верно, будет нем, как рыба. Потрудитесь на всякий случай повторить эту сцену.

Нахмурьте личико для пробы…
Вот так его!.. вишь, он какой!..
Однако ж, милый ангел мой,
Нельзя ль сердитей быть еще бы;
А то, в лицо вам посмотрев,
Я будто с ревности тоскую;
Затем, что этот милый гнев
Ну так и манит к поцелую.

Теперь, когда все так тонко предусмотрено, все так мастерски придумано, — теперь я могу начать…

I

Не видали ль вы, прелестная,
Не видали ль вы порой,
Как идет гроза небесная
Над испуганной землей?
Как огнем опустошения
И громов своих полна,
В бледном туске отдаления
Зачернеется она?
Все таинственно затихнуло!
Вдруг удар вдали гремит,
Ветер свистнул, в небе вспыхнуло,
Ливень хлынул и шумит…
Под грозою дня печального
Нет ни теней, ни цветов,
Нет ни близкого, ни дальнего,
Все — как сумрачность гробов!
Нестерпима казнь ужасная
Грозных Божиих мечей,
И земля, земля несчастная,
Ждет погибели своей.
Так терзали страсти злобные
Обожателя мечты,
И как надписи надгробные,
Мне минувшего листы!
Все потери! все страдание!
И, как бедный, жалкий раб
Ненасытного желания,
Я был немощен и слаб.
В миг ужасный пробуждения
Цепь греха я грыз и рвал,
И опять самозабвения
Яд губительный глотал.
Даже радость и минутную
Не заманивал я в грудь,
И, бывало, в душу смутную
Я боялся заглянуть.
Гасло на сердце священное
И высокое в уме,
Как сиянье отдаленное,
Чуть мелькнувшее во тьме.
Зачерствели, закалилися
Чувства в диком забытьи,
И бедою заклеймилися
Дни печальные мои.
Иногда мятеж губительный
В несчастливце затихал,
И надеждою спасительной
Я доверчиво дышал.
Но надежда не сбывалася,
И тогда, в душе моей,
Только снова собиралася
Буря гибельных страстей.
Так под дымом закрывается
Свирепеющий пожар,
Так в затишьи зарождается
В тучах бедственный удар!

II

Но зачем души тоскою
Помрачать вам радость дней
И агат своих очей
Отуманивать слезою?..
Дева! Дева-красота!
Предо мной теперь не вы ли
Ароматные уста,
Будто розу, растворили?
И слышнеют мне едва
Ваши сладкие слова;
Как волшебного в них много!
Не звучать им для земли,
И в таинственной дали
Долетят они до Бога!
Там найдется место им:
Там в фиале упоенья
Сбережет их от забвенья
Дивно светлый Серафим…
Вижу я, как с небесами
Говорите вы очами, —
И высокая мечта,
Будто огнь звезды небесной,
В них светлеется чудесно

Дева, дева-красота!..
Но зачем души тоскою
Помрачать вам радость дней
И агат своих очей
Отуманивать слезою?..
Неужель мне доверять
Неге чистого мечтанья,
Что отраду состраданья
Мог я опытом узнать?
Что и мне, и мне, мой Боже!
Ниспослал ты благодать,
И не стану я на ложе
Ночь бессонную вздыхать?..
Так! я счастлив!.. эти слезы
Из потускнувших очей
И без сладостных речей
Уст поблекнувшие розы —
Много, много говорят!
Я услышал отклик нежный —
И печали безнадежной
Не прийти ко мне назад…
Кто же мой спаситель милый?
Кто подвиг меня собой,
Как волшебною волной,
На высокий подвиг силы?
Кто же снял с моей главы,
Без презренья, без боязни,
Терн колючий строгой казни?..
Дева! — радость! — это вы!

III

Взгляните, любуйтесь, прелестная дева,
Как тучи далеко за горы слились,
Как сладкою тайной наполнилась высь!
Взгляните! любуйтесь! как зелень живая
Раскинулась пышно, листами играя:
Живые алмазы на листьях горят,
И роскошно льется цветов аромат!..
Взгляните на воды! любуйтесь водами!
Как вспенили влагу и ветр, и гроза,
И влага та дышит и плещет волнами:
Там с золотом солнца, небес бирюза!
Взгляните на воды! любуйтесь водами!
Как светлая пена, носясь по зыбям,
Жемчужной фатою скользит к берегам
И берег целует своими устами!..
Вот сгладилась влага и чудно блестит:
Любуйтесь на этот торжественный вид!
Туда, на средину, взовьемся мечтою:
Взгляните: где ж море? — исчезло оно!
И бездна, и небо — все слилось в одно,
И веет отвсюду отрадой святою!..
Одни мы в пространстве… в безбрежной дали
Отторглись мы с вами от скучной земли!
Взгляните ж высоко, на яхонт эфира:
Вы видите ль чудо?.. любуйтеся им!
То знаменье блещет небесного мира,
То неба улыбка на радость земным!..
Дуги семицветной священно сиянье:
В нем вера в спасенье для грешных слита,
И мне как-то в душу запало мечтанье,
Что радуга — в небо для добрых врата!..

IV

Так со мною; но сначала
Долго был страдальцем я,
И в страстях душа моя,
Сиротствуя, погибала;
Ядовитый глас молвы
Обличал позор паденья,
Вдруг, как ангел искупленья,
Предо мной явились вы!..
Нет!.. кипящими мечтами
До того не вознесусь,
Чтоб сказать вам про союз
Со святыми небесами!
Нет! я в звуки не солью
Все, что так для сердца мило,
Что блаженством озарило
Жизнь печальную мою!..
Помню, помню я мгновенье:
Вы слетели, как с небес,
И во мне порок исчез
Будто злое приведенье.
Как туманы, разнеслись
В сердце чувственности смуты,
И страстей презренных путы
То слабели, то рвались;
Отдыхала и светлела
Изнемогшая душа
И, свободою дыша,
В ясных думах закипела;
Дух восторженный нашел
Пищу дивную высоко,
И, развив крылье широко,
Он вознесся, как орел;
От священного элея,
В сердце быстро накипь зла,
Будто ржавчина, сошла,
И надежда, сладко вея
Из надзвездной высоты
На восторги неземные,
Зажигала огневые,
Вдохновенные мечты…
Я загладил все былое
В очистительном огне,
И доступно стало мне
Наслаждение святое:
Рай души воскреснул вновь,
Красотой небес сияя,
И, как радуга цветная,
В нем затеплилась любовь!..

V

Взгляните, любуйтесь, прелестная дева,
Как стихнула буря небесного гнева!..
Не вы ли, не вы ли страдальца земли
Своим появленьем чудесно спасли?
Как скоро свершили мое обновленье:
Таинственный пламень блестящих очей,
Гармония звуков волшебных речей,
И легкое дымки ревнивой волненье,
И эта улыбка, в которую слит
Улыбки небесной пленительный вид!..

Склоните ж, о дева! свой взор вдохновенный
На счастье святое души обновленной;
Вы можете взвесить прекрасное в ней:
Чиста, непорочна прелестная младость,
Как мысль вдохновенья, как детская радость;
Взгляните ж мне в душу душою своей!..
Там все, что нам красит земное изгнанье:
Поэзии пламень, святая любовь,
И гений надежды, и гений мечтанья
С пленительной вязью нетленных цветов!..

Так, прелестная моя спасительница, так совершилось мое перерождение!.. Я узнал новую, прекрасную жизнь; но вы, поддержите ли вы меня на этом скользком пути своею любовью?.. Вы вздыхаете… вы не говорите мне ни слова…

И молчанье это я
В знак приму согласия,
Но какая ж тут, друзья,
Вышла котовасия!..
Вот, видите ль, в чем дело…
Когда Поэзии фиал
Мне подал Гений вдохновенья
И я рассказывать вам стал
Про чудеса перерожденья,
Про ужас гибельной грозы, —
Я как-то встретил очи девы,
И что ж?.. о выраженья!.. где вы?..
Я видел там жемчуг слезы.
Как я доволен был собою!
Как был признателен к судьбе!
И, одураченный мечтою,
Вот я и думаю себе:
Ага! что значит сила речи!..
А это… говорить ли вам?
А это ногорели свечи,
Так стало тяжело глазам…
Пора и мне не быть повесой,
Подумал я и снес удар:
Спокойно снял себе нагар,
И снова занялся пиесой.
Читаю, кончил наконец,
Услышал вздох и жду ответа;
Но каково же для Поэта?
Как я не умер, мой Творец?
Как обмануться так позорно?..
Я весь в мечтаньях утонул,
А он, мой ангел, он — уснул!
Да, он уснул, прошу покорно!..

Может быть, иной скажет, что в этом рассказе чрезвычайно мало ориентализма; как быть! Я бы и готов продолжать, но, сами посудите, можно ли потревожить прелестную Катиньку?.. Разойдемтесь-ка лучше, господа! меня и самого что-то клонит ко сну…

Послушай, Моисей! Погаси-ка свечку, да пожалуйста, не стучи, как лошадь: ты этак разбудишь мою Катиньку. — «Какую, сударь, Катиньку? Здесь, кажется, никого не видно». — Глупец! разве ты не слышал ее гармонического голоса?..

— «Да голос ваш совсем не женский,
А он один и слышен был». —
Ах, виноват! я и забыл,
Что ты, брат, олух деревенский.

Где ж тебе увидеть этот священный призрак! ступай и спи!.. Э… о… о… а… о… а… ах! Господи, прости мои согрешения!..

Послесловие

Вот в ваши миленькие руки
Моя *пиеса*: что она
Не коротка и не длинна,
Я Музу приведу в поруки,
И я желаю, чтоб она
Вас заняла порой от скуки.

А знаете ли, на сколько бы хороших строк я помирился?.. О! в каком был бы я восторге, если бы вам понравилось

По пяти на сто, по пяти на сто!
И тогда хоть для пробы
Написал я еще бы;
А не то — басто! а не то — басто!

Пояснения

1. Путешествие в Китай чрез Монголию. Ч. III. С. 2 письма.
2. Путешествие в Китай чрез Монголию. Т. III. с. 409.
3. По ученью Шагя-муни.
4. Путешествие в Китай чрез Монголию. Т. III. с. 369 и начертание Церковно-библейской истории преосвящ. Филарета.
5. Блаженные жилища.
6. Вода жизни.

Примечание к изданию фрагмента «Рассказов сибиряка» (1972 год)

<...> Ход повествования в книге, состоящей из пяти рассказов и послесловия, направляется по двум тематическим руслам: легкая, шутливая болтовня автора с воображаемой возлюбленной по имени Катенька перемежается изложением начал буддийского вероучения Шакьямуни, местами довольно серьезным, местами сбивающимся на тон водевильного куплета. Н.А. Полевой, в сочувственной рецензии на «Рассказы сибиряка» подчеркнувший наличие в них сатирических мотивов, отметил, что форма книги не нова: «Еще во льдах классической поэзии Демутье и Эме-Мартен воспевали шутливым слогом предметы важные, серьезные: первый — мифологию, второй — физику... г. Соколовский также шутя описывает предмет чрезвычайно важный, веру Шиге-Муни; он так же обращается к даме, как и Демутье и Эме-Мартен, и сыплет мадригалы в стихах и прозе» («Московский телеграф», 1833, № 16, с. 434).

В.С. Киселев-Сергенин

Текст и пояснения печатаются по источнику:

Соколовский В.И. Рассказы сибиряка. — М.: В типографии Лазаревых Института восточных языков, 1833.

Примечание В.С. Киселева-Сергенина печатается по изданию: Библиотека поэта. Поэты 1820—1830-х годов. — Л.: Советский писатель, 1972. — Том 2. — С. 721—725.

ОДНА И ДВЕ, ИЛИ ЛЮБОВЬ ПОЭТА. РОМАН ИЗ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Часть первая

Его высокопревосходительству Ивану Ивановичу Дмитриеву

Ваше высокопревосходительство!

Во время оно, в Греции, жил-был поэт Лизипп… Покойник, которому да поднесет Юпитер рюмку нектара, говаривал: «Кто не хочет видеть Афин — тот глуп; кто видит их и кому они не нравятся — тот гораздо глупее; но кому они нравятся и кто оставляет их — тот глуп в самой высочайшей степени».

Узнавши случайно сии знаменитые аксиомы, я, как человек осторожный, нисколько не упрекнул его в пристрастии… Даже напротив!.. Поверя собственные свои чувства, я решился выразить их, подражая убедительному лаконизму почтеннейшего господина Лизиппа, и потому говорю прямо, от души и без всяких вычур следующее.

У кого есть такой Высокий одобритель, как Вы, — тому хорошо; кто может написать какую-нибудь безделицу и посвятить Ему — тому очень хорошо; но кто успеет угодить этим посвящением — тому уж будет так хорошо, как нельзя лучше!..

В. Соколовский

Мешай с твоею мудростию небольшой прием глупости.
Гораций. Од. 12

Глава I. Обыкновенные вещи

Уговор — лучше денег.
Обветшалая русская поговорка

Вы купили мою книгу, вы взяли ее из публичной библиотеки, вы достали ее у ваших знакомых, вы хотите непременно прочесть ее всю — от начала и до конца: куда как это умно придумано!.. Как же вы читаете?.. Про себя?.. Вот вам вольтеровские кресла — раскиньтесь на них; вот вам кушетка — облокотитесь на эту эластическую подушку… Вы ленивы?.. Вот вам пуховик — утоните в нем и читайте себе с богом!.. Или, может быть, вы любите читать вслух?.. Вам всегда хочется иметь вокруг себя самых внимательных собеседников?.. Вы немножко эгоист, милостивый государь, но кто же не внук своей бабушки?.. Придвиньте же ваш стул к этому круглому или четырехугольному столу; взгляните с некоторою уверенностью на все собрание; сядьте прямо против хозяйки; если вы в гостях — это самое интересное место… Вы дома?.. Так велите же подать трубки этим двум господам военным, если только запах хорошего Пе-А не делает вертижа у ваших дам. Этому толстому советнику, старому, бесцеремонному другу вашего семейства, прикажите прибавить нюхательного табаку и пуншу: у него уж почти нет ни того, ни другого; а ведь вы знаете, что привычка — вторая натура… Этого молоденького артиллериста с черными усиками поместите как можно ближе к себе, только чтобы стул его был чуть-чуть сзади вашего: этак ему очень ловко меняться взглядами с хорошенькой блондиночкой, которая вяжет для него чудный бисерный кошелек.

Теперь попросите позволения пододвинуть к себе эту бронзовую лампу с матовым зонтиком, или эти две восковые свечи в серебряных подсвечниках, или, наконец, эти сальные свечки, от которых так некстати страдает нежное обоняние какой-нибудь мещанки во дворянстве… Все стихли!.. Пользуйтесь счастливою минутою: прокашляйтесь и начинайте…

Кто из нас не знает поговорки, что на вкус, любовь и цвет — товарища нет… Ведь поди недаром же бессмертный Гавриил Романович сказал как-то:

И словом — тот желал арбуза,
А тот — соленых огурцов.

И в самом деле, всякий желает чего-нибудь особенного; но это *что-нибудь* так разнообразно в своих оттенках, в своей частной сущности, что, право, никак нельзя представить себе, чтобы все люди имели одну и ту же общую цель: *собственную выгоду*… Сверх того, одному нравится одно, другому — другое… О примерах ни слова!.. Разнообразность человеческих требований видна везде и во всем: в частной жизни, в службе и особенно в литературе. Тут решительно у каждого читате-

ля свои желания: один хочет, чтоб его смешили, другой или другая непременно добивается слез, а иным просто ничего не хочется, и они-то будут самыми строгими ценителями…

Вот небольшое вступление к моему большому повествованию, затем, чтобы многие не обманулись в своих ожиданиях… В эпиграфе сказано: «Уговор лучше денег», — и потому я считаю долгом предупредить всех чувствительных читательниц и читателей, чтобы они не трудились брать в руки моей книги… Все эти охотницы и охотники до театральных нечаянностей и до разных разностей, от которых замирает сердце, волосы становятся дыбом и мороз пробегает по коже, — все они могут обратиться со своими требованиями куда следует, по принадлежности…

Есть еще люди, с которыми мне не хотелось бы иметь никакого дела; но стоит ли говорить о *недотрогах* (prudes), и можно ли пересказать о прочих таковых же?.. Судите только после этого, каково положение писателя!.. Что голова — то приговор, что голова — то критика. Хорошо еще, если кто из нашей братии речист, в свою меру, на бранные возгласы; но я… я человек самый кроткий; к тому же у меня нет ни покровителей *вообще*, ни друзей — *в литературе*. Я иду своею собственной проселочной дорожкой; я, не во гнев иным, не подражаю никому, хоть иногда характер моих сочинений и сбивает, может быть, на Лалла-Рук; я имею, благодаря богу, свои особенные правила; я люблю читателей-друзей; с друзьями — свободу; и потому на всякий случай усерднейше прошу всех людей с *претензиями* закрыть мою книгу на этой же странице и далее не делать ни шагу: что за охота читать автора, который находит безнравственное в одном развращении души.

Я пишу быль; я передаю вам о том, что видел собственными глазами или что мне случилось узнать от самых верных свидетелей, и надобно сказать правду, что я передаю это решительно без всяких пропусков…

Я помню слова Монтеня и верую в них, а старичок сказал, что наша жизнь состоит отчасти из глупости, отчасти из мудрости, и кто говорит только о последней, тот не договаривает большей половины… Что же за надобность вдаваться в ошибки, когда можно их избегнуть?

Да! мои прелестные!.. Да! мои почтеннейшие!.. Я не поручусь здесь за что другое, а уж истина так верна, так верна, как дружба Кастора и Поллукса, как молодая жена в первый день после брака… (дальше не ручаюсь…), одним словом, — как математика!

Предваря таким образом всех и каждого о самом себе и о своем творении, мне очень позволительно воскликнуть вместе с Теофрастом:

«Итак я начинаю свою речь! Вам остается вникать в ее смысл и рассматривать со вниманием, есть ли в моих словах истина».

Или, не трогая древних, я могу сказать словами шутливого Фильдинга:

«После сего отступления, которое показалось мне необходимым, я приступаю к описанию *истинного происшествия*».

Вы уже сыграли двенадцать робертов, а до ужина еще битых два часа… Что делать, когда нечего делать?.. Сие почитаем!..

Я не учу — я рассказываю.
Монтень

Глава II. Чудные вещи

Любовь родится вдруг…
Какая-нибудь черта красоты
оковывает наше внимание
и решает нашу участь.
Ля-Брюйер

Лет двадцать тому назад, то есть когда мне было ровно двадцать три года и когда я только что надел штаб-офицерские эполеты, совсем не лихая тройка втаскивала в Петербург мою нетерпеливую особу. С досады я раз десять начинал бранить ямщика, своего Петрушку, и лошадей или, принимаясь за кроткие средства, обещал двум первым на водку и трем последним на овес, однако ж ничто не помогало: чем далее, тем тише подвигался я вперед по весенней слякоти… Быстро наполнялась мера моих страданий — вдруг два полоза кибитки скользнули на мостовую очищенных улиц, что-то страшно визгнуло внизу, отозвалось в душе и безбожно начало тиранить несчастные барабанчики моих ушей… Голова моя пошла кругом; меня проняла лихорадка; я сперва вышел из терпения, потом вышел из повозки и, не помня себя, без оглядки пустился на *Офицерскую*, в дом доброго моего приятеля… Мне казалось, что за мною гонятся и что меня заставят дослушать всю убийственную увертюру, которая оглушила меня на моем тюфяке.

Вбежавши во двор, я в каком-то невольном страхе запер за собою калитку, в три прыжка очутился в бельэтаже и через минуту был в объятиях прежнего своего товарища Григория Федоровича Смельского.

Размен приветствий перерывался дружескими поцелуями; наконец он потащил меня в гостиную, в моем дорожном сюртуке, в моих грязных сапогах.

«Лизанька! — сказал он, входя, своей жене. — Рекомендую тебе моего друга Петра Петровича Пролева, о котором я так часто рассказывал. Добрый малый, славный шалун и ветреник донельзя». Я поблагодарил его за рекомендацию, поцеловал маленькую беленькую ручку миленькой хозяйки и удивительно как ловко раскланялся с ее гостьями.

Семейственная картина была в роде Лафонтена… Смельская сидела посредине дивана за чайным столиком и по временам кормила полугодовалую свою дочку сухариками, размоченными в теплом молоке. Гостьи занимались своими работами. Крошечный двухлетний сынишка моего друга, толстенький и веселенький, пробирался около кресел, беспрестанно падал на мягкие ковры, закрывавшие весь пол, и хохотал от души до тех пор, пока няня не поднимала его… Серебряный самовар кипел, шумел и иногда очень удачно выигрывал свои самоварные вариации… Белый хлеб, намазанный маслом, и сухари лежали чинно в хорошенькой корзиночке. Все было так чисто, так мило, что какой-нибудь романист прошедшего столетия, верно, бы разнежился и стал бы вас уверять, «что хотя и не было тут излишней роскоши, хотя на дорогих столах не горела выписная бронза и не красовался драгоценный фарфор, хотя стены не блистали мрамором, а пышные карнизы золотом, но зато все эти сокровища, которые обольщают только одну суетность, заменялись добродетелью, порядком, тишиною, семейственным счастьем и прочими разными разностями».

Так, или почти так, описал бы вам этот затейник дом и семейство Смельского; но я бы солгал, повторивши эти приторные пошлости. Сверх того, меня удерживают от подобного повторения две чрезвычайно важные причины. Во-первых, я историк, а не романист, следственно, ложь и вымысел не мое дело; во-вторых, право, пора и нам, русским, знать совесть, пора оставить эти обветшалые крайности, эти неестественные преувеличения, которые смешат всех честных людей; пора перестать раздавать по Сенькам шапки… И к чему эти *Прямодушины*, эти *Простаковы*?.. К чему этот целый дом людей отличных или, наоборот, эта безобразная картина глупостей и пороков, которые гнездятся под одною кровлею?.. К чему эти *Софьи*, которые никогда не дают промаха; которые влюбляются и разлюбляют по каким-то высшим вычислениям?.. Как позабыть, что зло и добро давным-давно перемешаны и что на свете нет совершенства?.. Мне кажется, что очень недурно выкинуть этот дрязг из головы, только, конечно уж, не на бумагу.

У Смельского был большой, богатый дедовский дом. Приятель мой любил и картины, и вещи; покупал их — и не разорялся; жил, как говорится, в свое удовольствие: любил угостить хорошеньким обедом; давал в год два именинных бала, с тех пор как женился на своей Лизаньке; держал две лихих четверни, и все это не мешало ему быть очень счастливым… И как будто богатый молодой человек непременно должен быть повесой; непременно должен не уметь наслаждаться настоящим?.. Конечно, слишком немногим дается все; правда и то, что богатство или родовая знатность очень часто бывает посильным вознаграждением какого-нибудь недочета; но ведь это только очень часто, а не всегда… Все, господа, не без исключений!

После расспросов, обыкновенных между военными, о сослуживцах, о переводах, о зимних квартирах, о наградах, о старых и новых начальниках речь перешла к положению Смельского.

— Ну, давно ли ты женат?

— Да вот уж четвертый год, братец.

— А когда изволил променять свой гвардейский мундир на этот статский сюртук?

— Почти тотчас же после свадьбы.

— И ты мог так скоро обленитьcя?.. Жаль, очень жаль!.. Ты бы ушел далеко!

— Григорий Федорович вышел в отставку по моей просьбе, — сказала Смельская.

— Виноват!.. Но если я задумаю жениться, то еще прежде свадьбы непременно испрошу у моей будущей супруги позволение оставаться во фронте до nec plus ultra.

— А ты разве не начинал еще задумывать?

В эту самую секунду принесли самовар, и как-то случайно глаза мои встретились с двумя прелестнейшими черными глазами какой-то полненькой пятнадцатилетней брюнеточки, которой я почти и не заметил прежде с попыхов… Чудная вещь все эти хорошенькие глазки!.. Я вспыхнул и онемел — но длинные ресницы опустились, и только изредка сквозь эти мягкие, шелковистые занавески светлелся волшебный огонек черных, больших очей.

— Что ж, брат, ты замолк?.. По всему видно, что ты начинаешь задумывать, — продолжал Смельский, повторяя, таким образом, для шутки свой прежний вопрос.

— Начинаю, любезный, начинаю! — отвечал я, почти не понимая, о чем идет речь.

— Ага, господин гусар, попались!.. — подхватила Смельская, улыбаясь. — Кто же она — блондинка или брюнетка?

— Брюнетка.

— И, верно, очень мила?

— Чрезвычайно!

— А давно ли вы познакомились с нею?

— Вот презатруднительный вопрос! Она мне нравится до того; она так неожиданно обворожила меня собой, что я всякий раз нахожу в ней какую-нибудь новую прелесть и всякий раз думаю, что вижу ее только в первый раз.

— Однако ж вы все-таки можете мне сказать, когда именно было первое ваше свидание.

— Уверяю вас, что я и по сию пору не успел еще опомниться: мои воспоминания так смутны, что мне, право, кажется, будто я узнал ее только сегодня.

Едва успел я договорить — и моя брюнеточка, верно, уж нечаянно, уронила ножницы и как-то очень долго не могла найти их.

— Не посветить ли вам, Наталья Николаевна? — сказала Смельская.

— Ах, не трудитесь, сделайте милость! Я уж нашла теперь! — отвечал звонкий, приятный голосок.

Когда все пришло в прежний порядок, веселая хозяйка стала продолжать.

— Вы извините меня, Петр Петрович, а я опять к вам со своими расспросами; вы так дружны с моим мужем, что я позволяю себе подобную докучливость.

— Помилуйте! Какая же тут докучливость? Напротив, я чрезвычайно благодарен вам за ваше участие.

— Итак, если это не тайна, скажите мне имя вашей брюнеточки.

— Вот это для меня совсем уж не трудно: ее зовут любимым моим именем — Натальей.

Тут опять что-то упало, опять надобно было поднимать, и на этот раз я был подогадливее прежнего. Я бросился услуживать, увидел что-то белое: верно, клубочек, подумал я, схватил — это была **ее** рука… Я стал извиняться в неловкости; брюнеточка стала извиняться в том, что заставила меня беспокоиться; Смельские стали смеяться… Вдруг сильный стук у ворот обратил общее внимание… Все замолкли, но у меня, не знаю от чего, билось сердце и горела правая рука… Чудная вещь!..

— Это что значит? — закричал Смельский. — И кто изволил придумать запираться с девятого часа?.. Эй!.. Кто-нибудь!.. Беги!.. Да если это Николай Иванович, так просить сюда!.. Послушай! — продолжал он вполголоса, обращаясь ко мне: — Ты увидишь сейчас предоброго, прелюбезнейшего старика: это Смолянов… Он нанимает у меня соседние комнаты, и мы друг у друга почти каждый день… Эта хорошенькая малютка — его дочь, и если ты хочешь, я тебя с ними познакомлю.

— Вот мило!.. Да как же не хотеть?.. Ты меня очень обяжешь!..

— Раненько же вы, Елизавета Павловна, начинаете привыкать к затворничеству, — сказал вошедший старик приятной, веселой наружности, целуя руку хозяйки, — и верно, в эту темнедь я бы попраздновал трусу, если бы не было со мной вот этого храброго защитника.

Тут он указал на десятилетнего карапузика — кадета, который, как и следовало всякому честному малому, не обращая внимания ни на хозяйку, ни на хозяина, ни на гостей, целовал свою сестру и очень заботливо перетаскивал запас конфет из ее ридикюля в свой кивер.

— Хорош, хорош, брат Владимир, — продолжал старик Смолянов, — ты же позабыл Елизавету Павловну, — тогда только конфектный воин подошел в свою очередь к ручке и потом шаркнул несколько раз со всеми претензиями на ловкость.

Я очень люблю смотреть, как раскланиваются дети: они сперва укрепятся на одной ножке, потом отставят другую — и пресмешно засеменят на одном месте.

— Однако ж я пойду искать виноватого по горячим следам, — сказал Смельский.

— Пожалуйста, не трудись, — отвечал я, и тут же описал мое бегство из повозки, мой испуг и невольное движение руки, чтобы запереть за собою калитку… Все смеялись… Вслед за тем я был отрекомендован Смолянову, и уж разумеется, что при сей верной оказии мне было очень возможно познакомиться и с его дочерью… Мы стали вклёпываться в знакомство лиц, и по справке оказалось, что с год тому назад нам случилось провести несколько минут вместе на станции по Московскому тракту. Вечер, ужин и час после ужина прошли неприметно. Вы, конечно, догадаетесь, что из уважения к старичку я уступал ему место подле хозяйки и сам, как-то без всякого намерения, садился рядом с Наташей. Год незнакомого знакомства — не шутка! Есть о чем поразговориться!.. Куда вы и вы ехали, как вы и вы проводили время, надолго ли вы и вы в Петербурге? — Не знаю и не знаю, было ответом; но кто же, господа, знает будущее?..

— Завтра день рождения моего кадета; он хочет дать нам сытный обед, и потому покорнейше просит всех присутствующих пожаловать к нему в два часа пополудни, не исключая даже ни меня, ни своей сестры, — сказал Смолянов, прощаясь со всеми…

Вы сейчас только слышали, до какой степени я уважаю старость и потому, конечно, найдете очень естественным и, может быть, весьма похвальным, что я взял свечку и решился проводить милого, почтеннейшего старичка до его комнат по темному коридору…

Как умен архитектор, строивший дом дедушке Смельского: он сделал в этом темном коридоре две маленьких лестницы… Разумеется, что тут надобно поддерживать даму: ведь мало ли что может случиться! Я предложил свои услуги Наталье Николаевне — и опять у меня загорелась правая рука, и опять сильнее забилось сердце.

Как мне нравится, что в пятнадцать лет она так осторожна!.. И что за охота рисковать?.. Она так тихо спускается, так тихо поднимается!.. Верно, она знает, что береженого и бог бережет.

Мы раскланялись и пожелали друг другу покойной ночи... Покойной ночи!.. Как легко пожелать это и как трудно иногда этим воспользоваться!.. К тому же, господа, не чудные ли вещи все эти хорошенькие глаза, этот мягкий, обманчивый клубок и эти маленькие лестницы?..

Простившись с хозяевами, я пошел в свою комнату: усталый и сытый Петрушка дремал на стуле. Я разбудил его, разделся, лег, погасил свечку, зажмурил глаза; но спать и лежать зажмурившись — большая разница!.. Я не спал!.. Повернусь направо — передо мною черные глаза, клубок и две лестницы; повернусь налево — передо мною две лестницы, клубок и черные глаза; лягу ничко — опять та же история; лягу навзничь — еще хуже: надо мной летала какая-то знакомая тень; надо мной сияли и горели дивные очи, как волшебные огни; а искры-то вот так и сыпались на меня из этих очей, и прямо на сердце, прямо в душу... Воля ваша! А все это очень чудные вещи!..

Однако ж я поутру проснулся — и это удивительно как хорошо доказывает, что я спал.

— Петрушка!.. Бриться!.. Духов!.. Помады!.. Новый вицмундир!.. Новые эполеты!.. Все новое!.. Понимаешь?

— Понимаю-с, Петр Петрович!

Мне показалось, что он сделал ударение на слове *понимаю-с*, и я закричал на него:

— Врешь, дурак!.. Ты ничего не понимаешь.

— Я ничего не понимаю, Петр Петрович.

— Ну то-то же!.. Бриться!

— Готово-с.

— Который час?

— Половина одиннадцатого-с... Прикажете подавать кофе?

— Хорошо!.. (Кофе принесен)... А что, встал Григорий Федорович?

— Он уехал к обедне в больницу вместе с барынею и барышней Смоляновой.

— Разбавь-ка одеколон водою и подай мне в стакане... Понимаешь?

— Понимаю-с!.. Не прикажете ли нанять карету?

— Не надобно!.. Я сегодня целый день дома.

— Понимаю-с!.. Стало быть, изволите кушать у Григория Федоровича?

— Нет! Меня просил к себе Смолянов.

— Понимаю-с!

— Послушай! Не смей говорить, что ты что-нибудь понимаешь. Слышишь?

— Понимаю-с, Петр Петрович! Я не буду понимать-с!..

Через полтора часа я завтракал у Смельских. Еще через полтора я стал беспрестанно поглядывать на часы; наконец, мы собрались и пошли.

Так как дом Смельского не перестраивали в эту ночь, то нам опять надобно было проходить две маленьких лестницы... Я подал руку Елизавете Павловне: она опиралась гораздо крепче, нежели вчерашняя моя спутница, и — чудная вещь! — у меня нисколько не горела правая рука, нисколько не участилось биение сердца!.. Отчего бы это, подумал я?.. Ответа не было, потому что душе моей было не до ответов...

Мы обедали весело... После кофе Наталья Николаевна села за арфу, Елизавета Павловна за фортепьяно, а мне дали флейту Смельского.

Согласен, что трио очень хорошая вещь, но гармонические дуэты я предпочитаю всему на свете; особливо в молодости они восторгали меня до небес. Конечно, и теперь иногда, под веселый час, выполнишь с Натальей Николаевной довольно удачно одну или две штучки в неделю, только надобно признаться, что уж далеко не так, как бывало: прежде как-то играешь, играешь, кажется, весь уничтожишься от упоения, а смотришь, сердце громко повторяет усладительное: *bis*.

Быстро протекли недели Великого поста. После ранней обедни в первый день праздника я пошел к Смоляновым с поздравлением.

— Петр Петрович!.. Не по-христиански!.. Не по-христиански, Петр Петрович!.. — говорил мне Николай Иванович, когда я хотел поцеловать руку Натальи Николаевны.

— Пожалуйста, *de capo*, — продолжал он, — если не хотите поссориться!

Она вспыхнула: она походила на розу, а я с этим *de capo* с ног до головы был настоящий мешок.

«И неужели вы не поцеловали?» — спросят меня все мужчины... «И неужели вы осмелились?» — скажут мне все светские дамы. — Поцеловал, господа!.. Осмелился, милостивые государыни!.. Другие времена, другие нравы; и разве я виноват, что заслужил искреннюю дружбу и полную доверенность?

Говоря откровенно, я страдал от этого христианского поцелуя и через две недели, не переставая страдать, я начал действовать.

Прошел день!.. О, это был ужасный день!.. Я лег после полночи и встал прежде первых петухов, то есть я ложился только для того, чтобы измять постель. Наконец прошла и ночь, но легче ли мне от этого?.. Мне должно было дожидаться до двенадцати часов: вот время, назначенное для ответа.

— Петрушка!.. Карету!.. Живо!..

— Куда прикажете ехать?

— На Выборгскую к самому последнему дому; оттуда к самому последнему дому на Песках; потом на Васильевский остров в самую последнюю линию и так далее.

Петрушка посмотрел на меня выпуча глаза, кажется, что пожал потихоньку плечами, захлопнул дверцы, вскочил на запятки и закричал:

— На Выборгскую!

— На Выборгскую! — повторил кучер, и карета понеслась.

На этот раз бедный Петрушка понимал, я думаю, только то, что у него заболит голова от ужасной, продолжительной тряски… Наконец я воротился.

— Стой!.. Дверцы!.. Проворнее!..

Тут следовали гигантские прыжки на лестницу… Я вошел в залу: стенные часы звонко и медленно били двенадцать; этот бой отзывался на душе…

— Да или нет? — сказал я, входя в гостиную Смельских, и, верно, очень трогательно, потому что Елизавета Павловна громко засмеялась. — Ради бога, скажите мне: да или нет?

— Нет, милостивый государь, нет! Извольте прежде садиться.

— Не мучьте, пощадите меня! Выговорите только одно слово: да или нет?

— Что с вами делать? Верно, уж приходится сказать; радуйтесь же: да!

Едва она произнесла это роковое *да*, и я уже упал к ее ногам; рядом со мною лежали опрокинутые кресла с лопнувшей спинкой; немного подалее — богатый экран, разбитый вдребезги… Елизавета Павловна помирала со смеха, а я… я был в таком положении, о котором и по сию пору не могу отдать себе никакого отчета. Помню только, что через минуту я увлек Смельских к Смоляновым; через две я обнимал и Наталью Павловну, и доброго старика, ее отца; через три дня нас обручили; через две недели я возвратился из церкви с молодою женою; отобедал; отужинал и, запирая дверь своей спальни, тихонько сказал Петрушке быть осторожным! И добрый Петрушка, от избытка сердечной радости, прокричал во все горло свое любимое: *понимаю-с*!

Не бойся ничего, моя милая…
Небо покрыто облаками…
Я не увижу румянца стыдливости…
Мы подождем ночи…
Демутье

Глава III. Чин

Там, добрый маркиз,
верно срисованный, первый
засмеется над самим собою.
Ж.Б. Руссо

Я уснул утомленный; впрочем, как и не утомиться человеку, озабоченному свадьбой… Но каково же было мое пробуждение?.. Меня ласкало какое-то обворожительное, роскошное прикосновение чего-то сладостного, нежного, чего-то неизъяснимо прелестного… Я открыл глаза… Ее уста касались моей щеки; ее глаза горели над моими огнем любви и желания… Мне тотчас пришла мысль, что, будучи женихом, я обещался ей исполнять все, что только она захочет. Давши слово — держись!.. О! На этот счет и в то время, и после я был всегда самым честным человеком… Через несколько мгновений… я… я пошел одеваться…

— Вы очень бледны, Петр Петрович!

— Вы очень глупы, Петр Иванович!.. — так разменялся я приветствиями с моим Петрушкой.

Я нарочно не спешил с туалетом и только через полтора часа отправился в будуар моей Наташи… Как ей к лицу этот щегольской визитный капот! Эта пышная уборка головы!.. Но это для света, для толпы!.. А для меня? — Для меня этот вспыхнувший румянец, этот жгучий взгляд, эта чудная полуулыбка, которая так много значит, это нежное пожатие руки и эти…

Одиннадцать часов вечера, показывали бронзовые столовые часы: я позабыл их завести вчера, и что ж мудреного?.. Меня самого так далеко завела любовь!

Но, господа! Уж рассказывать ли вам полно все эти мелочные подробности, которые так приятны для меня и которые вовсе не занимательны для вас?.. К тому же я вам должен сказать, что вся вторая глава моего *истинного происшествия*, или, если вам угодно, моих *истинных происшествий*, есть только эпизод, а не начало истории. Она помещена мною с тою целью, чтобы показать вам, как я близок к Смоляновым. Маленький кадет, которого видели вы в тени, на последнем плане, в семейственной картине у Смельских — есть герой моей книги… Таким образом, знавши наши отношения, вы можете ручаться за истину моего рассказа и закладывать в споре любую пустую голову: в закладах недостатка не будет.

Я провел Наташу в гостиную Смельских: мы знали, что там сидит и наш старичок… К чему ж во мне этот гордый вид; к чему эта самонадеянность при входе к ним?.. Таков всегда человек!.. Такова наша слабость!.. Богач не берет взяток — и беспрестанно твердит о своей бескорыстности; недалекий бедняк рано приходит к должности, поздно возвращается домой — и жалуется на скудость наград; наш брат, писатель по цеху, напишет какую-нибудь небылицу в лицах, разделит ее на четыре части (как, например, я, многогрешный), назовет ее романом (тоже, как я), да еще каким романом? — Историческим! Прошу покорно! — И только в силу этого названия требует себе диплома на бессмертие!.. Журналист вовремя издает свой тощий журнал — и безжалостно грызет своих товарищей за их неисправность: ему нет никакого дела до побочных обстоятельств… Молодая жена прожужжала уши своим знакомкам, говоря о верности… И разве все, что им удастся сделать хорошо, не есть их долг?.. И разве я… К чему же во мне этот гордый вид? К чему эта самонадеянность? К чему я так значительно пожал руку Смельского?.. О, жалкая смесь Бардуса с Ньютоном!.. Но как много взято от Бардуса и как мало от Ньютона!..

Прошел, промчался медовый, сахарный, серебряный, золотой, одним словом, какой вам угодно первый месяц после свадьбы. За ним прошли еще и еще месяцы, прошел год, два, два с половиною, прошло пять лет, прошло десять. Я командовал бригадою; по-старому любил свою двадцатишестилетнюю Наташу; боролся, играл в жмурки и возился со своими четырьмя ребятишками, которые всякий день после обеда, когда я ложился отдыхать, называли своего папиньку какой-нибудь горой и преспокойно переправлялись через меня вместе с игрушками.

Старик Смолянов давным-давно служил в Сибири, и из всего общего нашего семейства оставался в Петербурге только один Владимир Николаевич, которому наступил тогда двадцатый год. По чрезвычайной слабости здоровья, его выпустили из корпуса к статским делам. Время этого выпуска есть начало нашего повествования.

Кто не бывал кадетом, тот никак не может обнять, не может постигнуть вполне обширной, обольстительной идеи: *я выпускной*!.. Для того слова: *басистый голос, большие каблуки, отпущенные виски* и *прорезные кармашки* будут словами, ничего не значащими; но у какого старого, былого кадета не дрогнет сердце при звуке этих волшебных слов?.. А чего стоит мысль, великолепная, гигантская мысль: *я скоро прапорщик*?.. Прапорщик!!! Ведь это только легко выговорить!.. А, смею спросить, кто выдерет мне уши? Кто оставит меня без пирога или поставит к *столбу*? Кто осмелится не пустить меня *со двора*? Кто, дерзкий, не позволит мне носить шелкового галстука?.. Для вас, господа, это мелочность, но поговорите-ка с любым из моих товарищей, и вы увидите, что он скажет.

«*Я выпускной*!» — говорит каждый счастливец, и каждый шьет, клеит, покупает альбом. За какое множество голов работали в разные времена: Карамзин, Жуковский, Пушкин!.. А сколько прелюбопытной своеобразщины!.. Надобно, непременно надобно написать что-нибудь на память своим товарищам; впрочем, тут главная сила не в стихах и не в прозе… Подпись!.. Подпись!.. Вот важная вещь!.. Как иному, бывало, усладительно расчеркнуться: *Такой-то артиллерийской бригады прапорщик такой-то*… А как громко, как звучно можно произнести этот короткий и сильный период: *Бугского уланского полка корнет N. N*!.. К несчастию, мы должны сказать, что участь нашего героя не была блистательна до такой высокой степени. Смешно же, в альбоме, под стихами своего сочинения подмахнуть сухое, приказное выражение: *Чиновник 12-го класса*… Он подписывался просто: *Владимир Смолянов*; но он был Поэт, и хотя ни в генеральном регламенте, ни в табели о рангах не означено сравнительного достоинства сего великого звания, но кто в девятнадцать лет не строит воздушных замков? Не ценит себя высоко? Не передает своего имени позднему потомству?

Наступило Рождество, и молодой Смолянов оставил корпус; но как он вступил на поприще света?.. Без покровителей, почти без знакомства и что всего-то хуже — вовсе без денег… Я полагаю, что положение утопающего, который не имеет никакой надежды на спасение, должно быть очень неприятно; но окружите этого бедняка людьми, у которых есть все средства, чтоб помочь ему, и которые однако ж остаются праздными зрителями его погибели; потом поставьте себя на месте несчастного… Не знаю, что бы сделал иной, а я бы, мне кажется, треснул с досады.

Больно горевал мой безденежный чиновник 12-го класса, и горевал еще более от сознания, что он сам во всем виноват. Что бы ему написать пораньше к отцу в Сибирь или ко мне во вторую армию — и дело было бы в шляпе, а то он все откладывал да и остался ни с чем. Между тем денежное пособие, данное от корпуса, текло, как вода из решета; еще несколько дней — и он не мог бы удовлетворять давнишней, прекрасной своей привычки: кушать и пить ежедневно.

Я вспомнил теперь, что какой-то древний затейник (потому что есть и новые затейники) сказал очень замысловато и как следует, с должною важностью, что самая лучшая привычка — не иметь никакой привычки… Бьюсь об заклад и держу бесконечно великое число против ноля, что он, верно, не подводил под эту мудрую сентенцию весьма похвальной привычки: хорошо есть и запивать чем-нибудь вкусным. Впрочем, здесь речь не о затейниках, а о том, что моему герою предстояла вовсе несытная жизнь, и если это нисколько не важно для первых одиннадцати классов, то для него, бывшего тогда в двенадцатом, подобная статья казалась слишком чувствительною и

трогательною… Наше воображение не знает меры ни в чем, и мы представляем себе будущность или завлекательною, как миленькая девушка в шестнадцать лет, как что-нибудь чужое для грехо-водника, как лисице виноград, как взятка для совестного судьи… Или страшною, как ребенку — розги, как проказнице-святоше — нечаянный приезд мужа, как мне — ваше нерасположение, мои любезные читатели.

Точно то же было и с Вольдемаром…

Несмотря на свое простодушие и на искусство обманывать самого себя, он не смел в то время раскрашивать свою даль яркими и блестящими красками; он только грустил и восклицал от безделья: «Ах, какая досада!.. Ах, как я глуп!.. Что ты будешь делать?».

Но в этой главе я еще не знаю и сам, что он будет делать в следующей. Там мы увидим, поправит ли судьба его первую ошибку… Жаль одного, что…

Глупость прошедшая весьма редко
предостерегает человека от глупости настоящей.
Гельвеций

Глава IV. Человек в гороховой шинели

Я люблю хвалить: я нахожу в этом какое-то наслаждение.
Шабанон

Однажды… Не правда ли, господа, что это слово чрезвычайно заинтересовало вас?.. Верно, начнутся происшествия, подумаете вы, и — едва ли обманитесь… Итак, однажды шел мой Владимир Николаевич по Невскому проспекту — и это просто было одним неоспоримым доказательством, что у него не оставалось ни гроша денег, потому что он был большой неохотник ходить и при первой возможности всегда нанимал извозчика; впрочем, у него и теперь точно та же привычка… Вот он шел, шел, смотря, как факир, на конец своего носа, вдруг…

Виноват!.. Мое сравнение очень неудачно: у сказанного факира был, как мне помнится, красный, сухой и длинный нос, а у Владимира Николаевича нос короткий, толстый и круглый… Желающие могут видеть его портрет — Московской губернии, такого-то уезда, в селе, которого название вертится на языке, и только что вертится.

Вдруг человек в гороховой шинели, с двенадцатью висячими воротниками, остановился перед ним и сказал:

— Позвольте вас спросить, вы не Владимир ли Николаевич Смолянов?

— Точно так!

— Давно ли вы вышли из корпуса?

— Около трех месяцев.

— Где, как и чем вы живете? — было последующими вопросами… Вольдемар рассказал о своем затруднительном положении.

— Да знаете ли что?.. Переезжайте-ка в мой домишко! — продолжал, немного подумавши, человек в гороховой шинели, с двенадцатью висячими воротниками. — Я хороший приятель вашего старшего брата и очень коротко знаком с вашим батюшкой… Правда, у меня несколько тесновато, зато вы не будете один, и вместе скорее придумаем, что нам делать… Согласны ли вы?

— С большим удовольствием, если…

— Ну, если с большим удовольствием, так займемтесь же перевозкою.

— Вам остается только перевезти одного меня, потому что я весь тут, как вы видите, со всем движимым и недвижимым имением.

— Тем лучше! Менее хлопот!.. А ваша квартира?

— Я там ничего не должен: сегодня последний день, за который я заплатил вперед.

— Оно и кстати: стало быть, дело в шляпе… Извозчик!

— Куда прикажете?

— К Таврическому саду.

— Пятиалтынный.

— Гривенник.

— Дешево, сударь.

— Гривенник.

— Садитесь, барин!..

Вместо одного, сели два барина, и поехали.

— К воротам направо!.. Стой!..

Взошли. Новичок отрекомендован хозяйке дома; его обласкали, как родного. Он говорил мне впоследствии об этом милом и почтеннейшем семействе, стало быть, я очень верно могу рассказать

вам некоторые подробности, и сделаю это тем охотнее, что такие люди, как человек в гороховой шинели, с двенадцатью висячими воротниками, непременно должны быть на виду.

Никита Петрович Хворостов служил по одному из министерств; жил одним жалованьем; нанимал маленькую квартиру; имел милую, добрую и умную жену и крошечного сынишку Федю, такого милашку… Но я не знаю вашего вкуса и потому предоставлю самим докончить сравнение… Мне сказывали, что Никита Петрович, возвращаясь в три часа пополудни от должности, обыкновенно говаривал своему Феде всегдашнее свое шутливое приветствие: «Здгастуйте, Федой Никитич!» — и Федой Никитич обыкновенно бежал к своему папе, обвивался около него своими пухленькими ручонками и целовал во что попало: в губы, в нос, в галстук или в колючий подбородок; что потом Никита Петрович подходил к своей жене, целовал ее… (Послушайте Наталья Николаевна, поцелуйте меня!)… целовал ее, брал у нее руку, и вместо того, чтобы прикладывать ее к губам, он шутя прикладывал ее к фраку, к жилету, ко лбу, к уху: тогда ему драли уши, и все кончалось самым аппетитным объятием. (Ах, боже мой!.. Наталья Николаевна!.. Да поцелуйте меня еще раз, но покрепче, сделайте милость, покрепче!) Странная вещь, милостивые государыни! Я никак не могу говорить о поцелуях, чтобы не поцеловать в то же время кого-нибудь поинтереснее.

Далее… я мог бы и сам продолжать свое повествование, но мне попался на глаза старый дневник Владимира Николаевича. В этом дневнике, как вы и сами увидите впоследствии, перебрано все до последней нитки, и потому я решился выписывать из него кое-какие отрывки с дипломатическою точностью.

Тут двойная выгода: читая собственные записки молодого Смолянова, вы будете все больше и больше узнавать его, а я, занявшись перепискою чужого, все буду меньше и меньше утруждать свою голову — а это вовсе не шутка для человека, которого мать-природа позабыла наделить прилежанием к письменности…

Может быть, милые мои читательницы и особенно почтеннейшие мои читатели найдут некоторое сходство в слоге Владимира Николаевича с моим; может быть, они станут подозревать, что тут есть или подлог, или вымысел; но пусть мой Султан вышибет меня из седла, если подозрения их действительно справедливы. Это сходство произошло оттого, что я сам нарочно приноравливаюсь как можно более к слогу моего героя, чтобы переходы не были слишком резкими. К тому же, да позволится мне доложить всем и каждому, что я пишу обыкновенно в высоком роде, и, если сказать правду, пишу чрезвычайно удачно.

Очень может статься, что вы изволили читать что-нибудь из моих творений: не правда ли — прелесть!.. А мои оды!.. О, это истинно великие произведения!.. В самой маленькой сто тридцать семь строф. Особенно силен я в стихах на случаи, например, на взятие или на отдачу чего-нибудь, на победу или на поражение, на переход или на переезд через что-нибудь и так далее. Но мой chef-d'oeuvre — это стихотворные возгласы на Новый год:

«Гряди — и возвеличь того-то!..».

И новый год грядет непременно, жаль только, что он возвеличивает чрезвычайно редко по моему назначению.

Что же касается до существования дневника, то в этом вы можете быть решительно уверены… Не стать же мне выдумывать?.. Итак, я начну выписывать, потом рассказывать сам, потом опять выписывать, а между тем история станет подвигаться вперед да вперед; завязка совьется и разовьется, происшествия вызреют и наконец вы будете иметь литературный завтрак.

Дела имеют также свою зрелость, как и плод.
Клементий XIV

Глава V. Верные расчеты

Ты прислал мне скверную лошадь
и пять хороших ослов:
я не сяду на лошадь, потому что она
скверная, и на ослов, потому что они ослы.
Григорий Великий

18… года, «—» месяца, «—» числа.

Как добр, как благороден, как приветлив почтенный Никита Петрович. Супруга его, Елизавета Алексеевна, — милая, обязательная дама. Я у них со вчерашнего дня и пробуду… Но как знать, до которых пор я пробуду?.. Со дня на день я ожидаю письма от батюшки со вложением — а письма нет как нет!.. Я просил у него полторы тысячи рублей; но если его обстоятельства расстроены?.. В таком случае… В таком случае я буду довольствоваться малым… Сделаю себе одну чистенькую, но скромную, очень скромною пару платья… Добрый Никита Петрович постарается ввести меня в службу по министерству; таким образом, утро будет посвящено должностным за-

нятиям; обедать буду или тут, где живу теперь, или у Эльминых, или у генеральши Блатовой… Они все так ласкают меня… Время от обеда до чаю займется чтением; вечер — для литературы… Какая обольстительная будущность! Какое тихое, безвестное, но прочное счастье!.. Душевное спокойствие; чистая совесть; один или два истинных друга, одинаковых со мною лет, одинаковых склонностей; мы станем посвящать свой досуг чтению, прогулкам; у нас все общее… Быстро, невидимо будет пролетать наша жизнь: труд, один труд составит все наши желания; а огорчения?.. Нет! Я не предвижу никаких… И кто захочет делать неприятности человеку, который всеми силами будет стараться заслужить общую любовь? О!.. Я твердо уверен, что нет ничего легче, как быть счастливым!..

Вчерашний вечер, проведенный в разговорах с Никитой Петровичем и с лейтенантом Поречным, его приятелем, показался мне не более получаса: столько шуток, столько острот, столько смеха!.. В начале двенадцатого мы отужинали… Я лег счастливым и счастливым проснулся сегодня… Меня беспокоит только моя болезнь и чрезвычайная слабость; но, благодаря молодости, свободе и хорошей натуре, я уже далеко не то, что был при выходе из корпуса; вероятно, что весна восстановит меня совершенно… Дай Бог!..

На другой день.

Вчера, часа за два до ужина, мы с Никитой Петровичем стали беседовать о разных разностях… Я сказал ему, что завел дневник. «И это очень хорошо! — отвечал он. — Поверьте моей опытности, что такая мелочная, бесполезная, по-видимому, вещь ведет ко многому. Записывайте все и записывайте непременно каждый день. Полчаса, много, час времени — небольшая трата; набрасывайте кое-как ваши мысли; делайте замечания и на себя, и на других; но, главное, не обманывайте самих себя и выставляйте ваши поступки, ваши чувства, ваши слова в настоящем свете: через год вы увидите в себе большую перемену… Я уже и не говорю вам о пользе выводов и общих итогов: она чрезвычайна… Конечно, толпа не постигает ее; но зачем позволять себе увлекаться вслед за общим, бездоказательным мнением?».

Мне кажется, что я его понял довольно хорошо, и тем охотнее согласился с ним, что мы сошлись как-то во многом. От дневника речь перешла к Франклину и к его теории нравственного исправления.

Никита Петрович показал мне так ясно пользу, которую может она принести, что я решился строго подчинить себя ее правилам. Для меня теперь даже чрезвычайно удивительно, почему и все люди без исключения не следуют за такою мудрою руководительницею, тем более что это так легко: стоит только ненавидеть зло, то есть не делать ничего худого; но разве тут может встретиться какое-нибудь затруднение?.. Не понимаю!.. Мы свободны — и выбор слишком не труден. Впрочем, пускай себе другие делают, что они хотят, по крайней мере, я с нынешнего же числа поставлю себе священным законом не делать зла, потому что оно зло, и удаляться от порочных как можно далее, потому что они не достойны человека честного.

Воображаю, как будет мне сладостно самое исполнение добра, когда теперь одно мое твердое намерение делает меня и довольным и веселым.

За ужином говорил я о своих мечтаниях относительно будущего своего житья, о счастии, которое меня ожидает, и тому подобное. Никита Петрович слушал меня со вниманием; но я беспрестанно замечал, что он улыбается, особенно, если я говорил с большим жаром, — и это мне показалось довольно странным… Что же тут смешного?.. Все так просто, так естественно!.. При случае расспрошу его об этом…

Половина первого. Сон начинает клонить меня… Я же сегодня много ходил — итак — довольно!..

Через несколько дней.

Как оживляет человека радостная весна: веселее встаешь, видя красный день; сон и аппетит несравненно лучше; прогулки и свежесть воздуха (я говорю про наш конец) чрезвычайно полезны.

Я провожу свое время так хорошо, так хорошо, как нельзя более… Одно только наводит иногда на меня большую тоску: мне страх как хочется навестить своих однокашных товарищей — и не в чем показаться к ним. Сюртучок, который сшил я себе по выходе из корпуса, почти износился, потому что не сходит с плеч, и прийти в нем мне как-то совестно; а писем от батюшки все нет да нет… Уж не случилось ли с ним чего-нибудь… Беда! Что будет тогда с моей маленькой сестреночкой?

Но к чему я огорчаю себя грустными предположениями… Не сам ли я написал очень поздно к батюшке?.. Он живет так далеко… Может быть, он занят чем-нибудь особенно важным… Может быть, он давно уже и послал ко мне деньги… Может быть, я получу их на днях; тогда поскорее обзаведусь всем необходимым, полечу к товарищам — И… Боже мой!.. Как много радостного предстоит мне!..

Надежда есть сон человека бдящего.
Аристотель

Глава VI. Письмо

Имею счастье быть
Вашего Королевского Величества
весьма покорный, весьма послушный
и весьма избитый слуга.
Мариньи

«То плачет человек, то в радости смеется!..» — сказал бессмертный архангельский рыбак. Мне тоже удавалось видеть это и за собою, и за другими. Впрочем, и нельзя же иначе. Наш век не то, что старина. Попробуй-ка все гераклитствовать над суетою сует этого юдольного, печального мира — и, конечно, не минуешь желтого дома; а быть Демокритом — куда как не ловко: обрежут нос, обрежут уши, укоротят язык и при *сей верной оказии* препроводят туда, где еще не ходили телята со своим достопочтенным Макаром. Надобно вам сказать по секрету, что это *местоположение* очень и очень далеко, чуть ли, например, не втрое далее, нежели от нашей главной квартиры до Лиссабона, только, кажется совершенно в противную сторону.

Часто и долго грустил мой молодой Смолянов, воспоминая о своем безденежье. Между тем быстро проходили ночи (я бы легко мог сказать: между тем быстро проходили дни, но это слишком обыкновенно), и бедняжке все не было легче.

Наступила пятница пятой недели Великого поста. Вооружаясь «Садами» Делиля, Поэт сел подле растворенного окна и старался занять свои мысли роскошными описаниями роскошной природы. Деревья пышного Таврического сада, едва распустившись, тихонько шелестели маленькими своими листиками; воздух был ароматен на чудо; одним словом, это было утро прелестное, романическое, утро, каких мало... Я не могу сказать утвердительно, точно ли пели в это время какие-нибудь воздушные певицы, но, верно уж, пели: эти старые песни молоденьких птичек так же необходимы в подобных описаниях, как соль ко щам: без них невозможно составить обворожительного целого.

Вдруг против самого окна раздался конский топот: Вольдемар взглянул и увидел, что вершний почтальон осаживает свою лошадь и вглядывается в надпись над воротами. «Кого тебе надобно, любезный?.. — закричал он, бросивши под стол Делиля с его садами. — Кого тебе надобно?» — повторил он еще громче, высовываясь из окна: в это мгновение центр тяжести перешел за точку упора — и молодой Поэт упал, как сноп, в грязную канавку; но, не теряя присутствия духа, провозгласил оттуда еще раз:

— Кого тебе надобно, любезный?.. Не Смолянова ли?

— Да, ваше почтение, мне нужно Владимира Николаевича Смолянова.

— Ну, братец, я и Смолянов, и Владимир Николаевич... Вот тебе мой последний двугривенный: только развязывай сумку и говори поскорее, на сколько повестка?

— Покорно благодарю-с, ваше благородие; но к вам, сударь, нет никакой повестки: я привез один простой пакет.

— Как!.. Без всякого вложения?

— Никак нет-с, ваше благородие, там, поди, есть и письмо.

Пакет! Простой пакет! Со вложением простого письма! Куда как весело! И в какое время?.. Когда деньги нужны, как говорится, до зарезу! Тут только почувствовал Вольдемар, что у него препорядочно болят и голова, и правая нога; тут только увидел он, что несколько больших и маленьких зевак остановились подле и тешились над грязною его физиономиею. Печально взял он письмо и, повеся голову, отправился прямо на кухню. В первых попыхах, при первом взгляде на него веселая кухарка покатилась со смеху; но когда эта добрая женщина увидела, что у бедняка невольно выступают крупные слезы и, смешиваясь с грязью, каплют потихоньку на изношенный сюртучок; когда она заметила его бледность, его грусть, тогда она так заботливо стала суетиться около него, так охотно чистила и вытирала его платье, так проворно сбегала в комнату за хорошим мылом, что через десять минут все было приведено в порядок.

Пришедши в свою маленькую комнату, Вольдемар положил на стол нераспечатанное письмо, бросился на постель, закрыл подушкою лицо, стал плакать, плакать; потом стал мечтать и думать обо всем вдруг; потом — вздохнул; потом — уснул...

— Что, много ли вы прочитали сегодня? — сказал Никита Петрович, разбудив Поэта.

— Много ли я прочел?.. Я не читал ничего совершенно.

— И прекрасно! Это самое лучшее средство не обременять памяти. Но от кого вы получили письмо?

— От батюшки.

— Что ж он пишет?

— Я вам говорю, что я решительно ничего не читал... Признаюсь, мне как-то страшно распечатать этот пакет: батюшка знает, что мне нужны деньги, что я нахожусь в крайности; он имеет всю возможность пособить мне — и прислал только одно простое письмо... Уверенный в любви батюшки, в его доброте, я никак не могу предполагать, чтоб тут не было чего-нибудь особенного, необыкновенного, чего-нибудь печального.

— Ну, вы предполагайте себе что хотите, а я прочту за вас это письмо, потому что, наконец, надобно же знать, о чем пишут к вам.

Никита Петрович распечатал пакет и прочел сперва про себя, потом вслух:

«Милый мой сын,

Я не отвечал на твое письмо так долго, потому что был очень занят ревизией одного из дальних уездов и кучею других довольно важных дел; к тому же ты и сам пишешь, что раньше апреля, или даже мая, не думаешь оставить корпуса.

Хотя мне и жалко, что ты не пойдешь по следам старших твоих братьев, то есть не вступишь в военную службу, но зато я очень порадовался, когда узнал из твоего письма, что тебе дадут вместо первого прямо второй офицерский чин. Это доказывает, что ты старался и успел заслужить справедливое предпочтение перед другими.

Ты просишь у меня полторы тысячи рублей… Просьба очень умеренная, судя по тому, что тебе должно прилично одеться и обзавестись разною мелочью, если только ты вздумаешь служить в Петербурге; но признаюсь, мой милый сын, я бы очень желал, чтобы ты начал службу свою под моим надзором. Кто лучше отца озаботится о твоих пользах?.. Впрочем, наперед говорю, не жди от меня никакой потачки и помни старинную пословицу: служба службой, а дружба — дружбой. По всем делам казенным ты для меня чужд: тогда я просто твой начальник; дело другое в домашнем быту — там я твой отец и друг.

Очень верю, что ты никак не ожидал такого незаманчивого предложения служить у меня; но таких отношений отца к сыну требует непременно справедливость, польза общая и твоя собственная. Мы не имеем почти никакого состояния — следственно, надобно приучаться к трудам, надобно узнать дело; да и кроме того — укор в пристрастии был бы для меня чрезвычайно тяжел.

Объявив тебе свое желание и свои виды, я, впрочем, оставляю решительно на твою волю, ехать ли в Сибирь или жить в Петербурге; однако же, во всяком случае, соловья не кормят баснями… Тебе нужны деньги… У меня нет на этот раз ни копейки, но ты верно тотчас же получишь их, если только явишься к одному из моих давнишних знакомых, Андрею Яковлевичу Сурдинскому, который живет в собственном доме подле Симеоновского моста; я писал к нему с нынешней же почтой, и тебе стоит отрекомендоваться, показать мое письмо, взять полторы тысячи и дать ему расписку, потому что старик аккуратен как нельзя более. Не предвижу, чтобы ты встретил какие-нибудь затруднения: Сурдинский богат, как Крез, и к тому же должен мне шесть тысяч рублей, по одному переводу, сделанному с его собственного вызова.

Считаю не нужным советовать тебе не сорить понапрасну деньги: в этом случае я полагаюсь на твою смышленость. Прощай, мой милый сын! Я буду просить Бога, чтобы Он благословил все твои начинания. В случае выезда не торопись; береги свое здоровье.

Любящий тебя отец Николай Смолянов».

— Ну, теперь спрашивается, о чем вы изволили плакать? — сказал Никита Петрович, складывая письмо. Вольдемар бросился обнимать его, как будто он был вестник счастья.

— Ах, как я рад!.. Как велико мое блаженство!.. И батюшка мог сомневаться, что его желание не будет для меня законом?.. Я еду! Я лечу!.. Я обниму его колена!.. Я буду стараться утешать его в старости!.. Мне кажется, что дня через три или через четыре я могу и выехать… Не правда ли, Никита Петрович?

— Точно неправда, Владимир Николаевич!.. Но поговоримте об этом немного погодя. Ваш батюшка замечает чрезвычайно справедливо, что соловья не кормят баснями: вы спали — я работал в департаменте, а всякая работа возбуждает аппетит. Пойдемте-ка лучше обедать.

За столом Федя, который слышал повествование кухарки о блистательном падении моего героя, запомнивши несколько слов, проговоренных громче обыкновенного, сказал, разумеется, без всякого намерения: «Кого тебе надобно, любезный?..». Все засмеялись; Вольдемар покраснел, но не отстал от других и сам забавлялся над своим комическим нетерпением.

Когда впоследствии мне пересказывали этот случай, я невольно подумал: куда как болтливы все нынешние кухарки; ну что бы, право, брать им пример со своих барынь: ведь любо-дорого смотреть, что это за молчаливые создания! Так нет! Трещат и трещат!.. Ох, эти мне кухарки!..

Время обеда прошло очень весело…

— Так как же! Вы хотите ехать непременно через три или через четыре дня?

— Непременно, Никита Петрович, непременно!

— Оно и хорошо!.. Сыну почтенного, уважаемого начальника почти должно явиться оборванным.

— Да разве я не могу заказать себе платье; я готов заплатить вдвое, втрое, только чтобы все было готово через два дня.

— Конечно!.. Притом тут есть еще и та выгода, что вы удивите такою щедростью весь Петербург и верно уж будете предметом общих разговоров.

— Насмешка!.. Но что же мне делать?

— Спокойно дождаться завтрашнего утра, навестить Сурдинского, попросить у него денег и потом, сообразясь с вашим капиталом, сделать необходимые покупки; наконец, решившись на одно из двух: ехать, или оставаться здесь…

— И не говорите об этом! Я еду, или не будь я Владимир Смолянов!

— Счастливый путь!.. Только вам все-таки придется вместо трех-четырех дней прожить три-четыре недельки, чтобы сыскать попутчика, потому что у вас нет своего человека, а ехать одному в такую дальнюю дорогу и с вашим здоровьем — значит рисковать собою ни за денежку.

Возражать было нечего, точно так же, как мне нечего говорить, как мучительно было для Вольдемара дожидаться этого завтрашнего утра.

Наконец оно настало... Сюртучок вычищен с большим старанием; галстук подвязан гораздо опрятнее; извозчик нанят на целый день, затем, что предполагалась большая езда, значительные покупки и даже некоторые посещения. Человек, имеющий в кармане порядочный запас собственных наличных денег, не совестится показываться в изношенном платье: это совсем не то, когда нет ни платья, ни денег... Итак, извозчик нанят, и Поэт, исполненный надежд, отправился за золотым руном, воображая заранее, как он получит полторы тысячи рублей и как он не позавидует никому на свете, имея в руках эту сумму... Вот образцовая умеренность в желаниях!.. Вот примерное благоразумие!.. Вот что значит не забираться высоко!..

Каждому предназначена своя участь,
которою он должен быть очень доволен.
Алкуин, дьякон Йоркской церкви

Глава VII. Аудиенция

Разговор.
Мне кажется, что такой человек,
как вы, должен помнить о подобных вещах.
Чиновник парижской полиции

Да, милостивый государь!
Но перед таким человеком,
как вы, я не такой человек, как я.
Корбинелли

Прекрасный трехэтажный дом Сурдинского если не гляделся, то, по крайней мере, отражался в светлых водах Фонтанки. Сильно билось сердце Вольдемара, когда всходил он по великолепной лестнице, ведущей на второй этаж; еще сильнее, когда взошел он в переднюю, где два жирных лакея-дурака играли в умники; но когда один из них, обглядев его с ног до головы, грубо спросил у него, кого ему надобно, — тогда он решительно потерял все присутствие духа.

На повторенный вопрос, в том же ласковом тоне, он насилу мог проговорить:

— Дома ли Андрей Яковлевич?

— У себя.

— Пожалуйста, доложи, мой любезный, что с ним хочет видеться сын Николая Ивановича Смолянова...

Умник вспомнил эту фамилию, еще раз посмотрел с какою-то недоверчивостью на Вольдемара, положил карты, вынул платок, утер себе нос, тихонько приподнялся, поправил воротничок и волоса — и пошел с докладом.

Около десяти минут прошло в неизвестности, следственно, мой бедный проситель имел время оправиться: он сочинил на досуге рекомендательные и приветственные фразы; даже успел углубиться в мечтания; но жирный человек воротился и громогласно сказал свое торжественное: «Извольте пожаловать!».

Превосходный паркет столовой, двух зал и двух гостиных, через которые вели Вольдемара, горел под его ногами и ярко отражал от себя лучи солнца к расписному потолку... Наконец, ему отворили дверь в огромный кабинет...

Полупрозрачные зеленые шторы были опущены, и сквозь них, по всей комнате, разливался слабый, но чрезвычайно приятный свет. Огромный стол, занавешенный до полу темно-оливковым сукном, стоял почти на средине кабинета; на этом столе, в самом строгом порядке, в самой точной симметрии, расставлены были разные бронзовые, хрустальные и серебряные вещицы. Два больших вызолоченных сфинкса служили подножиями двух ламп и занимали собою четверть длины всего стола. Три или четыре кипы бумаг, чинно связанные цветными шелковыми шнурками, лежали на одной оконечности того же стола, между маленькими статуйками Минервы и Меркурия; на другой, между бронзовым амурчиком и фарфоровыми грациями, покоились огромные счеты с десятимиллионными косточками. Маленький небесный глобус стоял под столом, а большой земной, вероятно, нужный для справок, подле самого стола, на круглом мраморном пьедестале. Черные вольтеровские кресла, обращенные к дверям, гордо возвышались из-за противной стороны стола.

На этих-то креслах сидело что-то очень маленькое, очень толстое и очень красное. Оно было закутано в белый халат и прикрыто сверху колпаком такого же цвета... Это был сам хозяин.

— Х-ха-ха-ха! Господин Смолянов!.. Здравствуйте, мой почтеннейший!.. Х-ха-ха-ха!.. Здравствуйте!..

— Позвольте иметь честь рекомендоваться вам: я сын вашего старого знакомого, Николая Ивановича Смолянова.

— Ну, мой любезнейший, так вы сын моего старого друга Николая Ивановича?.. Х-ха-ха-ха!

— Точно так.

— Точно так... Х-ха-ха-ха!.. Очень рад, что точно так!.. Х-ха-ха-ха!.. А как вас зовут?

— Владимиром.

— Стало быть, мой почтеннейший, вы Владимир Николаевич... Не правда ли?.. Х-ха-ха-ха!.. Садитесь-ка!.. Ну!.. Как поживает ваш батюшка: все ли по-прежнему?.. Х-ха-ха-ха!

— Слава богу.

— Слава богу, лучше всего!.. Х-ха-ха-ха!

— Он приказал мне искать вашего знакомства и просить у вас денежного пособия.

— Денежного пособия!.. Х-ха-ха-ха!.. А сколько этак например вам нужно?

— Мне необходимы для обзаведения и для проезда в Сибирь полторы тысячи рублей!..

— Полторы тысячи рублей!.. Х-ха-ха-ха!.. Вы разочли очень хорошо, мой любезнейший, только я не дам вам ни гроша; ни гроша, мой почтеннейший!.. Х-ха-ха-ха!

— Мне пишет батюшка, что вы должны ему до шести тысяч рублей...

— Ровно шесть, мой любезнейший, х-ха-ха-ха!

— И что из этой суммы я могу взять сколько мне будет нужно. Вы, конечно, знаете его руку, и вот это письмо может доказать вам справедливость моих слов.

— Да, да, мой почтеннейший: это писано точно Николаем Ивановичем, да вы-то, благодетель, точно ли Владимир Николаевич?.. Х-ха-ха-ха!

— Откуда же мне взять это письмо?

— А разве нельзя поднять на улице?.. И это бывает, мой любезнейший! Х-ха-ха-ха!

— Но я могу представить вам благородных свидетелей из моих знакомых, что я точно Владимир Смолянов.

— Свидетелей?.. Х-ха-ха-ха!.. У кого в кармане полторы тысячи рублей, тому в большом городе легко набрать благородных свидетелей: есть, батюшка, люди, которые все сделают за деньги... Х-ха-ха-ха!

— Вы можете узнать обо мне в корпусе, из которого я только что вышел.

— В корпусе? Х-ха-ха-ха!.. Хорошо, мой почтеннейший: я посмотрю, я узнаю.

— Но покуда вы узнаете, а я все буду находиться в ужасной крайности.

— Х-ха-ха-ха!.. Вы будете находиться в ужасной крайности... Сохрани вас Бог!.. Этому горю можно еще пособить!.. Вот возьмите-ка покуда, мой любезнейший, эти пятнадцать рубликов... Х-ха-ха-ха!

— Покорно вас благодарю: это будет подаяние, а я пришел просить денег, которые вы должны моему батюшке.

— Х-ха-ха-ха!.. Ну так вы не в крайности, мой почтеннейший.

— Мое положение точно очень затруднительно, но я все-таки не нищий.

— Х-ха-ха-ха!.. Как вам угодно, батюшка, как вам угодно!.. Х-ха-ха-ха!.. Навестите-ка меня недельки через полторы, а между тем я посмотрю, я узнаю... Куда ж вы отправляетесь?

— Я поеду домой.

— Вы поедете домой!.. Х-ха-ха-ха!.. Ну, прощайте, прощайте, мой почтеннейший; смотрите ж, через полторы недельки ко мне... Х-ха-ха-ха!.. Я вас жду, любезнейший... Х-ха-ха-ха!.. Не сердитесь же на меня: вы может быть и в самом деле Владимир Николаевич.. Х-ха-ха-ха!.. Только для такого человека, как я... Х-ха-ха-ха!.. Непременно нужно узнать, точно ли вы такой человек, как вы говорите... Х-ха-ха-ха! Прощайте!.. Прощайте!.. Х-ха-ха-ха!

— Куда прикажете? — спросил извозчик, когда Вольдемар уселся на дрожки.

— Пошел назад к Таврическому саду!

Против обыкновения Никита Петрович воротился уже в это время домой.

— Что?.. Верно, первый блин комом? — спросил он у взбешенного Поэта.

— Вы никак не можете представить, что я вытерпел!.. Вообразите себе кусок мяса свекловичного цвета — это Андрей Яковлевич Сурдинский; вообразите беспрерывный, какой-то глупый хохот, как хохот человека помешанного — это его разговор!.. — Тут Вольдемар пересказал все Хворостову почти от слова до слова и заключил свой рассказ объявлением твердого намерения, что с этих пор никогда нога его не будет в доме Сурдинского.

— Напрасно вы даете такое торжественное обещание!.. Иногда поневоле надобно покоряться обстоятельствам; к тому же я узнал сегодня случайно, что Андрей Яковлевич человек очень добрый; только уж зато аккуратен до невероятной странности. Завтра воскресенье: я свободен; поедем к нему вместе; с нами будет еще один из его знакомых, и втроем мы уладим все дело.

Это успокоило Вольдемара... Как сказано, так и сделано!.. На другой день после обедни они отправились к Сурдинскому. Он принял их с обыкновенным своим хохотом; посадил всех; позна-

комился с Хворостовым; оставил всех трех обедать; кормил трюфелями; поил шампанским и, вышедши из-за стола, решился, наконец, дать Поэту… полтораста рублей, взяв наперед по расписке с обоих свидетелей. После кофе стали прощаться.

— Ну, прощайте, прощайте мои любезнейшие! Х-ха-ха-ха!.. Приходите-ка ко мне почаще… Я рад этаким гостям… Х-ха-ха-ха!.. А вы, мой почтеннейший, навестите-ка меня через полторы недельки… А я между тем посмотрю и узнаю… Х-ха-ха-ха!.. Право, ну узнаю! До свидания!.. Х-ха-ха-ха!..

Такой-то глуп: я — это говорю, он — это доказывает.
Карл Дюкло

Глава VIII. Толкучий рынок

Если бы весь свет открылся вдруг
нашим взорам, чтобы мы тогда увидели?
Демокрит

Полтораста рублей!.. Что я с ними сделаю?.. Как я извернусь этими полутораста рублями?.. Можно ли быть до такой степени недоверчивым?.. Как поеду я в Сибирь?.. Как я останусь здесь?.. Хорошо еще, ежели этот красный хомяк успеет надуматься в свои *полторы недельки*… Но каково ждать?.. О! Это ужасно!..

Так мечтал Вольдемар, лежа на своем пуховике…

— Полноте-ка скучать, — сказал Никита Петрович, входя в его комнату, — дела-то ваши, кажется, поправляются!

— Как!.. Что вы говорите?.. Доканчивайте поскорее!

— Андрей Яковлевич прислал за вами свою коляску и просит вас теперь же приехать к нему.

— Но как же он узнал мою квартиру?

— Я уж и сам не знаю; впрочем, об этом мы расспросим после, а теперь вам все-таки нечего мешкать.

— Но помилуйте!.. Как я поеду в этакую пору: теперь, я думаю, час двенадцатый ночи?

— Двенадцатый ли, первый ли, все равно; это не ваше дело; мой совет — ехать к нему поскорее. Разве вы не знаете, что богачи очень часто нарочно странничают и делают глупости, чтобы только чем-нибудь обратить на себя мелочное внимание зевак?.. Отправляйтесь-ка с богом!..

Вольдемар накинул шинель, влез в коляску, и лихая четверня быстро помчала его к Сурдинскому… Он вошел к нему в кабинет, и снова знакомый хохот оглушил его… Не знаю почему, но эта хохотня богатого причудника не показалась в то время отвратительною бедному Поэту.

— Ну что, мой почтеннейший, разве я не посмотрел, не узнал?.. От меня ничто не скроется!.. Х-ха-ха-ха!.. Точно! Точно!.. Вы сын закадычного моего друга Николая Ивановича… Х-ха-ха-ха!.. Подите ж, обнимите меня… Х-ха-ха-ха!.. Ведь вы на меня не сердитесь?

— Помилуйте! Не переменять же вам правил чрезвычайно благоразумной осторожности для одного маловажного случая.

— Славно, Владимир Николаевич, славно!.. Х-ха-ха-ха!.. Я, признаться сказать, не ожидал от вас этого… Х-ха-ха-ха!.. Теперь, вот вам целая кипа ассигнаций… Х-ха-ха-ха!.. Берите, мой почтеннейший, сколько душе угодно.

Обрадованный Поэт отсчитал тысячу триста пятьдесят рублей.

— Я взял такую сумму, которая с прежними полутораста рублями составит ровно…

— Ровно полтораста рублей, мой любезнейший… Право, ну так… Х-ха-ха-ха!

— Помилуйте!.. Как полтораста?..

Ему отвечали одним хохотом, который становился все громче, громче и наконец… разбудил его.

Пуховик соскользнул потихоньку с кожаного дивана; разбогатевший мой герой лежал на полу слишком небрежно; перед ним стоял Никита Петрович и хохотал во все горло… Было утро понедельника… Коляска, шкатулка с деньгами и тысяча триста пятьдесят рублей, которые были уже в руках, — все лопнуло!

Во время обеда положено было прибегнуть к дешевым средствам толкучего рынка… Полтораста рублей — капитал для такого места… Там все низкие товары, начиная от совести сидельцев до подкрашенного платья в разноцветных заплатках, от сапогов, затертых воском, до семилеровых краденых часов, от двухгривенной бриллиантовой булавочки до двухрублевой жемчужной нитки, — одним словом, все можно купить по самым сходным ценам… Волею или неволею надобно было согласиться, и Смолянов отправился с Хворостовым принимать и раздавать толчки.

Обстоятельства были тесны, как всякий толкучий рынок, и потому… Но сперва позвольте мне изложить здесь несколько мыслей, которые сию секунду блеснули в моей голове.

Взгляните, милостивые государыни и милостивые государи, на все и на всех! Не правда ли, что все это просто толкучий рынок?.. Торговая площадь обширна до невероятности; бесчисленное множество товаров заманчиво разложено на маленьких и больших столиках; вот *ряды* — пройдемтесь по некоторым.

Посмотрите! Посмотрите, пожалуйста!.. Это *ряд славы*. Тут есть торговля оптовая и торговля по мелочи. Вот отделение *современной славы*.

Не смешно ли смотреть на этого молодого и богатого человека знатной фамилии, который предъявляет огромный список своих дурачеств и настоятельно требует патента на название: *славный малый*... Будь он беден — и его бы назвали *негодяем*, но ему выдано по желанию, потому что он такой *знатный богач*.

Но тише!.. Узнаемте, о чем толкует этот щедушный и тщедушный литератор с этим толстеньким журналистом: здесь не грех подслушивать.

— Ради Бога, милостивый государь, — говорит первый, — не позабудьте данного для вас обеда на пятнадцать человек, свежей стерляжьей ухи и двух дюжин шампанского... Но это еще не все, и если вы будете столько добры, что сдержите ваше обещание, то я повторю для вас то же самое.

— Будьте покойны! — отвечает толстенький журналист и на другой же день печатает, что такой-то N. N. пишет *славно*, *несмотря* на злословие завистников, которых, впрочем, нет у этого господина N. N., *несмотря* на хвалебный возглас журналиста.

Заметя этих почтенных, скромных людей, которые проходят мимо лавок и не *торгуются*, вы, может быть, спросите у меня: кто они такие и неужели они не нуждаются в славе?.. Не беспокойтесь!.. Их закликнут сами купцы; только не с такою бесстыдною навязчивостью, как это делают многие московские сидельцы... Слова мои оправдались, и мы постараемся узнать, что будет говорить им этот купец.

«Милостивые государи!.. Я у вас в долгу... Вот в этих невидимых сосудах хранится ваша кровь, пролитая за отечество; вот списки ваших полезных трудов, ваших глубоких ран; вот превосходные примеры вашего бескорыстного самоотвержения; примите же дипломы на неподдельное уважение людей благомыслящих; мы знаем, что оно приятнее для вас громкого площадного шума... Между тем, справедливость передает ваши имена беспристрастной истории».

Потрудитесь взглянуть теперь направо, на эти маленькие и бедные лавки: это *ряд славы добрых дел*. Но вы ошибетесь, если будете судить по вывеске... *Здесь* вы почти не будете наслаждаться этою славою: вы человек — и общая хвала может сделать вас суетным и гордым; *здесь* совесть ваша берет только квитанцию для предъявления *там*, где следует.

Прямо перед нами огромные *ряды почестей* и *тепленьких местечек*... Взгляните, какая ужасная давка!.. Какая крикливая и неотвязчивая толпа мелкотравчатых и увесистых честолюбцев!.. Как мне жалко этих бедных сидельцев, которые должны продираться сквозь буйное и нелепое сборище искателей, чтобы самим отыскивать достойных и давать им заслуженные награды.

Я, право, не надивлюсь, как еще их достает на все!..

Перейдемте теперь в *ряды браков* и *любви*... Боже ты мой, что за бесконечная суета! Здесь по большей части аукционная продажа.

— Тысяча душ и красота... То и другое не расстроено: кто что?

— Семьсот душ и майор!

— Двести душ и его превосходительство!

— Раз двести душ и его превосходительство... Кто больше?

— Четыреста пятьдесят заложенных душ, связи и его сиятельство!

— *Раз* четыреста пятьдесят заложенных душ, связи и его сиятельство... Кто больше?.. (Молчание)... *Два*!.. Кто больше?.. (Молчание)... *Три*!.. За вами, ваше сиятельство!..

Подвинимтесь подальше: мне хочется знать, о чем хлопочет этот уютненький немец... А! И он тоже намеревается пристроить свою дочку.

— Прекрасное воспитание, целомудрие, удивительная способность к хозяйству и мягкий нрав с пятью тысячами рублей на государственные ассигнации. Нужен честный человек, преимущественно из дворян... Не угодно ли приступить?

Голос из толпы. — Вечный титулярный советник, чрезвычайная бережливость, 800 рублей жалованья и беспрекословное повиновение будущему тестю.

— Чувствительно обязан вами, господин вечный титулярный советник, но кто больше?

Другой голос... Военный офицер *на ходу*, любовь в душе и ни гроша за душой.

— Последняя статья не совсем благообразна, но вы *на ходу* и потому получайте сие неоценимое сокровище, — сказал немец, указывая на свою дочь, и потом весело закурил трубку с коротеньким чубуком.

Далее смотреть нечего... Почти все картины одинаковы. Тут невольно вспомнишь романс одного из наших молодых литераторов, где между прочими прекрасными есть два прелестнейших стиха:

На звуки золота как звонко
Ты откликаешься — *люблю*!

Впрочем, кроме золота, слова *связи*, *на ходу* и тому подобные вещи имеют свою физиономию.

Но вы устали?.. Присядьте и вглядитесь в самих себя... Что такое вы сами? Тот же толкучий рынок... Для страстей открыта область души, для софизмов открыта область разума: и там и тут вечная суматоха; и те и другие толкутся беспрестанно и очень часто сбивают с толку честных людей.

Обращаюсь к моему огорченному герою.

Не прошло трех часов с прибытия на толкучий рынок — и он был уже в полном наряде... Синий фрак с желтыми пуговицами; палевая жилетка с зелененькими цветочками; широкие брюки нежного горохового цвета; щегольские сапожки на высоких каблучках и с двадцатью дорожками на подъеме; перчатки табачного цвета и лиловый шейный платок; наконец, круглая пуховая шляпа и синяя шинель, подбитая коленкором; все это вместе давало ему вид *человека порядочного*.

Приобретение такого блестящего гардероба и остаток тринадцати рублей, за всеми расходами, очень порадовали молодого Поэта, который до этих пор не видал в своем кармане более полтинника... Вся шестая неделя прошла неприметно в посещении товарищей и знакомых; на седьмой положено было говеть...

Кто вдохнул в него мысль говеть — непременно на этой седьмой неделе... Зачем не на шестой, не на пятой?.. Как много сберег бы он тогда душевного спокойствия. Сколько ужасных страданий, сколько горьких слез не омрачали бы печалью его тихой жизни; но кто же знает будущее?.. И всегда ли какое-то тайное предчувствие предостерегает нас?.. И всегда ли мы его слушаемся?

Я должен пересказать теперь одно происшествие, обыкновенное для большей части молодых людей, но здесь довольно интересное по своим последствиям... Верно уж все догадались, что дело будет идти о любви. Да, любезные читатели!.. Кто из вас не испытал этих сильных, учащенных биений сердца; этих жгущих печалей; этих обворожительных восторгов; этих слез; этих мечтаний и надежд?.. А что они такое?

— Птицы певчие!.. — прокричал протяжно разносчик дребезжащим своим голосом, проходя мимо моих окошек.

Точно, мой любезный, точно! — подумал я: все это птицы певчие; они попоют-попоют, позабавят нас на несколько весенних дней — и поминай как звали!..

Что такое человек? Что такое человек?
Его знание — невежество; его величие —
низость; его сила — бессилие;
его удовольствие — страдание.
Гераклит

Глава IX. Она

Наши братья анатомисты очень похожи
на носильщиков, которые знают все
улицы, все переулки, но которым
не известно, что делается в домах.
Жан Мери

Пускай в этой девятой и в следующей десятой главе говорит сам Поэт... Дело дошло не до шуток... Развернемте же его записную книжку.

Апрель, вторник Страстной недели.

Вчера я начал говеть в церкви Таврического дворца... Я выбрал себе постоянное место на левой стороне подле окон... Занятый вполне высокими религиозными мыслями, я во время священного служения не замечал ничего окружающего; но при выходе из церкви... Боже мой! Что случилось со мною при выходе из церкви!

Остановясь на паперти, я глядел рассеянно на толпу проходящих... Вдруг... Вдруг передо мною явилась... *она*!

Я чувствую, я уверен, что это милое, обворожительное, полуземное существо необходимо для моего бытия... Я никогда не видал *ее* прежде, но *ее* черты знакомы моему сердцу, как черты лица брата, с которым расстались мы от колыбельных дней и с которым свиделись в возрасте мужества... Так! Взоры *ее* должны светлеть перед моими взорами!.. Я должен беспрестанно слышать *ее* голос, беспрестанно любоваться *ее* лицом, *ее* походкой, *ее* очаровательными приемами; иначе... иначе жизнь моя будет бесконечным бедствием... Нет! нет!.. Или *она* всегда со мною — или я не могу существовать!..

Во время вечерни я не спускал с нее глаз; она заметила это и покраснела, однако ж потом я еще раза два или три уловил ее взгляды.

Так! Я не отводил от нее своих взоров; но как чисты, как возвышенны, как святы были в это время мои мечтания!.. В них не было ничего земного; ничего, что бы могло набросить какую-нибудь печальную тень на этот олицетворенный идеал прекрасного!.. Когда я смотрел на ее черные, ослепительные очи, в которых ярко виднеют и высокий ум, и небесная доброта, мне казалось, что я вижу две путеводных звездочки для высокого подвига душевного усовершенствования. Когда ее слова достигали моего слуха — я трепетал, я был счастлив... то были звуки, наполнявшие меня умилительным благоговением.

После вечерни к ней подошел тот же самый старый и дряблый полковник... Вот хорошо!.. Я, кажется, забыл сказать об нем прежде!.. Он был и у обедни... Когда стали расходиться, он раскланялся с нею и с ее матерью и на улице подал им обеим руки. Я слышал, как, обращаясь к девушке, он называл ее Елизаветой Егоровной... Итак, ее зовут Елизаветой!.. Какое прелестное имя!.. Но зачем тут беспрестанно этот полковник?.. Как неприятно его желтое лицо; как глупы его серые глаза в красном поле!.. Неужели он смеет любить мою Лизу?.. Нет! Это, верно, должен быть кто-нибудь из ее родственников...

За ужином Никита Петрович подшучивал над моею молчаливостью, но слишком вскользь, так что я не был поставлен в затруднительное положение... Я сложил все на головную боль.

Что-то теперь делает моя дивная полубогиня?.. Двенадцатый в исходе!.. Она спит!.. Как прелестны должны быть ее сновидения; но и я... и я буду счастлив во время сна: она не расстанется со мною.

Через два дня.

Вчера она приобщалась Святых Тайн... Как чудесно светлелось ее пленительное лицо, когда, по совершении обряда, она шла к своей матери, чтобы поцеловаться с нею!.. Проходя мимо, она взглянула на меня, и я заметил, что этот взор выражал благодарность... Неужели я поклонился?.. Неужели невольно я исполнил то, что так пламенно хотел и что не решался сделать?.. Потом, когда я в свою очередь воротился на свое место, мне показалось... Но нет!.. Я в этом точно уверен!.. Я видел это собственными глазами: она поздравила меня своим выразительным взглядом... Я не слышал под собой земли... я весь... был один восторг...

Вскоре подошел к *ним* и красноглазый... Признаюсь со стыдом, что я не мог удержаться от улыбки и от какой-то невольной радости, когда он, рассыпаясь в поздравлениях, зацепился за что-то шпорами или шпагой и чуть-чуть было не полетел со всех ног на пол...

При выходе из церкви, и поутру и вечером, *она* оборачивала назад свою голову и взглядывала на меня... О, сладостная, упоительная мечта!.. Неужели она поняла мои чувства?

Сегодня поутру жестокая головная боль удержала меня дома. Ко мне приехал Зоров, доктор, который меня пользует. Он короткий приятель Никиты Петровича, его *визиты* — просто дружеские посещения.

— Вы очень переменились в последнее время... Я замечаю в вас что-то особенное, — сказал он, входя ко мне.

— Напротив! Я чувствую себя очень хорошо.

— А мне так сказывала Елизавета Алексеевна, что вы ничего не кушаете.

— Я говел.

— Что вы сделались грустны и молчаливы... что-с?.. И это оттого, что вы говели?

Я молчал.

— Позвольте-ка мне ваш пульс.

В это время кончилась обедня... Прихожане шли мимо... Я взглянул на улицу — и вспыхнул... *Она* нечаянно посмотрела в окно и увидела меня... Между тем Зоров, не выпуская моей руки, следил за всеми малейшими моими движениями, и, когда я нагнулся, чтобы выставить свою голову, он отвел меня почти силой и прибавил, улыбаясь:

— Берегитесь, чтобы опять не потерять равновесия.

Я покраснел снова.

— Но ваш пульс... Странная вещь! Он бьется, как у человека влюбленного.

— Иван Федорович! Пощадите меня ради бога!

— Ничего, молодой человек, ничего! Особенно если дело идет об Елизавете Егоровне Буклиной, которая сию минуту прошла мимо окошек.

— О ней! Точно о ней!.. Но скажите, неужели вы ее знаете?

— Вот прекрасно!.. Покойный Егор Антонович был мне старый и престарый друг... Эту малютку Лизу я знавал, когда она была еще вот этакой крошкой... Теперь я езжу к старушке из месяца в месяц; но если вы хотите, я могу познакомить вас на нынешних же праздниках, разумеется, испрося наперед позволение... У Лизы есть брат Василий немного моложе вас: он добрый малый — и вы с ним сойдетесь.

— Но вы не шутите?.. Вы не смеетесь надо мною?

— Что ж тут смешного, если я хочу ввести вас в хороший дом… Но довольно!.. Довольно!.. Я вспотел от ваших объятий… Сядемте лучше и поговорим об этом посерьезнее. Вы добры, вы умны; но вы молоды, неопытны и что еще хуже — вы чрезвычайно нетерпеливы. Я сам женился в ваши лета, хотя и знал очень хорошо, что бессмертный Платон не советует жениться раньше 30 лет, а великий Аристотель даже раньше 35; но я женился и по сие время живу очень счастливо. Впрочем, надобно вам сказать откровенно, что я имел руководителя… Дела такого рода требуют чрезвычайной осторожности: их надобно начинать подумавши да и подумавши, и потому всего лучше, если вы на первый раз выкинете из головы вашу любовь…

— Нет!.. Это невозможно!.. Я скорее умру!

— Но ваша поездка в Сибирь?

— Я остаюсь в Петербурге, или не будь я Владимир Смолянов!

— Это другое дело!.. Но вы не имеете еще никакого места, а служить должно непременно.

— Я определюсь тотчас после праздников.

— Дай Бог!.. Дай Бог!.. Впрочем, во всяком случае, поспешность и неосторожность будут для вас очень вредны… При первом знакомстве обуздывайте себя, бывайте у Буклиных как можно реже; иначе вы испортите все дело…

— Конечно!.. И мне кажется, что пять или шесть раз в неделю…

— Помилуйте, Владимир Николаевич, помилуйте!.. Да этого много и в месяц!.. Говорю вам, бывайте как можно реже; ведите себя так, чтобы за вами не стали замечать… Потом, когда вы познакомитесь покороче… Но прежде скажите, согласны ли вы со мною, что женитьба есть вещь очень важная и что, следовательно, нам необходимо узнать наперед совершенно ту особу, с которою мы хотим соединить нашу участь?

— Это выше всякого противоречия!

— Очень рад, что вы так думаете и рад тем более, что хотя кое в чем могу быть вам полезен. Слушайте же теперь со вниманием. Вы влюблены, стало быть, вы видите все сквозь призму очарования: вы только чувствуете, а не судите. Но есть превосходный способ узнать истину: кроме безошибочности, он хорош и тем, что вы будете в одно и то же время изучать и наслаждаться. При свиданиях с Лизой старайтесь вглядываться во все ее черты, во все ее движения и потом передавайте все мне. Моя опытность и кое-какие сведения докончат остальное: вы будете знать ее вдоль и поперек. Чтобы не позабыть, запишите-ка теперь же, на что в особенности должно быть устремлено ваше внимание.

Когда я приготовил бумагу и перо, Зоров стал продолжать следующим образом.

— Знаменитый Гельдер говорит в своей пластике, что шея, лоб, брови, корень носа, глаза, губы и уши суть знаки, открывающие обычные страсти нераздельного, и потому вы должны заметить:

Пункт первый. — Толстоту и длину шеи… Это ведет ко многому!

Пункт второй. — Устройство лба… Тут, не вдаваясь в метоскопизм, то есть в челогадательство, можно по некоторым прямым и кривым линиям узнать об умственных способностях.

Пункт третий. — Абрис, цвет и положение волос у бровей.

Пункт четвертый. — Форму носа, толстоту его и до какой степени подвижны носовые крыльца.

Пункт пятый. — Относительно глаз, вы должны заметить, как тупы или как остры углы их, находящиеся у корня носа.

Пункт шестой. — Величину, сжатость или, наоборот, полноту губ и, наконец:

Пункт седьмой. — Присмотритесь, соразмерно ли приплюснуты уши и не подернуты ли они пухом. Это последнее обстоятельство может иметь большое влияние на семейственное счастье, потому что пушок означает сластолюбие… Но постойте! Постойте!.. Еще не все! Я вспомнил сейчас, что Аристотель, и потом Цицерон, в превосходной книге своей De Legibus, советуют непременно обращать внимание на подбородки, и потому прибавьте еще:

Пункт восьмой. — Относительно подбородка заметить, к какому из трех главных родов принадлежит он: к вдавшимся, к перпендикулярным или к остроконечным.

Теперь на первый раз довольно: вы сделаете наперед свои наблюдения и потом напишите их мне на особом листке; ваши отметки будут для меня самыми понятными иероглифами… Этим кончатся наши физиономические исследования, а там… а там мы перейдем к патагномии, то есть к созерцанию человека в его действиях и к объяснению невидимого по видимым явлениям и знакам… Тогда от нас ничто не скроется — это вы увидите!.. Вы убедитесь тогда, что я недаром изучал бессмертных писателей, каковы Монтень, Бэкон, Лейбниц, Вольф, Геллерт, Ляшанбр и еще несколько других… Да!.. Вы убедитесь в этом!

Однако ж прощайте! До свидания!.. Я заговорился, а меня ждут мои больные… Пусть разговор наш будет покуда между нами… Прощайте!

Он обнял меня крепко, с каким-то самодовольствием и уехал.

Постараюсь угодить ему самыми верными замечаниями; к тому же он точно сказал правду: я буду в одно и то же время изучать и наслаждаться… Как высоко будет это чистейшее наслаждение!.. Взгляды ее зажгут в душе моей небесное вдохновение… Слова ее упоят меня восторгами… Да!.. Я узнаю тогда вполне неземное блаженство… Я буду самым счастливейшим из смертных во время этих невинных, обворожительных свиданий, потому что одна мечта о них отделяет меня от всего ничтожного… Сердце мое тонет в море радости, и какой-то дивный пламень греет и освящает всю духовную мою природу… Я ложусь… Но могу ли я спать, когда мне так сладостно воображать перед собою мою пленительную Лизу?.. Нет!.. Я буду думать о ней, все о ней… только о ней одной!.. Нет!.. Я не расстанусь с Лизой!

Стачка гениев.
Мне приятно общество с прекрасными
и честными женщинами.
Монтень

Потому что и у меня есть
также разборчивые глаза.
Цицерон

Глава X. Она же

Я не могу высказать, как я уважаю красоту,
это могущее и выгодное качество.
Монтень

На другой день. Суббота.

Какой день!.. Какой счастливый день!.. Сегодня я виделся с нею у обедни… Она меня любит… Или я потерял рассудок и вижу все иначе, нежели оно есть на самом деле… Когда ее мать клала земные поклоны, мы обменялись с нею приветственными взорами… В конце литургии лица и предметы стали кружиться передо мною; я хотел выйти; но колена мои подогнулись — и я покачнулся во впадину окна… Когда я пришел в себя, я сидел на ступенях церковного крыльца; меня поддерживал ливрейный лакей Буклиных; передо мною стоял брат Лизы, которого я узнал тотчас же по лицу.

— Наконец-то вы пришли в себя!.. Что это у нас за народ?.. Когда вам сделалось дурно, никто из стоящих подле вас не тронулся с места… Моя сестра заметила первая ваш обморок, в ту же секунду сказала мне — и я, вот вместе с ним, вывел вас.

— Я, право, не приищу слов, как мне благодарить вас и добрую Елизавету Егоровну, которой угодно было принять во мне участие.

— Как!.. Вы знаете имя моей сестры!

— Так же, как и ваше, и я очень благодарен своему обмороку: он доставляет мне приятнейшее удовольствие познакомиться с Васильем Егоровичем Буклиным, о котором я слышал так много прекрасного.

— Вы чрезвычайно меня удивляете; но кто мог рассказать вам о нас?

— Доктор Зоров, который был у меня в то время, когда ваша маминька и ваша сестрица проходили из церкви мимо моих окон.

— Позвольте же узнать и мне, с кем я имею честь знакомиться?

— Я Владимир Николаевич Смолянов.

— Смолянов!.. Смолянов!.. Боже мой, какая знакомая фамилия… Ах, дай Бог памяти!.. Смолянов… Да!.. Не родня ли вы Якову Афанасьевичу Сашину?

— Это мой родной дядя.

— Вот прекрасно!.. Вот встреча!.. Сашин не только давнишний друг нашего дома, но даже *свой* со стороны покойного моего батюшки… Признаться ли, что я и сам благодарен теперь вашему обмороку. Обнимимтеся же как родные!

Мы обнялись и крепко пожали друг у друга руки… В это время народ стал выходить из дверей… Я вздрогнул и оробел, когда из-за голов показалась знакомая мне соломенная шляпка.

— Какая приятная новость, маминька! — сказал Буклин, обращаясь к почтеннейшей старушке. — Рекомендую вам нового своего приятеля и родственника: это Владимир Николаевич Смолянов, племянник Сашина.

Я подошел, как трус, уличенный в преступлении; раскланялся хуже, чем желтый полковник, и пробормотал что-то, как ребенок спросонья; однако ж, немного погодя, я собрался с духом и начал благодарить сперва Анну Ивановну, то есть мать молодых Буклиных, а потом и миленькую Лизу.

Не знаю, за что именно и как я благодарил их обеих, помню только, что я выразился очень дурно, несвязно и нелепо; но это все-таки лучше, нежели не сказать ни слова.

Хотя моя квартира была очень близка, но мы шли так тихо, что успели расчесться в родстве. Я приходился старушке каким-то племянником в четвертом или пятом колене.

— Итак, я имею счастье быть вашим братом, — сказал я Лизаньке.

— Мне это очень приятно!.. Мы все-таки любим почтенного вашего дядюшку.

— И вы позволите называть вас сестрицею?

— С большим удовольствием, если это вам нравится.

Она проговорила эти последние слова так обязательно; она взглянула на меня так мило; ее полненькие, чудные губки так хорошо обрисовались в это время, что мне… мне хотелось броситься к ее ногам в ту же секунду; но я вспомнил, что мы на улице, и, что еще хуже, я вспомнил, что мы живем в таком веке, в котором должно скрывать от людей даже самые лучшие, самые высокие чувства; я вспомнил жалкие, оледеняющие законы приличий, вздохнул — и стал раскланиваться.

Мы приостановились… Это было против самых моих окошек.

— Если мой племянничек не отозван, — сказала мне Анна Ивановна, — то новая тетушка ожидает его завтра в два часа к обеду.

— Я почту себе за особенную честь…

— Без церемоний, племянничек, пожалуйста, без церемоний!.. Я жду вас как родного.

— А мне позволите разговеться с вами?.. — закричал кто-то из окна.

Все обернулись… Зоров, выставив голову, ожидал ответа.

— Ах, это вы, Иван Федорович.

— К вашим услугам.

— Приезжайте!.. Приезжайте!.. Я выдеру вам для праздника уши за то, что вы нас забыли.

— Так уж и быть… извольте!.. Чем кто не шутит!

Между тем брат Лизы растолковал мне, где они живут; поклоны начались снова, и мы расстались.

Войдя в комнаты, мне должно было пересказать обо всем. Когда я кончил, Зоров обещался заехать за мною на другой день в исход второго часа и просил, чтобы я был готов к этому времени… Ужасно нужно просить, когда я буду готов с раннего утра!..

Желтяк, который шел из церкви тоже вместе с нами, едва удостоил кивнуть мне головой, когда я ему поклонился. Большая мне надобность в его поклонах!.. Не велика еще фигура!..

Какая досада, что у меня нет другой пары платья!.. Ох, этот мне Андрей Яковлевич Сурдинский!..

Кончаю этим покуда мои выписки из дневника… Может быть, иным покажется странным, что мой Поэт, и еще Поэт влюбленный, следственно, проникнутый насквозь возвышенными и священными чувствами, как цветок ароматом, как стих Языкова благозвучностью, мог сердиться без причины на полковника и унижать себя досадою, зачем, дескать, нет другой пары платья; может быть, они скажут, что этого быть не может; но дневник у меня по сию пору, поверку сделать легко, и тогда всякий уверится, что я не виноват в подлоге… Да уж полно виноват ли и Поэт, что он написал это?

Ах! Как трудно (говаривал Агезилай)
и любить, и быть мудрым в одно и то же время!..
Плутарх

Глава XI. Самое беспристрастное рассуждение

Величайшая ошибка человеческой мудрости —
есть излишек доверенности, с которою мы судим о
будущем по настоящему, о целой жизни по одной минуте.
Ж.-Ж. Руссо

Не будь у меня превосходной памяти, и я бы должен был остановиться на этом месте в моем повествовании. Сегодня поутру развернул я дневник Вольдемара, чтобы продолжать свои выписки; хвать! Трех листков как не бывало, именно с самого того места, на котором я вчера кончил, а четыре следующих странички сверху донизу залиты чернилами. Следствие, произведенное *по горячим следам*, открыло преступницу: моя маленькая Сонечка изволила употребить часть драгоценной рукописи на…

— На что бишь ты, Сонечка, употребила ее?

— На выкройки для кукол, папинька!

Вот видите ли!.. Но у меня прекрасная память, и вы можете быть спокойны.

Воскресенье и вторник Светлой недели были для Вольдемара днями блаженства!.. Добрая старушка, Анна Ивановна Буклина, ласкала его, как родного сына, а четырнадцатилетняя резвушка Лиза сбросила с костей до четырех колен и обходилась с ним, как с двоюродным братом.

— Пойдемте-ка, братец, я вам спою что-нибудь, если только вы любите слушать дурное пение… Полюбуйтесь этими нелепыми рисунками — это труды вашей сестрицы… А как вам нравится эта бисерная работа — не правда ли — чудо! Например, этот тоненький, порхающий Амур чрезвычайно похож на стрекозу, а эта богиня любви — ни дать ни взять моя нянюшка.

Так лепетала Лиза, и разумеется, что Поэт находил ее пение — очаровательным; ее ландшафты — прекрасными для настоящего времени и обещающими удивительные успехи в будущем; ее бисерные картинки — произведениями самого утонченного вкуса. И он не льстил, потому что первая, пламенная, настоящая поэтическая любовь не знает лести, а уж она не виновата, что иногда почти все предметы видит навыворот, или украсит до того, что копия, нарисованная воображением, столько же похожа на оригинал, сколько роза похожа на крапиву. Впрочем, я не применяю этого к Лизе: она точно очень умна, весьма добра, чрезвычайно находчива, удивительно мила и непостижимо как хороша собою.

Не говорю ни слова о молодом Буклине. Еще в воскресенье он и новый братец его заключили вечный оборонительный и наступательный союз на *ты*… Это так обрадовало Лизу, что когда новые друзья скрепили его чистосердечным объятием, то она в два-три прыжка подскочила к своему родному братцу и уж не знаю за что, только расцеловала его крепко и прекрепко.

Возвратясь во вторник домой, Вольдемар нашел новое письмо от своего отца. Между прочим, там было сказано: «Заботясь о тебе, я на всякий случай писал с сею же почтою к прежнему своему сослуживцу и другу, почтеннейшему генералу Путову, чтобы он снабдил тебя деньгами, если только ты, почему бы то ни было, не получишь их от Андрея Яковлевича, и проч.».

Это существенное благо хотя и было, по мнению Поэта, далеко ниже его духовных наслаждений, но запас никогда не дерет кармана. Он был рад, и рад тем более, что завтра кончались *полторы недельки*, назначенные Сурдинским, чтобы *посмотреть* и *узнать* о нем, а ему страх как не хотелось услышать еще раз его хохотливые отказы.

Время не ждет нас, говорит поговорка — и время летело. Всякий день, ложась спать, Вольдемар давал себе слово побывать у генерала Путова *непременно* завтра — и завтра снова повторялось то же самое обещание… Да и когда ж, в самом деле, было ему успеть?.. Сами посудите…

Утром доктор предписал ему прогулку; конечно, нет спора, очень было бы можно пройтись и до старого сослуживца своего отца, но изволите видеть, в таком случае надобно повернуть из ворот направо, и тогда никак бы нельзя было говорить, проходя мимо одного дикинького домика: «С добрым утром, сестрица!». И никто бы не выставил из окошка миленькой головки, с черными блестящими кудрями, рассыпанными по плечикам… но по каким плечикам!.. Никто не кивнул бы этакой головкою с таким ласковым приветом; никто звонким, приятным голоском не сказал бы ему в ответ: «Покорно вас благодарю, братец!». Никто не спросил бы его с участием о здоровье и не прибавил бы вполголоса, но слишком внятно: «Заходите-ка вечером!..». Нет!.. Удивительно, как глупа эта правая сторона — и он повертывал всегда налево, и ему кивали миленькой головкой, благодарили его за приветствие, спрашивали о здоровье, и потом, когда он возвращался домой, его приглашали немножко отдохнуть, потому что он верно уж устал. Тут приближалось время обеда — когда же было ехать к Путову?.. Не вечером же? Это так неучтиво! Сверх того, он был всегда приглашен на вечер, а не исполнить слова, данного хорошенькой девушке, значило бы не иметь никакого понятия о приличиях…

Наступила суббота Фоминой недели… Это был день рождения маленького Феди.

— Не проведете ли вы сегодня вечер вместе с нами?.. У меня будет кое-кто из своих, — сказал Вольдемару Никита Петрович, — часу в пятом или шестом после обеда.

— Я так и располагался.

— Ну, очень рад!.. А когда вы располагаетесь съездить к Путову?

— Я поеду завтра, непременно завтра!

— Стало быть, этак дней через десять вы махнете и в Сибирь?.. То-то вы обрадуете Николая Ивановича!

— Да знаете ли что, Никита Петрович, уж не остаться ли мне здесь?.. Я давно хотел поговорить с вами об этом посерьезнее… Некоторые мои замечания и самые *беспристрастные рассуждения* почти совершенно убедили меня, что служба в Петербурге может открыть мне гораздо лучший карьер, нежели служба в Сибири… И что я там выиграю?.. Впрочем, оставя службу, меня чрезвычайно беспокоит и то, что в такой далекой и глухой стороне, какова Сибирь, я наверно буду лишен всех средств к дальнейшему образованию… К тому же, не сами ли вы говорили мне несколько раз, что одна только столица может вполне развернуть способности молодого человека.

— Точно! Я как-то говорил об этом, хотя и не выдавал за положительное правило; но ваш батюшка?

— Разве он не предоставил мне всего на собственный мой выбор?.. Разве ему не одинаково приятно будет слышать, что я своим старанием начинаю открывать себе хорошую дорогу, или видеть это собственными глазами.

— Все так!.. Но где же ваше твердое намерение?

— Придумавши и убедившись в чем-нибудь лучшем и более полезном, мне кажется, не только можно, даже должно оставлять без действия прежние свои предположения; иначе это будет упрямством, а не твердостью характера.

— Согласен!.. Но не удерживают ли вас какие-нибудь мелочные причины, которые впоследствии могут сделаться важными и отвлечь от дельных занятий?.. Смотрите, не обманывайте самих себя, и если стали думать и обсуживать, так думайте и обсуживайте обо всем.

— Уверяю вас, что последнее мое намерение есть плод одного здравого и самого беспристрастного рассуждения: тут не входили в расчет никакие мелочи; я заботился об одной истинной пользе.

— Хорошо! Я верю вам на слово… Стало быть, теперь мне можно начать приискивать вам местечко?

— Вы меня чрезвычайно обяжете.

— А между тем, завтра вы все-таки съездите к генералу?

— Непременно!

Этим кончился разговор — и Вольдемар остался очень довольным. Он был твердо убежден, что ему удалось провести Никиту Петровича, что он мистифицировал себя прекрасно и что тайна его непроницаема… Ироническая улыбка прозаика ускользнула от наблюдения Поэта.

Невозможно услышать два мнения совершенно
одинаковых, не только от разных людей,
но и от одного человека в разное время.
Монтень

Глава XII. Кафедра физиономики

Если бы добродетель захотела
осчастливить людей своим появлением,
чей образ могла бы избрать она, кроме твоего,
чтобы привлекать и оковывать наши сердца?
Виланд

Через час или через полтора по окончании разговора, который я пересказал вам в XI главе, к Никите Петровичу сошлось и съехалось несколько коротких его знакомых. Подали чай и пунш… Раздали карты для двух бостонных партий: два туза выбрали себе места; двойки, тройки и четверки сели где кому следовало… Когда началась игра, Зоров взял Вольдемара за руку и пошел с ним в его комнату.

— Ну, Владимир Николаевич, готовы ли ваши замечания?.. В продолжение двух недель вы, как я слышал, бывали у Буклиных почти каждый день, и должно полагать, что вам известна теперь вся подноготная.

— Отметки мои готовы давно, и вы увидите, что я не проронил ни одной черты.

— Тем лучше! Тем лучше!.. Мне будет гораздо легче объяснять вам значение частей; жаль только, что в первый раз я не поговорил с вами поподробнее о патагномии.

— Не беспокойтесь и об этом: я, как нарочно, *созерцал* мою Лизу и в ее действиях, а потому вам очень можно приступить теперь к объяснению *невидимого* по видимым знакам и явлениям.

— От часу не легче!.. Прекрасно, Владимир Николаевич, прекрасно!.. Вы обещаете многое!.. Как!.. Не позабыть даже ни одного из моих выражений!.. Я в восхищении от вас!.. Начнемте же рассматривать ваши замечания… Наперед воображаю, как они точны и основательны!.. Потрудитесь прочесть их, только, пожалуйста, не торопясь.

— *Пункт первый*… Прелестная шея моей очаровательной Лизы нежна, бела и удивительно как хорошо сложена: я не видал ничего подобного в этом роде. *Пункт второй*…

— Позвольте!.. Позвольте!.. Вы ничего не сказали о ее толстоте и длине… Впрочем, если она сложена хорошо, так она точно должна быть хорошо сложена… Это удовлетворительно!.. Продолжайте!..

— *Пункт второй*… Лоб наклонен несколько назад; он, как мне кажется, занимает целую треть лица и пленительно закругляется кверху; но, признаюсь вам, я не заметил на нем никаких прямых и кривых линий, потому что он гладок и бел, как драгоценный мрамор Каррары.

— Неужели ваше описание верно?

— Как нельзя более!

— От души поздравляю вас! Узнайте же, милостивый государь, что лбы, подобные этому, имели одни только самые знаменитые люди… Взгляните на бюсты Гомера, Платона, Ньютона, Монтескье, Кларка и Адиссона; взгляните, сравните и восхищайтесь!

— *Пункт третий*… Я по сию пору не мог еще налюбоваться на правильные и лоснящиеся дуги черных ее бровей… Вот все, что я могу сказать вам о сих последних.

— И довольно!.. Признак хорош! Читайте далее!

— *Пункт четвертый*... Нос чуть-чуть приподнят, что мне чрезвычайно нравится; широта его соразмерна как нельзя более с его длиною... Носовые крыльца бывают изредка несколько подвижны.

— Этакой нос, сударь, есть очень верная примета сильной души, умеющей страдать, и высоких умственных дарований, а подвижность крыльц ручается за чувствительность... Таково мнение древних и новых физиономистов.

— *Пункт пятый*... Глаза Лизаньки неизъяснимо превосходны: они не велики...

— У Венеры были тоже маленькие глаза: по крайней мере, я читал это у бессмертного Винкельмана... Однако ж извольте продолжать.

— Они не велики, но так внятно выражают ее светлые мысли и огонь ее священных чувств...

— Прекрасно!.. Прекрасно!.. Я помню, что у Бюффона есть точно такой же период.

— И огонь священных ее чувств, что дивный, упоительный восторг невольно объемлет всю душу, когда любуешься ими... Они черны, с каким-то прелестным желтоватым отсветом и смотрят так хорошо, что на них можно засмотреться.

— Это, мой любезнейший Владимир Николаевич, не глаза — а чудо! Прочтите только физиономические наблюдения неаполитанца Порта; прочтите знаменитые творения Роберта Младшего — и вы увидите, что я вам говорю правду... Досадно, что вы не заметили разреза глаз; но довольно и того, что вы сказали... Перейдемте к шестому пункту.

— *Пункт шестой*... Редко можно найти подобные уста: какая свежесть, какой абрис, какая пропорция! Они такие полненькие!.. Такие хорошенькие! И если бы я любил Лизу хотя немного менее, если бы сердечное мое чувство не было бы возвышенно и чисто до самой превосходной степени, то быть может, что во мне родилось бы земное желание прикоснуться к ним своими устами!

— Довольно!.. Довольно!.. Нельзя желать ничего лучшего; впрочем, я говорю об устах, а не о поцелуях.

— *Пункт седьмой*... Уши соразмерной величины и нисколько не покрыты пухом.

— Очень рад!.. Этим вы успокоили меня насчет будущего состояния вашего лба.

— *Пункт восьмой и последний*... Кругленький, миленький ее подбородок принадлежит к числу перпендикулярных.

— Еще раз поздравляю вас: да это, сударь, клад — а не девушка!.. Как можно соединять в себе все возможные совершенства... Знаете ли, что нам почти незачем теперь обращаться к патагномии. Замечания ваши, которые вы мне сейчас прочли, не позволяют уже предполагать в Лизе ничего, кроме изящного. Однако ж не дурно, если вы скажете несколько слов об ее походке. Это вещь очень важная! Недаром же Демосфен повторял многим и несколько раз, что говорить дерзко и ходить прытко — одно и то же.

— Походка Лизы плавна, легка и как-то особенно приятна; но она любит бегать, скакать, танцевать.

— Это безделица!.. Это совершенно ничего не значит!.. Веселый характер, молодость — и только! Тут главное дело плавность и приятность, и, конечно, великий Демосфен осуждал в Никоболюсе совершенно противные качества... Признаться сказать, Владимир Николаевич, нашли же вы сокровище!.. Но расскажите-ка мне о своих успехах, если только хотите удостоить меня полной своей доверенности. Например, замечена ли ваша любовь? Отвечают ли вам на нее?.. А?

— Может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, что меня любят.

— Что тут за ошибки!.. Я уверен, что вы любите друг друга. Приискивайте-ка себе поскорее место... Пишите к своему батюшке, а там веселым пирком да и за свадебку, как говорили наши предки. Я сам улажу все дело... Потом, когда вы женитесь, мы прибегнем к творениям того же Роберта Младшего, о котором я недавно упоминал, и вместе с вами займемся его мегалантропогенезиею, то есть изучением средств рождать великих людей, — и после приведем их в исполнение.

— Очень благодарен, почтеннейший Иван Федорович; но нельзя ли вам растолковать мне эти средства прежде моей свадьбы, чтобы уж после не было для вас никакого беспокойства.

— Извольте!.. Как вам угодно! Это не сделает для меня никакой разницы!.. Однако ж пойдемте, чтобы не обратить на себя внимания.

Он встал в самом лучшем расположении духа, опять взял Вольдемара за руку и вместе с ним пошел в залу.

После четырех туров карты были оставлены... Их заменила самая веселая, самая дружеская беседа. Анекдоты сыпались за анекдотами. Всех больше, всех лучше и всех занимательнее рассказывал лейтенант Поречной. Он говорил после каждого и обыкновенно, вместо предисловия, произносил слова: «Нет! Это что за анекдот, а вот анекдот!..». Разумеется, это была одна шутка, которая, впрочем, очень заинтересовывала слушателей. Таким образом вечер промчался неприметно.

После ужина один из гостей посмотрел на часы, взял шляпу и сказал весьма торжественно начало какой-то старинной французской сказки:

— Нет такой компании, которая бы не расходилась, говорил царь Дагоберт, а потому и нам пора отправляться восвояси... Прощайте, Никита Петрович!

— Нет! Это что за анекдот, а вот анекдот! — закричал Поречной, подвязывая свой кортик. — Одна здешняя пансионерка писала при наступлении каникул в деревню к своей матери: «Дражайшая маминька! Все мои подруги разъехались; я скучаю одна в пансионе: позвольте и мне разъехаться!..». А вы, Никита Петрович, позвольте нам. Спасибо за вечерок!.. Приезжайте-ка поскорее в нашу сторону. Господа! Милости просим в Коломну... Но что откладывать — то хуже! Я ожидаю вас завтра: это будет ровно за полгода до моих именин...

Все дали слово, и каждый разъехался куда ему следовало.

Комедия кончилась — вы можете разойтись.
Демонакс, философ критский

Глава XIII. Орест и Пиллад

С каким восторгом я воображаю будущее!..
Мои дети улыбаются мне, резвяся на моих руках:
я поддерживаю их нетвердые шаги.
Гесснер

На другой день, часу в двенадцатом утра, Вольдемар отправился к генералу Путову.

— Дома ли его превосходительство? — спросил он у швейцара.

— Дома, но сейчас изволит отправляться.

Несмотря на слабые и больные свои ноги, Поэт поспешил взбежать на лестницу... Вдруг перед ним засияла звезда... Не знавши лично Путова, он обратился с вопросом к какому-то чиновнику, который шел за генералом. Получив утвердительный ответ, он стал догонять последнего, нечаянно наступил ему на шинель и растерялся совершенно.

— Что вам угодно? — произнес генерал совсем не дружеским тоном.

— Виноват, ваше превосходительство!.. Честь имею рекомендоваться вашему превосходительству... Я... ваше превосходительство... пришел к вашему превосходительству...

— Вижу, сударь, что вы пришли, но кто вы такой?

— Я, ваше превосходительство, сын Николая Ивановича Смолянова.

— А! Владимир!.. Я ждал тебя давно!.. Очень рад, что ты навестил меня; жаль только, что немного поздно... Впрочем, я еще успею... — прибавил он, подумавши. — Пойдем! Пойдем, братец, ко мне.

В зале, в которую вошли они, было еще около десяти чиновников, являвшихся по делам службы.

— Ну как ты поживаешь, мой друг? — продолжал генерал, входя в гостиную.

— Довольно хорошо, ваше превосходительство.

— Мало!.. Надобно жить очень хорошо... Ко мне пишет твой отец, чтобы я снабдил тебя деньгами... Сколько ж тебе надобно?

— Мне необходимы полторы тысячи рублей.

— Изволь, с большим удовольствием... Садись-ка вот сюда и напиши к отцу в двух строчках, что ты получил от меня эту сумму... А вот тебе и деньги.

Ободренный ласкою и обрадованный своим богатством, Вольдемар кончил все в две минуты — и рассыпался в благодарностях.

— Если хочешь, служи у меня; я тебе дам на первый раз 750 рублей жалованья, а там можно и прибавить, смотря по твоей работе.

— Я почту себе за особенное счастие служить под начальством вашего превосходительства.

— Тем лучше!.. Теперь прощай! Мне некогда... Я обедаю в четыре часа: приходи, когда тебе вздумается... До свидания!

Когда Вольдемар вышел на улицу, он не слышал под собой земли; он позабыл, что у него болят ноги, и вопреки наставлению великого Демосфена шел очень прытко. Накупив разных галантерейных вещиц, разумеется, *самых необходимых*, он завернул к лучшему портному, заказал лучшую пару платья, прекрасную модную шинель и нашел, что у него за всеми расходами останется с лишком восемьсот рублей.

Ему казалось, что состояние его обеспечено, и он, будучи чрезвычайно доволен своею настоящею участью, погрузился в самые сладостные мечты о будущем.

Милая жена, то есть Лиза!.. Дети, хорошенькие, как купидончики!.. Боже мой! Как это весело!.. С какою радостью будет он возвращаться домой от своей должности!.. С какою горячностью обнимет он свою Лизаньку... А дети-то!.. Проказники, право!.. Один обвивается вокруг шеи; другой тянет его за фалду, а милашка дочь играет его орденским крестом. (Уж тогда верно он будет иметь его.) Показывая таким образом самому себе самые увлекательные картины, он прогуливался по Невскому проспекту, устал, когда вспомнил, что он идет пешком, и зашел в кондитерскую.

В угловой комнате, между другими посетителями, обратили на себя его внимание два молодых человека, разговаривавших о чем-то вполголоса. Один из них был верткий, тоненький и маленький;

другой еще тоньше, несколько повыше и бел донельзя… Лицо первого было очень благообразно; лицо второго было подвижное и вечно улыбающееся. Серые глаза светлели у обоих. Сидя подле, Вольдемар мог расслышать большую половину разговора и потому нехотя узнал, что они сибиряки, что они коллежские секретари, что им дадут летом чины титулярных советников и что, наконец, зимним путем они поедут назад в Сибирь, но уже штаб-офицерами.

Желая познакомиться со своими земляками, герой наш обратился к *маленькому*, который был возле него:

— Извините меня, что я вас обеспокою своим вопросом: вы, кажется, из Сибири?

— Точно так! — отвечал *маленький*: — А вам, верно, знакома эта сторона?

— Как же! Я там родился.

— Ваша фамилия?

— Смолянов.

— Боже мой! Неужели вы сын Николая Ивановича, нашего почтеннейшего начальника!

— Это мой батюшка.

— Скажите пожалуйста!.. Вот приятнейший случай!.. То-то я смотрю, что ваше лицо мне чрезвычайно знакомо… Вы удивительно как похожи на вашу сестрицу, а ваша сестрица удивительно как хороша собою!

Тут, не дожидаясь никакого ответа, оба незнакомца подошли к Смолянову.

— Позвольте нам иметь честь познакомиться с вами.

— Помилуйте, господа!.. Мне очень приятно!

Засим следовали объяснения, поклоны и дружеские пожатия рук. Потом начались расспросы и рассказы: где живете вы; где вы изволите квартировать; долго ли пробудете в Петербурге или останетесь в нем служить и так далее… Все это кончилось тем, что два коллежских секретаря увлекли к себе губернского *откушать, что Бог послал*, по их выражению.

Очень не мешает сказать, что из двух коллежских секретарей *маленького* и благообразного звали Иваном Дмитриевичем Арским, а *воскового* и вечно улыбающегося — Васильем Петровичем Бельским… Я почитаю также непременным для себя долгом упомянуть, что сей последний имел очень занимательный нос.

Это был косвенно-усеченный с одного конца эллипсис, толщиною в сорокакопеечный переплет какой-нибудь грамматики или краткого землеописания; только две больших ноздри расширялись вроде сегментов и сквозили до такой степени, что в них всегда было видно, говоря словами одной анакреонтической песни,

Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь.

У *маленького* была довольно плавная походка с пришаркиванием, которое, как вы знаете, так необходимо для всякого порядочного человека. В приемах Арского видна была ловкость и непринужденность.

Восковый человечек ходил на цыпочках с отрывистой прискачкой и кланялся таким образом, что оконечности его носа, вздернутого кверху и выдавшегося вперед подбородка и вечно согнутых колен, касались одной и той же прямой линии, перпендикулярной к поверхности земного шара; все же прочие части тела по возможности выдавались назад. Одним словом, это было существо, которое давало все удобства проходить по себе не только простую, но даже сферическую геометрию: стоило только заставлять его кланяться, любезничать, ходить, лежать, садиться — и наблюдательный взор, верно, отыскал бы в нем все линии, площади и тела… Казалось, что природа хотела осуществить в нем всю высшую часть математики.

— Отчего ж это вы не изволите решаться ехать к нам? Здешняя служба будет для вас очень трудна, Владимир Николаевич! — сказал *восковый* по приходе на квартиру.

— Как быть!.. Зато будет хорошо, когда привыкну.

— Конечно так! Я с вами совершенно согласен! Только воля ваша, что вы ни говорите, а все как-то лучше жить под крылышком. Вы бы получали хорошенькое жалованьице и жили бы себе припеваючи.

— Нет, Василий Петрович, мой батюшка пишет мне совсем другое: он говорит, что именно-то с меня и будет взыскивать как можно строже.

— Полноте, пожалуйста!.. Он шутит!.. Уж мы знаем его вдоль и поперек; да вот хоть спросите у Ивана Дмитриевича: он у Николая Ивановича человек домашний.

— Конечно, Николай Иванович очень добр, очень снисходителен, но захочет ли сам Владимир Николаевич терять понапрасну время?

— Помилуйте! — подхватил *восковый.* — Да кто вам говорит о потере времени?.. И разве нет никаких занятий, кроме наших скучных дел?.. Я уверен, что с таким умом, с такими способностями, с таким образованием Владимир Николаевич не потратит даром ни одной минуты.

— Это лесть, Василий Петрович, потому что вы хвалите меня в глаза, не зная обо мне ничего совершенно.

— Кто?.. Я льщу?.. Полноте скромничать!.. Неужели вы думаете, что уж этого никак нельзя заметить с первого же взгляда?.. Спросите-ка у Ивана Дмитриевича, и он верно подтвердит вам мои слова!

— Чтобы и меня в мою очередь не назвали льстецом, мне приходится отмолчаться; но внутренне я решительно согласен с Васильем Петровичем.

— Вот видите ли!.. А вы уж тотчас и за подозрения! Нет, сударь!.. Я человек прямой и говорю всегда то, что чувствую… Если вы не верите, так спросите Ивана Дмитриевича.

— О! На этот счет я смело могу ручаться за моего товарища.

— Скажите ж нам, чем вы особенно любите заниматься: верно, книгами?.. Литературой?

— Вы угадали!

— Смешно ж не угадать!.. Вы так и смотрите писателем. Вот спросите хоть у Ивана Дмитриевича.

— Точно, Владимир Николаевич! В вас есть какая-то счастливая особенность: эта бледность, которая так идет к вам; эти блестящие глаза; эта томность и эта приятная небрежность одежды — все это вместе дает вам очень интересный вид.

— Вот видите ли!

— Да вы, господа, сведете меня с ума своими похвалами.

— Перестаньте!.. Не стыдно ли вам!.. И разве вы не любите правды?.. Но скажите пожалуйста, что вы избрали: прозу или поэзию и какой именно род?

— Я пишу стихами, однако ж по сию пору не предпочел еще никакого рода исключительно.

— Ну будь я не я, если мне не удалось читать ваших превосходных сочинений!

— Не может быть, Василий Петрович: я не печатаю и даже никому не показываю своих стихов. Вы ошибаетесь!.. Разве только не видали ли вы моей оды к *Человеку*, с которой я дал кое-кому два или три списка.

— Вот то-то же! А спорите!.. Если вам хочется знать, как я восхищался этой одой, так спросите вот у Ивана Дмитриевича… Особенно мне понравился приступ… Как бишь он начинается?.. Ах, какая проклятая память!..

Сосуд нечистый и преступный
Для влаги чистой и святой!

— Точно! точно!

Сосуд нечистый и преступный
Для влаги чистой и святой!

— Как это удалось вам соединить игру слов и богатую, высокую, неподражаемую мысль… *святой — преступный, чистый — нечистый!*.. Ей-богу, прелестно!.. Хоть кому бы написать — так впору!.. Уж вы, верно, одолжите меня и позволите списать, чтобы выучить на память?

— Да это не стоит труда списывать!

— Побойтесь Бога, что вы говорите!.. Как вам можно судить о собственных своих произведениях?.. Предоставьте это другим!

Во время обеда и с час после него разговор продолжался в подобном роде. Два хозяина, один перед другим отличались угождениями и предупредительностию. Они, казалось, были так откровенны со своим гостем, так полюбили его, что этот гость был вне себя от радости и сказал им:

— Господа! Сегодняшний день я отмечу и в дневнике, и на сердце одним из счастливейших в моей жизни.

Объятия возобновились и кончились. Потом новый Орест и новый Пиллад стали склонять Вольдемара ехать вместе с ними в Сибирь. Все убеждения были напрасны; наконец Арский хотел тронуть его за самую живую струну для всех молодых людей и стал говорить о женщинах и любви.

— Если бы вы знали, какие есть у нас девушки… Особенно одна… Это чудо!.. Да вот вам свидетель: спросите у Василья Петровича… Я ручаюсь головой, что вы верно влюбитесь в нее.

— Не ручайтесь, Иван Дмитриевич!.. Вы прозакладуете!

— Разве только в одном случае, ежели вы уже влюблены… Ага, милостивый государь!.. Вы покраснели!.. Так вот отчего вам не хочется оставить Петербурга… Теперь мы понимаем-с… Как бы я желал видеть предмет вашей любви: он должен быть очарователен!

— Если уж, господа, дело пошло на откровенность, то я вам скажу, что девушка, которую я люблю, которую я буду любить до моей смерти, выше всякого описания: ее непременно надобно видеть, чтобы постичь ее красоту.

— Стало быть, я довольно хорошо узнал ваш вкус.

— А как ее фамилия?.. — прибавил *восковый* таким тоном, как будто он спросил от нечего делать: «А как зовут жену китайского императора?».

— Как ее фамилия?.. Но зачем вам знать ее фамилию?

— Я спросил вас, ей-богу, из одного участия; впрочем, если это секрет — так и не говорите, пожалуйста.

— Напротив!.. Теперь-то я и скажу для доказательства, что у меня нет от вас ничего тайного: ее зовут Елизаветой Егоровной Буклиной... Однако ж, господа, ведь это между нами?

— Разумеется!.. И вы можете сомневаться?

Потом эти любезнейшие коллежские секретари от общего перешли к подробностям, и, схватывая слово по слову, они узнали все до последней нитки.

Вольдемар был в восторге: он нашел людей, которые принимают в нем участие, понимают его и слушают очень охотно: он мог наговориться досыта о своей Лизаньке... Конечно, и Зоров очень добр, очень его любит и тоже толкует с ним о его брюнеточке, но какая разница!.. Здесь ловят на лету каждое его выражение, отгадывают каждую мысль, а там он должен слушать цитаты из бессмертных творений бессмертного неаполитанца Порта и рассуждать о знаменитой мегалантропогенезии знаменитого Роберта Младшего!

Время до чая сократилось в полчаса, так оно было приятно!

— Хороши же мы с тобою! — сказал Арский своему товарищу. — Мы и позабыли сообщить Владимиру Николаевичу приятнейшую новость... Понимаешь?

— Боже мой!.. Как не понять! Знаете ли, кто приехал вчера в Петербург?

— Как же мне знать?

— Ваш дядюшка Яков Афанасьевич Сашин.

— Что вы говорите?.. Где ж он остановился?

— Ах, как жаль, что я не могу рассказать вам его квартиры; но заезжайте к нам завтра утром часу в десятом — и я поеду вместе с вами.

— Нельзя ли теперь?

— Досадно, очень досадно, что мы должны вам отказать по одной особенно важной причине; но сегодняшний вечер не сделает большого расчета.

— По крайней мере не дальше завтрашнего дня?

— Непременно!

Вольдемар распростился с ними и поехал к Поречному. Я не стану говорить моим читателям, что вечер проведен был чрезвычайно весело: быть у Поречного и скучать — значит быть вдруг и сыту и голодну... Гости разъехались за полночь, однако ж Вольдемар успел еще написать в своем дневнике следующие строки.

«Опять целый день счастия и радостей!.. Удивительно, как сердце мое может выносить столько сильных ощущений!.. Из крайности я перешел сегодня в довольство; мне предложено хорошее место; я нашел вдруг двух добрых, искренних друзей; а в любви моей прелестной Лизы я почти не сомневаюсь. Чего же не достает мне?.. Я счастлив теперь, и что еще ожидает меня? Одни удовольствия и наслаждения!».

Он лег — и последними мечтами его были деньги и Лиза... место и Лиза... друзья и Лиза... потом одна только Лиза и Лиза... наконец он уснул и все-таки видел... Лизу!

Высочайшее благо смертных — есть любовь.
Феррье

Глава XIV. Ментор и Телемак

В наше время друзья похожи на дыни:
из полсотни насилу выберешь одну хорошую.
Мерме

Проснувшись на другой день рано утром, Вольдемар решился на дело, почти неслыханное в историях *пламенной любви*... Очень не мудрено, что все прелестные читательницы и все добрые мои читатели восстанут против него; назовут бесчувственным, жестоким, притворщиком, а какой-нибудь риторик, смертный охотник до фигуры уподобления, скажет мне напрямки: ваш герой носит в груди своей карманный погреб... Все это очень легко может случиться со стороны читающих; но все это будет вопиющая несправедливость.

Молодой Смолянов имел чувствительное, мягкое, пламенное сердце; он страстно любил свою Лизу; но он был Поэт, а Поэты бывают иногда очень странны. Так и с ним!..

Проснувшись поутру в понедельник, он начал думать, думать и придумал наконец не видать очаровательной своей брюнетки целых три дня. Надобно сказать, впрочем, что тут входили в расчет очень важные вещи.

Во-первых, *лучший* его портной дал честное слово непременно к утру четверга приготовить ему *лучшую* пару платья и прекрасную модную шинель; выходит, что в тот день он мог явиться к обеду у Буклиных в самом блистательном виде, а в этом предполагался чрезвычайно приятный сюрприз... *Раз* — причина!

Во-вторых, он думал весьма основательно, что, не показываясь Лизе три дня сряду, он узнает и определит с математическою точностью, до какой именно степени она его любит, потому что у невинной и простосердечной девушки в четырнадцать лет самая заветная, сердечная тайна тотчас же может быть видна как на ладони. Вольдемару стоило только быть потом как можно внимательнее при первом свидании и пристально замечать, как его примут: по-прежнему ли, или с холодностию, или, наконец, покрасневши и с этою очаровательною грустью, которая потом разольется в самых нежных упреках... В одном случае это будет значить, что его любят, но что этак же любят и многих; в другом, самая холодность приема есть уже очень хороший признак: отсутствие милого братца замечено еще в первый день; во второй и в третий стали на него сердиться... О, его любят предпочтительно перед многими!.. В остальном случае на него не могли и сердиться: строго рассматривали собственные свои поступки; боялись, что, может быть, огорчили его чем-нибудь; сами на себя взводили напраслину, раскаивались, не зная, в чем, грустили и плакали... Тут не остается никакого сомнения, что его любят предпочтительно перед всеми!.. Таковы могли быть последствия решимости Вольдемара не посещать Буклиных до четверга: он, как вы видите, мог узнать многое... *Два* — причина!

В-третьих, у него было в виду еще одно обстоятельство: он наслаждался до бесконечности, когда видел ежедневно свою хорошенькую, миленькую Лизаньку, и хотел узнать, до какой точки может возвыситься это наслаждение, если он не увидит ее целых три дня сряду. Одним словом, он вздумал эпикурействовать, то есть увеличивать свое счастие некоторыми значительными лишениями... *Три* — причина!.. Стало быть, на каждый день по одной. Воля ваша, а этого чересчур достаточно.

Но если мои читатели и теперь не переменят своего мнения о моем герое, то мне остается напомнить им еще раз, что он Поэт, что он был тогда молодой человек двадцати лет, неопытен, как ребенок, чрезвычайно доверчив к другим по простоте сердца и, грех утаить подобное противоречие, доверчив к самому себе, по человеческой гордости.

Предполагая, наконец, что все извинили моего родственника, — я спокойно продолжаю свое повествование.

Пробило десять часов — и Вольдемар отправился к новым своим друзьям.

— Не сердитесь ли вы на меня, Василий Петрович, я что вам немножко задержал?

— Помилуйте!.. Как вам не грех!.. Если я и досадовал, так только от того, что долго не видал вас: вот хоть спросите у Ивана Дмитриевича... Однако ж нам нечего мешкать: ваш дядюшка встает в шестом часу — и мы приедем как раз к завтраку: он это очень любит!

Удивительная тишина царствовала в больших покоях, которые занимал Сашин. Лакеи ходили на цыпочках по разостланным коврикам: только изредка, из дальнего кабинета, раздавались глухие звуки сухого кашля. Казалось, что даже и шумный гул столичного движения не смел приближаться к этой обители спокойствия: он слышнел, как отдаленная буря.

Когда Вольдемар переступил порог, его обдало сперва кипятком, потом как будто облепило снегом; он вздрогнул; сердце его, как говорится, ёкнуло; холодный пот выступил на лбу; он никак не мог понять причину своего страха; хотел было отыскивать ее; но об них доложили — и слуга раскрыл дверь. Таким образом, он отправился, не оправившись.

— Ах, батюшки мои!.. Тебя ли я вижу, любезный Владимир?.. Поди, поди, брат, ко мне поскорее и обними старика, который тебя душевно любит.

Между тем, как они заключают друг друга в родственные объятия, от которых храбрый Вольдемар нехотя пришел в себя, я успею на скорую руку предупредить всех, что добрый его дядюшка, который (между нами будь сказано) говорил очень и очень протяжно, был уже предупрежден Бельским обо всем и знал насчет Вольдемара всю подноготную. Сгоряча вы, может быть, назовете это изменою, предательством, поступком самым низким и черным; может быть, что я и соглашусь с вами внутренно; но почтеннейший мой Василий Петрович или думал об этом совершенно иначе, или просто ничего не думал и только следовал какому-то непреодолимому, врожденному влечению... Предполагаю, впрочем, наверняка, что в подобных пересказах он находил какое-то особенное удовольствие и что даже считал священным долгом передать тайну дружбы — попечительности родства.

Бельский уехал тотчас после завтрака: он торопился к должности. Дядя и племянник остались наедине.

— Садись-ка ко мне поближе, любезный мой племянничек, и поговори со стариком откровенно насчет твоих планов и намерений: ум хорошо, говорит пословица, а два и того лучше... Подумаем, пообсудим вместе; авось, и моя опытность будет тебе полезна.

— Я очень рад, дядюшка, что имею случай воспользоваться вашими советами; что же касается до моей откровенности, то вы можете быть в ней решительно уверены.

— Дай Бог, чтоб это было справедливо: мы посмотрим. Начнем с того, что у тебя нет никакого состояния и что тебе надобно служить и служить очень ревностно, чтобы выслужить себя кусок хлеба. Иному, друг мой, это достается даром; но тут необходимы тетушки и дядюшки, только совсем не такие, как я с моею старухою... Ты должен работать и работать так, чтобы труды твои были замечены и оценены... Правда, сперва ты поскучаешь, а потом втянешься и не захочешь отстать... Ну, что ж?.. Согласен ли ты в этом отношении со стариком?

— Как нельзя более, дядюшка!.. Мои мысли совершенно одинаковы с вашими.

— И прекрасно!.. Теперь потрудись рассказать мне, где именно ты намерен служить?

— Сначала я предполагал было отправиться в Сибирь, чтобы находиться при батюшке; но потом единогласный совет всех моих знакомых переменил мое намерение. Все они говорят мне одно и то же, что эта поездка не принесет мне никакой пользы и что служба по министерству несравненно почетнее и выгоднее для будущего, нежели служба в Сибири.

— Все это так, любезный Владимир; но послушай беспристрастно старика, которого, когда он был молод, слушали старики. Я уж и не говорю, как бы ты обрадовал своего отца, приехавши к нему после долгой разлуки; не стану напоминать тебе, что он стар и дряхл; что, может быть, чужая рука скоро закроет ему глаза и что ты в одном бесчувственном, немом письме получишь его последнее благословение, и то если смертная болезнь не отнимет у него силы призвать на тебя покровительство небесное; я умолчу об этом, потому что ты, как добрый сын, должен помнить сам подобные вещи; сам должен стараться, чтобы в эти немногие, остальные дни жизни твоего родителя мог бы ты утешать его своим присутствием, своею заботливостью и любовью…

— Ах! Не говорите!.. Не продолжайте, дядюшка!.. Я еду!.. Я еду сегодня… завтра… когда вам угодно! — восклицал Вольдемар, отирая слезы. — Я еду… только ради Бога, не ужасайте меня близкой кончиной моего батюшки!.. Я готов оставить *все*; но я исполню сыновнюю обязанность!..

Дядя прослезился сам; встал, обнял Вольдемара и прибавил тихим, дребезжащим голосом.

— Милый друг! Я умею оценить твою решимость; ты добрый и примерный сын: Бог видит твои слезы и наградит тебя за них.

В продолжение нескольких минут в комнате царствовало совершенное молчание.

Только тот, чье сердце было когда-нибудь согреваемо первою, чистою, возвышенною любовью, кого радовали сладкие надежды на счастие, кого лелеяли волшебный мечты о взаимности, — только тот может представить себе полную и верную картину борьбы, которая кипела тогда в душе Поэта… Он невольно содрогался при мысли, что ему должно будет не видаться с ненаглядною Лизою… Он напрягал все силы души и все не мог постигнуть, как он станет существовать без нее; как он не услышит ее очаровательного голоса, не увидит ее пленительного лица целые недели, месяцы, годы… не увидит, может быть, целую вечность… Целую вечность!.. Нет! Это невыносимо!..

Несколько раз порывался он взять назад свое слово, но в то же время священный голос природы твердил о другом.

Он напоминал ему неусыпные заботы отца о его младенчестве, нежную любовь к нему доброго старца; его великодушные пожертвования; его седины; близость гроба; этот потухающий взор умирающего, который в каком-то тягостном полузабытье будет искать кого-то и не найдет, кому передать последний взгляд любви; наконец, эту чуждую руку, которая равнодушно скрестит на оледеневшей груди иссохшие и недвижные руки… Такие картины будущего были ужасны!

В то же самое время юное, пылкое сердце его говорило ему: «Я буду всегда любить твою Лизу, но я не могу быть неблагодарным…». И он невольно уступал перед собственною благородною решимостью; он сжимал руку своего дяди; он плакал, как плачут те, у которых отнято все… Все, кроме жизни и способности чувствовать свои несчастия!.. Вдруг слезы его остановились; какая-то радостная мысль засветлела в его взорах и невольно проявилась в легкой улыбке.

— Дядюшка!.. Дядюшка!.. — воскликнул восторженный молодой человек. — Я нашел средство соединить и то, и другое; я могу ехать в Сибирь — и быть счастливым; мне стоит только жениться на ней. Вы сами ускорите мое блаженство: вы можете быть сватом… вы будете сватом… вы непременно должны быть моим сватом… Вы согласны?.. Не правда ли, дядюшка?.. Скажите одно слово: успокойте… обрадуйте… осчастливьте меня… У ваших ног я жду вашего ответа!

— Помилуй, мой друг!.. Встань! Успокойся!.. Расскажи мне путем, о ком ты говорил сейчас; что тут за сватовство, и кто такая та, которую ты любишь?.. Признаюсь, племянник, я ничего не понял из твоих восклицаний.

Добрый дядя грешил против совести, говоря таким образом; но он не хотел выставить Бельского в настоящем свете.

— Ах!.. И точно!.. Я вам не говорил об ней ни слова… Она… Но вы ее знаете, дядюшка… Это дочь Анны Ивановны Буклиной.

— Может ли это быть?.. Разве почтенная моя старая приятельница постоянно живет теперь в Петербурге?

— Она воспитывает здесь своих детей.

— Так вот что, любезный!.. Теперь я все понимаю, и если только эта малютка Лиза пошла по матери, так мне нисколько не удивительно, что она вскружила тебе голову… В прошлое время, когда мы, старики, были твоих лет, вся молодежь увивалась около милой Анны Ивановны… Бывало, братец, и я, несмотря на наше свойство…

— Но, дядюшка, скажите мне: угодно ли будет вам замолвить за меня несколько слов?

— Трудно!.. Очень трудно, любезный мой Владимир, отвечать тебе на этот решительный вопрос… Хорошо зная вашу братию молодых людей, я наперед предугадываю все твои возражения… Ты скажешь мне, что для вас довольно самих себя; что вы будете пренебрегать пустыми требованиями

светских приличий; что уединение и любовь составят ваше счастие; что ваши желания ограничатся куском черного хлеба и стаканом ключевой воды… Положим, так!.. Все это, мой друг, чрезвычайно хорошо, потому что умеренность есть краеугольный камень земного благополучия. Но что скажешь ты, не имея в виду ничего, кроме бедности, что ты скажешь о будущих своих детях, о воспитании этих детей?.. Что ты будешь говорить о беспрестанных лишениях, которым подвергнешь навсегда любимую и прекрасную девушку; невинных и близких сердцу своих малюток?.. Какими глазами посмотришь ты на добрую мать своей жены, если та будет страдать, видя в какой тяжелой нужде живет ее дочь?.. Прибавлю еще одно, и чуть ли не самое важное в настоящем случае: ты молод — но взгляни в зеркало!.. Посмотри на свое лицо: смотри, как изнурен ты физическими страданиями!.. Тебе надобна вольная, свободная жизнь, а не семейственные хлопоты; душевный покой и беззаботность, а не печальные картины недостатка и невольной печали.

— Но… позвольте, дядюшка…

— Знаю, знаю, о чем ты хочешь сказать!.. Верно, ты станешь уверять меня, что вы готовы пожертвовать всем друг для друга. Не сомневаюсь и в этом; но я спрошу у тебя, захочешь ли ты сам жениться на своей Лизе, будучи в таком жалком, расслабленном положении? Жениться для того, чтобы, может быть, вскоре оставить ее сиротою или, что еще хуже, чтобы передать своим детям это болезненное изнеможение, которое заставит их сожалеть о своем существовании и даже заронит в их душу страшный для тебя упрек… Что ты ответишь им тогда на это?

— Нет, дядюшка!.. Нет… Я не могу быть… Я не буду злодеем! Есть Существо, Которому все известно, Которое видит мое прямосердечие… Вот вам перед Его лицом моя рука, мое честное слово… Я оставляю *ее*… Да!.. Я оставляю ее навсегда!

— Зачем крайности, молодой человек?.. Зачем этот решительный приговор: *навсегда*?.. Что не годится нынче, то может быть очень хорошим через несколько времени. Я давно и коротко знаю Анну Ивановну, как женщину благоразумную, кроткую и благородную… Я уверен, что дочь ее имеет прекрасное нравственное образование и может составить счастие доброго человека; но она еще очень молода — ты тоже; повремени немного… Эй, послушайся старика, которого… извини мое повторение… которого слушались старики, когда он был еще молод! Между тем ты выздоровеешь, сделаешься поопытнее; привыкнешь к серьезному делу и, Бог даст, вступишь на такую дорогу, которая обеспечит твою будущность; а Лиза успеет научиться своим обязанностям, и тогда, если сердце ее не переменится… тогда совсем другое дело… Я сам тряхну менуэт на твоей веселой свадьбе!.. Полно же горевать, молодой человек!.. Обними-ка старика!

— Ах, дядюшка! Вы себе не можете представить, сколько я вынес в сегодняшнее утро!.. Какие ужасные перемены!.. Какие быстрые, решительные переходы от одного сильного чувства к другому: от отчаяния к светлым надеждам, от надежд — к мучительной горести!.. Но теперешнее мое душевное положение невыразимо: это не спокойствие, а какая-то унылая бездейственность, горький плод горькой необходимости… Дорого мне стоило убедить себя в невозможности настоящего счастия; но я вытерпел эту пытку и как будто закалился в ней… Мне кажется, что с этой минуты для меня будут чужды все посторонние впечатления… Я употреблю все мои труды, все мои способности, чтобы сблизить с собою мое грядущее счастие… Прелестное имя Лизы будет для меня волшебным Фаросом, к которому я пойду с постоянным терпением. Быть может, что судьба вознаградит меня за это!

— Люблю и хвалю твою рассудительность и твою благородную решимость, которую ты высказал так кудряво; впрочем, тебе будет не так трудно, как ты думаешь: страшен сон, да милостив Бог!

Вслед за тем дядя поговорил еще несколько о поездке, которую выставлял в самом лучшем виде, и сказал, что он никак не может ожидать ничего хорошего от службы племянника в Петербурге, и, наконец, переменяя исподволь щекотливый предмет разговора, свел к самым обыкновенным вещам.

— Ступай-ка прогуляйся перед обедом, да приезжай есть мою хлеб-соль; только, пожалуйста, пораньше: я уж сорок лет обедаю во втором часу.

— Я не заставлю вас дожидаться!

— Тем лучше!.. Потом я отдохну немного, а там, напившись чаю, отправимся вместе в театр.

— Ах, какая мысль, дядюшка!.. Как-то на днях, державши пари против Лизы, я проиграл ей билет в ложу бельэтажа; теперь будет очень кстати заплатить ей свой долг; это чрезвычайно ее обрадует: она так любит спектакли… Я не скажу об вас ни слова, когда буду отдавать билет, и наперед воображаю удивление Лизы и ее матери при встрече с вами в театре.

— Ну, хоть это и не совсем ловко, но сегодня ты можешь делать что тебе угодно: я очень рад, что тебя это занимает; к тому же и с Анной-то Ивановной я человек свой, и так короток и дружен, что нам нечего церемониться… Распорядись как вздумается: я на все согласен.

— Прощайте ж, дядюшка!

— Прощай, любезный мой племянник… до свидания!

— Пошел в театр!.. — закричал Вольдемар — и дрожки покатились…

Я не знаю, чего желает этот молодой человек [Брут];
но все, что он желает, —он желает пламенно.
Цезарь

Глава XV. Эдип в Афинах

Все действия человека так противоречат друг другу,
что нет возможности приписать их одному и тому же лицу...
Монтень

Трудно, почти невозможно пересказать, что думал Вольдемар и что он чувствовал или, наоборот, чего он не думал и чего он не чувствовал... В душе его была какая-то чудная смесь всего и ничего... Иногда, содрогаясь при одном воспоминании о данном слове, он хотел воротиться назад и сказать своему дяде, без всяких церемоний, что он не выедет из Петербурга ни за какие коврижки... Но между тем он безмолвствовал... Извозчик ехал вперед, а слезы все катились да катились из глаз Поэта.

То вдруг он как будто холодел ко всему; ничто окружающее не развлекало его внимания: оно устремлялось в какую-то мечтательную отдаленность; он задумывался... думал... думал...

— Что ж ты остановился, как вкопанный?

— Да ведь вы сами, сударь, приказали ехать к театру.

— Точно... Постой же здесь: я сейчас выйду.

Билет был взят и отвезен к Буклиным. Таким образом, намерение Смолянова не быть у них три дня уничтожилось само собою; но как же можно было знать утром, что этот старый дядя будет говорить такие чудные вещи? Я уверен, что всякий правоверный мусульманин, будучи на месте моего героя, непременно бы воскликнул: «Нет Бога, кроме Бога, а Мухаммед — Пророк Его!».

— Вы обедаете с нами? — спросила Вольдемара его названая тетинька.

— Извините меня!.. Я сегодня отозван.

— Итак, до вечера! Я тороплюсь кончить письмо.

Она ушла в свой кабинет; он тоже взялся было за рукоятку замка, чтобы идти в прихожую, только вдруг что-то беленькое мелькнуло из боковой комнаты, и прежде, нежели изумленный Поэт успел опомниться, — перед ним стояла его Лиза.

— Братец!.. Добрый мой братец!.. — пролепетала с непритворным участием эта милая малюточка. — Скажите мне, пожалуйста, отчего вы так скучны?

— Я скучен?.. Напротив!.. Это вам так кажется, сестрица!

— Сделайте милость, полноте притворяться!.. Вы меня не обманете: да и за что ж вам меня обманывать?.. Что я вам такое сделала?

— Уверяю вас, милая сестрица.

— Перестаньте, ради Бога!.. Посмотрите только, какие у вас заплаканные глаза... Скажите ж мне, братец, всю правду... Если я не успею развеселить вас, так, по крайней мере, поплачу вместе с вами.

— Милая Лиза!.. Ах, Боже мой!.. Извините меня!.. Простите мое невежество... Но вы так добры и сострадательны... А я так несчастлив!.. Сегодня некогда... Завтра вы узнаете все.

Надобно сказать правду, что этот коротенький разговор вполголоса, с таким патетическим окончанием, сделал большой переполох в сердцах братца и сестрицы.

«Он так несчастлив! — думала она, и алмазные слезки струились по ее розовым щекам... — Он так несчастлив! — грустно повторяла невинная девушка... — Бог с ним!.. Он меня не любит!.. Что бы ему сказать мне об этом прежде!.. Верно, он, бедненький, влюблен в кого-нибудь, и ему не отвечают любовью... Как мне его жалко!.. Может быть, я знакома с этою красавицею... О! Тогда бы я, верно, стала хвалить его перед нею!.. Я бы заставила ее полюбить моего доброго, моего милого братца!.. Не понимаю, отчего ж это мне казалось сперва, что он любит одну меня. Ах, я глупенькая!.. Глупенькая!.. Впрочем, не ошибаюсь ли я?.. Посмотрим, что-то он скажет мне завтра?.. Ведь обещался пересказать все... Ах! Если бы только я могла помочь ему!..».

Таковы были мысли этого прелестного создания... Она предавалась им в продолжение всего дня... То украдкой вздыхала и плакала; то алыми горящими устами она грела свой платок, прикладывала его к своим глазам, чтобы осушить слезы, — и снова вздыхала и плакала.

Наконец, пробило шесть часов. Для вечернего костюма выбрано было платье, которое, по словам милого и доброго братца, всех лучше шло ей к лицу; она даже пожертвовала модною прическою и убрала свою голову так, как убирала года с два тому назад.

«Пусть смеются надо мною те, у которых в запасе много смеха, — думала она, — зато эта уборка понравится моему миленькому братцу». Ударило семь — и Буклины отправились.

Совсем другое происходило в сердце Вольдемара.

Участие Лизы, ее ласки, эти выражения, которые так ясно обнаруживали ее любовь, — все это вместе сильно поколебало в нем его великодушное самоотвержение... Он думал, что для него, конечно, будут тяжелы несколько минут, в которые придется ему выслушать упреки своего дяди; но что значат эти несколько минут в сравнении с целою жизнью!.. К тому же он предполагал очень основательно, что в случае настойчивости со стороны Сашина ему стоит только решиться сказать на-

прямик этому старику, что он имеет от своего отца позволение ехать или не ехать и что в силу этого позволения он остается, не едет и не поедет! Такова была, по крайней мере, последняя его мысль, с которою он вступил в покои своего родственника.

Кроме двух закадычных своих друзей, он нашел там еще каких-то трех или четырех чиновников… Вскоре, после обыкновенной рекомендации, гости возобновили прежний разговор.

Вольдемар сел в угол и ничего не видел, ничего не слышал. Через полчаса кто-то сказал ему шепотом:

— Молодой человек!.. Не стыдно ли быть малодушным, как ребенок?.. (Это сильно кольнуло самолюбие Поэта.) Вижу, — продолжал тот же голос, — что ты начинаешь сбиваться с избранного тобою пути… Вижу, что ты хочешь изменить честному слову, данному перед лицом Неба… Вижу, что ты не хочешь слушать старика, которого…

— Не оканчивайте, дядюшка!.. Я вам повторяю мое слово: только не оканчивайте!

— Смотри же, милый друг, помни, что…

— Кушать готово! — сказал отрывисто длинновязый лакей в длиннополом сюртуке какого-то сомнительного цвета, и старик, которого, когда он был молод, слушали старики, не успел досказать, что именно следовало помнить молодому человеку.

Вкусный обед, приправленный хорошим вином, есть, по моему мнению, одна из самых счастливых и душеспасительных выдумок… Тут человек проявляется в полном его блеске, и кто всегда неловок, не шутлив или угрюм за столом, тот верно уж везде угрюм, не шутлив и неловок. Ободрительные взоры дяди, рассказы Арского и лесть другого коллежского секретаря развлекли понемногу Поэта, сколько можно было развлечь его в настоящем положении. Он даже улыбнулся, когда *восковый человек*, по своей привычке, стал беспрестанно ссылаться на свидетельство *маленького*, и когда *маленький* отвечал тем же, ссылаясь в случае нужды на *воскового*. Впрочем, это взаимное рукомытие он почитал одним только следствием их дружбы, единомыслия и одинаковости понятий.

Когда встали из-за стола, старик отправился отдыхать; гости отправились по домам, а Вольдемар отправился к своим благоприятелям.

— Что это вы так скучны, почтеннейший Владимир Николаевич? Неужто худые вести от молоденькой Буклиной?

— То-то и жалко, Василий Петрович, что напротив!.. Я теперь почти уже не сомневаюсь в ее любви и между тем должен быть несчастлив по стечению обстоятельств.

— Полноте шутить!.. Может ли это статься?.. Разве не затевает ли чего-нибудь Яков Афанасьевич?

— Да!.. Он взял с меня не только честное слово, но даже почти клятвенное обещание, что я непременно поеду в Сибирь.

— Ну, Иван Дмитриевич!.. Не говорил ли я тебе наперед, что этот старик, при всей своей доброте, верно, чем-нибудь повредит Владимиру Николаевичу… А?

— От того-то я и не соглашался с тобою, что он очень добр… Кто ж бы мог это предвидеть?.. Однако ж, покуда расскажите-ка нам поподробнее все дело; очень может быть, что еще как-нибудь удастся и поправить, особливо с вашим умом.

Вольдемар передал им почти от слова до слова весь утренний разговор с дядею.

— Вы извините меня, Владимир Николаевич, — сказал, наконец, Арский, — а ваш дядюшка очень странен по своим мнениям, которые пахнут прошедшим веком. Для меня чрезвычайно забавны его уверения, что никак нельзя в одно время и любить пламенно, и служить ревностно… Не знаю, как это вы оплошали, а я бы, признаюсь, ни за что бы не поддался этому старику, которого когда-то слушали старики.

— Но я не устоял, стало быть, дело кончено; теперь надобно подумать о том, нельзя ли его переделать… Не приищете ли вы, господа, каких-нибудь средств?

— По-моему, — сказал *восковый*, — вы должны покориться обстоятельствам… Как быть, Владимир Николаевич!.. Плетью обуха не перешибешь… Яков Афанасьевич может выставить ваше благородное упорство с самой дурной стороны перед вашим батюшкой, и, вот хоть спросите у Ивана Дмитриевича, это может навлечь вам большие неприятности.

— Поэтому нет никакой надежды?

— Почти что так!.. Впрочем, мы похлопочем и завтра же поговорим о вас с дядюшкою… Авось либо и уломаем его!

— Сделайте милость! Обяжите меня… Я никогда не позабуду этой услуги, и будьте уверены, что благодарность моя…

— Полноте, пожалуйста, говорить о своей благодарности! Нам нужна только одна ваша дружба! — сказал *маленький* и не преминул при сей верной оказии сослаться на своего товарища.

Говорить ли, что эти друзья отправились вместе с Вольдемаром в театр, когда они узнали, что там будет и Лиза. Такое любопытство слишком естественно!

Легко может быть, что некоторые из моих читателей, или кто-нибудь один из них, или, наконец, все захотят узнать, почему Арский и Бельский так усердно старались выжить из Петербурга

молодого Смолянова?.. В таком случае я буду отвечать некоторым, или кому-нибудь одному, или всем вообще, что они оба служили под начальством его отца, стало быть, хотели выслуживаться… Разумеется, что привезя с собою Вольдемара, они бы постарались выставить свои небывалые подвиги чрезвычайно рельефно… Разумеется, они сказали бы, что неопытный человек был завлечен, что он стоял на краю пропасти, что он даже упал в нее и что, наконец, если бы (чего Боже сохрани!) они не подоспели бы на помощь, тогда не видать бы ему своего сына, как собственных ушей!.. А все это, господа, такие вещи, которыми даже у самых холодных людей можно выторговать самое теплое местечко.

Свидание со старым другом дома, совершенно неожиданное для Буклиных, было очень интересно… Анна Ивановна протирала себе глаза; Лиза повеселела на несколько минут: они обе пеняли Вольдемару, что он не порадовал их прежде…

Не знаю, правда ли, но мне говорили, впрочем, самые верные люди, что мастерское представление превосходного Эдипа, которого давали в тот вечер, было совершенно потеряно для наших общих знакомых… Только один Василий Егорович смотрел в оба глаза и не проронил ни полслова; а старики и молодые слишком были заняты друг другом, чтобы обращать внимание на что-нибудь другое. Однако ж, чуть ли не придется сделать небольшого исключения для почтеннейшего дядюшки… Не понимаю, как успевал он, подражая Цезарю, заниматься вдруг тремя очень важными вещами: следить за ходом трагедии, беседовать с Анной Ивановной и чрезвычайно наблюдательно присматривать за юными страдальцами, которые между тем очень усердно менялись самыми пламенными взглядами… Но этого мало!.. Он даже успел скинуть долой с костей десятка три или четыре полновесных лет, и, надобно отдать справедливость его беспристрастию, — он сознался, что, будучи на месте племянника, трудно, почти невозможно не влюбиться по уши в такую живую, румяную, чудную брюнеточку, какова была Лиза.

При разъезде, когда Вольдемар упивался блаженством, ведя под руку и поддерживая в тесноте свою миленькую сестрицу, когда его сердце, обманутое софизмами страсти, начинало громко говорить ему отрадное для него слово: *останься*… в это самое мгновение неумолимый дядя подошел к нему с другой стороны, сжал ему руку и спросил выразительно: «Нравится ли тебе, мой друг, эта дочь, эта кроткая Антигона, которая не оставила своего дряхлого старика?».

Бедный юноша не отвечал ни слова; но его обдало гробовым холодом… Он задрожал, побледнел и, как испуганный привидением, отскочил от своей прелестной Лизы.

«Братец!» — сказала она вполголоса — но он был уже далеко… Около нее толпились незнакомые лица, и ей показалось, что все в мире оставили ее беспомощной сироткой…

Но, милостивые государыни и милостивые государи, не довольно ли для вас на сегодняшний вечер этих пятнадцати глав?.. Надобно сказать, что я такой человек, который знает честь и совесть, и потому я чрезвычайно боюсь, чтобы как-нибудь не наскучить вам… Может быть… Простите моему авторскому самолюбию!.. Может быть, иные скажут мне: «Помилуйте!.. Нам очень приятно!», — но я все-таки не увлекусь от их учтивости, положу свое перо в чернильницу, пойду ужинать и, наконец, пожелаю всем вам хорошего аппетита и приятной ночи: чем и кончится на этот раз вся история.

Большая книга есть большое зло.
Каллимах П.Г.

Конец первой части

Часть вторая

Глава XVI. Я поеду!.. Нет!.. Я не поеду!..

Будучи испорчены, мы едва можем уверить себя,
чтобы сия простота, столь естественная, могла быть возможною…
Фенелон

Какая ночь!.. Какая ужасная, мучительная ночь!.. Подкрадемся тихонько к этому окошку… Не бойтесь! На дворе страшная темнеть, и нас не увидят… Приподымемся немного и посмотрим во внутренность комнаты из-за этой сторы, которую позабыли опустить.

Золотая икона горит от сияния лампады… Вы верно не улыбнетесь: вы знаете, как непростительна будет эта улыбка над священным порывом чистой и невинной души, над безотчетною, но глубокою горестию.

Взгляните же на этот ковер, разостланный по полу… Видите ли вы на нем эту прелестную девушку, стоящую на коленях?..

Длинные, лоснящиеся волосы очаровательно раскинулись в крупных кольцах по ее прекрасным плечикам, по ее белой, обнаженной груди… И эта грудь волнуется… и эти руки крепко сжались на ней… и эти умоляющие взоры устремлены на икону… и эти маленькие уста детски лепечут какую-то молитву…

Нет! вы не будете смеяться над бедною Лизой!.. Горесть ее отзовется у вас на сердце.

Но что ж делает ее *милый братец*?

Приехавши домой, он бросился не раздевавшись в свою постелю — и не выронил ни одной слезы, не произнес ни одного слова… Он лежал неподвижно, не понимая, ни где он, ни что он… Только одно кипящее и расстроенное воображение рисовало перед ним какие-то неясные фантасмагорические картины; но он смотрел на них, как человек, занятый чем-нибудь важным, как человек, углубленный в самого себя, смотрит на предметы, его окружающие, и видит их очерки, будто бы колеблющиеся в тумане…

Являлася ли перед ним его Лиза; звала ли она его с любовью в свои невинные объятия или, обливаясь слезами, прощалася с ним и, как тень, исчезала в непонятном туске; видел ли он бедствующего Эдипа с его Антигоною или слышал укоризненный голос дяди: он был одинаково молчалив, одинаково ко всему равнодушен, и казалось, что, бледный, с раскрытыми глазами, он каждую минуту готов был перейти от бесчувствия временного к вечной бесчувственности.

Однако ж природа сберегла его: он уснул; но слова: *Поеду!.. Поеду непременно!* — были первыми при его болезненном пробуждении… Это было неизбежным следствием всего случившегося. Едкий вопрос дяди, сказанный накануне, проникнул всю его душу, сильно потряс ее и безжалостно уничтожил в ней собою светлую зарю обольстительных надежд… Убитый печалью, он не ожидал уже никакой помощи ни от *верных* своих друзей, ни от кого на свете… Он думал, что ему остается только сходить к Лизе, пересказать ей *все* и навсегда проститься с нею: *навсегда* потому, что он никак не предполагал пережить разлуки.

Предугадывая всю опасность свидания с прелестною сестрицею, он вооружился всем своим мужеством и довольно бодро отправился к Буклиным.

Анны Ивановны не было дома. Лиза сидела одна в гостиной за какою-то работою, только, не знаю почему, эта работа ни на волос не подвигалась вперед… Лизаньке непременно было надобно посматривать зачем-то в окно и беспрестанно оборачиваться к дверям, чуть только кто-нибудь отворял их… Наконец она бросила свое шитье, быстро побежала в залу и встретила своего братца довольно странным и чрезвычайно торопливым выражением:

— Говорите!.. Говорите поскорее!.. Время очень дорого!

Она схватила руку Вольдемара и потащила его в гостиную.

— Скажите же мне о вашем несчастии… Я думала об этом целый вечер и целую ночь и придумала только одно, что вы верно должны быть очень влюблены в кого-нибудь.

— Вы отгадали, сестрица… Я люблю страстно, пламенно, люблю так, как только может любить человек…

— И кто ж та, которая очаровала вас? — спросила Лиза дрожащим голоском и потупляя свои глазки.

— Кого же мне любить, кроме вас?.. Я живу… я дышу вами.

— Как?.. Неужели вы меня любите?.. И будто только одну меня?

— Одну вас — и больше никого на свете!

— Боже мой!.. Как я рада!.. Как я счастлива!..

Она не могла сказать ничего более: Вольдемар держал ее в своих объятиях; уста их слились; радостные слезы смешались на их щеках, сердца замерли от восторга, и небо было свидетелем их духовного союза.

Раз в целую жизнь — и не более, даются нам подобные мгновения, но зато как они сладостны!.. Тут, несмотря на пыл объятий, нет ничего земного… Тут душа погружается в какое-то небесное самозабвение… Тут нет пола… тут сливаются одни возвышенные чувства и два сердца гармонически отвечают друг другу на каждое биение… Тут в один прием вливаем мы в себя драгоценное питье из какого-то очаровательного сосуда, и уже никогда до гроба никакая невидимая рука не подаст нам снова этого волшебного кубка; но и под холодом седин отрадно, усладительно будет воспоминать былое… Тут последний предел наших восторгов: еще одна лишняя капля — человек уничтожился бы от избытка наслаждения: так много небесного было бы невыносимо для земного.

После первых, дивных *соприкосновений* Лизанька принялась опять за расспросы и наконец узнала это печальное *все*, эту загадку несчастия, которую она так нетерпеливо хотела отгадать.

— Что я сделала твоему дядюшке?.. — сказала она тоскливо. — Бог с ним!.. И ты дал ему слово?

— Дал, милая Лиза!.. Я не знаю сам, как оно сорвалось у меня с языка…

— И ты оставишь меня, мой добрый братец?

— Боже мой!.. Как ужасно мое положение!.. Я не хочу тебя обманывать: кажется, все восстало против бедного твоего друга; но скажи мне, если судьба разлучит меня с тобою на несколько времени, не позабудешь ли ты своего братца, не выйдешь ли ты за кого-нибудь другого?

— Никогда!.. Никогда!.. И пусть этот поцелуй будет залогом моей вечной любви.

— Ах, как много облегчила ты мои страдания!.. Теперь я дышу свободнее, и когда бы не эта разлука…

— Но разве нельзя тебе оставаться здесь?.. Если мы еще очень молоды для супружества, мы можем подождать, сколько будет угодно твоему дядюшке… О! Я согласна дожидаться хоть до самой старости, только вместе с тобою!.. Милый, добрый мой братец! Умоляю тебя моими слезами, не покидай меня здесь: иначе я умру от тоски.

Она зарыдала и бросилась в его объятия… Все закипело в груди Вольдемара.

— Нет! Я не могу тебя оставить! — воскликнул он; еще раз прижал ее к своему сердцу, стремглав выбежал из дому и, вскочивши на первые наемные дрожки, повторял беспрестанно вслух: *Никак не поеду… Никогда не поеду*!.. *Ни за что не поеду*!

Извозчик оборотился, посмотрел на него с сардонической улыбкой и спросил, пожимая плечами:

— Да куда ж, барин, прикажите вас везти?

— Разумеется, к дядюшке! — закричал Поэт; но немного погодя опомнился и рассказал все толком.

Это наконец убедило ямщика, что его седок не совершенно еще сумасшедший, но что на него находит только часами.

Если ты утверждаешь, что подобное состояние
слишком похоже на глупость, то я вполне
разделяю твое мнение, милая сестра!
Виланд

Глава XVII. Две нечаянности

При виде таких быстрых и неожиданных
перемен мы сделались на несколько
времени неподвижны и безгласны.
Бартелеми

Входя в кабинет дяди, Вольдемар ожидал жестокой бури — и обманулся.

— Что скажешь ты нового твоему старику?.. Ты что-то, братец, чрезвычайно в большом переполохе?

— Дядюшка… Я приехал…

— Ну, племянник, я очень рад.

— Я приехал, дядюшка, сказать вам решительно, что я не могу ехать; что это выше сил моих и что слово, которое я вам дал, было сказано мною в какой-то горячке.

— Жалею об тебе, любезный мой друг, но пословица говорит: вольному воля, спасенному рай!.. Если не хочешь слушать моих советов, так делай что тебе угодно.

Тут дядя встал и начал ходить потихоньку из угла в угол. Потом, как будто ничего не бывало, он, чем дальше, тем ласковее, стал говорить о разных посторонних предметах и даже шутил гораздо более обыкновенного.

У Вольдемара отлегло на сердце: он видел, что страх его был напрасен, что туча пронеслася мимо и что заря блаженства разгорается для него гораздо ярче прежнего.

Мои читатели, конечно, поверят мне, что ему очень хотелось обрадовать такою внезапною, неожиданною переменою свою миленькую сестреночку; но приличие удерживало его у *снисходительного* дяди, и тем более что тот завел речь о собственных своих делах.

— Все как-то не ладится у меня, любезный Владимир! Мой поверенный пишет ко мне, что он не может мне выслать денег раньше недели, а мне теперь-то в них и крайняя нужда… Нет спора, что я бы мог и занять на это время, но я, брат, не очень люблю эти займы.

— Помилуйте, дядюшка! Да у меня есть теперь около тысячи четырехсот рублей, и на этакое короткое время, мне очень можно и чрезвычайно приятно служить вам.

— А что? И в самом деле!.. Ну-ка! Раскошеливайся, племянник!.. Спасибо, что надоумил!.. Вот пришлось же и тебе поклониться.

Простодушный Поэт, оставив себе какую-то безделицу из мелочи, отдал Сашину весь свой капитал и был очень рад, что сделал удовольствие старику… Немного погодя он стал прощаться с дядей, почитая себя некоторым образом вправе быть несколько посвободнее.

Статься может, что вы, господа читающие, и упрекнете его за это, но вам стоит только взглянуть вокруг себя и то же самое вы увидите во всех и в каждом.

Почти всякий, кто только делает хотя небольшое одолжение другому, смотрит на свои великодушные поступки слишком в увеличительное стекло, а принимающий это одолжение видит все как-то навыворот. Пожалуй, вы станете спорить со мною, вы начтете мне тысячи исключений… Согласен, господа!.. Очень согласен! Но люди прямодушны и правосудны по большой части до поры и до времени… Поссорьте одолжающего с одолженным, и вы увидите, что заговорят они.

«Какой низкий человек, этот господин А.А.! — воскликнет первый из них. — Чем он платит мне за все мои благодеяния» и т.д. Второй в свою очередь будет беспрестанно твердить своим знакомым: «Смотри пожалуй, как зазнался этот господин Б.Б. Раз как-то замолвил за меня одно слово, да уж и думает, что я должен быть вечно его всепокорнейшим слугою!» и прочее и прочее.

Я не стану входить в разбор, кто из них прав, кто виноват: может быть, все благодеяния первого состояли в каком-нибудь ласковом взгляде, которым он удостоил господина А.А.; статочное дело и то, что слово, которое замолвил когда-то господин Б.Б., спасло жизнь или честь второго крикуна; но я все-таки повторю, что мне, на моем веку, часто и очень часто случалось слышать подобные речи… Конечно, видывал я людей и молчаливых на этот счет; но спрашивается, сколько их в десяти тысячах? Первой, другой, да и обчелся!

Впрочем, как бы то ни было, но я знаю очень верно, что, отдавши деньги, Вольдемар раскланялся с дядею и полетел — разумеется, к Лизе, потому что он недаром же сказал ей поутру, что он любит ее страстно, пламенно, что он любит только ее одну и больше не любит никого на свете.

Остаток этого дня и весь следующий Поэт провел почти безвыходно у Буклиных. И братец, и сестрица были детски веселы… Счастливцы не могли наговориться и, что очень странно, никак не могли наслушаться, хотя, если сказать правду, они беспрестанно повторяли одно и то же, и ежеминутно спорили только о том, кто кого больше любит. Зная, как догадливы все прелестные мои читательницы, я не стану предупреждать их, что все эти повторения и споры велися вполголоса, и то когда наши молодые герои оставались сам-друг. Такая осторожность, будучи похвальна сама по себе, хороша еще и тем, что увеличивает собою ценность кое-каких самых невинных наслаждений… Например, не правда ли, что всегдашнее *ты* не имеет почти никакой приятности; но *ты*, услышанное от прелестной и любимой девушки не только до брака, но даже и прежде сватовства… О!.. Этакое *ты* невыразимо усладительно!.. Возьмите опять поцелуй… Конечно, поцеловаться никогда не дурно, если есть охота; да сами посудите, какая же разница между поцелуем позволенным и тем, который делается в каком-нибудь темном коридоре, когда всякий скрип двери отдается в душе?.. Правда, иногда подобные штуки и не проходят даром: случается, что в маскараде на беленьком и хорошеньком личике отпечатаются нафабренные усики; случается, что тут явится откуда-нибудь троюродная тетушка… но тем-то это все и дорого!.. Или, неужели вы почтете за безделицу, когда, сидя лицом к лицу с осторожною маминькой, с небаловницей бабушкой или с кем-нибудь подобным, нечаянно встретишь под столом своею рукою знакомую рисовальную ручку, сожмешь ее, получишь в ответ самое лакомое пожатие и, таким образом, мастерски надуешь и осторожную маминьку, и небаловницу бабушку… Все это чрезвычайно важные вещи, милостивые государыни, и кто не испытал их, тот не испытал еще очень многого!

Сама Анна Ивановна не могла наглядеться на свою Лизаньку: так была она жива и мила. Представьте же себе, какими высочайшими восторгами должен был упиваться влюбленный Поэт… Его маленькая сестрица казалась ему еще прелестнее, и все, что она ни делала, он почитал чудом совершенства… Начинала ли она петь — и он почитал ее примадонной всего подлунного мира; садилась ли она за фортепьяно — и он готов был божиться, что ее музыкальное искусство, вероятно, должно быть несравненно выше искусства знаменитого Алфараби, который лет с девятьсот или с тысячу тому назад очаровательными звуками своей лютни тешил Его Величество Сейфеддулета, султана Сирии, заставивши его своею игрою сперва поплакать, потом посмеяться и наконец уснуть.

Счастие приветно улыбалось молодому человеку: весело встал он утром на третий день своей новой жизни, исполненной настоящих наслаждений и надежд на будущее… Располагаясь писать решительный ответ к своему отцу, он достал почтовую бумагу; очинил перо, сел; начал, как следует, собираться с мыслями, — вдруг двери его комнаты растворились, и он увидел перед собою незнакомого человека.

— Кого вам угодно? — спросил он вставая.

— Позвольте узнать, не вы ли Владимир Николаевич Смолянов?

— К вашим услугам!

— Я прислан к вам от вашего дядюшки с этим письмом.

— Извините же меня, что я прочту его при вас; но садитесь, сделайте милость.

Вольдемар распечатал письмо. Медленно прочел первую строчку, скорее — другую, остальное пробежал глазами с быстротою молнии и за тем только вскочил со стула, чтобы упасть без чувств на пол.

— Воды!.. Воды!.. — закричал незнакомец — и в маленьком доме поднялась суматоха… Прочтем покуда письмо: от нас нет секретов; к тому же и в нем, верно, есть какая-нибудь любопытная особенность, потому что от вещей обыкновенных не падают в обморок люди необыкновенные, каковы Поэты.

«Любезный племянник!

Я брат твоей покойной матери и друг твоего отца… Мне должно было позаботиться о твоей участи. Я начал советами — и не имел успеха, хотя, когда я был еще молод, меня слушивали и старики; извини же, что я нашелся вынужденным прибегнуть совершенно к другим средствам.

Знаю, что ты будешь на меня сердиться, но зато после, верно, и сам скажешь мне спасибо. Сперва узнай хотя немного свет — и потом женись на ком хочешь; теперь же, по моему мнению, которое совершенно согласно с мнением твоего отца, тебе необходимо съездить наперед в Сибирь и послужить там; иначе излишнею мягкостью своего сердца, своею неопытностию и своим легковерием ты погубишь и себя и свою Лизу… Деньги, данные мне тобою и совершенно мне не нужные, возвратит тебе все сполна по приезде твоем к отцу податель сего письма чиновник Захар Алексеевич Винтов, который проводит тебя до самого места… Призови на помощь все свое благоразумие; не предавайся горести и не хлопочи понапрасну переделать то, что мною уже сделано… Ты сегодня же убедишься в невозможности оставаться здесь… Я расчелся с твоим портным, о котором ты как-то говорил мне. Платье и все нужное для дороги уложено в чемодан Винтова: он человек преданный мне, и ты можешь быть спокоен относительно твоей поездки… Прощай же!.. Отправляйся с Богом!.. Желаю тебе здоровья и счастливого пути. Кланяйся от меня своему отцу. Остаюсь истинно любящий тебя дядя

Яков Сашин».

Все изгладилось… все исчезло…
нить моих мыслей порвалась…
я перестал чувствовать свое существование.
Бюффон

Глава XVIII. Удачные посещения

На бедного Макара и шишки валятся.
Русская поговорка

Опомнившись, Вольдемар стал придумывать, на что бы ему решиться; наконец он схватил шляпу и, позабывши безмолвного Винтова, дядю и все на свете — бросился к Буклиным.

— Господ нет дома! — сказал ему человек, который сидел внизу, у растворенного окна.

— Но я могу подождать их!

— Они, сударь, уехали к знакомым на дачу и, кажется, прогостят там два или три дня. Так изволила сказать барыня.

Сильно сжалось сердце Поэта, однако ж делать было нечего, и он отправился к генералу Путову… Этот почтенный приятель его отца улыбнулся немного, когда он взошел в его кабинет:

— А!.. Здравствуй, мой милый!.. Что?.. Верно ты пришел проститься со мною?

— Напротив, ваше превосходительство!.. Я хотел было беспокоить вас просьбою о месте, которое вы изволили мне обещать.

— Опоздал, любезный!.. Вчера я отдал его другому и теперь не предвижу скорой вакансии… Я бы советовал тебе ехать поскорее к отцу, чем тратить здесь время на какие-нибудь пустяки… Прощай!.. Извини меня… Мне некогда!

Этим кончилось свидание с Путовым, но у моего героя оставалась еще одна надежда… Может быть, думал он, этот хохотун Сурдинский успел уж теперь посмотреть, увидеть и убедиться, что я точно тот, за кого выдаю себя, и если только мне удастся выручить у него деньги, тогда пятьсот дядей не выживут меня из Петербурга.

Едва растворил он двери в кабинет, и громогласное «х-ха-ха-ха!» разлилось в перекатах по огромным комнатам.

— Мое почтение, батюшка Владимир Николаевич!.. Мое нижайшее почтение… х-ха-ха-ха!.. Что изволите сказать новенького?.. Х-ха-ха-ха!..

— Ничего особенного, почтеннейший Андрей Яковлевич; но мне хотелось бы возобновить свою просьбу о деньгах, в случае вашей уверенности, что я точно сын Николая Ивановича Смолянова.

— Да как же иначе-то, мой любезнейший?.. Х-ха-ха-ха!.. Что ж мы, батюшка, за люди, чтобы не быть в этом уверену?.. Х-ха-ха-ха!.. Вчера посетил нас ваш почтеннейший дядюшка и сказал, что вы, любезнейший, точно вы, и чтоб я не давал вам ни гроша, мой почтеннейший… Х-ха-ха-ха!.. Как же нам не поверить, прости Господи? Х-ха-ха-ха!

— Итак вы отказываете мне решительно?

— Решительно, мой любезнейший! Х-ха-ха-ха!

— Прощайте же, милостивый государь!.. Я знаю, что никакие просьбы мои не тронут вас и что вы не захотите сделать доброго дела, одолжив меня.

— Х-ха-ха-ха! Точно не тронут и точно не захочу, мой почтеннейший!.. Х-ха-ха-ха!.. Приходите-ка ко мне почаще обедать… Я рад этаким гостям… Х-ха-ха-ха!

Надобно было иметь всю кротость Вольдемара, чтобы хладнокровно выдержать подобный прием, чтобы уйти от этого Сурдинского без истории и не заткнуть ему хохотливого рта носовым платком. Но бедному молодому человеку было не до ссоры.

Возвратясь домой, он нашел *преданного* Винтова на том же самом стуле, на котором он его оставил. Печальное лицо Никиты Петровича досказало ему остальное, то есть, что ему непременно должно ехать, потому что дядя, который был накануне у Путова и Сурдинского и который в настоящее утро успел уже навестить Буклиных и открыть ей и свои намерения, и свои опасения, этот неумолимый дядя просил письмом и Хворостова, чтобы он также споспешествовал со своей стороны его родственным заботам о счастии племянника.

Надобно было покориться обстоятельствам, и тем более, что отказы Путова и Сурдинского, как людей самых надежнейших, истребили в голове Поэта даже самую мысль о возможности промыслить где-нибудь деньги.

«Я еду! — воскликнул наконец Вольдемар торжественным голосом. — Но он будет отвечать за все мои несчастия!».

Винтов, которому было сдано все маленькое имущество Поэта, собрался ехать на свою квартиру и *осмелился доложить*, что в шестом часу после обеда он будет ожидать Владимира Николаевича на Неве, в лодке, которая нанята до самой Казани; так, *дескать,* угодно было распорядиться дядюшке, чтобы тряска почтовой езды не повредила бы слабому здоровью племянника… Мне кажется, впрочем, что тут входили в расчет и меры против внезапного бегства.

Последний обед в Петербурге был очень скучен… Добрый Зоров, который приехал случайно и которому, однако ж, все было пересказано, утешал, сколько мог, своего грустного пациента и наконец прибавил: «Я не имею чести знать вашего дядюшки, но у него непременно должен быть глубокий вертикальный разрез между бровями, а это, по свидетельству Роберта Младшего и других ученых, значит рассудительность и дальновидность… Не скрою от вас, что мне бы очень хотелось ощупать его череп для поверки доктора Галля, с которым, говоря по совести, я не согласен во многом: я желал бы знать, есть ли у почтеннейшего Якова Афанасьевича шишки упрямства и стойкости характера. После сегодняшних его поступков, я предполагаю решительно, что в нем должны быть эти качества… Такое наблюдение было бы чрезвычайно полезно для мудрой науки физиономистов и черепословов».

Мне очень жаль, что я никак не могу сообщить моим читателям ответ Вольдемара, потому что он ничего не отвечал.

В исходе пятого часа прикатили к Вольдемару два *грустных* и *растроганных* друга. В пять часов все вместе поехали провожать его. В шесть обнялись с ним. В половине седьмого канат был отвязан, лодка тронулась и веслы стали рассекать, пенить и крутить воду… Вольдемар ответил несколько раз на поклоны своих знакомых; бросил прощальный взгляд на исчезающий Петербург; с грустным, протяжным вздохом послал к милой своей Лизе тысячу поцелуев и объятий; лег в приготовленный для него наскоро маленький шалашик — и горько, горько заплакал…

Чрез час смолкнул в отдалении невнятный гул шумного города; лодка шла на парусе; все стихло — и только мелкие, вспененные струи однообразно журчали около борта, расходяся за кормою двумя серебряными ленточками.

Я не скажу никому из любопытствующих, что делала в это время бедная Лиза: всему есть свое время и место… Это впрочем никому не мешает согласиться со мною, что, воспоминая о своем брате, она очень основательно могла сказать: *он был и сплыл*.

Прощай, Франция!..
Прощай, прелестная страна!..
Прощайте, мои прекрасные дни!..
Мария Стюарт

Глава XIX. Сюртук с бархатными отворотами

За неимением гвоздя — теряется подкова;
за неимением подковы — теряется лошадь;
за неимением лошади — погибает всадник:
его настигнет и убьет неприятель.
Франклин

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, и это *заведение*, говоря вообще, нравится мне чрезвычайно. Такой закон порядка вещей доставляет две бесценные выгоды: всякий может гораздо больше пересказать и переслушать сказок и гораздо меньше сделать дела… И что же вышло бы, если бы эта присказка должна была говориться навыворот?.. Люди переделали бы все свои дела в какие-нибудь пять или, много-много, в десять лет, а потом и сели бы, поджавши руки… Я уж и не говорю о бедных охотницах или охотниках до пересказов… Судите, каково было бы их несчастное положение: происшествий тьма-тьмущая, а перо и язык еле-еле ворочаются… Да это не жизнь — а просто божеское наказание!.. И как бы опять наскучивали всем наши братья писатели, особенно такие, как я,

грешный, который лучше всего знает, как в жарком деле отмахнуть одним мастерским ударом чью-нибудь ненужную голову; как поднять лошадь в длинный галоп — и далее… Но теперь — теперь совсем другая статья!.. В двадцати или в тридцати строчках я могу передать и ясно и удовлетворительно все, что только мне известно о путешествии моего героя из Петербурга в Сибирь.

Например, от столицы до Мологи он обливался слезами; от Мологи до Нижнего — он плакал; от Нижнего до Казани — он грустил очень; от Казани до Перми — он грустил, да не очень; от Перми до Екатеринбурга он был уныл и безмолвен, а в Екатеринбурге он даже улыбнулся, будучи у некоторых знакомых своего отца: там, между прочим, чрезвычайно понравился ему некий муж глубокой учености, удивительной правоты и примерного нелицеприятия, который рассказывал простодушно, что он пользуется хорошим состоянием по милости покойного своего деда, бывшего *Дотр-Метелем* при дворе императрицы Екатерины; что *батаника* есть наука чрезвычайно полезная для торговли и что мы, русские, за ее введение обязаны блаженной памяти императору Петру Великому, который не погнушался своими державными руками построить первый *бот*.

Приобщив сии редкие сведения к прочим таковым же, Вольдемар отправился далее, и чем ближе подвигался он к цели своего путешествия, тем сноснее была его безмолвная печаль.

Впрочем, никто из читателей моих не должен заключать поэтому, чтобы беспредельная любовь Поэта подчинялася тройному обратному правилу, то есть будто бы чем более он удалялся от Лизы, тем менее любил ее… Напротив, господа!.. Но он был добрый сын и добрый брат, и мечты о близком свидании с родными невольно облегчали его грусть.

Углубясь в безотчетные думы о своих сердечных обстоятельствах, Вольдемар летел на почтовых… Сибирские ямщики не кормят соловья баснями; они не распевают на козлах никаких песен, это как водится у нас в России; зато уж как покатывают — только держись!.. Проехать триста верст в сутки все равно, что купить калач.

Дорожный товарищ Вольдемара, чиновник Захар Алексеевич Винтов, был услужлив, почтителен, исправен и точен, как немец, как математик, как хороший переписчик или, если вам угодно — как Природа. Он расплачивался на станциях; бранился, в случае нужды, с мужиками; чрезвычайно хлопотал о продовольствии; принимал через каждые два часа по стаканчику какого-то целебного настоя, от которого, впрочем, сильно припахивало простым винцом; через каждые два часа предлагал своему спутнику: «Не благоугодно ли и вам укрепить свой желудок?..», — а во время самой езды спал без просыпа от утра до вечера и от вечера до утра.

Конечно, от такого человека нельзя было ни ожидать, ни требовать большого развлечения, но зато иногда систематический Винтов одолжал чем-нибудь за целую неделю молчания.

Например, раз как-то Вольдемар увидел, что, при самом восхождении солнца, его спутник был уже сильно *восторжен*. Принимая в нем участие, молодой человек сказал ему:

— Помилуйте, Захар Алексеевич, как это вы не бережете своего здоровья?

— Позвольте спросить, в каком именно отношении?

— Да хоть бы в отношении к вину… Посмотрите, утро только что начинается, а вы уж препорядочно веселы, мой любезный!

— Эх! Владимир Николаевич!.. Куда как вы неопытны, как посмотрю я на вас!.. Разве вы не изволите знать поучительного старинного присловья, что ранняя птичка — носок прочищает, а поздняя птичка — *носок прочищает*?

Вольдемар захохотал над этим дубликатом прочищения носов, а Винтов посмотрел на него с улыбкою самодовольствия, как на человека побежденного, покачал значительно головою, потом значительно покачнулся, обнял подушку — и захрапел… Это не мешало ему, однако ж, толкать спросонья ямщика и приговаривать: «Ну!.. Ты!.. Пошевеливай!..». Иногда, для большого убеждения, он прибавлял кое-какие очень сильные и резкие фразы, и потом нос его начинал опять разыгрывать свои рулады, до первой перемены и до нового приема.

Однажды, в прекрасный день июня, когда солнце начало уже спускаться за горы, перед нашими путешественниками открылся мало-помалу прекрасный вид города Т……. Большая широкая река, расстилаясь у его подножия, красовалась своими пышными островами… Вечер был прелестен… Сердце молодого Поэта билось от нетерпения и радости, когда, переправившись через реку, он сел в последний раз в повозку… Ямщик подвязал у заставы язычок колокольца, вскочил на козлы, свистнул по всем по трем — и лошади, как вихрь, взвилися на гору.

«Направо!.. Сдерживай!.. В ворота налево!..» — кричал проснувшийся Винтов — и повозка остановилась перед крыльцом, и Вольдемар переходил уже из объятий своего отца в объятия сестры.

Разумеется, что с обеих сторон не могли нарадоваться, не могли наглядеться, и это очень естественно, потому что всякому свое и не мытое — бело; разумеется, что три четверти бесчисленных вопросов остались без ответа и что, ложась в тот день спать, никто из действующих в этой семейственной сцене не мог дать себе почти никакого отчета ни о том, что он слышал, ни о том, что он говорил: так были полны сердечные излияния. Старик Смолянов даже занемог с радости и не прочел в тот день письма, которое привез ему Захар Алексеевич от Якова Афанасьевича.

Но оставим покуда это письмо и перейдем к одному мелочному случаю, который удивительно как важен по своим последствиям.

Вы узнали из эпиграфа этой главы, каким образом может погибнуть всадник только потому, что лошадь худо подкована. Остроумное выражение Франклина чрезвычайно хорошо показывает, что для полного успеха в каком бы то ни было предприятии нам непременно должно обращать свое внимание даже на самые безделицы, затем что иная безделица может наделать очень много дела… Все это и благоразумно, и осторожно, но скажите, кому же придет в голову подумать, что сюртук с бархатными отворотами может иметь влияние на участь честного человека, особенно Поэта?.. И однако ж на деле вышло точно так, как вы сами это увидите…

Такова неизбежная зависимость судеб человеческих от самых ничтожных обстоятельств… Чем же мы, слабые, гордимся в слепоте своей, когда даже самое счастие или несчастие людей избранных, каковы писатели, весьма часто бывает подчинено нелепому своеволию какого-нибудь *временного* или много-много что *вечного* цехового мастера… Часто одна выкройка, один шов, одно машинальное движение иглы есть ключ к решению самых трудных психологических задач, к изысканию начальных причин симпатии или антипатии, а мы — мы бог знает куда заносимся!.. Такова, господа, неисповедность путей, которыми суждено проходить человеку, от колыбели до гроба!.. Повторю еще раз: кто бы подумал, что если бы не было в Екатеринбурге глупого портного, то жизнь Вольдемара приняла бы, может быть, совсем другое направление и я, конечно, бы находился в неприятной невозможности беседовать с такими прекрасными людьми, каковы все мои читатели… Но верно, чему быть — того не миновать!.. Послушайте же!

Помните ли вы этот сюртучок, который сшил себе герой моего рассказа по выходе из корпуса?.. Он носил его, носил, обратил из сюртука для прогулки в сюртук домашний, потом из домашнего в дорожный, и наконец износил до того — хоть брось. Впрочем, как же и не износиться такой бренной вещи, когда самый человек изнашивается с летами, когда перед нами исчезают знаменитые роды и поколения и царства преходят за царствами!

Последняя степень разрушения постигла сию часть дорожной одежды в Екатеринбурге. Призванный портной задумался немного при первом взгляде на вещь, но потом лицо его вдруг просветлело и он, как будто вдохновенный свыше, сказал с какою-то отрадною самоуверенностью: «Не беспокойтесь, сударь; за десять рублей я вам поставлю его заново!».

Сказал, молча завязал в узелок данное ему платье и удалился, как человек, который знает себе цену и вполне отдает должную справедливость своей неистощимой изобретательности.

Ровно через сутки явился он назад с торжествующим видом; бережно развязал лёгенькую свою ношу; встряхнул сюртук и произнес значительно:

— Извольте-ка надеть — и полюбоваться!

Вольдемар взглянул в зеркало — и онемел от удивления… Две огромные вставки изношенного бархата чернелися на его груди в виде роскошных отворотов.

— Помилуй!.. Что ты сделал?.. Это такая гадость, что нельзя надеть!

Портной посмотрел на Поэта с явным негодованием и, вероятно, от презрения, не отвечал ни слова.

Между тем нетерпение подстрекало своим чередом молодого путника; лошади были готовы; сердиться было смешно; перешивать — некогда; к тому же и сам Винтов, преломивши печать безмолвия, принял сторону артиста и, осмелившись доложить, что обновленный сюртук очень пристал к Владимиру Николаевичу, прибавил с некоторою почтительною уклонкою головы:

— Не рассудите ли за благо выкушать на дорожку *посошок*, чтобы подкрепить свой желудок.

Все это вместе убедило Вольдемара, что делать было нечего: он расплатился, поехал и приехал в этом сюртуке; в нем взошел он в родительский дом, и в нем-то увидела его Раиса Яковлевна Бенина, миленькая и молоденькая девушка, приятельница его сестры.

Кто знает, будем ли мы любить то, что мы любим;
будем ли желать того, что мы желаем, и будем ли то, что мы есть?
Ж.-Ж. Руссо

Глава XX. Идеалистика любви

Страсти вводят нас в заблуждение потому,
что они обращают все наше внимание на одну сторону предмета,
ими представляемого, и не позволяют рассматривать его с остальных.
Гельвеций

Батюшков сказал:

Ты прав, любезный друг: от первых впечатлений,
От первых сильных чувств заемлет силу гений…

И он тоже прав в свою очередь, по крайней мере, я согласен с ним по силе и возможности моих понятий; но мне кажется также, что в деле любви эти впечатления еще несравненно важнее… Тут часто один беглый взгляд, брошенный на человека, может быть, в сатирическом расположении собственного духа, делает чудеса… Ум наш, готовый всегда находить в других что-нибудь худое, тотчас

отыскивает в новом лице или смешную, или дурную сторону, предупреждает об этом сердце, и оно, несмотря на свою слабость, всегда помнит подобные замечания рассудка — а рассудок и любовь, как вода и огонь, не любят жить вместе… Впрочем, если я говорю это, то я разумею здесь обыкновенную, и хотя чрезвычайно возвышенную, но все-таки земную любовь, и рассудок, который или предупрежден в пользу любимого предмета, или не смеет ничего видеть, чтобы не огорчить сердца; а то, конечно, можно соединить и воду и огонь, стоит только и то, и другое привесть в самое утонченное, духовное состояние, — и тогда какой блистательный результат получится от подобного соединения!.. Но до этого гораздо выше, нежели до светлой небесной звезды… Спустимся же немного пониже!..

Точно в таком сатирическом расположении духа, о котором я говорил вам сию минуту, была Раиса Бенина в день приезда моего героя. Вы уже знаете, что он еще на крыльце перебывал несколько раз в объятиях отца и сестры; но когда все они вместе вошли в комнаты, тогда сцена радостных приветствий повторилася невольно сама собою.

Заметя в самые первые минуты семейственного счастия какую-то молоденькую девушку, стоящую в стороне, Вольдемар поклонился ей учтиво, но довольно сухо и что всего-то хуже — второпях довольно неловко… Девушка, забытая в это время всеми, имела полную возможность обглядеть приезжего с головы до ног; она успела заметить, что у него были чересчур поэтические и, следственно, не слишком казистые формы; что две вставки изношенного бархата составляли очень уж не нарядное украшение его дорожного костюма; что беспорядок запыленных волос придавал какое-то довольно неприятное выражение его сухому, загорелому лицу и что, наконец, несмотря на десятилетнюю жизнь в Петербурге, он кланяется довольно странно.

Говорить ли вам, что все эти замечания сделаны были несравненно быстрее, нежели я успел рассказать вам об них?.. Воздавая цесарю цесарево, надобно признаться откровенно, что умная, острая женщина гораздо скорее сделает выкладку достоинств и недостатков мужчины; гораздо вернее подведет итоги этим выкладкам и несравненно точнее сделает его определение, нежели какой-нибудь наш брат усач, хоть будь он семи пядей во лбу, узнает, что таится в сердце умной, остренькой и вдобавок хорошенькой девушки. Нет сомнения, что мужчины теряют тут только оттого, что они далеко не так тонки в искусстве хитрить и притворствовать, как почти все женщины вообще; смешно также думать, чтоб я не исключал из этого числа всех прелестнейших моих читательниц, которые в науке разгадывать нас и оставаться самим непроницаемыми руководствуются только одним совершенным благоразумием и ничем более; но это дело стороннее, а здесь важно то, что после быстрых замечаний, выкладок и подведения итогов Вольдемар решительно не понравился Раисе… Эти проклятые бархатные заплатки казались ей смешными до уморы; это сухое и неловкое приветствие несколько досадным; а вы сами согласитесь со мною, милостивые государыни, что если наше появление возбуждает в женщинах только эти два действия, то есть смех и досаду, тогда нашему брату непременно должно вспомнить междускобочное выражение всех старых комедий: *(берет шляпу и уходит)* — и непременно взять шляпу и уйти.

Ничего нет удивительного, если те, которые полюбопытнее других, спросят меня, зачем молодому Смолянову искать любви этой Бениной?.. Неужели он так скоро мог позабыть свою Лизу?

Сохрани его Бог, милостивые государыни!.. Он беспрестанно помнил об этом дивном создании, и оттого-то именно, после первых попыхов, он и обратил особенное внимание на Раису… Пристально вглядывался изумленный Поэт во все черты лица ее, потом ощупывал свою голову, потом опять вглядывался; наконец сперва протер, потом сходил даже промыть свои глаза — и все-таки не верил им; ничто не помогало: ему казалось, что перед ним сидит добренькая его сестреночка Лиза, только старее целыми двумя годами той, которую он оставил в Петербурге.

Сходство было удивительно!.. Та же кругленькая, как шарик, маленькая головка; те же черные, пламенные глаза с дивным желтоватым отсветом; то же простодушно-плутовское выражение лица (если только бывает подобное выражение, по крайней мере, на бумаге); одинаковая талия, но какая, господа, талия? — Десять вершков в окружности и правильная, как цилиндр!.. Те же скатистые, полненькие плечики; та же маленькая, уютная ножка; та же грудь… Виноват!.. Здесь она была как-то несколько повыше, а это, как вы сами знаете, очень и очень не дурно!.. Одним словом, Вольдемар был до того околдован подобною находкою, что, вообразивши, будто он видит перед собою свою Лизу, которая выросла, выровнялась и смотрела уже совсем не ребенком, он в забывчивости начал один из своих рассказов следующим образом: «Когда я выехал третьего года из Петербурга…» и прочее… К счастию, однако ж, никто не заметил этой хронологической ошибки. Мудрено ли, что после такого чудного сходства Вольдемар полюбил Раису со второго взгляда, потому что первый взгляд его был сделан вскользь и, следственно, он ничего не мог видеть.

«Полюбил Раису?..» — повторяете вы протяжно, посматривая на меня с недоверчивостию… «Вольдемар полюбил Раису, будучи влюблен в Лизу?.. Но разве сердце наше в состоянии любить двух в одно и то же время?.. И какою любовью?.. Поэтическою, то есть почти неземною?.. Нет, господин Пролев, воля ваша, а это что-то мудрено!».

Согласен, что это мудрено для нас, но не для Поэта… Вы увидите сию минуту, как мастерски молодой Смолянов умел поставить себя на такую точку, что новую любовь его не только никак нельзя было назвать изменою прежней любви, но она послужила даже самым лучшим доказательством его постоянства.

В Раисе он любил не Раису, а свою миленькую Лизу, которая уже достигла своего семнадцатилетнего возраста… Стало быть, самый предмет любви оставался тот же; изменились только лета: но что значит время для душ возвышенных?.. Я уверен, что мой герой охотно бы женился даже на этой новой Лизе и, по моему мнению, весьма справедливо бы считал себя самым вернейшим из всех самых верных любовников.

Конечно, в подобных обстоятельствах какой-нибудь наш брат человек дюжинный не обратил бы, может быть, никакого внимания на это новое лицо, чтобы, как говорится, выдержать характер; или, в случае неустойки, остался бы кругом виноватым; но, повторю, это могло бы случиться только с человеком дюжинным, и неужели Поэт обязан подводить себя под общие, сжатые правила?.. К чему же тогда годится этот самотворящий дух, эта роскошная свобода мыслей, это высокое искусство созидать вещи, никогда не существовавшие, или украшать земное небесным?.. К чему, спрашиваю вас, милостивые государыни, послужит все это?.. Вольдемар, как и следовало, ни на минуту не поколебался в выборе нового поприща для кипящих своих чувств.

Пламенное воображение молодого человека тотчас убедило его, что Раиса есть только самое превосходнейшее олицетворение его ненаглядного идеала — Лизы… И чем другим, кроме идеала, могла быть для него тогда эта последняя?.. Тысячи верст разделяли их; будущее приготовляло, по-видимому, огромный запас препятствий к их соединению; голос надежды был слаб, как голос умирающего: что же оставалось Поэту, кроме новой любви?..

Я со своей стороны, не будучи романтиком и не умея выражаться чересчур красно, скажу попросту, без затей, что Вольдемар почел Раису вторым томом своей Лизаньки, или, если хотите, чтобы сравнение было точнее, то он смотрел на обеих этих девушек, как на разные экземпляры одного и того же прекраснейшего сочинения, одного и того же великолепнейшего издания; согласитесь после этого, что смешно же быть причудливу до такой степени, чтобы любить преимущественно один экземпляр и пренебрегать другими.

Вот, прелестнейшие мои читательницы, разрешение вашего вопроса. Сообразя все, как я сказал, при втором взгляде на Бенину и решась продолжать с нею то, что начато было с молоденькою Буклиной, Смолянов непременно должен был искать ее любви; но зачем же он не причесал своих волос, входя в комнату; зачем он поклонился так небрежно, а главное, зачем он не отрезал от сюртука этих несчастных бархатных отворотов?.. Все это покуда самые мудреные задачи!.. К чему же понапрасну ломать голову?.. Пусть время потрудится за нас… Может быть, последствия докажут, что не все то хорошо, что кажется хорошим, и наоборот… Но что будет, то будет, а будет то — что Бог даст, говаривал Богдан Хмельницкий!.. Подождем!..

Ложась в тот день спать, Вольдемар повторил мысленно почти все то же, о чем я сейчас говорил вам… Вывод был одинаков, что он любит одну девушку, а не двух; что он и не думал изменять Лизе; что сердце его не заслуживает никакого упрека и что, верно, сама миленькая сестреночка одобрила бы его чувства…

Я не могу сказать, впрочем, ничего утвердительного, согласилась ли бы Лиза с его поэтическими доказательствами и какими бы глазами посмотрела она на этот второй том самой себя; но что до этого?.. Одна была далеко, другая, так сказать, под руками: выбор, кажется, не затруднителен… Он сделан и утвержден — и Поэт заснул очень довольным.

Весьма часто мы видим в вещах то, что хотим в них видеть.
Гельвеций

Глава XXI. Маленький домик

Общество без женщин есть год без весны и весна без цветов.
Франсуа I, король французский

На другой день старик Смолянов обнял своего нового гостя с горячностию и со слезами на глазах благодарил его за сыновнюю любовь и за сделанное им пожертвование: «Не красней, мой милый Владимир… Твой поступок приносит честь твоему доброму сердцу, и мне, на старости моих лет, доставляет такое утешение, которому бы позавидовал каждый отец… Не сердись на меня, если я скажу тебе, что вашу модную любовь я считаю величайшею глупостью, но эта глупость свойственна молодым летам, она очень извинительна для вашей братьи, однако ж ты оставил все, чтобы только порадовать мое одиночество… Спасибо тебе, добрый сын! Бог наградит тебя за это!».

Он опять прижал его к своему сердцу, и Вольдемар покраснел снова: ему было совестно принимать незаслуженные похвалы; но внутренне он чрезвычайно благодарил дядю за его ложь, которая увеличивала и укрепляла семейственную любовь.

Добрый Сашин, как узнал он после, писал к его отцу, что, несмотря на самую беспредельную привязанность к молодой Буклиной и на ее взаимность, племянник его с величайшим самоотвержением пожертвовал всем и с радостью полетел в Сибирь, чтобы принести утешение своему отцу.

Между тем домашний писарь приготовил визитные карточки и довольно большой список всех палатских председателей и советников, у которых следовало быть приезжему. Николай Иванович дал ему все нужные наставления, рассказал, с кем и как он должен иметь дело; представил в коротких словах очерк собственных своих отношений к разным лицам и отпустил его колесить по городу.

Нам не для чего следить за Вольдемаром и таскаться из дома в дом с минутными посещениями; незачем уверять, что все чиновники, которых только он застал дома, приняли сына своего начальника отлично, приветливо и почтительно, что все они просили его *жаловать* и *напредки*: первое — не стоит труда, последнее — *само собою разумеется*, как это пресерьезно повторяет всякий раз московская театральная афишка, объявляя летом дважды в неделю о спектаклях в Нескучном саду и о том, что там же продаются *разные прохладительные пития*.

Мы взойдем лучше невидимками в небольшой домик, где живет семейство Бениных, познакомимся с ним и подождем там нашего героя.

Я бы мог вам сказать, что в некотором царстве, в некотором государстве предки Якова Петровича Бенина были люди очень значительные, что прадед его был даже фельдмаршалом, и фельдмаршалом довольно значительным; но какое нам дело до его родословного дерева?.. Возьмем и рассмотрим только одну ветвь, которая находится у нас перед глазами.

Жизнь этого почтеннейшего и благороднейшего старика есть нить самых тяжких опытов. Бедность, потери и страдания были его всегдашними спутниками, и никогда существенные бедствия и несправедливые гонения не угнетали так жестоко человека, который был бы великодушнее, добрее и честнее Бенина...

Он был высокого роста, хорошо сложен, и, несмотря на свои шестьдесят лет и на серебро своих волос, в его лице было что-то неизъяснимо приятное: тихая задумчивость — отпечаток былого горя и кроткая улыбка — отсвет всегдашнего мягкосердечия, придавали чрезвычайное благообразие всем чертам лица его... Видеть и не полюбить Якова Петровича было или делом невозможным, или обстоятельством, которое бы очень дурно рекомендовало нового человека.

В то время, о котором я теперь рассказываю, у него была супруга и три прекрасных дочери... Казалось, что судьба, которая наконец доставила ему место почетное и выгодное, судя по его скромным желаниям, хотела вознаградить добродетельного старца невыразимым счастьем жить посреди милого и любимого семейства.

Получивши прекрасное образование, он посвящал свой досуг книгам и наставительным беседам с дочерьми... В уединении и тишине погасал безоблачный вечер его ненастливого дня.

Все это очень хорошо, но, господа, у него были, как я вам сказал, три прекрасных дочери, а это такое обстоятельство, которое невольно придает живость повествовательному слогу; к тому же, замечу мимоходом, моя Наталья Николаевна уехала навестить какую-то больную, и, следовательно, я свободно могу предаться некоторому восторгу, который всегда очень сильно волнует мою кровь, если я вижу хорошеньких или даже если я только говорю о них: мои уши находятся теперь в совершенной безопасности от действия маленькой, весьма похвальной ревности моей дражайшей супруги. Итак, поскорее к делу, чтобы не пропустить золотого времени.

Старшая дочь, Александра, была вдова... Но не пугайтесь этого названия!.. Это была не женщина — а чудо!.. Высокий рост; бюст такой, каких мало; томные, прелестнейшие голубые глаза, превосходно оттененные блестящим шелком черных, длинных ресниц; правильные, прекрасно обрисованные черты лица; приятный и, как говорят французы, серебристый голосок; наконец, представьте себе возможное совершенство всех форм и дивных округлостей, соедините все эти достоинства вместе, и вы, вероятно, согласитесь со мною, что тут было, чем полюбоваться... Конечно, для целости, или лучше сказать, для полноты этой блестящей картины ей не доставало заманчивого названия *девушки*; но что значит эта небольшая потеря, когда так много еще оставалось для охотников до изящного?..

Надобно, впрочем, сказать вам откровенно, что Александра Яковлевна любила покойного своего мужа и после его смерти почти отреклась от света и мирских соблазнов... Она посвятила себя молитве и была богомольна, очень богомольна, страх как богомольна... Ей вздумалось, наконец, самыми тяжкими работами, самым строгим постом изнурять свою восхитительную, но греховную земную оболочку.

Сие последнее обстоятельство, будучи весьма похвально само по себе, доказывало однако ж, что в ней таились еще пожелания суеты сует... Это логическое заключение ободрило двух или трех смельчаков, которых сперва устрашал не на шутку ее вечный смиренно-томный вид. Они явились с предложениями своих рук и должны были спрятать их в карманы, потому что, по странному противоречию с их догадками, на подобные вещи не было никакого требования.

Что прибавить мне в заключение, для совершенной полноты портрета, о ее образовании?.. Здесь, к сожалению, я должен сказать раз и навсегда, для нее и для всех, что прекрасный пол в Сибири только воспитывается, а не образовывается... Весь курс наук, который проходят сибирские *барышни*, сжат в самые уютные рамочки.

Он почти ограничивается одними словами *читать* и *писать*, потому что, на самом деле, девяносто девять из ста ставят вместо букв какие-то египетские каракули и не читают ничего совершенно.

Мне, впрочем, случилось узнать как-то недавно, что с некоторого времени имена Жуковского и Пушкина успели перелететь через Урал, успели промчаться по снеговым равнинам дикой и холодной Сибири; но этим перелетом имен, кажется, и кончилась вся история... Несколько первостатейных дам, которые наряду с другими также не прикасаются к книгам, знают, и то, еще только может быть, знают, что Жуковский написал баллады, а Пушкин поэмы; но не спрашивайте у нас, что за зверь баллада или поэма: мы знать не знаем, ведать не ведаем — меньше сплетней!

Думаю, что здесь кстати я могу пересказать для молодежи один истинный анекдот, переданный мне самым достоверным человеком, бывшим в тех...

— Почему ж только для молодежи? — спрашивают меня все люди *известных* лет...

— Потому-с, что этот анекдот...

— Да! Понимаем, какого он сорта... Но зачем же вы его помещаете?

— Затем, что я пишу *без пропусков*, как это сказано было выше, и что иногда маленький листок какой-нибудь скандалезной хроники обрисует гораздо более, нежели целые листы пошлых рассуждений.

— В таком случае вы можете рассказывать и не для одной молодежи.

— С большим удовольствием!.. Итак, послушайте!

Один из приехавших в Сибирь молодых людей, человек довольно хорошего образования и большой мастер писать невинные стишки для домашнего обихода, свел очень удачную интрижку с прехорошенькою девушкою... Согласитесь, что такое начало, право, хоть куда!.. Все шло и двигалось своим порядком; вдруг бес стихотворства угораздил его написать к ней какое-то страстное послание... При первом сладостном *наедине* он посадил ее к себе на колена и начал декламировать с жаром свое чувствительное произведение... Красавица слушала его молча, казалось, даже с большим вниманием, и потом, когда он кончил, спросила его своим сибирским наречием, со всем простодушием детства:

— Это чево ж такое, мой друг?

— Это стихи, моя милая!.. Я хвалю тебя в них моим приятелям и рассказываю им, как я счастлив, что ты меня любишь.

Тут он хотел было прижать ее по обыкновению к своей восторженной груди, но она вырвалась от него и, заливаясь слезами, закричала:

— Поди прочь от меня, неблагодарный!.. *Ты не от отца рожден, а от тигра*... Ты божился никому не сказывать, что ты *занимаешься со мною* и теперь хочешь похвастаться перед приятелями... Поди же прочь! Я не могу тебя видеть!

Все доказательства, убеждения и отговорки сочинителя были напрасны: разрыв был сделан решительно, и с тех пор он поневоле уже *не занимался* ни ею, ни с нею.

Окончу в коротких словах о воспитании.

Девушка, которая умеет хорошо присесть, которая танцует мазурку или если она посягает пополам с грехом даже и на французскую кадриль, дошла уже до самого рубикона сибирской учености; остается только запастись приданым и выйти замуж, чтобы, вытанцовывая прелестное соло, составить счастье какого-нибудь заседателя приказа общественного призрения или советника палаты... Французского языка, музыки и рисованья почти нет и в помине: я уж и не упоминаю о чем-нибудь посерьезнее.

Впрочем, все, что я ни говорил теперь, относится только к одним туземкам, а там ведь есть и приезжие, из которых многие такие хорошенькие... Виноват!.. Я хотел сказать: такие образованные!

После всего этого мудрено ли, что и все три прелестные дочери Бенина, за неимением средств и возможности, подходили под общее правило с другими своими подругами... Это скорее вина времени и места, нежели отцов и матерей.

Портрет Раисы уже известен моим читателям... Она точно чрезвычайно во многом походила на Лизу, хотя, конечно, не до такой степени, как это казалось изобретательному воображению нашего Поэта.

Не только с переполоха от встречи при первом свидании, но даже и впоследствии, когда ему было время осмотреться и одуматься, он одинаково не находил важной, существенной разницы между этими двумя девушками: так нечаянность отуманила его зрение!

Раису, по всей справедливости, можно было назвать прекрасною: она умела держать себя лучше всех своих подруг без исключения; все наряды ее показывали отличный вкус; она танцевала превосходно; была умна, мила, скромна и вообще очень интересна; но в ней не было этой блестящей какой-то особенности, этой невыразимой приятности всех движений, этого увлекательного искусства занять каждого и, наконец, этой очаровательной непринужденности, то есть всех тех качеств, которые везде и вдруг отличают человека светски образованного и которыми вполне обладала его миленькая Лиза.

Все это очень легко заметил бы посторонний, но когда же мы бываем справедливыми судьями в собственных своих делах?

Так и Вольдемар, по странному, чисто поэтическому капризу сердца, не хотел ничего видеть... Он произвольно слил в своем воображении два милых ему существа в одно, представил его себе олицетворенным в Раисе (ибо душа его непременно требовала близости обожаемого предмета); потом, преклонив свое колено перед сим полумечтательным божеством, он зажег фимиам любви и хваления.

Иначе не могло и случиться! Грусть о разлуке с Лизою погубила бы его ни за денежку, между тем как он очень мог сделаться впоследствии если не деловым, так по крайней мере весьма дельным человеком.

Приведись мне писать все это в то самое время, когда мой путешественник приехал в Т……, так я верно бы не преминул уведомить всех холостых моих читателей, *для вызова желающих*, что сердце Раисы было тогда еще свободно; но вместе с тем я бы посоветовал им поторопиться к явке с законными актами, потому что судьба назначала, по-видимому, самые близкие сроки торгам, переторжкам и последнему окончательному торгу чувств сибирской застенчивости с требованиями природы: любить и быть любимым.

О Фелисате, третьей дочери Бенина, хорошенькой десятилетней малютке, из которой могла бы сформироваться со временем прелестная блондиночка, я не скажу вам ничего до следующей главы.

Глухой стук дрожек, въехавших на деревянную мостовую огромного двора *маленького домика*, отозвался в крошечных комнатках квартиры советника; шаткие окончины ответили на лошадиный топот слабым дребезжанием; дверь растворилась, и немного погодя Поэт, пришаркивая, взошел в приемную.

Разменявшись обыкновенными приветствиями, добрый старик посадил своего гостя и прибавил со всею патриархальною искренностью: «Я уважаю вашего батюшку как добрейшего начальника, как человека, которому я одолжен очень много, люблю его, как любил бы я старшего своего брата… Душевно рад, что имею удовольствие познакомиться с вами: мне бы хотелось только, чтобы это знакомство обратилось в дружество; тогда беседы наши были бы для меня еще приятнее».

Эти простые слова были сказаны с такою ласкою и с таким добродушием, что они невольно очаровали Вольдемара… Он рассыпался в уверениях, что ему чрезвычайно лестно заслужить внимание и любовь друга своего отца и что он употребит к достижению этого все возможные средства.

Говоря таким образом, Поэт нисколько не грешил против совести: во-первых, вид, приемы и разговор почтенного старца решительно обворожили его и, во-вторых, как же ему было не стараться снискать любовь самого Бенина, если…

Но, милостивые государыни, я вижу по вашим глазам, что вы все изволили догадаться, о чем должна была идти речь во втором пункте и потому не договорю его.

Когда кончились *общие места* первых разговоров при знакомстве, когда, наконец, старик Бенин, которому, в свою очередь, также понравился молодой Смолянов, пригласил его бывать к нему как можно чаще, тогда речь перешла как-то к его семейству и, наконец, Яков Петрович сказал, вставая: «Позвольте-ка мне познакомить с вами мою старуху и моих дочерей. Одну из последних вы уже знаете: сестрица ваша Любовь Николаевна совершенно завладела ею, теперь я вам покажу остальных».

Он ушел и оставил Вольдемара в удивлении от приятной нечаянности… Ему уже было известно и по рассказам и по опыту настоящего утра, что дамы сибирские сберегаются родственниками для особенных случаев и для больших оказий; в остальное время они невидимки: их не встретить в доме ни утром, ни вечером, только именинные дни и летние прогулки вызывают их из затворничества.

Между тем через минуту старик воротился, и вслед за ним вошла его жена и две дочери.

Вольдемар снова был обласкан и снова постарался блеснуть красноречием, которым, впрочем, судьба обделила его довольно безбожно.

Наконец он раскланялся и поехал домой, полный различных мыслей, впечатлений и надежд и как нельзя более довольный, что какая-то невидимая и непостижимая рука, разлучивши его на короткое время с пленительною Лизой, таким чудесным образом сближает его теперь с нею, облекши только ее в другие формы…

Куда, подумаешь, гениальные-то люди сильны на выдумки! Жаль одного, что иногда самый

величайший враг наш есть воображение.

Клементий XIV

Глава XXII. Учитель

Победа, любезный Аристип!.. Аразамбес… Но я начинаю тем, чем должно кончить, так радость от успеха вскружила мне голову… Послушай же!..
Такое происшествие заслуживает, чтобы его рассказать в роде Геродота.

Виланд

Первый месяц с приезда прошел незаметно… Потом Вольдемар определился в службу, и тогда время полетело еще скорее…

Утро проходило обыкновенно в должностных занятиях, но где изволил бывать Поэт от обеда и до чаю?.. Куда возил его смирный, гнедой рысак на рессорных беговых дрожечках?.. Это такая статья, которая требует, чтобы о ней рассказать если не в роде Геродота, так, по крайней мере, как можно поподробнее.

В предыдущей главе мои читатели не проронили, может быть, слов Якова Петровича, который сказал Вольдемару, что сестрица его Любовь Николаевна совершенно завладела Раисою. Почти так было и на самом деле.

Будучи ровесницами, имея большое сходство в характерах, они неприметно соединились самою тесною дружбою... Раиса чуть ли не каждый день приезжала к Любиньке и всегда довольно рано... Надобно вам сказать, что сестра Поэта мастерски играла на фортопьянах и по дружбе к новой его Лизе давала ей уроки... Это обыкновенно делывалось поутру, за час или за полтора до обеда, после которого ученица протверживала одна заданный ей урок и к вечернему чаю возвращалась домой... Скажите после этого, когда же было видеться с нею молодому Смолянову.

Утром он составлял записки, экстракты и выписки, а это, как вы сами знаете, совсем не льнет к упоительным мечтам о блаженстве любви... Видеться за обедом было все равно, что не видеться... Конечно, душа наслаждалась в некоторой известной степени, потому что обожаемый предмет был довольно близок: на него можно было смотреть, любоваться и не налюбоваться им; но ни на волос далее... Вся прелесть разговора, который бы восхищал сердце; все очарование полунамеков и недосказанных слов, заставляющих догадываться очень о многом; все эти нечаянные встречи глаз во время какого-нибудь рассказа о любви, о счастливом супружестве и *о прочем* тому подобном; короче — все, что только интересно, что мило и отрадно для сердец чувствительных, — все это было потеряно для Вольдемара.

После обеда, как я уже сказал, Раиса протверживала свой музыкальный урок: приходить к ней в это время значило беспокоить ее.

Не видя ничего со всех сторон, кроме затруднений, Вольдемар не на шутку погрузился в думы и наконец придумал такое средство, которое показалось ему и, кажется, точно было самым лучшим, чтобы, сохраняя приличия, видеть свою любезную и говорить с нею как можно больше и как можно чаще.

В одно воскресенье, обдумавши хорошенько свой план, он поехал обедать к Бенину... Старик был рад от всего сердца и хлопотал только о том, понравятся ли гостю его простые кушанья, которые, впрочем, были очень вкусны и хороши, но этому гостю еда не шла и на ум...

Он беспрестанно собирался с духом, чтобы начать преднамеренный разговор и беспрестанно робел... Все пугало его: и приступ, и середина, и конец, особенно последний, потому что он боялся отказа, как самой невыгодной развязки... К счастью, очень благоприятный случай представился сам собою и избавил Поэта от чрезвычайного труда начинать речь издалека и потом искусно и незаметно свести ее к желаемой точке.

— Как жаль, Владимир Николаевич, — сказал Бенин, — что у нас почти совершенно нечего читать!.. Я, при своем убожестве, не могу жертвовать в год более двухсот рублей, а много ли получишь за эту сумму?

— Повремените немножко, Яков Петрович!.. Недели через две или через три мы начнем следить за ходом современного просвещения; мы будем знать, что делается у нас в России и даже что делается за границей. Я давно уже послал деньги для получения шести журналов: мне не хотелось было говорить вам об этом, покамест их не пришлют к нам, но теперь сорвалось уже с языка, и, стало быть, делать нечего.

— Напротив! Вы сделали чрезвычайно хорошо, что сказали; от этого ваш прекрасный сюрприз не потерял нисколько своей ценности: две—три недели подождать не мудрено, особенно когда знаешь, как щедро будешь награжден за свое терпение... И мы получим вдруг за целые полгода?

— Непременно!.. А наши дамы будут иметь журнал с картинками мод.

— Конечно, Владимир Николаевич, — сказала старушка Бенина, — хорошо иметь и образчики мод; но мне и моему Якову Петровичу делается всегда очень грустно, что наши дети не получили никакого образования и что они, кроме нарядов, не знают ничего дельного... Для этих двух, — продолжала она, показавши на старших дочерей, — прошло уже невозвратимое время: они выросли, когда нам нужно было думать о хлебе, а не о науках... Теперь, благодаря Бога, мы не нуждаемся по-прежнему, а все-таки, к нашему горю, нет никакой возможности научить хоть чему-нибудь нашу бедную Фелиссу... Скажите, где сыскать человека, которому бы можно было вверить воспитание ребенка? Признаюсь вам, у меня не достает духа, чтобы нанять кого-нибудь из этих *несчастных*[1], которых ссылают сюда за преступления; других учителей нет, между тем время идет да идет.

— Согласен с вами, что такие потери очень досадны, — отвечал Вольдемар, — и тем более что они невозвратимы; впрочем, здесь есть один человек, который с большою охотою будет преподавать Фелисате Яковлевне все, что только ему известно... Конечно, знания его слишком невелики, но все-таки ваша дочь может получить самые необходимые сведения... Я говорил с ним об этом и боюсь только одного, чтобы цена, им просимая, не показалась вам слишком высокою для его трудов.

— Вот в этом-то наша и беда, любезный Владимир Николаевич!.. Однако ж я готова лишить себя всего, чтобы только доставить эту выгоду моей Фелисаньке... Может быть, мы как-нибудь и сколотимся; может быть, и он также сбавит что-нибудь по вашей просьбе.

— Извините!.. На этот счет вы не должны нисколько полагаться на меня... Я буду первый, который посоветует ему неуступчивость.

— Это уж что-то и не понятно!.. Объясните мне поскорее вашу загадку; скажите, чего он хочет за свои уроки?

— Вашего расположения и вашей дружбы!

— А! Теперь я поняла!

— Ты поняла только теперь, а я так понял с самого начала, куда клонит Владимир Николаевич, — проговорил с улыбкою развеселившийся Бенин, — но это невозможно, любезный мой внучек; это никак невозможно!

Я позабыл сказать моим читателям, что, по шуточным расчетам мнимого родства, Вольдемар называл всегда Якова Петровича дедушкою.

— Отчего ж невозможно? — воскликнул молодой человек, которому ласковая улыбка старика придала очень много смелости. — Мне совершенно нечего делать после обеда: всякий день я понапрасну теряю это время. Не лучше ли же мне проводить его в самых легких занятиях с Фелисатой Яковлевной? Это, развлекая меня, принесет ей пользу... Вы, не церемонясь со мной, ложитесь себе спокойно почивать; дамы будут в своей комнате, а мы останемся в этой и станем потихоньку подвигаться вперед. Потом, напившись у вас чаю, я буду возвращаться домой, и, таким образом, все пойдет у нас, как заведенная машина. Уверяю вас, что это не составит для меня никакого труда и что ваш отказ огорчит меня чрезвычайно.

Яков Петрович и жена его не соглашались долго, наконец, просьбы Вольдемара и особенно уверения, подобные последнему, произвели свое желаемое действие. Вставши из-за стола, старики обняли восхищенного молодого человека и сдали ему с рук на руки молоденькую, закрасневшуюся девушку в полное его распоряжение.

Время до вечера и самый вечер, посвященный прогулке, были проведены отлично, приятно. У Поэта от радости были и ушки на макушке...

Он наперед мечтал, как с этого времени будет для него всегда невыразимо интересен каждый вечерний чай; как он абонирует себе место подле Раисы и как ему наконец представляется возможность говорить с нею посвободнее, потому что у себя дома отец его, несмотря на свою доброту, был довольно строг и подчас несколько странен в своих требованиях, а тут совсем другое дело!.. Ему даже показалось, что он заметил во время прогулки в тот же самый день какую-то особенную внимательность со стороны Раисы, и это воображаемое начало победы возносило его на седьмое небо.

О, Рахиль! Дева прелестная
и так постоянно любимая!..
Счастлив тот... *(и так далее).*
Ж.-Ж. Руссо

Глава XXIII. Плоды лекций

Пренебрегши языком знаков,
который говорит прямо воображению,
мы потеряли самый красноречивый язык.
Ж.-Ж. Руссо

На другой же день лекции были открыты, и на другой же день за первым вечерним чаем, невыразимо интересным по ожиданию, Вольдемар очень хорошо заметил, что разговоры его с прелестною девушкою не только не делаются посвободнее, но час от часу сжимаются; что чем ближе садится он к Раисе, тем больше одолевает его застенчивость, и что, наконец, желанные минуты глаза на глаз, которые иногда выдавались, приводят его в совершенный тупик.

Вы поверите, что замечания такого рода были для него острее ножа, но делать было нечего... Поздно говорить тому «я не дюж», кто уже взялся за гуж... День за днем, неделя за неделею, месяц за месяцем проносились своим порядком неизвестно откуда и неизвестно куда, а моему Вольдемару не было от этого нисколько легче.

Иногда светлелись перед ним искры сладостной надежды, но это были или надболотные огоньки, или падающие звезды: вспыхнут, прогорят один миг и исчезнут!

Несмотря на все перетолкования поступков Раисы в самую лучшую для себя сторону, какой-то внутренний, неумолимый голос говорил ему, что она его не любит. Впрочем, я должен сказать правду, что, на мои глаза, подобное выражение этого таинственного гласа слишком неотчетисто и неудовлетворительно.

Слово *не любить* предполагает какое-то неприятное чувство, а Раиса была, напротив того, довольно хорошо расположена к Вольдемару... Она любила с ним танцевать, потому что он лучше всех говорил ей в это время комплименты, лучше всех умел оценить изящность ее наряда, и это ей нравилось затем, что она, несмотря на примерную свою скромность, все-таки была молоденькая, хорошенькая девушка и, следственно, имела порядочный запас мелочного тщеславия, которым если кто из женщин и не наделен с избытком, так это разве одни только вы, прелестные мои читательницы.

Она смеялась от души его эпиграммам, которыми, как будто взваром, он обдавал иных под веселый час... Иногда она даже не спускала с него глаз по целым часам, но она и не думала, однако ж, любоваться им в это время, как любовалась когда-то малюточка Лиза... Тут были совсем другие побудительные причины.

Вольдемар получал журналы, стало быть, у него не было недостатка в материалах для легкого чтения. Он любил читать вслух и умел это делать довольно хорошо, по крайней мере манера его чтения нравилась Раисе, а она была большая охотница слушать повести, и особенно веселые... Часто в длинные зимние вечера в гостиной у Любиньки садилась за круглый стол своя семья и несколько коротких знакомых... Поэт выбирал себе место посередине этой группы и начинал читать громогласно, как, может быть, читаете теперь вы мою истинную историю, любезный читатель, за что при сей верной оказии я и приношу вам свою чувствительную благодарность...

Иногда все дамы, увлеченные интересом рассказа, оставляли свои работы и не спускали глаз с декламатора; то же случалось и с Раисой; но это еще вовсе не доказывало ее любви, между тем как молодой человек требовал самой неограниченной, самой безусловной, одним словом, такой любви, от которой бы в одно и то же время дышало жаром и огнем и веяло бы счастьем и радостью...

Одинаковая, всегдашняя, безотрадная неудача приводила в отчаяние бедного Поэта... Что уж он ни делал, чтобы только понравиться холодной своей красавице!..

Например, однажды засел он сиднем за переводом какой-то чрезвычайно занимательной повести, в которой ясно и вразумительно было доказано, что девушка, не отвечающая любовью на любовь честного человека, делает очень и очень дурно, потому что тоска и горесть могут отнять у него жизнь, которой она не в состоянии дать, по крайней мере, ему.

Он трудился над этим переводом сорок дней и почти сорок ночей, истратил бездну чернил и, верно, наделал бы больших бед, если бы, к счастью, они не подсыхали... Кончив свою книжицу, он приправил ее в некоторых местах удивительно затейливыми стишками; чистенько переписал на веленевую бумагу; велел переплести в сафьян зеленого цвета, означающего надежду; обрезать золотом и, наконец, для красоты и важности вклеить розовую ленточку, которая, в свою очередь, была символом *продолжительной любви*... Потом в день рождения Раисы он поднес ей этот наставительный подарок, и если впоследствии не мог сказать утвердительно, прочла ли она его труды или нет, зато уже он точно был уверен, судя по теории вероятностей, что она не поняла или просто не хотела понять его намеков и была с ним по-прежнему вежливою, ласковою, но не далее!

Не знаю, как кто другой, а я со своей стороны все эти несчастия приписываю гибельному впечатлению, которое сделано в душе девушки бархатными вставками на дорожном сюртуке Вольдемара.

Кто что ни говори, но мне кажется, что если первое чувство человека при первой встрече с другим было неприятно и возбуждало насмешку, то последнее, конечно уж, не будет романическою любовью... Тут хлопотать нечего; искания не подкупят сердца:

Оно само себе предписывает законы.
Ж.-Ж. Руссо

Глава XXIV. Старые знакомцы

Разговор.
Я даю вам свою голову, если...
N.N.

Я принимаю ее: мелочные подарки поддерживают дружбу.
Монтескье

В подобном положении находились дела моего героя, когда наступило 1 марта... День был такой ненастный, что хоть бы и на заказ — так впору!

Буран[2] свирепствовал с самого утра... Белые сугробы, как будто волны, разбитые в брызги и пену, носились по опустевшим улицам... Сильные порывы ветра отрывали и рассеивали по воздуху пышные и блестящие занавесы снега, которыми сибирская зима любит украшать нижние оконечности крышек... Там с крепкого крюка сдергивался ставень, и стекла звенели и звякали, рассыпаясь от удара... В другом месте ломало трубу, и камни с грохотом катились по обнаженной кровле; кое-где заносило целые домики; гул и стук был ужасен!.. Но мой Поэт любил природу во всех ее изменениях, и в те минуты он любовался величественным ее неистовством.

Он находил какую-то грустную отраду, какое-то печальное утешение сравнивать эту воздушную борьбу со своею духовною борьбою, со своими душевными страданиями... Молча сел он к окну и почти целое утро был неподвижен... Задумчивость овладела им в высочайшей степени: он не видел и не слышал, что буран затих около полудня и что солнце давно уже осветило все его проказы.

Вдруг — четыре посторонние руки скрестились на его груди. Он взглянул направо и увидел приветствующее и благообразное лицо *маленького* человечка; он взглянул налево — и имел нелице-

мерное удовольствие заметить знакомый ему геометрический нос, который по-прежнему сквозился на свете; средний разрез улыбавшегося рта изображал на физиономии *воскового* приятеля совершенно правильную циклоиду: стоило только отметить оконечности и середину этого разреза буквами А, В и С и начать вышние вычисления о ее законах.

Вольдемар онемел от удивления и радости!.. При неудачах и бедствиях любви приятно поплакать и отдохнуть в лоне бескорыстной дружбы!

Так как почти обыкновенно случается, что приятная нечаянность встречи лишает нас возможности говорить последовательно, то и в этот раз вопросы и ответы сыпались без порядка, как ни попало, и по большой части после первых, особенно кратковременных свиданий, мы можем сказать отчетисто только одно, что мы видели собственными глазами *такую-то* или *такого-то*.

Ударило час; три истинных друга пошли к столу, и молодой Смолянов не успел даже распечатать писем, которые он получил от Хворостова и Зорова, познакомившихся на его проводах с Арским и Бельским... Зато уже после обеда все было наверстано: обоюдные рассказы и пересказы были бесконечны и многословны до такой степени, что я не в состоянии даже дать вам об них и приблизительного понятия. Вольдемар открыл приезжим почти всю свою душу, намекнул о том, что он несчастлив; но утаил настоящую причину.

— Неужели вы, Владимир Николаевич, по сию пору так верны первому предмету своей страсти, этой миленькой Лизаньке, которой мы имели счастье любоваться в театре вместе с Васильем Петровичем? — сказал Арский. — Что бишь тогда давали?.. Да!.. Эдипа!.. — продолжал он. — И чуть ли уж не впечатление, сделанное на вашу душу прекрасною ролею Антигоны, извлекло вас из объятий любви и дружбы... Удивляюсь же вашему постоянству!.. И как вам не грешно жить так долго и не приволокнуться здесь ни за кем... Хоть бы за Раинькой Бениной, например?

Вольдемар, который, как я уже повторял вам несколько раз, считал настоящую свою любовь не новою, а только продолжением прежней страсти, и был твердо уверен, что он не причастен измене, нисколько не смешался от подобного вопроса, как этого можно было бы ожидать.

— Да, милые мои друзья! — сказал он, взявши обоих за руки, — Я люблю мою Лизу и буду любить ее до тех пор, пока это сердце не перестанет биться в моей груди!.. Может быть, теперь есть некоторые изменения в имени, в летах, но сущность предмета и любви к нему остались одинаковыми.

— Помилуйте, Владимир Николаевич! — воскликнул Бельский, вскакивая и составляя распростертыми своими руками фигуру архимедова рычага. — Помилуйте! Вы меня удивляете! Положим, что время уходит и лета изменяются, но как может перемениться имя?.. Клянусь вам как честный и благородный человек, что я тут ничего не постигаю!.. Я уверен, что Иван Дмитриевич точно так же не понимает вашей загадки... Вот спросите хоть его: он здесь налицо... Впрочем, я со своей стороны готов прозакладывать свою голову, ежели...

— Благодарю вас за жертву, но мне нечего и не для чего спрашивать... Уважьте покуда мою тайну... Я вам ее открою, но для этого мне надобно вас приготовить... Потерпите немного!

Такая торжественность ответа остановила дальнейшие расспросы, и хотя два друга, перемигнувшись очень искусно, тотчас поняли все дело без всяких приготовлений и открытий, но как на ту пору не было никакой нужды зарезать одним размахом простосердечного своего приятеля, то они оба притворились бестолковыми до глупости и через несколько минут разошлись по домам.

Вольдемар занялся чтением писем.

Полученное от Никиты Петровича было наполнено разными столичными новостями и особенно касающимися до литературы... Оно имело свой частный интерес, между тем как письмо Зорова довольно любопытно для всех, читающих эти страницы.

Считаю долгом поместить его в особой главе... Оно перенесло Вольдемара в былое; оно волшебно представило пламенному Поэту близость его ненаглядной сестрицы, его милой Лизаньки. Молодой Смолянов перечувствовал снова свои минувшие восторги,

Потому что воспоминать
значит собственно чувствовать.
Гельвеций

Глава XXV. Физиономические поверки

Какая кротость!.. Какое терпение!..
Их печальный вид выражает упрек,
их молчание — жалобу, невинность!
Томсон

Вот уже около года, любезный Владимир Николаевич, как мы расстались с вами... В течение этого времени мне очень приятно было слышать раз или два стороною, что вы живете в довольстве и веселии... Веселитесь, пользуйтесь этими невозвратными днями молодости: пусть дух ваш будет всегда в самом лучшем расположении и пускай улыбка счастья и радости не сходит с вашего лица.

Такова должна быть стихия молодости; к тому же невинный смех и невинная веселость суть лучшие признаки доброты душевной: в этом я уверен и по собственному опыту и по уважительному свидетельству древних и новых мыслителей.

Я не стану вам вычислять многих: так здесь просты все физиономические и патагномические результаты.

Стараясь быть как можно более кратким, я только спрошу у вас, согласны ли вы, что лица, имеющие какую-то особенную приятность (несмотря на то, правильны ли они или неправильны в своих очерках), принадлежат включительно людям добрым? Впрочем, тут нечего и спорить. Далее следует привести мнения Геллерта и Ляшанбра, из которых первый утверждает, что разум, сердце и характер рисуются на лице, а последний сказал очень остроумно, что нет никакой нужды в отверстии, чтобы видеть движения души: все они четкими буквами написаны на физиономии каждого.

Потом, после сего прекрасного авторитета, надобно убедить себя в истине, доказанной веками, что душевные действия, беспрестанно повторяемые, оставляют после себя на лицах свойственные им отпечатки, которые и разнообразят выражения лиц.

Почти точно то же говорит и Ювенал в своей IX сатире... Переведу его слова, потому что вы, кажется, не знакомы с нашею латынью:

«Мучение или беспокойство души открывается так же, как и радость, по внешнему виду человека: сии два противоположные чувства дают совершенно разные выражения лицам».

Довольно ли для вас этого?.. Остальное докончу сам.

Радость есть чувство приятное, следовательно, и частые отражения оной на физиономии придадут ей приятность, которая по обратному выводу будет доказывать доброкачественность самой души... Все это слишком вразумительно, чтобы распространяться более.

Не скрою от вас, что я, по свойственному всем самолюбию, был чрезвычайно рад и доволен, когда время и опыт совершенно подтвердили справедливость первых моих замечаний насчет этой малюточки Лизы, в которую вы были так влюблены.

Помните ли вы, любезнейший Владимир Николаевич, о моих ответах на восемь важных пунктов, данных мною для вернейшего и ближайшего рассмотрения прекрасного предмета вашей любви и для узнания душевных его качеств?.. Если вы помните сии ответы, так узнайте же мои дальнейшие над вашею хорошенькою *сестрицею*, сличите их с прежними и порадуйтесь вместе со мною.

Толи через неделю, толи через две после вашего отъезда я завернул к Буклиным; спрашиваю, дома ли, и узнаю, что они уехали еще накануне на дачу к Софье Петровне Лажиной, чтобы провести у нее несколько дней.

Эта Лажина знакома мне очень давно. День был для меня совершенно свободный: я уже успел навестить всех своих пациентов и потому тотчас же отправился прямо к ней.

Добрая старушка хозяйка и Анна Ивановна были мне очень рады; не знаю ничего о чувствах Лизы, только я заметил, что она вся вспыхнула, когда я взошел в комнату.

Весь день, как вы можете себе представить, был проведен мною чрезвычайно приятно в кругу таких милых дам... Мне особенно нравилась простота и непринужденность, царствовавшая в доме почтеннейшей Софьи Петровны... После обеда я, по стариковской своей привычке, уснул, как дома, и потом, не отыскавши дам, отправился один-одинехонек в оранжерею, чтобы полюбоваться превосходным собранием редких растений и цветов, до которых хозяйка большая охотница.

Через десять или пятнадцать минут, когда я почти с умилением остановился перед благовонною и пышною кашемирскою розою, чтобы снять с ее стебля маленького червячка, мне послышался позади меня какой-то шелест. Оглядываюсь — это была Лиза.

Вы верно бы сказали, будучи на моем месте, что в это мгновение судьба поставила вас между двумя самыми прелестнейшими цветами, но я не нашелся на тот раз и начал просто:

— А!.. Елизавета Егоровна!.. Что скажете вы хорошенького?

— Что мне сказать вам, Иван Федорович? — отвечала она, снова краснея, и потом прибавила с робостью и вполголоса, занавешивая свои блестящие глазки своими глянцевыми ресницами: — Я думала, не скажете ли вы чего-нибудь?

— Понимаю, понимаю вас, Елизавета Егоровна, и очень благодарен за доверенность. Впрочем, вы можете положиться на меня смело: я человек скромный и душевно люблю вашего братца и вас самих.

— Оттого-то я и пришла к вам, что была в этом уверена, но скажите мне, неужели вы ничего не слышали *о нем*?

— Решительно ничего!.. Да если сказать вам правду, так еще и некогда было слышать. Вы не должны, впрочем, беспокоиться: он человек молодой и, несмотря на некоторое расслабление, по своей счастливой комплекции вынесет всякую дорогу... Потом, Бог даст, мы получим от него хорошие вести, а там, годика через три, через четыре опять увидимся с ним и уже общими силами постараемся никогда не расставаться...

— Да!.. Видите ли вы какие, Иван Федорович!.. Вам легко говорить: *годика через три, через четыре*, а каково-то мне?

— Что ж мне делать, любезная Елизавета Егоровна?.. Я не хочу обманывать вас пустыми рассказами и обольщать несбыточными надеждами... Как быть! Потерпите!

— Я уж и то терплю очень много и не знаю, что из этого будет?.. Поверите ли вы, что глупое мое сердце не предвещает ничего доброго?.. Глаза мои не осушались несколько дней после отъезда моего миленького братца; я и теперь часто плачу о нем, только уж втихомолочку… Маминька сама со слезами просила меня, чтобы я не убивала ее своею грустью, а я очень люблю мою маминьку, чтобы не послушаться ее: у меня теперь только и света в окошке.

— Неужели Анна Ивановна не подает вам никакой надежды?

— Нет! Маминька сказала, что мы оба еще чрезвычайно молоды, что нам надобно подождать; но потом прибавила, что ей самой нравится мой Володинька… Виновата, Иван Федорович!.. Я хотела сказать, что ей нравится Владимир Николаевич; что если он не переменится в течение некоторого известного ей времени, то она охотно согласится на наше соединение и что, наконец, она во всяком случае решительно никогда не будет противиться моему выбору, чтобы я никак не могла пенять на нее за мои несчастия.

— И слова, и поступки вашей маминьки превосходны! Положитесь же на нее и на Бога!.. Может быть, время все переделает.

— Как я буду рада, если ваше пророчество сбудется когда-нибудь!.. Между тем я хочу попросить вас, — продолжала она, снова понижая свой голосок, — если вы будете писать к *моему*… к Владимиру Николаевичу, то, сделайте милость, поклонитесь ему от меня и потрудитесь сказать, чтоб он так же не забывал своей сестрицы, как она не забывает своего братца.

Этим кончился наш разговор, потому что едва я успел дать ей слово (которое теперь и сдерживаю), как вдруг в дверях оранжереи раздался голос Вариньки, дочери Софьи Петровны и задушевной приятельницы вашей сестрицы… Лиза вспорхнула от меня, как птичка, и я не видал уже ее с тех пор.

Ну что, любезный мой Владимир Николаевич!.. Не оправдываются ли теперь на самой практике мои прежние теоретические замечания?

Вспомните только, что я вам сказал в *пункте четвертом* о ее носе и о небольшой подвижности носовых крылец, а в *пункте седьмом* о пухе на ее ушах и о намеке на будущее состояние вашего лба; вспомните это и сравните мои ответы с настоящими поступками, чувствами и действиями Лизы.

Посмотрите, какая рассудительность!.. Какая сила души, умеющей страдать!.. Какое постоянство в любви!.. Какая доброта сердца и примерная привязанность к матери!.. Не говорил ли я вам тогда же, что это клад, а не девушка?.. Порадуйтесь же счастию своего выбора и продолжайте со своей стороны быть верными этой невинной девушке, этой прелестной малютке: такая благородная и возвышенная страсть, доказывая, что вы умеете ценить и любить истинно прекрасное, составляет в то же время украшение сердца и есть одна из лучших рекомендаций для молодого человека.

Если я до сего места рассказывал вам обо всем с отличным удовольствием, то мне невольно делается грустно при переходе к наблюдениям самым неприятным. Душевно желаю, чтоб я ошибался в моих расчетах; но долг дружбы и любви, которые я к вам чувствую, заставляют меня объявить опасения моей опытности и, если можно, предостеречь вас добрым советом от дурных последствий.

Вы можете послушать меня или не послушать: на это есть у вас хороший запас рассудка и доброй воли; но, по крайней мере, сказавши свое мнение, я останусь совершенно правым, ибо сделаю все, что требует от меня совесть.

Я намерен говорить с вами о подателе сего письма Василье Петровиче Бельском и об его товарище… Признаюсь вам, любезный мой друг, что оба они кажутся мне людьми ненадежными, особенно первый. О втором я могу заключить в дурную сторону только по давнишней его связи с Бельским, по связи, которую может допустить человек неопытный, доверчивый и простодушный, как вы, и то, впрочем, на самое короткое время, а не господин Арский, имеющий, несмотря на свою молодость, порядочный пай хитрости и дальновидности… Хотя я и полагаю слишком большое расстояние между сими двумя людьми; хотя Арский, по-моему, далеко лучше Бельского, но тем не менее оба они люди фальшивые, вредные и опасные, потому что обладают искусством притворства в высочайшей степени.

Не подумайте, Владимир Николаевич, чтобы я чересчур много полагался на свою опытность и на свои посильные сведения… Я не осмелюсь поставить себя на одной доске с великим Демокритом, который в бедном дровосеке-абдеритянине предузнал знаменитого основателя секты софистов или который до того умел читать по лицу о самых тайных действиях, что как-то раз он приветствовал названием *девушки* одну молоденькую прислужницу из дома Гиппократа (по словам же других — его дочь), а на другой день назвал ее *женщиною*: и это в самом деле было справедливо… Нет!.. Я не занесусь так далеко!.. Но есть вещи, которые уже слишком явны, чтобы их не видеть, особенно в моих летах. К ним-то отношу я и личину господина Бельского.

Зная очень хорошо, что нравственные способности открываются нашему наблюдению из профиля, преимущественно по тому углу, который составляется из линии лба и из перпендикуляра, поставленного у корня носа, или по расстоянию, которое разделяет сей перпендикуляр с другим, поставленным на верхней оконечности лба, — я старался как можно пристальнее всматриваться в сии части его лица — и всегда находил одни самые дурные признаки.

Потом с горестью обратил я внимание на острый и выдавшийся подбородок, который непременно означает лукавство. Вслед за тем короткий, покрытый морщинами и шишковатый лоб, совершенно горизонтальные ресницы, угловатые брови, неприятная улыбка сомкнутого рта и много других явлений, взятых вместе, убедили меня наконец, что этот человек имеет в себе самые злокачественные начала и что он не может и не должен быть не только вашим другом, но даже вашим частым собеседником... Худое чрезвычайно прилипчиво, да и кроме того, что за радость быть или обманутым или осмеянным?

Вот вам отчет моих наблюдений. Может быть, я и ошибаюсь, но советую держаться настороже: предусмотрительность никогда не вредна.

В заключение скажу вам, что вскоре после моего свидания с Буклиными они уехали в степную свою деревню и с тех пор нет об них ни слуха, ни духа... Верно, Анна Ивановна занимается устройством своих дел, пришедших в беспорядок от небрежности.

Прощайте!.. Думаю, что я уже и надоел вам своим письмом, которое так длинно и так скучно, что годится в любой роман. Желаю вам счастья и прошу не забывать преданного вам друга

Ивана Зорова.

Разговор.
От кого ты научался мудрости?
Саади

От слепых, которые не подвинут вперед ноги,
не попробовав сперва палкою того, на что они хотят ступить.
Философ персидский

Глава XXVI. Комедия особого рода

Но обратимся к животным...
Их виды неисчислимы... Одни
из них имеют по две ноги... Одни
из них ходят... Другие ползают.
Фенелон

Пять раз перечитал Вольдемар это дружеское письмо и пять раз принимался плакать от радости, что в мире есть прелестное существо, которое любит его до такой степени! Но он никак не мог однако ж надивиться, почему и та, которая так похожа на его миленькую сестреночку, любит его неодинаково с этою последнею?

Сам Поэт никогда не разлучал их в пиитических своих мечтаниях: мысль о Лизе вела к мысли о Раисе, любовь к первой невольно порождала любовь к другой, и, наоборот, раздельное их счастье было для него слитым... Каким же образом они, составляя для него одно целое, могли иметь разные чувства? Это казалось для него противоречием, которое было вне всякого порядка вещей!

Устремлял ли он потом исключительное свое внимание на какое-нибудь одно из двух милых ему существ, и везде встречал одни и те же препятствия, в разных только видах. С одной стороны, дальность расстояния и решительная невозможность встречи; с другой, безответность и порою даже холодность; но тысячи верст можно было и пройти и проехать, а где отыщешь волшебный магнит, который бы притягивал к нам любое женское сердце?

Очевидно, что большая трудность была в достижении ближайшей цели, и, конечно, всякий другой на месте Вольдемара упал бы духом, но он хотел действовать поэтически... Душа его была (как ей и следовало быть) пылка и возвышенна: препятствия только подстрекали ее... Он подумал с полминуты — и решился продолжать свои неутомимые ухаживания за Раисою.

Что же касается до предостережения, которое сделал моему герою опытный Зоров, относительно двух его друзей, то он не обратил на него никакого внимания.

Молодой Смолянов был так обласкан своими друзьями; они так любили, так хвалили его; они так старались угождать ему, что он всю невыгодность отзыва о них приписал сбивчивости науки, которою занимался Зоров, ошибочности выводов и, наконец, какому-то странному предубеждению этого почтенного человека против всех сухопарых людей.

Вскоре после того, как Арский и Бельский возвратились из Петербурга *отягченные почестями*, то есть чинами коллежских асессоров, дававшими им право на родовое дворянство и, по безлюдью, на советничьи места, Вольдемар имел честь познакомиться с их супругами, которые хотя и постоянно жили в Т……, но по сибирскому обычаю не принимали никого во время отсутствия своих мужей, по крайней мере, ни одна туземка не делает этого явно.

Я вам не буду ничего говорить о сих двух последних дамах и не сказал бы даже о знакомстве с ними Вольдемара, если бы преждевременная смерть их не имела бы большого влияния на участь многих действующих лиц моей истории.

Бельская умерла через месяц по приезде своего мужа и оставила его неутешным и несчастным вдовцом. В судорогах и конвульсиях влачился он за холодными и бездушными останками бывшей своей подруги и во время перехода своего до могилы он чрезвычайно искусно и проворно мастерскими движениями рук, ног и целого тела представил *почтеннейшей публике* все возможные прямые и кривые линии.

Может быть, некоторые из чувствительных моих читателей и особенно из читательниц попеняют мне за то, что я подтруниваю над человеком в такую горестную минуту его жизни; но я чувствую себя правым и смотрю на упрекающих меня прямо в оба глаза.

Надобно вам сказать по секрету, что Бельский не любил своей жены и был очень рад ее отъезду к прапрадедам и прабабушкам... К чему же это шарлатанство? Это осквернение священных чувств глубокой горести и надежды на вечное свидание гнусным притворством?.. Шила в мешке не утаишь даже и от людей: все они знают, особенно в маленьких городках, семейственный быт каждого так же твердо, как дважды два четыре, если еще не потверже; спрашивается: кого же эти фокусники хотят обманывать и морочить?

Нет! Воля ваша, милостивые государыни! А эти проделки не по нутру моему гусарскому сердцу: они дерут мне глаза и душу, и я бы скомандовал за них: на конюшню! Да еще не велел бы и плакать.

Сюда-то относится и мой эпиграф. Жаль только, что Фенелон, классифицируя животных и говоря, что одни из них ходят, другие ползают, не досказал, что есть и такие, которые целую жизнь свою кривляются и шарлатанят... А ведь какой многочисленный разряд животных подобного сорта!.. Можно ли сделать этакий непростительный промах?..

Изо всех присутствовавших на похоронах Бельской только один Вольдемар верил ото всего сердца непритворности рыданий и скорби полуживого своего друга... Собственные слезы не позволяли ему даже утешать его... Он шел молча, однако ж изредка принимался кряхтеть потихоньку, надрываясь от увесистой тяжести Бельского, который (прости Господи!) как угорелый метался из стороны в сторону и наваливался с размаха то на того, то на другого из своих благоприятелей.

Чтобы закруглить эту главу чем-нибудь поотраднее и поприятнее для слуха, нежели слова: похороны, слезы, гроб и могила, я могу с большим удовольствием уведомить всех соболезнующих о потере Бельского, вопреки собственным его чувствам, что он остался не совсем одиноким в этой юдоли плача и житейского треволнения.

Он имел плод, или залог любви, или, наконец, что вам угодно, в лице Анны Васильевны, шестилетней своей дочки, которая, между нами будь сказано, была так проста и так толста, что ее безгрешно можно было назвать узелком с мясом, с костями и с прочим.

Василий Петрович, как говорили добрые люди, не любил и этой малютки, но на ту пору она очень пригодилась ему для полноты сцен и для большого эффекта. В случае каких-нибудь посещений ему было что охватить своими руками, было над чем проливать слезы и делать трагические восклицания...

«O tempora! O mores!..» — проговорил когда-то Марциал... Люди пожили и поопытнели... Один из новейших прибавил к старому: «O pecora! O boves!». И он прав!.. Можно ли в таком человеке, как Василий Петрович, предполагать более двух *начал*: души и тела?.. Где следы проявления третьего, отличительного нашего свойства?.. Нет!.. В господине Бельском не было *духа*! Вот что он был с *душком* — это дело десятое!

И злы, и низки, они не имеют даже бодрости,
чтобы сделаться...
Ж.-Ж. Руссо

Глава XXVII. Что-то вроде теплых вод

Наконец великолепное светило дня оставляет Овна
и вступает в блистательный знак Тельца.
Томсон

Наступила весна!.. Я бы мог воскликнуть что-нибудь и другое, но мне непременно хочется сказать: наступила весна!

Признаюсь, я люблю эту свободу мыслей и письма; мне нравится повсеместное хозяйничанье каждого, кто только умеет держать в руках перо, или кисть, или трость, обмакивать их в какой-нибудь жидкий и цветной состав и потом выводить ими разные фигурки, начиная или с левой стороны к правой, или с правой к левой, или сверху книзу, или... Виноват! Чуть было не проговорился: или снизу кверху; но этак, кажется, никто не пишет на нашей грешной планете.

Человек, вооруженный письменным орудием, делает все, что только угодно его душе... Все перемены воздушные, все чувства, мысли и действия человека — все зависит от его прихоти; но, объявивши о наступлении весны, я нисколько не употребил во зло неограниченной своей власти, потому что это случилось на самом деле.

Слышите ли вы это благовоние, которым растворена свежесть и теплота воздуха?.. Вы не слышите — и это очень естественно, потому что весна сибирская — большая мотовка на наряды и чрезвычайно скупа на духи. Она растормошит весь модный и щегольской магазин цветов, уберется ими, как куколка, потом намочит кончик платка несколькими каплями ординарной воды шиповника и не более... Я уверен, что эта весна понравилась бы покойному беспокойному Наполеону, который не жаловал никаких уханий.

Зато, если вам нечем нежить свое обоняние, то ваше зрение натешится вполне... Что за картины!.. Какие смелые очерки!.. Какой великолепный колорит!.. А это небо?.. Полюбуйтесь им!.. Как оно светло!.. Как глубоко!.. Как оно прозрачно и тонко!.. Вот того и гляди, что разорвется от малейшего дуновения ветра — и вы увидите тогда... Но я уж, право, не знаю, что вы тогда увидите, потому что оно ни разу еще не разрывалось...

Итак, наступила весна... Старик Смолянов принялся посвящать все свободное время охоте, которая была для него пуще неволи; ...Любинька принялась хлопотать около своего сада; ...Арский принялся грустить о том, что его жена стала часто хворать; ...батальонный командир принялся за парады, которые расцвечали губернское однообразие и окончание которых имело еще ту особенность, что музыканты возвращались в казармы молча и только или у того, или у другого дома (по назначению) начитали играть:

«Здравствуй милая, хорошая моя!».

Это значило, что воинское сердце начальника растаяло и что он строит куры...

Добрый Бенин продолжал по-прежнему коптеть над книгами и журналами; ...*восковый* вдовец продолжал гримасничать и плутовать по силе и возможности; ...Александра Яковлевна продолжала быть образцом набожности; ...Раиса продолжала не любить Вольдемара; ...Вольдемар продолжал любить Раису, учить Фелисату и не находить толку ни в том, ни в другом... Наконец его взяла одурь, и он объявил всем и каждому о своем намерении путешествовать для поправления здоровья.

Сборы были не велики: стало быть, кончилось скоро... Вольдемар радовался своему отъезду тем более, что ему удалось как-то уговорить Бельского отправиться вместе с ним для рассеяния горести.

В общем совете положено было взять направление на юг, погостить в Б....., где было очень хорошее общество (чуть ли не лучшее во всей Сибири) и где оба путешественника имели родных; потом посетить Алтай, проникнуть в его великолепные ущелины, полюбоваться гигантскими *Белками*[3] и поплавать по Иртышу, который со своими дикими, скалистыми берегами неописанно хорош в его верховье.

Как сказано, так и сделано!.. Запрягли удалую четверню в длинный и чрезвычайно покойный *карандас*[4]; привязали чемоданы; накинули на них тюфяки и подушки; посадили двух путешественников с двумя постными лицами; бич хлопнул, колоколец стал пороть дичь не хуже иной барыни — и пошло писать...

По приезде в Б..... Вольдемар остановился в доме двоюродной своей сестры, доброй и кроткой женщины, которая уже давно была замужем. Первый выезд его был сделан к одному из старых наших знакомых, то есть к дядюшке Якову Афанасьевичу, который, оконча свои петербургские дела, опять возвратился в родимую Сибирь.

Это свидание имело всю приятность, какую могут чувствовать только хорошие родные. Добрый Поэт забыл в эти минуты, что дядя своими заботами о его счастье сделал его несчастливым; что по его милости он потерял в одном месте и не надеется ничего выиграть в другом; что, может быть, он был бы теперь самым благополучнейшим человеком в объятиях своей Лизы и вместо того должен страдать почти без цели от холодности Раисы. Все это позабыл он навсегда с самой первой минуты свидания.

Кроткий старик обнял его с такою непритворною ласкою, не знал куда посадить его и даже прослезился от радости, особенно когда внимательность, уважение и заботливость племянника уверили его, что Телемак не сердится на своего Ментора за опасный скачок с очаровательного острова Калипсы.

— Вижу, любезный молодой человек, — сказал наконец дядя, — вижу и не боюсь говорить тебе это в глаза, что ты имеешь прекрасное сердце и благородную душу... Вижу, что ты понял и оценил чистоту моих намерений и согласился со стариком, с которым (говоря без всякого хвастовства), когда он был еще молод, соглашались иногда и старики... Мне очень весело было слышать, что ты усердно и успешно занимаешься службой... Посмотри-ка, как мы пойдем с тобой в гору!.. Не правда ли, племянник?

— Не знаю, дядюшка, но, по крайней мере, я буду стараться.

— И прекрасно!.. За Богом, братец, молитва, а за царем служба не пропадают! Однако ж, скажи-ка мне, долго ли ты погостишь у нас?

— Думаю, что около месяца или больше... Мне бы хотелось посоветоваться со здешним доктором насчет моей болезни: я слышал, что он очень искусен.

— О! В этот раз слухи не обманули тебя нисколько... Господин Глюкман человек редкий по своей части. Оно делает у нас чудеса!.. Я познакомлю тебя с ним сегодняшним же утром: в двенадцать часов он обыкновенно навещает старика, любит пить у меня водку и закусывать славными груздями.

В самом деле, не прошло получаса, и Глюкман явился к Сашину во всем своем блеске.

Природа, бесконечно разнообразная в своих творениях, жестоко подшутила над обстановкою частей тела этого ученого мужа.

Голова его, большая и круглая, как будто кочан, без всяких околичностей лежала прямо на плечах, так что жир и мясо бедной, сдавленной шеи высовывались из-под нижней челюсти в виде хорошо зажаренной сосиски и обвивались пышным кольцом около вышесказанного кочана; широкое лицо его лоснилось и горело в пурпуровых, сизых и фиолетовых отливах; маленькие, серенькие, едва видные глаза беспрестанно ходили ходуном; курчавые, огненного цвета волосы покрывали огромный его череп; два горба смиренно покоились на его спине и груди... Затем следовал живот, который служил образцом мастерского и презанимательного механического опыта, до какой степени может растягиваться человеческая кожа.

К этому-то любопытному туловищу прицеплены были в надлежащих местах коротенькие ножки и коротенькие ручки. Каждая из двух последних вотще протягивалась к своей родимой сестрице, чтобы дружески пожать ее: везде огромное пространство разделяло их оконечности и только у одного рта они вполне осязали взаимное прикосновение.

Глюкман ходил очень тихо, говорил очень скоро, прибавляя почти ко всякому слову частицу *та,* и кланялся совершенно незаметно, что делал он, по его выражению, для сохранения своей-та немецкой-та фашности... А признаться сказать, очень велика эта важность!

Старик дядя тотчас же познакомил своего племянника с будущим его доктором, который с головы до ног оглядел нового своего пациента, пощупал пульс, полюбовался языком и расспросил о некоторых подробностях, довольно неинтересных для человека постороннего; одним словом, вся медицинская исповедь сделана была по форме.

Тогда Карл Карлович всунул, по обыкновению, большой палец левой руки в одну из фрачных петелек, правую руку поместил в боковой панталонный карман, отставил одну ногу и сказал со всею возможною и должною самоуверенностью: «Будьте-та покойны!.. Я все понимаю-та!». Потом, взглянув с умилением на поставленную закуску, он прибавил: «Однак-ше теперь-та не мешает фыпивать одна или другая рюмочка фотки и покушать-та груздошков, для сохранения своей-та немецкой-та фашности».

Между тем как господин Глюкман производил самый опустошительный набег на тарелку с груздями, Вольдемар невольно вспомнил о последовательности немецких имен, в которой был твердо уверен один из его сослуживцев. Этот приятель думал, что имена немцев совершенно зависят от их возраста; что до тридцати лет они все без изъятия называются Иванами Ивановичами, потом переходят в Карлы Карловичи, и, наконец, в шестьдесят лет каждого из них должно называть Адамом Адамовичем, если не хочешь огорчить старости.

В то время, о котором идет речь, почтенный Глюкман быстрыми шагами подвигался к своему Адамству; но, умея разрушать себя ядом невоздержности, он чрезвычайно хорошо знал все противоядия и мастерски употреблял их в свою пользу.

Таким образом, несмотря на лета, образ жизни и на *тугие* телесные обстоятельства, он был надежнее многих, и Вольдемар наперед уже предполагал, как прославленное искусство Карла Карловича вполне восстановит его силы, придаст ему бодрость, свежесть, хороший цвет лица и следственно... Но я думаю, что это *следственно* очень понятно для каждого... Разумеется, он думал тогда, что Раиса, заметя в нем такую счастливую перемену, удивится, смилосердится, разнежится и невольно отдаст свое сердце в полное его распоряжение... Бедный Певец! Верно, он не знал, что девушки никогда не позабывают ни бархатных заплаток, ни сухих и неловких поклонов... Ему не пришло и в голову, что у него есть искренний, задушевный приятель Иван Дмитриевич Арский, который... но об этом после...

На другой день доктор приехал на квартиру молодого Смолянова, повторил свои расспросы, прописал рецепты для пилюль, для микстур и для ванн — и с тех пор все пошло своим порядком, хотя, впрочем, все может идти как следует и без господ Глюкманов.

Держите голову в прохладе,ноги в тепле,
не отягощайте желудка — и без всякой боязни
насмехайтесь над докторами.
Боэргаав

Глава XXVIII. Человеческие слабости

Непорочность есть самое лучшее
украшение хорошей жизни.
Бакшилид

Теперь я хотел было попросить вас, мои прелестные читательницы, привстать и пройтись немножко для моциона, чтобы узнать некоторые местности того дома, в котором гостил Вольдемар; но я вижу, что вам очень не хочется оставлять своих работ и тревожить свои маленькие и миленькие ножки, которые так рисовально выставлены из-под пышных ваших платьев и так хорошо покоятся

на этих маленьких подушечках... Сидите же себе с Богом: я и так могу показать вам все входы и выходы; потрудитесь только следовать за мною мысленно.

Вошедши в крепкие и большие ворота, вы увидели бы на правой руке прекрасный деревянный дом, в котором жила двоюродная сестра Вольдемара со своим мужем... Они занимали всю половину, прилегающую к улице; со стороны двора были расположены передние, детские и два кабинета: последние достались в распоряжение Смолянова и Бельского. Длинный и широкий двор расстилался между задним фасадом дома и красивеньким, раскрашенным сенником, стоящим напротив... Между этим сенником и домом с левой стороны тянулся глухой и высокий забор, с правой — по свежей зелени молодого сада чернелась легонькая решетка, в середине которой, наконец, едва виднелся из-за деревьев прехорошенький, новенький флигелек, вдавшийся совершенно во внутренность сада... Вот все, что нужно было приобщить к сведению.

Я сказал почти сию минуту, что Смолянов и Бельский заняли по приезде своем два кабинета, находившиеся с надворной стороны дома; впрочем они жили там вместе не более двух или трех дней... Василий Петрович думал было перейти сперва к одному из давних своих родственников, однако ж потом, не знаю, *почему-то*, согласился на просьбы хозяйки и своего дорожного сотоварища: он остался там, где и был; но Вольдемару следовало принимать ванны: ему надобен был покой и приют, и потому он перебрался в садовый флигель... Там он ночевал, там парил свое грешное тело; потом отдыхал и завтракал в постели и приходил тогда только в комнату Бельского, когда ему нужно было чем-нибудь заняться.

Время шло неприметно и, следственно, приятно, или, если вы хотите, оно шло приятно, следственно, неприметно... Приезжие успели пообглядеться, посмотреть на других и показать себя... Не могу вам сказать ничего решительного, как нашли их другие, но зато я твердо уверен, что они оба со своей стороны и, разумеется, каждый втихомолку нашли, что горничная их хозяйки чрезвычайно интересна.

Как! — воскликнут мои читатели: — И этот неутешный вдовец со своею неутешною печалью, и этот возвышенный Поэт со своею возвышенною любовью, и они оба могли унизить себя до волокитства за какою-нибудь горничною?

Ваше восклицание очень естественно, но позвольте остановить вас при самом начале.

Во-первых, Соничка была не *какая-нибудь* горничная, а такая, каких мало!.. Вы верно без отговорок согласитесь в этом со мною, если только представите в соединении следующие превосходные достоинства.

Шестнадцать лет, свеженькое, кругленькое личико, плутовские голубые глазки и плутовскую улыбку, прелестные каштановые волосы, хорошенькой стан, и... как вы думаете, что я вам прибавлю на закуску?.. Я прибавлю то, чего вы никак не ожидаете, я прибавлю — непорочность!.. Да, милостивые государи! Полную, совершенную, доказанную непорочность поступков, мыслей и чувств... Это вовсе не безделица в наш порочный век, и притом в горничной шестнадцати лет.

Одно уже описание Сончики почти совершенно оправдывает двух моих друзей, мне можно было бы остановиться на этом же месте, и, несмотря на то, однако ж я буду продолжать дальше и скажу самое убедительное *во-вторых*.

Во-вторых, Бельский страдал *душою* о невозвратной потере бесценной супруги; Смолянов любил *сердцем* свою вторую, ненаглядную сестрицу Раиньку; но все, что было в них физического, невзирая на все тайные и непостижимые соотношения с нравственным, оставалось в стороне и действовало своим чередом. К тому же они оба могли предполагать очень основательно, как должно быть приятно, нежась в объятиях подобного существа, поверять ему свои горести об ужасных тратах, о мучительной безнадежности любви; как отрадно разделять с ним эти печальные чувства или, по крайней мере, позабыть все существенные бедствия на несколько упоительных мгновений, утопая в невыразимо очаровательном лоне сладострастия и неги!

Скажу еще, что если Бельскому хотелось мучить других своим притворно-приторным отчаянием и если Поэту хотелось мучить себя своими бесплодными исканиями, то в этом была их собственная воля, которую по всем правам могли они отменять с одиннадцати часов вечера до седьмого часа следующего утра.

Я окончу их защищение, повторяя слова, не помню, какого-то старика, который сказал, что человек есть *животное*, исключая только тех немногих мгновений, когда он бывает *человеком*... Это понятно, истинно и выше всех возражений.

Как бы то ни было впрочем, а здесь сила в том, что Бельский и Смолянов нашли белокурень-кую Соничку девушкою *хоть куда*!

Это последнее выражение вмещает в себе чрезвычайно много мыслей, что, конечно, известно и всем моим читателям, если им случалось когда-нибудь обращать на него свое особенное внимание.

Два слова: *хоть* и *куда*, соединенные вместе и поставленные там, где им следует быть, лучше всего доказывают наше самолюбие.

Сочинители, которые пользуются славою; артисты всех родов, которые заслужили известность; люди, которые заслужили известность; люди всех званий, которые наметали руки или даже головы к своим исключительным занятиям; красавицы, которые не налюбуются своим прекрасным целым

или обворожительными частями; мужчины, которые похожи на женщин; одним словом, все, совершенно все, рассматривая какое-нибудь новое лицо, оценя в нем его отличительное достоинство, которому уже отдана справедливость, все они говорят одно и то же: сущность отзывов одинакова у всех, изменяется только образ выражения.

«Такой-то пишет *хоть куда*!» — говорит про новичка старый сочинитель — и это значит: такой-то пишет точно хорошо, но все далеко еще не так, как я, знаменитый и препрославленный литератор.

Начальник препоручает исполнить что-нибудь одному из своих подчиненных... Товарищ последнего, одобряя выбор, говорит: «Наш начальник прав! N. N. сделает все *хоть куда*!». И это значит: «Конечно и N. N. может кончить это дело; но какая же разница, если бы оно было препоручено мне?».

Так точно, или почти так, говорили, говорят и будут говорить все, смотря по времени, месту и обстоятельствам, и я могу уверить, что выражение *хоть куда* можно подвести хоть куда!

В настоящем случае и вдовец и Поэт, называя прекрасную горничную своей хозяйки *девушкою хоть куда*, понимали через это, что даже и для них впору и не совсем стыдно заняться ею от нечего делать и что они, пожалуй, осчастливят ее своим снисходительным вниманием.

Статочное дело, что два друга и не отдали себе подобного отчета в своих мыслях; тем не менее, однако ж, я уверен, что таковы были тайные причины начала волокитства и надежды на успех. Извините же им, господа, эту человеческую слабость!.. Искать наслаждений так извинительно!.. Сверх того, почему знать, может быть, они оба положили себе за правило, что...

Не предаваясь удовольствиям,
надобно только их придерживаться.
Ботрю

Глава XXIX. Сенник

В эти счастливые минуты,
когда ты бросаешься в его объятия
и обвиваешь его своими руками, скажи,
прелестная богиня, чтобы укротить его,
скажи несколько тех сладостных слов,
которых прелесть так восхитительна.
Лукреций

Наступательные действия начались; но прежде, нежели я представлю все циркум- и контроваллационные линии, все траншеи, которые вели с двух противных сторон, к одной и той же крепости, два различных неприятеля, совершенно не думая о соперничестве: прежде всего этого я должен сказать моим читателям несколько слов о внутренности раскрашенного сенника, о котором я недавно упоминал.

При первом шаге в него вы бы, конечно, догадались, что туда ходил кто-нибудь ночевать.

В одном углу, выметенном чисто-начисто, стояла небольшая красная кровать. Постельное белье было очень опрятно: ночной чепчик и ночная кофточка, мастерски вымытые и мастерски сложенные, лежали чинно под верхней подушкой. Одним словом, все показывало, что особа, занимавшая этот уголок, была рождена *хотя от бедных, но честных и благородных родителей*, как говаривали в старину. На сей раз это была совершенная правда, если только слово *благородство* относить к поступкам, а не к званию... Тут спала добренькая, миленькая, непорочная Соничка.

Для девушек в шестнадцать лет бывает иногда удивительно тягостно проводить ночи в комнатах: бедняжечкам и жарко и душно в тех темницах. Им хочется дышать посвободнее: в них и без того и кипит и горит что-то неведомое... Конечно, не всегда и сенники или темные беседки приносят *ощутительную* пользу, но Соничка находила, что ей там гораздо лучше, нежели где-нибудь.

Всякий день после ужина, раздевши и уложивши свою барыню, она отправлялась тихохонько через то крыльцо, которое находилось у самых ворот; тут повертывала она направо, то есть во двор, и это было как раз, если вы только поняли мое описание, у самых окон Василья Петровича.

Несчастный, одинокий, растерзанный душевными страданиями вдовец сиживал обыкновенно в это время у окна и (может быть) погружался в мрачный хаос унылых дум или мечтал о жизни будущей и о том, как вознаградится ему *там*, что потеряно им *здесь*; все это очень легко может быть, и я охотно поверил бы ему на слово относительно чистоты его чувств и мыслей: но тем не менее я решительно убежден, что его серенькие глаза были одарены самым редким кошачьим зрением.

Чуть только, бывало, мелькнет из-за угла белокурая горничная, чтобы идти через двор в свой сенник, — Бельский в то же мгновение переносился, как молния, от безукоризненных помыслов к земным пожеланиям.

Тщательно, герметически закупоренный в белый халат, он очень проворно высовывался почти во всю свою длину из растворенного окна и в темноте чрезвычайно сбивал на какой-то березовый обрубок. Жаль, что в этом мраке погибала ни за денежку его обыкновенная геометрическая улыбка; иначе, вероятно бы, Соничка растаяла от нее, как снежный комок на раскаленной сковороде.

И так он тотчас высовывался, преклонялся долу и, составляя своим туловищем параллельную линию к поверхности земли, начинал заигрывать шепотом.

— Послушай, Соничка!

— Что вам угодно, сударь?

— Не страшно ли тебе, моя миленькая, одной в твоем сеннике?

— И!.. Что вы, сударь!.. Я не трусливого десятка!

— Однако ж, знаешь ли, все-таки будет получше, если мы будем вдвоем... А?.. Не правда ли?

— Не беспокойтесь, барин!.. Мне и одной очень хорошо.

— Ну полно же шутить, плутовка: я приду навестить тебя.

— Если только вы придете, так я подыму такой шум, что разбужу всех соседей! — отвечала ему горничная, сильно возвышая свой голос.

— Тише! Тише! — восклицал восковый. — Разве ты не понимаешь шуток?

И березовый обрубок исчезал еще скорее, нежели показывался, и окно быстро закрывалось.

Подобные проволочки, разумеется, с некоторыми изменениями, будучи повторены пять или шесть раз, брошены, наконец, за негодностью, и Бельский начал придумывать ближайшие и вернейшие средства.

Между тем Соничка, отражая всякий раз эти первые приступы с одинаковою храбростью, должна была, как это легко могут представить себе читатели, проходить каждый день мимо флигеля.

В нем также сидели у растворенного окна, но сцены были совершенно другого рода: здесь не беспокоились о взаимном одиночестве; желали только покойной ночи и приятного сна; спрашивали, когда прикажут приготовить ванну, что подать к чаю: сливок или варенья, отвечали: что и когда тебе угодно.

Тут еще была одна особенного рода странность, что Соничка день ото дня становилась как будто глуше и всякий вечер все ближе да ближе подходила к окошку, чтобы только получше расслышать ответы и приказания молодого барина. Наконец однажды она подошла так близко, что Поэт, разумеется, нечаянно, в темноте, второпях, вместо того, чтобы шепнуть на ухо что-то очень нужное, встретил как-то полненькие губки миленькой горничной и поцеловал их с таким аппетитом, что у него чуть-чуть не выпрыгнуло сердце.

Когда он опомнился, лихорадочная дрожь трясла все его члены: он был здоров и болен; его холодило и жгло; он радовался чему-то и от чего-то печалился; он хотел постигнуть нечто и не постигал ничего; он сел на кровать, потом лег; потом опять сел; потом вскочил и подбежал к окну; потом снова погрузнул в пуховик и заснул, когда добрые люди начинали уже вставать.

Мне, как верному и точному историку, хорошо знающему свою часть, непременно должно сообщить моим читателям, что этот первый, сладкий поцелуй случился именно в тот же вечер, когда Бельский в последний раз закрыл свое окно, чтобы не раскрывать его для ночных проделок... Он вдруг бросил решительную атаку и днем начал вести подземные галереи для закладки мин, а после ужина составлял собою обсервационный корпус. Не зная даже и по слуху политики Махиавеля, он по какому-то тайному сродству проник и постигнул все ее кривизны, годные для мелочи, и предположил достигать того изменою и хитростью, чего нельзя было получить силою.

Впрочем, я не завлекусь в большие подробности, описывая пути, которыми шли два друга к одной и той же цели. Мне удавалось замечать на своем веку, что иногда самое лучшее средство — не предпринимать никаких средств. К тому же здесь была с одной стороны совершенная неопытность в подобных делах, и потому само благоразумие требовало предоставить все случаю.

Один Бельский знал всю невыразимую заманчивость земной любви. Он, чтобы не забыть ее наслаждений, хотел сделать одну главную и несколько частных *репетиций*; но Вольдемару предстоял *дебют*... И какой дебют! Тут, господа, поневоле станет в тупик любая голова, и что ж бы выходило хорошего, если бы добыча не наклевывалась иногда сама собою?

Прошла неделя от начала новой эры, то есть от того времени, когда Поэт поцеловал ошибкою хорошенькую горничную, и хорошенькая горничная так привыкла к этим поцелуям, что наконец в восьмой день... Но сделайте милость, подождите немножко...

Я сказал вам, что в Б..... было прекрасное общество: почти весь круг мужчин состоял из людей хорошо образованных, и, кроме того, многие из молодежи очень и очень не напрасно посвящали свой досуг музыке, пению и театру. Гостиная дам была в свою очередь далеко выше всех сибирских гостиных, некоторые из них, учившись в Петербурге, служили образцами для своих подруг в делах моды, тона, вкуса и светских приличий... Там незачем было входить очертя голову в этот хорошенький, пестренький, цветущий кружок милых дам, как это случается делать нам зачастую в наших уездных городах, когда мы по необходимости должны бываем слушать самые подробные рассказы о посеве и урожае, о коврах и ткацких, о соленьях и вареньях, и о прочем и о прочем, так что, сложивши все вместе, легко можно составить самую полную таблицу сельского хозяйства и народной промышленности целого *такого-то* уезда... Конечно, все это очень хорошо для статистика, но зачем же звать и потом мучить встречного и поперечного?

К счастью, в Б……. был совсем другой обычай: тамошние дамы находили удовольствие говорить или о последнем спектакле, или о концерте, который давали накануне, или истощали всю свою изобретательность, чтобы придумать целым торжественным заседанием какую-нибудь новую, веселую, загородную прогулку.

Чего, бывало, ни переделается и ни переговорится там в один вечер, как об этом мне рассказывали люди самые беспристрастные!.. Чего ни увидите и ни услышите вы в течение нескольких часов!.. Тут и шарада в действии, и чтение повести, тут и соло, и дуэт, и несколько французских кадрилей, тут и кошка и мышка, и горелки, и котильон. Словом, тут было все, что только угодно душе, уставшей от серьезного… Мудрено ли после всего этого, что Вольдемар, вопреки строгих запрещений господина Глюкмана, своего почтеннейшего доктора, засиживался иногда на подобных вечерах до вторых петухов?

Однажды, и это было именно в тот самый восьмой день, о котором я немного проговорился вам, молодой Поэт возвращался очень поздно в свой флигелек.

Июньская ночь была темна, но тиха, тепла и прекрасна… Душа его утопала в безотчетных, сладостных мечтах; он мог сказать только одно, что на сердце его было и светло, и радостно: так счастливо подействовали приятные впечатления последнего вечера! Погрузясь в тихую задумчивость и не замечая ничего, что его окружало, он машинально отпер калитку, взошел во двор, засунул засов и самыми медлительными шагами пошел к своему приюту… Казалось, что весь дом и все окрестности на пушечный выстрел были объяты мертвым сном… Я оставил здесь слово *казалось* потому, что на самом деле не было такого всеобщего усыпления: кому-то не доставало обыкновенной порции поцелуев. Этот обдел не давал спать, и при малейшем шорохе у ворот что-то беленькое тотчас же выглядывало из сенника… Наконец ожидание не обманулось: Вольдемар вступил в ограду и шел, как уже вам сказал, шаг за шагом, не обращая ни на что своего внимания… Вдруг — два полузвонких и вполне обворожительных для слуха «кха!.. кха!..» громко отозвались в его груди и колючими электрическими искрами рассыпались по всем оконечностям его тела… Кровь вспыхнула; дремавшие силы закипели; он остановился на минуту, как вкопанный. По всему было видно, что если он до того времени блуждал в странах неведомых в мире фантазии, то ему наконец пришел бред заблудиться в мире юдольном, от неотразимого натиска соблазнов. Но минута смущения прошла: Поэт уже осыпал Соничку своими пламенными поцелуями, прерывистые вздохи обратились в какой-то неясный шепот, и хотя между ними не было, по-видимому, ничего решительного, но… но никогда холодные железные ванны не были так кстати для молодого человека, как на следующее утро.

Глава XXX. Сплетня

Здравствуй, кумушка! Знаешь ли ты,
что соседка Маланья подралась с соседкой Феклой?
Что ж ты вытаращила глаза? Ах, Господи прости!
Ты верно и слыхом не слыхала об этом!..
Да откуда ж это ты, моя родимая?
Из истории о Брице Аманеиче

Проницательные глаза и чуткие уши *воскового* человека все видели и все слышали; однако ж он по-прежнему продолжал притворствовать с Вольдемаром и только изредка осмеливался распоряжаться румянцем стыдливости бедной девушки, вызывая его наружу довольно понятными полунамеками. Впрочем это не расстраивало порядка вещей, и в раскрашенном сеннике все шло как нельзя лучше.

Тогда только Бельский, увидя, что побежденная и победитель заключили между собою самый дружественный союз, рассчитал по пальцам, что если ему невозможно ничего выиграть, так, по крайней мере, ему легко повредить счастливцам.

Убедившись в необходимости такого благородного преднамерения, он начал свои действия издалека, как это и следовало искусному политику: все последствия, удача и неудача — все входило в расчеты Василья Петровича, и надобно отдать честь его предусмотрительности, потому что во всяком почти случае он оставался совершенно в стороне и что самый подозрительный едва ли бы узнал в нем зачинщика кутерьмы.

У *непорочной* Сонички была подружка одинаковых с нею лет, не дурна собой, не глупа и страх как плутовата. Деньги, которые иногда сближают самые неизмеримые расстояния, самые далекие крайности: знатность и ничтожность, ум и глупость, красоту и безобразие, эти же деньги сблизили и подругу белокурой нашей горничной с Васильем Петровичем. Плутовка Фаяна за удвоенную или, может быть, за утроенную плату согласилась исполнить некоторые похвальные наставления Бельского, который, разумеется, представил ей все в виде шутки.

Тот глуп или зол, кто для своей потехи бросает камень в делах ума, но тот безрассуден или низок и подл, кто бросает его в делах сердца.

В первом случае семь умных могут иногда помочь рассудку вытащить этот камень, но во втором, где часто от одной искры загорается сырой бор; где беспрестанно надобно иметь в виду, что наши чувства чрезвычайно изменчивы, что мы очень склонны к переходам от любви к ненависти, от привязанности к непреодолимому отвращению, от всех возможных пожертвований к самым неутомимым преследованиям... О! В этаком случае все мудрецы целого света, начиная от востока до запада и от юга до севера, все они не только почти всегда бесполезны, но даже вредны подчас, от странного своеволия сердца, которое порою раздражается еще более от здравых представлений разума.

Дела семейные, дела интриг и любви очень любят покрывать себя завесою тайны и не требуют никакого посредничества без собственного вызова действующих лиц. От того-то для меня нет ничего несноснее этих хлопотунов, этих пострелов, которые везде поспели, и если бы мне препоручил кто-нибудь составить полный список всех живущих глупцов, что, конечно, заняло бы чрезвычайно много времени, то, не колеблясь ни минуты, я поместил бы в первом разряде всех, кто мешается не в свое дело... Люди же, которые разрывают искренние связи других, которые находят удовольствие в ссорах и любят подливать в огонь масла, — эти люди заняли бы у меня самое почетнейшее место в списке мерзавцев и негодяев.

Но обратимся к Василью Петровичу, если только мы удалялись от него.

Он подробно рассказал Фаяне, как, что и когда надобно говорить ей, как она должна взять с Сонички не только обещание, но по крайней мере три божбы, что та никому ни о чем не проговорится; наконец он уверил вертлявую шалунью, что изо всего этого выйдет только одна умора... Читатели мои увидят сейчас, что его предсказание чуть было не сбылось слово в слово.

Выучивши как можно тверже свой урок, Фаяна явилась перед сумерками на одну *вечерку*[5], где была и Соничка...

А что такое вечерка? — спросят меня мои читательницы. Это подражание нашим балам, милостивые государыни. Вся разница в том, что на вечерках гораздо лучше, нежели у нас, сохранилась цель подобных собраний. Здесь просто хотят повеселиться и предаются плясу от всей души и от всего помышления своего... У нас напротив: у нас простота старины забыта совершенно... Скованность этикета, вычуры модничанья, холод пустых приличий, чересчурие требований на исключительную внимательность, одним словом, все отравляет удовольствие... И потом, к чему ж годна эта ходьба вместо танцев? И особенно (чего уж я никак не могу постигнуть), к чему годно это *прищуривание*, которое, к несчастью, принято большею половиною московских дам и составляет их неотъемлемый тип. Я бы отдал даром все прожитые мною годы, если бы человек знающий потрудился растолковать мне, кто именно и какими доводами уверил наших красавиц, что это *прищуривание* идет им к лицу и что оно учтиво и прилично?.. Куда ни обернись, везде видишь целые дюжины слепотствующих, которые суживают глазки и углубляются в рассматривание кого-нибудь; потом они отворачивают свое хорошенькое или нехорошенькое личико в другую сторону и делают иногда такую мину, которая значит в переводе: «Ты не годишься для нас, любезнейший! Мы поищем чего-нибудь получше!».

С Богом! Мои красавицы! Но и вы наряду с другими скучаете целый вечер!.. Где же веселость, эта бывалая цель собраний?

Конечно, бывают балы, на которых царствует непринужденность, но много ли их?.. Что же заманивает на издержки? — Два, три дня ободрительного говора людей праздных! Вот баюканье хозяйского самолюбия! Вот из чего бьются очень многие!.. Признаться, стоит же овчинка выделки!

Между тем, как я читал диссертацию о балах и нелепом прищуривании, вечерка шла своим чередом. Напоследок она кончилась... Все танцы были вытанцованы, весь смех был высмеян, все присказки были пересказаны; оставалась одна сказка, и эту сказку Фаяна оставила на закуску для одной Сони.

Обе подружки вышли вместе: им было почти по пути; да хоть бы и не так — отчего же не сделать крюку для дружбы?.. Вот делать для нее крючки — это большая разница!

Я не буду передавать моим читательницам и читателям всего их разговора с дипломатическою точностью, а скажу просто, по гусарской совести, что Фаяна взвалила много напраслины на беззащитную голову бедного Поэта. Она объявила за тайну, что Владимир Николаевич ходит к ее барыне *недаром*; что у них-де шашни с самого приезда; что ей удалось подслушать, как он подымал на смех Соничку и ругал ее негодницей; что ей, Фаяне, известно, как он хвастает перед всеми и каждым своею удачею, и что, наконец, он хочет ее бросить и так обесславить, что она не сыщет себе не только жениха, но даже любовника.

Надобно представить себе положение несчастной девушки!.. Каково достигнуть семнадцатилетнего возраста, расцвести, как роза, быть предметом общей любви и общих похвал и потом вдруг, в пять, в десять минут упасть так низко, в такое ничтожество и почувствовать на себе весь убийственный гнет ядовитой насмешки и неотразимого презрения... Нет! Господа, это такой переход, который трудно вынести и нашему брату, не только существу слабому и беспомощному!..

Соничка не проронила ничего; но ни одна слезинка не показалась на ее голубых очах; ни одного вздоха, ни одного полуслова не вырвалось из ее груди... Она шла, как жертва, приговоренная к

казни; как жертва, у которой тиранство отняло даже последнюю отраду — отраду чистосердечной исповеди... Она шла, как несчастливица, которую сперва оттолкнули от себя друзья, потом родные, потом отец и мать... Родная мать, которая носила ее под своим сердцем!..

Я не смеюсь и не преувеличиваю... Сила чувств очень часто бывает уделом самых незначительных лиц, и отчаяние бедной горничной, оплакивающей свое минутное заблуждение, свою гибельную ошибку, может быть гораздо сильнее отчаяния девушки образованной, девушки высшего класса. Там, против явного презрения, есть эгида богатства или знатности; там, даже против угрызения совести, есть софизмы, но здесь — здесь нет ничего, кроме бедствий!

Когда Фаяна перестала говорить, Соничка остановилась против нее, сжала ее руку и взглянула на нее такими глазами, что та невольно затрепетала и вскрикнула от испуга... Лицо блондинки сделалось бледно, как полотно; свет месяца освещал все ее черты, бывшие в судорожном движении: какой-то мертвый отблеск придавал ее физиономии еще более ужасного.

«Соничка!.. Соничка!.. Христос с тобою! *Чево* это ты?.. Послушай меня!.. Я тебе расскажу всю правду!» — оробевшая девушка хотела уже признаться во всем; но страх отнял у нее язык... Соничка повременила с полминуты, потом снова сжала ей руку и, оттолкнувши от себя изо всех сил, бросилась бежать домой, как серна.

Она сказалась больною и чрез четверть часа лежала уже в постели, задыхаясь от страдания... Все это очень не мудрено...

Люди гораздо сильнее чувствуют печаль, нежели радость.
Тит Ливий

Глава XXXI. Итальянский порыв

Одно слово может все испортить.
Сээ-Ма-Коанг, китайский историк

Ужин в тот вечер был, как нарочно, самый веселый... У хозяев дома собралось человек пять или шесть хороших знакомых: лишняя бутылка хорошенького винца прибавила против обыкновенного несколько лишних шуток, анекдотцев и смеха... Как нарочно, подтрунивали над двумя путешественниками, которые, сидя на одном месте, изучали юг Сибири и любовались его красотами; один — погружаясь ежедневно в ванну, а другой — потея над перепискою с земскою полициею о доставке вернейших статистических сведений... Наконец, как этому и следовало быть, все разошлись по своим местам: кто пошел к молодой и прекрасной супруге, кто к старой и не прекрасной, кто на грустную одинокую постель; а был один и такой, который отправился прямо в сенник...

Нет обыкновенной приветливой встречи: это что-то новое, но эта новость очень грустна... Впрочем, *она* может быть нездорова, или, может быть, *она* уснула от усталости, протанцевавши целый вечер... *Ее* надобно разбудить... *Ей* верно легче, если *она* больна... У *нее,* конечно, восстановились силы, если *она* устала.

— Соничка!.. Соничка!.. — нет ответа... Надобно взять ее за руку; надобно пожать эту хорошенькую руку: она так мило, так внятно умеет отвечать на эти пожатия... Боже мой! Как холодна эта рука!.. Но Соничка не спит сном могильным: она сильно и судорожно сдавила его пальцы.

— Друг мой!.. Посмотри на меня: это я!

— Ах! Это вы, Владимир Николаевич! Обнимите же меня! Согрейте меня!

Она захохотала...

Не понимая нисколько ни этого хохота, ни неприятной странности собственных чувств, Вольдемар однако же тотчас обвил ее оледеневший стан своими руками, но сам трепетал невольно; но это объятие ужасало и холодило его.

Вдруг... вдруг что-то быстро скользнуло по нем вдоль левого бока, и потом, почти в одно мгновение, это же самое место было обдано чем-то теплым... Он схватился за бок... И деревянный черешок большого ножа остался в его руке... Удар был слаб и неверен, но такая ужасная нечаянность жестоко поразила Поэта: едва только через минуту он мог собраться с мыслями. Отбросив ножик, он стал допытываться, что могло побудить Соничку на такое злодейство.

Долго молчала она и наконец открыла ему все, кроме виновников... Вольдемар любил эту пылкую девушку и стал оправдываться... Он уверял, клялся, обличил всю нелепость клеветы и напомнил, что дама, о которой ей насказали, была ему очень близкая родственница и женщина самых высоких понятий об истинной чести.

Кто прав, тому не трудно оправдываться, по крайней мере, если какое-нибудь несчастное стечение обстоятельств не обрушится на человека для его погибели... Он говорит прямо, высказывает все, не сбивается в противоречиях и слова его вообще дышат убеждающим красноречием.

Чем дальше, тем внимательнее слушала Соничка, тем дыхание ее становилось свободнее; любовь снова закипела у нее на сердце, которое охотно стало верить каждому слову; напоследок она зарыдала, соскочила с постели и бросилась обнимать колена Вольдемара.

Но внезапно новая мысль блеснула в ее голове — и она поднялась; она проворно сняла с Поэта его разрезанное платье, сорвала с головы своей белый платок и со всею заботою, со всею любовью, со всею услужливостью самого искреннего раскаяния она перевязала у него довольно резкую царапину, сделанную ножом.

Потом она опять хотела умолять о прощении, но чрезвычайные переходы в чувствах от одной крайности к другой изнурили ее совершенно — и она почти без всякого признака жизни упала на кровать... Быстро разливался внутренний жар; дыхание ее становилось пламенным; помутневшие глаза закрылись; через полчаса она была уже в сильном бреду...

Оставив ее в таком положении, Вольдемар побежал в комнату Василья Петровича, не позабывши, из опасений, взять с собою окровавленного ножа... Впопыхах, он без всякой церемонии разбудил спящего своего друга — и надобно было видеть это картинное пробуждение!..

Все, что может трепетать в человеке, — все трепетало в Бельском: пальцы, руки, ноги, сердце, голова — все ходило ходуном, даже бедные уши шевелились понемногу от лихорадочной щелкотни зубов.

«Помилуйте!.. Владимир Николаевич!.. Опомнитесь!.. Бог с вами?.. Что вы?.. Не погубите человека, который любит вас всей душой... Не оставьте мою дочь несчастной сироткой!.. Скажите мне, ради нашего Создателя, что я вам такое сделал?».

И все эти восклицания переливались самою мелкою дробью самого неописанного страха...

Несмотря на неприятность своего положения, Вольдемар не мог удержаться от смеха, и только этот смех, как сильный толчок Геркулесовой руки, свалил гору страдания с охолодевших плеч испуганного коллежского асессора.

Разумеется, что, услышавши два или три слова, он понял все и снова вздрогнул невольно от мысли, что его остроумная выдумка могла иметь вовсе нешуточные последствия. Он успокоился только тогда, когда Вольдемар повторил ему раз пять или шесть, что его рану даже нельзя и назвать раною, — так она маловажна... Потом, после самого точного и последовательного рассказа с одной стороны и после самого внимательного слушания с другой, оба друга приступили к рассуждению, что надобно делать.

В этом ночном совещании Бельский налегал особенно на две вещи: первое, чтобы оставить все в непроницаемой тайне, и, второе, чтобы в настоящее же утро выехать из города. И то и другое было нужно *восковому* человеку для предосторожности, чтобы какой-нибудь нечаянный случай не мог вывести его на свежую воду... Что же касается до Вольдемара, то он охотно согласился на сии предложения. Ему и самому совсем не хотелось обнаруживать несчастного проступка Сонички; сверх того, он думал довольно основательно, что его присутствие может повредить больной, потому что оно напоминало бы ей неприятное происшествие или, гораздо скорее, заставило бы ее проговориться в жару своей горячки.

В заключение таинственного совета было положено разбудить одну из дворовых женщин и послать ее к горничной, а самим начать от безделья укладываться... На дворе светало, и моим друзьям было вовсе не до сна.

Читатели мои поверят мне, каково было удивление хозяев, когда они узнали поутру о решительных сборах своих гостей... Они дивились тем более, что все просьбы, все убеждения остались бесполезными... Вольдемар насилу даже согласился отобедать вместе с ними в последний раз, и двоюродная сестра его напрасно терялась в различных догадках, которые были одна другой несправедливее.

В двенадцать часов, когда уже все было уложено, молодой Смолянов отправился к Сашину, у которого застал он и своего доктора.

Дядя не хотел и верить, чтобы его любезный племянник уезжал так скоро... Он закинул руки на спину, стал ходить из угла в угол и проговорил раза три: «Да нет, братец!.. Полно, пожалуйста, подшучивать над стариком!».

Эта же самая внезапность намерения сильно подействовала и на Карла Карловича. Он находился в это время на половине курса своего лечения, ожидал от него самых блистательных результатов — и вдруг каприз молодого человека разрушал все. Он проглотил проворно и не жевавши большой и сочный груздь, который в ту минуту подносил ко рту; потом, пыхтя, приподнялся с дивана и, будучи слишком изумлен нечаянностью, растерялся до того, что против старинного, всегдашнего своего обыкновения, против всякого порядка вещей, он поместил всю левую руку в панталонный карман, между тем как ее нужно было прицепить большим пальцем к одной из фрачных петелек. Конечно, через полминуты он принял настоящую свою позицию, но тут главное дело — первое движение, и я сказал об этом затем, чтобы хорошо обозначить впечатление, произведенное на него словами Вольдемара.

Через час, в который успели надавать с одной стороны советов, с другой — обещаний исполнять их, путешественники возвратились на свою квартиру: там уже накрывали на стол и лошади были готовы.

Пользуясь суматохой, которую всегда делают приезды и отъезды, ранние обеды и тому подобные обстоятельства, Вольдемар успел сбегать в сенник, чтобы навестить свою Соничку... Она не узнала его... Подле нее застал он одну старую нянюшку, которой препоручена была больная... Доброе лицо этой женщины внушило ему совершенную доверенность: он счел лучшим признаться ей в своей связи и попросить ее, чтобы она всеми силами старалась не пускать никого к Соничке во время ее бреда... Старушка обещалась исполнить все и, получивши деньги, чуть было не переломила от поклонов своей сухой спины.

Наконец Поэт подбежал к постели, запечатлел на огненных устах страдалицы прощальный поцелуй и..... через два часа закрытый карандас несся по столбовой дороге: впереди звенел колоколец; на козлах раздавалось по временам: «Ох, вы!.. Ну-ну!.. Покатывай!». Внутри карандаса храпели наблюдатели, сзади вилась пыль — и только... Да и чему же больше оставаться от всех людей, от всех наших действий.

Sic transit gloria mundi.
Не знаю кто

Конец второй части

Часть третья

Глава XXXII. Мечты

Какое приятное препровождение времени, мой милый друг,
блуждать по вселенной так, как я, и видеть в ней
собственными глазами все великое и достойное удивления!
Виланд

Я вам сказал как-то, что в Сибири проехать триста верст в сутки, все равно что купить калач; но мои два друга носили на себе название путешественников и потому ехали важно, тихо, в пользу ума и в увеселение очей.

У них было все что только нужно: и записные книжки, и книги для справок, и справки для будущих книг... Запас рекомендательных писем и общая сибирская гостеприимность отворяли для них все двери. Ни один предмет, хотя несколько достойный внимания, не ускользнул от их похвальной наблюдательности... Случалось ли им бывать на рудниках, и тогда со всем рвением к познанию горного дела они облачались в рубашки особого рода, прицепляли спереди к петлям небольшие фонарики и потом мужественно спускались в преисподнюю, чтобы только видеть тайники сребра и злата, этих окаменелых Эвридик человеческого рода, около которых хлопочут запачканные и задымленные Орфеи.

Всякий день прибавлял что-нибудь в итоге их сведений. Тут, например, они узнавали, что драгоценный металл, как будто желая отделаться от людской ненасытности, забился, спрятался в тяжелошпатовую руду, лег на жесткую постелю рогового камня и вместо одеяла накинул на себя слои глинистого сланца... В другом месте они расспрашивали о генеральном содержании годовой сортировки руд, и, убеждаясь по опыту, что для полутора золотников звонкого и блестящего вещества надобно разбивать с величайшим усилием целый пуд твердых камней, — они вместе с царем израильским оплакивали суету сует здешнего мира... Спускаясь в третий рудник, они были уже как дома... Все шахты, штольни, флигель-орты, квершлаги, штреки и гезенги — одним словом, все было им известно и обо всем они могли бы рассказать вам по пальцам.

Так началось их путешествие, но нам, то есть моим читательницам, читателям и мне, нам нет никакой нужды надевать на себя лишние рубашки, следить все их шаги, лазить по шахтам и изучать минералогию... И Бельский и Смолянов, оба они могут сами издать общие свои замечания под каким-нибудь затейливым названием, с приложением виньеток, картинок, планов и карт. Все это будет очень любопытно в своем месте, и желающие, конечно, с удовольствием прочтут их наставительную книгу, а теперь...

Теперь я перенесу вас за пятьдесят верст в сторону от Змеевского рудника в деревню Багрышиху или эту деревню, со всем ее живописным местоположением, перенесу к вам —

И станем продолжать рассказ!

Пламенный, громоносный июль красовался во всем своем блеске на светлом небе южной Сибири... Утро было великолепное... В непроницаемой тени густого тальника, пышно раскинутого по низменным берегам *Белой*, на большом *тюменском* ковре, сидели два моих путешественника в патриархальной простоте нравов вместе со своими проводниками... Самовар, взятый из деревни, ко-

торая была в виду, шумел очень аппетитно для алчущих и жаждущих собеседников… Оседланные лошади подпрыгивали в своих путах по необозримой равнине… Короче, весь оживленный пейзаж был очень мил и стоил трудов искусной кисти.

Вид прекрасной, девственной, пустынной природы невольно расположил Поэта к тихой задумчивости… Красоты неодушевленные еще яснее напомнили ему о живых… Вся картина краткой его жизни с ее происшествиями, все чувства и мысли, все, в каких-то таинственных изображениях, в каких-то четких буквах, выпечатлялось внятно перед напряженным его воображением.

Светлым, радостным, бесплотным духом приносилась к Вольдемару его дивная Лиза… Она раскрывала перед ним свои невинные объятия; она говорила сладким голосом слова любви и неги, она нашептывала ему, покрываясь румянцем стыдливости, о первом драгоценном поцелуе, о первых упоительных мгновениях взаимного признания; ее ароматное дыхание веяло какою-то небесною жизнью на его сердце — и оно трепетало от восторга!.. Они не повторяли друг перед другом высказанных уже клятв: казалось, что слово *не любить* было равно чуждо и незнакомо для обоих и что с той и другой стороны чувство равнодушия точно так же нельзя было соединить с их обыкновенными чувствами, как оцепеняющий холод несуществования с огненным духом бытия.

Но там, где являлась Лиза, мог ли не появляться там ее повторенный образ?.. Нет!.. Фантазия не могла разделить того, что было соединено страстью сердца, — и Раиса, украшенная до последней возможности поэтическою прихотливостью, носилась перед Вольдемаром, как тень, вызванная из-за пределов земного волшебством заклинателя.

Она блистала всею полнотою заемной красоты другого существа; в ней отражались те же милые для сердца черты; те же радостные для взгляда и заманчивые движения; она говорила тем же звонким, обворожительным голоском, но эти милые черты не дышали любовью; но эти заманчивые движения не напоминали ни чистых объятий, ни жгучих поцелуев; но этот звонкий, обворожительный голосок не высказывал тех дивных слов, от которых бы сердце было проникаемо невыразимым блаженством, как светлая капля воды золотистым отблеском солнца.

Душа Поэта могла создать восхитительный образ, но всему есть предел — и отрицательный полюс духовного магнетизма напоминает иногда о себе слишком некстати.

Мечты Вольдемара набросили улыбку на лицо ненаглядного видения, но эта улыбка была холодна: в ней не сияло ни ответа, ни сочувствия… Ужасающий признак безнадежности самовольно выходил из какого-то тумана — и слезы, крупные, горькие слезы навертывались невольно на глазах страдальца… В смущении, в забытие, он обращался к Лизе и умолял ее всеми возможными мольбами, чтобы она, отражаясь для него в образе Раисы, была и в этом последнем одинаково ласкова к нему; но Лиза делалась грустною и исчезала в отдалении. Поэт взглядывал в другую сторону — Раисы не было также, и мечтатель, окруженный тягостным мраком неизвестности, одинок в пространстве и времени, видя перед собою одну ужасающую бездну неудач и страданий, сидел на большом тюменском ковре, под непроницаемою тенью густого тальника и прихлебывал понемножку из огромного стакана душистый цветочный чай…

Чтобы понять изображение какой-нибудь страсти,
надобно прежде самому быть ее игрушкою.
Гельвеций

Глава XXXIII. Дружеское излияние

Разговор.
Что это ты спрятал под шинель?
Человек без шинели

Да я затем и спрятал, чтобы ты не видал.
Человек в шинели

— О чем это вы так задумались, мой дорогой Владимир Николаевич? — сказал Бельский вполголоса, пожимая у Смолянова ту руку, которая была на свободе.

— Кто?.. Я о чем задумался?

— Да, вы, мой бесценный товарищ, вы!.. Впрочем, зачем же мне допытываться, когда я сам знаю все очень хорошо?

— Вы знаете все очень хорошо?.. Уж полно, так ли, Василий Петрович?

— Ах, царь ты мой небесный! Да как же иначе?.. Вот, когда Бог даст, мы воротимся с вами домой, так вы, пожалуй, себе спросите хоть у Ивана Дмитриевича, и он, верно, скажет вам то же самое, что мы с ним давно разгадали все ваши сердечные делишки…

— Послушайте!.. Одно название моих священных чувств *сердечными делишками* хорошо показывает, что вы не знаете ничего, вместе и с вашим Иваном Дмитриевичем.

— Ну, вот, вы уж и сердитесь!.. Я говорил шутя, да и то знаете, кое о чем по мелочи… Например, мне показалось, что вы от нечего делать вздумали теперь вспомнить о средней дочери старика Бенина… Не знаю, как для вас, а на мои глаза это чрезвычайно аппетитная девочка…

— Нет, Василий Петрович! Верно, вы встали сегодня с постели левою ногой!.. Сердитесь на меня или не сердитесь, но я вам скажу прямо, что такие выражения удивительно странны… Воля ваша!.. Я никак не могу надивиться, как пришло вам в голову этого ангела, эту прелестную Раису назвать грязным именем *аппетитной девочки*, и потом, как будто говорить о ней, значит говорить *кое о чем по мелочи*?

— Виноват, любезный Владимир Николаевич, виноват!.. Мне не приходило и в голову, что это заденет вас за такую живую струну… Я, право, думал, что Раиса Яковлевна есть лицо, совершенно для вас постороннее… Да и кто ж бы вообразил, что после Елизаветы Егоровны…

— Напротив!.. Напротив!.. Напротив!.. Милостивый государь!.. Она-то прежде всех и бросится в глаза после Елизаветы Егоровны!.. Однако ж это вовсе не доказывает, чтоб я был влюблен в Бенину, и вам никак нельзя хвастать, что вы поймали меня на слове.

— Да помилуйте, Владимир Николаевич!.. Какое же тут хвастовство?.. И стоит ли эта провинциалка, чтобы в нее вам влюбиться?

— Ах, Боже мой! Как вы сегодня досадны!.. Понимаете ли вы, что она стоит этого, может быть, больше всех на свете, исключая одной Лизы?

— Да что ж я, наконец, за такой пошлый дурак, чтобы не понять этого, мой несравненный друг.

— И за всем тем, несмотря на подобную уверенность относительно достоинств Раиньки, вы, я думаю, все-таки не можете видеть тут ни на волос моей любви?

— Уж разумеется!.. Какая тут любовь и кто ее увидит?.. Я, благодаря Создателя, не оглупел еще до такой степени, чтобы мне выдумать небылицы… Но дайте же вашу руку, да не огорчайтесь на меня, ради Бога… Ведь у меня, право, если иногда и сорвется с языка что-нибудь, так уж, конечно, спроста… О! Я далеко не такой мастер обделывать свои дела, как вы!

— Да!.. Кстати напомнили вы мне об этих делах!.. Во всю нашу дорогу от Б…… и до этого места я беспрестанно ломал голову, что за каналья, что за низкая душонка вмешалась в мою тамошнюю интригу?.. Скажите мне на милость, кто поперхнулся ею?.. У кого она села бельмом на завистливом глазу?.. Признаюсь вам, что все мои предположения и догадки не привели меня решительно ни к чему… Я столько же знаю теперь, как и тогда, когда поварской ножик так ласково поцеловался с моим боком.

— Ах, Владимир Николаевич! Говорите, пожалуйста, потише; остерегайтесь этих людей: они вот, кажется, и отошли и ловят наших верховых, а спросите по совести, так верно не проронят ни одного слова.

— Все это очень хорошо, почтенный Василий Петрович, да не о том теперь речь, — продолжал Вольдемар, понижая голос… — Скажите-ка лучше мне, не напали ли вы на какой-нибудь след?

— Вот то-то и плохо, что не напал!.. Бьюсь, бьюсь и никак не приложу ума!.. Впрочем, если можно, так и не говорите мне об этом. И по сию пору не могу вспомнить без ужаса, как я чуть-чуть было не умер от страха, боясь за вашу жизнь.

— Да! Когда вы подумали, что я пришел вас зарезать!

— Но ведь вы не знаете настоящей-то причины моего испуга?.. Поверите ли, когда я увидел вашу перевязку и кровь на вашем белье, — мороз так и подрал меня по коже в ту же минуту… О себе я и не думал! Мне тотчас представилось, что вы, может быть, не чувствуете боли только сгоряча и что между тем ваша рана очень опасна… Вот отчего я вспереполошился.

— Благодарю вас от души, мой добрый Василий Петрович!.. Однако ж неужели вы думаете в самом деле, что все концы последних плутней навсегда спрятаны в воду и что мы с вами не узнаем этого мерзавца или этой мерзавки, которым угодно было вмешаться не в свое дело?

— Да!.. Я почти совершенно уверен, что нам не удастся узнать бездельников… Ведь эти люди, мой несравненный Владимир Николаевич, совсем не то, что мы с вами… Они затем и скрывают свои пакости, чтобы их никто не узнал; следственно, это делается с большою осторожностью, с некоторою наметкою, с особенным искусством… Но стоит ли хлопотать из таких пустяков?.. Поблагодарите-ка лучше всемогущего и милосердного Бога за спасение вашей жизни и плюньте на все эти дрязги… Мало ли что случается в свете: на все не насердишься, на всякое чихание не наздравствуешься… Скажу вам без лести, что вы очень умны и очень добры, но все-таки вы очень молоды, мой любезный Владимир Николаевич; стало быть, вам нет никакой возможности, как и всякому другому честному человеку, избежать от разных плутней людей бессовестных и низких, которыми угодно благому Провидению наказывать нас за наши грехи!.. И притом, неужели вы хотите узнать виноватого затем только, чтобы отмстить ему?.. Не лучше ли пренебречь, нежели связываться с этою дрянью… А? Как вы думаете?

— Точно!.. Точно, Василий Петрович! Я согласен с вами! — воскликнул развеселившийся Поэт, проворно вскакивая с ковра. — Вы мастерски умеете утешать своих друзей — и вот вам самый горячий поцелуй за ваш добрый совет!.. Не осрамлю себя мщением!.. К черту все мерзавцы и бессовестные негодяи!

— Браво! Браво, любезный Владимир Николаевич… К черту все мерзавцы и бессовестные негодяи!

— Милый Бельский!.. Поцелуемся еще раз.

— Хоть тысячу!

— Эй! Народ!.. Публика!.. Снаряжайся в два мига: живо! Проворно!.. Винтовки за плечи! На коней!.. Передовой, вперед!.. В поход!.. Марш, марш!

И презанимательная кавалькада понеслась по полю.

По-моему, ничто не может сравниться с истинным другом.
Гораций

Глава XXXIV. Тигирецкая долина

Когда я рассматриваю все сии чудеса,
моя грудь возвышается, мои мысли теснят одна другую;
но я не могу их развернуть: я плачу, я падаю изнеможенный,
и в моем лепете выражается изумление к Предвечному!
Гесснер

«Осаживай!» — закричал вожатый, проскакав во весь дух версты две с половиною, и вдруг круто повернул налево, прямо в реку… Всадники столпились около него и закинули свои ноги на спины лошадей, потому что *Белая*, чрез которую переезжают обыкновенно вброд, была довольно глубока в то время.

И я тоже остановлюсь здесь на одну минуту: мне очень хочется уговориться кое о чем с моими читателями… Впоследствии, когда кончились все старые истории и начались новые, для того, чтобы им также кончиться в свою очередь, Вольдемар рассказывал мне очень часто об этом путешествии и всегда с одинаким восторгом. Он говорил, что никогда не забудет тот день, в который он в первый раз увидел величественные красоты Алтая… Бывало, при всяком воспоминании, при всяком разговоре о хорошем местоположении он непременно вплетал как-нибудь описание своей ненаглядной *Тигирецкой долины*, так что наконец я нехотя выучил все наизусть.

Теперь, как историку моего родственника, мне кажется, что я согрешил бы весьма тяжко, если бы, имея возможность и случай, не повторил его рассказов об алтайских диковинках… К чему же брать на себя лишний грех, особенно на старости лет, хотя, впрочем, подчас моя Наталья Николаевна и не находит меня еще очень старым, по какой-то весьма основательной причине!

Так, милостивые государыни!.. Это повторение есть мой долг; но, к несчастью, я очень хорошо знаю, что многие вовсе не любят описаний такого рода, и потому-то меня берет смелость предложить всем подобным нелюбительницам или небольшую прогулку, или что-нибудь другое поинтереснее, а ведь вам должно же быть известно, что и в самое коротенькое время можно сделать такое дело, которое завяжется надолго… Между тем я займусь с остальными, если только у меня будут остальные, и когда кончу, тогда прегромко и во всеуслышание закричу: *пора*!.. Смотрите же, чур быть на виду или, по крайней мере, на такой благородной дистанции, чтобы можно было докликаться…

Ну, господа, мы закинули ноги, а дамы?.. Дамы могут сесть себе преспокойно в эту воздушную колесницу, в которую без всякой женировки могут поместиться целые женерации. У этой колесницы (которую достал я по случаю из цейхгауза воображения) глухое дно, и наши красавицы понесутся у нас над головами без всякой видимой опасности.

Переправившись через *Белую*, вы тотчас же въедете в длинное ущелье, которое тянется на тринадцать или на четырнадцать верст, и должны будете пробираться тихонько против течения быстрой, шумящей серебряной *Ускучевки*, маленькой, вертлявой речки, извивающейся между гор всеми возможными зигзагами… Ради бога, будьте осторожнее! Видите ли вы, как густо сплелась эта акация с черемухой и эта береза с тальником и осиной?.. Наклоняйтесь беспрестанно, иначе ветви расцарапают ваше лицо. Смотрите как можно чаще под ноги своей лошади: конечно, она привычна и цепка, но эти сорок шесть бродов одной и той же *Ускучевки*, которые вы должны перебресть в ущелье, быстры до невероятности, а эти кругляки богатейших разноцветных яшм, которые с таким грохотом катятся по дну, — они очень скользки и — того и гляди, что ваша лошадь обступится… Советую же вам держаться как можно крепче в седле: не то вы окунетесь ни за понюх табаку.

Вот небольшая площадка: остановимся на ней и отдохнем немного… Здесь, чуть-чуть впереди нас, тянутся справа и слева по крупным обрывам гор несколько беленьких полосок… Вы ошибаетесь, если вы думаете, что это лежат тонкие слои вечного или запоздалого снега: перед вами, разбившись в брызги и в белую пену, падают оттуда и отсюда двенадцать ручьев и почти в одном месте сливаются в *Ускучевке*… Не правда ли, чрезвычайно жаль, что в эту тесноту не заглядывает красное солнышко? Уж как бы оно роскошно поиграло своими золотыми лучами с этими падающими водяными глыбами!.. Какими бы цветными дорогими каменьями не осыпало оно закраин этих велико-

лепных ключей!.. А нравится ли вам эта пленительная смесь шума водопадов, журчанья и плеска *Ускучевки*, грохота яшм, которые несутся в *Белую*, шелеста листьев, наконец пения, свиста и щелканья птиц?.. Какой усладительный концерт дикой, младенчествующей природы!.. Все внимает ему!.. Но вы раскрыли ваши уста, вы вскликнули — и эхо, заслыша властительный голос человека, встрепенулось от своего усыпления и ответило вам громкими торжественными раскатами... Ага!.. Вы гордитесь!.. Вы приосанились!.. Улыбка самодовольствия и мысль о собственном достоинстве скользит по вашему лицу... Надобно пользоваться минутою счастливого расположения вашего духа; надобно поставить вас в невозможность отказаться от небольшого риска.

Видите ли вы эту глубокую каменистую трещину в аршин ширины? Видите ли этот великолепный столб брызгов, который падает туда с ужасным шумом? Вот ваша дорога: иначе вы не проедете вперед... Не подавайтесь же назад, когда вы были так горды за минуту: держитесь ближе к утесу и не думайте об опасности... Пригнитесь немножко к шее вашей лошади, и когда я скажу *три*, тогда дайте ей хорошенькие шпоры, и дело будет в шляпе... Готовы ли вы?.. Теперь слушайте!.. Р... а-а-з... Дв-а-а... *Три*!.. Ну вот видите ли! Вы уж и на другой стороне; вы целы и невредимы... Конечно, вас обдало, как из ведра, но что ж это за важность?.. Бог вымочит, Бог и высушит!

Нам остается только три версты до конца ущелья: тут будет немного попросторнее, и мы можем ехать маленькою рысью...

Взгляните же, как внезапно, за этим крутым поворотом, раздвинулись совершенно в противные стороны те горы, между которыми вы сейчас пробирались... Порадуйтесь: это *ворота Тигирецкой долины.*

Полдень!.. Но свежесть горного воздуха ослабляет томительность июльского жара... Не разглядывайте отдельно всех частей этой ослепительной картины, этого необъятного, исполинского храма, над которым Всемогущая рука накинула с такою роскошью этот горящий, прозрачно-лазоревый, легкий купол... Созерцайте, если можете, всю величественность целого — и благоговейте!..

Спешимся и взберемся на эту крутую *сопку*[1], сядем на груду камней, как на развалины обелиска, простоявшего, может быть, целые тысячелетия, и окинем нашим взором всю пространную долину с западной ее стороны, которая так же, как и прочие, замкнута высокими горами... Слева от нас и прямо перед нами, то есть на север и на восток, тянутся те же гигантские возвышенности... Дремучие леса величественно увенчивают их вершины; по быстрым скатам ярко пестреют цветочные узоры... Все прелестно!.. И молодые рощицы, и одинокие столетние кедры, кое-где рассеянные, и мрачная полоса нагорного леса, которая так резко отделяет богатые летние ковры земли от воздушной ткани небесной... все прелестно!.. Но посмотрите на юг!

Вот где алтарь разверстого перед вами храма!.. Вот где природа употребила всю свою силу, чтобы проявить всю свою красоту!.. Вот три цепи гор, которые виднеют одна из-за другой, как три необъятные уступа великолепнейшего амфитеатра! Нижняя ступень так же юнеет свежею зеленью, так же роскошно убрана цветами, как и другие горы, окружающие долину; но темные леса не шумят, не колышут своими ветвями на гладкой ее вершине.

В мрачной, но пышной одежде векового бора выходит из-за нее второй уступ, как будто древняя поросшая мхами стена какого-нибудь крепкого и величественного замка. Посмотрите, как эти густые облака покоятся на черном хребте этого уступа... Но что же далее за сим покрывалом, которое соткалось из душистых испарений долины и так небрежно накинулось по местам на темную полосу непроходимых лесов?..

Далее блестящие, вечные, неподвижные волны снежных и льдистых алмазов... Какое ослепительное отражение света!.. Какой драгоценный венец!.. И только дерзость и любопытство человека осмеливаются попирать его иногда своими ногами!

Наконец, на одной из самых высочайших вершин, на глыбах затвердевшего снега, лежит огромный рогатый *Лев*[2], который, может быть, от начала времен стережет эту прелестную долину.

Пять светлых шумящих речек[3] извиваются перед вашими глазами в самых разнообразных направлениях... Прибавьте ко всему этому прекрасную деревеньку; белеющий лагерь казаков, живописно раскинутый по берегам Тигирека; прибавьте богатые пашни, красующиеся кое-где по скатам, и эти маленькие зеленые пирамидальные сопки с каменистыми оконечностями, так кстати и хорошо размещенные по всему пространству; оживите все это пасущимся табуном и стадом — и вы не налюбуетесь сею дивною картиною!..

Пора! Милостивые государыни, пора!.. Я кончил описание!..

— Ну что, мой любезный Василий Петрович, — сказал напоследок Вольдемар, когда глаза его утомились уже от рассматривания красот, — не правда ли, что подобные вещи могут вознаградить за небольшую ломоту в пояснице, которую вы чувствовали дорогой?

— Седьмерично и стократно, дорогой мой Владимир Николаевич!.. Божусь и клянусь, как честный и благородный человек, что если бы Иван Дмитриевич был с нами, то и он бы наверно сказал вам точно то же!.. Впрочем, хоть мне теперь и очень покойно, а знаете, не лучше ли будет послать нам в деревню за телегой, не для чего иного прочего такого, как единственно для разнообразия?

Отпустив эту любимую свою остроту, Бельский осклабил физиономию и, сдерживая лошадь, насторожил уши для благоприятного ответа.

— И!.. Полноте!.. Как вам не грех!.. Видите ли, что деревня у нас под носом.

— Да! Знаю я это *под* носом!.. Разве вы забыли, как мы славно обманулись с вами, проехав шесть верст от Колыванской шлифовальни?.. Ведь, кажется, тащились тогда около самого *Белого* озера; тут же близехонько торчала и *Синюха*... Мы взглянули на воду, да и подняли спор: вы стали уверять, что плавает утка, я говорил что гусь, а ямщик растолковал, что это лодка с двумя рыбаками... Подите ж после этого, верьте глазам!.. С виду оставалось мало-мало разбежаться, да и соскокнуть в воду, а на самом-то деле ехали-ехали, насилу доехали![4]... Вот посмотрите, и здесь будет то же!.. Впрочем, для меня все равно, потому что я не устал нисколько.

— Нет, Василий Петрович, здесь большая разница!.. Здесь все показывается в настоящем виде, без уменьшения, а там, бог знает от чего, так сильно приближает дальние предметы.

— Хорошо, хорошо! Толкуйте себе! А мы еще напляшемся до обеда.

Однако ж страх разбитого Бельского был напрасен: через полчаса варилась уже для них уха из свежей рыбы... Вольдемар уселся делать отметки в своей записной книжке, а товарищ его лежал неподвижно на хозяйской кровати, уверяя, что он старается вспомнить и сообразить все малейшие подробности их путешествия, чтобы потом описать все вдруг и самым верным образом.

Как бы то ни было, только один из двух беспрестанно от чего-то *ахал*, другой поминутно *охал*, и в этих интересных занятиях прошло у них все время от обеда и до вечера... Ужин был ранний, и часу в девятом в исходе оба путешественника, утомленные верховой ездой, заснули самым крепчайшим сном, распорядившись наперед, чтобы лошади были готовы с восходом солнца... Им предстоял еще один и гораздо труднейший подвиг: взобраться на вершину *Сторожевого Льва*.

Много трудов вынесли они на следующее утро, начиная с того, как их обоих посадили в седлы и как потом сняли еле живых с измученных лошадей.

Я не стану пересказывать вам ни об их страданиях и муках от ужасных беспокойств и опасностей, ни о наслаждениях картинными видами: все это, при вашем настоящем знании *Тигирецкой долины*, будет слишком общими местами, чтобы стоило распространяться об них в особенности... Один только обед моих путешественников в теплых ваточных шинелях на холодной спине почтенного *Льва* заслуживает, конечно, особенное внимание читателей.

Над ними было вечно безоблачное небо; внизу чернело море туч; кое-где блестящие, снежные *Белки* смело и гордо прорезывались своими главами сквозь эту мглу и сияли от солнца, как будто очарованные острова с кристальными чертогами каких-нибудь волшебниц... Гром гремел в глубине; молний не было видно.

Все это, милостивые государыни, сбивает немножко на Олимп, в котором, конечно, не доставало полного комплекта богов, но где поэзия и плутовство нашли бы себе покровителей.

За исключением воздушного обеда, все остальное так просто, как нельзя больше... Взъехали высоко, съехали свысока — и тем кончился весь бал!.. К тому же и Вольдемар и Бельский, почти тотчас же по возвращении в деревню, и сами забыли обо всех своих тогдашних впечатлениях, по крайней мере на весь остаток дня, потому что Василий Петрович, добравшись до кровати, лег пластом и захрапел во всю ивановскую, а Смолянов получил целых три письма... Родные знали чем угодить и послали нарочного.

Может быть, эти письма сделают чрезвычайно важные перевороты в душе Поэта, но наперед говорю...

Не требуйте от молодого человека степенности старика.
Шевиньяр-де-ля-Паллю

Глава XXXV. Бедная Лиза!

Хотя они не говорили ничего, кроме безделиц,
но эти прелестные безделицы имеют такую высокую цену
в устах тех, которые любят друг друга!
Из нового Абеларда

Спуститься с Олимпа и найти на земле три письма, это, господа, вовсе нешуточное дело!.. Тут непременно надобно уединение — и Вольдемар отправился на цветистый берег веселого *Ионыша*, сел на тропу и стал рассматривать пакеты.

Вот этот, который прежде всех попался ему на глаза, подписан слишком интересно, чтобы распечатать его, не подумавши... Почерк незнакомый и чуть ли, кажется, не женский... Большая гербовая печать, вероятно, второпях приложенная боком, также незнакома ему и своим несчастным отпечатком подтверждает первую догадку: рука, которая владела ею, не привыкла еще делать хрупкие оттиски геральдических знаков нашего хрупкого, мелочного тщеславия... Это письмо вообще очень любопытно, и его надобно прочесть первым.

За ним следует тоненькое письмецо… Позвольте!.. Позвольте!.. Дай бог памяти!.. Чья бишь это рука?.. Да!.. Точно!.. Это рука Ивана Дмитриевича Арского; но отчего ж такая нетвердость почерка и что бы значила эта черная печать?.. О!.. Это письмо непременно надобно прочесть вторым, потому что тут что-то кроется…

Наконец, третий пакет от сестры Любиньки… Оно распечатается после всех: ведь надобно же оставить что-нибудь и на закусочку!

Отложив два последние письма, Поэт взял первое: печать разломана, и разорванный конверт отлетел в сторону… В руках его очутилась небольшая записочка и еще одно письмо, запечатанное облаткой… Прочтем наперед записку…

«Милостивый государь, Владимир Николаевич!

Я не имею удовольствия знать вас и от того еще более убеждена, что делаю худо, отсылая к вам эти немногие строки; но подобное нарушение моего долга есть первая и, может быть, последняя жертва дружбе… Лизанька Буклина, которую я люблю больше всех на свете после моей маминьки, умоляла меня в последнем своем письме всеми мольбами, чтобы я узнала от доктора Зорова ваш адрес и переслала к вам то, что при сем прилагается… Просьбы бедной моей подруги были так неотступны, что я, как видите, исполняю их. Вы, конечно, догадаетесь, что все это сделано мною тайно от всех, и потому мне позволительно требовать того же и с вашей стороны… Одна только твердая уверенность, что вы оцените побудительную причину моего поступка и будете действовать, как следует благородному человеку, позволила мне решиться написать к вам. Не обманите же моих надежд — и не отвечайте мне.

Уважающая вас, Варвара Лажина».

«Прелестная, добрая, редкая девушка!.. — подумал Вольдемар, прочитавши эту записку. — Какое самоотвержение!.. Какая примерная дружба!.. Мне кажется, что я непременно полюбил бы ее с первого свидания… О! Будь уверена, что тайна твоего письма умрет вместе со мною!».

Каким же образом узнал я и потом рассказываю это всем? — спросят меня любопытные… Тут есть большая разница… Во-первых, я не давал слова молчать; во-вторых, почему вам знать, может быть даже, я имею позволение говорить сколько угодно моей душе, и, в-третьих, неужели вам неизвестно, господа, что одно и то же обстоятельство бывает иногда делом важным, требующим тайны, а в другое время становится предметом собственных же наших шуток и служит пищею дружеских разговоров и веселых воспоминаний… Особенно и чаще всего это случается с романическою любовью… Впрочем, если я знаю и говорю, так это значит, что я знаю и могу говорить, потому что и у меня в свою меру достало бы молчаливости, если бы на это *воспоследовало* какое-нибудь *требование*, как любил иногда выражаться знаменитый казуист Бельский.

Давши таким образом самому себе честное слово быть скромным, Вольдемар положил в карман записочку Варвары Александровны Лажиной и потом с невольным трепетом взялся за письмо своей хорошенькой Лизаньки… Полюбопытствуем же, как пишут иные влюбленные брюнеточки.

«Добрый, миленький мой братец!

Это уж пятое письмо к тебе, которое я начинаю сегодня. Из первых четырех не годилось ни одно: все что-нибудь да не так, все как-то не нравится: или почти ничего не выражает, или слишком печально, а мне вовсе не хочется огорчать твоего доброго сердца… И здесь ты увидишь, что я не умею писать толково: я рассказываю все без порядка, что взбредет мне в голову; да ведь ты, мои миленький, не будешь смеяться надо мною… Не правда ли?.. Я очень, очень тебя люблю; мне хочется только поговорить с тобой; хочется передать, что у меня на сердце, а уж где мне заниматься вашим красноречием?.. Буду писать, как ни попало, только смотри, не разлюбил ли ты меня?.. Тогда, пожалуйста, не дочитывай моего письма, а не то, если я узнаю, мне будет страх как совестно… Я умру от стыда… Да нет!.. Верно мой дружочек не разлюбил своей сестреночки: мне бы тотчас сказала об этом сердечная тоска…

Ах! Если бы ты увидел меня теперь!.. Ты бы никак не узнал своей прежней, петербургской Лизаньки… Я стала такая бледная, что боюсь глядеться в зеркало, а бывалого смеха нет и в помине… Я очень хорошо вижу, что это убивает мою голубушку маминьку, да посуди сам, что ж мне бедной делать?.. Ты ведь знаешь, что я не умею притворяться: я и принуждаю себя, только верно все невпопад, иначе и она бы стала хоть немножко повеселее.

Да! Кстати о притворстве! Я расскажу тебе об одной моей попытке.

Недавно маминька была именинница; вот я и встала себе пораньше, умылась, выслала за чем-то девушку, да и в комод… Отыскала там свой ящичек с красками, взяла кусочек кармина — и чуть-чуть подрумянилась… Мне хотелось, чтобы свежесть моего лица порадовала маминьку, и чтобы она хоть в этот день была не так задумчива, как обыкновенно… Ну вот и хорошо!.. Вот встала и маминька… Вот я и отнесла к ней свой подарочек, приготовленный потихоньку… Смотрю — она стала вглядываться в меня, да так пристально, что у бедненькой твоей сестреночки совсем было замерло сердце… Вот узнает!.. Вот увидит!.. — думала я… Только нет, слава Богу! Она обманулась и поздравила меня с хорошим румянцем.

Это утешило меня до такой степени, что я и в самом деле развеселилась не на шутку… Так прошло утро, и обед, и время после обеда, часу до шестого… Мне для полного счастья не доставало только тебя.

Тут мы пошли одни в сад, потому что никто из соседей не был зван, и, стало быть, гостей не было.

Вот мы и начали прохаживаться по аллеям, и когда зашли далеко, тогда вдруг на мою беду полился страшный дождик. Маминька была в салопе, я в одном платьице, и потому она подозвала меня и, обнявши, закрыла от дождя одною полой, так что ее рука пришлась прямо на мое лицо, на которое уже попали несколько капель.

Туча была маленькая, и дождь прошел скоро: нас почти и не замочило под деревом… Когда мы стали пробираться домой по грязным дорожкам, маминька взглянула нечаянно на свою руку и не могла надивиться, отчего у нее переменился цвет правой ладони.

Сперва осмотрелась она около себя, потом взглянула на твою бедненькую сестреночку, и, заметив, что у меня одна щека сделалась вдруг бледнее другой, она тотчас догадалась обо всем… Наконец, после долгих расспросов, узнав настоящую причину моей проказы, она сделалась еще грустнее, нежели накануне… Боже мой! Уж как я пеняла себе потом за свою неосторожность; только того, что сделано, никогда не воротишь.

Хотя добрая маминька и не говорит мне никогда о своих делах, однако я сама все знаю: старая моя нянюшка рассказала мне обо всех подробностях.

Вообрази, дружочек, что вместо шестисот душ, которые мы имели после батюшки, у нас теперь всего-навсего около полутораста: остальные все как-то описаны и проданы, только мы не получали денег… Маминька слишком вверилась двум своим приказчикам, а эти бессовестные люди и обманули ее кругом: они разорили крестьян и не заплатили куда-то каких-то процентов.

Маминька должна была продать много дорогих вещей и вырученными деньгами насилу поправила своих мужичков.

Теперь мы живем в степной деревне одни-одинехоньки… Сперва, было, маминька и выезжала со мною к соседям, только потом, когда я заметила, что эти выезды очень тяжелы для нее, тогда я сама сказала ей, что и мне совсем не хочется бывать в гостях, и с тех пор мы делаем одни самые необходимые визиты.

Из наших обыкновенных посетителей для меня всех несноснее этот желтый полковник, который следил за мною в Петербурге и которого ты верно помнишь… На мое несчастье, его полк стоит в нашем уездном городе.

Каково тебе покажется: он намерен за меня свататься… Маминька еще не говорила со мною о нем ни слова, только мне уж известны его затеи: опять та же нянюшка узнала обо всем, по ее словам, как-то случайно, от полковничьего камердинера… Сначала и она, старушка, туда же с уговорами, только я так на нее рассердилась, что заплакала… Посмотрю, как-то она заговорит еще после этого?

Вот в каком положении бедная твоя Лиза!.. Все мои радости прошли для меня!.. Мне остается одна сладкая надежда, что, может быть, судьба сжалится когда-нибудь надо мною и я увижу своего миленького братца… Но повторю еще раз: не разлюбил ли ты меня?.. Заменила ли какая-нибудь другая твоей названой сестрицы?.. Что ж тогда будет с моим несчастным сердцем?.. Нет!.. Не хочу и думать!.. Одна мысль о твоем непостоянстве раздирает мне душу!.. Представь же себе, что будет со мною, если я в этом уверюсь?

Прощай, мой миленький братец!.. Приезжай, если можно, в Россию: возврати мне мое счастье! Вспомни только об известных тебе блаженных минутах, которые мы провели вместе, перед отъездом твоим из Петербурга, и не нарушай своего слова… Обо мне не беспокойся: ты, или никто, будет так же, как и прежде, всегдашним, постоянным желанием и намерением любящей тебя —

Лизы Буклиной.

P.S… Еще несколько слов… Если ты меня любишь, если ты хочешь, чтоб я писала к тебе еще, то отвечай мне поскорее, то есть непременно с первой же почтой или много-много со второй, потому что месяца через три мы переселимся куда-нибудь в другое место… Маминька хочет продать свою деревню и купить поближе к Москве… Теперь покуда она еще не выбрала.

Не получив ответа, не стану уведомлять тебя о нашем переезде: это будет значить, что ты или не существуешь вовсе, или, по крайней мере, для меня.

Целую тебя без счета».

Вольдемар, который начал чтение письма сидючи, стоял как вкопанный, когда он дочел последнюю строчку… Очень сожалею, что никак не могу сказать утвердительно, который именно период этого послания поднял и вытянул его, как струночку; впрочем, оттого я ничуть не меньше знаю, что он точно стоял на ногах и стоя осыпал поцелуями почти сподряд каждое слово, написанное рукою его ненаглядной Лизаньки.

Наконец он воскликнул в каком-то исступлении: «Нет, мой милый ангел!.. Нет!.. Этого никогда не случится!.. Ты не должна знать страданий!.. Ты будешь, ты непременно будешь моею!».

Проговорив эти важные и непреложные сентенции, Вольдемар пустился опрометью на свою квартиру… Все кипело в его груди… Он весь предался Лизе и, следственно, был сам не свой.

О ты, которая дороже для меня самой жизни!..
Нет сомнения, что я буду любить тебя вечно!
Катулл

Глава XXXVI. Неизменная решимость

Страсти в мире нравственном то же,
что движение в мире физическом;
движение созидает, разрушает, сохраняет,
одушевляет все, и без него — все мертво!..
Так и страсти оживляют мир нравственный.

Гельвеций

— Едем!.. Едем!.. — вскричал Поэт, вбегая в *светелку*[5]. — Едем, Василий Петрович!.. Я не в состоянии выносить более ни минуты!.. Я буду с ним стреляться, если это нужно!.. Какая дерзость!.. Какая ужасная, непостижимая наглость: видеть, что его не любят, — и осмелиться искать руки ее!.. Скажите, пожалуйста, что вы думаете об этом, почтенный Василий Петрович?

Бельский, который тоже получил письмо от Ивана Дмитриевича и который умолчал о том, потому что Арский, извещая его за тайну о своем сватовстве за Смолянову, просил употребить самое искусное ходатайство перед братом молодой девушки; Бельский, несмотря на свое просонье, с первых же слов Вольдемара применил все к затеям своего друга, вовсе не думая ни о Лизе, ни о желтом полковнике...

Он по-своему смекнул в одну минуту все дело, предположив, что верно Любовь Николаевна сама написала обо всем к брату, и к тому же, вдобавок, объявила решительно, что она нерасположена к Арскому и что тот докучает ей своими исканиями, злоупотребляя любовью к нему старика Николая Ивановича... Все это, будучи, впрочем, совершенной правдой, мелькнуло у него в голове, как молния, и он решился стараться за своего товарища, хотя речь шла в то время совсем о других лицах.

— Что ж вы, Василий Петрович, думаете об этом?.. — повторил Вольдемар.

— Вы, любезный Владимир Николаевич, спрашиваете это у меня?

— Боже мой!.. Разумеется, у вас. Здесь, кажется, нет больше никого.

— В таком случае, я попрошу, чтобы вы наперед немного успокоились... Поверьте, в подобных обстоятельствах надобно иметь гораздо более хладнокровия: иначе мы будем видеть все не так, как следует.

— Точно!.. Точно!.. Я согласен с вами!.. Хладнокровие никогда не вредит.

— Ну, вот этак гораздо лучше... Теперь подумайте хорошенько и скажите мне по совести, что он вам сделал и за что вы рассердились на него до такой степени?

— Что он мне сделал?.. Он мне ничего не сделал; но я его ненавижу и презираю, потому что она его не любит.

— Это слишком бездоказательно, любезный Владимир Николаевич, и признаюсь вам, я никак не могу добиться, как бы согласить это с вашим здравым и основательным умом.

— Полноте, пожалуйста!.. Тут нет никакого дела до моего ума: тут, сударь, страдает сердце.

— Не понимаю, отчего ж ему страдать? Он любит ее — вот и только!

— Да как он смеет ее любить?

— Что вы?.. Что вы, Владимир Николаевич?.. Помилуйте!.. Да кто же запретит любить кого захочется?

— Ну, пускай себе он и любит ее, только не смей свататься.

— Скажите, отчего ж и в этом не попробовать счастья?

— Наконец, пусть его пробует: я знаю, что ему откажут; но если он осмелится докучать...

— Тогда он поступит очень безрассудно...

— Нет!.. Тогда он дорого поплатится со мною.

— Там будет уж ваша воля, а теперь покуда поговорим откровенно... Нет спора, что она прекрасная и милая девушка; но, впрочем, чем же и он не жених?

— Он?.. Чем же он не жених?.. С его отвратительною рожею?

— Которую вы так часто хвалили.

— Вы клеплете на меня в глаза: если я и сказал о нем что-нибудь хорошее, так верно в насмешку или шутку, а вы, конечно, можете понять и то и другое.

— Согласен с вами, однако все-таки...

— Ах, боже мой! Да что тут за возражения?.. Я уверен, что если бы вы прочли эти строки, то заговорили бы совсем другое... Вот извольте, пробегите их, начиная с этого места: *из наших обыкновенных посетителей*... и так далее до конца... Посмотрю, что вы скажете мне на это.

Бельский взял поданное ему письмо и, увидев подпись *Лизы Буклиной*, тотчас догадался обо всем еще прежде, нежели прочел... Он был чрезвычайно обрадован, что их взаимные ошибки остались непоясненными: иначе это, конечно, бы повредило его дружественным намерениям будто бы не нарочно похваливать Арского перед Вольдемаром... Гора свалилась у него с плеч, когда он узнал, о чем шел настоящий спор... Планиметрия невольно заблистала на его осклабленном лице, когда он представил себе, что малейшее продолжение подобного разговора, в котором один не знал и не понимал, о чем говорит другой, могло вести за собою самые неприятные последствия.

И точно!.. Я думаю, что почти всем моим читателям, или, по крайней мере, очень многим из них, часто на своем веку случалось слышать споры такого рода и видеть, как иногда из одного недоразумения поднималась страшная Гоморра. Когда я выразился таким образом, так этим доказывается только то, что я не отдаю никакого предпочтения Содому, и что если он может где-нибудь подниматься, так отчего же в свою очередь не подняться иногда и Гоморре?

— Ну, Василий Петрович!.. Говорите!.. Говорите!.. Советуйте мне быть похладнокровнее.

— Да полноте сердиться на меня, мой дорогой Владимир Николаевич: теперь, после прочтения этих строк, я нахожу себя кругом виноватым... Ведь я, знаете ли, думал, что ваша прелестная Лизанька только что равнодушна к нему, а она просто не может его терпеть: это тринадцатое дело!.. Да он же и такой неотвязной... Что за мерзавец, в самом деле! Она в Петербурге — и он там; она в деревне — и он тоже.

— То-то! Вот видите ли?.. А уж всегда любите спорить.

— Э!.. Полноте!.. Не ставьте всякого лыка в строку; притом же все, что я делаю и говорю, все это я делаю и говорю, любя вас... Скажите-ка лучше, что вы намерены начать?

— Ехать сегодня же домой; открыться во всем батюшке и выпросить у него позволение отправиться в Россию... Вы, может быть, захотите также помочь мне своими просьбами.

— Боже мой! Как вам не стыдно говорить, что я, может быть, захочу... Клянусь вам всем святым, что я буду стоять на коленах, буду плакать, рыдать, одним словом, буду делать все, чтобы только угодить вам; но наперед говорю, что я не ожидаю хорошего успеха.

— Отчего же?

— Как отчего?.. Ваш батюшка так любит вас и так привык к вам, что он верно не захочет и слышать о разлуке.

— Но если от этого зависит счастье двух человек?

— Все это так, только он-то навряд поверит этому.

— Нет, полноте, не спорьте со мною... Вы не знаете моего батюшку.

— Дай бог, чтоб я ошибся!

Каждый, смотря по внутреннему убеждению в достоинстве
или в недостоинстве своих действий,
имеет сердце, полное надежды или страха.
Овидий

Глава XXXVII. Бедный Вольдемар

Надобно вникать в природу вещей
и видеть с точностью, чего она требует.
Цицерон

Между тем подали чай, пришел хозяин, и мои друзья принуждены были переменить предмет разговора.

Когда речь зашла о скором отъезде, тогда Бельский старался употребить все свое искусство, чтобы отсрочить его хотя до завтра: так расколотили его *живописные путешествия по величественному Алтаю*. Сверх того, солнце уже закатывалось, и покуда бы они закусывали на дорогу, покуда бы делалось то да другое, должна была наступить ночь — и тогда каково ехать этим проклятым Ускучевским ущельем?.. А пуще всего, каково перепрыгивать через адскую трещину, которой не было никакой возможности миновать?..

Красноречие его взяло наконец верх над нетерпением Вольдемара, и этот последний отправился прогуливаться, чтобы обсудить посерьезнее важные свои преднамерения относительно Лизы.

Напоследок он устал и ходить, и обсуживать, сел где-то под деревом и, пользуясь светом погасающих солнечных лучей, прочел следующее письмо от Арского.

«Простите меня, что я так долго не мог выбрать времени, чтобы писать к вам, любезнейший друг мой Владимир Николаевич!.. И теперь я в состояния набросать только несколько строчек, так смущены все мои мысли, так сильно взволнованы все мои чувства!.. Мне кажется, что судьба хочет познакомить меня со всеми тяжелыми испытаниями бедствий.

Тотчас после вашего отъезда у меня сильно захворала жена... Болезнь казалась сперва слишком маловажною, чтобы думать об опасности, но перелом был решителен и чрезвычайно несчастлив: через неделю после него я уже рыдал над преждевременной могилой своей неоцененной подруги.

Удрученный горестью, я было начинал думать, что для меня потеряны все надежды на земное благополучие, и вдруг увидел к нему новую, надежную дорогу: мысль, что милосердное Провидение сжалилось надо мною, возвратила мне большую половину потерянных сил... Теперь я дышу несколько свободнее; теперь я позволяю себе мечтать иногда, что, может быть, невозвратная моя потеря вознаградится мне по благости Небесной.

Заочно не могу сказать вам ничего яснее… Приезжайте, возвращайтесь скорей, любезный и милый Владимир Николаевич!.. Доставьте мне сладостную, отрадную возможность забыться на минуту в лоне дружбы, разделить с нею свои страдания и поверить свои тайны…».

Здесь Вольдемар приостановился, невольно отер слезу и подумал: «Какой редкий человек! Какой превосходный друг!». Простодушие Поэта никак не смекнуло, что господин Арский в ожидании его возвращения *забылся на минуту* в лоне пустословия и мастерски подкатывал своему благоприятелю турусы на колесах… Смолянов не догадался, что из всех *чувствительных* и *трогательных* выражений Ивана Дмитриевича только одно название умершей жены *неоцененною подругою* было верно и согласно с истинными его чувствами: он в самом деле не умел или, лучше сказать, не хотел оценить этой доброй женщины.

Впрочем, во время моего отступления можно отереть самые изобильные ручьи слез, и потому будем продолжать чтение письма… Из остальной половины его вы увидите, что Иван Дмитриевич, не читая Цицерона, вникал в природу вещей и знал с точностью, чего она требует:

«Но собственные мои несчастия почти не помешали мне занимать себя участью того, кто так дорог моему сердцу.

Вы таитесь перед вашим другом, и я не смею докучать вам; впрочем, оттого я ничуть не меньше могу все видеть и почти *должен* сообщать вам обо всех моих наблюдениях… Не знаю, как вы примите мое чистосердечное усердие к вашим пользам, но, по крайней мере, может быть, уважите причины, которые заставляют меня не выпускать из виду ничего, что только касается до вас.

Она… не назову *ее*… вы догадаетесь сами и без того… она сделалась очень грустна после вашего отъезда… По всему видно, что сердце *ее* невольно дало обет принадлежать вам навеки…

На днях, будучи в вашем доме, я с намерением заговорил при ней о вас, отдавал должную справедливость достоинствам и заметил с особенным удовольствием *разлив румяной зари* на ее ланитах… После этого вы должны оставить все сомнения и радоваться своей победе.

Мне известно также, стороною, что *она* очень торопится приготовить подарок для дня вашего ангела, предполагая, что вы возвратитесь сюда к этому времени… Человек, который говорил мне об этом подарке, уверяет, что в нем искусство и вкус до такой степени утончены и прекрасны, что не знаешь, чему отдать предпочтение… Если бы я не был вашим искренним другом, то я верно бы позавидовал вам…

Приезжайте же скорее: утешьте любовь и дружбу, которые вместе скучают о вашем отсутствии… Тогда я вам открою *нечто*, от чего зависит участь моей жизни, и буду умолять о вашем содействии.

Если не хотите обрадовать нас, любезнейший Владимир Николаевич, скорым своим возвратом, то хотя не забывайте о тех, которые привязаны к вам… Я же, со своей стороны, останусь всегда вернейшим вашим другом.

Иван Арский».

Дошедши до последней точки этого сентиментального письма, Вольдемар перечел его снова — и снова произнес прежние свои восклицания: «Какой редкий человек! Какой превосходный друг!».

Нельзя сказать, чтобы он не подосадовал немного на то, что сердечная тайна его проникнута; но в замену того, какое богатое, усладительное вознаграждение нашел он в таинственных балясах *редкого человека*!..

Он любим Раисою… Его отсутствие наводит на нее тоску и грусть!.. О! Как велико стало теперь его счастье!.. А чего стоит этот подарок?.. Эта заботливость угодить чем-нибудь милому человеку?

«Прелестное создание!.. — воскликнул он наконец. — Ты возвращаешь жизнь убитой душе моей непритворною своею любовью!.. Но ты увидишь, что я умею быть благодарным: я употреблю все мои силы, чтобы сделать тебя благополучною… Надобно ехать в Т……; надобно признаться во всем батюшке и просить его благословения… Тут мне незачем будет расставаться с ним, и он верно согласится исполнить мои просьбы, мои мольбы: ему так дорого счастье его детей!.. Василий Петрович говорит правду, что для старика, который уже привык ко мне, был бы тяжел мой отъезд из Сибири… Какой преумный и предобрый этот Василий Петрович!.. Как он умеет это все обсудить и придумать!».

А Лиза?.. А безотвязчивость желтого полковника? — спросят меня читатели.

Все забыто, милостивые государи, по пословице: не сули журавля в небе, а дай синицу в руки… Так, впрочем, отвечаю только я, но сам Поэт ответил бы вам, конечно, совсем другое.

Он наверно не стал бы даже говорить ни о невозможности одного брака, ни о видимой возможности другого, а завел бы вас просто в такую фантастическую трущобу; осыпал бы вас с головы и до ног такими неоспоримыми доказательствами своей правоты и верности к петербургской брюнеточке; наконец, он так бы мастерски представил вам торжественность предметов своей любви, что если бы вы и собственными своими глазами увидели его свадьбу с Раисою, то все-таки думали бы, что он женился на Лизе… Эти господа Поэты умеют иногда удивительно как хорошо морочить честных людей и нашу братию профанов… Подчас они даже любят делать белое черным и черное белым, чтобы тешиться легковерием толпы.

Наконец, Вольдемар принялся за письмо сестры, и надобно сказать правду, что оно удивило его не на шутку.

Любинька, уведомив его наперед о смерти жены Арского и о том, как этот последний был на похоронах еще неутешнее Василья Петровича, — рассказала ему потом о происшествии вовсе неожиданном… На пятый день после печальной церемонии несчастный вдовец явился к ней с униженными предложениями своего сердца и своей руки!..

«Ты можешь представить себе, мой друг, — писала сестра Поэта, — как удивило меня это поспешное сватовство… До сего времени я была так расположена к Ивану Дмитриевичу, как бывают расположены к хорошим и коротким знакомым; но с самой первой минуты его искания он потерял все права не только на какую-нибудь особенную, исключительную привязанность, даже на уважение…

Боже мой! Мне и теперь кажется, что я вижу все это во сне!.. Растолкуй мне, есть ли какая-нибудь возможность сделать подобное предложение, и когда же?.. И после чего?

Только за пять дней — и не больше, его несли, как мертвого, за гробом жены; за пять дней он вырвался, как исступленный, из рук своих знакомых и чуть-чуть не бросился в могилу!.. За пять дней он умолял, чтобы его, хотя из милости, зарыли вместе с нею… И потом через пять дней позабыть эту комедию и приняться за новую!

Может быть, я выразилась слишком жестко; но воля твоя, милый брат, а я почти уверена, что честный человек не может сделать подобного поступка… Если он любил меня еще при жизни своей жены, в таком случае зачем же эти трагические сцены при похоронах?.. Приличие требовало только одного грустного вида: чем же назвать все остальное?

Он обратился сперва к батюшке, который, будучи уже слишком расположен к нему, отправил его ко мне в ту же минуту… Я выслушала его с величайшим изумлением; но, несмотря на то, вдруг сообразила все, собралась с духом и без всякой запинки отказала ему решительно».

Остаток письма имеет частный интерес и здесь не заслуживает пересказа.

Тут только понял наконец Вольдемар все затейливые и таинственные восклицания Арского… Тут он постиг, какую *новую* и *надежную дорогу к благополучию* увидел его благоприятель, хотя впрочем слово *надежную* показалось ему довольно неуместным, после крепкой рогатки, переброшенной через эту дорогу решительным отказом Любиньки… Тут он узнал, чем предполагалась вознаградиться потеря Ивана Дмитриевича.

Дочитав письмо, он невольно разделял сначала удивление своей сестры, как я уже и сказал об этом; но потом мало-помалу стал передаваться на сторону Арского…

Смерть жены, несмотря на холодность к ней, могла жестоко огорчить его, как человека чрезвычайно чувствительного, а раннее сватовство могло быть следствием пламенной страсти… Нет! Любинька слишком виновата перед ним… Она чересчур опрометчива… Впрочем, это можно еще поправить терпением и настойчивостью… Арский прав!.. Арский точно прекраснейший, предобрейший человек!.. Он будет хорошим мужем… Ему надобно помочь!

И как же иначе?.. Арский писал, что Раиса любит Вольдемара, что она сделалась очень грустна после его отъезда и что она готовит ему подарок, в котором не знаешь, чему отдать предпочтение: искусству или вкусу… Как же вы назовете подобные вещи?.. Неужели пустяками?.. Нет! Или и после этого Арский не предобрейший человек, так кого же считаете вы предобрым?

Погрузившись в сладкие думы, таким образом, заботясь о судьбе своего друга, он постарается поправить его небольшую ошибку в поспешности и примирит с ним свою сестру; как та напоследок отдаст справедливость достоинствам такого прекрасного жениха, каков Иван Дмитриевич, Вольдемар медленно возвращался на свою квартиру, и возможность счастья близкого к нему человека невольно рождала мысль о возможности собственного счастья… Он утопал в море мечтательных восторгов.

Пришедши в комнату, он нашел Бельского в больших хлопотах около приготовляемого ужина, и как товарищ его прималчивал, так и он не говорил ничего со своей стороны… Верно, они оба знали и думали тогда, что утро вечера мудренее, а потому и откладывали все до завтра.

На другой день то же самое молчание: один по обыкновению предавался мечтам, другой выжидал счастливых минут и удобных случаев… Но по приезде в Багрышиху, где лошади были уже запряжены в карандас, Вольдемар подошел к Бельскому и сказал ему очень значительно:

— Нам надобно переменить маршрут: оставим в покое Иртыш и *Плитняжную крепость*[6] и все на свете: мы должны ехать, мы должны торопиться, мы должны лететь в Т..... Там предстоит для нас многое… Там вы все узнаете!

Тон этой краткой и убедительной речи имел слишком много торжественности, чтобы отвечать на нее противоречиями, и потому Бельский выразился просто:

— Распоряжайтесь, мой друг, как вам заблагорассудится.

Вольдемар поблагодарил его пожатием руки… Чрез пять минут они были в дороге по направлению к северу, так сильно подействовали на Василья Петровича слова Поэта… Видите ли господа, что…

Речь, предназначаемая для выражения истины,
должна быть проста и безыскусственна.
Сенека

Глава XXXVIII. Канун торжества

Даст ли нам завтра Юпитер дождик или ведро;
но он никак не может сделать,
чтобы случившееся не случилось.
Гораций

— Как жаль, что мне нельзя быть у вас! — сказал Арский, вздыхая.

— Видишь какой гусь!.. А обо мне и не пожалеет!.. — подхватил Бельский. — Разве мне меньше твоего хочется полюбоваться балом, который задает любезный наш Владимир Николаевич целому городу?

— И не говорите мне лучше, господа, об этом! — отвечал им Вольдемар. — Я чуть ли не больше вашего досадую, что вы оба не будете у меня… Благодаря вашим пособиям, эта беседка убрана, право, недурно.

— Помилуйте!.. Что вы?.. Как недурно?.. Можно ли назвать такую уборку недурною?.. Клянусь вам как честный и благородный человек, что это прелестно!.. Превосходно!.. Очаровательно! — кричал Бельский, прыгая, как сумасшедший козел, по огромной зале садовой беседки.

— Стало быть, эти гирлянды и букеты точно вам нравятся? — спросил молодой Смолянов.

— Кому ж они не понравятся? — отвечал Арский. — Особенно вы мастерски придумали сделать вот эти цветочные узлы: поглядеть просто — так ничего, а всмотрись-ка хорошенько, ан и увидишь кое-что.

— Тише!.. Тише, пожалуйста!.. Будто вы заметили?

— То-то и есть, что заметил!.. Если кто хоть мало-мало не простофиля, то как раз увидит тут Л и Р, то есть: *Любезная Раиса*.

— Ну, да, да, да!.. Положимте, что так… Эй! Кто-нибудь!.. Лестницу, молоток и маленьких гвоздей: я сам хочу поправить верхние венки, — закричал Вольдемар, чтобы как-нибудь избавиться от продолжения подобного разговора, и когда между тем он взлез под потолок, тогда никак не мог нарадоваться, что даже от такого тонкого и проницательного человека, каков Иван Дмитриевич, ускользнула его высокая, любимая, поэтическая мысль соединения Лизы с Раисою в одно восхитительное целое.

— Вы верно думаете о чем-нибудь другом, любезный мой Владимир Николаевич? — проговорил снизу неотвязчивый Арский. — Ваш венок глядит куда-то в сторону…

— Будто? — отвечал Поэт, смущенный такою неожиданностью.

— Да как же!.. Опустите правый бок!.. Ниже… еще ниже!.. Ну, вот так!.. Прекрасно!.. Теперь посмотрите, как ввалилась середка… Вколотите в нее два или три гвоздика.

— Хорошо что ли?

— Очень хорошо!.. Принимайтесь теперь за другой, а я похлопочу около свечей.

— Сделайте милость!.. Только, пожалуйста, велите ставить так, как я вам рассказывал, чтобы не могли загореться гирлянды.

— Будьте покойны!

— А где же Василий Петрович?

— Он пошел хлопотать около шкаликов на той беседке, которая в большой аллее.

— Ах, какой он добрый! Дай Бог ему здоровья!

Весь этот разговор происходил в большой беседке публичного сада, в которой желающие могли давать праздники.

Вольдемар приехал накануне поздно вечером и на другой же день по приезде чуть свет занялся приготовлениями к балу.

Часу в девятом утра было разослано до сотни билетов с приглашением на бал и ужин… Потом, вместе с двумя своими друзьями, он пробыл в саду почти до глубокой ночи, украшая танцевальную залу так, как только было можно… Наконец часу в одиннадцатом вечера все было готово, и назавтра — назавтра должно решиться многое.

Отужинав, Поэт отправился к своей сестре, чтобы поговорить с нею обо всем поподробнее: бальные хлопоты отняли у него возможность сделать это прежде.

Разумеется, что речь началась Арским и что Любинька снова подтвердила свой отказ… Несчастный вдовец испортил все дело так, что хоть брось: поступок его произвел чересчур уж невыгодное впечатление в сердце молодой девушки, которая, после притворной печали *маленького человека*, не верила ему ни на грош.

Вольдемар был очень привязан к своей сестре и потому, видя, что она не любит Ивана Дмитриевича не на шутку, исподволь совершенно переменил разговор.

— Ну, как ты, мой друг, проводила без меня время?

— Не совсем-то хорошо… Съездила раза два за город и простудилась… Зато я могу тебя порадовать чем-нибудь другим, хоть ты и таишься от своей сестренки.

— Говори! Говори!.. Посмотрим! Только, полно уж, не знаю ли я наперед этих радостей.

— Например, что все семейство твоего названого дедушки и особенно милая Раичка…

— Да! Знаю!.. Знаю!.. Она скучала без меня. Ну да что ж тут за важность?

— Помилуй, мой друг!.. Как скучала?.. Я ее не видывала никогда такою живою и веселою, как она была без тебя.

— И ты это сама видела?

— Собственными своими глазами…

— И она говорила тебе, что ей с некоторого времени особенно весело?

— Именно говорила!

— А позволь спросить, как она веселилась?

— Беспрестанно на гуляньях: то чай в поле, то на рыболовне, то прогулка по реке…

— И только?

— Да чего ж тебе больше в нашем захолустье?

— И ты не замечаешь во всем этом какой-то особенной склонности к уединению, какого-то самовольного отдаления себя от несносного городского шума, от людскости, от всех здешних дрязгов?.. А?..

— Нет, мой друг, признаюсь тебе, что я совершенно не заметила ничего подобного.

— Ну, вот видишь ли!.. По крайней мере знаешь ли ты что-нибудь о подарке, который мне готовится?

— Как не знать!.. Бисерная подкладка под часы: ученическая, детская работа, которую смастерила тебе Фелисата.

— Помилуй сестра!.. Ради бога помилуй!.. Да ты уморишь меня со смеха!.. Какое тут дело до твоей Фелисаты и разве нет чего-нибудь поинтереснее?

— То-то и есть, к несчастью, что нет!

— То-то и есть, к счастью, что есть!

— Как бы, кажется, дружочек, мне не видеть?

— Да вот не видела же… И к тому же говоришь еще, что она веселилась… А-а-ах! Какой же ты ребенок, как посмотрю я на тебя!.. Неужели ты не знаешь по сию пору, как умеет притворяться вся ваша братия?

— Но в чем же притворяться Раиньке?

— А вот ты увидишь ужо… Посмотри-ка только, что будет завтра.

— Дай Бог! Дай Бог!.. Особенно если мой обман тебе в пользу.

Они распростились.

Улыбка самодовольствия и какая-то торжественность сияли на лице Вольдемара, когда он поцеловал сестру, желая ей доброй ночи… Напротив того, доброй Любиньке сделалось очень, очень грустно: она поняла теперь, что любовь его брата к дочери Бенина совсем не похожа на легонькое, эфемерное волокитство, которое так легко забывается для новых проказ… Она увидела, что Вольдемар должен быть обманут лестными, но ложными известиями, которые весьма справедливо и основательно приписывали Арскому, зная короткость его с братом и отношения последнего к другим лицам… Наконец она представила себе, как ужасно будет разочарование влюбленного Поэта, если он увидит прежнюю холодность Раисы, которая нисколько не отвечала на его искания.

Все это вдруг уяснилось в ее воображении, и она обняла своего брата гораздо крепче обыкновенного, как это мы делаем всегда, если близкому для нас человеку угрожает какая-нибудь опасность и если мы не можем ни сообщить ничего отрадного, ни помочь ему.

«Добра, умна, а как неопытна! — говорил про себя Вольдемар, спускаясь тихонько по темной лестнице в свою комнату. — Но тем лучше!.. Тем лучше!.. — продолжал он. — Она меня любит — и нечаянность счастливой развязки будет для нее еще приятнее…

Любопытно, что-то она заговорит завтра?.. О! Пятнадцатое июля 18** года должно быть самым решительным днем моей жизни!».

Утомленный дневными хлопотами, он погрузился сперва в пышный пуховик, потом в заманчивые мечты, наконец, в крепкий сон, а что в одно и то же время и *пышно*, и *заманчиво*, и *крепко*, то должно быть очень недурно… Не правда ли, милостивые государыни?

Но может статься, вы спросите, о чем же мечтал Поэт?.. Нет!.. Вы меня не спросите, потому что это старая песня.

Неизвестность лучше славы,
и добродетели лучше дарований.
Солнце, маленькое поле, жена, дети! —
вот что достаточно для его
постоянных удовольствий.
Бернарден де Сен-Пьер

Глава XXXIX. Подарок

Удовольствие представляется его воображению;
его сердце воспламеняется; его чувства взволнованы: он желает...
Шевиньяр-де-ля-Паллю

Наступил торжественный день именин.

С девяти и до одиннадцати часов утра Вольдемар беспрестанно принимал поздравительные визиты, и однако ж, провожая своих посетителей, он благодарил только за сделанную честь и не просил ни одного: *пожаловать на чашку чаю*, как это обыкновенно водится в Сибири... К обеду, кроме старика Бенина с его семейством, позваны одни самые короткие друзья дома.

Бедный Поэт был все утро как на иголках.

Чуть только прогремят у подъезда какие-нибудь дрожки, «Ну, вот верно *дедушка*!» — думал он — и обманывался... *Дедушка* приехал после всех... Что ж?.. Оно и естественно!.. Конечно, старик-то хочет отдать подарки так, чтоб этого никто не видал... Надобно думать, что сама Раинька придумала и приладила все его шаги...

Наконец, явился и Яков Петрович — и это появление захватило дух у бедного молодого человека... Он не помнил ничего: ни встречи, ни получения небольшого пакетца с чем-то тяжелым, ни провод; впрочем, все это было делом пяти минут, потому что Бенин торопился в свою палату.

Когда Вольдемар остался один, тогда он бросился без памяти в свой кабинет, запер за собою дверь, сел в кресла перед письменным столиком, положил на него таинственный пакетец — и не знал, как осмелиться развернуть его.

Если бы посмотреть в то время со стороны на нашего героя, то можно было бы подумать, что он помешан на каком-нибудь забавном пункте...

То вскочит — и начнет прикидывать на руку тяжесть подарка; то снова положит его, снова сядет — и понюхает; то опять возьмет в руки — и посмотрит к свету; напоследок, в минутном порыве геройской решительности, он раскрыл непроницаемую четвертушку веленевой бумаги — и круглая бисерная подкладка под часы ученической, детской работы упала на стол.

«Какая плутовка!.. Какая милая, добрая, затейливая плутовка! — воскликнул Поэт. — *Она* непременно хочет отдать мне свою работу собственными своими руками... И как хитра!.. Каково же?.. Даже не сказала ни слова своему папиньке... Ай да сибирячка!.. Так вот еще, что за нами водится!.. Ну да это хорошо!.. Очень хорошо!.. Прелестно!.. Теперь уж я никак не могу сомневаться в ее любви... То-то посмеюсь я над сестрой!.. И как эта Раичка сумела так мастерски секретничать?.. Ей-богу, ну, это превосходная штука!.. Покорно просим! Да я бы, за полчаса назад, конечно, прозакладывал свою голову, что она не решится на подобные вещи».

Так говорил Вольдемар и не мог нарадоваться своему счастью... Между тем время летело... Пробило час; за Бениными послана коляска; вот пришли и короткие знакомые; вот посланный экипаж возвращается назад; вон пестреют платья и шляпки; вот Поэт выбежал на крыльцо; высадил дам; расцеловал их ручки, снял плащи и принял поздравления; вот начался общий разговор; вот пробило два — и принесено кушанье; вот отобедали; вот подали десерт и кофе; вот приняли и то, и другое... *Она*, кажется, так и посматривает на него... Какая досада!.. Ну что бы разойтись этим господам и отдохнуть у себя немного: ведь, как нарочно, не вспомнят, что они еще успеют утомиться вечером... а она вот так и выжидает минуты, чтобы остаться с ним наедине.

Вот разошлись и эти господа; вот и барышни убежали в сад... только *она* одна в гостиной и чего-то ищет... Плутовка!.. Знаем мы это исканье!.. Однако ж не надобно терять такой счастливой минуты... Подойдем!

— Ах!.. И вы здесь!

— Как видите...

(Уж и смешалась... Ах ты милочка!)

— И давно?

— С минуту.

— А я вас и не заметила.

— (Шутишь!) Не мудрено! Вы смотрели в другую сторону... Да что ж вы потеряли?

— Кольцо!.. А! Да вот оно... Вот оно!.. Ах, Боже мой! Какая ж я слепая.

— (Так-с!.. Понимаем, что у вас за слепота!) Вы отправляетесь гулять?

— Да! День такой прелестный... как нарочно для ваших именин.

(Бедняжка! не знает, как и начать).

— Ах! Кстати!.. Получили ли вы сегодня подарок?

— (Насилу-то повела к настоящему.) Как же-с!.. И уже расцеловал за него ручки у моей миленькой ученицы... Какая прелестная работа!

— Полноте шутить, пожалуйста! Впрочем, не об этом речь: у меня есть до вас просьба.

— (Ага! наконец-то!) Вы можете приказывать.

— Не сердитесь же на меня, сделайте милость, что я вам ничего не приготовила для нынешнего дня; это не моя вина: я не нашла в целом городе ни бисеру, ни шелков, ни гарусу… А мне бы нужно отдарить вас за ваши подарки… Что ж?.. Вы не сердитесь на меня?

— Я не смею сердиться на вас, — отвечал Поэт таким голосом, как будто он не ел целых три с половиною дня и знал, что он утолит голод еще через такое же время.

— Смотрите же!.. Чур сдержать свое слово! — весело сказала Раинька и вдруг исчезла.

Вот тебе и подарок, в котором искусство и вкус до такой степени утончены и так прекрасны, что не знаешь, чему отдать преимущество: искусству или вкусу… Вот тебе и смех над недальновидностью сестры!.. Однако ж, кто бы это изволил обмануть доброго Ивана Дмитриевича?.. Пойти и спросить его… Ведь ему нельзя же выдумывать!

— Ах! Мой любезнейший, дорогой Владимир Николаевич!.. Позвольте вас обнять, расцеловать и поздравить самому лично с днем вашего ангела! — закричал Арский, увидя входящего Вольдемара и бросаясь к нему на шею.

— Покорно вас благодарю, Иван Дмитриевич… Но я пришел…

— Знаю! Знаю… догадываюсь!.. И снова должен обнять вас из благодарности… Вы пришли похвастать своим подарком… Не правда ли?

— Помилуйте!.. Каким подарком?.. Я не получил от нее ничего…

— Вы не получили от нее ничего?.. Да перестаньте же подшучивать так над вашим другом!.. Вы думаете, что я ничего не вижу по вашим глазам: ведь вы чуть не плачете от радости… Вот извольте-ка посмотреться в зеркало!

Вольдемар точно чуть не плакал, только совершенно от другой причины.

— Какая тут радость?.. Говорю вам без шуток: я не получил решительно ничего, кроме извинения, что не могли сыскать в целом городе ни бисеру, не шелков, ни гарусу.

— Может ли это быть?

— Верно может, когда оно точно есть, и я пришел спросить у вас, кто это вздумал тешиться надо мною и сообщил вам такой вздор?

— Признаюсь, если бы я слышал это не от вас самих, да я бы не поверил ни за что на свете… И таки ничего, совсем ничего не получили вы?

— Я вам говорю, что ничего.

— Странно!.. Удивительно!.. Непостижимо!

— И вы не можете сказать, кто придумал эту шутку?

— То-то и есть, что не могу: я дал честное слово молчать, а вы знаете, как это для меня дорого… Однако ж я постараюсь всеми силами добраться до истины… Что в самом деле за глупый и за низкий поступок!.. Да и я-то хорош!.. Написал к вам, не узнавши обо всем основательно.

— Чем же вы виноваты, что поверили по своей доброте?

— Нет! Нет! Владимир Николаевич — и не говорите лучше!.. Я никогда не прощу себе такой опрометчивости… Но я открою все! Тут должно что-нибудь крыться! Боже мой! Какие подлые люди! Как обманывать так бесчестно! — восклицал Арский, ходя из угла в угол в самом большом волнении.

Вольдемар, который пришел искать утешения у своего друга и узнать что-нибудь насчет несправедливого слуха, сам должен был сделаться утешителем: так растревожилось чувствительное сердце редкого, прекраснейшего, благороднейшего человека и примерного благоприятеля. Наконец, ему удалось кое-как смягчить *справедливый гнев* Ивана Дмитриевича, и он пошел домой, утешенный если не насчет сердечных обстоятельств и не в деле любви, то, по крайней мере, со стороны самой бескорыстной дружбы.

Сначала Поэт терялся в догадках… Ему никак не приходило в голову подозревать Арского в обмане, и к тому же, открывши истину, он был бы сильно огорчен шиканством человека, которого почитал своим искренним другом. Не добившись толку, он подумал напоследок: «Верно, какой-нибудь зубоскал, не заслуживающий ничего, кроме презрения, подтрунил над моим добрым, над моим милым Иваном Дмитриевичем…».

Эта мысль успокоила его несколько, потому что он не знал, на кого ему сердиться; хотя, впрочем…

Неведение есть лекарство против наших бедствий.
Сенека

Глава XL. Бал и балы

Нас заставляют вертеться марионетками или кубарями.
Гораций

В половине восьмого экипажи стали подъезжать к воротам публичного сада… Вольдемар рассеялся от хлопот.

В начале девятого подали чай; в половине раздали карточки старушкам, старичкам и пожилым людям… В девять загремел польский.

Таково начало всех сибирских балов, и у молодого Смолянова недоставало только белого столового вина, которое почти везде в подобных торжественных случаях подают там в небольших рюмочках мужчинам при входе их.

Другое отличие этого бала состояло в том, что здесь дамы и кавалеры пестрели в одной зале… Впрочем, такая смесь была следствием необходимости, по неимению других комнат; иначе старинное заведение сидеть каждому на своем месте, верно, не было бы нарушено.

Говорят, что теперь уже не считается неслыханною дерзостью и поступком неблагопристойным, если какой холостой мужчина взойдет в гостиную дам и если ему вздумается поговорить *даже с девицей*; но прежде это было уголовным преступлением в кодексе сибирских приличий… Некоторые из приезжих молодых людей чрезвычайно жаловались на такой вандализм — и не уничтожали его одним решительным ударом только по своей малочисленности; исподволь почти невозможно было сделать ничего: малейший исключительный разговор с какою-нибудь девушкой или дамой, сидящей в кругу своих подруг, делал ее жертвою сплетней… Ангажировать на два танца сряду, несмотря ни на какие близкие отношения, значило бы хотеть обратить на себя общее внимание и снова подвергать свою даму разным толкам… Если за это не осуждали решительно, то уж непременно говорили, что *такой-то* влюблен в *такую-то* и что свадьба, *кажется,* назначена в будущий мясоед.

Поверя мне (как и следует), что тут нет преувеличений (как и в самом деле), вы, милостивые государыни, спросите, может быть, меня: каково же было там бедняжкам мужчинам?

Плохо! Очень плохо! Прелестные мои читательницы!.. Особенно, если им нравилась какая-нибудь из приезжих: эти бывают иногда так образованны и так милы!.. Но, что касается до разговора с туземками, так навряд господа зауральские волокиты теряли слишком многое от невозможности беседовать с нами… Я ведь вам пересказывал о воспитании сибирячек… Не говорю теперь ничего об их уме, потому что слова *ум* и *бал* склеиваются между собою чем-то таким жиденьким, как седьмая вода на киселе.

Когда все председатели и советники палат переберут в польском всех жен своих товарищей и некоторых из молоденьких девушек, по каким-нибудь особенным политическим причинам, тогда господа танцоры натягивают перчатки, и это вовсе не шутка!

Шепот, который вы замечаете между ними, происходит от важных взаимных вопросов:

— Послушай! Кого ты ангажировал?

— *Такую-то.*

— *Стало быть,* ты станешь в первой паре?

— Да!.. А ты кого взял?

— Слюнину.

— Ну так тебе *должно быть* во второй (и тому подобное).

Таковы приготовления к экосезу, непременному, всегдашнему, первому танцу вслед за польским.

Случалось ли вам, милостивые государи, бросать когда-нибудь философический взгляд на экосез?.. Если нет, так это очень жалко, и особенно потому, что подобное упущение нельзя поправить ничем: безжалостная мода давно уже подписала указ вечного изгнания этому шотландскому выходцу…

Конечно, есть еще средство: стоит только съездить в Сибирь или куда-нибудь в глушь; но многие ли из людей делают такие чрезвычайные пожертвования на пользу любомудрия?

Полюбуемся же этими гладиаторами в цирке Терпсихоры.

Дамы выбрали себе места, против них вытянулась линия мужчин… Смычки на струнах, знак подан и — «пошла писать!» — думаете вы?.. Ничуть не бывало!

Взгляните, как охорашивается этот губернский танцевальный запевала… Как грациозно закруглил он свои руки; с какою внушающею важностью подходит он к своей даме и спрашивает ее о назначении фигуры таким тоном, как будто бы дело шло о благоденствии целого общества… Приказание отдано — и вот когда надобно употребить все свое внимание…

Посмотрите! Посмотрите!.. Как щегольски поклонился он!.. Как небрежно и между тем как ловко подался немного назад, и как это хорошо он умеет поправить бантик своего галстука в ожидании, покуда доиграет второе колено… Оно кончено — и он, как зефир, подлетает к даме, он несется с нею, и улыбка его, с которою он смотрит на нее, значит в переводе: «Не беспокойтесь!.. Мы мастерски обделаем эту штуку!.. О! На этот счет мы-таки съели собаку!».

Фигура сделана — и белый платок вышел на сцену… Им отирают трудовой пот; он заступает место опахала… Распорядитель экосеза утомился: он должен был повторить одно и то же с двадцатью парами, иначе бы ему и не обобраться от претензий.

Он кончил и отдыхает от трудов: теперь другой отличается на его поприще; другой в каком-то забытье, в каком-то младенческом упоении перелетает с места на место, с цветка на цветок, но и тот скоро кончит, оглядится кругом себя и, не замечая никакого следа своих шумных, блистательных действий, вынет свой белый платок — и начнет обмахиваться… За ним явится третий, одиннадцатый, двадцатый — и все та же история.

Примените это к другим танцам, потом итог ваших наблюдений примените к жизни почти всех людей — и вы увидите чрезвычайное сходство.

Один выдумает *фигуру* или переделает старую на новый лад, и потом идет, летит, хлопочет, беснуется; другие увлекаются за ним; наконец, все становятся поочередно в *последнюю пару*; оглядываются — они забыты: другие выплясывают их выдумки; на других обращено внимание, а что ж они?.. Они устали; пот течет градом, приходится вынуть платок, обтереть им свое разгоревшееся лицо — и *расшаркаться*.

Но люди отделываются так скоро только в жизни, а не на сибирском балу… Там без трех, без четырех фигур и экосез не в экосез.

Затем следует несколько обыкновенных кадрилей и *между тем* пунш и наливка для желающих… Потом небольшой роздых, как пауза перед торжественным аккордом, — и вот весь beau monde молодежи становится танцевать французскую кадриль, и вот все старое подымается из-за карт, чтобы полюбоваться на *новое* поколение, а *между тем* наливка и пунш идет своим чередом.

После этого блистательного подвига снова принимаются за простую кадриль, потом следует *матрадур*, или в иных городах *манимаска*; но — одиннадцатый в исходе, и потому *между тем* водка и вино; потом мазурка (только не сидячая, а в струночку) — и между тем вино и водка; потом котильон — и *между тем* водка и вино; потом ужин — и между тем вино, водка, наливка и шипучка; наконец, если некоторые известные приемы развеселят танцевавших, тогда после ужина принимаются за *алагрек* и *попурри* и *между тем* поражают шипучку и наливку.

Самый коротенький и, следственно, самый непарадный бал продолжается только до часу за полночь; самый блистательный — до четырех и даже до пяти… Зато уж как и натешатся мои голубчики, любо посмотреть на уезжающих!

Таковы были все сибирские балы за пять, за шесть лет… Говорят, что теперь французская кадриль сделалась танцем очень обыкновенным, для которого не стоит оставлять карточного стола, не доигравши роберта, особенно если игроки находятся au cris, или не узнавши на опыте, кому достанется большой столовый ремиз, поставленный каким-нибудь горячим игрочком.

Говорят, что и беспрестанные *между тем* почти вышли между тем из употребления; но это должно разуметь только о столицах губерний. В уездных городах балов нет и в помине: там существуют только одни благородные ассамблеи, которые бывают очень и очень сытны; впрочем, почему же сибирякам и не забавляться таким винным образом, когда, по словам Горация, и сам старик Катон подогревал иногда вином свою непоколебимую добродетель?

Один мой хороший знакомый, живший несколько времени в тех краях, сказывал мне, что вместо вопроса: «Где ты намерен провести сего дня время?» — он всегда употреблял другой: «Куда ты понесешь свой желудок?..». И это очень кстати, потому что еда и питье есть главное и чуть ли не исключительное занятие на этих званых уездных вечерах.

Тот же самый приятель говорил мне, как один окружной начальник, заметя, что почти все дружеские собрания, вследствие усиленных приемов, не проходят без историй, созвал своих подчиненных и, сделавши им сперва выговор, прибавил потом: «Уж вы, господа, лучше и звали бы просто на *бал*, *ужин* и *драку*… По крайней мере тут являлись бы одни желающие!».

Резон, Фирсыч!

Но с этими чиновниками Вакха я удалился от своего предмета. «Вино веселит сердце человеческое», — сказал Царь-Поэт; пускай же их пьют себе на здоровье и потом являются с похмелья к своим окружным начальникам для получения родительских наставлений,

Имея по обыкновению жилы, полные вина,
которое они выпили накануне.
Вергилий

Глава XLI. Фигуры

Боже мой!.. Как много
заключается в одном менуэте!
Танцовщик Марсель

«Кажется, я грущу по-пустому, — думал Вольдемар, отдыхая в углу залы от какого-то утомительного танца и приготовляясь к мазурке. — Ведь и в самом деле она могла не сыскать ни бисеру, ни шелков, ни гарусу… Уж если бы я не нравился *ей*, так что тогда за извинения?.. К тому же Иван Дмитриевич легко мог быть обманут другими насчет подарка; но что касается до *ее* грусти: это уж он видел собственными своими глазами, и тут нет никакого сомнения… Точно!.. Точно!.. *Она не виновата*! *Она* меня любит!.. Что ж мне делать?».

— Ангажируй на мазурку!.. Мы ждем тебя! — сказал кто-то из товарищей молодого Смолянова, ударив его по плечу.

— Сейчас! Сейчас!.. — отвечал Вольдемар и невольно улыбнулся, что первое восклицание подошедшего приятеля так решительно показывало ему дорогу исканий, по которой он должен был подвигаться вперед… Раиса не была прошена никем, и разумеется, что Поэт воспользовался этим.

Упоенный своими обманчивыми надеждами, именинник вздумал *рискнуть*, то есть кончить все дело вдруг, по-военному: уснувший дух кадетской решительности пробудился в нем во всей своей силе и во всем своем блеске.

Он не знал или он позабыл в то время следующее знаменитое выражение Теренция: «Тот чрезвычайно ошибается, по моему мнению, кто воображает, что насилие лучше любви утвердит власть его».

Нет сомнения, что, намереваясь перешагнуть через колею обыкновенного хода вещей, он не думал ни о древних, ни о новых писателях; но в нем таилась какая-то невыразимая жажда, удовольствие порхало перед ним узорчатым мотыльком, и сердце, желая подстрекнуть его еще более, говорило ему, разумеется, без всяких книжных справок, словами Сенеки, что всякая опасность увеличивает ценность удовольствия…

Жребий был брошен… Стих Овидия оправдался: «Все позволенное не слишком вкусно и все запрещенное разжигает наши желания».

«Что такое, в самом деле? — подумал Вольдемар. — Была не была!.. *Вывезет* — так хорошо…».

— Владимир Николаевич!.. Начинайте! — сказал ему ближний кавалер, и Поэт не успел додумать, что будет тогда, если *не вывезет*.

Тур начался: чего зевать и что за разговоры?.. Сем прямо к делу, начистоту!.. Он пожал слегка маленькую ручку… Молчат!.. Добрый знак!.. Он покрепче, немножечко, чуть-чуть покрепче.

— Вы шалите, Владимир Николаевич.

Вот другой бы простак и стал бы верно считать, на его месте, что он испортил все с самого начала; но очарованное воображение Поэта совсем иная статья, милостивые государыни, нежели мысли какого-нибудь нашего брата… Ему показалось, что эти немногие слова были сказаны таким нежным голоском, с такою обязательною ласкою, с такою улыбкою взаимной любви, что все это вместе было совершенно равносильно бессмертному по своей знаменитости выражению: «Продолжайте!.. Это нам приятно!».

— Не премину! — сказал сам себе Вольдемар и стал дожидаться новой очереди.

Она пришла, он полетел и на этот раз сдавил как следует руку своей дамы.

— Если вы не перестанете, то я сейчас уеду и никогда нога моя не будет в вашем доме, — пролепетала Раиса скорым шепотом.

Куда, подумаешь, иные-то мастерски умеют высказывать свои мысли сильно, кратко и вразумительно!.. Например, чего не договорено в этом маленьком *условном периоде*?.. Тут есть и слово *если*, и слово *то*; тут есть и *начало*, и *средина*, и *заключение*; тут есть и *предложение* и *вывод*, который заключается в *выезде* и *неприезде*; наконец, вы даже найдете тут и *умолчание*. «Если вы не перестанете…» — то есть: «Если вы не перестанете пожимать мою руку, то…» — и проч. Прошу покорно!.. Фигура риторическая и фигура мазурки в одно и то же время: вот новость!

Вольдемара окатило замешательством: так называемые *мурашки* побежали у него по всему телу. Еле-еле мог он докончить свой тур, и то в каком-то меланхолическом помешательстве человека, приговоренного к смерти. Вслед за тем ему сделалось дурно, и мазурка прекратилась… Он едва успел выйти в сад и почти без чувств упал в объятия Ивана Дмитриевича, который, пользуясь темнотою ночи, прогуливался по аллеям и на эту пору случился подле самой беседки.

Удивляюсь, как можно упасть так высоко и не расшибиться *вдребезги*!.. Не постигаю, не могу постигнуть, что должен чувствовать человек, который, как казалось ему, был так близок к своей цели и потом увидел, что между ним и ею находится неизмеримое пространство; что он должен подавить все свои сладостнейшие надежды; что ему надобно позабыть навсегда самые пламенные свои желания… Навсегда!.. Это ужасно!.. Это невыносимо!.. А почему знать, может быть, это и очень выносимо.

— Что с вами?.. Ради бога, скажите мне, что такое с вами? — говорил ему Арский, когда он пришел в себя.

— Ничего!.. Мне теперь легче!.. Я ничего не чувствую!.. Но не уехала ли она домой?

— Как! Разве случилось что-нибудь и с *нею*? — отвечал *маленький человечек*, которому после всего, что он знал, очень не трудно было заменить безошибочно в своей голове местоимение *она* собственным женским именем.

— Нет!.. Но я несчастлив!.. Очень несчастлив, любезнейший мой Иван Дмитриевич… Для меня теперь *все кончено*!

— Полноте!.. Верно, это вам так кажется.

— Нечему тут казаться: я уверен, что она меня не любит.

— И вы это слышали от нее?.. И будто вы спрашивали?

— Ни то, ни другое; однако ж, я точно убежден, что мне нет никакой надежды.

— Ах, боже мой!.. Да в чем же дело?

— Я, глупец, сошел с последнего ума и осмелился пожать у нее ручку.

— Напротив!.. Прекрасно!.. Я не вижу тут ничего худого… Ну, вы пожали один раз, что ж потом?

— Она молчала, и я пожал еще.

— Браво!.. Прелесть!.. Вы пожали еще?

— И она сказала потихоньку, что я шалю.

— И она это вам сказала?.. И вы после этого говорите, что она вас не любит?.. Да помилуйте! Можно ли сказать что-нибудь обязательнее?.. Неужели вы хотите, чтобы она с самого начала стала говорить вам: *Покрепче*! *Покрепче*!.. Этого, мой друг, невозможно требовать ни от какой невинной девушки.

— Я сам, так же, как и вы, понял этот ответ в хорошую сторону и пожал ее руку в третий раз...

— Чудо!.. Так и следовало!.. Как же это принято?

— Чрезвычайно дурно!.. Невыразимо скверно!.. Она сделалась вдруг очень серьезною и сказала мне, что если я не перестану, так она уедет с бала.

— А вы и поверили?.. Ах вы, молодой человек! Молодой человек!.. Что ж ей говорить-то иначе, особенно, если рассмотреть основательно все побочные обстоятельства?.. Например: не улыбнулись ли вы, пожимая ее руку в третий раз?..

— Да!.. Кажется, что улыбнулся.

— Ну, вот видите ли!.. Вот в чем и штука!.. В это время ей очень могло показаться, что за вами замечают, а разве вам хочется, чтобы она была предметом городских сплетней?

— Сохрани боже!

— Так как же вы ей прикажете вести себя и что она будет говорить вам?.. Конечно, она бы могла сказать это же самое как-нибудь иначе, немножко помягче; да с близкими людьми не всегда остережешься, не всегда скажешь так, как хочешь... Перестаньте же малодушничать!.. Ступайте поскорее в беседку, чтобы не обратить на себя слишком большого внимания... Но больше всего, поверьте моей опытности, что в этом происшествии нет ничего худого, и будьте покойны насчет исполнения ваших сердечных надежд... Не грустите!.. Пожалуйста, не грустите!.. Уверяю вас моею честью, что вы сделали самое счастливое начало.

— Ах, добрый мой друг!.. Как много облегчили вы мои страдания!.. Как я вам обязан за участие!

— Полноте!.. Перестаньте!.. Не стыдно ли думать об этакой мелочной услуге с моей стороны?.. И что я тут сделал?.. Я, который готов пожертвовать для вас жизнью.

Поэт отвечал на это самым искренним объятием... Друзья расстались.

Вы, конечно, поверите мне на слово, что, несмотря на отрадные утешения дружбы, Вольдемар был очень невесел все время до окончания бала, особенно, когда он заметил, что Раиса всеми силами старалась удаляться от него и даже ни в одной котильонной фигуре не выбрала его своим кавалером, как это делывала она прежде.

В три часа он проводил всех своих гостей и в половине четвертого лежал уже в постели и думал горькие думы.

Если сказать правду, то надобно признаться, что весьма трудно отдать отчет мыслям и мечтаниям человека, и *тем паче* Поэта, находящегося в подобных обстоятельствах.

Душа Вольдемара представляла тогда какую-то чудную смесь надежд и безнадежности, обольстительных *авось* и убийственных *нет*, ожиданий и страха, мучений и... Я хотел было сказать *радости*, но могло ли даже самое это слово прийти ему тогда в голову? А вот увидим!

Он просматривал минувшее; безбожно надувал самого себя, перетолковывая все в потачку своего сердца, и все-таки, невзирая ни на какие натяжки, ни на какие плутни ума в пользу чувств, он начинал видеть, что для предполагаемого им воздушного замка любви и счастья у него слишком мало запасных материалов, да и те очень и очень плохи, чтобы затеять прочное здание... Однако ж, если он замечал такой горестный недочет в полной смете, так это еще ничуть не значит, чтобы он вовсе отказывался от постройки.

Нет ничего легче, как обмануть самого себя: другому мы поверим не так скоро, особенно если он будет доказывать что-нибудь противное нашим желаниям или нашему убеждению; но себе... это большая разница!.. Кто лучше нас знает вещи?.. Кто обсудит предмет основательнее, нежели мы?.. Кто скорее проникнет во все тонкости и безошибочнее поймет человеческое сердце?.. Все мы... Да, господа!.. Мы с вами вообще великие люди!

Сверх того, Вольдемар имел в Арском слишком большое подспорье своим заблуждениям, чтобы оставить их навсегда.

— *Она* хорошо расположена ко мне; *она* меня любит; но зачем не любит *она* меня до безумия? — думал он и со всем усилием напрягал всю свою мыслительную силу, чтобы отыскивать враждующие ему причины.

— Я не хорош собой, но что значит красота мужчины? — говорил Поэт, утешая себя, и, таким образом, для всякой невыгодной своей стороны находил такое *но*, против которого не было уже никаких возражений.

Одним словом, результат его тогдашних мечтаний, переведенный на чистый русский язык, значил: «Если *она* теперь и не очарована мною, то, судя по всем вероятностям, это должно случиться в самом непродолжительном времени, потому что нет ничего, что бы могло препятствовать взаимности».

Такова была его последняя полусонная мысль... Бедняк совершенно забыл о важности первых впечатлений...

Я узнал после стороною, что корнем всего зла, первою и главнейшею причиною непреодолимой антипатии был проклятый дорожный сюртук с несчастными отворотами.

Как после этого постичь все странности наших душевных чувств!.. Ведь, кажется, нет никакой аналогии, никаких существенных отношений между фантастическою жизнью сердца и заплатками из поношенного бархата, а если подумаешь, то есть если подумаешь и глубоко, и высоко, как следует философу-рецензенту, так и увидишь много кое-чего невидимого для простых глаз…

Ох этот мне екатеринбургский портной!.. Узнай-ка Вольдемар тогда же, кто всему виноват, да он бы за одного человека *аркебюзировал*, то есть *расстрелял* весь город своими эпиграммами.

И в самом деле, как осмелиться опозорить заплаткою такую грудь, в которой теплится священный огнь Поэзии? Вы сами видите, мои любезные читатели, до чего доведен *избранный* подозрительными оттенками изношенного бархата… и какого бархата?.. Быть может, что он составлял прежде одежду еще более подозрительную…

О! Как я несчастлив! Как я несчастлив…
Один неудачный день похищает у меня
все сокровища, всю прелесть жизни!
Лукреций

Глава XLII. 5 месяцев, 2 недели, 2 дня, 23 часа и 47 минут

Разум, довольный настоящим,
не любит затруднять себя будущим.
Гораций

Рассказывай я тары-бары, обморачивай я доверенность читателей какими-нибудь выдумками, одним словом, будь я романист, а не историк, и тогда мне было бы очень легко описать здесь какое-нибудь очень интересное происшествие, будто бы случившееся шестнадцатого или семнадцатого июля, или, наконец, в самом непродолжительном времени после именин Вольдемара, но что за радость слушать небывальщину?.. Истина, хоть она по большой части и не слишком затейлива, — вот что и дорого и мило… Она-то и заставляет меня сделать чрезвычайно отважный прыжок через большое пространство времени, то есть ровнехонько через пять месяцев, две недели, два дня, двадцать три часа и сорок семь минут, считая от полночи, которая разделила описанное мною пятнадцатое число июля от шестнадцатого, что и придется как раз в первое января, в исходе двенадцатого часа пополудни, в день Василия Великого, архиепископа кесарии Каппадокийской.

Неужели в этот промежуток не случилось ничего особенного? — говорят мне с разных сторон сто двадцать две читательницы и пятьсот семьдесят три читателя… Делаю умственный пируэт и отвечаю во весь голос: Ничего! Милостивые государыни!.. Ничего! Милостивые государи!

Все шло самым обыкновенным порядком… На третий день после бала молодой Смолянов стал по-прежнему ездить к Бениным и преподавать там свои лекции, совершенно без всякой пользы во всех отношениях.

Ученица его подрастала, хорошела, формы ее стали уже наливаться и внятно предвещать всю упоительную роскошь дивных округлостей, а в это время, как вы сами знаете, в уме девушки начинает мерещиться совсем не учительская ферула… Про взаимные же отношения Раиньки с Вольдемаром нечего и говорить: разговоры их делались день ото дня короче утиного носа, так что напоследок они спрашивали друг у друга только об одном здоровье и потом в своих ответах поочередно славили Бога.

Чем больше в лес, тем больше дров, говорит пословица. Так и в любви. Оробеешь раз, и никогда не соберешься с духом; если не досказал чего-нибудь сегодня, так завтра не доскажешь и подавно…

Женщины любят в мужчинах скромность, а не робость: с ними не сделаешь ничего без решительности.

Обдумавши все, надобно подойти к любимой особе с некоторою самоуверенностью и сказать напрямки: «Сударыня!..» или: «Милостивая государыня! или: вот *такая-то*, например: «Авдотья Алексеевна… Я вас люблю!.. Я вас очень люблю!.. Я вас обожаю!.. Пожалуйста, обожайте меня!».

Она взглянет на вас и — покраснеет, или она взглянет на вас и — захохочет.

Во всяком случае вы не должны робеть; повторите первое свое восклицание и прибавьте самым решительным, самым торжественным голосом: «Да или нет?».

Я не могу уверить, что она ответствует вам на это, но по крайней мере вся история кончится в два мига.

Боже мой! Как легко подавать советы!..

Не догадавшись сделать подобной мастерской выходки, Вольдемар должен был сидеть у моря и ждать погоды… Он, как говорится, растерялся… Письмо Арского, полученное им в Тигирецкой долине, завлекло его слишком далеко в преследовании Раисы. Потом эти бедственные *фигуры* доконали его как нельзя более: он сделался рассеян, грустен и — молчалив. Чуть ли только не в сентябре спохватился

он, что поэтические его понятия о любви к Бениной позволяли ему вести самую страстную переписку с Лизою; но писать в сентябре значило все равно, что не писать, потому что милая названая сестреночка просила его послать свой ответ непременно с первой же почтой или много-много что со второй.

Конечно, это *непременно* требовалось только одною пламенною и нетерпеливою привязанностью сердца; но пропустить около десяти почт было поступком совершенно непростительным и таким делом, которого никак невозможно поправить.

Эта убийственная невозможность еще более расстраивала молодого Смолянова... Старик отец заметил перемену в своем сыне, беспокоился, спрашивал и, разумеется, не узнавал ничего, как водится... Редко, очень редко случается, чтобы дети, несмотря ни на какую доверенность, ни на какую любовь к своим родителям, признавались им в своих сердечных тайнах, особенно отцам.

Перешедши поле жизни и забывая наши первые шаги, наши собственные заблуждения, или по холодности своей считая пылкую исключительную любовь такою слабостью, которая чрезвычайно мешает успехам в свете и существенным выгодам молодого человека, мы говорим в первом случае, что эта страсть — есть *глупость*, и во втором, что она — есть *зло*.

Приятно ли же после этого, кому бы то ни было, на простодушные излияния своих пламенных, незаменимых чувств, которые кажутся тогда выше всего земного, получить какой-нибудь вовсе уж невычурный ответ: «Послушай, брат: выкинь-ка ты из головы этот вздор и займись тем, что может принести тебе пользу».

Зная, как могут огорошить подобные слова, дети прималчивают, и, таким образом, все идет своим порядком.

Вольдемар в свою очередь принял наравне с другими ту же систему прималчивания — и страдал... Люби он или одну только Раису, или одну только Лизу, тогда, без всякого сомнения, имея добрую и нежную сестру и двух таких благоприятелей, которые казались ему искреннейшими и примерными друзьями, — он открыл бы им всю свою душу, разобрал бы перед ними все до последней ниточки и, уж конечно, очень бы облегчил этим свое горе... Если ум хорошо, а два лучше, то что ж бы сделали тогда четыре ума? — Да это вышли бы чудеса в решете: все бы они придумали, все бы они предусмотрели — и Раиса не отвернулась бы ни за что.

Но любить двух прелестных девушек вдруг, и как любить?.. Соединяя их в одно фантастическое целое... Нет, господа!.. Для ясного уразумения подобных вещей надобно, чтобы душа другого была настроена совершенно одинаково с нашею, чтобы на малейший, самый утонченный звук одной другая в ту же минуту отвечала звуками равносильными; надобно, чтобы сердечные гаммы вполне гармонировали друг другу, чтобы ни одна нота не ускользала от внимательного слуха... Одним словом, чтобы постигнуть и оценить Поэта, необходимо иметь самому решительно поэтическое направление духовных способностей, а этого-то и не предполагал наш влюбленный бедняк в трех близких к нему людях... Как же решиться на безусловную доверенность?.. И разве не были бы тогда все слова его гласом человека, вопиющего в пустыне?.. Какая же стать рассказывать без пользы?.. Повторю: Вольдемар поэтизировал, молчал и страдал.

Что же поделывал почтеннейший и любезнейший Иван Дмитриевич с июля и до января?.. Почему он, имея сладостную и отрадную возможность забыться хоть бы и не на минуту в лоне дружбы, не разделял с нею своего горя, не поверял ей своих тайн, как об этом изволил он писать к Вольдемару?

Читатели мои должны были принимать его по сию пору за плута, который любит и умеет подольстить и подмазать; за человека, который видит чужие слабые стороны, живые струны и не пропускает случая задевать их в свою пользу... Но всего этого очень еще недостаточно для полноты его портрета: время и обстоятельства дорисуют остальное самыми яркими и верными красками, а теперь я прибавлю покуда, что он был плут тонкий и, следовательно, расчетливый и дальновидный.

Получив отказ Любиньки, Арский и не думал потерять надежды... Когда возвратился он от Смоляновых домой с приставленным носом, то первою его мыслию была пословица, что вода долбит и камень: на ней-то основал он все свои планы относительно второго брака.

«Главное, — думал он, — надобно быть грустным или, лучше сказать, томным — *в меру*; потом постоянно продолжать делать все возможные услуги — тоже *в меру*; наконец пользоваться всеми возможными случаями для выставки себя в самом выгодном свете — и опять-таки *в меру*, чтобы все эти три средства не сделались приторными от излишества и не потеряли бы своей ценности».

Расчет, как вы сами видите, очень верен... Разумеется, что такое поведение говорило бы за него: «Мне отказано, и я грущу, я несчастлив; но, несмотря на вашу холодность, я не перестаю любить вас, потому что эта любовь составляет главнейшую часть моего существования: я жертвую для вас всем на свете; я готов делать, что вам угодно; и сверх того, посмотрите только, полюбуйтесь, какой я добрый, какой я хороший, какой я благородный!».

Все это вместе тронуло бы хоть кого!.. Точность выполнения подобных правил со стороны плутов весьма часто поддевает на удочку честных людей, при всей их благоразумной осторожности... Последние, по доброте своего сердца, или не помнят старого, или ошибочно предполагают исправление и радуются без всякого притворства мнимым счастливым переменам.

Арский делал так, как думал… Он в самом деле любил Смолянову, если только плут может иметь даже понятие о романической любви… Впрочем, конечно, родство с начальником было для него гораздо важнейшею статьею, нежели все сердечные расчеты.

С искусством, с терпением, с рассудительною настойчивостью шел он шаг за шагом к своей цели, и должно сказать правду, что через месяц или через два после известного сватовства Любинька стала обходиться с ним по-прежнему, то есть приветливо, ласково, как с другом дома, будто ничего не бывало… Иван Дмитриевич видел свои постепенные успехи — и выжидал. Так шли его дела в продолжение целых пяти с половиною месяцев, о которых я сказал.

Что ж касается до откровенности с Вольдемаром, или, говоря точнее, до решительной просьбы об явном ходатайстве, то, хотевши было сделать это сначала, он передумал впоследствии… Арский очень хорошо знал привязанность к себе молодого Смолянова, но он также был уверен в его нетерпеливости, в неопытности и, что всего хуже, в неумении приниматься за дела такого мудреного рода… Результатом этой уверенности было молчание, а Вольдемар и сам имел слишком много собственных горестей и был чересчур расстроен, чтобы заниматься чужими несчастиями и выспрашивать чужие тайны.

Теперь, по порядку вещей, нам надобно поговорить о Бельском… *Восковый человек* был наравне с другими сын греха и плоти. Занятый в течение целого дня должностными делами, он от утра и до вечера не помнил о своем одиночестве; но, приходя домой и встречаясь там только с одною Анной Васильевной, он грустил поневоле и уже без всяких шуток… Возвратясь из своего путешествия вместе с Вольдемаром, он увидел, что смерть его жены давно позабыта всеми и что, следственно, ему не нужно иметь слишком постное лицо. Пяти- или десятиминутная практика перед зеркалом выбрала и утвердила *новую форму*, с которой он почел приличным показываться в люди.

В августе его полукислая физиономия стала появляться в обществах. В сентябре мысль о новой женитьбе так сильно врезалась в его голову, что не давала ему покою; в октябре он обревизовал проницательным своим оком весь прекрасный пол целого города, и наконец выбор его пал на Александру Яковлевну, эту милую, томную, богомольную вдовушку, которая отреклась от всего житейского, от всего, что пахнет грехом и соблазном.

Такая неожиданная смелость выбора делает, конечно, очень много чести предприимчивому духу Василья Петровича: подвиг был труден; но, решившись однажды, Бельский начал действовать как следовало человеку искусному.

Праздничные его визиты к старику Бенину скоро и неприметно превратились в частые посещения, а эти последние сделались наконец дружескими беседами… Овладевая все больше день ото дня доверчивым умом старика и обольщая всеми средствами его простодушие, он в то же время не пропускал ничего, чтобы обратить на себя исключительное внимание вдовушки.

Он истощал все свое подъяческое остроумие, любезничал, волочился, делал подарки, заставлял бедную свою малютку целовать беспрестанно ручки Александры Яковлевны, одним словом, он делал все что мог — и едва ли без успеха.

В начале декабря этот сердобольный предмет пламенной страсти Бельского полюбил со всею материнскою горячностью его маленькую дочь, которую тогда же перевезли в дом Бениных, *чтобы иметь присмотр за бедненькой сироточкой.*

Все шло для воскового человека как нельзя лучше: эта *перевозка* дочери послужила ему предлогом бывать ежедневно у своей возлюбленной и замечать, как много и как нежно ласкают его толстенькое чадо, по крайней мере при нем; а ласки вдовушек к детям молодых вдовцов почти никогда не рассыпаются спроста… Они говорят: «Посмотри, как я люблю твое дитя!.. Мне кажется, будто оно мое собственное: так оно мило моему сердцу!.. Взгляни!.. Видишь, как я целую его: это значит, что я целую в нем тебя, друга души моей!».

Тут воображение мое составляет целый разговор.

— Что ж из этого следует, милостивая государыня? — спрашивает у нее глазами молодой вдовец.

— Как что? — отвечает также вдовушка. — Сватайся за меня.

— Но ваш чересчур скромный вид?..

— Ничего не значит!

— Но ваш обет набожности и целомудрия?..

— Дудки, мой любезный!.. Дудки — и больше ничего.

— Но вы отказали одному, двум, трем?..

— Я молода, я хороша, я шалила; ты же пришелся мне по сердцу; пользуйся скорее моим расположением.

— Слушаю-с! — воскликнул Василий Петрович, и не делал ничего, потому что подобного разговора никогда не бывало, и если он знал что-нибудь, так он знал это слишком гадательно, чтобы решиться сделать последний шаг… К тому же, встречаясь у Бениных почти каждый день с Вольдемаром, он очень хорошо видел, до какой степени почтенный отец семейства любит молодого Смолянова и как велика его доверенность к нашему герою… Разумеется, что он намотал себе

на ус подобные замечания и решился при первом удобном случае открыться своему другу, посоветоваться с ним и попросить его замолвить доброе слово.

Здесь я кончаю свой короткий рассказ о длинном промежутке… Читатели мои, конечно, имеют теперь обо всем весьма полную идею.

Перед ними находятся три главнейшие действующие лица с их различною любовью, с их намерениями и желаниями… Каждый из них выбрал себе особую дорогу для достижения своей цели: последствия покажут, кто из них прав, кто виноват; но по доставленным мне сведениям, я могу сказать утвердительно, что тридцать первого декабря все они были в самом дурном расположении духа: одному наскучило бездействовать и не знать своей участи; другому наскучило притворяться грустным и во всех отношениях примерным человеком; третьему наскучило волочиться, любезничать и беспрестанно колебаться между большими надеждами и большими страхами, потому что вдовушка могла же посовеститься изменить своим клятвам не принадлежать решительно никому и решительно никогда.

Правду говорят, что на всякого мудреца по глупости. Так и с Бельским: чудак-то верно позабыл, что где клятва, там и преступление; иначе чего бы ему трусить?

В таком положении находились три друга, когда наступил новый год… Грусть, скука, нетерпение и желание скорой развязки, все это овладело ими в высочайшей степени.

Разум их не был доволен настоящим, и, оправдывая отрицательно слова Горация, они удивительно как много затрудняли себя будущим.

Наконец судьба доставила им случай поговорить — откровенно, обсудить дело — здраво, разделить призы — полюбовно, решить задачу обстоятельств — благоразумно и кончить все за один прием — прекрасно!

Впрочем, и пора!

Любовь слишком долго наполняла дни мои горестью.
Флориан

Глава XLIII. Вакханалия

Когда человек напьется вина, все члены его
тяготеют, тело его качается, язык костенеет:
потопивши свой разум, ворочая глазами,
он только горланит, бушует и всякую минуту икает.
Лукреций

Надобно отдать справедливость, что жители города Т……. в иных вещах не уступают ни на волос даже и самым жителям столицы.

Например, по всем дням, в которые *судебные места от присутствия, а училища от учения свободны* (хотя, если сказать по секрету господам календарщикам, ни училища не учатся, ни судебные места не присутствуют), по всем этим дням они наряду с другими никак не могли придумать, чем бы заняться поумнее обыкновенной бестолковой скачки из дому в дом, чтобы развозить поздравления *с новым годом, с новым счастьем* или с какими-нибудь другими обветшалыми вещами.

Таким образом в исполнении нелепого обычая прошло целое утро… Обедали у старика Смолянова; вечер положено было провести у Василья Петровича, как у именинника.

На обыкновенный холостой вечер собираются там всегда в пять часов, чтобы напиться чайку, хватить пуншику и поиграть в карточки или чтобы хватить чаю, напиться пуншу и проиграться в карты.

Так было и в этот раз: сошлись, хватили, схватились — и разъехались… Часы пробили три четверти двенадцатого, и когда минутная стрелка показывала сорок семь минут, тогда у веселого хозяина оставалось только двое веселых гостей: Арский и Смолянов.

До этой сорок седьмой минуты все было делом обыкновенным, о котором не стоило пересказывать, но, начиная от нее, каждое слово имеет свой вес, каждый шаг — свое намерение, каждое движение — свою цель… Мы увидим, что эта ночь решила участь многих.

— Куда это *ты,* Вольдемар? А?.. Не стыдно ли тебе?.. Разве мы не успеем проспаться? Присядь немножко: вот через четверть часа поедем, пожалуй, вместе! — кричал Арский, развалившись без фрака на диване.

— Нет, брат, Иван Дмитриевич! Пора!.. Ведь ты знаешь, что мы встаем рано и что батюшка не любит, когда кто-нибудь из домашних заспится.

— Вздор!.. Он завтра будет занят и не узнает.

— Да чего тут толковать: ты не уедешь от нас, если только любишь меня — именинника и хозяина, — прибавил Бельский.

— Точно!.. Точно! — провозгласил *маленький человечек*. — Когда уж он не исполнит этакой пустячной просьбы, так что же мы за друзья?

— Извольте: я остаюсь!.. Только, господа, с уговором, чтобы весь ответ лежал на вас.

— Ну да разумеется!.. Что и говорить!.. Я сам съезжу поутру к Николаю Ивановичу и взвалю все на себя; если он рассердится; пускай себе задает мне гонку.

— Вот это дело другое; а то я очень не люблю, когда он смотрит на меня искоса.

— Да, тьфу к черту!.. Скажи толком: остаешься что ли? — подхватил Арский.

— Ведь я сказал, что остаюсь.

— Вот умник!.. Спасибо тебе!.. Бросай же шапку!

— Браво!.. Фраки долой!.. — кричал Бельский. — Ей! Семка!.. Шампанского!.. Кружку!.. Живо!

Через две минуты бутылки как не бывало. Полураздетые друзья обнялись и уселись на диване.

— Послушай, Вася, вот хорошо-то! — сказал Арский, приподнимаясь немного. — Мы с тобою говорим *ты* Владимиру Николаевичу, а сами и не подумаем, нравится ли ему этакая короткость?

— Кто же виноват: ведь ты начал — и я туда с полудурья.

Вольд. (вскакивая и обращаясь к ним.) — После этого я не хочу быть с вами ни минуты!.. Что это вы, смеетесь что ли надо мною?.. Разве я не отвечал вам тем же?.. Верно вы сами расхотели, да и спохватились?

Ив. Дм. — Что ты?.. Полно!.. Полно, пожалуйста!.. Только не сердись ради бога!

Вольд. — Я рассержусь без шуток, если кто-нибудь из вас хоть заикнется об этом.

Вас. Пет. — Ах, милый Вольдемар!.. Что за предобрая, право, душа! Так ты хочешь сблизиться с нами еще больше?.. А?

Вольд. — Хочу!.. От всего сердца хочу!.. Я люблю вас обоих... Я, господа — кадет, и для меня несносны все эти вычурные *вы, вас, да-с*... К чему они годны между приятелями?

Вас. Пет. — Скажи лучше: между друзьями.

Ив. Дм. — И еще между такими друзьями, как мы.

Вольд. — Именно!.. Вот это по-моему!.. А то уж что за дружба с этим *выканьем*?.. Ну его совсем!

Ив. Дм. — Люблю! Ну его к черту!

Вас. Пет. — Итак — всегдашнее *ты*?

Вольд. — Непременно!.. Непременно!.. И кто изменит слову, тому да будет стыдно!

Ив. Дм. и Вас. Пет. — Славно!.. Прелесть!.. Чудо!

Вольд. — По рукам, господа!

Ив. Дм. и Вас. Пет. — По рукам! По рукам!

Ив. Дм. — Поклянемся же быть вечными друзьями.

Вас. Пет. — Клянусь всем, что есть святого, и притом как честный и благородный человек!

Ив. Дм. — Клянусь прахом моей неоцененной жены!

Вольд. — А я своею честью!.. Сожмемте же руки!

Ив. Дм. и Вас. Пет. — Сожмем!.. Сожмем!

Вас. Пет. — Семка!.. Проворно, каналья!.. Шампанского!.. Три бутылки!.. Понимаешь ли, плут: три бутылки шампанского?.. Ну-ну-ну!.. Пошевеливайся!.. Вот так!.. Убирайся со своим штопором: подай-ка лучше большие ножницы... Видишь ли: хлоп! — и вся недолга!.. Бери-ка, Володя... Еще хлоп!.. На, Арский! Катай, не страшно!.. А вот еще хлоп — это уж мне... Теперь чокнемся... Да здравствует наш дружеский союз!.. Пей по всей!.. Буль-буль-буль-буль!

Ив. Дм. и Вольд. — Да здравствует! Да здравствует!

Вас. Пет. — Ура!.. Браво!.. Слушай команды!.. Бутылки об печь: раз, два, три! Лихо!.. Люблю, ребята!

Вольд. — Ай да Вася!.. Да я, брат, и не ожидал от тебя этакой прыти: ты парень хоть куда, когда подольешь немножко за галстук... А ведь смотришь таким смирненьким: тише воды, ниже травы.

Ив. Дм. — Э! Да ты его еще не знаешь: это не человек, а чудо!

Вас. Пет. — Где нам-с?.. Мы так-с, ничего: мы дураки-с!.. Мы только слушаем, как растет трава!

Ив. Дм. — Смалчивай! Сарафан куплю!.. Однако ж, воля твоя, Вася, а я тебе завидую... Что за счастливец, в самом деле? Ведь надобно же, чтобы непременно в твои именины мы так хорошо сошлись с нашим любезнейшим другом!.. Отчего бы не быть этому в моем доме?.. Я и теперь не слышу под собой земли от радости, — что ж было бы тогда?

Вас. Пет. — Вот то-то и есть, братец: верно уж так написано мне на роду!

Вольд. — Ну, друзья!.. Если вы любите меня хоть вполовину против того, как говорите, так я должен считать себя благополучнее всех на свете.

Вас. Пет. — Как?.. Сомневаться?.. На что ж это похоже?.. Эй, Семка! Подавай шампанского!

Ив. Дм. — Именно!.. Точно!.. Резон!.. Что за сомнения?.. Разве мы обманщики?.. Вот за наказание и пей шампанское.

Вольд. — Не в силах, господа!

Ив. Дм. — Нам что за дело: пей!

Вольд. — Да некуда лить.

Ив. Дм. — Все равно — пей!

Вольд. — Я не буду пить один.

Вас. Пет. — Не бойся: знай только пей — уж мы не отстанем.

Бутылка обошла кругом и пустая улетела в угол.

Ив. Дм. — Дельно и благородно! Ах, какой день!.. Я сроду не бывал так весел и так счастлив!.. Теперь, знаете ли что? Ведь теперь мы настоящие, истинные, вечные друзья, не правда ли?.. А?

Вас. Пет. и Вольд. — Разумеется! А то неужто нет?

Ив. Дм. — Стало быть, у нас не может быть друг от друга никаких тайн?

Вас. Пет. — Где же видано, чтобы друзья имели между собою какие-нибудь секреты?

Ив. Дм. — Ну, хорошо же!.. Так выпьем за здоровье тех, кого мы любим. Согласны ли вы?

Вас. Пет. (один во все горло.) — Согласны! Согласны!.. Семка!.. Три бутылки шампанского!.. Что ж разинул рот, дурачина?.. Сноси долой горлышки!.. Э! Да какой же ты осел, как я посмотрю на тебя!.. Не умеешь и взяться... Давай сюда!.. Смотри — и учись! Видишь ли: вот *раз*! — это ему; вот *два*! — это вот этому; вот *три*! — а это опять-таки мне... Понял ли, мерзавец?.. Убирайся же туда, откуда пришел!.. Ну, Ваня, ты выдумал, ты и начинай.

Ив. Дм. — Разумеется!.. Слушайте, господа, и посмотрите только, как я мастерски хвачу без отдыха все до дна... За здоровье *моей* прелестной *Любиньки!*.. Взгляните же: осталась ли хоть капелька?.. Теперь, Вася, твоя очередь.

Вас. Пет. — Изволь!.. Я и сам, брат, не ударю лицом в грязь: у меня только держись... За здоровье *Сашиньки*, моей ненаглядной вдовушки!.. Что?.. Каково?

Ив. Дм. — Славно!.. Ну-ка, Вольдемар, подними-ка свою бутылку.

Вольд. — С радостью, друзья!.. Здоровье очаровательной Лизаньки!

Ив. Дм. — Постой! Постой!.. Шалишь! Не в ту силу!.. С нами хитрить нечего: пей за кого следует!

Вольд. — Но ведь вы знаете, что я люблю Лизу... Какая ж тут хитрость?

Ив. Дм. — Да, это правда: ты любил ее, а теперь в твоей голове сидит Раиса Бенина... Уж не скажешь ли ты, что это вздор? Пей же за ее здоровье!

Вольд. — Что мне за охота запираться перед вами? Я точно люблю ее, но я по-прежнему люблю и свою Лизу... Если уж дело пошло на откровенность, так я расскажу вам всю правду... Как бы только растолковать это вам попонятнее?.. Да вот видите ли: я обожаю Лизу, обожаю и Раису; но для вас это два лица, для меня одно... Когда я думаю о Бениной, так это значит, что я думаю о Буклиной, — и наоборот... Душа моя, то есть сердце мое, привязано равно к обеим... Я не могу быть счастлив, не представляя их в каком-то таинственном, волшебном слиянии, то есть в соединении, без которого, или, лучше сказать, в котором, не может быть никакого разделения без собственных моих потерь, потому, *во-вторых*, что от этого убавится половину моего благоденствия... Или, говоря яснее... моих неземных требований... и *в-третьих*... Ну, да этого довольно... Вы должны теперь понимать, что делается в моем сердце.

Ив. Дм. — Все так, любезный Володя... Все это сказано очень умно и очень замысловато, только теперь ты должен пить за здоровье Раиньки и сказать, что ты ее любишь.

Вольд. — Люблю Раису Яковлевну и пью за ее здоровье!

Вас. Пет. — Опять не то!.. Валяй просто: за здоровье Раиньки!

Вольд. — Пускай будет по-вашему!.. За здоровье миленькой Раиньки!

Ив. Дм. и Вас. Пет. — Браво!.. Браво! Обними нас!

Тут пошли поцелуи, объятия. Смолянов бросился в угол дивана... Арский слез потихоньку, стал перед ним на колено и начал целовать его руку... В головах вертелось; в глазах прыгали мальчики.

Ив. Дм. — Теперь, дружище Володя, последняя моя просьба... Я не отойду от твоих ног и не выпущу твоей руки, покуда ты не дашь мне своего согласия.

Вольд. — Нехорошо, братец: встань, пожалуйста!

Ив. Дм. — Нет!.. Что я сказал раз, так это свято!.. Послушай!.. Ты знаешь, что я люблю твою сестру: помоги мне! Похлопочи за меня... Уговори ее согласиться на мои предложения!

Вольдемар сделался вполовину трезвее: родственные чувства громко заговорили в нем.

Вольд. — Что-о?.. Не хочешь ли ты, что б я продал свою сестру за несколько бутылок шампанского?

Ив. Дм. — Боже мой!.. Не стыдно тебе обижать меня?.. Кто ж говорил о продаже?.. Скажи мне сперва: кем ты считаешь своего друга?

Вольд. — Добрым, умным и благородным человеком; да ведь ты сватаешься не за меня: тебе надобно самому переговорить с сестрою.

Ив. Дм. — Я уж поговорю, только и ты передай ей свои мысли обо мне... Вот единственная моя просьба.

Вольд. — Изволь, отчего ж и не так!.. Тут я не сделаю ничего против совести, потому что я точно уверен в тебе. А что будет после, так это уж зависит не от меня.

Ив. Дм. — Бесценный, милый Вольдемар!.. Ты возвращаешь мне жизнь!.. Я знаю, как любит тебя твоя сестра и начинаю думать, что я буду счастливым... Позволь мне расцеловать твои ручки... Как хорошо иметь таких искренних друзей!

— А я-то что ж за дурак? — сказал Бельский, становясь также на колено. — Зачем я пропускаю удобный случай попросить нашего доброго Володю, чтобы он замолвил и за меня хоть одно словечко… Голубчик ты мой!.. Будь родным отцом!.. Расхвали меня старику Бенину!.. Что ж ты молчишь?.. А?.. Неужели ты не хочешь одолжить меня по гроб?

— Скажу, скажу!.. Будь уверен!

— Ах ты, мой благодетель!.. Эй! Ты… Животное!.. Три бутылки шампанского!.. Обними же нас!.. Проворнее, мерзавец!

Картина была очень не дурна. Жаль, что тут не случилось Biolly с его эпиграмматическою кистью!.. Два коллежских асессора стояли на коленях и целовали руки Вольдемара… Поэт, прикачиваясь немного, обнимал качающихся своих друзей… Маленький Семка стоял у дверей в большом старом фраке своего барина и держал три бутылки: две под мышками и одну в руках… На полу лежали стеклянные осколки и лоскутки изодранных карт… Свечи нагорели… Несколько разбитых изразцов довершали эффектность вакханалии.

Наконец несчастное шампанское было вполовину разлито, вполовину выпито, и тогда Вольдемар, позабывши, что от этого *во-вторых* может убавиться половина его благоденствия, попросил своих друзей, чтобы и они в свою очередь похлопотали об его пользах… Нечего и говорить, как Арский и Бельский рассыпались в клятвенном пустословии, что они готовы не только стараться всеми силами о его счастье, но с радостью пожертвуют даже своею жизнью, если это будет нужно. Поэт снова обнял своих друзей, друзья снова обняли Поэта, и тем кончилось первое число нового года; но чем-то кончится самый год?.. Это еще не известно!

Все сии вещи непроницаемы
для человеческого разума.
Плиний

Глава XLIV. Мат надеждам

То, что почиталось прежде порочным,
составляет нравы настоящего века.
Сенека

Если последние минуты хмельного новогодья завязали дело не на шутку, то второй день января развязал очень многое.

Началось тем, что в половине одиннадцатого поутру Бельский явился к Вольдемару расстроенный как нельзя более.

— Что это значит?.. Что с тобою сделалось? — спросил у него молодой Смолянов со всем участием дружества. — Ты не похож на самого себя!.. Неужели вчерашние наши шалости изнурили тебя до такой степени?

— Ах, нет, Владимир!.. Но если б ты знал, что случилось…

— Боюсь догадываться… Ты уж успел быть у Якова Петровича и получил отказ.

— Напротив!.. *Что касается насчет этого, так, хотя оно и сопряжено с отсрочкою*, но, впрочем, я счастлив почти сверх моего ожидания.

— Будто?.. И ты не прыгаешь от радости?

— Я уж напрыгался.

— Да как же это ты умудрился обделать все так скоро?

— Очень просто, братец: по-нашему — без всяких вычур… Приехал к старику, объяснился с ним: он хорошо принял мое предложение и тотчас же пошел переговорить с Александрой Яковлевной… Твой дедушка большой чудак: заставил меня сидеть на иглах битых полчаса, и потом, воротившись, он стал говорить о чем-то чрезвычайно пространно… Из всех его слов я понял наконец, что меня уважают, что дочь мою любят, и что согласны выйти за меня, но не раньше, как месяца через четыре, а почему — не знаю!

— Так вдовушка-то улыбнулась, несмотря на свои обеты?.. Экой счастливец!.. Ну!.. Поздравляю тебя. Признаюсь, я никак не ожидал удачи, судя по ее постному личику и по ее словам, которые я слышал собственными ушами.

— Э, братец! Мало ли что говорится!.. Только теперь не о том речь… Это уж дело решенное и о нем толковать нечего.

— Удивляюсь твоему хладнокровию.

— Удивляйся себе сколько хочешь, а я так взбешен, как черт.

— Да растолкуй путем: я ведь не могу узнать святым духом!

— Вообрази себе, каков Иван Дмитриевич!.. По сию пору я считал его человеком честным и задушевным своим другом…

— Ну?

— А он просто мерзавец, негодяй и подлец!

— Может ли это быть?

— Клянусь тебе как честный и благородный человек! Дай мне Бог провалиться на этом месте сквозь землю… отсохни у меня язык… будь я анафема проклят, если я обманываю тебя!

— Сделай милость, перестань говорить такие ужасные вещи: я и так тебе верю… Но в чем же дело?

— Повремени немножко, ты все узнаешь; на днях я соберу сведения обо всех его подлостях и тогда перескажу тебе… Теперь еще не время, и я заехал нарочно из одной дружбы, чтобы предостеречь тебя насчет его сватовства за Любовь Николаевну… Сохрани ее Бог от такой гадкой змеи!

— Спасибо тебе за эту заботливость; только надобно сказать правду, что мне чрезвычайно больно, если ты не ошибаешься насчет Арского. После этого трудно поверить кому-нибудь.

— И очень трудно! Разумеется, кроме таких испытанных людей, как я… Однако ж прощай, мне некогда… Я должен похлопотать кое о каких делишках… Смотри! Верь мне на мое честное слово и не позабудь предостеречь свою сестрицу… Я скоро объясню тебе все подробности… Прощай!

Он пожал руку удивленного Вольдемара и скрылся в ту же минуту.

Принимая полное участие в каждом из действующих лиц моей истории и желая облегчить по возможности почтеннейшего Василья Петровича, который обещался Вольдемару *объяснить все подробности* насчет Арского, я, имея под рукою самые верные сведения об этом разрыве двух старых друзей, открою сам моим читателям, что и как было.

Надобно воротиться несколько назад.

В конце ноября минувшего года затеялась в Т……. какая-то казенная поставка на значительную сумму… Написали, как водится, самый аккуратный конспект; забрали справочные цены; сообразились с ними; сделали сметы; разочли все до последнего гвоздика; придумали все средства для соблюдений государственного интереса; стиснули их в ореховую скорлупу благоразумной инструкции; ассигновали деньги: оставалось только выбрать ревностного, опытного и благонадежного чиновника, которому было бы можно поручить эту важную операцию… Колебались долго, решили дурно… Иван Дмитриевич получил предписание, получил наличные, отправился — и, должно признаться, что в этом назначении очень много помогло ему ходатайство Бельского, который лез из кожи, стараясь за своего сердечного друга.

Нечего и говорить, что в замену своей ревности он имел клятвенное обещание о полюбовном разделе невинных барышей.

Присягнувши по обыкновению различными прахами, господин Арский поехал свершать блистательные подвиги… и, если угодно, то в некотором смысле он вполне оправдал избранные им слова предписания… *С отличною ревностью* к собственным пользам занялся он приведением *в благонадежность* своего состояния и, наконец, обделывал свои дела со всею *опытностью* плута, то есть мастерски припрятывал концы.

Впрочем я не слишком обвиняю его в этом дневном грабеже своего правительства; ведь говорят же, что и *старик Гомер дремал иногда*, отчего же такому *маленькому человеку*, каков Иван Дмитриевич, не ошибиться насчет иной статьи политической экономии и не присвоить себе некоторого права уравнивать государственные имущества?

Как бы то ни было, Арский кончил закуп *с выгодою для казны*; получил за то официальную благодарность начальства, которому невозможно было усчитать его, и по приезде назад стал водить за нос своего *воскового* друга (благо, было за что водить!).

Бельский терпел, терпел, наконец 2 января, решивши благополучно дело о своем сватовстве и увидев тогда *вящую надобность в денежных сикурсах*, он отправился прямо к Арскому и, оставя дружбу дружбой, потребовал свой пай, как бес — купленную душу.

Напрасно представлял ему Иван Дмитриевич, что он *не воспользовался ни копеечкой*; напрасно он говорил ему: «Разве ты не знаешь, мой милый друг, что из семидесяти тысяч, полученных мною, у меня осталось только семнадцать рублей тридцать две копейки, и что я и те представил куда следует… Правда, я сберег от прогонных денег рублей с тридцать: вот это я, пожалуй, разделю с тобою пополам».

Милый друг не хотел ничего слышать!.. Он кричал громче быка, что на его долю приходится до шести тысяч, требовал их как законной собственности, выходил из себя, бесился, проклинал, упрашивал, грозил; но и Арский был непреклонен в свою очередь… Он знал *тщету беснования* своего друга — и был спокоен… Наконец ссора кончилась совершенным разрывом, и тогда уже Бельский явился к Вольдемару со своими предостережениями.

Разумеется, что в то время он не мог рассказать ничего, чтобы обвинить Ивана Дмитриевича. Ему надобно было иметь время для выдумки, потому что правда нисколько бы не повредила Арскому: Поэт считал его самым честным человеком и охотно бы поверил его бескорыстности… Сверх того, Смолянов никак не понимал тогда весьма важной тайны, что для иного делать казенные *поставки* значит, другими словами, *поставлять себя* в возможность иметь *кусочек хлебца*…

Я уж и не говорю о *лоптях* и *целых краюхах*, которые отрезаются так бессовестно и так безбожно называются *кусочками*… Это было бы бездною премудрости и таким омутом мытарств, в котором Вольдемар не разглядел бы ничего.

Василий Петрович начал свой день успехом в любви и решительным неуспехом в денежном приобретении… Дела Арского шли совершенно напротив.

Возвративши в казенную палату семнадцать рублей тридцать две копейки как образец удивляющего бескорыстия и по слабости человеческой оставивши себе только около двенадцати тысяч, он пересмотрел все свои счеты, все хитро составленные документы и наконец увидел очень ясно, что ему не предстоит никакой надобности в дружеском и полюбовном дележе: так велика и безошибочна была его благоразумная предусмотрительность. Вследствие такого убеждения он, как мы видели, отказал наотрез своему *милому другу,* и таким образом шкатулка его, недавно наполненная, осталась неприкосновенною.

Окончив так мастерски одно, Арский, полный надежд на рекомендацию Вольдемара, отправился к Смоляновым вслед за Васильем Петровичем.

Как человек домашний, он прошел прямо в ту комнату, в которой Любинька играла тогда на фортепьяно, застал ее одну и, по смешной странности стечения обстоятельств, возобновил свои предложения именно в то время, когда Бельский в одной из соседних комнат ниспускал его до ада.

Смолянова, несмотря на новую неожиданность, выслушала его терпеливо и наконец сказала ему очень внятно: «Неужели вы думаете, что я могу играть своими словами в таком важном деле?.. Неужели вы предполагаете, что, отказавши вам раз и навсегда, конечно, уж не без причины, я могу переменить свою решимость с необдуманным легкомыслием пятнадцатилетней девочки?.. Мне кажется даже, что, соглашаясь на ваши настоящие предложения, я была бы должна потерять в ваших глазах чрезвычайно много… Оставьте же это, и сделайте милость — *навсегда*… Надеюсь, что вы исполните мою просьбу…». Она поклонилась и была такова.

Можете себе представить невыгодное положение господина жениха… Простояв с полминуты как вкопанный, он хотел было броситься в комнату Вольдемара, сам не зная зачем; но, услышав там голос Бельского и схватив налету несколько слов, очень неприятных для его самолюбия, Арский остановился снова, смекнул в одну секунду, что ему нечего больше делать в этом доме; потом прищурился; потом провел правою рукою во всю длину своего лба; потом махнул ею, как человек решившийся вдруг на что-то очень важное; потом с улыбкою презрения и какой-то неприятной радости он вышел молча на крыльцо, сел в сани, поехал — и через час, посмеиваясь от натяжного удовольствия, с жалким торжеством человека бесчестного, с разными ядовитыми ирониями и намеками, одним словом, с каким-то нелепым и гнусным чванством, он рассказывал встречному и поперечному о скорой своей свадьбе — с Раисой Яковлевной Бениной…

Бедный Вольдемар!..

Как ты мог переносить свое ужасное несчастие?

Стратон, царь сидонский, сверженный Александром Великим

Глава XLV. Отъезд

Разговор.
Жан-Бар!.. Я вас делаю начальником эскадры.

Людовик XIV

И вы очень хорошо делаете, ваше величество.

Жан-Бар

Добрый, простодушный Бенин не чувствовал себя от полноты своей сердечной радости; он не знал, как ему благодарить Бога за такой счастливый день… И в самом деле, можно ли быть благополучнее? — Просватать вдруг двух дочерей, и за кого?.. За солидных и по своим летам довольно почетных чиновников; за людей, которых все называли прекраснейшими и благороднейшими; за людей, имевших, судя по Сибири, довольно хорошенькое состояньице и которые, вдобавок, просили не беспокоиться о приданом…

Все семейство Бенина находилось в этом шумном, но приятном смятении, которое бывает обыкновенно следствием неожиданных и радостных случаев… Все ходили, суетились, спрашивали и не отвечали, плакали и смеялись, дивились и не надивились, наконец, замолкали или говорили все вместе…

В самый этот развал явился Вольдемар, не зная ни сном ни духом о втором сватовстве своего искреннейшего друга… Общую веселость, замеченную им при входе в комнату, приписал он успешному исканию Бельского; но каково было его удивление, когда он увидел сделанный ему прием?

Началось тем, что дамы, поклонившись ему довольно сухо, тотчас же ушли в свою половину. Остался один Яков Петрович, серьезный — подобно Катону, молчаливый — как рыба, холодный —

как лед… Бедный Поэт насилу опомнился от печальной нечаянности, насилу собрался с духом, чтобы спросить у Бенина о причине такой ужасной перемены.

«Удивляюсь вашему вопросу, Владимир Николаевич, — отвечал старик, стараясь придать как можно более твердости своему голосу, дребезжащему от сильного волнения. — Я, кажется, держу себя относительно вас точно так, как мне следует, даже почтительнее, нежели я бы мог, а вы… Но Бог с вами!».

Тут он остановился и не сказал уже более ни слова.

Сердце молодого человека сжалось до омертвения; он не мог ни понимать, ни говорить, ни мыслить; он не мог даже страдать: до такой степени этот сухой и многозначащий ответ был для него сильным, глубоким, убийственным ударом…

Подозрение о клевете блеснуло в его голове слишком неясно, чтобы начать свое защищение, и к тому же, в чем и против кого защищать себя?.. Бледный, растерянный, смущенный, он, не помня ничего, очутился дома. С равнодушием человека, приведенного несчастием в какую-то могильную бесчувственность, узнал он о последнем сватовстве Арского; пошел в свою комнату; лег; забылся и — пришел в себя только через две недели… Сильная нервная горячка едва не свела его в гроб, но молодость и сила взяли свое: счастливый кризис болезни был вместе и счастливым кризисом любви.

Первая мысль его о Раисе не жгла ему сердца пожирающим пламенем отчаяния: это была тихая грусть Поэта, из памяти которого ускользнула любимая его мысль; это была кроткая печаль о невозвратной разлуке с прелестным, идеальным призраком, который до того времени лелеял его воображение; это было соболезнование о сладком, очаровательном сне, забытом в минуту пробуждения, — и не более.

Когда он открыл глаза, он увидел, что вокруг его постели стоят: отец, сестра, Бельский и доктор… Он даже улыбнулся им, так была спокойна его душа… Старик Николай Иванович знал уже от Любиньки причину его болезни и на случай выздоровления придумал меры, чтобы рассеять тоску своего доброго сына.

Некоторые губернские дела требовали посылки в Москву двух чиновников, и великодушие отца, жертвуя собственным удовольствием, назначило Вольдемара и Бельского.

Избавленный сильными физическими страданиями от страданий нравственных, Вольдемар поправлялся очень скоро, так что в конце февраля он уже несся на почтовых вместе с восковым человеком по дороге в первопрестольную столицу.

Накануне его отъезда ему подбросили следующее безыменное письмо:

«Знаю, что вы сердитесь на Якова Петровича; но он, как отец, имеет полное право на ваше прощение, несмотря, что холодность его к вам кажется вовсе незаслуженною.

На другой день после нового года, в одиннадцатом часу утра, ему было пересказано, не знаю кем-то, будто вы в кругу молодых людей пили шампанским здоровье Раисы Яковлевны, называя ее *своею миленькою Раинькою*, и при этом сказали довольно ясно, что она неспроста бывает в вашем доме так часто и что вы наслаждаетесь ее слабостью… Огорченный старик, имеющий честное имя единственным достоянием, передал мне, в минуту свойственной ему откровенности, этот слух с сердечною горестью.

Зная благородство ваших правил, я защищал вас, но без успеха: общий наш друг тронут за самую живую струну.

Спустя несколько времени, проговорившись немного более, нежели хотел, он утвердил меня в догадках насчет клеветника. Не скажу вам о нем, потому что могу ошибаться; но убедительнейше прошу переменить дурные мысли о почтенном старике: поставьте себя на его месте — и потом уже судите о его холодности к вам.

Вы уезжаете завтра в Россию, и мне было бы неприятно, если бы человек, которого я люблю, остался несправедливым к моему лучшему другу. Вот единственная побудительная причина этого письма… Желаю вам счастья».

Вольдемар, прочитав эти строки, передал их Бельскому, который также прочел в свою очередь и наконец воскликнул:

— Ну что, любезный!.. Не прав ли я?.. Неужели Арский не подлец и после этого?.. Помнишь ли, как на другой день моих именин я хотел *объяснить тебе все подробности* насчет Ивана Дмитриевича… Я ведь и бесился-то от того, что услышал рано поутру 2-го числа, будто он хочет свататься за Раису… Да так не хотелось тебя огорчать… К тому же полагал еще, что это может быть вздор… только, к несчастию, я обманулся, и ты сам узнал все тогда же… Нам нечего сомневаться, что и это не его плутни… Что ж ты намерен делать с письмом?.. Неужели не проучишь порядком мерзавца?

— Чтобы наказать, надобно его обличить, а он уже обручен теперь с Раисою; она его любит: Бог с ними!

— Ну, братец, воля твоя, а ты престранный человек, клянусь тебе моею покойницею и Александрой Яковлевной.

— Странен или нет, но я очень рад, что это уведомление примирило меня с моим названым дедушкою: мне было очень тяжело сердиться на него.

Бельский не отвечал ни слова.

Теперь, в заключение этой части, после нескольких слов, мне хочется предложить моим милым читательницам и добрым читателям один довольно важный вопрос, по крайней мере для меня, потому что я не приискал еще для него ответа.

Не заносясь слишком высоко, до взгляда решительно философического, я скажу просто: бывают люди, которые из выгод готовы продать своего отца: честные называют их *извергами*; бывают люди, которые носятся туда, куда дует ветер: прямодушные называют их *низкими*; бывают люди, которые не знают, что счастье должно искать в себе самих и, считая это мудрое правило азбучной присказкой, ищут его в женитьбах по расчету: благоразумные называют их *глупцами*; бывают люди, которые кричат об одном золоте, о золоте, только о золоте — и больше ни о чем: добрые называют их *бесчувственными эгоистами*… Нет спора: все это или глупо, или отвратительно, или подло, или ужасно, однако ж все тут есть цель, свойственная всякому человеку: собственная польза, хотя и превратно постигаемая. Но как вы назовете того, который не любит девушку, который почти уверен, что он будет с нею несчастлив, и который женится на ней без всех существенных выгод, затем только, чтобы убить этим своего друга, сестра которого не вышла за него замуж?.. Как вы назовете этого человека?..

Если вам удастся, чего я однако ж не предполагаю, приискать приличный для него эпитет, то вы можете поставить оный перед именем Ивана Дмитриевича Арского, который, посватавшись за Раису Бенину, сделал ни дать ни взять точно этакую штуку… Впрочем, будет ли какая-нибудь польза, если вы и потрафите в названии?.. Навряд!.. Оно верно никогда не защекотит приятным образом ушей господина Арского… Сберегая свой самолюбивый слух, мы как-то все не слишком речисты к осуждению других в глаза… Вот за глаза — это наше дело!..

Все говорят о глупце, что он глупец;
но никто не скажет этого ему прямо,
и глупец умирает, не узнавши, что он глуп.
Ля-Брюйер

Конец третьей части

Часть четвертая

Глава XLVI. Еще квипрокво

В моей душе разлит какой-то дивный свет,
подобный свету тихого весеннего утра,
которого красота обворожает мое сердце.
Гете

— Ну уж день!.. Верно, судьбе хочется *пропечь* нас хорошенько за наши грехи… Да я и не помню, право, этакой жарищи… А еще начало июня; что же будет дальше? — говорил Вольдемар, войдя в нумерную комнату одной из московских гостиниц, в которой он жил вместе с Бельским.

— Скажи, есть ли, по крайней мере, какой-нибудь толк или опять ты прослонялся целое утро даром?

— Есть ли толк?.. Ах ты бестолковый!.. Ведь это, я чай, написано у меня на лице… Только дай мне, ради бога, опомнишься… Эй!.. Алешка!.. Воды!.. Льду!.. Проворно!..

Кончив мытье и полосканье, Поэт в самом прохладном дезабилье развалился по дивану… Улыбка удовольствия скользила по его устам; время от времени он закрывал глаза, но знаток сейчас бы отгадал, что это совсем не от усталости… По всему было видно, что он старался воспоминать что-то приятное, ибо когда он подымал свои веки, то глаза его сияли от полноты самой чистой радости, смешанной с невольным, сладким умилением сердца.

Человек проницательный легко бы мог постигнуть, что какое-нибудь новое, оживляющее светило взошло на отуманенный горизонт его поэтической души и что теплые лучи этого великолепного, блестящего явления стали вызывать из нее самые упоительные мечты, как солнце вызывает ароматные испарения из цветного луга.

Все это умел бы разглядеть каждый, у кого есть в груди хоть одна искра, хоть один отблеск небесного, творческого огня; кто хотя не ясно постигает, что значит *прекрасное* и *высокое* в чувствах; но *восковый сборник* математических фигур был настоящим автоматом в этом отношении… Вся эстетическая жизнь сердца, вся необъятная, светлая, полная восторгом фантасмагория души, одним словом, все отвлеченности были для него: *темна вода во облацех*. С профаническим равнодушием взглянул он на своего товарища и заговорил о своем.

— Да скажи, пожалуйста, нашел ли ты или нет?

— Нашел, любезный Вася, нашел!.. Иначе чему бы мне и радоваться?

— Ну, что ж?.. Годится ли для нас?

— Фи, братец!.. Какое низкое выражение!.. Разве нельзя спрашивать о чем-нибудь другом?.. И что за мысли?..

— Ах, батюшки мои!.. Да на тебя не угодишь с твоими затейливыми причудами!.. Как что за мысли?.. Мне ведь хочется же знать, велика или мала она?

— Вот это дело другое!.. Она мала, но несмотря на то, почти осьмое чудо.

— О-го-го, как громко!.. Стало быть она точно хороша… как следует?

— Какое тебе: *как следует*! Я говорю, что она просто очаровательна.

— А вот посмотрим!.. Опиши-ка мне ее расположение.

— Прямой ты чудак!.. Как же можно узнать об этом в несколько минут?.. Сила в том, что ты не налюбуешься ею.

— Воля твоя, а начало очень не отчетливо… Что-то будет дальше?.. Например, ты не сказал еще ни слова о цене?

Вольдемар вскочил, как исступленный, и затрясся всеми членами. Гнев и пренебрежение выразились на его лице. Не говоря ни слова, мерил он глазами своего товарища во все его протяжение. Бельский струхнул и закричал:

— Молчу, любезный Владимир!.. Молчу!.. Я пошутил!.. Клянусь тебе Господом Богом!.. Говори себе, что хочешь, а я не разину рта.

Это успокоило Поэта; он лег по-прежнему и, повременив с минуту, продолжал.

— Да!.. Ты не можешь себе представить ее; но мое описание ознакомит тебя несколько.

— Рассказывай, сделай милость! Я чрезвычайно люблю тебя слушать: ты такой мастак на эти вещи, — проговорил Бельский, стараясь быть вкрадчивым и с такою ужимкою, которая вымаливала о прощении. Простодушный и добрый Поэт поддался на удочку и стал продолжать с чувством.

— Во-первых, вообрази себе, мой друг, самый высокий, самый ясный лазоревый цвет, проникнутый какою-то нежною теплотою чувства, какою-то завлекательною, сверхъестественною таинственностью: это цвет ее голубых очей!

Слова сии поразили Бельского, как будто громовый удар… Он вскочил в свою очередь, разинул рот так, что в него можно было положить гусиное яйцо; вытаращил глаза, посмотрел в оба на своего друга, как на человека помешанного, и, наконец, воскликнул:

— Как!.. Что ты!.. Умилосердись!.. У нашей квартиры голубые глаза?

— Помилуй!.. У какой квартиры?

— Да ведь я спрашивал у тебя, нашел ли ты квартиру, потому что жить здесь, в гостинице, совсем не по нашему карману.

Вольдемар покатился со смеха и едва мог сказать с перемежкой:

— А я думал, что ты спрашиваешь, нашел ли я, чем мне заменить свои былые сердечные ощущения… Я видел сегодня одну девушку и мечтал о ней в то время, когда ты начал говорить со мною… То-то я и смотрю, что ты спрашиваешь о расположении, о цене… Вот презабавная вещь!.. Что бы тебе сказать пораньше слово: *квартира*?

— А тебе самому отчего бы не растолковать яснее, что ты говоришь мне о девушке?

— Ну, да ничего!.. Мы поквитались: всякая ошибка в фальшь не ставится!

Насмеявшись досыта, Бельский возобновил разговор.

— Если хочешь рассказывать о девушке, так рассказывай себе сколько угодно твоей душе, а мне бы, право, хотелось узнать о квартире… Здесь и не видишь, как идут деньги… Все плати да плати: мочи нет, что за наказание; а нам, может быть, придется пробыть в Москве еще месяца с два.

— Подожди, братец, не горячись!.. Ты узнаешь сию минуту, что сегодняшнее утро было счастливо для нас обоих: слушай же мои похождения… Побывавши в двух, в трех домах, на которых были прибиты билетики с объявлениями об отдаче внаймы, и уставши донельзя, я заехал к Струйскому немножко отдохнуть… Вот он и спрашивает у меня: «Ну что, любезный Владимир Николаевич, отыскали ли вы себе квартирку, али нет еще?». — «Нет, Степан Козьмич!.. И не говорите лучше, — отвечал я. — Куда ни заедешь, все невпопад: та велика, та мала; это просто никуда не годится… Не знаю, право, что и делать!». — «Ну и хорошо!.. И не делайте ничего», — сказал мне добрый старик. — «Как ничего?». — «А вот как!.. Я уж приискал для вас уголок, да ведь какой?.. Чудо, мой милый — и только!.. Вчера вечером сижу я у одной моей короткой знакомой на Варварке, да и говорю ей: к чему это вы, матушка, нанимаете такую огромную квартиру?.. И в самом деле: семейства всего-то на все она да две дочери, а комнат чуть ли не дюжина… Она рассказала мне, что к ней хотели было приехать на год ее родные, но что им-де нельзя исполнить этого по каким-то обстоятельствам, а уж она отдала деньги за полгода вперед… Вон те три комнаты, прибавила она, совершенно лишни: я бы и отдала их внаймы, да сами посудите, ведь надобно знать человека, а то не равно навяжешь себе на шею такого молодца, что не будешь рада и жизни.

Оно бы очень хорошо: там есть даже особый ход… Нечего и говорить, что я тотчас же поручился за вас и за вашего товарища, и дело было кончено».

— Ай да Степан Козьмич! Спасибо ему, право!.. Ну, а ты что ж?

— Разумеется, я тотчас расспросил обо всем: и чей дом, и как зовут нашу будущую хозяйку, и кто она; одним словом, узнал все, как надобно — и отправился… Приезжаю, всхожу по лестнице, об которой мне говорил Струйский; остановился перед дверью, поправил на всякий случай волоса и воротничок; дернул за шнурочек; звонок зазвенел; дверь открылась почти в ту же секунду; я взошел — и едва-едва не ахнул от удивления!.. Передо мной стояла девушка… Ах, Вася!.. Что, братец, это за девушка! По ее смущению я тотчас догадался, что она верно ждала кого-нибудь из своих и, будучи близко, сама отперла дверь, вовсе не думая ни о какой нечаянности… Но если б ты знал, как идет к ней это смущение!

— Верю!.. Верю!.. Только говори о квартире!

— Дойдем и до нее!.. Я раскланялся и сказал: «Извините меня, сделайте милость, что я заставил вас беспокоиться…». Она отвечала на это так, что я не расслушал и потом спросила громко: «Кого вам надобно?» — «Александру Андреевну Вененову». — «Не угодно ли вам идти за мною». Я раскланялся опять и пошел по ее следам. «Она сейчас выйдет к вам», — сказала мне голубоокая дева и скрылась… Минут через пять, через шесть вышла почтенная дама лет сорока, самой приятной физиономии: это была хозяйка квартиры… Струйский-то верно расхвалил нас с тобою до небес, потому что после первых объяснений она обласкала меня, как нельзя более, просила быть знакомым и назначила такую цену за наши будущие комнаты, что, право, стыдно сказать.

Бельский, узнавши, что квартира в самом деле была нанята очень выгодно, и успокоившись, таким образом, насчет *существенного*, перешел к *мечтательным благам* своего товарища.

— А видел ли ты еще раз свою красавицу?

— Да уж она верно должна принадлежать к семейству Вененовой или, по крайней мере, знакома с нею очень коротко, иначе бы она не открыла мне двери… Это показывает, что она в доме своя.

Тут Поэт снова вдался в описания и не жалел самых пышных эпитетов, чтобы украсить миленькую девушку… Василий Петрович, не понимая третьей доли, поддакивал по своему обыкновению. Оба друга были очень веселы и довольны. Для обоих будущее казалось приятным, хотя совершенно в разных отношениях. День прошел неприметно; на другое утро положено было переехать на новоселье… Так и сделано!..

Кажется, случится что-то важное,
а может быть, и не случится.
Аполлоний Тианский

Глава XLVII. Незнакомая знакомка

Вот счастливый день!..
Вот прекрасная встреча!..
Демутье

Убрав как можно щеголеватее свою новую комнату, Вольдемар почти не отходил от окна: прекрасный, богатый вид Замоскворечья расстилался перед их домом, как на ладони, и только в полдень ему вздумалось сделать визит Александре Андреевне.

Впоследствии мне было сказано, что, решившись уплатить этот долг вежливости за ласковость приема, он как-то невольно вспоминал о голубых глазах, которые видел накануне; и что эта ясная и высокая лазурь их, проникнутая разными разностями, чуть ли не больше всего подстрекала его на знакомство с Вененовой.

«*Почему знать, чего не знать?* — думал тогда Поэт. — Чем кто не шутит?.. Ведь может быть!.. Авось-либо!.. Мало ли что случается!..» и так далее.

Войдя в гостиную, он нашел дам, занятых работами… Голубоокая блондинка взглянула на него, вспыхнула и еще прилежнее принялась рукодельничать.

«Экой счастливец!» — скажете вы, мои любезные читатели, — и обманетесь… Румянец девушек иногда очень еще далеко не порука любви, то же случилось и здесь.

Попросив сесть своего гостя, хозяйка познакомила его с двумя своими дочерьми, довольно интересными брюнетками. Затем оставались только два неизвестных ему лица: красавица блондинка и ее мать, как это он тут же подслушал.

После нескольких обыкновенных прелюдий к разговору еще более обыкновенному Вененова сказала Поэту:

— Вы так торопились вчера, что я не успела спросить вашего имени; позвольте же узнать его теперь.

— Меня зовут Владимиром Николаевичем.

Блондинка вспыхнула снова.

— Итак, Владимир Николаевич, скажите-ка мне, не были ли вы в Петербурге… Вот эта задушевная моя приятельница (она показала на даму, незнакомую Вольдемару), которая приехала сюда на короткое время, говорила мне вчера, что ей случалось там слышать об одном молодом человеке вашей фамилии с самой хорошей стороны.

— Не знаю, сударыня, столько ли я счастлив, чтоб это было говорено обо мне: но я точно был в Петербурге… Я там воспитывался.

— В корпусе… не правда ли?

— Точно так!

— И потом бывали в доме Анны Ивановны Буклиной?

— Я провел там самое лучшее время моей жизни.

— И если Буклина говорила вам когда-нибудь о Софье Петровне Лажиной, так вот она перед вами.

Длинные, шелковистые ресницы закрыли голубые очи *прекрасной,* и яркий румянец опять заиграл на ее щеках.

— Боже мой! — воскликнул Вольдемар, обращаясь к Лажиной. — Как я рад, что могу иметь честь узнать вас лично!

— Мне и самой приятно познакомиться с человеком, которого так любила моя искренняя старинная подруга… Впрочем, это будет только возобновление знакомства, потому что заочно я знаю вас давно… Вот моя дочь!

Молодые люди раскланялись, и на этот раз покраснели оба… В эту самую секунду Вененова, думая о заочном знакомстве Софьи Петровны и Смолянова, сказала:

— А! Старые знакомые!.. Тем лучше!.. Тем приятнее!

На ворах горят шапки: Вольдемар и молоденькая Лажина приняли это на свой счет и зарумянились пуще прежнего… Впрочем, подобные вспышки стыдливости или не были замечены, или, по счастью, никто не обратил на них проницательного, исключительного внимания, потому что разговор тотчас же перешел к воспоминаниям совершенно без всяких особенностей.

Дней через десять после этого утра Вольдемар был домашним человеком в кругу новых своих знакомых, и Варинька Лажина давно уже перестала краснеть, встречаясь с ним… Все шло как нельзя лучше… Поэту не доставало только одного: ему очень хотелось поговорить наедине с подругою своей Лизы, потому что прежняя, первая любовь разгорелась опять в его душе, как разгорается зарево от пожара, вспыхнувшего снова.

Он полюбил и Вариньку; но эта любовь была совсем другого рода… Она походила чрезвычайно на тихую, чисто платоническую привязанность, а не на кипящую страсть молодости… К тому же тут не было решительно ничего, к чему бы можно придраться, чтобы иметь право предъявить о каких-нибудь чувствах более чувственных, нежели родственные.

Надобно сказать, что Варинька, будучи удивительно как мила, вовсе не походила на Лизу, стало быть, в нее нельзя было влюбиться так же, как в Раису, которая казалась прежде разгоряченному воображению Поэта — слепком его миленькой названой сестрицы… В настоящем случае Вольдемар быть лишен всякой возможности сливать образы *двух* девушек в *один* идеал или, наоборот, *одну* полную, неограниченную любовь делить на *две* равные части. Таинственность поэтического счета уничтожалась здесь совершенно… Да и кроме того: как волочиться за приятельницею той девушки, в которую мы были влюблены?.. И что ж бы подумала эта приятельница о нашем постоянстве.

Однако ж, если я и говорю это, то все-таки никто не должен думать, чтобы подобные выкладки о различных неудобствах входили тогда в голову Вольдемара и чтобы только они удерживали его от новой страсти… Нет! Он просто увлекся из настоящего в давно минувшее… Сладость первых ощущений, первые незаменимые восторги и это ответное *люблю*, которое с такою духовною гармониею пролепетали ему некогда розовые уста *прекрасной*, и эти слезы, которыми горели ее очи, когда сердце билось от сочувствия; все это уяснялось перед ним, как уясняются ранние, злато-огнистые звезды на широкой завесе вечернего туска: они зажглись, заискрились, ненаглядные, и снова его грудь задышала счастьем… Поэт видел в молоденькой блондиночке какую-то неземную посредницу. Ей-то хотел он открыть все сокровенное для других; надобно только было остаться наедине, потому что об Буклиных не говорили уже более ни слова, а начать при всех самому он не смел и подумать… На этот раз случай представился довольно скоро.

Будучи изменчивы в своих желаниях,
мы обыкновенно идем влево или вправо,
в гору или под гору, смотря по тому,
куда увлекает нас поток обстоятельств.
Монтан

Глава XLVIII. Неожиданное открытие

С каким наслаждением отдали мы друг другу
отчет обо всем, что только думали!
Флориан

Когда мы одни в своей комнате сидим на диване, на стуле или в креслах, или когда мы ходим из угла в угол, или когда мы стоим, как поставленные, — тогда нам очень легко располагать всем.

Кому из нас не случалось соображать наперед, и что и как должно случиться с нами… «Я пойду к *такому-то*, — думаешь иногда; — он встретит меня с распростертыми объятиями и скажет: — А! Здравствуй, мой милый друг! Сколько лет! Сколько зим!.. Я извинюсь, что не был, — и все пойдет по-старому…». Приходишь к *такому-то* — и объятия не распростираются, и он изволит говорить пресухо: «Что вам угодно, милостивый государь?».

Или иногда сообразишь, как нельзя лучше, весь будущий разговор; проникнешь заранее во все тонкости; приготовишь, если нужно, и возражения и убеждения; наконец, в случае непреодолимого чувства робости, уверишь самого себя весьма доказательно, что это вздор, что тут робеть нечего, а надобно прийти смело и сказать напрямки *то-то* и *то-то*… Одним словом, судя по предварительному расчету, непременно должно ожидать чуть-чуть не цесарской развязки, а на самом-то деле: *придешь, увидишь — и спасуешь!*

Узнав случайно, что Варинька, не поехав вместе с другими за город, осталась дома одна по какому-то легкому нездоровью и что она сидит в гостиной за книгою, Вольдемар положил в карман ее небольшое письмецо, полученное им в Сибири, и — отправился.

— Ах, Варвара Андреевна! Вы одни?.. Не помешаю ли я вашему занятию?

— Напротив!.. Мне так надоел этот глупый перевод прекрасного романа… Поверите ли? В ином месте, право, не доберешься смысла.

— Очень верю!.. У нас-таки в моде бестолковая таинственность… Напрасно иные дельные журналисты советуют некоторым с отеческою нежностью поучиться мало-мало грамоте — эти некоторые отмалчиваются и пишут себе по-прежнему.

Таким образом речь зашла о литературе, о критике, и вследствие того Вольдемар находился в самых критических обстоятельствах.

Несколько раз покушался он навести как-нибудь внимание своей собеседницы на дела сердечные — и все невпопад!.. К счастью его, несмотря на пристрастие Вариньки к подобным разговорам, он прекратился сам собою от недостатка взаимного участия… Через четверть часа выдалась такая перемежка, что в гостиной можно было слышать полет мух.

Поэт отирал пот, который катился градом от чересчурного и напрасного напряжения умственных способностей, — и молчал. Блондинка машинально перебирала листы лежавшей перед нею книги — и молчала тоже.

Всякий знает, как тяжело подобное положение, как неприятно чувствовать в себе борьбу между требованиями рассудка и робостью духа. Один настаивает, другой так и замирает в груди… Один все обдумает, все приготовит и говорит: «Начинай!..». Другой, собственною своею немощью, и почти всегда безотчетною, парализирует энергию души: и мысли, и выражения — все ускользает из нее куда-то; мы не подаемся вперед ни на волос… мы страдаем.

Впрочем эти незавидные минуты сомнения, нерешительности, бездействия влекут иногда за собою чрезвычайно счастливые последствия, если только они продолжались в меру и не довели нас до совершенного изнурения… Часто одно слово, одно самое незначащее по-видимому движение дает всему превосходнейший оборот… Душа, внезапно окрыленная, гордо сбрасываете с себя все узы препятствий, и, прошедши уже чрез поучительную школу терпения или страдания, она начинает действовать смело, самостоятельно и с каким-то непреодолимым стремлением к предположенной цели… Все силы ее развиваются до высочайшей степени; все действия ее резки и решительны… Здесь разгул откровенности! Здесь иногда источник *великого, высокого* или *славного!*

Так писатель, вытерпевший муку от усыпления своей творческой способности, чувствует жгущее, воспламеняющее прикосновение дивного электричества, и — вдруг отважное перо его в сжатых и условных формах мастерски и верно изображает самые необъятные, самые безусловные предметы… Так человек бедствующий терпеливо извешивает собственные силы и силы своего притеснителя и потом вдруг, неожиданно, заставляет трепетать того, перед кем сам трепетал недавно.

Так, переходя от неважного к важному (если только на свете есть что-нибудь особенно важное, кроме святой любви и добродетели), мы увидим, что временная немощь, временное бездействие развивает энергию целых сословий, целых обществ, целых народов… Жаль только, что в сих последних случаях заблуждения самые грубые, самые вредные почти неизбежны; жаль, что мы часто гоняемся за нелепыми призраками; жаль, что наша необдуманность увлекает нас иногда по самым дурным направлениям; жаль, что весьма часто мы принимаем зло за благо — а то бы… Но спустимся на несколько октав.

Я вам сказал, что прелестная блондинка молчала, однако ж ей не от чего было растеряться до такой степени, как растерялся Вольдемар… Мысль обратить воцарившееся между ними молчание в смех блеснула в ее голове, и она, совсем неожиданно для Поэта, сказала вдруг довольно громко, с самою простосердечною улыбкою.

— Где вы, Владимир Николаевич?

Кто бы подумал, что этот обыкновенный, ничего не значащий вопрос, эта шутливая выходка могла произвести что-нибудь серьезное?.. И, несмотря на то, вы сейчас увидите новое подтверждение того, как от малых причин рождаются великие действия… Слово не значит ничего: дорога минута, милостивые государыни.

— Где я? — повторил Вольдемар голосом твердым и значительным, в котором проявлялась вспышка души. — Где я? Спрашиваете вы меня… Я перед вами… Я хотел сказать вам о многом — и молчал: у меня не доставало духа. Но ваш неожиданный вопрос развязал мне язык… Чувствую, что теперь я в силах поблагодарить вас за это письмо, которое так много обрадовало меня в Сибири.

— Ах, Боже мой! Где оно?.. Отдайте его, сделайте милость!

— Неужели, доверившись мне, когда вы еще не знали меня, вы откажете мне в доверенности в настоящее время?

— Я и не думаю сомневаться в вас, но мне, право, так совестно… Мне все кажется, что это может дать вам некоторое право…

— Не договаривайте!.. Божусь вам, что я думаю об этом совершенно иначе… Принося жертву предрассудкам в других случаях, я выше их, по крайней мере, в настоящем… Я рассматриваю ваш поступок с самой лучшей стороны и совершенно не вижу ничего, что могло бы заставить вас совеститься.

— Но если бы вы знали, как я сожалела после.

— Даже и эта дань мнениям делает вам очень много чести. Сначала, по доброте сердца, по снисхождению к просьбам бедной своей подруги, вы невольно увлеклись против них, вы написали ко мне… Потом, естественно, вам пришла мысль, что я могу употребить во зло вашу доверенность, и тогда боязнь невыгодных осуждений за дело доброе заставила вас раскаиваться; но, несмотря на то, вы остались верными дружбе и, если я не ошибаюсь, то теперь одолжаете снисходительным вниманием человека, который любим вашею подругою.

— В этом вы можете не сомневаться: я очень хорошо знаю и ум и сердце моей Лизы, чтобы не отдать справедливости ее выбору и не принять в вас участия.

— Не знаю, как мне благодарить вас за это?.. Однако ж, обращаясь опять к письму, я убедительнейше прошу вас быть на этот счет спокойною: пусть моя любовь будет порукою моей чести… Но скажите мне: где *она*?.. Что с *нею*?.. Не позабыт ли я?.. Вы молчите… Неужели я должен услышать что-нибудь ужасное?.. Говорите же!.. Говорите! Мне кажется, что теперь я вынесу всякий удар гораздо легче, нежели когда-нибудь.

— Зачем вы не отвечали на письмо Лизы?

— Понимаю, что значит этот вопрос!.. *Она* вышла замуж?

— Нет, она не выходила; но зачем вы не отвечали ей?

Вольдемар схватился за голову и не сказал ни слова… Лажина продолжала.

— Ваше молчание было для нее почти невыносимо… На беду, дела ее матери шли день ото дня хуже и хуже… Вы знаете, что она хотела продать свою степную деревню и купить другую поближе к Москве… Но продажа и покупка были для нее слишком невыгодны, так что она потеряла очень многое из остального своего имения… Эти неудачи, печаль дочери и мысль о будущности, относительно состояния Лизы, все это вместе убивало почтенную Анну Ивановну… Наконец, начало нынешней весны довершило несчастие… Ужасный пожар истребил почти все: большая половина крестьян пошла по миру, и добрая моя подруга едва ли не решится пожертвовать всем, чтобы успокоить свою мать…

— Договаривайте!.. Ради бога договаривайте!

— Вы должны знать того пожилого полковника, который так часто бывал у Буклиных в Петербурге.

— Знаю очень хорошо!

— Несмотря на свое богатство, несмотря на то, что Анна Ивановна уважает его за ум и за отлично хорошие правила, он получил отказ, когда наши общие знакомые жили еще в своей родовой деревне… Но если он возобновит теперь свои искания, что очень можно ожидать, судя по его настойчивости и по его постоянству, то едва ли ваша Лиза не решится выйти за него, не имея об вас никаких слухов.

— Ах, Боже мой! Какое ужасное положение!.. В первый раз в жизни жалею я о своей бедности… Но скажите мне откровенно: это расстройство состояния Буклиных не сближает ли нас еще более?.. Не будет ли теперь мое сватовство поступком самым бескорыстным.

— Признаюсь, я думаю точно так же и даже почти уверена в успехе, потому что мне известны все желания матери моей подруги… Она хочет видеть дочь свою не богатою, а счастливою… Может

быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, что ваш приезд обрадует их обеих… Попробуйте… поезжайте… посмотрите собственными глазами и тогда начинайте действовать!

Вольдемар был в восторге: он осыпал поцелуями руки прелестной блондинки; он обещался никогда не забывать этих блаженных минут, в которые она так чудесно воскресила в нем самые сладостнейшие надежды; потом, узнавши, что Буклины живут только в 40 верстах от Москвы, он хотел отправиться к ним в ту же секунду, и Варинька едва-едва уговорила его отложить свою поездку до завтра, представя, что по дурной проселочной дороге ему невозможно быть у них раньше вечера.

Тогда Поэт, полный детской радости, пошел в свою комнату, чтобы сообщить все своему искреннейшему другу и посоветоваться с ним, как бы получше уладить дело…

Ах! Как узки пределы нашего разума.
Цицерон

Глава XLIX. Кто хуже татарина

Надобно быть величайшим глупцом,
чтобы хвалить добродетель и не исполнять ее.
Диоген Циник

Подбежав к постели Бельского, который спал в это время самым крепким сном вследствие обыкновения своего отдыхать часа три после каждого сытного обеда, Вольдемар закричал над его оттопырившимся ухом.

— Василий Петрович!.. Василий Петрович!.. Радуйся!.. Веселись вместе со мною!.. *Она* здесь!.. С ними!

Бельский вскочил, как полоумный, и, не успев прокашляться, стал бормотать смелым голосом:

— Что?.. Что такое?.. Не воры ли? Не пожар ли?

— Какие тут воры!.. Говорю тебе толком, что я нашел *ее*… Что *она* здесь…

— Да кто *она*?.. Что за чертовщина!..

— Разумеется, моя милая Лиза!

— Ах, Создатель ты мой!.. А я только в одном халате… Эй! Алешка!.. Давай одеваться!

— Это к чему?.. Разве она увидит твое дезабилье будучи от нас за сорок верст?

— Ну брат, Володя, уж извини меня, а надобно сказать правду, что ты не умеешь растолковать путем самой безделицы!.. Как это пришло тебе в голову кричать во все горло: она здесь!.. Спросонья я и в самом деле подумал, что твоя Буклина стоит за дверью.

— Эх, Вася!.. Если б ты знал, как я счастлив, так ты бы не сердился на меня.

— Помилуй, друг мой, кто ж сердится?.. Я и сам без души рад твоей радости… Да как это тебе удалось пронюхать о ней?.. Экой ведь какой дошлой!

— То-то же!.. Знай наших!.. Впрочем, на этот раз я обязан только одному случаю…

— Случай случаем, любезный Владимир, а уменье все-таки необходимо… Объясни же, как ты нашел потерянное сокровище?

— Вот этого-то и нельзя покуда; но я твердо надеюсь, что завтра будет *все кончено,* и тогда, без всякого сомнения, ты первый узнаешь обо всем.

— Ну, ладно!.. Я и не настаиваю!.. Итак, только сорок верст разделяют вас… Что ж ты намерен делать?

— Во-первых, я на днях же буду писать к батюшке, чтобы он дал мне свое благословение на женитьбу, и, во-вторых, пошлю к нему просьбу, как к начальнику, об увольнении меня из сибирской службы, чтобы я мог определиться где-нибудь здесь…

— И будто ты не шутишь?

— Нисколько!

— Но он не согласится ни на то, ни на другое.

— Напротив, он верно согласится, потому что он меня любит.

— Неужели это решительное твое намерение?

— Как нельзя более!.. Во всяком случае я не сделаю из Москвы ни шагу и между тем употреблю все средства, чтобы получить его позволение.

— Да рассуди хорошенько: ведь это убьет почтеннейшего Николая Ивановича.

— Нечему тут убивать, если я женюсь на прекрасной девушке, которая меня любит и буду с нею счастлив… Завтра же утром я поеду за Дорогомиловскую заставу, в село Дубровинское, где живет моя Лиза… Завтра же упаду я к ногам ее матери и не встану до тех пор, пока не получу согласия.

— Ну, уж верно чему быть, тому не миновать!.. Поезжай же себе с Богом и делай что хочешь.

— Стало быть, ты наконец одобриваешь мою решительность?

— Да что с тобою делать?.. Ведь тебя ничем не урезонишь. Впрочем, если сказать правду, так и в самом-то деле тут нет ничего худого… Буклина девушка премилая; ты ее любишь, она тебя тоже; к тому ж и богатство дело не последнее.

— Какое богатство?.. Анна Ивановна почти разорилась.

— Что ты говоришь?

— И тем-то еще более я буду настаивать.

— Это великодушно!.. Это благородно!.. Клянусь тебе и своею честью, и своею покойницею, и всем святым, что ты редкий человек!.. Позволь же обнять себя: ты не поверишь, как я горжусь, имея тебя своим другом.

— Полно, братец, что за похвалы?.. Я уверен, что и ты сделал бы то же на моем месте.

— Уж разумеется!.. Что и говорить!.. Однако ж, не будь я твоим другом, то, признаться сказать, я бы позавидовал завтра твоему счастью: ты увидишь Лизу, получишь согласие ее матери, и все это в один день, и все это так неожиданно!

— Да, мой добрый Вася!.. Этого слишком много… Я почти не доверяю возможности такого близкого благополучия… Знаешь ли, что мое сердце начинает уже тосковать от чего-то.

— Что за пустяки!.. Не стыдно ли суеверничать!.. Да и разве тебе не случалось грустить перед радостью?

— Несколько раз!

— Ну вот видишь ли!.. Так чего ж бояться теперь?.. Положись на Господа Бога и не хлопочи ни о чем до поры, до времени.

За чаем оба друга были отлично веселы; при наступлении вечера они расстались, поехавши в разные дома; потом наступила ночь; потом прошла ночь, и наконец зажглось то нетерпеливо ожидаемое утро, которое в жизни нашего героя долженствовало быть самым решительным… Судьба, или, лучше сказать, заботы дружбы, сделали его самым мучительным.

Ровнехонько в десять часов, то есть когда Вольдемар только что хотел велеть подавать лошадей, чтобы отправиться в Дубровинское, дверь его комнаты разговорилась — и почтеннейший Степан Козьмич Струйский явился к нему сам своею особою.

Если не всем, так верно почти всем моим читателям случалось узнавать из печального опыта весь ужас пытки подобных невпорных посещений… Я уж и не говорю ни полслова о таких гостях, с которыми скучно во всякое время и во всяком месте; но иногда бывает и так, что несмотря на всю любовь, на все уважение к человеку, навестившему нас, мы поневоле считаем приход его истинным Божеским наказанием.

Точно то же случилось в этот раз и с Вольдемаром… Струйский был давнишний друг его отца; старый служака, почетный по званию и отличиям, уважаемый по сединам и уму, любимый по добродетели. Он во всю бытность в Москве молодого Смолянова посетил его тогда только во второй раз, и именно в этот-то второй раз ему бы и не нужно трогаться из своего дома; но он тронулся, он вошел и уселся без церемонии: делать нечего!

— Ну вот и я собрался к вам, любезный Владимир Николаевич, поздравить вас с новосельем, и нарочно пораньше, а то ведь вашей братьи и не застанешь… Я же встаю в пять часов, так у меня день начался уж давно… Однако ж не помешал ли я?

— Помилуйте!.. Если б вы знали, как для меня приятно ваше посещение…

— Ну, очень рад!.. Стало быть, вы позволите отдохнуть у вас с полчасика?

— Только с полчасика! — воскликнул Вольдемар в порыве радостной надежды; но к несчастью, слушая одни слова, почтеннейший Степан Козьмич не вслушался на этот раз в тон их выражения.

— Вам кажется этого мало?.. Пожалуй, мой милый, пожалуй!.. Я пробуду у вас часа два, три… А коли дело пойдет на устойчивость, так я пробуду и целый день… Что такое, в самом деле: время ведь наше!

У Смолянова отнялся язык; он взглянул на небо; безусловно предал себя своему року и опустился в кресла подле господина Струйского… Начались уровочные толки о том и о сем… Разговор полз, как черепаха, и верно бы Степан Козьмич не усидел слишком долго, но вдруг как-то нелегкая сила дернула Вольдемара спросить:

— А что, как поживает ваш братец моряк?

Взволнованный своим нетерпением, Поэт позабыл совершенно, что эта статья была самою живою струною его гостя… Струйский весело щелкнул по табакерке, закинул ногу на ногу, значительно подался вперед среднею частью своего тела и сказал:

— Как поживает мой брат моряк, спрашиваете вы меня?.. О!.. Надобно признаться, что он живет вовсе не по-моему… Это, сударь, такой человек, который стоит, чтобы о нем поговорить и поговорить как следует. (Напойка табаку улетела в нос…) Вот изволите видеть!.. Кг!.. Кг!.. Когда Мексика и Калифорния, или, лучше сказать, весь новый Альбион отторгся от владычества испанцев… Кг!.. Кг!..

Этим периодом открылась потеха… На беду Вольдемара, старый добряк принадлежал к числу самых говорливых людей и удивительно не любил никаких коротеньких анекдотцев. Истории — вот

что было его пищею, и если он, бывало, примется рассказывать, так расскажет все от начала и до конца, без исключений и пропусков… Поэт надеялся на милосердие небесное: терпел, слушал — и молчал.

Пробило одиннадцать!

Вольдемар стал просить своего хранителя-угодника, чтобы тот вдохнул говоруну мысль замолкнуть и уехать домой. Говорун продолжал говорить; Вольдемар продолжал терпеть, слушать — и молчать.

Пробило двенадцать!

Поэт находился в самом последнем, едва выносимом изнеможении, а громкие речи гостя сыпались все пуще и пуще, словно горох из мешка… Бедный Смолянов покушался было взывать о пощаде, робел, молчал — и слушал.

Пробило час!

Вененова, узнав, что Струйский был у Вольдемара, прислала просить к себе всех, чтобы обедать вместе. Тут только старик отклеился от стула и, пожавши руку страдальца, сказал ему:

— Так вот, сударь, как поделывались дела!.. Пойдемте-ка вместе… Я расскажу вам у Александры Андреевны еще одну очень любопытную историйку…

Но Поэт отнекался со всею возможною учтивостью, накинул на себя плащ, взял шляпу и бросился из дверей без оглядки.

Я чувствую в себе какое-то помешательство…
Это горячка… это лихорадка… не правда ли, Лаиса?..
Пора… Пора мне кончить!
Виланд

Глава L. Роковое свидание

Несчастный, которому ужас ускоряет шаги, скользит и падает…
Его берут… его режут на части…
Ювенал

«Пошел скорее!.. Слышишь ли? Понимаешь ли?» — кричал освободившийся труженик, выехав за город, своему ямщику.

Лихая тройка, запряженная в маленький фаэтончик, неслася чрезвычайно быстро… Вот Вольдемар проехал половину; вот проехал три четверти; вот остается пять верст… три… две… одна… Вот выдвинулась из-за леса Дубровинская церковь… Вот и господский дом в саду, расположенном на покатости холма… Вот и деревня…

— Стой у этого домика направо… Мне надобно умыться и стряхнуть пыль.

Вольдемар взошел в новую крестьянскую избу, попросил себе воды и стал заниматься своим туалетом.

Кто бывал в подобных обстоятельствах, тот поверит мне, что уборка его шла не очень успешно. В таких случаях обыкновенно все как-то не прилаживается: это отчего-то смялось, то отчего-то лопнуло; таким образом, эти пятые да десятые неудачи удивительно как досаждают нашему нетерпению, и чем больше горячишься — тем хуже. Наконец, когда Поэт был уже почти совершенно готов, дверь избы растворилась и молодой Буклин бросился в его объятия…

Такая неожиданная сцена верно бы тронула каждого… Это была радость глубокая, безмолвная, потрясающая всю душу; радость, которая увлаживает наши глаза сладкими слезами счастия… В это время звуки, как будто познавая бессилие свое для выражения умилительных чувств, трепетно замирают в груди; даже самая мысль, вытесненная восторгом, исчезает из области ума… Тогда для нас не существует ничего окружающего: очаровательное ощущение сердечной неги чудесно сосредоточивается во взаимных лобзаниях, в крепких беспритворных объятиях… Мы чувствуем, мы знаем только одно — только в этом одном мы уверены, что близ нас находится другое я, — все прочее невольно оставлено, невольно позабыто…

Таковы бывают иногда встречи тех добрых, пылких, чувствительных людей, которые поняли и оценили друг друга, и души которых сроднились между собою навсегда без всяких пустых обетов.

Наконец первый пыл прошел: чувства низошли до слов.

— Ты ли это?.. Тебя ли я вижу, любезный Василий? — воскликнул Вольдемар.

— Да, милый Смолянов, верь своим глазам: это я — твой прежний, всегдашний друг!

— Но какими судьбами ты здесь?.. Отчего не в Петербурге?

— Тут есть особенный случай, самый неприятный, самый горестный для меня… Я приехал сюда третьего дня, еду послезавтра.

— К чему ж такая поспешность?

— Владимир!.. Ты удивишься моему ответу, но он, к несчастию, справедлив: я пробыл бы здесь все лето, если бы не встретился с тобою.

— Неужели я какой-нибудь злобный гений, которому суждено отравлять благополучие своих ближних?

— Не сердись на меня, мой друг!.. Я говорю откровенно то, что мне нашептывает мое сердце… Эта ужасная смесь радости свидания с печальным воспоминанием о неизбежной разлуке; это разрушенное здание надежд, которое давит мою грудь своими тяжелыми обломками; эти слезы, которые ты видишь теперь, должны оправдать меня перед тобою.

— Но я не могу ни постигнуть, ни сообразить твоих слов… Что ж заставляет тебя уезжать отсюда, когда ты можешь располагать собой?

— Дружба и участие во всем, что только к тебе относится.

— Василий!.. Ты пугаешь меня своею таинственностию… Говори прямо… Добивай одним ударом… Иначе я не вынесу этих медленных мучений… Начни с того, как и зачем ты здесь?

— Приехав прошедшею осенью в отпуск в нашу деревню, я увидел, что бедная моя сестра не походила сама на себя от какой-то тайной, постоянной тоски, которая ее преследовала всюду… Тебе известно, как она меня любит, и притом же эта кроткая, добрая девушка так уверена в нашей дружбе… Она на другой же день моего приезда открылась мне, что писала к тебе в Сибирь и не получила ответа… Зная, что ты дал ей клятву; зная, что ты не способен к измене… (Все члены Вольдемара омертвели в это мгновение под холодным потом, который выступил внезапно по всему телу из его поров, расширенных судорожным движением.) Одним словом, твердо надеясь на тебя, я успокаивал ее всем, что только мог придумать, и наконец успел, хотя очень слабо, пробудить в ней жалкий, грустный оттенок ее врожденной веселости… Последствия доказали мне, как ты сам это увидишь, что добрая наша матушка молча замечала за нами и что от ее внимания не ускользнули мои родственные заботы… Через месяц я возвратился в Петербург и нынче, назад тому недели с полторы, получаю там письмо, в котором маминька просит меня приехать к ним как можно скорее, говоря, что присутствие мое необходимо… Тайна еще более ускорила мои дорожные сборы… Я полетел… Приезжаю сюда третьего дня и в тот же день вечером, будучи наедине с матушкою, узнаю от нее, что известный тебе полковник возобновляет свое сватовство и что она, зная, как я любим сестрою, вызвала меня для того, чтобы я всеми силами старался поддержать ее в случае нужды… Тут же я услышал от нашей старушки, что жених Лизы человек прекрасный и что она твердо надеется на их будущее счастие… Несмотря на то, что попечительные намерения матушки ниспровергали лучшую мою мечту: иметь тебя своим зятем, я покорился необходимости и со вчерашнего утра стал принуждать себя казаться веселым… Перед обедом объявлено было Лизе о новом письме полковника, и она…

— Она дала слово?.. Не правда ли?

— Да!.. Но что ж ей оставалось делать?.. Не могши узнать ничего о тебе, она видела перед собою только одни лишения, которые убивали матушку, привыкшую к довольству… Привязанность дочери взяла верх над безнадежною, бесцельною привязанностию к тебе…

— Итак, для меня *все кончено*!

— Но зачем ты не приехал вчера?.. Кажется, что тогда еще можно было бы переделать это; теперь послан уже ответ…

— Как!.. Ответ к полковнику?

— Да, мой друг!.. По всему видно, что какая-то особенная причина побудила маминьку к такой удивительной поспешности… В этом я уверен по одному очень странному и очень неприятному случаю… Вчера, часу в двенадцатом ночи, когда я лег уже в постель, матушка взошла в мою комнату и, взявши наперед с меня честное слово молчания относительно сестры, сказала мне: «Василий! Меня уведомили, что завтра должен приехать сюда молодой Смолянов…».

— Боже мой!.. От кого ж она могла узнать это?.. И кто изменил моей тайне?

— Я тоже был изумлен этою нечаянностью… Я выспрашивал так же, как и ты, — и не разведал ничего… Тогда она стала продолжать: «Тебе известно, в каком ужасном положении находится наше имение… Надобно подумать о будущем… Благодаря твоим заботам, глубокая горесть Лизы переменилась в тихую задумчивость; она бывает даже весела… Я воспользовалась этим для ее собственного счастия и успела получить от нее согласие на замужество с полковником… Ты должен быть уверен, что я готова бы пожертвовать всем для вашего благополучия и что я наперед хорошо узнала о женихе, чтобы решиться вверить ему участь своей дочери. Он будет прекрасным мужем… Теперь, когда главное уже сделано, благоразумие требует принять самые деятельные меры, чтобы Лизанька не могла быть уведомлена завтра о посещении Смолянова… Я сделала большую половину; тебе надобно взять на себя остальное… «Но, матушка, — воскликнул я, — разве вы не знаете, как сестра моя любит моего друга и как он со своей стороны заслуживает этого?.. К чему же мешать их соединению?».

— И что ж она отвечала тебе?

— Твой друг переменился, — сказала она, — он сделал самый неблагородный поступок, и я не могу принять его в свое семейство.

— Как!.. Я сделал неблагородный поступок?.. Праведное небо!.. Неужели клевета будет преследовать меня до самой смерти?.. Кому и что я такое сделал?.. Кто этот злодей, который так ужасно тиранит меня?.. И Анна Ивановна могла поверить?.. Бог с нею!.. И ты тоже?

— Напротив, мой милый друг! Не будь так скор и несправедлив!.. Я защищал тебя сколько мог до тех пор, пока матушка не сказала мне, что она получила это дурное о тебе уведомление от человека, который известен ей за самого редкого по своим добродетелям... Тут я должен был замолчать поневоле.

— Это непостижимо для меня!.. Но договаривай!

— Наконец маминька прибавила: «Неужели ты можешь думать, что я желаю зла своим детям?.. Припомни мои слова... Посмотри: Лиза будет счастлива... Однако же, чтобы не нарушить ее нынешнего спокойствия, ей ни под каким видом не должно знать о приезде Смолянова... После его поступка, к чему послужат эти сцены?.. И потому завтра тебе необходимо быть настороже... Чуть только он покажется в нашей деревне, пойди к нему и скажи от меня...».

— Не бойся!.. Высказывай все!.. Может ли быть что-нибудь ужаснее того, что я слышал? Говори же... не бойся!

— Она приказала сказать тебе, чтобы ты... Боже мой!.. Какой убийственный долг!.. Чтобы ты не входил никогда в наш дом и не нарушал в нем семейственного спокойствия.

— Нет! Это гораздо более, нежели я мог ожидать!.. И она сказала это?.. И от тебя я должен это выслушать?

— Милый Вольдемар!.. Не отталкивай меня от своей груди! Бог свидетель, что я верю твоей честности, твоему благородству! Он видит мои теперешние мучения; сердце мое обливается кровью; но воля матери для меня закон... Успокой же меня! Скажи мне, что ты на меня не сердишься; что в твоих воспоминаниях я останусь прежним твоим другом!

Бледный, как полотно, неподвижный, как истукан, стоял Смолянов и, казалось, ничего не видел и не слышал... Какое-то страшное спокойствие разлилось по его лицу; блеклый туск подернул его глаза; одни только обесцветившиеся уста трепетали невольно от прерывистого дыхания.

— Владимир!.. Друг мой!.. Выговори хотя одно слово!.. Уверь меня, что ты жив! — восклицал Буклин, сжимая его в своих объятиях...

Наконец бедный страдалец как будто опомнился немного и сказал довольно твердым голосом:

— Пусть Всевышний простит моим врагам: для меня теперь *все кончено*!

— Но ты не хочешь сказать ничего для утешения дружбы?

— Будь спокоен, любезный Василий!.. Вижу твою непритворную привязанность, и, несмотря на свое положение, я дорого ценю ее... Повторяю тебе еще раз: будь спокоен!.. Если для меня кончено все, то и самые страдания не будут уже обременять твоего друга... Не плачь! Бери с меня пример!.. Слезы не отвратят несчастия, которое уже сбылось... Видишь ли, с какою твердостию переношу я этот громовый удар, который разразился надо мною?

— Признаюсь тебе, милый Вольдемар, что эта твердость, это могильное твое равнодушие пугают меня гораздо более, нежели могло бы испугать шумное отчаяние... Скажи мне, неужели ты решишься на...

— Тсс!.. Не выговаривай этого ужасного слова, которое я предугадываю... Не подталкивай меня в бездну своею собственной рукой... Не заглядывай в будущее: оно страшно и гибельно!

— Ах, Смолянов!.. Умоляю тебя, дай мне слово...

— Не говори мне об этом... не говори мне ничего, если только ты меня любишь... Не ускоряй своими противоречиями этой бедственной, роковой минуты!

— И ты можешь решиться?..

— Молчи!.. Ради бога, молчи!.. Скажу тебе откровенно, что с этого мгновения я отдаюсь безусловно во власть какого-то непостижимого духа, который теперь овладел мною.

— А если этот пагубный руководитель увлечет тебя к погибели?

— Тогда... Но кто проникал за таинственный рубеж?

— Владимир! Вспомни о жизни за гробом!

— О!.. Не напоминай мне об ней!.. Ужасающим призраком восстает она передо мною... Не напоминай же мне об ней!.. Дай мне забыться на несколько мгновений!

— Не для того ли, чтобы опамятоваться в огне наказания?

— А зачем же злодеи отняли у меня все... все... даже честь?.. И кто даст мне силы, чтобы вынести бедствие?

— Итак, ты непоколебим!.. Но я спасу тебя против твоей воли...

— Куда ты?.. Постой, постой на минуту!

— Я иду к матушке... я расскажу ей все...

— Ни с места!.. Я даю тебе слово... я останусь жив! — закричал Вольдемар, схвативши в иступлении руки Буклина.

— И ты не изменишь самому себе?

— Нет!.. Прощай же навеки! Для меня невыносимо это убийственное положение!

— Прощай, милый Вольдемар! Покорись своей судьбе!.. А я… я завтра же, сегодня же еду в Петербург… Теперь присутствие мое может быть даже пагубно… Сестра верно заметит мою горесть, станет спрашивать — и тогда я не ручаюсь за последствия… Прощай же, Владимир! Помни свое слово!

Молча обнялись два молодых друга… Горесть обоих как будто замерла на минуту… Казалось, что какая-то гробовая бесчувственность оледенила их… Но вдруг слезы хлынули; задушающие рыдания смешалися в глухой гул; объятия скрепли еще более… Наконец Вольдемар вырвался от своего друга и стал говорить ему:

— Скажи своей матери… Нет! Не говори ей ничего!.. Не говори даже, что я прав!.. Иначе она будет считать себя виноватою… Прощай!.. Бог да благословит Лизу и вас!

Они обнялись еще — и через минуту одна только густая пыль вилася непроницаемым столбом по излучинам дороги, медленно отдаляясь от деревни.

Должно ли мне стыдиться своих слез
и можно ли печаль мою назвать чрезмерною,
когда я потерял такого друга.
Гораций

Глава LI. Душевное падение

Если хотят сохранить свет лампады,
то надобно подливать в нее масла.
Анаксагор

Только на половине возвратного пути бедный наш страдалец получил снова употребление мыслительной силы; но и в это время душа его представляла какой-то мрачный хаос идей без цели, без последовательности, без результатов… Темный омут неизвестности разверзался перед ним и поглощал все его догадки, все предположения.

Как ни был он простодушен и доверчив на слово иных бездельников, с которыми связывала его судьба, однако ж сперва в нем невольно возбудилось подозрение на Василья Петровича, ибо только Бельский и Варинька Лажина знали о его намерении ехать в село Дубровинское. О подруге Лизы нельзя было даже сметь и подумать; но впрочем и первый был его давнишним другом, испытанным и верным, да и кроме того Буклина говорила о человеке хорошо ей известном, а она не знала Бельского… «Нет! Это не он!.. Тут должно крыться что-нибудь ужасное!».

Между тем гибельный, адский совет злого духа уже глубоко заронился в его сжатое, убитое сердце. Едкая ржавчина отчаяния и неисцелимой горести подточила упругие пружины рассудка, которые бы без того отталкивали все преступное… Все способности души, все эти сложные части его духовной машины, эти шестерни нравственного бытия и нравственной деятельности — все они или вовсе рухнули на своих осях, или от сильного потрясения и расстройства действовали совершенно против назначения — и мысль греха росла и развивалась в нем беспрепятственно.

Время от времени, и все слабее и слабее, приходили ему на память слова: «Я останусь жив», которые он сказал Буклину; но что значит это обещание, вырванное почти насильно, когда бедствие давит нас всею тяготою своей?.. Когда мы не имеем места, где бы преклонить свою голову для нескольких минут оживительного успокоения?.. Что значит оно, когда пиршество надежд кончено, когда эти светочи счастия погашены навсегда?.. Когда сердце пережило само себя?.. И что значит тогда для нас все на свете, когда мы отчуждаемся ото всего света?.. Суждение толпы? — Мы его не услышим!

«Но одно воспоминание о последствиях… одна здравая мысль о жизни в бесконечности?..» — говорите вы.

Человек лежал на розах в объятиях своего друга; к нему шла его ненаглядная невеста; она простирала к нему свои лилейные руки; она говорила ему сладкие слова любви; от земли до лазури — все дышало для него весною блаженства; воздух был упитан наслаждениями… вдруг неведомая, злодейская сила столкнула его в пропасть… он летит… летит глубоко… он упал… Израненные и раздробленные члены его лежат на чем-то колючем и жгущем… Над ним ночь… беспробудная, вечная ночь!.. Вдали слышен безучастный говор толпы… Иные равнодушно заглядывают в бездну… и… безумные!.. тешатся падением ближнего!.. Несчастливец не видит ничего; но он сохранил в себе два горьких чувства: воспоминание о невозвратных потерях и ощущение настоящего, ужасного, беспомощного бедствия… Ни один луч надежды не прорежется к нему сквозь эту удушающую тьму — и вы требуете от него здравой мысли!..

Глухие и уныло дребезжащие звуки колоколов Спасской башни печально замерли в воздухе, проиграв свои монотонные карильоны… Пробило две четверти одиннадцатого, и в ту самую минуту,

когда уничтожился последний их отголосок, Вольдемар медленно подъехал на измученных лошадях к воротам своей квартиры.

Сильный порывистый ветер давно уже то наносил, то прогонял или раздирал огромные черные тучи… Неутомимая городская деятельность почти стихла…

Расплатившись со своим ямщиком, Вольдемар позвенел в калитку привратника и, покуда уснувший старик пробудился, встал и успел отпереть ему, — дождь хлынул ливнем, гром разразился в оглушительных перекатах.

Перескочивши проворно через высокую подворотню, он бросился бежать опрометью во всю длину двора, чтобы скорее достигнуть главного здания, где были его комнаты; он уже подбежал к парадному крыльцу; он уже схватился за ручку двери; еще одно мгновение, и он безопасен; но вдруг большая цепная собака сорвалась со своей приковки, налетела на него, как молния, и прежде, нежели он вскочил в сени, озлобленное животное прокусило ему ногу.

Захлопнув за собою дверь и не чувствуя сгоряча никакой боли, Вольдемар быстро взлетел по лестнице, потерявши на ней и плащ и шляпу… Едва живой, от какого-то неведомого страха, он вбежал в свою комнату в ужасающем беспорядке и почти без чувств упал на постелю… Кровь текла из раны.

Через минуту на шум от его прихода явился к нему Бельский со свечою в руках и затрясся всеми членами, когда взглянул на бледное, безжизненное лицо своего товарища, искаженное страданием, и когда увидел свежую кровь, которая, скользя с одеяла, стучала в пол крупными своими каплями.

Кликнув человека, он подошел вместе с ним к кровати и все еще не знал, что ему делать… В эту минуту Смолянов открыл глаза, посмотрел на него каким-то болезненным тусклым взором, приподнялся и сел, облокотясь на подушки.

Это последнее движение развязало язык у Василья Петровича.

— Ради бога, говори мне скорее, что с тобою сделалось?.. Говори, откуда течет эта кровь? — закричал он.

— Ах, Бельский!.. Я едва жив! Ты не поверишь, как испугала меня эта проклятая наша собака, которая сорвалась с цепи и прокусила мне ногу.

— Боже мой!.. Да показывай же мне проворнее свою рану: ведь ее надобно и обмыть, и перевязать… Не послать ли за доктором?

— Нет! Нет!.. Делай сам что хочешь, только, пожалуйста, не зови никого!

Когда началась перевязка, тогда в голову Вольдемара пришла новая мысль — мысль нелепая, безрассудная; но которая вместе с другими еще более усиливала его душевное расстройство, еще более ускоряла решительное, конечное падение.

«Пусть люди, — думал он, — пусть люди восстают против меня; пусть они гонят мою беззащитность и ненасытностью злобы и адскою клеветою; пусть они стараются погасить во мне своею желчью все, чем живет мое сердце… Но и эта собака, которую я кормил каждый день, которая еще сегодня поутру виляла мне своим хвостом, и она не узнала меня… и она как будто захотела иметь ровную долю с людьми в дележе моей крови… Нет!.. Я лишний член на земле!.. Мне должно избавить своих ближних от самого себя: мой вид нарушает их спокойствие… А эти громы?.. Боже мой! Для меня *все кончено*!».

Так многие из нас, не вынося какого-нибудь тяжелого опыта, упадают духом и добровольно взваливают на себя изнурительное иго воображаемых бедствий, которое гораздо ужаснее, невыносимее бедствий существенных, потому что они служат верным доказательством душевной слабости.

Человек твердый смотрит на совершившееся зло, как на рану, которая была неизбежна в борьбе с судьбою: он напрягает все силы ума, чтобы из настоящего своего положения, изо всего, что его окружает, извлечь для себя спасительные средства. Он только затверживает этот урок для будущего… Слабый бросается совершенно в противную сторону… Не заботясь о своем исцелении, он несвоевременно и гибельно погружается в смутный анализ минувшего и, осуждая собственные свои действия, тиранит самого себя бесполезными восклицаниями: «О! Если бы я сделал *то*!.. Если бы я сделал *это*!.. Тогда бы верно не случилось со мною *того-то*…». Этот яд бесплодного раскаяния растравляет его глубокую язву: она нардевает, делается злокачественною, смертельною… Изнуренный страдалец чувствует это ужасное действие новой своей ошибки: мучительные боли его увеличиваются, силы к перенесению их уменьшаются, и тогда, обманывая самого себя, он начинает видеть в каждом своего врага… Это воображаемое, беспомощное одиночество, эта ложная уверенность во всеобщей злобе, эта пагубная, включительная подозрительность (которая во всяком случае есть порок, наказывающий нас сам собою), наконец, эта постыдная мысль, что мы не в состоянии перенесть или поправить зло, довершает его полноту… Человек гибнет безвозвратно!

Верх несчастия есть бессилие перенести его.
Мудрец Биас

Глава LII. Все кончено!

Час приближается… Я слышу крик того, который зовет меня…
Тайный голос… Но зачем еще медлить?.. Прощай, Аристипп!..
Лаиса!.. Музарьена!.. Прощайте!.. Позабудьте меня!..
Виланд

Когда перевязка укушенной ноги кончилась и два друга остались наедине, тогда Бельский спросил Вольдемара:

— Ну, милый друг, как ты себя чувствуешь теперь?

— Очень хорошо, благодаря твоим стараниям.

— И! Полно пожалуйста!.. Клянусь тебе Господом Богом и всеми святыми, я бы согласился с радостию, чтоб эта скверная собака, которую я убью завтра же, вместо тебя укусила бы меня.

— Спасибо! — отвечал Смолянов, пожимая руку своего товарища. — Только сделай милость, не исполняй своей угрозы… Чем виновато это бедное животное, что глупый привратник приколотил ее цепь ржавым гвоздем?

— Как чем?.. Помилуй!.. Да как же она, каналья, не узнала тебя?.. Ты же еще и кормишь ее всякий день.

— Э, Вася!.. Брось это! Должно ли, братец, спрашивать с собаки, когда люди кусаются гораздо больнее, и, почему знать, может быть, люди самые близкие; те, которым открыто все, что только есть у нас на сердце; те, с которыми у нас все общее… Это укушение гораздо глубже, гораздо побольнее… Не правда ли?

— Ох, Владимир! И не говори лучше!.. Это ужасно!.. И как пришло тебе в голову выдумывать такие страсти?

— То-то и худо, к несчастию, что я не выдумываю… Со мною сыграл кто-то самую адскую, самую злодейскую штуку: дай только Бог, чтобы она не отозвалась никогда этому бессовестному человеку, иначе ему будет очень тяжело.

— Ах, Боже мой!.. Да не пугай меня Христа ради… Неужели и в самом деле с тобою случилось что-нибудь дурное?

— И будто ты ничего не знаешь?

— Как Бог свят — ничего!.. Провались я сквозь землю и да разразит меня гром небесный!.. Пусть проклятие Всемогущего…

— Верю!.. Верю!.. — кричал Вольдемар, заткнув уши, пока Бельский говорил скороговоркой свои обыкновенные клятвы.

— Ну, вот это большая разница, а то сейчас и на меня!.. Как будто я могу знать, что делается везде… Однако ж, скажи-ка, в чем же дело и что за штуку сыграли с тобою?

— Что за штуку?.. Меня не приняли у Буклиных… и как не приняли!.. Как человека, который сделал какой-то подлый поступок; как человека, который одним своим появлением может нарушить семейственное спокойствие!.. Понимаешь ли ты это?.. Видишь ли ты эту сатанинскую силу удара, который одним размахом лишил меня не только счастия, не только всех надежд на него, но даже и доброго имени?.. И в чьих глазах?.. Где я больше всего на свете дорожил хорошим мнением!.. Можешь ли ты постигнуть, что значит оставаться безо всего — безо всего, что нас радовало; безо всего, чем мы гордились?.. Можешь ли ты представить себе положение человека, которому суждено получать за любовь — презрение, за благородные правила — обидные подозрения в лицемерии и презрении, и потом, когда он не вынесет этих ужасных бедствий, когда он изнеможет от горести, тогда ему должно будет видеть наконец презрение тех, которые его погубили?.. Слышишь ли ты? Везде, от всех одно убийственное презрение!

— Ах, царь ты мой небесный!.. Какое бесчеловечное злодейство!.. Но не принимаешь ли ты этого уже чересчур близко к сердцу?.. Мало ли что иногда нам кажется?.. Нельзя ли еще как-нибудь поправить твоих обстоятельств?

— Нет!.. Невозможно!.. Удар сделан слишком верно!

— По крайней мере нельзя ли изобличить бездельника, который наделал все эти пакости?

— И этого невозможно!.. Говорю тебе, что тайный враг мой предусмотрел и расчел все… Не любя притворствовать, я скажу тебе откровенно, что сначала подозрение мое пало на тебя.

— Можно ли огорчать таким образом человека, который всегда готов пожертвовать для тебя своею жизнию… Неужели и по сию пору ты не уверен еще в моей дружбе?.. И что мне за надобность мешать твоему счастию?.. Бог с тобою, Владимир!

Тут Бельский начал отирать слезы, и Смолянов бросился обнимать его.

— Прости своему другу это минутное заблуждение!.. Мое несчастие извиняет меня перед тобою!.. И как мне было не подумать, когда только ты один и еще одна особа знали о моем намерении ехать в Дубровинское? Неизвестное лицо никак не могло изменить мне, остался ты — и в минуту жестокой горести я сделался невольно виноватым против тебя… Но когда Буклин сказал мне, что

мать получила уведомление от человека ей известного, тогда я тотчас же снял с тебя это гнусное пятно… Извини же меня, мой добрый друг!

— Уж этого не воротишь, только не обижай меня так жестоко в другой раз… Но что же потом?

— Потом я совершенно сбился в своих догадках и по сие время никак не могу напасть на затерянный след… Впрочем, для меня теперь ничего не нужно… Какая будет мне польза, если я узнаю своего злодея?

— Тогда, по крайней мере, ты можешь оправдаться перед Буклиными…

— Да! Это правда!.. Но Лиза дала уже слово другому, и я должен оставаться человеком без чести, чтобы в самом деле не нарушить ее спокойствия… Ах, Боже мой!.. Какое ужасное положение!.. Прощай, Василий Петрович!.. Мне хочется побыть одному… мне что-то тяжело.

— Прощай, мой друг!.. Успокойся, сделай милость!.. Побереги себя для своих родных и для меня.

— Хорошо! Хорошо!.. Я постараюсь себя успокоить.

Бельский обнял его… Они расстались… Пробило одиннадцать… Буря делалась сильнее…

Притворивши дверь своей комнаты, Вольдемар подошел на цыпочках к чемодану, достал из него свои дорожные пистолеты, взял их и вздрогнул, как преступник, пойманный неожиданно на месте своего злодейства…

В первые минуты этого судорожного потрясения орудия смерти невольно выпали из его рук; но ложная мысль его проникнула с пагубным предупреждением в печальную будущность до гроба, расстроенное воображение представило ему картину грядущего — она была ужасна!.. С твердостию, с решительностию отчаяния поднял он пистолеты; еще раз мысленно огляделся около себя: ему показалось, что вокруг его нет ни одной слабой, ни одной нежной нити, которая бы связывала его с обществом, — и пуля, скатясь по короткому дулу, прошептала первый глагол приближающейся смерти… Глыба льда упала на его сердце!..

Он сел в кресла за письменный столик и положил перед собою символ разрыва с жизнию, как напоминание о бедственных, незаменимых потерях, как единственный успокоитель невыносимых страданий… В нем, в этом орудии, изобретенном людьми, в нескольких зернах пороха заключался внятный для одного и неслышный для других ответ на важный вопрос, на великую теорему жизни духа… Это был таинственный, последний праг между явленным и невидимым, между временным и вечным, между условным и безусловным, между существенными мучениями — и *неизвестным*!

Вольдемар занялся письмами.

Он уведомлял отца, что будто бы, нашедши случай ехать в чужие края, хочет им воспользоваться… Он просил у него благословения и обещался писать из Петербурга.

К Буклину было написано следующее:

«Милый Василий!

Когда ты получишь эти строки, тогда твой несчастный друг не будет уже существовать на свете… Не обвиняй меня слишком строго за нарушение данного тебе слова… Расставшись с тобою, я увидел, что это гораздо выше моих сил… Знаю, как ты меня любишь, и потому прошу тебя: постарайся забыть *отверженного*; пусть память о моей погибели не нарушает ясного спокойствия твоей чистой и кроткой души… Употреби все силы, чтобы твоя матушка и *она* не узнали о том, как я умер… Это последняя моя просьба… Будь счастлив… Прощай!.. Я не смею… я не должен… Я не могу сказать тебе: *до неземного свидания*!».

К Бельскому он писал более о самых необходимых распоряжениях, но в конце своей записки благодарил его за постоянную верную дружбу и так же, как и Буклина, умолял скрыть обо всем, или если это будет невозможно, то приписать настоящий бедственный случай припадку сумасшествия от укушения бешеной собаки.

Пробило три четверти двенадцатого…

Запечатав и надписав пакеты, Вольдемар снял со стены небольшой образ, которым благословил его отец, поставил его на стол, преклонил пред ним свои колена и начал молиться одними устами.

Сначала душа не брала никакого участия в этом условном лепете: затверженные памятью слова произносились, исчезали одно за другим и как будто скользили по какой-то таинственной, льдистой оболочке чувств; но потом, мало-помалу, они стали вызывать из души теплоту глубоких, христианских мыслей, как с приближением руки вызываются искры из наэлектризованного кондуктора… Сердце начинало согреваться и оттаивать… Какой-то дивный, спасительный удар, как будто удар вольтова столба, потряс страшное, могильное спокойствие, порожденное отчаянием… Грудь поднялась высоко… Внутреннее, жестокое волнение прихлынуло к горлу чем-то тяжелым… и обхватило его… и страдалец задыхался болезненно…

Слезы, эти примирительницы нашей возмутившейся, безрассудной слабости с испытаниями судеб, эти посредницы между бедствием и успокоением, готовы уже были брызнуть горячими ручьями… еще одна минута — и спасение его было бы несомненно; но Вольдемар услышал шорох, оглянулся и увидел своего товарища, который подкрадывался к нему, чтобы завладеть пагубным орудием.

Эта нечаянность решила участь Поэта…

Новое, ужасное помешательство овладело его умом, бешенство овладело душою: жребий погибели был выбран в одно мгновение…

Исступленный, он подскочил к столу… схватил пистолет… притворным движением угрозы отодвинул от себя своего товарища к самым дверям… потом быстро оборотил дуло… курок щелкнул… дух смерти произнес последний, громкий глагол — и пуля, выкупавшаяся в крови, глубоко впилася в стену…

Все кончено!..

Загадка разгадана!.. Буря стихла!.. Колокола Спасской башни провозгласили медлительно уныло-мрачный час духов и привидений!..

Гробница есть памятник,
воздвигнутый на рубеже двух миров.
Барнарден де Сен-Пьер

Глава LIII. Почтовая станция

Приветствую тебя, бессмертный человек!..
Тот богохульствует, кто называет тебя смертным.
Юнг

Ноябрьский мороз трещал… День брезжил и разгорался… Пыльная изморозь начинала вспыхивать блестящими искорками разноцветных каменьев… Кое-где легкие, прозрачные, прямые столбы дыма взвивалися к небу и были знаками пробуждающейся деятельности… Маленькие крестьянские избы небольшой деревеньки засветлелись внутри от широкого пламени растопившихся печей… Там стукнут ворота… В другом месте щелкнет дверь… В третьем раздастся невнятный говор людей проходящих с обозом… Стали поить лошадей… Стали выдвигать из-под навесов розвальни, заваленные товарами… Широкие полозы скрипели по затвердевшему снегу… Лошади ржали… Полусонные мужики показались на улицах… Гул увеличивался… Наконец послышалась трескучая, рассыпная и звонкая перекличка баб со своими соседками…

Ни одна живая душа не осталась спящею… Утро настало решительно!..

Но тишина не нарушалась еще в доме станционного смотрителя… Там в двух небольших комнатках расположились какие-то приезжие.

В одной из них, которая была поменьше, спали двое мужчин; в другой помещались две дамы… Окна обеих комнат были завешены пришпиленными наскоро женскими платками… Множество уютных чемоданов и шкатулок, множество громоздких ящиков и узлов стояло и лежало по разным углам…

Два больших, покойных экипажа, принадлежащие этим временным жильцам почтовой станции, были заперты в большую завозню… Все показывало, что они едут издалека и что какая-нибудь важная причина заставила их расположиться в этом месте и терпеть дорожные неудобства.

Подле кровати молодого из мужчин сидела какая-то хорошенькая женщина: она дремала, скрестивши свои руки на спинке стула и положивши на них свою голову… Время от времени взглядывала она с участием на спящего; но все ее движения были так осторожны, что от них не слышалось ни малейшего шороха… Наконец заметив, что тот, за которым она ухаживала так старательно, открыл глаза, она сказала почти шепотом:

— Спите, сударь; еще очень рано…

— Рано?.. — отвечал проснувшийся довольно слабым голосом. — А зачем же ты сама здесь?

— Я, сударь?.. Да для меня-то что уж за рано?.. Я давным-давно выспалась.

— Ах, Соничка!.. Ты совсем не бережешь себя!

— Что вы, сударь?.. Да как же мне еще беречься?.. Разве вы не видите, что я здоровехонька?

— То-то и есть, что не вижу… Ведь тебя не узнает и твой муж, так ты похудела в эти четыре месяца, которые ты проходила за мною… Конечно, к тебе идет и эта бледность, потому что такой милочке, как ты, — все хорошо.

— А, сударь! Вы изволите шутить! Ну, слава Богу!.. Стало быть вам гораздо полегче… Это еще в первый раз во все четыре месяца.

— Да, Соничка!.. Я почти выздоровел совсем от вчерашней радости. Однако ж я все-таки буду говорить всегда и всем, что без тебя мне бы не выжить.

— Опять, сударь, за старое!.. А как я вас просила, чтоб вы не изволили взводить на меня напраслины.

— Ну, хорошо! Хорошо!.. Я не буду говорить, только ты уж не запретишь же мне чувствовать.

— Как вам угодно!.. Притом же, — прибавила она, потупляя глаза, — чем мне заслужить мою вину перед вами?

— Соничка!.. Я рассержусь на тебя без шуток, если ты скажешь мне еще об этом хоть одно слово… Говорю тебе в последний раз, что твои напоминания растревоживают меня. Неужели ты хочешь, чтоб я занемог по-прежнему?

— Виновата, сударь! Простите меня, сделайте милость… Я больше и не заикнусь.

— Вот что умно, так умно!

— Не пора ли вам принять ваше лекарство?

— Который час?

— Три четверти седьмого.

— Постой-ка! Постой, Соничка!.. Точно! Наши дамы проснулись… Ступай же туда: ты верно будешь там понужнее, а ко мне пошли Алешку.

Молодой человек, который говорил это, точно не обманулся насчет дам. Вскоре после того пробудился и старик, который спал с ним в одной комнате.

— Ню, Владимир-та Николаевич, — сказал последний, протирая себе глаза, — как вы-та себя-та шуствуете сегодня?

— Гораздо лучше! Несравненно лучше, почтеннейший Карл Карлович! — отвечал Глюкману молодой Смолянов. — Мне кажется, что я совершенно здоров.

— Это будет больно-та скоро. Погодите-та немножко, — продолжал Глюкман, надевая халат и подходя к постели Вольдемара… — Нуте-ка, одолжите ваша-та рука… Gut! Sehr gut!.. То есть: прекрасната! А ваш-та язык?.. Шиста!.. Только потеплее-та одевайтесь-та пожалуйста, когда будете вставать-та.

— Как-то вы провели ночь?

— Я спал, как симой-та настоящие медведи… Эче!.. И наши барыни проснулись-та… Любофь Николяевна!.. Как это вы-та себя изволите шувствовать?

— Чрезвычайно хорошо!.. Покорно вас благодарю за участие! — отвечала Любинька.

— Ну, я ошень-та рад!.. А вы-та как поживаете, моя миленькая половинка?

— Я теперь совсем отдохнула с дороги, — сказала пятидесятипятилетняя миленькая половинка почтеннейшего Карла Карловича.

— Стало быть все-та обстоит благополучно-та?.. Теперь хорошо бы стаканшик кофе и для духа немножечко-та капелек ромку.

— Милости просим через четверть часа! — отвечала Любинька — и убиранье началось производиться деятельно в обеих комнатах.

В самом деле, минут через двадцать самовар кипел уже на столе, кофе был готов и четверо дорожных людей сидели вместе и завтракали — Глюкман, налив полстакана своего любимого немецкого взвара, долил остальное ромом для духа и, потягивая этот целебный состав, принялся расспрашивать Вольдемара, каким образом напали на него разбойники.

Смолянов, по предварительному соглашению с сестрой, лгал напропалую… Ахам, гер Иезусам, охам и меин Готам не было конца.

— А на сколько вы потерпели убытка? — прибавила наконец госпожа Глюкман, для которой житейское достояние было самым важнейшим пунктом.

Вольдемар отлил еще одну пулю и вслед за тем старался переменить разговор… Карл Карлович навел его на своих бывших пациентов.

Говоря со всею отчетливостию, каким образом он лечил старика Смолянова и потом старика Сашина, он обвинял их в нестрогом исполнении его медицинских предписаний и был точно прав… Все искусство его осталось безуспешным, и оба эти больные умерли один за другим на его руках.

— Однако ж, любезнейший Владимир Николаевич, — сказала напоследок докторша, — вы-таки должны благодарить вашего дядюшку за его память о вас: ведь он одним вам оставил все, что имел, а капитал-то, право, хоть куда!.. Пятьдесят тысяч рубликов не подымешь на улице.

— По всему видно, что покойник хотел вознаградить меня за мои потери; но можно ли это сделать деньгами… Впрочем, я никогда не восставал против него своим сердцем: все, что он ни делал, он делал, стараясь о моей пользе.

— Что ж это?.. Верно какой-нибудь неудачный оборот?.. Только, кажется, старик-то был очень расчетлив.

— И все-таки ошибся!.. Вы отгадали, что он дал самый неудачный оборот одному делу; но повторю еще раз: я знал причину его поступков и несчастие не мешало мне любить и уважать дядюшку. Теперь я благословляю его память.

Тут Любинька, по просьбе брата, пересказала ему сквозь слезы все подробности о смерти их отца и как она, сделавшись сиротою, стала горевать еще более, когда в начале августа Бельский возвратился один и уведомил ее, что, побуждаемый службою, он должен был оставить на дороге больного брата ее за три станции от Нижнего Новгорода, откуда прислал он ему лекаря.

— Я бы полетела к тебе тогда же, — говорила она, — но как пуститься одной в такую даль?.. Добрая моя спутница Катерина Ивановна сбиралась выехать из Сибири не раньше, как по первому зимнему пути, потому что Карл Карлович мог только в октябре получить увольнение… Долго я тосковала ужасно; наконец твое коротенькое письмецо, в котором ты написал мне, что за тобой ухаживает эта миленькая Соничка, очень много успокоило меня.

Соничка покраснела и вышла.

— Да! — сказал Вольдемар. — Вы себе не можете представить, как много сделала для меня эта женщина!.. Дня через три после того, как *искреннейший друг* мой Бельский бросил меня в этой избе почти на верную смерть, в ту самую минуту, когда приехавший ко мне нижегородский уездный лекарь стал осматривать мой бок, она вбежала в мою комнату, вскрикнула и бросилась на колена перед кроватью… Не умею передать вам всего, что она говорила; впрочем, все ее слова состояли по большей части из одних восклицаний и просьб, которые относились к врачу, чтобы он постарался спасти меня… Надобно было видеть ее радость, когда она узнала, что я нахожусь вне всякой опасности… Медик, которому нельзя было навещать меня часто, надавал мне множество разных лекарств, и Соничка спросила у него раза четыре, как, что и когда употреблять… Оставшись со мною наедине, эта новая хожалая моя рассказала мне, что она давно отпущена на волю моею двоюродною сестрою; что она вышла замуж за московского мещанина, который по своим делам ехал тогда с нею в Москву; но что она никак не оставит меня до тех пор, пока я не выздоровлю совершенно. С тех пор прошло около пяти месяцев, и Соничка точно не отходила от меня почти ни на минуту… Добрый муж этой женщины согласился на ее желание, а сам уехал на другой же день: бедняк-то, я думаю, ждет не дождется своей молодой жены. Не знавши меня прежде, он теперь во всяком письме наведывается очень усердно о моем здоровье.

В подобных расспросах и рассказах прошло целое утро… За обедом Вольдемар, чувствуя, что ему в самом деле стало гораздо лучше, разумеется, не столько от лекарств господина Глюкмана, сколько от того, что увидел свою сестру и, следственно, нашел человека, с которым мог быть вполне откровенным, спросил у своего доктора, когда он ему позволит выехать из этого захолустья… Глюкман советовал Поэту прожить тут еще две или три недельки и потом ехать, укутываясь как можно теплее, а сам сбирался в дорогу в тот же день.

— Пробывши-та с вами целые-та сутки, — прибавил он, — я увидел, что грусть-та и скука больше-та причиняли вам-та болезни, чем ваша-та рана; теперь с вашей сестрицей-та совсем другое-та деле: вам бояться не надобно, а мы-та, с моя любезная Катинька, по нашему по предназначению отправляемся.

Сказав этот длинный период, он поразил одним глотком огромную рюмку ликера, вероятно, для поддержания своей-та немецкой-та важности. Потом, заметя, что положение его больного точно несравненно лучше, нежели он ожидал, судя заочно по словам Любиньки, Глюкман увидел, что ему нечего тут делать и потому приказал укладываться… Перед отъездом он приготовил для Вольдемара несколько лекарств, надавал пропасть наставлений — и в сумерки старые знакомые расстались.

Молчание для человека простодушного, привыкшего делиться с каждым своими чувствами и мыслями, то же, что тюрьма для кочевого жителя степей; и если последний, вырвавшись из заключения, с диким восторгом пожирает всю необозримость пространства, как будто желая разлиться в нем вдруг на все четыре стороны, то и первому чрезвычайно радостно увидеть кого-нибудь из своих близких, чтобы открыть ему все, затаившееся у него на сердце.

Вольдемар, оставшись наедине с сестрою, не мог на нее наглядеться… «Вот та, — думал он, — которая облегчит мои страдания!.. И зачем не доверял я ей прежде?.. Но, впрочем, к чему послужила бы эта откровенность?.. Могла ли сестра моя отвратить от меня что-нибудь, ошибаясь одинаково со мною насчет людей, которые нас окружали?.. Чувство этой тяжелой невозможности только бы увеличило ее собственную горесть, а теперь… теперь мы поплачем вместе; теперь я вздохну свободнее: чистота ее души рассеет мое уныние своим оживляющим светом!.. Но с чего начать?.. Ах, как трудно сознаваться в своих заблуждениях!».

Разговоры, полные взаимной, безусловной откровенности, очень редко начинаются вдруг, с первого слова, особливо если один из говорящих должен обличать перед другими самого себя… Надобно разговориться, увлечься духом дружбы, и тогда тайник, в котором хранятся наши заветные мысли, наши великодушные самоосуждения (если только мы не столько мелочны, чтобы всегда оправдывать себя и обвинять других), тогда этот глубокий тайник нечувствительно откроется сам собою; тогда мы без всякого усилия выскажем все, чего бы никак не сказали в другое время, в случае строгих уличений или привязчивой допытливости.

Замечу между прочим, что самовольное и открытое сознание мыслящего человека в своих слабостях, ошибках и тем более пороках тогда только бывает совершенно чистосердечно, когда он может своими намеками указать в себе на что-нибудь *доброе*, которое затеняло бы собою почти все *худое*… Короче и яснее, надобно сперва отстранить себя от какого-нибудь заблуждения, чтобы беспритворно осуждать его в собственных былых поступках и безукоризненно в других… Без этого отрадного подспорья трудно решиться выставить напоказ свои дурные стороны, и притом, чем же мы будем тогда в глазах каждого? Людьми жалкими, которые видят зло и неиствуют от бессилия. Этот ответ был бы чрезвычайно тягостен для нашего самолюбия.

Четырехмесячные страдания, тяжелые траты и несчастия, наконец, самое глубокое, самое искреннее раскаяние, породившееся от теплоты веры, казалось, были для Вольдемара слишком достаточными искупителями его минувших заблуждений… Он начал…

Я вам перескажу все свои несчастия, которые навлек на меня ложный друг, льстивший моим страстям.

Фенелон

Глава LIV. Начало исповеди

Я могу даже, если ты хочешь, показать тебе отчетливо,
как, в чем и до какой степени я улучшился в этой школе.
Виланд

— Никогда еще не говорил я тебе о тех чувствах, которые, с самого первого моего шага в свет, составляли потребность, стихию жизни моего сердца.

— И однако ж, несмотря на твою непростительную скрытность, я знала об них тотчас после твоего приезда в Сибирь.

— Каким же образом?!

— А разве ты позабыл о своих друзьях?

— Но почему ты не сказала мне тогда же об этой измене?

— В то время я не считала изменою их пересказов. Во-первых — они оба облекали их шуткою; во-вторых — просили тайны, брали наперед честное слово в молчании; в-третьих...

— Что же в-третьих... Говори, пожалуйста, без этих мучительных пауз. Теперь дело прошлое: щадить некого; я вынес слишком тяжелый груз существенных несчастий, чтобы гнуться, падать или надрываться под ничтожным дрязгом и сором, который рассыпают везде самые ничтожные душонки... У меня, благодаря Бога, есть теперь свеча, чтобы освещать и видеть все эти черные низости, которые, как ядовитые испарения, вылетают из сердца многих и, составляя их атмосферу, отравляют окружающих... У меня есть нить Ариадны для извивистого лабиринта сплетней. Итак, что же в-третьих?

— Они говорили, что ты, по молодости своей, увлекся чересчур ошибочно!

— Понимаю!.. Они описали тебе эту прелестную девушку, эту милую Лизу, как существо не только очень обыкновенное, но, может быть, и порочное... Не удивляюсь, даже нахожу их поступок в порядке вещей: посмотри на всех мелких, жалких, погибших по душе людей — и ты увидишь везде одно и то же... Разрывая, по каким бы то ни было причинам, чужие связи, они чернят, где следует, и ту и другую стороны... Эта адская уловка мешает сблизиться уязвленному эгоизму и открыть настоящий источник зла; это служит охранным листом бездельников, с которым они идут спокойно каждый к своей цели... Но оставим их! Я уверен, что все к лучшему; я даже благодарю судьбу за мои печальные, но наставительные опыты: операция была тяжела, зато исцеление, кажется, довольно надежно... Теперь я не сомневаюсь нисколько, что в бытность мою в Петербурге кто-нибудь из двух, либо Бельский, либо Арский, восстановил покойного дядюшку против моего короткого знакомства с Буклиными.

— Это работа Василья Петровича... Он говорил мне, какого ему труда стоило вырвать тебя из бездны, в которую ты падал.

— Какое великодушие!.. И уж, разумеется, при этом случае он не пропустил употребить обыкновенную, пошлую увертку бесстыдного нахальства, которое всегда заключает собственный рассказ о небывалых своих добродетелях выражением: я сделал все, что мог; однако ж через это я не приписываю себе никакого достоинства и очень далек от того, чтобы требовать вашей благодарности... Меняются одни слова, но смысл почти всегда один и тот же.

— Ты не ошибся на этот счет.

— Тем лучше!.. Это плод созерцания бедствий... Он горек, очень горек: он разочаровывает нашу девственную, младенчески неопытную фантазию; он разрушает эти призмы, сквозь которые мы любуемся на всех, и в замену дает нам все средства остеречь себя от новых несчастий... Тебе известно, что в первый же день моего приезда в Сибирь я встретил Раису Бенину...

— И влюбился в нее, позабывши свою Лизу... Не правда ли?

— Да!.. Теперь мне видно, как я обманывал самого себя... Одна, две черты небольшого сходства лиц, вовсе незаметного для других, поразили разгоряченное мое воображение!.. Надобно сказать тебе при этом, что первая страсть овладела мною слишком быстро и, следственно, слишком ненадежно. Скорый и решительный успех обольстил мое самолюбие. К тому же у меня отняли, у меня вырвали из рук мою Лизу: между нами положили пространство и время; ее любовь, или, лучше сказать, любовь девушки, была для меня необходима, как воздух: я задыхался от этого лишения; я тонул — и ухватился за бритву.

В первый же вечер после того совесть моя напомнила мне о моей клятве, о слезах Лизы, обо всем, что так неприкосновенно и так дорого ценится сердцем честного человека... Я прибегнул к гибельному, увлекательному чародейству вымыслов: я не хотел вспомнить в то время, что мы, по своей слабости, можем только *любить*, но никак не можем *влюбляться* в одну красоту души, без заманчивости оболочки, и что любовь, происходящая от уважения, от оценки достоинств, совсем не то, что страсть, увлекающая нас безусловно... Я не обратил тогда внимания на это различие; вдался в натяжной платонизм, не существующий между мужчиною и женщиною вне освященных уз родства по крови; от двух тел, которые на самом-то деле и обворожили мое чувственное зрение, я отделил две чистые, светлые, кроткие души; слил их в один идеал, стал обожать его и, по странному своеволию, нарочно затенял любовь одной девушки холодностию другой, чтобы горечью препятствий возвысить сладость ожидаемых наслаждений... Обманувши себя таким образом, я весь отдался Раисе.

Ты знаешь, что эта добрая, эта милая девушка любила меня как короткого знакомого, как человека, близкого к ее отцу, — и не более, и что потом, когда Арский овладел ее сердцем, она, заметя мои искания, стала даже удаляться от меня, и это самое удаление увеличивает теперь в моих глазах ее достоинство… Мне кажется, что, полюбивши одного, она почитала преступлением всякую ласку к другому, тем более что это и в самом деле могло быть принято за исключительную привязанность, за решительное предпочтение перед всеми.

Конечно, тут есть чересчурие осторожности, но воспитание извиняет ее, а знание моего тогдашнего самолюбия и предусмотрительность относительно перетолкований, которые я мог делать в свою пользу, приносят честь ее уму и сердцу.

Наконец, тебе известно также и о клевете Арского, которая разорвала мои связи с Бениными.

Согласие Раисы на предложение Ивана Дмитриевича разрушило одним решительным ударом мой воздушный замок; я увидел тогда, что мечтательное соединение *двух* в *одну* было одною непростительною, нелепою придиркою измены к Лизе, одною ничтожною уверткою против справедливых угрызений совести. Мне было не трудно убедиться, что в последнее время моего пребывания в Т……. я был влюблен исключительно только в одну Раису и что Буклина была позабыта.

Положение мое было ужасно: я не нашел и не мог уже найти в одном месте; в другом я предвидел заслуженную мною потерю… К счастию, в первом случае почти всегда утешает нас самый голос оскорбленного самолюбия: выбор другого обращает нашу страсть в равнодушие; мы как будто хотим мстить за это своим притворным спокойствием и между тем на самом деле привыкаем к нему нечувствительно: печаль исчезает сама собою, не по усилиям, не по убеждениям рассудка, но по противодействующей слабости сердца… Во втором случае тот же самый эгоизм готовит нам неисчерпаемый запас надежды: мы расцвечиваем неизвестность будущности по своему желанию; убеждаем себя, что одно наше слово вымолит нам прощение, — и мы спокойны.

Однако ж, несмотря на эти спасительные средства, мне было чрезвычайно грустно от бесполезного, мучительного раскаяния, что я не отвечал на письмо Лизы, полученное мною в Тигирецкой долине.

— Как!.. Неужели она писала к тебе?

— Да, милая сестра!.. И как еще писала!.. Вот, на, возьми, прочти сама и оцени ее беспредельную привязанность.

Тут он вынул из особенного сверточка знакомое нам письмо Лизы и передал его Любиньке; та прочла и сказала, возвращая:

— Не постигаю, как мог ты, с твоею пылкостию в сердечных связях, не отвечать целыми листами на каждую из этих строк?.. Какая она, право, добрая и как любит тебя!

— Мне и самому было бы это так же непонятно, если бы я не получил в то время письма от Арского… Оно истреблено с другими ему подобными; но, к несчастию, я помню очень хорошо, как этот человек умел обольстить меня тогда самыми ложными намеками… Лиза была далеко, Раиса — близко: я полетел в Т……. — развязка тебе известна.

Вслед за тем Вольдемар начал рассказывать, как он приехал в Москву; как он встретился там и познакомился с Варинькой Лажиной; как он узнал от нее, где жила тогда Буклина; как он ездил в село Дубровинское; одним словом, он передал Любиньке все, что уже знают от меня мои читатели, и, наконец, дошел до того места, когда, коленопреклоняясь перед образом, полученным от отца, он услышал позади себя шорох и, оглянувшись, увидел Бельского, который подкрадывался к нему на цыпочках.

— Ты не можешь себе представить, мой добрый друг, — говорил он, — весь ужас моего положения в ту решительную минуту!.. Приход прежнего товарища был для меня гибелен!.. Я находился тогда на распутии двух, равно бесконечных дорог: вправо — *жить*, влево — *не жить*… Судьба шептала надо мною эти два роковые слова; но как *жить* и как *не жить*? Вот вопрос, который было очень трудно решить в то время.

Дух падший, этот демон злобы, пересказывал мне свою адскую мысль о самоубийстве. Он твердил беспрестанно: спусти курок, только спусти курок, и ты в одно мгновение стряхнешь с себя все эти земные бедствия.

Тяжело признаваться мне, как постыдно поддавался я презренной силе дьявольского совета… Все ближе и ближе подходил я к дороге влево; вдруг взоры мои нечаянно упали на образ, которым благословил меня батюшка… Здесь, с новым стыдом, я должен сказать тебе, что я снял его со стены и стал перед ним молиться, более по какому-то чувству суеверия, нежели веры… Зато потом… о!.. Как внезапно и как много влилося откуда-то в мою душу самых кипящих чувств, самых светлых мыслей!.. Дивный дух-хранитель растолковал мне внятно, что *не жить* значит *умереть смертию*… Я содрогнулся всеми членами. Я самовольно хотел отступить назад, совсем в противную сторону — и, увидев Бельского, подался вперед… Мне показалось, что передо мною стоит какой-то чудовищный гений, который хочет лишить меня последней, ужасной отрады — *вечного уничтожения*…

После двух размахов маятника выстрел уже раздался… я упал!

Я воспоминаю даже то, о чем не хотел бы воспоминать, и не могу позабыть того,
что желал бы истребить из моей памяти.
Цицерон

Глава LV. Продолжение исповеди

Чем слабее тело — тем оно более властвует;
чем крепче — тем послушнее.
Ж.-Ж. Руссо

Еще и по сие время мне страшно воспоминать то мгновение, в которое я опамятовался. Тогда у меня не доставало способности постигнуть ни где я, ни что я.

Я был раздет… Бинты окручивали мои бока… На дворе начинало светать, но свечи горели еще в моей комнате… Подле кровати сидел какой-то незнакомый мне человек… Это был доктор, который стал говорить через минуту, чтобы я не боялся последствий, что пуля только проскользила по ребрам и что, таким образом, рана моя нисколько не опасна.

«Главное, будьте покойны, — прибавил он. — Мой товарищ так же неосторожно рассматривал заряженный пистолет, как и вы, и тоже ранил себя, только гораздо побольше вашего; однако ж он, слава Богу, жив и здоров».

Несмотря на свою слабость от сильного истечения крови и на какое-то тягостное усыпление изнуренной души, я понял из этих слов выдумку Бельского и поблагодарил его мысленно.

Но внутреннее мое расстройство было очень велико… Не знаю отчего, вдруг вообразил я, будто преступление мое открыто и что не только все живые люди, но и те, которые жили давно, и те, которые будут жить когда-нибудь, — все восстали против меня, пришли ко мне толпами с четырех сторон и спрашивали меня в один голос с угрозою:

«Как осмелился ты нарушить вековечный закон естества?».

…Злейшему врагу моему не желаю иметь одной подобной минуты в целой жизни!.. Я обеспамятел снова.

Когда я пришел в себя, мне дали укрепляющих капель: этот прием освежил меня… Через полчаса доктор ушел.

Оставшись со мною наедине, Бельский стал представлять мне свои опасения, чтобы это несчастное происшествие не сделалось гласным и не навлекло на нас чего-нибудь дурного… Беспокоясь так же, как и он, я спросил его: что же нам делать?

— Ехать, — отвечал он, — ехать как можно скорее!.. Я послал уже нанять самую покойную карету до Нижнего Новгорода… Наши деловые поручения исполнены: осталась только мелочь, о которой можно списаться после…

— А Веневы?.. А Лажины?

— Выстрел, сделанный тобою, разбудил их: я уже виделся с ними и сказал то же самое, что и доктору.

Я согласился на все тем охотнее, что мне самому хотелось бежать как можно дальше от того места, на котором я совершил свое позорное преступление; да и сверх того, даже и при удаче обмана, мог ли я смотреть прямыми глазами на каждого, когда совесть мучила меня так жестоко?

Бельский начал укладываться… В шесть часов утра меня снесли в экипаж, и мы шаг за шагом потащились из Москвы.

Целых семь дней ехали мы до этой станции, и с каждым днем я становился все слабее и слабее. Бельский видел это и досадовал приметно… Наконец он сказал мне решительно, что мы должны расстаться. Нечего было делать: я покорился необходимости.

Боже мой! Как невыносимо тягостно казалось для меня сначала мое одиночество! Болезнь души убивала меня в тысячу раз сильнее, нежели болезнь физическая… К счастию, на третий день моего здесь пребывания, как я уже и говорил это, явилась добрая Соничка, и может быть, из людей только ей одной я обязан своею жизнию…

Жаль, что по особенным причинам я не могу рассказать тебе одного неприятного случая, бывшего между мною и Соничкой во время моего пребывания в Б……; но довольно и того, что бедняжка считала себя очень виноватою передо мною, и все по милости Бельского… Мне кажется, что она даже несколько обрадовалась, нашедши возможность загладить прошедшее. Все, что только в состоянии сделать добрая женщина для облегчения страданий любимого ею мужчины, все это делала она для меня в продолжение почти целых пяти месяцев… Это был беспрерывный ряд самых неутомимых стараний, забот самых неусыпных, услуг и угождений самых трогательных.

Не хочу думать, чтоб я ошибался тогда, но мне представилось, будто она послана мне самим небом, которое смягчилось от беспритворности моего раскаяния… Эта сладостная мысль возвратила жизнь сердцу: я получил способность плакать…

Никогда не позабуду того блаженного вечера, в который я, распростершись пред иконою, молился без слов одними слезами… но какими слезами!.. Вместе с каждой из них выливалось из души моей все грустное, все, что убивало меня до того времени. Мир духовный засветлел во мне: я обновился!.. С тех пор одна только тихая грусть препятствовала моему выздоровлению.

Я не роптал и не ропщу; но мне жалко, очень жалко, что я потерял навсегда мою незаменимую Лизу.

Так прошло около двух месяцев… Однажды вечером, когда я лежал на постели, а Соничка сидела подле меня со своею работою, к нам в комнату взошел какой-то молодой человек… Всматриваюсь и узнаю, что это один из коротких знакомых Веневой, с которым я виделся несколько раз и также довольно хорошо познакомился.

Я обрадовался ему, расцеловал его, посадил подле себя и стал осыпать вопросами.

Можешь вообразить себе мое удивление, когда я услышал от него, что Веневы и Лажины считают меня сумасшедшим от укушения бешеной собаки и думают, что я хотел застрелиться в болезненном припадке.

— Признаюсь, — сказал он наконец, — что я взошел к вам не без робости, несмотря на уверения станционного смотрителя, что в вас не заметно ничего подобного.

— Да кто же их-то уверил в этом?

— Ваш товарищ… Вскоре после того, как сделанный вами выстрел всполошил весь дом, встретясь с Лажиной, которая в испуге выбежала в залу, соседнюю с вашей квартирой, он рассказал ей, как вы пришли окровавленные в свою комнату, как он должен был вас связать и как потом, покуда он посылал за лекарем, вы успели освободить одну руку и, схвативши со стола пистолет, выстрелили в самих себя.

Я онемел, так поразили меня эти слова…

— Праведное небо! — воскликнул я наконец. — Так вот кто вырыл мне яму!

В ту же минуту я понял очень ясно все, что до того времени казалось мне непонятным по какому-то странному, действительному затмению ума, от тяжелого душевного расстройства. Тогда я уже не сомневался более, что только один Василий Петрович мог написать письмо к Анне Ивановне, потому что, кроме его и Вариньки, никто не мог знать о моем намерении ехать в Дубровинское, тем более что я и не имел его до разговора с молодой Лажиной.

Тут же открылись мне сами собою и побудительные причины гнусных поступков Бельского… Узнавши от меня, что я ни под каким видом не хочу выезжать из Москвы, и боясь выговора моего батюшки, что он не умел отвлечь меня от женитьбы в таких молодых летах, против чего всегда сильно восставал наш покойный старик, он не придумал лучшего средства отвратить это, как писать к Буклиной и оклеветать меня.

Достигнувши там своей цели, он увидел, что дело зашло гораздо дальше, нежели можно было предполагать, и потому решился наговорить на меня Лажиной и Веневой разного вздора, чтобы, напугавши дам небывалым моим бешенством, отдалить их от меня и, таким образом, отнять возможность всякого объяснения.

Одно только оставалось загадкою, как могла Буклина говорить своему сыну, что она получила дурное обо мне уведомление от человека, давно ей известного?.. Напрасно старался я припоминать все мелочные обстоятельства, доискиваясь тайны: память изменяла мне так же, как и друзья. Впрочем, последствия доказали, что я не обманывался насчет главного виновника моих бедствий… В пылу справедливого негодования я передал мои догадки своему проезжему гостю, и этот добрый молодой человек сердился пуще моего, хотя ему и не было известно, что заставляло Бельского вооружаться против меня своею низкою клеветою и по каким именно обстоятельствам… Он остался у меня ночевать… Поутру, тотчас после его отъезда, я стал писать к Варваре Андреевне; признался в намеренном самоубийстве, открыл причины, открыл все, в чем был уверен, что предполагал, говорил о своем раскаянии и, наконец, просил, чтобы она и мать ее не считали меня человеком погибшим.

Через неделю я получил вот этот коротенький ответ… Она льстит мне, но тут дело не в светских безделицах… Здесь важно совсем другое…

> Эта образованная доброта, это великодушное участие,
> эта бескорыстная, искренняя и благородная дружба.
>
> *Филдинг*

Глава LVI. Конец исповеди

> Сердце, которое умеет любить, должно всем пожертвовать для любви;
> но сердце добродетельное должно пожертвовать и любовью для своего долга.
>
> *Флориан*

«Милостивый государь Владимир Николаевич!

Матушка позволила мне отвечать вам на ваше письмо, и я исполняю это тем охотнее, что в короткое время нашего знакомства вы успели приобрести от нас общее дружеское расположение и особенное мое участие по отношениям вашим с моею подругою.

Мы по сие время не можем опомниться от изумления, как хитро лицемерничал ваш товарищ… Признаюсь, он мне не нравился с самого начала, но только не нравился, а ведь потом он посягнул на злодейство… Я вздрагиваю при мысли, что, может быть, встречусь с ним когда-нибудь: мне, право, кажется, что он кусается.

Теперь я так же, как и вы, уверена, что кроме господина Бельского некому было повредить вам так жестоко… Может быть, препровождаемое при сем последнее письмо ко мне бедной Лизы послужит для вас ключом к совершенному узнанию тайны. Только, пожалуйста, не предавайтесь отчаянию, читая его: умейте и в нем найти утешение.

Очень сожалею, что не могу сообщить вам ничего приятного… Лизы Буклиной уже не существует на свете: теперь есть полковница Елизавета Егоровна Летрова… Она венчалась в деревне мужа, который взял четырехмесячный отпуск и чуть ли не выйдет в отставку.

Я бы не говорила вам об их свадьбе, если бы не узнала из вашего письма, что вы безусловно покорились воле Провидения и что надежные утешения веры укрепили вашу душу… Желаю, чтобы эти светлые посланники нашей общей, святой отрады никогда не оставляли вас: с ними будет легко всякое горе… Не тоскуйте и не печальтесь: тоска и печаль не воротят потерянного.

Выздоравливайте скорее… Маминька и Вененовы вам кланяются».

— Эти строки обрадовали меня чрезвычайно, несмотря на то, что в них прочел я приговор моего вечного одиночества, утвержденный самым событием… По крайней мере, Лажины могли при случае уверить Анну Ивановну, что я не делал никакого бесчестного поступка. Мои знакомые были убеждены в плутовстве Бельского… Доброе имя мое восстанавливалось: я был доволен.

Теперь… теперь позволь мне собраться с духом, чтобы прочесть тебе это письмо Лизы к своей подруге… В нем вижу я последний отблеск того светлого счастия, которым мог бы я наслаждаться… Оно схоронено для меня невозвратно, и — суди о моем положении: эта грустная мысль о незаменимой потере составляет теперь единственное земное благо, единственное сокровище моего сердца… Я был любим, она меня не забудет — говорю я себе — и плачу; но этот плач не изнуряет меня.

Здесь Вольдемар отер навернувшиеся слезы и начал читать:

«Милая Варинька!.. Милый друг мой!.. Мне тяжело!.. Мне очень тяжело!.. Я буду писать без связи, но ты меня не осудишь… Я вышла замуж… Я теперь полковница Летрова… А где-то *он*?

Боже мой!.. Думала ли я года с три тому назад, что мне придется пить такую горькую чашу страданий?.. Судьба наложила на меня самый тяжелый крест: я несу его без ропота, но молчать… молчать, имея друга!.. Нет! Это выше сил моих!.. Я выскажу тебе все, раз и навсегда… в последний раз… Неужели мне отнять от себя и это минутное утешение?.. Да! Я выскажу все — и замолчу, как могила… Пусть во мне так же, как и в ней… Но нет!.. Я не в состоянии досказать этого… Какой-то ненасытный червь и без того грызет мое сердце, мое бедное сердце, которое всем желало только одного добра.

Обрекши себя на жертву, я была совершенно спокойною в день свадьбы, и, желая утешить матушку, я даже с каким-то непонятным душевным удовольствием пошла к алтарю.

Обряд начался, кончился, и вдруг муж мой упал без чувств… С тех пор по настоящее время я почти не отхожу от его кровати; однако ж, слава Богу, доктора сказали мне решительно, что он вне всякой опасности.

Итак, несчастие человека самого близкого и собственные слезы встретили меня там, где другие находят одни радости… Я молилась за мужа, за маминьку и за себя, плакала, оставаясь одна, — и молчала.

Ты знаешь, что через неделю после моей свадьбы маминька ездила на несколько дней к вам в Москву; но она, я думаю, скрыла от вас одно происшествие, которое было с нею во время ее короткого пребывания в Москве… К несчастию, я сама узнала обо всем по одному особенному случаю.

В первый же день по возвращении ее в деревню я сидела с нею в кабинете мужа, который спал в это время в другой комнате, и расспрашивала о знакомых… Немного погодя маминька вышла, чтобы разобрать свои покупки; я осталась одна; мне понадобился ключ от бюро: ощупываю ридикюль, оставленный маминькою; слышу, что ключ там; опускаю туда руку и вместе с ключом вынимаю какое-то письмо.

Бог свидетель, что я нисколько не желала узнавать чужой тайны, а так, машинально, развернула свернутую бумагу и уже хотела сложить ее по-прежнему, как вдруг два слова: *Владимир Смолянов* бросились мне в глаза… Я сперва вспыхнула, потом побледнела и уже не могла отвести своих глаз от этого рокового письма, не прочитавши его.

Вот оно слово в слово.

«Милостивая государыня

Анна Ивановна!

На днях я узнал, что вы жительница нашей Московской губернии… Очень рад этому сближению, потому что теперь я буду иметь честь познакомиться с вами лично… Я крестовый брат, однокорытник и друг вашего покойного мужа… Думаю, что вы верно слыхали от него о генерале Лидине… Желая доказать вам на первый раз, что моя привязанность к старому товарищу сохранилась во мне и теперь, я спешу уведомить и предостеречь вас по одному весьма важному обстоятельству.

Здесь есть какой-то Владимир Смолянов… Мне известно случайно, что он влюблен в вашу дочь и что она по неопытности отвечает ему тем же. Завтра он сбирается ехать к вам с решительными предложениями; но я знаю также, что он обручился уже с одною девушкою в Сибири, развратил ее

и потом бежал оттуда, обокравши родных… Отец его прислал за ним одного чиновника, который никак не может справиться с беглецом.

Этот развратный молодой человек готов поклясться вам, что он ни в чем не виноват: ваша воля верить ему или нет, а я со своей стороны исполнил свой долг.

Честь имею быть и проч.

А. Лидин».

Я обомлела от ужаса… Со мною не было сначала обморока, но я осталась неподвижною, точно в том же положении, в каком и сидела: так застала меня и возвратившаяся матушка.

Увидев в моих руках раскрытое письмо, она отгадала причину моей неподвижности, бросилась ко мне, вскрикнула, обняла меня и только могла сказать: «Лизанька!.. Зачем ты читала это письмо?».

Помню, что я слышала это восклицанье, что от него сделалось еще больнее у меня на сердце; но я все не двигалась; но я не могла говорить ни слова и, как мертвая, не отвечала на ее ласки… Потом вдруг все начало вертеться… вертеться… падать… стучать… карнизы соскользнули по стенам на пол… потолок полетел на меня… я обеспамятела!

«Маминька!.. Маминька!.. — закричала я, очнувшись. — Неужели это правда?.. Скажите мне ради бога!.. Маминька! Скажите мне всю правду!»

Ужасная горесть придала мне силы: я приподнялась, схватила ее руки, сжимала их своими руками и продолжала умолять ее… Наконец она рассказала мне ужасные вещи.

Накануне своего отъезда из Москвы она была в одном доме… Там подошел к ней тот самый генерал Лидин, который был другом покойного батюшки, рекомендовался, сел подле и стал разговаривать.

Когда речь зашла обо мне, маминька поблагодарила его за участие, принятое им в делах нашего семейства… Генерал сказал, что он не понимает, за что его благодарят… Начались объяснения; маминька показала известное письмо, которое, как нарочно, было с нею вместе с другими бумагами, и он отрекся от него решительно, сказавши, что это самый бесчестный подлог и, следовательно, клевета.

— И он был здесь? — спросила я, когда маминька кончила… — И вы его не приняли?

Рыдая, упала она на мою грудь и прошептала, задыхаясь:

— Прости мне!.. Я не желала тебе зла.

Эти слова тронули меня до глубины души: они напомнили мне мой долг, и в ту же минуту я была у ног ее… я обнимала ее колена… я твердила ей:

— Маминька!.. Милая маминька!.. Не говорите мне больше об этом!.. Я счастлива!.. Очень счастлива!.. Я люблю вас сильнее прежнего… только успокойтесь!.. Успокойтесь, если любите меня хоть немножко!.. Я уж позабыла *об нем!*

Она наклонилась ко мне и обняла меня так крепко, как никогда еще не обнимала… Я стала употреблять все силы, чтобы показаться спокойною, и Небо послало мне такую твердость, что я не могу надивиться себе по сие время… Это ободрило и маминьку… Через пять минут я уже хлопотала около бедного больного своего мужа.

Вот, милая Варинька, вот как жестоко удручают меня несчастия!.. Для меня пуще всего, что я не умею притворствовать: все замечают мою печаль — и это мне очень горестно.

Ах, милый друг мой!.. *Он* был здесь!.. *Он* любил меня всегда и везде… а я замужем… Но разве я не писала *к нему*?.. И от чего ж *он* не отвечал мне? Однако же довольно *об нем*… Нет!.. Еще одно слово… одно последнее слово.

Скажи *ему*, если увидишь *его*, что я не виновата… что я желаю *ему* счастия… Довольно, милая Варинька, довольно!.. Я не говорю *об нем* более… Я позабуду *его* здесь: это моя обязанность; но там, там я *его* вспомню; там все живут вместе; там не запрещают любить… Здесь буду молиться.

Наконец скажу тебе несколько слов о моем странном положении…».

— Здесь оторвано окончание, — сказал Вольдемар, — но и этого, милая сестра, слишком довольно, чтобы понять Лизу, чтобы оценить ее… Какая примерная дочь! Какое верное и нежное сердце! Какое уважение к своему долгу! И все это Бельский отнял у меня навсегда несколькими почерками своего сатанинского пера!

Я вспомнил тогда, что мне случалось говорить раза два или три Василью Петровичу о генерале Лидине, о его отношениях к семейству Буклиных и, наконец, о том, как часто Анна Ивановна упоминала его фамилию, рассказывая о молодости своего мужа… Пронюхавши как-то, что Лидин живет в Москве, злодей чрезвычайно удачно воспользовался моею откровенностью.

Не знаю, что было бы со мною, когда я прочел письмо Лизы, если бы последние слова ее: *здесь буду молиться*, не показали мне очень ясно, в чем должно искать утешения… Я уже знал незримую, таинственную дорогу в эту страну милосердия. Мне было тяжело, но я мог дышать и не задыхаться от полноты своих бедствий… Все чувства, все мысли мои были проникнуты горестью; но во мне не было никаких острых болей: я даже знал сладость душевного спокойствия.

Вскоре после того два твоих письма, одно за другим, уведомили меня сперва о смерти дядюшки, потом о смерти доброго нашего родителя… С твердостию вынес я сии новые удары, и с той поры эта тихая, глубокая грусть, которую ты во мне замечаешь теперь, не оставляла меня ни на минуту…

Стараясь позабыть прошлое, я по крайней мере не страшусь будущности: я не могу ни найти, ни потерять многого. Да будет же Его воля!..

Приезд твой обрадовал меня… Чувствую, что теперешняя моя исповедь будет для меня спасительна… Бог даст, я поправлюсь скоро, и тогда мы пустимся в Петербург… Только я никак не хочу заезжать в Москву… Мне кажется, что там все должны знать о моем преступлении… Мы сделаем объезд… не правда ли?

Любинька хотя и не видела никакой нужды в такой излишней предосторожности, но, не желая огорчать напрасно больного, она не сказала ни слова.

Молчаливость есть украшение женщины.
Софокл

Глава LVII. Похороны

Неужели это ты, которую я так долго оплакивал?..
О бессмертные боги!.. Если это сон,
то пусть я умру при своем пробуждении.
Флориан

Через две недели после этого вечера услуги доброй Сонички были уже не нужны… Раскаяние и самоотвержение давно загладили ее прежний поступок, который чуть-чуть не привел ее к погибели.

Теперь все было забыто… И Вольдемар, и сестра его надарили ей пропасть разных мелочей; она прощалась со слезами и не могла утерпеть, чтобы не попросить еще раз Смолянова о совершенном забвении прошедшего. Крепкий поцелуй Любиньки успокоил ее, хотя и очень ошибочно, потому что Любинька все-таки не знала, о чем шло дело… Наконец дней через пять после отъезда Сонички, когда Вольдемар почувствовал в себе довольно силы для того, чтобы пуститься в большую дорогу, огромный и покойный возок был выдвинут из завозни. Начали укладываться…

Добрый станционный смотритель хлопотал, суетился и помогал изо всей мочи… Привыкнувши к своему постояльцу и полюбивши его, он накануне выезда Вольдемара приходил раз десять в его комнату и, щелкая прегромко в свою тавлинку, спрашивал у него всякий раз одно и то же и все одинаковым тоном:

— А что, сударь, не рано ли вы сбираетеся в дорожку?

— Нет, Федор Сергеевич, пора!..

— Угу! Пора!.. А мне так кажется, сударь, что рано!..

Потом он обыкновенно оборачивался к дверям, громогласно вынюхивал здоровенькую напойку табаку, которая всегда была наготове между большим и указательным пальцами левой руки; потом обметал нос платком, находящимся в правой руке; потом плевал в угол; потом уходил и кричал, чтоб поворачивались; потом поворачивался сам — и снова та же история.

На другой день возок потащился сперва по большой дороге и потом в сторону… Нечего мне рассказывать вам, как ехали наши путники… Медлительное шествие их очень сбивало на обозные поездки наших барынь и баринов, которые плетутся в столицу, чтобы подышать и насладиться ее мифитическим воздухом: вся разница в том, что, останавливаясь на ночлегах, ни Любинька, ни ее брат не приказывали давать лошадям овса (потому что лошади были наемные) и не говорили какому-нибудь оборванному лакею: «Смотри же, Хамово поколение, не крадь…». А жаль, впрочем, потому что мысль-то ведь очень обширна. Воображение как раз переносится ко временам давно былым и видит всю притчу во языцех, осуществившуюся в Демках, Фильках или Степках, которые отвечают своим барыням: «Слушаю-с!» — и крадут.

Таким образом, за исключением этих поучительных сцен, которые доказывают, что слово *слушаю-с* вовсе не равносильно слову *исполню-с*, Смоляновы подвигались помаленьку вперед.

В один день… и надобно сказать правду, что этот день был чуть ли не лучшим в целую зиму: двенадцать градусов с минусом по Реомюру, в воздухе — тишь и блеск, на небе — гладь и свет; ни одного облачка; красное солнышко вот так и рассыпается, вот так и обдает лучами… Ну, да чего тут толковать долго? В этот день зима бросила-таки в глаза своей алмазной пыли…

Наслаждаясь приятностью хорошего времени, мои путешественники, въехавши в одно довольно большое село, оставили возок и пошли пешком, чтобы аппетитнее пообедать.

Широкая улица стлалась перед ними, как черная лента с белыми узорами… Это что-то печально; это навеяло грусть на душу Поэта… А вот и ветки всегда зеленеющего ельника.

«Боже мой! — подумал Вольдемар. — Для меня не набросали бы и этого утешительного символа: меня зарыли бы просто, как вещь, ненужную на земле, а не так, как человека, которого душа должна процветать в бесконечности».

Он задумался… Колокола зазвенели… Церковные двери растворились, и унылая процессия потянулась ему навстречу. Снявши свою шапку, он продолжал идти, не всматриваясь в лица про-

ходящих мимо его: ему не хотелось видеть страдания людей, близких к усопшему человеку. Вдруг пронзительный крик, в котором послышался ему какой-то знакомый голос, потряс всю его организацию; он взглянул в ту сторону и увидел — Лизу!

Лицо этой страдалицы было бело, как ее душа, одежды были черны, как ее глубокая, едва выносимая печаль… Она висела без чувств в объятиях матери; ослабшие руки ее качались в воздухе… Гроб остановился… Все засуетилось… Народ столпился около своей молодой барыни… В беспамятстве убежал Вольдемар в крестьянскую избу, которая была подле, и едва живой бросился на широкую лавку, приколоченную к стене.

Трудно выразить, что происходило в его душе… Тогдашних смутных чувств Поэта нельзя было назвать ни скорбью, ни радостью… ни испугом, ни восторгом… ни безнадежностью, ни надеждою… Это была безыменная смесь всего: он плакал и улыбался, он восклицал: «Я погиб!» и вслед за тем говорил: «Я оживаю!»… Добрая Любинька не знала, как и за что ей взяться.

— Ради Бога! Скажи мне, брат, что с тобою сделалось?

— Любинька!.. Послушай меня, Любинька!.. Это *она!*

И Любинька поняла наконец, о чем шло дело… Через четверть часа один из дворовых людей пришел просить его к Анне Ивановне.

Тут-то надобно было посмотреть на Вольдемара… Бедняк не знал, как ему ступить, что сказать, куда поворотиться.

— Да точно ли, братец, зовут меня? — закричал он наконец.

— Точно, сударь, если вы Владимир Николаевич Смолянов.

— Ну хорошо, поди же и скажи, что я приду сию минуту… Э… послушай! Послушай!.. Постой!.. Куда же ты, мой друг?

— Да я пошел, сударь, доложить барыне, что вы изволите прийти к ней сию минуту.

— Нет, братец, не ходи!.. К чему это?.. Сестра!.. Как ты думаешь?.. А?

— Ах, Боже мой! Решись на что-нибудь одно: или пошли его, или иди сам.

— Ну, хорошо! Хорошо!.. Так ты, мой друг, останься здесь, а я пойду. А знаешь ли, Любинька, не сходить ли лучше тебе?

Тогда Любинька, увидев, что от него нельзя будет дождаться никакого толка, схватила его под руку и почти насильно вывела на улицу.

— Сестра!.. Помилуй!.. Куда ты тащишь меня?

— Там ждет тебе *она*, а ты не можешь сдвинуться с места.

Еще Любинька не успела и договорить, а уж Вольдемар был далеко… Только одни пятки выбрасывались и исчезали. Непостижимо, откуда взялась такая удивительная прыть?.. Через две минуты он покрывал поцелуями руки Анны Ивановны.

— Успокойтесь, мой милый!.. Успокойтесь!.. Дочь моя зовет вас, но она очень слаба… Вам надобно взойти потише, — говорила эта добрая мать — и через несколько секунд Вольдемар стоял уже на коленах подле кровати своей миленькой Лизы.

Одною рукою оперлась она на подушки, другая… белая… нежная… мягкая обвивалась около счастливца… Уста их слились… слезы смешались… Мать, стоявшая подле, соединила их руки и плакала вместе с ними… Сцена была безмолвна, но чувства, выпечатленные на лицах, объясняли гораздо более и понятнее, нежели могут объяснить слова.

Спустя немного, взошла Любинька… Вольдемар встал и отрекомендовал ее Буклиной и Летровой.

Не зная всех отношений и обстоятельств, человек новый ни под каким видом не отгадал бы, что действующие лица этой драмы сблизились не больше как за полчаса… Вольдемар, не сватавшись и не получая явного согласия, называл Буклину *маминькой* и на *ты*, которое говорила ему Летрова, отвечал таким же точно *ты*… Любинька и Лиза вдруг отчего-то сделались *сестрицами*… Впрочем, нужен ли разговор и что он значит там, где судьба окончила свою практическую лекцию испытаний; где с каждого сердца свалился груз тоски и печалей; где все сказано событиями; где все понято сердцем?.. Я думаю, что эти последние вещи будут гораздо поважнее обыкновенных светских обычаев!

Как бы то ни было, только часа через полтора все они сидели за столом, как близкие родственники, и (нечего запираться), несмотря на мрачные платья, у них было светло на душе.

Бедному возку Смоляновых верно не написано на роду разгуливать по белому свету: после обеда его втащили опять в завозню.

Ведь иногда если что начнет уж клеиться, если посыплется счастие, так только успевай подставлять карманы… Например, Вольдемар узнал тут же и очень кстати, что тогда был день почтовый; он присел и махнул к Буклину по-суворовски:

«Василий!

Я у вас в доме… Садись в повозку — и катай… Ура!.. Понимаешь ли?».

Конечно, это немножко темновато для другого, но молодой друг Поэта — парень пресметливый: через две недели он так прижал к своей груди будущего зятя, что, как говорится, небу стало жарко.

Или опять и это что-нибудь да неспроста.

Раз как-то вечером сидит мой Поэт со своею ненаглядной Лизанькой и разговаривает о пятом и десятом. Ну, разумеется, что при этом не обходилося без разных разностей, которые при всей своей невинности так хороши втихомолку и особенно в потемочках… Вдруг счастливец вспомнил о письме Лизы к Вариньке, побежал за ним, принес его и, показывая своей невесте, спросил у нее:

— Расскажи мне, мой друг, в каком это странном положении находилась ты после своего замужества за бедного больного полковника?.. Проказница Лажина оторвала окончание.

Лиза потупила глаза, порозовела и не отвечала ни слова… Это подожгло Поэта: он стал настаивать, умолять и наконец довел Летрову до того, что она обняла его и прошептала ему что-то на ухо…

Как жаль, что меня не случилось с ними в то время, а то бы я непременно подслушал этот шепот и пересказал его моим читателям… Однако ж мне известно, что Вольдемар, выслушав ее ответ, воскликнул отрывисто:

— Неужели?

Что потом на это восклицание Лиза кивнула утвердительно головою и что, наконец, Смолянов всплеснул от радости руками и запел во все горло:

«Гром победы раздавайся!

Веселися, храбрый Росс…».

Тут он остановился, потому что на третьей строчке вечно фальшил и не мог дотянуть до припева, а других песен он не знал.

Воля ваша, господа, а этот порыв восторга родился в нем, конечно уж, *не без достаточного основания*, как говаривал покойный доктор Панглос, скоромной памяти.

У Буклиной были в Петербурге родные и множество коротких знакомых: все они давно уже звали ее туда, и потому в общем совете положено было: по истечении шести недель скинуть траур, потом отправиться на берега Невы и там, перед Масленицей, веселым пирком да и за свадебку.

«Боже мой!.. На что ж похожа такая поспешность!.. Успела бы еще матушка Елизавета Егоровна навеселиться со своим новым муженьком!» — восклицают хором семнадцать старушек, переставая раскладывать гранпасьянс. — «Сделайте милость, пощадите молодых, милостивые государыни!.. Вы, кажется, могли догадаться, что полковник Летров был мужем Лизы только… что Лиза была женою Летрова только… Ну, барыни! Сбили вы меня совсем с толку… Судите же себе как хотите, а свадьбе все-таки положено быть перед Масленицей».

Разговор.
Сын. Когда нас обвенчают, любезный батюшка?
Отец. Сию минуту.
Сын. И прекрасно!
Из нового Абелярда

Глава LVIII. Пир

Пойте, друзья!.. Осушайте вкруговую праздничный кубок!..
Пусть мои чертоги огласятся шумными порывами вашей радости.
Оссиан

Пять небольших, но миленьких комнат, нанятых на Литейной, были освещены… Еще с улицы виднело, что там есть гости, хоть и не очень много… Впрочем, нам нечего глазеть под окнами: я зван, и к тому же мало-мало сродни хозяину этой освещенной квартиры, я могу ввести вас туда без церемонии по своей гусарской совести.

— Однако ж, господин Пролев?..

— Ничего! Ничего!.. Что за счеты между приятелями?.. Тут все старые наши знакомые… Например, сам жилец — Владимир Николаевич Смолянов; его теперь нет дома: он в церкви вместе с Елизаветой Егоровной Летровой; да что ж за нужда?.. Нас примет Анна Ивановна Буклина, или Любинька, или, наконец, моя жена, потому что и она здесь, как у себя…

Тут вы увидите Елизавету Алексеевну Хворостову, и старушку Зорову, и мадам Глюкман, Софью Петровну Лажину, которая около Нового года возвратилась из Москвы, окончив там свои дела, и милочку Вариньку, обрадованную без памяти, что ее добрая Лиза выходит замуж за человека любимого… Если вы холосты, милостивые государи, так вы можете, пожалуй, и приволокнуться за молоденькой Лажиной, только не ручаюсь за успех, потому что она посматривает что-то на этого артиллериста с Анненским крестиком и с подвязанной рукой, а этот артиллерист посматривает что-то на нее… Впрочем, почему знать, чего не знать? Может быть, они просто вклепываются друг в друга.

Тут вы увидите еще около десяти дам и человек пятнадцать мужчин. Все это весело, пестро, разговорчиво и шумно: все дожидается молодых и позднего обеда. Несколько почетных пожилых людей забрались в маленькую боковую комнатку, где стояли водка и закуска… Глюкман председательствовал между этими отшельниками.

Познакомившись с одним старичком и овладев им совершенно, он говорил ему, допивая чуть ли не пятую рюмку густого рижского бальзама:

«Самая-та полезная-та наука для нашей братьи-та, которая-то жила-та на свете, есть — *герокомия*-та… Тут главное деле, — прибавил он, отрезывая себе огромнейший кусок жирной жареной сосиски, — зостоит в том, штобы быть-та как можно-та воздершнее в пище и питие». Сосиска исчезла, он продолжал: «На свете-та есть ошень много зоблазнительного-та… Zum Beispiel: этот окорок-та, которого я отрежу сейшас маленький кусошик… Это самая-та тяжелая пища… Захрани вас Бог!.. А ешели-та и будете кушать, так сапивайте-та один глотком старый Иоаннесбергер».

Зная свой глоток, он налил полстакана и махнул вдруг… Таким образом Глюкман теорию развивал герокомии и подкреплял себя практикой; впрочем, не то ли самое случается почти на всех кафедрах? Говорить очень легко, особливо когда нам никто не мешает; но делать — это большая разница! Прочие гости занимались кто во что горазд… Вдруг экипажи прогремели у подъезда, все стихли, двери отворились — и два шафера, Буклин и Василий Монтович, также Поэт, однокошник и друг Вольдемара — ввели молодых.

Начались поздравления: целовались, шаркали, кланялись и приседали. Суматоха была страшная. Наконец сели за стол; отобедали; начали провозглашать здоровье: бокалы звякали, пустели, наполнялись и снова звякали и снова пустели… Пир пошел горой; принужденность — пошла под гору; веселье — пошло писать.

Ведь любо-дорого смотреть, если люди-то не беснуются от злобы; если дружеское согласие соединяет их; если они от души радуются чужому счастию!.. Как быть: иногда и тут есть излишек; но разве и на старуху не бывает прорухи?

В десятом часу начали подавать чай; в половине одиннадцатого не оставалось почти никого; в три четверти — исчезла Лиза; в одиннадцать Вольдемар пробирался темным коридором в дальнюю комнату… вдруг… ну, как вы думаете, что с ним случилося вдруг?

Вдруг чья-то сильная рука… схватила его руку; Поэт вздрогнул и остановился.

— Вы ли это, любезный Владимир Николаевич? — спросил невидимый.

— Ах, Боже мой!.. Это вы, почтеннейший Иван Федорович?

— Да, мой добрый молодой друг, это я: ваш прежний доктор, который по своей опытности в физиономических наблюдениях, предостерегал вас своим письмом от связи с двумя прежними вашими товарищами… Вы не послушались дружбы и наказаны судьбой. Хорошо еще, что все кончилось так счастливо, но это редкость, редкость, сударь, которую не надобно брать в пример… Уверен, что вы воспользуетесь этим уроком.

— Без всякого сомнения!.. И особенно если вы будете так добры, чтобы одолжать меня вашими советами.

— Почему ж и не так, Владимир Николаевич?.. Почему ж и не так?.. Я вас люблю душевно… Обнимите-ка меня… поцелуйте меня… не туда! Не туда!.. Вот мои губы… Ну! Попали наконец!.. Смотрите же, чур держать свое обещание.

— Даю вам честное слово.

— А вот мы увидим это!.. Испытание начнется теперь же.

— Ах, Иван Федорович!.. Я, право, боюсь, чтобы мое продолжительное отсутствие не напугало моей жены.

— Не бойтесь! У нас все кончится в два мига… Помните ли, что я вам говорил о знаменитой мегалантропогенезии знаменитого Роберта Младшего, то есть о трактации, каким образом рождать великих людей.

— Очень хорошо помню и постараюсь…

— Не торопитесь!.. Не торопитесь, мой любезнейший!.. Вот вам тетрадочка: в ней всего-то-навсе семь листов; это, сударь, экстрактец, который я сделал для вас нарочно из всех ученых писателей об этом важном предмете… Тут вы найдете много и моих собственных замечаний: их можно узнать по звездочкам, которые я выставлял на поле, против начала периодов… Прочтите это теперь же вместе с Елизаветой Егоровной… Час или полтора времени еще не ахти мне, а там… Имейте только в виду, что от такой безделицы может прославиться целый ваш род… Это, сударь, вовсе не шутка… До свидания же!

— Прощайте, почтеннейший Иван Федорович… Покорно благодарю вас за участие.

— Помилуйте, мой друг… не стоит благодарности… Прощайте!

Они расстались.

Не могу вам сказать ничего о том, было ли в тот вечер какое-нибудь чтение или нет, потому что спальня супругов в иное время есть такое святилище, куда не должно проникать самое дерзкое любопытство, как и вообще во всякие семейственные тайны.

Ночь успокоила шумный Петербург… Мало ли в нем где и что делалось: не всякая сказка до конца договаривается… Но вот день, господа… и… как жаль! Я не могу поздравить вас *с добрым утром*. Человек *пред*-полагает, Бог *рас*-полагает. На словах разница только в одном слоге, а зато иногда на деле какая ужасная разница!

Послушайте только и скажите мне: кто из вас ожидал подобной развязки?.. А ведь не правда ли, что…

Счастие молодых любовников казалося верным.

Пиго-Лебрен

Глава LIX. Ужасное утро

Твоя кровь кипит, твои уста пенятся.
Ювенал

Часу в одиннадцатом утра приехали Буклины, чтобы завтракать вместе с молодыми, так как это было условлено накануне.

— Давно ли встали дети? — спросила Анна Ивановна, увидев горничную.

— Господа изволят еще почивать, сударыня! — отвечала молоденькая девушка, прислужница Лизы, и покраснела с непривычки говорить вдруг о двух.

— Как! Спать по сию пору?.. Экие ленивцы!.. Дай-ка мне холодной воды, вот я подыму их.

— Э! Маминька!.. Полноте! Не троньте их! Бедняжки ведь замучились... Шутка ли? Вчера целый день на ногах с самого раннего утра и до поздней ночи... Я и сам, право, не выспался.

— Ну, так и быть!.. Подожду с полчасика, а там прошу не прогневаться.

— Не бойтесь, маминька! Они не заставят нас ждать себя очень долго... Да вот послушайте-ка!.. Мне кажется, что Вольдемар хохочет... Точно!.. Только какой же у него хриплый голос... Эк он простудился!

— Нет, Вася! Я ничего не слышу: это тебе так показалось.

— Помилуйте! Как показалось? Я слышал собственными ушами.

— Ну, может быть!.. Сиди же тут и карауль их, а я пойду похлопочу об обеде, чтобы на радостях не привелось говеть.

Старушка ушла хозяйничать; Буклин улегся на диване и стал дремать.

Во сне и в занятиях время идет чрезвычайно быстро... Пробило четверть двенадцатого — явился Зоров, а спальня молодых все была заперта по-прежнему... Наконец Анна Ивановна вышла из терпения. Она подошла к запертым дверям и сказала, пригнувшись к замочной щелочке:

— Владимир!.. Лиза!.. Господа! Пора вставать!.. Побойтесь Бога! Скоро полдень!.. Что скажут добрые люди.

Ответа не было.

— Можно ли спать до такой степени беспробудно! — продолжала она, обращаясь к Зорову, который стоял через комнату у других дверей.

— Чуть ли, Анна Ивановна, не я всему виноват, — отвечал он.

— Это каким образом?

— А вот изволите видеть... Вчера мы все и без того разошлись очень поздно; мне же пришло в голову, по любви к вашим детям, дать Владимиру Николаевичу одну небольшую тетрадочку, этак листиков в семь, и попросить его, чтобы он прочел ее всю вместе с Елизаветой Егоровной... Ну... и надобно-таки сказать вам правду: почерк довольно уписистый — строчек по пятидесяти на страничке, так чтение-то и затянулось часу до третьего, до четвертого... Однако ж, знаете ли что? Ведь я рад, что они не встают долго... Это непременно доказывает, что ваш зять воспользовался моим советом: зато уж посмотрите только, как он будет мне благодарен... Да и вы, сударыня, поклонитесь мне тоже не один раз.

— Но что ж это за тетрадка?

— Так-с... Кое-какие замечаньица... Только что за последствия! Вы и не надивитесь и не нарадуетесь, моя почтеннейшая кумушка.

— Однако ж, покуда мы дождемся этих счастливых последствий, а детей надобно же разбудить. Не правда ли?

— Есть тот грех... Заспались!

— Я готов прозакладывать свою голову, — закричал Буклин, подходя к матери, — что они не спят! Сию секунду мне послышалось опять, что Вольдемар надрывается от хохота... Полно, полно, брат, удерживаться! — прибавил он возвышая голос: — Меня не проведешь... Вот посмотрите, маминька, если они давным-давно не одеты... только так... не хотят выходить... совестно!

— Точно! Я и сама слышала, что кто-то из них засмеялся. Да отворите, господа!.. Послушай!.. Володя!.. Ведь не ровно приедет кто-нибудь: право, неловко, мой друг!.. У вас комнат мало: надобно убрать и эту спальню... Ты же просил многих обедать... Сегодня не то, что вчера... часа через два и съедутся... А?.. Что ты говоришь?

— Ха-а-а-а-а-а-ах! — раздалось из спальни каким-то диким, грубым, едва человеческим голосом... Неведомый, невольный ужас объял Буклину, ее сына и Зорова; последнего как будто чья-то сильная рука толкнула вперед: он очутился вдруг подле самой спальни... Василий вскочил с кресел, побледнел и едва переводил дыхание... У матери опустились руки... Все трое молча посматривали друг на друга... По всему было видно, что самая странная мысль блеснула в их умах...

С полминуты они не могли опомниться... Сердца их только дрожали, а не бились... Напоследок Буклина снова нагнулась к замочной скважине, приподняла язычок, которым закрывается вырезка для ключа, взглянула в спальню — и, не выговорив ни одного полуслова, она упала на пол без малейшего признака жизни.

Зоров обхватил ее и понес к дивану, а молодой Буклин, не зная сам, что он делает, как бешеный ударил ногою в дверь; она разлетелась: картина открылась перед ним — и он окостенел всеми членами.

Перед ним лежала на полу его милая сестра, которую он любил почти до безумия… Она была изрезана ножом и искусана зубами… Развороченные ребра левого бока, вполовину сломанные, вполовину приподнятые, торчали в разных направлениях, обагренные кровью… Открытая внутренность еще трепетала… Подле несчастной сидел на полу Вольдемар и изредка погружал ножик в свежие места… Пена била у его рта… Он взглянул на вбежавшего друга своего и снова захохотал своим диким хохотом…

Первая мысль Буклина была та, что Смолянов укушен прошедшего года точно бешеною собакою, вторая… но прежде, нежели можно успеть пересказать вторую мысль, он уже исполнил ее… Вырвавши ножик у своего зятя, он одним размахом перерезал ему горло, потом воткнул неутомимое железо в свое сердце, страшно повернул между ребрами, потом упал подле своей сестры и судорожно прижал ее к себе… Глаза его страшно закатились… он окреп.

Часа через три с половиною три гроба стояли на том самом столе, за которым только вчера пировали веселые собеседники.

Свет есть складочное место различных орудий,
которыми человек владеет.
Барон Бюйрлейг

Глава LX и последняя. Всем сестрам по серьгам

Оставьте эти черные одежды и отрите ваши слезы.
Гервий

— И неужели это ужасное происшествие случилось в самом деле? — спрашиваете вы меня…

— Да, милостивые государыни, в самом деле, только надобно вам сказать правду, что оно случилось вовсе не с молодыми Смоляновыми, и я рассказал об нем для того, чтобы только попугать вас.

Вспомнив случайно вышесказанные слова министра королевы Елизаветы и взглянув на свое перо, я сказал самому себе: почему ж мне не позволительно владеть этим орудием по своей воле?.. Возражений не было — и я написал *Ужасное Утро*.

— Но, господин Пролев, успокойте нас совершенно… Мы живем в свете… с людьми… встретиться очень не трудно, и предосторожность никогда не вредит… Скажите, пожалуйста, откровенно, точно ли вы пошутили насчет бешенства Смолянова?

— Точно, мои прелестные.

— И в нем решительно не заметно никаких признаков водобоязни?

— О!.. Будьте покойны!.. Он выдерживает этикетные обеды и ласковость бульварных друзей… Теперь позвольте мне досказать остальное, соблюдая строгую истину.

Смоляновы встали, как следует честным людям, часов в восемь; встретили свою мать и брата у самого крыльца; весело, радостно приняли благословение доброй Анны Ивановны… Поэт был весь — восторг… Лиза была вся — наслаждение… А что за свежесть?.. Загляденье — да и только!.. Ну, ей-ей, ни дать, ни взять, хорошенький, душистый, пышный цветочек, вспрыснутый дождичком.

В четверть двенадцатого точно приехал и Зоров, однако же совсем не для того, чтобы видеть ужасную картину (которую я набросал нарочно в конце предыдущей главы), а затем, чтобы расспросить у Вольдемара, покуда еще не соберутся званые гости, прочел ли он его тетрадку или нет.

Ровно в три часа пополудни с одного конца стола, где сидело несколько мужчин, в то самое время, когда история подходила к полному развалу, Василий закричал Вольдемару:

— Да что это, братец, за лафит?.. Что за шамбертень?.. Вели-ка подавать начистоту!

— Шампанского! — провозгласил Поэт.

Пробки запукали… Чара пошла кругом… Осушив до капли вторую серебряную стопу, в которой вмещалась целая бутылка, Глюкман сказал сидящему подле него Зорову:

— Шаль-та, что я не могу пить-та польше двух этаких рюмок шампанской… Я до такой-та степени привязан к этот любезнейший молодой шеловек, что готов-та напиваться пьян.

Между тем Буклин поднес ему третью серебряную рюмочку.

— Не могу-та!.. Право-та, не могу.

— Э, да полноте!.. Как вам не грех?

— Пошалуста, не могу-та.

— Что это значит, Карл Карлович? Вы не хотите пить за мое здоровье? — сказала ему молодая хозяйка, увидев, что он отнекивается.

— Помилуйте, зударыня!.. Уж разве-та тля фас… Видна-та пес Троитсы и дом-та не строится-та.

Нечего мне рассказывать вам, что веселый пир и танцы зашли далеко за полночь; что на другой день начались визиты; что через неделю молодые задали еще один бал для всех коротких знакомых и что потом они стали жить да поживать… Все это в порядке вещей, и тут не может быть для вас ничего особенно интересного… Но сказать несколько слов о других: это дело другое!.. Да и как же иначе?.. В последней главе обыкновенно раздается всем сестрам по серьгам… Порок наказывается, добродетель награждается. Жаль, что у меня случится так, как почти случается и на самом деле, то есть что бездельники будут продолжать бездельничать, а люди честные поджидать, когда-то наступит праздник и на их улице.

Например, Никита Петрович Хворостов по-прежнему делает тихомолком добро и по-прежнему не имеет за душою ни гроша. У него собираются иногда старые друзья поиграть в вистик, и потом, по-старому же, во время сытного ужина остряк Поречной всегда рассмешит чем-нибудь всю честную ассамблею.

Добрый генерал Путов… Нет! Я не скажу вам об нем ни слова, потому что он несчастлив.

Старик Сурдинский растолстел еще более и досмеивает свою жирную жизнь… Встретив где-то Вольдемара, он закричал во все горло: «Х-ха-ха-ха! Батюшка Владимир Николаевич!.. Вы ли это, мой почтеннейший… Да это, сударь, точно вы, х-ха-ха-ха!.. Приезжайте-ка завтра, мой кормилец, на трюфели… Знатная штука, мой родимый! Х-ха-ха-ха!.. Право ну так, любезнейший!.. Приезжайте! Приезжайте!.. Я рад этаким гостям! Х-ха-ха-ха!..».

Неизменному моему другу — однокорытнику Смельскому не житье, а масленица… Вот если вам случится увидеть где-нибудь его детей, так вы верно полюбуетесь ими… Чудо, что за ребята!

Почтеннейший Бенин выдал замуж двух своих дочерей — Василий Петрович живет хоть куда!.. То ли по родству, то ли по каким другим причинам, он сделался опять самым закадычным другом Ивана Дмитриевича Арского… Бог весть! Не *приключилась* ли какая-нибудь *поставочка* и не поделились ли они по-христиански, только со стороны, право, подумаешь, что это ожили Кастор да Поллукс… Примерное согласие: вместе крадут, вместе плутуют!.. Если случится, что они пойдут *куда-нибудь* вместе *по принадлежности*, тогда я не премину уведомить об этом особенным объявлением. Теперь верно еще не пришел черед.

Раиса не выжила замужем и года: так ей было хорошо… Мир ее праху! Филисата Яковлевна, говорят, очень не дурна… Дай же ей Бог хорошего женишка.

Варинька Лажина… Но и это, господа, покуда еще тайна… Мало ли что делается в сердце девушки? Мало ли кто на кого посматривает, да нам зачем смотреть на это?

Иван Федорович Зоров дожидается, скоро ли наступит сыну Вольдемара четырнадцатый год, чтобы сказать тогда решительно, что выйдет из этого мальчика и по какой именно части сделает он переворот в целом свете: Зоров твердо уверен, что это родился *гений времен*, хотя я также отчасти уверен, что знаменитый его уписистый экстрактец из знаменитой мегалантропогенезии знаменитого Роберта Младшего по сию пору еще не читан Вольдемаром.

Искусник Глюкман продолжает пить по утрам: для поттершания-та своей-та немецкой-та фажности, а после обеда для доказательства, что — умеренность-та есть замое-та верное-та средство к зохранению нашей-та жизни.

Соничка, эта сибирячка с итальянскими порывами, раскаялась совершенно в своем минутном исступлении и уже не любит никаких раскрашенных сенников.

— Что ж из всего этого следует?.. — говорит мне какой-то мужчина, у которого цель жизни состоит в том, чтобы спрашивать, в чем состоит цель сочинений.

— Милостивый государь! — отвечаю я ему с некоторым подобострастием, которое возбуждается от сухости выражения его лица… — Милостивый государь! Мне хотелось предостеречь неопытных, чтобы они не доверяли людям, которые беспрестанно божатся и клянутся Богом и всем святым… По-моему, в них нету прока…

— Так-с!.. Но ваша история почти без завязки?

— Так же как и всякая, где истина играет главную роль.

— Кстати о ролях!.. Характер главного действующего лица не совсем-то выдержан… Сперва Смолянов завел какой-то дневник, а потом нет его и в помине.

— Благодетель мой!.. Да бесхарактерность-то и была характером Владимира Николаевича, покуда он не остепенился.

— Понимаю-с!

Не понявши, что значит это: *понимаю-с*, я от него подальше да подальше и опять воротился на старое место, чтобы проститься со всеми.

«*Вот вам и сказ*!» — сказал бы, будучи на моем месте, почтеннейший мой знакомец Андрей Михайлович Собольский, который смачивает табак чем-то подозрительным и знает все на свете законы и указы со времен Ромула и Рема до того самого дня, в который вы его увидите.

— Стало быть, ему можно и верить?.. Ведь он не божится?

Оно бы конечно и так, только вы не верьте и ему, потому что никто не может запомнить подобный сумбур человеческих затей, и кто утверждает противное, тот лжет, так же как и почтеннейший мой знакомец Андрей Михайлович Собольский, который смачивает табак чем-то подозрительным и знает все на свете законы и указы со времен Ромула и Рема до того самого дня, в который вы его увидите.

Наконец, вот воззвание к некоторым.

Я не имел намерения увеличивать сию книгу великолепными безделицами.
Я говорил совершенно просто, как будто с кем-нибудь наедине.

Персей

Конец четвертой и уж, разумеется, последней части.

Пояснения второй части

1. Так зовут в Сибири ссыльных. Это название обратилось в имя существительное.
2. Буран — сильная метель, сильная вьюга.
3. Бел**о**к — гора, которой вершина покрыта вечным снегом.
4. Карандас — повозка на длинных дрогах. Они тяжелы для езды, но чрезвычайно покойны и безопасны.
5. Вечерка — танцевальный вечер. Сибирячки охотницы до живых танцев; у них в большом употреблении так называемые там *шестерки* и *осьмерки*, которые очень резвы и довольно сладострастны.

Пояснения третьей части

1. Сопка. В Сибири называют сопкою или отдельно стоящую гору, или такую, которая выше других в каком-нибудь хребте. Сопки Тигирецкой долины имеют свою особенность. Они почти все правильно-конической формы, одеты мелкою зеленью и сверху каждой живописно набросаны груды камней.
2. Лев. Огромная груда камней, лежащая на вершине самой высокой горы из окружающих Тигирецкую долину… Груда сия похожа издали, снизу, на лежащего льва, почему жители и называют всю гору: *Львиною сопкою*.
3. Большой и малый Тигирек, Воскресенка, Ионыш и река Иня.
4. В Алтае и Саяне зрение обманывается чрезвычайно. В иных местах предметы приближаются до невероятности, в других бывает оптическая странность особого рода… Например, в Енисейской губернии есть одно место: едешь, кажется, под гору, а посмотришь назад, так покажется, будто ехал в гору.
5. В Сибири почти совершенно все крестьянские дома разделяются обыкновенно на две половины. В одной собственно изба, в другой чистенькая комнатка, с растворчатыми стеклянными окнами, перегороженные надвое. Она называется *светелкою*; в ней-то бывают *вечерки* и принимаются приезжие.
6. *Бухтарма* называется иначе *Плитняжною крепостью*… Около нее есть на одной высокой горе плиты, на которых видны отпечатки голой человеческой ступни.

Текст и примечания печатаются по изданию:
Соколовский В.И. Одна и две, или любовь поэта: В 4 кн. — М.: В типографии Н. Степанова, 1834.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Публикация произведений В.И. Соколовского основана на принципе максимального сохранения стилистики автора, особенностей авторского словоупотребления и построения предложений в прозаическом и поэтическом тексте. Оригинальные орфография и пунктуация в целом сохранены, за исключением явных опечаток, а также случаев написания словоформ и расстановки знаков препинания, затрудняющих современное восприятие текста (например, *охуждал* заменено на *осуждал*, устранено чрезмерное обособление частей предложения запятыми).

При этом многие формы, воспринимающиеся современными носителями языка как устаревшие (предлоги с неполногласиями *чрез*, *пред*, творительный и дательный падежи существительных и прилагательных на -ою, -ею, -ию и другие), сохранены для передачи стилистики времени. То же относится и к лексическим средствам выражения идиостиля автора. Так, например, сохранены две разновидности написания *темнедь* и *темнеть* (современное *темнота*, *темень*), сохранено *помога* (современное *подмога*); сохранено авторское написание *Поэт* (с прописной буквы), относящееся к главному герою произведения.

Сохранены формы уменьшительных *маминька, папинька, тетиника, Варинька, Володинька, Лизанька, Любинька, Соничка* и другие. Также воспроизведено авторское написание фамилии *Поречной* (вместо современного *Поречный*), имени *Василий* в родительном падеже как *Василья*.

Сохранено дефисное написание многочисленных сложных прилагательных, таких как *безмерно-длинный, верховно-ценный, ветхо-новый, вычурно-безумливый, духовно-сладкий, желанно-юный, жестоко-жгучий, заразно-лютый, игриво-огневой, отравно-желчный, раздольно-острый, упречно-горький, чудно-юный* и других, образующих сложную образную и эмоционально-оценочную систему способов авторского выражения, создающую особую атмосферу текста.

В целом при публикации все спорные случаи решались в пользу авторского написания.

Э.В. Пиванова

Исследования, посвященные В.И.Соколовскому

В.А. Чивилихин
О В.И. Соколовском

Владимир Соколовский был прочно и надолго забыт. О нем совсем не упоминается в дореволюционном «Русском биографическом словаре», в Большой энциклопедии, выходившей под редакцией С.Н. Южакова, в Больших и Литературных энциклопедиях советского времени, а Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, поместивший более шестидесяти персоналий разных Соколовых и восьми Соколовских (том 60, 1900 год), сообщает о поэте множество неверных сведений – я насчитал семь только наиболее грубых ошибок, допущенных в справке о его жизни, творчестве и кончине…

В 1929 году в одном литературном сборнике появилась большая статья Т. Хмельницкой, которая *до странности принципиально* заколачивала поэта в историческое небытие. Т. Хмельницкая писала, в частности: «Имя Соколовского возбуждает историко-литературное недоумение во всех смыслах. И прежде всего в самом буквальном – имени этого не знают… За ним укрепилась легенда поэта, вдохновленного Библией и только Библией, поэта третьестепенной величины с достаточно трагической судьбой»… «Малоизвестный и несозвучный Соколовский», как называет его в предисловии к сборнику Ю. Тынянов, стал для автора статьи примером «забытости», а Б. Эйхенбаум в сопредисловии рассматривает эту «забытость» «как факт исторически значимый». Таким образом, был предложен редкий логический перевертыш: русский поэт Владимир Соколовский известен тем, что он… неизвестен, и Т. Хмельницкая, будто опасаясь, что ее могут неправильно понять, предупредила читателя: «Я, конечно, не собираюсь воскрешать Соколовского»…

Согласитесь, такой не совсем обычный подход снижает интерес к одному из интереснейших людей того времени. Даже столь большой знаток русской литературы XIX века, как Ю. Тынянов, решился, например, написать, что Соколовский – «декадент» 40-х годов, позволяет проанализировать понятие эпигонтство», хотя его ученица Т. Хмельницкая убедительно доказывает совершенно обратное: «Он не был эпигоном – не создал своей школы и не принадлежал к другой». В своей довольно пространной работе Т. Хмельницкая старательно поддерживает стародавнюю, по ее собственному выражению, легенду о Соколовском как о поэте, вдохновлявшемся исключительно Библией.

Сижу, перечитываю все напечатанное о нем и удивляюсь, и досадую, что судьба оказалась к нему столь несправедливой. Вот передо мной толстый, почти в тысячу страниц, том литературной хрестоматии «Русские поэты XIX века», изданной в 1960 году и предназначенной для студентов-филологов педагогических вузов – «малоизвестный», «забытый», «несозвучный», «третьестепенный» и т. д. Соколовский все же попал туда, но лишь с песней «Русский император…» и тремя отрывками из поэм религиозного содержания. Легенда, то есть неправда или полуправда, бывает живучей и способна породить цепочку других, в чем я убеждаюсь, просматривая *хрестоматийную* справку о поэте. Боже, чего только не понаписано на этой страничке!

«Владимир Игнатьевич Соколовский родился в 1808 году» – безусловная правда, хотя автору справки следовало бы, как в других справках хрестоматии, добавить, где и в какой семье родился поэт, потому что слишком многое в его творческой биографии и личной судьбе связано с этими обстоятельствами. «Он учился в Московском университете, который закончил в 1832 году», – это, так сказать, легенда, а точнее, абсолютная неправда: В. Соколовский, как мы знаем, закончил в 1826 году 1-й Кадетский корпус и больше нигде не учился. Кстати, за три года до выхода этого тома хрестоматии в статье, «Вестника Московского университета» утверждалось, что В. Соколовский поступил в корпус в 1811 году, то есть в возрасте… трех лет!

Одна так называемая «легенда» порождает другие. «Соколовский в студенческие годы отличался революционным образом мыслей, был близок с передовой молодежью, состоял в дружбе с Н.М. Сатиным и через него познакомился с Герценом и Огаревым». Как мы знаем, студенческих лет у Соколовского не было, и в 1832 году он только появился в Москве. Однако куда важнее другое – в хрестоматийном издании из биографии поэта исключено шесть лет жизни в Сибири, не упомянуто о его встречах с поэтом-декабристом Владимиром Раевским, переписке со «славянином» Николаем Мозгалевским, о «Красноярской Беседе», о московском знакомстве с Александром Полежаевым, не прослежен процесс формирования В. Соколовского как политической и творческой личности, его начальные шаги в литературе. В справке утверждается далее, что В. Соколовский напечатал в 1834 году роман «Две и одна, или Любовь поэта», однако романа под таким названием не существует в русской литературе. Чисто биографические сведения завершаются следующей итоговой фразой: «В 1839 году он умер в Пятигорске от чахотки». Владимир Соколовский скончался не в Пятигорске – в Ставрополе, и не от туберкулеза, а совсем от другой болезни…

Таким образом, русский поэт Владимир Соколовский остается воистину *Неизвестным Поэтом*, но было бы полбеды, если б речь шла только о фактах его биографии! Кстати, биографические данные частично уточнены в последней (1972 год) публикации о поэте, однако эта подробная пояснительная статья в фундаментальном издании («Поэты 1820-1830-х годов», том 2, Библиотека поэта, большая серия) традиционно-односторонней оценкой творчества Владимира Соколовского окончательно обрекает его на неизвестность и вырывает из истории русской литературы довольно важную страницу.

Да, Владимир Соколовский написал множество строф, снабженных библейским орнаментом. Не стану заострять внимание читателя на их эпической хоральной напевности, на вольном обращении поэта с классическими сюжетами, взятыми из Священного писания, на особенностях его поэтической речи, характерной кое-где неправильностями или, например, неологизмами, по которым слог Соколовского распознается безошибочно и, как говорится, с первого взгляда. Последнее обстоятельство, между прочим, – удивительная вещь! Тысячи русских поэтов написали за два века миллионы строк, но если я встречу словосочетание вроде «оземленялася душа», «дивная громада тленья», «субботствовать в объятиях любви» или «исчахшая завистливость ползет», «блистающий отрадной благодатью», «мучительством себя не заскверни л», скажу: Владимир Соколовский, и никто иной!

Однако куда более удивительным представляется мне полуторавековое литературное недоразумение, связанное с именем Соколовского. Как и при каких обстоятельствах возникла и закрепилась за ним слава исключительно «религиозного» поэта?

В декабре 1836 года Владимир Соколовский был выпущен из Шлиссельбургской крепости по состоянию здоровья и ходатайству брата. Почти год просидел он в московской тюрьме на положении подследственного и почти два – в одиночке, посаженный туда без определения срока заточения. Современному человеку трудно себе представить весь ужас бессрочного одиночного заключения в самой страшной крепости России. Что думает человек, наделенный умом и талантом, бесконечными бессонными ночами в могильной тишине? Что передумал, например, декабрист Гавриил Батеньков за двадцать лет этой тишины? Уже через два года заточения, он, как личность куда более закаленная и сильная, чем Владимир Соколовский, попытался в Алексеевском равелине, согласно полицейскому донесению, «голодом и бессонницею лишить себя жизни…»

Гавриилу Батенькову, как, очевидно, и Владимиру Соколовскому, много позже революционеру-народнику Николаю Морозову, разрешали читать единственную книгу под названием «Книга», то есть Библия, всех их посещал единственный человек из внешнего мира – священник, и каждый из троих узников тяжело болел в одиночном заточении. Гавриил Батеньков был на грани помешательства, разучился говорить, Николай Морозов болел туберкулезом и многими иными болезнями, однако сумел вылечиться гимнастикой, Владимир Соколовский почти ослеп и оглох. После настойчивых ходатайств ему были выданы перья, бумага и чернила «Для занятия сочинительством молодому человеку с дарованием и весьма прилежному к словесности». И мы не знаем, выжил бы Владимир Соколовский, если б не получил возможности читать – пусть даже единственную дозволенную книгу Библию, если б не мог размышлять и писать.

Что видел он, родившийся и выросший среди могучей сибирской природы и расставшийся с нею на столько лет, когда читал, например, о том, как «смеялись холмы и рукоплескал лес»; что воображал он, бывший неуемный жизнелюбец, когда перечитывал в своем каменном мешке прекрасную легенду о любви Суламифи? И что удивительного в том, что поэтическое воображение его, отталкиваясь от поэзии, заложенной в древнем литературном произведении, «Книге», принимало соответствующее направление? Мы знаем, что этому направлению отдал свое, как стихотворец, даже Гавриил Батеньков, натура воистину титаноборческая, и что полвека спустя революционер другого поколения Николай Морозов, заключенный на двадцать лет в тот же Шлиссельбург, начал свои феноменальные научные изыскания с критического анализа Библии…

О том, что собою представлял Владимир Соколовский после освобождения, свидетельствует дневниковая запись 1837 года цензора А.В. Никитенко, о котором мы уже не раз вспоминали и вспомним еще. Вот выдержки из нее, интересные для нашей темы: «Июль 1. Познакомился на днях с автором поэмы: «Мироздание». Наружность его незначительна; цвет лица болезненный. Но он человек умный. В разговоре его

что-то искреннее и простодушное. Заглянув поглубже в его душу, вы смотрите на него с уважением… С ним очень дурно обращались, а один из московских полицеймейстеров грозил ему часто истязаниями… В крепости он выучился еврейскому языку и сроднился с религиозным образом мыслей, но здоровье его убито продолжительным заключением…»

Власти позволили на некоторое время остаться Соколовскому в Петербурге, чтобы потом «допустить к службе в отдаленных местностях». Поэту надо было начинать новую жизнь. И вот в «Современнике», впервые вышедшем после смерти Пушкина, печатаются отрывки из новой поэмы Владимира Соколовского «Альма», перекликающейся с библейской «Песней песен», а через несколько месяцев, когда поэт уже был в ссылке, огромная поэма «Хеверь», основанная на библейской легенде об Эсфири.

Не буду утомлять читателя разбором этих сочинений – нам куда важнее найти истоки *легенды*, со временем до неузнаваемости исказившей творческий, духовный, даже просто человеческий, но, главное, политический облик поэта.

Ворошу старые журналы и газеты, присматриваюсь, кто в Соколовском поддерживал это, так сказать, направление и *что именно* вменялось поэту в заслугу. Вы замечали, дорогой читатель, за литературой одну ее особенность – писатель выпускает книгу за книгой, но проходит время, и за ним числится какая-то одна, самая характерная для автора? Цензор Никитенко назвал Владимира Соколовского автором поэмы «Мироздание», хотя ко времени их знакомства у этого автора были еще две примечательные книги, необходимый разговор о которых у нас впереди…

Полуторавековой легенде о Владимире Соколовском как поэте, «вдохновленном Библией и только Библией», противоречит слишком многое. Пять раз упоминается бог в сатирической песне «Русский император…» и пародии на официальный гимн, но говорить на основании этих текстов о религиозности Соколовского – это примерно то же, что на основании «Ноэля» и «Гавриилиады» говорить о религиозности Пушкина. Возьмем, однако, стихи Соколовского, прошедшие в печать, – такие, например, как «Заря… поэт выходит в поле». Какие-то расширительные вопросы и ответы, красочные картины природы, своеобразный, легкий, не везде совершенный стих, и не вдруг понимаешь, что имеет в виду автор под «святой лазурью».

I
Моя лазурь, лазурь святая,
Высоко там из чудных вод,
В шатер мирам, в раздольный свод
Рукой могучей отлитая, –
Скажи, зачем во все века
Ты так дивна и глубока? –
Я вся затем сквозясь редею
И тайны радостной полна,
Чтобы земные племена,
Смотря на высь душой своею,
Легко *поверить* бы могли,
Что много сладкого вдали.

II
Мои атласистые травы
Мои ковры, мои шелки
Тканье властительной руки,
Мои ветвистые дубравы,
Зачем, зачем вы для души,
Так непостижно хороши! –
Мы зеленеемся так мило,
Мы так роскошливо щедры
На ароматные пиры, –
Затем, чтоб весело вам было
Идти в родную благодать,
Надеясь ею обладать.

III
Мои разлитые рубины,
Топазы, розы, янтари,
Моя игра моей зари –
Зачем по скату сей вершины

Дождишь отрадой красоты,
Моя хорошенькая ты? –
Я льюся розовым пожаром,
И хорошею чистотой,
И вся горю в красе святой
Алмазом, золотом и жаром –
Чтоб те, кому должно идти,
Любили светлые пути.

Набранные курсивом слова выделил сам автор. Но кто же она, *вера, надежда и любовь* поэта? Заря, как природное явление, в которую могли бы поверить *земные племена*? Нет, конечно! Для такого поэта, как Владимир Соколовский, ежеутренняя заря – это был бы слишком незначительный предмет. Она – для тех, «кому должно идти», – совсем другое: за нее подымали кубки будущие декабристы и Пушкин в Каменке, Пушкин и Пущин в Михайловском. *Она* – это «заря пленительного счастья».

Переставляю и сокращаю строфы «Исповеди», чтоб читатель легче вошел в страшный мир человека, испытавшего крушение всех надежд в глухую последекабристскую пору и с холодным вниманием аналитика всматривающегося в бездну своей грешной и обессиленной души.

Я знаю участь сироты;
Я в школе горестей учился;
С несчастьем с юных лет сдружился, –
Питомец нужд и нищеты.
Я рос без нежного привета:
Никто малютку не ласкал,
Я радость лишь по слуху знал;
Казалось, лишним был для света.
Я тосковал – моей печали
Никто и ведать не хотел,
Я ждал вопроса – и глядел
В глаза людей; – но все молчали…
И опыт горький утвердил
Мой холод к людям ненавистный, –
Мой друг, казалось, бескорыстный
За чувства злом мне заплатил.
Обманом мне казался свет,
Все люди повестию ложной;
Что не было, чего уж нет
Мне мнилось сущностью возможной.
И вот я, страшный эгоист,
Без правил, без добра, без друга,
Порок мне спутник, лень подруга…
В речах, делах позволил вольность,
Приличия, благопристойность
Я часто, часто нарушал.
Чего бежал – к тому стремился,
Чего боялся – то искал,
Что нравилось – того страшился,
Что пагубно – того желал.

…Я сердцем жил, и бурны страсти
Торжествовали над умом.
Печали, скорби и напасти
Ко мне стекались часто в дом.
Всегда собою недовольный,
За скудный дар я жизнь считал;
Неистовый и своевольный,
Я быстро от страстей сгорал.
Мне тесен был свободы круг;
Мне в жизни, – жизни было мало;
Для чувств – мне сил недоставало, –

И я желал жить дважды вдруг.
Но кто желает – тот грешит.
Кто недоволен – тот несчастен.
И кто злу в жизни не причастен?
Прожить свой век кто не спешит?
Да, жизнь моя скудна добром;
В ней мало веры – все безверье;
В ней мало дела – все безделье;
Обильна лживости и злом,.
Полна несбыточных желаний,
Предупреждений и забот,
Ничтожных мелочных хлопот;
Не высказуемых мечтаний…

Едва ли можно было написать подобные строки, не имея личного горчайшего жизненного опыта.

Владимира Соколовского нельзя числить только «религиозным» поэтом хотя бы потому, что одновременно с лирико-драматическими поэмами, сюжеты которых, верно, приблизительно напоминали библейские, он сочинял и печатал стихи, никоим боком не приложимые к Священному писанию. Как многих поэтов-декабристов, его тянуло, например, к русской истории. Еще до заключения в крепость он читал друзьям отрывки из поэмы «Иван IV Васильевич», а после освобождения напечатал в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» две «Свадебные песни» из этого незаконченного произведения.

А вот строки из «библейской» «Хевери»:

Ты светлою решимостью своей
Нам доказал, что и во цвете дней
Бываем мы для подвигов могучи.
И если в нас под пылом знойных дел
Душа – тверда, взгляд – зорок, разум – смел,
Стремления к избранному – кипучи,
То можно нам по всякому пути
С величием и с честию пройти!..

Владимир Соколовский – сложный русский литератор, умевший иносказательно преподносить свои социально-утопические грезы и демократические идеи в искусственной ветхозаветной упаковке. Он заслуживает звания «религиозного» художника не в большей степени, чем Данте с его «Божественной комедией» или Мильтон с «Потерянным раем», чем живописец Рафаэль или скульптор Микеланджело.

Вроде бы неправомерно ставить «третьестепенного» русского поэта Владимира Соколовского рядом с гигантами мировой культуры, но что такое мера в непрерывном творческом потоке человеческого самопознания, в недоступных во все времена строгой науке глубинных связях искусства и жизни, загадок человеческой памяти? Очень хорошо на эту тему пишет киевский исследователь В. Скуратовский: «Пожалуй, самой важной и самой яркой чертой современного историко-культурного «припоминания» является убежденность в непреходящей ценности любого, пусть самого скромного, движения человеческих мыслей и чувств, отлившегося в письменную или печатную страницу, ставшего стихотворением, статуей, живописным полотном, музыкальным произведением… Толстой говорил, что любовь великого мыслителя и обыкновенного человека равноценна. Нечто похожее ранее утверждал Гоголь, высказавший головокружительно глубокую мысль о том, что в истории литературы нет мертвецов. По Гераклиту, огонь живет смертью земли. Но в мире словесного творчества ни одна стихия не живет смертью другой, даже если именно она вытесняет. ее на окраины литературы. Как это ни странно звучит, вселенная литературы со всеми ее многочисленными олимпами и, казалось бы, навечными репутациями совершенно не иерархична. Во всяком случае, здесь «великое» нисколько не отменяет «малого», здесь небо держат, не только атланты. В этом мире каждый приставлен к решению той или иной человеческой задачи, а ведь все человеческие задачи важны – вне зависимости от того, кто их решает, великан мысли или ее незаметный труженик».

На этом, дорогой читатель, можно было бы и закончить наше путешествие в литературное прошлое, связанное с «забытым», «неизвестным», «третьестепенным», «несозвучным» поэтом Владимиром Соколовским, вдохновлявшимся якобы «Библией и только Библией», но мы еще не поговорили о самом существенном в его творчестве, без чего этот оригинальнейший русский литератор остается воистину неизвестным. Даже приблизительное знакомство с двумя его не совсем обыкновенными произведениями развеет огорчительное– стародавнее недоразумение, позволит правильнее определить место этого автора в общественно-литературном процессе прошлого века, место, бесспорно, более значимое и достойное, чем

это считается до сего дня, и приблизит к разгадке некой тайны, которая волнует меня с тех пор, как я впервые взял в архиве Октябрьской революции дело «О лицах, певших в Москве пасквильные песни».

Сразу после «Мироздания» (1832) выходят еще две книги Владимира Соколовского – «Рассказы сибиряка» (1833) и «Одна и две, или Любовь поэта» (1834). Они были напечатаны мизерными тиражами в Москве, с тех пор ни разу не переиздавались, давным-давно стали библиографическими редкостями, и далеко не каждая из фундаментальных наших библиотек их имеет. Помню, занимался я в фундаментальной московской библиотеке, расхоже называемой именно «Фундаментальной», а в официальном своем имени четырежды повторяющей слово «наука»: «Научная библиотека Института научной информации по общественным наукам Академии наук СССР». В ней числится, худо-бедно, семь миллионов томов! Поэма Владимира Соколовского «Мироздание», переизданная в 1867 году с портретом автора, – это была последняя по времени отдельная книжка поэта, увидевшая свет, – нашлась, а вот «Рассказы сибиряка» и роман «Одна и две, или Любовь поэта» не попали даже в такое огромное книжное *научное* собрание. Удивился, хотя и не очень, – знать, слишком мало экземпляров было отпечатано, и от тиражей почти ничего не осталось за полтора-то века. Но когда я все же разыскал их в благословенной Историчке да прочел, то удивился не столько тому, что они все же дошли до нас, сколько тому, что *такие* книжки вообще появились в начале 30-х годов прошлого века – под пером автора, разрешительной подписью цензоров и на прилавках книготорговцев.

Когда я взял в руки «Рассказы сибиряка», маленькую, скромно изданную книжицу, то с удовольствием подумал, что вот прочту сейчас сборник рассказов одного из первых сибирских прозаиков, узнаю, как Владимир Соколовский видел свою и мою родину тех лет, ее людей, природу, что его заботило и волновало в жизни, был ли он приверженцем модного в те юные годы русской прозы романтического стиля, как в ней насчет «религиозности», короче, любой читатель поймет меня, раскрывшего *неизвестного* Соколовского.

Никакой Сибири, однако, в «Рассказах сибиряка» – по крайней мере, на первых страницах – не оказалось. Начал бегло просматривать сочинение; это были совсем не рассказы, а что-то совершенно неожиданное по жанру, странное, бесформенное и вроде бы пустое. Стихотворный эпиграф, и дальше в тексте обрывки стихов, в самом начале и потом между строфами прозаические и дурашливые обращения к какой-то «прелестной Катиньке», глуповатые шутки, потом, откуда ни возьмись, имена первых монгольских ханов появились, о них что-то смутное и слишком много, затем еще более смутное и пространное в прозе и стихах об учении Шагя-Муни, и опять «прелестная брюнетка» Катинька, остроты, каламбуры, вставные насмешки над всем, что попадется под руку, и так по всему тексту… Какие-то Ориенталисты, имена совершенно невообразимые, например Сакая-Гунге-Гила-Джан… Ну, хотя бы что это-то такое? Значит, так – «любезный мой Гуюк», хан монгольский, заболел будто бы водянкой и вызвал из Индии некоего ламу Сакая-Гунге-Гила-Джана… «Что ж вы так иронически улыбаетесь, господа Ориенталисты?.. Верно, я переиначил это варварское имя; но вспомните, ради Бога! вспомните знаменитого Фернейского часовщика (то есть Вольтера. – *В. Ч.*); потрудитесь развернуть его Essai sur l'histoire universelle; посмотрите только, как он жалует Бориса Годунова в Beris Gudenou, и Гришку Отрепьева в Griska Outropoyia, полюбуйтесь этим – и будьте ко мне снисходительны…»

Для людей, знающих французский, это немного смешно, и автор потешает читателя дальше примерно в том же безобидном духе, и начинаешь заглядывать то туда, то сюда, досадливо и торопливо перелистывать все сто тридцать страниц этой литературной галиматьи, пока не добираешься до последней прозаической фразы, сообщающей о том, что автор зевает под занавес, просит Господа простить его согрешения и засыпает.

Прежде чем отложить книжку, пролистываю ее в обратном порядке и вдруг натыкаюсь на нечто серьезное в стихах, намекающее на более серьезное в жизни. А вот обрывок шутливого прозаического абзаца о Чингисхане: «Вы знаете, что это был человек, который не любил шутить… В то время не было недостатка в больных и раненых». Нет, «Рассказы сибиряка» надо выписать на дом, чтобы прочесть внимательно!

Берусь просматривать роман «Одна и две, или Любовь поэта». Издан четырьмя компактными книжками в прекрасном старинном переплете с желто-коричневыми красивыми разводьями по глянцевой оклейке, вступительным рисунком – барин и слуга, эпиграфом к первой главе «Уговор – лучше денег» и пояснением: «Обветшалая русская поговорка». Жанр определен как «роман из частной жизни» и, кажется, не может претендовать на большее – в нем описана банальная история любовных увлечений начинающего поэта, выпускника столичного кадетского корпуса, отставленного от военной службы и пытающегося найти путь к чиновничьей карьере в Сибири, под крылышком отца. Канва явно автобиографична – даже зовут главного героя Владимиром и приезжает он в Томск, где служил губернатором, точнее, начальником губернии, отец автора.

Написан роман, как и «Рассказы сибиряка», в легкой шутливой манере, и отдельные цитаты едва ли дадут о нем какое-либо представление, но что же мне делать, если слова, характеризующие это редкое произведение русской литературы, повисают в воздухе, а большинство моих читателей никогда не смогут его прочесть?

Вот наш герой катит в Сибирь, и спутник его, томский чиновник, каждые два часа предлагает: «Не богоугодно ли и вам укрепить свой желудок?» – всякий раз опрокидывая перед тем стаканчик, то есть, как сказали бы некоторые наши современники, «*не просыхает всю дорогу*». «Раз как-то Вольдемар увидел, что при самом восхождении солнца его спутник был сильно *восторжен*. Принимая в нем участие, молодой человек сказал ему:

– Помилуйте, Захар Алексеевич, как это вы не бережете своего здоровья?

– Позвольте спросить, в каком именно отношении?

– Да хоть бы в отношении к вину… Посмотрите, утро только что начинается, а вы уже препорядочно веселы, мой любезный.

– Эх, Владимир Николаевич!.. Куда как вы неопытны, как посмотрю я на вас! Разве вы не изволите знать поучительного старинного присловья, что ранняя птичка – носок прочищает, а поздняя птичка – *носок прочищает*».

Подобных невинных сценок в романе множество, но автор чаще заменяет монологи и диалоги остроумным их пересказом и совсем не отвлекает читателя пейзажами или описаниями обстановки. Весь путь героя из Петербурга до Урала, *обогащенный* лишь одним попутным знакомством, вместился в единственную фразу. Вынужденный покинуть в столице предмет своей пламенной любви, «…до Мологи он обливался слезами; от Мологи до Нижнего – он плакал; от Нижнего до Казани – он грустил очень; от Казани до Перми – он грустил, да не очень; от Перми до Екатеринбурга он даже улыбнулся, будучи у некоторых знакомых своего отца: там, между прочими, понравился ему некий муж глубокой учености, удивительной правоты и примерного нелицеприятия, который рассказал простодушно, что он пользуется хорошим состоянием по милости покойного своего деда, бывшего *Дотр-Метелем* при Дворе Императрицы Екатерины; что *ботаника* есть наука чрезвычайно полезная для торговли и что мы, русские, за ее введение обязаны блаженной памяти Императору Петру Великому, который не погнушался своими державными руками построить первый *бот*».

Герой романа Владимир Смолянов, побывав в Томске, Барнауле, Горном Алтае, потом в Москве и Нижнем Новгороде, пережил несколько любовных соблазнов и выдержал немало тяжких испытаний от предательства друзей и укуса собаки до краха всех своих надежд и неудачной попытки самоубийства. Но вот все вроде бы пришло к счастливому концу – его единственная любимая Лизанька, оставшись, по ее собственным намекам, девушкой-вдовой после кратковременного полузамужества и нежданной смерти престарелого молодожена, идет наконец под венец с Вольдемаром Смоляновым и, естественно, становится его супругой. Предпоследняя глава романа «Страшное утро» завершается так. Собравшиеся гости и родственники, в их числе и брат героини Буклин, ждут молодых, но спальня до полудня заперта. Вдруг оттуда доносится жуткий, «едва человеческий» хохот. Встревоженная маменька молодой счастливицы заглянула в замочную скважину, в бесчувствии упала ниц, а брат вышиб ногой дверь и… «окостенел всеми членами». Правду сказать, было от чего!

«Перед ним лежала на полу его милая сестра, которую он любил почти до безумия… Она была изрезана ножом и искусана зубами… Развороченные ребры левого бока, вполовину сломанные, вполовину приподнятыя торчали в разных направлениях, обагренныя кровью… Открытая внутренность еще трепетала… Подле несчастной сидел на полу Вольдемар и изредка погружал ножик в свежия места… Пена била у его рта… Он взглянул на вбежавшего друга своего и снова захохотал своим диким хохотом…»

«– И неужели это ужасное происшествие случилось в самом деле? – спрашиваете вы меня… Да, милостивые государыни, в самом деле, только надобно вам сказать правду, что оно случилось вовсе не с молодыми Смоляновыми, и я рассказал об нем для того, чтобы только попугать вас»…

Все в романе заканчивается вполне благополучно – тихим обывательским счастьем героев.

Снова пролистываю все четыре книжки романа и прихожу к выводу, что его тоже необходимо взять домой для основательного прочтения – в нем было что-то общее с «Рассказами сибиряка», в которых среди словесной белиберды встретилось совсем нежданное, требующее осмысления и даже будто бы расшифровки. А тут около тысячи страниц, и я, уже зная, на что способен Владимир Соколовский, был почти уверен, что на этаком-то просторе он не упустит возможности выразить свои заветные мысли и чувствования каким-либо способом – подтекстом, иносказанием, намеком, недомолвкой, семантической неоднозначностью русского слова или совсем неожиданным и свежим литературным приемом. Он ведь и в жизни был человеком нежданно-рискового поведения и озорного острословия, рассчитанного на умных слушателей. Стоит вспомнить хотя бы его ответ на обвинение следователя в оскорблении августейшей фамилии, однако *фамилии* Романовых он действительно не оскорблял, только имена!

Когда я дома внимательно прочел шутливые «Рассказы сибиряка» и плутовской роман «Одна и две, или Любовь поэта», то постепенно пришел к твердому выводу, что обе эти вещи представляют собой *оригинальнейшие и очень серьезные остросоциальные произведения, сравнить которые не с чем даже в такой многообразной и необъятной литературе, как русская*.

«Одна и две, или Любовь поэта» действительно имеет все жанровые признаки классического плутовского романа. До В. Соколовского русской читающей публике была известна сатирическо-бытовая «Повесть о Фроле Скобееве», позже появились «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины» М. Чулкова, «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» В. Нарежного, «Иван Выжигин» Ф. Булгарина и другие произведения, но роман «Одна и две, или Любовь поэта» превосходит все предшествующее во многих отношениях, о чем большой разговор у нас впереди…

Затрудняюсь определить жанр «Рассказов сибиряка». Это не проза, не поэзия, не популярное историческое переложение, не сатира на современность, не литературный манифест, не веселая пародия на

традиционные жанры, не политический памфлет, хотя элементы и первого, и второго, и пятого, и десятого присутствуют в этом странном, ни на что не похожем сочинении. В какой-то мере он с первого взгляда напоминает «Странника» А. Вельтмана, однако, присмотревшись, видишь, что автор мастерски мистифицирует читателя, скрывая за формой то, что он хотел сказать по существу.

В поэтическом эпиграфе ко всему сочинению Владимир Соколовский предупреждает читателя:

Слова высокой притчи правы!
Всему есть время: для труда,
Для слез, для смеха, для забавы, –
И вот вам *шалость*, Господа!

Правда, догадки о том, что это далеко не шалость, закрадываются с первой же страницы основного текста.

«Честь имею рекомендоваться вам, прелестная… Вот хорошо!.. чуть было не сказал: прелестная Катинька… Конечно, тихомолком вы, может быть, и согласитесь со мною, что такая простота сердца чрезвычайно мила,

Но тут поставить надо: но,
Затем, что простота в смешное
Обращена людьми давно,
И все мы *чувствуем* одно,
А *говорим* совсем другое…»

Авторский курсив противительных слов в самом начале «Рассказов сибиряка» – своеобразный ключ к жанровым особенностям и смыслу этого довольно сложного произведения, аналогов которому, повторяю, я что-то не могу припомнить. Владимир Соколовский, подготовляя читателя к разгадке его замысла, почти напрямую говорит о том, что считать это произведение тем, чем оно преподносится в эпиграфе, то есть – шалостью, есть «простота сердца», и автор далее будет *говорить* одно, а *подразумевать* и чувствовать совсем другое.

На читательскую сообразительность, на *понимание* рассчитан и своеобразнейший эпиграф к роману «Одна и две, или Любовь поэта». Он выполнен, как это ни странно, графически, с краткой подписью под рисунком. Для иллюстрации романа «из частной жизни» с любовной историей, лежащей в основе всего сюжета, вроде уместнее всего было бы изобразить интимную пару главных героев. Однако на рисунке изображен мимолетный эпизод, связанный с рассказом второстепенного героя произведения. В тексте ему соответствует утренний *разговор* этого героя, собравшегося в тот день сделать предложение, со своим слугой:

«– Петрушка!.. Бриться!.. духов!.. новый виц-мундир!.. новые эполеты!.. все новое!.. Понимаешь?» – «Понимаю-с, Петр Петрович!»

Мне показалось, что он сделал ударение на слове *понимаю-с*, и я закричал на него:

– «Врешь, дурак!.. ты ничего не понимаешь». – «Я ничего не понимаю, Петр Петрович». – «Ну, то-то же! Бриться!» – «Готово-с»… – «Разбавь-ка о-де-колон водою и подай мне в стакане»… – «Понимаю-с! Стало быть, изволите кушать у Григория Федоровича?» – «Нет, меня просил к себе Смолянов» – «Понимаю-с!» – «Послушай, не смей говорить, что ты что-нибудь понимаешь. Слышишь?» – «Понимаю-с, Петр Петрович! Я не буду понимать-с!..». И вот на единственном рисунке, открывающем роман, стоит спиной к читателю Петрушка, а в глубине комнаты Петр Петрович встрепанно подымается с кресел и смотрит мимо слуги нам в глаза, будто внезапно осененный. Подпись под клише состоит из единственного слова: «Понимаю-с!»

И рисунок этот, и символическая подпись под ним, и весь роман, как я, извините, понимаю, тоже своего рода мистификация, скрывающая за условной пародийной формой немало достаточно серьезного. Вроде бы безобидно-шутливо, но на самом деле остросатирически рассказывает Вольдемар Смолянов – Владимир Соколовский о чиновниках, генералах, провинциальных девицах и львицах, ничуть не жалея ни предмета своих увлечений, ни отца родного, ни себя самого. Сей шутовской роман, переполненный каламбурами, анекдотами, эпиграфами и изречениями, насмешками над традиционным литературным стилем, комичными ситуациями, гротесковыми портретами, написанный удивительно живо и легко, нашел бы и сейчас, полтора века спустя, своего читателя и почитателя, потому что автор применил вернейшее, быть может, единственное оружие против *пошлости*, кажется, вечной, как сама жизнь, – смех, чаще иронический, добродушно-снисходительный, чем язвительный или горький, но этим, однако, далеко не исчерпывается значение этого редчайшего произведения русской литературы, *единственного* в своем роде.

На страницах «Рассказов сибиряка» и романа «Одна и две, или Любовь поэта» чуть ли не впервые в нашей словесности прорезывается голос литературного полемиста-пародиста, который в полную силу зазвучит новыми голосами лишь в шестидесятые годы.

Во все времена художественные принципы были неотделимы от идейных, и Владимир Соколовский зовет к новой литературе: «...Право, пора и нам, Русским, знать совесть, пора оставить эти обветшалые крайности, эти неестественные преувеличения, которые смешат всех честных людей... К чему эти *Прямодушины*, эти *Простаковы*?.. К чему этот целый дом людей отличных, или наоборот, эта безобразная картина глупостей и пороков, которые гнездятся под одною кровлею?.. К чему эти *Софьи*, которые никогда не дают промаха; которые влюбляются и разлюбляют по каким-то высшим вычислениям?.. Как позабыть, что зло и добро давным-давно перемешаны и что на свете нет совершенства?..»

Снова раскрываю «Рассказы сибиряка».

То и дело прозаическая фраза продолжается стихами, в другом месте стихи переходят в прозу; безобидная шутка соседствует со злой насмешкой, ирония переходит в сарказм, а полусветская болтовня вдруг и вроде бы мимолетно сменяется серьезным раздумьем о жизни, и читатель, выхватив глазом то, о чем воистину думает автор, снова погружается в словесную ерунду. «Знаете ли, прелестная Катинька, от чего кругом нас такая суета?.. От чего все люди, разумеется, выключая только вас одних, делают столько дурачеств?..

Всегда под палкою судьбы,
Они, невежества рабы,
То от безделья закричат,
То от насилия заплачут,
То от бессилия смолчат?»

На этот вопрос, в котором содержатся довольно смелые для последекабристской поры утвержденья, следует ни к чему не обязывающий ответ: «Все это именно от того, что люди, почти никогда не начинают своих дел с начала», – затем опять идут отвлекающие, пустые строфы и строки о любви и супружестве...

В романе таких публицистических остросоциальных вставок нет, однако есть немало такого, что появилось в русской прозе впервые. Сам жанр плутовского, иронического романа, не получив у нас дальнейшего развития, стал уникальным литературным опытом Владимира Соколовского, а среди его отдельных достижений надо бы отметить гротесковый портрет. Вот, например, сибирский лекарь-немец, который пользует в Барнауле Вольдемара Смолянова: «Природа, бесконечно разнообразная в своих творениях, жестоко подшутила над обстановкою частей тела этого ученого мужа. Голова его, большая и круглая, как будто кочан, без всяких околичностей лежала прямо на плечах... За тем следовал живот, который служил образцом мастерского и презанимательного механического опыта, до какой степени может растягиваться человеческая кожа. К этому-то любопытному туловищу прицеплены были в надлежащих местах коротенькие ножки и коротенькие ручки. Каждая из двух последних вотще протягивалась к своей родимой сестрице, чтобы дружески пожать ее: везде огромное пространство разделяло их оконечности и только у одного рта оне вполне осязали взаимное прикосновение».

И еще одно совершенно нежданное открытие. Каждая из шестидесяти глав романа окольцована изречениями – около ста двадцати изречений-эпиграфов, заслуживающих того, чтобы поговорить о них отдельно. Подписаны они именами мудрых мужей – философов, историков, поэтов, полководцев, выдающихся государственных и церковных деятелей и на первый взгляд как бы демонстрируют исключительную эрудицию и начитанность автора. Посудите сами: Аристотель, Софокл, Ювенал, Гораций, Саади, Гете, Фильдинг, Руссо, Юнг, Виланд, Франклин, Гельвеций, Плиний, Цицерон, Демокрит и так далее, включая каких-то безымянных мыслителей и превеликое множество совершенно не известных современному читателю, а также, бесспорно, выдуманных имен. Эпиграф «Одно слово может все испортить» приписывается, например, китайскому историку Сээ-Ма-Коан'гу, «Дела имеют также свою зрелость, как и плод» – Клементию XIV, а одно латинское краткое изречение подписано даже так: «Не знаю кто». Никакого китайского историка с невообразимым именем Сээ-Ма-Коан'г никогда не было на свете! Римский папа Климентий XIV существовал, но мысль, якобы принадлежавшая этому святому отцу, пронзительно банальна, в ней столько же мудрости, как, скажем, в изречении некоего гипотетического Алкуина, *дьякона* Йоркской церкви: «Каждому предназначена своя участь, которою он должен быть доволен», в сентенции Шевиньяра-де-ля-Паллю: «Не требуйте от молодого человека степенности старика» или, скажем, в мнениях, приписываемых Горацию: «По-моему, ничто не может сравниться с истинным другом», Аристотелю: «Надежда есть сон человека бдящего» и так далее.

Великолепны и «Разговоры», предпосланные автором к некоторым главам в качестве эпиграфов. Приведу хотя бы один пример, в тексте которого явно сквозит политический оттенок. «Некий Чиновник Парижской полиции: «Мне кажется, что такой человек, как вы, должен помнить о подобных вещах». Корбинелли: «Да, Милостивый Государь! Но перед таким человеком, как вы, я не такой человек, как я».

И снова благоразумные сентенции: «Величайшее благо смертных есть любовь». «Молчаливость есть украшение женщины». «За неимением гвоздя – теряется подкова; за неимением подковы – теряется лошадь; за неимением лошади – погибает всадник: его настигнет и убьет неприятель».

А вам, дорогой читатель, эти *мысли* не напоминают что-то очень знакомое?..

Гробница есть памятник, воздвигнутый на рубеже двух эпох.

Глупость прошедшая весьма редко предостерегает от глупости настоящей.

Держите голову в прохладе, ноги в тепле, не отягощайте желудка – и без всякой боязни насмехайтесь над докторами.

В наше время друзья похожи на дыни: из полсотни насилу выберешь одну хорошую.

Узнали? Конечно же, это знаменитый русский писатель и мыслитель, работавший по совместительству директором Пробирной Палатки, блаженной памяти Козьма Прутков!

Творческий диапазон Козьмы Пруткова был довольно широк – он сочинял стихотворные пародии, драмы, басни, комедии, псевдонаучные трактаты. Они отслужили свое в литературной жизни середины XIX века, порядком забылись, хотя и перепечатываются во всех собраниях сочинений автора, который в памяти русского читателя прочнее всего вошел как создатель своих бессмертных «Мыслей и афоризмов». Напомню некоторые из них, чтобы можно было сравнить это классическое пиршество ума с изречениями его никому не ведомого предшественника.

Никто не обнимет необъятного!

Только в государственной службе познаешь истину.

Отыщи всему начало и многое поймешь.

Что имеем – не храним, потерявши – плачем.

Глядя на мир, нельзя не удивляться!

Щелкни кобылу в нос – она махнет хвостом.

Все говорят, что здоровье дороже всего, но никто этого не соблюдает.

Многие люди подобны колбасам: чем их начиняют, то и носят в себе.

Если на клетке слона прочтешь надпись буйвол – не верь глазам своим.

Не совсем понимаю, почему многие называют судьбу индейкою, а не какой-либо другою, более на судьбу похожею птицею.

И Козьма Петрович Прутков, конечно, не отказался бы подписаться под такими, например, глубокомысленными словами:

Но обратимся к животным. Их виды неисчислимы. Одне из них имеют две ноги. Одне из них ходят, другие ползают.

Все сии вещи непроницаемы для человеческого разума.

Непорочность есть самое лучшее украшение хорошей жизни.

«От кого ты научился мудрости?» – «От слепых, которые не подвинут вперед ноги, не попробовав сперва палкою того, на что они хотят ступить».

Если бы весь свет открылся вдруг нашим взорам, что бы мы тогда увидели?

Большая книга есть большое зло.

Современная литературоведческая цитата о Козьме Пруткове: «Его „мудрые“ изречения давно укрепились в устной и литературной речи, мы постоянно применяем их к явлениям и вопросам текущей жизни». И это безусловная правда о Козьме Пруткове, созданном в 50-х годах Алексеем Константиновичем Толстым, братьями Алексеем, Александром и Владимиром Жемчужниковыми. Известный в прошлом историк литературы Н. А. Котляревский, читавший лекции на Бестужевских курсах, писал: «Козьма Прутков – явление единственное в своем роде: у него нетни предшественников, ни последователей». Неправда. У Пруткова были предшественники. А впервые во всем величии оригинального русского философа таковой явился под разными знаменитыми и никому не известными именами в романе Владимира Соколовского «Одна и две, или Любовь поэта» почти за четверть века до своего всеобщего признания. Козьма Прутков удостаивается обширных персоналий во всех литературных и нелитературных энциклопедиях, я же недавно обнаружил, что множество знакомых мне литературоведов и критиков, в том числе и писавших статьи, предисловия и книги о Козьме Петровиче Пруткове, даже не подозревают о том, что он сам был в какой-то мере учеником и подражателем «неизвестного» русского литератора Владимира Игнатьевича Соколовского. Кстати, Алексей и Александр Жемчужниковы воспитывались в том самом 1-м Кадетском корпусе, который окончил Владимир Соколовский, и о нем и его романе мог рассказывать новому поколению воспитанников учитель словесности А. Л. Белышев, умевший артистично преподносить с кафедры героев сатирической литературы…

Вспоминаю также, что были в нашей сатирической литературе начала прошлого века произведения, авторы которых из цензурных соображений выдавали их за переводы, например, с маньчжурского. Мастером этого литературного приема следует признать Владимира Соколовского, который блестяще применил счастливую находку в «Рассказах сибиряка».

Несомненно, Владимир Соколовский интересовался средневековой монгольской историей. Сведения о ней он мог почерпнуть скорее всего из книг ученого монаха Иакинфа, члена-корреспондента Академии наук Никиты Яковлевича Бичурина. В этом меня убедило сравнение написаний сложных монгольских имен в «Истории первых четырех ханов из дома Чингисова» Соколовского. Возможно также, что Владимир Соколовский, подобно Пушкину и Белинскому, Зинаиде Волконской и Владимиру Одоевскому, И. Крылову,

Н. Некрасову, М. Погодину, декабристам Александру Корниловичу и Николаю Бестужеву и многим-многим другим, лично знал этого выдающегося востоковеда, – в «Рассказах сибиряка» поэт вспоминает некоего ориенталиста, подарившего ему тетрадку с выписками из монгольских духовных книг. Не уверен, был ли в России тогда еще хоть один писатель, изучавший два столь отдаленных языка – древнееврейский и монгольский. О том, что Владимир Соколовский действительно занимался монгольским языком, я узнал из полицейской описи его бумаг, взятых при аресте. Опись хранится в том самом деле «О лицах, певших в Москве пасквильные песни», где протоколы допросов так нежданно свели имена Николая Мозгалевского, Владимира Соколовского, Александра Герцена и Николая Огарева. В полицейской описи, составленной 21 июля 1834 года при аресте Владимира Соколовского, значатся «тетради о нравах монгольского народа» и «катехизис на монгольском языке». Однако под пером сатирика изложение религиозного учения монголов в «Рассказах сибиряка» орнаментируется совершенно неожиданными подробностями и комментариями. Не знаю, утверждает ли учение буддистов, например, что в «пространстве не может быть пустоты», или это положение всего лишь повод для следующей стихотворной вставки Владимира Соколовского с его курсивными словами:

Я эту мысль не принимаю,
Она – нелепая мечта.
И я, по опыту я знаю,
Что есть в *пространстве пустота*:
В нем важно место занимая,
Торчит иная голова,
И умной кажется сперва,
А ведь какая уж *пустая*.
Во всем собаку съел иной,
А смотришь – сохнет и худеет,
Затем, что с полной головой
Пустой желудок он имеет.
Иной везде нашел обман,
Не удается все иному,
И он хлопочет *по-пустому*
Затем, что *пуст* его карман…

Вот это «восточный ориентализм», вот это шалость! После пространного шутливого переложения начальной монгольской истории, связанной с именами Чингиз-хана, Угудэй-хана, Гуюк-хана, Хубилай-хана, религиозных и философских концепций Древнего Востока Владимир Соколовский приступает к третьему, главному рассказу, за которым тут же следует новая мистификация – многостраничная финальная поэма о любви, обращенная все к той же воображаемой собеседнице Катиньке…

Владимир Соколовский не переиздается больше века, в программу вузов не входит, солидно молчат о нем энциклопедии. Даже в «Краткой литературной энциклопедии», где следовало бы поместить его персоналию, нет этой фамилии! Удивительное дело – в этом энциклопедическом *литературном* справочнике значится, например, пятнадцать разных Гонсалесов, двенадцать Смитов, одиннадцать Мюллеров, восемь Гордонов, двадцать шесть Ивановых, девятнадцать Поповых, шестнадцать Соколовых, а какого-либо упоминания о Соколовском В.И. не сыскать во всех девяти томах. Названы, кстати, все члены московского герценовского кружка, кроме В. Соколовского, имевшего к 1834 году в отличие от А. Герцена, Н. Огарева, Н. Сатина, Н. Сазонова уже три полноценные книги, заполнившие особую страницу в истории русской литературы.

И, честное слово, не могу понять, как это бесчисленные наши литературоведы и критики просмотрели два наиболее важных произведения Владимира Соколовского! Единственная толковая рецензия на «Рассказы сибиряка» появилась в 1833 году в «Московском телеграфе», а роман «Одна и две, или Любовь поэта» не разбирался ни разу, хотя оба эти произведения несколько раз вкупе упоминались в статьях.

Возвращаясь к «Рассказам сибиряка», я должен подытожить очевидное и неоспоримое: *в тяжелую последекабристскую пору Владимир Соколовский был единственным русским литератором, сумевшим опубликовать остросоциальное произведение, злую сатиру на царя и самодержавный строй России*.

И еще нам нужно повнимательней прочесть некоторые странички романа Владимира Соколовского «Одна и две, или Любовь поэта». От первой до последней строки автор его издевается, в частности, посредством блестящей коллекции придуманных эпиграфов, над пошлым миром тупиц, подхалимов, пьяниц, чинодралов, лихоимцев, жеманниц, вспоминает местами даже владык мира сего, и «шутливая произвольность всего повествования» – лишь камуфляж, удобная форма, литературный прием, в чем уже совершенно не сомневаешься, когда обнаруживаешь мимолетную строку, где автор откровенно признается, что у него, в сущности, нет иного оружия. Однако есть в этом романе и другие особоважные строки, которых я все же

не ожидал, хотя, увидев поначалу, что автор отправляет своего героя в Сибирь, подумал – неужто Владимир Соколовский с его смелостью, умом и поразительной способностью к литературному иносказанию не найдет какой-нибудь возможности напомнить читателю о декабристах, томящихся в изгнании? Ведь он был автором песни «Русский император…», политически остро отражающей события 1825 года, он, как мы уже однажды предположили, мог быть в числе воспитанников, 1-го Кадетского корпуса, ринувшихся 14 декабря на Сенатскую площадь.

– И что же? – спросит меня любознательный читатель. – Неужели Владимир Соколовский отважился напомнить о декабристах в своем романе? Ведь все связанное с ними было под строжайшим запретом, и наука не знает *ни одного* упоминания о них в русской печати за все 30-е годы!..

Судите сами.

Владимир Смолянов, герой романа, уже на родине, встречается с разными людьми, в шутливом тоне описывает знакомства и разговоры, и вдруг привычный иронический настрой покидает автора, когда некая сибирячка решает посоветоваться с ним: «Скажите, где сыскать человека, которому бы можно было вверить воспитание ребенка? Признаюсь вам, у меня недостает духа, чтобы нанять кого-нибудь из этих несчастных» (разрядка автора романа. – *В. Ч.*).

Последнее слово снабжено цифрой 1, взятой в скобки, и это первое примечание на 368-й странице романа имеет пояснение в конце томика: «Так зовут в Сибири ссыльных; это название обратилось в имя существительное»…

Сижу, думаю над этим пояснением, припоминаю сибирскую девичью песню о любви к несчастному, секлетному, необыкновенное нарымское брачное свидетельство – «венчан несчастной Николай Осипов Мозгалевский», Герцена, употребившего это же *имя существительное* в «Былом и думах», и радуюсь, что нашел такое место в романе «Одна и две, или Любовь поэта», сообщил о нем читателю, еще больше радуясь, что оно существует в произведении, которое якобы «красноречиво свидетельствовало о поражении Соколовского как беллетриста», и главное, что оно здесь не случайно!

В 1834 году цензорский гнет усилился. «Московский телеграф», который поместил первую вдумчивую рецензию на «Рассказы сибиряка» В. Соколовского и, по словам Белинского, «среди мертвой, вялой, бесцветной жалкой журналистики того времени… был изумительным явлением», царь закрыл своим личным распоряжением.

Поэтическая лира Пушкина в том году звучала редко. Он написал гениальную имитацию свободолюбивых «Песен западных славян» да несколько стихотворных отрывков без названий, в которых по-прежнему звучат мотивы усталости, печальные и трагические ноты – «Везувий зев открыл…», «Стою печален на кладбище…», горькие строки о Мицкевиче и это:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег.

И лишь еще одно-единственное:

Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь.
Надолго ли?.. а кажется, прошли
Дни мрачных бурь, дни горьких искушении…

В романе Владимира Соколовского «Одна и две, или Любовь поэта», напечатанном в том, 1834 году, есть приметная глава, открывающаяся великолепным эпиграфом: «Имею счастие быть Вашего Королевского Величества весьма покорный, весьма послушный и весьма избитый слуга». И в первом же абзаце ее – что-то вроде ключа ко всему роману, *ключа идейного*, поразительного по своей политической смелости и откровенности: «То плачет человек, то в радости смеется!..» – сказал бессмертный Архангельский рыбак. Мне удавалось видеть это и за собою и за другими. Впрочем, и нельзя же иначе».

«Наш век не то, что старина. Попробуй-ка Гераклитствовать над суетою сует этого юдольного печального мира – и, конечно, не минуешь желтого дома; а быть Демокритом – куда как неловко; обрежут нос, обрежут уши, укоротят язык и *при сей верной оказии* препроводят туда, где еще не ходили телята со своим достопочтенным Макаром. Надобно вам сказать по секрету, что это *местоположение* очень и очень далеко, чуть ли, например, не втрое далее, нежели от нашей главной квартиры до Лиссабона, только, кажется, совершенно в противную сторону».

Вспоминаю графический эпиграф к роману с надписью «Понимаю-с!», но совершенно не понимаю, каким чудом прошло *такое* в подцензурном издании в те времена, когда кровавая расправа над героями 1825 года еще была свежа в памяти России, когда многие из них сошли с ума или, как сибиряк-декабрист Гавриил Батеньков, числились умалишенными, а большинство их были именно из *главной квартиры* действительно препровождены в *противную* сторону от Лиссабона, втрое от него далее, туда, куда воистину Макар не гонял телят!.. Да простят меня всеведущие знатоки отечественной литературы – лишь за одну эту фразу, *напечатанную* в 1834 году, следовало бы им и всем нам вспоминать хотя бы иногда Владимира Соколовского…

Кажется, есть что-то символическое в том, что Владимир Соколовский был единственным приметным человеком того времени, пожимавшим руки декабристам в Сибири и Герцену с Огаревым в Москве! Если же внимательно рассмотреть его творчество в полном объеме, чего, к сожалению, никто из специалистов никогда не делал, то мы должны будем признать разночинцев 20-30-х годов Владимира Соколовского и Александра Полежаева литераторами, *которые политическими, творческими и биографическими данными связали цепь времен, стали необходимым крепким звенышком между декабристами, первыми начавшими организованную борьбу с самодержавием, и следующим поколением русских революционеров*.

Как могли, однако, «Рассказы сибиряка» и роман «Одна и две, или Любовь поэта» появиться в таком виде в печати? Первое произведение было, наверное, дерзко рассчитано на невнимательное цензорское прочтение. Особая тонкость заключалась в том, что Владимир Соколовский издал книгу – где бы вы думали? Воистину нельзя не восхититься изобретательностью автора – на титульном листе «Рассказов сибиряка», внешне выглядевших как шутливое стихотворно-прозаическое изложение сведений по ориенталистике, то есть востоковедению, значится: «В типографии Лазаревых Института Восточных языков». Эта уловка, кажется, частично ввела в заблуждение даже специалистов, за полтора века не заметивших в «Рассказах сибиряка» умной и злой карикатуры на императора и государственное устройство России. И не знаю, как кому, а мне было бы интересно докопаться, кто в Лазаревском институте и его типографии тогда принимал решение о наборе и печатании той или иной книги. Особенно интересно еще и потому, что в том же 1833 году из этой типографии вышли «Стихотворения» Александра Полежаева. За свою знаменитую поэму «Сашка» поэт был отдан в солдаты, сидел год в подземелье и еще четыре года потом сражался рядовым на Кавказе, а вернувшись в Москву, был сразу же морально и материально поддержан изданием своей книги в той же «типографии Лазаревых Института Восточных языков».

Мысленно подытоживаю все, что знаю о Владимире Соколовском, воображаю, сколько бы этот талантливейший человек еще мог сделать, если б не арест, заточение и болезнь, по-прежнему думаю о главной причине, предопределившей трагическую судьбу Владимира Соколовского. За истекшие полтора века никто, включая и современников поэта, серьезно не задавался этим вопросом. За что все же он без определения срока был заключен в крепость? Вспомним, что писали на этот счет люди, знакомые с ним.

Декабрист Владимир Раевский: «Владимир Соколовский, известный впоследствии стихотворением «Мироздание» и другими, а главное несчастьями, которые были следствием его пылкого характера». Оставим без комментариев причину несчастий, названную ссыльным декабристом, очень далеким от событий лета 1834 года. Цензор А. В. Никитенко: «Это человек много претерпевший. За несколько смелых куплетов, прочитанных им или пропетых в кругу приятелей – из них два были шпионы, – он просидел около года в московском остроге и около двух лет в Шлиссельбургской крепости». Тоже неточность. Владимир Соколовский не пел и не читал куплетов в кругу приятелей на вечеринке. 8 июля 1834 года, когда были арестованы его друзья, он уже служил в Петербурге.

Александр Герцен в «Былом и думах» впервые печатает текст «известной песни Соколовского», которая исполнялась на студенческой вечеринке 24 июня 1834 года. А 8 июля тайный политический доносчик Скаретка, купив на казенный счет дюжину шампанского, пригласил компанию к себе. «Все приехали. Шампанское явилось, и хозяин, покачиваясь, предложил еще раз спеть песню Соколовского. Серед пения дверь отворилась, и взошел Цынский с полицией».

В памяти русской интеллигенции, кстати, имя Владимира Соколовского всегда связывалось с этой песней – о ней и ее авторе говорят, например, меж собой герои романа А. Писемского «Люди сороковых годов», той же песне обучал своих детей писатель Н. Лесков, о чем вспоминал его сын.

Все это так, но я уже писал о том, что следствие по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни», *не доказало авторства Соколовского*. Рукописного автографа песни «Русский император…» в распоряжении полиции не было. Сам поэт, который даже не был уличен обер-полицмейстером Цынским в пении «пасквильной песни», не сознался в своем авторстве. Тогда на каком же основании, в конце концов, поэт был заточен без суда и определения срока в самую страшную крепость России, предназначенную для особо опасных государственных преступников?

Видно, ходили тогда и позже на этот счет разные слухи, частично отразившиеся в дневнике А.В. Никитенко, который писал, что Соколовскому поставили также в вину собрание нескольких факсимиле важнейших государственных сановников, которые он намеревался приложить к их биографиям, и перочинный ножик, доставленный ему в острог одним из товарищей по заключению. Допытывались, откуда он его добыл, а узник не хотел никого выдать.

Подумаем вместе. Если вина Владимира Соколовского в пении и авторстве песни «Русский император…» не была доказана, то не за подписи же «официальных лиц» и перочинный ножик, не за давнюю и вполне безобидную переписку с декабристом-совоспитанником Николаем Мозгалевским, не за участие в организации Красноярского литературного кружка, который не успел сделать ничего предосудительного, или, скажем, не состоявшегося «Тройственного союза» в Петербурге его почти год держали в московской тюрьме, а потом обрекли, по сути, на бессрочное одиночное заключение! Дело «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» было, конечно, названо условно, неточно, и песни о довольно уже давних событиях стали только предлогом, чтобы в зародыше пригасить московский очажок свободомыслия. Именно за свободомыслие были наказаны тогда совсем не певшие «пасквильных» песен Герцен и Огарев, хотя и далеко не так жестоко, как Соколовский. Герцен едва ли был знаком с «Рассказами сибиряка» и романом «Одна и две, или Любовь поэта», иначе он не сказал бы о Соколовском, что тот «не был политическим человеком». Зато высокое лицо, определившее для Владимира Соколовского столь строгую меру наказания, не только было убеждено, что именно этот вольнодумец сочинил дерзкие куплеты, но и наверняка прочло все напечатанное им и, в отличие от множества других читателей, поняло главные места в только что вышедших тогда книгах. По преданию, за восемь лет до этого царь, получив *рукопись* поэмы Александра Полежаева «Сашка», приказал доставить ему поэта, чтобы тот прочел ее вслух. Николай I, мрачно распаляясь, прослушал всю эту шутовскую поэму и, вскричав: «Это все последние остатки, я их искореню!» – тут же превратил выпускника Московского университета в узника, потом в солдата и послал под пули горцев без права выслуги.

Не искоренил. В Москве, как оказалось, не только пели пасквильные куплеты о Нем и его вступлении на престол, крайне богопротивную похабщину, прося бога казнить все августейшее семейство, – там даже выходили из печати шутовские книги с политической подоплекой, имеющей в виду Его правление и Его «друзей от четырнадцатого числа»…

Пирушка 24 июня 1834 года, в которой, кстати, Герцен не участвовал, была организована уезжавшим в Петербург Владимиром Соколовским, чтобы, как значится в материалах следствия, отметить выход романа «Одна и две, или Любовь поэта»… Только не стоит удивляться тому, что в тех же материалах нет ни слова о политическом содержании «Рассказов сибиряка» и романа. Много раньше были уничтожены почти все следы пушкинских политических стихотворений в следственных делах декабристов, много позже сожжены рукописи Павла Выгодовского – царь боялся, что «богопротивные», антиправительственные и иные сочинения этого порядка станут привлекать внимание архивистов, жандармов, историков и чиновников, имеющих доступ к секретным бумагам. Предположить, что опытнейшие полицейские и жандармские ищейки Москвы и Петербурга не заметили свободомыслия в книгах Владимира Соколовского, невозможно, как невозможно представить себе, что литератор был заточен в крепость лишь по мелким обвинениям, зафиксированным в деле «О лицах, певших в Москве пасквильные песни». Думаю даже, что определить меру наказания и решить судьбу поэта должен был сам Николай I – он не упускал из виду политических врагов и куда меньшего калибра! Косвенным признаком этого в какой-то мере можно счесть то обстоятельство, что хлопоты об освобождении Владимира Соколовского шли не через царя, злопамятность и мстительность коего были общеизвестны, а через великого князя Михаила Павловича. А Николай не мог не познакомиться с делом «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» – оно было сразу же доставлено в его собственную канцелярию, и не мог не знать главного ответчика – в каменных клетках тех лет содержались всего два сокола столь высокого полета: Гавриил Батеньков и Владимир Соколовский.

Предполагаю также, что без ведома главного распорядителя судьбами узников не могло осуществиться и освобождение больного поэта: царь, очевидно, узнал, что этому дерзейшему из его последних «друзей» и так остается жить недолго.

Осенью 1837 года по предписанию властей Владимир Соколовский едет в Вологду. Это была по сути ссылка, хотя формально поэт назначался на государственную службу – он должен был поставить в Вологде губернскую газету.

Окраина Москвы, новое здание газетного архива Ленинской библиотеки. В университете нас довольно подробно знакомили с историей русской периодики, и я помнил о том, что «Вологодские ведомости» с самого своего зарождения выгодно отличались от других губернских газет разнообразием содержания, нестандартностью, интересными, неожиданными для тех времен материалами, однако недостало у меня тогда ни времени, ни любопытства, чтобы посмотреть, как делалась эта газета, и только запомнилась фамилия главного редактора, упомянутая в учебнике, – В. И. Соколовский.

Современный – светлый, удобный зал. Тихо шуршат газетные страницы, какая-то девушка, наверно, будущая журналистка, что-то страстно шепчет в диктофон. Может, нашла какую-нибудь золотиночку в прошлом, услышала шорох маленькой волны в океане общественного бытия, зафиксированной в старой газете, волны, без коей неполон океан? А что сейчас найду я?

Через несколько минут ласково урчащий транспортер доставил на резиновой ленте толстый и тяжелый фолиант. Это были «Вологодские губернские ведомости» за 1838 год, от первого до последнего номера

сделанные под редакцией Владимира Соколовского. На открытие номера от «генваря 1 дня 1838 года» заверстаны рождественские стихи некоего Ф. Фортунатова – из последующих публикаций я узнал, что это был инспектор Вологодской гимназии, этнограф и поэт, с которым Соколовский поддерживал отношения. Стихи его, однообразные и малосодержательные, встречались и в других номерах газеты, хотя и редко, а основную часть полос занимали различные официальные сообщения, от которых, однако, веяло духом тех далеких времен. Распоряжения властей, указы, инструкции, губернские перемещения по службе. В разделе о прибывших в Вологду и выехавших из нее с первого номера мелькают военные, статские, священнические чины, купцы первых двух-трех гильдий и прочая знатная публика.

Сообщения о прибытии В.И. Соколовского нет, как нет на страницах газеты его редакторского имени. Поразился я огромным спискам из разных губерний России о сыске дезертировавших нижних чинов, бежавших помещичьих крестьян и мещан, скрывшихся от казенных недоимок; это была частичка тяжкой тогдашней народной жизни, о коей мы не имеем представления, в частности, потому, что литература тех лет не касалась столь «низких» тем… Раздел объявлений о продаже имений, домов, учреждении ярмарок, потерянных документах… И все же газета действительно была интересной!

В. Соколовский завел «Вологодскую историческую хронику», охватывающую период с 900 по 1392 год, из номера в номер печатал «Местные слова и выражения, употребляемые между простым народом в разных уездах Вологодской губернии». Публиковались географические очерки, статьи о кормлении скота разным фуражом, о разведении льна, медицинские советы. В. Соколовский вроде бы не присутствует как автор на страницах газеты, но я иногда узнавал его руку то в «Смеси» – «…один итальянский писатель издал книгу под заглавием «История 52 революций доброго и верного города Неаполя», то в сельскохозяйственных советах – о мелком репешке, например, который надобно скосить среди лета и под скирду, от мышей, а «кто усумнится в истине сего, тому стоит сделать пробу в малом виде и удостовериться; положите кусок сыру, сала или чего другого, и вы увидите, что самая храбрая мышь, соединяющая в себе быстроту Кесаря и решимость Наполеона, не отважится на приступ…»

Вывод вузовского учебника: «Вологодские ведомости» той поры были лучшей провинциальной газетой России», а ее редактор, «неизвестный поэт» Владимир Соколовский вошел в историю русской журналистики. В январе 1838 года, когда дело было поставлено и «Вологодские ведомости» начали регулярно выходить в свет, поэт получил из Петербурга только что напечатанную драматическую поэму «Хеверь». Он посылает цензору А.В. Никитенко экземпляр поэмы, который мне удалось разыскать в совершенно неожиданном месте – там, где Владимир Соколовский начинался как поэт. Книга проделала путь из Петербурга в Вологду, потом обратно, а спустя почти полвека оказалась в Томске – первый сибирский университет купил у наследников А. В. Никитенко все его собрание, в котором были книги Пушкина, Гоголя, Герцена, Чернышевского и многих других с авторскими дарственными надписями. На титуле «Хевери» – автограф Владимира Соколовского: «Благороднейшему и почтеннейшему цензору моему Александру Васильевичу Никитенке. Усерднейшее приношение от сочинителя. 1838. Январь 21. Вологда». К подарку автор приложил письмо, опубликованное в «Русской старине» через шестьдесят лет. Скрывая горечь за шутливым, легким тоном, поэт пишет о своем вологодском житье-бытье:

«Вот вам моя бедная, разруганная, преданная трем анафемам «Хеверь». Все поджидал ее и потому не писал и вам, а дождался – так занемог гораздо больше обыкновенного… Примите беззащитную, почтеннейший Александр Васильевич, под свою добрую защиту и примите ее на память от человека, который вам неподдельно предан и искренне уважает вас, – и притом совсем не потому, что есть обычай рассказывать об этом встречному и поперечному в конце каждого письма…»

Далее поэт вовсю ругает затхлую провинциальную атмосферу города, вологжан – «искариоты», «дубье», «а между тем такие сплетники, что хоть святых выноси вон, так эти двуногие животные смердят своим злоязычеством», пишет о своей привязанности к одному местному семейству, «в которое сосредоточил я всю свою земную привязанность». И если б не оно, «тогда мне привелось бы пропадать здесь ни за денежку, ни за денежку в полном и буквальном смысле слова, потому что, хотя меня прислало сюда правительство на службу и следственно на жалованье, однако ж я служить – служу, а видеть жалованья – не вижу. Конечно, я уверен, что тем, которые распоряжаются рассылками людей, не составит ничего, если они не будут получать жалованья месяца по четыре, но каково это рассылаемым, у которых в кармане так же скверно, как у Сенковского на сердце?.. Одним словом, если Петербург распек меня, то Вологда меня допекает – и говоря без шуток, влияние здешней безжизненной жизни на душу так велико, что я замечаю даже решительную перемену в своем характере, который из кипучего холеризма переходит в томный меланхолический быт. Я отказываюсь от балов и вкусных обедов, чего прежде со мной никогда не бывало, и крепко полюбил грустить. Это разрушает мою физику и потому нравится мне особенно. Не знаю, право, чем все это кончится, потому что может кончиться и радостным и печальным…».

Далее поэт намекает на некий свой вологодский роман, к коему он, впрочем, не относится серьезно, просит «в добрый час перебросить в худую Вологду небольшое посланьице на радость изгнанника», передает свое почтение семье Никитенко и т. п. Владимир Соколовский и в самом деле безнадежно полюбил юную

вологжанку Варвару Макшееву, дочь помещика, посвящал ей свои стихи, печатая их в «Русском инвалиде» и «Одесском альманахе» вместе со стихами возлюбленной, пробующей свои силы в поэзии. Обращался к ней:

И твое пройдет ненастье,
Расцветет твоя заря.
И тебя проводит счастье
По долине бытия…

Писал, однако, мало и трудно, составил было с местными любителями литературы сборник, но тот затерялся в Петербурге, а встречи с соавторами сопровождались неизменными попойками, разрушающими и без того слабое здоровье поэта. Он начал хлопотать об избавлении от холодной Вологды, в своих письмах в 3-е отделение молил перевести его, «сына печали и страдания», на Кавказ для лечения. «Возвратите обществу члена, который может быть полезен ему в гражданском быту, но должен погибнуть, как самый ничтожнейший из людей. Возвратите литературе писателя». Просили за него и петербургские литераторы.

В конце 1838 года пришло жандармское дозволение. Поэт выехал на Кавказ, однако болезнь и полное безденежье задержали его в Москве. Родная сестра, жившая здесь, отказала ему в помощи и родственном гостеприимстве. Поэт скитался по ночлежкам, и полиция отовсюду выгоняла его, рвала исписанные бумаги, не давала покоя даже в университетской клинике. Он пытался все же писать и в этом своем положении, продав, как он сообщал в одном из писем, «две последние серебряные ложки», чтобы купить писчей бумаги. Добавлял в обычном своем стиле: «Впрочем, поэт может есть и деревянной». В том же письме петербургскому приятелю он просил передать издателю Краевскому: «…когда мне удастся занять где-нибудь пятитку или если найду покупщика на шкатулку, то непременно пришлю к нему знатную оду для «Отечественных записок».

Весной он выехал на Кавказ, а осенью умер в Ставрополе, «быв одержим белою горячкою и воспалением в мозгу». Прожил он на свете всего тридцать один год. 19 ноября 1839 года «Санкт-Петербургские ведомости» поместили краткое извещение: «17 октября скончался в Ставрополе (Кавказском) известный русский поэт В.И. Соколовский…»

Отметим, тогда его называли все же «известным», и повторимся, что к нашим дням он превратился в «неизвестного»; до того неизвестного, что двухтомный библиографический указатель «Русская литература Сибири» (Новосибирск, Сибирское отделение издательства «Наука», 1976–1977), взявший на учет тысячи писателей-сибиряков с XVII века по 1970 год и перечисливший 11085 публикаций, совсем не заметил Владимира Соколовского! Досадно также, что и один из первых сибирских романистов – Александр Петрович Степанов попал в указатель по курьезному случаю: единственная справка о его журнальной рецензии в «Северной пчеле» 1828 года отнесена… к публикациям советского писателя Александра Николаевича Степанова, автора «Порт-Артура» и «Семьи Звонаревых». А ведь А.П. Степанов, как мы знаем, был автором романа «Постоялый двор», примеченного самим Пушкиным, романа «Тайна», огромной поэмы «Суворов», двухтомного исследования «Енисейская губерния», статей, очерков и стихотворений, печатавшихся в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду», «Енисейском альманахе», «Дамском журнале», «Сыне Отечества» и других периодических изданиях… Снова и снова спрошу – мы действительно «ленивы и нелюбопытны» или у нас столь короткая память?

За год до кончины Владимира Соколовского умер в Москве его товарищ по судьбе Александр Полежаев, чье захоронение на Семеновском кладбище затеряно. В своем поэтическом воображении Полежаев словно увидел его за десять лет до смерти:

И нет ни камня, ни креста,
Ни огородного шеста
Над гробом узника тюрьмы,
Жильца ничтожества и тьмы…

Могила Владимира Соколовского в Ставрополе также не сохранилась.

На небосклоне великой русской литературы Александр Полежаев и Владимир Соколовский не были звездами первой величины. Они были, повторюсь, первыми поэтами-разночинцами и, следуя тернистым, мученическим путем за декабристами, связали собою цепь времен в самую темную пору безвременья, передав эстафету русского свободомыслия Герцену и Некрасову, петрашевцам и шестидесятникам. Деспотический режим сломал это хрупкое звено, не имея сил разорвать цепи в исторической памяти потомков.

Текст печатается по источнику:
Чивилихин В.А. Память. Роман-эссе. Книга первая // Роман-газета. – 1985. – № 4.

А.В. Попов

В.И. Соколовский

«Первая игра голубой кошки с мышью»

Среди трагических жертв сурового и беспощадного режима Николая Палкина нет, пожалуй, судьбы более тяжелой и безрадостной, чем жребий даровитого поэта Владимира Игнатьевича Соколовского, творчество которого в тридцатых годах прошлого столетия было широко известно в среде передовой русской молодежи.

К сожалению, история жизни этого замечательного поэта и человека до сих пор как следует не изучена. Дело в том, что сохранившиеся биографические материалы о Соколовском крайне скудны и противоречивы. Написанные по ним краткие биографические справки полны ошибок и неточностей.

Родился Соколовский, по-видимому, в Сибири в 1808 году. Здесь же протекало его раннее детство. Когда Соколовский подрос, его определили в первый кадетский корпус в Петербурге. Директором корпуса был генерал Фридрих-Максимилиан Клингер, немец на русской службе, прошедший сложную эволюцию от известного немецкого поэта, автора нашумевшей в свое время пьесы «Sturm und Drang» («Буря и натиск»), до верного прислужника царского самодержавия. Это был человек сентиментальный и в то же время бессердечный. По словам одного из людей шестидесятых годов, «обилие и жестокость введенных Клингером телесных наказаний в настоящее время (это писалось в 1860 году) могут показаться невероятными». Есть сведения, что Соколовский не раз был жертвой утонченной жестокости Клингера.

Большое впечатление на воспитанников кадетского корпуса и, конечно, на Соколовского произвела расправа Николая I над декабристами. Известный писатель Лесков, со слов бывшего кадета Г.Д. Пахитонова, рассказал, что воспитанники корпуса укрыли 16 раненых солдат-мятежников Московского полка. Возможно, что под впечатлением этих событий и была сочинена Соколовским сатирическая песня «Русский император», посвященная событиям 14 декабря 1825 года и заканчивающаяся словами:

Царь благословенный
Грамотку вручил,
Грамотку читая,
Сжалился творец,
Дал нам Николая,
Сукин сын! Подлец!

В конце мая 1826 года Соколовский оставил кадетский корпус и был определен на службу в канцелярию Томского губернского правления. В Сибири, при помощи своего дяди губернатора Енисейской губернии А.П. Степанова и двоюродного брата П. Степанова, впоследствии известного карикатуриста я сотрудника «Искры», Соколовский знакомится с некоторыми из декабристов (в их числе с В.Ф. Раевским и С.И. Кривцовым), под влиянием которых укрепляются его передовые вольнолюбивые убеждения. В 1827 году в Красноярске было создано литературное общество, в котором приняли участие многие сибирские литераторы. Установлено сотрудничество Соколовского в «Енисейском альманахе». Хотя альманах был отпечатан в Москве в типографии Селивановского, на титульном листе книги указан город Красноярск. Соколовский принимал участие и в других литературных предприятиях сибиряков.

В 1830 году Соколовский приезжает в Москву и попадает в среду студентов Московского университета. В том же году в журнале «Галатея» печатается ряд стихотворений Соколовского. Два года спустя вышла отдельным изданием поэма «Мироздание», написанная на библейскую тему и поражавшая читателей торжественно-величавыми интонациями. Поэма была сочувственно встречена критикой; затем вышли две книги прозы: в 1833 году «Рассказы сибиряка» и в 1834 годуполупародийный «Роман из частной жизни» в четырех частях.

Отличаясь явно выраженным революционным складом мысли, Соколовский знакомится и близко сходится с рядом замечательных людей своего времени. В их числе мы видим разжалованного в солдаты вольнолюбивого поэта А.И. Полежаева, участника ряда экспедиций на Кавказе, друга и родственника Лермонтова С.А. Раевского, Н.М. Сатина, А.И. Герцена, Ф.А. Кони.

Именно в это время Соколовский написал пародию на официальный гимн самодержавной России «Боже, царя храни!» К сожалению, текст этой пародии до нас не дошел.

Уже с июня 1833 года, после того как они с Огаревым были замечены около подъезда Малого театра распевающими «Марсельезу», по непосредственному распоряжению Николая I над Соколовским и его друзьями был установлен строгий жандармский надзор.

По выражению Герцена это была «первая игра голубой кошки с мышью».

«Надеждам ты не измени»

В 1834 году, вместе с Герценом, Огаревым, Сатиным и другими, Соколовский по доносу провокатора был арестован и привлечен к ответственности по делу «о лицах, певших пасквильные куплеты на вечеринке». По показаниям арестованных, одна из «дерзких» песен была сочинена Соколовским. Как видно из документов архива III отделения, Соколовский, признанный главным виновным, оказался «единственно упорным человеком и совершенно отрицал свое авторство».

Соколовский показывал, что он якобы узнал эту песню по выходе из 1-го кадетского корпуса и что сочинитель песни ему неизвестен. Следствие тянулось несколько месяцев. Главными виновниками были признаны Соколовский, отставной поручик Ибаев, чиновник Уткин и художник Сорокин. Николай I в особой резолюции повелел Соколовского, Уткина и Ибаева оставить года на три в Шлиссельбурге и потом допустить к службе в отдаленных местах. Однако всесильный начальник III отделения граф Бенкендорф счел более целесообразным заключить Соколовского, Ибаева и Уткина в Шлиссельбургскую крепость не на три года, а «на неопределенное время». Герцен в «Былом и думах» рассказывает, что во время оглашения приговора Соколовский проявил большое самообладание и мужество.

Режим для заключенных в Шлиссельбургской крепости был ужасен. Ибаев сошел с ума. Уткин умер в каземате в 1837 году. В «сыром и темном клоповнике» Соколовский постоянно читает Библию, единственную книгу, которую ему разрешили иметь. За два с лишним года заключения в крепости он выучился еврейскому языку.

Братья Соколовского добились заступничества за него великого князя Михаила Павловича. 6 ноября 1836 года тяжело больной Соколовский был выпущен из крепости. Едва оправившись, поэт, по словам известного мемуариста И.И. Панаева, запил с горя.

В это время Соколовский знакомится с Я.М. Неверовым, другом Станкевича, Тургенева и Грановского, впоследствии директором Ставропольской гимназии. Неверов ввел Соколовского в круг своих литературных приятелей, среди которых выделялся входивший в моду молодой писатель П.П. Каменский. Товарищ Неверова по Московскому университету Каменский, вследствие одной романтической истории, повинуясь голосу сердца, отправился на Кавказ, где познакомился с братьями Бестужевыми и был в тесных дружеских отношениях с А.А. Бестужевым-Марлинским, творчеству которого подражал в своих повестях. Тогда же Соколовский знакомится с М.И. Глинкою. Автор «Ивана Сусанина» близко сходится с опальным поэтом, делится с ним своими творческими планами. По словам Каменского, Соколовский работает над либретто для задуманной молодым тогда композитором оратории. Об этом же в июле 1837 года сообщил сам Соколовский в письме к своему другу поэту А.Н. Креницину: «...Я написал финал для оратории Глинки».

На страницах литературного прибавления к «Русскому инвалиду» за подписью Соколовского появляются «Две свадебные песни из поэмы «Иоанн IV». Вторым изданием выходит в свет его поэма «Мироздание».

Соколовский ощущает большой прилив творческих сил. Он увлечен работой над драматической поэмой «Альма», основанной на сюжете из библейской книги «Песнь песней». Присутствовавший на чтении «Альмы» в кругу литераторов Каменский «унес домой душу полную неподдельного восторга». В восхищении от этого произведения был Креницын, написавший Соколовскому в год гибели Пушкина:

Надеждам ты не измени.
Нам, общей матери России,
И чудной «Альмой» в наши дни
Чудесного певца Марии
Нам замени, нам замени.

М.И. Семевский в своих «Библиографических заметках» передает, что Жуковский после прочтения «Альмы», взяв себя за голову, сказал: «Вот поэт, который убьет все наши дарования».

Однако пребывание на свободе в столице не было продолжительным. Летом 1837 года Соколовский был выслан на жительство в Вологду. Либретто для Глинки осталось незаконченным. Поэма «Альма», задушенная цензурой, не увидела света и дошла до нас только в отрывках.

Видный грузинский общественный деятель, литератор и публицист Д.И. Кипиани, активный участник грузинского заговора 1832 года, отбывал в 1832—1837 годах ссылку в Вологде, куда был назначен канцелярским чиновником, а затем в течение двух лет исполнял обязанности секретаря и правителя губернского правления. По словам Кипиани, на него обыватели и чиновники смотрели как на зверя, который, может быть, и кусается. Издатель журнала «Телескоп» Н.И. Надеждин, сосланный за опубликование «Философского письма» Чаадаева на Север в заштатный городок Усть-Сысольск и переведенный оттуда в 1837 году в Вологду, находил, что его новая резиденция — «яма немного чем лучше Усть-Сысольска!» Сообщая С.Т. Аксакову, что издатель журнала «Московский наблюдатель» В.П. Андросов присылает ему свое детище, Надеждин добавляет: «Здесь в Вологде я только один получаю этот журнал; другие и имени его не знают...»

Тяжело пришлось Соколовскому. Вскоре он нашел себе занятие, — стал редактировать учрежденные в 1838 году «Вологодские губернские ведомости». Недавно литературовед В.И. Безъязычный разыскал в архивах дело и формуляр Соколовского, рассказывающие о деятельности поэта как редактора губернских ведомостей и некоторых подробностях безрадостной жизни поэта на Севере. Им же было обнаружено большое количество писем к столичным литераторам, главным образом к известному издателю «Отечественных записок» А.А. Краевскому.

Соколовский был уже в Вологде, когда в столице увесистым томом в 244 страницы вышла из печати драматическая поэма «Хеверь», написанная на библейскую тему. Она состояла из трех частей: первая — «Болезни и здоровье», вторая — «Старость и чувство» и третья — «Ветхое и новое». Поэма вызвала появление в журнале «Библиотека для чтения» статьи Н.А. Полевого, обвинявшего Соколовского в «превратном отношении поэта к своему предмету, то есть к библейским сказаниям, и утверждавшего, что поэмы «Мироздание» и «Хеверь» не имеют ничего общего с поэзией духовной». Упрек вполне справедливый, ибо такие произведения, как «Мироздание», «Хеверь» и дошедшая до нас в отрывках драматическая поэма «Альма», убедительно свидетельствуют о том, что обращение Соколовского к библейским мотивам было не стремлением утвердить религиозное содержание, а вызвано поисками форм высокой поэзии, которая была бы в силах противоборствовать с элегическими жанрами реакционного романтизма. Соколовский выступил как продолжатель традиции философских од классика русской поэзии XVIII века Г.Р. Державина. В таком же плане использовал библейский сюжет современник Соколовского поэт-декабрист В.К. Кюхельбекер (томившийся в ссылке в Сибири) в своей поэме «Зоровавель».

В последний раз Соколовский выступил в печати в 1839 году в альманахе В. Владиславлева «Утренняя заря» с поэмой «Разрушение Вавилона».

Смерть поэта

В конце 1838 года, совершенно больной, Соколовский после ряда ходатайств при активной поддержке военного губернатора генерала Бовговского получил разрешение Николая I на переезд в Кавказскую губернию. В декабре 1838 года он покинул Вологду. После кратковременного пребывания у родственников в Москве опальный поэт в конце февраля или начале марта 1839 года прибыл в Ставрополь.

Здесь он встречается с декабристом С.И. Кривцовым, которого знал еще по Сибири. Определенный рядовым в действующие войска отдельного Кавказского корпуса, Кривцов участвовал во многих боевых операциях и не раз был на волосок от гибели. За отличия в боях против неприятеля Кривцов в 1837 году был произведен в офицеры и с этого времени поселился в Ставрополе, в доме своих молодых родственников Бибиковых. М.И. Бибиков, женатый на племяннице Кривцова, служил адъютантом командующего войсками Кавказской линии и Черноморья. Кривцов ввел Соколовского в гостеприимный дом Бибиковых. Однако дружеское общение Соколовского с Кривцовым было непродолжительным. В апреле 1839 года Кривцов получил отставку по болезни, как значилось в документе, с обязательством проживать в Волховском уезде, под надзором полиции. Соколовский остался в одиночестве.

В июне 1839 года по вызову кавказского областного начальника в Ставрополь прибыл друг и единомышленник поэта С.А. Раевский. По-видимому, вместе с Раевским, командированным 11 июня гражданским губернатором для составления проекта Положения о доходах и расходах города Пятигорска на горячие воды, поехал и Соколовский. Здесь было написано одно из самых последних его стихотворений — «Послание былому сотоварищу». Под текстом стоит пометка: «Пятигорск, 20 июля 1839 года».

В сентябре Соколовский и Раевский вернулись в Ставрополь. Тяжелая болезнь — туберкулез, нажитый в мрачном каземате Шлиссельбургской крепости, обострился. Поэт слег в постель. 17 октября (по старому стилю) его не стало. Тело было предано земле на Варваринском кладбище.

В 1865 году А.И. Герцен, рассматривая на страницах «Колокола» один из актуальнейших вопросов русского революционного движения — вопрос о путях развития России, о тактике революционного движения, писал: «Сам Николай, тридцать лет оборонявший Россию от всякого прогресса, от всякого переворота, ограничивался только фасадом строя, не порядком, а видом порядка. Ссылая Полежаева, Соколовского за смелые стихи, вымарывая слова «Вольность», «Гражданственность» в печати, он пропустил сквозь пальцы Белинского, Грановского, Гоголя и, сажая на гауптвахту цензора за пустые намеки, не заметил, что Россия с двух сторон быстро неслась в социализм».

Эти слова Герцена определяют место Соколовского в истории русской литературы и в истории освободительного движения в России.

Текст печатается по изданию:
Попов А.В. Декабристы-литераторы на Кавказе. – Ставрополь: Книжное издательство, 1963. – С. 157–166.

В.С. Киселев-Сергенин
Владимир Игнатьевич Соколовский

Из промелькнувших в печати сведений[1] известно, что в 1808 году подполковник Игнатий Соколовский был назначен управляющим тельминскими фабриками на реке Тельме (в Иркутской губернии). В том же 1808 году и, видимо, в тех же краях родился его сын Владимир. В 1821 году он стал воспитанником Первого кадетского корпуса.

«За неспособностью по болезни к военной службе» Соколовский, как записано в его формуляре, был «выпущен из корпуса для определения к статским делам с награждением за успехи в науках чином 12-го класса».[2]

В 1826 году Соколовский возвращается из столицы в Сибирь и зачисляется в штат канцелярии Томского общего губернского управления, а в мае 1828 года переселяется в Красноярск к дяде, А.П. Степанову, губернатору Енисейской губернии, и поступает в канцелярию Енисейского губернского управления. Вскоре имя Соколовского впервые появляется в печати под стихотворением «Прощание» («Галатея», 1830, № 34).

В мае 1831 года молодой поэт берет увольнение и в феврале 1832 года появляется в Москве. К тому времени им, по всей видимости, уже была написана поэма «Мироздание», так как летом 1832 года она вышла отдельным изданием.

Автором «Мироздания» заинтересовались члены Герценовского кружка. Сведя знакомство с Н.М. Сатиным, И.П. Оболенским, Н.И. Сазоновым, Огаревым и Герценом, он делится с ними своими литературными замыслами, читает отрывки из новой (видимо, не доведенной до конца) поэмы «Иван IV Васильевич».[3] Вскоре выяснилось, что серьезные умственные запросы, которыми жили участники кружка, слабо затронули Соколовского. Не могла не разочаровать их и его поэзия — прежде всего отсутствием философской проблематики и интеллектуальной пытливости. Как бы в подтверждение своей несерьезности Соколовский в 1833 году печатает «Рассказы сибиряка» — произведение с установкой на развлекательность и вполне безобидный юмор, написанное вперемежку прозой и стихами. Возможно, жанр и стиль этого произведения был отчасти подсказан «Странником» Вельтмана (1831).

Не имея никакого состояния, поэт вынужден был заняться литературной поденщиной. В 1833 году ему удалось получить у книготорговца заказ на роман. Он быстро разделался с ним и в следующем году издал под названием «Две и одна, или Любовь поэта». Произведение это, вызвавшее удивление Сатина своей бессодержательностью, красноречиво свидетельствовало о поражении Соколовского как беллетриста.

Надежда прокормиться на литературные заработки оказалась призрачной, и в марте 1834 года Соколовский отправился в Петербург. Там ему удалось устроиться в канцелярию военного генерал-губернатора П.К. Эссена на должность помощника секретаря. Это было в июне, а ровно через месяц в Москве произошли события, перевернувшие всю дальнейшую жизнь Соколовского.

По доносу провокаторов московская полиция арестовала группу молодых людей, подозреваемых в пении дерзких куплетов насчет «августейшей» фамилии и в вольнодумстве. Среди схваченных были приятели и знакомые поэта, в том числе Огарев, Герцен, Оболенский, Н.И. Уткин, Л.К. Ибаев и другие. Уже первые допросы показали, что «главный участник в сем деле оказывается титулярный советник Соколовский» — сочинитель «возмутительной» песни «Русский император...». 19 или 20 июля Соколовский был арестован и препровожден на следствие в Москву. Он, естественно, отрицал свое авторство, сознавшись лишь в распространении песни.

В течение девяти месяцев, пока тянулось дознание, поэт сидел в остроге. «С ним очень дурно обращались, а один из московских полицмейстеров грозил ему часто истязаниями», — записал в своем дневнике со слов Соколовского А.В. Никитенко.[4] Вина Соколовского усугублялась также раскрытием его переписки с «государственным преступником» Н. Мозгалевским, замешанным в деле 14 декабря и сосланным в Сибирь.

Опасаясь дальнейшего распространения «пасквильных стихов» через процесс, на котором их оглашение было бы неизбежным, Николай I решил обойтись без суда. Он потребовал, чтобы главных виновников — Уткина, Соколовского, Ибаева — «оставить года на три в Шлиссельбурге и потом допустить к службе в отдаленных местах».[5]

В Шлиссельбургской крепости Соколовский содержался с апреля 1835 года до декабря 1836 года. По болезни он досрочно был выпущен на поруки родного брата Николая, который выхлопотал ему эту милость через великого князя Михаила Павловича. Некоторое время до отправления в ссылку Соколовскому дозволено было остаться в столице. Фигура репрессированного поэта, очередной жертвы правительственного произвола, привлекла к себе сочувственное внимание литературных кругов Петербурга. Соколовский на короткое время делается героем дня. Видимо, через Жуковского (или П.А. Плетнева) в шестом томе «Современника» — первом томе, вышедшем после смерти Пушкина, — были напечатаны отрывки из поэмы «Альма» (вполне она была закончена позднее — в марте 1838 года), текст которой местами перекликался с главами библейской книги «Песнь песней».

Тяжелая хроническая болезнь не избавила Соколовского от ссылки в холодную Вологду, куда, согласно предписанию, он прибыл в сентябре 1837 года. Тем временем в Петербурге вышла из печати «драматическая поэма» «Хеверь», вчерне написанная поэтом (еще до заключения в Шлиссельбурге) по мотивам библейской «Книги Эсфирь». Вопреки ожиданиям, «Хеверь» не имела никакого успеха и даже вызвала разочарование у тех, кто верил в талант ее автора.

В Вологде Соколовского подстерегали новые беды. Сначала безденежье — из-за бюрократической волокиты ему не выплачивали положенного жалованья (поэт числился на службе в редакции «Вологодских губернских ведомостей»), затем второе, еще более грозное обострение болезни.[6] Губила Соколовского и его «предосудительная наклонность» — запойное пьянство, с которым он несколько лет тщетно боролся.

Мучительные дни вологодской ссылки кое-как скрашивались поэтическим творчеством, встречами с местными литераторами (И.Е. Вуичем, А.И. Иваницким, Н.И. Навашиным и др.), собиравшимися на квартире поэта. В Вологде Соколовский посещал гостеприимный дом помещика Д.М. Макшеева, дочь которого — юную поэтессу Варвару — он полюбил без всякой надежды на брак.

В результате прошений Соколовского в III Отделение об избавлении его от сурового северного климата, ему наконец разрешено было поселиться на Кавказе. Покинув Вологду в декабре 1838 года, он следующие три месяца проводит в Москве, неоднократно подвергаясь притеснениям местной полиции, а в апреле прибывает в Ставрополь. Но время для лечения было упущено — 17 сентября 1839 года поэт скончался, не успев напечатать целый ряд новых своих произведений, и в их числе поэмы «Новоизбрание», «Искупающий страдалец».

Человеческий облик Соколовского, о котором Герцен писал, что это был «милый гуляка, поэт в жизни», «веселый товарищ в веселые минуты, bon vivant, любивший покутить»[7], на первый взгляд никак не вяжется с приверженностью к Библии. Она (в основном Ветхий завет) была главным источником, из которого Соколовский обильно черпал сюжеты, образы и краски для своих опытов «духовной» поэзии.

Как известно, Ветхий завет с его образом карающего бога использовался гражданской поэзией того времени в качестве авторитетнейшего нравственного кодекса при осуждении социального зла. Библия была также предметом и чисто познавательных и художественных интересов. В 1836 году в статье «О духовной поэзии»[8], скрытым образом направленной против Соколовского, Н.А. Полевой оправдывал лишь такое обращение к Библии, которое имело бы своей целью проникновение в жизнь и миросозерцание древнего народа — творца библейских книг.

Поэзия Соколовского носит на себе следы этих традиций (например, в «Оде на разрушение Вавилона» слышится отзвук декабристской трактовки Библии, а в «Альме» значительную роль играют местные краски, этнографические подробности), но не сводится к ним.

Исключительное значение Библии в творчестве Соколовского во многом объясняется характером его дарования. Известно, что поэт был автором многочисленных стихотворных писем, посланий, экспромтов, непосредственно внушенных живыми впечатлениями окружающего его быта. Бедное от природы воображение Соколовского порабощалось этим потоком будничных впечатлений, которые без особой художественной обработки, без отстоя и обобщения сразу же передавались в стихах. Действительность, изображенная в них, почти всегда выглядела неопрятной, нелепой, в лучшем случае — комически несообразной. Несерьезность этого стихотворства постигал и сам Соколовский, который тем не менее был очень им увлечен. Здесь он давал выход своему неистощимому острословию, не щадившему официальных святынь, а порой переходившему в откровенное богохульство[9], что, кстати сказать, колеблет версию об истинно религиозных стимулах[10] «духовной» поэзии Соколовского.

Положительное начало жизни открывалось ему не в близком ее наблюдении, а напротив — в очень сильном отвлечении. Но тем самым и без того небогатая фантазия поэта теряла свой строительный материал. Она явно нуждалась в поддержке. Без этого не мог состояться сам акт высокого поэтического творчества. Библия и была той канвой и тем условным поэтическим миром, при помощи которых Соколовский смог художественно оформить свой отвлеченный и безотчетный лиризм.

Внутренний пафос всех его библейских и вообще высоких произведений составляет неопределенный, но сильный порыв к какому-то огромному и прекрасному грядущему, к источнику всемирной благодати. Социально-утопический смысл этого порыва — в призыве к вселенской любви, в разрыве с корыстью, эгоистическими интересами и грубой чувственностью — «плотяностью». Для самого Ветхого завета такое презрение к мирскому, телесному отнюдь не характерно. Подвергая Библию романтической идеализации, поэт допускал многочисленные, порой разительные отступления от текста священного писания, давая поводы для цензурных придирок, из-за которых не осуществилась публикация полного текста поэмы «Альма».

Лиризм Соколовского явно тяготел к жанру торжественной оды, к которому поэт неоднократно обращался. Но монументальность этого лиризма требовала еще более пространных, более емких форм для своего воплощения — таких, как поэма и драма. Любопытно, что «поэмы» и «драмы» Соколовского в значительной своей части написаны стихом, непосредственно продолжающим традицию декламационного стиха русской оды.[11] Впрочем, ораторская патетика поэта то смягчается задушевностью любовно-

элегического стихотворения, то приближается к мажорному звучанию ритуальной хоровой песни. Известно, что М.И. Глинка собирался создать ораторию на слова Соколовского. Неосуществившийся замысел этот, бесспорно, был внушен не только соответствующей тематикой, но и самим звучанием поэтического голоса Соколовского.

Главное в произведениях поэта — не сюжет, не тема и не конкретная ситуация, а устойчивая эмоциональная атмосфера, — атмосфера священного экстаза, восторга и трепета перед очистительным таинством будущего. Этим, несмотря на тематическое различие, обусловлено поразительное однообразие всех крупных произведений Соколовского. Упор в них сделан на монологи, славословия, «хоры», на звучность и ораторскую пышность стиховой речи. Получалось своего рода поэтическое красноречие, богато орнаментированное метафорами, неологизмами, экзотически звучащими библейскими именами, географическими и культурно-историческими терминами. Это было утомительно многословное стихотворство, но тем не менее отмеченное такой индивидуальной манерой письма, которую невозможно спутать с творческим почерком другого поэта.[12]

Примечания

1. А. Мартос, Письма о Восточной Сибири, М., 1827, с. 230.

2. Формулярный список В.И. Соколовского. — Гос. архив Вологодской обл. Неизвестные факты биографии и творчества Соколовского извлечены из неопубликованных материалов, хранящихся в ЦГАОР (фонд III Отделения, первая экспедиция) и ЦГА г. Москвы (фонды канцелярий московского генерал-губернатора и московского обер-полицмейстера) и составляющих в сумме своей одно и то же следственное дело «О лицах, певших пасквильные стихи» (1834—1835). Почерпнутые из него сведения, как и данные формулярного списка, в дальнейшем приводятся без ссылок.

3. Две «свадебные песни» из нее были напечатаны в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду», 1837, 26 июня, с. 232.

4. А.В. Никитенко, Дневник в трех томах, т. I, М., 1955, с. 201.

5. М.К. Лемке, Комментарий к «Былому и думам». — А.И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. 12, Пб., 1919, с. 358.

6. Подробные данные о жизни Соколовского в Вологде содержатся в его неопубликованных письмах к А.А. Краевскому (ГПБ).

7. А.И. Герцен, Былое и думы. — Собр. соч. в тридцати томах, т. 8, М., 1956, с. 210. Bon vivant — добрый малый (франц.).

8. «Библиотека для чтения», 1836, № 1, с. 96—107. Выступая против ложной «духовной» поэзии, Полевой обрушивается на Соколовского как на главного ее представителя; он приводит выдержки из «Мироздания», ни разу не упомянув ни названия, ни автора произведения.

9. См. примечание к песне «Русский император...», № 245.

10. Версию эту выдвинули анонимный рецензент первого издания поэмы (видимо, Л.А. Якубович, справедливо отметивший непричастность Соколовского к «немецкой мечтательности») и Ф.А. Кони — в отзыве на второе издание поэмы 1837 г. (см. примеч. к «Мирозданию», № 249—251).

11. Об ориентации поэзии Соколовского на оду см.: Т. Хмельницкая, В. Соколовский. — Сб. «Русская поэзия XIX века», Л., 1929, с. 205—247.

12. Из целого ряда индивидуальных примет поэтического стиля Соколовского особенно выделяется краткая форма будущего времени, образуемого посредством свободного присоединения приставки «за»: застрадают, занегодуют, зажелают, захрипнут, зачувствуют и т.п. Появление подобных неологизмов связано с гегемонией будущего времени в высокой поэзии Соколовского с ее пафосом безоглядного бегства от земли — от дурного настоящего и прошлого — в светлые дали грядущего.

Текст и примечания печатаются по источнику::

Поэты 1820—1830-х годов. — Т. 2 / Под ред. Л.Я. Гинзбург. — Л.: Советский писатель, 1972. — С. 721—725.

Т.Ю. Кравцова

Владимир Игнатьевич Соколовский
(к 190-летию со дня рождения)

Неистовый и своенравный,
Я быстро от страстей сгорал,
Мне тесен был свободы круг;
Мне в жизни — жизни было мало;
Для чувств — мне сил не доставало, —
И я желал жить дважды вдруг…
В.И. Соколовский

В 30-е годы прошлого столетия имя Владимира Игнатьевича Соколовского, одаренного поэта, активного общественного деятеля, было широко известно в кругах передовой русской интеллигенции. Глубокое сочувствие вызывала и его безрадостная, тяжелая судьба.

К сожалению, в наши дни мало кому знакомы страницы его произведений и штрихи биографии. Родился В.И. Соколовский в 1808 году, раннее детство его прошло в Сибири, так как отец его, подполковник Игнатий Соколовский, служил управляющим тельминскими фабриками на реке Тельме (в Иркутской губернии). Подростком он был определен в Первый кадетский корпус в Петербурге, где сполна испытал муштру и утонченную жестокость администрации.

Расправа Николая I над декабристами произвела большое впечатление на Соколовского и его товарищей по корпусу. Сохранились сведения, что юные кадеты оказали помощь шестнадцати раненым солдатам Московского полка, вышедшим на Сенатскую площадь. События 14 декабря 1825 года послужили поводом для создания начинающим поэтом сатирической песни «Русский император», проникнутой декабристским духом.

В конце мая 1826 года В.И. Соколовский оставил кадетский корпус и поступил на службу в канцелярию Томского губернского правления. В Томске он знакомится с некоторыми из ссыльных декабристов, в числе которых были В.Ф. Раевский и С.И. Кривцов. Под их влиянием он утвердился в своих передовых демократических убеждениях. Продолжая заниматься литературной деятельностью, Соколовский сотрудничает в «Енисейском альманахе», принимает участие в других литературных объединениях. Он печатался в «Современнике», «Библиотеке для чтения», альманахе «Утренняя заря», где помещено стихотворение «Разрушение Вавилона».

В 1830 году В.И. Соколовский поступил в Московский университет, тогда же в журнале «Галатея» Раича было опубликовано несколько его стихотворений. В 1832 году отдельным изданием вышла поэма «Мироздание», написанная на библейскую тему и одобренная критикой. Затем увидели свет две книги прозы Соколовского «Рассказы сибиряка» (1833) и полупародийный «Роман из частной жизни» (1834). В рецензии на поэму «Мироздание», опубликованной в журнале «Телескоп», рецензент отмечал самобытность поэта; петербургская «Северная пчела» писала: «Приветствуем нового поэта, радуемся вере юного, блестящего дарования».

В эти годы В.И. Соколовский поддерживает дружеские отношения со многими замечательными людьми, среди которых поэт А.И. Полежаев, участник ряда кавказских экспедиций, друг М.Ю. Лермонтова С.А. Раевский, Н.М. Сатин, А.И. Герцен, Ф.А. Кони и др.

В 1833 году В.И. Соколовский заканчивает университет; ему удается опубликовать роман «Одна и две, или Любовь поэта». Н.М. Сатин по этому поводу писал: «Это было чисто коммерческое дело: Соколовский не имел никакого состояния и жил только своими литературными трудами, и перед отъездом в деревню один из книгопродавцев (кажется, Глазунов), пользуясь его свежей поэтической репутацией, заказал ему роман в четырех частях за тысячу р. ассигнациями. Я это знал, и говорил Соколовскому, что он не за свое дело берется; он согласился, но нужда в деньгах превозмогла совестливость, и он согласился на предложение книгопродавца, взяв с него задаток с сотню рублей, необходимых для расплаты с долгами и проезда до деревни… Роман этот имел очень мало успеха, и едва ли в настоящее время не составляет библиографической редкости».

В 1834 году В.И. Соколовский вместе с А. Герценом, Н. Огаревым и Н. Сатиным был арестован и отдан под суд по делу «О лицах, певших пасквильные куплеты на вечеринке». Соколовского признали одним из авторов «дерзких песен» и осудили. Особой резолюцией императора он был заключен в одиночку Шлиссельбургской крепости. А.И. Герцен в «Былом и думах» описал самообладание и мужество Соколовского во время процесса.

Режим дня и условия для заключенных в крепости были невыносимы. Осужденный вместе с Соколовским отставной поручик Л.К. Ибаев сошел с ума, чиновник Н.И. Уткин умер в каземате. В сырой и темной камере Владимиру Игнатьевичу позволено было читать только Библию. «Почти год просидел он в московской тюрьме на положении подследственного и почти два — в одиночке, посаженный туда без определения срока заточения. Современному человеку трудно себе представить весь ужас бессрочного одиночного заключения в самой страшной крепости России. Что думает человек, наделенный умом и талантом, бесконечными бессонными часами в могильной тишине? Что передумал, например, декабрист Гавриил Батень-

ков за двадцать лет этой тишины? Уже через два года заточения он, как личность куда более закаленная и сильная, чем Владимир Соколовский, попытался в Алексеевском равелине, согласно полицейскому донесению, «голодом и бессонницею лишить себя жизни…».

О трагических тяготах одиночного заключения писали многие декабристы, выдержавшие его сравнительно небольшой срок. Ужасом веет от слов Николая Басаргина: «Тот, кто не испытал в России крепостного ареста, не может вообразить того мрачного, безнадежного чувства, того нравственного упадка духом, скажу более, даже отчаяния, которое не постепенно, а вдруг овладевает человеком, переступившим за порог каземата. Все его отношения с миром прерваны, все связи разорваны, он остается один перед самодержавною неограниченною властью, на него негодующею, которая может делать с ним что хочет, сначала подвергать его всем лишениям, а потом даже забыть о нем, и ниоткуда никакой помощи, ниоткуда даже звука в его пользу. Впереди ожидает его постепенное физическое и нравственное изнурение; он расстается со всякой надеждой на будущее, ему представляется ежеминутно, что он погребен заживо, со всеми ужасами этого положения…

Владимир Соколовский почти ослеп и оглох. После настойчивых ходатайств ему были выданы перья, бумага и чернила «для занятия сочинительством молодому человеку с дарованием и весьма прилежному к словесности». И мы не знаем, выжил бы Владимир Соколовский, если б не получил возможность читать – пусть даже единственную дозволенную книгу, Библию, если б не мог размышлять и писать»[1].

Братья Соколовского, хлопотавшие за него, добились освобождения Владимира Игнатьевича только в ноябре 1836 года. Тяжело больной поэт был выпущен на свободу, где, по словам мемуариста И.И. Панаева, запил с горя. «Бернет познакомил меня с Соколовским, – пишет И.И. Панаев. –Соколовский был человек средних лет, небольшого роста, с темными, коротко подстриженными волосами; в его лице выражалось что-то болезненное и страдальческое. На нем был истертый сюртук, застегнутый на все пуговицы. Он начал с печального рассказа о перенесенных им страданиях в сыром каземате, с потолка которого капала сырость и стены которого были устланы клопами.

Соколовский после окончания курса в Московском университете недолго пользовался свободой. На студенческой пирушке Соколовский и его товарищи вели себя в пьяном виде неосторожно и неприлично, говорили какие-то речи и были захвачены полицией. Кроме того, Соколовский был обвинен в сочинении какой-то песни, которая пелась на этой пирушке. Заточение Соколовского продолжалось, кажется, лет шесть. Хотя он был крепкого телосложения, но такое долгое пребывание в сыром клоповнике совершенно разрушило его здоровье. Он искупил страшными болезнями и страданиями минутные заблуждения и увлечения своей молодости. Во все время 6-летнего своего заключения у него была одна только книга – Библия. Она произвела на него глубокое впечатление, которое отразилось во всех его сочинениях, написанных после «Мироздания»[2].

Об этом же свидетельствует в своих дневниковых записях цензор А.В. Никитенко: «Июль 1. Познакомился на днях с автором поэмы «Мироздание». Наружность его незначительна; цвет лица болезненный. Но он человек умный. В разговоре его что-то искреннее и простодушное. Заглянув поглубже в его душу, вы смотрите на него с уважением… С ним очень дурно обращались, а один из московских полицмейстеров грозил ему часто истязаниями… В крепости он выучился еврейскому языку и сроднился с религиозным образом мыслей, но здоровье его убито продолжительным заключением»[3].

Библия была одним из источников творчества В.И. Соколовского, из которого поэт черпал сюжеты, образы для своих поэм, помогающих уйти от темного настоящего в светлые прекрасные дали грядущего. Но одновременно Соколовский был автором многочисленных стихотворных писем, посланий, основанных на живых будничных впечатлениях, на земных наблюдениях и выводах:

Но кто желает – тот грешит.
Кто недоволен – тот несчастен.
И кто к злу в жизни не причастен?
Прожить свой век кто не спешит?
Да, жизнь моя скудна добром;
В ней мало веры – все безверье;
В ней мало дела – все безделье;
Обильна лживостью и злом;
Полна несбыточных желаний,
Предупреждений и забот,
Ничтожных мелочных хлопот;
Невысказуемых мечтаний…

[1] Чивилихин В.А. Собр. соч. – М., 1985. – Т. 3. – С. 345.
[2] Панаев И.И. Литературные воспоминания. – М., 1950. – С. 349.
[3] Никитенко А.В. Дневник. – М., 1955. – Т. 1. – С. 201

После освобождения из крепости Соколовский сближается с Я.М. Неверовым, другом Станкевича, Тургенева и Грановского, впоследствии возглавившим Ставропольскую мужскую гимназию. В кругу литературных друзей Неверова Соколовский познакомился с молодым тогда писателем П.П. Каменским, бывавшем на Кавказе и хорошо знавшем А.А. Бестужева-Марлинского. В эти годы состоялось знакомство Владимира Игнатьевича с М.И. Глинкой, и он начал совместную работу над либретто для задуманной композитором оратории.

На страницах литературного приложения к «Русскому инвалиду» появляются «Две свадебные песни» из поэмы «Иоанн IV» Соколовского, выходит второе издание поэмы «Мироздание».

Владимир Игнатьевич, почувствовав одобрение друзей и единомышленников, литературной критики, увлеченно работает над драматической поэмой «Альма», основанной на библейском сюжете «Песни песней». Эта поэма, к сожалению, так и осталась ненапечатанной. Однако полицейский надзор за поэтом не ослабевал, и летом 1837 года он был выслан в Вологду, его творческие планы оказались безжалостно разрушенными.

Стремясь продолжить литературную деятельность, Соколовский стал редактировать учрежденные в 1838 году «Вологодские губернские ведомости», которые «той поры были лучшей провинциальной газетой России». В это время в столице вышла его драматическая поэма «Хеверь», вызвавшая отрицательный отзыв критика Н.А. Полевого, обвинившего Соколовского в искажении библейских сюжетов и тем. В последний раз Владимир Игнатьевич выступил в печати в 1839 году с поэмой «Разрушение Вавилона».

Провинциальная атмосфера города угнетает поэта: «...Одним словом, если Петербург распек меня, то Вологда допекает – и говоря без шуток, влияние здешней безжизненной жизни на душу так велико, что я замечаю даже решительно перемену в своем характере, который из кипучего холеризма переходит в томный меланхолический быт. Я отказываюсь от балов и вкусных обедов, чего прежде со мной никогда не бывало, и крепко полюбил грустить. Это разрушает мою физику и потому нравится мне особенно. Не знаю, право, чем все это кончится, потому что может кончиться и радостным и печальным...». Постепенно он начинает хлопотать о переводе из холодной Вологды на Кавказ для поправки здоровья: «Возвратите обществу члена, который может быть полезен ему в гражданском быту, но должен погибнуть, как самый ничтожнейший из людей. Возвратите литературе писателя».

В конце 1838 года в связи с обострением туберкулеза В.И. Соколовский получает разрешение Николая I на переезд в Кавказскую губернию. После кратковременной остановки в Москве он в конце февраля или начале марта 1839 года прибыл в Ставрополь.

Здесь состоялась его встреча с декабристом С.И. Кривцовым, знакомым еще по Сибири. Кривцов ввел поэта в дом своих родственников Бибиковых, но общение друзей было недолгим, в апреле 1839 года С.И. Кривцов вышел в отставку по болезни и покинул Кавказ.

В июне 1839 года в Ставрополь приехал друг Соколовского С.А. Раевский, с которым он вскоре направился на воды в Пятигорск. Здесь им было написано одно из последних стихотворений – «Послание былому сотоварищу», на котором стоит пометка: «Пятигорск, 20 июля 1839 года».

В сентябре Соколовский и Раевский вернулись в Ставрополь. После очередного обострения болезни Владимир Игнатьевич слег, и 17(29) октября 1839 года его не стало. Похоронен был В.И. Соколовский на Варваринском кладбище г. Ставрополя (район строительного техникума). К сожалению, его могила, как и само кладбище, не сохранилась.

Девятнадцатого ноября 1839 года «Санкт-Петербургские ведомости» поместили краткое извещение: «17 октября скончался в Ставрополе (Кавказском) известный русский поэт В.И. Соколовский...».

Посвятив многие страницы своего романа-эссе «Память» малоизученным страницам русской литературы, В. Чивилихин в заключении написал: «...На небосклоне великой русской литературы Александр Полежаев и Владимир Соколовский не были звездами первой величины. Они были, повторюсь, первыми поэтами-разночинцами и, следуя тернистым, мучительным путем за декабристами, связали свою цепь времен в самую темную пору безвременья, передав эстафету русского свободомыслия Герцену и Некрасову, петрашевцам и шестидесятникам. Деспотический режим сломал это хрупкое звено, не имея сил разорвать цепи в истории памяти потомков».

Библиографический список

Произведения В.И. Соколовского

Соколовский В.И. Мироздание: Опыт духовного стихотворения. – М.: Тип. А. Семена при Имп. мед.-хирург. акад., 1832. – 133, [1] с. – В конволюте: Сочинения Соколовского. – В полукож. пер. с тиснением: Из книг Н.И. Звягина.

Соколовский В.И. Рассказы сибиряка. – М.: Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1833. – 132, [1] с.

Соколовский В.И. Одна и две, или любовь поэта. Роман из частной жизни. В четырех частях. – М.: В типографии Н. Степанова, 1834.

Соколовский В.И. Хеверь. Драматическая поэма. В трех частях. – СПб.: Печатано в типографии III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1837.

Альманах на 1838 год, составленный из литературных трудов Бернате, В.А. Владиславлева, В.И. Соколовского и др. – СПб.: Воен. тип., 1838. – 349, [2] с.; 5 л. ил.

Из содерж.: ... Соколовский В.И. Радуга над кладбищем («Несчастен тот, чья жизнь долга...»); К поэту («Кто скует тебя, океан седой...»); Я одинок («Я одинок... Как эти звуки...»): Стихи.

Дамский альбом, составленный из отборных страниц русской поэзии. Заимствовано: У Державина, Соколовского и других известных авторов. – СПб.: Тип. Воен. учеб. заведений, 1844. – [3], 284, VI с.; 18 литогр. л. ил.

Картины русской живописи, изданные под редакцией Н.В. Кукольника. – СПб., Тип. III отд-ния собств. его имп. Величества канцелярии, 1846. – 343 с.; 13 л. ил.

Из содерж.: Соколовский В.И. Божественная ноша: 1. Лестница спасения; 2. Исцеляющие раны; Смерть бессмертного: Стихи.

Метеор на 1845 год / Изд. М.Д. Ольхина. – СПб.: Тип. штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1845. – 178 с.

Из содерж.: Соколовский В.И. Сцены из поэмы «Альма».

Молодик на 1843 год: Укр. лит. сб., изд. И. Бецким: Ч. 1. – Харьков: Университет. тип., 1843. – 348, [1] с.

Из содерж.: Соколовский В.И. Из неизданной поэмы: Сцены из драматической поэмы.

Молодик на 1844 год: Укр. лит. сб., изд. И. Бецким: Ч. 2. – СПб.: Тип. Жернакова, 1844. – 250 с.; 5 л. ил.

Из содерж.: Соколовский В.И. Сцены из драматической еврейской поэмы.

Невский альманах на 1846 год / Изд. Е. Аладьин. – СПб.: Тип. Жернакова, 1846. – [2], IV, 280, II, IV с.; 2 л. фронтисписы.

Из содерж.: Соколовский В.И. Жертва неблагодарных: Стихи.

Одесский альманах на 1839 год. – Одесса: Гор. тип., 1839. – [2], 618, IV, [1] с.; 1 карта.

Из содерж.: Соколовский В.И. Ода стремления; Из духовной поэмы: Алиба и жажда («Как лань молодая в горячее лето...»); К деве-поэту («Я кличу клич: Изящные счастливы!..»): Стихи.

Утренняя заря: Альманах на 1839 год, изданный В. Владиславлевым. – СПб.: Тип. Е. Фишева, 1839. – [2], 384, III, [2] с.; 3 л. гравир. ил.

Из содерж.: Соколовский В.И. Разрушение Вавилона: Поэма. Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник / под ред. А.Г. Дементьева. – М.: Госполитиздат, 1959. – 836 с.

Из содерж.: Иногда активными сотрудниками и даже редакторами неофициальной части «Губернских ведомостей» были политические ссыльные и лица, находившиеся под надзором полиции. В «Вологодских губернских ведомостях» первым редактором был поэт В.И. Соколовский, сосланный в Вологду. Под его редакцией (1838–1839) «Губернские ведомости» помещали разнообразный материал, стихи и небольшие рассказы, что сразу же привлекло внимание к газете. – С. 256; «Византийский временник» выходил в Петербурге с 1894 г., по 4 выпуска в год, составлявших 1 том. Издавался Академией наук. В издании участвовал В. Соколовский. – С. 732.

Литература о В.И. Соколовском

Вольная русская поэзия второй половины XVIII – первой половины XIX века / Вступ. ст. С.Б. Окуня и С.А. Рейсера. – Л.: Сов. писатель, 1970. – 919 с. – (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Из содерж.: Первая четверть XIX в. Соколовский В.И.

Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 8: Былое и думы. – М.: Гослитиздат, 1958. – 518 с.

С. 153–154, 203–204, 210–214, 460, 468: [А.И. Герцен пишет, что «Соколовский, автор «Мироздания», «Хевери» и других довольно хороших стихотворений, имел большой поэтический талант... Милый гуляка, поэт в жизни, он вовсе не был политическим человеком. Он был очень забавен, любезен, веселый товарищ в веселые минуты... Соколовского схватили в Петербурге и, не сказав, куда его повезут, отправили в Москву, привезли прямо в острог и посадили в какой-то темный чулан. Если б доктор Гааз не прислал Соколовскому связку своего белья, он зарос бы в грязи...»].

Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 18: Статьи из «Колокола» и другие произведения, 1864-1865 годы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 752 с.

С. 465: [«...сам Николай, тридцать лет оборонявший Россию от всякого прогресса, от всякого переворота, ограничивался только фасадом строя, не порядком, а видом порядка. Ссылая Полежаева и Соколовского за смелые стихи, вымарывая слова «вольность», «гражданственность» в печати, – он пропустил сквозь пальцы Белинского, Грановского, Гоголя и, сажая на гауптвахту цензора за пустые намеки, не заметил, что литература с двух сторон быстро неслась в социализм»].

Колокол: Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева: (Вольная русская типография), 1857-1867 гг. В 11 вып. / АН СССР Ин-т истории. – М.: Наука, 1961–1964.

Т. 8: 1865, Лондон-Женева. – М., 1963. – С. 1718.

Т. 9: 1866-1867, Женева. – М., 1964. – С. 1977.

О В.И. Соколовском. В том числе об изданной, но не рассмотренной цензурой книге «Отщепенцы».

Лемке М. Очерк жизни и деятельности Герцена, Огарева и их друзей // Мир божий, 1906. – № 2. – С. 118-122.

Летопись жизни и творчества А.И. Герцена (1812–1850 гг.). – М.: Наука, 1974. – 612с.

С. 58, 63, 70–71, 131: [О следствии по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни». А.В. Уткин, Л.К. Ибаев, В.И. Соколовский были заключены в Шлиссельбургскую крепость в марте 1835 г.].

Эльсберг Я.Е. Герцен: Жизнь и творчество (1812–1870). – М.: Худож. лит., 1963. – 731 с.

С. 46, 49, 50, 54, 423: [Автор пишет о том, что арест Герцена и Огарева, а затем следствие в конце 1833 – начале 1834 гг. были вызваны следующими обстоятельствами. Один провокатор устроил у себя вечеринку и в разгар веселья предложил присутствующим спеть сатирические куплеты. Во время пения нагрянула полиция. Герцен был сослан в Пермскую губернию, Огарев – в Пензенскую, В.И. Соколовский, А.В. Уткин, Л.К. Ибаев заключены в Шлиссельбургскую крепость].

Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. Т. 1: 1826–1857. – М.: Гослитиздат, 1955. – XLIV, 543 с.; 1 л. портр. С. 201: [О В.И. Соколовском].

Панаев И.И. Литературные воспоминания / Ред. текста, вступ. ст. и примеч. И.Г. Ямпольского. – М.: Гослитиздат, 1950. – LVI, 472 с.: ил. – (Сер. лит. мемуаров). – Примеч.: С. 349–440. – Указ. имен: С. 441–466.

С. 64, 68–70, 80: [О В.И. Соколовском].

Попов А.В. Декабристы-литераторы на Кавказе. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1963. – 168 с.; ил.

Из содерж.: В.И. Соколовский. – С. 157–164.

Попов А.В. Забытый поэт-декабрист // Кавказ. здравница. – 1960. – 25 мая; Ставрополье. – 1961. – № 1. – С. 62–63.

Поэты 1820–1830-х гг.: В 2 т. Т. 2 / Вступ. ст. и общ. ред. Л.Я. Гинзбург. – Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1972. – 766 с. – (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Из содерж.: В.И. Соколовский. – С. 362–414.

Сатин Н.М. [Воспоминания о Соколовском] / Публ. М.О. Гершензона // Русские пропилеи. – 1915. – Т. 1. – С. 195–201; То же: Сатин Н.М. Из литературных воспоминаний.

В своих воспоминаниях Н.М. Сатин утверждает, что Соколовский не заканчивал Московского университета в 1831 или 1833 году, а позднее. Он рассказывает о знакомстве с поэтом зимой 1832 г., о чертах его характера, образе жизни, последней встрече с ним Петербурге перед заключением в Шлиссельбургскую крепость.

Бочкарев А. Варваринское кладбище // Ставроп. губ. ведомости. – 1992. – 1 дек.

В.И. Соколовский был похоронен на Варваринском кладбище г. Ставрополя.

Кошелев В.А., Скачкова С.В. «Звонкий мир философских созвучий» // Рус. лит. – 1983. – № 2. – С. 150–158.

Новые материалы к биографии и творчеству поэта В.И. Соколовского.

Соколовский В.И. (1808–1839) // Энцикл. словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1890. – Т. 60. – С. 726.

Семевский М.И. Биогр. заметки // Отеч. записки. – 1865. – Кн. 2, август. – С. 294–299.

Фортунатов Ф. Несколько слов о В.И. Соколовском // Рус. архив. – 1865 – № 10–11. – С. 1396–1399.

Поправки к заметкам М.И. Семевского.

Чивилихин В. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3: Память. Кн. 1. – М.: Современник, 1985. – 719 с.

Текст и библиография печатаются по источнику:

Кравцова Т.Ю. Владимир Игнатьевич Соколовский (к 190-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1998 год. – Ставрополь: Ставропольская государственная краевая универсальная научная библиотека имени М.Ю. Лермонтова, 1998. – С. 205–211.

М.С. Коршунов

«Соколовского выпустили полумертвого на Кавказ...» Неизвестные документы о ставропольской ссылке поэта В.И. Соколовского (1839 год)

Известный в 30-х годах прошлого века, а ныне полузабытый поэт Владимир Игнатьевич Соколовский (1808—1839) был 19 или 20 июля 1834 года арестован «за пение в Москве в обществе молодых людей дерзких стихов». К этому делу жандармы привлекли около 20 человек, в том числе Герцена и Огарева. Мемуарная эпопея А.И. Герцена «Былое и думы» и является одним из основных источников сведений о Соколовском для широкого читателя.

Оказывается, основная его вина — авторство стихов «Русский император», которые при аресте пели выпускники Московского университета. В апреле 1835 года поэта приговорили к трехлетнему заключению в Шлиссельбургской крепости. Здесь здоровье узника окончательно расшаталось, он почти ослеп и оглох. Его брат офицер сумел добиться освобождения 6 ноября 1836 года. Соколовский был «определен чиновником особых поручений при военном губернаторе города Вологды и Вологодском гражданском губернаторе» официально с 15 мая 1838 года, но приехал в Вологду раньше и служил здесь без жалованья.

В 1838 году министр внутренних дел Д. Блудов распорядился издавать газеты в каждом губернском городе. Соколовский стал редактором «Вологодских губернских ведомостей». Специалисты считают ее «лучшей провинциальной газетой России» того времени...

Вокруг поэта собирались местные любители литературы. Они составили сборник, так и не увидевший света... Мемуаристы сообщают также о попойках, в которые превращались эти собрания...

Нельзя не заметить, что современники обычно видят в выдающихся людях одни только пороки, значительно преувеличивая недостатки и слабости... Герцен, близко знавший поэта, считает: «Он был милый гуляка, поэт в жизни, веселый товарищ в веселые минуты, бонвиван (любитель широко пожить. — *Авт.*), любивший покутить...».

Вологодское общество тяготило поэта. «Вот искариоты, так искариоты! — пишет он цензору А.В. Никитенко. — Дубье! А между тем такие сплетники, что хоть святых выноси вон...».

Соколовского донимали болезни. «Если Петербург распек меня, — вспоминает он об аресте и судебном процессе, — то Вологда меня допечет...».

Вскоре, после приезда в Вологду, Соколовский начал хлопотать о переводе в более теплые края. Около 20 августа 1838 года он пишет прошение генералу Л.В. Дубельту. Просит, чтобы «в уважение к беспомощности моей и страданий, мною претерпеваемых, мне было позволено, оставя службу, жить у родной сестры моей в Москве...».

Однако на эту милость изгнанник не надеется и «осмеливается просить» у генерала перевода на Кавказ. Обращение возымело действие, «титулярный советник Соколовский 5-й» получил разрешение на переезд в Ставрополь... Возможно, царь знал, что дни ссыльного сочтены...

Последние месяцы жизни Соколовского изучались только нашим литературоведом А.В. Поповым. В своей книге «Декабристы-литераторы на Кавказе», в главе «Смерь поэта», он пишет: «В конце 1838 года, совершенно больной Соколовский, после ряда ходатайств... получил разрешение Николая I на переезд в Кавказскую губернию (Кавказскую область. — *Авт.*). В декабре 1838 года он покинул Вологду...».

Герцен, хорошо информированный, возможно своим другом Н. Сатиным, бывшим в то время в Пятигорске, точно указывает: «Соколовского выпустили полумертвого на Кавказ...».

«После кратковременного пребывания у родственников в Москве опальный поэт в конце февраля или начале марта 1839 года прибыл в Ставрополь», — продолжает А.В. Попов.

Писатель Чивилихин достаточно подробно характеризует московское житье поэта. Сестра его не приняла, отказала в помощи, он скитается по ночлежкам, полицейские отовсюду выгоняют, рвут исписанные бумаги... В одном из писем он говорит: «...продал две последние серебряные ложки, чтобы купить писчей бумаги». И далее: «...впрочем, поэт может есть и деревянной». Издателю А.А. Краевскому он обещает «знатную оду» для журнала «Отечественные записки», если найдет «покупщика на шкатулку...».

Письма эти до сих пор не опубликованы, а рукописи автором не восстановлены и до нас не дошли...

Документы, рассказывающие о последнем периоде жизни поэта, как видим, не систематизированы и досконально никем не изучались.

«Дело в том, что сохранившиеся биографические материалы о Соколовском крайне скудны, — сетует А.В. Попов, — написанные по ним биографические справки полны ошибок и неточностей».

Андрей Васильевич Попов прав. Даже сообщение авторитетной энциклопедии Брокгауза и Ефрона о Соколовском не свободно от неточностей.

В краевом государственном архиве хранится дело о «титулярном советнике В.И. Соколовском». Впервые с ним познакомился профессор П.А. Шацкий, однако, по неизвестным нам причинам, никаких материалов не опубликовал.

В деле «О переводе по высочайшему повелению на службу в Кавказскую область титулярного советника В.И. Соколовского с продолжением за ним строгого надзора начальства»[1] содержится 17 документов. Министр внутренних дел, статс-секретарь Д.Н. Блудов сообщает: «Государь император, снисходя к болезненному положению… титулярного советника Соколовского… всемилостивейше повелеть соизволил перевести его на службу в Кавказскую область с продолжением за ним строгого надзора начальства, дозволив при проезде через Москву пробыть там три недели для поправления здоровья…».

Дата — 25 октября 1838 года.

Вологодский губернатор генерал-лейтенант Д.Н. Бологовский извещает: перемещенный чиновник выбыл из Вологды 23 декабря. К документу приложен формулярный список на 25 декабря 1838 года. Он помогает уточнить некоторые детали биографии.

По списку Соколовскому 31 год; ошибка — он родился в 1808 году. Литературовед В.С. Киселев-Сергенин, автор биографических справок и примечаний к сборнику «Поэзия 1820—1830-х годов» (том II, «Советский писатель», Ленинградское отделение. 1972), ссылаясь на книгу А. Мартос «Письма о Восточной Сибири» (М., 1827, с. 230) пишет: «Подполковник Игнатий Соколовский в 1808 году назначен управляющим фабриками на реке Тельме в Иркутской губернии. Здесь, видимо, и родился будущий поэт».

В 1818 году его отдали в первый Кадетский корпус в Петербурге. Киселев-Сергенин ошибочно указывает 1821 год.

Учеба продолжалась до 31 мая 1826 года. Учился Соколовский, по-видимому, неплохо. В формуляре более 30 предметов, преимущественно из области точных и военных наук. Вероятно, он успешно окончил курс наук, но по болезни был признан неспособным к военной службе. За успехи в учебе награжден чином 12-го класса, то есть губернского секретаря.

Исследователь А.В. Попов рассказывает о невероятно жестоких наказаниях, которым подвергал кадетов директор корпуса генерал Клингер и считает, что жертвой его строгости был и Соколовский. По предположению писателя Чивилихина будущий поэт мог 14 декабря 1825 года вместе с другим кадетами прийти на Сенатскую площадь и предложить помощь восставшим. Действительно, воспитанники обращались к декабристам, но был ли Соколовский в их числе — неизвестно. Писатель Н. Лесков, со слов однокашника Соколовского Г.Д. Пахитонова, рассказывает, что кадеты укрыли 16 солдат-мятежников из Московского полка.

По мнению Андрея Васильевича, в эти дни была сочинена песня «Русский император». Особого сомнения в том, что Соколовский был в числе ее авторов, нет. На принадлежность песни, точнее куплетов Соколовскому, указывают Герцен, Огарев, Сатин, Грановский. Сам Соколовский это, естественно, отрицает, говоря: «Песню я узнал тотчас по выходе из корпуса, в 1826 году, и как с того времени прошло десять лет, то я решительно не помню, кто ее передал».

Трудно согласиться с утверждением Уткина, одного из подсудимых, что песню написал Полежаев…

А сообщение Соколовского, видимо, следует проанализировать глубже. Обращает на себя внимание дата — 1826 год, а не 30-е годы XIX века, которые Чивилихин считает временем создания куплетов. И то, что поэт и его друзья Ибаев и Киндяков пели их под гитару, да еще при этом пританцовывали, убеждает: перед нами — типичный «молодежный фольклор», куплеты, сочиненные гимназистами, студентами… Литературовед В.С. Киселев-Сергенин не исключает, что куплеты могут быть «плодом коллективного творчества…». Автор этих строк также предполагает, что стремление отвести подозрения от кадетов не случайно: куплеты сочинили Соколовский и его друзья и пели их на тайных вечеринках.

Песня долго была популярной. В 1870-х годах ее пел Н. Лесков на мотив французской песенки «Au clair de la lune» («При свете луны»)…

Итак, 31 мая 1826 года Соколовский «выпущен» из кадетского корпуса, 31 декабря определен на службу в штат канцелярии Томского губернатора, а 15 мая 1828 года — Енисейского. В августе того же года официально произведен в чин коллежского секретаря. В Сибири поэт прослужил до лета 1831 года и уже после отъезда, в августе, стал титулярным советником. За пять лет сибирской жизни он проявил себя талантливым литератором и статистиком.

Формулярный список ничего не говорит о его учебе в Московском университете, хотя мемуарист Сахаров и сообщает об этом в журнале «Русская старина»… За три года, 1831—1834, он просто не успел бы окончить курс наук.

---

[1] ГАСК. Ф. 79. Оп. 2. Д. 1637.

Еще одна загадка формулярного списка — в нем ничего не говорится ни о суде, ни о заключении в Шлиссельбургской крепости. Более того, в графе «не был ли под судом» ответ: «не был».

Итак, Соколовский 23 декабря 1838 года уехал из Вологды. Царь разрешил ему остановиться в Москве на три недели для поправления здоровья… Но прошло три месяца, а переведенный в Ставрополь не приезжал. Теперь понятно, почему московские полицейские преследовали Соколовского, видимо, не желавшего уезжать. Наконец, 16 апреля 1839 года начальник Кавказской области генерал-лейтенант Граббе посылает отношение Московскому гражданскому губернатору В.Д. Олсуфьеву с просьбой принять меры к «непременному выезду» чиновника, «назначенному на службу» на Кавказ.

Почта тогда ходила медленно. Ответ из Москвы пришел лишь 6 мая с сообщением о том, что Соколовский «отправился к месту назначения 14 апреля…». Но прибыл он в Ставрополь лишь 18 мая.

Заметим: дата приезда Соколовского, указанная выше А.В. Поповым, неверна.

Видимо, еще в дороге произошло обострение болезни, и Владимир Игнатьевич подает «рапорт» о том, что давно страдает болезнью «гидроргирозиею» (водянкой), а вовсе не чахоткой, или белой горячкой с воспалением мозга, как пишет Чивилихин, и просит «освидетельствования» и посылки «на серные и другие минеральные воды». «Рапорт» написан 25 мая. Непонятно, почему Соколовский не обратился сразу по приезде.

28 мая «оператор» (врач) Артемовский сообщает, что больной во врачебную управу не явился. Просит «объявить ему о явке, буде он может, а ежели нет — уведомить о месте квартирования его…». Управляющий губернаторской канцелярией Н.Д. Иващенко 30 мая отвечает: «Квартирует в доме комиссионера Ахачинского, вблизи дома, занимаемого провиантской комиссией (очевидно, на современной улице Суворова. — *Авт.*) и по болезни во врачебную управу явиться лично не может».

Как видим, речь идет о лежачем больном. 31 мая сообщают о его освидетельствовании. 1 июня гражданский губернатор А.В. Семенов, замещающий П.Х. Граббе, подписывает свидетельство: «Титулярный советник Соколовский отправлен в Пятигорск для пользования кавказскими минеральными водами на казенном содержании в тамошнем военном госпитале…».

По-видимому, в ближайшие дни больной уехал. Точная дата пока не известна, но уже 5 июня А.В. Семенов сообщает в Петербург, в департамент полиции: «Я отправил его сего же числа в Пятигорск».

Таким образом, Соколовский пробыл в Ставрополе около двух недель: приехал 18 мая и уехал не позже 5 июня. А.В. Попов сообщает, что в Ставрополе Соколовский встретился с декабристом С.И. Кривцовым, с которым познакомился во время службы в Сибири. Декабрист ввел опального поэта в гостеприимный дом адъютанта командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории М.И. Бибикова, женатого на его племяннице.

Однако тут же автор пишет, что 14 апреля 1839 года Кривцов получил отставку «по болезни» и уехал из Ставрополя. Факт этой встречи вызывает сомнения, так как Соколовский, как уже сказано выше, приехал в Ставрополь лишь 18 мая тяжелобольным.

Также маловероятно предположение Попова, что поэт уехал в Пятигорск 11 июня вместе с С.А. Раевским, командированным на Воды гражданским губернатором для составления проекта «Положения о доходах и расходах города Пятигорска…».

Достоверно лишь то, что здесь написано одно из последних стихотворений Соколовского «Послание былому сотоварищу» с пометкой «Пятигорск, 20 июля 1839 года…».

Мы не знаем, улучшилось ли на Кавказских водах здоровье изгнанника. В Ставрополь он вернулся, по-видимому, в середине сентября. 22 сентября начальник канцелярии Н.Д. Иващенко составляет «Докладную записку о чиновнике Соколовском», где изложен весь ход его службы. Внизу документа приписка за подписью Иващенко: «Г.[осподин] Соколовский болен, положение его достойно снисхождения. Лично я доставляю вашему превосходительству (по-видимому, губернатору Семенову. — *Авт.*) обстоятельства, ставящие г.[осподина] Соколовского в крайнее стеснение…».

На полях документа пометка простым карандашом: «Доложено 28 сентября 1839 года».

Но состояние здоровья Соколовского было уже критическим. 9 ноября генерал-лейтенант Граббе посылает в Петербург управляющему Министерством внутренних дел графу А.Г. Строганову отношение: «Переведенный по высочайшему повелению на службу в Кавказскую область титулярный советник Владимир Соколовский по возвращении из Минеральных Вод в Ставрополь, как не совсем выздоровевший, был отправлен для пользования в заведение Кавказского приказа общественного призрения и там 17 минувшего октября умер».

Как видим, в донесении смертельно больной превращен в «не совсем выздоровевшего»… Утверждение Герцена и авторов заметки в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, что он умер в Пятигорске, ошибочно. В своей книге А.В. Попов указывает: «тело предано земле на Варваринском кладбище». Однако церковь здесь — на современной территории строительного колледжа — построена позже. Место последнего успокоения Соколовского называлось тогда просто — «городское кладбище». Судя по документам, «старое городское кладбище» снесено в конце 40-х — начале 50-х годов прошлого века. Позже покойников хоронили уже в ограде церкви Святой Варвары.

19 ноября газета «Санкт-Петербургские ведомости» поместила извещение в четыре строки: «17 октября скончался в Ставрополе (Кавказском) известный русский поэт В.И. Соколовский, автор «Мироздания», «Хевери», «Альмы» (ненапечатанной) и многих других произведений».

Привез ли Соколовский какие-нибудь рукописи в Ставрополь? Об этом мы никогда не узнаем. В Вологде он начал две поэмы: «Новоизбрание» и «Искупающий страдалец». Судьба их неизвестна.

Таким образом, Соколовский при жизни считался известным поэтом. Проницательные критики отмечали, что его «духовная» поэзия далеко выходит за пределы общепринятых, ортодоксальных, богословских трактовок и является пантеистической. В довоенное время критики Тынянов и Хмельницкая отзывались довольно пренебрежительно о его творчестве.

Ставропольский литературовед А.В. Попов считал Соколовского поэтом-декабристом. Безусловно, поэт испытал сильное влияние первых дворянских революционеров, оно проявилось в куплетах «Русский император» и, очевидно, в упоминаемой в литературе пародии на гимн «Боже, царя храни», до нас не дошедшей. Чивилихин предполагает, что автором известной эпиграммы на смерть Александра I «Всю жизнь провел в дороге и умер в Таганроге» является Владимир Игнатьевич, но без достаточных оснований…

Писатель Чивилихин в книге «Память» по сути дела совершил «прорыв» в изучении творчества Соколовского. Он впервые доказал, что повесть «Одна и две, или Любовь поэта» «имеет все жанровые признаки классического «плутовского романа», «Рассказы сибиряка», хотя внешне и «шалость», «простота сердца», содержат нередко сентенции в стиле будущего Козьмы Пруткова. А в целом, по оценке автора, «обе эти книги представляют собой оригинальнейшие и очень серьезные остросоциальные произведения, сравнить которые не с чем даже в такой многообразной литературе, как русская…».

Касаясь поэмы «Мироздание», Чивилихин кроме пейзажных красот находит в ней поразительные астрофизические догадки, в одной из строф описание космической «черной дыры», в другой — конвективного слоя Солнца.

Казанские литературоведы В.А. Кошелев и С.В. Скачкова посвятили поэту содержательную статью «Звонкий мир философских созвучий» (журнал «Русская литература». 1983, № 2, с. 150—158). Они дали новую, несравненно более глубокую оценку творчества поэта, отметив именно философское содержание его произведений. Тема эта нуждается, конечно, в дальнейшем и гораздо более глубоком изучении.

Но в целом авторы правы в основе своей концепции: Соколовский, хотя и испытал значительное влияние декабристов, но по содержанию своих произведений принадлежит уже не к 20-м, а к 30-м годам прошлого века, а это уже десятилетие, в котором начались поиски философских систем, изучение фундаментальных законов развития природы и общества.

Еще недавно историки считали 30-е годы прошлого века временем свинцовой реакции и глубокого застоя. Но еще Герцен показал противоречивость этого десятилетия: при внешнем замедлении общественного развития начался демократический сдвиг в общественном сознании. Дали наиболее зрелые произведения Пушкин и Гоголь, начали свое творчество Лермонтов и Белинский. Соколовский также сыграл свою, и немалую роль, в этом знаменательном десятилетии.

Текст печатается по источнику:

Коршунов М.С. «Соколовского выпустили полумертвого на Кавказ…» Неизвестные документы о ставропольской ссылке поэта В.И. Соколовского (1839 год) // Ставропольский хронограф на 2000 год. – Ставрополь, 2000.

В.Н. Кравченко

«Надеждам ты не измени»

Покоится в ставропольской земле прах человека, имя которого было на устах литературной общественности России 30–40-х годов XIX века. Это поэт, литератор, журналист – Владимир Игнатьевич Соколовский, 200-летие со дня рождения которого мы отметили в 2008 году.

Часть I. Дерзкая песня

Московский июльский вечер 1834 года. Шумная студенческая пирушка собрала в доме некоего Скаретки компанию молодых людей. В дружеской, беспечной атмосфере пересказывали последние новости, веселились и просто дурачились. Пенилось шампанское, поднимались тосты. Гостеприимный хозяин любезно раскладывал бутерброды, подливал в бокалы. Кто-то снял со стены гитару. Оживленный разговор стих. Нестройным хором исполнили романс.

– Давайте споем куплеты Соколовского, – предложил один из юношей. Все согласились. Опустили шторы и брызнули вполголоса хмельным мажором дерзновенные стихотворные куплеты.

Русский император
В вечность отошел, –
Ему оператор
Брюхо распорол.
Плачет государство,
Плачет весь народ,
Едет к нам на царство
Константин-урод.
Но Царю вселенной,
Богу высших сил,
Царь благословенный
Грамоту вручил.
Грамотку читая,
Сжалился Творец,
Дал нам Николая,
Сукин сын, подлец!..

Песня касалась событий российского междуцарствия, предшествовавших воцарению на престол Николая I в декабре 1825 года.

Прозвучали последние строки песенки, внезапно дверь распахнулась, пропустив московского полицмейстера Льва Цынского и полицейских.

Хозяин дома оказался тайным осведомителем, который заранее известил городскую полицию, испросил денег на угощение и точно указал время вечеринки.

Через две недели те, кого искала полиция, подозреваемые в вольнодумстве – Герцен, Огарев, Сатин и другие, также были арестованы. В итоге подлого доноса и гнусной провокации было заведено дело «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи».

Кто же этот человек, чьи крамольные куплеты распевали в России? Уже первые допросы показали, что сочинителем был титулярный советник Соколовский. Он был уже на примете. В папке следствия лежал рапорт, что некие Соколовский и Огарев в 1833 году стояли обнявшись, и горланили «Марсельезу» у подъезда Малого театра.

Владимир Соколовский сибиряк по рождению, дворянин, воспитывался с десяти лет в Петербурге, в 1-м Кадетском корпусе. В мае 1826 года за «неспособность по болезни к военной службе выпущен из корпуса для определения к статским делам, с награждением за успехи и науках чином 12 класса».

Из Петербурга Владимир едет в Томск, к отцу, статскому советнику, исполнявшему обязанности гражданского губернатора, где определяется на службу в штат канцелярии общего губернского правления. В мае 1828 года перевелся в Красноярск, в канцелярию Енисейского общего губернского управления на должность экзекутора под начало своего дяди, губернатора А.П. Степанова. В этой должности судебного чиновника коллежский секретарь Соколовский за три года исколесил всю Енисейскую губернию. Собирал статистические сведения, был знаком с декабристами: Владимиром Раевским, Сергеем Кривцовым, Александром Пестовым, Николаем Мозгалевским, Семеном Краснокутским. Тогда же Владимир Игнатьевич написал устав для недолго просуществовавшего общества «Красноярская литературная беседа», сотруд-

ничал в «Енисейском альманахе». Впервые его имя появляется в печати под стихотворением «Прощание. К…е Ю…е В…й» в журнале «Галатея» за 1830 год. Невозможно сегодня сказать, кому оно посвящено. История сохранила лишь инициалы той, которую он «давно искал… среди людей».

Ужели и тебе печальное *прости*
Сказать я должен, ангел милый,
И в край далекий и унылый
Обман надежд и счастья унести?
Ужель среди земного пированья
Я только одинок, забыт, всего лишен?
Ни разу счастием я не был упоен,
И сердца лучшие желанья
Все гибнут для меня, как позабытый сон!

Летом 1831 года Соколовский в чине титулярного советника увольняется со службы «с Аттестатом от Енисейского гражданского губернатора, в коем сказано, что под судом и штрафом не был и в продолжение службы всегда аттестовывался отлично способным и к повышению чина весьма достойным». Он покидает Сибирь и появляется в Москве, проживая у Н.М. Сатина, или у двоюродного брата Н.А. Степанова в калужское имении – селе Троицком. Имея веселый и общительный характер Соколовский легко нашел товарищей среди литераторов.

Занятия литературным трудом приносят ему успех. Вскоре выходит отдельной книгой поэма «Мироздание», написанная на библейскую тему, тепло воспринятая читателями и критикой. В 1833 году Соколовский выпустил «Рассказы сибиряка» – повествование с перемежающими стихотворными вставками, в начале 1834 года – автобиографический роман «Одна и две, или Любовь поэта».

Материального достатка они не дают, и Владимир Игнатьевич вынужден опять устраиваться на государственную службу. Весной 1834 года он выезжает в Петербург, где его принимают на должность помощника секретаря в канцелярию военного генерал-губернатора П.К. Эссена. Не забывает он, впрочем, и о литературе. С новыми друзьями намечает издавать юмористическую газету, продолжает интересоваться русской историей (еще в Сибири начал писать поэму «Иоанн IV»), думает составить биографический словарь.

Однако служба в северной столице продолжалась недолго. Арест в Москве перечеркнул все его планы и сломал дальнейшую жизнь. Власти доставили Соколовского из Петербурга в Москву и продержали в тюремном остроге более восьми месяцев. Во время долгого следствия ему предъявили обвинение по нескольким пунктам: переписка с декабристом Мозгалевским, образование без разрешения властей «Красноярской литературной беседы», сочинение крамольной песни «Русский император».

В пении поэт сознался, но авторство свое отрицал и на допросах держался стойко. 31 марта 1835 года огласили приговор. А.И. Герцен вспоминал: «Торжественный, дивный день. Там соединили двадцать человек, которые должны прямо оттуда быть разбросаны, одни по казематам крепостей, другие – по дальним городам, – все они провели девять месяцев в неволе. Шумно, весело сидели эти люди в большом зале. Когда я пришел, Соколовский с усами и бородой бросился мне на шею, а тут Сатин; уже долго после меня привезли Огарева, все высыпали встретить его. Со слезами и улыбкой я жал всем руку – словом, это одна из счастливейших минут жизни, ни одной мрачной мысли…».

Как молоды они были!

Обвиняемые не были подвергнуты суду: дабы в ходе процесса не повторять «пасквильных стихов». Герцен был приговорен к высылке в Пермь, Сатин – в Симбирск, Огарев – в Пензу. «Главному виновнику» Николай I утвердил такой приговор: «…оставить года на три в Шлиссельбурге и потом допустить к службе в отдаленных местах». Так решилась судьба поэта. Страх побудил императора принять столь жестокое решение. Страх, что число врагов отечества больше чем выявлено, казнено и сослано в Сибирь и на Кавказ. Н.А. Добролюбов спустя годы по этому поводу записал: «Песня сама по себе ничтожна и пуста, но замечательна потому, что из-за нее поднят был целый судебный процесс, в котором захватили и Искандера (Герцена. – *Прим. авт.*).

Часть II. Признание

В одиночной камере Шлиссельбургской крепости Соколовский провел более полутора лет, нажив там тяжелую хроническую болезнь. Узнав о заключении в крепость, за него начинают хлопотать старшие братья. Александр Соколовский, инженер-подполковник, отправляясь в Измаил, куда назначен командиром крепости по инженерной части, подает прошение:

«Получив от него из Шлиссельбурга письмо, узнал о бедственном положении его… страдающим ревматизмом и опухолью в мозгу. С производства моего в офицеры, двадцать лет я не видел своего брата. Обращаюсь… о дозволении увидеться и проститься, быть может, навсегда с братом своим».

Другой брат, Николай Игнатьевич, капитан Московского кадетского корпуса, известный автор учебников географии для военных учебных заведений, также добивается свидания и переписки. После продолжительных ходатайств в декабре 1836 года Соколовский вышел на свободу под его поручительство.

В предписании санкт-петербургскому обер-полицмейстеру утверждалось, что Соколовский «освобожден от заключения для определения его на службу в отдаленную губернию. Посему же болезненное положение не позволяет ему отправиться в зимнее время в дальний путь, то генерал-лейтенант граф А.Х. Бенкендорф… дозволил ему остаться здесь до наступления теплого времени и назначить ему для лечения его болезни по 100 рублей в месяц…».

29 января (по старому стилю) скончался А.С. Пушкин. Можно только предполагать, какие чувства в те дни испытывал Соколовский. В середине марта ему было дозволено пробыть в Санкт-Петербурге еще три месяца. Дозволение свободно жить не означало полную свободу и избавление от ссылки и секретного надзора. В то же время год этот стал для Соколовского самым удачным. Еще в крепости он закончил драматическую поэму «Хеверь», изучил древнееврейский язык и начал работать над поэмой «Альма». Отрывки из нее были напечатаны во втором номере «Современника» за 1837 год, одновременно с лермонтовским стихотворением «Бородино». Вторым изданием выходит поэма «Мироздание» (третий и последний раз поэма вышла в 1867 г. – *Прим. авт.*). Критика называла «Мироздание» замечательнейшим произведением тогдашней словесности. «Как лирический поэт, – писали тогда в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду», – господин Соколовский не много имеет соперников в нашей литературе».

В литературных салонах он знакомится с поэтами, писателями, издателями. От его таланта много ждала и критика, и читающая публика. Над ним витает образ опального поэта. Его называют русским Сильвио Пеллико (итальянский писатель, один из главных руководителей журнала карбонариев «Concilliaftore», восемь лет провел в тюрьме. – *Прим. авт.*).

Цензор А.В. Никитенко записал в своем дневнике: «1837 год, июль 1. Познакомился на днях с автором поэмы «Мироздание». Наружность его незначительна, цвет лица болезненный. Но он человек умный. В разговоре его что-то искреннее и простодушное. Заглянув поглубже в его душу, вы смотрите на него с уважением».

Посылая своему другу Александру Креницыну стихотворную поэму «Мироздание», Владимир Игнатьевич обращается к нему в посвящении:

Вот первый взлет в далекий рай,
Вот первых помыслов кипенье:
Ты их с любовью прочитай,
И о певце, мне в утешенье,
Воспоминай, воспоминай!
Мы розно здесь проходим путь,
Но слиты сердцем, и порою,
Когда придет пора вздохнуть, –
Тогда меня своей мечтою
Не позабудь, не позабудь!…

Креницын восторженно отвечает:

Когда листок читал я твой,
Где вдохновенными стихами
Ты мне откликнулся душой…
Я плакал сладкими слезами.
Я был не свой, я был не свой!
Да, верь, что правду говорю:
Тебе, поэт, я цену знаю…
И весело вперед смотрю,
И радостно к тебе взываю:
Благодарю, благодарю!
Надеждам ты не измени,
Нам, общей матери – России,
И чудной «Альмой», в наши дни,
Чудесного певца Марии
Нам замени, нам замени!

Это было сказано в год смерти А.С. Пушкина. Восторженный призыв Александра Креницына был не единичным. Писатель П. Каменский в письме к Я. Неверову (будущему директору Ставропольской гимназии) упоминает «Альму»: «Соколовский идет в ход – на днях выйдет из цензуры его «Альма». То же

подтверждает врач почтового департамента И.П. Сахаров, у которого бывал Владимир Игнатьевич: «Его «Альму» тогда всюду читали». Известный поэт и переводчик Н. Гербель, страстный поклонник творчества Пушкина, утверждал, будто бы В.А. Жуковский, прочитав отрывки из «Альмы», сказал: «Вот поэт, который убьет все наши дарования!». Поэма явилась вершиной творчества Соколовского.

А. Герцен подчеркивал, что «Соколовский, автор «Мироздания» и «Хевери» и других довольно хороших стихотворений, имел от природы большой поэтический талант».

Н.М. Сатин, который до ареста 1834 года часто общался с Владимиром Игнатьевичем, в своих «Литературных воспоминаниях» отмечал: «Мы не станем входить в оценку поэтического таланта Соколовского, он известен читающей публике и оценен современной критикой. Скажем только, что Соколовский писал стихи неимоверно легко и неимоверно много, особенно если принять в соображение кратковременность его литературной деятельности… кроме напечатанных, много стихов осталось ненапечатанными, а еще более разбросано в его письмах к разным лицам и в его экспромтах, написанных на клочках бумаги во время веселой шумной беседы. Я никогда не видал письма Соколовского, не испестренного наполовину или более гладкими и звучными стихами. Я сам имел до двадцати писем от Соколовского, наполненных стихами всевозможных размеров…».

Поэт интересен своей оригинальностью и индивидуальностью. Стиль его легко угадывается по тем языковым художественным средствам, которые характерны только для его творчества. Язык произведений понятен даже тогда, когда, как художник красками, так и поэт словами рисует картины, где молнии, «дождяся до земли, объяли мир, все скрепы в нем сожгли», где рассвет «лучил огни в лазуревый простор», где «огневитые разливы, и в зарницы и в грома», где «светил затускнула краса» и «всю даль разубрало в зарю» и т.д. В своем творчестве Соколовский использует различные жанровые формы и стремится к созданию новых. В стихотворении «Молодица» – это мотив лирический русской народной песни с использованием выразительных фольклорных элементов. Свадебные песни: «Анастасия» (девушка перед венчанием прощается с родным домом) и «Боярин Роман» – пример русской обрядовой песни. Необходимо, однако, заметить, что более всего Соколовский склонялся к жанру торжественной философской оды: «Отрывки из воспоминаний о 1814 годе» (четыре хоровые песни, написанные по случаю празднества, бывшего в 1837 году – 25-летия Бородино), «Ода стремления» и т.д.

Известно, что М. И. Глинка, классик русского романса, интересовался Соколовским. Сам поэт в письме к А.И. Креницыну сообщал: «Сегодня я написал финал для оратории Глинки…».

Давая высокую оценку вдохновенным и искренним стихам Соколовского, Николай Вуич (современник поэта. – *Прим. авт.*) подчеркивал:

В толпе есть избранник, чью душу Творец
Зажег вдохновенья святыми лучами,
Он в мире посредник земли с небесами,
И этот высокий избранник – певец.

Таким посредником и является Соколовский, который, отталкиваясь от библейских заповедей, раскрывает духовность своих героев в повседневной жизни через их поступки и желания, ошибки и разочарования.

Часть III и последняя. В Ставрополь Кавказской области

22 сентября поступило окончательное требование «…немедленно выехать из Санкт-Петербурга в Вологду и явиться к тамошнему господину военному губернатору». Вологодский губернатор Д.Н. Болговский определил поэта чиновником особых поручений и поставил задачу организовать первую газету – «Вологодские губернские ведомости». Кроме того, Соколовский создал в Вологде литературный кружок, сблизившись с местными литераторами. Там же встретил и безнадежно полюбил молодую 16-летнюю поэтессу Варвару Макшееву. Дочь известного вологодского помещика Д.М. Макшеева, переводчика, автора статей, она получила многостороннее домашнее воспитание, владела французским, английским, латинским языками. В стихотворениях, посвященных Соколовскому, несмотря на ранний возраст, видна ее зрелость; она внушает ему надежду:

И твое пройдет ненастье,
Рассветет твоя заря,
И тебя проводит счастье
По долине бытия.

Именно о семье Макшеевых В. Соколовский пишет добрые слова цензору А. Никитенко в Санкт-Петербург: «…Отними от меня здешнее семейство, в которое сосредоточил я всю свою земную привязанность, – и тогда мне привелось бы пропадать здесь ни за денежку… Не знаю, право, чем все это кончится,

потому что может кончиться и радостным, и печальным, и тем скорее, что наши радости и печали зависят иногда от самых незначительных, по-видимому, вещей, например, в нашем холостом быту от одного слова «да», которое скажут хорошенькие уста какой-нибудь прекрасной».

На одном из субботних вечеров Соколовский прочитал отцу Вареньки «стихотворение, в котором он, выражая свои сердечные чувства, просил ее руки. Ему отвечали, что дочь еще молода и о замужестве ее родители не думают». В итоге появляется стихотворение «Я одинок», посвященное Варваре Макшеевой:

Стало, звезды ожиданья
Мне не блещут с вышины,
Стало, мне одни страданья
Да печали суждены?

В Вологодской ссылке поэт много работает. Он пишет поэму «Разрушение Вавилона», опубликованную в альманахе «Утренняя заря», в 1839 году начинает работу над поэмами «Новоизбранные» и «Искупающий страдалец». Тем временем в Петербурге вышла из печати поэма «Хеверь», написанная по библейским сюжетам. Более года Соколовский руководил газетой. «Вологодские ведомости» той поры были лучшей провинциальной газетой в России, а ее редактор вошел в историю русской журналистики», – такую оценку дал Владимир Чивилихин в своей книге «Память».

Между тем здоровье поэта продолжало ухудшаться. В августе 1838 года он обращается в III отделение канцелярии Его Императорского Величества с просьбой оставить службу и жить у родной сестры в Москве или «…если я недостоин сей милости, несмотря на то, что гибель моя неизбежна, я осмеливаюсь просить у Вашего Превосходительства, чтобы меня перевели на Кавказ». К письму прилагались медицинские свидетельства и подтверждение губернатора. Разрешение ему дают, и 23 декабря 1838 года поэт покидает холодную Вологду.

По приезду в Москву Соколовский «сделался болен горячкой и 13 числа января был помещен в больницу, откуда по выздоровлению 12 числа апреля вышел и два дня жил у зятя своего, поручика здешнего кадетского корпуса Линевича (мужа сестры. – *Прим. сост.*), а 14 числа отправился в город Ставрополь Кавказской области».

Находясь на лечении, Соколовский обращается к графу А. Х Бенкендорфу с просьбой «об увольнении от службы, освобождения от присмотра полиции и предоставления свободы относительно места жительства», а также просит «исходатайствовать позволения поклониться Гробу Господню… и объехать всю Сирию и Египет».

Одновременно просит у Государя Императора выделения «денежного пособия для напечатания тысяч пяти экземпляров «Альмы», так как она теперь в таком виде, что может выдержать любую самую взыскательную цензуру».

Во всем этом ему отказывают.

Наступает последний, кавказский, период жизни.

16 апреля 1839 года начальник Кавказской области генерал-лейтенант П. Граббе, обеспокоенный неприбытием Соколовского, запрашивает московского гражданского губернатора В. Олсуфьева: «… Я покорнейше Вас прошу, если чиновник Соколовский и до сего времени проживает в г. Москве, то прикажите кому следует разыскать его там, понудить законными мерами к непременному оттоль выезду согласно Высочайшему назначению в город Ставрополь на службу».

Через месяц получает ответ: «…титулярный советник Соколовский, по получении от болезни облегчения, отправился из Москвы к месту назначения 14 числа того же апреля».

Как ехал и куда заезжал поэт по дороге на Кавказ, – неизвестно. Зато документы, хранящиеся в Ставропольском госархиве, дают абсолютно точное время приезда В. Соколовского – 18 мая. Квартирует он в доме комиссионера Ахачинского, вблизи бывшей крепости. Он приезжает безнадежно больным, только через неделю поступает его заявление: «Страдая с давнего времени болезнью гидраргирозия … имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство приказать освидетельствовать меня медицинским чиновником и потом отправить в Пятигорск для пользования минеральными водами на счет казны».

Соколовский так слаб, что сам лично явиться во врачебную управу не может. Его на дому осматривает врач П. Артемовский-Гулак и подтверждает диагноз. В начале июня поэта отправляют в Пятигорский военный госпиталь. Одновременно гражданский губернатор А. Семенов зачисляет Соколовского « в штат чиновников общего областного управления до открытия вакансии с зачетом службы его со дня прибытия сюда».

Говоря сегодняшним медицинским языком, Соколовский страдал водяночным отеком, это могла быть почечная недостаточность, и минеральные воды вряд ли могли принести ему облегчение. До последних дней больной поэт продолжал писать стихи. В Пятигорске им написано стихотворение «Послание былому сотоварищу», с пометкой: 20 июля 1839 год.

Вернувшись в Ставрополь, он «как не совершенно выздоровевший, был отправлен в заведение Кавказского приказа общественного призрения и там во вторник, 17 октября (ст. ст. – *Прим. авт.*), умер». Прожил он на свете всего 31 год.

19 ноября 1839 года «Санкт-Петербургские ведомости » поместили краткое извещение:«17 октября скончался в Ставрополе (Кавказском) известный русский поэт В. И. Соколовский…»

После смерти поэта его стихи, оставшиеся у друзей (и даже ранее напечатанные) продолжали помещаться в альманах и периодике.

Сегодня в Ставрополе ничто не напоминает о поэте Соколовском. Нет могилы, нет и самого Варваринского кладбища (ныне район строительного техникума), нет никакого мемориального знака. Нет портрета поэта на городской доске замечательных людей Ставрополя. Мы находим его имя только в энциклопедиях, справочниках, литературных и научных исследованиях. В XIX веке Ставрополь посетило немало известных поэтов и писателей, но лишь один В. Соколовский нашел успокоение в нашем городе. Наверняка могилу поэта в 1840 году посещал М. Ю. Лермонтов. Можно по-разному относиться к его творчеству, но бесспорно одно: Владимир Игнатьевич Соколовский – глубокий философский поэт, оставивший заметный след в русской поэзии девятнадцатого века.

Уверен, поэт, которого современники зачисляли в «плеяду звездочек второй и третьей величины», ставя в один ряд с Е. Баратынским, А. Бестужевым-Марлинским, А. Одоевским, А. Полежаевым, заслуживает нашей памяти. Это важно и для памяти Соколовского, и для нас, его далеких потомков, ибо без памяти о прошлом нет и надежды на достойное будущее.

Послесловие

Елена Басова, поэтесса из Армавира, прислала к 200-летию со дня рождения Владимира Игнатьевича Соколовского свои стихи, посвященные поэту.

Поэту В. Соколовскому

Поэт забытый, но прелестный!
Как близок мне твой дух небесный.
И ты, посланник от небес,
Мне приоткрыв страну чудес,
Заставил душу волноваться
И размышленьям предаваться
О нашем грешном бытие,
О смысле жизни на земле…

Все дальше нас, забывших Бога,
Манит неверная дорога,
Где зло с Добром в борьбе святой,
Где правит идол Золотой.
Как далеко от счастья Рая
Людей уводит жизнь земная.
Слепцы! Ступая наугад,
Мы попадаем прямо в Ад.
Он на Земле царит по праву.
На души слабые облаву
Устроил он и мнится мне:
Мы все в поклоне сатане.

Но все ж жива еще надежда,
Что завтра «будущий невежда»
Вдруг в озарении замрет,
Молитву Богу вознесет!
Его лучами окропленный,
Заплачет, ликом просветленный,
Начнет свой путь из Тьмы на Свет
И вспомнит о тебе, поэт!

Сентябрь, 2007 г.

Текст рукописи предоставлен автором.

К.Э. Штайн, Д.И. Петренко

Владимир Соколовский: Счастье было!

Произведение Владимира Игнатьевича Соколовского «Рассказы сибиряка» (1834) представляется нам чрезвычайно интересным не только в качестве голоса своего времени, но и в качестве текста, который не случайно «всплывает» сейчас и становится интересным.

В.И. Соколовский прожил очень короткую жизнь, в то же время наполненную яркими, переломными событиями: поступление в десятилетнем возрасте в Кадетский корпус, служба в канцелярии Енисейского губернского управления и одновременно литературная деятельность, сочинение «пасквильных стихов» и заключение в Шлиссельбургской крепости, организация газеты «Вологодские губернские ведомости» и многое другое. Он был участником декабристского движения, был знаком и достаточно тесно общался со многими выдающимися людьми. Как отмечает А.В. Попов, в их числе «мы видим разжалованного в солдаты вольнолюбивого поэта А.И. Полежаева, участника ряда экспедиций на Кавказе, друга и родственника Лермонтова С.А. Раевского, Н.М. Сатина, А.И. Герцена, Ф.А. Кони» (5, с. 159).

Когда пишут о короткой жизни Соколовского, подчеркивают, что его яркая одаренная личность, поэтические произведения, которые были широко известны в 30-е годы XIX века, оставили «глубокий след и в душах современников поэта» (4, с. 4). Его судьба рассматривается, в понимании наших современников, как цепь «тяжких испытаний: арест, одиночное заключение в Шлиссельбургской крепости, ссылка, несчастная любовь, болезни, безвременная смерть… <…> Судьба обошлась жестоко с поэтом и после его кончины: могила Соколовского не сохранилась, творения не переиздавались, имя постепенно забывалось» (там же).

Судьба поэта в XIX веке, выбравшего себе дорогу сочувствия декабризму, строилась как текст и была обречена стать трагической в силу противоречия его взглядов официальной идеологии. Но художественные тексты В.И. Соколовского, которые раскрывают нам его воображаемый мир, строятся по отношению к трагическому тексту жизни по принципу дополнительности: придуманное представляется нам гармоничным, это особое «жизнеустройство» и «жизнетворчество», в котором позитивный процесс творчества, полетное существование в воображаемых мирах компенсирует издержки судьбы. По Соколовскому получается, что в любом, даже вымышленном мире, человек остается самим собой — грешит, лжет, иногда идет на поводу у низменных чувств. Все скрашивается возможностями фантазии, построением миров-оборотней, в которых противоречивость внешнего мира гармонически преодолевается светлой духовностью творца, возможностью фантазии превысить невзгоды обыденности и противоречия в вымышленном мире, преодолеть их искрометной иронией, мягким юмором, снисходительностью к человеку как существу дерзающему, но несовершенному.

«Рассказы сибиряка» неожиданно органично входят в контекст «состояния постмодерна» и современной постмодернистской литературы, когда мы обнаруживаем явную возможность познания как творчества, предполагающего использование не только интеллектуально-рациональных, но и иррациональных («художественных») способов философствования» (см.: 6). Когда возникают механизмы защиты от логоцентризма, некое архиписьмо, закрепляющее знаковую игру завуалированных различий, смещений, следов. Когда возникает нелинейный, многомерный способ философствования, что так характерно для М.Ю. Лермонтова, не совместимый с косностью, узостью, догматизмом в сфере мышления и когда создаются все новые «конфигурации письма» как бесконечного, не знающего покоя поиска «недостижимого единства смысла».

Когда читаешь «Рассказы сибиряка», опубликованные в 1833 году, не покидает ощущение постмодернистского задора и раскованности. Дерзость Соколовского в разрушении канонов литературы — конечно же, это не жест постмодерниста. Писатель, скорее, мыслит в русле идей романтиков, причем эти идеи, так же как у М.Ю. Лермонтова, усилены, что придает им сходство с остроумными манерами художников барокко. Романтики — «постмодернисты» своего времени, с одной стороны, создающие усложненную систему повествования, а с другой, — использующие разнообразные иронические отступления от нее. В «Рассказах сибиряка» есть моменты автометадескрипции: «Я был бы решительно затруднен отвечать вам на этот вопрос, если бы, к счастию, не пришла мне теперь в голову замысловатая увертка всех господ рассказчиков: начало того-то теряется во мраке неизвестности. И коротко, и ясно, и удовлетворительно; к тому же в этот мрак никак нельзя подать свечей, стало быть, все исследования, справки и поверки невозможны. Однако ж впоследствии можно кое-как напасть на следы Шагя-мунизма…».

Относительная незавершенность текста, выведение его во все новые и новые лабиринты смысла, не имеющие завершенности, компенсируются опорой на восточные религиозно-философские системы, научные источники, в результате общее здание произведения оказывается многомерным. У Соколовского есть и установка на разработку глубины текста с опорой на различные когнитивные артефакты (созданные произведения, фольклорные источники), таким образом, текст оказывается завершенным и незавершен-

ным одновременно. М.Н. Лобанова отмечает: «Движение — ключевая тема барокко. Человек — путник, мир — дорога, странствие. Иногда он видится как **лабиринт**, в котором путник чувствует себя потерянным: испанские бароккисты пишут о «лабиринтах улиц», в которых «таятся зависть, злоба, лесть и всюду верховодят отвратительные бестии, олицетворяющие зло» (1, с. 67).

По своему строению «Рассказы сибиряка» представляют собой многомерный текст, в котором обнаруживаются принципы явно выраженного, как и у М.Ю. Лермонтова, авторского артистизма, когда позиция автора находит выражение скорее в формальных принципах построения произведения (эпиграфы, композиция, текст в тексте). Рассказчика в «Рассказах сибиряка» по типу речевого поведения нельзя отождествить с автором в силу некоторой раскованности, некоторой «пошловатости», выступающей объектом авторской иронии. Может быть, это и есть «псевдоромантический мир подражания романтизма» (2, с. 345), подражание подражанию, которое в своем умножении приводит к корреляции с барокко.

Эксцентричные переходы от прозаического текста к поэтическому, мира русского к миру восточному были свойственны как барокко, так и романтизму. Вот как Л. Тик пишет о «поэмах Круглого стола»: «...в этих нежных песнях веет духом Востока, и Персии и Индии, события тянутся туда, чудесное перестает быть приключенческим, но становится волшебнее, герои теряют кровожадность, снижается их грозность, но томление и любовь награждают их прекрасным настроением и окружают их светом и блеском; эпическая правда и ясность исчезают, но зато чудесные краски и тона вводят душу в такое волшебное царство чистоты и мечтаний, что он чувствует себя прикованным и скоро осваивается в этом мире» (7, с. 111—112).

Поражает обилие адресатов неимоверно оживленного и общительного рассказчика. Текст с необработанными краями, нечеткими границами между европейским и восточным мирами, текст Соколовского может быть воспринят как графоманский, так велико желание автора творить, находиться в комфортной для него речевой среде. Создается впечатление, что порой сознание не руководит бессознательным потоком фантазии: «Признаться ли вам, прелестная Катенька, что эти монгольские бредни нравятся мне чрезвычайно», — сознается рассказчик.

Исследователями, в том числе Ю.М. Лотманом, отмечается «литературность» поведения романтиков-декабристов. Несмотря на то, что они были людьми действия, «главной формой действия парадоксально оказалось речевое поведение декабриста». Соколовский находился в русле речевого мышления, свойственного декабристу как «особому типу русского человека». Самими художниками первой половины XIX века, исследователями отмечается «разговорчивость», стремление к словесному закреплению своих чувств и мыслей, что приводит впоследствии к обвинению декабристов во фразерстве и замене дел словами (2, с. 334). Это также сближает романтиков с художниками барокко. Для барочного искусства характерны установки на аналитизм, метафоризм, сознательную языковую ориентированность. Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский пишут: «Осознанный интерес к языку, выделение его как некоторой самостоятельной ценности подразумевает соположение в сознании воспринимающего или в контексте культуры текстов на разных языках. Такое положение специфично для барокко, и **именно барочные тексты дали толчок для сознательной языковой ориентированности культуры**» (3, с. 272).

В то же время этому типу поведения свойственно нарочитое игнорирование жесткого речевого приличия. Не случайно В.И. Соколовский в обращении к читателю делает установку на некоторую языковую игру, определяя «Рассказы сибиряка» как «шалость». В этом тексте, как и во многих других произведениях Соколовского, наблюдается соединение игрового и серьезного, потому что сфера фактических жизненных поступков смещена из области обыденного, реального в сферу речевых поступков — написания текстов. Ведь поводом для события, определившего судьбу Соколовского — заключения в Шлиссельбургскую крепость, — согласно обвинительному заключению, стали сочинение и декламация «пасквильных стихов». Здесь вспоминается и судьба М.Ю. Лермонтова, многие поступки которого также носили речевой характер. Так, стихотворение «Смерть Поэта» (1837) «в придворных кругах было расценено как «бесстыдное вольнодумство, более чем преступное»... Полный текст был получен Бенкендорфом в середине февраля (первая часть стихотворения, известная раньше, не вызывала никаких нареканий). Было заведено дело «О непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермантовым, и о распространении оных губернским секретарем Раевским»; 18 февраля Лермонтов был арестован (мнения исследователей о точности этой даты расходятся); несколько позже был арестован и Раевский, а уже 25-го стало известно решение Николая I перевести Лермонтова «тем же чином в Нижегородский драгунский полк, и губернского секретаря Раевского... отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу» (9, с. 513).

Коммуникация в дворянской среде носила не бытовой, а именно литературный характер. Она осуществлялась с помощью поэтических посланий, критических возражений и других разнообразных по жанру литературных произведений. За системой рассказчиков, адресатов Соколовского чувствуется не несчастный, скитающийся по ссылкам, болезненный человек (которым, по-видимому, он и был), а человек, обладающий внутренним душевным здоровьем, кипящей фантазией, для которого «подлинным покоем», как и для М.Ю. Лермонтова, и счастьем было творение фантазийного мира, в котором, правда, не всегда все сходится. Вспоминается Ф. Шеллинг, который считал эмпиризм источником всего нефилософского, всего

непоэтического, а подлинно поэтическим — возможное, воображаемое, которое, как ни парадоксально, и является, по его мнению, «безусловно действительным» (10, с. 340).

В этой игре, переключении с серьезной тональности на смешную, незлобивости, шутке, может быть, и высвечивается подлинный душевный строй Соколовского. «Затрудняюсь определить жанр «Рассказов сибиряка», — пишет о произведении В.И. Соколовского В.А. Чивилихин в романе-эссе «Память». — Это не проза, не поэзия, не популярное историческое переложение, не сатира на современность, не литературный манифест, не веселая пародия на традиционные жанры, не политический памфлет, хотя элементы и первого, и второго, и пятого, и десятого присутствуют в этом странном, ни на что не похожем сочинении. В какой-то мере он с первого взгляда напоминает «Странника» А. Вельтмана, однако, присмотревшись, видишь, что автор мастерски мистифицирует читателя, скрывая за формой то, что он хотел сказать по существу» (8, с. 386).

Безудержная фантазия и постоянный контроль, иронический взгляд и одевание критических масок — в результате перед нами достаточно зрелый и серьезный художник, все-таки нашедший примирение с миром. Это примирение — в игре воображения с реальностью, как это было свойственно и М.Ю. Лермонтову. Было вдохновение, было творчество, были читатели, и как утверждают, даже восторженные. А значит, счастье все же было…

Библиографический список

1. Лобанова М.Н. Западноевропейское музыкальное барокко: Проблемы эстетики и поэтики. — М., 1994.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. — СПб., 1994.
3. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Семиотическая типология русской культуры XVIII века // Художественная культура XVIII века. Материалы научной конференции (1973). — М., 1974.
4. Маркелов Н.В. О В.И. Соколовском // В. Соколовский. «Ни разу счастьем я не был упоен»... — Ставрополь, 2001.
5. Попов А.В. Декабристы-литераторы на Кавказе. — Ставрополь, 1963.
6. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. — М., 2002.
7. Тик Л. Любовные песни немецких миннезингеров // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. — М., 1980. — С. 108—117.
8. Чивилихин В.А. Память. — Фрунзе, 1987.
9. Чистова И.С. «Смерть Поэта» // Лермонтовская энциклопедия. — М., 1981. — С. 511—513.
10. Шеллинг Ф.В. Философия искусства. — М., 1966.

Текст печатается по источнику:
Штайн К.Э., Петренко Д.И. Лермонтов и барокко. — Ставрополь: СГУ, 2007. — С. 52—57.

Н.И.Воронов

СТАВРОПОЛЬ

Утро едва начиналось, когда я выехал со станции Русской, последней перед Ставрополем. Дорога все еще шла по степи, но впереди, за мелким лесом, уже показывался город. Скоро ямщик своротил с большой дороги на проселок и повез меня к монастырю, от которого город отделяется только глубоким оврагом; с тяжелыми экипажами ездить сюда опасно, и для них-то существует большой тракт, зато едущие налегке выигрывают тут несколько верст и к тому же могут за дорогу насладиться такими видами, которые степняку легко покажутся восхитительными. По обеим сторонам дороги мелькают так долго не видные рощи, степная гладь сменяется увалами, холмами, пригорками, меж тем как горизонт ширится на десятки верст, и на всей ширине его нет и следов степного однообразия. Понемногу грудь начинает дышать вольнее, глаза глядят внимательнее прежнего…

Монастырь, мимо которого идет дорога к городу, кроме своего прекрасного местоположения, не представляет ничего особенного; недавно учрежденный, он не успел еще обстроиться и разбогатеть. За ним рисуется Ставрополь, и какой заманчивый вид дают из себя его постройки, забелевшие поверх зелени по гребню высокой горы! Впереди — глубокий овраг, больше и больше темнеющий книзу, где льется речонка Ташла, окруженная густыми садами и рощами; их высокие деревья, казалось, собрались в приземистые купы и поползли одни за другими на дно глубокого оврага, потом черной полосой дороги отделились от городского возвышения, и далее, еще меньшими купами, полезли на крутую двухэтажную гору; светло-зеленый цвет их, при утреннем освещении, переливался всевозможными зеленоватыми, желтыми и темными оттенками, и чем выше в горы поднималась зелень, то расстилаясь косматым ковром, то образуя черные впадины, точно складки, тем чаще она разнообразилась белыми и серыми домиками, разбросанными по всему возвышению городского предместья. <…>

Эффект картины много потерял, когда ямщик въехал на гору, составляющую городское предместье: на улицах — грязь; дома, издали глядевшие изящно, вблизи оказывались неопрятными; подробности, живописные своей совокупностью, в отдельности теряли свою прелесть… Однако, несмотря и на это, Ставрополь можно считать все-таки очень недурным городом, и в этом случае много придает ему цены его окружность. Степи, безлюдье — и вслед за этим оживленный и обстроенный город, среди местности гористой: встреча подобного места необходимо должна приятно подействовать на проезжего. Проживая и прежде в Ставрополе, я иногда слышал о нем такие суждения, что он-де «Париж Кавказа»; признаюсь, тогда, еще полный воспоминаний о лучших городах, я считал такие суждения слишком наивными, даже дикими, теперь же, поживши среди степей, начинаю находить кое-какой смысл в этом громком имени: «Париж Кавказа!». Да, много значит окружность. Представьте положение человека, когда-то знакомого с общественными удовольствиями, с городскими потребностями, переведенного потом в ногайскую степь, или в степную станицу, где принужден он прожить безвыездно год, два и больше, положение, согласитесь, не очень приятное. Его безропотно, и вместе с тем порядочно, в состоянии вынести только тот, кто окреп нравственно, кто в жизни имеет серьезные цели, кто смотрит на время, как на короткий срок, предназначенный для нашего самоусовершенствования… Однако много ли людей с подобными стремлениями? Где им и когда можно было нравственно окрепнуть?.. Не удивительно, после этого, что степная жизнь, со всеми ее лишениями, должна им казаться сущей пыткой. «Какое безлюдье!» — вот те возгласы, которыми встречают они свою участь жить в степи; впоследствии эти возгласы понемногу теряют свой первоначальный жар, значительно

умеряются, но из этого еще не следует заключать, что их признали неуместными или незаконными: нет, к ним сделались менее способными — и только! — И вот наконец настал случай съездить в Ставрополь. Что ж мудреного, если он покажется Парижем: с виду он город как город, тут и людность, тут и бульвары с гуляющими и музыкой, и клуб, и театр, и магазины… Жируй же скорее, рыскай по улицам и разным закоулкам да запасайся впечатлениями на всякого рода степную голодуху…

Здесь кстати указать на тех людей, образующихся на здешней местности, которые носят название «опойков». Нечто похожее на них встречается и в других уголках России, но здесь, под условиями степной и лагерной жизни, они вырабатываются рельефнее и в большем количестве. Нападки на провинцию, которая доводит человека до разнообразных падений и, наконец, совершенного изнеможения нравственных сил, у нас очень обыкновенны; еще недавно г. Щедрин в своих «Губернских очерках» воскликнул: «О провинция! ты растлеваешь людей, ты истребляешь всякую самодеятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже способность желать…».

В своей лирической статье «Мысли вслух» он превосходно дал почувствовать, что в нем трепещет живая, хотя и горькая истина. Но если легко объясняется образование таких личностей, которые в России носят название увальней, лежебок, или же для которых необходима такая водка, чтобы сразу забирала, покоряла себе всего человека, что называется вор-водка, то еще легче объясняется появление на Кавказе опойков, людей, съехавших на жалкую участь пить и опиваться до самозабвения. В России все же существует какая-нибудь общественность и в самых глухих уголках ее может прозябать семейная жизнь: та или другая может поддержать человека, который зашатался, отыскивая пищи для своих неокрепших нравственных сил. Но среди ногайского и даже станичного захолустья общественности нет никакой: семейная жизнь является недосягаемым благом, с поверхностным, как обычно водится у нас, образованием, с большим желанием пожить, со стремлением выслужиться или, по крайней мере, погеройствовать; однако походы предпринимаются не сплошь да рядом, геройствовать не над чем, выслуживание ползет лениво, так что его и не приметишь, а жажда пожить вынуждена утолять себя картами в кружке холостых людей да всякого рода попойками. За невозможностью удовлетворить даже скромным общественным потребностям, вызывается к жизни такое средство, которое заглушало бы их назойливый голос. И вот еще ни свет ни заря к водке успели не раз приложиться: не нужен и чай, затуманилось утро вплоть до обеда; за обедом снова водочное подкрепление сил — и затуманился день до вечера; от такого местного обычая новозаезжий, не обижая товарищей, отставать не может… И скоро, очень скоро, юноша, добрый малый, с теплым сердцем, с порядочной головой, становится ни на что не способным, незаметно одряхлеет, одрябнет с помутившимся взором и, боясь опомниться, пьет да пьет, а если и опомнится, то так ему больно и жутко, что со слезами на глазах может он произнести себе осуждение только в горьком восклицании: «Эх, я опоек, опоек!»… <…>

Виноват, я несколько удалился от предмета, забыл, что мне следует говорить о Ставрополе. Но в оправдание свое могу привести то важное обстоятельство, что, говоря о каком-либо месте, не должно забывать и людей, на нем различно коротающих жизнь свою. Это обстоятельство в настоящем случае имеет самое близкое применение: Ставрополь, по составу своих обитателей, оказывается городом несколько оригинальным, отступающим от мерки, прикладываемой нами к другим собственно русским городам; к нему отчасти не подойдут те губернские типы, которые у нас стали ходячими истинами; нужно прибавить к ним несколько новых красок, новых черт…

Ставрополем начинается страна служебных привилегий, привлекающих сюда искателей счастья, карьеры, приключений и всякого рода житейских особенностей, ожидаемых от страны, мало еще известной внутри России, страны новой, поэтому обещающей много привлекательного, еще неизведанного, быть может, скрывающего в себе искомое всюду от нужды мыкающимся человеком. Привилегии — важная статья; они заставляют и самого практичного человека, всегда выжидающего у моря погоды, пускаться вдаль и в непогоду; одной своей полновесностью они тянут на Кавказ и тех, которые не способны увлечься ни заманчивостью неизвестности, ни местными красотами природы, ни какими-либо другими романтическими затеями, ни какими-либо другими непрактичными стремлениями, про которые сложена пресловутая песенка:

Ты за чем, мой друг, стремишься
На тот гибельный Кавказ?..

Ставрополь, однако, — только еще преддверие привилегии, небольшой остановочный пункт, через который идет дорога в Закавказье.

Отсюда, насчет населения Ставрополя, можно сделать следующие замечания: оно наплывное, собравшееся сюда из разных концов России и потому разнохарактерное, не успевшее еще обзавестись местными преданиями, обычаями, порядками, не рассчитывающее на оседлость, часто меняющееся, большей частью одиночное, редко проявляющееся в большой родне или в сплошных семействах. Далее, Ставрополь, как город военный и вместе с тем губернский, представляет смесь чиновничества гражданского с военным, которое опять дробится на армейское, казачье, горское, со всеми принадлежащими сюда штабами, комиссариатскими, провиантскими, гошпитальными и т.п. чиновниками.

Наконец, принимая во внимание положение Ставрополя как преддверия Кавказа, известного своею разноплеменностью, которая дробится до невероятной мелочности, легко объясняешь себе пестроту его населения, проявляющуюся на каждом шагу, мимо разномастного господского племени, в лицах армян, грузин, калмыков, татар, ногайцев и всякого рода прикавказских инородцев.

Представить отчетливую характеристику подобного городского населения очень трудно, а потому мне, как проезжему, позволительно ограничиться указанием только на некоторые, более крупные черты, которые поддаются наблюдению в короткий срок и касаются притом господствующих классов города.

Я уже сказал, что население Ставрополя, большей частью наплывное — сброд людей с разных концов России, собравшихся сюда или ради служебных привилегий, или по влечению в новую местность, или же по необходимости явившихся сюда как в страну, которую нужно защищать и колонизировать. Вследствие этого даже небольшой кружок местного общества, взятый из какого угодно общественного слоя, представляет сборище людей бывалых, видевших и испытавших многое, сродни тем людям, которые у нас известны под названиями «хожалых», тертых калачей, прошедших огонь и воду. Нельзя сказать, чтобы это служило клейкой связью для членов общества, давая ему однородность стремлений, согласие в целях, гармонию потребностей. Напротив. Общее между членами подобного общества одно — желание во что бы то ни стало добиться своих личных расчетов, что уже сильно противодействует образованию общественной солидарности, возможной там только, где сходятся между собой хотя и тертые калачи, но ради каких-либо общих интересов, будут ли касаться они промышленности, торговли или же другого какого общего дела. Больше, наконец, общественного согласия проявляется там, где сходятся люди, хотя и не бывалые, но связанные между собой одним и тем же месторождением, преданиями, одинаковостью служебной или вообще житейской карьеры, люди, привыкающие глядеть на мир божий из-за издавна составленных мнений, выработанных при известных условиях общежития. Оттого подобные города, как Ставрополь, представляют мелочное дробление на кружки, на партии или же, наконец, служат раздольем для особняков, ничем не связанных друг с другом; кружки и партии считают в своих рядах по два, по три, много по пяти членов, и сами себе не могут дать отчет, почему они составляют какой-то кружок, замкнутый для входа непосвященных в их взаимные тайны, которых-то именно и нет… За отсутствием общих интересов, которые руководили бы обществом постоянно, является множество интересов случайных, мимолетных, большей частью забредших сюда со стороны. Эти интересы также наплывные — вследствие появления новой личности, занесшей их издалека, из той среды, в которой она прежде вращалась и которой дышала по необходимости, вследствие проезда какого-нибудь ретивого распространителя новых идей и новых слухов — благо, город лежит на большом тракте, — успевшего за дорожный отдых заронить в здешнее общество что-нибудь новое и удалиться, не выходивши как следует за брошенным зерном. Отсутствие общих интересов, местных, и частое появление интересов случайных, залетных, дает, по-видимому, здешнему обществу характер подвижности, наклонности к нововведениям всякого рода, что как бы противодействует общественному застою, апатии, господству рутины на всех путях общежития; но это только кажущееся благо: всякого рода залетные новинки только закрывают собой истинное положение вещей, и нужно ли при этом напомнить, что там мало может быть жизненного движения, где мало стойкого, прочно лежащего… Известно, что всяк новоприезжий вначале чувствует себя стесненным на своем новоселье: он еще не приладился к новому месту и не знает еще, как приладиться. Большей частью случается так, что он новую свою жизнь решается вести таким же порядком, какой господствует на месте его нового жительства: он приглядывается, прислушивается, прежде чем начнет действовать самостоятельно. Однако трудно бывает приглядеться к чему-либо там, где все зыбко, неопределенно, ведется не по исстари заведенному порядку, а по прихоти мимолетного случая. Пассивная роль, какая выпадает на долю новоприезжего, в подобных обстоятельствах оказывается неуместной: он вдруг сбрасывает с себя маленькие оковы, которые сдерживали его привычки среди определившегося уже общества, и начинает вести себя нараспашку; не приметивши, как настроена новая его обстановка, он чувствует себя свободным повести свою жизнь, как ему удобнее, и незаметно становится особняком среди других ему подобных. Отсюда вытекает новая характеристическая черта подобного общества: возможность сближения, хотя бы мимолетного, между людьми неравных общественных положений, кажущееся равенство его членов, отсутствие наружных знаков тех разнообразных отношений, которые существуют между людьми разночиновными, разных состояний, разных положений в свете. Всякий, чувствуя себя свободным от преданий, заветных на месте прежнего его жительства, невольно считает и других разрешенными от таких же преданий: а разве не они заставляют нас ложно стыдиться сближений с людьми неодинакового с ними общественного положения? Но нужно сказать и то, что возможность сближения между членами подобного общества не столько есть плод, добытый размышлением, сознанием равного человеческого достоинства, в каком бы лице оно ни проявлялось, сколько следствие особнячества, всегда готового, как еж, свиться клубком и ощетиниться при малейшем покушении на его свободу, и в то же время смотреть равнодушно на все, что не угрожает его оригинальности. Разумеется, семейная жизнь или же постоянное обращение в кругах семейных могли бы благодетельно действовать на смягчение особнячества, на сглаживание

его угловатостей, на расширение круга его симпатий; но, к сожалению, семейная жизнь на Кавказе еще недавно началась, потому что недавно еще была та пора, когда служащие здесь, вместо жен, по большей части обзаводились кухарками, прачками или же искательницами любовных приключений. С успехами семейной жизни на Кавказе исчезают и все больше и больше будут исчезать угловатости здешних особняков, да, наконец, и само особнячество ограничится тесными пределами, потому что не будет к нему поводов, по причине зарождения и будущего развития в здешнем обществе своих порядков, своих преданий, своей общественной атмосферы, к которой сочтут себя обязанными применяться новые поселенцы, принося в здешние кружки расширение их опытности, а не собственный произвол, почувствовавший себя несколько связанным на новой почве.

Такое современное положение ставропольского общества, представляющее много невыгод, много отрицательных сторон по причине новизны самого города и местных его условий, в будущем дает много поводов к утешительным заключениям. Впрочем, о будущем мы не считаем себя вправе сколько-нибудь распространяться… <…>

Однако позволю себе сделать несколько замечаний по поводу известных наших губернских характеристик, которые имели целью выводить на свет, кроме родовых, и видовые признаки наших губернских обществ. <…>

Но объяснимся лучше примерами. Если бы какой-нибудь современный писатель стал насмехаться над внешними особенностями губернских жителей, стал бы выводить на свет допотопные фраки и чепцы, то он впал бы в анахронизм. С этой стороны самолюбие большей части провинциалов уязвить нельзя; они в нарядах подвизаются ретиво, и оттого скорее тут пересолят, чем недосолят. На поприще балов и вообще веселостей опять они действуют с достодолжным рвением, как об этом гласят и губернские ведомости. Но если тот же самый писатель покажет нам оборотную сторону губернского comme il fout, если он справедливо заметит, что в провинции рядятся по журнальным картинкам не из потребности вкуса, не для себя собственно, но все напоказ, а дома, без посторонних свидетелей, забывается и чистоплотность, и изящество, — что губернские веселости, часто блестящие, всегда машинальны и напоминают совершение какого-то непонятного для нас обряда, что блестящая оболочка светского comme il fout у нас ничем еще не наполнилась живым, самобытным: в этом случае писатель уметит в уровень губернской общественности. Но еще лучше будет, если он оставит в стороне губернский comme il fout, если не станет насмехаться ни над провинциальным французским языком, ни над губернскими обедами, ужинами, вечерами с музыкой и без музыки, ни над костюмами и вообще внешностями; пусть только покажет он наличность провинциальной деятельности, пусть очертит круг губернских стремлений, пусть возьмет на весы весь капитал познаний, необходимых для разумного существа, насколько их отыщется в губернском обществе… Тогда, без сомнения, покажется перед нами множество действительных случаев, как порождений крайнего невежества, анекдотов вроде тех, как Живновский являлся к посланнику с предложением питаться целый год одним сахаром… В том-то и секрет, что настоящего провинциала почти невозможно поддеть насчет чего-нибудь, как говорится, житейского; он смекнет, что возможно и что нет насчет какой-нибудь поживы; у него на это удивительно как развито чутье. Зато там, где дело не касается наживы, говорите что вам угодно, и вам легко поверят. Прислушайтесь к разговорам между губернскими чиновными людьми: они очень практичны и только больно хромают там, где дело касается умозрений или же научных знаний. Оттого вы услышите, что какой-нибудь губернский его превосходительство — дока в канцелярских делах и в приобретении капитала — простосердечно уверяет своих слушателей, что огонь от электричества нисколько не горячий, что он лично изволил в этом удостовериться, проезжая мимо зажженной молнией копны сена, что он невредимо клал на эту копну свою руку: большая часть слушателей так же простосердечно верит его превосходительству, а остальные хоть и сомневаются, но не противоречат. Оттого в прошедшую войну некоторые высокоблагородные губернские жители удивлялись, почему же правительство не проведет нашего флота из Севастополя в Каспийское море, что там, дескать, флоту было бы совсем безопасно. Оттого эти же и другие чиновные губернские лица все-таки благодаря военным реляциям и газетам, несколько ознакомившись с географией России, недоумевали, что это такое Сыр-Дарья и где это живут коканцы? А разрешив эти вопросы, хором закричали, что Индии теперь окончательно несдобровать. И множество проявлений подобного невежества на каждом шагу встретите в каждом губернском городе. — Но напрасно этих, по-видимому, простачков постоянно пугают ревизорами. Они — тертый калач по этой части и вовсе среди своих закулисных проделок не боятся проезжих. Ревизор годится теперь в провинции разве для того только, чтобы его именем пугать детей, а не взрослых. Приезда его не боятся, а только заботятся несколько о приведении в порядок разного рода внешностей. Теперь в провинции знают, как обходиться со всяким ревизором. Прежде чем успеет он приняться за свое дело, его так умаслят, так сумеют акклиматизировать с помощью закусок, обедов, карточных вечеров, так привяжут его к особенностям своего общежития, благодаря находчивости жен и дочерей, что вчуже глядеть любо, как это они со всеми своими грешками спокойны и веселы в присутствии ревизора! Но довольно на этот раз о губернских обществах. Посмотрим на некоторые учреждения Ставрополя и прежде всего остановимся на его публичной библиотеке.

Публичная библиотека существует здесь с 1852 года и помещается в небольшом казенном доме, почти в середине города. Она занимает три комнаты: в одной из них стоит стол, на котором лежат последние номера периодических изданий; тут же на стенах висят географические карты… Составилась она из пожертвований со стороны некоторых лиц, в числе которых главным основателем был губернатор господин Волоцкой; потом она приращалась собственными средствами, выручаемыми от читающей публики, а также добровольными вкладами, так что уже в 1857 году в ней считалось до 1000 названий книг и выписывалось 17 русских, 6 французских и одно немецкое периодическое издание.

Такое учреждение, как Ставропольская публичная библиотека, редко встречается в наших губернских городах и стоит того, чтобы обратили на него внимание. Библиотекарь ее, молодой человек, ревностно преданный своему делу, г. Львов, дал мне возможность ознакомиться с отчетами библиотеки, а из них-то я извлекаю некоторые заметки, которые не лишены интереса и отчасти характеризуют здешнее общество со стороны стремлений его к просвещению. По правилам, изданным от библиотеки, каждое состоящее на службе в Ставрополе лицо как военного, так и гражданского ведомства, изъявившее желание пользоваться книгами из библиотеки, платит в пользу ее по одному проценту с рубля получаемого им жалования, частные лица платят в год 7 рублей; желающие пользоваться книгами на полгода платят 5 рублей, на три месяца 2 рубля 60 копеек, на месяц 95 копеек, на день 10 копеек. Библиотека открыта для чтения ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, от 8 до 12 часов утра и от 2 до 5 пополудни, на дом можно брать за раз не более двух томов, или же одного целого сочинения.

Взявши во внимание значительное число служащих в Ставрополе, можно бы полагать, что средства существования библиотеки довольно обеспечены: членов ее ежегодно считается до 300, посетителей, как видно из собственноручных расписок их в заведенной для этой цели книге, бывало ежегодно от 3000 до 5000. А между тем в приходе библиотеки, например, за 1856 год значилось всего 489 рублей 85 копеек, полученных за право чтения, что дает средним числом немного больше, чем по 1 рублю 50 копеек на каждого члена. Чем же объясняется такая незначительная цифра среднего платежа членов? А тем, что члены эти большей частью господа мелкие чиновники, получающие в год от 100 до 250 рублей; что же касается до так называемых губернских тузов, то редкий из них записывается в члены библиотеки, частных же подписчиков, вносящих по 7 рублей в год, бывает 5 человек и меньше. При таком положении этого дела библиотека за выручаемые ею деньги может только содержаться и выписывать одни периодические издания и не имела бы средств для выписки отдельно издаваемых сочинений, если бы ежегодно не поступало пожертвований в ее пользу от 200 до 400 рублей, в которых живейшее участие принимает основатель ее, г. Волоцкой.

Таким образом, это полезное учреждение своим настоящим положением показывает, что вызвано оно к жизни не столько потребностями самого общества, сколько занесено извне, быть может, по тем же причинам, которые, как я сказал уже, часто заносят сюда и другие общественные новинки. <…>

Недавно состоялось в Ставрополе (с 23 апреля 1856 года) еще одно учреждение, по характеру своему несколько подходящее к публичной его библиотеке. Это — местный музей. Целью его предположено, чтобы он был постоянной выставкой, на которой в немногих образцах представлялось бы все, что край имеет наиболее замечательного, чтоб при обозрении музея можно было получить понятие о собственных богатствах края, о состоянии в нем всякого рода промышленности, о населении, его составляющем, о замечательных в нем остатках древностей. Таким образом музей представляет 4 отдела: 1) естественные предметы края, 2) предметы разного рода промышленности, 3) предметы этнографические и 4) археологические. Округ, представителем которого назначается музей, составит весь край кавказский по эту сторону Кавказских гор. Мысль об основании музея и заботы о нем принадлежат также Волоцкому; помещается он в доме городской думы, одном из лучших по наружности домов Ставрополя. Пока собрано сюда еще мало предметов: есть коллекция ставропольских строительных камней в разных видах отделки, коллекция глин и песков для кирпично-кафельного производства, коллекция минералов, руд и шлихов Алагирского горного завода, коллекция окаменелостей; из предметов растительного царства собраны деревья, произрастающие в лесах Ставропольской губернии, неполный гербарий флоры ставропольской, пятигорской и кисловодской; из предметов царства животного есть несколько чучел местных животных и собрание насекомых; из предметов туземной промышленности собраны предметы сельского хозяйства около Кизляра, в числе их в разных формах обделки есть марена и сарачинское пшено, кожевенный товар местной выделки и т.п.; по отделу археологическому собрано несколько камней с надписями из маджарских развалин, несколько монет и мелких вещей, находимых в степных курганах. Все же собрание предметов, без сомнения, служит не музеем, но только началом его, которому нельзя не пожелать дальнейших успехов. К сожалению, средства его, долженствующие состоять из добровольных приношений тех, кого интересует общеполезное дело, самые ничтожные, сумм у него нет никаких, а держится он единственно участием немногих своих учредителей.

В Ставрополе не дурен бульвар, идущий по всей Николаевской (главной) улице, без него бы не в меру широкой и обстроенной небольшими домами, он состоит из аллеи тополей, белой акации, лип и обнесен деревянной решеткой с каменными устоями. Это — обыкновенное место для гуляния ставропольцев, особенно если играет здесь хор военной музыки, что летом случается в неделю два

раза. Бульвар прерывается небольшой площадкой, на которой устроен фонтан, окруженный почти всегда грязью; с площадки каменная широкая лестница, усаженная тополями, ведет на гору к пятиглавой соборной церкви, которая стоит на видном, незастроенном месте. Отсюда вид на окрестности Ставрополя широк и живописен. Глядя на юг, видишь волнистую степь, которая перемежается то конической формы холмами, то гребнями небольших возвышенностей и стелется широко, так что за ней виднеется даже снежная горная цепь, белеющая на краю лазоревого неба клочком затейливого кружева. Заметнее всего на ней Эльбрус, как облако, стоящий на горизонте. Особенно хорош он бывает утром, до восхода солнца, когда окрестности Ставрополя покрыты еще предрассветным туманом, а маковка его уже краснеется на солнце. И до этой маковки отсюда больше 300 верст… Глядя на нее, невольно припоминаешь герб Ставрополя — двуглавого орла наверху снежной горы: да, завидевши отсюда в первый раз эту гору, русский орел не мог остановиться среди пустынных степей и не направиться к манящей вдаль горной вершине! На ней лежали цепи Прометея, на гербе уже расторгнутые; но еще, без сомнения, неблизко то время, когда Россия, в роли Прометея, поднесет божественный флогистон ко всем диким племенам Кавказа и на первый знак их пробуждения к истинной жизни скажет им свое прометеевское: «Здравствуй!»…

Другое место для гуляний ставропольцев — Воронцовский сад, небольшой, но чистый и тенистый; здесь можно видеть питомники разных плодовых деревьев; значительная часть сада занята виноградом различных пород, которому, однако, трудно здесь дозревать вполне; есть каштаны, грецкие орехи, много цветов и лекарственных трав, — и посреди этих растений юга стоят две или три тощие сосны, прижавшиеся к земле от южного знойного лета. Два резервуара воды обсажены ракитами, через них переброшены мостики; тут же плещутся в воде белые лебеди.

Улицы города вымощены здешним камнем, но далеко не все, хотя камень здесь дешев и под руками, а грязь местами бывает невылазная. Главная из улиц освещается газом, остальные — ничем, отчего ночью, сворачивая с освещенной на темную улицу, переходишь точно в преисподнюю. Постройки города, между которыми есть много красивых, большей частью каменные; дерево здесь дорого, и деревянный дом считается сколько дорогим, столько же удобным, потому что здешний камень мягок, ноздреват и пропускает через себя в комнаты сырость и холод. Дома из камня строятся здесь быстро, потому что кладутся камни больших размеров. Вообще же, на большей части городских построек заметна новость, чистота; обилие зелени придает городу и много украшения, и много свежести. <…>

Текст печатается по источнику:

Воронов Н.И. Ставрополь // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. — Ставрополь: СГУ, 2007. — С. 99—104.

ПАДЕНИЕ СТИХОТВОРНОЙ ФОРМЫ В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Милостивые государи!

Современная русская литература представляет много утешительных явлений, между которыми не последнее место занимает и уменьшение стихов, насколько это возможно при положительности стремлений, характеризующих наш век. Любопытно, однако, проследить, что было причиной этого явления, как оно вышло в жизнь и в какой мере мы должны признать его законность.

Мы редко приближаемся к истине прямым путем, изгибы и повороты очень часто случаются на дороге преследования наших целей, крайности, увлечения почти неизбежны в деле нашего прогресса. И если мы вникнем в какой-либо факт нашей жизни, то должны сознаться, что он есть или сам по себе крайность или воздействие предшествовавшей ему крайности или, наконец, он — сама истина, выработанная путем долгих увлечений. Так и уменьшение стихов в нашей литературе непременно предполагает другую крайнюю сторону этого дела, т.е. излишнее увлечение стихами, так называемую метроманию, или страсть к стихотворству. Это своего рода душевная болезнь, которая имеет хотя и отрицательное влияние на развитие литературы и должна входить в предмет научных изысканий: потому, говоря о падении литературной формы в русской литературе, считаю необходимым коснуться метромании.

Страсть к стихотворству как излишнее увлечение формою заслуживает порицания. Вредная сторона ее заключается главным образом в том, что одержимые ею тратят свои силы на бесплодный труд и этим лишают общество той пользы, которую они могли бы приносить ему, сделав лучшее употребление из своих сил. Что же касается до самих метроманов, то стихотворство как крайность не позволяет им хорошо видеть что-либо дальше стиха и рифмы. Отсюда происходит застой в понятиях, столь вредный в деятельности всякого рода.

С другой стороны, метромания является самою невинной из страстей, которые открыто выходят на показ к публике. Она своим появлением никогда не возбуждала негодования и вызывала одни лишь насмешки. Это явный признак того, что общество не столько тяготится ею, сколько подшучивает над людьми довольно странными и готова даже извлекать удовольствие из их странностей. За невинность метромании ручается и то обстоятельство, что она не заключает в себе разрушительных элементов других страстей и через то не может иметь трагических развязок. Причина этого есть, без сомнения, неистощимая удободостижимость содержания для этой страсти: метроман всегда может удовлетворить себя стихами, а общество имеет при этом полную волю читать их или не читать. Трагические развязки других страстей, не находящих для себя пищи и через то проявляющихся в грозных порывах, естественно, не могут здесь иметь места.

Поэтому можно было метроманию исключить из разряда страстей, если бы она не имела всей их заманчивости, которая, захватив раз в свою власть человека, держит его в своих сетях и заставляет ими опутываться все крепче и крепче так, что выход ему на свободу уже невозможен. Некоторые из метроманов сделали признания, из которых видна вся сила завлекательности стихотворства; другие, будучи преследуемы отовсюду насмешками и, не выходя гласно со стихами, писали их единственно для себя. Здесь страсть питалась собой, как другие страсти. Самый процесс писания стихов часто бывает мучителен, когда не отыскиваются нужные рифмы, когда слово не укладывается в стих. Метроман теряется, несколько раз марает начатое, кусает губы, ерошит волосы, рвет бумагу, а нужная рифма не спешит к нему на помощь; он, наконец, решается оставить навсегда свое занятие и несколько времени крепко держится своего решения. Но вот ему на память приходит недоконченный стих: забыта клятва, перо опять у него в руках, две или три удачные рифмы ведут его дальше, и снова начинается прежняя работа, и вместе с тем и прежняя мука. Если прибавить к этому еще те терзания зависти, которую метроман питает к производителям хороших, по-видимому, легко достающихся стихов, если принять в расчет те насмешки, которыми осыпают метромана в обществе, то нам представится вполне вся сила завлекательности стихотворства, не уступающая силе других страстей.

Однако метромания имеет свои степени, которые зависят как от самого метромана, так и от окружающего его общества.

Во-первых, для того чтобы стихотворство могло проявиться в полной мере, нужна значительная обработка стиха. Выработать стих до такой степени легкости, чтобы он стал доступным большинству, есть дело даровитых писателей, но не метроманов. Их обязанность петь с чужого голоса, приправляя его собственным, невыработанным и хриплым, им нужен непременно вожатый или регент, без которого они будут молчать. Но если подобный вожатый явился, метромания начинает обнаруживаться, усиливаясь более и более по мере появления даровитых писателей, облегчающих механизм стиха. Так что после всякого гениального поэта количество и деятельность метроманов чрезвычайно увеличивается, они подхватывают каждый мотив его и разнообразят на тысячи ладов,

пока, наконец, не опошлят до крайности. Далее, в первое время подражательных литератур, когда еще мало словесных произведений, а в обществе уже явилась маленькая охота к чтению, метроманы имеют большой успех и многим из них удается приобрести громкую известность. Вкус читающего общества, еще не очищенный художественными созданиями и здравыми суждениями критики, принимают всякие стихи за поэзию, между тем как в подобное время писать стихи легче всякого другого занятия по литературе. Вследствие этого появляются самые отъявленные метроманы, производящие огромное количество стихов, которые, однако ж, потребляются и доставляют славу своим производителям. Но наступает период более зрелой литературы: общество уже несколько ознакомилось с искусством с помощью образцовых произведений даровитых писателей и усвоило некоторые положения здравой критики. Его уже трудно занять стихотворной безделкой, оно привыкло ко всякого рода стихотворениям и успело утомиться их изобилием. А между тем и сочинять стихи сделалось искусством менее легким вследствие появления прекрасных стихов талантливых писателей: общество тотчас отвергнет худосплетенные вирши, и метроман, не одаренный, по крайней мере, способностью писать гладкие стихи, в подобный момент состояния литературы избегает гласности, боясь быть предану на посмеяние. Таким образом, наступает второй период метромании, требующий уже небольшого таланта и умения подделаться на вкус читающего общества. Наконец, читающая публика достигает до той степени развития, когда от всякого литературного произведения требуется более содержания, нежели формы. Пора художественного сочетания этих двух существенных сторон всякого произведения еще не наступила, но общество успело перейти в крайность, противоположную прежней: там оно не видело ничего из-за формы, здесь гонит всякую изысканную форму, требуя содержания и содержания, для метроманов наступает время всеобщего гонения, и только смелые из них выступают гласно во имя искусства. Остальные обделывают свои стихи тайно, прочитывая их в дружеском кружке и всегда с предисловием, в котором заключаются нападки на испортившийся вкус публики. И слыша все меньше и меньше голосов в свою пользу, они делаются менее производительными, более скромными, хотя и не расстаются совершенно с грешками своей страсти.

Таким образом, бывает три главных степени метромании, зависящие от состояния образованности читающего общества. Что же касается этой страсти по отношению ее к самим метроманам, то можно разделить ее на два главных вида: метроманию по обязанности и метроманию по призванию. Эти два вида в отношении к трем вышепоказанным степеням находятся в обратном отношении. Метромания по обязанности является преобладающей в первом периоде, когда каждый даровитый писатель, угождая вкусу публики, должен порою являться метроманом; во втором периоде она значительно слабеет и почти исчезает в третьем, тогда как метромания по призванию постепенно и постоянно усиливается, наконец, в третьем периоде принуждена выдерживать борьбу, которая оканчивается падением стихотворства. Здесь дело метроманов возбуждает участие: к их прежним страданиям присоединяется новое, именно: их служение отвергнуто обществом. Для них остается одно: защита, одна надежда — это сама поэзия, во имя которой беспрестанно слышатся их жалобы на холодный, бесчувственный век, будто бы отвергнувший вдохновение. Эти жалобы льются у них прямо из сердца. И как не простить их маленького заблуждения, столь искреннего! И как не сочувствовать их положению, столь безотрадному! Если общество только подшучивало над метроманами, когда дело их казалось еще успешным, то, когда оно проиграно, следует, без сомнения, оставить насмешки и приютить их как побежденного неприятеля. Но это снисхождение должно быть сказано не иначе, как во имя искусства, требующего отбросить всякую личную страсть и служить ему по его же законам.

Итак, падение стихотворной формы в новейшей русской литературе есть только выход из того ненормального положения, в которое она поставлена была метроманами. Переход от метромании к изгнанию стихов неоспоримо доказывает быстрое развитие эстетических понятий о поэзии, а потому и утешительно, что пора преобладания стихов, видимо, прошла для русской литературы. Это обстоятельство показывает, что она мужает и делается самостоятельной. В самом деле, метромания всегда была неразлучна с незрелостью и подражательностью литературы, начиная от Александрийского периода, произведшего несчетное количество всякого рода стихотворных поэм, до стихотворных элегий недавнего времени. Преобладание стиха показывает преобладание формы, содержание, мысль и чувство становятся на последнем месте. А увлекаться формой, внешностью, не обращая внимания на то, что под нею скрывается, есть принадлежность ранней молодости. В литературах, развивающихся самостоятельно, не заметно подобного преобладания внешности, в них форма и содержание идут дружно вперед, постепенно и постоянно совершенствуясь, в них и первичные начала литературной деятельности представляют из себя стройное целое, становящееся неотъемлемым достоянием искусства. Напротив, в литературах, развивающихся извне, форма на первых порах делается преобладающей. Подражатель по степени развития ниже своего образца и, будучи не в силах понять его вполне, увлекается его внешностью, думая, что в этом заключается вся сущность дела. Так, у римлян, после того как они познакомились с поэтическими произведениями Греции, появилось множество стихотворцев. Забыта была простота предков-победителей. Римлянин перестал вставать ранним утром, не слушая дел клиентов, не шел на площадь слушать старших и поучать младших: «Нет, — говорит Гораций, — ветреный народ переменился и увлекся единственно страстью писать, и дети и важные старцы, увен-

чавши волосы плющом, стали петь стихи… и ученые и неученые стали писать поэмы[1]. Метромания овладела умами римлян, и это случилось на первых порах подражательной римской литературы. Так у французов в XVI—XVIII столетиях, когда они сблизились с древнеримскою литературою, настало, по преимуществу, время стихов. А сделавшись образцом для всех европейских народов, французская литература сообщила им болезнь стихотворства, сообщила ее и России[2], явилось и у нас много писателей, которые видели только метр, бредили рифмой и писали всякого рода стихотворения.

Деятельность этих людей была изумительна: можно собрать огромное количество томов, исписанных стихами; можно насчитать целые сотни поэм, комедий, трагедий, написанных из одной страсти к стиху и рифме. Но эта деятельность предана забвению, имена, некогда увлекавшие публику, остались в книгах, которые не читаются; люди, рассчитывавшие на громкую и долгую славу, более не вспоминаются. И потомство в этом случае справедливо, потому что эта огромная деятельность была бесплодной и более задерживала, чем подвигала вперед литературу; люди же, рассчитывавшие на известность в потомстве, более думали о себе, чем о потомках. Тем не менее, однако, считаю нужным коснуться истории русской метромании[3].

XVIII век был у нас по преимуществу тем временем, когда действовали метроманы по призванию и по обязанности и возбуждали всеобщее одобрение. Ломоносов, бесспорно, должен считаться вождем стихотворцев этой эпохи, с его торжественно-хвалебного голоса стали писаться длинные и громкие оды. Он, величаемый современниками нашим Виргилием и Цицероном[4], Пиндаром и Малербом[5], представлял собой для последующих одистов, которые, пользуясь его услугой относительно русского стиха, размножились до огромного количества. То было время, в которое, по словам Дмитриева — автора оды:

И там, и здесь встречаются толпами,
С бумагою в руках, с горящими глазами,
Всех ловят, всех к себе и тянут, и тащат
И, слушай их иль нет, а оду прокричат[6].

Это, наконец, послужило причиной того обстоятельства, что среди всеобщего благоговения к стихам, когда и Тредиаковский читался не без удовольствия, явились некоторые противники метромании, хотя они сами не были свободны от этой заразы[7]. Их голос делался все сильнее и, наконец, в начале текущего столетия разразился бойкой сатирой под пером Дмитриева,[8] Капниста,[9] Измайлова,[10] Милонова[11] и других. Метроманы по обязанности начали уменьшаться; по призванию, благодаря облегчению русского стиха Карамзиным, Дмитриевым и другими, размножились чрезвычайно. Их стихи запелись не с ломоносовского одозвучного голоса, напротив — слишком тихо, вяло и слезливо. То были «плаксы бедные», как выражались о них современники, то были подражатели милого, нежного Карамзина. У них:

Все голубки к красавицам летят,
Все вьются ласточки, и все одни затеи;
Все хнычут и ревут, и мысль у всех одна:
То вдруг представится луна
Во бледнопалевой порфире,
То он один остался в мире,
Нет милой! Нет драгой!.. Она погребена
Под камнем серым, мшистым!
То вдруг под дубом тем ветвистым
Сова уныло закричит,
Завоет сильный ветр, любовник побежит
И слезка на струнах родится;
Тут восклицаний тьма и точек появится[12].

Ломоносов перестал уже быть корифеем метроманов; ода сменилась идиллией, к удовольствию последних, которые через то получили право гласно высказывать все, что у них было на душе, все,

что может стихотворец мыслить
В угрюмой хижине своей?[13]

Пользуясь таким обширным правом, они завалили русскую литературу всякого рода «нежными стихами», и в то время как над ними подсмеивались в сатирах и эпиграммах, они изливали гнев свой на остальных одистов. Настала стихотворная война. Одисты, видимо, уступали поле своим слезливым противникам, а последние размножались благодаря соблазнительному праву говорить стихами о пустяках всякого рода. Даровитые стихотворцы никак не могли стеснить круга своих бездарных собратов, потому что они сражались с ними их же оружием, то есть стихом. Хотя

и явилось много прозваний, обидных для метроманов,[14] хотя в сатирах постоянно выставлялась смешная сторона метромании; однако журналы явились как бы защитниками, принимая на страницы свои всякий стихотворный вздор[15]. Между тем, угнетаемые притворились непонимающими дела и сами стали писать эпиграммы на метроманию.

Кто с музами живет, успехи вечно с ним! Это было общее верование стихотворцев. И зачем же было исключительно его только любимцам граций, Дмитриеву, Карамзину, которые своими нападками на стихотворство хотели разлучить с музами бездарных метроманов? Нет, — восклицал отъявленный из них вослед своим корифеям:

Нет! И я хочу, как вы, греметь на лире,
Лечу ко славе я, ваш дух во мне горит.
И я известен буду в мире;
О радость, о восторг!.. и я... и я пиит[16].

Словом, стихотворная война не могла кончиться в ущерб метроманам, потому что против них употребляли их же оружие, и она длилась бы долго, если бы не появились на поприще стихотворства такие таланты, как Жуковский, Батюшков и вслед за ними и Пушкин. Поэтический голос последних привлек к себе всеобщее внимание, заставил прервать бесполезную стихотворную войну и, не воюя, силой собственных достоинств подорвал в самом основании владычество метромании.

Прекрасна была пора нашей поэзии, когда она приняла в себя свежие, богатые соки, когда многие поэты сообщили ей силу и движение. Тогда действовал Пушкин, «исполин нашей поэзии, полный и могучий представитель русского духа в искусстве. Дружина молодых талантов окружала своего представителя; согласие, любовь связывали дружные работы молодых сил, — и наша поэзия вступила на новую арену.

В то время не было конца литературным новостям, не было конца изумлению и наслаждению читателей. И то была по преимуществу пора стихов, но стихов прекрасных, полных поэзии, — и от школьной скамьи до кабинета ученого, от будуара светской красавицы до скромной спальни деревенской барышни — всюду читатели заучивали и переписывали стихи; всюду наслаждались первыми самобытными цветками нашей поэзии, которая начала высказывать все свое богатство и разнообразие как в содержании, так и в формах.

Среди такой блестящей поры нашей поэзии, когда именно на опыте, наглядно поучали публику в том, что такое поэзия, — не дремали и метроманы. Для их деятельности дано было новое средство: возможно большее облегчение механизма стиха. Пока не убедились в той истине, что после Пушкина нетрудно слагать гладкие стихи, пока не сознали, что хороший стих не то же, что гладкий, и дается именно полнотой и глубиной содержания, до тех пор многие стихотворцы пользовались у нас титулами поэтов, и многим из них сулили и долговечность и славу[17]. Простительно было в этом случае немного и погрешить: публика получила столько наслаждений от Пушкина и его дружинников, писавших стихами, что следовало под влиянием впечатлений прошлого прислушаться к звукам пушкинского стиха, нашедшего себе отголосок в последующих за ним стихотворцах, и радоваться, если эти отголоски живо напоминали преждевременно утраченные.

Но жизнь недолго стоит на одном и том же, и потребности живущих изменяются не по векам, а по годам.

Нетрудно было осмотреться и увидеть, что под прекрасными формами стихотворцев-подражателей Пушкина не скрывалось ничего поэтического, что под нарядным платьем не одевали прекрасного тела. Публика, наконец, заметила это — и разочаровалась. Ей стало жаль своих прежних увлечений, потраченных напрасно; ей стало больно от невинного обмана, в который ввели ее, как ребенка, красивою отделкой пустой игрушки; ей стало досадно, что и под прекрасным скрывается пустошь, которую ничем не наполняют и не хотят ничем наполнить. А тут последовало новое дуновение жизни, прилетевшее к нам с Запада, в силу законов общения и времени. Дух анализа, дух исследований проявился в деятельности всякого рода, проникавший в глубь предмета, а не скользящий по его поверхности. Против этого стоглазого духа могло ли устоять стихотворство со всею бедностью своего содержания? Чем оно могло защитить себя перед новыми потребностями времени? Что могло оно явить достойно из себя этому нелицеприятному судье, пришедшему поверить действительный ход дела, а не любоваться безотчетно кажущимся его движением? Без сомнения, ничем и ничего. Судьба стихотворцев решилась, дело их проиграно навсегда, а вместе с тем и метромания, совершив полный круг своего развития, сошла со сцены нашей литературы.

Однако прежде чем достигнешь какой-либо истины, неизбежно впадешь в крайности, часто между собой диаметрально противоположные, которые, столкнувшись и ограничивши одна другую, наконец, дают из себя нечто законное, должное. То же самое произошло и в нашей литературе и в отношении стихотворства. Вместо того чтобы ограничить его законными мерами, стали гнать и преследовать без разбору всякие стихи. Роль гонителей взяли на себя наши лучшие журналы и выполнили удачно: не только стихотворство, но и стихотворные формы вообще пали в нашей литературе.

Остановимся на этом факте и определим его законность.

Благодаря истинно художественным произведениям Пушкина, а вместе с тем благодаря знакомству нашему с европейскими, по преимуществу немецкими эстетиками, мы дошли до верного понимания поэзии и научились не приурочивать ее безусловно стихам какого бы то ни было достоинства. Стих начал считаться у нас необходимым выражением поэтических идеалов; он стал у нас поэтическим словом, в которое поэт облекает свои помыслы; он, как внешнее, стал необходимо условливаться внутренним содержанием, сущностью самой поэзии. Эта последняя, отражая в себе жизнь и природу, может воспроизводить общие идеалы, без видимого отношения их к современной жизни, или же, собирая в себе идеи современности, она может выражать в личности поэта те интересы, которые волнуют живое, настоящее общество. Толпа всегда находится на стороне поэта, который в своих созданиях выражает общественную жизнь и ее потребности; она обращает к нему радостные взоры и ждет, что от его чудных песнопений произойдет брожение в тяжелоподвижных массах большинства. Но только глубоко образованный слой общества, только немногие поклонники искусства приветствуют поэта, который является единственным безусловным художником, который творит как истинный жрец искусства, бескорыстно, безотносительно к месту и времени своей деятельности, который служит своему призванию по законам самого же искусства. Подобный писатель не может сделаться любимцем толпы и никогда не увлечет за собой целого общества, не будет его любимым вождем на пути к совершенству, и вслед ему не загремят общие рукоплескания. А наш поэт, с голоса которого пели стихотворцы тридцатых и сороковых годов текущего столетия, был преимущественно поэтом-художником и под конец своей деятельности уже не удовлетворял насущным потребностям общества. А наше общество, внимавшее этим стихотворцам, было именно так настроено, что в своих жаждало видеть своих вождей, хорошо знающих мир действительности и прозревших вдоль... «Отчуждение от действительности» — это был сильный опасный враг, над которым тогда старались одержать победу, и потому с ожесточением преследовали все, что носило на себе след фантастического, идеального, что прилежит к миру мечтательному, несуществующему. Именно тогда последовал поворот жизни и мысли от воображаемого к действительному, и на стороне новизны необходимо должны были стать ревностные поборники положительного знания, серьезного изучения, неопровержимых фактов. Лозунгом их стремлений сделался «мир действительности», и всякое литературное явление определялось и ценилось настолько, насколько оно обеспечивало собой это новое стремление общества[18]. При таком настроении века и поэзия должна была возвестить миру новое слово. Действительность текущей эпохи, жизнь современная, воззрения на эту жизнь и настроения общества, посреди которого живет поэт и в силу своей человеческой природы — вполне проникается ими, вот что стало исходной точкой и целью современной поэзии.

Но в это время, когда наши романы и повести всячески старались на свет современное общество то со стороны стремлений его к реальным благам жизни, то со стороны успехов и замедления общественности и заслуживали названия «социальных», — в это время наши стихотворцы по-прежнему пели старую песню. Да, старую: действительность в общем ее смысле, жизнь в вечном ее значении. А частное — временное и местное, в силу которого поэзия становится зеркалом современности, отражающим действительность во всей ее наготе и с помощью которого общество знакомится с самим собою и совершает великий акт самосознания, — это частное оставалось чуждым то грустных, то веселых напевов наших стихотворцев. Они были отчасти правы перед своим великим искусством; но виноваты в отношении к своей великой эпохе, к духу ее стремлений и к общей настроенности большинства — и общество имело основание нападать на стихи, которые его не удовлетворяли. Как не уважать его требования и как осмелиться им противоречить? Если эти требования явились — они законны, как факт, как достояние вечно изменяющейся жизни; осуждать их — значило бы ставить себя незаконно выше общественных стремлений и брать на себя невозможное для человека право — руководить духом времени и направлять его к целям, не лежащим в сфере нашего ведения. А потому-то общество и преследует негодованием или насмешкой все то, что не подходит под уровень его стремлений[19]. Неудовлетворенное, оно начинает бросаться из крайности в крайность. Ограничивая меры поэзии односторонней сферой чувством современности и воззрениями на жизнь текущей эпохи, назначая источник, из которого поэт должен почерпать свое вдохновение, и не давая ему летать всюду, куда ни понесут его творческие силы, — общество, на этот раз неудовлетворенное, неблагоприятно посмотрело на поэзию вообще. Нашлись люди, в увлечении заподозрившие законность лиризма, которого в душе человеческой хранятся неистощимые источники, заподозрили жизненность души и лирическое настройство стали считать за звонкие фразы. Мало того, нашлись охотники подсмеиваться под молодостью души, над кипучестью порывов; венчали похвалами только те поэтические произведения, в которых ум видимо брал перевес над талантом. Насмешками осыпали их, кто решился было объявлять протест против голого ума, за пластичность, против господствовавшей иронии; за природу против ядовитого анализа. Тогда-то, наконец, приступили к ограничению литературных форм вообще и стихов в особенности. Стихи, «язык богов», как выражались в старину, перестали привечаться читателями, не имели места даже в журналах, и царство их сменилось царством прозы. Это было в порядке вещей в самом деле,

когда действительность, факт поставляемы были во всяком литературном произведении мерою его достоинства, когда естественность и нестеснение формами в выражении мыслей и чувств составили настоятельную нужду всякого писателя. Мысль, свободно преданную обществу, поставили тогда выше произведения, написанного все же не чуждыми искусственности стихами; формы, мешающие естественному течению и выражению мысли, были признаны вообще стеснительными и долженствующими пасть[20]. Это было возмездие мужавшего общества за то увлечение формами, которому оно в молодости нашей литературы приносило щедрую дань, породившую многолетнюю и многообильную метроманию. Но и здесь зашли слишком далеко. Забывши, что в художественном произведении должно быть полное соответствие между формой и содержанием, что сам поэт-художник не волен в той форме, которую изберет для своего проявления его поэтическая идея, стали утверждать, что стихи не только форма натянутая, неестественная, но и чистые безделки, нравящиеся детям, а не взрослым. Не стоит и опровергать подобной натяжки, да и сами провозгласители ее не оставались верными своему quasi-убеждению: будучи равнодушны к стихам вообще, они наслаждались стихами вполне художественными и гласно твердили про свои наслаждения. В этом случае независимо от них самих выказывалась истина, и ясно определилось то, чего именно хотели гонители стихов: у нас были стихи первоклассные, и вследствие этого мы не хотели иметь стихов второклассных и вовсе дурных. Это законное требование поддерживалось преимущественно журналами последних годов, и ему мы обязаны появлением и тех пародий на всякого рода стихотворения[21], которые, должно сознаться, прошли в нашей литературе не бесплодно[22].

Теперь для русской литературы наступило по преимуществу время прозы, время степенных и полезных трудов, чуждое желаний блеснуть изысканной формой. Пора безотчетных увлечений прошла; мысль и чувство русского образованного человека ищут для своего проявления форм, вполне сообразных с сущностью дела.

Метромания, как служение исключительно форме, исчезла, и стихи стали реже являться в печати, как форма исключительная, требующая особенных условий со стороны своего содержания. Напрасно поклонники стихов, слыша постоянные нападки журналов на метроманию, упрекают наш век положительностью и равнодушием к поэзии, стараются представить его не признающим вдохновения и прелести идеалов. Напрасно они провозглашают, будто бы любовь, гений обречены в настоящее время насмешкам писателей, которые не заботятся о слоге своих творений и объявляют тщету искусства. «Прикрываясь именем поэзии, они, видимо, ратуют за стихи и, незаметно для самих себя, обуславливают ими поэзию. Иначе как делать нашему веку такие упреки? Если форма современных литературных произведений далека от совершенства, то виной этому не пренебрежение стиха, а долго бывшее пренебрежение прозы. А поэзия… и отъявленные противники стиха не решаются искренно покинуть ее храм и поколебать ее треножник». Что же касается до гонения на стихи, впадавшего во многие крайности, а теперь уже оставленного, то оно, главным образом, вытекает из исторического развития у нас поэзии, как искусства из духа времени, из настроения общественного. С одной стороны, дух анализа, не находивший пищи в стихотворениях, бедных содержанием, а с другой — направление литературы к действительности и общественности, — все это подрывало во мнении публики авторитеты даже и таких поэтов, которые с честью служили искусству ради самого искусства. То было время положительных стремлений, которые мы должны уважать, но вместе с тем, то было время и многих крайностей, неразлучных со всяким новым направлением.

Но в то время, когда европейский мир погрузился в расчеты и положительность, когда, казалось, пары вытесняли всякие поэтические парения, когда стук машин, визг паровозов и кучи товаров, свозимых отовсюду на всемирные выставки, составляли предмет воодушевления и вдохновения, вдруг зашумела военная тревога и наступила великая, беспримерная в истории война. К берегам наших морей подступили небывалые доселе армады, на Дунае развевались наши знамена; грянул синопский разгром, и это отозвалось на берегах Аракса и Арпачая. Вослед нашим героям послышались отовсюду благословения; много новых чувств пробудилось в душе каждого, и эти чувствования требовали обнаружения, гласности. Да и наше время требует своих бардов и баянов, и современная великая война не может обойтись без своих Гомеров и Тиртив. Если суровые спартанцы считали стихотворения необходимой принадлежностью своей постоянно-лагерной жизни; если военные подвиги всегда находили себе достойных певцов-вдохновителей; то, без сомнения, и наше бранное время должно было огласиться своего рода песнями. Это, наконец, должно было произойти и в силу последнего настроения общества, которое требовало от поэзии современности, действительности текущей жизни. Что может быть современнее тех чувствований, которые пробудились при шуме настоящей войны? Какая действительность могла быть ближе к сердцу каждого, как решающаяся при громе пушек? Сюда устремились мыслью и сердцем все; сюда обратилась и поэзия, и в каких бы формах она ни являлась — здесь по всем правилам ее законное место.

Все наши журналы и газеты более или менее наполнялись патриотическими стихотворениями. Это факт животрепещущий. Пора суждений об нем еще не наступила: мы можем на него указать, но не имеем права исторически его анализировать. Здесь возможны только следующие посылки:

1) стихотворные формы возобновились вследствие проникновения их идеями и чувствами чисто современными, взятыми из текущей действительности, и 2) великие события нашего времени все еще не нашли для себя достойных поэтов, которых творения возвестят нашим потомкам весь цвет и всю силу нас трогающих поэтических помыслов.

Да, наша эпоха великая и ничто великое не обманет ее грозного шествия. Там стоны умирающих и болезненные крики раненых; там вздохи отцов и слезы матерей; там печальная участь вдов и младенцев — невинных жертв войны... и всюду то разумное, святое чувство любви к отчизне, то смутно сознаваемый говор об одном и том же: и записных политиков, и едва имеющих кое-какие понятия о страшных средствах войны... и ободряющий голос пастырей церкви, молитвы о победе, тризны по славно умершим... и взрывы крепостей и грохот страшных орудий защиты и нападения — все это разве не найдет себе беспримерного голоса в дивных звуках поэзии! Все это, созидающее, без сомнения, лучший порядок вещей, закрытый от нас непроницаемой завесой времени грядущего, — разве не откликнется чудной речью в годах наступающих?.. Да, наша эпоха великая и ничто великое не обманет ее грозного шествия! Из этого хаоса вражды и самоотвержения, ненависти и любви, по законам нашей жизни — возникнет неминуемо наше лучшее, и раскинется оно на цветах мира и огласится стройными, высокомузыкальными хорами песнопений! Ни ропот, ни уныние да не коснутся нас в настоящую годину, и в великом деле есть своего рода всегда присущее земле зло!

То — хор судеб, то — брань святая:
Пред нею я, безмолвный, преклонюсь,
Грядущего глагола ожидая:
Что скажет мир. Что скажет Русь?
(СПб. В.)

Примечания

1. Epistolae cit. 11

Mutant mentem populus levis, et calet uno Scribendi studio: puerique patres que severi Fronde comas vincti coenat et carmina dictant... Scribmius indocti doctique Poemata passim.

2. В то время, когда Буало, le poète du bon sens, господствовал на Парнасе и его l'Art poètique считалось непреложным кодексом для каждого поэта, поэтические созерцания не различались от стихов, поэзия и стихотворство составляли одно нераздельное. Отсюда вытекло высокое значение стихов в литературе французской, а потом и в нашей XVIII века и начала XIX.

3. История русской метромании должна начинаться с виршей С. Полоцкого. Но время от Полоцкого до Ломоносова так бедно стихотворцами, и эти стихотворцы так неплодовиты, что из их отрывочных произведений нельзя извлечь положительных данных для истории. Что тогда не имели сколько-нибудь близких к истине понятий о поэзии, это неоспоримо; однако не оскорбляли последнюю приношением обильной дани стихам. Если в «Арифметике» Магницкого правила о сложении, вычитании и прочих предметах перемешаны стихами, зато другие ограничивали свое служение метру не больше как осьмистишиями или двустишиями и много-много какой-нибудь эпистолой или симфонией. Так, Ильинский, учитель Кантемира в поэзии, напечатал только два стихотворения, из которых следующее приводится Новиковым:

Ликуем, Моме, оба! Се книга кончася
Мне убо покой, труд же тебе даровася.
(«Опыт словаря о российских писателях», стр. 70).

4. Шувалов, в надписи к портрету Ломоносова.

5. Сумароков, противник Ломоносова, величал его, однако, Пиндару подобным и Малербом наших стран (Эпистола о стихотворстве).

6. Послание от английского стихотворца Попе к доктору Арбуптоту.

7. Сумароков (в баснях «Рецепт» и «Несмысленные певцы»), Майков В. (в поэме «Падение стихотворцев»).

8. В сатире «Чужой толк» и некоторых эпиграммах.

9. В сатире «Кто что ни говори, а я начну браниться».

10. Во многих баснях, в «Разговоре между издателем «Благонамеренного» и стихотворцем», в «Сатирических ведомостях» и в других.

11. В сатире «К Луказию» и «На модных болтунов».

12. Послание В. Пушкина И.И. Дмитриеву.

13. Там же.

14. Как-то: рифмач, рифмоскрип, стиходей, стихоплет и другие.

15. Еще в 1792 году издатели журнала «Зритель» (Крылов и Клушин) так выражались в предисловии: «Не подумает ли кто, что здесь стихов не будет? Боже сохрани! Без стихов ежемесячник,

как пища без питья, или как чай без сахару. Угостит ли тот хозяин, который предоставит им обед, хотя бы и преизобильный и превкусный, но без всяких напитков? Без стихов нельзя». Карамзин в «Вестнике Европы» (при разборе «Душеньки» Богдановича) говорит: хорошие стихи всегда лучше хорошей прозы. Богданович писал ими, и мы все читали его; Лафонтен прозой, и роман его едва ли известен одному из пяти французов, охотников до чтения (Соч. Карамзина, т. 1, стр. 617). Измайлов, издатель «Благонамеренного», нападая на стихотворцев, печатал в своем журнале разнообразного достоинства стихи, свои и чужие.

16. В.Л. Пушкин.

17. Тимофеев, Бернет, Бенедиктов и другие.

18. По мнению Первинуса: «Общественный быт, государственная жизнь должна служить единственным содержанием новой поэзии. Всякая другая поэзия в настоящее время — анахронизм, цвет отцветший, она недостойное чтение зрелому духу».

19. При этом необходимо указать на те факты, которые очевидно показывают, как общество оставалось верным своим требованиям: наши поэты: Фет и Щербина, Огарев и Некрасов даже в эпоху гонений на стихи вообще заслуживали всеобщего одобрения. Первые два — как поэты земных радостей, вышедших в число разумных потребностей нашей природы; последние — как противники оптимизма, изгонявшего бедствия из мысли, но не из жизни. Характер современности отразился в их произведениях, и общество признало их поэтами, и с удовольствием читало их стихи. На этот раз не произнесли ювеналовского «inolignatio fecit versum».

20. «Что вы хлопочете, — кричали наши критики, — о том, как называется ваше сочинение и в каких формах оно должно явиться на суд общества. Главное дело в том, что оно в себе содержит: роза и без имени пахнет розою» («Отечественные записки», 1848 г., т. 117).

21. «Нового поэта» Эраста Благонравова и других.

22. Замечательно предисловие к «Собранию стихотворений Нового поэта» изд. 1855 года. Вот оно: «Новый поэт собрал все свои пародии, разбросанные по разным изданиям, в одну книжку, единственно для того, чтобы еще более подтвердить мысль, которую он преследует в продолжение нескольких лет, что можно, не имея ни малейшего поэтического таланта, писать гладкие, звучные и громкие стихи и что такие стихи есть труд чисто механический, очень легкий в настоящее время. Сколько у нас до сих пор людей, пишущих стихи и воображающих себя поэтами... Кто знает? Может быть, предлагаемая книжка подействует хотя на одного из таковых благотворно и заставит его сознаться внутренне, что и его стихи — не поэзия, и что вообще составление стихов без поэзии — самое пустое и бесполезное препровождение времени, которым каждый благомыслящий человек обязан дорожить. Если такая надежда осуществится хоть на одном стихотворце, книжка издана недаром и Новый поэт достиг своей цели...».

Текст и примечания печатаются по источнику:

Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я.М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века. Издание третье, дополненное и исправленное / Под ред. К.Э. Штайн. — Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2007. — С. 286–294.

ПЛАВАНИЕ У ВОСТОЧНЫХ БЕРЕГОВ ЧЕРНОГО МОРЯ (ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК О ЮЖНОЙ РОССИИ)

Душный ветер разносил по улицам Керчи песок и пыль, так что глаз нельзя было открыть, не ощущая в них боли; раскаленные на июльском солнце стены и крыши домов еще более усиливали дневной жар, так что приходилось поминутно обливаться потом, даже морские купания не освежали, — и я решился нанять баркас, чтобы переселиться на пароход «В.К. Константин», который стоял милях в семи от берега и едва обрисовывался на мглистом горизонте своими тремя мачтами и двумя трубами. Пролив волновался. Легкий баркас, под парусом, шибко понесся по неровной зыби, обдавая меня брызгами валов, и через час был уже у парохода; но подтянуться к трапу не было никакой возможности. Едва сворачивали парус, как сильным течением пролива баркас относило в сторону от парохода, не позволяло держаться на веслах, и только спасительный канат, наконец сброшенный к нам с палубы «Константина», удержал нас от невольной прогулки в открытое море.

«В.К. Константин» должен был вечером следующего дня идти к восточным берегам Черного моря. Это один из больших и лучших пароходов общества. Изящность и роскошь в отделке его кают, покойный и быстрый ход, простор помещения, любезность служащих на нем лиц — все это было знакомо мне еще прежде, за переезд мой от Севастополя в Керчь; теперь же, после опасной пляски баркаса по сердитым волнам пролива, еще больше я рад был подняться на покойную его палубу, освежиться на нем от керченской духоты и пыли и, под обаяньем морского сна и аппетита, ожидать плаванья к «брегам абхазским»...

И наши города, подобно азиатским, нередко красивее и привлекательнее, когда смотришь на них издали, чем когда очутишься посреди всякого рода их неудобств и неряшества. Постоянно жить в них — по силе привычки еще живется довольно сносно; но заезжему промаяться в них несколько дней — подчас невыносимо. Вот хотя бы и Керчь. За семь миль, с рейда, глядит она игрушечкой, с такими чистенькими домиками, так картинно расположенными около живописного Митридата, что как не съехать к ним с парохода? А съедешь — не знаешь куда и бежать из душных и пыльных объятий этой игрушечки, особенно же из грязнейших и беспокойнейших ее гостиниц. На рейде лучше. Тут, по крайней мере, хоть свежий воздух да чистая морская волна[1]...

День и другой на пароходе прошли для меня в выслушивании все одной и той же песни. Песня эта — нагрузка парохода. Визжит цепь, то опускаясь с тяжестью в трюм, то легко дребезжа оттуда за новой тяжестью; слышится монотонное «вира» и «стон» матросов, причем иногда раздается крепкое словцо боцмана; грузят мешки с мукою, бочки с сахаром, бочонки с маслом, ящики с макаронами, тюки с овчинами и кожами; то лопнет обруч, то разорвется мешок и рассыплется по палубе пшено или мука, причем окажется правым непременно железный крюк, прорвавший мешок, и виноватым будто бы гнилой мешок, не устоявший против крюка... Матросы, грузящие корму, большею частию обсыпаны мукою и вполне белые люди; зато на носовой части парохода, где грузят каменный уголь, расхаживают вполне черные. Но цвет кожи и платья не мешает матросу оставаться верным одной и той же своей натуре: те же веселые прибаутки там и здесь, те же крепкие словца по поводу самых невинных предметов, то же уменье, по-видимому работая, ничего не делать и вдруг, под влиянием угрозы боцмана, усилить свою работу до такой ревности, что и крепкий обруч на бочке непременно лопнет и крепкий мешок с углем непременно порвется. И там, и здесь непременно найдется один из всех деловой, который все улаживает, за всех управится, хотя бы эти все только об одном и думали: как бы половче, попроворнее, чтоб старший не заметил, понагнуться да лизнуть с палубы сахарного песка, который посыпался из полуразбитой бочки...

День и другой на пароходе прошли для меня в рассматривании одних и тех же видов. С верхней палубы открывался весь Керченский пролив. С западной его стороны — полукруглая Керченская бухта, в углублении которой амфитеатром, не высясь ни одним зданием, разместился город у подпоры массивного Митридата; на севере — обрывистый берег с маяком и развалинами Еникале; на юге — высокие холмы с Павловскою батареей. Все это, за исключением былых построек города и его окрестностей, имеет бурый, лишенный зелени цвет. Восточный берег пролива, заключающий в себе Таманскую бухту, посередине скрыт за горизонтом и только по краям выступает едва приметными из-за воды косами — Чушкою против Еникале и Тузлою против Павловской батареи. Весь пролив заставлен разной величины и разного вида судами, и лес их мачт все гуще, чем ближе к Керчи. Там, у самой пристани, стоят пароходы и баржи общества; тут видны легкие, красивые, каботажные английские суда, здесь черные военные русские шхуны, тут же русский неуклюжий каботаж, несколько похожий на турецкий, а турецкие суда своей конструкцией решительно напоминают ноздревскую «бочковатость ребр, уму непостижимую...». В обоих концах пролива часто видишь

торжественное шествие на всех парусах какого-нибудь большого купеческого судна; белеет оно и блестит на солнце, пока не скроется за горизонтом, или же, опустив паруса, бросит оно якорь — и вот к нему и от него полетят крошки-баркасы. Среди этого множества разновидных, спокойно стоящих судов не перестают сновать во всех направлениях тромбаки, шлюпки, ялики, на веслах или под парусом; словом, это самый оживленный пункт Азовского моря...

Но вот нарушилась спокойная стоянка «В.К. Константина»: буксирный пароход «Крикун» свез на него всех пассажиров, отправлявшихся на восточный берег Черного моря. Затопились и зашумели громадные паровые печи, на палубе образовалась толкотня, а к тому же и погода обещала разгуляться и расшуметься.

Между тем палуба «В.К. Константина» успела уже принять азиатскую физиономию. Суетились армяне, выбирая себе повыгоднее место для ночлега; покуривая кальян, в молчаливом созерцании чего-то глубокомысленного, сидели турки; картинно разместилось семейство черкесов, состоявшее из трех женщин и ребенка под охраной рыжего мужчины, с паршами на голове; важно расхаживали два имеретина в синих чухах, в красных бархатных бешметах и в сапогах, загнутых вверх в виде крючков тонкими носками. Говор азиатских наречий, беспрерывный спор за места на ночлег, разглагольствования монаха с Афонской горы — все это, вместе с шумом паров топившегося парохода, могло бы заставить трещать мою голову, если бы она не привыкла к азиатской общественной суматохе, которая заводится всюду, где только соберется десяток-другой армян, этих горластых торгашей Востока. Монах с Афонской горы, в шерстяном черном подряснике с кожаным поясом, в замасленной приплюснутой шапочке, особенно не поладил с своими соседями-армянами, успевшими уже завязать игру в карты.

— Ты меня не переспоришь, — замечает он, покачивая головой, — не переспоришь меня, потому что на мне чин такой... постригом освящен...

— Ну и сиди себе, не мешайся! — отвечает армянин, погруженный в созерцание своих карт, а между тем изливающий из себя целый поток непонятной для меня армянской речи.

— Нельзя мне не мешаться, — продолжает монах, — ты дурак ведь, почтение ко мне не имеешь.

Армянин снова изливает армянские речи.

— Ты меня не переспоришь, — опять методически замечает монах, покачивая головой, — не переспоришь меня, говорю тебе, потому что я имею чин такой... постригом освящен...

И все в этом же роде продолжается между ними нескончаемая беседа.

— А черкешенку видели? — спрашивает меня один из пассажиров. — Это прелюбопытно!

Молоденькая девушка, с лицом ребенка, лежала на палубе, укутанная белым кисейным покрывалом поверх какой-то короны или же парчового шишака, надетого на черные, не расчесанные ее косы; на теле только сорочка да красные чевяки или туфли; то выглянет она пугливо из-под покрывала, то спрячет голову в подушку и скорчится, как собачка, готовящаяся заснуть. Подле нее, на корточках, сидит черкес и точно сторожит ее от посторонних взглядов.

— Опять это вонючее племя с нами! — желчно замечает один из служащих на пароходе, проходя мимо черкесов; а к этому племени принадлежат еще две пожилые женщины, можно бы сказать — дряхлые старухи, если б одна из них, также в парчовом шишаке, не кормила ребенка своею полною свежею грудью; на старухах также, кроме сорочек, покрывал и туфлей, ничего на теле нет. Матросы, работая подле этой группы, то и дело острят насчет кринолинов и всей громоздкости нашего женского наряда, видимо склоняясь в пользу патриархального костюма черкешенок; но желчный господин из служащих на пароходе, опять проходя мимо, ворчит снова насчет их патриархальной вони и неряшества...

Наконец, после двухчасового шума, паровые трубы замолкли; задребезжали якорные цепи; глухо стал работать винт: плавно, слегка покачиваясь, мы сходили с керченского рейда. На небе было серо; дул порывистый ветер; все больше и больше вечерело: по всему видно было, что нам готовился неспокойный ночной переход...

Винт работал исправно, несмотря на сильное волнение моря, пароход шел по 11 узлов в час. Но темень, изредка освещаемая молнией, не позволяла видеть берегов, подле которых мы плыли. Всю ночь качало, только уж на рассвете почувствовалось легче: мы входили в Судтукский залив и скоро бросили якорь перед Константиновским укреплением.

Одна ночь перехода, а перемена местности разительная. После бурых, выясненных летним солнцем окрестностей Керчи, пред нами открылась свежая зеленая рамка лесистых берегов залива; мглистое степное небо заменилось чистою лазурью горного воздуха; полное затишье после бурных порывов моря; порожняя голубая бухта вместо зеленовато-грязного шумного керченского рейда. От укрепления подплыло к нам не больше двух баркасов; стояли на якорях всего две военные шхуны, да к одной из них прицеплена была турецкая кочерма — недавний приз крейсерства. На берегу — никакой людности.

Среди зелени лесов и свежего луга белеет Константиновское укрепление, чистенькое, новенькое; глядят из-за тонких стен его крыши и трубы казарменных построек, да красуется церковь с новым блестящим куполом. Подле этого маленького укрепления, занятого двумя ротами Крымского пехотного полка, уже начинается беспорядочно разбрасываться еще меньший форштадт, с избушками под соломенные крыши, с стогами хлеба и сена. Отсюда, по зеленым холмам, протерты дороги на окрестные возвышенности и в ущелья, из которых одно охраняется каменной башней; более ши-

рокая дорога спускается к самому берегу моря, к длинной казарменной постройке адмиралтейства, да к двум-трем купальням... Вот и все, что видится теперь на месте Новороссийска, который еще так недавно был центром всей жизни на Черноморской береговой линии. Быть может, на берегу среди травы и отыщется еще какой-либо след недавнего его существования; но с рейда — и не подумаешь, чтоб он тут когда-нибудь шумел и красовался; за исключением построек миниатюрной крепости, все остальное смотрит как бы первобытною зеленью холмов, до которой не приступал еще человек ни с топором, ни с плугом.

Если человек есть самолюбивейшее из всех живых существ, то легко объяснить, почему мне грустнее было смотреть на зеленое бесследие Новороссийска, чем на груды камней, образовавшиеся не только из зданий славного Севастополя, но и бесславно разрушенной какой-нибудь Фанагории. Эти груды камней все еще продолжают говорить за жизнь людей, когда-то их громоздивших; а тут все бесследно стерто с лица земли, вполне «былью поросло», как говорят наши песни...

Да, еще в живых те люди, которые порою тяжело вздыхают при воспоминаниях о жизни на береговой линии, для которых и теперь Новороссийск все еще жив; а иному — заезжему сюда издалека — существование его может показаться сказкой. В живых еще и те люди, что при имени Новороссийска и всей береговой линии как-то чопорно отплевываются, точно их коснулось что-нибудь весьма неприличное. «Это Содом и Гоморра, — говорят они, — и участь их одинаковая!..». Да, точно, участь их очень схожа: как волны озера бесследно покрыли собою эти города древности, так богатая растительность Кавказа прикрывает собою развалины бывших укреплений береговой линии — и говора от их прошлой жизни, кроме слишком общей, неопределенной молвы, не слышится никакого. Но жаль будет, если эта молва не перейдет в определенное слово; историческая характеристика жизни на Черноморской береговой линии может составить если не украшение, то все же весьма своеобразную картину в истории завоевания Кавказа, и такую характеристику нужно бы составить поскорее, пока воспоминания о жизни на береговой линии не поросли еще такою же былью, какою поросли ее развалины.

В настоящее время Константиновское укрепление играет уже совсем не ту роль, какую выполнял Новороссийск в составе береговой линии: теперь оно замыкает у моря нашу укрепленную линию, которая отграничила земли покорных нам натухайцев от земель немирных еще шапсугов, а до линии собственно береговой, еще не возобновляемой, оно не имеет непосредственного отношения. Вот от той башни, что виднеется справа от укрепления, по довольно торной дороге, можно теперь без особых опасностей прокатиться в экипаже среди живописнейшей природы до Суровской переправы на Кубани, причем на пути будут встречаться такие же сторожевые башни и два укрепления — Крымское и Адогумское. Этим путем обезопасен для нас один из благодатнейших уголков Западного Кавказа, и при нынешнем мирном настроении его жителей — натухайцев, он мог бы уже сделаться предметом изыскания для ученых, равно и для развлечения туристов, которые ищут впечатлений местности, еще не опошлившейся от всякого рода наблюдательных взглядов. Но ни о тех, ни о других пока здесь ничего еще не слышно, и, по всей вероятности, для тех и для других равно необходим комфорт при наблюдениях, на который здесь плохо надеяться.

Стоянка наша пред Константиновским укреплением затянулась приемкой на пароход значительного груза: отъезжал на родину грузинский князь и забирал с собою множество пожитков, окружавших его на месте покидаемого им служебного поста. Отъезжавший князь был к тому же генерал. Понятно, что все меры угодливости были пущены в ход, чтобы только скорее и удобнее поместить на пароходе княжеское, да к тому же еще и генеральское имущество; а его-то, благодаря особенной плодоносности некоторых наших служебных мест, скопилось немного. До тех пор свободная еще палуба «В.К. Константина» становилась все теснее и теснее: появились тут кареты, коляски, тарантасы; в трюм то и дело опускались тяжеловесные сундуки, тюки, ящики; всякого вида коробки, коробочки, ящички, узелки, бочонки размещались внутри экипажей и под экипажами: кадки с цветами, горшки с маслом, кувшины с молоком, фляжки и бутылки с разными напитками — также заняли собою много закоулков палубы, в явный ущерб помещения для пассажиров четвертого класса. Наконец явилась особа генерала с его многочисленным семейством: жена, дети, компаньонка, гувернантка, компаньон, разнообразная прислуга из солдат, нянек, грузин и армян — все они наполнили пароход до такой степени, что стало на нем для всех тесно. Но еще не все: оставалось встащить на палубу семь лошадей, для которых нужны и корм и стойла; носовая часть палубы была очищена и под этих пассажиров, а затем последовало и самое встаскивание. Тут поднялась страшная возня: суетился капитан с своими помощниками, бегали матросы, визжали блоки, теснились пассажиры-зрители — и вот, каждая лошадь, поодиночке, сперва безобразно повиснув на воздухе, приподнималась на палубу и, почувствовав под собою опору, начинала неистово храпеть и бить копытами. Такая забавная возня с пассажирами этого рода могла бы ограничиться только доставлением нам любопытного комического зрелища, если б не вздумалось ей перейти в печальную драму: молодой матрос, больше других работавший около веревок, приподнимавших лошадь, как-то замешкался отдернуть руку свою от блока и остался без пальцев...

— Какая жалость! — заговорили на пароходе. — Такой ловкий малый — и принужден пальцы свои выбросить за борт!

— Заметьте, — дополняли другие, — всегда вот таким образом достается пострадать лучшему! Лентяй — в стороне, а тут как нарочно подвернулся самый бойкий матрос...

— Ведь это один из севастопольских героев, — заметил кто-то, — его и портрет был в художественном листке.

— Как так?

— Да он во время осады, бывши еще мальчиком, на батареях прислуживал, снаряды носил... И ведь ни разу не ранили тогда, а тут — кто бы мог и ожидать?

— Экая жалость! — твердили многие в один голос.

Молодой матрос по фамилии Новиков действительно был из числа севастопольских героев. Во время осады, вместе с другими матросскими детьми, он помогал взрослым перетаскивать боевые снаряды на батареи, отличался особенною бойкостью и расторопностью, так что обращал на себя общее внимание. Ни одна шальная неприятельская пуля не задела тогда молодца, а тут угодили веревки.

Сперва он точно и не почувствовал своей потери, только проворно сорвал висевшие на кожице суставы пальцев и отбросил их за борт в воду; но потом, когда стали делать ему примочки и перевязку, когда объявили, что нужно ему остаться для излечения в госпитале Константиновского управления, одолела его робость и проняли слезы. Дрожал он, бледный, и все приговаривал, что в госпиталь ему не хочется, что лучше бы остаться на пароходе...

Лошади еще не угомонились в новых своих стойлах, стучали и фыркали, когда пароход стал сниматься с якоря. Ясное утреннее небо начинало заволакиваться облаками, залив уже рябил, а по выходе нашем в открытое море стало и покачивать. Зеленые гористые берега Кавказа, по мере удаления от них парохода, все больше закутывались в облака и стушевывались под серый цвет неба; скоро полил дождь, и еще сильнее закачало. Под эту качку немногие из нас уселись в кают-компании за завтрак; над головами нашими, ударяя в стекла опущенного люка, шумели дождевые капли, да всякий раз, как чересчур накреняло пароход набок, слышались учащенные удары лошадиных копыт о палубу.

— А генерал ведь по-генеральски наградил пострадавшего матроса, — с улыбкой проговорил один из завтракавших и тем прервал общее молчание, — кажется, сто рублей дал.

— Хоть бы копейку! Хоть бы ласковым словом наградил! — ответил на это тут же завтракавший суперкарг — и опять все замолчали.

И томительно скучно, под усиливавшуюся с часу на час качку, прошел этот дождливый день, не дав нам ни разу разглядеть что-нибудь на берегах Кавказа, который завесился серою, непроницаемою для глаз пеленою...

Утром мы подошли к Сухум-Кале, повернули на его открытый с моря рейд и остановились в виду очаровательной холмистой и лесистой местности, освещенной первыми косяками солнца. Здешний рейд местами так глубок, что якорь парохода, загремевши всею своею тяжестью, повис, не достигнув дна; нужно было медленно подтягиваться к мертвому якорю. Тем временем от песчаного берега Сухума и от деревянной его пристани стали подплывать к нам ялики; гребли на них по одному и по два турка, все с платками на головах и наперегонки друг перед другом причаливали к трапу.

«Смотрите, смотрите — баба гребет!» — не раз слышалось на пароходе. Но баба оказывалась все тем же турком, который, точно, подчас удивительно как смахивает на бабу.

На рейде было так тихо, что море струилось только от движения яликов и весел, вода, необыкновенно чистая, лазурного цвета, по краям рейда отражала в себе зелень холмистых берегов. В глуби рейда, у подножия холмов и в их расселинах, на зеленой луговине разбросаны постройки Сухума, выходя на берег длинными, большею частию казарменно-образными домиками; налево — серые развалины когда-то турецкой крепостцы, за которою также луговина, переходящая в песчаную косу, направо лесистые холмы, почти отвесно обрамливающие весь восточный берег рейда; над ними — скалистые темные горы, из-за которых блестят снеговые вершины еще более далеких гор.

— Когда ни зайдешь в Сухум, даже в генваре, всегда в нем цветут розы, — так рекомендовали мне это благодатное местечко Абхазии; но тут же прибавляли, — только лихорадки проклятые! На каждом шагу как будто лихорадкой пахнет...

Я поспешил съехать на абхазский берег и посмотреть поближе на это местечко роз и лихорадок. И в самом деле, роз много, даже плетни из роз; с другой же стороны и воздух тяжел, особенно после дождя, при знойных лучах ясного тихого утра; эти затхлые испарения, точно, пахнут лихорадкой.

Широкой прямой улицей или, правильнее, бульваром пошел я от пристани к зеленому холму, который по своему виду носит название *трапеции;* он заграждает вход в город со стороны горных ущелий. Если на каждом шагу пахло лихорадкой, то в то же время нельзя было не любоваться здешнею роскошною растительностью: некрасивые домики стоят по бокам бульвара; но их украшает густая темная зелень каштана и ореха; пирамидальный рослый тополь скрашивал их черепичные или крытые дранью крыши; нечистые или побитые окна закрывались великолепными кустами светло-зеленой плакучей ивы и веерообразною акацией, убранной цветками наподобие пушистых розовых кисточек. Поближе к *трапеции* все больше зелени; тут и Сухумский ботанический сад. Растительность его роскошна, но, видно, мало за нею ухода. Правда, дорожки его расчищены, но деревьям дана полная воля глушить друг друга, так что это правильнее назвать самородной маленькой рощей,

чем искусственно планированным ботаническим садом. Тутовые деревья, инжир или винная ягода, миндальные деревья, каштан, бигнония — все это, перемешавшись, дает густую тень для аллей, все это своею роскошною листвой прикрыло множество кустарников и плодовых низкорослых дерев: розы и китайская мальва глушат гранату, черешню; апельсинные и лимонные кусты перемешались с персиками и абрикосами, виноград вьется около лавра, акация глушит все остальное. После ночного дождя все это повисло над землей отяжелевшими влажными ветками, сгустилось освеженною листвою и наполняло воздух удушьем ароматных испарений.

Из сада пошел я на *трапецию*, куда вела изрытая дождем дорога. Неуклюжие, грязные буйволы спускали по ней возы и арбы, нагруженные камнем; медленно переступали с ноги на ногу ослы, навьюченные вязанками дров, и абхазцы покрикивали на них необыкновенно зычными гортанными звуками. Абхазцы ничем особенно не отличаются ни в одежде, ни в наружности от всех горцев, известных под общим именем адыге; только вместо папахи на головах у них чаще встречаешь башлык, повязанный в виде чалмы, чаще видишь на них рыжие бороды, да отвычка от войны сделала их мешковатее, тяжелее истого горца.

На самом возвышении трапеции, в тени деревьев, лежало и сидело несколько солдат в госпитальных халатах; молчаливо глядели они на Сухум, раскинувшийся внизу по плоской лужайке, — на длинный узкий рейд, на котором чернели всего два турецких судна, наш пароход да военная шхуна. Лица солдат были желтые, нехудалые, печальные; это были выходцы из госпиталя, который длинными одноэтажными домами, в гуще зелени, поместился на верхушке холма, как на более здоровом месте. Подле госпиталя тянулись такие же длинные казармы одного из линейных батальонов, занимающих Сухум, а затем уж холм спускался заросшим оврагом к лесистым предгорьям и ущельям Главного Кавказского хребта.

Разговор с солдатами никак у меня не вязался: меня интересовал их печальный быт в Сухуме, а их — коммерческий пароход, привез ли он для них амуницию?

— В Сухум грузили много тюков, — сказал я, — может быть, есть вам и амуниция...

— А где грузили? — спросил один из лежавших на животе солдат.

— Грузили в Феодосии, грузили в Керчи... Овчин много также грузили в Сухум.

— То, слышь, на полушубки нам, — улыбаясь, заметил молодой солдатик, толкая локтем своего соседа.

— С какой стати на полушубки! — разочаровывал его сосед. — Кабы полушубки, то прислали бы их готовыми, а то овчинами зачем прислать?

— И муки много привезли в Сухум, — продолжал я утешать их.

— Что мука! Кабы амуницию!.. — заметили все они со вздохами.

— А хорошо вам здесь! — сказал я невольно, залюбовавшись с этой возвышенной местности на блестевший серебром рейд и его холмистые зеленые берега.

— Какое хорошо! — послышалось в ответ. — Сказано уж — проклятое место! Еще теперь дожди перепадают, а там как суша наступит — глотка воды не добудешь нигде. Такое уж место: кругом дожди, а здесь хоть бы капелька!

— И лихорадок тогда больше?

— Да уж известное дело! От них и теперь не оберешься, а тогда так и валит. В грудях-то сопрет, этак давит на сердце, ну и корчи пойдут, и живот раздует...

«Проклятое место, — думал я, сходя с возвышения; а живописно-то как! И будто нет избавления для него от проклятий? Осушат болота, расчистят окрестные леса, замирится вполне край — и Сухум может сделаться только местом роз, хотя и с шипами, но без лихорадок».

Между тем по улицам Сухума разносились звуки похоронного марша, чуть умолкала музыка, начинали турчать горнисты и трещали барабаны. С обычными военными почестями хоронили убитого накануне офицера, убитого в деле с псховцами, соседями Абхазии, в землю которых перед этим за несколько дней выступил наш отряд из Сухума; в 16 верстах отсюда, еще в земле абхазской, уже завязалась перестрелка — и вот хоронили первую из ее жертв. В печальной процессии мне указали на жену убитого, обезумевшую при вести о нежданной утрате мужа; не понимая происходившей перед нею действительности, она в безумных своих грезах все твердила одно, что муж ее запил и растратил какие-то деньги... Ее окружали несколько женщин — и это были, быть может, на перечет все так называемые благородные обитательницы Сухума, вообще бедного прекрасным полом. «Женщин у нас нет, решительно нет!» — восклицают наши военные, кочующие по разным уголкам Черноморского Кавказского побережья. И точно, тут их почти не видишь: или фуражка, или папаха, или башлык и нет навстречу шляпки. А случится, вывезут ее сюда откуда-нибудь издалека, то сколько глаз на нее пялится, и каких жадных! Но мои глаза, как заезжего, больше всего увлеклись хвостом похоронной процессии, состоявшим из отряда гурийской милиции. Что за живописный народ! В красиво шитых куртках и шароварах, перетянутые широкими цветными поясами, из-за которых торчат щегольски отделанные кинжалы и пистолеты, они не шли, а прыгали, как бы хвастая всею легкостью и грацией своих движений; на плечах их небрежно мотались длинные, убранные серебром винтовки; на головах, поверх роскошных черных локонов, навязаны были башлыки, что гораздо красивее неуклюжих турецких чалм; лица их все молодые, выразительные, с бойкими черными глазами...

В Сухуме становилось час от часу жарче; на солнце жгло, в тени парило; я поспешил съехать на пароход, но и здесь, при затишье на рейде было не лучше: в каютах то же, что в бане, на палубе жгло от солнца и от печей и даже под тентом было душно. В такие часы, на юге, для заезжего северянина ничто не мило — устанешь, расслабнешь и поминутно обливаешься потом.

— Штука забавная оказывается! — шепнул мне один из пассажиров. — С нами едет двумужница.

— Какая же это?

— А вот пойдемте посмотрим. Она ехала с нами от Керчи, при ней и муж был, а тут из Сухума съехал к ней другой.

— Не может быть.

— Не знаю, так говорят... Вероятно, тут скрывается какая-нибудь коммерческая штука.

Между пассажирами четвертого класса, присевши на палубы, завтракали два офицера и миловидная дама; перед ними стояли бутылки с вином и тарелки с закуской.

— Вот это она, — шепнул мне тот же пассажир, — а офицеры, говорят, мужья ее...

Мужья были на вид пожилые, весьма невзрачные, что называется, из бурбонов; но дама и миленькая и одета очень прилично; попивая вино из стакана, она развязно и кокетливо любезничала с тем и с другим. Бог ведает, была ли она двумужница, но все же можно вспомнить, что здешний край — полоса, близкая к азиатскому востоку, где отношения между обоими полами отличаются особенным, не европейским складом. На азиатском востоке муж припасает себе несколько жен; на восточном берегу Черного моря (так было, по крайней мере, прежде) жена припасала себе несколько мужей, или вернее несколько мужчин выписывали себе одну женщину: как там, так и здесь, в силу обычая или необходимости, подобные дела улаживаются очень мирно. Посторонние, не причастные к условиям здешней жизни, глядя на такое семейное безобразие, могут без сомнения отплевываться и приговаривать: это Содом и Гоморра!.. Но, отдавая всякому должное, такие чопорные, хоть и весьма благонравные господа не должны забывать, что человек все-таки состоит из плоти и крови, что он хорошо помнит, например, о целомудрии Иосифа потому именно, что на свете весьма трудно быть Иосифом, и тому подобное. Условия жизни могут быть всегда странные, слишком искусственные и чрез то неблагоприятные для чистоты семейной жизни. Но оставляя на этот раз всякие рассуждения о целомудрии, скажу только, что не след упускать из вида среду жизни. Вот и молоденькая черкешенка, что едет с нами из Керчи в парчовом шишаке да в одной сорочке, — ведь вошла, как говорят, в амбицию, когда, из снисхождения к ней, хотели взять с нее плату за проезд на пароходе вполовину, как с малолетней, — и в то же время едет она в Константинополь на продажу, в сладких мечтах очутиться в каком-нибудь серале. Самолюбия стало настолько, чтобы не позволить внести себя, хотя и с барышом, в разряд малолетних, а что продавать ее будут как товар и всю жизнь свою не перестает она быть товаром — на это уж самолюбия у ней не хватает: среда ее такая!..

После несносной вчерашней качки стоянка перед Сухум-Кале вполне вознаградила нас спокойным днем и чудным вечером. В полдень скучились было облака, прогремел гром, но горы притянули их к себе, и дождь, минуя нас, косыми полосами обливал нагорные леса, а радуги венчали их. Затем засвежел береговой ветерок, и к вечеру небо очистилось. Контуры дальних гор окутывались в туманы, ближние склоны потемнели и заблистали огнями из окон сухумских строений. Из-за гор глянул месяц и побелил песчаный берег и набережные постройки, рейд рябил, и по нем разносились то звуки шарманки, игравшей на берегу, то склянки шхун, стоявших вблизи парохода. И долго, стоя на корме, любовался я на окрестности рейда, на эту волшебную игру его теней и света, на этот яркий месяц, что пускал лучи свои в воду, на эту длинную полосу от парохода до горизонта, что струилась бесчисленными золотыми жилками... В полночь пароход снялся с якоря.

На рассвете услышал я из каюты, что мы снова останавливаемся: перед нами был Редут-Кале. Однако стояли мы от него не близко, к тому же и утренний туман заволакивал окрестности мглою, из-за которой ничего не было видно; только неопределенно рисовался низменный берег, и горы отступали от него далеко на восток и север. Баркасы, подошедшие к нам от Редут-Кале, поспешно принимали и сдавали груз, и через полчаса мы опять поплыли в виду все тех же мглистых низменных берегов Мингрелии. Тихое море понемногу стало изменять свой цвет, мы вступали в устья Риона и скоро должны были стать перед Поти.

На обратном пути, через неделю, мне также не довелось взглянуть на Редут-Кале. В этот обратный рейс сильное волнение моря не позволило даже нам остановиться на редутском рейде. Мглистый низменный берег Мингрелии остался в моих воспоминаниях как однообразно-серая картина, без всяких просветов; от нее веяло на меня сыростью и скукой. Все расспросы мои о Редут-Кале у пассажиров вызывали те неопределенные ответы, что, дескать, и говорить тут нечего. При устьях речки Хопи устроилось это местечко, как важный стратегический пункт Мингрелии; отсюда по каналу можно входить в Рион, и Закавказье может, при нужде, избрать и этот путь для сообщений с Черным морем. Как все стратегические пункты Кавказского побережья, оно славится вредным климатом и также постоянною изолированностию от всего остального мира; с суши не ведут к нему никакие торные пути, а с моря заходят только крейсеры; живут здесь по службе.

Сухум-Кале и на этот раз встретил нас как нельзя приветливее. После дневной качки мы зашли на живописный его рейд уж при полной тишине вечера. Звуки бубна и песен неслись к нам навстречу; на берегу заметна была людность; белели в разных местах его походные палатки. То был лагерь войск, возвратившихся из похода на псховцев.

Когда пароход наш наполнился пассажирами из Сухума, пошли всякие толки об окончившейся экспедиции. Из них можно было составить довольно определенное понятие, куда, зачем и как двигался наш отряд. Кто взглянет на карту, тот легко приметит, что Абхазия отделяется от северных склонов Кавказа, занятых отчасти абадзехами, только нешироким перевалом через главный горный хребет, так что если провести прямую дорогу из Сухум-Кале (в Абхазии) до Каменного брода (в землю абадзехов), то окажется всего не более 80 верст, причем и перевал через снежную линию не представит особенных затруднений. При настоящей системе Кавказской войны, когда главным образом обращено внимание на проложение дорог внутри земель, занятых горцами, и на обеспечение этих дорог укреплениями, очень важно проложить из Абхазии надежный путь в закубанскую сторону, соединить кратчайшим обходом Закавказье с северными склонами гор еще в одном пункте, на котором не поставила трудных преград и прихотливая, не поддающаяся расчетам человека природа Кавказа. Но на этом предполагаемом пути, по выходе из Абхазии, необходимо столкнуться с дико-воинственными, хотя и малочисленными горскими племенами, по имени псху и джигет, которым легко могут подать помощь еще более воинственные убыхи. Много раз предпринимались походы в земли этих племен; причем не имелось в виду никакой определенной цели, кроме так называемого наказания непокорных; цель же настоящего и предстоящих походов стала определеннее — разработать дорогу и обезопасить ее надежным укреплением, которое, находясь в сердце до сих пор неприступных земель, сделало бы их удобопроходимыми и держало бы их жителей в приличном страхе. Настоящий, собравшийся в Сухум-Кале отряд предназначался для осуществления подобной цели; но она, однако, может быть достигнута не вдруг, не во всякое время года и не без предварительных рекогносцировок. Природа, как и везде на Кавказе, является надежнейшею союзницею псховцев: летнее время делает чащу здешних лесов вполне непроходимою для сплошного отряда, а горцы, поодиночке, в каждом дереве и в каждом кусте имеют верную защиту, из-за которой безнаказанно выглядывают и выбирают для себя любую жертву в нашем отряде. Таким образом и настоящий отряд в 15 или около этого верстах от Сухума встретил нисколько не разработанные лесные чащи, занятые уже псховцами; полившиеся дожди еще более затруднили движения по заросшим лесными трущобами горам, да и местные жители, абхазы, повели себя в отношении к нашему отряду не без вероломства: стало необходимо, во избежание больших потерь, отложить поход до более благоприятного времени года. Из отдельных эпизодов этой экспедиции особенно распространялись о подвигах гурийских милиционеров — тех картинных молодцев, которыми я любовался на похоронной процессии еще в первый свой заезд в Сухум-Кале. Бывши в Гурии, я слышал, с каким энтузиазмом они готовились к выступлению в действующий отряд; точно дети, заслышавшие, что им предстоит особенно веселый праздник, они прыгали, плясали и пели в ожидании похода. Три сотни их взято было против псховцев — и, рассказывали, нужно было употреблять усилия, чтобы сдерживать порою их неуместный пыл при встрече с неприятелем. От этого и значительное число раненых в экспедиции выпало на долю гурийцев. Между прочим они прибегали тут к своей, особой тактике: заметивши дым неприятельского выстрела, обыкновенно вылетавший из-за куста, они тотчас же бросались на такой куст, прежде чем выстреливший псховец мог снова зарядить свою винтовку, — и овладевали неприятелем; но и псховцы со своей стороны скоро противопоставили им хитрость: за куст стали прятаться по нескольку псховцев, и в то время, как один из них своим выстрелом принимал гурийцев, другие берегли свои заряды на бросавшихся и, таким образом, еще вернее прицеливались в их груди.

По отступлении нашего отряда в Сухум-Кале на помощь псховцам явились убыхи и, не нашедши для себя дела, требовали наступательных действий. Слухи об этом несколько смутили сухумцев, и про всякий случай *трапеция* на ночь была занята батальоном пехоты и артиллерией. В таком тревожном настроении и оставили мы Сухум-Кале.

Самая живописная местность Кавказского побережья тянется от Сухум-Кале до Гагр. Хотя на этом пространстве и есть места, удобные для пристаней, но пароходы не заходят ни в одну из них. Бомборы и Пицунди не заняты еще нашими войсками и лежат в развалинах. Ясный день дал нам возможность хотя издали посмотреть на этот дикий гористый край. Горы подходят тут к морю высокими отвесными массами; на них местами кустится зелень, но больше виднеются обнаженные от всякой растительности ребра скал, отмываемых пенящимися морскими валами. Снежная линия прихотливыми извилинами непрерывно венчает эти скалистые массы, то сливаясь с синевой неба, то белея на ней рядом как бы сахарных голов, то искрясь блестками отраженных лучей солнца. Местами открывались виды на темные ущелья, причем у подошвы отвесных скал заметно было песчаную отмель или зеленую лужайку — признак устья какой-нибудь горной речки, сбегающей к морю по ущелью. При выходе из такого же ущелья стоит и укрепление Гагры. Каменные стены его с амбразурами, расположенные так, что ими, как воротами, замыкается ущелье, препятствуют горцам иметь в этом пункте сообщение с морем, но с другой стороны откосы громадных скал, высящихся над крепостью, всегда доступных горцам, замыкают в свою очередь и выход гарнизону из крепостных ворот: пули горцев находят тут для себя верную цель.

Гагры в настоящее время единственное укрепление, которое может дать понятие о целой цепи фортов, составлявших до Восточной войны черноморскую береговую линию; по первому легко составить себе заключение и о последних. Представьте себе небольшую лужайку у подножия скалистых гор, расступившихся к открытому морю темным ущельем; на этой лужайке, по которой сбегает горная речка, устроен форт, вмещающий в себе батальон или меньше гарнизона; для сообщений его с морем нет судов, для сообщений с сушею нет дорог; единственный выход для него мог бы существовать по ложу ущелья, но оно занято горцами и превосходно сложилось для них как оборона от неприятеля. Зазевался часовой, выглянул ли кто-нибудь из-за крепостных ворот — и вот уже он цель для стрельбы горца; даже больше: ночью, горит ли в комнате свеча и тень ваша заступила свет к ее окну, — уж наверное горец, взобравшись на соседнюю к форту скалу, целится в вашу фигуру. Горная речонка то пересохнет, так что пить нечего, то, переполнившись от дождей, грозит разрушением ненадежным постройкам форта; вместе с тем, заливая лужайку обильным стоком горных вод, она кладет тут зародыши лихорадок, от которых изнывает гарнизон, чуть только начнутся солнечные припеки или настанут удушливые, парящие дни. И вот вместо славы, вместо открытого боя с неприятелем какой-нибудь кавказский герой должен, точно в тюрьме, выдерживать медленную томительную борьбу с лихорадкою, от которой после двух-трех параксизмов живот раздуло и образовалась водянка. В такой борьбе тут сложили свои кости немало героев... говорили пассажиры парохода, между которыми было много военных, когда-то испытавших весь комфорт жизни в этих погибших фортах. На защиту их, пожалуй, годился бы какой-нибудь монашествующий орден: тут и уединение, и борьба; соблазнов мира ждать неоткуда: скрывается он — как в сказках говорится — за горами, за долами да за широким морем; подает вести о нем лишь крейсер, который раз или два в месяц завезет в укрепление пачку писем и казенных пакетов. Но наш солдат, а еще больше офицер — не члены такого монашеского ордена; от жизни у нас обыкновенно требуют того, чтоб она «везла», а не «везет» — заливают ее кутежами да дебоширствуют. Однако для всякого рода дебошей недостает главного повода: по фортам трудно обзаводиться женщинами; да и для кутежей нужна мера, иначе выйдет прежде времени весь запас выписанных на год напитков и до нового срока выписки нигде уж их не раздобудешь. Большая благодарность судьбе, если она нарушит такую жизнь распоряжением начальства перевести, мол, такого-то из форта Лазарева в форт Головинский, а из Головинского в укрепление Тенгинское и так далее. Все же разнообразие...

Такова в общих чертах была жизнь по кавказской береговой линии, в тех фортах и укреплениях, которых развалины виднелись нам с парохода, к северу от Гагр. Но Восточная война показала всю несостоятельность прежде бывшей тут военной системы. Без поддержки со стороны нашего флота существование подобных фортов немыслимо; но и при флоте на долю их выпадала бы слишком узкая цель — воспрепятствование военной контрабанде, недопущение горцев к сообщению с морем. Не говоря уже о том, что такая цель может быть выполняема помощью одних крейсеров, надо еще вспомнить, что едва ли можно удержать горцев в покорности, лишив их только способов получать из-за границы порох и оружие. Надо лишить их не способов, а охоты получать это для борьбы с нами, а к этому надежнее ведет настоящая система Кавказской войны, по которой уж не по краям, а внутри их земель возникают укрепления, и горцы не извне, а среди себя видят силу нашего оружия, расчищающего для своих распорядков проходы по всем направлениям горных закоулков, а не замыкающего эти гнезда, в которых легко могут плодиться всякие беспорядки.

К северу от Гагр горы не представляют таких дико-грандиозных масс, подходящих к самому морю, как берега Абхазии; отсюда они значительно понижаются, не венчаясь уж снежными верхами, но зато покрываясь более сплошною зеленью. Ущелья показываются все чаще, и стенки их убраны теми непролазными порослями всякого рода колючих кустарников, которые преграждали все прежние движения наших отрядов в землю убыхов. Помимо искусственных завалов, защищаемых горцами, солдат наш хорошо знаком с так называемым держи-деревом (Rhamnus Paliurus), которое еще больше завала не пускает его вперед; за целый день перехода, бывало, продерется он всего на две, на три версты, а тут на него посыплются пули горцев. Убыхи, эти гордые — как об них отзываются — холодно-храбрые дикари-воины, недаром величаются неприступностью своих убежищ: кажется, всего только раз, и то при помощи эскадры, обстреливавшей берега, отряд наш сделал переход по небольшому участку их земли с большими, однако, для себя потерями.

К местам бывших фортов теперь пристают, часто безнаказанно, турецкие кочермы, отчасти с военной контрабандой, отчасти с невинными товарами, находящими сбыт у горцев. Так, особенно у Сочи, с парохода приметен был целый ряд этого незатейливого, но чрезвычайно легкого турецкого каботажа; одна за другой, белея своими маленькими парусами, пробирались они у скалистых берегов. В случае появления нашего крейсера кочермы удобно втаскиваются на берег, а при попутном ветре они работают по десяти узлов, так что угнаться за ним под силу не всякому крейсеру.

Наш пароход держал свой рейс на значительном расстоянии от берега. Держаться к нему ближе — небезопасно. Горцы иногда являются пиратами, а уж наверное не упустят случая, если он удобен, послать на наше коммерческое судно одну-другую пулю. Так и было с одним из пароходов Общества; другое же, из парусных коммерческих судов, они остановили уже своими галерами, полезли было на абордаж, выбрав для этого место под самым носом судна; но тогда на судне реши-

лись прибегнуть к единственному средству спасения — обрезали якоря, и они, рухнув всею своею тяжестью на легкие галеры, потопили их вместе с пиратами.

За весь день плавания, кроме движения нескольких кочерм, мы не приметили никакой жизни у этих берегов Кавказа; ни у подошвы скал, ни на горах не видно присутствия человека, не заметно нигде его жилища, ни следов его труда. Горные склоны не показали на себе ни одной пашни, ни одного пастбища, по которому бы бродил скот; вся жизнь обитателей этого побережья таится в ущельях, вполне скрытая от наблюдения посторонних, не горских глаз. Но на следующий день, когда мы успели за ночь обойти земли шапсугов, а утром, остановившись ненадолго перед Константиновским укреплением, пошли на линию с землями натухайцев, тот же гористый берег представлял уже менее дикие склоны: всюду пестрели пашни, забираясь даже на вершины гор, по зеленым коврам их обозначались иногда движения полевых работ, рисовались маленькие фигуры людей и животных. Здесь уже мирная страна и мирная жизнь, которой не для чего прятаться в трущобы. Берега становились все ниже, покатости их к морю все продольнее, а к Анапе показались уж и песчаные отмели. К сожалению, общество перестало засылать пароходы в эту крепость, которая после восточной войны сузила свои стены в размеры небольшого форта и стала уж не городом, а только лишь административным пунктом для земли натухайцев. Таким образом, не поворачивая к анапским развалинам, пароход наш стал на румб к Керченскому проливу, берега Кавказа стали исчезать у нас из виду, а вместе с ними исчезал и весь интерес плавания...

Большая часть пассажиров, ехавших на пароходе из Сухум-Кале и Поти, высадились еще в Константиновском укреплении; с удалением их затихли всякие стратегические толки, замолкли воинственные возгласы, в силу которых следовало бы тотчас же, без всяких оговорок, подписать решительный карачун и шапсугам, и убыхам, и всему живому в ущельях Кавказа; не было заметно и сомнительных покачиваний головою, с охлаждающим: «Не верьте». Все стратеги, все ораторы-истребители и все скептики высадились на месте новых для себя опытов войны с горцами, и там их, без сомнения, ждут новые данные для стратегических соображений, для возгласов и сомнений. Остальные же пассажиры, все слушатели, без шуму, но и не без скуки приближались к керченскому рейду в молчаливых соображениях, придется ли ночевать в Керчи или же карантинный и таможенный досмотры задержат их на пароходе еще на одну ночь.

Но вот пароход, пройдя мыс Ак-бурн, остановился против керченской брандвахты. Скоро отделился от нее катер и, мотаясь на волнах пролива, стал подплывать к нам. «Карантинная стража», — заметили на пароходе. Катер причалил к трапу, показался господин с пестрым лицом, на котором чума как бы оставила свои отпечатки. С заложенными назад руками, боясь чрез прикосновение их к чему-нибудь заразиться чумою, он потребовал взглянуть на документы судна. Без сомнения, документы оказались вполне исправными, и тотчас руки господина появились из-за своей засады, протянувшись не только для пожатия других знакомых рук, но и к некоторым сосудам пароходного буфета.

Через час времени подошел к нам пароходик «Крикун», забрал всех пассажиров и направился к таможенной пристани. Наступали уже сумерки. Но к немалому нашему удовольствию, таможенная стража почтила особенным своим вниманием только «заграничных», прибывших из Батума и Трапезонта; остальных же, приехавших с берегов Кавказа, пощупала слегка, вероятно, из сострадания к этим хилым заморенным существам.

— Смотри, какие все желтые и худые! — заметила она в лице одного из своих сострадательных членов.

— Да там уж все такие, от человека до скотины! — ответил на это другой таможенный господин.

Но, говоря по совести, между прибывшими с Кавказа были люди с более свежими лицами, чем керченские таможенные досмотрщики...

Казалось, жизнь на пароходе начинала уж надоедать мне и теснотой, и качкой, и видами все на одно и то же море; хотелось более твердого, спокойного и просторного пристанища. Но вот и городская жизнь. Дребезжат экипажи, валит пыль, крик извозчиков, говор прохожих... Вот и гостиница. Потряхивая волосами, бегают половые, раздаются звуки шарманки, слышится цоканье чайных ложечек о стаканы и блюдца... вонь в коридоре, вонь и неряшество в номере... Ноги мои что-то шатаются, точно продолжается еще качка; в ушах гул, точно еще слышу я шум паровых труб. И все же, хоть бы опять на пароход, опять бы на этот свежий морской воздух, от этого смрада гостиниц!..

1861 года, август

Примечание

1. О Керчи более подробно говорится в другой главе этих заметок.

Текст и примечания печатаются по источнику:
Русское слово. — 1861. — № 11.

ДОЛИНА РИОНА (ИЗ ПУТЕВЫХ ВОСПОМИНАНИЙ)

Черное море на этот раз глядело действительно черным. В глубоких волнах его отражались одни лишь тучи, заслонявшие все небо. Мы плыли в нескольких милях от Мингрелии, но берега ее казались с палубы парохода неясным призраком. Сверху падал мелкий дождь, снизу поднимался туман, от берега также сквозь дождь полз туман: все бралось сыростью, все глядело кисло, неприветливо.

Вдруг море изменило свой цвет. Черные его воды как бы разом загрязнились, помутясь посторонними примесями, и пошли переливаться то свинцом, то аспидом, то охрой. Оглянувшись назад, можно было ясно очертить границу этой мутной воды, от которой чистые волны моря вежливо уклонялись, как бы боясь от нее загрязниться. А между тем эта загрязненная всякими примесями масса воды когда-то считалась священною... Словом, мы вступили в бассейн Риона, древнего Фазиса — одной из четырех великих рек земного рая; водою этой реки, по словам греческих географов, древние моряки запасались как святыней и как лучшею водою в мире...

А от берега все еще отделяло нас несколько миль. Не скоро туманные очерки его обозначились определенною полосою леса, густого, точно бесконечного леса, выпускавшего из себя двумя рукавами всю обильную массу рионской воды. В устьях этих рукавов вода вздымалась белыми гребнями: это речной бар, не пускающий в Рион большие суда, почему и наш пароход бросил якорь в почтительной дистанции от этой сердито-пенящейся преграды.

Глядя на сплошь поросший лесом берег, трудно догадаться, что мы пристали к портовому городу: его и не слыхать и не видать. Правда, у самого леса заметны два-три шалаша — вероятно, для таможенной стражи, а на просторном, открытом с моря рейде покачиваются на волнах всего два-три казачьих сторожевых баркаса. Но не сомневайтесь, порт здесь действительно есть, и в доказательство этого — смотрите — из лесной чащи дымит уже маленький пароход, скользит и прыгает по белеющему речному бару... Вот он добегает к нашему грузному судну, забирает пассажиров и кладь и снова убегает в лесную трущобу. Стало быть, где-нибудь же найдем мы пристанище, отыщем порт...

И вот на этом маленьком пароходе мы вошли в южный рукав Риона. Справа — лес, слева — лес; идем этой аллеей версты две, идем шибко по мутной извилистой реке, шириной в этом месте саженей в шестьдесят, и, наконец, направо показываются людские жилища — небольшая куча деревянных домиков, всех с полсотни, да и те смотрят не то бараками, не то амбарами, а за ними — серые стены полуразрушенной крепости. Это и есть портовый город Поти.

Впрочем, не беда, что он такой маленький и неказистый. Ведь он еще дитя — порт, не проживший и десяти лет. Куда ж ему выситься и шириться! Благо уж, что он, как ни на есть, стоит и не увяз в этой лесной и болотной трущобе. И что он не увязнет — в этом порукой могут служить его патроны, которые ухаживают за ним с отеческой заботой, планируют его, обстраивают и устраивают. Дай же ему Бог всяческого благоденствия![1]

Но — пока соорудят здесь гавань, пока проведут к ней железную дорогу, пока, наконец, минет детство этого порта и станет он выситься, шириться, служа настоящими воротами для торговли Закавказья с Европой, — все же не мешает оглядеть его теперь как калитку этих будущих ворот. С виду она действительно не очень пригожа. Пристанью служит какая-то стенка, подле которой склепано несколько досок. Затем — тут же и весь город: улицы узенькие, тротуаров нет, хотя почва топкая, а деревянные домики — весьма оригинальной постройки. Так как местность здесь болотистая, то придумали ставить строения на бревнах, вышиною в один и в два аршина; на эти бревна кладутся балки, на балках же настилается пол, и возводится весь бревенчатый остов дома. Такой способ постройки, вероятно, очень удобен для собак и свиней, которые под домами всегда могут находить для себя прохладные прогулки и спокойные ночлеги... Болотистую почву города предположено осушить дренажом, для чего прорыты и канавы; но вода, собираясь в них, не находит стока и гниет, заражая и без того нездоровый воздух, тогда как, казалось бы, можно было дать сток этой воде прямо в Рион. На торговую роль города намекают только стоящие у пристани турецкие кочермы и мингрельские каюки.

Однако, чтобы поскорее скрасить всю неблаговидную наружность дитяти-порта, спешу сказать, что уже и теперь, при всей ничтожности стоящего здесь каботажа, чрез Поти ввозится товаров на 700 тысяч, а вывозится почти на 4 миллиона рублей, что для торговой калитки Закавказья, согласитесь, очень и очень немало[2].

Но и этого еще недостаточно для совершенного оправдания неблаговидной наружности потийского порта; нужно вспомнить кое-что из прошлого об этом местечке. Не залезая в глубь времен, не тревожа праха ни Язона, ни Медеи, не поминая лихом даже турок, построивших потийскую крепость, довольно для нашей цели коснуться истории этого поселения лишь с тех пор, когда на устьях Риона окончательно утвердились русские. Тотчас же возникла было мысль основать здесь порт для всего Закавказья. Мысль перешла и в дело. В самый 1828 год переселили сюда жителей Редута и учредили порт. Но десять лет спустя, говорят, вследствие злейших лихорадок, упразднили

потийскую крепость, а порт с жителями перенесли обратно в Редут. Наконец, в 1856 году снова повернули порт в Поти и опять потревожили жителей Редута... Вспоминая это прошлое, потийские обыватели недоумевали, как им быть: а оттого-то они плохо и обстраиваются... Капитальные постройки, предпринятые в последнее время по устройству потийской гавани, могут удостоверить долго кочевавших портовиков-жителей, что кочевке их настал конец.

Что до меня, то я верю в возможность будущего для Поти как порта. На юге России, далеко при менее благоприятных обстоятельствах, существуют же портовые города. Ради привилегий и свободы от рекрутской и гильдейской повинностей, в них обыкновенно стекается бедный скитальческий люд, а ради торговли понемногу собираются сюда греки, армяне, наконец, появляются русские чиновники, и станет порт официально существовать во всем как следует, представляя из года в год ведомости о количестве ввоза и вывоза, о числе приходивших и уходивших кораблей... Наружность его, при усердии начальства и обывателей, приукрасится и городским садом, и бульваром, и даже — публичной библиотекой, словом — всем благоустройством наших южных, созданных свыше, привилегированных портов. Так было с другими местечками, возведенными в портовый чин, — отчего же не случиться этому и с Поти? Я верю даже, что с ним и лучшее что-нибудь случится... Он уж и теперь имеет городской сад, хотя не устроил еще достаточных помещений для склада транзитных товаров, которые иногда долго совершенствуются, лежа под открытым небом. Видно, по южному своему темпераменту он больше склонен к удовольствиям, чем к холодным расчетам.

Я очень неравнодушен к будущей его участи; в мое чувство к нему я желал бы увлечь и читателя. А потому поведу вас еще в потийскую крепость, от которой, как от центра, пойдут радиусами улицы будущего города к самому морю. В потийской крепости есть цветы и деревья, и притом, какие цветы и какие деревья! Здесь та тощая гортензия, которую мы выращиваем в горшках, разрослась в громадные кусты, которые куда повыше нас с вами, читатель, и куда пошире наипространнейшего вашего кринолина, читательница! А сколько аромата от золотистых цветов азалии, и какие тут розы, жасмины, лилии и гвоздики! Здесь единственная в России рощица лимонных и померанцевых деревьев... К сожалению, жестокие морозы зимы шестьдесят первого года проникли даже и в этот вполне тепличный уголок Закавказья; от них померанцевые и лимонные деревья в Поти значительно пострадали, так что пришлось их вырубить и дать рост только молодым их побегам... Зато все еще какая тут темная глянцевитая зелень от густой листвы миртовых, лавровых, фиговых дерев, среди которой местами как жар горят ярко-пунцовые цветы граната! Словом: в этой крепостце, построенной в XVI веке турецким генералом Мустафою во время войн турок с персами, заглохшей потом в тридцатых годах настоящего столетия, возник теперь хорошенький сад, который может служить выставкой здешней богатейшей флоры. В стенах этой крепости воинственными ее обитателями служат разве одни скорпионы, да и те, говорят, от влажности здешнего климата не очень-то ядовиты.

Едва пришлось мне проплыть немного от Поти вверх по Риону, как я услышал возгласы пассажиров: «Что за прелесть! Да это наша Бразилия!».

Не знаю, какова настоящая американская Бразилия, а наша, пририонская, глядит действительно вызывающею на возглас поэтическою дичью. Направо — берег Гурии, налево — берег Мингрелии одинаково заросли густым-прегустым девственным лесом; полоса реки, шириною саженей в 200, сереет главной водной аллеей в гуще нескончаемой зелени, а зелень эта глядит перепутанной, скомканной из разнообразной листвы и разнокалиберных стволов чащей. Берега — низменные; корни прибрежных дерев постоянно моются в воде, а ветви наклоняются к самой поверхности реки. Справа и слева в Рион течет много притоков; все они пробиваются из такого же непроглядного леса; взглянешь в полоску их течения, и опять перед вами сереют боковые водные аллеи, в которых также купаются ветви прибрежных дерев и кустов. Глушь неприветливая, давящая сердце; простору совсем нет; в воздухе — душные испарения — не то туман, не то мелкий дождь; растительность точно глушит жизнь всего, что не дерево, не куст, не былинка... Но это только кажется так. А прислушайтесь в тишине вечера к животной жизни этих трущоб: сколько шелеста, шуму и крику! От возни древесного червяка, который, как часовой маятник, стучит в каждом дереве, от жужжанья бесчисленных мошек и комаров, от всплеска рыбы на поверхности речной до тысячегласного кваканья лягушек, до проницательного крика шакалов — сколько тут разнохарактерных голосов животной природы!

Чем выше, однако, от устья Риона, тем здешние леса все больше теряют вид никем не обитаемой трущобы. На странный среди этой дичи шум колес парохода, особенно же на свисток паровика, начинают выбегать на берег жильцы этих древесных чащ — люди и животные. Те и другие ведут себя совершенно одинаково: большею частию, выбежав из-за кустов, навостряют уши по направлению к изумившему их шуму, глядят долго, стоя, как вкопанные, и вдруг — быстрым поворотом назад скрываются в непроглядных кустах. Редкий смельчак из людей простоит на берегу и в ту минуту, когда мимо него скользит пароход, и если уже простоит, то нельзя не залюбоваться его свободной и грациозной позой. Что за красивое племя! Мужчина ли, женщина — одинаково проворные — бегут они на берег, как стройные гончие, вытягивают шеи вперед, точно нюхают воздух, — и вдруг остановятся, точно замрут в этой стремительной позе. Живая модель для художника! А одежи на них всего какая-нибудь цветная тряпка; на головах — одни вьющиеся черные кудри; ребятишки же выбегают и совсем

нагие... Помню, в одном месте берега дала осмотреть себя целая семья этих пририонских дикарей. Кто сидел на траве, кто оперся спиной о дерево, все — в самых непринужденных позах, а впереди, у самого берега, полулежала изжелта-смуглая нагая женщина, глядевшая на пароход совсем как безумная: черные, скомканные косы падали у ней на отвислые желтые груди, глаза ее не моргнули ни разу, точно окаменелые, а изо рта текли слюни... Холодом обдал меня вид этой библейской прокаженной...

Еще выше по Риону — и в лесной чаще, на несколько приподнятых над водой берегах, начинают попадаться маленькие поляны с жилищами туземцев. Все это — отдельные дворы, огороженные кустарником или же досками, перевитыми плющом, тыквами, хмелем. В тени отдельно растущих раскидистых каштанов или яворов стоит обыкновенно приземистая бревенчатая сакля, без окон, без трубы, с соломенной крышей, которая напереди опирается на пять столбов с резными перилами. Под этим передним навесом, составляющим почти половину всей сакли, прохлаждаются жители большую часть дня; в избе только спят или возятся около очага. На дворе — и поле: тут и кукуруза шуршит своими широкими листьями, тут кустится и гоми — здешнее плодовитое просо, тут и виноградная лоза вьется по стволу гиганта-орешника, обильно убираясь фиолетовыми гроздьями. Все эти дары природы здесь нипочем: виноград — общая собственность; за лукошко грецких орехов с вас много запросят — шаур, то есть 5 копеек; а местный хлеб из гоми — самую обычную пищу туземцев — и даром не берите: это вполне камень-хлеб...

Еще и еще выше по Риону — и плыть становится все отраднее. Дичь и глушь лесная редеют; горизонт расширяется; к берегам реки подходят живописные холмы, а над ними все картиннее встают горы в самых прихотливых очерках. Изгибы Риона учащаются. Один поворот — и перед вами, поверх лесного моря, встают в туманной дали громады Кавказа с серебристыми ледяными вершинами, то зубчатою стеной, то широкими шатрами, то наподобие остроконечных сахарных голов; другой поворот — и так близко, что, кажется, рукой бы их взять, приходят изгибы ахалцыхской гряды, с золотистыми полянами на скатах, с темными сосновыми рощами на перевалах, с голыми ребрами красных скал на вершинах; еще поворот, и опять белеют в отдалении снеговые громады, но уж не Кавказа, а Анатолии, и к ним, покрываясь мглою, расстилается другое лесное море. Повороты так часты, что не успеешь осмотреться; все же самым заманчивым ландшафтом гдядятся все ближе и ближе подходящие холмы Имеретии. Их нежный светло-зеленый колорит, их мягкие, озолоченные солнцем изгибы так приветливо смотрят, что поскорее бы к ним — из этой пририонской лесной трущобы, пропитанной сыростью, затянутой тяжелыми болотными испарениями, — из этой области воды и леса...

С такими ощущениями доезжаешь до Усть-Цхенис-Цхали. Только до этого местечка и доходят пароходы. Выше — Рион уж вполне горная река; там он течет по каменному ложу, бурлит, пенится, хлещет волною в гранитные глыбы и шумит-шумит каскадами...

При мелководье проезжающим по Риону приходится тянуться на туземных каюках — допотопного устройства плоскодонных лодках, поднимающих 300—500 пудов груза. На таких каюках делают переезд в 80 верст в несколько дней, подвергая себя и жалам множества комаров, и ливням здешних дождей, и припеку здешнего жгучего солнца. Большое уж благо, если на каюке есть навес, хотя бы из свежих виноградных лоз, даже с кистями спелого винограда... Местами тянут эти каюки бичевой, местами подталкивают их на шестах. Беда, если навстречу им несется пароход: каюки нагружаются вплотную, а борты у них низкие, так что прибой внезапной волны чуть не заливает их вконец. Тут-то крику и брани на этого шайтана, на этот пароход — заморскую выдумку! Тем не менее весь почти груз отправляющими чрез Поти заграницу перевозится на этих длинных ящиках-лодках. На них грузят нухинский шелк, эриванский хлопок, имеретинский маис, грузинскую овечью шерсть и прочее.

Вообще фарватер Риона глубок, но он часто меняется. Где сегодня удалось пароходу пройти свободно, там завтра он может врезаться в мель. Но еще большая помеха плаванию по Риону — карчи, подводные деревья, пустившие корни свои на дне реки и выглядывающие из-под воды только верхушками или, что еще хуже, вовсе не выглядывающие: попадет на такое подводное дерево пароход и как раз разобьет свои колеса. Кормчий зорко следит за рябью бегущей реки; где эта рябь берется кругами, где она расстилается гладью или же маслится, там наверно засела на дне карча. Также немало затруднений управлять пароходом вниз по течению: река быстра и к тому же извилиста; на крутых поворотах часто приходится носом толкаться в берег и отваливать от него груды земли; хорошо, что грунт мягкий...

Усть-Цхенис-Цхали или Марань — местечко на правом берегу Риона, при впадении в него реки Цхенис-Цхали, — обстроились заново после восточной войны, на месте старой Марани, сожженной нашими войсками. Здесь есть довольно благоустроенная станция, так как отсюда начинается уже шоссейный путь через Имеретию в Тифлис; есть площадь, застроенная духанами; есть хорошенькие, в русском духе домики, принадлежащие поселенным тут скопцам. Бесконечно тянувшийся доселе пририонский лес в окрестностях Марани переходит в бесконечный сад — библейский рай, не насажденный руками человека. Таким именно раем и слывет Имеретия в устах народа. Тут уже не так сыро, как в низовьях Риона: маранская станция уже на 67 футов выше моря, тогда как Поти лишь на 5. Все же и здесь ощущается значительная влажность воздуха; мгла незаметно стелется между зеленью дерев, дальние очерки гор Кавказа и Анатолии плавают в светлых испарениях, мягко и нежно сливаются окраины земли и неба...

Рыночный день, как и во всем здешнем крае, в Марани бывает в пятницу, накануне еврейского шабаша: обычаи евреев вообще распространены на востоке... В силу этого в Мингрелии на неделю приходится три нерабочих дня: пятница как базарный день, суббота как праздник восточный и воскресенье как праздник христианский. На маранский базар сходятся окрестные жители не столько для торга, сколько для гульбы и щегольства нарядами: это вполне праздник и выставка красивых, кокетливых туземок... Мингрелки и гурянки спешат сюда не столько с целью продать фазана, или корзину орехов, или другой какой пустячок, сколько — себя показать...

Но любоваться здешними красавицами могут одни скопцы, поселенные в Марани целою колонией. Еще в 1826 году генерал Ермолов собрал этих фанатиков со всего кавказского края и, составивши из них инвалидную роту, поселил при Рионе. В этой нездоровой местности они обязаны были тяжкою работою сплавлять по рекам Мингрелии фураж и провиант к взморью — к Редуту и к рионскому форту. Такое специальное назначение хорошо ознакомило их с краем и приучило к речному плаванию, так что они сделались ловкими коммерсантами и опытными лоцманами. В настоящее время для всякого приезжего в этот край скопцы — истинное сокровище: только у них можно найти помещение в их опрятных жилищах; у них только можно нанять лошадей и повозку, у них запасетесь и провизией на дорогу: икрой, рыбой, птицей, хлебом; они — скупщики местных произведений, они и на пароходах рионских служителями и кормчими. Ермоловым было собрано их сюда до 300 человек; по статистическим сведениям за 1855 год, их считалось уже всего 165 мужчин и 6 женщин; теперь их, вероятно, еще меньше. К ним принадлежат люди разных краев России и разных званий. Считают они себя в числе православных, хотя цитируют такие места из Священного Писания, каких в нем вовсе нет. Впрочем, нужно сказать по правде, в их верование трудно проникнуть: они скрытничают, не открываясь в своих религиозных убеждениях, никого и ни за что не допуская подглядеть свои мистерии, совершающиеся у них по субботам и воскресеньям. У них есть свои жрецы или проповедники; кажется, проповедями этих главных фанатиков и держится секта. Скопцы — большие постники; они не едят мяса, не пьют вина. Все одинаково отзываются об их трудолюбии, честности, вежливости и деликатности в обхождении; в обстановке своей они опрятны и чистоплотны. Наружность их невольно бросается в глаза. Это все длинные и тощие фигуры; на них солдатские серые шинели мотаются неуклюже, как на вешалках. Лица — больше бабьи, чем мужские. На щеках, желтых и брюзглых — ни кровинки; глаза мутные, оловянные; губы тонкие, высохшие; усы и борода не растут. На всех их один и тот же отпечаток выражения, и с трудом отличаешь одно лицо от другого. Вообще видом своим они напоминают исхудалых обитателей какого-нибудь госпиталя; их серые обвислые шинели точно больничные халаты; восковые, безжизненные их лица, как и лица больных, производят тяжелое впечатление... Скопчих я не видал, но слышал, что скопчихи вообще не в состоянии достигать своих религиозных целей подобно мужчинам: после всевозможных уродований своего организма они все-таки иной раз волнуются страстями и похотями. Да и мужчины не избавились от всех страстей. Освободив себя от волнений любви, они впали в страсть копить, приобретать, так или иначе зашибать копейку. Страсть к стяжанию главным образом побуждает их и к постоянному труду и к промышленной предприимчивости. Оттого все они люди зажиточные, некоторые — даже почтенные капиталисты...

Эти-то добровольные евнухи толкаются на моранском базаре промеж полногрудых мингрелок и гурянок. Les extrêmes se touchent. Под навесом раскидистых каштанов и орешников, в этом не насажденном руками человека саду, туземки, хотя не задаваясь никакими верованиями[3], жадно посматривают кокетливым взглядом на любителей их прелестей...

Впрочем, на моранском базаре встречаются и щеголи-мингрельцы. Иные из них лихо гарцуют на коне, потряхивая черными кудрями, едва прикрытыми пестро-вышитою куди или папанаки — кружком черного сукна, подвязанным на ремне под подбородок и надвигаемым то на глаза, то на темя, то на затылок, смотря по тому, как падают лучи солнца.

Как ни картинна пририонская страна, как ни красивы ее жители, а все же вы придете чуть ли не в ужас, если только дадите полную веру путешественникам, описывавшим здешнюю жизнь, а главное — если не возьмете на себя труда проверить их описания требованиями здравого смысла и указаниями исторической науки.

В конце XVII века, проездом в Персию, посетил пририонский край швейцарский путешественник, m-r Le chevalier Chardin, и в первых двух томах своего десятитомного сочинения, изданного еще в 1711 году в Амстердаме, поместил несколько любопытных известий о западном Закавказье. Эти известия отчасти собраны им самим, а еще больше позаимствованы от отцов театинов, которые поселились здесь с 1627 года, то как медики, то как миссионеры. Без сомнения известия их о пририонском крае не отличаются ни религиозной, ни социальной терпимостью.

И вот этот Шардэн послужил обильным источником для следовавших за ним в долину Риона нравоописателей-путешественников. Чуть развернешь любое из их сочинений о Гурии и Мингрелии, так уж и изволь вслед за авторами хныкать по поводу всевозможных пороков местного населения[4]. «Нищета, — твердят они, — в крае ужасная; дети — полунагие, испачканные; женщины — в высшей степени развратные; мужчины — плуты и разбойники; а все вместе, и дети, и женщины, и мужчи-

ны, — страшные пьяницы. «Je n'ai rien vû de sale de degoût comme celá!» — воскликнул Шардэн, и вслед за ним до сих пор путешественники большею частью служат эхом такого благонравного возгласа. Сколько мне известно, только путешественник le chavalier Gamba отнесся к жителям Мингрелии хоть несколько вежливо, сказавши мимоходом, что нравы их, после путешествия Шардэна, значительно улучшились. И слава Богу!.. А более других добродушный путешественник, барон Гакстгаузен, чуть не плачет даже и о том, что здесь, в Мингрелии, когда-то аргонавты искали золотое руно, что здесь, на Рионе, когда-то любились Язон и Медея, — и увы! всего этого не осталось и следа в воспоминаниях людей, ныне населяющих эту землю... Я бы мог утешить достопочтенного путешественника, сказавши, что мне доподлинно известна одна мингрелка, которая не только помнит об аргонавтах, но считает себя в прямом родстве с Медеей и даже показывает кубок, некогда напоявший уста Язона: быть может, и утешился бы этим сведением добродушный немец, да легко ли станет от того самим мингрельцам?..

И отчего же так жалки и отвратительны обитатели рионской долины? «А все потому, — твердят одни путешественники, — что они бедны». «Нет, — замечают другие, — потому что они не столько бедны, сколько невежественны...». «Да еще ленивы», — добавляют третьи. «Нет, это все еще не то... — перебивает кто-то, — главный источник зла скрывается в невежестве жителей и в совершенном неразумении ими собственной своей пользы». Еще бы! Какие, в самом деле, чудаки эти пририонские жители: даже собственной своей пользы не разумеют?! И за это, именно за это обратился к ним другой путешественник с такою речью: «О коптители неба! Какое самое заботливое правительство в состоянии вас вывести из того состояния невежества, глупости и лени, в которых вы коснеете?..».Жаль, что мингрельцы не читают по-русски: они бы, наверное, исправились от такой изящной и назидательной речи. Но я должен сообщить подобным путешественникам, что им несколько противоречит один русский смотритель пририонской станции. На вопрос мой, что он скажет насчет туземцев, он отозвался, что — «и говорить об них не стоит: сказано — пропащий народ! даже в праздник работает, все равно, что нехристь...». Неужели? Да они — говорят — ленивы, три дня в неделю празднуют?.. — «Э, кто не рад полениться! — заметил смотритель, — только у них вся беда из-за того, что праздников не почитают...». «Да, правда! — подумал я. — Вот и барон Гакстгаузен испорченность пририонских жителей приписывает именно упадку церкви. Но к этому Гакстгаузен привлек в виновные еще и высшие слои общества...». Словом, как видите, причин жалкого состояния обитателей рионской долины оказывается много, и нельзя не сказать, что эти причины одна другой несколько противоречат. Ради этих-то противоречий и нужно как можно обстоятельнее осмотреться в здешнем крае: быть может, жители его народ еще не совсем пропащий...

Путешественники согласны в том, что пририонский край самою щедрою рукою одарен растительностью. Леса, леса и леса! И какие чудные леса! Крепкая растительность севера соединилась здесь со всею роскошью южной лесной трущобы. Бук, сосна, вяз, дуб перемешиваются с миртовым буком или самшитом, с каштаном, орехом, лавром, чинарой, черешней; у корней этих дерев растет приземистый кустарник, а стволы их и ветви перевивают паразиты и вьющиеся растения; хмель, жимолость, сальсапарель, ежевика, дикий виноград — на огромных пространствах перепутывают всю древесную чащу. Под навесом сплошной листвы всех дерев и кустарников всегда много влаги, неиссякаемой пищи для растительного мира. «Это наша Бразилия!» — в восторге восклицают заезжие созерцатели этих лесов.

Но сравнивая Бразилию с долиной Риона, не следует, без сомнения, забывать пространство той и другой местности, причем обнаружится и разница в том свойстве обеих стран, которое называют укротимостью (manageability) природы. В этом отношении долина Риона, как часть, гораздо сподручнее для человека, чем Бразилия, как громадное изолированное целое; с первою совладать несравненно легче, чем с последнею. Однако повод и материал для борьбы человека с природой и там и здесь заключают в себе отчасти и сходство. Восхищающая нас могущественная растительность пририонских лесов действовала и до сих пор действует на их обитателей как гнет, под которым они и кажутся некоторым путешественникам жалкими и отвратительными существами. Но этот гнет имеет еще многих союзников...

Заметим еще, что население, при могуществе естественных сил, здесь ничтожно. В Мингрелии приходится на квадратную версту всего 30 душ, а в Гурии — 27, тогда как, например, в Бельгии, почва которой обрабатывается с громадными усилиями, приходится 175 человек на квадратную версту. Но лет двести назад в Мингрелии, по словам Шардэна, не было и 3 человек на квадратную версту. Следовательно, и недостаток населения был тоже значительною помехою пририонцам в этой борьбе с могучею природою, мешавшею их развитию.

Все путешественники по Риону согласно повторяют, что здесь, как прежде, так и теперь, нет ни городов, ни деревень[5], все жилища разбросаны там и сям по стране. Селись, где хочешь в этих густых лесах — таков естественный закон и обычай. Но для селитьбы нужно сперва срубить или сжечь частичку леса, на пепелище поставить двор и огородить его: тут уже образуется начало поля... Значит, в этой стране происходит до сих пор еще только первый акт жизни человека, как обрабатывателя земли; до сих пор здесь длится еще процесс выхода земли и людей из состояния первобытной естественности, — производится еще только противоположность леса и поля. Лишь на берегу моря, руками нетуземцев устроились два местечка, — пожалуй, два города — и лишь тут произойдет противоположность города и земли, а отсюда уже может пойти — как справедливо говорит Риль в Land und Leute — «социальное

преобразование, толчок за толчком в естественной жизни народа». К этому естественному движению вперед туземное население не дошло само собою: к нему подоспела посторонняя помощь. Климатическая постановка страны баюкала его к бездействию, не упражняла его способностей и, баюкая, помешала ему выпутаться на свет, на простор из так называемого лона природы.

И в самом деле, к чему тут, казалось бы, излишние заботы, к чему предприимчивость? Ведь природа, по-видимому, взяла на себя всю ласку материнского ухода за населением... Почва здесь и сама собою чрезмерно плодородна: она дает урожай кукурузы сам 40—80, гоми (род маиса) — сам 80—120, пшеницы — сам 20—30. Довольно обработать пять кцев земли (кцева = $^1/_3$ десятины) — и сыт на весь год; самая же обработка состоит в том, что слегка взрывают почву плугом на паре волов. При том же в Гурии ежегодно две жатвы: одна в апреле, другая в сентябре; осенью сеют пшеницу, а весною, по уборке хлеба, то же поле засевают гоми и кукурузой. Но и этого мало. Двор здешнего поселянина непременно растит на себе несколько каштановых, несколько ореховых дерев — почти то же, что хлебные деревья Полинезии; огородку двора обвивают тыквы, а за огородкой — лес, перепутанный виноградником. Как ни груба выработка здешнего вина, а все же в Мингрелии вырабатывают его столько, что средним числом приходится по 450 бутылок на человека! Можно, стало быть, и пить... И действительно, вино здесь пьют и женщины, и дети, — только это вовсе не пьянство. И напрасно путешественники приходят в ужас от здешнего будто бы непомерного потребления вина: оно здесь напиток обычный, противодействующий вредному влиянию сырого климата, и столько же еще с детства приноровленный к организму человека, как в других местностях пиво, квас и даже вода... А сколько дичи в здешних лесах, сколько рыбы в реках, какое обилие свиней, да еще — как говорят — самых вкусных! «Таких свиней, как мингрельские, говорит Шардэн, нет в целом свете!» Казалось бы, можно ли после этого говорить о бедности обитателей Рионской долины? Где же крестьянин имеет за столом такие деликатные блюда, как каплуны, фазаны, форель, запиваемые вином? Не тут ли, напротив, та благодать, что всяк пребывает под виноградником своим и под смоковницей своей, яко же Израиль во дни Соломона?..

Но не совсем так было в плодородной долине Риона. Здешние народные воспоминания полны рассказов о прежнем быте при прежних давних обычаях. Единственным собственником был только владелец края; владетельному князю, в своих мелких участках, подражали младшие князья или дзыныки; этим в свою очередь подражали еще более младшие владельцы — дворяне или сакур; весь обычай такого подражания падал на мониан или простых поселенцев. Владельцы имели полную власть над жизнью и имуществом последних: брали у них жен и детей для себя или на продажу; расхаживали по саклям и, не довольствуясь добровольными приношениями, брали все, что попадалось на глаза — курицу, моток шелку; для развлечений и для собственного прокорму кочевали по стране, живя и питаясь на счет посещенных ими дворов, перекочевывали от одних к другим поселянам. Затевалась ли княжеская охота — стада пастухов должны были служить сколько пищею для людной княжеской челяди, столько же и материалом для подарков от князя всякому, кто навещал его на охоте... Все это, без сомнения, очень близко к полинезийскому табу.

К довершению этого весьма неполного очерка всех обычаев, падавших на шею пририонских поселян, нужно прибавить, что к их дальнейшим невзгодам повело еще соседство племен, жадных на приобретение живой собственности. Продажа своих и захват чужих поселян вошли в самый пошлый обычай. К тому же обитатели рионской долины — красивое племя. И вот, соседи-магометане стали смотреть на хорошеньких мингрелок и гурянок как на запасный фонд для своих гаремов: тысячи девочек и мальчиков везлись отсюда ежегодно на продажу в Требизонд, Иконию, Ириссу, Константинополь и Каффу; в XVII веке, по словам Шардэна, из одной Мингрелии продавалось ежегодно в Турцию и Персию до 12 тысяч лиц обоего пола, что — при тогдашнем населении страны всего в 80000 — почти невероятно. Шардэн, однако, объясняет такое обилие Мингрелии живым товаром не чем другим, как многоженством: «этот злой и развращенный, — по его словам, — народ полагает, что иметь много жен и наложниц есть приятное и вместе с тем полезное дело, потому что от этого рождается много детей, которых можно продать на чистые деньги или променять на товары и припасы...». Без сомнения, под народом тут следует понимать не поселян, а владельцев: беднякам не под силу окружать себя гаремом... Тот же Шардэн говорит, что мингрельские поселяне так бедны, что имеющие рубашку и какое-нибудь нижнее платье считаются уже людьми с достатком, — что, наконец, они убивают новорожденных, как бы избавляя несчастных от нищеты и страданий... Но богатели ль сами владельцы? В ответ на это приведу слова Гакстгаузена о последнем Дадиане, как главе всех мингрельских владельцев: по нем можно судить и об остальных. «Доходы его, — говорит Гакстгаузен, — состоят из естественных произведений земли, которые, если обратить в деньги, при трудности сбыта очень незначительны, хотя во владении его 100 квадратных миль плодородной земли. Иногда нет у него даже 25 рублей, чтобы заплатить нужнейшие счеты. В 1843 году он за 200 рублей дозволил турецкому спекулянту вывозить сколько ему можно было корабельного лесу...»

Теперь мне кажется нечего уже больше распространяться о причинах всех зол, угнетающих обитателей долины Риона. Упомянутые мною путешественники пусть сколько угодно разглагольствуют о лени, о невежестве, о неразумении собственной пользы, об упадке церкви и тому подобных причинах жалкого быта пририонских поселян. Надеюсь, читатель в этот раз встанет на сторону естественных и

исторических условий страны, как на мерило природных сил населения, и не забудет, что для окончательного приговора о нравственности народа нужно справиться, что терпел он в былые годы, что он переживал и переживает, и что затупляло его мысль и чувство. Взявши все это в расчет, быть может, мы освободимся от традиционного, слишком барского взгляда на вещи и не станем строго относиться к некоторым, по-видимому, выходящим из ряда вон явлениям из быта бедных пририонских обитателей.

Впрочем, не залезая ни в трущобу здешних лесов, ни в трущобу изысканий о быте здешних поселян, а любуясь только окрестными видами и встречными лицами, как проезжий, вы и не догадаетесь, что перед вами не рай, а проклятая земля, что приветствует вас не блаженствующее, а загнанное природой и историей племя. До того подкупает вас в свою пользу наружность той и другого. Не может быть, — скажете вы, — чтоб страдало это веселое, пляшущее, поющее существо, каким обыкновенно кажется встречный туземец. Нет на нем отпечатка нищенского и рабского гнета; напротив, разодет ли он или же едва прикрыт лохмотьями, он одинаково держит себя, сколько картинным, столько же и бравым человеком. Значит, племя это далеко еще не пропащее.

По крайней мере я, прежде чем задуматься о былом и настоящем этой страны и ее жителей, невольно поддался навеянному от нее чувству красоты, как художник. Прошли впечатления красоты, их место заступил грустный анализ ее, а все же в результате осталось убеждение, что первые впечатления были не даром, что-нибудь же они да значат...

Я видел отряд гурийской милиции, выступавшей в поход против горцев Кавказа. Это были бравые молодцы, в полном смысле этого слова. В красиво шитых куртках и в широких шароварах, перетянутые цветными поясами, из-за которых, торчали щегольски отделанные кинжалы и пистолеты, они не шли, а прыгали, как бы хвастая всею легкостью и грацией своих движений; на плечах у них мотались длинные, серебром убранные винтовки; на головах, поверх роскошных черных локонов, живописно повязаны были башлыки; лица их — все молодые, выразительные, с бойкими черными глазами... Любой клефт не мог бы держать себя и картиннее, и отважнее! Я узнал потом, как они вели себя в деле против горцев: нужно было употреблять усилие, чтобы сдерживать порою их неуместный пыл при встрече с хитрым и опытным неприятелем; многие из них поплатились жизнью за свою отвагу. Как угодно, а это не сброд; это дети, весело прыгающие, пляшущие и поющие в ожидании похода, как особенно веселого праздника: ну, и поплатились за это... а все же нельзя не сказать: то были бойкие дети.

Я видел гурийцев и в другом положении: не разряженных, а в рубищах, на тяжелых работах близ Поти, копавших землю и разбивавших щебенку для шоссе. Они также глядели весело и разливались в песнях... «Ничего, — говорил мне начальник работ, — работают исправно, только надо порою немного их баловать — праздник невзначай устроить или обедом угостить, не то как раз соскучатся и разбегутся». Вообще этот ленивый, как его величают, народ вовсе не прочь работать, когда видит, что труд его вознаграждается, что у него заводится своя копейка, на которую никто не посягает. Я знаю, например, что на некоторых рыбных заводах Азовского моря в числе забродчиков бывают захожие мингрельцы; хозяева заводов не нахвалятся их трудолюбием, опытностью и честностью как рабочих, а между тем у себя на родине мингрельцы слывут за из рук вон ленивый и вороватый народ. Значит, домашний гнет не совсем еще исказил их добрую в существе своем натуру. Без этой доброй натуры и гуриец, например, не мог бы постоянно выказывать веселое расположение духа: на нем и одежи нет, и в желудке его камнем лежит одно гоми, а он — ничего, все весел, все поет. Пририонские лесные чащи беспрерывно оглашаются его заливною гортанною песнью — вот теми самыми горловыми трелями, читатель, что слышим мы у заезжих к нам тирольцев. Иной раз, в тишине леса, шумит пароход по Риону; кажется — кругом живой души нет, и вдруг из-за прибрежного куста раздается невзначай самая залихватская трель за трелью; эхом отзывается она там и сям; глядишь — и сам певец выскочил из-за куста на открытый берег, да от нечего делать пустился вприпрыжку наперегонки с пароходом. Как первый стимер на Миссисипи пугал и занимал краснокожих американцев, так и рионский пароход все еще служит диковинкой для гурийцев и мингрельцев. Едва он остановится у пристани, как уж любопытная толпа туземцев оглядывает его с берега, дивится, говором и руками выражая свой неподдельный детский восторг. Но капитаны не пускают их на палубу: «Как раз чего-нибудь недосчитаешься после их визита, — такой уж вороватый народец!..». Помню, раз к пристани подъехала верхом на коне княгиня-туземка. На ней был обыкновенный грузинский наряд, но конь ее разубран был на диво: грива звенела мелкими серебряными монетами, седло расшито было самым блестящим узором, и весь он был укутан шалями как попоной. Княгиню сопровождала свита. В виду парохода, под навесом ореха, разостлали бурку, усадили на нее княгиню, дали ей в руки дымящуюся трубку с длинным чубуком и затем доложили капитану, что княгиня желает осмотреть пароход. Ну, княгине не отказали... Только вслед за нею взошла на палубу и княжеская челядь, а за челядью прорвалась и вся толпа, глазевшая до тех пор с берега. Пароход на этот раз был осмотрен туземцами до последних его уголков и закоулков, не оставлены были без внимания ни одна его веревочка, ни один винтик; все не только осмотрели, но и обнюхали. Капитан, без сомнения, сердился: да чем же виноваты туземцы? Ведь они все-таки — опять скажу — не глупое стадо; их детско-любознательный осмотр всякой вещицы на пароходе красноречиво говорит в их же пользу...

Право, мы слишком барски относимся к этим дикарям, к этим детям природы, которых страну, однако, колонизируем и беремся приобщить к цивилизации. Тут, на новом месте, можно бы и не держаться обычной рутины. Перед нами новый, совсем не наш мир, а мы все смотрим на него по-нашему, по-обычному, не справляясь — соответствует ли наш взгляд этому не нашему миру. Вот хотя бы и о здешних женщинах... Наши путешественники на Рион все еще твердят о них отзыв Шардэна: Le femmes sont très belles... mais du reste les plus mechantes femmes de la terre; fiéres, superbes, perfides, fourbes, cruelles, impudiques. Удивительно, как автор ни разу не запнулся, исчисляя все эти качества пририонских женщин; но это далеко еще не все, что изволил подметить в них всевидящий путешественник. Об их неряшестве и зловонии, об их пьянстве и бесчинных разговорах — у него немало красноречивых строк... Действительно, читатель, как ни привлекательна наружность мингрелок и гурянок, как ни роскошно развиты их бюсты, как ни лоснятся их густые смолистые косы, как ни лукаво блестят из-под пушистых ресниц жгучие черные очи этих румяных смуглянок, — все же помните, что эти, как говорят о них, весьма благосклонные красавицы вполне женщины Востока. А о женщинах Востока я могу лишь напомнить вам справедливый отзыв вашего многовидевшего скитальца П.В. Берга: «Что собственно до лиц, — говорит он о восточных женщинах, — точно: лица бывают совершенное загляденье; но может ли значить что-нибудь лицо, когда, откинув мысленно чадру, вы должны необходимо представить, что там, прежде всего, чрезвычайно грязное и нескладное платье и еще грязнейшая сорочка и шаровары, в которых женщина спала, быть может, месяц, не раздеваясь...». При взгляде на мингрелок и гурянок вам нечего мысленно откидывать чадру: тут она у низших сословий не в моде, — и платья их, нужно сказать, не совсем нескладны, — напротив, щеголеваты и своей яркой пестротой очень идут к здешним женщинам-смуглянкам. Но действительно, и здесь в обычае крайняя восточная нечистоплотность: говорят заподлинно, что рубахи здесь не снимаются до тех пор, пока не износятся на теле. В этом обстоятельстве обитательницы рионской долины не ушли вперед от целого Востока; винить их за это было бы крайне несправедливо. Но кроме неряшества, в них видят еще самых бесстыдных и самых злых женщин земного шара. Это уж чересчур! Где же факты для такого слишком обширного суждения? Из-за того, например, что ревность здесь не в ходу, или, по крайней мере, из-за того, что муж, заставши жену свою с посторонним, не ярится по-европейски, а лишь требует с похитителя его собственности — свинью, которую и съедают все трое прикосновенные к делу; из-за того, наконец, что женщины здесь пьют вино как обычный напиток и не знают, что такое европейская скромность в разговоре и в обхождении, — из-за всего этого нечего восклицать, что мингрелки или гурянки — sont les plus mechantes femmes de la terre! Народ живет еще естественною, животною жизнью, — как же требовать от него, чтоб в его среде вырабатывались наши идеалы о женщине? Женщина здесь собственность, товар; преимущественно же соседи-турки изволили развить здесь такой сладострастный взгляд на женщину. А чуть существует известная нелепость — существуют без сомнения и все ее нелепые последствия. И до сих пор и не турку отец-мингрелец приведет свою дочь: одень дескать ее, покорми с недельку, все же семье легче... Ну, и женщина здесь такова, какою сделали ее исторические обстоятельства; но в одной ли долине Риона женщина — продажный товар?..

Наконец, читатель, прогуляйтесь мысленно в этих пририонских лесах и природных садах. Солнце не жжет, хотя в воздухе душно; оно чрез тонкий пар смягчает свои острые лучи, нежит сквозь влажную мглу всю гущу растительности, поднявшую к нему лепестки и листья. И неистощимо несется к нему благоухание всех этих цветов и зелени — благоухание тяжелое, одуряющее. Особенно после ночного дождя, при ясном утре, в гуще здешних садов голова кружится: дождевые капли блестят, скатываются, падают, деревья от этого и без ветра шепчут; листья их выпрямляются, точно растут на ваших глазах; чувствуешь, как соки переливаются в гибких ветвях, как они поднимаются в нежные ткани цветка и разносятся из него в воздухе густым ароматом. Бездна жизни под ногами, в густоте укрытых в тени влажных растений; бездна ее вокруг, в этих вьющихся по стволам дерев лианам здешних мест; бездна ее вверху, над вами, в позлащенных солнцем верхушках столетних деревьев, переливающихся то жемчугом росы, то изумрудом листвы.

Все пьет в себя влажный воздух, все изливается в благоуханиях... Читатель, если бы вы испытали на себе эту одуряющую и сладострастно-разнеживающую глушь подобных трущоб, вы бы уже поняли, что здесь нельзя себя чувствовать хотя бы, например, так, как чувствуется в каком-нибудь расчищенном, жиденьком парке. А потому надо быть справедливым и к обитательницам долины Риона. Верьте, в постоянном чаду их роскошных влажных лесов животные побуждения не легко сдерживаются...

Бросаю последний взгляд на эту живописную страну. Под долиной Риона, в настоящей статье, я разумел тот низменный участок Западного Закавказья (длиной более 100 и шириной при взморье около 70 верст), который, будучи огражден со всех сторон горами, только в юго-западном направлении падает широким устьем к Черному морю, орошаясь многими боковыми и главными реками, текущими с боков и в параллель к главнейшей из них — Риону. Этот участок отличается почти тропическими растительностью и климатом; отличительною чертою последнего служит влажность: дождей здесь выпадает больше, чем где-либо в Закавказье. Влажно-жаркий здешний климат, сколько полезен для чахоточных, столько же бывает причиной злых лихорадок и водянок; впрочем, осушка болот значительно поуменьшит страхи, распространенные о рионских лихорадках.

Только прибрежья Риона, с их лесными угодьями, доступны наблюдениям проезжего; глубь же гурийских и мингрельских лесов не перерезана дорогами и не посещалась почти никем из путешественников. Прежде, до открытия пароходства по Риону, сколько-нибудь проезжим трактом этой страны служила еще вьючная дорога от Редут-Кале к Марани; теперь же — Редут запустел и оживает Поти; чрез него направляется как торговля, так и пассажирское движение от моря в Закавказье и обратно. По таможенным сведениям, этим путем провозится транзита в последнее время более 200 тысяч пудов, вывозится и привозится товаров на сумму до 5 миллионов рублей и пассажирского движения бывает более 3 тысяч человек в год.

Русское правительство недавно взяло под свою опеку этот край. Хотя первое появление русских на Рионе относится к 1770 году, но окончание последней восточной войны можно считать тою эпохой, с которой начались здесь действительные русские распорядки. С этой поры произошли следующие факты, значительно изменившие наружность этого дикого края: в 1856 году возрожден порт в Поти; в 1858 году открыто пароходство по Риону; в 1860 году Поти и Тифлис соединены телеграфной проволокой; в 1861 году открыт шоссейный военно-имеретинский путь, сделавшийся главною артерией закавказского транзита, и в то же время усилены работы по шоссе вдоль Риона до самого Поти, так что в 1862 году уже открыт участок дороги от Кутаиса до Марани; в настоящем году возобновились работы для устройства гавани в Поти. Кроме того, внутри Мингрелии за это время образовался маленький цивилизованный пункт на месте бывшей резиденции Дадианов, сожженной в 1855 году. В этом поместье бывших владетелей Мингрелии — Зугдиди — теперь сосредоточено управление мингрельским округом и находится квартира одного из кавказских линейных батальонов; тут — лучший в крае сад с рассадником фруктовых и оливковых дерев, а также виноградных лоз, вывезенных сюда из Крыма; тут работает значительное по своим оборотам шелкомотальное заведение; в 1862 году здесь учреждена школа, и в ней уже обучаются полсотни туземцев... Все приведенные здесь факты сами по себе довольно красноречивы и без сомнения возмущают дичь рионской долины; к ее девственным лесам как-то не идет ни шоссейный путь, ни свист паровика, ни электрическая проволока; наша маленькая Бразилия как раз перестанет быть собою. А тут еще замышляют и железную дорогу... В настоящем году в мингрельских лесах открыты золотоносные россыпи: старое золотое руно Колхиды из мифического мрака опять выказывается на вид свету...

Но самый без сомнения важный факт русского управления в этом крае — разрешение туземного крестьянского вопроса.

Не считаю себя настолько прозорливым, чтобы заговаривать о будущем этого края... В пририонских лесах уже стучит русский. топор; около Поти лес уже редеет; думается, что природа нашей маленькой Бразилии скоро укротится. Я настолько верю в силу пририонской природы, что она только слегка просветит свои густые чащи; я верю даже и в то, что она своей прекрасной живописной постановкой произведет воздействие в новых обитателях своих. Но эта моя вера — все-таки туман, сквозь который трудно что-то отчетливо выглядеть, как трудно рассмотреть и прибрежья рионской долины сквозь стелящийся над нею естественный туман, встречающий и провожающий заезжих к ней любопытных посетителей.

1864 год

Примечания

1. Об устройстве порта в Поти и о предпринятых на этот случай работах смотрите статьи господина Шаврова, Морск. сборник. 1863 г. № 12, а также № 4, и 1862 г. № 9 и 10.

2. Бирж. вед. 1864 г. № 223.

3. Трудно определить религиозность туземцев: они и язычники, и магометане, и христиане — всего понемногу. Вернее, у них нет своей религии, а есть некоторые, весьма немногие религиозные обряды, позаимствованные у соседей-язычников, магометан и христиан.

4. Укажу на некоторые сочинения и статьи о пририонском крае: Voyages de M-r Chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'orient. Amst. 1711. X vol.; voyage autour du Caucase, par Dubois de Montpéreux. Paris. 1838—43. VI vol.; Voyage dans la Russie méridionale et cet., par Le Chevalier Gamba. Paris, 1826, 2 vol.; Закавказский край, Ф. Гакстгаузена, 2 части, 1859 (перевод с немецкого); Статистическое описание Кутаисской губернии — Лаврентьева, СПб. 1858; Заметки на пути из Одессы в Тифлис — Н...а (Южн. сборник, 1859 г., № 8 и 9); Очерки Западного Закавказья — С. Рыжова (От. записки, 1860 г., № 5), и др.

5. При Шардэне, на берегу моря было только две деревни; теперь, благодаря русскому управлению, на их месте два города...

Текст и примечания печатаются по источнику:
Эпоха. — 1864. — № 11.

ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ДАГЕСТАНУ

I

Несколько предварительных слов. Маршрут. Дагестанские пути сообщения.

Осенью прошлого (1867) года я имел счастливый случай ознакомиться с большею частью Дагестана, сопутствуя начальнику Кавказского горского управления, генерал-майору Д.С. Старосельскому, обозревавшему этот край по служебным обязанностям и посетившему такие места Дагестана (преимущественно Среднего), в которые нелегко проникнуть частному путешественнику. Я имел возможность прислушаться к опросам и показаниям многих горских джамаатов, составить понятие об общем складе жизни дагестанцев и собрать значительное количество данных, касающихся экономической стороны этой жизни. О некоторых из уголков Среднего Дагестана почти ничего еще не было сказано в нашей литературе; поэтому-то я и решился предложить читателям несколько отрывков из своих путевых дагестанских впечатлений, в той надежде, что мои заметки могут иметь интерес если не по своей полноте и обработанности, то по крайней мере по малоизвестности тех мест, которых они касаются. Но предварительно нелишним считаю очертить в немногих словах последовательность всех переездов наших по Дагестану и сказать несколько слов о дагестанских путях сообщения, чтобы читатель мог судить, как велик и насколько удобообозрим весь тот круг дагестанской жизни, который представился моей наблюдательности.

Имея в виду как можно внимательнее обозреть общества Верхнего Дагестана и принимая в соображение позднее время года, когда со дня на день можно было ожидать, что выпадут в горах снега и затруднят сообщения, начальник Горского управления поспешил проникнуть в Дагестан кратчайшим путем, чрез Тионетский округ и Кварельский участок Телавского уезда, в деревню Енисели, откуда начинается подъем на Кодор, а потом спуск в глубокие ущелья Дидойского общества Андийского округа. Сухая и ясная погода как нельзя больше благоприятствовала перевалу через Кодор, и 2 сентября мы прибыли в первый дагестанский аул — Хупро. С этого дня, объезжая все ущелья, примыкающие к главному хребту, я имел возможность осмотреть главные места поселений и прислушаться к опросам джамаатов почти всех верхнедагестанских обществ, за исключением Джурмутского общества, куда не было возможности проникнуть по случаю выпавших 8 и 9 сентября снегов, заваливших вершины гор и горные проходы, так что единственный сколько-нибудь проезжий путь лежал нам из Богноды на Тлейсерух, чрез два невысоких перевала, к истокам Кара-Койсу. Затем, проехав Тлейсерух, мы повернули влево от Кара-Койсу и осмотрели редко кем посещенные части Среднего Дагестана — Карах, Гидатль и Тилитль, а на 17 сентября прибыли в Гуниб. Отсюда мы снова поворотили к главному хребту — в округ Казикумухский и в южные части Даргинского округа, а потом, с юга опять направились на север, в общество Койсубулинское, Аварского округа, в аул Араканы. От этого аула предстоял однодневный переезд в Темир-Хан-Шуру, чрез хребет Гаркас, уже покрывавшийся в то время снегом, и с приездом нашим в Шуру (на 1 октября) погода, все время благоприятствовавшая переездам нашим по горным местностям, значительно изменилась: наступили дожди и холода; вершины гор покрылись снегом, так что дальнейшее путешествие по гористым участкам Дагестана могло представить если не опасность, то по крайней мере большие затруднения. Поэтому решено было ограничиться осмотром еще Южного Дагестана, и преимущественно только тех его участков, которые лежат ближе к плоскости, так чтобы, ознакомившись с подгорными частями Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округов и проехав вдоль по округу Самурскому, перевалиться чрез гору Салават и Шинское ущелье в Закатальский округ. На эту вторую часть поездки по Дагестану употреблено также около месяца.

При объезде Дагестана нет возможности придерживаться заранее составленного маршрута. Дагестанские пути сообщения вообще таковы, что необходимо при переездах с места на место руководиться показаниями туземцев; что же касается трехверстной карты Дагестана, то пути, на ней означенные, равно как и другие ее показания, требуют больших исправлений. На всем пространстве от Кодорского перевала до подъема на Гуниб мы следовали по тропинкам, годным только для верховой езды. Тропинки эти пролегают преимущественно по ущельям, на большей или меньшей высоте над руслом текущих по ущельям горных речек и потоков, редко спускаясь к их ложу, загроможденному камнями; самые трудные места на этих тропинках представляют подъемы и спуски, при перевалах из одного ущелья в другое, причем тропинки обыкновенно пролагаются зигзагами, в 20 и 30 поворотов. Крепкие и вообще выносливые горские лошади с большим трудом всходят на такие крутые подъемы, а при спусках большею частью требуют того, чтоб всадник слезал. Особенно круты и продолжительны подъемы и спуски в обществе Дидойском, равно и в Анцухо-Капучинском, где ущелья отличаются особенною глубиною; но тут же, благодаря мягкому грунту, покрывающему скаты гор, проложение дорог несравненно легче, чем в других местах Среднего Дагестана (как, например, в Тлейсерухе), где необходимо для всякой тропы рубить или же взрывать скалистые, нередко отвесные бока ущелий.

О дагестанских дорогах часто приходится слышать ужасы, запугивающие воображение нервных людей. Действительно, кое-где по здешним путям сообщения едущему становится невмочь сидеть на коне и приходится несколько отводить глаза от обрыва, по которому проложена весьма узкая и осыпающаяся тропинка. К тому же о дагестанских дорогах судят еще и теперь по тем ужасным переходам, какие приходилось делать нашим войскам в военное время, когда поневоле избегали передвижений по ущельям, а больше держались открытых мест, пробирясь по кручам и обрывам. В настоящее же время ездят по ущельям, по которым ездили и в то время сами горцы. Притом же заметно, что здешние пути сообщения, даже и в трудно разрабатываемых под дороги ущельях Верхнего Дагестана, год от году улучшаются. В этом отношении нельзя пройти молчанием некоторых дорог Дидойского общества, в особенности же недавно проложенной вьючной тропы на высокое безлесное плоскогорие Бешо, откуда ведет спуск в ущелье Иланхеви, прославленное подвигами генерала Вревского, в 1857 и 1858 годах, где он и ранен смертельно, при осаде аула Китури. Следы дорог, проложенных во время походов этого генерала, до сих пор сохранились в Дидо и Капуче; но по ним не происходит передвижений, так как проложение и направление их не соответствует чисто горским приемам в проложении и направлении дорог. Разработанные в военное время и для военных целей, дороги Вревского держатся преимущественно открытых мест и ведут из ущелья в ущелье по вершинам горных хребтов, тогда как чисто горские приемы проложения дорог заключаются в весьма искусном огибании боковых выступов ущелья, по полугоре, и только в крайности, при верховьях ущелья, тропа ведется на верх перевала. Правда, протяжение дорог при этом видимо удлиняется, но зато сохраняются силы лошади, и притом как животное, так и человек находятся по пути постоянно вблизи от текущих по ущелью вод. Пользуюсь случаем, чтобы отдать справедливость уменью горцев весьма искусно распоряжаться угодьями окружающей их скудной и трудноодолеваемой природы. При разумном руководстве и при небольших затратах и поощрениях со стороны правительства, можно надеяться, что горский земский труд представит результаты не только хорошие, но даже блистательные в отношении проложения местных дорог, которые до сих пор пролагались преимущественно инженерными, дорогостоящими средствами. Доказательством этого может служить еще не оконченная экипажная дорога, проводимая куядинским наибом по направлению от Гергебиля в Унцукуль. Мы проехали участок ее от Гергебиля, верст на 15, по направлению к аулу Араканы, и следует сказать, что и в незаконченном виде она весьма удобна для езды, хотя и проложена по весьма трудной местности, у подножья скал, омываемых сливающимися здесь Кази-Кумухским и Кара-Койсу. Не один, впрочем, куядинский наиб явил себя замечательным инженером-самоучкой; так, под руководством одного из горцев, проводится в настоящее время из Кази-Кумухского Койсу замечательная оросительная канава, которая оплодотворит скаты гор, по левую сторону этой реки, насупротив Хаджал-Махинского укрепления.

К сожалению, мне не довелось увидеть важнейших дагестанских дорожных сооружений, устроенных на счет казны войсками и жителями по найму. Дороги эти ведут от Шуры на Гуниб и в Кумух, от Хунзаха в Анди, от Хунзаха же вверх по Аварскому Койсу до Датуна. Наши переезды совершались по вьючным тропам, в стороне от этих главных путей Дагестана, и только в некоторых пунктах (как, например, при подъеме на Гуниб, при поездке в Карадагскую сланцевую щель и при переезде от селения Кутиши к Хаджал-Махинскому укреплению) можно было оглядеть и оценить всю громадность и трудность работ, отчасти уже прекрасно исполненных, а отчасти исполняемых при проложении экипажных дорог по трущобам Дагестана.

Таким образом, переезжая все вьючными тропами, большею частью хорошо проложенными и содержимыми, мы встретили первую аробную дорогу, не прежде как перебравшись в Северный Дагестан, а именно — в Даргинский округ. Характер здешней местности, состоящей не столько из глубоких ущелий, сколько из возвышенных плоскогорий, не представляет особенных затруднений для аробной езды; кроме того, на пути сообщения здешних мест давно уже обращено внимание правительства, да и сами жители этого округа успели убедиться в полезности хороших дорог чрез выгоды от перевозки ими провианта.

Наконец, с выездом на плоскость, на прикаспийское побережье, можно было катить в экипаже, на почтовых. Но и помимо почтовой дороги, в плоскостные части округов Кайтаго-Табасаранского и Кюринского можно проникать хорошими экипажными дорогами, которые поддерживаются земскими средствами и ведут преимущественно к двум главным пунктам этих округов — к Маджалису и Касум-кенту; не говоря уже о дорогах аробных, пересекающих плоскостные части Южного Дагестана во многих направлениях.

Такое более чем удовлетворительное состояние дорог в крае, который еще так недавно считался бездорожным, говорит за те быстрые успехи, какие сделаны администрацией в короткий срок, протекший по умиротворении Дагестана. Остается желать, чтобы, с одной стороны, окончена была скорее казенная дорога от Датуна к главному хребту, трасированная чрез Капучу и долженствующая соединить прямым путем Дагестан с Закавказьем; с другой же стороны, желательно, чтоб сами горцы все больше проникались сознанием, как полезно будет для них заменить вьючные дороги аробными, и решительнее приступили бы к улучшению местных путей сообщения средствами земства. Такому сознанию больше всего поможет возрастающее с каждым годом благосостояние дагестанцев.

II

Первые дагестанские впечатления. Спуск с Кодора в ущелья Дидойского общества. Озеро Хупро. Аул Хупро. Ночлег. Горский джамаат. Дорога от Хупро в Кидеро. Дневка. Подъем на Бешо и вид на ущелье Иланхеви. Аул Инух. Несколько заключительных слов о дидойцах.

С вершины Кодорского перевала, с высоты 9310 футов над уровнем моря, открылся первый вид на Дагестан. За нами осталась Алазанская долина, широкая, привольная, а впереди предстоял спуск в тесное ущелье, глубоко залегшее между безлесных гор, закрытое ими, так что на горизонте виднелось только два-три изгиба снежного хребта Богоз и ничего больше. Ввиду этого таинственного ущелья мы расположились на привал вблизи Кодорской оборонительной башни, построенной в седловине горного кряжа. Был полдень. Тишина в воздухе царила необычайная; ни одной птицы, ни одного насекомого не виделось и не слышалось. Небо было ясное; но нас иногда накрывали собою легкие облака, скользившие по бокам соседних гор... и при этом из трущоб ущелья повевало атмосферой погреба. Чуялось, что впереди предстояло знакомство с совершенно особым миром.

После двухчасового привала мы отправились в дальнейший путь. Тотчас же начался отлогий спуск в ущелье по узкому карнизу, искусственно проложенному в полугоре, на значительной высоте над горным потоком, образующим по слиянии с другими потоками кодорского склона реку Ори-цхали — один из главных истоков Андийского Койсу. В Дагестане вообще речкам и рекам не присвоено каких-либо собственных, единичных названий: всякая речка есть *вода* (ӧр, тлар, герх, вац, озень, чай, нехи и т. д.), и к этому слову прибавляется имя селения или же общества, чрез которое она течет. Истоки Андийского Койсу в пределах Дидо[1] на картах называются грузинским именем Ори-цхали, то есть *две воды*. Итак, по этим двум водам, собиравшимся однако в главное русло из десятков побочных ущелий, а также из ручьев, струившихся почти на каждом изгибе боков главного ущелья, мы подвигались медленно, так сказать, робкими шагами все ниже, ниже, а река в свою очередь также лилась ниже, и между нами и ею оставалось все одно и то же расстояние. В некоторых местах она скрывалась под навесом почерневшего снега, быть может, легшего здесь или упавшего с горы давным-давно и никак не успевающего растаять в короткий срок здешнего лета. Стены узкого и глубокого ущелья, да эта речка внизу — вот и вся картина этих мест. Мрачно, сыро, глухо... Признаться, после недавних видов роскошной Алазанской долины проезд по этому горному коридору, притом с непривычки к здешним тропинкам над глубокими скатами, производящими головокружение, с незнания свойств здешней лошади, для которой не составляет особенно трудной задачи взбираться и спускаться по ступенькам горной тропы или прыгать через ручей, — словом, первые впечатления Дагестана на незнакомого с его трущобами путника производят нечто тяжелое, болезненное.

В таком невеселом настроении, не видя впереди никакого пристанища, ни даже намека на то, что и тут же где-то живут люди, не видя ничего, кроме нового заворота ущелья вправо или влево, мы усмотрели наконец блеснувший впереди бассейн воды, с деревцами вокруг, блеснувший где-то там — и близко и далеко: здешних расстояний сразу, с непривычки не разгадаешь. Но во всяком случае это не обман зрения: бассейн, до которого пришлось спускаться часа два нашей мерной езды, оказался озером, известным под названием Хупринского, то есть озера, находящегося недалеко от дидойского аула Хупро. — Это, если угодно, первая дагестанская достопримечательность, встретившаяся на нашем пути, если только не есть достопримечательность, и притом самая поразительная, весь склад самого Дагестана, в его общих чертах, перед грандиозностью и оригинальностью (пожалуй, даже уродливостью) которых бледнеют, стушевываются все частности, все мелочи, все отдельные его достопримечательности...

Спуск к озеру представил неиспытанные еще до тех пор ощущения. До этого места мы ехали все в полугоре, делая небольшие то подъемы, то спуски и находясь на значительной высоте над бежавшей внизу речкой. Здесь же разом пришлось к ней спускаться. Зигзаги за зигзагами, с крутыми поворотами, повели вниз, промеж кустов и дерев жидкого березового леса, и казалось, конца не будет этим зигзагам. Все проводники наши послезали с коней; нужно было и нам последовать их примеру. Да трудно, почти невозможно и держаться в седле, когда лошадь больше ползет, чем ступает, приседая на задние ноги и еле-еле изворачиваясь на крутых поворотах.

Хупринское озеро, чистое, как хрусталь, узкое и продолговатое, лежащее на дне ущелья, замечательно, во-первых, тем, что оно своего рода редкость в горах Кавказа, вообще бедных озерами, не в пример другим горным странам; во-вторых, оно изобилует превосходной форелью, а в-третьих, образование его недавнее и объясняется наглядно видом одной из прибрежных гор: часть этой горы видимо сползла вниз, то есть образовался ледяной обвал, который, упавши в речку, загромоздил дальнейшее ее течение, чрез что речка, само собою разумеется, должна была образовать значительный водоем. Она подмылась под обвал и потекла своим путем, но часть ее вод и до сих пор задерживается остатками обвала и наполняет озеро. Подобные обвалы не редкость в Нагорном Дагестане. Горные скаты здесь довольно круты и покрыты рыхлым слоем чернозема, лежащим непосредственно на каменистой подпочве; стоит только воде подмыть нижний слой, как прилежащие к нему верхние

части того же слоя начинают сами собою осыпаться, чрез что, при крутых боках горы, весь верхний ее слой начинает спалзывать вниз, постепенно, или же он может разом рухнуть, увлекши за собою отдельно лежащие камни и растущие по горам деревья. Так, в обществе Томс жители жаловались, что они не так давно, лет 5 тому назад, остались почти без леса: он сполз в реку и унесен течением, а гора, прежде лесистая, теперь смотрит обнаженной скалой.

За озером наступил подъем, такой же крутой, как и предшествовавший ему спуск; поднимались также зигзагами, промеж жиденького березового леса, пока наконец не поднялись на безлесную высоту, с превосходными тучными пастбищами. С этой высоты открылись наконец угодья Дидойского общества, заселенные аулами. Левее, в глубине ущелья, виден был аул Хитрахо; правее, в таком же глубоком ущелье, показался аул Хупро. Наступали сумерки. Ущелья несколько дымились. Местность принимала все более мрачный колорит. В воздухе становилось свежо и сыро. Потянулся длинный извилистый спуск к аулу Хупро, где ожидал нас первый дагестанский ночлег.

Об этом ауле сказывали как об одном из крепких горских поселений. Естественно, можно было ожидать значительных размеров такого поселения. Но при виде на него с горы, не ознакомившись еще с характером устройства всех вообще аулов Дагестана, невольно поражаешься миниатюрностью его общего склада. Это скученная на пригорке масса серых деревянно-каменных клетушек, одна на другой, без дворов, без улиц. Из каждой клетушки глядят одно-два отверстия, то круглые, то четырехугольные, без рам и стекол: это окна, это же — если угодно — и амбразуры всей этой кучи горских жилищ, устроенных на такой склад с местными стратегическими целями. Брать с бою такую кучку жилищ почти то же, что брать крепость. Между тем, при первом взгляде на такого устройства аул, особенно с высоты здешних перевалов, думается, что это хуторок, расположившийся серым пятном на зеленых лугах горного ската. Впрочем, дидойские аулы вообще не обширны: полсотни или около этого дворов; в Хупро же всего 31 двор.

Дидойцы (как их называем мы), или же Дидо (по-грузински) сами себя называют *цези*, то есть орлы. Но с виду они народ неказистый, нисколько не напоминающий орлиной, царственной породы; по виду они гораздо правильнее *цунта*, то есть оборванцы, как их и величают неделикатные соседи. Но, может быть, орлами они называют себя потому, что селения их, как орлиные гнезда, расположены на значительной высоте, в сравнении с другими поселениями дагестанцев[2]; их угодья — альпийская, луговая полоса гор. Любопытно было после приезда в аул взглянуть на наших хозяев-орлов, собравших джамаат, или общественную сходку.

Джамаат был нелюдный; представительных и говорливых людей (горских ораторов) не выказывалось; впереди стояли старики, сгорбившись и опираясь на палки, порою поплевывая сквозь зубы, с особенным дагестанским шиком: дагестанцы вообще не плюют просто, а процеживают слюни сквозь зубы с особенным звуком, и без таких плевков ни одна речь, ни одна сходка не обходится. Оружием никто не был обвешен, и вообще сходбище не представляло из себя ничего воинственного. Редко кто имел при себе ружье, шашку, пистолет; только у каждого на поясе висел кинжал, в простых, без особых украшений ножнах. Костюмы тоже не франтовские: чухи из серого домашнего сукна, затянутые кожаными поясами; бараньи шубы с длинными воротниками и длиннейшими рукавами; неуклюжие низкие папахи из рыжих овчин; обувь шерстяная, вроде наших чулок и туфлей, — обувь оригинальная и приготовляемая на месте, дидойскими женщинами. Это преимущественно вязанные из белой шерсти башмаки, с красными и синими строчками или стрелками, твердого вязанья, с тупыми и скошенными носками, без кожаных подошв и без подков. По всей вероятности, легкий грунт дидойских ущелий обусловил здесь такую обувь. Где почва в Дагестане камениста, там преобладает кожаная обувь (поршни), и притом с подковами о двух или трех шипах, идущих вперед пятки. В соседней к Дидо Капуче тоже преобладает шерстяная обувь, домашнего же приготовления; но здесь она полосатая, цветнее дидойской и с носками остроконечными, загнутыми кверху. Было несколько и дырявых одежд; на ком-то показалась сильно порыжевшая и заплатанная солдатская шинель… быть может, трофей прежних боевых годов.

При расспросе о житье-бытье дидойцы не преминули пожаловаться на свою судьбу: и хлеба у них своего на год не стает, и овцы мало, и лес плох, и пастбищ не хватает, а к тому еще зимы длинные и снежные: узкие ущелья заносятся снегом на два, на три ханских аршина глубиною, а тут еще вчастую случаются завалы… Словом, жить совсем плохо. Из дальнейших расспросов, однако, оказалось, что дидойцы даже продают избыток хлеба от своих урожаев, что и овец у них вдоволь, и лес есть, и пастбищ немало. Но такова уже политика горского джамаата: хитри, жалуйся на судьбу, прикидывайся нищим — авось, от подати избавят или по крайней мере ее не надбавят. Сеют дидойцы ячмень, пшеницу, весьма редко — бобы; при урожае зерно дает сам 15—30; баранта их с каждым годом увеличивается: с 1858 года, то есть со времени последнего разорения дидойских аулов, ее увеличилось примерно в восемь раз. На зиму значительная часть населения остается дома, другие перекочевывают на плоскость, в Кахетию, вместе с барантою, а немногие бедняки отправляются в леса Тушетии, где отыскивают липу и выделывают посуду — корыта, ульи, шайки, плетут также корзины из ветвей и продают все это в Телаве, Сигнахе и в других местах Кахетии.

Вообще же дидойский джамаат, после того как пришлось оглядеть и послушать многие другие дагестанские джамааты, является воображению моему весьма непредставительным. Недаром, значит,

кахетинцы величают их *цунта*, то есть оборванцы; недаром и другие дагестанцы смотрят на этих «орлов» с некоторого рода презрением, как на медведей, увальней, неуклюжих пастухов. Что составляет весь цвет дагестанской образованности и благовоспитанности, все это еще не кажет себя в Дидо.

Ночлег наш последовал, для большего, так сказать, комфорта почетных гостей, не в сакле, а в хлеве, так как в последнем предполагалось и больше чистоты, и лучший воздух, и меньше насекомых, чем в сакле. Хлев был плетенный из прутьев, не смазанный глиною, а потому продувавшийся сквозным холодным ветром. Разложили огонь посредине; затрещали смолистые сосновые и березовые дрова; повалил дым на всю клеть: вот удобства нашего первого дагестанского ночлега.

Осмотревши несколько хупринских жилищ[3], мы выехали в дальнейший путь по дороге на главный дидойский аул Кидеро. На полях производилась уборка хлеба: скошенный, он связывался в снопы и уносился в аул, где складывался на плоских крышах саклей и там же вымолачивался. В ауле Хупро нам не пришлось видеть почти ни одной женщины; зато здесь, в поле, не видно было ни одного мужчины: работали одни женщины. Вот они, кавказские горянки, так размашисто идеализированные фальшивым строем лиры некоторых наших поэтов! Сгорбленные, в неуклюжих одеждах, они, отворачиваясь от нас, перетаскивали на спинах своих большие связки снопов, из-под которых заметны были ноги, еле прикрытые дырявыми штанами. «Дамы, дамы!» — радостно указывал на эти фигуры один из наших спутников, местный врач и незаменимый в дороге распорядитель по части приготовления шашлыка и других закусок: «Смотрите, дагестанские дамы!» И это наивное замечание нашего спутника, весьма добродушного, казалось преисполненным злейшей иронии. В самом деле, какое сближение между тем, что европеец величает дамой, и между этими несчастными женщинами кавказских гор, работающими, как вьючный скот, и не только под старость, но и в 30 лет уже не могущими распрямить свой стан! В облегчение полевых работ дидойских женщин нигде не видно было и эшака[4], этого единственного существа, участь которого в горах может сравниться с участью женщин. Но нет, эшаки в Дагестане все же в большей холе, чем женщины!

Впрочем, замечу мимоходом, что подобные возмущающие европейское чувство встречи, как женщины, навьюченные снопами, стушевываются в глазах проезжего пред подавляющим величием здешней природы. На скатах дидойских громадных гор все людское и все, что не горы, кажется равно ничтожностью: оно бежит от глаз… Целый аул представляется издали не более как осиным гнездом, прилепленным к камню; засеянные хлебом поля кажутся разбросанными там и сям по горе желтыми пятнами, на которых работающие женщины копошатся, точно муравьи. Даже здешние леса, почти сплошь покрывающие глубину ущелий, так скрадываются, что как будто их и нет. Этою громадностью фона здешних видов, скрадывающею все детали, можно объяснить общее впечатление, которое производит собою Верхний Дагестан: повсюду горы, издали — самые безжизненные, на которых, кажется, нет угодья ни для растительности, ни животных и человека. А между тем край заселен густо, лесу вдоволь, и сколько стад находят для себя обильную пищу на этих, по-видимому, голых горах!

Ехали мы большею частью лесистым ущельем, поднимаясь все в гору, по берегу шумящей речки Ори-цхали. На пути этом лежат в развалинах три маленьких аула — Хибия, Виция и Ильбоко (Ельмук), едва отстраивающиеся после погрома дидойских аулов в 1857 и 1858 годах. Здешний разоренный аул возобновить труднее, чем выстроить вновь. Таков вообще способ устройства здешних жилищ, сложенных из бревен и камня, что, охваченные огнем, они превращаются в груды мусора, который разобрать и употребить на новые постройки убыточнее, чем заготовить совершенно новый и тут же предлагаемый природою строительный материал: и лес и щебень под рукою. Однако родное пепелище неохотно покидает всякий народ: как ни убыточно, а устраиваются опять на месте разоренных предковских очагов.

Присутствие ли развалин или же скудость угодий, лежащих повыше зеленой лесной полосы ущелья и только изредка желтевших четырехугольными крошечными пахотными полями, но впечатления, навеянные видом здешних мест, были самого грустного свойства. Нищета и дикость. На дорогу выбегали дети почти нагие; между ними была и девочка, лет двенадцати, тоже в одежде Евы. Им дали несколько серебряных монет, и вот, заслышав о подарках со стороны проезжих, бросились бежать из аулов несколько женщин, по пригоркам, по крутым скатам и подъемам, наперерез нашего пути, чтобы в свою очередь получить что-нибудь и на свою долю. У бежавших женщин на спинах сидели дети, ухватившись ручонками за шею.

Часа через три пути мы поднялись на вершину перевала (7829 футов) и расположились на отдых. Внизу раскинулось ущелье Киди, безлесное, обожженное летним солнцем; противоположную от нас сторону этого ущелья занимала гора Бешо, тоже безлесная, продолговатая, с покатыми боками. У подошвы ее виднелись скученные постройки трех аулов — Гутоха, Зехидо и Кидеро, из которых последний, самый больший, с наибским управлением, составлял ближайшую цель нашего путешествия.

Между тем место, на котором мы расположились на отдых, в сравнении с предстоявшими впереди обнаженными горами казалось и живописным и вполне благодатным. Окружающий нас кустарниковый лес был свеж, как весною; множество цветов рассыпано было по тучной мураве; воздух, несмотря на ясный полдень, был переполнен самою приятною прохладою. Задымился костер; стали готовить шашлык; спутники наши рассыпались по лесу за грибами и ягодами…

Предстоявший спуск к аулу Кидеро, расположенному по ту сторону речки Рехюк-ӧр, на небольшом возвышении[5], был так же крут и длинен, как и все верхнедагестанские спуски. Пока мы достигли ложа речки, пришлось изворачиваться множеством зигзагов, крутых и узких, то слезая с коня, то снова садясь, так что в аул, несмотря на казавшуюся близость его, мы прибыли далеко за полдень. И Кидеро, подобно всем прочим верхнедагестанским селениям, представился как бы искусно устроенным укреплением, расположенным на довольно крутом скате горы; постройки его, сложенные из камня и дерева, глядят из своих верхних этажей круглыми и четырехугольными окнами, как амбразурами; в нижних же чернеют узкие и низкие двери, ведущие в хлева; крыши всех строений плоские, террасами, одна над другою. Каждый такого устройства дом и есть собственно двор, или дым, в котором помещается отдельная семья; в Кидеро считается их 61.

Но в Кидеро, как большую достопримечательность, можно указать наибский дом, отстроившийся недавно почти в европейском вкусе. Без сомнения, вглядевшись в эту верхнедагестанскую диковинку, скоро приходишь к заключению, что европейский образец дома, при перевалах, подъемах и спусках по пути в Кидеро, сильно исказился, износился и повыцвел: потолки и рамы его покосились, стекла загрязнились и потрескались, обои поотстали от стен, подтекли и покоробились; мебель еле-еле добрела в нескольких изуродованных экземплярах. Тем не менее однако, хотя и плохой образец, но образец Европы, наибский дом стоит на диво в Кидеро и, без сомнения, своей архитектурой, своими стеклами, обоями, мебелью, печами, сколько дивит туземцев, столько же и цивилизует[6].

В Кидеро мы отведали некоторых горских удовольствий. Нас угостили пляской и местной стряпни кушаньями. Плясали лезгинку — танец столь известный, что распространяться о нем было бы излишним, если бы это не была лезгинка, так сказать, у себя дома, в лезгинской среде. Плясали мальчики и взрослые мужчины, попарно, без участия женщин; но все искусство танцоров заключалось в быстроте движений; о грации же последних, кажется, заботы особенной здесь не прилагается. Быстрота в движениях ног, при исполнении плавных па лезгинки, действительно поразительна; но все же пред нами были гимнасты, а не танцоры. Впрочем, при той обстановке, которая окружала танцующих, и не могло проявиться увлечение танцами, то есть та или другая степень страстности, без чего всякий танец превращается в гимнастическое упражнение. Танцоров, повторяю, окружали только мужчины — одни из них били такт в ладоши, другие держали в руках горевшие лучины и освещали арену; ни одной женщины не было в числе зрителей. Здесь можно было блеснуть ловкостью; но едва ли могла проявиться какая-либо страстность. Плясали под звуки двух инструментов — бубна и чонгури.

Что до местных кушаний, то это были — сыр и любимый горцами *хинкал* (вроде малороссийских галушек, огромной величины), поданный без навара и без всякой приправы. Горцы вообще плохие гастрономы, а дидойцы в особенности[7]. Мясо вообще редкость на столе горца; большею частью он питается мучнистой пищей — толокном, хинкалом. Об овощах, о фруктах по крайней мере в Верхнем Дагестане редкий хозяин имеет понятие; огородов решительно никаких нет; как редкость, можно встретить кое-где тыкву, вьющуюся по изгороди крошечной террасы, засеянной табаком. Помню, нас чрезвычайно удивило, когда в ауле Тларата (в Анцроссо), на 8-й день нашего пути по Дагестану, принесли нам несколько бураков из одного бугунского аула: оказалось, что это, быть может, последний продукт огорода, разведенного там каким-то пленным, выращивавшим на верхнедагестанской почве огурцы и дыни. При таком положении огородничества в здешних местах неудивительно, что дидойский хинкал оказался без всякой приправы, без луку и чесноку, которыми его приправляют в других дагестанских обществах, более развитых, чем *цунта* (оборвыши), у тех и величина хинкала поменьше, а потому и удобосъедомее. «Мы едим маленький хинкал, — говорят они, — у нас нет настолько терпения, как у цунты, чтобы дожидаться, пока уварится большой»…

На следующий день мы отправились в дальнейший путь — в общество Капучу, или Бежита, но не кратчайшим путем, по ущелью, а поднялись на высокое безлесное плоскогорие Бешо с целью осмотреть с вершины его ущелье Шиитль, по-грузински — Илан-хеви (змеиное ущелье). Подъем продолжительный, но он недавно разработан трудами местных жителей прекрасно. Поднявшись на вершину, представляющую из себя продолговатую, покрытую травою плоскость, мы увидели глубокие извилины Илан-хеви, с скалистыми боками его по ту сторону, к подошвам гор Богозского хребта, безлесного, утесистого, с остроконечными вершинами, кое-где покрытыми вечным снегом. На дне ущелья виднелся жиденький лес и едва-едва очерчивались кое-где постройки аулов. Вид вообще мрачный, безжизненный. В этом ущелье раскинуто 14 дидойских селений, в которых числится с лишком 400 дворов; но все эти селения не составляют особого общества, а имеют только каждый свои особые общественные земли и угодья, которыми распоряжаются по усмотрению джамаата, подобно тому, как это делают и другие части Дидо — Шуратль и Асахо[8].

Между илан-хевскими аулами замечателен Китури, по той упорной обороне, какую он выказал в 1858 году, при разорении здешних аулов отрядом генерала Вревского, смертельно раненного именно при этом ауле. В числе наших проводников на Бешо был и один из распорядителей защиты этого аула, долго отстаивавшегося против натиска наших войск. Этот недавний враг теперь принадлежит к числу преданнейших России людей, занимает одну из почетнейших должностей в среде горцев — депутата в народном суде и смотрит таким добродушнейшим человеком, точно он в жизнь свою ни разу не обна-

жал оружия. Видно, с обстоятельствами переменяются нравы! В Верхнем Дагестане во главе народного управления сидят все еще шамилевские наибы; но теперь они, по крайней мере, с виду — агнцы…

Обогнувши Бешо в полугоре, мы опять въехали в ущелье Киди, к его вершине, повыше аула Инухо (Гинух). Этот крайний из дидойских аулов, на границе с Капучею, состоящий всего из 26 дворов, составляет по языку нечто особое от всего Дидо, претендует на самостоятельность или независимость от дидойского общественного распорядка, спорит за земли с кидеройцами и на сходке заявляет открыто, что и дидойский наиб и вся цунта их обижают. Такие сепаративные стремления со стороны 70 душ инухцев, забавные в другой местности, кажутся вполне естественными в Дагестане, где отдельность, уединенность, замкнутость местоположения дают все способы, а следовательно, порождают и стремления к тому, чтобы обособиться[9].

Повыше аула Гинух, при истоках Рехюк-ӧр, мы стали подниматься на высокий горный кряж, служащий водоразделом верхних притоков с одной стороны Андийского, а с другой — Аварского Койсу. Высший пункт перевала, гора Меджедзе, возвышается на 8224 фута. Прежде чем достигли мы этого пункта, пришлось проехать несколько впадин, с залежавшимся в них почерневшим снегом, взбираться по крутым ребрам скал, промеж целой рощи рододендрона. Уже в сумерки мы бросили прощальный взгляд на глубокую дидойскую котловину и перевалились в Капучу…

Дальнейшее путешествие по Дагестану несколько изменило мой взгляд на Дидо, сложившийся по первым впечатлениям. Действительно, перевалившись через Кодор и оставив за собою роскошную, широкую долину Алазани, невольно поражаешься сумрачным колоритом глубоких и тесных ущелий Дидо, на дне которых шумят быстрые потоки, подмывая местами почерневший снег прошлогодних обвалов. Но по мере ослабления первых тяжелых впечатлений и вследствие внимательного осмотра всех подробностей окружающей местности приходишь к заключению, что здешняя природа далеко не так скудна и сурова, как она кажется на первый взгляд. В сравнении же с дальнейшими ущельями Дагестана колорит ее гораздо мягче и дары ее гораздо обильнее. Голых, лишенных всякой растительности скал здесь совсем не видно; напротив, все вершины и скаты гор покрыты тучными лугами, а ближе к течению главных потоков произрастают хорошие дровяные леса, нередко перемежаясь строевыми деревьями. Тучный чернозем и обилие влаги дают здесь урожаи сам 15—20, так что дидойцы избыток хлеба сбывают в соседнюю Капучу. На горах, входящих по положению своему в альпийскую полосу, находят обильный корм не только местные, но и чужие стада, так что дидойцы получают от этого известный прибыток (сабалахо). Леса и луга изобилуют дичью; горные потоки, а в особенности озерцо Хупро — превосходною форелью; в лесах много ягодных кустарников, а также грибов. Но всеми этими дарами природы местные жители, эти добровольные постники — почти не пользуются. Большою помехою к их развитию служат, без сомнения, продолжительные зимы, разобщающие их с остальным миром более чем на полгода и нередко заносящие их жилища снежным покровом в несколько аршин толщиною. Суровые и продолжительные зимы ставят также дидойцев в постоянную зависимость от Алазанской долины, на которую они спускают для прокормления свои стада на большую часть года. Такая экономическая зависимость дидойцев от Кахетии служила причиною, что они в былое время платили дань кахетинцам, а по утверждении русской власти в Закавказье считались большею частью покорными, так что дидойское общество входило даже особым приставством в состав Грузино-Имеретинской губернии, и только влиянием извне они вовлеклись во враждебные отношения к нам и жителям Алазанской долины. Постоянные сношения с кахетинцами ознакомили дидойцев с грузинским языком, и этот последний в Дидо понимается весьма многими, за исключением женщин. Грузины в свою очередь нередко посещали Дидо и за многими его урочищами оставили нам свои названия. Но этим только и ограничивается связь Дидо с Грузиею. Сказания же, которые выводят дидойцев из Грузии, именно из предместий Мцхета, относятся к баснословиям грузинских летописей.

III

Перевал в ущелье общества Гид. Гидатлинская котловина. Аул Орода. Среднедагестанский экономический достаток. Жилище зажиточного дагестанца. Своеобразность дагестанских нравов.

К половине сентября, на 14-й день нашей поездки по Дагестану, мы стали приближаться к Гунибу. В течение этих 14 дней осмотрены были по пути почти все верхнедагестанские общества, известные под названием Анкратль (собственно Антль-ратль, что значит *семь земель*), затем мы проехали чрез земли обществ Тлейсеруха и Караха, принадлежащих также к верхнедагестанским обществам, известным под общим именем Багултли (или Багуалал) и говорящим аварским языком анцухского наречия; оставалось осмотреть еще одно из этих же обществ — *Гид*, известное у нас больше под именем Гидатль, куда должны были собраться представители от джамаатов обществ Кель и Ратлу-Ахвах, составляющих вместе с Гидом одно Гидатлинское наибство.

Несмотря на то, что вершины всех гор покрылись уже первым осенним снегом, в ущельях все еще было тепло. Особенно же теплые и ясные дни согревали нас в проезд чрез дикий и тесный Тлейсерух,

потом чрез менее дикий и несколько просторный Карах; наконец, тепло стало даже и на вершинах перевалов, хотя все еще лежавших под снегом. Благодаря этим ясным и теплым дням при переезде в Гид нам довелось увидеть с перевала, во всей ее красе и оригинальности, широкую панораму Дагестана — так сказать, истинного, настоящего Дагестана, который здесь в первый раз предстал нам в полном своем блеске: до этого же пункта, проезжая глубокими верхнедагестанскими ущельями и местами поднимаясь на перевалы, мы могли видеть перед собою только ближайшие местности, по которым трудно было составить себе истинное понятие о контурах всей страны. Но с вершины перевала по дороге в Гид разом открылся такой широкий и глубокий проспект гор, что точно развернулась перед нами громадная рельефная карта страны: то был поистине — Дагестан, то есть страна гор.

В панораму открышихся перед нами горных хребтов, узлов и отдельных вершин входила почти вся Авария; ближе и правее стояли оригинальные, стеноподобные, в несколько ярусов вершины двух соседних гор — Тилитлинской (иначе, по-солдатски, Чемодан-гора) и Гуниба; еще правее — продольные Кегерские высоты и, наконец, Турчидаг. Весь этот хаос гор, безлесных, каменистых, окрашенных в бурый цвет, с фиолетовыми оттенками и подернутых сизоватой дымкой, представлял множество ломаных линий и почти ни одной круглой: все угловато, все дробится на ущелья, изворо-ты, горные закоулки и трущобы, — и глядя на этот хаос каменных громад, нигде не зеленеющих ни одной поляной, почти не веришь, что и тут могут обитать люди, пользуясь даже богатыми угодьями. Такова вообще панорама Среднего Дагестана.

С версту мы ехали в виду такой широкой, но безжизненной картины — ехали по высокому горному кряжу, забирая вправо и понемногу спускаясь к верховьям гидатлинского ущелья. На солнечном припеке таял снег и сбегали ручьи; лошади под нами, при начинавшемся спуске в ущелье, приседая на задние ноги, бережно скользили, останавливались, но не падали; горцы же, по своему обыкновению, как это делают они при спусках с перевала, послезали с коней.

Верховья гидатлинского ущелья нисколько не веселее других, уже осмотренных нами ущелий: те же крутые спуски, зигзагами, промеж голых скал и груды каменьев; там и сям журчат ручьи, стекаясь в одно русло и понемногу образуя шумящий, пенящийся поток, — и чем глубже спускаешься по усеянному голышами дну ущелья, тем стены его поднимаются все выше, тем полоса неба над вами становится все уже, а впереди, кроме ближайшего заворота, ничего не видно. Для одного лишь рода наблюдательности как нельзя более пригодны эти глухие и безжизненные верховья среднедагестанских ущелий: тут природа непрерывно читает лучшие, самые наглядные лекции по геологии. Смотри и учись, как воды ручьев гложут скалы, отмывают от них камни, раздробляют и уносят их все дальше и дальше. Этою непрерывною работою горных потоков верховья ущелий делаются все больше покатыми, скругляются, а по сторонам сбегающих вод все шире и шире становятся полосы плодородной почвы…

Часа три мерной горской езды тянулись мы по гидатлинскому ущелью, не раз переезжая вброд быструю речку, пока наконец, оставив ее влево, не повернули узким обходом, промеж отвесных скал, вправо, откуда скоро открылся вид на широкую, зеленевшую деревьями поляну, окруженную пологими скатами гор, у подошв которых чернели скученные постройки нескольких аулов. Вот эта-то редкая в горах Дагестана широкая котловина, весьма привольная для жизни, а между тем отовсюду запертая горами, защищенная как нельзя лучше от вражьих нападений, послужила предметом народной молвы про необычайную благодать Гида. Есть даже анекдоты про гидатлинскую благодать. Вот один из них. Рассказывают, что какой-то любознательный аварец, наслышавшись о необычайном плодородии гидатлинской почвы, об изобилии плодов земных этого благодатного уголка, захотел самолично удостовериться в справедливости такой молвы. Пошел он в Гид, и только что начал спускаться в гидатлинское ущелье, как полился дождь. Длинная баранья шуба, бывшая на любознательном аварце, тотчас же намокла, и полы ее, отяжелев, поволоклись по земле. Тогда он сам себе промолвил: «Поистине, Гид — страна благодати: здесь даже и шубы вырастают». Поэтому, недолго думая, он обрезал полы выросшей шубы в надежде сшить себе из обрезков новую папаху. И только воротившись к себе домой, по всей вероятности, — в очень тесное родимое ущелье, путешественник увидел, что шуба его, хорошо просохшая в дороге, стала ему чуть не по колени. «А на нашей скудной земле, — заключил тот же аварец, — укорачивается и то, что выросло в Гиде…»

Само собою разумеется, что есть значительные поводы для среднедагестанского горца смотреть на Гид как на благодатную страну. И главные поводы к этому заключаются в том, что, при скудных вообще дарах среднедагестанской природы, при узкости и каменистости здешних ущелий, в которых изредка встречается одна-другая терраска, удобная для пашни, да и то искусственная, с громадным трудом устроенная, — в такой стране, без сомнения, должна почесться большой благодатью та широкая природная поляна, которая залегла между главными аулами гидатлинского общества, вся культивированная под сады и пашни.

Во всей своей красе гидатлинская страна предстала нам не прежде, как мы прибыли в Ороду — главный аул гидатлинского общества. Из этого аула как нельзя лучше виднелись все живописные детали гидатлинской котловины, обрамленной высокими, но весьма покатыми склонами гор. Горы безлесны; но чрез это еще больше выигрывает на вид зеленеющая сплошными пашнями и садами самая котловина. По ней несколькими руслами протекает речка Гид-ёр, неподалеку отсюда, верстах в двух, вливающаяся в Аварское Койсу; по ложу этих русел, из которых два главные, разбросаны

увлекаемые с гор водою каменья; измельченные камни разбросаны и по всей котловине, образовавшейся, без сомнения, от наносов реки. Трудолюбие горцев делает довольно хорошее употребление из этих камней: они собираются с пашен и складываются в виде оград вокруг каждого маленького поля, чрез что, само собою разумеется, очищается поле, так что вся гидатлинская котловина представляется поделенною этими оградами на множество мелких участков, промеж которых белеют камнями же усеянные дороги и тропинки. Каждый такой небольшой участок осенен несколькими деревьями: это по большей части плодовые деревья — курага, яблонь, груша, орех, — так что подобные поля с несколькими фруктовыми деревьями на них у дагестанцев называются и садами. Это были на нашем пути еще первые дагестанские сады, в Гиде в первый же раз нам довелось отведать и туземных фруктов — яблок и груш; до этого же места, в лесах Верхнего Дагестана, попадались лесные ягоды барбариса, малины, ежевики — и только. В Гиде разводят и виноград; но он вызревает только на самых низменных местах, обращенных на полдень.

На покатостях гор, обрамливающих гидатлинскую котловину, выстроилось тесно сплоченными кучами несколько аулов. Главный из них — как я сказал — Орода; прочие — Тлях, Мачада, Тиды и Гинты. Каждый из этих аулов издали, по наружному своему виду, напоминает средневековые германские города, лепящиеся своими постройками по скатам холма или скалы, у подножия какого-либо баронского замка. Наша квартира в Ороде тоже напоминала собою замок. К просторной двухэтажной сакле примыкала высокая четырехугольная башня с несколькими амбразурами, сложенная из нетесаного камня сухой кладки и уцелевшая вполне, не в пример многим таким же, но почти всюду разрушенным или же сильно поврежденным боевым башням Дагестана. Причиною такой целости ородинской башни послужило, без сомнения, то обстоятельство, что в Гид, до самой сдачи Шамиля, ни разу не проникали наши войска, а потому и не оставили здесь никаких следов военных опустошений. С террасы, на которой стоит эта башня, осененная двумя громадными ореховыми деревьями, виднелась вся гидатлинская котловина, с ее скученными в нескольких пунктах аулами, с ее маленькими зеленевшими пашнями-садами и с ее речкой, разбегавшейся по каменистым бороздкам. Колорит местности мягкий, нежащий зрение; особенно же кажется он таким мягким после диких, суровых ущелий Верхнего Дагестана. К тому же мы смотрели на эту местность при золотистом освещении тихого, теплого вечера. В самом деле, чувствовалось, что в Гиде — благодать.

Впрочем, вот несколько данных, собранных мною на месте, — и на основании их можно составить довольно приблизительную к действительности картину здешнего благодатного быта.

Без сомнения, для определения степени благосостояния такого близкого к природе, такого наивного общества, как гидатлинское, довольно принять во внимание количество тех благ, которые служат для удовлетворения самых первых, самых насущных потребностей. Количество скота, величина земельного надела, качество урожая — вот главнейшие показатели народного довольства. Что же представляет в этом отношении благодатный Гид? — В ответ на это привожу следующие данные.

Самый богатый из гидатлинских аулов — Орода — состоит из 272 дворов, с населением с лишком в тысячу душ. На это тысячное население приходится пахоти всего такое пространство, на котором можно засеять 2600 саб, или же 285 четвертей зерна. При среднем здешнем урожае (сам 5) с полей собирается до 12 тысяч саб, то есть более чем по 40 саб на двор или семейство, или же по 12 саб на душу. Вот годовая пропорция продовольствия собственно хлебом. Так как среднедагестанская саба заключает в себе около 5 гарнцев, а весом — около 30 фунтов, то, следовательно, на каждого жителя приходится средним числом в год 360 фунтов зерна, или же около 1 фунта в день. Такая дневная пропорция может показаться весьма недостаточною — но не для горца, постоянного и притом добровольного постника, довольствующегося в день несколькими комками толокна. По официальным же сведениям, эта пропорция оказывается еще скуднее, а именно: во всем Гидатлинском наибстве считается годового урожая около 40 тысяч саб зерна, что на каждую душу дает несколько менее, чем по 1/2 фунта в день.

Гораздо роскошнее покажется жизнь горцев Среднего Дагестана, когда посмотрим на нее со стороны их скотоводства.

Так, некоторые из верхнедагестанских обществ владеют громадными стадами баранов, и с каждым годом стада эти увеличиваются и увеличиваются. По признаниям самих горцев, за последнее время мирной жизни баранта их увеличилась по крайней мере в восемь раз. Без сомнения, едва ли этого рода богатство в настоящее время возможно выразить не только точными, но и близкими к действительности цифрами. Нужно помнить, что горцы вообще стараются больше скрывать, чем заявлять о своих достатках, в особенности же перед начальством, от которого может зависеть увеличение податей; а потому все официальные дознания по этому предмету можно принимать не иначе как за крайний minimum показаний. Но и при этом условии официальные сведения о горских стадах представляют весьма почтенные цифры. Так, например, общество Тлейсерух, вместе с Мукратлем, при населении до 4 тысяч душ, владеет стадами баранов в 112 тысяч голов, что дает средним числом по 28 баранов на каждую душу населения. Поэтому уже можно заключать о среднем достатке горца как овцевода.

Что собственно до Гида, то его баранта немногочисленна. По показаниям местного наиба и некоторых из более искренних гидатлинцев, такой большой аул, как Орода, владеет всего стадом баранов в 2 ½ тысячи голов, или средним числом по 8 баранов на двор. Но зато Гид славится между среднедагестанскими обществами своими стадами рогатого скота, вследствие чего здесь развито в

значительной степени молочное хозяйство: гидатлинское масло вывозится на продажу и в соседние общества и в близкие русские укрепления Дагестана. Официально в Гиде числится до 10 тысяч голов рогатого скота, что даст средним числом около 5 штук на каждый двор.

Вот главнейшие элементы здешнего хозяйства. Приводя к общему заключению все предыдущия показания, мы увидим перед собою такое общество, в котором каждое семейство (среднее) обеспечено 40 сабами зерна, пятью штуками рогатого скота и восемью баранами. Кроме всего этого, в помощь хозяйке есть хоть один эшак, что весьма важно в хозяйстве горянки.

Наконец, считаю нелишним привести здесь показания самого гидатлинского джамаата на опрос о житье-бытье, предваряя, что на подобный опрос со стороны начальства джамаат обыкновенно старается выставить положение общества в самом непривлекательном виде: «бедствуем, мол»... Но вот почти дословные показания гидатлинского джамаата: «Земля у нас хорошая, и урожаи — слава Богу: своего хлеба стает на год. И хоть хлеба на сторону, в чужие аулы, не продаем, зато продаем масло, сыр, шерсть. У нас нет особого какого-либо ремесла, которым бы мы славились на весь Дагестан (как, например, соседи наши *кельцы*, что торгуют своими шалями)[10]; а у нас всего понемножку: найдется свой кузнец, свой скорняк, свой серебряк, свои плотники и каменщики; есть и свои торговцы, которые ходят в соседние места на покупку товаров, а потом продают их у себя в ауле, делая обороту в год рублей на 100, на 200; на заработки редко кто из нас ходит на плоскость, да и на зиму редко кто отправляется со стадами в Закатальский округ: таких наберется всего семейств пятьдесят. Пониже, где потеплее — сеем пшеницу, а повыше — рожь и ячмень; кое-кто сеет еще коноплю — на мешки. Домашние одежды приготовляют наши жены; сукна наши не славятся, а про свой обиход годятся. Живем помаленьку...».

Таким образом, в Гиде можно видеть не только местный, своеобразный горский достаток, но можно заметить и признание этого достатка самими горцами. Это вообще редкость. По большей же части, на всякий спрос о благополучии — в Дагестане слышится жалоба: то земли нет, то пастбищ мало, то леса Бог не дал... да нельзя ли от подати избавить и т. п. Соседи Гида не считают зазорным для себя признавать над собою некоторого рода превосходство гидатлинцев: не только пастухи-ахвахцы[11], но и промышленные кельцы тотчас же по опросе заявили, что они живут и беднее и грязнее гидатлинцев: «У нас дома похуже здешних: гидатлинцы — известное дело — народ опрятный!» В свою очередь, гидатлинцы позволяют себе подсмеиваться над соседями, в особенности же над ахвахцами: «Это, мол, — медведи!»...

Что до наружности домашнего быта гидатлинцев, то — судя по двум крайностям, по сакле богатого и бедного здешнего жителя — нужно признать, что гидатлинцы, действительно, народ опрятный, — но только в дагестанском смысле этого слова, не больше того. Вот описание одного богатого гидатлинского жилья.

Вообще среднедагестанская богатая сакля делится на два отделения — для гостей и для хозяев, на половину кунацкую и половину семейную. Кунацкая располагается большею частью во втором этаже, состоит из двух или трех комнат и терраски, которая в то же время служит крышею для половины хозяйской или для хлева, буйволятника. Лестницы и пороги такого же устройства, как и дагестанские горы: тут легко сломить себе, с непривычки, ноги и шею; двери деревянные, половинчатые, на деревянных же створах и без всяких запоров; входя чрез них в комнату, необходимо сгибаться и в то же время высоко заносить ногу, чтоб не споткнуться о порог. Свет, вместе с ветром и холодом в ненастное время, проникает в комнату чрез маленькие четырехугольные окна без рам и стекол, но притворяемые изнутри деревянными створчатыми ставнями или заслонками; часть света идет в комнату также чрез узенькие отверстия в стене, которые служили амбразурами для ружейной пальбы, на случай нападения неприятеля; наконец, часть света проникает в комнату и чрез прямую трубу камина (бухар), устраиваемого обыкновенно у стенки, без особых затей: дрова кладутся прямо на пол, глиняный, или же на камень, вмазанный в пол, и дым идет под навес, вроде балдахина прикрывающий очаг на полуторааршинной высоте от полу. Но и в комнате вследствие такого устройства бухаров не без дыму, так что, когда затопят камин, с непривычки становится невыносимо: от едкого дыма слезы выступают из глаз, голова тяжелеет, и единственное облегчение — лечь на пол или присесть на корточки. Да и сами горцы от этого же дыма сильно болеют глазами. В этих видах, по всей вероятности, устраивается и среднедагестанская мебель такой высоты, как наши скамеечки для ног: это низенькие четырех- и трехугольные табуреты, большею частью орехового дерева, изукрашенные иногда резьбой, но вообще неуклюжие, довольно массивные и без всякой обивки. Впрочем, и такой мебели в целом ауле не наберется и десятка штук; не для чего она горцам, когда они обыкновенно садятся на пол, подкладывая под себя ноги точно так же, как и другие жители востока. Но, кроме табуретов, можно иногда встретить в сакле зажиточного горца еще нечто вроде кресла, нечто вроде дивана, тоже орехового дерева, с вычурною резьбой и также неуклюжие и ничем не обитые: это прадедовское наследство, вроде семейного трона какого-либо влиятельного главы семейства. Вообще же всякая мебель — излишек для горца; самое необходимое украшение его кунацкой — это ковры и паласы, и только в некоторых саклях самых зажиточных людей, чиновных, можно встретить наконец что-нибудь и из мебели русской. Стены кунацкой довольно чисты, смазаны глиной, внизу серой, а вверху белой. В стенах обыкновенно есть несколько нишей, но пустых и без занавесок, то больших, то меньших

и расположенных несимметрично. В таких нишах у жителей плоскостной части Дагестана хранятся сундучки, всякого рода цацки, занавешенные шелковой тканью или парчою; у горцев же, при всей их падкости на цацки, ниши кунацкой большею частью ничем не наполнены; только в верхних нишах под самым потолком можно заметить иногда расставленную по ранжиру всякого рода русскую посуду, целую и битую: тут и бутылки, и пузырьки, и чайник с отбитым носиком, и в особенности полоскательные чашки; все это, как украшение, стоит без употребления. Вообще стенные украшения у горцев, состоя из вещей, добытых всякого рода темными путями, представляются нашим глазам чем-то странным, не идущим — как говорится — ни к селу, ни к городу: вот, например, несколько резаных носовых бумажных платков прибито в длину всей стены; под ними развешен такой же длины кусок ситцу; на другой стене прибито нухинское полосатое шелковое одеяло; на третьей стене на колышках висят наши тарелки, для чего, разумеется, просверлены их края… Словом, горца забавляют те самые вещи, которые у нас составляют предмет известного необходимого употребления, и он, не понимая их назначения, обращает все это на украшение своей кунацкой.

Потолки комнат большей частью устраиваются так: кладется в длину комнаты толстая четырехугольная балка, поддерживаемая посредине столбом или тремя столбами; параллельно к ней кладутся другие балки, потоньше, на пол-аршина одна от другой. Промежутки между ними закладываются впоперек тросточками или поленьями. Балки и столбы — дубового или орехового дерева, несмазанные, с нарезками и украшениями, несколько закоптелые от дыма; при белых стенах такой потолок хотя и красив, но мрачен; у некоторых он залеплен кружками из бумаги, на которых аляповато намазаны или какие-нибудь фигуры, имеющие значение талисманов, или изречения из Корана. В главную балку и в ее опору — столб — вбиваются колышки для вешанья оружия; вбиваются колышки и в стены, а также в повешенные подле стен жерди, чтобы вешать вяленую баранину.

Кунацкая бывает только у зажиточных, да у этих она большею частью необитаема, в особенности в зимнее время, когда — при таком устройстве — в ней должно быть невыносимо холодно.

На семейной половине, как у бедных, так и у богатых, одно и то же: это мрачное, закоптелое от дыма, заваленное всякого рода домашним скарбом и рухлядью помещение служит и спальней, и кухней, и кладовой для всего семейства. Вместо камина или бухара здесь большею частью устраивается посреди комнаты очаг, над которым в потолке делается отверстие для выхода дыма; на стенах висит одежда, оружие и посуда; в углах находятся маленькие закрома для муки и зерен… Кто побогаче, у того есть еще пристройки для склада всего домашнего скарба — вроде кладовых, в которые нередко ведут не двери, а оконца, и в них нужно проползать на четвереньках.

У нашего ородинского хозяина всего домашнего скарба могло бы достать на несколько семейств, а потому его хозяйская половина походила несколько на музей. Какой посуды там не было! И в том числе были экземпляры весьма замечательные, перешедшие к настоящему их владельцу от его предков и составляющие предмет его гордости. Между прочим тут был один громадный медный таз, средина которого представляла изящный горельеф — переплетенные ветки винограда, положенные вокруг надписи, несколько стертой, но, видимо, латинской, изображенной готическими буквами; довольно ясными остались следующие слова: «Domine… bene vive… anno…». Тонкая и отчетливая работа горельефа говорит во всяком случае за то, что этот сосуд не горской работы, да притом он, видимо, переделан кузнецами-горцами: края приделаны из другого металла… Замечательными показались и другие медные сосуды, употребления которых не мог объяснить и сам хозяин: явный признак, что они попали сюда из чужой стороны. Это были довольно чистой и красивой работы фигуры оленя, утки, козла и других животных, из желтой меди, — внутри пустые и с двумя отверстиями: своеобразные ли это кубки или же резервуары для осветительного материала — определить трудно. Вообще же можно, не преувеличивая, повторять, что весь склад посуды нашего ородинского хозяина представлял своего рода музей: громадные и маленькие тазы, разной величины чаны, некоторые наподобие литавр, о трех ножках, всяких видов кувшины для воды — все это красной меди; такой же ассортимент глиняной посуды. Наконец, в числе редких вещей хозяин показал железную предковскую кольчугу, которую с большим трудом можно было приподнять с полу.

Но и эта богатая — в глазах горца — хозяйская половина жилья представлялась весьма неряшливою. Не говорю о дыме, о копоти, о мрачности помещения, о грязи и пыли, заметных на всем скарбе, так что к какой вещи ни прикоснешься, то и руки загрязнишь; но, кроме всего этого, нельзя было не обратить внимания на два световые отверстия, устроенные под потолком, в которых пауки свили себе гнезда, заткав их плотной паутиной и сами сидя в ней большой величины пуговками: это суеверным обычаем взлелеянные пауки, величины необыкновенной, мною до тех пор невиденной; трогать и разрушать их паутину не дозволяет себе горец-хозяин, потому что они — так сказать — своего рода благословение для дому.

Наконец, выставкою богатства нашего хозяина служила терраска его кунацкой, со складом дров, с жердями, на которых висели распяленные вялившиеся бараньи туши, а также турьи рога, наткнутые на палки.

Обозначив здесь несколько черт, которые могут послужить для характеристики горского быта, а в особенности — гидатлинского достатка, не могу умолчать о том, что и в благодатном Гиде благоденствует все же мужская половина рода человеческого, а не женская… Так, не успели мы еще хорошенько

осмотреться в ородинской квартире нашей, как явились просительницы, своим видом напомнившие весь гнет, лежащий на дагестанской женщине. Те русские бабы, что смущали своим костюмом и наружностью мягкосердечного гоголевского Тентетникова, оказались бы в сравнении с этими и красавицами, и щеголихами. Большею частью седоволосые старухи, эти просительницы падали ниц, снимая при этом покрывала с седых голов, и валялись у ног, хотя их и просили, и уговаривали, и даже угрожали, что их не будут слушать, если только они не станут стоять и говорить по-человечески. Но нет — таков уж женский просительский обычай Дагестана! Одна донельзя сгорбленная старуха заявила, что она составляет собою дым (двор) и обложена податью: оказалось, что у этой старухи три взрослых сына, которые отделились от нее, так что она одна осталась на весь двор, и никто из них не хочет принять ее к себе и кормить под старость… Вообще же и здесь, в Гиде, как и во всем Среднем Дагестане, жалкое, угнетенное положение женщины кажет себя всюду — на поле, под тяжелым вьюком снопов или сена; в ауле — когда она изредка выглянет из-за угла, сгорбленная, запуганная, в лохмотьях.

Но в Дагестане на все — свой взгляд, или же — выражаясь словами горцев — свой адат. Что на наши глаза безобразно, тяжело, то в их понятиях представляется и уместным и легким делом. Вот хотя бы и следующее: на терраске нашей квартиры были сложены дрова, всего с полсажени; на вопрос — далеко ли приходится ородинцам ходить за дровами (лесу нигде не было видно), получился ответ: «Леса наши близко — вон там, за горою… Баба как выйдет утром из дому, то к вечеру и успеет вернуться назад с вьюком дров». Нечего сказать, удобно и близко!..

IV

Гуниб и его окрестности

К половине сентября мы стали приближаться к Гунибу. Эта гора, весьма оригинальная по своему виду, показалась нам в первый раз с высоты перевала в Гид; затем, еще яснее, стала она перед нами при перевале в Тилитл. Гораздо ближе ее, такой же почти конструкции, стояла впереди нас гора Тилитлинская, называемая туземцами, «Седло-гора», а нашими солдатами «Чемодан-гора». Последнее название вернее рисует ее формы.

Едва показались перед нами эти две горы, как общий вид Дагестана, с которым мы уже свыклись за время полумесячного объезда его верховых ущелий, посредственно и непосредственно прилегающих к главному хребту, значительно изменился. Оставляя за собою Дагестан *Верхний*, мы вступали в Дагестан *Средний*, который я бы вернее назвал — *срединным*: тут центр страны физический и моральный.

Было бы весьма ошибочно представлять себе весь Дагестан страною однородною, а равно и обитателей его подводить под один и тот же тип. Напротив, страна эта, как по физическому строю, так и по населению, представляет замечательно большое разнообразие. Много значит, при этом, откуда начать свое знакомство с Дагестаном — с перевалов ли от главного хребта, или же с плоскости, от Каспийского моря. Первый путь знакомства ведет от тесных, суровых, хотя и не скудных дарами природы, ущелий к более просторным и более удобным для жизни угодьям, а равно от полудиких скотоводов к населению значительно цивилизованному; второй путь представит обратные впечатления: природа и люди, по мере удаления от моря и углубления в трущобы гор, будут казаться все диче и диче.

В первых главах своих путевых заметок о Дагестане я старался очертить ближайшие к Главному хребту горские угодья и отчасти переход от них к горным узлам, наполняющим собою Средний Дагестан. Теперь я займусь обрисовкою преимущественно этих узлов, останавливаясь на главнейших из них.

Характеристическою чертою этих последних может служить нахождение в известном пункте страны какого-либо значительного возвышения или отдельной горы и отсутствие тех правильных, глубоко врезывающихся в непрерывно тянущийся хребет ущелий, какие примыкают к главному хребту, и образующих собою так называемый Нагорный, или же Верхний Дагестан. Таких ущелий нет именно в Среднем Дагестане, который представляет собою, как я сказал, сплетение нескольких горных узлов. Отдельные возвышения и между ними холмообразная поверхность, с большими или меньшими, но весьма неправильно расположенными углублениями, — вот общий контур этой местности. Для более наглядного представления ее можно вообразить себе (как это нередко и бывает по утрам), что спустился туман на эту местность: тогда отдельные возвышения, разбросанные там и сям, точно всплыли своими бурокаменными вершинами на сизую поверхность тумана, залегшего во все промежутки этих возвышений, всплыли и стоят, как необитаемые острова, на этом зыбком море мглы. Подобного склада общий характер местности дает путешественнику возможность оглядывать при переездах с места на место весьма большие пространства, разнообразные по своим контурам, тогда как там, в Нагорном Дагестане, он видит на пути своем только бока ущелий, и разве поднявшись на вершину перевала, усмотрит новый вид, который представит собою опять-таки ущелье. Жители Нагорного Дагестана, какой-нибудь дидоец или капучинец, если бы только сильные зимы не выгоняли его со стадами из родимого ущелья на плоскость, мог бы, пожалуй, вообразить, что, кроме ложа бегущей по ущелью речки да высоких пастбищных покатостей этого ущелья, и нет ничего больше на земле; во всяком же случае, даже и при более широком кругозоре, верхнедагестанцу все-таки много поводов изолировать-

ся и дичать в тесных рамках замкнутых своих ущелий. Для глаз же и мыслей среднедагестанца значительно больший простор. Окружающие его виды не слишком изолируют его: божий мир в глазах его и довольно просторен и разнообразен; он свободно может уноситься мыслию в даль и закидывать свои планы на значительно широкое пространство. Вследствие такого расположения местности Дагестана, его главные жизненные нервы и центр его самобытной интеллигенции должны помещаться именно здесь, в Среднем Дагестане. Пожалуй, так называемая плоскость Дагестана, прилегающая к морю, еще просторнее и привольнее для жизни; но эта плоскость с трех сторон открыта для посторонних влияний, а потому непригодна для самозащиты и для выработки на ней самобытной интеллигенции.

При том географическом положении Дагестана, по которому он составляет собою треугольник, имеющий одною стороною море, а двумя другими — высокие, почти не переходимые горные хребты (Андийский и Главный Кавказский), при таком положении его, так мною названные горные узлы его представляют из себя нечто вроде паутинных гнезд, откуда хищники-пауки могли разбрасывать свои паутинные нити, как из центров к окружностям, на значительные пространства — забегать и в ущелья, спускаться и на плоскость, — и таких паутинных гнезд в Среднем Дагестане было несколько. Хищнические, себялюбивые стремления этих нескольких пауков попрепятствовали им соединить свои силы и свить себе одно главное гнездо, в таком пункте, каким для этого как нельзя лучше мог бы оказаться Гуниб и какой наконец избран был одним из главнейших вождей Дагестана, под конец его самостоятельной жизни. Но было уже поздно... С высоты Гуниба, действительно, можно было царить над всем Дагестаном, если бы только главное свое гнездо на Гунибе устроил дагестанский народ, его интеллигенция, а не один человек, значительно попиравший эту интеллигенцию.

Весьма значительная по высоте и очень заметная по оригинальным своим очертаниям, Тилитлинская гора представила собою на нашем пути первый горный узел, а население Тилитля — первое гнездо, свитое у подошвы ее, с очень влиятельным населением. Значение этого гнезда обнаружилось по преимуществу в последние годы самостоятельности Дагестана: это родина известного Кибит-Магомы, да и вообще тилитлинцы заявляли себя весьма влиятельным обществом во время шамилевского мюридизма.

Из четырех сильных обществ, окружающих своими поселениями гору Гуниб (это — Тилитл, Куиал или Куяда, Корода и Андалал), первым — как я сказал — на нашем пути было общество Тилитл (правильнее Телетл), все сосредоточившееся в одном ауле того же имени и заключающее в себе до 450 дымов[12]. Большое это поселение расположено в верховье ущелья, примыкающего к Тилитлинской горе; строения его скучены на крутом скате, почти у подошвы этой горы, в виде амфитеатра, и занимают собою весьма крепкую позицию. Небольшая речка шумит почти в самом ауле; над нею кое-где зеленеют деревца, почти все — ветлы; в остальном аул этот по своему виду во всем сходен с наружностью других, уже описанных мною среднедагестанских поселений.

Из заявлений тилитлинского джамаата намечу здесь следующие: тилитлинцы не жаловались на недостаток пахотных полей, не жаловались также на плохие урожаи — своего хлеба почти достаточно на годовое их продовольствие; но они жаловались на ограниченность пастбищных мест, что препятствует развитию у них скотоводства и овцеводства: по их показаниям, разве у самого зажиточного тилитлинского хозяина найдется штук 10 рогатой скотины и до 300 штук овец. Развитию скотоводства у тилитлинцев, кроме недостатка пастбищных гор, мешают еще продолжительные зимы, при которых необходимо заготавливать корм почти на 7 месяцев. Тем не менее, однако, тилитлинцы торгуют избытком своего молочного хозяйства, хотя и в меньшей мере в сравнении с соседями их — гидатлинцами. Жаловались тилитлинцы также на недостаток леса, которого у них и прежде было мало, а после покорения Дагестана стало и того меньше: «Солдаты вырубили». Сакли свои они отапливают саманом, кизяками и редко дровами, так как вязанка дров стоит здесь 20—25 копеек. При отсутствии дома каких-либо ремесел, беднейшие отыскивают себе пропитание, уходя на заработки на прикаспийскую плоскость; таких, ищущих заработка вне родины, бывает ежегодно человек до ста. За тилитлинцами, однако, в прежнее время водилось свое специальное ремесло, которым они и теперь не преминули похвалиться: «Мы хорошие каменщики; при Шамиле мы отстраивали разоренные русскими аулы». Не похвалились, но тем не менее не умолчали тилитлинцы, что за многими из них водится еще и другое ремесло: «Воровства у нас очень, очень много». Замечу кстати, что, как бы в доказательство такого не лестного для себя заявления, тилитлинцы постарались, в бытность нашу в Тилитле, стянуть кое-что и из нашего багажа, — единственный такого рода случай, приключившийся с нами за все время путешествия нашего по Дагестану только в Тилитле. Ближайшие соседи его — куядинцы — придумали у себя специальное средство против воровства: «Воров у нас мало, — хвалились они: — а случится вор, так мы его штрафуем, арестовываем и кроме того ногу его в бревно заковываем на несколько дней». Такой способ наказания воров, сколько мне известно, придумали в Дагестане только куядинцы, заявившие о себе между прочим, что специальное их ремесло — кузнечество. Укажу здесь, кстати, на один и тилитлинский адат: отцу семейства, если у него родится семь сыновей, дается, как бы в награду, особый участок земли. Такой адат указывает, что тилитлинцы, как об этом сказано будет ниже, выказывают себя людьми с задатками некоторых административных, даже государственных способностей, — это устроители своей земли.

По дороге от Тилитля на Гуниб мы отчасти познакомились с житьем-бытьем еще двух среднедагестанских обществ — Куядинского и Кородинского. Выбравшись из Тилитлинского ущелья и

приближаясь к Гунибу по узкой тропинке, проложенной в полугоре и лежащей несколько ниже полосы еще не растаявшего первого снега, мы остановились на привал, в равном расстоянии от двух гор, Тилитлинской и Гуниба, причем лежащая между ними широкая долина спускалась от нас весьма покато на далекое расстояние, до самых Карадахских высот. Все это пространство представляло из себя великолепную картину осени: по долине там и сям, клочками, зеленели озими; кое-где желтели и краснели осенними листьями в одиночку растущие деревья; местами виднелись постройки куядинских хуторов, окрашенные в мглистый цвет сухого осеннего воздуха, и рамами для всей этой картины, слева, справа и впереди нас, служили своеобразные, угловато-сложившиеся, но великолепно расцвеченные серыми, сизыми и фиолетовыми красками горы.

На этом привале последовал опрос жителей трех аулов Куядинского наибства — Куяды (403 двора), Короды (520 дворов) и Гоготля (105 дворов). Спрошенные жаловались на тесноту своих мест, на недостатки пахотных и пастбищных земель, на плохие урожаи, на отсутствие леса. «Посмотрите, какие у нас каменистые угодья! Только и сладости жить на нашей земле, что живешь на родине...». «Ни скотоводством, ни хлебопашеством поддерживать себя круглый год не можем, и разве при хорошем урожае на $^{2}/_{3}$ года своего хлеба хватает». Но все же сравнительно лучшие земли оказываются у кородинцев, худшие у гоготлинцев. Такая теснота мест, по всей вероятности, поспособствовала развитию у здешних жителей некоторых ремесел, обеспечивающих их существование: куядинцы занимаются кузнечеством и плотничеством, кородинцы — лучшие в Дагестане кожевники, гоготлинцы насчитывают в среде своей несколько серебряков; кроме того, в Куяде, а преимущественно в Гоготле, жители занимаются и садоводством. Таким образом, несмотря на тесные земли, здешние жители далеко, однако, не бедняки; напротив, кородинцы, например, слывут даже своего рода банкирами. Так по крайней мере заявили о них жители Гоготля: «Если хлеба своего у нас не хватает, то берем денег у кородинцев и покупаем себе хлеб на плоскости».

До этого места нашего пути по Дагестану мы встречали поля, засеянные преимущественно ячменем, рожью и пшеницею; редко где попадались терраски, засеянные бобами и коноплей. В Тилитле уже сеют просо, а в Короде — просо и кукурузу. Но огородов все еще не встречается.

Отправившись в дальнейший путь, мы стали подъезжать к Гунибу с той стороны этой горы, с которой основание ее отделяется от ближайших соседних отраслей гор глубокими оврагами. Между нашей тропой и казавшимися так близкими к нам стенами этой горы зеленела заросшая кустарниковым лесом пропасть, и, не будь ее у наших ног, мы, казалось, тотчас бы взъехали на Гуниб. Между тем пришлось кружить несколько часов, не достигая цели. Еще засветло мы проехали аул Ругжу[13] — большой, людный, весьма благоустроенный аул, расположенный на довольно ровной местности; но уже в совершенной темноте мы спустились по крутой каменистой тропинке к Кара-Койсу, переехали через него по мосту и взъехали на шоссированный подъем, ведущий к Гунибскому укреплению. Темнота осеннего вечера не позволяла видеть местность. Заметно только было, что мы поднимались и поднимались по прекрасно разработанной зигзагами дороге, да там, где-то высоко, то мелькали, то исчезали огоньки. При одном из поворотов мы, так сказать, наткнулись на эти огоньки: это были освещенные изнутри окна нескольких домиков Гунибской слободки. Послышался лай собак, которого мы еще ни разу до этого места не слышали в Дагестане; из-за деревьев светились маленькие оконца, какие обыкновенно делаются в солдатских домиках повсюду на Кавказе, где только наш солдат обзавелся домком и хозяйством; в вечернем воздухе пахло русскими щами. На восемнадцатидневном пути нашем по Дагестану это был еще первый встреченный нами русский поселок.

От этой слободки, составляющей, так сказать, первый этаж Гуниба, потянулся опять подъем на второй его этаж, на котором расположена штаб-квартира линейного батальона[14]. На этом этаже мы и остановились, имея в виду со временем, не в такую темень, побывать и на третьем его этаже, вход в который занят Гунибским укреплением.

Редкая исторически достопримечательная местность так почтенна на вид, так внушительна и, если можно так выразиться, так сановита, как Гуниб. Эта громадная, наподобие усеченного конуса, особняком стоящая гора, с ее верхним стеноподобным карнизом, который мастерски выведен как бы зодчим-исполином, чтоб окружить неприступною твердыней самую верхнюю площадь горы, снабженную всякими угодьями — и водой, и лесом, и полями, — эта величавая и своеобразно-красивая горная громада сама по себе служит наилучшим и самым красноречивым монументом в память совершившихся здесь событий. Все, что на ней устроено до сих пор, все это, пред ее массивностью и величавостью, весьма мизерно. И слободка, с ее солдатскими избами и огородами, и штаб-квартира, с ее наскоро слепленными и сколоченными постройками, с ее тощими, недавно разведенными садиками, и каменные стены строящегося укрепления — все это стушевывается на скатах этой горы. Довольно заметны на ней только смелые линии дороги, от основания и до вершины бороздящие восточный склон горы, местами ложась на арки, прилепленные к отвесно-падающим ее уступам.

Без сомнения, самою интересною частию Гуниба служила и служит его верхняя площадь. Там развалины аула, служившего последним убежищем Шамиля; там цела еще сакля — последнее его жилище в Дагестане; там березовая роща, с навесом над камнем, на котором сидел победитель, фельдмаршал князь Барятинский, «25 августа 1859 года, в 4 часа пополудни», принимая в первый раз военнопленного Шамиля: там каскад и ручей, покрасневшие в этот достопамятный день от про-

литой здесь крови русских солдат и шамилевских мюридов... К этим достопримечательностям, относящимся к прошлому в истории Дагестана, присоединяется теперь новая достопримечательность, совершенно соответствующая характеру доброго мирного времени, — это недавно разработанная дорога, с верхнего плато Гуниба, чрез тоннель, длиною в 47 саженей, пробитый сквозь скалистый карниз горы, откуда, с высоты около 6 тысяч футов, дорога эта спускается по кручам в долину Хоточ-Хиндаха и далее, к Мурадинским высотам, в соседство к весьма замечательной Карадахской щели, известной и по своей странной конструкции, и по добыче вблизи ее горючего сланца.

Что до средней террасы Гуниба, на которой теперь находится штаб-квартира кавказского линейного батальона, то здесь могут обратить на себя особенное внимание — разве бывшие пушки Шамиля, размещенные на площадке, близ церкви: это тоже памятник прошлого. Новое же в жизни этого устраивающегося поселения еще не выяснилось.

Карадахская щель и Карадахское укрепление.

19 сентября мы предприняли поездку в Карадахское укрепление, чрез известное в Среднем Дагестане по своей изумительной конструкции ущелье, называемое обыкновенно *Карадахскою щелью*. И действительно, это в полном смысле слова — щель, образовавшаяся в высоком скалистом хребте действием текущей по дну ее речонки.

Карадахское мостовое укрепление лежит к северо-западу от Гуниба, в 18-ти верстах, и охраняет переправу через Аварское Койсу. В то время сообщение между двумя этими пунктами было вьючное; но теперь, на 17 с лишком верст от вершины Гуниба, по направлению к Мурадинским высотам, в соседство к Карадахской щели, проведена шоссейная дорога. В такой безлесной стране, как Средний Дагестан, хорошим подспорьем в хозяйстве может послужить добываемое близ этой щели естественное богатство — горючий сланец, прииск которого, разрабатываемый войсками, снабжает уже и теперь гунибский гарнизон топливом. Та дорога, по которой со временем будет перевозиться в значительных массах это топливо, как я сказал, еще была только начата, и наша поездка в Карадахское укрепление совершилась по первобытным вьючным тропам.

Спустившись с Гуниба, мы, не доезжая моста через Кара-Койсу, поворотили влево и скоро въехали в сады, принадлежащие аулу Хиндах. Сады эти довольно своеобразны. Садом здесь называется пахотное поле, обнесенное каменной изгородью и кое-где осеняемое персиковыми, ореховыми и абрикосовыми (курага) деревьями. Тем не менее, и такие сады, при отсутствии в окрестностях Гуниба древесной растительности, весьма прикрашивают каменистую, обожженную солнцем местность этой страны. Мы ехали узкими тропинками, промеж каменных низеньких оград, за которыми краснели стебли кукурузы и проса, а местами высились и зеленели ореховые деревья, нередко гигантских размеров. Сады эти орошаются водою из ручья, берущего свое начало на верхней площади гор Гуниба. До поселения там русского гарнизона воды этой казалось хиндахцам весьма довольно для их садов; теперь же, когда часть ее орошает и солдатские огороды на Гунибе, хиндахцы протестуют. Этот протест выразился хиндахским джамаатом — при опросе его о житье-бытье начальником Кавказского горского управления — в следующей форме: «Мы в Дагеставе славимся своею бедностью: прежде имели воду с Гуниба для поливки наших садов, а теперь русские отвели ее — и наши сады пропадают». Но, на пути нашем, нисколько не заметно было, чтоб хиндахские сады пропадали. Тем не менее, если воды стало немного меньше, хотя бы для хиндахского садоводства чрез то и не стало хуже, то как же хиндахцам не протестовать и не жаловаться на свою бедность, когда все-таки сам собою представляется благовидный предлог для жалобы? Не пожалуйся они — в Дагестане это показалось бы весьма странным поведением со стороны джамаата.

За хиндахскими садами последовали точно такие же сады, принадлежащие аулу Хоточ. Хоточинцы прямо заявили, что живут преимущественно от своих садов, и так как их угодья орошаются уж не с Гуниба, то у них на опрос о житье-бытье явилась другая жалоба: русские истребляют лес, так что вот-вот и топить уж будет нечем. Но хоточинские леса не лежали на нашем пути, а потому и нельзя было увидеть, насколько они истреблены.

Эти два аула Андалалского наибства — Хиндах и Хоточ — один в 122, а другой в 179 дворов, были на нашем пути первыми дагестанскими поселениями, живущими от своих садов, а потому угодья их представились глазам нашим весьма культированною и красивою местностью. Кукурузные и просяные поля здесь встретились нам тоже впервые. Не столько горы, сколько взгорья, довольно покатые и без глубоких оврагов, окружают эти аулы, и хотя примыкающие к ним поля нельзя назвать ровною местностью, но в виду стоящих вблизи ее Гуниба, Кегерских высот и Карадахского хребта, она, при всех своих неровностях, кажется все-таки весьма плоскою долиною.

По выезде из Хоточа, после нескольких небольших спусков и подъемов, среди пашен, с которых в то время снимали просо хоточинские женщины, мы перевалились в ложу ручья, загроможденного камнями. Чем дальше, тем труднее и уже становился проезд: прибрежные скаты сближались, а по ложу ручья все больше и больше нагромождено было наносных камней. Таким путем мы приблизились к Карадахской щели.

Еще не въезжая в нее, мы остановились для ознакомления с приисками горючего сланца, удушливый запах которого, получающийся при горении, давал нам чувствовать себя еще издали. В то время в нескольких печах, устроенных здесь войсками, выжигалась известь, для доставления ее отсюда на Гуниб. Этот удушливый, весьма вредный для здоровья запах, сопровождающий горение сланца, будет большою помехою при введении его в общее употребление как топлива. От удушливости его немало уже пострадало гунибских кашеваров и хлебопеков, и только заведенные особого устройства печи, с сильною тягою, устраняют весь вред, происходящий для здоровья людей, обращающихся с этим топливом.

Между тем, при отсутствии лесов на горах Среднего Дагестана, преимущественно же в окрестностях Гуниба, горючий сланец мог бы послужить в помощь скудному горскому хозяйству, немало страдающему от недостатка топлива. Но, без сомнения, трудно ожидать, чтобы горцы, при их консерватизме, решились видоизменить существующей у них сложившийся веками способ постройки своих жилищ; а без такого видоизменения немыслимо отапливать их сланцем. Поэтому, хотя отыскались новые прииски сланца, не только вблизи Карадахской щели, но и вообще в хребте по правую сторону теченья Карадахского ручья, по направлению к аулу Салты, но все-таки, при будущем обилии добывки этого горючего материала, он станет расходоваться преимущественно, если даже не исключительно, только войсками штаб-квартиры Гуниба и укрепления Карадаха.

По дороге в щель можно видеть несколько штольн, преимущественно на правой стороне ручья, по которой пролегала и наша дорога. Вся добыча сланца уже и теперь доходит до 80 тысяч пудов в год.

Еще одна достопримечательность — и мы войдем в самую щель. Влево от ручья, при самом входе его в щель, на отвесистых стенах скал, на высоте нескольких саженей, видны отверстия, как бы маленькие пещеры. Это жилища диких пчел, с запасами весьма лакомого меда. От низу скалы, в направлении к этим пещеркам, заметны кое-где вставленные в расщелины ее палочки: это остатки человеческими руками устроенного хода к этим пещеркам с их медом. Чуть не сказку рассказывают про обладателя этой своеобразной пасеки. Когда, по взятии Гуниба, наши солдаты стали добывать карадахский сланец, то этот пасечник явился к ним с поклоном и просьбою — не трогать его пчел. На такую просьбу солдаты рассмеялись: и действительно, придет ли кому охота полезть за медом на высоту 12—15 саженей, взбираясь по отвесу скалы и имея для опоры кое-где вбитые в нее палочки! Некоторое время пасечник оставался доволен поведением наших солдат по отношению к его пчелам, как вот стал он замечать, что кто-то наведывается в его самородные улья и похищает оттуда мед. Пасечник решился подкараулить вора. В темную ночь засел он у подножия карадахских скал, не спит и слушает, не явится ли кто полакомиться его медом. И точно, слышит он, кто-то полез к его ульям. Давши вору время взобраться повыше, старик выскочил из засады и гикнул — в ответ на этот гик, с десятисаженной высоты кто-то рухнул к его ногам... То был его собственный сын, то был человек, сумевший следовать по стопам своего отца. Без сомнения, от этого достойного сына лежали у ног отца только бренные останки. С тех пор обезумел старик-пасечник, не навещает уже больше своих ульев, и путь к ним, состоявший из симметрично вбитых в скалу палочек, от времени и без должного присмотра разрушился...

Наконец по деревянному мостику, переброшенному через ручей, мы перебрались на левый его берег и вступили в Карадахскую щель. Впечатление, в своем роде, единственное. То был громадный, мрачный, несколько изогнутый коридор, шириною в 1—2 сажени, с текущим по дну его ручьем; высота отвесных стен этого коридора, футов до 200, при узкости его, кажется еще выше; стены его, известкового сложения, вышлифованы водою и потому гладки, как бы искусно выштукатурены; над головою виднеется полоса неба, такая же узкая, как вся эта щель; местами, наверху, застряли в ней каменные глыбы, готовые, кажется, сейчас же рухнуть. В таком стесненном пространстве от каждого звука рождается чрезвычайно-шумное эхо; каждое слово, даже тихо сказанное, проносится с раскатом.

В тихую погоду здесь тоже тихо, даже чересчур тихо, как в подземелье; но в ненастье — говорят — здешний тихий ручей превращается в бешеный поток, поднимающийся на сажень и выше. Он уносит течением своим камни, а тем более унесет и разобьет всякого, кто вздумал бы заглянуть сюда в такую дождливую пору.

По выходе из Карадахской щели открывается небольшая котловина, которую со всех сторон обступили высоты. Склон ее несколько падает к Аварскому Койсу, над которым, почти в центре этой котловины, расположено Карадахское укрепление[15]. Пункт этот, в стратегическом отношении, говорят, весьма важен. Здесь узел дорог, ведущих от Темир-Хан-Шуры, с одной стороны — в округа Андийский и Аварский, а с другой — вверх по Аварскому Койсу, по направлению к Кахетии: последняя дорога разработана еще только верст на 50, от Карадаха до Гидатлинского моста. Самое укрепление — новенькое, маленькое, для двух рот, и принадлежит к разряду мостовых укреплений. Оконченная его часть находится на правом берегу реки, у каменного моста; этот мост предположено сделать крытым и соединить галереями, как с укреплением, так и с оборонительною башнею, которая выстроится на левом берегу Койсу.

Невдалеке от укрепления находится станция, каких в Дагестане выстроено несколько и на которых содержатся вьючные и верховые лошади, для возки почт и проезжающих. Это была пер-

вая такая станция на нашем пути по Дагестану. Тут же, вблизи укрепления, уже располагается русский поселок, состоявший в то время всего из одного семейства: начало, быть может, такой же слободки, какие обыкновенно устраиваются на Кавказе вблизи стен каждого из наших укреплений. Единственный двор этой будущей Карадахской слободки принадлежит гарнизонному маркитанту, с его семьею, ведущему, как заметно было, свои дела недурно. Этот основатель новой колонии в горах Дагестана — тип бойкого русского дворника, начинающего обыкновенно дела свои с копеек и сколачивающего нередко весьма почтенный капитал. Мне показалась весьма милою следующая его выходка: навстречу начальнику Кавказского горского управления он вышел с хлебом-солью — «от карадахского общества». Как я сказал выше, все это общество — он сам да его семья...

На Гуниб мы возвращались тем же путем, каким ехали к Карадахскому укреплению. По выезде нашем из щели в обратный путь стал уже наступать вечер. На хоточинских полях заканчивали свои полевые работы женщины и эшаки: снимали и увозили с полей кукурузу и турецкое просо. Навьюченные снопами, женщины не отворачивались от нас и некоторые из них дали нам возможность взглянуть на их лица. Мне показалось, что тип их несколько пригожее, чем у женщин Верхнего Дагестана. Впрочем, удалось взглянуть в лицо весьма немногим из хоточинок: больше пришлось видеть, как они, удаляясь от дороги, представляли из себя ходячие снопы, двигавшиеся на ногах, одетых в штаны из синей бязи.

Хоточинские поля расположены ниже хиндахских; это можно было видеть, между прочим, из того, что на полях Хиндаха кукурузы еще не снимали. Вечер был теплый, облачный, и в стороне Тилитля слышались раскаты грома. В сумерки стал накрапывать и дождь. Но, с приближением нашим к Гунибу, разъяснилось, и мы стали подниматься на него по совершенно сухой дороге. На этот раз аварская пословица: «Где бы ни гремело, а на Гунибе дождь», — не оправдалась.

VI

Средне-дагестанский джамаат

На третий день пребывания нашего на Гунибе мы спустились с этой горы, переправились через Кара-Койсу и остановились на правом его берегу, на ровном месте, где собрались джамааты самых людных селений Андалалского наибства — Чоха (280 дворов), Сугратля (481 двор), Ругжи (428 дворов) и других менее людных селений. Это было самое многочисленное и наиболее представительное сборище дагестанцев, какое предстало до сих пор на нашем пути по Дагестану. Без сомнения, заявления этих джамаатов были весьма разнообразны. Общее, однако, в этих заявлениях заключалось в жалобах на тесноту земель, на недостаток в лесе и в пастбищах. Такие жалобы, при сравнительно большой густоте населения окрестностей Гуниба и при характеристических особенностях здешних мест — скалистости и безлесье, — весьма естественны. Но в то же время эти жалующиеся на тесноту и скудность своих земель общества Андалала принадлежат к наиболее зажиточным и промышленным обществам Среднего Дагестана[16]. Особенно же известны своими промышленными наклонностями сугратлинцы: они имеют значительные стада рогатого скота и баранов, ходят на заработки, торгуют — сугратлинские базары славятся на весь Дагестан, — занимаются мастерствами, преимущественно же серебрячеством; в Среднем Дагестане Сугратл — это своего рода Париж, который в известном смысле называют также новым Вавилоном, и та неприличная болезнь, которая известна в Европе под именем французской, в Дагестане слывет под названием сугратлинской. К несчастию, эта болезнь здесь уже не новость; нова она пока только в тех трущобах Дагестана, которые примыкают к Главному хребту, да и там уже появляются одержимые ею.

Так как в виду Гуниба довелось мне оглядеть самый многолюдный из джамаатов Среднего Дагестана, цвет населения этой страны, то считаю уместным собрать здесь в одно несколько черт, по которым бы можно было составить понятие о средне-дагестанском джамаате вообще.

Заявления джамаата, его поведение, речи отдельных его членов, его группировка и костюмировка — все это может служить в значительной степени мерилом морального настроения населения Дагестана. Я имел возможность присутствовать на сходах всех тех джамаатов, чрез общества которых мы проезжали, — и вот мои общие заключения по этому предмету. Чем далее мы подвигались вглубь Дагестана, тем джамааты являлись многолюднее, речистее, представительнее и дипломатичнее. В Дидо мы видели перед собой двадцать-тридцать человек, составлявших джамаат; в Андалале же, например, или же в Куяде нас окружал тысячеголовый джамаат. В Дидо во главе джамаата не стоял ни один хаджи, ни один офицер из горцев, тогда как в Тилитле, например, на сход джамаата собралось более десятка хаджи, в белых и в зеленых чалмах, а в Андалале было довольно и хаджи, и офицеров из туземцев. Само собою разумеется, что присутствие в джамаате такого количества членов, выходящих из ряда вон, и придает ему своего рода представительность. Эта последняя, сообщаемая джамаату присутствием хаджи, проявляется сколько в костюмах их, отличающихся от одежды всякого другого горца, столько же, если еще не больше, в манере держать себя, усвоенной истым хаджи. Не оружие в богатой оправе, не расшитая галунами черкеска, не молодецки посаженный на голову папах сообщают

хаджи сановитость, — а его потупленный долу взор, его чело, украшенное белой или зеленой чалмой, его руки, смиренно опирающиеся на посох, наконец, его цветная хламида, красная или зеленая, драпирующая его солидно согбенный стан. Хаджи много на плоскости, довольно их и в людных обществах Среднего Дагестана; но весьма немного их в Верхнем Дагестане, да и эти немногие не имеют там сановитости, приличествующей истому хаджи, — глядят простовато, одеты, так сказать, не по чину, а случается — выряжены чуть не по-шутовски: так, помню, в Анцросо явился в джамаат хаджи, вырядившийся в хламиду, которая украшена была вышитым золотом воротником, севшим на его шею с шеи какого-то русского чиновника, чуть ли даже не министерства юстиции. Такая костюмировка не встретилась потом ни в одном из виденных мною джамаатов: явно, что анцросский хаджи пересолил, как пересаливают в одежде и многие из наших простаков-туристов, побывавших, например, в Париже. Истый дагестанский хаджи не допустит подобной вычурности в своей одежде; он только не жалеет для своей бороды хины, да разве прибавит к обычному костюму своему часы и четки. Но красная борода — это, так сказать, уподобление себя образу имама, а часами и четками хаджи заявляет свою набожность, то есть вернее — свою аккуратность в исполнении молитв.

Таким образом, обилие этих набожных личностей, повидавших свет и людей, сообщает джамаату своего рода представительность и крепость: выставивши их вперед себя, давая им волю говорить за все общество, это последнее тем как бы заявляет: ты с нами не шути; мы не какие-нибудь ахвахцы; мы вот каких бывалых и умных людей имеем! И действительно, джамаат за этими людьми как за стеной: его не увидишь, не услышишь — он замаскирован. И это вот почему. Эти хаджи являются сюда как бы на сцену, с заученными речами, в которых нет нисколько искренности, но зато много дипломатий, или же просто — лукавства. Еще не предложен и вопрос джамаату, а уже хаджи, так сказать, рапортует, что мы, дескать, благоденствуем, молим Бога за Государя, довольны всем начальством от великого до малого, — и потом вся речь в том же фальшивом тоне. Так что для узнания правды необходимо попросить этих речистых дипломатов уступить свое слово другим. Рядом с хаджи стоят старики, опираясь на палки. Между стариками также немало краснобородых, то есть таких, которых седина прикрашена хиною. Они тоже мастера говорить и мастера правды не сказать. Наконец, простосердечнее те из членов джамаата, которые еще не мажутся хиною.

Нужно видеть дагестанские пути сообщения, нужно всмотреться во все естественные преграды, положенные здесь природою для разобщения людей, — и, однако, люди общаются здесь не в пример легче, чем, например, живущие в наших равнинных или степных деревнях русские поселяне, не нуждающиеся даже и в дорогах, потому что поле и дорога равно проходимы. Здесь не то; здесь всякий переход из аула в аул, от общества в общество — своего рода подвиг, риск и во всяком случае большой труд, а между тем общение замечательное. Вести, новости разносятся в горах с изумительною скоростью, и приказания начальства, власти исполняются здесь так же быстро, как бы страна перекрещивалась телеграфными проволками. Назавтра, например, нужно собрать джамаат из всех ближних обществ — и джамаат непременно соберется; кто пеший, кто конный, явятся все по призыву, преодолев, без сомнения, значительные трудности в пути. Это факт, в котором я убедился множеством примеров.

Но вот состоялся джамаат. Все члены его держат себя весьма дисциплинированно: у места молчат, у места говорят, и некоторые говорят весьма бойко, плавно и дипломатично, у места слушают; интерес каждого — предмет сходки, совещания, и если джамаат собрался в ауле, подле строений, то крыши их переполнены любопытными наблюдателями и слушателями, которым нет места в среде самого джамаата — несовершеннолетними, а иногда и женщинами. Это не стадо; это — строго дисциплинированная толпа; импровизированным поведением ее на сходке может остаться доволен любой поклонник порядка. Только, как сказал я выше, одни хаджи уж чересчур усердствуют.

Кто успел и сумел таким образом вышколить дагестанцев? Будто Шамиль? Едва ли. Дисциплина в Дагестане заявляет себя не чем-либо прививным, заказным: она, так сказать, вытекает из существа дагестанца, она замечается даже и в тех обществах, на которые власть Шамиля распространялась весьма слабо, как например — в обществах Верхнего Дагестана. Вернее, эта дисциплина есть плод стародавности дагестанского склада жизни, который, для поддержания себя, для самозащиты, обусловливал присутствие в каждой дагестанской общине сторожкости, чуткости, порядка и быстроты в действиях. Таким образом, в этой дисциплине дагестанца выражается — по моему мнению — один из самых доказательных признаков стародавности дагестанского быта.

Вслушиваясь в ответы, какие джамааты давали на опросы об их житье-бытье, нельзя было не прийти к заключению, что джамаат вообще, как и следовало ожидать, весьма консервативен, что всякий адат ему дорог и что он готов стоять за него даже и в таком случае, когда раскрывают всю несостоятельность этого адата. Но этот джамаатский консерватизм не столько консерватизм инстинктивный, бессознательный, каким отличается всякая народная масса, сколько консерватизм тенденциозный.

Жалуются, например, члены сходки на скудность даров своей природы, на неурожаи, на бедность свою, на болезни, их угнетающие; вы подумаете, что они, высказывая это, ищут средств помочь чем-нибудь таким невзгодам своим и тотчас накинутся на ваш спасительный совет, рекомендующий то или другое средство против беды, подхватят его и постараются применить к делу. Ошибаетесь. Жаловаться вообще — это в тенденциях горца, выставлять скудность своих средств перед высшим, перед сильным —

это тоже в его тенденциях; но в его же тенденциях, и при действительной нужде, послушать-послушать, что скажут на его заявления, и остаться верным прежнему пути, прежнему сожительству своему с неминучей бедою. «Вот, вы жалуетесь на скудность своих полей, на плохие урожаи, на то, что вам есть нечего: отчего бы вам к хлебопашеству не прибавить труда по огородничеству — картофель бы сеяли, разводили бы лук, чеснок, капусту, бураки, огурцы и другие огородные овощи?» — «Земля не родит». — «Да вы пробовали?» — «Нет, не пробовали». — «Как же вы говорите, что земля не родит, коли не пробовали! А что земля ваша годится под огороды, так вот посмотрите только на русские укрепления: при них всюду огороды есть, и отличные». — «Это у русских так, а не у нас». — «Да если у русских, на этой же земле, разводятся хорошие огороды, то и у вас такие же будут: попробуйте только...» — «Да оно так, только у нас на это адата нет». — «Зачем вам адат? Введите его сами, если вы считаете его полезным. Ведь картофель ели?» — «Как же, ели». — «Что ж, нравится?» — «Да, хорошая пища... Как бываем у русских, так кушаем охотно». — «Ну вот, сами видите: стало быть, эту хорошую пищу у себя следует завести; вот вам и подспорье в вашем скудном хозяйстве». — «Так-то так, да только все же у нас адата на это нет». И сколько б вы ни толковали на эту тему — результат один: хорошо, да адата на это хорошее нет. А чтоб наконец избавиться от ваших советов, горец дипломатично уступит вам, отблагодарит вас за совет, заверит, что он ему непременно последует, а в конце концов — он и пальцем не пошевелит для исполнения совета вашего на самом деле. То же и со всякими другими жалобами. Оспа, например, появляется в горах; нужно бы — все про это знают — прививать оспу, да опять — адата на такое хорошее дело нет. И оспа пусть себе свирепствует. Чтоб защитить адат, иной горец, рьяный приверженец своих тенденций, начинает доказывать, что и с привитою оспой умирают, что такова уж воля аллаха, что против его воли не стать же идти... Такая тенденция у всех на уме, но она еще сильнее у тех, которые — из горской вежливости — будут рассыпаться в благодарностях за ваш добрый совет. Эти дипломаты — или хаджи, или потершиеся около русских влиятельные горские люди, нередко украшенные медалями и орденами, обладающие даже почтенным военным чином. Но загляните в их сакли, где царит полный горский адат: дети там, наверное, или в оспе, или перенесли уж натуральную оспу.

Впрочем, как я сказал выше, от тех членов джамаата, которые стоят впереди других, нельзя добиться искренности, правды. Нужно попытать ту безмолвно слушающую массу людей, которая прячется за краснобородыми: она молчит, но, как и всякая масса, таит в себе настоящее значение неискренних, дипломатичных заявлений своих речистых представителей. Без сомнения, масса эта должна быть консервативна; она стоит за свой стародавний адат, а равно стоит против всякого нововведения, потому что это в натуре всякой массы. Таким свойством ее всегда пользуются для собственных своих интересов те выдающиеся из нее личности, которые называются вожаками толпы. К сожалению, этими вожаками являются в Дагестане по большей части хаджи: они-то и сообщают весьма естественному и в существе здоровому консерватизму массы ту тенденциозность, которую можно признать за характеристическую черту общества дряхлого, уже отживающего свой век. Тенденциозность — это, так сказать, ржавчина мысли: она тормозит быстроту ее полета, скорость ее восприятий; она — враг всякого прогресса и постоянный спутник рутины; она не стремится к уяснению дела, а только замазывает глаза на него и свои и других. Этой тенденциозности всего больше в беседах старцев, искушенных — как говорят — в горниле опытности, и ее меньше всего в среде людей свежих, пытливых, жаждущих света и правды и вполне годных для восприятия всякого нового их луча.

Без сомнения, такая, подчас мудрая, но чаще мудрящая, наклонность весьма заразительна, потому что усваивать ее не трудно; от вожаков она переходит к водимым. Поэтому те дагестанские джамааты, которые имеют впереди себя наименьшее число хаджи и вообще краснобородых, по-видимому — самые здоровые джамааты. И если бы понадобилось указать пределы, с которых в Дагестане нравственное здоровье населения заметно слабеет, то, кажется, не будет ошибки утверждать, что оно еще крепко в Верхнем Дагестане, несколько слабеет в Среднем и в весьма сомнительном состоянии находится на плоскости. А потому, кто имеет в виду ознакомиться с самобытным складом дагестанской жизни, с тем, как она сложилась под влиянием лишь местных условий, вне влияний пришлых, чуждых ей элементов, тот должен обратить свое внимание преимущественно на общества Верхнего Дагестана, где дагестанская самобытность покоится еще, так сказать, в бессознательном состоянии, и затем — на общества Дагестана Среднего, где она осмысливается, но понемногу слабеет; искажается же она постепенно по направленно к морю, к плоскости, осложняясь примесью многих посторонних влияний.

Я не возьму на себя разрешения трудной задачи, в чем именно заключаются главнейшие черты дагестанской самобытности; я могу указывать только на некоторые ее проявления, бросающиеся в глаза проезжего. Так, например, нельзя не заметить, что в Дагестане все, что может служить для защиты страны, для сохранения ее отчужденности от остального мира, — все это находится в целесообразном порядке: тропинки едва существуют, аулы неприступны, каждое жилище в отдельности неудобо проницаемо, и все эти кажущиеся нам неудобства дагестанской жизни носят на себе один стиль, созданы по плану как бы одного архитектора. Такая неудобная для жизни обстановка не мешает однако, как я сказал выше, замечательной общительности дагестанцев между собою, следовательно — такая обстановка неудобна только для чужих. Этому своеобразному внешнему складу дагестанской жизни должна, без сомнения, соответствовать и внутренняя сторона той же жизни. Словом, кто видел Дагестан, тот согласится, что страна эта представляет замечательный, в высшей

степени своеобразный мир, и в общих чертах и в мелочах, сложившийся по одной мерке, по одному идеалу, так что не будет натяжкой приписать ему обладание своего рода цивилизацией, которой нынешнею отличительною чертою служит *искусство в горном домостроительстве*.

«Мы хорошие каменщики, — заявил о себе тилитлинский джамаат: — мы мастера строить аулы...» Это признание тилитлинцев, говоривших на сходке устами только самых тонких доморощенных своих дипломатов, не может быть рассматриваемо в одном прямом его смысле: нет, в этом заявлении тилитлинской дипломатии звучала нота, которая побуждала видеть перед собою в лице предстоявших и говоривших — не простых каменщиков, а тех строителей, которыми устраивался край; даже больше: это не только строители, архитекторы и инженеры, но они же и те моральные камни, на которые следует смотреть как на зиждительный материал всего дагестанского склада жизни.

Само собою, не одни тилитлинцы должны быть признаны мастерами горного дагестанского домостроительства; стоит заглянуть в любой уголок Дагестана — и всюду в нем окажется, что это домостроительство процветает. Но много значит, что в заявлении тилитлинцев об искусстве их строить аулы заметно было сознание, что таким искусством в Дагестане поистине можно гордиться.

Дело каменщика, строителя — великое для Дагестана дело. Без сомнения, научиться этому делу всего легче было для дагестанцев у природы, их окружающей: стройся так, как она устроена, то есть сделай и свои жилища столь же труднодоступными, как недоступны трущобы дагестанских гор. Но, как известно, великое дело есть нередко самое простое, самое, по-видимому, легкое дело. Продолжительной войной с могущественным соседом дагестанцы, кажется, хорошо доказали, что они вполне усвоили это наставление окружающей их природы. Правда, еще гораздо раньше они впустили к себе посторонний элемент, от которого не защитились своим искусством в горном домостроительстве, — впустили ислам. Но этот захожий элемент нашел себе у дагестанцев только кажущийся радушный прием, да и то преимущественно у жителей плоскости; ядро же дагестанского населения, засевшее в окрестностях Гуниба и в верховых ущельях Дагестана, относилось к нему довольно равнодушно, пользуясь его услугами только в крайних случаях, как единственно возможным союзником для самообороны. Он служит и теперь для истых дагестанцев не больше как религией официальной; сердечной же их религией остается стародавний адат, выработавшийся под влиянием требований горного домостроительства, преподанного складом местной природы. Теперь стала уже довольно явною ошибка Шамиля, состоявшая главным образом в том, что он стремился быть больше мусульманином, чем дагестанцем, чрез что и проиграл все свое громадное значение в Дагестане.

Таким образом, судя о Дагестане по первым впечатлениям, нельзя не прийти к выводу, что основа дагестанской самобытности, или же своего рода дагестанской цивилизации, лежит в своеобразном искусстве горного домостроительства, понимая последнее в самом обширном значении, то есть как в отношении устройства частного жилья, так и в отношении частного и общественного распорядка, обусловливаемого требованиями горной архитектуры. С этой точки зрения легко понимаются и дурные и хорошие черты дагестанской своеобычности...

VII

Поездка в Кумух

20 сентября мы оставили Гуниб — центр управления Гунибского округа и всего Среднего Дагестана, и выехали в Кумух — центр управления Казикумухского округа. Ранним утром, при ясной и теплой погоде, мы спустились с Гуниба и, не доезжая моста чрез Кара-Койсу, своротили вправо; через быструю речку эту, в ту пору довольно маловодную, мы переправились вброд и направились к аулу Чох, построенному на одном из отрогов Турчидага.

Верст пятнадцать ехали мы среди безжизненной местности, изрытой оврагами, с глинисто-песчаной почвой, лишенной почти всякой растительности. Впереди, все ближе, прояснялся Турчидаг — безлесная, продолговатая, с крутыми скатами, гора, высотою до 7 тысяч футов; контрфорсами к ней примыкали скалистые, невысокие отроги, и на ближайшем из них показался Чох. Аул этот занимает одну из наиболее сильных позиций Среднего Дагестана: в 1742 году под Чохом потерпел поражение Надир-шах; впоследствии, при Шамиле, Чох составлял своего рода крепость, служившую преградой русским войскам, напиравшим с Турчидага на Андалал.

С трудом поднялись мы на узкий чохский гребень, с одной стороны застроенный саклями, а с другой падающий глубоким обрывом. На самой вершине этого гребня, на месте разрушенной шамилевской крепости, выстроились теперь довольно благообразные сакли, из тесаного камня, с окнами, в которых, вместо обыкновенных в горах внутренних деревянных заслонок, вставлены рамы со стеклами; галереи были опрятно выбелены, чрез что верхние чохские сакли глядели гораздо приветливее построек прочих среднедагестанских аулов, по цвету своему совершенно подходящих к грунту гор. Мы остановились на отдых в сакле наиба (Чох есть главное селение Андалалского наибства), убранной не столько во вкусе чисто горском, сколько плоскостном или персидском: обилие ковров, тюфяков и одеял, уместная и неуместная драпировка стен и окон, наполненные всякого рода по-

судою ниши, — все это почти роскошно в сравнении с убого простой обстановкой чисто горского жилья. Гостеприимная хозяйка угостила нас своей стряпни обедом, тоже не в горском вкусе: поданы были суп, битки и жареные перепелки, — впрочем, суп был предложен по-горски, то есть в русских чайных полоскательных чашках.

За Чохом наступил утомительно длинный и трудный подъем на Турчидаг. Когда, наконец, мы въехали на вершину этой горы — нельзя было не вдохнуть в себя весело свежий, здоровый нагорный воздух, нельзя было не заглядеться на необозримый вид, открывшийся пред нами. Справа, глубоко внизу, лежал почти весь Средний Дагестан, проглядывавший чрез синеватую дымку множеством своих вершин и впадин, каменистых, безлесных и вообще безжизненных, между которыми особенно угловато выделялись контуры Гуниба и Кегерских высот. Таков был вид по направлению к северо-западу. Слева же, на восток, за широким зеленым плато Турчидага, тянулась в отдалении фиолетового цвета цепь Цудахарских, Акушинских и Кутишинскнх высот, образующих постепенно возвышающиеся террасы.

Несмотря на позднее время года, широкое плато Турчидага представляло роскошно зеленевшее пастбище. Пробираясь промеж высокой травы, мы не раз встретили на пути нашем большие стада баранов. Завидя наше приближение, пастухи этих стад схватывали какого-нибудь, менее других проворного барана, тащили его поближе к тропинке, по которой мы ехали, и уже заносили кинжал над несчастной жертвой, попавшейся на заклание в честь проезжего почетного гостя. Больших усилий стоило удержать пастухов от исполнения такого кровавого требования горно-пастушеского этикета.

Проехав версты три-четыре по плоской вершине Турчидага, в направлении на юго-восток, мы снова повернули к западному склону этой горы, и путь наш пошел по ее карнизу, с высоты которого трудно было глядеть вниз, не испытывая головокружения. В глубине пропасти, открывавшейся в двух-трех шагах от нашей тропинки, синели, покрытые мглою, холмы и овраги Андалала; в двух котловинах его едва можно было различить скученные постройки аулов: ближе — Меге, а дальше — Сугратля, и казалось, что к ним нет отсюда другого пути, как только по воздуху... Вообще, вид с этого карниза Турчидага способен доставить проезжему сильные и в своем роде единственные ощущения. Затем, понемногу спускаясь, мы въехали на горную перемычку, соединяющую Турчидаг с хребтом, идущим по правую сторону Кара-Койсу, и таким путем достигли границы между округами Гунибским и Казикумухским, а вместе с тем и водораздела между притоками Кара-Койсу и Казикумухского Койсу.

Казикумухский округ, образованный из Казикумухского ханства, причисляется в административном отношении к Среднему Дагестану. Но местность и обитатели этого округа имеют много своих особенностей. Местность Казикумуха, даже и по сравнении ее с небогатыми угодьями прочих частей Среднего Дагестана, представляется весьма непригодною для жизни; обитатели же ее — особое племя, само себя называющее *лак*, — принадлежит к наиболее промышленным и предприимчивым обществам всего Дагестана. Без сомнения, между первым и вторым обстоятельствами должна быть своя причинность[17].

С седловины Турчидага мы спустились в тесное и мрачное ущелье, в направлении к югу, и скоро достигли ложа горной речки, называемой Варайндал-них и берущей свое начало в горных скатах этой горы. Тропинка, по которой мы ехали, пошла вблизи извилин самой речки; с обеих сторон ее высились бесплодные скалы, на которых нигде не приметно было ни дерева, ни кустарников; нигде на серых скатах и более отдаленных гор, показывавшихся местами из-за ближних скал, не видно было никаких следов пахати, хотя и есть в нескольких пунктах этого ущелья небольшие поселки. Мы проехали только вблизи одного из них, по имени Варайми, расположенного своими постройками так, что издали он казался одним сплошным строением, в виде форта.

Таким мрачным горным коридором ехали мы верст двадцать, почти до самого селения Кумуха, перед которым местность несколько расширилась. Уже при виде одного этого ущелья становилось вполне ясным, почему лаки ежегодно в значительных массах оставляют родину и отправляются добывать себе хлеб на стороне то заработками на плоскости, то торгуя и занимаясь разного рода ремеслами, преимущественно же лудильным и медным мастерствами, в других обществах Дагестана и даже далеко за пределами его[18].

Главное селение лаков, Кумух (по местному выговору — Гумук), показалось на вершине холмистого возвышения и глядело издали длинным рядом строений, между которыми заметны были круглые башни и значительное число стогов хлеба. Но прежде чем въехать в Кумух, нужно было сперва пробираться но крутому косогору, над обрывом, пониже селения Вильтах, затем спуститься к речке, подняться на возвышение и оттуда, через оригинальный мосток, перебраться в самый Кумух. Мосток этот переброшен через глубокий овраг, состоит всего из двух-трех бревен и не имеет никаких перил, так что приходится, проезжая его, испытывать ощущения балансировки на канате. Один из наших проводников-лаков, говоривший немного по-русски, — прежде чем въехать на этот мосток, рассказал мне следующее: однажды ехал в Кумух какой-то армянин, и нужно же было, чтоб в тот самый миг, когда он проезжал средину мостка, вдруг из-под него выпорхнул голубь; лошадь испугалась, метнулась в сторону и рухнула вместе с всадником в пропасть... После этого рассказа проводник стегнул нагайкой своего коня и помчался чрез злополучный мосток, имеющий длины шагов двадцать или тридцать.

С первого же взгляда на Кумух, селение это, расположением своим и постройками, значительно разнится от виденных уже нами селений Среднего Дагестана. Место, на котором он построен, —

значительно ровное и просторное; к нему прилегает озерцо, или большой четырехугольный пруд родниковой воды; за этим озерцом — большая площадь, служащая местом здешних базаров; к площади, с северо-западной стороны, ведут проезжие улицы, а с юго-восточной ее обтекает, в глубоком овраге, река Казикумухское Койсу; с прочих сторон селение окружают покатые холмистые высоты, на которых вдали там и сям виднеются аулы. Несмотря на такой, по-видимому, мирный характер устройства Кумуха, он все же занимает собою крепкую позицию, которая защищается то глубокими оврагами, то оборонительными башнями; кроме того, местность, занимаемая Кумухом, важна в том отношении, что она составляет как бы узел всех ущелий казикумухской территории.

Мы пробыли три дня в Кумухе и успели осмотреть его достопримечательности, которых, впрочем, немного. Поселение это довольно древнее. Уже арабские завоеватели Дагестана застали Кумух главным селением (по местному названию — городом) лаков. Так, дагестанские летописи повествуют, что во II веке гиджры арабский полководец Абу-Муселим, по занятии Дербента, пошел в Кумух, что эмиры и жители последнего, после нескольких битв, просили пощады и приняли исламизм, что Абу-Муселим украсил Кумух многими постройками, в том числе мечетями, что, наконец, он поставил здесь правителем Шах-Баала, сына Абдуллы, сына Абаса, дяди пророка Магомеда, и назначил при нем казия, для обучения жителей обрядам новой веры[19]. С завоеванием Кумуха арабами имеют тесную связь все его достопримечательности. Из них главнейшие — его мечети. Но едва ли хотя одна из них современна самому нашествию арабов на Дагестан, едва ли сохранилась и надпись 777 года по Р. Х., гласящая о занятии Кумуха Абу-Муселимом и о времени построения им мечети. Местный кадий, к сожалению, не мог указать нам этой надписи, а та самая мечеть, которая в Кумухе считается главною и самою древнею, — видимо, позднейшей постройки; по словам кумухцев, она перестроена из старой, при Магомед-хане (+ 1789 г.). По Дагестану, мечеть эта может считаться даже великолепной постройкой: она сложена из больших тесаных камней, местами узорчато-высеченных, с большим куполом и с рядами арок; она просторна и довольно хорошо освещена. Нахождение в Кумухе такой мечети, да еще меньших семи, при населении ею всего в 2500 человек, могло придать этому селению в глазах окрестных жителей значение как бы священного места, даже и помимо того обстоятельства, по которому кумухцы, будто бы, из числа первых в Дагестане приняли ислам, за что и получили почетное прозвище — *гази*, или *кази*, то есть ратующие за веру. Кроме того, Кумух богат кладбищами, своего рода святынею. На этих кладбищах, из которых два ханских, нет памятников особенно замечательных ни по своему виду, ни по древности. Вообще, все надмогильные камни у мусульман-дагестанцев почти одинаковой формы, различаясь только величиной, искусством насечки и более или менее пространной надписью, — таковы же надмогильные камни как на ханских, так и на прочих кладбищах Кумуха. Но большое число этих кладбищ, вместе с преданием, слышанным мною в Кумухе, что селение это служило местом общего погребения для окрестных селений, — могло тоже придать ему значение священного места[20]. По всей вероятности, в отношении окрестных селений Кумух имел права метрополии, и остатки этих прав до сих пор заявляют себя в притязаниях кое-каких его жителей на господство над соседними аулами или, по крайней мере, на некоторые повинности с них; сами же кумухцы до последнего времени никаких податей никому не отбывали.

В Кумухе еще целы два ханских дома, хотя в одном из них отчасти произошли переделки, в русском вкусе. Впрочем, переделана только та часть этого дома, которая занята собственно окружным управлением; в другой же половине проживает и теперь бывшая ханша[21]. Без сомнения, только эта последняя половина может напомнить собою ту обстановку, какая окружала кумухских ханов. Лучшие жилые комнаты этого дома, как и в каждой дагестанской сакле, находятся на втором этаже; в них ведет лесенка без перил, на которой весьма легко споткнуться; затем следует открытая галерея, с тонкими деревянными колонками, и с нее маленькая и узкая дверь, с высоким порогом, ведет в самые комнаты. Эти последние убраны отчасти по-европейски, то есть в них есть кое-какая мебель, а больше — в туземном вкусе; полы покрыты коврами и паласами; на стенах висят одеяла и куски материи; в нишах стен расставлена стеклянная и фаянсовая посуда, между которою больше всего чайных полоскательных чашек. При переходе из комнаты в комнату неизбежно встретишь спуск или подъем по нескольким ступеням.

В одной из комнат ханского дома я имел ночлег: в ней стояла двуспальная кровать, был стол, вроде письменного, было два-три стула; на кровати лежала перина, застланная парчовым одеялом, а в головах лежала одна громадная подушка, тоже парчовая, верхней наволокой для которой служил накрахмаленный тюль. Признаюсь, было бы гораздо слаще спать на простом холсте, чем на шуршащем тюле и жесткой парче.

В самой просторной комнате дома, потолок которой подпирался несколькими деревянными столбами, гостеприимно нас принимала и потом угостила ужином бывшая ханша. Стол сервирован и ужин был изготовлен по-европейски, но, кажется, не ханскими поварами. Ханша тоже присутствовала за ужином и объяснялась через переводчика. Во время ужина послышалась музыка — звуки бубна, сопровождавшиеся пением женских голосов и хлопаньем в ладоши; сперва пели на галерее, потому что певицы, кажется, сначала несколько конфузились и не решились войти в ту комнату, где мы ужинали, но потом вошли и, ставши в углу, закрыв при этом бубном свои лица, понемногу расшевелились и стали драть во все горло. Скоро к певицам присоединился музыкант, игравший

на дудке. Составились танцы. Кавалерами служили прислужники ханши, а дамами — служанки и приглашенные из аула женщины. Танцевали попарно мужчина с женщиною, плавно следуя один за другой и описывая круги, а при ускорении темпа музыки пускались вприсядку, причем женщины выделывали весьма забавные па.

Нужно заметить, что здешние женские костюмы довольно неуклюжи. На каждой из танцовщиц, принадлежавших по-видимому, к местным щеголихам, была длинная шелковая рубаха, из-под которой едва виднелись шаровары; на эту рубаху надет был бешмет, тоже шелковый, стянутый у грудей. Бешмет имел узкие рукава, из-под которых висели рукава рубахи. Эти последние, во время танцев при растопыренных руках танцорки, болтались и придавали всей ее фигуре подобие прыгающего пингвина. Головными уборами у танцорок служили цветные платки, повязанные вокруг головы и шеи и напущенные низко на лоб; из-под этих платков иногда показывалась белая повязка, непосредственно надетая на волосы, которых здешние женщины вообще не стригут, тогда как в прочих обществах Среднего Дагестана женщины нередко подрезывают свои волосы, а в некоторых верхнедагестанских обществах, как например в Дидо, Капуче и Анцухе, даже и бреют.

Танцевали, как я сказал, сперва новый, а потом старый кумухский танец. Этот последний состоял в том, что сперва все танцующие женщины составляли из себя вереницу и плавно шли одна вслед за другой, описывая круг; потом женщин сменяла такая же вереница мужчин, и затем оставались на арене двое из них, передовых; между ними тотчас становилась одна из женщин, и в таком порядке делала круг одна партия танцующих, ее сменяла другая, третья и так далее.

В Кумухе, а равно и на дагестанской плоскости, такие вечеринки, или пирушки, — с музыкой, пением и пляской, — носят название *той*. При последнем казикумухском хане, любившем вообще веселую жизнь, той устраивался в ханском доме почти ежедневно, нередко переходя в неистовую оргию.

В Кумухе проживает и другая вдова последнего хана по имени Халай, занимающая со своим семейством особый ханский дом. Мы посетили и эту ханшу. Так как она, по происхождению своему, — из *каравашек*, то есть рабынь, то и не пользуется таким почетом у кумухцев, как Шамай-бике, происходящая от ханской крови. Ханша Халай, еще свежая женщина, принимала нас, сидя на ковре, с поджатыми под себя ногами; костюм ее, весь черный, в национальном вкусе, резко отличался от костюма ее дочерей, уже замужних: они одеты были почти по-европейски, притом в весьма богатые шелковые платья. Одна из них разливала чай, который нам и подан был по русскому обычаю. Вся обстановка и этого ханского дома, вообще не бедная, представляет также смесь туземного с русским.

При виде положения казикумухских ханш можно было заключать, что лакские женщины пользуются гораздо лучшею долею, в сравнении со своими соседками аварского племени. Если это так, что, впрочем, сомнительно, то этим кумухская женщина могла бы быть обязана прикаспийской плоскости, с которою кумухцы находятся в непрерывных сношениях и на которой женщина, по крайней мере у беков, состоит на положении серального ничегонеделанья. Вернее же, что в массе казикумухского населения женщина все еще служит главною рабочею силою и дома, и в поле, что доля ее и здесь нисколько не легче, чем в остальных среднедагестанских обществах; но в Казикумухе проявлялись и проявляются отдельные личности, которые, по близкому знакомству с плоскостными порядками, претендуют на бекскую роль в среде равноправных своих одноаульцев, а вместе с тем и жен своих ставят в серально-бекское положение.

Опрошенный в Кумухе джамаат представлял весьма людное собрание представителей от трех наибств Казикумухского округа[22]. Джамаатские заявления, как и следовало ожидать, заключали в себе немало жалоб: в самом деле, природа округа так скудна, что заставляет казикумухцев добывать себе пропитание большею частью на стороне. Взрослые из них только четыре месяца в году бывают дома; остальные восемь месяцев, начиная с осени, проводятся ими вне родины, на разного рода заработках. Хлеба со своих полей стает казикумухцам только на полгода; собственных пастбищ, при значительном овцеводстве[23], тоже недостаточно, и потому стада баранов продовольствуют на пастбищах соседних обществ, преимущественно в Кюринском округе; в лесе совершенный недостаток, так что отопление производится исключительно кизяками[24]; освещают жилища нефтью, которую покупают с прикаспийской плоскости. Несмотря, однако, на скудные местные угодья, кумухцы, сравнительно с прочими дагестанцами, далеко не бедствуют. Нужда и привычка к хожалости побуждают их изворачиваться и добывать себе не только хлеб, но нередко и капиталец — торговлею, ремеслами, и заработками. Из них есть торговцы, ведущие свои обороты на десятки тысяч рублей; изделия казикумухцев проникают даже в Тифлис; между ними есть замечательные оружейные мастера и искусные резчики на металле и кости; лудильщика-казикумухца можно встретить в разных местах Кавказа — иные из них заходят даже в Ростов, в Оренбург, в Нижний. Впрочем, такими предприимчивыми людьми бывают преимущественно жители Кумуха; из прочих же селений округа большею частью ходят только на прикаспийскую плоскость — в Дербент и Кубу, где нанимаются в маренокопатели, зарабатывая на маренниках, в течение восьми месяцев, рублей по пятидесяти и больше.

Прежнее боевое житье помянулось многими из представителей джамаата как самое худое для них время. Особенно не сыто было при нем мугархцам. «Теперь мы поправились, — говорили они: — А прежде сильно бедствовали! Штаны носили всего до колен, рубаха бывала длиною в локоть, папах — весь в паршах; ели одно толокно с водою; все селения наши были сожжены... Теперь же — слава Богу!»

По наружному виду, представители казикумухского джамаата несколько отличались от прочих среднедагестанцев: нередко проглядывал в среде их отчасти армянский, а больше еврейский тип лица; в костюмах заметен был больше татарский, чем горский покрой; аварских бараньих шуб, с хвостоподобными рукавами, ни на ком не было видно, но на многих были обыкновенного покроя тулупы; обувь — кожаная. Вообще же, в Кумухе и на казикумухцах уже значительно заметно влияние так называемой плоскости, то есть каспийского побережья, подвергавшегося в свою очередь многим внешним влияниям. Горско-дагестанский тип, еще чистый в аварце, — в лаке заметно осложняется.

С русским элементом казикумухцы значительно уже освоились. Бывшее ханское управление привело их под русскую власть еще в начале настоящего столетия. С 1820 году русские войска не раз занимали Кумух, а в 1843 году, напротив этого селения, за глубоким оврагом, по которому течет Койсу, заложено укрепление, служащее и в настоящее время штаб-квартирой линейного батальона. Укрепление это уже успело порядочно устроиться — обзавелось слободкой, садиками и огородами. Зеленеющий вид его приятно отличается на буром цвете окрестностей. Довольно хорошая растительность, осеняющая русские домики укрепления, наглядно доказывает, что и кумухцы могли бы выращивать у себя то или другое дерево и чрез то сколько-нибудь смягчить суровый характер своей страны; но они, видимо, не увлекаются примером укрепления — и аул их по-прежнему без дерев и без огородов.

Правда, кумухский климат весьма суров; высота местоположения и близость вечных снегов не могут благоприятствовать нежной садовой растительности; акация и тополь с трудом выносят здешние зимы; яблоня цветет и дает завязи плодов, которые, однако, не дозревают; но вишня доспевает. В Кумухском Койсу вода и среди лета так холодна, что ее не пьют. Зато огородные овощи могут разводиться здесь с большим успехом. Не говоря про укрепление, при котором разведены хорошие огороды, даже некоторые казикумухские аулы специально промышляют известными отраслями огородничества: вероятно, такого рода специальность освящена давно сложившимся местным адатом. Так, жители селения Кумалю разводят много луку, а в особенности огурцов, и слывут за огурцеедов (чикабукулт); жители селения Хараши занимаются разведением моркови, которая, однако, у них не идет в горячее кушанье, а поедается сырьем. Такие частные случаи занятия огородничеством уже показывают, что оно может, со временем, а особенно при известном руководстве, получить значительно большие размеры. Нельзя также отрицать, что и искусственное разведение лесов не может иметь успеха на здешней, по-видимому, бесплодной почве: нахождение в некоторых, правда — весьма немногих, местах Казихумуха небольших заповедных рощ (как например, около аула Вихли) говорит в пользу противного мнения.

Кумухские базары, бывающие еженедельно, по четвергам, — служат местом сбыта произведений не только Казикумуха, но и соседних с ним мест. Фрукты привозят сюда из Ходжал-махов, Гергебиля и даже из Голотля; овощи — из упомянутых выше селений, занимающихся огородничеством, а также из Даргинского округа; хлеб, соль и нефть — с прикаспийской плоскости. Сами кумухцы выносят на базар свои изделия — войлоки, сукна, бурки, сыр, оружие, разного рода мелкие вещицы, как например деревянные трубочки и чубучки, и разные безделушки из серебра и каменного угля[25]. Некоторые русские товары, из красных и бакалейных, доставляются сюда из Шуры; из нее же снабжаются напитками и четыре кумухские духана, на которые сильно косятся (не знаю — искренно ли) местные хаджи, так что, при опросе джамаата, они заявили просьбу о закрытии этих якобы притонов пьянства и разврата. Едва ли, впрочем, в нравах большинства кумухцев такой пуризм хаджей... Наконец, кумухские базары служат весьма деятельным посредником в сближении между кумухцами и гарнизоном Кумухского укрепления[26].

Пребывание наше в Кумухе совпало с тем временем, когда кумухцы, окончив осенние полевые работы, собираются уходить на заработки. Время это есть также по преимуществу пора свадеб. Нередко, говорят, бывает при этом, что иной молодожен, спустя дня три после свадьбы, оставляет свою избранную вдовствовать на целые восемь месяцев. Насколько это приятно молодой чете — обычай не смотрит; но такого рода порядки необходимо влекут за собою укрепление за кумухскими женщинами значительной доли самостоятельности, хотя самостоятельность эта окупается дорогою ценою — усиленным, никем не разделяемым трудом по устройству дома и хозяйства[27].

24 сентября мы оставили Кумух и направились в пределы Даргинского округа, в главное селение Сюргинского общества, Урари. Погода все еще вполне благоприятствовала нашей поездке, и мы перевалились, не встретив на пути снега, через высокий кряж, между горами Хунзунту и Тунудаг (9733 футов), служащий границей отделов Дагестана — Среднего и Северного.

Примечания

1. Другой главный исток Андийского Койсу начинается в Тушетии у горы Барбало и называется Дагестанской, или Перекательской Алазанью.

2. Аул Хупро расположен на высоте около 5 ½ тысяч футов над уровнем моря. (Все показания высот определены по определениям академика Рупрехта).

3. Об устройстве дагестанских жилищ вообще будет сказано ниже.

4. В Дидо эшаки (ослы) редкость; они не выносят здешнего сурового климата.

5. Абсолютная высота Рехюк-ёр при этом ауле определена академиком Рупрехтом в 6072 фута.

6. В Верхнем Дагестане еще в ауле Чодоколо (в Анцухе) отстраивается такой же на европейский лад дом, местным же наибом.

7. О них идет молва, что они любят есть сырое мясо, отчего, быть может, явилось и прозвище их цези (орлы), в смысле — хищные из хищных.

8. Дидойское общество состоит из трех частей: Шуратля, Шиитля и Асахо, из которых каждое лежит в отдаленном ущелье. Всех селений в обществе (по камеральному описанию 1866 года) считается 36 и 2 отселка; в них дворов 1025, а жителей 3165 обоего пола.

9. Язык инухцев считается особым наречием дидойского языка, схожим с тем, на котором говорят жители селений Митрода и Хушеты в Ункратле, переселившиеся сюда из Дидо. Замечательно, что слова церковь и воскресенье (день) на инухском наречии выражаются одним и тем же словом.

10. Общество Кель (7 селений и свыше 300 дворов) входит в состав гидатлинского наибства. «Кто из нас не имеет жены-ткачихи, тому жить трудно», — так говорят кельцы. Эти кельские ткачихи ткут лучшие в Дагестане шали (лезгинские сукна); в особенности же славятся шали (мерою каждая в 12—13 локтей), приготовляемые в кельском ауле Ругильды. Кельцы не спускают своих баранов на плоскость и не стригут их, а выжидают времени, пока шерсть с них начинает сама собою спадать; шерсти не моют: все это кельцы считают необходимым условием для получения шерсти, вполне пригодной для хороших шалей. Цена кельской шерсти — рублей 5 за пуд; цена хорошей шали — 8 и 10 рублей. В течение зимы кельская ткачиха успевает соткать не более 5 шалей лучшего сорта. Шали эти продаются в Кахетии и даже в Тифлисе. В Келе приготовляют также войлоки и шерстяную обувь, для чего кельцы скупают шерсть в соседних обществах, но преимущественно в таких, где баранов круглый год держат в горах, а не спускают на плоскость. Лучшею после своей кельцы признают шерсть тиндинскую и хваршинскую (в Западном Дагестане).

11. Жители трех селений (Тлану, Циго и Ратлу), входящих в состав Гидатли, но завоеванных гидатлинцами у цунта-ахвахцев, преимущественно — скотоводов.

12. К Тилитлинскому обществу принадлежат, кроме Тилитля, еще два аула: Ури (138) и Зиури (38 дворов), но оба последние принадлежали прежде к Гиду и присоединены к Тилитлю только при Шамиле. Тилитлинцы, по языку своему, принадлежат к тем аварцам, которые называют себя маарулал (горцы), в отличие от багуалал, так сказать — дикарей, к которым между прочим относятся и гидатлинцы. См. «Сборник», вып. 2-й, отдел «Народные сказания», стр. 4—6.

13. Аул Ругжа (на картах Ругуджа), Андалалского наибства, имеет 428 дворов.

14. В то время 12-го линейного батальона.

15. Название Карадахского укрепления и Карадахской щели произошло, вероятно, от аварского слова Корода, которым обозначается как целое общество, так и главный аул этого общества, лежащий невдалеке от укрепления.

16. Вот некоторые статистические сведения, дающие хотя приблизительное понятие о степени достатка среднедагестанских обществ:

(по сведениям за 1867 год)

	Количество посева разного хлеба, саб:	Количество сбора	Лошадей	Рогатого скота	Овец	На число жителей обл.
В наибствах						
Тилитлинском	12,163	57,683	161	3,073	23,814	6,203
Куядинском	25,700	180,530	500	8,352	27,715	8,409
Андалалском	24,850	82,147	200	8,760	110,347	9,944

17. Читатели «Сборника» имеют уже значительный материал для ознакомления с лаками, в статьях «Казикумухские (лакские) народные сказания» (Сборник, выпуск I), «Казикумухские и кюринские ханы» (выпуск II) и «Как живут лаки» (выпуск III)

18. В Казикумухском округе считается свыше 34 тысяч жителей; из них мужского пола более 16 тыс. Из этого последнего числа, по сведениям, полученным мною в окружном управлении, уходили на заработки, по билетам: в 1860 г. — 5735 человек, в 1861 г. — 1890, в 1862 г. — 4005, в 1863 г. — 3510, в 1864 г. — 6505, в 1865 г. — 6108, в 1866 г. — 5452, то есть средним числом ежегодно между 5-ю и 6-ю тыс. мужчин, или же около $^1/_5$ всего мужского населения округа.

19. Сведения эти имеются между прочим в рукописной истории Дагестана, составленной Абас-Кули-Бакихановым, пользовавшимся летописными дагестанскими сказаниями, что сходно и со сказанием о Дербенте (Дербент-намэ), хотя несколько противоречит изустному преданию казикумухцев, приведенному в статье господина А.К.: «Казикумухские и кюринские ханы» (Сборник, выпуск II, стр. 5), по которому «жители Гумука сами прислали выборных к арабскому полководцу Абу-Муселиму

просить о посылке к ним наставников в новой вере». В одном из бывших у меня под рукою дагестанских таварихов (летописей) прямо сказано, что арабы, устроившись в Дербенте, «стали искать случаи напасть на Кумух, с которым по наружности были в мире. Они воспользовались первым поводом, *напали на Кумух, разорили его, а жителей обратили в ислам; необратившихся же убили*»

20. В обществах Даргинского округа отчасти и доселе сохранился такой порядок, по которому в каждом обществе одно селение считается главным; остальное же все подчиняется управлению главного селения до такой степени, что отселки, весьма значительные по числу дворов и имевшие по несколько мечетей, не имели права хоронить мертвых иначе, как на кладбищах главного селения («Сборник статистических сведений о Кавказе», статистические списки населенных мест Дагестанской области, А. Комарова, стр. 13).

21. По имени Шамай-бике. Она дочь Нуцал-хана, вдова Агалар-хана, теперь в замужестве за одним из сыновей последнего кюринского хана.

22. В 1867 году Казикумухский округ подразделился на 4 наибства: Вицхинское, Аштикулинское, Мугархское и Дусараратское (в настоящее время он состоит тоже из 4-х наибств: Вицхинского, Казикумухского, Аштикулинского и Мугархского), и в Кумух собрались представители от трех первых, ближайших к нему, наибств; представители же Дусараратского наибства опрошены были начальником Горского управления в Ирибе, в проезде наш через Тлейсерух.

23. По официальным сведениям, в округе считается 180 тысяч баранов, то есть почти по 6 на каждого жителя, или по 26 на двор.

24. В верстах двенадцати от Кумуха добывается торф — преимущественно для потребностей Кумухского укрепления. Лучшие слои этого торфа уже сняты; остаются залежи плохого качества. Одна доставка этого топлива в Кухуме обходится по 6 рублей за сажень; самая же добывка его производится солдатами, с большим трудом, так как на торфяниках приходится работать по пояс в воде.

25. Каменный уголь, в небольших залежах, находят на Турчидате, а также на землях общества Каба-Даргва, Урахаинского наибства, Даргинского округа.

26. Привожу кумухские цены на некоторые предметы продовольствия: курица — 10 коп., цыпленок — 5 коп., 13 яиц — 5 коп., пуд соли — 50 коп., сотня огурцов — 50 коп.; фрукты (персики, виноград, яблоки и груши) продаются почти круглый год и по весьма низким ценам.

27. Нельзя не обратить внимания на следующий факт, объяснение которого зависит от наблюдательных людей, близко знакомых с бытом казикумухцев: не смотря на указанные невыгодные условия для брачной жизни казикумухских супругов, между ними редко бывают такого рода столкновения, результатом которых в дагестанской среде служит обыкновенно убийство или поранение. По сведениям за 1861-1868 гг., о числе и поранений в Дагестанской области *по прелюбодеянию*, оказывается, что из числа 61 случая убийств и 31 случаев поранения этой категории, на долю Казикумухского округа попадает за означенный период всего только 3 убийства и 1 поранение по прелюбодеянию (См. «Сборник», выпуск I, Приложения к статье А.В. Комарова, «Адаты», стр. 66-72).

Текст и примечания печатаются по источникам:

Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах, издаваемый с соизволения Его Императорского Высочества Главнокомандующего армиею при Кавказском горском управлении. – Тифлис, 1868. – Выпуск I. – Ч. I–III.

Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах, издаваемый с соизволения Его Императорского Высочества Главнокомандующего армиею при Кавказском горском управлении. – Тифлис, 1870. – Выпуск III. – Ч. IV–VII.

Исследования, посвященные Н.И.Воронову

И.П. Лейберов

Цебельдинская находка

Студент, учитель, журналист

…На белый лист плотной александрийской бумаги ложился текст. Секретарь высочайше учрежденной в Санкт-Петербурге следственной комиссии выводил каллиграфическим почерком букву за буквой, слово за словом:

«По обстоятельствам производящегося в Комиссии дела признано нужным арестовать жительствующих: в Петербурге коллежского асессора маркиза Николая Александровича де Траверсе; в городе Сумах Харьковской губернии Пимена Петровича Лялина и долженствовавшего в июне сего года прибыть в С.-Петербург из-за границы и отправиться отсюда в Тифлис Николая Ильича Воронова»[1].

Этот документ, помеченный датой «7 августа 1862 года» и порядковым номером «144», подписанный членом Государственного совета статс-секретарем Александром Салицким, направлялся из следственной комиссии по делу «О революционном духе народа в России и распространении по сему случаю возмутительных воззваний» к управляющему Третьим отделением. На следующий день, 8 августа, по отделению был издан приказ о всероссийском розыске и аресте всех троих упомянутых в документе людей — отныне государственных преступников.

Это были люди, близко стоявшие к революционной подпольной организации «Земля и воля», созданной под идейным руководством Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена, Н.А. Добролюбова и Н.П. Огарева. Люди, выполнявшие рискованные задания Герцена, Огарева и Бакунина по транспортировке из Лондона и распространению в России революционных изданий, в том числе «Колокола» и «Полярной звезды».

Через 10 дней, 18 августа 1862 года, управляющий Третьим отделением генерал-майор А.Л. Потапов направил секретную депешу председателю совета кавказского наместника князю Георгию Орбелиани:

«Согласно постановлению следственной комиссии… имею честь покорнейше просить ваше сиятельство о приказании арестовать учителя Кубанской войсковой гимназии коллежского асессора Николая Ильича Воронова и, по опечатании всех бумаг, какие при нем будут найдены, доставить его вместе с сими бумагами, под присмотром, в Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии».

Понадобился месяц усиленных розысков жандармерии, чтобы напасть на след Воронова и арестовать его. 24 сентября князь Георгий Орбелиани сообщил главному начальнику Третьего отделения:

«Я получил сведения, что бывший учитель Кубанской войсковой гимназии Воронов прибыл в Тифлис по билету орловской городской полиции за № 2298. Приказав заарестовать Воронова и отправить его в сопровождении двух жандармов в Петербург, в Третье отделение… я имею честь уведомить об этом ваше сиятельство и препроводить найденные при Воронове бумаги»[2].

Свыше двух недель жандармы везли закованного в ручные кандалы Воронова сначала на перекладных от Тифлиса до Екатеринослава, а затем поездом по железной дороге от Екатеринослава через Москву в Петербург. В Петербург прибыли 11 октября 1862 года.

Об отце Н.И. Воронова

Кто же был Николай Ильич Воронов, причинивший столько хлопот царской жандармерии?

Отец Николая Ильича, Илья Иванович Воронов, получил основательное для своего времени образование: в 1806 году закончил Тверскую духовную семинарию, а в 1810 году — Петербургский педагогический институт (на базе которого через 9 лет был создан Петербургский университет)[3]. Свыше 35 лет он проработал учителем в двухклассном (с 1834 года — трехклассное) Валковском уездном училище в Харьковской губернии и 20 лет из них — штатным смотрителем этого училища.

Хотя и числился И.И. Воронов дворянином, но ни своим имением, ни благосостоянием похвастаться не мог. Родовая деревенька Ивановка с 18 душами крестьян мужского пола давала минимальный доход. Материальной опорой семьи было жалованье И.И. Воронова.

Своих детей Илья Иванович приучал к труду, честности, дисциплине. Любил умную, интересную книгу, ценил ее. В доме была приличная библиотека.

И.И. Воронов написал ряд оригинальных научных статей. В июне 1817 года в журнале «Украинский вестник» (выходившем на русском языке) он поместил обширную статью под названием «О причинах различия умственных и нравственных способностей». Статья была написана под влиянием идей Великой французской революции и победоносного исхода Отечественной войны 1812 года. Она чрезвычайно интересна тем, что создана рядовым учителем народного училища в украинском уездном городишке Валки. Дух свободомыслия, который пронизывает статью, пробудился в И.И. Воронове, по-видимому, еще во время учебы в педагогическом институте в Петербурге, где сказывалось влияние радищевской антикрепостнической мысли.

Илья Иванович Воронов писал: «...чувство свободы воскрыляет умы к своему парению, к усовершенствованию себя... Невежество и угнетение есть величайший неприятель как просвещения, так и благосостояния общественного; даже самые необыкновенные способности без счастия, без побуждений и без свободы погребаются во мраке неведения»[4].

В статье дается высокая оценка деятельности «великих гениев», писателей, политических мыслителей и философов XVIII века — Руссо, Вольтера, Канта, Лейбница. Рядом с ними Воронов ставит замечательных русских ученых, писателей и поэтов: М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, А.П. Сумарокова, чьи «бессмертные имена прославили Россию». Обращаясь к ним, автор восклицает: «Ваша слава предвозвестила зарю прекрасного и светлого дня просвещения, ожидающего потомков наших».

Хотя статья была написана эзоповским языком в тяжеловесном стиле XVIII столетия и она не обошлась без упоминания «человеколюбивого монарха нашего», в ней чувствовалось зарождение декабристского свободомыслия, проникавшего из столичного Петербурга и в малороссийскую глушь. Отцовское свободомыслие передалось младшему сыну Вороновых, Николаю.

Годы учебы

Николай Воронов родился 5 марта 1832 года. О детстве и отрочестве Николая Воронова известно мало. Его мать, Дарья Саввична, происходившая из семьи свободолюбивых запорожских казаков, по семейным преданиям, женщина добрая, душевная, умная, долгими зимними вечерами любила рассказывать детям сказки, читать появившиеся тогда детские книжки. Они внимательно слушали рассказы матери о былых подвигах казаков-запорожцев в схватках с татарами-крымчаками и турецкими янычарами.

В конце августа 1842 года, когда Николаю исполнилось 10 лет и он закончил Валковское трехклассное уездное училище, Илья Иванович отвез младшего сына в Харьков и определил в губернскую мужскую гимназию. Здесь уже учился его старший сын Константин. Отец и поручил ему заботу о младшем брате. Они оба учились на казенный счет. Дисциплина в Харьковской гимназии была палочная. Вся жизнь гимназистов строжайше регламентировалась дисциплинарным уставом. За самую малую провинность гимназистов били линейками, на долгие часы ставили в угол.

Время было мрачное. На российском троне царствовал Николай I. Все обучение и воспитание молодого подрастающего поколения царское правительство старалось подчинить влиянию феодально-клерикальной и монархической идеологии. Учебные заведения, включая и высшую школу, испытывали на себе гнетущую опеку церковников-мракобесов.

Позже Н.И. Воронов писал в своих «Школьных воспоминаниях», опубликованных в пятом томе «Журнала для воспитания» за 1859 год: «...трудно представить себе что-нибудь подобное той коллекции невежд и нравственных уродов, которой поручен был ближайший уход за развитием наших нравственных способностей. Это были какие-то обноски людей, которым нужно же было чем-нибудь кормить себя — и вот дали им места пансионных надзирателей».

В гимназии Николай Воронов обнаружил глубокий интерес к изучению русской и украинской литературы, русской истории, географии, французского языка. В занятиях был усерден и дисциплинирован. Реакционная направленность обучения и воспитания не смогла заглушить в нем, как и в некоторых других

гимназистах, интереса к окружающей жизни, душевного и сердечного отношения к людям, постепенно растущего недовольства феодально-крепостническим ярмом в стране.

Летние каникулярные месяцы Николай вместе с братом (теперь студентом Харьковского университета) и сестрой Сашей проводил в родной Ивановке. Они бродили по окрестным селам и хуторам, толкались на крестьянских базарах, слушали песни украинских бандуристов о казачьей запорожской вольнице, о тяжелой крепостной неволе панских крестьян.

В сентябре 1849 года после окончания гимназии Н.И. Воронов поступил на первый курс историко-филологического факультета Харьковского университета, первого университета на Левобережной Украине, подлинного центра научной и общественной мысли юга России. В то время в Харькове насчитывалось 40 тысяч жителей, из них свыше 4 тысяч учащихся, проходивших курс обучения в 19 казенных (включая университет) и частных учебных заведениях[5]. Каждый десятый харьковчанин был учащимся. Это редчайший случай не только для российского губернского центра, но и вообще для европейских городов той эпохи. Младшего из Вороновых манила профессия народного учителя, преподавателя русского языка и словесности, российской истории. Сказывался пример отца.

Н.И. Воронов учился в университете в те годы, когда университетское образование в России переживало серьезный кризис. Царское правительство, напуганное революционным шквалом в странах Европы (Франция, Италия, Австрия, Венгрия и т. д.), который потряс основы феодально-монархических режимов, ростом крестьянских волнений в России, приняло жесткие меры по отношению к высшей школе, считая ее рассадником «вольнодумства». Университеты утратили значительную долю своих прав и внутренней самостоятельности. Над профессорами и студентами был учрежден строжайший надзор.

В университете Николай Воронов довольно быстро сблизился и подружился со своим дальним родственником и однокашником Иваном Рашевским — сыном обедневшего орловского помещика. Через два-три месяца они познакомились с Петром Вейнбергом, недавно перешедшим к ним на факультет из Ришельевского лицея в Одессе[6]. Приятели оделись в студенческие мундиры, сшитые в форме фраков, сбоку прицепили шпаги и на головы надели треугольные шляпы. Они гордились званием студентов, атрибутами своей одежды. Однако вскоре наступило протрезвление. Этому способствовала сама университетская обстановка: чинопочитание, грубость и слежка со стороны отвечавших за дисциплину инспекторов и педелей — младших служащих. При университете для ослушников имелся карцер с узкой полутемной камерой.

С первых месяцев занятий студенты-первокурсники возненавидели старшего инспектора Павла Эйлера — бывшего брандмайора городской пожарной команды — и субинспектора из студентов Дементия Засядко. Эйлер был крутой, жестокий и умственно ограниченный солдафон, а Засядко — хитрый и злой шпион с крадущейся походкой, заслуживший от студентов ненавистное прозвище Гиена. Их мелочная, часто издевательская опека над жизнью и бытом универсантов не знала границ.

В то время в Харьковском университете курс римского права читал профессор Александр Адамович Мицкевич — младший брат известного польского поэта-демократа Адама Мицкевича. Однажды Николай Воронов и Петр Вейнберг «поймали» профессора в коридоре и негромко выразили ему свое восхищение стихами его старшего брата — автора «Дзядов» и «Крымских сонетов». А.А. Мицкевич-младший внимательно посмотрел на них и ответил:

— Господа, вы ошибаетесь. У меня нет никакого брата. Это… не мой брат!

Профессор сказал это как-то тихо и неуверенно. Воронов и Вейнберг не знали, что Мицкевич-младший был под негласным надзором полиции и лекции по римскому праву ему дозволено было читать только из-за отсутствия высококвалифицированного специалиста по данной проблеме.

Со временем Петр Вейнберг и Николай Воронов ближе познакомились с А.А. Мицкевичем. Он оказался человеком добрым, умным, интересным, хорошо знающим древнегреческую и римскую историю и мифологию, польскую и русскую литературу. Профессор и друзья-филологи часто вели беседы о судьбах русской и польской литературы, культуры, судьбах двух славянских народов.

Вскоре в университете произошла история, которая взволновала всех студентов. В университете был заведен обычай дежурства казеннокоштных студентов по кухне. Дежурные назначались распоряжением инспекторов. 11 октября 1849 года студент-медик Федор Козлов дважды отказался подчиниться распоряжению Засядко о дежурстве по кухне. Студент мотивировал свой отказ тем, что «вообще не дело» универсантов посылать на кухню, а распоряжения дежурных «все равно не выполняются» торговцами, поставляющими продукты. Этого было достаточно, чтобы Засядко, минуя ректора и декана, сообщил о случившемся попечителю округа харьковскому генерал-губернатору С.А. Кокошкину. Тот приказал отстранить ослушника от занятий и посадить в карцер. Совет профессоров решил исключить Козлова из университета, о чем Кокошкин сообщил в министерство просвещения[7].

Как-то в конце октября Николай Воронов и Иван Рашевский стали невольными свидетелями дикой сцены в здании управления харьковского генерал-губернатора. Маленькая, пожилая женщина, мать Федора Козлова, обливаясь слезами, стояла на коленях перед осанистым, холеным Кокошкиным и умоляла его

отменить свое распоряжение. Генерал-губернатор остался непреклонен. Воронов и Рашевский были возмущены до глубины души. В тот же день этот случай стал известен студентам университета.

Несчастная мать отправила письмо министру народного просвещения князю П.А. Ширинскому-Шихматову с просьбой не исключать ее сына из университета. Однако министр утвердил решение С.А. Кокошкина.

Неправедная расправа с Козловым и бездушие начальства вызвали глухое возмущение студентов Харьковского университета.

В конце лета — осенью 1850 года Николай I и министр народного просвещения князь П.А. Ширинский-Шихматов совершили инспекционную поездку по некоторым университетским центрам. Надо было приободрить верноподданную профессуру, а преподавателей и студентов, склонных к «вольнодумству», припугнуть угрозой закрытия университетов или отправкой по этапу в места не столь отдаленные.

Князь Ширинский-Шихматов прибыл в Харьков в последних числах августа. Еще будучи товарищем министра внутренних дел, он снискал себе весьма печальную славу травлей передовой русской интеллигенции (М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.П. Огарева). За семь дней князь прослушал лекции 20 профессоров и преподавателей, обозрел все университетские помещения, особенно внимательно библиотеку. Ширинский-Шихматов улыбался, жал руки профессорам, вручал шпаги молодым людям, только что поступившим в Харьковский университет. А в последний день он произнес краткую речь в актовом зале при общем построении профессоров и студентов. Князь говорил:

— Нисколько не сомневаюсь в вашей готовности отражать всякое дерзновение на посягательство неприкосновенности священных начал монархии! Итак, будем стоять на страже против ухищрений лжеименного разума и не дадим заразительному дыханию неверия и вольнодумства прикоснуться к рассадникам нашего просвещения[8].

Профессора и студенты молча слушали эти призывы. Но в умах передовой студенческой молодежи зрел протест против разгула мракобесия и реакции.

Через две недели Харьковский университет посетил Николай I. Тревожно ожидали преподаватели и студенты появления царя. Характерную запись о царском визите оставил в своих воспоминаниях Петр Вейнберг: «Николай Павлович быстрыми шагами вошел в залу в сопровождении попечителя (округа) и свиты, на несколько секунд остановился посредине и затем так же быстро направился прямо к нам, злосчастным историко-филологам. Тут он ткнул пальцем в сторону студента Сибилева (высокий, плотный юноша, с волосами огненно-красного цвета и огромными щетинистыми бакенбардами. — И.Л.) и, повернувшись к Кокошкину, гневно крикнул:

— Что это за фигура?

Растерялся ли наш попечитель от гневного окрика или не понял вопроса, но он поспешил ответить:

— Кафедра, ваше императорское величество! — Николай Павлович страшно вспыхнул.

— Не о ней я спрашиваю, — закричал он таким голосом, что все собравшиеся в зале буквально помертвели, — а об этом уроде…

Последовало прямое указание на Сибилева:

— Сейчас же остричь и обрить!

И из уст государя неудержимым потоком полились обращенные к Кокошкину грозные речи, среди которых прозвучала как повеление фраза:

— Выгони всех, пусть останется хоть один, но чтоб был похож на человека»[9].

Император уехал, а в университете началась «чистка». Из 322 студентов исключены были 60 человек — почти одна пятая всех университантов[10]. Под угрозой исключения в числе других оказались и Николай Воронов, Петр Вейнберг, Иван Рашевский. Их видели в кругу «опальных» профессоров А.А. Мицкевича и А.О. Валицкого (последний, очевидно, был связан с польскими повстанцами); они были в близких отношениях с Николаем Сибилевым — «возмутителем» императорского спокойствия. Однако крайняя мера «наказания» в отношении трех друзей не успела последовать. В министерстве народного просвещения были обеспокоены чрезмерным усердием харьковских властей. Массовое увольнение студентов из Харьковского университета могло лишь усилить «опасное брожение в умах». Попечителю учебного округа Кокошкину пришлось со временем принять обратно многих уволенных студентов, и среди них Сибилева.

Студенты историко-филологического факультета, и прежде всего старшекурсники, жили активной и интересной жизнью. Немалую роль в этом сыграли Петр Вейнберг, Николай Воронов и Иван Рашевский. Они сплотили вокруг себя небольшую группу любознательных и свободолюбивых студентов. Эта группа через Воронова и Рашевского довольно быстро сблизилась с молодыми талантливыми профессорами Дмитрием Ивановичем Каченовским и Николаем Трофимовичем Костырем. Первый — блестящий лектор, глубоко знавший теорию государственного права, горячо откликавшийся на все острые общественные проблемы; второй — человек большой эрудиции и широких взглядов, читавший лекции по эстетике и русскому языку.

Д.И. Каченовский и Н.Т. Костырь первыми в Харьковском университете открыто подняли голос против взяточничества, против серости лекций и научной несостоятельности отдельных профессоров, против издевательского отношения к студентам. Их действия были поддержаны передовым студенчеством

историко-филологического факультета, его вожаками — Вороновым, Рашевским, Вейнбергом. Последний свидетельствует, что старшекурсники нередко собирались на квартирах у Костыря и Каченовского и студентам «запомнились надолго те вечера, как истинные духовные праздники». Здесь беседовали о судьбах революции в странах Европы, спорили о русской литературе и поэзии.

Незаметно пролетели четыре года обучения в Харьковском университете. 13 ноября 1853 года Николаю Воронову был торжественно вручен диплом за номером 1969[11]. Впереди лежали еще неизведанные дороги жизни.

Начало пути

Шла осень 1853 года — первая осень Крымской войны. В это тревожное время три друга по Харьковскому университету — Николай Воронов, Иван Рашевский и Петр Вейнберг навсегда покидали Харьков. Судьба разбросала их по разным городам необъятной империи.

Неунывающий любимец курса, поэт и переводчик Петр Вейнберг в конце 1858 года поселился в Петербурге и скоро вошел в круг демократически настроенных литераторов (Н.А. Некрасов, Г.Е. Благосветлов, В.С. Курочкин). Он печатался в «Современнике», «Русском слове» и других журналах.

С того же года П.И. Вейнберг начал сотрудничать в герценовском «Колоколе», поместив там стихотворение «Иакову Ростовцеву в день его юбилея», в котором разоблачал предательство Ростовцева в деле декабристов. А.И. Герцен одобрительно отозвался об этих стихах. Несколько лет Вейнберг участвовал в издании демократического сатирического журнала «Искра» (примыкая к его умеренному крылу), печатал в нем свои переводы, стихи, фельетоны.

Один из лучших русских поэтов-переводчиков прошлого столетия, к концу жизни П.И. Вейнберг далеко отошел от своих революционно-демократических воззрений 50—60-х годов и в 70—90-е годы стал типичным либералом.

Второй друг Николая Воронова — Иван Федорович Рашевский уехал в родной Орел и долгие годы учительствовал в мужской и женской гимназиях, преподавал историю и литературу. Пути Воронова и Ивана Рашевского вновь переплелись в летние месяцы 1862 года, когда Николаю Ильичу — связному А.И. Герцена — пришлось уходить от жандармской слежки.

После окончания университета Н.И. Воронов пытался устроиться на работу в Харькове, в родных Валках, но безуспешно. Прошло полгода, прежде чем в середине апреля 1854 года он получил место учителя истории и географии в Курском уездном училище. А в июле 1854 года Воронов был переведен младшим учителем латинского языка в Ставропольскую губернскую гимназию[12]. В тот же год Воронов отказался от своей доли в отцовском наследстве в пользу сестер. По семейному преданию, он сделал это не только из родственных чувств, но, прежде всего, из нежелания быть помещиком-крепостником, владельцем хотя бы нескольких крестьянских душ.

В Ставрополе Николай Ильич прожил с июля 1854 по январь 1856 года. Эти годы, проведенные в Курске и особенно в Ставрополе, были переломными в жизни молодого учителя. В это время завершилось становление его мировоззрения и характера[13]. Он был дворянин, но без поместья, учитель со степенью кандидата истории, но без связей и протекции. Однако смысл жизни для Воронова и состоял в том, чтобы все делать самому, своими руками. Он был молод, полон задора и энергии, глубоких замыслов.

Полтора года проработал Николай Воронов в Ставропольской мужской гимназии, являвшейся в то время центром просветительских идей и культурного влияния на местное русское, украинское и горское население. Здесь Николай Ильич познакомился, а затем и сдружился с директором гимназии Януарием Михайловичем Неверовым. Выпускник Московского университета, Неверов был замечательным педагогом и прогрессивным писателем, находился в дружеских отношениях с В.Г. Белинским и А.И. Герценом, вел переписку с известным ученым-историком и общественным деятелем Т.Н. Грановским. Неверов оказывал благотворное влияние на преподавателей и гимназистов. У Януария Михайловича Воронов учился педагогическому мастерству.

Николай Ильич успешно справлялся с обязанностями преподавателя латинского языка и комнатного надзирателя при гимназическом пансионе. Вокруг молодого учителя собирается группа гимназистов-старшеклассников. Они образуют кружок. Члены кружка называли себя «братьями», а кружок — «семьей». Кружок носил просветительский характер. Обсуждали книжные новинки, острые журнальные статьи Белинского и Бестужева-Марлинского. Увлекались поэзией А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Дельвига. Этих поэтов ценил и отлично знал Воронов и поэтому много интересного мог рассказать и продекламировать гимназистам.

Среди членов кружка особенно выделялись двое — Александр Трачевский и Семен Попов. Первый — выходец из обеспеченной семьи харьковского купца второй гильдии — был одаренным человеком, серьезно увлекался историей, иностранными языками, переводами с греческого и латинского. Второй — из бедной чиновничьей семьи, слабого здоровья — был очень любознательным. Воронов, Трачевский и Попов заметно сблизились, и под их влиянием кружок приобрел более демократический характер.

Воронов и Трачевский стали большими друзьями на десятилетия. Пройдет время, и два друга станут известными людьми: Воронов — революционер-шестидесятник, видный общественный деятель и публицист, исследователь Кавказа; Трачевский — ученый, специалист по истории России и Франции, талантливый лектор и педагог, основатель Одесских женских курсов.

Интересно, что в младших классах Ставропольской гимназии, когда там работал Н.И. Воронов, учился Герман Лопатин, будущий известный революционер-народоволец. Установлено, что латинский язык он изучал под руководством Николая Ильича. Позднее, уже в начале 900-х годов, опальный Г.А. Лопатин близко познакомится с семьей Вороновых. В 60-х годах в Ставропольской мужской гимназии учились также будущие известные революционеры-народовольцы Адриан Михайлов и Михаил Фроленко.

7 марта 1856 года предписанием попечителя Кавказского учебного округа барона А.И. Николаи Воронов был перемещен младшим учителем русского языка и географии в Кубанскую войсковую гимназию в Екатеринодар[14]. Мотивы этого неожиданного перевода до конца еще не выяснены. По всей видимости, основной причиной этого послужили передовые демократические взгляды и настроения Н.И. Воронова, его отдельные радикальные высказывания, полулегальная деятельность кружка гимназистов. Характерно, что ровно за месяц до перевода Воронова вынужден был уйти в отставку его приятель и учитель той же Ставропольской гимназии Е.А. Нарбут, человек довольно радикальных настроений[15].

В Екатеринодаре

В середине марта 1856 года Николай Ильич переехал в кубанскую столицу, где прожил пять лет. Дело свое знал, любил, относился к нему творчески. Гимназисты и учителя уважали его за глубокие знания, педагогическое мастерство, ровный и добрый характер.

Николай Ильич жил нелюдимо. Снимал комнатку в казачьей мазанке на окраине городка. Скромно питался, еще скромнее одевался. Но всегда был в отутюженных сюртуке и брюках, чистой рубашке или накрахмаленной манишке под галстуком, вычищенных ботинках. Большая часть небольшого учительского жалованья уходила на покупку книг, выписку столичных журналов, газет. Много времени тратил Воронов на подготовку к урокам. Начали болеть глаза, пришлось завести очки. Тяжело приходилось молодому учителю осенью и зимой: дрова стоили очень дорого, да и трудно их было доставать, поэтому он месяцами жил в нетопленой комнате, мерз, часто болел.

…День за днем, месяц за месяцем шла размеренная служба учителя войсковой гимназии. В феврале 1858 года Николай Ильич Воронов был назначен старшим учителем русской словесности, а через месяц произведен в титулярные советники[16]. Попечительское начальство вроде было довольно старшим учителем Вороновым. Повысило в звании, добавило чин, увеличило жалованье. И потому могло показаться, что Николай Воронов пойдет ровной дорогой учительской карьеры, от чина к чину, от награды к награде. Но этого не произошло. Значительную роль в судьбе Воронова сыграло обострение политической обстановки в России.

Самодержавная Россия потерпела жестокое поражение в Крымской войне, несмотря на необычайное мужество и стойкость, проявленные русскими солдатами и матросами. Война подорвала крепостную экономику, разорила и без того истощенное крестьянское хозяйство. Война вызвала массовую мобилизацию в армию мужчин-крестьян, для нужд армии из крестьянских хозяйств забирали лошадей, увеличились налоги. Эпидемии холеры и тифа, голод косили тысячи людей. Война выявила страшные язвы крепостнической России. В стране росло антифеодальное крестьянское движение, а возбужденное общественное мнение требовало существенных перемен.

Эмигрировавший за границу и начавший издавать в Лондоне журнал «Полярная звезда» А.И. Герцен надеялся на пробуждение народа в результате войны, верил в возможность демократической революции в России.

Он вопрошал:

«Севастопольский солдат, израненный и твердый, как гранит, испытавший свою силу, так же подставит свою спину палке, как и прежде? Ополченный крестьянин воротится на барщину… Не может быть. Все в движении, все потрясено, натянуто… и чтоб страна, так круто разбуженная, снова заснула непробудным сном?»[17]

Широкий подъем общественного движения конца 50-х годов коснулся и казачьего Екатеринодара, его демократической интеллигенции, в том числе Николая Ильича Воронова. Он внимательно, критически всматривается в окружающую его действительность, стремится глубже ее понять, осмыслить.

С весны—лета 1856 года Н.И. Воронов систематически совершает путешествия: то длительные, в коляске или в санях, то пешие короткие переходы. Путешествия эти были небезопасны. Часто приходилось ездить в сопровождении двух-трех вооруженных конных казаков, ибо на дальних и нелюдимых дорогах отряды горцев иногда устраивали набеги на проезжающих. Однако никакие трудности — ни дождь и грязь, ни мороз и снег, ни голод и холод, ни даже воинственные горцы — не могли сдержать страстной тяги Николая Ильича к дальним неизведанным дорогам, жажды открытий и знаний.

За три года Н.И. Воронов объездил и изучил Северное и Восточное Причерноморье, включая побережье Азовского моря, Северный (предгорный) Кавказ и особенно район Кубани, Терека и Ставропольщины, а также

частично Закавказье. Николая Ильича интересовали как молодые, недавно отстроенные русскими людьми города (Ставрополь, Екатеринодар, Армавир), так и древние города Закавказья (Тифлис, Кутаис, Поти), их экономика, достопримечательности, быт, интересы и настроения людей. Его интересовала южнороссийская и северокавказская глубинка — край мужественных и стойких людей — прикубанские станицы, калмыцкие стойбища, горские аулы, их география, экономика, состав населения, занятия местных жителей, их грамотность и вероисповедание. Все впечатления фиксировались Вороновым в путевых дневниках, записных книжках. Встречи с крепостными крестьянами, их жалкое полунищенское существование, разоренное хозяйство вызывали глухое возмущение Воронова, способствовали дальнейшей демократизации его взглядов.

Сведения об этих путешествиях содержатся в газетных и журнальных обзорах, статьях, которые систематически писал Воронов, начиная с 1856 года. В этих публикациях он не просто описывает увиденное, но и делится своими раздумьями, соображениями, выводами. Первыми газетами, редакции которых предоставили ему возможность печататься, стали «Самарские губернские ведомости» и либеральный «Одесский вестник», ведущий газетный орган Южной России и всей Новороссии. Самые ранние статьи Воронова носили информационный характер и не претендовали еще на широкие экономические и социальные обобщения.

Тогда же, в марте 1858 года, Николай Ильич Воронов начал публиковать в «Одесском вестнике» серию очерков под общим названием «Дорожные заметки на разных путях Южной России». Очерк «От Екатеринодара до Ставрополя» появился в газете 18 марта, «Ставрополь» — 20 и 24 мая, «Постоялый двор» — 14 июня, «Степи» — 4 октября, «Черноморская степь. Степная ярмарка. Ейск» — 8—11 ноября. Очерки — результат обобщения материалов двухгодичных поездок, результат упорного труда журналиста и публициста, свидетельство расширения его политического кругозора, постепенной эволюции его мировоззрения к революционному демократизму.

«Дорожные заметки» Н.И. Воронова — чрезвычайно интересное публицистическое произведение конца 50-х годов прошлого века, причем написанное представителем демократической интеллигенции не Петербурга или Москвы, Одессы или Тифлиса, а казачье-провинциального Екатеринодара. Очерки представляют собой сложное многоплановое историко-географическое описание хозяйственной и культурной жизни городов и станиц, быта и труда жителей предгорного Кавказа и Черноморья. Путевой дневник позволяет автору создать широкое полотно экономической и культурной жизни состоявшего из представителей многих национальностей и неоднородного по классовому составу населения Северного Кавказа. Автор вглядывается в провинциальную общественную жизнь, вскрывает социальные противоречия, показывает их неразрывную связь с жизнью Российской империи. Очерки носят острый критический характер. Воронов осуждает пустое времяпрепровождение и карьеризм местной администрации, представителей высших слоев провинциального общества, осуждает военно-карательные походы против горских племен. Ставит вопрос о беспросветном существовании молодежи в условиях крепостничества.

Крепостническим порядкам посвящен специальный очерк «Постоялый двор», в котором автор высказывает резко отрицательное отношение к крепостному праву[18] В очерке прослеживается трагическая судьба двух братьев — крепостных крестьян Левко и Мишки по прозвищу Музыка. Н.И. Воронов подводит читателя к мысли, что талантливые, трудолюбивые люди из народа не могут жить и работать, любить и заводить семью в противном человеческому существу состоянии крепостного права, даже если помещик — просвещенный и мягкий по характеру человек. В лице крестьян Мишки Музыки и Левко Воронов видел затаенную, не раскрытую еще огромную народную силу. В статье нет открытого призыва к борьбе против феодально-крепостнического строя (да такой призыв и не пропустила бы цензура), но читатель самим содержанием очерков подводился к выводу о необходимости ликвидации крепостного права. С позиций демократического просветительства автор настаивал на всемерном развитии производительных сил страны.

В «Дорожных заметках» Николай Ильич выдвигал важную проблему взаимоотношения человека и природы. Он приковывал внимание читателя к необходимости освоения, разработки огромных земельных богатств южнороссийских причерноморских степей. Воронов выступал как истый патриот России, желающий своей родине и народу счастья, свободы, богатства. Он писал, обращаясь к общественности: «Степями у нас так восторгаются, такую обильную дань приносила им наша поэзия!.. Дайте ей (степи) людность, дайте ей обработку ваших рук, чтоб на ней побольше точек являло на себе следы труда человеческого... Не дикарями же приходится нам глядеть на окружающий нас простор»[19].

Николай Ильич Воронов не ограничивался только страстным призывом к обществу, к читателю; он выдвигал и свою, весьма оригинальную и смелую для того времени, комплексную программу освоения южнорусских степей. Он полагал, что и степь, и полярная тундра могут «благодетельно действовать на силы человека, на его житейский труд, на его самоулучшение», но это — только материальная основа для трудовой деятельности людей. «Нужны еще и другие условия, которые бы эту основу благоприятно разрабатывали в помощь человеку», — писал автор. И хотя он не называл этих условий, очевидно, что самым важным он считал ликвидацию крепостнического гнета[20].

Вороновская программа освоения степей включала следующие пункты: во-первых, строительство городов как «средоточия торговли, промышленности, искусства и науки, где жизнь человеческая раскрывает-

ся во всей полноте и во всем разнообразии своих элементов»; во-вторых, максимальное наделение землей местного и пришлого крестьянского населения, ибо большинство станиц причерноморского края (всего здесь насчитывалось 59 станиц) было малолюдным, бедным, фактически ничем не отличалось от «чисто земледельческих русских сел» с их крестьянским малоземельем; в-третьих, необходимость широкого строительства сельских школ, обучения крестьянских детей грамоте; в-четвертых, проведение археологических раскопок в причерноморских и степных курганах, изучение местной истории, преданий, легенд.

По мнению Н.И. Воронова, эту программу должны проводить в жизнь лишь те люди, «кто окреп нравственно, кто в жизни имеет серьезные цели, кто смотрит на время как на короткий срок, предназначенный для нашего самоусовершенствования»[21]. Следует отметить, что в «Дорожных заметках» автор еще не выходит за рамки буржуазного либерализма; он верит в то, что высшая государственная власть сможет улучшить положение трудовых масс. Но социальная критика и идеи демократизма в очерках Воронова явно преобладают.

«Дорожные заметки» принесли Николаю Ильичу успех и признание прогрессивной демократической общественности южнороссийских и северокавказских городов. Он получил возможность дальнейшего широкого выступления в центральной и провинциальной печати.

В журналах и газетах появляются одна за другой статьи и очерки Н.И. Воронова: в «Русском вестнике» — «Черноморские письма», в «Московском вестнике» — «Вести с Кубани», в «Новороссийском сборнике» — «Четыре дня на Азовском море». Проблематика их весьма разнообразна: необходимость развития местных производительных сил и положение помещичьих крестьян, вопросы местного самоуправления и грамотность населения, вопросы развития парового судоходства, торговли и рыболовства и тому подобное. В 1859 году в пятом томе петербургского «Журнала для воспитания» Воронов поместил свои «Школьные воспоминания». Это было первое выступление в столичном журнале, в котором сотрудничали К.Д. Ушинский и Н.И. Пирогов.

Переписка с другом

Одновременно Н.И. Воронов вел регулярную переписку со своим другом и учеником Александром Трачевским, ставшим к тому времени студентом-историком Московского университета. В материалах Особого присутствия Правительствующего сената в Москве удалось выявить несколько писем А.С. Трачевского к Воронову. Эти письма были конфискованы жандармами во время ареста Н.И. Воронова в Тифлисе в конце сентября 1862 года. Судебные следователи приобщили к делу Воронова лишь десять писем (хотя их было, по-видимому, гораздо больше): первое помечено датой 25 марта 1857 года, последнее — 2 марта 1861 года.

Письма двадцатилетнего студента-историка Александра Трачевского к Воронову весьма любопытны: это письма-раздумья, письма-обзоры текущей политической и культурной жизни русского общества конца 50-х — начала 60-х годов прошлого столетия, письма — откровенный разговор двух друзей[22]. Они интересны для современного читателя прежде всего своим общественным звучанием: отчетливо выраженным критическим отношением к самодержавию и крепостничеству двух передовых интеллигентов-демократов в период революционной ситуации 1859—1861 годов.

Из письма 8 сентября — 4 октября 1859 года читатель узнает, что Николай Воронов обладал независимым характером, большой внутренней силой воли:

«Скажу откровенно, что люблю я в тебе внутреннюю силу, живущую в груди твоей; у тебя, правда, нет способности обживаться на всяком (новом) месте, прилаживаться ко всякому положению, да и бог с нею, с этой способностью… Есть у тебя сила — при полном сознании разлада твоей личности со всем окружающим — бороться, не уступать затхлому воздуху свои права на жизнь и, следовательно, что-нибудь делать»[23].

Весьма знаменательное признание. Кроме того, из писем выясняется, что с весны 1859 года оба друга внимательно следят за статьями Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова в «Современнике», читают потаенные листы «Колокола», произведения А.И. Герцена, Н.П. Огарева:

«Я видел, братец, портрет Герцена (Искандера) недавней гравировки: это — пожилое, благородное лицо, с большим высоким лбом, с тихими и добрыми глазами. Вот этого я не ожидал. Ведь он — человек желчный, как в писаниях, так и в обществе. Впрочем, у него ведь желчь — от глубокого доброго чувства… Мне удалось прочесть… довольно большое сочинение его, написанное недавно: «С того берега. Лондон, 1855. Сыну моему». Это сочинение есть завещание: все лучшее из души своей, все свои знания, думы передает тут Искандер сыну и считает это своим долгом. Он сознает, что это, вероятно, разобьет многое в душе сына (которому лет 15, не более), но это необходимо: пусть он воспользуется добытым отцом… Для такого завещания нужно быть слишком сильно уверенным в правоте, в законности завещаемого»[24].

Обстановка ненавистного самодержавно-крепостнического гнета в России, широкий подъем крестьянского и общественного движения, вызванный поражением в Крымской войне, чтение произведений А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, «Колокола» и «Современника» способствовали революционизированию взглядов Н.И. Воронова и А.С. Трачевского. Расширялся общественно-политический кругозор друзей, углублялось их критическое отношение к самодержавной действительности. В центре их внимания, как это видно из переписки, стоял коренной вопрос того времени — отношение к крепостничеству и крестьянству,

к народу и интеллигенции. Объездив летом 1859 года всю Западную Европу, 11 августа того же года Трачевский писал Воронову из Парижа в Екатеринодар:

«Он (русский народ) дитя, в котором живы еще способности, для которого не прошло еще время учиться и развиваться… Пусть только поскорее и вполне освободится наш крестьянин от власти помещичьей; пусть лучшие люди на Руси, умственная аристократия, вникает в интересы народа и, по возможности, помогает ему в трудном деле начала прочного развития… Эти-то надежды окрыляют меня: я теперь окончательно убеждаюсь, что если везде честные, из доброго источника проистекающие подвиги почтенны и незабвенны, то у нас, на Руси, они необходимы, они — долг гражданина»[25].

Можно не сомневаться в том, что подобные мысли и выводы Н.И. Воронов разделял полностью.

Николай Ильич Воронов привык к дружеским посланиям Трачевского. Ждал их с нетерпением и очень волновался, когда долго не было письма от друга, ибо каждое объемистое письмо являлось для него «лучом света» в екатеринодарской глуши. В письмах Александр Семенович был и первым нелицеприятным критиком статей Воронова. Через переписку с Трачевским Воронов знал об отношении передовых слоев русского общества к А.И. Герцену и его «Колоколу», к Н.Г. Чернышевскому и его «Современнику».

В самом конце 1858 года Н.И. Воронов побывал в Москве и принял решение переехать туда, в гущу общественной жизни. Однако переезд Воронова из Екатеринодара в Москву не состоялся. Пройдет еще два долгих года, прежде чем он покинет кубанскую столицу.

Несколько страничек дневника

Как-то летним месяцем 1858 года во время очередного посещения Ставрополя Николай Ильич Воронов познакомился с красивой девушкой по имени Флора. Она была дочерью полковника Крымского полка Стефана Гаврино. Молодые люди понравились друг другу, между ними установилась переписка. Весной 1859 года они обручились; свадьба должна была состояться через год. Воронов продолжал жить и работать в Екатеринодаре.

В архивах Правительствующего сената сохранился личный дневник Н.И. Воронова, изъятый у него жандармерией при обыске в сентябре 1862 года в Тифлисе. Дневник небольшой, всего несколько страничек. В нем записи в виде писем-бесед между Николаем Вороновым и Флорой Гаврино за шесть дней: за 3—8 марта 1860 года. Эти записи интересны для исследователя: они проливают свет на душевный, интимный мир нашего героя, дают представление о его жизни, быте, деятельности настроениях и раздумьях.

Дневниковые записи Н.И. Воронова носят аллегорический, иносказательный характер, но отражают события реальной жизни Екатеринодара и Кубанской войсковой гимназии первых месяцев 1860 года. Эти записи удалось расшифровать после изучения целого ряда дел в Краснодарском краевом государственном архиве.

Вновь выявленные факты свидетельствуют о том, что в конце 1859 — начале 1860 года вокруг Николая Ильича Воронова складывается полулегальный кружок местной демократической интеллигенции, и прежде всего молодых учителей Кубанской войсковой гимназии. В этот кружок помимо Воронова входили младший учитель русского языка и географии Степан Демченко, учитель черкесского языка горец Ахмет Шаимов, учитель естествознания, выпускник Петербургского университета Николай Архипов и, вероятно, младший учитель Николай Стоянов. Через Флору Гаврино и ее подругу Екатерину Барилко вороновский кружок был связан с демократически настроенной молодежью Ставрополя[26]. Члены кружка читали и обсуждали вольнолюбивые стихи А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, К.Ф. Рылеева, Адама Мицкевича, Т.Г. Шевченко, знакомились с отдельными статьями Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова в «Современнике», читали потаенные листы «Колокола», которые Н.И. Воронов получал по почте от А.С. Трачевского из Москвы или от П.И. Вейнберга из Петербурга. Обсуждали и свои собственные творения в прозе и стихах.

Прошло немного времени, и личностью наиболее активного члена вороновского кружка — Степана Дмитриевича Демченко заинтересовалось Третье отделение корпуса жандармов. 26 февраля 1860 года директор Кубанской войсковой гимназии Н.С. Рындовский секретно сообщал попечителю Кавказского учебного округа:

«…Начальник штаба (Черноморского казачьего войска. — И.Л.) генерал-майор Кусаков отношением от 25 февраля, за номером 3, уведомил меня секретно, что бывший студент Харьковского университета, ныне младший учитель Екатеринодарской гимназии, хорунжий Степан Демченко обвиняется в политическом преступлении. Посему генерал-майор Кусаков сделал распоряжение об арестовании господина Демченко и обыске его квартиры и при этом уведомил меня, что Демченко вслед за сим будет отправлен к начальнику Харьковской губернии — арестованным»[27].

Сразу же последовал арест С.Д. Демченко и обыск в его квартире, в результате которого были изъяты переписка с одним из членов харьковско-киевского тайного общества и запрещенная вольнолюбивая литература. Четыре месяца Демченко находился под арестом, его возили на допросы в Новочеркасск, Грозное, Харьков и Петербург. Царские власти были напуганы тем, что казачий офицер, учитель войсковой гимназии оказался замешанным в «преступном сообществе». Власти решили большого шума по делу Степана Демченко не поднимать: на Кавказе складывалась и так более чем тревожная обстановка.

В секретном отношении Третьего отделения на имя наказного атамана Войска Черноморского от 5 мая 1860 года говорилось: «...Государь император во всемилостивейшем внимании к молодым летам сего офицера... высочайше соизволил разрешить хорунжему Демченко возвратиться к месту его службы; но при этом его императорскому величеству угодно было повелеть, чтобы за ним учреждено было из предосторожности секретное наблюдение»[28].

Вышеизложенные события и нашли отражение в дневнике Н.И. Воронова. В связи с арестом Демченко Николай Ильич предполагал, что и его ожидают серьезные неприятности, а возможно, и арест. Об этом в дневнике говорится так: «...Тут-то беда кличет к себе на подмогу бледную свою подругу — заботу, тревогу душевную... Я должен сторожко держать свои уши, должен запасаться выходом, если нежданно вражья сила одолеет; у меня уже агенты в Одессе (друзья Петра Вейнберга. — И.Л.) и Орле (Иван Рашевский. — И.Л.), которые хлопочут заготовить мне место, если только беда грянет. А мне, признаюсь, не хочется расставаться со службою на Кавказе... Вот что-то затевают; формуляр мой потребовали немедленно выслать в Тифлис...»[29].

Так некоторые записи в дневнике Н.И. Воронова позволили выявить новых неизвестных нам людей — представителей передовой демократической интеллигенции из далеких российских провинциальных городков Екатеринодара и Ставрополя. Именно такие люди пополняли потом ряды революционеров, вступали в тайные организации «Земля и воля» и «Народная воля».

В своем дневнике Н.И. Воронов ввел небольшой раздел под названием «Аллегория». Написан он эзоповским языком для Флоры Гаврино. Николай Ильич предупреждал невесту, что в случае ареста он не изменил своим демократическим идеалам, гражданскому долгу; и поведет дальше борьбу против самодержавия и крепостничества:

«Под его (народа. — И.Л.) знаменем ведется война с мракобесием; он сам набирает свою армию, он судит, кому пасть в правой битве... (Народная) армия стоит невредима, да еще с каждым днем прибывает. Стой крепко за свои святые убеждения — и все тут... Стало быть, тут нужна вера в подвиг и стойкая решимость, а попался под удар — делать нечего, не изменяй своему долгу»[30].

«Аллегория» написана пером активного сторонника интересов и чаяний передовой русской демократической интеллигенции и крепостного крестьянства. Недаром чиновники Третьего отделения обратили особое внимание на текст «Аллегории» в дневнике Воронова, расцветили ее строки красным и синим карандашами. Неоднократно в период октября 1862 — февраля 1863 года сенатское и жандармское следствие при допросах Воронова в Петропавловской крепости пыталось выяснить истинное содержание указанного отрывка из дневника. И всегда Николай Ильич старался обходить молчанием свою «Аллегорию» при письменных и устных допросах[31].

В мае 1860 года Николай Воронов и Флора Гаврино поженились. Летом того счастливого года они вдвоем путешествовали на пароходе по Черному морю. И казалось, что счастье их безбрежно. Однако через год неожиданная жестокая болезнь унесла жизнь Флоры. Горю и печали Николая Воронова не было конца.

Но жизнь не давала замкнуться в своих переживаниях, она звала к действию. И Николай Воронов ступил на тот путь, к которому, по сути дела, готовился весь предшествующий период, для которого духовно созрел. Он стал на путь революционной борьбы.

Связной Александра Герцена

...Июль 1861 года. До невидимого края горизонта раскинулась лазуревая гладь Черного моря. Лучший комфортабельный и быстроходный корабль Черноморского пароходства «Великий князь Константин» мерно рассекал морскую волну. Корабль шел вдоль Крымского побережья из Севастополя в Керчь.

На верхней палубе корабля стоял, опершись о поручень, среднего роста мужчина, одетый в сюртучную пару из серого трико. Его задумчивое и грустное лицо окаймляла небольшая бородка без усов. Ветер шевелил длинные, слегка вьющиеся волосы. Это был Николай Ильич Воронов. Ему шел тридцатый год — время расцвета интеллектуальных и жизненных сил человека. После смерти жены, по совету друзей и врачей, он двинулся в длительное морское путешествие.

Но не только личные переживания и врачебные советы руководили действиями Николая Воронова. В организации этого путешествия, видимо, не последнюю, если не первую, роль сыграло то обстоятельство, что в конце 1860 — начале 1861 года Воронов установил непосредственную связь с редакциями лондонского «Колокола» и петербургского «Русского слова». Такая связь стала возможной благодаря посредничеству давнего друга по Харьковскому университету Петра Вейнберга — в Петербурге и Александра Трачевского — в Москве, Париже и Лондоне. Друзья по-прежнему вели активную переписку. Из переписки Николая Воронова с Александром Трачевским, относящейся к этому времени, видно, что их волновали важнейшие события, происходившие в стране, и в частности весьма напряженная обстановка на Кавказе, в Польше, в Центральной России[32].

Реформа 1861 года и революционно-демократический лагерь

19 февраля 1861 года новый российский император Александр II подписал манифест и проекты «Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Реформа отменяла крепостное право и давала крестьянству юридическую свободу, но она же сохраняла на определенный срок временнообязанные отношения между помещиком и крестьянином — систему жестокой эксплуатации. По реформе дворяне-помещики получили право экспроприации у крестьян огромного количества земли и этим поставили их в положение кабальных арендаторов.

Реформа, обнародованная через две недели после принятия предупредительных военных мер и рассылки воинских команд во все губернии, вызвала мощный крестьянский протест в России. Только с января по май 1861 года произошло 1370 массовых крестьянских выступлений, для подавления которых 718 раз вызывались войска и полиция. Погребальным звоном прокатилось по российским весям известие о кровавых расправах царских карателей над крестьянскими повстанцами в селениях Бездне Казанской губернии и Кандеевке Пензенской губернии. В августе 1861 года в 105-м листе «Колокола» Герцен писал: «Крестьяне не поняли, что освобождение обман, они поверили слову царскому — царь велел их убивать как собак; дела кровавые, гнусные совершились».

В условиях углубления революционной ситуации и подъема крестьянского движения А.И. Герцен, Н.П. Огарев приходят к выводу о необходимости народной вооруженной борьбы против самодержавия. С весны—лета 1861 года лондонская редакция «Колокола» во главе с Герценом превращается в идейно-организационный центр революционно-демократического движения, в центр по подготовке народной революции.

Одновременно, помимо проведения целеустремленной революционно-демократической пропаганды, петербургская редакция журнала «Современник» при участии Н.Г. Чернышевского окончательно склоняется к идее необходимости подготовки всенародной крестьянской революции[33]. Наиболее последовательно взгляды Чернышевского и его единомышленников были изложены в известной прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» (зима 1860/61 года).

Нанося удар по монархическим иллюзиям крестьянства и разоблачая характер реформы, Чернышевский звал крестьян к топору, к вооруженному восстанию. Он призывал действовать согласованно, привлечь на свою сторону солдат и верных офицеров и по условленному сигналу начать «доброе дело» «во всех местах в одну пору»[34].

Тогда же сотрудник «Современника» Н.В. Шелгунов написал две прокламации: «Русским солдатам от их доброжелателей поклон» и «К молодому поколению». Автор выдвигал в прокламациях программу социальных и политических преобразований, требовал наделения крестьян землей и самоуправления, звал солдат к объединению в общей борьбе с крестьянством за свободу, звал молодое поколение к революционной агитации среди крестьян и солдат.

Два центра — лондонский и петербургский — направляли действия революционно-демократического лагеря в стране. Однако между этими центрами, между Герценом и Чернышевским и их сторонниками были серьезные разногласия в вопросах революционной тактики, в определении основных задач и выработке единых приемов борьбы с самодержавием. Общую линию поведения двух центров, их программные установки фактически сформулировал Н.П. Огарев (после совещаний в Лондоне с участием Н.А. Серно-Соловьевича, А.А. Слепцова и М.Л. Налбандяна) в воззвании «Что нужно народу?». Воззвание было напечатано в 102-м листе «Колокола» 1 июля 1861 года, а затем выпущено отдельной прокламацией; оно получило широкое распространение в России.

Воззвание начиналось со слов: «Очень просто, народу нужна земля да воля» — и заканчивалось призывом: «...молча сбираться с силами, искать людей преданных, которые помогали бы и советом, и руководством, и словом, и делом, и казной, и жизнью, чтоб можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять, против царя и вельмож, землю мирскую, волю народную да правду человеческую».

Новый корреспондент «Колокола»

Вот в это время и начал Н.И. Воронов нелегально сотрудничать в герценовском «Колоколе». Как об этом свидетельствуют материалы вороновского семейного архива, 1 июня 1861 года в «Колоколе» в разделе «Смесь» (в том же знаменитом 102-м листе газеты с огаревским воззванием «Что нужно народу?») была напечатана заметка Воронова «Победа графа Евдокимова над саперным казачьим полком». В заметке разоблачались политика царизма на Северном Кавказе, бездушное отношение властей к казакам-переселенцам, их семьям, вызвавшее волнение среди казаков Хоперского саперного казачьего полка. Автор заметки заключал: «Евдокимов[35] командировал целый отряд с артиллерией для усмирения неповиновения. Казаки поневоле пошли за конвоем на передовую линию (то есть на пограничную линию, в районе которой происходили бои с горцами. — И.Л.), но при этом (Александровская станица) бросили жен, детей, имущество и отправились только с оружием... Свидетели рассказывают сцены, как вели за конвоем целый полк седых усачей, снискавших общее уважение своею незапятнанною военною славою, и как расставались с ними жены и дети, ими покинутые».

Ровно через месяц, 1 августа, в 104-м листе «Колокола» в разделе «Смесь» Николай Ильич продолжил свой рассказ в заметке под названием «Распятие казачьих бород», где сообщал о бесчинствах подполковника Абазина, который придумал новый изуверский способ пытки казаков за неповиновение.

Этот и другие материалы Герцен и Огарев сопроводили кратким политическим резюме:

«Чем же наконец окончится это преступное, это безобразное правительство, окруженное ворами, слепое, тупое и которое даже печатного читать не умеет? (то есть «Колокол». — И.Л.)»[36].

Так благодаря данным семейного архива удалось выявить еще одну фамилию потаенного корреспондента «Колокола» — Николая Ильича Воронова, а через него уточнить географию распространения герценовских изданий на Северном Кавказе. Это были города Екатеринодар, Ставрополь и даже, очевидно, некоторые казачьи станицы и крестьянские села, военные приморские части.

Весной—летом 1861 года петербургский и лондонский центры приступили к созданию всероссийской революционной организации «Земля и воля». Ее идейными руководителями явились Чернышевский, Добролюбов, Герцен и Огарев. Практические организаторы общества — ученики и соратники Чернышевского и Герцена: профессор Академии генерального штаба Николай Обручев, братья Николай и Александр Серно-Соловьевичи, Александр Слепцов, Николай Шелгунов и другие. Среди организаторов «Земли и воли» был редактор революционно-демократического журнала «Русское слово» Григорий Благосветлов[37].

Общество считало своей задачей подготовку крестьянской революции за «землю и волю» путем публикации и распространения подпольных прокламаций, путем осуществления идейно-политического воздействия на широкие крестьянские, солдатские массы, на разночинскую интеллигенцию и студенчество. В этих целях намечались организация и практическое использование воскресных школ, книжных магазинов и читален, издание популярной литературы. Особое значение уделялось распространению легальных журналов «Современник» и «Русское слово», нелегальных листов «Колокола». Окончательно «Земля и воля» сложилась как подпольная революционная организация осенью 1861 года[38]. В период революционной ситуации (1859—1861 годы) петербургский и лондонский революционные центры, землевольцы искали пути для установления широких практических связей с крестьянами (в том числе с русскими старообрядцами), демократическим студенчеством, солдатскими массами, польскими повстанцами. Первостепенное внимание уделялось возможным связям с кавказскими горцами, участниками повстанческих движений, с оппозиционно настроенными офицерами и солдатами, направленными в маршевые боевые роты в районы болотистой Колхиды, труднодоступные районы Кавказского горного хребта, в глухие причерноморские военные поселения и гарнизоны.

В конспиративных бумагах Н.П. Огарева (из пражской коллекции), опубликованных известным советским историком академиком М.В. Нечкиной в 61-м томе «Литературного наследства», и в частности в документе «Цель русского движения», подготовленном в 1860 году, говорилось: «Восстание, идущее строем, можно только образовать в войсках. Для этого надо составить офицерские общества для разъяснения солдатам цели и необходимости восстания. Образование таких обществ должно быть преимущественно и усиленно вырабатываемо в войсках, стоящих на окраинах государства: на Кавказе с Доном и Черноморьем, на Урале с Приволжьем, в Польше с западными губерниями»[39].

В другом документе — «Заграничные общества», написанном Н.П. Огаревым, очевидно, весной 1862 года, подчеркивалось: «…надо скорее организовать Кавказ и Урал, так, чтобы они помогли, если западное движение (в Польше) удастся, дать ему значение народного восстания, а не междоусобия»[40].

Итак, руководители революционно-демократического лагеря, и в первую очередь лондонский центр во главе с Герценом и Огаревым, рассматривали «Кавказ с Доном и Черноморьем» как один из возможных оплотов народного вооруженного восстания против царизма. Отсюда вставала практическая задача проведения широкой подготовительной работы в этом районе, где вели упорную повстанческую борьбу горские народы, где в многочисленных военных русских гарнизонах росло недовольство солдат и демократически настроенных офицеров своим бытом и положением.

Однако лондонский центр, Герцен и Огарев не располагали достаточно конкретными сведениями об общественно-политической и военной обстановке в этом районе России. Поэтому лондонскому и петербургскому революционным центрам и понадобились компетентные люди, хорошо знающие «Кавказ с Доном и Черноморьем». Для выяснения комплекса сложных вопросов — топографии местности, состава населения и гарнизонов, выявления конкретных мест (морские бухты, горные перевалы, устья рек), удобных для доставки подпольных изданий Вольной русской типографии, кандидатура Н.И. Воронова была как нельзя более подходящей.

К началу 1862 года он стал известен руководителям петербургского и лондонского центров как человек, разделявший революционно-демократические взгляды, корреспондент «Колокола», талантливый публицист и, что не менее важно, как знаток истории, географии, экономики, этнографии Северного Кавказа, Закавказья и Восточного Причерноморья. Все это объясняет нам, почему Г.Е. Благосветлов (и, очевидно, не только он!) решил обратиться к Н.И. Воронову с предложением совершить путешествие вдоль берегов Восточного Причерноморья и написать об этом специальный очерк для «Русского слова».

Немного о журнале «Русское слово» и его редакторе. Журнал был основан в 1859 году на деньги богатого мецената графа Г.А. Кушелева-Безбородко. Первые полтора года журнал влачил жалкое существо-

вание из-за политической бесхребетности и отсутствия программы. С июля 1860 года управляющим редакцией «Русского слова», его редактором стал Григорий Евлампиевич Благосветлов. В течение короткого срока он превратил журнал в крупный демократический орган, в надежного союзника «Современника».

Благосветлов был соратником Герцена, Огарева, Чернышевского, талантливым литератором-публицистом, педагогом, историком (прежде всего Великой французской революции XVIII века). В течение года Григорий Евлампиевич жил в Лондоне в семье Герцена, был учителем и воспитателем двух его дочерей. Одновременно он принимал активнейшее участие в организации нелегальной переправки герценовских изданий в Россию и сам систематически корреспондировал в «Колокол». Он был доверенным человеком Герцена — редакции «Колокола» в Петербурге, горячим сторонником герценовской освободительной программы. Как-то он напишет в одном из своих писем: «Для меня одна строчка Г[ерцена] дороже всей Публичной библиотеки, — дороже потому, что идет в самую жизнь и зовет к новой жизни»[41].

Благосветлов привлек в «Русское слово» в качестве критика Д.И. Писарева — «пророка молодого поколения». Он же первым предложил сотрудничество в журнале и Н.И. Воронову.

Необычный очерк

Почти два месяца — июнь и июль 1861 года — провел Н.И. Воронов в морском путешествии: от Севастополя до Керчи, затем от Керчи до Новороссийска, далее — Константиновское укрепление, Сочи, Гагры, Пицунда, Бамборы, Сухум, Редут-Кале, Поти и опять Керчь. Воронов вел, как обычно, путевой дневник, делал подробнейшие записи о встречах и беседах с десятками людей. Начал писать очерк «Плавание у восточных берегов Черного моря (Из путевых заметок о Южной России)». В течение июля—августа очерк был написан и отослан в Петербург редактору «Русского слова» Благосветлову. В ноябрьском, одиннадцатом томе «Русского слова» за 1861 год материал Воронова был опубликован. Факт довольно быстрого выхода очерка в свет — лишнее свидетельство повышенного интереса редакции «Русского слова», а вместе с ней, очевидно, и руководства «Земли и воли» к данному материалу.

...Темно-зеленая с черными разводами обложка объемистой книги. Тисненое золото букв на кожаном корешке переплета: «Русское слово. 1861.11.12». Открываем оглавление. Пятой сверху идет статья Д.И. Писарева «Меттерних», затем очерк Н.И. Воронова, вслед за ним стихи поэта-революционера А.Н. Плещеева и вновь «Рассказы из жизни уездного города» Воронова.

Очерк Воронова «Плавание у восточных берегов Черного моря» имеет такое же многосложное содержание, как и «Дорожные заметки на разных путях Южной России». В живой, увлекательной форме автор описывает причерноморские города-крепости, порты, укрепленные посты, торговые центры, морские бухты, окружающую природу; состав, быт, нравы, настроения русского и местного горского населения; положение в русских военных гарнизонах. Это очень емкий, интересный экономико-географический, этнографический и исторический обзор положения на Кавказском черноморском побережье в середине 1861 года.

На первом плане очерка — и это сразу бросается в глаза читателю — топография русских военных гарнизонов и поселений, удобных морских бухт, устьев рек, прибрежных и горных дорог, троп и перевалов. К примеру, на отрезке пути от Новороссийска до Поти Н.И. Воронов дает подробное описание и топографию не менее 10 укрепленных пунктов — фортов, военных гарнизонов.

Говоря о топографии русских причерноморских фортов, разрушенных англо-французским флотом в Крымскую войну, автор проявил точное знание функционирования турецкой контрабанды в районах восточного побережья Черного моря. Николай Ильич писал:

«К местам бывших фортов теперь пристают, часто безнаказанно, турецкие кочермы (то есть легкие морские суда. — И.Л.), отчасти с военной контрабандой, отчасти с невинными товарами, находящими сбыт у горцев. Так, особенно у Сочи, с парохода приметен был целый ряд этого незатейливого, но чрезвычайно легкого турецкого каботажа; одна за другой, белея своими маленькими парусами, пробирались они у скалистых берегов. В случае появления нашего крейсера кочермы удобно вытаскиваются на берег, а при попутном ветре они работают по десять узлов, так что угнаться за ними под силу не всякому крейсеру»[42].

Позднейшие события покажут, что в данный текст Н.И. Воронов вкладывал особый смысл: речь шла о возможности использования турецких контрабандистов для переправки революционных изданий Вольной русской типографии из Лондона на Кавказское побережье для русского и горского населения. Эти мысли подавались автором-путешественником в форме безобидного очеркового текста, а по существу, он осуществлял рекогносцировку местности и выявлял пункты, в которые всего удобнее было бы доставлять лондонские издания.

В районе Сухума «Великий князь Константин» стоял двое суток. Сойдя с парохода, в течение дня Воронов обошел несколько верст морского побережья, внимательно изучив его. Он выяснил, что охрану побережья в данном пункте нес линейный батальон при артиллерии. Но главное, он узнал настроения солдат и офицеров сухумского гарнизона.

Автор симпатизирует освободительной борьбе горцев. В разных местах очерка неоднократно говорится о гордых и храбрых воинах-убыхах, не боявшихся обстрелов из морской артиллерии, о малочис-

ленных племенах псхувцев и джигетов, искавших связь с убыхами, о временно замирившихся натухайцах, о мирных и трудолюбивых абхазцах, о воинственных адыгейцах. Эти сведения имели важное значение для лондонского революционного центра в выяснении конкретной обстановки на Кавказе.

Воронов не проходит мимо социальных противоречий самодержавной России; он видит их всюду: и на верхней палубе «Великого князя Константина», и в Сухум-Кале, и в гарнизоне Гагрского военного укрепления.

Как уже говорилось, в том же томе «Русского слова» был опубликован и другой очерк Н.И. Воронова: «Рассказы из жизни уездного городка. Панкратий Пафнутьич». Это рассказ о тихой и размеренной жизни уездного малороссийского городка В. — скорее всего родных Валок Харьковской губернии. Воронов еще раз обращает внимание прогрессивной общественности на бедственное и унизительное положение российских Акакиев Акакиевичей — маленьких людей в провинциальной глуши России. Но смысл рассказа не только в этом. Главное, на наш взгляд,— это решительное противопоставление автором двух лагерей, изображенных в очерках «Плавание у восточных берегов Черного моря» и «Рассказы из жизни уездного городка»: лагеря борьбы за свободу и счастье людей и лагеря мещанства и серости.

Очевидно, данное противопоставление делалось Вороновым с согласия Благосветлова, редакции «Русского слова». Оно помогало отчетливее увидеть военно-революционную направленность очерка «Плавание у восточных берегов Черного моря», а вместе с тем становился яснее и революционно-демократический характер платформы «Русского слова», его редакции. Поэтому неспроста оба вороновских очерка были опубликованы в одном томе «Русского слова».

Нелегальная деятельность Н.И. Воронова

После длительного путешествия Николай Ильич Воронов вернулся в Екатеринодар и прожил там с перерывами три месяца: август, сентябрь и октябрь 1861 года. В это время он организовал переброску лондонских революционных изданий, прежде всего «Колокола», из Петербурга через Екатеринодар и кавказские горные перевалы в русские военные гарнизоны, расположенные по восточному берегу Черного моря. В качестве перевозчиков нелегальной литературы Воронов привлек несколько знакомых горцев, которые летне-осенние месяцы заготовляли дрова и затем через перевалы вывозили их на русские посты по кавказской черноморской охранной линии.

Помогал Н.И. Воронову в этом крайне рискованном деле абазинский дворянин Ахмет Шаимов. Он получил хорошее образование: воспитывался и учился в Египте, где закончил мусульманское духовное училище, затем в России, владел арабским, турецким, русским и черкесским языками, начитан был в русской и европейской истории и литературе. В 1850 году педагог-демократ Я.М. Неверов привлек Ахмета Шаимова «к составлению письмен черкесского языка». Свыше десяти лет горский просветитель преподавал в Кубанской войсковой гимназии черкесский язык и мусульманский закон (как того требовала гимназическая программа). Но была и потаенная сторона жизни у этого горского интеллигента. В гимназии он близко познакомился с Николаем Вороновым и вошел в его тайный кружок. Очевидно, Ахмет Шаимов помог Воронову установить связи с горцами для переброски герценовских изданий на Кавказское черноморское побережье. Правда, неожиданно в самом начале 1861 года Шаимов вышел в отставку, но связей с Николаем Ильичом и его друзьями не порывал и помогал им, чем мог[43].

Подтверждают эти факты следующие строки из письма Михаила Александровича Бакунина от 10 мая 1862 года из Лондона в Петербург выдающемуся армянскому революционеру-демократу Микаэлу Лазаревичу Налбандяну:

«Его мысль (то есть Н.И. Воронова. — И.Л.) следующая: из Трапезунта ходят на Кавказский берег малые турецкие суда с контрабандою, которую провозят во множестве. Горцы же, пользуясь правом возить с гор дрова на все русские посты, то есть на всю линию (от Новороссийска и до Поти. — И.Л.), примыкающую к Черному морю, не раз возили между дровами и наши лондонские запрещенные товары. А на русской линии покупают их (то есть «Колокол» и другие революционные издания. — И.Л.) с чрезмерною охотою и готовы платить большие деньги. Показание ясно, следует им воспользоваться и регулировать его»[44].

Это чрезвычайно важное свидетельство о практических возможностях формирующейся подпольной «Земли и воли», о ее связях через Воронова и его екатеринодарских друзей со свободолюбивыми горцами, русскими военными гарнизонами на Черноморском побережье.

Правда, идея об использовании турецкой черноморской контрабанды для переброски герценовских изданий на Кавказ укрепится у Н.И. Воронова и его друзей в самом конце 1861 — начале 1862 года во время его встречи и бесед с Г.Е. Благосветловым в Петербурге. Поэтому первая фраза в цитированном нами отрывке из письма М.А. Бакунина и появится только в начале мая 1862 года, когда Воронов, находясь в Лондоне, высказал свои соображения А.И. Герцену и Н.П. Огареву.

В конце октября 1861 года Н.И. Воронов взял расчет и ушел в отставку, расставшись навсегда с Кубанской войсковой гимназией, с Екатеринодаром. Несомненной причиной быстрого отъезда Воронова из Екатеринодара была его революционная работа и грозящий арест. Вспомним, что еще в феврале—марте 1860 года он

ожидал ареста. В ноябре—декабре 1861 года Николай Ильич проживал в Ставрополе (у полковника С. Гаврино), в Орле (у Рашевского), в Москве (у Трачевского), в Петербурге (у Вейнберга), выезжал в Харьков, родные Валки и, наконец, в последние дни рождественских праздников вновь появился в Петербурге. За 60 дней он побывал в шести городах[45]. Сейчас трудно сказать, чем объясняются эти частые переезды Воронова из города в город, но можно предположить, что он избегал слежки жандармерии и выполнял задания «Земли и воли» по налаживанию связей с этими городами, по переброске сюда прокламаций, герценовских изданий.

Итак, в последних числах декабря 1861 года Н.И. Воронов приехал в Петербург и сразу же связался с редакцией журнала «Русское слово» и Г.Е. Благосветловым. Беседы с Григорием Евлампиевпчем Благосветловым вряд ли ограничивались только обсуждением литературных планов и гонорарных дел одного из провинциальных авторов журнала. Закономерно предположить, что их разговоры могли касаться идущих связей петербургского и лондонского центров «Земли и воли» с Закавказьем как одним из оплотов готовящейся народной революции. Разумеется, в своих следственных показаниях Воронов ни словом не обмолвился о сути этих переговоров. Однако в следственных материалах имеется следующая фраза: «Через господина Благосветлова я был как-то приглашен на вечер к графу Кушелеву-Безбородко; но на этом вечере не пришлось мне ни с кем, кроме хозяина, перемолвиться ни словом»[46].

Это был торжественный публичный вечер 10 января 1862 года, проводившийся графом Г.А. Кушелевым-Безбородко и Г.Е. Благосветловым по случаю открытия шахматного клуба. Вечер состоялся в доме известного петербургского купца Елисеева. Здесь впервые Воронов увидел и услышал Н.Г. Чернышевского, Н.А. Некрасова, Д.И. Писарева, редактора сатирического журнала «Искра» В.С. Курочкина, офицера Генерального штаба, будущего идеолога народничества П.Л. Лаврова, писателя и издателя журнала «Современник» И.И. Панаева и других. Всего на вечере присутствовало около ста человек. С этого времени шахматный клуб стал местом встреч деятелей «Земли и воли», своеобразной штаб-квартирой революционного подполья. По свидетельству Третьего отделения, клуб «облегчил работу по сколачиванию тайного общества «Земля и воля», явившись ширмой для свиданий, переговоров, сближения, связи различных политических кружков и направлений»[47].

По приезде в Петербург Воронов поселился в доме номер 3 по Стремянной улице. Николай Ильич прожил в столице почти полтора месяца[48]. Он неоднократно встречался со своим бывшим однокашником по Харьковскому университету Петром Вейнбергом, посещал вместе с ним литературные вечера, где выступали поэты Н.А. Некрасов, В.С. Курочкин. Воронов слушал публичные лекции в «Вольном университете» в залах Городской думы. Он был открыт по просьбе демократического студенчества с легкой руки князя А.А. Суворова (назначенного в январе 1862 года петербургским генерал-губернатором) вместо закрытого в октябре 1861 года Петербургского университета.

В январе—феврале 1862 года Воронов часто бывал в редакциях «Русского слова» и «Современника» (Литейный, 36), в книжном магазине Н.А. Серно-Соловьевича — одном из легальных центров «Земли и воли» (Невский, 22). Он стал постоянным посетителем шахматного клуба (ныне Невский, 15). Здесь обсуждали самые актуальные проблемы тех дней (крестьянский вопрос, меры по обеспечению свободы прессы, необходимость демократической конституции), готовили общественные адреса в защиту репрессированных профессоров Киевского и Петербургского университетов, поэта-демократа М.Л. Михайлова. Горячий интерес посетителей клуба вызывали лекции и беседы Н.Г. Чернышевского[49].

Активное участие Н.И. Воронова в общественно-политической жизни демократической интеллигенции сыграло большую роль в дальнейшем развитии и укреплении его революционных взглядов.

В начале января 1862 года редактор «Русского слова» и член «Земли и воли» Благосветлов и предложил Николаю Ильичу поехать в заграничную командировку. Важнейшей ее целью было установление личных контактов Воронова с А.И. Герценом, Н.П. Огаревым и М.А. Бакуниным, уточнение дальнейших действий по организации связей с Закавказьем — Черноморьем[50].

Переговоры с Герценом и Бакуниным

В конце февраля 1862 года Николай Ильич Воронов выехал за границу. Три месяца он провел в Германии, Франции, Нидерландах, Англии. Нас интересует пребывание Воронова в Англии. В Лондон Николай Ильич приехал в начале апреля и пробыл там почти два месяца. Благодаря посредничеству своего земляка и однокашника по Харьковскому университету математика Н.И. Морозова, приехавшего в Лондон для профессорской стажировки, Воронов познакомился с М.А. Бакуниным. Между ними состоялось несколько встреч и бесед.

Через полгода Николай Ильич вспоминал: «Здесь (у Н.И. Морозова. — И.Л.) и началось мое с ним (Бакуниным. — И.Л.) знакомство. После расспросов — кто, как, откуда и зачем я в Лондоне, он выразил удивление: почему меня не встречал у Герцена… причем заметил, что им, лондонским выходцам (то есть Герцену, Огареву, Бакунину. — И. Л.), особенно приятно было бы познакомиться с человеком, приехавшим в Лондон из провинции, что столичных русских жителей они уже довольно насмотрелись и наслушались… Бакунин взял с меня при этом слово, что я непременно зайду к нему когда-нибудь утром и вместе с ним навещу Герцена. Однако в то время Герцен уезжал из Лондона отыскивать для своего семейства дачу, и сви-

дание мое с ним состоялось в один из его приемных вечеров, в воскресенье… Встречи мои с Бакуниным произвели на меня приятное впечатление — он принимал во мне живое участие как в человеке, довольно мило шутил надо мною как над «степняком»[51].

Спустя некоторое время Воронов близко познакомился с Герценом и Огаревым. Судя по следственным материалам, — а им, разумеется, до конца верить нельзя, ибо Воронов старался в ходе следствия представить всю мимолетность своего знакомства и бесед с руководителями лондонского центра «Земли и воли», — состоялось всего две-три встречи между ним и Герценом, Огаревым, Бакуниным. Очевидно, таких встреч было больше.

Воронов сообщал в рамках возможного в ходе следствия: «…первое мое свидание с Герценом на его приемном вечере не доставило мне никакой возможности высказаться насчет «Колокола» перед его издателями. Ни с Герценом, ни с Огаревым, кроме общих фраз, не довелось мне ни о чем переговорить, и я, среди незнакомых мне лиц, в первый раз там мне встретившихся, чувствовал себя неловко… Скоро я получил через Бакунина же (новое) приглашение на обед к Герцену»[52].

О чем же шел разговор при неоднократных встречах между Вороновым, Герценом, Огаревым, Бакуниным в апреле—мае 1862 года в Лондоне?

Ответить на этот вопрос крайне сложно, ибо, кроме бедственных материалов Воронова и двух писем Бакунина Микаэлу Налбандяну от 6 и 10 мая 1862 года, мы пока никакими другими источниками не располагаем. И все же попытаемся сделать некоторые выводы, опираясь на бакунинские письма.

В лондонских беседах касались двух основных вопросов: а) революционной направленности «Колокола», б) путей и средств доставки его в Закавказье[53]. Судя по следственным показаниям Николая Ильича, руководители лондонского центра были обеспокоены оторванностью их детища — «Колокола», его основной политической проблематики от многосложной и противоречивой действительности в России, особенно ее провинциальной жизни. Дальность расстояний между Лондоном и Петербургом, между Парижем и Москвой все более и более давала себя знать. Несмотря на весь героизм и оперативность герценовских связных, письма, статьи-обзоры корреспондентов из России доходили до Лондона в лучшем случае за полторы-две, а то и за три-четыре недели. А в обстановке нарастания общественного и революционного движения такой разрыв в сроках с момента свершения самого события в России до его освещения в «Колоколе» весьма затруднял его своевременное, правильное описание. Поэтому такой человек, как Николай Воронов, представитель южно-российской провинциальной интеллигенции, большой знаток Кавказа и Украины, был сущей находкой для редакции «Колокола».

В откровенных, принципиальных и иногда острых разговорах с Герценом, Огаревым и Бакуниным Николай Ильич от своего имени, от имени своих екатеринодарских, ставропольских и петербургских единомышленников выразил полную солидарность с антикрепостнической и антицаристской направленностью «Колокола». Но одновременно он просил издателей «Колокола» более точно и конкретно отражать в журнале российскую действительность, жизнь провинциальной глубинки с вековечным крестьянским вопросом, всю сложность проблем национальных окраин, и в первую очередь Закавказья. Он подчеркивал, как трудно и сложно привить «социалистические мечтания» российскому крестьянству через сельскую общину[54].

Первостепенное внимание было уделено выяснению конкретной социально-экономической и политической обстановки в районах Северного Кавказа, Закавказья, Восточного Причерноморья; положению в Кавказской русской армии, ее казачьих частях, в русских причерноморских фортах и гарнизонах; действиям горских повстанцев. Герцена и Бакунина особенно интересовало мнение Воронова о путях и средствах доставки «Колокола», изданий Вольной русской типографии на Кавказское побережье и распространения их среди русских офицеров и солдат, местного населения (издатели «Колокола», очевидно, уже были знакомы с содержанием очерка Н.И. Воронова «Плавание у восточных берегов Черного моря», опубликованного в «Русском слове»).

Революционное задание

От встреч, разговоров, выяснения обстановки и мнений перешли к делу. Лондонский центр «Земли и воли» предложил Николаю Ильичу возглавить дело по организации транспортировки герценовских изданий в Закавказье. Воронов показал во время следствия:

«Перед отъездом моим из Лондона Бакунин расспрашивал меня о Кавказе… Предлагал мне познакомиться в Петербурге с некоторыми из его знакомых, например с Краевским и Тургеневым, чтобы через знакомство с ними я мог при случае получить литературную работу в журналах или же частные уроки… На вопрос его (Бакунина): «Получается ли «Колокол» на Кавказе?» — я отвечал: «Говорят, что получают его начальствующие лица да в приморские города (то есть, очевидно, в Одессу, Севастополь, Керчь, Сочи, Сухум. — И.Л.) завозят его («Колокол») на пароходах…»[55].

Еще одно документальное свидетельство о широте распространения герценовских изданий в Южной России. Разумеется, Воронов умалчивал о своей личной роли и о роли своих друзей-единомышленников (в Екатеринодаре, Ставрополе и Тифлисе) в организации этого опаснейшего дела.

По заданию лондонского центра по возвращении в Россию Николай Ильич должен был установить связь с петербургским центром общества «Земля и воля» и через него связаться с революционными демо-

кратами Закавказья. Важнейшей частью задания являлось налаживание транспортировки герценовского «Колокола» и других изданий Вольной русской типографии в Южную Россию и Закавказье по двум направлениям: 1) южному — Лондон — Париж — Марсель — Неаполь — Константинополь — Трапезунд — Одесса — Севастополь — Керчь — Сухум — Тифлис и 2) северному — Лондон — Амстердам — Роттердам — Копенгаген — Либава — Петербург — Москва — Екатеринодар — Тифлис. Существенную помощь в этом Воронову должны были оказать два других лондонских революционных агента в России — Микаэл Налбандян и один из друзей Бакунина, корреспондент «Колокола», издатель петербургского журнала «Мировой посредник» маркиз Николай де Траверсе. М.А. Бакунин писал 6 мая 1862 года М.Л. Налбандяну:

«…Я сошелся с одним положительно хорошим и полезным человеком, с Николаем Ильичом Вороновым Он будет в Питере в июне и привезет вам от меня письмецо. Примите его, как хорошего человека, заслуживающего полного доверия… Теперь немедленно по возвращении из-за границы (он) едет в Тифлис. Научите его как переписываться со мною и через Петербург, и через Москву, а также и через Одессу, и через Тифлис, то есть через Константинополь, куда ему должен быть дан адрес. Он и в европейском, и в азиатском отношении будет полезен. Поэтому не худо бы было рекомендовать его (Воронова) добрым людям в Тифлисе»[56]

Н.И. Воронов в тесном контакте с М.Л. Налбандяном, который также хорошо знал Кавказ, и должны были наладить транспортировку лондонских изданий южным путем через Средиземноморье и Черноморье в Закавказье.

10 мая 1862 года Бакунин пишет более развернутое письмо-инструкцию тому же Налбандяну. От имени Герцена, Огарева и от себя лично Бакунин дает высокую оценку деловым и моральным качествам Воронова и более подробно развивает план укрепления связей лондонского центра с Закавказьем. Вот эти строки:

«Явится к вам в Питере с письмом от меня Николай Ильич Воронов, которого мы будем впредь называть: Александр Петрович Вандерман. Примите его, как нашего друга, вам всеми тремя (то есть Герценом, Огаревым, Бакуниным. — И.Л.) рекомендуемого. Он крепкий и умный хохол, долго проживавший в Новороссийском крае и хорошо знающий Кавказ; в июне будет в Питере, а в сентябре в Тифлисе. Он переговорит с вами о новом средстве доставления наших товаров в Кавказский край… Смело рекомендуйте ему наших торговых друзей в Тифлисе и в других местах. Наш дом за него отвечает; и он готов служить вашим интересам точно так же, как служит нашим»[57].

Из письма явствовало, что Герцен, Огарев и Бакунин одобрили идею Воронова использовать для переброски в Закавказье лондонских изданий южным путем (Средиземноморье — Черноморье) как армянских революционеров-демократов, проживавших в Турции, так и при благоприятных возможностях турецких контрабандистов; при транспортировке же подпольных изданий северным путем (Петербург — Москва — Екатеринодар — Тифлис) через кавказские перевалы использовать дружественных горцев, возивших дрова и продукты в русские военные гарнизоны на Черноморском побережье, а в Тифлисе — грузинских и армянских демократов.

Оба письма были сугубо конспиративными. Поэтому в письмах Бакунин пользовался иносказательной терминологией. «Наш дом» — это лондонский революционный центр; «наши товары» — лондонские подпольные издания, и прежде всего «Колокол»; «торговые друзья в Тифлисе» — организующийся закавказский филиал «Земли и воли». В письме содержалась и «Прибавка к словарю», то есть новые зашифрованные имена, названия городов и стран, дополняющие общепринятый в лондонском центре старый зашифрованный словарь имен и географических пунктов. В письме Бакунина это выглядело так:

«Я (Бакунин) — Леонтий Федоров Брыкалов.
Воронов — (Александр Петрович) Вандерман.
Маркиз де Траверсе — граф.
Турция — Австрия.
Константинополь — Вена.
Трапезунд — Триест.
Тифлис — Берлин.
Кавказский край — Пруссия»[58].

Причем в целях удвоенной конспирации Бакунин предлагал, чтобы в переписке Воронов называл Налбандяна «монсеньор Леонарди»; сам Бакунин в письмах Налбандяну именовал маркиза де Траверсе «мадемуазель Серпуховская»; Налбандян свои письма в Лондон для Бакунина должен был адресовать «Петру Александровичу Курдюмову»[59]. Указанные меры служили обеспечению конспирации связей между Лондоном — Петербургом — Закавказьем. Этой конспирации большое внимание уделял и Александр Иванович Герцен. Бакунин сообщал в том же письме Налбандяну:

«Пусть (Воронов), называя вас «монсеньор Леонарди» (пользуйтесь и вперед этим именем), скажет, что на основании вашего приглашения сделал то-то и то, желает того-то, предлагает то-то и то, ясно обозначив все желания, условия, требования, время и также адрес, на который ему должны посылаться наши товары и письма. Постарайтесь устроить это дело, любезный друг, не я один, сам Privat (то есть Герцен. — И.Л.) просит вас о том же. А когда увидетесь с господином Вандерманом (Вороновым. — И.Л.), вы научите его, к кому обратиться в Тифлисе для того, чтобы прийти в сношения с главою константинопольской контрабанды»[60].

Несмотря на принятые меры предосторожности, Бакунин в своих письмах слишком откровенно писал о задачах установления связей между Лондоном — Петербургом — Закавказьем и о технике этих связей, возлагавшихся на Н.И. Воронова и М.Л. Налбандяна. Этим нарушался один из важнейших принципов всемерной конспирации связей лондонского центра с герценовскими связными и корреспондентами в России. Как обнаружится впоследствии, царской жандармерии удастся напасть на этот канал связи между Лондоном и Закавказьем.

Во время пребывания в Лондоне Николай Ильич сблизился с Герценом и Огаревым. Он понравился им своим широким и самобытным умом, критичностью взглядов, скромностью, деловитостью, энергичностью. Недаром в письмах Бакунин от имени Герцена и Огарева характеризовал Воронова как «положительно хорошего» человека, «нашего друга», «заслуживающего полного доверия», «полезного» для редакции «Колокола» «в европейском и азиатском отношении», за которого лондонский центр полностью отвечал. Это была высокая оценка.

Вот тогда-то, по убедительному свидетельству семьи Вороновых, в конце мая 1862 года, при последней встрече и прощании Александр Иванович Герцен и подарил возвращавшемуся в Россию Николаю Ильичу Воронову свои трость-шпагу и дорожный несессер. В воспоминаниях младшей дочери Воронова, Людмилы Николаевны Вороновой, удалось обнаружить следующую запись, сделанную ею со слов матери, Александры Константиновны Прогульбицкой-Вороновой:

«...При прощании А.И. Герцен подарил Николаю Ильичу трость-шпагу и несессер. Александра Константиновна свято хранила все его вещи — свидетельство его встреч с Герценом, Огаревым, Бакуниным, плодотворной, вопреки надеждам самодержавия, деятельности в (фактически) пожизненной кавказской ссылке».

В феврале 1971 года Светлана Васильевна Воронова и ее сын, Юрий Николаевич Воронов (младший), — внучка и правнук Николая Ильича Воронова — через автора этих строк передали трость-шпагу и дорожный несессер А.И. Герцена на вечное хранение в Государственный музей истории Ленинграда, где эти вещи ныне экспонируются.

...В последних числах мая 1862 года Воронов выехал из Лондона в Париж, затем из Парижа в Роттердам, а оттуда пароходом в Петербург. Связной Александра Герцена — Искандера, получивший специальное и ответственное задание по налаживанию связей лондонского центра и Петербурга с Закавказьем, возвращался на родину, в Россию, навсегда унося в своем сердце и памяти образ великого провозвестника российской революции Александра Ивановича Герцена. Впереди ждали неизвестность и важные революционные дела.

Воронов, Налбандян, «Земля и воля»

...Длинным протяжным гудком пароход оповещал о своем прибытии в Кронштадт. Корабль медленно подходил к пирсу. За бортом шумела и пенилась зеленовато-серая балтийская вода. Июньские штормы на Балтике на лишние сутки задержали пароход в пути, поэтому ни начальство Кронштадтского порта, ни таможенные чиновники не знали точного срока прибытия рейсового парохода Роттердам — Петербург в Кронштадт.

Последнее обстоятельство было на руку одному из пассажиров парохода. Им был Николай Воронов. Он избежал в Кронштадте тщательного таможенного досмотра. Все обошлось как нельзя лучше. Через несколько часов уверенный в успехе дела Николай Ильич покинул палубу корабля и сошел на пристань, что находилась напротив 17-й линии Васильевского острова.

А ведь проверь таможенный служащий более тщательно дорожный сундучок, и все могло бы кончиться печально для Воронова. В сундучке красного дерева под верхней стенкой был вделан тайник. Воронов спрятал там очередные листы «Колокола»[61]. Часть экземпляров необходимо было оставить в Петербурге, а часть перебросить в Тифлис. Кроме того, под шелковой подкладкой своего сюртука из серого драпа, во вшитом потайном кармане, Воронов привез два письма от Герцена — Бакунина для передачи их М.Л. Налбандяну и Н.А. де Траверсе. Причем на первом конверте было написано: «На Васильевский остров, в Биржевом переулке. Спросить (Л.И.) Хафафова, для передачи М. Налбандову»; а на втором конверте: «Петербург, Гончарная улица, дом Прокоповича. Маркизу де Траверсе»[62].

Микаэл Лазаревич Налбандян являлся важным связующим звеном между лондонским и петербургским центрами «Земли и воли» и закавказскими революционными демократами. Это был высокоодаренный, энциклопедически образованный человек. Филолог, литератор, он хорошо разбирался в новейших проблемах истории, философии, политэкономии, медицины, биологии и ряда других наук. В 1854—1858 годы он был вольным слушателем медицинского факультета Московского университета. В октябре 1859 года поступил в Петербургский университет на восточный факультет. Здесь Налбандян учился одновременно с Д.И. Писаревым, Н.И. Утиным, Е.П. Михаэлисом, Л.Ф. Пантелеевым, И. Чавчавадзе, А. Церетели, В. Гогоберидзе, то есть с людьми, которые активно работали в «Земле и воле» или близко стояли к ней.

В формировании общественно-политических и философских взглядов М. Налбандяна огромную роль сыграли вожди русской революционной демократии А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский. В апреле—мае 1859 года Налбандян устанавливает личную связь с Герценом и Огаревым в Лондоне, сотрудничает в «Колоколе». В январе—марте 1861 и в январе—апреле 1862 года Налбандян побывал в Лондоне, где находился в тесном контакте с Герценом, Огаревым, а затем и с Бакуниным. Микаэл Лазаревич помогал Огареву в составлении

уже упоминавшегося революционного воззвания «Что нужно народу?», вел переговоры с Герценом и Бакуниным об установлении связей лондонского центра с Закавказьем, югом России, с Турцией (Константинополем), где имелась большая армянская община, среди которой действовала подпольная организация «Партия молодых» (создана М. Налбандяном и редактором армянского журнала «Мегу» А. Свачяном).

В то время М. Налбандян и «Партия молодых» во главе с А. Свачяном и С. Тагворяном готовили народное армянское восстание в Зейтуне — горной Киликии (турецкая Западная Армения) — против турецкого владычества. Герцен, Огарев и Бакунин были в курсе дел Налбандяна и его единомышленников[63]. Они чрезвычайно высоко оценивали роль Налбандяна в укреплении дружбы и тесных связей между русскими и армянскими революционерами. В июне 1862 года Огарев писал Н.А. Серно-Соловьевичу в Петербург о Микаэле Лазаревиче Налбандяне: «…золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости»; в том же письме Герцен добавлял: «Поклонитесь ему — это преблагороднейший человек — скажите ему, что мы помним и любим его»[64].

Последний раз Налбандян виделся с Герценом, Огаревым и Бакуниным за две недели до приезда Николая Воронова. Стремясь познакомить Воронова и его друзей с Налбандяном и его соратниками, Герцен и Бакунин рассчитывали их объединенными усилиями создать надежный подпольный аппарат связи между Лондоном, Парижем, Константинополем, Петербургом, Закавказьем. В этих целях руководители Лондонского центра собирались также опереться на силы, средства и связи грузинского и армянского студенческих землячеств в Петербурге.

Грузинское землячество в Петербурге оформилось осенью 1861 года. Это было время, когда революционная ситуация в стране резко обострилась и вслед за крестьянством в революционное движение начало втягиваться демократическое студенчество. Центром движения стал Петербургский университет, где в сентябре—октябре 1861 года вспыхнули волнения среди студентов. Университет был закрыт, а свыше 300 передовых студентов арестованы и заточены в казематы Петропавловской и Кронштадтской крепостей. У истоков грузинского землячества стоял 22-летний студент юридического факультета Петербургского университета Илья Чавчавадзе, уже тогда известный грузинский поэт и признанный руководитель студенческого революционного движения в Петербурге. Чавчавадзе испытал на себе благотворное влияние идей Н.Г. Чернышевского, лично был с ним знаком и пользовался его доверием. За участие в студенческих волнениях весной 1861 года его исключили с последнего курса университета, и он вернулся к себе на родину[65].

После его отъезда грузинское землячество возглавили студенты-старшекурсники Николай Гогоберидзе (историк) и Виссарион Гогоберидзе (математик), которые были связаны с редакцией журнала «Современник», с Чернышевским и играли видную роль в петербургском отделении «Земли и воли». Осенью 1861 года в землячество вошел 18-летний студент-первокурсник юридического факультета Нико Николадзе, ставший одним из его руководителей. Вскоре Николадзе близко познакомился с Чернышевским и стал его доверенным лицом среди студентов-грузин. В землячество входило 40—50 студентов. Грузинское землячество приняло активное участие в студенческих волнениях осенью 1861 года, свыше 30 студентов-грузин были заключены в Петропавловскую и Кронштадтскую крепости[66].

В Петербургском университете существовало и армянское землячество. В него входили М. Налбандян, студенты университета братья Н. и П. Шаншиевы (Шаншян), двоюродные братья Р. и К. Патканяны, М. Будагян, коммерсант Л. Хафафов и другие. Характерно, что Н. Шаншиев и Р. Патканян поддерживали контакты с членами редакции «Современника» Н.А. Добролюбовым, Н.А. Некрасовым и И.И. Панаевым. Квартира Лазаря Хафафова — друга и земляка М. Налбандяна — в доме Меняева по Биржевому переулку (рядом с университетом), очевидно, была центром армянского землячества. Через Микаэла Налбандяна и Виссариона Гогоберидзе между армянским и грузинским землячествами была налажена тесная связь[67].

Духовным отцом грузинского и армянского землячеств Петербурга был Н.Г. Чернышевский. В революционно настроенных студентах грузинской и армянской национальностей он видел будущих пропагандистов революционно-демократических идей на Кавказе. Поэтому Николай Гаврилович не жалел своих сил и времени на встречи и беседы со студентами.

В первых числах июня 1862 года Микаэл Налбандян находился в столице, вел активную революционно-организаторскую работу. Жил он на квартире Л.И. Хафафова. Сюда, очевидно, и пришел к нему Воронов с посланием от Герцена и Бакунина. Возможно, нам никогда не удастся узнать, о чем конкретно вели переговоры герценовские связные, но можно не сомневаться в том, что речь шла об установлении связей между Лондоном, Петербургом и Закавказьем. В справке Третьего отделения «О кандидате С.-Петербургского университета Михаиле Налбандове», помеченной 1 ноября 1865 года, говорилось:

«…По возвращении Налбандова в Россию (в апреле 1862 года. — И.Л.) Бакунин прислал ему письмо и 10 экземпляров книги на армянском языке, названною поварскою; но книга эта, оказавшаяся по переводе изданною в Париже в 1862 году под заглавием «Земледелие как верный путь»[68], заключала в себе суждения вовсе не о поварском искусстве, а о существующих правительствах и между прочим о России, в возмутительном духе. В бумагах Налбандова найдены два письма к нему Бакунина от 6 и 10 мая 1862 года,

в которых между прочим упоминалось о находившемся в Лондоне коллежском асессоре Воронове, которому Бакунин просил дать средство устроить привоз на Кавказ лондонских изданий»[69].

Николай Ильич Воронов пробыл в Петербурге не менее недели. Он должен был также установить связь с другим герценовским агентом — маркизом Николаем Александровичем де Траверсе и передать ему письма М.А. Бакунина. Очевидно, Воронову удалось встретиться и с де Траверсе. Личная квартира Николая де Траверсе, выпускника Александровского лицея, чиновника для особых поручений при Государственном контроле, находившаяся в доме Прокоповича по Гончарной улице, была одним из важных «почтовых ящиков» лондонского центра для связи с Петербургом. Через семью де Траверсе Герцен и Бакунин поддерживали связь с Сибирью, с начальником штаба русских войск в Восточной Сибири генерал-майором Б.К. Кукелем[70].

В первой половине июня 1862 года Воронов выехал из Петербурга в Москву, оттуда в Орел. Несколько позднее Налбандян направился в Новый Нахичеван. Герценовские связные начали прокладывать пути для установления связей с Закавказьем.

Провал

После майско-июньских пожаров 1862 года в Петербурге, в которых правительственный лагерь и купеческо-мещанские слои населения пытались обвинить революционную студенческую молодежь, реакция перешла в наступление. Царизм был напуган подъемом крестьянского и студенческого движения, деятельностью «Земли и воли», укреплением сил революционной демократии во главе с Чернышевским. Особое беспокойство у властей вызывали широкое распространение и рост влияния герценовских изданий внутри империи. Поэтому были усилены слежка и карательные меры по отношению к лицам, привозившим с собой из-за границы революционные издания. Как раз в те дни, когда Воронов возвращался из Лондона в Петербург, управляющий Третьим отделением генерал-майор Потапов потребовал от жандармского аппарата, обслуживавшего пограничные таможни: «Предлагаю в случае передачи Вам таможнею лиц, задержанных при возвращении из-за границы с запрещенными книгами и подозрительными бумагами, отправлять этих лиц немедленно под присмотром жандармов в Третье отделение… вместе с пакетами и тюками, которые будут Вам переданы из таможни»[71].

В первых числах июля 1862 года произошел провал петербургского революционного центра «Земли и воли». 2 июля из Лондона в Петербург на пароходе «Провиданс» прибыл герценовский связной, служащий столичной торговой конторы Павел Александрович Ветошников. При проверке документов он был арестован жандармами и со своим багажом сразу же доставлен в Третье отделение. При нем находились письма Герцена, Огарева, Бакунина, адресованные Николаю Серно-Соловьевичу — одному из руководителей «Земли и воли», Микаэлу Налбандяну, Николаю де Траверсе[72].

Арест П.А. Ветошникова был полной неожиданностью для руководителей «Земли и воли». Есть все основания считать, что Ветошников был выдан Третьему отделению Г. Перетцом. Сей господин, будучи преподавателем русской словесности в одной из петербургских гимназий и секретарем Общества грамотности, тайно сотрудничал с чиновником Третьего отделения А.К. Гедерштерном. По его заданию Перетц приехал в Лондон к открытию Всемирной выставки, что явилось не вызывающей подозрений маскировкой истинных целей посещения Лондона. С начала июня 1862 года он стал бывать в доме Герцена на Орсетт Террас, 1. То, чего удалось избежать Налбандяну и Воронову, не удалось избежать Ветошникову. В последний июньский воскресный день, когда дом на Орсетт Террас был полон посторонними людьми (а среди них находился и Перетц), Герцен допустил неосторожность при передаче писем Ветошникову. Очевидно, сразу же последовал провокаторский донос Перетца, и судьба герценовского связного была предрешена[73]. Ветошников оказался в Петропавловской крепости.

Царские власти перешли к открытым репрессиям. 7 июля 1862 года жандармерия арестовала Чернышевского и Серно-Соловьевича. 9 июля последовал приказ о розыске и аресте Налбандяна. 15 июля он был схвачен в Новом Нахичеване и доставлен в Петербург. 8 августа был арестован де Траверсе.

Правительство затеяло судебный процесс «Дело о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами». «Земля и воля» лишилась своих наиболее выдающихся руководителей, стойких и мужественных революционеров, и прежде всего Чернышевского. Удар по революционной организации был тяжелый. Царские власти запретили издание журнала «Современник» — 4-го ведущего легального революционно-демократического органа печати. Но деятельность «Земли и воли» не прекратилась. Ею руководили Герцен и Огарев с «Колоколом» в Лондоне и Благосветлов с «Русским словом» в Петербурге, хотя через некоторое время и этот журнал был закрыт. Оценивая общую ситуацию после июльско-августовских арестов, Герцен писал 21 августа 1862 года Е.В. Салиас:

«Страшно больно, что С[ерно]-С[оловьевича], Чер[нышевского] и других взяли — это — у нас незакрывающаяся рана на сердце, — но дело не останавливалось…»[74].

7 августа 1862 года последовало распоряжение Высочайшей следственной комиссии об аресте Николая Ильича Воронова, а на следующий день Третьим отделением был объявлен на него всероссийский

розыск. Первые сведения о том, что Воронов посещал Лондон и является герценовским связным, Третье отделение получило в конце июля. После этого были приняты меры к выяснению местожительства и адресов Воронова. В материалах жандармерии хранится архивное дело за 1862 год под номером 230, часть 117, под заголовком «О чиновнике Николае Воронове». В деле имеется справка полицейского околоточного надзирателя Мофолова от 8 августа 1862 года:

«Воронов Николай Ильич, коллежский асессор, старший учитель русской словесности в Кубанской войсковой гимназии. Жил (в Петербурге), (в) Московской части I квартала в доме под номером 3 по Стремянной улице и 10 января 1862 года выбыл за город. Дознано, адрес загородный: «Его высокоблагородию Ивану Федоровичу Рашевскому, в городе Орел, на Волховской улице, в доме Соколова; прошу передать Николаю Ильичу Воронову». Также дознано, что Воронов приезжал в Петербург в конце марта или в начале апреля и жил без прописки»[75].

В этой справке две неточности. Во-первых, сообщается, что Воронов выехал из Петербурга в Москву 10 января. Но мы уже знаем, что в конце этого дня Николай Ильич по приглашению Благосветлова был на вечере по случаю открытия шахматного клуба. Для нас такая «неточность» интересна вот чем: документально подтверждается, что вплоть до 10 января 1862 года Воронов был в Петербурге. Затем, по всей видимости, в целях конспирации, либо он, либо его друзья отметили в домовой книге, что он выехал из столицы 10 числа. Во-вторых, в марте—апреле того же года Воронов никак не мог быть в Петербурге, ибо в конце февраля выехал за границу. В следственных материалах имеется фраза: «…с марта месяца 1862 года за границей»[76]. Отсюда видно, что каждый жандармский или полицейский документ требует тщательной проверки и анализа.

Воронов был арестован жандармерией в Тифлисе 24 сентября 1862 года. А ведь с момента прибытия из Лондона в Россию прошло почти четыре месяца. Чем же было заполнено это время у герценовского связного?

Связной выполняет задание

С июня и по конец сентября Николай Ильич побывал в Петербурге, Москве, Орле, Валках и Ивановке, Харькове, Екатеринодаре, Ставрополе и Тифлисе. За четыре месяца — в восьми городах. Это только то, что удалось установить. В Орле у Ивана Федоровича Рашевского Воронов прожил июнь и часть июля. Он передал Рашевскому несколько экземпляров «Колокола» и, очевидно, вел с ним переговоры о путях переброски «Колокола» из Петербурга через Москву — Орел — Харьков на Кавказ. В Орле Николай Ильич узнал об аресте Чернышевского, Налбандяна и Серно-Соловьевича. И тогда, понимая, что жандармы пойдут и по его следам, Воронов принял меры к скорейшему выполнению задания Герцена. Он срочно выехал из Орла в Валки и Ивановку, никого об этом не оповестив. Прожил там неделю-две. Затем двинулся в Харьков, через Ростов-на-Дону в Екатеринодар и Ставрополь, а оттуда в Тифлис[77]. Меняя города, нигде не прописываясь, Воронов сумел сбить со следа агентов жандармерии.

Можно предположить, что Воронову удалось выполнить герценовское задание, связаться с кавказскими революционерами-демократами. Вспомним слова из письма Бакунина Налбандяну от 10 мая 1862 года: «Он (Воронов. — И.Л.) переговорит с вами о новом средстве доставления наших товаров в Кавказский край… Смело рекомендуйте ему ваших торговых друзей в Тифлисе и в других местах. Наш дом вам за него отвечает…».

Надо сказать, что исследователи как-то не обращали внимания на глубокий смысл этих слов. Разумеется, Герцен, Бакунин, Налбандян и, очевидно, Воронов знали о существовании и деятельности «в Тифлисе и в других местах» Кавказского края ячеек или групп «Земли и воли». Действительно, летом и осенью 1862 года в Тифлисе и Кутаисе жили и работали Илья Чавчавадзе, Виссарион и Николай Гогоберидзе, Нико Николадзе (он выехал на родину вскоре после ареста Чернышевского) и другие участники студенческих волнений, члены петербургской организации «Земли и воли». Можно говорить о наличии подобных групп в Ставрополе-Кавказском и Екатеринодаре и, очевидно, в Ростове-на-Дону и Нахичевани, где жил М.Л. Налбандян. Конечно, эта интересная проблема требует дальнейшей разработки, поиска новых фактических данных.

Весной—летом 1862 года Герцен и Огарев настойчиво рекомендовали руководящему центру «Земли и воли» в Петербурге установить широкие связи с периферией для координации действий в подготовке крестьянской революции. В конце июня Огарев рекомендовал Н.А. Серно-Соловьевичу: «Уясняйте цели — провинциям, ищите друзей в провинциях. Вы только в провинциях встретите народ, а не мещан-извозчиков, для которых всего менее понятна коренная цель — земской земли». (Под понятием «коренная цель — земской земли» Огарев имел в виду созыв общенародного Земского собора для решения проблем «земли и воли».) Огарев подчеркивал, что реальное сближение демократической интеллигенции с революционной молодежью и народом должно произойти не «на Невской набережной и на Марсовом поле», «оно возможно только при реках черноморско-каспийских»[78]. После закрытия «Современника», предвидя, что реакция расправится с Чернышевским, Герцен и Огарев предлагали издавать журнал в Лондоне или Женеве, куда должен был бы выехать Николай Гаврилович. К осени 1862 года они планировали создать единый руководящий центр «Земли и воли» и встать во главе всего движения[79].

Для реализации этих планов «Земле и воле» необходима была широкая сеть разъездных агентов. В первой половине 1862 года эти обязанности выполняли: Н.А. Серно-Соловьевич, он поддерживал связь с Лондоном, Петербургом, Москвой, Тверью, Ярославлем, Псковом, Рыбинском; М.Л. Налбандян — с Лондоном, Парижем, Римом, Константинополем, Трапезундом, Петербургом, Москвой, Ростовом-на-Дону, Нахичеванью, Тифлисом; В.И. Кельсиев — с Лондоном, Петербургом, Москвой, Новгородом, Поволжьем, Уралом, Сибирью, Кавказом; П.А. Ветошников — с Лондоном, Петербургом, Воронежем, Нижним Новгородом, Москвой; Н.И. Воронов — с Лондоном, Парижем, Петербургом, Москвой, Орлом, Харьковом, Екатеринодаром, Ставрополем, Тифлисом; Н.А. де Траверсе — с Лондоном, Петербургом, Иркутском, Красноярском, Томском; П.П. Лялин — с Харьковом, Киевом, Сибирью; О.М. Белозерский — с Поволжьем и т. д. Уже из этого неполного перечня видно, какие широкие связи существовали у петербургского и лондонского центров «Земли и воли» с российской периферией[80]. Руководство общерусской революционной организацией планировало поднять народные массы на антицаристское восстание в начале осени 1862 года, в дни празднования «тысячелетия» России. Тогда этого сделать не удалось, и решающий штурм самодержавия был перенесен на весну—лето 1863 года[81].

Теперь нам становится более ясным планомерный характер поездки Н.И. Воронова из Петербурга на Кавказ. Летне-осенние месяцы — это время народных ярмарок и базаров, массового скопления крестьянства в городах. Этот момент также учитывался в планах и действиях руководства «Земли и воли»[82]. Поэтому, хотя мы пока не располагаем фактическими данными, нельзя отрицать и того предположения, что Николай Ильич мог не только распространять герценовские издания, но и проводить антимонархическую пропаганду среди крестьян.

Почти два месяца жандармерия разыскивала Воронова. Как это происходило, можно проследить по документам жандармского дела «О чиновнике Николае Воронове»[83].

Исполняющий должность наместника кавказского генерал-адъютант князь Г. Орбелиани — главному начальнику Третьего отделения, из Тифлиса в Петербург 21 сентября 1862 года:

«…Имею честь уведомить Вас… что Воронов в апреле сего года был в Париже, откуда прислал на имя тифлисского гражданского губернатора просьбу о предоставлении ему должности учителя словесности в Тифлисской гимназии или в Закавказском девичьем институте…».

Управляющий Третьим отделением генерал-майор Потапов — начальнику Орловской губернии, 3 октября 1862 года:

«…Письма для передачи ему (Воронову) адресуются в Орле на имя старшего учителя тамошней гимназии Ивана Рашевского. Считаю по сему долгом покорнейше просить Ваше превосходительство о приказании узнать от госп(одина) Рашевского о месте пребывания коллежского асессора Воронова, и если он находится в вверенной Вам губернии, то, сделав у него внезапный обыск и опечатав все бумаги, арестовать его и отправить вместе с бумагами в Третье отделение».

Последний запрос в Орел управляющего Третьим отделением был сделан на десятый день после ареста Воронова в Тифлисе, когда жандармы везли герценовского связного в Петербург.

Во второй половине августа 1862 года Воронов приехал в Тифлис, имея в виду две цели: связаться с закавказскими революционерами-демократами и официально устроиться на работу в одну из тифлисских гимназий. С этой целью он дважды — в апреле из Парижа и в июне из Орла — направлял прошения с просьбой зачислить его на преподавательскую службу. Устройство на работу в Тифлисе должно было служить легальным прикрытием его деятельности по организации транспортировки герценовских изданий на Кавказ. Заметим, что своевременно посланные прошения из Парижа и Орла впоследствии, во время ареста и следствия, помогли Воронову подтвердить выдвинутую им версию, что поездка в Закавказье в августе—сентябре 1862 года была вызвана стремлением устроиться на службу в Тифлисе.

Здесь Воронов прожил месяц. Начал заводить нужные знакомства, связи, готовился к поступлению на службу. В Тифлисе надо было закрепиться для успешного выполнения герценовского задания.

В Алексеевском равелине

Однако 24 сентября последовал обыск и арест Воронова. Жандармы переворошили бумаги, просмотрели все книги, письма, личные вещи. В жандармском перечне (помеченном датой 5 ноября 1862 года) указывалось, что среди «замечательных бумаг» у Николая Воронова были отобраны: конверт с его документами, письма Трачевского, переписка с невестой Флорой Гаврино, путевые заметки, фотографии. Ничего особо «преступного» жандармам обнаружить не удалось. Сказались принятые заранее меры предосторожности.

25 сентября 1862 года под охраной двух жандармов Воронов был отправлен из Тифлиса в Петербург. 11 октября 1862 года за Николаем Ильичом захлопнулась тяжелая дверь в тюремной камере-покое под номером четыре Алексеевского равелина Петропавловской крепости. Он был тридцать вторым, и последним, арестантом по «Делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами».

В октябре 1802 года в Алексеевском равелине находились 15 строго засекреченных «государственных преступников» — руководителей и наиболее активных членов «Земли и воли». Среди них: Н.Г. Чернышевский, Н.А. Серно-Соловьевич, П.А. Ветошников, М.Л. Налбандян, А.И. Нечипоренко, Н.А. де Траверсе.

Две недели члены и следователи Высочайшей следственной комиссии не вызывали Николая Ильича Воронова. Устроители судебного процесса считали, что двухнедельного срока «вживания» арестанта в мертвящую обстановку Алексеевского равелина вполне достаточно для его внутреннего надлома, а затем полного раскрытия для дачи нужных им показаний. Но этого не произошло. Наоборот, тщательно проанализировав свои действия за границей и по возвращении в Россию, Воронов сумел наметить такую линию своего поведения в ходе предварительного следствия, которая вела бы к его полному алиби. В этом ему помогало то, что в ходе непосредственного выполнения задания Герцена—Бакунина ему удалось не оставить почти никаких следов и компрометирующих материалов. Поэтому он решил занять позицию любознательно-нейтрального, стороннего отношения к Герцену, его друзьям, их революционному делу, полностью отрицать свое знакомство с Налбандяном и де Траверсе. Линия полупризнания лишь в деталях, а не в существе дела позволяла уйти в сторону от следственных вопросов обвинения, скрыть подлинную правду, реабилитировать себя, ослабив удар по своим сотоварищам в революционной работе. Эта линия принесла Воронову успех.

Узник запутывает следствие

25 октября 1862 года Высочайшая следственная комиссия задала Николаю Ильичу первые четыре вопроса по его делу. Комиссию интересовали его биографические данные, родственные связи, служебное и финансовое положение; знакомства в Петербурге, Москве, за границей; цели поездок в Париж — Лондон, а по возвращении в Россию — в Орел — Харьков — Тифлис. Одновременно было сформулировано и обвинение против Воронова. Вот его текст: «По имеющимся в Комиссии сведениям, вы обвиняетесь в злоумышленных против правительства сношениях с находящимися в Лондоне русскими изгнанниками Герценом и Огаревым и с их товарищами Бакуниным и другими; равно в содействии им к достижению преступных их целей».

Одно это обвинение грозило Воронову крепостным заключением или сибирской каторгой.

Наиболее тяжелым был для Николая Ильича четвертый вопрос, который формулировался следующим образом: «Объясните: с кем из них (то есть с Герценом, Огаревым, Бакуниным. — И.Л.) и с которого времени вы находились в сношениях; в чем заключались эти сношения; какие вследствие сего были ваши действия в России и кто участвовал с вами в этом деле (то есть в деле установления связей между Лондоном—Петербургом и Закавказьем. — И.Л.)?»[84]. Этот вопрос потребовал огромного мыслительного и нервного напряжения от арестанта.

Начались беспрерывные изнуряющие допросы, очные ставки. Воронов держался спокойно, уверенно, не давая следователям сбивать себя с толку. Он не отрицал своего знакомства с Герценом, Огаревым и Бакуниным, бесед и споров с ними. Наряду с этим подчеркивал чисто случайный, объясняемый любознательностью интерес к этим встречам. Воронов категорически отрицал всякую возможность сотрудничества с «лондонскими изгнанниками». Показания Николая Ильича фактически совпадали с показаниями М.Л. Налбандяна и Н.А. де Траверсе. Все трое заявляли о том, что они друг друга не знали и никогда не встречались[85]. Все это облегчало вину Воронова в глазах царских следователей.

Единая линия в поведении и показаниях в ходе следствия трех герценовских связных — Воронова, Налбандяна и де Траверсе позволяет предположить, что между ними была предварительная договоренность, какой тактики придерживаться на допросах в случае их провала и ареста.

Почти полтора месяца следственная комиссия и жандармы проверяли «точность» ответов Николая Ильича Воронова. Вот что удивляло и бесило следователей: арестант вроде бы отвечал на их вопросы «чистосердечно и откровенно», по существу же уходил от прямых ответов. Тем самым он утаивал подлинный смысл революционного задания, порученного ему Герценом и Огаревым, прикрывал герценовских связных.

4, 5 и 8 декабря 1862 года последовала новая серия допросов. Следствие хотело выяснить характер задания, полученного Вороновым в Лондоне, характер его взаимоотношений с Налбандяном и де Траверсе. Прошло два месяца с момента ареста Николая Ильича, а следствию ничего принципиально нового так и не удалось узнать. Поэтому вопросы следовали за вопросами. Вот некоторые из них:

«…Комиссия требует от вас чистосердечного объяснения: в чем заключалось участие ваше в деятельности Бакунина и товарищей его (Герцена, Огарева) по привозу в Россию издающихся в Лондоне сочинений?

…Вы имели соглашение с Бакуниным по предмету распространения преступной его пропаганды, Комиссия требует, чтобы вы объяснили в подробности планы, сообщенные вам Бакуниным, и все то, что вы сделали и намеревались сделать к исполнению их; равно для какой цели Бакунин дал Вам в письме вымышленное имя и фамилию; когда именно и куда привозили горцы лондонские издания… каким именно интересам Бакунина и товарищей его (Герцена, Огарева) вы служили?».

И вновь в камере Алексеевского равелина Николай Воронов тщательно продумывал и затем писал на листах плотной бумаги свои отрицательные или уклончивые ответы. Почти полностью отрицая свою вину,

Воронов вынужден был на сей раз признать, что он попал под влияние Герцена и Бакунина. Но и только… В частности, он не скрывал: «Первая, случайная встреча с ним (Бакуниным) расположила меня в его пользу. Его колоссальная фигура, его старческий, но полный еще юношеского одушевления вид невольно родили во мне симпатию к его суждениям… Без сомнения, я поддался его влиянию и тут же уступил ему, чуть только стал он убеждать меня — познакомиться с Герценом»[86].

К узникам Алексеевского равелина следственная комиссия и тюремщики относились фактически как к уголовным преступникам. Однако мужественные борцы не были сломлены ни изнуряющими допросами царских следователей, ни издевательствами тюремщиков, ни Алексеевским равелином. Пример гражданской стойкости и верности революционным идеалам подавал, прежде всего, Н.Г. Чернышевский. Широко известен факт написания им в равелине бессмертного романа «Что делать?», оказавшего огромное влияние на последующие поколения российских революционеров. Одновременно он занимался переводом на русский язык труда английского историка Томаса Б. Маколея «История Англии», многотомной «Всемирной истории» немецкого историка Ф.-К. Шлоссера, продолжая работать над формированием известной «Исторической библиотеки». Когда в декабре 1862 — январе 1863 года ему были запрещены свидания с женой, Ольгой Сократовной, он объявил голодовку. Очевидно, это была первая политическая голодовка революционера-демократа в истории царской тюрьмы. Перетрусившие власти разрешили свидания не только Чернышевскому, но и Налбандяну, Воронову и Ветошникову[87].

Кроме того, некоторое облегчение режима для арестантов было произведено по указанию петербургского военного генерал-губернатора графа А.А. Суворова — внука великого русского полководца А.В. Суворова. Генерал-губернатор был поражен стойкостью революционеров во главе с Чернышевским. Он предоставил Н.Г. Чернышевскому право пользоваться чернилами и бумагой, дал разрешение на написание романа «Что делать?». По его распоряжению Н.А. Серно-Соловьевич, М.Л. Налбандян, Н.И. Воронов также получили право на литературные занятия в равелине[88].

Из крепости в ссылку

…Прошло ровно шесть месяцев с тех пор, как Николай Ильич Воронов был заключен в Алексеевский равелин. Высочайшей следственной комиссии не удалось добиться от него признания вины, а особо инкриминирующие материалы (кроме двух писем Бакунина Налбандяну от 6 и 10 мая 1862 года) по его судебному делу так и не были добыты. По всей видимости, ему удалось убедить следственную комиссию в своей невиновности, запутать и сбить со следа следствие.

На последних допросах Воронов неизменно и упорно показывал только одно: «Ни маркиза де Траверсе, ни Налбандова я не видел и вовсе их не знал. Кроме означенных разговоров, более никаких сношений с (лондонскими. — И.Л.) пропагандистами у меня не было, никакого участия в делах их я не принимал»[89].

На решение царских властей по поводу Н.И. Воронова повлияли и два следующих немаловажных фактора. Первое: ни Микаэл Налбандян, ни Николай де Траверсе не признались следствию в знакомстве с ним, а, наоборот, единодушно отрицали саму возможность подобного знакомства и этим оказали неоценимую помощь Николаю Ильичу. Второе: начавшееся в январе—феврале 1863 года восстание польских патриотов в польских губерниях России, резкий рост антицаристских настроений среди прогрессивной общественности внутри страны и в Западной Европе заставили самодержавное правительство сделать несколько либеральных жестов. В частности, по делу о «лондонских пропагандистах» были освобождены Николай Воронов и Олимпий Белозерский. Они были выпущены на поруки, и с них была взята подписка о том, что они никуда не будут отлучаться из столицы без разрешения правительства.

12 марта 1863 года Николай Воронов вышел из камеры. Позади остались шесть ужасных месяцев пребывания в Алексеевском равелине.

Пройдет еще шесть месяцев. 1 сентября 1863 года А.И. Герцен напишет М.А. Бакунину гневные, но справедливые строки: «Болтовней ты погубил не одного Налбандова, а, напр(имер), и Воронова; твоя ненужная отметка о нем в письме к Налбанд(ову) свела его сначала в крепость из Кавказа — а потом в ссылку»[90].

Через месяц вслед за Герценом Огарев вновь с возмущением выговаривал Бакунину: «Твое хвастовство об общ(естве) З(емля) и в(оля) не принесло ему пользы… Пора сознать, что мы живем для дела, а не дело для нас. В последнем случае мы бы только производили игру в революцию… Я умоляю тебя, Бакунин. Мы много уже наделали ошибок и зла, ты во главе их»[91].

Руководители российской революционной демократии Герцен и Огарев из далекого Лондона следили за судьбой своих связных и корреспондентов Николая Воронова и Микаэла Налбандяна.

Первый — Воронов — в начале лета 1863 года выехал по приговору Правительствующего сената в Закавказье, куда он ссылался под строжайший гласный надзор полиции. Выехал без средств к существованию, без служебного аттестата, не зная, примут ли его на службу. Второй — Налбандян — до середины мая 1865 года пребывал в Алексеевском равелине, где заболел туберкулезом, а затем был выслан в приволжский городок Камышин Саратовской губернии и там умер в апреле 1866 года.

Верность идеалам

…Запряженная парой коней почтовая карета быстро катилась по Ставропольской дороге. Какой уже день она передвигалась все дальше и дальше на юг. На заднем сиденье кареты дремал Николай Ильич Воронов. Он направлялся в Тифлис. Неожиданно ямщик зычно крикнул: «Глянь, господин хороший, виден Эльбрус! Ох и высоченная гора!».

Воронов очнулся, осмотрелся. Вдали в лучах утреннего солнца виднелась заснеженная вершина Эльбруса. Величественная гора как бы олицетворяла собой силу и мощь свободолюбивого и гордого Кавказа, красоту его природы. Почтовая карета вздрагивала и громыхала на каменистой дороге. Николай Воронов ехал в свою «пожизненную, двадцатипятилетнюю кавказскую ссылку». Эти слова о «пожизненной ссылке» напишет через 60 лет его жена и верный друг Александра Константиновна Прогульбицкая-Воронова.

Поиски работы

В июле 1863 года Воронов приехал в Тифлис. Как сосланный «государственный преступник» он встал «на учет» в жандармском управлении наместничества, вскоре из Петербурга ему переслали конфискованные год назад при аресте 90 рублей 50 копеек серебром. На какое-то время эти деньги помогли в его затрудненном положении. Затем пришлось искать любую работу и, прежде всего, частные уроки. Многие знакомые и доброжелатели отвернулись от недавнего узника Алексеевского равелина. На протяжении трех лет (1863—1865 годы) жизнь Николая Ильича протекала в непрерывных заботах о хлебе насущном. Однако духом он не падал и никогда не терял интереса к труду, к книге.

10 декабря 1864 года судебное следствие по делу Воронова было официально прекращено. В начале 1865 года он подал заявление в главное управление Кавказского наместничества о возвращении ему служебного аттестата из Третьего отделения. Без аттестата он не мог работать ни в одном учебном заведении. На решение судьбы Николая Ильича, на возвращение его аттестата карательно-бюрократическим ведомствам понадобился ровно год. Никому из царских чиновников не было дела до волнений тридцатитрехлетнего учителя Воронова, не имеющего постоянной работы.

Только 15 декабря 1865 года шеф корпуса жандармов князь В.А. Долгоруков сообщил в Кавказское наместничество, что в выдаче Воронову «сего аттестата препятствия по (судебному) делу, о нем производившемуся, не встречается»[92].

Наконец аттестат был получен. Теперь у Воронова появилась надежда устроиться учителем в одну из тифлисских гимназий. В феврале 1866 года его пригласили работать преподавателем русского языка в Тифлисское женское училище. Оно было открыто год назад и очень нуждалось в опытных учительских кадрах. Здесь Воронов проработал два года. Его уроки проходили с блеском: истосковавшийся по настоящей работе, Николай Ильич всю душу, весь талант педагога и воспитателя отдавал своим ученицам.

В училище он познакомился и сблизился с Митрофаном Андреевичем Селитренниковым и Леонардом Петровичем Загурским. Селитренников был молодым ищущим человеком. Загурский — постарше, поляк по национальности, участник польского освободительного движения, высланный на Кавказ и оказывавший прогрессивное влияние на юных грузинских гимназистов и гимназисток[93]. Долгие годы Воронова, Загурского и Селитренникова объединяла крепкая дружба.

В условиях наступления монархической реакции учительский труд не мог полностью удовлетворить Николая Ильича. Он стал его даже тяготить из-за недоверия к нему училищного начальства, бюрократизма и бездушия, из-за бесконечных проверок и ограничений (не дай бог, как бы бывший преступник не стал проповедовать крамолу на уроках!). Поиски возможных для него в эту мрачную пору занятий привели Воронова к издавна привлекавшим его журналистике, публицистике, а также к науке: этнографии, статистике, географии, археологии. Он стал одним из крупных исследователей Кавказа.

Критика колониальной политики царизма на Кавказе

Кавказ интересовал Н.И. Воронова и раньше. Еще в сентябрьско-октябрьской книжке московского журнала «Русский вестник» за 1860 год на Кавказе в разделе «Современная летопись» появилась статья «Из Тифлиса». Она была помечена датой 15 июля 1860 года, под нею подпись: «-й-в». Под этим псевдонимом выступал Николай Воронов (этим псевдонимом подписывал он и свои очерки в журнале «Русское слово»).

Статья носит краткий информационный характер. Автор стремится «глазом очень и очень зоркого наблюдателя» взглянуть на тифлисское общество, чтобы «составить верную его физиологию». Воронова поражает калейдоскопическая смесь одежд и лиц, племен и наречий, резко выраженные социальные контрасты — богатство и бедность. Тифлис — одновременно и «европейский» и «азиатский» город. При-

чину резкой социально-экономической поляризации тифлисского населения, проявлявшейся и во внешнем виде центральных дворянско-купеческих и окраинных бедняцко-нищенских кварталов Тифлиса, автор видел в политике самодержавного правительства, местной бюрократии. В скрытой форме Николай Ильич критикует центральные и местные власти за реакционный курс в области общественной и культурной жизни города. Правда, в этой заметке автор еще не поднимался до широких обобщений.

Есть все основания предположить, что одну из наиболее серьезных статей, посвященных грузинским и общекавказским проблемам, Н.И. Воронов написал для «Колокола», когда находился в Англии. В сентябрьские дни 1862 года в Лондоне вышел в свет 145-й лист герценовского «Колокола». В нем была помещена статья анонимного автора «Из Грузии». По свидетельству А.К. Прогульбицкой-Вороновой, автором статьи мог быть Н.И. Воронов[94]. Круг вопросов, выдвигаемых в статье, — это те общие проблемы, которые обсуждал в Лондоне Воронов с Герценом, Огаревым, Бакуниным. Прекрасное знание фактического материала из истории Грузии, событий из жизни Кавказского наместничества, своеобразный стиль конструирования текста, сходство с другими публицистическими статьями Воронова (например, очерк «Долина Риона (Из путевых воспоминаний)». — Журнал «Эпоха», 1864, № 11) делают довольно убедительным предположение о его авторстве.

В этой статье проблема взаимоотношений России и Грузии анализировалась с революционно-демократических позиций. Автор указывал на закономерность добровольного присоединения Грузии к России, ибо, «будучи прикрыта совершенно Турциею от Европы, она (Грузия) не имела другого исхода и другой надежды к скорому спасению, как просить помощи у русских. Могущественная Россия скоро избавила Грузию от всех внешних ее врагов»[95].

Воронов рассматривал в ретроспективном плане историю России и Грузии, их экономические, политические и культурные связи, единую судьбу их народов, жаждущих свободы и скорейшего избавления от «дурного управления». Автор подводил читателя к мысли о необходимости совместной борьбы русского и грузинского народов против царского самодержавия, остро критиковал колониальную политику правительственных властей в отношении грузинского и других кавказских народов, жестокие меры подавления их свободомыслия и стремления к независимости.

«Действительно, нет в настоящее время на Кавказе порядочного человека, имевшего дело с полицией или гражданским начальством, который не поносил бы это начальство и вообще дух гражданского русского управления… Каждый задает себе вопрос, что неужели Россия для того только и пролила столько крови своих сынов на Кавказе, чтобы передать затем эту страну хищничеству своих чиновников»[96].

Негодование автора вызывает запрещение вести преподавание на грузинском языке в местных гимназиях и духовной семинарии. Едко высмеивает автор неслыханное обогащение гражданских и военных администраторов, чиновничьей бюрократии за счет ограбления и нещадной эксплуатации ремесленников и крестьянства Грузии. Автор бичует карьеризм, взяточничество, махровый шовинизм русских и грузинских сановников. Обращаясь к читателю, Воронов пишет в саркастической форме: «Берите побольше взяток и уделяйте часть из оных своим начальникам, и тогда наверное наследуете высокие в иерархии вожделенные места; льстите сильным и влиятельным лицам, старайтесь способствовать всеми мерами их порокам, если вы желаете сделаться порядочными людьми»[97].

Статья «Из Грузии» представляла собой одну из первых попыток дать в «Колоколе» характеристику колониальной политики царизма в Закавказье с позиций революционного демократизма. Статья была одобрена Герценом и Огаревым. Об этом свидетельствовала приписка к ней: «Редакция «Колокола» благодарит от всей души корреспондента, приславшего эту прекрасную статью».

В семействе Вороновых сохранились сведения, почерпнутые из устных рассказов Александры Константиновны Прогульбицкой-Вороновой, о том, что Николай Ильич сотрудничал в «Колоколе» и в последующие годы, то есть после выхода из заключения в Петропавловской крепости.

Статьи в журнале «Эпоха»

В сентябре — декабре 1864 года Николай Ильич Воронов поместил в журнале «Эпоха» три очерка и рассказ. Еще никогда Воронов не публиковался с такой интенсивностью в ведущих столичных журналах. Журнал «Эпоха» выпускался Ф.М. Достоевским и его братом М.М. Достоевским. Он носил в целом демократический характер, но не имел четко выраженной политической платформы. За идейный эклектизм журнал подвергался резкой критике со стороны некрасовского «Современника» и благосветловского «Русского слова»[98].

Писать свои статьи и очерк Воронов начал еще в Алексеевском равелине. Читателя, конечно, не может не заинтересовать вопрос: остался ли верен Николай Ильич своим свободолюбивым и демократическим идеалам через год после освобождения? Чтобы ответить на этот вопрос, следует выявить идейную направленность и практическую значимость публикаций Воронова, рассмотрев их в едином комплексе.

В сентябрьской книжке журнала «Эпоха» за 1864 год появились два произведения Н.И. Воронова: «Материал для размышлений. Из рассказов моего приятеля» и «Лондонский пансион. Очерк из жизни наших тури-

стов». В первом рассказе Воронов со свойственным ему сарказмом обличал провинциальную интеллигенцию за пустое времяпрепровождение, за моральную распущенность. Через рассказ рефреном проходит мысль: «Значит, мало в среде нашей света и разума, коли они (подобные люди. — И.Л.) плодятся как грибы в дождь».

Очерк «Лондонский пансион» написан совершенно в ином ключе: это как бы путеводитель для российских туристов, посещающих и осматривающих Лондон «на свою скудную трудовую копейку». Автор очерка рекомендует туристам, в какой части Лондона целесообразно выбрать наиболее дешевый пансион, как вести себя в обществе английских мелких буржуа, чем и как питаться, как правильнее одеваться к первому и второму завтракам, к обеду, как пользоваться обеденными приборами. Очерк написан в юмористической тональности и высмеивает лицемерие и ханжество английской буржуазной среды, помещичьи замашки отдельных русских туристов по отношению к служанкам, привратникам, прислуге, то есть к простым английским труженикам[99].

Невольно возникает вопрос: почему еще в Петропавловской крепости Воронов начал писать, а по выходе из нее доделал и опубликовал свой туристический очерк именно о Лондоне? Ведь он с таким же успехом мог написать очерки о Париже, Берлине, Роттердаме, Амстердаме, которые посещал весной 1862 года. Ответ на данный вопрос может быть один: он стремился хоть чем-нибудь помочь Герцену и Огареву в вовлечении новых членов в организацию «Земля и воля» после крупных провалов и арестов 1862—1863 годов.

Очерк «Лондонский пансион» имеет глубоко скрытый подтекст. Это настойчивая рекомендация российской демократической публике посетить Лондон, где живут и работают Герцен и Огарев. А ведь именно из прогрессивно мыслящей демократической интеллигенции Герцен и Огарев вербовали своих сторонников.

Анализ содержания всех четырех произведений Воронова, напечатанных в «Эпохе», убеждает в том, что он оставался верен не только своим революционно-демократическим идеалам, но и стремился, насколько это было возможно в его положении, содействовать выполнению заданий Герцена, Огарева и Бакунина.

Еще 15 декабря 1862 года Герцен и Огарев опубликовали в 152-м листе «Колокола» передовую статью под кратким, но емким названием: «Пути! Пути!». Издатели революционного органа обращались к демократическому читателю с просьбой открыть новые пути для переброски подпольных изданий в российскую провинцию, выявить новых подписчиков на эти издания. Герцен и Огарев писали: «Открыть новые пути сообщения мы не можем, это ваше дело (то есть сторонников революционной демократии в России. — И.Л.); этого требует справедливость… Когда вы устроите постоянные и прямые пути, тогда мы будем печатать вместо каждой тысячи — десять тысяч… Наконец, если это для вас легче, перепечатывайте внутри России все наши издания, Россия велика, как не спрятать в ней типографского ящика»[100].

Николай Ильич Воронов был в числе тех, кто активно искал новые пути для переброски «Колокола» в Закавказье.

Сначала в ноябрьской книжке журнала «Эпоха» появился очерк «Долина Риона (Из путевых воспоминаний)», затем в декабрьской книжке — «Одна из настоятельных потребностей для многостороннего изучения России» (по поводу издания императорским Русским географическим обществом «Географическо-статистического словаря Российской империи». Выпуск 1—6. Спб. 1862—64).

Очерк «Долина Риона» являлся как бы продолжением очерка «Плавание у восточных берегов Черного моря», напечатанного ровно три года назад в журнале «Русское слово». Снова автор детально описывает устье Риона, подходы со стороны моря к реке, наличие морской и таможенной охраны, окружающий ландшафт (берега, лес). Много внимания уделено состоянию морского порта Поти — этой «калитки будущих ворот для торговли Закавказья с Европой»[101].

Н.И. Воронов рисует удручающую картину положения городских поселенцев и местного крестьянства, задыхающихся от удушливых испарений болотистых почв, ведущих полуголодное существование. С огромной теплотой и симпатией пишет он о грузинском населении — «красивом племени», «грациозных» мужчинах и женщинах, представляющих «живую модель для художника», людях трудолюбивых и мужественных.

Воронов считает, что все беды местного населения происходят от социального неравенства между помещиками и крестьянами, купцами и ремесленниками, наличия значительных крепостнических пережитков[102].

Н.И. Воронов был одним из первых авторов, кто знакомил российского читателя с реальным положением в Грузии. Для руководителей же «Земли и воли» в очерке имелся скрытый намек на наличие конкретных путей для переброски герценовских изданий из Лондона южным путем через Париж — Рим — Константинополь — Трапезунд в Поти. Автор писал: «На торговую роль города (Поти) намекают только стоящие у пристани турецкие кочермы и мингрельские каюки». Здесь мы вновь сталкиваемся с терминологией очерков Воронова «Плавание у восточных берегов Черного моря» и «Долина Риона» («турецкая контрабанда», «турецкие кочермы»), с подтекстом о возможности использования кавказских горцев и турецкой контрабанды для реализации планов Герцена и Огарева по установлению связей с Кавказом.

В своей изобретательности Николай Ильич Воронов пошел еще дальше. В очерке-рецензии «Одна из настоятельных потребностей для многостороннего изучения России» он предложил создать так называемую «Дорожную книгу». Эта книга, по мысли автора, должна содержать подробные транспортные, географические, исторические, этнографические, статистические и библиографические сведения о всех районах и губерниях России, составе ее населения. Особое внимание обращалось на «дорожные данные»:

названия железнодорожных, почтовых и ямских станций, расписание поездов и дорожных дилижансов, расстояния между станциями, условия езды, питания и тому подобное. Воронов считал, что сведения для «Дорожной книги» должны собирать «люди бывалые, хотя бы и не имеющие особых мундиров и особых названий (то есть званий и титулов. — И.Л.), — люди наблюдательные, способные». Очевидно, среди них Николай Ильич предполагал найти людей, которые помогут наладить прокладку новых путей для транспортировки герценовских изданий в глубь необъятной страны[103].

Воронов считал, что «Дорожная книга» должна включать в себя всевозможные сведения и о народах, населяющих Россию: об их истории, культуре, быте и нравах. Автор проводил идею, что русский народ должен жить в мире и дружбе с народами национальных окраин, способствовать развитию их экономики и культуры, помогать им избавляться от феодально-крепостнических пережитков. Воронов именует эти пережитки «частями, отжившими свое и поддерживаемыми лишь обстоятельствами»[104].

Так, используя страницы петербургского журнала «Эпоха», Н.И. Воронов попытался своими очерками не только оказать помощь Герцену и Огареву в установлении связей с Кавказом, но и с демократических позиций осветить пути решения крестьянского и национального вопросов в условиях Закавказья.

Н.И. Воронов и в условиях жесточайшей реакции остается верен своим революционно-демократическим убеждениям. Как мы увидим дальше, Воронов не изменяет этим убеждениям и в своей дальнейшей научной и издательской деятельности, пропагандируя идеи демократизма в научных работах, в газетных и журнальных статьях.

Знакомство с Д.С. Старосельским и П.К. Усларом

Деятельность Н.И. Воронова в Грузии протекала в 60—70-е годы прошлого столетия. В это время наместником на Кавказе был великий князь Михаил Николаевич. Хотя сам он являлся законченным реакционером, в его окружении были прогрессивно мыслящие, либерально настроенные люди, честно относившиеся к своим военно-административным обязанностям. Особенно выделялся своим умом, энергией и дальновидностью начальник главного штаба Кавказской армии генерал-адъютант Д.А. Милютин, сторонник последовательных буржуазных преобразований, автор известных военных реформ, будущий военный министр.

С 1859 года при генерале Милютине состоял адъютантом двадцатисемилетний подполковник, а затем генерал Дмитрий Семенович Старосельский. Это был человек умный, с широким политическим кругозором, энергичный, культурный. Он понимал, что огромный разноязыкий и разноплеменный Кавказский край нуждается в действенных административных реформах, направленных на оживление экономики, торговли и культуры. Семь лет возглавляя Горское управление, Старосельский со своими помощниками урегулировал систему государственного налогообложения, запутанные аграрные отношения, осуществил ликвидацию горского патриархального рабства, купли и продажи людей[105]. По линии своей супруги-грузинки он породнился с великим поэтом и мыслителем Грузии, выдающимся революционером-шестидесятником князем Ильей Григорьевичем Чавчавадзе. В семье генерала некоторое время рос и воспитывался племянник, сын его брата Александра Семеновича — Владимир Александрович Старосельский, впоследствии видный ученый-агроном и революционный деятель России и Закавказья, большевик-ленинец, «красный губернатор» Кутаиса в 1905 году[106].

С целью изучения огромного края по инициативе Д.С. Старосельского была организована группа из талантливых энергичных ученых-языковедов, этнографов, экономистов, а также журналистов для сбора сведений о численности горцев, крестьянском и городском населении, поземельных правах, экономическом быте, истории и традициях. Среди привлеченных к сотрудничеству с Горским управлением наместничества были известный ученый-кавказовед, этнограф и лингвист, офицер генерального штаба (впоследствии член-корреспондент Академии наук) Петр Карлович Услар и скромный учитель Тифлисского женского училища, но уже известный публицист Николай Ильич Воронов. Так судьба на долгие годы связала бывшего государственного преступника Воронова и блестящего офицера-администратора Старосельского.

За короткий срок группа исследователей проделала большую работу по сбору материалов по антропологии и этнографии горских племен Кавказа. По предложению Услара и Воронова, при поддержке Старосельского в Тифлисе при Горском управлении были организованы два специальных издания: «Сборник статистических сведений о Кавказе» и «Сборник сведений о кавказских горцах». С 1866—1867 годов сбор, обработку материалов и публикацию сборников возглавил Николай Ильич Воронов. На этот научно-организаторский пост его пригласил генерал Старосельский, который был весьма расположен к нему как человеку и высоко ценил его талант публициста, педагога, ученого.

К тому времени четко определились научные интересы Воронова. Его привлекало изучение этнографии, географии, экономики и культуры народов Северного Кавказа, Закавказья и Кавказского Причерноморья. Он публикует несколько обширных статей в газете «Кавказ», выступает с содержательными докладами на заседаниях Кавказского отделения Российского географического общества. 11 декабря 1867 года Воронов был избран действительным членом общества.

Тогда же он сблизился с П.К. Усларом. Основательно познакомившись с его трудами по кавказской этнографии и лингвистике, Николай Ильич с большим интересом воспринял передовую для того времени идею Услара о создании для горских народов своих национальных азбук и букварей на основе русского алфавита, об открытии народных школ для распространения грамотности и культуры среди горского мусульманского населения. Еще в 1862 году Петр Карлович Услар издал грамматику абхазского языка, на основе русской графики составил абхазский алфавит и подготовил абхазский букварь, который ему закончить не удалось. Алфавитом, составленным П.К. Усларом более 100 лет назад, пользуются в Советской Абхазии и поныне. Идею Услара об открытии светских народных школ для горского населения горячо поддерживали Старосельский и Воронов. Однако наместник разрешил открыть лишь несколько таких школ. Мечты П.К. Услара осуществились только в нашу социалистическую эпоху.

Путешествие по Дагестану

В сентябре—октябре 1867 года Н.И. Воронов по предложению Д.С. Старосельского совершил с ним длительное путешествие по районам Верхнего, Среднего и Южного Дагестана. Экспедицию финансировало наместничество. Она была хорошо оснащена. В ее состав входили офицеры-специалисты (военные инженеры, землемеры), проводники и небольшой отряд охраны. Путешествие дало возможность Воронову познакомиться с глубинными районами Восточного Кавказа, его народами, их экономикой, нравами, культурой, увидеть следы недавнего военного погрома, учиненного царскими усмирителями горского повстанческого движения.

В первом (1868 год) и третьем (1870 год) выпусках «Сборника сведений о кавказских горцах» Николай Ильич поместил свои путевые заметки «Из путешествия по Дагестану». Это строгое и точное описание самого путешествия, авторские наблюдения и размышления над судьбами численно малых горских народов, их крайне тяжелом положении в условиях царской колонизации. Автор очерка неоднократно ставит вопрос перед правительственными и местными властями о необходимости прокладки новых и улучшении старых дорог, строительства мостов и переходов в целях экономического и культурного подъема Дагестана. Он восхищается трудолюбием горцев, строящих в труднодоступных горных районах дороги и тропы, прокладывающих оросительные каналы. Этих умельцев строителей Николай Ильич называет «замечательными инженерами-самоучками». Воронов высоко оценивает национальную культуру, духовные качества, самоотверженный характер дагестанского народа: «Кто видел Дагестан, тот согласится, что страна эта представляет замечательный, в высшей степени своеобразный мир, и в общих чертах и в мелочах сложившийся по одной мерке, по одному идеалу (четверть века шла повстанческая борьба горских народов! — И.Л.), так что не будет натяжкой приписать ему обладание своего рода (горской) цивилизацией».

Очерк Н.И. Воронова — открытое и смелое обвинение царских властей в бюрократическом, равнодушном, издевательском отношении к горским народам. Прошло почти 10 лет с момента замирения Дагестана, но кругом «нищета и дикость»: бедные аулы со следами страшных разрушений после опустошительных походов царских войск, поголовно неграмотное население, религиозно-фанатический разгул мусульманской церкви. Гнев и боль вызывает у автора социальное положение дагестанской женщины — женщины-рабыни, полуголодное существование ее детей.

Очерк «Из путешествия по Дагестану» — многоплановый научный труд, представляющий собой серьезный вклад в разработку этнографических проблем кавказоведения, и в частности Дагестана. Ценность статьи и в том, что Николай Ильич одним из первых среди русских ученых с позиций революционной демократии освещал положение пародов Дагестана в системе Кавказского наместничества, осмысливал с этих же позиций характер освободительного движения горских народов. На конкретном материале путевых заметок он разоблачал колониальную политику самодержавных властей.

Первая и вторая части очерка Воронова появлялись в свет одна за другой на протяжении трех лет. Цензура наместничества проявила серьезные колебания перед тем, как дать свое разрешение на публикацию этих материалов, особенно второй части очерка. Путевые заметки увидели свет только благодаря поддержке генерала Старосельского. Исходя из этого, можно предположить, что Дмитрий Семенович разделял в определенной мере точку зрения Воронова на дагестанские проблемы.

Подвижнический труд ученого

Поездка в Дагестан сблизила Старосельского и Воронова. По предложению Дмитрия Семеновича с 1 февраля 1868 года Воронов стал работать столоначальником статистико-поземельного отдела Кавказского горского управления. В ведении Николая Ильича оказался огромный статистико-экономический материал по Кавказскому наместничеству, накопившийся за долгие годы. Значительный материал был предоставлен в его распоряжение и Кавказским отделением Российского географического общества. Впервые в практике наместничества

под его руководством готовится двухтомный «Сборник статистических сведений о Кавказе». В основу этого труда Воронов положил те же принципы, которых он придерживался, предлагая создать «Дорожную книгу».

Сборник вышел в свет лишь весной 1869 года. Дело оказалось слишком новым, трудоемким и ответственным. Первый том, под редакцией Воронова, состоял из двух частей. В первой части содержались сведения о деятельности статистических комитетов наместничества, списки населенных пунктов Дагестанской области, материалы для статистики Тифлисской и Эриванской губерний. Во вторую часть тома были включены данные о территории, населении наместничества, его национальном составе, вероисповедании; сведения о промышленности, торговле, финансах, городах, образовательном цензе населения края. В томе имелось несколько десятков интересных статистических таблиц. Впервые в отечественной статистике появился столь полный, многоплановый и оригинальный сборник с точными цифровыми данными по Кавказскому региону. 20 января 1870 года за этот труд Воронову была присуждена большая серебряная медаль Российского географического общества.

В эти же годы Н.И. Воронов усиленно работал над подготовкой к печати трех первых выпусков «Сборника сведений о кавказских горцах». Первый том (выпуск) вышел в свет в декабре 1868 года, второй — в 1869 и третий — в 1870 году. Николай Ильич проделал огромную работу. Он подбирал авторский коллектив, определял научное направление каждого тома, читал и правил все авторские статьи, сам выступал в роли автора. Каждый том включал 30—40 авторских листов текста, набранного убористым шрифтом. Это было невиданное научно-этнографическое издание в публикационной практике кавказской администрации.

В числе авторов «Сборника» были лучшие научные и культурные силы Кавказа. В нем участвовали русские ученые П.К. Услар, А.В. Комаров, Н.Г. Петрисевич, Н.И. Воронов, Л.П. Загурский и другие. Впервые к участию в подобном издании были привлечены представители местной горской интеллигенции Абдулла Омаров, Инал Канунов, Чах Ахриев, Джантемир Панаев, Айдемир Черкеевский и другие. Двое из них — А. Омаров и А. Черкеевский — являлись учениками и сподвижниками П.К. Услара. Лакиец Абдулла Омаров кончил русскую светскую школу в Темир-Хан-Шуре, изучил русский язык и русскую культуру, помогал Услару в овладении лакским языком и составлении лакской азбуки на основе русской графики. Выступал за политическое и культурное сближение народов России и Дагестана. При поддержке Н.И. Воронова он опубликовал в «Сборнике» два интересных этнографических очерка: «Воспоминания муталима» и «Как живут лаки». Аварец Айдемир Черкеевский (сын известного аварского поэта и богослова) служил несколько лет на русской военной службе в Темир-Хан-Шуре, хорошо знал русский язык, сотрудничал с П.К. Усларом в составлении аварской азбуки, активно пропагандировал русскую культуру. А. Черкеевский стал первым аварским этнографом и фольклористом, первым собирателем и переводчиком на русский язык аварских сказок[107]. Услар и Воронов активно поддерживали научную и культурную деятельность аварского ученого. Об этом свидетельствует отрывок из письма Услара Воронову от 25 апреля 1866 года:

«Милостивый государь, Николай Ильич! Аварские сказки переведены были мною совместно с Айдемиром Черкеевским, и перевод напечатан мною в Шуре в числе ста экземпляров… Подлинник и перевод этих сказок препровождены были мною еще в прошлом году в Академию наук… (В аварских сказках — И.Л.) интересны обороты речи, прибаутки и тому подобное. В этом отношении они заслуживают полного внимания. Желательно иметь аварскую сказку, представляющую сколь возможно большее число таковых характеристических особенностей. Сказка в таком виде составит замечательное явление на страницах сборника».

Письмо говорит о глубоком уважении двух русских ученых к труду аварского ученого А. Черкеевского.

Пятнадцать лет своей жизни (1866—1880 годы) отдал Николай Ильич Воронов подготовке и выпуску 10-ти томов «Сборника сведений о кавказских горцах». Это было фундаментальное исследование. Оно включало в себя самые разнородные сведения (экономика, домашний и семейный быт, сословное и поземельное устройство, обычаи, нравы, верования и мировоззрение, судопроизводство и обычное право, народные сказания, история, лингвистика, статистика и тому подобное). По обилию научных рубрик, широте проблем, по объему привлекаемого фактического материала вороновский десятитомный «Сборник сведений о кавказских горцах» значительно превзошел все российские этнографические сборники второй половины XIX века. Научная ценность «Сборника» огромна. И в каждом из 10-ти его томов была большая доля личного участия, волнений и сил его организатора, редактора-издателя Воронова.

Последователь и сподвижник Николая Ильича известный кавказовед и этнограф Л.П. Загурский позднее вспоминал: «Он (Воронов. — И.Л.) предварительно подвергал до того тщательному анализу доставляемые ему статьи, что самый взыскательный критик не мог бы указать на какую-нибудь несообразность в сведениях, сообщенных в «Сборнике», который был безукоризнен и в литературном отношении. А сколько труда стоило это… Воронову! Надо знать, что сотрудниками его по большей части были горцы. Нам случалось видеть статьи, проредактированные Николаем Ильичом, — в них подчас не оставалось, как говорится, живого места»[108].

Большой талант ученого и добросовестность редактора-издателя благодаря заботам генерала Д.С. Старосельского были положительно оценены администрацией Кавказского края. Воронов заметно продвинулся по служебной лестнице: с января 1871 года он стал начальником статистического отделения Горского управления, в августе 1874 года произведен в коллежские советники. 11 мая 1875 года Николай

Ильич Воронов был избран большинством голосов из трех кандидатур правителем дел (ответственным секретарем) Кавказского отделения Российского географического общества[109]. С получением этого высокого научно-организаторского поста прибавились новые заботы. Друзья и сотрудники Воронова поражались его работоспособности и организованности в труде[110].

В эти годы судьба вновь свела в Тифлисе двух старых друзей — Николая Воронова и Александра Трачевского. Друг Николая Ильича, получивший ученую степень магистра, а затем доктора истории, специализировался по истории России и Франции, Испании, Польши. Крупный советский историк А.З. Манфред в монографии «Наполеон Бонапарт» помянул добрым словом А.С. Трачевского как «незаслуженно забытого и недооцененного» ученого-историка. При содействии Воронова Трачевский стал преподавателем истории в мужских и женских гимназиях Тифлиса. Оба друга являлись горячими поборниками среднего и высшего женского образования в Закавказье и России.

Н.И. Воронов вошел в тесный круг демократически настроенной грузинской интеллигенции. Еще в 1862 году Воронов познакомился с руководителями грузинской революционной демократии Ильей Чавчавадзе и Нико Николадзе. Это знакомство продолжалось и в последующие годы. Воронов высоко ценил поэтическое творчество И.Г. Чавчавадзе. В одной из своих статей он писал: «…известно, что Илья Чавчавадзе лучший современный поэт Грузии… Будучи страстным поклонником его поэтической музы, я всегда с удовольствием внимал каждому слову, произнесенному поэтом»[111].

Николай Ильич был лично знаком с выдающимся прозаиком и публицистом Георгием Церетели, крупным писателем-реалистом Александром Казбеги, поэтом Рафаэлем Эристави, писателем и географом Георгием Казбеги и искренне ценил их таланты. Контакты с ними окрепли после того, как с января 1877 года Воронов стал редактором-издателем газеты «Кавказ». Долгие годы знакомства, а затем и дружбы связывали Воронова с выдающимся грузинским историком и археологом Дмитрием Бакрадзе, впоследствии членом-корреспондентом Российской Академии наук.

Во главе газеты «Кавказ»

Последние месяцы 1876 года были переломными в жизни Н.И. Воронова. Став директором департамента Главного управления наместничества, генерал-майор Д.С. Старосельский предложил Воронову возглавить редакцию газеты «Кавказ». В 60-х — начале 70-х годов эта газета представляла собой скучный правительственно-чиновничий официоз, три раза в неделю на трех листках заполнявшийся официальными и справочными материалами, рекламными объявлениями. Число подписчиков катастрофически уменьшалось, газета влачила жалкое существование.

Энергичный Старосельский взялся поправить дело. Вновь его выбор пал на Воронова. Два месяца Николай Ильич не давал ответа Старосельскому. Долго колебался. Он понимал, что уже не сможет, как прежде, заниматься научной деятельностью. Приходилось сложить с себя руководство Кавказским отделением Российского географического общества. Почему же Воронов, который с увлечением занимался работой по исследованию Кавказа, принесшей ему известность в научных и общественных кругах России, решил все-таки оставить научное поприще? Некоторый свет на мотивы, побудившие его принять предложение Д.С. Старосельского, проливает высказывание дочери Николая Ильича — Л.Н. Вороновой.

Она писала: «Николай Ильич принимает это предложение, но для того, чтобы обеспечить себе наибольшую самостоятельность, свободу действия и проявления своей инициативы… Наместничество приняло все его условия и программу «политической и литературной» газеты типа больших столичных газет. Издательство и редакторство газеты «Кавказ» стало лебединой песнью моего отца. Наконец осуществилась его давнишняя горячая мечта о широкой, всесторонней общественной, пропагандистской и политической работе»[112].

Видимо, в душе Николая Ильича не угасло стремление к борьбе за свои революционно-демократические идеалы. Руководство же газетой давало возможность для более активной общественно-политической, пропагандистской работы.

С 15 января 1877 года газета «Кавказ» стала выходить под редакцией Н.И. Воронова. На следующий же день он навсегда оставил должность в Кавказском горском управлении и сложил с себя обязанности правителя дел Кавказского отделения Российского географического общества.

Работа редактора-издателя требовала огромного количества времени, полной отдачи сил. «Кавказ» стал первой на Кавказе ежедневной газетой, печатавшейся на четырех страницах размером 55Х40,5 сантиметра с такими же по формату «Прибавлениями». Газета издавалась по следующей программе, разработанной Н.И. Вороновым и принятой наместничеством: официальная часть (известия с театра военных действий, правительственные распоряжения); неофициальная часть (телеграммы газеты «Кавказ», новости столичных газет, местные известия, казенные и частные объявления); научный отдел (география, история, этнография, педагогика, статистика); литературная часть (путевые заметки, фельетоны, переводы, поэзия и тому подобное). Наместничество заключило с Вороновым контракт на право издания и редактирования газеты «Кавказ» сроком на пять лет и выдало редактору субсидию в 20 тысяч рублей[113].

В первых же номерах «Кавказа» Воронов попытался определить политическую программу газеты. Сделать это ему было крайне сложно. С одной стороны, положение редактора-издателя наместнического официоза (да еще в условиях цензурного контроля) обязывало, как минимум, проявлять лояльность по отношению к центральным и местным правительственным властям, их внутренней и внешней политике. Но, с другой стороны, и что главное, Николай Ильич не собирался изменять своим политическим взглядам, идти на компромисс с силами реакции.

15 января 1877 года в газете была помещена без подписи редакционная статья «Политика и общество». По убедительному свидетельству жены и дочери Николая Ильича — А.К. и Л.П. Вороновых, в 1877—1881 годы почти во всех случаях редакционные статьи писал сам Воронов, в редких случаях в соавторстве с кем-то. В выше названной статье Воронов следующим образом определял политическое направление «Кавказа»: «Теперь без науки немыслима политика, как немыслима медицина без анатомии и физиологии. С другой стороны, политика как последняя страница истории доставляет науке самые новые, самые полные и достоверные факты. Наука с помощью политики приобретает точность… политика же с помощью науки перестает быть игрой остроумия дипломатов и капризом публицистов. Политическое образование общества, сливающееся с наукой, — наша первая и священная задача. Только оно способно сослужить России великую и настоятельную службу».

Делая интересный экскурс в историю, Воронов отмечал огромную роль, сыгранную революционными движениями в Европе в конце XVIII — середине XIX века в борьбе с феодально-крепостническими устоями.

В этих революциях Воронов видел мощную освежающую и преобразующую силу, которая благотворно сказывалась на консолидации европейских наций, росте их просвещенности и культуры. Причем он подчеркивал влияние, оказанное на развитие общественной мысли Европы немецкой классической философией и французской социологией. Влияние европейских революций и идей коснулось и России, формирования ее демократической интеллигенции.

Вот вкратце те вопросы, на которых остановился Николай Ильич Воронов в редакционной статье «Политика и общество».

«Есть ли у нас идеалы?»

Прошло 10 дней после выхода в свет статьи «Политика и общество». Очевидно, Воронов не был до конца удовлетворен этой статьей; он сказал читателю далеко не все, что думал, что хотел и мог сказать. Поэтому вскоре в четырех январских номерах «Кавказа» (№ 9, 10, 12 и 14) появилась новая редакционная статья — «Есть ли у нас идеалы?». Огромная (на восемь «подвалов») статья носила острый актуальный характер. Автор стремился выдержать ее в лучших публицистических традициях В.Г. Белинского и А.И. Герцена. Невзирая на препоны цензуры, он ставил перед кавказским читателем животрепещущие идеи и проблемы в духе народнического просветительского демократизма. Статья написана эзоповским языком намеков и полунамеков, насыщена историческими сравнениями и параллелями из далекого прошлого.

Прежде всего, автор статьи объявляет себя представителем того «великого поколения», которое «вынесло на своих могучих плечах бремя обновления России» после Крымской войны, представителем поколения «Гоголей и Белинских». Он дает высочайшую оценку деятельности «отцов нашего просвещения» и среди них называет только Гоголя и Белинского, но во множественном числе. Внимательному читателю-демократу было ясно, что автор рядом с ними в равной мере мог бы поставить имена Герцена и Огарева, Чернышевского и Добролюбова.

Вот вороновская характеристика «великого поколения Гоголей и Белинских»: «То были отцы нашего «просвещения»… То были люди убеждений, горячей веры в свои высокие идеалы, в силы своего народа, в великий запас ума и благородства, добра и правды в юном поколении. Они ничего не жалели для проведения своих идеалов в жизнь, носились с ними как с любимым детищем. Да, они умели любить и верить, умели жить полною идеальною жизнью, работать от души. То был эпикуреизм мысли и самоотверженности… И эти люди совершили гигантскую работу, которой хватило бы на несколько поколений»[114].

Правдивые, искренние слова патриота-просветителя о своем народе и о лучших представителях отечественной демократической интеллигенции.

Главная тема вороновской статьи «Есть ли у нас идеалы?» — народ, его роль в истории, в судьбах мира и войны, в дипломатии и публицистике. Эту коренную проблему тогдашней русской революционной и общественной мысли Воронов рассматривает в широком ретроспективном плане, прибегая к историческим примерам и сравнениям. Автор считает, что в 30—40-е годы российский народ был «скован по рукам и ногам» (николаевской монархией. — И.Л.) и «спал непробудным сном», поэтому надо было «пробудить, хлестнуть его (народ)», нужно было сказать ему из глубины наболевшего сердца, что «он (народ) должен познать свое несовершенство, застыдиться, взяться за работу, за подготовку хорошего человека». Всенародное «пробуждение от сна» выполнило поколение «Белинских и Гоголей» революционные потрясения 1847—1848 годов, крымское поражение.

В 60—70-е годы, считает Воронов, появился новый, «хороший человек», взращенный поколением «Белинских и Гоголей». Этот «хороший человек» из народа «стал рваться к жизни, искать широкого поприща, работы для своих юных, но положительных, сознательных идеалов (идеи и борьба Чернышевского и Герцена, «Земли и воли» не пропали даром! —И.Л.). Он жаждал ободряющего серьезного голоса опыта и знания, ждал горячего призыва к делу и прямого указания, куда прилагать его юные силы. И, как сила, как истинное величие… он (народ) спешил вперед, на работу, с добрым чувством свежего, только что проснувшегося, начинающего свой день человека»[115].

Так в открытой форме новый редактор-издатель «Кавказа» впервые в истории этой газеты вводил в круг основных проблем времени проблему народа как главной силы истории. Автор видел в «хорошем человеке» из народа «гордого, свободолюбивого, честного, трудящегося человека». С этих позиций автор считал, что народ — творец истории — имеет свои собственные свободолюбивые идеалы, понятия чести, гордости.

Воронов обрушивался в статье на реакционную прессу, представлявшую народную массу «игрушечным медведем, который лазит по шнурку с дурацким звонком, когда его заведут». А поводырями «народа-медведя» считали себя старые славянофилы-шовинисты, жандармы и полицейские исправники[116].

Проявление самостоятельности, творческого начала в деятельности народа в середине 70-х годов Н.И. Воронов видел в том, как он «переполняет (земские и церковноприходские. — И.Л.) школы и заводит их на свой последний грош», как он стойко и принципиально отстаивает свои интересы в уездных земствах и волостных судах. Но главным проявлением национальной мудрости и политической активности русского и кавказских народов в тот период Николай Ильич считал их стихийный интернационализм — поддержку ими борьбы болгарского народа и других славянских народов за свободу и независимость, против турецкого гнета.

Эта тема была наиболее близка и понятна читателям «Кавказа», ибо все еще хорошо помнили героизм русских солдат и матросов в обороне Севастополя и Кавказского черноморского побережья, борьбу грузинского и армянского народов против турецкого владычества. Внимание читателя акцентировалось в статье на отношении к восточному кризису (1875—1877) народных масс России, а не дворянства и не буржуазно-купеческих прослоек населения. Автор подчеркивал высокий патриотизм, чувство национальной солидарности, испытываемое русским народом по отношению к дружественному ему болгарскому народу.

Вот эти слова, выстраданные большим и добрым сердцем Н.И. Воронова:

«…Зверства (турок) в Болгарии как ножом кольнули в сердце русского народа[117]. Увы! Он по собственному опыту слишком хорошо понимал, что такое истинное страдание, что такое безысходное горе, что значит тихо стонать под бременем труда и оскорблений, видеть, как берут у тебя последнюю коровенку, как плачет заморенный ребенок на сухой груди голодной и избитой матери, как парнишка бросает азбуку на первых азах, запрягаясь в соху. Он (русский народ. — И.Л.) сам долго томился в плену в Сарае (имелось в виду татаро-монгольское иго. — И.Л.) и у крымского хана, бился, как рыба об лед, в борьбе с мачехой-природой и с мачехой-историей… Его охватило чувство неутомимого соболезнования…»[118].

Строки дышат возмущением, когда автор пишет о судьбе обездоленного, нищего, неграмотного российского крестьянства, о преступной медлительности в разрешении восточного кризиса, когда народы России требовали вооруженного вмешательства и помощи русской армии делу освободительной борьбы балканских славян. Эти строки написаны пером публициста-демократа, русского патриота.

Причину массовых народных бедствий, в частности кровавых зверств, совершаемых фанатически настроенными турецкими мусульманами по отношению к православным болгарам, Воронов видел в монархо-тиранических режимах. Турецко-башибузукскую резню он сравнивал с западноевропейскими религиозными войнами эпохи средневековья, когда «на престолах сидели кровожадные фанатики, желавшие лучше владеть пустыней», чем «еретической страной». В статье не делались прямые выпады против российской монархии (они и не могли быть сделаны, ибо «Кавказ» — правительственный официоз, а Воронов — его редактор! — И.Л.), но с помощью исторического экскурса в глубь средневековья автор в завуалированной форме критиковал и романовскую династию за ее массовые злодеяния против российских народов.

Публикацией редакционной статьи «Есть ли у нас идеалы?» Воронов поднимал официоз «Кавказ» до уровня лучших столичных газет, но с подчеркнутым народническим, радикально-демократическим направлением. Можно удивляться, как цензура Кавказского наместничества пропустила эту подспудно «взрывчатую» статью в свет. Очевидно, сказалась негласная поддержка Д.С. Старосельского (который к этому времени стал, по существу, правой рукой наместника). Кроме того, администрация Кавказского края была довольна улучшением финансового положения газеты, ибо остропублицистические статьи вызывали все возрастающий интерес кавказской общественности.

Внимательное изучение общественно-политической и научной направленности газеты «Кавказ» за 1877—1881 годы приводит к выводу: на протяжении, по крайней мере, января—июля 1877 года Николай Ильич Воронов стремился превратить газету «Кавказ» в своеобразный рупор народнического демократизма, поднять ее по содержанию до уровня благосветловского журнала «Русское слово».

Публикация материалов о судебных процессах над революционерами-народниками

Сразу же вслед за редакционной статьей «Есть ли у нас идеалы?» редактор-издатель начинает из номера в номер публиковать стенографические отчеты двух судебных процессов над революционерами-народниками 70-х годов. Отчеты перепечатывались из «Правительственного вестника» по мере поступления его номеров в Тифлис, в Главное управление Кавказского наместничества, которое с июня 1876 года возглавлял Д.С. Старосельский. Именно с его согласия Воронов публиковал эти материалы.

Внешне дело обстояло весьма благопристойно: газета «Кавказ» (и не только одна она, но и другие органы печати!) делала перепечатку стенограмм судебных процессов с правительственного официоза. По существу же все было совсем иначе. Н.И. Воронов и его единомышленники по редакции не просто перепечатывали материалы для «запугивания» местного населения: они прямо или косвенно пропагандировали среди кавказской общественности идеи, лозунги, технические приемы народнического революционного подполья, популяризировали мужественное поведение революционеров на судебных процессах.

Публикацией материалов судебных процессов над революционерами 70-х годов Воронов подводил как бы итог пятнадцатилетию своего участия в революционно-демократическом движении. В вороновском архиве в «Ясочке» сохранилась двухстраничная заметка — воспоминания Л.Н. Вороновой (датированные 1951 годом) под названием «Продолжал ли Николай Ильич Воронов свою подпольную работу?». В заметке имеются строки: «Моя мать (А.К. Прогульбицкая-Воронова. — И.Л.) вспоминала, что в разговорах с друзьями, бывавшими у них в доме, он (Николай Ильич) высказывал взгляды резко радикальные, несмотря на свое высокое положение в среде сотрудников Кавказского наместничества. Круг знакомых Н[иколая] И[льича] был тесно ограничен и замкнут. Все друзья отличались радикально-демократическими взглядами, с определенно критическим отношением к самодержавию, бюрократическо-эксплуататорскому строю, что неоднократно эзоповским языком высказывалось ими в литературных статьях (в «Кавказе». — И.Л.)... Мать передавала, что в конце 70-х годов (очевидно, в 1879 или в начале 1880 года. — И.Л.) Николай Ильич ожидал обыска, и она видела, как он жег рукописи и книги, и в числе их сочинения Герцена и Огарева с личными автографами».

Вернемся к материалам о судебных процессах, печатавшимся в «Кавказе». Первая публикация была помещена под названием «Дело о преступной демонстрации, бывшей на Казанской площади, в С.-Петербурге, 6-го декабря 1876 года (Заседание Особого присутствия Правительствующего сената для рассмотрения дел о государственных преступлениях)». Один только заголовок вызывал интерес у читателя. Речь шла о процессе над участниками знаменитой демонстрации у Казанского собора в Петербурге, в ходе которой революционеры, рабочие и студенты сначала «отслужили молебен за здравие Николая Гавриловича Чернышевского и других мучеников за народное дело» (слова из выступления Г.В. Плеханова) и затем провели митинг. Эту демонстрацию В.И. Ленин назвал первой революционной демонстрацией в России, где петербургские пролетарии и студенты впервые открыто заявили о своей готовности к самоотверженной борьбе с самодержавием.

В первом же «Приложении» к «Кавказу» от 17 февраля 1877 года имелись строки: «...из толпы молодежи, вышедшей на площадь, выступил высокий блондин (это был Плеханов. — И.Л.), снял шапку и начал громко говорить, горячась... Молодой человек говорил о гнете правительства и его несправедливости, о ссылках лучших русских людей, каковы Чернышевский, Долгушин, Нечаев[119] и другие, о бедственном положении русского народа, у которого для взыскания податей продают последнюю корову. Речь была окончена при криках «браво», «браво», «браво» и аплодисментах... В тот же момент был выкинут над этою толпою красный флаг с надписью «Земля и воля»...».

Один только этот абзац текста из «Приложения» заставлял читателя задуматься о многом. И подобных «Приложений» к вороновской газете на протяжении февраля—марта было десять. Из «Приложения» к «Кавказу» от 23 марта 1877 года читатель мог узнать, что 20-ти участникам казанской демонстрации были вынесены несправедливые приговоры: «в каторжные разработки», «на вечное поселение в Сибирь», «к пожизненному монастырскому покаянию».

В последних числах марта 1877 года, сразу же после публикации материала о казанской демонстрации, Н.И. Воронов в «Приложении» к «Кавказу» начал печатать стенограмму процесса: «Дело о разных лицах, обвиняемых в государственном преступлении по составлению противозаконного сообщества и распространению преступных сочинений (Публикация из Правительственного вестника)». Эти материалы публиковались в семи «Приложениях» к газете, причем отдельные «Приложения» занимали два-четыре газетных листа, с текстом, набранным мелким шрифтом.

Среди них был материал о «процессе 50-ти» (февраль—март 1877 года) над участниками революционного кружка, действовавшего в Москве, Туле, Киеве, Иваново-Вознесенске под названием «Всероссийская

социально-революционная организация». В состав кружка входили и грузинские студенты революционеры-народники Иван Джабадари, Михаил Чекоидзе, Георгий Зданович и другие, которые учились в Москве и были тесно связаны с передовой грузинской молодежью. Последнее обстоятельство, очевидно, привлекло особое внимание Воронова. В числе участников процесса был легендарный русский пролетарий Петр Алексеев, которому принадлежали слова, сказанные на суде: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!». В. И. Ленин назвал эту речь «великим пророчеством русского рабочего-революционера».

Недовольство властей. Угроза ареста

Привлечение внимания читателей к острым и злободневным проблемам, прямая или завуалированная критика правительственных и местных властей в газете «Кавказ» не могли пройти незамеченными со стороны администрации наместничества и Третьего отделения. В октябре—ноябре 1877 года в адрес редактора-издателя последовали грозные предупреждения со стороны властей о необходимости взять четкий «проправительственный курс». Запрещены были всякие политические «Приложения» к газете, кроме обычных правительственных распоряжений и торгово-театральной рекламы. Только благодаря поддержке Д.С. Старосельского Воронов удержался на посту редактора «Кавказа».

Газета продолжала выходить ежедневно, по-прежнему интересная, научно-проблемная, литературно-критическая, но теперь значительно реже политически острая.

На то были серьезные причины. Шла русско-турецкая война. Резко усилилась цензура, в том числе и в Кавказском наместничестве, где было введено военно-осадное положение. Однако редактор-издатель, по существу, не менял основного направления газеты.

Уже в одном из первых январских номеров за 1878 год в «Кавказе» была помещена итоговая передовая статья под названием «Что завещал нам прошедший год?». Автор писал, что в 1877 году блеснул «луч настоящей жизни». Это проявилось в поддержке народами России борьбы болгарского и других славянских народов Балкан за свою свободу и независимость. Этим самым «русское общество выказало не только способность к поднятию великой грандиозной идеи… но и силы к служению этой идее»[120]. Редактор-издатель считал, что совместная борьба русской армии и болгарского народа разбудит лучшие силы и чувства свободолюбия и патриотизма у народов России. Н.И. Воронов подчеркивал в статье:

«А сколько геройских подвигов, сколько беззаветной самоотверженности и самоотречения проявил в нынешнюю войну простой русский мужик, одетый в солдатскую шинель. Какой изумительный героизм выказали и русские интеллигентные люди, накинувшие на себя военный мундир! Для таких людей, для такого народа можно пожертвовать всеми своими личными благами, посвятить все помыслы и заботы тому, чтобы на долю их доставить те дары, которые несут с собою свобода и цивилизация, и чтобы этот народ занял наконец приличное ему место на пиру человечества»[121].

Правда, автору, как всегда, приходилось свои подлинные мысли и надежды маскировать с помощью официальной терминологии и штампов.

В том же номере газеты был помещен небольшой некролог о смерти поэта-демократа Н.А. Некрасова. «Жизнь поэта — в его стихотворениях, — говорилось в некрологе. — Жизнь Некрасова всем известна, и его биографию многие знают наизусть. У теплого еще трупа, из полуоткрытых еще уст его как бы слышится его поученье «Сеятелям» «знанья на ниву народную», так верно и точно характеризующие его сердечное желание, секрет силы его поэзии:

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ…».

Следует заметить, что Н.А. Некрасов был одним из любимейших поэтов Николая Ильича и членов его семьи. Прижизненные сборники стихов поэта всегда стояли на видном месте в вороновской библиотеке. Многие его стихи знали наизусть, нередко читали их вслух по вечерам.

Большего Н.И. Воронову и его друзьям при издании «Кавказа» добиться не удалось. После целой волны убийств революционерами-народниками царских министров и сановников, после выстрелов Александра Соловьева в царя Александра II в апреле 1879 года царская цензура начала зверствовать. Реакция перешла в наступление, жестоко мстя революционерам.

И все же Н.И. Воронов продолжал поднимать в газете важные злободневные вопросы. За четыре года своего редакторства он сумел поставить в газете следующие проблемы: определяющая роль народа в истории, его угнетенное положение в России, критика колонизаторской политики царизма на Кавказе,

героизм русских солдат и грузинских ополченцев-добровольцев в русско-турецкой войне; бюрократизм, взяточничество в Кавказском крае и в русской армии; необходимость развития промышленности в Грузии, Абхазии; самобытность и приобщение к мировой культуре малых народов Кавказа; эмансипация и образование женщин в России и Грузии; развитие науки и культуры в Закавказье. По многим из этих проблем Воронов неоднократно выступал сам на страницах «Кавказа».

Никогда Воронов не щадил себя в работе. Но за эти четыре-пять лет он был сверх всякой меры перегружен редакторской и авторской деятельностью. Выпуск большой ежедневной газеты в условиях войны, наступления реакции и всевидящей цензуры отнимал последние силы. В конце 1879 — начале 1880 года Воронов ждал обыска, ареста и ссылки. Предупрежденный об этом Старосельским, он сжег часть своих книг, рукописей, переписки. И нервы сдали. В мае 1879 года произошло первое кровоизлияние в мозг с потерей сознания. Врачи вылечили. Через год случилось второе кровоизлияние и паралич ног.

С наступившим теплом, в марте 1882 года, Александра Константиновна Прогульбицкая-Воронова перевезла своего больного мужа в имение «Ясочку» в селе Цебельда близ Сухума. Предварительно в Тифлисе за бесценок распродала почти все вещи и часть мебели. В «Ясочку» захватила только сундук с книгами и рукописями мужа.

Николай Воронов встречал свою пятидесятую весну…

«Ясочка»

Несколько лет назад, 13 февраля 1874 года, когда Николай Ильич Воронов еще служил начальником статистического отделения Горского управления, он был «пожалован участком из земель Сухумского отдела в количестве 462 десятин 1272 сажен (земли)». Так гласил «высочайший» приказ по Главному управлению Кавказского наместничества. И здесь не обошлось без вмешательства и личного ходатайства Старосельского. Так волей судеб бывший связной Герцена и заключенный покоя под номером четыре Алексеевского равелина стал владельцем участка земли. Получил надел Воронов не за верность романовскому трону, а за личные заслуги перед кавказским краем и его народами, как видный общественный и культурный деятель, ученый-кавказовед.

Земли в районе древнеабхазского села Цебельда (Ольгинское) пустовали с июля 1866 года. Тогда после крупного восстания абхазского крестьянства, жестоко подавленного царскими карателями, началось массовое переселение из Абхазии в Турцию дворян и частично крестьян. Только за год в турецкие районы ушло свыше 15 тысяч абхазцев. Многие цветущие села и деревни Абхазии запустели. Бурьяном и кустарником поросли земли и сады вокруг Цебельды.

Спустя восемь лет, весной 1874 года, на одном из таких пустующих участков земли и поселилась супружеская пара Вороновых: сорокадвухлетний Николай Ильич и его двадцатишестилетняя жена, Александра Константиновна, с трехлетней дочкой Олей. А 1 июня того же года в семье Вороновых появился сын Юрий.

А.К. Прогульбицкая

Николай Воронов и Александра Прогульбицкая впервые встретились в Аббастумане летом 1866 года. В то лето Н.И. Воронов со своим другом М.А. Селитренниковым отдыхали на водах Аббастуманского курорта. По вечерам друзья любили прогуливаться по тенистому парку, послушать на ротонде курорта музыку. Там друзья и познакомились с сестрами Прогульбицкими — Александрой и Надеждой.

А.К. Прогульбицкая родилась в 1848 году, выросла в семье кадровых военных. Ее дед по матери, Михаил Иванович Старов, уроженец Москвы, офицер Уланского полка, принимал активное участие в Отечественной войне 1812 года. В семье Вороновых имеются сведения, что полковник Старов был близок к офицерам-декабристам, некоторых знал и дружил с ними.

Отец Александры Константиновны, Константин Прогульбицкий — выходец из старинного дворянского, но обедневшего польского рода, уроженец Виленской губернии. Кончил кадетский корпус, в молодые годы короткое время служил офицером в войсковой части, стоявшей в Польше. По данным Л.Н. Вороновой, офицер Прогульбицкий за симпатии к участникам польского освободительного движения (а возможно, и за связи с ними) был срочно переведен в армейский полк, сражавшийся на Кавказе против горских повстанцев Шамиля.

Традиции демократизма, честности и гуманности были определяющими в семействе Прогульбицких-Старовых; в духе этих традиций были воспитаны в особенности старшие сестры — Александра и Надежда. Как-то один офицер за противоправительственные разговоры по решению суда чести был выслан вместе с семьей из Ахалциха в дальнюю войсковую часть, в Озургеты, где свирепствовала лихорадка. Позднее А.К. Прогульбицкая-Воронова вспоминала: «Эта ссылка привела в нищету (офицерскую) семью,

возвратившуюся обратно в Ахалцих через два года. Папа и мама снабдили их необходимой мебелью, провизией и прочим. Только они не отшатнулись от угнетенных, все остальные офицеры этого батальона в угоду командиру остались бездушны к беднягам...»[122].

Полтора года переписывались Николай Воронов и Александра Прогульбицкая. В переписке лучше узнавали друг друга, спорили, раскрывали свои взгляды на окружающую жизнь, людей. Чаще и активнее писал Николай Ильич. Вот несколько отрывков из его писем из Тифлиса в Ахалцих.

11 октября 1866 года: «...мне часто говорят, что я умен, а между тем, при этом уме, я не сумел до сих пор устроить себя сколько-нибудь прочно. Прошлое мое полно таких пассажей, которые мало говорят за мою житейскую сметку...».

В этом письме Воронов впервые намекает на свою революционную деятельность в 1860—1862 годах и заточение в Алексеевском равелине.

31 октября 1866 года: «...бедность, (материальные) недостатки имеют свою счастливую сторону... Наш брат — за все благодарен».

3 ноября 1866 года: «Много и больно допекала меня жизнь, устраивая мне всякого рода неприятности, но я неисправим в том отношении, что для меня прежде всего в жизни — тот или другой принцип, то есть согласен или же не согласен мой поступок с моими убеждениями, с моими взглядами на жизнь. Не выгода, не корысть, не житейская сметка руководят мною в том или другом поступке, а нравится или не нравится моему нравственному чувству тот или другой шаг в жизни. Нравится — я его делаю...».

9 декабря 1866 года: «Всякий выход в большое общество расстраивает меня, наводит на меня тоску, чуть не отчаяние. Равновесие нравственных моих сил нарушается, и я делаюсь на некоторое время нравственно больным и сильно страдаю... В такие минуты я вижу все в самых мрачных красках; давит меня тоска...».

Душно и тоскливо было умному и высококультурному Николаю Воронову в условиях самодержавного строя. Он ненавидел весь этот «большой свет» дворянской аристократии и царской реакции, который загубил жизнь Пушкина и Лермонтова, Белинского и Чернышевского, заставил эмигрировать Герцена и Огарева. Презирал всех этих верноподданных царских управителей Кавказского наместничества: тупые и самоуверенные лица-маски, фальшивые подобострастные улыбки, генеральские эполеты, аксельбанты и орденские звезды служак-администраторов и душителей крестьянских бунтов, преуспевающих буржуа и жуликоватых купцов с их вечными разговорами о прибылях, самоуверенных грузинских князей — собственников обширных земельных владений.

Николай Ильич хотел, чтобы его невеста знала о его радикальных взглядах на жизнь, общество.

1 января 1868 года Николай Воронов скромно обвенчался с Александрой Прогульбицкой в церкви Тифлисской мужской гимназии.

«Письма об Абхазии»

...Вороновы безмерно были рады полученному участку земли. Это воспринималось как должное, заработанное честным и тяжелым трудом. Вороновы получили возможность на лето вывозить детей (их вскоре стало четверо) в горы и к морю из душного Тифлиса.

В ту весну 1874 года они с женой поставили легкий летний домик на две комнаты на одном из холмов Цебельдинской долины в старом заброшенном тенистом саду. Выезжали сюда и жили здесь только в летние месяцы. Через два года приступили к строительству нового, более капитального дома.

Однако не было покоя на землях Абхазии. В апреле—мае 1877 года началась русско-турецкая война. Угроза вторжения турецких войск в районы Грузии—Абхазии заставила Воронова отправить свою семью к друзьям, в Кутаис. Высадившийся турецкий десант в мае захватил без боя Сухум, а позднее и село Цебельду. Дом Вороновых, как и дома других русских, греческих, армянских, сербских поселенцев, был разграблен и сожжен турецкими солдатами.

У Вороновых сохранилось несколько писем того периода. Из письма Н.И. Воронова жене в Кутаис 20 апреля 1877 года:

«Моя жизнь идет в хлопотах с 6 часов утра до 10 или 11-ти вечера: в конторе (то есть в редакции газеты «Кавказ». — И.Л.) ярмарка продолжается... Поклонись Селитренниковым. Попросим Митрофана Андреевича пройтись по части фельетонной на тему о нашем крайнем равнодушии и постыдном поведении (то есть, по-видимому, Воронов осуждает позицию, занятую царским правительством в отношении защиты интересов балканских славян. — И.Л.) ввиду грозных исторических событий, висящих на носу (канун русско-турецкой войны. — И.Л.). Пусть наберет побольше яду от всех колхидских медей и польет им свой фельетон направо и налево...».

Все лето 1877 года Воронов и Селитренников были заняты освещением в «Кавказе» событий войны. Выезжали на фронт в действующую армию, воочию видели, как героически сражались русские солдаты и офицеры.

В конце августа того же года русские войска после короткого боя освободили Сухум, несколько позднее и Цебельду. В сентябре—октябре Николай Ильич вместе с известным абхазоведом А.Н. Введенским посетили город, видели следы страшных разрушений, десятки обезображенных трупов абхазцев, оставленных турками после отступления. Результатом этой поездки явилась публикация в одиннадцати номерах «Кавказа» большой и интересной статьи А. Введенского[123] «Письма об Абхазии». Появилась она благодаря поддержке Воронова.

В первом «Письме об Абхазии» автор сообщал: «Город (Сухум) не только разрушен до основания, но приведен в такой вид, что без ассенизации местности на долгое время должен сделаться необитаем. «Гуманные» турки, отняв все имущество несчастных абхазцев — скот, теснимые со всех сторон нашими отрядами, не могли его взять с собою и над ним повторили приемы, практикуемые ими над болгарами, армянами и их имуществом. Около десяти тысяч голов рогатого скота и лошадей убито ими на улицах города… Трупы нескольких десятков абхазцев, не желавших выселиться и защищавших честь своих семейств, страшным образом обезображенные, валяются тут же, на набережной, вместе с трупами убитых во время перестрелок турок. Около маяка сложено в кучу до тридцати тел абхазцев, со связанными руками и с перерезанными горлами: эти несчастные, как видно, в последний момент оказали сопротивление…»[124].

В «Письмах об Абхазии» автор пригвоздил к позорному столбу турецких захватчиков, показал страшную правду войны, выступил как поборник мира. С момента занятия Сухума русскими войсками в 1810 году город и его население пережили пятый турецкий погром. Всякий раз после очередного погрома Сухум отстраивался и вновь расширялся. Автор выражал надежду на то, что центральные и местные власти, наконец, обратят на Сухум должное внимание: позаботятся о благоустройстве города, его морской бухты, о его населении, о строительстве пристани и дорог.

Публикацией этой статьи Николай Ильич продолжал критику неправильных и половинчатых действий местной администрации.

Хлопоты о пенсии

После того как дом в Цебельде был сожжен турецкими захватчиками, семья Вороновых некоторое время не выезжала в «Ясочку». Но вот случилась страшная майская беда 1880 года. Паралич разбил сорокавосьмилетнего Воронова. Могло казаться, что все планы, мечты, надежды разом рухнули. Однако этого не произошло. Эстафету Николая Ильича — его глубокую веру в прекрасное будущее России и Кавказского края, в свободу, равенство и братство народов, борьбу за торжество своих убеждений — подхватила жена, Александра Константиновна, дети — сын Юрий и дочери Ольга, Вера и Людмила…

Когда Николай Ильич заболел, его жена приняла решение переехать в Цебельду с семьей на постоянное жительство. В 1880 году наскоро поставили на старом фундаменте сплетенный из турлука и обмазанный глиной новый домик из трех маленьких комнат. Через год возвели легкий флигель с верандой, где и прожил свои последние годы Николай Ильич. Через шесть лет (в 1886 году) Вороновы построили вместо временного домика из турлука небольшой дом на три комнаты с кухней, в котором жила вся семья и который сохранился до наших дней в первозданном виде.

С болезнью Н.И. Воронова его семья на долгие годы лишилась прежнего материального достатка. Понадобилось три года унизительной затяжной переписки Н.И. и А.К. Вороновых с бюрократическими инстанциями наместничества, чтобы выхлопотать пенсию человеку, известному далеко за пределами Кавказского края и сделавшему так много для его изучения. Не хотелось вновь обращаться к Д.С. Старосельскому. И все же пришлось. Для продвижения дела Николай Ильич в сопровождении жены совершил мучительную поездку в Тифлис.

Служебный стаж Воронова был определен в 23 года 3 месяца и 24 дня, и ему назначили пенсию 107 рублей 21 копейку в год. Таким образом, на каждого члена вороновской семьи приходилось в день по 5 копеек, в месяц 1 рубль 49 копеек, в год 17 рублей 85 копеек. Это была нищенская пенсия.

Последовала очередная переписка. Генерал Старосельский уговорил нового наместника князя Дондукова-Корсакова направить специальный запрос министру внутренних дел в отношении пенсии Воронова. Старосельский и его помощники подготовили соответствующую бумагу, где вся деятельность Николая Ильича на Кавказе представлялась с лучшей стороны.

Князь Дондуков-Корсаков и Старосельский просили поднять Воронову пенсию до 857 рублей 70 копеек в год «с производством оной (выплаты) из Тифлисского губернского казначейства». Учитывая заслуги Воронова перед Кавказским краем, правительственные власти увеличили ему размер пенсии до 428 рублей 85 копеек в год, что было вдвое меньше той суммы, о которой ходатайствовали наместник и его помощник[125].

Единоличной хозяйкой имения «Ясочка» стала Александра Константиновна Воронова. На плечи миловидной тридцатичетырехлетней женщины легла огромная ответственность. Забота о больном парализованном муже. Забота о четырех детях — сыне и трех дочерях. Забота о доме, саде, хозяйстве. И повсюду

она успевала и успешно справлялась со своими обязанностями. Позднее Людмила Николаевна Воронова вспоминала: «Богатая кавказская природа позволяла вести натуральное хозяйство. Мы были сыты, и моя мать могла угощать гостеприимно всех кавказцев и русских, проезжавших и проходивших мимо нас. Брат Юра пас коров, я с сестрой Верой пасла сначала гусей, а потом свиней… Мы жили среди природы, и дети проходили в своем развитии стадии первобытной жизни колонистов необитаемых стран. Мать моя, молодая, живая, энергичная, смелая и гостеприимная, мечтавшая всегда о гармоническом сочетании физического труда с умственным, с радостью погрузилась в эту первобытную обстановку после тесного и всегда давившего ее большого города. Она вспоминала свою молодость и с увлечением трудилась. Ее радовало каждое деревце и цветок. Я помню ее лицо: ясное, светлое, сверкавшее внутренней радостью. Она осталась такою же, как раньше, романтической идеалисткой и демократкой».

Трудовая коммуна

В 1883—1884 годах на базе своего имения «Ясочка» Н.И. и А.К. Вороновы попытались создать нечто вроде трудовой коммуны — в духе идей романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Роман чрезвычайно почитался в семействе Вороновых.

В район Цебельды из голодной Екатеринославской губернии переселились две большие семьи русских рабочих-шахтеров, всего 20 человек (братья, их жены, дети). Ядро семьи составляли три брата — Андриан, Александр и Григорий (фамилии их неизвестны), скромные, честные, работящие. У Вороновых они просили исполу (то есть с условием уплаты за аренду половины снятого урожая) несколько десятин земли. И тогда Николай Ильич и Александра Константиновна предложили братьям вести вороновское хозяйство на коллективных началах, с разделом всех его натуральных доходов на три равные части, то есть на семью Вороновых и семьи двух женатых братьев. Екатеринославцы согласились. В совместный фонд «производственной общинной артели» (так называли ее А.К. и Л.П. Вороновы) вошли: от Вороновых — вся земля, две лошади, две пары волов, 30 голов крупного рогатого скота и свиней, 100 штук ульев, семенной фонд картофеля и кукурузы; от екатеринославцев — три лошади, две телеги, плуг, мелкий инвентарь; но, самое главное, екатеринославцы вкладывали свой труд в обслуживание хозяйства (на них ложились самые тяжелые и основные сельскохозяйственные работы). Продукты, полученные в хозяйстве — картофель, кукуруза, соленое и вяленое мясо, фрукты, мед, — поступали в общее пользование и делились поровну по числу едоков. Недостающие продукты и семена приобретались на общие средства, вырученные от продажи продуктов, табака на рынке в Сухуме, и распределялись между тремя семьями. Екатеринославцы пахали землю, растили и убирали урожай, заготовляли сено; Вороновы следили за садом, пропалывали огород, с шахтерскими детьми пасли скот, присматривали за пчелами. На расходы по хозяйству пошла и пенсия Н.И. Воронова[126].

Члены шахтерских семей поселились в вороновском домике и флигеле (одновременно строили еще один). Сообща жили, питались, трудились, отдыхали и учились. Сообща делили радость и горе. Прививаемые семьей уважение и внимание к ближнему, демократизм в общении и простота нравов, любовь к труду в сочетании с любовью к книге, обстановка близости к природе — все это благотворно сказывалось на воспитании Юрия, Ольги, Веры и Людмилы Вороновых. На их понимании горестей и радостей, мечтаний и идеалов человека труда, человека — производителя всех ценностей жизни. Это была подлинная трудовая коммуна, хотя и созданная на базе частного имения, — явление до того невиданное в истории Абхазии и Грузии.

Вороновская трудовая коммуна просуществовала около трех лет. Соседние помещики Бобринские, Рукавишниковы, Рейнгарды, возмущенные невиданным экспериментом Вороновых, стремились подорвать их хозяйство, очернить Вороновых в общественном мнении Сухумского округа. Были трудности и другого рода. Вороновское хозяйство в целом носило натуральный характер: денежных доходов было мало. Семьи братьев-шахтеров увеличивались, росли расходы, появились долги. Нужны были новые денежные поступления, а их не предвиделось. Помещик Рейнгард и его управляющий Шраплау завели крупную плантацию американских сортов табака для своей московской табачной фабрики. Разумеется, им нужны были рабочие руки, и они довольно высокими заработками переманили к себе шахтерские семьи. Трудовая коммуна в «Ясочке» распалась, она попросту не могла существовать в условиях царской России.

Много позже, вспоминая о коммуне, Л.Н. Воронова писала о том, что «следы ее воспитательного воздействия в нашей психике остались навсегда, сделали свое хорошее дело. Мы увидели, что русские трудящиеся люди умеют дружно и честно работать, хотят быть грамотными. Мы увидели, что они ничем не отличаются от нас, могут быть нам равными и хорошими товарищами».

С уходом братьев-шахтеров вороновское хозяйство обслуживалось вольнонаемными пахарями, жнецами, косарями, пастухами. И впоследствии «Ясочка» сохраняла черты полуартельного, полуобщинного «коммунарского» хозяйства. По свидетельству Л.Н. Вороновой, каждую весну и лето из-за Клухорского перевала в «Ясочку» приходили ватаги свободолюбивых работников. Это были в основном бунтари, ненавидевшие существовавшие в России порядки; среди них — русские, украинцы, белорусы, болгары, греки, армяне, турки, немцы, абхазцы, персы.

Десятки, сотни людей — с их нуждой и бедствиями, с их бегством от страшной великорусской помещичьей и капиталистической действительности, с их стихийной и огромной тягой к счастью, культуре, свободе, с их песнями, танцами, стихами, сказками и рассказами о доле народной, о доле неправедной. Это был настоящий «университет» для Вороновых. С трудовой коммуны, с познания народных нужд и чаяний и начинался путь в революцию второго поколения Вороновых.

Кое-что об Абхазии

…На первый взгляд могло показаться, что «Ясочка» была расположена в глухомани, вдали от городов — центров промышленности и культуры. Однако это было не так. «Ясочка» находилась вблизи от Сухума, сравнительно недалеко от Батума и Кутаиса, где в 70—90-х годах XIX века с развитием капитализма выросло число промышленных предприятий, начали концентрироваться довольно значительные пролетарские силы.

В начале 90-х годов Сухум был связан посредством главной транспортной артерии Кавказского края — Черноморской шоссейной дороги с морскими портами и городами Новороссийском, Сочи, Туапсе. От Сухума началось строительство нового шоссе в юго-восточном направлении на Очамчиры к реке Ингур-Самтреди. Население Сухума быстро росло (с 1,3 тысячи человек в 1886 году до 8 тысяч в 1897 году), развивалась промышленность и торговля. Через 15—20 лет после русско-турецкой войны Сухум превратился в шумный портовый, торговый и курортный городок. В 1898 году Всероссийский конгресс врачей в Москве признал Сухум одной из лучших климатических зон для больных туберкулезом и другими легочными болезнями. Сухумское морское побережье превращалось в крупный дворянско-буржуазный курорт. В условиях земельной спекуляции началось быстрое строительство различных гостиниц, пансионатов; увеличилось число врачей, медицинского персонала.

В Абхазии усиленно развивалась сельскохозяйственная и ботаническая наука. В 90-х годах открылась Сухумская опытная станция по выращиванию винограда, цитрусовых, табака в субтропиках. Тогда же было организовано Сухумское общество сельского хозяйства для содействия развитию и совершенствованию сельскохозяйственного производства в Кавказском крае.

К этому времени относится начало деятельности Сухумского грузинского драматического коллектива. В Сухуме и Абхазии получили широкое распространение произведения классиков грузинской литературы Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Георгия Церетели, которые хорошо знали Абхазию, ее народ, неоднократно бывали в Сухуме. Здесь отдыхали, лечились, работали А.П. Чехов, А.М. Горький, И.Е. Репин, В.В. Верещагин и другие представители русской интеллигенции.

В Абхазии появляется своя национальная интеллигенция: поэт и общественный деятель Г.М. Шервашидзе; известный публицист Д.З. Чхотуа — бывший студент Петербургского университета; выдающийся педагог, «дед абхазской школы» Ф. Х. Эшба; молодой талантливый писатель и публицист Д.И. Гулиа. В 1892 году в Тифлисе вышел абхазский букварь, составленный Д.И. Гулиа и К.Д. Мачавариани. «Открылась возможность говорить с народом на его родном языке»[127], — писал Д. Гулиа.

Однако развитие культуры в Абхазии сдерживалось тем, что абсолютное большинство абхазского народа пребывало в неграмотности и невежестве, испытывая на себе помещичье-капиталистический и национальный гнет, дикий произвол самодержавных властей. К началу XX столетия в Абхазии было всего около 10 процентов грамотных — в основном это были представители привилегированных слоев населения.

Очаг культуры

Обрисовав в самых общих чертах картину развития промышленности и культуры в Абхазии, вернемся опять в «Ясочку». Здесь жили интересной и содержательной культурной жизнью. Николай Ильич и Александра Константиновна, а вместе с ними и их дети ценили и знали книгу. С 60—80-х годов начала складываться знаменитая вороновская библиотека. Ее составляли газеты и журналы, общественно-политическая, историческая, экономическая и художественная литература. В библиотеке было немало книг на английском, немецком и французском языках. Ею пользовались не только сами Вороновы и их соседи-дворяне Краевичи, Шафрановы, Захаровы, местные учителя, агрономы. Нередко и окрестные крестьяне, сельскохозяйственные рабочие брали вороновские книги: сказки А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого, стихи М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, И.Г. Чавчавадзе.

Хозяйка «Ясочки» Александра Константиновна любила музыку, недурно музицировала на концертино, исполняла романсы, русские и украинские народные песни. Иногда Вороновы вместе с соседями устраивали музыкальные и театрализованные вечера с пением романсов, песен, чтением стихов.

Переписка Вороновых, сохранившаяся в их архиве, дает представление о том, какова была духовная атмосфера в «Ясочке» в эти годы, какие явления общественно-политической и культурной жизни волновали членов семьи.

4 ноября 1894 года А.К. Воронова пишет дочери Вере в Кутаис:

«…У нас установились вечера по примеру прежних цебельдинских вечеров с работой, пением и чтением вслух».

11 февраля 1896 года А.К. Воронова — Вере: «…Читаем вслух М.Е. Салтыкова-Щедрина, хорошо он писал, и у него есть такие превосходные места, которые можно читать, как роли…».

21 января 1898 года А.К. Воронова — сыну Юрию в Монпелье:

«…Получили мы первую книжку «Мир Божий», прочли лекцию профессора К.А. Тимирязева «Физиология растений как основа рационального земледелия» — все в ней ясно и понятно, и я понимаю, какое могут слушатели испытывать наслаждение во время чтения лекций известными даровитыми профессорами».

25 марта 1898 года А.К. Воронова — Юрию: «Знаменитый Вирхов (выдающийся немецкий ученый-биолог. — И.Л.), командированный исследовать голод в Силезии… высказался, что для предотвращения этого народного бедствия необходимо совсем изменить строй жизни жителей… Не то ли же самое нужно в России?..».

18 ноября 1901 года А.К. Воронова — Юрию в Петербург:

«…Прочитала драмы Чехова… Очень понравились».

1 февраля 1902 года А.К. Воронова — дочери Вере в Тифлис:

«…Ты, родная, забываешь, что писать нельзя очень многого. Время тревожное. Тысячи молодых жизней растрачиваются и гибнут… Лесков — это жизнь, сила, яркие краски, каждый из действующих лиц стоит перед читателем живым существом, юмора сколько!».

Таких писем Александры Константиновны Вороновой многие десятки. Читаешь их и поражаешься: какая широта взглядов, какой глубокий интерес к жизни, политике, литературе, истории, политэкономии, сельскохозяйственной науке; и одновременно тревога за судьбу родины — России, где самодержавный строй сковывал гигантские творческие силы народа.

Народная школа

Александра Константиновна Воронова превратила «Ясочку» в местный центр общеобразовательного просвещения грузинского, абхазского, армянского, русского, греческого, украинского крестьянского населения. С 1880 года начались первые эпизодические занятия с крестьянами и их детьми. Сначала занятия вел парализованный Николай Ильич; но вскоре болезнь его начала быстро прогрессировать, и уроки взяла на себя Александра Константиновна.

Со временем (уже после смерти Н.И. Воронова) решили открыть в «Ясочке» народную школу. За дело энергично взялись Александра Константиновна и ее старшая дочь, Ольга Николаевна, закончившая к тому времени гимназию. На Вороновых заразительно действовал яснополянский эксперимент Л.Н. Толстого. О том, как продвигалось дело с открытием школы, рассказывают вороновские письма.

15 октября 1896 года А.К. Воронова писала Юрию в Москву:

«…Школа через неделю-две откроется. Армянских мальчиков — 5, наших греков — 10. Теперь столяр спешит к 20-му (октября) закончить классные столы, скамьи и доску. Все будет по-настоящему. Мы уже выписали из Тифлиса необходимые учебники… Класс будет в первой комнате (флигеля)».

18 ноября 1896 года А. К. Воронова — Юрию в Одессу:

«…Наша школа открыта с 15 ноября, конечно неофициально…».

21 февраля 1897 года А. К. Воронова — Юрию:

«…В нашей школе дела идут хорошо. Оля сдала на мое попечение самое младшее отделение 6 чел[овек], и я с ними занимаюсь аккуратно, успехи очевидны. Все они пишут на грифельных досках отдельные слова и короткие фразы; делают сложение, а к вычитанию я их понемногу приучаю; каждый день они читают, и потом я им пишу самые общеупотребительные в домашнем обиходе фразы, их переводит Георгий (молодой крестьянин — житель Цебельды. — И.Л.), а мои малютки заучивают их наизусть».

22 апреля 1897 года А.К. Воронова — Юрию в Монпелье:

«…Я думаю, что к сентябрю придется и вторую комнату флигеля обратить в класс. Я и интернат устрою для мальчиков, далеко живущих… Благодаря книгам, которые у нас не переводятся с нового года, мы узнаем многое».

Вскоре о народной школе в «Ясочке» прослышали сухумские школьные инспектора: доложили попечителю учебного округа в Кутаис. Пришлось Вороновым зарегистрировать школу как действующую на основе министерских программ и подчиняющуюся учебному округу.

4 мая 1897 года А.К. Воронова — Юрию в Монпелье:

«…Инспектор (учебного округа. — И.Л.) дал совет Оле, чтобы она учила детей молиться… «Если приедет к вам благочинный и дети не будут уметь перекреститься и прочитать молитву, то может донести на вас, отчего будут неприятности и вам и нам». …Да, если бы не попьё, то можно было бы обойтись без всех этих умопомрачающих детские головы истин».

Всегда Николай Ильич и Александра Константиновна Вороновы воспитывали своих детей в духе последовательного атеизма; в таком же духе воспитывали и крестьянских детей-школьников. Народная школа в «Ясочке» просуществовала около пяти десятилетий, из них 10 лет — в годы Советской власти.

Друзья и гости Вороновых

Все эти годы (80—90-е годы прошлого столетия) Александра Константиновна Воронова вела активную переписку с другом семьи — Александром Семеновичем Трачевским. Он глубоко уважал и ценил Прогульбицкую-Воронову за ее светлый ум, сердечность, доброту и гостеприимство (Трачевский неоднократно бывал в «Ясочке»), за стойкость и оптимизм. В одном из писем Трачевский писал Вороновой:

«...Мне так кстати было окунуться в пахучий, свежий мир горной идиллии, оживляемой неутомимою работой русской женщины-героини... Вижу, что с Вами не пропадут ни Ваши дети, ни Ваш больной, которому от Души желаю поздороветь... Вы — новое доказательство, что стоит работать для нашей женщины, для которой, смею сказать, я много сделал в Одессе».

Выше уже отмечалось, что Н.И. Воронов и А.С. Трачевский были активными поборниками эмансипации российской женщины, создания системы среднего и высшего образования для женщин, их совместного и равного обучения с мужчинами. В условиях царской России это была одна из животрепещущих проблем, решения которой требовали революционно-демократический лагерь, прогрессивная общественность. Не найдя поддержки своих идей в Кавказском наместничестве, в конце 1877 года Трачевский переехал с семьей в Одессу. Здесь он блестяще защитил докторскую диссертацию и единогласно был избран профессором по кафедре всеобщей истории в Новороссийском (Одесском) университете.

Ведя большую научную и преподавательскую работу, Трачевский вместе со своей женой Юлией Александровной, талантливым педагогом и публицистом, приступил к созданию одного из первых в России высших учебных заведений для женщин — Одесского женского университета. В условиях российского самодержавия предприятие Трачевских было смелым, вызывающим, рискованным. Дворянско-монархические мракобесы подвергли А.С. Трачевского и его жену бешеной травле в печати. Он рассказывает об этом времени в письме А.К. Вороновой:

«...Моя деятельность была связана еще с женским вопросом. Я начал строить Женский университет. Никогда я не был таким молодцом и счастливцем! Расшевелил всех. Сыпались пожертвования, устраивались спектакли, (городская) дума определила 10000 (рублей) и обещала еще. В начале (18)79 г. был послан устав. А между тем я устроил подготовительные курсы: женщин набралась масса, и они платили всего несколько копеек за урок у лучших учителей. Весной (1879) было известно, что министр на днях утвердит устав, и мы готовились открывать университет в августе... как вдруг последовал выстрел Соловьева[128] — и началась реакция, от которой мы не можем опомниться до сих пор. Устав не утвержден».

В борьбе за высшее женское образование А.С. Трачевский показал себя мужественным ученым. Сотрудничество с революционером-шестидесятником Н.И. Вороновым не пропало даром для него. Трачевский попытался организовать выступление преподавателей университета против новых правил для студентов, принятых правительством.

Вот как он рассказывает об этом в письме А.К. Вороновой:

«Вскоре прибыл Тотлебен, сдавший дела Панютину (сменившему Тотлебена на посту генерал-губернатора Новороссийской губернии. — И.Л.), который многих перевешал и сослал в Сибирь (речь идет о расправах над революционерами-народовольцами в конце 70-х начале 80-х годов. — И.Л.). Власти коснулись и университета: явились новые правила для студентов, вредные. Студенты стали волноваться. Чтобы остановить их, я взял дело на себя и стал уговаривать товарищей (преподавателей) объяснить вредность правил. Сделан донос на меня — и явилась телеграмма из Ливадии (там находился в это время царь. — И.Л.) о ссылке меня в Восточную Сибирь, если не уймусь. Я подаю в отставку — не пускают. Коекак уладилось — и я очутился в командировке в Париже. Много сделал для науки, издал в одном журнале сочинение, которое французы заметили, их ученые подружились со мной. Но много бедствовал (думал, что не возвращусь в Россию), страшная дороговизна, плохой курс франка...».

А.С. Трачевский прожил в Париже до августа 1881 года и затем вернулся в Россию. В октябре 1881 года он вместе с женой открыл в Одессе «Новую школу». Александр Семенович и Юлия Александровна Трачевские осуществили на практике идею совместного обучения юношей и девушек. Занятия в школе велись по новой программе, в которую входил цикл физико-математических и естественных наук, углубленно изучалась русская литература и история. Совместное обучение юношей и девушек да еще явно материалистический уклон в преподавании предметов — это была неслыханная дерзость в условиях российской действительности.

«Новая школа» Трачевских просуществовала два с половиной года. Дворянско-монархические мракобесы подвергли Александра Семеновича бешеной травле в печати. В августе 1884 года Трачевский писал из Петербурга в «Ясочку»:

«Наша казенная педагогика так опротивела нам, что мы решились завести свою школу. Дело пошло хорошо. Но кончилось тем, что в апреле (1884) закрываем... Работая над учебником средневековой истории (а Юлия над своей грамматикой), внезапно получаю бумагу о закрытии «Новой школы» по распоряже-

нию министра просвещения. Если я так вреден, то и с кафедры сгонят. Не буду говорить еще о куче мерзостей… Здесь я содрогнулся от того, что узнал: меня возвели в опасные госуд(арственные) преступники… Во всяком случае мне закрыт путь ко всякой общественной и журналистской деятельности. Но сказали, что моей кафедры (в Новороссийском университете. — И.Л.) не тронут, если я умру, заставлю забыть о себе. Учебник не только не одобряют, но хотят запретить. Одно время думал, что не вынесу…».

Однако царским властям не удалось сломить мужество А.С. и Ю.А. Трачевских. Они продолжали жить, трудиться, бороться за свои человеческие права и высокие идеалы[129]. Обо всем этом стало известно только благодаря вороновскому архиву.

Кроме А.С. и Ю.А. Трачевских в «Ясочке» гостили, отдыхали и работали член-корреспондент Академии наук Д.З. Бакрадзе, археолог П.С. Уварова. Они изучали древние архитектурные памятники Цебельды и Полтавского (древние храмы, остатки великой Абхазской стены и тому подобное). Побывали в «Ясочке» также известный путешественник и ботаник Н.М. Альбов — исследователь флоры Кавказа, Абхазии, Огненной Земли; профессор медицины А.А. Остроумов — зачинатель курортологии в Абхазии; молодой абхазский учитель Д.И. Гулиа, поэт и писатель Г.М. Шервашидзе (Чачба) и многие другие.

…31 октября 1888 года Н.И. Воронов скончался. Дело отца продолжили его дети.

Связная абсолюта. Путь в революцию

80—90-е годы прошлого столетия были переломными в истории России. После падения крепостного права страна вступила на путь интенсивного развития капитализма. В классовой борьбе, общественно-политической жизни все чаще заявлял о себе стремительно формировавшийся российский рабочий класс. На смену революционерам-разночинцам пришли пролетарские революционеры.

С середины 90-х годов в освободительном движении России начался пролетарский период. В лице рабочего класса зрела новая мощная общественно-политическая сила, которая в союзе с крестьянскими массами, с угнетенными народами России могла сокрушить самодержавно-крепостнический строй, свергнуть гнет помещиков и капиталистов. Пролетариат возглавил борьбу трудящихся России за свое социальное и национальное освобождение. Зарождалась революционная социал-демократия. Передовая часть российской интеллигенции овладевала марксизмом, несла его в рабочую массу. Во главе социал-демократии России встал В.И. Ульянов-Ленин.

Именно на эти переломные годы приходится формирование и вступление на стезю самостоятельной жизни второго поколения Вороновых.

…Их было четверо в семье Вороновых. И все четверо родились в столице Грузии — древнем Тифлисе: Ольга — 29 сентября 1870 года, Юрий — 1 июня 1874, Вера — 15 марта 1878 и самая младшая, Людмила, — 27 ноября 1879 года.

Дети росли и воспитывались в кругу семьи в «Ясочке». Здесь они получали начальное образование. Как уже говорилось, эти годы были чрезвычайно благотворны для их нравственного и умственного развития. Но вот настала пора учения.

Ольга Воронова

Первыми покинули родное гнездо на долгие годы Ольга и Юрий. Ольга поступила во второй класс Тифлисского женского учебного заведения св. Нины в сентябре 1884 года, а Юрий начал учиться в первом классе Кутаисской мужской гимназии с октября 1885 года. Со времени болезни Николая Ильича и после его смерти семья Вороновых постоянно испытывала материальные трудности. В семейном архиве Вороновых сохранились десятки писем, в которых сквозит тревога по поводу финансового положения семьи, экономической нерентабельности «Ясочки», нарастания долгов за имение. Учитывая тяжелое материальное положение семьи, Вороновы старались обеспечить своим детям бесплатное обучение. В этом им помогали тифлисские (Д.С. Старосельский, Е.Г. Вейденбаум[130]) и кутаисские (Е.А. Нарбут, Ю.Ф. Глушковская[131]) друзья.

На долю Ольги Вороновой выпали огромные жизненные трудности. Окончив гимназию, она два года проучилась на Петербургских сельскохозяйственных курсах (больше учиться не было возможности). После этого Ольга Николаевна отдала все свои силы и недюжинный ум заботам о подрастающих сестрах и брате, их воспитанию, помощи матери по хозяйству, вечным поискам дополнительных заработков, напряженной работе педагога и воспитателя в народной школе в «Ясочке». Ее письма к матери, сестрам, брату всегда полны сердечной теплоты, внимания к ним, беспокойства за родной дом, за свою школу.

6 декабря 1897 года О.Н. Воронова пишет Людмиле в Кутаис:

«…Наша Ясочка преобразится в культурный уголок, маленький эдем (земной рай. — И.Л.). Я почти все время занимаюсь с детишками, но в этом году мне гораздо легче справляться с ними: они и послушные

и усердные. Книги (учебники) Левшинского нравятся и мне и детям. (Их) теперь ты не узнаешь — это не манекены… а мыслящие головы».

Интернациональная народная школа в «Ясочке» требовала углубленной подготовки не только по предметам обязательной программы, но и в области педагогики, психологии, гигиены, специальных знаний в абхазском, грузинском, греческом и армянском языках. И Ольга Николаевна находила время для этой подготовки. Много сил и долгие годы жизни отдала Ольга Николаевна обучению местных крестьянских детей. В одном из официальных прошений на имя попечителя Кавказского учебного округа она писала: «Проживая в деревне, я достаточно хорошо ознакомилась с здешним населением и нашла, что оно очень нуждается в школе. Многие родители обращались ко мне с просьбой учить их детей русскому языку… Прошу разрешить мне открыть школу для первоначального обучения детей чтению, письму, арифметике…»[132].

Семьи своей О.Н. Воронова никогда не имела и всю свою душевную теплоту отдавала матери, сестрам, брату. Она, так же как и ее мать, следила за всеми новостями общественно-политической и культурной жизни, читала новые интересные книги, выезжала па театральные спектакли и концерты в Батум, Сухум. Она горячо сочувствовала революционному движению, переживала за судьбы революционного студенчества (брат и сестры были в его передовых рядах). А когда в первые годы нового столетия Вера и Людмила Вороновы начали налаживать транспортные связи из Петербурга в Закавказье через «Ясочку» для переброски в Закавказье революционной литературы, Ольга Николаевна приняла в этом непосредственное участие. В годы первой русской революции она вместе с матерью скрывала, кормила, лечила в «Ясочке» многих российских революционеров. Такова была старшая из второго поколения Вороновых.

Юрий Воронов

В октябре 1885 года перед одиннадцатилетним Юрием Вороновым открылись тяжелые, массивные двери Кутаисской мужской гимназии.

В 80—90-е годы Кутаис являлся одним из крупных центров быстро развивающейся капиталистической промышленности Грузии. Численность его населения к этому времени выросла до 30 тысяч человек (грузины, армяне, русские, греки, евреи, персы, поляки). В городе насчитывалось 492 небольших фабрично-заводских и ремесленных предприятия (по производству шелковых и шерстяных тканей, глиняной посуды, давильных колод для виноделия) с 4200 рабочими, которые составили быстро растущий революционный отряд грузино-русско-армянских пролетариев. В Кутаисском уезде добывался каменный уголь, в селении Ткибули начиналась промышленная разработка залежей свинцовой, медной, марганцевой руд. Здесь также с каждым годом росла численность рабочего класса.

Кутаис являлся крупнейшим центром национально-освободительного и революционного движения, общественной и культурной жизни Западной Грузии.

Основанная в 1880 году Кутаисская гимназия, куда поступил учиться Юрий Воронов, являлась одним из рассадников прогрессивных общественно-политических идей в городе и Западной Грузии.

В Кутаисскую гимназию Юрий Воронов пришел прекрасно подготовленным. Даже в пору своей работы в редакции «Кавказа» Николай Ильич всегда находил час-другой, чтобы уделить внимание общеобразовательной подготовке сына. Пока позволяло состояние здоровья, он и в «Ясочке» продолжал заниматься с Юрием по русскому языку, литературе, истории, географии, ботанике, английскому и немецкому языкам. Александра Константиновна занималась с сыном французским языком, литературой, музыкой. Родителям не надо было заставлять сына садиться за книгу, за учебник; наоборот, чаще приходилось отрывать его от чтения и настойчиво рекомендовать пойти поиграть с сестрами или соседскими мальчишками. В Тифлисе и в «Ясочке» Вороновы получали новейшие учебники от Трачевских из Одессы, Петербурга, Парижа; чаще всего первым читателем этих учебников был Юрий.

Юрий рос честным, целеустремленным, любознательным, трудолюбивым. Его отличали скромность, даже излишняя застенчивость, внутренняя организованность. Юрий глубоко любил мать, отца, сестер, уважал и ценил своих лучших учителей и профессоров. Всегда был верен гимназической и студенческой дружбе. По примеру отца, который был заядлым путешественником, любителем собирать гербарии, коллекционировать различных насекомых, Юрий с детских лет страстно любил окружающую природу, часто бродил по окрестностям «Ясочки», находил, засушивал, сортировал десятки неизвестных ему растений, запоем читал книги по ботанике и биологии.

В гимназии учителями Юрия Воронова были известные деятели грузинского просвещения И. Оцхели, О.О. Чебиш, А.И. Стоянов; математику преподавал талантливый инженер Н.В. Згурский, историю и географию — С. Гогоберидзе, французский язык — Е.А. Нарбут, друг Н.И. Воронова[133]. На уроках этих учителей Юрий углублял и шлифовал свои знания. В его классных табелях монопольной была оценка «пять».

И все же, несмотря на старательность, самодисциплину, способности, Юрию, как и многим его товарищам, было нелегко учиться. Нелегко потому, что приходилось сталкиваться с реакционным доктринерством

и догматизмом отдельных учителей, и прежде всего законоучителей, вдалбливавших в гимназические головы закон божий, приходилось подвергаться гимназической муштре.

Концентрированным выражением монархического мракобесия в области среднего образования являлись «Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства министерства народного просвещения», утвержденные еще в мае 1874 года и действовавшие на протяжении четверти века. Приведем некоторые из пунктов этих «Правил»:

«§ 1. Ученики обязаны в воскресные и праздничные дни, а также и вечером накануне этих дней посещать общественное богослужение…

§ 3. Ученики гимназий и прогимназий обязаны представить (учебному начальству. — И.Л.) свидетельство от своего духовника о том, что были у него на исповеди и причастились св. таинств».

От гимназистов требовалось «беспрекословное повиновение своим начальникам и наставникам» (§ 19); им запрещалось «составлять между собою или с посторонними лицами какие-либо общества или вступать в таковые общества» (§ 29). Еще большим ограничениям подвергались гимназисты в свободное от учебы время; категорически запрещались, например, выходы в театры, кафе и тому подобное.

В «Правилах» 72 страницы убористого текста! Они строжайше регламентировали всю жизнь учащихся в гимназии и вне ее, все времяпрепровождение дома и вне его, отношения с учителями и родителями, форму одежды и количество пуговиц на ней (!). В «Правилах» был раздел «О взысканиях», состоящий из 14 параграфов и 19 «мер взысканий». Применялись различные меры наказания, начиная от «выговора преподавателя наедине», «стояния ученика на месте (или в углу)» «одиночного сидения в классе (или карцере)» вплоть до исключения из гимназии с лишением права поступать в какое-либо учебное заведение. «Правила» специально изучались и разучивались вслух гимназистами. Юрия Воронова и друзей его круга тошнило от этой школярской регламентации.

…В начале октября 1888 года в Кутаисской гимназии начался переполох. Стало известно, что мужскую и женскую гимназии посетит сам государь Александр III с супругой и наследником, будущим российским царем Николаем II. За неделю до приезда монарха занятия в гимназии полностью прекратились. Целую неделю, с утра до вечера, гимназистов учили маршировать. Классные наставники надрывали голоса, подавая команды, а учащиеся рвали на площадях и немощеных улицах свою обувь и учились браво, по-солдатски, кричать слова приветствия «государю-батюшке». Законоучители и гимназисты хрипели от усталости, разучивая царский гимн и соответствующие случаю молитвы.

Сохранилось письмо Юрия матери от 22 октября 1888 года, где он насмешливо описывает всю комедию встречи «монарших особ». Он рассказывал:

«…13 октября все собрались и пошли в женскую гимназию, где должна была произойти встреча государя, в парадной форме. Накануне шел проливной дождь, и слякоть по улицам была ужаснейшая. Несмотря на калоши, я выпачкался почти по колена, другие до пояса (слишком усердно тянули «ножку» по грязи). Было холодно; все дрожали всем телом. Меня директор выбрал (первый ученик! — И.Л.), чтобы я поднес букет ее величеству, и я должен был сказать следующее: «Имею честь вашему императорскому величеству от Кутаисской гимназии всеподданнейше поднести этот букет». Ждали долго, около четырех часов. Когда они (царь с супругой. — И.Л.) подошли к нам, то директор выдвинул (!) меня вперед, я подошел, сказал дрожащим голосом (!), что нужно было, и пошел назад… Меня начала трясти лихоманка».

Пройдет некоторое время, и факты из жизни Юрия того периода покажут, что у него уже начали формироваться антимонархические, демократические взгляды путем осмысливания жизни и деятельности отца. 13 ноября 1888 года в газете «Кавказ» появился некролог в связи со смертью Николая Ильича. В этом некрологе сотрудник «Кавказа» некто Ю.П. Проценко открыто обвинял бывшего редактора-издателя в том, что тот в конце 50—начале 60-х годов «разуверился в правильности лежавших у нас (в царской России. — И.Л.) основ (монархического строя) и усердно занялся исканием новых начал, которые могли бы быть спасительны для русского общества… Занятый этим выводом, Н(иколай) И(льич) в 1861 (неверно, в 1862 году! —И.Л.) совершил путешествие в Европу, именно в Голландию (не только туда, но и во Францию, Англию, Германию. — И.Л.). Эту страну он взял за образец труда… Во время этого путешествия Н.И. сделал ошибку, которая отозвалась на его дальнейшей жизни. Отыскивая основы для новослагавшейся, как он думал, жизни нашего отечества, Н.И. не остановился и перед знакомством в Лондоне с корифеями русской эмиграции (Герценом, Огаревым, Бакуниным. — И.Л.), которые громко провозглашали усвоенные ими принципы как истины, отыскивавшиеся всеми».

И далее в таком же духе. Автор некролога резко отрицательно отзывался о революционно-демократической деятельности Н.И. Воронова, которая якобы и загубила его жизнь. Юрий был возмущен утверждениями клеветника. Он поделился своими переживаниями с другом семьи, Евгением Антоновичем Нарбутом. Вот что по этому поводу писал Юрий матери 19 февраля 1889 года:

«…Ю.П. Проценко (да будет он проклят трижды!) очернил нашего дорогого покойного папу в своей статье… Он (Е.А. Нарбут. — И.Л.) решился ответить Проценко на его статью. О папе он все знает, что ты мне рассказывала, даже лучше, чем ты…».

Итак, очевидно, Юрий (ему шел пятнадцатый год!) вполне одобрял революционно-демократическую деятельность отца, понимал ее значение. Через два года Юрий посвятит матери стихи под названием «Борьба». В них он одобрительно отзовется о повседневной борьбе «многих людей с сильным врагом» — самодержавием.

Круг друзей Юрия Воронова был весьма узким. Среди них следует назвать Бориса Глушковского, Михаила Коридзе, Адрияна Сорочинского. Юрий, как и его сестра Ольга, близко был знаком и дружил с Анютой (Анной Константиновной) Маяковской, родной сестрой Владимира Константиновича — отца будущего поэта Владимира Маяковского. В те годы она жила и училась в Кутаисе. В коллекции писем Вороновых не один раз встречается фамилия Маяковских. Оказывается, еще в конце 50-х годов прошлого столетия в Ахалцихе семья штабс-капитана Прогульбицкого близко познакомилась с семьей обедневшего дворянина чиновника Ахалцихской городской ратуши Константина Маяковского (дед поэта). Николай Ильич и Александра Константиновна Вороновы хорошо знали и ценили энергичного и остроумного Владимира Константиновича Маяковского (отца поэта), служащего кутаисского управления земледелия, а затем лесничего. Последнему было известно революционное прошлое Н.И. Воронова. Знакомство с Маяковским (старшим) поддерживали Юрий и Ольга Вороновы.

Пройдут годы, и в 1901 году Маяковские из глухого селения Багдади, что в 25 верстах от Кутаиса, переедут в губернский центр. Поселятся они в доме Юлии Феликсовны Глушковской, где неоднократно жили и гостили Юрий, Ольга, Вера и Людмила Вороновы. Мужественная женщина, с передовыми демократическими взглядами, Юлия Феликсовна Глушковская[134] была другом семьи Вороновых. Это с ее сыном дружил Юрий Воронов. Ю.Ф. Глушковская будет готовить к вступительным экзаменам в Кутаисскую гимназию девятилетнего Володю Маяковского, будущего поэта[135].

Когда в начале лета 1899 года сын Юлии Феликсовны Борис будет выслан полицией из Петербурга за участие в студенческих волнениях в университете, она обратится за помощью к Александре Константиновне и Ольге Вороновым и получит ее. 11 июля 1899 года Ю.Ф. Глушковская напишет из Кутаиси А.К. и О.Н. Вороновым:

«…Я очень и очень Вам благодарна за то радушие, которым Вы обещали встретить Борю у себя, в «Ясочке». Боря выслан из Петербурга, выгнан из университета… Он должен был так поступить, чтобы остаться честным по отношению к товарищам… Боря в Багдадах (у Маяковских. — И.Л.) очень поправился, выглядит очень хорошо, занимается, читает и рисует и часто разъезжает с Маяковским (Владимиром Константиновичем, отцом поэта. — И.Л.) в горы. Это меня утешает».

Отсюда можно догадываться, что собой представляли друзья Юрия Воронова Борис Глушковский, Анна Маяковская, каковы были их взгляды, убеждения[136]. А вот что говорит о себе третий друг Юрия — студент Московского университета Адриян Сорочинский в письме к Ольге Вороновой от 13 мая 1897 года:

«…Мне пришлось оказать (голодающим) крестьянам помощь… Я кончу университет и пойду туда, где голод и холод, мрак и невежество и, несмотря на это, все-таки существа человеческие, в которых под оболочкою забитости таятся непочатые духовные богатства».

Так в 80—90-е годы XIX века выходцы из среды прогрессивной интеллигенции, молодые люди демократических убеждений постепенно втягивались в революционную борьбу, сближались с революционной социал-демократией.

После блестящего окончания Кутаисской гимназии в августе 1894 года Юрий Воронов поступил в Новороссийский университет в Одессе, на естественное отделение со специализацией по зоологии. В августе—сентябре 1896 года он пытался перевестись в Петровскую сельскохозяйственную академию в Москве, но неудачно. Сдал вступительный экзамен в Московский университет и один семестр занимался на естественном отделении геолого-почвенного факультета. Юрий не был удовлетворен постановкой образования на естественных факультетах: этим и объясняются его частые переходы из одного высшего учебного заведения в другое.

Юрий внимательно вглядывается в жизнь: в письмах матери, сестрам сообщает о росте революционных настроений среди одесского и московского студенчества. В одном из писем прорвется фраза:

«…Как говорит А.И. Герцен в своем дневнике: «мы годом ближе к смерти, а человечество — «к великой эпохе братства и гармонии…»

Еще в конце 1895 года видный общественный деятель, поэт и прозаик и одновременно крупный землевладелец Абхазии князь Г.М. Шервашидзе по ходатайству друга Вороновых Е.Г. Вейденбаума согласился выделить Ю.Н. Воронову специальную стипендию для получения агрономического образования за границей со специализацией по виноградарству, но при условии, что, окончив учебу, Юрий Николаевич будет работать в качестве агронома-управляющего в его обширном имении. После некоторых колебаний Юрий принял условие князя и в начале января 1897 года выехал из России во Францию. Зная передовые настроения Юрия и помня исход поездки его отца к А.И. Герцену в 1862 году, Александра Константиновна в те дни наставляла сына:

«…Будь осторожен на чужбине, и пусть твоя переписка не только с нами, но и с покинутыми товарищами не касается политики, за одно невинное по существу слово, но в глазах известной власти (!!)… можно погибнуть, пусть эта чаша минет меня».

С марта Ю.Н. Воронов стал вольнослушателем высшего сельскохозяйственного колледжа в Монпелье, крупнейшем центре французского виноделия и виноградарства, расположенном вблизи Марселя. Здесь он изучал полный курс естественных наук, знакомился с лучшим мировым и европейским опытом выращивания высокосортного винограда, с практикой винодельческого производства.

Из письма Ю.Н. Воронова от 9 марта 1897 года матери:

«Не знаю, чему это приписать, но мною овладела какая-то лихорадочная жажда учиться, учиться всему, всем наукам, абстрактным, конкретным, теоретическим и прикладным; я слушаю ботанику, геологию, французскую литературу и политическую экономию; не пропускаю публичных лекций и рефератов и читаю дома (книги) по различным отраслям. Я чувствую, что с приездом сюда (во Францию) началась новая эра моей жизни, от которой все будущее зависит».

Юрий работал по жесткой, до предела уплотненной, им самим разработанной программе занятий. Чтобы быть в курсе всех достижений ботанической науки, он выписывал «Вестник Кавказского общества сельского хозяйства» из России, следил за всеми французскими журналами, получал сельскохозяйственный журнал из Германии.

Во Франции, в Монпелье, Юрий Николаевич овладевал знаниями не только для себя лично. Ему хотелось быть полезным своему народу, оказывать конкретную помощь крестьянству. Ознакомившись с новейшей фабрикой сельскохозяйственных орудий для виноделия и заводом по производству плугов, Ю.Н. Воронов 19 августа 1897 года пишет в «Ясочку» матери:

«…Почему не вводить усовершенствованных орудий у нас (в России): если не может приобрести машины какой-нибудь один крестьянин, то целое село или община легко это могут сделать; и единственное, что может предотвратить порабощение его (крестьянина) машиною, это научиться самому пользоваться машиною и приобрести ее, если нельзя самому, то в сообществе с другими. Наше же дело (то есть квалифицированных специалистов. — И.Л.) — это показать ему, крестьянину, преимущество машинного труда перед ручным, научить его пользоваться машинами и помочь их приобрести».

В Монпелье существовала немногочисленная русская колония. Юрий Воронов стал ее активным членом. Костяк колонии составляли студенты и студентки местного университета, сельскохозяйственного колледжа. В нее входили и несколько кавказцев-стажеров, проходивших производственную практику на местных винодельческих фабриках, в крупных виноградарских хозяйствах. Колония имела общую денежную кассу (с более богатых студентов брался больший взнос — пай), дешевую столовую, небольшую библиотеку российских и французских изданий (в ней была представлена и марксистская литература), самодеятельный театр и хор. Колония была разноклассовой, разнопартийной; в ней имелись отдельные подозрительные типы: возможно, даже осведомители российской жандармерии.

Наиболее близко из членов колонии Юрий познакомился с Николаем Ивановым — сыном богатого ташкентского купца. Они снимали скромную комнатку у старой говорливой француженки. Часто вечерами приятели спорили и мечтали о создании в Закавказье и в Туркестане громадных сельскохозяйственных кооперативов-товариществ на основе новейших достижений агрономической науки, об организации в родных краях сельскохозяйственных высших учебных заведений центров агрономического образования.

Ю.Н. Воронов 26 ноября 1897 года — в «Ясочку» матери:

«…Ну, ты только представь себе следующую картину. Среди страны, где культурные способы и приемы ведения хозяйства совершенно отсутствуют, выбрано место, подходящее для самых разнообразных сельскохозяйственных отраслей. Каждая отрасль имеет своего специалиста: есть полевод, есть специалист по различным ценным культурам, есть скотовод и специалист по молочному хозяйству, есть винодел и виноградарь и т. д. Культуры и хозяйство ведутся интенсивно, то есть на данном пространстве стремятся извлечь максимум выгод, что влечет за собою введение машин, а следовательно, уменьшение стоимости продукта производства. Для того чтобы иметь у себя знающих и умеющих людей, тут же возникают школы, в которых для обучения берутся местные учителя, (учащиеся) обучаются за счет общества… Так как в настоящее время необходимо быть в курсе настоящего нового слова в науке, в целях самого же товарищества будут производиться проверки опытов, самостоятельные опыты и исследования, необходимы, значит, опытные станции, поля, фермы. Руководит опытами тот же специалист, под его руководством работают те же практики, вышедшие из школы товарищества… Кто боится труда, тому нет места в этом товариществе, тут каждый должен трудиться столько же, сколько будет работать простой чернорабочий…».

И далее:

«Мне лично все это кажется возможным, и, если бы нашлись на Кавказе люди, сочувственно отнесшиеся к подобному плану, я сейчас же принялся за устройство его. Этот план — наше детище…».

Грандиозные планы смелых мечтателей: они рождались под влиянием идей Н.Г. Чернышевского, практического опыта трудовой коммуны в «Ясочке», знакомства с крупными фермерскими хозяйствами юга Франции. Но планы эти были утопичны: путем создания сельскохозяйственных товариществ добиться улучшения положения российского крестьянства, не меняя в корне существующего строя в империи. Через год-другой Юрий Воронов укрепится в мысли о необходимости революционным путем устранить

самодержавие, свергнуть буржуазно-помещичий строй. Он поймет, что его планы из утопии могут стать реальностью только с победой социалистической революции в России.

Жизнь была сложной и противоречивой. Всякий честный русский интеллигент, демократ и патриот не мог оставаться вне пределов политики, ее сторонним наблюдателем. Юрий Воронов все внимательнее и критичнее присматривался к республиканскому строю капиталистической Франции.

Из письма от 7 июня 1897 года в «Ясочку» матери: «Франция — республика, а гадостей и подлостей в ней едва ли меньше, чем у нас; взяточничество, воровство — все это практикуется так же хорошо в хваленой республике, как и в нашей самодержавной России. Громкое панамское дело обнаружило, что французские депутаты не отказываются поживиться чем бог послал, хотя и проповедуют и на страницах журналов, и в залах (Национального) собрания высокие принципы честности…».

Ю.Н. Воронов старался разобраться в соотношении классовых и партийных сил внутри Франции, интересовался развитием массового пролетарского движения, ростом авторитета и действиями партии социалистов, в особенности ее левого крыла, возглавляемого Жаном Жоресом и Жюлем Гедом.

Из письма от 17 мая 1898 года сестре Людмиле в Кутаис:

«…К стране (Франции) вполне подходит название «гнилого» Запада, республиканское здание покоится на подгнивших столбах, клерикализм и реакция грозят его опрокинуть, вся надежда мыслящей страны на социалистов, на крайнюю левую, которая одна только и движет страну вперед, но результаты последних выборов отняли у прогрессирующей части (населения) несколько крупных лидеров, как Жорес, Гед».

Юрия Николаевича многое удивляло и возмущало в капиталистической Франции: лживость и продажность буржуазной печати, падкой на дешевые сенсации; тот факт, что в высших и специальных учебных заведениях Монпелье не было ни одной студентки-француженки (как это ни парадоксально, но в Монпелье учились только русские студентки!), хотя в стране много говорилось и писалось об эмансипации женщины; то, что «хваленое всенародное образование здесь доступно только состоятельным людям».

Ю.Н. Воронов немало поездил по Франции: побывал в Париже, Лионе, Марселе, Боне. Всюду его внимание привлекали люди труда: рабочие, крестьяне, грузчики, студенты — наследники идей Парижской коммуны. Воронов восторгался их трудолюбием, жизненным оптимизмом, традиционным свободолюбием. Но где бы ни был Юрий и что бы ни делал, мыслями и сердцем он всегда был со своим народом, его бедами и трудностями. Встречая новый, 1898 год в Монпелье, писал сестре Людмиле в Кутаис:

«…Меня не покидала мысль, что в эту минуту, когда я, благодушествуя за вкусным шашлыком, запивая его хорошим вином, когда я и сыт, и одет, и обут, и сижу в теплой комнате, — там в холодной России миллионы голодного люда теснятся по нескольку семей в одной хате, холодной и нетопленной, черствые корки мякинного хлеба запиваются холодной водою, а на дворе завывает метель… плач голодных ребятишек… кругом грязь, смрад, нищета…».

Юрий Николаевич интересовался историей Великой французской революции, Парижской коммуны, читал книги и статьи Жана Жореса, Жюля Геда. Начал серьезно изучать труды К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова. Весной 1898 года он переслал в «Ясочку» заказной бандеролью первый том «Капитала» К. Маркса, только что изданный в русском переводе в Швейцарии. Из письма от 8 января 1898 года сестре Вере в Батум:

«…Мыслителей дает больше Англия с Германией; припомни Дарвина, Спенсера, Гельмгольца, Маркса, Энгельса…».

После обучения в Монпелье Ю.Н. Воронов проходил сельскохозяйственную практику в Австро-Венгрии (селение Сан-Михель, близ города Триента), в Германии (Берлин, Мюнхен); кроме того, побывал в Швейцарии и Северной Италии. Он по-прежнему пристально вглядывался в окружающую действительность и критически оценивал ее.

Из письма от 12 июня 1898 года в «Ясочку» матери:

«…В Италии совсем смутное время, все передовые журналы закрыты, редакторы, сотрудники и даже типографы их сидят в тюрьмах… В новом парламенте проектируются новые законы, низводящие свободу слова и печати на ступень низшую, чем в России…».

Почти два года прожиты за рубежом в упорном труде и учении. Юрий рвется домой, чтобы приложить приобретенные знания к сельскому хозяйству, помочь крестьянам Закавказья.

Из письма от 15 июля 1898 года в «Ясочку» матери:

«…Меня всегда будет тянуть к себе в Россию, а именно на Кавказ. Кавказ всегда был предметом моей внутренней жизни, моих мыслей и в Одессе, и в Москве, и в Монпелье, и здесь (в Сан-Михеле). Только его (Кавказа) интересы мне дороги, только его радостями могу я радоваться, его горем страдать…»

Отъезд Ю.Н. Воронова на родину был ускорен и тем, что князь-«благодетель» Г.М. Шервашидзе прекратил выплату стипендии.

Итак, благодаря нескольким десяткам подробных, интересных писем Ю.Н. Воронова из-за рубежа мы смогли конкретно представить, что делал, о чем думал и мечтал, что читал передовой русский студент-демократ (через два года он станет марксистом, будет участвовать в студенческом революционном движении). Как он для себя, матери, сестер «открывал» Францию, ее историю, науку, ее великий народ. Так формировался, так готовил себя для будущей научной и практической деятельности Юрий Николаевич Воронов.

Вера Воронова

В середине 90-х годов вслед за Ольгой и Юрием покинули «Ясочку» Вера и Людмила Вороновы. Вера была на полтора года старше Людмилы и учиться в Кутаисском женском учебном заведении св. Нины начала на год раньше младшей сестры. Когда же с осени 1893 года туда поступила Людмила, Вера взяла шефство над сестрой. Год-два за сестрами присматривал Юрий, пока учился в гимназии.

Часто в Кутаис наезжала и Александра Константиновна проведать своих меньших дочерей и любимого сына.

…Сведений о периоде учебы Веры Вороновой в Кутаисе почти не сохранилось. Из писем А.К. Вороновой дочери видно, что Вера жила и училась на очень скромные средства. Из-за материальных трудностей в конце 1896 года Вера Воронова вынуждена была временно прекратить занятия в Кутаисе и переехать в семью младшего брата Александры Константиновны — Николая Константиновича Прогульбицкого, служившего батальонным адъютантом в екатеринославском гарнизоне. В дядиной семье весь дух, обстановка и быт были совершенно иными, чем в «Ясочке». Дядя соблюдал неукоснительную верность монархии, и главной его заботой было продвижение по службе. С этой целью в августе 1901 года он добровольно перешел с армейской службы в Отдельный корпус жандармов[137].

С первых же месяцев пребывания в Екатеринославе Вера Воронова стала проявлять сначала молчаливое несогласие, а затем вслух выражать недовольство дядиными реакционными монархическими взглядами. О своем недовольстве Вера писала матери. Александра Константиновна пыталась как-то повлиять на дочь примирить ее с братом, которого, впрочем, и сама недолюбливала.

17 января 1897 года А.К. Воронова — Вере в Екатеринослав:

«…Ты пишешь, что не сошлась с кузеном, что поспорила и поссорилась с дядей. Эх, моя родная, зачем ты не обладаешь житейским тактом; зачем не хочешь постараться найти с ними что-либо общее помимо Добролюбова и Писарева…».

В Екатеринославе, быстро растущем промышленно-пролетарском центре Украины, Вера Воронова познакомилась с идеями российской революционной демократии. Ее далеко не мог удовлетворить, как в свое время и Юрия, а затем и Людмилу, уровень гимназического образования. Среди екатеринославского гимназического начальства было очень много взяточников, морально разложившихся людей. Они сквозь пальцы смотрели на пьяный разгул сынков местной буржуазно-помещичьей знати, проваливали на экзаменах гимназистов — выходцев из демократических трудовых прослоек населения, поощряли доносы, подхалимство[138]. Все это вызывало возмущение у передовой гимназической молодежи, в том числе и у Веры Вороновой.

28 декабря 1896 года Вера Воронова — Людмиле в «Ясочку»:

«…Я познакомилась с несколькими абитуриентками — будущими курсистками. Эти не походят на всех гимназисток уже по одному своему развитию. Нас составляется целый кружок, каждая из нас имеет свою особую цель… Все это большей частью голытьба, собирающаяся, как и я, копить деньги на поездку (на Женские медицинские курсы в Петербург. — И.Л.)… Теперь есть с кем поговорить, высказать свои взгляды, поспорить, поволноваться по поводу несовершенства всего нас окружающего. Мы проводим время в разговорах, причем проявляем необычайную смелость и свободу в суждениях… Я читаю Ч. Дарвина и прослыла ученой».

(Позднее, в 1904—1906 годах, екатеринославские знакомые Веры Вороновой, их адреса очень пригодятся в партийной работе Людмилы Вороновой по установлению связей между Петербургом, Екатеринославом, Донбассом, Одессой, Сухумом, Тифлисом, Кутаисом.)

Таким образом, происходило постепенное формирование личности Веры Вороновой как принципиального, честного, цельного и непримиримого человека. Будущий революционер и врач постоянно думает об униженном народе и его нуждах. Сестры — Вера и Людмила — переписываются, старшая воспитывает младшую.

6 января 1898 года В.Н. Воронова — Людмиле в Кутаис:

«Мы с тобою строим фундамент личного счастья прочнее: наша семья — великая бедная матушка Русь, для которой всегда хватит работы, было бы желание. Нужно забыть себя, стремиться к одной цели, положить душу в свое дело, и только в этом можно обрести то счастие, которое не дается ни в любви, ни в семье».

19 февраля 1898 года В.Н. Воронова — Людмиле в Кутаис:

«…Ты увлекаешься Достоевским, я ему многим обязана, так как он имел влияние на склад моего теперешнего миросозерцания. «Преступление и наказание» — чудная вещь, но не понимай ее очень узко. Меня, я помню, поразила в ней глубина психологического анализа, а ведь я читала ее еще в начале нашего шестого класса. А какая увлекательная вещь «Братья Карамазовы» — всю душу выматывает. Я теперь совсем не могу читать легких романов. Теперь я читаю Жорж Санд… Но что меня увлекло, так это Чернышевский. Какие чудные взгляды на семейную жизнь, на права женщины! И его роман («Что делать?» — И.Л.) считается безнравственным?! Когда прочтешь такую вещь, то невольно чувствуешь прилив сил для борьбы с (современной) жизнью. Выбиться на прямой путь во что бы то ни стало…».

Это еще одно свидетельство действенного влияния передовой русской литературы, идей Н.Г. Чернышевского на формирование поколения российских революционеров пролетарского периода освободительного движения.

Летом 1897 года Вера Воронова закончила с отличием Екатеринославскую женскую гимназию. И с осени того же года начала работать учительницей в Батумском народном училище. Оно находилось в рабочем пригороде Батума — Холодной Слободе. Вера вела два класса — мальчиков и девочек — по 25 человек; преподавала русский язык, чистописание, литературу, арифметику. Работа увлекала ее, заставляла усиленно заниматься самообразованием, внимательнее всматриваться в окружающую жизнь, в людей. Здесь она впервые близко соприкоснулась с пролетарской средой, познакомилась с рабочими семьями, узнала тяжелые условия их существования и быта.

Батум к началу XX века был городом резких контрастов. Южный город на берегу Черного моря в окружении богатой природы. В то же время это первый порт Грузии и третий торгово-промышленный центр Закавказья (после Тифлиса и Баку). В городе насчитывалось около 240 предприятий. Десятитысячный отряд батумского пролетариата составляли нефтяники, портовики, машиностроители, судоремонтники. Батумские рабочие трудились в нечеловеческих условиях, получая нищенскую заработную плату. Рабочий день длился 12 часов, работали в праздничные дни.

В середине 90-х годов в Батуме оформилась первая марксистская группа — один из филиалов «Месамедаси». Будучи связана с ленинским петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», она начала пропагандировать марксистские идеи, наладила перевод на грузинский язык и печатание в подпольной типографии произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, распространяла их среди рабочих, портовиков, учащейся молодежи. Однако в начале 1898 года полиция напала на след батумской группы и разгромила ее[139].

В этот период к батумскому социал-демократическому революционному движению присоединяется и учительница народного училища Вера Николаевна Воронова. В «Ясочке» сохранился ее рукописный дневник. На титульном листе написано: «Батум. Холодная Слобода. 1897—1899». Дневник раскрывает внутренний мир двадцатилетней девушки, народной учительницы, готовящей себя к самостоятельной жизни и к участию в революционной борьбе. Дневник интересен: в нем бьется пульс жизни того далекого времени, когда лучшая часть российской молодежи искала дорогу к правде, к свободе. Откроем дневник Веры Вороновой, прочитаем некоторые из ее записей.

1 декабря 1897 года: «…сколько жалости и сострадания к людям и особенно к моей бедной родине, как я страстно хочу быть ей полезна! Не нужно мне ни славы, ни известности, я желаю только положить силы в избранном труде на пользу общества… Мне непременно надо быть медиком…».

5 марта 1898 года: «…если бы даже бог почему-нибудь и оказался не созданием человека, а его творцом, я и то отказалась бы его почитать… Я глубоко убеждена, что бог, которому поклоняется такое множество людей, есть их собственное творение, созданное по образу и подобию человека».

4 сентября 1898 года: «…в Петербурге никакая зима не страшит: там наука, товарищи, общие интересы, все то, что заставит забыть о сырости и холоде, всяких лишениях жалкого существования. На душе почему-то тоскливо, чего-то хочется, душа куда-то рвется. Знаешь, что там где-то идет деятельная борьба во имя всеобщего блага, люди борются и умирают за идею, а здесь только одни копеечные расчеты…»

14 декабря 1898 года: «Читаю теперь К. Маркса. Он открывает целый мир, мир полный ужасов (капитализма), борьбы рабочих за существование. Думаю часто о России, сколько терпит она бедствий, и как мало общество проявляет деятельности в пользу общего блага… А как бы хотелось узнать суть дела, к чему стремиться, где с большой пользой можно приложить свои силы».

11 марта 1899 года: «…слухи о студенческих беспорядках (в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове. — И.Л.) самые разноречивые и невероятные носятся всюду. Как относиться к ним? Где правда и вымысел? А хотелось бы знать истину. Студенческие интересы и теперь мне близки, а с будущего года станут моими интересами… Много еще надо учиться, надо подготовить себя к пониманию всех тех истин и заблуждений, над которым трудились представители человеческого рода…».

19 марта 1899 года: «Эх, если бы силу Базарова! Может быть, и можно выработать в себе что-нибудь похожее…».

20 марта 1899 года: «…я думаю познакомиться с биографиями возможно большего числа замечательных людей и завтра же пойду за новым запасом книг…».

24 марта 1899 года: «Читаю теперь «Жерминаль» Золя, и читаю с удовольствием. Мне кажется, в этом произведении знаменитый натуралист правдиво обрисовал положение рабочих. Сколько нужды, беспросветного мрака, невежества, доводящего людей до животного состояния. И все-таки, когда сравниваю жизнь этих французских углекопов с положением наших «рогожников», рабочих спичечных фабрик и других, о которых приходится кое-что прочитывать, видно, что у нас хуже, как и во всем. Те рабочие хоть грамотны. А наши бедняки совсем потонули во мраке самого грубого невежества, суеверия (речь в данном случае идет о положении рабочих в Батуме. — И.Л.)… Кто и что изменит это ужасное положение? Вот вопрос, над которым стоит задуматься. Неужели так будет продолжаться еще долго? Не хочу этому верить! Чем больше я думаю обо всем этом, тем более прихожу к тому, что необходимо учиться и учиться, бороться и бороться».

Учиться и учиться, бороться и бороться. Вера Воронова будет верна этому завету своей юности. Уже через полгода, в сентябре 1899 года, она переступит в Петербурге порог Женского медицинского института и попадет в среду демократического студенчества, в котором нарастал протест против существующих порядков. В Петербурге Вера Николаевна познакомится с грамотными и культурными питерскими пролетариями — цветом российского рабочего класса. В пролетариате, в его революционной борьбе она, как и вся передовая, демократическая студенческая и учащаяся молодежь России, увидит силу, способную возглавить борьбу с царизмом и свергнуть буржуазно-помещичий строй.

А пока в Батуме Вера Воронова была в числе тех молодых социал-демократов, кто распространял марксистские идеи среди рабочих. Она пыталась вести пропаганду и на своих уроках в воскресной школе для рабочих, где работала короткое время. Но делала это робко, неумело; не хватало опыта, решительности и, главное, революционной закалки. Все еще было впереди. Третья из Вороновых второго поколения шла в революцию.

Людмила Воронова

Людмила была самой младшей в семье и вобрала в себя все лучшее, что дали ей отец, мать, брат и сестры. Она была подвижна, любознательна и целенаправленна. Юрий прозвал ее за веселый и энергичный нрав Дроздиком. Учеба в женском учебном заведении св. Нины в Кутаисе давалась ей легко. Людмила много внимания уделяла своему самообразованию, формированию широкого взгляда на жизнь.

В семейном архиве в «Ясочке» сохранилась «Записная книжка» Л.Н. Вороновой за 1894—1899 годы. Гимназические записи вместе с дневниковыми записями и письмами за эти годы дают целостное представление о складывании социально-психологического облика передовой девушки, через несколько лет ставшей большевиком-ленинцем, революционером[140].

Стихи Н.А. Некрасова из «Записной книжки» за 1894 год:

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:
Необузданную, дикую
К лютой подлости вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

Из «Записной книжки» за 1894 год: «В чем же заключается жизнь? Что за цели ее и где ее смысл? В труде ли, в любви, в науке? Кажется мне, что все заключается в любви, (но) не к одному человеку, а ко всем вместе, ко всему человечеству, к родине. Для любви этой (нужны) и труд и наука. Без знания не может быть любви, без труда не может быть применения любви.... в живой жизни».

В эти годы Людмила увлекается изучением отечественной и зарубежной истории, читает труды и учебники А.С. Трачевского, публицистические статьи Д.И. Писарева, Н.В. Шелгунова. Пытается дать самостоятельную оценку прочитанному.

19 декабря 1895 года Людмила из «Ясочки» пишет Вере в Кутаис:

«...Вечера проводим в разговорах, спорах, чтениях вслух; читаем сочинения Д.И. Писарева (Юрий привез)... Сочинения Писарева разрешили читать лишь в прошлом году, нужно приобрести (следующие тома), а то запретят опять».

8 января 1896 года Людмила — Вере в Кутаис:

«...Жизнь не шутка и не наслаждение, а труд, пересыпанный страданиями... Читаем Писарева. Вот пишет! Музыка, да и только...».

А вот характерные строки в письме Людмилы от 18 ноября 1896 года, направленном Вере в Екатеринослав; они свидетельствуют о самом тщательном изучении истории России, ее наиболее революционных и героических страниц:

«...В «Русской старине» нашла записки Михаила Бестужева — одного из... зачинщиков декабрьского бунта (1825 года)... Что за ужасная их (декабристов) была жизнь... Женщинам (-декабристкам) не позволяли жить в деревне, и они должны были помещаться в каземате вместе со всеми (декабристами); вокруг них собирались кружки, и они скрашивали жизнь заключенным... А какие все головы! Не там бы им сложить их! Я решила еще порыться в «Русской старине»».

Людмила Воронова изучала движение дворян-декабристов, борьбу революционеров-шестидесятников, политическую экономию К. Маркса, русскую классическую литературу. На следующий же день после того, как она отослала письмо Вере, Людмила записала в своем дневнике:

«Я не удовлетворяюсь настоящей жизнью и захотела найти удовлетворение в знании. Я набросилась на книги, но не на романы, как прежде, а на серьезные статьи. Я жаждала знания и без разбора читала все, что попадалось на глаза. Тут были и биографии, и критика, и философские рассуждения… Но когда я разобралась, то поняла — это все ненастоящее знание… Если я хочу познакомиться с теорией К. Маркса, то должна знать и всю политическую экономию; чтобы понять обзор современной литературы, я должна знать всю прошлую».

А через неделю, 26 ноября 1896 года, Людмила вновь писала Вере в Екатеринослав:

«Эх! Русь, Русь-матушка! Искры Прометеевой нет, нет ветерка, чтобы раздул эту искру в полымя и очищающим пожаром по всем лесам и долам всколыхнул, взволновал все «болото стоячее». Ведь есть же у нас люди, есть и у нас головы… А ведь когда-нибудь да всколыхнется все».

В строках письма звучит явное ожидание революции. Эти строки написаны ровно за день до того, как Людмиле Вороновой исполнилось семнадцать лет.

Людмила не только увлекалась изучением теории революционного марксизма, чтением многочисленных книг по русской, грузинской истории и литературе. По натуре она была человеком действия, человеком практики, и она попыталась применить свои теоретические знания в жизни. В конце 1897 — начале 1898 года под ее руководством в стенах Кутаисского женского учебного заведения св. Нины организуется революционный кружок гимназисток-старшеклассниц. Первоначально в кружок входили только три подруги; они шутливо называли себя: «Людмила Истребляющая и Изгоняющая», «Вера Ассимилирующая и Уравнивающая», «Анастасия Всеобщая — Россействующая»[141]. Несколько позднее кружок расширил свой состав до шести-семи человек.

4 июня 1898 года Людмила Воронова записала, что три подруги по гимназии «составили нерушимый союз в том, что учредят государство единое на началах свободы, равенства, братства, всеобщего мира и благоденствия» и что они взорвут царское самодержавие «посредством адской машины» и революции. Таким образом, в идейных взглядах участниц кружка своеобразно переплетались народничество и марксизм. Члены кружка изучали труды К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова, разбирали произведения А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, Н.В. Шелгунова.

18 февраля 1899 года Людмила из Кутаиса пишет Вере в Батум:

«…Оля (О.Н. Воронова. — И.Л.) прислала мне в подарок сочинения (Н.В.) Шелгунова. Для Кутаиса это библиографическая редкость, и те, которым я даю, читают с увлечением. Сама я с трудом отрываюсь от него… он будит мысль… Шелгунов — это тип настоящего шестидесятника, в котором, как в зеркале, отразилась эта эпоха».

Переписка Людмилы, ее дневниковые записи, как и письма Юрия и Веры Вороновых, свидетельствуют о том, что передовая студенческая и учащаяся молодежь России на рубеже конца XIX и начала XX века усиленно овладевала и идеями русской революционной демократии, и идеями революционного марксизма, считая, что и то и другое есть порождение российской действительности, лучших умов ее. Страна стояла на пороге буржуазно-демократической революции, а ее вступление в эпоху империализма ускорило вызревание предпосылок как демократической, так и социалистической революций. Этот процесс находил своеобразное отражение в сознании, умах российской демократической и пролетарской молодежи, в ее идейно-революционном обогащении марксизмом и революционным демократизмом. Однако в конце прошлого столетия марксизм — идеология передового рабочего класса — взял верх в мировоззрении революционной молодежи. «…Это учение, — указывал В.И. Ленин, — не только было уже вполне сложившейся программой группы «Освобождение труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России»[142].

Людмила активно переписывается с Верой, Юрием, матерью. Эти письма носят более всего общественно-политический характер и менее всего интимно-семейный. Так, например, в письме к Людмиле в Кутаис от 20 июня 1898 года Юрий, находившийся в то время в селении Сан-Михель (Австро-Венгрия), рассуждает о монархическом и республиканском строе, выказывая себя последовательным республиканцем:

«…В Италии алчная свора католических ксендзов и монахов и фальшивость государственного строя. Конституционализм в Италии, равно как в Германии и Австрии, есть фальшивейшее лицемерие, какое себе можно представить; рядом с ними, впрочем, можно поставить и Францию, эту монархию с вакантным троном. Конституция в таком виде есть не что иное, как замаскированный монархизм, политический строй, лишенный всякой логики; логичен только монархизм или свободная республика, конституция же стоит в открытом противоречии с собою: с одной стороны, монарх, то есть верховное право одного лица распоряжаться своим народом и печтись о его благе, с другой стороны, народное представительство, то есть право самого народа распоряжаться собою и заботиться о себе. Одно исключает другое, одно противоречит другому. Что теперь делается с народным представительством в Италии? Представители народа сидят по тюрьмам, а в парламенте заседают представители монархизма. Народ голодает, бедствует; разве в таких условиях возможен прогресс нации? А жаль, итальянцы — народ способный, даровитый; они это доказали и в искусствах, и в науках, и в литературе».

Волнения учащейся молодежи Кутаиса

Внимание Людмилы и Веры приковано к студенческим волнениям. 27 февраля 1899 года Людмила из Кутаиса — Вере в Батум:

«...Слышала ли ты о беспорядках в университетах (Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Юрьева. — И.Л.)? Дело, кажется, выходящее из ряда вон по своей обширности. При нас этого еще не было, чтобы университеты так единодушно действовали и влияли так сильно на все учебные заведения... Меня удивило то участие, которое принимают наши гимназистки в студенческих делах... Я не ожидала такого горячего сочувствия и внимания... И мы бунтовали (против директрисы гимназии, — И.Л.), и бунт этот принес ощутительную пользу».

Людмиле Вороновой шел двадцатый год, она уже училась в восьмом, дополнительном классе гимназии с целью получения звания «домашней наставницы» с правом преподавания русского языка, математики и истории. Это она и ее революционный кружок были запевалами в организации двухдневных выступлений в феврале 1899 года против бездушно-бюрократических распорядков гимназии, против насаждения директрисой подхалимства и шпионажа, за внимательное, товарищеское отношение к учащимся со стороны дам-наставниц. Целый ряд требований был удовлетворен.

Действия Людмилы Вороновой и ее подруг по кружку были поддержаны молодой преподавательницей Ниной Прокофьевной Смольняковой. Несколько лет назад она закончила Кутаисское женское учебное заведение св. Нины. Смольнякова была очень начитана, знакома с марксизмом. Она была человеком демократических убеждений, кроме того, обладала твердым характером. Поэтому неудивительно, что молодая преподавательница встала на сторону гимназисток-бунтарок. Она хорошо была знакома с семьями В.К. и А.А. Маяковских, А.К., О.Н. и Л.Н. Вороновых, П.В. и Ю.Ф. Глушковских, готовила юного Володю Маяковского к занятиям в гимназии. Пройдет год-два, и Смольнякова примкнет к ленинско-искровской, а затем и большевистской организации Кутаиса, станет активной участницей революционного движения. В 1904 году эта мужественная женщина станет женой и верным другом выдающегося грузинского большевика-ленинца Филиппа Иесеевича Махарадзе. Позднее Людмила Николаевна вспоминала: «Нина Смольнякова была нашей старшей подругой. Умная, добрая, кристально честная, прекрасно знающая русскую и грузинскую историю и литературу, она оказывала на нас, гимназисток, облагораживающее влияние. Позднее, она, как и я, вся ушла в марксизм и в революцию»[143].

Организация беспорядков в гимназии не прошла бесследно для Людмилы Вороновой. Гимназическое руководство снизило ей оценки. Общий курс Кутаисской гимназии она закончила с золотой медалью, а дополнительный восьмой класс (на звание «домашней наставницы») лишь с «удовлетворительными успехами».

Центром гимназических волнений в Кутаисе стала мужская классическая гимназия. В середине 90-х годов пропаганду идей марксизма среди кутаисских рабочих и учащейся молодежи вел молодой учитель этой гимназии и частного пансионата Михаил (Миха) Григорьевич Цхакая, ставший впоследствии выдающимся революционером-ленинцем. Он познакомил революционно настроенную молодежь с «Манифестом Коммунистической партии», другими трудами К. Маркса и Ф. Энгельса, с произведениями Г.В. Плеханова, В.И. Ленина. Среди учеников Михи были Александр Цулукидзе (позже известный грузинский марксист), Шалва Элиава, Мамия Орахелашвили, Ной Буачидзе, позднее Серго и Петре Кавтарадзе. Рефераты и выступления Цхакая в марксистских кружках Кутаиса слушали и Вороновы — Вера и Людмила. Тогда же Людмила Воронова познакомилась с Шалвой Элиава и Мамией Орахелашвили. Впоследствии она вспоминала: «Шалва и Мамия были гордостью Кутаисской мужской гимназии. Они были честными и мужественными юношами. Революционный марксизм их еще более внутренне обогатил, вскоре они стали рыцарями революции»[144].

Участие в гимназических волнениях, в марксистских кружках оказало благотворное влияние на формирование личности Людмилы Вороновой.

Перед нами толстая тетрадь в плотном картонном переплете с темно-зелеными разводами. Это личный дневник Людмилы Вороновой с записями за 1896—1900 годы. Мысли и чувства молодой девушки, нашедшие отражение в дневнике, подтверждают, что в тот период, когда рабочий класс во главе с В.И. Лениным, с революционной социал-демократией выходил на арену широкой политической борьбы, эта борьба впитывала в себя все честное и мужественное, что имела многострадальная Россия.

Из записи от 22 марта 1899 года:

«...Я чувствую снова и силы, и борьбу, и муки, и счастье... Да, гибнут силы и молодость. Много гибнет их теперь, но не даром. Я знаю, что они отстаивают там правое дело. Там (то есть в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Харькове. — И.Л.) идет борьба Давида с Голиафом. Кто же победит? Но сколько счастья дает сознание того, что там борьба, что все светлое и хорошее стало, как один человек, за общее дело. Главное, как один человек».

Учебу и жизнь Людмилы в Кутаисе осложняли серьезные материальные трудности. Она систематически занималась репетиторством для заработка. Частенько приходилось брать деньги в долг.

Некоторое время Людмила жила в семье Юлии Феликсовны Глушковской, через нее познакомилась с семьей В.К. и А.А. Маяковских. В доме Ю.Ф. Глушковской часто бывали интересные люди, среди них и революционные студенты, высланные из петербургских и московских институтов.

29 декабря 1897 года Людмила из Кутаиса пишет Вере в Батум:

«…Я познакомилась у Юлии Феликсовны (Глушковской) с одной бывшей курсисткой, которая теперь под надзором полиции…».

В мае 1900 года Людмила Воронова получила диплом домашней наставницы. Месяц она отдыхала в родной «Ясочке». Затем выехала в грузинский городок Самтреди, где ровно год работала учительницей в местной железнодорожной школе. Это был первый год самостоятельной трудовой жизни. Одна из записей в дневнике Л. Вороновой свидетельствует о том, что именно в это время она особенно глубоко осознала основное предназначение человека:

«Труд благородит человека, но труд не механический, а полный сознания своей полезности. Без труда не может быть ни удовлетворения, ни счастья. Только труд дает цену и смысл жизни. Только с того дня, как я стала трудиться и приносить этим трудом прямую пользу окружающим, только тогда я почувствовала удовлетворение и внутреннюю полноту. И чем больше я тружусь, тем больше дает мне счастье труд».

В конце августа 1901 года скорый поезд увозил Людмилу Николаевну в далекий Петербург. Она ехала туда, чтобы учиться. Сложившиеся у нее к тому времени взгляды на жизнь, идейные убеждения вели ее в ряды революционного студенчества и пролетариата. Четвертая из второго поколения Вороновых шла в революцию.

Итак, мы убедились в том, что бурный рост общественного, национально-освободительного движения народов России и, прежде всего, революционного рабочего движения, широкое распространение марксизма в конце XIX — начале XX столетия, знакомство с революционно-демократической и марксистской литературой оказали непосредственное влияние на формирование мировоззрения и характеров второго поколения Вороновых. Главным из этих факторов явилось то, что Юрий, Вера и Людмила Вороновы близко познакомились с положением, настроениями и борьбой рабочего класса (Екатеринослав, Батум, Кутаис в России, Марсель и Монпелье во Франции). Именно в революционной борьбе пролетариата Вороновы, как и десятки и сотни других честных представителей демократической интеллигенции, увидели ту решающую силу, которая смогла бы сокрушить царское самодержавие и помещичье-капиталистический гнет в России.

Теперь уже не в крестьянстве и не в сельской общине, не в «хождении в народ» и не в индивидуальном терроре, не в народническом просветительстве видела лучшая часть российской интеллигенции пути и методы борьбы с царизмом, борьбы за свободу и счастье народа, а только в массовом рабочем движении, в распространении идей марксизма среди трудящихся. Процесс перехода от народническо-разночинской революционности к пролетарской революционности был сложным и затяжным. В определенной мере эта эволюция была характерна и для Вороновых, но, видимо, жизненный пример и деятельность отца, его друзей помогли им быстрее преодолеть ошибки и заблуждения революционеров народническо-разночинского периода. А это и предопределило безболезненный переход Людмилы, Веры, Юрия с позиций революционного демократизма на сторону марксизма и пролетариата.

Пройдет два десятилетия, и В.И. Ленин, обобщая героический путь борьбы российских революционеров за передовую теорию и практику, напишет в известной книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»:

«В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»[145].

Правильность и глубина ленинских слов применима не только к отдельным классам и партиям, группам и отдельным революционерам, но и к таким семейным «гнездам» революционеров, как два поколения Вороновых.

…На пороге стоял XX век с его революционными бурями и потрясениями, век Великого Октября.

Примечания

1. Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (далее: ЦГАОР СССР), ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 236, ч. 117, л. 1.

2. ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 117, л. 5, 5 об., 11, 11 об.

3. Центральный государственный исторический архив СССР (далее: ЦГИА СССР), ф. 733, оп. 50, 1846 г., д. 434 — «О назначении бывшему штатному смотрителю Валковского уездного училища (И.И.) Воронову пенсии в отставке», л. 1—13.

4. Украинский вестник, 1817, кн. 6, с. 280—281.

5. См.: Краткий очерк истории Харьковского университета первые сто лет его существования (1805—1905 гг.). Харьков, 1906, с. 165—166.

6. Многие подробности из жизни преподавателей и студентов Харьковского университета приведены в воспоминаниях известного филолога и публициста конца XIX — начала XX столетия Петра Вейнберга (см.: Русское богатство, 1905, № 2, с. 245, 256—257).

7. ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 50, 1849 г., д. 560 — «Об исключении из Харьковского университета казеннокоштного студента Ф. Козлова за ослушание против начальства», л. 2.

8. См.: Отчет о состоянии императорского Харьковского университета за 1850/51 академический год. Харьков, 1851, с. 6—7.

9. Русское богатство, 1905, № 2, с. 248.

10. ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 50, 1850 г., д. 611, л. 2, 2 об., 5—11.

11. Личный архив Вороновых (далее: ЛАВ). В основу настоящей книги легли письма, дневники, записные книжки, блокноты, документы, фотографии семьи Вороновых. Во многих местах книги автор прямо в тексте называет использованные документы из личного архива Вороновых. Поэтому в ряде случаев подстрочные ссылки на источник не даются; не делаются ссылки на архив Вороновых в отдельных случаях и тогда, когда по характеру используемого материала легко определить его источник.

12. Ставрополь-Кавказский — с 1847 года центр Ставропольской губернии, входившей в Кавказское наместничество.

13. В формировании мировоззрения и характера Н.И. Воронова немалую роль сыграли демократические традиции Ставрополя-Кавказского. Глубокий след в истории общественно-политической жизни города оставили декабристы. В разное время здесь служили и бывали офицеры-декабристы А.И. Якубович, В.К. Кюхельбекер, А.А. Бестужев-Марлинский, А.И. Одоевский, Н.И. Лорер и другие. Служили здесь А.С. Грибоедов и сосланный на Кавказ поэт М.Ю. Лермонтов (см.: Шацкий П.А., Муравьев В.Н. Ставрополь, Исторический очерк. Ставрополь, 1977, с. 22—25).

14. Ставропольский краевой государственный, ф. 15, оп. 2, д. 1481.

15. Этот факт сообщил автору книги ставропольский краевед М.С. Коршунов.

16. В то время учителя, как и все, кто состоял на государственной службе, имели не только должность, но и чин.

17. Герцен А.И. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1957, т. 12, с. 269.

18. См.: Одесский вестник, 1858, 14 июня, с. 305.

19. См.: Одесский вестник, 1858, 4 октября, с. 615.

20. См. там же.

21. Одесский вестник, 1858, 20 мая, с. 254—255; Одесский вестник, 1858, 4 октября, с. 615—616.

22. ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53.

23. ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 145 об.

24. Там же, л. 152 об.

25. ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 142—142 об.

26. Краснодарский краевой государственный архив (дале ККГА), ф. 470, оп. 2, ч. 1, д. 215а, л. 2,2 об.; д. 206, л. 1, 6, 7—10; д. 194, л. 1—9; ф. 427, оп. 1, д. 228, л. 1,1 об.; см. также: В. И. Недосекин. Кубанский корреспондент Герцена. — Советская Кубань, 1977, 3 февраля.

27. ККГА, ф. 427, оп. 1, д. 228, л. 1, 1 об.

28. ККГА, ф. 470, оп. 2, ч.1, д. 215а, л. 2, 2 об.

29. ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 163 об.

30. Там же, л. 164.

31. ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 536—537.

32. ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 159, 159 об.

33. Научному анализу этих проблем посвящена коллективная монография под редакцией академика М.В. Нечкиной «Революционная ситуация в России в середине XIX века». М., 1950.

34. См.: Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1950, т. 7, с. 517—524.

35. Граф Евдокимов — генерал-губернатор Ставропольской губернии.

36. Колокол. М., 1962, вып. 4, с. 859.

37. См.: Кузнецов Феликс. Публицисты 1860-х годов. Круг «Русского слова». М., 1969, с. 76—77.

38. См.: Линков Я.И. Революционная борьба А.И. Герцена и Н.П. Огарева и тайное общество «Земля и воля» 1860-х годов. М., 1964, с. 151—198, 199—273.

39. Литературное наследство, т. 61. Герцен и Огарев. М., 1953, т. 1, с. 460, 501.

40. Там же, с. 510.

41. См.: Кузнецов Феликс. Публицисты 1860-х годов. Круг «Русского слова». М., 1969, с. 37—45, 65—67.

42. Русское слово, 1861, т. 11, раздел 1, с. 20.

43. ККГА, ф. 470, оп. 2, ч. 1, 1860 г., д. 2067 — Дело об увольнении по болезни вовсе от службы учителя русского языка Кубанской войсковой гимназии Шаимова Ахмета и испрошении ему пенсии», л. 1—5, 7—10, 13—16 об.; Недосекин В.И. Ценное открытие. — По заветам Ленина (многотиражная газета Кубанского университета), 1977, 3 марта.

44. Цит. по: Лемке Мих. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». Спб., 1908, с 80.

45. ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 46 об. — 48.

46. ЦГАОР ССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 230, ч. 117, л. 2.

47. Цит. по: Кузнецов Феликс. Публицисты 1860-х годов. Круг «Русского слова», с. 77—78.

48. ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 117, л. 2.

49. См.: Пини О.А. Чернышевский в Петербурге. Л., 1978, с. 189—191.

50. ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 76, л. 84 об.

51. ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 50, 50 об.

52. Там же, л. 50 об.

53. ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 50—51 об.

54. Там же, л. 51; ЛАВ.

55. ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 51, 51 об.

56. Лемке Мих. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», с. 77—78.

57. Лемке Мих. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», с. 80—81.

58. Там же, с. 81.

59. См.: Лемке Мих. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», с. 80—81.

60. Там же, с. 80—81.

61. Другой связной Герцена — П.А. Ветошников должен был провезти 1200 экземпляров листов «Колокола» из Лондона в Петербург в конце июня—начале июля 1862 года. — ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 61, 1863 г., д. 6391б, л. 125 об.

62. ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 51, об.; Лемке Мих. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», с. 81.

63. См.: Даронян С. Микаэл Налбандян и русские революционные демократы. М., 1967, с. 147—148, 161—162; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 61, 1863 г., д. 6391б, л. 262—267.

64. Герцен А.И. Собр. соч. В 30-ти т., т. 27, кн. 1, с. 243.

65. См.: Джибладзе Г. Илья Чавчавадзе. — Литературная Грузия, 1977, № 7, с. 68—69.

66. См.: Николадзе Н. Воспоминания о шестидесятых годах. — Каторга и ссылка, 1927, т. 4 (33), с. 32—34, 37—51.

67. См.: Николадзе Н. Воспоминания о шестидесятых годах. — Каторга и ссылка, 1927, т. 4 (33), с. 33—34; Даронян С. Микаэл Налбандян и русские революционные демократы, с. 135—139.

68. Упомянутая книга — социально-политический трактат М.Л. Налбандяна, посвященный экономическому положению крестьянства после отмены крепостного права, защите его аграрных интересов, задачам революционной борьбы против самодержавия.

69. ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1, 1862 г., д. 230, ч. 76, л. 84, 84 об.

70. ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 60, л. 24—25; Озеров Г.В. Н.А. де Траверсе — корреспондент «Колокола» и распространитель лондонских изданий Герцена. М., 1963, с. 479—481.

71. ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862г., д. 230, ч. 69, л. 3.

72. Там же, ч. 60, л. 24 об., 25.

73. См.: Розенблюм Н.Г. Г.Г. Перетц — агент III отделения. — Сб. Литературное наследство. Революционные демократы. Новые материалы. М., 1959, т. 67, с. 685—687.

74. Герцен А.И. Собр. соч. В 30-ти т., т. 27, кн. 1, с. 251.

75. ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 117, л. 1, 2.

76. ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 46 об.

77. ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 46 об., 49.

78. Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1954, т. 2, с. 463; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 61, 1863 г., д. 6391б, л. 122 об.

79. См.: Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1978, с. 279—280.

80. ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 76, ч. 69, ч. 55, ч. 60, ч. 117; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 61, 1863 г., д. 6391б.

81. См.: Революционная ситуация в России в середине XIX века, с. 279—281.

82. ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 61, 1863 г., д. 6391б, л. 120—124 об.

83. ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 117, л. 4, 6, 6 об., 10.

84. ЦГАОР СССР, ф. 112. оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 46, 46 об., 48—49, 50—51.

85 . Там же, л. 51 об., 26, 26 об., 28, 31—33.

86. ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1862 г., д. 53, л. 530, 530 об., 533, 533 об., 534.

87. ЦГИА СССР, ф. 1280, оп. 5, 1862 г., д. 104, л. 150, 151, 157, 166, 193, 209.

88. ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 76, л. 38—39, 40; д. 230, ч. 60, л. 20—23; ЦГИА СССР, ф. 1280, оп. 5, 1862 г., д. 104, л. 140, 151, 153, 157, 193 и др.

89. ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 61, 1863 г., д. 6391б, л. 336, 336 об.

90. Герцен А.И. Собр. соч. В 30-ти т., т. 27, кн. 1, с. 371.

91. Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения, т. 2, с. 490—491.

92. ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 5, 1862 г., д. 230, ч. 117, л. 21.

93. См.: Николадзе Н. Воспоминания о шестидесятых годах. — Каторга и ссылка, 1927, т. 4 (33), с. 33.

94. ЛАВ. Записи Л. Н. Вороновой в 20—30-е годы. Исследователи С.К. Даронян и Г.Д. Джавахишвили считают, что автором статьи «Из Грузии» мог быть грузинский демократ Нико Николадзе, тогда студент Петербургского университета. В подтверждение своего вывода С. Даронян не приводит никаких доказательств (см.: Даронян С. Микаэл Налбандян и русские революционные демократы, с. 166). Г. Джавахишвили считает, что статья «Из Грузии» содержит ряд «текстуальных совпадений» с другой статьей Николадзе — «Июньские дни в Тифлисе» в 204-м номере «Колокола» за 1805 год (см.: Нико Николадзе и русская журналистика. Тбилиси, 1978, с. 28-29). По нашему мнению, ряд деталей не подтверждает авторство Николадзе. Анализ текста статьи «Из Грузии» показывает, что она написана русским по национальности. В статье имеются слова: «Но истым русским патриотам, желающим, чтобы Россия приостановилась до времени дальнейшим распространением своих границ, никогда, разумеется, не приходило в голову добровольно отказываться от закавказских провинций, которые сами еще ничего не заявляли об этом», — так в то время не мог написать ни грузинский, ни армянский демократ. Кроме того, если бы автором этой статьи был Н. Николадзе, вряд ли он обошел бы молчанием данный факт в своих мемуарах, посвященных событиям 1861—1862 годов (см.: Каторга и ссылка, 1927, № 4 (33), 5(34). Да и Г. Джавахишвили со ссылкой на дневник воспоминаний Н. Николадзе, который вела его дочь Р.Н. Николадзе-Полиевктова, признает, что А.И. Герцена впервые заинтересовали статьи Н. Николадзе о наделении польских крестьян землей, напечатанные в июле 1864 года в газете «Народное богатство», после чего состоялось их личное знакомство. Во время наших неоднократных встреч с Р.Н. Николадзе-Полиевктовой в Тбилиси (декабрь 1972 года) она не подтвердила, что ее отец является автором статьи «Из Грузии».

95. Колокол. М., 1964, вып. 5, с. 1199.

96. Там же, с. 1200.

97. Там же.

98. См.: Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М., 1975, с. 231.

99. Эпоха. 1864. сентябрь, т. 9, с. 1—15.

100. Колокол, вып. 5., с. 12.

101. Эпоха, 1864, ноябрь, т. 11, с. 1—3.

102. См. там же, с. 15—22.

103. См.: Эпоха, 1864, декабрь, т. 12, с. 32, 36—37, 30—31.

104. Там же, с. 35.

105. См.: Русский библиографический словарь (Смеловский — Суворина). Спб., 1909, с. 353, 354.

106. См.: Маглакелидзе С.В. Владимир Александрович Старосельский. Документы и материалы. Тбилиси, 1969, с. 6—7.

107. См.: История Дагестана. М., 1968, т. 2, с. 331—332.

108. Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис, 1886—1888, т. 9, № 2.

109. ЛАВ. Служебный аттестат Н.И. Воронова от 12 декабря 1877 года; Кавказ, 1875, 16 мая.

110. В рамках данной книги нет возможности более подробно осветить научный вклад Воронова в различные отрасли кавказоведения. Имя Воронова советской науке неизвестно, его труды никем и никогда не изучались. Между тем число опубликованных им работ довольно велико (не менее двухсот). Своими публицистическими очерками и научными трудами и области кавказской этнографии, географии, лингвистики он был хорошо известен в 50—70-е годы XIX века целому ряду выдающихся российских революционных, общественных и научных деятелей. Крупнейший русский биолог И.И. Мечников в статье «Борьба за существование в обширном смысле», помещенной в 1878 году в журнале «Вестник Европы», использовал этнографические и статистические данные Воронова о росте народонаселения на Кавказе.

111. Тифлисский вестник, 1875, 6 марта.

112. ЛАВ. Л.Н. Воронова. Краткая биография Н.И. Воронова. Рукопись, с. 8.

113. Центральный государственный архив Грузинской ССР (далее: ЦГИА Груз. ССР), ф. 7, оп. 4, 1876 г., д. 879, л. 7—21.

114. Кавказ, 1877, 25 января.

115. Кавказ, 1877, 25 января.

116. См.: Кавказ, 1877, 26 января.

117. В 1876 году турецкие войска учинили кровавую расправу над болгарским населением: свыше 30 тысяч человек были убиты, десятки сел и городов сожжены.

118. Кавказ, 1877, 26 января.

119. А.В. Долгушин — революционер-народник, руководитель кружка передовой молодежи в начале 70-х годов. С.Г. Нечаев — сподвижник М.А. Бакунина, революционер-анархист, погиб в Петропавловской крепости.

120. Кавказ, 1878, 5 января.

121. Там же.

122. ЛАВ. Воспоминания А.К. Вороновой (запись 80-х годов).

123. Выявить автора статьи «Письма об Абхазии» А.Н. Введенского (под статьей вместо его фамилии стояла буква «А») помог член-корреспондент Академии наук Г.А. Дзидзария, за что автор приносит ему свою благодарность.

124. Кавказ, 1877, 1 ноября.

125. ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, оп. 1, д. 6824, л. 12, 13.

126. ЛАВ. Письмо Л.Н. Вороновой Ю.Н. Воронову (младшему), 1963 год, копия, с. 11—13.

127. Гулиа Д. История Абхазии. Тифлии, 1925, т. 1, с. 1.

128. 2 апреля 1879 года народоволец А. Соловьев совершил неудачное покушение на Александра II, был схвачен и казнен.

129. А.С. Трачевский скончался в июле 1906 года в Петербурге, вскоре после того как была опубликована его последняя работа «Крестьянская война в Германии и Мюнстерская коммуна».

130. Е.Г. Вейденбаум — чиновник Кавказского наместничества, ученый и журналист.

131. Е.А. Нарбут — учитель французского языка Кутаисской гимназии, бывший сотрудник газеты «Кавказ». Ю.Ф. Глушковская — жена ветеринарного врача, домашняя учительница.

132. ЛАВ. Прошение О.Н. Вороновой от 16 ноября 1896 года.

133. ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 203, 1888 г., д. 2795, л. 3 об., 4.

134. Ю.Ф. Глушковская (1850—1919 гг.) всю свою жизнь поддерживала дружеские отношения с семьей Вороновых; ее сын Б.П. Глушковский закончил Петербургский университет, затем Технологический институт; в Петербурге поддерживал связь с большевичкой Л.Н. Вороновой, участвовал в революционном движении, умер в 1916 году.

135. См.: Семья Маяковского в письмах. Переписка 1892—1906 гг. М., 1978, с. 17—18, 406.

136. Так, благодаря нескольким пожелтевшим листкам из переписки Вороновых—Глушковских почти вековой давности, нам удалось узнать еще одну непрочитанную и неизученную страницу жизни будущего великого пролетарского поэта, трибуна революции В.В. Маяковского, его семьи, его родителей.

137. ЦГИА Груз. ССР, ф. 153, оп. 1, д. 643, л. 3, 3 об.

138. ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 165, 1895 г., д. 1234, л. 32—33, 61—62.

139. См.: Чулок И.С. Очерки истории Батумской коммунистической организации (1890—1921 годы). Батуми, 1970, с. 12—16, 23—31.

140. ЛАВ. Дневник и письма Л.Н. Вороновой за 1895—1900 годы хранятся в «Ясочке» в специальной коллекции, собранной и систематизированной Ю.Н. Вороновым (младшим).

141. Фамилию Веры пока установить не удалось; Анастасия — по-видимому упоминающаяся на странице 87 «Записной книжки» Анастасия Елагина.

142. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 31.

143. ЛАВ. Воспоминания Л.Н. Вороновой (записи 50—60-х годов); Семья Маяковского в письмах. Переписка 1892—1906 гг., с. 411.

144. ЛАВ. Воспоминания Л.Н. Вороновой (записи 50—60-х годов).

145. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 7—8.

Текст и примечания печатаются по источнику:

Лейберов И.П. Цебельдинская находка. — М.: Издательство политической литературы, 1980. — С. 9—147.

М.С. Коршунов

Н.И. Воронов: педагог, журналист, кавказский этнограф

В конце августа 1854 года в Ставрополь приехал кандидат Харьковского университета Николай Воронов (1832—1888), назначенный младшим учителем латинского языка. В нашем городе он прослужил недолго, до конца марта 1856 года. Но эти полтора года стали временем становления выдающегося человека, талантливого педагога, наблюдательного и вдумчивого журналиста, одного из первых крупных кавказских этнографов.

Родился Воронов в 1832 году в уездном городе Валки Харьковской губернии в семье педагога. Его отец, Илья Иванович, долгое время был штатным смотрителем, заведующим местным уездным училищем. По своим взглядам он примыкал к просветителям. В журнале «Украинский вестник» за 1817 год Илья Иванович опубликовал интересную статью «О причинах различия умственных и нравственных способностей».

После окончания училища старшим сыном в родном городе отец определил его в Харьковскую гимназию. Воронов сохранил об этих годах самые мрачные воспоминания, которыми поделился позже в статье, опубликованной в столичном «Журнале для воспитания». Со школьной скамьи Николай Воронов перешел в аудитории Харьковского университета, став казеннокоштным студентом историко-филологического факультета. Время учебы в альма-матер, с 1849 по 1853 год, совпало с «мрачным семилетием». Однокашник Николая Ильича, впоследствии известный поэт-сатирик Петр Вейнберг, описал свою студенческую жизнь спустя много лет в статье в журнале «Русское богатство» за 1905 год. Особенно запомнился Воронову грозный визит Николая I. Осмотрев фронт студентов, самодержец приказал исключить из университета несколько десятков воспитанников: кого за усы и бакенбарды, кого за ненадлежащую форму одежды. Отчислили почти пятую часть студентов. Но и в этой атмосфере самодурства нашлись наставники, сеявшие «разумное, доброе, вечное». Глубокими знаниями, умением воспитывать в студентах любовь к науке, к знаниям выделялся Д.И. Каченовский, племянник известного московского историка, главы «скептической школы». Собирались юноши у молодого профессора Николая Трофимовича Костыря, где встречи превращались «в настоящие духовные праздники». Оба наставника примыкали к «западникам», а особенно симпатизировали они Тимофею Грановскому. Сам Воронов, по воспоминаниям его младшей дочери Людмилы, уже на университетской скамье зачитывался статьями В.Г. Белинского.

Получив диплом, Николай Ильич несколько месяцев искал место службы и, наконец, поступил учителем в Курское уездное училище с весьма незначительным окладом. В 1853 году начал действовать новый устав Кавказского учебного округа. Он предусматривал значительное увеличение объема преподавания латинского языка. Попечитель учебного округа барон А.П. Николаи попросил ректора Харьковского университета порекомендовать ему знающих выпускников. И в июне 1854 года Воронов получил назначение в Ставрополь. Переход из уездного училища в гимназию считался значительным повышением по службе. Увеличилось и жалованье. Учительствовал Воронов, видимо, вполне успешно. Людмила Воронова рассказывала о впечатлениях его учеников: уроки были интересными, яркими, доступными. Молодой педагог умел объединять вокруг себя своих воспитанников. Собирались юноши талантливые, говоря современным языком, нестандартно мыслящие, вырабатывавшие прогрессивное мировоззрение. Людмила Николаевна считала даже, что отец создавал везде, где служил, подпольные революционные организации, хотя тут не обошлось без некоторого преувеличения. Вскоре после приезда в Ставрополь, в октябре 1854 года, учителя латинского языка назначили еще на одну должность — воспитателя гимназического пансиона. Он получил возможность завязать широкие контакты с гимназистами.

Вероятно, вскоре Николай Ильич подружился со своим старшим коллегой, преподавателем латинского языка Евгением Нарбутом (1825—1894). Потомок древнего белорусско-литовского рода Евгений Антонович Нарбут окончил курс в Петербургском университете и служил в Ставропольской гимназии с января 1850 года. Он вел занятия не только со старшеклассниками, но и преподавал педагогику и дидактику специалистам: так назывались выпускники, которые учились еще полтора года после окончания гимназии и получали звание учителей уездных училищ. Часто собирались в гимназии любители литературы. Они обсуждали литературные новинки и сочинения однокашников. Юные прозаики и поэты подарили сборник своих опытов «Елка» директору гимназии Я.М. Неверову. Сейчас он хранится в отделе письменных источников Государственного исторического музея (далее ОПИ ГИМ). Весной 1855 года заболел младший учитель русского языка Иван Трифонович Хламов, а затем попросил перевести его в Дербент. Замещать больного назначили Воронова. Второклассник Герман Лопатин с благодарностью вспоминал своего наставника спустя шестьдесят лет, хотя Николай Ильич вел уроки у него всего три месяца!

Летом в Кубанскую войсковую гимназию, в Екатеринодар (ныне Краснодар), «переместили» старшего преподавателя словесности Ф.Д. Илляшенко. На его место директор Неверов решил пригласить учителя Калужского училища Федора Юхотникова. Однако попечитель А.П. Николаи прочил в преподаватели Золотарева, поэтому перевод затягивался. Неверов указывал, что Юхотникова советует взять в гимназию

сам профессор Грановский, кроме того, будущий словесник уже разработал очень хорошую программу преподавания. Наконец попечитель согласился. Временно вести словесность назначили Воронова и Нарбута. Педагоги также готовили старшеклассников к конкурсу на лучшее сочинение. Воронов вскоре стал редактором пансионного журнала. Он сблизился и даже подружился с выпускником, причем земляком (харьковчанином) Александром Трачевским. Возможно, они были знакомы еще в Харькове.

Активно участвовал в выпуске пансионного сборника член редколлегии шестиклассник Семен Попов. Яркими литературными способностями выделялся пятигорчанин Петр Диков. В сборнике «Елка» он поместил дорожный «Дневник» поездки на летних каникулах из Ставрополя в Пятигорск, а также рассказы из казачьей жизни. В «Дневнике» Диков, пользуясь воспоминаниями родственников и соседей, рассказал о дуэли Лермонтова с Мартыновым. Близок был к этому кружку вольноприходящий ученик Владимир Демьяновский, сын интендантского чиновника.

Видимо, вскоре после назначения надзирателем гимназии Воронов начал обсуждать с пансионерами наиболее интересные произведения литературы. В очерке «Ставрополь», напечатанном в газете «Одесский вестник» в 1858 году, когда автор служил уже в Екатеринодаре, Воронов описывает ставропольский кружок книгочеев, явно указывая, что его члены были не офицеры и чиновники, а юные вольнодумцы, почти подростки. С жаром обсуждали они «страницы вдохновенного русского поэта». Воронов сравнивает гимназистский кружок с описанием кружка петербургских любителей литературы из сохранившихся глав второго тома «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. Не исключено, что гимназисты дискутировали именно о гоголевской поэме, ведь фрагменты второго тома были опубликованы Кулишем в 1855 году. Воронов видел, что обстановка в пансионе, руководство которым Неверов полностью доверил инспектору В.Д. Терзиеву, нелегкая. Последний присваивал себе деньги, предназначенные на покупку одежды и на питание пансионеров. Юноши долго молчали и терпели, но в конце концов написали жалобу директору. Она сохранилась в ОПИ ГИМ.

В середине октября 1855 года на юбилейный торжественный акт приехал сам попечитель барон А. Николаи. Накануне Нарбут подал Неверову рапорт, в котором пытался открыть глаза директору на положение дел в пансионе. К этому времени инспектор Терзиев «завел» целый отряд шпионов из воспитанников. А одного из них, двоечника Червинского, уговорил признаться, что именно Нарбут был подстрекателем «ябеднического доноса» пансионеров. Попечитель назначил ревизию бухгалтерии пансиона, но тут же исключил из него четырех воспитанников, в том числе Петра Дикова и Виктора Попова, оставив, правда, за ними право окончить курс наук. Сочинение Дикова на деликатную тему — показать несомненно земное происхождение религии Магомета — из-за резких оценок педсовета к чтению не допустили. Кроме того, Неверов нашел в нем признаки пантеизма. И хотя он сам в студенческую пору увлекался философией Шеллинга, а позже Гегеля, все же дал юноше разъяснение о неверном направлении его мировоззрения.

В конце декабря Неверов сообщил Николаи о явных признаках вольномыслия среди воспитанников гимназии. Нарбут был отстранен от должности еще в октябре и послан на службу в Армавир, тогда крохотный поселок недалеко от границы с закубанскими горцами, но тяжело заболел и слег. А мимо инспектора-казнокрада гроза прошла стороной. Чиновники контрольной палаты нашли «ошибки» Терзиева незначительными и уважительными. Инспектора, имеющего влиятельных родственников, оставили, а бухгалтера уволили. В конце декабря Воронов написал прошение об увольнении с должности надзирателя пансиона. До начала января 1856 года он замещал старшего учителя словесности; 28 декабря 1855 года на торжественном акте Воронов сделал доклад «О падении стихотворной формы в новейшей русской литературе». В нем явно отразились взгляды Белинского. С сокращениями доклад был напечатан в «Ставропольских губернских ведомостях».

В январе 1856 года гимназическое начальство начало допросы пансионеров. Выяснилось, что Нарбут проводил по ночам тайные беседы с гимназистами, особенно с выпускниками Виктором Поповым и Петром Диковым. Червинский сообщил, что Нарбут называл порядки в России деспотическими, а Диков декламировал атеистические стихи Беранже «Добрый бог». Неверов даже хотел обратиться к жандармам, но Николаи отсоветовал: «Ничего законно-положительного III Отделение не откроет, а на репутацию гимназии ляжет несмываемое пятно...» В феврале 1856 года попечитель отправил больного Нарбута в отставку с подозрением в неблагонадежности, а Воронова, видимо, защищавшего друга, перевели в Екатеринодар. Но дух вольнодумства в гимназии остался. На следующем юбилейном акте в октябре 1856 года Владимир Демьяновский прочитал сочинение о новгородской и псковской общинах, которые попечитель оценил как апофеоз демократии. Семен Попов, оценивая отражение эпохи Екатерины II в произведениях Державина и Фонвизина, диалектически подошел к «блестящему веку»: одописец показал лучшие стороны, а сатирик — мрак невежества провинциального дворянства. Попечитель назвал Семена Попова «маленьким Нарбутом...» Дальнейшая деятельность Воронова проходила за пределами Ставрополя, хотя он нередко посещал наш город.

Воспоминания Воронова о гимназии и ее учениках, некоторые из которых, например, Трачевский, стали его друзьями на всю жизнь, легли в основу очерка о Ставрополе. Он был опубликован в мае 1858 года в газете «Одесский вестник» в серии «Дорожные заметки на разных путях Южной России». В очерке подробно описывается степное Предкавказье: земля черноморских казаков, западная часть теперешнего

Краснодарского края и наше Ставрополье. Сел и станиц в 50-х годах прошлого века здесь насчитывалось тогда немного, а степи заполонили буйные травы, ковыли да полынь. Распахивалась небольшая их часть, остальное же пространство занимали пастбища, на которых скот пасся из-под копыта. Города в этих местах были очень маленькие. В Ставрополе тогда жило около 15 тысяч человек, и он состоял из нескольких улиц с деревянными домишками и мазанками. Воронов ратовал за быстрое развитие Северного Кавказа. «Дайте степи людность», — призывал он к ее свободному заселению, быстрому развитию промыслов, а затем промышленности и сельского хозяйства, к созданию сельских школ, прогрессу городов. Очерки наиболее полно знакомили читателей с тогда еще глухим и отдаленным «русским» Кавказом…

В 1860 году Воронов женился на ставропольчанке Флоре Гаврино. Молодая жена, увы, вскоре умерла.

После отставки в 1861 году Николай Ильич устанавливает тесные связи с журналом «Русское слово», а в феврале—мае выезжает за границу, посещает Лондон, встречается с Герценом и Огаревым. Однако по возвращении, в октябре, его арестовывают в Тифлисе и заключают в Петропавловскую крепость. Привлеченный к следствию по «делу о 32 лицах, обвиняемых в связи с лондонскими пропагандистами», Воронов сумел добиться оправдания, и весной 1863 года его освободили.

В конце шестидесятых годов Воронов стал сотрудником Кавказского горского управления в Тифлисе, где и начал выпуск «Сборника сведений о кавказских горцах», который сохранил до сих пор большую научную ценность. В 1876—1880 годах Николай Ильич редактировал самую крупную на Юге России газету «Кавказ». В 1880 году он вышел в отставку по болезни и в 1888 году умер.

Библиографический список

1. Воронов Н.И. Из Черноморского края // Русский вестник. — 1856. — Т. 6. — Кн. 1. — № 21 (Соврем. летопись). — С. 55—59.

В т.ч. о наружном виде казачьей станицы.

2. Воронов Н.И. Падение стихотворной формы в новейшей русской литературе // Ставроп. губ. ведомости. — 1856. — № 1. — С. 7.

Изложение речи Н. И. Воронова на годичном акте в Ставроп. гимназии.

3. Воронов Н.И. Дорожные заметки на разных путях Южной России // Одесский вестник. — 1858. — 18 марта, 20, 24 мая, 14 июня, 4 окт., 8—11 нояб.; Ставрополье. — 1991.— № 5. — С. 102—113.

Из содерж.: От Екатеринодара до Ставрополя; Ставрополь; Постоялый двор; Степи; Черноморская степь; Степная ярмарка. Ейск.

4. Воронов Н.И. От Екатеринодара до Ставрополя / Подгот. текста и публ. С. Белоконя // Юго-полис. — 1992. — № 1. — С. 44—47.

5 Воронов Н.И. Ставрополь: Очерк // Ставрополье. — 1979. — № 1. — С. 42—49.

6. Воронов Н.И. Постоялый двор / Подгот. текста и публ. С. Белоконя // Юго-полис. — 1993. — № 3. — С. 48—50.

7. Воронов Н.И. Степи / Подгот. текста и публ. С. Белоконя // Юго-полис. — 1993. — № 3. — С. 42—44.

8. Воронов Н.И. Из Тифлиса // Русский вестник. — 1860. — № 9—10.

9. Воронов Н.И. Плавание у восточных берегов Черного моря // Русское слово. — 1861. — Т. 11. — С. 1—23.

10. Воронов Н.И. Победа графа Евдокимова над саперным казачьим полком // Колокол. — 1861. — 1 июля; Колокол; Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Факс. изд. — М., 1962. — Вып. 4: — 1861. — Лондон. — С. 859.

О бездушном отношении властей к казакам-переселенцам.

11. Воронов И.И. Распятие казачьих бород // Колокол. — 1861. — 1 авг.; Колокол: Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Факс. изд. — М., 1962. — Вып. 4: 1861. Лондон. — С.876.

12. Воронов Н.И. Рассказы из жизни уездного городка // Русское слово. — 1861. — Т. 11. — С. 26—29.

13. Воронов Н.И. Долина Риона: (Из путевых воспоминаний): Очерк // Эпоха. — 1864. — Т. 11. — С. 1—22.

14. Воронов Н.И. Из очерков Западного Кавказа и Закавказья // Русь. — 1864. — 25 апр. — С. 214—215.

15. Воронов Н.И. Одна из настоятельных потребностей для многостороннего изучения России: [По поводу изд. «Географическо-статистическото словаря Российской империи» (Вып. 1—6. —СПб., 1862—1864)] // Эпоха. — 1864. — Т. 12. — С. 30—37.

Автор предлагает издать «Дорожную книгу» о всех районах и губерниях России, составе ее населения.

16. Воронов Н.И. По поводу сведений Риттера о Кавказе // Кавказ. — 1865. — № 98—100.

17. Воронов Н.И. Критико-биографический обзор географическо-статистического материала, накопившегося в газете «Кавказ» в 1863—1865 годах // Записки Кавказ. отдела Рус. геогр. о-ва. — Тифлис, 1866. — Кн. 7. — С. 1—78.

18. Воронов Н.И. О кавказских календарях за 1863, 1864, 1865, 1866 годы // Записки Кавказ, отдела Рус. геогр. о-ва. — Тифлис, 1866. — Кн. 7. — С. 78—97.

19. Воронов Н.И. Статистические данные о Терском казачьем войске // Кавказ. календарь на 1867 год. — Тифлис, 1866. — С. 320—376. — Отд. 3.

20. Воронов Н.И. Статистические этюды // Кавказ. — 1866. — № 73, 78, 79.

21. Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказ. горцах. — Тифлис, 1868. — Вып. 1. — С. 1—36. — 5 паг; — 1870. — Вып. 3. — С. 1—40. — 9 паг.

22. Воронов Н.И. Несколько слов об аварцах: [Предисл. к разделу «Народные сказания кавказских горцев» // Сборник сведений о кавказ. горцах. — Тифлис, 1869. — Вып. 2. — С. 1—8. — Отд. 5.

23. Воронов Н.И. Обзор деятельности статистических комитетов Кавказского наместничества с 1862 по 1867 г. // Сборник статистических сведений о Кавказе. — Тифлис, 1869. — Т. 1. — С. 1—12.

24. Воронов Н.И. Обзор статистических трудов на Кавказе в последнее 25-летие // Сборник статистических сведений о Кавказе. — Тифлис, 1869. — Т. 1. — С. 12—17.

25. Воронов Н.И. Предисловие: [К «Сборнику статистических сведений о Кавказе» (Т. 1. — Тифлис, 1869)] // Сборник статистических сведений о Кавказе. — Тифлис, 1869. — Т. 1. — С. 1—10. За «Сборник статистических сведений о Кавказе» (Тифлис, 1869) Н.И. Воронову была присуждена большая серебряная медаль Российского географического общества.

26. Воронов Н.И. По поводу исследований П.К. Услара о кюринском языке // Сборник сведений о кавказ. горцах. — Тифлис, 1872. — Вып. 6. — С. 25—32. — Отд. 3.

27. Воронов Н.И. Есть ли у нас идеалы? // Кавказ. — 1877. — № 9, 10, 12, 14.

28. Воронов Николай Ильич: [Биогр. справка] // Деятели революционного движения в России: Биобиблиогр. словарь. — М., 1928. — Т. 1. — Ч. 2. — С. 70. — Библиогр.: 7 назв.

29. Загурский Л.П. Николай Ильич Воронов: Некролог // Известия Кавказ, отдела Рус. геогр. о-ва. — Тифлис, 1886—1888. — Т. 9, № 2. — С. 494—497.

30. Проценко Ю.П. Н.И. Воронов: Некролог // Кавказ. — 1888. — № 301.

31. Краснов М.В. Историческая записка о Ставропольской гимназии, сост. М. Красновым: В 2 ч. — Ставрополь-Кавказский: Тип. губ. правления, 1887. — 253 с. + Прил.: Стат. сведения о сост. Ставроп. гимназии (за 1837—1887 гг.). — С. 1 54.

С. 150: [О Н.И. Воронове и сочинении «Падение стихотворной формы в новейшей русской литературе», которое он прочел на годичном акте в гимназии 28 декабря 1855 г.].

32. Лейберов И.П. Цебельдинская находка: Из истории рев. связей между Петербургом и Кавказом. — М.: Политиздат, 1976. — 224 с.: ил.

33. Лейберов И.П. Н.И. Воронов — один из первых революционных демократов на Ставрополье // Агитатор Ставрополья. — 1986. — № 2. — С. 22—27.

34. Лейберов И.П. «Ясочка» — почтовый ящик революции // Лит. Грузия. — 1976. — № 2. — С. 71—77; № 3. — С. 83—87; № 4. — С. 76–81.

35. Косвен М.О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. Ч. II // Кавказский этнографический сборник. — М., 1958. — Т. 2. — С. 140—274.

С. 238, 246: (О Н.И. Воронове, редакторе «Сборника сведений о кавказских горцах»).

36. Белоконь С.В. Дорожные заметки на разных путях Южной России: Об одном публицистическом цикле Н. И. Воронова // Юго-полис. — 1992. — № 1. — С. 43.

37. Белоконь С.В. Узник камеры номер четыре // Ставрополье. — 1979. — № 1. — С. 41.

38. Владимиров С. Шпага Искандера // Молодой ленинец. — 1978. — 21 марта. О Н.И. Воронове — авторе очерков «От Екатеринодара до Ставрополя».

39. Коршунов М. Воспитатели вольности // Ставроп. правда. — 1988. — 5 нояб.

О преподавателях Ставроп. гимназии Н.И. Воронове и Е.А. Нарбуте.

40. Коршунов М. За разгадкой старой тайны // Молодой ленинец. — 1986. — 26 февр.

О прогрессивном кружке в Ставроп. гимназии и его организаторах — преподавателях Н.И. Воронове и Е.А. Нарбуте.

41. Коршунов М. Иду к истокам // Молодой ленинец. — 1978. — 20 окт.

О Н.И. Воронове — преподавателе латинского языка в Ставроп. гимназии.

42. Коршунов М. Кружок вольнодумцев // Агитатор Ставрополья. — 1986. — № 15. — С. 29—31.

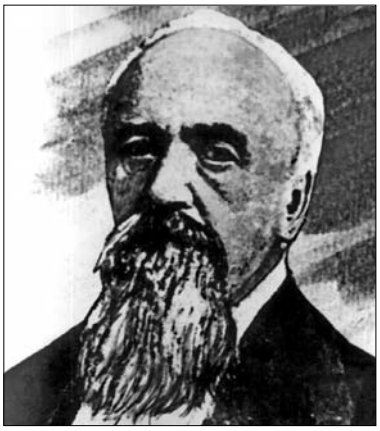
43. Коршунов М. Связной Герцена // Ставроп. правда. — 1984. — 7 окт.

О Н.И. Воронове, преподавателе Ставроп. гимназии (1854—1855 гг.).

44. Недосекин В. Кубанский корреспондент Герцена // Сов. Кубань. — 1977. — 3 февр.

Текст рукописи предоставлен автором.

И.В.Бентковский



СТАВРОПОЛЬ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ, ИСТОРИЧЕСКОМ, ТОПОГРАФИЧЕСКОМ И СТАТИСТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИЯХ*

Географическое положение

Ставрополь, губернский город Ставропольской губернии, лежит под 45°3' северной широты и 59°39' восточной долготы от острова Ферро. Местность города, к которой мы уже присмотрелись, не так сильно действует на нас, но на всякого заезжего гостя, не знакомого еще с богатствами и красотами Кавказского края, она может произвести довольно приятное впечатление. Раскидываясь живописно по горе и ее покатостям, Ставрополь представляет в настоящее время богатую картину и в этом отношении удовлетворяет требованиям вкуса не одного только простого наблюдателя, но даже требованиям самого разборчивого художника. В прежнее время, когда Ставрополь не пользовался еще известностью, некоторые путешественники и туристы присваивали ему название красивого города; но теперь, мы уверены, они совершенно не узнают его, если кто из них не видел Ставрополя с 1837 года. В течение последних 16 лет в нем возникло столько перемен и благодетельных учреждений, что невольно удивляешься быстроте, с какою Ставрополь строился, и как скоро успел перещеголять своею наружностью многие из наших губернских городов. Что споспешествовало успеху, быстрому распространению и украшению Ставрополя, мы скажем в своем месте, а теперь бросим беглый исторический взгляд вообще на его развитие со времени основания.

История города

Ставрополь не принадлежит к числу древних русских городов; в окрестностях его и в самом городе нет никаких развалин и памятников, которые свидетельствовали бы нам о его прежнем существовании; все сохранившееся о нем не восходит далее второй половины прошлого столетия; только названия некоторых родников и речек, как например: Ташла, Мамайка, дают нам знать, что местность, на которой он теперь расположен, принадлежала некогда тюркским племенам. Племена эти не имели прочного жилища и не оставили после себя воспоминания, потому что часто подвергались нападениям как со стороны своих соседей, так и других народов, стремившихся для своего успокоения на Кавказ. Но мы должны заметить здесь, что на Кавказе, до основания настоящего города, название Ставрополь встречалось еще в двух местах, именно: в Кумыкском владении и в Пятигорском уезде, близ Маджарских развалин.

В Кумыкском владении Ставрополем называлась целая область, заключавшая в себе, по словам Гербера, Эндери с небольшим участком владений Шамхала-Тарковского до устьев реки Койсу. Хотя названия этого теперь и не существует, но земля Ставрополь сохранилась в исторических актах. Сверх того, в 1722 году, во время похода Петра Великого чрез эту землю в Персию для удержания кумыков от разбоев и грабежей, на Сулаке, рукаве реки Койсу, построена была крепость и названа по имени страны также Ставрополем, или Крестовым Градом. Некоторые из путешественников и ученых, посвящавших

* В издании 1854 года (Тифлис) авторство не обозначено. По данным Н.А. Охонько, автором очерка является И.В. Бентковский

свои труды Кавказу, замечают, что встречаемое в Кумыкском владении название Ставрополя достойно внимания потому, что оно означает древнее поселение там греков; эта догадка может подтверждаться еще тем, что кумыки до сих пор называют реку Койсу «Учь», то есть Крестом. Крепость Св. Креста на Сулаке существовала недолго; в 1735 году, по заключении с персидским Шахом Аббасом III в Ганже мирного трактата, она была упразднена и гарнизон ее переведен в Кизляр. В настоящее время на месте этой крепости находится редут, оставивший, впрочем, за собою название Ставрополя.

Относительно же заштатного города Св. Креста, или Ставрополя, находящегося в Пятигорском уезде, при впадении речки Тумузловки в Куму, близ Маджарских развалин, в летописях сохранились такие сведения: во время господства ханов Золотой Орды Маджары были самым выгодным местом для торговли: сюда наезжали с товарами купцы из Хивы, Бухары, Самарканда и других земель и городов, вели торговлю с кавказскими племенами, а чрез них и с Византией. После место это было, как говорят, летним местопребыванием ханов. Когда же, по преданию, близ Маджар в 1319 году был убит благоверный великий князь Михаил Ярославич Тверской, над его могилой христиане поставили крест и назвали, в память этого события, самую местность Ставрополем. На основании этого же самого предания, блаженной памяти император Павел I, желая упрочить его в памяти народа, в 1799 году дал карабагским и дербентским армянам грамоту с тем, чтобы они, если желают поселиться в России, основали бы близ Можар город Св. Креста.

Таким образом мы видим, что до основания губернского города Ставрополя название это встречалось уже на Кавказе; но имело ли оно какое-либо соотношение с нашим городом, мы не знаем, и наверно можем сказать, что Ставрополь, хотя и носит греческое название, но существованием своим нисколько не обязан древнему народу. Вот истинные причины основания его.

По назначении князя Потемкина Астраханским, Новороссийским и Азовским генерал-губернатором обращено было императрицей Екатериной II главное внимание на укрепление наших границ со стороны Кавказа.

Князь Потемкин, по прибытии на Кавказ, прежде всего старался удостовериться в возможности осуществления предположений своей государыни. Для этого он поручил Астраханскому губернатору, генерал-майору Якобию, лично осмотреть положение нашей границы от Моздока до Азова. Якобий в 1776 году, по обозрении местности, нашел, что для точного определения границы и удержания горцев от грабежей необходимо учредить военную линию между этими двумя городами. Князь Потемкин согласился с этим предположением и представил его на утверждение императрицы Екатерины II, которая также изволила его одобрить и 24 апреля 1777 года повелела привести в исполнение.

По предположению Якобия, вся линия от Моздока до Азова должна была состоять из десяти укреплений, постройка которых начата в 1777 и окончена в 1778 году. В числе этих-то укреплений находился и наш Ставрополь. О нем в донесении князя Потемкина к Екатерине II сказано так: «Под №8 крепость на вершине Егорлыка, называемой Ташлою, как ближайшая к Черному лесу, прикрывает обще с крепостью под №7 проход между Калаусскими вершинами и Черным лесом».[1]

Из этих слов ясно видно, что главная цель назначения Ставропольской крепости состояла первоначально в том, чтобы ногайцам и черкесам (адыгским племенам) преградить дорогу из Черного леса, нынешнего Темнолесска, и тем остановить их в разбоях. Сведений о нападениях горцев когда-либо на крепость ни в народных преданиях, ни в старых делах не сохранилось; следовательно, Ставрополь с самого своего начала пользовался спокойствием. Крепость, построенная в 1777 году на горе в виде пятиугольника, сохранила почти прежний свой вид и название до настоящего времени. В некоторых из ее зданий, обращенных фасом к югу, заметны еще следы амбразур, а назад тому несколько лет, до сооружения Казанского собора и преобразований, около него сделанных, легко было заметить следы вала; но теперь все это сглажено и не напоминает нам ничего о существовании укрепленного места; разве только по двум старым зданиям, занятым теперь Комиссариатской комиссией, можно догадываться, что они построены не для обыкновенных жилищ, а по военным обстоятельствам.

Что послужило поводом к названию этой крепости Ставрополем? Некоторые старожилы рассказывают теперь следующее предание: когда местность, на которой предполагалось воздвигнуть новое укрепление, была занята и приступлено к работам, на ней найден был крест, неизвестно кем поставленный. Эта неожиданная находка, ободрившая русских переселенцев к преодолению препятствий и давшая им надежду на будущее успокоение, была будто бы главною причиною, почему крепость, означенная прежде просто под №8, переименована в Ставрополь. Отказать в основательности этому преданию нет никакого повода, так как оно существует. Сверх того, на горе постоянно прежде стоял каменный крест, поставленный в 1817 году купцом Плотниковым, по рассказам одних, в память проезда чрез город Ставрополь бывшего главнокомандующим в Грузии генерала Ртищева; а по рассказам других, в знак избавления Ставрополя от чумы. Крест этот находится теперь во дворе Комиссариатской комиссии; по наружному виду он принадлежит к числу обыкновенных христианских памятников; надписи на нем никакой нет, и потому он не может иметь для Ставрополя в археологическом отношении никакого особенного значения.

В том же самом году, когда приступлено было к устройству линии от Моздока до Азова, для поселения на ней явились с Дону хоперские казаки. О них в наказе, данном на имя Князя Потемкина, упомянуто таким образом: «Хоперскому казачьему полку, расположенному в 27 верстах от Донских

станиц, и следовательно, в ненужном месте, велено в этом же году (1778) перейти на линию наступающею весною, под командою войскового старшины (потом подполковника) Конона Устинова, деда нынешних Устиновых; а для содержания форпостов нарядить из Донского войска пристойное прикрытие». По прибытии казаков к Ставрополю, для них тотчас же под поселение отведен был участок земли к востоку от крепости, по горному скату. Здесь-то собственно началось первое население настоящего города, постепенно распространявшегося далее и далее к востоку по равнине. Все постройки, сделанные тогда казаками, были деревянные и не отличались своей красотою. Военным людям, пришедшим на Кавказ для укрепления границ, некогда было думать о красоте и удобстве своих жилищ, они старались только, как бы скорее заложить их основание и потом приняться за свое главное дело — оружие.

В течение первых десяти лет станица строилась, хотя и в беспорядочном виде, но довольно быстро, потому что казаки не имели недостатка в материалах и свободно пользовались лежавшими вокруг них лесами. После же того, как и донцы обзавелись необходимым на первый раз домохозяйством, они обратили внимание и на внутреннее устройство своей станицы. Общими силами построили для себя деревянную церковь во имя Казанской Божьей Матери, огородили свои жилища и начали заниматься садоводством, составлявшим, как кажется, главный предмет тогдашней их хозяйственной деятельности.

В 1785 году учреждено было Кавказское наместничество, состоявшее из уездов: Екатериноградского, Кизлярского, Моздокского, Александровского и Ставропольского; но Ставрополь еще не пользовался в это время правами уездного города, и как ему не представлялось ничего в будущем, то переселенцы, которые начали являться тогда на Кавказ из внутренних губерний, неохотно основывали в нем свои жилища и старались строить для себя дома несколько вдали от станицы, которая, по рассказам стариков, смотрела на новых своих гостей не совсем дружелюбно. Но, невзирая на это, с каждым годом народонаселение Ставрополя понемногу увеличивалось, и из домов переселенцев образовалась уже целая улица, носившая после название Большой Черкасской, что теперь Николаевская. Казаки, видя возрастающее близ них поселение и не желая слиться с ним, отделили, говорят, свою станицу от будущего города плетневым забором, проведенным от старой базарной площади к востоку до конца возникавшей улицы. Забор этот существовал до тех пор, пока Хоперскому полку велено было перейти из Ставрополя на Кубань; но воспоминание о пребывании его твердо сохранилось у граждан. Местность, где жил полк, носит у них до сих пор название станицы, хотя она давно уже слилась с городом и не имеет ничего общего с прежним поселением.

В 1802 г., с преобразованием Кавказского наместничества в губернию, Ставрополю предоставлено было пользоваться правами уездного города. Это новое назначение, надобно было думать, послужит к быстрому оживлению его; но подобная надежда не могла скоро вполне осуществиться. Почти все жители Ставрополя были выходцы из внутренних губерний, не имевшие у себя достаточного состояния для каких-нибудь значительных предприятий и спешившие сюда единственно за тем только, чтобы воспользоваться льготою для поправления своего незавидного положения; следовательно, им всем надобно было вновь начинать свое существование, для поддержания которого очень мало представлялось тогда еще средств. Торговля их с горцами и с некоторыми казачьими станицами, по большей части, шла меновая и ограничивалась мелочными предметами. Получаемые от торговли выгоды употреблялись почти все на постройку незавидных домов, из которых не многие имели у себя деревянные крыши, остальные все были покрыты камышом и соломой. Вот какой жалкий вид представляла в то время большая улица; а лежавшее за нею пространство, занимаемое теперь Архиерейским мостом и Александровскою улицею, покрыто было, по рассказам, водою и густым камышом. Наконец, когда все места на главной улице были заняты, жители принялись за расчистку лежавшего близ них болота и общими усилиями осушили его в три или четыре года. Тогда город начал немного подвигаться на юг, но все это, по бедности жителей, делалось медленно, как бы нехотя.

После этого спустя несколько лет, а именно в 1808 и 1809 годах, в Ставрополь прибыло около 50 армянских семейств. Поселение в городе этого промышленного народа усилило торговлю между жителями и тем открыло им главный источник богатства. Прежняя меновая торговля стала заменяться торговлей правильной и принимать более обширные размеры. Армяне, имея у себя комиссионеров в Нахичевани, Таганроге и других местах, успели в короткое время сблизить ставропольских граждан с своими товарищами и распространить между ними деятельность, которая состояла первоначально в разъездах по станицам и мирным аулам для закупки пшеницы и рогатого скота. Пшеница, чрез посредство армян, отправлялась в Ростов и Таганрог для заграничной торговли, а рогатый скот назначался для внутренних губерний. Эта последняя отрасль промышленности особенно споспешествовала к обогащению ставропольских жителей и дала некоторым из них возможность приобрести в короткое время даже значительные капиталы. Ставрополь, богатея незаметно, начал обращать внимание на свою наружность. Прежние ветхие постройки на большой улице постепенно уничтожались и были заменяемы домами, хотя и не весьма значительными, но по крайней мере такими, которые достойны были сколько-нибудь своего названия и могли на первый раз удовлетворить местным требованиям.

Армяне, поселившиеся в Ставрополе, составили из своих жилищ почти отдельный квартал, который долгое время известен был под именем Армянской улицы. От этого квартала, распространявшегося

по горе к югу от старого базара, теперь осталось лишь несколько полуразвалившихся построек, ожидающих сломки для замены их новыми домами. Зато с 1810 года, в течение 25 лет, квартал этот был главным торговым пунктом Ставрополя, потому что каждый армянин имел при своем доме лавку, чрез что из их улицы образовался, на первый раз, гостиный ряд.

Казаки, в это время отделенные совершенно от города, начали селиться по течению речек Ташлы и Мамайки, и из прежде заведенных здесь ими небольших хуторов образовались почти две новых станицы: одна — к северу, а другая — к югу от крепости. Места по Ташле и Мамайке, самые привольные и удобные для садоводства и огородничества, невольно вызывали казаков из старого тесного их жилища на свободное и никем не занятое еще пространство.

В 1822 году, по обозрении Кавказской губернии сенаторами Гермесом и Мертваго, найдено было, что настоящее ее устройство не свойственно местоположению и роду населения. По сему поручено было главноуправлявшему тогда в Грузии генералу от инфантерии А.П. Ермолову составить предположение о более удобном, по местным обстоятельствам, управлении. По проекту А.П. Ермолова велено было сделать следующее распоряжение относительно Кавказской губернии: «Переименовать ее в область, учредив областным городом Ставрополь и поручив вновь назначенному областному начальнику составить сметы на постройку необходимых там помещений».

После такого неожиданного преобразования Ставрополь начинает новую для себя жизнь и быстро идет к совершенствованию.

В то самое время, как проект А.П. Ермолова был утвержден, в Ставрополе, вместе со станицей, считалось едва ли около 5000 жителей, у которых, кроме двух церквей и трех или четырех каменных домов, не было ничего более порядочного, на что стоило бы тогда обратить внимание. Принимая все это в расчет, местное начальство распорядилось оставить Ставрополь еще на два года уездным городом, чтобы он сколько-нибудь успел в это время приготовиться к принятию нового назначения. Наконец 4-го октября 1824 года совершено окончательное перенесение областного города из Георгиевска в Ставрополь.

Генерал-майор князь Петр Дмитриевич Горчаков был первым начальником Кавказской области. При нем Ставрополь мог служить довольно сносным убежищем для некоторых только губернских учреждений; самый ощутительный недостаток был в квартирах, между тем как народонаселение увеличивалось с каждым месяцем все более и более, потому что многие георгиевские граждане изъявили желание перейти в Ставрополь. Князь Горчаков, заботясь устранить как-нибудь этот недостаток и привести в порядок возникавший город, успел возбудить соревнование в ставропольских гражданах к улучшению его. Граждане увидели тогда и сами, что сооружение капитальных строений не может обессилить их материальные средства, но даст им еще скорее возможность подвинуться вперед. Так как в это время не было еще казенных построек для помещения правительственных мест и заведений, жители города спешили воспользоваться этим случаем. Некоторые из них, хотя употребили тогда на постройки последние свои капиталы, но потом вскоре были вознаграждены вдвойне. Город распространялся теперь по горе на запад и к северу от крепости по крутому горному скату.

Князь Горчаков, ознакомясь со Ставрополем, заметил, что между его жителями не было той общежительности и доверия, при каких город мог бы скорее совершенствоваться; поэтому князь старался сблизить между собою общество, чтобы оно совокупными своими силами шло по указанной ему правительством дороге. Далее он увидел, что армяне, прибывшие в 1808 и 1810 годах, развили первоначально торговую деятельность в Ставрополе, предложил еще нескольким семействам этого промышленного народа переселиться из Георгиевска в наш город. Армяне, из любви к генералу, беспрекословно исполнили его желание, и в начале 1826 года в Ставрополе явилось их еще около 30 семейств. Затем князю Горчакову поручено было для окончательного образования областного города переселить казаков на Кубань.

Это новое поручение, возложенное на генерала Горчакова, вполне знакомого с тогдашнею жизнью и характером казаков, было исполнено им не вдруг. Он старался прежде приготовить их сколько-нибудь к этому переселению и для того давал им время и возможность продавать понемногу свои дома и угодья жителям города, которые при посредстве самого князя платили казакам довольно выгодные цены за их имения. Но при всех стараниях оставить казачьи постройки в городе и окрестностях нетронутыми и не заставить казаков ломать дома и везти их за собою, князь Горчаков не мог успеть в этом. Причина, отчего это желание не осуществилось, заключалась в том, что население станицы против города было тогда почти вдвое более. Наконец, в июле месяце 1826 года, князь Горчаков сдал управление Кавказской области генералу от кавалерии Эммануэлю и вместе с тем окончательные заботы о переселении казаков и об устройстве города Ставрополя.

Много бы можно было сказать о служебной деятельности генерала Эммануэля; но как главная цель нашей статьи — представить только картину постепенного развития Ставрополя, то мы и должны ограничиться здесь теми распоряжениями и заботами Эммануэля, которые предприняты были им в отношении областного города.

Генерал Эммануэль по прибытии в Ставрополь прежде всего занялся окончанием начатого князем Горчаковым дела, то есть переселением казаков. Казаки, как мы видели, были уже несколько при-

готовлены к этому; генералу Эммануэлю оставалось только окончательно побудить Хоперский полк к переселению или, лучше сказать, расшевелить его, чтобы он, не мешкая, искал бы скорее для себя нового счастья и славы не в мирной станице, а вблизи врагов, от набегов которых вверялась ему защита земледельца, не привыкшего носить оружие. В один весенний день 1827 года казаки потянулись из Ставрополя длинной вереницей к берегам Кубани, оставив за собою в городе некоторых товарищей, не успевших приготовиться к переселению. В следующем же году и остальные донцы по протоптанной дороге двинулись в новую станицу, которая приветливо встретила и приютила их у себя и не смотрела на этих пришельцев враждебно, как смотрели на первых выходцев в Ставрополе.

Ставрополь после этого переселения мог свободно развиваться и распространяться во все стороны; гражданам не с кем было теперь вести споров за земли и усадьбы: казаки все оставили в полное их владение. Одним словом, Ставрополь должен был с этого времени изменять свою наружность и стараться придать ей несколько более щеголеватости и красоты, чем прежде. Об этом именно заботился генерал Эммануэль. Первый шаг, сделанный им к усовершенствованию Ставрополя, была забота водворить в нем чистоту и опрятность, на которые до того мало обращали внимания. Каждому домохозяину велено было около своего жилища сделать тротуары и устроить для стока воды канавы и другие необходимые при доме учреждения. За чистотою улиц и жилищ предписано было полиции иметь строгое наблюдение; а чтобы она сильнее могла действовать и побуждать граждан к соблюдению опрятности и ему самому обо всем этом иметь верные сведения, Эммануэль назначил полицейским чиновником одного из своих родственников, о котором у граждан до сих пор сохранилось воспоминание, что он действовал и наблюдал за работами по городу без устали и тем успел завести в нем сколько-нибудь желаемую опрятность.

В это же время Эммануэль, чтобы оставить по себе в Ставрополе память, задумал соорудить в нем какое-нибудь капитальное здание, которое послужило бы на общую пользу гражданам. Здесь же надобно кстати заметить, что дом командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории начал строиться также при Эммануэле. Место, где он теперь расположен, и все идущее от него пространство, занятое в настоящую минуту частью Александровской и Театральной улицами, составляло площадь, известную под именем Татарского базара. Сюда по понедельникам съезжались ногайцы и другие горцы из-за Кубани с лесом и мелочными статьями домашнего хозяйства: здесь шла у них, выражаясь словами граждан, деятельная сатовка, или торговля; но татары, сбыв свои произведения в городе, очень редко отправлялись с полною выручкою в аулы, а по большей части оставляли ее снова в Ставрополе, потому что нуждались для домашнего своего быта во многих необходимых предметах. По сбыте товара они тотчас же отправлялись в русские или армянские лавки и закупали там железные и стальные вещи, бумажные и другие изделия. Несмотря на то, что ставропольские купцы с подобными товарами разъезжали по аулам, ногайцы и вообще горцы предпочитали нужные для них предметы покупать в самом городе. Эти небольшие, по-видимому, обороты также много содействовали к обогащению жителей и вместе с тем к расширению торговли. Купцы начали приобретать на значительных русских ярмарках, против прежних лет, гораздо более товаров; но тут они опять встретили небольшое для себя затруднение. В Ставрополе не было прочных, хороших мест и лавок, где бы могли сохраняться запасные товары. Это обстоятельство сделалось известно Эммануэлю и осуществило давно задуманный им план о сооружении на общую пользу в городе капитального здания. Однажды в Собрании ставропольского общества генерал, изложив пред гражданами настоящую их торговую деятельность и указав на недостатки складочных магазинов, начал убеждать к постройке каменного гостиного ряда на большой улице, обещая им со своей стороны всевозможное содействие. Эта неожиданность и заботливость генерала о нуждах жителей была принята с живейшею признательностью гражданами, которые не стали много думать о благом предложении и тут же спросили Эммануэля, когда они могут начать сооружение гостиного ряда. Эммануэль, довольный таким ответом, чтобы не откладывать полезного дела, открыл тотчас же подписку, кто именно из граждан желает участвовать в этом, и между тем поручил архитектору своему составить план. Когда подписка была окончена и представлена Эммануэлю, генерал, увидев из нее, что исчисленные архитектором расходы совершенно покрываются пожертвованиями, велел тогда же приступить к постройке, которая была окончена в 1828 году. Об этом свидетельствует и надпись, сохранившаяся до сих пор в гостином ряду. Содержание надписи следующее: «Сей гостиной рядъ выстроенъ попеченіемъ областного начальника, генерала отъ кавалеріи Еммануеля, иждивеніемъ Ставропольскихъ купцовъ, в 1828 году». Таким образом генерал достигнул своей цели и вместе с тем доставил гражданам удобное место для хранения запасных товаров. Ряд этот существует до настоящего времени почти в том самом виде, каким был в 1828 году. Если в нем и сделаны были после какие перемены, то совершенно незначительные. Разница против прежнего времени состоит в том, что три складочных магазина, из которых два расположены по углам гостиного ряда, а один в средине, теперь служат совершенно для другой цели. В среднем помещается церковь, известная под названием Гостинорядской, а крайние обращены в торговые лавки; но об этом подробнее мы расскажем в своем месте.

Эммануэль, окончив свое главное дело, обратил еще внимание на расположение как самого города, так и его окрестностей. До сих пор мы видели, что Ставрополь строился по всем правилам архитектурного искусства, особенно станица, а теперь ни один из граждан не мог начинать ни одной

постройки без совета архитектора; предоставлялось только некоторым бедным мещанам, селившимся по речкам Ташле, Мутнянке и Мамайке, где они по большей части занимались садоводством и огородничеством, производить для себя постройки сообразно с местностью, которая мало представляла возможности к устройству правильных улиц.

В 1829 и 1830 годах в Ставрополе образовалось несколько новых улиц, хотя и незначительных, но не менее того служивших неким доказательством, что народонаселение города увеличилось; город распространялся теперь более и более к югу и именно в верхней своей части, известной ныне под именем Солдатской слободки. Эта часть города была в то время самой беднейшей по своим постройкам, но превосходила несколько своей опрятностью жилища граждан, селившихся по северному горному скату от нынешних присутственных мест и бывшей крепости. Зато поселения по Ташле и Мамайке вполне могли называться богатейшими по хозяйственным заведениям и служить своими садами и рощами украшением городу. Эммануэлю так сильно понравилось Ташлинское поселение, что он устроил там для себя загородный дом и дачу. Дача эта существует до сих пор, и хотя давно уже принадлежит почетному гражданину Волобуеву, но в народе носит название Эммануэлевской. Она расположена по обеим сторонам речки Ташлы и составляет как в прежнее, так и в настоящее время крайнее население Ставрополя на северо-востоке.

Вот все, что мы успели собрать о деятельности генерала Эммануэля в отношении нашего города. Что же касается до жизни и военных подвигов его, то мы советуем обратиться к сочинению князя Голицына: «Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля. Санкт-Петербург. 1851 г.». Автор, приступая к своему труду, начинает его такими словами: «Молодой венгерский дворянин, без всякого покровительства, кроме мужества своего, твердой воли, прямодушия и непоколебимой привязанности ко всему тому, чего требуют долг чести и долг службы, приезжает в Россию, и по истечении лет тридцати является генералом от кавалерии и начальником Кавказской области». Князь Голицын, находясь в близких отношениях к Эммануэлю, изобразил своего бывшего начальника в настоящем виде, поэтому составленная им биография не ограничивается одним послужным списком, а представляет двойную занимательность, как материал для военной истории и как прекрасная характеристика человека, замечательного во многих отношениях.

В 1831 году Эммануэль, по военным обстоятельствам, мало обращал внимания на Ставрополь и почти все это время провел на левом фланге Кавказской линии и в Дагестане. Наконец, в августе этого же года, преследуя фанатика Кази-Муллу от крепости Внезапной, был жестоко ранен в сражении при селении Акташ-Аухе и, не могши продолжать службу, сдал командование войсками и управление Кавказской областью генерал-лейтенанту Вельяминову.

Алексей Александрович Вельяминов принадлежал к числу тех решительных людей, которые, если захотят, все могут делать. Когда известие о назначении его пронеслось по Ставрополю, думали, что город совершенно будет изменен в отношении его администрации и общественного быта; но, пока граждане составляли планы в воображении, с чего начнутся преобразования, Вельяминов прибыл в город и, к общему всех удивлению, мало обратил внимания на его наружность. Занятый, по большей части, военными делами, Вельяминов на первый раз почти не входил в общественную жизнь Ставрополя и не старался вникать в ее заповедные тайны, которые, по справедливости можно сказать, и не заключали тогда в себе ничего любопытного. При том жители Ставрополя едва только начали оправляться от боязни, нанесенной городу холерой, которая причинила ему довольно чувствительный удар относительно народонаселения. Все это Вельяминову было очень хорошо известно, и, хотя он не действовал наперекор обществу, но держал себя от него в отдалении. Все, знавшие Вельяминова лично, отзываются о нем таким образом: «Алексей Александрович выказывал себя только при стечении чрезвычайных обстоятельств. От его необыкновенной проницательности ускользало разве только то, чем он пренебрегал. Перед железной силой его воли преклонялось все, исчезали все трудности. Он не терял слов по-пустому; речь его была ясна и сильна, повеление коротко и убедительно, так что никто не смел и думать о невозможности или медленности исполнения. Редко видели его улыбающимся или сердитым. Спокойная осанка и речь прямая, без всяких изворотов, означали довольство и доброжелательство; но упорное молчание, привычка выдергивать себе волосы из бакенбардов и сдувать их с ладони означали противное, и кто был принят Вельяминовым в таком расположении духа, тому не доводилось похвалиться хорошим его приемом… Таков был постоянно Вельяминов и в кабинете, и перед войском, в походах чрез леса и горы, и на поле сражения. Всякий больше смерти боялся его молчаливой немилости, его безмолвного презрения; зато лестное слово от Вельяминова было лучшей наградой за исправность. Любовь к отдельным лицам в сердце его поглощалась любовью к Отечеству, в обширном смысле этого слова. Русские высоко его ценили; а сыны гор видели в нем силу неодолимую. Когда, бывало, слышали они: «Вельяминов хочет», тогда всякое сопротивление казалось для них невозможным. «Вельяминов идет» значило: нет никакого спасения».[2]

В 1832 году Вельяминов для Ставрополя также ничего не сделал; но вся деятельность его устремлена была в это время на организацию Кавказского линейного казачьего войска, которое увеличилось тогда обращением в состав его нескольких казенных селений. Ставропольские граждане, не видя со стороны начальника поощрений к улучшению и к украшению своего города, оставались в этом отноше-

нии в совершенном бездействии. Наконец 1833 год, год неурожая, еще более обессилил материальные средства многих жителей. Город ни в каком случае не мог подвигаться вперед и совершенствоваться: каждый заботился только о сохранении своей личности. Общественная жизнь находилась в совершенном упадке: все ограничивалось тогда, безошибочно можно сказать, одним домашним очагом. Зато некоторым гражданам этот неурожайный год дал средства удвоить, утроить и даже учетверить свои капиталы; мы лично спрашивали несколько раз у теперешних первостатейных купцов-старожилов, что именно помогло им более к обогащению, и большая часть из них отзывалась, что капиталы нажиты ими от торговли в 1833 году хлебом, который они постоянно имели у себя в запасе весьма в значительном количестве, потому что хлеб, как мы видели и прежде, постоянно заготовлялся ими для заграничной торговли. Между тем неурожайный год прошел, все оживилось и начало жить по-прежнему, а город все-таки не двигался вперед. Мы не станем теперь искать причины этому и объясним ее после. Выше замечено нами, что главная деятельность генерала Вельяминова была устремлена на военные дела и что он мало обращал внимания на наружность Ставрополя. Мы не ставим последнего случая в упрек генералу и не можем этого сделать потому, что Алексей Александрович проводил в Ставрополе самую малую часть года: начиная с весны и до глубокой осени, он жил или на правом, или на левом фланге Кавказской линии. Таким образом город, в то самое время, когда легко и удобно было заметить и исправить его наружные недостатки, оставался без руководителя. Это обстоятельство, впрочем, с самого начала не ускользало от соображений генерала Вельяминова; он видел и понимал его хорошо, но думал вознаградить все недостающее для областного города одним разом, по окончании своих обыкновенных военных занятий. Между тем занятия по гражданскому и особенно по военному ведомству увеличивались все более и более; тогда Алексей Александрович счел необходимым просить себе помощника в гражданском управлении. Просьба эта государем была уважена, и в Ставрополь в помощь областному начальнику назначен гражданский губернатор.

Первым губернатором в Ставрополе был действительный статский советник Семенов; но он пробыл в нем несколько месяцев, не успев ничего сделать. Место его занял генерал-майор Таубе, который очень мало действовал самостоятельно и на большую часть своих, даже незначительных, распоряжений по городу предварительно испрашивал разрешения у генерала Вельяминова. Эта неуверенность Таубе в своих действиях очень много замедляла развитие Ставрополя, в особенности в то время, когда он оставался один в городе и был полным его хозяином и руководителем во всех благоразумных и полезных для общества предприятиях.

В течение 1834 и 1835 годов в Ставрополе к прежним незначительным постройкам прибавилось очень немного новых зданий, из которых более заслуживало тогда внимания помещение для штаба войск Кавказской линии и Черномории, расположенное на Александровской улице; но теперь оно не имеет никакого значения и между капитальными зданиями совершенно почти незаметно. В доме командующего войсками также сделано было несколько перемен и пристроек; особенное же внимание А.А. Вельяминова обращено было на усовершенствование находящегося при доме сада, который служил тогда единственным местом для общественных гуляний, но только не во всякое время, а в известные праздничные дни. Иногда гулянья были и в Бабиной роще (нынешнем Воронцовском саду); но роща эта находилась в самом жалком состоянии и мало доставляла удовольствия и развлечения посетителям. А.А. Вельяминов, ознакомившись наконец со ставропольской жизнью и желая сблизиться с обществом, во время пребывания своего в городе начал в торжественные дни давать в доме своем балы, но сам никогда не участвовал в них и был только холодным наблюдателем всего происходившего. Иногда, чтобы ближе увидеть городскую толпу, генерал пред своим домом, на площади, приказывал пускать фейерверки, а в саду заставлял играть полковую музыку. Вот чем в эти патриархальные времена ограничивались общественные удовольствия.

Перейдем теперь к другому, более материальному предмету — торговле, и посмотрим, в каком находилась она состоянии. Из отчетов, доставлявшихся тогда лицами, следившими за успехами торговли, заметно, что обороты капиталов значительно увеличились и что класс промышленных людей с каждым годом также умножался. Успех этот приписывают выгодному положению Ставрополя, хотя он и стоит в таком месте, которое лишено совершенно водяных сообщений. Знатоки дела говорят, что Ставрополь, находясь между двумя морями, Каспийским и Черным, землею Войска Донского и Закавказьем, и на главном почтовом тракте, по необходимости должен был сделаться одним из выгодных рынков для обмена произведений севера и юга; что такое положение дало торгующему сословию удобства к быстрым оборотам и скорому обогащению; но главные обороты в то время, о котором мы теперь пишем, производились на ярмарках Троицкой и Ивановской 12 октября; срок ярмаркам назначался обыкновенно недельный. Хотя этот срок, при худом пути, мог быть несколько стеснительным для приезжих купцов и своевременной доставки товаров, но промышленники распоряжались своими делами в этом отношении так, чтобы успеть прибыть в Ставрополь до начала ярмарки за несколько дней. Это делается и теперь: большая часть хозяйственных произведений сбывается постоянно в самом начале ярмарки, или, по крайней мере, до настоящего разгара ее. Впрочем, несмотря на значительность в тридцатых годах коммерческих оборотов и невзирая на изобилие товаров, ставропольские жители по миновании ярмарок не могли похвалиться дешевизной, особенно тех предметов, которые

удовлетворяли нуждам не первой необходимости. А что торговля действительно увеличилась и сословие коммерческих людей умножилось, тому лучше всего служили доказательством вновь выстроенные к северу от гостиного ряда каменные лавки, которые своим числом превзошли даже самый гостиный ряд. В лавках этих, разделенных на четыре довольно значительных корпуса, помещаются теперь по большей части торговцы армяне, поэтому многие жители называют их армянскими лавками. Нужно еще упомянуть здесь, что открытие города Пятигорска с его минеральными источниками усилило в Ставрополе движение и доставило ему несколько материальных средств от проезжавших из внутренних губерний во время курса. Число посетителей Пятигорска в управление генерала Вельяминова было самое значительное, и большая часть из них принадлежала к людям богатым. Эти праздные туристы, стремившиеся ежегодно к минеральным источникам не столько для облегчения себя от недугов, сколько из любви к кавказской природе, не жалели денег и щедро оделяли во время своего проезда Ставрополь и особенно Пятигорск, в котором проживали по три и четыре месяца.

В 1836 году Ставрополь, при быстром увеличении народонаселения, весьма много строился в верхней своей части, известной под именем Воробьевки. Эта часть города, расположенная на возвышенной равнине и признанная в климатическом отношении самой здоровой, состояла из одной улицы, которая простиралась в длину более нежели на целую версту. Здесь в это время в нескольких домах, довольно красиво расположенных, помещался Ставропольский военный госпиталь, остальные незначительные постройки также приносили жителям значительный доход, будучи отдаваемы внаем медикам и другим лицам, искавшим во время лета успокоения от городского шума и от жары, которая для приезжих из внутренних губерний казалась на первый раз невыносимой. В этом же году Ставрополь подвигался на юго-запад от Воробьевского поселения, к тому самому месту, где теперь стоят капитальные здания военного госпиталя. Все начальные постройки были здесь деревянные, но довольно красивой архитектуры. Одно неудобство их состояло в том, что они слишком были удалены от города, так что со стороны площади, что перед домом командующего войсками на Кавказской линии, постройки эти казались совершенно отдельным поселением, или, лучше сказать, загородными домами, но теперь, напротив, мы видим совсем другое, и это незначительное городское предместье величаем новым городом.

1837 год для Ставрополя служит одним из самых достопамятных, почему именно, — это мы увидим. Еще в начале нашей статьи замечено, что если кто с 1837 года не был в Ставрополе, то в настоящее время совершенно его не узнает; этим мы старались напомнить ставропольским гражданам тот незабвенный день, в который они удостоились предстать пред лицом своего августейшего монарха и, оживленные посещением Его Императорского Величества, быстро после того начали подвигать свой город вперед на пути к улучшению. В начале этого года в Ставрополе все было спокойно, тишина не нарушалась никакими новыми занятиями и преобразованиями со стороны граждан. С наступлением весны начаты были постройки, по большей части незначительные. В июне месяце пронесся слух, что в Ставрополь в конце этого года пожалует государь. Известие это более всего озаботило граждан потому, что они ничего не успели сделать замечательного в своем городе, тогда как Ставрополь, считаясь главою области, должен был сколько-нибудь равняться по своей наружности с прочими центральными городами внутренних губерний, а в это время едва ли он своей красотой мог перещеголять некоторые наши уездные города. Граждане, не желая уронить значение Ставрополя, постарались свои жилища, не могшие похвалиться громадностью и изяществом, привести в такой вид, чтобы они заслужили внимание хотя за свою наружную опрятность. Эта забота много содействовала к большему водворению в городе чистоты, устройству тротуаров и других полезных учреждений. Сверх того граждане задумали в это время вымостить главную улицу, которая во время дождей делалась для езды весьма затруднительной. При содействии генерала Вельяминова задуманная мостовая к октябрю месяцу совершенно была готова. Она простиралась от Тифлисской заставы до дома командующего войсками. Следов этой мостовой теперь уже не существует; она заменена впоследствии новой, более прочной и удобной.

В день 17 октября жители Ставрополя толпились по улицам своего города и с минуты на минуту ожидали прибытия августейшего монарха; наконец, пред вечером этого дня, вдруг раздались между народом слова: «Царь, Царь!». Толпа раздвинулась, и по вновь устроенной мостовой пронеслось несколько экипажей к дому командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, куда вслед за тем потянулась вся масса народа и оставалась там до поздней, глубокой ночи.

На следующий день, то есть 18 октября, самая большая масса народа сосредоточилась у гостиного ряда, где устроена была небольшая выставка произведений Кавказского края. Выставка эта удостоилась посещения Государя Императора, и здесь-то ставропольские жители в первый раз имели счастье увидеть своего августейшего монарха. По осмотре выставки Государь с генералом Вельяминовым в сопровождении своей свиты отправился в дом комиссионера Серова взглянуть там на воспитанников уездного и приходского училищ и подарить их открытием гимназии. Этот день, достопамятный для ставропольского юношества, губернская гимназия празднует теперь постоянно каждый год; в чем состоит празднество, будет нами подробно объяснено в своем месте. Государь Император, по открытии гимназии, прибыл снова в дом командующего войсками, где вечером дан

был блестящий бал. На другой день, 19 октября, Государь рано утром изволил выехать из Ставрополя по тракту в Новочеркасск в сопровождении многочисленной толпы народа.

Вскоре по отъезде Государя Императора граждане на общественных сходках повели речь о том, что пора заняться им устройством города и перестать скрывать свои капиталы в неизвестности. Они согласились лично просить генерала Вельяминова исходатайствовать им для этого какие-либо льготы и преимущества; но такое благоразумное предприятие их в это время было остановлено болезнью генерала. А.А. Вельяминов с января месяца 1838 года сильно занемог, и болезнь его с каждым днем усиливалась; медицина истощила все свои усилия, но спасти генерала не оставалось никакой возможности. 27 марта он оставил свет, успев только высказать приближенным свое желание о погребении его на родине. 6-го апреля тело покойного генерала при многочисленном стечении жителей и войска торжественно было предано земле. Погребальная процессия печально тянулась от старого Троицкого собора до госпитальных кладбищ, пред которыми, на площади, войска отдали последний долг своему доблестному начальнику и возвестили громом орудий, что его более не существует. За этим вскоре (чрез 12 дней) от военного министра дано было знать генерал-майору Таубе, что Государь Император Высочайше повелеть соизволил: тело покойного генерал-лейтенанта Вельяминова, находящееся в Ставрополе, согласно последней его воле, перевезти для погребения Тульской губернии, Алексинского уезда в село Медведку, принадлежавшее сему генералу. Таким образом последнее желание А.А. Вельяминова исполнилось, и прах его 19 апреля увезен был из Ставрополя, в котором этот отличный генерал не оставил после себя никакого памятника своего управления, кроме одного воспоминания и непритворного уважения к своим личным достоинствам.

После Вельяминова командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории назначен был генерал-лейтенант Павел Христофорович Граббе, вступивший в отправление своих обязанностей 30 мая 1838 года с истинным желанием трудиться для общественной пользы и спокойствия Кавказского края. Ставрополь должен был ожидать теперь многого, и долг справедливости требует сказать, что с этого собственно времени он начал свою настоящую жизнь.

Генерал Граббе, по осмотре Ставрополя и всех бывших в нем правительственных и частных заведений, нашел много недостающего для губернского города. Грустное впечатление, произведенное этими недостатками, долго беспокоило генерала, и только деятельный труд с твердою надеждою на успех доставили ему некоторую уверенность, что он достигнет своего желания и невнятное чувство будет вскоре рассеяно. Необходимо здесь нам вспомнить, в каком положении находился тогда город и что в нем было. Начнем прежде всего с духовных учреждений. Ставрополь по своему народонаселению и званию областного города не должен бы был иметь недостатка в Божьих храмах; а в это время в нем было только две церкви: во имя Св. Троицы и Казанской Божией Матери. Последняя была деревянная и довольно ветхая, и та принадлежала не гражданам, а бывшим некогда в городе казакам Хоперского полка. Казаки долго хлопотали, чтобы перенести свою церковь в новую их станицу, и хотя им жители Ставрополя предлагали за нее воздаяние, но они не согласились. Церковь эта в апреле месяце 1839 года была сломана и увезена казаками на Кубань в Суворовскую станицу. Ставрополь остался тогда с одним храмом.

Далее правительственные заведения, под которыми мы разумеем здесь собственно присутственные места, рассеяны были по всему городу, чрез что представлялось большое неудобство в сношениях их между собой. Некоторые же места, получавшие довольно ограниченное содержание на расходы, находились в самых отдаленных частях Ставрополя и имели для себя весьма неудобные помещения; а в дождливое время года и в начале весны к ним совершенно невозможно было ни пройти, ни проехать. Это прежде всего бросилось в глаза генерал-лейтенанту Граббе.

Общественная жизнь после князя Горчакова нисколько не подвинулась вперед; граждане жили в своих тесных домах, не заботясь о взаимных между собою связях и развлечениях. Каждый думал только о себе и поневоле мог наконец очерстветь в нравственном отношении.

О воспитании юношества также мало заботились. Гимназия только что начинала возникать, и для поддержания ее надобно было много труда и усилия со стороны главного начальства. О женском поле и говорить нечего — он предоставлен был самому себе. Слово «пансион», можно смело сказать, было незнакомо тогда Ставрополю.

Наконец, взглянем теперь вообще на Ставрополь: отчего он был так беден постройками? Неужели жители его не имели достаточных средств, чтобы свои жалкие помещения заменить порядочными зданиями, тогда как чувствительного недостатка в материалах, особенно в камне, город не мог тогда иметь?

Вот главные вопросы, на разрешение которых П.Х. Граббе обратил свои усиленные труды после обозрения Ставрополя. По собрании точных сведений о городских средствах и доходах и о состоянии самих граждан, он увидел, что все неудобства могут быть мало-помалу устранены, лишь бы только со стороны жителей было принято живое участие в этом деле. Для того он лично старался узнать от них о причинах медленного развития города. Призвав однажды к себе почетных ставропольских граждан, Павел Христофорович представил им тогдашнюю картину города, его жизнь, потом сличил его с прочими губернскими городами, указал на главные его недостатки и, наконец, спросил их: неужели они не имеют достаточных средств к улучшению своих жилищ, прося вместе с тем говорить ему обо

всем откровенно. Тогда граждане объяснили, что они и сами постоянно думали и думают об украшении своего города; но главное затруднение, останавливающее их предприятие, состоит в том, что они, убив на постройку свои капиталы, не предвидят после от того никаких для себя материальных выгод, а только один убыток, и невольно должны будут терпеть недостатки, ибо, соорудив какое-либо капитальное здание, они обязывались половину его покоев отдать под постой, так что выручка употребленного на постройку капитала оставалась явно безнадежной. П.Х. Граббе, узнав теперь истинные причины медленного развития Ставрополя и не сомневаясь нисколько в содействии граждан к исполнению задуманных им планов, принял живое участие в областном городе. Он тогда же убедил жителей приступать немедля к постройкам с твердою уверенностью, что для новых зданий им непременно будет исходатайствована на несколько лет льгота от постоя и других повинностей. Павел Христофорович при этом изложил пред гражданами, что капиталы их нисколько не пострадают, если будут употреблены на постройку, но, напротив, доставят им всегда выгоду, во-первых, потому, что здания, пользующиеся льготой, принесут верный доход от найма; во-вторых, потому, что граждане, занимающиеся подрядами и поставками, будут иметь возможность представлять строения в залоги, а те, которые промышляют другими предметами, также отдавать свои дома в залоги другим благонадежным лицам и пользоваться процентами. Таким образом от капитального здания каждый хозяин получит всегда двойную выгоду — от найма и залога, а чрез то капитал может в короткое время еще более увеличиться. С убеждением этим ставропольские граждане вполне согласились, и с твердою надеждой на верный успех в будущем многие из них в конце 1837 года начали запасаться материалами и готовить планы на новые здания. Между тем генерал-адъютант Граббе вошел с представлением о даровании жителям Ставрополя льготы для новых построек. Представление это увенчалось полным успехом. Всем выстроенным каменным домам предоставлено было пользоваться свободою от найма и других повинностей в течение десяти лет.

В 1839 году генерал Граббе, по военным обстоятельствам, не мог исключительно посвятить свои труды Ставрополю. Самое лучшее время этого года он провел на левом фланге Кавказской линии и ознаменовал себя там новым подвигом, доставившим ему немалую известность, а именно поражением скопищ Шамиля и взятием штурмом замка Ахульго, служившего убежищем этому герою-фанатику. Впрочем, настоящее отсутствие начальника области не остановило наших граждан в предприятиях: в городе вдруг во многих частях, особенно на большой Черкасской улице воздвигнуто было несколько новых каменных двухэтажных домов и повсюду теперь оказывались приготовления к сломке старых хижин и обнаруживалась забота об изяществе выстроенных и вновь предполагаемых зданий. Генерал Граббе по возвращении из экспедиции, заметив, что главное дело кончено и приносит уже свои плоды, обратил внимание на другой заданный им себе прежде вопрос: об общественной жизни и о воспитании юношества.

Для развития общественной жизни П.Х. Граббе употребил со своей стороны большие усилия. Чтобы соединить теснее общество и упрочить связь его навсегда, он придумывал всевозможные средства для побуждения почетных жителей Ставрополя как можно чаще видеться между собой; словом, он хотел вызвать всех из закулисной жизни на свежий воздух и познакомить с удобствами европейского быта. Для того очень часто устраивал он в своем доме балы и подавал собою пример другим подражать ему в этом по возможности и силам. Тогда же каждый из почетных сочленов ставропольского общества, чтобы не уронить себя пред ним, занялся меблировкою своих покоев и начал обзаводиться приличным экипажем. Шаг был сделан вперед, оставалось только поддержать стремление. В это же время явилась мысль об устройстве в Ставрополе бульвара на нынешней Николаевской улице. Заботу об этом генерал Граббе возложил на тогдашнего коменданта, полковника Масловского, который благое намерение своего начальника вскоре привел в действительное исполнение. Пространство, где теперь раскидывается часть нынешнего бульвара от Градской Думы к театру, тогда находилось в запустении, зарастало бурьяном и наводило собою грустное впечатление на гуляющих; а теперь это же место, спустя каких-нибудь 16 лет, служит богатым убежищем от зноя и вместе с тем украшением городу.

Относительно воспитания юношества, как главного и необходимого условия в общественной жизни, генерал Граббе, по мере возможности, старался вникать в тогдашнее положение гимназии, состоявшей в ведении Харьковского учебного округа. Хотя попечение об этом заведении и не относилось к непосредственным его обязанностям, но забота о благосостоянии Ставрополя не давала ему покоя; он везде и во всем хотел оставить после себя память. В свободные от занятий часы П.Х. Граббе очень часто посещал гимназию и нередко лучших из ее воспитанников вместе с преподавателями приглашал к себе на обеды и балы и там, видимо, хотел в одних возбудить соревнование, а других заставить вести молодых людей к истинной цели просвещения. С другой стороны, при содействии Граббе бывший учитель гимназии, Крупье, основал в Ставрополе первый женский пансион, который служил долгое время единственным заведением для воспитания прекрасного пола и существовал бы, может быть, до сих пор, если бы дряхлость не заставила старика Крупье сложить с себя это бремя в 1849 году на другого. Мы должны также заметить, что пансион этот для Ставрополя принес много существенной пользы и особенно в том отношении, что жители города вместо прежнего небрежения о воспитании своих дочерей стали уже чувствовать для себя необходимым и

даже почитали самым главным делом в домашней жизни дать своим детям хотя какое-нибудь понятие об окружающем и указать им истинный путь к просвещению.

Бывшие во время управления П.Х. Граббе Кавказской областью гражданские губернаторы генерал-майор Хомутов, действительный статский советник Семенов и генерал-майор Сотников также принимали участие в общеполезных делах и старались помогать своему главному начальнику в скорейшем осуществлении его намерений, но не могли оказать больших услуг Ставрополю потому, что, пробыв в нем по нескольку месяцев, они получали вскоре новые для себя назначения.

Представив по возможности главный переворот, совершавшийся теперь внутри Ставрополя, перейдем снова к его наружности. В течение 1840, 1841 и 1842 годов постройки шли чрезвычайно быстро, так что следить за постепенным возникновением их, как делали мы это прежде, весьма затруднительно; город строился во всех своих частях и предместьях и расширялся незаметно. Мы здесь укажем на те только здания, на которые преимущественно обращено было внимание генерала Граббе. Одно из них принадлежит войску — это казармы, устроенные на площади к юго-западу от дома командующего войсками. Прежде, во время лета, находившийся в Ставрополе батальон располагался в этом самом месте лагерем, а теперь получил для себя всегдашнее верное убежище от зноя и холода. Перевод батальона на постоянные квартиры послужил некоторым образом и к распространению Ставрополя. Это вполне мы видим в настоящее время: расстилавшееся до того времени вокруг казарм пустое пространство представляет теперь хотя и небольшое, но довольно чистое и опрятное поселение, мы могли бы сказать собственно военное поселение, если бы тут не было построек, принадлежащих ставропольским гражданам.

К числу других капитальных зданий, обязанных своим существованием генералу Граббе, принадлежат присутственные места. Выше еще заметили мы, что Павел Христофорович имел сильное желание разбросанные до того времени по городу правительственные учреждения собрать в одно место; но на первых порах успеть в этом было очень трудно. Когда же граждане начали безостановочно заниматься украшением своего города и строиться, генерал Граббе, собрав сведения о сумме, которая употребляется присутственными местами на наем частных домов, нашел, что в общей своей сложности она может вполне удовлетворить за труды того из граждан, кто решился бы принять на себя постройку отдельного здания для помещения всех правительственных мест. Вследствие этого намерение генерала было передано ставропольскому купечеству, из среды которого почетный гражданин Волобуев первый вызвался привести его в исполнение, и это теперь мы видим на самом деле.

Военный госпиталь, первое капитальное здание, бросающееся в глаза въезжающему в город из внутренних губерний чрез Черкасскую заставу, также выстроен под наблюдением П.Х. Граббе.

Радуясь успеху своих предприятий и оживлению Ставрополя, генерал Граббе не остановился и постоянно переходил от одного предмета к другому. Заключенные, имевшие до настоящего времени весьма неудобное и тесное помещение, были также приняты им под свое покровительство. Рассчитывая с истинно христианской заботливостью, что между преступниками могут быть очень легко и совершенно невинные, Павел Христофорович думал устроить такое для тюремного замка помещение, где заключенные прежде своего осуждения были бы сколько-нибудь изъяты от страданий. Для этого, по проекту его, у Гремучего родника воздвигнут, хотя и грустный по своему назначению, но прекрасный по наружности корпус; по крайней мере мы смело можем сказать, что с устройством замка судьба заключенных многим улучшилась, особенно же в теперешнее время.

В довершение всех своих распоряжений к усовершенствованию Ставрополя П.Х. Граббе не хотел оставить без внимания религиозной и нравственной стороны города как главных оснований к его будущему благоденствию и процветанию. Но как это трудное дело не могло быть им исполнено без содействия духовного архипастыря, который бы преимущественно обязан был следить за нравственностью и религией, П.Х. Граббе принял на себя ходатайство об учреждении в Ставрополе Епископской кафедры и отдельной Кавказской епархии. Расчет генерала был верен в том его предположении, что граждане, воодушевленные пастырским словом, непременно займутся постройкой церквей, которые, кроме высокой духовной цели, много послужат к украшению города и поднимут его в глазах простого народа, удивлявшегося прежде, что в Ставрополе один только Божий храм, и очень часто иронически выражавшегося об этом словами: «Уж и видно, что Кавказ». Наконец 4 апреля 1842 года, вследствие ходатайства генерала Граббе, последовало Высочайшее повеление об учреждении Кавказской и Черноморской епархии; но Павел Христофорович не дождался прибытия архипастыря и в конце этого года выехал из Ставрополя, желая ему успеха в дальнейшем развитии.

По отъезде П.Х. Граббе, в январе месяце 1843 года в Ставрополь прибыл новый начальник Кавказской области и командующий войсками генерал-лейтенант Владимир Осипович Гурко. Ставрополь, стряхнувши с себя покрывавшую его прежде пыль, в это время много поюнел и во всем представлял живые следы деятельных трудов и полезных преобразований. Все это генерал Гурко хорошо видел при обозрении города и постановил себе обязанностью продолжать начатое.

В этом же году, как мы помним, вечером в Великую Субботу перед Пасхой наш город был оживлен приездом Преосвященного Иеремии, первого Епископа Кавказского и Черноморского, по справедливости достойного воспоминания и уважения за свои заслуги, оказанные городу в нравственном и

религиозном отношениях. Все, что мы видим теперь хорошего и полезного в духовных учреждениях, принадлежит именно ему. Граждане до приезда Преосвященного Иеремии приняли на себя труд приготовить помещение для своего духовного пастыря, но долго у них шли толки о месте, на котором предполагали устроить это помещение, и чрез это к приезду Преосвященного оно не было окончательно отделано. Затем почетный гражданин Волобуев, движимый чувством христианского благочестия, приняв в том деле весь труд на себя, приобрел на Кузнечной улице уютное с домом место и в несколько месяцев привел все там в порядок и устроил домашнюю церковь. С переходом сюда владыки Кузнечная улица получила название Архиерейской, а бывшие невдалеке отсюда, в небольшой лощине, городские кузницы перенесены за город к ярмарочной площади. Новая эта улица, до того заброшенная и мало населенная, быстро начала застраиваться, особенно средним классом ставропольского народонаселения. Пространство за архиерейским домом было занято только старыми городскими кладбищами, а на восток от них разбросано несколько мещанских хижин; теперь же, в течение каких-нибудь 11 лет, из этого пустопорожнего места образовалось целое новое предместье города с правильными улицами, ясно свидетельствующее, что народонаселение Ставрополя значительно увеличилось.

Преосвященный Иеремия, знакомясь понемногу со ставропольским обществом и стараясь понять его с той точки зрения, которая относилась непосредственно к обязанностям архипастыря, увидел, что общество расположено к благим предприятиям и что с помощью его можно много сделать полезного для города. С этой мыслью Иеремия обратился к генерал-лейтенанту Гурко и просил его содействия, которое генерал всегда готов был оказать ему, потому что необходимость в духовных учреждениях была очевидна и отчасти также лежала на обязанности главного начальника. Предоставив теперь заботиться о духовных учреждениях архипастырю, В.О. Гурко желал, по примеру своего предшественника, заняться дальнейшим усовершенствованием города, но по военным делам не мог предпринять многого и решительного. Вторую половину 1843 года он провел на левом фланге Кавказской линии, следя за волнением горцев, которое наконец было прекращено поражением скопищ Шамиля при селении Большие Казанищи. В следующем году после этого удачного предприятия Гурко вновь отправился в экспедицию и все почти летнее время находился в Чечне, занимаясь там учреждением Сунженской линии, где тогда же им заложено было и Воздвиженское укрепление. Однако Ставрополь, несмотря на эти частые отсутствия начальника области, не переставал распространяться; пустопорожние места быстро застраивались, и не какими-нибудь хижинами, как это было прежде, а по большей части каменными домами. Преосвященный Иеремия, со своей стороны, успел привести в порядок заброшенные городские кладбища и убедил граждан приступить к постройке нескольких церквей и к доставлению необходимых для них украшений.

По назначении графа Михаила Семеновича Воронцова (ныне светлейшего князя) наместником кавказским (27 декабря 1844 года) и по прибытии его на Кавказ, страна эта встрепенулась от долгого сна, ожила, и схороненное в ней несколько веков золотое руно вызвано наружу. Генерал-лейтенант Гурко в это время по Высочайшему повелению переведен в Тифлис начальником главного штаба войск, на Кавказе находящихся, а в исправление его прежней должности вступил генерал-лейтенант Николай Степанович Завадовский 21 февраля 1845 года. Все, что было сделано для Ставрополя в течение последних девяти лет, совершилось пред нашими глазами; но вдаваться в подробности, считая здесь излишним, мы объясним в точности все полезные преобразования далее, при обозрении каждой части города отдельно, а теперь укажем только на главные изменения, сделанные в Ставрополе во время управления Кавказским краем генерала Завадовского при содействии Преосвященного Иеремии и гражданских губернаторов, генерал-майоров Ольшевского, Норденстама и Волоцкого.

О постройках, производившихся во все это время, можно бы было написать целую статью, если бы мы стали следить за ними таким же образом, как и прежде; но достаточно сказать, что с 1838 года выстроено в городе более 280 каменных домов, за исключением церквей. Одна эта цифра может свидетельствовать о быстроте и успехе, с каким производились ставропольские постройки в последнее время. Из более замечательных зданий, заслуживающих по своей массивности быть упомянутыми, воздвигнуты: Казанский кафедральный собор, театр, дом купца Плотникова для гимназии, и прочее и прочее.

Все эти постройки, ясно показывающие благосостояние города, заставляли начальство содействовать гражданам в их предприятиях, и пока они так горячо принимались за благое дело, стараться воспользоваться этим всеобщим рвением. Преосвященный Иеремия при содействии командующего войсками, достигнув главной своей цели — устройства церквей, обратился потом с просьбой в Святейший правительствующий Синод об учреждении в Ставрополе духовной семинарии. Просьба эта Святейшим Синодом была принята благосклонно и в конце 1846 года (13 ноября) осуществилась на самом деле. Затем было открыто особое отделение для бедных воспитанников.

Между тем как Ставрополь постепенно совершенствовался и расширялся более и более, наместник кавказский ходатайствовал о переименовании Кавказской области в губернию. Новое назначение, готовившееся Ставрополю, по-видимому, не должно было произвести влияния на его развитие; но когда 2 мая 1847 года последовало Высочайшее повеление о переименовании области в Ставропольскую губернию, наш город поднял свою голову несколько выше. Жители начали гораздо внимательнее всматриваться во все принадлежавшее им и, конечно, много бы сделали хорошего в

это время для общественной пользы, если бы, к несчастью, не помешала тому явившаяся тогда холера; однако, несмотря и на этот страшный бич, граждане не жалели денег и приносили огромные пожертвования на разные благотворительные заведения. В этом же году, вскоре после того, как Ставрополь получил название губернского города, положено было основать каменное двухэтажное здание для присутственных мест городового управления. Так как купеческое и мещанское общества постоянно умножались, прежде же выстроенные ими деревянные дома для городских мест сделались весьма тесны, особенно во время выборов или значительных торгов, то сама необходимость указывала, в отвращение неудобств в будущем, построить новое, просторное и во всех отношениях приличное здание, где можно бы было поместить думу, магистрат и другие городские управления. Об этом особенно заботился гражданский губернатор генерал-майор Норденстам; но, когда план и смета были составлены, оказалось, что, по недостатку сумм, на счет городских доходов нельзя предпринять всей постройки. При таком затруднении, по убеждению И.И. Норденстама, 1-й гильдии купец Иван Ганиловский, из усердия к общественной пользе, постройку здания принял на себя, а вместе и все расходы, которые не могли покрыться городскими доходами, решился обеспечить своей собственностью. Городское здание было заложено 29 мая[3].

И.И. Норденстам, много старавшийся об устройстве этого здания, не дождался его окончания и дальнейшие заботы о нем передал своему преемнику, генерал-майору Александру Алексеевичу Волоцкому. Площадь, на которой расположены теперь городские места, занята была до того времени базаром, много вредившим чистоте и опрятности города. Когда же Кафедральный собор был воздвигнут на горе близ этой площади, тогда место это в особенности не соответствовало уже цели своего назначения, а потому базар, согласно Высочайше утвержденному плану, по распоряжению генерала Завадовского переведен был к Воробьевскому предместью. Это перенесение мелочной торговли в верхнюю часть города побудило многих жителей поспешить занять для себя выгодные места и устроить заблаговременно удобные помещения. Кроме того, что граждане начали поспешно воздвигать на Воробьевке каменные здания, Н.С. Завадовский, чтобы еще скорее подвинуть это дело вперед, много старался об устройстве там нового гостиного ряда. Это предприятие увенчалось полным успехом.

При обозрении городских мест генерал-майором Волоцким в 1848 и 1849 годах замечено было, что квартирная повинность особенно обременительна для жителей города Ставрополя по значительности воинского постоя и что назначение этой повинности хотя делается по возможности уравнительно, но жалобы от обывателей на тягость ее, а от постояльцев — на неудобство квартир — повторялись беспрестанно. Для облегчения в этом случае жителей и вместе с тем для предоставления им средств поправить свое состояние обращена была большая забота на приведение в порядок проекта о замене в Ставрополе натуральной квартирной повинности денежной посредством сбора денег с обывательских недвижимых имуществ. Проект этот, представленный от генерала Завадовского князю-наместнику, был утвержден Государем Императором 13 декабря 1850 года, и вследствие того обыватели Ставрополя освобождены теперь от постоя. Но 1850 год особенно останется достопамятным в летописях наших граждан по пребыванию в Ставрополе государя наследника цесаревича Александра Николаевича. А дабы сохранить на вечные времена в сердцах жителей благоговейную память как о пребывании в Ставрополе в 1837 году Государя Императора, так и о посещении этого города в 1850 году государем наследником, испрошено разрешение: главную улицу города, совершенно теперь вымощенную плитным камнем и украшенную во всю свою длину новым бульваром, именовать Николаевской; вторую же улицу и большую площадь, на которой его императорскому высочеству были представлены генералом от кавалерии Завадовским некоторые части войск, называть Александровской.

Для доставления жителям города Ставрополя развлечений принято было со стороны командующего войсками и гражданского губернатора деятельное участие в устройстве нового бульвара, Воронцовского сада, общеполезного рассадника, тутового сада и прочего. Кроме того, по предложению генерал-майора Волоцкого коллежский советник П.Н. Нечмиров занялся разведением парка по горе вокруг Казанского собора и устроил близ Варваринской церкви рассадник для обучения воспитанников духовных училищ.

В 1850 году А.А. Волоцкой с вице-губернатором А.А. Борзенко много прилагали старания об учреждении в городе Ставрополе дворянского клуба, который служит теперь лучшим местом для препровождения времени. Более правильное устройство тротуаров, канав для стока воды и освещение трех главных улиц спиртовым газом также начато с 1850 года. Последнему, то есть введению в нашем городе освещения улиц спирто-скипидарной жидкостью, много содействовал один из содержателей питейного откупа по губернии, коммерции советник Кокарев, который, по приглашению господина гражданского губернатора, кроме того, что принял на себя безвозмездно в течение года освещать Николаевскую улицу от самых Тифлисских ворот до госпиталей, а также часть улиц Театральной и Александровской и Александровскую площадь, распорядился еще переделать на свой счет и городские фонари. Превосходство газового освещения явно было признано гражданами, так что многие из них изъявили готовность устроить пред своими домами фонари и освещать их своими средствами. Кроме того, это нововведение вполне было одобрено господином кавказским наместником во время пребывания его светлости в нашем городе в октябре месяце 1851 года; и тогда же, для

введения подобного освещения в Тифлисе, по воле князя Михаила Семеновича переслано было туда из Ставрополя для образца двенадцать фонарей.

Князь-наместник, заботясь о благосостоянии вверенного ему края, не оставлял без внимания нашего города, в котором большая часть преобразований, сделанных в наше время, совершена с разрешения или лично по указанию его светлости. В особенности учебные заведения в Ставрополе должны быть много обязаны попечению и участию, которое принял в них князь Михаил Семенович. Женский пол также не может жаловаться в этом отношении; на него обратила внимание супруга наместника, княгиня Елизавета Ксавериевна: ее светлости принадлежит мысль учреждения в Ставрополе Женского благотворительного общества и учебного заведения для воспитания бедных девиц жителей Ставропольской губернии, по образцу Заведения Святой Нины в городе Тифлисе. Теперь цель эта, при самом живом участии и особенной заботливости княгини Воронцовой, достигнута, и заведение с учреждения своего приютило много сирот, а вместе с тем дало возможность недостаточным гражданам предоставить своим дочерям приличное воспитание.

За всеми заботами об украшении города, о доставлении гражданам развлечений и о прочем, местное начальство обратило особенное внимание на заключенных и бедных. Для улучшения сколько-нибудь судьбы тех и других сделано уже много полезных учреждений, — мы не объясняем здесь, каких именно, так как обо всем этом скажем подробно далее, при взгляде вообще на статистику или нынешнее положение Ставрополя; теперь же перейдем к его топографии.

Топография и статистика

Ставрополь, взятый в настоящую минуту со всеми своими окрестностями, занимает довольно обширное пространство, которое представляет из себя местность, усеянную несколькими холмами и небольшими оврагами. По этим-то холмам и оврагам расположена большая часть Ставрополя, местами довольно живописного, а местами грязного и скучного. Центральная улица города, известная прежде под именами Большой и Черкасской, а теперь Николаевская, разделяет Ставрополь в административном отношении на две части: одна из них тянется к югу, а другая к северу; но указать с точностью естественные границы нашему городу не представляется возможности: у нас нет таких рек и гор, которые большей частью служат кавказским местностям пределами, далее которых они не могут двигаться. Границы Ставрополя у нас обыкновенно определяют мерой; жители очень хорошо знают, что земли, принадлежащей городу, считается 17772 десятины 669 квадратных сажен, и им нет никакого дела, где и как она расположена и где естественный ее предел. Определяют еще некоторые таким образом границы Ставрополя, что он окружен со всех почти сторон казачьими землями.

Не отделяя Ставрополя от его хуторов и предместий, можно сказать, что границей ему на юг служит речка Мамайка, к западу — небольшой лес, состоящий из кустарника, к северу — Ташла, со своими двумя притоками, а на востоке беспредельная степь, покрытая по местам небольшими холмами и курганами. Впрочем, границы эти определены нами приблизительно для знакомых с нашим городом, а незнакомые с ним, конечно, не многое узнают из такого топографического определения положения города. Мы обыкновенно привыкли определять положение каждой местности по течению рек, у берегов морей и озер или у подошв замечательных гор; Ставрополь же хотя и расположен на горе и ее покатостях, но гора эта, к несчастью, безымянна и никому не известна. Речки и ручейки, орошающие наш город, также не имеют никакого значения; но во всяком случае мы должны сказать, что Ставрополь находится у верховьев Ташлы, Мамайки, Мутнянки и их притоков, а сказавши это, нам необходимо следует сколько-нибудь объяснить, что это за названия и из чего именно состоят наши речки, между которыми первое место занимает Ташла.

«Ташла» — слово тюркское, значащее собственно каменистый.

Название это вполне верно дано нашей речке потому, что ложе, по которому она протекает, действительно каменисто, как и у всех кавказских горных речек. Ташла образуется на северо-западе от Ставрополя, в лесу, из нескольких родников, между которыми более известен так называемый холодный источник. Направление от своего начала Ташла имеет к в.-с.-в., потом, приняв в себя два небольших ручейка на городской земле, из которых один называется Березовкой, другой Третьей речкой, катит медленно свои воды в подарок Калаусу. По всему течению этих ручейков и самой Ташлы разбросано в разных местах множество прекрасных родников; некоторые из них, расположенные в глубоких оврагах, имеют много привлекательного и живописного. Березовка и Третья речка вообще бедны водой; в жаркое время они едва только струятся. Ташла хотя также не может похвалиться обилием своих вод, но иногда, во время дождей и таянья снегов, делается очень шумной и наносит большой вред жителям, срывая устроенные по течению ее мельницы и ломая мостики, так что иногда во многих местах переправа чрез нее становится весьма затруднительной и даже совершенно невозможной. Доказательством тому может служить несколько примеров, из которых мы долгом считаем привести здесь хоть один, случившийся назад тому года три. Ташла, хорошо известная жителям Ставрополя и окрестных селений и станиц, обыкновенно не представляла преград

к переезду; во всякое время и везде можно было найти на ней удобный брод; но однажды весной два казака, нисколько не подозревая разгула речки, отправились из Ставрополя в станицу Михайловскую, и как Ташла не представляла им прежде препятствий при переезде, пустились чрез нее на троеконной своей телеге, но в это самое время быстротой воды были снесены, телега их опрокинута, один казак утонул, а другой едва спасся, телега же их была найдена изломанной и без колес. Впрочем, старожилы рассказывают, что такого разгула Ташлы они и не запомнят, хотя она каждый год весной наносит кое-где своим прибрежным поселенцам вред, но в то время, когда утонул казак, Ташла из речки превратилась в настоящую шумную горную реку.

После Ташлы речка Мамайка занимает у нас второе место. Она образуется на юго-запад от города из шести родников, из которых три в лесу, а три близ каменных ломок. Все ручьи, служащие началом Мамайки, сливаются между собою в версте, не более, от Карабина колодца; потом Мамайка, обогнув наш город с южной стороны, принимает направление на в.-с.-в. до слияния с речкой Мутнянкой. Эта последняя речка вытекает также из родника, находящегося во рву, близ тюремного замка. По величине своей она гораздо менее Мамайки и в жаркое летнее время иногда во многих местах пересыхает. Наконец остается еще нам сказать об одной так называемой речке Желобовке, находящейся почти в самом центре города: она течет из Воронцовского сада и впадает в Мутнянку в полуверсте от ярмарочных зданий.

Итак мы видим, что Ставрополь орошается пятью речками и, как кажется, не должен бы иметь недостатка в хорошей воде, а между тем жители прежде очень часто жаловались на это, особенно в грязное время года, когда сообщение по городу делалось весьма затруднительным. Конечно, те из граждан, которые имели свои дома по речкам или невдалеке от них, не могли чувствовать недостатка в хорошей воде; но ощутительно было это для тех жителей, которые находились в самом городе. Вода доставлялась сюда, как и теперь, из Карабина источника, изобилующего прекрасной ключевой водой. А так как не все жители имели и имеют средства доставать для себя воду из этого колодца или источника, находящегося в трех верстах от центра главного населения, то вследствие того в Ставрополе образовался особый класс промышленных людей, известный под именем водовозов. Они снабжают город водою, и некоторые из них имеют значительные от того выгоды. Впрочем, с 1840 года водовозы эти упали очень много, причина же тому — устройство бассейна. Мысль снабдить Ставрополь хорошей ключевой водой долго занимала граждан, но не находилось между ними человека, который взялся бы за это трудное дело. Почетный гражданин Гавриил Иванович Тамамшев в 1838 году предложил наконец на свой счет провести в город воду из родника, служащего началом реки Мутнянки. Предприятие это жителями было принято с благодарностью и одобрено генералом Граббе. Бассейн, окончательно устроенный Тамамшевым в 1840 году, дал средство бедным гражданам безденежно пользоваться хорошей водой, а вместе с тем служил тогда одним из главных украшений города. Воды из бассейна вытекает в продолжение суток до 12 тысяч ведер.

В последствии времени бывший содержатель питейного откупа Ставропольской губернии пятигорский купец Якунчиков также изъявил готовность устроить на свой счет новый бассейн на ярмарочной площади, который служил бы продолжением водопровода Тамамшева. Такая благородная цель Якунчикова не осталась для него без поощрения и благодарности со стороны начальства и со стороны жителей, особенно в то время, когда многочисленная толпа народа присутствовала при освящении прекрасного и обширного бассейна (1850 года июня 11). Во все время бывших после сего ярмарок, на которые стекается иногда более 20 тысяч народа, никто не мог пожаловаться на недостаток воды, как это бывало прежде. Мы забыли еще сказать, что при бассейне Якунчикова устроен также и водопой для скота, который для продажи на ярмарках пригоняется большими табунами и гуртами.

За всем этим, большая часть ставропольских жителей имеет при домах своих особые колодцы, которых считается в городе 510. Вода в них, в верхних частях города, большей частью очень хороша, а в низменных солонцевата, местами с горечью и может годиться только для мытья различных при доме мелочей.

Город Ставрополь в административном отношении, как мы сказали, разделяется Николаевской улицей на две части; но в народе, со всеми своими предместьями, носит он несколько названий. Названия эти следующие: старый город, новый город (форштадт), Воробьевка, Подгорная слободка, Солдатская слободка, Станица, Мутнянка, Мамайка, Ташлинское поселение, Скомороховы хутора.

Старый город, расположенный частью по незначительному горному склону, а частью на ровном месте, составляет лучшее и самое богатое население Ставрополя; особенно отличаются хорошими постройками улицы Николаевская, Александровская, Театральная и улица присутственных мест. В этой части города сосредоточиваются все более замечательные правительственные, общественные и частные заведения. Самый вид Старого города имеет много живописного при взгляде на него с северной и восточной стороны; он также занимаете первое место и по богатству капитальных зданий, из которых более обращают на себя внимание дом купца Плотникова, присутственные места, Градская Дума, полиция, дома купца Ганиловского и почетных граждан Волобуевых и прочие. Пересчитать все хорошее не достанет и времени; одним словом, вместо прежней бедной Черкасской улицы мы теперь видим улицу, усеянную домами и лавками красивой архитектуры и на каждом шагу встречаем вывески с надписями:

магазин такого-то, или продажа таких-то товаров, или, наконец, вывески разного рода ремесленников. Между этими последними вывесками, как и во всяком городе, есть много оригинальных, особенно по своим рисункам, смотря на которые, нельзя иногда не улыбнуться.

К западу от Старого города по равнине тянется Воробьевка, получившая, как говорят, свое название назад тому лет за 60 от бывшего здесь хутора однодворца Воробьева. Эта часть города, лучшая в климатическом отношении и богатая своими садами и огородами, не может только похвалиться постройками; но в последнее время, с перенесением сюда базара и с устройством нового гостиного ряда на прилегающей к ней площади, Воробьевка значительно улучшилась и сделается, может быть, со временем одной из лучших частей Ставрополя. Это доказывается тем, что жители нашего города постоянно стараются сбывать теперь свои старые дома и переселяться на новую площадь. Другое доказательство будущего процветания Воробьевки то, что отводимые на ней вновь под поселение места и те, которые принадлежат ее обывателям, весьма вздорожали против прежнего времени.

Новый город разъединен со старым огромной площадью; на ней теперь устраивается, на юго-запад от дома командующего войсками, аллея из акаций, лип, тополей и других деревьев. Новый город, начавший возникать собственно после постройки военного госпиталя, состоит почти весь из каменных двух- и одноэтажных домов и совершенно слился с Воробьевским предместьем в верхней части. К юго-востоку от нового города расположены казармы Кавказского линейного батальона, а за ними несколько турлучных, деревянных и из мелкого камня домиков, принадлежащих женатым солдатам этого батальона и ставропольским мещанам. Эта местность известна вообще под именем Форштадта; некоторые же название это распространяют и на Новый город.

Солдатская слободка, примыкающая к Старому городу с южной стороны, составляет не слишком богатое население, хотя местами попадаются здесь каменные, довольно порядочные дома, но они в общей сложности своей относительно прочих частей города за исключением, разумеется, предместий, нисколько не придают красоты слободке и даже теряют свое значение против того, если бы они были помещены где-либо в другом месте города или на лучшей улице. Впрочем, надобно сказать, что Солдатская слободка вообще много улучшилась и тянется все далее и далее к югу, так что площадей и пустопорожних мест, разделявших ее прежде с Мутнянским поселением, теперь совершенно почти не существует. Мы как-то года два не посещали этой части города и, посетив ее недавно, были поражены обилием домов и правильным устройством новых улиц, о существовании которых совестно было бы не знать, живя в Ставрополе.

В небольшом расстоянии от Солдатской слободки к востоку встречается еще новое поселение, известное когда-то под именем Кузнечной улицы, а теперь, как сказано выше, переименованное в Архиерейскую улицу. Если живущего в этой части города спрашивают о его квартире, то обыкновенно он отвечает словами: «за Архиерейским мостом». Отчего так скоро заселилась эта местность, также упомянуто выше. К югу, параллельно с этой частью города и с Солдатской слободкой, по речке тянется Мутнянское поселение, не заключающее в себе ничего такого, о чем бы стоило поговорить подробнее.

Далее, к югу от Мутнянки, за небольшой возвышенностью, находится предместье Мамайка, славящееся своими садами, которые расположены по обоим берегам речки, начиная от Карабина источника к востоку, по крайней мере, на пространстве около трех верст.

Перейдем снова в Старый город и, став на его главном возвышении, взглянем на север. Здесь прежде всего бросается в глаза Подгорная слободка, усеянная по крутому горному скату небольшими домиками, в которых, как видно, не принимала своего участия архитектура и предоставляла право каждому поселенцу производить постройку дома по его собственному плану. В этой части улицы кривы, темны, грязны и местами так узки, что двое гуляющих не могут пройти рядом. Некоторые из жителей справедливо говорят, что Подгорная слободка — лабиринт города Ставрополя.

К северо-западу отсюда виднеются на крутой горе так называемые Скомороховы хутора, составляющие из себя хотя небольшое, но чистое и опрятное поселение, которое особенно начало улучшаться с учреждением там женской обители. В обители этой в настоящее время приняли большое участие преосвященный Иоаникий и гражданский губернатор в отношении наделения ее землей и другими угодьями, от которых много зависит окончательное устройство женского монастыря.

В лощине, идущей от запада к востоку, между двумя горными скатами, из которых на одном частью расположены Скомороховы хутора, а на другом Подгорная слободка, тянется по речке Ташле одноименное с нею предместье до Эммануэлевской дачи, которая служит пределом Ставрополя на востоке. В Ташлинском предместье находятся: тутовый сад, школа для образования шелководов и много прекрасных рощ; тут же по речке устроены мельницы, кирпичные, кожевенные и мыльные заводы.

Теперь остается нам упомянуть еще о последней части города — о станице. Так как положение станицы известно уже нам из очерков, представленных в начале статьи, то мы ограничимся здесь общим взглядом на настоящее ее состояние и скажем, что вид прежней станицы совершенно изменился и редко где теперь можно встретить старую казачью хижину с плетневым забором; все почти перестроилось и заменилось домами красивой архитектуры, между которыми есть несколько каменных зданий.

При описании всех этих местностей мы не входили в подробности относительно различных заведений, а упомянули о некоторых из них только слегка, потому что при взгляде на жизнь и занятия ставропольских граждан необходимо пришлось бы снова говорить об этих полезных учреждениях нашего города.

Климат Ставрополя с его поселениями и предместьями весьма умеренный и в общем его состоянии, особливо по результатам физических наблюдений, подходит несколько к климату Астрахани и северной части Тавриды. Десятилетние метеорологические наблюдения показали, что ранняя зима здесь наступает во второй половине ноября, а поздняя — в половине декабря; снега, несмотря на долгие и сильные метели, не очень обильны; зима 1849 года была редким исключением по своим метелям и снегу, выпавшему до пяти футов глубины. Вообще в начале зимы холода почти всегда бывают жестокие, до 22°, но это ненадолго; за сильными морозами внезапно наступает оттепель, а за нею опять холод с вьюгою и метелью; поэтому весьма часто в январе и феврале месяцах случаются дни, похожие на весенние. При таких быстрых и частых переменах погоды в течение марта и апреля весна наступает и продолжается почти незаметно; но зато лето бывает продолжительно, сопровождается умеренными жарами, не более 24° в тени, и дождями, достаточными для орошения почвы; сильные грозы бывают только в окрестностях, а в самом городе редко, причем собравшиеся тучи частью скоро разряжаются вершинами горных возвышенностей, частью при быстром охлаждении на этих высотах, обращаются в ливень. Продолжительная засуха в течение целого лета была здесь в 1833 и 1848 годах; а сильные и продолжительные дожди в 1846, 1850, 1851 и 1854 годах. Осень в Ставрополе дает нам иногда прекрасную погоду, а иногда, в октябре и ноябре месяцах, сопровождается густыми туманами, образующимися из наносимых сюда морских испарений и от низко опустившихся облаков.

Господствующих ветров в Ставрополе два: юго-восточный и северо-западный от Черного моря; первый всегда холодный, а второй теплый и влажный, летом приносит дождь, а зимою снег. Часто ветры эти дуют в течение трех-семи дней, иногда продолжаются и более двух недель, как, например, в 1847 году, с особенно сильными порывами, причем, судя по возвышенной местности города, можно бы опасаться разрушительных действий, подобных свирепствованию бурь и ураганов, но этого не бывает, а ежели и бывает, то весьма редко, потому что сила ветра ослабевает и рассекается, встречаясь на пути своем с горными вершинами. Не мешает, впрочем, привести здесь образец случающихся в Ставрополе бурь. В 1853 году, 10 июля, пред вечером сильный западный ветер, подняв облака пыли, покрыл ими весь город так, что сделалось темно. Потом начал накрапывать дождь, перешедший в ливень, наконец разразилась буря с градом, немного менее голубиного яйца. Чрез 12 минут все стихло; небо прояснилось. Между тем в эти 12 минут во многих местах вырвало с корнями до 20 штук дерев толщиной в $1^1/_2$ обхвата, снесло с некоторых домов части железных крыш и рассеяло их в разные стороны. В Воронцовском саду сломано несколько деревьев; акации, стоявшие на главной аллее, частью вырваны с корнями, а частью изломаны; фруктовые же деревья попорчены градом. На бульваре Завадовского очень много деревьев расколото и сломано бурей.

В медицинском отношении, судя по избытку довольно хороших гигиенических условий, здоровье жителей Ставрополя должно, по-видимому, быть постоянно в лучшем, добром и цветущем состоянии; однако ж под влиянием климатических перемен и других причин здесь возникают и свирепствуют весьма многие эпидемические болезни, которых вид, течение и свойство различаются по времени года и по особенным местным условиям. Эти болезни суть: катар, лихорадки простудные и перемежающиеся, часто и быстро переходящие в желчную и нервную горячку; воспаление грудных органов, поносы и воспаление глаз.[4]

1) Катар (Catarrhus narium, bronchitis et laryngitis), насморк с кашлем и нередко с опухолью глотки (жаба), а чаще с зубной болью, есть весьма обыкновенная болезнь, появляющаяся в Ставрополе осенью, а наичаще весною от простуды ног; болезнь эта хотя весьма незначительна, но у людей полнокровных и слабогрудных может перейти в страдание грудных органов или же произвести хроническое воспаление с изъязвлением гортани и носовых хрящей (ulcera cavifavcium et ozoena) и таким образом, при застарелости болезни, подает повод к весьма ошибочному лечению, или же хотя и к очень рациональному, но продолжительному. Но самый несносный и мучительный припадок катара, или простуды, есть зубная боль, которая при костоеде, опухлости десен и возвышенной чувствительности организма иногда подвергает больного такому отчаянию, что он просит вырвать у него один, два и более зубов, лишь бы только избавиться от тяжкой пытки.

2) Лихорадка (febris) в нашем городе господствует более осенью и бывает двух родов: простудная и перемежающаяся. А) Простудная лихорадка (febris catarrhalis rheumatica), которой причина явствует уже из ее названия, появляется при тех быстрых и частых переменах здешней температуры воздуха, какие объяснены в описании климата. Болезнь эта, сопровождаемая головной болью, потерей аппетита, чувством легкого озноба и последующего за тем жара во всем теле, усталостью и ломотою в руках и ногах, поражает преимущественно тех, кои по образу своего утонченного, нежного воспитания не привыкли к климатическим суровым переменам; впрочем, и другие не чужды этой болезни, которая при обыкновенном ее течении совершенно не опасна, так что в три, пять, редко в семь дней, при соблюде-

нии строгой диеты и теплого содержания, при употреблении домашних или медицинских потогонных и других средств оканчивается выздоровлением; но иногда, и притом большей частию, болезнь эта, при постепенном усилении или ожесточении ее припадков, на третий, пятый и чаще на седьмой день переходит или в лихорадку перемежающуюся, или в желчную и нервную горячку.

Б) Перемежающаяся лихорадка (febris intermittens) появляется во всякое время года, более же осенью и притом не столько от простуды или погрешностей в диете, сколько от особенного эпидемического свойства этой болезни для всего Кавказского края. Она равно поражает людей всякого сословия, пола и возраста. Лихорадка эта большей частью бывает здесь трехдневная (tertiana) с правильным течением пароксизмов (constans) и почти всегда сопровождается гастрическими припадками.

Воспаление грудных органов — легких и плевры (pneumonia et pleuritis) — поражает здешних жителей наиболее в зимнее, малоснежное время, при сильных морозах, и зависит не столько от холода, сколько от избытка кислородного газа в сухой атмосфере на возвышенной местности города при влиянии северо-восточного ветра; кроме того, предрасположением к этой болезни служит армяно-грузинская привычка жителей к частым кровопусканиям. Болезнь эта свойственна преимущественно людям среднего сословия и военным нижним чинам.

Поносы гастрические, желчные и кровавые (diarrhea gastrica, biliosa et dyssenteria) появляются в течение лета и в начале осени от излишнего употребления зелени, овощей и плодов и от простуды. Болезнь эта обнаруживается наиболее у людей рабочего класса и у солдат, скоро усиливается и упорно продолжается при обильном употреблении колодезной щелочно-солоноватой воды.

Наконец, частое появление здесь глазной болезни между людьми рабочего класса бывает в летнее время и зависит от сильных продолжительных ветров.

По обозрении господствующих в городе Ставрополе болезней следует показать число умирающих в течение года, чтобы яснее видеть, каким образом и на кого действуют описанные нами болезни. Но прежде этого должно познакомить читателя вообще с народонаселением Ставрополя, в котором к концу 1853 года считалось жителей 17 623 человек. В числе жителей показано.

I. Духовенства	женщин	мужчин	оба пола
Монашествующих	9	—	9
Архиерейских служителей	44	—	44
Священнослужителей	22	14	36
Церковнослужителей	16	6	22
Вдовствующего духовенства	7	9	16
Детей духовного звания	21	34	55
Иноверческого духовенства	5	2	7
II. Служащих			
а) военного ведомства: генералов, штаб- и обер-офицеров, жен и детей их	47	296	713
писарей из кантонистов, жен и детей их	343	271	614
б) гражданского ведомства: от IV до XIV класса	341	253	594
не имеющих XIV класса	132	40	172
писарей из кантонистов	95	53	148
III. Отставных			
военного ведомства: генералов, штаб- и обер-офицеров, жен и детей их	47	36	83
гражданского ведомства: от IV до XIV класса	37	59	96
IV. Почетных граждан	12	11	23
V. Разночинцев	10	8	18
VI. Актеров и театральных служителей	22	15	37
VII. Купечества			
1-й гильдии	26	29	55
2-й гильдии	17	7	19
3-й гильдии	554	277	131
инородного купечества	67	29	96
инородных купеческих детей, приучающихся торговле	17	—	17

VIII. Мещан			
принадлежащих городу	2383	2214	4597
инородных	267	193	460
IX. Вечно-цеховых	1	1	2
X. Иностранцев	22	7	29
XI. Нижних воинских чинов			
служащих	2615	593	3208
детей их	397	409	816
отставных	297	317	596
кантонистов	1117	—	1117
казаков	63	47	110
солдат, проживающих в бессрочном отпуску	26	7	33
XII. Вольноотпущенных, но не причисленных ни к какому званию	17	9	26
XIII. Дворовых людей			
живущих при домах своих господ	257	216	503
по паспортам	147	63	210
XIV. Крестьян			
казенных	437	389	826
удельных	3	1	4
помещичьих	139	94	233
XV. Колонистов	13	5	18
XVI. Воспитывающихся в разных заведениях	740	100	840
Итого	11183	6444	17623

В течение 1853 года заключено 183 брака, из них: холостых с девицами 124, со вдовами 34, вдовцов с девицами 8, со вдовами 17.

В 1853 году	Родилось			Умерло		
	Мужчин	Женшин	Обо пола	Мужчин	Женщин	Оба пола
В январе	40	36	76	33	21	54
- феврале	41	33	74	28	22	50
- марте	35	38	73	40	20	60
- апреле	41	43	84	34	18	52
- мае	41	43	84	28	23	51
- июне	35	39	74	29	31	60
- июле	31	33	64	29	23	52
- августе	36	33	69	26	20	46
- сентябре	41	36	77	29	22	51
- октябре	39	39	78	30	21	51
- ноябре	41	37	78	34	16	50
- декабре	37	42	79	33	22	55
Итого	458	452	910	373	259	632

В числе родившихся за 1853 год считалось: законнорожденных 429 мужчин, 424 женщины, незаконнорожденных 27 мужчин, 25 женщин и подкидышей 2 мужчины и 3 женщины.

Таким образом, из представленных нами трех таблиц о народонаселении, о числе родившихся и умерших в течение года мы видим, что число жителей Ставрополя постоянно увеличивается, а вместе с тем увеличивается и объем города, в котором в настоящее время находится: улиц и переулков — 44, из них мощеных плитами — 2, камнем — 5, площадей — 3, мостов каменных — 4, деревянных — 2, церквей православных — 13, армяно-григорианская — 1, римско-католическая — 1, мечеть — 1, кладбищ — 6.

Домов, принадлежащих разным ведомствам и сословиям:

	Каменных	Деревянных	Вообще
Правительству	10	8	18
Церквам	3	1	4
Разным обществам	3	2	5
Дворянам, чиновникам и их женам	63	283	346
Духовенству	9	36	45
Купцам	120	213	333
Мещанам	66	432	498
Воинским чинам	6	744	750
Крестьянам помещичьим	—	6	6
Крестьянам государственным	1	76	77
Итого	281	1801	2082

Приступая к обозрению духовных учреждений Ставрополя, мы необходимо должны снова упомянуть, что успех в построении Божьих храмов много зависел от основания на Кавказе архиерейской кафедры, как этого всегда и следовало ожидать. В присутствии архипастыря нашлись между гражданами люди богатые верою и готовые жертвовать своим достоянием для славы Бога и для общей пользы. Все духовные учреждения, которые мы теперь видим в нашем городе, обязаны по большей части преосвященному Иеремии, а именно:

I. Казанский кафедральный собор сооружен в 1847 году иждивением городского общества, по плану архитектора Дурново, в русско-византийском стиле. Стоя на горе, собор этот господствует над целым Ставрополем и по своему значению, и по своему положению. На его месте еще в 1817 году предположено было построить церковь во имя святого Николая, и хотя с этой целью делались сборы, но намерение, как видим, осуществилось только спустя тридцать лет. Предположение или, лучше сказать, желание воздвигнуть на горе храм явилось вследствие избавления Ставрополя от чумы. Кавказский край до 1818 года нередко постигала чума, вероятно, заносимая со стороны Грузии от горских племен, имевших беспрерывные сношения с Оттоманской Портой. В 1816 году два зачумленных дезертира, скитавшиеся в горах, были пойманы зимой около Ставрополя и заключены в тюрьму, где жители имели с ними сообщение; от этого зараза быстро разнеслась по городу и далее по области, но вскоре прекращена благоразумными мерами, принятыми со стороны бывшего гражданского губернатора Малинского и его главного сотрудника, ставропольского градского главы, 1-й гильдии купца Никиты Плотникова, который, после прекращения чумы, первый предложил гражданам об устройстве на горе храма. А чтобы жители не забыли своего обещания, в память этого в 1817 году поставлен был на горе Плотниковым небольшой каменный крест. Некоторые из старожилов, не уверенные хорошо в предании, которое передано было их дедами, о находке каменного креста во время сооружения Ставропольской крепости, думают, что крест, о котором гласит предание, и крест, поставленный купцом Плотниковым, один и тот же.

После сооружения Казанского собора нынешний губернатор обратил свое внимание на расстилавшееся вокруг церкви совершенно обнаженное пространство, не представлявшее никаких следов и признаков растительности, и теперь от собора, по горе, вниз к бассейну, устроена широкая каменная лестница, обсаженная по бокам высокими тополями, а по всей горе разбиты тропинки, также обсаженные молодыми деревьями, которые спустя несколько лет примут под свою тень утомленных

богомольцев. Смотря от бассейна на соборную гору, особенно в то время, когда народ толпами стремится из церкви по вновь устроенной лестнице и дорожкам парка, мы уверены, что каждый признает живописность настоящего местоположения. Вид собора преимущественно хорош, если на него смотреть издали, с восточной или северной стороны.

II. Старый Троицкий собор сооружен в 1817 году, а в последствии времени к нему пристроено было два придела во имя святого Сергия и святого Николая. Этот храм до приезда преосв. Иеремии был единственным в городе и стоял до 1843 года без ограды. Хотя преосвященный Иеремия не был основателем этой церкви, но оставил в ней память тем, что устроил ограду, а внутри ее развел из акаций и других деревьев небольшой сад.

III. Церковь во имя Нерукотворного Образа, с двумя приделами, находится в старом гостином ряду. Она также отделана до приезда Иеремии, но до этого времени в наружном ее виде не было ничего замечательного, и трудно было даже заметить, что в этом месте между лавками существует Божий храм. Для устранения этого преосвященный внушил гражданам приделать к церкви купол и снабдить ее другими необходимыми принадлежностями, так что в настоящее время всякий видит, что на сем месте господствует присутствие Божие.

IV. Приходская церковь во имя святой великомученицы Варвары построена на старом городском кладбище почетным гражданином Федором Стасенковым, по плану архитектора Воскресенского. Церковь эта, хотя и не так обширна, но по внутренней своей отделке и наружной красоте занимает видное место. В ней есть замечательный образ великомученицы Варвары во весь рост, украшенный богатой серебряной ризой работы известного московского художника Сазикова; тут же устроен по воле наместника кавказского общеполезный рассадник для воспитанников духовных училищ. Князь Михаил Семенович, желая развить между крестьянами Ставропольской губернии садоводство и другие полезные в этом крае отрасли сельского хозяйства и принимая за самое лучшее действовать на них в этом случае чрез посредство духовных пастырей, по предварительному соглашению А.А. Волоцкого с преосвященным Иоанникием, счел необходимым завести в Ставрополе образцовый рассадник для практических занятий воспитанников семинарии, приготовляемых в священнослужители; при этом имелось в виду, что молодые люди вместе с посвящением их в пастырский сан, перенося в свой приход хозяйственные познания, собственным примером будут приохочивать крестьян к полезным занятиям. С этой целью, в продолжение осени 1851 и весны 1852 года, под руководством действительного члена Кавказского общества сельского хозяйства П.И. Нечмирова на месте бывших кладбищенских памятников устроено: а) рассадник плодоносных, лесных и тутовых дерев; б) образцовые плантации марены и кунжута и с) посевы огородных растений, кормовых и аптечных трав. Каждый из воспитанников имеет у себя особую грядку, на которой под наблюдением наставников занимается посевом и ухаживанием за вверенными ему растениями. Этот новый рассадник при осмотре его еще в 1852 году, 27 июня, непременным секретарем Московского общества сельского хозяйства С.А. Масловым и членом того общества А.Ф. Ребровым, найден ими в полной мере соответствующим благодетельной цели князя наместника кавказского. Образцовая посадка всех известных пород дерев и шелковицы, огород и плантации красильных растений и кормовых трав особенно изумили господина Реброва, который назад тому несколько лет видел на месте нынешнего рассадника одни только развалины памятников, поросшие бурьяном.

V. Кладбищенская Успенская церковь выстроена в 1847 году 1-й гильдии купцом Ив. Ганиловским почти в том же виде и вкусе, как и наш главный Казанский кафедральный собор, только гораздо меньшего размера. До устройства этого храма городские кладбища находились в весьма незавидном состоянии: без ограды и без всякой заботы о приведении их сколько-нибудь в такое положение, чтобы благочестивый христианин не скорбел душевно при взгляде на заброшенные памятники. Теперь устроено на кладбище все как следует, и никто не станет сожалеть о прежнем запустении. В настоящее время есть еще предположение: разделить находящееся под кладбищем место на квадраты и умерших погребать по нумерам, с записыванием в особую книгу, так что родственники каждого покойника могут спустя несколько десятков лет отыскать могилу своею ближнего, хотя бы на ней не было и никакого памятника. Кладбище, по новому способу устроенное, должно быть обсажено деревьями и образовать вокруг четырехугольной ограды тенистую аллею, а посредине заключать в себе английский сад.

VI. Приходская церковь во имя святого Андрея Первозванного находится в верхней части города Ставрополя, в начале Воробьевского предместья. Она выстроена на общественный счет, под наблюдением преосвященного Иеремии, с той целью, чтобы основать здесь со временем архиерейский дом и мужеский монастырь; от этого она известна гражданам и теперь не иначе как под именем обители, для которой от города отведено значительное пространство земли с лесом и другими угодьями.

VII. Церковь святого Иоанна Предтечи сооружена также под непосредственным наблюдением преосвященного Иеремии для устраивающейся ныне женской обители. Находясь верстах в трех от города, церковь эта с устроенными при ней домами может по своей местности вполне служить убежищем для тех, кто пожелает отречься от мирских сует и жить вдали от городского шума.

VIII. В отдаленной части Ставрополя, так называемой Мамайке, в 1849 году, по совету преосвященного Иеремии, тоже выстроена небольшая церковь во имя св. великомученика Георгия старанием и участием купца Прокопия Леденева. Таким образом, каждая часть нашего города имеет теперь для себя свою собственную церковь, жители не могут жаловаться на недостаток в этом случае и имеют всегда возможность слушать слово Божие.

Кроме всех этих храмов в Ставрополе устроено еще несколько домашних церквей для заключенных, страждущих недугами и учащихся.

IX. Крестовая — трехпрестольная церковь при архиерейском доме; мы об ней сказали уже выше, при взгляде на развитие Ставрополя.

X. Во имя Скорбящей Божией Матери, при военном госпитале. Церковь эта прежде помещалась поочередно во многих местах, она была устроена сначала в 1838—39 годах на горе, в деревянном доме бывшего уездного училища, потом отсюда переведена на Воробьевку, где, смотря по удобству в размещении больных, очень часто переносилась из одного дома в другой; наконец, уже с 1842 года находится на нынешнем своем месте.

XI. При тюремном замке, во имя святых апостолов Петра и Павла. Заключенные, долгое время не имевшие возможности часто слышать пастырские наставления, не могут теперь пожаловаться на это и имеют все средства к успокоению и познаванию себя в духовном отношении.

XII. При губернской гимназии, во имя архистратига Михаила. Церковь эта устроена довольно уютно, красиво, и хотя не может похвалиться своим богатством по недавнему ее существованию, зато приносит много пользы юному поколению в религиозном отношении.

XIII. Церковь при среднеучебном заведении святой Александры, во имя святой Елисаветы, устроена в 1852 году с разрешения ее светлости княгини Елизаветы Ксавериевны Воронцовой, по плану архитектора Красевича, под непосредственным наблюдением попечителя этого храма Я.И. Булычева.

За всем этим в Ставрополе находятся еще:

XIV. Церковь римско-католическая, построенная в 1844 году на счет пожертвований, принесенных проживающими в нашем городе лицами католического исповедания. Она считается в числе приходских церквей и хотя во внутреннем своем составе во многом улучшилась против прежнего, но не имеет до сих пор некоторых принадлежностей, требуемых обрядами западной церкви.

XV. Церковь армяно-григорианская начала строиться в 1810 году, но, выстроенная до половины, по недостатку материальных средств, была оставлена и находилась в таком положении до 1830 года, в котором армяне при посредничестве генерала Эммануэля вновь принялись за это дело и с успехом тогда же окончили. Церковь была воздвигнута с двумя куполами, но впоследствии, года три или четыре назад, один из куполов, по ветхости грозивший падением, сломан.

XVI. Теперь остается еще нам сказать о мечети. В Ставрополе в числе жителей нет мусульман; те же из них, которые временно пребывают в городе по делам торговым, промышленным или другого рода, весьма немногочисленны и никогда не думали об основании мечети. Мечеть же, о которой мы упомянули, находится при гимназии собственно для воспитанников мусульманского исповедания из горцев, которых в настоящее время, кроме 15, предположено иметь в пансионе еще 50 человек.

Переходя от духовных учреждений к правительственным заведениям, находящимся в городе Ставрополе, мы не станем входить в подробности некоторых из них, особенно же в подробности таких заведений, которые должны быть известны каждому.

К числу правительственных заведений мы относим:

I. Присутственные места, губернские и уездные; все они помещаются в отдельном здании, состоящем из четырех корпусов. По переименовании Кавказской области в Ставропольскую губернию места эти действуют на основании общих губернских учреждений с некоторыми только изменениями, а потому объяснять здесь цель и назначение каждого места отдельно мы считаем излишним и даже не поименовываем их, так как штат губернского учреждения должен быть известен всякому.

II. Городские места: Дума, Магистрат, Сиротский суд, Словесный суд и Ремесленная управа также имеют для себя отдельное здание, о котором было уже сказано прежде.

III. Полиция помещается тоже в особом доме, на горе, близ Казанского кафедрального собора. Она состоит из полицмейстера, следственного пристава, двух частных приставов, четырех квартальных надзирателей и 46 нижних воинских чинов. Разбирать здесь действия полиции в отношении города не наше дело; скажем только, что по обширности в настоящее время Ставрополя необходимо в административном управлении разделить его на несколько отделов. Это предположение местное начальство имеет в виду, но по недостатку городских доходов оно остается не приведенным в исполнение. Пожарная часть с 1851 года во многом улучшилась, особенно по доставлении из С.-Петербурга необходимых для нее инструментов, и по возвращении оттуда же людей, посылавшихся для обучения, как действовать пожарными инструментами и исправлять их. Вообще мы должны заметить еще, что значительных пожаров в Ставрополе не было и не бывает; если случится в год два-три пожара, то и те редко в самом городе, а где-либо в отдаленных предместьях его.

Из военных управлений в Ставрополе расположены:

a) генеральный штаб и штаб войск при командующем войсками на Кавказской линии и в Черномории;

b) штаб 19-й пехотной дивизии;

c) штаб 2-й бригады кавказских линейных батальонов;

d) штаб резервной дивизии отдельного Кавказского корпуса, переведенный из Таганрога;

e) штаб 19-й артиллерийской бригады;

f) войсковой штаб, при наказном атамане Кавказского линейного казачьего войска;

g) войсковое правление, основанное в 1844 году. До этого же времени дела казаков Кавказского линейного войска производились в общих губернских присутственных местах. Об открытии войскового правления особенно старался наказной атаман генерал-лейтенант Николаев. До него казаками управлял генерал-майор Верзилин — первый их атаман; он имел пребывание свое в Пятигорске. По смерти Николаева, в 1850 году, наказным атаманом назначен был генерал-майор Круковской, принимавший с своей стороны самое живое участие в судьбе казаков и деятельно заботившийся об улучшении войскового и полковых правлений, и, может быть, он успел бы сделать в этом отношении многое, если бы Чечня не похитила его у казаков в 1852 году;

h) управление VII округа корпуса инженеров военных поселений;

i) комендантское управление с ордонанс-гаузом;

j) межевая комиссия Кавказского линейного казачьего войска, открытая еще при наказном атамане генерал-майоре Верзилине. Главная цель ее занятий — размежевка казачьих земель;

k) Комиссариатская комиссия. Она помещается в нескольких корпусах, на месте бывшего Ставропольского укрепления;

l) полевое провиантское комиссионерство. В 1830 году в Ставрополе была открыта еще Счетная комиссия отдельного Кавказского корпуса, для ревизии книги отчетов провиантского ведомства после военных действий, бывших с Персией и Оттоманской Портой. Она существовала до 1840 года, в котором одна часть ее присоединена к комиссионерству, а другая переведена в Тифлис.

Обращаясь теперь к благотворительным заведениям Ставропольского приказа общественного призрения, необходимо прежде всего указать на средства самого приказа и обороты его капиталов. В течение 1853 года в приказе общественного призрения состояло сумм:

1. Принадлежащих приказу 139245 рублей $90^{1}/_{2}$ копеек.

Сверх того :

В долгу на капитале 5-го разряда, отчисленных для отпуска в пособие городам 8350 рублей $25^{3}/_{4}$ копейки.

Процентов за Государственным заемным банком 12919 рублей 9 копеек.

Итого 160515 рублей $25^{1}/_{4}$ копейки.

2. На предназначенное употребление 15644 рубля $11^{1}/_{2}$ копейки.

3. Апелляционных 3214 рублей $6^{3}/_{4}$ копейки.

4. По исковым делам (в том числе билетами на 285 рублей $71^{1}/_{4}$ копейки) 205703 рубля 82 копейки.

5. Взнесенных от частных лиц, присутственных мест и должностных лиц для обращения на праве частных вкладов 582964 рубля $30^{1}/_{2}$ копейки.

6. Пересылочных 274 рубля $72^{1}/_{2}$ копейки.

В числе доходов 1853 года по суммам, принадлежащим приказу, заключаются: а) процентов 50236 рублей $97^{1}/_{2}$ копейки; б) приобретено пользы от хозяйственных заведений 901 рубль $40^{3}/_{4}$ копейки; в) кружечного сбора в пользу нищих и убогих 9 рублей $52^{1}/_{2}$ копейки; г) разных пожертвований 250 рублей $17^{1}/_{2}$ копейки; д) получено от разных статей, в пользу приказа предоставленных, 1000 рублей $52^{1}/_{2}$ копейки.

Расходы собственных сумм приказа были следующие: а) перечислено на не взятые вкладчиками капиталы процентов 27683 рубля 96 копеек; б) употреблено на содержание приказа и его заведений 7493 рубля 75 копеек; в) перечислено в 5-й разряд из чистого остатка доходов за 1853 год, на основании положения Комитета господ министров, Высочайше утвержденного 23 декабря 1843 года, для заимообразного отпуска в пособие городам 351 рубль $4^{1}/_{2}$ копейки; г) употреблено на разные издержки, падающие на счет сумм приказа, 2446 рублей $^{1}/_{4}$ копейки и д) употреблено на постройку каменной стены около сада, принадлежащего заведениям приказа, 197 рублей 40 копеек.

Сумма прихода 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го разрядов состоит из 174087 рублей 78 копеек вновь внесенных вкладов и 27683 рублей 96 копеек процентов, перечисленных из 1-го на 2-й, 4-й и 5-й разряды.

Сумма расхода 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го разрядов состоит из 87782 рублей 2 копеек капитальных и билетами 11693 рублей $17^{3}/_{4}$ копейки на вклады 2-го, 4-го и 5-го разрядов процентов, и 126 рублей $32^{1}/_{2}$ копейки, перечисленных в доход приказа.

Капиталы сии находятся:

В Государственной комиссии погашения долгов 18685 рублей $71^{1}/_{4}$ копейки, по распоряжению министерства внутренних дел, от 27 января 1819 года.

В Государственном заемном банке 836439 рублей $53^{1}/_{2}$ копейки, на основании 334-й и 362-й статей XIII тома Свода законов гражданских учреждений и Устава общественного призрения.

В бывшем Временном совете для управления департаментом государственных имуществ 28571 рубль $42^{3}/_{4}$ копейки, по распоряжению министерства внутренних дел от 27 июня 1837 года.

В Херсонском приказе 20000 рублей $^{3}/_{4}$ копейки, по распоряжению министерства внутренних дел от 8 ноября 1838 года.

На заемщиках 42395 рублей $25^{1}/_{4}$ копейки.

Налицо 955 рублей $^{1}/_{4}$ копейки.

Всего 917046 рублей $93^{3}/_{4}$ копейки.

В числе заведений приказа общественного призрения считаются:

А. Больница, в которой ежегодно средним числом призревается около 300 человек мужского и женского пола.

Б. Дом умалишенных, помещается в одном дворе с больницей. Заведение это, сообразно с своими средствами, находится в должной исправности; на содержание его и больницы употребляется в течение года около 3000 рублей серебром.

В. Богадельня имеет для себя отдельный дом, хотя и не так обширный, но довольно чистый и опрятный. В 1853 году в ней призрено 72 человека. Для успокоения заслуженных воинов приняты со стороны начальства всевозможные меры, а для развлечения некоторых из них в 1848 году, по распоряжению преосвященного Иеремии, при больнице учреждена небольшая библиотека из назидательных сочинений.

Заговорив о благотворительных заведениях города Ставрополя, считаем долгом упомянуть, что общество купцов и почетных граждан нашего города, желая выразить чувства своей благодарности за благодетельное управление краем наместника кавказского князя Михаила Семеновича Воронцова и ознаменовать свою к нему признательность каким-либо полезным делом, на общественном собрании в 1851 году единодушно предположило устроить еще особую больницу на 20 кроватей во имя св. архистратига Михаила, поместив ее в двух принадлежащих городу домах, которые, за переходом из них в новое здание всех городских управлений, сделались свободными. При этом почетный гражданин И. Стасенков и 1-й гильдии купец С. Деревщиков приняли на себя снабдить предположенную обществом больницу всем нужным по госпитальному положению на 3 года и в продолжении означенного срока доставлять съестные припасы для продовольствия 20-ти больных, а дабы обеспечить существование больницы на дальнейшее время, общество составило из добровольных пожертвований сумму в 2000 рублей серебром и сверх того обязалось вносить ежегодно при объявлении капиталов: от 1-й гильдии по 5 рублей, 2-й — по 3 рубля и 3-й — по 1 рублю 59 копеек, что составило бы в год более 300 рублей серебром. Но как назначенные для этого обществом средства не могут покрывать издержек, необходимых на содержание больницы, то, по приказанию князя М.С. Воронцова, жертвуемые обществом суммы переданы в приказ общественного призрения для содержания на них нескольких больных в богоугодных заведениях приказа или для приращения процентами, впредь до усиления средств, могущих обеспечить содержание предполагаемой больницы.

Для пособия бедным города Ставрополя очень часто от граждан и неизвестных лиц приносятся денежные и другого рода пожертвования. Местное начальство, желая возбудить еще более сострадание к бедным и ближе познакомить ставропольских жителей, расположенных к благотворительности, с горестным состоянием многих несчастных и указать им тесные их жилища, поручило некоторым лицам посещать бедных и затем, по тщательному дознанию о поведении подвергнувшихся нищете, печатались по временам в губернских ведомостях краткие биографические очерки таких лиц и семейств, жалкое положение которых заслуживает особенного внимания. Эта мера имела свои благодетельные последствия, и многие из бедных семейств получали вспомоществования деньгами, припасами, платьем и обувью от неизвестных им лиц. Со временем может чрез это образоваться в Ставрополе, по примеру столицы, общество посещения бедных, число которых в нашем городе весьма велико; и главная тому причина заключается в довольно частых здесь случаях, что недостаточные чиновники, приезжая на Кавказ для выгод служебных, от неосторожности, или подвергаясь климатическим болезням, или по другим причинам, умирали, оставляя свои семейства на произвол судьбы.

В 1852 году депутация, отправленная ставропольскими гражданами для поздравления господина наместника кавказского с монаршею милостью — пожалованием князю Михаилу Семеновичу титула Светлости, посетив в Тифлисе в числе разных благотворительных заведений столовую для бедных, пожелала подобное заведение устроить и в Ставрополе. Вследствие этого, с дозволения князя Михаила Семеновича Воронцова учрежден в нашем городе, по примеру Тифлиса, стол для 40 человек бедных, который почетные граждане Василий и Илья Федоровичи Стасенковы, Василий Игнатьевич Волобуев и 1-й гильдии купец Сергей Федотович Деревщиков обязались содержать на собственный счет в течение трех лет. Открытие стола происходило 9 ноября 1852 года.

Ознакомясь с судьбою бедных и участием, принятым в них, следует теперь нам перейти к заключенным и взглянуть на исправительные заведения в нашем городе, как-то: тюремный замок, особое отделение тюрьмы и арестантские роты гражданского и военного ведомств.

Тюремный замок помещается в каменном двухэтажном доме, оконченном постройкой в 1843 году. Состояние заключенных, против прежних лет, постепенно улучшается, и им предоставлена полная свобода заниматься в своих камерах полезными трудами. Чтобы не оставить в совершенном бездействии и других, особенно в весеннее и летнее время, как самое тягостное для заключенного, в 1848 году, по распоряжению господина гражданского губернатора, при тюрьме устроен огород, обработкой которого должны заниматься ожидающие с беспокойством решения своей судьбы. За этим, по ходатайству господина наместника кавказского, в городе Ставрополе учрежден Тюремный комитет, открывший свои действия в начале 1849 года. Заключенные вскоре почувствовали благотворную попечительность комитета и при посещениях наших всегда отзывались, что стеснений и недостатка ни в чем никогда не видели. Внимание комитета особенно обращено на нравственность содержащихся, которые вследствие этого распределены в камерах по роду преступлений, и к ним назначается священник для духовного назидания. Таким образом, члены Тюремного комитета, при своем похвальном соревновании и внимательности, доставили заключенным выгодное содержание, и полезные советы, и упражнения для исправления нравственности.

Особое отделение тюрьмы, которое жители называют часто рабочим домом, назначено собственно для содержания женского пола и осужденных по судебным приговорам к заключению под стражу на срок. Отделение это открыто с разрешения господина наместника кавказского в 1849 году. Из содержащихся здесь: мужчины занимаются столярной работой, шитьем обуви и платья; а женщины — вязанием перчаток, чулок, пряжею и шитьем белья; кроме того, те и другие обрабатывают устроенный и при отделении огород. В течение 1853 года в тюремном замке и отделении содержалось 1308 человек мужского и 265 женского пола, из этого числа умерло 10 мужчин и 6 женщин и выбыло 1137 мужчин и 210 женщин[5].

Арестантская рота гражданского ведомства существует в Ставрополе с 1840 года; число содержащихся в ней штатом не ограничено; их положено иметь 200 человек и более. По вступлении А.А. Волоцкого в должность гражданского губернатора на роту эту обращено было особенное внимание, и, главное, на недостаток и неудобство ее помещения. Рота помещалась в тесных деревянных зданиях бывшего тюремного замка, пришедших от времени в совершенную ветхость и во многом не удовлетворявших требованиям, какие определены положением о сформировании роты. Арестанты не были распределены на разряды, так что закоренелые в пороках нередко содержались с людьми совершенно невинными, попавшими в роту за неимение письменного вида или утрату билета. Поэтому генерал-майор Волоцкой прежде всего позаботился о возведении для роты нового здания. В 1849 году для нее выстроена хозяйственными средствами казенная казарма на 80 человек, и арестанты тогда были распределены на разряды. В следующем, 1850 году воздвигнута еще одна обширная казарма на 160 человек; а в настоящее время для этой роты строится новое здание в два этажа, из которых в верхнем будет помещена церковь, а в нижнем — мастерская. Арестанты приносят городу огромную пользу; они постоянно занимаются поправкой бульваров, бассейнов, устройством улиц, площадей, разработкою торфа на Кравцовом озере и тому подобным. Плата за городские работы положена каждому арестанту по 5 копеек серебром в сутки.

Военно-арестантская рота имеет для себя особые казармы, выстроенные в 1844 году по распоряжению генерал-лейтенанта Гурко. Арестанты этой роты занимаются разным мастерством и употребляются на работы собственно в тех местах и зданиях, которые принадлежат военному ведомству.

Вообще, всматриваясь во внутреннее состояние Ставрополя, везде в нем виднеются следы преобразований и благодетельных учреждений, начатых после счастливого 1837 года, который оживил граждан и дал им почувствовать, что труд и деятельность никогда не остаются без вознаграждения. В этот же самый год ставропольские граждане поняли, что для полного счастья их города и для продолжения его в будущем нужно было дать и молодому поколению возможность идти вперед по пути саморазвития. Для достижения этого следовало учредить такое заведение, где бы юношество могло образовать свои понятия. До 1837 года в Ставрополе было два училища — уездное и приходское: одно из них помещалось в небольшом деревянном здании, занятом теперь частью Комиссариатской комиссии, а другое — на старой базарной площади в каменном доме, в нижнем этаже которого помещались тогда арестанты, содержавшиеся при полиции. Нахождение дома в таком невыгодном месте не могло соответствовать назначению училища и давало детям возможность предаваться разным шалостям.

В настоящее время для образования юношества в Ставрополе состоят следующие заведения:

1. Гимназия, лично основанная Государем Императором 18 октября 1837 года. Одно это ставит ее высоко пред прочими подобными заведениями, которые не всегда могут удостоиться такой высокой чести. В первое время гимназия не имела у себя ни достаточных средств, ни хороших наставников; воспитанников в ней считалось около 30 человек, классов только четыре. Впоследствии, хотя она и совершенствовалась, но чрезвычайно медленно и нескоро, может быть, достигла бы вполне своего

значения, если бы в 1846 году не была изъята из ведомства Харьковского учебного округа и не подчинена непосредственному влиянию наместника кавказского. С этих пор особенная попечительная заботливость как высшего, так и непосредственного начальства гимназии была обращена на состоящий при ней Благородный пансион, на нравственное, умственное и физическое развитие юношей и детей, в нем воспитываемых. Потом, когда успех во всем этом был ясно видим, в гимназии открыты еще два специальных класса; затем, чтобы навсегда сохранить в памяти воспитанников день 18-е октября, в этот день с 1852 года учрежден конкурс лучших сочинений на русском языке для соискания наград. Конкурс 1853 года не только оправдал, по даже далеко превзошел самые смелые предположения. Беспристрастный суд уже решил, что сочинения, читанные на нем, отличались такими достоинствами, каких от учеников гимназии даже и требовать нельзя; сочинения учеников специального класса стоят настолько выше собственно гимназического конкурса и назначенной для него премии, что директор училища по всей справедливости нашел себя вынужденным ходатайствовать у высшего начальства об установлении и для специалистов особой, более приличной премии: одной золотой и одной серебряной медалей. Далее, считая занятие музыкой одним из лучших средств для достижения эстетического образования детей, гимназия приобрела для пансиона фортепиано. Таким образом воспитанники имеют теперь возможность учиться музыке в самом заведении у частных учителей, за условленную с родителями плату; занятия эти принесли уже желаемые плоды. Не совсем также неудачны попытки воспитанников пансиона в драматическом искусстве; по крайней мере представления их театра удостаивались всегда внимания многочисленных посетителей, ловкость и искусство, с которыми воспитанники пансиона выполняют не только общеупотребительные, но и некоторые балетные танцы, заслужили одобрение и господина попечителя кавказского учебного округа, и посетителей. Для развитая и укрепления физических сил устроены при Благородном пансионе гимнастические игры и упражнения, которые уже успели оказать благодетельное свое влияние как на развитие сил, так и на здоровье детей. Библиотека гимназии и физический кабинет находятся в удовлетворительном состоянии. Первая заключает в себе 1765 названий книг, из них 53 сочинения весьма ценные, как напр: «Всемирная история» Канта. Последний состоит из 83 аппаратов и машин, по большей части годных к употреблению. Число учеников гимназии в исходе истекшего 1852 года было 236; из них в течение 1853 года по разным причинам выбыло 91, вновь поступило 114, за тем остается налицо 278, следовательно, 42 более против прошлого года. Из них 98 суть пансионеры Благородного пансиона, воспитывающиеся: 29 из детей русских чиновников и 15 из детей почетных горцев, на счет государственного казначейства; 15 на счет правления Кавказского линейного казачьего войска; 2 на счет почетного попечителя, 9 из остатков сумм, ассигнуемых по смете на содержание пансиона; 28 своекоштных пансионеров. Остальные за тем 180 живут частью у родителей и родственников своих, частью на частных квартирах.

2. Духовная семинария открыта 13 ноября 1846 года; цель учреждения ее как духовного заведения преимущественно состоит в том, чтобы приготовлять достойных пастырей для православного русского народа. Кроме того, в Ставропольской семинарии обращено особенное внимание на науки, имеющие практическое приложение к жизни, как-то: медицину и сельское хозяйство. В 1853 года в семинарии считалось воспитанников 219, учителей 12.

3. Духовное училище. С какого именно времени оно существует в Ставрополе, мы не могли найти верных и точных сведений. В 1847 году, при бывшем епископе Иеремии, училище значительно увеличилось в своем объеме, особенно когда при нем иждивением 1-й гильдии купца Ивана Ганиловского построен был дом для бедных сирот духовного звания, которые имеют теперь для пропитания и образования своего удобный приют. В настоящее время в Ставропольском духовном училище находятся 240 воспитанников, из которых около 100 человек пользуются казенным содержанием.

4. Армянское училище существует с 1851 года. До основания его дети армян, живущих в Ставрополе, оставались без всякого попечения и никто не заботился о первоначальном их образовании. Некоторые из армян, хотя и отдавали своих детей в приходское училище, но вскоре, как только они выучивались читать и писать по-русски, выходили оттуда по воле родителей и поступали в лавки мальчиками или прислужниками. Но странно было видеть то, что природный армянин, выучившись читать и писать по-русски, часто не знал и не имел понятия о письменах своего родного языка. Это бросалось многим армянам в глаза, но никто не хотел позаботиться об устранении такого недостатка, пока наконец протоиерей П.С. Патканов не предложил небольшому армянскому обществу устроить при церкви училище, где бы дети их могли узнать сколько-нибудь свой язык. Предложение это было принято, и общество тогда же построило при церкви небольшой каменный дом для училища, в котором теперь считается около 30 человек. В училище дети учатся по-армянски и по-русски; священную историю и другие религиозные предметы они слушают на армянском, а грамматику и арифметику на русском языке.

Для воспитания женского пола в Ставрополе открыто с конца 1849 года среднеучебное заведение св. Александры, обязанное существованием своим попечению и заботам ее светлости княгини Е.К. Воронцовой. Княгиня Воронцова, два раза посещавшая это заведение: в 1851 и 1854 годах, лично сделала многие распоряжения, которые послужили к его улучшению. Заведение обязано

также много в своем усовершенствовании бывшей вице-председательнице, супруге покойного генерала от кавалерии Анне Павловне Завадовской. Состоя под Высочайшим покровительством всеавгустейшей монархини, оно в настоящее время получило уже довольно значительный состав. После 5-летнего существования заведение имеет теперь все необходимое: имущество, капитал, церковь и больницу. К 1854 году капитал заведения состоял из 15749 рублей, из коих:

1) в Московском опекунском совете — 4000 рублей;
2) там же, полученные от Градской думы на городских воспитанниц, 1440 рублей;
3) в С.-Петербургском опекунском совете 10000 рублей;
4) в Ставропольском приказе общественного призрения 309 рублей.

Этот наличный капитал и самое состояние учебного заведения оправдывают теперь ту цель его и ту заботливость об его учреждении, которыми оно вполне обязано княгине Елизавете Ксавериевне и князю Михаилу Семеновичу Воронцовым, давшим таким образом нашему краю постоянную возможность для образования детей женского пола недостаточных родителей.

Ныне воспитанниц налицо:
содержащихся благотворителями — 48;
своекоштных — 21;
линейного казачьего войска —17;
от граждан города Ставрополя — 9;
от самого заведения — 2;
полупансионерок — 2;
на счет воспитанниц заведения — 1;
итого — 100.

При заведении состоят:
заведующая заведением — 1;
помощница — 1;
классных надзирательниц — 6;
кастелянша — 1;
дама при больнице — 1;
преподавателей наук, временно приходящих — 5;
лекарь, тоже временный — 1.
Итого — 16.

Не касаясь упомянутого выше сего капитала, заведение святой Александры в течение минувшего года содержалось из сумм, поступивших из следующих источников:

I. От благотворителей, от Линейного казачьего войска, от общества города Ставрополя и от родителей на содержание детей — 6871 рубль 13 копеек.

II. Единовременных пожертвований — 1461 рубль 3 копейки.

III. От лотереи — 1190 рублей.

IV. Деньгами, взнесенными по званию членов, — 610 рублей.

Итого 10132 рубля 16 копеек.

Содержание воспитанниц со всем штатом и прислугою, всего 147 душ, обошлось в следующем виде:

а) на продовольствие — 2666 рублей 83 копейки;
б) на сахар и чай — 741 рубль 51 копейка;
в) за наем одной половины дома — 600 рублей;
г) на одеяние и обувь — 1138 рублей 45 копеек;
д) на жалованье — 2756 рублей 26 копеек;
е) на отопление и освещение — 937 рублей 30 копеек;
ж) на разные расходы по содержанию дома — 1240 рублей 89½ копейки.
Итого — 10081 рубль 24½ копейки.

В заключение всего этого надобно сказать, что с распространением образования должна развиваться и общественная жизнь Ставрополя. Мы видели, как постоянно совершенствовался наш город, что в нем было прежде и что есть теперь. Относительно общественных удовольствий в Ставрополе существуют различные толки и мнения. Одни из граждан скучают, но это по большой части молодые, отъявленные львы, показывающие вид, что они много видели, много знают, но на самом деле ничего не знающие и жалующиеся на скуку единственно вследствие своей праздной жизни. Напротив того, большая часть ставропольских граждан (мы не включаем, впрочем, сюда средние сословия) очень довольна своею жизнью, которую легко можно разнообразить и в которой много есть средств для развлечения. Положим, что наш город не имеет еще тех средств и удобств, какими пользуются некоторые другие города России, но во всяком случае мы смело можем сказать, что многим губернским городам, судя по сведениям, какие мы иногда встречаем о них в журналах и газетах, еще далеко в этом отношении до настоящего состояния Ставрополя. У нас на Кавказе шесть губернских городов: Тифлис, Кутаис, Эривань, Шамаха, Дербент и Ставрополь, но из них, в от-

ношении общественных удовольствий, преимущество только остается за Тифлисом и Ставрополем. Один господствует за Кавказом, а другой на Кавказе.

Молодые люди, жаловавшиеся прежде на скуку, проводят теперь время довольно приятно в дворянском клубе, помещенном в доме бывшего Благородного собрания. Открытие клуба доставило многим возможность иметь во всякое время полезное и приятное развлечение. Здесь каждый из членов может, по своему вкусу и желанию, избрать для себя занятия и подчас послушать умную беседу, которая всегда доставит более удовольствия, чем бесполезные, щепетильные игры.

Вскоре после открытия дворянского клуба в Ставрополе учреждена публичная библиотека, обязанная своим существованием нынешнему гражданскому губернатору. До 1851 года никто из наших граждан не подумал об этом полезном учреждении. Впрочем, в 1839 году была еще небольшая частная библиотека у купца Челахова, которому за право чтения любители платили по 8 рублей серебром в год, но в библиотеке этой мало было полезных и интересных книг: она состояла большей частью из одних устарелых романов. По смерти Челахова часть этой библиотеки была подарена губернской гимназии, а другая, как говорят, зачитана. А.А. Волоцкой, желая доставить бедным чиновникам и другим недостаточным людям средства к образованию, а всем вообще ставропольским жителям — приятное развлечение, еще в 1850 году хотел осуществить свое предприятие, но библиотека по некоторым обстоятельствам не могла тогда устроиться. По собрании же предварительных сведений о средствах и о тех лицах, которые могли быть полезны в этом деле, библиотека, с разрешения князя наместника кавказского, была наконец открыта 29 декабря 1852 года. Под помещение ее назначен казенный дом бывшей Строительной и дорожном комиссии. При открытии библиотека имела 546 томов разных сочинений, из которых 481 том приобретен был покупкою, а остальные пожертвованы: г. гражданским губернатором, пятигорским купцом Якунчиковым и другими лицами; сверх того ожидались из С.-Петербурга до 240 томов, за которые деньги книгопродавцу были уже заплачены; в настоящее же время в ней считается 523 названия, составляющих вместе с периодическими изданиями 1203 тома. Для составления на будущее время постоянного дохода публичной библиотеки, кроме добровольных пожертвований, принято правилом, по примеру библиотек: Севастопольской морской офицерской и публичной Керченской, чтобы действительные члены библиотеки вносили: состоящие на службе — по одному проценту из получаемого ими жалованья, а купцы и другие частные лица — по семи рублей серебром в год. Библиотека открыта ежедневно утром и после обеда, каждый член свободно пользуется книгами и может читать в библиотеке новые журналы и газеты, а по получении следующих за ними номеров брать к себе и на дом. Кроме всех лучших периодических изданий библиотека получает несколько газет и журналов, французских и немецких, всего на сумму до 240 рублей серебром.

Кто хочет искать других развлечений, вне библиотеки и клуба, тот может найти их в театре, который в последнее время посещен был многими талантливыми артистами, приобретшими себе уже громкую известность в столицах. Но прежде нежели мы приступим к описанию настоящего состояния ставропольского театра, взглянем на его прошедшее положение и на причины, вследствие которых возникло в нашем городе это общественное учреждение. До 1837 года лучшие удовольствия нашего города состояли в мелочных забавах; потом, когда ставропольские граждане начали становиться зажиточнее, прежние развлечения показались им скучными и однообразными. На этом основании в 1840 году заговорили о театре; но решительного ничего еще не было сделано, вследствие споров и затруднений, откуда выписать актеров, где и в каком объеме построить театральное здание. Наконец явился человек, который принял на себя обязанность основать в Ставрополе театр. Это был некто Яценко, без вести исчезнувший потом из нашего города. В 1841 году он отправился набирать труппу, а граждане принялись за постройку незатейливого театра, который был окончен к 1842 году и походил во многом на лубочный балаган. После того явился с актерами и Яценко; начались спектакли; публика с какою-то особенною энергией стремилась в театр, смотрела на все со вниманием, но мало вникала в игру актеров; на первый раз игра нравилась; во взглядах и вкусах не заметно было разнообразия; немногие только не одобряли игру наших лицедеев, зато остальные все стояли за них горой. Казалось бы, чего же более и желать ставропольским артистам, если к ним так горячо была привязана большая часть граждан? Не тут-то было — вкусы начали изменяться. Что это значит, спрашивали, что в театре так мало народа и публика так хладнокровно начала смотреть на игру актеров? Однообразие, однообразие, было ответом, не стоит смотреть и тратить деньги на какие-нибудь пустые водевили, к тому же еще неудачно разыгрываемые; да и на самую наружность театра и на внутреннее его устройство стало как-то приторно глядеть. Требование публики было в этом отношении совершенно справедливо, потому что город богател и у многих граждан были средства для постройки театра в лучшем виде. Публика предлагала им приступить к делу, но все почти отказались строить для театра каменное здание, кроме одного только 1-й гильдии купца И. Ганиловского, принявшего это предложение. Наконец в 1845 году явился в Ставрополе новый каменный театр, удовлетворивший на первый раз требованиям публики. Действительно, по наружному и внутреннему устройству ставропольский театр может поспорить со многими театрами наших лучших губернских городов, но не в состоянии был тогда поддержать себя относительно искусства

и похвалиться хорошими артистами. По окончательном, в 1845 году, устройстве театра учреждена была дирекция над прежде бывшими актерами. Граждане сначала не жалели денег, но скоро снова посетители театра начали редеть; наружность не привлекала их. Наконец дирекция уничтожена и ставропольские актеры разбрелись. Город остался опять без театра; но так как общественных развлечений лет семь тому назад в Ставрополе было не слишком много, граждане начали скучать, пустое театральное здание наводило какое-то уныние. Скучавшие непритворно о театре увидели наконец в 1846 году на сцене ставропольского театра труппу Зелинского. В первый раз Зелинский блеснул своими артистами, из числа которых действительно заслуживали внимания и уважения: комик Алексеев, трагик Рыбаков и г-жа Рыбакова. С 1846 по 1849 год, пока эти артисты держались на ставропольской сцене, дано было довольно много дельных представлений. Мы видели игру Алексеева в «Горе от ума», «Ревизоре» и прочем и восхищались ею; хвалили Рыбакова в «Гамлете», «Разбойниках» Шиллера и других замечательных драмах и трагедиях. Даже пустые водевили было приятно смотреть. По отъезде этих двух талантливых актеров труппа Зелинского постепенно начала клониться к упадку. С 1 декабря 1852 года ставропольский театр вновь поступил в ведение дирекции и с этих пор, под наблюдением директоров: генерал-майора А.Х. Капгера, А.Е. Лазарева и гр. С. Иванова, начался в нем ряд многочисленных преобразований во внутреннем его составе. Прежняя меблировка заменена новой, старые декорации вместе с ветхими лицедеями исчезли. Дирекция постаралась приобрести теперь несколько новых талантливых артистов и артисток, которые, как заметно, стараются понять значение своих ролей, а чрез это и игра в театре идет живее. Театральная музыка также может доставить более полное эстетическое удовольствие. За все это публика должна быть благодарна дирекции, которая не щадит ни трудов, ни денег на усовершенствование театра, для поддержания которого светлейший князь Михаил Семенович Воронцов со своей стороны изволил назначать ежегодно 1200 рублей серебром. К числу музыкальных знаменитостей, посетивших наш город, мы относим: г-жу Кристиани — виолончелистку Короля Датского, пианиста Сеймур-Шифа и Апполинария Контского, которым дано было два концерта: 23 и 30 октября 1853 года; в последнее время известный русский артист Живокини 1-й, игра которого давно уже оценена, также дал на ставропольском театре несколько представлений. Между нашими артистами первое место принадлежит г-ну Швану.

Для общественных гуляний в Ставрополе находятся три сада и бульвар.

Бульвар в настоящее время составляет главное место для прогулок ставропольской публики. Он расположен во всю длину Николаевской улицы, почти на полторы версты. В хорошую погоду на нем каждый день можно встретить весь цвет ставропольского общества; бывают иногда и такие случаи, что бульвар не в состоянии поместить своих посетителей, и это лучше всего свидетельствует о его красоте. Первая мысль об устройстве бульвара была еще подана гражданскому губернатору барону Таубе членами Строительной комиссии, но тогдашний градоначальник не привел ее в исполнение, и она дожидалась генерала Граббе. П.Х. Граббе, по устройстве небольшой части бульвара, имел намерение протянуть его во всю длину улицы, но вскоре сам выехал из Ставрополя, и это благое намерение оставалось в забвении до генерал-майора Норденстама, который, по согласию с Н.С. Завадовским, возобновил старую мысль; но за переводом его в Финляндию гражданским губернатором Нюландской губернии он успел только положить начало нового бульвара и дальнейшие заботы о нем передал А.А. Волоцкому. В 1849 году бульвар достиг полного своего значения и размера. В настоящее время его разделяют на две части: на бульвар верхний и нижний; первый из них простирается от театральной улицы до бассейна; а второй — от бассейна до Тифлисских ворот. Нижний бульвар состоит из одной средней довольно широкой аллеи и двух боковых поуже; аллеи состоят из молодых лип, чинар, акаций и разных других деревьев. Верхний бульвар имеет несколько тропинок и аллей, из которых одна главная вполне достойна этого названия; гуляющий защищен здесь от солнечных лучей и на каждом шагу может отдохнуть под тенью густой липы или акации. Господин наместник кавказский во время своего пребывания в Ставрополе, еще в 1851 году, вполне остался доволен устройством нового бульвара — такого богатого приобретения, каким не многие из наших губернских городов могут похвалиться. Князь Михаил Семенович сверх того приказал, в память управления Кавказским краем генерала от кавалерии Завадовского, нижний бульвар назвать его именем, вследствие чего пред началом нашего общественного гулянья на двух каменных столбах сделана следующая надпись: «Бульвар Завадовского. Устроен в 1849 году».

Отправляясь с бульвара в Воронцовский сад, бывшую Бабину рощу, опять видим новое устройство и невольно вспоминаем, каким образом достигла она своего цветущего состояния. Роща эта, по рассказам старожилов, принадлежала когда-то поручику Бабину, а по смерти его перешла в ведение города, сохранив за собою имя своего прежнего хозяина. Князь Михаил Семенович, обратив особенное свое внимание на рощу, поручил местному начальству привести ее в более удовлетворительное состояние, чего она и заслуживала по своим вековым деревьям. По отъезде князя-наместника тотчас же приступлено было к работам и роща, вызванная из запустения, приведена на первый раз в должный порядок. Затем вызвано было также из запустения пустопорожнее место, прилегающее к роще близ арестантской роты; на нем предполагалось прежде выстроить гимназию. Место это,

занятое арестантским огородом, было обращено в общеполезный рассадник, о котором мы теперь слышим лестные и справедливые отзывы. В Воронцовском саду выстроен павильон, где иногда танцуют, а в общеполезном рассаднике устроена оранжерея и дом для садовника и учеников. Все эти работы производились под наблюдением статского советника А.И. Полянского, любителя садоводства, который вообще деятельно трудился как в устройстве самого сада, так и принадлежащего к нему рассадника. Когда светлейший князь в последние два раза, в 1851 и в 1854 году, посетил Ставрополь, то нашел этот сад прекраснейшим местом для гулянья; но всего более удостоился одобрения рассадник, служащий питомником многим редким растениям и начавший снабжать губернию молодыми лучших сортов фруктовыми и другими деревьями, которые первоначально доставлены были, по распоряжению наместника, из крымских имений его светлости. Князь Михаил Семенович со своей супругой осматривал деревья, куртины и благодарил начальство за устройство сада; особенно понравились тогда князю выращенные здесь бельбекские тополи. Дорогие посетители Ставрополя, гуляя по главной аллее сада, любовались обширным прудом, чрез который перекинут мост, и устройством павильона, стиль коего и избранная для него местность заслужили особенное одобрение. В заключение всего светлейший князь изволил сказать, что ставропольский рассадник есть лучший из находящихся в черте управления его, и потом приказал из здешнего сада переслать двести тополей в Кисловодск — для тамошней аллеи, и сверх того, особо, в Баку и другие места. За тем тополи доставлены были по просьбам в укрепление Хасавюрт, штаб-квартиру егерского генерал-адъютанта князя Чернышева полка и в Алагирский серебро-свинцовый завод. В настоящее время в Воронцовском саду фруктовые деревья продаются жителям Ставрополя и окрестных мест по следующим ценам: однолетнее деревцо — по 20 копеек, двухлетнее — 30, трехлетнее — 50 копеек, а виноградные лозы — по 1 копейке за штуку. До сих пор мы, прогуливаясь с нашими читателями по городу, указали по возможности на общественные наши заведения и гульбища. Теперь мы посмотрим, нет ли каких еще мест для препровождения времени вдали от города. Если кому угодно последовать за нами, мы, без дальних затей и околичностей, предлагаем отправиться в тутовый сад, расположенный к северо-западу от Подгорной слободки, на гористой покатости, по левую сторону речки Ташлы. Мы уверены, что одно путешествие за город к этому саду доставит много удовольствия. Кто, проходя беспрестанно чрез зеленеющие сады и рощи, утомится долгим путем, тот может везде свободно отдохнуть под тенью, а потом, пройдясь по аллеям тутового сада, посмотреть на развитие шелковицы, кормление червей и наконец на размотку коконов. Ставропольский тутовый сад должен гордиться своими деревьями потому, что они привезены для разведения в нем из дальних земель. Покойный граф Е.Фр. Канкрин, заботясь о расширении и улучшении кавказского шелководства, в 1842 году купил в Тарасконе, во Франции, у братьев Филибер, более тысячи шелковичных деревьев и на свой счет нанял корабль для перевозки их из Марсели в Одессу. Из Одессы деревца эти доставлены были к почтенному патриарху русских шелководов А.Ф. Реброву и разведены в деревне его Владимировке и в Ставрополе в значительном количестве. Они имеют свои особенности: листья их отличаются величиной и прекрасным темно-зеленым цветом. С 1850 года при тутовом саде, по воле господина наместника кавказского, учреждена практическая школа шелководства, состоящая в ведении члена Кавказского общества сельского хозяйства П.Н. Нечмирова. Главная цель ее — образовать шелководов для распространения этой важной промышленности в Ставропольской губернии и приготовлять в запас, для безденежной раздачи жителям, яички шелковичных червей, семена шелковицы и молодые тутовые деревья. Из числа учеников, находящихся теперь в школе, одни принадлежат к обществу мещан городов Ставрополя и Георгиевска, а другие из государственных крестьян. Ученики эти, кроме прямого своего назначения — занятия шелководством, в свободное время упражняются в разведении разных фруктовых и дикорастущих дерев. Приготовляемый же учениками в течение года шелк (для получения одного фунта коего употребляется до 2400 коконов) продается по распоряжению местного начальства в Москве, и вырученные за то деньги обращаются на наем учителя для обучения учеников грамоте, на покупку книг и прочих учебных пособий, а также и на поправку зданий. Из городских доходов, для поддержания школы шелководства, отпускается ежегодно от 450 до 500 рублей серебром, из которых 300 назначается в жалованье шелководу, а остальные на исправление инструментов и строений. В 1851 году секретарь Кавказского общества сельского хозяйства И.Ф. Золотарев прислал для нашей школы несколько яичек особого рода червей. Черви эти, по словам заведывающего школой П.Н. Нечмирова, хотя и не отличаются от обыкновенных итальянских, и притом менее последних, но зато коконы их по густоте нитей несравненно прочнее. Шелк из них выходит превосходного качества, самые коконы особенно удобны к прессованию для пересылки в дальние места. Покойный Н.А. Райко, в проезд свой чрез Ставрополь, 31 марта 1852 года посетив наш казенный тутовый сад и практическую школу, отозвался, что рассадка молодых деревьев произведена в самой правильной пропорции и одобрил шпалерные аллеи из тутовника, расположенные в 16 линий с целью разводить шелковицу посредством отводков, заметив притом, что деревца, оставленные расти кустарником в аллеях, то есть без очистки нижних ветвей, будут чрезвычайно полезны для первоначального кормления червей ранним листом. Заведения шелководства, шелкомотальные машины, образцы шелка с 1849 года, то есть со времени

учреждения школы, коконы, опыты размотки шелка в хорошую погоду и во время ненастья, равно весь шелк, полученный в 1851 году, заслужили полное одобрение знаменитого шелковода, который присовокупил, что коконы и шелк находит он весьма хорошего качества и что размотка последнего правильна, будучи производима именно так, как это требуется для фабрикации.

Осмотрев бульвары, рощи, сады для гуляния, не мешает сказать что-нибудь и вообще о садоводстве Ставрополя. Садоводство составляет одну из важнейших отраслей хозяйства в нашем городе; обширные, роскошные сады раскинуты всюду и в самом городе, и по течению речек Мамайки и Ташлы; особенного внимания заслуживают последние, пользующиеся по своему местоположению всеми удобствами и привольями к успешному их разведению. Садоводство в Ставрополе началось с самого почти его основания и на первых порах находилось, по словам старожилов, в таком цветущем состоянии, до которого далеко теперь дойти настоящим нашим садам. Но как старина хвалит всегда свое прошедшее, то мы и не даем полной веры ее рассказам и смело говорим, что садоводство в Ставрополе нисколько не упало против прежнего, а напротив, постепенно совершенствуется. Есть много у нас и таких людей, которые ухаживают за своими садами по всем правилам науки и предоставляют потом другим пользоваться своими наблюдениями и трудами. Кроме разведения в Ставрополе обыкновенных фруктовых деревьев, жители начинают понемногу заниматься также разведением и винограда, лозы которого можно теперь приобресть во всякое время в общеполезном рассаднике при Воронцовском саде. В газете «Кавказ» за 1849 год было напечатано, что купец Н.Н. Плотников сделал весьма удачный опыт разведения в нашем городе винограда и что им задача в отношении того, что виноград может расти в окрестностях Ставрополя, разрешена удачно. Мы должны объяснить, что задача о возможности разводить виноград в окрестности Ставрополя разрешена гораздо ранее купца Плотникова известным любителем садоводства Ф.Я. Макаровским. Сад господина Макаровского находится на северной стороне Ставрополя, в лощине Ташлинского предместья и так же, как сад Н.Н. Плотникова, защищен местностью от непогоды. Впрочем, надо сказать, что виноград не может повсюду вполне созревать в Ставрополе по причине возвышенной местности нашего города, и если он созревает в садах господ Макаровского и Плотникова, то тому споспешествует низменность места, которая, как мы сейчас видели, защищена от ветров. Вообще должно заметить, что городское садоводство находится в хорошем состоянии и многим приносит в урожайные годы большие выгоды. Сверх того 1851 год доказал многим, что по климату своему Ставрополь способен иногда производить в садоводстве редкие явления. В том году после продолжительного и сухого лета в некоторых садах, по снятии фруктов, деревья вновь цвели в сентябре месяце и завязали плод; в саду же П.Н. Нечмирова из числа этих вторичных плодов яблоки, снятые в начале ноября месяца, получили форму и цвет совершенно созревших, и только по величине своей уступали первым плодам. Во время урожайных годов, к числу которых можно отнести и нынешний 1854 год, в Ставрополе бывает такое обилие в плодах и овощах, что, за удовлетворением городских жителей, снабжаются ими соседние селения и станицы. Жаль, что в Ставрополе, при всем богатстве фруктовых деревьев, жители не займутся приготовлением впрок своих плодов и обработкой их, например, из одного чернослива, который в лавках покупается у нас по 10 копеек фунт и дороже, жители могли бы извлечь для себя огромную пользу, так как ставропольская черная слива ни в чем не уступает закавказской и в величине, и в своем приятном вкусе. Другой пример нерадения наших садоводов о сбережении и извлечении из плодов материальной выгоды доказывается еще тем, что во время зимы в Ставрополь привозят из Крыму в значительном количестве яблоки и продают их по 15 и 20 копеек серебром за фунт, тогда как в яблоках, при тщательном занятии жителей сбережением их, Ставрополь никогда не мог бы иметь недостатка. Всех садов в городе считается около 160; из них особенного внимания заслуживают сады господ А.И. Гречанинова, П.Н. Нечмирова, Ф.Я. Макаровского, Н.Н. Плотникова и многих других лиц; здесь всегда с удовольствием можно провести время и полюбоваться правильной рассадкой деревьев и их разведением.

Кроме садоводства средний класс ставропольских жителей занимается в окрестностях и предместьях города хлебопашеством, огородничеством и вообще разведением разных овощей, и всегда труд его вознаграждается с избытком. Места по реке Ташле и ее притокам Березовке и Третьей речке все почти заняты хлебом, гречихой, кукурузой, капустой и другими необходимыми растениями; под сенокос оставлено здесь весьма незначительное пространство; то же самое мы видим и в предместьях Мамайки и Мутнянки. Растительность Ставрополя так богата, что жители, пользуясь плодородием почвы, могли бы легко завести обширные плантации для каких-нибудь ценных произведений природы, особенно таких, которые свойственны только теплому климату. Например, они с успехом могли бы разводить табак и красильное растение марену, особенно последнюю, которая в диком состоянии растет на всем пространстве Ставропольской губернии и обещает большое вознаграждение за правильное ее возделывание. В 1850 году член Кавказского общества сельского хозяйства П.Н. Нечмиров выписал из Закавказского края семена марены, желая развести в окрестностях Ставрополя и во всей губернии плантации этого растения, но, к сожалению, с того времени, как нам известно, немногие занялись усердно этим делом, кроме одного только помещика Пятигорского уезда Шан-Гирея. Свойственная почти каждому нерешимость начинать что-либо новое в хозяйстве,

сомнение в успехе, а, может быть, и затруднение в приобретении семян марены, кажется, суть главные причины, удерживающие ставропольских хозяев от этого полезного занятия. Чтобы устранить их по возможности, в 1852 году, по приказанию господина гражданского губернатора в Ставрополе заведены две образцовые плантации марены: одна в казенном тутовом саду, другая при рассаднике, находящемся около Варваринской церкви. В окрестностях Ставрополя находятся еще во множестве фармацевтические растения, из которых, если бы за ними ухаживали как следует, можно собирать обильный запас свежих медикаментов для аптек. В геогностическом отношении почва земли, занимаемая городом, различна: в нижней части его — болотистая и топкая, в подгорной — глинистая, по хуторам — черноземная, а в прочих возвышенных частях — каменистая; последняя состоит из известкового и раковистого камня, который обширными сплошными массами составляет или поверхний слой земли или же, покрытый песчаником и черноземом, лежит не глубже пяти и десяти футов; в этом случае массы его обширнее первых и продолжаются сажени на две в глубину и на несколько сажень в окружности. Из камня сего построены лучшие дома и здания города; но в них сырость и холод уничтожаются только при всевозможных способах и заботах жильцов; причина этого неудобства состоит в том, что доселе не обращено внимания на свойство этого камня, на приготовление его к постройке и на особый способ кладки стен в зданиях, — способ далеко не схож с устройством зданий кирпичных. Кроме этого известкового и раковистого камня, верстах в десяти от города, по дороге к Тифлису, под поверхним слоем чернозема лежат обширные, толщиною в пол-аршина и более, пласты кремнистого камня, которым вымощены Николаевская, Театральная и часть Александровской улицы длиною до двух верст. Кстати, надобно еще упомянуть и о произведениях, принадлежащих к категории ископаемых веществ, а именно: о введении в Ставрополе топки каменным углем и торфом, с целью сберечь тем сколько-нибудь лежащие вокруг города небольшие леса. Было время, лет за 40 тому назад, окрестности Ставрополя изобиловали лесами, которые в самом начале вырубались с намерением, чтобы лишить хищных горцев надежных притонов для грабежа, потом же, когда не стало притонов, леса также истреблялись быстро, и в настоящее время не только близ нашего города, но и в пределах самой губернии их осталось весьма незначительное количество и в довольно жалком состоянии. Поэтому все должны быть благодарны, что для восстановления и сбережения лесов в том виде, в каком они были прежде, представляется теперь надежное средство, а именно: заменить дровяное отапливание домов открытым близ укрепления Хумара каменным углем, употребление которого введено уже, по распоряжению господина наместника кавказского, во всех казенных местах и в некоторых частных домах. Сверх того, в 1849 году присланным от его светлости генерального штаба подполковником Колодеевым разыскивался в окрестностях Ставрополя торф, который найден в весьма значительном количестве на городской земле, в так называемом Кравцовом озере, в расстоянии от Ставрополя около 9 верст. Окружность этого озера имеет 4 версты, масса торфа лежит у берега на $^{1}/_{2}$ аршина, а на средине от $2^{1}/_{2}$ до 3 аршин глубиною; разработка его производится арестантами гражданского ведомства. В 1851 году князь Михаил Семенович Воронцов, лично осматривая запас и складку торфа, нашел его весьма хорошего качества, но в отношении инструментов для резки его изволил дать указание и приказал заменить их новыми, особого устройства, торфяными лопатами. Это полезное замечание, по распоряжению местного начальства, приведено в исполнение, и разработка торфа идет весьма успешно.

Фабричная и заводская промышленность города Ставрополя с каждым годом увеличивается и приняла бы, может быть, обширные размеры, если бы наш город имел побольше предприимчивых капиталистов. Теперь в Ставрополе считается семь фабрик, из них 5 табачных и 2 хлопчатобумажных. Табачные фабрики все получили свое начало в наше время; первая из них была основана 1-й гильдии купцом Ф.А. Брацановым. Годовой оборот всех пяти фабрик простирается до 6 тысяч рублей серебром.

Хлопчатобумажные фабрики, по недавнему их открытию, приносят в год дохода до 2 тысяч рублей серебром.

Из заводов, находящихся в Ставрополе, заслуживают внимания следующие:

a) Колокольный завод купца И.С. Ефимова находится в предместии Мутнянки. Завод этот, единственный на Кавказе, приносит здешнему краю существенную пользу уже тем, что отлитые на нем колокола обходятся тремя рублями серебром на пуд дешевле против колоколов, привозимых из Великороссийских губерний. Притом теперь есть возможность переливать на этом заводе старые разбитые колокола на новые, как это мы видели уже из того, что разбитый в Троицком соборе 316-пудовый колокол был перелит в 1852 году на новый. Сверх того, в этом же году, для Казанского кафедрального собора отлит особо колокол в 523 пуда, кроме других маловесных. Средний годовой оборот завода, со времени его существования, составляет около двух тысяч рублей серебром.

b) Шорных заводов в Ставрополе три; все они в год приносят доходу до 11650 рублей серебром.

c) Кожевенные заводы, которых в прошедшем году считалось семь, а в настоящем только шесть, по своим годовым операциям самые значительные. Заводы эти, разбросанные по речкам Ташле, Мамайке, Мутнянке, если бы находились в руках предприимчивых капиталистов, могли бы принести огромную выгоду казне и своим учредителям. Многочисленное скотоводство всегда

дает здесь способы к дешевому приобретению весьма большого количества сырых кож, недостаток же дубовой коры легко и с выгодою может заменять растение, называемое кермек, содержащее в себе дубильного вещества 22 процентами еще более той коры. О сбыте кожи думать нечего: кроме жителей, которые большею частью покупают обувь, привозимую из внутренних губерний России, одна поставка сапожного товара для войск могла бы составить огромное требование; но за всем этим настоящие кожевенные заводы сбывают своего товара почти на 18 тысяч рублей ежегодно.

d) Мыльных заводов в Ставрополе три; один из них, принадлежащий купцу Луневу, существует уже более 25 лет, другой — около 20, а последний открыт в нынешнем году, и обороты его хорошо неизвестны. Древесная зола, требуемая на эти заводы в достаточном количестве, покупается у жителей, которые стараются сохранять ее и не бросают зря, как в других местах. Мыла на двух первых заводах выделывается в год почти на 4 тысячи рублей серебром.

e) Свечных заводов в городе десять, из них два восковых и 8 сальных. По своим оборотам они стоят выше всех ставропольских заводов и никогда не терпят нужды в сбыте выделываемых ими в течение года свечей, ценность которых простирается более нежели на 35 тысяч рублей серебром.

f) Салотопенные заводы также находятся в хорошем состоянии; в Ставрополе их считается шесть. В течение года они приносят своим заводчикам верных 16 тысяч рублей серебром.

g) Воскобойный завод. В прошедшем году их в Ставрополе считалось два; причина, почему один из них уничтожился, нам неизвестна. Годовой оборот воскобойного завода простирается до 1600 рублей серебром.

h) Кирпичных заводов в Ставрополе шесть; число их против прежних лет уменьшилось, но зато теперь между ними находится один завод кафельный и черепичный чиновника Крупинского, который приготовляет весьма хорошую и прочную черепицу для покрытия домов, и уже несколько каменных и деревянных зданий в Ставрополе покрыты этим новым несгораемым материалом. Кроме того, господин Крупинский выделывает изразцы, водопроводные трубы и плиты для полов. Годовой доход всех шести заводов можно полагать не более как в 3500 рублей серебром. По новости черепичных крыш на Кавказе, сбыт изделий чиновника Крупинского теперь еще незначителен; но если в нашем довольно жарком климате жители поймут всю невыгоду железных крыш и преимущество пред ними черепичных, употребляемых в Крыму, за Кавказом и в Италии, то завод господина Крупинского может со временем принести ему значительные выгоды.

i) Известковый завод приносит в год до 1500 рублей серебром.

j) Водочный и пивной заводы находятся в предместьях Ставрополя, невдалеке от Карабина источника. На этих заводах выделывается в год пива на 3000 рублей и водки на 15000 рублей серебром.

На всех этих заводах работников считается более 200 человек, за исключением прислужников. Здесь надобно сказать кое-что и о ремесленниках города. Вообще заметно, что численность этого класса людей бывает в Ставрополе непостоянна: то увеличивается, то разом уменьшается, так например, в 1850 году их было 170 человек, а в 1853 только 141. Приписывать же это уменьшение тому, что нужда в них не ощутительна, было бы совершенно несправедливо, потому что народонаселение с каждым годом увеличивается, а с этим вместе усиливается и требование на ремесленников. Мы заметили, что многие из этого класса людей принадлежат не к постоянным жителям Ставрополя, а к временным гостям его, приезжающим из внутренних губерний России и из других мест. Эти-то гости, поправив сколько-нибудь свое незавидное состояние, а другие получив даже значительные выгоды в нашем городе, оставляют потом его и отправляются к себе на родину. Вот, как мы думаем, истинная причина, отчего иногда ремесленный класс то разом увеличивается, то вдруг уменьшается. В настоящее время в Ставрополе в числе ремесленников считается: портных мужеских — 31, портных дамских —5, шапочников — 7, сапожников — 18, башмачников — 3, золотых и серебряных дел мастеров — 11, эполетчик — 1, часовых мастеров — 5, каретных мастеров — 3, кузнечных — 12, медников — 4, колесных мастеров — 3, столяров — 10, бондарей — 9, меховщик — 1, шубников — 2, шорников — 5, красильщик — 1, палочник — 1, цирюльников — 3, кондитеров — 3, булочников — 3, итого — 141.

Торговля города Ставрополя вообще идет успешно; чтобы получить сколько-нибудь приблизительно верное понятие о движении ее в течение года, мы считаем долгом опереться на цифры, которые лучше всяких умствований будут служить доказательством успеха. Торговля Ставрополя вообще сосредоточивается в ярмарках, которых бывает в году три: Троицкая, Ивановская —12 октября и весенняя — 9 марта.

Троицкая ярмарка существует с 1797 года. Она постоянно бывает в день святой Троицы. На нее, кроме торговцев, стекается народ со всех сторон Ставропольской губернии и отчасти Кавказа. За несколько дней до открытия ярмарки, прежде всего на площади близ Успенской церкви, являются шатры цыган — любимцев степи, потом гуртовщики со скотом, затем разного рода русские промышленники и наконец ногайцы и горцы с лесом из-за Кубани. В последнее же время особенно начали стекаться на ярмарки кочующие народы мухаммеданского исповедания; их привлекает сюда, кроме надежды сбыть повыгоднее свои произведения и закупить необходимые в домашнем быту

принадлежности, любопытство и вместе с тем желание показать на скачках свою удаль. Скачки, вследствие ходатайства господина наместника кавказского, учреждены в Ставрополе с 1850 года по Высочайшему разрешению, для распространения и улучшения конских заводов. Лошадь, выигравшая 1-й императорский приз, получает серебряную вазу в 500 рублей серебром. Вторая лошадь — 150 рублей серебряными деньгами. На эти призы дозволяется скакать лошадям, родившимся в России, Царстве Польском, сверх того карабагским, кабардинским, трухменским, арабским и вообще лошадям всех пород, водящихся как на Кавказе, так и в соседних с ним землях.

Значительность торговых оборотов Троицкой ярмарки 1854 года определяется следующими цифрами: привезено товаров собственно русского изделья: сукна разных сортов на 75000 рублей, продано на 15000, осталось на 60000 рублей непроданного. Привезено бумажных изделий, как-то: коленкору, миткалю, кисеи, холстинки, нанки, демикотону, выбойки и платков на 74000 рублей 50 копеек, продано на 22000, осталось на 52000 рублей 50 копеек. Привезено льняных и пеньковых товаров на 13000 рублей, продано на 4940 рублей, осталось на 8060 рублей. Привезено шелковых и полушелковых изделий на 35000 рублей, продано на 21145 рублей, осталось на 13855 рублей. Привезено кож разного рода на 10500 рублей, продано на 7650 рублей, осталось на 2850 рублей. Привезено мягкой рухляди и изделий из нее на 2680 рублей, продано на 1100 рублей, осталось на 1580 рублей. Привезено металлов и разных изделий из них на 23 тысячи рублей, продано на 4250 рублей, осталось на 18750 рублей. Привезено хрусталю, стекол и зеркал на 10000 рублей, продано на 5000 рублей. Привезено фарфоровой и фаянсовой посуды на 4300 рублей, продано на 1550 рублей. Привезено сахару на 15000 рублей, продано на 5900 рублей. Привезено воску на 970, продано на 600 рублей. Привезено табаку на 1270, продано на 789 рублей. Привезено белых книг разными мелочными торговцами на 1700 рублей, продано на 660 рублей. Привезено писчей бумаги на 5000 рублей, продано на 2500 рублей. Привезено товаров европейских на 29120 рублей, продано на 14180 рублей. Привезено бухарских товаров на 4760 рублей, продано на 2465 рублей. Привезено товаров персидских на 15720 рублей, продано на 5670 рублей. Привезено чаю разного рода на 29200 рублей, продано на 15000 рублей. Кроме всего этого, привезено и сбыто хлеба разного рода на 32000 рублей. Привезено рыбы разного рода на 1200 рублей, продано на 1110 рублей. Привезено напитков разного рода на 10000 рублей, продано на 4000 рублей. Пригнано лошадей, рогатого скота и овец русской, калмыцкой и азиатской пород на 33000, сбыто на 10000 рублей. А всего привезено товаров и пригнано скота на 426420 рублей, сбыто на 176909 рублей.

Осенняя, или Ивановская, ярмарка весьма важна для города Ставрополя в том отношении, что в это время жители стараются запастись на ней на зиму разными необходимыми в домашней жизни принадлежностями. Торговые обороты этой ярмарки, бывшей 12 октября 1853 года, уступают немного Троицкой: на нее привезено было товаров и пригнано разных пород скота на 373250 рублей, продано на 85720 рублей, за тем осталось не продано на 287530 рублей.

Весенняя ярмарка, 9 марта, открыта только в 1854 году. Так как она еще неизвестна многим торговым сословиям по недавнему ее учреждению и не установилась еще как следует, то определить с точностью бывший в нынешнем году на ней оборот весьма трудно. Вообще заметим, что стечение народа на нее было не так значительно; причиной тому, как кажется, была весьма дурная погода, — погода, какой ставропольские жители давно не запомнят.

Вообще в городе Ставрополе считается магазинов и лавок 264, трактиров 5, кондитерских 3, кофейня 1, харчевен 2.

Городские доходы ежегодно средним числом простираются до 23000 рублей, а расходы до 21 тысячи рублей серебром.

Наконец, в заключение всего нашего обозрения, следовало бы нам сказать что-нибудь о нравах и обычаях жителей Ставрополя на том основании, что он, принадлежа к числу городов Кавказского края, должен бы иметь какие-нибудь резкие особенности в своем характере, и, может быть, имел их в прежнее время; но, как теперь этого не видно и Ставрополь стал похож на наши Великороссийские губернские города, то мы считаем излишним входить в подробности этого отдела. Скажем только, что разнообразия между жителями почти не существует; живущие же в нашем городе армянские семейства совершенно утратили нравы и обычаи своих предков и во всем стараются следовать европейцам.

Примечания

1. Крепость под № 7 находилась у верховьев Калауса, известных под именем Аджилю.

2. Так характеризует Вельяминова граф Стейнбок в прекрасном историческом рассказе «Последний вали Большой Кабарды», помещенном в 33 и 35 №№ газеты «Кавказ» за 1854.

3. Во время закладки здания под основу его положена была медная доска с надписью, которую мы считаем за нужное привести здесь для будущих археологов; вот она: «1847 года Мая 29 дня по Р.Х., в XXII лето благополучного царствования Всероссийского Императора Николая Павловича, при Авгу-

стейшей Супруге Его, Ее Императорском Величестве Александре Федоровне, Наследнике, Великом Князе Цесаревиче Александре Николаевиче и Супруге Его Ее Императорском Высочестве Марии Александровне, во время главного начальствования в Кавказском крае Наместника Кавказского, Генерал-Адъютанта Князя Михаила Семеновича Воронцова, с благословления и освящения места Преосвященным Иеремиею, Епископом Кавказским и Черноморским, в бытность начальником области генерал-лейтенанта Николая Степановича Завадовского, Кавказским гражданским губернатором генерал-майора Ивана Ивановича Норденстама, и в присутствии многих почетных лиц, заложено в городе Ставрополе, на счет городских доходов и содействием Ставропольского 1-й гильдии купца Ивана Григорьевича Ганиловского, здание сие, для помещения городских присутственных мест: Градской Думы, Городового Магистрата и других городских управлений, по плану Архитектора Славянского».

4. Сведения о господствующих в г. Ставрополе болезнях сообщены нам штаб-лекарем Миняевым.

5. По роду преступлений заключенные представляются в таком виде:

	мужчины	женщины
За отступление от православной веры в раскол	2	—
За святотатство	1	—
За вступление во второй брак	1	2
За растрату казенных денег	2	—
За воровство	81	6
За подложную продажу людей	1	—
За убийство	9	8
За грабеж	10	—
За имение фальшивых документов	40	13
За имение фальшивых печатей	1	—
За неповиновение начальству и владельцам	29	10
За побег от владельцев	6	1
За прелюбодеяние	2	—
За растление	1	—
За дурное поведение	1	—
За просрочку паспортов	5	4
За бродяжество	198	57
За разные противозаконные проступки	23	15
Вышедших из плена	3	—
Осужденных по решениям на сроки	22	30
Пересылочных арестантов было	864	114
Всего	1308	263

Текст и примечания печатаются по источнику:

Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях. — Тифлис, 1854.

ЖИЛИЩЕ И ПИЩА КАЛМЫКОВ БОЛЬШЕДЕРБЕТСКОГО УЛУСА

Выдали меня родственники
В дальнюю сторону;
Отдали в чужие руки,
За усуньского царя[1].
Живет в бедной хижине,
Обтянутой войлоками;
Пища его — мясо,
Питье его — молоко.
Из древней чжунгарской песни

По словам маньчжурского писателя, — историю которого о Чжунгарии, или Западном Китае (Си-юй чжуань), перевел с китайского известный нам хинолог отец Иакинф, — песнь эту сочинила жена усуньского хана, Гуньмо, за 107 лет до Р. Х.[2] Отсюда можно предположить, что построение первой кибитки, или, как ее выразительно называла сочинительница песни, «хижины, обтянутой войлоками», теряется еще в более глубокой древности, если даже не в доисторических временах. Полагаем, не новее и кухонное искусство нынешних калмыков, пищу которых, как и их предков за 20 веков до нас, составляет *мясо*, а питье — *молоко*.

Если в жизни народов *жилище и пища* выражают степень их материального и интеллектуального развития, то, с этой стороны, изучение быта калмыков Большедербетского улуса есть дело немаловажное и, позволяем себе думать, относится к числу главнейших работ тех, от которых непосредственно зависит их гражданское устройство. Отсюда полагаем, что и описание калмыцкого житья-бытья *с натуры* едва ли будет лишено интереса, хотя, быть может, для некоторых это предмет далеко не новый.

Жилищем калмыку служит *кибитка*, плотно обтянутая войлоком[3], которая очень легко и скоро устраивается и разбирается. Кибитка совершенно круглая и имеет в диаметре основание обыкновенно от 6 до 8 аршинов, иногда более, но редко менее; на двуаршинной от земли высоте (в больших кибитках бывает и полуаршином выше) круглая форма кибитки переходит в воронкообразную, что и образует покатость, необходимую для стока дождевой воды. Короче, вид кибитки походит несколько на лейку с отломленным горлышком, поставленную широким отверстием на плоскость. В таком положении отверстие лейки вверху представит нам единственное окно кибитки от 5 до 6 четвертей в диаметре, служащее в то же время дымопроводником. Высота всей кибитки в центре ее основания составляет от 2 до 2 $^{1}/_{2}$ саженей.

Кибитка составляется из следующих частей:

1. складные решетки (*термэ*); 2. унин, то есть тонкие прямые палки; 3. деревянный круг наподобие обода (*харача*); 4. двери (*юйден*); 5. войлочные завесы (*ышге*); 6. шерстяные тесьмы двух сортов: узкие и широкие (*хошлун*); наконец, 8 небольших арканов (шерстяных веревок). Отсюда оказывается, что калмыку для устройства жилища нужны только два материала: *дерево и шерсть*.

Кибитка средних размеров весит около 18 пудов (тяжесть, равная силе одного верблюда), в том числе деревянные части занимают треть общего веса. Новая кибитка, с починкою и переменою полстей, может просуществовать от 10 до 12 лет, иногда более — это зависит от качества решеток и войлоков. Если кибитка покрыта толстыми войлоками, то она теплее зимою, потому что ее не так продувает ветер; зато такие войлоки скорее преют от дождей, потому что медленнее высыхают. При тонких войлоках условия прочности и удобства, само собою, находятся в обратном положении.

Для полноты описания коснемся подробно отдельных принадлежностей кибитки.

Решетки, из которых составляется совершенно круглая ограда кибитки, делаются из четырехгранных ореховых, в вершок толщиною, палок или же, для большей легкости, из липового дерева. Величина кибиток определяется числом решеток; их поэтому бывает 5, 6, 7, редко 8, а именно, только в кибитках владельческих, богатых зайсангов и хурульных[4]. Раздвинутая решетка имеет квадратные отверстия, так как палки накладываются крестообразно одна на другую в расстоянии 1 $^{1}/_{2}$ вершка, но эти отверстия закрываются при складывании решетки, что делается тогда, когда нужно кибитку переставить на иное место. В последнем случае решетка представляет параллелограмм, одна сторона которого в три раза короче другой, между тем в раздвинутом положении она только вполовину меньше. При раздвижении решетки все ее стороны из концов наложенных крестообразно палок образуют рогульки в виде римской цифры V, которые имеют свое назначение. Так, например, рогульки, находящиеся на том боку, который ставится на землю, заменяют ножки; на рогульки противуположной стороны, обращенной вверх, надеваются посредством шерстяных петель палки (унин). Палками этими, в свою очередь, поддерживается круг (харача), образующий свод кибитки, между тем как с боков рогульки одной решетки пригоняются к рогулькам другой, перевязываются арканом, и таким

образом формируется круглая решетчатая ограда кибитки. Так устроенная решетка чрезвычайно легко двигается на кожаных сыромятных петлях, или, лучше сказать, ремешках, продетых сквозь палки в местах их соединения и завязанных особого рода калмыцким узлом. Нужно еще заметить, что, для лучшей устойчивости, решетки должны быть посредине несколько вогнуты к наружной стороне, что, однако ж, нисколько не мешает их подвижности. А чтобы решетки не трескались от солнечного жара, особенно когда новы, их окрашивают масляною краскою в красный цвет, а недостаточные — просто смазывают жиром. Готовых решеток нет в продаже — их делают на заказ. Хорошая шестиштучная решетка стоит не менее 25 рублей. Калмык, делающий решетку сам для себя, истрачивает на один только материал, смотря по качеству, от 5 до 10 рублей.

Не менее оригинального устройства кибиточные двери. Они делаются обыкновенно из соснового дерева. Основанием двери служит широкая (в ладонь) двудюймовой толщины рама вышиною 2 аршина, а шириною 1 аршин 2 вершка; для порога оставляют снизу $^{1}/_{2}$ аршина и заделывают тонкою доскою; таким образом, собственно для дверей остается отверстие в 1 $^{1}/_{2}$ аршина вышины. По вышине этого отверстия прибивается внизу и вверху по планке, в которых вращается створчатая дверка на деревянных пятках. Обе половинки дверок делаются в особых рамках, с переплетом на манер деревенских оконных рам, с тою разницею, что вместо стекол заделываются тонкими дощечками. Для красы дощечки окрашиваются в синий цвет, а рамы и переплет — в красный. Дверь запирается на деревянные засовки и устанавливается так, чтобы отворялась в середину кибитки. Калмыки сами делают эти двери, но большею частью покупают готовые, привозимые из Царицына ставропольскими лесопромышленниками. Обыкновенная цена двери 3 рубля, в редких случаях — дороже.

Унины, или круглые дюймовые и совершенно прямые палки длиною в 3 $^{1}/_{4}$ аршина, бывают ореховые или же, для легкости, сосновые. Таких палок для кибитки в 6 решеток, полагая на каждую, по числу рогулек, 12 и над дверью 4, должно быть 76 штук. Палки эти, как уже сказано, одним концом навешиваются на решетку, а другим, который должен быть четырехгранный, упираются в деревянный круг *(харача)*. У людей богатых и в хурульных кибитках унины бывают выкрашены красною краскою, но бедняки обходятся без этой роскоши, тем легче, что впоследствии от дыма палки совершенно чернеют. Обделанная как следует унина стоит 8 копеек каждая, без обделки — от 2 до 3 копеек.

По словам самих калмыков, труднее всего сделать *харачи*, или то, что мы называем кругом. Этот круг составляется из нескольких штук, связанных между собою — выражаясь плотничным термином — *в замок*, очень замысловатый. Для большей прочности круг обивают наглухо сыромятною кожею, а внизу продалбливают (впрочем, не насквозь) четырехгранные отверстия, в которые вкладываются унины. Эти отверстия, или выемки, делаются с математическою точностью как по размеру и углублению, так и по расстоянию одна от другой. В противном случае унины правильно на решетку не лягут и, при малейшем усилии привести их в такое положение, будут ломаться и портить необходимую правильность свода. Отверстий, или выемок, в круге должно быть столько, сколько рогулек, — ни больше ни меньше. Наконец, поверх круга укрепляются крестообразно две пары полуобручей, выпуклостями вверх, для правильного накидывания башлыка *(цагрык)*, что бывает необходимо во время дождя или ночью. Хороший круг стоит не менее 6 рублей.

Харача завершает остов кибитки, а с сим вместе — строительное искусство калмыков. Несмотря, однако ж, на ограниченность и незатейливость этого дела, не каждый калмык сделает решетку или дверь. Что же касается круга, то в улусе едва ли найдется десяток мастеров, умеющих делать харача, или круг. Если, с одной стороны, такой недостаток восполняется отчасти бережливостью круга во время перекочевок, то, с другой, это может служить (и действительно служит, как это увидим далее) выражением бедности калмыков.

Приготовление из шерсти остальных принадлежностей кибитки до мужчин уже не относится, а составляет прямое дело женщины-калмычки.

Главную статью этих принадлежностей составляют войлоки, или полсти, или, как их иначе еще называют, кошмы. О калмыцком способе валяния войлоков мы скажем в другом месте; заметим только здесь, что он значительно разнится от русского способа. Войлоки нужны на завесы, или полотнища (по-калмыцки, *ышге*), которыми вся кибитка плотно обтягивается, и составляют самую ценную принадлежность калмыцкого жилища. На ышге для кибитки средней величины, в шесть решеток, идет 12 пудов чистой шерсти осенней стрижки. Чтобы достать такое количество шерсти в одну стрижку, нужно иметь не менее 240 овец, а такого числа у большинства калмыков и нет. Собирать же шерсть в несколько стрижек тоже нет возможности, да и нет места в кибитке для хранения каких бы то ни было запасов. А между тем кибитка каждому женатому калмыку нужна. Остается одно — купить готовые войлоки, что и делается на сельских ярмарках. Но следует заметить, что купленные войлоки хотя и обходятся весьма дешево (от 50 до 60 рублей на кибитку), не всегда, однако ж, бывают хороши и прочны вследствие непохвальной привычки русских полстовалов подмешивать в чистую шерсть так называемую *кислую,* то есть остающуюся при выделке овчин.

Шитье «ышге» или сшивание полстей не так затрудняет калмычку, как собственно выкройка. Правду сказать, не каждая калмычка может выполнить это трудное дело. Трудность состоит в том,

что пригонка войлока к остову кибитки должна быть самая правильная, как бы по выкройке, хотя все делается от руки, так сказать, на глазомер. Каждое полотнище «*ыше*», и их бывает шесть (4 нижних и 2 верхних), оторачивается по нижним карнизам узкою шерстяною тесьмою, или же делается на краях прошивка крученою шерстяною ниткою, и, кроме того, по краям обшивается тонким шерстяным шнурком (зек). Затем к двум верхним углам каждого полотнища пришивается узкая, но длинная (в 3 сажени) тесьма, на которой «*ыше*» держится на остове кибитки, как на помочах. Не менее искусной руки требует и шитье башлыка *(цаграк)* о четырех длинных концах, которые мы называем ушами. Башлык тоже должен как можно ровнее покрывать свод кибитки, иначе его может сорвать ветер. В предупреждение этого к ушам башлыка пришивают узкие, достаточной длины, шерстяные тесьмы, которыми башлык привязывается к решетке или к широкой тесьме, какою всегда бывает опоясана кибитка посредине и поверх войлока. Таких широких тесем, называемых по-калмыцки *хошлун,* должно быть две, каждая от 16 до 18 аршинов длины. Об употреблении одной мы сейчас сказали; другая же служит для увязки решетки в верхнем конце. Хотя калмычки ткут их хорошо и плотно, но, несмотря на это, тесьмы, находясь поверх кибитки, в два-три года от солнца перегорают и рвутся. На поделку всех тесем выходит 40 полных рун. Готовые не продаются, хотя они и есть у каждой невесты-калмычки, как необходимое приданое. За полный прибор тесем на кибитку, сделанный по заказу, платится от 20 до 25 рулей.

Сверх этих принадлежностей кибитки нужна еще дверная занавесь, или нечто вроде портьеры. Занавесь, называемая, как и двери, *юйдень*, делается из двойного войлока, простегивается с наружной стороны; ее опускают всегда ночью, а зимою — во всякое время для защиты от ветров и метелей. Занавесь стоит не более 3 рублей.

Таким образом, цена новой кибитки средней величины доходит до 128 рублей. Конечно, она обойдется гораздо дешевле при личном труде и не купленном материале; но такие случаи очень редки. Само собою разумеется, мы не говорим о кибитках владельцев, высшего духовенства и вообще людей богатых, ценность которых доходит до 300 и даже 500 рублей, хотя, впрочем, такие цены зависят более и от внутреннего убранства.

Постановка кибитки требует навыка и ловкости. Главная задача в том, чтобы решетка была прочно поставлена, то есть не шаталась, что зависит от правильной пригонки рогулек и тугой обвязки решетки широкою тесьмою, которая в кибитке выполняет то же значение, что матица или балка в нашем жилом доме. Правильная установка круга на унинах обеспечивает прочность свода. Хорошо поставленная и крепкая кибитка устоит против самого сильного ветра. Тем не менее во время бури калмыки привязывают кибитку за круг к нарочито вбитым в землю кольям особыми арканами, — предосторожность с их стороны не лишняя, потому что бывают случаи, когда ветхую кибитку ветер часто опрокидывает. Если такое несчастье случится зимою, в бурю, метель, сильный мороз, к тому ж ночью, то каково в таком случае положение бедного калмыка и его семьи!.. Сердце сжимается при одной мысли!.. Правда, крепкая его натура перенесет, он соберется с силами и опять поставит кибитку, если при падении ее не поломался круг, но бедные его дети, особенно грудные, большею частью не переносят этого и мерзнут как мухи... В последние зимы такие случаи бывали нередко.

Калмык, вдвоем с женою, менее чем в час поставит кибитку, а если ему пособят взрослые дети, то поставит и скорее. Но вообще спешная работа не в характере калмыка.

Все вообще калмыки ставят кибитки дверьми на юг. На вопрос, почему они так делают, большинство ответит: «Наш закон такой», — это единственный ответ на все делаемые им вопросы относительно веры, обычаев, привычек. Но люди *знающие* объяснят, что в Тибете, на юге, в буддийском монастыре[5] Яласс живет Далай-Лама (первосвященник), к которому, из безграничного почитания, очи всех буддистов должны быть постоянно обращены. А как в кибитке отворенная дверь заменяет окно, то калмыки, даже не думая о Далай-Ламе, а только смотря на юг, выполняют уже этим свою религиозную обязанность. Эти знающие, конечно, и не догадываются, что те их единоверцы, которые в отношении Яласса живут южнее, будут созерцать главу своей религии в стороне, противуположной месту его пребывания!

До сих пор мы говорили о постановке одиночной кибитки; теперь скажем несколько слов о расположении их группами, что называется *хотон*.

Отец с женатыми сыновьями никогда не живет в одной кибитке, как бы беден он ни был. Каждый женатый сын имеет отдельную кибитку, в которую он первый раз входит в день свадьбы. Отец взрослой дочери тоже старается дать ей особую кибитку, в которой она до замужества живет с подрастающими сестрами, если их имеет, или с теми своими подругами, которые беднее ее. Сыновья-подростки и холостяки, находясь всегда в отлучке при пастьбе скота, не очень нуждаются в особом помещении и даже зимою укроются где-нибудь и как попало; зато вся семья, как бы велика ни была, довольствуется пищею от общего котла, который всегда бывает в родительской кибитке. Таким обычаем поддерживается в семье безусловное повиновение и полное уважение к отцу — главе семейства, а с тем вместе и чистота нравов; в последнем отношении следует калмыкам отдать справедливость — они стоят выше многих других более их цивилизованных кочевых народов. Холостые сыновья богатых калмыков, которые, разумеется,

сами не выпасывают скота, а только наблюдают за хозяйством, тоже имеют отдельную кибитку, называемую «*хош*» в отличие от кибиток семейных[6].

Родительская кибитка называется калмыками «большая кибитка», то есть старшая, в знак уважения к родителям, как старшим в семействе. Она ставится всегда посредине хотона, а от нее уже, в обе стороны, полукружием, ставятся кибитки остальной семьи, наблюдая порядок старшинства по рождению и родству, так как и дальние обедневшие калмыки не отделяются от своего родственного хотона. Позади первой линии становится второй ряд кибиток, принадлежащих беднякам или вообще прислуге.

Словом, в расстановке кибиток строго соблюдается родовой порядок, от которого ни в коем случае не отступают.

Объяснив устройство и постановку кибиток как отдельно, так и по хотонному расположению, остается теперь войти в жилище калмыка, чтобы осмотреть его домашнюю утварь, прежде чем ознакомимся с его пищею и способом ее приготовления.

Прежде всего при входе в кибитку поражает весьма неприятный сильный дымный запах прокопченных войлоков, в особенности во время дождя; этот тяжелый запах происходит столько же от испарения шуб, собак и разных съестных припасов. Понятно, что люди богатые живут чище и опрятнее, насколько позволяют соблюдать эти условия материальные средства и их вечно кочевая жизнь. Эти немногочисленные, впрочем, избранники имеют особые кибитки для прислуги и для приготовления пищи.

Чтобы войти в кибитку, нужно приловчиться особенным образом: необходимо, перешагнув через высокий порог правою ногою, левой не трогаться с места, а, нагнув голову, просунуть ее сначала в кибитку и тогда уже войти.

Первый предмет, бросающийся в глаза по входе в кибитку, — это большой поставленный посредине круглый о трех ножках таган *«тулга»*, а под ним — горящий или только дымящийся (смотря по надобности) кизяк.

Кизяк — это топливо, приготовляемое из помета домашних животных: лошадей, скота и овец. Мы говорим *«приготовляемое»* потому, что калмыки действительно делают кизяк круглыми, в четверть величиною, лепешками, которые высушивают на солнце, складывают в пирамиды, тщательно обмазывают и таким образом заготовляют запас топлива на зиму. Овечий кизяк — самый лучший; он предпочитается всякому иному топливу, потому что при ярком пламени дает больше жару, дольше сохраняет огонь, а следовательно, и теплоту. Дрова на топливо не употребляются, по недостатку таковых; бурьяном обходятся только в крайней нужде, а солому никогда не жгут. С раннего утра и до поздней ночи, даже среди самого жаркого лета, не говоря о зиме, всегда найдется в кибитке жар, нужный для раскуривания трубки. Известно, что у калмыков трубку курят все, от мала до велика, несмотря на пол и возраст.

После тагана необходимую и главную принадлежность кухни составляют особого рода о трех ушках чугунные котлы. Таких котлов, по меньшей мере, должно быть три: один для варения калмыцкого чая, другой для варения мясной пищи, а третий для перегонки молока в спиртуозный напиток, называемый *«арке»*. Нужда, однако ж, заставляет весьма часто обходиться двумя котлами, а иногда и одним.

За котлами следует весьма оригинального вида кожаная посуда, для шитья которой вместо ниток служат конские жилы. Нет сомнения, что как выделка, так и употребление кожаной посуды современны началу человеческого рода и по крайней мере очень древни. Для жизни вечно кочевой, проводимой почти на открытом воздухе, при разных температурах, от 30° жары до 30° холода, едва ли можно было придумать что-нибудь удобнее кожаной посуды, употребляемой поныне нашими номадами. Она легка, не ломка, не рассыхается и прочна; нехороша только тем, что ее нельзя мыть и держать в чистоте. Но чистота, одно из необходимых условий нашей жизни, для калмыка дело совершенно лишнее. Будем, однако ж, справедливы и не обвиним его в этом случае, вспомнив при этом и военно-походную жизнь со всеми ее подчас неудобствами и недостатками, когда часто бывает не до комфорта и чистоты и когда удовлетворение жажды и голода составляет единственную главную потребность.

Кожаная посуда у калмыков подразделяется, согласно ее назначению, на три сорта, а именно: на посуду, употребляемую для приготовления напитка аркэ; на служащую для хранения вообще напитков; наконец, на ту, которая служит для ношения воды.

Для приготовления кумыса и арьяна (напитков из кобыльего или коровьего молока, о чем будем говорить в своем месте) у калмыка есть посуда, называемая *архыт*. Эта посуда похожа на большую четырехгранную бутыль, мерою от 5 до 7 ведер; делается она из конской сыромятной кожи. Мы видели однажды такую посуду из черной юфти; но это, кажется, не более как редкое исключение. В том и другом случае гладкая сторона кожи идет на наружную сторону посуды. Встречаются также в кибитках деревянные высокие, на манер наших простых маслобоек, кадки, служащие для приготовления кумыса и арьяна и заменяющие неопрятный архыт. Если это нововведение, а не исключительные случаи, то нельзя не порадоваться и не пожелать распространения такой посуды.

Для хранения в кибитке, а в пути для перевозки спиртуозного напитка арке, выкуриваемого из молока, калмыки имеют особенную кожаную посуду, похожую формой на наши хрустальные графины или, скорее, на плоские бутылки, в каких иногда продаются высших сортов испанские вина.

Такая посуда, мерою от $^1/_4$ до $^1/_2$ ведра, называется *бортаго*, а поменьше — *боробо*. Она делается особенно прочно, с тисненными на коже узорами и нередко украшается около горлышка нейзильберным или серебряным ободочком и такими же ушками. Ее с равным удобством можно ставить на месте и возить верхом, повесив на луку седла за ремешок, продетый в ушки. Пробка в таком сосуде бывает всегда деревянная, привязанная к посуде ремешком.

Наконец, для ношения воды калмыки имеют кожаные ведра, которые им служат и для доения коров; впрочем, более достаточные начали покупать для этой надобности железные ведра, жаль только, что введению в общее употребление последних мешает чаще бедность, нежели обычай.

Говоря о кожаной посуде, нельзя не упомянуть о разного вида и величины мешках, сумках, чемоданчиках и бурдючках, необходимых калмыкам для хранения немногосложных съестных припасов. Даже бараньи рубцы и кишки, в которых они сохраняют масло и особого произведения сыр, служат дополнением кожаной посуды.

Всего менее деревянной посуды; но решительно в каждой кибитке можно найти несколько штук небольших чашек, *гавла,* выточенных из дерева на манер полоскательных чашек. Форма этих чашек приземистая, не очень глубокая, но более или менее красивая. Их делают из коренькового дерева разных пород и до употребления в дело смазывают курдючьим жиром несколько раз, напитавшись которым, они никогда уже не трескаются. Бедные калмыки из такой чашки едят и пьют все употребляемое в пищу, но богатые имеют особые чашки для калмыцкого чая, особые для других напитков. Армяне снабжают их этими чашками по цене от 1 до 2 рублей, смотря по дереву и работе; но между калмыками есть мастера, которые от руки, простым ножом, делают чашки не хуже точеных, которые нередко ценятся дороже. Края чашки богатого калмыка, из которой он пьет чай, часто бывают обделаны серебряным ободком, причем одна часть оставляется без обделки с предусмотрительною целью сохранить от обжога губы.

Сварившийся калмыцкий чай из котла переливают в особую деревянную посуду, называемую *домбо*, но и этот комфорт доступен только более богатым. Обыкновенно же разливают чай в чашки прямо из котла. Домбо имеет большое сходство с посудою, употребляемою в западных губерниях для ношения воды и называемую там *конва*. Домбо бывает до 1 аршина в вышину и внизу шире, чем вверху. Она делается из орехового дерева; обручи, в четыре ряда, широкие бывают на ней из желтой меди, нередко нейзильберные, а иногда и серебряные. Верхний ободок и ручка из того же металла. На 2 $^1/_2$ вершка ниже верхнего устья вставляется наглухо дно с несколькими пробуравленными насквозь дырочками. При переливании чая из котла в домбо это дно, заменяя ситечко, не пропускает чайных листьев, но зато препятствует вымыванию этой посуды внутри.

В заключение упомянем о деревянном ковше с длинною ручкою, как необходимой принадлежности каждого котла. Употребление ложек и вилок калмыкам неизвестно, но небольшой нож в кожаных ножнах каждый носит на поясе.

Кроме описанной кухонной посуды, других принадлежностей жизни в кибитках большинства не имеется, разве у кого-нибудь найдется небольшой красный сундучок, много два, в которых вместе с носильным платьем и разными тряпками набожный калмык прячет своих бурханов. Ложе его — сырая земля, застланная сырым войлоком, поношенным платьем и несколькими овчинами. Зато, при всей бедности калмыцкой постели, она всегда находится на почетном месте, в стороне, противуположной дверям кибитки. Нужно, впрочем, заметить, что, по учению буддийского реформатора *Цзонкавы* (побольшедербетскому, *Зункобы*), *духовные не должны лежать на высоком ложе и сидеть на высоком седалище:* это с их стороны обет смирения. Вследствие сего в калмыцких кибитках заметно отсутствие столов, стульев и скамеек. Но если в силу такого учения духовенство может иметь только низенькие кровати, то понятно, что простой народ должен обходиться без них. Зато в кибитках владельцев, их родственников и аймачных зайсангов[7] находишь совсем иную обстановку.

Подходя к такой кибитке, издали уже заметно, что она отличается от других чистотою и опрятностью. Ее войлоки не так закопчены и всегда крепки, а вокруг меньше сору и грязи. Серожелтоватый цвет кибиточных войлоков указывает на примесь в них верблюжьей шерсти, что одно намекает на достаток жильца. Вы не найдете уже здесь кухонной посуды, так неприятно поражающей своим видом и запахом, ибо она находится в другой кибитке, то есть в кухне, отстоящей шагов на 20 далее. Словом, заметно, что вступаем в жилище калмыка — богача и знатного, которому буддийский закон не воспрещает спать на высоком *ложе* и сидеть на высоком *седалище*.

И действительно, в его кибитке то и другое находится против дверей и устроено не только оригинально, но и с некоторыми удобствами. Прежде всего, на высоте $^3/_4$ аршинов устраивается дощатая платформа, настолько длинная и широкая, чтобы на ней могла установиться кровать (*ширя*), а впереди ее оставалось бы место для дивана, который образуется из той же платформы. На импровизированный таким образом диван кладут тюфяк или просто войлочные попоны и накрывают персидским ковром; по концам дивана кладутся круглые подушки в цветных плисовых наволоках, набитые шерстью. Часто подушки заменяются сшитыми на такой же манер мешками, дербокцо, в которых хранится хозяйское белье.

Кровать *(ширя),* о которой уже было упомянуто, хотя формою не уклоняется от наших кроватей, но разнится устройством, работою. Калмыки не знают столярного ремесла и не подозревают

даже, чтобы это мастерство требовало каких-либо других инструментов, кроме простого ножа и пилы; а между тем их изделия в этом роде, украшенные иногда отчетливою резьбою, отличаются чистотою работы и прочностью. Для сплочения отдельных частей дерева они никогда не употребляют клея, который, при сырости в кибитке, особенно осенью, во время дождей, был бы в этом случае совершенно бесполезен: потому-то калмыцкая кровать делается вся на ремешках, что, однако ж, не уменьшает ее устойчивости.

Постель и убранство кровати зависят всегда сколько от материальных средств, столько же и от вкуса хозяйки. С монгольской, однако ж, точки зрения, то, что мы называем постелью, — вещь совершенно бесполезная, лишняя тяжесть во время перекочевки и ненужная прихоть на месте стоянки. На этом основании верблюжьи попоны *(дербюльджин)* заменяют им тюфяки и перины; мешки с разным бельем и тряпьем (*дербокцо* и *кельбокцо*) служат вместо подушек, а разные хозяйские шубы и меха — дополнением того и другого. Все это покрывается ситцевым, а иногда и шелковым одеялом.

Дербюльджином называется не очень широкая, но настолько длинная попона, чтобы можно было ее перекинуть между горбов верблюда, обхватить оба ее бока и, при навьючивании на него тяжестей, защитить животное от трения. Дербюльджин делается из тонких войлоков, накладываемых один на другой в 3 и 4 листа, простеганных и обитых по краям синим сукном.

Мешки, или, вернее, чемоданчики, заменяющие подушки, делаются продолговатые, с круглыми донъями, из цветного плиса или иной плотной материи, также из кожи, выделанной на манер замши *(мишины),* или же из кожи молодых жеребят *(яргак)* шерстью вверх. Донышки таких мешков бывают парчовые, обшитые тесьмою, сотканною из разноцветных шелков и серебра, или же — что еще красивее — разукрашены золотошвейными узорами. Один из таких мешков кладется в головах и называется *дербокцо*, а тот, который в ногах, — *кельбокцо*.

Над кроватью навешивается особого рода балдахин или просто полог, допускаемый, хотя уже довольно редко, и в наших спальнях (обычай этот, несомненно, перешел к нам от монголов, ныне выходит, впрочем, из моды и сохраняется только у мещан и мелкого купечества). Наши полога разнятся от калмыцких *орни-кушге* тем, что вверху открыты, между тем как у первых верх из той же материи, как и бока *(юмнарчи),* поэтому калмыцкий полог имеет скорее вид балдахина, со всех сторон закрытого. Верх этого балдахина с трех сторон обтянут широкою оборкою, обшитою бумажной бахромою, если балдахин ситцевый, и серебряным галуном, если шелковый. Бока балдахина *(юмнарчи)* с трех сторон достают только до кровати, но с четвертой стороны (передней) они вдвое длиннее и, раздвинутые посредине, драпируются тем изящнее, что верх балдахина спереди, посредством шнурков, приподнимается к унинам, между тем как задний остается на высоте решеток. В таком виде *орни-кушге* служит всегда лучшим украшением кибитки. Эти балдахины бывают обыкновенно ситцевые, ярких цветов с крупными узорами или же делаются из красного кумача при белой бахроме, или же шелковые, канаусовые, наконец, штофные.

По калмыцкому этикету, правая сторона считается почетнее противуположной. Если хозяин пригласит вас, как гостя, сесть с правой стороны себя на диване, то этим он оказывает вам большой почет. Духовенство и люди, уважаемые хозяином, хотя тоже садятся по правую сторону, но уже не на диван, а просто на постланный на земле *ширдык* — почетный коврик[8]. Левая же сторона предназначена для сидения членов семьи и родственников. У самых же дверей — место прислуги, которая, заметим, по вежливости и послушанию могла бы быть образцом для нашей. Этикет не позволяет младшему сидеть выше старшего, а обращаться к нему спиною при выходе из кибитки считается невежеством.

С порядком размещения калмыцкий обычай согласовал и расстановку мебели.

У изголовья кровати стоит *кюрде*; она похожа на четырехугольную в три яруса этажерку, имеющую в каждом ярусе по барабану, на наружной стороне которых рельефно вырезана тибетскими буквами молитва: *ом-ма-ни пад-ме-хум,* заключающая в этих шести слогах альфу и омегу буддийских молитв. Прочитав эту молитву в продолжение всей жизни 100 миллионов раз, каждый калмык уверен в своем спасении. Барабаны эти, устроенные на железном стержне, вращаются, если приводить их в движение посредством длинного шнурка. А как в пустоту барабанов вложена тоже молитва, написанная на бесчисленных клочках бумаги, то барабаны, вращаясь, производят шум, похожий на человеческие звуки. Одно уже это действие засчитывается в спасение тому, кто приводит в движение описанный инструмент, хотя бы приводящий в движение лежал сам на боку и даже дремал. Число оборотов в трех барабанах, умноженное на число находящихся в них написанных молитв, идет в счет означенных 100 миллионов раз — необходимого условия спасения. А чтобы не ошибиться в счете, набожные калмыки пользуются всяким свободным временем и молятся на *кюрде*.

Рядом с *кюрде* становятся два сундука, один сверху другого, наполненные всем, что только есть более ценного у зажиточного знатного хозяина. Сундуки покрываются персидским ковром. На сундуках этих устанавливают продолговатый столик (*арслан шире*), на котором ставят бурханов в открытых походных киотах, или, вернее, складнях.

Перед бурханным столиком бывает низенькая скамеечка (*такилан шире*), а на ней, в ряд, несколько малых серебряных чашечек, наподобие круглых солонок (*такилан цекце*; их называют еще *дееджин-цекце*), в которые набожные калмыки кладут и наливают жертвоприносительные яства и

напитки, как-то: бублики, фрукты, конфеты, кусочек баранины от задней лопатки (*шага чимген*), наливают немного калмыцкого чая или шафранной подслащенной воды. Замечательно, что кладут также несколько пшеничных зерен (символ приумножения счастья и плодородия земли), хотя и не занимаются земледелием. В одной из чашек должна быть непременно курительная благовонная свечка; свечки эти калмыки сами делают из сандала, можжевеловых ягод с примесью разных ароматных трав.

Выше бурханов вешают на унины изображение какого-нибудь праведника или религиозной легенды на шелковой материи, весьма отчетливой работы, раскрашенное и раззолоченное хорошею кистью, хотя, конечно, в монгольском вкусе. Изображения эти вешаются, как учебные у нас географические карты.

Собрание всех этих религиозных предметов, вместе взятое, называется *большой-баран* и составляет в кибитке самое священное для каждого калмыка место.

Вся правая сторона от входа в кибитку посвящается домашнему хозяйству. Однако ж и здесь, вблизи постели, вешается на унины небольшое изображение бурхана, что, в параллель большому, называется *малый-баран*. Под ним ставят иногда маленькую узенькую кровать *(урундук)*, предназначенную для детей (впрочем, более для виду), и щегольски убирают ее.

Затем ставят несколько сундуков, один сверху другого и по два в ряд, и завешивают персидским ковром. Далее ставится *юкюк* — ящик или сундук с лучшею посудою. В настоящее время, однако ж, юкюк заменяется очень часто нашим дорожным чайным погребцом. Наконец, около самых дверей вы увидите бурдюки с кумысом, арьяном, бортого с арке, а может, и что-нибудь съестное.

Вся земля в кибитке устлана войлоками и коврами. Глаза, перебегая с одного предмета на другой, с понятным любопытством останавливаются на каждой вещи; все здесь ново, каждый предмет как нельзя лучше приспособлен к условиям кочевого быта. Но, вспомнив печальную осень и мертвую зиму с ее длинными ночами, воображению невольно и живо представятся и проливные дожди, и снежные метели, и порывистые степные ветры, и трескучие морозы. Тогда неизбежно спрашиваешь самого себя, неужели можно жить круглый год в калмыцкой кибитке? Да, калмыки из рода в род, более 20 веков, живут в кибитках, а быть может, им суждено жить в них до тех пор, пока их племя, прежде более многочисленное, совсем не исчезнет с лица земли…

Посмотрим на житье-бытье зажиточного калмыка зимою.

С наступлением зимы, а часто еще осенью, описанное убранство в кибитке исчезает. Большие и малые «бараны», пологи, ковры и лишние войлоки убираются. Кибитка прикрепляется на зиму известным нам уже способом. Решетка обвешивается внутри особыми покрывалами из войлока, а с наружной стороны (между решеткой и «ышге») охватывается ковриком из камыша (*шии*) или из куги (*зексын*), кругом кибитки выкапывается неглубокая канава для стока воды, а в довершение удобства зимою делается еще завалинка *из снега*. Затем посередине кибитки становят таган и под ним раскладывают огонь. Семья укутывается в теплые шубы — и жизнь идет своим чередом…

Можно бы сказать, что зима уравнивает удобства жизни всех вообще кочевников, и богатых и бедных, если бы и в этом случае количество шуб и топлива не делало большой разницы между ними. У первого есть и лишние шубы, и кизяк на очаге ярче горит, а пища обильнее и разнообразнее, между тем как последний, в единственной старой шубенке, при малом огне, часто с тощим желудком, дрожа от холода, унылый и голодный, проводит дни за днями и ждет не дождется *«цаган-сара»* — первого весеннего праздника.

Пищу калмыков нельзя подразделять, как у нас, на скоромную и постную, хотя и у них есть пост «мацак» в каждое 8, 15 и 30 числа месяца, и они строго исполняют в этом случае правила своей веры. Но пост калмыцкий заключается *не в качестве пищи,* а в том, чтобы в эти дни *ничего не есть и не пить.* Набожный калмык в постный день не проглотит капли воды, как бы ни страдал от жажды. Нельзя также подразделить их пищу на будничную и праздничную, потому что у них в году всего *четыре* праздника. Но у них, так же как и у нас, празднуются родины, свадьбы, оплакиваются похороны.

К этим дням приготовляют особые блюда, но о них скажем ниже. Правильнее, кажется, разделить калмыцкую пищу *на мясную и молочную*. Скажем о первой.

Калмыки — большие охотники до всякого мяса, которое вообще называют *«махан»*. Все нехищные четвероногие и птицы, как домашние, так и дикие, составляют для калмыка лакомую пищу. Только духовные не имеют права есть конины. В выборе качества калмыки тоже неразборчивы. Если они и режут животное, то стараются не выпустить из него всей крови, находя, что при этом махан и питательнее, и вкуснее[9]. Они не пренебрегают и мясом заболевшей скотины, которую прирезывают или, лучше сказать, придушивают. Бедные калмыки едят даже мясо скотины, павшей от сибирской язвы, вздутия живота и вообще от всякой скоропостижной болезни[10].

Мясо калмыки варят, вялят, приготовляют из него колбасы в запас для торжественных случаев, но никогда не жарят. Все их блюда просты и незатейливы, как, например, суп (*шюлюн*) — не более как кипяток, в котором варится мясо. Приправ, кроме соли, никаких не полагается. Такой суп прямо с пылу они пьют деревянными чашками, а мясо, разрезанное большими кусками, едят без соли. Костистые и хрящеватые части, в особенности грудина, считаются самыми вкусными. Филейная часть, подреберье и вообще более мясистые части калмыки режут тонким лентами, делают на них поперечные

надрезы и, обмакнув в кипятке, насыщенном солью, вялят на солнце, а когда совершенно вывялят, укладывают в мешки *(уто)* и сохраняют на зиму. Так приготовленное мясо называется «*боорцо*».

Самая любимая ими закуска есть провяленная и прокопченная баранья грудинка. Надеясь на крепость зубов и исправность желудков, калмыки не доваривают мяса. Колбасы они делают из говяжьего, бараньего и конского мяса. Первые называют *«чиксын-махан»,* а последнюю *«гасиликсын-халсын»*. Их тоже вялят, коптят и берегут для дорогого гостя.

Из молока калмыки приготовляют масло, особого рода сырные яства и напитки.

Масло сбивают в кожаной посуде *(архыт)* деревянною мутовкою, на конце которой укреплен небольшой кружок с пробуравленными отверстиями. Остающийся от масла *«арьян»* составляет сытный и лакомый для калмыка напиток; он употребляется двояким образом: или на полчашки арьяна подливают холодного коровьего молока, что называется *«семдык»,* или на то же количество арьяна подливают парного молока, и тогда выходит *«кююрцюк».* От последней смеси из гущи образуются шарики творога, очень любимого калмыками.

Из овечьего молока приготовляется сыр (эызге), питательный и вкусный; но это лакомство не для бедного калмыка.

Все вообще калмыки большие охотники до кумыса, называемого ими *«чиган»* и приготовляемого из кобыльего молока, а по нужде из коровьего, что делается таким образом: первое молоко сливают в кожаную посуду *«архыт»* и дают ему закиснуть, помешивая почаще длинною мутовкою, имеющей на конце глухой, то есть без дырочек, кружок. А чтобы приостановить кислое брожение молока, подливают часто понемногу воды и, взбивая мутовкою, стараются из молочной пены произвести винное брожение. Дело, кажется, немудрое, но не каждая калмычка сделает хороший кумыс. Трехдневный кумыс или вообще старый может произвести охмеляющее действие на людей, не употребляющих крепких напитков и вообще больных, почему его иногда смешивают с напитком, выкуриваемым из молока *(арке)*. Многие полагают (в том числе и некоторые медики), что кумыс полезен в чахотке; но мы не разделяем такого мнения. Нам известны в Большедербетском улусе многие смертные случаи от чахотки, хотя калмыки ежедневно пьют кумыс, а страдающие этою болезнью почти исключительно им питаются.

Выгонка *«арке»* требует особых приемов и снарядов, которые можно бы назвать первообразом наших винокуренных аппаратов.

В чугунный котел, поставленный под умеренный огонь, наливают парное молоко, все равно, кобылье, коровье или овечье; котел должен быть вершка на 2 неполный и накрыт плотно прилегающею к краям его деревянною крышкою. Крышка эта, состоящая из двух совершенно равных половинок, имеет в центре своем отверстие не менее двух вершков в диаметре и по одной небольшой дырочке в каждой половинке. Края крышки обмазываются глиною, смешанною с двумя частями свежего коровьего навоза.

Как только покажется в отверстия крыши пар — доказательство, что молоко начинает кипеть, — тотчас устанавливают деревянный рукав в большое отверстие, а все остальные тщательно замазывают. Рукав этот на высоте 5 вершков загинается вниз под углом 48% (бывает и дугообразный) и, достигая на расстоянии 1 $^{1}/_{2}$ аршина другой посуды, опирается на ее край. В эту-то посуду стекает спиртуозная жидкость «*арке*», столь любимая калмыками и с успехом заменяющая им нашу водку. Рукав этот, во всю его длину распиленный пополам, обвязывается холщовым бинтом накрепко и постоянно смачивается водою, чтобы не загорелся от пламени, постепенно во время выгонки усиливаемого. Из ведра молока выходит до 3-х штофов *«арке».* Напиток этот имеет сывороточный запах, несколько беловатый, довольно приятного вкуса, скоро охмеляет и так же скоро теряет это действие, без всяких дурных для здоровья последствий.

Вторично перегнанная *«арке»* называется «*арза*» и дает уже более крепкое вино, т.е. калмыцкую водку. Если арзу перегнать еще раз, то выйдет уже спирт (харзо). Наконец, если и этот спирт перегнать, то выйдет *«хорун»* — двойной спирт, или так называемый калмыками яд, которого, впрочем, они никогда не пьют. Чаще употребляемый ими напиток есть «*арке*», а в торжественных случаях и ради дорогого гостя — *«арза»*[11].

При выгонке арзы из остающейся гущи получается род творога, называемого *«бозо».* Из бозо калмыки делают сыр, видом изжелто-серый, а вкусом кислый. Сыр этот *(курт-хурсун)* имеет свойство утолять жажду и потому очень уважается калмыками, особенно в пути по безводным степям.

Если в горячее *«бозо»* налить холодного пресного молока, то на поверхность его всплывут кусочки творога *(махан-семдык).* Этот твердый творог по питательности калмыки сравнивают с мясом, что выражает и самое название.

Из *бозо* делают еще маленькие катышки, сушат их и получают новый вид сыра, называемого *«шюйрмык»*.

Таким образом, молоко составляет для калмыка продукт неоцененный и ничем не заменяемый. Оно в разных видах приготовления почти исключительно питает этих кочевников с ранней весны и до глубокой осени, когда прекращается доение. Зимою калмыки принимаются уже за мясо — махан; но бедные в это время года питаются по большей части одним *буданом* (суп из горячей воды), подбавляя в него горсть какой-нибудь муки, изредка кусочек махана, а чтобы будан вышел на славу, то

и горсточку *«шюйрмыка».* Неудивительно после этого, что калмыки с таким нетерпением ожидают и с такою радостью встречают весенний праздник *«цаган-сара».* У них тогда будет молоко, а следовательно, будет кумыс и арке. Даже калмыцкий чай станет тогда и вкуснее и питательнее.

Продолговатые плитки чая, называемого в торговле кирпичным чаем, а у русских просто калмыцким, самыми калмыками называется *«ця».* Приготовление этого чая делается калмыками так: отрезав от плитки и скрошив кусок чая, бросают в котел с кипятком и варят, постоянно помешивая и переливая длинным ковшом, пока вода не окрасится чайными листьями в буроватый цвет. Тогда в чай, смотря по вкусу, кладут соль, масло, молоко и опять немного кипятят. Когда опытный глаз заметит, что чай поспел, котел снимают с огня и, поставив в сторону, переливают в домбо, а потом разливают в чашки и пьют.

Люди более экономные одни и те же чайные листья варят два раза, прибавляя к вываренным немного свежих; но для того они кладут чай в небольшой холстинный мешочек и на шнурке опускают в кипяток. Во время варения мешочек приподнимают и слегка ковшом на котле выжимают. Бедные же люди, по дороговизне чая[12], пользуются этим мешочком несколько раз, подмешивая разные суррогаты, например, корень конского щавеля (*хурсун-чикин,* Rumexacutum), ветки дикой ежевики (*беельджинерье* Rubus fruticosus), солодовника (*люкун* Rheum palmatum), листья бадана (Saxifraga crassifolia) и цикория (Leontodum taraxacum). Собираемые из этих растений листья, ветки и коренья сушат, и случается при нужде, что варят их в воде и без примеси чая. Калмыцкий чай — питательный и вкусный напиток. Русские, привыкнув к нему, пьют с удовольствием, особенно если его варят сами и заправляют чухонским маслом и сливками. Пшеничные сухари, а еще лучше галеты очень идут к этому чаю.

В торжественных случаях жизни, как-то: при сговоре, свадьбе, родинах и похоронах — калмыки, или, лучше сказать, их жены, приготовляют и лакомые (разумеется, на их вкус) блюда. Так, например, из пшеничного теста жарят на бараньем сале пирожное вроде макарон *(хахмыт-боорцук)* и оладьи, замешанные на молоке и обжаренные в кипящем сале *(бурум).* Из ржаного же теста делают лепешки *(боорцук),* печенные на сале или же смешанные с мелко рубленным курдючным салом, запекают их в золе, что и называют печеным хлебом *(булсун-гулир).*

В заключение, самым роскошным и ценным блюдом, не для каждого доступным, считается жеребенок, верблюжонок и молодая сытая кобылица особенного приготовления (*боорцук* и *боорцо*), что, как было упомянуто уже, есть вяленое и копченое мясо. Впрочем, такие блюда и у богатого калмыка подаются только в чрезвычайных случаях.

Этим оканчивается калмыцкое поваренное искусство, если не считать употребляемых ими, как лакомство, некоторых дикорастущих ягод, трав и других растений, дичи и разных зверьков; но это, так сказать, случайная пища, к которой можно отнести все блюда русской кухни и напитки. Знатные калмыки пьют изредка настоящий чай и имеют уже самовары — роскошь, недоступная бедным. До русской водки есть между ними страстные охотники, и многие слишком тратятся на это удовольствие. Немало, однако ж, и таких, которые, дожив до зрелых лет, а часто и до глубокой старости, не знают вкуса в русской водке и вине и даже своей домашней арзы не пьют. Приписывают поэтому калмыкам вообще склонность к пьянству, как это полагают некоторые, не только опрометчиво, но и несправедливо; по крайней мере, сравнивая их в этом отношении с соседними крестьянами, большой разницы не находим, т.е. калмыки пьют не более русских поселян.

Так искони живут и питаются калмыки Большедербетского улуса. Цивилизация не допускает, конечно, подобного образа жизни, она только его терпит до времени; тем не менее, с калмыцкой точки зрения, такая жизнь кажется хорошею, не оставляющею ничего лучшего желать; иначе мы бы видели их склонными к улучшению своего быта, мы бы заметили с их стороны хотя малейшую уступку древним обычаям. Ничего не бывало!.. По крайней мере, желание склонить к преимуществам оседлой жизни это монгольское племя и принимаемые в этих видах некоторые меры не привели пока еще к сколько-нибудь важным результатам, а в Большедербетском улусе — почти ни к каким. Впрочем, быть может, или принимались за это доброе, но трудное дело без достаточного знакомства с их бытом, верованиями, физическою и духовною стороною их жизни, наконец, с их народными обычаями и преданиями; или принимались, но без необходимой энергии, терпения и умения осуществить эту, хотя сложную, но великую для нашего времени задачу. Так или иначе, но дело обращения калмыков в оседлый народ подвигается пока весьма медленно.

Примечания

1. *Усин* — древнее имя калмыков, которых народы тюркского племени называют калмак.

2. Описание Чжунгарии. Перевод с китайского, монаха Иакинфа. Санкт-Петербург, 1829, стр. 46.

3. В Малодербетском улусе есть и теперь кибитов род. Не был ли *Кюбет* родоначальником, изобретателем или усовершенствователем кибитки?..

4. *Хурул* собственно значит собрание духовенства; но в смысле отвлеченном, хурулом называют и кибитку, в которой ламаитское духовенство отправляет богослужение.

5. Буддийское духовенство не женатое, и потому место его пребывания можно назвать монастырем, тем более что живущие в нем совместно, хотя и в отдельных кибитках, имеют общую трапезу, а по особому уставу собираются на моления. Имущество у них тоже общее, за исключением одежды и разного хлама, находящегося в кибитке.

6. Не от этого ли слова (*хош*) происходит запорожское Кош?

7. Аймак есть соединение нескольких хотонов, находящихся между собою в близких степенях родства. Звание аймачного зайсанга переходит наследственным порядком от отца к старшему сыну, братья которого хотя именуются зайсангами, но уже безаймачными. Первые сравнены в правах с потомственным дворянином, последние — с личным. Аймачный зайсанг получает в виде оброка по 45 копеек с кибитки в год, безаймачный — ничего. О действительном применении таких прав и преимуществ к калмыкам мы будем говорить в своем месте.

8. Ширдык — одна из главных принадлежностей свадьбы. На ширдык совершается обряд брака, и потому этот коврик калмыки сохраняют как драгоценность.

9. Не на этом ли основании *застреленная* дичь вкуснее домашней резаной птицы?

10. В «Трудах Вольного экономического общества» (1853 г., стр. 206) помещена наша статья «Практические замечания о болезни рогатого скота, называемой на Кавказе *чихир*». В этой статье, между прочим, мы сказали, что болезнь эта призвана была ветеринарным лекарем за чуму (pestis boum) и что калмыки едят мясо скотины, павшей от этой болезни, без вреда для своего здоровья. Последнее обстоятельство породило сомнение редакции, высказанное в приписке. Мы, однако ж, имеем для подтверждения сего тысячу доказательств. П. Небольсин в своем *«Очерке быта калмыков хошеутовского улуса»* (С.-Петербург, 1852 г. стр. 47) тоже говорит, что калмыки едят мясо скотины, павшей от сибирской язвы.

11. По неимению спиртомера Траллеса, мы однажды упустили случай определить крепость этих напитков. Надеемся со временем пополнить этот пробел.

12. Цена плитки теперь 3 рубля. Против цен 1852 года чай этот вздорожал вдвое.

Текст и примечания печатаются по источнику:

Бентковский И.В. Жилище и пища калмыков Большедербетского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Ставрополь, 1868. — Выпуск 1. — С. 82–104.

ЖЕНЩИНА-КАЛМЫЧКА БОЛЬШЕДЕРБЕТСКОГО УЛУСА В ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ, РЕЛИГИОЗНОМ И СОЦИАЛЬНОМ ОТНОШЕНИЯХ

Естественный закон природы и вытекающие из него обязанности женщин. — Влияние религии на ее социальное положение. — Детский возраст калмычки. Покровительство закона. — Время вступления в брак. — Платеж за невесту и приданое по древним законам. Сватовство. — Взгляд религии на брак. — Сговор. — Поезд за невестою. — Девичник. — Отъезд невесты в дом жениха. — Брак. — Первый день после брака. — Повторенный брак. — Развод.

Взгляд на женщину с физиологической точки зрения прежде всего останавливается на естественном законе природы и вытекающих отсюда нравственных обязанностях женщины как дочери, жены и матери. Нет сомнения, что обязанности эти, по одним уже физиологическим началам, поставили женщину в неравное положение с мужчиной. Несомненно также и то, что только впоследствии, когда человечество стало обособляться в племенные и отдельные одна от другой группы, положение женщины в социальном отношении стало выделяться яснее под влиянием различий религиозных верований и общественного быта. И действительно, положение женщины постепенно улучшалось и изменялось в жизни народов, пока в силу установившихся религиозных принципов и обычаев не приняло более или менее окончательной типической формы обособления. Так, мы видим женщину древнего и современного мира в положении далеко не равном как в религиозном, так и социальном отношении, хотя обязанности женщины как дочери, жены и матери остаются во все времена одни и те же.

В Азии, колыбели человечества и философии, возникли, как известно, четыре главные религии: иудейская, христианская, магометанская и буддийская. Каждая из них указала женщине особые права и место как в религиозном отношении, так и в социальном быту. Христианка, например, молящаяся в храме Божием рядом с своим отцом, братом, мужем и посторонним мужчиною, пользуется такими социальными правами, коих не имеет ни магометанка, не смеющая перешагнуть порог мечети, ни еврейка, которой для молитвы отведено особое место в синагоге. Буддистке хотя закон не воспрещает быть в хуруле, но она редко пользуется своим правом. В одном только согласны все религии: это лишение женщины права священнодействовать. Очевидно отсюда, что каждая религия установила особый взгляд на женщину. Вот почему и влияние женщины на социальный быт не могло быть одинаково. Это ясно выразилось и в духе гражданских законов. Было бы интересно с такой точки зрения проследить положение женщин всех религий для получения сравнительных выводов, но мы ограничим задачу нашу более тесными размерами: очерком женщины-калмычки Большедербетского улуса Ставропольской губернии.

Начнем с физиологического очерка.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на калмычку, — это резкий типический склад ее лица. Тип этот, начиная с почти плоского овала лица, с широко выдавшимися скулами и приплюснутым носом, переходит до ногайского типа с кавказским оттенком (явный признак метисации). Узкие, немного вкось расположенные глаза, совершенно открытые и всегда черные как смоль; щеки, покрытые более или менее ярким и неподдельным румянцем кровяного цвета, который не оставляет лица калмычки иногда до глубокой старости; рот, хотя несколько широкого разреза, но нельзя сказать, чтобы не гармонировал с овалом лица (нередко, впрочем, можно встретить женщину с маленьким ротиком); губы несколько толстые, но всегда кораллового цвета, скрывающие ровные и белые, как слоновая кость, зубы, долго сохраняющие прочность и белизну; уши немного большие и отвислые; общее выражение лица слишком спокойное и серьезное для улыбки, но полные жизни глаза, с избытком пополняющие этот недостаток; цвет кожи — имеющий свойство не загорать, хотя на других загар после многих оттенков переходит в медно-красный цвет (встречаются лица, правда, довольно редко, матовой белизны). Ноги, как мы уже говорили при описании одежды калмыков, только кажущиеся малыми, — а руки — доказывающие, что созданы только для тяжелого труда. (У женщин высшего класса как руки, так и ноги попадаются очень малы). Таков внешний тип женщины-калмычки Большедербетского улуса.

Калмычки большею частью бывают высокого роста. Низкорослых, горбатых, хромых как между ними, так и между мужчинами, вовсе нет. Стройный стан, при широкой груди, дает себя заметить, несмотря на покрой одежды, не обнаруживающий талии. Естественные выпуклости груди не очень развиты. Калмычка одарена сильным и резким голосом, только немногие из высших представителей племени отличаются чистым, ровным и нежным голосом. Калмычки не имеют расположения

к тучности, но нельзя сказать, чтобы были и сухого сложения. Словом, физиологические качества доказывают силу, здоровье и энергию калмычки, как оно и подобает степной кочующей женщине.

При описании жилища пищи и одежды калмыков мы уже говорили, что приготовление этих потребностей жизни, за немногими исключениями, составляет труд женщины. И действительно – калмычка раньше 8-летнего возраста начинает уже привыкать к труду. С того времени она помогает матери в чем только может по своим силам. То присматривает за младшими детьми; то, летом, собирает кизяк на топливо, то загоняет телят или коров к удою. Далее приучается шить, ткать тесьму, вязать шнурки, вышивать шелком и серебром, выделывать овчины и кроить платье и совершенствуется во всем том среди других домашних занятий.

Девочка до 10 лет в нравственном отношении охраняется своим детским возрастом и попечением матери, но с того времени поступает уже под защиту закона «*Цааджин бичик*». Это степное уложение о наказаниях составлено и утверждено *ойратскими* князьями на съезде 5 сентября 1640 года под председательством первенствующего в ойратском союзе *Батур-хонг-тайджи* и дополнено впоследствии *Галдама-хонг-тайджием*. Поэтому закон этот издан девятью годами раньше уложения царя Алексея Михайловича. Этот единственный монгольский кодекс, которым и наш закон дозволяет калмыкам руководствоваться в делах неуголовных, в статье 101 говорит: «а кто женский пол ухватит за груди или поцелует, и за то оному человеку по-тайному… учинить один щелчок. Кто сие учинит над девкою старше 10 лет, того штрафовать, а если девка моложе 10 лет, того не штрафовать».

Нам, европейцам, этот закон покажется, быть может, смешным; но монгольские законодатели, как видно, вполне сознавали глубокое значение нравственности, если ее оберегали и от неуместных шуток… Говорят, что нравственные начала не проникли еще в простые души калмыков, не чуждые ни порокам, ни добродетелям их кочевого быта, но по крайней мере в нарушении девичьей чистоты они положительно не заслушивают упрека.

Хорошая сторона упомянутого закона усматривается и в том, что раз приняв женщину, и в столь раннем возрасте, под свою защиту, он не оставляет ее и далее.

Так в статье 47 пункт 2 говорится: «Каждую девку замуж надлежит отдавать от 14 лет и выше». Признавая в этот период девушку созревшею для брачного союза, закон тем самым охраняет ее от опасности *пылкого* возраста и скользких для ее нравственности случаев…

По калмыкскому закону, можно сватать и раньше, но «если сговоренная девка будет моложе 14 лет, то таковую до урочных лет, хотя бы и жених требовал, не отдавать. А которая девка в урочные лета придет, а отец ее, в противность сего закона, за сговоренного жениха не будет отдавать, то таковую без платежа отцу ее скота[1] взять и за сговоренного жениха отдать замуж».

Охранение законом социального положения женщины не останавливается на этом, но идет далее. В статье 49 того же уложения сказано: «Если сговоренную у кого девку до 20 лет жених не будет брать, то отец ее должен отцу жениха сделать три напоминания, после которых, если жених не возьмет, то отец невесты может, объявив о том прежде владельцу, дочь свою отдать замуж за другого. Но если это сделается без троекратных напоминаний и без ведома владельца, то должен возвратить жениху взятый за невесту скот и, сверх того, будет оштрафован по усмотрению суда».

Калмыкский закон, дозволяя сватать девушку моложе 14 лет и полагая 20-летний возраст последним сроком выдачи в замужество, тем самым не допускает в своем социальном быту *ни старых дев, ни старых холостяков*. И действительно, между калмыками *их нет*. Возвышая же в народе посредством браков нравственность, закон тем самым пресекает путь проституции, и действительно, между калмыками ее не существует.

Безбрачная жизнь (за исключением духовенства) для калмыка немыслима. Так смотрит на нее и закон, который, облегчая бедным выход из безбрачного состояния, возложил попечение о них на общину. Так, в статье 47 говорится: «Ежегодно из 40 кибиток женить холостых 4 человека, из которых каждому в заплате за невесту должно *десятью* семьями вспоможение чинить[2], и кто даст на вспоможение жениху лошадь или корову, тот имеет из приданого невесты, кроме собственной ее пары и излишнего платья, одно портище получить, а за овцу – какую-нибудь небольшую вещь. А ежели кто, за неучинением ему вспоможения, не женится, и за то с 10 кибиток взять штрафу 2 верблюда, 5 лошадей и 10 овец».

Сватовство у калмыков сопровождается платежом за невесту «*шагате*», подарками свадебными «*хурюм*» и, само собою разумеется, брачным пиром. Для устранения на всякий случай и с обеих сторон произвольного требования, закон (статья 46) положительно определил размер того и другого и, заметим, определил не по материальному состоянию, а по социальному положению жениха и невесты.

«Если, например, кто из владельцев и табанагоутов (зятья владельцев не ханской крови) один у другого за сына своего сговорит дочь-девицу, то за таковую невесту отцу ее женихов отец должен заплатить 30 вещей *жестоких*[3], 150 лошадей и 400 овец; а между малых владельцев и табанагоутов платить за невесту по 10 вещей жестоких, по 50 лошадей и по 100 овец. А приданого за таковыми невестами давать по пропорции взятого за них платежа».

«За дочь ясачного сборщика 40 кибиток платежа определяется: 5 верблюдов, 25 лошадей и коров и 40 овец; а за нее приданого должно быть: 10 портищ платья и 20 вещей, седло с убором и

одно платье уборное, 2 верблюда и 2 лошади. А если дается в приданое служитель или служанка, то зять тестя и тещу должен отдарить верблюдом».

«За дочь ясачного сборщика 20 кибиток платежа: 4 верблюда, 20 лошадей и коров и 30 овец; а за нее приданого имеет быть 5 портищ платья и 15 вещей, 1 верблюд и 1 лошадь. А зять тестя и тещу должен отдарить по рассмотрению доброты приданого». Придворные служители в платеже за дочь и получении приданого были сравнены с сборщиками 20 кибиток.

«За дочь посредственного человека платежа: 3 верблюда, 15 лошадей и коров и 20 овец; а за нее приданого: 1 верблюд и 1 лошадь, 4 портища платья и 10 вещей. А тестя и тещу отдарить по рассмотрении доброты приданого».

«За дочь подлого человека (раба) платежа: 2 верблюда, 10 лошадей и коров и 15 овец; а за нее приданого: пара платья, лошадь с седлом и прочим принадлежащим убором и 1 верблюд».

О брачном пире существовало тоже положение, за исключением, однако ж, владельцев и их родственников (табанагоутов), о которых закон в этом случае не сделал постановления, вероятно, с целью дать им возможность выказать пред народом восточную роскошь и хвастовство в глазах толпы…

Когда, например, сын ясачного сборщика 40 кибиток ехал жениться, то отец должен был отправить с ним на пир 4 лошади и коровы и 5 овец. Сборщик 20 кибиток обязан был дать сыну на брачный пир 3 лошади и коровы и 4 овцы. Посредственный человек — лошадь или корову и 3 овцы, а подлый человек — одною овцою меньше. Впрочем, закон предоставил на волю договаривающихся сватов уменьшить платеж за невесту и количество приданого, но не увеличивать. В обоих случаях нельзя не заметить экономического такта монгольских законодателей и прежнего цветущего состояния калмыков.

Буддизм не придает браку догматического значения. Он не более как гражданская сделка, заключение которой вытекает из естественной необходимости и обусловливается некоторыми формами и народным обычаем, а иногда остается даже без всяких религиозных и гражданских форм и обычаев.

Калмык поэтому может иметь одну жену или две: это зависит от его воли и состояния. Нужно, однако ж, заметить, что в Большедербетском улусе двоеженство давно вышло из обычая, хотя, быть может, вследствие только бедности народа. Калмыку нельзя жениться на родственнице, в каком бы колене роднею она ему не приходилась, но он может взять, если бы захотел, жену умершего старшего брата, между тем как тот на жене младшего жениться не может. Калмык может исполнить религиозный обряд при вступлении в брак и может не исполнить. Бывают случаи, что религиозный обряд, при полном согласии супругов, *повторяется* ими, начиная с самого сговора и, несмотря на то, может быть впоследствии расторгнут, — право, к которому калмыки, к чести их можно сказать, прибегают в чрезвычайных только случаях.

Казалось бы, что при положительном невмешательстве религии брак должен бы быть очень шатким союзом для женщины, но оказывается напротив. Калмычка своим характером, нравственностью и благоразумием умела себя поставить в самое прочное положение. Она часто приобретает большое нравственное влияние на мужа и смело может рассчитывать прожить с ним свой век, пользуясь его любовью и уважением семьи, лишь бы только не была бездетною. В противном случае по прошествии 7 лет ее ожидает *развод*. Отсюда ясно, что брак у буддистов имеет более социальное, нежели религиозное значение, хотя, правда, без совета «*зурхачи*» не начинается ни одна свадьба.

Зурхачи, духовное лицо в сане гелюнга, — что соответствует нашему священнику, — по специальности астролог. Он обязан наблюдать течение луны, замечать времена года и погоду, предсказывать счастливые дни, часы и минуты, для начатия какого бы то ни было дела; предостерегать от дней несчастных — и все это на основании древней книги, называемой «*зурхан-ном*». Суеверный калмык, слепо верующий в премудрость астролога, не начнет ни какого важного дела, а тем более свадьбы, не посоветовавшись прежде с зурхачеем, в каком хотоне искать невесты? на юге или западе? в какой день или час отправиться за нею в путь?

После таких вопросов зурхачи, глубокомысленно посмотревши в книгу и затем долго подумавши, называет время и направление будущему путнику, но когда вопрос идет о дне свадьбы, то, случается, откладывает брак иногда на год, два, даже более, так что четырнадцатилетняя девушка, хотя бы была и раньше просватана, выходит замуж обыкновенно 16 или 17 лет. Не послушаться предсказания зурхачи — значит накликать на свою голову неминуемое несчастье, а на это ни один калмык не отважится.

Сватовство лежит, прежде всего, на прямой обязанности родителей, а за их смертью — ближайших родственников. По большой части ни жених, ни невеста не знают, за кого их сватают, а бывает и то, что до самого брака они не видят друг друга, и все-таки не противуречат желаниям родителей или тех, кто заступает их место.

Заручившись предсказанием зурхачи, отец или родственник соображается еще с своим социальным положением и никогда не будет сватать у старшего себя. Так, например, простой калмык не посватает дочь зайсанга, а последний — дочь владельца. Неравные браки не в обычае народа и допускаются только в редких случаях, и то не иначе, как по предложению старшей стороны. В этом случае калмыки крайне щекотливы и соединение *белой* кости с *черною* считают делом, равным семейному несчастью. Такие браки чрезвычайно редки.

Отец жениха, взвесив с глубоким вниманием все свои шансы, посылает родственника или приятеля искать для сына невесты в другой аймак и даже улус, нередко верст за 200, с должным наставлением собрать прежде точные справки о летах, характере и состоянии невесты, если предварительное о том дознание не было сделано через верных людей или самими родителями. Затем калмык, привесивши к седлу добрую «*бортого*» водки, отправляется в путь.

Приехав в хотон, где есть на примете невеста, он не спеша слезает с коня, треножит его, снимает бортого и направляется в кибитку избранной, которую или уже знал, или же узнает по приезде в первый раз по указанию других. После краткого приветствия с обеих сторон «*менде, менде*» и нескольких фраз о путевых впечатлениях калмык садится на пятку, закуривает трубку и, сделав несколько отчетливых плевков (это одна из общих их привычек), прямо объясняет цель своего приезда. Этикет не требует на этот раз от родителей ответа, но и не препятствует им распить с приезжим привезенную водку. Опорожнив бортого и отдохнувши, калмык отправляется домой, не заботясь об ответе, зная наперед, что родители не дадут его с первого раза, хотя бы и пожелали отдать дочь за предложенного жениха.

Спустя месяц или два отец опять посылает к родителям невесты и опять с «*бортого*» водки, но на этот раз, чтобы узнать, отдадут ли они невесту за его сына. Положительного ответа посланный, однако ж, и тут не услышит. Но если отец и мать невесты примут привезенную водку и по-прежнему разопьют ее с посланным, то это значит, что они согласны отдать дочь свою за предлагаемого жениха. В противном случае, водка отсылается обратно.

Наконец в третий раз, когда, разумеется, дело пойдет на лад, едет сам отец жениха в сопровождении двух-трех женатых приятелей и, конечно, берет с собой не одну, а несколько «*бортого*» водки, арке и арзы, а иногда живого барана, если переезд не дальний, и непременно кирпич калмыкского чая, небольшой сыромятный ремешок и кусок клея; не забудет также взять и какую-нибудь серебряную монету. Последние три вещи имеют символическое значение: *ремень* связывает, *клей* плотно соединяет, а *серебро* обогащает. Затем, угостившись небезобидно дома, все садятся на коней и отправляются в хотон невесты.

Там дело начинается, прежде всего, с водки, и пока молодежь управляется на дворе с резанием барана, а молодицы варят «*шюлюна*», новые сваты, оставшись в кибитке, одни заключают между собою сделку о количестве платежа за невесту и приданого, о свадьбе и угощении, при этом присутствует и мать невесты. Люди посторонние, догадываясь, о чем толкуют старшие, не входят до тех пор в кибитку, пока отец жениха не передаст своему свату в руки кирпича калмыкского чая, платок с завернутым в него ремешком, клеем и серебряною монетою, не положит на столик перед бурханом «*такилан шире*», где вещи эти лежат до самой свадьбы, а потом сохраняются в сундуке жены в воспоминание брачного союза. После того начинается более или менее продолжительный пир, что и называется «*юулен доусхо*».

Если родители невесты не знают жениха, то, прощаясь с новым сватом, просят прислать его посмотреть. Жених, получивши такое приглашение, отправляется к ним с неизбежною «*бортого*» водки; но ему не видать своей невесты — по крайней мере, официально. Она сидит в другой кибитке за работою, одна или с своими подругами. Этикет не позволяет ей видеться с женихом, а стыдливость — заявить о своем к жениху расположении. Да и к чему. Любви до замужества калмычка не знает и знать не должна. Как покорная дочь, она только верит в любовь родителей, а как буддистка — в предопределение судьбы.

Так оканчивается сговор, и заключенная теперь сделка ненарушима. Но дела людей подвержены разным случайностям, а потому и ойратские законодатели, предупреждая последствия таких случаев, постановили в 51 статье «Цааджин бичика»:

«Ежели кто сговоренную дочь свою отдаст замуж за другого, таковых штрафовать, а именно, брать с них: с знатных людей по 1 верблюду и по 44 скотины, с средних по 1 верблюду и по 26 скотин, а с подлых по 1 верблюду и по 8 скотин. А эту невесту с данным за нее скотом взять *первому* жениху ее. А буде та их дочь, за кого самовольно замуж выйдет без позволения отца своего и матери, и за то отцу и матери ее с того, за кого она выйдет, взять противу выше изложенного штрафа втрое; но притом отец и мать ее, что они о том не ведали, должны засвидетельствовать присягою. Далее в статье 52-й: «Если кто, будучи бездетен, возьмет у кого малолетнего сына, воспитает и женит и ежели тот сын пожелает отойти к своему отцу, то в том дать ему волю; но жену свою и детей он должен выкупить».

Статья 53. «А буде кто таким же образом воспитает чью дочь, и оному позволяется отдать ее замуж, только взятый за нее скот надлежит воспитателю с отцом той девки разделить пополам, также подлежащее за нее приданое дать пополам».

Статья 54. «Ежели кто сговоренную чью дочь, подговоря, увезет, и за то с такого подлежит брать штрафу: с знатного 7, а с посредственного 5 скотин. С подлого же одного верблюда».

Таким образом, «*Цааджин бичик*» придает сговору то великое значение, какого не имеет самый *брак*, о котором калмыкский закон ровно ничего не говорит.

После сговора, *в счастливый день*, указанный зурхачеем (а известно, что он может назначать его через месяц-два, даже и через год), родители жениха отправляют в дом невесты «*шагате*». По

согласию, однако ж, или по каким-нибудь причинам, случается, что и родители последней приезжают сами на «*шагате*» в дом жениха. Собственно *шагате* значит *родственное сближение*, *вступление в родство*; но в сущности заключается в передаче за невесту платежа, составляющего, впрочем, теперь будущее имущество новобрачной четы.

В старину на «*шагате*» давали то, что действительно установлено законом, но обедневшие калмыки давно уже заменили лошадей, коров и верблюдов более дешевыми предметами, хотя во всяком случае стараются, чтобы *количество* вещей соответствовало установленному законом. Вещи эти заключаются в коровах, кошмах, сундуках и разных материях на халаты и бешметы, которые к дню свадьбы шьются в доме невесты для подарков родным, поезжанам и почетным гостям. Подарки по обыкновению отдариваются в пользу молодых. Шагате всегда сопровождается *довольным* угощением…

Наконец настает время и опять, по указанию «*зурхачи*», отправить жениха за невестою, с свадебным подарком «*хурюм*», который заключается в большем противу прежнего количестве водки, арке, арзы и красного вина, бараньем, коровьем и нередко лошадином мясе, вареном, если невеста живет близко, в противном случае скот гоняется живой, для зареза на месте. Все это, впрочем, для угощения свадебных гостей; собственно же для невесты жених везет какие-нибудь мелкие подарки женского туалета, а чаще всего бакалейные сласти и прочее.

Между тем, жених давно уже подобрал поезжан, готовых сопровождать его к невесте. Охотники на это всегда найдутся, была бы только добрая лошадь, непоношенная черкеска да новая «*кабердын махла*» — шапка.

По окончании дорожных сборов и угостившись на порядках в доме жениха, поезд отправляется в путь. О порядке спрашивать нечего, каждый скачет во весь опор, куда несет лошадь, кто уронит плеть, а кто шапку; но мало-помалу, по мере выдыхания винных паров, все сбираются вместе, выстраиваются в одну линию и, держа стройно фронт, затягивают любимую свою песнь.

Хара морини эцет угеиде,
Харга джиде мухат угеиде,
Абга! тальби, шургума би…
Боро морини эцет угеиде,
Буугиин мини, сумун хаджигат угеиде,
Абга! тальби, шургума би…

———

Пока мой вороной конь не утомился еще,
Пока сосновое копье не притупилось еще,
Отец! пусти меня, я нападу…
Пока мой серый конь не утомился еще,
Пока моя пуля не летит еще криво,
Отец! пусти меня, я нападу…

Проехав версты три-четыре так называемым калмыкским труском, поезжане, все народ молодой, опять пускаются врассыпную на такую же дистанцию вскачь и потом, выстроившись опять стройным фронтом, едут далее. Несомненно, как езда фронтом, так и самая песнь сохранились у калмыков с чингисхановых времен, как дорогое воспоминание их прежней боевой славы и воинственного духа…

Завидев издали зорким глазом поезд, невеста приглашает в свою кибитку, называемую на этот раз «*кююкют-бередын-нер*», подруг и молодушек, а между тем, пока те собираются, жених с поезжанами выстроились уже фронтом у дверей родительской кибитки. Их встречают все мужчины хотона от мала до велика, один только хозяин с почетнейшими гостями, собравшимися на пир, и женщины не выходят на встречу — этого не позволяет этикет.

Затем начинается *с коней долой*, и всегда с младшего, старший сходит последний. Тем же порядком и входят в кибитку; но и в этот раз не с пустыми руками. За исключением жениха, который освобождается от ноши, каждый должен принести и поставить посредине кибитки, бортого или что-нибудь съестное. Потом, подходя к хозяину и поочередно ко всем гостям (обойти кого-либо считается верхом невежливости), следует стать на левое колено и, засучив немного правый рукав кистью той же руки, тем местом, где бьется пульс, прикоснуться к пульсу правой же руки того, кому отдается поклон, и тихо приветствовать: «*менде*» — или, что еще вежливее: «*сайхен-менде*». Исполнив это, новый гость имеет полное право присесть на пятку у дверей кибитки, если есть место, или выйти на двор. Для старших поезжан всегда, впрочем, найдется где сесть, а жениха будущий тесть непременно посадит около себя.

Когда кончится церемония приветствий, а она в порядке, тишине и неспешна, продолжается долго, если поезжан человек 10—15, а гостей в доме невесты больше того, тогда начинается угощение со стороны жениха. Для этого он встает и, выйдя на средину, дает знак своему виночерпию, чтобы тот принялся за дело. В то время в кибитке водворяется мертвая тишина. Виночерпий, налив

небольшую деревянную чашечку арзы или арке, подает ее жениху, который, став на левое колено, с наклоненною головою подносит будущему тестю угощение, а тот, поднявшись с места, принимает чашку и, обратив взор к бурханам, шепотом творит молитву и делает жертвоприношение, заключающееся в том, что средний палец левой руки обмакивает в чашке с напитком и троекратно вспрыскивает вверх. После сего жених встает, а будущий тесть говорит ему приличную случаю речь и — опоражнивает чашку.

Таким точно порядком и не иначе как по старшинству жених угощает и остальных гостей, с тою только разницею, что перед равными себе не становится на колено и не подносит им арзы, высоко ценимой калмыками, а простую русскую водку. После первой чарки начинается угощение чаем, среди которого жених, улучшив удобную минуту, выходит из кибитки, будто бы покурить, но в сущности с иною целью. Он знает, что там поджидает его теща, чтобы повести к невесте. Свита жениха также следует за ним.

Вход, или, лучше сказать, ввод жениха в «*кююкютъ-бередын-нер*» не сопровождается особенною церемониею. Мать запросто указывает ему место напротив невесты, а тем самым указывает и *ее*. Вскоре по данному матерью знаку одна из молодушек подносит жениху маленькую чарку арзы с простым только наклонением головы, которой не приподнимает до тех пор, пока чарка не будет опорожнена, что жених и делает, сказав прежде теще заученную на этот случай речь. Затем чарка переходит из рук в руки по всей свите жениха, который среди этого угощения подходит к невесте, становится почтительно на левое колено и передает ей молча один за другим привезенные подарки. Та, тоже молча, принимает и тщательно рассматривает, но не с тем, конечно, чтобы удостовериться в их количестве или качестве, а для того, чтобы ее подруги могли видеть то, что их, без сомнения, интересует. Окончив прием свадебных подарков, невеста отдаривает жениха кисетом или чем-нибудь в этом роде.

Между тем степной певец, которым нередко бывает женщина, настраивает двухструнную балалайку «*думбур*» и тем подает знак к танцам.

Приглашение к танцу допускается с обеих сторон, но на этот раз жених первый имеет право начать, что он и делает, дотронувшись пальцами правой руки левого колена своей невесты. Чем ниже дотрагивается кто, тем почтительнее считается приглашение, и наоборот. Дотронуться чьего плеча означает верх фамильярности. Этикет в этом случае до того изобретателен, что можно сказать, на вершки измерил рост человека. В приглашении к танцам можно узнать социальные, родственные, семейные и дружественные степени отношения друг к другу. На отступление от этикета никто не согласится, так как каждый, даже простой калмык, не захочет обнаружить публично, что он не знает этикета.

Девица или молодушка, протанцевав сколько ей угодно, садится на свое место, а мужчина приглашает другую даму, которая, в свою очередь, оставляя кавалера, может пригласить другого. Таким образом беспрестанно меняются, и танец продолжается очень долго, никого не утомляя, потому что в нем участвуют все, как бы велика компания не была. Даже старики и старухи, и те не отказываются от приглашения, считая это невежливостью. Впрочем, на *девичнике* их не бывает. Разумеется, что чаще приглашают хороших танцоров, но в этот вечер преимущество дают невесте и жениху. А чтобы удовольствие было *общее*, приглашают к танцам и детей.

Калмыкский танец имеет много сходства с русским. Те же медленные равномерные движения, с легким притопыванием в такт; тот же наступательный ход к своему *vis-a-vis* и удаление от него с горизонтально распростертыми руками, которыми женщина делает легкие спокойные взмахи, как бы подражая крыльям спускающейся на землю орлицы, между тем как движение мужчины быстрее, более страстны и энергичны. Ему дозволяется подергивание плечами, крутые повороты и легкие пируэты, что женщине не идет. Движения мужчины могут служить выражением смелости его характера и силы воли, тогда как женщина своими движениями выказывает более тихий нрав и покорность судьбе. Калмыкский танец хотя и отличается солидной важностью, но он столько же монотонный, как и окружающая их степь…

Во время танцев продолжается угощение, и чарку поочередно подносят девушки одна за другой, старше или почему-нибудь почетнее, пока не дойдет очередь до невесты. Отказаться от чарки, подносимой дочерью хозяина, по степному этикету немыслимо, хотя бы гость находился уже, если только можно быть, на пятом взводе, потому что эта чарка выражает высшую степень почести, какую только могут оказать своему гостю гостеприимные калмыки.

Так продолжается далеко за полночь *девичий вечер*. В «большой кибитке» под шумный говор угощение тоже идет своим порядком. И там раздаются песни, но по крикливым голосам, отрывисто вырывающимся из старческих грудей, только догадываться можно, что они поют. Обыкновенно затягивается старинная и любимая песнь:

Беребенген тоти шубун,
Бензе модон туртай суудан би:
Бекелексен Алдар мани
Тиоро голишин алита суудан би.

Алтан амта шазанду
Аразинтан туитулагни мельмельзене:
Амаран-инагйинан дуранду
Одо таваран найиралайа!
Миомтон амта шазанду
Миомгйиндан арзани мельмельзене:
Миом-инагйинан дуранду
Одо товаран найиралайа!
Гаихамшикта Галдама
Гачис саихан зарликта
Го инагйинан дуранду
Одо товаран найиралайа!

———

Беребенский попугай
Сидит на бензевой насести (то есть из дерева бензе).
Наш алдар (*собств. слова*) непоколебимый,
Распорядительный, вежливый и веселый сидит.
(подразумевается, между нами)
В чаше с золотым ободком
Колышется чистая арза его,
В угоду друга-приятеля
Запируемте в полное удовольствие!
В чаше с серебряным ободком
Колышется неиссякаемая арза его,
В угоду истинного друга
Запируемте в полное удовольствие!
Чудный галдама, заслуживающий удивления,
Обладает дивным красноречием,
В угоду прекрасного друга
Запируемте в полное удовольствие!

И действительно — старики так запировали, что еще за полдень следующего дня валяющиеся где попало тела их свидетельствуют о вчерашнем пире.

Здесь кстати упомянуть, что если калмык вообще строго придерживается этикета, зато в ненормальном состоянии ему все нипочем; только противу женщины он не забудется, как бы хмель не омрачил его ума. Даже *«Цааджин бичик»*, снисходя к подобному состоянию, в статье 65 говорит: «Ежели кто в чужом доме чем подавится или поперхнется и оттого будет его рвать, или будучи пьян… и того в вину ему не ставить».

После девичника и хурюма следует брак. Он может быть в доме невесты, или же она отправляется в дом жениха, и там совершается бракосочетание. В первом случае молодой после пира уезжает домой, а жена его остается еще на некоторое время у своих родителей, и муж берет ее к себе впоследствии[4]. Но ежели случится, что молодая в течение этого времени умрет, то, по статье 50 «*Цааджин бичика*», обещанное за нее приданое имеет взять муж ее; а которая сговоренная девка до замужества умрет, то жених ее из данного за нее отцу ее скота имеет взять обратно половину. «Буде же дал шишак и латы или панцирь, и за то с отца ее имеет взять: за шишак 5, а за латы или панцирь 1 верблюда и 8 скотин, а за пищаль 5 скотин».

Отправление невесты для бракосочетания в дом жениха сопровождается двумя замечательными обычаями.

Когда к отъезду все готово и невеста одета по-дорожному, то она идет прощаться с своими подругами на какой-нибудь ближайший к хотону курганчик, которых в степи так много. Прощание тянется долго, жених начинает сердиться и в нетерпении отправляется с своей свитою к кургану напомнить невесте, что пора ехать. Девушки начинают с молодежью ссору, зачем они отнимают у них лучшую подругу? Спрашивают, разве в их хотоне нет такой невесты? Говорят, что им жаль расстаться с подругою, и прочее. Молодежь тоже начинает горячиться и спорить. От ссоры до брани, а от брани до драки — недалеко. Доходит, действительно, до драки сначала шуточной, но далее почти серьезной; девушки выхватывают спрятанные под халатами палки и начинают стегать спины и где пришлось молодцев, пришедших на курган, *из вежливости*, с пустыми руками. В конце концов, победа остается на стороне молодых людей; невесту силою сажают на лошадь и увозят, будто бы против ее воли…

Обычай этот, вероятно, сохранился у калмыков с доисторических времен, когда еще грубая сила была единственным условием брака.

Другой обычай состоит в том, что когда невеста приближается к хотону жениха, то перед ней развертывается большая завеса из красной или синей материи, прибитая к двум древкам таким манером, как прибиваются знамена. Два завесоносца едут впереди и держат завесу перед самыми глазами невесты, символизируя этим неведомую судьбу, ожидающую ее в доме мужа и в новой семье...

Брак у калмыков состоит из двух действий: в первом принимает участие религия; во втором абсолютно распоряжается обычай. Оба, однако ж, действия до того слиты, что ни одно из них не имеет определенных форм. Как на сговоре, так и при совершении брака, ничто без *зурхачи-гелюнга* не делается. Он управляет всем, даже поездом жениха и невесты, указывая в пути, где и когда остановиться кормить лошадей и где ночевать, так как только он один знает счастливое место и время. Поэтому и при браке он может или обойти что-нибудь в религиозно-обрядном действии, или же прибавить, и все это будто бы на основании всезнающей книги «*зурхананом*». Поэтому он указывает: где поставить кибитку для брачующихся, где разослать «*ширдык*» — словом, каждый шаг «*зурхачи*», каждое действие его на чем-нибудь да основано, и вероятнее всего, на своекорыстном расчете... Чем богаче свадьба, тем более суетится гелюнг, но, во всяком случае, две вещи составляют необходимую принадлежность бракосочетания: это «*ширдык*» и «*шага-чимген*».

«*Ширдык*» небольшой (3 аршина длины и $1^1/_2$ аршина ширины), коврик, непременно из белого войлока, в два листа простеганный. На ширдыке во время брака сидят жених с невестою. Белый цвет ширдыка означает невинность брачующихся; а два простеганные войлока знаменуют два существа, соединенные судьбою для одной цели.

«*Шага-чимген*» — задняя баранья лопатка или берцовая кость. На ней должно быть оставлено немного вареного мяса. Берцовая кость есть символ физической крепости, необходимой для размножения человеческого рода, так как активные органы расположены между берцовых костей. Обе эти вещи новобрачные сохраняют всю жизни как святыню.

Обряд венчания совершается на дворе. На разосланном по земле ковре или большой полсти расстилают «*ширдык*», на который садятся рядом жених с невестою. Гелюнг, прочитав краткую молитву, дает им в руки «*шага чимген*», который они держат за концы, жених правою, а невеста левою рукою. После того, за троекратным поклонением, жених и невеста должны повторить три раза за гелюнгом следующие слова: «*Поклоняюсь Богу, небу, солнцу и луне*». Формулу эту (для знатных) изменяют и так: «*Первым* поклоном поклоняюсь Господу Богу моему, *вторым* поклоном поклоняюсь солнцу и луне — отцу и матери моей, *третьим* поклоном клянусь любить друг друга, почитать, уважать и разделять все горести и радости жизни». По произнесении этой формулы, которая еще может быть изменена, смотря по красноречию гелюнга, он прикасается бурханом или священною книгою «*ганьжур*» чела брачующихся. Этим и оканчивается первый акт венчания. Затем брачующиеся встают (невеста все еще с накинутым на глаза платком — он заменяет нашу *фату* и выражает неведение ожидающей ее судьбы), не выпуская из рук кости, которую посредине берет гелюнг и ведет их в новую кибитку, для них же поставленную. Кибитка эта предварительно освящена чрез гелюнга молебствием о подании доброй жизни и долгоденствия вступающим в брак и бросанием вверх пшеницы в ознаменование прошения о приумножении их семейства и скотоводства.

Остановившись посредине кибитки, гелюнг берет из рук жениха и невесты «*шага чимген*» и кладет на столик перед «*большим бараном*», ставит туда бурхана или *ганьжур*, закуривает благовонные свечки и молится. Между тем родные матери венчающихся, если есть, а если нет, то ближайшие родственницы, усаживают жениха в головах, а невесту — в ногах кровати, остальные же гости входят и садятся кругом кибитки, соблюдая порядок старшинства. Когда все усядутся чинно, жених срывает платок с головы невесты, которая только теперь увидит окончание свадьбы. В это время, по данному гелюнгом знаку, жених и невеста встают и кладут перед «*большим бараном*» по три земных поклона. Затем гелюнг берет «*шага чимген*», снимает с него платок, которым сначала и до сего времени был обвернут, срезывает до трех раз небольшие кусочки баранины и кладет пред бурханом на маленькую серебряную чашечку вроде солонки «*такилан цекце*» (это значит «жертвоприношение») и потом дает по такому ж кусочку в сообщение жертвы жениху, невесте их родственникам и всем присутствующим, а «*шага чимген*» кладет на прежнее место. Принятые кусочки съедаются, и каждый кладет 3 земные поклона в благодарность Богу за совершение дела, которое заканчивается *очищением*, т.е. политием на руки понемногу освященной воды «*аршан*». Прихлебнув с руки этой воды, калмыки помазывают этою же водою глаза и темя, и обряд венчания кончен.

Теперь вступает в свои права обычай. Он начинается, как это и везде водится, с поздравления молодых. Чарка арзы обходит по старшинству из рук в руки всю компанию, но никто не имеет права выпить, не сказав приличной случаю речи, на которые, заметим, калмыки очень находчивы. Иной с четверть часа будет говорить речь с большим смыслом, а иногда и с чувством. Женщины тоже не упускают удобного случая выказать свой ум, находчивость и чувства.

Окончив поздравления, молодые, предшествуемые своими матерями, а за ними и все выходят из кибитки и отправляются в родительскую кибитку. Молодые садятся с наружной стороны против

дверей, а двое молодых людей — внутри по обоим бокам. Первым подают чашку сырого бараньего сала, нарезанного кусками, а последним велят держать за концы вытянутую шкуру только что зарезанного барана. В одно время молодая берет куски сала и бросает внутрь кибитки, стараясь попасть в огонь, под таганом горящий, а молодежь тянет кожу из всей силы, каждый к себе.

Если молодая попадет хоть раз (а чем больше, тем лучше) под таган куском сала, а молодым людям удастся растянуть овчину до того, что порвется, то это считается счастливым предзнаменованием. Значит, огонь будет всегда ярко гореть под таганом, что возможно только при довольствии, а скот молодых увеличивается без числа, как увеличилась растянутая овчина.

Затем, при шумных одобрениях и душевных пожеланиях молодым счастливой жизни, все входят в кибитку, садятся по своим местам, и начинается угощение чаем, арзою, водкою и разными закусками. Спустя час или два среди усиливавшегося говора и шума две ближайшие родственницы, если есть — тетки, незаметно для пирующих уводят молодую в ее кибитку и там втихомолку, без всяких уже церемоний расплетают ее девичью косу *на две*, надевают на них «*шыбирлик*» и, пожелав доброй ночи, уходят. Молодая долго остается одна; молодой должен к ней войти, никем не замечаемый, а такой случай, быть может, нескоро ему представится. Чуть свет, молодой, опять никем не замеченный, выходит из кибитки, седлает коня и отправляется в табун, если же у него нет ни коня, ни табуна, то пешком идет скрываться от людей где-нибудь в степи и только ночью может возвратиться к ожидающей его жене… Так продолжается до тех пор, пока не разъедутся гости. Молодой все это время никого не видит, следовательно, никто не беспокоит неуместными шутками и намеками; так как никто не имеет права войти в ее кибитку, ни она из нее выйти.

Святилище Гименея закрыто для всех посторонних. Стыдливость молодой защищена, и любопытство детей-подростков не подстрекнуто неосторожностью старших… Обычай, заслуживающий, быть может, подражания.

Бракосочетание с одним и тем же лицом повторяется буддистами, что, впрочем, случается чрезвычайно редко, и то тогда только, когда, по прошествии 7 лет, жена не рожает детей, а муж по любви и привязанности к ней не пожелает развода. Тут предполагается, что при первом бракосочетании, по ошибке или злому умыслу, сделано было в чем-нибудь упущение, и что если повторить с начала до конца брачную церемонию, то Бог даст детей… В таком случае, по совету «зурхачи», в известное время супруги расходятся на месяц, два или более, жена отправляется к родителям или в другое кочевье; и начинается сватанье вновь, со всеми последующими обрядами.[5]

Калмыки иногда имеют и по две жены, и большею частью тогда, когда старший брат, умирая, оставляет по себе молодую жену, но меньший брат, хотя и женатый уже, может по согласию взять ее за себя и таким образом живет с двумя женами, помещающимися в разных кибитках. Женитьба старшему брату на жене, оставшейся после смерти младшего, обычаем возбраняется. Калмык может и просто взять другую жену; но мы уже сказали, что двоеженство выходит из обычаев народа — быть может, и по причине бедности его, а быть может, более во избежание домашних ссор и несогласий.

Есть еще в обычае воровать невест, что бывает, когда или родители не отдают девушки за того, кто ее сватает, или жених не имеет средств выполнить свадебного обычая, сопряженного с немалыми расходами. В таких, впрочем, случаях, тоже не обходится без *совета* «*зурхачи*». Бывает, что и родители во избежание расходов подшепнут жениху то же самое, и тогда, разумеется, «зурхачи» остается ни при чем. Никаких религиозных обрядов тогда не бывает. Их не бывает и в таком случае, когда кто женится на вдове. Но если кто уворует невесту с ведома «зурхачи», то должен отблагодарить его за совет… За неудавшееся воровство невесты незваные женихи и их товарищи отвечают только собственными спинами, а при удаче одна сторона на другой ничего не ищет.

При подобных обычаях и полном религиозном индифферентизме к браку, развод у калмыков не сопровождается какими-либо формальностями. Муж всегда имеет право прогнать жену и делает это очень просто, удовлетворив ее только за ту одежду, которая была дана ей родителями. Главным поводом к разводу, как мы уже говорили, есть неимение детей; но могут привести к такой развязке разные семейные несогласия, для которых повод всегда найдется под рукою у человека дурной нравственности. Если брак разводится по обоюдному согласию, вследствие бедности, то обе стороны имеют право вступить в новый брак, но если развод произошел по причине семейных несогласий, то виновная сторона и при таком же праве редко вступает в новый брак (ее все оббегают), но по большей части возвращается к старому, если еще не ушло время, т. е. если другая сторона от брачного обязательства свободна. Но бывают случаи, что жена оставляет своего мужа и без его на то согласия, что случается тогда, когда между супругами существует большая разница в летах. Правда, оставленный муж может, по нашему закону, принести на такую жену жалобу высшему духовному лицу — ламе; но что лама может сделать при неопределенном взгляде самой религии на брак? Он сразу видит, что муж осмеян за свою опрометчивость, заслуженно носит подобное бремя и вполне сознает, что физиология не всегда удовлетворяется моралью, а потому и жалобы таких мужей не ведут ни к чему.

Влияние монголо-татарского ига на некоторые наши обычаи. — Отсюда важность изучения бытового положения женщины-калмычки. — Взгляд калмыков на женщину. — Единственное преступление, за которое монгольский закон установил телесное наказание женщины. — Похищение чужих жен и дочерей. — Еще о разводе. — Родины. — Обряд наречия имени новорожденному младенцу. — Невмешательство религии в этом обряде. — Этикет. — Раздел наследства и доля в нем женщины. — Ее полноправность и кредит. — Обязательное гостеприимство и освобождение от него женщины. — Правоспособность женщины. — Закон о воспитанницах. — Развод не развод. — Женщина, первая воспитательница народа. — Грамотность. — Высшее образование калмыков и калмычек. — Прилив женщин другой народности и его последствия. — Участие женщины в народных играх. — Участие женщины в религиозном служении и место ее в буддийской догматике. — Похороны женщины.

Закон природы, обособив человека-мужчину от человека-женщины, предназначил обоих для одной высшей, неделимой цели. Отсюда между обоими полами та духовная связь, которой остальные живые существа, по воле Творца, не имеют. Отсюда и изучение общественного развития разных народов и племен, стоящих на разных ступенях цивилизации и при различных условиях жизни, без изучения женщины будет далеко не полное. Собственно же для нас изучение бытового положения женщины-калмычки тем интереснее, что в нем замечается сходство с некоторыми бытовыми особенностями женщины русской, как например, обычай расплетания девичьей косы на две в знак совершения брака, значение и происхождение фаты, развешивание полога над постелью; наконец, угощение пищею почетного гостя с легким наклонением головы. Все это, как известно, обычаи, сохраняемые и нашим народом, во всей силе привязанности к старине.

Обращаясь к истории нашего отечества, нетрудно отыскать причину подмеченного сходства. От покорения древней Руси монголами (1240) до окончательного свержения татарского ига (1480) прошло *двести сорок* лет, а такой период времени слишком достаточный для того, чтобы оставить более или менее глубокие следы какого бы то ни было чужого обычая на нашей народной жизни. К счастью, монголо-татарское владычество на Руси ограничивалось только собиранием дани, не касаясь религии и социальной жизни нашей, тем не менее, и эти единственные с нами сношения не могли не быть проводниками некоторых усвоенных наших обычаев. Сама живучесть этих обычаев доказывает, что усвоение их совершалось медленно, не более как в интересах *новости* без всяких дальних расчетов.

Мнение наше легко может быть спорным, пока достаточно не выяснится фактами. Несколько доказательств мы уже дали в первых статьях о калмыках Большедербетского улуса[6]; надеемся дать больше при дальнейшем обозрении семейного быта женщин этого монгольского племени, на чем мы в последний раз остановились.

Положение замужней калмычки, как и всякой женщины, сделавшейся членом нового семейства, ограничено известными правами и преимуществами, основанными частью на обычае, частью на законе. Монгольский закон в некоторых случаях смотрит на женщину как на *вещь*. Так, например, в 66 статье степного уложения («Цааджин бичик») сказано: «Кто в деле с неприятелем убьет неприятельского командующего, то ему отдать в награду *жену убитого*». А в следующей статье: «Кто убьет неприятеля в панцире, то панцирь отдать ему в награждение, а его помощнику в победе отдать шишак и латы, а прочим товарищам — то, что найдется. Если же на убитом панциря не будет, то победитель его имеет взять себе в награду *жену убитого*».

Можно бы полагать, что монгольские законодатели высоко ценили женщину, когда ее назначали как высшую награду храбрости (хотя они распоряжались так только женами убитых врагов, часто, быть может, и одноверных), если бы положительно не доказали в статье 44 (и других) своего кодекса, что женщина, по их мнению, не более как вещь. В этой статье сказано: «А если у одного мужа будет две жены, и одна другую убьет до смерти, то родственникам убитой взять с убийцы то, что за убитие человека положено, или же убийце отрезать ухо и отдать замуж за другого человека». Однако ж выбор наказания (платеж или отрезание уха) отдается на волю настоящего ее мужа. Вот основный взгляд монголов на жизнь человека вообще и женщины в особенности.

Замужняя калмычка в семействе своем прежде всего полная хозяйка дома, и затем все, что прямо к ней не относится, лежит на обязанности мужа. Но обстановка кочевой жизни такова, что большая часть домашних хлопот выпала на долю женщины. Приготовление пищи, молочных скопов и напитков, многих принадлежностей одежды и жилища, уход за детьми и их воспитание ежедневно озабочивают трудолюбивую калмычку. В таких занятиях она проводит круглый год и всю жизнь, если не дождется женитьбы сына. Тогда только все домашние хлопоты переходят на сноху. С сим вместе молодая женщина принимает на себя и новые обязанности, прямо вытекающие из отношений ее к свекру, свекрови, мужу, его родственникам и посторонним мужчинам, не выполнять которых она не может и не смеет.

Монгольские законодатели очень хорошо знали, что такие отношения весьма часто приводят к столкновениям, нарушающим семейное спокойствие, а нередко и счастье, а потому в статье 40 «Цааджин бичика» постановили: «Ежели невестка свекровь или свекора своего побьет, то с нее взять за большие побои 27, за средние 18, а за малые побои 9 скотин; да сверх того ей же дать за большие

побои 30, за средние 20, а за малые 10 ударов плетью. Наказание же отцом сына, свекровью невестки для нравоучения в вину не вменяется. Но за *незаслуженные побои* с них брать за большие 9, за средние 5 скотин, а за малые одну лошадь. Ежели свекор побьет невестку, то с него взять: за большие побои 18, за средние 9, а за малые 5 скотин».

Мы находим здесь единственный случай, вызывающий *телесное наказание*, и что еще замечательнее, полагаемое исключительно *женщине*, и именно *невестке*, хотя известный хинолог монах *Иакинф* и утверждает, что телесное наказание вовсе не исключено из степного уложения «Цааджин бичик», составленного ойратскими владельцами и принятого монгольским союзом (Дербен-ойрат) 5 сентября 1640 года.[7] Но стоит ли замечать строгость закона, созданного монгольскою цивилизациею, если в то время, да и долго спустя, у всех цивилизованных народов Европы и у вас самих инквизиционная процедура считалась идеалом справедливости?.. Если монгольские законодатели определили телесное наказание женщине за преступление, оскорбляющее права родителей, то, с другой стороны, они очень гуманно парализовали деспотизм родительской власти…

На проступки обоих полов против чистоты нравов, как в брачном состоянии, так и вне брака, монгольские законодатели тоже строго смотрели. В статье 92-й постановлено: «Ежели чья жена, кроме мужа своего, с кем-нибудь учинит блуд, то с той жены взять на владельца 4 скотины, а с того, кто с нею учинил блуд, взять мужу ее 5 скотин. А буде кто чью жену изнасиловал, то с него взять той жены мужу 9 скотин. А за насилие рабы взять одну лошадь, а буде с ее согласия учинит, то его не штрафовать. А кто изнасиловал девку, то с него взять отцу ее 18 скотин, а если девка была на то согласна, то с него взять 9 скотин».

Калмыцкий закон, как оказывается, не давал повадки степным волокитам и кокоткам. Сейчас увидим, что к похитителям чужих жен и дочерей он относился с неменьшею строгостью. Статья 146 говорит: «Буде кто уведет у знатного человека жену, и за то с него взять одного верблюда и 80 скотин; а ежели уведет жену посредственного человека, то взять с него одного верблюда и 44 скотины, а за увод жены подлого человека взять верблюда и 26 скотин».

«А ежели чью жену кто уведет в такое место, где их отыскать будет невозможно, и за то мужу той жены взять оставшуюся после похитителя *его жену* пожитки и скот. Но если ближние ее родственники пожелают ее выкупить, то должны дать за нее столько же скота, сколько муж ее за нее дал. А буде ближние родственники скота не имеют, то позволяется дальним ее родственникам дать за нее выкупу 9 скотин. А ежели и те не будут иметь средств на выкуп, и в том *владельческая воля да будет*».

«Ежели девица, назначенная *в приданое* (начала крепостного права следует искать у монголов) за владельческою дочерью, с позволения отца своего и матери выйдет за кого замуж, и за то подлежащий штраф взять с отца девицы. А буде такую девицу без позволения ее родителей подговоривши кто уведет и на ней женится, то штраф взять с того, кто ее увел».

При легкости брака и развода у буддистов, при возможности иметь более одной жены, при полном почти невмешательстве религии в супружеские дела, а не менее того, при обычаях, чрезвычайно резко отличающихся от европейских занятий, когда, например, жена, производящая на свет *одних дочерей*, считается у калмыков за *девственницу* и может быть во всякое время отослана к своему отцу (такую женщину называют тогда «хариджа-ирсын-кююкюн», что в буквальном переводе значит «*назад пришедшая девушка*»), статья 146-я едва ли могла иметь практическое применение.

О легкости развода в заключение остается сказать, что по степному уложению 1640 года он допускается, как всякая семейная сделка. «Ежели кто (сказано в статье 126) пожелает свою жену покинуть, а родственники ее захотят выкупить, то за таковых *платить*: за знатную по одной жестокой вещи[8] и по 8 скотин, за посредственную по 5 скотин, а за подлую по одной лошади и по одному верблюду.

Ясно, что и монгольский закон и калмыки смотрят на женщину вообще и на жену в частности, как на всякую другую вещь, которую можно и купить, и выкупить, и бросить. По-видимому, буддисты в женщине видят и ценят одно ее физиологическое значение; но при ближайшем изучении женщины с нравственно-философской точки зрения мы видим, что и буддизм, и гражданский закон, и обычай народа дают женщине почетное место и в социальном быту, и даже в самой религии. Такое противуречие принципов по отношению к разводу можно, кажется, объяснить опытом монгольской житейской мудрости, а отчасти и нашей родной пословицей: «*Насильно мил не будешь*», — которой, в свою очередь, совершенно противуречит наша же, потерявшая, впрочем, свою силу поговорка «*поживется — слюбится*».

Говорят, что в Индии на главных воротах города Агра начертана крупными словами следующая надпись: «В первый год царствования Императора Юлефа судьи расторгли 2000 браков по обоюдному согласию супругов. Император разгневался и уничтожил в своих владениях развод. В следующем году число браков уменьшилось *тремя* тысячами, а число прелюбодеяний увеличилось почти *семью* тысячами. Триста женщин были сожжены за то, что отравили своих мужей, и семьдесят пять мужей — за то, что зарезали своих жен. — Император поспешил восстановить развод».[9]

Значит, физиология еще в глубокой древности победила философию. Оттого-то, быть может, теперь в статистике о калмыках рубрика преступлений, прямо вытекающих из расторжимости брака, *чиста*.

Строгий европейский пурист, быть может, скажет, что при подобных условиях расторжение брака — обыкновенное, чуть не ежедневное между калмыками явление — развращает только народ и потворствует страстям; вследствие чего и их семейная жизнь не дает детям нравственно-религиозного воспитания. К счастью, — *нет*. Развод у них, как мы и прежде говорили, очень и очень редкое дело, на которое калмык только в чрезвычайно важных случаях решается. Кажется, что сама расторжимость брака приводит к отрицательным последствиям: смягчает строптивые характеры, долее поддерживает между супругами взаимную друг к другу любовь и уважение, на чем, понятно, воспитание юного поколения только выигрывает. По крайней мере, мы встречали между калмыками нежных родителей и почтительных детей чаще, чем того сами ожидали.

Женщина-калмычка, уверившись в своей беременности, объявляет о том мужу, и с тех пор ложа с ним не разделяет… Благодаря крепости физических сил (а номадки могут ими смело похвалиться) повивальное искусство при самих обыкновенных приемах заключается единственно в умении отнять пуповину. Для этого заранее припасается маленький, хорошо оточенный и непременно новый калмыцкий ножик, который после известной операции родильница прячет в сундук и сохраняет как святыню. Вторично в подобном случае этот ножик употреблен быть не может. Бывает, что в трудных родах приглашают на помощь и постороннего мужчину, который если не искусно, то во всяком случае сильно обеими руками обхватывает родильницу в пояс, что будто бы облегчает роды. Хотя закон (статья 109) за такую помощь назначает в награду лошадь, но и тут охотника найти трудно, так как суеверный калмык полагает, что от того он потеряет силу.

Муж не бывает при родах: это не принято. Родившегося младенца тотчас обмывают теплою водою и завертывают летом в пеленки, какие у кого есть, а зимою в молодую овчину и привязывают к лубочку, чтобы удобнее было держать ребенка, а у кого есть, то к люльке «юльге»[10] особого, довольно замысловатого устройства.

Замысловатость, впрочем, заключается собственно не в люльке, а в особенном снаряде «цорго», очень похожем на мужскую туфлю без задника. Он деревянный, в верхней части пустой, с отверстием и с желобками на дне, которое мы, для удобнейшего понятия, назовем подошвою — по-калмыцки «тавик». Таким образом устроенный снаряд кладется между ног ребенка так, чтобы конец тавика выходил немного за край люльки, а ребенок обхватил снаряд ногами. При такой предосторожности ребенок не преет, потому что моча стекает по желобкам снаряда. В гигиеническом отношении, при условиях кочевой жизни, особенно зимою, когда ребенка невозможно часто раскрывать для соблюдения чистоты, «цорго» — снаряд незаменимый. Но с другой стороны, он, несомненно, способствует образованию кривизны ног, чем по большей части калмыки отличаются и которая, по мнению многих, будто бы полезна для верховой езды.

Окривление ног считается физиологическим недостатком калмыков (у многих оно едва заметное), но происходит искусственно и вследствие привычки, прежде всего от снаряда «цорго», о котором мы сейчас говорили, а еще более от особенного способа нянчить детей. У калмыков нянчат не так, как у нас, — на руках, а сажают ребенка верхом на левое бедро и слегка поддерживают рукою. При условиях кочевой жизни, когда женщине с ребенком приходится иногда ехать верхом (они ездят по-мужски), такая манера нянчить детей самая удобная. Дитя, из боязни упасть (что очень понятно), крепко держится, обхватив бедро матери ногами, которые мало-помалу приобретают оттого замечаемое в них окривление. Так или иначе, но во всяком случае кривизна ног не считается общим физиологическим недостатком калмыков, а следствием неправильного воспитания детей в первом возрасте. Возвратимся к новорожденному ребенку, которого мы оставили ради замысловатой люльки.

Как только обмоют и уберут ребенка, тотчас дают ему соску из полусваренного курдючного сала, которое послабляющим действием на желудков, способствуя очищению его от мекония (первородного кала), вероятно, тем самим предохраняет и от детской, так называемой младенческой болезни, неизвестной калмыкам. Родильницу же поят горячим «шюлюном» (бульон из бараньего мяса), который, производя обильный пот, целебно действует на потрясенный организм женщины.

Когда у матери появится первое молоко «уурук», тогда она должна в первый раз покормить грудью ребенка непременно в *присутствии* мужа, которому при этом случае подносит чашку «арзы» (водки из молока). Отец выпивает арзу и нарекает ребенку имя. Обычай этот называется «юсун арза». Если родители новорожденного ребенка люди бедные, сами не имеют родителей или старших близких родственников, то этою церемониею все и оканчивается. В противном случае обряд продолжается по следующей программе, от которой отступить не каждый калмык согласится.

Тогда, т.е. после «юсун арза», отец не нарекает имени ребенку, а отправляется для исполнения этого обряда в «большую» родительскую кибитку, с поклоном и подарками калмыцкого вареного чая, арзы, непременно целиком сваренного барана, бубликами и прочим. Мать с ребенком, положенным в люльку или на лубок, подойдя к родительской кибитке, не должна переступить порога, пока к тому не будет приглашена свекром или свекровью. Вошедши в кибитку, она кладет дитя у подножья бурханов и делает три земные поклона, что исполняют и все присутствующие. После того отец нарекает ребенку имя, произнося троекратно следующую формулу: «во имя Бога, нарекаю тебя *так-то*». В заключение старший присутствующий вынимает из принесенного барана сердце, отрезывает маленький кусок и

дает в рот ребенку, а остальное кладет бурханам в жертвоприношение. Затем все чинно садятся по местам (без посещения хотонных соседей такое событие не обходится), и начинается обильное угощение. Все поздравляют родильницу, кладут деньги «на зубок» и дарят, кто что может.

Если отец родившегося ребенка настолько богат, что его не пугают излишние издержки, то на этот случай приглашает и гелюнга, который, справившись предварительно во всезнающей книге «зурхан-ном», нарекает ребенку *другое* имя, назначает, из какого цвета материи должен быть сшит тельник «бу» и какие молитвы в него положены. Последними тут же снабжает родителей, за приличное, конечно, вознаграждение.

Но если отец ребенка разочтет, что приглашение гелюнга обойдется ему дорого, то просто берет «бортого» арзы, кирпич калмыцкого чая да рубля два денег, садится на коня и едет к гелюнгу, который, приняв приношение, заочно нарекает имя младенцу, дает молитву для тельника и отпускает домой родителя.

Калмык довольный, скачет во все лопатки в свой хотон; но где-нибудь по дороге, случается, завернет к приятелю, неосторожно потянет на радости «арке» или русской водки, и — долго ли до греха — теряет молитву и забывает не только цвет будущего тельника, но даже нареченное гелюнгом имя... В случае такого несчастья вторичное исполнение обряда откладывается на неопределенное время, а иногда и вовсе оставляется...

День наречения имени у калмыков называется «*мелягудын хюрюм*» и считается днем рождения, хотя бы ребенок родился месяцем или более раньше. День этот заранее известен родителям, так как по их просьбе «зурхачи» назначает счастливый день для подобных дел. Но и после этого все калмыки считают свои лета не с этого дня, а с праздника «зула»; о чем мы обширнее поговорим в своем месте. При рождении дочери и обряд бывает короче, и угощение проще. Видно, и у номадов, как и у нас, появление на свет дочери не так радует отца, как рождение сына!..

Оставим на время женщину-калмычку, для того чтобы объяснить калмыцкий обряд наречения имени новорожденному ребенку.

Буддизм индифферентно относится к этому обряду и даже не дозволяет нарекать младенцу таких имен, какие при жизни носили буддийские праведники и люди, угодившие Богу, в том внимании, что это было бы отклонением святости первых и высокомерием последних. В силу такого учения ни один калмык не носит имени *Хоншиш*, *Люта*, *Шакчжимюни*, *Зункоба*, *Нидубер-юсукчи*, *Гомбо-шальши*, *Дарке* и прочие.

Приглашение гелюнга для наречения имени есть дело доброй воли, если не самолюбия. Нарекаемые имена берутся из общего тибетского или монгольского лексикона и имеют качественное прилагательное, редко существительное значение. Таковы, например, мужские имена: *Бадма́*, правильнее *Падма* (белая водяная линия Nelumbium speciosum), *Цере́н* (долголетний), *Сага́* (добросердечный), *Ледже* (покорный) — и женские: *Бальчжерма́* (мать милосердия), *Улючжи* (прекрасная), *Серен-герюль* (светло прохладная), *Джочже* (малая) и проч. Что же касается калмыка-отца, то он никогда не ломает головы, когда приходится дать имя ребенку. Попадется ли ему в то время на глаза кинжал, он сына нарекает *Кинжалом*. Заметит ли красноту в лице младенца — он его называет «Улан» (красный). Вспомнит ли знакомого мужика Николая, у которого когда-то скотину пас, — и сыну дает такое имя. Многие калмыки носят поэтому русские имена: Василий, Трошка (Трофим), Адрион (Родион) и прочие. Мало того, мы знаем калмыка, который носит русское женское имя, например, *Аниська* Мумаев; и другого, принявшего русскую фамилию за имя, например, *Лапин* Опогинов. Поэтому если буддисты не придают именам религиозного значения, то они имеют значение прозвища или просто клички — не более.

По-видимому, буддисты более придают важности обряду положения ребенка у подножия бурханов, причем стараются дать ему стоячее положение, что с помощью люльки или лубка нетрудно. Этим, как объясняют гелюнги, новорожденный поручается под защиту и покровительство Бога; а стоячее положение ребенка знаменует, что и он хорошею и добродетельною жизнью может достигнуть вечного блаженства и, освободившись чрез перерождение от матери, соединиться с божеством, источником разума (Буддою), подобно тем, которых представляют изображения бурханов, сделанные тоже в стоячем виде.

Положение куска бараньего сердца в рот ребенка означает, по толкованию гелюнгов, что новорожденный до того был невинный и с той только минуты сделался причастным греху, так как ради него зарезан баран.

Так ли понимают сами калмыки этот обряд, как объясняют гелюнги, уверять не будем. Известно только, что не все его исполняют. Зато тельник «*бу*» или, лучше сказать, зашитые в нем молитвы «*тарни*» в великом у них почитании. Эту, по мнению их, *святость* каждый калмык носит на шее; хотя все знают, что молитвы не оказывают магического действия и не предохраняют ни от оспы, ни от дурного глаза, ни от лихорадки и прочих несчастий. Из всего видно, что обрядность по случаю рождения ребенка более основана на обычае, чем на религии. Можно даже сказать, что религиозным догматом калмыков служит беспредельное уважение к древним обычаям, и отсюда ненависть к малейшему их изменению.

Чем далее подвигаемся в изучении бытового положения женщины-калмычки, тем более убеждаемся, что монгольская цивилизация, несмотря на аскетический взгляд буддизма на женщину, оценила ее благотворное значение и упрочила за нею почетное место в разных фазах социальной жизни. Несомненно, что и сама кочевая жизнь калмыков много способствовала к возвышению ее культурного значения. В этом легко убедиться, остановив внимание на правилах степного этикета, соблюдаемого обоими полами.

Мужчина должен оседлать коня и подвести к женщине, для которой такое дело считается неприличным. Если мужчина, хотя бы он был и знатного происхождения, заметит, что женщина, едущая навстречу верхом, хочет сойти с коня, то из вежливости и уважения *к женщине*, будь она и низкого рода, должен сам спешиться и помочь ей соскочить с седла. Мужчина, обыкновенно старший в семье, обязан при перекочевке на новое место вырыть в секретном месте «*татал*», т.е. копань, для омовения женщин его семьи. Мужчина отдает честь женщине, слагая большой палец правой руки с указательным левой, и прикладывает их к своему челу, становясь в то же время на правое колено. Мужчина не должен бить своей жены, и вообще женщины, ни рукою, ни плетью, палкою или ногайкою, ни пред бурханами, то есть в кибитке. За побои, причиненные беременной женщине кем бы то ни было, вследствие чего последовал бы выкидыш, статья 100-я «*Цааджин-бичика*» налагает штраф по девять скотин за каждый месяц выкидыша.

В свою очередь, женщина не должна без приглашения сесть при старших, ни начать с ними разговора; тем менее, она не может сидеть при них в фамильярной позе.

Перешагнуть через ноги мужчины, ногайку, плеть или задеть подолом платья посуду с пищею и напитками считается верхом неприличия для женщины. Ей неприлично при верховой езде иметь в руках плеть, у ней может быть только ногайка. Замужняя женщина изъявляет благодарность мужчине, проводя рукою сверху донизу по левой косе; девушка может благодарить только потуплением глаз — безмолвно. Таким же образом выражают почтительность при разговоре с старшими. При них они могут сесть только после вторичного приглашения. Во время посещений и вообще при сборищах женщины садятся по левую сторону хозяйки, между тем как правая предоставлена мужчинам. Вообще монгольские понятия о вежливости к женщинам тем замечательнее, что выработаны в глубокой древности народом, которого религиозный склад ума забит аскетическими идеями.

Степное уложение 1640 года слегка только коснулось раздела имений. В единственной об столь важном предмете 45-й статье сказано: «Отец должен имение свое сыновьям разделить в наследство *по обычаю*, а ежели потом обеднеет, то должен взять от каждого сына *пятую* скотину». Очевидно, обычай укоренился в народе до того прочно, что законодатели сочли излишним повторять в уложении то, что всем известно.

По монгольскому обычаю, *сестра при братьях не наследница*. Но когда сестра выходит замуж без родителей, то братья обязаны из своих частей дать ей приданое по средствам и устроить празднование свадьбы. Этим они, однако ж, далеко еще не выполнили своей обязанности, потому что если у сестры родится сын, то дяди должны общими средствами выделить племяннику такую же часть, какую сами получили от отца. В противном случае не только племянник, но даже внук, первый у дядьев, а последний у дедов, имеет полное право приступить к *насильственному выделу* «*зе бярьдык-юсун*». Этот выдел делается так: у племянника есть, например, три родных дяди по женской линии. Каждый из них получил от отца в наследство, положим, по 30 голов скота. Значит, племянник имеет право требовать от каждого дяди по 10 скотин. В случае неудовлетворения такого требования племянник объявляет почетнейшему человеку в хотоне, что он обращался к дяде с просьбою о выдаче ему законной части имения, но тот ничего не дал, а потому намерен выделить себе часть насильственно, то есть *украсть*. Такое заявление должно сохраняться в глубокой тайне, пока в одну темную ночь у несговорчивого дяди родной племянник не угонит 10 скотин. Тогда только почетнейший человек в хотоне скажет дяде, что это не воровство, а просто «*зе бярьдык-юсун*».

Жаловаться дядя не вправе, и он не только не будет, но даже останется с племянником попрежнему в хороших отношениях. Если бы племяннику не удалось в первый раз захватить всю часть, и вместо 10 он украл бы только 6 штук, то может в другой раз отбить остальные 4 штуки. Но во всяком случае более трех раз он не вправе делать на дядю набега. В последнее время калмыки заметно реже и реже стали прибегать к насильственным выделам, потому ли что сделались благоразумнее или, быть может, потому что русский закон смотрит на это иначе.

По монгольскому обычаю родители имеют полное право разделить имение между сыновьями как им угодно. Но если бы случилось, что родители того при жизни не сделали и умерли без завещания, то оставшиеся сыновья, прежде всего, выделяют из общего имения приношение в хурул (на духовенство), а потом уже разделяют имение на десять равных частей и затем $^{9}/_{10}$ вновь делят поровну между собою, а $^{1}/_{10}$ часть поступает старшему брату, сверх доставшейся уже ему доли имения. Следует притом заметить, что если два старшие брата или вообще два брата *близнецы*, то калмыки считают *младшим* того, кто *раньше* родился, применяясь в этом случае к этикету, по которому при входе и выходе старшему всегда предшествуют *младший*…

Таковы калмыцкие обычаи в делах наследства. Замечательно, что и наше крестьянское сословие не считает сестры при братьях наследницею, хотя в этом случае оно совершенно расходится с X томом законов гражданских. Часто и у нас отец при жизни выделяет старшему сыну больше на том основании, что пока младшие были еще в детском возрасте, старший помогал уже отцу в приобретении имения. Только обычай «*зе бярьдык-юсун*» не принят русскою жизнью, хотя, быть может, и у нас в домашних кражах, случающихся между родными, мелькает идея *насильственного выдела*.

Полноправность женщины в отношении кредита совершенно ограничена. В статье 90 «Цааджикбичика» постановлено: «Буде какая женщина принесет кому вина или барана и возьмет у него что в долг, то того долгу с ней *не взыскивать*. А ежели долг ее будет значительный, то взыскать с нее только половину». Женщина не может управлять *аймаком* (частью улуса), но было несколько примеров, что женщины владели улусом.

Гостеприимность очень развита у калмыков и по закону обязательна. По статье 114, «кто жаждущего не напоит молоком, с того жаждущий имеет взять одного барана». Но в следующей статье сказано: «А буде кто насильно у кого выпьет вино, с того взять лошадь с седлом». И — статья 36: «Кто проезжающего человека не пустит к себе переночевать, то с него взять трехлетнюю кобылицу, а ежели на ночлег не пустит бездетная вдова, то из ее шитья взять одно портище. Но если она в оправдание свое выставит уважительную причину, то в том ей верить». Очевидно, закон, делая обязательным гостеприимство для всех, в некоторых случаях (вероятно, скользких для нравственности женщины) делает из общего правила исключение.

В статье 127 постановлено: «*Рабы* во свидетельство не принимать, разве она, в уверение своего свидетельства, покажет краденого скота мясо и кости», то есть представит неоспоримые доказательства. Таким образом, монгольский закон ограничивает правоспособность женщины *рабы*.

О воспитанницах находим следующее постановление.

Статья 146. «А буде кто воспитает чужую дочь, которую впоследствии родители ее пожелали бы взять, то они воспитателю дочери, буде она не свыше девяти лет, обязаны дать 9 скотин; а если содержание их дочери было дурное, то должны дать только половину того количества. Буде же их дочь старше 10 лет, то должна уже остаться у воспитателя, которому дозволяется выдать ее замуж, но с тем, что взятый за нее скот он должен разделить с отцом воспитанницы своей пополам; но в таком разе воспитатель с отцом обязаны дать пополам приданое».

Нам остается еще указать на один случай, в каком может находиться замужняя женщина-калмычка. Это развод не развод, а какой-то печальный сепаратизм во супружестве. Например: «Кто примет к себе в дом человека и женит на своей дочери или служащей девке, и впоследствии тот человек захочет отойти к своему отцу, то ему в том не препятствовать, но в таком случае он может взять с собою одних только сыновей, а жена его и дочери должны оставаться у того, у кого он женился». Несомненно, в былое время были поводы к установлению такого закона, но теперь он давно уже не имеет практического применения, так как калмыки, при всей их слепой привязанности к древним обычаям, поняли несостоятельность этого закона.

За преступление детей против *матери* закон постановил такие же наказания, как и за преступление против отца.

Статья 39. «Кто своего учителя, отца или *мать* побьет, то с него взять за большие побои 27, за средние 18, а за малые 9 скотин».

Статья 41. «Ежели сын отца или *мать* убьет до смерти, тот, кто его увидит, должен убийцу поймать и представить *владельцу*, за что получит из убийцыных пожитков одну жестокую вещь и 8 скотин. Сверх того убийцу лишить жены, детей и всего имения. А ежели отец убьет сына до смерти, то, кроме собственной жены, лишить его всех людей и имений».

Отсюда ясно, что хотя по степному уложению 1640 монгольский владелец был абсолютным господином своих подданных, но ни он, ни один монгол-отец не был, как отец римской эпохи, полным господином своих детей и не мог распоряжаться ими по своему произволу — ни убивать, ни даже бить безвинно. Если, на наш взгляд, отцеубийство наказывалось не довольно строго, то, с другой стороны, видим, что монгольские законодатели более старались об охранении женщины от безнравственных поступков, а тем самым о возвышении народной нравственности, полагая такими проводниками ослабить самую возможность преступлений против родителей, чего, по большей части, достигли; по крайней мере, *ни один* калмык Большедербетского улуса не подвергался, по русским законам, наказанию за *отцеубийство*. — Следовательно, их юридический взгляд был не по времени верен. Взгляд замечательный и потому, что в общемонгольский кодекс, в котором всего-навсего 165 статей (в том числе собственно о женщинах 22), ни одной статьею не принял на себя задачи о воспитании и образовании детей — *задачи* и в наше время не легкой для европейской цивилизации, хотя и безусловно полагаемой в основание сего, далеко не оконченного, здания.

Вникнем в причины замеченного пробела.

Кочующая и легкоподвижная жизнь, какую в глубокой древности вели некоторые монгольские племена вследствие исторической *необходимости*, и теперь еще ведут калмыки Большедербетского улуса по одной уже исторической *привычке*, была главным препятствием к введению у них системы

школьного воспитания, какая иногда давным-давно существовала уже в Китае, Тибете, Манджурии и Японии, то есть у буддистов *оседлых*. Понятно, что калмыки, как народ кочующий, могли только принять систему домашнего воспитания.

Вопрос еще в том: *кто* сообщил эту систему калмыкам, народу, известному в древности под именем «усунь», кочующему за 220 лет до Рождества Христова между великою китайскою стеною, рекою Желтою и Восточным Океаном, народу, по обычаям и образу жизни подобному тогда грубым и кровожадным гуннам?[11] Мы ответим: женщина, — и эта женщина была дочь одного китайского князя за 107 лет до Рождества Христова, по политическим видам выданная замуж в качестве китайской царевны за усуньского князя Гуньмо. С того времени ряд дочерей китайских князей и царедворцев, выдаваемых в течение двух столетий за усуньских владельцев и полководцев, не могли не оказать благотворного влияния на смягчение нравов отдаленных предков нынешних калмыков внесенною в их жизнь системою домашнего воспитания детей и сообщением этому грубому народу своих обычаев, костюмов и этикета, составляющих всю суть китайского воспитания, что и доказывается поразительным сходством с обычаями, одеждою и этикетом нынешних калмыков.

В основание начального воспитания у них тогда еще положено было оказание почтения родителям при входе и уважения старшим братьям при выходе из дому. Так как старший брат в отсутствие отца считается старейшиною дома, то младшие братья все домашние дела, как большие, так и малые, должны исправлять с дозволения его; они должны не приниматься прежде него за пищу и питье, вежливо с ним говорить, впереди его не ходить и выше его не остановиться и не сидеть. Наконец, в систему домашнего воспитания китайские женщины внесли все условные знаки почтения детей к родителям, младших братьев и сестер к старшим, невестки к свекру и свекрови и жены к мужу. В том у них заключается и теперь вся система домашнего воспитания, и калмык изучает ее с самого детства под руководством матери, не из мертвых книг, а из живого слова и примера. В таком направлении и духе чрез длинный ряд веков воспитание детей находится в руках женщины-калмычки и вошло в плоть и кровь народа. Примеры самодурства, конечно, встретить можно нередко и между калмыками; но подобные примеры встречаются и у цивилизованных народов.

О грамотности долго не могло быть речи у монголов, потому что язык тибетский долго был языком исповедуемой ими буддийской религии — языком, не понятным для народа. Только в первой половине XIII столетия лама *Сакия Пандита* первый изобрел монгольские буквы (пилообразные) числом 44, которых, впрочем, недостаточно оказалось для выражения всех звуков монгольского языка. Поэтому около 1260 года другой лама *Покеба* по приказанию Хубилай-хана изобрел новые буквы (квадратные, по образу тибетских и японских), но и те не вошли в общее употребление по причине множества букв (1000), выражающих целые слоги, пока наконец лама *Чойкги-очир* в первых годах XIV века не усовершенствовал ныне употребляемых калмыками письмен. С того только времени обучение грамотности перешло в руки духовенства и служит дополнением домашнего воспитания.

Теперь мальчиков лет 8—10 более достаточные калмыки отдают на выучку гелюнгам, которые, к чести их сказать, берут за это недорого, — рубля 3—4, не более, не считая изредко делаемых им приношений съестными припасами, что, во всяком случае, не тягостно для родителей, так как ученик все время находится уже на иждивении гелюнга. Девочки обучаются грамоте дома, под надзором матери, если не самою, то приглашенным гелюнгом. Впрочем, бедный калмык считает грамоту лишнею роскошью для дочери.

Русскую грамоту знают немногие калмыки, и только те из них, которые обучались в астраханском калмыцком училище или в Ставрополе. О школе, учрежденной в 1865 году при ставке Большедербетского улуса, умалчиваем — в ней только 6 учеников. Были примеры, что буддисты получали высшее университетское образование. Так, калмык Федор Иванов, родившийся около 1765 года на границе России с Китаем и доставленный в Петербург в 1770 году, взят был Императрицею Екатериною II и отдан на воспитание наследной принцессе Баденской Амалии и окончил курс наук в Лондоне. Следует указать и на Дорджи Баизарова (бурята), известного глубокою ученостью, но, к сожалению, рано скончавшегося для науки. Далее — на десяток-другой сыновей лучших калмыцких фамилий, воспитанных в кадетских корпусах в разные времена; наконец, на трех знакомых нам православных священников (урожденных калмыков), окончивших семинарское образование в Астрахани с правами студентов. Все они дали неопровержимое доказательство, что монгольские способности ничуть не хуже славянских.

Большедербетские калмыки могут похвалиться, что из их племени вышли и женщины, блистательно доказавшие, что и их пол не менее способен к усвоению европейской цивилизацию, но, к сожалению, эти счастливые примеры не более как редкие исключения, доказывающие, впрочем, что можно бы сделать из этого народа, одаренного, несомненно, хорошими умственными способностями. Между тем огромная масса монгольских племен, обитающих на необозримых степях империи, давно уже ждет и, быть может, долго еще будет ожидать, пока мы, горячим участием и мощным содействием, успеем сделать их полезными деятелями на поприще нашей культуры.

В начале прошлого столетия, если не раньше, начались сношения калмыков с кабардинцами и другими затеречными народами, частью для меновой торговли, а больше, кажется, для поживы, так

как жалобы горцев на угон калмыками лошадей и ясырей долго обеспокоивали наше правительство, пока Дондук-Омбо, внук Люки-хана и шестой калмыцкий хан в России, не женился на кабардинке *Джана*, дочери баксанского князя. Сделал ли это Дондук-Омбо из политических видов или по личной склонности, вопрос не в том, по крайней мере, с того времени сильною рукою он сумел обуздать своеволие калмыков, а главное, он первый освежил монгольскую расу притоком азиатской крови. Несомненно, пример его нашел подражателей, особенно в 1736 году, когда Дондук-Омбо во главе 20000 калмыков одержал блистательную победу между Кубанью и Урупом и забрал в плен 11000 кубанских татар, их жен и детей со всем имуществом. Пленные не были возвращены и окончательно слились с калмыками. Оттого теперь между калмыками попадается очень мало чисто монгольских типов, а чаще с заметным азиатским оттенком.

Интересно знать, какие особенные качества могли внести в калмыцкую жизнь кабардинки; подобно тому, как за восемнадцать веков до них китайские княжны внесли систему воспитания, и женские костюмы, и этикет? Обычаев своих, конечно, они не ввели, а сами, думаем, рады были, что отделались от азиатской, затворнической жизни. Домашнего воспитания тоже не изменили ни в чем, так как, понятно, матерям приятнее было не разлучаться с сыновьями, чем отдавать их аталыкам на воспитание. Богатому женскому костюму в китайском вкусе кабардинки тоже отдали решительное предпочтение. Они только сочли нужным украсить его серебряными галунами, шелковыми тесьмами, шнурками, петлями и тому подобными вышитыми или плетеными узорами в кабардинском вкусе, что, как известно, многие калмыки чрезвычайно хорошо теперь делают. Таким образом, к монгольскому трудолюбию и терпению азиатские женщины присоединили только свое трудолюбие и терпение, отчего, конечно, экономическая жизнь калмыков не осталась в убытке.

Попытаемся описать одну женскую работу, показавшуюся нам более интересною как ее при нас исполняла молодая зайсангша Серен-гелюль. Она выделывала узоры на атласном кисете для своего мужа. Искусство заключается в том, что Серен-гелюль в одно и то же время плела шнурок и накладывала узор. Она это делала так. Десять (по числу пальцев) серебряных и шелковых разноцветных ниток она связала в одном конце узлом и прикрепила на начальной точке узора посредством иголки и особой шелковой нитки. Потом на противоположном конце каждой нитки длиною около аршина она поделала петли такой величины, которая позволяла бы свободно перекидывать петлю с одного пальца правой руки на другой палец левой и обратно. От такого способа перемещения ниток с одной руки на другую плетется шнурок; а от умения и вкуса располагать цветами и серебром ниток образуется узор шнурка. После каждой, так сказать, манипуляции шнурок пришивается к материи иголкою, которой не выдергивают до следующего перемещения ниток, что способствует правильному плетению шнурка. Так мало-помалу выкладывается весь узор, что выходит и оригинально, и мило.

Если бы у нас когда-нибудь состоялась всероссийская выставка исключительно женских изделий, и вообще всего, что сделано трудами женщины по всем отраслям знаний, то калмычки — мы в том уверены — явились бы на нее довольно разнообразным экспонентками. Такая выставка — конечно, не ради калмычек — не говоря о ее научном и экономическом значении, тем желательнее, что теперь, хотя труд женщины по всем отраслям искусств и производства и допускается на всевозможные выставки, тем не менее он остается как будто на втором плане, а часто даже совершенно эксплуатируется трудом мужской половины человеческого рода.

Народные игры выражают до известной степени характер, наклонности и эстетическое чувство народа; а участие в них женщины рельефнее обрисовывает степень народного интеллектуального развития. Такое значение в древности имели римские цирки, олимпийские игры, такое значение до сих пор имеет бой быков в Испании. Новейшая европейская цивилизация давно уже умела вытеснить *даровые* игры, доставлявшие нашим прабабушкам и прадедам приятное развлечение в часы досуга, и заменить их более изысканными, но зато и более *ценными* способами проводить время. Некоторые старинные игры находят еще убежище кое-где среди низших классов народа, и то, быть может, только до времени. — Игры не чужды и калмыкам. Интересно, что у калмыков находим такие игры, какие есть и у нас. Мы не беремся решить вопроса, кто у кого сделал позаимствование, но, принимая в соображение, что замкнутость калмыков, вытекающая более всего из преувеличенного уважения к старине, слишком упорно и недоверчиво относится ко всему, что только имеет для него интерес новизны, склоняемся к мысли, что едва ли калмыки усвоили наши игры с целью доставить себе приятное препровождение от житейских забот времени — потребность, равно ощущаемая и необходимая как в доме славянина, так и в кибитке калмыка…

Мы не займем читателя подробным рассказом о «борьбе», главной характерической игре калмыков — игре, в которой монголы соединили весь пафос своей прошлой боевой и политической жизни и к которой они с детства приучали весь народ, игре, так дико пародируемой нашим «кулачным боем». Со смертью Нойона Очира-Хапчукова игра эта перешла в область грустных воспоминаний калмыков Большедербетского улуса. Но и затем считаем нелишним хотя кратко объяснить ход «борьбы», этой древней монгольской национальной игры.

В ней должно участвовать непременно *две* партии: или улус против улуса, или же одну сторону составляет партия *владельца*, а другую — духовенство. Число борцов заранее определено: в первом

случае по обоюдному согласию сторон, а во втором волею владельца; но в обоих число борцов каждой партии должно быть одинаковое. О дне борьбы оповещают заранее, что считается и вызовом охотников; но при том берут в соображение неизбежные хлопоты и назначают срок, достаточный для приготовления к борьбе. Само собою разумеется, каждая партия настолько заинтересована предстоящим событием, что не жалеет никаких средств и способов для приглашения на свою сторону известных и отличившихся уже своею силою борцов, которым заблаговременно составляют именной список. Каждый из будущих борцов приглашает себе секунданта; а затем обе партии избирают по равному числу «*судей борьбы*», которые, в свою очередь, избирают из своей среды «*главного судью*».

С приближением срока удобное для арены место выравнивают, очищают от травы и засыпают песком. Когда все приготовления кончены и борцы в сборе, делают репетицию или, лучше сказать, предварительное испытание, на котором составляется новый, но уже номерной именной список. Борцы выбирают себе для борьбы vis a vis, с кем кто желает померяться силами. Под №1 записывают того, кто на репетиции первый победил противника, а за ним тех, кто оказал такую же силу, но уже в меньшей сравнительно степени. Кого под каким номером записать, решают судьи. В день борьбы начинает №1, а за ним каждый очередной номер состязается с соответствующим номером противной стороны. Каждая партия приготовляет для победителей призы, как-то: лошадей, халаты, седла, деньги и прочее. Призы раздает главный судья; но чаще случается, что он предоставляет эту честь владельцу, а тот, если у него есть, *матери*. Победителем считается тот, кто повернет противника спиною к земле. Большинство победителей по числу номеров решает победу той или другой стороны. Судьи наблюдают за точным исполнением правил борьбы как вообще, так и в частности.

Все это происходит при многочисленном собрании обоего пола народа, который, сидя на земле чинно, окружает арену и наблюдает за всеми шансами победы той или другой партии, смотря по тому, кто к какой принадлежит. В заключение партия победившая дает народный пир, продолжающийся три дня, среди которого новые импровизированные борцы испытывают ad libitum свои силы, но уже без призов, которые заменяются собственными пари.

Женщины не только принимают участие в разных играх, но составляют как бы душу подобных развлечений. Более принятые ими игры: в *подушку* (кюпцик-хайха), в *кушак* (бисе-архо), в *прятки* (бултыджи-наатхо) и в *зеркало* (юрге-занхо).

Участвующие в первой игре, сколько бы их ни было, садятся кругом на земле вне кибитки, в расстоянии одна от другой не более сажени. Игра состоит в том, чтобы бегающий в кругу поймал подушку, перебрасываемую сидячими из рук в руки. Его место занимает тот, кто поймается с подушкою. Чем больше круг — тем труднее поймать подушку, тем веселее игра.

В следующей игре тоже садятся в кружок, но уже плотно, без всяких промежутков, и, держа руки за спиною, принимают и передают сосед соседу девичий кушак, свернутый жгутом. У кого стоящий в кругу отыщет и отнимет кушак, того бьет тем же жгутом и садится на его место, уступая ему свое. Удары сопровождаются общим смехом — значит, всем весело и — цель игры достигнута.

Часто обе эти игры заканчиваются «юрге-занхо». Тут дело в том, что один корчит гримасы и принимает карикатурные позы, а другой старается копировать его движения, как будто настоящее зеркало; хохот и крик во весь хотон, и все довольны.

Летом в лунную ночь калмыки играют иногда «в прятки». Партия молодых парней и девчат разделяется поровну, и когда одна половина спрячется, то другая, по данному знаку, ее отыскивает. Казалось бы, на ровной и избитой степи и яблока схоронить негде — однако молодежь настолько хитра, что находит удобные места для прятания себя: то канавку или бугорчик, то кучку кизяка или бурьяна, или, наконец, брошенную копань. Старики неблагосклонно посматривают на эту игру, и потому молодежь играет в прядки украдкою.

Калмыки играют еще в альчики или казанки, в шашки и в карты. — Единственные у них и любимые карточные игры, азартные: горка, филька и в три листика; но женщины-калмычки в эти игры не играют, неприлично. Альчики и шашки, несомненно, перешли к нам от монголов и татар, — они распространены в целой Азии. О картах же мнения различны: одни говорят, что карты в XI веке изобретены во Франции для развлечения слабоумного дофина; другие же утверждают, что карты в глубокой древности были уже известны в Китае. Признавая в последнем мнении большую долю исторической истины, мы тем самим допускаем, с большею вероятностью, что монголы в свои нашествия, простиравшиеся, как известно, до Дуная и даже до берегов Рейна, очень легко могли первые познакомить Европу, и скорее всего нас, с *картами*, и что наш простой народ так же играет в *горку*, *фильку* и в три листика, как играли прежде монголы и играют теперь калмыки.

Замечательнее всего, что буддизм не только допускает присутствие женщины при религиозном служении, но и позволяет ей дотрагиваться до сосудов и вообще предметов богослужебных и тем самым как бы делает ее участницею религиозных действий. Так, например, женщина в своем жилище расставляет по местам бурханов, зажигает пред ними благовонные курения и свечки, кладет жертвоприношения и прочее. Если женщина (мать или жена владельца) отличается добродетельною жизнью, благотворительностью к духовенству, милосердием к народу и усердием к вере, то при торжественном богослужении духовенство предоставляет ей высшую часть *раздачи молитв*, для чего она садится в хуруле рядом с старшим гелюнгом (*бакшею*), учителем веры, принимает от него священную книгу мо-

литв «*ном*», завернутую тщательно в несколько шелковых тканей, раскрывает ее и, вынув отдельные листы, формою похожие на наше лото, раздает гелюнгам для совершения по ним службы.

Калмычка, когда она вдова пожилых лет и бедна, может, если пожелает, посвятить себя на служение в хуруле, и в таком случае обязанность ее заключается в исполнении работ, свойственных женщине, и в некоторых послугах духовенству. «*Цааджин бичик*» в статье 21-й говорит: «Банде и шабаганце (то есть дьячку и чернице) за бесчестие платить 5 скотин, а за побои 9 скотин. Убуше и уба сунце (то есть служителю и служительнице капища) за бесчестие платить одну лошадь и за побои, по рассуждению суда».

Буддисты, приписывая человеческому духу бесконечное и безличное бытие, как строгие последователи внутреннего, духовного учения, не признают божеств, выделившихся из мира видимого, и создали себе пантеизм, омрачающий идею Высочайшего существа грубыми заблуждениями и ложными понятиями. В свою очередь, мистицизм, преобладающее в них стремление постигать сверхъестественное внутренним воззрением признал за женщиною право на место в буддийской догмагике и небесной иерархии. По их учению «*Алонкг-Гова*» произошла на свет через наитие доброго духа (тенкгери) и признается непорочно рожденною *девою*. *Манцзушири* (нежно-голосистый), один из Будд, изображается под прекрасною *женскою* наружностью, иногда с двумя, а иногда с четырьмя руками. В правой руке держит меч, а в левой распустившийся цветок «удбала цицик», на котором лежит священная книга «ном». *Дарке*, мать бога, или Будды, молодая и красивая *женщина*, изображается иногда с синим лицом и красными руками в знак гнева и ненасытной жажды крови. Наконец, буддисты в числе добрых духов насчитывают семь небесных дев.

Буддизм, преследуя идею возвышения человеческого духа и страшась мудростью уразуметь и постичь верховное существо, безусловное слово, единство и центр всего духовного, мало обращает внимание на материю (человеческое тело) и верен метафизическому взгляду на жизнь; он так же индифферентно относится к погребению умерших, как, мы видели, он смотрит на рождение и бракосочетание.

Женщин-калмычек так же погребают, как и мужчин, то есть с участием духовенства или без его присутствия. Так же творят по ним поминовения и молитвы в продолжении 49 дней или вовсе не поминают и не молятся — это зависит от доброй воли оставшихся родных, а более от их достатка… Не было только примера, чтобы калмыки тело умершей женщины сжигали; эта высшая честь погребения принадлежит одним ханам, нойонам и высшему духовенству: ламам и бакшам.

Примечания

1. Платеж скота за невесту «*шагате*» — то же самое, что у магометан «*калым*».
2. Можно поэтому заключать, как были богаты калмыки 250 лет назад. На 10 кибиток тогда полагался один только бедный. В настоящее время положение далеко уже не таково.
3. Жестокою вещью у монголов называлось металлическое их вооружение, как-то: панцирь, латы, шишак, пищаль и сабля. Следует заметить, что «Цааджин бичик» издан Ойратским союзом во время боевой славы и богатства калмыков.
4. Подобный обычай существует и у малороссиян в некоторых селениях Ставропольской губернии.
5. В 1849 году известнейший в целом калмыкском народе по богатству и образованию хошоутовский владелец, штаб-ротмистр Цецен-Нарбо Тюменев, повторил обряд своего бракосочетания.
6. «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии». Выпуск I и II, 1868 и 69 годы.
7. «Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XVI столетия до нашего времени». Соч. монаха Иакинфа, С.-Петербург 1834 г., стр. 51.
8. Мы уже говорили, что монголы жестокою вещью называли все вообще металлические боевые доспехи, как-то: панцирь, латы, пищаль и саблю.
9. «Северный архив», 1828 г., № 3, стр. 179.
10. Русское слово *люлька*, вероятно, происходит от калмыцкого «юльге».
11. Усун, или öсöн, по-монгольски значит «вода», принята за название племени, жившего при водах моря и реки.

Текст и примечания печатаются по источникам:

Бентковский И.В. Женщина-калмычка Большедербетского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Ставрополь, 1869. — Выпуск 2. — С. 141—167.

Бентковский И.В. Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, социальном и религиозном отношениях // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Ставрополь, 1870. — Выпуск 3. — С. 95—119.

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О СЕЛЕНИИ БЕЗОПАСНОМ (МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

«Изучать крестьянский быт — значит изучать историю;
крестьянский обычай есть живой архив —
собрание неоцененных исторических источников».
Рюль

История покорения Кавказа — *дело потомства*, подбор материалов для этой истории — *дело современников*.

И война на северном Кавказе, и заселение его почти с начала последней четверти прошлого столетия шли рука об руку с равным усилием и большими материальными и нравственными пожертвованиями. Едва ли поэтому можно сомневаться, что во многих случаях успех русского оружия обусловливался успехом водворения оседлого населения.

В последние десять лет военная литература обогатилась очерками многих отдельных эпизодов здешней войны и биографиями замечательных лиц, действовавших на Кавказе. Есть даже «Шестьдесят лет кавказской войны». При всем, однако же, достоинстве этих сочинений их можно считать только подбором материалов для *будущей истории*, время которой еще не настало... Но когда военные писатели так заботятся о своей специальной литературе и не менее того о военной славе, материалы, относящиеся до заселения Северного Кавказа вообще и Ставропольской губернии в особенности (без которых «полная история покорения Кавказа» немыслима), все еще нетронутые, покоятся в разных архивах. Не пора ли стряхнуть с них пыль и передать науке?..

Пока — интересно взглянуть на карту северного Кавказа 1778 года. Она представляет ряд крепостей, укреплений, редутов и шанцев, построенных Суворовым по Кубанской линии. По Тереку — та же укрепленная линия; и затем на всем пространстве в 1355 квадратных миль, между Азовским, Черным и Каспийским морями, ни одного города (не считая Кизляра, населенного исключительно армянами), ни одного селения... Только изредка, кое-где казачья станица по правой стороне Терека, да кочующие едишкульские, едисанские и джембулуковские ногайцы, даже калмыки, и те не кочевали еще тогда в приманычских степях...

Понятно, что действия наших войск на Северном Кавказе были тогда изолированы одним уже характером ненаселенной страны. Расположенные по Тереку поддерживаемы были еще воинственным и знакомым со страною казачьим населением, а в отношении продовольствия опирались на Кизляр, Астрахань и свободное Каспийское море; но войска Кубанской линии имели за собою только Дон, безлюдную на протяжении 300 верст степь — и никаких путей сообщения... А между тем Суворов, который, как известно, не любил шутить, когда дело шло о пище солдата, требовал от начальников частей[1] «иметь ежевременное попечение о соблюдении, паче здоровья, здоровых, всегдашними обзорами в касающемся до них», а это *касающееся* заключалось, по его же словам, «*в хорошо выпеченном хлебе, исправных сухарях и теплом вареве*».

Слова эти напоминают не одну только заботливость Суворова о здоровой пище солдат; они прямо приводят к военно-экономическим вопросам: какие этот великий полководец имел в руках своих средства, обеспечивающие продовольствие армии в стране, тогда еще безлюдной? Какими располагал способами для перевозки провианта, фуража и больных, если уже он сам, обозревая военные линии, от Полтавы чрез Астрахань, Кизляр, Моздок, Ставрополь, Азов и по Бердянской линии чрез Перекоп до самого Крыма ездил (по выражению его в рапорте Румянцеву) не иначе, как «*верхом на почтовых*»? Наконец, не в то ли время и не вследствие ли трудностей содержания, при подобных условиях, армии на границе Турции впервые созрела мысль о заселении всей прикубанской страны, присоединенной к России, не раньше 8 апреля 1783 года?

Понятно, что и с присоединением этой новой области Россия далеко еще не могла считать себя вполне обеспеченною и после заключенного с Турциею мира, пока этот край не был заселен русским племенем. Смотря на вопрос с этой точки зрения, открывается все громадное значение колонизации Кавказского наместничества, образованного в 1785 году из 5 уездов: Екатеринодарского, Кизлярского, Моздокского, Александровского и Ставропольского. С того времени прошло 82 года, — значит, немногим более человеческой жизни, а между тем, весь Кавказ покорен и на одной его северной стороне обитает ныне до одного миллиона русских, в том числе гражданского ведомства до 300 тысяч жителей. Но следует заметить, что колонизация Кавказа совершалась при условиях далеко не таких, как заселение Сибири, Крыма и Новороссийского края. Городское и сельское сословие Ставропольской

губернии хотя и не принимало прямого участия в военных действиях, тем не менее отбыванием повинностей, вытекающих из исключительного положения страны, а отчасти и поставкою продовольствия способствуя содержанию армии, оказывало во всяком случае косвенное влияние на успех военных действий, хотя нет слова, в то же время и усложняло их обязанностью охранять мирное население от нападения хищников. О быстроте, с какою водворялось русское население на Северном Кавказе, можно судить из того уже, что еще в прошлом столетии (с 1794 по 1800 год) потребовалось учреждение 34 ярмарок, из которых 6 открыто в Черномории, 26 — в станицах бывшего Кавказского линейного казачьего войска, и только две — в пределах гражданского ведомства, а именно в городе Ставрополе.

Такая локализация ясно показывает, что поселение казаков шло быстрее гражданского, — и понятно почему. Соображения того времени требовали преимущественнее такого населения, которое удовлетворяло бы двум неотложным местным потребностям (военной и гражданской), а эту двойственную обязанность могли нести только *казаки*… Этим объясняется, почему теперь на Северном Кавказе, конечно, в ущерб его экономическому развитию, казаки значительно превышают числительность гражданского населения Ставропольской губернии. Нужно, впрочем, заметить, что и последнее принесло немалую дань *идее казачества*… Так, в 1833 году зачислено в казаки 33 селения, в следующем году — 2, а в 1844 — еще четыре селения. Только недавно (23 декабря 1865 года) последовало Высочайшее повеление о приостановлении зачисления в Кубанское казачье войско лиц всех сословий.

«Unter arma sitent togae», — сказал древний писатель, и слова его приходится вспомнить, затрагивая вопрос о заселении Ставропольской губернии, колонизация которой до сих пор продолжается. Правда, молчание не всегда парализует ход самого дела, зато всегда затрудняет его изучение тем, что отнимает возможность проследить шаг за шагом развитие интеллектуальной жизни и экономических сил народа. Вот почему теперь и вопрос о числительности гражданского населения (несмотря на историческое его значение) при открытии в 1785 году Кавказского наместничества должен еще оставаться надолго — чтобы не сказать: *навсегда* — без ответа. С большею вероятностью можно только допустить, что *бегство* от крепостной зависимости дало наместничеству первых поселенцев задолго до его открытия. Несомненно также, что с открытием первых присутственных мест заселение шло легальнее, но бесспорно и то, что только с учреждением в первых годах текущего столетия конторы над переселенцами, состоявшей в ведении Ставропольского нижнего земского суда и находившейся на границе губернии в селении Среднеегорлыкском, колонизация приняла правильное движение. Но, к сожалению, не только движение колонизации, но даже время основания сел в хронологическом порядке нам пока неизвестно. Таким образом, весьма понятно, что подбор статистических данных для истории колонизации Кавказа — труд далеко не легкий, хотя должно сказать и то, что нет труда, которого нельзя было бы совершить соединенными силами. Не менее понятно, что охота облегчает труд, а энергия скорее приводит его к концу. А при таких условиях в год-два гражданские и казачьи архивы открыли бы интересные страницы о заселении края и жизни поселенцев, с ее ясными и темными сторонами, и наука не замедлила бы высказать о ней свое правдивое значение. Во всяком случае, мы должны знать, как жили *вчера*, чтобы знать, как лучше жить *завтра*.

Нет пока сведений, но едва ли можно сомневаться, что во время деятельности Суворова на Кавказе, кроме стратегических Моздоко-Азовской и Кубанской линии, была еще занята коммуникационная линия от нынешнего Ставрополя до места, где теперь селение Среднеегорлыкское, и далее по земле Донских казаков до Аксая на Дону. На этой линии, как внутренней, следовательно, менее опасной, на местах нынешних селений были казачьи посты, защищенные, на манер редутов, земляными окопами, следы которых кое-где до сих пор видны. В селении Безопасном остатки такого окопа существуют еще на левой стороне реки Большого Егорлыка почти против устья реки Ташлы, или Члы. Впоследствии линия эта, как кратчайшая, была заселена и послужила к проложению почтового Новочеркасского тракта. На нем расположено селение Безопасное в 69 $^{1}/_{2}$ верстах от города Ставрополя и в 117 $^{1}/_{4}$ верстах от селения Среднеегорлыкского на границе губернии.

Некоторые говорят[2], что в бывшем Безопасном редуте, «кроме солдат, находилось до 600 всадников из хоперских казаков для охранения местных границ от набегов закубанских хищников». Предание это опровергается, однако ж, исторически следующими фактами:

По Высочайшему повелению 19 мая 1777 года, последовал ордер князя Потемкина на имя премьер-майора Устинова[3], которым повелено было Хоперскому полку, сформированному в числе 520 казаков, с надлежащим числом старшин следовать с Хопра на Кавказ и поселиться на реке Тереке. Там велено полку отвести землю со всеми угодьями, выдать по 20 рублей на каждый двор и состоять в ведении астраханского губернатора генерал-майора Якоби. Но казаки не дошли еще на линию, как последовала перемена и Хоперский полк поселен был не на Тереке, а остановился на том вместе, где ныне станица Северная. Оттуда в следующем году часть казаков поселена около крепости Ставропольской, а спустя два года остальные поселены в станицах: Московской и Донской (ныне селения), — где жили до 1825 года, когда, по Высочайшему повелению, казаки опять переселены на Кубань и Куму. Переселение это совершено в три года.

Из этого следует, что хоперские казаки в последней четверти прошлого столетия не были так сильны числом, чтобы могли дать 600 всадников в один Безопасненский редут. Не могли еще и по-

тому, что они должны были нести службу и при Ставропольской крепости и занимать шанец «Державный», защищаемый Московским драгунским полком (от которого станица приняла название, а потом передала селению). Наконец хоперские казаки заняли тогда пост Донской, где населили станицу, называемую от имени стоявших тут донских казаков *Донскою*. Можно только допустить, что хоперские казаки высылали на *Безопасный* пост небольшую команду, да и то едва ли. Вернее, коммуникационные посты до самого Дона занимаемы были донскими казаками, на которых, между прочим, лежала обязанность возить почтовую корреспонденцию, отчего оставшиеся следы окопов в устах народа называются не редутом и не постом, а *почтою*. Далее — на карте украинских и Кубанской линий, устроенных Суворовым, с показанием размещения войск для противудействия турецкому десанту в 1778 и 1779 годах[4] не означено Безопасного и других на этой линии редутов, и, конечно, потому что тут их не было. Следы земляных окопов, по которым предполагают существование в селении Безопасном редута и даже городка, — не более как остатки постовой ограды, которая, за недостатком леса, была сделана из земли. Большие же ее размеры наводят на мысль, что посты служили убежищем в ночное и опасное время для казенных транспортов, небольших команд и переселенцев при их следовании на Кавказ или в Россию.

Что же касается названия, данного этому селению, то, не отвергая случая отгона с поста лошадей, по оплошности казаков[5] (такие случаи бывали нередко и на других постах, даже в ближайшее к нам время), думают однако ж, что и до того происшествия пост носил такое название и передал его селению. По крайней мере, в то время было не до иронии… В 30-х годах вот что нам рассказывал о том времени престарелый казак, пришедший с Хопра на линию с премьер-майором Устиновым:

«Когда мы пришли в Ставрополь, крепость не была совсем окончена, и мне, — говорил маститый старик, — довелось на ней поработать. Для станицы едва нашли удобное место; тут была поляна, а кругом лес. Первый год мы косили там, где теперь дом командующего войсками, а хлеб сеяли, где собор (старый). Там, где теперь армянская улица, была тогда просека чрез лес — по ней ходили мы по воду из крепости к роднику; его теперь нет. Около теперешней армянской церкви было озеро из родников, текущих из горы. Бывало, из станицы в крепость без ружья не ходили; а из крепости за вал оплошно не показывай носа».

Так рассказывал 75-летний старец о первобытном Ставрополе в 1833 году, когда в нем была уже одна каменная церковь (другая, деревянная, принадлежала казакам, впоследствии перевезена ими в станицу Суворовскую) и 18 каменных (не считая деревянных) казенных и частных домов.

В рассказе этом столько неподдельной истины, что нам остается только воображением дополнить картину лишений, трудов и опасностей, бывших тогда (да и долго еще после того) уделом переселенцев-казаков, этих предтечей переселенцев-крестьян. Отсюда между этими переселенцами аналогическая связь, которую история не вправе нарушить.

Между тем, пока мысль правительства о заселении тракта от Ставрополя до границ земли Донского войска созревала, около постов на этой линии водворялись поселенцы по собственному усмотрению… Так около поста Безопасного, или, как его называют, *почты,* в 1800 году поселился крестьянин Курской губернии Бойко с семейством в 2 души. К нему в 1805 году примкнул крестьянин той же губернии Звягинцев с 14-ю душами. Затем, в следующем, прибыли из Орловской губернии две партии переселенцев в 100 душ.

Судя по этому, можно предполагать (пока не разъяснится положительно), что в 1804 году правительство сделало первый вызов желающих переселиться из внутренних губерний на Кавказ. Охотникам объявлена была 5-летняя льгота от всех податей и рекрутства, а сверх того — на первоначальное обзаведение пособие деньгами, лесом и скотом. К тому времени, вероятно, относится и открытие конторы над переселенцами, начальником конторой был главный смотритель над переселенцами.

На обязанности конторы лежало: прием и отправление в назначенные пункты поселенцев, устройство селений, выдача пособий, наконец, все внутреннее ими управление в продолжение 5-летнего льготного времени, — и тогда в официальной переписке все подобные селения назывались «*новозаведенными*». Лес на постройку домов отпускался из русского леса[6] по требованиям и предварительным расписаниям конторы на каждого домохозяина с подробным указанием длины толщины и на что именно требуется. По вырубке и доставлении леса в селение до поверки конторою против требовательной ведомости лес оставался под надзором и ответственностью сельского старосты, так что домохозяин мог его употребить в постройку не раньше как после такого освидетельствования. Выстроенные дома воспрещено было продавать кому бы то ни было. Если же кто имел два дома, тот мог продать один, не иначе, впрочем, как с разрешения конторы. Бедным переселенцам контора покупала скот. Обязанности конторы, или, лучше сказать, главного смотрителя над переселенцами, были чрезвычайно многосложны.

Селение Безопасное (как и другие) строилось по плану и было окопано канавою и валом, следы которого до сих пор кое-где видны. Поселение шло успешно и правильно. Так в 1807 году поселилось еще 403 души, в том числе орловцев была только 21 душа. Затем следующие два года переселенцев *не было*, а в 1810 году пришло их только 13 душ, но в конце 1811 года селение насчитывало уже 604 души, переселившихся большею частью из Курской губернии, которые жили в 208 домах.

Возможность исполнения религиозных потребностей была достигнута жителями не раньше1809 года, когда ими был построен молитвенный дом во имя святых Косьмы и Демьяна, к которому тогда же определен первый священник Илья Федоров. Метрические книги, выданные из Георгиевского архиерейского правления, ведутся с 1-го июля 1809 года. До того же времени требы исполнялись, по выражению старожилов, *наезжими* священниками. Замечательна строгая форма засвидетельствования церковными причтами метрических книг; она была в то время следующая: «Сверх показанных мною в сей книге родившихся, браком сочетавшихся и умерших, в 1811 году не имелось; буде же по подаче мною в сей книге явится в приходе незаписанный и в том изобличен будет, за то подвергает себя лишению чина своего». (Форма эта отменена в 1831 году). Ввиду такой строгости можно вполне верить, что в 1811 году в селении Безопасном было браков 29, родившихся мужского пола 19, женского 16, умерших мужчин 25, женщин 15. Что к числу наличных дает родившихся $1^1/_2$%, а умерших 2%.

Появившаяся в 1810 году в Кавказской губернии и по всей линии чума рогатого скота, перешедшая потом и на людей, не коснулась селения Безопасного. Из метрических книг, по крайней мере, не видно, чтобы смертность в том году превышала 2%. О падеже скота тоже нет сведений в сельском архиве, хотя они строго требовались предписанием, при котором прислано было наставление доктора Корниевского, как лечить заболевающий скот. Наставление дано коротко и ясно. Сельский староста обязан был читать его на сходке каждый воскресный и праздничный день и наблюдать, чтобы предписываемые средства были у каждого домохозяина под рукою и лечение исполнялось в точности…

Наконец наступил *1812 год*, и Кавказская губерния, несмотря на свою юность и неустроенность, принесла немалую лепту на священное дело целого отечества. В течение этого достопамятного года произведены в губернии 3 набора — 81-й, 82-й и 83-й. В первый набор селение Безопасное отдало 5 рекрутов, по 82-му набору (по 4 с 1000) сдало 3 рекрута. Сдача их обошлась 414 рублей 95 копеек ассигнациями, а именно: куплено для них 107 аршинов сукна на 92 рубля, холста 150 аршинов на 57 рублей 60 копеек, сапог 3 пары — 15 рублей, наконец, приемщику капитану Ромашкину уплачено за пуговицы, галстуки, ранцы, юфту, пряжки, за 3 аршина сукна, за 6 аршинов холста и за шитво мундиров 45 рублей… В третий же в том году набор селение отдало 15 рекрутов, и сдача их обошлась в 1784 рублей 74 копейки, т.е. на каждого рекрута менее чем по 19 рублей $13^1/_2$ копеек. Было ли такое уменьшение расходов следствием перемены приемщика, не в том вопрос, но важно то, что в 1812 году власть кавказского гражданского губернатора в лице вновь назначенного на эту должность Якова Максимовича Брискорна *в первый раз* подчинена была тоже вновь назначенному инспектору Кавказской линии генерал-майору Портнягину. До того же времени губерния состояла в непосредственной зависимости министерств. Неприятная и колкая переписка между бывшими в 1810 году начальниками, губернатором Малинским и инспектором, генералом от инфантерии Булгаковым, по случаю свирепствовавшей тогда чумы, послужила поводом к установлению такого порядка в крае.

Несмотря на новость поселения и трудное время, из числа 208 домохозяев селения Безопасного пахали в *три* плуга 3, в *два* плуга 100, в *один* плуг 90 и не имели своих плугов 15. Нельзя не пожалеть, что собирание таких сведений давно уже оставлено, между тем, мы теперь имели бы интересные данные для статистических выводов, необходимых при решении важного экономического вопроса, насколько условия общинного поземельного владения благоприятствуют развитию частного благосостояния. Впрочем, экономическое состояние жителей селения Безопасного было уже тогда настолько развито, что позволяло им, за удовлетворением собственных потребностей (и, вероятно, базарной продажи), поставить в Прочноокопский магазин 199 четвертей провианта по 58 копеек ассигнациями за пуд. Покупка провианта из первых рук (не всего, быть может, количества) производилась тогда следующим порядком.

Комиссионер приезжает в селение и собирает сходку, с которою торгуется публично, раздает задатки и составляет именной список в двух экземплярах с показанием, какой домохозяин сколько пудов муки запродал, сколько взял задатку и когда обязался сдать в магазин. Один экземпляр, за своим подписом, комиссионер оставлял старосте, а другой, за подписом его, брал с собою и уезжал в другое селение. Понуждений о непоставке в срок провианта не было. Все делалось тогда проще и дешевле, хотя курс деньгам был низкий: за промен 10 рублей бумажки платили 2 рубля.

Был еще в то время и другой хороший обычай, к сожалению, давно уже (с 1838 года) несуществующий. Когда на сходке при сборной избе предстояло суждение о важных общественных делах или разбирали семейные жалобы, и в особенности сиротские, сельский староста всегда приглашал священника, влияние которого не могло не иметь благотворных последствий на постановления схода и на самый характер жителей.

В 1813 году прибыло из Курской губернии еще 150 душ переселенцев, так что тогда считалось уже в селении 764 души, в том числе отбывных 630. В тот год было два набора — по 84-му сдано 7, а по 85-му набору 2 рекрута.

Разные денежные платежи простирались в том году до 7737 рублей ассигнациями, а именно: на содержание казенной почты 1112 рублей $7^1/_2$ копеек; на содержание сельской почты 1155 рублей; за сдачу рекрут 2502 рубля 36 копеек; на поставку лошадей для армии 1120 рублей 30 копеек; на сельский приказ 90 рублей 30 копеек; и податей 1717 рублей. По числу 630 обывателей приходилось всех сборов по 12 рублей $34^1/_2$ копейки на душу.

В том же году уездный землемер Немков производил для селения нарезку земли в 15-десятинной пропорции на душу, которых предполагалось поселить здесь до 3000 душ. Поэтому в то время земли было в селении чрезвычайно много — до 59 десятин на душу. По словам стариков, травы росли тогда по плечо; дети, бывало, не отходили далеко от выгона, чтобы не заблудиться, а мелкий скот (овцы и телята) часто пропадали в траве. Траву до распашки нужно было прежде выжигать — иначе не было возможности пахать, — а покосы оканчивались в неделю; зимы почти не бывало. Предметы первой потребности были чрезвычайно дешевы. Четверть, 8 пудов, ржаной муки стоила 4 рубля 50 копеек ассигнациями, а кубанки — 6 рублей; плата работнику в год — 15 рублей.

В настоящее время (1868) ржаная мука того ж весу стоит 4 рубля 50 копеек серебром, а кубанка — 6 рублей серебром, средняя же цена годовому работнику — 50 рублей. Значит, цена хлеба возвысилась только *вчетверо*, а цена работнику — в $13^1/_2$ раз. Если бы установление цен на хлеб зависело от одной цены работника, то нынешний земледелец, чтобы быть в благоприятных условиях земледельца 1813 года, должен бы продавать четверть ржаной муки по 54 рубля, а кубанки — по 80 рублей… Во всяком случае возвышение цены вольного труда, которое год от году растет все более, при меньшей степени качеств и *достоинств* работника, имеет едва ли не главное влияние на невыгодность сельского хозяйства в наше время, да и всех вообще промыслов, зависящих от рабочей силы — людей. Решение многих экономических вопросов, поднятых современною литературою, или, лучше сказать, самою жизнью, до тех пор не может быть удовлетворительно, пока статистика не разоблачит нашей прошедшей экономической жизни. Словом, мы должны знать, как жили *вчера*, чтобы знать, как лучше жить *завтра*.

В 1813 году чрез Безопасное проследовало 37 воинских команд и партий пленных в числе 7001 человек.

Следующий год по урожаю не был хорошим. Озимый хлеб, которого было посеяно 740 десятин, родился плохо, а яровой вовсе пропал. Поэтому внетрактовым селениям велено было оказать помощь селению Безопасному в продовольствии проходящих команд; вследствие чего оно получило 47 четвертей хлеба и 6 подвод.

Затем 1815 год ничем особенным не ознаменован, если не считать того, что генеральный землемер X класса Иванов проходил межу. Эти события почему-то особенно долго сохраняются в памяти народа.

Переселение, однако ж, несмотря на нарезку земли, подвигалось тихо, и в 1816 году в селении было: однодворцев 502, казенных обывателей 84, войсковых обывателей 160 и экономических крестьян 2, всего 784 души. В метрических записях того времени такого подразделения крестьян не придерживались, а ограничивались только этнографическим подразделением прихожан на однодворцев и малороссиян. Такое разделение населения основывалось на племенных началах и доходило до того, что особыми улицами селились великороссы, особыми — малороссияне. Этнографическое обособление шло еще далее. Одни с другими не входили в родственные связи, и только в последнее время брачные союзы понемногу начали сглаживать племенную рознь, вследствие чего образовалась смесь обоих наречий, обычаев и одежды.

1816 год замечателен многими проявлениями общественной жизни, потребовавшей прежде всего порядка и благоустройства, а в сельском быту и *уравнения повинностей*. С этою целью воспрещено заводить хутора, а для кочевок дозволялось иметь только базы, дома и в них жить по одному человеку с семьи. Увеличение натуральных повинностей было поводом такого распоряжения. Одних арестантов проследовало в тот год 1438, которым дано провожатых и караульных 2876 человек и подвод 196. Воинских команд прошло 4433 человека. Сверх того, в течение 4 месяцев (с мая включительно по август) выставлено было под проезжающих на минеральные воды в Пятигорск 4880 лошадей, а в конвой для сопровождения почт 488 лошадей и на Соляное (Птиченское) озеро вышло в караул на все лето 56 человек. Но этим отбывки далеко еще не кончились. Общество наняло на этот год сельскую почту из 4 троек за 1200 рублей, 151 четверть овса, 1706 пудов сена и ржаной муки 26 четвертей. На содержание моста чрез реку Егорлык селение взнесло 782 рубля и на содержание казенной почты — 673 рубля 57 копеек. С платежом казенных податей сумма всех вообще сборов с 748 душ достигла до 7883 рублей 45 копеек. Замечательно, что в то время квитанции уездного казначейства выдаваемы были на простой бумаге, писанные все рукою казначея и даже без печати. В обращении было тогда 7 подделок 25-рублевых фальшивых ассигнаций.

В том же году начат был сбор на постройку церкви и воспрещена продажа чихиря (красного вина), в чем жители дали добровольно подписку. Тем не менее сбор на церковь шел туго, потому что постройка ее была начата в 1819 году, окончена в 1822, а освящена только в 1830 году, спустя 14 лет после открытия подписки. Зато Безопасенская церковь *первая* в губернии была освящена Преосвященным Афанасием, архиепископом Новочеркасским и Георгиевским. Впоследствии церковь распространена пристройкою двух приделов, трапезы и обнесена каменною оградою, в которой главные ворота и калитки, железные — кованые — единственные на всем Кавказе. Вообще Безопасенская церковь — одна из красивейших и просторнейших сельских церквей в губернии. Постройка ее, не считая богатой ризницы и церковной утвари, обошлась до 37000 рублей.

В запасный сельский магазин засыпана в том году 281 четверть. К 1 января 1817 года оставалось в недоимке казенных податей 1130 рублей, которые все взнесены 14-го числа того ж месяца.

Поэтому можно сказать, что селение встретило новый год *без недоимок*. Замечательная аккуратность и пример, впоследствии едва ли бывалый, несмотря, что в 1816 году свирепствовала какая-то заразительная болезнь на людях, не опасная, впрочем, для жизни, потому что умерших в продолжении года было 42 человека, то есть не более 2% всего населения.

Таким образом, в первые с небольшим десять лет со времени основания селения было довольно много сделано? С населением в 748 душ, которым не всем еще кончилась льгота, Безопасное уже имело все, что было нужно для первоначального благоустройства, и могло вынести немалое бремя тогдашних натуральных повинностей, вытекавших из военного положения края.

В памяти народа осталось будто бы объявленное тогдашним начальством распоряжение о том, что селению Безопасному, в числе прочих трактовых селений, во уважение больших отбывок, сопряженных с проходом войск и проездом разных лиц, будет отведено по 3 десятины на душу, сверх положенной 15-десятинной пропорции. Такого поземельного отвода в последствии, однако ж, не состоялось, и самого указа о том в сельском архиве нет.

В 1817 году в Безопасном учреждена *волость* и открыт *питейный дом*, которого до того времени не было. Целовальником, по приговору общества, назначен свой житель, наследник которого и теперь, при новой системе, небезуспешно занимается питейною продажею… Но вот замечательный случай. В том году два бедные и малочисленные семейства (Федор Пугачев и Семен Карнаушкин) заключили между собою в сборной избе условие, что они покупают дом на общие складочные деньги и обязуются жить в нем мирно, как одно семейство, не менее 10 лет и потом все нажитое разделить пополам. Если же кто из них умрет раньше, то оставшийся в живых будет платить все недоимки и поддерживать осиротевшее семейство. Как жаль, что этот прекрасный пример не имел подражателей! Ныне вместо подобной ассоциации вошел в обычай раздел семейств, который, кроме того, что раньше или позже ведет к обеднению, развивает еще наклонность к тяжбам и спорам по разделу имений и увеличивает число сирот, остающихся нередко, как говорится, без кола и двора…

Отсюда в последнее время заметно сильное развитие сельского пролетариата — людей бездомных и без определенных занятий. Быть может, многие из них незаметны, тем не менее они существуют и стуком своим в дверь (а чаще и без всякого шума) требуют, чтобы на них обратили серьезное внимание. Наконец, о них напоминает умножение пороков, преступлений и нищенства. В особенности последнее растет шибко, между тем до 1833 года *желающий* дать милостыню не находил просящего…

Хотя в 1817 году население увеличилось 105 душами новых переселенцев, но с сим вместе возрастали и общественные потребности. Так, на постройку хлебного магазина собрано по приговору общества с 830 душ по 1 рублю, а на содержание волостного правления 106 рублей 34 копейки. Между тем увеличивались также и натуральные повинности, от которых люди богатые и семейные уклонялись выселением на хутора на реку Большую Кугульту. Общество сельское взыскивало с них в пользу села за неотбывание квартирной и подводной повинности 485 рублей, но, вероятно, безуспешно, потому что в том же году формально жаловалось: «что богатые (их) односельцы выселяются на хутора и делают разные потравы, обиды и ослушания, а в селениях остались одни бедные, и одолели караулы, подводы и постои; и что если начальство не прекратит тех хуторян, то немочно сельских повинностей и казенных подушных взыскивать, потому что они упражняются в грубиянстве, дебоширстве и великом расстройстве, так что и сельский староста не может с ними совладеть». Приговор этот подан земскому исправнику. Чем кончилось дело — неизвестно; известно только, что потомки ответчиков, наследовав от своих отцов вместе с имением их характер и уклончивость от сельских отбывок, до сих пор продолжают жить на тех же хуторах… Этот факт ясно указывает одну из причин, способствующих развитию хуторского сельского хозяйства и умножению экономического состояния крестьян, живущих на хуторах, чему вполне благоприятствует общинное поземельное владение, *в то время* когда их односельцев «одолевают» разные отбывки, скудность подножного корма и отдаленность пахотных полей.

Справочные цены на хлеб, рогатый скот и домашних птиц в 1817 году были следующие: рожь 5 рублей, пшеница 10 рублей, ячмень 4 рубля, овес 3 рубля 50 копеек, просо 6 рублей, бык 80 рублей, корова 50 рублей, телушка 10 рублей, свинья 10 рублей, поросенок 1 рубль 50 копеек, ягненок 3 рубля, гусь 1 рубль 20 копеек, индюк 1 рубль 30 копеек, утка 70 копеек, курица 60 копеек, цыпленок 30 копеек ассигнациями.

В 1818 году сборщики податей обязывались записывать, от кого именно и какого достоинства поступали ассигнации, какого года и за каким номером. Предосторожность эта, вызванная наплывом фальшивых ассигнаций в обращении, умножила только переписку и затрудняла сборщиков, не имея юридического значения.

В 1819 году было уже в селении Безопасном 853 ревизских души. В хлебном запасном магазине, за выдачею в ссуду жителям 463 четвертей и займообразно провиантскому ведомству 319 четвертей, состояло наличного хлеба 510 четвертей. Построен обществом почтовый дом, для чего лес был отпущен из темнолесской лесной дачи, отстоящей от селения верст за 100. Кроме того, как уже сказано, начата постройка каменной церкви. Между тем цены на хлеб возвышались, и мука пшеничная была в том году 16 рублей ассигнациями за куль в 9 пудов весу.

Следующий 1820 год был для жителей селения Безопасного неблагополучный. *В первый раз появилась саранча*. Селение взнесло в том году податей в казну 12320 рублей 88 копеек (по 14 рублей $56^{1}/_{7}$ копеек с души) и, кроме того, наняло сельскую почту из 3 троек за 1200 рублей, по мере овса с души, 2 пуда сена и 2 гарнца муки, и положило собрать на постройку церкви по 50 копеек со штуки рогатого скота, овец и лошадей.

В следующем году саранча опять развилась, дождей не было. Озимые всходы с весны оказались неблагонадежны, а яровых хлебов многие, за неимением семян, не сеяли. Поэтому цены на хлеб сильно поднялись: рожь 17 рублей, пшеница 25 рублей, овес 16 рублей, ячмень 15 рублей, а просо 12 рублей. Рогатый скот подешевел, а именно: бык продавался за 60 рублей, корова 35 рублей, телушка 8 рублей, баран и ягненок продавались в той же цене, но свинья дошла до 15 рублей. В декабре же 1821 года *никакого* хлеба в продаже уже не было.

Экономическое состояние жителей селения Безопасного еще более ухудшилось в 1822 году по случаю неурожая. Однако ж, несмотря на то, внесено было в казну податей 11140 рублей 80 копеек, недоимок осталось только 1180 рублей 8 копеек, — значит, жители были еще *исправны*.

С 1823 до 1830 года народонаселение ежегодно увеличивалось, кроме естественного, незначительного, впрочем, приращения, прибывающими из внутренних губерний переселенцами, так что к концу этого года было уже в селении 1395 мужчин и 1291 женщина. В сельскохозяйственном отношении ничего особенного в этот семилетний период времени не произошло. Увеличилась только распашка земли и скотоводство, хотя появлявшиеся в эти годы саранча и засухи не слишком благоприятствовали земледелию. Тем, по крайней мере, старожилы объясняют причину позднего освящения церкви, оконченной вчерне за 8 лет пред сим. Следует заметить и то, что война с Персиею и Турциею (1827 и 1829 год), совпадая с выселением хоперских казаков на Кубань, послужила поводом усиленных набегов хищников, тревоживших мирное население губернии, на далекое пространство по внутренней линии. Поэтому селение обязано было ежедневно наряжать по 40 конно-вооруженных казаков для ночных разъездов и конвоирования почт и проезжающих.

В 1831 году появилась в губернии *холера*, жертвою которой в селении Безопасном сделалось 50 душ, но 16 лет спустя (1847) от холеры померла 401 душа.[7] Затем в 1848 году померло еще 49 душ, в 1858 году 34 души и в 1866 году 50 душ. Всего же со времен первого появления холеры умерло в селении Безопасном от этой болезни 584 человека.

Едва народ начал забывать страх в первый раз появившейся холеры, как подоспел другой бич человечества — всеобщий в 1833 году на юге неурожай. Год этот народ называет *голодным годом*. Совершенное отсутствие с начала весны дождей, при необычайном жаре, от которого выгорела вся растительность, а земля почернела и потрескалась, нечего было думать о каком-либо сборе хлеба и сена. И действительно *30 июля* сельский староста официально доносил, *что посевы совсем пропали, а травы не родились*. Подобные донесения начальству посыпались от каждого селения, от каждой станицы, из целого края. Пока гражданское и казачье начальство собирало справки о запасах общественного хлеба, о числе нуждавшихся в продовольствии, о количестве зерна, необходимого для посевов, — *пока* они доложены были начальнику области генерал-лейтенанту Вельяминову, находившемуся в походе за Кубанью, прошло много времени. Из этого только доклада генерал Вельяминов увидел, в каком опасном положении находился край, вверенный его управлению, хотя и подозревал, что ведомости представляли нужду в хлебе до нового урожая в преувеличенном виде. Во всяком случае, положение этого умного, дельного и энергичного начальника было тем затруднительнее, что он мог располагать только 50 тысячами пудов муки, оказавшимися излишними для провиантского ведомства. Рассчитывать же на экстренную поставку хлеба из России, по позднему времени, было невозможно. Вельяминов решился встретить грозного врага (голод) всеми наличными в крае запасами продовольствия, поручив благоразумное их распределение учрежденной им комиссии народного продовольствия, которую, снабдив дельными правилами для руководства, между прочим, обязал составить новые ведомости.

Государь Император, получив донесение об этом новом народном бедствии в Модлине, 10 сентября Высочайше повелеть соизволил: приостановить рекрутский набор и народную перепись, отсрочить платеж по частным наймам из кредитных установлений, усилить в южном и юго-западном крае публичные работы на счет особо ассигнованных сумм, выдавать бесплатные билеты отправляющимся из мест, постигнутых неурожаем, на заработки и промыслы в другие губернии, наконец, передвигать войска с целью уменьшения потребностей в хлебе.

Вследствие таких широких начал Монаршего милосердия от министра финансов графа Канкрина последовал вызов рабочих из Кавказской области в Одессу, на реку Буг и другие места. По этому вызову выбыли из селения Безопасного 249 семейств, которым, однако ж, воспрещено было продавать дома. Отпуск хлеба за границу был тоже воспрещен. Между тем еще в *августе* восьмипудовая четверть муки ржаной продавалась по 32 рубля, четверть овса по 24 рубля, пуд сена 2 рубля 50 копеек, и в довершение бедствия в народе открылась болезнь. В Безопасное приехал штаб-лекарь статский советник Тарновский лечить людей, заболевших головною болью, сильным кашлем и расслаблением ног — позже люди даже пухли. Болезнь, вероятно, развивалась быстро, потому что

генерал Вельяминов приказал открыть в селении госпиталь на 46 кроватей. Из метрических записей видно, что в 1833 году умерло 230 душ, а в 1834 году — 112 душ обоего пола.

Среди всего этого, окружное начальство предписывало в октябре взыскивать казенные *подати без ослабления* вследствие чего селение Безопасное внесло недоимки за 1832 год 809 рублей и текущих податей 9675 рублей. Послабления, значит, не было…

Комиссии народного продовольствия было дел бездна — поверка в каждом селении и назначение выдачи хлеба алчущим, ревизия частных хранилищ хлеба; работа, что называется, кипела день и ночь, а нужда между тем все росла и росла!.. На деле оказалось, что кроме коренного населения в губернии был громадный наплыв переселенцев, никуда еще не причисленных, которых тоже нельзя было допустить *умереть с голоду*… Таких людей в одном Безопасном, ожидавших причисления с 1826 года, нашлось 612 душ. Между тем, к началу зимы сельский магазин был уже до пылинки очищен… и позаимствовано из Летницкого села 134 четверти 2 четверика. Из собственного же сельского магазина выдано 596 четвертей 2 четверика, в том числе на посев озимого хлеба 296 четвертей 2 четверика.

Наступила зима, а с нею и новые затруднения в продовольствии. Хлеб приходилось возить из казенных провиантских магазинов из селений Пелагиады, Песчанокопского, Среднеегорлыкского и даже из станицы Баталпашинской. Запасы и там шибко уменьшались. В феврале 1834 года роздано было безопасенским жителям 790 $^{1}/_{2}$ пудов сухарей, в апреле 500 пудов муки, в мае 511 пудов, в июне 1222 пуда пшеницы, в июле 583 пуда муки. О бедствии народа можно еще заключить из того, что в мае месяце жители отказались от предлагаемого им на посев казенного овса, потому, как доносил сельский староста, «что рабочий скот повыдох или попродан, и пахать было не на чем»… Вследствие чего хлеб выдавался жителям весь год и даже в начале 1835 года.

Когда наконец раздача хлеба кончилась и были подведены итоги, то оказалось, что на продовольствие жителей селения Безопасного казна отпустила 3271 $^{1}/_{2}$ пуд ржи и муки, 879 пудов 37 фунтов сухарей, 6567 $^{1}/_{2}$ пудов пшеницы, — всего на сумму 51222 рубля 47 копеек. Сумма эта составилась из следующих цен: четверть ржаной муки 25 рублей 61 копейка, пшеницы 39 рублей 26 $^{3}/_{4}$ копейки, сухарей 27 рублей 68 $^{1}/_{4}$ копеек, ржи 26 рублей 94 копейки, овса 17 рублей 38$^{3}/_{4}$ копеек и кукурузы 29 рублей 16 копеек. Эти заготовительные цены следует считать весьма выгодными, потому что тогда в вольной продаже цена 8-пудовой четверти пшеничной муки была *по 80 рублей и выше.* На продовольствии состояла 551 душа, следовательно, *треть* населения.

Между тем, в числе остальных жителей были люди с большими запасами старого хлеба, сена и соломы, продажею которых по столь высоким ценам (а муки даже с примесью песка) нажили большое состояние, по пословице, вошедшей в аксиому старой экономической школы, «Le dommage de l'un, fait le profit de l'autre!». Но нажитое в то тяжкое время богатство впрок им не пошло. У одного из них, Р…а, в ночь под 19 июня ограблено из сундука четырьмя неизвестными злодеями серебром 10000 рублей, червонцами 2000 рублей и ассигнациями 4000 рублей — виновные неоткрыты. Другой же, З…, опасаясь подобного нападения, перепрятал свои деньги из сундука в соломенную крышу дома. Но спустя несколько дней случилась страшная буря, снесла со всего дома крышу и ассигнации развеяла по селу и степи… а их было, как говорят, до 20000. Не видимое ли в том было наказание Божие? Этого мало. «И на чадех ваших взыщется», и действительно — дети этих крестьян живут и теперь в бедности.

Нелегко было бедным питаться в голодной год, не легче было впоследствии и рассчитываться, хотя правительство и рассрочило платеж на 10 лет, с тем чтобы в первые три года (с 1839—1841) взыскивать с души по 5 рублей, а в последующие затем 7 лет по 11 рублей 13 $^{3}/_{4}$ копеек. Трудность взыскания этих денег заключалась, между прочим, и в том, что за хлеб пришлось расплачиваться и тем, которые его вовсе не получали или получали не в том количестве, за которое пришлось потом платить. Это в свою очередь происходило оттого, что, несмотря на самый бдительный надзор начальства и энергичные действия комиссии, нельзя было в одно и тоже время быть во всех селениях уезда и лично распоряжаться выдачею хлеба. Поэтому для этого дела везде были приставлены лучшие присяжные люди, но все-таки, как видно, не обошлось без поборов сельских властей и писарей, потому что в марте 1834 года безопасенский сельский староста дал подписку чиновнику особых поручений Хитрово о прекращении противузаконных поборов, по внушениям окружного начальника, исправника и стряпчего.[8]

Между тем сбор податей шел туго; вместо 9821 рубля 86 копеек взыскано только 4054 рублей 60 копеек, обложенных платежом в том году числилось в селении 1345 душ, но в том числе было 530 душ умерших… с состоящими на льготе было всех 1664 души.

В бывший в том году набор селение отдало 4-х рекрутов.

По случаю несостоятельности содержателя казенной почты, на селение возложена была его обязанность. Плату за возку почт и эстафет получали доверенные от общества, которому на исправление казенной почтовой станции отпущено было 2500 рублей.

Для отбывки подводной повинности, независимо того, что сельская почта была усилена до 8 троек, составлен участок, в котором числилось: селение Безопасное с 1331 лошадью, помещик Евдокимов 11 лошадей, помещик Янковский 6 лошадей, селение Птичье 317 лошадей, станица Успенская 145 лошадей и деревня Спицына 151 лошадь, всего 1963 лошади.

О размере подводной и квартирной повинности в 1834 году лучше можно судить из того, что тогда проследовало чрез Безопасное разных воинских команд 19145 человек и арестантов 1334 че-

ловека, всего 20479 человек. Под своз нижних чинов, отправленных в гвардию, в один раз было наряжено 249 подвод, а в другой раз для перевозки 1000 четвертей провианта из селения Среднегорлыкского 350 подвод.

Вот средства, спомоществующие военным действиям на Кавказе, которых в суворовское время не было и не могло бы быть без гражданского населения губернии.

Несмотря, однако ж, на более обременительное положение трактовых населений, охотников приписываться в селение Безопасное было много, и в том году их зачислено 234 души. Ржи для посева выдано им из казны 637 пудов.

Кавказское начальство немало имело хлопот с переселенцами. По заведенному обычаю, прежде приходили из России «осадчие» осматривать места, и какое им понравилось, то и выбирали для поселения и затем возвращались в Россию; когда же, на следующий год, приводили партию, тогда подавали в казенную палату прошение о причислении в избранное ими селение. Но пока тянулась переписка, переселенцы расходились по уезду, а нередко — и губернии, и кто где хотел, там и проживал, переменяя желание быть зачисленным то в то, то в другое селение. Немало также приходило на переселение и с фальшивыми документами, что не могло еще более не затруднять начальство и увеличивать потребностей продовольствия. Но таков был уже край, такое время и такие обстоятельства! Неудивительно отсюда, что с того времени сильно развились в губернии воровство, бродяжничество и нищенство…

Среди всего этого, начальство находило еще время заботиться о благоустройстве селений. Так, в 1834 году сделано было распоряжение о том, чтобы не было в домах дымовых труб — из досок, хвороста или камыша, обмазанных глиною. Общество составило приговор, а домохозяева дали подписку, что поделают каменные трубы — и что же? Прошло более 33 лет, а в селении до сих пор наполовину домов с трубами из камыша, хвороста и досок…

В 1836 году уменьшен размер льготы и денежных пособий переселенцам до 3 лет и 15 рублей на душу[9]. Все недоимки должны были быть взнесены в казначейство к 1 февраля 1837 года под опасением военной экзекуции, а по окладу на этот год следовало с 1251 души всех податей 17652 рубля 54 копейки. В то же время собираемы были сведения о всех курганах, которые велено было вымерить кругом в основании, через верх и в вышину, описать местоположение их и грунт земли. Таких курганов в селении Безопасном 7: Волчий, Вислый, Багалай и четыре безыменные. Разведок в них не производилось.

В том году (1837) опять был плохой урожай хлебов и трав. На 80 десятинах посеяно было 40 четвертей ржи (редкий посев), а сжато 485 копен. По пробному умолоту копна дала 3 $^{1}/_{2}$ четверти ржи. Мука ржаная была 6 рублей, пшеничная 10 рублей, пшено 10 рублей, овес 4 рубля 50 копеек. Селение могло выпустить в продажу 400 четвертей ржи и столько же пшеницы, 500 четвертей пшена и овса до 600 четвертей. Если доверять этим сведениям, то селение могло продать хлеба только на 14100 рублей, и затем недоставало еще на уплату казенных податей 3552 рубля. Отсюда возникает вопрос: какие еще средства могли иметь жители на пополнение этой суммы, на уплату сельских налогов, а равно на удовлетворение треб, вытекающих из обязанностей религии?.. От скотоводства они не могли выручить такой суммы, потому что оно после голодного года начало только что разводиться. В селении было тогда 123 души, не имеющих оседлости, а 161 душа — никакого скотоводства.

По Высочайшему повелению, изложенному в циркуляре министра финансов графа Канкрина, воспрещен раздел семейств с тем, что самовольные разделы, после указа 1823 года, не будут принимаемы правительством ни в какое уважение. Тем не менее, и за позднейшими воспрещениями, раздробление семейств продолжается.

Поводом разделов бывают смерть отца (часто и при жизни его), выход в отставку брата, семейные несогласия и прочее. Но что бы ни было причиною разделов, последствия их одинаковы: ослабление патриархальных прав главы семейства, упадок нравственности и уменьшение народного экономического благосостояния…

Комитет о натуральных земских повинностях под председательством губернатора, генерал-лейтенанта Таубе, в 1837 году издал правила, которыми, между прочим, требовалось, чтобы рекрутские партии при переходах чрез селения довольствуемы были на квартирах улучшенною пищею: «в скоромные дни — мясо со щами или вместо его молоко или яйца, кашу крутую с маслом или иную сытую пищу; в постные дни — щи с рыбою или вместо них горох или щи с капустою, картофель, огурцы, арбузы, дыни или тому подобное». Карта обеда составлена хорошо, а главное, дешево. За такую улучшенную пищу крестьянин получал с партионного офицера по 9 копеек (за конвойных ничего не платили)… Но вопрос в том — имел ли тогда крестьянин сам такую пищу, хотя бы в годовые праздники? Едва ли — потому что и теперь редкий ее имеет… Рыба и мясо — для крестьянина лакомство… Неудивительно, что в былое время проходы партий и воинских команд порождали с обеих сторон неудовольствия и неприятные жалобы.

В 1838 году казенные крестьяне перешли в непосредственное управление Палаты государственных имуществ. Следующие по этому статистические сведения ответят на вопрос: с каким экономическим состоянием совершился переход крестьян в новоучрежденное ведомство?

В конце 1837 году в селении Безопасном было душ:

платящих подати	1409 м.	1830 ж.
состоящих на льготе	627 м.	420 ж.
не причисленных	50 м.	45 ж.
Всего	2086 м.	2295 ж.

Население жило в 567 домах. Грамотных было в селении 18 человек. В запасном магазине было наличного хлеба 134 четверти, в ссуде 588 четвертей 5 четвериков. Продовольственного капитала 282 рубля 10 копеек; лошадей у крестьян было 400, волов 3800, коров 3200, овец 12800, свиней 400. Ветряных мельниц 6, водяных 2. Земли под селением было в длину 5 верст, в ширину $^1/_2$ версты.

Тридцать лет спустя (1867) числилось государственных крестьян 2867 мужчин[10], 2870 женщин, которые жили в 750 домах. Грамотных в селении — 35 человек. В запасном магазине наличного хлеба 709 четвертей, в ссуде 3645 четвертей. Продовольственного капитала 2938 рублей $5^1/_2$ копеек; лошадей 650, рогатого скота 5400, овец 35529, свиней 1450. Ветряных мельниц 8, водяных 7. Земли под селением в длину 8 верст, в ширину 1 верста.

Поэтому в течение 30 лет в селении Безопасном прибавилось:

государственных крестьян	781 мужчина, 575 женщин
домов	183
грамотных	17[11]
наличного хлеба	575 четвертей
в ссуде	3057 четвертей
продовольственного капитала	2857 рублей 45 копеек
лошадей	250
овец	22729
свиней	1050
ветряных мельниц	2
водяных	5
земли под селением в длину	3 версты
в ширину	$^1/_2$ версты

Но рогатого скота убавилось против 1837 года на 1600, вероятно, от *чумы*, свирепствовавшей в селении уже более года…

Движение населения, с основания селения Безопасного, происходило двумя путями: естественным приращением и причислением, — почему никакие выводы о первом невозможны; тем более, что в метрические книги записываются родившиеся и умершие не только коренного населения, но всех вообще временно пребывающих, проезжающих и проходящих, а таких в каждом трактовом селении случается немало. Отделение же их от коренных жителей невозможно.

Следующая, однако ж, таблица дает очень интересные сведения о числе родившихся и умерших с 1858 по 1867 год.

	Всех вообще		В том числе детей от рождения до 5 лет включительно	В том числе от				Итого	Детей того возраста умерло от других болезней
	Родилось	Умерло		младенческой болезни	скарлатины	кори	оспы		
В 1858 году	345	348	219	86	15	6	67	174	45
1859	313	131	95	31	26	—	33	90	5
1860	372	302	217	32	73	27	21	153	64
1861	329	265	136	44	51	37	4	136	—
1862	372	273	180	57	76	15	—	148	32

	Всех вообще		В том числе детей от рождения до 5 лет включительно	В том числе от				Итого	Детей того возраста умерло от других болезней
	Родилось	Умерло		младенческой болезни	скарлатины	кори	оспы		
1863	399	205	121	28	41	27	—	96	25
1864	212	251	160	43	21	1	71	136	24
1865	243	182	95	41	31	—	1	73	22
1866	376	304	172	57	38	33	3	131	41
1867	312	337	226	66	27	101	26	220	6
Итого	3273	2618	1621	485	399	247	226	1357	264

Оказывается, что в десятилетней сложности, число родившихся ежегодно дает прибыли населению 327,3: но в то же время смерть похищает 261,8, оставляя на долю естественного приращения *только* 65,5. В частности же число это колеблется между 39,9 и 21,2, а в 1864 и 1867 годах оно даже было меньше числа умерших. Но поразительно то, что из общего числа умерших пришлось на долю детей до 5-летнего возраста 1621, так что из остальных возрастов смерть взяла *только* 997 человек. В числе детей (1621) померло от младенческой болезни 485, от скарлатины 399, от кори 247 и от оспы 226. Ошибку в определении метрическими записями болезней, конечно, допустить можно, но, во всяком случае, очень малую. Важно то, что *оспа берет еще такую значительную дань детьми.*

Не менее интересна и следующая таблица смертности:

	Январь		Февраль		Март		Апрель		Май		Июнь	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1858	31	29	34	15	15	12	6	6	9	3	7	7
1859	21	20	3	3	3	4	9	4	4	3	6	7
1860	3	9	11	12	14	12	14	6	5	9	9	13
1861	24	12	6	9	6	9	11	14	8	11	4	10
1862	21	16	9	10	16	19	12	11	6	11	11	6
1863	11	8	6	3	8	6	11	11	8	14	7	14
1864	7	11	6	14	9	7	12	16	23	15	11	13
1865	8	5	10	8	8	13	11	12	11	6	10	—
1866	6	11	8	6	11	8	7	10	4	2	13	4
1867	33	36	18	32	23	24	21	17	14	15	9	8
Итого	165	157	111	112	113	114	114	107	92	89	87	82
	322		223		227		221		181		169	

	Июль		Август		Сентябрь		Октябрь		Ноябрь		Декабрь	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1858	12	6	16	7	8	16	15	15	19	18	24	18
1859	6	9	8	7	3	1	2	4	7	5	7	8
1860	16	23	9	11	16	9	18	15	32	7	11	10
1861	18	26	21	19	11	11	6	8	6	7	5	3
1862	13	28	13	15	6	6	7	5	8	7	4	12
1863	14	18	7	6	9	2	7	5	4	4	11	11

	Июль		Август		Сентябрь		Октябрь		Ноябрь		Декабрь	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1865	8	10	10	8	6	4	6	3	4	1	6	14
1866	18	10	36	21	28	21	11	8	10	16	22	17
1867	7	10	9	7	9	6	4	4	2	4	12	3
Итого	130	153	137	108	105	79	86	69	100	80	110	106
	283		245		184		155		180		216	

В общей сложности, *календарь смертности* (если можно так выразиться) по селению Безопасному располагает месяцы в следующем нисходящем порядке по числу умерших.

Январь 32,2; июль 28,3; август 24,5; март 22,7; февраль 22,3; апрель 22,1; декабрь 21,6; сентябрь 18,4; май 18,1; ноябрь 18; июнь 16,9 и октябрь 15,5. Значит, в селении Безопасном январь был бы самый опасный месяц для жизни, а октябрь – самый благоприятный, если бы ежегодно не изменялось число смертных случаев, хотя нельзя не заметить, что колебание этих случаев более происходит от детских повальных болезней.

Примечания

1. Приказ по Кубанскому корпусу 16 мая 1778 года.
2. Селение Безопасное священника Ильинского. «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», выпуск I, 1868 год, стр. 155.
3. Этому Устинову пожалована была впоследствии земля в Ставропольском уезде, на которой он поселил деревню Кононовку.
4. «Русская беседа» 1858. Исторический обзор деятельности графа Румянцева-Задунайского и его сотрудников князя Прозоровского, Суворова и Бринка с 1775 по 1780 год. – Приложение статья Саковича.
5. «Сборник статистических сведений», выпуск I. «Селение Безопасное».
6. Остатки большого когда-то Русского леса существуют и теперь около Ставрополя. Лес этот принадлежал казакам. В нем поныне есть остатки каменного городища, в котором будто бы когда-то жили русские разбойники, что, вероятно, послужило поводом к названию леса Русским.
7. 18 июля 1847 года, проезжая чрез селение Безопасное на почтовых, умер от холеры служивший в С.-Петербурге при домовой церкви грузинского царевича Таймураза иеромонах *Виктор Георгадзе* 80 лет, имевший наперстный крест. Этот старец, застигнутый на станции холерою, отверг предлагаемые ему средства лечения и умер. Когда же после смерти местные священники приступили к облачению покойника, то нашли на голом теле его *железные вериги весом в 18 $^{3}/_{4}$ фунтов*, которыми он был перепоясан, как диакон орарем. Два четырехконечные толстые креста, один на груди, а другой на противуположной стороне, поддерживались железною цепью, наглухо заклепанною. Для снятия с покойника вериг потребовался кузнец – они сохраняются в ризнице Безопасенской церкви, и, судя по работе их, можно предполагать, что сделаны в Петербурге. Деревянная доска с надписью, вделанная в стену правого придела, указывает могилу отшедшего. Князь М.С. Воронцов, проезжая в 1854 году чрез Безопасное, почтил молитвою могилу иеромонаха Виктора и осматривал вериги.
8. История голодного на Кавказе 1833 года была бы полезна ввиду изучения мер, способов и приемов при отвращении народного бедствия в ту эпоху. Грустные эпизоды того года в настоящее время мало уже известны и забыты, между тем, крестьянин нуждается, чтобы ему напоминали о пользе сбережений.
9. Из окладных листов на 1863 год видно, что в том году вновь причисленные состояли на 8-летней и 2-летней льготе.
10. По окладному листу 1863 года подлежало платежу податей 2868 душ, т. е. одною душою больше.
11. Училище в селении существует уже 25 лет… а между тем грамотных прибавилось только 17. Содержание училища со времени его основания обошлось более 6000 рублей серебром.

Текст и примечания печатаются по источнику:
Бентковский И.В. Историко-статистические сведения о селении Безопасном // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1869. – Выпуск 2. – С. 31–63.

ОДЕЖДА КАЛМЫКОВ БОЛЬШЕДЕРБЕТСКОГО УЛУСА

«Всякую мысль, и важную и ничтожную, рассматривай
без изменения в самом начале зарождения ее в душе».
Из монгольского сочинения «Оюн Тулькикург» — «Ключ разума»

После жилища и пищи[1] одежда составляет главную потребность человека. Отсюда понятно громадное ее значение в судьбах народа. Одежда, отличая одни племена от других, в то же время или стушевывает их этнографические особенности, или типичнее обрисовывает. Оставляя в стороне народы дикие, обходящиеся вовсе без одежды.., видим, что большинство человечества носит одежду всегда и везде, более или менее сообразную с условиями климата, жизни, состояния, привычек, словом — в уровень со своею цивилизациею. Нам кажется, что обычай одеваться, в главных основаниях, можно подразделить на два отдела и каждый из них — на множество групп. К первому из них относится мода, так сказать, более или менее непостоянная, переходная и разнообразная в форме, материи и вообще в деталях; к второму, наоборот, — постоянная, однообразная и никогда не изменяемая одежда. Первая приводит в движение экономическую и отчасти умственную деятельность человека, способствует производству и разделению труда, влияет на образование цен и капиталов, порождает новые отрасли производства, благоприятствует развитию свободных занятий (professions libérales) и вообще развивает народную деятельность в самых выгодных и наиболее полезных условиях, формах и размерах; между тем вторая те же двигательные силы, средства и способы держит в вековом застое… Борьба цивилизации из-за этих диаметрально противуположных начал, во всяком случае, — борьба упорная, вековая и не обещающая полной победы, так как обычай одеваться сколько зависит от интеллектуальных, столько же и от материальных условий, уравновесить которые как между отдельными индивидуумами, так и целыми народами равно невозможно. Эта-то невозможность производит в одеждах всех наций нескончаемый ряд оттенков, более или менее резких, изучить и объяснить которые — прямое дело науки.

Монгольское племя калмыков Большедербетского улуса в отношении одежды занимает место в одной из групп второго отдела. Смотря на их национальные костюмы, мы, так сказать, осязательнее и легче познаем причины, вследствие которых исторические судьбы этого бедного народа так сложились, что цивилизация едва приметно его коснулась, несмотря на двухвековое наше с ним сближение…

Если справедливо, как сказал один древний мудрец, «чтобы судить о человеке, нужно знать, как он обедает», — то полагаем, нелишне знать и то, как он одевается. С этой точки зрения, описание калмыцкой одежды, как одного из важнейших этнографических элементов, быть может, приведет нас к выяснению ее влияния на социальный и экономический быт этого народа, а отсюда — к не менее важным выводам.

Калмыки (богатые, конечно, во всем и везде составляют исключение) не одевают своих детей до 6, иногда до 8 лет. Зимою они прячутся, как сурки, в родительские шубы, кошмы и во что попало, а в остальное время бегают и резвятся без церемонии… и много, если прикрыты каким-либо лоскутом. Неудивительно потому, что, приезжая летом в калмыцкий хотон, непременно увидишь себя окруженным толпою грязно-смуглых и нагих детей.

Вид этих калмычат, загорелых донельзя, но всегда краснощеких, с узкими и черными как смоль глазами, с резко выдающимися на широком овале лица скулами, зелено-бурая степь вокруг, закопченные кибитки, вдали — несколько длинношеих верблюдов и несколько десятков скота и овец, а вблизи — несколько собак и редко две-три дойные кобылицы на незаметной для непривычного глаза привязи — такова картина калмыцкого хотона, которую можно видеть не далее как в 20—30 верстах от некоторых русских селений Ставропольской губернии, пограничных с калмыцкими степями.

Калмыки, в видах соблюдения чистоты головы, детей своих стригут гладко, оставляя только спереди по краям длинные волосы, в которые вплетают гривеннички, перламутровые пуговки, иногда — медные крестики, что и составляет единственное украшение, а с сим вместе и выражение родительской нежности к более любимым детям… Особенная любовь к ребенку выражается длинною космою волос, оставленною на его макушке… Вольные, как широкая степь, резвые, как летний ветерок, кроткие, как домашние зверьки, калмыцкие дети, привыкнув с самого рождения ко всем переменам погоды и времен года, переносят впоследствии самые сильные и резкие атмосферические влияния с удивляющим нас терпением и сносливостью. Правда, не все достигают зрелых лет и большинство детей умирает от болезней, свойственных этому возрасту, тем не менее физическое воспитание калмыцких детей в течение многих веков не изменилось ни на одну йоту. Бывает и то, что слабое физическое развитие ребенка заставит родителей еще раньше 8-летнего возраста надеть на него шаровары и рубашку, чаще одно из двух, — но это делается слишком небрежно и недостаточно для того, чтобы могло служить доказательством предусмотрительности… или иной благоразумной

цели… Калмыцкая рубашка «киилик», как мужская, так и женская, одного покроя и более похожа на кофту наших дам, чем на рубашку. Немного длиннее пояса, она делается из белого миткаля, цветного ситца или бязи, с длинными рукавами и без завязок и пуговок у воротника, который всегда бывает вообще широкий, а у женских рубашек на вершок шире. Модные щеголи начали, впрочем, носить рубашки, спереди сшитые, но старики и вообще калмыки «pure sang» все еще носят рубахи, распашные спереди, затыкая их полы за пояс.

Шаровары «шалбур» и «дотожди» шьются из нанки или другой материи, у богатых — из сукна или канауса, широкие, но не очень длинные. Как мужчины, так и женщины закладывают их за сапоги, но первые носят и длинные шаровары, выделываемые обыкновенно из дубленой козлиной кожи, с юфтовыми от колен надставками или крагами; что весьма удобно для верховой езды и прочно. Люди молодые в торжественных случаях любят пощеголять в синих суконных шароварах с широким красным лампасом, на манер донских казачьих. Зимою пожилые калмыки надевают овчинные шаровары «ярыка». Шаровары носят вообще на очкуре.

Сапоги «госун» калмыки носят особенного манера. Особенность их заключается в том, что задники делаются мягкие, а каблуки двойные. Один каблук бывает, как и у нас, снаружи и подбит гвоздями или цельными железными подковами, а другой в середине оканчивается на высоте закаблучья. При таком устройстве нога кажется мала, хотя на самом деле она больше сапога. Говорят, будто бы калмыцкие сапоги удобнее для верховой езды, потому что при падении наездника с лошади нога его не захватывается стременем. Если бы это было так, то и другие азиатские наездники носили бы двукаблучную обувь, чего, однако ж, не видим. Вероятнее то, что «госуны» — чисто монгольская выдумка, принята ими же за постоянную моду, и что сами калмыки признают их неудобство в ходьбе, с чем и нельзя не согласиться, потому что в таких сапогах можно ходить не иначе, как на пальцах, почти на цыпочках, но не всей ступнею.. Оттого калмыцкий шаг неверный, шаткий и утомляющий, что хотя препятствует скорой походке, но придает ей степенное движение — условие, по преимуществу любимое восточными жителями.

Калмыцкие сапоги делаются из красной или черной козловой кожи, а попроще — из глянцевого черного опойка, редко из юфты. Шитьем сапог, как и всей одежды, занимаются женщины, употребляя вместо дратвы сухие жилы разных животных, отчего нет примера, чтобы сапоги их работы где-нибудь подпоролись. Колодки для таких сапог тоже особого манера, с выпуклыми подошвами и двумя деревянными клиньями для подъемов. Многие калмыки, сознавая неудобство своей обуви, начали привыкать к русским сапогам, которые, несомненно, вошли бы у них в общее употребление, если бы их жены или они сами умели их шить; в чем, конечно, следовало бы им помочь… Сапоги носят зимою на валеных шерстяных чулках «цугла», а летом — на холщовых онучах.

Шапки калмыцкие вообще называются «махла»[2] и бывают разных форм для разных случаев. Замужние женщины, к тому же пожилые и старухи не наденут такой шапки, какую носят молодицы, а последняя, в свою очередь, такой, какая прилична девице-невесте, которая опять не наденет шапочки, какую может носить только девушка-недоросль. Впрочем, и тут бедность обыкновенно входит в свои права, предоставляя соблюдение женского этикета на долю более богатых, и то в торжественных случаях… Далее — иную шапку вы увидите на голове старика и взрослого мужчины, а иную — на юноше. Духовенство тоже носит особые шапки, и летом не такие, как зимою. Словом, калмыцкий вкус в головных уборах выразился довольно разнообразно и заслуживает поэтому более подробного описания. Но, говоря о женской шапке, нельзя умолчать и о прическе. Девочке с десятилетнего возраста делают прическу простую. Волоса, пробранные посередине, свободно спускаются по обеим сторонам до самых плеч и в этом месте ровно подстригаются. Девочка с того времени носит высокую, вроде фески, шапочку, называемую «тумаш махла», и надевает серьги «сиике». Шапочка эта делается из одного или разных цветов материи или сукна с околышем, или слегка простеганная на верблюжьей шерсти, или на тонком войлочке, и убирается более или менее роскошно, смотря по достатку, узким серебряным позументом или шнурком или просто вышивается узором. Охватывая волоса, она держит их в порядке и красиво дополняет костюм девочки этих лет.

Когда же девица становится невестою, то с сим вместе изменяется и ее головной убор. Тогда она надевает шапочку «халвын-махла» и в ушах являются серьги побольше, треугольничком, с каким-нибудь камнем или жемчужиною; волоса отпускаются длиннее, и сзади заплетается одна коса, между тем как с обеих сторон они по-прежнему спускаются свободно. Шапочка девицы-невесты похожа несколько на уланский кивер. Тулья на тонком войлоке, высокая и четвероугольная, вверху шире, на круглом околыше, обшивается парчою или золотым глазетом. Перехват тульи опоясан широким в 2 вершка серебряным галуном, с четырьмя на каждом угле серебряными пуговками. Одна половина околыша в 2 вершка, а другая — на $^{1}/_{2}$ вершка шире. На четырехугольное дно тульи нашивается шелковая малиновая кисть «зола»; она делается так.

Из малинового штофа вырезывается квадратный кусок на 2 вершка длиннее самого дна шапочки. Эти лишние два вершка, т. е. по вершку кругом, выдергиваются, и кусок материи нашивается

на шапочку. Затем таким же образом нашиваются еще два куска, а потом еще несколько, но уже один другого меньше, и все с выдернутыми краями, до тех пор пока в самом верхнем куске уток и основа едва будут заметны. Шелковины, как выдернутые, так и оставшиеся, искусно подобранные и пришитые, не оставляют ни малейшего просвета, но образуют полную, на манер великолепного махрового макового цветка, кисть, пышно спускающуюся сверху чрез дно шапочки, на все ее четыре стороны. Околыш вышивается серебряным узором или украшается просто галуном. Такая шапочка надевается по-уланski (немного набекрень) так, чтобы угол или выступ околыша приходился как раз посредине лба и повыше глаз. Ее поддерживает узенький подбородник — из тесьмы или шнурка. Такая шапочка очень эффектна.

Точно такие же шапки, называемые «булгун-махла», но вместо легкого кокетливого околыша обшитые собольим, куньим или лисьим мехом или просто мелким курпейником, носят замужние женщины. Простые старухи хотя и носят подобную этой шапку, но уже с приплюснутою тульею без украшений и желтую суконную — но всегда с малою красною кисточкою.

Оба пола и все возрасты носят еще одинаковую зимою шапку «бешлаче-махла» на лисьем меху, точно такую, как те, которые носят старухи, с тою разницею, что околыш, смотря по надобности, опускается, оставляя наушники на зашейнике, а если угодно, то и козырек[3]. Впрочем, между калмыками вошли теперь в моду кабардинские шапки или просто азиатские папахи с черным курпейчатым околышем и суконным конусообразным верхом, который они иногда украшают по всем швам серебряным или мишурным галуном и непременно красною кисточкою. Шапки эти они называют «кабердын-махла».

Мальчик с 8 лет и до юношеского возраста или, по крайней мере, пока он еще не пастух, носит шапку вроде татарской тюбетейки «шумулдык-махла» из нагольных мерлушек и без околыша, но, во всяком случае, с красною кистью или, по крайней мере, с нашитым красным лоскутом.

Духовенство на гладко выбритых головах носит летом весьма оригинальные шапки или, правильнее сказать, шляпы с широкими полями, вроде кардинальских, и с приплюснутыми круглыми тульями. Такие шапки называются «тырсык-махла» и, по положению, должны быть желтые суконные с красною наверху пуговкою или коралловым шариком. Если же поля такой шапки опушены куньим или лисьим мехом, тогда она называется «сиклюр-махла». Шапки эти не надеваются на голову (они для того слишком плоски и мелки), а накладываются горизонтально на маковку, поддерживаясь на голове посредством подбородника из шнурка, и таким образом сидят так крепко, что и ветер их не срывает даже при верховой езде. Зимою духовенство, как и все калмыки, носит теплые лисьи шапки «бишличе-махла».

Кстати, заметим, что и наши фуражки начали появляться у калмыков. Но это принадлежность франтовства некоторых из зажиточных франтов, с удовольствием щеголяющих в синей фуражке с красным околышем и такого же цвета кисточкою.

Итак, мы встречаем две особенности в калмыцких шапках: преобладающий желтый цвет и неизбежную красную кисточку. То и другое имеет историческое основание.

В половине XIV столетия буддийский реформатор Цзонхава (по большедербетскому произношению, Зункоба), сделавшись основателем новой религиозной секты желтошапочников «шара махалата» (к ней принадлежат и большедербетские калмыки), предписал духовенству носить желтые и красные одежды. Отсюда желтые шапки и красные кисточки, носимые калмыками, имеют религиозное значение и служат наружным отличием их от последователей другой секты — красношапочников «улан махалата».

Красные кисточки означают еще, что простой народ и вообще миряне недостаточно постигают учение этой секты (которая их, впрочем, тому не обязывает...). И на этом основании «манжики», или ученики веры (низшая, приуготовительная степень духовенства), носят только красные шапочки, вроде фесок, с желтою кисточкою, а желтые шапки надевают уже при переходе в «гицули» — степень, соответствующую нашему диаконству. Если же затем и высшее духовенство носит на своих «тырсык-махла» коралловые пуговки и шарики, то это только в знак смиренного сознания, что и оно, несмотря на свою ученость, все-таки не вполне постигает высокобожественные истины буддийского учения секты желтошапочников и потому в отношении Цзонхавы считает себя не более, как только учениками его веры.

Девичий наряд прост и несложен. Когда девушка начнет подрастать и формироваться, то из скромности — так как «кьилик» обнажает иногда грудь — надевает корсет, более похожий на нашу жилетку. Легко быть может, что этот жилет (собственно калмыцкого названия он не имеет), то есть покрой его позаимствован от нас в последнее время, что подтверждается отсутствием особого для него названия на калмыцком языке.

Сверх жилета девица надевает «берзе». Так называется собственно девичье платье, на манер донских кобелеков, с пуговицами на переднем разрезе, до пояса, с косыми длинными рукавами и с оборками по бокам талии. Надев такое платье, девушка подпоясывается суконным или из другой материи кушачком «эльбюкче», обшитым серебряным галуном. За кушак этот, или пояс, с левой стороны задевается одним углом носовой цветной платок, но не более как только для украшения.

«Берзе» делается из канауса или другой шелковой материи, но чаще из светлых ситцев мелкого узора. Кольца «бильцик» дополняют наряд девицы. Обычай требует, чтобы кольца носили на мизинцах и не больше четырех.

С выходом девицы в замужество наряд ее изменяется. Само собою, ревнивый жилет бросается в сторону. Кольца с мизинцев переходят на безымянные пальцы. «Терлик» заменяет «берзе» — но шапочки «хавлын-махла», как единственное воспоминание девичьей жизни, обычай оставляет молодице до первого ребенка, хотя на голове вместо одной допускается две косы!.. Остаются только на ней неизменные «дотоджи, госун и кьилик», с которыми она уже всю жизнь не расстается.

«Терлик» хотя покроем похож на «берзе», но воротник у него выше, а рукава, начиная снизу от мышек и до локтя несшивные, оканчиваются мышками, закрывающими кисти рук до половины. Спереди и до пояса «терлик» разрезной, оканчивается поперечным, с правой стороны, разрезом в три вершка. У богатых женщин он бывает парчовый, глазетный, бархатный или атласный. Отделка воротника, бортов и рукавов более или менее богатая, смотря по состоянию, вообще из серебряного галуна или тесьмы, искусно сотканной в тень, из разноцветных шелков и серебряных ниток. Пуговки по бортам бывают серебряные, коралловые и даже жемчужные. Так как замужняя женщина носит пояса, то, чтобы можно было привесить носовой платок, делается с левой стороны «терлика» для этой надобности петля. Женщины, не так достаточные, шьют «терлик» из шелковых материй ярких цветов, с меньшими, конечно, украшениями или просто ситцевые, а у бедных они бывают обыкновенно синие нанковые, но все-таки отделанные канаусовою обшивкою или шнурками с неизбежным карманом на левой стороне. Такое платье называется уже «хууцун»; его носят и старухи.

Мы уже говорили, что замужние женщины заплетают у себя две косы. Эти косы, начинаясь от ушей (волоса при этом пробираются тщательно посредине вдоль головы) и спускаются по плечам спереди в атласных или плисовых чахлах «шибырлик». Затем волоса, гладко причесанные от самого пробора, спускаются несколько на чело и, закрывая виски, дугою поднимаются за ухо, чтобы войти в состав косы. Такая прическа уменьшает овал лица, и, правду сказать, для монгольского типа нельзя было лучшей придумать. Чахлы для кос прикрепляются к ним особыми серебряными булавками вверху, а внизу застегиваются такими же пуговками на манер бубенчиков. Для верховой езды женщина надевает «цегдык». Он шьется с широкими и короткими рукавами, с полами, разрезанными с обеих сторон, но с закрытою грудью и без талии — и надевается сверх «терлика». По этому образцу и для той же цели шьются и зимние яргаки, то есть шубки шерстью вверх.

Женские шубы, и нижние, и верхние, делаются из разных мехов, от самых дешевых до дорогих. Дешевыми называем овчинные, так как они составляют продукт домашнего хозяйства, почему их больше и употребляют. Зимний терлик можно причислить к шубам, потому что он делается на курпейчатом меху. Верхние шубы или покрывают разными материями и сукном, или же, чаще, носят нагольные, с отделкою более или менее красивою. Фасон их неизменно один и тот же: перехват под мышками, рукава длинные и узкие.

Опишем шубу, которую случилось видеть на одной молодице из простого народа — черная кость «хара-ясан». Шуба овчинная, нагольная, с узким воротником. Отделка шелковая, из французского платка темно-малинового цвета, идет полосою в два вершка, начиная от воротника, по обоим бортам кругом всей шубы и около рукавов. Спереди на левой стороне — разноцветный карман, вышитый узорами. Сзади на высоте пояса по обеим сторонам пришиты петли к красным суконным лоскуткам величиною в квадратный вершок. К одной петле привязан цветной носовой платок. Такая шуба, при стройном высоком росте и вместе с парчовым «булгун-махла», составляет довольно красивый тип монгольской красавицы, обитательницы русских степей...

Некоторые части мужского костюма нам уже известны, остается только пояснить остальной туалет...

Начнем с прически.

Волоса у калмыков у детей гладко стригут, у юношей понемногу только подстригают; далее, в зрелых летах, подбирают на вершок кругом; наконец, под старость совсем бреют, оставляя только косу на затылке; духовенство же ходит всегда без волос на голове. Все эти фризуры, быть может, бессознательно, тем не менее, точно соблюдаются калмыками по одному только преданию старины глубокой, хотя до смысла такого предания им добраться нелегко. Как бы то ни было, каждый возраст строго придерживается своей прически и вообще, во всей одежде, по обычаю, переходящему от поколения к поколению и вошедшему в плоть и кровь калмыцкого народа. Бороды, усов и бакенбардов калмыки потому только не трогают, что они не растут — это физиологический недостаток их племени. Изредка, однако ж, встречаются исключения, но они почти всегда сопровождаются более или менее заметными следами метисации.

Между калмыками в числе мужской одежды более всего распространен бешмет. Это почти тот же казакин или бекешка. Происхождение бешмета чисто азиатское, но калмыцкий вкус признал необходимым подвергнуть его некоторым изменениям... Они носят бешмет со сборками от одного бока до другого, с длинными рукавами, отлого стоячим воротником, а иногда с двумя патронными

карманами на груди! Щеголи обшивают воротник, борты и карманы узким галуном и застегивают на крючки или круглые висячие пуговки.

Если калмык-юноша наденет такой бешмет грудью нараспашку, да притом сверх жилета, и подтянется ременным поясом с металлическим набором и если на нем еще синие шаровары с красными лампасами, а на голове новая «кабердын-махла», — то это будет тип молодца франта с хорошим достатком и молва о нем скоро разнесется по улусу. Впрочем, таких франтов встречается очень немного.

Когда калмык достигнет солидных лет, то есть когда ему будет за сорок, тогда он, оставив в стороне щегольство и передав сыновьям все его принадлежности, подбривает кругом свои длинные волоса и носит «лапшик» — то есть тот же бешмет, только подлиннее и без всяких украшений. Пояс, которым, бывало, прежде он так гордился, ему более не нужен. Он теперь человек солидный и имеет полное право быть при старших без пояса, чего прежде ни в каком случае не мог себе позволить.

Таким образом, пояс имеет значение и в социальной жизни калмыков. С ним сопряжены обязанности не только семейные, но и социальные. Он служит выражением понятий о уважении к старшим и послушании младших. Если принять во внимание, что право носить пояс получает юноша только тогда, когда вступит в возраст жениха, то этот период продолжается около 25 лет, и едва ли можно сомневаться, что люди этого самого возраста в чингисханово время и составляли боевые силы монголов, от которых осталось только одно значение пояса!..

Наконец калмык, чувствуя приближение старости, все чаще принимается за четки, усердно творит единственную молитву (ом-ма-ни-пад-ме-хум) и, помышляя о будущей жизни, надевает древний монгольский халат «юрмге» и бреет уже голову. Но как он все еще не «убуши», а только простой мирянин, то бреет не всю, а оставляет на затылке столько волос, сколько нужно для косы. На это дают ему право лета, опыт жизни и совет духовенства — последний, конечно, в возмездие за его приношение в хурул...

«Юрмге», покроем похожий на казанский халат, шьется из всякой одноцветной материи или сукна, преимущественно синего цвета или голубого. Шуба мужская отличается от женской тем, что перехват делается не под мышками, а в талии, и воротник у ней побольше, но также обшивается синим и красным сукном или нанкою. Шубы бывают большею частью нагольные, и только люди богатые покрывают их сукном или нанкою.

«Яргак» — одежда богатых зажиточных и между калмыками вещь ценная, потому что делается из шкурок жеребят, выкинутых матками. Хорошо подобранный яргак стоит не менее 150 рублей. Трудность подбора шкурок по шерсти и масти составляет основание его ценности. Он шьется вроде длинного пальто со стоячим воротником и шерстью вверх. Важные его качества те, что яргак не промокает, легок и красив.

По редкости и дороговизне яргаков, калмыки, у которых, как уже было замечено, коннозаводство теперь в сильном упадке[4], носят в дороге дешевую черную косматую бурку, которую они вместе с черкесками и башлыками переняли от своих соседей — азиатцев и казаков. Форменные черкески лейб-гвардейского эскадрона, красные, — в особенном уважении у калмыков.

О мелких принадлежностях калмыцкой одежды и вообще потребностях быта скажем только, что все это более или менее оригинально, более или менее красиво, но всегда необходимо и свидетельствует, что калмыки в этом отношении стоят далеко выше, чем в отношении своих жилищ и пищи.

Нельзя в заключение не указать на любимые у калмыков ими цвета: красный «улан»[5], желтый «шара», белый «цаган», черный «хара» и голубой, принимаемый ими с синим безразлично «куке».

Первые два цвета имеют, как нам уже известно, особенную важность в религиозном отношении, между тем как белый и черный цвет, кажется, были приняты Чингисханом за национальные цвета. По крайней мере, полчища его днем следовали за черным знаменем из четырех черных конских хвостов, а ночью указывало им путь знамя белое.

Что же касается до последнего (синего цвета), то нет сомнения, что он с самых древних времен был любимым цветом калмыков, потому что, по словам монгольского историка Синаг-Сецена, Чингисхан первый назвал этот народ (вероятно, по цвету одежды) синими монголами: «куке монгол»! «Я желаю, — сказал он в одной цветистой, по восточному обычаю, речи к ним, — чтобы синий монгол был величайшим над всем, что только движется на земле».[6]

Как далеко, однако же, не сбылось желание Чингисхана!.. Иначе, впрочем, и случиться не могло. Физические и нравственные законы часто приводят нас к тождественным последствиям. Известно, что от ударения двух твердых тел слабейшее ломается, а при смешении двух однородных жидкостей одна из двух растворяется. В обоих случаях последствия одинаковы — изменение основных качеств или же полное их уничтожение. То же самое случилось и с монголами, которым Чингисхан в упоении боевой славы предсказывал всемирное обладание или, по крайней мере, в желании своем высказал идею такого владычества. Но если при нашествиях на Европу социальный и экономический быт монголов, основанный на ложных началах, давал им перевес над многими народами, то единственно грубою материальною силою, или, как выражались летописцы, «огнем и мечом». Чем, однако ж, кончилась кровавая монгольская вековая драма?

Монголы, столкнувшись с другими, более плодотворными идеями и с народами, носившими в себе зачатки более широкой цивилизации, — одни совершенно слились с побежденными и потеряли

не только народность, но даже свой тип; другие же, добравшись до берегов Волги и Маныча, хотя продолжают существовать поныне, но в полном застое, едва оказывая признаки жизни...

Опираясь на историю монголов, далеко, впрочем, не полную, мы не можем сомневаться, что вековая неподвижность, так сказать, неизменяемость главнейших человеческих потребностей в отношении жилища, пищи и одежды и ограниченность таковых исподволь подготовляют и калмыкам Большедербетского улуса участь, постигшую их предков... Одна только светлая сторона экономического их быта отдаляет, быть может, до времени исчезание калмыков — это труд женщины. И действительно — приуготовление жилища, пищи и одежды, за весьма малыми исключениями, — все это составляет труд калмычки и дело ее рук.

Не менее отрадно и то, что калмыцкая женщина пользуется более широкими социальными правами, нежели ее соседки азиатки. Этим положением она много обязана религиозному принципу, из которого вытекают, быть может, и самые ее права, официально признанные степным уложением 1640 года — этим единственным монгольским кодексом «цааджин бичик». Но обозрение труда и прав калмычки, как требующее подробного изложения, должно составить предмет особой статьи.

Примечания

1. Предшествующую статью см. в «Сб. статистических сведений», выпуск I, стр. 82.
2. «Махла» есть сокращенное «Махлалата». В разговорном языке более употребляется первое слово.
3. Такие или, по крайней мере, весьма похожие шапки носят зимою в Вологодской губернии и вообще в губерниях восточной части России и в Сибири и называют «малахай», вероятно, от монгольского «махалата» или калмыцкого «махла».
4. Статья о коннозаводстве в Большедербетовском улусе. Сборник 1868 г. Выпуск I.
5. Не от калмыцкого ли слова «улан» происходит название нашего кавалериста улана, тем более, что и его кивер похож на калмыцкую шапку «хавлын-махла»? Хошоумовские калмыцкие шапки еще более имеют сходства с уланскими киверами, особенно прежней формы.
6. Экземпляр монгольской хрестоматии, из которой мы привели слова Чингисхана, стр. 262, без заглавного листа.

Текст и примечания печатаются по источнику:
Бентковский И.В. Одежда калмыков Большедербетского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Ставрополь, 1869. — Выпуск 2. — С. 123–139.

О СЕТИ КАВКАЗСКИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

История наших железных дорог представляет, между прочим, то утешительное явление, что каждая проектируемая линия, глубоко затрагивая интересы страны, вызывала людей мыслящих на главное и многостороннее обсуждение вопроса о возможно лучшем и выгоднейшем ее направлении. Понятно, что в различных и часто даже диаметрально противуположных мнениях никогда недостатка не было, тем не менее само различие взглядов, способствуя выяснению вопросов, значительно облегчало их решение.

Нет сомнения, что лозунгом людей мыслящих была в таких случаях старая пословица «*семь раз примерь, а один отрежь*», так как этой пословицей русский народ привык выражать необходимость крайней осторожности при осуществлении важнейших решений мысли. Правило всегда мудрое и полезное, а в железнодорожном деле решительно необходимое и главное. Если же и затем мнения лиц частных не всегда принимались к соображению при окончательном обсуждении вопросов, то, с другой стороны, нельзя не признать за ними той заслуги, что они первые ввели применение статистики в область практической жизни, так как они первые начали нас ближе знакомить с теми местностями и их экономическими условиями, где или уже проведены или только предположено провести рельсовые пути. Можно сказать, что без гласного обсуждения линии железных дорог мы долго еще не ознакомились бы со многими местностями нашего отечества.

О кавказской железной дороге в первый раз заговорили давно, но слишком рано для того, чтобы можно было надеяться на скорое осуществление желаний. В то время Россия только что начала покрываться сетью железных дорог, и до Кавказа не доходила еще очередь. Но теперь, когда, благодаря одиннадцатилетней правительственной и частной деятельности, у нас уже 5591 верста железных дорог, а в нынешнем году будет открыто движение еще на 2559 верстах[1]; когда узел юго-восточных железных дорог, с открытием Харьково-Азовской и Ростово-Воронежской линии, введет Ростов-на-Дону в связь рельсового сообщения с Россиею и остальною Европою, *теперь* самое удобное время обсудить вопрос о Кавказской железной дороге и определить *главные пункты* ее направления.[2]

Есть несколько проектов и газетных статей о направлении этой дороги. Некоторые из них находятся на рассмотрении кавказского начальства. Будет ли остальным оказано такое же внимание — не знаем. Во всяком случае, сгруппируем здесь известные нам предположения в хронологическом порядке.

1. Проект рекомендует линию от *Ростова-на-Дону* чрез ст. Успенскую, город *Ставрополь*, селение Новоселицы, города *Кизляр*, *Петровск*, *Дербент*, *Баку*, *Шемаху* в *Тифлис* с двумя ветвями: от ст. Успенской чрез ст. Полтавскую в *Тамань*, а другая — от селения Новоселиц в *Пятигорск* (а).

2. От *Ростова-на-Дону* чрез селение Белоглину, Безопасное, город *Ставрополь*, ст. Невинномысскую (на Кубани), *Пятигорск*, *Владикавказ*, Грозную в *Петровск*; с ветвью от *Ставрополя* чрез ст. Николаевскую (на Кубани), Урупскую, Лабинскую в Майкоп (б).

3. От *Ростова-на-Дону* чрез город *Екатеринодар* в Анапу с ветвью к *Ейску* (в).

4. От Геленджика чрез ст. Тифлисскую (на Кубани), *Пятигорск*, *Моздок* к *Петровску* с двумя ветвями: от *Моздока* в *Тифлис* и от Тифлисской в *Ростов-на-Дону* — и отдельная линия от ст. Николаевской (на Кубани) чрез город *Ставрополь*, селение Дивное (на Маныче) в *Царицын* (г).

5. От *Царицына* на ст. Тифлисскую в *Сухум-Кале* (д).

6. От *Ростова-на-Дону* чрез селение Среднеегорлыцкое, Медвежье, Безопасное, Донское, Пелагиаду, Михайловское (близ *города Ставрополя*) в *Петровск*; с ветвью от села Медвежьего до ст. Казанской (на Кубани) (е).

7. От *Ростова-на-Дону* на ст. Тифлисскую чрез Кубань в Прочный Окоп, ст. Невинномысскую, Баталпашинскую, Суворовскую до *Пятигорска* и далее чрез *Моздок*, до *Владикавказа* в *Тифлис* с ветвью от ст. Наколаевской (на Кубани) в Ставрополь. Ветвь эта проектируется как начало будущей *Царицыно*-Туапсинской линии (ж).

Кто потрудится соединить на карте разноцветными линиями главные пункты проектируемых кавказских железных дорог и посмотреть на свой труд с высоты птичьего полета, тот увидит не сеть, а какую-то пеструю паутину, скрывающую от его прямого взгляда всю суть вопроса.

Проект железной дороги, например, от Ростова-на-Дону чрез Екатеринодар к Анапе с ветвью к Ейску, замечателен, прежде всего, по исторической аналогии этого проекта с построением Анапы французскими инженерами в 1781 году по воле султана Абд-ель-Хамада. Он замечателен и тем, что иностранец Дессемон, которому, как известно, принадлежит инициатива означенного проекта[3], первый поднял вопрос о необходимости (в видах развития нашей юго-восточной торговли) незамерзающего порта на Кавказском берегу Черного моря, — вопрос, поддерживаемый и в настоящее время некоторыми публицистами без надлежащего, впрочем, изучения юго-восточной торговли и ее потребностей.

Если аналогию находим удобнее оставить без комментариев, зато о том, нужен ли Кавказу незамерзающий порт или нет, поговорим обширнее. Вопрос этот не может быть решен, однако ж, a priori; решению его, по нашему мнению, должно предшествовать рассмотрение других, так сказать, индуктивных вопросов, которым мы и даем следующую постановку.

а) Наша юго-восточная отпускная торговля действительно ли так обширна, что существующие порты Азовского моря становятся недостаточны для ее непрерывных операций и поэтому чувствуется настоящая необходимость в таком порте, который круглый год был бы открыт для навигации?

Известно, что Азовское море, с легкой руки Геродота, пользуется незавидною репутациею. Он первый и, кажется, с досады, что с трудом мог идти по его водам на неуклюжих, с глубокою осадкою судах, назвал это море Меотийским болотом — *Palus maeotis*, — что, впрочем, можно допустить, сравнивая его мелководье с глубиною Эвксинского порта. Справедливее, однако ж, сказать, что и Геродот прав, и Азовское море *неповинно*, так как приютившаяся на его берегах торговля достигла в наше время весьма широких размеров, как это увидим из следующих достоверных сведений.

В 1868 году отпущено за границу	Хлеба и семени льняного	Шерсти	Сала
Из Ростова-на-Дону	2079494 ч.	170000 п.	219000 п.
Таганрога	1555000 ч.	26200 п.	64600 п.
Мариуполя	1156000 ч.	Неизвестно	
Бердянска	1146000 ч.	58000 п.	1400 п.
Ейска	360000 ч.	140000 п.	Неизвестно
Итого	6297494 ч.	342000 п.	285000 п.
Из Одессы же в прошлом году отпущено	2365000 ч.	296000 п.	213000 п.
Т.е. против Азовских портов менее	3932494 ч.	46000 п.	72000 п.
А против Ростова-на-Дону более	285506 ч.	126000 м.	6000[4]

Заметим, что такое превосходство торгового движения азовских портов над Одессою достигнуто ими без железных дорог; а потому можно надеяться, что с открытием Харьково-Азовской и Ростово-Воронежской железных дорог торговые обороты Таганрога и Ростова значительно превзойдут обороты Одессы и освободятся от ее зависимости в отношении международных вексельных оборотов. На такое развитие торговли в портах Азовского моря тем положительнее можно рассчитывать, что и в прошлом году размер ее достиг почти половины количества хлеба, вывезенного за границу из всех таможен Европейской России. Выражаясь точнее, порты Азовского моря отпустили 6297494 четверти в счет 13417325 четвертей[5], вывезенных за границу с 1 января по 1 ноября 1868 года чрез упомянутые таможни.

Смотря на обширность торговых оборотов, производимых в азовских портах, мы не можем не согласиться, что если судоходство в Керченском проливе, гаванях Азовского моря и донских гирлах стеснено еще до некоторой степени мелководьем, то, очевидно, вытекающие отсюда неудобства непреодолимы и не так важны, как показывают факты, чтобы могли парализовать отпускную нашу торговлю; и поэтому нет оснований к открытию замерзающего порта на Кавказском берегу Черного моря. Открытие такого порта, как дело, не вынуждаемое ни нашею производительностью, ни требованиями торговли, по нашему мнению, было бы для Кавказа преждевременно.

б) Допустив, что с открытием строящихся ныне железных дорог Ростов с Таганрогом увеличат, по крайней мере, вдвое высший размер всей хлебной торговли, то не встретится ли в донских гирлах и таганрогском рейде непреодолимых затруднений при нагрузке на суда всего количества требуемого за границу хлеба?

Не подлежит ни малейшему сомнению, что с открытием Харьково-Азовской и Ростово-Воронежской железных дорог размеры торговой деятельности как Таганрога, так и Ростова должны будут измениться, и — измениться к лучшему. Следует, однако ж, заметить и то, что норма отпуска хлеба за границу определена быть не может; она обусловливается спросом, а спрос — нашею производительностью. Словом, размер внешней хлебной торговли колеблется на размере урожаев как за границею, так и у нас, что нисколько не зависит от условия незамерзаемости порта.

Ростов-на-Дону в последние четыре года постоянно увеличивал отпуск хлеба за границу. Так, в прошлом году он отпустил 2079494 четверти.

То есть более противу 1867 года 448870;

1866 — 773338;

1865 — 1179586[6].

Такие блистательные результаты, с одной стороны, объясняются выше замеченными причинами; с другой же, выражают прямые последствия энергической деятельности комитета для очистки и содержания в исправности донских гирл; как это, между прочим, видно из докладной записки, поданной гирловскому комитету. Этою запискою 39 судохозяев и шкиверов, выражая комитету при-

знательность за оказанную им помощь буксировкою по Дону судов от Ростова 2 декабря прошлого года, просили ходатайств у генерал-адъютанта Коцебу об организации буксирного пароходства в донских гирлах на прочном основании; и нет сомнения, их желание будет удовлетворено.

Если Ростовский гирловый комитет, располагая в прошлом году только 2 пароходами и 3 катерами, с открытия навигации по 1 ноября успел безвозмездно пробуксировать в коленах реки Дона и его гирлах 1597 каботажных судов[7] и тем дал возможность отправить за границу более 20-ти миллионов пудов груза (значит — $^1/_6$ часть всех грузов, сплавливаемых по Волге), то при полной организации буксирного пароходства, польза которого так блистательно доказана прошлогодним опытом, Ростов будет в состоянии отправить и *вдвое больше*, если только такое количество хлеба потребуется за границу и его сможет дать наша производительность.

Таганрог в подобной деятельности не отстает от Ростова. Его паровые средства прошлою осенью приобрели солидное приращение во вновь учрежденном акционерном обществе буксирного пароходства под фирмою «*Танаис*». В октябре прибыл из-за границы первый буксирный пароход этого общества и вел с собою две деревянные баржи, построенные в Николаеве. Дело для парохода нашлось тотчас же по приходе его на таганрогский рейд. До 1 ноября он успел сделать два рейса между Таганрогом и Ростовом и доставить на берег 36 тысяч пудов разных принадлежностей для Азовской железной дороги. В Николаеве, между тем, строится еще несколько барж для Танаиса, а в течение зимы общество имело намерение приобрести другой буксирный пароход[8].

В Севастополе, при адмиралтействе Русского общества пароходства и торговли, началось в исходе прошлого года железное судостроение. 1 октября заложена там первая железная баржа для плавания в Азовском море, а в конце декабря предположено было заложить вторую баржу[9].

Не доказывает ли все это, что Ростов с Таганрогом серьезно и опытными руками приготовляются встретить то большое развитие внешней торговли, какое их ожидает с открытием Харьково-Азовской и Ростово-Воронежской железных дорог? Несомненно, их примеру последуют Бердянск и Мариуполь, имеющие претензию на проложение к ним ветвей рельсового сообщения. Но и затем остается очередной вопрос: каким образом доставить судам большого плавания и имеющим более значительную осадку, удобный доступ в Азовское море?

Известно, что главнейшее в этом отношении затруднение заключается в присутствии бара в Еникальском проливе, фарватер которого, при незначительной ширине, в некоторых местах имеет столь малую глубину, что суда принуждены бывают, подойдя к проливу, становиться на якорь и отгружаться, передавая часть товара в перегрузные лодки, а потом, пройдя пролив, снова становиться на якорь и догружаться. (Несмотря на то, в прошлом году одного отпускного груза, не считая привоза, чрез Еникальский пролив прошло более 60 миллионов пудов)!.. Для устранения таких перегрузок и сопряженных с ними затруднений и убытков необходимо прежде всего уничтожить самый бар в проливе.

Гидрографические исследования Еникальского пролива и Мариупольского порта (тоже затрудняемого присутствием бара в устье реки Калмиуса) на средства, ассигнованные для этого по Высочайше утвержденному мнению Государственного совета, произведены в прошлом году капитан-лейтенантом Беляевским, успешно выполнившим уже подобные работы в Одесском порте и в донских гирлах и недавно окончившим тщательное изучение устьев Днепра.[10] Результаты этих исследований нам еще неизвестны; но едва ли можно сомневаться, что Азовское море в скором будущем будет освобождено и от этих препятствий.

в) *Насколько вероятно, что русские и иностранные фирмы сочтут для себя выгоднее перенести центр торговой деятельности с берегов Азовского на берега Черного моря?*

Создавать торговые пункты нелегко, они создаются самой торговлей. Насильственное создание их не всегда сопровождается успехом. Один из таких случаев представляет нам история азовской торговли.

В 1833 году Азовское море объявлено было практическим, то есть закрытым для всех кораблей, не выдержавшим полного карантина, и карантинная очистка как товаров, так и судов назначена была *исключительно* в Керчи. Чтобы положить *прочное основание складочной торговле этого порта*, составлен и Высочайше в 1834 году утвержден проект *керченской торговой компании*, которой представлено было закупить во внутренних местах отечественные произведения и доставлять в Керчь каботажем для загрузки в этом порте на иностранные суда. Не входя в подробности такого руководительства торговли, остановимся на его результатах. В Керчи, несмотря на удобство порта, *не положено*, однако ж, этим положением *прочного основания складочной торговли,* так как размеры ее в наше время остановились на ничтожной торговле лимонами, сельдями и бакалеею; говорим «ничтожной» — в сравнении с оборотами портов Азовского моря.

Подобная история может легко повториться при открытии Анапского или какого бы то ни было порта на Кавказском берегу Черного моря. Незамерзающий порт может остаться без торговли; а торговля, в свою очередь, отвержденная почти двухвековыми материальными и нравственными усилиями, останется на берегах Азовского моря. Окружающих ее удобств жизни, вещественных приспособлений к торговым целям и тех косвенных средств и способов, какими теперь свободно располагает она, не переменит на *льготы и привилегии*.

В Таганроге и Ростове торговля имеет: отделения Государственного банка, городские общественные банки, общества взаимного кредита, отделения коммерческих советов, биржевые комитеты, земство, гласный суд, отлично устроенную пожарную часть, деятельную полицию, оперы, театры, громадные магазины для склада товаров; наконец, она находит здесь средства удовлетворять духовным и физическим потребностям; между тем, на берегу Черного моря (в Анапе, Геленджике или в другом пункте) нет этих важных условий. В Ростове торговые деятели, дыша сравнительно благорастворенным воздухом, пользуются здоровьем, насколько оно зависит от атмосферических влияний; там — ожидает их убийственный климат и убийственные лихорадки… Здесь торговля во всякое время может располагать сотнями тысяч рук местного и временного населения, готового трудиться для обоюдной выгоды; там — в мало заселенных еще местах, она едва может рассчитывать на сотни свободных рук, расположенных к труду… Не спорим, в новооткрытый порт могут явиться торговые деятели попытать счастья под защитою льгот и привилегии, но это не будут те представители солидных фирм, которые создают торговлю. В таких руках дело не бывает прочным.

Поэтому едва ли логично допустить мысль, что русские и иностранные фирмы перенесут центр торговой деятельности с берегов Азовского на берега Черного моря.[11]

г) Предпочтут ли иностранные суда бросать якорь в Анапском или другом каком-либо порте на Кавказском берегу Черного моря или же по-прежнему сочтут за лучшее приходить в азовские порты, где во всякое время имеют возможность продать всякий дозволенный к привозу груз и где, кроме хлеба, всегда есть и другие статьи вывоза, которых в незамерзающих портах Черного моря иностранные шкипера, наверное, не найдут?

Иностранная пресса так зорко следит за нашим экономическим развитием; иностранная торговля так хорошо знает свои и наши избытки и нужды, а иностранные шкипера так изучили удобства и неудобства плавания по тому или другому морю, что едва ли можно надеяться, что они предпочтут Анапский или какой бы то ни было кавказский порт портам Азовского моря. Предоставляя специалистам оценку морских пунктов, расположенных на восточном берегу Черного моря, мы скажем только, что, смотря на любой из этих пунктов исключительно с коммерческой точки зрения, не можем не обратить внимания на то главное обстоятельство, что купеческие суда приходят — и это прямое их назначение — к таким только портам, где можно сбыть груз (если они не пришли с балластом) или нагрузиться товаром. Имея это в виду, нельзя предполагать, чтобы иностранному шкиперу, бросившему якорь в анапском рейде, выгоднее было отправиться за покупкою товара, хотя и по железной дороге, в Ростов или Таганрог, чем войти для этого прямо в Азовское море. Ожидать, что со временем в Анапе разовьется торговля, пришлось бы слишком долго (для этого мало человеческой жизни), а между тем, в прошлом году из одного Ростова, кроме хлеба, шерсти и сала, вывезено за границу 144560 пудов разного товара, то есть немногим менее, чем отправлено в 1867 году товаров транзитов из Европы в Персию и обратно (165231 пуд) чрез таможни Закавказского края[12]. Не принимая в расчет количества, одно разнообразие товара, вывезенного за границу, и в особенности донской антрацит, в соображении иностранцев будет всегда побудительным поводом к предпочтению азовских портов портам кавказского берега Черного моря.[13]

д) Какими замечательными задатками нравственного и экономического развития обладает население северокавказского побережья Черного моря?

«Дайте Кавказу мир, — сказал Томас Мур, — и не ищите земного рая на Евфрате: он здесь! — он здесь»!

Очевидно, Мур, восхищенный разнообразием и богатством кавказской природы, в поэтическом настроении взглянул на Кавказ слишком абстрактно. Так, впрочем, и теперь еще смотрят на него те, которые берут в расчет одну природу с ее производительными силами, не принимая в соображение всей ее обстановки, то есть людей, призванных сделать из ней хотя что-нибудь похожее на экономический рай… И горы, и реки, и все богатые дары природы, которыми Кавказ так щедро наделен, — все это само по себе вещи безразличные и всегда будут тем, что сумеют из них сделать переселенцы.

Обзор в этом отношении заселений северокавказского берега Черного моря будет очень короткий.

Земли между реками Мзымтой и Туапсе в количестве 3728 квадратных верст, оставшиеся после ухода в Турцию убыхов и шапсугов, и земли между Мзымтою и сухумским отделом в количестве 2411 квадратных верст до сих пор еще не заселены, хотя это самые лучшие земли как в отношении почвы, так и климата на всем побережье Черного моря. Здесь растет кедр, дуб, орех, береза, сосна, ель, пальма и превосходные сорта фруктовых дерев: яблони, груши, сливы, не говоря о крупном и вкусном винограде, и все это растет дико, особыми группами, в однородных рощах. По лугам растут левкои, астры, бальзамины, мирабилис, индийский камыш, олеандр и прочее. Какое разнообразие почв и климатов!! Затем, по левой стороне реки Кубани, начиная от ее устья и до станицы Вельяминовской при устье реки Туапсе, поселены Адагумский, Абинский, Исекупский, семь номерных полков и Шапсугский батальон (все казаки) на пространстве 29891 квадратных верст.

Заселение этого края начато в 1863 году. На первых же порах оказалось, что локализация некоторых станиц избрана была не совсем удачно, так что спустя два года пришлось упразднить

четыре станицы: мингрельскую, грузинскую, тукбинскую и чилинсинскую — по чрезвычайной в них смертности. Вообще население этой части Закубанского края не только не дает естественного приращения, но годичная убыль простирается до 3,32%.[14]

Кроме казаков, поселено еще несколько сот анатолийских греков, молдавских резешей и чехов.

Нужно, впрочем, заметить, что переселившиеся греки большею частью народ бедный и болезненный. Одни чехи отличаются опрятностью и здоровьем; но их пока еще немного. Многие переселенцы пытались остаться в Новороссийске, но встретили неудобства жизни в недостатке пахотной и сенокосной земли.[15] Кроме того, мелкие хищнические шайки, отчасти из беглых *бжедуховских* аулов, отчасти же из оставшихся в трущобах Главного хребта *хакучинцев,* тревожили наших переселенцев, едва начавших жить оседло, заводиться новым хозяйством и знакомиться короче с чужими для них горами.

Экономическое состояние казаков, поселенных на южном склоне гор Кавказских, также еще неудовлетворительно. Во многих станицах жители почти оставлены без способов и средств удовлетворения религиозным потребностям… Или нет церквей и молитвенных домов; или там, где они есть, не везде антиминсы и церковная утварь; или, наконец, нет священника… При трудных сообщениях по неразработанным большею частью дорогам люди родятся, живут и умирают без утешения религии…[16] И потому неудивительно, что при столь существенных недостатках не могут пока благоуспешно развиваться ни экономический быт переселенцев, ни их правила и обычаи, а с тем вместе не могут еще утвердиться торговля и промышленность на вновь заселяемых местах.

е) Какое влияние окажет линия Ростово-Анапской железной дороги на развитие производительных сил Ставропольской губернии и Кубанской области?

Нам совершенно неизвестны соображения, имевшие решительное влияние на поддержку иностранной инициативы в деле так важном, как *указание* направления первого рельсового пути на Северном Кавказе. Допуская, что соображения эти вытекают из стремлений возвысить экономическое значение Черномории, тем не менее ясно, что проектируемая железная дорога не может быть средством развития производительности, а следовательно, и порождения ее *избытков*, не только для Ставропольской губернии, но и для самой Черномории.

Линия этой железной дороги, принимая за исходный пункт Ростов-на-Дону, полагает, обогнув Азовское море до широты Ейска, из станицы Старощербиновской повернуть на почтовый тракт, и, обойдя оным соляные озера, Бейсугский и Охтарский лиманы, направиться в войсковой город Екатеринодар, и, перейдя Кубань, почти под прямым углом, поворотить на Анапу. Самый близкий пункт железной дороги от границ Ставропольской губернии — 150 верст, а самый отдаленный — 250 верст, принимая расстояния в прямом направлении.

Главный и единственный продукт, которым Черномория снабжает Ставропольскую губернию, это *рыба*. За нею крестьяне сами отправляются на ачуевские и другие почти рядом расположенные рыбные заводы, начиная от Темрюкского лимана до Охтарского гирла. Размер вывоза рыбы из Черномории можно допустить не более 40 тысяч пудов, не считая, конечно, рыбы, ловимой в собственных речках и прудах.

Несомненно, с открытием проектируемой железной дороги локомотивы будут увозить в Ростов и далее весь улов рыбы из ачуевских и других заводов, и тогда, понятно, прекратятся *единственные* сношения Ставропольской губернии с Черноморией. А как и донская рыба, вероятно, отправится по тому же направлению — в Харьков или Воронеж, — то последствием изменения торгового маршрута будет только то, что Ставропольская губерния все количество рыбы будет получать с Каспийского моря, что для ней не составит разницы ни в цене, ни в расстоянии.

Замечено, что со времени покрытия России сетью железных дорог и при постоянном расширении этой сети движение торговли приняло другие размеры, и даже во многих случаях другие направления. Но заметно и то, что железные дороги не везде служат средством для развития производительности того района, какой пересекают, — и понятно, почему. Развитие производительности сколько зависит от естественных условий почвы и климата, столько же от способностей населения данной местности и полной свободы располагать временем и трудом. При небольшой разнице во взаимных соотношениях естественных и интеллектуальных деятелей можно еще надеяться, что раньше или позже натиск прогрессивного движения стушует замеченную разность и что тогда развитие пойдет своим, современным чередом. Но там, где способности человека стеснены ограничением его личных прав и преимуществ, хотя и с заменою других, менее экономических; где вследствие такого ограничения человек несвободно располагает своим временем, а следовательно, и трудом, там развитие производительных сил, несмотря ни на какие желания и надежды, — немыслимо.

Проведение Ростово-Анапской железной дороги, если бы оно даже осуществилось, не в силах парализовать торговое и промышленное тяготение Ставропольской губернии к Ростову, потому что Ростов-на-Дону, по своему счастливому географическому положению, обратился в громадный складочный пункт, чему лучшим доказательством служит то, что существующая в нем сентябрьская ярмарка потеряла для торговли всего юго-восточного края свое прежнее значение. *Всякий* товар и во *всяком* количестве, привозимый теперь в Ростов для продажи, находит во *всякое* время покупателей и без ярмарок. Не говоря уже о зерновых и бакалейных товарах — главных статьях заграниц-

ной торговли, в этом городе находятся большие склады сахара, чая, спирта, вин, мануфактурных товаров, мягкой рухляди, разных масел и свечей, мыла, сырых и выделанных кож, шерсти, сала, лесных материалов, железа, разных металлов и прочего.[17]

Неужели такие факты, или, скажем лучше, такие торговые рынки, как Ростов-на-Дону, недостаточно убеждают в огромном значении этого города для Ставропольской губернии и Кубанской области? Не странно ли после этого встретиться с мнением, что «*Царицын для Кубанской области гораздо важнее Ростова*»?[18]

Ростово-Анапская железная дорога будет бесполезна для Ставропольской губернии. Возьмем в расчет расстояния. От Ставрополя до Екатеринодара — ближайшего пункта железной дороги — 269 верст, а оттуда до Ростова 301 верста, что составляет 570 верст. От Ставрополя же до Ростова 300 верст. Какая выгода пассажиру проехаться лишних 240 верст, хотя, правда, на почтовом пути он и выигрывает 71 версту? Отправитель клади тоже едва ли воспользуется железною дорогою, а быть может, решится в крайних, следовательно, редких случаях, потому что в Ростове можно иногда нанять фуры по 10—15 копеек с пуда. Средняя же цена в 10-летней сложности не превышает 30 копеек с пуда, хотя бывают и чрезвычайные случаи, когда плата доходит до 18 копеек, но это случается очень и очень редко. При огромных перевозочных средствах скорее можно ожидать, что ставропольские крестьяне-чумаки будут успешно конкурировать с Ростово-Анапскою железною дорогой. Мы с тем большею уверенностью этого ожидаем, что в Ростове и с открытием проектируемой дороги всегда будет такое скопление фур, на какое в Екатеринодаре ни по каким смелым соображениям нельзя рассчитывать. Собственно же о части Ставропольского уезда, прилегающей к Манычу, и говорить нечего. Она положительно не воспользуется ни одною верстою железной дороги, до которой будет иногда дальше, чем до Ростова.

Но если Ростово-Анапская железная дорога не может иметь влияния на развитие производительных сил Ставропольской губернии, то, быть может, она достигнет этого значения в отношении Черномории?

Нелишне предварительно ознакомиться с естественными деятелями этой страны. Почва земли между Кубанью и Эю песчано-глинистая, а ближе к Азовскому морю и отчасти на Тамани — песчаная; в остальных местах Черномории большею частью чернозем. На полуострове Тамани и за Кубанью, на реке Кудако и во многих других местах находятся нефтяные источники. Леса весьма мало; но около Екатеринодара и бывшего Ольгинского укрепления он произрастает в большом количестве. Соляные озера, из которых значительнейшие: Ачуевское, Охтарское, Ясенское и Бугасское, — были бы неисчерпаемым источником развития соляного промысла, если бы не составляли войсковой монополии. Огромное рыболовство в Азовском море и его лиманах составляет значительный фонд благосостояния войска и казаков. Речное рыболовство в реках, орошающих Черноморию, не составляет особого промысла.

Открытое местоположение и близость моря делают черноморский климат непостоянным и переменным. Нередко случается, что в начале ноября выпадает снег и начинаются морозы, а в январе настает оттепель с сильными туманами, продолжительными дождями, во время которых черноземные места превращаются в море грязи, и тогда — всякое сообщение между многими станицами положительно прекращается.

Воздух на полуострове Тамани чище и здоровее других мест; но далее к северо-востоку от множества озер, болот и гниющего камыша — черезвычайно тяжелый, подвергает даже коренных жителей повальным и часто продолжительным лихорадкам.

О местности между Екатеринодаром и Анапою (по прямой линии 125 верст) можно сказать, что она принадлежит к лучшим. В ней, однако ж, не может быть хлебопашества в больших размерах, так как вследствие ее орографического положения нет обширных равнин; ее назначение — высшая культура: садоводство, виноделие и шелководство. Склоны гор покрыты вековыми лесами.

В климатическом отношении страна пользуется дурною славою, хотя, правду сказать, она обязана этим отчасти неудачному выбору мест для поселения станиц, отчасти и их планировке, всегда сжатой в четвероугольник. Некоторые из них поселены на местах, не имеющих хороших гигиенических условий, в ущельях гор, где по вечерам много сырости и нет свободного течения воздуха.

Рассматривая страну в сельскохозяйственном отношении, найдем, что в Ейском округе хлебопашество больше развито, чем в Таманском и Екатеринодарском; что в черноземной полосе скотоводство более развито, чем хлебопашество, так как чернозем, при излишестве почвенной влаги и атмосферического орошения, более способствует произрастанию трав, нежели зерновых посевов. Наконец, казачье население в Черноморском округе более поддерживается средствами провиантского ведомства, нежели результатами собственного хлебопашества. Далеко в лучших экономических условиях находится та часть Кубанской области, которая составлена из бригад бывшего Кавказского линейного казачьего войска. Но дело в том, что эта часть, так же как и Ставропольская губерния, в торговом и промышленном отношении тяготит к Ростову, как бывшая Черномория к Ейску. Между тем, Екатеринодар остается при одном административном значении, которое с равным, а быть может, и с *большим* удобством можно бы было предоставить другому любому месту Кубанской области, о чем уже и возникали многие предположения.

Ейск в прошлом году отпустил за границу 360000 четвертей хлеба и 140000 пудов шерсти. Примем это за действительный *избыток* того района, который, предполагается, должна пересечь Ростово-Анапская железная дорога, хотя вам положительно известно, что в Ейск идет хлеб также из Ставропольской губернии. Спрашивается: насколько повлияет проектируемая железная дорога на развитие производительности, а отсюда — и на увеличение избытка казачьего населения Кубанской области?

Развитие производительных сил зависит, прежде всего, от культурных способностей населения, и реализация естественных даров природы, всегда и везде, достигается тем легче, чем свободнее в действиях своих население, чем развитее его реальные способности и экономические соображения. Ясно, задача состоит в том, чтобы человек видоизменил, иными словами, приспособил к своим потребностям природу, не ослабляя ее сил, и извлекал избыток произведений на составление фонда собственного и общественного благосостояния. Если же население предназначено к осуществлению другой цели, то и результаты развития производительных сил страны выйдут далеко не те, каких, с экономической точки зрения, следовало бы ожидать и желать.

Не вдаваясь в дальнейшее рассмотрение метода и тех приемов, какими полагают достигнуть развития производительных сил в стране, о которой идет речь — это завлекло бы нас далеко, — скажем только, что проектируемая железная дорога не разовьет их.

ж) Проектируемая железная дорога на какой может рассчитывать груз к незамерзающему порту и при обратном движении вагонов из Анапы в Ростов?

По нашим соображениям, Ростово-Анапская железная дорога может рассчитывать только на *тифлисские* грузы, отправляемые в Закавказский край из России и обратно. К последним присоединятся грузы из Черноморского, Екатеринодарского и Таманского округов, а также часть грузов 1-й бригады, отправляемые теперь в Ейск и Ростов обыкновенно на волах. Относительно же тифлисских грузов следует заметить, что в Анапе или Поти товар должен перегрузиться на пароходы и пройти морем 634 версты и что эти перегрузки вместе с страховою премиею от случаев аварии значительно увеличат расходы товароотправителей. Можно отсюда предполагать, и едва ли ошибочно, что Ростово-Анапская линия проектируется более как продолжение Поти-Тифлисской, в видах развития транзита и удобнейшего сообщения Закавказского края с Россиею…

з) Так как принято необходимость каждой железной дороги доказывать ожидаемыми от ней чрезвычайными выгодами, о неудобствах же защищающие ти пути обыкновенно умалчивают, то что можно сказать о Ростово-Анапской линии в последнем отношении как во время ее сооружения, так и в продолжение эксплуатации?

Во время сооружения Ростово-Анапской железной дороги и после того, при эксплуатации, предстоит борьба с такими препятствиями, о которых составители проекта, быть может, умолчали, но мы находим необходимым упомянуть. Говорим о *лихорадке*. Она непременно отнимет половину рук, как только работы подвинутся к Екатеринодару и вообще пойдут по плавням, то есть болотам и камышам. Во время эксплуатации, по той же причине, на многих станциях и сторожевых будках придется иметь двойной комплект служащих. С повальными болезнями и на открытом воздухе борьба по меньшей мере трудна и во всяком случае сопряжена с большими издержками и хлопотами.

Нельзя не указать на затруднения, заключающиеся в свойствах самой почвы, особенно в черноземной полосе, где приведение проселочных дорог (*chemins vicinaux*) в сколько-нибудь сносное состояние, хотя бы не далее 40 верст от станции железной дороги, положительно невозможно, по недостатку камня, которого в целой Черномории нет. В самом Екатеринодаре грязь была одною из главных причин перевода войсковой гимназии в Ейск. Это немаловажное препятствие неминуемо поведет или к скоплению кладей, или к невозможности доставить таковые на товарные станции железной дороги; что, во всяком случае, отразится на эксплуатации невыгодными последствиями.[19]

Обсуждение вопроса о сети кавказских железных дорог усложняется, по нашему мнению, установившимся взглядом на самый Кавказ как на нечто отдельное и неделимое, с особым *центром*. Нигде, на всем пространстве Империи, да и в целой Европе не встречаем тех многосложных условий, которым должна удовлетворять сеть железных дорог, как на Кавказе.

Возьмем, прежде всего, в соображение цепь гор, разделяющих этот край, или, сказать точнее, Кавказское наместничество, на две почти равные половины по пространству и не равные по густоте населения. Так, Северный Кавказ занимает 406245 квадратных миль, с населением на милю 3259 душ, а Закавказский край, при пространстве 387562 квадратных миль, считает на каждую 805,5 населения.[20] Далее — если принять в соображение (а не принять, по важности вопроса, нельзя), что Кавказ, с его населением, не представляет ничего цельного, а, напротив, целую группу климатов, почв и свойственных им произведений; что в то же время он представляет богатую этнографическую коллекцию племен, так сказать, разноязычных и разноверных, находящихся на разных ступенях цивилизации и живущих каждое отдельною историческою и экономическою жизнью, то мы должны сознать всю трудность решения следующей задачи.

Сеть кавказских железных дорог должна удовлетворять интересам местной централизации, служа средством, облегчающим единство управления. *Она* должна служить стратегическим целям.

Она должна удовлетворять экономическим потребностям, способствуя развитию производительных, торговых и промышленных сил края. *Наконец* (хотя следовало бы сказать, *прежде всего*), она должна удовлетворять и государственным интересам.

Как бы желательно не было осуществление всех этих условий, но когда вспомним, что такая сеть не уместится и в 3 тысячи верст, которые, по самому скромному расчету, потребуют затраты не менее 200 миллионов рублей, то невольно приходит на ум, что такая сеть — далеко не крыловский ларчик.

При такой постановке вопроса нелегко согласиться со всеми возникшими предположениями о направлении Кавказской железной дороги. Так, проектирована была линия от Геленджика через станицу *Тифлисскую* на Кубани, *Пятигорск*, *Моздок* к *Петровску*, с двумя ветвями: от *Моздока в Тифлис* и от станицы Тифлисской в *Ростов-на-Дону*, и отдельная линия от станицы *Николаевской* на Кубани через *Ставрополь*, станицу *Дивную* (у Маныча) в *Царицын*. Потом проектировали те же самые линии, только с иной перестановкой пунктов. Дорога, например, должна идти от *Ростова-на-Дону* в станицу *Тифлисскую* на Кубани и здесь перейти на левую сторону этой реки (1-й мост), потом прямо до бывшей крепости *Прочноокопской* (крепость и станица на правой стороне Кубани — стало быть, и здесь нужен мост?), у которой она ниже армянского селения *Армавира* перейдет реку Уруп (2-й мост), далее прямой линиею до станицы *Невинномысской*, у которой перейдет реку Большой Зеленчук (3-й мост), потом прямою же линиею до станицы *Беломечетской*, у которой перейдет реку Малый Зеленчук (4-й мост), далее прямо до станицы *Баталпашинской* (где предположен уездный город), ниже которой перейдет обратно на правую сторону Кубани (5-й мост), потом прямою же линиею по ущелью реки Овечки мимо двух соляных озер к станице *Суворовской*, перейдя реку Куму (6-й мост), прямо в *Пятигорск*. В этом участке от станции против станицы Николаевской дорога должна пройти реку Кубань (7-й мост) прямо в *Ставрополь*. На этом коротком пути нужны еще 2 моста, через реку Большой Егорлык и реку Грачевку. Ветвь эта будет началом *Царицыно-Туапсинской* линии. От Пятигорска дорога идет через *Моздок*, *Владикавказ в Тифлис*.

В проектах этих нельзя, прежде всего, не заметить чрезвычайно редко выпадающего на долю железнодорожных вопросов согласия. И в том, и в другом приняты одни и те же пункты: только в одном несколько подробнее означено направление железной дороги по левому берегу реки Кубани. Вся между ними разница состоит в том, что первый начинает линию с Геленджика (незамерзающего порта), а другой оканчивает Туапсе, тоже незамерзающим портом. Принимая во внимание и то, что проектируется еще Царицыно-Сухумская линия ради порта, хотя в 100 верстах от Сухума строится уже Потийский порт (расстояние Геленджика от Туапсе тоже около 100 верст), то нельзя не заметить, что проекты эти стремятся к одному исходному пункту — незамерзающему порту. Но в этом случае важен и вопрос, *что же мы будем круглый год отправлять за границу из четырех незамерзающих портов*, так как и на Каспийском море проектируется другой порт в параллель Петровскому? Неужели будет возможно и полезно тянуть по длинным линиям грузы произведений из Волго-Донского бассейна к незамерзающим портам? Скажем теперь несколько слов о станице Тифлисской.

Это одна из тех станиц, каких много и вверх и вниз по Кубани. Особенно замечательного и в каком бы то ни было отношении в ней нет ничего. Говорят только, что оттуда вниз по этой горной реке судоходство возможно. Без гидрографических исследований мы положительно такой возможности не допускаем по следующим соображениям.

Река Кубань вытекает из отраслей Эльбруса, называемых Черными горами. Исток ее находится, быть может, далеко в снеговой линии, а быть может, и в полосе ледников, следовательно, в местах необитаемых, за пределами всякой растительности и пока неизвестен. Определена только абсолютная высота над уровнем Черного моря реки *Учкулана*, притока реки Кубани на Нахрском перевале через главный Кавказский хребет, в 9617 английских футов. От этого пункта и до устья ее полагают около 600 верст. На этом пространстве Кубань принимает более 30 горных речек и более сотни ручьев и потоков. Логично ли после этого, не опираясь ни на выводы науки, ни на доказательства опыта, допустить мысль, что Кубань, при столь значительном падении, может быть судоходна на протяжении более 300 верст, считая с ее изгибами, от станицы Тифлисской и до самого устья в Черное море? Кто хотя раз видел *быстрое* течение этой реки во время полного разлива и *тихое*, когда казаки переезжают ее вброд даже на арбах, тот имеет полное право усомниться в основательности желания — признать Кубань рекою, сколько-нибудь удобною для судоходства. К этому необходимо прибавить, что после каждого разлива Кубань переменяет фарватер, относя его то с правого берега к левому, то наоборот, или же на средину, и вообще где этой непостоянной стихии вздумается. Еще безнадежнее продолжать линию от Тифлисской станицы вверх по Кубани еще верст 200, перебрасывая дорогу с правого берега реки на левый, строя через нее *три* моста.

Не будем касаться других причин, по которым станица Тифлисская предполагается центром железных дорог на Северном Кавказе, от которого должны идти следующие линии: 1-я в Ростов-на-Дону, Пятигорск и далее в Тифлис; 2-я в Царицын на Ставрополь; и 3-я в Геленджик, Туапсе или Сухум, — все равно, так как причины эти наиболее индивидуальные и потому односторонни. Одним словом, что бы ни приводить в защиту преимуществ Тифлисской станицы, как бы ни доказывать необходимость незамерзающего порта на восточном берегу моря, а *линия от Ростова-на-Дону в*

Ставрополь должна быть предпочтена всякому иному направлению главной железной дороги на Северном Кавказе. Мнение это имеет за собою такие ясные доказательства правильности взгляда на вопрос, опирается на такие экономические выводы, словом, стоит на столь благонадежной почве, что его можно только абсолютно опровергнуть. В таком разе, понятно, экономический спор из-за мнений будет бесполезен и даже — невозможен.

В этом случае мы не станем и опровергать преимуществ Кубанской линии, так как нам пришлось бы доказывать, что население Лабинского и Урупского округов (с прочими и сравнивать нечего) не даст для этой дороги и полумиллиона пудов клади, что кладь от первых четырех бригад не везде попадет удобно на железную дорогу, особенно там, где она пойдет по-за Кубанью, и потому едва ли и она даст более полумиллиона пудов; то, наконец, и на *хумаринский уголь много рассчитывать не следует*, так как он *совершенно негоден для топки паровиков*.

Никто, полагаем, не станет оспаривать, что густота населения данной местности выражает в то же время известную степень ее экономического развития. Где больше населения, там и потребностей его больше; там больше деятельности и больше капиталов. Там, следовательно, больше и условий, указывающих на *потребность* железной дороги и *выгодность* ее эксплуатации. Правда, североамериканцы на эту экономическую аксиому не обращают внимания теперь, когда у них уже 77 тысяч верст железных дорог; но в то время, когда имели не более 6 тысяч верст, то и они аксиому эту принимали в основание своих акционерных соображений. До сих пор и у нас держались этого благоразумного правила. У нас теперь 22 губернских города, не считая многих многолюдных уездных городов, соединены уже или соединяются ныне железными дорогами. В силу таких аксиом невозможно игнорировать экономического, торгового и промышленного значения города Ставрополя с его уездом, да и всей губернии.

Население Ростова-на-Дону и Нахичевани (эти города как постройками, так и в торговом и промышленном отношениях до того слиты, что если бы не административное их разделение, то составляли бы одно целое) простирается свыше 40 тысяч, а в навигацию доходит, наверное, до 70 тысяч. В городе Ставрополе считается 20 тысяч жителей.[21] В 7 селениях, расположенных на почтовом тракте между этими двумя городами и в пределах одной Ставропольской губернии, более 38 тысяч обоего пола душ, а с прибывающими в рабочее время на заработки будет не менее 50 тысяч. В донских станицах, лежащих на том же Ростовском тракте, полагаем около 15 тысяч жителей. Итого, 113—155 тысяч населения.

Если еще принять к сведению, что железная дорога от Ростова-на-Дону через селения Среднегорлыцкое, Медвежье, Безопасное, Донское в Ставрополь, то есть по направлению существующего почтового тракта, переезжает Ставропольский уезд во всю длину; что весь уезд, вследствие своего географического положения, воспользуется рельсовым сообщением с Ростовом; что население этого уезда простирается до 139449 душ[22], а с присоединением населения Ростова, Нахичевани и попутных донских станиц — до 194000, с временно же проживающими для заработков — до 300000 душ, и что поэтому на каждую версту железной дороги приходится до одной тысячи жителей, то спрашивается: *какой иной путь главной железной дороги между Ростовом и Ставрополем более обеспечивает ее доходность?* Известно ли, например, что один Ставропольский уезд, по трехлетней сложности, продает одного хлеба более чем на 1400000, а скота на 600 тысяч, то есть двух этих статей более чем на 2 миллиона рублей? Известно ли, что в 1866 году заводско-фабричное производство на 163 фабриках и заводах Ставропольской губернии возвысило ценность сырых материалов с 420873 рублей до 893045 рублей в ценности обработанных продуктов?[23]

Ставропольская губерния, составляя без малого шестую часть Кавказского наместничества, занимает по пространству (1355 квадратных миль), 15-е место в ряду губерний Европейской России и соответствует в этом случае наиболее губернии Херсонской; по плотности же населения она стоит выше губерний Архангельской, Астраханской, Вологодской и Олонецкой. Исключив из ее пространства около 2 миллионов десятин земель, занимаемых кочующими народами, можно полагать, с большею правильностью, что плотность оседлого населения губернии достигает до 560 душ на квадратную милю. В этом отношении Ставропольская губерния наиболее сходствует с губерниями: Самарскою (499 душ) и Минскою (608 душ на квадратную милю).

Числительностью сельских сословий (244547 душ) Ставропольская губерния почти равняется Олонецкой, имеющей 255916 душ, и превосходит губернии: Архангельскую и Астраханскую. Числительностью же городских сословий (39077 душ) равняется губерниям Псковской (39573 души) и Симбирской (39818 душ) и превосходит губернии: Архангельскую, Астраханскую, Вологодскую, Вятскую, Нижегородскую, Пензенскую и Эстляндскую. Числом дворян (2985 душ) она превосходит губернии: Астраханскую (2962 души) и Олонецкую (2074 души). Числительность дворянства к крестьянскому населению губернии состоит в пропорции 1:98. В Ставропольской губернии владельческих земель (считая со вновь всемилостивейше пожалованными, но не отведенными еще землями) — 350000 десятин, что дает отношение к пространству заселенных земель 1:14. (Значит, губерния не бедна элементами для составления земства.)

Переходя к обозрению торговых и промышленных элементов, находим, что в 1866 году было выдано торговых свидетельств: купцам 1-й гильдии 29, купцам 2-й гильдии 499, на мелочной торг

по городам 1206, на развозный и разносный торг в селениях 59, на производство мещанских промыслов 285 и приказчичьих 767, всего 2846 разных свидетельств, что к общему числу жителей губернии даст пропорцию: 1,132. Дальнейшая статистика экономического состояния Ставропольской губернии для многих могла бы показаться скучною материею, хотя по важности вопроса была бы нелишнею. Ограничимся поэтому только следующими данными: в прошлом году податное сословие губернии из 100345 окладных мужского пола душ взнесло податей и недоимок прежних лет 817841 рубль $30^{1}/_{4}$ копейки[24] без большого отягощения для себя, что, несомненно, служит верным мерилом зажиточности крестьян. Но еще лучшим доказательством их благосостояния служит, что крестьяне Ставропольского уезда, застигнутые недавно трехлетним сряду неурожаем (1863–1865 годы), обошлись без правительственных и благотворительных средств пропитания. Наконец, нелишне заметить, что Ставропольская губерния платит налогу с недвижимых городских имуществ 14440 рублей, то есть больше, чем платят губернии: Архангельская, Вологодская, Вятская, Олонецкая, Оренбургская, Псковская, Симбирская, Уфимская и Эстляндская.

Остановимся теперь на городе Ставрополе, как на пункте, который перед всеми иными пунктами имеет *неопровержимое преимущество на проведение железной дороги из Ростова-на-Дону чрез селения Среднеегорлыцкое, Медвежье, Безопасное и Донское.*

Прежде всего заметим, что Ставрополь, по зрело обдуманной Суворовым мысли, расположен *в центре* Понто-Каспийского перешейка. Расстояния от него до Кизляра и Тамани, в прямом направлении, равны, если разницы в несколько верст не считать важною. Как центр гражданского и епархиального управления, как средоточие учебной, торговой и промышленной деятельности, как место интендантского отдела, Ставрополь имеет для Северного Кавказа важное значение. Не так давно он имел и военное значение, в смысле пребывания главного начальника края. Стратегическое значение он будет иметь тогда, когда к нему непосредственно проведут железную дорогу из Ростова-на-Дону. Наконец, его городской общественный банк, открытый 1 сентября 1868 года с основным капиталом в 60000 рублей и успевший в такое короткое время довести обороты до 64000 рублей, еще более убеждает, что Ставрополь вполне заслуживает рельсового соединения с Ростовом. Нельзя оставить без уважения и того, что ценность недвижимой собственности в Ставрополе, частной, казенной и церковной, простирается до 5 миллионов рублей.

Линия главной Кавказской железной дороги, или, сказать вернее, 1-й ее участок, Ставрополь — Ростов, может смело рассчитывать на следующее количество грузов:

Ежегодно идет в город Ставрополь	Из Ростова, пудов	Из Царицына, пудов
Бумажных, шерстяных, шелковых, полотняных под общим названием красных товаров	23000	»
Суконных высоких и простых сортов	7000	»
Кожевенных товаров в отделке	15000	»
Колониальных и бакалейных	103009	»
Галантерейных и мелочных	10000	»
Иностранных, российских и других вин	56000	»
Железных и чугунных товаров	»	40000
Деревянных, как-то: чашек, ложек, ведер, рам, телег, дуг, колес, прях, кулей, рогож, а также бечевы и прочих сельских товаров	5000	10000
Фаянсовых, фарфоровых, хрустальных и стеклянных	2000	4000
Тарантасов, дрожек и других экипажей	»	5000
Лесных материалов	30000	170000
Дегтю и смолы	20000	60000
Мелу	4000	»
Угля антрацита	70000	»
Рыбы копченой, соленой, вяленой и сушеной	30000	20000
Итого	375,000	309,000

Из Ставрополя отправляется	В Ростов	В Царицын
Сала говяжьего и овечьего	25000	»
Овчин сырья	5000	»
Сырых кож	15000	»
Картофеля	75000	»
Подсолнечных семян	30000	»
Рогатого скота и овец	12000	»
Итого	162000	»

Это далеко не все. На пути от Ставрополя к Ростову есть два пункта, к которым направится главная масса грузов, — *Безопасное и Средний Егорлык*. В первое из этих селений, на станцию железной дороги, повезут хлеб из богатейших сел, расположенных по рекам Кугульте, Калаусу, Буйволе и из юго-восточной части Ставропольского уезда, а также соль с Джалгинского озера. На Среднеегорлыцкую станцию из сел 3-го мирового участка и расположенных на западе, по самому умеренному расчету, на железную дорогу попадет следующее количество грузов.

1. Разного хлеба в зерне 400 т. ч. 9 пудовых	3600000 пудов
2. Шерсти овечьей до	100000
3. Сырых кож до	100000
4. Овчин невыделанных	30000
5. Спирта (полагаем $^1/_3$ часть всего количества, доставляемого на Кавказ, оставляя $^2/_3$ для Царицынского и Черноморского трактов) 7748 бочек в 45 пудов	348660
6. Соли с Джалгинского озера	300000
7. Лесу строевого и досок, привозимых из Ростова в селения Ставропольской губернии	400000
8. Антрацита и березового угля	100000
Итого	4978660
Присоединив к этому груз собственно города Ставрополя	537000
Получив клади	5515660 пудов

Из этого количества клади, выражаясь торговым термином, мы не можем уступить *ни одного пуда*, так как, по неимению даже приблизительных сведений, мы не клали на кости амуничных, металлических и сортовых вещей, получаемых этим путем ставропольским интендантским отделом, кладей артиллерийского и провиантского ведомств и товаров, доставляемых прямо из Ростова в селения Ставропольской губернии. Мы не принимали в расчет грузов, которые теперь, следуя из России на Ростов, в селении Безопасном сворачивают с почтовой дороги и коммерческим трактом направляются на Георгиевск, Владикавказ, в Тифлис, а также в Моздок и Пятигорск.

Безопасное[25] и в настоящее время имеет значение *узла коммерческих дорог*, но, войдя в линию рельсового сообщения, оно должно быть *начальным* пунктом железной дороги в Царицын, так как это направление сокращает Царицыно-Ставропольскую линию на 50 верст.

О Ростово-Ставропольской линии железной дороги остается заметить, что в пределах Донского войска она сократится на 24 версты (мы исключаем 7 верст от Аксая до Горбиковской станции и 17 — оттуда до Ростова), по Ставропольской же губернии ее можно сократить между Среднеегорлыкским селением и Медвеженскою почтовою станциею на 4 версты, между этой станцией и Безопасным — на 3 версты и между этим селением и городом Ставрополем — на 9 верст. Таким образом, на всей линии, из 330 верст по почтовому тракту, железная дорога выигрывает 40 верст, что и составит 290 верст.

Продолжение железной дороги от Ставрополя до Пятигорска вызывается необходимостью сближения Ставропольской губернии и Кубанской области с Закавказским краем, и в особенности

с Тифлисом, гуманным желанием сделать пятигорские минеральные воды более доступными страждущему человечеству отдаленных губерний и теми общими и частными соображениями, которым Кавказская железная дорога должна удовлетворять.

Кладь для этой дороги (если дорогу проведут по направлению на Ставрополь) дадут богатые села, расположенные на реках Куме, Тумузловке, верхнекубанские и лежащие на почтовом тракте станицы, карачаевские и закубанские леса и торговля этого района. Количество местных грузов участка *Ставрополь — Пятигорской линии*, по меньшей мере, можно допустить в миллионов пудов, а едущие на Минеральные Воды из России значительно увеличат число пассажиров.

Расстояние Ставрополя от Пятигорска по почтовому тракту 207 верст. Путь этот, как заселенный и близко прилегающий к еще более населенному и производительному Пятигорскому уезду, был бы наивыгоднейший для эксплуатации железной дороги; но он длиннее двух других направлений от 50 до и 67 верст.

По прямому направлению от Ставрополя до Пятигорска 140 верст; но на всем этом пространстве нет ни одного поселения[26], и только в трех местах можно иметь воду, сколько-нибудь годную для употребления в пищу, — это у бывших постов: Мисоутского, Брикогорского и Джуртукского.

Поэтому, кажется, выгоднее направить железную дорогу из *Ставрополя* на станицы *Невинномысскую*, *Воровсколесскую*, *Суворовскую*, *в Пятигорск*. Путь этот составит не более 160 верст, а вся дорога от Ростова-на-Дону до Пятигорска — 450 верст.

Выгоды, представляющиеся до очевидности каждому беспристрастному мыслителю при самом беглом взгляде на проектируемое на Ставрополь направление, огромные. Во-первых, на Темнолесском плоскогорье, где расположен город Ставрополь, и по течению реки Ташлы, где должна проходить железная дорога, а также вблизи ее по рекам Терновке и Тугулуке залегают неисчерпаемые пласты известкового камня, ничем не заменимого в строительном деле и превосходящего качеством одесский и керченский камень. Во-вторых, на всем протяжении дороги от Дона до Пятигорска потребуется только 8 мостов (не считая моста чрез Дон), на следующих речках: *Кугу-ея*, *Мокрый Кагальник*, *Средний Егорлык*, *Рассыпной*, *Калалы*, *Большой Егорлык*, *Борсуклы* и реке *Куме*.

Между тем, на всем протяжении дороги, проектируемой от Ростова чрез станицы Тифлисскую, Баталпашинскую в Пятигорск, кроме мелкого камня (голыша), в Кубани нигде нет строительного камня, который для фундаментов более капитальных построек возят в Екатеринодар и вообще в Черноморию из Ставрополя с платою за провоз с пуда. В-третьих, на этой линии железной дороги придется устроить 21 мост (тоже не считая моста чрез Дон), а именно: чрез реки *Калсусу*, *Мокрый Кагальник*, *Россошь*, *Елабузду*, *Нугу-ея*, *Кавалер-ея*, *Ея*, *Сасык*, *Тихенькую*, *Челбас*, *Бей-су*, *Кубань*, *Уруп*, *Кубань-2*, *Большой Зеленчук*, *Малый Зеленчук*, *Кубань-3*, *Куму*, *Большой Егорлык и Грачевку*. (Последние два моста — на пути из станицы Николаевской-на-Кубани в Ставрополь).

Спрашивается теперь, какая из двух означенных линий обойдется *дешевле?*

По нашему, хотя и не специальному мнению, сооружение дороги от Ростова чрез станицы Тифлисскую и Баталпашинскую в Пятигорск обойдется по меньшей мере 20%, а эксплуатация ее 5% *дороже*, при валовом доходе на 4% *меньше* противу проектируемой линии на Ставрополь, станицы: Невинномысскую, Воровсколесскую и Суворовскую в Пятигорск.

Нельзя не коснуться ветви железной дороги, рекомендуемой одним из рассматриваемых нами проектов, отмеченным здесь под № 6. Ветвь эту желают провести от селения *Медвежьего* к станице *Казанской*, на Кубани, длиною в 100 верст. Дорога идет по ровной степи, пересекая балки Соленогорькую и Куриный лог, речку Расшеватку и верховья реки Челбаса. Стало быть, ветвь эта потребует *четырех* мостов.

Оспаривать *полезность* какой бы то ни было *питательной* ветви, по меньшей мере, нелогично, но позволяем себе заметить, что полезность *главной* линии железной дороги (от Пятигорска до Владикавказа) мы ставим на первый план. И потому — если означенную стоверстную ветвь перенести на направление главной линии и прямо к последнему пункту, то мы уже будем в станице Змейской, т.е. в 50 верстах от Владикавказа. Или — в станице *Котляревской* (в 75 верстах от Владикавказа), если повести дорогу из Пятигорска на станицы: Зольскую, Беломечетскую, Пробежную — и далее по старому почтовому тракту. Таким образом, мы будем на расстоянии от 248—273 верст от Тифлиса — окончательного пункта главной Кавказской железной дороги.

Протяжение предполагаемой нами линии около 630 верст. Дорога эта, по соображениям того количества грузов, коммерческих, казенных и частных, какое теперь перевозится этим путем из Тифлиса чрез Ростов в Россию и обратно в пределы Кавказа и Закавказского края, смело может рассчитывать на 12 миллионов пудов и на 200 тысяч пассажиров. Что в два-три года количество это должно увеличиться вдвое, не допускаем ни малейшего сомнения, так как железная дорога пересекает посередине самую населенную и самую богатую часть Северного Кавказа и приблизит нас к Тифлису на 18 часов (при благоприятных обстоятельствах) почтового сообщения.

Теперь нам остается в заключение сказать (хотя, впрочем, это и всем известно), что производство тщательных предварительных изысканий по направлениям проектируемых линий тогда только ведет к удешевлению постройки самых дорог, когда этим изысканиям предоставлена самая широкая конкуренция[27], без которой каждое дело получает монопольный характер.

Примечания

1. «Биржевые ведомости», 1869 год, № 5. (а) «Сближение средней Азии с Европою» Любанского. С.-Петербург, 1858 год. (б) «Биржевые ведомости», 1864 год, № 321. (в) «Биржевые ведомости», 1867 год, № 187 и 1868 № 339 (г–д) Газета «Кавказ», 1868 год, № 139 и 146.

2. Статья эта написана была в апреле 1869 года. (Редакция).

3. «Записка о кавказской железной дороге». Ставрополь 1869 год. (ж) «Ставропольские губернские ведомости», 1869 № 4.– (*) «Биржевые ведомости», 1867 год, № 187.

4. «Биржевые ведомости», 1869 года, № 22.

5. «Биржевые ведомости», 1869 года, № 8. – В 1867 году вывезено 15529555 четвертей, следовательно, против прошлого года на 2112230 четвертей больше.

6. «Ведомости Ростова-на-Дону Городской думы», 1868 года, №50.

7. «Ведомости Ростова-на-Дону Городской думы», 1868 года, № 50.

8. «Биржевые ведомости», 1868 года, № 309.

9. «Биржевые ведомости», 1869 года, № 5.

10. «Биржевые ведомости», 1868 года, № 119.

11. Мы добавим, что каждые 300 верст стоят с перегрузкой по 15 копеек на пуд товара, идущего по железной дороге, поэтому четверть муки в 10 пудов будет стоить в Анапе или Геленджике на 1 рубль 50 копеек дороже того, что она стоила бы при нагрузке в Ростове. Едва ли торговля может с этим помириться. *(Редакция)*

12. «Кавказский календарь», 1869 года, стр. 180.

13. По «Ведомости Ростова-на-Дону Городской думы» № 50, в навигацию прошлого года отправлено за границу масла коровьего 13701 пудов, конопляного 15 пудов, подсолнечного 200 пудов, икры рыбьей 18539 пудов, рыбы соленой 9680 пудов, жиру рыбьего 120 пудов, круп гречневых 380 пудов, круп просяных 150 пудов, пшена сарочинского 186 пудов, макарон 100 пудов, гороху 50 пудов, рогож 63270 штук, железа разного 28960 пудов, чугуна в деле 150 пудов, табаку русского 49636 пудов, папирос 9000 штук, спирта хлебного 278 ведер, вина донского 30 пудов, свечей стеариновых 204 пудов, сальных 15 пудов, каната и бечевы 106 пудов, дерева орехового 10086 пудов, сетей рыболовных 964 пудов, сукна крестьянского 100 аршинов, икон и церковных вещей 35 пудов, сундуков порожних 20 пудов, посуды каменной и деревянной 45 пудов и антрацита 400 пудов. – Приветствуем такое разнообразие торговли, искренно желая возможно широкого развития.

14. «Статистические вычисления» Стебницкого. «Кавказский календарь», 1866 год, стр. 316.

15. «Биржевые ведомости», 1868 г., № 230, кор. из Екатеринодара 1867 года № 201.

16. «Дела Кавказской епархии» 1868 года.

Нам известно, что в 12 станицах условия жизни таковы, что нет возможности найти священника, который бы принял эти проходы, – впрочем, священники просят одного: обеспечить жизнь их и семейства жалованьем по 600 рублей в год.

17. «Биржевые ведомости», 1868 год, № 308.

18. Газета «Кавказ», 1868 год, №146.

19. Железная дорога только тогда достигает полного своего значения, когда не только ее оконечности, но и каждая станция на ее протяжении может дать ей свою долю груза. – Это условие можно найти только в дороге, идущей по населенной и земледельческой Ставропольской губернии, а не по пустынной местности.

20. «Кавказский календарь», 1867 год, стр. 308.

21. Это по официальным сведениям. В действительности в Ставрополе не меньше 32 тысяч.

22. Там же, стр. 143.

23. «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», выпуск I, отд. 2, 1868, стр. 6.

24. «Ставропольские губернские ведомости», 1869 год, № 14.

25. Селение Безопасное по числу жителей (6000 душ) третье в губернии. В нем очень развито овцеводство и хлебопашество. Ежегодно выходит в продажу до 7 тысяч овец, 5 тысяч пудов шерсти и 10 тысяч четвертей разного хлеба; всего на сумму около 90000 рублей.

26. Земли бывших бештаукумских ногаев, на которые указывает автор, быстро поселяются. Недавно для трех основанных там поселений, достигнувших уже 7 тысяч душ, открыта особая волость. (*Ред.*)

27. Предположение автора осуществилось. После взысканий, произведенных инженерами Полякова, произведены были изысканиями инженерами, высланными Губониным. Эти последние изыскания привели к двум важным результатам: 1) линия на Ставрополь оказалась на 100 верст короче Ростово-Кубанской и 2) подход к Ставрополю найден – и оказался совершенно возможным, и притом на такой местности, которая не требует ни значительно дорогих искусственных сооружений, ни многих мостов чрез реку Кубань.

Текст и примечания печатаются по источнику:

Бентковский И.В. О сети кавказских железных дорог // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1870. – Выпуск 3. – С. 107–137.

ОЧЕРК ТРЕТЬЕГО МИРОВОГО УЧАСТКА СТАВРОПОЛЬСКОГО УЕЗДА В ТОПОГРАФИЧЕСКОМ, СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОМ, ПРОМЫШЛЕННОМ И СТАТИСТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИЯХ

I

Положение участка. — Границы. — Воды. — Орография. — Населенные места. — Время населения. — Административное деление. — Народонаселение. — Постройка церкви. — Числительность приходов. — Поземельный надел. — Овцеводство и сведения о количестве овец, проданных в нынешнем 1868 году. — Торговые заведения. — Ярмарки.

Небольшая полоса земли между двумя соименными речками: Большим и Средним Егорлыком (с монгольского, *Ухарлих*) образует северо-восточный угол Ставропольского уезда длиною в 75 верст при широте от 10 до 14 верст. На этом пространстве, заключающем в себе 265745 десятин 1473 сажня, поселено: 15 селений, 3 отселка, 2 хутора и 1 деревня. В 1838 году образованные из этих поселений 3 волости: Песчанокопская, Сандатовская и Воронцовская — составляют ныне административную единицу — 3-й мировой участок Ставропольского уезда.

Границы

3-й мировой участок граничит к северу и западу с Белоглинскою волостью и землею Донского войска, от которого отделяется рекой Средним Егорлыком. Северо-восточную его границу составляет западный Маныч. На юго-восток можно бы принять за границу участка реки Большой Егорлык, если бы земли расположенных по этой речке селений не переходили на правую ее сторону и не врезывались в земли калмыцкого Большедербетского улуса. К юго-западу участок граничит с Медвеженскою волостью.

Воды

По землям мирового участка протекают следующие речки: Большой и Средний Егорлык, Рассыпная, Безыменка, Сандата — и один ручей без названия. Наконец, западный Маныч течет по границе участка на протяжении 10 верст.

Река Средний Егорлык начинается выше села Белая Глина и, пройдя около 100 верст (не считая, разумеется, извилин), впадает в западный Маныч близ села Новоманычского (Кривое тоже). В этой речке водится разная рыба, как-то: сазан, карась, щука, окунь (по-местному, *чикомас и дырун*), плотва и вьюн. Сверх того, в изобилии раки, очень крупные и вкусные. Для ловли рыбы жителями употребляются вентер, сети, а частью проволочки или волокуши; раки и мелкая рыба ловятся волоками или бреднями.

Река Большой Егорлык вытекает из гор близ станицы Темнолесской, в 40 верстах от города Ставрополя, и, пройдя 260 верст (не считая изгибов), впадает в западный Маныч близ села Новоманычского. Рыба в ней водится такая же, как и в реке Средний Егорлык. Но весною, во время разлива, и летом, в *теплый* разлив Дона, подпирающий воды западного Маныча, как в нем, так и в обоих Егорлыках на далеком от устьев расстоянии ловится очень крупный сазан, сула, тарань, а иногда попадается стерлядь и сом, и в огромном количестве раки. Посредством большого Егорлыка возможно проведение части Кубани в Дон с громадною для местного населения пользою[1].

Река Сандата начинается в балке, близ села Песчанокопского, и в самом селе Сандате впадает в реку Большой Егорлык. Летом во время засухи речка эта совершенно пересыхает, но в разлив Егорлыка наполняется водою, с которою заходит и рыба. Река Сандата течет на протяжении 35 верст.

Река Безыменка начинается в восточной стороне села Богородицкого и, пройдя около 10 верст, впадает в реку Средний Егорлык. Рыбы в ней нет, но пиявки есть.

Река Рассыпная имеет исток при Успенских хуторах Кубанского войска и, пройдя около 60 верст, впадает в реку Большой Егорлык. В ней водятся щука, карась и линь; изредка попадают-

ся плотва и раки. Для ловли рыбы употребляются те же снасти, как и в Большом Егорлыке, то есть сети, вентера и бредни.

Вода во всех этих речках, смотря по времени года, более или менее солено-горькая и отзывается гнилым запахом. Если бы не мельничные запруды, то в жаркое лето вода окончательно пересыхала бы — даже в обоих Егорлыках. Зато весною, при общем таянии снегов, обе эти речки до того наполняются водою, что быстрым течением прорывают навозные плотины и делаются в полном смысле реками. В таких случаях селения, расположенные по обеим сторонам реки Большой Егорлык (Красная Поляна, Сандата и Новоегорлыкское), остаются без сообщения, так как плотины прорваны, а постоянных мостов нет.

Скот — и то привыкший — пьет охотно речную воду; но летом, в засухи, когда вода, задерживаемая плотинами, останавливает течение и от того, а еще более от принятого жителями обыкновения мочить конопли в речках, портится, тогда открывается пора эпизоотических болезней скота и овец, что отчасти следует отнести к затхло-солено-горькому вкусу речных водопоев. Вода западного Маныча еще худшего качества, если только летом вовсе не пересыхает. Население довольствуется колодезною водою, тоже более или менее солонцеватою, к которой, по нужде, привыкли. Впрочем, в редком селении нет колодцев с хорошею или, по крайней мере, с порядочною водою. Так, например, в селе Песчанокопском хорошая вода в колодце *Игнатенки*; в селе Богородицком — в колодце *Половинкина* и т. д. Нет сомнения, что таких колодцев (то есть с хорошею водою) можно бы найти побольше, если бы только жители, желая ее иметь, приложили к труду и небольшие денежные затраты. Но, кажется, это не в их характере, и, вероятно, они долго еще будут пить *первую* попавшуюся им под руки подпочвенную воду, не обращая внимания на ее качества и последствия.

Орография

Вся местность, занимаемая 3-м мировым участком, не представляет замечательных орографических особенностей, исключая той, что по ней проходит водораздельная линия вод Черного и Каспийского морей. Линия этого водораздела начинается на восточном склоне Эльборуса, у истока реки Малки, и идет правым берегом Кубани, то приближаясь к нему, то удаляясь, пока высоты кряжа около станицы Барсуковской не подойдут к этой речке на самое близкое расстояние. Отсюда возвышенности сопутствуют течению Кубани до станицы Темижбекской, где эта река круто поворачивает на запад. Затем водораздельная линия, проходя между станицами Новоархангельскою и Успенскою мимо селения *Песчанокопского* и выше Среднеегорлыкского, направляется в донские пределы и повыше города Нахичевана упирается в Дон.

Междуегорлыкский бассейн, как и всю приманычскую страну, следует считать за обширную равнину, местами возвышенную, местами перерезанную неглубокими балками и длинными ложбинами. Возвышенности, по естественным законам сопутствуя течению рек, и здесь не отступают от него, принимая направление с запада на северо-восток. Но, удаляясь местами от них на довольно значительное расстояние, образуют более или менее обширные и отлогие покатости. Самая возвышенная на всей этой плоскости точка не досягает 400 футов над уровнем Черного моря.

Триангуляция Северного Кавказа (в 1860 по 1864 год) определила географическое положение и абсолютную высоту следующих пунктов 3-го мирового участка.

	Широта	Долгота от первого меридиана	Абсолютная высота над уровнем Черного моря в английских футах
Селение Песчанокопское (шар на колокольне)	46°12’21,57”	58°44’23,32”	340,13
Песчанокопский курган	46°15’1,32”	58°42’27,31”	393,96
Жуковский или Рассыпной курган	46°11’7,24”	58°53’10,63”	366,73
Отселок Рассыпной (шар на колокольне)	46°6’2,97”	58°52’33,38”	205,52
Селение Летницкое (шар на колокольне)	46°1’10,22”	58°55’55,51”	203,77

Все эти определения и указания довольно характеризуют местность, круглый год и со всех сторон ровно открытую для палящих лучей солнца и для всевозможных ветров, — условий, подчас гибельно действующих как на людей и животных, так и растительность.

Положение населенных мест

Известно, что заселение страны всегда придерживается направления рек и только в редких случаях удаляется от них, по другим, не менее важным причинам, и понятно, почему. Вода — элемент, необходимый человеку и животному. Так было и здесь, при занятии мест под заселение. а) *По правую сторону реки Средний Егорлык* поселены: 1) отселок Крученая Балка, 2) селение Воронцовское, 3) селение Екатерининское, 4) хутор Шаблиевский и 5) деревня Александровка.

б) *По реке Большой Егорлык*: 1) селение Привольное, 2) селение Летницкое, 3) селение Жуковское, 4) селение Красная Поляна, 5) селение Ивановское, 6) селение Сандата, 7) отселок Баранниковский, 8) селение Новоегорлыкское, 9) хутор Березовский и 10) селение Новоманычское.

в) *На реке Рассыпной* отселок Рассыпной.

г) *По реке Сандате*: 1) селение Поливенное, 2) отселок Развиленский и 3) селение Николаевское.

д) *На реке Безыменке* лежит селение Богородицкое, а на ручье *без названия* — селение Песчанокопское. Все эти селения расположены правильно по течению речек, растянутые иногда на пятиверстном протяжении.

Время поселения

Заселение мирового участка совершилось в следующем хронологическом порядке.

В 1804 году поселилось Новоегорлыкское.

— 1805 году селение Сандата.

— 1809 году селение Летницкое.

— 1810 году селение Песчанокопское и хутор Шаблиевский.

— 1812 году селение Красная Поляна и хутор Юдичев, из которого образовано в 1849 году селение под названием Воронцовское.

— 1814 году хутор Мединцев, из которого в 1853 году образовано селение Екатерининское.

— 1815 году отселок Баранниковский.

— 1825 году хутор Березовский.

— 1830 году хутор Кривой, из которого в 1861 году образовано селение Новоманычское и селение Николаевское.

— 1833 году хутор Поливенный, преобразованный в 1859 году в селение.

— 1834 году деревня Александровка, помещиков Сысоевых.

— 1840 году селение Жуковское и отселок Рассыпной.

— 1842 году селение Богородицкое и отселок Крученая Балка.

— 1844 году селения Привольное и Ивановское.

— 1845 году отселок Развильный.

Первые переселенцы были из губерний: Курской и Орловской, — а за ними Воронежской, Харьковской, Екатеринославской, Тамбовской, Полтавской и Черниговской.

Административное деление

Нынешние волости оставлены в том же составе, как они были образованы бывшею Палатою государственных имуществ, а именно:

I. Песчанокопская волость	
1. Селение Песчанокопское	
2. Селение Богородицкое, — расстояние от волости	15 верст.
3. Отселок Крученая Балка	12 »
4. Селение Жуковское	24 »
5. Отселок Рассыпной	29 »
6. Селение Летницкое	25 »
7. Селение Привольное	37 »

II. Сандатовская волость	
1. Селение Сандата	
2. Селение Ивановское – расстояние от волости	7 верст.
3. Селение Красная Поляна	25 »
4. Селение Поливенное	23 »
5. Отселок Развильный	30 »
6. Селение Николаевское	20 »
III. Воронцовская волость	
1. Селение Воронцовское	
2. Селение Екатерининское, расстояние от волости	28 верст
3. Хутор Шаблиевский	8 »
4. Селение Новоманычское	22 »
5. Отселок Баранниковский	25 »
6. Селение Новоегорлыкское	35 »
7. Хутор Березовский	42 »
8. Деревня Александровка	13 »

Местопребывание мирового посредника в селении Сандате, мирового судьи и судебного следователя в селении Красной Поляне, а станового пристава в селении Среднем Егорлыке – вне мирового участка.

Народонаселение. По последним сведениям, наличное число жителей обоего пола в 3-м мировом участке простирается до 51,264 душ (за исключением духовенства) и распределяется так.

I. Песчанокопская волость	
1. Селение Песчанокопское	
2. Селение Богородицкое, – расстояние от волости	15 верст.
3. Отселок Крученая Балка	12 »
4. Селение Жуковское	24 »
5. Отселок Рассыпной	29 »
6. Селение Летницкое	25 »
7. Селение Привольное	37 »
II. Сандатовская волость	
1. Селение Сандата	
2. Селение Ивановское, – расстояние от волости	7 верст.
3. Селение Красная Поляна	25 »
4. Селение Поливенное	23 »
5. Отселок Развильный	30 »
6. Селение Николаевское	20 »
III. Воронцовская волость	
1. Селение Воронцовское	
2. Селение Екатерининское, расстояние от волости	28 верст
3. Хутор Шаблиевский	8 »
4. Селение Новоманычское	22 »
5. Отселок Баранниковский	25 »
6. Селение Новоегорлыкское	35 »
7. Хутор Березовский	42 »
8. Деревня Александровка	13 »

Эти числа приводят к следующим выводам:

а) Распределение волостей как по расстоянию, так и народонаселению, слишком неравномерное: в Песчанокопской волости 10671, в Сандатовской – 7991, а в Воронцовской – 6668 мужского пола коренных жителей[2].

б) В мировом участке женщин менее 1282; но в селении Богородицком на целую треть мужчин (639) недостает женщин – замечательный, но с сим вместе необъяснимый физиологический факт.

в) Оседло и временно проживающих в участке разных сословий обоего пола жителей 1505. Из них приходится на селение Новоегорлыкское 340 душ, на селение Воронцовское –181 душа, на селение Красную Поляну и отселок Баранниковский по 175 душ, и на селение Екатерининское 123 души, что дает больше половины (994) всего количества. Такой приток постороннего населения к некоторым пунктам мирового участка, без сомнения, обусловливается торговыми и промышленными соображениями, а это доказывает, что названные селения более благоприятствуют этого рода деятельности, чем остальные населенные места.

Время постройки церквей и числительность приходов

Не подлежит сомнению, что первою и неотложною потребностью каждого нового поселения есть (по крайней мере, должно бы быть) удовлетворение религиозных потребностей, из которых, само собою, вытекает необходимость постройки церквей и назначения штатного духовенства. Следующий перечень, составленный в хронологическом порядке основания поселений, ознакомит нас с ходом этого важного дела.

1. *Селение Новоегорлыкское* (основано в 1804 году). Первая церковь построена в 1828 году, вместо которой построена новая в 1853 году во имя *Святого Николая*. Церковь эта двуштатная; с недавнего же времени определен к ней, сверх штата, третий священник. К церкви причислен хутор Березовский с населением 288 душ. Всех прихожан обоего пола 5143 души, в том числе мужчин 2573, которых приходится на каждого священника по 858. Отдаленность хутора от церкви (20 верст), затрудняя требоисполнение священнослужителей, слабо обеспечивает их материальный быт; приняв во внимание число душ, для которых, с другой стороны, содержание третьего священника, не получающего притом жалованья, не может быть чувствительным.

2. *Селение Сандата* (основано в 1805 году). С начала поселения и до 1840 года был только небольшой деревянный дом для богослужения. В означенном же году построена часовня, а в 1842 году построена церковь во имя *Покрова Пресвятые Богородицы*, но она истреблена пожаром 1845 года, а в следующем – часовня, стоявшая на большом кургане, разрушена бурею. Существующая же ныне деревянная церковь начата постройкою в 1846, окончена в 1851 и освящена в следующем году. Церковь двуштатная. На каждый штат приходится по 1083 души.

3. *Селение Летницкое*. С 1809 по 1833 год селение имело только молитвенный дом. В том году построена, а в 1835 году освящена церковь во имя *Св. Димитрия Мироточивого*. Церковь двуштатная, в каждом по 930 душ.

4. *Селение Песчанокопское*, поселенное в 1810 году, выстроило церковь не раньше 1830 года во имя *Покрова Пресвятые Богородицы*, но и та, по тесноте, продана в 1856 году жителям отселка Рассыпного. Вторая, существующая ныне, церковь начата постройкою в 1852, а освящена в 1854 году. Тоже двуштатная. На каждый штат приходится по 1100 душ.

5. *Селение Красная Поляна* спустя 20 лет после поселения, в 1832 году выстроило церковь во имя *Казанской Божией Матери*. На каждый штат, которых два, приходится по 1371 душе.

6. *Селение Воронцовское* (первоначально Юдичев хутор, по имени первого поселенца) до 1849 года, т. е. в продолжение 37 лет, не имело церкви. В том году построена, а в 1852 году освящена церковь во имя *Вознесения Господня*. Церковь двуштатная, с 1176 душами на каждый.

7. *Селение Екатерининское* с принадлежащим к нему хутором Шаблиевским. Селение это, первоначально хутор Мединцев, по фамилии первого поселенца, основалось в 1814 году. Преобразовано в селение в 1853 году, и тогда только, то есть спустя 39 лет, выстроена в нем церковь во имя *Преображения Господня*. Церковь одноштатная, в приходе считает 1191 душу.

8. *Отселок Баранниковский* при 573 душах населения имеет церковь во имя *Успения Пресвятые Богородицы*, выстроенную в 1862, а освященную в 1866 году.

9. *Хутор Кривой*, в 1861 году селение Новоманычское. Церковь во имя *Св. Великомученика и Победоносца Георгия*, выстроена в 1856, а освящена в следующем году. Одноштатная, на 641 душу.

10. *Селение Поливенное* существует хутором с 1833, а селением – с 1861 года. В нем 716 мужчин; церковь одноштатная во имя *Св. Архангела и Архистратига Михаила*, построена в 1854, а освящена в следующем году.

11. *Селение Жуковское* с 1994 душами, впрочем, большею частью староверов, имеет церковь во имя *Св. Апостолов Петра и Павла*, построенную в 1845, а освященную в 1847 году. Церковь эта одноштатная.

12. В *селении Богородицком* церковь во имя *Казанской Божией Матери*, выстроенная в 1848, а освещенная в следующем году. Заметим кстати, что селение это называлось прежде *Безыменное* (по реке Безыменке), но переименовано в Богородицкое в память чудесного спасения жизни Преосвященного Иеремии, первого епископа Кавказского и Черноморского, подвергшегося опасности в 1844 году во время осмотра церквей от испугавшихся бывших под его экипажем лошадей.

13. В том же 1848 году построена, а в следующем освящена церковь во имя *Казанской Божией Матери* в *селении Привольном*, имеющем ныне 1236 душ. Церковь одноштатная.

14. *Селение Ивановское* имеет тоже одноштатную церковь во имя *Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова*. В приходе 861 душа.

15. В *отселке Развильном*, имеющем 581 душу, в 1856 году построена, а в следующем освящена одноштатная церковь во имя *Св. Великомученика и Победоносца Георгия.*

16. *Отселок Крученая Балка*, в котором 684 души, имеет одноштатную церковь во имя *Соб. Архангела Михаила*, построенную в 1858, а освященную в следующем году.

17. Наконец, в *отселке Рассыпном* церковь во имя *Св. Николая Чудотворца* построена в 1860, а освящена в следующем году. Прихожан — 893 души.

Поэтому из 17-ти церквей, находящихся в 3-м мировом участке, только 5 двуштатных, а при одной из них три священника. Число прихожан распределяется по штатам весьма неравномерно. Так, например, в 9 церквах (в том числе 2-х двуштатных) на каждый штат приходится от 571 до 930 душ, между тем как в остальных 8 церквах — от 1032 до 1994 душ.

Раньше всех (1828 год), но спустя 24 года после основания села, построена Новоегорлыкская церковь, а позже всех (в 1866 году), то есть через 50 лет от населения, построена церковь в Баранниковском хуторе.

Столь позднее возникновение возможности совершать богослужение с подобающим благолепием и торжественностью не могла, конечно, благотворно влиять на религиозное развитие жителей, что отчасти выразилось и на их характере… Но с учреждением в 1842 году Кавказской епархии постройка церквей пошла деятельнее. С того времени построено 13 церквей.

Все церкви, хотя и деревянные, из соснового леса, но красивых фасадов, крыты железом и окрашены. Все вообще снабжены полною, а нередко даже богатою утварью и ризницами. С недавнего времени, по распоряжению епархиального начальства, при церквах заводятся библиотеки, о которых, к сожалению, подробных сведений не имеем. Многие церкви, по причине недостаточной по числу прихожан обширности, увеличены уже или предложено увеличить приделами. Впрочем, разбросанность селений, простирающаяся иногда до 5 верст, и особенно тех, где два священника, указывает скорее на полезную необходимость построения других церквей вместо предполагаемых приделов… На такую необходимость прежде всего указывает Березовский хутор, имеющий 584 обоего пола жителей, но удаленный от своей приходской церкви на 20 верст.

Исполнение христианских обязанностей при таком расстоянии от церкви, особенно зимою, во время сильных и часто продолжительных метелей — дело для обеих сторон равно невозможное, а по меньшей мере, крайне затруднительное. Но, кажется, главным препятствием к устранению такого неудобства *есть* и *будет* недостаток материального обеспечения духовенства со стороны прихожан — что и доказывается следующим и едва ли единственным фактом.

В 1860 году жители отселка Рассыпного, выстроив церковь, обязались вновь определенному к ней священнику, не получающему штатного жалованья, ежегодно давать известное количество зернового хлеба, сверх обыкновенной за требоисполнение платы. Вскоре за тем наступили три сряду неурожайных года, и большая часть жителей с своим скотоводством вынуждена была искать пропитание на стороне. Понятно, что тогда о выполнении ими обязательства в отношении духовенства не могло уже быть речи. Дело кончилось тем, что священник переведен в другое селение, жители в числе 893 душ по-прежнему причислены к Летницкому приходу (верст за 9), а церковь стоит осиротевшая…

Благодаря Бога, неурожайные года прошли, временное бедствие забыто, но если жители о возвращении священника не просят, предпочитая остаться при старых порядках.., то этим доказывается, что к *обязательным мерам* относительно улучшения материального быта духовенства наш народ не привык еще и смотрит на этот вопрос не более как на нововведение, нарушающее их древние порядки и обычаи.[3]

Поземельный надел

В Ставропольской губернии, отнесенной, как известно, к разряду многоземельных, государственные крестьяне 3-го мирового участка в действительности наделены землею от 6 десятин 1659 саженей до 13 десятин 164 саженей на душу, в сложности же по $10^1/_2$ десятине. Поэтому ни в одном селении крестьяне не имеют полного, то есть 15-десятинного надела, хотя на земские сборы обложены платежом за полный надел. *Minimum* поземельного надела падает на отселок Рассыпной и деревню временно-обязанных крестьян Александровку, а *maximum* — на селение *Привольное*, как

оказывается, недаром носящее такое название. Земли всего мирового участка ожидают специального обмежевания и восстановления межевых знаков, а сельские общества – снабжения планами и межевыми книгами, которых их поверенные по земле не имеют.

Следующая таблица подробнее ознакомит нас с количеством сельских общественных земель, их хозяйственным распределением и недостатком.

	Число наличных мужеского пола	Количество надела		В том числе десятин			Приходится на душу		До полного надела недостает десятин
		Десятин	Саженей	Усадебной и выгонной	Пахотной	Сенокосной	Десятин	Саженей	
Сел. Песчанокопское	2176	21152	530	3484	5134	12534	9	1730	11497
Богородицкое	1904	18615	»	1700	4905	12010	9	1864	9945
Отсел. Крученая Балка	676	6663	»	370	3873	2420	9	2025	3477
Жуковское	1968	20357	»	2919	4955	12483	10	825	9485
Отселок Рассыпной	879	5840	»	594	1846	3400	6	1659	7345
Сел. Летницкое	1842	20239	»	2979	4940	12320	10	2370	7391
Привольное	1226	15822	»	2049	3228	10545	13	164	2568
Итого	10671	108688	530	14095	28881	65712	»		51708
Сел. Сандата	2137	20750	»	500	14105	6145	9	1705	11285
Ивановское	834	7950	»	200	5684	2066	9	1277	4560
Красная поляна	2619	33390	»	3670	18905	10815	12	1799	5895
Поливенное	706	9079	1414	179	5800	3100	12	2061	1511
Отс. Развильный	578	7185		115	4500	2570	12	1033	1485
Сел. Николаевское	1117	8743	1129	143	5000	3600	7	1985	8012
Итого	7991	87098	143	4807	53994	28296	»	»	32748
Сел. Воронцовское	1955	23033	800	1833	18150	3050	11	2223	6292
Екатерининское	765	7683	800	483	7050	150	10	104	3792
Хут. Шаблиевский	345	3750	»	420	3250	80	10	2090	1425
Сел. Новоманычское	594	5416	1600	216	5200	»	9	2300	3494
Отсел. Баранниковский	470	4150	»	625	3525	»	8	2011	2900
С. Новоегорлыкское	2075	22340	»	1000	18220	3120	10	1848	8785
Хутор Березовский	225	2050	»	400	1550	100	9	266	1325
Итого	6429	68423	800	4977	56946	6500	»	»	28013
Дер. Александровка	239	1536	»	152	1200	184	6	597	
А всего	25330	265745	1473	24031	141022	100692	»	»	112469

При рассмотрении этой таблицы остановим внимание на распределении сельских поземельных угодий, как обстоятельстве, сильно влияющем на правильный ход сельского хозяйства.

В Песчанокопской волости усадебная и выгонная земля составляет 13% всего количества, пахотная 27%, сенокосная 60%. В Сандатовской – усадебная и выгонная $5^1/_2$%, пахотная $61^1/_2$%, сенокосная 33%. В Воронцовской – усадебная и выгонная $71^1/_2$ %, пахотная $83^1/_2$ %, сенокосная 9%.

Отдельно по каждому селению раздел этих угодий еще более неправильный. Так, например, в селении Новоманычском и отселке Баранниковском вовсе нет сенокосной степи, а в селении Ека-

терининском только 150 десятин и хуторах: Шаблиевском — 80 десятин, Березовском — только 100 десятин, — то есть почти нет. Отсюда, однако ж, не следует выводить заключения, чтобы в этих местах овцеводство и скотоводство было в упадке; напротив, оно здесь более развито, чем в других селениях. Этому способствует близость донских и калмыцких степей, откупаемых жителями для выпаса и сенокошения.

Пахотных полей, по местным сведениям, считается 141022 десятины, но, отделив из этого количества $^1/_3$ часть под пар, можно допустить, что ежегодно находится под озимым и яровым посевом 94014 десятин или что ежегодно распахивается по 3 десятины 1752 сажени на душу. Но, принимая во внимание, а) что количество неудобных земель, по неимению сведений, не показано в таблице, — а таких земель должно быть немало; б) что достаточные крестьяне делают еще запашки на нанимаемых ими донских и калмыцких степях; в) что земли церковных причтов не исключены из крестьянского надела и что, наконец, по неправильной распашке как целых полей, так и загонов, на которых обыкновенно оставляются большие полосы промежков, или облогов, невозможно сделать верного учета, — то понятно, что и выводу о количестве распашки на душу большой вероятности придавать не следует.

Зато таблица представляет нам факт, заслуживающий серьезного внимания. По числу наличных государственных крестьян мужеского пола в 3-м мировом участке недостает 112469 десятин земли. Такое количество равняется наделу 7498 душ, а между тем в участке еще 103 души (см. табл.) ожидает причисления. Взвешивая важность вытекающих отсюда последствий, нельзя не убедиться в неотложной необходимости прекратить дальнейшее причисление, о чем уже и сделано в июне месяце сего года по всей России объявление ставропольского губернатора, — так как со временем и без того, с естественным приращением населения, еще более увеличится недостаток в земле.

Овцеводство

От поземельного надела следовало бы перейти к обозрению сельского хозяйства, размеров его производительности, отпускной и внутренней торговли и промышленности — но, к сожалению, сведения, которые имеем по этому предмету, — чисто фиктивные и требуют еще сложных разысканий и тщательной поверки. Мы поэтому предпочитаем ограничиться на этот раз несколькими словами о местном овцеводстве и сведениями о числе овец, проданных на сгон весною нынешнего (1868) года.

Овцы, разводимые в этом участке, как и во всей северо-восточной части Ставропольского уезда, не включая, впрочем, сюда калмыцкого Большедербетского улуса, принадлежат к волоцкой (воложской) породе, отличающейся от так называемой русской (простой овцы) прежде всего крупностью склада, широким, толстым и длинным хвостом (курдюком), большею против последних способностью к ожирению (по выражению специалистов — к нагулу), наконец, мягкою и длинною шерстью, разделяющеюся по длине хребта на обе стороны и ниспадающею большими прядями. Шерсть волоцких овец по чистоте и ровности ее ценится и на месте 20% дороже русской и снимается два раза в год — весною *рунная*, а осенью *пристрига*. Волоцкая овца дает от 5 до 7 фунтов шерсти. Шерсть с ягнят (поярок) снимается месяца через три после рождения. Ранние ягнята дают поярка около фунта. За овчину по величине ее платят тоже 30—40 копеек дороже на штуку. Чем ближе к Манычу и земле Донского войска (откуда заведена эта порода), тем овцы чистокровнее.

Обыкновенное время покупки овец — март и апрель. В нынешнем (1868) году в селениях 3-го мирового участка куплено российскими и ставропольскими скотопромышленниками следующее количество овец.

Места покупки	Куплено купцами		По цене		На сумму	
	Российскими	Ставропольскими	Р.	К.	Р.	К.
Сел. Песчанокопское	3500	1700	4	10	21320	»
Богородицкое	1800	1200	4	10	12300	»
Отселок Крученая Балка	»	»	»	»	»	»
Селение Жуковское	3200	1600	4	15	19920	»
Отселок Рассыпной	1500	500	4	15	8300	»
Сел. Летницкое	1000	200	4	10	4920	»
Привольное	1327	550	4	10	7695	70
Итого	12327	5650	»	»	74455	70

Сел. Сандата	2000	»	4	»	8000	»
Ивановское	500	»	4	10	2050	»
Поливянное	»	500	3	50	1750	»
Отс. Развильный	»	300	3	50	1050	»
Селение Красная поляна	4500	»	4	10	18450	»
Сел. Николаевское	500	»	3	50	1750	»
Итого	7500	800	»	»	33050	»
Сел. Воронцовское	2300	»	3	»	6900	»
Екатерининское	1525	»	3	»	4575	»
Хутор Шаблиевский	875	»	3	»	2625	»
Селение Новоманычское	3750	»	3	25	11585	50
Отселок Баранниковский	1750	»	3	25	5687	50
Селение Новоегорлыкское	4150	»	3	25	13485	50
Хутор Березовский	600	»	3	25	1980	»
Дер. Александровка	300	»	3	»	900	»
Итого	15250	»	»	»	47742	50
А всего продано российским сгонщикам					35977	
ставропольским					6450	
Итого					41527 овец	
На сумму					155248 р. 20 к.	

Из этой суммы следует, однако ж, отчислить 4% в пользу местных торговцев-комиссионеров, обыкновенных посредников между сгонщиками и овцеводами. Правда, сгонщики лично покупают партии у известных овцеводов, но мелочную покупку производят по комиссии, которая в сложности им обходится около 4%. За всем тем, крестьяне 3-го мирового участка от продажи овец (о проданной шерсти и овчинах сведения еще не собраны) выручили в нынешнем году около 150 тысяч рублей. Сумма солидная, отчасти выражающая пользу, приносимую овцеводством, при всех, по-видимому, неблагоприятных для него условиях — как, например, недостаток земли для выпаса и сенокошения, частые падежи и дороговизна зимнего корма.

Для статистики сколько важно, столько же трудно определить число разводимых овец. Сведения, собираемые официальным путем, далеко не выражают действительного состояния этой важной отрасли здешнего сельского хозяйства. Так, например, по статистическим сведениям 1866 года, в Ставропольской губернии считалось 1056182 овцы, в том числе у оседлых жителей — 681962, а тонкорунных овец — 1715 голов. Между тем нам известно, что в Пятигорском уезде (в 5-м полицейском стане) у четырех братьев крестьян таврических есть 25000 шпанки.

Овец особой породы, исключительно разводимых калмыками, трухменами, караногайцами и другими кочующими в Ставропольской губернии инородцами, на этот раз касаться не будем, они в продажу на сгон в Россию не идут; их овчина и шерсть тоже почти без требования. Но об остальных (волоцких и русских) овцах скажем, основываясь на частных торговых сведениях, что ежегодно закупается в России до 200 тысяч голов.

Не менее половины этого количества идет на убой для местного употребления. На обыкновенный отход (естественную смерть животного) следует положить, по меньшей мере, 12% со всего количества. Принимая все это в соображение, как равно и то, что размер продажи овец, смотря по спросу и предложению, колеблется между 15% и 20% (нынешний год принимаем в расчет первый, в уважение слабого требования на сало), то количество овец в одном только этом участке должно простираться, по крайней мере, до 276000 голов, а во всей губернии должно быть вдвое больше показанного в 1866 году числа.

Торговые заведения и торговля в них

Экономическое состояние населения данной местности, между прочим, обозначается числом торговых заведений, так как, во всяком случае, они до известной степени могут служить выражением потребностей и запроса, обусловливаемого всегда степенью народного благосостояния и культуры.

Классификация торговых заведений обнимает только питейные заведения и лавки с красным, железным и бакалейным товаром, которые в участке локализировались так.

Название местности	Всех торговых заведений	В том числе							На сколько душ приходится 1 питейное заведение
		Оптовых складов сина и спирта	Питейных домов	Штофных лавок	Ренсковых погребов	Трактиров	Лавок с красным товаром	Лавок с железным и бакалейным	
Сел. Песчанокопское	28	2	13	4	2	»	3	4	114
Богородицкое	17	1	11	»	»	»	3	3	173
Отселок Крученая Балка	7	»	5	»	»	»	»	2	135
Селение Жуковское	14	»	10	»	»	»	1	3	196
Отселок Рассыпной	4	»	3	»	»	»	»	1	293
Сел. Летницкое	19	»	12	»	»	»	3	4	153
Привольное	11	»	8	»	»	»	1	2	153
Итого	100	3	62	4	2	»	11	19	157
Сел. Сандата	16	1	6	2	»	1	2	4	237
Ивановское	11	»	6	»	»	»	2	3	139
Красная поляна	28	1	18	»	1	»	4	4	137
Поливенное	7	»	3	»	»	»	1	3	235
Отсел. Развильный	3	»	3	»	»	»	»	»	193
Сел. Николаевское	10	»	6	»	»	»	1	3	186
Итого	75	2	42	2	1	1	10	17	173
Сел. Воронцовское	21	2	10	»	»	»	2	7	195
Екатерининское	7	»	3	»	»	»	2	2	255
Хутор Шаблиевский	1	»	1	»	»	»	»	»	345
Селение Новоманычское	9	»	3	»	»	»	2	4	198
Отселок Баранников	4	»	2	»	»	»	1	1	235
Селение Новоегорлыкское	25	1	15	»	»	»	5	4	135
Хутор Березовский	1	»	1	»	»	»	»	»	225
Деревня Александровка	1	»	1	»	»	»	»	»	239
Итого	69	3	36	»	»	»	12	18	185

Всматриваясь в локализацию торговых заведений, нельзя прежде всего не заметить, что они разместились по главным путям сообщения, пролегающим чрез 3-й мировой участок, а именно:

а) в селениях: Песчанокопском, Летницком и Привольном, расположенных на большом почтовом тракте из России в город Ставрополь, — 58 торговых заведений;

б) на чумацком тракте из Пятигорского уезда в Ростов-на-Дону, пролегающем чрез селение Красную Поляну и Богородицкое, — 45 торговых заведений,

и в) 25 торговых заведений в селении Новоегорлыкском — главном скотопрогонном пункте на пути в Россию.

Наконец, торговля приютилась преимущественно в селениях, служащих центром волостной администрации. Так, например, в селении Песчанокопском 28 торговых заведений, в селении Сандате 16, в селении Воронцовском 21 торговое заведение. К сожалению, преобладающее большинство заведений открыто для питейной торговли! Из 244 на долю питей приходится 150 заведений, не считая 8 складов — этих неиссякаемых источников бедствующей радости.

Определить с точностью годичный размер и ценность предложения и спроса по всем этим заведениям — дело невозможное, а во всяком случае, сопряженное с чрезвычайными и сложными затруднениями. Торговая статистика, и в особенности статистика *внутренней торговли*, надолго еще обречена блуждать во тьме кромешной и довольствоваться фиктивными числами… Бесспорно, акцизная администрация имела бы полную возможность сообщить точные сведения о продаже питей, но едва ли, по множеству дел, она имеет время заняться столь малою единицею, как мировой участок, не говорим уже — каждое отдельное селение… А между тем подобные сведения были бы драгоценны как для экономических выводов, так и для нравственной статистики.

Торговля красным, железным и бакалейным товаром имеет 87 лавок. Большая часть первых (из 33 лавок 19), то есть лавок с красным товаром, находится в селениях Большеегорлыкского бассейна как-то: в селении Привольном, Летницком, Жуковском, Красной Поляне, Ивановском, Сандате, Новоегорлыкском и Новоманычском. Лавки эти удовлетворяют потребностям не только местного населения, но и соседственного калмыцкого Большедербетского улуса, и оттого круг их торговой деятельности хотя и обширнее, но нельзя сказать, чтобы был разнообразнее лавок, находящихся в селениях, расположенных в середине мирового участка.

В каждой лавке можно найти: миткаль, коленкор, зон, бязь, ситец, платки ручные и головные: бумажные, шерстяные и шелковые; кумач, нанку, тик, плис, полубархат, люстрин, трико, шерстяной атлас, черкешин, камлот, сукно и легкий драп, канаус, полушерстяные и шерстяные, полушелковые и шелковые материи на платья, продаваемые как на аршин, так и штуками, кисею, а также сахар и чай.

Вообще в лавках продаются бумажные ткани от 15 до 50 копеек за аршин, полушерстяные до 40 копеек, шерстяные до 1 рубля 20 копеек, сукно и драп до 3 рублей, платки и шали до 5 рублей, шелковые материи от 8 до 20 рублей на платье. Товар выше этих цен не требуется и для здешней торговли приобретается на двух ярмарках: Крещенской в *Харькове* и Ильинской в *Полтаве*.

В 19-ти лавках, находящихся в 8-ми вышеозначенных селениях, годовая выручка простирается, по словам самих торговцев, до 9 тысяч в каждой, а во всех — до 170000 рублей. В остальных же 14-ти лавках доходит только до 70000 рублей, то есть до 5 тысяч на каждую. Поэтому торговля красным товаром в 3-м мировом участке простирается до 240000 рублей.

Если годового *спроса* на такую солидную сумму нельзя всего отнести на счет крестьян (в нем участвуют местное духовенство, проживающее как оседло, так и временно, других сословий люди, а также калмыки Большедербетского улуса), зато все *предложение*, за исключением 3-х лавок, *в одних руках* — Черниговской губернии посада Воронка, купцов братьев Гребенниковых…

Торговая деятельность господ Гребенниковых не ограничивается этим. У них есть еще подобные лавки в других мировых участках Ставропольской губернии и казачьих станицах Кубанского войска (всех лавок 67), и годовой оборот их торговли красным товаром простирается до полумиллиона рублей, не считая того оборота, который они делают в своем районе от покупки посредством тех же приказчиков щетины, заячьих шкур и шерсти.

Ввиду этого следует заметить, что ставропольское купечество, к сожалению и удивлению, не воспользовалось столь обширным и сподручным рынком, так как из его среды, за исключением нескольких скотопромышленников, никто в уезде не торгует…

Торговля железом и бакалеем хотя и производится в большем, противу первой, числе лавок (54), но на гораздо меньшую сумму. Предметы этой торговли следующие: лемеши, отрезы, шинное и полосное железо, гвозди, петли, подковы, замки, бечева, деготь, свечи, мыло, деревянное масло, орехи, пряники, печенье, сахар и чай. Закупка этого товара производится в Ростове-на-Дону во время ярмарок. (Таким образом, город Ставрополь и в этой торговле не участвует). Правда, этого рода торговля сама по себе больших выгод не представляет, но она соединяется с хлебною торговлею и идет большею частью в ссуду крестьянам под будущий урожай пшеницы, а в этом случае приносит торговцу до 50% пользы.

Круглым счетом, размер железной и бакалейной торговли едва достигает 800 рублей на каждую лавку в год, а на все — 43200 рублей.

Остается еще сказать о разносной торговле, производимой офенями, или, как их у нас называют, *коробочниками*. Торговля эта, так называемая мелочная, обнимает все, начиная от иголки и ниточки до ленты в девичью косу и сеточки на голову сельской барышни, и даже до кринолина... Галантерейная мелочь: серьги, кольца, перстенечки, крестики, бусы, монисты и прочее — тоже составляют специальность коробочной торговли. Без коробочника не обойдется ни одна крестьянка, как бы бедна ни была. Понятно отсюда, что разносная торговля имеет самый обширный круг потребителей, и хотя, так сказать, грошовая, но сколачивает солидные рубли.

В 3-м мировом участке до 30 коробочников, за исключением летних месяцев, постоянно странствуют из дома в дом, из села в село. Без них не обойдется нигде ни один храмовой праздник, ни одна ярмарка. Годичный оборот разносной торговли 11700 рублей, из них приходится выручки на 1 коробку 1000 рублей, на 10 коробок по 500 рублей, а на 19 коробок по 300 рублей. Большая часть этой выручки идет на покупку пуху, зайца и щетины, но едва ли не чаще выменивается товар на эти предметы. Мелочной товар покупается в Харькове и Полтаве во время ярмарок.

Как красная, так и разносная торговля — *в руках староверов* из разных посадов и слобод Черниговской губернии, крепко сохраняющих древний, без сомнения, обычай при найме приказчиков, или так называемых *молодцов* торгового дела, и вообще работников. Обычай заключается в том, что наемная плата условливается не на год, а *понедельно*, хотя бы приказчик и 20 лет служил у хозяина, и простирается обыкновенно от 60 копеек до 8 рублей в неделю; причем обувь должна быть непременно хозяйская. Надел молодец *хозяйские сапоги* — значит, нанялся; хотя часто о цене и помину не бывает, в полной уверенности, что хозяин не обидит. Сапоги напоминают ему, что для хозяйской пользы он не должен жалеть своих ног, или, говоря иначе, служат символом *подвижности и заботливости* — качеств, столь необходимых в торговом деле, а с сим вместе заменяют письменное условие найма. Правда, что с недавнего времени, по требованию закона, с приказчиками заключаются формальные контракты с прописанием годовой платы, но это не мешает сохранению характеристического обычая в прежней силе.

Приказчик должен носить свою одежду. Наем лавки, путевые и ярмарочные издержки принимает на себя хозяин, но харчи приказчика ложатся на товар сверх ставочной цены, ниже которой он может быть продан. Наем лавки в 3-м мировом участке обходится от 40 до 80 рублей в год. Плата за извоз товара до места в нынешнем году была: из Харькова 1 рубль 40 копеек, из Полтавы 1 рубль 60 копеек, а из Ростова-на-Дону 10 копеек с пуда.

Железная и бакалейная торговля как коренными, так и посторонними жителями производится в собственных лавках.

Ярмарки

Семь ярмарок ежегодно бывают в следующих селениях:

а) В селении Новоегорлыкском	1. Воздвиженская — 14 сентября.
	2. Кононовская — 5 марта.
	3. Николаевская — 9 мая.
б) В селении Красной Поляне	4. Авраамовская — 23 октября.
	5. Сорока мучеников — 9 марта.
в) В селении Сандате	6. Дмитриевская — 26 октября.
	7. Трех святителей — 30 января.

Статистические сведения о ярмарочной торговле вообще, а о сельских ярмарках в особенности, до того шатки, что было бы слишком опрометчиво считать их годными для экономических выводов. Мы поэтому ограничимся только указанием на очевидную несообразность как в отношении локализации ярмарок, так и в отношении их времени, что, конечно, не может не парализовать ярмарочные обороты до ничтожных размеров. — Так, например, в октябре месяце 22 и 26 числа существуют две ярмарки: в Красной Поляне и Сандате, на расстоянии 22 верст; или в марте, 5 и 9 числа, опять две ярмарки: в Красной Поляне и Новоегорлыкском, на расстоянии 40 верст. Все это ведет к тому, что ярмарки кончаются задолго до срока, съезды бывают не вовремя, купцы не знают, на какую ярмарку ехать, а крестьяне — куда гнать для продажи скот или везти произведения своего хозяйства.

О характере этих ярмарок скажем: хлеб в зерне и муке, шерсть на ярмарках не закупаются, скот идет в продажу, но нельзя сказать, чтобы в большом количестве; лавками торгуют местные купцы и ближайших селений — одни только питейные выставки, харчевни и балаганы развеселяют головы, нуждающиеся в такого рода развлечениях...

Население каждой отдельной местности живет своею экономическою жизнью, которая развиваться может только при благоприятствующих ей условиях. Изучение этих условий возможно только при систематическом переходе от меньших до более крупных географических единиц, составляющих Государство. Поэтому мы будем возвращаться к 3-му мировому участку до тех пор, пока не исчерпаем данных о его экономическом состоянии — и тогда займемся соседним 2-м мировым участком.

II[5]

Сельские постройки и их ценность. Хлебные запасные магазины и запасы продовольствия как в зерновом хлебе, так и в продовольственном капитале. Водяные и ветряные мельницы, маслобойни и сукновальни. Пожарный инструмент. Кладбища. Скотоводство: рогатый скот, лошади, овцы и свиньи. Результат урожаев хлеба в 1868 году, перевозочные средства. Кожи, овчины, шерсть, сало и щетина. Пух, заячьи и хорьковые шкурки. Заготовление сена и обеспечение подножным кормом. Садоводство и огородничество. Бакши. Конопляники. Ремесла. Сельские школы и число грамотных.

Сельские постройки и их ценность

Наружный вид селений 3-го мирового участка не производит на постороннего и незнакомого с местными условиями страны зрителя приятного впечатления и легко может привести его к ошибочному заключению о материальном благосостоянии жителей. Жилые дома большею частью кое-как покрыты соломою; очень немного домов, порядочно построенных из земляного кирпича, крытых камышом или соломою под гребенку, и еще менее домов деревянных, дощатых. Последние обыкновенно принадлежат духовенству, торговцам и богатым крестьянам; амбары исключительно деревянные. Усадьбы расположены просторно, огорожены канавою, кизяком или соломою. Изредка, и то только с улицы, попадаются стены и заборы из земляного кирпича, а еще реже — из досок. Недостаток древесной зелени, за небольшими исключениями, резко бросается в глаза и указывает на отсутствие садоводственной культуры, которой не благоприятствует отчасти солонцеватая почва, отчасти климат, а более всего — неусердие жителей к разведению садов. Следует, однако ж, заметить, что если здешний крестьянин в знойное лето не наслаждается тенью плодоносных яблоней и прочих фруктовых дерев, зато с не меньшим удовольствием он отдыхает в тени ароматических скирд и одонков хлеба, из-за которых, особенно в урожайные годы, почти не видно бывает селений. Не менее многочисленные ветряные мельницы в рассыпном строе окружают селения, посередине которых, над горизонтом степи, красиво возвышаются золоченые кресты сельских церквей. Таков общий вид селений 3-го мирового участка — вид однообразный и скучный, как и окрестные степи...

Безлесье страны, а отсюда — дороговизна строительных материалов, покупаемых исключительно в Ростове-на-Дону, заставляет жителей ограничиваться самыми необходимыми постройками, и почти всегда в ущерб сельскохозяйственным потребностям. Поэтому количество деревянных построек (домов, амбаров, лавок) отчасти может служить мерилом благосостояния жителей.

Население мирового участка помещается в 7661 доме. Принимая каждый дом или двор за отдельную семью и самостоятельную рабочую силу, оказывается, что в Песчанокопской волости в каждом доме живет средним числом по 8 душ, между тем как в Сандатовской и Воронцовской — только по шести.

При наличных домах сочтено 5507 амбаров для ссыпки хлеба. По числу домов недостает 2064 амбара. Можно бы заключить поэтому, что в участке находится столько же бедных семейств, не имеющих хлебных запасов, но такой вывод не будет верным, так как много жителей имеет по 2 и по 3 амбара; следовательно, и бедных семейств в участке найдется еще больше. Полагая вместимость каждого земляного амбара, средним числом, в 40 четвертей, а деревянного — в 80 четвертей, оказывается, что во всех амбарах может поместиться 385480 четвертей хлеба, что составляет по $7^1/_2$ четвертей на душу, или почти двухгодичную пропорцию.

Подробные сведения о числе домов, амбаров и лавок в каждом селении найдем в следующей таблице.

	Число жителей обоего пола	Земляных				Деревянных				Итого		Против числа домов находится амбаров
		Общественных домов	Частных			Общественных домов	Частных			Земляных	Деревянных	
			Домов	Амбаров	Лавок		Домов	Амбаров	Лавок			
Песчанокопская волость												
В сел. Песчанокопском	4356	2	241	11	»	2	334	623	8	254	959	59
Богородицком с отселком Крученая Балка	4727	4	506	3	3	2	123	517	9	517	651	109
Привольном	2281	2	80	60	»	1	174	45	3	142	220	149
Итого	20703	13	1389	215	7	7	1195	1786	29	1621	3006	484

	Число жителей обоего пола	Земляных				Деревянных				Итого		Против числа домов находится амбаров
		Общественных домов	Частных			Общественных домов	Частных			Земляных	Деревянных	
			Домов	Амбаров	Лавок		Домов	Амбаров	Лавок			
Сандатовская волость												
Сандате	4252	1	655	108	3	2	35	378	3	767	418	204
Ивановском	1725	2	250	114	2	»	8	113	2	368	123	31
Поливянном	1497	2	108	48	1	»	97	172	3	159	272	15
Красной поляне	5289	1	801	100	2	1	50	350	10	904	411	401
Николаевском	2191	3	285	26	2	»	32	240	2	216	274	51
Отселке Развильном	1175	1	116	42	1	1	82	161	»	160	244	5
Итого	16129	10	2329	438	11	4	304	1414	30	2674	1742	781
Воронцовская волость												
Воронцовском	4065	3	515	158	2	»	22	275	5	678	302	104
Екатерининском	1643	2	254	68	1	2	21	95	3	325	121	112
Новоманычском	1263	2	149	89	»	»	16	60	2	240	78	16
Новоегорлыкском	4559	1	550	306	2	1	500	353	10	859	864	389
Отселке Баранниковом	1143	»	115	50	2	»	7	35	»	167	42	37
Отселке Березянском	584	»	66	41	1	»	6	28	»	107	34	3
Хуторе Шаблиевском	706	»	55	12	»	»	4	18	»	67	22	29
Деревне Александровской	469	»	47	»	»	»	27	64	»	47	91	70
Итого	14432	8	1751	724	8	3	603	928	20	2490	1554	700
А всего	51264	31	5469	1377	26	14	2192	4128	79	6785	6302	1965

Таблица эта приводит к следующим благоприятным выводам: а) В общем числе строений жилых и хозяйственных находится 6785 земляных и 6302 деревянных, в чем и выражается почти равновесие между хорошим и посредственным состоянием жителей. б) Хотя число земляных домов (5469) составляет еще 71% всех жилых строений, зато число деревянных амбаров дает уже 75% этого рода построек. Значит, перевес в 25% на стороне жителей с хорошим состоянием. в) В преобладающем числе земляных домов (3274) следует, впрочем, видеть и выражение этнографических условий. Малороссиянин, даже богатый, охотнее живет в земляном доме, между тем как переселенец северных губерний предпочитает деревянную избу. На этом основании в селениях Песчанокопском, Жуковском и Привольном больше деревянных, чем земляных домов.

В видах изучения экономического состояние крестьян 3-го мирового участка было бы очень важно определить ценность сельских построек. Задача нелегкая и для специального оценщика, тем более что цену личного труда в строительных работах и сам хозяин не всегда может определить с точностью. Попытаемся, однако ж, хотя приблизительно решить эту задачу, но предварительно считаем необходимым коснуться качества, размеров и способов самих построек.

Строительное искусство крестьян Ставропольской губернии, как степной и удаленной от естественного рынка лесных материалов, ограничивается немногими условиями. Удобство, прочность и симметрия, в более обширном применении к строительному делу, не входят в расчет здешнего крестьянина, сооружающего вообще свое жилище незатейливо и скоро. Смотря на его постройки, так и кажется, что он только временной житель, располагающий раньше или позже еще куда-нибудь переселиться… Если же у него нет такого намерения, то он непременно каждый почти год что-нибудь да прилепит, пристроит, разломает или перенесет на другое место… Последнее обыкновенно случается

с деревянными постройками. Деревянный дом или амбар лет 10–15 на одном месте не простоит. И неудивительно. У здешнего крестьянина свои архитектурные правила; он прежде срубит дом, а потом подведет фундамент… Под земляные постройки фундамент тоже не делается, отчасти по недостатку камня, а более по своеобычным соображениям. Впрочем, причин вечного устройства и неустройства крестьянских усадеб следует искать и в разделах семейств…

В селениях по большей части встречаются дома об одной избе с сенями; но много домов в две избы, и непременно в каждом селении найдется несколько домов по образцу городских, так называемых *круглых*, в 3–4 комнаты, с неизбежным наружным коридором.

Величина сельских домов различна – от 54 до 144 квадратных аршин, редко более, с фасадами не менее различными: то с лицевой стороны четное число окон и дверь посередине; то одна только дверь с небольшим окном или вовсе глухая стена. Размер и расположение окон – смотря по желанию.

Главный материал земляных построек, кирпич, обыкновенно делается 10 вершков длины при 5 вершках ширины и 4 толщины. Если хозяин с своею семьею не делает кирпича сам, что редко случается, то покупает у других по 6–8 рублей за тысячу. Дороговизна лесу заставляет крестьян расходовать деревянный строительный материал крайне экономически; так, например, сени в домах и амбары делаются без потолков, дома – без деревянных полов (за редкими исключениями), а при мощении потолков доски чаще всего настилают «*вразбежку*». В таком случае поверх досок кладут пучки конопель, камыша или соломы и тщательно смазывают. На капитальные стены домов и амбаров идут строевые доски в 2 вершка толщины, а на остальную выделку – доска вершковая. Нередко из таких же досок строят и небольшие амбары, так называемые «*вполдоски*», то есть 6 аршинов длины и столько же ширины. На матицы, балки, косяки и стропилы идут сосновые полубруски. Печи и дымовые трубы делают из нежженого кирпича, бывают печи и просто глинобитные. Малороссияне кладут камины и грубки из изрязчатого кирпича, что выходит у них и оригинально, и красиво. Амбары, или так называемые каморы, в которых, кроме хлеба, хранится одежда, сундуки и разная домашняя рухлядь, всегда строятся отдельно.

Принимая в соображение, что постройка как деревянная, так и земляная не обходится без найма плотников, печников, а часто и крыльщиков, то постройка средней величины земляного дома среднею ценою обойдется, по меньшей мере, 50 рублей, амбара – 40 рублей и лавки – 30 рублей. Постройка же таких строений из леса обойдется в три раза дороже, не считая в том и другом случае личных трудов и перевозочных средств. Поэтому ценность строений в участке, не впадая в большую ошибку, можно определить следующим расчетом:

5500 земляных домов по 50 рублей = 275000 рублей.
1377 – – – амбаров – 40 рублей = 55080 рублей.
26 – – – – лавок – 30 рублей = 780 рублей.
2206 деревянных домов – 150 рублей = 330900 рублей.
4128 – – – амбаров – 120 рублей = 495360 рублей.
79 – – – – лавок – 90 рублей = 7110 рублей.
Итого 1164230 рублей.

Сумма эта не выражает еще всей ценности сельских построек, так как при исчислении не вошли в расчет хлебные запасные магазины, водяные и ветряные мукомольные мельницы, о которых представляются следующие сведения:

	Число магазинов	Число окладных душ	На какое количество четвертей хлеба выстроены магазины	На какое количество четвертей хлеба недостает магазинов или превышает	Наличного хлеба в магазинах озимого и ярового вместе			В ссуде и недоимках			Продовольственного капитала	
					Четв.	Четверик.	Гарн.	Четв.	Четверик.	Гарн.	Рубл.	Коп.
Сел. Песчанокопское	4	2176	2650	2790	2013	5	3	2359	6	6	2347	30 ¾
Богородицкое и отселок Крученая Балка	3	2580	1814	4636	1705	»	412	506	5	7	1419	49 ½
Жуковское и отселок Рассыпной	3	2847	1950	5670	367	3	612	697	6	2	992	44

Летницкое	3	1846	1920	2695	392	»	412	2218	4	1	1856	45
Привольное	1	1226	1025	2040	397	3	4	197	2	3	367	53
Итого	14	10675	9359	17831	4975	5	412	5977	1	3	6979	22 ¼
Сандатовское	2	2137	2200	3142	412	»	»	3862	3	312	неизвестно	
Ивановское	1	834	1200	885	533	1	4	867	7	4		
Красная Поляна	2	2619	2245	4302	494	»	»	5072	1	»		
Сел. Поливянное	1	706	900	865	257	7	6	244	612	»		
Николаевское	1	1117	1200	1592	335	»	»	1374	»	»		
Отселок Развильный	1	578	900	555	257	7	5	206	6	»		
Итого	8	7991	8645	11341	2388	»	7	11622	3	6		
Сел. Воронцовское	2	1955	2224	2663	1055	4	2	1682	7	½	1234	50½
Екатерининское	1	765	1000	912	382	7	»	758	1	312	484	94 ¾
Новоманычское и отселок Баранников	4	1064	2320	942	912	7	»	994	6	2	177	34 ½
Новоегорлыкское и хутор Березовский	3	2300	2900	2850	1211	5	612	2800	5	½	3538	37 ¾
Деревня Александровская временно-обязанных крестьян	1	239	300	347	156	»	»	132	»	»	28	74
Итого	11	6323	8744	7114	3736	»	½	6366	3	612	5461	91 ½
А всего	33	24989	26748	36286	11099	4	5	23965	»	712	12440	13 ¾

Числовые данные этой таблицы далеко не дают тех утешительных выводов, какие желательно бы получить, имея в виду предусмотрительность закона по обеспечению народного продовольствия, а к выполнению этой обязанности более чем достаточные средства крестьян; так, например:

а) В 33 запасных общественных магазинах, выстроенных на 26748 четвертей наличного хлеба, только 10985 четвертей, то есть по 3 $^{1}/_{2}$ четверика на душу.

б) Если собрать всю окладную и ссудную недоимку в количестве 23973 четвертей, то из того числа 8210 четвертей поместить негде, так как в магазинах находится свободного места только для 15763 четвертей.

в) Чтобы засыпать положенное по закону количество хлеба полностью, необходимо к имеющимся 33 магазинам построить еще магазинов на 36286 четвертей.

Затем по обеспечению народного продовольствия *Песчанокопская* волость находится в *наилучших* условиях, так как на каждую окладную душу имеет по 3 четверика и 5 гарнцев наличного хлеба, а недоимок, по тому же расчету, только по 4 четверика и 3 гарнца. Не в столь благоприятных обстоятельствах находится *Воронцовская* волость, где при 4 четвертях 5 гарнцах наличного хлеба на душу приходится по одной с небольшим четверти ссуды и недоимок. Сандатовская же волость находится в *наихудших* в этом отношении условиях. Там на каждую окладную душу имеется наличного хлеба в магазинах только по 2 $^{1}/_{4}$ четверика и в 5 раз больше недоимок, то есть по 1 четверти 3 четверика 4 гарнца на душу.

Из 33 магазинов, находящихся в 3-м мировом участке, 11 выстроены заботливостью упраздненной Палаты государственных имуществ, по нормальному плану и фасаду, вместимостью каждый на 1200 четвертей. Магазины эти выстроены из сосновых брусьев, прочно и с соблюдением вентиляции — условия, необходимого для лучшего сохранения зернового хлеба. Постройка каждого магазина обошлась в 2000 рублей, а всех — 22000 рублей. Остальные же 22 магазина построены хозяйственным способом и попечением самих сельских обществ из леса разных пород. Средним числом, ценность каждого магазина не превышает 500 рублей, а всех — 11000 рублей.

Водяные и ветряные мельницы, маслобойни и сукновальни

К числу заведений, предназначенных для обработки разных сельских продуктов и составляющих предмет сельскозаводской промышленности, относятся водяные и ветряные мукомольные мельницы, толчеи для обделки проса, маслобойни, вырабатывающие растительные масла, и сукновальни, устраиваемые при водяных мельницах для отделки простых домашних крестьянских сукон. Следующая таблица представляет число таких заведений и размеры производства.

	Число водяных мельниц	В них		Число ветраков	В них		Сколько вырабатывают от меры хлеба	Число маслобоен	Сколько вырабатывают масла	Число сукновален	Сколько зарабатывают в год
		Поставов	Толкачей		Поставов	Толкачей	Чет.		Пуд.		Руб.
В Сел. Песчанокопском	2	4	неизвестно	46	48	»	720	2	50	неизвестно	неизвестно
Богородицком и отселке Крученая Балка	1	2		49	68	»	750	2	50		
Жуковском и отселке Рассыпном	1	4		45	47	»	765	3	65		
Летницком	1	5		25	26	»	450	2	50		
Привольном	3	9		19	23	»	480	»	»		
Итого	8	24		184	212	»	3165	9	215		
В сел. Сандатовском	2	5	неизвестно	54	68	»	700	»	»	неизвестно	неизвестно
Ивановском	3	6		18	23	»	450	1	25		
Красной Поляне	2	11		46	54	48	820	2	60		
Поливянном	1	1		33	36	»	328	»	»		
Николаевском	»	»		21	32	54	250	»	»		
отселке Развильном	»	»		16	17	»	168	»	»		
Итого	8	23	»	188	230	102	2716	3	85		
В сел. Воронцовском	4	6	12	48	63	115	740	3	170	3	300
Екатерининском	2	3	4	26	27	77	466	1	20	2	200
Новоманычском	1	3	»	17	19	55	260	1	20	1	100
Новоегорлыкском	1	2	3	59	69	165	705	3	75	1	100
отселке Баранниковском	2	3	8	6	6	18	200	1	45	1	100
хуторе Березовском	1	2	3	3	3	10	120	1	45	1	100
Шаблиевском	1	3	5	3	3	9	129	»	»	1	100
деревне Александровской	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»
Итого	12	22	35	162	190	449	2620	10	375	10	1000
А всего	28	69	35	534	632	551	8501	22	675	10	1000

Рассматривая эти столь необходимые в сельском быту заводы относительно их ценности, полезности и силы, следует прежде всего заметить, что постройка их в стране совершенно безлесной обходится и дорого, и с большими затруднениями, как в приискании хороших мастеров этого дела, так и в приобретении леса твердых пород, нужного на поделку механических частей. Такой лес (дуб, ясень, карагач, кизил) можно купить только в городе Ставрополе во время ярмарок у казаков или же в закубанских подгорных станицах; мельничные жернова покупаются в прочноокопской каменоломне на Кубани или в Ростове-на-Дону. Все это приходится перевозить верст за 200, а иногда 300, что значительно увеличивает ценность подобных построек.

Мельничный механизм обыкновенно приспособляется для *простого* помола. Размольной пшеничной муки ни на одной мельнице в 3-м участке не выделывают.

Все водяные мельницы (28), построенные на двух речках, Большом и Среднем Егорлыках, бурливых весною и во время проливных дождей и почти безводных в остальное время года, работают не больше 4 месяцев в году. Как полая вода (она подтопляет колеса), так и недостаток ее для них равно невыгодны и опасны. Не лучше и ветряные мельницы. Элемент, снабжающий их движущею силою, часто их обезоруживает, а нередко и опрокидывает. Что число последних 18 раз превышает первые, в которых и поставов в 9 раз меньше, это доказывает скудость проточных вод.

Несмотря, однако ж, на такие неудобства, все мельницы зарабатывают в год 8500 четвертей разного хлеба, преимущественно пшеницы и ржи, то есть каждый постав в сложности приносит хозяину 12 четвертей хлеба дохода. А как за помол отдают $^{1}/_{10}$ часть привезенного зерна, то оказывается, что на всех мельницах перемалывают в год 85000 четвертей, или по 1 четверти 5 четвериков и 2 гарнца на душу.

Принимая при валовой оценке мельниц, маслобоен и суковален за норму действующие поставы и принимая в соображение средние существующие цены на строительные материалы, задельную плату мастеровым и перевозочные издержки, получим следующие выводы, близко подходящие к действительной стоимости.

28 водяных мельниц в 69 поставов, считая по 700 рублей каждый постав, в сложности	48300 р.
28 мельничных плотин, по 200 рублей	5600 р.
534 ветрака в 632 постава, по 500 рублей постав	316000 р.
551 толчей по 50 рублей	27550 р.
22 маслобойни, по 120 рублей	2640 р.
10 сукновален, по 100 рублей	1000 р.
Итого	401090 р.

Причисляя сюда ценность домов, лавок и амбаров в 1164230 рублей, получим общую сумму частных строений 3-го мирового участка (не считая стоимости общественных запасных магазинов) 1565220 рублей. Разлагая, в свою очередь, эту сумму на число дворов (7661), определим ценность каждого двора в 204 рубля 27 $^{1}/_{2}$ копейки. Оценка умеренная и во всяком случае не преувеличенная.

Чтобы покончить с оценкою общественного имущества, следовало бы перейти к так называемым пожарным инструментам и сараям, в которых тот инструмент будто бы сохранялся. К сожалению, статья эта в столь жалком состоянии, что о ней говорить можно только как о материале для топлива. Ввиду вводимого в Ставропольской губернии обязательного взаимного страхования домов от пожарных случаев желательно, чтобы на этот важный предмет обращено было более заботливое внимание.

Есть еще одна статья общественного владения, на которое каждый православный имеет неотъемлемое право, — это сельские кладбища. К душевному прискорбию, и те в грустном положении. В одном только селении Воронцовском кладбище кое-как огорожено в три доски (старообрядческое кладбище в том же селении огорожено досками *лучше*)... В остальных же селениях 3-го мирового участка кладбища даже не окопаны канавами. Инициатива в этом деле, несомненно, имела бы полный успех, и средства на приведение кладбищ в лучший вид прихожане, конечно, нашли бы к тому, так как находят их на благолепное устройство храмов Божиих.

Скотоводство

Рогатый скот. По последним сведениям, в селениях 3-го мирового участка наличного рогатого скота сочтено 59490 голов. Сверх того, по счету проданных кож оказывается, что в течение года зарезано для местного потребления 237 голов и пало от разных болезней 4878 штук, то есть 7$^{1}/_{2}$% всего рогатого скота. О числе скота, проданного или купленного жителями на разных ярмарках, сведений нет.

Более подробные о рогатом скоте сведения выражаются таблицей.

	Наличного			Сверх того		Итого
	Рабочих волов	Коров	Молодого гулевого скота	Пало разного возраста	Зарезано	
В сел. Песчанокопском	1740	2680	1730	54	26	6230
Богородицком и отсел. Круч. Балка	1795	1179	1951	125	15	5065
Жуковском и отселке Рассыпном	1400	925	772	37	14	3148
Летницком	1258	1029	763	91	17	3158
Привольном	930	689	573	29	8	2229
Итого	7123	6502	5789	336	80	19830
Воронцовском	1140	850	310	311	10	2621
Екатерининском	600	480	170	100	»	1350
Новоманычском	1780	1380	1340	238	»	4738
Новоегорлыкском	3300	2320	2700	561	25	8906
Отселке Баранниковом	880	670	1200	180	»	2930
Березовском	240	225	475	109	3	1052
Хуторе Шаблиевском	140	75	105	56	4	380
Деревне Александровской	460	10	260	60	»	880
Итого	8540	6100	6560	1615	42	22857
Сандате	2800	1600	800	820	24	6044
Ивановском	726	400	134	417	34	1711
Поливянном	3800	1800	1400	910	48	7958
Красной Поляне	870	675	700	430	5	2680
Николаевском	620	310	90	»	»	1020
Отселке Развильном	850	620	680	350	4	2504
Итого	9666	5405	3804	2927	115	21917
А всего	25329	18007	16154	4878	237	64605
	Наличного 59490					

Цифры эти едва ли можно считать преувеличенными; напротив, скорее приходится признать их ниже действительных, в чем легко убедиться из следующей таблицы.

	Число дворов или самостоятельных хозяев	В том числе пашут						Вовсе не пашут
		В 3 плуга	В 2 плуга	В 1 плуг	В 1 плуг впрягают 3 хозяина	В 1 плуг впрягают 2 хозяина	Пашут сохою	
В сел. Песчанокопском	575	»	17	285	»	»	242	31
Богородицком и отсел. Круч. Балка	629	»	14	454	»	»	168	93
Жуковском и отселке Рассыпном	578	»	11	341	»	»	109	17
Летницком	548	2	7	227	»	»	214	198
Привольном	254	3	27	67	»	»	120	28
Итого	2584	5	76	1283	»	»	853	367
В сел. Воронцовском	537	»	8	224	»	»	27	60
Екатерининском	275	»	2	45	»	»	3	15
Новоманычском	165	»	5	41	39	62	»	18
Новоегорлыкском	590	6	51	250	90	100	»	83
отселке Баранниковом	122	»	5	33	27	48	»	9
хуторе Березовском	72	»	1	20	15	20	»	16
Шаблиевском	59	»	2	9	30	12	»	6
Деревне Александровской	74	»	4	35	»	34	»	1
Итого	1894	6	78	657	369	546	30	208
В Сандатовском	690	»	25	415	»	»	90	160
Ивановском	258	»	3	170	»	»	32	53
Красной поляне	852	»	90	459	»	32	125	146
Поливянном	205	1	5	168	»	»	19	12
Николаевском	317	»	»	250	»	»	40	27
Отселке Развильном	198	»	3	152	»	»	22	21
Итого	2520	1	126	1614	»	32	328	419
А всего	6998	12	280	3554	369	369	1211	994

По этим сведениям, крестьяне 3-го мирового участка пашут 4562 плугами. В плуг средним числом запрягается 4 пары (8) волов; следовательно, у крестьян должно быть 36496 голов рогатого рабочего скота, то есть 11167 штуками более, чем показано в первой таблице. Допуская и в этом выводе возможность погрешности, мы сократим ее до *minimum*, если из двух числовых сведений о количестве рабочего рогатого скота примем за действительное *среднее*, то есть 30917 голов. Столь крупная цифра с достаточною ясностью указывает на те огромные перевозочные и землеобрабатывающие силы, какими располагают крестьяне этой части Ставропольского уезда и о которых поговорим обширнее в своем месте.

Число коров (18007) и гулевого скота (16154), по многим соображениям, должно быть тоже показано ниже действительного. Не задаваясь, впрочем, математическою точностью, недоступною для

статистики при обозрении живых и постоянно движущихся проявлений жизни, считаем за лучшее сказать несколько слов о скотоводстве в качественном отношении.

Порода рогатого скота в селениях 3-го мирового участка не представляет какого-либо особенного типа, но составляет сбор пород: черноморской, донской, калмыцкой и ногайской — и разнотипичную метисацию, происшедшую от этих пород. Большею частью встречается красный калмыцкий скот... Лучшие его экземпляры легко отличить по толстой и короткой голове с широким лбом и мордою, по коротким и правильным рогам, по толстой, с довольно широким подгрудком, шее, по широкой, иногда прямой, а иногда легко вогнутой спине. Туловище у калмыцкого скота не очень длинное, с округленными боками. На высоком крестце высоко прикрепленный хвост, задняя часть тела довольно хорошо развитая; ноги не очень высокие; а кожа толстая, покрыта длинною и густою, особенно на задних ногах, шерстью. Ближе к Манычу славится скот крестьян Шиповаловых, происшедший в течение нескольких генераций от смеси калмыцкого скота с донским. В *шиповаловской* породе (такое местное ее название) много сходства с литовскою, хотя трудно допустить, чтобы литовский скот мог для этого не только нарочито, но даже случайно зайти на Кавказ. Ногайский скот мельче и малосильнее калмыцкого, который, в свою очередь, уступает в этих качествах черноморскому скоту, охотно покупаемому крестьянами на ярмарках, для ярма.

Коровы не отличаются молочностью, зато недостаток обилия вознаграждают качеством. Все почти молочные скопы потребляются самими крестьянами, и только до 90 пудов масла идет в продажу, на сумму около 600 рублей. Нельзя не заметить, что здешнее скотоводство, несмотря на его обширное развитие, сильно страдает недостатком производителей, не говорим — улучшенных, но даже местных пород. Мы знаем случаи, что целые стада коров, в 300—400 голов, вследствие этого недостатка оставались яловыми.

Принимая в соображение существующие цены и взяв из них средние, т. е. полагая за рабочего вола 30 рублей, за корову 15, а за каждую гулевую скотину только 8 рублей, в сложности можно, без большой ошибки, оценить весь рогатый скот 3-го мирового участка в 1504217 рублей.

Лошади, овцы и свиньи. Далеко в меньших размерах находим коневодство. Крестьяне всего участка насчитывают у себя только 8326 лошадей, в том числе упряжных 6084, то есть по одной с небольшим лошади на двор. Казалось бы, большие пространства, которые приходится здешнему крестьянину переезжать не только в районе уезда, но и по своим целям, должны бы его склонить к разведению более обширного коневодства. Оказывается, однако ж, что крестьяне 3-го мирового участка подчиняются другим склонностям, вытекающим отчасти из этнографических условий, так как преобладающее большинство населения, малороссияне, предпочитает езду на волах.

Крестьяне покупают на ярмарках лошадей большей частью домашнего приплода, редко табунного приплода, редко табунных и еще реже лошадей российских — *извозчичьих*. Последние, как более сильные и рослые, ценятся вдвое дороже лошадей степного происхождения и домашнего приплода. Нельзя при этом не заметить, что недостаток хороших производителей *рабочего скота, лошадей* служит главным препятствием к развитию домашнего коневодства, необходимость в котором сильно отзывается на сельском хозяйстве. Учреждение поэтому земской случной конюшни, несомненно, со временем пополнило бы замечательный ныне важный пробел в хозяйстве здешнего крестьянина.

Ощущаемый теперь недостаток *сильных упряжных лошадей* еще более увеличится с проведением железных дорог на Кавказе, когда возникнет новая потребность *во всякое время года* передвигать грузы к станциям железной дороги и обратно, чего, как известно, *зимою* или в *дождь* на волах невозможно выполнить.

Овцеводство, несмотря на частые и сильные падежи, очень развито, как увидим из следующей таблицы.

	Наличных овец	Сверх того продано		Выделано овчин для домашнего употребления	Итого
		Живых овец	Овчин от зарезанных и палых овец		
В сел. Песчанокопском	15437	5200	неизвестно	4250	24887
Богородицком с отселком Крученая Балка	10420	3000		3750	17170
Жуковском с отселком Рассыпное	19102	6800		3817	29719
Летницком	10818	1200		2950	14968
Привольном	9221	1877		1307	12405
Итого	64998	18077	»	16074	99149

	Наличных овец	Сверх того продано		Выделано овчин для домашнего употребления	Итого
		Живых овец	Овчин от зарезанных и палых овец		
Екатерининском	3500	1525	190	250	5465
Новоманычском	19500	3750	780	2000	26030
Новоегорлыкском	52050	4150	2900	7000	66100
отселке Баранниковом	8750	1750	900	1500	12900
Березовском	5250	600	300	650	6800
хуторе Шаблиевском	2875	875	125	120	3995
деревне Александровской	700	300	85	230	1315
Итого	98325	15250	5710	12450	131735
В селении Сандате	8235	2000	500	4800	15535
Ивановском	6920	500	490	1520	9430
Красной Поляне	12000	4500	1000	6500	24000
Поливянном	2600	500	»	1600	4700
Николаевском	5000	500	»	600	6100
Отселке Развильном	2100	300	150	1400	3950
Итого	36855	8300	2140	16420	63715
А всего	200178	41627	7850	44944	294599

Все наличное количество овец, за исключением проданных, зарезанных для собственного употребления и палых, в селениях 3-го мирового участка простирается до 200178 голов и по самостоятельным хозяйствам (подворно) распределяется так:

	Хозяев, имеющих овец					Вовсе не имеют овец
	От 2000 до 3000	От 1000 до 2000	От 500 до 1000	От 100 до 500	От 10 до 100	
Селение Песчанокопское	1	1	3	1	289	280
Богородицкое и отселок Крученая Балка	1	1	1	4	250	372
Жуковское и отселок Рассыпной	»	2	1	»	253	322
Летницкое	»	»	1	2	292	253
Привольное	»	2	1	3	142	106
Итого	2	6	7	10	1226	1333
Селение Воронцовское	»	»	1	8	249	279
Екатерининское	»	»	1	10	170	94

	Хозяев, имеющих овец					Вовсе не имеют овец
	От 2000 до 3000	От 1000 до 2000	От 500 до 1000	От 100 до 500	От 10 до 100	
Новоегорлыкском	1	12	1	14	324	238
отселке Баранниковом	»	»	1	8	64	49
Березовском	»	»	1	»	52	19
хуторе Шаблиевском	»	»	»	1	49	9
деревне Александровской	»	»	»	»	60	14
Итого	2	13	10	49	1077	743
В селении Сандате	»	1	1	6	170	512
Ивановском	»	1	3	4	102	148
Красной Поляне	2	2	3	18	315	512
Поливянном	»	»	»	6	124	75
Николаевском	»	»	1	10	116	190
Отселке Развильном	»	»	»	5	120	73
Итого	2	4	8	49	946	1510
А всего	6	23	25	108	3249	3586
	3411					

Распределение столь обширного овцеводства подворно слишком не равномерно, так как большая часть хозяев (3585) не имеет *ни одной* овцы. В числе остальных есть крестьяне, имеющие более тысячи овец; а 6 овцеводов насчитывают в своих отарах почти по 3 тысячи голов. Причин такого поразительно неравномерного распределения между поселянами этой чрезвычайно выгодной отрасли сельского хозяйства следует, прежде всего, искать в общинном пользовании землею — условии, благоприятствующем крупному овцеводству, в то время как бедняк, владеющий десятком овец, летом толчется с ними на выгоне, а зимою — в тесной и грязной закуте. Дознано, что такое содержание овец делает их более восприимчивыми к разным эпизоотическим болезням, из которых самые гибельные: воспаление легких, осога, хромота и леп. Правда, эти болезни не щадят и крупных овцеводов; но всякая убыль в отаре такого владельца на следующий год вознаграждается приплодом в геометрической прогрессии, между тем как убыль бедняка едва ли и в несколько лет пополнится в прогрессии арифметической, если только болезнь (как часто случается) вовсе не уничтожит завода.

Коснувшись слегка этого факта, нельзя оставить без внимания значительного количества овчин, проданных крестьянами и выделанных ими для собственного употребления в годичный период, окончившийся весною нынешнего (1809) года.

По сведениям, собранным от торговцев и специально занимающихся выделкою овчин, оказывается, что количество проданных и выделанных для собственного употребления крестьян овечьих кож достигло в течение года громадной цифры (51794) и что последняя категория составляет 85% этого количества. Как в продажу, так и в выделку равно идут кожи палых и зарезанных овец. Отделить первые от последних чрезвычайно трудно. Допуская приблизительно, что число зарезанных крестьянами овец для собственной пищи не превышает 10%, мы тем самым допускаем, что в 3-м мировом участке в течение года пало от разных эпизоотических болезней около 46000 овец. Цифра эта не преувеличена по многим соображениям, а между прочим и потому, что много овчин, попорченных молью, не идет ни в продажу, ни в выделку и что с многих павших овец, особенно в раннем возрасте, по нерадению, недосмотру и разным случаям, овчины вовсе не снимаются. Но, с другой

стороны, нельзя не обратить серьезного внимания на тот грустный факт, что эпизоотия в течение года отняла у овцеводов 15½% их состояния… Потеря огромная!

Разведение свиней составляет необходимую принадлежность каждого хозяйства, как богатого, так и бедного. Можно сказать, что разведение этих животных составляет первую заботливость и служит началом его хозяйства. По собранным сведениям, в Песчанокопской волости насчитывается 5110 свиней, в Воронцовской – 6171, а в Сандатовской – 5240, всего 16521 свиней. Трудно, впрочем, допустить, чтобы в 3-м мировом участке, где большинство населения – малороссияне, было в каждом дворе с небольшим только по 2 свиньи… Скорее можно согласиться, что свиноводство достигает втрое больше показанного количества.

Закончим обзор скотоводства оценкою его. Само собою разумеется, что для статистика, хотя и знакомого с условиями рынка, возможна только приблизительная оценка. Выше мы уже определили ценность рогатого скота в 1504217 рублей. Если теперь положим среднюю цену лошади в 25 рублей, овцы (берем осенние цены) 3 рубля и свиньи 4 рубля, то выйдет за 8326 лошадей 208150 рублей, за 200178 овец 600534 рубля и за 16521 свинью 66084 рубля, а всего 2378985 рублей. Цифра солидная, и в таком случае мы, из опасения впасть в ошибку, уменьшим ее до двух *миллионов*.

Результат урожаев хлебов в 1868 году

Известно, что скотоводство играет весьма важную роль в сельском хозяйстве, составляя не только его опору, но и главную силу. Крестьяне 3-го мирового участка, как мы выше видели, имеют более 30 тысяч рабочих волов и более 6 тысяч упряжных лошадей. Владея такими огромными землеобрабатывающими и перевозочными силами, они, очевидно, имеют более чем достаточные средства производить огромные распашки не только на своих, но и на наемных землях. В 1868 году урожай хлебов был посредственный, но все-таки крестьяне, как увидим из следующей таблицы, за обеспечением собственного продовольствия, имели возможность продать разного хлеба 60797 четвертей на сумму 396934 рубля 30 копеек.

	В 1868 году продано крестьянами				Итого четвертей
	В Ростове-на-Дону	Местными торговцами для отправления в Ростов	Поставщиками провианта	На базарах и ярмарках в Ставрополе	
Сел. Песчанокопское пшеницы	2965	3000	»	350	6315
Льна	»	60	»	»	60
Овса	»	280	»	120	400
Сел. Богородицкое и отселок Крученая Балка пшеницы	3860	3050	»	409	7319
Льна	40	140	»	»	180
Овса	1100	170	»	140	1410
Жуковское и отселок Рассыпной пшеницы	2700	3200	»	314	6214
Льна	»	50	»	»	50
Овса	»	300	»	100	400
Сел. Летницкое пшеницы	2850	3150	»	236	6236
Овса	»	200	»	150	350
Привольное пшеницы	900	350	»	178	1428
Овса	»	120	»	43	153
Итого	14415	14070	»	2040	30525
Сел. Воронцовское пшеницы	2850	860	»	110	3820
Ржи	»	»	1430	»	1430

	В 1868 году продано крестьянами				Итого четвертей
	В Ростове-на-Дону	Местными торговцами для отправления в Ростов	Поставщиками провианта	На базарах и ярмарках в Ставрополе	
Овса	50	120	»	60	230
Ячменя	»	100	120	»	220
Екатерининское пшеницы	880	250	»	25	1155
Ржи	»	»	420	»	420
Льна	20	»	»	»	20
Овса	10	50	»	»	60
Ячменя	»	»	68	»	68
Новоманычское пшеницы	500	300	»	»	800
Ржи	»	»	550	»	550
Льна	30	»	»	»	30
Овса	»	120	»	»	120
Ячменя	»	100	»	»	100
Новоегорлыкское пшеницы	2100	600	»	»	2700
Ржи	»	»	2150	»	2150
Льна	253	»	»	»	253
Овса	»	200	»	»	200
Ячменя	»	150	»	»	150
Отселок Баранниковский пшеницы	250	250	»	»	500
Ржи	»	»	300	»	300
Льна	70	»	»	»	70
Овса	»	40	»	»	40
Ячменя	»	50	»	»	50
Березовский пшеницы	340	150	»	»	490
Ржи	»	»	444	»	444
Льна	50	»	»	»	50
Овса	»	30	»	»	30
Ячменя	»	25	»	»	25
Хутор Шаблиевский пшеницы	120	70	»	»	190
Ржи	»	»	170	»	170
Льна	50	»	»	»	50
Овса	30	20	»	»	50
Ячменя	»	70	»	»	70
Деревня Александровская пшеницы	150	70	»	»	220
Ржи	»	100	»	»	100

	В 1868 году продано крестьянами				Итого четвертей
	В Ростове-на-Дону	Местными торговцами для отправления в Ростов	Поставщиками провианта	На базарах и ярмарках в Ставрополе	
Овса	»	25	»	»	25
Ячменя	»	20	»	»	20
Итого	7893	3780	5652	195	17520
Селение Сандата пшеницы	750	1000	»	50	1800
Льна	280	300	»	»	580
Овса	»	150	»	»	150
Ячменя	»	100	»	»	100
Ивановское пшеницы	150	653	»	48	851
Льна	»	60	»	»	60
Овса	»	85	»	»	85
Ячменя	»	26	»	»	26
Красная Поляна пшеницы	560	3000	»	»	3560
Льна	»	200	»	»	200
Овса	»	150	»	50	200
Ячменя	»	60	»	»	60
Поливенное пшеницы	200	2000	»	»	2200
Льна	»	43	»	»	43
Николаевское пшеницы	»	1000	»	»	1000
Отселок Развильный пшеницы	»	1800	»	»	1800
Льна	»	37	»	»	37
Итого	1940	10664	»	148	12752
А всего	24248	28514	5652	2383	60797
	Собственно в Ростов 52762 четвертей				

Отсюда, прежде всего, оказывается, что селения 3-го мирового участка в торговом отношении более тяготят к Ростову-на-Дону, чем к Ставрополю, так как на первый из этих рынков сбыта поступило $86^{1}/_{2}$% всего проданного хлеба (пшеница в Ставрополь идет только перемолотая в муку). Из этой таблицы оказывается еще, что более всего продано пшеницы (48598 четвертей), затем идет рожь (5564 четверти), овес (3913 четверти), лен (1833 четверти) и ячмень (889 четвертей). Почти половину всего количества хлеба, поступившего на Ростовский рынок, крестьяне лично там продали с целью воспользоваться высшими против местных ценами и удобным случаем привезти оттуда строевой лес. В прошлом году крестьяне продавали хлеб по следующим ценам (принимая в сложности средние).

Пшеницу	в Ростове по 8 р. 50 к.	на месте по 6 р.	на базаре 7 р.
Лен	по 11 р.	по 8 р.	
Овес	по 4 р. 50 к.	по 2 р.	2 р. 10 к.
Рожь	по 5 р.	по 3 р.	
Ячмень	по 4 р. 50 к.	по 2 р. 50 к.	по 3 р.

Поэтому крестьяне продали	пшеницы на 338561 рубль 50 копеек
	Льна на 17463 р.
	Овса на 10867 р. 30 к.
	Ржи на 27820 р.
	Ячменя на 2222 р. 50 к.
	А всего продано на 396934 рубля 30 копеек

Как ни велико количество перемолотого в муку хлеба (85010 четвертей[6]) и проданного зерном (60797 четвертей), оно далеко не выражает вполне результатов прошлогоднего хлебопашества крестьян 3-го мирового участка. Мы не знаем (и, конечно, никогда знать не будем) ни количества употребленного на посев хлеба, ни оставленного в запасе как зерном, так и в снопах, потому что и сам крестьянин в точности этого не знает. Распашку свою он считает только в ширину саженями, не заботясь о длине загона, которая бывает различна (от 160 до 250 саженей). Благо, поля не вымерены; паши, сколько хочешь и сколько быки в силах вспахать. (Таково уж право, или, лучше сказать, *бесправие*, вытекающее из общинного пользования землею). Крестьянин не имеет привычки сыпать хлеб в закром или брать оттуда *замерою*, особенно если берет *на посев*. В этом случае он крепко придерживается восточного поверья, что «*не считая, Бог* (ему) *без счету даст*». Такие же неудобства неминуемо встретились бы при исчислении хлеба, сберегаемого крестьянами из года в год в одонках, если бы кто пожелал привести в известность эти запасы, зерном и на меру.

При очевидной поэтому невозможности доискиваться дальнейших сведений о результатах прошлогоднего хлебопашества, заметим здесь кстати, что крестьяне 3-го мирового участка, по недостатку и другим причинам, производят еще распашки на землях посторонних ведомств и лиц, конечно, за установленную или условленную плату.

	На Донских степях	На земле Большедербетского калмыцкого улуса	На владел. земле	Итого	Плата от десятины целинной земли		Итого	
	десятин				Р.	К.	Р.	К.
Сел. Песчанокопское	150	»	»	150	2	»	300	»
Жуковское и отселок Рассыпной	»	120	»	120	1	50	180	»
Богородицкое и отселок Крученая Балка	1000	»	»	1000	2	»	2000	»
Летницкое	130	»	»	130	2	»	260	»
Привольное	»	50	»	50	1	50	75	»
Новоманычское	»	135	»	130	1	50	202	50
Новоегорлыкское	»	850	»	850	1	50	1275	»
Отселок Баранниковский	»	1200	»	1200	1	50	1800	»
Березовский	»	100	»	100	1	50	150	»
Деревня Александровская	»	»	360	360	7	»	»	»
Селение Сандатовское	»	100	»	100	1	50	150	»
Ивановское	»	100	»	100	1	50	150	»
Тоже мягкой земли	»	200	»	200	1	»	200	»
Красная Поляна	»	150	»	150	1	50	225	»
Итого	1280	3005	360	4285	»	»	6967	50

Перевозочные средства

То обширное скотоводство, которое, как мы видели, дает крестьянам 3-го мирового участка возможность заниматься хлебопашеством в таких огромных размерах, в то же время дает им не менее громадные и перевозочные средства — условие, весьма важное в крае, не имеющем ни судоходных рек, ни паровозочных дорог. Так, для перевозки в Ростов-на-Дону 52796 четвертей хлеба, полагая средним числом 10 пудов в четверти (пшеница принимается 11 пудов 5 фунтов в четверти, лен тоже) и по 45 пудов на фуру, вышло в течение года не менее 11732 пароволовых фур. Сверх того, из селений 3-го участка вышло 1113 фур, а именно: под шерсть до Ростова 448 фур, под соль до разных магазинов 565 фур и 100 фур под провиант до станицы Щербиновской. Таким образом, крестьяне перевезли разной клади до 616000 пудов.

Перевозочные цены (средние по времени и месту) в 1868 году существовали: до Ростова-на-Дону с четверти хлеба 2 рубля 25 копеек и с пуда 25 копеек, до станицы Щербиновской с четверти 1 рубль 50 копеек и до разных соляных магазинов 17 копеек с пуда. Поэтому крестьяне выручили за перевозку

28514 четвертей хлеба	64156 р. 50 к.
22160 пудов шерсти	5530 р.
25325 пудов соли	4052 р.
и 500 четвертей провианта	756 р.
Всего	74484 рубля 50 копеек.

Кожи, овчины, шерсть, сало и щетина

При обозрении скотоводства в отношении рабочей силы и вообще его полезности нельзя оставить без рассмотрения и тех сырых продуктов, которыми оно своим производителям доставляет значительные выгоды, как-то: кож, овчин, шерсти, сала и щетины.

В прошлом (1868 году) число павшего и убойного рогатого скота в 3-м мировом участке, как мы видели выше, простиралось до 5115 штук. По собранным сведениям, крестьяне продали

1784 воловьих кож, средними ценами	по 4 р.	на 7136 р.
1696 коровьих кож	2 р. 50к.	4240 р.
и 895 телячьих кож	по 75 к.	671 р. 25 к.
4375 кож		на 12047 р. 25 к.

Оставшиеся непроданными 740 кож следует считать употребленными на домашние потребности, как-то: налыгачи, решета для очистки зернового хлеба и проч.

Овчин поступило в продажу 7850, полагая за каждую по меньшей мере 60 копеек, а за все выручено 4710 рублей. Конских кож продано 364, по 1 рублю, на 364 рубля. Оказывается, что крестьяне по этим статьям имели дохода 17121 рубль 25 копеек.

Громадное количество (44944) выделанных для домашнего употребления овчин приводит к заключению, что крестьяне достаточно обеспечены теплою одеждою. И действительно, нет крестьянина, как бы беден он ни был, у которого не было бы шубы. У людей достаточных всегда найдется запасная, так называемая праздничная шуба; а в семействах богатых, особенно у овцеводов, можно насчитать десятки шуб овчинных, саксачьих и курпейчатых. Многие крестьяне усвоили себе калмыцкий обычай носить овчинные штаны зимою. Чобаны же (овчари), можно сказать, с ног до головы одеваются овчинами. Даже летние штаны и те носят из овечьих или козьих шкур, дубленых и без шерсти, на манер замши. В последнее время начали входить между крестьянами в моду дубленые полушубки с разными вышивными узорами и украшениями.

Выделка овчин производится на месте временно проживающими мастерами (овчинниками), зашедшими из внутренних губерний, отчасти же и своими жителями. За выделку овчины, смотря по ее величине, платится от 3 до 7 копеек и, сверх того, за каждый десяток больших овчин по одному пуду ржаной муки. В пользу мастера идет еще так называемая «*кислая шерсть*», остающаяся от очистки квашеных овчин. Поэтому выделка 44944 овчин обошлась крестьянам, полагая среднюю плату по 5 копеек, за каждую 2247 рублей и 4494 пуда ржаной муки, не считая поступившей в пользу овчинников до 140 пудов кислой шерсти.

Из такого количества овчин, принимая в расчет разную их величину и различный возраст потребителей, вышло по меньшей мере около 6500 шуб и полушубков, но и затем крестьяне покупают еще на ярмарках много готовых шуб.

Шерсть, или волна, составляет главную статью дохода от овцеводства. При обыкновенном способе собирания статистических сведений очень легко впасть в ошибку при учете шерсти, и тем легче, что и сами овцеводы, придерживаясь крепко патриархальных порядков, сами не делают ей никакого учета. А между тем, чрезвычайно интересно было бы знать, какое количество шерсти поступает в продажу и какое оставляется на домашние надобности. К сожалению, вопросы эти можем только решить посредством комбинаций, основанных на близком знании крестьянского быта, его потребностей и на торговых соображениях.

Порода здешних овец, *старых*, дает, круглым счетом, шерсти от 5 до 6 фунтов; *молодых* – от 2 до 3 фунтов. Таким образом, средним числом, овца дает 4 $^{1}/_{4}$ фунта. Иной, впрочем, год шерсть бывает тяжеловеснее, а другая овца или баран дает 8 и 10 фунтов; но это уже исключительные случаи, которых при валовом расчете за норму принимать не следует. Поэтому в прошлом году с 200178 овец снято шерсти не более 21268 пудов 36 фунтов. И действительно, видим, что в Ростов-на-Дону доставлено было на 448 фурах 22160 пудов шерсти, то есть только 892 пудами больше, чем снято.

Трудно допустить, чтобы все количество прошлогодней шерсти было куплено у овцеводов и отправлено в Ростов, потому что крестьянками было выткано до 8 тысяч кусков сукна, в 20 аршин каждый, на зипуны, онучи и другие потребности, кроме пряжи на чулки и плахты. Да сверх того, сделано до 4 тысяч полстей и потников. Для этих надобностей, по меньшей мере, следует определить 3 $^{1}/_{2}$ тысячи пудов шерсти. Но главное, что в селениях Новоегорлыкском, Новоманычском и Баранниковом хуторе ежегодно производится весною стрижка овец, скупаемых в Ставропольской губернии и прогоняемых донскими степями в Воронежскую, которая там купцами Лопаткиными скупается для Ростова в количестве около 5 тысяч пудов. Соображаясь с этим, можно без большой ошибки допустить, что крестьяне 3-го мирового участка в прошлом году продали шерсти 12 $^{1}/_{2}$ тысяч пудов на сумму 37500 рублей. Затем до 1200 пудов могло оставаться на руках у овцеводов от 1867 года и вместе с прошлогоднею шерстью быть отправлено в Ростов.

Сала говяжьего, свиного и бараньего, по забранным сведениям от местных торговцев, куплено ими у крестьян до 500 пудов на сумму 2 тысячи рублей, 72 пуда щетины по 16 рублей, на 1168 рублей, 17 $^{1}/_{2}$ пудов пуху по 10 рублей, на 175 рублей, 7 $^{1}/_{2}$ тысяч заячьих шкурок по 15 копеек, на 1125 рублей и 385 хорьковых по 20 копеек, на 77 рублей. Последние две статьи составляют предмет охоты, вызываемый торговлею и приносящий крестьянам, хотя небольшую, но все-таки денежную пользу.

Заготовление сена и обеспечение подножным кормом

В селениях 3-го мирового участка распределение поземельных угодий не основано на каких-либо рациональных началах, что, впрочем, и немыслимо при пользовании землею на общинном праве. Неудивительно поэтому, что в одних селениях крестьяне владеют достаточным количеством сенокосных дач, в других очень скудным, а есть и такие селения, в которых совсем нет сенокосной степи. Между тем, столь обширное, как мы видели, скотоводство, требует не менее обширных средств продовольствия. Понятно отсюда, что и заготовление корма на зиму, по меткому выражению крестьянина, для «худобы» составляет главную его заботу и главную статью его расходов.

В следующей таблице мы старались сгруппировать и сопоставить числительные данные, необходимые для выяснения вопроса о размерах сенокошения в 3-м мировом участке.

	Число самостоятельных хозяйств	Число десятин сенокосной земли	Общее число рогатого скота, овец и лошадей	Сколько стогов сена скошено				Итого стогов	Стогов истреблено степными пожарами
				На сельских дачах	На Донских степях	На калмыцких землях	На землях частных владельцев		
Сел. Песчанокопское	575	12534	22764	1820	»	»	»	1820	41
Богородицкое с отселком Крученая Балка	629	14430	15345	1110	713	»	»	1863	372
Жуковское с отселком Рассыпное	578	15883	22700	1350	»	37	»	1387	2
Летницкое	548	12320	14440	1170	»	500	»	1670	»
Привольное	254	10545	12019	1160	»	56	»	1216	»
Итого	2574	65712	87268	6610	713	593	»	7906	419
Сел. Сандатовское	690	6145	14000	1000	»	320	»	1320	188

	Число самостоятель-ных хозяйств	Число десятин сенокосной земли	Общее число рогатого скота, овец и лошадей	Сколько стогов сена скошено				Итого стогов	Стогов истреблено степными пожарами
				На сельских дачах	На Донских степях	На калмыцких землях	На землях частных владельцев		
Ивановское	258	2066	8297	420	»	58	»	478	49
Красная Поляна	861	10815	19800	1400	»	100	»	2200	5
Николаевское	327	3600	6155	150	50	60	»	260	13
отселок Развильный	198	2570	4520	100	100	107	»	307	»
Итого	2549	28296	57922	3470	228	645	»	5043	255
Сел. Воронцовское	557	3050	8460	375	200	»	»	575	»
Екатерининское	285	150	4970	60	225	»	»	285	»
Новоманычское	185	»	24225	»	385	220	»	605	»
Новоегорлыкское	1050	3120	61070	560	»	400	»	960	12
Отселок Баранниковский	122	»	11645	»	»	250	»	250	»
Березовский	72	100	6276	15	»	250	»	265	2
Хутор Шаблиевский	59	80	3235	10	40	»	40	90	»
Деревня Александровская	74	184	1590	40	70	»	60	170	»
Итого	2404	6500	121471	1060	920	1120	100	3200	14
А всего	7527	100692	266661	11140	1860	2358	100	15149	688

Сопоставление этих цифр приводит нас к следующим заключениям:

а) В общем итоге крестьяне накосили, по-видимому, громадное количество сена — 15149 стогов, или до 4-х миллионов пудов, если считать (что весьма правдоподобно) стог сена в 260 пудов.

б) Такое количество сена и в общей сложности дает на каждое самостоятельное хозяйство, однако же, только по 2 стога, что, в свою очередь, весьма немного.

в) На своих землях крестьяне поставили 11140 стогов. Ошибочно было бы полагать, что на 9 десятинах они накашивали один только стог, потому что в таком случае, как говорится, овчина не стоила бы выделки. Скорее можно допустить, что, по плохому урожаю трав (как это и действительно было), только $^1/_9$ часть степей оказалась удобною к сенокошению.

г) Разлагая все количество сена на дачи, каждой скотине пришлось бы только по 14 пудов. Но следует заметить, что зимою довольствуются сеном только овцы, волы, предназначенные в продажу, и упряжные лошади; затем, остальной скот питается соломою. Впрочем, как овцам, так и гулевому скоту, задают сено только тогда, как выпадает снег, в противном случае подножный корм составляет их единственную пищу. При таких распорядках и с помощью старых запасов крестьяне в прошлом году достаточно обеспечили себя сеном.

д) В частности же результаты вышли не столь благоприятные. Так, например, в селении Новоегорлыкском, в котором скотоводство наиболее развито, и в соседнем селении Новоманычском (в них скотоводство простирается до 85295 голов, то есть равняется почти с Песчанокопскою воло-

стью и превосходит волость Воронцовскую) накошено сравнительно малое число стогов сена (1555), то есть менее, чем накосило одно селение Песчанокопское (1820 стогов).

И наконец — на донских степях крестьяне накосили 1860 стогов сена с платою от стога по 4 рубля (7440 рублей) и на землях калмыцких Большедербетского улуса 2358 стогов с платою по 3 рубля 50 копеек (8253 рубля). На земле же помещика Сысоева его временно-обязанные крестьяне косили из четвертого стога.

Заготовление сена требует огромных денежных средств. В прошлом году существовали средние цены в день косарю 1 рубль 50 копеек и гребцу 75 копеек. Стог, в круглом счете, обошелся от 8 до 10 рублей, не считая личных трудов, харчей и платы на кошение сена на землях посторонних ведомств и лиц. Поэтому на заготовление сена крестьяне, по меньшей мере, издержали до 152 тысяч рублей. К сожалению, степными пожарами у них истреблено 688 стогов, и потерю эту можно оценить не менее 20000 рублей.

Крестьяне 3-го мирового участка большое количество рогатого скота лошадей и овец выпасывают на донских и калмыцких степях, а именно:

На донских степях	Рогатого скота	Лошадей	Овец	Итого
Селение Песчанокопское	285	49	9470	9804
Богородицкое и отселок Крученая Балка	2193	154	5430	7777
Хутор Шаблиевский	180	4	600	784
Селение Воронцовское	300	10	2500	2810
Екатерининское	220	6	1400	1626
Итого	3178	223	19400	22801

На степях Большедербетовского калмыцкого улуса	Рогатого скота	Лошадей	Овец	Итого
Селение Летницкое	250	156	6000	6406
Привольное	130	»	1500	1630
Новоманычское	4500	30	14500	19300
Новоегорлыкское	3700	25	35000	38725
Отселок Баранниковский	1700	15	8660	10375
Березовский	500	4	600	1104
Итого	10780	230	66260	77270[8]
А всего	13958	453	85660	100071

Впрочем, это еще не все. По не зависящим от нас причинам, мы не могли добыть сведений о числе скота, выпасываемого Сандатовскою волостью на калмыцкой земле, но и затем можно, не рискуя впасть в большую ошибку, полагать, что крестьяне 3-го мирового участка *половину* своего скотоводства выпасывают на землях посторонних ведомств и лиц. С этой целью временно-обязанные крестьяне деревни Александровской нанимают у господина Сысоева 1800 десятин земли с платою по 20 копеек за десятину в год.

Рождается вопрос, действительно ли крестьяне, по недостатку или неудобству общественных сельских дач для выпаса их обширного скотоводства, вынуждены нанимать земли у посторонних лиц и ведомств?

Хотя, действительно, у крестьян 3-го мирового участка до 15-десятинного на душу надела и не достает 112469 десятин, но, по нашему мнению, не столько недостаток земли, сколько *недостаток водопоев* заставляет их искать выпаса вне своих общественных земель,

За пользование посторонними землями крестьяне платят следующие установленные цены:

	На Донских степях		На калмыцких степях		На казенных степях Ставропольской губернии	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
За выпас рогатой скотины и лошадей	»	55	»	40	»	20
» » овец	»	20	»	10	»	5
За распашку целинной земли	2	»	1	50	»	75
Мягкой земли (под 2-й посев)	1	50	1	»	»	50
За накошение стога сена	4	»	3	50	1	50
За временной баз (зимовник)	10	»	2	»	2	»

Поэтому крестьяне в прошлом году уплатили за пользование донскими землями:
за выпас 5748 руб. 90 коп.
за сенокошение 7440 руб.
за распашку 2560 руб.
Итого 15748 рублей 90 копеек.
А за пользование калмыцкими землями,
за выпас 14330 р. 40 к.
за сенокошение 8253 р.
за распашку 5010 р.
Итого 27593 р. 40 к.
А всего 43342 рубля 30 копеек.

Если бы крестьяне 3-го мирового участка ежегодно хотя $^1/_2$ часть этой суммы затрачивали на устройство в своих степях разных водохранилищ: запруд, колодцев, копаней и вообще разных ирригационных сооружений — то, несомненно, по истечении нескольких лет не имели бы нужды в найме посторонних земель, а свои собственные приносили бы им несравненно более материальных выгод, чем теперь приносят. Но при общинном поземельном праве, давным-давно забытом в остальной Европе, устройство крестьянами ирригационных сооружений — дело нелегкое...

Садоводство, огородничество, бакши и конопли

Садоводство и огородничество — в совершенном пренебрежении. Вернее сказать, эти занятия вовсе не существуют в 3-м мировом участке, хотя крестьяне весьма охотно потребляют произведения садоводства и огородные яства, привозимые из Ставрополя и окрестных станиц отставными солдатами, казаками или мещанами. Привозимое количество выменивается на пшеницу — мерка на мерку. Картофель также выменивают на пшеницу.

Есть, правда, в селениях кое-где небольшие садики, но, кажется, они как будто насажены для забавы детей...

На зиму заготовляются, не всеми, впрочем, и не в изобилии, капуста, картофель и редко бураки. Все это покупается крестьянами или в городе Ставрополе, или в Ростове-на-Дону, смотря где кому ближе или сподручнее. Лук, чеснок, стручковый перец и редька водятся и на месте, хотя и не во всех хозяйствах.

Зато посев бакши — непременное условие каждого хозяйства, богат ли хозяин или беден. С половины августа и до глубокой осени арбузы и дыни составляют ежедневную пищу крестьянской семьи. С ранней зари и до вечера, в завтрак ли, обед, полдень или ужин, арбуз и пирог пшеничный — неизбежная, а часто и единственная принадлежность пищи поселянина. Необходимо только заметить, что с того же времени начинается лихорадочный сезон. Огурцы тоже засеваются на бакшах, но не в большом количестве и впрок на зиму не заготовляются. Подсолнечник сеют много.

Под бакшами в прошлом году в 3-м мировом участке было занято 2224 десятины. Значит, настолько же убавилось у крестьян твердой земли. После бакшей сеют пшеницу, потом лен и затем оставляют землю на десяток лет, пока земля не окрепнет и не сделается годною для новых распашек. Такова система здешнего полеводства, и наш крестьянин упорно ее держится.

Для посева конопель крестьяне не унаваживают земли и потому особых конопляников не занимают. Конопля превосходно родится на нови и вообще на твердой земле, были бы только в свое время

дожди. В каком размере производятся посевы конопель, сведений не имеем; но судя по тому, что крестьянками в прошлом году выткано 17680 кусков холста на белье, мешки и прочее (на каждое хозяйство приходится с небольшим по 2 $^{1}/_{2}$ куска, или около 50 аршин), можно утвердительно сказать, что посев конопель производится в больших размерах. Жаль только, что мочка конопель в проточных водах не остается безнаказанной и причиняет много вреда и людям, и домашним животным.

Ремесла

Ознакомившись в предлагаемом очерке с экономическим состоянием крестьян 3-го мирового участка, перейдем к ремеслам.

Самые необходимые в крестьянском быту ремесла имеют в участке 472 представителя, в числе которых только 217 местных жителей, а остальные — люди, временно проживающие в селениях, — число, крайне ограниченное для удовлетворение потребностей 50-тысячного населения.

По специальностям ремесленники распределяются в волостях в следующем числе:

	В волостях						Итого	В том числе местных жителей
	Песчанокопской		Воронцовской		Сандатовской			
	Местных жителей	Посторонних	Местных жителей	Посторонних	Местных жителей	Посторонних		
Портных	11	14	7	9	9	12	62	27
Сапожников	10	13	12	22	8	15	80	30
Шубников	»	»	10	10	»	»	20	10
Овчинников	»	»	2	12	5	15	34	7
Кожевников	6	13	5	8	1	5	38	12
Плотников	20	15	15	13	11	22	96	46
Пильщиков	»	»	4	2	»	»	6	4
Кровельщиков (для камышовых крыш)	»	»	4	»	»	»	4	4
Стекольщиков	»	»	4	2	4	»	10	8
Столяров	»	»	3	2	»	»	5	3
Печников	6	2	5	»	11	»	24	22
Бондарей	3	6	4	6	4	8	31	11
Колесников	1	»	2	2	1	»	6	4
Кузнецов	2	10	11	6	11	8	48	24
Делающих сани и воза	»	»		3	»	»	8	5
Итого	59	73	93	97	65	85	472	217

В частности, размещение ремесленников еще слабее. Во многих селениях и отселках нет кузнецов, бондарей, колесников, плотников, ремесленников по предметам приготовления одежды. При таких условиях сельское хозяйство не может в ходу своем не встречать иногда непреодолимых затруднений даже в самых простых приемах. Все достается дорого, а подчас ни за какие деньги нельзя достать того, что нужно. Есть материал, но некому сделать или починить. Необходимость учреждения ремесленной школы сильно ощущается.

Сельские школы и число грамотных

Неприятно будет читателю рядом с крупными цифрами, свидетельствующими ясно о хорошем развитии экономического состояния крестьян 3-го мирового участка, встретиться с тощими цифрами, грустно напоминающими чрезвычайно слабые начатки распространения грамотности между теми же крестьянами. Статистика показывает, что в числе 25330 душ мужеского населения только 664 грамотных и из них только 113 человек, умеющих писать, — и то «с грехом пополам», как говорится; и что в нынешнем году в 10 сельских шкалах обучается всего-навсего 145 мальчиков и 9 девочек — конечно, тоже «с грехом пополам», — говорим это, разделяя вину между учащими и учащимися.

Школы в 3-м мировом участке разделяются на две категории. К первой относим школы, открытые по распоряжению бывшей Палаты государственных имуществ, на содержание которых ежегодно отпускается незначительная сумма из училищного капитала. К второй — открытые по распоряжению епархиального начальства.

Более подробные сведения как о выученных грамоте, так и о посещающих сельские школы представляем в следующей таблице:

	Число населения мужского пола	Число крестьян, обучающихся в школе и умеющих:		Число грамотных, обучавшихся дома на средства родителей	Число выучившихся грамоте самоучкою	Школы, открытые гражданским начальством и содержащиеся на счет училищного капитала			Школы, открытые по распоряжению епархиального начальства без содержания	
		Читать и писать	Только читать			Когда открыта школа	Число учеников	Сколько отпускает в год на содержание школы	Когда открыта школа	Число учеников
В селении Песчанокопском	2176	20	37	»	»	в 1855 г.	15	175 руб.	»	»
Богородицком	1904	»	»	50	2	школ никаких нет				
Отселке Крученая Балка	676	»	»	14	1					
Жуковском	1968	»	»	16	»					
Отселке Рассыпном	879	»	»	4	»					
Летницком	1842	»	»	25	1					
Привольном	1226	6	20	»	»	»	»	»	в 1861	10
Итого	10671	26	57	90	4	»	15	175 р.	»	10
В селении Воронцовском	1955	14	30	20	5	1856 г.	28	175 р.	»	»
Екатерининском	765	7	13	4	1	»	»	»	1864	9
Новоманычском	594	5	16	7	»	»	»	»	1865	6
Новоегорлыкском	2075	26	70	14	7	1842 г.	55	180 р.	»	»
Отселке Баранниковском	470	3	7	2	1	»	»	»	1866	4

	Число населения мужского пола	Число крестьян, обучающихся в школе и умеющих:		Число грамотных, обучавшихся дома на средства родителей	Число выучившихся грамоте самоучкою	Школы, открытые гражданским начальством и содержащиеся на счет училищного капитала			Школы, открытые по распоряжению епархиального начальства без содержания	
		Читать и писать	Только читать			Когда открыта школа	Число учеников	Сколько отпускает в год на содержание школы	Когда открыта школа	Число учеников
Хуторе Березовском	225	»	2	6	1	школ никаких нет				
Шаблиевском	345	»	6	8	1					
Деревне Александровской	239	»	2	11	2					
Егорлык в женской школе	»	»	»	»	»	»	»	»	1864	9
Итого	6654	55	146	72	18	—	83	355 р.	—	28
В Сандатовском	2137	13	15	»	»	неиз.	3	175 р.	»	»
Ивановском	834	4	10	30	»	»	»		1864	н.
Красной Поляне	2619	9	40	5	»	1850 г.	неизв.	175 р.	»	»
Поливянном	706	»	»	8	»	школы нет				
Николаевском	1117	6	6	4	1	1864 г.	15	175 р.	»	»
Отселке Развильном	578	»	»	13	3	школы нет				
Итого	8144	32	71	60	4	—	18	525	»	»
А всего	25469	113	274	231	26	—	116	1055	1055	38

Итак, в селениях и отселках с 9362 душами мужского населения нет еще школ!.. Но все-таки и в них есть и самоучки, и выучившиеся грамоте без помощи школы. Число тех и других доходит до 267 человек, что дает 41% всех наличных грамотных. Значит, нельзя сказать, чтобы наш народ не искал просвещения… Он, быть может, не любит только школ, какие видит перед глазами; в этом случае он отчасти прав…

О существующих сельских школах остается еще заметить, что в одних учители получают жалованья по 85 рублей в год (вернее сказать, в зиму), а в других — обучают бесплатно. В том только и вся между ними существенная разница. В остальном же сельские школы одна на другую весьма похожи.

14 октября 1869 года.
С. Безопасное

Примечания

1. Статья о соединении Кубани с Доном напечатана в «Ставропольских губернских ведомостях» 2 октября 1865 года.

2. Волости временно оставлены в прежнем составе, по особым уважительным причинам, впредь до преобразования, согласно § 43 Высочайше утвержденного положения 19-го февраля 1861 года.

3. В настоящее время местное епархиальное начальство, как нам известно, уже приступило, по примеру других епархий, к рассмотрению всех вопросов об улучшении и обеспечении быта сельского духовенства.

4. Ввиду столь значительного недостатка земли вывод из селений Красная Поляна, Жуковского и Николаевского трех ремонтных драгунских депо, стесняющих жителей в поземельном довольствии, был бы благодетельным для крестьян означенных селений распоряжением, если тому не противоречат только военно-стратегические соображения.

5. Начало настоящего очерка во 2-м выпуске «Сборника статистических сведений о Ставропольской губернии», 1869 года, Отдел 1, стр. 85–112.

6. См. выше, под рубрикою «Водяные и ветряные мельницы».

7. Временно-обязанные крестьяне деревни Александровской нанимают землю у помещика господина Сысоева из четвертой копны, т.е. владелец земли получает $^{1}/_{4}$ часть (90 десятин) хлеба, посеянного и убранного крестьянами.

8. По сведениям Большедербетовского улусного управления, на калмыцких землях выпасывалось крестьянами 3-го мирового участка в 1869 году рогатого скота 13258, лошадей 200 и овец 99768 голов, всего скота 113226 штук, и распахано земли 595 десятин.

Текст и примечания печатаются по источникам:

Бентковский И.В. Очерк третьего мирового участка Ставропольского уезда в топографическом, сельскохозяйственном, промышленном и статистическом отношениях // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. – Ставрополь, Выпуск 2, 1870. – С. 85–112.

Бентковский И.В. Очерк третьего мирового участка Ставропольского уезда в топографическом, сельскохозяйственном, промышленном и статистическом отношениях // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Выпуск 3. – Ставрополь, 1870. – С. 49–83.

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ГОРОДЕ СТАВРОПОЛЕ

Нет пока положительных сведений о времени основания Ставропольской крепости, так сказать, родоначальницы нынешнего губернского города. Положительно только известно, что по проекту князя Потемкина Таврического и повелению императрицы Екатерины II, в 1776 году занята была русскими войсками Моздокская линия, от Моздока до Азова и вниз по Кубани, а в следующем году Кавказская линия, от крепости Ставропольской до Черкасска, или, вернее, до крепости святого Дмитрия, что ныне Ростов-на-Дону. В хронологическом указателе важнейших в Ставропольской губернии событий упоминается, что в Ставрополе до 1777 года существовало уже укрепление; а Дебу в сочинении своем о Кавказской линии говорит, что учреждение (заметим, не построение) Ставропольской крепости считается с 1777 года[1]. Между тем, из ведомости о крепостных постройках 2-й дистанции Моздокской линии, отысканной в архиве старых дел Губернского правления, оказывается, что крепость Ставропольская строилась в 1778, 1779 и 1780 гг.[2]

Хотя каждое из упомянутых сведений, в известном отношении, исторически верно, но и затем ни одно не указывает, когда именно брошена первая лопата земли на сооружение вала или рва в Ставропольской крепости, без чего и день закладки ее пока неизвестен.

Опираясь, однако ж, на имеющиеся сведения, можно с большею достоверностью сказать, что полковник Ладыженский в 1776 году занял место под Ставропольскую крепость Владимирским драгунским полком в полном 8-эскадронном составе и что драгуны, расположенные лагерем, могли заняться в тот год только расчисткою предназначенного для крепости места от векового леса и построить самое необходимое, как то: гауптвахту, сарай для полкового обоза и восемь конюшен для лошадей. Все эти постройки были только временные, потому что в 1778 году пришлось их перестраивать и переносить на другие места. Люди же разместились тогда по-походному, в палатках, или балаганах, в которых и перезимовали. Следующий 1777 год весь прошел в земляных работах по возведению крепостных стен, но построек никаких не было, а люди по-прежнему продолжали жить по-походному, в палатках и балаганах. Только с приходом на линию в 1778 году хоперских казаков, часть которых поселена и при Ставропольской крепости, постройки пошли деятельно. Так, в том же 1778 году построено (см. таблицу I).

Поэтому в 1778 году сделано 213 разных построек, из которых 22 было в крепости, а вне ее 191; в том числе, казачьих 179, частных 6 и казенных 28, но драгуны все еще продолжали жить по-походному, потому что только в 1779 году построено для них 14 казарм (по 2 в эскадроне) и канцелярия.

Таблица I.
Здания, построенные в 1778 г. в крепости Ставропольской

В крепости	
Домов, со всем принадлежащим к ним строением: штаб-офицерских	2
обер-офицерских	11
Гауптвахта, которая ныне (то есть в 1778 году) переделанная бревенная (удерживаем без изменения текст подлинника)	1
Пороховой, для поклажи полку Владимирского Драгунского и Артиллерийского снарядов и пороху выход	1
Запасный магазин (вероятно, амуничных вещей)	1
Сарай для полкового обоза, который ныне (1778 г.) переделан совсем новый	
Домов Хоперского казачьего полка, со всем принадлежащим строением:	1
Полковничий	1
Старшинских	2
Маркитантских лавок	2
За крепостью	
Хоперского семейства, на прежнем месте казачьих домов	179
Маркитантских лавок	3
Конюшен для казенных лошадей, которые в нынешнем (1778 г.) перенесены на другое место	8
Кирпичный сарай	1

Причину ослабевшей в том году строительной деятельности можно объяснить ошибочными распоряжениями и необдуманными экспедициями генерала Рейзера за Кубань, вызвавшими на всем протяжении линии усиленные набеги горцев, а вследствие того и усиленные преследования партий с нашей стороны, для чего и драгуны часто были отвлекаемы от крепостных работ. Приезд однако же Суворова в Ставропольскую крепость в мае 1779 года, во время обозрения всех военных линий, свидание его здесь с турецким сераскиром, закубанским князем Арслан-Гиреем и удовлетворение жалобы последнего на генерала Рейзера имели благотворное влияние как на ослабление горских набегов, так не менее того и на успешное продолжение крепостных построек.

Нет сомнения, что по личному указанию Суворова в 1780 году в Ставропольской крепости выстроена была первая «Церковь Божия», как сказано в ведомости, «для полка Володимирского драгунского, в которой иконостас полковой поставлен, и навсегда может быть крепостною». К сожалению, нет плана, по которому можно было видеть размеры крепости и расположение в ней строения, а главное, место, на котором существовала первая церковь в Ставрополе. Нам кажется, что она была на том самом месте (на горе), где еще недавно был высокий каменный крест, поставленный, по мнению других, в память свирепствовавшей на линии в 1810 году чумы, которая, впрочем, действительно тогда и в Ставрополе была.

Таблица II.
Здания, построенные в 1780 г. в крепости Ставропольской

В Ставропольской крепости, кроме церкви, в 1780 году выстроено:	
Казарм в 7 эскадронов прибавлено по одной, а в восьмом эскадроне все три	10
Деловой двор с тремя казармами	1
Казарм для музыкантов	2
— для артиллеристов	1
Цейхгаузов для полкового казначейства	1
— в эскадронах для амуниции по одному	8
— для поклажи материалов городской артиллерии	1
Выход для поклажи той же артиллерии снарядов и пороху	1
Кухонь	8
Сараев для обоза в эскадронах по одному	8
Домов обер-офицерских с принадлежащими к ним службами	14
Домов для нижних чинов	50
У ворот кардегардий	2
Маркитантских домов	6
Лавок	7
Погреб с деревянною нарубкою	1
Старшинских домов хоперского семейства	3
За крепостью	
Для госпиталя, во дворе, обрытом рвом, казарм для больных	5
Баня	1
Домов	2
Маркитантских лавок	18
Для поставления государственных лошадей еще вприбавок конюшня	1
При оных для караульных казарм	3
Домов хоперского семейства, старшинских	8
Казачьих	161
На речке Ачле (ныне Ташла) мельниц	5
Торговых бань	2
Итого	332

Оказывается, что к концу 1780 года в крепости Ставропольской и вне ее было уже выстроено: 1 церковь, 467 домов и 92 разных нежилых строений. Успех полковника Ладыженского в свое время замечательный, если принять во внимание, что все постройки производились, можно сказать, под неприятельскими выстрелами и собственными силами. Этот энергичный строитель, под ведением которого одновременно строились еще крепости Московская и Донская, сильно огорчался тем, что не мог сделать ничего больше и дешевле. «На сих днях, — писал он в рапорте генералу Фабрицияну 28 сентября № 1780, — получил я Указ за известие, что князь (Потемкин) требует для Азовской линии до 2000 каторжных, а мы чем согрешили, что к нам ни одного не назначено, а принуждены теперь во все работы употреблять бедных солдат? Сделайте милость, батюшка Иван Ворфоломеевич, и выпросите нам хотя 500 человек. А сколько бы я мог ими добра сделать, то бы Ваше Превосходительство сами после увидеть изволили. Я их сам беру прокормить и одеть, чтобы они ничего казне не стоили. (Замечательное бескорыстие того времени.) Я в сем намерении и писал к Вам, что поселенные домы ничего не будут стоить, ибо сим посредством будут мне стоить 1000 кирпичей только 25 копеек, а сажень дров для обжигания только 8 копеек, а целый поселенный дом только 8 рублей». Но Бог миловал. Крепость строилась без каторжных, и Ставропольская губерния никогда местом ссылки не была. Нельзя не обратить внимания на то, что в 1780 году в Ставрополе было уже 6 маркитантских домов и 27 лавок — зародыш торгового сословия и торговли будущего города. Из тогдашних деревянных строений одна только госпитальная казарма уцелела до 1836 года (все время занимаемая больничною палатою) на том самом месте, где ныне дом генерала Кусакова.

Спустя 5 лет (в 1785 году) при учреждении Кавказского наместничества в числе пяти уездов образован и Ставропольский, а Ставрополь сделан уездным городом. Тогда же, или в следующем году, крепостная церковь перенесена в город, на то место, где ныне Св. Троицкий Собор, и существовала там до 1822 года, то есть до построения новой каменной церкви; а прежняя деревянная продана на слом жителям (кажется) села Успенского, что ныне станица. Это административное значение город сохранил до 10 августа 1822 года, когда Кавказская губерния, по проекту Ермолова, преобразована в область, а областным городом назначен Ставрополь, хотя, впрочем, областные присутственные места перенесены из Георгиевска в новый областной город не ранее 2 октября 1824 года.

Нет сведений о числе гражданского населения в Ставрополе, как в период возведения его на степень уездного города, так и в последующие 38 лет. *Известно только, что город не имел отдельной территории и пользовался поземельными угодьями вместе с казаками.* Городские и станичные постройки были почти нераздельными.

Словом, экономические условия граждан и казаков, за исключением, разумеется, вытекающих из сословной обязанности последних, были почти одинаковы. Только по переселению Ставропольской станицы (в станицы Барсуковскую и Суворовскую) в 1825 г. земля, бывшая во владении казаков в количестве 16267 дес. 57 саж., вся отдана городу.

Дебу в сочинении своем о Кавказской линии говорит, что в Ставропольской станице в 1816 году, кроме казаков, проживало лиц гражданского ведомства разночинцев, крестьян, дворовых людей, инородцев и отставных солдат 104 мужчины и 106 женщин; но, к сожалению, по необъяснимой причине, умалчивает о городском населении Ставрополя, которое во всяком случае не могло быть значительно.

Более чем за год до перевода присутственных мест из Георгиевска, по ведомости Ставропольской городской полиции, 29 мая 1823 года[3] в населении города числилось (см. таблицу III).

Исключив из этого числа военнослужащих 610, останется гражданского населения только 1798 душ мужского пола. О числе женщин тогдашняя полиция не сочла нужным сообщить сведений.

Таблица III.
Население города по ведомости Ставропольской городской полиции

Служащих чиновников, военных	42
Гражданских	50
Нижних чинов, военных	568
отставных	158
Священно-церковных служителей	16
Купцов	108
Мещан	729
Иностранцев, грузин и армян оседлых	48
Временно проживающих	111

Таблица III. Население города по ведомости Ставропольской городской полиции	
Дворовых людей	270
Крестьян	50
Разночинцев	240
Итого	2408

В том же 1823 году в Ставрополе находилось уже (см. таблицу IV).

Таблица IV. Здания, построенные в городе Ставрополе к 1823 г.	
Каменная церковь во имя св. Троицы, впоследствии собор, называемый ныне старый. (Другая церковь, деревянная, во имя Казанской Божией Матери, была в станице Ставропольской, ныне 2-й части города, перевезенная в 1841 г. казаками в станицу Суворовскую)	
Домов каменных	10
Домов деревянных	469
Казенных зданий, занимаемых присутственными местами, казарм и проч.	18
Заводов: кожевенных, мыльных, салотопенных, кирпичных и известковых	28
Лавок	28

Отсюда можно заключить, как медленно развивалось экономическое состояние города Ставрополя. Но всего замечательнее, что с 1780 года, то есть в продолжение 43 лет, прибавилась только одна лавка.

Впрочем, и города, как и люди, переживают свой период младенчества. Для Ставрополя период этот кончился в 1824 году. С перенесением из Георгиевска присутственных мест Ставрополь, сделавшись гражданским и военным центром Кавказской области, вступил в возраст юношества, и с тех пор начал постепенно, но твердо развивать и свое экономическое состояние, и свое население. Нет сомнения, что в 1876 году вполне возмужалый, и притом владея значительным запасом материальных сил, Ставрополь отпразднует столетний юбилей своего существования, имея уже у себя железную дорогу, о которой, конечно, и не снилось строителю Ставропольской крепости.

Примечания

1. Дебу. О Кавказской линии. СПб. 1829 г., стр. 23.
2. Ставропольские губернские ведомости 1860, № 12.
3. Северный архив 1828 г. № 4.

Текст и примечания печатаются по источнику:
Бентковский И.В. Историко-статистические сведения о городе Ставрополе // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. III.

СВЕДЕНИЯ О СТАВРОПОЛЬСКОМ ЖЕНСКОМ УЧИЛИЩЕ ПЕРВОГО РАЗРЯДА[1]

Ставропольское женское училище 1-го разряда находится под покровительством ее императорского величества государыни императрицы Марии Александровны. Оно состоит из шести классов и класса приготовительного. Будучи заведением открытым, оно предназначено собственно для учениц приходящих всех сословий и вероисповеданий. Причисляясь к женским учебным заведениям 1-го разряда, оно состоит в главном ведении попечителя учебного округа, которым утверждаются все вопросы учебно-воспитательные, предварительно разрешенные педагогическим советом. Для слияния интересов ставропольских женских училищ, именно 1-го разряда и Св. Александры, председательница Благотворительного общества Св. Александры есть почетная попечительница училища 1-го разряда. Непосредственное наблюдение за преподаванием учебных предметов и успехами учащихся возлагается на инспектора.

Так как средства заведения находятся в полной зависимости от питаемого к нему доверия общества, то важно показать, насколько училище 1-го разряда пользовалось его доверием в период своего существования. В первый год своего открытия (1861 год) в нем было учащихся 81, во 2-й — 64, в 3-й — 58, в 4-й — 80, в 5-й — 68, в 6-й — 71, в начале 7 года — 129, в 1868—69 году поступило 39. Таким образом, всех учащихся в 1868—69 году было 168. В течение года выбыло, по определению педагогического совета: 8 — за неаккуратное посещение классов и неуплату денег за право ученья; 3 — за неявку в классы без уважительных причин; 4 — по случаю выезда из Ставрополя родителей; 2 — по болезни; 2 перешли в пансион при училище Св. Александры и 2 — по желанию родителей; всего 21 ученица. Затем к окончанию годичных испытаний (17 июня) воспитанниц состояло 147.

Из них:

Дочерей духовного звания	4
Дочерей дворян и чиновников	69
Дочерей почетных граждан и купцов	63
Дочерей мещан и прочих сословий	11
Всего	147
По вероисповеданиям:	
православного	121
армяно-григорианского	16
лютеранского	8
римско-католического	2
Всего	147

В основу обучения положено преподавание Закона Божия. Заботясь, насколько возможно, о всестороннем развитии всех способностей, училище имело в виду доставить девицам религиозно-нравственное образование.

Для достижения этой конечной цели оно, пользуясь каждым удобным случаем, обращало особенное внимание, чтобы, излагая истины веры и правила христианской нравственности, внушить детям религиозно-нравственные понятия и чувства и направить их волю к добру. Выполнению этого способствовало объяснительное чтение евангелия, отрывков из творения отцов церкви и изучение священной истории Нового Завета по тексту евангелия. Независимо от этого для развития и сознательного усвоения религиозных и нравственных истин каждый день, перед началом учения, одна из воспитанниц, по очереди, в присутствии законоучителя читала утренние молитвы: каждый урок Закона Божия в высших классах начинался чтением и объяснением Евангелия. Евангелие излагалось по возможности полно и систематически: причем требовалось буквальное изложение некоторых изречений Спасителя. При преподавании пространного катехизиса как учебника внимание детей обращалось в виде беседы на краткое историческое развитие тех догматов православной веры, которые превратно понимаются другими христианскими исповеданиями.

Вообще, для выполнения главной цели заведения перед началом академического года педагогическим советом под председательством г. директора составляется программа относительно объема,

сущности преподаваемых в училище предметов и распределения их по классам. Предварительно рассмотренные и одобренные педагогическим советом программы выполняются добросовестно.

Вместе с религиозным образованием воспитанниц и с осмысленным приобретением ими знаний шло нравственное их развитие.

Значительное число учащихся в приготовительном классе до 60, помещение их в одной комнате, потребовали разделения этого класса на два отделения: высшее и низшее. В одно из них, по определению педагогического совета, 17 июля минувшего года назначена особая учительница. При разделении воспитанниц на отделения принята была поступательная классная система, по которой обучавшая учениц низшего отделения в будущем академическом году переходит с хорошо успевшими в высшее: обучавшая же в этом последнем будет заниматься в младшем для обучения оставшихся в нем и вновь поступающих учениц, не умеющих почти или вовсе читать.

В низшем отделении в начале учебного года обращено было особенное внимание на обогащение детей запасом слов и оборотов русского языка. К достижению этого способствовали беседы по методам наглядного обучения, которые предшествовали обучению чтению и письму. Затем уже следовало хоровое и одиночное обучение чтению механическому и объяснительному совместно с письмом. Кроме того, наглядное обучение чисел, упражнение со спичками (черчение) и хоровое пение. Беседы наглядного обучения в приготовительном классе имели вообще влияние на самостоятельное развитие детского мышления.

От воспитанниц высшего отделения приготовительного класса из пройденного с ним в учебном году для перевода в первый класс на экзамене требовали:

По Закону Божию — молитвы перед учением и после учения, Св. Духу, Св. Троице, Богородице, Ангелу Хранителю, Молитва Господня, Символ веры, 10 заповедей Господних, Молитва за Государя, покаянная и перед причащением. По русскому языку, кроме механического чтения, требовали как объяснения содержания, так и последовательную передачу прочитанного из книги «Родное слово» Ушинского.

По арифметике, придерживаясь метода Грубе, — разрешение задач, преимущественно умственно, от самой простой наглядности до возможной для детей отвлеченности.

В остальных классах было пройдено:

По закону Божию: важнейшие события из истории Ветхого и Нового Заветов, евангельская история излагалась преимущественно по тексту евангелия: православный катехизис, изъяснение богослужения, в особенности литургии, и важнейших молитв и песней церкви, а также важнейшие события из истории церкви.

По русскому языку и словесности: предварительный и высший курс грамматики с практическими упражнениями в языке. Общее понятие о стихосложении и ознакомление с некоторыми произведениями лучших отечественных писателей нового времени.

По арифметике: четыре действия над целыми и дробными, простыми и именованными числами, десятичные и периодические дроби и решение задач тройного правила посредством приведения к 1.

По геометрии — общее понятие об измерениях.

По географии — физическая и политическая географии важнейших государств всех частей света и география отечественная.

По естественной истории — ознакомление с главнейшими видами животных и растений.

По истории — история всеобщая и русская.

По физике — общее понятие о свойстве тел: теплоте, магнетизме, электричестве, гальванизме, свете и звуке.

Кроме обязательных предметов, некоторых детей обучали: армянскому языку и Закону Божию армяно-григорианского исповедания, немецкому языку и Закону Божию лютеранского исповедания, а также французскому языку, музыке и танцам. Кроме того, во второй половине учебного года были введены: хоральное пение и черчение с соблюдением правил перспективы в высших классах. В пении и черчении, несмотря на незначительный период его преподавания в женской гимназии, дети оказали весьма удовлетворительные успехи.

Гимнастика, требуемая уставом, не была еще введена по недостатку необходимых для того аппаратов и помещения.[2]

Рукодельные занятия, необходимые вообще для домашнего быта, выполняются в недостаточной степени. Но и эта часть, весьма важная в деле женского обучения, в будущем академическом году должна получить более широкое и лучшее развитие.

Во время посещения Великим Князем наместником Кавказским женской гимназии, 30 минувшего апреля, городской голова С.Ф. Деревщиков с депутацией граждан поверг при входе в училище перед Его Императорским Высочеством почтительнейший адрес о дозволении содержать на счет особой складчины граждан 20 девиц в продолжение 12 лет, с именованием их воспитанницами Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Федоровны с тем, что город по окончании ими курса выдает им приданое до 150 рублей каждой. И кроме сего, город обязуется открыть при женской гимназии на свой счет особый ремесленный класс, в котором обучали бы девиц полезным мастерствам.[3]

Состояние хозяйственной части женской гимназии усматривается из нижеследующих данных.

Для более полного изложения сведений о годичном обороте училищных сумм и их употреблении принят 1868 гражданский год. В остатке к 1 января 1868 г. от минувшего года состояло наличными деньгами 1306 р. 83 $^1/_2$ к., 46 билетов 5% второго внутреннего с выигрышем займа на 4600 р., 40 серий с процентами на 2000 р.

В течение года поступило:

1. Из городской думы в пособие на содержание училища — 1339 р. 38 к.
2. Из прибылей приказа общественного призрения на тот же предмет — 440 р.
3. Собрано за право учения обязательным предметам — 1867 р. 50 к.
4. За право учения необязательным предметам — 465 р.

Пожертвований единовременных:

5. При предложении г. начальника губернии Г.К. Властова, от 14 февраля за № 616, вырученные от данного любителями спектакля — 301 р. 60 к.
6. От господина управляющего питейно-акцизными сборами В.Г. Терещенко и господ чиновников вверенного ему управления — 448 р. 52 к.
7. Купца И.П. Соколова, собранные им по подписке на детскую библиотеку — 15 р.
8. Купца Л.И. Сумского — 10 р. 32 к.

Всего в 1868 году поступило наличными 6194 р. 15 $^1/_2$ к.

В 1868 году израсходовано:

1. На жалованье: инспектору, начальнице, двум надзирательницам, учительнице приготовительного класса и в награду — 1521 р. 50 к.
2. На жалованье учителям обязательных предметов — 3052 р.
3. На жалованье учителям необязательных предметов — 345 р. 98 к.
4. Из суммы на учебные пособия, на выписку журнала «Семейные вечера», книг, а также картин и других предметов наглядного обучения 69 р. 93 к.
5. На награды воспитанницам — 19 р. 95 к.
6. Из суммы на содержание дома: на жалованье училищным служителям, на отопление здания, за воду, часовому мастеру, печнику — всего 550 р.
7. Из суммы на непредвиденные расходы: на покупку мела, чернил, на покупку новой и исправление прежней училищной мебели — 118 р. 49$^1/_2$ к.

Всего в 1868 году израсходовано — 5677 р. 85$^1/_2$ к.

Затем к 1 января 1869 года состояло:

Наличными деньгами — 516 р. 30 к.

И государственных процентных бумаг на 6600 р. — к.

Примечания

1. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии, 1870 г., вып. III.
2. В настоящем году гимнастика введена уже (1868—69 годы)
3. Предположения эти, будучи удостоены милостивым вниманием Их Высочеств, получили уже разрешение: приступлено к устройству ремесленного класса, открытие которого последовало уже в начале 1870 г.

Текст и примечания печатаются по источнику:

Бентковский И.В. Сведения о Ставропольском женском училище 1-го разряда // Сборник сведений о Северном Кавказе. К 125-летию города Ставрополя. Материалы для истории города / Под редакцией Г.Н. Прозрителева. — Ставрополь, 1910. — Том VI.

СТАВРОПОЛЬ С ОТКРЫТИЯ ГОРОДОВОГО МАГИСТРАТА 15 ФЕВРАЛЯ 1786 ГОДА ДО УЧРЕЖДЕНИЯ ШЕСТИГЛАСНОЙ ДУМЫ 18 ЯНВАРЯ 1808 ГОДА[1]

Экономическая жизнь зарождающегося города, как и человека, находится под безусловным влиянием одних и тех же законов постепенного развития, пока, наконец, не достигает периода зрелости. Изучение поэтому экономического развития Ставрополя не только не лишено исторического интереса, но и полезно в социальном отношении. В данном случае такое изучение необходимо и для полной истории края, колонизация которого одновременно с введением гражданственности и военными делами лежала на прямой обязанности тогдашних главных военных начальников на Северном Кавказе. Вытекающая отсюда двойственная обязанность была далеко не легка и в позднейшее время, а тем более тогда, когда Черномория не была еще заселена казаками, передовая Кубанская линия не была занята нами и когда наши войска должны были и драться с турками и крымцами, и защищать новые города и поселения, лежащие на северной стороне Моздоко-Азовской линии от набегов и разорения закубанских ногайцев.

Весьма понятно, что и после открытия в губернии присутственных мест нелегко было тогдашнему главному военному начальнику укомплектовать административные и судебные органы, как по недостатку благонадежных, способных к тому лиц, так и по малочисленности русского населения губернии. Так, в 1786 году в уездах Екатериноградском, Кизлярском и Ставропольском не было стряпчих[2], а в 1796 году ставропольское купечество, по неимению публичного нотариуса, приговором 31 августа избрало для протеста векселей и ценовщиком купца Федора Стасенкова. Даже для прямых полицейских должностей квартального надзирателя и его помощника, которого титуловали квартальным поручиком, избраны были обществом свои же граждане. Далеко позже, а именно 22 августа 1800 года, астраханский губернатор Иван Семенович Захаров, бывший в Ставрополе, официальным предложением спрашивал магистрат, в состоянии ли купечество по своей численности избрать из среды своей в должность смотрителя при местном винном магазине. На этот вопрос купечество дало отрицательный ответ. В том же 1800 году для свидетельствования лавок, нет ли в них запрещенных товаров, избраны были купцы Денис Черноглазов и Михаил Шуваев, которые о ревизиях своих обязаны были через каждые две недели рапортовать губернскому правлению.

Отсюда понятно, что тогдашнее кавказское начальство только крайним недостатком чиновником вынуждено было отправление некоторых административных функций поручать выборным гражданам вновь учрежденных городов, для которых отправление таких должностей не могло не иметь парализующего влияния на собственные их дела. Следует, однако ж, заметить, что уже в то время некоторые выборные, служащие в магистрате, получали жалованье из городских доходов; например, в 1804 г. бургомистр получал 120 р., а 2 ратмана по 100 р. в год.[3] Следует еще заметить и то, что хотя в магистрате, согласно городового положения, должно было быть четыре ратмана, но их, как оказывается, было только два; что, вероятно, было допущено или по малолюдству города, или же потому, что и двум часто нечего было делать. Так, например, в журнале 1789 г. июня 27, в пяток в 7 часов, записано следующее: «В Ставропольском магистрате присутствовали бургомистр Архип Паренов и ратманы Артамон Тарасов и Антон Немиров и, по неимению дел в слушании, упражнялись в чтении законов».

Все высочайшие повеления и правительственные распоряжения, подлежащие обнародованию или исполнению, поступали в магистрат из наместнического правления, которое находилось тогда в Астрахани. Магистрат каждую такую бумагу обязан был заслушать, составить о том журнальное постановление и о получении указа рапортовать. Канцелярская процедура выполняема была с величайшею точностью и аккуратностью. В числе важнейших бумаг, Кавказское наместническое правление 8 сентября 1786 г. препроводило при указе в Ставропольский городовой магистрат высочайше утвержденное положение о благочинии, водоходстве и жалованной дворянству и городам грамоте. Магистрат поэтому был в то время важным правительственным органом, и ему поручаемо было обнародование законов.

Но было ли тогда в Ставрополе и его уезде дворянство и в каком числе, — на этот вопрос в своем месте ответим. Скажем только теперь, что для дворян Кавказской губернии установлен был следующий мундир: «темновышневый кафтан с голубым бархатным воротником и косыми обшлагами, четырьмя на разрезе пуговицами; подбой и камзол такого же цвета, пуговицы белые, на кафтане по обеим сторонам гнездами и карманы косые».[4]

В марте 1786 г. генерал-поручик ездил в Астрахань для открытия областных присутственных мест, поручив командование войсками на линии генерал-майору Шемякину, которому и граждан-

ские, и присутственные места относиться были должны. В сентябре сделано было распоряжение о встрече ожидаемого на Кавказскую линию генерал-фельдмаршала кн. Григория Александровича Потемкина, которого в Ставрополе должны были встретить коллежский асессор Молебников с городничим, дворянством и купечеством. Ожидался также приезд в 1785 году самой императрицы Екатерины II, но от таких неосуществившихся ожиданий остались только в память потомству до сороковых годов выстроенные в губернском городе Екатериноградe из жженого кирпича большие триумфальные ворота.[5] Словом, начиная с 1787 г., для тогдашнего гражданского начальства и города Ставрополя настало время успешной деятельности, положившей краеугольный камень нынешнему его экономическому состоянию.

Рассмотрим эту деятельность по категориям, насколько позволяют имеющиеся у нас в руках, далеко не полные, сырые материалы.

Отвод городу двухверстного выгона. По указу Кавказского наместнического правления прибыл в Ставрополь 17 августа 1786 года уездный землемер Филипп Хохлов для отрезки городу двухверстного выгона и для отмежевания хоперского полка, станицы Ставропольской казакам и однодворцам земли. Чрезвычайно близкое соседство казаков с гражданами — станица своими постройками примыкала к городским — было причиною беспрерывных поземельных споров, окончившихся только с выселением в 1828 году казаков на Кубань. Но главнейшим поводом споров было то, что казаки на городской земле по реке Ташле завели 7 мельниц и 17 хуторов, как это видно из отношения хоперского казачьего полка поручика Иноземцева в городовой магистрат от 22 марта 1789 года.[6] Хотя поэтому поземельное дело было запутано обоюдными притязаниями граждан и казаков, но землемер Хохлов все-таки отвел городу двухверстный выгон. Споры за землю все-таки продолжались, как оказывается из следующего.

Хоперский полк (казаки тогда неохотно принимали названия своих станиц; при том же в Ставропольской станице жил и командир хоперского полка) 6 августа 1795 года представлял графу Гудовичу, «что станица заселена при Ставропольской крепости еще до открытия кавказского наместничества, когда не было еще в Ставрополе ни купцов, ни мещан и жители станицы — казаки — завели на том месте хутора, сады и огороды, и ныне земля эта состоит по назначению для города Ставрополя и через то происходят у казаков с купцами и мещанами споры и распри, то хоперский полк и просит к прекращению оной приказать вместо занятой станицами и хуторами городской части земли вымежевать таковую же часть из назначенной казакам Ставропольской станицы земли». Граф Гудович приказал это исполнить, и Кавказское наместническое правление 7 апреля 1796 года дало о том указы ставропольскому городничему Зервальду и уездному землемеру Костылеву.

Вследствие такого распоряжения землемер Костылев 16 сентября того же года за № 28 сообщил магистрату, что по измерению им станицы Ставропольской хуторов с огородами, садами и всеми заселенными местами по реке Чле (по нынешнему Ташле — речка эта по-татарски называлась Ашле) и под Круглым лесом, оказалось занятой казаками городской земли 174 д. 2224 с.

Дело отмежевания Ставрополю двухверстного выгона, казалось, приходило к концу, как неожиданно, по высочайшему указу 9 февраля 1797 года, велено приостановиться с производством дел, заведенных по указу 19 мая 1781 года, доколе невоспоследует точного постановления об отмежевании городам выгонов и нового о том Ее Императорского Величества указа.

Между тем, в течение того времени были правительственные распоряжения и частные требования об отводе из городского выгона земли в сословное или частное владение. Так, Кавказское наместническое правление указом 31 октября 1795 года предписало уездному землемеру Костылеву отвести церковным служителям вновь строящейся в Ставрополе церкви во имя св. Троицы земли. (Вероятно, здесь говорится о старой деревянной церкви, вместо которой впоследствии выстроен новый каменный собор). Приступая к исполнению указа, землемер Костылев сносился с магистратом, в каком месте отвести причту земли, где было бы хлебопашество и покос — поблизости ли Форштадта или от границы окружной градской земли? На это магистрат ответил, что хотя городу и отведена выгонная земля на две версты во все стороны, но по р. Ташле застроена хоперскими казаками, устроившими водяные мельницы, хутора, гумна, сады и что от того градское общество претерпевает в земле крайний недостаток и не находит средств, где можно бы отвести для церковнослужителей землю. Городничий Зервальд 15 декабря 1796 г. тоже требовал от магистрата присылки депутатов для отвода священно-церковнослужителям вновь строящейся на Форштадте церкви Св. Живоначальной Троицы земли 93 д. из числа занятой казаками на р. Чле или под Круглым лесом; но и на этот раз магистрат уклонился от исполнения требования. На том, кажется, дело и остановилось; по крайней мере, духовенство ставропольских городских церквей и до сих пор не имеет законом положенной и нормально отмежеванной земли…

Приостановленное, как мы видели выше, дело об отводе городам выгонных земель опять получило движение. Кавказский гражданский губернатор тайный советник Каспаров 30 сентября 1803 года дал предложение Ставропольскому магистрату, что правительствующий сенат обратил к нему планы выгонных земель городов Георгиевска, Александрова, Ставрополя и Кизляра, представленные еще в 1796 году графом Гудовичем, и предписал отмежевать те земли по тем планам с тем, если они

состоят действительно во владении казны и никто ими не владеет, и при том, если при отводе их никем из смежных владельцев не будет предъявлено споров. По отмежевании же, составив планы с межевыми книгами, выдать кому следует со взысканием положенных по межевой инструкции денег.

Приступая к приведению в исполнение упомянутого указа правительствующего сената, уездный землемер Пичугин 20 июня 1805 года требовал от магистрата сведений о числе душ купеческого и мещанского звания, о поселившихся на городской земле и присылке поверенных для бытности при отмежевании городу выгонной земли. Магистрат отвечал Пичугину, что город стоит в смежности с Ставропольскою станциею Хоперского казачьего полка, которая заняла городской земли 174 д. 2224 с., исключая под Круглым лесом. После чего еще занято поселившимися по ту сторону р. Члы и расчищено разными азиатцами и вырублено строевого и плодородного лесу под посев табаку и посадку винограда, а близ крепости, на так называемом татарском базаре, разного звания люди имеют дома, а недалеко от того же базара имеют казармы войсковая команда, лазарет и конюшню для лошадей. Кроме того, здешние купцы и мещане также имеют дома и другие заведения с дозволения городничего. Поверенными по отводу выгона избраны: купец Федор Деденев и мещанин Петр Воробьев. Что же касается числа купцов и мещан, числящихся в 1805 году в Ставрополе и имеющих дома и разные заведения вне города, но в черте городского выгона, то магистрат сообщил о них землемеру Пичугину следующие сведения:

Купцов в том году 2 гильдии было 4, 3 гильдии 231, а мещан 416. Сверх того, имели дома:

На р. Мутной. Купцы: Яков Елагин — хутор и кожевенный завод; Павел Шуваев — хутор и кожевенный завод; Филат Деревщиков — хутор и кожевенный завод с огородом и тутовыми деревьями; Иван Шуваев — хутор и кожевенный завод. Мещане: Филат Евлагин — хутор и мыльный завод; Дементий Карташов — хутор и кожевенный завод и однодворец Нестор Воронин — хутор и кожевенный завод.

Близ татарского базара. Купцы…7 Деревщиков — хутор и кирпичный завод и… Ефремов — хутор, кирпичный завод и огород с тутовыми деревьями.

От города по ту сторону воинской команды, за лазаретом. Мещане: Федор Давыдов, Еремей Шляхов, Петр Воробьев (от него верхняя часть города стала называться Воробьевкою), Евстафий Чернявский и Васалий Тарасов имеют дома.

На правой стороне реки Члы. Купцы: Афанасий Воробьев имеет дом и мельницу: Михаил Плотников дом, 3 мельницы и тутовый сад; Федор Деденев — дом и 2 огорода; Гордей Анненков — мельницу, мыльный завод, огород и тутовый сад; Василий Есенович (от него поныне переезд через р. Ташлу называется Ясеновским) имеет мыльный завод и мещанин Никита Палухчин дом с огородом.

На левой стороне реки Члы. Купцы: Илья Волков, Георгий Архундаки и гость Николай Венцианов имеют огороды для разведения тутовых деревьев.

Сведения эти указывают между прочим на разбросанность городских займищ и построек, поныне характеризующую Ставрополь.

Между тем, городской голова Илья Волков и Федор Деденев, пользуясь случаем отвода городского выгона, в 1805 году обратились с прошением к землемеру Пичугину об отводе им земли около Карабина источника, первому 5, а последнему 15 десятин для разведения тутовых плантаций. Но в свою очередь и магистрат вошел с просьбою в губернское правление, чтобы воспретить этот отвод, так как и Волков и Деденев вошли в товарищество и действуют во вред интересам общества, что около Карабина источника добывается камень для постройки церкви и что камень нужен для всех, а Волков и Деденев, получив отвод, будут отдавать на откуп, и что они захватили уже на городском выгоне земли — Волков 20 и Деденев 5 десятин.

Как решен губернским правлением рапорт магистрата, сведения в архиве старых дел мы не нашли; но из всего видно, что в то время, как и долго спустя, городской выгон захватывал каждый, кто только мог… Были однако ж случаи, что желающие занять землю под видом разведения тутовых плантаций обращались к губернаторам, которые легко разрешали подобные просьбы на основании существовавшего уже тогда закона. Так, 4 августа 1805 года землемер Пичугин писал магистрату, чтобы во исполнение предписания кавказского гражданского губернатора действительного статского советника Христиана Петровича Гельденшольда об отводе из городского выгона земли здешнему городничему коллежскому асессору Зервальду и штатной команды прапорщику Шарову, под тутовые плантации и другие полезные заведения, каждому по 100 десятин в избранном ими месте по обеим сторонам реки Члы, отрядил депутатом купца Волкова.

Городское общество протестовало против такого распоряжения на том основании, что городу выгон еще не отмежеван, что земля эта нужна гражданам для подобных же предприятий и просили, чтобы Зервальду и Шарову отведена была земля в ином урочище, если она им действительно нужна, о чем и было подано губернатору прошение.

Между тем, губернское правление возвратило землемеру Пичугину составленный им план городской выгонной земли потому, что на нем не были означены линиями спорные земли, и предложило недостаток этот исправить. Казакам же отказано в праве, заявленном ими на реку Мутную, потому что она признана сенатом за живой рубеж городского выгона.

Наконец, только в 1806 году вследствие ходатайства поверенного по земле мещанина Воробьева кавказское губернское правление предписало землемеру Пичугину утвердить составленный им план городского выгона, так как поверенный хоперского полка Мельников в полевом журнале подписался, что он и казаки в законной пропорции выгонной земли города Ставрополя не спорят.

Итак, отвод городу двухверстного выгона тянулся ровно двадцать лет.

План этого выгона, сделанный в 1805 году землемером Пичугиным, по указу Кавказской казенной палаты, был поверен исправляющим должность землемера Петровским в 1828 году и по поверке оказалось:

а) Сенного покосу и степи, способной для хлебопашества 1270 д. 614 с.

б) Лесу дровяного 821 д. 894 с.

в) Степи для выгона годной 900 д. 1431 с

г) Под строением города, крепости, солдатской слободки, под хутором, садами и заводами 486 д. 2173 с.

д) Под большой почтовой дорогой 48 д. 1170 с.

е) Под проселочными дорогами 20 д. 1184 с.

ж)Под каменистым местом 80 д. 1900 с.

з) Под кладбищами и церквями 1 д. 200 с.

и) Под р.: Члою, Мутнянкою, Желобовкою и половиною р. Мамайки, ручьями, оврагами, отвершками, водомоинами и крутостью гор и берегов 95 д. 834 с.

А по всей окружной меже 3553 д. 800 с.

А за исключением неудобных мест, одной удобной земли 3477 д. 312 с.

Приписка городского населения и его характер

В архиве, из которого берем сведения для нашей монографии, нет цифровых данных о числе жителей города Ставрополя в период, предшествовавший возведению крепости № 8 на степень уездного города. Едва ли такие сведения могут дать и военные архивы того времени, хотя не военное сословие, проживающее тогда в крепости, находилось в ведении ее комендантов, быть может, в одном только полицейском отношении. Во всяком случае, можно допустить, что искомое число населения было незначительное. Вывод наш опирается на следующие данные.

Со дня открытия в Ставрополе первых присутственных мест и по 15 октября 1786 г., то есть в течение семи месяцев, было записанных в купцы 1 и в мещане однодворцев 121, дворцовых крестьян 7, экономических 9, дворовых 1, малороссиян 16 и из поляков 3, всего 157 человек. Первоначальный, поэтому и преобладающий элемент городского населения, рассматриваемый в этнографическом отношении, был великорусский.

Первым ставропольским купцом был Козьма Яковлев, подавший 20 ноября т. г. прошение о перечислении его во 2 гильдию, а мещане Михаил Тарасов, Макар Колесников и Иван Чернышев о зачислении в третью гильдию. Все они указом 20 января 1787 года в тех гильдиях и утверждены. Большая часть записавшихся были крестьяне новозаведенных в губернии селений, а именно: села Михайловского 13, Надежды 20, Пелагиады 4, Нижней Буйволы 5, Высокой Буйволы 1, Медвеженской балки 1, Нины 1 и Грачевки 4. Затем остальные были: тамбовского наместничества 4, курского 6, харьковского 1, воронежского 1, калужского 1, орловского 1, польских уроженцев 3 и отставной вахтер 1. Преобладающее поэтому число первых городских жителей, а именно 49 семейств из 67, было местное, то есть кавказское, а все население города земледельческого характера. В следующем году приписка к городскому сословию как будто приостановилась, по крайней мере, разбираемый архив не дал нам о ней никаких сведений. Но спустя 6 лет мы находим уже в Ставрополе купцов 195, а мещан 120 мужского пола.

Весьма интересны цифровые данные о естественном приращении населения в 1792 год.

Купцов было в то время	195
В течение года умерло	17
родилось	47
К 1793 году состояло налицо	225
Мещан было	120
В течение года умерло	32
родилось	29
За убылью осталось	147

Замечательный вывод приведенных цифр тот, что в 1792 году купеческое сословие путем естественного приращения увеличилось на 15%, а мещанское на 3% уменьшилось.

Для истории города не важно, но для современников-граждан интересно знать, кто были его предки, положившие основание нынешней торгово-промышленной его деятельности, а следовательно и нынешнему его экономическому состоянию. Сохранившиеся акты городского архива дают нам на этот вопрос следующие сведения.

1788 года октября 11-го села Пелагиады однодворец Павел Черных и сыновья его Сафрон, Никифор и Карней зачислены в мещане города Ставрополя.

В 1789 году зачислены в 3-ю гильдию купцы того же села однодворцы: Леон Шутов с сыновьями Иваном, Дементием, Тимофеем и Филипом, однодворец Потап Белбородов с сыновьями Ильей, Давыдом, Иваном и Михаилом и сибирского наместничества, Корсунского округа, села Николаевского Бекетова, секунд-майора Ивана Дементьева подданный Мокей Шуваев с семейством в 4 души мужского и 1 женского пола.

В 1792 году села Марьевки (ныне Старой) однодворец Никита Деревщиков с сыновьями: Федотом и Филиппом.

В 1783 году в ставропольские 3 гильдии купцы зачислен села Медведского крестьянин Скоморохов. Вообще в том году в Ставрополе было купцов 204, мещан и цеховых 104 и дворовых людей 24.

Все эти, однако ж, отрывочные сведения не заключают точных цифровых данных о тогдашнем населении Ставрополя, и, к немалому сожалению, впредь, до разбора архива местной казенной палаты, мы не имеем сведений о числе жителей города Ставрополя и вообще Кавказской губернии, оказавшихся по народной переписи, произведенной в 1794 году по высочайшему повелению.[8] Между тем, разборка означенного архива дала бы богатый материал для истории распространения русского владычества и колонизации на Северном Кавказе.

Движение городского населения в Ставрополе путем переписки и естественного приращения в рассматриваемый нами период времени всего лучше можно проследить по исповедным спискам, которые, вероятно, сохранились в архиве местной консистории, или Троицкого собора. Рассмотрение этих списков и метрических книг того времени дало бы богатый статистический материал для нашей монографии, весьма важный, и мы, не сомневаясь в просвещенном содействии епархиальной власти, надеемся со временем воспользоваться этим материалом. Здесь кстати упомянуть, что исповедные списки установлены указом Анны Иоановны 4 февраля 1737 года и что в самой их форме, приложенной при этом указе, замечается более статистическая цель, нежели религиозная, так как форма требовала полного именного списка прихожан с объяснением их сословности и занятий. Верность таких списков обусловлена была до 1812 года строжайшею ответственностью, даже опасностью лишения духовного сана. Но, относясь с полным доверием к спискам, наука будет иметь в своем распоряжении числовые данные только о православном населении города; число же жителей инославных исповеданий и нехристианских религий, которые, вероятно, тогда проживали в городе, как равно число пребывающих в крепости войск, останется, быть может, навсегда неизвестным. Между тем, все население города, без различия сословности, составляло общую массу потребителей, имеющую безусловное влияние на развитие торговли и промышленности, что в свою очередь послужило основанием развития экономического состояния города.

В ожидании, пока представится возможность сгруппировать по разным источникам данные о движении городского населения в Ставрополе, приведем имеющиеся у нас в руках по этому предмету данные.

В 1798 году в Ставрополе было купцов 201 м. и мещан 417 м.[9], между тем, по бывшему в том году набору, по которому взято было с 500 душ по одному рекруту, а с купцов по 500 рублей за рекрута, взыскано с 339 душ купеческого сословия по одному рублю. Такую разницу в числе душ можно объяснить тем, что умершие были исключены из оклада.

В следующем 1799 году мы опять находим разноречивые сведения о числе Ставропольских купцов и мещан; так, в окладной ведомости читаем, что мещан в том году было 184 семейства в числе 482 м. п. душ, а по рекрутскому расписанию значится, что в Ставрополе купцов было 161, а мещан 405 м. п. душ.[10]

Колебание числовых данных, в особенности о купечестве, еще более замечается в 1800 году, в котором купцов, объявивших капиталы, показано 225 ч., а мещан 413 м. п. душ; между тем, год спустя объявлено было 55 капиталов на сумму 110592 рубля.

За 1804 год мы имеем тоже разноречивые сведения о числе купцов и мещан в Ставрополе; так, например, из дел городской управы видно, что в том году купцов было 272, а мещан 388 душ, по сведениям же Равинского, купцов 246, а мещан 402 души. Все же население города, по его сведениям, состояло из 835 мужского и 568 женского пола.[11]

Числовые данные Равинского в 1806 году уменьшаются до 724 душ м.п., а именно официальная ведомость насчитывает купцов 247, мещан 408 и дворовых 69, всего 724 души м. п. Не будь здесь дворовых людей, можно бы полагать, что ведомость ведет счет только платящим в казну подати и другие оклады.[12]

Два года спустя, а именно 20 марта 1808 года, из доставленных по требованию министра внутренних дел князя Куракина сведений видно, что в том году в Ставрополе было купцов: 2-й гильдии 4, 3-й гильдии 85 и с двойным окладом из однодворцев 19; мещан 478 и с двойным окладом из однодворцев 75; итого 661 мужского пола душа.

Заканчивая этими сведениями 1808 г., считаем не лишним упомянуть и о том, что в то время приписке в городские сословия и исключению из них была предоставлена широкая свобода самим городским положением, в котором сказано: «П. 92. Дозволяется всякому какого бы кто ни был пола, или лет, или рода, или поколения, или семьи, или состояния, или торга, или промысла, или рукоделия, или ремесла, кто за собой объявит капитал выше тысячи рублей и до пяти тысяч, записаться в гильдии. П. 93. Срок записания в гильдию да будет с 1 декабря по 1 января. П. 114. В третью гильдию вписать, какого пола и лет, кто объявит капитал выше тысячи до пяти тысяч рублей. И п. 139. Буде крестьянин, ведомства директора домоводства, запишется в посад да платит по крестьянину, где надлежит до новой переписи по государству, по посаду же посадскую подать». Этот закон, общий для всей империи, хотя численно и увеличил сословие купцов (что, конечно, в фискальном отношении было в свое время выгодно), тем не менее внес в его среду земледельческий элемент, так не гармонирующий с новою для него деятельностью на поприще торговли и промышленности. Отсюда понятна характеристическая черта нашей торговли, так не свойственная преобладающему большинству русского купечества и ставящая его в исключительное положение не только на внутренних, но и внешних рынках, что до очевидности ясно выражается на общем ходе нашей торговли.

Не менее значительно, что и выход из городских сословий зависел прямо от магистрата и не был стеснен регламентациею. Так, например, в 1808 году ставропольские мещане Россиевский уволен был в духовное звание, а Гангилов и Стрижанов — в казаки. Они дали только за поручительством подписки в исправной уплате до новой ревизии казенных податей и сборов.

Приведенные за рассматриваемый период данные доказывают, что если статистика о населении Ставрополя до 1808 года имеет кое-какие сведения, то этим она обязана фиску.

Купечество, его капиталы, торговля, промышленность и нужды

Задолго до открытия Кавказской губернии ордером князя Потемкина от 10 марта 1780 года предписано было генерал-майору Якоби «для приласкания кабардинского народа построить на Моздокской линии для произвождения мелочных товаров торгу в крепостях: Ставропольской, Георгиевской и Моздокской, на казенную сумму к поклаже товаров амбары, а для продажи оных лавки». И в том же году 31 марта генерал-поручик Павел Сергеевич Потемкин предписывал кабардинскому приставу Ушакову: «По причине междуусобных жалоб от кабардинцев на армян и от них на кабардинцев, приносимых к прекращению оных и удержанию прочного постановления на всегдашнее кабардинцев устройство и спокойствие, запрещено армян и других торговых людей через линию в Кабарду пропускать, а ко взаимной торговле, назначены на линии три города: Екатеринодар, Георгиевск и Ставрополь»[13].

Известно, что амбары и лавки не были построены на казенную сумму в указанных администрацией пунктах, и, вероятно, потому, что кабардинцы предпочли по-прежнему вести торговлю с армянами, а это в свою очередь доказывает, что и сильной администрации не всегда удается создавать торговые рынки.

В своем месте мы уже говорили, что при открытии присутственных мест во всех городах новой губернии нельзя было найти достаточного количества сукна для покрытия канцелярских столов, и начальству пришлось выписывать сукно из Астрахани; а между тем, это было спустя пять лет после данного князем Потемкиным ордера генералу Якоби о постройке в Ставрополе, Георгиевске и Моздоке на казенный счет амбаров и лавок для торговли с кабардинцами. Торговля, действительно, была тогда ничтожна. В 1786 году в Ставрополе торговали только холстом, хрящем и крашениною города Черкасска казак Осип Кочетов и города Белгорода мещанин Михаил Кобызев; последний по доверенности купца Козьмы Яковлева.

Цены на этот товар существовали тогда следующие: тонкий макарьевский холст за 100 аршин 15 р., такой же среднего разбора 8 р. 50 к., городецкий холст за 100 аршин 8 р., холст сулейка за 100 аршин 5 р. 50 к., хрящ 5 р., крашенина арзамская за 100 аршин 12 р. 50 к. и московская разная крашенина за 100 аршин 8 рублей.

Сообщение тогдашнего ставропольского купечества с метрополиею было и небезопасное и по административным распорядкам затруднительное.

До 1789 года паспорта, или, вернее, подорожные на отлучку купечества в разные российские города по торговым делам, выдавались за подписью главного начальника края Потемкина, что равно затрудняло обе стороны; но с того времени выдача таких документов облегчена передачей в магистрат, который их выдавал на гербовой бумаге пятикопеечного достоинства. Еще больше об-

легчения сделано в 1792 году при зачислении в купечество. Известно, что по статье 92-й городового положения зачисление в купцы предоставлено городовым думам; но со времени учреждения губернии почему-то зачисление зависело от казенной палаты, и только 10 июня 1792 года Кавказское наместническое правление разъяснило указом такое отступление от закона, причинявшее чиновникам лишнюю переписку, а купцам лишние расходы.

В 1794 году ставропольские купцы в числе 205 душ объявили капиталов 109125 рублей. С этой суммы купечество должно было взнести в казну однопроцентного сбора 1096 рублей 25 копеек, а с прочими сборами 2985 рублей 55 копеек. Эти прочие сборы были разных наименований, как-то: сорокаалтынные, накладные, семигривенные и трехрублевые. Сверх того, купцы платили 4% с объявленного капитала в городской доход.

На городе Ставрополе успела тогда накопиться и недоимка, о взыскании которой генерал-аншеф Рязанский, Тамбовский и Кавказский генерал-губернатор граф Гудович строго предписывал (из Георгиевска) Ставропольскому магистрату 14 октября 1794 года № 1154.

В том же году запрещено было проживающим в Ставрополе из разных островов беломорским грекам 11 человекам и 12 тифлисским грузинам производить торговый промысел без платежа в доход города; а в следующем 1795 году купцу Волкову разрешено открыть трактир, как сказано в указе «№ 2 Герберга». Между тем Кавказское наместническое правление городничему Зервальду предписывало, что Высочайшими указами 30 сентября 1745 года, 5 августа и 17 сентября 1764 года узаконено, «чтобы армян и других иностранцев в Россию приезжающих по их желанию принимать и записывать в вечное подданство, которые торги и промыслы имеют, по-прежнему с платежом. Без желания же их не записывать и не записавшимся в подданство дворов своих, лавок и никаких заводов строить и покупать не дозволять; за чем смотрение имеет магистрат». Греки и грузины не хотели, однако ж, ничего платить в доход города, хотя и торговали в Ставрополе кизлярскими и заграничными винами, получаемыми из Таганрога, сухими фруктами и кизлярскими водками, которую подделывали на манер французской.

В последующие два года торговля, судя по объявленным капиталам, то падала, то развивалась; так, в 1797 г. ставропольские купцы объявили капиталов 98330 руб., а в 1798 г. объявлено на 160431 руб.

Армяне, торговавшие тогда в Ставрополе, в отношении принятия русского подданства не подходили под категорию греков и грузин, так как о них Астраханское губернское правление 12 мая 1800 г. дало Моздокскому армянскому суду за № 10658 следующий указ: в высочайше жалованной армянскому народу грамоте, пун. 1 и 2 сказано: армян, поселившихся в Астрахани, Кизляре, Моздоке, Дербенте и Маскуре, Всемилостивейше повелеваем принимать во временное Империи Нашей подданство, а не вечно.

Между тем, Ставрополь мало-помалу населялся и застраивался. В 1789 г. в городе было жилых домов: купеческих, мещанских и разного звания людей 84; но торговля и промышленность была все еще слабо развита, как это между прочим ясно выражается тогдашней ценностью недвижимых имуществ в следующем факте. Купец Скоморохов 1796 г. продал купчихе Гордениной свой дом со всеми при нем надворными строениями, на мещанском Форштадте (ныне Николаевская улица) за 90 руб. Слабое состояние торговли доказательнее выражается и в том, что инженер 1 класса кондуктор Кулаков, командированный на правый фланг Кавказской линии в креп. Донскую, Московскую и Ставропольскую, для приведения их в оборонительное состояние и для составления на разные постройки планов и смет, в сентябре 1800 г. получил из городового магистрата следующие сведения о ценах на строительные материалы. Сведения эти доказывают тогдашнее состояние торговли в Ставрополе и в этом отношении весьма интересны, почему их и приводим вполне. Тысяча жженных кирпичей стоила тогда 15 р., а сырых 10 р., масла конопляного пуд 4 р. 50 к., мелу пуд 1 р. 20 к., фунт сурику 40 к., пуд железа 3 р. 50 к., пуд стали 12 руб., четверть углей 60 к., за пуд толстой веревки 2 р., а средней и тонкой 2 р. 50 к., деревянное ведро 20 к., фунт проволоки для печей 80 к., бруски точильные по 10 к., вьюшки чугунные 2 р., дверцы к голландским печам 70 коп., заслонки по 1 руб., топоры плотничьи 2 р. 50 к., а дровосечные 1 руб. 50 коп.

Следующих же предметов вовсе в продаже не было: разной длины досок, бревен и тесаных брусьев, ушатов и шаек, точил, буравов больших, средних и малых, настругов одно-и двуручных, долот всех величин, каменотесных кирок, ломов и лопат штукатурных, землекопных. В таком-то жалком состоянии ставропольская торговля встретила XIX столетие.

С перемещением в 1801 г. городового магистрата из крепости на мещанский Форштадт торговля как будто стала развиваться; по крайней мере заметно, что купцы для своих операций имели больше необходимого простора, чем могли иметь в крепости, так как около магистрата начали группироваться незатейливые торговые помещения. В том же году объявлено было 55 купеческих капиталов на сумму 110592 р., давших казне 1382 р. 40 к. дохода. Вообще с того времени купечество числительно увеличивалось и крепли капиталы: так, в 1804 году в Ставрополе было уже 176 купеческих семейств, в числе 416 душ м. п., объявивших капиталов на 174456 руб. Сажень дров была тогда по 2 р., фунт свечей продавался по 13 к., свинцу — 20 к., а стопа писчей бумаги — 4 р. 25 коп.

В 1805 г. по указу губернского правления учреждена в Ставрополе квартирная комиссия и базары, а цены на хлеб и прочее существовали следующие:

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
За четверть	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Мука ржаная	2,20	2 —	2 —	2 —	2 —	2 —	2 —	2,40	2,70	3 —	3,38	3,20
Мука пшеничная	4,50	4 —	4 —	4 —	4 —	4 —	4 —	4,80	6 —	6,40	6,40	6,40
Пшено	4 —	5 —	4,50	4 —	4 —	4 —	4 —	4 —	5 —	5,60	5 —	5 —
Овес на торгу	— 90	— 80	— 70	— 70	— 80	— 70	— 80	1 —	— 90	1 —	— 85	1,5
Овес в лавке	1,10	1,20	1,20	1,20	1,20	1,20	1,20	1,20	1,20	1,20	1,20	1,25
Ячмень	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— 80	— —	— —	— —	— —	— —
Пуд сена	— 10	— 15	— 12	— 15	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— 15	— 15

Эти цены, кроме торговых видов, показывают еще, что в 1805 г. озимый хлеб родился плохо, так как ржаная и пшеничная мука с августа месяца в цене значительно поднялась. Из яровых хлебов овес и пшено в ноябре тоже подорожали, а ячмень, за исключением июня, весь год не появлялся на торге. Словом, 1805 год в сельскохозяйственном отношении был неблагоприятен. Не мог он быть благоприятным и для торговли младенчествующего города, тем боле что тогда для ее операции не было постоянных помещений и торговля в базарные дни производилась на открытом месте, остальное же время в домах, большею частью из амбаров и разных помещений.

Вследствие таких неудобств, равно стеснительных для продавцов и покупателей, купечество в 1805 году по собственной инициативе решило построить лавки или гостиный ряд, на собственный же счет, а магистрат, заявляя о таком желании городничему, спрашивал, не будет ли к тому каких-либо препятствий.

Городничий Зервальд ответил магистрату, что «на построение лавок между бывшею крепостной и Форштадтом никаких препятствий не имеется, но советовал собрать общество и приговором определить как число лавок, так и то, чтобы те, которым будут отведены места, в состоянии были их построить в должном порядке, избегая безобразия, с соблюдением и торговых выгод. Место для лавок выбрать через землемера и составить план, который представить в губернское правление на утверждение».

Купечество во всем поступило по совету городничего, место для лавок было уже отведено; но новый губернатор Николай Михайлович Картвелин воспретил постройку таковых.

В 1806 году было в Ставрополе 92 купеческих капиталов, в числе 247 душ, на сумму 190048 р., а мещан было 408 душ мужского пола. От этой суммы купечество должно было в том году внести 1% в казну и 2% в доход города, всего 2850 рублей, 72 копейки. Сумма по курсу и по размерам тогдашней торговли не малая и тем значительнее, что в то время купечество находило необходимым построить на свой счет гостиный ряд, не дожидаясь построения обещанных казною амбаров и лавок. Интересен, следовательно, вопрос: чем же торговало 70 лет тому назад купечество, в чем заключалась промышленность граждан и вообще какие занятия характеризовали деятельность тогдашнего гражданского населения города Ставрополя?

На эти вопросы мы можем ответить следующими официальными данными (см. таблицу на следующей странице).

В этом распределении занятий ясно выражаются характеристичные черты деятельности тогдашнего купечества.

Официальные данные показывают, что в 1806 г. торговлею занималось 76,52%, ремеслами и мастерствами 9,34%, хлебопашеством и промыслами, более свойственными крестьянскому сословию, 14,14%. Шестнадцать купеческих семейств, занимающихся в то время хлебопашеством, огородничеством, садоводством, извозом, битьем камня, наконец, личною послугою в качестве простых работников положительно доказывают, что объявление капиталов, удовлетворяя фискальным целям и создавая сословность, весьма часто не имело никакого влияния ни на современное состояние торговли, ни на ее развитие.

	Купцы	Мещане
В 1806 году занималось		
в Ставрополе подрядами	3	—
Продажею мыла из своих заводов	2	—
Мыльный завод имел	—	1
Продажею разных товаров и кож своего завода	4	—
Занималось скотопромышленностью	4	1
Почтовою гоньбою	1	2
Торговали красным товаром	2	—
Занимались покупкою хлеба	2	—
Продажею холщовых и мелочных товаров	11	3
Продажею холста, железа и дегтя	3	1
Продажею мелочных товаров	10	5
Продажею горячих напитков	4	—
Продажею бечевы и дегтя	2	—
Продажею деревянных товаров	2	—
Продажею харчевых припасов	4	14
Продажею мяса и покупкою звериных шкур	2	4
Продажею и покупкою звериных шкур (специально)	3	1
Продажею сбитня	1	1
Продажею табаку и горшков	1	—
Продажею сальных свечей	1	—
Содержал трактир	1	—
Содержало питейные дома	6	2
Затем занимались разными мастерствами, ремеслами и промыслами:		
Кузнецов было	2	3
Плотников и столяров	2	9
Сапожников	—	6
Портных	—	4
Хлебников	1	—
Шорник	1	—
Горшечник	—	1
Скорняк, он же и шубник	—	1
Живописец	1	—
Занимались мельничным промыслом и сеянием табаку	1	2

	Купцы	Мещане
Затем занимались разными мастерствами, ремеслами и промыслами:		
Выделкою сыромятных кож	—	1
Хлебопашеством	3	20
Огородничеством и садоводством	1	3
Извозом	4	11
Битьем камня	1	1
Наконец, жили в работниках	4	38

Приведенный перечень торговых и промысловых специальностей доказывает и то, что в то время их развитию отчасти неблагоприятствовали и ограниченные потребности местного населения; тем не менее купечество и тогда уже осознавало потребность построения на собственный счет гостиного двора, о чем за два года перед тем заявляло желание и составило приговор. К сожалению, их желанию суждено было осуществиться не раньше 1828 года.

Постройка гостиного двора, как и построение Троицкого собора, имела свою, не лишенную интереса историю. Припомним, что в 1805 году губернатор Картвелин воспретил купечеству постройку на свой счет лавок, ничем не мотивируя отказ. Но купечество 1 мая 1807 года вновь составило приговор, причем выяснило, что запрещение губернатора последовало по проискам купца Волкова, к которому общество никогда доверия ни имело и иметь не могло; что в построении каменных лавок купечество имеет большую нужду, так как в базарные дни оно вывозит товары на открытый торг; что при размежевании города со станицей многие лавки отошли в последнюю и что приготовленный уже на постройку камень может растратиться. Магистрат, уполномоченный таким приговором общества, начал вновь ходатайствовать о разрешении, но губернатор спустя год отозвался, что плана на лавки не имеет и что по получении такового он представит план на утверждение главнокомандующему, генерал-фельдмаршалу графу Ивану Васильевичу Гудовичу. Вскоре после того и в том же году Картвелин умер. При его преемниках нашлись новые мотивы, затянувшие постройку гостиного двора на двадцать лет…

Ставропольское купечество в 1808 году состояло из 42 капиталов, на сумму 184103 р., и платило в казну всех сборов 3242 р. 80 к., а в доход города 810 р. 72 к. На местном рынке появился новый товар — овечья шерсть, по крайней мере в первый раз встречаем, что в том году цена белой шерсти была по 2 р. 30 к. за пуд, а черной — 1 р. 15 к. С того времени, можно допустить, кавказская шерсть начала поступать на рынки внутренних губерний.

Население города путем приписки, хотя медленно, все-таки продолжалось. В 1808 году причислился в мещане и вскоре затем в купцы уроженец бывшего Новгород-Северского наместничества и уезда, села Оболенского, выборный каз к Карп Цирюльников, отсужденный сенатом из подданства помещика Змиева.

В том же году 13 февраля последовал в магистрат указ казенной палаты, что гости: подданный Венецианской республики Николай Венецианов, грек Константин Морский и армянин Павел Муратов, не пожелавшие записаться в вечное подданство России, на основании высочайшего именного указа 1 января 1807 года исключены из купеческого звания и лишены прав, купечеству присвоенных. Этот указ так подействовал на наших гостей, что все немедленно присягнули на верноподданство.

Городские доходы и натуральные повинности

Развитие экономической жизни каждого возникающего городского общества, как и жизнь каждого индивидуума, вследствие различных условий совершается более или менее медленно, пока, наконец, не достигнет периода зрелости или не остановится на полпути за недостатком сил, без которых дальнейшее развитие немыслимо. Ставрополь в этом отношении счастливее своих сверстников, одновременно возведенных с ним на степень городов при открытии Кавказского наместничества. Его экономическому развитию, сравнительно с остальными городами Северного Кавказа, благоприятствовали: здоровый климат, хорошая родниковая вода, черноземная почва, богатые и обширные леса, а более всего, как кажется, относительная близость к Дону и к театру продолжительной борьбы с Турциею за обладание Кубанскою стороною и Крымом. Вследствие этой близости Ставрополь быстро населялся и экономически развивался. Поступление городских доходов может,

между прочим, служить мерилом его общественного постепенного развития. К сожалению, за время с 1786 по 1797 год включительно в архиве старых дел городской управы мы не нашли по этому предмету никаких данных, из поздних же уцелевших шнуровых книг магистрата видно, что источниками городских доходов были сборы за места для торговли на ярмарках и базарах, проценты от продажи казенного вина и откупная плата с городских весов.

Первый источник, собираемый копейками, давал незначительный доход. Процентов от продажи казенного вина поступало в городскую кассу также немного: от 1 р. до 6 р. в месяц. Не раньше 1801 года питейной прибыли город получил 150 р. 29 к., а с купца Акима Чернова поступило откупной платы с городских весов 306 р.

Затем в 1789 г. Ставрополь имел доходов 643 р. 65 к. — расходов неизвестно.

	Доходы	Расходы
В 1799 г.	769 р. 5 к.	756 р. 99 к.
В 1800 г.	738 р. 32 $^1/_2$ к.	734 р. 87 $^1/_2$ к.
В 1801 г.	1090 р. 59 к.	894 р. 96 к.
В 1802 г.	1068 р. 31 $^1/_2$ к.	975 р. 75 к.
В 1803 г.	1662 р. 63 к.	1159 р. 70 к.
В 1804 г.	1071 р. 88 $^1/_2$ к.	неизвестно
В 1805 г.	1527 р. 70 к.	1522 р. 77 к.
В 1806 г.	неизвестно	неизвестно
В 1807 г.	1856 р. 57 $^1/_4$ к.	1570 р. 57 к.

Увеличение городских доходов с 1801 г. падает на счет питейной прибыли и весовых. До 1807 г. подрядчики поставляли горячее вино в Ставрополь по казенной цене 1 р. 80 к. ведро, а с того времени и по 1811 г. откупщик коллежский асессор Петр Бородин платил в Ставрополь в год за вино, водки, наливки 90 000 р., за пиво и мед 4000 р. Поверенным его в делах был статский советник Галицын.

Ставрополь с самого возведения на степень уездного города (как впрочем и все города тогдашнего Кавказского наместничества) не пользовался никакими льготами и нес те же натуральные повинности, какие лежали на всех городах России.

В 1786 году был объявлен рекрутский (4-й в том году) набор с 500 душ по одному рекруту, а с купечества за каждого рекрута повелено взыскать по 500 р.; между тем именным указом 4 марта того же года цена рекрута, установленная в 1766 г., возвышена со 120 руб. до 360 руб. Вероятно, вскоре после того цена возвышена еще до 500 руб., но указа о том в архиве мы не нашли. Во время этого набора население Ставрополя состояло из одного купца и 157 мещан, которые дали натурою одного рекрута и уплатили складочных 113 р. 4 к.

В 1787, 1789 и 1790 годах тоже были рекрутские наборы, но сведений о числе сданных городом рекрутов в делах не оказалось, но мы нашли не менее интересные сведения о том, что в 1792 году на гор. Ставрополе уже числилось недоимок за остающихся рекрутов и складочных рекрутских 10835 руб., сумма для тогдашнего населения немалая. Манифест 12 октября 1793 года объявил набор с 500 душ по одному рекруту, а с купцов деньгами по 410 р. за рекрута. В каком размере город отбыл эту повинность, сведений опять мы не нашли. Затем в 1796 году повелено было произвести усиленный набор, по 5 рекрутов с 500 душ, а с купечества взять по 500 рублей за рекрута и кончить набор к 1 января 1797 года. В этот набор со ставропольских купцов за двух рекрутов взыскано 1000 руб., а с мещан взято два рекрута натурою. Но манифестом 11 ноября этот набор отменен, а повелено нераспределенных ректрут по полкам возвратить домой, а поступивших в полки зачесть в счет будущих наборов. Складочные же деньги велено было возвратить.

В следующем 1797 году был опять набор по 3 человека с 500 душ, а с купцов по 500 руб. за рекрута. В силу этого манифеста Ставрополь за 234 купцов внес 1170 р. и сдал одного рекрута натурою.

В набор 1798 г., уменьшенный до одного рекрута с 500 душ при той же цене за рекрута с купцов, Ставрополь дал государству одного рекрута натурою и 339 р., взысканных с такого же числа купечества. Всех душ в губернии, подлежащих рекрутскому набору в том году, было 24000.

В рекрутский набор 1799 г. с 405 душ мещан город дал одного рекрута натурою, а с остальных 45 уплатил складку, купцы же с 161 души внесли 230 руб. 23 коп. Этот набор, по счету 72, отличался от прежних наборов тем, что к Ставрополю причислены были ближайшие селения, составляющие

рекрутский участок. Дорожа статистическими данными о тогдашнем населении губернии, приводим число душ, причисленных к ставропольскому рекрутскому участку.

В 1799 г. в г. Ставрополе числилось купцов 161 и мещан 405 душ. В селениях: Михайловском — 1408 душ, Рождественском — 1014, Старо-Марьевском — 296, Надежде — 1583, Покровском (Ныне Бешпагирском) — 182, Новотроицком — 619, Пелагиаде — 1203, Новой Марьевке — 1309, Богоявленском (ныне станица Сенгилеевская) — 960, Николаевском — 569 и Каменном броде — 232 души, всего 9767 душ в участке, из которого взято 28 рекрут.

Затем в 1800 и 1801 годах наборов не было.

По 73 рекрутскому набору, произведенному в 1802 году в Ставрополе, из 414 душ мещан взято 2 рекрута, а с купцов взыскано 458 р.

О 74 и 75 наборах сведений не оказалось, но в 1805 г. по 76 набору (из 500 душ по 4) Ставрополь дал трех рекрутов, а купцы уплатили 972 р., причем купцы давали по 4 р. с души, а мещане — 72 к. складочных.

Из рекрутской росписи по 76 набору видно, что Ставрополь и тогда был первым между городами Северного Кавказа. Так, Ставрополь с 243 душ купцов внес 972 руб., Георгиевск с 133 — 532 р., Александров с 123 — 492 р., Кизляр с 26 — 104 р., а Моздок с 17 — 68 р.

После государственной рекрутской повинности, отбываемой и натурой и деньгами, главною и самою тяжелою для граждан повинностью было содержание общественной почты. Военное положение края и города, расположенного на главном пути сообщения с метрополиею, прямо указывает на значение почтовой натуральной повинности, хотя о размерах ее до 1798 г. в городском архиве того времени никаких сведений не нашли. Известно только, что в том году купец Белобородов и экспедитор почтовой инспекции Жданов содержали в Ставрополе общественную почту в 16 лошадей с упряжью, повозками и ямщиками, но за какую плату, сведений нет. Такая натуральная повинность для малолюдного тогда города была не по силам, и генерал Кноринг 6 февраля 1801 г. № 122 дал магистрату следующее предложение: «По донесению ко мне ставропольского городского головы купца Волкова касательно отягощения городских жителей дачею лошадей для проезжающих и подвод для пересылаемых колодников, предписал я и лично приказал командиру Хоперского казачьего полка подполковнику Голяховскому, чтобы в том участвовали и Ставропольская казачья станица, чередуясь между собой. Что же следует до присоединения в складку к городу поселян для содержания городовой почты, о том предложил на рассмотрение Астраханского губернского правления».[14]

Вследствие такого предложения губернское правление причислило в складку 62 души дворовых, приписанных в Ставрополе, села Надежды 266 душ, явившихся в уезде беглых 107 и Александровского уезда, села Чернолеса 210 душ. Это распоряжение почтовым сбором обложило 1318 душ, считая в том числе ставропольских купцов 201 и мещан 475 душ.

Казенной почты в то время в Ставрополе еще не было, хотя уже был экспедитор почтовой экспедиции, который отправлял казенную и частную корреспонденцию на Георгиевск и, вероятно, на обывательских лошадях, потому что только 15 января 1803 г. князь Цицианов вошел с представлением к почтдиректору действительному тайному советнику Трощинскому, чтобы почту из Москвы отправлять в Георгиевск через Черкаск на Дону, в том внимании, что направление ее на Астрахань дает 500 верст кругу, отчего и петербургская почта получается в Георгиевске неделею позже.[15]

В том же году открыто почтовое сообщение от Ставрополя до Среднего Егорлыка, что, впрочем, не облегчило города в отправлении почтовой повинности, потому что и в 1804 г. причислено к нему в складку для найма почтовых лошадей 40 душ дворовых, 43 — деревня Тугулук помещика Криворучкина, 79 — деревня Калиновка помещика Устинова и 702 души крестьян села Покровского (ныне Бешпагир), что с 272 душ купцов и 388 душ мещан города Ставрополя составило 1524 души окладных.

Для почтовой гоньбы в 1806 г. граждане Ставрополя наняли 5 января купца Ивана Белобородова для отбывания почтовой повинности на 6 лошадях за 495 руб., из чего видно, что город значительно облегчился. Между тем того же числа в Георгиевске ставропольский городской голова Илья Волков заключил с Кавказским губернским правлением контракт на 2 года на отправление почтовой гоньбы по почтовому тракту от границ Донского войска до Георгиевска на следующих станциях: в урочище Песчаные Копани, Питенской или Рассыпной, Калалинской, Медвежье-Колодезной, Преградной, Безопасной, Донской, Московской, Ставропольской, Бешпагирской, Новогеоргиевской, Северной, Александровской, Сабле-Копанской, Александрийской и в Георгиевске, на всех 16 станциях обязываясь иметь по 16 лошадей, а на Георгиевской — 24 лошади. По силе указа 1769 г. Волков должен был иметь ямщиков не моложе 18 и не старше 40 лет. Плату должен был получать потретно, считая на пару 260 руб. в год, а за все станции 12133 р. 33 $^{1}/_{4}$ к. бездоимочно из уездного казначейства, которую вносили крестьяне и мещане по расписанию правительства. Этим контрактом купечество было освобождено от участия в почтовой повинности.

Из журнального постановления шестигласной думы на 13 марта 1808 года об учреждении в городе более правильной почтовой гоньбы однако ж видно, что почтосодержатель купец Волков от содержания почты устранен за участие его с ставропольским уездным казначеем Матвеевым в растрате более 20000 р., а потому гражданами был нанят новый содержатель почты купец Иван Белобородов.

Первые начатки городского благоустройства

Войска, расположенные в крепости Ставропольской, и натуральная в пользу их повинность граждан. — Попытки жителей к разведению виноградных садов. — Чума. — Выборные общественные деятели. — Городская полиция. — Открытие шестигласной думы.

Основные в последней четверти прошлого столетия на Северном Кавказе города, в том числе и Ставрополь, слабые и по населению, и по экономическому состоянию, долго не могли и думать о каком бы то ни было городском благоустройстве. Но и тогда уже, как и теперь, Ставрополь во всех отношениях шел впереди своих сверстников.

Первою заботою общественного управления на пути к благоустройству города, как кажется, была самопомощь в пожарных случаях, а отсюда и заведение самых необходимых принадлежностей при тушении пожаров. Осуществление этой мысли шло, однако ж, как видно из дела, чрезвычайно медленно, потому что только в 1800 г. город содержал 2 бочки и 4 пожарных лошади за 70 р. в год, но на уплату этой ничтожной суммы мог собрать с 414 душ мещан только 49 р. 70 к., быть может, и потому, что содержатель обоза вместо четырех имел три лошади.

Не раньше 1805 года городничий Зервальд, вероятно, по желанию граждан, обратился в Харьков к механику с вопросом, по каким ценам можно у него приобрести пожарные трубы. Механик ему ответил, что труба 1 разбора стоит 360 рублей, 2 — 260, а 3 — 160 и что за доставку трубы в Ставрополь он возьмет 45 р. с тем, что тот, кто ее доставит, научит, как обращаться с трубою. Зервальд сообщил эту переписку магистрату с предложением купить 2 трубы, 1 и 3 разбора. Граждане, не исключая разночинцев, сдали на этот предмет раскладку, по которой собрано было с купцов и мещан 879 руб. 70 к., а с разночинцев 520 руб.; всего 1399 р. 70 к. На эти деньги предложено было купить пожарные трубы, бочки, багры, лошадей и построить сарай. Между тем и губернатор, действительный статский советник барон Христиан Петрович Гильденшольд, со своей стороны собрал сведения о ценах на пожарные трубы в Туле через тамошнего губернатора, который его известил, что оружейник Роман Гнидин объявил ему следующие цены: за трубу 1 разбора — 400 р., 2 — 350 р., а 3 — 300 р., объясняя, что трубы будут с медными ящиками и стаканами, на ходу, с железными осями и с кожаными рукавами в 12 аршин, а за доставку по 3 р. с пуда.

Губернатор Гильденшольд, сообщая эти сведения магистрату, советовал выписать трубу 2 разбора, или средней величины. Магистрат выбрал трубу 3 разбора и на выписку ее 19 января 1806 г. отослал губернатору 355 р.

Пока происходила переписка, ратман купец Никита Плотников, ездивший в то время в Харьков на ярмарку, купил там на свои деньги трубу 3 разбора за 150 р. и 19 февраля доставил в Ставрополь. Магистрат рапортовал о том губернатору, который возвратил представленные на его предмет 355 р., а губернское правление поспешило просить магистрат, чтобы такую же трубу выписали и для Георгиевска, почему Плотников купил и доставил в Георгиевск трубу 1 разбора.

Из этого понято, как нелегко было Ставрополю при тогдашних незначительных городских доходах (1527 р.) идти по пути общественного хозяйства и благоустройства, которое опираться могло лишь на одни раскладки и денежные сборы с душ... Разнообразные в то время сборы, сверх казенных податей и окладов, при сравнительно ограниченном экономическом состоянии города, для жителей были тем труднее, что они тогда еще платили на какой-то ремонт расположенному в Ставропольской крепости 4 эскадрону Таганрогского драгунского полка. Эта ремонтная повинность, хотя и неизвестно, в каких размерах, существовала долго: только 3 октября 1800 г. № 236 астраханский губернатор тайный советник Андрей Павалишин дал знать магистрату, «что денег в ремонт на текущий 1800 г. на полковые надобности от них требовать не будут».

В архиве дел городской управы есть доказательства, что граждане города еще в прошлом столетии делали более или менее серьезные попытки к усвоению виноградной культуры.

Так, между прочим, в 1798 г. ставропольский купец Горденин отдал греку Гревилю свое поместье, находящееся на левой стороне р. Ташлы, на три года с тем, чтобы он ему развел виноградник в 1500 кустов и своими средствами обрабатывал, за что, по окончании срока, половина отданного Гревилю места поступает в его собственность. Если же он вздумал бы впоследствии свою часть продать, то на покупку оной Горденин имеет преимущество перед всеми покупателями, но не ниже той цены, какую бы давали другие. При всем том, и несмотря на многолетние усилия частной предприимчивости, виноградная культура в Ставрополе не привилась по причинам, о которых поговорим в ином месте и в другое время.

Экономическое состояние города в рассматриваемый период времени вообще развивалось медленно. Особенно тягостным для населения города был 1807 год, когда на Северном Кавказе существовала на людях чумная эпидемия, от чего в Ставрополе прекращены были базары, а ярмарок совсем не было, вследствие чего и местная торговля была в полном застое. Тогдашняя чума и правительственные мероприятия к ее прекращению заслуживают более подробного обозрения, чем мы и займемся в ближайшем будущем.

Для истории города интересно сохранить список выборных общественных деятелей в рассматриваемый период времени. Вот он:

В 1786 г. бургомистром был купец Козьма Яковлев, а ратманом — купец Карп Колесников.

В 1789 г. бургомистр — купец Михаил Тарасов, ратман — Василий Белов.

В 1791 г. бургомистр — купец Архип Терехов, ратман — Артамон Тарасов.

В 1794 г. бургомистр — купец Иван Маленин, ратман — Василий Хахненко.

В 1797 г. бургомистр — купец Илья Волков, ратман — Гордей Анненков.

В 1801 г. бургомистр — купец Созон Медведев, ратман — Аким Чернов.

В 1804 г. бургомистр — купец Гордей Анненков, ратман — Василий Хахненко.

Говоря о первых городских общественных деятелях, нельзя не сохранить в памяти и первых полицейских деятелей.

В 1785 г. первым городничим в Ставрополе был прапорщик Степан Яров.

В 1786 г. — титулярный советник Аввакумович.

В 1789 г. должность городничего правил секунд-майор Михайловский и в том же году назначен городничим поручик Григорьев.

В 1796 г. городничий IX класса Зервальд.

В 1802 г. правил должность городничего капитан Клешин.

В 1805 г. вторично встречаем городничего Зервальда.

Наконец, вследствие законодательного распоряжения, по указу губернского правления от 18 января 1808 г., в г. Ставрополе открыта шестигласная дума, и первым городским головою был выбран Юрий Мануйлович Архундаки.

Примечания

1. «Губернские ведомости» 1876 года, №№ 6, 7, 10, 11, 12, 17, 18 и 19.
2. Указ правящего должность губернского прокурора 11-го марта 1786 г., № 926 Ставропольскому магистрату.
3. Секретарь магистрата получил тогда из тех же источников 150 руб., а повытчик 139 руб. жалованья в год.
4. Полное собрание законов. Т. XXII № 15975.
5. О величине этих ворот можно судить из того, что из употребленного на них кирпича выстроен в Екатериноградской станице войсковой собор значительных размеров. Замечательно, что председателем комиссии по постройке этого собора был магометанин полковник Терганов, командир Горского казачьего полка.
6. Доказательство тогдашней безопасности от хищнических набегов.
7. За ветхостью бумаги невозможно прочитать.
8. Указом Кавказского наместнического правления 29 марта строжайше предписано было окончить эту народную перепись к сроку, т.е. к 1 июля 1795 г.
9. Это видно из дела об окладе на содержание городской почты в 1798 по 1801 г.
10. В 1799 г. зачислены в мещане выкрещенные из турок Григорьев и Иванов.
11. Акты кавказск. ахеограф. комиссии, т. 3, стр. 713.
12. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии, изд. вольных экономических обществ. С.-Петербург, 1809 г., стр. 483.
13. Акты Кавказ. археогр. комиссии т. 2, стр. 1109 и 1112.
14. В 1801 г. губернское правление из Екатеринодара опять переведено было в Астрахань.
15. Акты Кавказской археологической комиссии, т. 2, стр. 233.

Текст и примечания печатаются по источнику:

Бентковский И.В. Ставрополь с открытия городового магистрата 15 февраля 1786 года до учреждения шестигласной думы 18 января 1808 года // Сборник сведений о Северном Кавказе. К 125-летию города Ставрополя. Материалы для истории города / Под редакцией Г.Н. Прозрителева. — Ставрополь, 1910. — Том VI.

ОТКРЫТИЕ В СТАВРОПОЛЕ ПЕРВЫХ ПРИСУТСТВЕННЫХ МЕСТ[1]

Высочайший именной указ Екатерины II об образовании Кавказского наместничества из двух областей, Кавказской и Астраханской, состоялся 5 мая 1785 г., а 9 мая того года последовал именной указ правящему должность Саратовского и Кавказского генерал-губернатора генерал-поручику Павлу Сергеевичу Потемкину об устройстве Кавказской губернии.

Этим указом: а) признано полезным устраивать города в близости горских народов; б) повелено ввести городовое положение, утвержденное 21 апреля того года и в Кавказском наместничестве в Кизляре, Моздоке и других городах, где управление городское прежде единственно относилось к военному начальству; в) для развития торговли и ремесел дозволено иностранцам селиться в городах Кавказского наместничества; г) обещано также дать вскоре разрешение селиться в Кавказской губернии выходцам из Закавказья, а армянам основать город; д) с открытием казенной палаты и должности директора домоводства повелено наделить землями татар и вновь желающих селиться в губернии; е) повелено открыть почтовое сообщение от Царицына до Кавказской линии, а отсюда до Черкасска, а если нужно для безопасности, обвести на этом пути селения земляными укреплениями. Почтовые станции должны быть на расстоянии 15—30 верст и ж) повелено основать город на пространстве от Черкасска до линии (то есть до Ставропольской крепости) и, наконец, поселение отставных солдат повелено предпочесть отдаче их на росписки частным людям.[2]

Потемкин счел однако ж нужным войти в сенат с новым докладом о полном разрешении вышеозначенного указа, так как некоторые его пункты относились до верховного правительства. Вследствие чего сенат сделал распоряжение по Империи о доставлении сведений о желающих поселиться в Кавказском наместничестве из экономических, дворцовых, однодворцев и прочих государственных крестьян, каковых оказалось в разных губерниях до 800 чел., а в Пензенском наместничестве до 1000 чел., которым из казны велено было дать по 20 р. на двор, для чего и отпущено на первый случай в распоряжение генерал-поручика Потемкина 50000 р. Что же касается поселения на линии отставных солдат с выдачею каждому в пособие по 20 р., то сенат предписал указами военной и адмиралтейской коллегиям и канцеляриям полков лейб-гвардии и главной артиллерии и фортификации.[3]

В таких распоряжениях высшего правительства прошел весь 1785 г., почему и кавказское наместническое правление только 31 января 1786 г. могло распорядиться об открытии присутственных мест. В указе о том сказано, что для открытия уездных присутственных мест в Георгиевске, Александрове и Ставрополе командирован председатель уголовного суда подполковник Пирогов; что в каждое присутственное место отпущено законов, на столы сукна и на первый случай на расход денег, бумаги, чернил и прочего; что по прибытии в каждый из этих городов подполковника Пирогова открытие должно начаться чтением Высочайшего повеления и молебствием. А как тогда уездных казначеев определено не было, то денежные казенные суммы, где таковые есть (говорится в указе), должны оставаться на руках сохранными у тех лиц, у которых они находились впредь до прибытия казначеев, с тем чтобы о количестве принятых сумм донесено было казенной палате.

Из другого же и от того же числа указа за № 68 бургомистру Яковлеву видно, что для открытия уездных присутственных мест в Ставрополе командирован кавказским наместническим правлением надворный советник Зряхов.

Подполковник Пирогов, окончив возложенное на него поручение, донес кавказскому наместническому правлению, что присутственные места с принесением в церквах благодарственных молений и с преподанием священниками благословения открыто им: в Георгиевске 7, в Александрове 10, а в Ставрополе — *15 февраля 1786 года.*[4]

Поэтому пятнадцатого февраля исполнится девяносто лет открытию в Ставрополе первых присутственных мест[5] *(в 1875 г.).*

Важность события требует от нас более чем простого заявления исторического факта и потому уже, что сама императрица Екатерина II собственноручным письмом от 25 февраля т. г. поручила главнокомандующему в Кавказской губернии генерал-поручику Павлу Сергеевичу Потемкину объявить свое высочайшее удовольствие по случаю открытия Кавказского наместничества всем в том учавствующим сей губернии дворянам и горским князьям и удостоверить каждого в искреннем ее императорского величества желаний, чтоб новый образ управления, принося им новые выгоды, послужил к утверждению их спокойствия и благоденствия.[6] Сверх того, императрица от щедрот своих приказала отпустить в ссуду новым городам 10000 р. и высочайше повелела сенаторам графу Александру Романовичу Воронцову и Алексею Васильевичу Нарышкину осмотреть все открытые в Кавказской губернии присутственные места. Сенаторы в Екатериноградe были уже 3 марта 1786 г.[7] Стало быть, мудрая Екатерина II считала открытие Кавказского наместничества чрезвычайно важным событием.

Удивительна быстрота действий того времени: 15 февраля открыты присутственные места в Ставрополе, десять дней спустя (25) императрица уже пишет письмо Потемкину, а 3 марта ревизующие сенаторы уже в Екатеринограде. Такая быстрота сообщений была бы понятна в наш паровой век, но в то время она решительно непостижима...

Щедроты Екатерины II не ограничились присылкой в ссуду городам 10000 р., так как генерал Потемкин 24 января (значит, до открытия присутственных мест) прислал в Кавказское наместническое правление на благоусмотрение приказа общественного призрения 500 р., пожалованные императрицею, и сверх того 165 р. для выдачи на руки совершенно бедных и больных поселян с распискою по 15 р. каждому, а как приказ общественного призрения не был тогда еще открыт, то 500 р. отосланы в казенную палату, а 165 р. розданы городничим.[8]

Говоря об открытии в Ставрополе первых присутственных мест, мы, однако ж, не принимаем 1786 г. за год его основания. Как из жизни человека не вычитают период его младенчества, так и история не вправе игнорировать жизни первых обитателей Ставрополя — когда они жили здесь под защитой крепости № 8 и, не имея самоуправления, находились в ведении военных начальников. Не один, впрочем, Ставрополь был в такой зависимости: до издания в 1786 г. городового положения многие русские города, если даже не большинство, находились в такой же неопределенной обстановке. Что с самого основания Ставропольской крепости начал стекаться под ее защиту разный рабочий и промышленный люд и проживать здесь сначала временно, а потом и постоянно, — в том едва ли можно сомневаться. На это есть даже многие доказательства. Так, из сообщения Ставропольского нижнего суда в городовой магистрат от 6 июля 1786 года № 123 видно, что еще до учреждения города в 1785 г. записывались в мещане при Ставропольской крепости, что в 1784 г. зачислен в мещане вольноотпущенный Оренбургской губернии секунд-майора Пояркова крепостной человек Иоаким Нечаев, проживающий в Ставропольской крепости с 1782 г., что в том же 1782 г. была 4-я ревизия, а из записанных по той ревизии людей не оказалось в 1786 г. семи человек, которых нижний земский суд и разыскивал. В 1784 г. жил еще в Ставропольской крепости купец Яковлев, как это видно из векселя на 137 р. отставного подпоручика Федора Фостикова. Наконец, в 1785 г. (все-таки до открытия присутственных мест) зачислены в ставропольские мещане Калина Скоморохов и Иван Ртищев.

На существование во вновь учрежденных в Кавказской губернии городах, или, вернее, в тогдашних крепостях, гражданского населения указывает между прочим и следующее распоряжение. Главнокомандующий генерал-поручик Потемкин в предложении кавказскому наместническому правлению 28 января 1786 года (заметим, что тогда уездные и городские присутственные места не были еще открыты) пишет: «1) что воинские поселяне (вероятно, казаки) подсудны гражданским присутственным местам только в поземельном отношении, как то: в завладении одним от другого, в закладной и купчей и в обиде нажитого, в остальных же случаях они в зависимости от военного начальства и без депутата с военной стороны судимы быть не могут; 2) чтобы городничие, которые по малолюдству в то время городов не были назначены, взятых за ссору, буйство, драку и воровство поселян отсылали к военному начальству и 3) чтобы уездные и нижние земские суды, магистраты и расправы в почтовые дела не мешались, так как учрежденные почтовые станции (по 4 подводы на каждой) для возки курьеров содержатся казаками, кои находятся в зависимости военного начальства».

Переходя к вопросу о том, какие присутственные места были открыты в Ставрополе 15 февраля 1786 г., отвечаем: Ставропольский нижний земский суд и городовой магистрат.

Уездные суды были тогда открыты во всей губернии только два (вероятно, тоже по малолюдности губернии), один в Георгиевске на уезды Георгиевский, Александровский и Ставропольский, а другой в Моздоке, на уезды Моздокский и Кизлярский.

Потемкин на другой же день по открытии присутственных мест ордером № 15 определил в должность ставропольского публичного нотариуса курского дворянина отставного прапорщика Калугина, а в должность ставропольского городничего прапорщика Степана Ярова.

Первым бургомистром в ставропольском магистрате был Козьма Яковлев, а ратманом Карп Колесников. Вероятно, они были по назначению, так как по силе 279 ст. учрежд. о губерниях в магистратах должны заседать два бургомистра и 4 ратмана, почему, должно быть, и общественным приговором 15 ноября избраны в ратманы Михаил Тарасов и Степан Рясниский.

Баллотировали тогда шарами. Выборы эти, как неполные, не были утверждены, потому что когда повелено было выбрать еще 2 ратманов, то общество по неимению грамотных выбрало Василия Белова и служащего писцом в магистрате поляка (как сказано в приговоре), довольно сведущего и хорошего поведения Якова Леговского. Все они были утверждены наместническим правлением 17-го января 1787 г. и на верность службы приведены к присяге астраханского драгунского полка священником Елисеем Терпиловым.

Первые общественные деятели в Ставрополе во всяком случае заслуживают, по крайней мере в интересах их потомства, чтобы поименованием сохранить о них память. Из первого общественного приговора 15 ноября 1786 г. видно, что в составлении его участвовали следующие ставропольские ме-

щане: Антон Руднев, Яков Тарасов, Назар Голиков, Антоний Камарик, Алексей Стрежиков, Тимофей Катасанов, Иосиф Ртищев, Василий Быканов, Андрей Волобуев, Петр Акулинин, Козьма Руцкий, Петр Пашков, Никита Черкешенин, Петр Воробьев, Григорий Неделика и Иван Чернышев.

Впрочем, это были далеко не все тогдашние ставропольские мещане, большинство их, а именно 32 человека, были в отлучке по билетам, которые тогда выдавались за подписью главнокомандующего в Кавказской губернии генерал-поручика Потемкина, — в разъездах по разным российским губерниям для торговли и промыслов. В таком же младенческом состоянии была тогда здесь торговля; лучше всего можно усмотреть из предложения Потемкина от 25-го февраля 1788 г. № 442, в котором сказано, «что для покрытия присутственных столов в уездных судах отыскаться только могло 18 аршин сукна, а сколько потребуется еще, сделать выписку, чтобы из Астрахани я прислать мог».

Примечания

1. «Губернские ведомости» 1876 г. № 5-й.
2. Полное собрание законов Российской Империи, т. XIX, №№ 13404 и 16194.
3. Там же.
4. Дело Ставропольской городской управы. Указ городовому магистру от 9 марта 1786 г. № 894.
5. Событие, заслуживающее, чтобы о нем вспомнить 15 февраля благодарственною молитвою и добрым делом.
6. Указ Кавказск. наместн. правления 10 апреля 1786 г., № 1738.
7. Указ Кавказск. наместн. правления 20 июля 1789 г., № 8360. Были ли сенаторы в Ставрополе и когда, сведения о том пока не отысканы.
8. Дело Ставр. гор. управы 1786 г. № 3.
9. В год открытия присутственных мест комендантом Ставропольской крепости был Булычев, впоследствии присутствующий в Кавказском наместническом правлении надворный советник.

Текст и примечания печатаются по источнику:

Бентковский И.В. Открытие в Ставрополе первых присутственных мест // Сборник сведений о Северном Кавказе. К 125-летию города Ставрополя. Материалы для истории города / Под редакцией Г.Н. Прозрителева. — Ставрополь, 1910. — Том VI.

СТАВРОПОЛЬСКАЯ СТАРИНА. МЕСТНЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ КАМЕНЬ И ПЕРВОЕ КАМЕННОЕ ЗДАНИЕ В СТАВРОПОЛЕ

Первые населенцы Ставрополя, начиная с основания крепости, находили в обширных окрестных лесах в избытке строевой лес и потому, вероятно, весьма долго не обращали никакого внимания на другой строительный материал — камень, не менее обширные залежи которого занимали Ставропольское плоскогорье, состоящее из двух ярусов третичной (моллосовой) формации: нижнего и верхнего. Первый образовался из мергелей и темно-серого кремнистого известняка, заключающего в себе раковины; верхний же ярус составляют песчаники, в которых находится множество органических остатков, кораллов, раковин и проч. Раковистый камень, на котором расположен Ставрополь, составляет верхний слой высшего яруса моллосовой формации и состоит из песчаника, связанного известковым цементом, преимущественно же из мактра и венус. Камень этот на возвышенных местностях города находится в обнаженном состоянии, а в низменных частях покрыт почвою от фута до сажени и более толщиною.[1]

Каменоломни, которым так обязана щеголеватая наружность Ставрополя — говорит г. Барбот де-Марни[2] — лежат в самой черте города. Камень — известковый ракушник — является прямо из-под чернозема, на глубине $^1/_3$ — 3 аршин. Цвет камня белый, но большею частию желтовато-серый и иногда красноватый. Камень очень мягок, хотя местами и представляет кремнистые разности, дающие искры. Раковины являются преимущественно в виде ядер.

Пласты породы имеют от $^1/_4$ до $^1/_2$ арш. толщины и представляют совершенную горизонтальность, весьма редко они слабо изогнуты и трещиноваты. Для добычи строительного камня выбираются места, где пласты имеют одинаковую толщину, около $^1/_4$ аршина. При добыче делают ряд вертикальных врубов на расстоянии 10 вершков. Работа эта ведется наваренными сталью железными кайлами (клеваками). Потом горизонтально вбиваемыми железными клиньями отделяются брусья, которые уже прямо идут на постройки.

Однодневная перепись 18 декабря 1872 г. насчитала в Ставрополе (кроме 9 церквей, которые все каменные) 8426 разного назначения зданий, и в том числе 3858, или 46% каменных, придающих городу ту щеголеватую наружность, замеченную господином Барбот де-Марни, которая приятно бросается в глаза многим, в первый раз приезжающим в Ставрополь.

В 1798 году, как мы уже говорили[3], в Ставрополе не было еще ни одного каменного дома, так точно, как и в городском лесу, быть может, не было уже ни одного строевого дерева. По крайней мере в 1805 году, при отмежевании городу двухверстного выгона, показано на плане 821 десятина 894 сажени дровяного лесу.

Нужда заставила тогдашних жителей обратиться к другому строительному материалу, более прочному и, так же как и лес, сподручному — камню, на который они, да и первые строители Ставропольской крепости, в течение четверти столетия не обращали никакого внимания. Первый пример каменных построек показал городской ратман купец Волков, как это видно из предложения Астраханского губернатора Захарова Ставропольскому магистрату от 2 января 1800 г. за № 7.

Губернатор пишет: «Ставропольский городничий Зервальд рапортом мне доносит, что посредством тамошнего купца Волкова выписаны из города Черкаска каменщики, коими найдено, что из находящегося в Ставропольском уезде ломового камня можно производить строения с малым превышением цены против деревянного, не истребляя леса на сжение кирпича. Приняв такое изобретение с уважением, Ставропольскому магистрату предлагаю объявить о том сего города обывателям, внушив при том им, что будут таковое благое изобретение употреблять они в свою пользу, то не только получат сами выгодность, но городу дастся украшение, которое отнесется к славе и похвале его обитателей».[4]

Отсюда ясно, да и предание подтверждает, что купец Илья Волков первый начал постройку каменного дома в 1799 году.[5] Что же касается внушения обывателям, то оно не скоро вошло в их сознание, так как в 1834 г. мы нашли в Ставрополе казенных и частных домов и нежилых строений не более 30. Тем не менее под руководством каменщиков, выписанных Волковым из Черкасска, ставропольцы начали «бить камень», и в 1808 г. специально уже занимались этим промыслом 1 купец и 1 мещанин.

Одновременно с постройкою в Ставрополе первого каменного дома возникла мысль о построении в городе каменной церкви, без сомнения, тогда по строительному материалу первой на Северном Кавказе.

Троицкого собора протопоп и благочинный Илья Тимофеев, 1800 г. июня 21 № 177, писал следующее Ставропольскому городничему титулярному советнику Зервальду: «Астраханская духовная консистория от минувшего мая № 711 предписала мне понудить жителей Ставропольского уезда и священников тех селений, которые не имеют выстроенных церквей и отправляющих в молитвенных

домах и часовнях священнослужение, дабы присылали к высокопреосвященному Платону архиепископу Астраханскому и Моздокскому о дозволении строить в их селениях церкви через доверенных прошения и старались бы вообще построить оные через год непременно; а как в г. Ставрополе церковь, хотя и не в давнем времени выстроена, но весьма непрочным делом, так что в рассуждении постройки к оной приделов, подвержена опасности к скорому падению и от случающихся в зимнее время метелей проходит сквозь стены снег, а в летнее время бывает от дождей великая течь, так что важнейшие церковные вещи, яко-то: престол и антиминс часто бывают намоченными и все церковные утвари, парчи, что весьма противно церковным правилам и государственным узаконениям, в том случае, вследствие упомянутого указа, сообщаю вам и прошу г. Ставрополя жителей, долженствующих быть в приходе Троицкого собора, к выстройке вновь прочнейшей церкви понудить; в случае же их к тому несогласия, то по данной мне благочиннической инструкции, в рассуждении непрочности о запрещении священнослужения в оной церкви не премину представить его высокопреосвященству Платону, что последует к вящему всех здешних прихожан неудобству».

Обыватели Ставрополя, в числе 18 купцов и 24 мещан, бывших в общественном собрании 12 августа 1800 г., по прочтении им в городовом магистрате отношения благочинного Тимофеева № 177, приговорили: «На место состоящей в Ставрополе, на мещанском форштате деревянной соборной Св. Троицкой церкви, выстроить желаем каменным зданием, а пока она созиждена будет, ту, деревянную, дабы течи не могло быть, также и другую ветхость, должны исправить лучшею прочностью».

Желание жителей, столь похвальное могло, однако ж, по не зависящим от них причинам осуществиться нескоро… новый каменный собор во имя Св. Троицы освящен был только в 1819 году.

Медленность в постройке предположенного каменного собора происходила от многих условий и более всего от местных интриг и парализующего влияния тогдашнего режима. Распоряжение Астраханского архиепископа Платона о представлении ему на утверждение планов строящихся церквей через доверенных от общества и за отдаленностью Астрахани и по малонаселенности губернии, а более всего по военным обстоятельствам края, в то время весьма тревожным, тоже не могло благотворно влиять на успешность церковных построек. Между тем тогдашнее Ставропольское общество делало все зависящее от него. Так, 12 февраля 1801 г. приговором купечества и мещан избраны для сбора доброхотных подаяний на вновь строящийся каменный собор во имя Св. Троицы купцы Никита Деревщиков и Василий Полежаев, а попечителями постройки церкви купцы Моисей Ефремов и Гордей Анненков.

Доброхотные подаяния, вероятно, шли успешно, потому что уже в 1804 г. епархиальное начальство сделало распоряжение об освящении места, где имела быть выстроена церковь, а общество в следующем году приискало подрядчика для означенной постройки; как вдруг вмешалась в это дело местная полиция, и постройка собора оттянулась на несколько лет…

Городничий Зервальд 10 августа 1805 г. донес губернскому правлению, что «купец Федор Деденев при сборе общества рядился построить каменную церковь Св. Троицы за 12900 р., но окончательно не сторговался, и что магистрат без переторжки отдал постройку церкви за ту же цену купцу Акиму Чернову; между тем Деденев хотел было понизить эту цену до 12000 р.». По этому рапорту губернское правление предписало магистрату донести: на какую сумму общество предпринимает постройку церкви — церковную ли или собранную с общества? С чьего разрешения собиралась сумма? Есть ли на постройку церкви план и кем утвержден? Городничему же Зервальду предписало не вмешиваться в общественные дела.

Что отвечал магистрат на это предписание в делах, из которых заимствуем исторические сведения о г. Ставрополе, мы не нашли, но мы нашли другой интересный документ, из которого видно, что собранная на постройку сумма заимообразно расходовалась на другие общественные нужды. Так, купечество и мещанство в собрании своем 1 ноября 1805 г. единогласно приговорило: «как во время обойдения выгону здешнему городу земли, употреблено немалое количество церковной суммы на разные общественные расходы, то на пополнение оной и еще впредь касаться могущих быть таковых же надобностей, собрать с нас с платежного в казну рубля по 35 к., которые деньги должны мы взносить при объявлении на 1806 г. капитала, с мещан в числе подушных безнедоимочно, которые должен принимать от нас и в расход употреблять городской староста».

Между тем, соборный протопоп Илья Тимофеев в 1806 г. опять отнесся в магистрат, прописывая, что еще 25 августа 1804 г. последовал указ бывшего Астраханского архиепископа Платона, по прошению Ставропольского градского общества, от церковного поверенного купца Ефремова, коим предписано было (ему, Тимофееву) по желанию общества в том же 1804 г. в августе месяце посвятить место, где имеет быть выстроена каменная церковь Св. Троицы, вместо существующей деревянной, которая пришла уже в такую ветхость, что угрожает падением, чего (он) до сих пор не исполнил, хотя неоднократно обращался о том с просьбою к бывшему городскому голове купцу Волкову. Почему он и просит ускорить дело и приступить к постройке церкви, так как заготовленный в достаточном количестве материал приходит в ущерб.

Вероятно, вследствие этого купец Чернов представил лично в Георгиевск план церкви на рассмотрение, а губернское правление указом 10 марта 1806 г. предписало магистрату в присутствии

всего благородного, купеческого и мещанского общества произвести новые торги, назначило сроки и велело о вызове желающих публиковать по всей губернии.

Постройка собора, очевидно, затягивалась, так сказать, не по существу дела, а по интригам, выясненным в общественном приговоре купцов и мещан 1 мая 1807 г., в котором сказано, что по их желанию предположено было выстроить в Ставрополе вместо деревянного каменный собор во имя Св. Троицы, к чему с 1803 г. приготовлено немалое количество материалов и что о посвящении места по прошению старосты, купца Ефремова, бывший Астраханский архиепископ Платон в августе месяце 1804 г. дал протопопу Илье Тимофееву указ и грамоту прислал, что для постройки собора был обществом подряжен купец Аким Чернов, коего старанием был сделан на тот собор план и бывшим губернатором Гольденшольдом утвержден, согласно которому общество и желает построить собор. Но бывший городской голова Илья Волков своими происками предлагает рядчиками купцов Созонта Медведева и Федора Деденева, которых общество допустить к той постройке не желает, потому что Волков льстит себя надеждою участвовать с ними в постройке. За такими происками Волкова (говорится в приговоре) постройка собора не начата, в приготовленных материалах происходит ущерб, а между тем деревянный собор угрожает падением, почему и духовное начальство может запретить в нем священнослужение. Купец же Деденев объявил на том сходе, что сделанный старанием купца Чернова план на собор отдан им губернатору Николаю Михайловичу Картвелину, почему общество тем же приговором уполномочило гражданского старосту через магистрат ходатайствовать о возвращении плана и о разрешении постройки собора.

На такое ходатайство губернатор Картвелин предложением на имя городского головы Архундаки дал знать, что план каменной церкви отдан им купцу Плотникову *для некоторых исправлений*.

Пока план собора странствовал таким образом и переходил из рук в руки, ничего не смыслящая в архитектуре шестигласная дума приговором 18 мая 1808 г. постановила: на постройку собора с каждой наличной души купцов и мещан собирать по 10 аршинных тесаных камней и по одной четверти известки, а если кто не вывезет, то на его счет нанимать с платою по 3 к. за камень и по 20 к. за $^{1}/_{4}$ известки. А буде кто не вывезет, с того взыскать по 20 к. за воз. При постройке церкви попечителем был купец Моисей Ефремов — он же был и гласным.

В том же году 3 августа купеческое и мещанское общества добровольно согласились, чтобы на вновь строящийся собор, как то: на алтарь и трапезу, на нижние полы и потолки купить соснового лесу и полосового железа для связи на деньги, которые будут собраны с общества; да сверх того на кумпол, или на что потребуется лесу, вырубить в казенном лесу хотя с платою попенных денег.

Сколько было собрано доброхотных пожертвований и окладных на постройку собора по 1808 г. включительно, кто был строителем собора, когда происходила закладка и освящение собора, — о том в старых делах городской управы сведений не нашли. Но в наших руках были две шнуровые приходно-расходные книги, из которых видно, что церковным попечителем Моисеем Ефремовым с 21 февраля 1809 г. по 1 марта 1819 г. собрано от разных источников церковной суммы 64676 р. 22. к. Можно поэтому предполагать, что в 1819 г. собор постройкою окончен и освящен. Такое предположение получает тем более вероятности, что в сентябре того же 1819 г. епархиальною властью разрешено городу продать старую деревянную церковь на молитвенный дом и деньги записать в церковную сумму.[6]

Между тем, пока продолжалась постройка каменного собора, Калужской губернии помещик прапорщичьего чина, комиссар Андрей Семенов Богданов, возвращаясь больной из Кавказских горячих вод, умер в Ставрополе 12 февраля 1816 г. и духовным завещанием пожертвовал 10000 р. на устройство иконостаса во вновь строящейся церкви, с тем чтобы из денег этих часть употреблена была на сооружение над могилою его памятника.[7] Калужский приказ общественного призрения деньги эти, за исключением пересылочных в пользу почт, но с наросшими на них процентами, всего 10312 р. 98 к. в 1819 г., препроводил в Кавказское губернское правление, которое передало их в распоряжение городской думы для употребления по назначению завещателя.

Суммы этой, конечно, было недостаточно, так как в освященном уже соборе, кроме иконостаса, оставалось еще многое устроить и с возможным благолепием отделать; а потому городское общество из среды своей выбрало нового попечителя гласного думы Андрея Харичкина и выдала ему шнуровую денежную приходно-расходную книгу. Из этой книги видно, что Харичкиным записано в приход с 4 февраля 1821 по 1824 г. 21759 р. 1 к. Главными источниками поступлений на этот предмет были: доходы с двух ярмарок — Троицкой и Ивановской, кошельковый сбор от того же Троицкого собора, доброхотные пожертвования граждан и деньги, вырученные от продажи старой деревянной церкви, которую купило общество села Успенского (что ныне станица Кубанской области) за 2900 р. Сумма, поэтому, на устройство нового иконостаса в соборе и прочего простиралась к 1824 г. до 32071 р. 99 к. Средства эти значительно увеличили купцы Игнатий Волобуев и Корней Чернов тем, что вся живопись для иконостаса заказана ими была в Москве на собственный их счет.

Ставропольское же тогдашнее купеческое и мещанское общество воспользовалось поездкою в разные российские города по своим делам купца Никиты Плотникова и приговором 14 декабря 1819 г. уполномочило его приискать и нанять мастеров для поделки и постановки иконостаса в соборе. На основании такого полномочия купец Плотников 19 марта 1820 г. заключил в Москве с вечно-

цеховым мастером позолотного дела Аполлоном Башкаревым условие, которым Башкарев обязался за 13700 р. выполнить всю столярную и позолотную работу собственными материалами и окончить в июле 1821 г. Причем приличное содержание мастеров квартирою, продовольствием и отоплением, а равно издержки их, переезд из Москвы в Ставрополь и обратно падали на счет городского общества. Для резных же иконостасных работ Плотников нанял в Арзамасе тамошнего мещанина Климента Ламскина, но за какую цену, в делах, из которых черпаем эти сведения, мы не нашли.

За такое похвальное усердие и деятельность в благолепном украшении нового храма высокопреосвященнейший Платон, архиепископ Астраханский и Кавказский, ставропольскому обществу и его выборному купцу Никите Плотникову преподал архипасторское свое благословение. В то время городское общество на свой счет содержало соборный певческий хор. Регент, которым тогда был отставной подпоручик Григорий Иванов, получал 500 р. в год; даже певчие и те получали жалование.

Приделы к собору Св. Троицы были уже пристроены впоследствии; но о них пока мы никаких сведений не имеем.

Примечания

1. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии, вып. 1, 1868 г. стр. 3 и 4 Стат. г. Скоковского «Сведения о г. Ставрополе».
2. Калмыцкая степь Астраханской губернии, по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции, С.-Петербург, 1868 г., стр. 62.
3. «Ставр. губ. ведом.» 1876 г. № 2, статья: «О лесах в пределах бывшей Кавказской губернии».
4. Из дел Ставроп. городской управы.
5. Дом этот, двухэтажный, на большой Николаевской улице, принадлежит ныне действительному статскому советнику Константинову. Было бы не лишнее, если бы нынешний владелец на наружной стене дома, на приличной доске, память о времени построения передал потомству.
6. Сообщение благочинного протоиерея Евсеева 16 сентября 1819 года №346 и кавказского гражданского губернатора Малинского 25 сентября № 3032.
7. Из указа Астраханской духовной консистории протоиерею Троицкого собора 26 мая 1820 г. № 476 видно, что Андрей Богданов похоронен в Ставрополе на загородном общем кладбище, где ему и воздвигнут надгробный памятник. Кладбище это в то время находилось там, где ныне церковь во имя Св. Варвары.

Текст и примечания печатаются по источнику:
Бентковский И.В. Местный строительный камень и первое каменное здание в Ставрополе // Сборник сведений о Северном Кавказе. К 125-летию города Ставрополя. Материалы для истории города / Под редакцией Г.Н. Прозрителева. — Ставрополь, 1910. — Том VI.

КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ В СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Всякий промысл, требующий известной степени обучения и ремесленного знания, мы называем промыслом *«кустарным»*, и слово это производим от немецкого *«Kunst»*, что косвенно намекает и на усвоение нами от немцев многих ремесел. Наши лексикографы называют кустарным промыслом собственно только ткачество, а самое слово относят к местному (?) наречию; мы же слову «кустарный» придаем более широкое и общее значение и *«кустарником»* называем каждого ремесленника, работающего в одиночку, или с подмастерьем, или в артели, исключая из этой категории одних фабричных и заводских ремесленников на том основании, что изделия тех и других, хотя бы были, так сказать, однохарактерны, все-таки нетрудно и малоопытным глазом отличить изделие фабричное или заводское от ручного, которое, впрочем, может быть и весьма плохого и очень хорошего достоинства, как по внутреннему качеству, так и по внешней отделке. В обоих производствах разница заключается еще и в том, что когда ремесленник выпускает свои изделия *по мелочи*, фабрика и завод в то же время делают их *en masse*. Определив, таким образом, взгляд и размеры кустарных промыслов (мы сочли это необходимым ввиду единства работ при дальнейших исследованиях), разделяем их, прежде всего, на две главные группы: *местную* и *отхожую*. На основании такого подразделения каждое ремесло может быть отнесено к той или иной группе, смотря по тому, в какой из них оно находит больше благоприятных условий для своей деятельности; то есть где ремесленник находит больше средств к заработку, а следовательно, и к жизни и в то же время не подчиняется закону о *цехах*.

Исследование кустарных промыслов в Ставропольской губернии давно было предметом наших горячих желаний, в видах возможно многостороннего изучения экономической деятельности населения. Желания наши, однако же, должны были уступать другим, более важным статистическим работам. Настоящим же трудом мы занялись по личному приглашению господина председателя Комиссии по исследованию кустарной промышленности, учрежденной при Совете торговли и мануфактур. Ввиду такой инициативы, доказывающей, прежде всего, заботливость правительства, признавшего необходимость изучения народного труда в главнейших отраслях промышленности, мы, к сожалению, не можем не сознаться в недостатках и незаконченности собственного труда. Материалы, которыми мы пользовались, хотя и добыты официальным путем, но, во всяком случае, страдают погрешностями, указывающими, с одной стороны, на неопытность составителей (сельских писарей), большею частью не понявших дела, а с другой — на недоверчивость показателей, предполагающих в каждом статистическом вопросе *заднюю цель*. Нужно, впрочем, заметить, что это самые больные места в нашей статистике вообще.

В настоящем случае статистикою были предложены следующие вопросы:

1) Как имя и фамилия кустарного ремесленника?
2) Какой губернии?
3) Каким мастерством занимается?
4) Работает ли один, или в артели, или нанимает работников, и сколько?
5) Сколько вырабатывает в год, за исключением издержек производства и стоимости материалов?
6) Где сбывает свои произведения: на месте или на ярмарках?
7) Если на ярмарках, то на каких именно и где?
8) Живет ли на квартире или имеет свой дом?

и 9) Не занимается ли, сверх того, хлебопашеством или скотоводством?

Ввиду облегчения составителей ответов на предложенные вопросы и показателей техническая сторона производств отложена, но будет изучена другим путем.

Начнем с числительности занимающихся кустарными промыслами. Всех кустарников в губернии, со включением подмастерьев и вообще работающих как артельно, так и за условленную с хозяином цену, на счету статистики оказалось 2470, или 0,5 % всего *оседлого* населения губернии, которого на 1 января 1877 года состояло 432473 обоего пола душ, или на 175 душ один ремесленник. В том числе на долю коренных жителей Ставропольской губернии приходится 37,2 %.

Ставропольской губернии дают кустарных промышленников следующие 36 губерний и области, которые по уездам локализовались в следующем порядке (см. таблицу).

По поводу числовых данных, представленных в нашей графической таблице, мы должны заметить, что они далеко не полны; да и не могли быть полными потому, что собираемы были в такое время (зимою), когда прекращаются строительные работы и много рабочих, как-то каменщиков, плотников, штукатуров и других, ежегодно приходящих раннею весною на заработки в город Ставрополь, возвращаются по домам. Собирание подобных сведений и в летнее время представляет не менее трудностей, когда рабочие, не нанявшиеся к солидным подрядчикам, разбиваются на мелкие артели и расходятся на работы по окрестным селениям, а нередко и станицам, где тоже не попадут в статистику.

И. В. Бентковский

Губернии:	В городе Ставрополе		В уездах								Итого	
			Ставропольском		Александровском		Новогригорьевском		Медвеженском			
	Мастеров	Рабочих	Мастеров	Рабочих	Мастеров	Рабочих	Мастеров	Рабочих	Мастеров	Рабочих	Мастеров	Рабочих
Ставропольская	–	–	178	3	252	82	234	6	152	12	816	103
Калужская	13	81	57	32	35	28	41	3	81	26	227	170
Рязанская	9	16	35	15	33	21	51	19	88	50	216	121
Воронежская	2	3	15	–	31	4	36	21	103	22	187	50
Курская	4	12	13	–	13	2	19	3	62	14	111	31
Тамбовская	2	1	15	–	7	–	28	2	23	8	75	11
Орловская	6	7	15	3	12	–	11	–	27	–	71	10
Тульская	7	9	12	–	11	–	20	–	3	–	53	9
Владимирская	3	28	–	–	1	–	–	–	2	4	6	26
Харьковская	–	–	3	–	1	–	11	–	12	–	27	–
Черниговская	–	–	5	–	4	–	4	–	6	–	19	–
Екатеринославская	–	–	2	–	1	3	1	–	7	1	11	4
Саратовская	–	–	2	–	9	–	1	–	1	–	13	–
Московская	4	1	–	–	–	–	1	–	6	–	11	1
Пензенская	–	–	1	–	3	–	5	–	3	–	12	–
Нижегородская	–	–	3	–	3	–	1	–	2	–	9	–
Полтавская	–	–	–	–	1	–	2	–	4	–	7	–
Кубанская область	–	–	–	–	–	–	3	–	4	–	7	–
Астраханская губерния	–	–	–	–	2	–	3	–	–	–	5	–
Симбирская	–	–	2	–	–	–	1	–	1	–	4	–
Терская область	–	–	–	–	–	–	3	–	1	–	4	–
Привислянские губернии	–	–	2	–	–	–	1	–	–	–	3	–
Дагестанская область	–	–	–	–	–	–	2	–	1	–	3	–
Киевская губерния	–	–	1	–	–	–	–	–	1	–	2	–
Смоленская	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	2	–
Казанская	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–
Пермская	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–
Каменец-Подольская	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	–
Волынская	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–
Таврическая	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–
Томская	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	–
С.-Петербургская	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	–
Енисейская	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	–
Тифлисская	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	–
Амурская область	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	–
Отставные солдаты	–	–	7	–	7	–	–	–	6	–	20	–
Турецкие подданные	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	2	–
Итого	50	158	369	53	427	140	486	48	602	137	1954	537

Поэтому число кустарных промышленников других губерний и областей, приходящих на заработки в Ставропольскую губернию, показанное по сведениям в 1551 человек, можно, не опасаясь преувеличения, принять в 2000 человек.

Полученные сведения дают следующие выводы.

Занимающиеся кустарными промыслами в Ставропольской губернии коренные жители других губерний и областей составляют 62,8 %; в том числе наибольший процент дают губернии: Калужская — 25,5 %, Рязанская — 21,3 %, Воронежская — 15,2 %, Курская — 9,2 %, Тамбовская — 5,5 %, Орловская — 5,2 %, Тульская — 4 % и Владимирская — 1 %. Затем остальные 25 губерний — отставные солдаты и турецкие подданные дают 12,8 %.

При распределении кустарных промыслов по специальностям мы будем иметь в виду сельское население уездов, так как в городе Ставрополе число кустарных промыслов более подвержено колебаниям и, по объясненным уже причинам, недостаточно еще определено.

Потребности сельского домостроительства требуют: плотников, печников, стекольщиков, каменщиков, столяров, штукатуров, крыльщиков и кровельщиков. Профессии эти выполняют 411 человек в качестве мастеров дела, а 121 человек в качестве профессиональных работников. Число тех и других составляет 21,5 % всех кустарников в губернии.

Всех *плотников* в уездах 347 человек. Самое большое число (74) плотников из Калужской губернии; затем — Курской губернии 52, Орловской 33, Воронежской 29, Тульской 19, Тамбовской 10, Харьковской и Черниговской по 6, Пензенской и Саратовской по 5, Астраханской 3, Нижегородской, Санкт-Петербургской и Терской области по 1. Остальные 25 человек — местные коренные жители. Этим числом плотников население губернии вполне удовлетворяет свои строительные потребности, и тем легче, что большая часть жилых и нежилых строений землебитные или из саманного кирпича, выделывание которого до того распространено, что и не считается промыслом. Каждый почти хозяин-малоросс выделывает кирпич для себя, только богатые его покупают. Отсутствие лесов, а отсюда и дороговизна лесных материалов, привозимых преимущественно с Дона, отражается и на постройках. Полы большею частью (малороссы исключительно) делают смазные, а потолки настилают досками или латами вразбежку, прикрывая сверху камышом, и смазывают. У богатых и вообще более достаточных крестьян двери и окна столярной работы, а у бедных первые — плотничьей работы, а последние — покупаются готовые у торгующих щепным товаром. Лучшие плотники выполняют и столярные работы. В каждом почти селении есть дома, иногда больше десяти, хорошей городской архитектуры, принадлежащие духовенству, лицам привилегированных сословий, местным торговцам, крестьянам, и вообще дома общественные, крытые железом, камышом или соломою под глину.

Печников в губернии только 75 человек, и в том числе местных жителей 23 человека; затем Калужская губерния дает 22 печника, Воронежская 7, Курская 5, Тульская 3, Орловская и Харьковская по 2, Черниговская и Саратовская по 1. Малочисленность представителей этого промысла объясняется тем, что крестьяне в преобладающем большинстве, особенно малороссы, сами специалисты по этой части и многие устраивают глинобитные печи, нередко без труб, но всегда с дымовыми проходами.

Выше было сказано, что крестьяне по большей части покупают готовые оконные рамы застекленные, какие вместе с разным щепным товаром привозят на Северный Кавказ из северных лесных губерний, и поэтому в Ставропольской губернии немного стекольщиков — всего 24 человека. Такая малочисленность стекольщиков объясняется еще тем, что многие из них разъезжают для заработков по селениям и что многие столяры, делая оконные рамы, занимаются и вставкою стекол. Самое большое число стекольщиков дает Московская губерния, а именно — 9, Ставропольская — 8, Курская — 3, Тульская, Владимирская, Черниговская и Нижегородская — по 1.

Столярная специальность, удовлетворяющая невзыскательным и ограниченным потребностям сельского населения, невысокого достоинства и немногочисленна. Всех столяров в уездах 60 человек. Калужская губерния дает в то число 5 столяров, Нижегородская — 3, Рязанская и Тульская — по 2, Воронежская, Тамбовская, Черниговская, Нижегородская, Пермская, Привислянские губернии, области: Кубанская и Дагестанская — по 1, Ставропольская губерния — 36, 4 отставных солдата и 1 турецко-подданный.

На долю остальных мастеров домостроительного дела, как то: штукатуров, кровельщиков, крыльщиков (работающих камышом), пильщиков и кирпичников — остается немного — всего 40 человек. Наибольшее число штукатуров дает Калужская губерния — 16 и Тульская — 11 человек. Затем: из Курской губернии 1 крыльщик, Тульской 2 пильщика, Воронежской 1 кирпичник и 1 кровельщик, Астраханской 1 крыльщик и Ставропольской 1 кирпичник, 1 штукатур, 4 крыльщика и 1 отставной солдат кирпичник.

Недостаток лесов в Ставропольской губернии отчасти вознаграждается изобилием, преимущественно в южной ее части, камня известкового ракушечника. Камень этот дает очень хороший строительный материал, пригодный и для выделки корыт, молотильных катков, дымовых труб, надмогильных крестов и вообще памятников. В Ставропольской губернии 35 каменщиков — коренных жителей, прочие же губернии (Орловская, Курская и Енисейская) дают только четырех каменщиков и один турецко-подданный.

Шитыми принадлежностями одежды сельского населения занимается 414 человек, или 16,6 % всех ремесленников, в том числе 336 мастеров. А именно: портных 250, шубников 31, сапожников 119 и шапочников 4 человека. Строгого подразделения между портным и шубным мастерством провести нельзя, так как сами жители безразлично называют портным и того, кто шубу шьет, и того, кто шьет суконную или бумажную одежду. Одни только портные из Рязанской губернии, которых 35 человек, шитьем шуб не занимаются. Самое большое число шуб дает Калужская губерния, а именно 122 человека; за ней Курская — 26, Воронежская — 9, Тульская — 7, Харьковская и Черниговская — по 3, Тамбовская, Орловская, Екатеринославская и Пензенская — по 2, Московская, Полтавская, Саратовская, Казанская, Дагестанская область — по 1 и, наконец, Ставропольская губерния имеет из своих коренных жителей 62 человека портных и шубников.

Шапошников только 4 человека, и все Рязанской губернии.

Сапожников в губернии 278 человек, или 11,2 % всех занимающихся ремеслами. Из них больше половины (по 114 человек) падает на Ставропольскую и Воронежскую губернии; затем остальные так распределяются: отставных солдат 5, из Орловской и Харьковской губерний по 9, из Курской 14, из Черниговской 3, из Киевской 2, из Рязанской, Тульской, Тамбовской, Полтавской, Саратовской, Нижегородской, Самарской и даже из Амурской области по 1.

Громадное овцеводство и вообще скотоводство, простирающееся свыше 3000000 голов, привлекает в Ставропольскую губернию значительное число кустарников для выделки овчин, кож и для обработки шерсти. Овчинников 313 человек, полстовалов и шерстобитов, иначе шиповалов, 107 человек и кожевников 76, всего 496 человек, или 20% всех кустарников.

Самое больше число овчинников, 151 человек, дает Калужская губерния; затем число их упадает в следующей дегрессии: Ставропольская — 75, Тамбовская — 49, Воронежская — 11, Курская — 7, Рязанская — 4, Екатеринославская — 3, Орловская, Московская и Харьковская — по 2, Тульская, Полтавская, Пензенская, Саратовская, Нижегородская, Томская и Кубанская область — по 1.

За ними 107 полстовалов и шерстобитов, иначе шиповалов, валяют полсти или войлоки и бьют шерсть для домашнего приготовления пряжи, из которой крестьянки ткут сукно и вяжут чулки.

Занимающиеся выделкою овчин и полстовалы зарабатывают в год, по их показаниям, скорее уменьшенным, нежели преувеличенным, 30110 рублей, что на каждого круглым счетом дает по 71 рублю 70 копеек. Если еще прибавить сумму, зарабатываемую портными шубного дела и простирающуюся до 18145 рублей, то на каждого из 281 человека портных придется заработка по 68 рублей 13 копеек, что тоже следует считать умеренно показанным заработком. Из этих данных можно вывести то вероятное заключение, что крестьянское население ежегодно справляет себе около 18000 шуб и полушубков и столько же полстей, или войлоков. Можно сказать, что в губернии нет бедняка, который не имел бы шубы или полсти, а богатые имеют их по нескольку. Овцеводство поэтому, простирающееся до более 2000000 голов, составляет одну из капитальнейших статей сельского хозяйства в губернии и дает до 49000 рублей занимающимся отраслью кустарных промыслов[1].

Исключительное географическое положение Ставропольской губернии, удаленной от водяных сообщений, при почти полном отсутствии лесов, при маловодности обширных степей, ставит сельского хозяина в необходимость запасаться лишнею деревянною посудою, нужною во время полевых работ, особенно во время сенокошения и жатвы. Если крестьянину, конечно, богатому, приходится косить или убирать хлеб там, где на пространстве 80—100 верст нет годной не только для собственного потребления, но и для водопоя рабочего скота воды (а таких случаев и мест встречается много), то у него, смотря по числу рабочих и скота, должно быть и бывает от 8 до 10 сороковых бочек, в которых он постоянно возит на табор воду, не говоря о бочонках меньшей величины, в которых вода доставляется рабочим на ряды и загоны. Местные условия, усилившие таким образом потребность населения в деревянной посуде, в свою очередь указывают надежный рынок бондарному промыслу.

В селениях Ставропольской губернии оказывается 211 бондарей. Наибольше бондарей дает Рязанская губерния, а именно 153; затем из местных коренных жителей — 34, из Воронежской губернии — 11, Тульской — 5, Тамбовской и Екатеринославской — по 2, из Калужской, Курской, Харьковской и Кубанской области — по 1. Очевидно, что бондарные изделия в степной, а отчасти винокурной и винодельной губернии, как Ставропольская, и должны требоваться сравнительно с малоземельными и лесными губерниями в большем количестве и быть дороже. Бондарный материал губерния получает из-за Кубани и из-за Терека, год от году из более отдаленных мест и по прогрессивно возвышающимся ценам, так как и там леса усердно истребляются... В настоящее время платят за тысячу дубовых тростей 220 рублей (с перевозкою в Ставрополь), а за тысячу ореховых обручей 35 рублей, тогда как 10 лет тому назад можно было купить то и другое за $^1/_3$ нынешней цены. Бондари зарабатывают в год, за исключением ценности материалов, 18620 рублей, что круглым счетом на каждого из 211 человек приходится по 88 рублей 29 копеек. В частности же заработки бондаря простираются до 900 рублей.

После бондарей переходим к колесникам. Этого рода специальностью занимаются 74 человека, которые поделочные материалы, как то: ободья, ступы и спицы — тоже приобретают за Кубанью и Тереком. Большая часть колесников (64) — жители Ставропольской губернии; затем: Воронежской — 5, Калужской — 2, Тамбовской, Полтавской и Харьковской — по 1. Все они зарабатывают

в год 6525 рублей, средним числом каждый по 88 рублей 18 копеек, хотя в частности, смотря по оборотному капиталу каждого, и заработки различные. Понятно, что все вместе они не в состоянии были бы удовлетворить этой потребности, если бы огромное количество колес и ободьев из северных лесных губерний по системам Дона и Волги, не шло в Ростов и Царицын, а оттуда гужом на более значительные ярмарки в губернии, как то: в Ставрополь, Медвежье, Медведское и прочие.

Затем в губернии 2 токаря и оба Тульской губернии, 6 пряжников из Воронежской, 2 бердника, из них один Саратовской, а другой Ставропольской губернии, и 1 гребенщик губернии Воронежской. Делание же повозок воловьих и конских не имеет самостоятельных представителей, но многие крестьяне, преимущественно плотники, занимаются только починкою таковых. Вообще сельское население губернии покупает повозки и возы на ярмарках, привозимые из внутренних губерний тем же путем, как и колеса.

59 человек занимаются гончарным делом, и в том числе: Ставропольской губернии — 43, Курской — 13, Полтавской — 2 и Воронежской — 1. В Ставропольской губернии наибольшее число гончарей в слободе Александровской (Воронцовской волости), на реке Куме (25) и в селении Белой Глине Медвеженского уезда (15). В последнем селении добывается исключительно глина белая, давшая название этому селению, из которой, судя по излому изделий, вероятно, можно было бы выделывать и фаянсовую посуду, если бы предварительно подвергать лучшие сорта такой глины очищению посредством отмучивания. Производство фаянсовой посуды, привозимой на Северный Кавказ издалека и вследствие того сравнительно дорогой, стоит серьезного опыта.

Все гончари зарабатывают 6785 рублей, или средним числом по 115 рублей на человека. Гончарное производство более выгодное сравнительно с другими производствами, быть может, и по практикуемому способу продажи изделий, столь необходимых в женском хозяйстве, и заключающемуся в следующем. Летом гончари развозят по селениям посуду простую и поливную и меняют крестьянкам на озимую пшеницу, чаще на кубанку и редко на рожь. Мена происходит так: любую посуду, горшок, кувшин и тому подобное баба наполняет пшеницею или рожью (последнею 1 $^{1}/_{2}$ или 2 раза) и высыпает ее гончарю, а посуду берет себе. В отсутствие мужей, что большею частью бывает во время пахоты, меновый торг горшками идет оживленно. Привозная глиняная посуда из Воронежской и Полтавской губерний беловатого и стального цвета предпочитается местной за прочность.

На долю остальных ремесленных промышленников, как то: ведерников, делающих ведра из листового железа, решетников, серповщиков и позолотчиков по дереву, пильщиков, малярей, свечников, веревочников и ткачей — приходится самый незначительный процент, дающий заработки еще незначительнее.

Преобладающее большинство кустарников, а именно 63,7%, работает в одиночку, 21,4% с сыновьями или с работниками, и только 14,9% работает небольшими артелями от 2 до 4 человек. Артельные условия исключительно встречаются у овчинников, полстовалов, шубников и плотников.

Все изделия кустарных промыслов находят спрос на местах производства, а частью продаются на ярмарках.

Наконец, на вопрос, живут ли занимающиеся кустарными промыслами на квартирах или в собственных домах и занимаются ли, кроме своей профессиональности, еще хлебопашеством или скотоводством, статистика имеет возможность отвечать следующими данными.

Из числа 816 коренных жителей, занимавшихся кустарными промыслами, 318 человек, или 39% (в расчет не берем работников и подмастерьев), имеют собственные дома, из них 188 человек занимаются хлебопашеством и скотоводством. Остальные же 498 человек работают не в своих селениях, живут на квартирах и хлебопашеством не занимаются.

Что же касается кустарников разных губерний, приходящих на заработки в Ставропольскую, то из числа 1138 человек 206, или 18%, имеют собственные дома; из них 38 человек занимаются хлебопашеством и скотоводством, 168 имеют только дома, но хлебопашеством не занимаются, а 932 человека живут на квартирах.

Заканчивая на этот раз и в виде опыта обозрение кустарных промыслов в Ставропольской губернии, мы в более удобное и свободное время еще раз возвратимся к изучению столь важных отраслей народного труда.

Примечание

1. О кожевенном производстве отлагаем речь до получения более верных и полных сведений.

Текст и примечание печатаются по источнику:
Ставропольские губернские ведомости. — 1878. — №№ 15, 16 и 17.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА. ГОРОД СТАВРОПОЛЬ[1]

Ставропольская крепость, основанная 22 октября 1777 г., в следующем году имела уже 6 маркитантских домов и 27 лавок. В том же году поселено при крепости отдельно слободкою 332 отставных солдат, жен их 81 и 37 детей — это и было зародышем нынешнего города. При возведении крепости на степень уездного города, при образовании Кавказской губернии, в Ставрополе в 1786 г. был один купец 3 гильдии и 95 мещан. Сверх того, прибывших осенью предшествовавшего года, но не успевших построить себе домов, для которых земля под поселение была отведена на р. Ташле, 843 человека.

Спустя 25 лет — в 1811 году — в Ставрополе было:

	Мужского пола	Женского пола	Домов
Дворян	64	61	27
Духовенства	11	11	4
Купцов	175	157	44
Мещан	445	450	171
Отставных солдат	82	79	42
Канцелярских служителей	8	7	3
Военнослужащих	68	69	38
Вдов-солдаток	10	33	19
Крестьян	17	22	-
Однодворцев	155	152	50
Армян	45	5	19
Итого	1021	1021	409
	2037 душ		

Несмотря на такие ничтожные цифры, сенатор Мертваго, ревизовавший в 1818 году Кавказскую губернию, о Ставрополе высказал официальное мнение, что «следовало бы губернию переименовать в область, учредя все судебные и правительственные места в Ставрополе, яко единственном месте, на город похожем, и который всегда будет центром торговли и лучшим для жительства людей». Мнение это разделял и Ермолов, писавший графу Кочубею 26 марта 1821 г.: «Кавказскую губернию, по малому числу жителей, переименовать в область, а областным городом, по неудобности и нездоровому климату в Георгиевске, где находятся теперь губернские присутственные места, назначить Ставрополь, который на Кавказской линии всегда будет центром торговли и лучшим для жительства людей».

Вследствие такого представления Ермолова 24 июля 1822 г. Кавказская губерния переименована в область, а Ставрополь назначен областным городом. Год спустя в Ставрополе (фактически присутственные места переведены из Георгиевска в Ставрополь только осенью 1824 г.) числилось: служащих чиновников — военных 42 и гражданских 50, нижних чинов — военных 568 и отставных 158, священно-церковнослужителей 16, купцов 108, мещан 729, иностранцев, грузин и армян оседлых 48, временно проживающих 111, дворовых людей 270, крестьян 50 и разночинцев 240, а всего 2408 человек. Исключив из этого числа военнослужащих, гражданского населения было тогда в Ставрополе 1798 мужского пола жителей. Прирост поэтому населения за 12 лет простирался до 777 душ мужского пола, или 76,1%. Отчисляя отсюда 12% естественного приращения, на долю колонизации падает 54%.

В прошлом 1878 г. в Ставрополе было жителей: 18173 мужского и 12868 женского пола, а всего 31041 душа; в том числе, квартирующих войск 2335 человек. Поэтому в Ставрополе с 1786 по 1823 год, в бытность его уездным городом, гражданское население мужского пола увеличилось на 91%, а с того времени, когда город сделан центром губернской администрации, то есть в продолжение 55 лет, на 485%.

Примечание

1. Ставропольские губернские ведомости. — 1879. — № 22.

Текст и примечание печатаются по источнику:

Бентковский И.В. Материалы для истории Северного Кавказа. Город Ставрополь // Сборник сведений о Северном Кавказе. К 125-летию города Ставрополя. Материалы для истории города / Под редакцией Г.Н. Прозрителева. — Ставрополь, 1910. — Том VI.

СТАВРОПОЛЬСКАЯ СТАРИНА[1]

Вспоминать старину если не всегда приятно, то, по меньшей мере, интересно и в каком-нибудь отношении поучительно. Воспоминания же о ставропольской старине имеют не один только местный интерес. Когда-нибудь, мы думаем, они займут не лишнюю страницу в истории распространения русского владычества на Северном Кавказе, для которой мы, современники, нравственно обязаны собирать по разным местным архивам материалы, пока они не истреблены еще всеистребляющим временем. И незначительные, по-видимому, факты в руках будущего историка будут иметь значение камней, из коих искусный зодчий воздвигнет великолепное здание. Для многих поэтому интересно будет знать, сто лет назад что было в Ставрополе.

Известно уже из прежних наших исторических исследований, что Владимирский драгунский полк в 8-эскадронном составе под командою полковника барона Шульца занял место для построения Ставропольской крепости 22 октября 1777 года и что вместе с драгунами пришли из Царицына волгские и хоперские казаки, без семейств, для занятия новой Моздоко-Азовской линии. Ставропольская крепость не имела тогда названия, а считалась крепостью под № 8. Хоперские казаки не пришли до места с владимирскими драгунами, но были остановлены около крепости № 7, впоследствии Северной, где и перезимовали. Хоперский полк первоначально предположено было поселить на Тереке; но, по изменившимся обстоятельствам, весною 1778 года часть полка, командиром которого был премьер, майор Устинов, передвинули к Ставропольской крепости, а остальных хоперских казаков в 1779 году перевели к крепостям Московской и Донской, при которых они были поселены. Казачьи семейства оставались тогда еще на старых местах жительства, при Новохоперской крепости, в станицах: Алферовке, Пыховке и Красной, пока их отцы и мужья не построят для них домов на новой линии. В этих постройках прошел весь 1778 г., в течение которого казаками построено было в Ставропольской станице 179 домов, а в крепости — полковничий дом и 2 старшинских. Сверх того, в том же году построено в самой крепости для штаба и обер-офицеров 13 домов, 3 сарая для полковой амуниции и обоза, 1 гауптвахта, пороховой погреб и 2 маркитантские лавки. Словом, население в 1778 году было исключительно военное, так как семейства казаков прибыли только в следующем году. Но и после этого казачий элемент не мог считаться прочным в смысле городского сословия, которое, вероятно, уже тогда имелось в виду правительства при предстоящем учреждении Кавказской губернии и основании городов. С этой целью и не менее того для усиления защиты от набегов хищников при Ставропольской крепости в 1778 году начали поселять отставных солдат и снабжать их оружием, рабочими волами, лошадьми и проч. Таким образом, при Ставропольской крепости основалась «солдатская слободка», которая и доныне сохранила это название, хотя и составляет часть города. В 1779 году было уже поселено 332 человека отставных солдат, а в 1782 году их считалось уже 494 человека; при них жен 81 и 37 детей обоего пола. Слободка эта отстояла от крепостного вала на 350 саженей. Между крепостью и слободкою произрастал тогда лес, впоследствии Бабина роща, остатки которой уцелели доныне под более громким названием «Воронцовского сада». Вот эта-то бедная Солдатская слободка в продолжение ста лет и разрослась в нынешний Ставрополь — город с 30000-м русским населением, в котором недвижимые имущества представляют 7000000-ую ценность. В этом отношении Ставрополь, что бы о нем ни говорили, первенствующий город на всем Северном Кавказе. Значит, Ставрополь недаром прожил сто лет. История поэтому его протекшей жизни и экономической деятельности, если бы она когда-нибудь появилась на свет, была бы тем интереснее, что в 1779 году едва ли можно было предвидеть, что выйдет из первоначального поселения отставных солдат.

Первый год для новых поселенцев — солдат и казаков — был во всех отношениях самым тяжелым годом. Сенюткин в своем сочинении «Донцы» говорит, что 4 июня 1778 года Дулак-Султан напал на Ставропольскую крепость, но с уроном был отбит 180 казаками Кутейникова полка. Между тем Бутков об этом нападении говорит совсем другое. По его словам, темиргоевцы и бесленеевцы в числе 1500 человек под предводительством Чулак-Султана при нападении на Ставропольскую крепость убили 20 казаков и отогнали 240 лошадей, но при этом и сами лишились 30 человек. Разноречие понятное: в то время, когда Сенюткин говорит о военном подвиге своих донцев, Бутков занес в свою летопись потерю хоперцев, поселенных при крепости. Трехлетние сряду бедствия первых поселенцев увеличили до высшей степени необычайно суровые зимы, неурожай трав и чума, о чем мы уже говорили по случаю встречи в Ставрополе Суворовым нового 1779 года.

Примечание

1. Ставропольские губернские ведомости. — 1879. — № 3.

Текст и примечания печатаются по источнику:

Бентковский И.В. Ставропольская старина // Сборник сведений о Северном Кавказе. К 125-летию города Ставрополя. Материалы для истории города / Под редакцией Г.Н. Прозрителева. — Ставрополь, 1910. — Том VI.

СУВОРОВ ВСТРЕЧАЕТ 1779 ГОД В КРЕПОСТИ СТАВРОПОЛЬСКОЙ[1]

Северный Кавказ в 70-х годах прошлого столетия представлял для нас еще темную и неопределенную, в смысле прочного обладания, страну. Правда, наши предположения и расчеты на этот край созрели уже в то время; но они могли осуществиться и нет: все зависело от счастья оружия и, конечно, от деятельности наших полководцев. Тогда, как известно, вся Кубанская сторона, то есть бывшая Черномория и Закубанье, была еще занята разными кочующими ногайскими племенами, подвластными крымского хана и союзниками России, что, однако же, нисколько не мешало им быть нашими врагами. Такие отношения к соседям, при неопределенности государственных границ с этой стороны, привели нас к необходимости учредить Моздоко-Азовскую линию основанием 10 крепостей, в том числе и Ставропольской.

Владимирский драгунский полк, под командою полковника Шульца, занял место для построения этой крепости 22 октября 1777 года, а построение ее производил полковник Ладыженский в 1778, 1779 и 1780 годах.

Суворов в Ставропольской крепости встречал новый 1779 год, а на другой день имел свидание с преданным России сераскиром Аслан Гиреем, причем выдал ему 3000 р. и обещал сменить генерала Рейзера за оскорбления, нанесенные им сераскиру. Заметим, что время занятия Моздоко-Азовской линии и построения крепостей было самым бедственным временем на Северном Кавказе. Совершенный неурожай хлебов и трав в 1779 и 1780 годах простирался до самого Дона, необычайно снежные и суровые зимы продолжались целое трехлетие, по 1781 год включительно. Семь Донских полков, возвращавшихся с Кавказа в декабре 1779 года, от великих метелей и недостатка корма наполовину лишились своих лошадей; многие из казаков явились домой пешие, озлобленные, с отмороженными частями тела. В следующем году погибло на Дону от неурожая и жестокой зимы до полумиллиона штук рогатого скота, лошадей и овец. Наконец, появилась и чума, занесенная из Турции.

Значит, сто лет прошло со времени основания Ставропольской крепости, этой родоначальницы города Ставрополя. Что же это за крепость была в фортификационном отношении, можно судить по ее плану.

6 января 1790 года генерал-поручик Бибиков, начальник Кавказского корпуса, в отсутствие графа Салтыкова, предпринял поход в Анапу, не имея на то разрешения, и потребовал от Кавказского губернатора для своего отряда 10000 шуб, и когда это не могло быть исполнено в короткое время, приказал солдатам отнимать шубы у хозяев квартир.

1 января 1850 года начали выходить «Ставропольские губернские ведомости».

3 января 1853 г. Открытие губернатором, генерал-лейтенантом Волоцким, Ставропольской публичной библиотеки.

3 января 1858 г. Прибытие в Ставрополь преосвященного Игнатия (Брянчанинова), Епископа Кавказского и Черноморского.

1 января 1865 г. Назначение в Ставропольскую губернию 10 судебных следователей.

1 января 1866 г. Открытие Ставропольской контрольной палаты.

Примечание

1. Ставропольские губернские ведомости. — 1879. — № 1.

Текст печатается по изданию:

Бентковский И.В. Суворов встречает 1779 год в крепости Ставропольской // Сборник сведений о Северном Кавказе. К 125-летию г. Ставрополя. Материалы для истории города / Под редакцией Г.Н. Прозрителева. — Ставрополь, 1910. — Том VI.

СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ С 1858 ПО 1883 ГОДЫ

Доклад члена-секретаря в общем заседании Комитета 25 ноября 1883 года в день 25-летнего юбилея.

Сегодня исполнилось 25 лет со времени первого заседания Ставропольского статистического комитета, открытого 25 ноября 1858 года бывшим тогда гражданским губернатором, генерал-лейтенантом Александром Алексеевичем *Волоцким*. Открытие комитета, составлявшее в то время событие дня, важное для будущего, опоздало на 24 года, считая с первого законодательного распоряжения об открытии губернских статистических комитетов, состоявшегося 20 декабря 1834 года. Если поэтому Ставропольский статистический комитет младший в ряду всех остальных комитетов в Империи, зато он старший на Кавказе. Закавказские комитеты открыты позже — в Тифлисе 1 сентября 1862 года, в Эривани 1 октября 1862 года, в Баку 30 января 1863 года и в Кутаисе 29 ноября 1863 года, и только в 1866 году признано было возможным устроить статистическую часть в областях Кубанской и Терской.

Главнейшею причиною запоздалого открытия на Кавказе комитетов было, несомненно, политическое положение края, в большинстве случаев недоступного тогда для статистических исследований; но рядом с этим существенным препятствием можно подметить и другие причины, частью общие, частью же местные и частные.

Принимая посильное участие в трудах Ставропольского статистического комитета: с 1860 года в качестве члена-корреспондента, с 22 марта 1866 года в качестве действительного члена и с 16 ноября 1871 года в качестве секретаря, — я, как старший по времени член Комитета, считаю обязанностью обозрением его 25-летней деятельности почтить нынешний юбилейный день.

До преобразования губернских и областных комитетов, на основании Высочайше утвержденного положения 26 декабря 1860 года, Ставропольский комитет существовал уже два года, руководствуясь законом 1834 года, что дает мне повод коснуться первых узаконений, выражающих правительственный взгляд на статистику и официальные к ней требования.

В Своде гражданских законов издания 1842 года в статье 321 выражено:

«Для собрания и приведения в надлежащий порядок и ясность всех статистических о губернии сведений гражданские губернаторы действуют преимущественно чрез посредство особо учрежденных под их председательством губернских статистических комитетов, коим способствуют в том как городовые и земские управления, так и уездные статистические комитеты и корреспонденты их.

Приложение к статье 321. 1) Во всех губернских городах учреждаются статистические комитеты под председательством гражданских губернаторов и главным ведением генерал-губернатора, где они находятся.

2) Кроме председателя, непременными членами статистического губернского комитета суть: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, председатель Казенной палаты, почетный попечитель гимназии, прокурор, инспектор врачебной управы, управляющий Удельною конторою, губернский директор училищ и член Духовной консистории по избранию епархиального архиерея.

3) По усмотрению комитетов могут быть избираемы в члены оных и другие пользующиеся общим уважением в губернии лица.

4) Каждый из членов содействует достижению предназначенной сим комитетам цели средствами, от него зависящими. Члены оных, заведывающие какими-либо частями управления, обязаны доставлять комитетам точные сведения о состоянии частей, им вверенных.

5) По делам городских купеческих обществ губернатор требует нужных сведений от городского головы.

6) Губернские статистические комитеты имеют также своих членов-корреспондентов из постоянных жителей той губернии.

7) Сии члены-корреспонденты избираются статистическими комитетами и утверждаются министром внутренних дел.

8) Уездные предводители дворянства, по званию своему, суть члены-корреспонденты губернского статистического комитета.

9) Члены-корреспонденты своим посредничеством или собственными трудами стараются способствовать комитету в собрании нужных ему сведений и составлении статистических описаний губернии или части оной.

10) О членах-корреспондентах, отличившихся особенным усердием и деятельностью, комитет представляет с своим заключением министру внутренних дел.

11) Для производства дел в губернском статистическом комитете назначается один из членов оного.

12) Губернский статистический комитет по собрании сведений занимается поверкою оных и приведением в единообразный порядок, или внося их в табели по данным от статистического отделения совета министерства внутренних дел формам, или составляя на основании оных подробные и точные описания состояния губернии вообще, или же отдельно или некоторых в оной частей управления, хозяйства, промышленности и торговли.

13) В случае надобности губернские статистические комитеты могут требовать содействия губернских землемеров или архитекторов, впрочем, не отвлекая их от занятий по службе.

14) Приготовленные членами губернских статистических комитетов и рассмотренные и одобренные в собрании оных описания, отчеты или табели препровождаются для дальнейших соображений в статистическое отделение совета министерства внутренних дел.

15) Губернские статистические комитеты имеют заседания два раза в месяц по созыву начальника губернии.

16) Губернские статистические комитеты имеют свои печати с изображением герба губернии и надписью: «печать № Губернского статистического комитета».

17) Все бумаги губернских статистических комитетов пересылаются через почту безденежно, так же как пакеты казенные.

Как двигалась статистика в этих тесных рамках в продолжение 19 лет, всего лучше видно из журнала статистического отделения министерства внутренних дел от 5 декабря 1853 года, препровожденного господином министром к ставропольскому губернатору, хотя, заметим, тогда в управляемой им губернии статистического комитета еще не было. В интересах развития истории отечественной статистики приводим выписку из упомянутого журнала:

«В настоящем положении статистические данные по губерниям сосредотачиваются у начальников губерний. Для собирания и приведения в ясность статистических сведений они должны действовать преимущественно чрез посредство губернских статистических комитетов; наблюдать, чтобы эти сведения содержались в исправности в губернских правлениях и в статистических комитетах; стараться иметь всегда самые точные и подробные сведения о состоянии губернии во всех отношениях и представлять во всеподданнейших отчетах годовую статистику губернии. Действительно, в иных губерниях статистические материалы собирались и обрабатывались тщательно и результаты статистических исследований заслуживают внимания; но зато по некоторым губерниям представляемые сведения не внушают никакого к себе доверия.

Важнейшим пособием для начальников губерний к приобретению статистических сведений должны служить губернские правления, городские и земские полиции и другие местные управления.

В губернские правления, по свойству дел, подлежащих ведению их, стекаются многие статистические данные из местных управлений, и в особенности от земской и городской полиций, в которых, по кругу действий и свойству их обязанности, сосредотачиваются разнообразные статистические сведения.

К числу этих мест, служащих источниками статистических материалов, присоединяются разные учреждения в городах для общественного управления. Предводители дворянства обязаны законом иметь разнообразные в своем круге статистические сведения; собрание же и обработка в губерниях сведений должны бы, на основании существующих правил, лежать на губернских статистических комитетах; но правила эти, со времени издания их, как видно из собранных сведений, действовали не везде и не вполне.

Из числа статистических данных, те, которые выражают состояние разных частей, подведомственных департаментам министерства внутренних дел, поступают из означенных выше губернских источников в департаменты и там получают соответственное направление. Этого рода статистические сведения должны быть сообщаемы из департаментов Комитету (центральному), который будет иметь в них готовые материалы для статистики разных отделов управления.

Все другие статистические сведения, которые хотя и входят в круг действий министерства или, по крайней мере, состоят в тесной связи с предметами управления, но не принадлежат исключительно ни одному департаменту, должны быть собираемы непосредственно комитетом. К числу такого рода сведений относятся: пространство земли с означением качества ее и употребления, народонаселения с показанием числа народа по вероисповеданиям, состояниям и полам, хозяйство и промышленность, народное образование и нравственность и т.д. Сюда же принадлежат монографии всяких предметов по части статистики, отдельно обработанные описания местностей и тому подобное.

Останавливаясь на порядке собирания комитетом сведений, не принадлежащих исключительно ни одному департаменту министерства, нельзя упустить из виду: во-первых, что главный недостаток соединяющихся у начальников губерний статистических данных состоит не в ограниченности числа их, ибо они весьма многочисленны и разнообразны, а в отсутствии точности и достоверности их, может быть, от того более, что местные власти и лица, которыми собираются сведения, не имеют в этом отношении надлежащих указаний, и, во-вторых, что поэтому теперь предстоит озаботиться не о прибавлении новых предметов для собирания и обработки, а об указании средств к очищению по-

ступающих уже материалов и о предоставлении способов для обработки оных. В этих видах нужно принять на первый раз следующие меры: во-первых, положительно означить те предметы, о которых надлежит собирать сведения, дав для облегчения и для единообразия формы с объяснением, какие именно сведения и в каком виде должны быть в них означаемы и откуда следует их получать; во-вторых, вменить чрез посредство начальников губерний в обязанность всем зависящим от них местам и лицам, особенно городским и земским полициям, чтобы при собирании статистических сведений они обращались к тем источникам, которые указаны в формах; и, в-третьих, собирание сведений возобновлять ежегодно, так чтобы по всем предметам данные выражали современное их состояние.

Собрание в предположенном здесь виде сведений начать ныне же, так чтобы за 1854 год получить их вместе с всеподданнейшими отчетами о состоянии губернии.

Губернские статистические комитеты в определенном составе, при действительном исполнении возложенной на их членов обязанности, могут представлять хорошую меру для собирания и обработки статистических сведений, коль скоро устранены будут те недостатки и затруднения, которые доселе отчасти полагали препятствием к точному исполнению изданных правил, а потому нужно: 1) назначить в случае возможности и надобности членами в комитеты начальников тех отдельных частей, которые не поименованы в учреждении комитетов; 2) членам комитетов поставить в непременную обязанность исполнение правила, указанного в 4 и прочих пунктах приложения к 321 статье 2 тома свод. учреж. о губерн., с тем чтобы точные сведения о состоянии вверенных им частей представляемы были в губернский комитет по тем формам, которые будут разосланы к начальникам губерний; 3) в комитет должны поступать означенные в прилагаемом описании сведения о статистических предметах. В комитете, применяясь к статье 321 тома 2 свод. учрежд. губ., следует собирать и обрабатывать статистические сведения для всеподданнейших отчетов начальника губернии о состоянии оной; 4) производство работ в губернском статистическом комитете поручить особому лицу по усмотрению начальника губернии за условное вознаграждение до 300 рублей серебром, придав ему одного или двух помощников с платою им до 200 рублей каждому и назначив на писцов и канцелярские надобности от 200 до 300 рублей серебром. Для сказанных занятий могут быть назначаемы лица постороннего ведомства, или и вовсе не служащие, или, наконец, и редакторы неофициальной части «Губернских ведомостей», лишь бы от соединения сих двух занятий не последовало упущения по той или другой части; во всяком случае, эти лица не должны считаться по сему занятию на государственной службе; и 5) затем производители работ обязаны наблюдать за своевременным доставлением (откуда – указано будет начальником губернии) числовых данных о тех статистических предметах, которые означены в составленных ныне таблицах, обрабатывать полученные данные, подвергая их надлежащей поверке и сличению со сведениями предшествовавших годов; представлять обработанные сведения на рассмотрение собрания Комитета и наполнять очищенными сведениями таблицы для отсылки их непременно к назначенному времени в Статистический комитет министерства внутренних дел, содержать в целости и всегдашнем порядке статистические сведения в таблицах и описаниях за предшествовавшие годы, карты, планы и прочее, независимо от того, приводить в надлежащий порядок и ясность статистические сведения для всеподданнейших отчетов о состоянии губернии: в случае поступления в губернский статистический комитет описания местностей или монографии каких-либо статистических предметов рассматривать их и представлять собранию Комитета с своими замечаниями».

Журнал министерства сопровождался следующим расписанием предметов, о которых должны были быть собираемы в губернских статистических комитетах сведения по приложенным формам для доставления таковых в Статистический комитет министерства внутренних дел.

А. **Местность**.

1) I. Общее количество земли в губернии.

2) II. Пространство земель по ведомствам, с показанием хозяйственного их значения.

3) III. Пространство земель, принадлежащих частным лицам, также с показанием хозяйственного их значения.

4) IV. Количество казенных листов.

Б. **Население**.

Состояние наличного населения.

5) I. Жители городов, распределенные в административном отношении по полицейским частям.

6) II. Жители уездов, распределенные в административном отношении по станам.

7) III. Число жителей по вероисповеданиям.

8) IV. Число жителей по сословиям.

9) IV. a. Дворяне.

10) IV. b. Духовенство православное.

11) IV. c. Люди городского состояния.

12) IV. c. 1. Почетные граждане.

13) IV. c. 2. Купцы.

14) IV. c. 3. Мещане.

15) IV. c. 4. Цеховые.
16) IV. c. 4. Рабочие люди.
17) IV. d. Люди сельского состояния.
18) IV. d. 1. На землях казенных свободного состояния.
19) IV. d. 2. На землях удельных свободного состояния.
20) IV. d. 3. На землях владельческих свободного состояния.
21) IV. d. 4. На землях собственных свободного состояния.
22) IV. d. 5. Крепостные.
23) IV. d. 6. Сельские вольные люди.
24) IV. c. Люди служилые (разночинцы).
25) IV. f. Военные: 1. состоящие в действительной службе.
26) IV. f. 2. Отставные и дети их.
27) IV. f. 3. Бессрочно отпускные.
28) IV. f. 4. Устройство бессрочно отпускных.
29) IV. g. Люди неопределенного звания.
30) IV. h. Иностранцы.
31) V. Число инородцев.
32) VI. Число евреев.
33) VII. Число кочующих.
34) VIII. Число записанных в акты.
35) IX. Распределение православного населения в церковно-административном отношении.
36) X. Распределение государственных крестьян в административном отношении по их ведомству.
Движение народонаселения.
37) XI. Число родившихся и умерших.
38) XI. a. Случайности в рождениях.
39) XI. b. Умершие по возрастам.
40) XII. Браки.
41) XIII. Движение сословия дворян.
42) XIV. Исключенные из сословий дворян и крестьян.
43) XV. Число зданий в городах по ведомствам.
44) XVI. Исчисление населенных местностей по уездам, с разделением по станам и с показанием числа жителей.

C. **Образование и нравственность**.
45) I. Число церквей и других богослужебных зданий.
46) II. Учебные заведения, учащие и учащиеся.
47) II. a) Учащиеся по сословиям.
48) III. Библиотеки.
49) IV. Осужденные по судебным приговорам преступники по сословиям.
50) V. Беглые, бродяги, дезертиры.
51) VI. Самоубийцы: a) по состояниям;
52) б) по возрастам.
53) VII. Трактиры и питейные заведения.
54) VIII. Казенные долги на помещиках.
55) IX. Помещичьи имения, заложенные в государственном заемном банке.
56) X. Имения и дома, состоящие под запрещением.

Д. **Хозяйство и промышленность**.
57) I. Посев и сбор земледельческих произведений (также садоводство).
58) I. a. Посев и сбор хлеба и картофеля по ведомствам.
59) I. б. Цены по найму на земледельческий труд.
60) II. Скотоводство (также и птицеводство и прочее).
61) III. Рыбные промыслы (также тюленьи и прочее).
62) IV. Фабрики и заводы.
63) IV. a. Пивоварни и винокурни.
64) V. Ремесленники и промышленники.
65) VI. Число торговых свидетельств и билетов на лавки.
66) VII. Число несостоятельных купцов.
67) VIII. Гостиные дворы, магазины и лавки.
68) IX. Судоходство.

E. **Действия управления**.
69) I. Число служащих чиновников.
70) II. Благотворительные заведения, неподведомственные приказам общественного призрения.
71) III. Детские приюты.

72) IV. Казенные доходы и расходы.
73) V. Хлебные запасы.
74) VI. Капиталы для продовольствия.
75) VII. Почтовые станции.
76) VIII. Магазины винные, соляные, провиантские и прочие.
77) IX. Выданные паспорты.

Выполнение столь широкой программы и в наше время было бы делом весьма нелегким, а тридцать лет назад было положительно невозможным. Обработка полученных комитетом данных для составления 77 ведомостей, поверка и сличение их со сведениями предшествовавших лет, сохранение в порядке письмоводства и вообще всех сведений для всеподданнейших отчетов и, наконец, рецензия поступающих в комитет описаний местностей или монографий по предметам статистики журналом Министерства 5 декабря 1858 года возлагались на особое лицо, по усмотрению губернатора, за условное вознаграждение до 300 рублей, с тем, однако же, чтобы, *во всяком случае, это лицо не считалось на государственной службе.*

Понятно, что в таких рамках и при таком вознаграждении если не ученого, то, во всяком случае, кропотливого и усидчивого труда отечественная статистика не могла двигаться вперед, и действительно министр внутренних дел, 12 декабря 1857 года № 162, циркулярно сообщил всем губернаторам: «Трехлетний опыт показал, что собрание необходимых для Правительства сведений по означенным (77) формам не достигает своей цели. Хотя затребованные сведения и получены были за 1854, 1855 и 1856 годы из всех почти губерний, но Статистический комитет министерства не имел никакой возможности сделать из оных общих выводов, не только по всем, но даже по главнейшим статистическим предметам, заключающимся в упомянутых формах».

Вследствие этого министерство, чтобы облегчить до крайней возможности работу губернских комитетов, отменило вовсе 60 таблиц, а остальные 17 чрез соответственное изменение сократило до 13, а именно: I. О числе жителей по сословиям. II. О числе жителей по вероисповеданиям. III. О числе родившихся. IV. О числе умерших. V. О числе браков. VI. О числе населенных местностей. VII. О числе зданий в городах, за исключением церквей. VIII. О числе церквей и других богослужебных зданий. IX. О посеве и сборе хлебов и картофеля. X. О скотоводстве. XI. О числе фабрик и заводов. XII. О числе ремесленников в городах. и XIII. О числе выданных торговых свидетельств.

Все эти 13 таблиц по составлении их в статистических комитетах по данным формам должны были быть прилагаемы в подлинниках за подписью председателя и членов комитета к всеподданнейшим отчетам о состоянии губернии.

Вслед за тем Комитет о сокращении переписки при министерстве внутренних дел, по соглашению с духовным начальством, установил, что для собирания сведений о движении населения статистические известия о рождающихся, вступающих в брак и умирающих, о церквях и монастырях, с подразделением, согласно распределению, существующему в гражданском управлении по *городам, уездам и станам*, не требуются полицейскими местами от местных духовенств, но сообщаются в числе других статистических данных от Духовной консистории губернскому начальству, и оно уже от себя передает по принадлежности полициям то, что в этом отношении следует им иметь по закону. Самую передачу сих сведений должно производить по надлежащей обработке их в губернских статистических комитетах изданием ежегодно при «Губернских ведомостях» таблиц с тем, чтобы ежегодные таблицы эти с такими же подразделениями по городам, уездам и станам были собираемы в полицейских местах особыми нарядами за каждый период времени, отделяющий одну народную перепись от другой.

Комитет по сокращению переписки вмешательством своим в чуждую ему область статистики только усложнял переписку. Устанавливаемый новый порядок ежегодного собирания сведений о движении населения был невозможен к выполнению, главным образом, потому что разделение губернии в полицейском отношении на уезды и станы и ныне не совпадает с разделением епархии на благочиннические округи и приходы. Каким же порядком должны были быть собираемы сведения о движении населения неправославных исповеданий — Комитет по сокращению переписки в циркуляре 27 июля 1857 года № 100 того не объяснял.

В то время Ставропольского губернского статистического комитета еще не существовало, но все циркуляры и распоряжения по предметам статистики, получаемые губернатором из министерства, по заведенному порядку подшивались к делу, что дает возможность ознакомиться с теми порядками и формами, которых должен был придерживаться и Ставропольский статистический комитет.

Вслед за тем 14 августа 1857 года № 6967 директор канцелярии наместника кавказского, действительный статский советник Крузенштерн обратился к управлявшему губерниею статскому советнику Брянчанинову с следующим вопросом: «Для доклада наместнику кавказскому имею честь просить Вас, милостивый господин, уведомить меня, бывают ли в Ставрополе заседания Губернского статистического комитета по правилам, в 321 статье II тома общ. губ. учреж. изложенным; если бывают, то какой труд ими выполнен, в противном же случае, когда заседаний нет, не угодно ли объяснить тому причины с присовокуплением, имеет ли губернское начальство статистическое описание края?»

Прежде ответа на этот вопрос управлявший губернию за отсутствием гражданского губернатора генерала Волоцкого, вице-губернатор статский советник Брянчанинов обратился 23 ноября письменными приглашениями с просьбою принять звание непременных членов Губернского статистического комитета к наказному атаману кавказского линейного казачьего войска генерал-майору Рудзевичу и к начальнику штаба войск правого крыла Кавказской линии генерал-майору Капгеру. В таком же смысле даны были предложения: губернскому предводителю дворянства, вице-губернатору, председателю Казенной палаты, управляющему Палатою государственных имуществ, губернскому прокурору, инспектору Врачебной управы, непременному члену Строительной комиссии и главному приставу кочующих народов. В члены-корреспонденты предположено было пригласить впоследствии, по журналу первого заседания.

Один только отставной надворный советник Хицунов получил следующего содержания приглашение: «Вследствие изъявленного вами согласия участвовать в трудах Ставропольского губернского статистического комитета в качестве члена-корреспондента, я покорнейше прошу вас, милостивый господин, принять на себя обязанности производителя дел Комитета на основании положения о статистических комитетах 321-й статьи свода гражданских законов, том II, и циркулярных предписаний господина министра внутренних дел.

Для ведения же канцелярской части в помощь вам имеют быть приданы два чиновника из служащих в Ставрополе, Иванов и Орлов, которые вместе с исполнением службы займутся под вашим руководством всем тем, что будет касаться письменной части или разработки материалов, назначенных для рассмотрения в общем собрании Комитета. К сему считаю неизлишним присовокупить, что канцелярские припасы для дел Комитета на первый раз, до особого распоряжения, имеют быть выдаваемы по требованию вашему из Канцелярии управляющего гражданскою частью в Ставропольской губернии; занятие же письменными делами по Комитету, тоже до особого распоряжения, можно иметь в комнате редакции губернской газеты[1]».

Предварительные распоряжения об открытии статистического комитета шли, однако же, чрезвычайно туго, и, несомненно, главною причиною медленности был недостаток денежных средств, на которые не указывали ни Положение 20 декабря 1834 года, ни последующие циркуляры министерства.

Не раньше как в 1858 году Центральный статистический комитет министерства внутренних дел, озабочиваясь устройством положения губернских статистических комитетов и желая предварительно принятия каких-либо мер по этому предмету, циркуляром 8 августа № 145 обратился к губернаторам с просьбою о сообщении следующих сведений.

«1) Из каких денежных средств содержится статистический комитет и на что именно употребляются эти средства, с кратким означением прихода и расхода сумм за 1857 год.

2) Достаточны ли эти средства его содержания; если нет, то из каких источников и в каком размере излагается возможным назначить необходимую на то сумму?»

При этом министерство просило представить краткий именной список всех лиц, составляющих статистический комитет.

Наконец после столь продолжительного времени ставропольский гражданский губернатор генерал-лейтенант Александр Алексеевич Волоцкой об открытии статистического комитета донес наместнику кавказскому князю Барятинскому 2 декабря 1858 года с следующими подробностями:

«Имею честь донести Вашему Сиятельству, что Ставропольский статистический комитет, на основании статьи 386 свода законов II тома учрежд. губ. и циркулярных предложений господина министра внутренних дел, открыт *25 ноября сего года* под председательством моим и в присутствии всех тех должностных лиц, которые в звании непременных членов обязаны участвовать в занятиях губернских статистических комитетов.

По приглашению моему и журнальному постановлению сего Комитета, приглашены в члены оного и некоторые посторонние лица, хотя не состоящие в числе чиновников губернии, но заведывающие отдельными частями управления, имеющего ближайшие сношения с местными губернскими учреждениями: наказной атаман Кавказского линейного казачьего войска, начальник штаба войск правого крыла Кавказской линии, старший доктор Ставропольского военного госпиталя, ректор Кавказской духовной семинарии и, сверх того, приглашены из непоименованных в положении о Статистических комитетах губернских должностных лиц: председатель Ставропольской палаты уголовного и гражданского суда, непременный член приказа общественного призрения, губернский землемер, советник губернского правления коллежский советник Крюков и отставной надворный советник Хицунов, служивший по учебной части, который по образованию своему и известным мне способностям может с особенною пользою участвовать в занятиях Комитета.

Вследствие предложения моего господин Хицунов изъявил готовность впредь до ассигнования на содержание Комитета сумм безмездно заведывать делопроизводством Комитета и ученою разработкою статистических материалов; для ведения же письменной части в помощь ему, с утверждения моего, приглашены еще два чиновника: редактор «Губернских ведомостей» Иванов и чиновник особых поручений при казенной палате Орлов, которые в качестве членов-корреспондентов изъявили желание заниматься письменными делами Комитета.

О таковых распоряжениях и об утверждении поименованных лиц в звании непременных членов, делопроизводителя и членов-корреспондентов Ставропольского губернского статистического комитета имею честь почтительнейше представить на благоусмотрение Вашего Сиятельства.

При сем обязанностью считаю доложить, что главнейшею причиною, до сих пор служившею препятствием к открытию комитета, во-первых, был недостаток материальных средств на содержание оного и, во-вторых, неимение ввиду свободных и вполне способных чиновников для занятий статистических и вообще для заведывания делопроизводством, довольно многосложных при прежних формах таблиц собирания числовых данных. Препятствия эти отчасти устранены ныне мерами, о которых я имел честь упомянуть выше.

Но дабы совершенно упрочить на будущее время существование Губернского статистического комитета согласно непременной воле высшего начальства, неоднократно выраженной мне в циркулярных предписаниях господина министра внутренних дел и предписаниях Вашего Сиятельства, хотя давно изыскивались постоянные для того источники и в первом заседании комитета предмет сей подвергнут был общему обсуждению, но безуспешно, ибо особых и постоянно верных источников на содержание Комитета не предвидится. Хотя же в одном из предложений господина министра внутренних дел и предоставлено на покрытие расходов по Комитету употреблять из свободных остатков от доходов губернской типографии до 1000 рублей серебром; но как доходы здешней типографии весьма скудны и едва достаточны для поддержания ее существования, то и заключено в том же заседании Комитета представить о сем на благоусмотрение Вашего Сиятельства в том внимании, не благоугодно ли будет повелеть отнести содержание Ставропольского статистического комитета на счет остатков от земских сборов, ассигнуя ежегодно на сей предмет до 1500 рублей серебром, и затем внести этот расход в общую ведомость расходов по земским повинностям на трехлетие с 1860 по 1863 годы.

О состоявшемся открытии Ставропольского губернского статистического комитета я сообщил вместе с сим Центральному статистическому комитету министерства внутренних дел с приложением в копии журнала первого заседания на основании циркулярного предложения господина министра внутренних дел от 30 декабря 1853 года № 190 и 8 августа 1858 года № 145».

Открытие Ставропольского статистического комитета последовало почти одновременно с преобразованием отдела министерства внутренних дел в Центральный статистический комитет по положению 4 марта 1858 года. Предшествовавший почти четвертьвековой период был, так сказать, младенческим периодом отечественной статистики, периодом безуспешных начинаний. По мнению господина Сухомлинова[2], «причины неуспеха заключались в том, что статистические учреждения с ограниченными вообще средствами не пользовались никакою самостоятельностью; связанные в действиях своих влиянием разных ведомств, эти учреждения не имели никакой возможности независимо располагать своими работами, направлять их по всем ведомствам к единству введением однообразных форм по одному плану и методу и быть беспристрастными критиками в исследовании разных сторон жизни, отражающих на себе благоприятные или неблагоприятные последствия административных распоряжений тех ведомств, от которых они вполне зависели. Кроме того, эти учреждения состояли частью из лиц, обязанных другим родом службы, из лиц, большей частью неподготовленных и не знакомых с специальными занятиями статистикою, и притом не получающих за свои труды никакого вознаграждения. Отсюда – равнодушие к труду и отсутствие удовлетворительной и последовательной программы при статистических исследованиях. Нередко показывались сведения приблизительно, лишь бы соблюсти форму, самые формы были несовершенны, не проникнуты общей идеей вследствие отсутствия хорошего плана и метода и потому часто менялись. Если прибавить к тому почти общее несознание значения статистической деятельности, почти общее нерасположение к ней и уверенность в ее бесполезности, то, конечно, нельзя ожидать ничего верного в статистическом отношении; нельзя ожидать трудов, выражающих общественные факты. Статистические работы существовали только по форме, потому что они существовали в других образованных государствах; но на деле не приводили страну к самопознанию».

Мнение господина Сухомлинова подтверждается и циркуляром Центрального статистического комитета от 10 декабря 1858 года № 225. Этим циркуляром министр сообщил губернаторам, что статистические сведения в числе 13 таблиц за 1857 год, требовавшиеся циркуляром 30 декабря 1853 года № 190 к 1 марта, получены Центральным комитетом только из 26 губерний, от 1 военного губернатора и 3-х градоначальников; что поэтому министерство нашло возможным отменить за 1857 год представление этих сведений с тем, чтобы ведомости были составляемы и поверяемы ежегодно и представляемы местными полицейскими начальствами в губернские статистические комитеты как материалы для составления губернских таблиц, согласно пояснительной записке, разосланной при циркуляре от 12 декабря 1857 года № 162 и представляемы в министерство к 1 мая ежегодно.

В заключение министр внутренних дел граф Ланской писал: «Имея в виду усовершенствование способов собирания и обработки требуемых правительством сведений, покорнейше прошу господ губернаторов при отправлении в Центральный статистический комитет таблиц за 1858 год доставить мне подробное и точное объяснение о том: *посредством кого именно и в какие сроки собираются по вверенным вам губерниям статистические сведения по каждому из предметов, заключающихся в таблицах;*

какие приемы употребляются как при собирании, так и потом, при поверке собранных сведений? Объяснение это, — присовокупил министр, — необходимо для соображения о более однообразном собирании и упрощении еще на будущее время ежегодных статистических работ губернских комитетов».

Выполнение этого циркуляра предстояло вновь открытому, но не устроенному еще Ставропольскому статистическому комитету. Задача, во всяком случае, была нелегкая, как это объяснил председатель во втором заседании Комитета, состоявшемся 30 октября 1859 года, то есть спустя одиннадцать месяцев после его открытия. «Из последовавших действий вновь учрежденного Комитета, — сказал губернатор Брянчанинов, — усмотрено, что места и лица, от которых требовались сведения для составления статистических таблиц, доставили их гораздо позже назначенного срока и с большими упущениями, а поэтому таблицы вышли неудовлетворительно и отправлены в подлежащие места несвоевременно; следовательно, предпринятый труд, не достигнув своей цели, остался совершенно бесполезным при своде статистических сведений всего государства». После такого заявления в заседании было прочтено предписание наместника кавказского ставропольскому губернатору от 15 июля 1859 года за № 580 следующего содержания: «Утверждая поименованных в представлении Вашего Превосходительства от 2 декабря 1858 года № 2853 лиц в звании непременных членов и членов-корреспондентов открытого в городе Ставрополе Губернского статистического комитета и разрешая отпуск на содержание сего Комитета по 1500 рублей в год из остатков земского сбора, так как других источников на этот предмет в виду не имеется, покорно прошу Вас представить мне своевременно о расходе назначаемой суммы краткую ведомость».

Вслед за этим губернатор предложил на обсуждение членов Комитета следующие вопросы:

а) Хотя действия производителя господина Хицунова и помощника его редактора ставропольских «Ведомостей» Иванова не достигли желаемой цели, но как это произошло по новости непривычного дела и от недоразумений мест и лиц, доставлявших требованные от них сведения, то тем не менее труды господ Хицунова и Иванова были полезны для губернии тем, что, несмотря на новость дела, достигли, хотя не в определенный срок, собрания сведений, а потому губернатор признавал помянутых лиц заслуживающими благодарности и посильного вознаграждения по усмотрению Комитета.

б) На будущее же время, желая основать действия Комитета на более прочном основании и чтобы иметь его производство под своим личным наблюдением, губернатор находил полезным поместить означенное делопроизводство особым отделением в собственной его канцелярии под главным ведением правителя канцелярии с тем, чтобы в этот статистический отдел были переданы все такие дела и исполнения, в коих заключаются прямые данные, относящиеся до предметов статистических, а именно: всеподданнейший Государю Императору годовой отчет о состоянии губернии, полумесячные ведомости о происшествиях, полугодовые ведомости Государю Императору о податях и недоимках, двухмесячные ведомости наместнику кавказскому о податях и недоимках, о доставлении в Комитет государственного коннозаводства сведений о коннозаводстве, о доставлении в министерство государственных имуществ сведений о мериносовых овцах, о фабриках и заводах, об установлении табели кормовых арестантских денег и о конской скачке в городе Ставрополе.

в) Деньги, отпущенные на содержание Статистического комитета, 1500 рублей, должны храниться вместе с суммами губернаторской канцелярии на ответственности правителя оной, который обязан вести отчет всем выдачам и расходам по Статистическому отделу; остаток же, который образуется, записать капиталом Статистического комитета для приобретения необходимейших карт, полезнейших книг и периодических изданий, заключающих в себе предметы статистические и могущие служить руководством и научным пособием для вновь учрежденного комитета.

г) На ту же сумму, при случае, договорить фотографа для снятия фотографических видов с таких местностей, какие признаются членами Статистического комитета заслуживающими особого внимания.

д) Пригласить посредством «Губернских ведомостей» к содействию Комитету тех лиц, кои при известном образовании и знании пожелают поделиться с Комитетом своими сведениями, приобретенными научно или опытом. Независимо этого обратиться с просьбами к офицерам генерального штаба правого и левого крыла Кавказской линии, занимающимся статистическими описаниями в военном отношении, о присылке в Комитет тех статей, которые ими уже составлены, и о снабжении на будущее время теми данными, какие вновь ими будут собраны. *Комитет постановил*: 1) Надворному советнику Хицупову выдать 230 рублей, редактору Иванову 160 рублей и писцу 10 рублей из суммы, отпущенной на содержание Комитета. 2) Делопроизводство по Комитету, согласно предложению губернатора, поместить особым отделением в губернаторской канцелярии, возложив на оное исполнение всех дел и бумаг, упомянутых выше в пункте б) настоящего журнала, а так как эти дела и бумаги будут иметь связь с делами и бумагами канцелярии, то статистический отдел должен находиться под непосредственным заведыванием правителя канцелярии. 3) При новой организации статистического производства надворный советник Хицупов не принимает на себя обязанностей делопроизводителя, то, согласно предложению начальника губернии, письменная обязанность возлагается на коллежского секретаря *Вербицкого*, который, не быв занят коренною службою, без затруднения может (и принял уже на себя) выполнить возложенное на него поручение. На содержание Вербицкому определено по 30 рублей серебром в месяц и, сверх того, по 120 рублей в год как единовременная премия, выдача которой производима будет не иначе, как

по составлении им своевременно статистических таблиц, требуемых министерством внутренних дел к 1 мая каждого года, если таковые по рассмотрению Комитетом будут найдены удовлетворительными. В помощь Вербицкому полагается иметь в статистическом отделе трех писцов, определяя на содержание старшему из них до 20 рублей и двух младшим от 8 до 15 рублей, соответственно способностям и трудам. 4) Пригласить письмами известного своими статистическими трудами по Ставропольской губернии обер-квартирмейстера полковника Забудского и занимающегося ныне описанием части оной генерального штаба капитана Цытовича — не благоугодно ли им будет принять на себя звание членов Ставропольского губернского статистического комитета и содействовать ему своими учеными трудами и присылкою в Комитет тех статей, которые ими уже составлены, а на будущее время снабжать Комитет такими данными, какие при новых изысканиях будут ими добываться.

Затем предложение губернатора о порядке хранения и отчетности денежных сумм Комитета, о приглашении фотографа и выписке разных сочинений и карт были единогласно одобрены и приняты, а в заключении журнала выражено: «Просить всех членов Статистического комитета представить замечания свои по делу об основании действий Комитета в виде успешности трудов оного, согласно с целями правительства с тем, чтобы замечания эти общим сводом вошли в журнал будущего заседания Комитета».

Приглашенные членами Комитета генерального штаба полковник Забудский и капитан Цытович изъявили полную готовность содействовать целям Комитета своими трудами, и первый из них прислал изданное им в 1852 году «Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии».

В следующем заседании комитета, бывшем 29 февраля 1860 года, делопроизводитель Вербицкий доложил, что в продолжение трех месяцев составлены им:

1) Статистические ведомости о пространстве земель, принадлежащих городам, селениям, деревням гражданского ведомства, станицам Кавказского линейного казачьего войска[3] и занимаемых кочующими народами.

2) Статистические ведомости о населенных местностях, занимаемых городами, селениями, деревнями и казачьими станицами линейного войска.

3) Составлены 24 таблицы статистических ведомостей, прилагаемых к всеподданнейшему отчету о состоянии губернии.

4) Составлены 11 таблиц для представления наместнику кавказскому и

Выписаны 27 книг статистического содержания и географических карт, и тем положено основание библиотеки Комитета.

Затем предложены были на обсуждение мнения некоторых членов, изложенные в особых записках относительно будущей деятельности комитета.

I) *Мнение* вице-губернатора коллежского советника Георгия Константиновича *Властова*:

а) Образовать постепенно из ежегодных остатков комитетских сумм премию в 300 или 400 рублей тому, кто составит лучшую географическую карту Ставропольской губернии при содействии геодезических и астрономических данных, имеющихся в межевой комиссии Кавказского линейного казачьего войска и в губернской чертежной.

б) Испросить разрешение наместника кавказского на приобретение карты Кавказа, составленной при генеральном штабе Кавказской армии в масштабе 3 версты в английском дюйме, и нанять копировщика для снятия точной копии с карты калмыкских степей, составленной Макеевым.

II) Мнение губернского прокурора Акима Нестеровича *Мицулова*:

а) По неучреждению еще уездных статистических комитетов (статья 386, том 2-й «Свода гражданских законов» издания 1842 года), надзор за составлением правильных и согласных с действительностью статистических таблиц в городах и уездах возложить на уездных стряпчих, обязав их внимательно просматривать все числовые данные и самые таблицы. Замеченные при этом несообразности должны быть сообщаемы на месте полицеймейстерам и городничим, которые, в свою очередь, не должны представлять статистических данных и таблиц, не просмотренных предварительно местными стряпчими.

б) Статистические таблицы, поступая в Комитет, должны подвергаться строгой критике и обработке, дабы могли служить хорошими материалами для составления статистического описания губернии по городам, уездам вообще или для обозрения каких-либо отдельных отраслей промышленности сельского хозяйства, мануфактур, торговли и прочего, как это указано в 384—387 статьях и 12-м приложении к 386 статье II-го тома «Свода гражданских законов» издания 1857 года.

Для этих занятий прокурор рекомендовал проживающего в городе Ставрополе господина Хицунова, обладающего достаточным образованием и давно занимающегося собиранием статистических материалов.

В уездах для той же цели, по мнению прокурора, полезно было бы пригласить штатных смотрителей уездных училищ, а из уездных стряпчих — коллежского секретаря Полотковского.

в) В вознаграждение за эти труды назначать денежные премии и, сверх того, самые описания печатать в «Губернских ведомостях» или других повременных изданиях.

г) В заключение Мицулов принял на себя разработку материалов по судебной части в губернии для выяснения степени нравственности населения и обещал заняться этим делом по окончании годового отчета за 1859 год.

III) Непременный член Строительной комиссии подполковник *Каппер* предлагал обязывать технических чиновников при исполнении разного рода поручений доставлять самые верные статистические данные, до их занятий относящиеся.

IV) Делопроизводитель *Вербицкий* представил также свое мнение о некоторых мерах к упрощению собирания и обработки статистических сведений, именно:

а) Пригласить в члены-корреспонденты всех тех начальников, от которых требуются статистические сведения. Тогда эти лица, обязанные уже ответственностью за точность доставляемых ими данных, будут более обращать на них внимания и не допустят тех очевидных неверностей в таблицах, нередко чуждых всякого смысла, какие попадаются теперь.

2) Пригласить в члены-корреспонденты лиц, обязанных по своей службе постоянными разъездами по селениям и деревням, как то: уездных врачей, стряпчих, чиновников особых поручений палат: Казенной и Государственных имуществ, техников гражданского ведомства и других. Лица эти могут собирать на местах весьма верные статистические материалы по разным предметам.

3) Пригласить в члены-корреспонденты штатных смотрителей уездных училищ, некоторых помощников приходских и сельских священников, а также людей, могущих содействовать успехам комитетской деятельности денежными пожертвованиями.

В заключение, делопроизводитель Вербицкий предлагал применить для собирания статистических сведений саксонский способ, состоящий в том, чтобы в каждый крестьянский дом раздать по таблице с обозначением в заголовках тех данных, какие нужны комитету. По этому способу каждый старший член семейства своеручно или при помощи грамотного соседа может прописывать в таблице против соответственных вопросов и заголовков числовые данные, относящиеся до его домашнего хозяйства и богатства.

Затем председатель Комитета прочел доклад, поданный ему вновь приглашенным членом генерального штаба капитаном Цытовичем, следующего содержания:

«Приняв в основание доклада главную идею, что Губернский статистический комитет должен служить надежнейшею опорою правительственных действий губернатора, доставляя ему подробные и точные сведения о состоянии губернии во всех отношениях («Свод гражданских законов» издания 1842 года, том 2, статья 384 и приложение к ней), я того мнения, что для достижения столь важной цели Комитету необходимо устремить все усилия на беспрерывное и успешное приобретение самых статистических данных о крае и его населении. Одних официальных данных недостаточно для безошибочных заключений. Комитету необходимы также мнения людей ученых и практических о разных отраслях народной деятельности во всех частях края, и притом людей, не зависящих от служебного положения.

Такие лица, следя всюду с любовью за успехами полезной деятельности и за характером народного труда, с наибольшею для того пользою могут сообщать в Комитет правдивые сведения, при помощи коих можно будет поверить и сведения, получаемые и официальным путем.

Так как Ставропольская губерния представляет край новый, только что устраивающийся, где все отрасли промышленности находятся еще в начинаниях и где нельзя ожидать большого числа учено-практических сельских хозяев, мануфактуристов, торговцев и вообще промышленников, которые могли бы своими статьями и замечаниями содействовать стремлениям Комитета и распространять полезные сведения в народе, я признаю необходимым Статистическому комитету иметь членов-корреспондентов обязательных.

Обязательные труды я разделяю на три категории.

К первой относятся безвозмездные труды правительственных лиц и мест, долженствующих по требованию Комитета доставлять просимые сведения, а также труды вольных аптекарей, уездных врачей, сельских и приходских священников, губернского ученого лесничего и чиновников особых поручений, состоящих при губернаторе.

Вольные аптекари должны производить метеорологические наблюдения над температурою и влажностью воздуха посредством термометра, гигрометра и барометра — что не будет затруднительно, ибо дежурные провизоры в аптеках бодрствуют днем и ночью. Результаты этих наблюдений дадут возможность судить, хотя приблизительно, о количестве падающей влаги и степени ее испарения, о причинах плодородия и неурожая, внезапных бурь, гроз, повальных болезней и падежа скота, эпидемических болезней между жителями и прочим.

Для поверки доставляемых из аптек сведений полезно было бы производить метеорологические наблюдения также при гимназии и уездных училищах, при врачебной управе и военных госпиталях и при генеральных штабах войск правого и левого крыла Кавказской линии.

Уездные врачи приносили бы большую пользу, доставляя Комитету сведения о болезнях наиболее распространенных и обстоятельствах, усиливающих и задерживающих их развитие, о местных противудействующих средствах, о целебных и зловредных свойствах воздуха, видах растений, насекомых и земноводных, распространенных в уездах; о свойствах целебных источников, грязных и соляных колодцев и вообще обо всем, что относится до народной гигиены. Равномерно наблюдения врачей над нравами, обычаями привычками жителей, имеющими влияние на их умственное и физическое развитие или на вкоренение вредных для здоровья наклонностей, также составили бы важный статистический материал.

Не менее важны мнения врачей о причинах повальных болезней и падежа скота, так часто поражающих разные места губернии, и о противодействующих этому злу мерах.

Сельские и приходские священники, поставленные по своему назначению в ближайшее соприкосновение с жителями, могли бы давать весьма верные сведения о состоянии нравственности в их приходах, о привычках и обычаях жителей, имеющих на них влияние, о религиозных убеждениях, наконец, даже и самих ежедневных их занятиях. Эти же лица, следя за нравственностью своей паствы, имеют полную возможность предотвращать развитие пьянства и проистекающие от того пороки, а также поставлять в известность Комитет о причинах, к тому увлекающих, и о числе людей, сделавшихся жертвою этого зла.

Губернский ученый лесничий, лицо, специально приготовленное по части лесного и агрономического хозяйства, обязан доставлять в Статистический комитет сведения о возможности разведения различных пород леса в разных местностях губернии и выгоднейших для того условиях, приемах и средствах, о приспособлении почвы земли в разных частях края помощью соответственного удобрения и вообще обо всем, относящемся до распространения лесоводства и садоводства в губернии.

От чиновников особых поручений, состоящих при губернаторе, Комитет может ожидать услуг в тех случаях, когда при исполнении разных административных поручений в губернии будут иметь возможность записывать свои наблюдения над разными отраслями народной деятельности и сельского хозяйства и сообщать эти записки для соображений Комитета.

Сверх того, необходимо иметь верные сведения о торговле внешней и внутренней, о рыбном и соляном промыслах, виноделии, количестве потребления хлебного и виноградного вина, пива, меду и других спиртных напитках и о вреде, ощущаемом в разных частях губернии от чрезмерного их употребления.

Ко *второй* категории обязательных трудов относится содействие лиц и мест, *не подчиненных* гражданскому ведомству доставлением статистических сведений, относящихся до их специальных занятий.

Сюда относятся штабы и военные управления войск, расположенных на Кавказской линии и в Ставропольской губернии, войсковые правления Кавказского линейного и Черноморского казачьих войск, межевые комиссии тех же войск, начальники работ по сообщениям на правом и левом крылах Кавказской линии, главные медики в тех же отделах и войсковые казачьи медики, горные инженеры, производящие геологические изыскания; наконец, военные и гражданские чиновники, специально занимающиеся в губернии какими-либо имеющими связь с местной статистикой работами, как-то: офицеры генерального штаба, производящие статистические и геодезические работы, чиновники, командируемые из главного управления наместника кавказского для изучения края в каком-либо отношении, агенты и корреспонденты ученых, торговых и страховых обществ или даже больших торговых домов и т.п.

Дабы не впасть в ошибку, я не исчисляю всех тех сведений, какие могут доставлять упомянутые лица и места, но полагаю необходимым, по тщательном обсуждении, включить этот предмет в подробную программу занятий Комитета, которую следует составлять с возможною полнотою.

Наконец, к *третьей* категории обязательных трудов я отношу занятия тех лиц, которые будут трудиться с целью воспользоваться предоставленными комитетом премиями и преимуществами. Сюда принадлежат, во-первых, секретарь или делопроизводитель Комитета и писцы и, во-вторых, лица, которые будут писать сочинения на заданные темы и задачи.

Секретарь должен быть хорошо приготовленный для своей должности, понимать цели всех определений Комитета и сущность ожидаемых от них последствий — и излагать журналы комитетских заседаний безукоризненно в отношении системы, логики и редакции, так как журналы эти полезно будет печатать для публики. Равномерно и от писцов требуется не только грамматическая правильность и четкость письма, но и умение делать извлечения из дел, составлять таблицы из отдельных числовых данных и т.п.

Для трудов на предлагаемые темы и задачи предвидится в здешней губернии обширное поприще, ибо она не изучена еще серьезно ни с какой стороны. До сих пор неизвестны в подробности ни история, ни статистика ее, ни естественные богатства и средства к извлечению их. Далее, вникая в денежные средства Комитета, я нахожу весьма недостаточною сумму в 1500 рублей, которою комитет теперь располагает. По моему мнению, этих денег едва достаточно на годовое содержание секретаря и писцов, разумея службу этих людей исключительно для Комитета. Между тем Комитету предстоят значительные расходы не только для составления премий за лучшие из описаний по всем отраслям изучения губернии, но также на образование библиотеки из лучших исторических, статистических, сельскохозяйственных и политико-экономических сочинений.

Все эти соображения приводят меня к указанию некоторых источников для увеличения денежных способов Комитета, которые, впрочем, большею частью, по существу своему должны быть отнесены на суммы Палаты государственных имуществ. Собственно же к комитетским доходам могут быть отнесены только: выручка за продажу годовых отчетов о действиях Комитета и денежные пожертвования тех лиц, которые, разделяя убеждение о пользе, приносимой Комитетом, пожелают принять участие в его благотворной деятельности.

В заключение, настаиваю на необходимости мер к внимательному обсуждению статистических данных на местах первоначального их собирания, ибо без этого условия все суждения, на них основанные, очевидно, будут ошибочны».

Сверх этих мнений, председатель Комитета, имея в виду намерение капитана Цытовича изучить в предстоящее лето северные и северо-восточные степи Ставропольской губернии, равно как и племена, на них обитающие, а также обязательное согласие его содействовать Комитету своими статистическими статьями и самим статистическим описанием правого крыла Кавказской линии, полагал: предоставить, по возможности, более средств господину Цытовичу к беспрепятственному достижению столь полезной цели, именно:

1) Предложить кому-либо из учителей гимназии или частных лиц, занимающихся естественными науками, сопутствовать господину Цытовичу для подробного изучения степей в отношении естественных произведений.

2) Ассигновать в распоряжение названного офицера примерную сумму денег на покупку инструментов для производства разного рода наблюдений и для приобретения полезных сведений в тех случаях, когда это будет сопряжено с денежными издержками.

3) Дав подробные предписания местным начальникам об оказании ему всевозможного зависящего от них содействия и вспомоществования, и

4) Снабдить его необходимыми полномочиями для требования такого содействия во всех местах, которые он посещать будет.

Директор училищ господин Неверов рекомендовал пригласить для участия в ученой экспедиции господина Цытовича, учителей местной гимназии Дмитрия Степановича Сабинина и Сергея Илларионовича Кузьмина, известных ему любовью к наукам и основательными сведениями в истории и естествознании. Наконец Комитету было доложено, что от 1859 года осталось комитетских сумм 778 рублей 53 $^{1}/_{2}$ копейки и от 1860 года по 1 апреля — 889 рублей 77 копеек, а всего 1668 рублей 30 $^{1}/_{2}$ копейки.

По обсуждении всех выслушанных в этом заседании мнений, Комитет не только принял их единогласно, но и разработал в деталях. В заключение же было определено: «Так как настоящее журнальное постановление представляет свод правил или общую программу дальнейших предприятий и действий Комитета, то предварительно приведения в исполнение просить господина начальника губернии представить изложенные здесь мнения и предположения на благоусмотрение господина наместника кавказского в тех видах, не благоугодно ли будет Его Сиятельству повелеть рассмотреть это постановление в главном управлении наместничества для согласования с подобными правилами в других частях Кавказа, и тогда уже разрешить принять его к руководству».

В следующем заседании, бывшем 17 июля 1860 года под председательством начальника губернии Петра Александровича Брянчанинова, было доложено, что наместник кавказский генерал-фельдмаршал князь Барятинский, одобряя программу будущих занятий Ставропольского статистического комитета, разрешил употребить из суммы, собранной в том году с частных лиц за пользование землями, принадлежавшими вышедшим в Мекку ногайцам, 800 рублей на расходы экспедиции, наряженной для исследования калмыцкой степи.

Затем совещательный член Комитета, производивший статистические работы в губернии, генерального штаба капитан Цытович прочел следующую краткую программу ученой экспедиции для исследования калмыцких степей:

«По предмету статистики. Общий взгляд на характер степей и значение их в различные исторические эпохи для России. Географическое положение и естественное очертание их; границы в пределах Ставропольской губернии; разделение на части и пространство в квадратных верстах и десятинах. Физические свойства степей; геологическое происхождение и геогностическое строение, орография (видоизменения поверхности и система водоразделов вод на поверхности земной и под нею). Пути сообщения, которыми пользуются жители, и выгоднейшее направление таковых в случае правильного заселения степей. Климат и влияние его на здоровье людей и на естественные произведения почвы, расспросные данные о нем и метеорологические наблюдения.

Жители, или статистическая этнография. Происхождение жителей; разделение их по племенам, языку и вероисповеданиям; физические и нравственные их свойства (здоровье, долголетие, нравы, обычаи, убеждения и особенность характера). Число жителей общее, частное, по народам и относительное по пространствам, занимаемым для кочевок. Движение народонаселения, отношение числа рождений к смертности и к числу браков. Положение жителей как членов гражданского общества в отношении к России и, в особенности, к губернии.

Промышленность. Занятия жителей по части земледельческого хозяйства, по обрабатыванию естественных произведений и по обмену их (торговле).

Образованность. Стремление жителей к умственному развитию. Обстоятельства, способствующие или препятствующие тому. Будущие надежды на успех умственной деятельности.

Произведения. По царствам: животному, растительному и минеральному. Главнейшие выводы.

Общее заключение о степях. Правительственные меры к их заселению и к сделанию кочующих на них племен оседлыми. Необходимые для того условия и способы, выгоды, которых может ожидать правительство от заселения степей.

По предмету истории. Обстоятельное критическое изучение всех памятников, преданий, легенд, песен и т.п., которые встретятся в степях и по расспросам у жителей. Значение степей, как транзитного

торгового пути между Азией и Европой, в древние, средние и новые времена. Племена и породы, обитавшие на степях в те же времена, с описанием их исторического и политического значения. Сношения с ними европейских и азиатских народов. Значение степей со времени появления монголов во времена владычества сих последних в России и по распадении их на отдельные орды. Степи при Золотой орде; известия о них у генуэзцев. Степи по освобождении России от ига монгольского. Меры, принимавшиеся русскими князьями и царями против набегов татар. Военные линии. Постепенное владение Россиею степями до Петра Великого и после него. Степи при Екатерине II под управлением Потемкина. Астраханское генерал-губернаторство. Кавказская область. Переход к настоящему положению степей. Остатки в них древних жителей и татарских орд. Общее заключение о степях и их жителях.

Степи со стороны естественных произведений. Общее обозрение степей в отношении их производительности по части животных, насекомых, земноводных, рыб, растений и ископаемых. Составление гербария дикорастущих растений с указанием, какие из них могут быть употребляемы жителями в пищу или для других нужд. Какие из огородных и хлебных растений разводят или могут быть с успехом разводимы в степях. Таковые же сведения относительно разведения лесов.

Описание пород домашних животных и птиц, разводимых жителями; уход за ними; болезни и падежи; местные способы лечения.

Приемы и усовершенствования, нужные к улучшению пород домашних животных, а также возможность разведения новых.

Собрание коллекции замечательных насекомых с описанием их свойств, а также пользы и вреда, от них происходящих.

Рыбы и земноводные, водящиеся в степных реках и болотах. Общее заключение. Влияние территориальных и климатических условий на развитие, жизнь и совершенствование животных, насекомых, рыб, земноводных и растений». Сверх того, экспедиция обязывалась представлять в Комитет краткие отчеты о своем путешествии и действиях и подробное описание своих занятий в виде дневника. Последний труд принял на себя учитель гимназии господин Сабинин.

К означенной программе капитан Цытович присоединил маршрут, предположенный для следования ученой экспедиции во время ее занятий по обзору земель, занимаемых кочующими магометанскими народами, следующего содержания:

«1. От города Ставрополя чрез село Московское по реке Егорлыку до отселка Ивановского. Отсюда сделан будет осмотр степных участков, пролегающих к казенным селениям, лежащим по реке Егорлыку и на восток до сухих озер Байсакюль и далее к северо-востоку до Маныча и до большой Джалгинской балки, откуда переезд в станицу Дивную.

2. От станицы Дивной осмотрится пространство между Манычем и Калаусом, и по обе стороны Царицынского тракта, чрез станицу Дербетовку, Винодельную и Предтеченскую, Калаусо-Джемболуковские степи до реки Большой Кугульты и до озер Байсакюль; оттуда опять нужно возвратиться в станицу Предтеченскую.

3. От Предтечи осмотрено будет пространство до Маштак-Кулакской и Ку-Уйгурской балок, оттуда переезд в ставку трухмянского пристава Маштак-Кулак.

4. От ставки трухмянского пристава к югу до границы казенных селений осмотрится все пространство, равно как и к северо-востоку; пространство земель, лежащих по обе стороны балок: Кучерли, Рагули, Ирбилю до Маныча, балки Чограй и урочища Арзгир.

5. От урочища Арзгир к Востоку до Маджарских соляных озер и к югу до реки Кумы, а также по урочищу Гуйдук до Каспийского моря.

6. От Каспийского моря обратно осмотр нижней части долины Кумы, помещичьих и казенных селений по Куме до ачикулакского приставства и все земли, занимаемые ачикулак-джембойлуковскими народами.

7. От ачикулакского приставства до ставки караногайского приставства, откуда производится обзор всех земель, занимаемых караногай-едишкульскими ногайцами до границ казачьих земель и помещичьих кизлярского округа».

Изучение калмыцких и вообще инородческих степей в разных отношениях, к сожалению, и теперь составляет открытую задачу. До сих пор еще вопрос о пригодности северо-восточных степей Ставропольской губернии для оседлой жизни, остается неразрешимым путем научных исследований, хотя необходимость такого изучения сознается Статистическим комитетом со времени его учреждения. Ученая экспедиция 1860 года, составленная из лиц, просвещенных в полном значении слова, глубоко преданных науке и с любовью пожелавших потрудиться для пользы ее и края, не могла выполнить принятой на себя задачи по намеченной программе, главным образом, потому, что все ее члены, обязанные другими, прямыми обязанностями службы, не могли свободно располагать временем, необходимым для выполнения задачи во всем ее объеме.

Экспедиция выехала из Ставрополя 21 июня, а в конце августа два ее члена, учителя гимназии Сабинин и Кузьмин, по случаю оканчивающихся каникул, должны были возвратиться к своим прямым обязанностям. Еще раньше их, 23 июля, заболел и должен был возвратиться в Ставрополь командированный из штаба войск Кубанской области для топографических съемок штабс-капитан Сметанин.

Из краткого отчета о путешествии и занятиях ученой экспедиции, сохранившегося в архиве Статистического комитета, видно, что экспедиция осмотрела и исследовала весь Большедербетовский калмыцкий улус и небольшую часть трухмянского приставства, производила топографическую рекогносцировку и пополняла двухверстную съемку новыми сведениями.

Начальник экспедиции в письме к губернатору Брянчанинову из урочища Башанта сообщил весьма интересную и правдивую характеристику калмыков. «Чем более я знакомлюсь с калмыцкою степью, — писал капитан Цытович (ныне генерал-лейтенант начальник 39-й пехотной дивизии), — тем более убеждаюсь в пользе и необходимости обратить на нее внимание. Это, быть может, одно из богатейших пространств губернии; по крайней мере, мне не случалось еще нигде видеть таких чистых трав; бурьян и колючка, которыми так изобилуют вообще кавказские степи, здесь вовсе не попадаются, понятие о безводии калмыцкой степи вовсе несправедливое: здесь только нет проточных вод, но зато грунтовых сколько угодно и где угодно. Здесь все балки изрыты копанями и вода открывается на самой незначительной глубине: от 1 до 3 саженей — правда, вода попадается большею частью солонцеватая, но ее охотно пьют скот и лошади без всякого вреда.

Сверх того, попадаются сплошь и рядом ключи холодной пресной воды. Я распорядился нанесением на карту всех копаней и колодцев, но они до того многочисленны, что это испещряет карту.

Балки, перерезывающие степи, бывают полноводны только весною и в дождливое время, в сухое же лето, как настоящие, высыхают. Однако некоторые из предусмотрительных кочевых хозяев поделали запруды и сохраняют в них воду до сих пор для купанья скота. Особенно хорошие и обильные водою балки: большой и малой Гоки. По направлению их расположены почти непрерывные кочевья.

Калмыки вовсе не так дики, как о них думают. Они даже понимают, что оседлая жизнь для них была бы лучше, чем кочевая, и многие из них сами смеются над своими богами и их служителями. Мне кажется, что если бы астраханское начальство[4] было к ним ближе и более занималось этим добрым и покорным народом, то положение его далеко бы улучшилось.

Дороги здесь отличные и притом направляются во все стороны; лошадей калмыки выставляют исправно, только затрудняются упряжью. К начальству доверчивы и почтительны. С таким народом можно, кажется, сделать все доброе».

Этими немногими начинаниями и закончились труды экспедиции. Члены ее, принявшие на себя из любви к науке исследование северных и северо-восточных степей губернии на пространстве около 30 тысяч верст, по причинам, от них не зависящим, не могли выполнить своей задачи. В следующем году капитан Цытович с производством в подполковники получил новое назначение — начальника штаба 38-й пехотной дивизии — и, по распоряжению департамента Генерального штаба, все произведенные им ученые работы и собранные материалы передал капитану Генерального штаба Павловичу, на которого возложено было продолжение его трудов. Капитан Павлович впоследствии умер, и что стало с собранными им материалами — неизвестно. Экспедиция эта обошлась Статистическому комитету в 1100 рублей.

Одновременно Комитет принял на себя и другую задачу — изучение губернии в климатическом отношении. По его приглашению метеорологические наблюдения производились в госпиталях и аптеках: в Ставрополе, Пятигорске, Моздоке, Георгиевске, Кизляре, в станицах: Александровской и Шелкозаводской; но и этими трудами не воспользовалась наука, по необработке данных, вследствие неточности показаний невыверенных метеорологических инструментов, по которым производились наблюдения. Столь широкие задачи, с одной стороны, весьма похвальные, доказывают, что Комитет, на первых порах своего существования, далеко вышел за пределы, указанные ему положением 1834 года и последующими циркулярами министерства внутренних дел, не имея к тому достаточно ни ученых сил, ни материальных средств. Не менее замечательно, что статистический комитет из самостоятельного учреждения *propria auctoritate* преобразовался в отделение губернаторской канцелярии.

Между тем, 26 декабря 1860 года Высочайше утверждено *новое положение о губернских и областных статистических комитетах*. Бывший тогда министр внутренних дел Ланской, приступив к приведению в исполнение Высочайшего о том повеления, препровождая начальникам губерний самое положение, счел долгом пояснить оное следующим циркуляром от 8 апреля 1861 года № 397[5].

Указав вначале на обязательные занятия комитетов, министр объяснил и другой род занятий, указанный в статье 3 положения, как на безусловно обязательный и состоящий в ученых трудах всякого рода, имеющих целью исследование губернии в разных отношениях. Развитие трудов этого рода и издание их в свет, по мнению министра, могло зависеть преимущественно от внимания к ним начальника губернии и от ученой деятельности членов Губернского статистического комитета. Установление же для того определенных правил было бы стеснительною мерою, не соответствующею цели свободного изучения быта, производительных сил и местных потребностей каждой губернии. По этой причине, не входя ни в какие подробности по означенному предмету, министр считал нужным указать только на существенную пользу, которую могло бы принести печатание всякого рода тщательно обработанных статей и даже мелких известий о состоянии губерний и отдельных ее местностей в двух органах, указанных для того законом и правительством, а именно: в «Губернских ведомостях» и «Памятных книж-

ках». Неофициальный отдел «Губернских ведомостей» предназначен именно для сведений этого рода. Министр желал, чтобы сведения топографические, исторические, этнографические, промышленные, торговые, сельскохозяйственные и прочие, сосредоточиваемые в Губернском статистическом комитете, по мере их получения, просмотра и поверки были постоянно сообщаемы в «Губернских ведомостях» к общему сведению и к общему обсуждению. Сообщение таких сведений, без сомнения, возбудило бы в обывателях губернии большой интерес и сочувствие к этим изданиям. С другой же стороны, оно вызвало бы со стороны образованных и сведущих лиц поправки, пополнения и даже опровержения, которые и должны быть беспрепятственно допускаемы к печати, если только они написаны в приличном и ни для кого лично не оскорбительном тоне. Это было бы лучшим способом для поверки собираемых путем официальным сведений, не всегда верных и безупречных, часто составляемых небрежно или с незнанием дела, а иногда и умышленно искажаемых. Общие же сведения о губернии, обрабатываемые за целый год губернским статистическим комитетом в виде обязательных работ, равно как и статьи и монографии о губернии и отдельных ее местностях, имеющие ученое достоинство и доставляемые от членов Комитета и посторонних лиц, могли бы составить весьма полезный и драгоценный для правительства и для науки материал при печатании их в губернских «Памятных книжках». На особенную пользу издания этих книжек министр обращал еще раньше особенное внимание в циркулярном предложении от 16 сентября 1859 года № 170.

И действительно, издания эти начали распространяться по губерниям; в течение 1860 года изданы «Памятные книжки» в 18 губерниях и одном градоначальстве, независимо от издаваемых несколько лет сряду «Кавказского» и «Новороссийского» календарей. Участие губернских статистических комитетов и сотрудничество членов их в издании «Губернских ведомостей» и «Памятных книжек» министерство считало одним из самых полезных проявлений ученой деятельности этих учреждений.

Обращаясь к личному составу комитетов, министр находил, что обязанности *непременных* членов не требовали пояснений, так как они ясно выражены в статье 7 положения. Что же касается *действительных* членов, то он объяснил, что в это звание должны быть приглашаемы и избираемы только лица, которые, по любви к науке, по участию в общественных интересах и по образованию своему, могут трудами своими принести действительную пользу статистике в деле разностороннего изучения губернии. По мнению министра, было бы особенно важно в этом отношении участие духовенства, члены которого сообщают нередко много точных и тщательно собранных статистических данных Императорскому русскому географическому обществу. Вообще министр Ланской желал, чтобы участие новых членов в занятиях комитета было *действительным,* а не *номинальным.* Звание почетных членов, равным образом, должно быть предоставлено с особенною разборчивостью только лицам, приобревшим почетную известность учеными своими трудами или изъявляющим готовность сделать значительное пожертвование для споспешествования статистическим работам по губернии. Само собою разумеется, что в оба эти занятия могут быть беспрепятственно избраны признаваемые достойными из бывших членов-корреспондентов. В одном из ближайших собраний Комитета, когда непременные и действительные члены ближе ознакомятся между собою, следует приступить к избранию *помощника председателя;* назначение его — быть, под ведением губернатора, ближайшим руководителем всех ученых работ Комитета, а потому весьма желательно, чтобы в это звание был избран член, который бы соединял в себе высшее образование, если можно, специальное, по части политико-экономических наук, обладал любовью и усердием к статистическим занятиям, и которому служебные и другие обязанности оставляли бы довольно времени для внимательного и постоянного руководства ходом дел в Комитете.

По статьям 12 и 13 положения, — продолжает министр внутренних дел, — установлена при Губернских статистических комитетах должность *секретаря,* определены его права и обязанности. По смыслу означенных и предшествующих статей положения, исполнение всех обязательных работ Комитета возложено на секретаря. Непременным членам вменено в обязанность содействовать только, каждому по своей части, собранию и своевременному доставлению возможно верных первоначальных данных. От действительных членов Комитета можно ожидать полезного участия преимущественно в необязательных работах и в поверке первоначальных данных на местах их собирания; вся же поверка, приведение в систематический порядок и окончательная редакция сырых материалов для составления требуемых положением ведомостей и таблиц, равно как и содержание в порядке и готовности для справок всех учено-административных материалов Комитета, входят в прямую обязанность секретаря, который должен быть, так сказать, *душою* действий Комитета как в обязательных, так и в необязательных работах. Из этого видно, как важен предоставленный губернатору набор образованного, способного и искренно расположенного к статистическим занятиям чиновника в должность секретаря. Министр не сомневался, что при служебных преимуществах, предоставленных секретарю, и при подчинении его непосредственно только начальнику губернии, всегда можно будет найти способного и достойного чиновника к занятию этой должности. Но при этом не следует упускать из виду, что для секретаря должность его по Комитету должна быть главною и обязательною и что он должен преимущественно исполнению оной посвятить все свои труды и усердие. По статье 12 положения, предоставлено секретарю занимать и другие должности с согласия Комитета. По этому поводу министр счел нелишним заметить, что он находит весьма неудобным соединять эту

должность (как иногда делалось при определении делопроизводителей Комитетов) с должностью правителя Канцелярии начальника губернии или его помощника, по многосложности занятий, сопряженных с каждою из этих должностей; но полагал бы весьма возможным дозволять секретарю принимать должность преподавателя в одном из местных высших или средних учебных заведений, если она не требует много времени, а удобнее всего признавал соединять эту должность везде, где окажется возможным, с должностью редактора неофициальной части «Губернских ведомостей». Удовлетворительного исполнения этих обеих должностей можно ожидать только от человека образованного, возможно обеспеченного в своем материальном положении, к чему предоставляется способ к соединению двух окладов жалованья, не стесненного другими формальными служебными обязанностями и поставленного в его учено-литературной деятельности в прямой зависимости только от начальника губернии, вне влияния частных губернских властей. Но, не указывая соединения этих двух должностей как обязательного, министр обращал только внимание губернаторов на существенную пользу, какой можно ожидать от образованного чиновника, которому они будут вверены, как для Статистического комитета, так и для добросовестного и разумного направления редакции неофициального отдела «Губернских ведомостей».

В заключение, выражено было желание, чтобы с самого учреждения Статистического комитета, по новому положению, придан ему был тот характер, который обусловливается его целью, то есть *характер учреждения административно-ученого, а не просто административного, и чтобы в делопроизводство его не было введено излишней канцелярской переписки и бесполезных формальностей*. За исключением денежной отчетности Комитета, которая должна быть ведена с строгим соблюдением установленных для того правил, все занятия Комитета должны быть устроены, по возможности, в простом и несложном виде, соответствующем более ученому обществу, нежели присутственному месту. Сношения между непременными и действительными членами и секретарем должны быть производимы, по возможности, словесно. Если же необходимы письменные сношения, то желательно, чтобы они происходили в самой простой и нестеснительной форме; желательно, чтобы непременные члены на самом деле облегчали секретарю возможность лично поверять по документам, без потери времени на их списывание, сведения, собираемые и доставляемые низшими инстанциями. Одним словом, чтобы во всех взаимных отношениях как можно менее вводимо было канцелярских обрядов *в виде предписаний, отношений, рапортов и т.п.* Собрания Комитета, *которых не следует созывать без действительной надобности, чтобы не отрывать непременных членов от их прямых обязанностей,* должны иметь предметом не решение каких-либо формальностей, а, преимущественно, обсуждение вопросов о поверке и улучшении в том или другом ведомстве, в той или другой местности губернии, собрания первоначальных сведений, указание и исправление сведущими членами ошибок, введение, по возможности, однообразных форм для собирания числовых данных и прочее. Должно надеяться, что протоколы этих собраний, которые должны быть печатаемы в «Губернских ведомостях», будут представлять учено-практический интерес, какой представляют журналы заседаний ученых обществ, а не сухой перечень докладов и решений по вступающим бумагам. При таком только направлении может быть положено прочное основание к достижению предположенной Правительством цели — добросовестного и постоянно поновляемого исследования и изучения основных и производительных сил государственного быта и народного благосостояния, как главного элемента административной статистики, — цели, для которой Правительство решилось на значительное денежное пожертвование в пользу Статистических комитетов и представило особые права их главным деятелям.

Сделав распоряжение о преобразовании Статистических комитетов в Империи на новых началах, утвержденных Высочайшей властью, граф Ланской находил полезным распространить общие о них постановления и на губернии, области и военные округа Кавказского и Закавказского края. Соглашаясь с мотивами, выраженными в отношении министра от 20 апреля 1861 года № 434, наместник кавказский счел, однако же, необходимым затребовать от управляющего Ставропольскою губернией его соображений относительно возможности распространения помянутого положения на Губернский статистический комитет.

Рассмотрев присланное положение и соображая его с местными обстоятельствами, управлявший губерниею 12 декабря донес, за отсутствием наместника, исправлявшему его должность генерал-адъютанту князю Орбелиани, что, по его мнению, применение общих начал положения к устройству Ставропольского статистического комитета было бы крайне полезным и для науки и для администрации края, остающегося до сих пор малоисследованным в отношении местности и народонаселения, но при этом принимая во внимание, 1) что в восточной и северо-восточной части губернии кочуют ногайцы и трухмяне, а в северо-западной — калмыки, он находит необходимым в число непременных членов Комитета пригласить главного пристава кочующих народов.

2) Соединение в одном лице двух должностей: секретаря Комитета и редактора неофициальной части «Губернских ведомостей» — губернатор Брянчанинов находил решительно невозможным по недостатку типографских сумм; вследствие чего отдельного редактора неофициальной части тогда

не существовало, а обязанности его возложены были на столоначальника газетного стола Губернского правления, и затем не имелось в виду никаких источников на вознаграждение секретаря за редакцию «Губернских ведомостей».

3) При приведении в действие нового положения губернатор представлял о необходимости точного определения пространства ведомства Комитета. «Ставропольская губерния, — говорил он в своем донесении от 12 декабря, — по положению своему, примыкая к военно-операционной линии правого крыла Кавказской линии, заключает в пределах своих казачьи станицы, не подлежащие ведению гражданского начальства, которые подчиняются в порядке управления военному начальству Терской или Кубанской области. Такое подчинение, стесняя порядок собирания статистических сведений, делало поверку Комитетом еще более неудобною. Вследствие этого губернатор просил ограничить круг действий Ставропольского статистического комитета только местностями, подведомственными гражданскому начальству, и собирание данных по станицам для годового всеподданнейшего отчета исключить из обязанностей Комитета[6].

4) Что же касается до средств содержания Комитета, то губернатор предполагал на основании § 20 положения потребную сумму внести в смету о земских повинностях с будущего трехлетия, а в 1862 году расходы Комитета покрыть из остатков земских сборов согласно распоряжению наместника кавказского, в этом смысле уже сделанному.

По этому представлению, окончательное распоряжение исправлявшего должность наместника о преобразовании Ставропольского статистического комитета на основании Высочайше утвержденного положения 26 декабря 1860 года последовало 31 августа 1862 года. Тем же распоряжением на содержание Статистического комитета разрешено по 2000 рублей в год из губернских земских сборов.

Деятельность Ставропольского губернского статистического комитета в первые пять лет его существования ограничивалась собиранием сведений, нужных для составления таблиц, прилагаемых к всеподданнейшим губернаторским отчетам. Преобразование Статистического комитета на новых началах не изменило ни его деятельности, ни ее результатов. Назначенный 5 декабря 1862 года секретарем комитета чиновник особых поручений при губернаторе Александр Михайлович Артамонов, продолжавший исправление этой должности, несмотря на университетское образование, вел статистику до 5 июля 1865 года прежним торным канцелярским путем.

Преемником его был старший учитель Ставропольской гимназии Павел Петрович Соколов. Деятельность его в качестве секретаря Комитета, обещавшая быть плодотворною, к сожалению, была не продолжительная. Заседания комитета в 1866 году, бывшие под председательством исправлявшего должность губернатора вице-губернатора Фон-Вольфрама, отличались небывалою деятельностью присутствовавших членов, а доклады секретаря — особенною заботливостью об улучшении способов собирания сведений и числовых данных для 26 таблиц, прилагаемых к всеподданнейшим губернаторским отчетам о состоянии губернии. Выработана была секретарем программа для описания сел и деревень, составлена форма для собирания сведений о фабрично-заводской промышленности и совершена поездка по губернии для ознакомления чинов городских и уездных полиций с порядком и способами собирания статистических данных. Приведены в порядок прежних лет дела Комитета, положено основание библиотеки сочинениями по части статистики, этнографии и географии, которых приобретено было уже 34 названия в 48 томах.

В особом докладе секретаря изложены подробно предположения о будущем устройстве метеорологических наблюдений на случай выхода из города Ставрополя 38-й пехотной дивизии. По этому докладу Комитет вошел чрез начальника губернии с представлением в Главное управление наместника кавказского об устройстве при вновь возводимом здании гимназии в городе Ставрополе метеорологической обсерватории. По этому делу действительный член, учитель математики при Ставропольской гимназии И.Ф. Краузе, по поручению Комитета, ездил нарочито в Тифлис и по возвращении подробно изложил в особом докладе, что он ознакомился с технической стороны с вопросом об устройстве обсерватории метеорологической и даже магнитной в городе Ставрополе при возводимом вновь здании гимназии и что при изучении наблюдений, производимых в Тифлисской метеорологическо-магнитной обсерватории, он имел в виду устройство метеорологических наблюдений при Ставропольском статистическом комитете, куда должны будут передаться и метеорологические инструменты из штаба 38-й пехотной дивизии. Из доклада члена Краузе видно, что он входил по порученному ему предмету в сношение с директором Тифлисской магнитной обсерватории Морицом и, живя в самой обсерватории с 14 января по 18 февраля, имел достаточно времени подробно изучить как самое устройство магнитной обсерватории, так и производимые в ней наблюдения. План устройства магнитно-метеорологической обсерватории по проекту директора Морица при вновь возводимом здании Ставропольской гимназии был одобрен бароном А.П. Николаи и передан для выполнения производившему постройку гимназии полковнику Шелеховскому. К сожалению, устройство проектированной обсерватории не осуществилось, хотя в интересах науки и учащегося в гимназии юношества она была бы весьма полезна. Теперь при Ставропольской гимназии производятся одни только метеорологические наблюдения на скудные средства Комитета, издерживающего ежегодно на гонорар наблюдателю по 100 рублей, хотя метеорологическая станция при гимназии, как учебное пособие, легко могла бы быть содержима на

специальные средства самой гимназии. Статистический комитет на метеорологические наблюдения во все время их производства израсходовал более 2 тысяч рублей — расход, для остальных Комитетов в Империи неизвестный и необязательный.

В заседании 2 ноября 1866 года Статистический комитет принял на свои средства и другой необязательный расход — воспособление общественной библиотеке в количестве 200 рублей за помещение в ней шкафа с книгами Комитета. Уплачивая такое пособие общественной библиотеке в продолжение 10 лет, Комитет затратил 2000 рублей и тем обессилил свои собственные средства.

В том же заседании, по инициативе члена-секретаря господина Соколова, проектированы были съезды секретарей Статистических комитетов Северного Кавказа в видах обсуждения лучших способов собирания и обработки цифровых данных и направления к единству статистических работ; мысль, заслуживающая серьезного внимания, не была, однако же, осуществлена.

Вообще в 1866 году деятельность Статистического комитета, *душою* которого, по меткому выражению министра графа Ланского, был секретарь П.П. Соколов, выразилась плодотворно: приглашено в действительные члены 31 лицо, дана инструкция полицейским управлениям для собирания статистических сведений ко всеподданнейшим отчетам о состоянии губернии, собрано много статистических, этнографических и исторических материалов для описания губернии и утверждена Комитетом программа «Памятной книжки» на 1867 год.

К сожалению, 17 января этого года Павел Петрович Соколов перешел на службу по Министерству юстиции[7], передав должность секретаря начальнику телеграфной станции поручику *В.Н. Тресковскому*, который 7 мая сдал дела Комитета губернскому секретарю Клименко. Тот ровно чрез месяц передал должность секретаря старшему чиновнику особых поручений *Лампадчикову*, от которого 7 августа 1867 года принял ее коллежский асессор *Черноярский*, бывший редактор Эриванского статистического комитета.

Первое заседание Комитета при новом секретаре состоялось 8 сентября 1867 года под председательством нового губернатора *Георгия Константиновича Властова*, вступившего в управление губерниею только 31 мая, но давно уже знакомого с ней и с большинством членов Комитета по прежней службе его в должности вице-губернатора. С этого именно времени и начинается период действительной деятельности Статистического комитета, благодаря тому счастливому случаю, что его председатель, сам занимаясь ученою литературою, сумел привлечь к ней и других членов; словом, сумел дать толчок деятельности Комитета, выразившийся в издании ряда его трудов.

Первый выпуск сборника статистических сведений о Ставропольской губернии под редакцией секретаря и старшего чиновника особых поручений Черноярского вышел в свет в 1868 году. Затем под его же редакцией изданы 3 выпуска сборника таких же сведений в 1869, 1870 и 1871 годах.

За назначением Н.Н. Черноярского на должность главного пристава кочующих народов, в заседании Комитета 16 ноября избрание секретаря, ввиду имевшейся конкуренции, было предоставлено баллотировке, и большинством голосов избран я.

Ознакомившись ближе с делами и предшествовавшей деятельностью Комитета, я окончательно убедился в неустройстве источников нашей статистики вообще, и в особенности административной статистики. Поэтому в первом же заседании Комитета, состоявшемся 28 января 1872 года, я обратил внимание членов на настоятельную потребность улучшения этой части и, прежде всего, на улучшение статистики населения. По моему мнению, главным основанием к такому улучшению следовало принять список населенных мест и специальную карту губернии, которых тогда в Статистическом комитете не было. Карты Северного Кавказа, давно изданные, при всех картографических достоинствах, не показывали распределения частного и общинного землевладения, что было весьма важно и необходимо для будущих статистических исследований. Раз коснувшись улучшения источников статистики населения — предмета, составляющего прямую задачу Комитета, — я не мог не коснуться производства однодневной переписи населения города Ставрополя. Комитет одобрил все мои предположения.

Весь 1872 год прошел в собирании сведений для составления списка населенных мест в губернии, а 17 декабря произведена однодневная перепись города Ставрополя. Поэтому V выпуск «Сборника статистических сведений о Ставропольской губернии» мог выйти в свет не раньше 1873 года. Затем этот год был посвящен на поверку сведений, собранных для списка населенных мест и составление оригинала статистической карты Ставропольской губернии в масштабе 10 верст в английском дюйме. Оба эти издания (список населенных мест и карта) вышли в свет в 1874 году. В этом же году введено по волостям подворное и поименное собирание сведений о результатах урожая хлебов и числительности скотоводства, а в следующем — основанием исчисления населения приняты посемейные списки, заведенные для отбывания воинской повинности на новых началах, причем самый труд собирания статистических сведений разделен между уездной полицией и волостными правлениями, что, значительно облегчая собирание статистического материала, не могло не влиять на его точность.

VII выпуск «Сборника статистических сведений о Ставропольской губернии» in IV издан Комитетом в 1876 году.

VIII выпуск — «Обозрение 27-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества по учебному заведению Святой Александры» в 1877 году in IV.

IX выпуск — «Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии» в 1881 году in IV.

X выпуск — «Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии» с приложением дорожной карты вышел в свет в 1883 году.

Независимо этого, Статистический комитет издал в 1881 году «Flora Stavropolensis. Enumeratio plantarum prope Stavropol sponte nascentium. Auctore A.P. Normann» и «Табель домов и дворовых мест в городе Ставрополе», составленную городскою полициею в порядке новой нумерации, на основании циркуляра и инструкции министерства внутренних дел 4 мая 1877 года № 297, а в 1882 году — «Историко-статистическое описание села Пелагиады в Ставропольской губернии» Я. Евсеева.

Таким образом, в течение 15 лет Статистический комитет издал 12 выпусков трудов своих членов и 2 — посторонних лиц.

Но этими трудами деятельность Статистического комитета далеко не ограничивается. За неимением средств на издание отдельных выпусков, много статей историко-статистического и этнографического содержания, по сравнительной статистике Ставропольской губернии с другими губерниями и целые монографии с 1875 года помещались в местных «Губернских ведомостях».

Двадцатипятилетнее существование Ставропольского комитета, как положительно доказывает настоящий обзор, распадается на два совершенно различных периода. Первый десятилетний (с 1858 по 1868 годы), можно сказать, был периодом добрых, но бесплодных начинаний, благодаря времени, историческим судьбам нашего края и тогдашнему еще слишком молодому состоянию отечественной статистики как науки, в котором только и могли выработаться такие широкие к ней требования, как ежегодное составление 77 таблиц и подобные условия, чтобы лицо, на которое возлагалось выполнение столь важных трудов, ни в каком случае не считалось в государственной службе.

Для ближайшего ознакомления с деятельностью Статистического комитета за последние 15 лет и ввиду того, что некоторые его издания и теперь уже составляют библиографическую редкость, считаем нелишним привести перечень статей, помещенных в десяти выпусках трудов Комитета и в «Ставропольских губернских ведомостях». «Можно относиться критически к заключающемуся в них статистическому материалу; можно упрекнуть редакцию в смешении с статистикой таких статей, которых место в этнографических и исторических сборниках или же в справочных книгах и календарях; но, во всяком случае, следует согласиться, что Ставропольская губерния, благодаря трудам Комитета, почата уже статистическими исследованиями».[8]

Каталог монографий, историко-статистических и этнографических статей, статистических таблиц и разных справочных сведений, помещенных в изданиях Ставропольского статистического комитета членами оного и в местных «Губернских ведомостях»

I. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Выпуск 1, издан под редакцией члена-секретаря Комитета Н.Н. Черноярского. 1868 года in 8-е, стр. 155+174+59.

Отдел I.

1) Сведения о городе Ставрополе. Действительного члена Н.И. *Скаковского.*

2) Кизлярский Крестовоздвиженский монастырь. Непременного члена Ф.Х. *Фон-Вольфрама.*

3) Историко-статистический обзор духовно-учебных заведений Северного Кавказа. Действительного члена *Н.А. Цареградского.*

4) Табачная промышленность на Кавказе. Непременного члена *В.Г. Терещенко.*

5) Отрывки из записок о калмыках. Непременного члена *П.З. Ланко.*

6) Жилище и пища калмыков Большедербетского улуса. Действительного члена *И.В. Бентковского.*

7) Воды и степи Большедербетского улуса. *Его же.*

8) О коневодстве в Большедербетском улусе. *Его же.*

9) Описание села Журавки священника *Д. Гремяченского.*

10) Описание села Благодарного священника *В. Белоградского.*

11) Описание села Кривого священника *В. Альшанского.*

12) Описание села Александровки священника *Гр. Нигриева.*

13) Описание села Безопасного священника *Г. Ильинского.*

Отдел II.

14) Общие выводы из статистических таблиц о Ставропольской губернии *Н.Н. Черноярского.*

15) О числе жителей в Ставропольской губернии по сословиям в 1866 году.

16) О числе жителей по вероисповеданиям.
17) О числе родившихся в городах и уездах по вероисповеданиям.
18) О числе умерших по вероисповеданиям.
19) О числе умерших по возрастам.
20) О числе браков по вероисповеданиям.
21) О числе зданий.
22) О числе церквей.
23) О скотоводстве в городах и уездах.
24) О числе фабрик и заводов.
25) О числе ремесленников и мастеровых.
26) О торговых свидетельствах.
27) Подробное описание фабрик и заводов в губернии.
28) Ведомость о посеве и урожае хлебов и трав.
29) Ведомость о посеве и урожае картофеля.
30) Ведомость о состоянии хлебных магазинов.
31) Ведомость о состоянии продовольственного капитала.
32) Ведомость о справочных ценах на хлебные продукты в губернии.
33) Сведения об учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения.
34) Училище Святой Александры.
35) О преобразовании училища Святой Александры.

Отдел III.
36) Указатель важнейших для Ставропольской губернии событий.
37) Расстояние от города Ставрополя до главнейших городов Империи.
38) Указатель расстоянии почтовых станций в губернии.
39) О времени прихода и приема почт в губернии.
40) О движении почтовых экипажей.
41) Телеграфный тариф внутренней корреспонденции главнейших пунктов Империи.
42) Главнейшие правила телеграфной корреспонденции.
43) О ярмарках в Ставропольской губернии.
44) О ценах на довольствие в городе Ставрополе.
45) Личный состав Ставропольского статистического комитета в 1867 году.

II. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Выпуск II, под редакциею Н.Н. Черноярского. 1879 год in 8-е, стр. 181+97+129.

Отдел I.
1) Климат Пятигорска. Почетного члена доктора *С.А. Смирнова.*
2) Историко-статистические сведения о селе Безопасном. Действительного члена *И.В. Бентковского.*
3) Историко-статистический обзор духовно-учебных заведений Северного Кавказа (статья вторая). Действительного члена *Цареградского.*
4) Очерк 3-го мирового участка Ставропольского уезда в топографическом, сельскохозяйственном и промышленном отношении. Действительного члена *И.В. Бентковского.*
5) Винокуренные заводы на Северном Кавказе. Непременного члена *В.Г. Терещенко.*
6) Одежда калмыков Большедербетского улуса. Действительного члена *И.В. Бентковского.*
7) Женщина-калмычка Большедербетского улуса в физическом, религиозном и социальном отношении. *Его же.*
8) О табачных семенах. Действительного члена *Л.Л. Скаковского.*
9) О поимке и бегстве Пугачева.
10) Трухмяне, кочующие в Ставропольской губернии.

Отдел II.
11) Описание сельских поселений Ставропольской губернии.
12) Таблицы главнейших показаний по Ставропольскому уезду.
13) Оседлые поселения инородцев Ставропольской губернии.

Отдел III.
14) Хронологический указатель достопримечательнейших событий и важнейших постановлений правительства в Ставропольской губернии и вообще на Северном Кавказе.

15) Список землевладельцев Ставропольской губернии с показанием количества владеемых ими земель, населенных и пустопорожних.

16) Список лесных дач казенного управления в губернии.

17) Ведомость о распределении селений государственных имуществ, крестьян собственников, временно-обязанных и населенных местностей частных лиц между вновь образованными мировыми по крестьянским делам участками Ставропольской губернии.

18) Расписание участков судебных следователей ведомства Ставропольского окружного суда.

19) Распределение округов мировых судей в Ставропольской губернии.

20) Роспись вознаграждений, определенных особым о земских повинностях присутствием, судебному приставу при Ставропольском мировом съезде за исполнение им особых судебных действий.

21) Высочайше утвержденное положение о городских общественных банках.

22) Высочайше утвержденный 26 августа 1868 года устав Ставропольского женского училища 1-го разряда.

23) Список городам, для которых с июня 1868 года понижен тариф за передачу депеш от Ставрополя.

24) Личный состав Ставропольского статистического комитета.

III. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Выпуск III, под редакциею Н.Н. Черноярского. 1870 год in 8-е, стр. 95+156+165.

Отдел I.

1) Историко-статистические сведения о городе Ставрополе. Действительного члена *И.В. Бентковского.*

2) Очерк заселения свободных земель Пятигорского уезда. Л..

3) Очерк 3-го мирового участка Ставропольского уезда в топографическом, сельскохозяйственном и промышленном отношении (окончание). Действительного члена *И.В. Бентковского.*

4) О способах водоснабжения в трухмянских степях. Действительного члена *Л. Фостикова.*

5) Женщина-калмычка Большедербетского улуса (окончание). Действительного члена *И.В. Бентковского.*

Отдел II.

6) Народонаселение губернии.

7) Состояние хлебных запасов в селениях Ставропольской губернии.

8) Доходы и расходы городов Ставропольской губернии.

9) Сведения о привозе и продаже товаров на ярмарках, существующих в Ставропольской губернии.

10) Сведения о купцах, ведущих торговлю и промысловые обороты в Ставропольской губернии, по гильдейским свидетельствам.

11) Денежные операции Ставропольского общественного банка.

12) Учебные заведения в Ставропольской губернии.

13) О Ставропольском женском училище Святой Александры.

14) О Ставропольском женском училище 1-го разряда.

15) Пятигорская женская бесплатная школа.

16) О состоянии Ставропольской общественной библиотеки.

17) О сети кавказских железных дорог. Действительного члена *И.В. Бентковского.*

18) Сведения о количестве спирта, привезенного на Кавказ из Ростова в 1867 и 1868 годах, и о количестве привозимого табаку.

19) О количестве разного рода товаров, привозимых в Ставрополь.

20) О количестве привозимой соли с Джалгинского и Можарского озер.

21) О количестве отправления разного рода товаров из Ставропольской губернии.

22) Об этапной повинности в Ставропольской губернии.

23) О числе воинских команд, проследовавших в 1869 году чрез город Ставрополь.

24) О стоимости почтовых станций на Кавказе.

25) О прибывающих в Ставропольскую губернию рабочих из внутренних губерний.

Отдел III.

26) Материалы для истории Северного Кавказа.

27) Библиографический указатель книг и статей, относящихся к статистике, истории и этнографии Северного Кавказа.

28) Калмыцкий календарь на 1870 год. Действительного члена *И.В. Бентковского.*

29) Личный состав Ставропольского статистического комитета.

IV. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Выпуск IV. Под редакциею члена-секретаря комитета Н. Черноярского. 1871 год in VIII, стр. 83+133+105.

Отдел I.

1) Историко-статистические сведения о городе Моздоке. Действительного члена *И.В. Бентковского.*

2) Значение кавказских минеральных вод в смысле государственном и экономическом. Почетного члена доктора *С.А. Смирнова.*

3) Описание владельческих земель на реках Большой и Малой Кугульте, с таблицею и картою земель. Действительного члена *И.В. Бентковского.*

Отдел II.

4) Население Ставропольской губернии по сословиям за 1870 год.

5) Население Ставропольской губернии по вероисповеданиям.

6) Движение населения.

7) О числе раскольников.

8) Об устройстве отставных нижних чинов.

9) О числе зданий.

10) О посеве и урожае хлебов.

11) О скотоводстве.

12) О фабриках и заводах.

13) О числе учебных заведений и учащихся.

14) О числе и роде преступлений.

15) О насильственных и случайных смертях.

16) О пожарах.

17) Расписание поселений государственных крестьян Ставропольской губернии по уездам, станам и волостям с показанием наличного населения и количества земли.

18) Расписание населенных и пустопорожних земель, принадлежащих землевладельцам Ставропольской губернии, по уездам и станам.

19) Общее расписание количества удобных земель в Ставропольской губернии.

20) Статистические сведения о бывших станицах Кубанского и Терского войска, присоединенных к Ставропольской губернии в ведомство государственных крестьян.

21) Сведения о хуторах в предместьях города Ставрополя.

Отдел III.

22) Калмыцкий календарь на 1871 год. Действительного члена *И.В. Бентковского.*

23) Каталог библиотеки Статистического комитета.

24) Устав Женского благотворительного общества Святой Александры.

25) Новое расписание судебных мировых участков в Ставропольской губернии.

26) Новое расписание судебных следователей.

27) Расписание судебных мировых участков Терской области.

28) Расписание судебных следователей.

29) Расписание мировых участков Кубанской области.

30) Расписание судебных следователей.

31) Расписание станций, числа лошадей и верст в пределах Северного Кавказа.

32) Личный состав Статистического комитета.

V. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Выпуск V, под редакциею члена-секретаря комитета И.В. Бентковского. 1873 год. in 8-е, стр. 27+231+38.

Отдел I.

1) Положение, геология, почва и климат на железных источниках при Кавказских Минеральных Водах. Доктора медицины *М. Милютина.*

2) Кирпично-кафельный завод Крупинского в Ставрополе. *И.К.*

Отдел II.

3) Отчет о состоянии народных училищ в Ставропольской губернии. *С. Грушевского.*

4) Судебно-статистические сведения по Ставропольской губернии за время 1868—1871 гг. *Е. Буницкого.*

5) Отчет совета Ставропольского женского благотворительного общества по училищу Святой Александры за $187^{2}/_{3}$ академический год.

6) Отчет попечительного совета о состоянии Ставропольской женской гимназии в учебно-нравственном и хозяйственном отношениях за $187^{2}/_{3}$ академический год.

7) Отчет по Ставропольской гимназии за $187^{2}/_{3}$ академический год. Инспектора гимназии *А. Лилова.*

8) Ведомость о посеве и урожае хлебов в 1871 году.
9) О фабриках и заводах.
10) О движении населения.
11) О поступлении сборов.
12) О распределении недоимок.
13) О числе и роде преступлений.
14) О пожарах.
15) О насильственных и случайных смертях.
16) О числе учебных заведений и учащихся.

Отдел III.
17) Калмыцкий календарь на 1873 год действительного члена *И.В. Бентковского.*
18) Дополнительный каталог Статистического комитета.
19) Свод метеорологических наблюдений в городе Ставрополе с 1-го декабря 1862 года по 1-е декабря 1872 года.
20) Личный состав Статистического комитета.

VI. Список населенных мест Ставропольской губернии по сведениям 1873 года. Выпуск VI, составлен членом-секретарем Статистического комитета И.В. Бентковским. 1874 год, in IV, стр. 158.

Содержание списка.
1) Название населенных мест. Положение. Расстояние от губернского города или уездного полицейского управления. Число дворов. Число жителей. Народность жителей. Вероисповедание жителей. Церкви и молитвенные здания; учебные и благотворительные заведения; почтовые станции; ярмарки, базары, фабрики и заводы и т.п.
2) Список распределения населенных мест и народонаселения в полицейском отношении и на волости с показанием расстоянии от административных, мировых и судебных центров.
3) Список населенных мест, расположенных по системам рек, с показанием числа жителей и вододействующих мельниц.
Таблицы.
4) Распределение населения губернии по трем главным группам.
5) Распределение населения в полицейском отношении.
6) Распределение населения на судебно-следственные участки.
7) Распределение населенных мест губернии по их различным наименованиям.
8) Распределение дворов по населенным местам различных наименований.
9) Распределение населенных мест по числу считающихся в них жителей.
10) Распределение населенных мест по числу считающихся в них дворов.
11) Распределение народонаселения по населенным местам различных наименований.
12) Распределение народонаселения по сословиям, с показанием в %.
13) Распределение народонаселения по вероисповеданиям, с показанием в %.
14) Распределение народонаселения по народностям, с показанием в %.
15) Распределение грамотных по народностям, с показанием в %.
16) Таблица высот, определенных барометрически в разных пунктах губернии.
17) Список населенных мест губернии, географическое положение которых и абсолютная высота над уровнем Черного моря определены триангуляциею Северного Кавказа в 1860, 1861, 1862, 1863 и 1864 годах.
18) Список населенных мест и курганов, которых только географическое положение определено триангуляциею Северного Кавказа.
19) Горы, курганы и ненаселенные пункты, которых географическое положение и абсолютная высота над уровнем Черного моря определены триангуляциею.
20) Хронологический список главнейших населенных мест губернии.
21) Алфавитный указатель населенных мест.

VII. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Выпуск VII. Составлен членом-секретарем комитета И.В. Бентковским. 1876 год, in IV, стр. 189.

Оглавление.
Географическое положение, границы и пространство Ставропольской губернии. Орографический обзор. Географический обзор. Соляные озера, с приложением карты Джалгинского озера. Гидрографический обзор. Реки Азовского бассейна. Реки Каспийского бассейна. Пресноводные озера. Климат, с приложением таблицы дождей в городе Ставрополе с 1870 по 1875 годы. Почва и ее производительность. Леса. Растения медицинские. Хлебные и масличные растения. Посев и урожай хлеба в 1874

году. Обработка полей. Табунное коневодство. Домашнее коневодство. Скотоводство. Овцеводство. Свиньи и верблюды. Историко-статистические сведения о виноделии. Ставропольская скотопромышленность на Московском и Петербургском рынках. *Действительного члена И.В. Бентковского.*

Калмыцкий календарь на 1875 год. О калмыцком летосчислении. Объяснение калмыцких праздников. Хронологический указатель исторических сведений о калмыках. *И.В. Бентковского.*

Отчет о состоянии Ставропольской общественной библиотеки за 1872 и 1873 годы.

Летопись Ставропольской метеорологической станции за 1871 год.

VIII. Обозрение 27-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества по учебному заведению Святой Александры, с приложением фотографического портрета основательницы общества светлейшей княгиня Елисаветы Ксавериевны Воронцовой, фотографического вида здания учебного заведения Святой Александры и плана. Выпуск VIII in IV, стр. 233, 1876 года. Составил член-секретарь Комитета И.В. Бентковский.

IX. Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии. Составил член-секретарь комитета И.В. Бентковский. Выпуск IX 1881 года in IV, стр. 46+110+26+22+18+15.

Оглавление.

Несколько слов о населенных местах и поземельной собственности в Ставропольской губернии.

Кочующие народы в Ставропольской губернии.

Сводная таблица о населении губернии по данным 1880 года.

Сводная таблица населенных мест в губернии по категориям, с показанием общего числа жилых строений и с подразделением их по материалам более или менее огнеупорным.

Сводная таблица населенных мест по их категориям и с распределением жилых строений по главным кровельным материалам.

Список важнейших селений, имеющих более 500 дворов.

Сводная таблица общего количества поземельной собственности с распределением по главным категориям владения.

Сводная таблица земель в частной личной собственности с распределением владельцев по размерам владении в десятинах.

Сводная таблица личной поземельной собственности с распределением количества земель в десятинах по сословиям владельцев.

Сводная таблица владельцев по сословиям, имеющих в личной собственности 200 десятин и более.

Таблица распределения земельных наделов на ревизские и наличные души в дачах общинного владения.

Таблица, показывающая в крестьянских наделах общинного землевладения процентные отношения неудобных земель к общему пространству сельских дач.

Список населенных мест. Города, уезды: Ставропольский, Александровский, Новогригорьевский и Медвеженский.

Ведомство главного пристава кочующих народов. Большедербетский улус. Приставства: Трухмянское, Ачикулак-Джембулуковское и Караногайское.

Регистрация поземельной собственности в городах и уездах. Земли казенные. Земли общинного владения. Земли церковные и монастырские. Земли частного владения. Земли удельного ведомства.

X. Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии с приложением дорожной карты, Выпуск X, in 16, 1883 года, стр. 452. Составил член-секретарь И.В. Бентковский.

Населенные места: города, селения, слободы, деревни, колонии поставлены в алфавитном порядке, с показанием географического положения, времени основания, числа жителей, торгово-промышленных заведений, земельного надела, скотоводства и с описанием путей сообщения до ближайших селений, а приложенная к путеводителю карта дает возможность каждому составить маршрут по желаемому направлению и ознакомиться с предстоящим ему путем.

XI. Статистическая карта Ставропольской губернии в масштабе 10 верст в английском дюйме, или в $^{1}/_{420000}$ настоящей величины, составленная по сведениям 1874 года членом-секретарем комитета И.В. Бентковским.

Та же карта, показывающая распределение земель по правам владения.

Та же карта этнографического распределения населения.

XII. Табель домов и дворовых мест в городе Ставрополе, составленная городскою полицию в порядке новой нумерации, на основании циркуляра и инструкции Министерства внутренних дел от 4 мая 1877 года № 297. — Редактировал член-секретарь И.В. Бентковский. — Издания 1881 in IV, стр. 208.

Сверх того, в «Ставропольских губернских ведомостях» помещены следующие статьи члена-секретаря комитета И.В. Бентковского.

1. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа.

а) Дела наши на Северном Кавказе от построения крепости Терки до персидского похода Петра I в 1722 году. «Ставропольские губернские ведомости» 1875 года № 43, 44, 45 и 46.

б) Дела наши на Северном Кавказе от высадки Петра I в Астрахани до основания крепости Кизляра с 1722 по 1735 год. «Ставропольские губернские ведомости», 1875 год, № 47 и 1876 год, № 29.

в) Дела на Северном Кавказе от основания крепости в урочище Кизляр до построения укрепления Моздок с 1735 до 1765 год. «Ставропольские губернские ведомости», 1876 год, № 30.

г) Дела наши на Северном Кавказе от построения укрепления Моздок до учреждения Кавказского наместничества с 1765 по 1785 год. «Ставропольские губернские ведомости»,1876 год, № № 31, 32 и 33.

д) Наша колонизация на Северном Кавказе до учреждения и открытия Кавказской губернии с 1785 года. «Ставропольские губернские ведомости», 1878 год, № 34.

е) Движение гражданской колонизации со времени открытия Кавказской губернии до перевода губернских присутственных мест из Екатериноград в Георгиевск в 1804 году. «Ставропольские губернские ведомости», 1876 год, № № 35 и 37.

з) Частное землевладение и колонизация на Северном Кавказе до 1804 года. «Ставропольские губернские ведомости», № 41, 1876 год.

ж) Моздокские крещеные осетины и черкесы, так называемые *«казачьи братья»*. «Ставропольские губернские ведомости», 1880 г. № № 3, 4, 5 и 6.

и) Бабуковцы. «Ставропольские губернские ведомости», 1879 год, № № 50 и 51.

и) Моздокские так называемые *«крещеные калмыки»*. «Ставропольские губернские ведомости», 1880 год, № № 35, 38 и 42.

2. Заштатный город Святого Креста (Карабаглы). Монография. «Ставропольские губернские ведомости», 1878 год, № № 44, 47, 48, 49, 50 и 51.

3. Колонизация низовья Кубани. «Ставропольские губернские ведомости», 1879 год, № 6.

4. Материалы для истории образования бывшего Кавказского линейного казачьего войска, ныне Терского. «Ставропольские губернские ведомости», 1880 год, № 2.

5. Материалы для истории Кавказского линейного войска, «Ставропольские губернские ведомости», 1880 год, № 34.

6. Ставропольская старина — Суворов встречает 1779 год в Ставропольской крепости, с приложением современного плана крепости. «Ставропольские губернские ведомости», 1879 год, № 1.

7. Ставропольская старина времен основания крепости. «Ставропольские губернские ведомости», 1879 год, № 3.

8. Население города Ставрополя в 1811 году. «Ставропольские губернские ведомости», 1879 год, № 22.

9. Леса в пределах Кавказской, ныне Ставропольской, губернии. «Ставропольские губернские ведомости», 1876 год, № 1 и 2.

10. Местный строительный камень и первый каменный дом в Ставрополе. «Ставропольские губернские ведомости», 1876 год, № 3 и 4.

11. Открытие в Ставрополе первых присутственных мест. «Ставропольские губернские ведомости», 1876 год, № 5.

12. Ставрополь с открытия Магистрата 15 февраля 1785 года до учреждения шестигласной Думы 18 января 1808 года. «Ставропольские губернские ведомости», 1876 год, № 7, 9, 10, 11, 12, 17 и 18.

13. Первое приходское училище в Ставрополе. «Ставропольские губернские ведомости», 1876 год, № 13.

14. Вторичное открытие Кавказской губернии. «Ставропольские губернские ведомости», 1876 год, № 27 и 28.

15. По поводу столетнего юбилея дня рождения Александра I. Материал для истории края. «Ставропольские губернские ведомости», 1878 год, № 1.

16. Однодневная перепись города Ставрополя 17 декабря 1872 года. «Ставропольские губернские ведомости», 1873 год, № 19 и 53, 1874 год, № 1 и 2, и 1875 год, № 5.

17. Статистика пожаров в Ставропольской губернии. «Ставропольские губернские ведомости», 1876 год, № 44.

18. Статистика преступлений в Ставропольской губернии. «Ставропольские губернские ведомости», 1876 год, № 45, 46 и 47.

19. Статистика насильственных смертей с 1871 по 1876 год. «Ставропольские губернские ведомости», 1876 год, № 49.

20 Сравнительный обзор экономического состояния Ставропольской и Астраханской губернии по сведениям 1873 года. «Ставропольские губернские ведомости», 1876 год, № 50.

21. Сравнительный обзор Ставропольской губернии с Казанскою по сведениям 1876 года. «Ставропольские губернские ведомости», 1876 год, № 50.

22. Сравнительный обзор Ставропольской губернии и Подольской по сведениям 1874 года. «Ставропольские губернские ведомости», 1878 год, № 28.

23. Сравнительный обзор земледельческой деятельности Ставропольской губернии с Харьковского по сведениям 1876 года. «Ставропольские губернские ведомости», 1878 года, № 31.

24. Обзор ставропольских конских скачек на императорские призы. «Ставропольские губернские ведомости», 1877 год, № № 41, 42, 43, 44.

25. Уголовная статистика. Народная нравственность в Ставропольской губернии в 1871—1878 годы. «Ставропольские губернские ведомости», 1878 год, № № 33, 34 и 36.

26. Наши кочевники и их экономическое состояние. «Ставропольские губернские ведомости», 1879 год, № № 32, 34 и 35.

27. Материалы для статистики народных бедствий. Пожары и градобития. «Ставропольские губернские ведомости», 1874 год, № 24 и 25.

28. Статистика движения дел у мировых судей и в мировых съездах Ставропольского судебного мирового округа в период с 1874 по 1878 год. «Ставропольские губернские ведомости», 1878 год, № 8 и 26.

29. Беглый обзор развития экономического состояния Ставропольской губернии в царствование Императора Александра II. «Ставропольские губернские ведомости», 1880 год, № 8, 9 и 10.

30. Кустарные промыслы в Ставропольской губернии. «Ставропольские губернские ведомости», 1878 год, № 15, 16 и 17.

31. О значении хуторов в крестьянском хозяйстве Ставропольской губернии. «Ставропольские губернские ведомости», 1878 год, № 18, 19, 2О, 22 и 23.

32. Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии. «Ставропольские губернские ведомости», 1878 год, № № 6, 7, 8, 9, 10, 11, 11, 12 и 1879 год, № 15, 16, 17 и 18.

33. Несколько слов о причинах упадка шелководства в бывшей Кавказской губернии. «Ставропольские губернские ведомости», 1878 год, № 3 и 4.

34. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. «Ставропольские губернские ведомости», 1882 год, № №29, 30, 31 и 32, и 1883 год № № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 11.

Статьи действительного члена комитета А.В. Архангельского.

1. Начальные школы в приставских ставках у кочевых племен Ставропольской губернии. «Ставропольские губернские ведомости», 1877 год, № № 3, 9, 10, 11 и 12.

2. О грабежах и разбоях в Ставропольской губернии. (Материалы для исследования причин, вызывающих эти преступления, и условий, способствующих совершению их в Ставропольской губернии, а также рациональных способов для успешной борьбы с ними). «Ставропольские губернские ведомости», 1878 год, № 52, и 1879 год, № № 1, 2, 4 и 5.

3. Народные юридические обычаи у кочевых мусульман Ставропольской губернии. «Ставропольские губернские ведомости», 1879 год, № № 10, 11,12, 13 и 14.

Список ученых обществ, с которыми Ставропольский губернский статистический комитет находится в сношении по взаимному обмену изданий.

1. Императорское русское географическое общество.
2. Императорское вольное экономическое общество.
3. Императорское кавказское медицинское общество.
4. Кавказский отдел Императорского русского географического общества.
5. Кавказский отдел Императорского технического общества.
6. Кавказское общество сельского хозяйства.
7. Кавказское общество истории и археологии.
8. Новороссийское общество естествоиспытателей.
9. Киевское общество естествоиспытателей.
10. Кавказские епархиальные ведомости.

Сверх того, Ставропольский статистический комитет получает издания Центрального статистического комитета при Министерстве внутренних дел, летописи С.-Петербургской главной физической обсерватории и обменивается изданиями со всеми губернскими и областными статистическими комитетами в Империи.

Библиотека Статистического комитета.

По каталогу библиотеки, на 25 ноября 1883 года состоит 932 названия в числе 1763 книг по разным отраслям наук. Библиотека приведена в порядок по системе карточек и следующему распределению.

Отдел I. Статистика. Издания Центрального, губернских и областных статистических комитетов. Сочинения разных авторов по статистике, 460 книг.

Отдел II. Кавказоведение. Сочинения по статистике, географии, этнографии, истории, сельскому хозяйству, медицине, археографии, геологии и климатологии — 463 книги.

Отдел III. Общая география, история, путешествия 129 книг.

Отдел IV. Естественные и математические науки. Техника. Политико-экономия. Антропология. Археология. Смесь 286 книг.

Отдел V. Брошюры. Местные «Губернские ведомости». Годовые отчеты о состоянии Ставропольской и других губерний 283 книги.

Сочинения на французском и немецком языках 85 книг.

Атласы, карты и планы 57 №.

Метеорологическая станция Статистического комитета.

1. Барометр Брюкера № 23 миллим. попр. = + 0,2 m. m.
2. Термометр по Цельсию, попр. = + 0,2 ° Ц.
3. Психрометр, состоящий из:

а) Термометра сухого Гейслера № 50 сантим. попр. = + 0,4 ef.

б) Термометра смоченного Гейслера № 51 сантим. попр. = + 0,0 ef.

4. Дождемер двойной № $^{45}/_{46}$ с двумя мерительными склянками в миллиметрах.
5. Флюгер маленький из цинка и к нему шест.

Личный состав Ставропольского губернского статистического комитета на 25 ноября 1883 года.

Председатель — ставропольский губернатор, действительный статский советник Карл Львович *Зиссерман.*

Помощник председателя. Вакансия.

Почетные члены.

1) Преосвященный *Герман*, епископ Кавказский и Екатеринодарский. С 23 апреля 1873 года.

2) Действительный статский советник Николай Карлович *Зейдлиц.* С 7 декабря 1873 года.

3) Доктор медицины, действительный статский советник Семен Алексеевич *Смирнов*. С 6 марта 1868 года.

4) Генерал-майор Иероним Иванович *Стебницкий*. С 7 декабря 1873 года.

Непременные члены.

На основании § 6 Высочайше утвержденного 26 декабря 1860 года Положения о Статистическом комитете.

1) Губернский предводитель дворянства, генерал-лейтенант Иван Диомидович *Попко*.

2) Председатель Ставропольского окружного суда Петр Яковлевич *Бусло*.

3) Вице-губернатор коллежский советник Александр Александрович *Высоцкий*.

4) Управляющий государственными имуществами действительный статский советник Карл Игнатьевич *Бучен*.

5) Управляющий казенною палатою действительный статский советник Михаил Андреевич *Перепелицын*.

6) Управляющий контрольною палатою действительный статский советник Николай Осипович *Ежевский*.

7) Управляющий акцизными сборами статский советник Сергей Александрович *Бутаков*.

8) Управляющий Ставропольским удельным имением статский советник Василий Васильевич *Коновалов*.

9) Начальник Ставропольского почтового управления титулярный советник Андрей Антонович *Погребной*.

10) Ставропольский городской голова Петр Васильевич *Розанов*.

11) Директор мужской гимназии, статский советник Василий Демьянович *Гнипов*.

12) Директор женских гимназий Ольгинской и Святой Александры Михаил Ромулович *Завадский*.

13) Директор народных училищ статский советник Павел Кириллович *Соколов*.

14) Губернский врач доктор медицины Станислав Викеньевич *Крушевский*.

15) Главный пристав кочующих народов полковник Алексей Александрович *Самойлов*.

16) Ставропольский полицмейстер подполковник Антон Антонович *Фиялковский*.

17) Член Кавказской духовной консистории протоиерей Василий *Розалиев*.

Действительные члены.

1) Член от правительства Распорядительного комитета по земским повинностям, статский советник Алексей Васильевич *Архангельский*. С 6 марта 1868 года.

2) Уездный предводитель дворянства Александр Иванович *Ахвердов*. На основании § 8 положения о Статистических комитетах.

3) Отставной сотник Иосиф Викентьевич *Бентковский*. Членом-корреспондентом с 1 ноября 1860 года. Действительным членом с 22 марта 1866 года. Секретарем комитета с 16 ноября 1871 года.

4) Член Окружного суда Леонид Иванович *Де-Сила*. С 26 января 1872 года.

5) Учитель математики Ставропольской гимназии статский советник Николай Иванович *Дислер*. С 7 декабря 1873 года.

6) Прокурор Ставропольского окружного суда Генрих Львович *Зиссерман*. С 23 апреля 1873 года.

7) Непременный член Приказа общественного призрения, коллежский асессор Василий Михайлович *Каптерман*. С 7 декабря 1873 года.

8) Окружной надзиратель акцизных сборов Михаил Александрович *Кудринский*. С 16 мая 1866 года.

9) Член Окружного суда Степан Петрович *Логиновский*. С 22 марта 1866 года.

10) Судебный следователь Григорий Андреевич *Перловский*. С 13 мая 1866 года.

11) Член Окружного суда Георгий Васильевич *Раевский-Буданов*. С 26 января 1872 года.

12) Врач больницы Приказа общественного призрения, коллежский советник Анатолий Николаевич *Трапп*. С 23 апреля 1873 года.

13) Инспектор Духовной семинарии, статский советник Николай Алексеевич *Цареградский*. С 13 мая 1856 года.

14) Доктор медицины, статский советник Юлий Федорович *Шульц*. С 26 октября 1866 года.

Примечания

1. Комната эта, и теперь занимаемая редакциею, по архитектурному плану предназначалась для передней комнаты...

2. «Взгляд на статистику в историческом и современном ее развитии и пр.» С.-Петербург, 1866 год, стр. 48.

3. Станицы и их земельные наделы включены по недоразумению, так как они принадлежали не гражданскому сословию, а казачьему и состояли в ведомстве военного начальства, следовательно, изучению Статистического комитета не подлежали.

4. Большедербетовский улус в том году только что был присоединен к Ставропольской губернии от Астраханской.

5. В то время статистическим отделом министерства заведовал член совета министра, известный статистик А. Тройницкий.

6. В этом отношении высказывается полнейшее недоразумение. Подразумеваемые здесь станицы, обращенные из крестьянского в казачье сословие в 1833 году, всецело были исключены из гражданского ведомства и подчинены казачьему начальству, которое тоже представляло свои годовые всеподданнейшие отчеты. При том же Кубанское и Терское казачьи войска составляли тогда, как и теперь, свои территории, совершенно отделенные от гражданской.

7. Ныне член Тифлисской судебной палаты.

8. Кавказский отдел Императорского географического общества с 1851 по 1876 годы. Тифлис, 1876 год, стр. 25, ст. Н.И. Воронова.

Текст и примечания печатаются по источнику:

Ставропольский губернский статистический комитет. Первое 25-летие с 1858 по 1883 годы. Доклад действительного члена-секретаря И.В. Бентковского. – Ставрополь: Типография Губернского правления, 1883. – Печатано по распоряжению господина председателя Статистического комитета.

КРЕПОСТНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В БЫВШЕЙ КАВКАЗСКОЙ, НЫНЕ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Крепостное население губернии, как, впрочем, и везде в России, обусловливалось частным землевладением лиц, имеющих право владеть крестьянами, какими могло быть только дворянство. Начало такому землевладению на Северном Кавказе положено Петром I, который в 1710 году повелел отвести карабахскому армянину Сафару Васильеву в Кизлярском урочище (припомним, что тогда Кизляра еще не было) близ казачьих городков землю под шелковичное заведение. На эту землю Сафар получил грамоту 13 марта 1718 году. Таким образом, первым землевладельцем на Северном Кавказе был армянин Сафар Васильев.

Вскоре после того в 1722 году гарнизон и жители города Терки были переведены в основанную Петром I крепость Святого Креста, и Сафар, бросив свой завод, переселился на реке Сулак; на прежнем же его месте в 1725 году образовалось поселение. Сафар умер на Сулаке в 1730 году. Когда же, спустя пять лет после его смерти, генерал-аншеф Девашев избрал Кизлярское урочище для основания крепости Кизляра, то и наследники Сафара начали хлопотать о возвращении им земли, отведенной в 1710 году под шелковичный завод. Права были им возвращены 17 сентября 1740 году, но земля отведена уже в другом месте, на левом берегу Терека, в 60 верстах от Кизляра, в количестве 648 десятин 2087 саженей.

Лука Ширванов, наследник Сафара, получив на эту землю в 1742 году грамоту Императрицы Елисаветы, продал ее генерал-майорше Хастатовой, которая поселила на ней 40 душ крестьян. Селение это названо тогда Сарафанниково (правильнее: Сафаранниково, от Сафары, а не от «сарафана»), в 1804 году имело 15 дворов русских крестьян, армян 61 двор, грузин 46 дворов и шелковичный завод.

В 1809 году по Высочайшему указу 2 июля, завод этот взят за долги в казну, население его, грузины и армяне, обращены в казаки и основали станицу Шелководскую, а русским крестьянам по числу 40 душ отведено по 15 десятин. Впоследствии им добавлено до 30 десятин на душу, а всего дано им в надел 1200 десятин.

Мы нарочито остановились на этих подробностях, желая заметить, что раздача земель в частное владение, начатая Петром Великим, почти приостановилась при его преемниках и как будто предоставлена была усмотрению местных начальников «у Кизляра», хотя такого полномочия в полном собрании законов не находим.

Во всяком случае, раздача земель в частное владение в то время, когда права наши на обладание Северным Кавказом долго еще колебались на острие меча, была делом глубоких политических соображений. Первые частные землевладельцы, как это увидим ниже, хотя и были не русского происхождения, тем не менее, люди, преданные России и верно служившие ее интересам, которых, следовательно, нужно было наградить и, так сказать, навсегда прикрепить к русскому знамени; а этого лучше и дешевле нельзя было достигнуть, как посредством раздачи земель в потомственное владение. Вытекающая отсюда общность интересов была лучшим проводником правительственной идеи и не могла не оказать благотворного влияния на дальнейший ход событий того времени, разумеется, в русских интересах. Вот почему обзор частного землевладения в связи с водворением на нем крепостного элемента будет далеко не лишнею страницею в истории распространения русского владычества и колонизации на Северном Кавказе.

Частное землевладение прошлого столетия можно подразделить на 4 категории.

I) На земли, пожалованные по именным Высочайшим указам, грамотам и рескриптам.

II) Земли, отведенные прежним начальством со времени основания города Кизляра и до открытия Кавказского наместничества.

III) Земли, розданные для заселения крестьянами на основании Высочайших рескриптов: а) 18 декабря 1782 года, коим дозволено раздавать земли на Моздокской линии всем желающим без различия рода и звания, о чем дан был указ генерал-поручику Кличке, и б) на основании именного указа 9 мая 1785 года, данного правящему должность генерал-губернатора Саратовского и Кавказского Потемкину.

и IV) Земли, условно розданные для разведения разных плантаций и скотоводства.

Земель всех этих категорий в прошлом столетии роздано было следующее количество.

а) От основания города Кизляра до открытия Кавказской губернии в 1735 по 1785 год.

1735 год	Полковнику князю Бекович-Черкасскому	4414 д.	1710 с.	Все эти земли в Кизлярском уезде отведены по распоряжению генерала Левашева.
	Грузинской службы капитану Захару Арешеву	6596	1296	
	Подполковнику Арслан-Бек Шейдякову	1072	1680	

1735 год	Дача отведенная Шандрукову	2076	1532	Все эти земли в Кизлярском уезде отведены по распоряжению генерала Левашева.
	Дача отведенная Тамаре Ширгилевой	25	—	
	Ногайцу прапорщику Атопову	4299	—	
	Разным грузинским дворянам	581	1886	
	Кавтарадзе и Сафарову	155	1274	
	Ходжаеву	27	2362	
		19249	1600	
1749 год	Грузинским дворянам Баратову Тулаеву, Кабахидзеву	197	1925	По распоряжению Кизлярской воеводской канцелярии
1751 год	Майору Мещерякову	100	51	По билету Геодезиста Щелкова
1757 год	Генерал-майору Ахвердову	320	2000	По распоряжению Кизлярской воеводской канцелярии.
1761 год	Армянину Серебрякову	47	1990	По распоряжению Кизлярской гражданской канцелярии.
1765 год	Генерал-прокурору князю Вяземскому	102483	475	По Высочайшему рескрипту 9 мая 1765 г.
	Кизлярскому Плац-майору Капитовскому	497	1252	По именному Высочайшему указу 9 мая 1765 г.
		102980	1727	
1767 год	Директору таможни Андрею Тарумову	2087	1200	По предписанию Астраханского губернатора Жукова.
1768 год	Грузинского общества разным дворянам	11014	350	По распоряжению Кизлярского коменданта генерал-майора Потапова.
	Татарского общества разным дворянам	1937	150	
		12951	500	
1772 год	Капитану Ивану Тарасову	49	840	По распоряжению Кизлярской гражданской канцелярии.
1778 год	Премьер Майору Конону Устинову	8260	710	По ордеру князя Потемкина на имя генерал-майора Якоби.
	Майору Савельеву (впоследствии генералу от кавалерии)	22038	482	
		30298	1192	
1779 год	Дворянину Аглинцову	6142	2370	
	Директору таможни Андрею Тарумову	14661	1869	
		20804	1839	
1780 год	Армянину Серебрякову	4423	34	По предписанию Астраханского губернатора Жукова.
1781 год	Грузинскому дворянину Евстафию Ростованову	12857	1468[1]	По предписанию генерал-майора Фабрициана.
1782 год	Армянину Гургену Арешеву	221	1845	По предписанию Астраханского губернатора Жукова.
1784 год	Греку Кирьякову	50	17	
	Всего до открытия губ. роздано	206642	1422	

б) От открытия Кавказской губернии и до освобождения крестьян из крепостной зависимости с 1785 по 1861 год.

1785 год	Генералу от кавалерии Горичу	1292	1300	Все земли розданы на основании общ. рескрипта 9 мая 1785 г. и за владельцами впоследствии утверж. Сенатом.
	Майору Комарскому	5123	1800	
	Князю Потемкину	29762	1904	
	Колежскому асессору Криворучкову	5343	15	
		41522	219	
1786 год	Греку Антону Тевтерову	73	1703	
	Генерал-прокурору князю Вяземскому	25666	1600	
	Поручику Федору Фостикову	1983	800	
	Подпоручику Жукову	2370	600	
	Генерал-майору Путлингу	6342	950	
		36436	853	
1788 год	Армянину Гургену Арешеву	4554	1014	За усердие в выделке шелка и разведение тутовых плантаций.
	Майору Страшнову	1484	792	Все земли розданы на основании общ. рескрипта 9 мая 1785 г. и за владельцами впоследствии утверж. Сенатом.
	Графу Александру Романовичу Воронцову	16761	1600	
1790 год	Надворному советнику Погляновскому	3339	800	
1792 год	Генералу от кавалерии Горичу	10931	640	
1794 год	Генерал-поручику князю Вяземскому	3348	1252	
	Дворянину Нинееву	68	1200	
	Майору Фон-Пекину	2584	69	
		6001	121	
1795 год	Полковнику Ребиндеру	6342	950	
1799 год	Подполковнику Мирза-Бек-Ваганову	4206	1005	
	Всех земель в прошлом стол. роздано	340197	2216	

Остановимся здесь на время, чтобы взглянуть на успехи крепостной колонизации Кавказской губернии в прошлом столетии. Единственный источник, из которого черпаем эти сведения, — «Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии» Равинского, С.-Петербург, 1809 год. К сожалению, Равинский, директор народных училищ в Астрахани и первый исследователь губернии в историческом и экономическом отношении, собиравший статистические сведения, а вероятно, и лично обозревший эти губернии раньше 1804 года, о крепостном заселении дает нам сведения не числом душ, а дворов. Вот его сведения.

В Кизлярском уезде: в селении Черный рынок у помещицы Всеволожской крепостных 50 дворов; при ее же рыбных промыслах: Кумском 7 дворов и в Раздолье 12. В деревне Серебряковой 22 двора, в деревне Аглинцева 9 дворов, в деревне Раздолье 22 двора, в деревне Аглинцева 9 дворов, в деревне Арешове 15 дворов, в новой деревне князя Бекович-Черкасскаго 30 дворов, в Тарумовке 19 дворов и в Сарафанникове — 15 дворов. Всех же дворов в этом уезде было 149, в числе которых 30 дворов князя Бековича были черкесы.

В Моздокском уезде: в деревне Александрии графа Безбородки 23 двора и деревне Ростовановке 30, всех 53 двора.

В Георгиевском уезде: в селении Привольном (ныне Маслов Кут) 266 дворов, в слободе Александровке графа Воронцова 310 дворов, в селении Бургон-Маджары помещика Скаржинского 102 двора, в слободе Владимировке генерала Савельева 35 дворов, в деревне Екатериновке помещика Ребиндера 40 дворов, всех 753 двора.

В Александровском уезде крепостных крестьян не было.

В Ставропольском уезде: в деревне Тугулуке коллежского асессора Криворучкина 20 дворов и в деревне Кононовке помещика Устинова 10 дворов, всего 30 дворов. Всех же крепостных крестьян в губернии у 18 помещиков было 1017 дворов, или около 3000 душ мужского пола; у остальных же 27 помещиков были еще пустоши и, вероятно, в первобытном виде.

Возвращаемся к раздаче земель в нынешнем столетии.

1801 год	Генерал-лейтенанту Орбелиани	750 д.	— с.	По указу Сената.
1803 год	Майору Похвиснеку	3220	2000	
1804 год	Гвардии поручику Столыпину	3167	1930	По Высочайшему именному рескрипту.
1807 год	Полковнику князю Севарсемидзе	770	—	По указу Сената.
1809 год	Ставропольскому купцу Волкову	100	—	По Высочайшему именному указу.
	Чиновнику 9 класса Ермакову	1512	—	По указу казенной палаты под построение мельницы.
		1612	—	
1810 год	Дейст. стат. сов. Поглиновскому	6353	1520	По Высочайшему именному рескрипту.
1814 год	Помещику Безрукову	2196	1200	Самовольно занятая, а впоследствии отобрана в казну по именному указу.
	Поручику Бердзенидзе	984	260	
		3180	1460	
1828 год	Генералу от кавалерии Емануелю	2000	—	По Высочайшему повелению.

Здесь опять остановимся, чтобы ознакомиться с движением крепостной колонизации, но на этот раз уже по официальным сведениям, почерпнутым в архиве Ставропольского губернского правления из дела за 1828 год. В том году крепостных крестьян было:

	М. П.	Ж. П.
В Кизлярском уезде:		
В селе Шелководском (Сарафанниково тож) у генеральши Хастатовой	110	—
В деревне Березовки у помещика Арешева	64	—
В деревне Серебряковке у помещика Серебрякова	101	—
У помещика Реброва на даче Долма на реке Прорви	9	—
На даче полковницы Бекович-Черкасской	120 татар	
В деревне Батхан помещика Захара Арешева	42	—
В деревне Аглинцовке помещика Аглинцева	34	—
В урочище Торазе быв. Шейдяковой	8	9
На даче полковника Петра Балуева	29	29
В деревне Порубичево помещицы Марии Калустовой	31	—
На даче поручика Аджиханова	30 татар	
Сельцо Черный рынок Всеволожских	200	220
Дер. Раздолье тех же помещиков	100	115
Деревня Врянцова тоже	90	100

	М. П.	Ж. П.
Деревня Сустинская тоже	40	50
Деревня Кумекая тоже	32	35
Деревня Тарумовка	299	287
	1339	
В Моздокском уезде:		
В деревне Ростовановке помещика Ростованова	39	—
На хуторе полковника Сервасемидзева	3	2
На хутора помещика Безрукова	22	—
	64	
В Георгиевском уезде:		
В Маслов-Кут помещика Зотова	110	—
Сельцо Ивановское наследника подполковника Кузьменкова	29	—
Деревня Кононовка городового секретаря Кононова	19	—
Остров вечного веселья поручика Рафаилова	5	—
Остров вечного веселья поручика Рафаилова	5	—
Хутор Майора Музулевскаго	11	9
В деревне Екатериновке у помещицы Толмачевой	17	—
На хуторе помещика Станковскаго	2	—
На хуторе наследниц Шевыревых	54	
В слободе Александровке графа Воронцова	1500	—
В слободе Бургон-Маджары Камергера Скаржинского	400	—
В слободе Владимировке и при ней деревне Ниновке помещ. Реброва	287	—
В деревне Ново-Столыпине генерала Столыпина	112	—
	2436	
В Александровском уезде крепостных крестьян поселено не было.		
В Ставропольском уезде:		
В деревне Кононовке наследника капитана Устинова	81	—
В деревне Тугулуке наследника Криворучкина	56	—
В хуторе Олимпиадовке подпоручика Фостикова	16	—
В хуторе наследника коллежского секретаря Асеева	20	—
В деревне Жуковке наследников Жуковых	61	—
В деревне Надеждиной помещика Насальского	22	—
В деревне Кизиловке помещиков Похвисневых	51	—
На хуторе помещика Янковского	6	—
На хуторе помещика Ермакова	10	—
Всех	4162	

В течение 28 лет крепостных крестьян прибавилось с небольшим тысяча душ. Колонизация их, как оказывается, шла очень туго.

Климат и военное положение края, главным образом, не благоприятствовали колонизации. Берем на выдержку несколько примеров. Майор Музулевский в 1819 году купил дачу, пожалованную в 1794 году кизлярскому коменданту Фон-Пекину 2584 десятин в 25 верстах от упраздненного города Александровска и перевел на нее крестьян из Орловской губернии с новорожденными после VII-й ревизии обоего пола 150 душами, из которых в 1828 года осталось только мужского пола 11 и женского 9 душ, прочие же умерли.

В деревне Ростовановке по V-й ревизии в 1796 году была 41 мужского пола душа, а по VI-й ревизии, в 1812 году бывшей, осталась только одна душа.

Близ этой деревни, на левой стороне реке Куры, на участке в 984 десятины подпоручик Иван Бердзенидзев поселил 3 двора крестьян, которых в 1822 году горские хищники взяли в плен, а хутор разграбили и сожгли. В 1790 году, во время появления Шейха-Мансура, деревня Тарумовка разграблена и сожжена.

При таких условиях климата и случайностей, вытекающих из военного положения края, больше всего теряли помещики, что, понятно, не могло благоприятствовать крепостной колонизации, движение которой поэтому было очень слабое. Между тем, пожалование земель в частное владение продолжалось.

В 1835 году командиру отдельного корпуса внутренней стражи генерал-лейтенанту Гартунгу Высочайше пожаловано 3380 десятин земли, лежащей в Ставропольском, а ныне в Медвеженском уезде, и генерал-майору Султану Азамат-Гирею 11886 десятин 2160 сажен в Пятигорском уезде. Генерал Гартунг поселил на своей земле 100 душ крестьян, завел конский завод, шпанских овец и затем в скором времени продал это имение сотнику войска Донского Садомцеву за 100 тысяч рублей ассигнациями. Значит, вести хозяйство в Кавказской области, хотя при даровом крепостном труде, было невыгодно. Несмотря, однако же, на неблагоприятные для колонизации условия, по VIII-й ревизии, бывшей в том же 1835 году, число крепостных людей в Кавказской области простиралось до 7668 душ мужского пола, или 3,14% общего числа жителей мужского пола (243987).

После VIII-й ревизии Высочайше пожаловано.

		Дес.	Саж.	
1838 год	Генералу Богдановичу (Близ города Ставрополя дер. Юзефовка)	2410	1512	
1843 год	Полковнику Масловскому	1513	—	На границе с землей войска Донского по р. Ср. Егорлык.
	Полковнику Сохацкому	20190	—	
	Полковнику Всеволожскому	1014	—	
	Войска Донского генерал-лейтенанту Сысоеву	10201	—	
1850 год	Генерал-лейтенанту Волоцкому	1400	240	На р. Томузлове

Этим и заканчивается Всемилостивейшее пожалование земель в период крепостничества, существование которого окончилось 19 февраля 1861 года по воле Царя-освободителя, подписавшего в этот незабвенный и славный для России и человечества день великую хартию, освободившую с лишком 28 миллионов народа от крепостной зависимости. По подведенным итогам оказывается, что в Кавказской области со времени основания в 1785 году Кизляра и по 1861 год роздано земли 82 лицам 397164 десятин 1038 саженей.

Последняя в период крепостничества 9-я ревизия, произведенная в 1851 году, дает нам возможность, по Кеппену, привести следующие цифровые данные по числу крепостного населения в Ставропольской губернии, что прежде Кавказской области.

По 9-й ревизии значилось:

Помещичьих крестьян	7471
Дворовых людей	660
	8131

То есть 2,94 % всего мужского населения в губернии. А как по 8-й ревизии число крепостных составляло 3,14 %, то в промежуток времени между двумя этими ревизиями сравнительная убыль в крепостном состоянии и составляет 0,2 %, или $^1/_5$ %.

Исследования А. Тройницкого о крепостном населении в России по последней X-й народной переписи, произведенной в 1858 году, дают полные и уже законченные сведения о крепостном населении губернии.

В том году было крестьян на общем крепостном праве		
Тяглых	6848 м. п.	6891 ж. п.
Дворовых людей	865 м. п.	868 ж. п.
Всего	7713 м. п.	775977 ж. п.
	15472 душ.	

Крепостное население губернии распределялось по уездам в следующем порядке.

В Ставропольском уезде:		
Тяглых	738 м. п.	691 ж. п.
Дворовых	263 м. п.	316 ж. п.
В Кизлярском уезде:		
Тяглых	875 м. п.	92 ж. п.
Дворовых	92 м. п.	81 ж. п.
В Пятигорском уезде:		
Тяглых	5235 м. п.	5277 ж. п.
Дворовых	510 м. п.	471 ж. п.
	7713 м. п.	7759 ж. п.
	15472	
Дворовых людей в том числе было:		
Приписанных к населенным имениям	713 м. п.	718 ж. п.
Приписанных к собственным домам	131 м. п.	130 ж. п.
Приписанных к домам посторонних лиц	17 м. п.	12 ж. п.
Приписанных при денежном обеспечении	4 м. п.	8 ж. п.
Всех	865 м. п.	868 ж. п.

<...>

За исключением записанных по X-й ревизии крепостных, отошедших с частью территории к Терской и Кубанской областям, в Ставропольской губернии оставалось тяглых только 5305 душ; но из них большинство отказалось от душевого надела и перешло в разряд государственных крестьян. Им, понятно, выгоднее было в качестве последних получить по 15 десятин на душу, чем оставаться в обязательных отношениях к бывшим своим помещикам и получить от них 8-десятинный надел.

В настоящее время бывших временно-обязанных крестьян числится в Новогригорьевском уезде в деревне Скаржинке 18 ревизских душ и в Медвеженском уезде в деревне Александровской (Сысоевка) 198 ревизских душ, которые, на основании Высочайшего повеления 28 декабря 1881 года, обращены в крестьяне собственники и обложены выкупным платежом первые по 46 рублей 80 копеек, а последние по 1190 рублей 40 копеек в год.

Примечание

1. По другим сведениям, земли эти были отведены секунд-майорам Комарскому и Козельковскому, которые основали две деревни: Сергиевскую и Царево-Покровскую. Впоследствии деревни эти были куплены Ростовановым, соединены в одну под названием Ростовановки. Рукописное обозрение Кавказского края Забудского, 1851 год.

Текст и примечание печатаются по источнику:
Ставропольские губернские ведомости. — 1884. — № 30.

ГРЕБЕНЦЫ

Откуда пришли гребенские казаки. — Когда и где поселились за Тереком. — С какого времени начали служить русским царям.

Говорить о важности и значении географии в исторических исследованиях русской старины совершенно излишне. География часто выясняет недомолвки летописей, особенно в тех случаях, когда место исторического события недостаточно определено. В данном вопросе: откуда пришли на Северный Кавказ гребенские казаки? — находим в книге «Большому чертежу» следующие указания, которыми, полагаем, исследователь казачьей старины не может пренебрегать, хотя бы потому, что они никем еще не были затронуты[1].

«А ниже Каменной речки, *Каменка* впадала в Донец верст с 5.

А ниже Каменки *Лихой колодез* пал в Донец под *Гребенными* горами; берегом ехать верст с 40, а прямо степью верст с 10.

А меж Лихого колодезя и Гребенных гор на Донце перелаз Татарский на Русь.

А ниже Гребенных гор *Кундрючья* речка впала в Донец с Крымской стороны верст с 60.

А от устья Кундрючья до устья реки Донца в Большой Дон верст 10. — И *далее*:

А ниже Дядина колодезя с ногайской стороны пала в Донец река *Белая Калитва*.

А против Калитвы с Крымской стороны на Донце *Гребенные* горы.

А ниже Калитвы на Донце *Сокольи горы* с ногайской стороны. От Калитвы до Сокольих гор верст с 15.

А у Сокольих гор с Белгорода станичники кладут доездные памяти.

А ниже Сокольих гор пала в Донец река *Быстрая*; от Сокольих гор версты с 4.

А от Быстрой до *Раздоров*, где Донец впал в Большой Дон, верст с 40».

Отсюда делаем следующие выводы: а) что в начале XVI века от устья Донца и вверх по его течению на расстоянии более 100 верст жили донские казаки и, вероятно, жили там со времен Дмитрия Донского; б) что жившие тогда у Гребенских гор казаки поднесли Дмитрию Донскому известную икону и в) что оттуда во второй половине XVI века вышли казаки на Северный Кавказ. Выводы наши находят еще основание и в следующих соображениях.

До конца XVI века, а по другим, даже до 1622 года, главный стан донских казаков был при впадении Донца в Дон, в городке *Раздоры*. Быть может, первоначально городок этот назывался *Гребни* и только впоследствии получил новое, характерное название по случаю происходивших частых несогласий и раздоров между верховыми и низовыми казаками, что и было, вероятно, главною причиною удаления из войск атаманов Ермака и Андрея с их единомышленниками на другие окраины[2].

Рязанский митрополит Стефан в сказании о Гребневской иконе Божией Матери говорит, что великому князю Дмитрию Иоанновичу икону эту поднесли казаки *«городка Гребни, иже на усть Чира реки глаголема»*. В этом сказании мы видим или географическую неточность, или историческую недомолвку, тем более возможную и извинительную, что митрополит писал сказание в 1712 году, то есть писал о событии, бывшем за 332 года раньше. Известно, что река Чир впадает в Дон выше Донца верст на 200; следовательно, или казаки поднесли икону Дмитрию Донскому в Раздорах, которые в XIV веке назывались Гребни, или же они с иконою выехали на встречу великому князю к устью Чира, которое действительно ближе к Куликовскому полю. В обоих случаях сказание доказывает, что во время Дмитрия Донского казаки уже жили на Дону и должны были называться по месту жительства донскими.

Все это только подтверждает и, так сказать, бесповоротно закрепляет мнения Татищева, Карамзина, Соловьева, Броневского, Краснова и других, что гребенские казаки произошли от донских. Так думали и сами гребенцы до последнего времени, пока один из новейших исследователей старины терских казаков господин Попко не вздумал пересадить их родословное дерево с берегов Дона в никогда не существовавшую волость Червленого яра Рязанского княжества. Автор в своем неблаговолении к донцам идет дальше и говорит: «Совершенно произвольно говорят некоторые систематики, что Донское войско есть метрополия, из которой вышли казачьи колонии на другие реки»[3].

В юбилейном сочинении, каким действительно и есть исторический очерк о терских казаках, с стародавних времен позволительна иногда бывает известная доля тенденциозности, лишь бы только она явно не противоречила признанным уже историей фактам. В данном же случае произвольное и в первый еще раз высказанное автором очерка мнение о происхождении гребенских казаков положительно опровергается историей Рязанского княжества. Она говорит: во-первых, что после смерти Олега Рязанское княжество, хотя и сохраняло некоторую самостоятельность, но уже отношения его к Москве выражали постепенную подчиненность, что продолжалось около 100 лет при наследниках Олега, а при Василии Васильевиче Темном с 1425 по 1433 год Рязанская область управлялась уже московскими наместниками.

2) В 1517 году последний из князей рязанский Иоанн Иоаннович, приглашенный в Москву великим князем Василием Иоанновичем, был заключен под стражу, а княжество его окончательно подчинено Москве.

3) В наказе послу Третьяку Губану упоминается о том, что в 1521 году все земли от Азова вверх по Дону до переволоку и до устья Медведицы, следовательно, выше устья Чира, были пусты и принадлежали частью азовцам, а частью татарам. Значит, донские казаки жили тогда не на земле рязанских князей. И, наконец:

4) В *Червленом яру* при устье реки Большой Вороны в Хопер никогда никаких казаков не было. Следует припомнить, что в XIV веке вся часть Задонских степей от устья Воронежа по Хопер и устье Вороны была известна под названием Червленого яра. Татары, разрушив в тех местах господство половцев, сами не кочевали там, и потому вся степь была открыта для русской колонизации, которая была уже настолько значительна, что в XIV веке вышел спор между рязанским и сарайским епископами, кому в церковном отношении ведать тамошних христиан? По этому поводу в 1353 году митрополит Феогност послал на Червленый яр грамоту, начинающуюся следующими словами: *«Благословение Феогноста митрополита всея Руси к детям моим к баскакам, к сотникам и к попам и ко всем христианам Червленого яру и ко всем городам на Великую Ворону*[4]*»*. Если бы в то время на Червленом яру были казаки, то митрополит не преминул бы и им послать благословение, но их там не было даже и в XVI столетии, как это сейчас увидим.

С половины XIV века по Вороне и Хопру заведены были первые скрытые караулы, наблюдающие за движением татар, впоследствии, как известно, образовавшиеся в довольно правильные пограничные военные поселения. Никаких исторических указаний не осталось, чтобы при устье Вороны в Хопер, где ныне Борисоглебск, существовало тогда какое-либо поселение. Несомненно однако же, что этот пункт рано обратил на себя внимание правительства. Лес, остатки которого доныне сохранились в этой местности, постоянно с XVI века был местом самой важной в этом крае сторожи. Здесь ставились станичные головы с своими товарищами, и с ними мценская и мокшанская мордва да шацкие казаки, всего по 70 человек с головою[5].

Ясно, что гребенские казаки не происходят от рязанских, никогда не обитавших в районе, известном истории под названием Червленого яра. Они происходят от донских казаков, живших в XIV веке между реками Донцом и Калитвою у Гребенных гор. Горы эти представляют многочисленные гряды каменных пород, покрытых толстым крепким известняком[6]. Следовательно, они хотя и пигмеи сравнительно с Кавказскими горами, вблизи которых казаки поселились с атаманом Андреем, тем не менее могли им дать повод к удержанию за собою название гребенских казаков, как бы в воспоминание оставленных ими Гребенных гор; или, быть может, этим названием они желали окончательно порвать связь с донскими казаками, с которыми, как увидим ниже, до 1620 года они действительно не имели никаких сношений.

Дополнив, таким образом, географически исторические сведения о происхождении гребенских казаков от донских (чего, впрочем, до последнего времени никто не оспаривал), переходим к вопросу — когда именно атаман Андрей с тремястами казаками оставил Гребенные горы и двинулся на Северный Кавказ с тем, чтобы здесь поселиться и основать новую, совершенно самостоятельную казачью колонию? История о том положительно не говорит и понятно почему, — история того времени едва успевала заносить на свои страницы более важные события, то мирные, то кровавые, терзавшие Россию с начала царствования Иоанна Грозного и до избрания на престол юного Михаила Федоровича, в сравнении с которыми «раздорские» несогласия в главном стане донских казаков и их последствия имели ничтожное значение; да едва ли и были известны нашим летописцам. Самое, наконец, Донское войско в те смутные времена едва ли могло придавать существенные значение удалению «раздорников» из своей вольной общины, хотя не устроенной еще, но уже крепкой числительностью. История только впоследствии удаление из Донского войска атаманов Ермака и Андрея с своими единомышленниками приурочивает к одному времени и приписывает возникшему между ними (должно быть, еще в Раздорах) несогласию.

Время отправления атамана Ермака к именитым Строгоновым с дружиною в 540 человек тоже не выяснено с хронологичною точностью. Карамзин, основываясь на Строгоновской летописи, говорит, что Строгоновы, приглашая к себе Ермака со товарищи на Великую Пермь, послали ему дары и ласковую грамоту 6 апреля 1579 года; что Ермак прибыл к ним 21 июня 1582 года; а 22 июля уже разбил наголову Вогульского мурзу Бегулия; но в верности этого показания сам Карамзин сомневается и в примечании № 689 говорит: «Если принять за основание хронологию царских грамот, то Ермак отплыл в Сибирь осенью 1582 года, послал весть в Москву в 1583 году, а Болховский пришел к нему в 1584 году».

В хронологическом отношении, нам кажется, следует отдать предпочтение царским грамотам, так как Строгоновские летописи могли быть составлены не своевременно, а спустя немалое время совершившихся фактов, так сказать, с памяти. Иначе, чем объяснить хронологическую разницу в 3 года? Если уже летописец с точностью не определил времени отбытия в Сибирь такого исторического лица, каким был Ермак, то о выходе из того Донского войска Андрея, предводителя другой, не столь значительной партии, он мог и ничего не знать. Поэтому позволительно допустить, что и Андрей оставил Гребенные горы не раньше 1582 года.

Раз не согласившись с Ермаком на предложение Строгоновых, Андрей едва ли мог следовать за ним по Волге и Каме; но с места должен был повернуть сухим путем, чрез Маныч, Куму и Терек в ущелья Кавказских гор. На след такого направления указывают в Ногайских степях до сих пор существующие так называемые Андреевы холмы, по-нагайски *Андрей-Тюбе*. Правда, с Кумы он мог повернуть к морю, но для того в обширных и дремучих тогда прикумских лесах ему пришлось бы строить большие суда, ставить их на колеса и тащить к морю, как это и в конце XVII столетия делывали еще беглые донские раскольники-казаки и потом уже, попытав счастья в морских разбоях, отправиться в кавказские Гребни. Но гребенцам, по-видимому, решившимся вести более мирный образ жизни, такая мысль едва ли могла прийти в голову. По крайней мере, история нигде не упоминает, чтобы гребенские казаки промышляли разбоем на Каспийском море.

Первобытное казачество, группируясь в общины, всегда набирало базисами своей деятельности большие судоходные реки, как Днепр, Дон, Волга, Яик, даже Терек, дававшие им возможность действовать на воде и на суше. Такая остроумная локализация предоставляла в распоряжение казаков наступательные и оборонительные средства, которыми они, смотря по надобности, превосходно пользовались. Чрезвычайно интересный поэтому вопрос: почему гребенские казаки под предводительством Андрея отступили от общего казачьего правила и не только не остались на Тереке, но пошли дальше и предпочли для жительства ничтожную сравнительно горную речонку?

Ничего подобного, что было на Дону, поселившаяся в ущелье кавказских гор фракция донских казаков не нашла. Иная, величественно дикая природа, люди иной культуры, другого языка — словом, новая житейская обстановка, среди которой очутились Гребенцы, — все это в совокупности не могло не отразиться на их мировоззрении, бытовой обстановке и экономической деятельности.

Следить за переселенцами, чтобы знать, где осядут, и в наше время чрезвычайно трудно и не всегда возможно. Отыскивая привольных земель, народ и ныне стремится все вперед и дальше, не зная, где их найдет, если у него нет бывалых вожатых. Так было и в XVI веке. Вот почему и трудно теперь указать местность, на которой поселились *первые* гребенские казаки по приходе на Северный Кавказ. Есть, правда, ответ и на этот вопрос, но он еще не очищен историческою критикою.

Болтин, а за ним Дебу, Броневский и другие говорят, что атаман Андрей привел 300 казаков в кумыцкие владения, и там, в ущелье горы на берегах реки Акташе, в запустелом городке, обнесенном каменною стеною, основал поселение и назвал его по своему имени Андреевским; и что поселение это до сих пор существует под названием *Эндери*[7]. А энциклопедист Толль утверждает, что андреевские кумыки ведут свой род от Андрея, атамана гребенских казаков[8]. В 1654 году в Андреевской деревне действительно жил мурза Солтан Махмутов и давал аманатов в Терки[9]. Татищев тоже говорит, что запустелый город на Сулаке, называемый «Андреев», был каменный, шириною не более 156 саженей, стены толстые и высокие из огромных больших камней, и имел одни ворота, и что город получил название от донских казаков, ушедших во время взятия Астрахани от атамана Андрея *Шадры*[10]. Но Татищев, относя бегство казаков от атамана Андрея Шадры ко времени взятия Астрахани (1554 год), не делает никакого указания на источник этого события. Позволительно допустить, что бегство донских казаков в Гребни случилось позже, и что они бежали не от атамана Андрея Шадры, а вместе с ним, и основали поселение не в Андреевской деревне, тогда уже занятой кумыками, а в другом городке, потому что доныне в Гребенском войске существует станица Щедринская, сохранившая название от первого своего атамана *Шадры*.

Что это был за опустелый городок, обнесенный каменною стеною, и почему андреевские кумыки считают себя потомками гребенского атамана Андрея? — вот исторические вопросы, на которые позволим себе ответить, впрочем, историческими только догадками, так как в обоих случаях положительных доказательств нет и едва ли можно их когда-либо и где-нибудь отыскать.

Следить за развитием исторической жизни вольного казачества в эпоху появления его на русской земле нет данных. Известно только, что оно с самого начала принимало в свои общины всех, так сказать, «добровольцев», не обращая внимания на их народность и даже на религию; главный же контингент казаков был, конечно, из великороссов и малороссиян. В Запорожском, например, войске были молдоване, сербы, арнауты, поляки, ногаи; в Донском были греки и татары. В одно и то же время даже случалось, что у донских казаков был атаманом Сары-Азман, а у азовских (турецких) — русский Степан Ложнак[11]. Аналогично поэтому допустить, что и у гребенских казаков при переселении их за Терек могло быть несколько кумыков, которые сманили их на свою родину, в ущелья Кавказских гор. Быть может, и сам атаман их был кумык. Была же, думаем, какая-нибудь другая цель у атамана Андрея, поважнее ссоры его с Ермаком. Иначе, чем объяснить, что он оставил берега Донца, Дона, Терека, привольные для казачьих промыслов, и привел своих сподвижников в неприглядные и сравнительно бедные естественными дарами природы Гребни? Чем объяснить, что атаман Андрей с своей немногочисленною дружиною прошел свободно до самого опустелого городка (то есть около 300 верст), не быв остановлен бродячими и оседлыми за Тереком кумыками и чеченцами? Такое мирное шествие русских удальцев, очевидно, было невозможным, если бы у них между затеречными племенами не было кунаков, то есть знакомых и приятелей. Этим условием мы и объясняем то известное истории обстоятельство, что гребенские казаки сразу стали к туземцам не только в мирные, но даже в родственные отношения, вступая в браки с их дочерьми.

До сих пор старые казаки Червленой и других станиц не позабыли своих праотеческих фамилий и ведут свою родословную от чеченцев из фамилии Биллетоевской, Варандоевской, Ахшпатоевской, Гуноевской. И теперь еще они ведут куначество с чеченцами[12]. Впоследствии гребенцы стали даже помогать чеченцам в разбоях и, в свою очередь, были защищаемы ими от собственных врагов. Во всяком случае, этим доказывается, что гребенцы пришли в Гребни одинокими, а не с женами и детьми, как переселяет их автор «Терских казаков с стародавних времен».

Что же касается запустелого городка на берегу Акташе, занятого гребенскими казаками, то там еще в 30-х годах нынешнего столетия «на старых кладбищах в земле попадались серебряные кресты, доказывающие, что здесь когда-то жили христиане»[13]. Не был ли это один из городков ясских и черкасских, каких в XIV веке было несколько на пути из Руси в Закавказье, или даже известный убиением святого Михаила Терского город Дидяков или Титяков, в котором тогда проживало много русских и армян? Впрочем, это только историческая догадка.

Говорят, что Андрей назвал этот городок по своему имени Эндери, но господин Берже объясняет, что эндери, или, правильнее, индри, на кумыцком наречии вообще называется место, где молотят хлеб, — гумно, ток[14]. Словом, достоверных сведений нет, чтобы гребенские казаки по переходе в Гребни заняли этот городок, вернее всего, находящиеся в числе 300 казаков кумыки, оставшись в нем, сделались родоначальниками нынешних андреевских кумыков, а русские казаки поселились особо в других городках и, вероятно, там, где в 1628 году нашли их минералоги Фич и Герольд. Что заставило гребенцов переселиться отсюда около 1685 года ближе к Тереку, — неизвестно.

Ригельман со слов старожилов-гребенцов говорит[15], что они жили за Тереком на правой его стороне в самой Кабарде и в части кумыцкого владения, в Гребнях, в урочищах: *Голого Гребня*, в ущелье *Павловом* при гребне и в ущелье *Кашлаковском* при *Пимоновом дубе*; когда же впоследствии их число умножилось бежавшими с Дона и Кумы казаками-раскольниками, то гребенские казаки жили еще двумя деревнями, а именно: одна в Большой Кабарде при устье реки Газы, впадающей в реку Урюф (а ныне река Урух) и называлась Кажаровцы (а ныне в том месте аул *Караджав*), а другая в Малой Кабарде, в самом ущелье *Татар-Туповам*, ниже впадения в Терек реки Акс. Татар-Туп, в переводе «татарский стан», это остатки старинного города, лежащего на левом берегу реки Терека в 7 верстах ниже устья реки Камбилеевки, как определяет и Берже в своей брошюре «Чечня и чеченцы», или так называемый *Минарет*, что около станции Эльхотово Ростово-Владикавказской железной дороги.

Две эти деревни Кажаровцы и Татар-Туп, как позже занятые донскими выходцами, были слишком удалены от Аксаевского владения, между правым берегом Терека и левым Аксая, до устья этой речки и до местечка того же названия, где обитали гребенцы[16]. Здесь они жили тремя городками: *Курдюков*, *Гладков* и *Щадрин*, так названных по фамилиям своих осадчиков. Впоследствии же казаки, вероятно, жившие в Кажаровцах и Татар-Тупе, приселились к ним, основав еще два городка: *Новогладкий* и *Червленый*.

Переходим к третьему вопросу: *с какого времени гребенские казаки начали служить русским царям?*

Вопрос этот, недавно поставленный автором исторического очерка «Терские казаки с стародавних времен» на спорную почву, представляет однако же несравненно менее труда для положительного разрешения, так как отечественные археографические акты дают нам к тому много неопровержимых оснований. Но чтобы ими более широко воспользоваться, необходимо затронуть историю *«вольных»* терских казаков, чем мы и воспользуемся.

Мы приняли выше за установленный историею факт, что гребенские казаки пришли на Кавказ не раньше 1582 года в числе около 300 человек и поселились в Гребнях между кумыками. После того история надолго теряет их из виду. Небольшое число казаков, при том же сухопутных, не решалось на морские промыслы и поэтому на первых порах едва ли было известно московскому правительству, которому в последние годы царствования Иоанна Грозного, правду сказать, было не до них. Да в то время о раскольниках не было еще и речи, так как начало исправлению церковных богослужебных книг положено было первым российским патриархом Иовом только в 1589 году.

«В 1594 году, весною, — говорит автор исторического обзора «Терские казаки с стародавних времен» на странице 35, — воевода Хворостинин привел свой отряд на Терек, наскоро возобновил знакомый нам город (?) и выступил на реку Койсу, которую мы зовем теперь Сулаком. К его отряду примкнули гребенские казаки в числе 1000 человек, а на оставшихся в домах возложено было охранение города с небольшой оставленной в нем станицей (командой) стрельцов и с залишними войсковыми животами» (?). Делая ссылку на историю Соловьева, том VII, главы 3-ю и 4-ю, и на «Акты исторические» Археологической комиссии, том I, № 230, автор дает реляцию о походе Хворостинина с такими подробностями, какие могли быть известны только очевидцу, и заканчивает словами: «Гребенских казаков вернулось домой не более трехсот человек».

Ссылка, однако же, не только не подтверждает, но, напротив, изобличает в тенденциозности красноречивую реляцию автора. Соловьев, например (том VII, глава 4, стр. 386), говорит, что «в 1591 году (а не в 1594 году, как пишет автор) астраханскому воеводе[17] велено было для похода на Шевкала собрать 1000 человек волжских казаков и 500 яицких и дать им по осьмине муки человеку,

да 10 человекам четверть круп и толокна, или и больше, смотря по времени, сколько они останутся в Астрахани; конным дать по четверти овса человеку; если же они станут просить денег, то дать им по полтине на человека». А в главе 3-й того же тома на странице 369 читаем: «Московский воевода князь Хворостинин действительно вошел в землю Шевкалову и взял Тарки, но понапрасну дожидался полков Кахетинских; вместо их явились неприятели — разные горские народцы; Хворостинин принужден был разорить Тарки и выступить оттуда; но он возвратился на Терек с немногими людьми: 3000 человек было у них истреблено горцами. Было ясно, что Московское государство в конце XVI века еще не могло поддерживать таких отдаленных владений; но Феодор уже принял титул государя земли Иверской грузинских царей и Кабардинской земли черкасских и горских князей». Ясно, что Соловьев не говорит о том, чтобы гребенские казаки участвовали в походе Хворостинина на Шамхала Тарковского. В «Новой летописи» о том же походе сказано: «в 102 году (1594) царь и великий князь Федор Иванович послал на Терек воевод своих князя Андрея Ивановича Хворостинина со товарищи со многою ратью, а сперва велел им идти на Шевкальскую землю и тамо поставиша град Койсу, а другой в Тарках и на Койсе град поставиша и сяде в нем с ратными людьми воевода князь Володимер Тимофеевич Долгорукий, в Тарках же града поставити не дали, пришед многие люди шевкальские, кумыцкие и черкасы и учинили бой, и на том бою государевых побили; тогда убили Ивана Васильевича Измайлова, да Ивана Петрова Федорова и иных многих дворян и голов стрелецких, ратных же людей на том бою побили яко три тысящи, сами же воеводы с оставшимися людьми утекоше»[18]. Ни единым словом не упоминает о гребенских казаках и исторический акт Археологической комиссии № 230, на который ссылается господин Попко. Но автор там же говорит, что «Шамхал с тарковцами, кумыками и ногаями встретил русских на реке Койсу, но не удержал переправы и отступил к Таркам». Этими словами автор дает повод подозревать гребенцов, что и они были в числе кумыков, среди которых поселились, следовательно, были не на русской стороне…

Задавшись целью воспеть свыше трехсотлетнюю службу гребенцов под русским знаменем на берегах Каспия, тот же автор командирским обычаем наряжает гребенских (а кстати, в первый раз) и терских казаков в поход на Шамхала Тарковского в 1604 году, предпринятый под начальством воевод Бутурлина и Плещеева, и опять имеет смелость сослаться на историю Соловьева, том VIII, главу 1. Между тем Соловьев на страницах 41 и 42 означенного тома в другой уже раз опровергает автора. Вот что он пишет: «Преждевременное вмешательство в дела Закавказья обошлось дорого Москве уже при Феодоре; еще дороже обошлось в царствование Бориса: уполномоченный Москвою хитрить, Александр, признавая себя слугою Бориса, сносился в то же время с сильным Аббасом Персидским и позволил сыну своему Константину принять магометанство, но и это не помогло: Аббас хотел совершенного подданства Кахетии и велел отступнику Константину убить отца и брата за преданность Москве. Преступление было совершено. С другой стороны, в Дагестане русские под начальством воевод Бутурлина и Плещеева вторично утвердились было в Тарках; но турки вытеснили их отсюда, а *кумыки* перерезали при отступлении после отчаянного сопротивления: 7000 русских пало вместе с воеводами и владычество Москвы исчезло в этой стране». Почти то же самое говорит и Карамзин в томе X, главе I.

«Новая же летопись» (см. тот же «Временник», глава 87) со следующими подробностями описывает поход Бутурлина в Шевкальскую землю.

«Прислаша к царю Борису грузинцы, просящие от него помощи на горских черкасс, что им стало от них великое утеснение. Царь же Борис по прошению их посла воевод своих окольничаго Ивана Михайловича Бутурлина, да Осипа Плещеева, да Ивана Осиповича Полева на три полка; а велел им поставити три града тамо в Шевкалах: един в Тарках, вторый в Таркалах, третий в Андреевской деревне. Они же шедше поставиша грады. Черкасы же послаша к Турскому царю, просяху от него помощи; он же присла к ним на помощь многое воинство; турки же пришедша осадиша грады и начаша их добывати. Воеводы ж Иван Михайлович Бутурлин, призывая Бога в помощь, крепко бияшеся с ними и многих турков поби; турки же видяху крепость его, прислаша к нему рекущи: покинь землю нашу и идите куда хощете. Царь Борис даде ему тайно наказание, аще увидеть изнеможение свое, да отъидет прочь; но он много времени людям того не объявлял. Позна же изнеможение свое и чая граду от них взяту бытии, объяви тогда всем и нача с турки договариватися, еже ему со всеми отъити здраво, а град отдати им; они же присягоша на том по своей вере и тако выпустиша его со всеми людьми. Вышедшу же ему в степь, нападоша на него паки; воевода ж начав с ними битися; с воеводою ж был сын его млад леты и леп образом, сей нача прежде с ними битися, и бияшеся крепко, его ж погании видевшее, мнози нападоша на него и прежде всех убиен бысть от поганых. Бывшу ж бою велику, яко имаясь за руки сечахуся, но поганых бяше множество, русских же пред ними малое число, и все побиены быша от поганых, малых же взяша в плен, которые от ран изнемогаша; воеводу ж самого Ивана Бутурлина убиша, да с ним Осипа Плещеева с двема сыны с Богданом, да со Львом, да Ивана Полева, да письменных голов Калинника Зюзина, да Демида Черемисинова, да Ивана Исупова и иных многих, яко бытии всем побиенным числом боле седми тысящ, кроме людей боярских; изнемогших же от ран живых яша; воеводу князя Володимера Ивановича Бахтеярова, да Ивана сына Бутурлина Петра, да голову Афанасия Благова, да Смирного Маматова, иже прият их веру и потурчился. Оставший же князь Володимер Массальской с немногими людьми отъиде

на Койсу, к запасом к Петру Гололовину, ждущему от них присылки себе; воеводою же на Койсе был князь Володимер Долгорукий. Видевшее же многих своих падение, а поганых многое число, убояшася, да не тая ж де и они постраждут; и град Койсу сожгоша огнем отъидоша на Терек; последи же князь Володимера Бахтеярова с товарищи взяша у турского царя в граде Кафе в темнице седящих. Царь же Борис князю Володимеру со товарищи даде многие дары и отпусти их паки на Терек, Смирнова же Маматова за отступление веры христианския повеле разными муками мучити, последи ж повеле его облияти нефтию и тако сожгоша».

Значит, гребенские и терские казаки не были в отряде Бутурлина, что, однако же, нисколько не помешало господину Попке в напыщенной реляции о Бутурлиновском походе сказать, что от страшного побоища при отступлении «спаслись немногие из конных детей боярских и гребенских казаков... Из последних остались также целы те, которые, сгорая нетерпением приехать скорее домой к своим мамукам, отпросились у воевод в начале похода и ускакали вперед». Автор такими подробностями, почерпнутыми им в области военного увлечения к своим героям, невольно оказал гребенцам медвежью услугу. Говоря, что гребенцы еще в начале похода отпросились у воевод и ускакали домой, он тем самым наводит на них подозрение, что они отпросились у воевод не потому, чтобы скорее увидеться с своими мамуками, а чтобы соединиться с вероломными кумыками и вместе с ними преследовать Бутурлина при его неудачном отступлении из Тарков. В сказании автора нет даже логики. Если гребенцы отпросились в начале похода у воевод, то ясно, что их не было ни при взятии Тарков, ни при отступлении Бутурлина. Невероятно и то, чтобы воеводы отпускали гребенцов в начале похода и тем сознательно уменьшили свои боевые силы. После такого обличения история вправе сказать, что гребенских казаков в отряде Бутурлина вовсе не было.

Бутков в своих неизданных материалах для новой истории Кавказа говорит, что гребенские казаки в 1607 году замешались было в смуты самозванцев; но это исторически неверно. Мнение наше в этом случае основывается на том, что в смутное время самозванцев терские казаки массами являются уже на театре междоусобных военных действий, между тем о гребенских казаках тогда ничего не было слышно.

В царской грамоте, посланной 26 мая 1607 года в Пермь Великую о присылке в Москву ратных людей, сказано: «Астраханские и терские изменники, воры и богоотступники, узнав свои затейные вины, нам добили челом и крест целовали». Что гребенские казаки не участвовали, еще яснее видно из грамоты ростовского митрополита Филарета от 12 июня того же года о молебствии по случаю победы боярина князя Голицына над приверженцами второго самозванца при реке Восме. Митрополит пишет: «От Каширы верст за 12, июня в 5 день, государевы воеводы и всякие ратные люди тех воров наголову побили, и их воеводский наряд, и набаты, и знамена, и коши всех поимали, и живых языков более 5000 взяли; а имали их и побивали на 30 верстах; а достальные их воры и лучшие их промышленники терские и яицкие, волжские, донские, путивльские и рыльские атаманы и казаки сели на боераке и город себе сделали, и его сии государевые бояре, и воеводы, и дворяне, и дети боярские, и ратные всякие люди к тому городку приступили и Божиею помощью тех воров взятием взяли». Ясно, что гребенские казаки в смуты самозванцев замешаны не были.

В первое двадцатипятилетие (1582 — 1607 годы) мы с гребенцами на страницах русской истории нигде не встречаемся. Какую важную роль играли в то время терские и другие казаки и до какой степени долго еще после того были никому не известны гребенцы, всего лучше можно видеть из того, что когда недовольные царем Шуйским бояре в 1610 году обратились к Сигизмунду III королю Польскому и вступили с ним в переговоры об избрании на царство сына его Владислава, то король в 18-м пункте грамоты своей ко всем московским чинам писал: «Казакам волжским, донским, яицким и терским быть или не быть, Государь определит общее с боярами и душевными людьми». На это со стороны России, при общем избрании Владислава на престол, дан был следующий ответ: «На Волге, на Дону, на Яике и на Тереке казакам быть или не быть, о том Государю Королевичу говорить с боярами и душевными людьми, когда он будет на царстве»[19].

Приводя этот исторический документ, нельзя не обратить внимания на то, что в нем не упомянуты гребенские казаки. Можно полагать, и едва ли ошибочно, что 18-й пункт этого договора умалчивает о гребенцах потому, что они тогда жили в Кавказских горах, следовательно, за пределами России, и что поэтому ни Владислав, ни московские бояры и душевные люди не могли распоряжаться гребенскими казаками по своему усмотрению...

В крестоцеловальной записи казанцев, данной в январе 1611 года, и отписке вятчан к пермичам о непринятии царем второго самозванца сказано: «А казаков нам волжских и донских, и терских, и яицких, и астраханских стрельцов в город многих не пущать и их указов не слушать же». Гребенцы, значит, держались в стороне от театра кровавых событий в смутное время самозванцев, что, конечно, делало им честь...

Но что всего лучше доказывает неизвестность гребенцов вследствие их отчужденности и малочисленности, так это грамота Донского войска 17 мая 1617 года волжским, терским и яицким казакам с препровождением царских грамот[20]. Вот содержание этой грамоты: «Прислал нам Государь Самодержавный царь Михаил Феодорович всея Руси свои царские грамоты и жалованное слово, и жалованье денежное, и селитру, и сукно, и запас, и к вам на преславутную реку, тоже прислал

жалованье многое, денежное, и сукно, и селитру, и запас, и мы к вам господа послали его царские грамоты ко всему войску, и в Астрахань, и к Заруцкому, и ко всем чинам Российского царства, и в Московские области, чтобы Господь Бог гнев свой отвратил и на милосердие переложил, чтобы покой и покойтину (тишину) есте восприяли, и в соединении были душами и сердцы своими, и ему Государю служили и прямили, а бездельникам не потакали; задняя забывайте, на передняя возвращайтеся и ожидайте от Государя будущих благ; а ведаете и сами Святого Бога писание: тысящи лет яко един день, а един день яко тысяща лет. А мы господа к вам много писали прежде сего о лубви, да от вас к нам ни единой строки нет, и мы и атаманов больших у вас не знаем, и господа наши на нас не дивитеся. А которые царские грамоты к вам посланы, и вы господа знаете, как их дослать в Астрахань, явно или тайно, либо кто не посмеет, ино дровеникам дайте, да к нам отпишите доподлинно. А послали есьмя к вам с теми грамотами вольного Третьяка Дмитрия сына Кудрявцева. А мы к вам о лубви челом бьем до лица земного, до общея нашей матери. А отпущен Третьяк с Дону мая в 17-й день». Грамота эта дает основания к следующим заключениям: если правительство Михаила Феодоровича обратилось к посредничеству Донского войска в своих сношениях с волжскими, терскими и яицкими казаками, то тем самым признавало его старейшим и сильнейшим, так сказать, митрополиею остальных казачьих войск, в чем донцам, как замечено выше, автор очерка «Терских казаков со стародавних времен» совершенно непроизвольно и неосновательно отказывает. Правительство, так поступая, очевидно, надеялось и не ошиблось в том, как оказалось впоследствии, что увещательное слово Донского войска повлияет на умы волжских, терских и яицких казаков и обратит их на путь легальной деятельности и верности царю и отечеству. Наконец, если правительство Михаила Феодоровича не прислало гребенским казакам ни грамоты, ни жалованья и даже Донское войско не сочло нужным обратиться к ним с увещательным словом, то, очевидно, потому что в 1617 году гребенцы не составляли еще войска. Это была небольшая фракция Донских казаков, порвавших всякую связь с прежними боевыми товарищами и даже с отечеством. Отсюда заключительный вывод, что старшинство, отданное Кизляро-Гребенскому полку с 1577 года приказом по военному ведомству 24 марта 1874 года, исторически неверно.

Грамота Донского войска к терским казакам едва ли могла оставаться тайною для гребенцов, как их соседей более или менее близких, а ее трезвое слово едва ли могло не доказать желательного воздействия на умы последних, уже 35 лет проживших особняком в ущельях гор, между чуждым им по вере и языку народом. Между ними тогда, вероятно, были в живых многие пришельцы из-под Гребенных гор на Донце. Царская грамота и жалованье, которого удостоились терские казаки, не могли не задеть самолюбия гребенцов; и, вероятно, примазавшись в 1623 году к какой-нибудь кабардинской депутации, под ее протекцией явились в Москву с повинною к царю и получили прощение, потому в том году в первый раз обещано им было царское жалованье. Но служили ли они после того, как и где? Это еще вопрос, не доказанный никаким историческим актом. По крайней мере, в 1631 году терские воеводы князь Василий Туренин и князь Семен Волхонский требовали от терских и гребенских вольных атаманов и казаков, чтобы они шли на службу государеву, на перевозы, откуда ожидали ногайских и кизилбашских людей; но вольные казаки отказались потому, что не получали жалованье, какое им было обещано ежегодно, 30 атаманам и 470 казакам в 1623 году. Донося об этом в Астрахань, терские воеводы присовокупили: «Если казаков по Тереку и в Гребнях не будет, то Терскому городу будет большая теснота»; вследствие чего повелено было гребенским казакам денежное и хлебное жалованье доставлять из Астрахани[21].

Если бы не было других доказательств, то одна эта отписка свидетельствовала бы уже, что до 1623 года гребенские казаки не несли царской службы, но отказом своим в 1631 году занять «перевозы» и охранять Терки от ногайских и кизилбашских людей сами гребенцы положительно доказали, что и в этот восьмилетний промежуток времени они не повиновались терским воеводам, следовательно, царю не служили. Спустя два года (1633), по словам Буткова, гребенские казаки будто бы участвовали в походе терских воевод князей Туренина и Волконского на Казыев улус в Маджары; но известие это, как не подтверждаемое историческими актами Археографической комиссии, ни другими нашими историками, требует еще поверки. Сомнительно, впрочем, что оба воеводы, отправляясь в поход, оставили Терки без начальства и без войска. В то отдаленное от нас время служба гребенцов, да и других казачьих войск, обусловливалась исправною присылкою царского жалованья, селитры, сукна и запаса. Пришлет, бывало, Москва жалованье — казаки слушаются и служат ей; нет — казаки по своему усмотрению промышляют где придется и добывают зипуны. Таков уж был казачий обычай...

Прошло еще восемнадцать лет в неизвестности о службе гребенцов. Мы встречаемся с ними по следующему случаю. Терские воеводы князь Михаил Щетинин и Иван Алябьев в мае 1651 года доносили о распоряжениях своих относительно постройки острога на реке Сунже по указу царя Алексея Михайловича астраханскому воеводе князю Михаилу Пронскому следующее: «что де пристойнее быти стоялому острогу на Сунше реке, на устье, где впала Сунша в Терек реку, или на старом городище от устья реки в 10 верстах. И нам бы от себя послати стрелецкого голову, а с ним государевых служивых людей сколько доведется и велеть на Сунше реке рассмотреть накрепко, а терских всяких чинов людей и гребенских атаманов и казаков расспросить: в котором месте пристойнее быть на Сунше реке стоялому острогу? И мы господине послали с Терка голову стрелецкого

Сергея Протопопова, а с ним сотников стрелецких Ивана Володемирова и Алексея Медведева, да с ним разных приказов 200 человек стрельцов... а мерою тот острог в государеву сажень поставить велели 100 саженей с вороты, а на воротах велели сделать для караула башню с обломы и бойницы поделать, и всякими крепостьми укрепить, чтобы однолично в проходе воинских людей тот стоялый острог был крепок, а в котором месте на Сунше реке острог поставлен будет и в кольких верстах от Терского городка и от казачьих городков и от Брагунских кабаков, и какой острог поставит и крепости поделает, и ему Сергею Протопопову велели мы всему тому сочинить роспись и чертеж... и о всем том к тебе отпишем»[22].

Это была *первая* служба гребенских казаков, о которой археографические акты сохранили нам известие, когда 28 июля 1653 года велено им было объявить первое царское милостивое слово за осадное сидение в Сунженском остроге во время нападения кумыков. Астраханский воевода князь Пронский писал терским воеводам князьям Волхонскому и Шатилову: «Велено мне отписати к вам на Терек, чтобы вам Мурз-Урус-хана Янсохова да Шангирея Урус-ханова, которые от Суншинского острогу, от приходу Суркай Шевкала и кумыцких и кизилбашских ратных людей от приступу из осады на Терек отошли, призвав к себе в съезжую избу сказати им Государевое милостивое слово, что они мурзы учинили добро, что в приходе кумыцких и кизилбашских людей к Суншинскому острогу из осады на Терек отошли и Государеву казну, наряд и зелья, и свинец на Терек вывезли; и Великий Государь жалует их и милостиво похваляет; и они бы мурзы иноземцы и вперед Государю служили, а Государь за ту их службу учнет жаловать своим царским жалованьем, смотря по их службе. Да и то бы вам, терчанам, русским людем и иноземцам сказать, что по Государеву указу посланы на его Государеву службу на Терек воеводы Андрей Плещеев, да Андрей Лазарев, да дьяк Дмитрий Карпов, а с ними для обережения Терского города от приходу воинских людей посланы солдатского строю немецкие полковники и урядники, а с ними русские солдаты, многие люди с огненным боем, и велено им на Терек идти наспех, нигде не мешкая ни за чем, и они б будучи на Тереке от приходу воинских людей оберегались и воевод Андрея Плещеева с товарищи и государевых ратных людей на Терек ожидали вскоре. И вам бы господам мурзам Урусу хану и Шангирею, которые из Суншинского острогу да на Терек отошли, и Ивану Яцину, и сотнику стрелецкому Михаилу Молчанову, и терским стрельцам и гребенским атаманам и казакам милостивое Государевое слово и о всем Государев указ, против сей отписки сказати, а Суншинского острогу до Государевого указу строить не велеть»[23].

Сунженский острог, построенный на старом городище в 10 верстах выше впадения Сунжи в Терек, следовательно, ближе к гребенским городкам и, конечно, по совету самих же казаков, просуществовал только два года. Но то обстоятельство, что в отписке князя Пронского гребенские атаманы и казаки поставлены последними, доказывает, что в Сунженском сидении и вообще в тогдашних делах они не занимали видного места и не имели выдающегося значения. Во всяком случае, приведенные здесь археографические акты дали бы нам право сказать, что гребенские казаки начали служить не раньше 1651 года, если бы они опять надолго не скрылись от глаз и ушей истории.

Автор исторического очерка о терских казаках (стр. 83), желая во что бы то ни стало доказать, что гребенские казаки в описываемое им время продолжали верно служить государеву службу, говорит, что в 1677 году часть их служила под Чигирином с черкасами-кабардинцами и прочими ратными людьми с князем Каспулатом Муцаловичем Черкасским и ссылается в своем повествовании на «Полное собрание законов», том II, страница 743. Казалось бы, что может быть авторитетнее такого источника? Между тем, по справке оказывается, что в указанном томе законов под № 743 помещена только грамота Феодора Алексеевича, данная в декабре 1678 года князю Каспулату Черкасскому, которою царь пожаловал ему пожизненно таможенные сборы на Тереке в награду за подвиги, оказанные им в войне против турок и крымцев. В этой грамоте буквально выражено так: «За его службы, что он служил отцу Нашему блаженныя памяти Великому Государю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцу многия службы и был в крымских и иных походах с нашими Великого Государя ратными русскими людьми и с своими уздени, и за службу ж, что он служил нам Великому Государю и Царю и Великому Князю Феодору Алексеевичу всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцу, Нашему Царскому Величеству и в прошлом в 186 и в нынешнем 187 годах был он с Нашими Великого Государя ратными людьми на Нашей Великого государя службе в малороссийских городах под Чигирином и прочее». Далее грамота указывает порядок и способ взимания таможенных сборов в пользу князя Черкасского, но в ней ни единым словом не упоминается, чтобы с князем Каспулатом Черкасским в чигиринском походе были гребенские казаки. Что их там не было, еще яснее видно из статьи 732 все того же тома «о придаче раненым в Чигиринском походе всякого чина людям поместных и денежных окладов на излечение». Из этой статьи видно, что в Чигиринском походе были только Донские и Яицкие и разных городов пешие и конные казаки, которые верстаны поместными окладами по 50 четей, а денежными по 2 рубля каждому на лечение. В этом походе участвовало и войско Запорожское с гетманом Иваном Самойловичем, но Гребенских казаков там не было.

Они не участвовали и во втором крымском походе в 1689 году. По словам Устрялова (т. I, стр. 218), назначенные в этот поход войска под главным начальством боярина князя Василия

Васильевича Голицына были собраны в указанных местах в феврале 1689 года в числе 112000 человек, не считая малороссийских казаков, которые присоединились к армии в Самаре. По его расчету, во всех четырех разрядах (корпусах), входящих в состав армии, должно было находиться: ратных людей московского чина 3366 человек, полковой службы городовых дворян 4500, стрелецких полков 11 в числе 9270 человек, рейтерских 28 с двумя эскадронами копейщиков и гусар до 30000 человек, солдатских 35 полков до 50000 человек, украинских черкас, казаков донских, терских, гребенских, яицких, ногайских мурз, уфимцев, саратовцев, астраханцев и калмыков более 16000 человек.

Устрялов, вероятно, взял эти данные из первоначальной диспозиции о числе войск, предполагаемых во второй крымский поход, потому что из ведомости, им же составленной, из подлинных документов, хранящихся в Московском архиве старых дел (см. XI приложение к 1 тому его истории Петра I, стр. 386 и 387), видно, что во втором крымском походе в 1689 году действительно участвовало 112066, в том числе украинских черкас 14471 человек и донских казаков 223 человека. Значит, ни терских, ни гребенских казаков там не было. Очевидно, Устрялов, не сверив первоначальной диспозиции с действительным числом войск, бывших в этом походе, и не оговорив разницы числовых данных, впал в противоречие и увлек за собою в ошибку автора «Исторического очерка о терских казаках с стародавних времен».

Известно, что в то же время вольные казаки, которых в официальных переписках называли ворами-раскольниками, жили еще на Куме, Астрахани и за Кубанью. Последние жили там, где впоследствии жили некрасовцы. Мы считаем нелишним коснуться вскользь влияния раскола на умножение казачества вообще и гребенцов в особенности.

Выше мы видели, что в 1623 году гребенцам обещано было царское жалованье на 30 атаманов и 470 казаков. Можно поэтому полагать, что тогда число всех казаков простиралось до 1500 человек мужского пола. Такое увеличение сравнительно с числом пришедшим в Гребни с атаманом Андреем едва ли могло произойти путем естественного приращения в течение 40 лет, но, правдоподобнее, было следствием периодических побегов раскольников на Северный Кавказ, продолжавшихся до конца XVII века. Ригельман в своей истории о донских казаках упоминает о более значительных побегах с Дона в Гребни с 1614 по 1658 годы. Больше всего их ушло из шайки самозванца Заруцкого во время бегства его из Астрахани на Яик, а потом из разбойничьей шайки Андрея Кильбака. Главнейшим поводом к таким побегам могли быть только религиозные убеждения независимо других побуждений. С этим легко согласиться, припомнив, что незначительные исправления в церковно-богослужебных книгах, начатые при первом российском патриархе Иове (1589—1605 годы), продолжались при его приемниках: Гермогене (1606—1612 годы), Филарете (1619—1634 годы), Иасафе (1634—1641 годы) и Иосифе (1642—1652 годы) — и что окончательное исправление богослужебных книг было предпринято патриархом Никоном по определению собора русских иерархов, бывшего в Москве в 1654 году. Несмотря, что определение это тогда же было одобрено Константинопольским патриархом в следующем 1655 году, по тому же предмету состоялся в Москве новый собор, на котором для большей авторитетности присутствовали и два сторонние иерарха: патриарх Антиохийский Макарий и Сербский Михаил. На этом соборе постановлено было: с 1655 года рассылать по церквам исправленные богослужебные книги по мере их печатания. Осуждение же старообрядцев, как известно, произнесено на соборе русских иерархов в 1666 году, а окончательное отлучение — в следующем 1667 году.

Соборное осуждение старопечатных богослужебных книг и слишком скорое отлучение ревностных, но, в преобладающем большинстве, невежественных последователей старопечатных книг не могло на первых же порах резко не столкнуться с религиозным консерватизмом народа. В единой до того греко-российской церкви произошел раскол, и началась ожесточенная борьба со староверами, продолжающаяся доныне, хотя, конечно, в иной форме... Различные преследования и гонения, Соловецкое возмущение, стрелецкие бунты и мятежные происки самозванцев, охватившие всю московскую Русь, значительно увеличили контингент казачества. Немало охотников до казачества давал и закон о беглых крепостниках и ворах, бесчеловечно строго карающий последних. Известно, что по указу царя Феодора Алексеевича 17 ноября 1680 года ворам за две татьбы отсекали ноги, руки, пальцы и ссылали в Сибирь на пашню с женами и детьми. В 1683 году марта 30 великие государи «вместо рук, ног и пальцев указали резать уши и ссылать куда доведется». Наконец, 8 сентября 1691 года повелено было воров за третье воровство наказывать только кнутом, на лице клеймить и ссылать в Сибирь. К беглецам этих категорий присоединялись и раскольники, для которых южные и восточные окраины были в то смутное время удобными убежищами. О первом появлении на Дону раскольников упоминается в летописях под 1675 году, когда они преимущественно поселялись по рекам Медведице и Бузулуку. В 1688 году их набралось уже так много, что Донскому войску повелено было царским указом «идти на реку Медведицу вместе с калмыками и промышлять над городком, в котором собрались воры и раскольники и хотят «идти на Куму». Донской атаман Осип Михайлович в силу такого повеления действительно пошел и «смирял раскольников по верховым городкам и запольным речкам, чинил им наказания, от раскола унимал, а иных непослушных казнил смертью». Поэтому и раскольники уходили дальше на Куму, Терек и в Гребни. Донские казаки

считали их беглецами и не раз посылали терским и гребенским казакам грамоты, чтобы они кумских раскольников к себе не принимали, но терцы и гребенцы всегда отвечали, что и у них есть раскольники, которые *тайно* предаются кумским...

Обширные и дремучие прикумские леса в то время действительно представляли более удобную и безопасную местность для укрывающихся от преследования вольных казаков-раскольников донскими казаками, чем Медведица и Бузулук.

В 1689 году на Куме раскольников было уже так много, что они пытались было боем взять Терки, недавно пред тем погоревшие, и соединиться с гребенцами, что, однако же, им не удалось, так как терский воевода Тимофей Опухтин не допустил их ни до крепости Терской, ни до гребенских городков, которые кумские раскольники намеревались было взять даже силою.

После такой неудачи кумские раскольники под предводительством своих атаманов Петрушки, Музенка и Левка Маницкова нападали на донские городки и разоряли. Враждуя постоянно с донцами за прежние «унимания их от раскола», они затеяли было большой поход на Дон с целью прогнать оттуда казаков, разорить Черкаск, городки заселить раскольниками и татарами, а потом отдаться в подданство турецкому султану. Для выполнения столь дерзкого плана они нашли себе было и союзников в большой Кабарде и у ногайцев. Кумских раскольников было только 1500, но князь Мисоуст дал им в помощь 1000 панцирников и на продовольствие 1000 арб хлеба, а сын крымского хана — 2000 азовских казаков. К счастью, в начале похода союзники не поладили за что-то, коалиция расстроилась, и этому отчаянному замыслу не суждено было осуществоваться[24].

Астраханские раскольники, которых, впрочем, было немного — около полутораста человек, — тоже не жили спокойно. Они строили себе суда, уходили в море и грабили Государевые учуги; но и до них дошла очередь. По царскому указу 7 сентября 1629 года, астраханский воевода князь Хованский послал ратных людей на Астрахань для поиску воровских казаков-раскольников. Из отписки начальника отряда стрелецкого головы Ивана Волкова к князю Хованскому видно[25], что он отправился из Астрахани 15 сентября с казаками и стрельцами, а с ним голова пеших астраханских стрельцов Сербин и сотник Кузьма Попов с пешими же здоровыми (?) стрельцами. Всех ратных людей с Волковым было 450 человек. Особенно строго было приказано Волкову пущих воров-казаков и атамана их Левка Маницкова, который с Кумы бежал на Аграхань, взять и доставить в Астрахань. Для того приказано было Волкову по приходе на Терек чинить промысл над астраханскими казаками сообща с княгиней Тауксал Тальбековною (не правильнее ли Таука салтан-бековна?) и тарковским шамхалом Будаем, которому при этом случае послано было с ним царское жалованье. Между тем, 18 сентября к астраханским казакам-раскольникам пришли на помощь такие же казаки из Крыму и на Кубани, живущие с тем, чтобы их проводить в Крым. Узнав об этом, Волков отправился к княгине Тауксал Тальбековне на нанятой подводе, которая, собрав наскоро своих узденей, послала их к Муртазали[26] и брату его Амиру, чтобы они преследовали аграханских раскольников и не допустили их бежать в Крым. Муртазали и Амир с партиею чеченцев и кумыков, догнав астраханских казаков, вступили с ними в бой, побили, поранили и многих с женами и детьми взяли в плен. Часть, однако же, человек с 30, успела отделиться и бежать в Крым, но Муртазали отправился за ними в погоню. После чего княгиня Тауксал Тальбековна отпустила Волкова в Терки и велела ему ожидать там известия о результатах погони за успевшими бежать раскольниками. Вместе с сим Волков с княгиней писали Муртазали и Амиру, чтобы они знамя, пушки и казаков, которых возьмут в плен, прислали Волкову в Терки, а также прислали бы пушку, взятую ими у казаков, которые живут в гребенских городках у атамана Якуши Емельянова.

В этой отписке замечательно, что Волкову повелено было по приходе на Терек обратиться за помощью для преследования астраханских раскольников не к гребенским казакам, а к кумыкам и чеченцам; а то обстоятельство, что Волков и княгиня Тауксал сочли нужным распорядиться о присылке в Терки пушки, отнятой у атамана Якуши Емельянова, положительно доказывает, что в 1692 году гребенцы не только не служили России верою и правдою, но были ей враждебны. Нельзя не заметить и того, что если Волков был отправлен только с 450 стрельцами, и притом пешими, для выполнения такого дела, которое сто лет спустя было бы положительно невыполнимым, то ясно, что кумыки и чеченцы в конце XVII века были далеко миролюбивее, чем в первой четверти XIX столетия.

Автор исторического очерка о терских казаках (стр. 85), вероятно, основываясь на рукописном сборнике Буткова, говорит, что в Азовском походе Петра I весною 1695 года «отряд гребенских и терских казаков был выслан на Царицынскую переволоку, где присоединился к передовому корпусу Гордона, двигавшемуся на судах по Дону, и потом разделял с царскими войсками двухлетние боевые труды, увенчанные завоеванием азовской твердыни». Между тем, по словам Устрялова, в первом Азовском походе были исключительно одни донские казаки, сколько их находилось на Дону (от 6 до 7 тысяч) с атаманом Фролом Минаевым, а во второй поход 1696 года было назначено в состав сухопутной армии 6 малороссийских казачьих полков в числе 15000 человек под командою походного атамана черниговского полковника Якова Лизогуба, 5000 донских пеших и конных казаков с атаманом Фролом Минаевым и низовых конных стрельцов и яицких казаков 500 человек. С яицкими казаками находился в походе атаман Андрей Головач. Вот и вся казачья рать, участвовавшая с Петром I в обоих азовских походах. Значит, под Азовом терские и гребенские казаки не были. Во втором походе

не было под Азовом и малороссийских казаков, потому что, по свидетельству Устрялова, «боярину Борису Петровичу Шереметеву с белгородским разрядом и гетману Мазепе с малороссийскими казаками приказано было охранять украинные города и чинить над неприятелем промысл»[27].

В 1697 году терским воеводою назначен был окольничий князь Волконский. Петр I в наказе 14 мая, данном ему об управлении казенными, земскими и военными делами, заметим, весьма обстоятельно изложенном в 25 пунктах, ни единым словом не упоминает о гребенских казаках[28]. Очевидно, подчиненность их терским воеводам могла быть тогда номинальная и, вероятно, ограничивалась только дозволением ездить в Терки по торговым делам, что было полезно для обеих сторон.

Наступил XVIII век, чреватый великими событиями на Русской земле. Начав с 1 января новое летоисчисление, царь-преобразователь в следующем году дал указ всякого чина людям носить немецкое платье, а русского платья, черкесских кафтанов, азямов, шапок, штанов, сапог и башмаков отнюдь не носить и на русских седлах не ездить; а в 1705 году отдал указ о бритье бород и усов. Кто не исполнял указов, тот платил денежный штраф. Ответом народа на эти и другие крутые меры Петра в Астрахани был Стрелецкий бунт в 1705 году, а на Дону в 1707 году восстание Булавина. Участвовали ли в астраханском бунте гребенцы или нет, вопрос окончательно не выяснен еще. Бутков в своих рукописных материалах для новой истории Кавказа говорит, что в 1705 году гребенские казаки замешались в астраханском стрелецком бунте, а Соловьев утверждает, что гребенцы на призыв астраханских мятежников отвечали: «мы рады за веру Христовую, за брадобритие и за табак, и за немецкое платье мужское и женское, и за отлучение церкви Божией стоять и умирать; но вы, великое астраханское войско и все православное христианство, не прогневайтесь на нас за то, что войска к вам на помощь не послали, потому что невозможно нам войска к вам послать: сами вы знаете, что нас малое число и с ордою со всею не в миру, чтобы нам по-прежнему от орды жен и детей не потерять».

Отписка эта доказывает, что в то время гребенцы далеко не составляли консервативно-монархического элемента. Он потому только не послали в помощь астраханским мятежникам войска, что их было *мало*; но малочисленность не мешала им сочувствовать мятежникам. Быть может, какая-нибудь часть гребенцов и отправилась в Астрахань — иначе Бутков не упоминал бы о них.

Действительно, чеченцы и ногайцы сильно тогда теснили гребенских казаков. Казанский и астраханский губернатор Петр Матвеевич Апраксин в 1708 году 30 сентября условился с калмыцким ханом Аюкаю на Ахтубе (пункт VI договора); «чтобы Чемет и Мункотемир преследовали чеченцов и ногайцев за то, что они держали Терек в осаде, и городу всякие пакости чинят, и разорением хвалятся и что с Терка ратные люди и из Гребней казаки с его хановыми людьми посланы будут заодно». Аюка хан обещал было послать 5000 и больше калмыков[29]. Договор этот, однако же, остался без исполнения, и, вероятно, как в силу заключенного с султаном Мустафом II в 1700 году 30-летнего перемирия, так и по случаю продолжающейся в то время Шведской войны. Петр I не захотел, вероятно, из-за чеченцев и ногайцев нарушать трактата, которым, между прочим, был уступлен России Азов со всеми старыми и новыми городками на расстоянии 10-часовой конной езды[30].

Вскоре, однако же, после победы под Полтавою и бегства Карла XII на территорию Оттоманской Порты Петр I вынужденным нашелся объявить войну Турции. Известие о том достигло Петербурга только в декабре 1710 года, и то по случаю распоряжений военного характера. Петр I приказал тогда фельдмаршалу Шереметеву двинуться с корпусом его на Дунай, а адмиралу графу Федору Матвеевичу Апраксину, исполнявшему после Протасьева обязанности *адмиралтейца* (морского министра), поручил оборону Азова и всего края. Государь подчинил ему весь Воронежский край до Азова и образованную в 1708 году Азовскую губернию, отдав под начальство его как войска, находившиеся в том крае, так и вновь посланные полки, Донское войско и 10000 калмыков, присланных ханом Аюком для защиты Азова.

Адмирал граф Апраксин 23 июля 1711 года прибыл из Петербурга в Таганрог, побывав прежде в Воронеже, Астрахани и Терках для ознакомления с театром будущих его действий и с целью предварительных распоряжений. По его приказанию (а не брата его Петра Матвеевича Апраксина, казанского и астраханского губернатора, как повествует господин Попко), гребенцы переселились на левый берег Терека в 1712 году. Знакомиться с ними и уговаривать их на переселение, как думает господин Попко, адмирал Апраксин, которому, по повелению Петра, все лица обязывались «быть послушными и обязательными», едва ли имел надобность. Да едва ли и сами гребенцы могли считать благоразумным и возможным фактически протестовать против такого распоряжения вследствие одной их малочисленности. Они ясно видели и вполне поняли, что времена вольного казачества прошли безвозвратно и настал период безусловного повиновения царю и правительству, что и доказали беспрекословным переселением на левый берег Терека[31]. Замечательно, что до того времени история не знает ни одной царской грамоты на имя Гребенского войска, какие русские цари имели обыкновение посылать Донскому войску, чего, конечно, быть бы и не могло, если бы гребенцы повиновались им и служили.

Гребенцы еще не обжились и не поустроились как следует на местах нового жительства, когда Петр I указом, данным сенату 14 марта 1716 года, повелел послать 500 гребенских казаков в Хивинский поход с князем Александром Бековичем Черкасским. В поход, как водится, выступили лучшие

боевые силы: атаман 1, есаулов 2, знаменщиков 5, войсковой писарь 1, казаков 491. Указное жалованье было им положено: атаману 40 рублей, есаулам и знаменщикам по 15 рублей, а казакам по 10 рублей. Но отряд, ходивший с Черкасским, по выражению Петра *«отпереть Реку Аму-Дарью»*, погиб в Хиве в 1617 году, и гребенцам не суждено было возвратиться на берега родного Терека. В этом несчастном походе войско лишилось более третьей части всех казаков, так как после выступления в поход дома оставались только престарелые, подростки и малолетние дети. После такой потери гребенцы никогда уже не могли поправиться в численном отношении, и, замечательно, их боевые силы после того никогда не выходили из нормы пятисот.

Выше мы видели, что в 1623 году было предположено давать им жалованье на 500 человек, на 30 атаманов и 470 казаков. Петр I послал в Хиву тоже 500 человек, в 1725 году гребенским казакам, служившим в Аграханском ретраншаменте, отпускалось жалованье на 500 человек хлеба 2163 четверти и деньгами 1070 рублей. В Низовом корпусе в 1727 году находилось тоже 50 человек гребенских казаков. В 1754 году в Гребенском войске состояло на службе 50 человек. Даже в 1802 году в Гребенском войске мужского пола числилось только 1841 душа[32]. Не раньше 1837 года число служащих, отставных и малолетков в Гребенском полку достигло 2058 душ; но в то время в бывшем Кавказском линейном войске были многие станицы с населением, превышающим численность всего Гребенского войска. Поэтому впоследствии, в видах увеличения его боевых сил, периодически приселяли к нему новых казаков, так что в 1841 году в Гребенском полку уже числилось 1026 душ мужского пола, а в 1843 году зачислены были в этот полк и женатые нижние чины Куринского пехотного полка. После того в 1849 году зачислено еще 75 семейств малороссийских переселенцев, и путем таких приселений только в 1854 году числилось в Гребенском полку 5757 мужского пола и 5916 женщин.

Цифры эти положительно доказывают немногочисленность гребенских казаков со времени появления их на Северном Кавказе и до конца первой половины нынешнего столетия. Благодаря такой малочисленности, они и не могли играть сколько-нибудь важной роли в военных событиях того времени. По словам господина Попко (на этот раз мы вполне согласны с его мнением), «гребенские казаки умели находить средства для жизни вне варяжских набегов в производительном труде. Гребенцы не ели *московского хлеба*, сами его производили (автор, вероятно, говорит это о гребенцах до переселения их на левый берег Терека), сеяли просо и кукурузу, руками жен сукна и галуны ткали, даже насаживали шелковичное дерево и виноградную лозу»[33]. При таких мирных занятиях в течение 2 $^{1}/_{2}$ веков, коим посвятили себя гребенцы в противуположность донцам, у которых принято было основным войсковым законом *«не пахать и не сеять»,* и к тому же, как ревностные приверженцы старообрядства, они неминуемо должны были отвыкнуть от военных подвигов и боевой жизни. Понятно, что и после переселения на левый берег Терека гребенцы не скоро могли привыкнуть к московскому хлебу и повиноваться русским военачальникам, православным и немцам. Однажды, это было во время войны с Турцией и возмущения кабардинцев, незадолго до заключения Кучук-Кайнарджинского мира, они даже вздумали было отказаться от *«московского хлеба»*... Случилось это при следующих обстоятельствах.

Командующий войсками «у Кизляра» и военный начальник на Моздокской линии генерал-поручик де-Медем расположился было с своими отрядами в Моздоке и на Бештамаке, где ныне Екатериноград. В составе подчиненных ему войск были: 3 эскадрона драгун с 2 полевыми пушками из назначенного в Кизляр Драгунского полка, 3 эскадрона гусар Грузинского полка тоже с 2 пушками, 4 роты из Кизлярского гарнизона с 6 пушками и казаки: Волгского войска 500, Яицкого 500 и от Гребенского, Терско-Семейного и Терско-Кизлярского, сколько можно было взять. Главные же силы войск де-Медема составляли калмыки при наместнике ханства Убаши и все донские казаки, сколько таковых оставалось от раскомандирования в Грузию. Главная квартира де-Медема была тогда в Щедринской станице Гребенского войска, а в Моздоке находились военные магазины и склады.

Де-Медем 3 марта 1774 года донес военной коллегии, что на гребенских казаков пало подозрение, будто бы бывший их атаман Иванов посылал нарочных к Казы-Гирею-Солтану для приискания им удобных мест для жительства на реке Чех или Зикхи и что будто приезжали к ним некрасовцы и возмущали их. Поэтому де-Медем счел за лучшее употреблять гребенских казаков на службу в их станицах, нежели держать в лагере[34].

Так потухла, без дыма и огня, последняя искра идеи вольного казачества! Правда, здесь говорится только «о подозрении», но, вероятно, де-Медем имел достаточный повод донести о том военной коллегии.

С 1712 года, следовательно, начинается действительная служба гребенских казаков под русскими знамениями — служба, ознаменованная в нынешнем столетии беспрерывным рядом блистательных подвигов храбрости и самоотвержения как в борьбе с соседями-горцами, так и на других театрах войны. Если поэтому история и умаляет старшинство службы гребенских казаков на 135 лет, то, в свою очередь, и гребенцы потерянное время с избытком вознаградили своей храбростью и кровью искупили прежнюю отчужденность...

Октября 1885 года.
Ставрополь-Кавказский.

Примечания

1. Книга «Большему чертежу», исправленная в 1627 году, Санкт-Петербург, 1838 год, страница 37.

2. Краснов «Земля войска Донского», стр. 386. 541—544. «Северный Архив», 1825 год, том XVII, стр. 41.

Броневский «История войска Донского», том I, стр. 39.

3. Терские казаки

4. «Акты Археографической комиссии». Т. I, стр. 1.

5. Исследования Беляева о сторожевой службе. Примечания 35, 41, 46, 49, 52 и 53.

6. «Труды Донского статистического комитета» 1874 года, стр. 96.

7. «Описание Кавказской линии» Дебу, стр. 90.

8. «Настольный словарь» Ф. Толля, С.-П., 1863 г., т. I. Стр. 114.

9. «Акты Археографической комиссии», т. IV, стр. 330.

10. «История Российская» Н. Татищева, Москва, 1769, кн. I, ч. 2, стр. 363.

11. «Донцы» Сенюшкина, Москва, 1866, стр. 163.

12. «Чеченское племя». Статья Лаудаева, природного чеченца, получившего воспитание в Кадетском корпусе. «Сборник сведений о кавказских горцах», Тифлис, 1872 год, вып. VI, стр. 58.

13. «Очерки о началах Терского войска» И. Кравцова. Харьков, 1882 г., стр. 23.

14. «Чечня и чеченцы» А. Берже, Тифлис, 1859 г., стр. 130.

15. «История или повествование о донских казаках» А. Ригельмана, соч. в 1778 г., печат. в Москве, в Университетской типографии в 1846 г.

16. Известия о Кавказе. С. Броневского, Москва, 1823 г., ч. 2, стр. 189.

17. Бутков в своих материалах для новой истории Кавказа, т. I, говорит, что в Астрахани в 1591 году был воевода князь Ситцкий, а в Терках — князь Григорий Засекин. В 1594 же году в Терках под Хворостининым был воеводою Иван Васильевич Измаилов и убит.

18. «Временник Императорского московского общества истории и древностей российских», кн. XVII. Москва, 1853 г.

19. «Деяния Петра Великого» Голикова. Т. XII, стр. 209.

20. «Акты археографической экспедиции», С.-Петербург, 1846—1853 г., т. III, стр. 12.

21. Ногайские дела в столбцах Московского главного архива «МИД» № 1 по рукописному сборнику П. Буткову, стр. 595.

22. «Акты археографической экспедиции». Т. IV, стр. 157.

23. Там же, стр. 188.

24. Трехсотлетие войска Донского, Савельева. С.-Петербург, 1870 г., стр. 58, — рукописные материалы Буткова для новой истории Кавказа.

25. «Акты Археографической комиссии», Т. V, стр. 370.

26. Муртазали был кумык, аксайский владелец.

27. «История царствования Петра» В.Н. Устрялова, С.-Петербург, 1858 г. Грим. 2, стр. 262, 263.

28. «Полное собрание законов», т. III, стр. 1785.

29. «Полное собрание законов», т. IV, ст. 2207.

30. «Исторические очерки Дона» Н. Краснова. «Русская речь», 1881 г., март, стр. 48.

31. Замечательно, что Бутков об этом переселении не упоминает, между тем, говорит, что в 1706 году фельдмаршал Борис Петрович Шереметев предписал из Астрахани Гребенскому войску охранять от неприятеля брагунского мурзу Кучука Россламбекова.

32. «Хозяйственное описание Астраханской и Кавказских губерний» Равонского. Издание Императорского Вольного Экономического Общества. С.-Петербург, 1809 г.. стр. 416.

33. «Терские казаки с стародавних времен», стр. 51 и 52.

34. «Материалы для новой истории Кавказа» Буткова. Т. I, стр. 494, и Броневский.

Текст и примечания печатаются по источнику:

Гребенцы. Историческое исследование И.В. Бентковского, секретаря Ставропольского губернского статистического комитета. 2-е издание. — М.: Русская типолитография, 1889.

Исследования, посвященные И.В.Бентковскому

Г.Н. Прозрителев
Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета

Доклад действительного члена Ставропольского статистического комитета Г.Н. Прозрителева на заседании комитета 28 августа 1906 года.

«Главная задача биографии состоит, как мне кажется (говорит Гете),
в том, чтобы представить человека в его отношениях к окружающей обстановке
и показать, насколько она противодействовала и насколько содействовала ему».
Гете «Поэзия и правда»

В истории существования нашего Ставропольского губернского статистического комитета резко выделяется время с 1871 г. по 1891 г. Этот двадцатилетний период является временем расцвета, полной и всесторонней деятельности комитета и, так сказать, временем сознательного и целесообразного существования его. То, чем комитет стал после 1891 г. и каким он оставался до осени прошлого года, можно назвать состоянием летаргии, когда жизнь еще не погасла, но внешних жизненных проявлений, полезных для окружающего, нет. Между тем, статистический комитет по самому своему названию имеет самые жизненные задачи, смысл своего существования он черпает из самых сложных и подчас бурно перекрещивающихся явлений повседневной жизни. Ни одна сторона местной жизни не может пройти незамеченной, и ни одно явление не отойдет бесследно в прошлое. Конечно, все это — при правильной постановке дела и, главное, при энергии и деятельной работе лиц, входящих в состав Комитета. Несмотря на то, что комитет насчитывает в своем составе несколько лиц, обыкновенно деятельность его зависит от одного лица, с любовью и энергией берущегося за дело. И раз такое лицо оказывается в составе комитета, он оживает, работа идет, и все остальные подтягиваются и откликаются на вопросы местной жизни. Но если нет такой центральной фигуры, деятельность комитета сводится к нулю.

Такое положение единственного ученого учреждения в губернии очень печально, но таковы уж условия действительности в провинциальном городе, а отчасти виной и общие причины, выработавшие в русском человеке излишнюю скромность и нерешительность.

Но тем больше заслуга того, кто бодро берется за работу и своим почином создает настроение и у других, вызывает желание поработать и внести луч света в потемки местной жизни; в крайнем случае, такой энергичный работник на своих плечах выносит всю тяжесть работы.

Такой центральной фигурой за указанный двадцатилетний период существования комитета был И.В. Бентковский, памяти которого и посвящены настоящие строки.

Покойный Бентковский не был уроженцем нашего края, попал сюда случайно и при таких обстоятельствах и в такое время, когда каждому было дело «до себя», и условия жизни нашего края далеко не благоприятствовали ученой и литературной деятельности.

Тем не менее Бентковский стал настолько близким человеком и так проникся интересами и нуждами нашего края, что посвятил всего себя изучению условий его существования и в течение всей своей долгой жизни не оставлял без внимания и посильной разработки вопросов, касающихся жизни Северного Кавказа.

Результатом такого его отношения являются оставшиеся его почтенные труды, и по ним с полной определенностью можно установить высказанное нами выше положение. Нельзя не отметить, что биографические данные, поскольку они известны, не указывают на подготовку Иосифа Викентьевича к ученой деятельности; образование он получил гимназическое, окончив курс в 30-х годах. Это образование, конечно, служило малой подготовкой, и дальнейшим развитием от обязан всецело себе, своей усидчивой работе, которая при изменившихся обстоятельствах в его молодости дала совсем другое направление всей его последующей жизни и деятельности.

Польское восстание 30-х годов было ближайшей причиной того, что Бентковский попал на Кавказ. Об этом времени Бентковский не любил говорить и, несмотря на мои близкие с ним отношения, он никогда лично не говорил мне об этом невольном путешествии. Недоброжелатели его обыкновенно говорили, что он пришел на Кавказ «в серой шинели». Из послужного списка его видно, что он происходил из дворян Варшавской губернии Брескульского уезда. Здесь он значится православным, но когда именно Иосиф Викентьевич принял православие, неизвестно.

В 1832 году он, по окончании гимназического курса в Царстве Польском, поступил на службу рядовым в Депо Плоцкого Воеводства, в 1833 году произведен в унтер-офицеры. В следующем году в январе переведен в Навагинский полк и в феврале того же года зачислен в Кавказский линейный 1-й батальон, и в этом же году он прибыл на Кавказ, сосланный после усмирения польского восстания 30-х годов. В 1836 году он был зачислен в Ставропольский Казачий полк и переименован в урядники, и только в 1842 году в мае произведен в хорунжие. В это время ему было 32 года. В 1845 году он был назначен заседателем в полковое правление 4-й бригады Кавказского линейного войска. В 1848 году назначен был начальником Михайловской станицы, а в 1854 году произведен в сотники и в этом чине и вышел в отставку 25 марта 1857 года.

Благодаря разнообразной и усердной службе понесенное им наказание — ссылка на Кавказ — не имела никаких последствий и в послужном списке сказано: «наказаниям и взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе, никогда подвергаем не был ни по судебным приговорам, ни в дисциплинарном порядке, в подозрении по преступлениям, влекущим за собой такие ограничения, и под судом никогда не был».

Только по выходе в отставку Иосиф Викентьевич мог очевидно заняться литературной деятельностью, но прежняя служба и частые разъезды, соединенные с нею, несомненно дали ему богатый материал по изучению края.

По окончании службы он поселился в с. Безопасном и ему посвятил свою первую работу.

В 1860 году 1 марта Иосиф Викентьевич был избран членом-корреспондентом Ставропольского статистического комитета. В 1862 году 29 марта в заседании Ставропольского статистического комитета избран в действительные члены его. 16 ноября 1871 года избран секретарем этого же комитета. В 1864 году 25 марта избран членом-корреспондентом Общества любителей кавказской археологии, ныне Кавказского общества истории и археологии. Второго октября того же года избран членом-сотрудником Императорского кавказского медицинского общества. 20 ноября того же года — членом-сотрудником Всероссийского общества естествоиспытателей.

В 1874 году великий князь Михаил Николаевич, в то время наместник Кавказа, за составление статистической карты Ставропольской губернии пожаловал его золотой табакеркой в 275 рублей ценою.

В 1875 году избран членом-сотрудником Императорского географического общества. В 1877 году 16—28 февраля избран почетным членом Нижегородского губернского статистического комитета. В том же году 20 марта избран членом-сотрудником Императорского вольного экономического общества. По приказанию бывшего наместника кавказского и согласно предложению ставропольского губернатора от 3-го октября 1877 года № 2044 был командирован в Тифлис в помощь инструктору Кавказского коннозаводского округа действительному статскому советнику Дитерихсу для составления общего соображения о землях, необходимых для коннозаводских нужд Кубанской и Терской областей и Ставропольской губернии. В 1878 году приказом по Главному управлению государственного коннозаводства назначен корреспондентом по Кавказскому краю. В 1877 году, 16 апреля, за составление обозрения XXVII-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества св. Александры в бозе почившей государыней императрицей пожалован золотым перстнем, украшенным изумрудом и бриллиантом.

В 1881 году 30 января избран действительным членом Кубанского статистического комитета. В 1883 году 26 февраля избран почетным членом того же комитета. В 1885 году 24 мая за отлично усердную службу всемилостивейше пожалован орденом Святой Анны 3-й степени. В 1885 году 16 апреля избран членом-соревнователем Ставропольского медицинского общества.

Весь этот перечень служит единственной наградой за долголетнюю усидчивую работу, и кроме этого и своих литературных трудов Иосиф Викентьевич наследства не оставил.

Как ни странно, но и эта скромная кабинетная деятельность Бентковского, которой он всецело был поглощен, давала ему недоброжелателей, которые, собственно говоря, не имели даже достаточно повода к враждебному чувству, потому что Бентковский не отличался искательством и местное чиновничество, среди которого и были недоброжелательные лица, не могли указать случая, когда бы он стал ему поперек дороги. Но для среды, где крупных интересов не существует и где трепещут за свое место, более или менее близкое положение к начальству составляет цель жизни, особенно в то время, там не надо больших поводов и достаточно даже того, что человек ведет иную жизнь, чем другие, не играет в карты и все пишет. Так было и с Бентковским. Особенность его положения составляли его многосторонние знания и то, что он впоследствии по обязанности секретаря Статистического комитета посещал губернаторов, давало повод к различному к нему отношению служебного мира. Одни заискивали перед ним, другие боялись, третьи ненавидели, но никто, собственно говоря, не имел достаточного основания для своего чувства. Это отношение к нему менялось в зависимости от того, как в тот или другой период относился к нему губернатор.

Особенно прочно положение Бентковского было при губернаторе Дене, который серьезно изучал нашу губернию и в Иосифе Викентьевиче видел единственного пособника. Вечно занятый работой Иосиф Викентьевич вел замкнутую жизнь в Ставрополе и наиболее близкими его знакомыми были генерал Кравцов, генерал Попко, автор «Терских казаков», и А.В. Архангельский, который, кажется, один только до самой смерти Иосифа Викентьевича остался его неизменным приятелем и не имел поводов к размолвкам. Мы отмечаем это обстоятельство ввиду того, что небольшая в то время группа интеллигентных людей в Ставрополе, интересовавшихся наукой и историей края, стала почти в неприязненные отношения друг с другом с момента выпуска в свет генералом Попко своей книги «Терские казаки». И генерал Кравцов, и Бентковский порицали автора за неправильное пользование материалом и были несогласны с его выводами, что очень раздражало самолюбивого автора, а издание Кравцовым и Бентковским брошюры по поводу его книги окончательно их разъединило, а с ними распался и кружок лиц, примыкавших к ним.

Иосиф Викентьевич первоначально проживал в селе Безопасном и предавался разнообразной хозяйственной деятельности, даже некоторое время занимался, кажется, торговлей. Но со времени избрания его секретарем Статистического комитета он переезжает в Ставрополь и всецело посвящает себя литературной и ученой деятельности.

Из приведенного здесь библиографического указателя его трудов видно, что он, так сказать, окунулся в целый водоворот вопросов, которые ставила жизнь края, и желая сам, может быть, разобраться в них и не находя нигде печатного ответа, он волей-неволей должен был хвататься за все, желая выяснить путь к истинному пониманию требований и нужд местного населения. Здесь и история, и статистика, и этнография, и прочее и прочее.

Неизбежно такая разбросанность отражается невыгодно на цельности и обстоятельности работы, но такова судьба провинциального работника, взявшегося за изучение края.

Работая в одиночку по самым разнообразным вопросам, а потому неизбежно спешно, Иосиф Викентьевич не гнался за особенной полнотой исследования, он хотел возможно шире охватить проявления местной жизни и дать, так сказать, руководящие указания для будущих деятелей, любящих свой край.

Личная жизнь Бентковского не дает особенного материала, она протекла, что называется, в четырех стенах, среди семьи и его ученых занятий. И за исключением эпизода его молодости — ссылки на Кавказ за участие в польском восстании — жизнь его прошла мирно, особенно при его ровном и уживчивом характере.

Женат он был три раза уже по прибытии на Кавказ, и в 3-й раз уже 68 лет женился на молоденькой учительнице того же селения Безопасного, от которой и имел сына, поразительно похожего на него.

Бентковский вел большую переписку, но, к сожалению, я не мог иметь в своем распоряжении этого весьма интересного материала.

Близким человеком к Иосифу Викентьевичу, когда он жил в с. Безопасном, был фельдшер Николай Петрович Абрамский. Долговременное знакомство его с Иосифом Викентьевичем и то обстоятельство, что я лично знал Абрамского как почтенного и полезного общественного деятеля, дало мне основание обратиться к нему с просьбой сообщить сведения о Бентковском. В письме своем от 12 марта 1906 г. Абрамский хотя и не сообщает фактических подробностей из жизни Иосифа Викентьевича, но тем не менее указания его заслуживают внимания. Он пишет: «Иосиф Викентьевич был в высшей степени честен и справедлив. Он не терпел слушать никакой лжи, никогда не умалчивал, если видел, что начальство врет, хотя бы это было и высшее начальство. Благодаря своей прямоте и темпераменту он публично останавливал врунов и хвастунов, почему он и не подвигался в чинах, как получил сотника, так им до отставки и остался. Сверстники же по той же Варшавской школе в 70-х и 80-х годах уже были министрами, товарищами министров, посланниками и проч., и он с ними вел переписку до самой своей смерти».

Далее Абрамский передает такой случай, характеризующий современное Иосифу Викентьевичу общество 40-х годов на Кавказе.

«Были такие вруны, говорил Иосиф Викентьевич, как, например, один дивизионный командир, что в офицерском собрании уверил всех офицеров, за исключением Иосифа Викентьевича, что во Франции

солдаты оттого быстры в походах и делают большие переходы, что во многих полках солдатам икры повырезаны, что их будто бы сильно облегчает на ходу и прочее. Вот тут-то Бентковский обличал их в невежественных суждениях и прочем».

Все это было, когда Бентковский состоял сотенным командиром над казаками станицы Михайловской. Затем, будучи станичным атаманом, он поймал несколько фур чайной контрабанды, около сотни ящиков с чаем. Арестовав контрабанду, он поместил все ящики в станичном правлении в очищенной арестантской комнате, которую наполнили до потолка. Запечатали внутреннюю и внешнюю двери и поставили часовых. Стоимость контрабанды была в несколько тысяч рублей.

Иосиф Викентьевич, хотя и часто, и днем и ночью, проверял часовых и печати, однако не укараулил.

Часовые, подкупленные контрабандистом, хорошо знающим свое дело, выкрали все ящики, причем печати и замки остались невредимыми. Контрабандист часто ездил в Ставрополь и обратно в Михайловку, жаловался губернатору и судебному ведомству, уверял, что и документы его там же, с арестованными предметами, просил и настаивал, чтобы назначена была комиссия, которая лично убедится, что у него не контрабандный чай, а опечатанный, указал, куда он везет и прочее. Каково же было удивление комиссии и поражение Иосифа Викентьевича, когда ни одного ящика не оказалось. Замки же и печати все были целы. Комиссия при тщательном осмотре не нашла нигде никаких следов поломок и разрушений. Спустя некоторое время успели найти следы на камышовой крыше, где со двора были выдернуты несколько снопов, затем больше половины от верхушки отрублены, а костыки камыша снова воткнуты, вбиты, разглажены снаружи, посыпаны землей и заглажены. С крыши же по доске были спущены ящики. Контрабандист же, как опытный мошенник, затягивал дело до тех пор, пока убедился, что у него все в порядке, стал действовать наверняка и успел. Губернатор предложил Иосифу Викентьевичу безотлагательно подать в отставку и выехать из Михайловки.

Абрамский очень симпатично отзывается о последней жене Иосифа Викентьевича и говорит: «Если Иосиф Викентьевич и дожил до глубокой старости, 80 лет, то он много обязан своей доброй, честной, тактичной и любимой жене, с которой он прожил счастливо 15 лет».

Но отсутствие подобного материала в данном случае не является существенным, так как Иосиф Викентьевич весь вылился в его трудах, разбор которых и даст лучшую характеристику его. На этом, главным образом, мы и остановимся.

Требовать безупречности и оставить особенно строгие требования при оценке его работ — это значит совсем закрывать глаза на условия, при которых ему пришлось работать, но даже и в этих условиях он оставил нам весьма ценные работы. Хотя надо заметить, что многие из ставропольской интеллигенции скептически относились к работам Бентковского.

Бентковского упрекали в неточности сведений, которые он приводил в своих работах. Приводили на вид даже курьезы, что в путеводителе его от Ставрополя до Надежды показано 10 верст, а от Надежды до Ставрополя 12 верст. Подобный упрек даже брошен был ему в глаза в соединенном заседании Городской Думы по вопросу о проведении на Ставрополь железной дороги. Но если вспомнить, что Бентковский был один работник в комитете, а дело собирания сведений по губернии и в настоящее время находится в том же положении, в каком оно было в 50-х годах, и всецело находится в руках волостных писарей, которые не имеют физической возможности за многочисленностью обязанностей и массой работы заниматься точной статистикой, — то будет понятно, над каким материалом работал Бентковский. При этом и канцелярия его состояла из одного старика писца, который никоим образом не мог проникнуться уважением и интересом к порученной ему работе.

Несомненно, что точных данных и безупречных сведений Бентковский не имел, но где они в других комитетах могут быть названы точными? Дело статистики тогда стоит прочно и добываемые ею сведения соответствуют действительности, когда опрос и исследования производятся на месте, непосредственно у самого населения, и явления повседневной жизни и результаты трудов отдельных лиц и обществ закрепляются цифрами. Исследователь, побывав в данной местности, имеет возможность дополнить эти цифры пояснением, почерпнутым из того впечатления, которое он вынес лично из обозрения продуктов или работ, или даже внешнего вида населения, до известной степени определяющего его зажиточность и способ питания.

Но если исследователь сидит в губернском городе и довольствуется присланными сведениями из разных мест, точно так же полученными не из личных наблюдений, а со слов, или поставленных наугад, то, конечно, к таким выводам нужно относиться с осторожностью.

Но во всяком случае ошибки такого центрального статистика будут лежать не на его совести, а на тех условиях, в которые поставлен он в своей работе. В самом деле, для того, чтобы совершать опрос и производить исследования на месте, нужны средства на поездки, а между тем Статистический комитет едва оплачивает скромное жалование секретаря и содержание писца, и других сумм не имеет. Это главное условие невозможности получить точные сведения остается и до настоящего времени, которое, во всяком случае, значительно ушло вперед против того, когда начинал свою работу Бентковский.

Тем не менее, зная лично Бентковского в течение 15 лет и неоднократно беседуя с ним по тем или другим вопросам местной жизни, я безусловно утверждаю, что он никогда не шел на сделку в своих статистических работах ввиду тех или иных соображений, хотя подобные требования неоднократно предъявлялись ему администрацией. Бентковский после таких внушений спешил поделиться со мной и взволнованно говорил, что хотят переделать таблицу умножения и доказать, что дважды два не четыре. И он добавлял при этом: «Я, тем не менее, сохраню свои черновики и докажу, когда надо будет, свою правоту».

Надо сознаться, что жизнь далеко не так складывалась, чтобы можно было доказывать эту правоту и восстанавливать поруганные цифры, так как соображения «высшие» брали верх и начальство по-своему переделывало тот или другой доклад, не стесняясь заявлений автора.

Канцелярия всегда к услугам в таких случаях, и бойкое перо, отписывающее о благополучии в крае, всегда найдется. Подобный случай, о котором я упомяну ниже, и повел к роковой развязке для Иосифа Викентьевича, ускорив его кончину.

Таким образом, точность данных в работах Бентковского хотя и может быть признана относительной, тем не менее он со своей стороны прилагал старания для проверки получаемых сведений, и мне лично известно, что он в разных местах губернии, имея своих личных знакомых, путем частных писем делал их своими деловыми корреспондентами и опрашивал по тем или другим вопросам и данным статистики края. Знакомство у него было большое, благодаря долговременности пребывания в уезде, и потому общение было оживленное, поддерживаемое, помимо писем, и личными приездами этих лиц в Ставрополь к Бентковскому, который за последние 15 лет при мне жил в нем безвыездно. Эти сношения и личные знакомства значительно помогали ему, и не раз мне приходилось слышать от него с радостью, что он имел возможность из верного источника удостовериться в том или другом обстоятельстве. Изучая в настоящее время его работы, можно положа руку на сердце сказать, что если эти данные не охватывают всей жизни губернии, не представляют необходимой полноты и имеют погрешности, то, во всяком случае, он один и никто другой не ознакомил нас посильно с жизнью нашей губернии, вынося все на своих плечах.

Конечно, было бы полезнее иметь точную картину жизни нашей губернии по данным точной статистики, но для этого не надо оставлять человека одиночным работником.

По вопросу статистики Бентковский сделал много. Он первый задался мыслью составить списки населенных мест Ставропольской губернии и, несмотря на значительную трудность этой работы, в 1874 году им издан список населенных мест по сведениям 1873 года, куда вошли уезды Ставропольский, Пятигорский, Новогригорьевский, Медвеженский, с 50 волостями, затем Большедербентовский улус, Трухмянское, Ачикулакское, Караногайское приставства с показанием деления губернии в полицейском отношении и расстояний ста административных и мировых центров. В этой работе он по каждому пункту, как бы он ни был незначителен (хутора и отселки), показывает число дворов жителей, исповедание, народность, промышленные заведения и местонахождение пункта, а также училища. Кроме этих таблиц, он дает сводные сведения по уездам и отдельным пунктам о количестве населения по сословиям и их процентное отношение. Есть сведения о сектантах. Затем дает высоту разных пунктов, определенную барометрически, высоту курганов, определенную триангуляцией Северного Кавказа, высоту над уровнем Черного моря и, наконец, хронологический список основания населенных мест Ставропольской губернии. Конечно, и здесь можно найти много ошибок, тем не менее, это единственная работа для Ставропольской губернии, по которой мы можем судить о положении ее назад тому 33 года и сравнить ее с настоящим. Этим указанием мы не хотим умалить значение деятельности его предшественника, секретаря Черноярского, работы которого по этому вопросу помещены в сборнике за 1868 год, но если находить недостаточно точными работы Бентковского, то, понятно, за более ранний период работы эти могут быть еще менее совершенными. Это издание Бентковского составило шестой выпуск сборника комитета. Хотя издание это попало в рубрику сборников комитета, но несомненно, что это единоличная работа Бентковского, о чем и упомянуто на первой странице. Не может подлежать сомнению, что работа эта имеет большое практическое значение, так как многие необходимые справки не могут быть получены при отсутствии путеводителя по губернии, памятной книжки или списков населенных мест. Все сведения, приуроченные к данному населенному пункту, по крайней мере в отношении движения населения, составляют ценное подспорье в повседневной жизни, а потому такая книга является весьма пригодным и желательным изданием.

Предшествующие издания комитета не могли восполнить этого недостатка, хотя имели как приложения таблицы, помещаемые губернатором во всеподданнейшем отчете. Поняв необходимость такого издания, Бентковский, очевидно, уже раньше имел эту мысль, когда еще не был секретарем комитета, и вот мы видим, что он еще в 1869 году во 2 выпуске комитета помещает большую статью — описание селения Безопасного (31 л.), которую между прочим сопровождает таким эпиграфом: «Изучать крестьянский быт — значит изучать историю; крестьянский обычай есть живой архив — собрание неоцененных исторических источников» (Рюль). Хотя Бентковский и не оставил после себя работ по собиранию крестьянских обычаев, но тем не менее он всегда клал в основу своих изысканий именно приведенную выше точку зрения, а потому эпиграф этот выбран не случайно, а, так сказать, отвечал его внутреннему настроению и постановленной им себе задаче.

Зная Бентковского лично, я могу утверждать, что он никогда не отступал от указанного направления. И в этой же статье он прямо говорит: «…война на Северном Кавказе и заселение его шли рука об руку с равным усилием и большими материальными и нравственными пожертвованиями. Едва ли поэтому можно сомневаться, что во многих случаях успех русского оружия обусловливается успехом водворения оседлого населения».

«И когда в последние десять лет военная литература обогатилась очерками многих отдельных эпизодов Кавказской войны и биографиями действовавших лиц… материалы, относящиеся к заселению Северного Кавказа и Ставропольской губернии в частности, все еще не тронутые, покоятся в разных архивах. Не пора ли стряхнуть с них пыль и передать их науке», — говорит Бентковский. Таким образом, Бентковский придавал большое значение тому незаметному труженику, который, собственно говоря, и слагает страницы истории, но о котором по большей части история молчит — это хлебороб-крестьянин, составляющий основу государственной жизни. Эта мысль наша подтверждается и тем, что Бентковский задумал большую работу: «Историю колонизации Северного Кавказа», о которой мы будем говорить ниже, но значительная часть которой, к сожалению, для нас потеряна, так как осталась в рукописи, и неизвестно, где теперь находятся бумаги, оставшиеся после смерти Бентковского.

В том же сборнике помещена и другая его статья: «Очерк 3-го мирового участка Ставропольского уезда в топографическом, сельскохозяйственном, промышленном и статистическом отношении» (продолжение в 3-м выпуске), хотя это заглавие и не вполне отвечает статье, так как ее содержание — описание населенных пунктов, входящих в этот участок, и, собственно говоря, сведений по мировой юрисдикции в этой статье нет, да и сам Бентковский заканчивает ее следующим заявлением: «…население каждой отдельной местности живет своей экономической жизнью, которая развиваться может только при благоприятствующих ей условиях, поэтому мы будем возвращаться к 3-му мировому участку до тех пор, пока не исчерпаем данных о его экономическом состоянии». В том же 3-м сборнике есть еще его статья и о городе Ставрополе.

Тогда же, вероятно, зародилась у Иосифа Викентьевича мысль составить путеводитель по Ставропольской губернии, что он осуществил значительно позже, издав объемистую книжку: «Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии 1883 г.» (450 страниц в $\frac{1}{8}$ листа), которая и до сих пор остается единственной в этом роде для всего Северного Кавказа.

Обращая внимание главным образом на экономические условия жизни губернии, Бентковский первый стал разрабатывать статистику поземельной собственности и поместил в 4-м выпуске за 1871 г. статью: «Описание владельческих земель, расположенных в Ставропольской губернии и уезде, по бассейнам рек Большой и Малой Кугульты, и в смежных с ними урочищах, к которой приложил числовую таблицу и карту земель».

О частном землевладении Бентковский говорит еще в статье «Частное землевладение и крепостная колонизация на Северном Кавказе». С. Г. В. 1876 года № 11.

Еще одну подробность необходимо подчеркнуть в деятельности Бентковского, говоря о частновладельческих землях. Дело в том, что кавказские земли на его глазах подвергались буквальному расхищению. Появилась идея насадить помещичье хозяйство, для которого явился контингентом весь состав чиновничества, служившего на Кавказе, которым и стали раздавать, каждому по несколько сотен и тысяч десятин, эти земли, пройденные русским солдатом и мужиком. Возникли новые помещики, которые никогда и не заглядывали в свои обширные поместья, ожидая только случая перепродать их в другие руки за какую бы то ни было цену. И вот началась горячка по продаже этих высочайше пожалованных земель, сбивая цену до 3 руб. за десятину, а некоторые участки так и остались в качестве «ничьих», потому что владельцы их забыли о них (поместье Алексеева). И в это-то время щедрой раздачи этих земель, которых было роздано 285000 десятин, русский крестьянин все-таки не находил на Кавказе земли и являлся «дурноселовцем», которого гнали с занятого места казачьи команды и разоряли его хату.

И в это же самое время в заселении земель отдавалось предпочтение всем, но только не русскому крестьянину. Земли раздавались армянам, грекам, турецким выходцам, немцам, эстонцам, татарам, а русский человек, выходец из России, селился украдкой, занимая землю тайком, и обращался в дурноселовца.

Зная всю эту историю в подробностях, Бентковский не раз с горечью говорил мне об этом, и к его чести надо сказать, что он во всей этой погоне за землей не урвал себе кусочка, хотя при его положении, связях и знакомстве в то время он легко мог бы это сделать. Между прочим, он передал мне для ознакомления очень интересный документ, касающийся этого периода, которым и предложил мне при случае воспользоваться. Чтобы осветить этот период, я приведу указанный документ целиком:

«Прежде всего, нелишним считаю упомянуть, что главный контингент лиц, воспользовавшихся наградами, состоял как из высших, так отчасти и второстепенных членов Главного Управления и Губернских и Областных учреждений Кавказского и Закавказского края, а также генералов и штаб-офицеров военного ведомства.

Можно сказать положительно, что нет начальника отдельной части как Главного Управления, так и провинциальных учреждений, который не успел бы вполне обеспечить солидным образом свое материальные положение на счет казенной земельной собственности.

Награждались большею частью не какие-либо выдающиеся заслуги, даже незаурядная, бескорыстная и усердная служба, а преимущественно связи, бездарная посредственность и часто одно прохождение

службы, попрошайничество и проходимство. Чтобы получить земельный участок, нужно было сперва попасть в список кандидатов, ведшийся в Главном Управлении, а затем назойливо, а иногда смиренно хлопотать о получении участка.

Вообще раздача земель на Кавказе производилась на тех же самых условиях, как и в Оренбургском крае, но не успела она получить широкой огласки единственно потому, что обезземеливали казну, а не общественные владения.

Что касается Контроля, то он мог оставаться только немым свидетелем свершавшегося на его глазах, так как каждая награда получала высочайшую реакцию».

Это выписка из донесения управляющего Ставропольской контрольной палатой покойного Ежовского от 2-го декабря 1882 года за № 5052.

А вот другой документ, относящийся к тому же делу:

Донесение управляющего контрольной палаты на имя господина государственного контролера от 30 ноября 1881 года за № 5045.

«Вследствие письма господина директора Канцелярии Государственного Контроля от 12 ноября за № 6689 и в дополнение к представлению моему от 3-го октября сего года за № 4103, имею честь доложить вашему высокопревосходительству, что в половине шестидесятых годов в Ставропольской губернии считалось свободной казенной земли приблизительно 540 тысяч десятин. Из этой массы земель с 1866 года, то есть в течение пятнадцати лет отчуждено: а) по высочайшему повелению 15 мая 1865 года в ведение удельного ведомства 113707 дес., б) при перечислении Кизлярского уезда из состава Ставропольской губернии в *состав Терской области* в 1872 году передано в ведение Терского областного правления *84654 дес.* и в) *при выдаче в Ставропольской губ.* владенных записей отведено в дополнительный надел крестьянам (до 15 десятинной пропорции на душу согласно ст. 10 устава о благоустройстве в казенных селениях, т. XII, ч. II св. зак.) *около 40 тысяч десятин*.

Затем осталось, следовательно, свободной казенной земли до 300 тысяч десятин, из коих, как, ваше высокопревосходительство, изволите усмотреть из приложенных при сем сведений, по разновременно последовавшим высочайшим соизволениям роздано в награду разным лицам 208745 десятин и предположено было еще раздать, как это видно из имеющегося в местном Управлении государственным имуществом распоряжения Главного управления наместника кавказского от 5 ноября 1877 года за № 3408, более 74 т. дес., так что весь размер земель, розданных и предположенных к раздаче в награду собственно в Ставропольской губернии, простирается свыше 280 тысяч десятин, что составляет 93 с третью % всего количества свободной земли.

Равным образом и в областях Терской и Кубанской (входящих в ревизионный район Ставропольской палаты), по имеющимся в палате сведениям, свободных казенных земель к 1875 году приблизительно состояло: в Терской области более 120 т. дес., из коих роздано в награду по высочайшим пожалованиям до 50 т. дес., или почти половина всего запаса; отведено под устройство образцовой фермы и других сельскохозяйственных заведений (согласно 142—148 ст. т. XII ч. II св. зак. устава о городском и сельском хозяйстве, по продолж. 1869 года) более 600 дес., и в дополнительный надел сельским и аульным обществам более 47 т. дес., а в Кубанской области к тому же 1875 году числилось свободной казенной земли, расположенной на низменностях, приблизительно более 45 т. дес., которые уже к 1876 году почти все розданы были в награду, и в мокрой полосе, недоступной для сельского хозяйства, около 1400 т. дес., которые по настоящее время по своей непригодности остаются свободными, принося казне самый ничтожный доход.

При этом необходимо объяснить, что непомерная раздача казенных земель в частное потомственное владение, истощившая в короткое время некогда обильный запас их на Кавказе, хотя давно обратила на себя серьезное внимание Контрольной палаты, но не могла быть преследована ею в ревизионном порядке, ибо самый вопрос о праве Контроля возбуждать переписку по делам, санкционированным высочайшею властью, остается до сих пор в существующем законодательстве не разрешенным. Тем не менее Контрольная палата, не желая ограничиваться одним лишь формальным отношением к делу, то есть наблюдать за правильностью исключения администрацией, согласно 56 и 57 ст. уст. о каз. оброч. ст., земельных участков из оклада, — в течение последних пяти лет неоднократно требовала от распорядительных управлений подробные инвентарные списки о всем казенном земельном имуществе, а равно и копию с высочайших повелений о награждении разных лиц земельными участками, чтобы по документам этим проверить, по крайней мере, действительность тех мотивов, кои приводились во всеподданнейших докладах в доказательство необходимости награждений, а также правильность выполнения уже состоявшихся высочайших повелений о награждении.

Уже в одних копиях высочайших повелений Контрольная палата ожидала найти далеко не бесполезный в ревизионном отношении материал, как на это указывали некоторые случайно доставленные в Палату сведения. Так, например, из сведений, доставленных Терским областным правлением по поводу требования Контрольной палаты в 1878 году, замечено, что при проверке отвода некоторых участков, совпавшей с преобразованием местных административных учреждений, отобрано было обратно в казну

1140 дес., как отмежеванных сверх количества, высочайше пожалованного. Одинаково, только благодаря случаю, было Палатой также замечено, во-первых, что при отводе пожалованных участков принимались иногда полторы и две десятины за одну пожалованную по той будто бы причине, что отводимая земля показывалась или малогодною, или же совсем не годною для сельского хозяйства, а во-вторых, из 63 т. дес. плодороднейшей в крае земли, приобретенной в 1865 году казной у князей Бековичей-Черкасских за 94500 рублей, более 25 т. дес. роздано в награду разным лицам, и в этом числе 3 т. дес. тем же князьям Бековичам, у которых земля эта куплена казною.

Очевидно, следовательно, что если правительство купило у частного лица эту землю, то находило ее почему-либо необходимой для себя и, следовательно, ходатайство о пожаловании этой земли в награду частным лицам, как для казны ненужной, должно бы было показаться неуместным; между тем, как можно судить по имеющимся в Палате данным, во всеподданнейших докладах о пожаловании в награду участков из земель, купленных у князей Бековичей-Черкасских, способ приобретения этих земель правительством — именно покупкой — не указывался, вследствие сего означенные доклады и удостаивались высочайшего утверждения.

Но несмотря на все требования Палаты, Терское и Кубанское областное правление не доставили ей до сих пор не только копий с высочайших повелений о пожалованных участках, но даже и общих инвентарных описей казенному земельному имуществу, находящемуся в их распоряжении; Управление же государственного имущества Ставропольской губернии, хотя и доставило некоторое подобие инвентарной книги, заведенной в 1869 году, но от доставления Палате копий с высочайших повелений о пожалованных земельных участках уклонилось, направив Палату в Ставропольское губернское правление, где, по словам его, должны находиться указы Правительствующего Сената на отвод участков. Затребовав посему копии с означенных указов от Ставропольского губернского правления, Контрольная Палата также не только не получила просимого, но даже никакого ответа».

Это сообщение принадлежит покойному Ежовскому, бывшему в то время управляющим Контрольной Палатой.

Нельзя не согласиться, что все эти данные характеризуют Бентковского, который не поддался искушению участвовать в этой земельной вакханалии, хотя утверждаю, что он был лично известен наместнику Кавказа и состоял в переписке с выдающимися деятелями Тифлисского чиновничества, а с местными губернаторами был, до Никифораки, в близких отношениях и на хорошем служебном счету.

Бентковский был сторонник передачи земель, в широком значении этого слова, в руки русского крестьянства и не верил в прочность насаждения чиновничьего владения, что впоследствии вполне и подтвердилось, так как из всех этих высочайше пожалованных земель осталось не более одного-двух участков в руках первоначальных владельцев, а остальные все перешли или в руки крестьянских товариществ, или в руки тавричан-землевладельцев; за счет их в значительной мере увеличилось и землевладение крестьянских обществ, хотя большая часть попала в руки частных лиц.

Бентковский так же смотрел и на передачу земель инородцам, другим национальностям, не ожидая от них больших успехов в земледельческом хозяйстве, но признавал большее право на эти земли за русским мужиком и солдатом как лучшими колонизаторами и более пригодными хозяевами-земледельцами, что и подтвердилось впоследствии, так как русские селения далеко опередили в своем развитии все эти иностранные колонии. А лучшим примером может служить заштатный город Св. Креста, едва влачащий свое существование со своим армянским населением. <...>

Он указывает на то, что колонизация шла вначале вообще без всякой регистрации, случайно, и что подбор статистических данных для истории колонизации края — труд далеко не легкий, хотя, прибавляет Бентковский, «...должно сказать, что нет труда, которого нельзя было бы совершить соединенными силами», и жалуется еще на недоступность гражданских и казачьих архивов, которые познакомили бы с ясными и темными сторонами этой интересной страницы истории Кавказа.

Указывая на значительный контингент поселенцев, которых дало крепостное право, державшее внутри России в железных условиях крестьян, Бентковский замечает, что дело переселения все-таки пошло законнее с учреждением конторы над переселенцами, состоявшей в ведении Ставропольского нижнего земского суда и находившейся на границе губернии в селении Средне-Егорлыкском.

С этого времени, несмотря на все несовершенство управления, все-таки хоть какие-нибудь гарантии получали прибывшие переселенцы и не отдавались на произвол и усмотрение местных чиновников.

Бентковский, придавая большое значение в заселении крестьянскому элементу, говорит, что образование на Кавказе казачества шло в ущерб экономическому развитию страны.

«Соображения того времени требовали преимущественно такого населения, которое удовлетворяло бы двум неотложным местным потребностям: военной и гражданской, а эту двойственную обязанность могли нести только казаки. Вот почему казаки значительно превышали численность гражданского населения Ставропольской губернии». И это последнее обращалось в казаки насильственно (в 1833 году — 33 селения, в 1834 году — 2 селения и в 1844 году — 4 селения).

Желая увеличить это население, в казаки принимались все до 1865 года.

Отдавая должное той необходимости, которая вызывала военный строй населения, нельзя не согласиться с Бентковским, что одновременное развитие гражданского быта и подходящих условий для жизни гражданского населения безусловно скорее подвинуло бы развитие края и гораздо ранее подняло бы его экономическое значение.

Отмечая эту точку зрения, я хочу выяснить отношение Бентковского к главному и весьма серьезному вопросу Северного Кавказа.

Безусловно, что наш местный земельный вопрос сложился под влиянием этих воззрений и даже существуют два законодательных акта, определяющие землевладение крестьян и казаков совершенно различно.

В то время как первые получили надел не более 15 десятин на душу, вторые располагали таковым до 30 десятин.

Первые ограничены в своем распоряжении даже усадебной оседлостью, а вторым эта часть нарезана в собственность с правом отчуждения по купчим крепостям.

Если при этом принять во внимание, что казачьи офицеры получили безвозмездно крупные участки земли от 200 десятин и более, то станет понятным, какое предпочтение оказывалось казачьему населению.

Это противоположение подушного населения (крестьянства) казачьему сказывалось в остальном строе жизни края и нельзя было не видеть, что оно было тормозом в развитии и вызывало нежелательное обострение в отношениях этих двух групп населения.

Бесспорно, что боевое время требовало воина, но если вспомнить, что мирный житель не только переживал все опасности от нападения враждующих кавказских племен и нес громадные имущественные потери в случаях набегов, он в то же время подушно нес платежи, отбывал натурой подводную повинность для всех проходящих войск, физическим трудом участвовал во всех нуждах армии и в то же время добывал на кавказских полях, еще не обеспеченных для мирного труда, тот провиант, без которого и военные операции немыслимы; и благодаря ему появился собственный местный хлеб, с которым и военные операции пошли быстрее, а самые первоначально хотя и жалкие селения служили базой для войск и местом расквартирования и временных остановок команд — то станет понятно, какую почтенную и видную роль сыграл этот мирный труженик в заселении Кавказа.

Вот поэтому мирное население (не военное) имело право на большее внимание к себе со стороны правящих, и все распоряжения, клонившиеся к ограничениям его, тяжело отражались на общем развитии края и мешали быстрому его ходу.

Нельзя не упомянуть, что даже значительно позднее крестьяне не везде могли селиться в казачьих селениях и так называемые «иногородние», то есть выходцы из внутренних губерний, до сих пор являются в Кубанской и Терской областях бесправными, не имеющими возможности приобретать в собственность в станицах усадебной оседлости, с ограничением во всех других отношениях, даже до права пользования местными школами. Все это создало крайне нежелательные и обостренные между казаками и иногородними отношения, доходившие не раз и во многих местах до открытого столкновения.

А между тем все быстрое развитие Кубанской области: торговля, промышленность, ремесла, хлебопашество за последнее время создано именно этим иногородним населением, проживающим там бесправно не на правах коренных жителей в количестве 1058560 душ.

Если бы управление краем приняло своевременно во внимание интересы этой части населения, то безусловно, что тот громадный вывоз хлеба, которым может гордиться теперь Кубанская область и Ставропольская губерния (92 миллиона пудов), создался бы много десятков лет ранее, а с ним изменились бы и все другие условия жизни населения в культурном отношении.

Бентковский, высказываясь в этом направлении в то время, правильно совершенно оценивал события, проходившие перед его глазами.

Такое же противоположение, к сожалению, чувствовалось даже и городским населением, и военное управление городов останавливало экономический рост их.

Этим же объясняется и то ничтожное число городских поселений, какое мы имеем на Северном Кавказе, так как нивелировка, неизбежная при военном управлении, в городах, естественно, значительно могла терпеть в своей стройности.

Положение купцов и в особенности мещан при господстве военного духа далеко не было завидным, а потому и рассчитывать на развитие городов и промыслы было нельзя.

Бентковский, между прочим, обращает внимание в этой статье и на вопрос об общинном землевладении и преимущества его перед частным землевладением, но сожалеет, что сведений у него недостаточно для этого и статистика ими не располагает.

Между прочим, Бентковский обращает внимание и на так называемый хуторской вопрос, который и до сих пор не сходит у нас на Северном Кавказе со сцены.

Дело в том, что обилие земли на первых порах заселения и разноплеменный состав населения данного населенного пункта, хотя в общем русской народности, вели естественно к желанию быть подальше друг от друга, а не вполне наладившееся управление в селах даже побуждало жителей к этому.

Конечно, и тяжести, выпадавшие на долю селений в смысле отбывания повинностей, толкали многих к уходу из села, и вот в пределах сельского юрта возникали хутора и кочевки.

Безусловно, удалившиеся на хутор и в отношении земельном пользовались большими удобствами, и хозяйство их ширилось, но зато жившие в селе волей-неволей должны были нести за них разные тяготы, а в горячее военное время создавалось много неожиданных требований помимо установившегося режима. Бентковский говорит, что селение Безопасное должно было в 1816 году сопровождать одних арестантов 1438, которым было дано в провожатые и караул 1876 человек и подвод 196, воинских команд прошло 4433 человека, сверх того в течение 4 месяцев выставлено было под проезжающих на минеральные воды в Пятигорск 4880 лошадей, а в конвой для сопровождения почты 488 и на соляное озеро 56 человек. Но этим не оканчивалось отбывание повинностей, так как еще общество наняло на этот год *сельскую почту* из 4 троек за 1200 рублей, выдало 151 четверть овса, 1706 пудов сена и ржаной муки 26 четвертей. На *содержание моста* через реку Егорлык селение внесло 782 рубля и на содержание казенной почты 673 рубля 57 копеек. С платежом казенных податей сумма всех вообще сборов достигла до 7883 рубля 45 копеек, и это при 748 душах. Понятно, что при таких условиях уход из села был лучшим средством избавиться от натуральных повинностей, и многие уходили на хутора. И вот для устранения этого воспрещено было заводить хутора и для кочевок дозволялось иметь базы, дома и в них жить по одному человеку из семьи.

В наше время этот вопрос возник на почве все большего уменьшения земли и уже с начала 80-х годов, помимо воздействия местного, путем приговоров и различных ограничений, возникали целые процессы о снесении хуторов с общественной земли.

Благодаря такому направлению села наши необыкновенно разрастались и растягивались на 6—8 и 10 верст.

Безусловно, образование хуторов выгодно только для некоторых, но, с другой стороны, такое скучивание в большие села вредно отзывается как в смысле управления, так и в отношении школ и другого, а потому необходимо было бы поставить вопрос о расселении и разделении наших крупных сел на мелкие единицы.

По этому вопросу мне приходилось беседовать с Бентковским, и он высказывался даже за представительство на сходах выборных от домохозяев, ввиду неудобств обсуждения дел на больших сходах в больших селах и трудности посещения сходов.

Бентковский о хуторах говорит в статье «О значении хуторов в Ставропольской губернии». С. Г. В. 1878 г. №№ 18, 19, 20, 21, 22, 23.

Он между прочим затрагивает вопрос о семейных разделах и смотрит на них, как на источник наших бед у крестьянина, и как противодействие этому течению приводит случай содружества, совместного жительства по договору, указывая на желательность соединения, а никак не раздела. Он пишет: «По высочайшему повелению, изложенному в циркуляре министра финансов графа Канкрина, воспрещен раздел семейств с тем, что самовольные разделы, после указа 1823 года не будут принимаемы правительством ни в какое уважение. Тем не менее, и за позднейшими воспрещениями, раздробление семейств продолжается» (стр. 57 «Сел. Безопасное»).

«Поводом разделов бывает смерть отца (часто и при жизни его), выход в отставку брата, семейные несогласия и прочее. Но что бы ни было причиной разделов, последствия их одинаковы — ослабление патриархальных прав главы семейства, упадок нравственности и уменьшение народного благосостояния…» (там же).

По этому поводу надо заметить, что раздел семейный является прямым следствием уменьшения земли в пользовании крестьянских общин. Препятствовать разделам значит подрывать производительные силы семьи. Прежде, при земельном просторе, все члены семьи были в деле: один пас скот и жил почти всегда в степи, другой пахал и на целое лето уезжал на пахотные участки, третий жил дома, а теперь все на одном деле и стали ссориться. Жизнь была проще и требования были одинаковые, а теперь у всех разные желания.

Хотя Бентковский и говорит, что появление нищих в селе и общее обеднение вызывалось семейными разделами, порождавшими ряд исков и споров, но отдельной работы по этому вопросу у него нет и достаточных статистических данных, кроме общих соображений, он не приводит. Только в «Экономическом журнале» есть статья «Семейные разделы» (1885 год, книга 13). Так же и в отношении появления сельского пролетариата — цифр, убедительно говорящих, не дает.

Много и других интересных данных, характеризующих то прошлое время, отмечает Бентковский в этой статье. Так, он упоминает о значительном наплыве фальшивых бумажных денег, что цены на хлеб возрастали и куль пшеничной муки в 9 пудов был 16 рублей ассигнациями; что за размен десятирублевой бумажки давали 2 рубля, что было семь видов подделок бумажки 25 рублей, что курица стоила 60 копеек, а цыпленок 30 копеек и что в 1820 году в первый раз появилась саранча, а затем холера в 1831, 1847, 1848, 1858, 1868 годах.

Небезынтересные подробности сообщает об иеромонахе Георгадзе. «18 июля 1847 года, проезжая чрез село Безопасное на почтовых, умер от холеры служивший в С.-Петербурге при домовой церкви грузинского царевича Таймураза иеромонах Виктор Георгадзе, 80 лет, имевший наперстный крест. Этот старец, застигнутый на станции холерой, отверг предлагаемые ему средства лечения и умер. Когда же после смерти местные священники приступили к облачению покойника, то нашли на голом теле его железные вериги весом в 18 $^{3}/_{4}$ фунт., которыми он был перепоясан как дьякон орарем.

Два четырехконечных толстых креста, один на груди, а другой на противоположной стороне, поддерживались железной цепью, наглухо заклепанной. Для снятия с покойника вериг потребовался кузнец — они сохраняются в ризнице Безопасненской церкви и, судя по работе их, можно предполагать, что сделаны в Петербурге. Деревянная доска с надписью, вделанная в стену правого придела, указывает могилу отошедшего. Князь М.С. Воронцов, проезжая в 1854 году через Безопасное, почтил молитвой могилу иеромонаха Виктора и осматривал вериги». В настоящее время они в Музее Цер. Арх. Общ. в Ставрополе.

Отмечает Бентковский и знаменитый тяжелый голодный 1833 год, когда неурожай был на всем Северном Кавказе. Бедствие это было ужасное, люди пухли от голода и умирали, но, прибавляет Бентковский, тем не менее, окружное начальство предписывало в октябре взыскивать подати безослабно, вследствие чего село Безопасное внесло недоимки за 1832 год 809 рублей и текущих податей 9675 рублей. Послабления, значит, не было (стр. 52).

Интересно, что уже в то время были так называемые «иногородние».

На деле оказалось, что кроме коренного населения в губернии был громадный наплыв переселенцев, никуда не причисленных. А тяжести отбычи не уменьшились. «О размере подводной и квартирной повинности в 1834 году лучше можно судить из того, что тогда проследовало через Безопасное разных воинских команд 19145 человек и арестантов 1334 человека, всего 20479 человек. Под своз нижних чинов, отправленных в гвардию за один раз, было наряжено 249 подвод, а в другой раз для перевозки 1000 четвертей провианта из села Средне-Егорлыкского 350 подвод» (стр. 55).

По вопросу о переселении Бентковский дает такую картину: «Кавказское начальство немало имело хлопот с переселенцами. По заведенному обычаю, прежде приходили из России «осадчии» осматривать места, и которое им понравилось, то и выбирали для поселения и затем возвращались в Россию; когда же на следующий год приводили партию, тогда подавали в казенную палату прошение о причислении в избранное ими селение. Но пока тянулась переписка, переселенцы расходились по уезду, а нередко и губернии, и кто где хотел, там и проживал, переменяя желание быть зачисленным то в то, то в другое селение. Немало также приходило на поселение и с фальшивыми документами, что не могло еще более не затруднять начальство и увеличивать потребностей продовольствия. Но таков был уж край, такое время и такие обстоятельства» (стр. 56).

С особой тщательностью роясь в архивах, Бентковский не упускает ни одной подробности и приводит, что в 1836 году собирались сведения о курганах, причем приказано было вымерить их в основании и через верх и описать местоположение и грунт, и их насчитано в Безопасном 6: Волчий, Балагай и четыре безымянные.

Приводит он, между прочим, распоряжение комитета о натуральных повинностях: «Комитет о натуральных земских повинностях под председательством губернатора, генерал-лейтенанта Таубе, в 1837 году издал правила, которыми, между прочим, требовалось, чтобы рекрутские партии при переходах через селения довольствуемы были на квартирах улучшенной пищей, «в скоромные дни мясо со щами, или вместо него молоко или яйца, кашу крутую с маслом или иную сытую пищу, в постные дни щи с рыбой, или вместо них горох или щи с капустой, картофель, огурцы, арбузы, дыни и т.п.». Карта обеда составлена хорошо, а главное, дешево.

За такую улучшенную пищу крестьянин получал от офицера партии по 9 копеек (за конвойных ничего не платили)… Но вопрос в том, имел ли тогда крестьянин сам такую пищу, хотя бы в годовые праздники?

По вопросу о натуральных повинностях, тяжело ложившихся на население, Бентковский говорит в статье «Городские доходы и натуральные повинности» (С. Г. В., 1876 г., № 17 и 18) и в другой, «Первые начатки городского благоустройства. — Войска, расположенные в крепости Ставропольской, и натуральные в пользу их повинности граждан» (С. Г. В., 1876 г., № 19).

Останавливаясь подробнее на движении населения, Бентковский делает вывод естественного прироста, который давал 327,3 ежегодно, смерть похищала 261,8.

Мы подробнее остановились на этой первой работе Бентковского, чтобы указать, что он в то время имел определенную точку зрения и значительный навык в работе и умение обращаться с цифрами и архивным материалом.

В статье «Очерк 3-го мирового участка» он подробно останавливается на описании рек, протекающих в пределах этого участка, говорит, какая рыба в них водится, и устанавливает состав переселенцев из губерний Курской, Орловской, Воронежской, Харьковской, Екатеринославской, Тамбовской и Черниговской. В этот участок входят 22 пункта с населением 51264 д. Здесь он дает краткое описание селений, с указанием главным образом на постройку церквей.

Относительно земельных наделов приводит следующую таблицу (см. таблицу на следующей странице).

«Таблица эта представляет факт, заслуживающий серьезного внимания, — говорит Бентковский. — По числу государственных наличных крестьян мужского пола в 3-м мировом участке недостает 112469 десятин земли.

Такое количество равняется наделу 7498 душ, а между тем в участке еще 103 души ожидают причисления. Взвешивая важность вытекающих отсюда последствий, нельзя не убедиться в неотложной необходимости прекратить дальнейшее причисление, о чем уже и сделано в июне месяце сего года (1869) по

всей России объявление ставропольского губернатора — так как со временем и без того, с естественным приращением населения, еще больше увеличится недостаток в земле».

Интересно отметить, что Бентковский тогда уже поднимал вопрос о возможности недостатка земли для коренного населения в Ставропольской губернии.

В этой же статье Бентковский дает общую картину жизни населения данного района, останавливаясь подробнее на некоторых сторонах, и, между прочим, устанавливает, что этот район тяготел к Ростову, а не к Ставрополю.

О торговле говорит следующее: «Как красная, так и разносная торговля в руках староверов из разных посадов и слобод Черниговской губернии, крепко сохраняющих древний, без сомнения, обычай при найме приказчиков или так называемых «молодцов» торгового дела и вообще работников. Обычай заключается в том, что наемная плата уславливается не на год, а понедельно, хотя бы приказчик и 20 лет служил у хозяина, и простирается обыкновенно от 60 коп. до 8 р. в неделю; причем обувь должна быть непременно хозяйская. Надел молодец хозяйские сапоги — значит, нанялся; хотя часто о цене и помину не бывает, в полной уверенности, что хозяин не обидит. Сапоги напоминают ему, что для хозяйской пользы он не должен жалеть своих ног, или, говоря иначе, служат символом подвижности и заботливости, качеств, столь необходимых в торговом деле, а с тем вместе заменяют письменное условие найма. Правда, что с недавнего времени, по требованию закона, с приказчиками заключаются формальные контракты с прописанием годовой платы, но это не мешает сохранению характеристического обычая в прежней силе».

Все указанные в этих статьях данные послужили ему для его путеводителя, а также и тот материал, который заключает в себе этот сборник (вып. II).

Почему собственно Бентковский взял для описания данный район, то есть 3-й мировой участок, границы которого представляются далеко не такими постоянными, сказать нельзя, но такое изолирование имело большие неудобства при исследовании, так как искусственно созданный район совершенно случайно обходит другие, не вошедшие в него пункты, совершенно без всякого основания, хотя они по своим условиям вполне соответствуют тем, которые вошли в него. Это значительно усложняет исследование, потому что приходится говорить одно и то же в нескольких местах, продолжая исследование губернии.

Литературная деятельность Бентковского началась с 1853 г., когда он поместил в С. Г. В. статью «Практические замечания о болезни рогатого скота, называемой на Кавказе «чихирь». Ту же статью он поместил и в «Трудах Императорского Вольного Экономического Общества».

Уже из этой статьи видно, что он следил за жизнью и нуждами населения, потому что в то время болезнь эта являлась бичом для населения, да и теперь вопрос об этой болезни, несмотря на хорошо поставленное дело ветеринарии в губернии, является иногда серьезным.

После этой статьи следует значительный перерыв, и следующая статья напечатана в Г. В. в 1862 г.: «Практические замечания о калмыцком рогатом скоте, овцах, лошадях» (№ 42) и «Поездка на Джалгинское соляное озеро» (№43—44).

Почему вначале с таким промежутком работал Бентковский, я сказать не могу, но очевидно, что это зависело в известной мере от добрых отношений его с редакцией «Ставропольских Губернских Ведомостей» и, в частности, Статистическим комитетом, так как ряд его статей после этого помещен в «Биржевых Ведомостях», а именно «Записки виноторговца» (1863 г., № 88), «Коммерческий взгляд на производительные силы Ставропольской губернии и ее торговое значение» (№ 154), «Нападки питейного положения на музыку и мои личные на питейную номенклатуру» (№ 2, 1864 г.), «О почтовых каретах из Ростова-на-Дону в Пятигорск» (№ 5), «О разрядах населенных местностей России и о размерах патентного сбора» (№ 5), «Заметки торговца на положение о пошлинах за право торговли и промыслов» (№ 40), «К вопросу о подорожных» (№ 78), «Джалгинское соляное озеро» (№ 35 — 40), «О привилегиях по соляному делу» (№ 53—54), «На статью о необходимых льготах Каспийского рыболовства» (№ 199), «Проект Ростово-Владикавказской железной дороги» (№ 321) ,«Экономическое состояние городов европейской России» (№ 25—80), «Да здравствует арифметика» (№ 125).

Таким образом, в 1863 и 1864 гг. Бентковский не работает в «Ставропольских Губернских Ведомостях», и причиной, вероятно, явились какие-либо недоразумения с редакцией.

С 1865 г. (№ 40) снова появляются его статьи: «Несколько слов о возможности направить течение Кубани в Дон и тем порешить обмеление Донских гирл». Но затем снова следует перерыв до 68 г., когда он в 1-м выпуске Статистического комитета помещает «Воды и степи Большедербетовского улуса», хотя в «Биржевых Ведомостях» за 66 и 67 гг. поместил три статьи: «О политико-экономическом и административном устройстве Кавказа» (№ 30); «Одна из причин, парализующих развитие коневодства в Большедербетовском улусе» (декабрь) и «Взгляд на наше коннозаводство в связи с ремонтированием армии кавалерийскими лошадьми» (май и июнь).

С 1869 г. Бентковский, очевидно, уже довольно близко стоял к Статистическому комитету, так как помещает ряд статей в его выпусках, перечисленных мною в отдельном списке. Статьи Бентковского помещены в I, II, III, IV, VII, VIII, IX выпусках Статистического комитета. По поводу 1-го выпуска надо заметить, что он издан в 1868 г., хотя Комитет существовал с 1858 г., так что можно думать, что благодаря настоянию Бентковского состоялся выпуск сборника Комитетом, с которым с этого времени Бентковский сблизился.

«Всех статей за это время до вступления его секретарем Статистического комитета (16 ноября 1871 г.) он напечатал 14».

Между ними обращает на себя внимание как уже указанная статья «О Безопасном» и «Очерк 3-го мирового участка», так и статья «О сети Кавказских железных дорог», в отношении чего Бентковский держался особого мнения.

С № 22 «Ставропольских Губернских Ведомостей» за 1871 г. Бентковский опять начинает помещать свои работы и уже совершенно прекращает работу в столичных изданиях и даже в других местных газетах, за исключением двух статей в газете «Кубань» за 1883 г.: «Происхождение казачества, его развитие и идеи» и «Одна из главнейших причин упадка табунного коневодства в Черномории»; в «Ставропольских епархиальных ведомостях» — «По поводу фальсификации деревянного масла» (1883 г.) и в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей Российских» за 1887 г. — «Гребенцы».

В 1883 г. он поместил в «Кубанском сборнике», т. I, «Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта».

При возникновении «Экономического журнала» личный его знакомый А. Субботин, издатель и редактор, как я помню, предложил Бентковскому дать свои работы для его издания, и Бентковский с 1885 г. поместил 5 статей в этом журнале.

А с возникновением местной газеты «Северный Кавказ» дал и для нее 3 статьи в 1885 г.

Таким образом, Бентковский начал работать по вопросам края с 1853 г. и не отрывался от них до самой своей смерти, затрагивая положительно все стороны местной жизни. Его статьи касаются коневодства, соляного вопроса, питейного дела, водного вопроса, сельскохозяйственного, ветеринарии, скотоводства, промышленных вопросов, лесоводства, железнодорожного дела, этнографии, статистики, истории, экономических вопросов и дают биографические материалы.

Чувствуя необходимость иметь в своем распоряжении издание для своевременного помещения работ, Бентковский возбудил вопрос о выделении неофициальной части «Ставропольских Губернских Ведомостей» из ведения официального редактора, «обыкновенно назначаемого из чиновников Губернского Правления», и о передаче редактирования этой части газеты ему.

И с № 25 1875 г. он сначала подписывается «за редактора неофициальной части», а затем, наконец, с № 32 становится заведующим неофициальной частью «Ставропольских Губернских Ведомостей» и ведет это дело до № 13 1889 г. Это последний номер, подписанный им.

Необходимость иметь это издание в исключительном распоряжении Статистического комитета чувствуется на каждом шагу, так как только при своевременном печатании известных работ может быть интерес у авторов, дающих бесплатно свои работы и удовлетворяющихся единственно получением отдельного оттиска своих статей.

«Губернские Ведомости», как специально местный орган, безусловно, должны служить интересам своего края прежде всего, а потому здесь больше, чем в других изданиях, должно быть уделяемо место статьям и заметкам по вопросам местной жизни. На каждом шагу чувствуется полная неосведомленность и даже грубое незнание не только мелких подробностей жизни губернии, но даже выдающиеся явления жизни ее населения, экономическое положение того или другого уезда или отдельного пункта, производительные силы, ископаемые богатства, археологические находки, положение архивов — все это находится еще в полном неведении даже для официальных сфер, не только для частных лиц.

А между тем пролить свет на все это, заинтересовать и вызвать энергию к работе по тем или другим вопросам только и можно тогда, когда на страницах местного органа, принадлежащего исключительно губернии, можно широко и последовательно помещать соответствующие работы.

Этот орган не может задаваться другими целями, как только экономическая и историко-статистическая жизнь губернии, для которой он и существует.

Другие задачи никогда не будут выполнены должным образом, потому что вопросы политические и общелитературные и прочие с большей силой и средствами разрабатываются в других изданиях, с которыми соперничать неофициальная часть «Ставропольских Губернских Ведомостей» не может.

Польза такого предоставления неофициальной части в распоряжение Статистического комитета и Архивной комиссии очевидна, и стоит только обратить внимание на этот период заведывания ею Бентковским, когда мы находим громадный, весьма ценный и единственный материал для изучения губернии и Северного Кавказа.

В статье «Материалы для статистики экономического состояния Ставропольской губернии в 1875 г.» Бентковский устанавливает, что в 75 г. в Ставропольской губернии было 85 табунов — 17331 шт. лошадей, причем на долю крестьянских обществ в трех уездах, за исключением Медвеженского, выпадало 10 тыс. штук и наименьшее количество — на Большедербетовский улус — 1501 штука. При этом табуны распределяются для выпаса вне земель крестьянского владения. По этому поводу Бентковский говорит, что табунное коневодство не в характере русского крестьянина, и оно не вошло в круг предприятий крестьянина, так как полезность его уступает скотоводству и овцеводству, и уменьшение табунного коневодства Бентковский ставит в зависимость от распространения земледельческой культуры.

	Число наличных мужского пола	Количество надела		В том числе десятин			Приходится на душу		До полного надела недостает десятин
		Десятин	Саженей	Усадебной и выгон.	Пахотной	Сенокосной	Десятин	Саженей	
Сел. Песчанокопское	2176	21152	530	3484	5134	12534	9	1730	11497
Сел. Богородицкое	1904	18615	«	1700	4905	12010	9	1864	9945
Отс. Кручен.-Балка	676	6663	«	370	3873	2420	9	2025	3477
Сел. Жуковское	1968	20357	«	2919	4955	12483	10	825	9485
Отс. Рассыпной	879	5840	«	594	1846	3400	6	1659	7345
Сел. Летницкое	1842	20239	«	2979	4940	12320	10	2370	7391
Сел. Привольное	1226	15822	«	2049	3238	10545	13	164	2568
Итого	10671	108688	530	14095	28881	65712	«	«	51708
Сел. Сандата	2137	20750	«	500	14105	6145	9	1705	11285
Сел. Ивановское	834	7950	«	200	5684	2066	9	1277	4560
Сел. Красная Поляна	2619	33390	«	3670	18905	10815	12	1796	5895
Сел. Поливенное	706	9079	1414	179	5800	3100	12	2061	1511
Отс. Развильный	578	7185	«	115	4500	2570	12	1033	1485
Сел. Николаевское	1117	8743	1129	143	5000	3600	7	1985	8012
Итого	7991	87098	143	4807	53994	28296	«	«	32748
Сел. Воронцовское	1955	23033	800	1833	18150	3050	11	2223	6292
Сел. Екатериненское	765	7683	800	483	7050	150	10	104	3792
Хут. Шаблиевский	345	3750	«	420	3250	80	10	2090	1425
С. Ново-Манычское	594	5416	1600	216	5200	«	9	2300	3494
Отс. Баранниковский	470	4150	«	625	3525	«	8	2011	2900
С. Ново-Егорлыкское	2075	22340	«	1000	18220	3120	10	1848	8785
Хут. Березовский	223	2050	«	400	1550	100	9	266	1325
Всего	6429	68423	800	4977	56946	6500	«	«	28013
Дер. Александровка	239	1536	«	152	1200	184	6	597	«
Всего	25330	265745	1473	24031	141022	100692	«	«	112469

Бентковский смотрит на это как на занятие невыгодное, которое должно сменить другое направление, культурное, более согласное с «современными физиологическими понятиями».

Между прочим, он устанавливает, что лучшие лошади у нас идут за границу и в русскую армию попадают лошади низшего сорта.

Останавливаясь на домашнем коневодстве, Бентковский пользуется подворно собранными сведениями в 1874 г. Оказывается, что из числа 52653 дворов не имеют лошадей 16899 дворов, а всего в 4-х уездах 69508 голов, причем имеются дворы, имеющие от 11 до 20 лошадей (в Ставропольском уезде 9 дворов, в Александровском 16, в Новогригорьевском 25 дворов), а от 4 до 10 лошадей — 2638 дворов, от 100 до 200 — 1 двор.

Здесь же устанавливает он, что в Большедербетовском улусе в то время коневодство уже пало, и от 4 до 10 лошадей только было 10 кибиток у зайсанга Икитиктунова рода, а большее число почти отсутствует в большинстве родов. В лучших условиях находятся трухмяне. Что касается ногайцев, то из числа 963 оседлых дворов 414 не имеют лошадей. Всего же в Ачикулакском приставстве 2780 голов, кроме этого бурей в том году уничтожено 2779 голов.

В Караногайском приставстве всех лошадей 17275 голов.

Из приведенных цифровых данных Бентковский приходит к следующим выводам: 1) большая часть населения в губернии или вовсе не имеет лошадей, или имеет по одной; 2) семейств, имеющих по 2-3 лошади, только 21% всего населения; 3) домашнее коневодство русского сельского населения преобладает над инородческим и 4) вообще коневодство недостаточно развито.

Что касается скотоводства, то оно насчитывало 581192 головы.

По уездам больше было в Медвеженском.

У крестьянского населения 467013 голов, у частных землевладельцев 8297, у кочующих народов 91476 голов.

Овцеводство составляет главную силу экономического состояния населения, и было 1997807 овец.

Бентковский говорит, что быстрое распространение тонкорунного овцеводства в губернии, дошедшего до 174600 голов, следует приписать овцеводам-тавричанам, в собственность которых перешло 14,77% всех земель частного владения. Между тем, на 1868 г. в губернии было 1715 тонкорунных овец. Овцеводство кочевников, несмотря на обширность степей, было не в выгодных условиях.

Исторические сочинения Бентковского охватывают период с 1722 г. по 1825 г. и представляют собой последовательные очерки истории колонизации края, которая доведена до 1825 г.

Первоначально отдельные статьи Бентковский впоследствии задумал объединить в большой работе «История колонизации края». Эта работа, к сожалению, для нас потеряна, так как она, по словам сына его, не была напечатана и в рукописи передана Фелицину[1], в бумагах которого, вероятно, и осталась после его смерти, и что с ней сталось, я сведений не имею.

Сын Бентковского говорил мне, что после смерти отца он послал эту рукопись Фелицину, и тот ответил, что она не представляет значения, так как это свод всех прежних работ Бентковского, а потому будет напечатана впоследствии, но, очевидно, обещания своего Фелицин не исполнил.

А между тем я лично видел у Бентковского еще в 85 году значительную часть этой работы, переписанную набело. Рукопись, безусловно, представляла большой интерес, и необходимо приложить старания к отысканию ее, так как это единственная работа в этом роде по Северному Кавказу, Бентковский сам придавал ей значение. В письме ко мне от 19 июля 1890 года Бентковский говорит: «…свою историю колонизации продолжаю, надеюсь окончить к 15 августа и отослать Чернявскому в Тифлис».

Такая же судьба постигла и составленный им «Исторический атлас Северного Кавказа», служащий приложением к этой работе. Я хорошо помню, что Бентковский предлагал Ставропольскому Комитету напечатать этот атлас, но, не встретив сочувствия со стороны председателя Комитета, бывшего губернатора Никифораки, передал его с грустью, как он говорил, в распоряжение его приятеля Фелицина, бывшего секретаря Кубанского Статистического комитета, а впоследствии председателя археографической комиссии.

В библиографическом указателе Фелицина под № 463, отдел 1-й, значится, что этот атлас находится в библиотеке Кубанского Статистического комитета, но А.С. Собриевский, бывший секретарь этого Комитета, утверждает, что там его нет, и на запрос его об этом атласе нынешнему секретарю г. Руденко сведений не получено.

Где находится атлас, неизвестно.

За работу по истории колонизации края Кубанский Статистический комитет избрал Бентковского своим почетным членом.

Кроме того, он состоял почетным членом Нижегородского Статистического комитета.

Другие работы Бентковского также обращали внимание на себя, и за статью «О первоначальном физическом воспитании детей у калмыков и ногайцев, кочующих в Ставропольской губернии» он получил от Императорского общества естествознания, антропологии и этнографии бронзовую медаль.

А за сочинение «Обзор 27-летней деятельности Ставропольского благотворительного женского общества Св. Александры» получил бриллиантовый перстень от покойной императрицы.

Водяной вопрос в нашем крае является очень важным и потому обращает на себя внимание Бентковского в весьма интересной статье «О возможности соединения Кубани с Доном». Бентковский говорит:

«В Дон вливается река Маныч, который принимает в себя Большой Егорлык, а в эту последнюю впадает река Земзюлька, близ станицы Сенгилеевской Кубанской области, вершина которой находится в четырех верстах от Кубани ниже станицы Николаевской. Время разлива Кубани совпадает со временем мелководья на Дону. Чтобы провести канал на 2 версты, потребуются незначительные земляные работы, а дальше только простую небольшую канаву. Исток Земзюльки лежит ниже уровня Кубани, а следовательно, возможность направления воды вполне вероятна» (Ставропольские Губернские Ведомости, 1865 г., № 40, стр. 179).

Если принять во внимание, что река Егорлык, протекающая через всю западную часть Ставропольской губернии, составляет единственную водную артерию ее и что эта река во многих местах носит название «вонючего» Егорлыка, так как в летнее время благодаря пересыханию образуются отдельные загнивающие зловонные болота, в которых и скот не пьет воды, то надо признать, что вопрос о таком соединении является и теперь весьма жизненным вопросом, тем более что по этой реке лежат станицы Сенгилеевская, Каменнобродская, Новотроицкая (Кубанской области). А в Ставропольской губернии расположны села: Птичье — 6335, Безопасное — 13533, Дмитриевское — 11897, Преградное — 12923, Медвежье — 12731, Привольное — 6674, Летницкое — 11824, Жуковка — 6799, Красная Поляна — 13512, Ивановка — 5896, Сандата — 12168 и Новоегорлыкское — 16274, а всего 130566 человек населения.

Трудно перечислить и даже предвидеть те громадные последствия, которые имело бы подобное соединение, дающее Ставропольской губернии и Кубанской области водный путь, служащий не только для сплава, но даже и для небольшого судоходства, на возможность которого указывает Бентковский. А потому проект его заслуживает серьезного внимания и теперь. Если иметь в виду, что с тех пор вопрос этот совершенно не затрагивался и проект был забыт, а между тем край наш именно нуждается во внутренних путях сообщения, то мы должны признать большие заслуги за Бентковским, который выдвинул этот вопрос и тем наметил самую серьезную нужду нашего края, удовлетворение которой вовсе не представляет особых затруднений.

В своих работах Бентковский оставил нам как бы программу дальнейшей деятельности всех сочувствующих интересам края, и было бы полезно снова поставить на очередь намеченные им вопросы.

Таким же полезным указанием Бентковского является и проведение Кумы до Каспийского моря, в отношении чего существует старинный проект капитана Новицкого 1802 года.

Полезность подобного проведения при том положении прикаспийских степей, в котором они в настоящее время находятся, — представляя из себя песчаную пустыню с небольшими оазисами, через которые пролегают дороги главным образом для верблюдов и лошадей, — не может подлежать сомнению, и надо удивляться, как администрация не поставит это себе главною задачей. Край этот терпит именно от безводья, целые десятки тысяч десятин заносятся песком и только изредка имеют чахлую растительность, годную для верблюдов.

Нельзя себе и представить того изменения и тех улучшений, которые последуют в условиях жизни населения этой заброшенной окраины, если Кума увидит море и эта песчаная полоса в 74 версты, бесплодно поглощающая ее воды в настоящее время и отрывающая ее от берегов моря, будет прорезана водным потоком и даст возможность поселения при этой реке. В настоящее время, когда недостаток в земле чувствуется и у нас, вопрос о переселении является неотложным, было бы непростительно забывать о подобных попытках расширить площадь для заселения и песчаную пустыню обратить в культурный край, тем более что больших затрат на это не требуется.

Возможность подобного соединения с морем указала сама Кума в 1804 году, промыв по пути к морю канал на 100 верст, и остается расчищать не более 30 верст до вытекающего из моря озера, называемого Казюпай… трудной работы находится не более 5 верст, говорит Бентковский.

Нельзя не отметить одну подробность по этому поводу, непонятную при том усилии Бентковского, с которым он указывает на необходимость урегулирования течения Кумы и соединения Кубани с Егорлыком.

Стоя на точке зрения полезности немедленного осуществления этих проектов и обставляя их солидными данными в пользу неотложности исполнения, Бентковский по поводу проекта Данилова о соединении Кубани с Тереком высказывается против не только самого проекта и возможности его осуществления, но даже находит его при данных условиях бесполезным.

Нельзя не удивляться такому отрицательному взгляду Бентковского, который все-таки был знаком с местными условиями, и в этом отношении предусмотрительность и предсказания его не оправдываются действительностью и указания его, как, например, на небольшую продуктивность Владикавказской железной дороги, совершенно уничтожены дальнейшим развитием жизни той местности, где прошла Владикавказская железная дорога, создавшая громадные торговые и хлебные пункты, вызвавшая небывалый сбыт хлеба, вывоз шерсти, поднявшая цены на землю и оживившая громадные районы, лежавшие до того в полном забвении.

Может быть, статья Бентковского и не имела прямого влияния на задержание проекта Данилова, но нельзя не признать, что помехой все-таки она служила, так как он в ней говорит от лица местного статистика со ссылкой на цифры, свидетельствующие о производительности соответствующих районов, и надо думать, что кавказское начальство имело ее в виду, а потому нельзя не пожалеть, что приходится отмечать несочувствие Бентковского в таком благом для края деле, как соединение Кубани с Тереком.

Осуществление этого предприятия, как бы дорого оно ни стоило, явилось бы могучим орудием к поднятию той части Северного Кавказа, которая и теперь, благодаря отсутствию путей сообщения в этом направлении, остается заброшенной.

При возникновении мысли о проведении Владикавказской железной дороги точно так же слышались заявления, что возить будет нечего и что край не обладает тем богатством, а население производительностью, которые бы могли питать дорогу, доставляя ей грузы.

Но действительность превзошла все ожидания, и мы видим теперь, что Владикавказская дорога является богатейшей, хотя и прорезывает Северный Кавказ только с юга на север.

Из исторических сочинений Бентковского обращают на себя внимание, кроме «Истории колонизации Северного Кавказа», «Заселение Черномории 1792—1825 гг.» и «Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии». 1-я часть обнимает историю ногайцев, и это единственный труд по этому вопросу.

Большое внимание Бентковский уделяет калмыкам и дал ряд статей и, между прочим, составил калмыцкий календарь 1870 и 1871 гг.

Бентковский призывает к изучению калмыцкого народа и, между прочим, говорит (в статье «Общественное призрение, благотворительность и человеколюбивые подвиги по монгольским законам»): «Монгольская цивилизация, хотя и на подкладке буддизма, но по времени и в некоторых отношениях опередила цивилизацию европейскую. Поставив своей задачей сделать человека возможно гуманным, монгольская цивилизация выработала замечательные законы об общественном призрении, благотворительности и человеколюбивых подвигах. Ее гуманные взгляды простирались даже на сострадание к животным. Изучение социального быта монголов с этой точки зрения представляется поэтому чрезвычайно интересным и, можно сказать, положительно необходимым в том внимании, что прежде, чем реформировать общественные учреждения калмыков, за что мы только теперь принимаемся, нужно вполне ознакомиться с прежними социальными условиями и воззрениями народа, чтобы тем легче и вернее направить его на новый социальный путь и изменить его консервативные воззрения...»

Бентковский справедливо замечает, что прежде чем изменять условия жизни калмыков и кочующих инородцев, надо изучить их историю и бытовые условия, а между тем в этом отношении после Бентковского ничего не сделано для изучения инородцев Ставропольской губернии. А давно бы следовало написать их историю.

Работая по статистике, Бентковский делал опыт сравнения обзоров губернии Ставропольской с другими губерниями. Цель, безусловно, хорошая, имеющая практическое значение, так как этим путем можно избежать крупных ошибок в управлении. И на основании цифр Бентковский приходит к выводу, что перевес земледельческой деятельности не обусловливается плотностью населения, а наоборот, большее пространство земли, имеющееся в распоряжении населения, способствует развитию этой культуры и благосостоянию населения.

Надо отметить одну крупную подробность, указывающую, что Бентковский в часы досуга занимался и стихотворными опытами.

В моем распоряжении имеется стихотворение, хотя нигде не напечатанное и не имеющее особенных достоинств этого рода произведений, но обращающее на себя внимание как материал для характеристики самого Бентковского. Это стихотворение написано рукой Бентковского и передано им лично мне.

Стихотворение это первоначально приписывалось молодому адъютанту Завадовского, впоследствии генерал-майору Попко, автору «Черноморцев» и «Терских казаков», но другие, более осведомленные, уверяют, что оно принадлежит Бентковскому.

Хотя лично Бентковский мне не говорил, что он автор этого стихотворения, но тем не менее передал собственноручный список его, причем, как я помню, говорил, что написано оно не Попко.

Читая его на память, Бентковский, видимо, переживал прошлое, делая замечания на некоторые места, для меня непонятные, давая полное основание думать, что стихотворение написано им.

В пользу этого заключения говорит и то, что Завадовский впоследствии узнал автора этого памфлета и Бентковский подвергся какому-то наказанию, хотя несомненных улик и не было.

Я склонен думать, что действительным автором был Бентковский.

В то время еще был молодой офицер, известный остряк Едлинский, но по свидетельству всех знавших его, он отличался только острыми ответами и короткими меткими эпиграммами.

Все стихотворение написано в виде диалога и называется «Исповедь Завадовского».

Когда свершил земной свой путь
Палач Кавказа, Завадовский,
Задумав в аде отдохнуть,
Как Громобой или Твардовский,
Тогда по милости Христа,
К нему с последним утешеньем
Служитель слова и креста
Был послан и предстал с смиреньем.
Потом отверз свои уста:
«Любезный сын, сберися с силой,
Последний жизни час настал,
Между тобою и могилой
На перепутье дьявол стал.
Отдай свои мне прегрешенья
И ни единого не скрой,
Не то геенны злой мученье
За дверью гроба — жребий твой.
Скажи во-первых: чтил ли Бога
Ты в единице Трисвятой,
Или быть может Чернорога
Ты ублажал свой мольбой?»

Завадовский
Не знав я, братчику, ни Бога,
И ни якого Чернорога,
И не молывся я никому.
В чим грих, в чим правда я не знаю
И слов твоих не понимаю,
Оставь, паниче, цур ему.

Священник
Не сотворил ли ты кумира
Здесь на земле, иль в небесах,
Признавши тварь владыкой мира
И Божества ей честь воздав.

Завадовский
От тут немного будто правда:
Я Воронцова страх любыв,
За теж яки мени награды
Вин мни в знак памяти дарыв.

Священник
Не изрекал ли богохульства,
Не клялся ль именем Творца,
Считал ли ты за грех кощунство,
Скажи, заблудшая овца?

Завадовский
Не знавши Бога, богохульства
Не мог я, отче, учинить.
Не мог считать за грех кощунство
И клятив тих произносыть.

Священник
Ты чтил ли свято день субботний,
В шесть дней свершив свои дела,
И, посещая храм Господний,
Не умножал ли ты тем зла?

Завадовский
Конешно, иногда для виду
Я церковь, правда, посищав,
Бувало постою, тай выйду:
Нельзя же — я ведь генерал.

Священник
А уважал ли ты всех старших,
По воле Бога власть стяжавших,
И, ради скучного конца,
Ты чтил ли матерь и отца?

Завадовский
Отца и мать… да их по счастью
Давно уже хапун забрав,
А что касается до власти,
То кроми князя я не знав.

Священник
Не мстил ли иногда, несчастный,
И в зверской хитрости твоей
Не убивал ли ты людей,
По должности тебе подвластных?

Завадовский
Мечом не тилько человика,
Но даже муху не сгубив,
Но мстыть любив я спокин вика,
Иными средствами не бив.

Священник
Скажи теперь мне, сын мой,
Злым и блудодейным названный,
Не тяготел ли над тобой
Нечистый — мыслию призванный.

Завадовский
Бувало времячко, паниче,
Когда я помоложе був,
Теперь же сердце хоть и хоче,
Да плоть ослабла, нема сил.

Священник
Не крал ли ты, не отнимал ли
У бедных их последний кров,
Скажи прямей, не притеснял ли
Сирот и беззащитных вдов.

Завадовский
На що мени их бидный кров,
Коли я жив в казенном доми,
Касательно ж сирот и вдов
Скажу тоби прямий як можно,
Я их тиснив, но осторожно.

Священник
Не клеветал ли сам безбожно
На ближнего, иль иногда
Не слушал ли доносов ложных
На друга, недруга, врага?

Завадовский
Чудак ты, батюшка, ий Богу,
Як будто ты живешь в лису.
Кто ж правдою набив кису,
Кто з нею выйшов на дорогу?

Священник
Не пожелал ли чужого
Имущества, жены другого,
Раба, вола, осла его,
Прибытка ради своего?

Завадовский
Те-те-те-те куды заихав,
Мовчи, мовчи, я знаю сам
Досталось кой-кому с кивш лыха,
За то я грошей вить набрав.

Священник
Увы, несчастный, ты не видишь,
Что ты совсем погиб душой,
Ты добродетель ненавидишь,
Ты враг религии святой.
Покайся же скорей пред Богом,
Смирись пред добрыми людьми,
Не возносись гордыни рогом
И слову моему внемли:
Раздай греховное стяжанье
И все, что у кого отнял,
Отдай ты им все состоянье,
Моли, чтоб Бог прощенья дал.

Завадовский
Сего-то, батюшка, не буде,
От грошей я не откажусь,
Душою лучше подилюсь…
Мовчи, мовчи, вже буде, буде.

Священник горько прослезился,
Молитву крестную прочел,
Знаменьем крестным осенился
И шагом медленным ушел.

И только наш служитель Бога
С крестом вдали невидим стал,
Вдруг из подземного чертога
Владыка тартара предстал.

Завадовский
Мое поштенье, що вгодно!?

Демон
А ты не знаешь, старый хрен.
Без принуждения, свободно
Ты сам отдался в вечный плен.

Завадовский
Коли ж було се, я не знаю,
Позвольте справиться в делах,
Быть может иногда спросонья,
Иль як-ныбудь я второпях.

Демон
Не рассуждать прошу покорно,
Ты знаешь, я не Воронцов:
Сейчас ты рай отверг упорно,
Так в ад ступай в конце концов.

И только крикнул: «Эй, ребята!»
Откуда взялись чертенята —
Кричат, мяучат как коты:
Пора, пора, наш друг бесценный,
Довольно пожил ты, почтенный,
И нагрешил довольно ты.

Завадовский
Постойте, братчики, немного,
Хоть раз я Богу помолюсь,
Пошлю доклад до Воронцова
Да с жинкой, с дитками прощусь.

Демон
Стыдись: всю жизнь не знавши Бога,
Безумец, смеешь думать ты,
Что он у смертного порога
Простит злодея. Брось мечты,
Об Воронцове не печалься,
Ты не навеки с ним расстался:
Он будет там, где будешь ты.
Седой бездельник, марш за мною!

Завадовский
Ой, братцы, так пропав я з вами.
Прощай, Платоновна…
И все мое прощай.

Сохранена орфография подлинника. Это стихотворение было собственноручно написано Бентковским с поправками, что меня еще более убеждает в его авторстве.

Насколько мне известно, в бумагах покойного генерала Попко не сохранилось списка этого стихотворения.

Последние годы Бентковского были омрачены жестким и несправедливым к нему отношением бывшего Ставропольского губернатора Никифораки.

Не имея собственно никаких оснований к преследованию, Б. Никифораки очевидно тяготился таким секретарем Статистического комитета, каким был Бентковский, безусловно знающий, с характером независимым и не склонным к заискиваниям. И вот Никифораки задумал отделаться от него, но удалить его, как лицо, избранное комитетом и имеющее бесспорные заслуги, он не мог и потому стал позволять себе

насмешки и разные замечания на те случайные ошибки, которые могли оказаться в его работах и приложенных таблицах (к Всеподданнейшему отчету).

Не раз Бентковский жаловался мне на подобное отношение к нему, но уйти, не имея никаких средств, он не мог и потому должен был скрепя сердце переносить эти нападки. И вот он в письме от 19 июля 1890 г. пишет, что он «чем дальше, тем больше слабеет благодаря этим огорчениям». «5-го июля, — пишет Бентковский, — я подал Никифораки прошение о представлении меня к усиленной пенсии за 43 года и вчера он объявил, чтоб я подавал в отставку, иначе он не может меня представить к пенсии. На такую любезность я возразил, что этого сделать не могу, потому что потерял бы Владимира, на который выслужил право и к которому в нынешнем году не был представлен только по случаю его отсутствия; что разрешение пенсии пришлось бы мне ожидать год, а может быть и больше, а подав в отставку, останусь без средств к жизни; наконец, сказал, что, так как наши Комитеты содержатся на счете земских сборов, то я мог бы получать и пенсию и служить секретарем, если бы это было угодно Комитету. На это он ничего мне не ответил, но очевидно готов был меня стереть не только с должности, но и с лица земли».

Безусловно, такое отношение было резкой несправедливостью в отношении Бентковского, всю жизнь работавшего для нашего края.

Несмотря, однако, на такое серьезное огорчение, Бентковский не перестает интересоваться местными делами и тут же пишет мне по поводу дела Князь-Михайловского поселка. В то время этот вопрос был самым живым в губернии, так как местный епископ Владимир переведен был в Нижний Новгород и созданный им поселок крещеных калмыков Большедербетовского улуса [Князь-Михайловский] оставался на произвол судьбы.

Бентковский пишет, что эти калмыки, благодаря упущению губернатора в его представлении в Комитет министров, будут платить албан в том числе и зайсангам. Таким образом, прибавляет он, «православные калмыки должны будут платить подушную подать идолопоклонникам».

Бентковский очень интересовался судьбой возникшего у нас Братства Св. Владимира и в письме ко мне от 8-го мая 1890 г. спрашивает о результатах общего собрания, на котором предстояло рассмотреть проект изменений в уставе, задуманных новым епископом Евгением с целью ограничения прав совета. По этому поводу в следующем письме он, между прочим, говорит: «впрочем, если Владыка будет упрямиться и настаивать на своем, то я буду действовать энергичнее».

Все вопросы интересовали Бентковского, и между прочим в письме от 8 ноября 1889 г. он говорит о ведомости городских домовладельцев, составленной Городской Управой, которую он в подробностях рассмотрел и нашел много недосмотров, и указывает, что в ней приводятся пятирублевые дома на Николаевском проспекте.

В другом письме он снова жалуется, что, несмотря на 29 листов его работ в Статистическом комитете как члена его, все-таки «мое просвещенное начальство не знает моих трудов». При этом присылает новый указатель его статей.

29-го марта 1889 года, в письме ко мне он пишет: «Я крепко призадумался о собственном положении. Можете себе представить, что благодетельное начальство оставило меня на жаловании 62 р. 50 к. в месяц. Как жить, воспитывать сына? Бога ради, навестите меня. Случай рассказать Вам теперешнее положение облегчит мое горе».

Это письмо относится к тому времени, когда, желая выжить его из Комитета, употребляли даже неблаговидные приемы, так, он лишен был заведования неофициальной частью «Ставропольских Губернских Ведомостей» и соединенного с ним вознаграждения в сумме 400 рублей.

Безусловно, все это не могло не отразиться на здоровье хотя еще крепкого, но уже в весьма преклонном возрасте Иосифа Викентьевича.

И он положительно не знал, что делать, тем более что его работы были напечатаны в местных изданиях и никакого дохода ему не приносили. Издание же отдельно его сочинений как-то не останавливало на себе его внимания, да и безусловно требовало расходов, а грубый отказ Никифораки в напечатании его исторического атласа не давал ему надежды на получение субсидии для издания или, по крайней мере, для бесплатного напечатания в губернской типографии.

Каждое свидание с губернатором приносило ему огорчение, почему он старался бывать возможно реже, но это все-таки его не избавляло от уязвлений, так как услужливые чиновники вкривь и вкось старались доводить до его сведения, тем или другим путем, все сказанное о нем губернатором.

Вообще последнее время нравственно жилось Бентковскому очень тяжело. И в соответствии с отношением к нему губернатора изменилось к нему отношение и чиновников, и ему даже не отвечали на его запросы о тех или других сведениях, тогда как прежде все были послушны и угодливы перед ним.

То или другое отношение губернатора и раньше создавало, так сказать, настроение служебного состава, среди которого, особенно в то время, Бетковскому поневоле приходилось вращаться. И это настроение резко сказывалось на отношении к нему. Тяжело было Бентковскому работать при таких условиях. Полное одиночество, отсутствие возможности совета и обмена мыслями неизбежно сказывается на работе, давая

ей все более и более узкие рамки и лишая ее более полного освещения. Бентковского окружали одни чиновники, а если принять во внимание, что он встречал и недружелюбное отношение непосредственного начальства, то мы поймем, что только его недюжинные силы могли побороть эти препятствия и не заглушить в нем стремления к изучению края и бескорыстной работе. Условия в провинции для ученой деятельности и теперь не во многом можно назвать благоприятными, а тогда эти условия были неизмеримо хуже. Чисто формальное отношение и легкая оценка трудов, а иногда и пренебрежительное отношение официальных лиц к подобной деятельности и работе, для которых нужна поддержка, является весьма серьезным тормозом и отнимает у многих всякую охоту трудиться.

Наконец, в начале лета 1890 года Бентковский сообщил мне, что он оканчивает очень интересную работу, которую думает представить губернатору по его возвращении и надеется этим докладом прекратить те злоупотребления, которые совершаются в волостных правлениях и о которых хотя все знают, но, тем не менее, молчат. Дело шло о так называемых «темных суммах», которые находились в безотчетном и бесконтрольном распоряжении местных сельских властей и служили для всяких непредвиденных расходов, а частью и для произвольного пользования ими. Суммы эти в каждой волости, как утверждал Бентковский, образовывались из остатков от сверхсметной раскладки каждого года, благодаря прибавкам к раскладу на всякий случай. Сумм этих Бентковский насчитывал 500000 рублей по губернии.

Собрав сведения путем долгого кропотливого труда, проверкой действительных расходов волостей со сметными их назначениями, Бентковский надеялся, что труд его будет оценен, но вышло как раз наоборот.

В августе месяце я получил от жены его тревожное уведомление, что Иосиф Викентьевич заболел, с просьбой приехать немедленно. Я застал его уже почти без сознания. Проболел он недолго. 15-го августа он скончался.

В день его заболевания произошло следующее. В этот день Иосиф Викентьевич был у Никифораки по поводу своего злополучного доклада, который он ему представил ранее.

По словам жены, он вернулся крайне расстроенный, взволнованный, весь трясся и едва мог говорить. С извозчика он сошел при помощи посторонних. Он рассказал ей, что его глубоко оскорбил губернатор Никифораки, бросив ему его доклад чуть не в лицо, кричал на него, вел себя самым оскорбительным образом, не стесняясь даже посторонних лиц, бывших в приемной.

Такого отношения Бентковский не мог перенести, и у него сделался удар сейчас же по возвращении домой.

79 лет его и предшествовавшие огорчения только помогли приблизить роковую развязку и свести в могилу еще полезного работника.

Как бы ни относиться к этому тяжелому эпизоду в жизни Бентковского, но несомненно надо признать, что грубое и оскорбительное обращение с человеком, который всю жизнь посвятил себя ученым трудам и который среди бывших для него благоприятных течений не составил себе состояния, должно было потрясающе подействовать на него, и он не мог справиться с этим волнением.

Мы с полным правом можем сказать, что в лице Иосифа Викентьевича, как честного и добросовестного ученого работника, Ставропольская губерния потеряла своего дорогого сына, хотя он и был для нее случайным и далеким пришельцем, и Статистический комитет может гордиться, что в числе его членов может записать и его имя.

Список статей И.В. Бентковского

Статьи Бентковского, помещенные в сборниках статистических сведений о Ставропольской губернии

Воды и степи Большедербетовского улуса соответствуют ли условиям колонизации калмыков. Сборник, вып. I, 1868 г.

Историко-статистические сведения о селении Безопасном. Сборник, вып. II, 1869 г.

Очерк 3-го мирового участка Ставропольского уезда в топографическом, сельскохозяйственном, промышленном и статистическом отношениях. Там же и в 3-м выпуске того же сборника.

Одежда калмыков Большедербетовского улуса. Там же.

Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях. Там же и в 3-м выпуске того же сборника.

Хронологический указатель достопримечательных событий в Ставропольской губернии и вообще на Северном Кавказе. Там же.

Исторические сведения о городе Ставрополе. Сборник, вып. III, 1870 г.

О сети кавказских железных дорог. Там же.

Калмыцкий календарь на 1870 год. Там же.

Историко-статистические сведения о городе Моздоке. 100-летний его юбилей. Сборник, вып. IV, 1871 г.

Описание владельческих земель, находящихся на реках Большой и Малой Кугульте, с картою. Там же.

Калмыцкий календарь на 1871 г. Там же.

Список населенных мест Ставропольской губернии по сведениям 1873 г. Издание Статистического комитета, выпуск VI. Ставрополь, 1874 г.

Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Издание Статистического комитета, 1876 г., вып. VII.

Обзор XXVII-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества Св. Александры. Издание Статистического Комитета, 1876 г., вып. VIII. (За это сочинение автор получил от покойной императрицы бриллиантовый перстень).

Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии с приложением карты. Вып IX. Издание Статистического Комитета. 1883 г.

Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта. Кубанский сборник. Труды Кубанского Областного Статистического Комитета. 1883 г. Том I.

Вопрос лесной

О лесах в пределах бывшей Кавказской, а ныне Ставропольской губернии. С. Г. В. 1876 г. № 1 и 2.

Наше лесоводство и его неожиданные враги. С. Г. В. 1879 г. № 29.

Археографические материалы для истории лесов в Ставропольской губернии. С. Г. В. 1879 г. № 33.

Кустарные промыслы

Кустарные промыслы в Ставропольской губернии. С. Г. В. 1878 г. №№ 15, 16, 17.

По вопросу об образовании

Ст. Народное образование в С. Г. В. 1879 г. № 48.

Обозрение 27-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества по учебному заведению Св. Александры. Вып. VIII. 1878 г.

Статистика

Статистика преступлений в Ставропольской губернии за период с 1871 г. по 1876 г. С. Г. В. 1876 г. №№ 45, 46, 47, 48.

Статистика движения дел у мировых судей и в мировом съезде Ставропольского судебно-мирового округа за последние пять лет. С. Г. В. 1879 г. №№ 8, 26.

Статистика насильственных и случайных смертей в Ставропольской губернии с 1871 г. по 1876 г. С. Г. В. 1876 г. № 49.

Периодическая печать

Статистика периодической прессы. С. Г. В. 1879 г. № 41.

Народные бедствия

Материалы для статистики народных бедствий в Ставропольской губернии. С. Г. В. 1878 г. №№ 24, 25.

1879 год в Медвеженском уезде. С. Г. В. 1880 г. № 10.

Чума на Северном Кавказе в прошлом и нынешнем столетии. С. Г. В. 1879 г. № 2.

Чума рогатого скота в Ставропольской губернии. С. Г. В. 1882 г. № 31.

Наши расчеты с саранчой. С. Г. В. 1880 г. № 39.

Страховое дело

Городские общества взаимного от огня страхования. С. Г. В. 1878 г. № 29.

Взаимное от огня страхование в С.-Петербурге. С. Г. В. 1881 г. № 8.

Статьи Бентковского, помещенные в «Биржевых ведомостях»

Акциз и откуп. [псевдоним граф Фотограф]. 1863 г. № 44.

Записки виноторговца [псевдоним Заглоба]. 1863 г. № 88.

Коммерческий взгляд на производительные силы Ставропольской губернии и ее торговое значение. 1863 г. № 154.

Нападки питейного положения на музыку и мои личные на питейную номенклатуру. Прибавление к «Биржевым ведомостям». 1864г. №2.

О почтовых каретах из Ростова-на-Дону в Пятигорск. «Биржевые ведомости». 1864 г. № 5.

О разрядах населенных местностей России и о размерах патентного сбора. Прибавление к «Биржевым ведомостям». 1864 г. № 5.

Заметки торговца на положение о пошлинах за право торговли и промыслов. 1864 г. № 40.

К вопросу о подорожных. 1864 г. № 78.

Джалгинское соляное озеро. Прибавление к «Биржевым ведомостям». 1864 г. №№ 35, 38, 39, 40.

О привилегиях по соляному делу. Прибавление к «Биржевым ведомостям». 1864 г. №№ 53 и 54.

На статью «О необходимых льготах Каспийского рыболовства». 1864 г. № 199.

Проект Ростово-Владикавказской железной дороги, представленный в 1864 г. Его Императорскому Высочеству Наместнику Кавказскому. 1864 г. № 321.

Экономическое состояние городов европейской России. 1865 г. №№ 25, 57, 63 и 80.

Да здравствует арифметика. 1865 г. № 125.

О политико-экономическом и административном устройстве Кавказа. 1866 г. № 30.

Одна из причин, парализующих развитие коневодства в Большедербетовском улусе. Ученолитературные прибавления к «Биржевым ведомостям» за декабрь 1866 г.

Взгляд на наше коннозаводство в связи с ремонтированием армии кавалерийскими лошадьми. Записки для чтения «Биржевых ведомостей», книга 5 и 6 за май и июнь 1867 г.

В «Экономическом журнале», издаваемом Субботиным

Переселенческий вопрос на почве сравнительной статистики. 1885 г., кн. 5.

Семейные разделы. 1885 г., кн. 13.

Наши окраины. Поземельное устройство в Ставропольской губернии. 1886 г., кн. 7.

Отхожие промыслы. 1886 г., кн. 19.

По поводу фальсификации деревянного масла. 1888 г.

Оливководство на Кавказе. 1888 г., ноябрь.

В трудах «Вольного императорского экономического общества»

Практические замечания о болезни рогатого скота, на Кавказе называемой «чихирь».

В «Ставропольских губернских ведомостях»

Практические замечания о болезни рогатого скота, на Кавказе называемой «чихирь». 1853 г. № 8 (см. «Тр. Вол. Им. Экон. Общ.).

Практические замечания о калмыцком рогатом скоте, овцах и лошадях. 1862 г. № 42.

Поездка на Джалгинское соляное озеро. 1862 г. №№ 43 и 44.

Несколько слов о возможности направить течение Кубани в Дон и тем порешить вопрос об обмелении донских гирл. 1865 г. № 40.

Удачный опыт соления сена при кошении в дождливое время. 1871 г. № 22.

Однодневная перепись города Ставрополя 17 декабря 1872 г. 1873 г. №№ 19 и 53, 1874 г. №№ 1 и 2, 1875 г. № 5.

Поездка по Ставропольской губернии. 1874 г. №№ 32, 33 и 34.

Историко-статистические сведения о виноделии в Ставропольской губернии. 1875 г. №№ 13, 14, 15 и 16.

Материалы для статистики экономического состояния Ставропольской губернии. 1875 г. №№ 28, 29, 30, 31, 36, 37, 38, 39, 40, 41 и 42.

Генерал-от-инфантерии Георгий Арсеньевич Емануель. 1875 г. № 38 и 39.

Ставрополь в историко-статистическом, административном, торгово-промышленном и экономическом отношениях. 1875 г. №№ 43, 44, 45, 46, 47.

О лесах в пределах бывшей Кавказской, а ныне Ставропольской губернии. 1876 г. №№ 1 и 2.

Местный строительный камень и первое каменное здание в Ставрополе. 1876 г. №№ 3 и 4.

Открытие в Ставрополе первых присутственных мест. 1876 г. № 5.

Ставрополь с открытия городового магистрата 15 февраля 1785 г. до учреждения шестигласной думы 18 апреля 1808 г. 1876 г, №№ 6, 7 и 10.

Ставропольское купечество, его капиталы, торговля, промышленность и нужды. 1876 г. №№ 11 и 12.

Первое приходское училище в Ставрополе. 1876 г. № 13.

Городские доходы и натуральные повинности. 1876 г. №№ 17 и 18.

Первые начатки городского благоустройства. Войска, расположенные в крепости Ставропольской, и натуральные в пользу их повинности граждан. Попытки жителей к разведению виноградных садов. Чума. Выборные общественные деятели. Городская полиция. Открытие шестигласной думы. 1876 г. № 19.

Вторичное открытие Кавказской губернии. 1876 г. №№ 27 и 28.

Дела наши на Северном Кавказе от высадки Петра I в Астрахани до основания крепости Кизляра с 1722 по 1735 г.

От основания крепости в урочище Кизляр до построения крепости Моздока с 1735 г. по 1765 г. 1876 г. № 30.

От построения укрепления Моздок до учреждения Кавказского Наместничества с 1765 г. по 1786 г. 1876 г. №№ 31, 32 и 33.

До учреждения Кавказской губернии в 1786 г. 1874 г. № 34.

Движение гражданской колонизации на Северном Кавказе со времени открытия Кавказской губернии до перевода присутственных мест из Екатеринограда в Георгиевск в 1804 г. 1876 г. №№ 35 и 38.

Частное землевладение и крепостная колонизация на Северном Кавказе до 1804 г. 1876 г. № 41.

Древние христианские церкви за Кубанью, близ Хумары. 1876 г. № 43.

Статистика преступлений в Ставропольской губернии за период с 1871 г. по 1876 г. 1876 г. №№ 45, 46, 47 и 48.

Статистика насильственных и случайных смертей в Ставропольской губернии с 1871 по 1876 г. 1876 г. № 49.

Сравнительный обзор экономического состояния Ставропольской и Астраханской губерний по сведениям 1873 г. 1876 г. № 50.

Статистические сведения о состоянии Ставропольской губернии за 1875 г. 1876 г. №№ 51 и 52 и 1877 г. №№ 2, 3 и 4.

За 1877 год

Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести. №№ 5 и 6.

Военные законы монголов и влияние их на кочевую культуру калмыков и вообще на дух народа. № 8.

Грабежи, разбои, воровство с точки зрения монгольских законов и буддизма. №№ 13 и 14.

Общественное призрение, благотворительность и человеколюбивые подвиги по монгольским законам. № 15.

Монгольские законы об охоте. № 16.

Краткие сведения о ссудо-сберегательных товариществах и кассах по 1-е октября 1876 г. №№ 38, 39, 40 и 41.

По поводу столетнего юбилея дня рождения Императора Александра I.

Материалы для истории края. № 1.

Несколько слов о причинах упадка шелководства в пределах бывшей Кавказской губернии. №№ 3 и 4.

За 1878 год

К вопросу как улучшить и удешевить мясо в Тифлисе. № 5.

Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии. №№ 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 1879 г. №№ 15, 16, 17, 18.

Кустарные промыслы в Ставропольской губернии. №№ 15, 16 и 17.

О значении хуторов в Ставропольской губернии. №№ 18, 19, 20, 21, 22 и 23.

Материалы для статистики народных бедствий в Ставропольской губернии. №№ 24 и 25.

Обзор Ставропольской и Казанской губерний по сведениям 1876 г. № 26.

О мерах к успешному ходу кавказского виноделия и сбыта местных вин. №№ 27 и 28.

Обзор Ставропольской и Подольской губерний по сведениям 1874 г. № 28.

Городские общества взаимного от огня страхования. № 29.

Обзор земледельческой деятельности Ставропольской губернии за 1877 г. и сравнение ее в этом отношении с Харьковской губернией. № 31.

Народная нравственность в Ставропольской губернии по материалам с 1871 г. по 1878 г. №№ 33, 34 и 38.

Обзор Ставропольских конских скачек на Императорские призы. №№ 41, 42, 43, 44.

Заштатный город Св. Креста. Монография. №№ 46, 47, 48, 49, 50, 52 и 53.

За 1879 год

Старинный проект проведения р. Кумы в Каспийское море. № 1.

Чума на Северном Кавказе в прошлом и нынешнем столетии. № 2.

Ставропольская старина с приложением плана крепости. Суворов встречает 1779 г. в Ставропольской крепости. № 1.

Несколько слов о Ставропольском климате. №№ 4 и 6.

Значение Ставропольской губернии в системе акцизных сборов. № 5.

Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Колонизация низовья Кубани. № 7.

Статистика движения дел у мировых судей и в мировом съезде Ставропольского судебно-мирового округа за последние пять лет. №№ 8 и 26.

Материалы для новой истории Северного Кавказа. Смерть первого черноморского кошевого атамана Чепеги и последовавшие затем события. № 8.

О первоначальном физическом воспитании у калмыков и ногайцев, кочующих в Ставропольской губернии. №№ 9 и 10. [За эту статью Импер. общ. естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете присудило бронзовую медаль].

О рельсовом соединении Ставрополя с Ростово-Владикавказской железной дорогой. № 13.

Городское хозяйство, мясной и хлебный рынки. № 15.

Распределение недвижимых имуществ между городским населением по сословиям. № 21.

Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Город Ставрополь. № 22.

О необходимости изучения Ставропольской губернии в ботаническом отношении. № 23.

Целительные грязи Джалгинского соляного озера. № 28.

Наше лесоводство и его неожиданные враги. № 29.

Владикавказское ремесленное училище и его питомцы. № 30.

Наши кочевники и их экономическое состояние. №№ 32, 34, 35.

Археографические материалы для истории лесов в Ставропольской губернии. № 33.

Почтовая статистика. № 38.

Статистика периодической прессы. № 41.

Два слова о проекте Данилова (о соединении Черного и Каспийского морей судоходным ирригационным каналом посредством вод Терека и Кубани). 1879 г. № 45.

Народное образование. № 48.

Бабуковцы. №№ 50 и 51.

За 1880 год

Материалы для истории образования бывшего кавказского линейного (ныне Терского) казачьего войска. №№ 2, 3, 4, 5, и 6.

Беглый обзор развития экономического состояния Ставропольской губернии в 25-летнее царствование Императора Александра II. №№ 8, 9 и 10.

1879 год в Медвеженском уезде. № 10.

Конокрадство и самосуд. №№ 26, 32 и 34.

Результаты сенокошения в 1880 г. № 33.

Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Моздокские так называемые «крещеные калмыки». №№ 35, 38 и 42.

Наша общественная благотворительность. № 37.

Наши расчеты с саранчой. № 39.

Подспорье топлива. № 41.

За 1881 год

Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Черномории. Памятная книжка Кубанской области 1881 г. [За эту статью Кубанский областной статистический комитет почтил автора званием своего почетного члена].

Торф на Кравцовом озере близ Ставрополя. №№ 6 и 7.

Взаимное от огня страхование в С.-Петербурге. № 8.

Два слова о предполагаемой ветви железной дороги от Ставрополя. № 44.

Несколько общих выводов о населенных местах и поземельной собственности в Ставропольской губернии. №№ 44, 46, 47.

За 1882 год

Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение бывшего Кавказского линейного казачьего войска. №№ 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11 и 1883 г. №№ 8 и 10.

Река Кума и необходимость улучшить ее экономическое значение. 1882 г. №№ 27 и 28. (Статья эта возбудила вопрос об урегулировании реки Кумы).

Обзор экономического состояния инородцев, кочующих в Ставропольской губернии. №№ 29, 30, 31, 32, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50 и 1883 г. №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11.

Чума рогатого скота в Ставропольской губернии. 1882 г. № 31.

За 1883 год

Обзор конского хозяйства в Ставропольской губернии. № 12 и 1884 г. № 26.

Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Кавказской области. № 37.

Сравнительный обзор хлебной производительности на Северном Кавказе по сведениям 1882 г. № 39.

За 1884 год
Крепостная колонизация в бывшей Кавказской, ныне Ставропольской губернии. № 30.

За 1885 год
Где был построен гор. Терки. № 3.
Город Терки. №№ 6, 7, 8.
Значение гор. Терки в истории распространения русского владычества на Северном Кавказе. № 11.
Судьбы шелководства в Ставропольской губернии. №№ 12, 13, 14.

За 1886 год
Кавказская губерния во время А.П. Ермолова с 1816 г. по 1824 г. №№ 27, 28, 29, 30.
Петр I на Кавказе. Построение крепости Св. Креста. №№ 33, 34.
Первоначальное устройство административных учреждений Кавказской губернии. №№ 39, 40, 41, 42, 43, 46.

За 1887 год
Упразднение гор. Екатеринодара и перенесение губернских присутственных мест в Астрахань. №№ 4, 5, 6.
Вторичное открытие Кавказской губернии в гор. Георгиевске. №№ 7, 9, 10, 11.
Кавказская губерния до преобразования в область 1804—1824 гг. №№ 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 26, 27.
Император Николай I в Ставрополе. № 42.

В газете «Кубань»
Происхождение казачества, его развитие и идеи. 1883 г.
Одна из главнейших причин упадка табунного коневодства в Черномории. 1883 г.

В «Ставропольских епархиальных ведомостях»

По поводу фальсификации деревянного масла. 1888 г. № 22.
В «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете». Москва, 1887 г., кн. 3.
Гребенцы. Откуда пришли гребенские казаки. Когда и где поселяются за Тереком. С какого времени начали служить русским царям.

Примечание

1. Бывший председатель археографического комитета в Тифлисе.

Текст и примечание печатаются по источнику:
Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета. — Ставрополь, 1908.

В.В. Госданкер

Историк-кавказовед И.В. Бентковский (1812—1890). Краткий очерк жизни и научно-краеведческой деятельности

Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками.

В.И. Ленин

Включение Северного Кавказа в экономическую жизнь России, его заселение и освоение в конце XVIII и XIX вв. военнослужащими, казачеством, крестьянами, купцами, ремесленниками из центральных районов России имело, как известно, огромные последствия и нашло широкое отражение в отечественной историографии.

Край становился на путь экономического подъема с быстро развивающимся земледелием, скотоводством, городами, многочисленными селениями, станицами. Необъятные здешние просторы осваивались трудом, потом, кровью российского крестьянина-переселенца, ценою неимоверных лишений, порой в трагических военных и классовых столкновениях.

Вместе с тем рост военной и гражданской администрации, почтовых и транспортных связей с центрами России, организация первых учебных заведений, библиотек, театра, основание курортов на Кавказских Минеральных Водах, появление газет и журналов способствовало пробуждению общественной мысли, повышенному интересу к изучению природы, истории, экономики и культуры края.

Процесс столь бурного развития Ставрополья в рассматриваемый период представляет особый интерес не только для нынешних специалистов по аграрной истории, социологии, статистиков, демографов, но и для огромной массы краеведов, активистов Общества охраны памятников истории и культуры, пропагандистов.

Ценнейший трудовой опыт многих поколений мастеровых людей, хлеборобов, животноводов, славные революционные, боевые и культурные традиции Ставрополья берут свое начало с далекого прошлого нашей Родины, истории Ставропольской земли, где ныне расцветает передовая социалистическая экономика и культура.

Конечно, надо отдавать себе отчет в том, что большинство исторических исследований дореволюционного времени отражало дворянско-буржуазные, либеральные и народнические взгляды на законы общественного развития. Но богатейший фактический материал, многообразие жанров источниковедческого характера, научная добросовестность многих авторов помогают нашим современникам глубже, с марксистско-ленинских позиций осмыслить природу и особенности разложения феодально-крепостнических и развитие буржуазных отношений в Предкавказье во время его активного экономического освоения.

Начиная с 50-х годов XIX в., в изучение прошлого Ставрополья влились многочисленные местные силы, которые настолько обогатили его сведениями по вопросам истории материальной и духовной культуры, что этот период, несомненно, следует считать временем становления и развития такого общественного движения, как «родиноведение» — краеведение.

Одним из выдающихся летописцев Ставрополья и Кубани в течение почти 40-летнего периода (с 1853 по 1890 г.) был историк, статистик, экономист, этнограф и краевед Иосиф Викентьевич Бентковский.

Весной 1812 г. вассальная Европа, оказавшаяся у ног Бонапарта, готовилась к походу на Россию. Начиналась одна из самых грандиозных до сих пор войн. Исходной позицией, откуда двинулась на Восток почти полумиллионная армия Наполеона, стала многострадальная земля Польши.

Именно в эту пору, а точнее 19 марта 1812 г., в семье знатных, но небогатых дворян Брескульского уезда Варшавского герцогства Викентия Бентковского и Жозефины Бентковской, урожденной Рудницкой, родился сын Иосиф. Спустя почти 75 лет Иосиф Викентьевич Бентковский до предела скупо скажет о своем происхождении: «Следовательно, по рождению я поляк. Среднее образование я получил сначала в Влоцлавске, а потом в Плоцке, но высшего не дала мне даже начать революция 1830 года и бросила на Кавказ».[1]

Не найдено пока никаких указаний о непосредственной причастности семьи Бентковских к знаменитому польскому восстанию 1830—1831 гг. Но почему-то об этой странице своей жизни Иосиф Бентковский, когда даже друзья касались невольного его путешествия «в серой шинели» из Польши на Кавказ, говорил весьма осторожно.

То было время, когда Июльская революция свергла династию Бурбонов и французский народ покончил с попытками феодальной реставрации. Сокрушительный удар был нанесен «Священному союзу», пошатнулись позиции русского царизма — жандарма Европы.

Царизм подвергал Польшу тяжелому национальному гнету: конституция царства Польского, объявленная в 1815 г., постоянно и грубо нарушалась, участились аресты и ссылки депутатов, проводилась по-

литика насильственной русификации, господствовал произвол наместника — Цесаревича Константина. После восстания декабристов царство Польское покрылось сетью тайной полиции, жестокий контроль тяготел над просвещением и передовой мыслью.

И хотя польские революционеры с их шляхетско-националистическими тенденциями вовсе не помышляли о социальных преобразованиях, облегчении положения крестьян, уничтожении феодального гнета, борьба Польши против царизма — эта, по словам Ф. Энгельса, «консервативная революция» — имела большое значение для международного освободительного движения того времени.[2]

В память, в сердце юного шляхтича, тогда еще гимназиста, Иосифа Бентковского врезались дни разгрома царскими жандармами польского Патриотического общества, потом тайные сходки подхорунжих, студентов и гимназистов старших классов и, наконец, революционный взрыв, высоко поднявший престиж его родины в борьбе с тиранией Николая I. Иосифу хорошо запомнился последний выпускной класс гимназии, ночь на 29 ноября 1830 г., отряд подхорунжих, ворвавшийся в Бельведерский дворец наместника с криками: «Смерть тирану!». Городская трудовая масса тогда завладела арсеналом, варшавяне взяли в руки оружие.

Быть свидетелем, а возможно, и непосредственным участником народного ликования, когда член Патриотического клуба Адам Гуровский 25 января 1831 г. произнес восторженную революционную речь в честь русских декабристов, очень много значило для формирования взглядов Иосифа Бентковского.

Судьба многих самоотверженных, полных энтузиазма и мужества поляков, участвовавших в движении 1830—1831 годов, была решена в кровавых сражениях под Гроховым, Варшавой и Остроленком. Потерпев жестокое поражение в боях со стотысячной царской армией, революционная Польша, по словам Ф. Энгельса, была «оккупирована так крепко, что не могла и шевельнуться».[3]

Эта участь настигла и семью Бентковских. Иначе как можно объяснить, что сын дворянина, вполне образованный по тем временам юноша, был зачислен в 1832 г. рядовым солдатом в Депо Плоцкого воеводства и лишь год спустя произведен в унтер-офицеры.

В феврале 1832 г. был опубликован «Органический статут», согласно которому царство Польское объявлялось «неотъемлемой» частью Российской империи. Затем был учрежден уголовный суд над повстанцами. Казни, ссылки в Сибирь и на «погибельный Кавказ», конфискация имений участников восстания явились прямым продолжением реакционной политики Николая I в Польше.

В серой шинели опального солдата Наваринского полка, а затем 1-го Кавказского линейного батальона, И.В. Бентковский в 1833 г. навсегда покинул родину и отправился походным маршем на войну и поселение в далекую и неведомую ему Кавказскую область. «Русский язык я изучил на марше с таким успехом, — писал он, — что по прибытии в Ставрополь 4 февраля 1834 года меня, после отличной рекомендации партионного офицера, которому я в походе помогал в переписке, оставили в штабе Командующего Кавказской линии и Черномории и Астрахани для распределения и рассылки множества документов на польском и литовском языках (метрик) в разные части войск, где служили поляки».[4]

Новая обстановка, молодость, здоровье, жажда деятельности, пытливый интерес к окружающему миру и людям помогли Иосифу справиться с болью, которая всегда возникает у человека, оказавшегося на чужбине, да еще не по своей воле. С Бентковским произошел тот редкий, а потому счастливый случай, когда недюжинные способности и трудолюбие взяли верх над униженным положением ссыльного.

Тут надо отметить атмосферу повсеместного дружелюбия, которое испытывал Иосиф в солдатской, офицерской и чиновничьей среде по пути в Ставрополь и при штабе командующего войсками. Серая солдатская масса забитых неволей российских крестьян и казачьей бедноты, незнатные служаки-офицеры, ссыльные декабристы, тревожная обстановка на Кавказе — все это укрепляло сознание того, что трудовая, подневольная, мыслящая, свободолюбивая Россия не в меньшей степени, чем народ Польши, страдает от царской деспотии.

Необжитый край требовал приложения рук и знаний, особенно в просвещении, оценке природных богатств, изучении истории и экономики. В Ставрополе не было тогда никаких учебных заведений, кроме духовного и уездного училищ. И это обстоятельство предоставило И. Бентковскому возможность получить скромные средства для жизни. Он стал давать уроки в трех частных домах.

При штабе командующего Кавказской линией находилось множество чинов казачьей администрации. Разнообразная и усердная служба ссыльного И. Бентковского скоро обратила на себя внимание военного начальства, а дружба с некоторыми казачьими урядниками послужила, видимо, толчком к тому, что зимой 1836 г. он подал прошение о зачислении его в Кавказское линейное казачье войско.

1-го июня этого же года ходатайство И.В. Бентковского было удовлетворено. Его зачислили «с Величайшего дозволения в Кавказское линейное войско навсегда с потомством и принятием православия».[5]

В послужном списке И.В. Бентковского мы нигде так и не найдем каких-либо указаний о понесенном им наказании за участие в событиях 1830—1831 гг. Вероятно, это было сделано не без дружеского участия военных и административных чиновников, питавших к обаятельному и трудолюбивому поляку особое расположение.

Когда весной 1854 г. Иосиф Бентковский выйдет в отставку, его послужной список будут заключать такие слова: «Наказаниям и взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе, никогда подвергаем не был ни по судебным приговорам, ни в дисциплинарном порядке, в подозрении по преступлениям, влекущим за собой также ограничения, и под судом никогда не был».[6]

Штаб Ставропольского казачьего полка находился тогда в ст. Михайловской (ныне с. Шпаковское. — В.Г.). 24-летний И. Бентковский явился к командиру полка для прохождения службы, и тот предложил ему полковую школу, т. е. немедля сделал педагогом, произведя тут же в урядники.

«В том же году я женился на дочери казачьего офицера и открыл (тогда ничьего разрешения не спрашивали) пансион. В учениках у меня недостатка не было... Из многих учеников многие дослужились до штаб-офицерских чинов. В 1840 году мая 23 я произведен в зауряд-хорунжие, а в 1842 году апреля 1-го действительным хорунжим».[7]

В общей сложности военная служба И.В. Бентковского продолжалась более 25 лет. Путь от рядового солдата до офицера, казачьего сотника, начальника Михайловской станицы, заседателя полкового правления 4-й бригады Кавказского линейного войска стал для него не только великолепной школой познания российской действительности, но и удачной возможностью побывать в различных уголках необъятного края, познакомиться с нравами и обычаями народов Северного Кавказа, жизнью различных сословий первопоселенцев из России, узнать новые села, станицы и города.

И. Бентковский знакомится с архивами и литературными источниками по истории Кавказа, составляет библиографию, собирает статистический материал о развитии хозяйства, народонаселения ставропольских и кубанских земель. Но только с выходом в отставку в 1857 г. Иосиф Викентьевич смог заняться вплотную историко-краеведческой и литературной деятельностью. «Переселившись в село Безопасное в 1857 году, по случаю вступления во второй брак, — писал он, — я всецело посвятил себя сельскому хозяйству и торговле, не оставляя литературных трудов, которые доставили мне место действительного члена в статистическом комитете».[8]

«Историко-статистические сведения о селении Безопасном» — так называется первая фундаментальная научная статья И. Бентковского, положившая начало его многогранной и полезной деятельности на ниве краеведения.[9] Мы продолжим изложение биографического материала о видном историке-кавказоведе XIX в. и его наследии в тесной связи с оценкой его творчества, ибо «Иосиф Викентьевич весь вылился в его трудах, разбор которых и даст лучшую характеристику его». Эти строки принадлежат известному ставропольскому краеведу и публицисту Г.Н. Прозрителеву (1845—1934 гг.), близко знавшему И.В. Бентковского.

Чтобы полнее представить вклад Иосифа Викентьевича Бентковского в историографию Северного Кавказа, нам предстоит ответить, по крайней мере, на три основных вопроса: 1) что оказывало воздействие на его творчество как историка и краеведа? 2) что изучалось, какова была источниковая база его исследований? 3) каковы были идейные позиции И.В. Бентковского?

К 50-м годам XIX в. конфликт между производительными силами и производственными отношениями обострился настолько, что старая феодальная система в России должна была уступить место новому капиталистическому способу производства. Огромные социально-экономические сдвиги, которые произошли к этому времени и в Предкавказье (Ставропольская губерния, Кубанская и Терская области), тесно связаны с реформой 1861 г. и окончанием Кавказской 65-летней войны. В этот район больших сельскохозяйственных возможностей, богатейших природных ресурсов хлынули крестьяне из центральных губерний России. Происходило распределение земель и разложение крестьянства, создавались новые села и станицы, на капиталистический путь перестраивалось зерновое хозяйство, животноводство, торговля.

Российские переселенцы, кочевые и горские народы совместными усилиями выращивали местные породы лошадей, крупного рогатого скота и овец. В процессе освоения степных пространств были выведены ценные сорта пшеницы, появились ранее не известные здесь сельскохозяйственные культуры. Развитие капитализма «вширь» не только втягивало окраины в единую экономическую систему, но и создавало фронт борьбы крестьянских масс России за землю и свободу.

Историография Ставрополья и Кубани в XIX в. развивалась в едином русле общерусской историографии, отражая особенности развития исторической науки, вызванные кризисом феодально-крепостнической системы, интенсивным развитием капитализма, оживлением научной мысли, осложнением всей политической жизни страны.

Рос интерес к военным и экономическим проблемам истории, к статистике, этнографии, археологии. Центром исторической науки на Кавказе стала Археографическая комиссия, основанная в Тифлисе в 1864 г. Первый том «Актов Кавказской археографической комиссии», имеющий 766 страниц с алфавитным указателем, под редакцией Ад. Берже, вышел в 1866 г. (всего издано 12 томов).[10] Это ценнейшее собрание документов по истории Кавказа от древнейших времен до середины XIX века имеет огромное значение для осмысливания исторического наследия и оказало немалую услугу отечественной науке.

В 1850 г. были открыты Кавказское общество сельского хозяйства и Кавказский отдел Русского географического общества, положившие начало систематическому обследованию и публикации материалов о природных богатствах, развитии производительных сил, племенах и народах Кавказа, хронике исторических событий, жизни замечательных людей.[11]

Первая половина XIX в. характерна значительным расширением экономико-статистических источников. По разным вопросам хозяйства и управления организуется текущая статистика. В Академии наук и университетах утверждались кафедры статистики, издавались труды и учебники, преподавательские курсы статистики вводились в гимназии.

Наряду с ведомственной статистикой, ставящей узкопрактические цели, создавались ученые общества и среди них старейшее в России «Вольное экономическое общество», основанное еще в 1765 г. Согласно программе «Вольного экономического общества» в 1819 г. были составлены описания Астраханской и Кавказской областей.[12]

В 1834 г. на местах стали создаваться губернские статистические комитеты, возглавляемые Статистическим отделением МВД, а позднее Центральным статистическим комитетом. «В то время в русской статистике господствовал описательный метод. Под статистикой понимали общее экономико-географическое описание. Сюда входило описание природных условий, сельского хозяйства, промышленности, быта и нравов, достопримечательностей».[13]

Более высокого уровня достигли статистические исследования, которые проводило Военное министерство силами офицеров Генерального штаба, людьми образованными и весьма подготовленными для этой цели. Топографическое изучение местности, состояния дорог, продовольственных и фуражных ресурсов, мест расквартирования войск немало способствовало накоплению сведений о стране, в частности о Ставрополье и Кубани в период Кавказских войн.[14]

Ставропольский губернский статистический комитет был основан в 1858 г., но лишь с избранием в его состав И.В. Бентковского забурлила в нем творческая научная жизнь, а печатные издания комитета, осуществляемые с 1868 г., стали подлинной энциклопедией по истории края.

Когда знакомишься с фундаментальными работами И.В. Бентковского, особенно материалами по истории колонизации Северного Кавказа, заселения Черноморья, образования Кавказского линейного, а затем Терского казачьего войска, с историческими и биографическими очерками из цикла «Ставропольская старина», то обращает на себя внимание большое количество архивных источников, которые находились в расположении автора и были им использованы.

Несомненно, И. Бентковскому хорошо был известен архив Ставропольского губернского правления,[15] который был основан в 1779 г. и, естественно, включает многочисленные документы по истории Кавказской войны. Богатейшими фондами обладал архив Ставропольской казенной палаты,[16] начатый в 1785 г. Еще более ранние источники военного, административного и экономического характера имелись в архиве Ставропольской духовной Консистории.[17]

В делах Ставропольской казенной палаты сосредоточивались ревизские сказки, дела по винной продаже, отбыванию натуральных земских повинностей, отдаче на откуп оброчных статей, дела о мельницах, о переселении крестьян и т.д. На относительно хорошем уровне шло формирование архивов Ставропольской городской управы,[18] Окружного суда,[19] Мужской гимназии,[20] Контрольной палаты, Акцизного управления, Губернской чертежной комиссии.[21]

В архиве Ставропольской городской полиции[22] И. Бентковский пользовался делами бывшего Ставропольского городского магистратора, уездных судов, Палаты уголовного и гражданского суда, Приказа общественного призрения, то есть документами периода основания города.

В середине XIX века в распоряжении историков-кавказоведов уже имелись такие вполне систематизированные архивы, как документы штаба Кавказского военного округа на территории военных действий, Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, канцелярии по делам устройства крестьян; Кавказской археографической комиссии в Тифлисе,[23] Войскового управления и штаба Кубанского казачьего войска,[24] Терского казачьего войска[25] и других.

Годовые отчеты об экономическом состоянии губернии, налоговая политика, размежевание земель, меновые отношения с горцами, крестьянские волнения, картина заселения края, особенности казачьей и крестьянской колонизации, хроника военных событий, жизнь городов, со всей громоздкостью, обилием материалов и противоречивостью, — такими предстали архивные богатства перед исследователями тех лет.

Что касается печатных исторических трудов, то они, несомненно, заполняли рабочий стол И. Бентковского и при его самом деятельном участии составили солидную библиотеку Ставропольского статистического комитета и фонд первой публичной библиотеки в городе.[26]

В целом это была универсальная литература общепознавательного характера. Научная ценность ряда статей, очерков, записок была невысокой как в смысле фактического материала, так и с точки зрения взглядов, научных и политических тенденций авторов. Здесь важно подчеркнуть, что история развития русской периодической печати на Кавказе неразрывно связана с первыми шагами краеведения, попыткой

осмыслить, ввести в научный оборот огромный поток неизвестных до сих пор сведений о природе, истории, экономике, статистике, этнографии этого обширного, совершенно не изученного края.

Периодическая печать, журналы, а с середины XIX в. и газеты заняли заметное место в общественно-политической и идейно-литературной жизни России. В дореформенное время возникло до шестисот новых периодических изданий,[27] началась специализация органов печати, появились иллюстрации — рисунки, гравюры, литографии, исторические планы, карты, факсимиле документов. Значительные тиражи имели такие известные журналы, как «Труды Вольного экономического общества», «Русский инвалид», «Сын отечества», «Северная пчела», «Современник», «Отечественные записки», «Русский вестник», «Русский архив». В этих журналах публиковались статьи по истории, путевые записки, мемуары, статьи о жизни замечательных людей.

Из официально-ведомственных научных и специальных отраслевых журналов в Ставрополь в 40—60-х годах поступали «Горный журнал» (1825—1917 гг.) — орган Министерства финансов, «Журнал Министерства государственных имуществ» (1841—1864), «Журнал коннозаводства и охоты» (1842—1857 гг.), «Ученые записки императорского Московского университета», «Русский исторический сборник» и др.[28]

Первым печатным органом, издаваемым в Тифлисе, были «Тифлисские ведомости» (1828 г.), а затем стал выпускаться «Кавказский вестник» (1837—1855 гг.), субсидируемый меценатами из числа местных сановников. Полуофициальный характер газеты не мешал, однако, появлению в ней множества ценных исторических очерков, заметок периода Кавказских войн. Спустя 9 лет, по инициативе наместника Кавказа С.М. Воронцова, начала выходить газета «Кавказ», сделавшаяся впоследствии своеобразной летописью края.

Но расцвет общественно-политической мысли, первые шаги северокавказского краеведения связаны с выходом в свет «Ставропольских губернских ведомостей» (1850 г.), а затем «Кубанских войсковых ведомостей» (1863 г.) и «Терских ведомостей» (1868 г.).[29] Губернские ведомости, которые начали выходить в России еще с 1838 г. по единому типу и программе, являются для историков весьма ценным источником. Несмотря на мизерный тираж, бдительный и придирчивый контроль правительства, губернские ведомости, особенно в так называемой «неофициальной части», стали своеобразной трибуной местных краеведов, историков, статистиков, этнографов, публицистов.

Свою первую статью «Практические замечания о болезни рогатого скота, называемой на Кавказе «Чихир» И.В. Бентковский опубликовал именно в «Ставропольских губернских ведомостях».[30] И с тех пор три десятка лет он был постоянным сотрудником этой газеты, затрагивая в своих статьях буквально все стороны местной жизни: коневодство, соляной вопрос, водное хозяйство, ветеринарию, скотоводство, промышленность, лесоводство, железнодорожное дело, этнографию, статистику, историю, экономику, биографические материалы.[31]

В 1875 г. И.В. Бентковский возбудил вопрос о создании «неофициальной части», а затем становится заведующим этой частью… и ведет ее до № 13 1889 г. Это последний номер, подписанный им.[32] Надо ли говорить, какое значение имела газета для «трудного дела Северо-Кавказского родиноведения»,[33] если статьи И.В. Бентковского с 1853 г. по 1889 г. появлялись в «Ставропольских губернских ведомостях» 247 раз!

Для осмысливания сложных процессов в истории, хозяйстве, культуре и быте народов нужны были еще качества образованного и весьма добросовестного систематизатора накопленных знаний. Такой одаренной личностью, проникнутой интересами краеведения, полностью посвятившей себя этому благородному делу, был Иосиф Викентьевич Бентковский.

Итак, в 1857 г. 45-летний отставной капитан И.В. Бентковский поселился в с. Безопасном, где занялся хозяйством и даже торговлей. Однако после избрания его действительным членом, а затем в 1871 г. секретарем Ставропольского статистического комитета он окончательно переехал в Ставрополь и всецело посвятил себя ученой деятельности.

Историко-статистический очерк о с. Безопасном помогает нам разобраться не только в хронике событий, связанных со строительством Азово-Моздокской укрепленной линии, процессом заселения и экономического развития одного из крупнейших степных сел, но и дает нам возможность проследить за общественными взглядами автора, методами использования источников, стилем повествования.

Очерком о с. Безопасном И.В. Бентковский по существу начал публикацию обширного цикла материалов по истории заселения Северного Кавказа. Очерку был предпослан весьма примечательный эпиграф: «Изучать крестьянский быт — значит изучать историю; крестьянский обычай есть живой архив — собрание неоцененных исторических источников (Рюль)».

Надо сказать, что И.В. Бентковский до конца жизни следовал этой задаче, ибо она соответствовала не только внутреннему направлению его творчества, но и выражала объективные исторические условия. Он весьма скромно оценивает свою краеведческую деятельность, хорошо понимая не только величину масштабов и широту проблематики, стоящей перед исследователями, но, безусловно, и то, что историческая наука будет идти вперед по мере развития общественной мысли.

«История покорения Кавказа — дело потомства, подбор материалов для этой истории — дело современников»,[34] — писал Бентковский. Многие годы он добровольно находился на положении «черно-

рабочего исторической науки», обладая широким кругозором исследователя, упорно работал для будущего. Сын своего века и своего класса, он, однако, далеко ушел от официально-дворянской точки зрения на историю края, которая объясняла дела на Кавказе главным образом успехами русского оружия.

«В последние десять лет, — писал он, — военная литература обогатилась очерками многих отдельных военных эпизодов здешней войны и биографиями замечательных лиц... При всем, однако же, достоинстве этих сочинений их можно считать только подбором материалов для будущей истории... Но когда военные писатели так заботятся о своей специальной литературе и не менее того о военной славе, материалы, относящиеся до заселения Северного Кавказа и Ставропольской губернии в особенности, все еще не тронутые, покоятся в разных архивах. Не пора ли стряхнуть с них пыль и передать науке?»

В этой же статье далее говорилось: «едва ли можно сомневаться, что во многих случаях успех русского оружия обусловливался водворением оседлого населения».[35] Эту твердую точку зрения Бентковского мы отлично видим во всех трудах современных специалистов по аграрной истории Предкавказья.[36]

Работая над историей с. Безопасного, а затем и над «Очерком 3-го мирового участка Ставропольского уезда в топографическом, сельскохозяйственном, промышленном и статистическом отношениях»,[37] И.В. Бентковский безусловно имел уже устоявшуюся точку зрения на процесс экономической колонизации края, значительный навык в исследовательской работе, опыт обращения с цифрами и архивными материалами.

Если по своей конструкции работа «Село Безопасное» напоминает историческую хронику со дня основания Безопасненского редута, поставленного для охраны главного дорожного тракта на Ставрополь и далее на Кавказ, то «Очерки 3-го мирового участка» представляют собой более фундаментальное исследование, затрагивающее географическое положение, границы, воды, административное деление, характеристику населения, земельных наделов, хлебопашество, овцеводство, садоводство и огородничество, торговлю, ярмарки, сельские постройки, мельницы, маслобойни, перевозные средства, ремесла, школу, церковь...

В условиях бездорожья и дикости тех времен, низкого уровня статистики, бюрократизма, а порой дезинформации, И.В. Бентковский с похвальной тщательностью проверял цифры, факты, опираясь на верных ему людей, критически разрабатывая архивы и старые конторские книги, шаг за шагом прослеживая все основные этапы колонизации Северного Кавказа. Разработка статистики поземельной собственности, основанной на материалах Ставропольского уезда,[38] дает ему возможность сделать выводы о трагической судьбе тысяч русских крестьян, бежавших на Кавказ «за лучшей долей», о произволе чиновников из так называемых переселенческих контор, о вакханалии, которая царила при попытках насадить на Ставрополье помещичьи хозяйства.

И.В. Бентковский не раз с горечью указывал, что «кавказские земли на его глазах подвергались буквальному расхищению. Появилась идея насадить помещичье хозяйство контингентом, для которого явился весь состав чиновничества, служащего на Кавказе, ему и стали раздавать (каждому чиновнику по несколько сотен и тысяч десятин) земли, пройденные русским солдатом и мужиком. Возникли новые помещики, которые никогда не заглядывали в свои обширные поместья, ожидая только случая перепродать их. И в это время щедрой раздачи земель (их было роздано 285 000 десятин) русский крестьянин все-таки не находил на Кавказе земли и являлся «дурноселовцем», которого гнали с занятого места казачьи команды и разоряли его хату».[39]

Дальнейшие события показали, насколько был прав И.В. Бентковский, когда признавал большое право на землю за российским мужиком как лучшим колонизатором и более пригодным хозяином земли. Касаясь такого важного исторического этапа, как казачья колонизация Предкавказья,[40] он высказывает весьма аргументированные суждения о привилегированном положении казачества: «Соображения этого времени требовали преимущественно такого населения, которое удовлетворяло бы двум неотложным местным потребностям (военной и гражданской), а эту двойственную обязанность могли нести только казаки...».[41]

Но с окончанием Кавказской войны, развитием капиталистических отношений в экономике такое неравное положение между казачеством и крестьянством, а также имущественная дифференциация внутри групп населения заставляют Бентковского все отчетливей высказываться в пользу крестьянского населения и его роли в развитии края. Сошлемся опять на Г.Н. Прозрителева, который верно передал суждения Бентковского по затрагиваемому вопросу: «В то время как первые (крестьяне. — В.Г.) получали надел не более 15 десятин на душу, то вторые располагали таковым до 30 десятин. Первые ограничены в своем распоряжении даже усадебной оседлостью, а вторым эта часть нарезана в собственность с правом отчуждения по купчим крепостям.

Это противоположение... оказывалось в остальном строе жизни края, и нельзя было не видеть, что оно было тормозом...и вызывало нежелательное обострение в отношениях этих групп населения».[42]

Обратившись вновь к «Селению Безопасному», мы убедимся, каково было положение мирного крестьянина-переселенца. Он мог подвергаться военным нападениям, терпел громадный имущественный урон, страдал от эпидемий и произвола чиновников и в то же время обеспечивал подушные платежи, отбывал подводную и квартирную повинность, по тревожным дорогам доставлял армии провиант.

Надо ли говорить, что автор выступает здесь против чрезмерного господства «военного духа» в управлении краем и выражает совершенно отчетливую симпатию мерам, которые бы содействовали развитию хлебопашества, животноводства, торговли, народного просвещения.

Взгляды И.В. Бентковского о первенствующем значении экономической колонизации края, важнейшей роли в этом процессе переселенцев из центральных губерний России, их земледельческого, ремесленного и торгового опыта, как мы знаем, легли в основу ряда монографий советских кавказоведов. Они, эти взгляды, были, разумеется, рассмотрены под углом марксистско-ленинской методологии.

И.В. Бентковского можно легко упрекнуть в чрезмерной разбросанности его краеведческих интересов. Стоит только внимательно посмотреть на приведенный ниже библиографический указатель его трудов, как бросится в глаза множество вопросов, которые ставила перед местным историком сама жизнь развивающегося края. Многое было в состоянии «чистого листа бумаги» и оставалось десятилетиями без ответа в печатных изданиях того времени.

Неизбежно приходилось браться буквально за все (такова уж была судьба провинциального краеведа). Но И.В. Бентковский прекрасно сознавал, что его работы вызовут живой отклик на поставленные проблемы, пусть не сегодня — завтра. И в этом он не ошибся: почти двадцатилетняя плодотворная деятельность Ставропольского статистического комитета, а впоследствии Ставропольской ученой архивной комиссии, возглавляемой видным дореволюционным краеведом Григорием Николаевичем Прозрителевым, — лучшее тому доказательство.

Что же касается некоторых специальных статей Бентковского по статистике, экономике сельского хозяйства, картографии и даже метеорологии, то мы сталкиваемся с поразительными по своей глубине и знанию предмета работами. Так, цикл этнографических этюдов, посвященных калмыцкому народу, в частности Большедербетскому улусу Ставропольской губернии, обнаруживает у Бентковского не только высокий профессионализм в приемах исследования, систематизации полевого материала в период его поездок по кочевьям, но и осведомленность во всех тонкостях этногенеза, буддийской религии, калмыцкого народного эпоса, обычного права, исторической хроники.[43]

Изучение социальных отношений «инородческого населения» губернии — калмыков, туркмен, ногайцев — диктовалось, разумеется, не только мотивами благотворительности и общественного призрения. Для губернской администрации и специально учрежденного Приставства кочующих народов прежде всего были важны «податные возможности» калмыков, развитие табунного коневодства для нужд армии, реформа общественно-религиозных учреждений и т.д.

Выполняя социальный заказ как деятель губернского статистического комитета, Бентковский и здесь не отступает от основной своей исторической позиции: уроки прошлого для нужд будущего. «Прежде чем изменить условия жизни калмыков, — неоднократно говорил он, — надо изучать их историю и бытовые условия».

С начала 60-х годов Бентковский осуществляет ряд поездок по восточным окраинам губернии, населенным калмыками, — посещает родовые хотоны Малзы Санджинова, Лапина Оногинова, Чоно Хараманжиева, Бадьмы Намжинова и др., встречается с духовенством, бедняками, подолгу беседует со старейшинами, живет в кочевых кибитках, находя там доверие, приют, пищу и главное — приобщаясь к нравам и обычаям народа. Он хорошо был знаком с трудами монголоведов, знал Чжан-гар,[44] владел калмыцким языком, разбирался в калмыцком летоисчислении, линейных мерах.[45] Тщательность его этнографических исследований высоко ценится и поныне. Со скрупулезностью мастерового человека он описывает детали калмыцкого жилища (кибитки), ее сооружение, транспортировку, своеобразие пищи, способы ее приготовления, тончайшие детали мужской и женской одежды, бытовые и религиозные ритуалы, торговлю, систему воспитания детей, положение женщины-калмычки.

В 1874 г. Ставропольский губернский статистический комитет выпустил VI сборник сведений о крае, но, в отличие от всех предыдущих изданий комитета, это была обширная публикация трудов одного автора — действительного члена и секретаря комитета И.В. Бентковского.[46] Сейчас легко оценить значение этого солидного фолианта, который дошел до нас не только как самый полный путеводитель, но и как единственный в своем роде статистический справочник, с десятками показателей историко-хронологического, экономического и демографического характера обо всех населенных пунктах Ставропольской губернии. И.В. Бентковский сообщает разнообразные сведения о Ставропольском, Пятигорском, Новогригорьевском, Медвеженском уездах со всеми 50 волостями, Большедербетском улусе, Трухмянском (Туркменском), Ачикулакском, Караногайском приставствах. Показывает деление по полицейским, судебно-следственным участкам, категориям всех 665 населенных пунктов: городов, сел, станиц, хуторов, аулов; расстояние до Пятигорска, Москвы, многих городов России, Кавказа, уездов, волостей.

Но и это не все. Краеведы находят здесь точные даты основания 140 наиболее крупных населенных пунктов, как бы ни был малозначителен хутор, выселок, усадьба, зимовник, хотон или постоялый двор на проселочной дороге, можно всегда узнать число дворов, жителей (коренных или иногородних), имена владельцев земли, значение построек, расположение мельниц, колодцев и т.д. Кроме этих таблиц, Бентков-

ский приводит сведения о количестве населения по сословиям, вероисповеданию, народности, расположении промышленных предприятий, ярмарок, провиантских магазинов, лавок, питейных домов, почтовых станций, административных учреждений, церквей, училищ, лечебниц.

Сборник заканчивается подробными списками «...населенных мест и курганов Ставропольской губернии, которых географическое положение и абсолютная высота над уровнем Черного моря определены триангуляциею Северного Кавказа в 1860, 61, 62, 63 и 1864 годах».[47] Если сопоставить эти данные с тем, что было опубликовано в «Очерке 3-го мирового участка» (1869, 1870 гг.) и статистической карте Ставропольской губернии, изданной в 1874 г.,[48] то целостность картины состояния промышленности, земельных отношений, переселенческой политики, сельского хозяйства и торговли на Ставрополье в первые десятилетия послереформенного развития можно отнести к одной из несомненных научных заслуг И.В. Бентковского.

Остается хотя бы бегло рассмотреть его точку зрения, касающуюся прогнозов экономического развития края. Едва ли не одним из первых он, как говорится, «с карандашом в руке», опираясь на прочное знание края, его потенциальные возможности, обосновал огромную выгоду обводнения засушливых земель.

«В Дон вливается Маныч, который принимает в себя Большой Егорлык... Если принять во внимание, — писал Бентковский, — что р. Егорлык, протекающая через всю западную часть Ставропольской губернии, составляет единственную водную артерию ее, то надо признать, что вопрос о таком соединении (с Кубанью. — В.Г.) является... жизненным вопросом, тем более что по этой реке лежат: ст. Сенгилеевская, Каменнобродская, Новотроицкая (Кубанская область). А в Ставропольской губернии расположены села: Птичье — 6335, Безопасное — 13533, Дмитриевское — 11897, Предгорное — 12923, Медвежье — 12731, Привольное — 6674, Летницкое — 11824, Жуковка — 6799, Красная Поляна — 13512, Ивановка — 5896, Сандата — 12168 и Новоегорлыкское — 16274, а всего 130566 человек населения».[49]

Лишь столетие спустя в условиях развитой экономики социализма смогли осуществиться смелые мечты Бентковского. Терско-Кумская, Кубань-Егорлыкская и Кубань-Калаусская обводнительно-оросительные системы теперь всецело служат расцвету народного хозяйства и культуры Ставрополья.

Значительный интерес представляет мнение Бентковского о проекте строительства Ростово-Владикавказской железной дороги. Он располагает вполне достаточными статистико-экономическими материалами об интересном перемещении центров производства зерна из центральных черноземных и юго-восточных районов России в степное Предкавказье. Обилие свободных земель, громадный приток переселенцев, развитие экономических связей с Центральной Россией и со странами Европы, — все это способствовало железнодорожному строительству.

Мысль о сооружении Ростово-Владикавказской железной дороги возникла в 1864 г.[50] Но только в 1872 г. была выдана концессия на ее строительство акционерному обществу во главе с инженером бароном Штенгелем. В августе 1875 г. Ростово-Владикавказская железная дорога протяженностью в 652 версты была сдана в эксплуатацию. В 1888 г. было закончено сооружение ветви, проходящей из Тихорецкой через плодородные кубанские земли до первоклассного Новороссийского порта — морских ворот Северного Кавказа. Летом 1889 г. начались изыскательские работы для проведения ветви от станции Кавказской до Ставрополя.[51]

Действительность превзошла все ожидания. Постройка железных дорог, развитие портов на Черном и Каспийском морях ускорило капиталистическую перестройку земледелия, животноводства, промышленности, торговли. Из района, потребляющего зерно, Предкавказье превращается в крупнейший район зернового хозяйства с широкой эксплуатацией наемного труда, применением машин, в поставщика большого количества хлеба в другие районы страны и на экспорт.

Но вернемся к 1870 г., когда железных дорог на Северном Кавказе еще не было, а проекты их сооружения были предметом бесчисленных споров и согласований. Уже тогда Бентковский одним из первых показал экономическую выгоду постройки железной дороги из Ростова до Ставрополя. Его доводы, изложенные в острой полемической статье «О сети Кавказских железных дорог», отличаются убедительностью цифр и государственным подходом к делу (понятно, в интересах развивающегося капитализма).

«Сеть Кавказских железных дорог, — писал Бентковский, — должна удовлетворять интересам местной администрации, служа средством, облегчающим единство управления. Она должна служить стратегическим целям. Она должна удовлетворять экономическим потребностям, способствуя развитию производительных, торговых и промышленных сил края».[52]

Далее он останавливается на Ставрополе «как на пункте, который перед всеми иными пунктами имеет неопровержимое преимущество на проведение железной дороги из Ростова-на-Дону». Как центр гражданского и епархиального управления, как средоточение учебной, торговой и промышленной деятельности, как место интендантского отдела Ставрополь, по его мнению, имеет для Северного Кавказа важное значение. Наконец, его общественный банк в этом городе 1 сентября 1868 г. с основным капиталом в 60000 руб. (и успевший за короткое время довести обороты до 64000 руб.) еще более убеждает, доказывал Бентковский, что Ставрополь вполне заслуживает рельсового соединения с Ростовом.[53]

Цифры ежегодного грузооборота из Ростова в Ставрополь и обратно, которые приводит Бентковский, сами по себе весьма внушительные, говорят об экономическом потенциале губернского центра («ценность недвижимой собственности в Ставрополе частной, казенной и церковной простирается до 5 миллионов рублей»).

Для нас же интересна номенклатура встречных грузов, которые гарантируются железной дороге по расчетам Бентковского.

Ежегодно шло из Ростова в Ставрополь (в пудах):	
Бумажных, шерстяных, шелковых, полотняных, под общим названием красных товаров	23 000
Суконных высоких и простых сортов	7 000
Кожевенных товаров в отделке	15 000
Колониальных и бакалейных	103 009
Галантерейных и мелочных	10 000
Иностранных, российских и других	56 000
Деревянных, как то: чашек, ложек, ведер, рам, телег, дуг, колес, прях, кулей, рогож, а также бечевы и пр. сельских товаров	5 000
Фаянсовых, фарфоровых, хрустальных и стеклянных	2 000
Лесных материалов	20 000
Мелу	4 000
Угля антрацита	70 000
Рыбы копченой, вяленой, соленой и сушеной	80 000
Итого	375 000
Ежегодно шло из Ставрополя в Ростов (в пудах):	
Сала говяжьего и овечьего	25 000
Овчины сырья	5 000
Сырых кож	15 000
Картофеля	75 000
Подсолнечных семян	30 000
Рогатого скота и овец	12 000
Итого	162 000

Если к этому добавить (как полагал Бентковский) участие в грузообороте Безопасного, среднего Егорлыка и других богатейших сел, расположенных по рекам Кугульте, Калаусу, Буйволе, то ежегодно на железную дорогу приходится (в пудах):

разного хлеба в зерне 400 тыс. четвертей десятипудовых	3 600 000
шерсти овечьей до	100 000
сырых кож	100 000
овчин невыделанных	30 000
спирта 7748 бочек по 45 пудов	348 600
соли с Джалгинского озера	300 000
лесу строевого и досок, привозимых из Ростова в селения Ставропольской губернии	400 000
антрацита и березового угля	100 000

Общий грузооборот для будущей ветви от Ростова до Ставрополя, по самым минимальным расчетам, оказался чрезвычайно высоким — 5 515 660 пудов.[54]

Приведем в заключение весьма любопытный абзац, в котором четко вырисовывается не только методика аргументов статистика, экономиста и краеведа Бентковского в пользу железной дороги, но и стиль, терминология доводов человека, близкого к купеческим кругам. «Из этого количества клади, выражаясь торговым термином, мы не можем уступить ни одного пуда, так как по неимению даже приблизительных сведений мы не клали на кости амуничных, металлических и сортовых вещей, полученных этим путем Ставропольским интендантским отделом, кладей артиллерийского и провиантского ведомств и товаров, доставляемых прямо из Ростова в селения Ставропольской губернии. Мы не принимали в расчет грузов, которые теперь, следуя из России в Ростов, в селении Безопасном сворачивают с почтовой дороги и коммерческим трактом направляются в Георгиевск, Владикавказ, в Тифлис, а также в Моздок и Пятигорск».[55]

Особый интерес к экономической и социальной истории края, заселению, развитию сельского хозяйства, торговли и промышленности, происхождению сословий, отношений между ними в творчестве И.В. Бентковского не случаен и является отражением общего состояния буржуазной историографии в период утверждения капитализма. Характер основных направлений русской историографии, историческая проблематика, трактовка важнейших вопросов, круг привлекаемых источников и методы их использования определялись условиями эпохи и, безусловно, оказали свое влияние на взгляды И.В. Бентковского.

Правда, в его работах нет попытки прямо осветить общественно-политическую историю Северного Кавказа, но достояние экономики, статистики нашли в его трудах должную оценку, что указывает на большой его вклад в историю науки. Ограничиваясь пусть добросовестным, но однобоким освещением народного быта и культуры, рассматривая историю народа главным образом в этнографическом и статистическом плане, Бентковский не проявил, однако, себя в поисках путей революционного переустройства жизни, критики существующего режима.

Польское восстание 1830—1831 гг., репрессии, ссылка на Кавказ были далеко позади и вряд ли оставили какой-либо след во взглядах и действиях отставного офицера, имеющего пусть не большую торговлю, но достаток, благоволение губернского начальства и широкую возможность уйти с головой в научно-краеведческую деятельность. Нелегко, конечно, шаг за шагом проследить эволюцию взглядов юного шляхтича, тогда еще открытого противника царизма, до шестидесятичетырехлетнего ученого, принимающего от супруги императора бриллиантовый перстень за ценное, но, к сожалению, верноподданническое исследование.[56]

Для нас скорее важно отметить следующее. Иосиф Бентковский, воспитанный в религиозном духе и болезненной вражде «к притеснителям Польши», все же не увлекся национализмом, однако и не пошел по пути дешевого казенного, русского патриотизма и публицистической тенденциозности. «Умеренный либерал по политическим воззрениям и последователь Гегеля по философским взглядам»,[57] — характеристика, которая дана историку С.М. Соловьеву, уместна (разумеется, в соизмеримых масштабах) и в оценке И.В. Бентковского.

Если проанализировать список литературных источников, на которые ссылается Бентковский, приемы работы с ними, а также стремление соединить научность с занимательностью, то бросается в глаза его особая приверженность к Н.М. Карамзину, силе его фактов и чувств. Лучше будет сказать, что как раз многие буржуазные историки, статистики пореформенного периода охотно шли на сближение с дворянской официально-монархической «охранительной» историографией, ибо не мыслили себе нарушение освященных веками государственных устоев, правда, критикуя пороки абсолютизма, ради конституционной монархии.

«Исторические выборки, касающиеся Северного Кавказа»[58] — обширный труд, над которым много и упорно работал Бентковский, не оставляют сомнения в том, что в подборе фактов и занимательности их изложения он следовал именно за Н.М. Карамзиным и представителями его школы кавказоведами С.М. Броневским,[59] П. Зубовым,[60] П.Г. Бутковым.[61] Но в то же время мы знаем Бентковского как резкого критика некоторых открыто великодержавных работ по истории черноморского и кубанского казачества.

Ставропольский историк генерал И.Д. Попко в своих работах стремился оправдать действия царизма, открыто и прямо подчеркивал законность казачьих прав и привилегий в завоеванном крае.[62] Выше мы не раз останавливались на том, что Бентковский решительно противился идеализации казачества, всячески высказываясь в пользу крестьянского населения и его главной роли в развитии хозяйства и торговли. Он хорошо понимал, что злободневным для России был вопрос об исторической роли «среднего сословия» — буржуазии, о судьбах «сельского народонаселения».

Реформу 19 февраля 1861 г. и ее последствия Бентковский оценил с позиции либерала. И в этом ключ понимания его приверженности к существующим политическим и религиозным устоям.

Сохранились воспоминания фельдшера Николая Петровича Абрамского, человека весьма близкого к Иосифу Бентковскому. Они дают возможность лучше понять взгляды Бентковского в отношении общественного и нравственного долга его как ученого, краеведа, работающего для будущих поколений, человека высокой принципиальности.

«Иосиф Викентьевич был в высшей степени честен и справедлив, — писал Абрамский. — Он не терпел слушать никакой лжи, никогда не умалчивал, если видел, что начальство врет, хотя бы это было и высшее начальство. Благодаря своей прямоте и темпераменту, он публично останавливал врунов и хвастунов, почему он и не продвигался в чинах… Сверстники по той же Варшавской школе в 70-х и 80-х годах были уже министрами, посланниками и проч., и он с ними вел переписку до самой своей смерти».[63]

Предоставим слово Григорию Николаевичу Прозрителеву, который хорошо знал И.В. Бентковского еще с середины 70-х годов: «…Я, безусловно, утверждаю, что он никогда не шел на сделку в своих статистических работах ввиду тех или других соображений, хотя подобные требования неоднократно предъявлялись ему администрацией. Бентковский после таких внушений спешил поделиться со мной и, взволнованный, говорил, что хотят переделать таблицу умножения и доказать, что 2х2 не 4. И он добавлял при этом: «Я тем не менее сохраню свои черновики и докажу, когда надо будет, свою правоту». Надо сознаться, что жизнь далеко не так складывалась, чтобы можно было доказать эту правоту и восстановлять поругание цифр, так как соображения «высшие» брали верх… Канцелярия всегда к услугам в таких случаях, и бойкое перо, отписывающее о благополучии в крае, всегда найдется».[64]

Для работ И.В. Бентковского характерна особая полнота источниковой базы, широта и точность использования документов, что соответствует утвердившимся к этому времени требованиям и в русской исторической науке. Изучая в настоящее время работы И.В. Бентковского, можно с уверенностью заявить, что он один и никто другой не ознакомил нас посильно с жизнью Ставропольской губернии. Круг его познаний и интересов весьма широк, и мы не раз уже останавливались на его работах по истории, статистике, этнографии. Но вот перед нами десятки статей о лесах Ставропольской губернии, кустарных промыслах, страховом деле, винном деле, шелководстве, народной нравственности, почтовых каретах и …даже деревянном масле (см. библиографическое приложение). Его статьи охотно публикуют Ставропольский и Кубанский статистические комитеты, «Биржевые ведомости», «Экономический журнал», издаваемый Субботиным, журнал «Вольного императорского Экономического общества», «Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете» (Гребенцы, книга III, 1887).

25 марта 1864 г., спустя всего лишь два года после включения в состав действительных членов Ставропольского статистического комитета, он был единодушно избран членом-корреспондентом Кавказского общества истории и археологии. А затем в 70-х годах последовало его избрание в состав многих научных организаций России и Кавказа: Кавказское медицинское общество, Всероссийское общество естествоиспытателей, Русское географическое, Вольное экономическое общество, почетным членом Кубанского и Нижегородского статистических комитетов.

Когда в 1877 г. по распоряжению наместника Кавказа была создана авторитетная комиссия «для составления общего соображения о землях, необходимых для коннозаводских нужд Кубанской и Терской областей и Ставропольской губернии», И.В. Бентковский вошел в ее состав как один из крупных специалистов по статистике и экономике коневодства.[65] Приказом по главному управлению Государственного коннозаводства его назначают корреспондентом по Кавказскому краю.

Бентковский прожил большую жизнь, был свидетелем огромных событий и потрясений века. В его юную душу запали тогда еще свежие предания о Великой французской революции, взлете и падении Наполеона. На его глазах возгорелось пламя, зажженное русскими декабристами, он видел и поверженный трон, и кровь польских патриотов. Позже он стал свидетелем крушения ненавистного крепостничества, ломки закостенелого быта, взлета общественной мысли.

78 лет, из которых более полувека прожито на его второй родине — России. Что может остаться от трогательных воспоминаний далеких времен начала XIX в., от наивного романтизма и патриархальной старины?

Огромные перемены произошли вокруг: строились железные дороги, мосты, фабрики и заводы, банковские операции и доходы предпринимателей исчислялись миллионами, в селах появлялись сложные сельскохозяйственные машины, росла армия промышленных рабочих, батраков, в умы передовых людей неодолимо вторгался марксизм. Но все это было уже не для него — человека, жившего измерениями прошлой эпохи. Он умер 15 августа 1890 г. как-то незаметно для всех, как жил и работал, оставив нам в наследие не эффектные страницы биографии, а результаты поистине подвижнического труда на ниве краеведения.

Особенность его положения при губернаторе, известность в научных, литературных и деловых кругах Петербурга, Москвы, Тифлиса, Ставрополя, Екатеринодара объясняются отнюдь не высоким чином и денежным состоянием. Тысячи страниц его статей, книг, карт и таблиц, прочные и многолетние связи с крестьянами, ремесленниками, торговцами, чиновниками, учителями, военными, скромными тружениками уездной и губернской администрации надолго обеспечили широкое признание и уважение к нему со стороны очень многих ставропольцев.

В наши дни продолжением этой прекрасной традиции является все возрастающее стремление местных историков, географов, экономистов, литераторов, учителей, партийных и советских работников к сбору и публикации материалов о современной экономике, быте, культуре, социальных сдвигах, демографии многонационального Ставропольского края.

Литература и источники

1. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 2. СПб., 1892, с. 52.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XV. М., Политиздат, с. 548.

3. Там же, т. XVI, ч. 2, с. 27.

4. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь писателей и ученых. Т. 2. СПб., 1892, с. 12.

5. Там же.

6. Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского. Ставрополь, 1908.

7. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь писателей и ученых. Т. 2. СПб., 1892.

8. Там же.

9. Бентковский И.В. Историко-статистические сведения о селении Безопасном // Сб. статистических сведений о Ставроп. губернии, 1869, вып. II, с. 31—112.

10. Прозрителев Г.Н. Кавказские архивы // Тр. Ставроп. ученой архивной комиссии, 1911, вып. 1, с. 5.

11. Собриевский А. Князь Воронцов и наши архивы // Тр. Ставроп. ученой архивной комиссии, 1911, вып. 1, с. 6.

12. Равинский А.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. Т. 1. СПб., 1809.

13. Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. Изд-во МГУ, 1970, с. 14.

14. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т. I—XVIII, ч. 1—69. СПб., 1848—1858; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 1—30. СПб., 1860—1868; Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829.

15. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК), ф. 68.

16. ГАСК, ф. 459.

17. ГАСК, ф. 443.

18. ГАСК, ф. 96.

19. ГАСК, ф. 398.

20. ГАСК, ф. 73, 75.

21. ГАСК, ф. 299, 31, 302.

22. ГАСК, ф. 188.

23. Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР (ЦГИА Груз. ССР), ф. 7, 12, 220, 243, 416, 521.

24. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. 318.

25. Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР (ЦГАСО АССР), ф. 11, 12, 14.

26. Библиографический указатель книг, сочинений и статей, относящихся к статистике, истории и этнографии Северного Кавказа, имеющихся в библиотеке Статистического комитета // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1870, вып. 2, с. 120—132.

27. Источниковедение истории СССР. Изд-во МГУ, 1970, с. 243.

28. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1870, вып. III, с. 127—147; 1971, вып. 4, с. 21—47; 1973, вып. 5, с. 21—30.

29. Городецкий Б.М. Очерк развития периодической печати на Северном Кавказе. Екатеринодар, 1914.

30. Ставропольские губернские ведомости, 1853, № 8.

31. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь. Т. 2. СПб., 1892, с. 12.

32. Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского. Ставрополь, 1908, с. 29.

33. Городецкий Б.М. Очерк развития периодической печати на Северном Кавказе. Екатеринодар, 1914.

34. Историко-статистические сведения о селении Безопасном // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1869, вып. 2, с. 1.

35. Там же, с. 1, 2.

36. Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и первой половине XIX века. Пятигорск, 1967;

Шацкий П.А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861—1905 гг. (историческое исследование) // Тр. Ставроп. пед. ин-та, 1970;

Невская П.В. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период). Черкесск, 1960;

Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1961.

37. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1869, вып. 2, с. 85—122.

38. Описание владельческих земель, находящихся на р. Большой и Малой Кугульте // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1871, вып. 4.

Частное земледелие и крепостная колонизация на Северном Кавказе на 1804 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 41.

39. Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, с. 17.

40. Бентковский И.В. Материалы по истории колонизации Северного Кавказа. Заселение бывшего Кавказского линейного Казачьего войска. // Ставроп. губернск. ведомости, 1882, № 3—11; 1823, № 8 и 10;

Бентковский И.В. Заселение Черномории с 1772 по 1825 гг. Екатеринодар, 1880.

41. Бентковский И.В. Историко-статистические сведения о селении Безопасном...

42. Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, с. 19.

43. Бентковский И.В. Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса. Воды и степи Большедербетовского улуса. Одежда калмыков Большедербетовского улуса. Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1868, вып. 1; 1869, вып. 2; 1870, вып. 3.

44. Описание Чжунгарии. Перевод с китайского И. Иокинфа. СПб., 1829; Нравственный идеал буддизма. СПб., 1873.

45. Калмыцкий календарь // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1871, вып. 3, 4; 1873, вып. 5; 1876, вып. 7.

46. Ставропольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 г. Ставрополь, 1873.

47. Там же, с. 143—147.

48. Карта хранится в картографическом фонде Ставропольского краеведческого музея им. Г.К. Праве под номером 27.

49. Несколько слов о возможности направить течение Кубани в Дон и тем порешить вопрос об обмелении Донских гирл. // Ставроп. губернск. ведомости, 1865, № 40.

50. Бентковский И.В. Проект Ростово-Владикавказской железной дороги, представленный в 1864 г. // Биржевые ведомости, 1864, № 321.

51. Шацкий П.А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861—1905 гг. (историческое исследование). В кн.: Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-восточной России. Ставрополь, 1970, с. 191.

52. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии, 1870, вып. 3, с. 107.

53. Там же, с. 131.

54. Там же, с. 132—133.

55. Там же, с. 133.

56. Обзор XXVII-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества Св. Александра. Издание Статистического комитета, 1971, вып. 8.

57. Соловьев С.М. (Вступительная статья о его творчестве). Собр. соч. Т. 1. М., СОЦЭГИЗ, 1960, с. 49.

58. Хронологический указатель достопримечательных событий и важнейших постановлений правительства в Ставропольской губернии и вообще на Северном Кавказе (с 1555 по 1868 гг.) // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1870, вып. 3.

59. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.

60. Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопределенных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношении. Т. 1—2. СПб., 1834—1835.

61. Будков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. 1—3. СПб., 1869; Сб. статистич. сведений о Ставропольской губернии, 1869, вып. 2; Хронологический указатель разных исторических сведений о калмыках // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1876, вып. 7.

62. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858; он же. Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Вып. 1. Губернское войско. СПб., 1880.

63. Письмо Абрамского Н.П. Прозрителеву Г.Н. от 12 марта 1906 г.; Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского. Ставрополь, 1908, с. 6—7.

64. Там же, с. 7.

65. Взгляд на наше коннозаводство в связи с ремонтированием армии кавалерийскими лошадьми. Записки для чтения // Бирж. ведомости, 1867, кн. 5 и 6 за май и июнь; Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии // Ставроп. губерн. ведомости, 1873, № 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12; 1879, № 15, 16, 17, 18.

Библиографический указатель историко-статистических материалов и статей И.В. Бентковского, помещенных в периодических изданиях с 1853 по 1888 г.

1. Практические замечания о болезни рогатого скота, называемой на Кавказе «Чихир» // Ставроп. губернск. ведомости, 1853, № 8.

2. Практические замечания о калмыцком рогатом скоте, овцах и лошадях // Ставроп. губернск. ведомости, 1862, № 42.

3. Поездка на Джалгинское соляное озеро // Там же, 1862, № 43, 44.

4. Акциз и откуп (под псевдонимом «граф Фотограф») // Биржевые ведомости, 1863, № 44.

5. Записки виноторговца (псевд. Заглоба) // Биржевые ведомости, 1863, № 88.

6. Коммерческий взгляд на производительные силы Ставропольской губернии и ее торговое значение // Биржевые ведомости, 1863, № 154.

7. Нападки питейного положения на музыку и мои личные на питейную номенклатуру // Биржевые ведомости, 1864, № 2.

8. О почтовых каретах из Ростова-на-Дону в Пятигорск // Биржевые ведомости, 1864, № 5.

9. О разрядах населенных местностей России и о размерах патентного сбора // Биржевые ведомости, 1864, № 5.

10. Заметки торговца на положение о пошлинах за право торговли и промыслов // Биржевые ведомости, 1864, № 40.

11. К вопросу о подорожных // Биржевые ведомости, 1864, № 78.

12. Джалгинское соляное озеро // Биржевые ведомости, 1864, № 35, 38, 39, 40.

13. О привилегиях по соляному делу // Прибавка к «Биржевым ведомостям», 1864, № 53, 54.

14. На статью «О необходимых льготах Каспийского рыболовства» // Биржевые ведомости, 1864, № 199.

15. Проект Ростово-Владикавказской железной дороги, представленной в 1864 г. // Биржевые ведомости, 1864, № 321.

16. Экономическое состояние городов Европейской России // Биржевые ведомости, 1865, № 25, 57, 63, 80.

17. Да здравствует арифметика! // Биржевые ведомости, 1865, № 125.

18. Несколько слов о возможности направить течение Кубани в Дон и тем порешить вопрос об обмелении Донских гирл // Ставроп. губернск. ведомости, 1865, № 40.

19. О политико-экономическом и административном устройстве Кавказа // Биржевые ведомости, 1866, № 30.

20. Одна из причин, парализующих развитие коневодства в Большедербетовском улусе // Ученолитературные прибавки к «Биржевым ведомостям», 1866, декабрь.

21. Взгляд на наше коннозаводство в связи с ремонтированием армии кавалерийскими лошадьми. Записки для чтения // Биржевые ведомости, 1867, кн. 5 и 6 за май и июнь.

22. Воды и степи Большедербетовского улуса соответствуют ли условиям колонизации калмыков? // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1868, вып. 1.

23. Историко-статистические сведения о селении Безопасном // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1869, вып. 2.

24. Очерк 3-го мирового участка Ставропольского уезда в топографическом, сельскохозяйственном, промышленном и статистическом отношениях // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1869, вып. 2.

25. Одежда калмыков Большедербетовского улуса // Там же.

26. Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1869, вып. 2; 1870, вып. 3.

27. Хронологический указатель достопримечательных событий в Ставропольской губернии и вообще на Северном Кавказе // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1870, вып. 3.

28. Исторические сведения о гор. Ставрополе // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1870, вып. 3.

29. О сети Кавказских железных дорог // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1870, вып. 3.

30. Калмыцкий календарь за 1870 г. // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1870, вып. 3.

31. Историко-статистические сведения о гор. Моздок на столетний его юбилей // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1871, вып. 4.

32. Описание владельческих земель, находящихся на р. Большой и Малой Кугульте с картой // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии»,1871, вып. 4.

33. Калмыцкий календарь на 1871 г. // Сб. статистич. сведений о Ставроп. губернии, 1871, вып. 4.

34. Несколько слов о направлении Ростово-Владикавказской магистральной линии на гор. Ставрополь. СПб., 1871.

35. Незамерзающий Геленджикский порт и направление Ростово-Владикавказской железной дороги на Ставрополь. Ставрополь, 1871.

36. Удачный опыт соления сена при кошении в дождливое время // Ставроп. губернск. ведомости, 1871, № 22.

37. Однодневная перепись гор. Ставрополя 17 декабря 1872 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1873, № 19 и 53; 1874, № 1 и 2 и 1875, № 5.

38. Список населенных мест Ставропольской губернии по сведениям 1873 г. // Изд. статистич. комитета. Ставрополь, 1874, выпуск 4.

39. Поездка по Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1874, № 32, 33, 34.

40. Историко-статистические сведения о виноделии в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1875, № 13, 14, 15, 16.

41. Материал для статистики экономического состояния Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1875, № 28, 29, 30, 31, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42.

42. Генерал от инфантерии Георгий Арсеньевич Емануель // Ставроп. губернск. ведомости, 1875, № 38, 39.

43. Ставрополь в историко-статистич., административном, торгово-промышленном и экономических отношениях // Ставроп. губернск. ведомости, 1875, № 43, 44, 45, 46, 47.

44. О лесах в пределах бывшей Кавказской, а ныне Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 1, 2.

45. Местный строительный камень и первое каменное здание в Ставрополе // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 3, 4.

46. Открытие в Ставрополе первых присутственных мест // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 5.

47. Ставрополь с открытия городового магистрата 15 февраля 1785 г. до учреждения шестигласной думы 18 апреля 1808 г // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 6, 7, 10.

48. Ставропольское купечество, его капиталы, торговля, промышленность и нужды // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 11, 12.

49. Первое приходское училище в Ставрополе // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 13.

50. Городские доходы и натуральные повинности // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 17, 18.

51. Первые зачатки городского благоустройства // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 19.

52. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Изд. статистич. комитета, 1876, вып. 7.

53. Вторичное открытие Кавказской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 27, 28.

54. Дела наши на Северном Кавказе от высадки Петра I в Астрахани до основания креп. Кизляра с 1722 по 1735 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 29.

55. От основания крепости в урочище Кизляр до построения крепости Моздока с 1735 по 1765 гг. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 30.

56. От построения укрепления Моздок до учреждения Кавказского наместничества с 1765 по 1786 гг. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 31, 32, 33.

57. До учреждения и открытия Кавказской губернии в 1776 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1874, № 34.

58. Движение гражданской колонизации на Северном Кавказе со времени открытия Кавказской губернии до перевода губернских присутственных мест из Екатеринодара в Георгиевск в 1804 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 35, 38.

59. Частное землевладение и крепостная колонизация на Северном Кавказе до 1804 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 41.

60. Древние христианские церкви за Кубанью близ Хумары // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 43.

61. Статистика преступлений в Ставропольской губернии за период с 1871 по 1876 гг. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 45, 46, 47, 48.

62. Статистика насильственных и случайных смертей в Ставропольской губернии с 1871 по 1876 гг. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 49.

63. Сравнительный обзор экономического состояния Ставропольской и Астраханской губернии по сведениям 1873 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 50.

64. Обзор XXVII-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества Св. Александра. Изд. статистич. комитета, 1876, вып. 8.

65. Статистические сведения о состоянии Ставропольской губернии за 1875 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1876, № 51, 52; 1877, № 2, 3, 4.

66. Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести //Ставроп. губернск. ведомости, 1877, № 5, 6.

67. Военные законы монголов и их влияние на кочевую культуру калмыков и вообще на дух народа // Ставроп. губернск. ведомости, 1877, № 8.

68. Грабежи, разбои, воровство калмыков с точки зрения монгольских законов и буддизма // Ставроп. губернск. ведомости, 1877, № 13, 24.

69. Общественное призрение, благотворительность и человеколюбивые подвиги по монгольским законам // Ставроп. губернск. ведомости, 1877, № 15.

70. Монгольские законы об охоте // Ставроп. губернск. ведомости, 1877, № 16.

71. Краткие сведения о ссудо-сберегательных товариществах и кассах по 1 октября 1877 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1877, № 38, 39, 40, 41.

72. По поводу столетнего юбилея дня рождения Имп. Александра I. (Материалы для истории края) // Ставроп. губернск. ведомости, 1871, № 1.

73. Несколько слов о причинах упадка шелководства в пределах бывшей Кавказской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 3, 4.

74. К вопросу: как улучшить и удешевить мясо в Тифлисе? // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 5.

75. Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12; 1879, № 15, 16, 17, 18.

76. Кустарные промыслы в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 15, 16, 17.

77. О значении хуторов в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 18, 19, 20, 21, 22, 23.

78. Материалы для статистики народных бедствий в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 24, 25.

79. Обзор Ставропольской и Казанской губерний по сведениям 1876 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 26.

80. О мерах к успешному ходу кавказского виноделия и сбыта местных вин // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 27, 28.

81. Обзор Ставропольской и Подольской губерний по сведениям 1874 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 28.

82. Городские общества взаимного от огня страхования // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 29.

83. Обзор земледельческой деятельности Ставропольской губернии за 1877 г. и сравнение ее в этом отношении с Харьковской губернией // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 31.

84. Народная нравственность в Ставропольской губернии по материалам с 1871 по 1878 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 33, 34, 36.

85. Обзор Ставропольских конских скачек на Императорские призы // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 41, 42, 44.

86. Заштатный город Св. Креста. Монография // Ставроп. губернск. ведомости, 1878, № 46, 47, 48, 49, 50, 52, 53.

87. Старинный проект проведения р. Кумы в Каспийское море // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 1.

88. Чума на Северном Кавказе в прошлом и нынешнем столетии // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 2.

89. Ставропольская старина с приложением плана крепости. (Суворов встречает 1779 год в Ставропольской крепости) // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 1.

90. Несколько слов о ставропольском климате // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 4, 6.

91. Значение Ставропольской губернии в системе акцизных сборов // Ставроп. губернск. ведомости, № 5.

92. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Колонизация низовья Кубани // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 7.

93. Статистика движения дел у мировых судей и в мировом съезде Ставропольского судебно-мирового округа за последние пять лет // «Ставроп. губернск. ведомости», 1879, № 8, 26.

94. Материалы для новой истории Северного Кавказа. Смерть первого черноморского кошевого атамана Чепеги и последовавшие затем события // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 8.

95. О первоначальном физическом воспитании детей у калмыков и ногайцев, кочующих в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 9, 10.

96. О рельсовом соединении Ставрополя с Ростово-Владикавказской железной дорогой // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 13.

97. Городское хозяйство. Ставропольский мясной и хлебный рынки // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 15.

98. Распределение недвижимых имуществ между городским населением по сословиям // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 21.

99. Материалы по истории колонизации Северного Кавказа. Город Ставрополь // Ставроп. губернск, ведомости, 1879, № 22.

100. О необходимости изучения Ставропольской губернии в ботаническом отношении // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 23.

101. Целительные грязи Джалгинского соляного озера // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 29.

102. Наше лесоводство и его неожиданные враги // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 29.

103. Владикавказское ремесленное училище и его питомцы // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 30.

104. Наши кочевники и их экономическое состояние // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 32, 34, 35.

105. Археологические материалы для истории лесов в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 33.

106. Почтовая статистика // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 38.

107. Статистика периодической прессы // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 41.

108. Два слова о проекте г. Данилова (о соединении Черного и Каспийского морей судоходным ирригационным каналом посредством вод Терека и Кубани) // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 45.

109. Народное образование // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 48.
110. Бабуковцы // Ставроп. губернск. ведомости, 1879, № 50, 51.
111. Материалы для истории образования бывшего Кавказского линейного (ныне Терского) казачьего войска // Ставроп. губернск. ведомости», 1880, № 2, 3, 4, 5, 6.
112. Беглый обзор развития экономического состояния Ставропольской губернии в 20-летнее царствование Императора Александра II // Ставроп. губернск. ведомости, 1880, № 8, 9, 10.
113. 1879 год в Медвеженском уезде // Ставроп. губернск. ведомости, 1880, № 10.
114. Конокрадство и самосуд // Ставроп. губернск. ведомости, 1880, № 26, 32, 34.
115. Результаты сенокошения в 1880 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1880, № 33.
116. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Моздокские, так называемые, «крещеные калмыки» // Ставроп. губернск. ведомости,1880, № 35, 38, 42.
117. Наша общественная благотворительность // Ставроп. губернск. ведомости, 1880, № 37.
118. Наши расчеты с саранчою // Ставроп. губернск. ведомости, 1880, № 39.
119. Подспорье топлива // Ставроп. губернск. ведомости, 1880, № 41.
120. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Черномории. Памятная книжка Кубанской области. СПб., 1881.
121. Торф на Кравцовом озере, близ гор. Ставрополя // Ставроп. губернск. ведомости, 1881, № 6, 17.
122. Взаимное от огня страхование в С.-Петербурге.— «Ставроп. губернск. ведомости», 1881, № 8.
123. Два слова о предполагаемой ветви железной дороги от Ставрополя // Ставроп. губернск. ведомости, 1881, № 44.
124. Несколько общих выводов о населенных местах и поземельной собственности в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1881, № 44, 46, 47.
125. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение бывшего Кавказского линейного Казачьего войска // Ставроп. губернск. ведомости, 1882, № 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11; 1883, № 8, 10.
126. Река Кума и необходимость улучшить ее экономическое значение // Ставроп. губернск. ведомости, 1882, № 27, 28.
127. Обзор экономического состояния инородцев, кочующих в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1882, № 29, 30, 31, 32, 47, 48, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50; 1883, № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11.
128. Чума рогатого скота в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1882, № 31.
129. Обзор конского хозяйства в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1883, № 12; 1884, № 26.
130. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Кавказской области // Ставроп. губернск. ведомости, 1883, № 37.
131. Сравнительный обзор хлебной производительности на Северном Кавказе по сведениям 1882 года // Ставроп. губернск. ведомости, 1883, № 39.
132. Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии с приложением карты. Изд. статистич. комитета, 1883, вып. 9,
133. Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта. Кубанский сборник // Тр. Кубанского областного статистического комитета, 1883, вып. 1.
134. Крепостная колонизация в бывшей Кавказской, ныне Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1884, № 30.
135. Где был построен в 1589 г. гор. Терки // Ставроп. губернск. ведомости, 1885, №3.
136. Город Терки // Ставроп. губернск. ведомости, 1885, № 5, 7, 8.
137. Значение гор. Терки в истории распространения русского владычества на Северном Кавказе // Ставроп. губернск. ведомости, 1885, № 11.
138. Судьбы шелководства в Ставропольской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1885, № 12, 13, 14.
139. Переселенческий вопрос на почве сравнительной статистики // Экономический журнал, 1885, кн. 5.
140. Кавказская губерния во время А.П. Ермолова с 1816 по 1824 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1886, № 27, 28, 29, 30.
141. Петр I на Кавказе. Построение крепости Св. Креста // Ставроп. губернск. ведомости, 1886, № 33, 34.
142. Первоначальное устройство административных учреждений в Кавказской губернии // Ставроп. губернск. ведомости, 1886, № 39, 40, 41, 42, 43, 46.
143. Наши окраины. (Поземельное устройство в Ставропольской губернии) // Экономический журнал, 1886, кн. 7.
144. Отхожие промыслы // Экономический журнал, 1886, кн. 19.
145. Упразднение гор. Екатериноградa и перенесение губернских присутственных мест в Астрахань // Ставроп. губернск. ведомости, 1887, № 4, 5, 6.

146. Вторичное открытие Кавказской губернии в 1804 году в гор. Георгиевске // Ставроп. губернск. ведомости, 1887, № 7, 9, 10, 11.
147. Кавказская губерния до преобразования в область 1804—1824 г. // Ставроп. губернск. ведомости, 1887, № 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 26, 27.
148. Император Николай I в Ставрополе // Ставроп. губернск. ведомости, 1887, № 42.
149. Статистическая карта Ставропольской губернии в масштабе 1/420000 настоящей величины. Изд. военно-топографич. отдела, 1874.
150. По поводу фальсификации деревянного масла // Ставроп. епархиальные ведомости, 1888, № 2.
151. Оливководство на Кавказе // Экономический журнал, 1888, ноябрь.
152. Гребенцы // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском Университете. М., 1887, кн. 3.
153. Император Александр II в Нижнефарском отряде. СПб., 1887.
154. Генерал Вельяминов // Ставроп. губернск. ведомости, 1881 г., № 12, 13.
155. Одна из причин упадка табунного коневодства в Черномории // Ставроп. губернск. ведомости, 1882, № 21.
156. Переселенческий вопрос на почве практики // Северный Кавказ, 1885, № 22, 23, 24, 25.
157. Краткий исторический очерк положения наших дел на Северном Кавказе до открытия в 1785 году Кавказской губ. // Северный Кавказ, 1885, № 44—45.

Текст печатается по источнику:
Госданкер В.В. Историк-кавказовед И.В. Бентковский (1812—1890). Краткий очерк жизни и научно-краеведческой деятельности // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1976. — Вып. 14. — С. 222—251.

М.Е. Колесникова

Ставропольские краеведы. И.В. Бентковский

Начало историографического изучения Северного Кавказа: Ставропольское краеведение

Становление исследовательской традиции на Северном Кавказе следует отнести ко второй половине XVIII — началу XIX века. Основной формой научной организации изучения «нового края» в рамках «естественной истории» в этот период были комплексные экспедиции Академии наук (эксп. И.А. Гильденштедта и С.Г. Гмелина (1768—74), И.П. Фалька (1773), П.С. Палласа (1780, 1793), Я. Рейнеггса (1780—90), Я. Потоцкого (1798), Г.Ю. Клапрота (1807—1808)) (1). Определенную роль в становлении краеведческих изысканий на Северном Кавказе сыграли «военно-научные» экспедиции и этнографические исследования Кавказского Отдела Русского географического общества.

Оформление ставропольского провинциального историописания пришлось на вторую половину XIX века. Именно в этот период сложился круг образованных людей, занимающихся краеведческими исследованиями, сформировалось поколение историков-краеведов, любителей древностей. В результате устойчивого интереса к истории, археологии, этнографии местного края возникли провинциальные научные общества, краеведческие по сути и характеру своей деятельности. Провинциальными исследователями было создано огромное количество исторических трудов, различных по содержанию и значимости. Шла работа по поиску и опубликованию исторических источников. Краеведение превратилось в форму социокультурной деятельности российской провинции, в общественно-полезную практику, направленную на всестороннее изучение родных мест, своеобразную функцию воздействия на научное и интеллектуальное сознание провинции, на воспитание любви и уважения к своей «малой родине» и через все это предстало перед нами как социокультурный феномен (2).

В XIX веке для определения научного направления, связанного с изучением прошлого отдельной территории, использовались термины «родиноведение», «отечествоведение», «отчизноведение». Понятие «краеведение» появляется позже, на рубеже XIX — XX веков, и обозначает деятельность местных исследовательских центров, обществ, занимающихся изучением родного края. Так краеведение стало содержанием деятельности целой сети местных научных обществ и учреждений на территории Ставропольской губернии, таких, как Ставропольский губернский статистический комитет (Ставрополь), Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество (Ставрополь), Кавказское горное общество (Пятигорск), Ставропольское общество для изучения Северо-Кавказского края (Ставрополь), Ставропольская ученая архивная комиссия (Ставрополь), музей Северного Кавказа (Ставрополь). Всеобъемлющий характер деятельности, способствовал превращению их в научные центры по исследованию края, формированию на местном материале источниковой базы исторической науки. Опыт их деятельности, традиции легли в основу многих научно-исследовательских учреждений и организаций более поздних периодов.

Краеведческие очерки и описания, статьи, воспоминания, исторические исследования по археологии, нумизматике, этнографии и музейному делу, охране памятников старины Ставрополья и Северного Кавказа, его культуре, биографии исследователей, созданные членами этих обществ и учреждений, были написаны на основе архивных документов. Это придало работам особую ценность. Они являются, прежде всего, историческим источником.

Большинство работ провинциальных исследователей было выполнено в форме краеведческих описаний, представляющих собой наиболее распространенный тип научной работы в рассматриваемую эпоху. Выполненные с позиций междисциплинарного подхода, описания были комплексными, содержали одновременно исторические, археологические, этнографические, статистические и географические сведения, иногда философско-лирические отступления. Составлялись они, как правило, на личных наблюдениях и исследованиях авторов, различались по своей тематике, объему материала, специфике преподнесения текста и источников. Из старых архивных документов и воспоминаний они пытались «сложить» историю прошлого местного края и через нее представить историю страны в целом. Труды по истории губернии и края были научно-популярными, что делало их доступными для понимания простым людям. Краеведы способствовали не только популяризации знаний о прошлом, но и оформлению у читателей сознательного отношения к историческому опыту.

Проблематика исследований определялась авторами самостоятельно и чаще всего зависела от их научных интересов, особенностей, разработанности и доступности источниковой базы. На специфику работ оказывало влияние и то, что объектом исследований был отдельно взятый регион — Северный Кавказ, с его уникальными природно-климатическими, историческими и экономическими особенностями, спецификой народонаселения, сохранностью тех или иных источников и, конечно же, со своей многовековой историей.

Чаще всего в центре внимания провинциальных исследователей оказывались проблемы древней истории края, период его заселения и освоения, основания и развития станиц, населенных пунктов, городов, вопросы церковного строительства, развития просвещения и культуры, охраны памятников древности. Во многом выбор тем исследований предопределяли богатейшие архивные источники, хранящиеся в местных ведомственных архивах. Это были преимущественно материалы по местной истории, культуре и быту народов населяющих Северный Кавказ. Отличительной чертой краеведческих работ было внимание к отдельному историческому факту, архивному документу, «исторической мелочи», из которых пытались воссоздать историю Ставропольской губернии и Северного Кавказа.

Первое описание населенных пунктов Ставрополья, их краткой истории, хозяйственной и общественной жизни составил директор народных училищ Астраханской губернии И.В. Ровинский (3). Вкладом в развитие краеведения стала и работа по описанию населенных пунктов Ставропольской губернии, инспектора народных училищ А.И. Твалчрелидзе (4).

У истоков северокавказского краеведения стояли известные ставропольские исследователи И.В. Бентковский и Г.Н. Прозрителев. Они выступили инициаторами изучения многих тем и проблем местной истории, положив тем самым начало становлению историописания Северного Кавказа. Их обширное творческое наследие, насчитывающее сотни работ, представлено не только опубликованными изданиями, но и рукописями, многие из которых еще ждут своих исследователей и читателей. Их труды отличает разнообразие, по сути, энциклопедический охват тем, оригинальность и стиль изложения, научный подход к работе с источниками. И.В. Бентковский и Г.Н. Прозрителев были настоящими лидерами, сумевшими объединить вокруг себя талантливых и неравнодушных людей, занимающихся изучением родного края. При их участии было начато научное изучение губернии и региона в целом, способствовавшее, с одной стороны, консолидации деятельности местных историков-любителей, а с другой стороны — созданию прочной источниковой базы провинциальной историографии и краеведения. Их научно-исследовательская деятельность была разносторонней и многоплановой. «Не было ни одного вопроса нашей хозяйственной и общественно-исторической жизни, которой он не коснулся бы в своих исследованиях» — слова, сказанные Г.Н. Прозрителевым о И.В. Бентковском, можно смело отнести и к нему самому. При них, и во многом благодаря им, краеведение в крае сложилось в движение единомышленников, в специфическую форму научной деятельности, направленную на всестороннее изучение Северного Кавказа.

Работы их, как и труды других местных исследователей, публиковались на страницах периодической печати («Ставропольские губернские ведомости», «Кубанские войсковые ведомости», «Кубанские областные ведомости», «Терские областные ведомости», «Ставропольские епархиальные ведомости», «Северный Кавказ» и др.) и в регулярных изданиях провинциальных научных обществ и учреждений (труды Ставропольского губернского статистического комитета («Памятная книжка», «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», «Адрес-календарь и торгово-промышленная справочная книжка Ставропольской губернии, «Сборник сведений о Северном Кавказе»); Кубанского областного статистического комитета («Памятная книжка», «Справочная книжка», «Календарь», «Сборник»); Терского областного статистического комитета («Календарь», «Сборник», «Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска», «Сборник сведений о Терской области», «Статистические таблицы населенных мест Терской области», «Списки населенных мест»); Ставропольского епархиального церковно-археологического общества («Церковная старина на Северном Кавказе»); «Известиях Общества любителей изучения Кубанской области»; «Трудах Ставропольского общества для изучения Северо-Кавказского края»; «Трудах Ставропольской ученой архивной комиссии» и др.).

К 1917 году краеведение занимало важное место в общественной жизни и культуре провинции, что, в свою очередь, способствовало демократизации представлений о содержании истории и круге лиц, которые занимались историческими и краеведческими исследованиями. К 1920 году термин «краеведение» окончательно утвердился и получил широкое распространение в исторической науке, обозначая массовое историко-культурное движение в стране. Это время, до рубежа 1920—30-х годов, считается «золотым десятилетием» в развитии краеведения (5). К 1920-м годам относится становление научной школы исторического краеведения, формирование научного представления о предмете, объекте и методах краеведения. Основоположником исторического краеведения И.М. Гревсом и его последователями Н.П. Анциферовым, Н.К. Пиксановым, Н.П. Архангельским и другими был сформулирован и новый метод краеведения — локальный, как всестороннее исследование отдельных регионов с обязательным введением новых исторических источников в научный оборот (6). Акцент делался на выявление своеобразия различных регионов страны, специфики их исторического и культурного развития. Важнейшим направлением деятельности краеведческих обществ и организаций являлось выявление, собирание, учет и охрана памятников истории и культуры. Историческое краеведение 1920-х годов было тесно связанно с научными школами историков и академическими учреждениями страны, что способствовало развитию традиции конкретно-исторических исследований.

Консолидация краеведческих сил в провинции осуществлялась путем создания сети этнолого-археологических институтов и комиссий. На Ставрополье этнолого-археологическая комиссия была создана в 1921 году. Основным направлением ее деятельности было — культуроохранительное (7). Краеведческие исследования комиссия проводила совместно с музеем Северного Кавказа (основан в 1905 году) и возникшей в 1920 году Ставропольской секцией по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, которые возглавлял Г.Н. Прозрителев (8). Сложившаяся на Ставрополье структура органов охраны памятников стала частью общегосударственной системы. Организацию историко-краеведческих исследований рассматривали как комплексную задачу. Исследовательская работа строилась в соответствии с социальным и государственным устройством страны, подлежала «увязке в особый план», каким являлся, например, «Пятилетний план краеведческих работ по Северокавказскому краю» (9). Краеведческое движение этого периода было тесно связано с идеологией нового советского общества.

На Ставрополье в этот период действовала целая плеяда замечательных краеведов на КМВ под руководством проф. Д.М. Павлова (10). В 1920 году при его непосредственном участии в Пятигорске был создан Совет обследования и изучения Терского края, преобразованный в 1921 году в Пятигорское отделение Северо-Кавказского института краеведения (был образован в 1920 году на базе Терского областного музея и просуществовал до 1927 года). В 1921 году в Кисловодске и Пятигорске проходила первая краевая Северо-Кавказская конференция по делам музеев, охране памятников искусства и старины, на которой была поставлена задача создания новых музеев и возрождения краеведческих обществ.

В 1923—24 годах была возобновлена деятельность Кавказского горного общества, возглавил которое известный краевед Е.А. Ларин, и его филиала-отделения в г. Кисловодске (с 1925 года) (11). В 1930-е годы охраной, спасением и изучением памятников древности и средневековья КМВ начали заниматься известные археологи, краеведы Н.М. Егоров и А.П. Рунич, позже Н.Н. Михайлов — зачинатель кавминводского археологического краеведения (12).

В 1921-25 годах на Северном Кавказе проводились художественно-этнографические экспедиции (в 1921 году — в Нагорный Дагестан, в 1924 году — в Дагестан, в 1925 году — в Карачай, Дагестан, Чечню) (13). Результатом экспедиций стала богатейшая коллекция, хранящаяся ныне в Ставропольском государственном краеведческом музее, отражающая антропологические типы, занятия, утварь, орудия труда, орнаменты, костюм, архитектурные и погребальные памятники, обычаи и обряды, являющиеся сегодня ценным историческим источником (14).

В 1926 году было создано Северо-Кавказское бюро краеведения, сыгравшее важную роль в организации краеведческих обществ, экспедиционной деятельности, издательской работы на Ставрополье. В составе бюро была секция археологии, антропологии, этнографии и истории искусств, членом которой являлся и Г.Н. Прозрителев. В 1928 году от Северо-Кавказского региона в состав Центрального бюро краеведения входило 12 представителей, среди них: А.И. Воскресенский, Г.Ф. Руденко, Г.Г. Григор (Краснодар), А.П. Семенов (Владикавказ), Е.А. Ларин (Пятигорск), Г.Н. Прозрителев (Ставрополь) и др.

В начале 1930-х годов ситуация в краеведении начала резко изменяться. Усиливающееся стремление к идеологизации деятельности краеведческих учреждений привело к разгрому краеведческого движения. Являясь демократичным по своей природе, краеведение не вписалось в рамки складывающейся тоталитарной системы, в политику, направленную на централизацию науки и всей общественной жизни. Демократическая основа краеведческих обществ, самостоятельное определение приоритетных направлений исследований, желание уйти от попыток унификации, подчеркнуть местные особенности, специфику исторического развития того или иного региона или края — все это «мешало» намеченным путям развития страны, в силу чего пошел обратный процесс — ликвидации краеведческих обществ, «чистки» музеев и научных учреждений от «неугодных» сотрудников. Многие краеведы подверглись репрессиям, а творческий процесс изучения провинции был надолго приостановлен. Ликвидация краеведческих центров была предопределена невозможностью их существования в новой, централизованной системе организации научных исследований. Монополизация науки привела к концентрации научных кадров в столичных центрах, что не способствовало развитию научно-исследовательской базы на местах. Перестало развиваться и историческое краеведение как научное направление. Под краеведением стали понимать лишь собирание материалов по «краевой» истории, без анализа и связи с историческими процессами, происходившими в стране. Со временем «местная» история, как и «общая история» все более становилась «политической».

Возрождение краеведения в послевоенный период связано со школьным образованием, где акцент делался на воспитание патриотизма. «Краеведческий принцип» стал основным в деле обучения и воспитания подрастающего поколения на многие десятилетия. На местах продолжали работать краеведы, чья любознательность простиралась за рамки профессиональных знаний и благодаря трудам которых, был собран богатый источниковый материал, воссозданы многие страницы истории Ставропольского края.

Вопросами краеведения в разное время занимались работники Ставропольского краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (Г.Д. Краснов (автор исторического повествования «Ставрополь на

Кавказе»), Л.Н. Глушков, А.Л. Нечитайло, В.В. Госданкер, Н.А. Охонько, Г.А. Беликов, А.П. Акопьян, И.В. Отюцкий и др.), Ставропольского государственного педагогического института (ныне СГУ) (В.А. Романовский, А.П. Чевелев, П.А. Шацкий, Н.И. Стащук, Т.И. Беликов, В.Г. Гниловской, В.В. Скрипчинский, Т.М. Минаева, А.В. Попов, З.М. Поздняева, В.В. Савельева, Д.В. Кочура, В.П. Невская, А.В. Найденко, Т.А. Невская, Н.Д. Судавцов и др.). Многие поколения ставропольцев познавали край через «Занимательное краеведение» В.Г. Гниловского (15). Огромную роль в развитии и популяризации краеведческих знаний сыграли краевые СМИ (пресса, радио, телевидение).

С середины 1960-х годов в СГПИ сформировалось и успешно развивается (ныне в СГУ на кафедре политической истории) научное направление «Историческое краеведение» (научный руководитель — профессор Д.В.Кочура). Совместными усилиями сотрудников Ставропольского государственного краеведческого музея, преподавателями СГПИ — СГУ, географическим обществом и Ставропольским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (создано в 1960-е годы) было осуществлено, начиная с 1949 года, издание 16 выпусков «Материалов по изучению Ставропольского края» (МИСК), включающих разделы: естественно-географический, охраны природы, исторический, краеведческий, музейного дела и библиографии, памятники истории и культуры, жизнь и деятельность замечательных людей (16). С 1961 года Ставропольская краевая универсальная научная библиотека им. М.Ю. Лермонтова издает ежегодный краеведческий сборник, первоначально называвшийся «Календарь знаменательных и памятных дат по Ставропольскому краю», а с 1994 года — «Ставропольский хронограф», на страницах которого рассматриваются страницы местной истории, экономики, науки и культуры родного края, приводятся факты жизни и творчества выдающихся людей, связанных со Ставрополем.

Первое пособие по историческому краеведению «Ставропольский край в истории СССР» (редактор — профессор П.А. Шацкий) вышло в свет в 1975 году. В 1986 году были изданы «Очерки истории Ставропольского края» (научные редакторы — профессор Д.В. Кочура и профессор В.П. Невская), в создании которых принимали участие краеведы и научная общественность края. С середины 1990-х годов началась разработка учебных пособий и региональных учебников по историческому краеведению для средних учебных заведений (17).

Начавшееся с 1990-х годов возрастание интереса к истории и культуре российской провинции, к проблемам местной истории привело к возрождению, созданию краеведческих обществ и организаций, проведению научных конференций по историческому краеведению. По инициативе председателя Союза краеведов России, академика С.О. Шмидта был создан научный центр по изучению российской провинции, лаборатория исторического краеведения на базе Историко-архивного института РГГУ. Краеведение стало решать не только актуальные проблемы современной исторической науки, но и по-новому «смотреть» на уже написанные страницы отечественной и местной истории. В этот период были изданы работы ставропольских ученых (Э.В. Кемпинский, К.В. Кудряшов, Н.А. Мальцева, Т.А. Невская, Б.Т. Ованесов, Т.Н. Плохотнюк, З.М. Поздняева, Н.Д. Судавцов, С.А. Чекменев и др.), посвященные малоизвестным страницам прошлого края. В 1999 году вышел в свет коллективный обобщающий труд ставропольских историков «Край наш Ставрополье: Очерки истории» (научный редактор — профессор Д.В. Кочура и профессор В.П. Невская), в котором реализованы наработки краеведов за многие десятилетия и изложены результаты осмысления основных этапов истории края. В 1990-е — начале 2000 годов учеными и краеведами (Р.Е. Аджимамедов, Ю.П. Андреев, А.А. Аникеев, В.В. Бабенко, Г.А. Беликов, А.Е. Богачкова, В.М. Вазагов, Е.С. Виноградов, Б.Л. Годзевич, В.Т. Грибанов, В.Б. Гриценко, Н.В. Жерлицын, В.М. Забелин, Н.Г. Завгородний, Н.В. Заседько, В.А. Колесников, С.П. Корнетова, П.Н. Кудинов, М.С. Мамонтов, В.В. Омельченко, Л.А. Польская, Ю.А. Прокопенко, В.В. Савельева, Ф.Ф. Сидоренко, В.А. Смоляков, П.М. Солодников, Н.Д. Судавцов, П.С. Федосов, Ф.С. Шумакова, В.Р. Ясинов и др.) были опубликованы краеведческие работы по истории отдельных населенных пунктов Ставропольского края. В 2002 году была создана обобщающая работа по истории населенных пунктов Ставропольского края — «История городов и сел Ставрополья: краткие очерки» (научные редакторы — профессор Д.В. Кочура и профессоор А.А. Кудрявцев). Книга была подготовлена на базе лаборатории по истории городов и сел края, созданной на историческом факультете СГУ, совместно с преподавателями других вузов и краеведами, изучающими историю Ставрополья.

В трудах современных исследователей-филологов В.М. Головко, Л.П. Егоровой, С.Г. Найденко, Г.П. Толпаевой, О.П. Фесенко, Т.К. Черной, В.Н. Кравченко получили развитие вопросы литературного краеведения Ставрополья.

Теоретические и историографические проблемы региональной истории рассматриваются в трудах В.А. Кузнецова, Т.А. Булыгиной, А.Н. Коваленко, С.И. Маловичко, А.В. Найденко, Н.А. Охонько, С.Н. Савенко и др.

С 2002 года осуществляется разработка исследований местной истории с позиций полидисциплинарного подхода, методами, выработанными гуманитарными науками (компаративного источниковедения и историографии, микроистории, устной истории и др.), на базе Регионального научно-образовательного центра «Новая локальная история» Ставропольского государственного университета (руководитель — док-

тор исторических наук С.И. Маловичко), созданного в рамках межвузовской научной программы «Локальная история: компаративные подходы и методы изучения» совместно с Историко-архивным институтом РГГУ. Исследования осуществляются в кросс-исторических областях: сравнительное источниковедение; интеллектуальная история российской провинции; история повседневности; городская история; новая биографика; история пограничных областей Северного Кавказа.

Провинциальная историография — неотъемлемая часть истории развития отечественной исторической науки. Оно всегда являло собой уникальное направление в исторической мысли России, ценное своим опытом изучения уклада жизни провинции, ее традиций и их трансформаций на разных исторических этапах. В современной довольно сложной культурной ситуации опыт исторического краеведения, накопленный предыдущими поколениями местных исследователей, важен для критического переосмысления методологических подходов и выбора источников, способствует достижению многих историографических и источниковедческих целей.

Примечания

1. См.: Колесникова М.Е. У истоков социогуманитарной традиции академического кавказоведения // Институт истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова. Годичная научная конференция, 2004. — М.: Диполь-Т, 2004. С.471—475.

2. Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. — М., 1990. — Вып. 1. — С. 12.

3. Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. — СПб., 1809.

4. Твалчрелидзе А.И. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. — Ставрополь, 1897 (репринт 1991).

5. Шмидт С.О. Указ. соч. С. 16.

6. Архангельский С.И. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. — 1927. — Т. 2. — С. 181—194; Анциферов Н.П. Краеведение как историко-культурное явление // Известия ЦБК. — 1927. — № 3. — С. 23—26; Он же. Краеведческий путь в исторической науке // Краеведение. — 1928. — Т. 6. — С. 321—338 и др.

7. См. Колесникова М.Е. Ставропольская этнолого-археологическая комиссия. Страницы истории и основные направления культуроохранительной деятельности в 1921—1933 годах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II: Археология, антропология, палеоклиматология. — М.: «Памятники исторической мысли», 2001. — С. 208—221.

8. ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 374.

9. ГАСК. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 11. Л. 69, 244.

10. См.: Колесникова М.Е. Дмитрий Михайлович Павлов: (К 120-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2004 год. Краеведческий сборник. — Ставрополь, 2004. — С. 202—208.

11. См.: Колесникова М.Е. Кавказское Горное Общество // Ставропольский хронограф на 2002 год. Краеведческий сборник. — Ставрополь, 2002.

12. См.: Археология и краеведение Кавминвод: Материалы 1-й региональной конференции. — Кисловодск, 1992.

13. См.: Доде З.В. Художественно-этнографические экспедиции 20-х годов XX века по Северному Кавказу //Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.М.Минаевой, 26—28 января 1996 г. — Ставрополь, 1997. — С. 51—55; Горцы Северного Кавказа глазами художников (по следам художественно-этнографических экспедиций 1924—1926 гг.). Каталог выставки. — Ставрополь, 1997.

14. СГКМ. Ф. 33. Ед. хр. 8.

15. Гниловской В.Г. Занимательное краеведение. — Ставрополь, 1954; 2-е изд. — Ставрополь, 1974.

16. Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 1—15. — Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1949—1988.

17. Беликов Г.А., Кругов А.И. «Ставропольский край в истории России (на рубеже XIX—XX вв.)». Ч. 1, 2. — Ставрополь, 1995; «История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 г.»: Региональный учебник для общеобразовательной школы / А.В. Найденко и др. — Ставрополь,1996); Кругов А.И. «Ставропольский край в истории России (конец XVIII — XX век)»: Региональный учебник для старших классов общеобразовательных учебных заведений. — Ставрополь, 2001; Кругов А.И., Кругова С.А. «Страницы истории края»: Учебное пособие для учащихся начальной школы: В 2 ч. Ч. 1. — Ставрополь, 2002; Ч. 2. — Ставрополь, 2003; Ивановский И.А. «Занимательное краеведение» (Учебное пособие для общеобразовательных учебных заведений Ставропольского края. — Ставрополь, 2003).

И.В. Бентковский — секретарь Ставропольского губернского статистического комитета

История покорения Кавказа — дело потомства, подбор материалов для этой истории — дело современников.
И.В. Бентковский

С именем Иосифа Викентьевича Бентковского (1812—1890) связана целая эпоха в научной и культурной жизни Ставропольской губернии и Северного Кавказа. Секретарь Ставропольского губернского статистического комитета, историк-кавказовед, этнограф, статистик и экономист, он стоял у истоков северокавказского краеведения, являясь одним из организаторов научных исследований, положивших начало становлению местной провинциальной историографии.

Губернские статистические комитеты (ГСК), создание которых относится к 30-м годам XIX века, являлись правительственными учреждениями, созданными для сбора и обработки административно-хозяйственных данных. Однако со временем они превратились в научно-исследовательские организации, став своеобразными издательскими и краеведческими центрами провинции. Объединившие вокруг себя любителей истории, археологии и этнографии в российской провинции, они явились во второй половине XIX века «своеобразным ключом механизма русской провинциальной историографии» (1). Во многом этому способствовала реформа статистической службы России 1860 года, после которой в деятельности губернских статкомитетов появились «обязательные» и «необязательные» работы. К «необязательным» работам были отнесены разносторонние исследования губерний в историческом, географическом, этнографическом отношениях. Комитеты должны были «по мере возможности и средств… а) составлять и от времени до времени исправлять, подновлять и пополнять, возможно, отчетливые описания губерний, частей губерний, городов и особенно замечательных по чему-либо местностей, в отношении не только статистическом, но и топографическом, историческом, археологическом этнографическом, сельскохозяйственном, промышленном и торговом; б) с этой целью снаряжать особые экспедиции из своих членов или посторонних благонадежных лиц для ученого исследования разных местностей губерний… Одним словом, труды губернских статистических комитетов следует направлять к точному и всестороннему изучению губерний и областей, дабы комитеты могли иметь всегда в готовности, необходимые для правительства и для науки, верные и систематически обработанные данные о современном состоянии края, на который простирается их деятельность» (2).

Статистику в XIX веке понимали как науку об обществе в целом, изучающую большой круг проблем. Такое широкое толкование позволяло относить в разряд статистических работ и исследования по истории, этнографии, археологии, географии. Привлечение губернских статкомитетов к организации и проведению историко-краеведческих изысканий было вызвано острой необходимостью в систематических и всесторонних исследованиях губерний. Статистика была необходима правительству для совершенствования управления огромной империей, проведения преобразований, осуществлявшихся во второй половине XIX века. Учреждение и последующее реформирование губернских статкомитетов явилось попыткой создания своеобразной, единой, унифицированной по структуре государственной службы.

Старейшим на Северном Кавказе является Ставропольский губернский статистический комитет, образованный в 1858 году по инициативе гражданского губернатора генерал-лейтенанта А.А. Волоцкого (3). Устройство статистической части в Кубанской и Терской областях, в виду сложной военно-политической обстановки на Кавказе, было признано возможным лишь в 1866 году. Образованы они были еще позже: Терский областной статкомитет в 1872 году, Кубанский — в 1879 году (4). Работы у Ставропольского статкомитета было много, так как Ставропольская губерния не была «…изучена еще серьезно ни с какой стороны…, не изучены в подробности ни история, ни статистика, ни естественные богатства и средства к извлечению их».

Изучением губернии и занимались действительные члены Ставропольского губернского статкомитета. Это были специалисты в отдельных отраслях науки, известные своими трудами по истории, археологии, этнографии губернии, ее природным богатствам. Среди них В.А. Бетаки, Г.К. Властов, Б.С. Цытович, А.Н. Мицулов, Д.М. Седаковский, А.Н. Лопатин, А.Д. Тимченко, Г.В. Раевский-Буданов и др. Чаще всего тематика и проблематика исследований избиралась членами комитета самостоятельно и во многом зависела от личности исследователя, его интересов. Определенную роль оказывала специфика исторического развития края. Срабатывал и «краеведческий принцип», что заинтересовало, попалось на глаза — о том и писали.

Научно-историческая деятельность Ставропольского губернского статистического комитета развивалась по нескольким взаимосвязанным направлениям: историко-краеведческое, археологическое, этнографическое, охрана памятников древности, просветительское и издательское. В отличие от других комитетов и научных обществ того времени, основной формой работы Ставропольского статкомитета было не проведение регулярных заседаний и обсуждение докладов, хотя такие тоже проводились, а индивидуальная научно-исследовательская и экспедиционная деятельность.

Как совершенно справедливо, отмечает современный исследователь В. Бердинских, в значительной мере эффективность работы статкомитетов зависела от опыта, заинтересованности, установки на научные исследования и организаторских способностей их секретарей. Именно научные интересы, пристрастия, творческая энергия, активная деятельность секретарей во многом и определяли характер и направления научных исследований комитетов.

Такой яркой, талантливой личностью и был секретарь Ставропольского губернского статистического комитета Иосиф Викентьевич Бентковский, с именем которого связан 20-летний период — «время расцвета, полной и всесторонней деятельности комитета и, так сказать, время сознательного и целесообразного существования его» (5).

Поляк по происхождению, он оказался на Кавказе после известных событий в Польше 1830 года. Точных указаний о непосредственной причастности семьи Бентковских к Польскому восстанию 1830—31 годов нет, однако сам Иосиф Бентковский об этой странице своей жизни всегда говорил сдержано и осторожно. О своем происхождении он писал «…по рождению я поляк. Среднее образование я получил сначала в Влоцлавске, а потом в Плоцке, но высшего не дала мне даже начать революция 1830 года и бросила на Кавказ» (6). Кавказ стал для него второй родиной. Двадцать пять лет военной службы в Кавказском крае позволили И.В. Бентковскому не только побывать в разных уголках этого удивительного региона, познакомиться с нравами и обычаями проживающих там народов, с памятниками истории, но и понять, полюбить этот уголок России.

Сведения о жизни и деятельности И.В. Бентковского немногочисленны. Пожалуй, и сегодня единственными общими работами, посвященными ему, остаются: очерк о научной деятельности И. Бентковского, написанный в начале XX века его последователем на ниве краеведения Г.Н. Прозрителевым и статьи В.В. Госданкера, вышедшие во второй половине XX в. (7). Высоко оценивал деятельность И.В. Бентковского в области изучения Северного Кавказа известный библиограф конца XIX — начала XX в. Б.М. Городецкий (8). Имя И.В. Бентковского, вместе с библиографией его трудов упоминается в известном биографическом словаре русских писателей и ученых С.А. Венгерова (9). После смерти ученого его жизненный и творческий путь отразили ряд некрологов (10). Отдельные заметки и публикации, приуроченные к юбилейным датам «неутомимого местного историка», выходили в разные годы в местной периодической печати (11). В ряде работ отдельно рассматривалась журналистская деятельность И.В. Бентковского (12).

Библиография трудов И.В. Бентковского впервые была опубликована в 1881 году на страницах «Ставропольских губернских ведомостей», а в 1910 году в Трудах Ставропольской ученой архивной комиссии (13). Позже дополненная, она выходила вместе с небольшими заметками, посвященными 180-летию и 185-летию со дня рождения И.В.Бентковского в ежегодных справочно-библиографических пособиях Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова — «Ставропольский хронограф» (14).

Несомненный интерес представляют архивные материалы о жизни и деятельности И.В. Бентковского, рассредоточенные по разным архивам, фондам и делам. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК, Ставрополь) хранит документы его личного фонда, содержащие биографические справки и дела, относящиеся к его деятельности в Главном управлении государственного коннозаводства по Кавказскому краю (15). Подробно рассмотреть научно-историческую деятельность И.В. Бентковского позволили и архивные документы, сгруппированные в фонде Ставропольского губернского статистического комитета и отчасти в фонде Ставропольской ученой архивной комиссии (16). Интересные материалы, позволяющие всесторонне исследовать многие грани таланта провинциального исследователя, хранятся в фондах Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (СГКМ) (17). Помимо местных архивохранилищ, документы, содержащие сведения о И.В. Бентковском, находятся в ряде центральных архивов. Так, в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, Москва), в личном фонде барона М.А. фон-дер Остен-Сакена, были обнаружены документы, относящиеся к 1880 году, о представлении И.В. Бентковского к награждению участком земли в 1000 десятин за заслуги в работе на посту секретаря Ставропольского губернского статистического комитета (18). Его имя стоит в списке других чиновников, представленных к награждению по Ставропольской губернии. Но эту награду, он, как известно, так и не получил. Не менее интересный документ был найден и в Российском государственном историческом архиве (РГИА, С.-Петербург), в фонде Центрального статистического комитета МВД. Это Формулярный послужной список И.В. Бентковского за 1889 год, приложенный к прошению-ходатайству Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе к господину министру внутренних дел о представлении И.В. Бентковскому права на пенсию из Государственного казначейства (19). Этот список, дающий возможность проследить весь жизненный путь, плодотворную научную и общественную деятельность И.В. Бентковского, публикуется в приложении данной книги.

Из имеющихся сведений о И.В. Бентковском, крайне мало о раннем периоде его жизни. Известно, что родился он 19 марта 1812 года в семье знатных, но небогатых дворян Брест-Кулсского уезда герцогства Варшавского. Отца звали Викентий Бентковский, мать — Жозефина Бентковская (Рудницкая). Получил хорошее среднее образование, окончив «гимназический курс наук царства Польского». В 1832 году молодой И. Бент-

ковский, дворянин по происхождению, зачисляется рядовым солдатом в Депо Плоцкого воеводства, в 1833 году становится унтер-офицером Навагинского пехотного полка, затем в 1834 году переводится в первый Кавказский линейный батальон. Этот факт, как и последующие резкие изменения в жизни и судьбе И. Бентковского, косвенно указывает на причастность молодого шляхтича к событиям в Польше в 1830—1831 годов.

После подавления польского восстания многие участники движения подверглись репрессиям, часть из них была отправлена на Кавказ, в действующую армию. Региональным центром польской ссылки Северный Кавказ стал еще в 1813 году, когда сюда были направлены первые военнопленные поляки бывшей армии Наполеона. Спустя 18 лет, после «усмирения польского мятежа в 1831 году остатки хорошо организованных полков польских войск были сосланы в отдельный Кавказский корпус и по его полкам распределены» (20). В «серой шинели опального солдата» И. Бентковский навсегда покинул родину и отправился на поселение в далекий и неизвестный Кавказский край. На марше он занимался изучением русского языка, как он позже напишет «с таким успехом, что по прибытии в Ставрополь 4 февраля 1834 года меня, после отличной рекомендации партионного офицера, которому я в походе помогал в переписке, оставили в штабе Командующего войсками на Кавказской линии в Черномории и Астрахани для распределения и рассылки множества документов на польском и литовском языках (метрик) в разные части войск, где служили поляки» (21).

Военная служба И. Бентковского в общей сложности продолжалась 25 лет, до 1857 года, когда он был уволен «от службы за выслугой лет». Во время ее прохождения от рядового до казачьего сотника он побывал урядником, зауряд-хорунжим, хорунжим Ставропольского казачьего полка, в должности заседателя полкового правления 4-й бригады Кавказского линейного казачьего войска, начальника Михайловской станицы. «По прибытии в штаб Ставропольского казачьего полка в станицу Михайловскую, в 9 верстах от Ставрополя, — напишет он позже, — полковой командир поручил мне полковую школу — короче, сделал педагогом. В том же году я женился на дочери казачьего офицера и открыл пансион. В учениках у меня недостатка не было, я учил всему, что сам знал, не руководствуясь какой бы то ни было программою. В 1837 году 18 октября Император Николай I в Ставрополе открыл гимназию. Вслед затем в станицу Михайловскую прибыл вновь назначенный наказной атаман генерал-майор С.С. Николаев. Несмотря, что в Ставрополе была уже гимназия, моя педагогическая деятельность шла в гору и, правда сказать, в славу. Наказной атаман пригласил меня преподавателем единственному сыну Петру, которого я приготовил с полным успехом к поступлению в пажеский корпус (он был крестник Государя Александра II). Из моих учеников, многие дослужились до штаб-офицерских чинов…». Эти годы стали для него не только великолепной школой жизни, но и временем познания его новой родины. За годы службы он имел возможность побывать в различных уголках Кавказского края, познакомиться с историей, обычаями и нравами живущих там людей, прежде всего горцев. Он много читал, занимался литературной деятельностью, собирал и изучал архивные документы, библиографию, которые позже легли в основу его многочисленных публикаций по истории Ставропольской губернии и Северного Кавказа. Но служба «отнимала» слишком много времени и всецело посвятить себя историко-краеведческой деятельности он смог лишь после выхода в отставку в 1857 году.

Литературные и научные труды И.В. Бентковского были по достоинству оценены научной общественностью Ставропольской губернии. В 1860 году он избирается членом-корреспондентом Ставропольского губернского статистического комитета, с 1866 года — действительным членом, а в 1871 году — единогласно секретарем Ставропольского губернского статистического комитета. Он навсегда переезжает в г. Ставрополь и «посвящает себя литературной и ученой деятельности».

В истории Ставропольского губернского статкомитета уже сами современники выделяли два периода: I период (1858—1868) — «период добрых, но бесплодных начинаний, благодаря времени, историческим судьбам нашего края и тогдашнему состоянию отечественной статистики, как науки»; II период (1869—1883) — когда начинается издание трудов комитета и Ставропольская губерния «благодаря трудам комитета, была почата уже историческими и статистическими исследованиями». На второй период и приходится время работы в комитете И.В. Бентковского. Он стал настоящим лидером; объединил вокруг себя талантливых людей, тянувшихся к науке, занимающихся изучением родного края; выступил инициатором изучения многих тем и проблем, положивших начало становлению провинциальной историографии Северного Кавказа. При участии И.В. Бентковского была начата работа по созданию прочной источниковой базы местного краеведения.

Чтобы развернуть и «поднять» такую работу секретарь статкомитета должен был быть не просто образованным человеком, он должен был знать прошлое и настоящее края, любить и понимать его. В большей степени научная деятельность секретаря, по сути, была организаторской и инициаторской. Помимо статистических исследований, являющихся «обязательными работами» комитета, он занимался решительно всем: разбором старых архивов, сохранением письменных источников, редакционной и издательской деятельностью, составлением обзоров и описаний, организацией и проведением этнографических исследований, поддержанием широких научных контактов по стране и региону, формированием библиотеки и музея.

Разносторонней и многоплановой была и исследовательская деятельность И.В. Бентковского. «Не было ни одного вопроса нашей хозяйственной и общественно-исторической жизни, которой он не коснулся бы в своих исследованиях», — писал известный северокавказский исследователь Г.Н. Прозрителев. Тематика

его трудов действительно широка — география, история, этнография, статистика, архивное дело, метеорология, земледелие, садоводство, виноделие, шелководство, скотоводство, коневодство, ветеринария, рыболовство, торговля, промышленность, железнодорожное дело, соляной вопрос, лесоводство…и многое другое. Такая «разбросанность» и диапазон интересов объясняется, прежде всего, не разработанностью историко-краеведческой тематики, слабой изученностью губернии и региона. С другой стороны, это был чисто краеведческий подход, типичный для провинциальных исследователей того времени. Это было время, когда краеведение, или как его определяли в тот период «родиноведение», превращалось в форму социокультурной деятельности российской провинции. На местах появились люди, занимающиеся краеведческими исследованиями, сформировалось целое поколение историков-краеведов. Обращение местных исследователей к изучению истории «народной жизни», произошедшее несомненно под влиянием народничества, привело к формированию в провинции устойчивого интереса к истории, археологии и этнографии местного края.

Краеведческой тематике посвящены около 200 научных работ, которые оставил нам И.В. Бентковский. По своему научному уровню ряд из них, особенно по проблемам статистики, картографии, метеорологии, не уступали научным трудам профессиональных столичных ученых: «Экономическое состояние городов Европейской России» (1865), «Статистические сведения о состоянии Ставропольской губернии за 1875 год» (1876), «Несколько слов о климате в г. Ставрополе по метеорологическим наблюдениям с 1871 по 1878 год» (1879), «Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии» (1881г.), «Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии с приложением дорожной карты» (1883) и др. В награду, за составление и издание в 1874 году «Статистической карты Ставропольской губернии: Масштаб 10 верст в англ. дюйме», И.В. Бентковский получил от Великого князя Наместника Кавказского золотую табакерку, ценою в 275 руб. (22).

Его научные работы по статистике и экономике коневодства были оценены правительством и в 1878 году его назначили корреспондентом Главного управления государственного коннозаводства по Кавказскому краю. В этот период из под его пера выходят научно обоснованные обзоры состояния коневодства на Северном Кавказе: «Обзор коневодства на северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии» (1878), «Коневодство Северного Кавказа и ставропольская скачка» (1880), «Обзор конского хозяйства в бывшей Черномории и правительственных мероприятий для улучшения и развития коневодства на Северном Кавказе» (1883) и др.

Большинство его работ представляли собой краеведческие описания, наиболее распространенный тип научной работы в рассматриваемую эпоху. Превосходное знание местной жизни, крестьянского и казачьего быта, обычаев и нравов местных жителей способствовали превращению И.В. Бентковского в настоящего краеведа. Его первой научной работой стал краеведческий очерк, посвященный истории с.Безопасного, в котором исследователь поселился, выйдя в отставку (23). Очерк положил начало обширному циклу работ по истории заселения и освоения Северного Кавказа. В нем И.В. Бентковский сформулировал своеобразную программу действия для местных исследователей, краеведов, определив задачи и направления научно-исследовательской деятельности: «…материалы, относящиеся до заселения Северного Кавказа и Ставропольской губернии, в особенности, все, еще не тронутые, покоятся в разных архивах. Не пора ли стряхнуть с них пыль и передать науке?» Разработка архивных источников становится одним из основных направлений деятельности И.В. Бентковского и Ставропольского губернского статкомитета.

Археографическая работа была свойственна во второй половине XIX в. большинству статистических комитетов. В этот период в России разворачивается работа по сохранению архивов, спасению от гибели и уничтожения исторических документов. Эпоха великих реформ сопровождалась упразднением различных учреждений и гибелью, в конечном счете, их архивов. Процесс уничтожения «старых архивных бумаг» в провинции принял необратимый характер. Известный историк и архивист Д.Я. Самоквасов, оценивая этот период отечественного архивного дела, в 1902 году писал: «В некоторых старейших городах наших губерний, еще недавно обладавших богатыми и драгоценными архивами древних актов, в настоящее время наблюдается полное отсутствие государственных архивных материалов старее сорокалетней давности» (24). Не была исключением и Ставропольская губерния. Единственным административным органом, занимавшимся сохранением ценных в историческом отношении архивных документов, вплоть до учреждения в 1906 году Ставропольской губернской ученой архивной комиссии, являлся Ставропольский губернский статистический комитет. Члены комитета занимались разбором старых архивов упраздняемых учреждений. Роль своеобразного эксперта была возложена на секретаря комитета И.В. Бентковского. Первоочередной задачей, стоящей перед исследователями края, он считал создание и разработку письменной источниковой базы, в силу чего немало внимания уделял работе по выявлению, собиранию и описанию архивных источников.

Археографическое направление в деятельности комитетов было закреплено в 1867 году Циркуляром МВД на имя директора Центрального статистического комитета и губернаторов, в котором предлагалось поручить секретарю или членам статкомитетов «принять участие при разборе архивов упраздняемых мест, в том предположении, что из архивов этих могут быть извлечены интересные дела и документы, относящиеся до истории, археологии, статистики» (25). В силу этого члены комитета активно участвовали в разборе

архивов упраздняемых учреждений, ежегодно просматривали дела губернских правлений, полицейских управ, судебных мест, подлежащих уничтожению.

В этом направлении статкомитеты тесно работали с Московским археологическим обществом (МАО). Его запросы о состоянии архивного дела на местах, о местных архивах шли через губернские статкомитеты. Осознавая всю важность сохранения письменных исторических источников, в 1897 году МАО создало специальную Археографическую комиссию, которая постоянно обращалась к научным учреждениям и частным лицам с просьбой присылать сведения о местных архивах и результатах работ с архивным материалом. Так было и в 1897—1899 годах, когда, проводя сбор сведений обо всех имеющихся в стране архивах, начиная от центральных и заканчивая частными архивами и архивами различных обществ, МАО обратилось за помощью к губернским статистическим комитетам (26).

Несмотря на то, что работа эта не носила системного характера, не обеспечивала должного хранения документов, да и уровень специальных архивоведческих знаний провинциальных исследователей и любителей был невысок, Ставропольский губернский статкомитет помог спасти многие ценные материалы. Был накоплен и определенный опыт, который в дальнейшем использовала Ставропольская ученая архивная комиссия, когда формировала губернский исторический архив. Ценность собранных архивных документов состояла в том, что брали их в основном из личных архивов, архивов мелких учреждений, которые зачастую выпадали из поля зрения действующей с 1864 года Кавказской Археографической комиссии. Трудами и заботой членов Ставропольского губернского статкомитета были собраны уникальные исторические источники, ставшие основой современного Государственного архива Ставропольского края.

С именем И.В. Бентковского связаны и первые попытки создания Ставропольской ученой архивной комиссии. В 1886 году он выступил с ходатайством о ее организации, указывая на то, что с момента заселения Ставропольская губерния и Северный Кавказ имеют богатейшие архивы, в которых хранятся ценные исторические источники, «положение которых оставляет желать лучшего». К сожалению, это ходатайство не было удовлетворено (27).

Сбор архивных материалов, посвященных истории губернии не только способствовал концентрации ценнейших и уникальных исторических источников на месте, но и их первой разработке. Доступные для членов Ставропольского статкомитета источники, хранящиеся в местных ведомственных архивах, в определенной мере и предопределили тематику их научных исследований. Именно они и легли в основу последних. Характерно это было и для научного творчества И.В. Бентковского. Его очерки и статьи по истории колонизации края, образованию Кавказского линейного казачьего войска, «ставропольской старине» отличают полнота, широта и точность используемых документов, тщательный анализ, научная критика источников.

В распоряжении секретаря Ставропольского статкомитета находились архив Ставропольского губернского правления, Ставропольской казенной палаты, Ставропольской городской управы, Окружного суда, Контрольной палаты, Мужской гимназии, Акцизного управления, Губернской чертежной комиссии, Ставропольской духовной Консистории, штаба Кавказского военного округа на территории военных действий, Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, Войскового управления, штаба Кубанского казачьего войска, штаба Терского казачьего войска, Кавказской археографической комиссии.

Сосредоточенный в них материал лег в основу научных трудов И.В. Бентковского, среди которых «Хронологический указатель достопримечательных событий в Ставропольской губернии и Северном Кавказе» (1869), «Историко-статистические сведения о городе Моздоке: На столетний юбилей города Моздока» (1871), «Ставрополь в историко-статистическом, административном, торгово-промышленном и экономическом отношениях: Монографический очерк» (1875), «Вторичное открытие Кавказской губернии: Материалы для колонизации края» (1876), «Дела наши на Северном Кавказе от основания крепости в урочище Кизляр до построения укрепления Моздок с 1735 по 1765 год» (1876), «Обозрение XXVII — летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества по учебному заведению св. Александры» (1877) (работа за которую И.В.Бентковский получил бриллиантовый перстень от императрицы), «О необходимости изучения Ставропольской губернии в ботаническом отношении» (1879), «Археографические материалы для истории лесов в Ставропольской губернии» (1879), «Заселение бывшего Кавказского линейного казачьего войска» (1882), «Материалы для истории колонизации Северного Кавказа: Заселение бывшего линейного казачьего войска; Заселение Кавказской области» (1882), «Происхождение казачества, его развитие и идеи» (1882), «Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта» (1883), «Крепостная колонизация в бывшей Кавказской ныне Ставропольской губернии» (1884), «Гребенцы: Историческое исследование» (1889), «Бывшее Кавказское линейное казачье войско и его наказные атаманы (1832—1860)» (1891), «Хронологический указатель событий, извлеченных из неизданных материалов сенатора и академика П.Г. Буткова для новой истории Северного Кавказа» (1910) и др. Перу И.В. Бентковского принадлежит и первый исторический очерк создания и деятельности Ставропольского губернского статистического комитета (28).

В целом тематика работ И.В. Бентковского была обусловлена общими проблемами, стоящими перед русской исторической наукой в пореформенный период. Среди них, во-первых, особенности колонизации Северного Кавказа; во-вторых, экономическое развитие региона; в-третьих, история населенных пунктов;

в-четвертых, роль казачества в освоении региона. Рассматривая в своих работах колонизацию Кавказского края, И.В. Бентковский, выделяет ее этапы и формы, приходя к выводу о ведущей роли крестьянской колонизации в освоении региона. Описывая состояние промышленности, сельского хозяйства и торговли он дает практические рекомендации по развитию этих отраслей. Его перу принадлежат биографические очерки известных кавказских деятелей, выдающихся военноначальников.

Многочисленные статьи И.В. Бентковского чаще всего публиковались на страницах местной периодической печати: «Ставропольских губернских ведомостях», «Кубанских областных ведомостях», «Терских областных ведомостях», в региональных краеведческих изданиях. Они «невелики по объему, не блещут литературными достоинствами, но зато каждая из них содержит ценные данные, почерпнутые или из непосредственного изучения, или из архивных мало кому доступных источников», — писал о его творчестве Б.М. Городецкий (29). По инициативе и при непосредственном участии И.В. Бентковского в «Ставропольских губернских ведомостях» в 1875 году была открыта «Неофициальная часть», облик и направление которой он определял вплоть до 1889 года, пока был редактором. С 1880 года «Неофициальная часть» Ставропольских губернских ведомостей стала издаваться отдельно от «Официальной» и представляла собой «самодостаточное, интересное и полное издание с собственной позицией и структурой» (30). Она стала своеобразной трибуной местных краеведов, историков, археологов, статистиков, экономистов, библиографов и публицистов, значение которой для «трудного дела Северо-Кавказского родиноведения трудно переоценить». Краеведческие материалы публиковались в «Местном отделе» и в разделе «Библиография». На страницах «Неофициальной части» «Ведомостей» было опубликовано более 70 статей самого И.В. Бентковского, многие из которых печатались с продолжением, из номера в номер. В них наиболее полно проявился публицистический талант ученого.

Публикации в периодической печати способствовали пробуждению интереса к местной истории в самых широких слоях населения, выполняли еще и важную просветительскую роль. Именно такого характера были статьи и заметки И.В. Бентковского посвященные деятельности известных людей на Кавказе: «Генерал от инфантерии Георгий Арсеньевич Емануель» (1875), «Генерал-лейтенант Алексей Александрович Вельяминов: (Воспоминания ставропольского сторожила)» (1876), «Генерал-майор Якоби: Основатель Моздокско-Азовской линии в 1777 году: (Биогр. заметка)» (1877), «Император Николай I в Ставрополе (1887), «Император Александр II в Нижнефарском отряде на Северо-Западном Кавказе в 1861 году (1887) «Генерал от инфантерии Георгий Арсеньевич Емануель» (1875) и др.

Другим видом его работ были этнографические исследования. Этнографические исследования были характерным явлением для 1860—70-х годов, и являлись одним из направлений деятельности губернских статистических комитетов. Эти исследования проводились в тесном контакте с центральными научными обществами и, прежде всего, с Русским географическим обществом и его Кавказским отделением (с 1850 года), на основе их методик и анкет. Значительная часть программ и анкет, распространяемых через губернские статкомитеты, была посвящена вопросам мифологии, фольклора, языка, быта, обычаям и нравам местных народов. Постепенно интерес переместился в сферу изучения общественной жизни, обычного права. В большей части такого рода описания носили статистический характер, так как статистические исследования являлись обязательными в деятельности статкомитетов. Через «Ставропольские губернские ведомости» статкомитет обращался к местным жителям, приглашая их к сотрудничеству в работе по изучению истории и прошлого родных мест. В 1866 году на одном из заседаний комитета была рассмотрена и специальная Программа для всестороннего описания и изучения сел и хуторов, осуществлять, которую планировалось через волостные правления. Все материалы «для подробного описания» Ставропольской губернии сосредотачивались в самом статкомитете (31).

Интересны этнографические зарисовки И.В. Бентковского, посвященные калмыцкому народу и другим «инородцам» (туркмены, ногайцы), проживавших на территории Ставропольской губернии. Инициатива членов статкомитета заниматься изучением обычаев, обрядов и образа жизни местных народов находила поддержку «сверху». Этнографические исследования проводились для выявления «податных возможностей» местных народов. Так, еще в начале 1860-х годов по инициативе и при участии члена Ставропольского статкомитета, офицера генерального штаба Е.С. Цытовича была разработана программа научной экспедиции в северные и северо-восточные степи Ставропольской губернии для изучения истории и быта кочующих там народов, «исследования калмыцких степей в статистическом и историческом отношениях и со стороны естественных их произведений» (32). По «предмету истории» предполагалось «обстоятельное, критическое изучение всех памятников, преданий, легенд, песен и т.п., которые встретятся в степях и по распространению их у жителей…». Экспедиция исследовала большую часть Большедербетовского улуса и небольшую часть Трухмянского приставства, проведя топографическую рекогносцировку и съемку местности, собрав богатый этнографический материал.

С начала 60-х годов XIX в. ряд поездок по восточным окраинам губернии совершает и сам И.В. Бентковский. Он посещает родовые хотоны, кочевые кибитки, встречается со старейшинами, духовенством, изучает калмыцкий язык. В своих работах, посвященных этому народу, он детально описывает их жилища,

одежды, религиозные ритуалы, систему семейного быта и воспитания детей, обычное право: «Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса» (1868), «Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях» (1869), «Хронологический указатель разных исторических сведений о калмыках» (1876), «Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести» (1877), «Наши кочевники и их экономическое состояние» (1879), «О первоначальном физическом воспитании детей у калмыков и ногайцев, кочующих в Ставропольской губернии» (1879), «Моздокские так называемые крещеные калмыки: Монография» (1880) и др.

Часто разъезжая по долгу службы, участвуя в экспедициях статкомитета, И.В. Бентковский не только собирал статистические данные, но и изучал крестьянский быт, пытался воссоздать историю крестьянской колонизации Северного Кавказа, значение которой уже тогда не достаточно оценивалось в исторической науке, в силу того, что основная роль отводилась казачьей колонизации. Эпиграфом к своим работам по этой теме он взял слова Рюля «Изучать крестьянский быт — значит изучать историю; крестьянский обычай есть живой архив — собрание неоцененных исторических источников». Важными являются его исследования по истории основания и развития сел и хуторов Ставропольской губернии: «Движение гражданской колонизации на Северном Кавказе со времени открытия в 1875 году Кавказской губернии до перевода губернских присутственных мест из Екатеринодара в Георгиевск в 1804 году» (1876), «Частное землевладение и колонизация на Северном Кавказе» (1876), «Кустарные промыслы в Ставропольской губернии» (1878), «Колонизация низовьев Кубани» (1879), «Несколько общих выводов о населенных местах и поземельной собственности в Ставропольской губернии» (1881), «Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии» (1881), «Переселенческий вопрос на почве сравнительной статистики» (1885) и др.

И.В. Бентковский, будучи человеком талантливым и разносторонним, состоял членом многих научных обществ и учреждений России, в том числе Императорского Кавказского медицинского общества (1874), Всероссийского общества естествоиспытателей (1874), Императорского Русского географического общества (1875), Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (1875), Императорского Вольного экономического общества (1877). За статью «Заселение Черномории с 1792 по 1825 год» (1880) И.В. Бентковский был избран почетным членом Кубанского областного статистического комитета. Позже аналогичного звания он удостоился в одном из старейших комитетов России, в Нижегородском губернском статистическом комитете. Одним из первых обществ, с которым начинает сотрудничать И.В. Бентковский, спустя два года после избрания действительным членом Ставропольского статкомитета, было Кавказское общество истории и археологии. Не являясь профессиональным археологом И.В. Бентковский много внимания уделял изучению археологических памятников и впервые на таком уровне поставил вопрос о необходимости их изучения и охраны.

Среди его трудов есть работы посвященные вопросам охраны памятников старины. Одна из них о средневековом городе эпохи Золотой Орды — Маджарах. В монографическом очерке «Заштатный город Св. Креста (Карабаглы)» (1878), посвященном прошлому и настоящему городу Святой Крест (ныне Буденновск Ставропольского края), он показал, как варварски разрушается древний и уникальный памятник археологии «от которого теперь остались только следы раскопок, на пространстве 42 десятины… Все, что только можно было взять: камень, плиты каменные с надписью на неизвестном языке.., колонны, карнизы, кирпичи сженные, покрытые глазурью… — все это расхищено на постройки жителями окрестных селений и навсегда погибло для археологии…» и поставил вопрос о пресечении случаев кладоискательства и расхищения древностей местными жителями, необходимости проведения просветительской работы.

Археологические исследования и охрана памятников древности также входили в круг занятий губернских статкомитетов. Приведение в известность памятников археологии, сбор сведений о них, коллекционирование древностей — всем этим статкомитеты занимались уже на первом этапе своего существования. Позже, на втором этапе, археологические коллекции, легли в основу созданных при статкомитетах исторических, этнографических и археологических музеев, которые в свою очередь подготовили почву для возникновения краеведческих музеев широкого профиля.

Из полицейских управ и волостных правлений «древние вещи» и клады, поступавшие туда по постоянно подтверждающемуся указу Петра I, при отсутствии местных музеев, переправлялись в губернские статкомитеты. Не была исключением и Ставропольская губерния. Очень часто полицейские управления занимались разбором дел, связанных с археологическими находками, их хранением и отправкой в Археологическую комиссию или в Ставропольский губернский статкомитет (33). Через полицейские управления чаще всего и рассылал свои запросы Ставропольский комитет, выполняя различные поручения Императорской Археологической комиссии, МАО и Кавказского общества истории и археологии.

Археологическое направление в деятельности статистических комитетов было закреплено Циркуляром МВД за N 63 от 27.04.1863 г., в котором губернаторам было дано поручение «пригласить членов статистических комитетов, приводить в известность по мере возможности наличные в области памятники древности», по специальной программе, разработанной Археологической комиссией. Комиссия неоднократно обращалась в Центральный статкомитет за поддержкой, указывая на то, что «значительное содействие

могли бы оказать губернские и областные статистические комитеты, которые и по составу своему и по кругу своих действий располагают немаловажными средствами для получения точных сведений о местных древностях» (34). В тесной связи с Археологической комиссией работал и Ставропольский статкомитет, постоянно отправляя в нее случайные археологические находки, клады и сведения о памятниках.

Не менее активно сотрудничало в этом направлении со статкомитетами и Московское археологическое общество (МАО). Уже на I Археологическом съезде в 1869 г. был поставлен вопрос об участии статистических комитетов в сборе сведений о памятниках древности и предложена программа изучения памятников старины. Все это лишний раз подчеркивало статус статкомитетов как научных учреждений. МАО на первом этапе своего существования тесно работало именно с губернскими статистическими комитетами, через них оно направляло большую часть своих запросов, касающихся истории и археологии, неоднократно отмечая, что «комитеты старались наблюдать и изучать все стороны народной жизни, и потому-то в прежних изданиях комитетов… находим так много весьма ценного этнографического и исторического материала…». Сказывалось и то, что МАО, являясь одним из самых демократичных научных обществ России, в своей работе ориентировалось на самые широкие круги провинциальной интеллигенции. Через губернские статкомитеты общество обращалось к местным любителям старины со своими научными программами и просьбами о сборе сведений и информации об археологических и исторических памятниках. Так, например, в 1903 году, собирая сведения о наличии «каменных баб» в губерниях, МАО предложило ставропольскому губернатору собрать через губернский статистический комитет «точные сведения о каменных бабах, встречающихся на курганах или просто при дорогах, в селениях и усадьбах частных лиц» (35). Работая над подобными запросами, Ставропольский губернский статкомитет тем самым готовил информационную базу для научных экспедиций центральных археологических обществ и учреждений на Кавказ, интенсивное изучение которого в археологическом плане начинается во второй половине 80-х годов XIX в.

В конце XIX — начале XX века Ставропольский комитет часто получал Циркуляры МВД, в которых предписывалось присылать все исторические сведения о губернии, а также результаты проводимых историко-археологических и этнографических исследований членами комитета (36). К примеру, в 1901 году вышел Циркуляр МВД за № 10 «О собрании сведений о всех имеющихся в губернии остатках древних замков, крепостей и других зданий древности». В 1914 году были вновь разосланы циркулярные распоряжения губернаторам, в которых была предложена программа сбора сведений о наличии памятников древности в губерниях (37). Осуществить сбор сведений предлагалось через волостные правления и губернские статистические комитеты.

Помимо сбора сведений о памятниках древности, МВД поручало губернским комитетам наблюдать за сохранностью уже известных памятников истории и археологии, за случайными археологическими находками, находимыми в пределах губернии. Всем приставам предписывалось «при описи имущества доставлять перечень вещей, предназначенных на продажу с торгов и представляющих археологическую ценность», направлять их в местные статистические комитеты, а затем в АК. Часто Общество любителей Кавказской археологии просило Ставропольский статкомитет оказать ему содействие на территории Ставропольской губернии в поиске памятников древности и описании археологических объектов. Таким образом, губернские статистические комитеты во второй половине XIX в. являлись основным связующим звеном русской провинции с центральными научными учреждениями и обществами.

Одним из важных направлений Ставропольского губернского статистического комитета была издательская деятельность, руководство которой, также осуществлял И.В. Бентковский. Все опубликованные материалы Ставропольского ГСК условно можно разделить на несколько групп: 1. «Отчеты», «Протоколы», «Журналы заседаний», то есть те материалы, которые непосредственно освещают текущую деятельность комитета. 2. Периодическое издание комитета — «Сборник сведений о Северном Кавказе», в котором помещались, как правило, результаты «необязательных работ» членов комитета, исторические очерки, публиковались архивные материалы. Помещенные на его страницах материалы показывают развитие определенной научной, краеведческой проблематики и особенности исторического познания края. 3. Отдельные исторические труды, брошюры и монографии членов комитета. 4. «Обзоры губернии», прилагаемые к ежегодному отчету губернатора и различные статистические издания, представляемые в МВД, регулярный «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», в которых размещались материалы собранные в ходе «обязательных» работ комитета. Это официальные данные. 5. Отдельные статьи членов комитета, помещаемые на страницах «неофициальной части» «Ставропольских губернских ведомостей», «Кубанских областных ведомостей», «Кубанском сборнике» и других северокавказских периодических изданиях. 6. «Памятные книжки» и ««Адрес-календарь и торгово-промышленная справочная книжка Ставропольской губернии».

Большинство изданий Ставропольского комитета имели историко-краеведческий характер, в них помещались работы местных историков, археологов, этнографов. Малый тираж изданий был характерен трудов подобных учреждений во второй половине XIX в. и поэтому сегодня порой они представляют библиографическую редкость. Благодаря трудам и заботам И.В. Бентковского Ставропольский комитет издал шесть выпусков «Сборника статистических сведений о Ставропольской губернии» (Вып. 5—10, 1873—1883).

Отдельный выпуск № 6 «Сборника» был полностью составлен из его работ и посвящен истории края. Это богатейшие статистические данные по истории, экономике и демографии 665 населенных пунктов (городов, сел, станиц, хуторов, аулов) Ставропольской губернии (38). При участии И.В. Бентковского был подготовлен и проект издания «Памятной книжки Ставропольской губернии». В «Положении» 1860 г. особо подчеркивалась польза издания «Памятных книжек губерний», как образец приводилось издание «Кавказского календаря», которое с каждым годом улучшалось и пополнялось «новыми рубриками, общеполезными и историческими сведениями, относящимися к Кавказу» (39). Выпуск первого номера «Памятной книжки» состоялся уже после смерти И.В. Бентковского, в 1893 году.

О широкой издательской работе комитета свидетельствует и перечень его изданий — каталог статей и монографической литературы (40). Публикация трудов членов комитета по местной тематике способствовала выполнению важной миссии — просвещению населения. Путем изучения истории местного края комитет содействовал проявлению интереса и любви к своей малой родине, к ее памятникам древности, приобщению широких народных масс к освоению исторического и культурного достояния России.

При комитете существовала и своя библиотека. Состав ее формировался из обязательного набора центральных изданий, ежегодно пополнялся трудами и изданиями самого комитета, научных обществ и учреждений, с которыми он обменивался изданиями. В 1883 году в библиотеке комитета насчитывалось 932 названия в числе 1763 книг по различным отраслям знания, в том числе и по истории, археологии и этнографии Северного Кавказа. Позже они составили основной фонд первой публичной городской библиотеки, устройством которой также занимался губернский статкомитет.

Анализ деятельности Ставропольского губернского статистического комитета позволяет говорить о консолидации вокруг него нескольких десятков историков-любителей, местных знатоков древностей и археологов, получивших возможность участвовать в научно-исторической, археологической и этнографической работе, издавать свои труды в «Сборниках» статистического комитета. В результате своей деятельности комитет оставил целые тома, единственные в своем роде, свидетельства исторического, археологического, этнографического, хронологического, экономического и демографического характера, которые никогда не потеряют своего значения в истории Ставрополья, всего Северного Кавказа. Богатейший фактический материал, содержащийся в них, их источниковедческий характер и научная добросовестность, помогают нам сегодня глубже понять и осмыслить особенности развития Северного Кавказа, процесс его научного изучения. Значительная роль в этом принадлежит ученому секретарю Ставропольского губернского статистического комитета — И.В. Бентковскому. Его поистине подвижническая деятельность на ниве краеведения была высоко оценена современниками. «Неутомимый местный историк, этнограф Иосиф Викентьевич Бентковский принадлежит к числу наиболее выдающихся секретарей статистических комитетов, — писал о нем библиограф Б.М. Городецкий, — этих скромных, но бесценных работников, невидными трудами которых создается трудное дело русского родиноведения...».

Умер Иосиф Викентьевич Бентковский 15 августа 1890 года и был похоронен на Успенском кладбище Ставрополя. Он прожил долгую и интересную жизнь. Многочисленные и разносторонние труды И.В. Бентковского, его научная добросовестность, скрупулезность в работе с источниками, умение мастерски и в занимательной форме познакомить современников с историей края снискали ему признание и любовь ставропольцев. Справедливо было отмечено в одном из некрологов, посвященных И.В. Бентковскому «...пришел он в наш край чужим, а умер одним из самых близких ему людей. И если бы родные дети этого края делали для него хотя бы небольшую долю того, что сделал чужой человек, мы могли бы быть спокойными за будущность края» (41).

Примечания

1. Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. — М., 2003. — С. 12.
2. РГИА Ф. 1290. Оп. 1. Д. 310. Л. 47.
3. ГАСК Ф. 80. Оп. 1.Д. 1. Л. 63об.
4. РГИА Ф. 1268. Оп. 10. Д. 168. Л. 19.; 1290. Оп. 2. Д. 212.Л. 183, 192, 291, 299, 303.
5. Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского // Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1909. — Т. 2. — С. 18.
6. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). — СПб., 1892. — Т. 3. — С. 12.
7. Прозрителев Г.Н. Указ. соч.; Госданкер В.В. Историк-кавказовед И.В. Бентковский (1812—1890) (Краткий очерк жизни и научно-краеведческой деятельности) // Материалы по изучению Ставропольского края. — Вып. 14. — Ставрополь, 1976. — С. 222—251 (Библиогаф. его трудов с. 243—251); Он же. «...Весь вылился в своих трудах» // Северо-Кавказский регион (Информационно-аналитический вестник представительства Президента Российской Федерации). — 1999. — № 1(5). — Февраль. — С. 74—75.

8. Городецкий Б.М. Кто и как изучал Кубанскую область: Докл., прочитанный на годовом собрании членов Общества любителей изучения Кубанской области 10 февр. 1912 г. // Изв. Общества любителей изучения Куб. области. — Екатеринодар, 1912. — Вып. V. — С. 7—24 (16—17).

9. Бентковский Иосиф Викентьевич, статистик и этнограф // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. — СПб., 1892. — Т. 3. — С. 12—16. Список лит.: С. 13—16.

10. Абрамов Я. И.В.Бентковский: Некролог //Северный Кавказ. — 1890. — № 66; Бентковский Иосиф Викентьевич: Некролог //Куб. обл. ведомости. — 1890. — № 35; Загурский Л.П. И.В.Бенковский: Некролог //Кавказский календарь на 1891 год. — Тифлис, 1890. — С. 1—5. (Отд. 1).

11. По поводу предстоящего десятилетнего юбилея ученой деятельности И.В.Бентковского // Куб. обл. ведомости. — 1881. — № 46; Адрес И.В.Бентковскому по случаю десятилетнего юбилея его ученой деятельности // Куб. обл. ведомости. — 1881. — № 48; Водолажская В. У истоков краеведения // Ставроп. правда. — 1985. — 14 июля; Станько А.И. «Северный Кавказ» о И.В.Бентковском // Вестник МГУ. Сер. Журналистика. — 1990. — № 3. — С. 86—87; Фунтикова Т.И. И.В. Бентковский. К 100-летию со дня смерти //Ставроп. правда. — 1990. — 28 авг.

12. Ерохина Ю.М. Личность и публицистика И.В.Бентковского. — Ростов-на-Дону, 1997; Самольянова Ю.А. Какой редактор — такая и газета. Неофициальная часть «Ставропольских губернских ведомостей» в период расцвета (1875—1882 гг.) //Ставропольская журналистика: история и современность: Материалы конференции. — Ставрополь, 2004. — С. 121—126.

13. Библиографический указатель [статей, монографий И.В.Бентковского] // Ставроп. губ. ведомости. — 1881. — № 45; Библиографический указатель историко-статистических материалов и статей И.В.Бентковского, помещенных в периодических изданиях с 1858 по 1888 г. //Труды Ставропольской архивной комиссии. — Ставрополь, 1910. — Вып. 2. — Отд. 5. — С. 1—10.

14. Памятные даты Ставропольского края на 1992 год. Библиографический указатель литературы. — Ставрополь, 1991. — С. 55—71. (Библиогаф. трудов С. 57—71.); Ставропольский хронограф на 1997 год. Библиографический указатель литературы. — Ставрополь, 1997. — С. 57—69. (Библиогаф. трудов С. 58—69.)

15. ГАСК. Ф. 322.

16. Там же. Ф. 80, 198.

17. СГКМ. Ф. 2. Ед. хр. 4, 13.

18. РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 982. Л.1—2.

19. РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 212. Л.469—480.

20. И. Фон дер Ховен. Мое знакомство с декабристами и другими замечательными личностями, служившими рядовыми в Кавказских войсках в 1835—1836 гг. // Древняя и новая России. — СПб., 1877. — Т. II. — С. 222.

21. Венгеров С.А. Указ. соч. С. 12.

22. РГИА.Ф. 1290. Оп. 2. Д. 212. Л. 471. Карта хранится в картографическом фонде Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве. № 27.

23. Бентковский И.В. Историко-статистические сведения о селении Безопасном // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Ставрополь, 1869. — Вып. II. — С. 31.

24. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. — М., 1902. — Т. 1. — С. 128.

25. РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 46. Л. 5.

26. РГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 12. Л. 1—8, 11—14.

27. СГКМ. Ф. 2. оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 8—9.

28. Ставропольский губернский статистический комитет: Первое XXV-летие с 1858 по 1883 г.: Доклад… — Ставрополь, 1883.

29. Городецкий Б.М. Кто и как изучал Кубанскую область //Изв. Общества любителей изучения Куб. обл. — Екатеринодар, 1912. Вып. 5. С. 17.

30. О «Неофициальной части» Ставропольских губернских ведомостей подробнее см.: Самольянова Ю.А. Указ. соч.

31. ГАСК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 4.

32. ГАСК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1. Л. 32, 56.

33. ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 2425, 2483, 2544; СГКМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 131.

34. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. оп. 1. Д. 27, 1862. Л. 1, 9—10, 13; Д. 8, 1864.

35. ГАСК. Ф. 188. оп. 37. Д. 19. Л. 2—3.

36. Там же. Д. 80. Оп. 1. Д. 65; Д. 95. Л. 2.

37. РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 855. Л. 1, 2, 26.

38. Ставропольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 г. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1874. (Изд. Ставроп. губ. стат. комитета; Вып. 6).

39. РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д.212. Л. 183.

40. ГАСК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 195.

41. И.В.Бентковский. Некролог // Северный Кавказ. 1890. № 66.

Формулярный послужной список действительного члена-секретаря Ставропольского губернского статистического комитета, отставного сотника Иосифа Бентковского за 1889 год

Иосиф Викентьевич Бентковский — корреспондент Главного Управления государственного коннозаводства по Кавказскому краю и действительный член-секретарь Ставропольского губернского статистического комитета, кавалер ордена Св. Анны III-й степени. 78 лет.

Происхождение. Из дворян Варшавской губернии, Брест-Кулсского уезда. У него и семьи имений нет. У жены — дом в Ставрополе.

Воспитание, образование. Окончил гимназический курс наук царства Польского.

Служба. В службу вступил в Депо Плоцкого воеводства, ныне губерния. 11 декабря 1832 года.

Унтер-офицером переведен в Навагинский пехотный полк. 3 августа 1833 года.

Из оного в Кавказский линейный № 1 батальон. 16 февраля 1834 г.

Из него в Ставропольский казачий полк с переименованием в урядники. 1 июня 1836 года.

Зауряд-хорунжий. 23 мая 1840 года.

За отлично усердную службу произведен в 32 года в хорунжии. 1 апреля 1844 года.

Назначен заседателем в Полковое правление 4-й бригады Кавказского линейного казачьего войска. 7 декабря 1845 года.

Уволен с этой должности зачислением в комплект 1-го Ставропольского казачьего полка. 16 июня 1846 года.

Назначен начальником Михайловской станицы. 22 ноября 1848 года.

От должности уволен с зачислением в Ставропольский казачий полк. 19 октября 1855 года.

Назначен начальником Михайловской же станицы. 23 февраля 1856 года.

В 1855 году за пожертвование на военные пособия денег, в числе дворян Кавказского линейного казачьего войска, удостоился получить Высочайшую благодарность.

По Высочайшему повелению, объявленному в приказе господина министра по иррегулярным войскам от 25 марта 1857 года № 7, уволен от службы за выслугой лет.

Член-корреспондент Ставропольского губернского статистического комитета. 1 марта 1860 года.

В заседании Ставропольского губернского статистического комитета избран действительным членом. 16 июня 1866 года.

Избран Секретарем Ставропольского губернского статистического комитета. 16 ноября 1871 года.

Избран членом-корреспондентом Общества любителей Кавказской археологии (ныне Кавказское общество истории и археологии). 25 марта 1874 года.

Избран членом-сотрудником Императорского Кавказского медицинского общества. 2 октября 1874 года.

Избран членом-сотрудником Новороссийского общества естествоиспытателей. 20 ноября 1874 года.

Его императорским высочеством Великим Князем бывшим Наместником Кавказским пожалован за составление карты Ставропольской губернии золотою табакеркою, ценою в размере 275 рублей (Сообщение директора Походной канцелярии Его Высочества от 8 декабря 1874 года № 165, на имя Ставропольского губернатора).

Избран членом-сотрудником Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 13 сентября 1875 года.

Избран Почетным членом Нижегородского губернского статистического комитета. 16/28 февраля 1877 года.

Избран членом-сотрудником Императорского Вольного экономического общества. 20 марта 1877 года.

По приказанию бывшего Наместника Кавказского и согласно предложению Ставропольского губернатора от 3 октября 1877 года. № 2044 командирован в г. Тифлис, в помощь Инструктору Кавказского Коннозаводского округа Действительному Статскому советнику Датерихсу, для составления общего соображения о землях, необходимых для коннозаводских нужд в Кубанской и Терской областях и Ставропольской губернии. Приказом по Главному Государственного коннозаводства назначен на должность корреспондента по Кавказскому краю. 21 февраля 1878 года.

За составление обозрения XXVII летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества, по учебному заведению Св. Александры, пожалован Государыней Императрицей золотым перстнем, украшенным изумрудом и бриллиантами. 16 апреля 1878 года.

Избран действительным членом Кубанского областного статистического комитета. 30 января 1881 года.

За отлично усердную службу пожалован Орденом св. Анны III-й степени. 24 мая 1885 года.

Избран членом-соревнователем Ставропольского медицинского общества. 16 апреля 1885 года.

Женат третьим браком на дочери коллежского Ассесора Сабо, девицы Марии Петровны. От третьего брака **Сын** Иосиф, родился 10 января 1877 года, воспитывается в Ставропольской гимназии мужской.

Сам И.В. Бентковский получает содержание — 750 рублей в год.

Источник: РГИА. Ф.1290. Оп.2. Д.212. Л.470—479.

Список трудов И.В. Бентковского

Акциз и откуп // Биржевые ведомости. — 1863. — № 44. (Под псевд. «Граф Фотограф»).

Археографические материалы для истории лесов в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 33.

Атлас распространения русского владычества и колонизации на Северном Кавказе: В 5 картах. Масштаб 40 верст в дюйме. Атлас не издан.

[Карты показывают населенные места в 1778, 1803, 1828, 1853 и 1878 гг.].

Бабуковцы // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 50—51.

Беглый обзор развития экономического состояния Ставропольской губернии в двадцатипятилетнее царствование государя императора [Александра II] // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 8—10. [Изменение границ и увеличение территории. Распределение территории по правам землевладения. Сельское население. Городское население. Частное землевладение. Народное просвещение].

Бывшее Кавказское линейное казачье войско и его наказные атаманы (1832—1860 гг.) // Кубан. обл. ведомости. — 1891. — № 4—5.

Ведомость о числе прошедших через Ставропольскую губернию команд в 1869 году // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 150—154. — (Отд. 2); То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—5. (11 паг.).

Взаимное от огня страхование в С.—Петербурге // Ставроп. губ. ведомости. — 1881. — № 8.

Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести // Ставроп. губ. ведомости. — 1874. — № 5—6. [Отрывок из неизданного сочинения «История калмыков Большедербетовского улуса в разных отношениях»].

Взгляд на наше коннозаводство в связи с ремонтированием армии кавалерийскими лошадьми // Записки для чтения: Биржевые ведомости. — 1867. — № 5—6.

Владикавказское ремесленное училище и его питомцы // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 30.

Воды и степи Болышедербетовского улуса соответствуют ли условиям колонизации калмыков? // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1868. — Вып. 1. — С. 105—122. (Отд. 1).

Военные законы монголов и их влияние на кочевую культуру калмыков и вообще на дух народа // Ставроп. губ. ведомости. — 1877. — № 8.

Вторичное открытие Кавказской губернии: Материалы для колонизации края // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 27—28; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—8. — (7 паг.).

Где был построен в 1589 году город Терки // Ставроп. губ. ведомости. — 1885. — № 3.

Генерал—лейтенант Алексей Александрович Вельяминов: (Воспоминания ставропольского старожила) // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 17; — 1881. — № 12—13.

Генерал—майор Якоби: Основатель Моздокско—Азовской линии в 1777 году: (Биографическая заметка) // Ставроп. губ. ведомости. — 1877. — № 7.

Генерал от инфантерии Георгий Арсеньевич Емануель // Ставроп. губ. ведомости. — 1875. — № 38.

Город Терки //Ставроп. губ. ведомости. — 1885. — № 6—8.

Городские доходы и натуральные повинности // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 17—18.

Городские общества взаимного от огня страхования // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 29.

Городское хозяйство: Доходы и расходы городов Ставропольской губернии (по системе 1869 г.) // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 17—28. — (2 паг.); То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—8. — (12 паг.).

Городское хозяйство: Ставропольский мясной и хлебный рынки // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 15.

Грабежи, разбои и воровство калмыков с точки зрения монгольских законов и буддизма // Ставроп. губ. ведомости. — 1877. — № 13—14.

Гребенцы: Историческое исследование — 2-е изд. — М., 1889. — 39 с.

Да здравствует арифметика // Биржевые ведомости. — 1865. — № 125.

Два слова о предполагаемой ветви железной дороги [от Ставрополя к магистральной линии Ростово—Владикавказской железной дороги] // Ставроп. губ. ведомости. — 1881. — № 44.

Два слова о проекте Данилова: (О соединении Черного и Каспийского морей судоходным ирригационным каналом посредством вод Терека и Кубани) // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 4—5.

Движение гражданской колонизации на Северном Кавказе со времени открытия в 1785 г. Кавказской губернии до перевода губернских присутственных мест из Екатериноградa в Георгиевск в 1804 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. —№ 35, 37.

Дела наши на Северном Кавказе от высадки Петра I в Астрахани до основания крепости Кизляр с 1722 по 1735 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 29.

Дела наши на Северном Кавказе от основания крепости в урочище Кизляр до построения укрепления Моздок с 1735 по 1765 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 30.

Дела наши на Северном Кавказе от построения крепости Терки до Персидского похода Петра I в 1722 году // Ставроп. губ. ведомости. — 1875. — № 43—46.

Дела наши на Северном Кавказе от построения укрепления Моздок до учреждения Кавказского наместничества с 1765 по 1785 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 31, 33.

Денежные операции Ставропольского общественного банка: Со дня открытия 1—го сентября 1868 г. по 1—е января 1869 г. // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 59—72. — (3 паг.); То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 9—22. — (12 паг.).

Джалтинское соляное озеро // Прибавление к «Биржевым ведомостям». —1864. — № 35—40.

Древние христианские церкви за Кубанью близ Хумары // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 43.

Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1869. — Вып. 2. — С. 141—167. — (Отд. 1); 1870. — Вып. 3. — С. 95— 119. — (Отд. 1).

Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1868. — Вып. 1. — С. 82—104. — (Отд. 1).

Заметки торговца на положение о пошлинах на право торговли и промыслов // Биржевые ведомости. — 1864. — № 140.

Записки виноторговца // Биржевые ведомости. — 1863. — № 88. — (Под псевд. Заглоба).

Заселение бывшего Кавказского линейного казачьего войска // Ставроп. губ. ведомости. — 1882. — № 3 — 6; 8 — 11.

Заселение западных предгорий Главного Кавказского хребта // Кубан. сборник. — Екатеринодар, 1883. — Т. I. — С. 1—78.

Заселение Кавказской области // Ставроп. губ. ведомости. — 1883. — № 37.

Заселение Черномории с 1792 по 1825 г. — Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1880. — 125 с.; То же: Памятная книжка Кубан. области. — Екатеринодар, 1881. — С. 3—125. — (Отд. 3).

Заштатный город Св. Креста (Карабаглы): Моногр. очерк И. Бентковского // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 46 — 50, 52.

Значение города Терки в истории распространения русского владычества на Северном Кавказе // Ставроп. губ. ведомости. — 1885. — № 11.

Значение Ставропольской губернии в системе акцизных сборов // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 5.

Извлечение из обозрения Всемирной Лондонской выставки по главным отраслям мануфактурной промышленности, собственно о принятом в этой выставке участии Ставропольскою губерниею // Ставроп. губ. ведомости. — 1852. — № 26.

Император Александр II в Нижнефарском отряде на Северо-Западном Кавказе в 1861 г. — СПб.: Типолитогр. В. И. Штейна, 1887. — 16 с.: портр.

Император Николай I в Ставрополе // Ставроп. губ. ведомости. — 1887. —№ 42.

Историко-статистическая монография на столетний юбилей города Моздока // Ставроп» губ. ведомости. — 1870. — № 25—27.

Историко—статистические сведения о виноделии в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1875. — № 13 — 16; То же: Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1876. — Вып. 7. — С. 43 — 54. — (Отд. I).

Историко-статистические сведения о городе Моздоке: На столетний юбилей города Моздока // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1871. — Вып. 4. — С. 5 — 39. — (Отд. 1).

Историко-статистические сведения о городе Ставрополе // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 5—11. — (Отд. 1): То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—8.

Историко—статистические сведения о селении Безопасном // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1869. — Вып. 2. — С. 31 — 62. — (Отд. 1).

Историко-статистическое обозрение инородцев—магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ч.1: Ногайцы. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1883. — 134 с.: То же: Ставроп. губ. ведомости. — 1882. — № 37 — 49; 1883. — № 1— 11.

Исторический дневник: 1—13 января. Суворов встречает 1779 г. в крепости Ставропольской // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 1; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1 — 2. — (9 паг.).

К вопросу: «Как улучшить и удешевить мясо в Тифлисе?» // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 5.

К вопросу о новой сети железных дорог на Северном Кавказе. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1882. — 25 с.

К вопросу о подорожных // Биржевые ведомости. — 1864. — № 78.
К вопросу о сети кавказских железных дорог. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1869. — 19 с.
К характеристике А.П. Ермолова // Северный Кавказ. — 1884. — № 5. —17 дек. — С. 1.
Кавказская губерния во время А.П. Ермолова с 1816 г. по 1824 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1886. — № 27 — 30.
Кавказская губерния до преобразования в область 1804 — 1824 гг. // Ставроп. губ. ведомости. — 1887. — № 12 — 16, 18 — 20, 26 — 27.
Калмыцкий календарь на 1870 год // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 151—164. — (Отд. 3).
Калмыцкий календарь на 1871 год // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1871. — Вып. 4. — С. 3 — 16. — (Отд. 3).
Калмыцкий календарь на 1873 год // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1873. — Вып. 5. — С. 2 — 14. — (Отд. 3).
Калмыцкий календарь на 1876 год // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь. 1876. — Вып. 7. — С. 1—14. — (Отд. прил.).
Колонизация низовьев Кубани // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 6—7.
Коммерческий взгляд на производительные силы Ставропольской губернии и ее торговое значение // Биржевые ведомости. — 1863. — № 154.
Коневодство Северного Кавказа и ставропольская скачка // Журн. коннозаводства. — 1880. — Август. — С. 114.
Конокрадство и самосуд // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 26, 32, 34.
Краткие сведения о судо-сберегательных товариществах и кассах по 1—е октября 1876 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1877. — № 38—41.
Краткий исторический очерк положения наших дел на Северном Кавказе до открытия в 1785 г. Кавказской губернии // Северный Кавказ. — 1885. — № 44—45.
Краткое обозрение Ставропольской губернии в некоторых отношениях и преимущественно в экономическом по данным за 1874 год // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1876. — Вып. 7. — С. 63—102. — (2 паг.).
Крепостная колонизация в бывшей Кавказской ныне Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1884. — № 30.
Крепость Терка при устье реки Сунжи (1567 г.): Очерк из истории Северного Кавказа // Северный Кавказ. — 1884. — № 1—2.
Кустарные промыслы в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 15—17.
Материалы для истории кавказских казаков: Моздокские крещеные осетины и черкесы, называемые «казачьи братья» // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 3—6.
Материалы для истории колонизации Северного Кавказа: Заселение бывшего линейного казачьего войска; Заселение Кавказской области // Ставроп. губ. ведомости. — 1882. — № 3 — 6, 8 — 11; 1883. — № 37.
Материалы для истории образования бывшего Кавказского линейного ныне Терского казачьего войска // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 2.
Материалы для истории Северного Кавказа: Город Ставрополь // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 22; То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—3. — (8 паг.).
Материалы для новой истории Северного Кавказа. Смерть первого черноморского кошевого атамана Чепеги и последовавшие затем события // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 8.
Материалы для статистики народных бедствий в Ставропольской губернии: Пожары и градобития // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 24—25.
Материалы для статистики экономического состояния Ставропольской губернии в 1875 году // Ставроп. губ. ведомости. — 1875. — № 28—42; То же. Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1876. — Вып. 7. — С. 1—42. — (Отд. 1).
[Стат. данные 1874 г. Табунное коневодство. — Домашнее коневодство, скотоводство, овцеводство, свиньи, верблюды].
Медицина у кавказских горцев // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 21.
Местный строительный камень и первое каменное здание в Ставрополе // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 3 — 4; То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1— 10. — (11 паг.).
Мнение в спорных вопросах по соляному делу // Биржевые ведомости. —1864. — № 68, 88.
Моздокские так называемые крещеные калмыки: (Монография) // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 35, 38, 42.
Монгольские законы об охоте // Ставроп. губ. ведомости. — 1877. —№16.
На статью «О необходимых льготах каспийского рыболовства» //Биржевые ведомости. — 1864. — № 199.

На чем остановился вопрос об обводнении р. Большого Егорлыка? // Северный Кавказ. — 1885. — № 64—65.

Нападки питейного положения на музыку и мои личные на литейную номенклатуру // Прибавление к «Биржевым ведомостям». — 1864. — № 2.

Народная нравственность в Ставропольской губернии по материалам с 1871 по 1878 гг. // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 33—34, 36.

Народное образование: (Сведения за 1869 год) // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 73—92. — (Отд. 2).

Народное образование // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 48.

Народонаселение в губернии (за 1868 год). Ведомость о количестве привозимых в Ставропольскую губернию товаров // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 5—8, 138—139. — (Отд. 2); То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—3. — (17 паг.).

Население гор. Ставрополя в 1811 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 22.

Наша колонизация на Северном Кавказе до учреждения и открытия Кавказской губернии в 1785 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 34.

Наша общественная благотворительность // Ставроп. губ. ведомости. —1880. — № 37.

Наше лесоводство и его неожиданные враги // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 29.

Наши кочевники и их экономическое состояние // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 32, 34—35.

Наши окраины: (Поземельное устройство в Ставроп. губернии) //Экон. журн. — 1886. — № 7.

Наши расчеты с саранчой // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 39.

Незамерзающий Геленджикский порт на северо-восточном берегу Черного моря и направление Ростово-Владикавказской железной дороги на город Ставрополь. — СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1871. — 44 с.

Несколько общих выводов о населенных местах и поземельной собственности в Ставропольской губернии //Ставроп. губ. ведомости. — 1881. — № 44, 46—47.

Несколько слов о возможности направить течение Кубани в Дон и тем порешить вопрос об обмелении донских гирл //Ставроп. губ. ведомости. — 1865. — № 40.

Несколько слов о климате в г. Ставрополе по метеорологическим наблюдениям с 1871 по 1878 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 4—6.

Несколько слов о направлении будущей Ростово-Владикавказской магистральной линии на город Ставрополь. — СПб., 1871. — 50 с.: табл.

Несколько слов о причинах упадка шелководства в пределах бывшей Кавказской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 3—4.

Новые материалы к истории заселения Черномории // Кубан. обл. ведомости. — 1888. — № 16.

О жучке (anisoplia), истребляющем хлеб на корню // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 32.

О значении хуторов в крестьянском хозяйстве Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 18—23.

О калмыцком календаре: Пояснительная заметка //Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 151—152. — (Отд. 3).

О лесах в пределах бывшей Кавказской, а ныне Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 1—2.

О мерах к успешному ходу кавказского виноделия и сбыта местных вин // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 27—28.

О необходимости изучения Ставропольской губернии в ботаническом отношении // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 23.

О необходимости на Кавказе железных дорог и о направлении, которое следовало бы им дать // Записки Кавказ, отдела Русского техн. о-ва. — Тифлис, 1868. — Т. 1. — № 3.

О первоначальном физическом воспитании детей у калмыков и ногайцев, кочующих в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 9 — 10. [За эту статью автор получил от императорского Общества естествознания, антропологии и этнографии бронзовую медаль].

О политико-экономическом и административном устройстве Кавказа // Биржевые ведомости. — 1866. — № 30.

О почтовых каретах из Ростова-на-Дону в Пятигорск // Биржевые ведомости. — 1864. — № 5.

О привилегиях по соляному делу // Прибавление к «Биржевым ведомостям». — 1864. — № 53—54.

О разрядах населенных местностей России и о размерах патентного сбора // Прибавление к «Биржевым ведомостям». — 1864. — № 5.

О рельсовом соединении Ставрополя с Ростово-Владикавказской железной дорогой // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 13.

О сети кавказских железных дорог // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 107—137. — (Отд. 2).

Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1879. — 62 с.; То же: Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 6—12; 1879. — № 15—18.

Обзор конского хозяйства в бывшей Черномории и правительственных мероприятий для улучшения и развития коневодства на Северном Кавказе // Журн. коннозаводства. — 1883. — Февраль. — С. 34.

Обзор конского хозяйства в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1883. — № 12; 1884. — № 26; То же. Журн. коннозаводства. — 1884. — Июнь. — С. 44.

Обзор ставропольских конских скачек на императорские призы // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 41—44; То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—36. — (16 паг.).

Обозрение XXVII-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества по учебному заведению св. Александры. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1877. — 236 с.: ил.; I портр. — (Изд. Ставроп. губ. стат. комитета. Вып. 8). [За это обозрение И. В. Бентковский получил бриллиантовый перстень от императрицы].

Общественное призрение, благотворительность и человеколюбивые подвиги по монгольским законам // Ставроп. губ. ведомости. — 1877. — № 15.

Объяснение калмыцких праздников (религиозных) // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1876. — Вып. 7. — С. 23—34. — (Отд. 2).

Одежда калмыков Большедербетовского улуса // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1869. — Вып. 2. — С. 123—140. — (Отд. 1).

Одна из причин, задерживающих развитие коннозаводства в Большедербетовском улусе // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1868. — Вып. 1. — С. 113—122. — (Отд. 1).

Одна из причин упадка табунного коневодства в Черномории // Ставроп. губ. ведомости. — 1882. — № 21; То же. Журн. коннозаводства. — 1882. — Май. — С. 56.

Оливководство на Кавказе // Экон. журн. — 1888. — Кн. 11.

Описание владельческих земель, расположенных в Ставропольской губернии и уезде по бассейнам р. Большой и Малой Кугульты и в смежных с ними урочищах // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1871. — Вып. 4. — С. 113 — 122. — (4 паг.).

Открытие в Ставрополе первых присутственных мест // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 5; То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—7. — (4 паг.).

Отхожие промыслы // Экон. журн. — 1886. — Кн. 19.

Очерк 3-го мирового участка Ставропольского уезда в топографическом, сельскохозяйственном, промышленном и статистическом отношениях // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1869. — Вып. 2. — С. 85—112. — (Отд. 1); 1870. — Вып. 3. — С. 49—83. — (Отд. 1).

Первое приходское училище в г. Ставрополе // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 13; То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—4. — (6 паг.).

Первоначальное устройство административных учреждений Кавказской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1886. — № 39 — 41, 46.

Первые начатки городского благоустройства. [Войска, расположенные в крепости Ставропольской, и натуральные в пользу их повинности граждан. — Попытки жителей к разведению виноградных садов. — Чума. — Выборные общественные деятели. — Городская полиция. — Открытие шестигласной Думы] // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 19; То же. Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 32—36. — (3 паг.).

Переселенческий вопрос на почве практики // Северный Кавказ. — 1885. — № 22—25.

Переселенческий вопрос на почве сравнительной статистики // Экон. журн. — 1885. — Кн. 5.

Петр I на Кавказе. Построение крепости Св. Креста // Ставроп. губ. ведомости. — 1886. — № 33—34.

По поводу проекта Царицино-Тихорецкой железной дороги // Северный Кавказ.— 1889. — № 87.

По поводу столетнего юбилея в память рождения императора Александра I // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 1.

По поводу фальсификации деревянного масла // Ставроп. епархиальные ведомости. — 1888. — № 22. — С. 897—903.

Подспорье топлива // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 41.

Поездка на Джалгинское соляное озеро // Ставроп. губ. ведомости. — 1862. — № 42—44.

Поездка по Ставропольской губернии: (Из писем И. В. Бентковского кн. К. Зейдлицу) // Ставроп. губ. ведомости. — 1874. — № 32—34.

Почтовая статистика // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 38.

Практические замечания о болезни рогатого скота на Кавказе, называемой «чихир» // Ставроп. губ. ведомости. — 1853. — № 8.

Практические замечания о калмыцком рогатом скоте, овцах и лошадях // Ставроп. губ. ведомости. — 1862. — № 42.

Причины упадка коневодства в бывшей Черномории и меры к восстановлению его // Кубан. обл. ведомости. — 1882. — № 34—35.

Проект сооружения Кавказской железной дороги //Биржевые ведомости. — 1869. — № 321, 323.

Происхождение казачества, его развитие и идеи // Кубань. — 1882. — № 5.

Распределение недвижимых имуществ между городским населением по сословиям // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 21.

Результат однодневной переписи населения города Ставрополя (17 декабря 1872 г.) // Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—25. — (15 паг.).

Результаты сенокошения в нынешнем [1880] году // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 33.

Река Кума и необходимость улучшить ее экономическое значение // Ставроп. губ. ведомости. — 1882. — № 27—28.

Сведения о купцах, ведущих торговлю и промысловые обороты в Ставропольской губернии по гильдейским свидетельствам (1868 года) // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 49—58. — (Отд. 2); То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—6. — (19 паг.).

Сведения о Ставропольском женском училище 1-го разряда // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 82—87. — (Отд. 2); То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 9—15.

Сведения о стоимости продуктов ежедневного употребления при розничной продаже в городе Ставрополе // Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—5. — (21 паг.).

Сведения о численном состоянии табунного коневодства, собранные в 1879 году посредством вопросных листков от табуновладельцев Ставропольской губернии и областей Терской и Кубанской // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 33.

Семейные разделы // Экономический журнал. — 1885. — Кн. 13.

Сравнительный обзор земледельческой деятельности Ставропольской губернии за 1877 г. и сравнение ее в этом отношении с Харьковской губернией // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 31.

Сравнительный обзор Ставропольской и Казанской губерний по сведениям 1876 года // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 26.

Сравнительный обзор Ставропольской и Подольской губерний по сведениям 1874 года // Ставроп. губ. ведомости. — 1878. — № 28.

Сравнительный обзор хлебной производительности на Северном Кавказе по сведениям 1882 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1883. — № 39.

Сравнительный обзор экономического состояния Ставропольской и Астраханской губерний по сведениям 1873 года // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 50.

Ставрополь в историко-статистическом, административном, торгово—промышленном и экономическом отношениях: Монограф, очерк И.В.Бентковского // Ставроп. губ. ведомости. — 1875. — № 43—47. Ч. I. Дела наши на Северном Кавказе от построения крепости Терки до Персидского похода Петра I в 1772 году. Ч. II. Дела наши на Северном Кавказе от прибытия в Терки Петра I до основания Моздока в 1763 году.

Ставрополь с открытия городового магистрата 15 февраля 1786 г. до учреждения шестигласной Думы 18 января 1808 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1874. — № 6—7, 10—12, 17—18; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—36. — (2 паг.).

Ставропольская губерния: Список населенных мест Ставропольской губернии по сведениям 1873 г. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1874. — III, 158 с. — (Изд. Ставроп. губ. стат. комитета. Вып. 6).

Ставропольская скотопромышленность на московском и петербургском рынках // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1876. — Вып. 7. — С. 55—61. — (Отд. 1).

Ставропольская старина: [Из истории основания крепости] // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 3; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—3. — (8 паг.).

Ставропольский губернский статистический комитет: Первое 25-летие с 1858 по 1883 г.: Доклад... — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1883. — 79 с.

Ставропольское купечество, его капиталы, торговля, промышленность и нужды // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 11—12.

Старинный проект проведения реки Кумы в Каспийское море // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 1.

Статистика движения дел у мировых судей и в мировом съезде Ставропольского судебно—мирового округа за последние пять лет // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 8; То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—8. — (20 паг.).

Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления. 1881. — 246 с. — (Изд. Ставроп. губ. стат. комитета. — Вып. 9).

Статистика насильственных и случайных смертей в Ставропольской губернии с 1871 по 1876 год // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 49.

Статистика периодической прессы // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. —№ 41.

Статистика пожаров // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 44.

Статистика преступлений в Ставропольской губернии с 1871 по 1876 год // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 45—48.

Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии с приложением дорожной карты. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1883. — 452 с. — (Изд. Ставроп. губ. стат. комитета; Вып. 10); То же: Ставроп. губ. ведомости. — 1882. — № 25—39, 41. 44, 47—48, 50—51; 1883. — № 1—5, 7—9, 16, 19—23, 27.

Статистическая карта Ставропольской губернии: Масштаб 10 верст в англ. дюйме / Изд. Ставроп. губ. стат. комитета. — Карта сост. по сведениям 1874 г. Хранится в картографическом фонде Ставропольского государсвенного краеведческого музея им. Г.Н.Прозрителева и Г.К. Праве. — Инв. № 27.

Статистические сведения о состоянии Ставропольской губернии за 1875 г. // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 51—52; 1877. — № 2—4.

Судьбы шелководства в Ставропольской губернии. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1885. — 23 с.

Табель домов и дворовых мест в губернском городе Ставрополе, составленная городскою полициею, в порядке новой нумерации на основании циркуляра и инструкции Министерства внутренних дел от 4 мая 1877 года № 297 /Под ред. И. Бентковского. — Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1881. — 208 с.

Торговля губернии: Сведения о привозе и продаже товаров на ярмарках, существующих в Ставропольской губернии (за 1869 год), г. Ставрополь // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1870. — Вып. 3. — С. 29—47. — (Отд. 2); То же: Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь, 1910. — Т. 6. — С. 1—3. — (18 паг.).

Торф на Кравцовом озере близ г. Ставрополя // Ставроп. губ. ведомости. — 1881. — № 6—7.

1879-й год в Медвеженском уезде // Ставроп. губ. ведомости. — 1880. — № 10.

Удачный опыт соления сена при кошении в дождливое время // Ставроп. губ. ведомости. — 1871. — № 22.

Упразднение города Екатеринодара и перенесение губернских присутственных мест в Астрахань // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 4—6.

Хронологический указатель достопримечательных событий в Ставропольской губернии и Северном Кавказе // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь, 1869. — Вып. 2. — С. 5—51. — (Отд. 3).

Хронологический указатель разных исторических сведений о калмыках // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. — Ставрополь. 1876. — Вып. 7. —С. 36—64. — (Отд. 3).

Хронологический указатель событий, извлеченных из неизданных материалов сенатора и академика П.Г. Буткова для новой истории Северного Кавказа // Труды Ставроп. ученой архивной комиссии. — Ставрополь,1910. — Вып. 1 — 9. — (Отд. 5).

Целительные грязи Джалгинского соляного озера в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 28.

Частное землевладение и колонизация на Северном Кавказе // Ставроп. губ. ведомости. — 1876. — № 41.

Чума на Северном Кавказе // Ставроп. губ. ведомости. — 1879. — № 2.

Чума рогатого скота в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. — 1882. — № 31.

Экономическое состояние городов Европейской России //Биржевые ведомости. — 1865.— № 25, 57, 63,80.

Библиографический указатель историко-статистических материалов и статей И.В.Бентковского, помещенных в периодических изданиях с 1858 по 1888 г. // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. 2. — Отд. 5. — С. 1—10.

Библиографический указатель [статей, монографий И.В. Бентковского] // Ставропольские губернские ведомости. — 1881. — № 45.

Библиографический указатель [статей, монографий И.В. Бентковского] // Ставропольские губернские ведомости. — 1881. — № 45.

Библиографический указатель историко-статистических материалов и статей И.В.Бентковского, помещенных в периодических изданиях с 1858 по 1888 г. // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь, 1976. Вып. 14. — С. 246—251.

Библиографический указатель книг, сочинений и статей, относящихся к статистике, истории и этнографии Северного Кавказа: Именование сочинений и авторов // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии: Вып. 3 /Изд. Ставропольского губернского статистического комитета. — Ставрополь, 1870. — Отд. 1.

Библиографический список. Список трудов И.В.Бентковского // Ставропольский хронограф на 1997 год. Библиографический указатель литературы. — Ставрополь, 1997. — С. 58—68.

Литература о жизни и деятельности И.В. Бентковского

Абрамов Я. И.В. Бентковский: Некролог // Северный Кавказ. — 1890. — № 66.

Адрес И.В. Бентковскому по случаю десятилетнего юбилея его ученой деятельности // Кубанские областные ведомости. — 1881. — № 48.

Беликов Г. Историк и этнограф: [И.В. Бентковский] // Ставропольская правда. — 1985. — 14 июля.

Беликов Г. Дорога из минувшего: Занимательные страницы истории г.Ставрополя. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1991. — С. 255—268.

Беликов Г.А. Ставрополь — врата Кавказа. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1997. — С. 337—346.

Беликов Г.А., Кругов А.И. Ставропольский край в истории России (на рубеже XIX — XX вв.). Материалы по краеведению для старших классов средних учебных заведений. Учебное пособие. Ч. 1, 2. — Ставрополь, 1995. — С. 97—99.

Бентковский Иосиф Викентьевич: Некролог // Кубанские областные ведомости. — 1890. — №35. — Умер 15 августа 1890 г.

Бентковский Иосиф Викентьевич, статистик и этнограф // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. — СПб., 1892. — Т. 3. — С. 12—16.

Бентковский Иосиф Викентьевич (1812—1890) //История исторической науки в СССР: Дооктябрьский период. Библиография. — М., 1965. — С. 480—481.

Бентковский И.В. (Некролог) // Ставропольский хронограф на 1997 год. Библиографический указатель литературы. — Ставрополь, 1997. — С. 246—250.

Бентковский Иосиф Викентьевич (19.3.1812 — 15.8.1890) // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. — Краснодар, 1997. — Ст. 126. — С. 50—51.

Водолажская В.А. У истоков краеведения // Ставропольская правда. — 1978. — 11 марта.

Говорова Л.Н. К вопросу о деятельности Ставропольского губернского статистического комитета во второй половине XIX в. [О деятельности И.В.Бентковского в губернском статкомитете] // Проблемы археологии и истории Северного Кавказа: Материалы научной археолого-этнографической историко-краеведческой конференции «Минаевские чтения» (13 марта 1998 г.) — Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. — С. 72—74.

Городецкий Б.М. Памяти Бентковского И.В. // Кубанский курьер. — Екатеринодар, 1910. — № 613.

Городецкий Б.М. Кто и как изучал Кубанскую область: Доклад, прочитанный на годовом собрании членов Общества любителей изучения Кубанской области 10 февраля 1912 г. // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. — 1912. — Вып. V. — С. 16—17.

Госданкер В.В. Историк-кавказовед И.В. Бентковский (1812—1890) (Краткий очерк жизни и научно—краеведческой деятельности) // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь, 1976. Вып. 14. — С. 222—251.

Госданкер В.В. Историк-кавказовед Иосиф Викентьевич Бентковский (К 185-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1997 год. Библиографический указатель литературы. — Ставрополь, 1997. — С. 57—58. — Библиографический список трудов В.И. Бентковского. — С. 58—68. — Литература о жизни и деятельности И.В.Бентковского. — С. 68—69.

Госданкер В.В. «...Весь вылился в своих трудах» // Северо-Кавказский регион (Информационно-аналитический вестник представителя Президента Российской Федерации). — 1999. — № 1(5). — Февраль. — С. 74—75.

Ерохина Ю.М. Личность и публицистика И.В. Бентковского. —Ростов-на-Дону, 1997.

Жадан В.А. Иосиф Викентьевич Бентковский — исследователь Северного Кавказа // Поляки в России: XVII—XX вв. Материалы международной научной конетренции. — Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2003. — С. 228—232.

Загурский Л.П. И.В.Бентковский: Некролог // Кавказский календарь на 1891 год. — Тифлис, 1890. — С. 1—5. (Отд. 1.).

История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 года: Региональный учебник для общеобразовательной школы / А.В. Найденко и др. — Ставрополь: СКИПКРО, 1996. — С. 248—251.

Колесникова М.Е. Научно-историческая деятельность Ставропольского губернского статистического комитета в конце XIX — начале XX века // Вопросы Северокавказской истории. Сб. научных статей. Вып. 3. — Армавир, 1998. — С. 79—88. [О деятельности И.В. Бентковского в Ставропольском губернском статкомитете].

Колесникова М.Е. Жизнь и деятельность И.В. Бентковского на Кавказе // Польская ссылка в России XIX — XX веков: региональные центры — POLSCY ZESLANCY W ROSJI XIX—XX STULECIU: OSRODKI REGIONALNE. — Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998. — С. 161—164.

Колесникова М.Е. И.В. Бентковский — краевед и историк Северного Кавказа // Отечественные архивы. 2004. № 1. — С.3—13.

Край наш Ставрополье: очерки истории / Науч. ред. проф. Д.В. Кочура и проф. В.П. Невская. — Ставрополь: Шат-гора, 1999. — С. 83, 102, 146, 158, 166, III — 3.

Кругов А.И. Ставропольский край в истории России (конец XVIII — XX век): Региональный учебник для старших классов общеобразовательных учебных заведений. — Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2001. — С. 81—82.

Невская Т.А. Историческое наследие И.В. Бентковского // Историко-культурное наследие и современность. Материалы межреспубликанской научноОпрактической конференции (Ейск, 20—24 июня 1995 г.) — Краснодар, 1995. — С. 42—44.

Очерки истории Ставропольского края: В 2 т. Т.1.: С древнейших времен до 1917 года / Науч. ред. В.П. Невская. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. — С. 7, 158, 171, 249, 287, 288, 366.

По поводу предстоящего десятилетнего юбилея ученой деятельности И.В. Бентковского // Кубанские областные ведомости. 1881. № 46.

Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета // Сборник сведений о Северном Кавказе. — 1906. — Вып. 2. — С. 1—41, порт. — Библиогр. статей И.В. Бентковского: С. 46—55.

Самольянова Ю.А. Какой редактор — такая и газета: Неофициальная часть «Ставропольских губернских ведомостей» в период расцвета (1875—1882 гг.) // Ставропольская журналистика: история и современность: Материалы конференции / Под ред. А.А. Серебрякова и др. — Ставрополь: ГУП СК Ставропольская краевая типография, 2004. — С. 121—126.

Собриевский А.С. Статистика вообще на Северном Кавказе и в Ставропольской губернии в частности: Ее задачи и организация: (Читано в Ставропольском общественном собрании 21 декабря 1904 г.). — Ставрополь: Тип. Наследников Берка, 1905. — 70 с.

Станько А.И. «Северный Кавказ» о И.В. Бентковском // Вестник Московского государственного университета. Сер. Журналистика. 1990. № 3. — С. 86—87.

Фунтикова Т.И. И.В. Бентковский. (К 100-летию со дня смерти) // Ставропольская правда. — 1990. — 28 августа.

Текст печатается по источнику:

Колесникова М.Е. Ставропольские краеведы // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Антология / Под ред. проф. В.А.Шаповалова, проф. К.Э.Штайн. — Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2007. — С. 1088–1101, 1112–1120.

К.Э. Штайн, Д.И. Петренко

Галерея портретов губернаторов в очерке И.В. Бентковского «Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях» (1854)

В издании 1854 года (Тифлис) авторство очерка не обозначено, но мы согласны с мнением Н.А. Охонько о том, что очерк написал И.В. Бентковский, об этом говорит осведомленность автора и яркий индивидуальный стиль. Как утверждает М.Е. Колесникова, «с именем Иосифа Викентьевича Бентковского (1812–1890) связана целая эпоха в научной и культурной жизни Ставропольской губернии и Северного Кавказа. Секретарь Ставропольского губернского статистического комитета, историк-кавказовед, этнограф, статистик и экономист, он стоял у истоков северокавказского краеведения, являясь одним из организаторов научных исследований, положивших начало становлению местной провинциальной историографии» (3, с. 1092).

Исследователи жизни и деятельности И.В. Бентковского отмечают его трудолюбие, «жажду деятельности, пытливый интерес к окружающему миру и людям» (2, с. 718). В.В. Госданкер пишет о том, что длительная военная служба, педагогическая работа, занятия сельским хозяйством и торговлей дали И.В. Бентковскому возможность «побывать в различных уголках необъятного края, познакомиться с нравами и обычаями народов Северного Кавказа, жизнью различных сословий первопоселенцев из России, узнать новые села, станицы и города» (там же, с. 719).

Говоря о Ставрополе, его становлении и развитии, И.В. Бентковский обращает внимание на тех исторических деятелей, которые оставили в жизни города наиболее значимую память. В очерке даются краткие, но в то же время выразительные, емкие исторические портреты военных генерал-губернаторов: П.Д. Горчакова, Г.А. Эммануэля, А.А. Вельяминова, П.Х. Граббе, В.О. Гурко, Н.С. Завадовского. И.В. Бентковский упоминает и о работе гражданских губернаторов: генералов Таубе, Ольшевского, Норденстама, Волоцкого, действительного статского советника Семенова.

К особенностям написания исторических портретов губернаторов можно отнести некоторые характерные черты, которые И.В. Бентковский выделяет, с тем чтобы реально оценить деятельность губернаторов, показать яркий пример тем, кто в дальнейшем будет занимать эти посты в Ставрополе.

1. Главная черта – масштаб деятельности, желание способствовать развитию и прогрессу города в контексте Кавказской области и всей страны в целом, в том числе и с ориентацией на зарубежный опыт.

2. Можно отметить умение губернаторов соотнести военные события на Кавказе с мирной жизнью его обитателей.

3. И.В. Бентковский отмечает деятельный характер личности, ориентацию на постоянное развитие, улучшение экономики, культуры города, то есть позитивный настрой деятельностной личности, иногда подвижничество, героизм: Г.А. Эммануэль, П.Х. Граббе.

4. В очерке отмечается установка лучших губернаторов на диалог с гражданами – жителями города – как одна из позитивных черт деятельностных личностей.

5. Автор подчеркивает умение губернаторов поддержать инициативу, вызвать соревнование, помочь в осуществлении больших и малых дел. И.В. Бентковский создает портреты губернаторов, с тем чтобы они стали исторически значимыми примерами для подражания.

«Генерал-майор князь Петр Дмитриевич Горчаков был первым начальником Кавказской области» (1, с. 67). При нем, как считает И.В. Бентковский, Ставрополь был «сносным убежищем» для его жителей. В процессе создания портрета И.В. Бентковский использует лексику, подчеркивающую позитивную деятельность П.Д. Горчакова: «…заботясь устранить как-нибудь этот недостаток и привести в порядок возникавший город, успел возбудить соревнование в ставропольских гражданах к улучшению его» (там же). От его глаза ничто не ускользало, он замечал, что в обществе не было «общежительности и доверия» (там же), поэтому «старался сблизить между собою общество» (там же).

И.В. Бентковский подчеркивает, что «совокупные» силы общества шли «по указанной ему правительством дороге» (там же), то есть общество находилось в диалоге с правительством, а правительство, как и следует ему, именно в диалоге с гражданами находило решение сложных задач. Так, например, П.Д. Горчаков заметил, что армяне, «прибывшие в 1808 и 1810 годах, развили первоначально торговую деятельность в Ставрополе» (там же), что это «промышленный» народ. Он и пригласил переселиться армянские семьи из Георгиевска в наш город. И.В. Бентковский особенно подчеркивает, что граждане ценили позитивную деятельность П.Д. Горчакова и «из любви к генералу» «явилось их (армян. – *К.Ш., Д.П.*) еще около 30 се-

мейств» (там же). В то же время, когда правительство приняло решение переселить казаков на Кубань, «он старался прежде приготовить их сколько-нибудь к этому переселению, давал им время и возможность продавать понемногу свои дома и угодья жителям города, которые при посредстве самого князя платили казакам довольно выгодные цены за их имения» (там же).

Как видим, И.В. Бентковский выделяет гуманистические черты, деятельностный характер губернатора, его историческую мудрость. Эти черты всегда ценит народ и отвечает своему покровителю тем же.

Деятельный характер генерала Эммануэля И.В. Бентковский отмечает уже в первых строках портрета: «Генерал Эммануэль по прибытии в Ставрополь прежде всего занялся окончанием начатого князем Горчаковым дела, то есть переселением казаков» (там же). В этом деле царил настрой на содействие обеим сторонам: и жителям города, и переселенцам. В результате Ставрополь мог свободно развиваться: «…гражданам не с кем было теперь вести споров за земли и усадьбы: казаки все оставили в полное их владение» (там же, с. 67–68).

Деятельность Эммануэля и дальше протекает, как утверждает И.В. Бентковский, в позитивном русле. Генерал постоянно совершенствует город, он уже заботится о «щеголеватости и красоте», «чистоте и опрятности». Он был строгим человеком, по мнению И.В. Бентковского, «наблюдал» за деятельностью подчиненных, следил «за работами по городу без устали и тем успел завести в нем сколько-нибудь желаемую опрятность» (там же, с. 68). Деятельность Эммануэля отличает не только логичность, установка на порядок и правила, но и пафос, что всегда важно в характере масштабной исторической личности, не псевдопафос, а подлинный пафос, связанный с работой на благо граждан, отечества. И.В. Бентковский подробно рассказывает о творческом подходе генерала к построению гостиного ряда, который послужил развитию торговли и оставил в Ставрополе память о губернаторе.

Особенно следует отметить высокую культуру управления Эммануэлем в делах строительства города. Он «обратил еще внимание на расположение как самого города, так и его окрестностей» (там же), «Ставрополь строился по всем правилам архитектурного искусства, особенно станица, а теперь ни один из граждан не мог начинать ни одной постройки без совета архитектора» (там же), Эммануэль думал о «возможности к устройству правильных улиц». Он любил наши места, как утверждает И.В. Бентковский, ему «так сильно понравилось Ташлинское поселение, что он устроил там для себя загородный дом и дачу» (там же, с. 69).

Эммануэль передал управление генералу А.А. Вельяминову. И.В. Бентковский с уважением пишет о нем как о человеке, который «принадлежал к числу тех решительных людей, которые, если захотят, все могут делать» (там же). Но «занятый, по большей части, военными делами, Вельяминов… почти не входил в общественную жизнь Ставрополя» (там же).

Особое внимание И.В. Бентковский уделяет деятельности генерала П.Х. Граббе. По мнению автора очерка, Ставрополь «с этого собственно времени… начал свою настоящую жизнь» (там же, с. 71). По отношению к П.Х. Граббе И.В. Бентковский употребляет лексику со значением активной деятельности, сочувствия гражданам: «нашел много недостающего для губернского города», «грустное впечатление… долго беспокоило генерала», «только деятельный труд с твердою надеждою на успех доставили ему некоторую уверенность…» (там же, с. 72).

В тексте И.В. Бентковского выделены главные проблемы, решение которых позволило Ставрополю стряхнуть с себя «покрывавшую его прежде пыль»: 1) неудобное расположение зданий присутственных мест, к которым «в дождливое время года и в начале весны… совершенно невозможно было ни пройти, ни проехать»; 2) вялая общественная жизнь граждан, которые «жили в своих тесных домах, не заботясь о взаимных между собою связях и развлечениях. Каждый думал только о себе и поневоле мог наконец очерстветь в нравственном отношении» (там же); 3) воспитание юношества: «гимназия только что начинала возникать», женское образование: «Слово «пансион», можно смело сказать, было незнакомо тогда Ставрополю» (там же); 4) строительство прочных каменных зданий в Ставрополе: «Неужели жители его не имели достаточных средств, чтобы свои жалкие помещения заменить порядочными зданиями…» (там же). Интересно отметить, что И.В. Бентковский воспроизводит названные проблемы в виде вопросов, их ставил перед собой П.Х. Граббе, и на них следовало отвечать конкретной деятельностью.

По словам И.В. Бентковского, П.Х. Граббе удалось справиться со всеми этими проблемами: 1) во время управления П.Х. Граббе в Ставрополе были возведены капитальные каменные здания присутственных мест; 2) он старался «соединить теснее общество», «очень часто устраивал он в своем доме балы» (там же с. 73); 3) П.Х. Граббе участвовал в воспитании молодого поколения: «…часто посещал гимназию и нередко лучших из ее воспитанников вместе с преподавателями приглашал к себе на обеды и балы» (там же), «при содействии Граббе бывший учитель гимназии, Крупье, основал в Ставрополе первый женский пансион» (там же); 4) под наблюдением генерала в Ставрополе построены здания военного госпиталя, нового тюремного замка, где «заключенные прежде своего осуждения были бы сколько-нибудь изъяты от страданий» (там же с. 74), губернатор заботился о новых постройках для горожан, предоставлял им льготы: «Ставрополь… в это время много поюнел и во всем представлял живые следы деятельных трудов и полезных преобразований» (там же).

Говоря о генералах В.О. Гурко и Н.С. Завадовском, И.В. Бентковский подчеркивает их желание «по примеру своего предшественника, заняться дальнейшим усовершенствованием города» (там же). Эта преемственность является очень важной для формирования традиций, ведь каждый сделал немало. Так, во время управления В.О. Гурко в Ставрополе начала действовать Кавказская и Черноморская епархия; Н.С. Завадовскому город обязан строительством здания городской думы, «устройством нового бульвара, Воронцовского сада, общеполезного рассадника, тутового сада и проч.» (там же, с. 76). Главным достижением губернаторов П.Х. Граббе, В.О. Гурко и Н.С. Завадовского И.В. Бентковский считает строительство каменных зданий, благодаря которому город и теперь имеет особый архитектурный облик: «О постройках, производившихся во все это время, можно бы было написать целую статью… но достаточно сказать, что с 1838 года выстроено в городе более 280 каменных домов, за исключением церквей» (там же, с. 75). Это действительно важно, так как возведение каменных домов означало цивилизованный подход к строительству города. Как отмечает Ж. Ле Гофф, «к общей оппозиции город – лес Гильом Овернский добавляет еще одну, включающую в себя основной «городской» элемент, как физический, так и символический. Элемент этот – камень, из которого большей частью сделан город» (4, с. 297).

В очерке позитивно настроенного к преобразованиям в Ставрополе И.В. Бентковского одобрение получила деятельность губернаторов, которая отличалась подлинным патриотизмом и гражданственностью. Книги о Ставрополе, которые мы выпустили в последнее время (см.: 5, 6), служат продолжению традиции И.В. Бентковского в представлении позитивных примеров для работы современных губернаторов и градоначальников. В основе ее – служба отечеству и нашему краю для блага граждан.

Литература

1. Бентковский И.В. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Антология. – Ставрополь: СГУ, 2007. – С. 64–94.

2. Госданкер В.В. Историк-кавказовед И.В. Бентковский (1812–1890). Краткий очерк жизни и научно-краеведческой деятельности // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Антология. – Ставрополь: СГУ, 2007. – С. 717–730.

3. Колесникова М.Е. Ставропольские краеведы // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Антология. – Ставрополь: СГУ, 2007. – С. 1088–1125.

4. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Издательская группа Прогресс, 2001.

5. Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Антология. – Ставрополь: СГУ, 2007.

6. Штайн К.Э., Бобылев С.Ф., Петренко Д.И. Небо. Солнце. Земля: Традиционная символика дома в городской среде Ставропольского края. — Ставрополь: СГУ, 2008.

Текст рукописи предоставлен авторами.

К.Л.Хетагуров

СТИХОТВОРЕНИЯ О КАВКАЗЕ

Перед памятником М.Ю. Лермонтову

Торжествуй, дорогая отчизна моя,
И забудь вековые невзгоды,
Воспарит сокровенная дума твоя —
Вот предвестник желанной свободы!

Она будет, поверь, — вот священный залог,
Вот горящее вечно светило,
Верный спутник и друг по крутизнам дорог,
Благородная, мощная сила!..

К мавзолею искусств, в храм науки святой
С ним пойдешь ты доверчиво, смело,
С ним научишься ты быть готовой на бой
За великое, честное дело.

Не умрет, не поблекнет в тебе уж тогда
Его образ задумчивый, гордый,
И в ущельях твоих будут живы всегда
Его лиры могучей аккорды…

Возлюби же его, как изгнанник-поэт
Возлюбил твои мрачные скалы,
И почти, как святыню, предсмертный привет
Юной жертвы интриг и опалы!..

16 августа 1889 года. Пятигорск

На смерть горянки

Не рыдайте безумно над ней —
Она цели достигла своей, —
Тяжесть жизни, нужда и невзгоды
С колыбели знакомы уж ей…
Хорошо умереть в ее годы!

Ничего, что она молода, —
Кроме рабства, борьбы и труда,
Ни минуты отрадной свободы
Ей бы жизнь не дала никогда…
Хорошо умереть в ее годы!

Приютят ее лучше людей
Под холодною сенью своей
Тесный гроб и могильные своды…
Не рыдайте безумно над ней!
Хорошо умереть в ее годы.

1889

Утес

I

Мрачного утеса только что коснулся
Первый луч восхода, весело, шутя…
И утес холодный ожил, улыбнулся,
Запылал румянцем ярким, как дитя…

На челе высоком, зеленью обвитом,
Ландыш и азалья снежные цветут,
На порфире царской, вышитой фельзитом,
В золотых узорах блещет изумруд…

Все залито солнцем — лес, долины, горы…
Серебрятся реки… беспредельна даль…
Воздух наполняют радостные хоры…
Чужды великану горе и печаль.

II

Показалась туча из-за снежной цепи…
Почернели горы, багровел закат…
В синеву густую облачились степи…
Потрясал ущелье громовой раскат…

Застонали скалы, повалились ели…
Под ударом бури дрогнул великан…
Ландыши измяты, камни потускнели…
Хлынули потоки из глубоких ран…

Наступила полночь, тихая, немая…
В сон невозмутимый погружен утес…
Только по ланитам, змейкою сбегая,
Падают беззвучно в бездну капли слез…
1894

Памяти Я.М. Неверова

Я знал его… Я помню эти годы,
Когда он жил для родины моей,
Когда и труд, и силы, и заботы, —
Всего себя он отдавал лишь ей.

Я не забыл, как светочем познанья
Он управлял могучею рукой,
Когда с пути вражды и испытанья
Он нас повел дорогою иной.

Мы шли за ним доверчиво и смело,
Забыв вражду исконную и месть, —
Он нас учил ценить иное дело
И понимать иначе долг и честь…

Он нас любил и к родине суровой
Он завещал иную нам любовь, —
Отважный пыл к борьбе направил новой
И изменил девиз наш — «кровь за кровь».

Он нам внушил для истинной свободы
Не дорожить привольем дикарей…
Я знал его… Я помню эти годы,
Когда он жил для родины моей.
1893

* * *
Я не пророк… В безлюдную пустыню
Я не бегу от клеветы и зла.
Разрушить храм, попрать мою святыню
Толпа при всем безумье не могла.

Я не ищу у сильных состраданья,
Не дорожу участием друзей;
Я не боюсь разлуки и изгнанья,
Предсмертных мук, темницы и цепей.

Везде для всех я песнь свою слагаю,
Везде разврат открыто я корю
И грудью грудь насилия встречаю,
И смело всем о правде говорю…

На что друзья, когда все люди братья,
Когда везде я слышал их привет?
Причем враги, когда во мне проклятья
Для злобы их и ненависти нет?

В тюрьме ясней мне чудится свобода,
Звучнее песнь с бряцанием цепей;
В изгнанье я дороже для народа,
Милее смерть в безмолвии степей.

Причем толпа? Ничтожная рабыня
Пустых страстей — дерзает пусть на все;
Весь мир — мой храм, любовь — моя святыня,
Вселенная — отечество мое…
1894

* * *
Не верь, что я забыл родные наши горы,
Густой, безоблачный, глубокий небосвод,
Твои задумчиво-мечтательные взоры,
И бедный наш аул, и бедный наш народ.

Нет, друг мой, никогда! Чем тягостней изгнанье,
Чем дальше я от вас, чем бессердечней враг,
Тем слаще и милей мне грезится свиданье
Со всем, мне дорогим, в родных моих горах…

Не бойся за меня! Я не способен к мщенью,
Но злу противиться везде присуще мне, —
Не бойся! —я и здесь не дамся обольщенью
Красавиц, чуждых мне по крови и стране…

Люблю я целый мир, люблю людей, бесспорно,
Люблю беспомощных, обиженных сирот,
Но больше всех люблю, чего скрывать позорно? —
Тебя, родной аул и бедный наш народ.

За вас отдам я жизнь… все помыслы и силы, —
Всего себя лишь вам я посвятить готов…
Вы так мне дороги, так бесконечно милы,
Что сил нет выразить, что высказать нет слов!..
1896

Памяти М.Ю. Лермонтова

Зачем, поэт, зачем, великий гений,
Явился ты так рано в этот мир,
Мир рабства, лжи, насилья и гонений,
Мир, где царил языческий кумир?
Зачем судьба с таким ожесточеньем
Гнала тебя из-за пустых интриг
Трусливых бар, взлелеянных бездельем,
Когда клеймил их твой могучий стих?
Ты нужен был не царству бар и рабства,
А вот теперь, когда талантов нет,
Когда нас всех заело декадентство,
О, если бы ты жил теперь, поэт!
Твой мощный стих, могучие аккорды
Рассеяли б остаток прежней тьмы, —
Тогда бы по пути добра, любви, свободы
Пошли бы за тобой вперед со славой мы.
1901

ФАТИМА. КАВКАЗСКАЯ ПОВЕСТЬ

Посвящение

Ах, с каким безграничным восторгом, дитя,
На руках из мишурного света
Я унес бы далеко, далеко тебя
И любил бы любовью поэта...

Детский слух услаждал бы я лирой своей,
И под звуки ее безмятежно
Засыпала б ты сладко на груди моей,
А я пел бы, баюкал бы нежно...

Много, много сложил бы я песен тогда
На чарующем лоне природы
О восторгах любви, наслажденьях труда
И о светлом блаженстве свободы...

1

Полна кунацкая Наиба
Привета ласковых затей,
Не мало из Чечни, Гуниба
И славной Кабарды гостей,
Встречая здесь прием радушный,
Досуг тревоги боевой
Беседе отдает живой.
Адату родины послушны,
Храня обычай старины,
Кавказа верные сыны, —
Будь кровники — без злобы тайной,
При встрече званой иль случайной,
По возрасту, по праву лет,
Здесь делят ужин и обед,
И, как друзья, полны одною
Лишь мыслью о приволье гор,
Ведут за чашей круговою
Согласный, долгий разговор...
Здесь кунаки равны, как братья;
Их жизнь священна, как коран;
За их обиду мусульман
Клеймит народное проклятье.
Беглец, измученный дорогой,
Подчас беспомощный абрек,
Больной, слепой старик, убогий —
Привет им, отдых и ночлег.
Сюда на праздник годовой
Идут красавицы аула
И водят танец круговой.
Здесь много юношей взгрустнуло,
Читая строгий приговор
Во взглядах девы... Здесь не мало
Горянок шепоту внимало,
Стыдливо потупляя взор...
Наиб уж стар, Наиб уж сед...
Не годы, не боязнь могилы
Сломили мужество и силы
Питомца доблестных побед.
Давно ль, как юноша беспечный,
Он, ветер рассекая встречный,
Отважно на коне скакал!
Давно ль в морщинах диких скал,
Добычу смело нагоняя,
С винтовкой за плечом весь день
Бродил он, устали не зная...
Давно ль за кровником, как тень,
Гоняясь в темноте ночной,
Он к утру приносил домой
Его ружье, кинжал, папаху...
Хвала всесильному аллаху!
Не будем воспевать любовь,
Не станем говорить о чести
Там, где еще законы мести
Сулят охотно кровь за кровь...
Но горе старому джигиту,
Когда он на закате дней
Отпустит выместить обиду
Последнего из сыновей:
Разбита вся его опора,
Погибли радость и покой!..
Под песнь унылую укора,
Впотьмах, неведомой тропой,
Как вор, бредет он торопливо
Тогда к могиле... Как пугливо
Глядит он на своих друзей,
Как ненавидит он людей!..
Наиб... Горька его утрата,
Печаль безмерна, — видит бог, —
Любил он сына, Джамбулата,
Но... горе пересилил долг, —
Наиб обязан для него
Предать минувшее забвенью, —
Судьба вручила попеченью
Печальной старости его
Красавицу — приемыш-дочь...
Его утеха вся — Фатима;
Он занят ею день и ночь,
И им, как клад, она хранима.
— Дитя, ты видишь, сединою
Сребрится голова моя, —
Быть может, скоро надо мною
Холмом насыпется земля...
В тот день, как мать твоя скончалась
И бесприютной сиротой
В ауле нашем ты осталась,
Я взял тебя... Обет святой
Тогда я дал пред стариками
Беречь тебя, как дочь свою,
И с лучшим князем между нами
Скрепить законом жизнь твою.
Как роза южная весною
Цветет украдкою в горах
И украшает их собою,
Так точно на моих руках
И ты росла и расцветала...
Молва о прелести твоей
Не раз ко мне уже сзывала
Лихих князей и узденей...

Ужель из них твое вниманье
Ничей не подкупает взгляд? —
Они руки твоей хотят
И ждут меня… Я жду признанья…
Фатима, быстротечны лета, —
Тебе быть матерью пора…
Законы святы Магомета —
Их неминуема кара…
Попрать адаты и преданья
Отцов — преступно… Дочь, поверь,
Ни в ком не встретим сострадания,
Не дав ответа и теперь…
Фатима, не терзай так больно
И так истерзанную грудь! —
Она измучилась довольно
За Джамбулата… Не забудь —
Вы только были мне отрадой
По смерти матери его…
Я вас растил… И вот награда:
Пять лет, — как вести от него
Я не имею, — а в тебе —
Ни капли жалости ко мне!..
Фатима… как?.. Ужели слезы?..
Ты плачешь? Дочь моя, о чем?
Мои слова — не брань угрозы,
А скорбь о возрасте твоем… —
— Отец, зачем терять напрасно
Слова и время? Знаю я —
Бороться нам не безопасно…
Что делать!.. Видишь — я твоя…
Отдай меня, кому желаешь, —
Тебе простит и бог, и свет, —
Мне все равно… Здесь речи нет
О счастье!
— Дочь, ты убиваешь
Бедой согбенного отца!
Клянусь вот этой сединою,
Клянусь величием творца,
Что я живу теперь одною
Мечтой о счастии твоем…
Права отцов, адатов силу
И мысль о выборе моем
Я унесу с собой в могилу,
Едва сердечное признанье,
В награду за мои страданья
За все насмешки надо мной
Судьбы злорадной, я услышу
Из уст Фатимы дорогой…
Дитя, открой страдальцу душу,
Молю тебя…
— Изволь, отец.
Когда измученный гонец
С Чечни к нам в полночь прискакал
И пред старшинами аула
Здесь со слезами рассказал
О притеснениях гяура…
Когда вы все — и стар, и млад, —
С оружьем за Сулак спешили,
Ты помнишь, как тебя просили
И я, и сын твой Джамбулат
Пустить его… Ты не забыл
Его проклятья и молитвы…
Твой сын, я знаю, молод был
Для ужасов кровавой битвы,
Но он исторг твое согласье…
Безумная! Как за одно
С ним детской мыслью увлеклась я…
Но так нам, видно, суждено!..
Ты помнишь, ни один в походе
Не красовался на коне,
Как он… Отец, то не войне
Служить хотел он, — нет! — свободе…
Свободе!.. Он любил тогда…
Прости, отец, мое признанье!..
Пять лет в бесплодном ожиданье
Прошли, промчались без следа,
Как ряд ночей, без сновиденья,
Без искры света… Но, поверь,
Порой надежда и теперь
Сменяет горькое сомненье, —
Я жду его… Но что мечты
И клятвы девушки презренной! —
Они не стоят, чтобы ты
Закон отцов попрал священный…
Должно быть, так угодно року,
Что друг для друга мы равно
Погибли с ним давно, давно…
Табу[1] великому пророку!..
Изволь, отец, я покоряюсь
Своей нерадостной судьбе, —
Преступным бременем тебе
Я оставаться не решаюсь, —
Сдаюсь пред силою адата…
Нарушу юности обет…
Забуду имя Джамбулата…
И выхожу, позволишь, нет, —
За Ибрагима…
— Дочь?!
— Сам бог
Его в удел мне посылает…
— Но он ничтожен, он убог,
Опомнись, дочь!..
— Отец, пылает
Любовью сердце в нем давно…
— Но он не князь…
— Мне все равно…
Там, где нашла в себе я силу
Зарыть мечты мои в могилу,
Поверь, отец мой дорогой, —
В труде, облитом потом, кровью,
Согретом правдой и любовью,
Найду отраду и покой…
Отец, ты выслушал признанье
Безумной дочери твоей, —
Суди ж ее без сострадания,
По слову совести своей,
Суди преступницу скорей!..
Старик прикрыл глаза рукою…
Он только мог ответить ей
Упавшей на ковер слезою…

[1] Слава, хвала. (*Прим. автора.*)

II

Свежо… Полночною прохладой
Повеял ветерок из гор…
Стоят возы живой оградой…
Пылает небольшой костер…
Быки пасутся над рекою…
Вот кто-то песню затянул, —
Звучат болезненной тоскою
В ущельях песни… Вот зевнул
Какой-то дремлющий… привольно
На мягкой зелени лежать
В такую ночь — начнешь невольно
Бессвязно, без конца считать
В пространстве тлеющие очи;
Меж тем блуждают без конца,
Дивясь премудрости творца,
И думы в полумраке ночи…
Как сладко за свою свободу,
Как мысль беспомощную жаль! —
Обнять весь мир, постичь природу,
В надзвездную проникнуть даль —
Увы, ей не дано судьбою!..
Мелькают тени за арбою…
Один хлопочет у костра —
Готовит ужин… Но пора! —
Черкесы чинно у огня
Садятся стройным полукругом…
Обычай родины храня,
Два отрока, подобно слугам,
По старшинству всех наделяя,
Обносят чашами их ряд…
Картину ярко озаряя,
Дрова, как факелы, горят…
Похлебка и чурек ячменный!..
Кому их труд тяжелый мил,
Как ласки дружбы неизменной,
Тот ужин бы их полюбил…
А мы, читатель мой бесценный,
Мы любим негу и покой,
И в нашей праздности вседневной
Нам нужен ужин не такой!
Но, тише! Юному черкесу
Вблизи послышались шаги…
— Благослови, аллах, трапезу,
Пророк, вам всюду помоги! —
С приветом путник неизвестный
Явился к ним из-за арбы.
Все поднялися…
— Будь небесным
Послом и гостем, коль рабы
Твои достойны этой чести…
За скромный ужин не брани…
Поведай радостные вести, —
Откуда, для кого они?
— «Не мне, несчастному лезгину,
Быть светлым вестником небес;
Рукой бессильной я не сдвину
Загробной вечности завес…
Оставшись круглым сиротою,
Я вырос на чужих руках,
Считая матерью родною
Старуху о пяти зубах.
Она и ветхая лачуга,
Чурек на ужин и в обед,
Солома, сказки в час досуга, —
Вот все, — и детства нет как нет!..
Я подрастал… Старуха знала,
Чему питомца научить, —
Она меня безбожно гнала
Князей за пиршеством смешить…
Я пел, плясал без утомленья
И мог остатками стола
Кормить старуху… Как мгновенье,
И юность светлая прошла…
Давно, давно тот возраст минул,
Давно старухи этой нет;
С тех пор, как я аул покинул,
Промчалось много, много лет…
С тех пор я странствую не мало
С сумой и посохом своим, —
Пою для всех и — где попало…
Везде привет, везде любим…
Когда-то жизнь во мне кипела,
Вперед без страха я глядел, —
Искал борьбы, искал я дела…
Был близок к ним… но заболел…
Очнулся я в стране далекой,
Среди неведомых степей,
Без сил к борьбе с судьбой жестокой,
С насмешкой чуждых мне людей…
Жизнь стала для меня укором,
А жить хотелось — видит бог!..
Меж тем моим усталым взорам
Повсюду чудился острог…
Как я хотел предать забвенью
Порывы мысли роковой!..
Как челн над темной глубиной,
Я был покорен дуновенью
Едва приметного зефира…
Без сожаленья, без кумира,
Без слез, без ласки и привета,
Без искр радости и света,
Мелькали смутной чередой
За днями дни… Обрыв крутой
Меня заставил оглянуться…
Вперед… туда?.. Назад… вернуться?..
Нет, лучше где-нибудь в сугробе
Сном непробудным почивать,
Чем в смрадном леденящем гробе
Оков бряцанию внимать…
Назад, назад!.. Когда б вы знали,
Мои случайные друзья,
Как взоры дня меня пугали,
Как солнца сторонился я!
Где беспредельна степь, как море,
Где чуть колышется река,
Там безграничны скорбь и горе,
Часы ленивы, как века…
Беспомощно слабеют ноги,
Бессильно замирает грудь…
Взглянешь назад — нет полдороги,
Вперед — как вечность, долог путь!..
И вот с мучительной тоскою
Из груди рвется тихий стон

С невыразимою мольбою
О смерти… Но все тот же сон:
Я вижу снежные вершины,
Ущелья, пышные долины
Далекой родины моей…
Я слышу песнь моих друзей…
Как барс, ужаленный стрелою,
Очнусь… бросаюсь вновь вперед…
Лечу неведомой тропою,
Пока вновь сердце не замрет…
Друзья, простите тягость речи
Скитальцу бедному, — порой
Избыток чувств и сладость встречи
Жемчужной искрятся слезой…
Простите, что родное блюдо
Слезами подслащаю я…
Клянусь вам, велико то чудо,
Что с вами греюсь у огня».
Все молча страннику внимали, —
Мальчишка не доел чурек, —
Но, слушая, не понимали,
Откуда, что за человек?..
— «Я вижу, — начал он с улыбкой, —
Вас удивляет мой убор…
Что делать? Он невольной шуткой
Смешит суровость наших гор, —
Я не ропщу, — ведь перед вами
Певец-скиталец и пастух, —
Убог умом, богат словами,
Кумир красавиц, враг старух…
Теперь иду, — здесь недалеко
Примолк над бурною рекой
Аул… На праздниках пророка
Хочу забавить там игрой
Наиба… Чай, давно пеняет
Старик… Не так ли?..»
Все молчат.
— Кого в Наибе он теряет?
О чем те струны прозвучат,
Которые так запоздали
Узнать о смерти старика?
Зачем же слезы засверкали
В очах скитальца-кунака?
— «Ужели, — гость спросил тревожно, —
Вопрос невинный вас смутил?
Зачем молчите? Все возможно, —
Наиб был стар… и слаб, и хил…
Быть может, он…»
— Мой друг случайный, —
Заговорил черкес седой,
Ты облечен какой-то тайной…
Клянусь вот этой бородой,
Ты не певец родного края,
А то бы песнь твоя, рыдая,
Печальной повестью давно
Ласкала б слух… Но, все равно,
Быть может, шел ты издалека
К Наибу передать привет
От Джамбулата, то жестоко
Промедлил… Старика уж нет…
Глухим, подавленным рыданьем
Дополнил речь его кунак…
— Чем объяснить, ответить как
Его слезам, его страданьям? —
Решал в раздумии глубоком
Черкес…
— Аллахом и пророком
Тебя мы заклинаем, брат, —
Признайся, ты…
— «Я Джамбулат…»

III

У крайней сакли, под навесом,
Играет с маленьким черкесом —
Сынишкой — молодая мать.
Она старается поймать,
А он, бутузик, убегает…
Хохочет… Вот… упал… кряхтит…
Она проворно подымает
Его, целует… он визжит,
Барахтаясь в ее объятьях…
Блажен, кто матери в занятьях
Служить помехой в детстве мог!
Но… что за робость?.. Чрез порог
Калитки Джамбулат не смеет
Переступить в счастливый двор…
Как ночью малодушный вор,
В виду своей добычи, — млеет,
Томится и дрожит в засаде…
Вперед — нет мужества шагнуть,
Назад — позорным мнится путь, —
Куда же?.. Джамбулат в досаде
Сжал челюсти… — «Ужель с щенком
Холопа ей не надоело
Дурить?» — и мощным кулаком
В калитку постучал он смело…
Внезапный стук смутил на время
Ребенка… Молодая мать
Прошла к калитке… «Гость — не бремя», —
Адату этому послушна,
Она привыкла принимать
Его во всякий час радушно.
Дверь растворяется проворно,
И пред хозяйкою, задорно
Облокотясь на посох свой,
В широкой шляпе и с сумой
Предстал знакомый нам кунак.
Взгляд гостя, как огонь, пытливый
Смутил хозяйку… Словно мак,
Зарделись щеки… Взор стыдливо
Погас в ресницах… на устах
Улыбка замерла красиво…
Работа путалась в руках…
Огнем неизъяснимой тайны,
Волнуясь, трепетала грудь…
Но не надолго…
— Гость случайный, —
Она промолвила, — твой путь
Тяжел, далек, сомненья нет…
Но всем, кто ни проходит мимо
Убогой сакли, я привет
Передаю от Ибрагима, —
Не откажи его принять…
Она, казалось, овладела

Собою, но очей поднять
На «пастуха» еще не смела…
Момент… другой, — и взгляд пришельца
Ей разум объяснил не так,
Как смутно объяснило сердце,
И вновь пред ней стоял кунак,
Пастух усталый и голодный…
Его костюм простой, свободный,
Его осанка, смелый взгляд,
Улыбка — ясно говорят,
Что он из гор…
— «Благодарю
Сердцами правящего бога!
Твое приветствье у порога
Я, как святыню, схороню
В душе моей… Благодарю!
Красавиц видел я не мало,
Но грудь мою ты взволновала
Иным восторгом, — я горю
Любовью брата… Никогда
Твой голос нежный не забуду;
В минуту счастья и труда
Я за тебя молиться буду
Всегда, везде… Я прост, ты видишь, —
Пастух не может быть иным…
Я знаю, скоро ты забудешь
Мои слова; как снег, как дым,
Как клятвы юности незрелой,
Они исчезнут без следа
Из памяти… что за беда! —
Прости, пастух я очень смелый, —
Таким красавицам, как ты,
Смешны восторги и признанья,
Забавны пылкие мечты
И скучны при луне свиданья, —
Вот ваш обычный недостаток!
Прости, что гость твой больно падок
На откровенность… Не всегда
Таков я… Праздная болтливость
К ночлегу не сберет стада, —
А здесь… где женская стыдливость
Не терпит юности затей,
Дичится радостей свободы,
Где слово мужа, визг детей —
Источник счастья и невзгоды,
Где ложны клятвы и обет,
Здесь промолчать… уменья нет!..
Ты видишь, гость твой не скучает…
А если подадут пирог,
Волчком заходит турий рог, —
Забавен пастушок бывает»…
— «Кунак веселый ест немного
И напивается водой;
Он никогда не судит строго
Прием хозяйки молодой,
А потому могу я смело
Просить в кунацкую его, —
Не прогневись».
— «Вот это дело!
Я ждал лишь слова твоего, —
Ведь басней соловья с тобою
Нам не насытить, — но теперь
Благословляю всей душою
И твой привет, и эту дверь…
Я мужа твоего знавал…
Мы часто в альчики играли…
Он лучше всех нас воровал,
Но мы его за трусость звали
Тихоней… О тебе, скажу,
Я знаю только понаслышке…
И мальчик ваш?».
— Да.
— «О сынишке
Не знал… и больно накажу
Его, разбойника, за это…»
Какая странная примета,
Читатель, узнавать людей:
Мы вызываем у детей
Испуг и слезы поцелуем,
Когда неискренно целуем,
Когда не любим их… Поверь,
И Джамбулат хотел теперь
Притворно приласкать ребенка,
Но он не дался, — мальчик звонко
Заплакал и — скорей, скорей —
В объятья матери своей!

Табу всеправедному богу!
Табу хозяевам! — пора!
Но гостя выпить на дорогу
Хозяйка просит из «тура».
— «Я опьянею…»
— Добрый путь!..
Ты пьешь здоровье Ибрагима…
— «А что б вас вместе помянуть,
Скажи мне имя…»
— Я — Фатима…
— «Одну Фатиму знал и я.
С тех пор красавицу такую
Я не встречал… как дочь родную,
Как равнокровное дитя,
Князей почтенная семья
Ее взрастила на свободе…
Одна другой звучней, милей,
Как о волшебнице, о ней
Слагались повести в народе…
Смотринам не было конца…
Но стать женой… нет, невозможно! —
Старик ей заменял отца,
А юный князь… О, как безбожно,
Как непомерно наказанье!..
За Сунжей вспыхнуло восстанье…
И князь исчез в бою одном
Бесследно… Но беда не в том, —
Пусть он убит, казнен на плахе,
Все ж лучше, чем…»
— Жених был жив?!
Хозяйка перебила в страхе,
— «Казалось, — нет. Так порешив,
И старый князь стал падать духом.
Вторым ударом он убит:
Красотка, доверяя слухам,
Позорит клятвы, не щадит
Родных адатов и тайком

Выходит за раба…»
— Довольно!
О ней доскажешь мне потом…
Ты мне о князе молодом
Не все сказал…
— «Длинна уж больно
И не занятна речь о том,
Как он в плену, в цепях железных,
В темницах, в подземельях тесных
Грустил и думал лишь о ней,
Лишь о красавице своей…
Как, наконец, опять свободный,
Он к ней пришел больной, голодный,
И встретил безучастный взгляд…»
— Но — имя князя?
— «Джамбулат»…
— Пастух! прости… я вся сгораю…
Я не могу владеть собой,
Все это — сказка… да? Я знаю,
Что князь убит…
— «Он пред тобой!..»

IV

Объята сакля тишиною…
Лучины тусклой полусвет
Бессильно вздорит с темнотою…
Уж полночь… Ибрагима нет…
Ребенок спит спокойно, мило…
Самой Фатиме не до сна, —
Всю ночь прождать она решила,
И ждет… задумчива, грустна…
Вдруг легкий стук… Она вздрогнула…
Шаги все ближе… — Нет, не сон!
Приехал, думает… взглянула
И изумилась… Что ж!.. не он…
Не муж… Пред нею очутился,
Как призрак ночи, Джамбулат…
— Ах!.. Это ты?
— «Да… Заблудился…
Застигла буря… ночь, как ад —
Ни зги не видно… Нет дорог, —
Размыто все… Мосты сломало…
Признаться, досталось не мало, —
Едва, едва добраться мог…
Но все прошло, и — слава богу! —
Сбирайся, — дорог каждый час…
Нас кони ждут… Абы в дорогу,
А там пусть нагоняют нас…»
— Что ты сказал?..
— «Ничтожным страхом
Не оскверняй начатый бой
С холопами…»
— Клянусь аллахом,
Обиды никогда такой
Я не ждала от Джамбулата…
— «Не любишь ты!»
— Люблю, как брата,
Мне небом посланного вновь…
— «Не больше?»
— Это ль не любовь!
— «Фатима!.. Полно! Где же слово,
Где клятвы наши и обет?..»
— Теперь не воскресишь былого, —
Не требуй, не ищи, — их нет…
— «Изменница!..»
— Ждала я долго…
Суди, легко ли ждать, когда
Кругом все осуждают строго
Мой возраст, девичьи года?
Просить руки моей, как счастья,
Шли и уздени, и князья,
И, не найдя во мне участья,
Чернили клеветой меня…
Боролась я четыре года…
Мне не легка была свобода
Такого выбора, поверь,
Но все ж я счастлива теперь…
Я не ропщу… Нарушив клятвы,
Дала я верности обет…
Кормлюсь плодом нелегкой жатвы, —
Где труд, там преступленья нет.
Благословлять мой выбора скромный
Обязан был бы ты, как брат,
А ты вступаешь с ночью темной
В союз… Опомнись, Джамбулат!
Перенесла я слишком много,
Чтоб так бездушно разрушать
Мою святыню… Бойся бога, —
Теперь я замужем, я мать.
— «Жена продажного холопа
И мать щенка…»
— Не оскорбляй!..
Позорна, князь, такая злоба…
— «Прости… Но после не пеняй!»

V

Объята сакля тишиною…
Лучины тусклый полусвет
Бессильно вздорит с темнотою, —
А Ибрагима нет и нет…
В углу, на тахте, безмятежно
Вкушает сладкий, мирный сон
Ребенок… Мать склонилась нежно
Над ним и плачет… Из окон
Уж брезжит голубой рассвет…
Лучина слабо догорает, —
То вспыхнет, то совсем стухает…
А Ибрагима нет как нет…
Пахнуло утром… тень редеет…
Чуть-чуть румянится восток…
Щебечет ласточка… бледнеет
Звезда. Рокочет чуть поток…
Скрипит арба… но… мимо… мимо!..
И снова в сакле тишина.
Фатима… бедная Фатима
Все ждет и ждет… ни грез, ни сна!
Дрожит, как лист… И кто узнает,
Какая цепь забот и дум
Гнетет, щемит и надрывает
Усталый, изнуренный ум!
С какой тоской, с какой любовью
Она склонилась к изголовью
Ребенка… Что сказать ему
Она хотела?.. Но к чему?!

Малютка спит… Святые грезы
Его не в силах разогнать
Ни тихий плач, ни эти слезы,
Какими обжигает мать
Его чело, его ланиты…
— Спи, милый! Дорог этот сон, —
Нет в мире радостней защиты…
Придет пора, — ослабнет он,
Иссякнет, и, когда проснешься,
Поймешь, почувствуешь, дитя,
В каком отчаянье тебя
Лобзала мать и — ужаснешься…
А до тех пор ничто земное
Да не нарушит светлых грез! —
Весь мир, вся жизнь не стоит слез,
Не стоит твоего покоя!
Но… дверь, как будто бы рукой
Волшебной, растворилась снова,
И в сень, глядевшую сурово,
Окутанную полумглой,
Черкес вступает молодой…
Его не видят… Осторожно
Снимает бурку он с себя…
— «Так изнурять себя безбожно,
Фатима!..»
— Ты?!. Ждала тебя…
— «Я мог приехать раньше, позже, —
Ужель должна сидеть всю ночь? —
Ведь этим путнику помочь
Ты не могла…»
— Вернулся… боже!..
— «Фатима! Плачешь?.. Что случилось?
Ребенок болен? Говори…»
— Нет… Он здоров… как сердце билось…
Не дожила бы до зари, —
Все бредила сырой могилой…
Теперь прошло… ты здесь, мой милый,
И я спокойна… Ты устал?
Промок под ливнем… голодал…
Но ничего… я накормлю
Тебя превкусным пирогом.
— «А я трусиху удивлю
За это шелковым платком…»
— Ах, Ибрагим, зачем напрасно
Всегда расходуешь свой труд…
— «Нет, ты надень… Вот так… прекрасно, —
Таких не видывали тут…»
— Ты плохо ел…
— «Я сыт… довольно…
Вот только новостями больно
Скупишься ты…»
— Вернулся брат…
— «Какой?»
— Не помнишь… Джамбулат…

VI

Проснулся царственный Казбек,
Восход приветствуя румяный,
Долины быстротечных рек
Покров свой сбросили туманный…
Лениво выползают горы
Из облаков… проснулся лес,
И птиц восторженные хоры
Благословляют ширь небес.
Проснулись мирные черкесы…
В ущелье тесном, где аул
Венчает грозные отвесы,
Клубится пыль и слышен гул
Лихой забавы скакунов…
Бегут стада… и над скалою
Ползет прозрачной синевою
Дым хлопотливых очагов…
Проснулось все… Прошла дремота,
Рассеян мрак… повсюду свет…
Ликует мир… кипит работа,
И все живое свой привет
Шлет солнцу…
За Шайтан-горою,
В кустах, меж грудами камней,
Поросших мохом и травою,
Ползет тропинка, словно змей…
За дичью раненой, шальной,
В трущобах горных запоздалый
Охотник иногда домой
По ней спускается усталый;
С сумой, ремнем и топором,
Тяжелой удрученный думой,
По ней взбирается с трудом
К опушке дровосек угрюмый;
На посох длинный опираясь,
Порой пастух по ней несет
С коша[1] в аул душистый мед
И сочный сыр… Теперь, цепляясь
За камни, плющ, кусты и мох,
То, как ребенок чрез порог,
Переступая чрез преграды,
По ней взбирался Джамбулат.
Куда? Зачем? Какой награды
Он ищет здесь?.. Тревожный взгляд,
Как зверь затравленный, блуждает,
Не отдыхая ни на чем…
Горячий пот с чела стекает…
Расстегнут ворот, за плечом —
Вся слава дедовских побед —
Ружье с насечкой золотою…
За пояс воткнут пистолет;
Кинжал оправой дорогою
Играет с солнечным лучом…
Башлык болтается небрежно…
Тревога тайная во всем!
А мир!.. Баюкая так нежно,
Чаруя дивной красотой,
Манит, ласкает до забвенья,
До слез, до сладкого томленья…
Простор… приволье… тишь… покой!..
Чуть слышен неустанный гул
Во мгле зарытого каскада…
Игрушкой кажется аул…
Как муравьи, расползлось стадо

[1] Стоянка. (*Прим. автора.*)

По яркой зелени. Пастух
За ним бредет неторопливо…
Вот он запел… Ему игриво
Повсюду вторит горный дух:

— «Аллах всемогущий,
Аллах вездесущий,
Велик ты в творенье твоем!
Полны чудесами
Земля с небесами, —
Премудрость твою мы поем…

И степи, и горы,
И реки, и долы,
Озера, моря и леса,
От края до края,
Тебя прославляя,
В гимн стройный слили голоса».

Но вот тропинка обогнула,
Как ад, зияющий овраг,
Змеей по скату промелькнула
И затерялася в кустах…
Но вот опять в траве зеленой
Лоснится ленточкой. Пред ней
Волной прозрачной и студеной
Журчит и искрится ручей…
Она слегка к волнам склонилась,
Чуть-чуть их влагой оросилась,
И, сделав с камешка прыжок,
Перескочила на песок…
Взглянула весело назад
И побежала шаловливо
На луг… в кусты… к камням… на скат…
И под утесом, горделиво
Главой подпершим свод небес,
Мелькнув еще раз бледно, бледно,
Ушла совсем, ушла бесследно
В дремучий, вековечный лес…

VII

Как здесь легко, как здесь привольно!..
Как хочется прилечь, уснуть…
Как робость тайная невольно
Теснит, волнует сладко грудь…
Мир сказок, мир теней, прохлады,
Волшебных грез… Везде кругом,
Густым увенчаны шатром,
Стоят столетние громады…
Вот липа… К ней склонился клен
И шепчет что-то… К груди белой
Чинары тянется несмелой
Рукой орешник… Он влюблен
В нее давно, но… что за пара! —
Она, красавица чинара,
Царица леса, он пред ней —
Смешной, уродливый пигмей!
Вот старый дуб… Идет рассказ
О нем, излюбленный народом,
Большой, таинственный… Под сводом
Его могучим свой намаз[1]
Творят охотники, — обычай
Бессменный исстари для всех;
Сюда же вечером с добычей
Они приходят на ночлег…
Лишь ночь — и ярко запылает
Костер… Польются песни, спор…
И долго, долго им внимает
В полудремоте черный бор…
Но не охотникам одним
Так дорог этот дуб заветный:
В минуты отдыха под ним
И дровосек мечтает бедный
Скорей укрыться от забот…
Вот и теперь из чащи леса
К нему выходят два черкеса,
Вступают под широкий свод
Гиганта, и к его стопам
Бросают топоры небрежно…
— Нет, видно, не угнаться нам
За ним, — он дьявольски прилежно
Работать стал…
— «Разгадка в чем? —
Была б моей женой Фатима,
Тогда б под княжеским бичом
И я не меньше Ибрагима
Кичился рабским трудолюбьем…
Не будь ее, и он бы людям
Служил за вьючного осла,
Как я… она его спасла
От нищеты и рабской лени, —
Жена ему всему виной…
Лишь с нею он рука с рукой
Взобраться мог на те ступени,
Что незаслуженно сейчас
С холопом разделяют нас…»
— Стыдись, товарищ! Ты до брани
Несправедлив… Из нищеты
Могли бы выйти, при желанье,
Как Ибрагим, — и я, и ты;
Но выбор сердца молодого
Княжны сказался лишь на нем,
Не потому ли, что во всем
Ущелье не было другого,
Кто мог бы поравняться с ним
Неутомимостью в работе?
Как я, как ты, и Ибрагим
Родился в яслях… но к свободе
Никто из нас его любовью
В своей неволе не пылал,
Трудом, облитым потом, кровью,
Он раньше всех свободным стал…
И что ж? — Награда по заслугам, —
Фатима, вопреки людской
Молве, решилась быть женой
Его и неизменным другом, —
И не ошиблась… До сих пор

[1] Молитва. (*Прим. автора.*)

Ничто их счастья не туманит;
Приветливо зовет и манит
Прохожего усталый взор
Их сакля прихотью воздушной.
Всегда готов прием радушный;
Всегда есть пенящийся рог
Густого пива и пирог.
Жизнь наша изменилась много:
Кто недоволен, а кто рад, —
Судить грешно, — ведь все от бога…
Но вот, хотя бы Джамбулат…
Потомок княжеского рода…
Джигит, каких я не встречал,
Был славой, гордостью народа…
Попал к гяурам в плен… бежал…
Вернулся к нам, — и наш он снова…
Но что застал он от былого? —
Полуразрушенный аул
И башню без ребра и скул!..
С Наибом умерла и слава
Винтовок, шашек, скакунов…
Меж тем для княжеских сынков
Не по руке еще забава:
Соха, топор и наш ремень…
Холопов нет, работать лень,
А голод, говорят, не тетка, —
И вот, как старая подметка,
Вздымая пыль, сгущая грязь,
В народе топчется и князь,
Отцов наследье проживая…
И жалок он, да и смешон…
Равняться с нами не желая, —
Ты посмотри, — чем занят он? —
С винтовкой, на коне, весь год
Скитаясь по аулам дальним,
Воспоминанием печальным
Везде смущает лишь народ…
Везде, едва-едва терпим,
Подарки вымогает силой…
Таков и Джамбулат наш милый…
Боюсь, что бедный Ибрагим
С женой намыкаются с ним…
Боюсь, что очень, очень скоро
У них он будет на хлебах,
И предки князя от позора
Начнут ворочаться в гробах…
Но… посмотри… ужель под вечер
Меня обманывает глаз? —
Там кто-то был… заметил нас
И скрылся…
— «Нет… должно быть, ветер,
Играя стройною чинарой,
Встревожил трепетную тень…
Но полно… Подымайся, старый! —
Пора и нам рассеять лень
И косточки промять от скуки…

Бор… темный бор… глубокий бор…
Бешмет промок… Немеют руки…
Все глуше падает топор,
И все больнее грудь вздымает
Тяжелый вздох… И кто узнает,
Как много сил и много дней
Здесь отнято у Ибрагима!
Но все же многих он бедней
В ауле… Что ж? Неумолимо
Его преследовал всегда
Жестокий рок. Ребенком глупым
Служил он, круглый сирота,
Забавой детям сытым, грубым…
Полунагой, полуголодный
Ходил за стадом… Жил и рос
В конюшне темной и холодной.
Доил коров… сгребал навоз…
За промах всякий, всякий вздор
Его ругали, били, драли.
А уходил на волю — дали
Ему веревку и топор.
И как работал, как он бился! —
Не знал покоя день и ночь…
Построил саклю и влюбился
На горе в княжескую дочь…
В борьбе с безумною мечтою
Жиань стала пыткой… Видит бог,
Хотел покончить он с собою,
Но сердце побороть не мог.
Ползли без ласки и участья
За днями дни… Куда? Зачем?
Как вдруг, на удивленье всем,
Сама княжна, — какое счастье! —
Сама красавица княжна
Спасла его от этой муки:
Холопу первая она
С любовью протянула руки!..
И он воспрянул… Снова грудь
Полна надежд… Свободен путь…
Силен, здоров, и, слава богу, —
Зачахнет бедность понемногу, —
Пусть только спорится работа!..
Сегодня дикая природа
Внимает с самого утра
Глухим ударам топора…
Здесь места нет тщедушной лени…
Но полно! Золотой каймой
Охвачен лес, густеют тени, —
Пора!.. Он грязною полой
Провел по смуглому лицу
И усмехнулся… «Ну, недаром, —
Пробормотал он, — знать, купцу,
Я угожу своим товаром.
Однако, надо, торопиться…»
Он взял топор и зашагал
Между деревьев… Вот струится
Родник знакомый. Он припал
Устами жадными к воде…
Напился… Широко вздыхает…
На мягкой, темной бороде
Струя жемчужная играет…
Он снял ее, и поднял взоры
К просвету… Снеговые горы
Прощались с солнцем, — близок час
Вечерний совершить намаз…
Он сел… разулся… снял бешмет

И начал мыться… «Помни бога
Всегда, везде…» — и как он строго
Хранит излюбленный завет
Своей Фатимы дорогой!..
«Бог милостив… В его лишь власти
И наша жизнь, и наше счастье». —
Бедняжка, как она порой,
Его в дорогу провожая,
Чуть не в слезах, чуть не рыдая,
Советует беречь себя…
«Работать меньше?.. Чтоб другая
Была наряднее тебя!..
Нет, нет!.. Еще не раз просила…»
И что-то чуть слегка сказило
Его лицо… но на устах
Тотчас улыбка зазмеилась, —
Он рассмеялся… Чу! в кустах
Вдруг что-то щелкнуло, сломилось…
«Должно быть, заяц»… Ах, косой!
Отделался одним испугом, —
Ружья нет, жаль, а то с тобой
Была б расправа по заслугам.
Но все уж стихло… Он нагнулся
Опять к воде и улыбнулся…
«Должно быть, жутко ей одной, —
Боится темноты ночной…
Какой-то непонятный страх…»
И он слегка наморщил брови…
С тех пор, как Джамбулат в горах…
Ужель она боится крови?..
Но снова шелест под кустом!..
Раздался выстрел… Он, как гром,
По всем ущельям прокатился,
Гудел, трещал, шипел, дробился
И долго, долго не смолкал
В далеких отголосках скал…

— «Быть может, голубок влюбленный
К своей подруженьке летел», —
Заслышав выстрел отдаленный,
Пастух заметил вдохновленный,
Вздохнул глубоко и запел:

«В гнезде молодая
Голубка тоскует, —
Дружка поджидая,
Все стонет, воркует…

Лети, голубочек,
Лети, дорогой! —
Твой милый дружочек
Грустит день-деньской…

Увы, он моленьям
Ее не внимает.
Что скорбь и томленье,
Коль сам не страдает!

Не жди, дорогая! —
Сраженный стрелой,
Твой друг, умирая,
Простился с тобой…»

VIII

Вершины гор в лучах заката
Огнем пылают золотым…
Ползет в аул лениво стадо…
Из очагов клубится дым…
Одела тень холмы, долины…
К реке спускаются толпой
Черкешенки… Давно водой
Налиты звонкие кувшины,
Но нет конца игре веселой,
Девичьим песням и речам, —
И пусть! — В неволе их тяжелой
Пусть хоть безумолчным волнам
Поведают мечты и горе…
Слеза смешается с волной
И быстро унесется в море…
А песнь над бурною рекой
Бессильно глохнет, все равно!..
Проехал кто-то… Помешали…
Ну, что ж… пора, пора, давно!
Сегодня слишком запоздали…

А что ж Фатима? Что ж она
На берегу сидит одна?
Ведь все ушли… На цепи снежной
Погас давно румянец нежный…
Прохладой веет с синих гор…
Рыдает, стонет бесприютно
Седой поток… Темно… безлюдно…
Меж тем Фатима до сих пор
Сидит, — считает будто волны, —
С потока не отводит глаз…
Но их не счесть, в вечерний час
Они мучительно проворны…
Ужель поет?.. Чуть реют звуки,
Чуть льется песнь, но сколько грез,
Но сколько в ней душевной муки,
Любви и затаенных слез!

«Догорела заря,
Засыпает земля,
И ночные парят уже грезы…
Грудь изныла, любя…
Жду, мой милый, тебя, —
Поспеши осушить мои слезы.

Вновь к тебе, милый мой,
Я склонюсь головой,
И спою тебе песню былую…
Расскажу тебе вновь
Про тоску и любовь,
Обойму горячо, расцелую…»

В порывах волн, лаская слух,
Последний звук еще летает
В прозрачном воздухе, как вдруг
В глазах Фатимы вырастает,
Как тень, с улыбкой неприветной,
С тревожным взором, наш герой…
Предчувствья хлынули рекой,
Вскружили ум красотки бедной,
До боли прищемили грудь…

Момент, другой, — она очнулась
И, как безумная, метнулась
К тропинке, но он занял путь…
— Пусти!..
Он злобно усмехнулся…
— Чего ты хочешь?
— «Ты моя…»
— Несчастный! поздно ты вернулся, —
Фатима умерла твоя…
Зачем тебе мое паденье?
Ужели недовольно слез,
Тоски, унынья, озлобленья
Разбитых юношеских грез?
За что ты так неумолимо
Тревожишь сон души больной?
Пойми, я все для Ибрагима —
И честь, и счастье, и покой.
— «Их нет теперь, как нет проклятья,
Каким клеймила их любовь…» —
И он раскрыл свои объятья…
Фатима вздрогнула… Вся кровь
Из сердца хлынула к мозгам…
— Уймись, глупец! я не отдам
Честь матери на поруганье…
Коль нет ни капли состраданья
В тебе, то… — Сделав шаг назад,
Она порывисто пригнулась,
Схватила камень, размахнулась…
— «Убей!.. — промолвил Джамбулат: —
Убей, но выслушай, молю,
Ты прежде исповедь мою…
Не смерть страшна, — меня пугает
Твое презренье… бог лишь знает,
Как все во мне полно тобой,
Как я люблю тебя, Фатима…
Не будь тебя, тебя одной —
И жизнь была б невыносима,
Грязна, позорна, как тюрьма.
Фатима… вспомни ты сама
Часы томительной разлуки! —
Я перенес все эти муки…
В цепях железных, под кнутом…
И все ж, чтоб стать твоим рабом,
Преодолел я все преграды…
А ты!.. Ужель другой награды
Не заслужил я?.. Что ж… убей! —
Вся жизнь моя была твоей…
А помнишь ли, когда, бывало,
Всходил лишь месяц золотой,
Лишь вся природа засыпала
Под кровом ночи голубой, —
Спешила ты в мои объятья…»
— Молчи, молчи!.. всему проклятье!
Не нам указывать судьбе
— «Нет, нет, Фатима… Нет, в тебе
Исчезнуть не могли бесследно
Восторги райских тех ночей!..»
Лицо Фатимы было бледно;
Из бархатных, больших очей
Катились слезы по щекам…
Она молчала…
— «Боже правый!
Ужель всю жизнь пустой забавой
Придется оставаться нам
В руках судьбы? Ужель решилась
Расстаться навсегда со мной?..»
— Да, да… Прощай!..
— «Так нет же, стой!
Ты права этого лишилась,
Голубка, — ты моя теперь…»
— Безумец! прочь!.. Нечистой кровью
За все ответишь мне, поверь…
— «Я заплачу за все любовью…»
— Клянусь кораном, Ибрагим
Отмстить сумеет…
— «Сомневаюсь, —
Он перестал уж быть твоим…»
— Что ты сказал?!..
— «Изволь, покаюсь,
Невелика, несложна тайна.
Чем обладал он лишь случайно,
То слишком пламенно любил
Твой Джамбулат… и он… убил…»
Договорил ли он иль нет? —
Но голос дрогнул замогильный,
И взор потупился… В ответ
Ему послышался бессильный,
Едва, едва приметный стон…
— «Фатима!..» простонал и он…
Она, как ландыш, похилилась…
Но он успел, — она свалилась
К нему на грудь…
Над спящим миром
Плыл тихо месяц золотой.
С ущелья веяло эфиром…
В постели каменной, крутой,
То злобно в пену разбиваясь
О груды неприветных скал,
То вновь в каскады собираясь,
Неугомонно бушевал
Поток… Над ним, в объятьях брата,
Как труп безжизненный, лежит
Фатима… Сердце Джамбулата
Тоской беспомощной щемит…
О чем жалеть?.. На что пенять?..
Но вдруг… да, да! — жива опять!
Открыла очи… Как спокойно,
Как медленно блуждает взгляд
В лазури неба, где так стройно
Светила вечные парят…
— Где я? — промолвила тревожно
Фатима, проводя рукой
По лбу, и встала… Невозможно!
Спала на круче, над рекой!..
И как я только не свалилась!..
Где ж мой кувшин?.. Его здесь нет…
Ты не видала? — Обратилась
Она с вопросом… Лунный свет
Ей разъяснил ее ошибку,
Бедняжка думала улыбку
Подругн встретить, а пред ней —
Мужчина незнакомый ей…
Она внимательно взглянула
Ему в лицо…

— Ты кто такой?
Зачем ты здесь?
— «Пойдем домой...»
В ответ ему она зевнула...
— Как холодно... Опять подуло
Могильной сыростью из гор.
Поток все плачет... До сих пор
Не может пересилить горя,
Не может слез своих унять...
Его там успокоит море,
А здесь... здесь некому понять
Чужой тоски... И я точь-в-точь
Рыдала так над Джамбулатом...
Нет, я боюсь...
— «Мой друг, ты с братом, —
Не бойся...»
— Ах!.. убийца... прочь!..
Как зверь, ужаленный стрелой,
Она рванулась... побежала...
И где-то в темноте ночной
Еще раз дико простонала:
«Убийца» — и захохотала...

Заключение

Не гневись же, читатель, что я утомил
Своим скучным рассказом вниманье...
Но поверь, мне Кавказ так несказанно мил,
Что ищу до сих пор с ним свиданья.
Был недавно... Проездом опять заглянул
В те места, где блуждал я когда-то...
Не узнали меня... Изменился аул, —
Вместо сакли — турлучная хата...
И обои, и печи... висят зеркала
Вместо шашки, ружья, пистолета...
Неизменно одна над аулом скала
Диким мохом, как прежде, одета...
Так же гордо молчит, тот же пасмурный взгляд
На аул, на мосты, на дорогу...
Изменяется все, — и язык, и наряд...
Деньги наши в ходу, слава богу!..
Есть и школы... Я видел — из хаты одной
Вышел с книжкой, босой и без шапки,
Мальчуган... и еще... тот в рубахе цветной, —
И посыпались чуть не десятки...
В это время какая-то женщина тут
Проходила в лохмотьях, босая...
Мальчуганы за ней! — с дружным смехом бегут,
В нее грязью, камнями бросая...
На все выходки их она только порой
Отвечала забавною бранью:
«Погоди, шалунишка, придешь ты домой, —
Я тебя без отца затираню...»
Кто такая? — невольно вопрос я задал:
Отчего она так нелюдима?
— Сам недавно я здесь, —
мне духанщик сказал, —
Сумасшедшая видишь... Фатима...
Был сынок у ней... Веришь, — учитель разжал —
С горла мальчика грешные руки...
Ну, спасибо, — весной инженер приезжал
И увез, говорят, для науки...
Так осталась одна... и, как видишь, весь день
Себе места нигде не находит...
По ночам над рекою блуждает, как тень,
И безумную песнь свою водит:

«Догорела заря,
Засыпает земля,
И ночные парят уже грезы...
Грудь изныла, любя...
Жду, мой милый, тебя, —
Поспеши осушить мои слезы!..»

Тексты стихотворений и поэмы печатаются по источнику:
Хетагуров К.Л. Стихотворения и поэмы. — Л.: Советский писатель, 1976.

О́СОБА. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Отец мой, скончавшийся в 1892 году 82-летним стариком, был живым свидетелем последней эпохи того невозвратного прошлого в истории Осетии, которое носит название *о́соба.*

По словопроизводству *о́соба* грузинского происхождения и может быть переведено выражением — осетинщина.

В течение последнего полустолетия русское влияние на Кавказе так изменило самобытность туземцев, и в частности осетин, что последние словом *о́соба* стали характеризовать явление отсталое, не соответствующее современным требованиям жизни.

Правильное и всестороннее изучение кавказских туземцев в связи с их прошлым является весьма существенным фактором в деле наиболее успешного развития края. Интеллигентные туземцы — их теперь немало — могли бы в этом случае оказать и правительству и своей родине несомненно крупную услугу. Еще несколько десятков лет — и заглянуть в прошлое туземцев Кавказа, доживших с незапамятных времен до XX столетия без своей собственной письменности, будет совершенно невозможно. Приступая с своей стороны к подобного рода попытке, я заранее прошу извинения за безыскусственную передачу того, что с фактической стороны не подлежит сомнению. Будучи членом той среды, которую я намерен здесь описать, позволю себе привести ниже несколько биографических сведений из жизни отца моего, воспоминаниями и записками которого я пользовался, а также из моей собственной жизни.

Руководствуясь глубоким убеждением, что правильное изучение Кавказа для нас, туземцев, должно быть особенно дорого, я всякую разумную поправку в моих личных выводах приму с большой признательностью.

Нарская котловина. До проведения в пятидесятых годах XIX столетия Военно-Осетинской дороги верховья Алагирского ущелья или так называемая Нарская котловина, замкнутая высочайшими снеговыми вершинами гор Адай-хох[1], Зикара, Тепле и их отрогами, оставалась совершенно изолированной от остального мира. Перевалы Мамисонский, Рукский и Зикарский (все в Закавказье) только в летние месяцы были доступны для переправы пешком с навьюченным ослом или лошадью. Касарское ущелье, по которому теперь извивается Военно-Осетинская дорога, и Куртатинский перевал были еще менее доступны.

Представляя довольно плодородную субальпийскую котловину, площадью в горизонтальном сечении более 600 кв. верст, пересеченную в разных направлениях восемью более или менее глубокими ущельями с превосходными пастбищами на водоразделах, а прежде и лесами, эта горная трущоба как нельзя больше отвечала тому идеалу изолированности и неприступности, которым не мог не дорожить всякий, кого судьба забрасывала на Кавказ, на эту арену нескончаемых ожесточенных войн.

Благодаря таким топографическим и почвенным особенностям Нарской котловины, жители ее, при господствовавшем повсюду произволе, имели полную возможность избегать общений с соседями и вследствие этого сохранить в продолжение длинного ряда поколений свою независимость извне, а с нею и свою самобытность во всей ее неприкосновенности, вплоть до нашего поколения.

Сравнительно частое сношение осетины Нарской котловины имели только с южными сородичами, подпавшими под власть Грузии, и с самими грузинами, главным образом ведя с ними меновую торговлю или поступая по найму в ряды грузинских войск во время войн с Персией или Арменией. Не только власть чужеземных повелителей никогда не проникала в Нарскую котловину, но даже самые могущественные из осетинских царей не предъявляли никаких прав на нее. До самого последнего времени в нарской церкви хранилась грамота Екатерины Великой, пожалованная представлявшейся ее величеству депутации нарских осетин. Несмотря на это, Нарская котловина, только спустя почти полвека после присоединения Грузии к России, была причислена к Горийскому уезду. Пристава из грузин, назначавшиеся в Царскую котловину, благоразумно уходили на родину, чтобы не быть подстреленными по примеру своих предшественников.

Главноуправляющий в Грузии генерал от инфантерии, барон Розен 4 ноября 1835 года сообщил Грузинскому дворянскому депутатскому собранию по поводу ходатайства Бессариона Хетагурова о правах дворянства, — что последний «есть из нарских осетин, которые никаких податей в казну не платят и даже приставам, потому требуемое собранием по делу о дворянстве дознание не может быть доставлено и совершенно излишне». Только с проведением Военно-Осетинской дороги осетины Царской котловины с полным доверием вступили в число верноподданных всероссийского императора, хотя и до этого времени несколько нарских осетин служили в рядах русской армии.

На жизни и истории этих-то осетин Нарской котловины я намерен остановить внимание читателя.

Поселения. Каменные постройки в один и несколько этажей с плоскими крышами, живописно гнездящиеся на скалистой крутизне или амфитеатром сгруппированные на гребне утеса, образуют в Нарской котловине то множество мелких поселений, которое составляет выдающуюся особенность

горной Осетии. На квадратной версте таких поселений можно насчитать с десяток. Каждая семья, захватив известный район, селилась особняком и затем, разветвляясь по мере своего разрастания, за недостатком места в родовом поселении, строила в возможной к нему близости новый отселок. Это очевидно из того, что в Нарской котловине нет почти ни одного поселения, жители которого не были бы связаны самым близким родством. Родственная же близость жителей разных поселений в громадном большинстве совершенно соответствует взаимному расположению поселений и близости к старейшему родовому поселению.

Карнизы утесов, крутизны и гребни скал, безопасные от снежных, земляных и каменных завалов и вползания почвы, непригодные для обработки и менее доступные для нападения, были наиболее предпочитаемы для поселений.

Сословная рознь. Постройки в 3–4 этажа, а тем более боевые башни в 6—7 ярусов принадлежали многочисленному и богатому роду. Хозяева таких замков естественно пользовались наибольшим влиянием и почетом. Переходя от поколения к поколению, это предпочтение сильного и богатого слабому и бедному, конечно, должно было здесь создать ту рознь, которую многие приписывают чужеземному происхождению, — настаивая на том, что влиятельные осетины происходят от разных инородных султанов, шахов, беков, ханов, принцев, князей и т. д.

Селение Нар с окружающими его родственными отселками многие столетия служило законодательным центром и охраной народных традиций не только для Нарской котловины, но и для многих примыкающих к ней южных и северных ущелий.

Производя себя от переселившегося из-за Кубани княжича Хетага, нарцы-Хетагуровы и в настоящее время добиваются дворянства, ссылаясь на соответствующие грамоты грузинских царей, дарованные за военные услуги задолго до присоединения Грузии к России.

Сам Хетаг, по уверению его потомков, был младшим сыном князя Инала, жившего за Кубанью, на притоке последней — Большом Зеленчуке. Приняв христианство, Хетаг бежал от преследования своих братьев в горную Осетию. Старший брат Хетага Биаслан считается родоначальником кабардинских князей, а второй, Асламбек, остался бездетным. Место первоначального пребывания Хетага в теперешней Осетии до сих пор считается святыней. Это совершенно обособленная, великолепная роща с многовековыми гигантами на Куртатинской долине. Эта «куща Хетага», как гласит народное предание, по зову Хетага выделилась от леса и укрыла его от преследования шайки кабардинских разбойников. Несмотря однако на такую легендарность личности Хетага, потомки его поименно перечисляют всех членов идущих от него поколений. Я, например, являюсь одним из многочисленных членов десятого поколения и могу перечислить своих предков: 1) Хетаг, 2) Георгий (единственный сын), 3) Мами и брат его, 4) Гоци и три его брата, 5) Зида (Сида) и два его брата, 6) Амран и четыре его брата, 7) Асса и брат его, 8) Елизбар и три его брата, 9) Леуан (отец мой) и брат.

Хетаг, говорят, проник в Нарскую котловину через Куртатинский перевал, так как другой путь по Алагирско-Касарскому ущелью был менее доступен и по природным и по искусственным преградам. На это указывает и то, что осетины Куртатинского ущелья особенно свято чтут память Хетага. В Нарской котловине указывают и теперь в селении Слас на постройки, возведенные Хетагом. Указывают и место, где Хетаг убил оленя, — это подножье той скалы, на которой теперь громоздится селение Нар. Здесь указывают также на воздвигнутую Хетагом постройку, где он поселился. В преданиях нет никакого намека на то, чтобы Хетаг отличался военными доблестями или участвовал в походах и сражениях. Напротив, он славился своим незлобием. Однажды, взамен трех невольников, проданных им в Тифлисе, Хетаг получил, кроме платы, следующий совет: «Когда ты рассердишься, то левой рукой удерживай правую». — Это наставление спасло жизнь его сыну, который настолько вырос за его продолжительное отсутствие, что Хетаг, по возвращении домой ночью, застав его спящим на одной постели с матерью, хотел заколоть его, но, вспомнив совет, положил оружие в изголовии спящих, вышел и всю ночь провел на берегу реки. Утром все разъяснилось к общему счастью.

Участие нарских осетин в рядах грузинских войск по найму или волонтерами относится ко временам правнука Хетага — Гоци, который, будучи небольшого роста, сразил в единоборстве персидского великана и получил от грузинского царя с соответствующей надписью и грамотой серебряную чашу. Чаша цела и до сих пор переходит по наследству от отца к старшему сыну. Из грамот грузинских царей, уцелевших в фамилии Хетагуровых, самая ранняя – пожалованная царем карталинским Арчилом (1730—1736) «в знак нашей милости нарскому дворянину Хетагуру — Зидахану (Зида) и потомкам дома вашего» и т.д. Сын Арчила Александр пожаловал грамоту «нарскому дворянину Аса Амиранову в том, что отцы и деды Ваши служили отцам и дедам нашим с таким тщанием, что дом наш по сие время находится вне всякой опасности, почему» и т. д. Царь Карталинский Теймураз пожаловал «жителям Нар, дворянам Георгию и Амрану Зидахановым сию грамоту, за то, что «вы служили нам верою и правдою» и т. д. Александр, внук царя Вахтанга, пожаловал грамоту «нарскому князю Махамету Зидаханову в том, что отец и деды ваши служили отцам и дедам нашим самопожертвованием, отчего дом наш был всегда невредим» и т. д.

Приведенные грамоты грузинских царей, как жалованные последними еще до присоединения Грузии к России, дают неоспоримое право фамилии Хетагуровых, начиная от Зида, пользоваться

дворянским званием, а с Махамата — титулом князя. Однако, ввиду запутанности дела о сословных правах туземцев Терской и Кубанской областей, нарцы-Хетагуровы на свое семидесятилетнее (с 1829 г.) ходатайство о признании их дворянами все еще ожидают ответа, как и все другие претендующие на дворянство туземцы. В Нарской котловине существуют следующие сословия:

1) *Стыр* или *тыхджын мыггаг* — большая или сильная фамилия.

2) *Фарсаг* (от *фарс* — бок, сторона) — находящийся сбоку, живущий около, действующий заодно.

3) *Кавдасард* — рожденный в яслях.

4) *Алхад, саулаг, цагайраг* — купленный, черный мужчина, саха́рец.

Стыр мыггаг. Члены такой фамилии, будучи более обеспечены материально, одевались чище и богаче, располагали лучшим вооружением, пользовались в народе почетом. К ним обращались за советом, их приглашали судить и примирять враждующих. Поручительство их было надежно, покровительство прочно, ссориться с ними было опасно. Лучшие нивы, леса, луга и пастбища принадлежали им. Поселения их были неприступны, башни «литые» — из тесаного камня, на известковом цементе. В набегах за перевалами главную и руководящую силу составляли они, и при дележе добычи львиная доля доставалась им. Кровь их ценилась выше иной. Ирад (калым) их девушек достигал высшего предела.

Фарсаг. Фамилии, носившие это звание, были малочисленнее и беднее первых, хотя общее число фарсагов составляло громадное большинство населения как Нарской котловины, так и всей Осетии. Поселения их не имели боевого расположения, земельная собственность их как по количеству, так и по качеству далеко уступала владениям сильных. Податей они, как и сильные, никому не платили и были фактически совершенно независимы. Находясь под покровительством сильных, они в тревожное время «особа» пользовались их поддержкой. Фарсаги в свою очередь оказывали услуги сильным во время их работ, в особенности при постройках башен, при столкновениях с другими сильными и в походах за перевалы.

Чем больше было у сильного рода покровительствуемых фарсагов и чем установившиеся между ними отношения были теснее и сердечнее, тем все они были лучше обеспечены от произвола и насилия других сильных фамилий, а также от посягательств на их независимость и имущество их из-за перевалов…

Кавдасард. Отец его зачастую был лучшим представителем сильной фамилии, но матерью его была всегда *номылус* — «жена по имени». Брались такие жены из тех же кавдасард или из очень бедных фарсаг. Число жен, хотя и не было ограничено обычаем, но редко кто имел больше одной. По положению своему в семье номылус очень близко походила на наложницу, но не была с ней вполне тождественна, в смысле большей свободы личности. При всякой возможности сделаться чьей-либо законной женой ее всегда отпускали и при этом, обыкновенно наделяя ее приданым, зачастую еще помогали и родным ее получше справить свадьбу.

Положение детей от номылус, помимо их оскорбительной клички — кавдасард, было вообще тяжелое. Они росли, выбиваясь из сил в непосильной работе. Девушка обыкновенно выходила замуж за такого же по происхождению молодого осетина, как сама, или становилась «женой по имени» какого-нибудь старика из сильной фамилии. Редко ей выпадало счастье выйти за приглянувшегося ей молодого фарсаг, хотя бы и крайне бедного, но зато без обидной клички «кавдасард». Мальчик оставался в доме своего отца, рос, работал, мужал, и если после совершеннолетия находил для себя лучшим отделиться и жить самостоятельно, то это ему разрешалось беспрепятственно. Часть, которую по обычаю должны были ему выделить из общего имущества семьи, была так незначительна, что он обыкновенно предпочитал оставаться в доме отца или до выделения ему большего пая, или даже до конца жизни.

В общественной жизни он не имел никакого значения. При всем том он пользовался полнейшей свободой. *Алхад, саулаг* или *цагайраг* был еще больше обижен судьбой. Приобретенный где-нибудь на стороне, купленный или похищенный ребенком, или даже взрослым взятый в плен во время набега в какое-нибудь отдаленное ущелье, всегда иной национальности, этот несчастный алхад делался жертвой полнейшего произвола своих хозяев, это был безусловный раб, которого можно продать, купить, убить и помиловать. Обычные названия — «саулаг», «алхад» или «цагайраг» и «уацайраг», показывают на несомненно негритянское происхождение этих невольников. Есть, впрочем, в Осетии местности, где купленных называли «гурдзиаг» — грузин. Впрочем во всей Осетии таких бесправных рабов можно было насчитать не более двух-трех десятков.

Жилище и утварь. Недостаток места и чувство самосохранения выработали здесь такое поразительное умение пользоваться каждым выступом, каждой впадиной скалы, что на плоскости горизонтального сечения аула, не превышающей 200—300 кв. саженей, нередко помещается 10—12 дымов со всем их движимым имуществом.

Постройки, за самым ничтожным исключением, все каменные, с плоскими крышами. Стены выведены из плитняка без цемента, если не считать щебня и земли, которыми заполнены щели. Редкое исключение составляют башни, выстроенные из тесаного камня на известковом растворе. Все

постройки, в особенности башни, имеют вид усеченной пирамиды; это делается с целью большей устойчивости. Поверх стен проложены балки, поддерживаемые центральным, а иногда угловыми столбами; на балках положена настилка из кругляков и в очень редких случаях из пластин; на кругляках лежит хворост вперемешку с соломой и, наконец, слой земли, глины с мелким щебнем, который, при тщательной трамбовке, позволяет достигнуть полной гарантии построек от течи.

Плоскость крыши несколько ниже уровня стен; для стока воды в углах сделаны желобки. Наружной смазки нет; внутренние стены жилых помещений смазываются глиной с примесью свежего навоза. Двери низкие, неуклюжие, исключительно топорной работы, без участия пилы и рубанка, и без железных частей в виде петель или гвоздей, замков и прочего. Небольшое четырехугольное отверстие в стене, по возможности к солнечной стороне, с внутренней деревянной или каменной ставней для защиты от холода, заменяет световое окно. В крышах жилого помещения имеется еще и третье отверстие — дымовой проход, который на поверхности крыши окружен небольшим барьером, не позволяющим сточной воде попадать в это отверстие. Во время сильного дождя, большого холода и вьюги отверстие это отчасти или совсем прикрывается каменной плитой. Вот приблизительный тип постройки вообще в горной Осетии, а в частности и в Нарской котловине. В аулах вы не найдете ни улиц, ни дворов, не определите, какому хозяину принадлежит та или другая крыша или стена. Вы видите окошечко сакли, но без проводника не найдете ее дверей. Ярусы так перепутаны между владельцами, что вы, желая, положим, попасть к своему знакомому во второй этаж, можете предварительно очутиться на крыше третьего этажа, служащей двором для дяди вашего знакомого, или в нижнем этаже наткнуться на корову его двоюродного брата. Вы будете не раз карабкаться по скале, заменяющей лестницу, минуете несколько темных проходов и очутитесь под каким-нибудь навесом в виде открытой галереи, высоко над бешено бушующим горным потоком. Здесь вы можете заметить на полу сбитую из двух досок прокопченную ставню; ее легко приподнять, и из темного отверстия под нею, в густом облаке дыма, пред вами может появиться ваш знакомый.

Зайдите в первую попавшуюся дверь в фарсаг-ауле. Нагнитесь больше, чтобы не удариться о притолоку. Сенцы перегорожены жердями или плетнем, в первом отделении вас удивленно встречает корова, из второго на вас сквозь перегородку смотрят несколько пар добродушных глаз овец и коз. Здесь же, в углу, валяются плиты кизяка и хворост для топлива. Нагнитесь опять, чтобы войти в следующие двери. Вначале до того темно, что вы ничего не можете разглядеть… Единственное отверстие в южной стене по случаю дурной погоды заставлено не то камнем, не то доской… Кизячный дым ест глаза, раздражает слизистую оболочку в носу, стесняет дыхание.

Направляйтесь прямо к тлеющему огоньку, иначе вы можете набресть на теленка в правом углу или на постельные принадлежности в левом. Пока дойдете до центрального столба, поддерживающего продольную балку крыши, зрачки ваши расширятся и вы свободнее сможете ориентироваться. От столба до задней стены хадзар (сакля) делится очагом на две половины: левая — мужская, правая — женская. Первая — с деревянной или каменной лавочкой вдоль стены, а вторая — без всяких приспособлений для сидения. Пол очага выложен большими плитами, на которых, недалеко от центрального столба, параллельно задней стене, лежит длинный камень, замыкающий очаг со стороны входа. От дымового отверстия к очагу спускается железная цепь с плоской скобкой на конце. Вся цепь покрыта густым слоем сажи; балки и кругляки в потолке блестят, как полированное черное дерево. Огонь в очаге поддерживается неугасаемо, пылающие угли на ночь зарываются в золу, и этим сохраняется в них горение до следующего утра. Очаг и цепь на нем составляют величайшую святыню каждого осетина.

Вся стена, замыкающая женскую половину, увешана мелкою утварью: деревянные чашки, блюда, ковши, ложки, воловьи рога, столик о трех низеньких ножках, каменная, тонкая плита в железной оправе в виде стремени, небольшое с крышечкой деревянное ведерко и т. п. На полу вдоль той же стены расположены разной формы и размера медные котлы, глиняные кувшины, плетушки, выдолбленные из обрубков ясеня и березы корыта, ведра, кадушки и прочее. На стене мужской половины вы найдете шашку, пистолет или ружье в старом чехле, турьи рога, а иногда и фандыр — музыкальный инструмент.

Существенное отличие жилищ сильных от прочих выражалось в том, что у них для лошадей, крупного рогатого скота, овец и коз имелись конюшни, базы и овчарни, следовательно, их хадзар не был пропитан ароматом навоза. Кроме хадзара у них были и другие более чистые помещения — *уат* с камином для женатых членов семьи, а для гостей такой же конструкции *уазагдон,* убранный коврами и дорогим оружием. Нужды нет, что конюшни, хлев и овчарня помещались в нижнем этаже, хадзар в третьем, уазагдон и галерея в другом корпусе, а кладовая в пещере под башней. Зато все это прочно и недоступно для неприятеля. В хадзаре и уазагдоне, вместо простой скамьи, можно встретить своеобразные кровати, диваны и кресла с оригинальной резьбой. Утварь здесь многочисленнее, разнообразнее и ценнее, здесь было больше золота, серебра, меди, железа и стали в виде громадных котлов для варки пива, холодного и огнестрельного оружия, кувшинов и т. д.

При особом доверии и расположении владелец сакли может показать вам несколько серебряных вещей: тяжелый кованый пояс, кубок, ковш, старинные монеты и тому подобная *«казна»,* достав-

шаяся его предку после набега на владения какого-нибудь грузинского князя. Но никакой дружбой вы не достигнете, чтобы он показал вам камень счастья — *цыкурай-фардыг* (буса изобилия и счастья), который он хранит, как говорится, — за семью замками от всякого постороннего глаза. Это его неоценимое достояние и величайшая домашняя святыня, которую даже его семья имеет право созерцать с благоговением и с молитвенными приношениями только один раз в году. Камень этот, величиною от горошины до голубиного яйца, имеет слегка желтоватый оттенок и небольшую прозрачность; он испускает в темноте довольно сильный фосфорический свет. Встречается очень редко и по народному поверию достается «счастливцу» с опасностью для жизни, так как добывается из зева самых ядовитых змей. Окружая целыми десятками «свою старшую сестру», которая держит во рту эту «бусу изобилия», они с ожесточением бросаются на всякого, кто пытается отнять у них это «сокровище». Змея эта, говорят, водится в Индии; охотясь по ночам на насекомых, она держит во рту этот светящийся камешек.

У *тыхджын мыггаг* имелась фамильная башня в 5—7 ярусов, в которой могло при обороне от неприятеля укрыться все население аула с его утварью и жизненными припасами. В настоящее время в Нарской котловине, да и во всей Осетии, нет ни одной сохранившейся в целости башни; все они по распоряжению русского правительства были разрушены в сороковых и пятидесятых годах прошлого столетия.

Жилищем отделившегося от отца *кавдасарда* на первое время служил обыкновенно какой-нибудь сарай, заброшенный хлев с единственным отверстием, заменявшим и двери, и световое окно, и дымовой проход с плетневой заслонкой на ночь и от непогоды. Котелок, деревянное ведро, две-три деревянных чашки, плетенка для зерна и муки, топор, ремень, коса и серп — вот приблизительно весь его инвентарь.

Одежда. Ермолка из грубого сукна, из такого же сукна черкеска до колен, с несколькими газырями, надетая прямо на голое тело, суконные штаны, такие же ноговицы, кожаные *арчита* (обувь) с ремешковым переплетом и пучком мягкой шелковистой травы вместо чулок; кинжал, шашка, винтовка и пика в 1,5 сажени длиной с железным заостренным наконечником — вот все одеяние и вооружение молодого джигита времен «особа». Нагрудник, а тем более целая рубаха составляли роскошь очень немногих, которые надевали их только по большим праздникам, в торжественных случаях. Иногда у целой фамилии была всего одна рубаха или нагрудник; тогда пользовались им по принятому порядку и даже давали их во временное пользование постороннему лицу в виде особенного одолжения. Бешмета теперешнего совсем не существовало; бурки были редки; короткий полушубок из овчин дополнял зимою наряд молодого осетина; длинные до самых пят и широкие тулупы были исключительной принадлежностью стариков. Наиболее бедные и зимою и летом ходили в тулупах, за неимением другой одежды.

Женщины одевались лучше: рубаха из бязи, синего или зеленого цвета, короткий бешмет из грузинской материи «сурма» и «лаина», красные штаны из грубой «сила» (тоже грузинской), черная повязка, из-под которой по щекам падали два вьющихся локона, белый коленкоровый платок, чувяки из телячьей кожи и такой же передник до колен. Девушка вместо повязки носила шапочку из разноцветных лоскутков и ровно подстриженный чуб вместо локонов.

Траурный наряд женщины составляли длинная рубаха из грубого черного сукна и черный платок. Шелк и серебро встречались только в свадебных и очень редко в погребальных нарядах.

Пища. «Съешь за ужином целый *«кардзын»,* если у тебя на завтра остается еще полкардзына», говорит осетинская поговорка, которую жители Нарской котловины охотно применяют в жизни. Кардзын — лепешка из ячменной, просяной или кукурузной муки, величиною с чайное блюдце, и до сих пор является главной пищей осетин. В Нарской котловине, как и вообще в горной Осетии, в силу климатических условий, употреблялся до позднейшего времени исключительно «кардзын» ячменный, или, как его принято называть, «твердый». Приготовление его самое примитивное: просеянная мука разбавляется теплой водой с примесью небольшого количества соли; тесто тщательно мнется и сбивается в лепешки; последние подрумянивают на подогретой каменной плите (в железной оправе в виде стремени) и затем испекают в горячей золе. Такая лепешка с кусочком сыра или с чашкой сыворотки, хлебного кваса, а то и просто ключевой воды составляла обыкновенно обед и ужин взрослого осетина. Немаловажную роль в осетинской кухне времен «особа» играл и овес, из которого готовились три наиболее в народе популярных блюда: *бламык, хомыс и калуа.* Для изготовления этих яств овес предварительно варится в зерне, высушивается и идет в помол; мука просеивается и поступает на стол как кушанье. В первом случае в одной половине деревянной чаши кладется мука, в другую наливают квас; чашка снабжается ложкой; каждому предоставляется полная свобода разбавлять «бламык» по своему вкусу. Комок липкого теста из тех же составных частей, предварительно мятый, идет в пищу под названием «хомыс». Такое же тесто, только более густое, рассыпчатое, составляет третье блюдо «калуа». Из ячменной солодовой муки пеклись лепешки под названием «задын». Они на вкус несколько сладковаты, рыхлы, а главное, неудобоваримы. Пшеничные лепешки, пироги всевозможных сортов (с мясом, сыром, копчёным салом и разною зеленью) были достоянием богатых. Бобы, горох, а позднее и картофель, попадали в Нарскую котлови-

ну из Грузии и Южной Осетии и поступали в пищу в виде начинки пирога и приправы к *«дзарна»* (похлебка из ржаных, кукурузных и пшеничных зерен). Из этих же зерен приготовляли *«цаку»,* поджаривая их в сухом виде в котелке или на плите. Похлебки со всевозможными приправами и различные виды киселя — *цымга* были в большом употреблении. Мясо появлялось только на свадьбах, поминках и в большие праздники. Поедалось оно с большой жадностью и без остатков, сколько бы его ни было. Редко кому удавалось заготовить себе на зиму лакомые копченки из необыкновенно вкусной здесь баранины, говядины и превосходной дичи (тур, олень, дикая коза, серна, лань). Чаще встречались подвешенными к потолку над очагом, завернутые в сальник, круги нетопленого сала и связки колбасы разной длины и толщины. Исключая мелких кур, в Нарской котловине не имелось другой домашней птицы. Яйца служили большим лакомством для детей. Огородов в Нарской котловине не было совсем; сады упоминались только в сказках. Дикорастущая зелень в сыром и вареном виде, орехи, ягоды и коренья разнообразили пищу осетин. Дикий мед служил лакомой приправой блюд. Из напитков осетины с особенным искусством приготовляли *пиво,* пользуясь дикорастущим хмелем, и арак — обыкновенную неочищенную водку в 20—30°, исключительно из ячменя. В двойной перегонке арак достигает до 60 и больше градусов и содержит незначительное количество сивушного масла.

Хозяйство. В Нарской котловине, как и во всей горной Осетии, до сих пор сохранилось только *частное землевладение.* Покосы, пастбища и леса находятся в безраздельном пользовании отдельных фамилий, а пашни составляют собственность исключительно подворную. Значительная высота местности над уровнем моря, большое падение склонов и почти полное отсутствие чернозема делают здесь занятие хлебопашеством возможным только при необыкновенно тщательном уходе за землей. Несмотря на это, ни один клочок ее, где только может рядом пройти пара быков и хоть на 1,5 вершка врезаться соха, не остается здесь праздным. Пашня ежегодно по нескольку раз очищается от щебня, наносимого ливнями, тающим снегом и завалами, систематически удабривается навозом и, если есть какая-нибудь возможность, орошается искусственно. За отсутствием дорог и за полнейшей невозможностью, благодаря очень крутым подъемам, пользоваться телегой, навоз в большинстве приходится доставлять из аулов на собственных спинах в особой плетенке — *«таск».* Всходы стараются полоть не меньше двух-трех раз. Во избежание потравы, нивы, лежащие близ аулов, дорог и выгонов, обнесены каменной оградой. При всем этом рост хлебов редко достигает 3 четвертей, а урожай его, если он успевает созреть, если его не прихватило морозом, не выжгло солнцем, не смыло ливнем или шальным, разбушевавшимся потоком, если его не уничтожило, наконец, градом, — редко превышает сам-четыре. По окончании жатвы хлеб обыкновенно на санях (колес здесь раньше совсем не применяли, да и теперь редко встречающиеся здесь арбы могут двигаться только на очень ограниченном пространстве по долинам некоторых рек), а то просто волоком, на особых плетенках (в виде китайского веера, из березового хвороста — *макки)*, стягивался в снопах к аулу, на гумно, и здесь его немедленно молотили. Молотьба производилась посредством нескольких голов рогатого скота, которых привязывали в ряд по радиусу круга, занятого разбросанными снопами и погоняли так, чтобы они описывали концентрические круги; самой смирной корове отводилось крайнее место у центра, а самому бойкому бычку приходилось скакать по окружности. Скот весь был снабжен намордниками, не позволявшими лакомиться добром хозяина. Погонщик — обыкновенно подросток — очень хорошо следил за своей рогатой командой и, вооруженный хворостиной и плетеным веером, не позволял нарушать порядка и наваживать хлеб, вовремя подставляя веер. Солома и мякина складывались для зимнего корма; зерно очищалось, проветривалось, просушивалось, сортировалось и ссыпалось в смазанные плетенки — *куту,* которые заранее распределялись по периодам продовольствия семьи до будущего урожаи и на посев. Вскрытие *«куту»* не в срок могло быть только по самой крайней необходимости. *Мельницы — «крой»* — горной Осетии поражают своей малостью и простотой конструкции. По внешнему виду они очень мало отличаются от деревенского курятника — низенькие до смешного двери и ни одного светового отверстия, если не считать многочисленных щелей в стенах, а иногда и в полу. Строятся они большею частью в один постав, составляют собственность отдельной семьи, а чаще целого союза родственников. Верхний жернов толщиною в 1,5—2 вершка и около $^{3}/_{4}$ аршина в диаметре прикреплен к вертикальной оси, которая проходит сквозь нижний постав и под полом заканчивается чурбаком, к которому приделаны в виде спиц небольшие лопатки. Вода, сбегая по крутому, выдолбленному в бревне желобу, поступает в нижний этаж мельницы. Ударяется о лопатки и приводит ось во вращательное движение. Ось поддерживается рычагом, который посредством ручки, идущей от него через пол в верхнее отделение, по мере надобности опускается или приподымается, позволяя таким образом получать мелкую или крупную муку. Падение зерна из висячей конусообразной плетенки производится посредством деревянного молотка, приводимого в сотрясение движением верхнего жернова и передающего это сотрясение желобку, которым оканчивается устье плетенки. Приведение желобка посредством приспособленного для этого шнура в более или менее наклонное положение регулирует силу падения зерна.

Покос и доставка сена сопряжены с еще большими неудобствами. В Нарской котловине многие косят на таких крутизнах, что, при всей ловкости и уменье осетин держаться на них, косарю

зачастую приходится прибегать к помощи веревки. Ведерко его для оселка и необходимой воды непременно снабжено ремешком с колышком, который при надобности вбивается в землю и таким образом удерживает его от падения в пропасть. Коса осетинская косит на обе стороны. Тщательно сгребая каждую былинку вилами и граблями, все сено сначала собирают в маленькие кучки для окончательной просушки. Небольшое ненастье — и от них очень часто не остается следа; мелкое шелковистое сено, как пух, разносится ветром по ущелью. Приходится как можно поспешнее складывать его в копны. Для этого заранее нужно заготовить необходимое количество «макки» — веерообразных плетенок из березового хвороста. Плетенки доставляются на место покоса людьми на спинах, причем один взрослый рабочий может поднять за раз только 3—4 плетенки. На этих плетенках сено складывают небольшими копнами, скрепляя их свитыми из того же сена канатами. Если позволяет местность, то копны по возможности скорее стягиваются волоком на дно ущелья, откуда уже доставляются в аул на санях волами. При менее благоприятной местности, когда путь по дну ущелья не представляет соответствующих удобств, тогда плетенки с копнами располагаются группами на безопасных от снежных завалов местах, на гребнях ложбин — и там оставляются до зимы. После нескольких завалов, когда дно ущелья заполняется сплошь глубоким и плотным слоем снега, когда скат в ущелье принимает совершенно гладкую снежную поверхность, осетины задолго до рассвета выходят из аула и местами, прибегая к помощи плетеных лыж, шестов и посохов с железными наконечниками, с большим искусством добираются до места расположения копен, покрытых уже зачастую таким глубоким снегом, что никакой опытный глаз не определит их присутствие под поверхностью снега. Их приходится разыскивать шестом, и достаточно, конечно, найти одну копну, чтобы по известному их числу и расположению легко отыскать остальные (располагаются они всегда правильными рядами). Каждый ряд копен в 8—10 дружной работой лопатами совершенно высвобождается из-под снега, сдвигается несколько ниже по направлению спуска и прочно сцепляется ремнями. Затем в каждом ряду становится по два человека, которые стягивают копны к спуску. Как только копны начинают двигаться своею тяжестью, один из них вскакивает на вторую от начала копну, а другой на предпоследнюю и импровизированный поезд с быстротой молнии несется в бездну ущелья. Такая работа не обходится, конечно, без несчастий. Чаще всего достается второму «кондуктору», которому необходимо иметь большую ловкость, чтобы вовремя и удачно вскочить на свою копну, которая в это время стремительно мчится мимо него. В том случае, если снега не везде достаточно и не все переправы сглажены надлежащим образом, приходится прибегать к помощи саней. В первом случае к каждой плетенке с копной припрягается по одному волу.

Особенно жестоким бичом для горной Осетии являются снеговые завалы. Сколько потрясающих рассказов существует о них в народе, сколько несчастных случаев, повторяющихся из года в год!

Во многих аулах после выпадения снега и в ожидании завала прекращается иногда на целую неделю всякое сообщение с другими аулами, скотину перестают выгонять на водопой, для нее приходится оттаивать в котлах снег. Есть аулы в горной Осетии, жители которых в продолжение зимних месяцев совершенно не отлучаются из своих жилищ. Несмотря на такую осторожность, страшная стихия ни одну зиму не обходится без человеческих жертв. Жертвою завалов делались неоднократно целые аулы со всеми постройками и движимым имуществом[1].

При описанных обстоятельствах в Нарской котловине немыслимо, конечно, заниматься *скотоводством* в широких размерах. Лошадь, пара малорослых быков, столько же мелких коров, несколько десятков овец и коз составляют крупное хозяйство. Большая же часть жителей имеет не более двух голов рогатой скотины и несколько коз. Осетины, имеющие только по одному быку, вступают между собой в товарищества — *цадамбал* на время производства работ, а не имеющий совсем рабочей скотины возмещает прокат пары быков с сохой или с санями каким-нибудь личным трудом; впрочем, безвозмездное пользование чужой рабочей скотиной и хозяйственными орудиями было в обычае. Всю долгую зиму скотина питается тощим кормом — соломой с примесью сена.

Если оттепель обнажает южные склоны гор, то овцы и козы пользуются подножным кормом и тем дают возможность рассчитывать на благополучный исход зимы для всей скотины. С падением последних завалов, самых опасных и разрушительных, сдирающих при стремительном сползании верхние покровы горных скатов, устанавливается уже более правильное пользование подножным кормом. В каждом ауле или даже совместно в нескольких нанимаются на все лето два мальчика пастушка 11—12 лет, которые ранним утром отправляются со своими стадами на общие фамильные пастбища. Кормятся и ночуют пастушки поочередно у всех хозяев.

Навоз из-под крупной скотины приберегается для удобрения, а из-под мелкой — на топливо в виде плиток кизяка.

Из молока с начала лета приготовляют известный осетинский сыр, а осенью — сбивают масло, которое сейчас же растапливается, сливается и хранится в глиняной посуде. Сыворотка поступает в пищу и в рассол для хранения сыра, а сыр и масло по возможности стараются расходовать так, чтобы их хватило до великого поста. Для масленичной недели сохраняется особая порция этих продуктов, которая ни в коем случае не может быть расходована раньше времени.

Овечья шерсть и козий пух идут на приготовление сукна; овчина — на шубы; козловая и телячья шкуры поступают на приготовление мешков, бурдюков, женских передников и чувяк; воловья — на ремни и мужскую обувь.

Лошадь была прежде роскошью. Она применялась только для верховой езды и перевозки вьюков. Ни мясом, ни молоком, ни кожей ее не пользовались. Осел встречается редко. Не в большом авантаже и свинья, которая также встречается редко и держится всегда на привязи; только под новый год почему-то предпочиталось заколоть вместо барана свинью; к этому времени каждый старался получше откормить свою свинью. Из домашней птицы в Нарской котловине, как я уже говорил, встречались только мелкие куры, и то в ограниченном количестве.

Детство. Несмотря на то, что отец и мать мои принадлежали к «сильным» и «большим» фамилиям в Нарской котловине, а отец, помимо того, был офицером русской службы, я все-таки родился в «яслях», в хлеве. И навряд ли во всей Нарской котловине найдется кто-либо, кто до меня, да и много позднее меня родился не в хлеве. Объясняется это тем, что в Нарской котловине времен особа совершенно не было другого более удобного, изолированного помещения для этого величайшего акта природы. За несколько недель до родов женщина, хотя не всегда, освобождается от тяжелых работ, а в период ожидания совершенно отделяется от семьи. В наиболее уютном и чистом хлеве разводится огонь и делаются необходимые приготовления. Приглашается опытная бабка и устанавливается постоянное дежурство из взрослых девушек и женщин — родственниц роженицы.

Весть о появлении на свет ребенка мужского пола встречается в семье и всеми родными с величайшей радостью. Со всех сторон являются с поздравлениями, и радостное событие обыкновенно сопровождается пиршеством. Мальчики-подростки иногда целые зимние ночи дрогнут у дверей хлева, чтобы перехватить первую весть о рождении мальчика и первыми же явиться с нею к ближайшим родственникам новорожденного и получить подарок за первое известие о «рождении хорошего мужчины» (хорз-лæг гурæггаг). Рождение девочки встречается далеко не так радостно и, конечно, без раздачи подарков. Через неделю после родов больную обыкновенно переводят в хадзар и укладывают в угол у входа.

Там она лежит до полного выздоровления. К тому же времени делаются приготовления «к укладке ребенка в колыбель[2] и приобщению роженицы к очагу» — эти обряды были чисто женским праздником. Мужчины, обыкновенно молодежь, принимали в нем только то участие, что предоставляли на выбор матери несколько придуманных ими имен для новорожденного мальчика, за что им высылалось на двор небольшое угощение.

В начале июля каждая семья, которая в продолжение года имела приращение мужского пола, считает своей обязанностью отпраздновать обильно и угостить наибольшее число родственников и соседей, это называется «справлять миску» (кæхцгæвнæн). Название такое праздник этот получил, вероятно, потому, что мать новорожденного обходила всех своих по отцу и матери родственников с чашей (миской), собирая всевозможные подарки и припасы для этого праздника.

Если мать занята и не может покормить и унять своего ребенка, то предоставляется всем кому угодно возиться с ним, покачать колыбель, подержать малютку на руках и прочее. Лишает этого права осетинский этикет только отца малютки. Только в самом интимном кругу (жены и детей), или с глазу на глаз, позволительно отцу дать волю своим чувствам и понянчить, приласкать детей. Если осетина-отца в прежние времена случайно заставали с ребенком на руках, то он не задумывался бросить малютку куда попало. Боязнь быть заподозренным в неумении скрывать своей любви к детям доходила до того, что многие отцы не произносили никогда даже их имен. С моим отцом, когда он был еще ребенком, случилось следующее. На крыше четырехэтажного здания мать оставила его под присмотром отца. Ребенок, переползая с места на место, очутился у самого края крыши. Еще момент — и он теряет равновесие. Дед однако успел наступить ему на рубашонку, и мальчик повис над пропастью. Пока на крик ребенка не сбежались заметившие эту сцену соседи и не подняли его, верный традициям дед стоял, как вкопанный, и не сделал ни одного движения, чтобы освободить своего первенца от опасного положения. Я не помню, чтобы отец назвал меня когда-нибудь по имени. Говоря обо мне, он всегда выражался так: где наш сын? Не видал ли кто нашего мальчика?

Росли дети в громадном большинстве случаев грязными, полунагими, полуголодными. Девочек из хорошей семьи сватали очень часто в колыбели. Дети, конечно, об этом ничего не знали до времени и росли беспечно до 8—9-летнего возраста, когда мальчику поручали пасти ягнят, а девочке нянчить грудных детей и помогать по хозяйству матери.

В 13—14 лет мальчик становился помощником отца во всех отраслях хозяйства, а к 16 годам свободно управлял сохой, владел топором, серпом и косой. С этих же лет он делался «взрослым», с правом голоса, членом семьи; с этого возраста он мог вступить и в брак.

Девочка до 13—14 лет тоже должна была пройти всю незамысловатую школу домашнего хозяйства и женского рукоделия, чтобы стать женою своего суженого.

Счастливая пора детства сокращена была здесь до минимума и лишена к тому же и сколько-нибудь интересных *игр* и *развлечений*. Кроме неизменной, кажется у всех народов, куклы — *чындз* (невестка), девушки могли развлекаться еще чуть ли не единственной женской игрой в пять камеш-

ков — *дыччита.* Игра ведется на полу, сидя, одной рукой и состоит в раскладывании и схватывании четырех камешков в те небольшие промежутки времени, пока подброшенный пятый камешек не пойман той же рукой. Проделав это при различных расположениях камешков, игрок перекидывает все пять камешков на верхнюю поверхность кисти той же руки, а затем обратно в ладонь; число схваченных ладонью камешков заносится в счет выигранных очков.

Для забавы, в присутствии юноши, от которого хотят якобы скрыть содержание беседы, у девушек принят свой, так называемый «девичий язык» — чызджытывзаг, отличающийся от обычной речи тем, что к каждой согласной букве прибавляется гласная или некоторые слоги повторяются по два раза.

Мальчики располагают большим разнообразием игр и развлечений: сошки, чиж, лук, метанья камня пращом, бег, катанье на коньках, борьба, купанье, рыбная ловля, устройство капканов для ловли воробьев и т.п.

Танцами наши предки занимались, видимо, не особенно охотно, так как дошедшие до нас виды этого развлечения очень не сложны; они были скорее выражением экстаза пирующих мужчин, чем развлечением молодежи. Девушки танцевали очень редко, а женщины совершенно не принимали участия в танцах, исключая разве расходившейся на свадьбе своего внука старушки.

Пение также было достоянием главным образом взрослого поколения, и притом мужского. Это положение могло бы быть даже правилом без исключения, если б его не нарушали юные 11—12-летние пастушки. Эти крошки, уходя с раннего утра за своим послушным стадом в горы, поднимаясь с ним по крутым скатам, карабкаясь по грудам скал, огибая повисшие над бездной утесы, ползая, как муравьи, над черной пропастью и, наконец, сладко разваливаясь на самом гребне горных высот, не могли, конечно, в этом постоянном одиночестве и созерцании величия и красот окружающей природы избегнуть могучих чар поэзии. Немногосложные, но полные неизъяснимой прелести переливы звонкого, детского голоса далеко разносятся по чистому упоительному воздуху, пробуждая далекое эхо и теряясь в тысячеголосном шуме водопада, затерявшегося во мгле глубокого ущелья. С приближением к аулу юный певец замолкает, и уже никакая радость не может заставить его повторить свою любимую песнь при взрослых слушателях. Обычай не позволяет петь девушкам и женщинам. Требование это нарушается однако вдали от жилья, где-нибудь на мельнице, в лесу, за сбором ягод, орехов, кореньев и прочего; в полном уединении от мужчин, в своей исключительно женской компании, расходившиеся на свободе молодые осетинки очень охотно отдаются этому развлечению. Надо заметить, что девушка, даже при этих обстоятельствах, не принимает в нем участия. Песни так же, как танцы, очень ограниченны по числу, разнообразию мотивов и содержанию.

Сказки составляют достояние обоих полов и всех возрастов. Они многочисленны, разнообразны и художественны: они всегда служили одним из самых приятных времяпрепровождений.

Игра на двух- и двенадцатиструнном *фандыр* (род скрипки и арфы) и длинные повествования под их аккомпанемент были исключительной привилегией наиболее даровитых мужчин. Эта отрасль народного творчества особенно любима и полна прелести.

Ирад (калым). Прежде чем приступить к описанию интереснейшего обряда в осетинской жизни, я постараюсь изложить обстоятельства, сопровождающие сватовство.

Ирад является мерилом достоинства крови. Раз установленный, его нельзя изменить произвольно. Принимая за единицу ценности корову, размеры ирада в Нарской котловине распределяются так: Хетагуровы (Зидахановы, Мамиевы, Бырнацовы, Дзанаевы и Джиоевы), Цуциевы, Губаевы и Саутиевы брали по сто коров с следующим непременным условием: двадцать коров выплачиваются коровами, пятьдесят шесть — чем попало — пашнями, медью, оружием, скотиной и прочим — по оценке выборных. Бык идет за две коровы, а пять баранов за одну. По ценности остальных двадцати четырех коров следует дать что-либо определенное — ниву, ружье или медный котел; последний должен весить (иметь вместимость) 24 литра. Последняя категория носит специальное название: сæр (голова).

Ирад остальных фамилий не ниже 25 и не выше 30 коров.

Нет сомнения, что ни одна семья не в состоянии сразу уплатить ирад в 100 коров. Его выплачивают со дня сватовства и до самой свадьбы.

Жених и невеста. В 7—8-летнем возрасте жених может сделать первый визит в дом своей невесты.

Сопровождают его обыкновенно несколько сверстников-друзей и кто-нибудь из неблизких родственников; идет он не с пустыми руками, а с бурдюком арака, бараном и шестью пшеничными хлебами, из которых три должны быть величиною с жернов осетинской мельницы ($^3/_4$ или целый аршин в диаметре). Кроме того специально предназначены подарки: невесте шелковый грузинский платок и материя на платье, матери ее тоже что-нибудь на платье.

Так как визитеры являются поздно вечером, то предупрежденные хозяева встречают их с зажженными факелами, любезно приглашают в хадзар, сзывают родню и пируют всю ночь. Смущенный жених выстаивает все это время в сенях с двумя-тремя сверстниками, краснея от острот и замечаний молодых женщин и девушек, родственниц его невесты, которую, конечно, он не имеет удовольствия видеть между ними. Таков осетинский сгарст (посещение).

С этого дня жених остается в доме невесты от двух до четырех недель, где за ним ухаживают, как за родным сыном. Шьют ему шапку, черкеску, ноговицы и чувяки. Во время своего пребывания в доме тестя жених должен во всей полноте обнаружить все свои достоинства: ловкость, вежливость, словом — все, что нужно для того, чтобы произвести самое лучшее впечатление. Услуживая всем и во всем, он никогда не садится при старших. Стоя у дверей хадзара, он всецело занят тем, чтобы предупредить малейшее желание членов семьи, особенно стариков. Ложась позже всех, он утром раньше всех на ногах; ночует он обыкновенно с братом и родственником невесты, летом где-нибудь на крыше, в галерее, а зимой в башне, если другого свободного помещения не имеется.

За ним больше всех ухаживают женщины, а в особенности будущая теща, благодаря чему он и ест сытнее и лакомится вкуснее других. В обществе женщин он развязен, подходит ближе к очагу и даже садится. Молодые женщины и девушки, в отсутствие тещи, устраивают ему свидание с невестой, не предупреждая ни ее, ни его. Иногда его зазывают туда, где невеста, не подозревая его близости и замысла подруг, сидит за шитьем.

После сгарст жених может ходить в дом тестя когда угодно, хотя частые посещения и долгие пребывания там не в правилах хорошего тона.

Приближается осень, наступает ноябрь, начинаются приготовления к свадьбе. За неделю до свадьбы невесте приготовляют наряд: длинный бешмет, рубаху, платье, застежки на груди и на рукавах, пояс, серьги, шапочку из красного сукна, отделанную галуном, шелковый платок поверх шапочки, красные штаны, чулки и чувяки. Стоимость наряда зависит, конечно, от состоятельности родителей невесты. Прикрыв голову и лицо куском красного сукна, невеста в сопровождении родственницы целую неделю обходит аулы. По красному сукну на голове нетрудно узнать девушку накануне вступления ее в новую жизнь. Каждый делает ей посильный подарок с лучшими пожеланиями. Наконец наступает день свадьбы.

Свадьба. Прежде всего посылают гонца в дом родителей жениха с покорнейшей просьбой «осчастливить сегодняшний вечер своим посещением». Это простая формальность; гонец, исполнявший поручение тестя, получает какую-нибудь награду.

Сопровождают жениха человек 10—12 от 20 до 40-летнего возраста, во главе с отцом жениха или ближайшим родственником. Сколько трудов и просьб стоит жениху набрать этих дружков. Чуть ли не за год он начинает комплектовать их. Происходит это потому, что, зная, какое «сражение» его ожидает на свадьбе, не всякий надеется на свои силы.

Вся родня невесты к 8 часам вечера уже в сборе. Старейшие из них ожидают гостей в хадзаре, а другие их приветствуют с пылающими факелами. Гости устраиваются в ряд по старшинству и, весело отвечая на приветствия хозяев, принимают подносимый им наполненный араком рог, молятся о счастливом исходе и до дна осушают чашу за благополучное прибытие. Затем их приглашают в хадзар. Не нарушая порядка и ободряя друг друга, они входят и приветствуют стариков, усаживаясь по возрасту и беседуя о злобах дня; молодежь говорит только шепотом.

Первое место занимает старший из родственников невесты, вторым сидит старший из гостей, и дальше только посторонние гости, все же родственники невесты стоят, а молодежь прислуживает. Общество жениха в сенях составляют два-три парня.

Перед гостями ставятся круглые столы, на каждом из них по три прожаренных в масле пирога с сыром (уолибах), к ним подаются шампуры (вертелы) с шашлыком из внутренностей бычка и барашка. Шампуры раздают сначала старшим; самому старшему подают вместе с шампуром и рог с араком. Все встают. Наступает молчание, и старческий голос мерно и отчетливо произносит молитву.

После каждой его фразы раздается хором: «оммен, оммен, хуцау!» (аминь, аминь, господи!). Следующий произносит более краткую молитву, третий старается быть еще скромнее. Шашлыки разрезаются на столах. Кусок его с пирогом и полным рогом посылается в сени жениху. Все садятся за трапезу. Второй рог старик принимает уже сидя; после краткой молитвы св. Георгию Победоносцу, старик просит передать рог самому младшему из гостей. Тот встает и, приняв рог с благодарностью, делает из него один глоток и возвращает прислуживающему, который затем обносит от младших к старшим. После одного-двух еще тостов происходит перерыв, довольно продолжительный, а затем садятся в том же порядке. На длинных низких столах разложены разные яства, главным образом вареное мясо, причем лучшие куски кладутся перед старшими. Начинаются опять тосты, дальше появляется турий рог с пивом, начинается пиршество. Вся цель хозяев споить гостей; последние должны выдержать такую атаку, не проявляя опьянения. Раздаются песни, тосты проходят под веселый мотив с дружеским хлопаньем в ладоши.

Пир близок к концу; уже за полночь, тосты идут двойные и тройные — турий рог с одним воловьим рогом и турий рог с двумя воловьими рогами; в последнем случае турий рог помещается под мышкой левой руки, — выпивают сначала арак, а за ним пиво — все под веселый напев с дружным хлопаньем в ладоши. Доходило даже до 4 рогов — два «тура» под мышками и по «быку» в каждой руке... К часу ночи получается какой-то хаос.

Шум, пляска и игры не прекращаются. На женской половине не весела только одна невеста — все происходящее вокруг нее кажется ей сном, видением.

Между тем хозяин одолел гостей и их всех уложил спать… Спят долго… Завтрак уже готов, а из гостей многие еще не просыпались, пришлось растолкать их…

— Ну, что вы нам принесли в мешке? — весело встречает их хозяин. Те достают мешок со всякого рода подарками, передают его хозяину и затем так же весело сами спрашивают его, — а где же наша доля? Пора и ее завернуть. Выносят все приданое невесты: бешмет и черкеску для отца жениха, длинный женский бешмет для свекрови, штуку белого сукна, локтей 18—20 — гостям на ноговицы, от 8 до 12 бешметов мужских и женских для родни жениха, целую кожу — гостям на обувь и множество мелких вещей — тесемки, галуны, кисти и т. д. Очень часто из подарков, принесенных гостями в мешке, некоторые возвращаются и попадают в приданое. Окончив это, гости отправляются завтракать.

Затем из женского отделения удаляют всех, исключая невесты и двух пожилых женщин, которые чуть не волоком тащат туда жениха и сажают его рядом с невестой. Перед ними ставят столик с тремя пирожками, которые должны быть съедены исключительно женихом и невестой. Картина в высшей степени комичная, если принять во внимание, что жена и муж за всю свою жизнь только в этом случае садятся за один стол.

Затем шафер, *«кухылхацаг»* (руководящий невестой) встает из-за стола. Несмотря на просьбы хозяев, он оставляет пирующих и отправляется на «женскую половину». Недружелюбно встречают его здесь, толкают, бьют и не подпускают к невесте, чтобы промедлить хоть лишних полчаса. Он просит взятку — ему дают какую-нибудь безделушку. Но вот проходит и этот срок, шафер встает и уже не соглашается ни на какие сделки. Начинаются долгие прощальные объятия (целоваться не принято), невеста дает полную волю слезам, плачут и другие. Шафер начинает освобождать «свою сестру» из объятий подруг и родственниц. Установив порядок, он обнажает шашку и берет правую руку невесты… Сотни самых искренних пожеланий и горячих молитв приветствуют со всех сторон. Невеста спускает свой платок, а любимая подруга накрывает ее голову поверх платка красным сукном. Шафер делает шашкой знак — все расступаются и дают дорогу «брату и сестре».

— Фарн фацауы! (мир, благодать грядет к вам) — возвещает шафер в дверях хадзара.

Шафер ведет невесту вдоль правой стороны очага и ставит ее в угол. Все снова садятся и возобновляются тосты.

— Ну, что же, тестюшка, — обращается шафер к отцу невесты, — в чем твоя дочь станет греть воду, чтобы мыть себе голову?

Медный котел подается в ответ на вопрос шафера. Зятю своему тесть делает более ценный подарок — ружье или шашку. Затем шафер подходит к невесте и обнажает шашку. Все встают. С молитвой на устах шафер обводит невесту три раза вокруг очага, ударяя шашкой при каждом обходе в висящую над очагом цепь. Невеста, обходя с ним вокруг очага, делает приседание, очень похожее на реверанс. Затем при громких пожеланиях всех присутствующих шафер с невестой выходят из хадзара и при ружейных выстрелах оставляют аул. Жених тем временем уже далеко впереди. Но перед тем, как шафер оканчивает обряд обхода очага, молодежь в сенях бросается на жениха и бьет его чем попало. Защищая главным образом голову, он кое-как освобождается от толпы и, избитый иногда до синяков, убегает в дом своего шафера, который также не гарантирован от тумаков. Столы еще не убраны, а вставать из-за стола раньше старших считается неприличным. Надо «подкупить прислуживающих», — каждый гость в этом случае считает своей обязанностью положить какую-нибудь вещь на стол (огниво, нож, пули, порох и т. д.). От стариков не принимается ничего. Удовлетворенная таким порядком, прислуживающая молодежь освобождает наконец своих гостей. Выпив еще по одному рогу во имя покровителя путников св. Георгия Победоносца, гости догоняют шафера с невестой. Невесту, кроме дружков, сопровождает какая-нибудь пожилая родственница или ее кавдасард, чтобы прислуживать ей в первое время.

Если невесту ведут мимо другого аула, то жители его, желая почтить «свадебный поезд», открывают пальбу из ружей. Приближаясь к своему аулу, дружки возвещают о себе выстрелами, на которые из аула отвечают более продолжительной и усиленной пальбой. С знакомым уже читателю возгласом шафер вводит молодую в новую семью. Хадзар тем временем уже полон народом. Шафер с известными уже приемами обводит три раза вокруг очага молодую, потом подводит ее к свекрови; молодая низко кланяется и смазывает маслом чувяки старухи, которая в свою очередь посыпает ей поверх сукна голову порошком солода. Делается это в знак безграничной покорности со стороны молодой и в знак пожелания сладкой жизни со стороны свекрови. По окончании этого обряда молодую ставят в угол и дают ей взять на руки ребенка-мальчика, которому за это полагается особый подарок. Затем шафер уводит «сестру» в приготовленный для нее уат, в исключительно женское общество. Так же закрытая, безмолвная стоит она в углу, на войлоке и слушает несмолкаемый шум, говор и беззаботный смех своих новых родственниц, подруг и соседок, не принимая участия ни в пляске, ни в разговорах, ни в шалостях своих однолеток. Шафер возвращается в хадзар. Все присутствующие, не исключая старух и стариков, становятся в круг, берутся под руки и начинают танец вокруг очага с песней и припевом, «ой-алай», хлопаньем в ладоши и в доску. Пляшущие доходят до такого экстаза, что стреляют в потолок и всячески стараются выразить свою радость. Затем

все, исключая молодежи, занимают соответствующие возрасту места. Появляются столики, пироги, мясо, арак, пиво; между прочим и шесть пирогов — три больших и три поменьше, — которые были принесены от тестя. Во время обеда парни силою приводят жениха и, втащив его в сени, посылают депутатов к старикам с требованием выкупа за пленника; им высылают порцию арака и съедобного; освобожденный жених убегает к шаферу.

Вечером шафер снова вводит молодую в хадзар; к головному убору присоединяется еще кусок коленкора между сукном и платком; шафер снимает красное сукно и передает его свекрови, затем обнаженной шашкой снимает коленкор и вешает его в углу, где висят такие же куски коленкора от прежних свадеб. С этой вешалки его уже не снимает никто никогда. После этого шафер опять уводит свою «сестру» в ее помещение, где она остается до ужина. Во время ужина она уже не стоит в углу, а держится поодаль, как младшая в семье, и не прислуживает. В эту же ночь, как осторожный вор, пробирается жених к своей брачной постели.

Семейная и общественная жизнь. Итак, перед нами 14-летняя женщина; вместо чуба у нее уже два локона; вместо шапочки платок, и повязан он так, что кроме глаз и носа ничего не видно. Никто не слышит ее голоса, никто не видит ее сидящей. Встает она раньше всех, везде подметет, уберет, всем прислуживает, ест наскоро и позже всех, ложится спать позже всех.

В продолжение двух месяцев она не показывается нигде в ауле. Первый выход ее носит праздничный характер. К ней собираются девушки и молодые женщины, с которыми она отправляется по воду с небольшим деревянным ведерочком или с кувшином. На берегу шумящего горного потока они устраивают пляски, в которых молодая не принимает участия.

С этого дня она свободно исполняет все свои обязанности вне дома. На ее плечах все заботы о семье у домашнего очага, она должна всех обшить, напоить и накормить. Она полновластная хозяйка всех съестных продуктов и напитков. Мужчина почти гость в доме, он ей доставляет дрова, смотрит за скотиною и прочее, но он, как гость, и ест плотнее, и ложится раньше, и встает позже; жена, пока не снимет обуви у мужа, никогда не ляжет спать.

Зато все работы вне домашнего очага почти всецело лежат на обязанности мужчины. Женщина помогает ему в доставке навоза на пашни и плетенок на сенокос; полоть и жать — это их общий труд. Исключая платья, женщина не имеет никакой собственности; ни от отца, ни от мужа ничто не переходит к ней по наследству. Она трудится ради того, чтобы ее кормили, одевали и по смерти похоронили в установленном обряде. Все это делает отец, пока она девушка, по выходе замуж это ложится на мужа, в случае его смерти — на детей, а если их нет, то опять на отца и братьев ее.

При разводе, по вине жены, отец ее возвращает весь ирад да еще в виде неустойки известное число коров; если же развод состоялся по вине мужа, то ему возвращается только часть ирада в размере от 54 до 126 коров. Дети безусловно принадлежат мужу, даже ребенок, родившийся в первый год после развода, отбирается мужем. Развод считается окончательным только тогда, когда муж сделает выстрел из ружья и пригласит всех слышавших этот выстрел свидетелями. К счастью, такие случаи очень редки.

Овдовевшей женщине предоставлялся следующий выбор: она могла всю жизнь оставаться вдовой и не покидать семью покойного мужа; могла сделаться женою его брата и, следовательно, опять оставаться в той же семье; могла, наконец, выйти опять замуж за другого, хотя ирад за вдову был гораздо меньше. На первое она соглашается, когда у нее были дети мужского пола. На второе, если брат мужа холостой или вдов; если же она выбирает последнее, то покидает дом родных мужа и расстается с детьми, которые признаются безусловной неотъемлемостью фамилии.

Матери, оставшейся жить с сыновьями, предоставлялась на случай раздела полная свобода выбора любого из сыновей. Часть, которую сыновья выделяли на ее похороны, передавали выбранному ею брату, и тогда его нравственной обязанностью было кормить и одевать ее, а на случай смерти предать ее земле по установленному обряду.

Крайний недостаток земли, вызывая нескончаемую ожесточенную борьбу за существование, ставит в необходимость фамилию не раздроблять имущества по женской линии,

В случае раздела пайщиками были только братья; племянники, если отец их жив, не получали ничего, а если он умер и они хотят отделиться от дяди, то получают только один пай, хотя бы их было пятеро. Хадзар, одна пашня, один бык, одна корова и десять овец переходят по праву старшинства к старшему брату помимо пая; только юноша-племянник получал некоторую долю в уплату калыма. Пока отец жив, сыновья его не смеют и мечтать о разделе. Вот почему в Осетии времен особа часто встречались семейства в двадцать пять — тридцать душ. Патриархальность была полнейшая, уважение к седине, покорность к старшим и беспрекословное исполнение их воли — вот их основы семейной жизни.

«Лошадь, ружье и молодая жена требуют ухода», — гласит осетинская поговорка.

Если от молодой женщины вежливость требует уступать дорогу мужчине, вставать при его появлении и не садиться в его присутствии, то тем более от молодого осетина она требует того же по отношению к старшей, чем он, женщине. Если появление старика везде и всюду поднимает на ноги сидящую толпу, то тем более эта толпа обязана встать при виде старухи. До каких бы пределов не

дошло опьянение пирующих мужчин, как бы развязно не вела себя компания молодежи, как бы сильно ни было ожесточение ссорящихся, дерущихся и сражающихся, — одно появление женщины обуздывает буянов, останавливает и прекращает кровопролитие. Двусмысленное слово в присутствии женщин, неосторожное движение во время танцев, непристойная развязность с девушкой вооружает против провинившегося всю молодежь. Если удается убийце прокрасться к матери убитого и надеть на себя ее платок, тогда уж никто из родственников покойного не имеет права мстить ему — он признан братом им же убитого. В осетинском народном праве времен особа даже не было предусмотрено похищение девушки и изнасилование.

Женщина пользуется большим почетом, чем мужчина; если они вдвоем идут рядом, то женщина идет справа; если с нею двое мужчин, то она идет между ними. У всех северокавказских туземцев место, которое в этом случае занимает женщина, принадлежит, как самое почетное, старшему из них.

Всякий осетин и вообще горец, не нарушая правил гостеприимства, принимает путешественника очень любезно и по мере сил и возможности сделает все, чтобы только угодить ему. Но вместе с тем, он всячески старается, чтобы никто не заглянул в сферу его семейного и общественного быта.

«Гость — божий гость», — говорят осетины. И, действительно, при наших путях сообщения и всеместном разбое, попасть из одного ущелья в другое — равносильно явлению с небес.

Когда вы идете по аулу, сидящий встает при вашем приближении, говорящий замолкает, занятый работой бросает ее, чтобы приветствовать вас, точно старого знакомого. Перед домом, в который вы получили приглашение войти, встречает вас старейший член семьи и вводит вас в уазагдон.

Поверия. Кажется, ничто так сильно не укоренилось в понятиях осетина, как вера в загробную жизнь. Но какова эта вера? «Неужели, — говорит осетин, — и тот, который летом не имеет бурки, а зимою — шубы, тоже причислен к загробной жизни?»

Зындон (ад) страшен, как изобилующий ужасными наказаниями. У входа в ад привязана к цепи сука, у которой из живота лают щенки, так как она занималась кражей, кусалась исподтишка и никому в ауле не давала покоя. Тут же муж и жена лежат рядом на громадной воловьей коже и накрыты такой же величины другой воловьей кожей; муж с руганью тянет кожу к себе, жена с такой же бранью тянет к себе и оба никак не могут укрыться, — они всю жизнь ссорились и дрались, не давая соседям покоя... Далее стоит в сторонке женщина с повязкой на шее из змеиной кожи, а на голове кожа лягушки — она в период траура тайком ела скоромное и тем обманывала своих покойников. Далее из скалы сыплется щебень — это женщина зашивает трещины скал за то, что она для своего мужа шила плохо, всегда на живую нитку, а своему любовнику шила старательно. Далее лежит женщина навзничь и на груди ее два огромных жернова мелят кремневые камни, за то, что она, заведуя мельницей, из чужих мешков воровала муку. Далее женщина в огромный, как гора, чан сливает из кадушек молоко, которое с шумом водопада несется в чан, но не наполняет его, — в наказание за скаредную жизнь этой женщины. Далее мужчина из глубокого каменистого рва тащит наверх камни и не может донести ни одного, — такое наказание он несет за то, что с соседями своими, измеряя участки пашни, себе отмерял больше, чем другим. Затем на зеленом лугу два быка щиплют усы и бороду мужчине за то, что он, при совместной работе с соседом, своим быкам клал отборное сено, а соседским — бурьян. Дальше открывается море, посредине которого голый островок; лезвие ножа служит мостом к островку; на острове видна скорлупа вороньего яйца, которая служит жилищем грешнику; с игольное ушко отверстие в скорлупе служит дверью ему; он жил на земле замкнуто, ни одного гостя не принял за всю свою жизнь, ненавидел людей, истязал семью и выгнал жену с детьми из дому. Еще далее изо льда торчит голова молодого человека, который часто ходил к жене своего приятеля. Затем виден ледяной замок, в нем на ледяных креслах сидят три старика, перед ними ледяной стол, в руке каждого ледяная палка; каждого бреют ледяной бритвой, — за то, что люди им доверяли решать свои дела, а они все решали вкривь и вкось. Дальше начинаются картины райского преддверья. Здесь муж и жена лежат рядышком, под ними заячья кожа и накрылись они тоже заячьей кожей: на них это хватает с излишком, они всю свою жизнь провели в любви и мире.

Далее опять замок, но только серебряный, сидят в нем на трех серебряных креслах три старца с длинными белыми бородами, и у каждого в руке серебряная палка; говорят они все о правде, — эти на земле были тоже судьями, но правдивыми, добрыми и честными. Дальше уже виднеются золотые ворота рая, где все благоденствуют.

Когда мать оплакивает умершего ребенка, она называет его сиротой и советует ему избегать встречи с такими-то (называет имена умерших детей), так как они побьют его гибкой хворостинкой... «Ты поди тогда к такому-то (называет какого-нибудь родственника), и он тебя защитит от злых детей...»

Отношение к больному. Весть о заболевании не только взрослого, но и ребенка, собирает и из дальних аулов охотников навестить больного. Никакая заразительная болезнь не может остановить посетителей. «Помимо воли божьей никто не заболеет и не умрет».

Тяжело больного знакомые и родственники не оставляют ни днем, ни ночью. По ночам дежурит главным образом молодежь. Чтобы отвлечь больного от мысли о болезни, они стараются быть весе-

лыми, рассказывают сказки, играют на осетинском фандыре и небольшой двенадцатиструнной арфе и под аккомпанемент распевают легенды о нартах, даредзанах и других мифических героях.

Любопытство женщин проявляется даже в последние минуты умирающего. Они расспрашивают его о покойниках, — не видит ли он того-то? Что делает такой-то? Не голодает ли? Кто его окружает и т. д. Такими вопросами они настраивают воображение больного до такой степени, что он начинает отвечать им.

Оплакивая покойника, к нему иногда обращаются с проклятием, — судзга фабадай (сидеть бы тебе в огне), — за то, что он покинул малолетних детей, оставил несчастных стариков без потомства и т. д. В случае смерти оповещаются все соседние аулы, стекаются тысячи готовых разделить горе и скорбь безутешных родственников. Но и здесь осетинский этикет не остается бездействующим. При всем своем несчастии отец не должен оплакивать своих детей, муж — жену.

Похороны. После омовения покойника с головы до ног его одевают во все новое; платье ему начинают шить, как только безнадежность больного становится очевидной. Гробы вошли здесь в употребление недавно.

До дня похорон покойник оставался на скамье в хадзаре, его окружали исключительно женщины. По мере скопления народа все должно делаться в установленном порядке. Женщины становятся вереницей около покойника и в такт бьют себя по щекам, приговаривая: да-дай, да-дай! Затем одна из женщин нараспев приговаривает, а все другие отвечают ей хныканьем и истерическим плачем.

Мужчины собираются на дворе и также имеют свой установленный порядок для выражения скорби. Они попарно приближаются к хадзару с изготовленными для этого обряда плетьми и, переступив через порог, бьют себя этими плетьми через голову по голой шее. Выходя, они передают плети другой паре и т. д. Мало знакомые с домом покойного выражают свое соболезнование более просто, — с опущенной головой и руками они тихо вступают во двор покойника и, простояв с минуту неподвижно, делают левой рукой печальное приветствие. Их благодарят, и они примыкают к общей массе.

Похороны происходят на вторые сутки, а если они сопровождаются поминками, то на третьи и даже четвертые. Во все время около покойника не прекращается плач женщин, а во дворе не уменьшается численность мужчин. Утренние посетители сменяют бодрствующих всю ночь. Какая бы рабочая пора ни была, при вести о покойнике каждый считает своей обязанностью бросить работу и отдать последний долг отходящему, а иногда и отъезжающему в загробный мир; последнее выражение употребляется, когда покойника провожают на кладбище с оседланной лошадью, с заряженным ружьем, шашкой, кинжалом и пистолетом.

Вынос тела происходит всегда до захода солнца. Несут его на носилках четыре, а иногда и шесть человек, на плечах; за ними ведут лошадь, увешанную оружием; затем идут мужчины и в некотором отдалении от них женщины. По дороге к кладбищу на более просторном месте процессия останавливается для литии. Едва успевают опустить носилки на землю, как вереница женщин уже принимается опять за хлопание себя по щекам, мужчины тоже вновь проделывают попарно битье плетью своих шей. Более близкие родственницы здесь же обрезают себе косы и кладут их рядом с покойником. Здесь же раздаются всем желающим носить траур женщинам куски черной материи.

Затем из толпы выступает старик и с рогом арака произносит напутственное слово. По окончании всех этих обрядов покойного уносят на кладбище. Если он был жертвой убийства, то его провожают залпами выстрелов, в противном случае производят только один выстрел из его ружья. На кладбище его уже никто не провожает; несколько носильщиков доносят его до кладбища и опускают в семейный склеп. Кладбища обыкновенно находятся далеко от аулов. В некоторых аулах зимою положительно нельзя добраться до кладбища, и покойники до весны остаются в аулах зарытыми в солому. Все работы, необходимые для предания земле покойного, исполняются безвозмездно.

Надевая траур, женщина отказывается от скоромной пищи; постится она, смотря по степени родства с покойником, от одной недели до 12 месяцев. Поминки устраиваются довольно часто и настолько роскошно, что иногда приводят к разорению. Зарезать, например, в один день до 30 голов рогатого скота, до 150 баранов, сварить 500 ведер пива и до 100 ведер арака, спечь до 3000 пшеничных хлебов — было нелегко в Нарской котловине. Однако некоторые фамилии не задумывались над этим.

Обычное право. Кому приходилось следить за практикой кавказских окружных судов, тот не мог не обратить внимания на своеобразность уголовных процессов, где участниками являются наши туземцы и в частности осетины.

Судится убийца, который никогда ни в чем предосудительном не был замечен.

— Вы признаете себя виновным? — спрашивают его через переводчика.

— Я убил, но я не виноват, — отвечает он переводчику, который передает его слова так: да, признаю.

— За что же вы убили, положим, Мусса Галаева?

— Его нива находится около нашего хадзара; каменная ограда ее в одном месте развалилась, мы ему каждый день советовали починить свой забор, иначе наша коза или теленок по недосмотру

заберется на его ниву. «Хорошо, — говорил он, — завтра починю». На другой день мы опять напоминали, а он — все завтра, да завтра, — так прошло две недели, — мы просто измучились караулить своих телят. Однажды из нас никого не было дома, оставалась только старуха-мать и дети. Пока она доила коров, дети не сумели удержать коз и две из них забрались на ниву. Мусса в это время возвращался с работы мимо нашего дома; он заметил коз и стал бранить покойников того, кому принадлежат эти козы. Мать, выгоняя коз, объяснила ему, что козы наши и что так ругаться нехорошо. Но Мусса продолжал ругаться; мать ушла, чтобы его не слышать… В это время я пришел с работы; когда на мое приветствие он мне ответил той же руганью, тогда я обругал его. Он был сильнее, и если бы со мной не было кинжала, то он убил бы меня вилами.

Я нарочно обратил внимание читателя на этот, очень часто повторяющийся ответ убийц в кавказских судах, который совершенно ускользает из внимания суда, а иногда вовсе не передается переводчиком.

Все дело в том, что мы не можем смотреть на покойников, на загробную жизнь с осетинской точки зрения и сотни убийств объясняем врожденной кровожадностью. Нет, это не кровожадность, а долг, по которому осетин скорее согласится умереть или убить, чем отдать на поругание покойников.

Убить и умереть для осетина времен особа были синонимы; убивая сегодня, он знал, что сам тоже будет убит, если не завтра, то послезавтра или через неделю. Прежде чем оплакивать убитого, осетины оплакивают убийцу.

Воровство считается ремеслом очень позорным, да и воровать не имеет смысла: утварь и оружие охраняются зорко; украсть хлеб — святотатство; украсть лошадь не стоит, так как трудно сбыть ее; редкие случаи воровства мелкой и крупной скотины для пищи — всегда раскрываются очень просто: потерпевший запугивает подозреваемого каким-либо святым и получает украденное добро, или прибегает к следующему способу обнаружить вора: в поминальный день, на третьей неделе великого поста, когда бывает особенно большое стечение народа, потерпевший является на сборище с кошкой или собакой и громко заявляет: эту собаку я сейчас зарежу в поминование покойников того, кто украл у меня телка и кто, зная вора, не укажет его. «Не делай этого, — отзывается тогда виновный, — не пропадет твое добро», — и, действительно, не пропадает, — виновный выплачивает стоимость украденного. Таким образом, воровство было почти займом без предварительного согласия заимодавца: «долг» этот выплачивался.

Во время особа ограбление осетина осетином даже не было предусмотрено обычным правом. Но делать набеги за перевалы и грабить инородцев ставилось в заслугу. Потрава сена и хлеба вознаграждалась таким же количеством сена и хлеба. Простое нарушение общественной тишины и порядка, попросту — драка без поранения оканчивалась примирением; виновный должен был пригласить обиженного с несколькими друзьями и угостить их. Самый обширный отдел в обычном праве осетин занимают поранения и убийства. Всякое поранение, имевшее последствием членовредительство, — подводилось под строго определенный параграф.

1) Поранение головы с повреждением черепа ценилось в 18 коров.

2) Рана, простиравшаяся до лба настолько, что шапкой нельзя было прикрыть шрама, — 18×9 коров. (У осетин 18 коров представляли из себя нечто вроде единицы меры).

3) За повреждение большого пальца платили 9 коров, за указательный — 6 коров, за средний — 5, за безыменный — 4, за мизинец — 3. За повреждение правой ноги 15—18, смотря по степени повреждения; за левую — 15. Помимо этого, виновный должен был лечить больного на свой счет, а по выздоровлении его должен был устроить угощение (*фынг*). Размеры расходов на это угощение тоже строго определялись посредниками, хотя излишек щедрости не возбранялся.

К сожалению, драка и поранения не всегда оканчивались примирением. Потерпевший мог быть слишком злопамятным и не всегда соглашался на примирение, а хотел во что бы то ни стало выместить обиду. Такое злопамятство нередко было причиной убийства.

Отмстить за кровь или, как говорят осетины, — взять свою кровь, вовсе не значит убить самого убийцу, который мог быть хромым, косым, горбатым или старым; нужна жертва, если не большая, то, по крайней мере, равная ее потере. Вот почему вся фамилия такого убийцы попадала в осадное положение, и если противники были сильнее, то без вины виноватые никуда не показывались, пашни и сенокосы их оставались не вспаханными и не скошенными; хлеб, если он еще был на корне, выкашивался или вытаптывался, скотина их падала под выстрелами и ударами шашки. Осажденные очень часто из амбразур башни наблюдали за проделками своих врагов и, если они приближались на ружейный выстрел, то их обстреливали. Вот на такие-то черные дни и нужны были друзья, которые уводили на хранение и прокорм скотину, доканчивали полевые работы и даже снабжали осажденных съестными припасами. Но еще больше были полезны женщины, которые, не подвергаясь мести, работали за себя и за мужей, были по ночам сторожами, обходя даже пашни и мельницы. Женщина вообще была якорем спасения как для своих, так и для посторонних. В ее присутствии убийца мог не бояться за свою жизнь.

Бывали случаи, что враги, с вечера засев где-нибудь поблизости, с рассветом шли штурмом на аул. Осажденные делали вылазку, и перестрелка завершалась рукопашной схваткой. В этой отча-

янной игре страстей женщина в трауре была настоящим талисманом — стоило ей только в самый разгар кровопролития войти в толпу ожесточенных врагов, как все расступались, вкладывали окровавленные шашки в ножны и расходились.

Для окончательного прекращения вражды врагам предлагали свои услуги, в качестве посредников, представители двух других сильных фамилий для того, чтобы достигнуть перемирия ввиду похода в Грузию, для разгромления какого-нибудь княжеского поместья или наступления полевых работ.

На случай нарушения договора о перемирии, поручители должны были выдать лучшего из своей фамилии тем, за неприкосновенность которых они ручались, — в противном случае потерпевшие имели право зарезать собаку на их фамильном склепе. С какого бы дня ни начиналась порука, она оканчивалась всегда в воскресенье вечером. Когда срок оканчивался и когда последние лучи солнца достигали горных вершин, приходили поручители и говорили своим доверителям: «смотрите, солнце зашло», то есть срок поруки окончился. Однако наши предки этим не удовлетворялись и очень часто достигали окончательного мира.

За неумышленное убийство убийца отвечал так же, как за предумышленное.

Если преступление было совершено чужим оружием, то владелец оружия отвечал уплатою 18 коров.

Если ружье, которым было совершено преступление, было заряжено одной пулей, то мститель не имел права зарядить ружье двумя пулями, иначе он отвечал также 18 коровами. Истязание не имело места — средства кровомщенья не должны были превышать жестокости первого убийства; не исполнившие этого отвечали во время примирения соответственным числом коров.

Убийство женщины никогда не наблюдалось, хотя оно могло быть, благодаря шальной пуле, во время перестрелки. За нее не мстили, потому что сам убийца делался мучеником такого непредвиденного несчастья. Кровь женщины оценивалась в 18×9 коров, которые делились между мужем и ближайшим родственником ее по рождению. За мальчика мстили, как за взрослого мужчину, за девочку платили, как за женщину. «Взять свою кровь» было обязанностью до того священной, что выполнение ее сопровождалось празднеством.

Примирение кровников. Старики выдающихся фамилий, игравшие как в семейном, так и в общественном быту первенствующую роль, заменяли осетинам высшее судебное учреждение. Предварительно убедив врагов заключить перемирие, старики усиленно старались уговорить их согласиться на окончательное примирение. Получив согласие, они назначали день, в который весь мужской персонал враждующих должен был явиться на переговоры. Обе фамилии являлись вооруженными и занимали назначенные им пункты на расстоянии $^1/_2$—$^1/_4$ версты одна от другой. Начинались переговоры, во время которых должен был выясниться состав присяжных. Лицо, не пользовавшееся полным доверием обеих сторон, не могло участвовать в составе присяжных. Число последних зависело от сложности дела: обыкновенно их было от шести до восьми человек; помимо их истцу предоставлялось право выбора еще одного судьи. Главное затруднение было в выборе членов присяжного суда, а самое судопроизводство не составляло особенных затруднений, благодаря точности требований осетинского обычного права. Надо было только точно подвести итоги причиненных враждовавшими другу другу повреждений и убытков. Самая кровь имела строго определенную ценность.

Кровь наиболее почетных фамилий ценилась в 18×22 коров.

Кровь влиятельных фамилий оценивалась в 18×20, фарсаг — 18×15; для кавдасарда не было установлено никакой ценности, да и убить его никому не было охоты.

Уплату потерпевшему вышеприведенной пени считали недостаточной, — надо было враждовавших, насколько возможно, гарантировать от столкновений и на будущее время. Для этого старались породнить их посредством брака, выдав ближайшую родственницу убийцы за такого же родственника убитого. Если это удавалось, то для ирада с оценки крови скидывали 18×2 коров. Остальная ценность крови распределялась между убийцей и его родственниками так: самые отдаленные родственники уплачивали 15 коров; более близкие — 18 коров. Все остальное распределялось поровну. Нетрудно понять целесообразность такой круговой ответственности.

Убийцами в большинстве были молодые люди, но их зависимость от старших была настолько сильна, что они почти никогда не совершали преступления без ведома старших и без семейного совета всех родственников. Вот почему за их «шалости» отвечали три поколения, как соучастники, а две родственные ветви, как оказавшие им содействие.

Уплата штрафа за убийство распределялась следующим образом: одна треть скотиной, другая оружьем, третья — медными котлами. Оценка всего имущества предоставлялась тем же присяжным. Вещь, побывавшая уже в уплате крови, шла по прежней цене. Рассрочка устанавливалась на срок от одного года до полутора лет с определенными промежутками и строго установленными размерами взноса.

Когда оставалось выплатить только 18 или даже 9 коров, словом, — приближался окончательный срок «погашения штрафа», — убийца приступал к приготовлениям большого *фынга:* варил пиво в котле, резал быка, пять баранов, гнал соответственное количество араки и пек потребное число пшеничных хлебов.

Собирались все лучшие представители враждовавших фамилий. Наиболее почетные места занимают присяжные. Место председателя занято старейшим из фамилии убийцы, дальние родственники стоят и прислуживают. Убийцы нет в хадзаре. Голод и жажда утолены, разговор оживился. В хадзар входит молодой человек, держа обеими руками над головой турий рог, прикрытый куском шелковой материи, локтей десять длиною. Все встают, водворяется глубокое молчание. Вошедший — убийца, он останавливается против ближайшего родственника своей жертвы и с волнением говорит приблизительно следующее: «Прости мне… я поступил необдуманно… одной рукой я отрубил себе другую… я сознаю свою вину, но сделанного не вернешь, а потому, прости мне… не отворачивайся от меня… говоря со мной… считай меня преданным другом, — я оправдаю твое доверие» и т. д. С этими словами он передает ему турий рог.

— «Да простит тебе бог, — отвечает тот, принимая от него «тура», — а я тебе прощаю в присутствии вот этих свидетелей; никакого зла я тебе причинять не буду. Пред богом и людьми с сегодняшнего дня ты мой друг». Затем, передав материю соседу и сделав несколько глотков из рога, наполненного пивом, он передает его гостям. Затем начинаются тосты, и мир заключен.

Примечания

1. В конце 50-х годов в Нарской котловине был снесен завалом самый большой аул Джинат; погибло свыше 40 семейств. Завал прошел ночью, и на том месте, где стоял аул, на утро осталось только большое черное пятно обнаженной земли. Уцелела только одна семья — старик и старуха, и то благодаря тому, что спали под скалой.

2. Осетинская колыбель представляет из себя деревянную с перилами кроватку на поперечных полозьях в виде новолуния, на которых ее и покачивают с боку на бок. Посреди нижней доски кроватки имеется отверстие для костяной трубки, идущей сквозь постель. Это приспособление дает возможность ребенку мочиться, не подвергаясь частым пеленаниям.

Текст и примечания печатаются по источнику:
Хетагуров К.Л. Óсоба // Хетагуров К.Л. Собрание сочинений: В 5 т. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. — Т. 4.

ЗАМЕТКИ В ГАЗЕТЕ «СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ»

<Кто из ставропольских обывателей...>[1]

Кто из ставропольских обывателей наиболее знаком с архиерейским мостом и Желубянской улицей?

Извозчики и дрогали. Первые — потому, что ломают на этих улицах свои экипажи, а вторые — потому что, увязнув в грязи с своими дрогами, тщетно взывают к прохожим о помощи. Желубянские обыватели подавали-подавали в городскую управу слезные прошения о необходимости замощения их улицы и подавать устали. А управа молчит и не хочет снизойти к просьбам желубянцев. Она, вероятно, позабыла, что в районе 3-й части города, где находится и Желубянка, проживают до 70 человек извозчиков, платящих в пользу города известный налог.

А про обывателей-пешеходов и говорить нечего: в дождливую погоду они чуть ли не купаются в грязи. Желубянские доморощенные «инженеры», чтобы сделать свою улицу мало-мальски годною для безопасного по ней проезда, навалили в разных местах до 30 возов хмыза (хвороста), но надолго ли такая гать? Перегниет хмыз, и опять образуются на тех местах непролазные болота.

Бедные желубянцы!

* * *

Весна идет и, вместе с тем, должна бы возобновиться после зимней спячки деятельность городской санитарной комиссии. Но... она спит, или же не совсем проснулась. По крайней мере, деятельности ее в отношении оздоровления города пока незаметно. Почти в любом дворе вы можете встретить кучи навоза, всевозможного мусора, а в некоторых дворах обонять такое благорастворение воздухов, что хоть нос затыкай да беги со двора. На городских окраинах, по улицам не редкость встретить трупы собак, кошек, а нашим санитарам до этого как будто и дела нет. Очень жаль!

* * *

21-го марта, в 12 часов ночи, в Ставрополе, именно в Подгорной, было наблюдаемо землетрясение. Так, по крайней мере, пишет корреспондент «Биржевых ведомостей». Наговорив о «колебаниях почвы», «треснувших стенах, через трещины которых свободно может пролезть ребенок», и т.п. страхах, корреспондент прибавляет, что «по словам древних стариков, древних жителей Ставрополя, землетрясение в этом городе было очень давно — в 20-х годах нынешнего столетия, и с тех пор не повторялось уже».

Итак, в Ставрополе было землетрясение! Признаюсь, это для меня новость, да не только для меня, но даже и для самих подгорненцев: оказывается, что никто из них не слышал «страшного шума и гула, как бы под землей», только вот «древние старики, древние жители Ставрополя», может быть, они слышали «страшный шум и гул, как бы под землей», и наблюдали «легкое колебание почвы»? Имея дурную привычку,— грешный человек, сознаюсь в этом, — не всякому слову верить, а тем более слову провинциального газетного корреспондента, я на днях отправился в Подгорное «интервьюировать» «древних стариков, древних жителей Ставрополя», по поводу землетрясения. Вот вам результаты моего «интервьюирования»: во-первых, ни одного древнего старика, который помнил бы землетрясение в 20-х годах текущего столетия, в Подгорном не оказалось; во-вторых, и «шум и гул, как бы под землей» и «разрушенные домики и попадавшие печи», были результатом не землетрясения под 22-е марта, а постепенного сползания почвы от быстрого таяния снега, скопившегося здесь в минувшую зиму в небывалом до сих пор количестве. Вот и выходит, что корреспондент-то «Биржевых ведомостей», хотя и слышал древними ушами древних стариков «звон» в Подгорном, да не узнал, откуда именно раздавался «он».

<Что ни день, то в Ставрополе новость...>[2]

Что ни день, то в Ставрополе новость и новость, так сказать, сногсшибательного свойства.

Судите сами: к нам скоро прибудет товарищество оперных артистов под «командой» «бесподобных» Яковлева и Фюрера.

Затем пожалуют малороссы, снявшие театр у Митина. Потом прикатит оперетка.

Кто раньше из них обрадует ставропольцев — неизвестно. Быть может, все разом! И выйдет тогда по пословице: «Не было ни гроша, да сразу алтын».

Ставропольцу буквально придется разрываться.

Сегодня он будет слушать «бесподобного» Яковлева, завтра смотреть малороссов, послезавтра наслаждаться опереткой.

Он разом вознаградит себя за все время скуки, когда он только и развлекался тем, что ходил *смотреть*, но не слушать фонограф Эдиссона.

* * *

Недавно открыла свои «действия» в Ставрополе пивная, под милым названием: «Пивная, ах!»

Подумаешь, право, каких только пивных не бывает на свете. Наверное, существуют где-нибудь пивные, под названием: «Прошу покорно» или «Ай люли». Мы, по крайней мере, можем похвалиться только «Пивною, ах!»

Судя по этому «милому» восклицанию, можно предположить, что содержателями пивной явится «грациозный элемент», т.е. девицы.

Но по бесцеремонному обращению с посетителями пивной нельзя сказать этого.

Недавно нам пришлось наблюдать такую «миленькую» сценку.

В пивной столпилась масса посетителей, на улицу доносился оживленный шум и говор, слышалась популярная среди городских извозчиков песня «Разлука ты, разлука!»

Вдруг дверь в пивной с шумом растворилась, и оттуда вылетел с быстротой молнии какой-то извозчик, которого сзади наколачивали двое каких-то рабочих!

Извозчик, очевидно, потеряв терпение, заорал благим матом: «Караул!»

Подобный случай не единственный, как говорят!

Потому следовало бы «Пивную, ах!» переименовать в пивную «Кар-р-раул!»

* * *

Городское самоуправление вздумало озаботиться внешним благообразием города!

Так, например, по Николаевской и Воронцовской улицам собраны кучи грязи и навоза, собраны и не прибраны!

Почему не прибраны — неизвестно.

Вероятно, для того, чтобы, так сказать, наглядно убедить обывателя в энергичной деятельности городского самоуправления по части внешнего благоустройства города.

К сожалению, это доказательство не долговременно, так как кучи эти, быстро высыхая и превращаясь в пыль, снова разносятся ветром по городу.

* * *

Не мешало бы тому же городскому самоуправлению обратить должное внимание на Ясеновский спуск; канавы, идущие по обе стороны шоссе, необходимо довести до самой балки, иначе стекающая к нему со всех сторон вода не замедлит сделать его негодным для езды.

Порча шоссе уже началась.

* * *

Говорят, что мы в недалеком будущем все сделаемся вегетарианцами. Это хотя и похвально, но навряд ли приятно. А между тем это так. Ни на Верхнем, ни на Нижнем базарах вы с известного часа утра уже не можете найти требуемого количества и качества мяса. Мясники отпускают вам столько, сколько им самим заблагорассудится, да еще так, что к первому сорту примешивают «недовески» чуть не из-под лавки.

Поучительно!

* * *

А если уж мы, в самом деле, собираемся сделаться вегетарианцами, то для чего тогда существует баз г. Меснянкина на Ташле? Одно из двух: или быть вегетарианцем и пользоваться чистой водой, или уж, коли приходится довольствоваться водой с обильной примесью пахучих выделений из база, то хоть вдоволь наедаться мясом.

Правильно!

<Многим торговцам не по шерсти пришлась...>[3]

Многим торговцам не по шерсти пришлась заметка нашего «обывателя» о распродажах и дешевках. Считаем нелишним для полноты картины отметить следующий факт. На «распродажу» готового платья в одном из видных магазинов явился на днях молодой человек. Выбрав себе брюки за баснословно дешевую цену, молодой покупатель попросил позволения испытать доброкачественность товара. Ему разрешили «потянуть». Товар расползся. Брюки насильно были вручены слишком любопытному покупателю, и только на другой день через полицию удалось выручить деньги неопытного юноши. «Семья не без урода...» Конечно!

* * *

Нам недавно прислан интересный «документик».

Интересен он именно в том отношении, что до некоторой степени характеризует нравы городской молодежи, именно молодежи «служащей».

Дело было в первых числах апреля, на железнодорожной Михайловской станции.

Несколько молодых человек провожали на поезд № 5-й своего приятеля и «напровожались» до того, что едва на ногах стояли.

А затем… затем они дружно принялись ругать ни в чем неповинных пред ними станционных служащих.

Мало этого, на глазах телеграфистки начали проделывать такие манипуляции, которые в российском кодексе предусмотрены как нарушение общественной благопристойности.

За такие «шутки», как известно, по головке не гладят, а просят пожаловать к мировому судье.

Но для молодых служащих ничто не страшно, потому что…

— Ты знаешь, кто я такой? — кричал каждый из них, указывая на свою фуражку с особым околышем.

Советуем продолжать в том же духе!

* * *

В городские пекарни, содержателями которых являются в большинстве случаев турки, санитарная комиссия, очевидно, считает лишним заглядывать.

А надо бы заглянуть, потому что пекаря — народ крайне нечистоплотный и вообще помещения пекарен содержатся очень неопрятно.

Нам, например, передают, что в одной из пекарен для опары употребляется та же самая вода, в которой пекаря моют руки!

Да и одни ли турецкие пекарни нуждаются в контроле?

* * *

«Азиатчина» у нас на каждом шагу… В 9—10 часов вечера, когда по тротуарам масса гуляющей публики, ночные сторожа возвещают посредством трещоток и колочения дубиной в доску о своем бодрствовании.

А в 1—2 часа ночи, когда именно нужно бодрствовать, они «спят» сном праведника.

Некоторые из них имеют при себе собак, которые накидываются на каждого проходящего.

Недавно был такой случай.

Около одного дома в 9 часов вечера «сторожевые» собаки накидываются на проходящего.

— Сторож! — кричит тот.— Уйми своих собак.

— Ступай, ступай, не тронут, — послышался в ответ ленивый голос сторожа.

Порядки!

* * *

Экономия прежде всего…

Это хотя и выгодно, но не всегда удобно.

Ставропольская прислуга любит соблюдать экономию во времени.

Относить в помойную яму кухонные отбросы, помои и сор — потеря лишнего времени. Гораздо удобнее отворить окно и выплеснуть помои на улицу.

Точно также удобнее выметать сор из комнат на тротуар.

Особенно со второго этажа хорошо выметать!

Подмел комнаты, собрал сор в кучи и вали с балкона!

Что за беда, если этим «пеплом» будут посыпаться головы прохожих!

* * *

Мы слышали, что свиньям строго воспрещено гулять в центральной части города, между тем одна очень милая парочка их почему-то нарушает это строгое постановление и свободно разгуливает по Воронцовской и Вельяминовской улицам. Хорошее, видно, настает времечко!

<С открытием Троицкой ярмарки…>[4]

С открытием Троицкой ярмарки в городе стали появляться разные «проповедники», наставляющие простой люд «на путь истины».

Так, 3-го мая, около 7 часов утра, на Нижнем базаре появились какие-то субъекты, по виду похожие на странников.

Заняв столы торговок молоком, они скоро собрали вокруг себя толпу слушателей.

«Проповедь» их была обличительного свойства.

Они обличали слушателей в неправильности «перстосложения» и предрекали им скорое пришествие антихриста.

Собравшаяся толпа, а главным образом торговки молоком, не остались пассивными слушателями.

Многие из них вступили с «проповедниками» в «дебаты», в свою очередь обличая их в «фармазонстве».

«Проповедники» пришли в негодование, начали метать громы и молнии…

В это время к «аудитории» подошел городовой и в одну минуту разрешил вопрос горячего спора, попросив публику «честью» разойтись и пригрозив «проповедникам» кутузкой.

* * *

В городском саду идут деятельные работы по приведению его в порядок и по устройству цветников, обещающих в нынешнем году быть особенно интересными.

В каждом городе обязательно должна быть своя достопримечательность. У нас такой достопримечательностью является, конечно, наша садовая «ротонда».

Неприкосновенность ее в том виде, в каком она переходит от поколения к поколению, сделается, кажется, величайшей заботой нашего городского самоуправления, и мы в недалеком будущем узрим свою археологическую редкость под стеклянным колпаком с электрическим освещением ясеновской станции, производящей с начала нынешнего года внутреннюю установку электрического освещения в домах и в магазинах по Николаевскому проспекту и Казанской площади и скоро имеющей расширить свои операции на Новый Форштадт, Мойку и Лягушевку.

<Если нас слух не обманывает...>[5]

Если нас слух не обманывает, то Ставрополь во время коронационных празднеств превратится в сплошную музыкальную симфонию. Кроме двух «настоящих электрических» фонографов и известного посетителям общественного собрания «бального» оркестра, у нас целых два хора военной музыки будут чередоваться с настоящими малороссийскими мелодрамами и настоящей оперой. Занятно!

* * *

Город наш вообще «мирной». Везде орудием убийства и даже самоубийства служит что-нибудь огнестрельное и в крайнем случае «кинжал», а у нас самым употребительным оружием являются ножницы, да еще тупые. 4 мая их применил опять в покушении на самоубийство некий казак войска донского Д.; смягчающим вину обстоятельством служит то, что Д. перерезал себе дыхательное горло тупыми ножницами в припадке белой горячки.

* * *

Зато «рыцари темной ночи» стали довольно часто проявлять свою деятельность.

Воруют из прихожей одежду, воруют из бань белье, воруют даже лошадей.

Городской полиции приходится быть, что называется, на «чеку». На то ярмарка!

С наступлением весны и «собачий вопрос» заметно обостряется. Даже городовые не застрахованы от «шалостей» этих «друзей человека».

6-го мая, например, на Станичной улице, в одном из домов, на полицейского накинулась громадная собака, которая изорвала на нем одежду и слегка «контузила» его самого.

Та же собака раньше искусала одну женщину.

Так и просится, чтобы ей надели намордник…

Только не ремневый!

<Ничего нет легче...>[6]

Ничего нет легче, как дурачить публику.

Приехал в незнакомый город, вывесил с «разрешения начальства» разноцветные простыни с отуманивающими рекламами и обирай простодушных граждан гуртом или порознь, все равно, — пока каждый самолично не убедится в том, что ты действительно шарлатан. Не успеет околпаченная публика обменяться впечатлениями о твоих «сеансах» в одном городе, как ты уже проделаешь их в другом и т. д.

Чем ты рискуешь?

Единственный способ, каким каждый с удовольствием отблагодарил бы тебя за твои сеансы, — это сейчас же во время сеанса накостылять тебе шею…

Но ведь это «самоуправство»!

Благодаря такому положению вещей всевозможные предсказатели «по древней науке хиромантии», индийские факиры, спириты и антиспириты самым бессовестным образом беспрепятственно обирают с конца в конец всю матушку Русь. Кроме гостящего у нас в настоящее время «предсказателя», нас собирается посетить индийский факир, доктор и хирург Лориц, изрядно насмеявшийся уже над владикавказской публикой.

* * *

Но не для одних только этих заезжих «мудрецов» у нас довольно простоты, ее достаточно и для доморощенных факиров, которые хотя сами и не глотают расплавленный свинец и из рассеченного брюха не вываливают свои внутренности, все же, однако, проделывают над публикой такие фокусы, каким впору позавидовать лучшему медиуму…

Для подтверждения нашей мысли следует только припомнить ресторатора, насытившего 150 торжественно настроенных желудков тухлой рыбой, сырым ростбифом и приготовленным на свечном сале мусом и получившего за этот «сеанс» чуть не 1000 р.

<В Ставрополе наступил сезон эквилибристики...>[7]

В Ставрополе наступил сезон эквилибристики, жонглерства и «неутомимой» езды на дрессированных и недрессированных лошадях и самокатах.

Кроме подвизающегося у нас цирка «любимца» ставропольской публики Макса, нас собирается посетить цирк Сура и, кажется, даже Соломонского.

* * *

Говорят, что и владелец местного «летнего театра», не довольствуясь сборами, какие делали в его саду малороссы, собирается переделать свой театр в цирк.

Это было бы весьма желательно как в интересах публики, так и самого хозяина: публика, посещающая цирк, не так взыскательна в отношении удобств помещения и доброкачественности буфетной провизии, тогда как «чистая» публика мало того, что ропщет на тесноту и балаганность помещения, не вполне предохраняющего ее даже от дождя, она еще придирается ко всяким мелочам по буфету: и водка вонючая, и закуска лежалая, и рюмочки неказистые и пр. и пр.

Нет, цирк куда лучше!

* * *

Не отстает от требований сезона даже наш Нижний базар. 9-го июня здесь, близ кабака Т., который служит дневным сборищем всевозможной городской голытьбы, толпа рабочих и босяков, в 50—60 человек, окружила двух борцов, состязавшихся в силе своих кулаков, и шумными возгласами то одобряла, то порицала того или другого борца. Но когда последние разъярились в достаточной степени и лица их были избиты в кровь, в толпе вдруг произошла ужасная свалка: зрители принялись колотить друг друга. Зрелище было ужасное: в воздухе мелькали кулаки, люди с окровавленными лицами валились на землю; на свалившихся насаживались несколько человек и били их кулаками, топтали сапогами… Прибежавший городовой не в силах был унять разбушевавшейся толпы. Да и что он один мог сделать с ней? Только когда на помощь ему явилось еще несколько городовых, толпу удалось разогнать. Как нам сообщали, подобные побоища на Нижнем базаре, а именно близ кабаков, посещаемых босяками и рабочим людом, устраиваются нередко.

<Для всякого понимающего церковное пение...>[8]

Для всякого понимающего церковное пение становится удивительным то обстоятельство, что в Ставрополе, в таком сравнительно большом губернском городе, нет ни одного мало-мальски порядочного хора: церквей много, но любителю церковной музыки решительно негде послушать хорошего пения. Это тем более странно, что в окрестных, подчиненных ставропольской епархии городах, — городах много меньших и не более Ставрополя богатых, процветают прекрасные певческие хоры. Кроме архиерейского хора, долженствующего стоять целою головою выше всех других хоров в городе, у нас имеются хоры в духовной семинарии, мужской гимназии, духовном училище, но все они так посредственны, что и говорить о них не стоит; если же и говорить, то нужно говорить об архиерейском хоре, от которого всякий православный христианин вправе требовать прекрасного исполнения, превосходной выдержки и полнейшей гармонии. Так оно на самом деле и есть в других губернских городах, а у нас… Это тем более удивительно, что у нас во главе архиерейского хора стоит человек с безусловным знанием возложенного на него дела.

Интересно бы выяснить действительную причину констатируемого нами факта.

* * *

Нашим харчевням и притонам с горячительными напитками готовится не особенно приятный сюрприз.

С 21-го июня на Верхнем базаре, при пивном зале, в доме Цыпина открывается дешевая народная столовая и торговля чаем.

Если это совершенно новое для Ставрополя учреждение действительно будет отвечать тому требованию, какое к нему несомненно будет предъявлено в самых широких размерах, то ничего не останется, как пожелать успеха предпринимателю, но с той, однако, оговоркой, чтобы в наиболее скором времени из дешевой столовой погнать торговлю пивом.

Коли пить, так только чай!

* * *

Нова для Ставрополя и продажа кумыса в городском саду.

К сожалению, эта новинка не может долго продержаться, и вот почему.

На группах наших минеральных вод, где кумысники платят бешеные деньги за право и место торговли, полубутылка этого «жизненного эликсира» продается за 15 копеек — цена возмутительно дорогая и положительно недоступная больным с посредственным материальным обеспечением, которым предписано выпивать в день по крайней мере 10 полубутылок.

Что же ожидает ставропольское кумысное заведение, где полубутылка ценится в 30 копеек?

Если такая оценка вызвана дороговизной аренды пустующего из года в год павильона, то нельзя не выразить своего «удивления» по адресу городской управы. Если же единственным мотивом ее является цель кумысника зашибить поскорее деньгу, то мы можем только выразить свое сожаление как по его адресу, так и по адресу верующих в целебное свойство этого модного изделия, которому в сущности базарная цена без посуды maximum 5 копеек.

Не мешало бы всем заинтересованным сторонам получше подумать над тем, чтобы предприятие развивалось к общему благополучию.

* * *

Усиленный санитарный осмотр дворов приводит к весьма печальным результатам. Везде наблюдается громадное скопление нечистот, так что даже благоухание распустившихся в необыкновенном изобилии цветов не гарантирует обоняние от неприятностей. И все это потому, что некому вывозить нечистоты. Правильно устроенных ассенизационных обозов в городе нет, а дилетанты предпочитают заниматься огородничеством и полевыми работами.

Если нас память не обманывает, то, кажется, у города имеются все наиболее усовершенствованные приспособления для ассенизационного обоза.

Почему бы управе не сформировать обоз, который мог бы брать подряды по очистке отбросов как в общественных, так и частных местах.

<Ларчик, оказывается, не так просто открывался...>[9]

Ларчик, оказывается, не так просто открывался, как принято думать.

Недоумения наши по поводу плохого санитарного состояния города разрешились, наконец, в 7 очередном заседании нашей думы, на обсуждение которой между прочим был предложен доклад управы об избрании *председателя городской санитарной исполнительной комиссии*. Доклад управы произвел на думцев впечатление, не уступающее по своей экспрессивности последствиям знаменитой фразы гоголевского жандарма в «Ревизоре». Оказывается, что комиссия, избранная в 1892 году, по случаю холеры, под председательством бывшего городского головы П.В. Розанова, давным-давно прекратила свои операции, и члены ее даже забыли, для чего они тогда были избраны. Дума нашла, что комиссия была избрана по старому положению и потому ее можно считать канувшей в вечность, что комиссия нужна (еще бы!), и ее следует снова избрать, а потому вопрос об избрании председателя прежней снять с очереди.

И вышло, что у нас теперь нет ни председателя комиссии, ни даже самой комиссии.

Логика!..

* * *

Хорошо, что сама мать-природа не оставляет нас своими заботами и всячески старается смягчить нашу нечистоплотность. Если ей не удается смыть дождем или смести ветром наши занавоженные улицы, площади и дворы, то она, по мере сил и возможности, прикрывает наиболее запущенные места зеленью. И удивительно в данном случае, что вместо того, чтобы не дать зарасти «ковылем-травой», например, лестнице к новому собору или большой улице перед пустующим губернаторским домом, мы, неизвестно для какой надобности, полем траву в боковых частях бульварной аллеи.

И это логика!

* * *

Вообще нынешнее лето для нас положительно благодетельно! Не только о миазмах, микробах и бациллах нет у нас речи, но скоро нам обыкновенную назойливую комнатную муху станут показывать за деньги, как диковинку, как медиумов, факиров или даже «птичек певчих», «всемирно известных» геркулесов и тому подобную редкость.

Одно жаль, — наши любительницы сезонно-модных костюмов лишены возможности померяться вкусами…

— Ах, этот противный ветер, — негодуют наши модницы, — и когда только он перестанет?..

Зато простым смертным, работающим в канцеляриях, конторах и тому подобных учреждениях, не жизнь, а масленица! Пиши себе с утра до вечера, — ни пот тебя не прошибет, ни муха тебе не мешает.

Хорошо!

* * *

Роща наша даже в «музыкальные дни» перестала быть обычной толкучкой. Многие, правда, обвиняют музыку, но я скорей склонен свалить все на тот же холод. По вечерам хоть шубу надевай. Даже сторожа архиерейского леса до того отвыкли от людей, что всякий, кто по старой привычке имеет неосторожность отправиться туда погулять, рискует быть избитым и изувеченным одичалыми сторожами, как это и случилось 21-го июня с крестьянкой А.М. Потерпевшая искала у архиерейского пруда своего сынишку, а сторож Б. тут как тут.

Спасибо каменщикам, — прибежали на крик и выручили.

<Городские нимвроды…>[10]

Городские *нимвроды*, по-видимому, никак не могут дождаться того дня, с которого им разрешается по всем правилам искусства утолять свою жажду к крови. Иначе чем же объяснить то обстоятельство, что они, игнорируя закон об охоте, в настоящее время очень успешно истребляют «запрещенную дичь»? К сожалению, еще ни один из этих нетерпеливых охотников не был привлечен к ответственности, как это наблюдается в Ростове и других городах. Виноваты, конечно, наши полевые сторожа (если они есть), что не могут изловить ни одного из нарушителей закона об охоте.

* * *

Если за охотниками на пернатых и зверей обязаны следить полевые сторожа, то за охотниками на приезжающих из сел в городские базары крестьян во всяком случае никто не следит. Между тем это положительно необходимо. Охотники этой категории — обыкновенно субъекты без определенных занятий, или, как они себя именуют, «комиссионеры». Их охота довольно оригинальна. В базарные дни, рано утром, они отправляются за город и у проезжих дорог поджидают крестьян, едущих с хлебом на городской базар. Едва только покажется воз, как «комиссионеры», точно голодное воронье, вмиг окружают его и начинают торговать у крестьянина хлеб, предлагал за него самую низкую цену, клянясь Христом-богом, что в городе цена на хлеб стоит еще ниже. Для того, чтобы крестьянин был сговорчивее, «комиссионер» угощает его водкой, которая всегда в достаточном количестве хранится у него в кармане. Пьяный крестьянин в большинстве случаев соглашается продать хлеб по цене, предложенной ему «комиссионером», который тут же вручает ему задаток и сопровождает его в город, к амбару своего хозяина; последний платит ему за комиссию по 8 коп. от четверти. Впрочем, бывают и такие случаи, что «комиссионеры» различных фирм, окруживши крестьянский воз с хлебом, переругаются, а иногда передерутся между собой, а крестьянин между тем преспокойно приезжает в город и продает хлеб по более выгодной цене. К сожалению, такие случаи очень редки. Большею же частью охота на крестьян вполне удается, и «комиссионеры» мало того, что обманывают их в цене, но еще обвешивают и обмеривают их при ссыпке хлеба в амбары.

* * *

Вслед за известными уже нашей публике «магами», «самогипнотизерами», «прорицателями» и всякого рода шарлатанами конца XIX столетия, обирающими невежественную публику, в Ставрополе стали появляться «проповедники» и собиратели пожертвований на построение «храмов божьих». Шатаясь по окраинам города со двора на двор, они дурачат большею частью женщин рассказами «о святом городе Ерусалиме», выманивая у них деньги и одежду, а при случае даже похищая что плохо лежит. Некоторые из этих проходимцев одеты в монашеские рясы и выдают себя за посланников Иоанна (Кронштадтского).

* * *

Избавиться от таких дешевых шарлатанов легко при желании полиции относиться к своим обязанностям не как к букве закона, а более серьезно.

Но как предохранить себя от шарлатанства врачей, без помощи которых не обходится современное расслабленное человечество?

На днях, например, один из практикующих здесь врачей, пользуя у себя на дому молодую даму, после десятка визитов до того наглядно стал выражать свое увлечение пациенткой, что последняя, защищая долг супружеской верности и честь матери, вырвалась из рук эскулапа и, прибежав домой, рассказала обо всем мужу.

Называть имени героя мы не станем, потому что он сам, прочитав эти строки, отлично поймет всю гнусность своего поступка.

<Скука... ах, какая скука!..>[11]

Скука... ах, какая скука!.. Ах, какая невыносимая скука!.. Вот канва, на которой ведутся в настоящее время беседы наших горожан. Все, что имело возможность вырваться из «противного» Ставрополя на выставку, на воды, на море и тому подобные излюбленные места праздного скитания, флирта и прожигания последних грошей и здоровья,— все уже, очертя голову, ринулось на Невинку и на ст. Михайловскую пресловутой Ставропольской железной дороги, открытие которой с каждым днем все более и более удаляется в «далекую туманную даль».

— Ах, какая скука! Вчера — роща, сегодня — роща, завтра — роща... каждый день — роща!.. В воскресенье — музыка, в четверг — музыка... ах, какая музыка! Марш, полька, вальс, кадриль... Вальс, полька, кадриль и в заключение опять марш... И за это двадцать пять целковых в вечер!

* * *

Куда деваться?

В лес... в широкое поле, «где, шествуя, сыплет цветами весна». Ах, какая возня! Надо собирать компанию, закупать провизию, везти самовар, чайную, столовую, кухонную посуду... И в довершение всего — дождь... Удовольствие!

Куда же деваться?

На дачи Павлова и Ртищева... Попробуйте...

На первой непременно натолкнетесь на пьяную компанию, а на второй надо быть самому непременно пьяным, чтобы не видеть той возмутительной грязи, какую вы встретите там. Пруд запущен, лодки допотопные, дорожки никогда не чистятся... Столы, скамейки... Боже, что это за «мебель»! А кегельбан, а «шары»... Ко всей этой обстановке вам подают донельзя загрязненный самовар и такую же посуду. Ни прислуги сколько-нибудь сносной, ни скатерти, ни салфеток... Трудно поверить — в «заведении» нет даже *полотенца* для чайной посуды!

Нет, лучше в рощу или в цирк!

* * *

В последнем, впрочем, особенной необходимости уже не видится. Наши доморощенные атлеты — хозяева различных мастерских и даже модных магазинов, хотя и непублично, но довольно часто мерятся силой с своими учениками, подмастерьями и мелкими служащими. «Атлеты» эти, забывая, к сожалению, статьи об истязаниях и самоуправстве, склонны в большинстве случаев воспитывать своих учеников по таким учебникам, какие применяются только в цирках для дрессировки лошадей и детишек. Возмутительное самоуправство наблюдалось, между прочим, на Нижнем базаре в четверг 11 июля. Действующими лицами были некий торговец бакалейными товарами и сухими фруктами и мальчишка лет 11—12, которого первый заподозрил в краже пары чулок.

* * *

В одной из своих заметок я говорил об открывшейся на Верхнем базаре, в доме Цыпина, дешевой народной столовой, без права торговли водкой. В короткое время столовая приобрела массу посетителей, главным образом из пришлого рабочего люда, что, конечно, не особенно по вкусу пришлось содержателям заведений с другим меню. Начался обычный поход против «трезвых». И вот в один «прекрасный» день в столовой накрывают двух «косарей», пьющих водку. Содержатель, говорят, привлекается к ответственности, и столовая, конечно, прекратит свое существование. Интересно бы только знать, были ли это действительно косари и была ли им водка продана в столовой, или же это, как есть основание предполагать, проделка «ряженых».

* * *

В заключение, к сожалению, опять приходится заняться склонением слова *врач*.

Употребленное мною в № 53, в рубрике «По городу», выражение: «как предохранить себя от шарлатанства врачей, без помощи которых не обходится современное расслабленное человечество» — некоторые «знатоки» русского языка стараются объяснить якобы желанием автора заметки если не прямо называть всех врачей шарлатанами, то, по крайней мере, выразить сильное сомнение по этому поводу. Смею заверить всех склонных к такому объяснению моих слов, что я не имел в виду такого обобщения и извиняюсь перед всеми честными врачами за неточность своего выражения, если она действительно есть.

<Тихая, монотонная жизнь нашего сонного города...>[12]

Тихая, монотонная жизнь нашего сонного города нарушена «докторским» инцидентом, о котором только у нас и разговора. В «Северном Кавказе» недавно была помещена такая заметка:

«На днях один из практикующих здесь врачей, пользуя у себя на дому молодую даму, после десятка визитов до того наглядно стал выражать свое увлечение пациенткой, что последняя, защи-

щая долг супружеской верности и честь матери, вырвалась из рук эскулапа и, прибежав домой, со слезами рассказала обо всем мужу. Называть имени героя мы не станем, потому что он сам, прочитав эти строки, отлично поймет гнусность своего поступка».

Эта заметка и всполошила всех докторов.

Корпорация докторов пристала к редакции «Северного Кавказа» — назовите, мол, фамилию врача, так как одна «паршивая овца» портит все наше стадо, а не то — в суд будем жаловаться. Редакция не согласилась на это и свое несогласие мотивировала так.

Центром тяжести в этом нашем объяснении является соображение о том, что опубликование имени врача повлекло бы для него крайне тяжелые последствия. Да и вообще, говорили мы, название имени частного лица, которому приписывается деяние отрицательного характера, в огромном большинстве случаев не только не достигало бы цели, так как для видов нравственного воздействия важно не то, что на данное лицо будут указывать пальцами, как на заслужившее укор, а важно, чтоб оно само себя узнало в печатном изложении факта. Те же мотивы мы приводили и в письме на имя г. губернского врача, предложившего нам от имени всех врачей города Ставрополя вопрос о том, будет ли названо имя врача, если все его ставропольские товарищи дадут подписку в том, что не возбудят против редактора газеты преследования за диффамацию. В нашем ответе врачам мы подчеркнули не то, что, кроме статьи о диффамации, имеется еще статья о клевете, а то, что, во-первых, название имени их товарища может повлечь за собою в высшей степени важные для него последствия и, во-вторых, что в данном случае вопрос идет не о выведении на свежую воду товарища, которому приписывается предосудительное поведение, а, так сказать, pro domo sua, т.е. ставропольские врачи, потребовавшие от нас наименования их товарища, хлопочут из таких побуждений, которые мало делают им чести: им нужно не столько прекращение на будущее время возможности повторения того, что с точки зрения не только общественной, но и общечеловеческой морали считается предосудительным, сколько гарантия того, чтоб инцидент не мог быть отнесен на счет каждого из них. А вот о том-то гг. врачи не подумали, что не дело какой бы то ни было газеты возбуждать судебное преследование против фактического виновника в каком-нибудь преступном деянии, не дело газеты быть доносчиком против данного лица; ее дело только указать публике на отрицательный факт, имеющий место в ее среде, и дать этому факту надлежащее определение с точки зрения разума и морали. Не подумали они также и о том, что требовать предания имени своего же товарища на всеобщее поругание из-за того только, чтобы приписываемый ему факт не был отнесен публикой на счет каждого из них, по меньшей мере, не великодушно, а если к этому присоединить еще и то, что название имени провинившегося врача повлечет за собою неминуемо и обнаружение имени той женщины, которой пришлось играть в инциденте роль потерпевшей, то требование гг. врачей окажется не только не великодушным, но и прямо некрасивым.

Но врачи не удовольствовались этим объяснением и прислали редактору «Северного Кавказа» следующее открытое письмо:

«Ставропольский губернский врач обратился к вам, как это видно из его письма от 6 сего июля за № 054, с просьбой указать печатно фамилию того врача, о котором говорится в заметке, помещенной в № 53 редактируемой вами газеты, если он представит вам подписку всех наличных врачей города Ставрополя в том, что никто из них не возбудит против вас судебного преследования за диффамацию. В своем ответе на имя губернского врача вы отказались от его предложения, ссылаясь на существование статьи, трактующей о клевете. Из страха нести законную ответственность за клевету, вы решились оставить не снятым позорное пятно, наложенное на всех нас вышеназванной заметкой. Мало того, из вашего объяснения «pro domo sua», помещенного в № 55 «Северного Кавказа», видно, что мы и на будущее время не гарантированы от анонимных сообщений, позорящих честь всех врачей г. Ставрополя, почему мы, нижеподписавшиеся, по всестороннем обсуждении настоящего дела, признавая себя глубоко оскорбленными и оклеветанными, считаем себя вынужденными видоизменить свои отношения к вам. Подлинное подписали врачи: Соколовский, Бернард, Соколов, Соколов, Атлас, Зубрилин, Журавлев, Любомирский, Вейтко, Брусиловский, Никольский, Белоконь, Топорков и Мираков. С подлинным верно: и. д. губернского врача, доктор медицины Соколовский».

Так разрешила коллегия ставропольских врачей этот вопрос «о чести».

<Все обстоит благополучно...>[13]

Все обстоит благополучно…

Погода стоит весенняя… В роще продолжает играть «музыка», хотя с уходом майкопцев были основания опасаться, что мы останемся без музыки… На ярмарочной площади — пожар… На Станичной улице около полицейской части — убийство… За Ясеновским мостом чуть не произошло столкновение поездов. Последнее обстоятельство служит, конечно, предзнаменованием того,

что день открытия ставропольской железной дороги вот-вот уже «рукой подать»… Впрочем, это не трудно было бы предугадать и по другим симптомам, не имевшим до сих пор места в жизни Ставрополя, как-то: необыкновенно быстрый рост числа всевозможных контор, частая смена вывесок торговых фирм, неожиданное вылетание в трубу «солидных» предприятий и т.д.

Но самыми характерными признаками скорого открытия ставропольской ветви, несомненно, должны считаться кражи, производимые неизвестными артистами чуть ли не с помощью четвертого измерения и усыпляющих снадобий. В «Листке происшествий» «Северного Кавказа» отмечалось уже несколько случаев похищения золотых и других ценных вещей через окна в то время, когда хозяева тут же почивали настолько необыкновенно глубоким сном, что не слышали, как воры переступали через их головы и разгуливали по всем комнатам, иногда при полном их освещении.

* * *

Рядом с таким быстрым поступательным движением по пути прогресса у нас до сих пор в самых широких размерах практикуется кулачное побоище. Наблюдается оно в последнее время на Форштадте, близ кладбищенской церкви, по воскресным и праздничным дням; кончается оно пока разбитыми «сопатками», «фонарями» под глазами и помятыми боками, но, судя по ходу его развития, оно в будущем обещает дать и более веские доказательства своего права гражданства.

* * *

Немало отстают от общего прогрессивного движения и наши судебные пристава, которые до сих пор предпочитают расклеивать по городу объявления о торгах рукописные, а не печатные, хотя собственноручное изготовление их навряд ли обходится дешевле типографского. А если бы даже и так, то гг. судебным приставам не следовало бы упускать из виду, что публика при теперешнем широком распространении печатной афиши не с особенной охотой останавливается перед рукописью, да еще неразборчивой. А это, кажется, не в интересах хозяев продаваемого имущества.

* * *

Не особенно дорожат современными требованиями прогресса и наши санитары. Фруктовый сезон у нас в настоящее время во всем разгаре. Жалоб на желудочное расстройство у детей не оберешься, а торговля недоброкачественными продуктами у нас идет так же бойко, как и до проведения железной дороги.

Да одна ли торговля фруктами, квасом и тому подобным требует строгого контроля! Посмотрите, что делается в рыбных и мясных рядах… На днях, например, на Нижнем базаре торговец рыбой С. отпустил такую рыбку своей покупательнице, что пришлось прибегнуть к помощи полиции для «улажения вопроса».

Не мешало бы тем же санитарам хоть изредка заглядывать в обывательские дворы.

<Толки о железнодорожной катастрофе…>[14]

Толки о железнодорожной катастрофе до сих пор не умолкают… Все ищут виновных… Подробности дела будут, конечно, выяснены судебным следствием, пока же можно считать вполне установленным только следующее: поезд, вышедший первым со станции «Ставрополь», не был предуведомлен о том, что за ним с той же станции выйдет другой, в путевом журнале первого поезда не обозначено никакой остановки около поста № 4, между тем к хвосту поезда был прицеплен вагон с кирпичом, предназначенным для поста № 4; разгружая кирпич, бригада поезда не приняла никаких установленных мер для самоограждения; сторож, который должен был со значком стоять за 200 сажен от остановившегося поезда, был замечен машинистом второго поезда почти около места катастрофы, перед самым моментом столкновения, предупредить которое было уже тем невозможнее, что второй поезд шел задним ходом, со скоростью приблизительно 20 верст в час; второй поезд также не был предупрежден о том, что первый имеет остановку у поста № 4, и шел тем смелее, что он, помимо 15 минут промежутка между выходами поездов, простоял еще минут 25 около водоема, близ Ясеновского моста. Непостижимо только одно обстоятельство: как оба поезда не могли не заметить друг друга через балку, когда полотно дороги и по ту и по другую сторону балки относительно пунктов нахождения обоих поездов пролегает, как на ладони?!

* * *

На днях в редакцию было прислано письмо следующего содержания:

«Один из городовых, оберегающих железнодорожную насыпь через так называемый «Чёртов яр», ведет себя с публикой совершенно неподобающе. 4 сентября, например, я был свидетелем, как он, жестикулируя кулаками, с неистовым криком и непристойной бранью бросался на публику, натравляя на нее собаку, которая здесь же на моих глазах оборвала пальто у одного мальчика, толкал

«проходящих» в яр, а некоторых гнал «прочь» обнаженной шашкой. Он был почему-то в шинели наподобие офицерской, без плечевых знаков, и барашковой шапке без полицейского герба. Если верить одному из рабочих, то городовой этот числится во 2-й части города под № 2».

Интересно знать, кто платит жалованье этому полицейскому за его «доблестную» службу — город или железнодорожное общество?

* * *

Хорошая манера писать вопросами. Никак нельзя придраться и привлечь редактора за диффамацию. Постараемся пользоваться ею почаще... Чем, например, покончен вопрос о стачке наших хлебопеков? Неужели он до сих пор не разрешен к их благополучию? Тогда зачем же их так много было на спектакле 15 сентября, и зачем большинство их так беззаботно дремало во время бесподобного исполнения «Теплых ребят»?.. И правда ли, что весь состав исполнителей «Теплых ребят», движимый своим успехом, собирается предпринять артистическое турне?

* * *

В заключение нас просят решить еще один вопрос: нашим бакалейным торговцам, как известно, разрешается производить торговлю даже и по воскресным и праздничным дням, с утра и до вечера, но с соблюдением установленной очереди. В эту очередь включены между прочим и фирмы, торгующие не только бакалейным товаром, но и спиртными напитками. Спрашивается, законно ли и справедливо ли это?

<Осень едва ли не самое лучшее время года в Ставрополе...>[15]

Осень едва ли не самое лучшее время года в Ставрополе… Слегка желтеющая зелень, теплые солнечные дни и тихие, полные нежного великолепия вечера… Хочется подольше оставаться под открытым небом и, прежде чем закупориться за двойные рамы, вволю надышаться чистым воздухом и наглядеться на опадающие листья, на умирающие цветы… Если к этому прибавить вполне естественное желание каждого видеться со своими знакомыми на нейтральной почве и не менее естественное стремление его обменяться с ними впечатлениями лета, то станет совершенно понятно то неудовольствие, которое ставропольская публика так справедливо высказывает по адресу нашего муниципалитета. И в самом деле: единственным местом, где каждый обыватель, не чувствуя себя ничем и никем стесненным, вволю может подышать чистым воздухом и приятно убить свободный вечер, это наш городской сад. Между тем, по какому-то совершенно непостижимому обычаю, с переходом общественного собрания в зимнее помещение вся ставропольская публика лишается возможности посещать сад позже 7 и даже 6 часов вечера, в то время, когда большинство наиболее склонно провести час-другой на воздухе. Куда деваться? Слоняться по пыльным улицам, по изрытым и узким тротуарам… Толкаться на бульваре, как в каком-то тюремном коридоре, и глотать ту же уличную пыль при возмутительно плохом освещении к тому же… Да где же тут справедливость? Неужели городской сад существует только для клуба и городские обыватели могут пользоваться своим садом только по милости клуба?

Ведь всего-то ровным счетом обыкновенно зажигается в нем 25 самых простейших ламп, и наша слишком уже невзыскательная публика находит это освещение вполне достаточным.

Неужели же город не располагает средствами поддержать тусклое мерцание этих ламп хоть до 10—11 часов вечера и тем дать возможность своим обывателям подышать лишний час чистым воздухом?

* * *

Заговорив об управе, нельзя не отдать ей должную дань за ее заботы о внешнем благоустройстве города, в особенности за прекрасное замощение улиц…

Рядом с этим, однако, нельзя не обратить ее внимание на наши тротуары, донельзя изрытые осенними и летними ливнями. Некоторые из них при освещении улиц, какое практикуется у нас «до луны», «после луны» и во всяком случае до часу-двух ночи, положительно опасны для движения; в особенности испорчены тротуары около казенных и городских учреждений, не говоря уже о тротуарах на более отдаленных улицах… Нельзя ли, между прочим, напомнить г. Филимонову (на Николаевском проспекте) о том, что тротуар, испорченный им при постройке дома, давным-давно пора привести в надлежащий вид, да мимоходом, кстати, заглянуть и к дворянину Чеглокову, на безобразно грязное содержание двора которого нам указывают особенно часто.

<Не остается никакого сомнения...>[16]

Не остается никакого сомнения, что печатное слово даже в Ставрополе имеет великое значение. Заметка моя о необходимости освещения городского сада имела блестящие последствия: на другой же день (это было 2 ½ недели тому назад) на главных аллеях сада фонари были повешены… но до сих пор еще ни разу не зажжены. О цивилизация, это ты!

* * *

Не остается никакого сомнения и в том, что у нас в Ставрополе не учреждения существуют для публики, а публика для учреждений и должностных лиц. Ни малейшего внимания на ее жалобы, на ее вполне законные требования!.. Как будто в городе нет ни городской управы, ни даже полиции… Благодаря такому порядку вещей все у нас делается как-то само собой, не справляясь, насколько это удобно и приятно для обывателей… Сообразно этим «традициям», более «независимые» обыватели положительно стали игнорировать требования общественной гигиены, безопасности, порядка и этики. Посмотрите, что делается на наших площадях, улицах, дворах… Зайдите когда-нибудь в любую народную харчевню, кабак, пивную, где главным образом собирается серый, рабочий люд… Все пропитано невообразимою грязью и невыносимым зловонием. Впрочем, нет даже надобности забираться так далеко. Попробуйте постоять пять минут на углу, около дома дворянина Чеглокова на Николаевском проспекте, попробуйте погулять полчаса по тротуару, между указанным углом и помещением окружного суда, — и с вами сделается головокружение. Неужели,— в отчаянии спрашиваешь себя, — у всех, кому это ведать надлежит, до такой степени притупилось обоняние?

* * *

Да есть же в таком случае еще и другое чувство для того, чтобы заметить самое грубое нарушение требований общественной гигиены. Присмотритесь к канавам. Помимо того, что они навалены навозом, мусором и всевозможными отбросами, в них постоянно сочится самых разнообразных цветов и всевозможной густоты жидкость, спускаемая с обывательских помойных ям, заводских чанов и других пахучих «мест». Особенно большой эффект производят канавы все того же Николаевского проспекта, начиная от пивоваренного завода наследников Салиса и кончая Тифлисскими воротами, хотя и здесь нельзя не отвести первенствующее место канаве от дома Чеглокова до «Старой гимназии» и от архиерейского переулка до Старого собора.

О знаменитом душистом роднике в верхней части проспекта не может быть, конечно, речи,— он вне всякого конкурса…

* * *

Если и этого мало, то есть же еще и третье чувство — осязание, с помощью которого нельзя не заметить игнорирования нашими домостроителями самых элементарных правил ограждения построек и устройства временных кладок. Поразительным примером в этом отношении служит купец Филимонов, который мало того, что своими кладками отбил у публики охоту ходить по большой улице, но и по снятии их «не желает» изрытый им тротуар привести в надлежащий порядок. К сожалению, пример Филимонова нашел себе достойного последователя в лице заведующего постройкой, рядом с отделением государственного банка. О наших тротуарах вообще мы уже и не говорим ввиду близости зимы, которая наверно позаботится уравнять их «пушистым снежком»…

* * *

Есть же, наконец, и четвертый способ восприятия впечатлений. Пошлые остроты, непристойная брань, хоровые «студенческие» песни и отдельные «серенады»— положительно не дают пройти по бульвару людям, мало-мальски привычным к более порядочным слуховым ощущениям. В последнее время для женщин стало даже не безопасно ходить без провожатых по нашим главным улицам, не говоря уже о бульваре, да еще позднее 7—8 часов вечера. От оскорблений не гарантированы даже гимназистки, несмотря на их форменное платье, и притом чуть ли не среди бела дня, на глазах у гуляющей публики…

* * *

О пятом органе чувств не стоит упоминать,— он всегда занят более приятными ощущениями в «первоклассных» ресторанах, пивных и шашлычных.

Примечания

1. Печатается по СК (газета «Северный Кавказ» за 1893—1902 гг., г. Ставрополь) № 33 от 25 апреля 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу. Уличные наблюдения и заметки», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

2. Печатается по СК № 34 от 28 апреля 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой: «По городу. Уличные наблюдения и заметки», с подписью *Старик*. Автограф неизвестен.

3. Печатается по СК № 35 от 2 мая 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу. Уличные наблюдения и заметки», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

4. Печатается по СК № 36 от 5 мая 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу. Уличные наблюдения и заметки», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

5. Печатается по СК № 38 от 12 мая 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

6. Печатается по СК № 45 от 6 июня 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой: «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

7. Печатается по СК № 47 от 13 июня 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

8. Печатается по СК № 49 от 20 июня 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

9. Печатается по СК № 52 от 30 июня 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

10. Печатается по СК № 53 от 4 июля 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой: «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

11. Печатается по СК № 56 от 14 июля 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

12. Печатается по тексту газеты «Тифлисский листок». Впервые опубликовано в «Тифлисском листке» № 177 от 31 июля 1896 г. под рубрикой «Ставрополь-Кавказский», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

13. Печатается по СК № 64 от 11 августа 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

14. Печатается по СК № 75 от 19 сентября 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

15. Печатается по СК № 76 от 22 сентября 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

16. Печатается по СК № 80 от 6 октября 1896 г., где впервые опубликовано под рубрикой «По городу», с подписью: *Старик*. Автограф неизвестен.

Текст и примечания печатаются по источнику:

Хетагуров К.Л. Публицистика // Хетагуров К.Л. Собрание сочинений: В 5 т. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. — Т. 4. — С. 54—62, 71—82, 86—95, 109—111, 117—124.

Исследования, посвященные К.Л.Хетагурову

Л.П. Семенов

Лермонтов и Коста

Коста Хетагуров, будучи замечательным национальным писателем, вдохновляясь мотивами родного для него осетинского фольклора, широко интересовался культурой других народов, в особенности русской.

Знакомство с русской культурой не представляло для него никаких затруднений, так как он учился в русской средней школе, а затем в Академии художеств. Он превосходно владел русской речью; значительная часть его произведений написана на русском языке.

Знакомясь с литературным наследием Коста, мы можем установить целый ряд конкретных примеров, свидетельствующих о его прочной связи с лучшими деятелями русской культуры. К числу наиболее любимых писателей Коста надо отнести М.Ю. Лермонтова, оказавшего на него заметное влияние.

Интерес Коста к Лермонтову объясняется целым рядом причин.

Лермонтов был близок ему как поэт, произведения которого насыщены мотивами борьбы с феодально-крепостническим строем; как певец Кавказа, с глубокой симпатией относившийся к участи горцев, героически защищавших родину, которую царизм превратил в одну из своих колоний; как один из величайших художников слова в мировой поэзии. Лермонтов очень хорошо знал быт различных народов Кавказа, вдохновлялся мотивами их песен, преданий, сказок; напомним, например, такие его произведения, как «Аул Бастунджи», «Измаил-Бей», «Беглец», «Демон», «Тамара», «Бэла», «Ашик-Кериб» и другие. Имеют значение условия автобиографического характера; Коста сам преследовался правительством, подвергался ссылке, бывал разлучен с Осетией и с друзьями; он прекрасно знал многие места на Кавказе, воспетые Лермонтовым или связанные с его жизнью, — такие как группа Минеральных вод, Владикавказ, Ставрополь, Военно-Грузинская дорога, Тбилиси. Он бывал, в частности, в Пятигорске, присутствовал на открытии памятника Лермонтову в этом городе в 1889 году.

Общая направленность творчества Лермонтова была во многом созвучна Коста; отметим, например, такие их мотивы, как любовь к народу — в стихотворении «Родина» (ср. у Коста «Не верь, что я забыл родные наши горы»), протест против гнета царизма — в стихотворении «Прощай, немытая Россия» (ср. у Коста «Додой»), осуждение адатов, сковывающих свободу и мужчины и женщины (у Лермонтова — «Аул Бастунджи», у Коста — «Перед судом»), борьба горцев за родину (у Лермонтова — «Измаил-Бей», у Коста — «Плачущая скала»); поэты создали замечательные образы горских женщин, судьба которых трагически сложилась в условиях старого быта (Бэла, Фатима), их горячая любовь к детям вылилась в чудесных лирических стихах («Казачья колыбельная песня», «А-лол-лай»). Они восхищались природой Кавказа и описывали ее в своих произведениях, рисунках и картинах. Поэтов роднит их глубокая любовь к Пушкину; Лермонтов посвятил ему знаменитое стихотворение «Смерть поэта». Коста упоминает о «воспетом нашими знаменитыми поэтами Пушкиным и Лермонтовым Кавказе».

Много сходного во взглядах Лермонтова и Коста на поэзию. Очень характерно в этом отношении стихотворение Коста «Поэту»[1]:

Не верь, мой друг, что струнами возможно
Исчерпать мысль и тайники души…
Значенье слов так мелочно, ничтожно,
Что лучше ты нас рифмой не смеши.
Пусть льется, песнь унылую слагая,

Порою стих свободно, как волна, —
Как стон в груди, не дрогнет, замирая,
Бездушная, холодная струна…
Немую скорбь, беспомощные слезы
В созвучьях слов не распознает свет, —
Твои мечты — для нас пустые грезы,
Твоя печаль — больной, безумный бред…[2]

Основные мысли этого стихотворения: 1) «муки слова», скорбь взыскательного художника о том, что даже поэтическими словами порою нельзя со всей полнотой выразить сокровенные думы; 2) указание на то, что так называемый «свет», мелочный и праздный, равнодушен к переживаниям поэта, никогда не поймет его.

Аналогичные мысли очень часто развивались Лермонтовым и могли оказать влияние на Коста. Напомним следующие стихи:

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы бойся вдохновенья…
Они тяжелый бред души твоей больной
Иль пленной мысли раздраженье…
……
Случится ли тебе в заветный, чудный миг
Открыть в душе давно безмолвной
Еще неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полный, —
Не вслушивайся в них, не предавайся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом ледяным
Не передашь ты их значенья.
……
Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?

Сходство заметно как в основных идеях («муки слова», противопоставление поэта — бездушному «свету»), так и в отдельных образах.

С лермонтовским стихотворением «Утес» в известной степени соприкасается стихотворение Коста под тем же заглавием; в обоих лирических произведениях изображен высокий утес, которому улыбнулось мимолетное счастье и исчезло, вызвав у него слезы. В обоих стихотворениях утес назван «великаном»; в обоих сходны начальные и последние строфы, контрастные по содержанию.

Коста:
Мрачного утеса только что коснулся
Первый луч восхода, весело, шутя…
И утес холодный ожил, улыбнулся.
Запылал румянцем ярким, как дитя.
Наступила полночь, тихая, немая…
В сон невозмутимый погружен утес…
Только по ланитам, змейкою сбегая,
Падают беззвучно в бездну капли слез. (II, 56—57).

Лермонтов:
Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана.
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.
Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне. (II, 122).

Однако есть и существенное различие в содержании и композиции этих стихотворений. Лермонтов развил свою тему очень сжато; в нем всего 8 строк; он вводит два главных образа: утеса-великана и золотой тучки. В фабульном отношении стихотворение Коста шире; из общего количества 24 строк первые 12 он посвящает описанию раннего летнего утра, ликования утеса и всей окружающей природы; в последующих 12 строках дана картина грозы, омрачившей эту радость, и ночи, под покровом которой утес роняет слезы. Оба стихотворения написаны хореем, но количество стоп различно: у Лермонтова — 5, у Коста — 6; различно и расположение рифм: у Лермонтова — опоясанные и смежные, у Коста — перекрестные.

Поэмы Коста «Перед судом», «Плачущая скала»,»Фатима» написаны под воздействием традиции, установленной Пушкиным, Лермонтовым и другими поэтами, четырехстопным ямбом, с мужской и женской рифмой. Эпизодически, как в лермонтовских поэмах («Измаил-Бей», «Демон»), в названных поэмах Коста вводятся и другие стихотворные размеры (например, в «Фатиме» — II, 140, 148, 150, 155); оба поэта применяют прием монологической речи: у Лермонтова — в «Исповеди», «Мцыри», «Демоне»; у Коста — «Перед судом». Характерно дружеское обращение к читателю, придающее повествованию непосредственность, задушевность:

Пишу опять, но вы признанья,
Друзья, не требуйте, пока
Вдали от вас часы изгнанья
Ползут лениво, как века.
Тоской мучительной разлуки
К чему теперь тревожить вас? —
Не лучше ль почитать от скуки
Вот этот небольшой рассказ? (II, 206)

Ср. у Лермонтова в «Валерике»:

Я к вам пишу: случайно, право,
Не знаю, как и для чего.
Я потерял уж это право,
И что скажу вам? — ничего!
.....
Но я боюся вам наскучить...
...Если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив... (II, 89, 95—96).

Развивая мотив о борьбе горцев за независимость отчизны, Коста создает образы, близкие к лермонтовским:

...Пусть знает враг,
Какой незыблемой заставой
Ему здесь загорожен путь,
С какой отчаянной отвагой
Здесь каждый грудью встретит грудь,
Как страха, жалости не зная,
Здесь все решились, как один,
Погибнуть, кровью истекая,
Как честь страны, свободу края
Ценить умеет осетин! (II, 211).

Ср. у Лермонтова в «Измаил-Бее»:

Черкес удалый в битве правой
Умеет умереть со славой...
...Позор цепей
Несли к ним вражеские силы!
Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,

Но вольность, вольность для героя
Милей отчизны и покоя.
.....
Завоевателю преграда
Положена в долине той,
Из камней и дерев громада
Аргуну давит под собой.
К аулу нет пути инова;
И мыслят горцы: «Враг лихой!
Тебе могила уж готова!» (III, 195—196, 221—222).

Некоторые картины природы напоминают описания кавказского горного пейзажа у Лермонтова. Отметим, например, следующее место:

Коста:
...За Шайтан-горою,
В кустах, меж грудами камней,
Поросших мохом и травою,
Ползет тропинка, словно змей. (II, 139).

Лермонтов:
Ужасна ты, гора Шайтан,
Пустыни старый великан...
Как буркой, ельником покрыта,
Соседних гор она черней.
Тропинка желтая прорыта
Слезой отчаянья по ней.
Она ни мохом, ни кустами
Не зарастает никогда... (III, 223).

Интерес Коста к Лермонтову проявился также в частых цитатах из его произведений в письмах; приводим ряд примеров: «Кто устоит против разлуки» («Демон» — III, 284), «Царь познанья и свободы» («Демон» — III, 302), «Он далеко, он не узнает, не оценит тоски твоей» («Демон» — III, 316), «Главу опустивши на грудь» («Воздушный корабль» — III, 319), «Терек в теснине Дарьяла» («Тамара» — III, 319). «В тумане моря голубом» («Парус» — III, 357), «Белеет парус одинокий» («Парус» — III, 370).

Привлеченный нами материал показывает, что мир поэзии Лермонтова был очень близок Коста; осетинский поэт встречал в ней немало идей и образов, глубоко запоминающихся, варьировавшихся им. У Лермонтова Коста привлекали мотивы героики, борьбы, протеста, направленные против гнета царизма, против застарелых общественных мнений и обычаев; он учился у Лермонтова и художественному мастерству, внося в свои лирические или эпические произведения образы и выражения, близкие к лермонтовским, но всегда созвучные общему строю его мировоззрения.

Влияние одного поэта на другого — явление, очень часто встречающееся в каждой литературе и исторически обусловленное. Каждый писатель живет и творит не изолированно, а в тесном общении с окружающим обществом. Преемственность идей и художественных образов неизбежна и закономерна. Пушкин и декабристы оказали сильное влияние на Лермонтова; Лермонтов влиял на Некрасова и Л.Н. Толстого; Л.Н. Толстой сам отмечал, что Лермонтов оказал на него большое воздействие, в частности, он сказал, что «Бородино» Лермонтова — зерно его романа «Война и мир». Некрасов и Л.Н. Толстой, в свою очередь, оказали могучее влияние на многих современных им и последующих писателей. Советские писатели формировались и зрели под благотворным влиянием М. Горького и Маяковского. На Коста, помимо Лермонтова, повлияли, как известно, Пушкин и революционные демократы — Чернышевский, Добролюбов и Некрасов. На произведениях Коста воспитывались осетинские писатели конца XIX и XX вв. Под влиянием надо разуметь не нечто механическое или случайное, а творческое восприятие художником слова наследия того или иного, близкого ему по духу автора. У каждого большого писателя есть свои учителя и ученики.

Затрагивая темы, родственные лермонтовским, Коста никогда не превращался в подражателя; он развивал тот или иной мотив по-своему, внося новые оттенки, локальные образы. Характерно, в частности, что Коста воспринимал у Лермонтова преимущественно не романтические его мотивы, а реалистические. Он глубоко интересовался также личностью и жизнью великого русского поэта и посвятил ему два стихотворения, на которых мы и останавливаемся.

Первое из стихотворений, посвященных Лермонтову, Коста написал в 1889 году, в связи с постановкой великому поэту памятника в Пятигорске.

Подготовка к открытию этого памятника велась в крайне неблагоприятной обстановке, под надзором правящих сфер. К этому дню Коста, присутствовавший на открытии памятника как «представитель осетинского юношества» (см. газету «Северный Кавказ», 1889 г., № 63), написал стихотворение «Перед памятником М.Ю. Лермонтова» с пометкой «г. Пятигорск. 16 августа 1889 г.». Оно не было пропущено цензурой, о чем впоследствии говорил сам автор в письме от 1 января 1900 г., находясь в ссылке в Херсоне: «Зато я пойду к памятнику Лермонтова и продекламирую то стихотворение, которое я написал на его открытие. Оно не было напечатано, а между тем довольно интересное» (III, 498).

Речь, произнесенная Коста на Лермонтовском празднике, возложение венка, стихотворение, которое он написал к открытию памятника, — все это было выступлением не только от имени передовой осетинской общественности, но и от всех горцев Северного Кавказа.

К открытию памятника Лермонтову в кавказских газетах было напечатано несколько стихотворений, например, И. Проханова — «Лермонтову на открытие памятника в г. Пятигорске» — в «Терских ведомостях» (1889, № 69), Курсовой — «На открытие памятника М.Ю. Лермонтову в Пятигорске в 1889 г. авг. 16-го дня» (там же), А. Кропоткиной — «На празднике открытия памятника Лермонтову в Пятигорске» и И. Афросимова — «Гроту Лермонтова» в газете «Северный Кавказ» (1889, № 69) .

Это — образцы очень посредственной хвалебной лирики, весьма безобидные в отношении социально-политической направленности; вполне понятно, что подобные стихи, проникнутые казенным духом, могли быть напечатаны беспрепятственно, тогда как энергичное, полное пламенного протеста против деспотизма самодержавия стихотворение Коста не увидело тогда света. Приводим это стихотворение полностью:

Торжествуй, дорогая отчизна моя,
И забудь вековые невзгоды, —
Воспарит сокровенная дума твоя, —
Вот предвестник желанной свободы!
Она будет, поверь, — вот священный залог,
Вот горящее вечно светило.
Верный спутник и друг по крутизнам дорог,
Благородная, мощная сила!..
К мавзолею искусств, в храм науки святой
С ним пойдешь ты доверчиво, смело,
С ним научишься ты быть готовой на бой
За великое, честное дело.
Не умрет, не поблекнет в тебе уж тогда
Его образ задумчивый, гордый,
И в ущельях твоих будут живы всегда
Его лиры могучей аккорды…
Возлюби же его, как изгнанник-поэт
Возлюбил твои мрачные скалы,
И почти, как святыню, предсмертный привет
Юной жертвы интриг и опалы!.. (II, 23).

Среди многочисленных стихотворений, посвященных Лермонтову, это одно из самых лучших. Оно полно глубокого содержания. Основные мысли, выраженные автором, следующие:

1) высокая ценность литературного наследия Лермонтова для горских народов, давно угнетавшихся царским правительством;

2) осуждение самодержавия, систематически преследовавшего и затравившего поэта;

3) твердая уверенность в том, что близок день, который принесет горцам «желанную свободу», а имени Лермонтова — широкое признание со стороны раскрепощенных горских народов.

Развивая первую мысль, Коста подчеркивает действенное, революционизирующее значение поэзии Лермонтова и подбирает соответствующие этой идее сравнения: Лермонтов — «священный залог» лучшего будущего, он — «горящее вечно светило», «верный спутник», «друг», «благородная, мощная сила», его образ «задумчивый, гордый», у его лиры — «могучие аккорды». Автор напоминает, что русский поэт любил Кавказ, что горские народы могут идти за русским поэтом «доверчиво, смело», так как он научит их идти на бой «за великое, честное дело».

Здесь значительно, знаменательно каждое слово, вносящее в характеристику Лермонтова как художника и общественного деятеля новые и новые черты.

Следующая мысль, по контрасту, направлена к разоблачению царизма, который горцам дал «вековые невзгоды», а юного Лермонтова, поэта-изгнанника, сделал жертвой «интриг и опалы». Последнее выражение имеет очень большое значение; в 80—90-х годах и в последующее время из консервативных и реакционных кругов литературоведов и журналистов настойчиво распространялись суждения о том, что гибель Лермонтова объясняется его неуживчивым характером, личными мотивами в ссоре с Мартыновым и т.п. причинами. В критической литературе высказывались мнения, что Лермонтов — поэт узкосубъективный, и придавали первостепенное значение его автобиографическим мотивам (его одиночество, враждебное отношение к светскому обществу и т.п.). Коста держится совершенно иного взгляда; он видит в Лермонтове могучего поэта-борца и гуманиста; он указывает на то, что в его трагической смерти виновны враждебные по отношению к нему силы: аристократы (упоминание об «интригах») и царское правительство (упоминание об «опале» поэта-изгнанника). Последняя высказанная автором мысль передана не менее четкими образами. Коста говорит о том, что скоро сбудется сокровенное желание горских народов, настанет «желанная свобода», откроется доступ к овладению искусством и «наукой святой»; в памяти благодарных потомков никогда не умрет, не померкнет образ великого поэта, в ущельях Кавказа «будут живы всегда его лиры могучей аккорды».

Это стихотворение Коста, посвященное памяти Лермонтова, проникнутое революционным духом, написанное звучным и выразительным стихом, имеет очень большое историческое значение. По аналогии оно может быть приравнено к знаменитому стихотворению самого Лермонтова — «Смерть поэта» и известной поэме народного азербайджанского поэта Ахундова, вызванным гибелью Пушкина. Глубоко прочувственное, исполненное благородного, непримиримого негодования по адресу подлинных виновников смерти великого русского поэта, стихотворение Коста пошло вразрез с общим официальным духом чествования, проводившегося правящими сферами.

Громадное значение приобрело выступление Коста на юбилейном празднестве. На открытии памятника присутствовали представители различных общественных и научных организаций России. Памятник был сооружен на средства, пожертвованные почитателями поэта, жившими во всех уголках многонациональной страны; это были народные деньги. К концу 80-х гг. Лермонтов вырос как поэт всероссийского и мирового значения.

Произведения Лермонтова изучались во всех учебных заведениях. Под давлением общественности правительство пошло на уступки и вынуждено было отметить первый, после смерти поэта, его юбилей: 75-летие со дня его рождения, в связи с чем было разрешено открыть всероссийскую подписку на сбор народных средств для сооружения ему памятника Юбилейный комитет, по постановлению высших властей, находился во Владикавказе; председателем юбилейного комитета был назначен генерал-губернатор Терской области. Правительство стремилось придать открытию памятника формальный характер, отметить его память как офицера Тенгинского полка, квартировавшего на Кавказе. Коста отлично разбирался во всей сложной обстановке и, не считаясь с официальными директивами, смело разрушил стоявшие перед ним препятствия, громко, открыто заявил, в чем величие поэта и кто был виновен в его трагической гибели.

Очень важно указание и на то обстоятельство, что царизм и его ставленники стремились сеять рознь между различными народами России, а Коста был поборником братских взаимоотношений между русским и горскими народами Кавказа. В этом отношении он поддерживал традиции Пушкина и Лермонтова; ему принадлежит выдающаяся заслуга в упрочении дружественных связей осетинского народа с русским; ярким примером этой деятельности Коста являются его стихи, посвященные не только Лермонтову, но и Грибоедову, Островскому, Чайковскому, Плещееву, и его близкое участие в проведении их знаменательных дат.

Другое стихотворение Коста, также посвященное Лермонтову, было написано 12 лет спустя. За этот срок возник ряд важных обстоятельств. В 1891 году исполнилось пятьдесят лет со дня смерти Лермонтова. По существовавшим тогда законам издание его сочинений становилось правом каждого. Они вышли к юбилейному году в многочисленных удешевленных изданиях, и это в большой степени способствовало росту популярности великого поэта в широких читательских массах. Значительно обогатилась биографическая и критическая литература о нем. К этому времени было опубликовано много текстов Лермонтова, ранее неизвестных. Появились статьи критиков-эстетов декадентского и символистского направления, искажавшие сущность поэзии Лермонтова. С.А. Андреевский («Лермонтов». Характеристика. СПБ, 1891 г.) трактовал творчество поэта как художника, тяготевшего к сверхчувственному миру: нет другого поэта, который бы так явно считал небо своей родиной, а — землю изгнанием; ключ к пониманию его творчества — родство с небом. Это был человек, огорченный своим божественным происхождением; его пессимизм — пессимизм божественного величия духа. Известный историк В.О. Ключевский в статье «Грусть» («Русская мысль», 1891, VII) назвал Лермонтова певцом «личной грусти»; его творчество он свел к формуле русского, религиозного настроения: да будет воля твоя; ни один русский поэт не был так способен глубоко проникнуться этим «народным» чувством и дать ему художественное выражение, как Лермонтов. В. Соловьев в статье «Лермонтов» («Вестник Европы», 1901, II) характеризовал поэта как художника, призванного сообщить нам могучее движение вперед, вверх к истинному сверхчеловечеству, но этого мы от него не получили;

ему было свойственно схватывать запредельную сторону жизни и жизненных отношений. Он не был занят ни историческими судьбами своего отечества, ни судьбою своих ближних, а единственно только своею собственной судьбой. Коста не разделял подобных ложных мнений. В 1901 г., в связи с 60-летием со дня кончины Лермонтова, он в газете «Северный Кавказ» (1901, № 91) напечатал следующее стихотворение «Памяти М.Ю. Лермонтова»:

Зачем, поэт, зачем, великий гений,
Явился ты так рано в этот мир,
Мир рабства, лжи, насилья и гонений,
Мир, где царит языческий кумир?
Зачем судьба с таким ожесточеньем
Гнала тебя из-за пустых интриг
Трусливых бар, взлелеянных бездельем,
Когда клеймил их твой могучий стих?
Ты нужен был не царству бар и рабства,
А вот теперь, когда талантов нет,
Когда нас всех заело декадентство,
О, если бы ты жил теперь, поэт!
Твой мощный стих, могучие аккорды
Рассеяли б остаток прежней тьмы, —
Тогда бы по пути добра, любви, свободы
Пошли бы за тобой вперед со славой мы. (II, 105).

Появление этого стихотворения имело также большое общественное значение и представляет глубокий интерес. Оно свидетельствует о том, что поэзия Лермонтова по-прежнему близка Коста и что он неизменно занимает боевые позиции, выступая против реакционных сил, продолжавших преследовать память гениального поэта.

И тематически, и стилистически это стихотворение тесно связано с первым: осуждая крепостнический строй, «царство бар и рабства», автор вновь упоминает об «интригах»; здесь он говорит о «пустых интригах», в первом стихотворении — о «юной жертве интриг и опалы».

Стихи —

Когда клеймил их твой могучий стих...
Твой мощный стих, могучие аккорды —

по содержанию и форме близки к аналогичным строкам раннего стихотворения:

Благородная, мощная сила...
Его лиры могучей аккорды.

Прежнему стиху —

Вот предвестник желанной свободы —

в новом стихотворении соответствует строка —

Тогда бы по пути добра, любви, свободы...

Однако второе стихотворение не является перепевом первого. Оно, с одной стороны, углубляет одну из тем первого стихотворения разоблачение аристократии, с другой — выдвигает новую проблему: критику декадентства и противопоставление ему подлинной поэзии, борющейся с тьмой во имя «добра, любви, свободы».

В настоящем стихотворении Коста, как революционный демократ, с беспощадным негодованием обрушивается на родовитых, влиятельных дворян, именуя их «трусливыми барами, взлелеянными бездельем», указывая, что они преследовали поэта «пустыми интригами». Автор выступает против всей государственной системы; он говорит, что царизмом создан «мир рабства, лжи, насилья и гонений», что Лермонтову пришлось жить в «царстве бар и рабства».

По содержанию и поэтическим приемам первая часть стихотворения очень близка к лермонтовскому стихотворению «Смерть поэта». Коста, вслед за Лермонтовым, разоблачает аристократию и правительство как ожесточенных гонителей величайших художников слова.

Стихотворение Лермонтова «Смерть поэта» издавна было памятно Коста. Влияние его мы находим, например, в более раннем стихотворении осетинского поэта, посвященном Грибоедову:

Убит...
За то ль венец терновый
Сплел для него коварный рок,
Что озарил он мыслью новой
Всю Русь родную, как пророк!
Зачем он шел, как раб покорный,
В страну фанатиков-врагов... (II, 79).

Лермонтов:
Восстал он против, мнений света
Один как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья...
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным...
И прежний сняв венок — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него... (II, 15—16).

Во второй части стихотворения, посвященного памяти Лермонтова, Коста касается злободневной в то время темы — критики декадентства.

Будучи глубоким почитателем Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Некрасова — этих величайших русских поэтов XIX в., Коста непримиримо относился к лозунгам «чистого искусства», «поэзии для немногих», «самосозерцания» и т.п. и неоднократно высказывался на эту тему, например:

Не упрекай меня...
Свободные напевы
Не гармонируют с бряцанием цепей.
А трели соловья и шепот юной девы —
Оставленный бокал на гульбище страстей. (II, 45).

Я не поэт... Обольщенный мечтою,
Я не играю беспечно стихом. (II, 60).

Продолжая традиции русских классиков и выступая против декадентов, Коста отстаивал реалистическое направление; он видел в искусстве не наслаждение, а могучее средство воздействия на общество во имя «желанной свободы», во имя победы над «миром рабства, лжи, насилья и гонений».

Оба стихотворения Коста выделяются среди большинства стихотворений, посвященных Лермонтову другими авторами, своей глубокой принципиальностью, остротою поставленных в них вопросов, высоким идейным уровнем, силой обличительного стиха. В обоих стихотворениях Коста настойчиво повторяет, что, пока существует самодержавный строй, светочи человечества будут преследоваться реакционными силами; что вполне заслуженную оценку такие поэты, как Лермонтов, найдут только тогда, когда настанет «желанная свобода», а эта свобода будет куплена борьбой:

С ним научишься ты быть готовой на бой
За великое, честное дело.

Коста был глубоко прав. Враждебное отношение к Лермонтову реакционных кругов резко проявлялось и после его кончины. Прижизненное и посмертное преследование классиков, выступавших на борьбу с самодержавным строем, фальсификация их идей в угоду властям в связи с казенным чествованием их памяти или запрещение ознаменования их юбилеев весьма характерны для царизма.

Накануне юбилея Лермонтова в 1914 году газеты сообщали, что готовится пересмотр его произведений, т.к. у духовной цензуры вызвали сомнения стихи из «Демона», в которых говорится, что бог «занят небом, не землей», а в Смоленской губернии был издан циркуляр, предписывавший педагогам указывать учащимся, что причиной дуэли Лермонтова «послужил его собственный злой, желчный и придирчивый характер». В том же году правительство запретило публичное чествование 100-летия великого революционного поэта Т.Г. Шевченко. По этому поводу В.И. Ленин сказал: «Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агита-

ции против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя... После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов».

Та же участь постигла и Коста, который при жизни подвергался систематическому преследованию, который тоже испытал гнет царизма, ссылки, разлуку с родиной, который как поэт, публицист и живописец на каждом шагу встречал со стороны властей враждебное отношение.

Оба его стихотворения, посвященные Лермонтову, имеют крупное значение для характеристики как литературных взглядов Коста, так и его отношения к культуре братских народов. Стихи эти проникнуты революционным пафосом. Разоблачая политику царизма, подвергавшего гениального русского поэта гонениям при жизни, преследовавшего его и после кончины, воздававшего ему казенные почести, осетинский поэт выражал твердую уверенность, что конец самодержавному строю близок и что только тогда, когда наступит «желанная свобода», Лермонтов будет оценен по-настоящему — как «вечное светило», как «верный спутник и друг» воспетых им горских народов6.

То, о чем мечтал Коста, осуществилось при Советской власти.

Произведения Лермонтова на русском языке и в переводе на осетинский язык изучаются во всех школах Осетии. Юбилейные даты его торжественно отмечаются широкой общественностью в нашей республике. Избранные его произведения и биографические сведения о нем помещены в учебных хрестоматиях для осетинских школ, наряду с аналогичными материалами о других русских классиках и советских описателях. Произведения Лермонтова очень часто передаются по радио, посредством декламации или музыкальных переложений, во все утолки края. Портрет Коста, стоящего перед памятником Лермонтову, украшает многочисленные сборники произведений великого осетинского поэта. Имена обоих славных поэтов неразрывно, навсегда связаны в сознании дружественных народов — осетинского и русского.

Примечания

1. «Неурядицы Северного Кавказа». — К.Л. Хетагуров. «Собрание сочинений в трех томах». АН СССР, М., 1951, т. III, стр. 100. (Дальнейшие цитаты из сочинений Коста, приводимые по этому изданию, особо не оговариваются. Римскими цифрами обозначен том, арабскими — страница. — Ред.)

2. Это стихотворение цитируется по изданию: К. Хетагуров, «Осетинская лира», Москва, 1939, стр. 123.

3. М.Ю. Лермонтов, «Полное собрание сочинений» под ред. Б.М. Эйхенбаума. М—Л., т. II, стр. 44—45. Дальнейшие ссылки на сочинения Лермонтова — по этому изданию.

4. Перепечатаны в сб. В.В. Каллаша «М.Ю. Лермонтов в русской поэзии», Москва, 1914, стр. 70—74.

5. См. нашу книгу — «М.Ю. Лермонтов», Москва, 1915, I, стр. 45.

6. В.И. Ленин «К вопросу о национальной политике», Сочинения, т. XX, стр. 199. (Произведения В.И. Ленина цитируются по 4-му изд. — *Ред.*)

Текст и примечания печатаются по источнику:

Семенов Л.П. Лермонтов и Коста // Семенов Л.П. Избранное. — Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1964. — С. 31—48.

К.И. Пронская

Он жил для всех времен

«Мы и не знали, что в русском городе так любят нашего Коста...» Это сказал старый осетин Игнат Александрович Татаров, растроганный торжественным митингом, посвященным открытию мемориальной доски на доме по улице Дзержинского, 105, где жил одно время поэт.

Да, ставропольцы любят Коста Хетагурова, имя его увековечено на стене бывшей гимназии, где он учился; на здании бывшей редакции частной газеты «Северный Кавказ», где он служил.

Из редакции Коста ходил в свою художественную мастерскую по городскому бульвару, и, возможно, тогда представлялся ему владикавказский бульвар с гуляющими по вечерам чиновниками. Бульвар стал местом действия нашумевшей сатирической поэмы «Кому живется весело» (подражание Некрасову). Никогда еще газета не имела подобного успеха. Прототипы хапанцевых, конекрадовых, лизоблюдовых, людоедовых легко узнавались. И народ смеялся. Бесновались «правители-грабители», и обещанное газетой продолжение поэмы не увидело света.

На Ставропольском бульваре стоит ныне бюст певца свободы, созданный скульптором Ф.П. Перетятько. Тут же, от бульвара, начинается и коротенькая улица, по которой хаживал когда-то Коста Леванович в гости к своему учителю и другу Василию Ивановичу Смирнову. Ныне улица носит имя Коста, а в доме художника Смирнова, где некоторое время жил поэт, теперь музей, здесь Коста Хетагуров прописан навечно.

В двух мемориальных комнатах нижнего этажа, которые занимал Коста, воссоздана обстановка той поры. Музейным работникам помогли ее восстановить воспоминания дочерей художника Смирнова — Инны Васильевны и Дины Васильевны.

Вот кабинет-спальня с окном в сад. На письменном столе старинный чернильный прибор, которым пользовался Хетагуров в Алагире, когда расписывал там церковь; пожелтевший экземпляр подлинного номера газеты «Северный Кавказ» и фирменный конверт редакции; тут же гранки поэмы «Кому живется весело» и гранки стихотворения на смерть Чайковского; старинный подстаканник Смирновых... Из-под кровати выглядывает старая дорожная корзина — та самая, что была спутницей в скитаниях изгнанника.

Вторая комната — мастерская Хетагурова-художника: палитра, кисти, холст, подрамники. На мольберте незаконченный портрет Чайковского. Представляется: вот-вот вернется художник, допишет, а назавтра в Народном доме будет висеть этот портрет на сцене, и Коста будет читать свое печальное посвящение волшебнику русской музыки.

Оценим ли теперь великую потерю,
Горячая слеза найдется ль у кого?
Тогда лишь в будущность народа и поверю,
Когда он гения оплачет своего...

«Коста не любил оконных занавесок, — рассказывала Нина Васильевна, — по вечерам он закрывался на внутренние ставни». В этих комнатках, с низкими потолками и русской печью в углу, с самоваром и керосиновой лампой, шла напряженная духовная жизнь поэта. Иногда по вечерам собирались друзья, подобно ему — поднадзорные, и при наглухо закрытых ставнях, читали «крамольные» журналы «Отечественных записок», что «были светочем для тех потемок жизни русского общества...»

На Ставрополье Хетагуров прожил около двадцати лет, на них пришлось и две его ссылки. То были годы расцвета его многогранного таланта поэта, публициста, драматурга. Ставрополь он называл своей второй родиной, ведь здесь он родился духовно. Заметный след в его жизни оставила мужская классическая гимназия с горским пансионом, любимый директор Януарий Михайлович Неверов, что сеял в умах и сердцах воспитанников «разумное, доброе, вечное». Вот признание Коста:

Он нас любил и к родине суровой
Он завещал иную нам любовь, —
Отважный пыл к борьбе направил новой
И изменил девиз наш — «кровь за кровь».
Он нам внушил для истинной свободы
Не дорожить привольем дикарей...

В гимназии заметил «искру божию» у горского мальчика учитель рисования В.И. Смирнов — он развивал природный дар Коста, а затем сам повез его в Академию художеств... В Петербурге Хетагуров учился

жадно, овладевал тайнами мастерства. В атмосфере жандармского террора, свирепствовавшего после убийства царя народовольцами, он постигал, во имя чего идут герои на смерть. В студенческой среде, живущей под знаком идей Чернышевского, высвечивался и его путь. Он шел за русскими подвижниками, сам шел и звал других стихом.

О литературной общественной деятельности Коста рассказывает музейная экспозиция, расположенная на втором этаже дома. Сам поэт — стихами, письмами, статьями, рассказывает о времени и о себе.

На открытии памятника Лермонтову в Пятигорске Хетагуров произнес прекрасную речь, называя опального поэта другом, учителем, путеводной звездой. В тот жаркий августовский день он как бы принял от русского гения эстафету — его бунтарский дух.

За Коста надзирают, на него доносят, преследуют его. Стихи его на родном языке не печатаются, и в списках ходят по рукам, тайно читаются темному, безграмотному люду, стихи заучиваются, как молитвы, иные становятся боевыми песнями — так стала осетинской «Марсельезой» песня «Додой» («Горе»).

Цепью железной нам тело сковали,
Мертвым покоя в земле не дают.
Край наш поруган и горы отняли.
Всех нас позорят и розгами бьют.
Мы разбрелись, покидая отчизну, —
Скот разгоняет так бешеный зверь.
Где же ты, вождь наш? Для радостной жизни
Нас собери своим словом теперь.

Он пишет злободневные статьи, направленные против разнузданной пропаганды шовинизма и национализма. Призывает кавказские народы к дружбе и объединению с великим русским народом в освободительной борьбе.

Закрывалась единственная в Осетии школа для девочек. Коста вступил в борьбу. Школа спасена, но бунтарь выслан из Осетии на пять лет в Карачай, где вынужден томиться бездействием.

«Я переехал в Ставрополь, — писал он Анне Цаликовой, — трудно представить, с какой горячностью я отдался самой разнообразной общественной деятельности».

Жизнерадостный, полный энергии, он как бы вернулся в свою юность: те же улицы, гимназия, бульвар, те же дома, только он уже совсем иной — много знающий, умелый. И запестрели афиши, ожил Народный дом. Благотворительные концерты — Коста пропагандирует русских поэтов; любительские спектакли — Хетагуров сам декоратор, режиссер и актер; лекции в воскресной школе...

И все-то он успевал между дел основных — в редакции газеты «Северный Кавказ». Статьи, информации, стихи Хетагурова будоражили общество и раздражали градоправителей.

Он не боялся смерти физической — остерегался смерти духовной и оттого с такой безоглядной смелостью, порой до дерзости, наступал на черные силы. Его статьи о вопиющем беззаконии царизма вызвали такой резонанс в российском обществе, что правительство было вынуждено сместить с должности начальника Терской области генерала Каханова. Уникальный случай! Да только Хетагурову не пришлось торжествовать победу, ибо Каханов успел сфабриковать ложное обвинение и обрек Коста на вторую ссылку, уже за пределы Кавказа — в Херсон.

С отменой незаконной ссылки Коста снова в Ставрополе, в редакции газеты «Северный Кавказ». На ее страницах Хетагуров, борясь против декадентства, публикует произведения М.Ю. Лермонтова, Т.Г. Шевченко, А.М. Горького. В 1901 году появились положительные рецензии на произведения В.И. Ленина: «Экономические этюды» и «Развитие капитализма в России», а также на книгу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Губернатор доносил в управление печати о неблагонадежном составе редакции. То были единомышленники Хетагурова, поднадзорные: С.А. Санжур — корреспондент ленинской газеты «Искра», Б.А. Лопатин (племянник Г.А. Лопатина); Г.Н. Прозрителев — прогрессивный деятель города.

В годы предгрозья первой русской революции Хетагуров полон горячих надежд на светлое будущее:

...Верь, что мы, как любящие братья,
Воздвигнем на земле один всеобщий храм.
Храм жизни трудовой, насилью недоступный,
Сознательной борьбы без пыток и крови,
Храм чистой совести и правды неподкупной,
Храм просвещения, свободы и любви!

...В 1902 году парадная дверь этого дома в последний раз закрылась за ним. Получив разрешение вернуться в Осетию, он уехал из Ставрополя, полный творческих замыслов. Во Владикавказе начал строить свой дом, пытался создать семью, но девять лет преследований, травли и костный туберкулез подорвали его силы. Сестра увозит больного Коста в село Георгиево-Осетинское.

1 апреля 1906 года ушел из жизни великий подвижник. Он сгорел в 47 лет.

«Я осетин, Коста Хетагуров, художник, поэт и народный певец, всю жизнь мою посвятил воспитанию наших и всего Северного и Южного Кавказа...»

Ширится, приумножается хетагуровское наследие переизданием его произведений на разных языках нашей страны и за рубежом; издаются посвященные ему литературоведческие книги, статьи, воспоминания и письма современников; на сценах советских театров идет пьеса «Фатима»... Традиции Коста живут в расцветающей осетинской литературе. Неразрывны судьбы поколений.

Текст и примечания печатаются по источнику:

Пронская К.И. Он жил для всех времен // Ставрополье. — 1984. — № 4. — С. 98—101.

К.И. Пронская
Все, что припомнилось...

Нина Васильевна, дочь художника В.И. Смирнова, многое сделала для создания литературного музея в Ставрополе. В этом году Нине Васильевне исполнилось 90 лет!

Она — современница Хетагурова — живет не только сегодняшним, но и прошлым веком. Память воскрешает ее детство — первый пережитый страх от пожара в доме и вдруг появившийся в суматохе веселый сказочник, «сильно заросший бородой и с кинжалом», и она, сидя у него на коленях, «совсем его не боялась».

«У нас часто собирались гости, и тогда мы в детской засыпали под музыку. А в те дни, когда приходил Коста, нас не сразу после ужина отправляли спать. Он затевал с нами игры, беготню — и мы все радовались ему», — вспоминает Нина Васильевна.

Новая кукла, пока без имени, лежала рядом, на подушке, и пахла магазином. Нине не хочется спать, и сестры тоже шепчутся, смеются в углу. В гостиной смолкла музыка, там о чем-то заговорили, заспорили, потом запели:

Не шуми-и ты, рожь, спелым ко-о-лосом,
Ты не по-ой, косарь, про широ-о-ку степь.
Мне не для-я чего...

— Не так! Не так! — прерывает песню отец.

Коста смеется громко и раскатисто — это он «не так». В детской притихли, всем хочется, чтоб у него получилось «так». Голоса разделяются:

Мне не для-я чего собирать зерно,
Мне не для-я чего богатеть теперь...

Нина улыбается, засыпая и прижимая к себе куклу — нежданное, негаданное сокровище, — это он, Коста, утром в роще устроил детворе игру с призами. Нина, самая маленькая, сумела с завязанными глазами разрезать ножницами шнур, и Коста вскричал: «Молодец!» — и подал ей куклу.

Воспоминания овеяны теплотой и той нежностью к взрослому, который, любя детей, в общении с ними сам превращался в ребенка. Вот из новогоднего письма Коста из Петербурга Смирнову:

«В этой громадной мрачной больнице, среди сотен страдающего люда, ни о ком я так не скучаю, как о Ваших детях, дорогой Василий Иванович!

С каким бы наслаждением я провел в их обществе текущие праздники, как дорого бы дал, чтобы посидеть с ними хоть один час... Но, видно, не судьба мне быть таким счастливым. Лишенный с самого раннего детства материнской ласки и радостей семьи, я до сих пор с поразительной восприимчивостью переживаю волнения, радости и печали счастливого детского возраста. Нигде мне так не весело, как с ними, ни за кого я так не страдаю, как за них... Пусть они помнят, что для отца и матери их нет выше радости, как видеть их честными, трудолюбивыми людьми. Исполнением этой просьбы они сделают и меня своим неизменно верным другом».

И сама Нина Васильевна, прожившая жизнь, сохранила детскую доверчивость и доброту, умение довольствоваться малым и щедро делиться последним. О своей жизни она мало рассказывает, вроде и не о чем, коли нет своих детей. Смолоду работа канцелярской служащей имела для нее главную цель: посылать деньги из своего жалованья в Петербург старшей сестре. «Лизочка поехала учиться, захотела стать арфисткой. Галя училась здесь, работала пианисткой», — говорит Нина Васильевна.

Нина Васильевна сохранила пожелтевшие листки с воспоминаниями Гали об одном семейном празднестве: здесь и традиционный именинный пирог и тосты, музыка и песни, Коста и «Грунюшка-красотка» (та самая, которой он подарил две росписи на бархате и этюд «Терек»). Гостей провожает отец поздно. Но в пять часов утра он все равно уйдет на этюд. Дни его забиты уроками в гимназии, не может он целиком отдаться любимому искусству. Большая семья — большие расходы. Отцовскую трагедию поняли дети уже взрослыми.

Минули годы, уже не слышно в доме родных голосов. Нина Васильевна — хозяйка. В коридоре отвалилась штукатурка, посреди бывшей гостиной шест подпирает протекающий потолок, а вдруг обрушится? Запустение, лишь отцовские картины на стенах напоминают о прошлой крепости дома и семейном уюте.

Разве думала Нина Васильевна, что родной дом станет когда-то музеем? Нет, не думала. Но интерес краеведов к личности художника Смирнова, учителя и друга Хетагурова, вопросы о их встречах и отноше-

ниях — наталкивали на мысль: она должна сохранить свидетельства того времени. И кое-что сберегла: вот отцовская палитра. Коллекция его художественных работ (хотя неизбывные материальные трудности могли бы оправдать их продажу). Вот диван «тот самый» и «то самое» кресло, что стояли в гостиной в те годы. «Тот самый» медный самовар, им пользовался Коста, когда жил здесь. Вешалка…

То вещи ее детства, они рождают ассоциации — смотрите, воображайте. И дом оживает, наполняясь голосами хозяев и гостей, звуками виолончели, скрипки и рояля, детским смехом и плачем — всей житейской суетой многодетной семьи.

Вот семейная фотография — дети сидят тесным рядком на крыше садового колодца. Нина уже в школьной форме. И вот сегодня, спустя восемьдесят лет, сидя на том же месте, она рассказывает:

«В саду у нас было много роз, и, когда в театре был бенефис приезжей артистки, мама позволила Косте нарезать полную корзину роз».

Голос Нины Васильевны еще звонок, и улыбка не сходит с лица. Глаза ее плохо видят, но она не жалуется, не горюет и снова вспоминает рассказ матери: «Накануне того дня, когда к нам должен был переехать Коста жить, мама с кухаркою оклеили в нижнем этаже комнаты обоями. А утром пришли и рассмеялись: все обои свалились на пол. Давай скорее новый клейстер заваривать!»

Она помнит те комнаты: «В углу стояла русская печь, на окнах были внутренние ставни, Коста не любил занавесок — закрывал окна ставнями. А в комнатах у него — все книги, книги…»

Казалось, все то давнее, чем жилось когда-то, могло затушеваться временем. Но нет. Сохраняя в себе память прошлого, Нина Васильевна находит все новые штрихи, они вырисовывают нам картину жизни той поры, помогая ощутить достоверность времени.

Текст и примечания печатаются по источнику:
Пронская К.И. Все, что припомнилось… // Ставрополье. — 1981. — № 4. — С. 83–84.

Л.И. Харченко

Коста Хетагуров в Ставрополе. Общий любимец гимназистов

Историю делают люди — целеустремленные, талантливые, идущие по жизни к определенным высоким целям. Такие люди сделали Ставрополь историческим городом, и решением Советского правительства он причислен к 116 историческим городам.

На здании бывшей мужской гимназии в шестидесятые годы нашего XX века установлена мемориальная доска, на которой вместе с такими именами, как Герман Лопатин, первый переводчик I т. «Капитала» на русский язык, друг К. Маркса и Ф. Энгельса, революционер легендарной судьбы, увековечена и фамилия родоначальника осетинской литературы и осетинского литературного языка, многозвучного поэта, прозаика, публициста и основоположника осетинской национальной живописи Константина Левановича Хетагурова.

На главном проспекте — имени Карла Маркса — летом, окаймленный зеленью деревьев, зимой в их серебристом инее стоит памятник Коста Хетагурову лицом к улице, носящей его имя. Установлен он при многочисленном стечении горожан в 1959 году. В бывшем доме его любимого учителя рисования Василия Ивановича Смирнова на ул. Дзержинского № 105 в 1979 году открыт литературный музей.

По мосту времени шли, идут и будут идти благодарные потомки, хранящие неувядаемую память о тех, которые через страдания, унижения, тюрьмы, ссылки боролись за лучшее будущее человечества.

Хетагуров провел в Ставрополе, ставшем его второй родиной, около пятнадцати лет. Ставропольцы благоговейно относятся к памяти талантливого осетина.

После начальной церковноприходской школы в высокогорном селении Нар Владикавказского округа, где он родился 15 октября 1859 года, и Владикавказской прогимназии, куда он поступил приходящим учеником, отец его подпоручик русской армии Леван Елизбарович Хетагуров, переселившись из Осетии на казенные земли Кубани, где образовалось селение Георгиевско-Осетинское, обратился с просьбой к властям об определении сына Константина в Ставропольскую гимназию на казенный счет. 24 июля 1871 года начальник Кубанской области сделал распоряжение «... об отправлении в пансион при Ставропольской гимназии сына прапорщика милиции Левана Хетагурова, Константина, зачисленного по приказанию его императорского высочества наместника, кандидатом на одну из горских вакансий в пансионе названной гимназии» (Известия ЮОНИИ, вып. III, с. 71).

С первых дней учения в гимназии Коста, увлекавшийся с детства живописью, привлек к себе внимание учителя рисования Василия Ивановича Смирнова.

На всю жизнь запали в душу Коста ученические спектакли в гимназии. Он выступал сразу в трех лицах: актера, режиссера-постановщика и художника-декоратора. Неизменным его наставником в этом общественном деле всегда был Василий Иванович. Он подсказывал, как лучше нарисовать декорации, а учитель словесности Михаил Васильевич Краснов на репетициях и во время спектакля сопровождал кое-какие сцены дивной игрой на скрипке.

Через много лет современники Коста вспомнят, как он играл на гимназической сцене Карла Моора в «Разбойниках» Шиллера и Ивана Грозного в пьесе Алексея Толстого «Смерть Иоанна Грозного».

«...Самое яркое впечатление о Коста, — пишет Э. Туганов, хорошо знавший поэта по Ставропольской гимназии, — от субботних вечеров, когда по просьбе сурового директора Гнипова, на радость всем пансионерам, Хетагуров читал стихи. Отчетливо, звучно, с своеобразным тембром из широко открытого рта, при блеске вдохновенных орлиных глаз неслось в покорной тишине:

Тиха украинская ночь,
Прозрачно небо...

Помню, Коста изображал на сцене Ивана Грозного. Игра была так реальна и совершенна, что один из зрителей вскочил на сцену и обнял Хетагурова...»

Однокашник Коста И. Цирульников вспоминал: «... В период 1875-1881 гг. Коста Хетагуров был близким моим товарищем по Ставропольской гимназии и пансиону при ней... он был общим любимцем гимназистов и преподавателей. Еще гимназистом у него было сильное тяготение к поэзии. Его карикатуры на некоторых учителей имели огромную популярность. Каждый год, в день открытия Ставропольской гимназии (18 октября 1837 года. — Л.Х.), Коста принимал деятельное участие...».

Здесь он познал пленительную поэзию Пушкина, Лермонтова, певца народного горя Некрасова, драматурга Островского.

От ссыльных народников и революционно настроенной интеллигенции узнал юноша с гор, что народ угнетен не только в Осетии, но и в царской России. В Ставрополе, в подпольном молодежном кружке, которым руководил товарищ ранее бежавшего из Ставропольской ссылки Германа Лопатина — К.А. Росляков, разбудили в Коста классовое сознание. В кружке он понял, что такое национальная политика царизма на Кавказе. Помощниками стали книги Белинского, Писарева, Лассаля. Надо думать, что именно тогда в душе гениального горца и созрело решение — отдать всю свою жизнь святому делу борьбы за освобождение угнетенного народа.

В.И. Смирнов первый обратил внимание на незаурядное художественное дарование Хетагурова и часто выставлял его работы на выставках в гимназии. В 1877 году Смирнов представил в Москву на Всероссийскую выставку художественных работ учащихся средних учебных заведений рисунки своего любимого ученика. Хетагуров называл себя «благодарным и признательным учеником Василия Ивановича». Всю жизнь они были друзьями.

Перейдя в пятый класс, Коста остался в нем на второй год и лишился стипендии. Начал зарабатывать на жизнь частными уроками. Но этого явно не хватало. Пришлось оставить гимназию.

По совету Василия Ивановича 25 мая 1881 года Хетагуров подал на имя директора прошение о выдаче ему документов и свидетельства об успехах для поступления в Санкт-Петербургскую Академию художеств. По рекомендации Януария Михайловича Неверова, бывшего директора гимназии, известного просветителя, и тактичному настоянию Василия Ивановича педагогический совет гимназии ходатайствовал перед начальником Кубанской области о выделении из горских штрафных сумм стипендии Коста Хетагурову для продолжения обучения в Санкт-Петербургской Академии художеств.

«...Педагогический совет Ставропольской гимназии во все время пребывания в гимназии воспитанника Хетагурова замечал в нем преобладающую способность, направленную к художественной деятельности, в которой он достиг значительной совершенной силы так, что его рисунки... посылаются гимназией на Московские Всероссийские выставки, — писалось в ходатайстве педсовета. — Независимо от своей наклонности к художеству, Хетагуров представляет недюжинные способности во всех основных областях учения, и мог бы быть одним из лучших учеников по всем предметам, если бы не отдавал он все свое время и свои симпатии рисованию и родственным с ним занятиям...» (ГАСК. Ф. 73. Оп. 1, 329. Л. 18-19).

Ходатайство педсовета было удовлетворено, и сам Василий Иванович Смирнов повез своего подающего большие надежды ученика в Академию художеств. В свою академию. Ведь Смирнов учился в ней вместе с Ильей Репиным и другими, ставшими впоследствии известными художниками. В соревновании с Ильей Ефимовичем Смирнов получил Большую серебряную медаль, а Репин — Малую.

Смирнов лично хлопотал о приеме Коста в Академию художеств. В числе трехсот человек, претендовавших на 25 вакансий, Коста блестяще сдал экзамен и был зачислен в «Головной гипсовый класс».

Шли дни, месяцы, годы в упорном достижении профессиональных знаний. Порой щемящая тоска по Ставрополю одолевала Коста, тогда он садился и писал письмо самому дорогому человеку: «... Поздравление мое с праздником примите, дорогой Василий Иванович, и сами, и благоволите передать его «многострадальной» Анисье Федоровне с пожеланием Вам обоим здоровья, силы, мужества и энергии для доведения до конца Вашей многосложной и трудной задачи. Примите уверение в искренности всего сказанного о горячей признательности к Вам Вашего всегда благодарного и признательного ученика Коста.

Приложение:

Стук, стук!...
Кто там?
Отворите...
Кто ты?
Свои... Ну, вот смотрите...
Я пришел Христа прославить,
Вас всех с праздником поздравить:
Васю, Дуню, Нину, Лушу,
Гимназистов — Сашу, Мишу,
Галю, строгую артистку,
И Катюшу гимназистку.
Коли праздник — веселитесь,
А коль дело — не ленитесь!
Будьте ласковы, сердечны,
И тогда, друзья, мы вечны.
А теперь за поздравленье
Дайте к чаю мне варенья!
Вышло коротко и просто...
До свиданья! Друг ваш Коста».

Проучился Хетагуров три года на стипендию горских «штрафных сумм». На его талант обратили внимание знаменитые мастера кисти Айвазовский и Верещагин. Но снова Коста больно ударила судьба. Начальник Баталпашинского уезда растратил деньги из фонда «штрафных сумм», которые выдавались Хетагурову, и пришлось ему оставить Академию и пойти грузчиком в порт, а позже присоединиться к такому же бедняку, как и он, писать по заказу портреты и иконы.

В октябре 1884 года Хетагуров официально был исключен из списков учеников Академии и переведен вольнослушателем в тот же «гипсово-фигурный класс».

О своей жизни в Петербурге Коста написал поэму «Чердак», которую затем, будучи в Ставрополе, опубликовал в газете «Северный Кавказ».

Дешевая лампа едва озаряет
Убогую келью… Некрашеный пол,
Железная печка… Кровать занимает
Всю заднюю стену… Два стула и стол.

…Припухлые веки, смертельная бледность.
Бескровные губы, упавшая грудь
И сдержанный кашель… Недаром же, бедность,
И ты поспешила сюда заглянуть.

В 1885 году, заняв у своего родственника Андукапара денег, он приехал в село Георгиевско-Осетинское к отцу, а осенью во Владикавказ… Занимался живописью, работал в театре, организовывал выставки своих картин, писал стихи на осетинском языке. <…>

Текст и примечания печатаются по источнику:

Харченко Л.И. Коста Хетагуров в Ставрополе // Весь мир — мой храм. — Орджоникидзе: «ИР», 1989. — С. 298–306.

А.Х. Киргуев

Ставрополье – духовная родина Коста
(к 150-летию со дня рождения Коста Левановича Хетагурова)

Память о великих людях имеет для нас не меньшее значение,
чем их живое присутствие.
Сенека (младший)

Слова, сказанные известным римским философом, в полной мере относятся к великому сыну осетинского народа Коста Хетагурову. Память о нем передается из поколения в поколение не только в Осетии, но и в многонациональной России, а также во многих странах мира. «Был я в Японии, — писал Р. Гамзатов, — и мне стало приятно, когда в одном из городов нам заявили, что они хорошо знают нашего Коста» (Осетия и осетины. М., 1993. С. 420). Отметил мировую известность Коста Хетагурова и известный русский писатель Николай Тихонов: «Коста Хетагуров полноправно вошел в великую семью мировых классиков. Всюду его имя пользуется почетом и уважением» (там же).

Бесспорно, его жизнь — это подвиг, образец служения своему народу. Редко кому удавалось соединить в себе гений поэта и художника, просветителя и общественного деятеля, театрального режиссера и публициста. Но трепетное отношение к нему, обоготворение Коста своим народом кроется не только в этом. Как справедливо отметил один из первых лауреатов Государственной премии им. К. Хетагурова В. Цаллагов: «…народ видел в Коста еще и воплощение всего лучшего, что по крупицам было в каждом горце: талант и трудолюбие, мужество и гордость, благородство и высочайшая нравственная культура».

Пушкин, Шекспир, Гете, Вольтер… Каждого из них по праву можно назвать «властителем дум» своего народа. И все же такого решающего влияния на культуру, духовный мир своего народа на столетия вперед, какое имел Коста, вряд ли кому удалось достигнуть. Известный ученый-языковед, академик В. Абаев, подчеркивая решающее влияние творчества Коста на духовный мир осетин, писал: «Я считаю, что каждый осетин в той мере может считаться достойным сыном своего народа, в какой он ценит и любит Коста» (там же, с. 219).

Более того, вполне справедливо, на мой взгляд, считать творчество Коста, идейное его содержание одним из составляющих осетинской национальной идеи. Ведь каждое последующее поколение осетин в духовном, культурном и нравственно-психологическом планах формируется на глубоком почитании и осмыслении «свода моральных законов» («ирон агъдаутта») осетин, духа святого Георгия — покровителя осетин и творчества Коста. Правомерно отметить, что эти составляющие осетинской национальной идеи выступают своего рода клейковиной, сплачивающей осетин в любом уголке планеты, островом осетинского национального «кода».

Родился Коста 15 октября 1859 года в горском осетинском селении Нар. Его отец, Леван Елизбарович, служил во Владикавказе прапорщиком постоянной Терской милиции, пользовался среди земляков огромным уважением. Мать Коста — Мария Гавриловна (в девичестве Губаева) умерла вскоре после рождения сына. Свои «университеты» Коста начал с нарской сельской школы. Учился некоторое время во Владикавказском реальном училище. Но становление Коста как поэта и художника прошло на Ставрополье, где он прожил более 15 лет. Сам Коста Ставрополье называл своей «духовной Родиной».

После переселения с малоземельными горцами на казенные земли Баталпашинского уезда Кубанской области и основания селения Георгиевско-Осетинского отец Коста Леван Елизбарович обратился к властям с просьбой об определении сына на учебу в единственную в то время на Северном Кавказе мужскую гимназию. Летом 1871 года он привез двенадцатилетнего Коста в Ставрополь, к тому времени зачисленного кандидатом на одну из горских вакансий в пансионе гимназии. Ставропольская гимназия в то время была лучшим учебным заведением на Кавказе. И это, вне всякого сомнения, заслуга выдающегося педагога, философа, общественного деятеля Януария Михайловича Неверова.

О Коста Хетагурове написано немало. Достаточно основательно исследован ставропольский период его становления как художника и поэта. И отношение ставропольских исследователей нескольких поколений, в целом губернской творческой интеллигенции к нему такое же, как к А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову, Л.Н. Толстому, но еще и как к первому русскоязычному поэту Юга России.

Это достаточно емко выразил известный ставропольский поэт Витислав Ходарев в стихотворении «У памятника Коста Хетагурову в Ставрополе»:

Немало лет с поры той миновало,
Когда в казачьем городе Креста
Ходил поэтов южных запевала —
Великий сын Осетии Коста.

Оставил горы, саклю (так случилось),
В других краях дороги он искал.
На то была, конечно, Божья милость —
Он в Ставрополе крылья обретал.

Писал стихи, крутые эпиграммы,
Иконописцем был — гордился тем…
В святом саду Андреевского храма
Собрал немало строчек для поэм.

Стою, на памятник Коста взирая, —
Поэт в черкеске, слитые уста.
И в камне остается грусть земная,
В тебе, незабываемый Коста.

О решающем влиянии творческого духа Ставропольской гимназии, заложенного Я.М. Неверовым — ее директором, следует сказать особо, более подробно. Коста не застал Неверова. Януарий Михайлович к тому времени вышел на пенсию и жил в Санкт-Петербурге. Но «неверовский дух», его педагогические и философские идеи царили в гимназии многие годы.

Недаром Коста посвятил ему слова:

Он нас любил, и к родине суровой
Он завещал иную нам любовь, —
Отважный пыл к борьбе направил новой
И изменил девиз наш — «Кровь за кровь».

Неверова отличала великая культура русского просвещенца, педагога, мыслителя. Его уважительное, по сути отцовское отношение к гимназистам-горцам, основанное на глубоком знании обычаев, традиций и нравственно-психологических особенностей кавказских народов, отражало в целом настроение передовой русской интеллигенции. Неверов ввел в систему обучения и воспитания гимназистов ежегодные конкурсы сочинений. Причем в этих конкурсах активное участие принимали и гимназисты-горцы. Лучшие сочинения затем печатались в различных изданиях.

Известно, что некоторые сочинения гимназистов-горцев вызывали сомнения в их подлинности. Так, в 1859 году обозреватель «Отечественных записок» высказал в хронике сомнение в подлинности сочинения осетина Иналуко Тхостова. Неверов гневно обрушился на автора хроники и написал, что «сочинение воспитанника Ставропольской гимназии осетина Иналуко Тхостова действительно вполне принадлежит ему». Следует отметить, что сочинение Тхостова заняло второе место, а первое совет гимназии присудил также горцу Адиль-Гирею Кешеву. «И это действительно замечательное явление, — пишет Неверов, — что в русской гимназии на 350 учащихся русских и 20 горцев торжество успеха оказывается на стороне такого меньшинства… что не один Тхостов из обучающихся в Ставропольской гимназии горцев так мыслит и так хорошо выражается…» (Неверов Я.М. Еще об образовании кавказских горцев // Глагол будущего. Ставрополь, 2006. С. 73).

Успехи гимназистов-горцев Неверов объясняет удивительно глубоко, тонко и тактично. Россия открыла для горцев новое, до сего времени для них неизвестное поприще умственной деятельности, рассуждает он, «и по природе свежих натур горец, принявшись за перо и книгу, предается им с такой же страстью, с каким он до сего времени предавался войне и наездничеству… Из сорока горцев, в настоящее время находящихся в гимназии, нет ни одного тупого». И далее: «…горцы так честолюбивы… что эта черта характера служит одним из главных двигателей их успехов: в науке, как и на войне, горец ищет славы, дорожит ею выше всего… Долг наш — с братской любовию принять их в общечеловеческую семью, и эту любовь они способны оценить вполне. Их свежая, девственная, но вместе с тем пламенная натура только такой любовию и может быть направляема к добру» (там же, с. 75).

Неверов объясняет успехи горцев атмосферой, нравственно-психологическим климатом в гимназии. «В гимназии, — пишет он, — дозволено уклоняться от форменности; официальные отношения заменены другими, основанными на взаимной любви и доверии. Здесь дикие племена Кавказа могут служить поучительным примером для цивилизованных наций» (там же).

Януарий Михайлович очень тонко подмечает еще один момент такого отношения к учебе гимназистов-горцев, который, кстати, не мешало бы взять на вооружение современной школе. «Поступая в заведение, — пишет Неверов, — они предаются ему вполне, с полной безграничной доверенностию. Их не балуют маменьки, не сбивают с толку отцы, рассуждая, что полезно и что бесполезно в науках, какой учитель хорош и какой дурен… Раз вступив в заведение, горец принадлежит ему душою и телом» (там же).

Важным обстоятельством в успехах горцев Неверов считал «решительное отсутствие влияния семейства горцев на школьную жизнь, полное их доверие воспитателям, что предоставляет школе полный простор действовать на натуру вполне восприимчивую, свежую, без всякой вредной подготовки, одаренную богатыми природными способностями» (там же).

Осмысление особенностей педагогической атмосферы Ставропольской гимназии позволяет ответить на весьма часто задаваемый вопрос: как удалось Коста достичь таких вершин в поэзии, живописи, если он не завершил учебу ни в гимназии, ни в Академии художеств. Откуда у горского юноши такое блестящее знание русского языка? Ведь Коста после пятого класса лишился стипендии, оставил гимназию, да затем и Академию художеств по той же причине.

В течение 10 лет я служил в должности начальника кафедры общественных наук Ставропольского высшего военного инженерного училища связи, которое размещалось в зданиях бывшей гимназии. Из многих источников мне посчастливилось узнать «родословную» той или иной аудитории, гимназии в целом. Мне часто приходилось читать лекции в аудитории, где Коста, будучи гимназистом, ставил ученические спектакли, выступая сразу в трех лицах: режиссера-постановщика, художника-декоратора и актера.

Я познакомился со многими людьми, которые имели богатейшую информацию о гимназии, о ставропольском периоде жизни и творчестве Коста. Недавно ушедшая из жизни известный литератор, театральный критик, музыковед Галина Николаевна Пухальская лично знала и общалась с младшей дочерью В. Смирнова Гали́, последней любовью Коста. По моей просьбе Галина Николаевна к 140-летию поэта написала сценарий мини-спектакля «Вариации на тему: «Последняя любовь поэта». Его силами лучших актеров краевого драмтеатра показали в доме-усадьбе Смирнова, где проживал Коста. Кстати, запись этого спектакля показали и по Северо-Осетинскому телевидению. Вышла интересная книга талантливого писателя В. Кравченко «Коста, сын Леуана», которая открыла многие неизвестные стороны жизни и творчества Коста, по-новому заставила взглянуть на его жизнь.

Коста был не просто одаренным юношей, а гениально одаренным. Но, как известно, одаренность, даже гениальная, особенно, если это художественная натура, требует для полного расцвета соответствующей «почвы», школы. Такой почвой, такой школой для таланта Коста оказались стены Ставропольской гимназии. Он с первых дней учебы окунулся в атмосферу необычайно творческую, может быть, даже уникальную. Мы уже отмечали систему изучения русской словесности, заложенную Неверовым.

Следует назвать и талантливый состав учителей, который с первых дней пребывания Коста в гимназии обратил внимание на одаренного юношу. В памяти Коста остались на всю жизнь его учителя: русского языка и словесности, М.В. Краснов, естественной истории, В.Ф. Миловидов, латинского языка, А.И. Бенедиктов, истории, В.С. Воскресенский, географии, К.К. Кригер и другие.

И все же самую значительную роль в становлении Коста как художника и поэта сыграл выпускник Петербургской Императорской академии художеств Василий Иванович Смирнов, который прибыл в гимназию учителем рисования. Василий Иванович с первых уроков обратил внимание на одаренного юношу и стал поручать ему оформление ученических спектаклей. Под его влиянием Коста написал первые работы: картину «Знамя с горным орлом» и «Портрет отца». Смирнов высоко оценил эти работы и предложил ему в будущем продолжить учебу в Академии художеств.

Первый биограф Хетагурова Гиго Дзасохов писал, что Смирнов всегда ставил Коста в пример другим ученикам, выставлял его картины для обозрения. Такое внимание окружающих к его способностям якобы развило в Коста самоуверенность, и он перестал дорожить дипломом… По другой версии он чуть было не сбежал с одной труппой цирка…

После пятого класса педагогический совет Ставропольский гимназии стал ходатайствовать о зачислении Коста в Академию художеств, отмечая, что «воспитанник Хетагуров… достиг значительной совершенной силы к художественной деятельности, так что его рисунки… посылаются гимназией на Московские и Всероссийские выставки… Независимо от своей наклонности к художеству, Хетагуров представляет недюжинные способности во всех основных областях учения и мог бы быть одним из лучших учеников по всем предметам, если бы не отдавал он все свое время и свои симпатии рисованию и родственным с ним занятиям…»

Кстати, Коста гимназистом писал стихотворения и на осетинском языке: «Муж и жена» и «Новый год». В гимназии он овладел в совершенстве русским языком, о чем свидетельствуют его более поздние произведения: стихи, публицистические статьи, рассказы на русском языке. Весной 1881 года Коста получил разрешение начальника Кубанской области генерал-лейтенанта Кармалина: «…Я вполне изъявляю согласие на предоставление… Хетагурову стипендии, оплачиваемой из горских штрафных сумм для специального образования к художественному ремеслу в том учебном заведении, в какое благоугодно будет Вам определить», — писал он на имя директора гимназии В.Д. Гнипова.

Василий Иванович Смирнов несколько месяцев перед поступлением юноши в Академию художеств почти круглосуточно занимался с Коста и поехал с ним в Санкт-Петербург. Коста блестяще выдержал вступительные экзамены и был зачислен на живописный факультет. После двух лет успешной учебы Коста

получил крайне неприятное известие о том, что ему прекращают выплачивать стипендию, так как деньги, предназначенные для обучения одаренных юношей-горцев, были растрачены начальником уезда.

В течение двух лет после отчисления из академии Коста жил в постоянной нужде и довольствовался случайными заработками. Но годы, проведенные в Питере, сформировали его мировоззрение. По возвращении из Санкт-Петербурга в Георгиевско-Осетинском, а затем во Владикавказе Коста включился в самую активную фазу своей творческой жизни. Он упорно занимался живописью, работал в театре, все шире раскрывалось его поэтическое дарование. Блестящее знание русского и осетинского языков позволило ему написать ряд прекрасных стихотворений. Его поэзия на осетинском языке становится популярной среди всех слоев общества, а сам Коста завоевывает искреннюю любовь своего народа.

Но, как часто бывает, с ростом популярности росло число завистников и недоброжелателей. Коста не был исключением. Они боялись его, хотя зачастую заискивали перед ним. Властям внушали страх публицистические статьи Коста, исповедовавшего традиции революционных демократов. «...Я художник и народный поэт, — писал Коста, — всю мою жизнь посвятил борьбе...» В своих произведениях он проповедовал равенство и свободу, как никто другой переживал боль и горе своего народа.

Если бы пел, как нарт вдохновенный,
Если б до неба мой голос взлетал,
Все бы созвал я народы Вселенной,
Всем бы о горе большом рассказал.

* * *

Когда тебя постигнет горе,
Ты вспомни лишь народ, —
Среди его невзгод
Твои страданья — капля в море.

В 90-е годы его страстное слово звучало со страниц многих газет, где он обличал представителей власти Терской области. Как остроумно отметил В. Абаев: «У Пушкина был Бенкендорф, у Коста — Каханов». Начальник Терской области генерал Каханов в 1891 году в трехдневный срок выслал опального поэта за пределы Владикавказа. Вторично с характеристикой «вредный для общественного спокойствия» генерал отправил Коста в ссылку в Херсон на пять лет. После подачи протеста Коста получил возможность проживания везде, за исключением Владикавказского округа.

Новый, 1901 год он встретил в Пятигорске, затем переехал в Ставрополь и стал постоянным сотрудником газеты «Северный Кавказ». В этот период еще больше раскрылся его талант публициста. Статьи, фельетоны, корреспонденции отличались острой критикой режима и защитой интересов обездоленных.

Жил он в доме Смирновых, где всегда был желанным гостем. Все члены семьи к Коста относились, как к родному человеку. В самые трудные минуты своей жизни он находил в семье Смирновых домашний уют и тепло сердец близких людей.

В. Кравченко в своей книге «Коста, сын Леуана» приводит рассказ Гали Васильевны, которая на закате своей жизни (она скончалась в Георгиевске в 1974 году) рассказала дочери о той роли, которую сыграл Коста в жизни семьи Смирновых: «Мы всегда задумываемся над тем, чьими современниками нам посчастливилось быть. Сознание привыкает к их... постоянному духовному присутствию, благодаря которому жизнь приобретает особую наполненность и смысл. Так произошло у меня с Коста... Без личности Коста невозможно было представить жизнь нашей семьи... Мы имели счастливую и совершенно особую возможность общаться с этой неповторимо индивидуально цельной натурой. И это общение всю последующую жизнь скрашивало мне существование...» (Кравченко В.Н. Коста, сын Леуана. Ставрополь, 2007. С. 74—75).

Трагическая любовь к Анне Цаликовой, а на закате жизни к Гали́ Смирновой, неустроенность личной жизни, лишения, ссылки, болезни летом 1903 года дали о себе знать. Коста оказался прикованным к постели. Жил он один, нанимая небольшую квартиру на Тарской улице Владикавказа. В начале 1904 года сестра Ольга перевезла его в отцовский дом в Георгиевско-Осетинское, где он провел последние полтора года. Умер Коста 19 марта 1906 года. Похоронили его в одной могиле с отцом, но по просьбе жителей Осетии гроб с телом Коста перевезли во Владикавказ.

В письме к Гиго Дзасохову, первому биографу Коста, Ольга Левановна пишет: «Во Владикавказе хоронили с большим торжеством. Коста уже в Беслане, встретили и там... Цомаев служил панихиду на платформе у вагона... Прибыли во Владикавказ часов в 11. На вокзале было столько народа, что пройти было трудно... Хотя приготовили траурную колесницу, но его все время несли на руках, даже на головах. Несли студенты, офицеры, простой народ... и даже оборванцы, все старались хоть дотронуться до гроба... Его отпевали осетины, грузины, армяне... каждый на своем языке. В осетинской церкви Гатуев говорил и по-

русски и по-осетински. Мусульмане возле церкви сделали свое «дуа» (Хетагурова О. Два письма… к Гиго // Коста Хетагуров: Критико-биографический очерк. Ростов-на-Дону, 1909. С. 141—146).Так проводили в последний путь Коста… Ушел он из жизни в неполные сорок семь лет… Но дух, великие его творения в живописи, поэзии, дела и поступки во имя Осетии и осетин, во имя обездоленного человека любой национальности остались на века.

Творчество Коста — прожектор, освещающий путь к свободе, равенству, братству, справедливости и любви.

Я смерти не боюсь, — холодный мрак могилы
Давно меня манит безвестностью своей,
Но жизнью дорожу, пока хоть капля силы
Отыщется во мне для Родины моей…

Я счастия не знал, но я готов свободу,
Которой я привык, как счастьем дорожить,
Отдать за шаг один, который бы народу
Я мог когда-нибудь к свободе проложить.

Чувствуя приближение конца земной жизни, смертельно больной Коста, хотя ему было трудно говорить, довольно ясно приветствовал всех только одной фразой: «Ма афсымарта, карадзи уарзгайа царут» («Братья мои! Живите, любя друг друга»). С этими словами на устах великий Коста умер. Ни один осетин не сделал ничтожной доли того, что Коста сделал для своего народа. И последние слова поэта: «Живите, любя друг друга» — главный принцип его жизни, основа его философии.

Коста воспел самое святое, что есть у осетин — ирон агъдаутта (моральные законы, традиции осетин), любовь, незапятнанную совесть, честный труд, свободу и равенство. Он был гражданином мира: «Весь мир мой храм, любовь — моя святыня, Вселенная — Отечество мое», — писал поэт.

Нет Коста с нами вот уже более ста лет.

Осетия вместе с Россией и другими братскими народами прошла за это время через цепь сложнейших трагических испытаний, радости побед и великих достижений в культуре и экономике. И дух великого певца свободы осенял каждого осетина, всех людей, кто его знал. Имя великого Коста звало сынов Осетии на подвиги и в годы Великой Отечественной войны. Каждый второй воин-осетин погиб на поле брани. Тридцать семь осетин стали Героями Советского Союза, а Владикавказ — городом воинской славы.

Родное село Коста Георгиевско-Осетинское, ныне село имени Коста Хетагурова по праву можно назвать «селом воинской славы и отваги». 790 воинов-односельчан Коста были награждены орденами и медалями СССР. Трое из них стали Героями Советского Союза. 24 (!) человека по фамилии Хетагуров не вернулись с фронта домой.

Славу Коста продолжили и продолжают первая в мире женщина-дирижер В. Дударова, прима-балерина С. Адырхаева, великий актер В. Тхапсаев, руководитель Мариинского театра, самый известный в мире оперный дирижер В. Гергиев, академик-языковед В. Абаев, поэт Г. Кайтуков и многие другие.

С приближением 150-летия со дня рождения Коста Хетагурова не только в Осетии, но и в других республиках, краях и областях Северного Кавказа пройдут масштабные юбилейные мероприятия, открытие новых памятников, в том числе и в Пятигорске… Но лучшим памятником для Коста будет, если каждый из нас искренне примет к сердцу слова поэта:

Но если бы роду людскому
Мне долг отплатить довелось,
Тогда б я запел по-другому,
Запел бы без боли, без слез…

Тогда бы наше общество стало чище, благороднее. Коста оставил нам великое наследие. С его именем каждое поколение осетин, очень многие русские вступают в жизнь. Но сегодня, как никогда, мы ощущаем его отсутствие. Перестройка, реформы, мировой финансово-экономический кризис привели к подмене ценностей. Под угрозой наше славное прошлое, моральные устои наших предков. Многие члены нашего общества, как говорят в Осетии, «и на солнце через копейку стали смотреть»… В борьбе за власть, за собственность, за деньги идут на самые тяжкие преступления, предают близких, даже родственников.

Настало время всем нам провести «ревизию в своем сознании», в сердце своем и последовать совету Коста, который повторял перед смертью: «Ма афсымарта, карадзи уарзгайа царут» («Братья мои! Живите, любя друг друга»).

Библиография

Произведения К.Л. Хетагурова

Хетагуров К.Л. [Полное] собрание сочинений: в 5 т. — М: Изд-во АН СССР, 1959—1961.

Т. 1: Осетинская лира. — 1959. — 455 с.

Т. 2: Стихотворения. Рассказы. — 1960. — 381 с.

Т. 3: Поэмы, драматические произведения. — 1960. — 397 с.

Т. 4: Публицистика. — 1960. — 495 с.

Т. 5: Письма. Записки. Наброски. Деловые бумаги. — 1961. — 509 с.

Хетагуров К.Л. Собрание сочинений: в 3 т. — М.: Худож. лит., 1974.

Т. 1: Стихотворения. — 325 с.

Т. 2: Поэмы, драматические произведения. — 300 с.

Т. 3: Статьи. Письма. — 398 с.

Хетагуров К.Л. Осетинская лира: думы сердца, песни, поэмы и басни. — Владикавказ: Ир, 1994. — 271 с.

Хетагуров К.Л. Фатима: кавказская повесть: [в стихах]. — Орджоникидзе: Ир, 1989. — 125 с.

Коста Хетагуров: критико-биогр. очерк. Стихотворения. Письма и воспоминания. Документы к биографии. Портреты. — Ростов н/Д., 1909. — 164 с.

Хетагуров К.Л. Стихотворения / Изд. газ. «Сев. Кавказ». — Ставрополь, 1895. — 160 с.

Хетагуров К. Моя любовь — Кавказ: стихотворения. — Ставрополь: Лит. фонд России, 1999. — 47с. — (Писатель и эпоха. 20 век. Б-ка писателей Ставрополья для школьников).

Хетагуров К. Осетинская лира — Ирон Фаендыр: думы сердца, песни, поэмы и басни. — Орджоникидзе: Ир, 1974. — 278 с.

Хетагуров К. Сборник произведений: репринт. изд. — М.: Менеджер, 1999. — 332 с.

Хетагуров К. Плачущая скала: стихотворения. — Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2008. — 52 с. — (Библиотека писателей Ставрополья для школьников; вып. 2).

Хетагуров К. Стихи. Поэмы. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1984. — 189 с: ил.

Хетагуров К. В решительную минуту. Страстная неделя. Ночлег: стихи / Предисл. В. Неведомской «Осень, посвященная Коста» // Кавказ. край, Пятигорск. — 1997. — № 45. — 6—12 нояб. — С. 4, фото.

Хетагуров К. Кто песнь обо мне на фандыре сыграет? — Стихи / Пер. П. Панченко и др. // Лит. Ингушетия. — 2004. — № 1. — С. 92—99.

Хетагуров К.Л. [Осень едва ли не самое лучшее время года в Ставрополе…] // Хетагуров К.Л. Собр. соч.: в 5 т. — М., 1960. — Т. 4: Публицистика. — С. 119—120.

Хетагуров К.Л. Памяти Неверова // Глагол будущего. — Ставрополь, 2002. — Ч. 1: Труды Неверова. Конкурсные сочинения гимназистов. — С. 10.

Хетагуров К.Л. Заметки в газете «Северный Кавказ» // Север. Кавказ. — 1896. — 25, 28 апр., 2, 5, 12 мая; То же: Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. — Ставрополь, 2007.— С. 443—445.

Литература о жизни и творчестве К.Л. Хетагурова

Апресян Г. Встречи с Коста: очерки. — Орджоникидзе: Северо-Осет. кн. изд-во, 1962. — 87 с.

Бадаев И.Т. Романтическая поэма Коста Хетагурова «Фатима»: к вопросу о связи с романтическими поэмами Лермонтова. — Орджоникидзе: Ир, 1970. — 72 с.

Весь мир — мой храм… [сб. ст.] К 130-летию со дня рождения К. Хетагурова / Ред.-сост. А.Г. Кучиев. — Орджоникидзе: Ир, 1989. — 373 с.

Габараев С.Ш. Мировоззрение Коста Хетагурова. — М.: Соцэкгиз, 1959. — 243 с.

Головкова Т.Ф. Хетагуровские места в Ставрополе: [памятка] / Лит. музей писателей Север. Кавказа. — Ставрополь, 1979. — 4 с.

Джатиев Т.И. Горная звезда: роман-хроника [роман посвящен творческой судьбе и личности Коста Хетагурова] / Пер. с осет. А. Мусатова, Л. Либединской. — М.: Современник. — 1973. — 368 с: ил., портр.

Джусоев Н.Г. Тема Кавказа в русской литературе и в творчестве Коста Хетагурова. — Сталинир: Госиздат Юго-Осетии. — 1955. — 248 с.

Калоев Б.А. Вторая родина Коста: жизнь и деятельность осетинского поэта К. Хетагурова на Кубани и Ставрополье. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1988. — 319 с. — Библиогр.: с. 292—318.

Комаева Р.З. Глаголом жечь сердца людей: о русскоязычных произведениях К. Хетагурова. — Орджоникидзе: Ир, 1989. — 269 с.

Корзун В.Б. Коста Хетагуров: очерк жизни и творчества. — М.: Сов. писатель, 1957. — 202 с.

Коста Хетагуров: сборник памяти великого осетинского поэта / Под ред. А.А. Фадеева. — М.: Худож. лит., 1941. — 255 с. — Библиогр.: с. 228—250.

Коста Хетагуров: статьи о жизни и творчестве. — Орджоникидзе, 1959. — С. 213—227.

Коста Хетагуров в Пятигорске: к 120-летию со дня рождения / Пятигор. центр. гор. б-ка им. М. Горького; сост. Е.Б. Польская, Н.К. Шахназарова. — Пятигорск, 1980. — 20 с.

Кравченко В.Н. Коста, сын Леуана. — Ставрополь: ЮРКИТ, 2007. — 109 с.

Кусов Г.И. Вокруг Коста. — Орджоникидзе: Ир, 1979. — 270 с.

Кусов Г.И. Вокруг Коста. — Владикавказ: Полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2009. — 352 с.

Польская Е., Розенфельд Б. Дорогие адреса: памятные места Кавказских Минеральных Вод. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1974. — 176 с.

Из содерж.: Обыкновенные дома (К.Л. Хетагуров в Пятигорске). — С. 73—79.

Польская Е.Б., Розенфельд Б.М. И звезда с звездою говорит... / Вступ. ст. В.А. Мануйлова. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1980. — 286 с: ил.

Из содерж.: Осетинская лира (К.Л. Хетагуров). — С. 181—191.

Сабаев С.Б. К.Л. Хетагуров и русская литература. — Орджоникидзе: Ир, 1989. — 37 с.

Семенов Л. К вопросу об отношении К. Хетагурова к русской культуре. — Орджоникидзе: Ир, 1955. — 108 с.

Серебряная М.И. Еще одна грань [о К. Л. Хетагурове]. — Орджоникидзе: Ир, 1979. — 36 с.

Цаллагов В.П. Публицистика Коста Хетагурова: очерки и исследования о творчестве К. Хетагурова. — Орджоникидзе: Ир, 1983. — 223 с.

Бероев Б.М. Коста Хетагуров и география Кавказа // География в школе. — 2000. — № 1. — С. 41—42, 83.

Галазов А.Х. Народный поэт, художник и просветитель Коста Хетагуров // Сов. педагогика. — 1979. — № 12. — С. 101—107.

Букулов А. Сатикарская быль: к 145-летию со дня рождения Коста Хетагурова // Дарьял. — 2004. — №4. — С. 6—29.

Быкова Н. «Весь мир — мой храм» [о личности и творчестве К. Хетагурова, его связях со Ставрополем и Сев. Кавказом] // Ставроп. правда. — 1999. — 16 окт. — С. 3, фото.

Гиреев Д. Певец гор: к 120-летию осетинского поэта К. Хетагурова // Дон. — 1979. — № 10. — С. 183—189.

Гутнов В. Весь мир — мой храм... [к 140-летию со дня рождения осет. поэта К. Хетагурова] // Независим. газ. — 1999. — 14 окт. — С. 16, фото.

Гущин А. Памяти поэта Коста [К. Хетагуров в Ставрополе] // Коста Хетагуров. — Ростов н/Д., 1909. — С. 136—140; То же: Новый Северный Кавказ. — 1906. — 25 дек.

Джусойты Н. Урок судьбы поэта: к 125-летию со дня рождения осетинского поэта К. Хетагурова // Дружба народов. — 1984. — № 10. — С. 236—237.

Дзантиев А. Недопетая песня // Дружба народов. — 1989. — № 6. — С. 129—130.

Дзитиева Э. Осетии нарт вдохновенный [К. Хетагуров в Карачае, его дружба с карачаевским просветителем Исламом Крымшамхаловым] // Пятигор. правда. — 1997. — 17 июля. — С. 3, ил.

Ерхов Е. Великий сын Осетии [о местах, связанных с жизнью поэта Коста Хетагурова] // Автомобильные дороги. — 2001. — № 4. — С. 49.

Карачайлы И. (Хубиев) Коста Хетагуров и горцы [статья посвящ. 18-летию со дня смерти К. Хетагурова] // Ислам Карачайлы и современность. — Карачаевск: КЧГПУ, 1999. — С. 102—104.

Коста Леванович Хетагуров // Литературное краеведение Ставрополья. — Ставрополь, 2002. — С. 93—96.

Кравченко Г., Клементьев П. Коста в Ставрополе (1893—1897) // Учен. записки Северо-Осет. пед. ин-та им. К. Хетагурова. — 1939. — Юбил. вып. — С. 74—87.

Кривнева М., Кравченко Л. Листок объявлений [о документах, содержащих сведения об издании одной из старейших газет «Северный Кавказ» и работе в ее редакции известного поэта К. Хетагурова] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 15 окт. — С. 4.

Кулаев К.В. Педагогическая эстетика Коста Хетагурова // Педагогика. — 1999. — № 8. — С. 76—80.

Лайпанова Л.А. Концепт «свобода» в публицистике К.Л. Хетагурова // Молодежь и наука III тысячелетия. — Ставрополь, 2003. — С. 438—440.

Лукьянова Л. Великие деятели русской культуры в Пятигорске [в т.ч. К. Хетагуров] // Пятигор. правда. — 1953. — 22 авг. — С. 3.

Малина З.М. «Я песнь свою слагаю...» [о нар.-поэтич. традициях в творчестве К. Хетагурова] // Рус. речь. — 1985. — № 2. — С. 89—92.

Однажды в день рождения Коста [из воспоминаний А. Смирнова, сына художника В.И. Смирнова о дружбе с К. Хетагуровым] // Вечерний Ставрополь. — 2005. — 15 окт. — С. 4.

Остаева Т. Сын народа [К. Хетагуров] // Художник. — 1991. — № 7. — С. 10—13.

Попов М. Коста Хетагуров // Художник. — 1985. — № 7. — С. 61—62.

Пронская К. Он жил для всех времен // Глагол будущего. — Ставрополь, 2002. — Ч. 2. Исследования о Ставропольской гимназии. — С. 434—437; Ставрополье. — 1984. — № 4. — С. 98—101.

Пухальская Г. «Весь мир — мой храм» [о ставроп. периоде жизни выдающегося поэта К. Хетагурова] // Ставроп. губ. ведомости. — 1999. — 2 окт. — С. 7.

Соснина Е. С именем Коста [о жизни осет. поэта К. Хетагурова в Пятигорске] // Кавказ. здравница. — 1997. — 26 июля.

Твалчрелидзе А. [Воспоминания о К.Л. Хетагурове] // Лит. Осетия. — 1982. — № 59. — С. 88—89.

Тедеев Г. Коста [к 145-летию со дня рождения Коста Хетагурова] // Дарьял. — 2004. — № 4. — С. 5, фото.

Теплицкий И.З. Поэт-гражданин // Теплицкий И.З. Исторические памятники Ставрополья. — Ставрополь, 1961. — С. 143—147.

Удалов А. Его называли Леонардо да Винчи осетинского народа // Вечерний Ставрополь. — 1991. — 3 дек.

Федоровский П. Памяти Коста Хетагурова [памятник К. Хетагурову в Ставрополе] // Ставрополье. — 1960. — № 1. — С. 25.

Харченко Л. Коста Хетагуров в Ставрополе // Глагол будущего. — Ставрополь, 2002. — Ч. 2. Исследования о Ставропольской гимназии. — С. 441—444.

Циньева Е. Мир поэзии и красок: к 135-летию со дня рождения К. Хетагурова // Эхо Кавказа. — 1994. — № 2. — С. 16.

Чекалов П.К. Коста Хетагуров // Чекалов П.К. Литература народов Северного Кавказа. — Ставрополь, 2003. — Ч. 1. — С. 26—37.

Джатиев Т.И. Горная звезда: роман-хроника. — М.: Современник, 1978. — 384 с.

Байрамукова Х. У могилы Коста: стихи / Подстрочный пер. С. Бригаева // Юбилей Коста Хетагурова (1859—1939). — Орджоникидзе, 1941. — С. 329—331.

Кайтуков Г.Х. Коста и Пушкин: стихи / Пер. Л. Озеров // Кайтуков Г.Х. Разговор с солнцем. — М., 1965. — С. 38.

Ленин-Спасский И. Памяти К. Хетагурова: стихи // Сев. Кавказ. — 1906. —№71. — 30 марта.

Ступакова В. Есть в Ставрополе дом... Стихи [посвящены Н.В. Смирновой, в доме отца которой жил Коста Хетагуров] // Кавказ. здравница. — 1994. — 29 нояб.

Усов М. Младшая из сестер. Золото народу [рассказы об осетинском поэте К. Хетагурове] // Ставрополье. — 1969. — № 1. — С. 17-22.

Усов М. О тебе, Коста! Рассказы: Камни. — Нар. — Вещий фандыр. — Путеводная звезда. — У твоего бюста в Ставрополе // Ставрополье. — 1966. — № 2. — С. 28—31.

Цирихов М. Товарищ. В горах. Пшеница. Искатель: стихи о Хетагурове // Дон. — 1978. — № 9. — С. 30—32.

Коста Хетагуров: библиогр. указ. (1887—1975) / Ин-т истории, экономики, языка и лит. при СМ Сев.-Осет. АССР; сост. Н.М. Еремеева, Н.Г. Дубовик. — Орджоникидзе: Ир, 1979. — 296 с.

Головкова Т.Ф. Коста Леванович Хетагуров (к 140-летию со дня рождения) // Ставроп. хронограф на 1999 год: краеведч. сборник. — Ставрополь, 1999. — С. 187—193, фото.

Коваленко А.Н. ...И доска на доме Цаликовых: Коста Хетагуров в Пятигорске: библиогр. указ. лит. / Центр кавказоведения ЦГБ им. М. Горького. — Пятигорск, 2004. — 24 с.

Составители библиографии – М.В. Агаркова, Т.Ю. Кравцова

Текст и примечания печатаются по источнику:

Киргуев А.Х. Ставрополье – духовная родина Коста (к 150-летию со дня рождения Коста Левановича Хетагурова) // Ставропольский хронограф на 2009 год. – Ставрополь: Ставропольская государственная краевая универсальная научная библиотека имени М.Ю. Лермонтова, 2009. – С. 182–191.

Опальные: Русские писатели открывают Кавказ

Антология: В 3 т.

Том 2

Научные редакторы:
В.А. Шаповалов, К.Э. Штайн

Составление:
К.Э. Штайн, Д.И. Петренко

Подготовка текста
**Э.В. Пиванова (ответственная за подготовку текста),
К.Э. Штайн, Д.И. Петренко, Е.Н. Золоторева,
В.П. Ходус, Т.С. Шевченко,
Ю.В. Пономарева, А.И. Темирболатова**

Корректор:
Б.Я. Альтус

Дизайн, обложка:
С.Ф. Бобылев

Верстка:
Е.Н. Золоторева, Д.И. Петренко